This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

B 861,149

Digitized by Google

1837
ARTES VERITAS SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Digitized by Google

891.7
C32
Gr

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ V.

СОВРЕМЕННИКЪ 1859.

Отдѣлъ „Политика“.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

Оглавленіе V тома.

Современникъ 1859 г.

Отдѣлъ „Политика".

Стр.

№ 2 [1]).—Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра „*Aurons-nous la guerre?*"—Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля.—Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбныхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса.—Парламентская реформа въ Англіи.—Отношеніе англійской журналистики къ Брайту.—Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ характеровъ.—Проектъ Times'а.—Рочдельская рѣчь.—Билль министерства.—Событія на Іоническихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука 1

—**Приложеніе**:—A.—Письма „Итальянца" изъ Times'а объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты. 54

B.—Изъ преній объ адресѣ въ палатѣ общинъ (засѣданіе 3 февраля 1859 г.). Положеніе итальянскаго вопроса 58

C.—Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету Times'а) 63

D.—Статья Times'а о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ 72

E.—Митингъ въ лондонской сити (по отчету газеты *Manchester Guardian*). 74

№ 3.—Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскія фанатики.—Проекты перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Компьенскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли, какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ 78

—**Приложеніе**:—A.—Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты *Times* и отвѣтъ газеты 118

B.—Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты *Times* 121

C.—Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и мистеровъ Робака и Брайта противъ билля о парламент-

---

[1]) № 1 пришлось по нѣкоторымъ соображеніямъ помѣстить въ концѣ книги.

Digitized by Google

ской реформѣ, внесеннаго мистеромъ д'Израэли въ засѣданіе палаты общинъ 28-го февраля (по отчету газеты *Times*) 125

№ 4 — Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ. 131

— **Приложеніе**:—Статья газеты *Humbug* о выгодахъ союза съ Франціею. . 161

№ 5.—Австрійскій ультиматумъ.—Нелѣпость австрійскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи . . . 164

— **Приложеніе**:—A.—Взглядъ англичанъ на войну. 202

B.—О характерѣ выборовъ въ маленькихъ городахъ (статьи *Times'a* 26 и 27 апрѣля) 206

№ 6.—Причины нашей симпатіи къ австрійцамъ.—Сраженіе при Монтебелло и Палестро.—Битва при Маджентѣ.—Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла 209

— **Приложеніе**:—A.—Отрывки изъ Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's, v. Karl Vogt. 251

B.—Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской сити, 19 (7) мая (изъ *Times'a*). 267

№ 7.—Похвала миру. — Сраженія при Маджентѣ и Сольферино. — Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ 271

— **Приложеніе**:—A.—Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента *Times'a*, находящагося при австрійской главной квартирѣ. 321

B.—Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди. 324

№ 8.—Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ.—Рѣчь императора въ Сенъ-Клу.—Негодованія во Франціи и Италіи.—Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ.—Урокъ для либераловъ. 328

№ 9.—Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи 370

№ 10.—Пармская сцена 5-го октября.—Бездѣйствіе Сардиніи.—Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи.—Приближеніе вооруженной реакціи. — Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи.—Заговоръ въ Турціи. 402

№ 11.—Европейскія дѣла.—Сѣверо-Американскіе штаты и Браунъ 436

— **Приложеніе**: I.—Письмо императора французовъ къ королю сардинскому (изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей). 443

II.—Временная конституція и постановленія для народа Соединенныхъ Штатовъ (то есть уставъ военнаго общества для освобожденія невольниковъ). 444

№ 12.—Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи. 447

№ 1.—Характеръ историческаго прогресса. — Обзоръ состоянія Западной Европы. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Парламентская реформа въ Англіи 484

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

Февраль 1859.

Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.— Брошюра «*Aurons-nous la guerre?*». — Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля. — Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.— Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбныхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.— Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса. — Парламентская реформа въ Англіи. — Отношенія англійской журналистики къ Брайту. — Бредфордскій митингъ и билль Брайта.— Митингъ лондонскихъ характеровъ. — Проектъ *Times'а*. — Рочдельская рѣчь. — Билль министерства.—Событія на іоническихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука.

Вся Западная Европа занята приготовленіями къ войнѣ. Мы не будемъ пересказывать слуховъ, носившихся еще съ половины прошлаго года, если не раньше. Читатель знаетъ, что всѣ эти толки казались неправдоподобными до той минуты, какъ французскій императоръ сказалъ австрійскому посланнику, во время торжественнаго представленія поздравленій съ новымъ годомъ отъ дипломатическаго корпуса, знаменитыя слова: „я жалѣю, что наши отношенія съ Австріею такъ дурны“. Офиціальная редакція, явившаяся черезъ нѣсколько дней во французскихъ газетахъ, нѣсколько смягчила фразу, замѣнивъ слова „такъ дурны“ словами „не такъ хороши, какъ были прежде“. Но и въ смягченномъ видѣ фраза выражаетъ близость войны. А дѣйствительно сказана она была въ той болѣе сильной формѣ, которую мы сообщили. Надобно прибавить, что слова эти были произнесены тономъ гораздо болѣе рѣзкимъ, нежели какимъ обыкновенно говоритъ французскій императоръ, и сопровождались одушевленнымъ жестомъ. Сцена, сдѣланная такъ неожиданно, въ такой офиціальной обстановкѣ, произвела на многочисленныхъ зрителей впечатлѣніе, напомнившее о подобной сценѣ, сдѣланной Наполеономъ I англійскому посланнику передъ разрывомъ Аміенскаго мира. Говорятъ, что военный министръ, маршалъ Вальянъ, подошелъ къ Гюбнеру и сказалъ: „Я полагаю, что послѣ этого я не долженъ подать вамъ руки“. Но только немногіе люди во Франціи приняли предвѣстіе войны съ такою готовностью, какъ этотъ воинственный членъ института. Курсы на парижской биржѣ сильно упали. Желаніе поддержать ихъ заста-

Digitized by Google

вило полуофиціальныя французскія газеты прибѣгать ко всевозможнымъ истолкованіямъ для успокоенія капиталистовъ; да и потомъ за каждымъ воинственнымъ словомъ или распоряженіемъ постоянно слѣдовали смягченныя объясненія и миролюбивыя статьи, для той же самой цѣли, для успокоенія биржи. Въ отношеніяхъ къ ней надобно полагать одну изъ причинъ колебаній, которымъ подвергалась, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, непосвященныхъ въ дипломатическія тайны, французская политика по вопросу о войнѣ. Но биржа, при всемъ своемъ расположеніи къ миру, мало довѣряла миролюбивымъ чувствамъ. Курсы фондовъ, особенно австрійскихъ, сардинскихъ и французскихъ, постоянно падали. Какъ велики потери, понесенныя капиталистами уже отъ однихъ слуховъ о войнѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. 31 декабря 3 проц. французскіе фонды на парижской биржѣ стояли на 72 франкахъ 90 сантимахъ (курсъ дѣйствительной продажи за наличныя деньги, безъ отсрочки); 31 января тотъ же курсъ былъ только 68 франковъ 35 сантимовъ; по количеству фондовъ, находящихся въ рукахъ публики, это пониженіе на 4 фр. 55 с. составляетъ потерю болѣе, нежели въ 400.000.000 фр. Другія кредитныя цѣнности во Франціи понизились въ такой же пропорціи. Еще больше поколебались сардинскія и австрійскія цѣнности. Около 10 января общую потерю на всѣхъ кредитныхъ цѣнностяхъ Западной Европы оцѣнивали уже въ $1^1/_2$ милліарда франковъ. Теперь она еще значительнѣе. Но что разорительно для людей, непосвященныхъ въ тайны, то самое служитъ въ огромную пользу счастливцамъ, узнающимъ о политическихъ перемѣнахъ раньше, чѣмъ они сдѣлаются извѣстны публикѣ. Говорятъ, что слова французскаго императора доставили много милліоновъ тѣмъ избраннымъ, которые наканунѣ новаго года знали, что скажетъ онъ барону Гюбнеру; сдѣлавъ въ огромномъ размѣрѣ спекуляцію на пониженіе фондовъ, они пріобрѣли громадные барыши. Пониженіемъ фондовъ отчасти объясняется отвращеніе къ войнѣ, столь сильно обнаружившееся въ цѣломъ французскомъ обществѣ. Число людей, имѣющихъ фонды государственнаго долга, всегда было во Франціи огромно; но со времени займовъ, произведенныхъ въ крымскую войну и раздававшихся самыми маленькими частями, оно учетверилось. До 1848 года облигаціи государственнаго долга были въ рукахъ 292.000 человѣкъ; въ началѣ 1857 года число лицъ, владѣвшихъ этими облигаціями, простиралось уже до 1.028.284 человѣкъ; съ того времени оно, конечно, еще увеличилось. Каждый изъ этихъ людей теряетъ часть своего капитала при пониженіи фондовъ; понятно, какъ должны они всѣ бояться войны, одинъ слухъ о которой отнялъ у нихъ же болѣе 6 франковъ изъ каждыхъ 100 франковъ. Нынѣшнее французское правительство само заботилось о увеличеніи числа владѣльцевъ ренты, интересъ которыхъ связанъ съ высокимъ курсомъ фондовъ и которые, слѣдовательно, должны противиться всякимъ смутамъ и рѣзкимъ политическимъ перемѣнамъ, понижающимъ курсъ. Привлекать небогатыхъ людей къ тому, чтобы каждую сотню франковъ, сбереженную отъ расходовъ, они промѣнивали на фонды,—это называлось демократизаціею ренты и должно было служить къ упроченію нынѣшней системы. Забота о демократизаціи ренты удалась; но вотъ, когда понадобилось начинать войну, весь тотъ милліонъ се-

Digitized by Google

мей, которыхъ должны были фонды сдѣлать защитниками нынѣшней системы, заговорилъ противъ войны, необходимой для нея. Вся промышленная и торговая часть французской націи также противъ войны, — это не требуетъ объясненія. Кромѣ офицеровъ, находящихъ славу и денежную выгоду въ войнѣ, вся Франція въ пользу мира, потому что трудно найти человѣка, интересы котораго не пострадали бы отъ его нарушенія. Общее мнѣніе такъ неуступчиво въ этомъ вопросѣ, что ни въ одномъ департаментѣ, ни въ одномъ городѣ до сихъ поръ не удалось устроить хотя какую нибудь манифестацію въ пользу войны, несмотря на всѣ усилія префектовъ. Этимъ настроеніемъ умовъ объясняется почему отъ времени до времени необходимымъ считаютъ допускать чрезвычайно сильныя печатныя протестаціи противъ войны: необходимо дѣлать уступки общественному мнѣнію. Однимъ изъ первыхъ протестовъ была статья Прево-Парадоля, въ Journal des Débats, 12 Января.

«Органы общественнаго мнѣнія (говоритъ газета, обыкновенно столь осторожная въ словахъ) не должны терять изъ виду, что отвѣтственность на нихъ лежитъ не только за то, что они говорятъ, но и за то, что они умалчиваютъ; не должны забывать, что именно за молчаніе, когда было бы полезно и можно прервать его, тяжелѣе всего подвергаться отвѣтственности. Если бы мы могли думать, хотя минуту, что намъ будетъ запрещено выразить общее мнѣніе о важномъ вопросѣ внѣшней политики, занимающемъ нынѣ всѣхъ, это принужденное молчаніе огорчило бы нашъ патріотизмъ, но не уронило бы нашей чести, и мы могли бы считать себя какъ бы избавленными отъ обязанности, невозможной для исполненія. Но мы не думаемъ, чтобы такъ было; мы убѣждены, напротивъ, что никому не можетъ быть непріятно, если мы, повинуясь нашей совѣсти, скажемъ правду о вопросѣ, касающемся важнѣйшихъ интересовъ Франціи.

«Мы вѣримъ искренности словъ правительства, что оно не ищетъ войны; но мы боимся, чтобы оно не было вовлечено въ нее и безъ желанія. Мы видимъ, что нѣкоторыя газеты (*Débats* намекаетъ главнымъ образомъ на *Presse* и *Constitutionnel*, изъ которыхъ первая служитъ органомъ принцу Наполеону, а вторая пользуется непосредственными внушеніями самого Наполеона III, сносящагося съ ея редакціею иногда даже мимо своихъ министровъ) расточаютъ правительству гибельные совѣты и стараются передать ему свои заблужденія. Ему представляютъ освобожденіе Италіи дѣломъ легкимъ; ему показываютъ за Альпами союзника, силу котораго преувеличиваютъ, и къ довершенію обмана изображаютъ ему остальную Европу въ такомъ видѣ, какъ будто бы она была расположена мирно смотрѣть, съ оружіемъ въ рукахъ, съ тайнымъ удовольствіемъ и эгоистическимъ ужасомъ на раздробленіе Австрійской имперіи.

«Мы увѣрены, что французское правительство, знающее состояніе Европы по крайней мѣрѣ не меньше, нежели его знаетъ образованная часть публики, не можетъ быть обмануто этими грубыми уловками, и ручательствомъ за то намъ служатъ мирныя увѣренія, недавно имъ данныя».

Далѣе Journal des Débats доказываетъ, что Австрія противникъ могущественный; что Пруссія и весь Германскій союзъ взялись бы за оружіе противъ Франціи, если бы Австріи стала грозить серьезная опасность; что Англія также приняла бы сторону Австріи.

Единственнымъ исключеніемъ (продолжаетъ Прево-Парадоль) служитъ Піэмонтъ, имѣющій свою частную выгоду въ войнѣ. Желая войны, онъ старается дѣйствовать на Францію и выказывать французское правительство въ

Digitized by Google

такомъ положеніи, будто бы оно уже запуталось до того, что не можетъ отказаться отъ войны.

«Вотъ вся политика враговъ мира. Она не глубока; но не въ первый разъ судьба народовъ была бы рѣшена непредусмотрительностію и дерзостью, при помощи случая. Что до насъ, мы вѣримъ миролюбивымъ объявленіямъ французскаго правительства; мы убѣждены, что оно не станетъ слушать тѣхъ, которые хотятъ поставить его въ безвыходное положеніе, принудить его дѣлать выборъ между его честью и національнымъ интересомъ; мы увѣрены, что оно не дозволитъ близорукимъ агитаторамъ подвергнуть опасностямъ судьбу Франціи.

«Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, мы исполняемъ нашу обязанность передъ правительствомъ и передъ обществомъ, говоря правду».

Journal des Débats отличается отъ всѣхъ другихъ независимыхъ европейскихъ газетъ совершенной дипломатичностью своего языка. Онъ всегда говоритъ: „мы увѣрены въ вашемъ желаніи“ вмѣсто „мы требуемъ отъ васъ“; „вы этого не сдѣлаете“; „вамъ даютъ дурные совѣты“ вмѣсто „у васъ дурныя мысли“. Но дипломатическій языкъ, при всей своей мягкости, вовсе не лишенъ ни силы, ни ѣдкости. Надобно только взвѣшивать его выраженія и мы найдемъ подъ увѣренностью—разрушеніе довѣрія, подъ любезностями—вражду, подъ деликатностями—сарказмъ. „Constitutionnel даетъ гибельные совѣты“,—но развѣ неизвѣстно каждому парижанину, что Constitutionnel пишется подъ диктовку императора? Сопоставленіе мнѣній Constitutionnel'я съ словами „мы вѣримъ увѣреніямъ въ миролюбіи правительства“ придаетъ этимъ послѣднимъ словамъ значеніе вовсе недвусмысленное. „Французское правительство, знающее состояніе Европы, конечно, не хуже, нежели знаетъ образованная часть публики, разумѣется, не думаетъ“—каковъ смыслъ этой фразы, когда правительство увѣряетъ, будто оно такъ думаетъ?

Статья Débats была понята всѣми; „мы не вѣримъ формальнымъ увѣреніямъ нашего правительства; оно ищетъ войны; оно хочетъ обмануть публику, обѣщая нейтралитетъ Германіи и Англіи; но обманъ слишкомъ грубъ. Правительство такъ запуталось, что жертвуетъ національными интересами для своей надобности“.

Но дипломатическій языкъ кажется слишкомъ мягкимъ для массы публики. Черезъ нѣсколько дней (20 января) явилась брошюра Феликса Жермена „Будетъ ли у насъ война—Aurons nous la guerre?“ Авторъ одинъ изъ журналистовъ Бонапартистской партіи, у которой никогда не бываетъ остановки за пышною лестью. Въ брошюрѣ много льстивыхъ фразъ, но посмотрите, въ какихъ страницахъ вплетены онѣ.

«Будемъ ли мы имѣть войну? да, если бы я остался одинъ выразителемъ полезныхъ истинъ. Нѣтъ, мы не будемъ имѣть войны, если Франція имѣетъ мужество думать вслухъ, если громадное большинство націи возвысить свой голосъ, потому что глава государства глубоко заинтересованъ въ томъ, чтобы выслушать его и послѣдовать ему. Единственное затрудненіе въ томъ, какъ довести до него истину; я признаюсь, что при нынѣшнемъ этикетѣ это не очень легко. Но все-таки надобно попытаться; дѣйствовать необходимо; каждаго изъ насъ коснутся послѣдствія преступнаго бездѣйствія, опасной апатіи.

«Въ своей рѣчи, при раздачѣ медалей на всемірной парижской выставкѣ 15-го ноября 1855 года, императоръ замѣтилъ: «Въ нашу цивилизованную эпоху даже самые

Digitized by Google

блестящіе успѣхи оружія — мимолетны. На дѣлѣ одерживаетъ послѣднюю побѣду непремѣнно общественное мнѣніе».

«Министры, сенаторы и депутаты, государственные совѣтники и префекты, поставленные въ центрѣ страны для изученія ея потребностей, для узнаванія ея чувствъ, ея желаній и ея опасеній, соберите и сравните свѣдѣнія, внимательно всмотритесь, кого радуютъ военные слухи и кого они удивляютъ, печалятъ и ужасаютъ,—сравните и судите, если смѣете, вы, ближайшіе, лучшіе друзья, вѣрнѣйшіе спутники Луи-Наполеона. Въ этомъ послѣднемъ испытаніи вы болѣе не усомнитесь сказать ему все; вы изложите въ своихъ донесеніяхъ все, что знаете; и, поднимаясь изъ круга въ кругъ, истина, разоблаченная отъ своей придворной маски, достигнетъ до подножія трона. Тотъ, кто занимаетъ тронъ, при свѣтѣ ея факела увидитъ, что народъ не повторяетъ своего прошедшаго и что второе изданіе первой имперіи—опасная химера, искушеніе, идущее изъ ада. Онъ увидитъ, что цивилизація и нравы Европы требуютъ мира. Узнавъ правду, императоръ своимъ точнымъ, яснымъ и всегда эмфатическимъ языкомъ разсѣетъ безпокойство и положитъ конецъ усиливающейся тревогѣ.

«Говорятъ, что Франція желаетъ войны. Ошибка, роковая ошибка! Ступайте, куда хотите, отъ кого хотите почерпайте свѣдѣнія. Проникните на чердакъ бѣдняка, на фабрики, въ избы поселянъ, въ мелочныя лавки и обширные магазины,—вездѣ, со всѣхъ сторонъ вы услышите одинъ голосъ, голосъ въ пользу мира. Со всѣхъ сторонъ получите вы увѣреніе, что Франція не только не вѣритъ въ своевременность войны, но, напротивъ, глубоко враждебна всѣмъ проектамъ заграничнаго вмѣшательства, что она впередъ осуждаетъ все, что было бы предпринято въ этомъ смыслѣ; и что, если бы правительство сдѣлало шагъ въ этомъ направленіи, она съ печалью потеряетъ вѣру въ искренность бордосскихъ словъ: «имперія—это миръ»;—Франція не станетъ вѣрить, что императоръ хочетъ мира. Жестоко обманутая, она съ трепетомъ станетъ смотрѣть на будущее, на которое недавно смотрѣла съ гордостью. Разочарованная, она обратится къ тѣмъ, которые говорили ей: «Вы желаете имперіи, — будетъ вамъ имперія; имперія—это война съ Европой». Въ своемъ прискорбіи она скажетъ: «это правда». И сама имперія,—какая судьба ждетъ ее среди этого всеобщаго разочарованія? Не обольщайте себя; сомнѣнія тутъ нѣтъ: изъ 36.000.000 французовъ болѣе 35 милліоновъ молятся о сохраненіи мира. Идея разыграть во второй разъ подвиги первой имперіи представляется Франціи анахронизмомъ и опрометчивостью безумія.

«Мысль вмѣшаться въ итальянскія дѣла, объявить войну Австріи, неоскорбляющей насъ, очевидно, принадлежитъ къ такому плану, исполненіе котораго пробудило бы всеобщую войну, и каждый возстаетъ противъ этой мысли, потому что, за исключеніемъ немногихъ опасныхъ фанатиковъ, никто не желаетъ подвергаться почти вѣрнымъ потерямъ.

«Франція боится шансовъ войны, потому что наши національные интересы не требуютъ ея. Нація отвергаетъ ее, потому что справедливо видитъ въ ней зародышъ коалиціи противъ насъ.

«Пусть клеветники Наполеона III убѣждаютъ его презрѣть столь многими соображеніями, требующими сохраненія мира для его личной безопасности. — Пусть они даже стараются принудить его къ совершенію ошибокъ, которыя довели до погибели первую имперію. Но что онъ слушаетъ этихъ коварныхъ внушеній, что онъ волнуетъ народъ извѣстіями о разрывѣ съ государствами, не оскорбляющими насъ, что онъ самъ добровольно возбуждаетъ недовѣріе, что онъ увеличиваетъ затруднительность коммерческаго положенія, и безъ того слишкомъ шаткаго, что онъ самъ подвергаетъ сомнѣнію достовѣрное, что осуществляетъ предсказанія своихъ враговъ, всегда увѣрявшихъ, что онъ не сдержитъ своего бордосскаго обѣщанія, что онъ согласенъ повторить басню *Bertrand et Raton* въ пользу Піемонта, что онъ самъ поднимаетъ въ Италіи вопросъ о національностяхъ, вопросъ, грозящій седьмою коалиціею, во главѣ которой будетъ стоять Англія, — это превосходитъ всякое вѣроятіе, спутываетъ всѣ мысли. Ощупываешь себя и осматриваешься, какъ будто бы давитъ тебя кошмаръ, и думаешь, что все это галлюцинація».

Digitized by Google

Этотъ языкъ очень силенъ. Однако же дали время разойтись цѣлому изданію брошюры въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; дали также разойтись почти всему второму изданію и запретили продажу брошюры уже тогда, когда некому было покупать ее, потому что всѣ ее имѣли въ рукахъ. Авторъ не подвергся никакимъ непріятностямъ.

Мало того, что дозволяютъ печатать подобные протесты въ Парижѣ,— даже провинціальныя газеты, которыя находятся обыкновенно еще подъ большимъ стѣсненіемъ, нежели столичныя, — и тѣ отваживаются говорить громко противъ войны. Вотъ отрывокъ изъ провинціальной газеты la France Centrale:

«Франція хочетъ мира. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Гибельное впечатлѣніе, произведенное словами императора австрійскому посланнику, объясняетъ положеніе дѣла. Эти слова, еще не заключавшія положительнаго объявленія войны, уже стоили государственному богатству Франціи болѣе милліарда франковъ. Мы не можемъ допустить мысли, что перспектива ужасныхъ бѣдствій, представляющаяся намъ, не возвратитъ въ ножны полуобнаженную шпагу; потому что мы не хотимъ предполагать безумства, совершеннаго помѣшательства. Нарушить съ непростительнымъ легкомысліемъ существующіе трактаты, вызвать европейскую коалицію, пробудить повсюду революцію, и все это рѣшительно безъ всякаго національнаго интереса, — это такая политика, слѣдовать которой, по нашему мнѣнію, французское правительство не отважится, особенно теперь, когда общественное мнѣніе высказалось столь сильнымъ и рѣшительнымъ голосомъ».

Какая судьба постигла дерзкую, ничтожную газету? Редакторъ и авторъ, вѣроятно, преданы суду, газета запрещена или по крайней мѣрѣ получила выговоръ? Ничего не бывало, газета спокойно продолжаетъ выходить, никто не преданъ суду и даже не получилъ выговора, и то же самое, такъ же безнаказанно говорятъ десятки другихъ провинціальныхъ газетъ, съ которыми, кажется, легче было бы справиться, нежели съ парижскими, потому что крутыя мѣры противъ этихъ безвѣстныхъ изданій надѣлали бы менѣе шума.

Отъ чего такая безнаказанная дерзость? Число виновныхъ слишкомъ велико и притомъ ихъ соучастники находятся между главными людьми правительства. Говорятъ, что большая часть министровъ противъ войны, говорятъ, что Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько разъ отказывался подписать одну изъ нотъ вѣнскому двору; говорятъ, что не только большинство министровъ, но и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ сильно совѣтуютъ императору французовъ не рисковать войною, въ числѣ ихъ называютъ маршала Пелиссье; говорятъ, что ближайшіе друзья Наполеона, Персиньи и Морни, рѣшительно противятся войнѣ; говорятъ, что сама императрица французовъ, обыкновенно не вмѣшивающаяся въ политическія дѣла, упрашивала своего супруга оставить мысль о войнѣ. Все это только слухи и многіе изъ нихъ могутъ быть не совсѣмъ вѣрны, за то другіе едва ли не совершенно достовѣрны, напримѣръ, о противорѣчіи большинства министровъ войнѣ и о рѣшительныхъ совѣтахъ Персиньи въ пользу мира. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно то, что общественное мнѣніе во Франціи очень сильно возстаетъ противъ войны.

Неблагопріятно смотрятъ на нее и всѣ державы Западной Европы, ромѣ Сардиніи: нѣкоторыя изъ опасенія, что война привела бы ихъ къ

Digitized by Google

измѣненію нынѣшней политической системы,—таковы чувства Неаполя, папы и герцога Тосканскаго; другія потому, что онѣ расположены къ Австріи,—напримѣръ Баварія и нѣкоторыя изъ маленькихъ западно-нѣмецкихъ государствъ; третьи потому, что предполагаютъ вмѣстѣ съ вторженіемъ въ Ломбардію открытіе войны на Рейнѣ для расширенія французскихъ границъ на счетъ Германіи,—это опасеніе руководитъ чувствами Пруссіи и большей части второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Наконецъ всѣ члены Германскаго Союза чувствуютъ себя обязанными, по самымъ условіямъ союза, принять участіе въ войнѣ при нападеніи на Австрію. Вообще всѣ державы Западной Европы чувствуютъ, что трудно имъ будетъ не быть вовлеченными въ войну между двумя такими сильными соперницами, какъ Франція и Австрія, особенно, когда у той и другой есть еще союзницы изъ второстепенныхъ державъ. Если бы театръ войны могъ не перейти за предѣлы сѣверной Италіи, если бы все дѣло могло ограничиться борьбою за пріобрѣтеніе Ломбардіи Викторомъ-Эммануиломъ, отдаленныя государства Западной Европы и вѣроятно даже сама Пруссія могли бы оставаться хладнокровными зрительницами итальянскихъ битвъ. Но всѣ видятъ, что война, начавшись изъ-за одной провинціи, превратится въ вопросъ о жизни и смерти и для Австріи и для нынѣшней французской системы. Громадный размѣръ, который должна будетъ принять война при такомъ оборотѣ, грозитъ страшными потерями для всѣхъ государствъ Западной Европы.

Изъ всѣхъ западныхъ державъ особенно важно мнѣніе Англіи. Издавна владычествуетъ въ англійскомъ народѣ сочувствіе къ независимости Италіи, желаніе, чтобы Ломбардія и Венеція освободились отъ австрійскаго ига. Можно было бы разсчитывать, что это чувство заставитъ англичанъ одобрить намѣренія Сардиніи и Франціи. Нѣкоторые изъ Партіи графа Кавура разсчитывали даже на помощь Англіи. Органъ принца Наполеона, Presse, также высказывала эту надежду. Люди болѣе хладнокровные изъ желавшихъ начать войну полагали по крайней мѣрѣ, что Англія сохранитъ нейтралитетъ. Конечно, разсчитывали они, Англія не можетъ радоваться вѣроятному расширенію французскихъ границъ и во всякомъ случаѣ расширенію французскаго могущества; но какъ же свободный англійскій народъ объявитъ себя противъ освобожденія другого народа, какъ онъ скажетъ, что хочетъ поддерживать деспотизмъ австрійцевъ? Потому съ нетерпѣніемъ ждали отзыва англійской журналистики о словахъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику. Задача для англійскихъ газетъ была дѣйствительно затруднительная; дня два онѣ колебались, не зная, какъ предугадать рѣшеніе общественнаго мнѣнія. Но оно скоро составилось, обнаружилось съ чрезвычайной силой и совершеннымъ единодушіемъ, и англійскія газеты начали единогласно выражать, развивать и усиливать его. Кромѣ одной только Morning-Post, состоящей въ прямыхъ отношеніяхъ къ французскому правительству, всѣ онѣ, безъ различія партій, заговорили противъ войны, объявляя, что Англія не можетъ остаться въ нейтралитетѣ Это произвело сильное дѣйствіе на французскую политику: разнорѣчіяръ ея проявленіяхъ становились все рѣзче по мѣрѣ того, какъ возрастало опасеніе имѣть противъ себя Англію. До сихъ поръ нельзя сказать, къ войнѣ или къ миру приблизилась

Digitized by Google

Европа въ полтора мѣсяца, прошедшіе послѣ знаменитой фразы новаго года. Едва ли есть въ Европѣ три человѣка, которые бы знали навѣрное хотя то, серьезны или нѣтъ приготовленія къ войнѣ во Франціи. Очень можетъ быть, что кромѣ императора французовъ знаетъ это графъ Кавуръ, но больше нѣтъ участниковъ въ тайнѣ. Самъ Викторъ-Эммануилъ напрасно похвалился бы, если бы сказалъ, что ему открыты всѣ планы его союзника и его перваго министра. А, можетъ быть, даже и графъ Кавуръ знаетъ не все. Персиньи и Валевскій имѣютъ свѣдѣнія развѣ немногимъ болѣе положительныя, нежели каждый изъ насъ. О другихъ дипломатахъ нечего и говорить: графъ Момсбери получилъ увѣренія; но какое значеніе можно придавать этимъ увѣреніямъ, онъ не можетъ рѣшить. Самые знающіе и проницательные дипломаты могутъ достовѣрно сказать только то, что „по ихъ предположенію“ императоръ французовъ очень „желалъ бы“ дѣйствительно начать войну. Это знаетъ и каждый изъ насъ. Но рѣшился ли онъ начать войну, это извѣстно ему, да развѣ еще графу Кавуру.

Изъ какихъ же столкновеній и причинъ возникаетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ стремленіе къ войнѣ, столь противное условіямъ нынѣшней промышленной эпохи? Главнѣйшее мѣсто тутъ занимаютъ отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ общественному мнѣнію. Мы говорили въ прошедшій разъ, что тотчасъ же по окончаніи крымской войны вниманіе французскаго общества обратилось на вопросы внутренней политики. Мы приводили изъ французскихъ журналовъ отрывки, показывавшіе, какъ смѣлы и настоятельны становились требованія. Послѣ покушенія Орсини, въ началѣ прошлаго года, были приняты чрезвычайныя мѣры, отчасти для огражденія личной безопасности императора французовъ, еще болѣе для того, чтобы заставить молчать общественное мнѣніе. Но этого усиленнаго направленія нельзя было долго выдержать; а съ отмѣненіемъ исключительныхъ распоряженій, во второй половинѣ прошлаго года общественное мнѣніе заговорило сильнѣе прежняго. Мы разсказывали, какъ ему были дѣланы уступки, возможныя безъ отказа отъ основныхъ принциповъ нынѣшней системы, и какъ всѣ уступки оказывались недостаточными. Надо было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ опасныхъ вопросовъ, и вотъ отсюда существенная необходимость войны, какъ средства къ развлеченію. Надобно отдать справедливость искусству, съ которымъ былъ выбранъ предметъ войны. Италія пользуется общимъ сочувствіемъ въ Европѣ, особенно во Франціи и Англіи. Изъ всѣхъ бѣдствій, угнетающихъ эту страну, самой возмутительной несправедливостью представляется занятіе австрійцами Ломбардо-Венеціанскихъ земель. Защищаемое дѣло имѣетъ въ свою пользу всѣхъ; врагъ, съ которымъ надобно будетъ бороться, имѣетъ всѣхъ противъ себя. Кромѣ Баваріи, Неаполя и маленькихъ итальянскихъ государствъ, нѣтъ правительства сколько нибудь расположеннаго къ Австріи. Общественное мнѣніе повсюду ненавидитъ ее. Въ войнѣ съ ней Франція должна была явиться только союзницею Сардиніи; и если война поведетъ къ завоеваніямъ, то надобно было предполагать, что увеличеніе Сардиніи не возбудитъ ни въ комъ опасеній или зависти; напротивъ, общественное мнѣніе самымъ сильнѣйшимъ образомъ было расположено въ пользу этого государства, такимъ блистательнымъ путемъ развивавшаго свои силы. Франція

Digitized by Google

обѣщала совершенное безкорыстіе, говорила, что всѣ завоеванія будутъ предоставлены Піэмонту. Правительства не должны были тревожиться; народы должны были привѣтствовать Францію, какъ освободительницу Италіи. Была еще особенная выгода въ такой политикѣ. Покушеніе Орсини вытекало единственно изъ вражды за холодность императора французовъ къ судьбѣ Италіи. Орсини говорилъ, что надобно императору французовъ сдѣлаться защитникомъ Италіи, что только этимъ онъ можетъ обезопасить свою жизнь.

Далѣе мы увидимъ, какое сильное вліяніе имѣли на мысли Наполеона III тѣ соображенія, которыя нашелъ онъ въ бумагахъ Орсини или узналъ изъ его изустныхъ объясненій. Теперь замѣтимъ только, что съ самаго января прошедшаго года представлялась ему непрерывная опасность отъ покушеній, подобныхъ Орсиніевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патріотами находится много людей, думающихъ подражать Орсини. Это соображеніе, основанное на характерѣ и положеніи итальянскихъ энтузіастовъ, подтверждалось разсказами о странныхъ случаяхъ, изъ которыхъ два, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ, мы передадимъ подлинными словами парижскаго корреспондента газеты Manchester Guardian:

«Ручаюсь за достовѣрность двухъ слѣдующихъ анекдотовъ. Недавно нѣкто графъ Л***., карбонари, былъ избранъ своими товарищами повторить дѣло Орсини. Онъ отказался. Черезъ пять дней, онъ былъ найденъ у дверей своей квартиры убитымъ. Въ груди его былъ кинжалъ. Около того же времени, молодой генуэзецъ *** получилъ подобное же назначеніе; также отказавшись исполнить это порученіе, онъ возвратился домой и застрѣлился, оставивъ письмо къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей съ объясненіемъ причины своего самоубійства. Мнѣ это разсказывалъ тотъ самый человѣкъ, къ которому было адресовано письмо,—онъ теперь здѣсь въ Парижѣ; онъ заслуживаетъ довѣрія».

Достовѣрность этихъ разсказовъ мы оставляемъ на отвѣтственности корреспондента англійской газеты; во всякомъ случаѣ довольно уже и того, что подобные разсказы ходятъ въ Парижѣ. Конечно, они хорошо извѣстны полиціи и самому императору французовъ, который дѣйствительно полагаетъ, что его жизнь подвергается опасности отъ итальянскихъ кинжаловъ. Отвратить такую опасность одно средство—явиться защитникомъ итальянской свободы: тогда друзья и подражатели Орсини изъ враговъ и убійцъ обратятся въ преданнѣйшихъ императору людей.

Оба эти соображенія—необходимость войны для отвлеченія французовъ отъ мысли о внутреннихъ дѣлахъ и необходимость защищать итальянскую національность для избавленія собственной жизни отъ покушеній, чрезвычайно сильны. Но война не популярна въ самой Франціи? Это не должно служить остановкою для рѣшительнаго правителя: противъ очарованія побѣдъ не устоитъ общественное мнѣніе не только во Франціи, которую особенно винятъ за эту слабость, но и ни въ какой другой странѣ: даже у англичанъ и сѣверо-американцевъ побѣда всегда имѣетъ на своей сторонѣ націю; а въ побѣдѣ сомнѣваться едва ли можно. Чтожъ тутъ смотрѣть на общественное мнѣніе? Оно будетъ измѣнено первой удачей и будетъ прославлять побѣдоносную войну.

У Сардиніи также есть побужденія къ войнѣ, вытекающія изъ личныхъ разсчетовъ. Савойскій домъ всегда стремился къ увеличенію своихъ владѣній.

Digitized by Google

Въ 1848 году очень значительное вліяніе на ходъ войны имѣло именно то обстоятельство, что Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду собственно эту цѣль, а не какую нибудь другую, и дѣйствовалъ такъ, какъ требовали его личные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы, что король помогалъ учрежденію республики на своихъ границахъ, притомъ республики болѣе обширной, нежели его собственное королевство, и притомъ имѣя въ числѣ своихъ провинцій одну, самую богатую (Геную) съ явнымъ расположеніемъ къ республиканской формѣ и съ ненавистью къ туринскому владычеству. Карлъ-Альбертъ не могъ оказать ломбардцамъ пособія иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они присоединились къ сардинскому королевству. Сообразно съ этимъ былъ расчитанъ весь планъ его дѣйствій. Сынъ не могъ отказаться отъ наслѣдственной политики, имѣвшей такую выгодную цѣль. Теперь Викторъ-Эммануилъ и графъ Кавуръ желаютъ овладѣть всею сѣверною Италіею, чтобы сдѣлаться правителями первоклассной державы. Есть и другая причина. Постоянно готовясь къ завоевательной войнѣ, графъ Кавуръ содержалъ армію слишкомъ многочисленную для средствъ маленькой и небогатой Сардиніи. По уплатѣ издержекъ и контрибуціи за войну 1848 года, въ слѣдующіе годы государственный долгъ Сардиніи выросъ едва ли не вдвое противъ величины, къ какой доведенъ былъ войною. Въ началѣ прошлаго года онъ былъ выше 200 милліоновъ рублей серебромъ и составлялъ уже тяжесть, чрезвычайно обременительную для государства, доходы котораго не выше 35 милліоновъ, а съ каждымъ годомъ онъ долженъ былъ увеличиваться, если бы продлилось нынѣшнее положеніе дѣлъ. Поэтому для графа Кавура остается, или начать войну, чтобы поскорѣе достичь цѣли, стремленіе къ которой такъ обременительно для сардинскихъ финансовъ, или отказаться отъ воинственной политики, перестать грозить Австріи, замѣнить вражду къ ней отношеніями мирными, хотя бы и холодными. Перестать грозить Австріи значило бы, для нынѣшняго сардинскаго министерства, потерять главное основаніе своего существованія. Не опираясь на лѣвую сторону, требующую войны, графъ Кавуръ потерялъ бы большинство, долженъ былъ бы уступить власть правой сторонѣ, желающей мира. Надобно полагать, что не только въ парламентѣ, но и въ умѣ самого короля графъ Кавуръ лишился бы опоры, если бы пересталъ стремиться къ войнѣ. Извѣстно, по какому обстоятельству утвердилась парламентская форма въ Сардиніи. Карлъ-Альбертъ былъ чрезвычайно нерасположенъ къ ней до войны съ Австріею: но послѣ пораженія сардинской арміи Радецкимъ свободное политическое устройство осталось единственнымъ средствомъ поддерживать въ сардинскомъ народѣ расположеніе къ правительству и бодрость для новой войны, о которой не переставали думать. Эта форма должна была также служить сильнѣйшею приманкою для другихъ итальянскихъ областей, чтобы онѣ прониклись желаніемъ присоединиться къ Сардиніи (Сѣверная Италія), или признать ея гегемонію (Средняя и Южная Италія), чтобы вся Италія ждала своей свободы отъ Сардиніи. Для этой важной цѣли Карлъ-Альбертъ переломилъ свои чувства, свой характеръ и, чтобы сдѣлаться современемъ властителемъ могущественной, быть можетъ, первокласной державы, рѣшился быть либеральнымъ конституціоннымъ королемъ. Какъ человѣкъ съ твердо-опредѣленною цѣлью, онъ выдерживалъ этотъ характеръ и ту же политику завѣщалъ сыну. Впрочемъ, мы вовсе не отрицаемъ

Digitized by Google

того, что кромѣ разсчета сильное вліяніе имѣетъ на сардинскую политику и патріотизмъ. Сардинское правительство вѣроятно въ самомъ дѣлѣ хочетъ независимости Италіи, покрайней мѣрѣ отъ австрійцевъ, если не отъ французовъ; но хочетъ ея съ тѣмъ условіемъ, чтобы очищенныя отъ иностранцевъ провинціи послужили къ увеличенію Сардиніи.

Итальянскіе патріоты, кромѣ маццинистовъ, легко принимаютъ это условіе изъ усердія къ національному дѣлу. Какими соображеніями руководятся эти люди и какими заключеніями стараются они склонить въ пользу сардинскаго завоеванія и французскаго вмѣшательства общественное мнѣніе другихъ странъ Западной Европы, не расположенныхъ къ нынѣшней войнѣ, читатель увидитъ изъ двухъ писемъ «Итальянца,» помѣщенныхъ въ Times'ѣ. Мы приводимъ въ концѣ этой статьи извлеченіе изъ краснорѣчивыхъ тирадъ неизвѣстнаго автора. Ненависть къ австрійскому вліянію вообще беретъ верхъ надъ всѣми другими чувствами у большинства образованныхъ итальянцевъ, такъ что они забываютъ даже разсчитывать, какія внутреннія учрежденія получила бы Италія, освобожденная отъ австрійцевъ нынѣшнею Франціею. А если имъ говорятъ, что французская помощь будетъ куплена введеніемъ нынѣшнихъ французскихъ формъ въ устройствѣ отнятыхъ у Австріи областей, они отвѣчаютъ, что все-таки французская администрація лучше австрійской, а тѣмъ болѣе папской и неаполитанской; а французскіе гражданскіе законы, независимые отъ формы правленія, превосходны. Потому, заключаютъ они, друзья свободы въ Западной Европѣ все-таки должны желать изгнанія австрійцевъ французами, и особенно должна сочувствовать этому свободная Англія. Что отвѣчаютъ англичане на такія соображенія, читатель увидитъ изъ отвѣта Times'а на второе письмо «Итальянца». Извлеченіе изъ этой статьи также переведено у насъ въ концѣ настоящаго обзора.

Намъ остается только показать основанія, которыми руководилось въ итальянскомъ вопросѣ общественное мнѣніе въ Англіи. О побужденіяхъ Австріи нечего говорить; они очевидны. Австрія играетъ въ этомъ дѣлѣ чисто - сострадательную роль и хочетъ только сохранить нынѣшнее свое положеніе.

Англичане не думаютъ, чтобы въ случаѣ побѣды надъ Австріею французскія границы остались безъ перемѣны. Они полагаютъ, что или Сардинія уступитъ непосредственно французамъ часть Савойи въ благодарность за пріобрѣтеніе обширныхъ областей на востокѣ помощію Франціи, или, если такой обмѣнъ окажется неудобнымъ, то будетъ составлено изъ легатствъ и нѣкоторыхъ другихъ частей центральной Италіи довольно большое владѣніе для принца Наполеона, т. е. возникнетъ въ Италіи вмѣсто австрійскаго владѣнія французское. Во всякомъ случаѣ, полагаютъ они, Сардинія станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Какъ бы ни велики были пріобрѣтенія Виктора-Эммануила, хотя бы онъ кромѣ Ломбардіи и Венеціи получилъ большую половину центральной Италіи, все-таки, полагаютъ англичане, онъ обманется въ своей надеждѣ стать независимымъ государемъ могущественной державы. Напротивъ, онъ тогда будетъ едва ли не слабѣе, чѣмъ теперь. Австрія, конечно, не откажется отъ стремленія возвратить свои итальянскія провинціи; государство Виктора-Эммануила само по себѣ не бу-

Digitized by Google

детъ имѣть силъ для сопротивленія Австріи, слѣдовательно, станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Теперь Сардинія ведетъ дружбу съ Франціею добровольно, тогда будетъ существовать только по милости Франціи, только ея поддержкою. Такимъ образомъ англичане находятъ, что доброжелательство къ Сардиніи вовсе не ставитъ ихъ въ надобность одобрять войну, польза отъ которой будетъ для Сардиніи обманчива. Напротивъ, они полагаютъ, что именно изъ желанія добра Сардиніи должны удержать ее отъ войны. Точно такъ же понимаютъ они свои обязанности и относительно всѣхъ другихъ итальянцевъ, а въ особенности относительно ломбардцевъ и венеціанцевъ. Желая національной независимости Италіи, они также желаютъ ей и политической свободы, а французское вліяніе, по ихъ мнѣнію, было бы теперь для развитія внутреннихъ учрежденій въ сѣверной Италіи еще неблагопріятнѣе, нежели для ея національной независимости. Этимъ однимъ не ограничивается, по мнѣнію англичанъ, для внутреннихъ учрежденій Италіи невыгодность освобожденія чрезъ нынѣшнюю войну; другая опасность сѣверно-итальянскимъ областямъ и самой Сардиніи грозитъ отъ завоеванія. Теперь ломбардцы и венеціанцы могутъ желать присоединенія къ Сардиніи, потому что не видятъ другого средства избавиться отъ австрійцевъ; но Ломбардія и Венеція имѣютъ славную исторію; онѣ такъ высоко цѣнятъ себя, что для нихъ въ 1848 году была унизительна мысль сдѣлаться провинціями государства, по всему бывшаго далеко ниже ихъ въ прошлыя времена. Только теперь это чувство заглушено горькою необходимостью, да и то далеко не во всѣхъ ломбардцахъ и венеціанцахъ: подчиниться Сардиніи для очень многихъ и нынѣ кажется обидно, а едва австрійцы будутъ изгнаны, старинное чувство гордости воскреснетъ съ прежней силой, вновь пріобрѣтенными провинціями овладѣетъ желаніе или отдѣлиться отъ Сардиніи, или взять надъ нею рѣшительное первенство, стать самимъ метрополіею, а ее обратить въ свою провинцію. Послѣдствія такого порядка вещей ясны. Сардинія, по мнѣнію англичанъ, должна будетъ удерживать въ соединеніи съ собою Ломбардію и Венецію противъ ихъ воли, т. е. насильственными средствами; а свободныя учрежденія падаютъ при такихъ средствахъ, и потому, не говоря уже о вліяніи Франціи, даже сама Сардинія не могла бы предоставить очищеннымъ отъ австрійцевъ областямъ дѣйствительной внутренней свободы. Сардинія, продолжаютъ англичане, подверглась бы такой участи и по другой причинѣ. Мы видѣли источникъ вѣрнаго сохраненія парламентскихъ формъ въ Сардиніи: онѣ кажутся нужными, чтобы служить приманкою для Ломбардіи и Венеціи; онѣ только средство для достиженія совершенно другой цѣли, для расширенія границъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда Сардинія преобразуется въ Королевство Сѣверной Италіи, цѣль будетъ достигнута, стало быть, и средство перестанетъ быть нужнымъ. Тогда не будетъ побужденій оставлять и въ собственной Сардиніи парламентскія формы въ нынѣшней ихъ силѣ. Прежнія преданія, которымъ слѣдовалъ Карлъ-Альбертъ до 1848 года, снова возьмутъ верхъ, Кавуръ и ему подобные стѣснительные люди будутъ отброшены въ сторону, и возвратятся на сцену старинные министры Карла-Альберта и ихъ продолжатели. Есть и другая причина ожидать этой перемѣны во внутреннихъ учрежденіяхъ Сардиніи, послѣ завоеванія ломбардо-венеціанскихъ

Digitized by Google

областей. Тогда Сардинія станетъ въ полную зависимость отъ Франціи, и покровительствующая держава будетъ склонять ее къ принятію нынѣшнихъ французскихъ учрежденій, чтобы самой избавиться отъ непріятнаго сосѣдства съ парламентскими формами. Само собою разумѣется, что всѣ эти соображенія, справедливыя или несправедливыя, не представлялись бы уму англичанъ такъ сильно, если бы развитію подобнаго взгляда не содѣйствовало опасеніе, что война доставитъ Франціи рѣшительное господство надъ политикою всего континента Западной Европы, и что тогда, располагая силами гораздо громаднѣйшими, нежели теперь, Наполеонъ III перестанетъ дорожить союзомъ съ Англіею и даже можетъ серьезнѣе прежняго думать объ отмщеніи ей за своего дядю.

Мы изложили побужденія, которыми управлялась политика трехъ западныхъ державъ, имѣвшихъ особенное участіе въ ходѣ итальянскаго вопроса. Теперь намъ надобно сдѣлать перечень фактовъ, которые возникли изъ этихъ основныхъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что по дипломатическимъ удобствамъ въ оффиціальныхъ переговорахъ часто выставлялись на первый планъ предлоги, служившіе только благопріятными случаями для дѣйствій, вызываемыхъ причинами болѣе глубокими.

Такъ, напримѣръ, поводомъ къ разрыву Франціи съ Австріею съ перваго же раза былъ избранъ случай, не имѣвшій ничего общаго съ кореннымъ вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи. Читатели знаютъ эту исторію. Сербы низвергли своего князя Александра Карагеоргіевича, пользовавшагося милостью Австріи, и призвали на престолъ снова Милоша, котораго и Австрія и Турція могли опасаться. Одаренный чрезвычайнымъ талантомъ возбуждать къ войнѣ и организовать народныя массы, Милошъ могъ казаться вреденъ австрійцамъ, потому что при первомъ удобномъ случаѣ сумѣетъ дѣйствовать на турецкихъ и австрійскихъ сербовъ. Еще не зная хорошенько, въ какой мѣрѣ сильна Скупштина, призывавшая Милоша, австрійцы и турки вздумали было искать предлога, чтобы разогнать ее, занять сербское княжество и помѣшать возвращенію Милоша. Австрійскій генералъ Коронини получилъ предписаніе идти въ Сербію, если турки потребуютъ его помощи. Это было бы нарушеніемъ парижскаго трактата, по которому ни одна держава не должна вмѣшиваться въ турецкія дѣла безъ согласія всѣхъ другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Когда императору французовъ представилась надобность объяснить причины своего неудовольствія на Австрію, онъ указалъ этотъ фактъ. Но Австрія дала объясненіе такого рода, что ея войска должны были вступить въ Сербію только по требованію турецкаго начальства; а турецкое начальство не могло потребовать ихъ помощи, не получивъ на то разрѣшенія изъ Константинополя; а Высокая Порта, конечно, никогда не хотѣла требовать помощи австрійскихъ войскъ, не объявивъ объ этомъ предварительно европейскимъ посланникамъ въ Константинополѣ и не получивъ ихъ одобренія. Такимъ образомъ Австрія говорила, что никогда не хотѣла нарушать парижскаго трактата одностороннимъ вмѣшательствомъ въ турецкія дѣла безъ согласія другихъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Франція продолжала утверждать, что приказаніе, данное Коронини все-таки не согласно съ трактатомъ; но между тѣмъ сербскія дѣла разъяснились. Австрійцы и турки увидѣли, что сербы единодушны и не дешево поддадутся чужому вмѣшатель-

Digitized by Google

ству. Неудовольствіе, возбужденное избраніемъ Милоша, надобно было заглушить въ себѣ и отложить мысль о вооруженныхъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи. Благодаря этой невозможности, Австрія отвѣчала императору французовъ, что каково бы ни было приказаніе, данное генералу Коронини это приказаніе не имѣетъ никакихъ шансовъ быть исполненнымъ на дѣлѣ, остается безъ всякаго дѣйствія и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакого вниманія.

Первый предлогъ къ разрыву уничтожился. Тогда выставлено было на первый планъ другое дѣло. Наполеонъ III давно говорилъ, что содержаніе французскаго корпуса въ Римѣ неприятно для него, и давно требовалъ у папы реформъ, которыя, примиривъ народъ съ папскимъ правительствомъ, позволили бы ему остаться безъ иноземной поддержки. Австрія укрѣпляла папу въ сопротивленіи этимъ совѣтамъ. Кромѣ того, австрійскія войска занимали сѣверную часть Папской Области и французскій отрядъ не могъ выйти изъ Рима до ихъ удаленія, иначе австрійцы оставались бы безграничными господами всей Италіи. Теперь Франція стала громко жаловаться на такой порядокъ вещей, и переговоры до сихъ поръ идутъ главнымъ образомъ о состояніи центральной Италіи, о необходимости, по мнѣнію Франціи, австрійцамъ вывести свои войска изъ областей, не имъ принадлежащихъ, чтобы и Франція могла вывести свой отрядъ изъ Рима. Въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ, лучше всего читатели могутъ видѣть изъ преній въ англійскомъ парламентѣ объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Мы представляемъ въ концѣ нашей статьи выписку изъ рѣчей Пальмерстона, Д'Израэли и Росселя по этому предмету. Съ соблюденіемъ дипломатической осторожности, всѣ трое говорятъ о дѣлахъ центральной Италіи, т. е. Папской Области, будто о существенномъ пунктѣ дѣла. Всѣ трое согласны, что занятіе Папской Области иностранными войсками—фактъ ненормальный, что желаніе императора французовъ вывесть свой отрядъ изъ Рима заслуживаетъ полнаго одобренія; но что дѣйствительно французамъ нельзя выйти изъ Рима, пока австрійцы не очистятъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, которые заняли за предѣлами своихъ Ломбардо-Венеціанскихъ Областей. Есть разногласіе въ томъ, какъ помочь этому дѣлу. Д'Израэли говоритъ, что вывесть теперь иностранныя войска изъ Папской Области нельзя, потому что вспыхнуло бы возстаніе противъ папскаго правительства. На этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ Австрія. Но, прибавляетъ Д'Израэли, надобно вытребовать у папы согласія на такія реформы, которыя бы примирили народъ съ его правительствомъ. Это, безъ сомнѣнія, согласно съ словами Франціи. Лордъ Россель, напротивъ того, полагаетъ, что лучше всего было бы немедленно вывести войска, предоставить папскому правительству управляться съ своими дѣлами, какъ само знаетъ, и не жалѣть о немъ, если оно будетъ низвергнуто. Этого мнѣнія, сходнаго съ желаніями либеральной партіи въ цѣлой Европѣ, вѣроятно, ни одна держава не предъявляетъ при переговорахъ. Мы видимъ, какъ легко было бы Франціи и Австріи согласиться въ вопросѣ о центральной Италіи: англійское министерство, признавая справедливость и французскаго и австрійскаго мнѣнія, очень удобно соглашаетъ ихъ одно съ другимъ. Если бы мы не знали, что вопросъ о центральной Италіи служитъ только предлогомъ, за которымъ скрывается вопросъ о Ломбардіи и Венеціи,

Digitized by Google

а за вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи находится надобность для нынѣшней французской системы заглушить войною заботу о внутреннихъ дѣлахъ,— если бы мы не знали всего этого, мы не могли бы понять, какъ можно выводить правдоподобность войны изъ разногласія по такому неважному дѣлу, какъ вопросъ о Папской Области.

Но, несмотря на всю осторожность англійскихъ ораторовъ, изъ которыхъ одинъ министръ теперь, а двое другихъ разсчитываютъ скоро сдѣлаться министрами и потому всѣ должны соблюдать дипломатическіе пріемы,— несмотря на всю серьезность, съ которой говорятъ они о Папской Области, будто о настоящемъ предметѣ спора, все таки проглядываетъ въ ихъ рѣчахъ сущность дѣла. Всѣ они согласны, что слѣдствіемъ войны было бы отнятіе итальянскихъ владѣній у Австріи. Даже и въ мирномъ разрѣшеніи спора, которое предлагаетъ Д'Израэли, видна неизбѣжность коснуться ломбардо-венеціанскаго дѣла. Въ предположеніяхъ Д'Израэли о конгрессѣ есть черты, показывающія, что дипломатамъ пришлось бы разсуждать на немъ и о сѣверной Италіи.

Въ 20 числахъ января (новаго стиля) разнеслись въ Парижѣ слухи, что конгрессъ, предлагаемый Англіею, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ ближайшее отношеніе къ ломбардо-венеціанскимъ землямъ. Въ маѣ 1848 года, когда потеря итальянскихъ областей казалась неизбѣжною для Австріи, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при лондонскомъ дворѣ, Гиммельауэръ, предлагалъ кончить войну тѣмъ, чтобы итальянскія провинціи получили особеннаго вице-короля и совершенно независимое управленіе съ конституціонною формою и остались соединены съ Австріею только номинальнымъ единствомъ въ лицѣ императора. Говорятъ, что англійское министерство предложило составить теперь конгрессъ для устройства итальянскихъ дѣлъ на такихъ основаніяхъ, что въ Парижѣ это предложеніе было принято и что теперь остается дѣло только за согласіемъ Австріи. Не знаемъ, дѣйствительно ли подобное предложеніе было сдѣлано изъ Лондона, но должны сказать, что это кажется намъ не совсѣмъ правдоподобнымъ. Австрія, навѣрное, должна была отвергнуть его: можетъ ли она безъ войны сдѣлать такія уступки, которыя почти равняются отказу отъ итальянскихъ областей, то есть самому худшему результату несчастливой войны? Лондонскій кабинетъ, желающій примиренія, поступилъ бы совершенно неосновательно, предлагая къ примиренію такіе способы, которые не могутъ не быть отвергнуты одною изъ двухъ спорящихъ сторонъ. Скорѣе можно думать, что въ Лондонѣ была мысль о конгрессѣ только относительно очищенія Папской Области отъ австрійскихъ и французскихъ войскъ (этотъ смыслъ дается словами Д'Израэли), а мысль о переговорахъ на основаніяхъ 1848 года возникла уже въ Парижѣ. Если бы удалось склонить Англію и другія державы согласиться на подобный конгрессъ, а Австрія отвергла бы его, то она выставлялась бы менѣе уступчивою, нежели Франція, которая могла бы тогда говорить, что она все сдѣлала для сохраненія мира, что вся Европа признавала умѣренность ея условій, но что Австрія не хотѣла мира. Такой оборотъ былъ бы очень выгоденъ для Франціи, и потому то, если мысль о конгрессѣ на основаніи предложеній 1848 года дѣйствительно была, то надобно полагать, что она вышла

Digitized by Google

не изъ Лондона, а изъ Парижа. Но все это только слухи и догадки: оставимъ ихъ и припомнимъ факты, которыми обозначались различныя колебанія итальянскаго вопроса.

Послѣ сильныхъ словъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику, и еще болѣе сильнаго отвѣта на нихъ въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, первымъ воинственнымъ фактомъ была рѣчь Сардинскаго короля при открытіи Туринскаго парламента (10 января). Читателямъ извѣстны рѣшительныя слова Виктора-Эммануила:

«Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонтъ, среди котораго встаетъ новый годъ, несовершенно ясенъ; несмотря на то, вы съ обыкновенной вашей ревностью займетесь парламентскими трудами. Ободряемые опытомъ прошедшаго, мы готовы съ рѣшимостью встрѣтить шансы будущаго. Это будущее должно быть счастливо, потому что наша политика основана на справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наша страна, небольшая по объему, пріобрѣла уже уваженіе въ совѣтахъ Европы, потому что она велика по идеѣ, ею представляемой, и симпатіямъ, ею внушаемымъ. Это положеніе не изъято отъ опасности, потому что, уважая трактаты, мы не остаемся безчувственны къ воплю страданія, доходящему до насъ изъ столь многихъ частей Италіи. Сильные нашимъ согласіемъ, уповая на нашу справедливость, мы ждемъ, разсудительно и рѣшительно, судебъ отъ Божественнаго Провидѣнія».

Тутъ ясно говорилось, что война близка, что Сардинія хочетъ стать въ ней представительницей Италіи, что Италія сочувствуетъ ей, проситъ ея помощи и будетъ имѣть ея защиту. Король прочелъ рѣчь свою твердымъ, сильнымъ голосомъ. Каждая изъ переведенныхъ нами фразъ перерывалась восторженными криками и апплодисментами сенаторовъ, депутатовъ и зрителей, толпившихся на трибунахъ.

Адресъ палаты депутатовъ въ отвѣтъ на эту рѣчь соотвѣтствовалъ восторгу, съ которымъ она была выслушана. Палата поручила составленіе адреса одному изъ ломбардскихъ эмигрантовъ, Корренти, чтобы ломбардцы и венеціанцы видѣли въ этомъ выборѣ залогъ симпатіи къ нимъ.

«Вы правы, государь, съ надеждою смотря на шансы будущаго для вашего народа (говорилъ адресъ). Вашъ голосъ, государь, вліятельный и уважаемый во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, великодушно выражающій состраданіе къ бѣдствіямъ Италіи, конечно, оживитъ воспоминанія о торжественныхъ обѣщаніяхъ, досель остававшихся неисполненными, и поддержитъ въ народахъ твердую вѣру въ непреодолимую силу цивилизаціи и въ могущество общественнаго мнѣнія. Если эти отрадныя мысли и это воззваніе къ общественному разуму навлекли бы опасности или угрозы на вашу священную главу, нація, видящая въ васъ могущественнаго заступника за дѣло свободы въ европейскихъ кабинетахъ, знающая, что въ васъ и чрезъ васъ найдена наконецъ, столько вѣковъ бывшая утраченной, тайна итальянскаго единодушія,—нація, говоримъ мы, вся до послѣдняго человѣка окружитъ васъ и покажетъ, что она вновь научилась старинному искусству соединять повиновеніе солдата съ свободою гражданина».

Этотъ совершенно воинственный адресъ былъ встрѣченъ необыкновенно громкими апплодисментами и, говорятъ, даже министерская партія дивилась единодушному энтузіазму, выказанному палатой.

Но единодушный энтузіазмъ уже не проявлялся при двухъ слѣдующихъ важныхъ событіяхъ: бракосочетаніи принцессы Клотильды и утверж-

Digitized by Google

деніи проекта о займѣ на войны. Принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ Туринъ на другой день послѣ принятія адреса палатою депутатовъ, былъ встрѣченъ сардинцами, по разсказамъ однѣхъ газетъ, совершенно холодно, по разсказамъ другихъ, если не холодно, то безъ всякаго восторга. Онъ слишкомъ старъ для своей молоденькой невѣсты (принцу Наполеону 36 лѣтъ, а принцессѣ Клотильдѣ только 5 марта нынѣшняго года исполнится 16). Говорятъ, она долго не соглашалась, и, какъ ребенокъ, была убѣждена удивительными браслетами и тому подобными уборами, присланными ей отъ императрицы французовъ, а еще больше настояніями отца. Сардинцы чрезвычайно гордятся древностью своей династіи, которая едва ли не старше всѣхъ другихъ въ Европѣ, и находятъ, что для внука простыхъ корсиканцевъ слишкомъ большая честь получить руку ихъ принцессы. Притомъ носились слухи, что часть предполагаемыхъ завоеваній будетъ отдана принцу Наполеону, вмѣсто того, чтобы достаться Сардиніи. Все это слухи, но достовѣрно то, что въ высшихъ кругахъ сардинскаго общества бракъ былъ сильно осуждаемъ, а женихъ видѣлъ холодность.

Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ производятся въ Сардиніи очень дѣятельно и уже понадобилось сдѣлать заемъ въ $12^1/_2$ милліоновъ руб. сер. на покрытіе издержекъ. Предложеніе о займѣ было, конечно, принято палатою депутатовъ; но правая сторона, постоянно бывшая противъ наступательной войны, уже отважилась снова возвысить голосъ. Одни изъ ея членовъ сказали, что одобряютъ заемъ, если война будетъ чисто оборонительная, если сама Австрія начнетъ ее; но не хотятъ нападенія на Австрію со стороны самой Сардиніи. Другіе пошли еще далѣе: они совершенно отвергли надобность займа.

«Я всегда былъ противникомъ политики министерства (сказалъ графъ Ревель), той политики, которая привела насъ къ нынѣшнему положенію. Не скажу, что мы не должны опасаться нападенія со стороны Австріи. Меня нельзя назвать другомъ Австріи, потому что есть доказательства моимъ чувствамъ. Я былъ министромъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы объявили Австріи войну, столь счастливо начатую, столь несчастно конченную. Я признаю, что мѣры, принимаемыя Австріею, могутъ внушать опасенія, потому необходимо намъ вооружаться. Мнѣ прискорбно разойтись на этотъ разъ съ моими товарищами (другими депутатами правой стороны, рѣшившимися вотировать противъ займа); но я не могу отказать правительству въ средствахъ защиты. Если оно употребитъ ихъ во зло, не моя будетъ вина; отвѣтственность упадетъ на него.

«Преданность къ отечеству одинакова во всѣхъ насъ, (сказалъ маркизъ Коста-де-Борегаръ, одинъ изъ савойскихъ депутатовъ),—я говорю это особенно *отъ имени* моихъ товарищей, депутатовъ Савойи, бывшей колыбелью нашей монархіи; *но я* не вѣрю въ нападеніе на насъ. Австрія слишкомъ осторожна, слишкомъ *хитра*, она никогда не выставитъ себя начинательницей войны. Притомъ и положеніе Италіи не таково, чтобы война была необходимостью. Общественное мнѣніе говоритъ противъ войны. Англія употребляетъ все свое вліяніе на сохраненіе мира. А между тѣмъ Піэмонтъ готовится къ войнѣ. Графъ Кавуръ хочетъ войны, и онъ не такой человѣкъ, чтобы отступить. Но наша судьба, судьба Савойской династіи, служитъ ставкою въ этой игрѣ. Онъ беретъ на себя тяжелую отвѣтственность. Я не хочу подвергаться ей вмѣстѣ съ нимъ. Я боролся противъ той опрометчивой политики, въ жертву которой принесли счастье нашей земли. Я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, не сдѣлаю такой слабости (Браво! съ правой стороны). Это я говорю, какъ депутатъ всего Сардинскаго

Digitized by Google

королевства; какъ депутатъ Савойи, я скажу еще больше. Говорятъ, что война должна отдѣлить Савойю отъ остальной Сардиніи (Маркизъ Борегаръ намекаетъ на предположеніе, что Савойя будетъ отдана Франціи въ благодарность за пріобрѣтеніе ломбардо-венеціанскихъ областей для Сардиніи). Если это предположеніе, естественное слѣдствіе вашихъ итальянскихъ комбинацій, осуществится, то дай Богъ, господа, чтобы вы не пожалѣли о томъ, что разстались съ нами. Но мы всегда сохранимъ нашу симпатію къ Савойской династіи. (Аплодисменты раздаются на многихъ скамьяхъ).

«Я всталъ съ постели, чтобы бросить черный шаръ въ урну (сказалъ де-Вири). Я присоединяюсь къ моему почтенному другу, Коста-де-Борегару. Вы налагаете на Савойю... (Между депутатами начинается сильнѣйшее смятеніе, такъ что ораторъ не можетъ докончить своей фразы. Засѣданіе пріостановлено и де-Вири сходитъ съ каѳедры).

«Въ началѣ засѣданія, господа, президентъ убѣждалъ насъ быть единодушными (сказалъ графъ Соларо-де-ла-Маргарита, предводитель правой стороны). Мы съ восторгомъ принимаемъ такія слова всегда, когда дѣло идетъ о чести короны, о независимости страны. Никто не можетъ сомнѣваться въ нашей преданности къ нашей славной династіи. Но надобно знать, какая опасность грозитъ намъ. Положеніе Сардиніи печально: торговля въ упадкѣ, промышленность также, земледѣліе въ дурномъ положеніи, налоги тяжелы. Намъ всѣмъ извѣстна ревность, дѣятельность военнаго министра, но можетъ ли онъ думать, что числительность нашей арміи соразмѣрна съ громадностью войскъ, противъ которыхъ мы пошли бы? А мы сами можемъ ли подвергнуться нападенію? Австрія заключила заемъ, наполнила ломбардскія провинціи солдатами, придвинула войска къ нашимъ границамъ. Но думаетъ ли Австрія напасть на насъ?— вотъ вопросъ. Не нужно имѣть особенной политической проницательности, чтобы видѣть противное. Вѣнскій кабинетъ, всегда осмотрительный и осторожный, никакъ не поставитъ себя въ наступательное положеніе; онъ не хочетъ привлечь на себя французскія войска. Слова лорда Дерби, мистера Д'Израэли, подтверждаютъ мое мнѣніе. (Англійскіе министры сказали, что Австрія дала имъ обѣщаніе не начинать войны и что они увѣрены въ искренности этого обѣщанія; о подобномъ обѣщаніи Наполеона III лордъ Дерби сказалъ только, что Англія *хочетъ* вѣрить ему). Будемъ говорить, господа, откровенно. Если бы мы думали о развитіи нашихъ учрежденій, объ улучшеніи нашихъ финансовыхъ дѣлъ, если бы мы не старались разжигать страстей въ другихъ итальянскихъ областяхъ, мы не были бы въ такомъ положеніи, какъ теперь. Во мнѣніи цѣлаго свѣта мы будемъ зачинщиками войны. Народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ желаетъ мира съ его благотворными слѣдствіями и особенно съ уменьшеніемъ налоговъ. Благоразуміе велитъ намъ не бросать перчатку на вызовъ тѣмъ, которые давно приготовились поднять ее. Я говорю не въ духѣ партіи, я говорю въ интересахъ нашей земли—всей Италіи. Подавъ голосъ въ пользу займа, я измѣнилъ бы своей совѣсти. Я отвергаю заемъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и прошу, чтобы пощадили нашу страну отъ новыхъ бѣдствій и чтобы не подвергали опасности нашу независимость».

Графъ де-ла-Маргарита и графъ Ревель по общимъ своимъ убѣжденіямъ представляются намъ достойными гораздо меньшаго сочувствія, нежели графъ Кавуръ. Но должно признаться, что въ настоящемъ случаѣ они смотрятъ на дѣло или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ гораздо прямѣе знаменитаго министра Въ нѣкоторой части ихъ рѣчей есть даже полная справедливость. Сардинскій народъ дѣйствительно обремененъ налогами. Мы не рѣшимся сказать, что они говорятъ неправду, когда утверждаютъ, что большинство сардинскаго населенія, особенно земледѣльческій классъ, не раздѣляетъ воинственнаго энтузіазма. Корреспонденты англійскихъ газетъ увѣряютъ, что даже въ Ломбардіи земледѣльцы противъ войны.

Этимъ кончаются нынѣшнія извѣстія о Сардиніи. Она уже двинула свои

Digitized by Google

войска къ границамъ; австрійскія войска также подошли, и каждый день можетъ произойти схватка, послѣ которой военныя событія уже подойдутъ неудержимой чередой. Схватка можетъ произойти случайно, безъ приказанія или даже противъ желанія начальниковъ армій. Но приказанія ожидать надняхъ, повидимому, нельзя: Австрія никакъ не захочетъ нападать первая, а сардинское правительство не отважится начинать войну прежде, нежели будетъ знать навѣрное, что по первому же выстрѣлу пойдутъ на австрійцевъ французскія арміи. Этого обѣщанія, повидимому, еще не дано формальнымъ образомъ; напротивъ, Англія получила отъ императора французовъ увѣреніе, что онъ не подастъ помощи сардинцамъ, если они первые сдѣлаютъ нападеніе, а отъ французской помощи зависятъ сардинскія рѣшенія. Посмотримъ же, что дѣлалось послѣ новаго года во Франціи.

Неблагопріятное мнѣніе Германіи и особенно Англіи остановило на нѣсколько дней новыя проявленія воинственности. Въ правительственныхъ газетахъ статьи, провозглашавшія скорое начало похода, перемѣшивались съ другими, говорившими о вѣроятности мирной развязки. Монитёръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній также мирнаго характера. Слова, сказанныя на новый годъ, мало по малу были разъяснены такъ, что въ Вѣнѣ почли возможнымъ признать объясненіе удовлетворительнымъ. Австрійскій посланникъ на придворныхъ балахъ нѣсколько разъ бывалъ предметомъ особеннаго вниманія и любезности со стороны императора. Всѣ эти признаки миролюбія продолжаются до сихъ поръ, занимая биржу и публики три, четыре, даже пять дней въ недѣлю. Но зато постоянно растутъ и растутъ слухи о сильныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Разъ въ недѣлю, два раза въ недѣлю бываетъ какое нибудь приказаніе прекратить или отсрочить какую нибудь военную работу; но это касается только частностей, а вообще приготовленія къ войнѣ усиливались съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ до начала февраля, когда стали говорить объ ослабленіи прежнихъ надеждъ на союзъ съ одною изъ могущественнѣйшихъ державъ Европы, и когда пренія объ адресѣ въ англійскомъ парламентѣ показали, что всѣ партіи англійскаго народа одинаково неблагопріятствуютъ намѣренію ослабить Австрію въ видимую пользу Сардиніи, на самомъ же дѣлѣ въ пользу Франціи. Вслѣдствіе двухъ этихъ фактовъ вдругъ усилились слухи о возможности мирной развязки. До какой степени они прочны, въ настоящую минуту нельзя еще рѣшить. Итакъ, пока мы только перечислимъ главные факты развитія французско-сардинской воинственности, заканчивая ихъ перечень послѣдними болѣе благопріятными миру извѣстіями, за важность которыхъ нельзя ручаться.

На другой день послѣ перваго свиданія принца Наполеона съ своею невѣстою, когда бракосочетаніе было рѣшено, графъ Кавуръ и генералъ Ньэль, любимецъ Наполеона III, сопровождавшій принца Наполеона, заключили какое-то условіе о тѣснѣйшемъ сближеніи Франціи съ Сардиніей. Разнеслись слухи, что это наступательный и оборонительный союзъ, формально подписанный. Монитёръ опровергъ это извѣстіе, но съ такою дипломатическою осторожностью, что нельзя было рѣшить, — подвергается ли отрицанію самое существованіе союза, или только подписаніе формальнаго договора извѣстной дипломатической формы, или даже только толкованіе,

*

Digitized by Google

ставившее принятіе такого договора императоромъ французовъ за непремѣнное и формальное условіе согласія сардинскаго короля на бракосочетаніе дочери. Общее мнѣніе было то, что отрицаніе надобно относить только къ послѣднему обстоятельству; что формальный договоръ по всей вѣроятности подписанъ, а во всякомъ случаѣ условіе о неразрывномъ союзѣ заключено въ той или другой формѣ, на словахъ или на бумагѣ, но въ сущности съ одинаковымъ значеніемъ. Можно полагать даже, что въ сущности все равно, хотя бы даже и на словахъ не было выражено вступленія двухъ державъ въ неразрывный союзъ,—самый фактъ бракосочетанія, безъ всякихъ переговоровъ, спеціально опредѣляющихъ значеніе брачнаго союза между двумя династіями, уже долженъ считаться для той и другой династіи достаточнымъ обезпеченіемъ неразрывнаго союза.

Почти одновременно съ днемъ бракосочетанія, Constitutionnel, личный органъ императора французовъ, воспользовался одною изъ безчисленныхъ статей англійской журналистики противъ войны, чтобы сдѣлать грозное исчисленіе громадныхъ армій, которыя Франція можетъ двинуть за границу. Daily News старалась доказать, что французская армія не такъ сильна, какъ думаютъ многіе; что во всякомъ случаѣ главная масса ея должна остаться внутри Франціи для наблюденія за Парижемъ и Ліономъ; что кромѣ того большой корпусъ необходимъ въ Алжиріи, и за этими вычетами едва ли останется для заграничнаго похода болѣе 130.000 человѣкъ. Constitutionnel, напротивъ, объявилъ, что 1 апрѣля Франція имѣла бы свободныхъ войскъ для заграничнаго похода около 400.000, а къ 1 іюня, съ призывомъ новаго контингента, 497.000 человѣкъ. Статья, написанная сдержаннымъ оффиціальнымъ языкомъ, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе, именно потому, что очевидно было ея высокое происхожденіе. Черезъ нѣсколько часовъ было всѣмъ извѣстно, что она прислана въ типографію Constitutionnel'я прямо изъ Тюльерійскаго дворца и была до такой степени личнымъ дѣйствіемъ императора, что даже не была показана министру иностранныхъ дѣлъ передъ отправленіемъ къ напечатанію.

Зато одновременно съ этимъ грознымъ манифестомъ, а прежде того, одновременно съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ и съ слухами о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, были сдѣланы двѣ демонстраціи о миролюбивомъ расположеніи императора французовъ. Первая демонстрація, одновременная съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ „Est-ce la paix? Est-ce la guerre?“ написанная дипломатическимъ языкомъ и приписывавшаяся графу Персиньи. Она склонялась въ пользу мирной развязки. Почти въ тотъ же день явилась брошюра „Aurons-nous la guerre?“ о которой мы говорили: допущеніе этого рѣзкаго протеста противъ войны усиливало догадки, внушаемыя брошюрою, въ которой предполагали участіе Персиньи. А когда принцъ Наполеонъ съ своею супругою возвратился въ Парижъ, на всемъ пути отъ станціи желѣзной дороги до дворца не было поставлено ни одного изъ многихъ тысячъ полицейскихъ клакеровъ, которые при всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязаны выражать народный энтузіазмъ. Народъ, столпившійся по всей длинной дорогѣ, стоялъ въ совершенномъ молчаніи и не было произнесено ни одного крика въ привѣтствіе новобрачнымъ, олицетворявшимъ союзъ Франціи

Digitized by Google

и Сардиніи для войны. Холодный пріемъ со стороны французскаго народа былъ натураленъ; но удивлялись тому, что полиція не заботилась, по обыкновенію, выставить собственныхъ своихъ энтузіастовъ. Оффиціальнымъ объясненіемъ тому было: „правительство не хотѣло манифестаціи въ пользу войны и велѣло полиціи молчать". Впрочемъ, есть и другое объясненіе: боялись, что на крики полицейскихъ клакеровъ „да здравствуетъ Сардинія!" народъ будетъ отвѣчать криками: „да здравствуетъ миръ!"

Но вотъ приближалось и 7 февраля, день, назначенный для открытія сессіи законодательныхъ властей. Съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую долженъ сказать при этомъ случаѣ императоръ французовъ. За три дня до рѣчи явилась брошюра Napoléon III et Italie, со всѣми признаками оффиціальнаго происхожденія. Она была писана, или, лучше сказать, только редижирована сановитѣйшимъ изъ придворныхъ писателей, виконтомъ ла-Героньеромъ, который нѣкогда былъ легитимистомъ, потомъ республиканцемъ, а теперь служитъ въ званіи бонапартиста. Говорили, что самъ императоръ доставилъ ла-Героньеру матеріалы для этого памфлета; что потомъ составленная изъ нихъ записка была читана и сильно передѣлана императоромъ, который собственноручно вставилъ въ нее нѣсколько длинныхъ мѣстъ, особенно выражавшихъ необыкновенную любовь императора французовъ къ Англіи. Самъ Мониторъ принялъ на себя трудъ подтвердить эти разсказы. Брошюра дѣйствительно должна была явиться выраженіемъ личнаго взгляда императора французовъ, предисловіемъ и коментаріемъ къ его рѣчи. Ее раскупили нарасхватъ, прочли съ жадностью, искали смысла въ каждомъ словѣ,—и не могли рѣшить, какой же смыслъ должна имѣть цѣлая брошюра? Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было понять ее. Черезъ день, черезъ два, загадка объяснилась. Еще во время допросовъ, сдѣланныхъ графу Орсини, Наполеонъ III былъ изумленъ силою и ясностью политическихъ соображеній его. „Я хотѣлъ васъ убить потому, что ваше бездѣйствіе мѣшаетъ освобожденію Италіи", писалъ Орсини, „теперь прибавляю, что ваша политика противна вашимъ собственнымъ выгодамъ. Вы упускаете изъ виду вотъ такіе-то и такіе-то факты. Обратите на нихъ справедливое вниманіе и вы увидите, что личная ваша польза требуетъ освобожденія Италіи„. Въ бумагахъ Орсини нашлись подробные историческіе очерки и мемуары о нынѣшнемъ состояніи разныхъ государствъ и объ ихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, написанные въ подтвержденіе той общей мысли, что Франція должна освободить Италію и что если бы Наполеонъ III сознавалъ потребности своего положенія, онъ исполнилъ бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеонъ III внимательно изучалъ эти записки. Въ концѣ прошлаго года онъ снова потребовалъ къ себѣ бумаги, оставшіяся послѣ Орсини, и, когда вышла брошюра, служившая предшественницей тронной рѣчи, люди, знакомые съ содержаніемъ орсиніевскихъ бумагъ, увидѣли, что брошюра составлена главнымъ образомъ изъ нихъ. Но въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ концѣ, были прибавлены мысли, вынуждаемыя дипломатическими отношеніями, сильною оппозиціею французскаго общества и даже большинства государственныхъ сановниковъ противъ войны. Сверхъ того, всѣ факты и и мысли, заимствованные изъ бумагъ Орсини, были обставлены

Digitized by Google

фразами въ духѣ правительственной французской журналистики. Такимъ образомъ брошюра имѣла двойственный характеръ. Изъ всѣхъ фактовъ и соображеній, изложенныхъ въ ней съ замѣчательною силою мысли, слѣдовало заключеніе: „Франція обязана начать войну для освобожденія Италіи“. Но вмѣсто этого заключенія было дано совершенно другое: „императоръ французовъ не хочетъ войны и постарается избѣжать ея“. По этой двойственности ея смысла, кому что угодно, тотъ именно то могъ видѣть въ ней— одинъ войну, другой миръ.

Точно такова же была и рѣчь, сказанная императоромъ французовъ 7 февраля, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса и сената. Германія истолковала ее въ смыслѣ мира; Сардинія и вся Италія въ смыслѣ войны. Англія нашла въ ней поровну и того и другого. Но каковъ бы ни былъ дѣйствительный смыслъ рѣчи, или хотя бы она не имѣла никакого опредѣленнаго значенія сама по себѣ, пріемъ, ей сдѣланный, былъ рѣшительною манифестаціею депутатовъ и публики въ пользу мира. Императоръ французовъ былъ встрѣченъ безъ того энтузіазма, съ которымъ привѣтствовали его въ прежніе годы депутаты, избираемые по назначенію правительства изъ преданнѣйшихъ ему людей. Когда Наполеонъ III вошелъ въ залу, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ закричалъ: „да здравствуетъ императоръ!“ за нимъ повторили восклицаніе другіе присутствовавшіе, но далеко не всѣ; многіе депутаты не раскрывали губъ. Второй залпъ восклицаній былъ еще слабѣе; въ третій разъ послышались только немногіе голоса, оставшіеся безъ поддержки. Во время рѣчи, на лицѣ большей части депутатовъ выраженіе было холодное и принужденное. Когда въ началѣ рѣчи императоръ говорилъ, что безпокойство овладѣло Франціею безъ положительныхъ основаній для тревоги, на нѣкоторыхъ лицахъ явилась даже улыбка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для приличія, рѣчь прерывалась апплодисментами; но особенно сильны были они только при словахъ, что императоръ останется вѣренъ своимъ бордосскимъ словамъ: „имперія — это миръ“, и не хочетъ возобновлять эпоху завоеваній. При предварительномъ обсужденіи рѣчи, почти всѣ министры были рѣшительно противъ войны. Даже носился слухъ, что они хотѣли подать въ отставку, когда во время церемоніи услышали изъ устъ Наполеона III рѣчь безъ тѣхъ болѣе рѣшительныхъ ручательствъ за миръ, которыя были внесены въ проэктъ рѣчи по ихъ настоянію. Неудовольствіе министровъ колебаніями французской политики между миромъ и войною такъ сильно, что носятся слухи, будто большинство министровъ хочетъ подать въ отставку. Разумѣется, это вздоръ, потому что не въ духѣ нынѣшняго порядка вещей и людей, служащихъ ему; но все-таки подобные толки свидѣтельствуютъ о сильной оппозиціи самого кабинета противу воинственной политики. Изъ пріема, сдѣланнаго рѣчи императора, обнаружилось, въ какомъ тонѣ президенту законодательнаго корпуса, графу Морни, надобно составить рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести на другой день 8 февраля н. ст., при открытіи перваго засѣданія законодателей. Депутаты совершенно оправдали слухъ о томъ, что возвратились изъ провинцій рѣшительными приверженцами мира, Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли объявить въ парижскихъ салонахъ, что „насъ въ палатѣ есть 150 или 200 человѣкъ

Digitized by Google

такихъ, которые рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать войны". Одному изъ такихъ геройствующихъ гражданъ собесѣдникъ англичанинъ замѣтилъ: „войны вы, разумѣется, никакъ не допустите, но безпрекословно дадите всѣ суммы, какихъ потребуетъ ея веденіе". Сконфузившійся гражданинъ пожалъ плечами и сказалъ: „вы правы". Въ самомъ дѣлѣ, депутаты приготовлялись сильно воспротивиться правительству въ вопросѣ о войнѣ; но, вѣроятно ихъ оппозиція ограничится салонными разговорами, а въ залѣ засѣданій будутъ они послушными дѣтьми. Однако же все-таки не годится раздражать ихъ, все-таки полезно угодить на словахъ ихъ чувствамъ, выразившимся очень недвусмысленно. Рѣчь Морни вся состоитъ изъ положительныхъ увѣреній въ непоколебимости мира. Президентъ законодательнаго корпуса проситъ депутатовъ „вѣрить словамъ императора, что миръ не будетъ нарушенъ"; объясняетъ имъ, что „множество другихъ соображеній должны также вести къ разъясненію безпокойствъ"; увѣряетъ, что „религія, философія, цивилизація, кредитъ, трудъ сдѣлали миръ первымъ благомъ новыхъ обществъ"; объясняетъ, что „нынѣ уже не тѣ времена, когда можно было легкомысленно проливать кровь народовъ", что нынѣ „большая часть затрудненій устраняется дипломатіей, или разрѣшается мирнымъ посредничествомъ". Онъ даже указываетъ имъ на фактъ совершенно „новый", именно на то, что „быстрыя средства къ сообщенію между народами и гласность создали новую европейскую державу" (мы переводимъ безъ всякихъ измѣненій: une puissanse européenne nouvelle), которой будто бы „всѣ правительства принуждены подчиняться"; и что эта „новая держава— общественное мнѣніе". Такая миролюбивая и просвѣщенная рѣчь возбудила восторгъ гораздо болѣе сильный, нежели какого ожидалъ и какого, быть можетъ, даже не желалъ краснорѣчивый авторъ ея. Между депутатами слышались толки: „Вотъ такую рѣчь намъ надобно было услышать отъ императора".

Брошюра Napoleon III et Italie была выраженіемъ личныхъ мнѣній императора французовъ,—это засвидѣтельствовалъ самъ Монитеръ; но протестація со стороны „новой державы", которую замѣтилъ Морни, не остановилась и передъ этимъ фактомъ: явилась брошюра Эмиля Жирардена, написанная въ опроверженіе брошюры ла-Героньера. Правительственная брошюра предполагаетъ достигнуть дипломатическимъ путемъ учрежденія независимой администраціи въ ломбардо-венеціанскихъ областяхъ, мечтаетъ о конфедераціи итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ папы. Жирарденъ доказываетъ несостоятельности этой утопіи, служившей прикрытіемъ для видимаго отступленія съ военнаго пути. Въ правительственной брошюрѣ говорилось, что война самое тяжелое средство для освобожденія Италіи, и потому должно идти къ этой цѣли мирными переговорами. Жирарденъ говоритъ, что война— не только тяжелое средство, а просто средство ни къ чему негодное; что войною невозможно освободить Италію, что нашествіе не можетъ дать итальянцамъ свободы, а только подчинитъ ихъ французскимъ учрежденіямъ, которыя не легче австрійскихъ. Брошюра ла-Героньера увѣряла, что во всякомъ случаѣ Франція не хочетъ завоеваній. Жирарденъ говоритъ, что война, начинаемая не для завоеваній, есть нелѣпость. Вотъ заключеніе его брошюры:

Digitized by Google

«Война бываетъ или наступательная, или оборонительная.

«Если она ни то, ни другое, она вооруженное вмѣшательство. А не бывало никогда примѣра, чтобы вооруженное вмѣшательство достигало своей цѣли и не оказывалось ошибкой.

«Если война оборонительная, она оправдывается законностью.

«Если война наступательная, она извиняется побѣдою.

«Побѣда безъ завоеваній,—безсмыслица.

«Хотятъ ли вмѣшаться въ ссору римлянъ съ ихъ правительствомъ и отдать ломбардцевъ Піэмонту? Если такъ, мы говоримъ: «не воюйте».

«Хотятъ ли отмстить за Ватерлоо, возвратить Франціи лѣвый берегъ Рейна? Если такъ, мы говоримъ: «воюйте».

«Или война съ ея завоеваніями, или миръ съ его прогрессомъ».

Доказывая, что война со стороны Франціи должна быть непремѣнно завоевательною, Эмиль Жирарденъ ставитъ для войны цѣль, признаться въ которой никакъ не хотятъ, потому что сказать: „Франція хочетъ захватить часть Рейнскихъ провинцій Пруссіи и часть Баваріи“, значитъ вызвать противъ Франціи общую европейскую коалицію. Эмиль Жирарденъ объясняетъ Европѣ, что она никакъ не можетъ не вооружиться вся противъ Франціи, подъ какимъ бы предлогомъ ни начала Франція войну; онъ доказываетъ, что война не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ завоеваній; онъ объясняетъ Франціи, что вся Европа будетъ противъ нея, потому что непремѣнно предположитъ въ войнѣ завоевательную цѣль. Эта брошюра въ три дня имѣла три изданія, каждое въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Намъ остается теперь обозрѣть общее положеніе дѣлъ около 14 февраля (нашего стиля), когда мы пишемъ эту статью.

Военныя приготовленія производятся во Франціи, Сардиніи и Австріи съ величайшею дѣятельностью. Сардинская армія готова дать битву, хоть нынѣ же. Австрія усилила свою армію въ Италіи до 150.000 человѣкъ, такъ что сардинцамъ нельзя будетъ удержаться и нѣсколько дней, если они откроютъ войну до прибытія изъ Франціи очень сильныхъ подкрѣпленій. На угрозу Франціи, что къ 1 іюля она можетъ имѣть подъ ружьемъ около 700.000 человѣкъ, изъ которыхъ около 500,000 можетъ послать за границу, Австрія отвѣчала, что сама имѣетъ почти такое же число войскъ и въ случаѣ оборонительной войны будетъ имѣть союзницею всю Германію, которая выставитъ еще столько же войска, такъ что противъ французовъ двинется около 800.000 австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Франція готовитъ въ Тулонѣ и Марсели огромное число судовъ для перевозки войскъ въ Италію, усилила римскій гарнизонъ и, какъ говорятъ, собрала 80-тысячную армію на сардинской границѣ, для движенія по другой стратегической линіи, сухимъ путемъ, черезъ Альпы. Всѣ французскіе арсеналы кипятъ работою. Въ Венсенѣ отливается 650 пушекъ новой системы, такъ называемыхъ нарѣзныхъ орудій, столько же превосходящихъ обыкновенныя пушки, какъ штуцеръ простое ружье. Главная дѣятельность Англіи состоитъ въ дипломатическихъ переговорахъ для предотвращенія войны; но и Англія сильно вооружается. Болѣе всего старается она, конечно, объ усиленіи флота и укрѣпленіи своихъ береговъ. Но и для сухопутныхъ наступательныхъ дѣйствій она готовитъ средства. Довольно сказать, что, кромѣ всѣхъ другихъ, простыхъ и нарѣзныхъ орудій,

Digitized by Google

она приготовляетъ 200 эрмстронговыхъ пушекъ, которыя изобрѣтены, можно сказать, на-дняхъ и несравненно выше обыкновенныхъ нарѣзныхъ пушекъ, извѣстныхъ на континентѣ [1]).

Приготовленія къ войнѣ уже требуютъ займовъ во всѣхъ четырехъ государствахъ, приготовляющихся къ борьбѣ. Говорятъ, что англійское правительство сдѣлаетъ заемъ въ 10 или 12 милліоновъ фунтовъ (65—80 милліоновъ рублей), если вѣроятность войны не исчезнетъ въ скоромъ времени. Но это еще только предположеніе, а французское правительство уже ведетъ переговоры о займѣ въ 750 милліоновъ франковъ (185 милліоновъ рублей). Говорятъ, что оно согласно заключить его (по 3%) по курсу 60 франковъ. Это составило бы уже около 20% потери сравнительно съ курсомъ 31 декабря. Но Англія и Франція богаты, онѣ еще только думаютъ о займѣ; и Франція, вѣроятно, а Англія, безъ всякаго сомнѣнія, не встрѣтятъ неудачи въ полученіи нужныхъ имъ денегъ. Австрія и Сардинія бѣднѣе; обѣ онѣ уже теперь заключили займы, и Австрія, нѣсколькими днями предупредившая свою итальянскую соперницу, уже потерпѣла рѣшительную неудачу, которая навѣрное ждетъ и Сардинію. Заемъ былъ заключенъ съ фирмою лондонскаго Ротшильда и долженъ былъ производиться на лондонской биржѣ. Еще 3 января австрійскіе 5-процентные фонды стояли на 9½; заемъ объявленный въ началѣ февраля былъ негоціированъ уже только по 80, да и по этому курсу не пошелъ. Несмотря на отсрочку въ подпискѣ, она не достигла предположенной цифры 6.000.000 фунтовъ (38 милліоновъ руб. сер.), — говорятъ, будто вся подписка не простирается выше 1½ милліона фунтовъ; операція вѣроятно кончится большими убытками для Ротшильда. А если бы заемъ пошелъ, Австрія готовилась заключить еще новый заемъ на 4.000.000 фунтовъ. Сардинскій заемъ (2 милліона фунтовъ), также заключаемый въ Лондонѣ, еще не былъ объявленъ на биржѣ до того числа, за которое мы теперь имѣемъ извѣстія; но по всей вѣроятности его ждетъ участь столь же горькая. Сардинскіе фонды на лондонской биржѣ падаютъ съ новаго года еще сильнѣе австрійскихъ.

Въ этой трудности получать деньги на веденіе войны находится одно

---

[1]) По опытамъ, какіе произведены были въ послѣднее время въ Англіи, эрмстронгова пушка имѣетъ изумительную вѣрность и дальность выстрѣла: она бьетъ съ такою же точностью прицѣла, какъ штуцеръ. Въ мишень 9 дюймовъ въ квадратѣ, на дистанціи 450 саженъ, она попадаетъ третьимъ ядромъ. Лафетъ ея устроенъ такъ, что послѣ выстрѣла она сама собой приходитъ въ прежнее положеніе, такъ что вновь наводить ее не нужно,—второй выстрѣлъ безъ прицѣливанья бьетъ въ тоже самое мѣсто, какъ первый. Вѣрный прицѣлъ простирается на разстояніе 5 верстъ. Полная дальность выстрѣла простирается до 8 верстъ. Эти данныя относятся къ пушкѣ 12 фунтоваго калибра. Но заряжается она не ядрями, а продолговатыми кусками желѣза, такъ что при 12-фунтовомъ калибрѣ вѣсъ ея снаряда простирается до 2 пудовъ. Очень вѣроятно, что въ описаніи достоинствъ ея есть преувеличеніе; но что дѣйствительно она даетъ результаты далеко не достижимые для обыкновенныхъ нарѣзныхъ орудій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Устройство ея содержится въ тайнѣ: извѣстно только, что она построена совершенно не по той формѣ, какъ нынѣшнія простыя или нарѣзныя орудія, и видомъ своимъ походитъ не на пушку, какія мы знаемъ, а на гигантское ружье. Если справедливо, что послѣ выстрѣла и слѣдующаго за нимъ отката она приводится самымъ механизмъ своего лафета въ прежнее положеніе, такъ что не нужно ее наводить вновь, это одно преимущество могло бы сдѣлать безсильными передъ нею не только простыя пушки, но и нарѣзныя орудія другихъ системъ.

Digitized by Google

изъ ручательствъ сохраненія мира, выставляемыхъ людьми не хотящими вѣрить въ войну. Къ сожалѣнію, деньги для начатія войны всегда умѣютъ находить, какъ бы трудно ни казалось это. Будутъ, пожалуй, дѣлать 5-процентные займы по курсу 50% или еще ниже, а все-таки начнутъ войну, если захотятъ. Вѣдь и по условіямъ нынѣшняго займа Австрія, записывая въ капиталъ долга 6 милліоновъ фунтовъ, должна была получить только 4 милліона,—иначе сказать; соглашалася давать $7^1/_2$% — это не остановило ее,—будутъ платить и по 10%, за этимъ дѣло не станетъ.

Другою надеждою на сохраненіе мира выставляются переговоры, которые ведетъ Англія съ враждующими державами. Въ какомъ положеніи находятся онѣ теперь? Публика знаетъ далеко не все, что есть, предполагаетъ многое, чего нѣтъ, и можетъ ручаться за совершенную достовѣрность только очень немногихъ свѣдѣній изъ числа тѣхъ, которыя доходятъ до нея. Но сколько извѣстно, дипломатическое положеніе вопроса около 15 февраля новаго стиля было слѣдующее: англійское министерство говоритъ, что оно получило отъ Австріи обѣщаніе не начинать войны, отъ Франціи обѣщаніе не помогать Піэмонту, если онъ начнетъ войну. Извѣстно, впрочемъ, что въ политикѣ каждый день являются непредвидѣнные случаи, изъ которыхъ каждымъ можно воспользоваться, чтобы не нарушая обѣщанія, сдѣлать не то, чего не хотѣлъ бы, а то, чего хочешь. Нападеніе можетъ быть сдѣлано такъ, что его легко будетъ выставлять вовсе не нападеніемъ, а только обороною. Для объявленія войны всегда можетъ быть найденъ предлогъ, не входившій въ число случаевъ, относительно которыхъ было дано обѣщаніе. Кто бы напримѣръ могъ ожидать, что вмѣсто ломбардо-венеціанскихъ областей поводомъ къ разрыву будутъ выставляться сербскія дѣла или состояніе Папской Области? Сербскія дѣла теперь сошли съ дипломатической сцены; въ какомъ же положеніи находится вопросъ о занятіи иностранными войсками Папской Области? Лондонскій кабинетъ посылалъ въ Парижъ, въ Вѣну и въ Туринъ ноты, убѣждавшія къ сохраненію мира. Говорятъ, что Англія объявляла Сардиніи свое намѣреніе поддерживать Австрію въ случаѣ войны; говорятъ, что графъ Кавуръ отвѣчалъ объявленіемъ невозможности для Сардиніи измѣнить свою прежнюю политику. Говорятъ, что вѣнскій дворъ, напротивъ того, отвѣчалъ выраженіемъ готовности вывести изъ легатствъ австрійскія войска, если того хочетъ Франція. Этотъ отвѣтъ говорятъ, былъ сообщенъ изъ Лондона въ Парижъ; но какъ приняла его Франція, еще неизвѣстно въ ту минуту, когда мы пишемъ.

Итакъ, будетъ или не будетъ война? Мы уже говорили, что до сихъ поръ достовѣрно знаетъ это только императоръ французовъ, да развѣ еще графъ Кавуръ. Но говорятъ многое многіе. Англичане не хотятъ увѣрить себя, что войны не будетъ. Въ Сардиніи почти всѣ увѣрены, что война будетъ. Въ Германіи и Австріи половина людей, посвященныхъ въ тайны больше другихъ, полагаетъ, что Франція запугана австрійско-нѣмецкими силами; другая половина говоритъ, что Франція медлитъ начатіемъ войны только благодаря вліянію Англіи, но недолго будетъ медлить. Въ самой Франціи большинство дипломатическихъ людей утверждаетъ, что война отсрочена,—до мая мѣсяца, по словамъ однихъ, чтобы докончить вооруженія,—до конца ны-

Digitized by Google

нѣшняго года, по словамъ другихъ, чтобы пріобрѣсти болѣе союзниковъ, дождаться измѣненія англійской политики въ пользу войны, и въ томъ же смыслѣ переработать общественное мнѣніе во Франціи. Но почти всѣ прибавляютъ, что этою отсрочкою неуменьшается неизбѣжность войны, вытекающая изъ необходимости отвлечь французскую мысль отъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта цѣль очень удачно достигается. Напрасно стали бы мы искать во французскихъ газетахъ нынѣшняго года того живого вниманія къ внутреннимъ вопросамъ, которое съ половины прошлаго года, каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю, все сильнѣе и сильнѣе выражалось журналистикою. Все вниманіе общества поглощено теперь итальянскимъ вопросомъ; внутреннія дѣла забыты.

И не только на Францію произвели такое дѣйствіе приготовленія къ войнѣ. И въ другихъ государствахъ Западной Европы этотъ вопросъ внѣшней политики сталъ на первый планъ, больше или меньше развлекъ общественное вниманіе и ослабилъ развитіе заботъ о внутреннихъ улучшеніяхъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, какъ непріятна старымъ аристократическимъ партіямъ Англіи парламентская реформа, которая послужитъ къ усиленію въ парламентѣ людей, желающихъ вывести правительство изъ-подъ устарѣвшей опеки нобльменовъ. Мы говорили, что особенно непріятна реформа для тори, которыхъ ослабитъ она и скорѣе, и гораздо въ большей степени, нежели виговъ. Лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли вздумали-было воспользоваться слухами о войнѣ, чтобы замять непріятный внутренній вопросъ. Хорошимъ ли разсчетомъ для нихъ самихъ было бы это, мы увидимъ ниже. Но уловка не удалась, потому что виги иначе поняли шансы, представляемые отсрочкой, и для общей пользы, и своей, и своихъ старинныхъ противниковъ тори, поддержали требованія реформеровъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Однако же лорду Дерби,—вездѣ, гдѣ мы будемъ писать по принятому правилу „лордъ Дерби", читатель долженъ понимать „мистеръ Д'Израэли", потому что Д'Израэли истинный руководитель министерства, въ которомъ номинальнымъ главою считается лордъ Дерби,—удалось сдѣлать проволочку на цѣлыя двѣ недѣли, и вмѣсто того, что бы пренія о реформѣ могли бы начаться около 15 февраля (новаго стиля), теперь первое чтеніе билля, составленнаго правительствомъ, будетъ происходить 28 февраля. Такимъ образомъ въ настоящую минуту на сценѣ остается еще одна партія реформеровъ; она одна дѣйствуетъ, какъ одна дѣйствовала въ три предыдущіе мѣсяца, и наши извѣстія о ходѣ реформеннаго вопроса будутъ служить только продолженіемъ извѣстій, какія мы имѣли уже въ прошломъ мѣсяцѣ. Главнымъ лицомъ остается еще Брайтъ.

Читатель знаетъ, что живое движеніе реформенному дѣлу придалъ онъ своею рѣчью на Бирмингэмскомъ митингѣ, за которымъ, до конца прошлаго года, слѣдовало нѣсколько другихъ огромныхъ митинговъ въ большихъ городахъ Англіи и Шотландіи. Осенью прошлаго года старыя партіи никакъ не предполагали, чтобы вопросъ началъ принимать формы болѣе широкія, нежели какими хотѣли бы ограничить его нобльмены. Ихъ озлобленіе противъ человѣка, котораго считали они главнымъ виновникомъ такой бѣды, было безмѣрно; оно выразилось свирѣпыми нападеніями на Брайта отъ большей части газетъ большого формата, т. е. главныхъ газетъ. Надобно сказать въ объя-

Digitized by Google

сненіе дѣла нѣсколько словъ о характерѣ большихъ англійскихъ газетъ, относительно которыхъ обыкновенно говорится у насъ, какъ и на всемъ европейскомъ континентѣ, много фальшиваго.

Обыкновенно думаютъ, что англійскія газеты всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ ультраторійскихъ, очень либеральны. Оно, если хотите, отчасти и такъ, если сравнивать ихъ съ баварскими, неаполитанскими и т. п. Тоже отчасти справедливо это мнѣніе и по ихъ отношенію къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ Пруссію или Францію, гдѣ рѣчь идетъ объ упроченіи или введеніи такихъ учрежденій, которыя давно уже стали въ Англіи дѣломъ столь же непоколебимымъ, какъ напримѣръ, у насъ цивилизованный обычай дѣлать визиты на новый годъ и на пасху. Какъ у насъ не найдется не только журнала или газеты, но не найдется ни одного отдѣльнаго писателя, ни даже какого бы то ни было человѣка, который бы сталъ отвергать законность и пользу нынѣшняго правила не держать женщинъ въ заперти, а допускать ихъ въ общество мужчинъ, такъ въ Англіи никто не говоритъ противъ печатнаго обсужденія всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, противъ представительной формы, противъ митинговъ по общественнымъ дѣламъ. Мы хотимъ сказать, что по нѣкоторымъ вопросамъ англичане настолько же ушли впередъ противъ континента Западной Европы, насколько мы ушли впередъ отъ почтенныхъ людей, споровшихъ при Петрѣ Великомъ о томъ, дозволительно ли женщинѣ показываться на глаза имъ, добрымъ людямъ. Эти дѣла, въ которыхъ Англія опередила континентальную Европу, очень важны, въ томъ нѣтъ спора. Но допущеніе женщины въ общество также дѣло очень важное. Однако же никто не станетъ утверждать, чтобы мы уже достигли совершенства и отдѣлались отъ всѣхъ вопросовъ, замѣнивъ трепака, танцовавшагося мужчинами въ-одиночку, кадрилемъ, въ которомъ участвуютъ дамы; такъ точно и англичане, при всей прочности своихъ важныхъ пріобрѣтеній, еще далеко не достигли совершенства въ общественномъ устройствѣ, и есть въ ихъ жизни много чрезвычайно важныхъ вопросовъ, еще не получившихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Относительно этихъ вопросовъ большая часть главныхъ англійскихъ газетъ,—вовсе не либеральны. За примѣрами далеко ходить нечего, ихъ можно взять изъ дѣла о парламентской реформѣ. На континентѣ Европы каждый знаетъ, что необходимою принадлежностью выборовъ должна быть баллотировка, что безъ нея чрезвычайно многіе люди станутъ подавать голосъ по уклончивымъ соображеніямъ, въ противность собственному убѣжденію, и стало быть выборъ останется болѣе или менѣе пустою формальностью. Въ Англіи изъ десяти или двѣнадцати большихъ газетъ только — три (Morning Star органъ Брайта, Morning Advertiser, органъ радикаловъ, и Daily News, органъ болѣе умѣреннаго отдѣла реформеровъ) соглашаются на баллотировку; а изъ трехъ главныхъ политическихъ журналовъ (Quarterly Review, органъ тори, Edinburgh Review, органъ виговъ, и Westminster Review, органъ либераловъ, склоняющихся къ радикализму), ни одинъ не принимаетъ ея. Точно также, какой бы цензъ ни считалъ наилучшимъ кто нибудь изъ насъ, жителей континента, все-таки каждый понимаетъ, что если въ одномъ округѣ избирателей одна тысяча, а въ другомъ десять тысячъ, и населенія второй округъ имѣетъ въ десять разъ больше перваго, то второй округъ долженъ

Digitized by Google

выбирать десять депутатовъ, а первый только одного. И тутъ опять изъ большихъ газетъ согласны на такую простую истину только тѣ же три, и изъ трехъ журналовъ только одинъ (Westminster Review). А на европейскомъ континентѣ никто не отвергаетъ ни баллотировки на выборахъ, ни пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ избирателей и жителей.

Отчего же происходитъ такая странная нелѣпица во взглядѣ большинства англійскихъ газетъ на вопросы, повидимому, очень простые? Тутъ двѣ главныя причины. Во-первыхъ, англійскія учрежденія сложились такъ давно, что многое въ нихъ отъ измѣненія обстоятельствъ утратило смыслъ, а между тѣмъ вошло въ рутину. Отъ рутины, какъ извѣстно, очень трудно отказаться. Напримѣръ, подача голосовъ на выборахъ, черезъ записываніе именъ въ реестрѣ, ведетъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда баллотировки не знали. За неимѣніемъ этого лучшаго средства, ничего нельзя было сказать противъ выборовъ черезъ записку именъ. Теперь лучшее отвергается потому, что привыкли къ прежнему хорошему, образовавшемуся въ дурное съ теченіемъ времени. Англичане во многихъ случаяхъ похожи на человѣка, которому трудно понять, что апрѣль и понедѣльникъ надобно писать маленькой буквой, потому что онъ учился грамматикѣ еще въ тѣ времена, когда она велѣла писать эти слова большой буквой. Попробуйте растолковать такому господину, что онъ дѣлаетъ ошибку противъ орѳографіи. „Нѣтъ, говоритъ онъ, я твердо знаю грамматику“. Въ томъ-то и бѣда, что грамматика съ той поры во многомъ исправилась.

Другая причина та, что почти всѣ англійскія газеты находятся въ зависимости отъ старыхъ партій, которыя въ свое время были хороши, а теперь обветшали. И газеты эти въ свое время были либеральныя, а теперь оказываются очень отсталыми, и главное—по необходимости враждебными всему, что грозитъ опасностью для старыхъ партій. Это случай совершенно въ томъ родѣ, какъ если бы до сихъ поръ продолжалъ существовать покойный Подшиваловъ и до сихъ поръ продолжалъ издавать свой, прекрасный по тогдашнему времени, журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, лучшимъ украшеніемъ котораго были стихи Хераскова.

Отчего же газеты съ отсталыми мнѣніями держатся такъ крѣпко? Причинъ на это много. Укажемъ только одну: власть до сихъ поръ была исключительно въ рукахъ старыхъ партій. Чего ищетъ читатель въ газетѣ? Ищетъ извѣстія о политическихъ новостяхъ и о намѣреніяхъ правительства или сильныхъ государственныхъ людей. Само собою разумѣется, всѣ эти свѣдѣнія вѣрнѣе и полнѣе всего получаются тѣми газетами, которыя служатъ органами для сильныхъ парламентскихъ партій, попеременно имѣющихъ власть. Притомъ до послѣдняго времени, до уничтоженія штемпеля, въ Англіи почти не было возможности являться новымъ газетамъ.

Но все это мы говоримъ въ объясненіе факта, почему большинство англійскихъ газетъ значительнаго объема держится очень отсталыхъ мнѣній; а собственно говоря, намъ нужно было указать только этотъ фактъ. Мы не думаемъ уменьшать достоинствъ англійскихъ газетъ: свѣжестью, подробностью и полнотою своихъ извѣстій, точностью и добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ, просторомъ, какой даютъ онѣ всякому постороннему замѣчанію на свои

Digitized by Google

сужденія въ своихъ же столбцахъ, а главное прямотою языка онѣ возвышаются надъ континентальными газетами неизмѣримо. Даже въ лучшія времена французской журналистики, французскія газеты не равнялись въ этихъ качествахъ съ англійскими. Но мы теперь говоримъ только о широтѣ и свѣжести ихъ взгляда на тѣ вопросы, которые выходятъ изъ круга англійской рутины. Тутъ въ огромномъ большинствѣ ихъ не ищите ясности взгляда: обо всемъ томъ, что еще не принято въ англійскую рутину, изъ десяти газетъ восемь навѣрное держатся такихъ мнѣній, которыя даже въ Россіи каждый образованный человѣкъ называетъ отсталыми.

По этой отсталости, а главное по принадлежности большинства англійскихъ газетъ къ старымъ партіямъ, читатель можетъ предположить, съ какимъ ожесточеніемъ напали онѣ на Брайта, придавшаго сильное движеніе дѣлу, подрывающему прежнее исключительное владычество ноблъменовъ надъ государственною жизнью. Люди рутины никогда не затрудняются выборомъ обвиненій противъ человѣка, кажущагося вреднымъ для рутины: эти обвиненія готовы къ употребленію для всякаго желающаго, по всевозможнымъ дѣламъ: со временъ Будды Шакьямуни всѣ люди, желавшіе улучшеній въ общественной жизни, подвергались обвиненіямъ въ сумасбродныхъ замыслахъ, въ утопизмѣ, въ возстановленіи сословія противъ сословія, въ намѣреніи ниспровергнуть отечественные законы, въ недостаткѣ любви къ отечеству, въ униженіи отечества передъ чужими землями, въ желаніи уничтожить собственность, въ разрушеніи общественнаго спокойствія, въ стремленіи подвергнуть родину смутамъ, мятежамъ и такъ далѣе. Разумѣется, къ Брайту прямо были приложены всѣ эти готовыя прикрасы. Мы приведемъ на выдержку нѣсколько милыхъ выраженій изъ Times'a, сильнѣйшей англійской газеты, которая, надобно замѣтить, очень нерасположена къ тори, слѣдовательно, еще не такъ горячится, какъ многія другія изъ значительныхъ газетъ. У насъ подъ руками Times съ начала нынѣшняго года. Беремъ же первый нумеръ и прямо попадаемъ на статью, выражающуюся такимъ манеромъ: „Демагогъ (т. е. Брайтъ), стремящійся разрушить основанія конституціи“; „его лживыя и возмутительныя пасквильныя рѣчи“; „Бирмингэмскій демагогъ“; „мистеръ Брайтъ, принципами котораго мы гнушаемся“; „его легкомысленныя клеветы направлены противъ всей собственности и образованности нашего отечества“ (а кстати, о собственности, надобно замѣтить, что Брайтъ очень богатый человѣкъ); „принципы, имъ высказанные—принципы человѣка, стремящагося низвергнуть все зданіе политическаго общества. Ученіе, имъ проповѣдуемое, то самое ученіе, которое по исторіи и опыту оказалось разрушительнымъ для собственности, свободы и порядка“; „онъ извращаетъ мысли своихъ слушателей ложью и разжигаетъ страсти ихъ реторикою“; „онъ лицемѣрно называетъ себя защитникомъ простолюдиновъ, изрыгая площадныя пошлости“; „онъ говоритъ съ чернью, на невѣжество которой разсчитываетъ“; „эти дерзкія и злонамѣренныя лжи возбудили негодованіе и отвращеніе по всей Англіи, въ разсудительныхъ людяхъ всѣхъ сословій, отъ низшаго до высшаго“; „должно противиться дѣйствію яда, столь безчестно изливаемаго“; „гнуснѣйшее плутовство, плутовство демагога, который похищаетъ у людей смыслъ, становясь сводникомъ для страстей“; „это

Digitized by Google

возмутительная ложь“; „дѣло свободы подрывается, истина грубо насилуется, справедливость постыдно оскорбляется“. Эти любезные отзывы всѣ набраны нами съ одного только столбца Times'а, а столбцовъ на страницѣ этой газеты цѣлыхъ шесть, а страницъ въ каждомъ нумерѣ газеты восемь, — сколько же пріятностей о Брайтѣ могло помѣститься въ одномъ нумерѣ этой газеты?

Какъ должны быть переносимы такія оскорбленія, и чѣмъ могутъ быть опровергнуты такія обвиненія, это скажетъ намъ Кобденъ въ письмѣ, которымъ передъ отъѣздомъ въ Америку выражаетъ совершенное свое согласіе съ биллемъ Брайта:

«Наблюдая изъ моего уединенія за ходомъ дѣла, предпринятаго мистеромъ Брайтомъ, я пораженъ сходствомъ испытанія, которому онъ подвергается, съ тѣмъ, которому подвергался я въ первыя времена Лиги для отмѣненія хлѣбныхъ законовъ; то же самое искаженіе и побужденій и словъ, тотъ же самый лицемѣрный ужасъ относительно судьбы, какую готовитъ онъ монархической власти, церкви, аристократіи и собственности. Я терпѣлъ все это, какъ терпитъ теперь онъ; и если онъ будетъ твердо идти своимъ путемъ нѣсколько лѣтъ, пока его проектъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, станетъ закономъ,—въ чемъ нельзя сомнѣваться,—тогда онъ испытаетъ, какъ и я испыталъ, болѣе пріятную сторону своего дѣла. Когда каждый увидитъ, что вмѣсто всѣхъ предсказываемыхъ бѣдствій изъ его реформы проистекаетъ только увеличеніе безопасности, довольства и благосостоянія, тогда онъ найдетъ, что изъ десяти человѣкъ, выражающихъ нынѣ величайшій ужасъ къ нему, девятеро наперерывъ побѣгутъ поздравлять его съ успѣхомъ его дѣла. Мало того,—пожимая ему руку, они станутъ утверждать, что всегда были согласны съ нимъ въ принципахъ, и жалѣть только о томъ, что съ самаго начала они и онъ не поняли другъ друга. Эти двѣ полосы бываютъ въ судьбѣ всѣхъ тружениковъ политическаго прогресса, и нашъ другъ имѣетъ такъ много опытности подобнаго рода, что не будетъ ни удивленъ, ни огорченъ тѣмъ, что происходитъ нынѣ».

За что однако такія сильныя выраженія ужаса и ненависти? Чего требуетъ партія реформеровъ черезъ билль, предлагаемый Брайтомъ?

Послѣ нѣсколькихъ митинговъ, имѣвшихъ цѣлью поднять вопросъ, Брайтъ въ концѣ прошлаго года удалился на нѣсколько недѣль въ свой кабинетъ, чтобы въ совѣщаніяхъ съ другими главными людьми реформерской партіи приготовить билль для предложенія парламенту. Это дѣло многосложное, требующее статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Когда билль былъ готовъ, Брайтъ объявилъ, что явится на митингъ въ Бредфордѣ 17-го января, чтобы изложить главныя основанія своего проекта. Въ приложеніи къ этой статьѣ мы помѣщаемъ обширное извлеченіе изъ бредфордской рѣчи, потому что она очень важна, показывая границы желаній, кажущихся для настоящаго времени практичными главнымъ людямъ той парламентской партіи, которая стремится къ реформѣ. Притомъ бредфордская рѣчь очень полно излагаетъ смыслъ всѣхъ тѣхъ подробностей вопроса, которыя мало извѣстны намъ, жителямъ континента; она интересна и потому, что можетъ служить образцомъ краснорѣчія, которымъ прославился и Брайтъ. Самыя замѣтныя качества этого оратора, наряду съ которымъ въ Англіи нынѣ можно поставить только Гледстона, ясность и простота. Предоставляемъ читателю познакомиться съ подробностями билля изъ рѣчи самого Брайта; здѣсь мы только укажемъ главныя черты его проекта.

Билль составленъ въ духѣ гораздо болѣе умѣренномъ, нежели какъ

Digitized by Google

можно было ожидать. Брайтъ въ опредѣленіи ценса и въ опредѣленіи нормы, ниже которой города должны потерять право имѣть особенныхъ депутатовъ, не хотѣлъ идти далѣе тѣхъ мнѣній, которыя приняты даже многими вигами. Но гораздо важнѣе, нежели пониженіе ценса кажется ему введеніе баллотировки вмѣсто открытой подачи голосовъ, и способъ распредѣленія между городами и графствами тѣхъ депутатовъ, которыхъ предполагаетъ онъ взять у слишкомъ маленькихъ городовъ. Въ этомъ онъ совершенно правъ: безъ баллотировки избиратели не будутъ самостоятельны; а если депутаты, взятые у маленькихъ городовъ, будутъ переданы графствамъ, то большіе города не получатъ надлежащаго участія въ составленіи Палаты Общинъ, и большинство депутатовъ по прежнему останется въ зависимости отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. Брайтъ предлагаетъ взять депутатовъ у городовъ, имѣющихъ менѣе 8.000 населенія, и оставить только по одному депутату городамъ, имѣющимъ отъ 8.000 до 16.000 населенія. Такимъ образомъ очищается 130 депутатскихъ мѣстъ. Изъ нихъ 104 предлагаетъ Брайтъ раздать большимъ городамъ, которые до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало представителей. Самые большіе города (Манчестеръ, Ливерпуль, Глэзго и два изъ избирательныхъ округовъ Лондона, Финсбери и Мерильбонъ), имѣвшіе въ 1851 году, когда производилось послѣднее перечисленіе, каждый болѣе 316.000 населенія, а теперь имѣющіе каждый болѣе 400.000, получаютъ по 6 депутатовъ (до сихъ поръ они имѣли только по два, наравнѣ съ какимъ нибудь Гопитономъ, имѣющимъ менѣе 3.500 жителей). Другіе большіе города получаютъ также соразмѣрное своему населенію увеличеніе представителей; напримѣръ, Бирмингэмъ (232.000 жителей) долженъ имѣть четырехъ депутатовъ. Остальные 26 изъ освобождающихся депутатскихъ мѣстъ раздаются графствамъ, имѣющимъ наибольшее число жителей. Такимъ образомъ участіе въ составленіи парламента значительно уравнивается между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, впрочемъ такъ, что нѣкоторая выгода все-таки остается на сторонѣ сельскаго населенія, то есть большимъ землевладѣльцамъ подъ вліяніемъ которыхъ находятся фермеры и ихъ работники, все еще оставляется слишкомъ большое вліяніе на составъ Палаты Общинъ. Сельское населеніе будетъ имѣть по одному депутату отъ 55.000 человѣкъ, а 17 большихъ городовъ, взятые вмѣстѣ, будутъ имѣть по одному депутату на 62.000. Мы видимъ, что Брайтъ не вводитъ въ свой билль требованія той совершенной пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ населенія, какая принята всѣми конституціонными государствами на континентѣ, принята въ Соединенныхъ Штатахъ, происшедшихъ отъ Англіи, и въ Австраліи, остающейся англійскою колоніею. Онъ довольствуется пока тѣмъ, что отстраняетъ слишкомъ нелѣпыя крайности въ прежнемъ распредѣленіи, совершенно не соотвѣтствовавшемъ числу жителей въ избирательныхъ округахъ.

Точно также онъ не требуетъ въ настоящее время, чтобы каждому взрослому человѣку данъ былъ голосъ (manhood suffrage), какъ это принято въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, хотя въ теоріи признаетъ это справедливымъ. Онъ предлагаетъ только дать голосъ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые живутъ собственнымъ хозяйствомъ и не получаютъ пособія изъ по-

Digitized by Google

дати въ пользу бѣдныхъ (household suffrage); а всѣ такіе люди участвуютъ, соразмѣрно своему состоянію, въ платежѣ подати для бѣдныхъ; потому Брайтъ требуетъ, чтобы данъ былъ голосъ всѣмъ внесеннымъ въ списки лицъ, платящихъ эту подать (rating suffrase). То или другое основаніе будетъ принято, все равно, потому что почти нѣтъ людей, которые стояли бы не въ одинаковомъ отношеніи къ тому и другому основанію избирательнаго права. Принять второе основаніе (голосъ по подати) кажется Брайту болѣе удобнымъ на практикѣ, потому что податные списки уже готовы и провѣрять ихъ легче, нежели вновь составить и провѣрять списки по первому основанію. Но если голосъ по хозяйству покажется націи и парламенту лучшимъ основаніемъ, нежели голосъ по подати, Брайтъ не имѣетъ противъ этого никакихъ возраженій. Принимая голосъ по хозяйству или по подати вмѣсто голоса по совершеннолѣтію, Брайтъ дѣлаетъ чрезвычайную уступку вигамъ и тори. Онъ простираетъ свою уступчивость къ предразсудкамъ старыхъ партій до того, что и голосъ по хозяйству или подати требуются имъ только для городовъ. Въ деревняхъ земледѣльческіе работники развиты меньше городскихъ и менѣе настоятельны въ своихъ требованіяхъ; потому Брайтъ находитъ, что духъ сельскаго населенія допускаетъ сдѣлать старымъ партіямъ еще большую уступку и предлагаетъ для деревень квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ. (До сихъ поръ въ городахъ былъ квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ, а въ деревняхъ въ 50 фунтовъ, то есть получалъ голосъ въ городахъ только тотъ, кто занималъ квартиру цѣною не менѣе 10 фунтовъ въ годъ; мы говорили въ прошлый мѣсяцъ, что такимъ ценсомъ исключались отъ выборовъ всѣ простолюдины).

Такія умѣренныя основанія на первую минуту изумили людей старыхъ партій. Самъ Times, сильнѣйшій противникъ Брайта, не могъ на первый разъ удержаться отъ похвалы ему за практичность и умѣренность, и объявилъ, что отвергать основаній Брайтова билля нельзя, а можно только спорить съ его подробностями для ихъ исправленія.

Но чувство, особенно чувство признательности или довольства умѣренностью противника, проходитъ скоро. Дня черезъ два газеты старыхъ партій снова поднялись противъ Брайта; сильная брань на него продолжается до сихъ поръ и конечно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока партія реформеровъ усилится въ парламентѣ на столько, что составитъ билль съ гораздо меньшими уступками старымъ партіямъ. Тогда конечно виги и тори заговорятъ: „вотъ, Бредфордскій билль Брайта былъ хорошъ и мы съ удовольствіемъ его принимаемъ; а нынѣ Брайтъ (или кто другой, если кто другой станетъ вмѣсто его предводителемъ реформеровъ) требуетъ ужасныхъ и гнусныхъ вещей: хочетъ погубить свободу, водворить въ Англіи мятежи“ и т. п. и т. д., по тому самому списку прикрасъ, который мы извлекли изъ перваго нумера Times'а за нынѣшній годъ, и который изготовленъ искони вѣковъ для примѣненія къ каждому человѣку, желающему улучшеній.

Но возобновившаяся брань далеко уже не такъ свирѣпа, какъ та, которая раздавалась до Бредфордскаго митинга, и съ каждою недѣлею газеты старыхъ партій дѣлаютъ новыя уступки, хотя, разумѣется, гомеопатическими дозами. Да и нельзя не дѣлать Брайтову биллю нѣкоторыхъ уступокъ. Онъ дѣйствительно гораздо умѣреннѣе, нежели ожидали старыя партіи Это одно.

Digitized by Google

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что агитація въ пользу реформы быстро растетъ: недаромъ Брайтъ въ концѣ Бредфордской рѣчи говорилъ націи о необходимости поддерживать вопросъ о реформѣ; каждый день собирается по разнымъ городамъ Англіи и Шотландіи нѣсколько большихъ митинговъ, и всѣ они принимаютъ сильныя рѣшенія, выражающія согласіе съ основаніями, принятыми для реформы Брайтомъ. На дняхъ агитація перешла и въ Ирландію; а на восточномъ островѣ достигла уже очень значительныхъ размѣровъ. Третье обстоятельство, самое важное для удовлетворительнаго рѣшенія дѣла парламентомъ, заключается въ томъ, что выступаютъ на сцену тѣ отдѣлы реформерской партіи, которые идутъ гораздо далѣе Брайта, если не въ теоріи, то въ сужденіи о границѣ практическихъ требованій, осуществимыхъ въ настоящее время. Они говорятъ, что основанія Брайтова билля слишкомъ узки, что напрасно онъ сдѣлалъ такія большія уступки старымъ партіямъ. Въ приложеніи къ этому обзору мы помѣщаемъ отчетъ объ одномъ изъ такихъ митинговъ; онъ состоялъ изъ хартистовъ и главнымъ ораторомъ былъ Эрнестъ Джонсъ, знаменитый хартистскій агитаторъ. Митингъ происходилъ въ знаменитой Гильдейской Залѣ Лондонской Ратуши, – въ той залѣ, гдѣ происходятъ торжественнѣйшія церемоніи административной жизни города Лондона; гдѣ дается лордомъ мэромъ годичный обѣдъ министерству при окончаніи парламентской сессіи; гдѣ лордъ-мэръ принимаетъ королеву, когда, пріѣзжаетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяину своей столицы. Самъ лордъ-мэръ, хотя разумѣется вовсе не хартистъ, почелъ обязанностью предсѣдательствовать на митингѣ. Кстати, вотъ за это нельзя не отдать чести всѣмъ англичанамъ, въ томъ числѣ и англичанамъ старыхъ партій. До сихъ поръ читатели слышали насъ говорящими только о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ англійской общественной жизни. Мы не спѣшили хвалить ее, потому что отъ похвалъ ей никакъ не уйдешь, сколько ни брани ее. Подумаемъ хоть бы объ этомъ митингѣ. Собираются люди такого сословія, что большинство ихъ, по выраженію переведеннаго нами отчета, „очевидно не принадлежитъ къ числу избирателей“, т. е. не занимаетъ, даже въ Лондонѣ, гдѣ квартиры такъ дороги, квартиръ цѣною въ 60 рублей за годъ, или въ 5 рублей за мѣсяцъ. Эти люди собираются выразить свое согласіе на такія мнѣнія, которыхъ не раздѣляетъ даже Брайтъ, — а что за человѣкъ Брайтъ, видимъ по аттестату, выписанному у насъ изъ Times'а. Но эти люди — граждане города Лондона, и потому городское управленіе предлагаетъ ихъ собранію великолѣпную залу торжественныхъ церемоній, и глава городскаго управленія, великій сановникъ, уступающій въ оффиціальной важности развѣ тремъ - четыремъ главнѣйшимъ министрамъ, идетъ предсѣдательствовать на этотъ митингъ, чтобы блескомъ своего сана придать ему новое значеніе. Зато по окончаніи митинга эти хартисты вотируютъ ему благодарность съ громкими аплодисментами. Такъ вообще держитъ себя власть въ Англіи; за то люди всѣхъ мнѣній и желаютъ добра этой власти, и напримѣръ Эрнестъ Джонсъ, который по своимъ убѣжденіямъ въ милліонъ разъ демократичнѣе континентальныхъ мятежниковъ, дѣйствительно не имѣетъ и на умѣ, не только не скажетъ на словахъ, ничего противъ королевы, хоть могъ бы говорить о ней какъ ему угодно; и не только

Digitized by Google

не имѣетъ ничего противъ нея, напротивъ готовъ защищать ее въ случаѣ надобности,—впрочемъ мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что въ Англіи королева не имѣетъ ни одного врага; да и власть ея также.

Въ отчетѣ, который мы перевели, рѣчь Джонса изложена очень неудовлетворительно: слишкомъ коротко, безсвязно и довольно безтолково. Но лучшаго отчета мы не нашли въ газетахъ, бывшихъ у насъ подъ руками, а содержаніе рѣчи казалось намъ довольно важнымъ для читателя, потому что выражаетъ отношеніе хартистовъ къ вопросу о реформѣ. Мы перевели отчетъ цѣликомъ, чтобы познакомить читателя съ формою, въ которой происходятъ митинги.

Партія хартистовъ заключаетъ въ себѣ большинство тѣхъ англійскихъ простолюдиновъ, которые доросли до политическихъ убѣжденій. Почти не имѣя представителей въ парламентѣ, она „за дверями парламента", какъ говорятъ англичане, считаетъ своихъ членовъ милліонами и составляетъ главную поддержку для реформеровъ, имѣющихъ болѣе умѣренный оттѣнокъ. Только сочувствіе массы выноситъ на плечахъ черезъ парламентъ каждый важный вопросъ, хотя люди, ведущіе дѣло въ правительственной сферѣ, то есть, если мы говоримъ объ Англіи, въ журналистикѣ и въ парламентѣ, имѣютъ образъ мыслей далеко отстающій отъ желаній массы. Тѣ милліоны, поддержкою отъ которыхъ держатся и двигаютъ впередъ свое дѣло реформеры Палаты Общинъ, требуютъ въ составѣ парламента перемѣнъ гораздо большихъ, нежели какія предлагаетъ своимъ биллемъ Брайтъ. До половины января эти люди не выступали на сцену самостоятельнымъ образомъ. Теперь, какъ видимъ, агитація проникла въ глубину народной жизни уже на столько, что обняла эти низменные слои народонаселенія, и явились ораторы, служащіе прямыми выразителями чувствъ простолюдина; они говорятъ, какъ мы видѣли, что билль Брайта грѣшитъ излишней уступчивостью. Вотъ именно это предъявленіе желаній, идущихъ гораздо дальше, служитъ для старыхъ партій сильнѣйшимъ побужденіемъ по немногу претворять на милость свой гнѣвъ противъ Брайта.

Главная трудность при составленіи его билля была та, чтобы довести уступки старымъ партіямъ, именно до той границы, на которой проэктъ все еще можетъ пользоваться поддержкою самыхъ крайнихъ отдѣловъ партіи, желающей реформы; чтобы, увеличивая этою уступчивостью число защитниковъ билля въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, сохранить ему единогласную поддержку всей массы народа; сдѣлать такъ, чтобы билль пробуждалъ сочувствіе въ массахъ, не пугая самыхъ умѣренныхъ либераловъ въ парламентѣ. Брайтъ умѣлъ сдѣлать это, какъ человѣкъ, имѣющій опытность и талантъ въ политической тактикѣ. Хартисты, хотя и думаютъ, что слѣдовало бы требовать нынѣ большаго, нежели требуетъ Брайтъ, все-таки объявляютъ, что они поддерживаютъ его; а умѣренность билля пріобрѣтаетъ ему такое сочувствіе въ среднемъ и отчасти высшемъ сословіи, что старыя партіи принуждены по немногу становиться къ нему снисходительными. Но само собою разумѣется, что старыя партіи все-таки отвергаютъ и отвергнутъ билль Брайта.

*

Digitized by Google

Да и какъ не отвергать? При всей своей мягкости, онъ все-таки подрываетъ ихъ могущество.

По словамъ самого Брайта, сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобы почти всѣ депутаты, отнимаемые у маленькихъ городовъ, были переданы большимъ городамъ, потому что только черезъ это установится въ Палатѣ Общинъ нѣкоторое равновѣсіе между числомъ представителей всей огромной массы англійскаго населенія и числомъ депутатовъ, посылаемыхъ въ парламентъ нѣсколькими сотнями лендлордовъ, которые, безусловно владычествуя въ Палатѣ Лордовъ, имѣли до сихъ поръ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ третей голосовъ въ Палатѣ Общинъ. Именно на эту часть Брайтова билля и возстаютъ старыя партіи самымъ сильнымъ образомъ. Противъ увеличенія числа избирателей онѣ говорятъ мало, готовы были бы простить Брайту баллотировку, но ни какъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что по его биллю число независимыхъ представителей націи въ Палатѣ Общинъ увеличится новыми 104 членами. Тутъ огорченіе старыхъ партій такъ велико, что Times могъ успокоить свое и ихъ негодованіе только составленіемъ своего особеннаго проэкта относительно распредѣленія депутатовъ: Times предлагаетъ очищающіяся депутатскія мѣста раздѣлить между большими городами и графствами почти по ровну. Брайтъ составилъ и обнародовалъ подробныя таблицы своего распредѣленія депутатовъ; противъ этихъ таблицъ Times выставилъ свои таблицы, столь же подробныя, такъ что парламентъ можетъ выбирать тотъ или другой планъ и пользоваться готовою работою Манчестерскаго фабриканта или Лондонской газеты.

О достоинствѣ работы Times'а а мы не будемъ говорить; она скопирована съ Брайтовыхъ таблицъ, которыя только передѣланы сообразно съ выгодами старыхъ партій; но любопытны два обстоятельства. При всей своей досадѣ на желаніе ослабить лендлордовъ, Times самъ беретъ изъ подъ ихъ вліянія очень большое число депутатовъ: изъ очищаемыхъ его таблицами депутатскихъ мѣстъ онъ отдаетъ 53 мѣста большимъ городамъ. Къ чему же служатъ проклятія противъ нововводителей, когда защитники старины также предлагаютъ нововведенія и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ нововводители? Вся разница тутъ въ объемѣ нововведенія, т. е. во времени: по Times'у производится ровно половина того, что предлагаетъ Брайтъ, т. е. дѣло придетъ къ тому же, только не въ одинъ, а въ два пріема, т. е. понадобится на достиженіе полнаго результата вдвое больше времени; въ этомъ и вся разница между выигрышемъ и проигрышемъ дѣла партіею реформы. Ея пораженіе—половинная побѣда, съ нѣкоторою отсрочкою полной побѣды: побѣда рутинистовъ—половинное пораженіе съ нѣкоторою отсрочкою полнаго пораженія. Такъ идутъ дѣла на свѣтѣ вездѣ и всегда; къ чему идетъ дѣло, къ тому непремѣнно прійдетъ; важность лишь въ томъ, на сколько удастся затянуть его.

Надолго ли можно затягивать, это мы увидимъ, когда станемъ говорить о парламентскихъ засѣданіяхъ 3 и 7 февраля.

Но вообще,—надолго ли или не на долго—можно затянуть только одну какую нибудь сторону дѣла, и именно этой затяжкой одной стороны подвигается впередъ другая сторона того же дѣла, и невдогадъ бываетъ оста-

Digitized by Google

навливающему, что онъ самъ ускоряетъ движеніе непріятнаго ему дѣла. Въ чемъ состоитъ цѣль реформеровъ?—въ освобожденіи націи отъ опеки лендлордовъ. Въ чемъ состоитъ эта опека?—въ томъ, что законы даются черезъ Палату Общинъ старыми партіями. Зависимость законодательства отъ виговъ и тори была до сихъ поръ такъ велика, что ни одинъ важный законъ не составлялся иначе какъ руками предводителя одной или другой изъ старыхъ партій, именно той, которая пользовалась большинствомъ въ парламентѣ и держала своихъ предводителей министрами. Теперь Брайтъ, который ни вигъ и ни тори и которому очень далеко отъ надежды быть министромъ, составляетъ полный проэктъ важнѣйшаго закона. Какая дерзость! По старому обычаю, онъ долженъ былъ только предложить Палатѣ Общинъ, чтобы она выразила въ общихъ фразахъ, что по ея мнѣнію полезно было бы составить проэктъ закона о парламентской реформѣ. Если бы Палата приняла это предложеніе съ согласія министерства, министерство само занялось бы составленіемъ проэкта; если бы Палата приняла предложеніе противъ согласія министровъ, прежнее министерство пало бы, министрами сдѣлались бы предводители другой изъ старыхъ партій, которая поддержала предложеніе противъ своей соперницы, и эти новые министры занялись бы составленіемъ проэкта. Наконецъ, если бы Палата отвергла предложеніе, тѣмъ дѣло и кончилось бы, и проэктъ закона, мысль о которомъ отвергнута, никто не сталъ бы и составлять. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ проэкты важныхъ законовъ составлялись только министрами, т. е. предводителями двухъ старыхъ партій; изъ другихъ людей никто не принимался за это дѣло, потому что было бы напрасно приниматься. Теперь Брайтъ, ни вигъ, ни тори, берется за дѣло, составлявшее привилегію вигистскихъ и торійскихъ предводителей. Старыя партіи и ихъ газеты, и чуть ли не больше всѣхъ газетъ Times, были возмущены такою дерзостью. „Кто такой мистеръ Джонъ Брайтъ? Вѣроятно, это новая фамилія лорда Росселя или лорда Дерби; потому что если подъ именемъ мистера Джона Брайта не надобно разумѣть одного изъ этихъ лордовъ, то напрасно этотъ джентльменъ берется не за свое дѣло“. Негодованіе прекрасное, совершенно соотвѣтствующее рутинѣ. Но что же мы видимъ? Раздраженная дерзостью этого „мистера Джона Брайта“, газета Times выставляетъ противъ его проэкта свой проэктъ,—это что значитъ? Развѣ газета Times лордъ Россель или лордъ Дерби? Развѣ она предводительница одной изъ двухъ парламентскихъ партій?—Нѣтъ, она просто газета, т. е. по рутинному этикету, нѣчто безконечно ничтожнѣйшее, нежели самый плохенькій членъ Палаты Общинъ. Брайтъ все-таки „депутатъ замка Бирмингэма“, все-таки частица оффиціальной законодательной власти, а газета Times, по старымъ понятіямъ, которыя она защищаетъ, просто нуль. Вотъ до чего дошла старая Англія! Газета,—подумайте только, газета,—вѣдь по обычаямъ старыхъ партій не принято выражаться въ парламентѣ о газетахъ иначе, какъ презрительнымъ тономъ: „газеты ничего не знаютъ; газеты только спекулируютъ на невѣжество публики; онѣ пишутся только для невѣждъ; кто же изъ достопочтенныхъ лордовъ и джентльменовъ вѣритъ газетамъ“; и т. д.,—такъ вотъ это ничтожное для парламента существо—газета—составило законъ и требуетъ, чтобы парламентъ принялъ его! Это ни на что не похоже! Она

Digitized by Google

вырываетъ изъ рукъ министровъ дѣло, составлявшее исключительную привилегію министровъ. Какая же польза защищать рутину, если защитники нарушаютъ ее еще болѣе рѣзкимъ образомъ, нежели противники? По рутинѣ Брайтъ и Times—ничтожны. Дѣйствительное ихъ могущество огромно. Чего требуетъ Брайтъ? Того, чтобы новымъ интересамъ и силамъ было дано пропорціональное участіе въ законодательствѣ. Times говоритъ: это гнусно и нелѣпо; и самъ, тоже новая сила, хочетъ давать законы старымъ партіямъ парламента.

Важнѣйшимъ обвиненіемъ противъ Брайта послѣ Бредфордскаго митинга осталось одно: стремленіе отнять у немногочисленныхъ лендлордовъ перевѣсъ въ Палатѣ Общинъ надъ голосомъ англійской націи. Ихъ владычество надъ сельскимъ населеніемъ прикрывается тою фразою, что говорятъ не объ интересахъ лендлордовъ, а объ интересахъ земледѣлія или сельскаго населенія, какъ будто бы интересъ фермеровъ и простыхъ землепашцевъ одинаковъ съ выгодами лендлордовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ между желаніями этихъ двухъ сословій совершенная противоположность. Кромѣ того, по общему обычаю отрицать существованіе тѣхъ фактовъ, которые намъ непріятны, газеты старыхъ партій говорятъ, что въ народѣ нѣтъ стремленія къ реформѣ, что Брайтъ безсиленъ, что онъ не можетъ двинуться на Лондонъ съ толпою въ 100.000 человѣкъ изъ Манчестера или Бирмингэма, какъ угрожали двинуться агитаторы, требовавшіе парламентской реформы въ 1832 году. Чтобы отвѣчать на эти и другія обвиненія, Брайтъ явился на новый большой митингъ 28 января въ своемъ родномъ городѣ Рочделѣ [1]). Это былъ послѣдній большой митингъ, на которомъ онъ хотѣлъ говорить до открытія парламента, и естественно было ему избрать для послѣдней своей бесѣды съ англійскимъ народомъ, передъ парламентскою борьбою, свой родной городъ. Мы представляетъ здѣсь заключеніе его Рочдельской рѣчи, которая начинается обращеніемъ къ собравшимся людямъ, которые знаютъ его съ дѣтства, чтобы они сказали, какой онъ человѣкъ. „Меня называютъ, говорилъ онъ, врагомъ англійскихъ законовъ и свободы; вы засвидѣтельствуйте, правда ли это“. Митингъ отвѣчалъ слѣдующимъ рѣшеніемъ:

«Настоящій митингъ желаетъ выразить глубокое уваженіе, которое питаютъ къ мистеру Джону Брайту, члену парламента, жители его родины. Рожденный и воспитанный среди насъ, членъ семейства, знаменитаго своею гуманностью и заботливостью объ улучшеніи физическаго и умственнаго состоянія своихъ многочисленныхъ работниковъ, онъ рано обнаруживалъ въ защитѣ и веденіи мѣстныхъ интересовъ тѣ великіе таланты и ту высокую честность, которые потомъ, въ болѣе обширной сферѣ и по вопросамъ національной важности, доставили ему всесвѣтную и вѣчную извѣстность. Признавая эти заслуги, жители его родины собрались теперь, чтобы увѣрить его въ симпатіи, которую они чувствовали къ нему во время его скорби и временнаго изгнанія [2]), увѣрить его въ радости своей о его выздоровленіи и возвращеніи въ парламентъ и выразить свою пламенную надежду, что ему дано будетъ не только привести

---

1) Рочдель,—большой вновь возникшій мануфактурный городъ подлѣ Манчестера, съ которымъ онъ такъ близокъ, что оба города вмѣстѣ составляютъ, можно сказать, одинъ городъ.

2) То есть, когда, во время крымской войны, всѣ кричали, что онъ измѣнникъ отечеству; когда потомъ Манчестеръ отнялъ у него званіе своего депутата, и больной Брайтъ долженъ былъ на время уѣхать въ Италію.

Digitized by Google

къ счастливому окончанію великое дѣло парламентской реформы, ввѣренное его заботѣ, но и получить единственную награду, какой онъ желаетъ,—видѣть въ слѣдующіе годы, что эта реформа содѣйствовала водворенію мира, счастія и благосостоянія между его согражданами».

Начало Рочдельской рѣчи посвящено подробному техническому разбору тѣхъ спеціальныхъ возраженій, какія дѣлались газетами противъ разныхъ частей его билля, и разбору плана, предлагаемаго Times'омъ. Брайтъ перебираетъ всѣ газетныя обвиненія, особенно тѣ, которыя взводились на него сильнѣйшею изъ англійскихъ газетъ, Times'омъ. Но, говоритъ онъ, все-таки дай Богъ, чтобы газеты больше занимались этимъ дѣломъ; онѣ помогаютъ пробужденію общественнаго мнѣнія; и хотя онѣ говорятъ теперь противъ насъ, онѣ приносятъ намъ пользу, сообщая извѣстія публикѣ, и вы скоро увидите, что онѣ измѣнятъ тонъ, какъ уже начали измѣнять его, потому что общественное мнѣніе высказывается за насъ, а противъ него газеты не могутъ долго идти. За техническимъ разборомъ спеціальныхъ возраженій противъ подробностей билля, слѣдуетъ вторая половина рѣчи, относящаяся къ разъясненію существеннаго вопроса,—къ разъясненію отношеній между городскимъ и сельскимъ населеніемъ и отношеній сельскаго населенія къ лендлордамъ, которые называютъ себя представителями сельскаго населенія. Мы переводимъ эту часть рѣчи по отчету, помѣщенному въ Times'ѣ.

«Я утверждалъ, что Палата Лордовъ собственно представительница большихъ землевладѣльцевъ, а не сельскаго населенія, не фермеровъ, не земледѣльцевъ. Если бъ это нуждалось въ подтвержденіи авторитетомъ, я сослался бы на лорда Маколея, который, будучи мистеромъ Маколеемъ, говорилъ во время преній о реформѣ 1832 года: «Наше рѣшеніе, рѣшеніе Палаты Общинъ, есть рѣшеніе націи. Рѣшеніе Лордовъ едва ли можно считать рѣшеніемъ даже сословія большихъ поземельныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ обыкновенно выбираются пэры и представителями которыхъ они въ сущности должны считаться». Вотъ именно это я и утверждалъ; именно то, что Палата Лордовъ представительница желаній, мнѣній,—если угодно предразсудковъ,—большихъ землевладѣльцевъ (аплодисменты). Теперь, станетъ ли кто спорить со мною, что всѣ интересы въ нашей странѣ,—свободной странѣ, имѣютъ одинаковое право на справедливое представительство въ парламентѣ и на справедливое законодательство отъ парламента? И если поземельная собственность имѣетъ огромный перевѣсъ въ одной изъ двухъ палатъ парламента, чего никто не отрицаетъ, то она не имѣетъ никакого права претендовать,—и мы просимъ ее обдумать это, пока есть время (аплодисменты), не имѣетъ никакого права претендовать на то, что должна имѣть также перевѣсъ и въ другой палатѣ. Эти споры, если только народъ вслушается въ нихъ, выведутъ народъ на хорошую дорогу. Они ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ вопросу о равныхъ избирательныхъ округахъ [1]), ведутъ также къ вопросу о конституціонныхъ перемѣнахъ въ составѣ Палаты Лордовъ [2]) (такъ, такъ!),—вопросъ, котораго я теперь не хочу разсматривать и который еще не предложенъ публикѣ. Въ первой рѣчи своей, которую я говорилъ въ Бирмингэмѣ, я сказалъ, что вопросъ, на который слѣдуетъ вамъ обратить вниманіе при реформированіи Палаты Общинъ, вотъ въ чемъ: должны ли лорды и большіе поземельные собственники, съ которыми лорды связаны и представителями которыхъ служатъ, — должны ли *они* управлять англійскимъ народомъ черезъ Палату Общинъ, или черезъ Палату Общинъ долженъ управлять собою *самъ* англійскій народъ? (аплодисменты). А теперь я вамъ скажу, что въ этомъ вопросѣ споръ не

[1]) Т. е. къ составленію билля на основаніи, предлагаемомъ хартистами.
[2]) Т. е. къ тому, чтобы члены Верхней Палаты избирались народомъ, какъ члены Палаты Общинъ.

Digitized by Google

между нами, жителями городскими, и сельскими жителями. Сельскіе жители,—это маленькіе собственники (*freeholders*), бывшіе опорою друзей свободы до реформы 1832 года. Да и сами фермеры не огорчаются нашими намѣреніями. Большіе собственники огорчаются,—это можетъ быть, но сельскій народъ вовсе не огорчается; да и какъ ему огорчаться? Посмотрите на политическое положеніе фермеровъ; для фермера выборы время не очень сладкое (такъ, такъ). Къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо знаемъ, что заниматься политикой, составлять себѣ совѣстливыя убѣжденія, имѣть желаніе честно исполнять обязанность избирателя.—все это подводитъ фермера подъ такое замѣчаніе, отъ котораго недалеко до мученичества. Какъ вы думаете, доставятъ ли когда фермерамъ какую нибудь выгоду тѣ, которыхъ называютъ представителями поземельнаго интереса? Если фермеры когда нибудь пріобрѣтутъ свободу, если когда пріобрѣтутъ они что нибудь, напримѣръ, облегченіе въ налогахъ, справедливое распредѣленіе податей, отмѣну законовъ объ охотѣ, самостоятельность черезъ баллотировку (аплодисменты),—если они пріобрѣтутъ что-нибудь такое, то ужъ навѣрное не отъ депутатовъ поземельной собственности, а развѣ благодаря силѣ и союзу городскихъ жителей, любящихъ свободу и добывающихъ ее себѣ и другимъ (аплодисменты). Въ прошлые годы, какъ вы знаете, я сильно участвовалъ въ вопросѣ относительно законовъ объ охотѣ (аплодисменты). Я былъ членомъ комитета Палаты Общинъ по этому вопросу. Мы призывали въ комитетъ многихъ почтенныхъ фермеровъ. Я получалъ сотни писемъ отъ фермеровъ изо всѣхъ концовъ королевства. Какъ вы думаете, если бы депутаты отъ графствъ были въ самомъ дѣлѣ представителями фермеровъ, представителями землепашцевъ, продержались бы нынѣшніе законы объ охотѣ хотя одну сессію? (нѣтъ, нѣтъ). Фермеръ беретъ ферму, набитую звѣрями, которыхъ не смѣетъ онъ тронуть пальцемъ (хохотъ): это дичь для собственника фермы, и фермеръ, или его сынъ, не могутъ ходить по той самой землѣ, которую наняли, не подвергаясь подозрѣнію и шпіонству сторожа, приставленнаго владѣльцемъ смотрѣть за дичью. Поговорите съ какимъ хотите фермеромъ, каждый умный человѣкъ изъ нихъ скажетъ вамъ, что его интересъ и вашъ интересъ совершенно одинъ и тотъ же. Прежде землевладѣльцы обольщали его, будто ему полезенъ протекціонный тарифъ; теперь онъ знаетъ, что отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ было большою пользою для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ (аплодисменты). Фермеръ, живущій своимъ трудомъ, какъ мы живемъ своимъ, знаетъ, что у него и у насъ одни интересы, одинаковое желаніе свободы, одинаковое желаніе, чтобы облегчить подати, чтобы въ правительствѣ была экономія; повѣрьте, онъ знаетъ, что все, чего можетъ по справедливости требовать, или уже требуетъ городское населеніе, всего этого огромная масса фермеровъ должна желать съ такою же силою и охотою, какъ и мы, горожане (аплодисменты). Но депутаты отъ графствъ, пока они остаются представителями большихъ землевладѣльцевъ, люди совершенно иные. Они правительственное сословіе. Они составляютъ правительство, они пользуются выгодами протекціи, получаютъ выгоду отъ государственныхъ издержекъ (такъ, такъ)! Какую жизнь предполагаемъ мы для нашихъ сыновей? Они будутъ работать на фабрикахъ или торговать. Но большіе землевладѣльцы смотрятъ не въ Манчестеръ, не въ Лидсъ, не въ Ливерпуль. не въ торговую и промышленную часть Лондона; ихъ младшіе сыновья ищутъ себѣ обезпеченія для жизни въ государственныхъ издержкахъ, на которыя расходуются 40 милліоновъ фунтовъ вашихъ податей, кромѣ денегъ, идущихъ на проценты долга (такъ, такъ)! Вотъ великое прокормленіе для младшихъ сыновей этого сословія (сильные аплодисменты). Я скажу фермерамъ съ этой эстрады, что изъ всѣхъ тысячъ горожанъ, съ которыми я говорилъ въ эти три мѣсяца, и изо всѣхъ сотенъ тысячъ горожанъ, читавшихъ въ газетахъ то, что я говорилъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не протянулъ руки каждому фермеру и не сказалъ бы ему: «вы сынъ труда, подобно мнѣ; вы живете въ землѣ, которая хочетъ имѣть свободы больше прежняго; вашъ интересъ въ томъ, чтобы правительство было хорошо и экономно, чтобы былъ миръ, были справедливые законы, было счастье въ народѣ; будьте моимъ другомъ и братомъ на вѣкъ, и доставьте эти блага всѣмъ намъ» (сильные аплодисменты).

«Теперь я спрошу васъ, стоитъ ли хлопотъ великая реформа, которую мы обсуждаемъ? стоитъ ли она борьбы, которую всегда долженъ вести народъ, желающій

Digitized by Google

получить или расширить свою свободу? Города Англіи должны рѣшить это, при помощи, какую можетъ дать имъ сельское населеніе. Мнѣ говорятъ, будто нынѣшній порядокъ такъ хорошъ, что народъ не думаетъ о парламентской реформѣ; но эти люди Западнаго конца Лондона, которые прогуливаются отъ роскошныхъ домовъ Гровеноръ-сквера до Полль-Молля, гдѣ дома еще роскошнѣй,—эти люди не знаютъ, что на сердцѣ у народа въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ и во всѣхъ многолюдныхъ частяхъ королевства (такъ, такъ)! Въ эти три мѣсяца я видѣлъ больше людей, чѣмъ кто нибудь. Я знаю симпатію, выразившуюся къ этому вопросу. Я видѣлъ блескъ, огонь въ тысячахъ глазъ. Я знаю, думаетъ ли народъ объ этомъ вопросѣ (аплодисменты), и знаю, понимаетъ ли онъ, что ему нельзя не думать о немъ. Развѣ мы не самый трудолюбивый народъ на лицѣ земли, развѣ у насъ паровыхъ машинъ не больше, развѣ у насъ всякія машины не лучше, развѣ пути сообщенія у насъ не удобнѣе, развѣ земледѣліе и фабрики у насъ не болѣе производительны, развѣ всего, отъ чего развивается богатство, у насъ не больше, чѣмъ у всякаго другого народа на лицѣ земли? (аплодисменты). А все таки теперь, со всей нашей хваленой цивилизаціей и свободой, у насъ, я полагаю, теперь больше нищихъ-бѣдняковъ, нежели избирателей (такъ, такъ)! Каждые двадцать или двадцать-пять лѣтъ мы хоронимъ милліонъ такихъ нищихъ (такъ, такъ)! А все-таки имъ выростаетъ вѣчно новый урожай. Вѣчно остается этотъ осадокъ общества, бѣдный, жалкій, въ которомъ до сихъ поръ не могли мы произвесть никакого замѣтнаго улучшенія. И этотъ милліонъ бѣдняковъ еще далеко не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ существующихъ страданій. Когда человѣкъ разъ сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ, когда въ немъ заглохло отвращеніе отъ зависимости, когда онъ перестал чувствовать унизительность этого положенія и находитъ себя обезпеченнымъ на остатокъ своей жизни, или въ уоркгаузѣ, или въ какой нибудь лачугѣ, гдѣ попечители о бѣдныхъ даютъ ему пособіе,—онъ свободенъ тогда отъ безпокойства за будущее. Но оставимъ милліонъ этихъ нищихъ и взглянемъ на другой милліонъ людей подлѣ нихъ, на людей не потерявшихъ самоуваженія, имѣющихъ семейство и хозяйство, имѣющихъ у себя существа для нихъ дорогія, на этихъ людей, которые добываютъ свой насущный хлѣбъ со дня на день своими руками, которые, вотъ имѣютъ работу, хотя, можетъ быть, невѣрную, недостаточную и часто съ платой слишкомъ скудной, и чувствуютъ себя какъ будто немного на свободѣ, но вотъ, опять подавлены и увлекаются на самый край нищеты,—представьте страданія въ этихъ семействахъ, представьте борьбу съ жизнью у этихъ людей, эту борьбу, совершенно незнакомую намъ, людямъ другой обстановки (такъ, такъ)!—Представимъ же себѣ хоть ту неполную картину всего этого, о которой можемъ имѣть понятіе, и спросимъ себя: «какъ же все это существуетъ въ нашей землѣ, съ нашею великою силою производительности, съ нашимъ талантомъ собирать со всѣхъ поднебесныхъ климатовъ избытки всѣхъ народовъ для увеличенія роскоши и комфорта въ каждомъ англійскомъ домохозяйствѣ»? (сильные аплодисменты). Небо ли винить въ этомъ? Богъ ли забылъ быть милостивымъ? Или это человѣкъ своими преступленіями и ошибками произвелъ эти бѣдствія? Кто были ваши правители въ теченіе поколѣній? Кто расточалъ ваши деньги? Кто расточалъ вашу кровь? Для кого англійскій народъ трудился въ кровавомъ потѣ и лилъ кровь въ теченіе поколѣній? И какую получилъ награду? А вотъ какую, что теперь, въ 1859 году оскорбляютъ его и съ вельможеской надменностью говорятъ ему, что неприлично впускать его въ число избирателей нашей земли (такъ, такъ)! Вотъ, меня винятъ, что я говорю факты, непріятные для нашей аристократіи. Правила нами она долгій періодъ, и мы видимъ результатъ. А если я и сказалъ что нибудь противъ нихъ, они и ихъ защитники отмстили за себя полнымъ поруганіемъ надъ характеромъ великаго англійскаго народа, о которомъ они говорятъ, что не безопасно допускать его на выборы; и что если допустить его, то Англія будетъ страною смутъ и насилій, а не порядка и мира, какъ теперь. (Крики: дурно, дурно)!

«Такъ будемъ же помнить, что отъ реформы должны быть результаты; и если вы хотите какой нибудь важной перемѣны, то каковъ путь къ ея полученію? Вообще васъ принуждаютъ вести споръ до того, что шагъ остается до междуусобной войны. Это уже обратилось въ такую привычку, что управляющее сословіе не вѣритъ серьез-

Digitized by Google

ности вашихъ желаній, пока вы не дойдете до этого предѣла. Вотъ, они теперь говорятъ вамъ, что народъ не желаетъ реформы. Говорятъ: «вы не соберете ста тысячъ человѣкъ на Ньюголльской горѣ въ Бирмингэмѣ; вы не соберете безчисленныхъ множествъ народа въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ, съ угрозою, что если билль не будетъ принятъ въ теченіе недѣли, то они пойдутъ на Лондонъ». Разумѣется, нѣтъ. И я надѣюсь, что ничего такого не случится, потому что ничего такого не будетъ надобно (такъ, такъ)! Но если они колятъ намъ глаза тѣмъ, что этого еще нѣтъ, то ихъ слова доказательство, что въ нихъ есть мысль, можетъ быть безсознательная,—нѣтъ и сознательная,—что ничего важнаго не пріобрѣтала у насъ нація иначе, какъ доходя до самыхъ границъ насильственнаго дѣйствія. Мы все равно, что покоренный народъ, который борется противъ завоевателей; все равно, что ирландскіе католики, которые боролись противъ пришельцевъ поработителей, протестантовъ; все равно, что ломбардцы, которые хотятъ бороться противъ австрійцевъ. Когда вы получили реформу 1832 года, вы были на 24 часа отъ революціи. Когда вы получили отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ 1846 году, вамъ помогалъ ужаснѣйшій голодъ, какого уже нѣсколько сотъ лѣтъ не бывало въ цивилизованныхъ странахъ. А теперь, если вамъ нужна реформа, какъ вамъ получить ее? Посмотрите на вопросы меньшей важности. Возьмите напримѣръ церковную подать [1]); это больше дѣло чувства, нежели денежной важности для кого нибудь. Это печать порабощенія, и потому мы не хотимъ носить ея (аплодисменты); но вотъ ужъ двадцать лѣтъ идутъ пренія о церковной подати въ Палатѣ Общинъ. Дѣло было и за 20 лѣтъ также ясно, какъ теперь; но подать не отмѣнялась. Возьмите также вопросъ о баллотировкѣ. Тотчасъ же послѣ реформы 1832 года произносились въ пользу баллотировки рѣчи столь же неопровержимыя по доказательствамъ, какъ и слѣдующія рѣчи. А баллотировка все еще не введена въ законъ. Палата Лордовъ и три четверти Палаты Общинъ, зависящія отъ нея, каждый годъ вотируютъ, какъ имъ пріятно. Нужды нѣтъ, что огромное большинство народа хочетъ извѣстнаго закона,—нѣтъ, чтобы провести какую нибудь важную реформу черезъ Палату Общинъ, вамъ нужно при нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ такое большинство, которое обнимало бы весь народъ (аплодисменты). Пока сэръ Робертъ Пиль не отмѣнилъ хлѣбныхъ законовъ, мистеръ Вильярсъ ни разу не могъ получить больше 100 голосовъ въ Палатѣ Общинъ въ пользу ихъ отмѣны, а каждый знаетъ, что хотя 100 депутатовъ не составляютъ и третьей части Палаты Общинъ, между тѣмъ изъ шести человѣкъ жителей королевства пятеро въ то время уже давно осуждали хлѣбные законы (такъ, такъ). Вотъ доказательство, что Палата Общинъ теперь вовсе еще не представительница народа. Намъ нужно не то, чтобы вы передали великую политическую власть отъ большихъ землевладѣльцевъ большимъ купцамъ или мануфактуристамъ, но чтобы равномѣрно по всему королевству, всѣ интересы, всѣ мнѣнія, всѣ желанія выражались въ законодательной власти, чтобы депутаты, засѣдающіе въ парламентѣ, сознавали, что они представители не какого нибудь кружка, а великой націи, и когда это будетъ, вы увидите, что какъ мнѣніе будетъ рости и укрѣпляться въ націи, оно будетъ тихо, постоянно, всесильно возрастать въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). Вмѣсто того, чтобы за каждую перемѣну бороться съ вашимъ парламентомъ, будто съ чужеземнымъ завоевателемъ, мы хотимъ, чтобы одна душа была у парламента и у народа, чтобы корона и правительство были сильнѣе и почтеннѣе, а народъ счастливѣе и довольнѣе (такъ, такъ). Теперь спрашиваю васъ: неужели должно считаться дурнымъ имѣть такія мнѣнія и проповѣдывать такое ученіе? Напротивъ, не значитъ ли это продолжать труды отцовъ нашихъ и довершать ихъ дѣло? Виновенъ ли я въ возбужденіи сословія противъ сословія, когда я хочу уничтожить стѣну раздѣленія, производящую сословія и сдѣлать всѣхъ англичанъ братьями передъ закономъ нашей земли? (аплодисменты). Каковы были цѣли моей двадцатилѣтней политической жизни? Вы, жители моего роднаго города, знаете это (аплодисменты). Я призываю васъ свидѣтелями обо мнѣ (продолжительные аплодисменты. Публика машетъ платками). Я трудился серьезно и успѣшно въ союзѣ людей такихъ, какъ Вильярсъ, Кобденъ, Джибсонъ, Джорджъ

[1]) Которую люди всѣхъ исповѣданій платятъ англиканской церкви.

Digitized by Google

Уильсонъ и многіе другіе, которыхъ я не могу перечислить, но которые живутъ и вѣчно будутъ жить въ моей памяти (аплодисменты). Я трудился съ ними, чтобы дать народу насущный хлѣбъ, и теперь каждый годъ привозится къ вашимъ берегамъ на 20 милліоновъ фунтовъ съѣстныхъ припасовъ; а всего только 14 лѣтъ тому назадъ, вы не могли и слова сказать объ этомъ, не подвергаясь обвиненію въ измѣнѣ сословію вашихъ господъ (такъ, такъ)! Я трудился съ серьезными людьми, чтобы снять съ газетъ штемпель и ввести свободную журналистику; и я читалъ, что по уничтоженіи штемпеля появилось 300 дешевыхъ газетъ, ежедневно приносящихъ свѣдѣнія обо всемъ почти въ каждое семейство (аплодисменты). Я старался, но, грустно сказать, безъ успѣха, чтобы драгоцѣнный трудъ и еще драгоцѣннѣйшая кровь народа не расточались преступными правителями въ преступныхъ войнахъ,—и теперь сообразно, какъ мнѣ кажется, всему своему прошедшему, прошу для моихъ гражданъ того, что обѣщаетъ имъ конституція, того, чтобы Палата Общинъ была вѣрною и полною ихъ представительницею (аплодисменты). Это требованіе справедливое (аплодисменты). Прошу всѣхъ моихъ согражданъ сказать это требованіе не колеблющимся, не двусмысленнымъ голосомъ. Скажите, и васъ послушаютъ. Просите такимъ тономъ, чтобъ его нельзя было не понять, и ваше желаніе навѣрно будетъ исполнено. Если вы потомки великихъ предковъ, какъ говорятъ ваши историки, не обезславьте ихъ нынѣ. И если вы, какъ вы хвалитесь, наслѣдники свободы, то встаньте, заклинаю васъ, и вступите во владѣніе наслѣдствомъ вашимъ».

«(Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при громкихъ и продолжительныхъ аплодисментахъ)».

3-го февраля собрался парламентъ. Важнѣйшее мѣсто въ первыхъ преніяхъ его, т. е. въ преніяхъ объ адресѣ, или отвѣтѣ парламента на тронную рѣчь, долженъ былъ занять, разумѣется, итальянскій вопросъ. Министерство, которому реформа представляется очень горькою необходимостью, вздумало было избавиться отъ нея преніями о войнѣ и приготовленіяхъ къ ней. Но предводители виговъ, Пальмерстонъ и Россель, въ рѣчахъ своихъ объ адресѣ (въ засѣданіи 3-го февраля) сильно напали на тори за эту уловку. Въ газетахъ тѣ же насмѣшки, то же горькое осужденіе отразилось еще съ большею силою. Изъ переводимой нами въ приложеніи статьи Times'а читатели узнаютъ, почему виги и разсчетливая часть тори требуютъ скорѣйшаго начала преній о реформѣ. Они видятъ, что агитація растетъ съ каждымъ днемъ и что если отложить реформу до слѣдующаго года, то старыя партіи должны будутъ сдѣлать реформерамъ гораздо больше уступокъ, нежели теперь. Вотъ это истинная мудрость государственныхъ людей! Дѣло имъ очень непріятно, но оно требуется общественнымъ мнѣніемъ, стало быть надобно какъ можно скорѣе сдѣлать его, потому что каждою проволочкою только усиливалась бы требовательность и неудовольствіе, и каждый день отсрочки стоилъ бы въ результатѣ очень дорого для отсрочивающихъ. Виги и часть тори, поддерживавшіе въ этомъ случаѣ требованія реформеровъ, поступили чрезвычайно разсчетливо. Но трудно было ожидать, чтобы Дебри и Д'Израэли сдѣлали такую неловкость, какъ попытка отсрочить пренія о реформѣ до мая мѣсяца; они люди умные, и вѣроятно не сдѣлали бы такого промаха, если бы могли избѣжать его. Дѣйствительно, говорятъ, что билль о реформѣ былъ у нихъ готовъ, и они хотѣли внести его въ парламентъ въ первомъ же засѣданіи; но между ихъ товарищами есть дикобразы, которымъ Д'Израэли и Стенли не всегда успѣваютъ вбить въ голову неизбѣжность уступокъ общественному мнѣнію для избѣжанія гораздо большихъ потерь. Эти дикіе господа объя-

Digitized by Google

вили, что билль Д'Израэли слишкомъ либераленъ, что они не согласны на него. Лучше всего было бы лорду Дерби выгнать изъ кабинета такихъ компрометирующихъ его товарищей и замѣнить ихъ людьми болѣе разсудительными, какъ уже выгналъ онъ лорда Элленборо; но почему-то онъ не повторилъ своего хорошаго дѣла въ большемъ размѣрѣ, не выгналъ всѣхъ министровъ не согласившихся съ Д'Израэли и лордомъ Стенли,—вѣроятно, не достало характера. Такимъ образомъ прежній билль не годился, пришлось составлять новый. Но когда виги и большинство газетъ рѣзко осудили лорда Дерби за то, что билль у него не готовъ, реформеры въ засѣданіи Палаты Общинъ 7-го февраля потребовали, чтобы министерство поторопилось. Мистеръ Донкомбъ, радикалъ очень знатной и богатой фамиліи, былъ выбранъ реформерами для исполненія роли того безжалостнаго мужа, о которомъ упоминаетъ переведенная нами статья Times'a: „когда же ты кончишь свои вздохи? ты слишкомъ долго вздыхаешь“, сказалъ онъ мистеру Д'Израэли, какъ Рауль — Синяя Борода говорилъ своей женѣ, желавшей отсрочить тяжелую минуту. Депутаты старыхъ партій приняли его рѣчь съ большимъ огорченіемъ, перерывали ее криками „безпорядокъ, безпорядокъ!“ и тѣмъ выразили, какъ горько имъ глотать пилюлю, принятіе которой предписано общественнымъ мнѣніемъ. Но дѣлать было нечего, и мистеръ Д'Израэли объявилъ, что представитъ свой билль о реформѣ 28-го февраля. Къ чему же привела попытка отсрочить повиновеніе голосу общества? Лордъ Дерби хотѣлъ въ угодность своимъ нелѣпымъ товарищамъ отложить представленіе билля до четвертаго или пятаго мѣсяца сессіи, когда уже не осталось бы времени разсмотрѣть его, чтобы такимъ образомъ оттянуть рѣшеніе дѣла до слѣдующей сессіи, т. е. до слѣдующаго года. Это не удалось. Вмѣсто годичной проволочки успѣли сдѣлать проволочку на двѣ недѣли, а сами подверглись общему посмѣянію и выставили на показъ публикѣ свою слабую сторону: теперь всѣ увидѣли, что тори не хотятъ преній о реформѣ, а все-таки принуждены начать ихъ, стало быть дѣйствуютъ не по доброму желанію, а противъ воли, изъ-подъ палки. Выгоденъ ли былъ, спрашивается теперь, ихъ образъ дѣйствій для нихъ самихъ? не слишкомъ ли дорого заплатили они за двѣ недѣли отсрочки?

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣлъ современной исторіи,—итальянскаго вопроса и англійскаго реформистскаго движенія, довольно важное мѣсто между событіями нынѣшняго года занимаютъ агитація на Іоническихъ островахъ, переворотъ въ Сербскомъ княжествѣ, выборъ господаря въ Молдавіи и Валахіи и переворотъ въ Гаити.

Со времени учрежденія греческаго королевства, жители Іоническихъ островов постоянно требовали, чтобы Англія избавила ихъ отъ своего протекторства и позволила имъ присоединиться къ одноплеменной державѣ. Изъ этого иногда возникали смуты, которыя подавлялись насильственными мѣрами со стороны Англіи. Но все-таки Англія оставляла Іоническимъ островамъ представительную форму правленія и свободу слова. Правда, лорду коммиссару (генералъ-губернаторъ) была предоставлена очень обширная власть, такъ

Digitized by Google

что онъ могъ рѣшительно не слушать іоническихъ депутатовъ, но все-таки представительная форма и свобода печатнаго слова служили къ тому, что желаніе іонійцевъ и ихъ жалобы дѣлались извѣстными цѣлой Европѣ. Само самою разумѣется, что при такихъ условіяхъ англійское правительство не было притѣснительно для іонійцевъ. По всему видно, что во внутреннихъ дѣлахъ имъ была предоставлена довольно широкая свобода; но чувство національности нельзя было заглушить ничѣмъ, и въ прошломъ году іоническая палата депутатовъ снова приняла рѣшеніе, что іоническій народъ требуетъ присоединенія своего къ Греціи. Тогдашній лордъ коммиссаръ-Джонъ Юнгъ, посылалъ по этому случаю лондонскому кабинету нѣсколько записокъ, въ которыхъ главная мысль была та, что для Англіи лучше отказаться отъ хлопотъ съ Семью Островами, протекторатъ надъ которыми ей убыточенъ, и оставить за собою только военную позицію на островѣ Корфу, предоставивъ остальнымъ островамъ соединиться съ Греціею. Случайнымъ образомъ эти депеши, которыя правительство хотѣло хранить въ тайнѣ, были переданы въ редакцію газеты „Daily News“, и она напечатала нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что онѣ присланы съ согласія министерства. Узнавъ противное, редакція остановила обнародованіе остальныхъ депешъ, но и напечатанныхъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы министерству нельзя было не позаботиться объ іоническомъ дѣлѣ. Признаніе самого генералъ-губернатора, что Англіи слѣдуетъ отказаться отъ своего протектората, произвело сильное впечатлѣніе на публику, и надобно было что нибудь сдѣлать. Министръ колоній Бульверъ (извѣстный романистъ) находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ предводителемъ пилитовъ Гледстономъ, который съ прочими своими достоинствами соединяетъ славу отличнаго эллениста (недавно онъ издалъ большое сочиненіе о Гомеровыхъ поэмахъ) и очень расположенъ къ греческой націи. Надобно прибавить, что Гледстонъ человѣкъ очень гуманный, очень мягкаго характера и привлекателенъ въ обращеніи. Министерство думало, что такой человѣкъ можетъ примирить іонійцевъ съ англійскимъ протекторствомъ и придумать въ ихъ политическомъ устройствѣ улучшенія, которыя склонили бы ихъ забыть о Греціи. Разумѣется, такой важный государственный человѣкъ, какъ Гледстонъ, принималъ на себя только временное порученіе: предводители парламентскихъ партій считаютъ слишкомъ низкимъ для себя даже постъ генералъ-губернатора Остъ-Индіи; и если Гледстонъ согласился съѣздить на Іоническіе острова во время парламентскихъ вакацій, это надобно приписывать особенному желанію его сдѣлать что нибудь въ пользу грековъ.

Чрезвычайный верховный коммиссаръ дѣйствительно велъ себя съ іонійцами такимъ способомъ, который дѣлаетъ честь его характеру и лично пріобрѣлъ ему чрезвычайную популярность. Впрочемъ и прежній верховный коммиссаръ, смѣняемый Гледстономъ, лично пользовался справедливою любовью іонійцевъ. При отъѣздѣ его старикъ Дандоло, предводитель самыхъ пылкихъ своихъ соотечественниковъ, съ особенною силою возстающихъ противъ англійскаго протектората, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Позвольте мнѣ, милордъ, въ минуту вашей разлуки съ нами возвысить свой голосъ, голосъ свободнаго и независимаго человѣка, которому теперь уже 70 лѣтъ,

Digitized by Google

который никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не искалъ для себя у правительства. Я хочу сказать важную правду, которая, будучи долгомъ справедливости относительно васъ, очиститъ насъ отъ упрека въ неблагодарности.

«Да, съ самаго пріѣзда вашего къ намъ, милордъ, я видѣлъ въ васъ любовь къ добру, желаніе и рѣшимость исполнять его. Когда я представилъ вамъ необходимость дать работу многочисленнымъ бѣднякамъ, вы, милордъ, согласились на мое желаніе и выпросили отъ вашего правительства значительныя суммы, которыя, вотъ уже два года хранятъ и будутъ хранить бѣдныхъ людей отъ нужды. И когда я былъ членомъ мѣстной администраціи, болѣе всего былъ обязанъ я вашему содѣйствію тѣмъ, что могъ приносить пользу моей родинѣ; то, что я сдѣлалъ, должно быть обращаемо въ честь вамъ.

«Мое сердце трепещетъ отъ радости, когда я вспоминаю, что въ весь періодъ вашего управленія, вы, милордъ, не только не подвергли аресту ни одного человѣка, а, напротивъ, избавили многихъ изъ заключенія и возвратили изгнанниковъ ихъ семействамъ. Да, ни одна капля слезъ не лежитъ на вашей совѣсти, и если вы успѣли сдѣлать не все, чего хотѣли, вина тому не въ вашемъ сердцѣ».

Изъ этого можно заключать, что Іоническіе острова недовольны англійскимъ правленіемъ вовсе не за его жестокость или стѣснительность, а единственно по чувству національности.

Новый лордъ коммиссаръ созвалъ законодательное собраніе 25 января въ первое же засѣданіе Дандоло предложилъ палатѣ депутатовъ выразить желаніе іоническаго народа соединиться съ Греціею. При громкихъ рукоплесканіяхъ оно было принято и назначенъ комитетъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ, нужныхъ для исполненія ихъ желанія; сначала они вздумали было сдѣлать воззваніе ко всѣмъ европейскимъ народамъ, но Гледстонъ замѣтилъ имъ, что это было бы напраснымъ нарушеніемъ законныхъ формъ и послушавшись его доброжелательнаго совѣта (вовсе не приказанія или угрозъ), палата приняла составленную комитетомъ просьбу англійской королевѣ. Вотъ текстъ этого документа, интереснаго по своему благородному тону:

«Ея Величеству королевѣ Викторіи, всемилостивѣйшей королевѣ Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, защитницѣ вѣры и протектрисѣ Соединенныхъ государствъ Іоническихъ острововъ и проч.

«Прошеніе Іонической Палаты Депутатовъ.

«Да выслушаетъ милостиво Ваше Величество. Народъ Семи Острововъ, всегда сохранявшій мысль о своей національности и желавшій своего соединенія съ свободною Греціею, почтительно приближается къ вашему могущественнѣйшему престолу, чтобы положить на ступени его подлинное выраженіе своего вѣчно-пламеннаго желанія. Среди испытаній, постигшихъ племя эллиновъ, Іоническій народъ сохранилъ невредимо свою цивилизацію и удержалъ свою національность и независимость.

«Трактатъ, заключенный въ Парижѣ 5 Ноября 1815 года, безъ участія Іоническаго народа, и отдавшій этотъ народъ подъ британское протекторство, имѣлъ единственною своею цѣлію охраненіе маленькаго народа, который признанъ и объявленъ въ этомъ трактатѣ отдѣльнымъ, свободнымъ и независимымъ государствомъ. Къ этой цѣли направлены обязанности, принятыя по трактату покровительствующею державою, и политическія отношенія, возникшія изъ нихъ между Великобританіею и покровительствуемымъ народомъ. Но по учрежденіи Греческаго королевства исчезла причина, на которой основаны были эти отношенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно возникло горячее желаніе Іонійцевъ къ политическому соединенію съ освобожденною частью націи, съ которою они неразрывно связаны происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, преданіями и безграничными пожертвованіями общему дѣлу.

Digitized by Google

«Изъ этого непреодолимаго чувства проистекали подавленныя манифестаціи девятаго Іоническаго парламента и единодушное желаніе, выраженное одиннадцатымъ парламентомъ 20 іюня 1857 года. Его Превосходительство верховный чрезвычайный коммиссаръ, котораго угодно было Вашему Величеству послать въ государство Семи Острововъ также получилъ подлинныя доказательства этого пламеннаго чувства и желанія всего Іоническаго народа.

«Исходя изъ этихъ соображеній, представители Іоническаго народа въ своемъ парламентскомъ засѣданіи 15 (27) января 1859 года единогласно объявили, что единственнымъ и единодушнымъ желаніемъ Іоническаго народа было и остается соединеніе всего государства Семи Острововъ съ Греческимъ королевствомъ.

«Іоническое собраніе, представляя это желаніе, проситъ Ваше Величество милостиво сообщить настоящее объявленіе другимъ Европейскимъ великимъ державамъ и при ихъ содѣйствіи исполнить [1]) священное и справедливое желаніе Іонійцевъ.

«Представители Іоническаго народа имѣютъ утѣшительную надежду, что божественная Милость, вооружившая нѣкогда десницу Британіи на защиту Эллинской націи, вдохновитъ и нынѣ Ваше Величество, чтобы вашею могущественною помощью эта нація могла достичь своего національнаго возстановленія и чтобы узы, возникающія изъ глубокой благодарности и непреложной симпатіи, привязывали сердца Эллинской націи къ престолу Вашего Величества.

Д. Фламбуріани, Президентъ.
Н. Луси
І. Дусмани } Секретари

Корфу 18/30 января
1859 года.

Гледстонъ сообщилъ эту просьбу обыкновеннымъ законнымъ путемъ въ Лондонъ.

Разумѣется, англійское правительство отвѣчало на просьбу, что къ сожалѣнію оно не можетъ исполнить желаніе іонійцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Гледстонъ сообщилъ іоническому собранію свой проектъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бъ до нѣкоторой степени вознаградить іонійцевъ за невозможность удовлетворенія чувству національности. Его длинная записка, составленная въ духѣ дѣйствительной заботливости о благѣ Іоническихъ острововъ, предлагаетъ имъ отмѣненіе всѣхъ ограниченій, какими прежде была связана парламентская форма. Британское вліяніе будетъ совершенно отстранено отъ внутреннихъ дѣлъ Семи Острововъ; лордъ коммиссаръ сохранитъ по внутреннимъ дѣламъ только номинальную власть, потому что его распоряженія не будетъ имѣть силы безъ подписи министровъ, а министровъ онъ обязанъ будетъ смѣнять по требованію іоническаго парламента. Кромѣ того, если іоническій парламентъ недоволенъ имъ, то можетъ посылать обвиненіе противъ него къ королевѣ и отправлять депутата, который бы поддерживалъ это обвиненіе передъ королевою и англійскимъ парламентомъ. Мы видимъ, что Гледстонъ предлагаетъ іонійцамъ точно такую же свободу политическаго устройства, какую имѣетъ сама Англія, и совершенную независимость отъ Англіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это первая половина его проекта, говорящая о томъ, что Англія можетъ уступить іонійцамъ; вторая часть записки объясняетъ, что, по мнѣнію Гледстона, іонійцы должны сами

---

[1]) „Это содѣйствіе предполагается нужнымъ потому, что протекторатъ учрежденъ парижскимъ трактатомъ, стало быть на отмѣну его, въ случаѣ согласія Англіи, потребовалось бы согласіе и другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1815 года.

Digitized by Google

сдѣлать для себя, и особенно эта половина проэкта показываетъ. какимъ искреннимъ доброжелательствомъ къ нимъ онъ проникнутъ. Онъ совѣтуетъ имъ измѣнить систему своихъ налоговъ и облегчить ихъ (налоги и вообще внутреннія дѣла были и прежде, какъ мы уже замѣчали, почти вполнѣ предоставлены на волю іонійцевъ). Чтобы уменьшить расходы, Гледстонъ совѣтуетъ іонійцамъ замѣнить бюрократію самоуправленіемъ; онъ объясняетъ имъ выгоды отъ пониженія тарифа и вообще говоритъ о томъ, какими законами и стремленіями могутъ развивать они у себя духъ гражданской свободы и облегчить положеніе массы населенія въ своемъ государствѣ.

Разумѣется, іонійцы приняли отказъ королевы на ихъ просьбу съ большимъ неудовольствіемъ, хотя конечно и не ожидали ничего, кромѣ отказа. На проектъ Гледстона палата отвѣчала, что отложитъ совѣщаніе о немъ и повидимому хочетъ отвергнуть его весь, съ объявленіемъ, что только присоединеніе къ Греціи можетъ соотвѣтствовать желаніямъ іоническаго народа.

Мы разсказали эти происшествія довольно подробно, потому что въ нихъ выражаются обѣ стороны нынѣшней англійской иностранной политики,— и сторона ненавистная и сторона благородная. Удерживать въ своей зависимости чужое племя, которое негодуетъ на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезнымъ для военнаго могущества и политическаго вліянія на другія страны,—это гнусно; но съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлять этому народу полный просторъ въ управленіи своими дѣлами, сохранять у него свободу печатнаго слова и парламентскія формы, стараться развивать въ немъ тѣ гражданскія качества, которыми отличается сама Англія отъ континента, это черта совершенно инаго рода. Разумѣется, изъ соединенія двухъ противоположныхъ стремленій, изъ смѣси порабощенія съ свободою, эгоизма съ доброжелательствомъ выходитъ нѣчто очень странное. Порабощены или нѣтъ іонійцы? Да, потому что только иноземное войско держитъ ихъ въ покорности нынѣшнему образу правленія; нѣтъ, потому что ни въ Сардиніи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи нарадъ не пользуется свободою больше той, какую даютъ англичане Семи Островамъ. Народъ свободно избираетъ своихъ представителей, эти представители даютъ законы для страны,—всѣ законы, всѣ правительственныя распоряженія свободно обсуждаются въ открытыхъ парламентскихъ преніяхъ и въ печати. Народъ свободно выражаетъ даже свое желаніе отдѣлиться отъ государства, къ которому принадлежитъ по политическимъ трактатамъ, и на это требованіе отвѣчаютъ ему краткимъ объясненіемъ невозможности такой перемѣны; не думаютъ о наказаніи, стараются смягчить отказъ гуманнымъ правленіемъ и придумываютъ, нельзя ли сколько нибудь вознаградить за него расширеніемъ гражданской свободы. Такова политика англійскаго правительства, т. е. старыхъ партій. Но старыя партіи не англійскій народъ; это горсть людей, далеко отставшихъ отъ нынѣшняго развитія понятій въ англійской націи. Тѣ газеты, которыя не принадлежатъ старымъ партіямъ, прямо говорятъ, что Англія не должна держать въ своей зависимости чужой народъ, желающій быть независимымъ; онѣ требуютъ, чтобы Англія отказалась отъ протекторства надъ Іоническими островами. И даже въ старыхъ партіяхъ находятся люди, какъ Джонъ Юнгъ, сочувствующіе этому

Digitized by Google

взгляду, признающіе справедливость желанія освободиться отъ ихъ власти въ томъ народѣ, которымъ они посланы управлять. Вотъ какія черты Англіи обнаруживаются ходомъ вопроса объ Іоническихъ островахъ; и дѣло это, незначительное по малому объему той страны, о судьбахъ которой идетъ рѣчь, важно потому, что на немъ можно изучать духъ Англіи.

Іоническій вопросъ мало кого занималъ, кромѣ самихъ іонійцевъ и англичанъ. Но вниманіе цѣлой Европы было обращено на событія въ жизни двухъ другихъ небольшихъ племенъ, сербскаго и валахо-молдавскаго. Нашъ обзоръ уже такъ длиненъ, что сербскія событія, особенно любопытныя для насъ по нашему родству съ сербами, мы рѣшились изложить въ особенной статьѣ. Это тѣмъ удобнѣе, что съ прибытіемъ князя Милоша и распущеніемъ скупштины переворотъ, происшедшій въ Сербіи, повидимому завершился, и разсказъ о немъ вѣроятно останется уже законченнымъ цѣлымъ. Стало быть, намъ надобно только сказать нѣсколько словъ о валахо-малдавскихъ событіяхъ.

Россія сочувствовала желанію румунскаго племени соединиться въ одно государство. Симпатія легко переходитъ въ надежду. Во время парижскихъ конференцій въ нашей публикѣ была увѣренность, что дипломатическими переговорами осуществится стремленіе румуновъ составить одно государство. Какъ всегда, увѣренность эта оказалась самообольщеніемъ. Единство Молдавіи и Валахіи дано было только по имени; оно ограничивалось почти только одинаковостью знамени и правомъ этихъ двухъ провинцій учреждать центральную комиссію для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ областей. Въ каждомъ княжествѣ была оставлена особенная административная и законодательная власть, каждое должно было имѣть своего особеннаго господаря и свой отдѣльный парламентъ.

Собрались эти парламенты, должны были избрать господаря. Австрія и Турція употребляли всевозможныя усилія, чтобы не допустить въ парламенты людей національной партіи, желавшихъ соединенія, и насильственными средствами ввести туда своихъ кліентовъ, измѣнниковъ національному чувству. Однако же молдавскіе депутаты, собравшіеся раньше валахскихъ, выбрали господаремъ такого человѣка, на котораго вполнѣ могла положиться нація, желавшая соединенія, Александра Кузу. Это смутило Турцію и Австрію. Въ Константинополѣ хотѣли отказать въ утвержденіи молдавскому выбору, основываясь на томъ, что избранное лицо не удовлетворяетъ нѣкоторымъ условіямъ, опредѣленнымъ для господаря дипломатическою конвенціею 19 августа. Но вотъ собрался валахскій парламентъ; депутаты его были выбраны подъ вліяніемъ интригъ и насилій Турціи, поддерживаемой Австріею. Большинство ихъ состояло изъ людей, которые повидимому не сочувствовали національному желанію. Но мало по малу они прониклись его вліяніемъ, и въ рѣшительную минуту бывшіе интриганты и реакціонеры явились патріотами. Было множество разныхъ кандидатовъ на санъ господаря. У каждаго была своя партія между депутатами. Когда собрались депутаты, одинъ изъ претендентовъ, Бибеско, имѣвшій на своей сторонѣ временную администрацію (каймаканію) Валахіи, окружилъ войсками домъ засѣданій парламента, чтобы силою принудить депутатовъ избрать его, арестовавъ тѣхъ, которые стали бы гово-

Digitized by Google

рить противъ насилія. Но населеніе Бухареста оступило войска и потребовало, чтобы они удалились. Войска и ихъ начальники не захотѣли дѣйствовать оружіемъ противъ своихъ братьевъ, которымъ сочувствовали. Переговоры тянулись нѣсколько часовъ, наконецъ каймаканія принуждена была приказать войскамъ удалиться. Депутаты прежде всего занялись очищеніемъ своего собранія отъ тѣхъ членовъ, при выборѣ которыхъ было сдѣлано особенно много противозаконныхъ обмановъ или насилій. Изъ нихъ нѣсколько человѣкъ, увлекаясь энтузіазмомъ окружавшаго ихъ народа, сами отказывались отъ званія депутатовъ. Вечеромъ въ тотъ день (4 февраля) происходили частныя совѣщанія между депутатами, оставшіяся тайною для публики. Всѣ предчувствовали только, что на другой день должна рѣшиться судьба и Валахіи и Молдавіи: она зависѣла отъ того, согласенъ ли будетъ валахскій выборъ съ молдавскимъ

Едва открылось на другой день засѣданіе, депутатъ Боереско подошелъ къ президенту (митрополиту) и попросилъ его перейти съ депутатами изъ залы публичныхъ засѣданій въ сосѣднюю залу для выслушанія важныхъ вещей. Митрополитъ нѣсколько времени колебался, но долженъ былъ уступить; депутаты вышли въ особенную залу. Тутъ Боереско въ пламенной рѣчи изложилъ важность настоящей минуты, обязанность депутатовъ пожертвовать своими личными пристрастіями для того, чтобы явиться дѣйствительно представителями національной мысли. „Желаніе націи можетъ быть исполнено, сказалъ онъ, только въ такомъ случаѣ, если Валахія соединится съ Молдавіей, а для этого одно средство,—соединиться съ молдавскими братьями и провозгласить господаремъ того самаго человѣка, который уже выбранъ ими". Никто не могъ устоять противъ увлеченія. Одинъ за другимъ претенденты на санъ господаря всходили на каѳедру,—первый Голеско, за нимъ Гика, Кантакузенъ и другіе: каждый клалъ руку на Евангеліе и клялся подать голосъ за Александра Кузу. Восторгъ увлекъ всѣхъ депутатовъ; они закричали: „да здравствуетъ Куза!" Этотъ крикъ донесся до залы публичныхъ засѣданій и зрители, бывшіе на трибунахъ, повторяя его, побѣжали на площадь сообщить патріотическое рѣшеніе депутатовъ народу, толпившемуся на площади. Всѣ кричали: „ура!" и обнимались.

Депутаты возвратились въ залу публичныхъ собраній, началась баллотировка и на всѣхъ 64 избирательныхъ билетахъ, вынутыхъ изъ урны, было написано одно и тоже имя: Александръ Куза Молдавскій.

За два дня, за день, за нѣсколько часовъ до этого рѣшенія никто въ Бухарестѣ не ожидалъ его. Неописанный восторгъ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ при удивительномъ извѣстіи.

Въ ту же минуту электрическій телеграфъ сообщилъ въ Яссы Александру Кузѣ просьбу Валахіи быть ея господаремъ. Напрасно временное правительство Валахіи, проникнутое турецко-австрійскимъ духомъ, говорило, что будетъ ждать изъ Константинополя инструкцій о томъ, какъ поступить ему. На другое утро вновь избранный господарь уже назначилъ новое министерство, которому безъ сопротивленія должна была передать власть каймаканія, потому что весь валахскій народъ былъ единодушенъ.

Digitized by Google

Можно вообразить себѣ изумленіе и гнѣвъ Константинопольскаго дивана при извѣстіи о валахскомъ выборѣ. Въ первую минуту турки заговорили, что это невозможно допустить, что надобно послать войска для низложенія Кузы въ обоихъ княжествахъ. Но скоро одумались, и сама Турція стала просить державы, уполномоченными которыхъ была составлена конвенція 19-го августа, чтобы назначена была новая конференція отъ всѣхъ этихъ державъ для разрѣшенія валахо-молдавскаго вопроса. Конференція скоро соберется. Франція уже рѣшила требовать, чтобы Куза былъ признанъ господаремъ Валахіи и Молдавіи и были измѣнены тѣ статьи прежней конвенціи, которыя оказались не согласны съ желаніемъ румуновъ и противорѣчатъ соединенію двухъ Дунайскихъ княжествъ подъ управленіемъ одного господаря. Большинство другихъ державъ, участвующихъ въ конференціи, будутъ требовать того же. Если не вспыхнетъ война между Франціею и Австріею до окончанія конференціи, рѣшеніе не подлежитъ сомнѣнію. Австрія и Турція должны будутъ уступить настояніямъ другихъ державъ и выборъ Александра Кузы въ обоихъ княжествахъ будетъ утвержденъ.

Страннымъ образомъ отражается общее направленіе событій даже въ такихъ отдаленныхъ краяхъ земли, о которыхъ и не думаетъ Европа. Лѣтъ десять тому назадъ читатели каррикатурныхъ журналовъ хохотали надъ картинками, представлявшими Сулука въ костюмѣ Наполеона I, подражаніемъ которому онъ гордился, подобно ему превратившись изъ президента республики въ императора. Послѣ того о Сулукѣ забыли. Но его неграмъ не было отъ того легче. Сулукъ рѣшительно хотѣлъ быть гаитскимъ Наполеономъ I. Онъ безпрестанно воевалъ съ сосѣднею республикою Сенъ-Доминиканскою и сильно притѣснялъ собственныхъ подданныхъ. Окружая себя блескомъ, онъ сочинялъ въ своей имперіи аристократію, жаловалъ своихъ слугъ титулами князей, герцоговъ, маркизовъ. Титулы великолѣпныхъ аристократовъ бывали иногда занимательны: былъ герцогъ Лимонадъ, былъ герцогъ Мармеладъ и т. д. Но каковъ бы ни былъ выборъ фамилій, этимъ герцогамъ и самому Сулуку для надлежащаго великолѣпія нужно было много денегъ; подданные разорялись и роптали; Сулукъ наказывалъ, какъ слѣдуетъ, недовольныхъ: изгонялъ ихъ, сажалъ ихъ въ крѣпости, казнилъ. Неудовольствіе расло и наконецъ не стало силъ переносить блистательное правленіе Фаустина I. Негритянскій генералъ Фабръ Жефраръ 22-го декабря (новаго стиля) прошедшаго года вышелъ изъ столицы Сулука Портъ-о-Пренса, на берегъ, сѣлъ въ лодку съ своимъ сыномъ и двумя товарищами и доѣхалъ до города Гонаивы, сосѣдняго съ Портъ-о-Пренсомъ. Когда онъ вышелъ изъ лодки, къ нему подошли нѣсколько человѣкъ, у которыхъ было приготовлено пять лошадей, и они въѣхали въ городъ съ криками: Viva la république, viva la liberté [1])!

Никто ихъ не останавливалъ, они дошли такимъ образомъ до главной гауптвахты и приказали караульному барабанщику бить тревогу, потомъ

---

[1]) На Гаити говорятъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

поѣхали къ дому губернатора. По дорогѣ встрѣчались имъ политическіе преступники, осужденные Сулукомъ на каторгу и работавшіе въ разныхъ мѣстахъ города. Они освобождали ихъ. Къ нимъ приставали жители. Губернаторъ сначала колебался, потомъ и самъ присоединился къ Жефрару; съ нимъ перешли всѣ другіе чиновники. На слѣдующій день генералъ Жефраръ былъ провозглашенъ президентомъ Гаитской республики, а генералъ Сулукъ (такъ называли его въ оффиціальной прокламаціи) былъ объявленъ подлежащимъ суду за противозаконныя дѣйствія.

24-го декабря Жефраръ пошелъ къ Сенъ-Марку, укрѣпленному городу, комендантъ котораго со всѣмъ гарнизономъ принялъ его сторону. Теперь у Жефрара было цѣлыхъ два полка и крѣпость; оставаясь въ ней, онъ ожидалъ приближенія Сулука, а между тѣмъ сосѣдніе города одинъ за другимъ присоединялись къ новому правительству. Сулукъ собралъ войско и пошелъ на Жефрара, власть котораго признавалась уже всею сѣверною половиною гаитскаго государства; войско у Сулука было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у Жефрара, но солдаты не хотѣли сражаться за него, потому онъ долженъ былъ отступить въ столицу. Жефраръ пришелъ вслѣдъ за нимъ и послалъ къ нему парламентера требовать отреченія, обѣщая пощадить его жизнь. Сулукъ сказалъ, что подумаетъ; но пока онъ думалъ, солдаты его положили оружіе. Узнавъ объ этомъ, Сулукъ немедленно занялся сочиненіемъ слѣдующей прокламаціи:

«Гаитяне! призванный волею народа къ управленію судьбами Гаити, я постоянно посвящалъ всѣ мои усилія и заботы благу моихъ подданныхъ и счастію отечества. Я надѣялся, что могу разсчитывать на привязанность тѣхъ, которые облекли меня верховною властью, но послѣднія событія не позволяютъ мнѣ сомнѣваться въ чувствахъ народа.

«Я такъ люблю отечество, что не колеблясь жертвую собою общему благу.

«Я слагаю свой санъ, единственнымъ желаніемъ имѣя то, чтобы Гаити могло быть такъ счастливо, какъ всегда желало мое сердце.

„Въ портъ-о-Пренсѣ. 15 января 1859 года, въ лѣто 55 независимости.

«Фаустинъ».

Прокламація, какъ видимъ, написана такъ, что сдѣлала бы честь европейскому перу.

Переворотъ совершился мирно, не пролито было ни одной капли крови. Президентъ возстановленной республики, Жефраръ, поступилъ съ Сулукомъ, столь заботившимся о благѣ своего народа, какъ нельзя милостивѣе. Онъ позволилъ Сулуку свободно сѣсть на корабль и ѣхать куда ему угодно. До отъѣзда на корабль онъ оказывалъ ему защиту отъ ненависти народа, хотѣвшаго растерзать Сулука; и для проводовъ его до корабля по улицамъ города прошелъ самъ, потому что безъ него Сулукъ не дошелъ бы живымъ до своего убѣжища.

На старость дней Сулукъ успѣлъ приготовить себѣ хорошее пропи-

Digitized by Google

таніе: въ разныхъ европейскихъ банкахъ у него лежитъ болѣе 3,000,000 руб. серебра.

Жефраръ освободилъ всѣхъ политическихъ преступниковъ, заключенныхъ Сулукомъ въ разныя крѣпости, и просилъ возвратиться всѣхъ изгнанниковъ. Онъ объявилъ Сенъ-Доминиканцамъ, что желаетъ хранить съ ними дружбу. До сихъ поръ дѣйствія его показываютъ человѣка благороднаго и безкорыстнаго. Онъ мулатъ, теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ имѣетъ извѣстность хорошаго генерала, просвѣщеннаго и очень умнаго человѣка, и всегда пользовался большою любовью народа за гуманность характера и образа мыслей.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма „итальянца" изъ Times'а объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты.

1. Изъ перваго письма «итальянца».

«Милостивый Государь! Господствующее между англичанами мнѣніе объ Австріи чрезвычайно различно отъ того, какое мы, итальянцы, составили о ней по тяжелому опыту и близкому наблюденію: ваше мнѣніе проистекаетъ скорѣе изъ старинныхъ воспоминаній, нежели изъ дѣйствительныхъ фактовъ. Прежняя Австрія, наемная союзница Англіи во французскихъ войнахъ, была существенно Германскою державою, хотя имѣла владѣнія и внѣ Германіи. Владѣя Фландріею, она была близкою сосѣдкою Англіи и единственнымъ государствомъ, черезъ которое англійская армія могла быть проведена на континентъ.

«Весь этотъ порядокъ вещей измѣнился французскими революціями и раздѣломъ Польши. Бельгія заняла мѣсто Австріи на Шельдѣ, а протестантская Пруссія въ католическихъ архіепископствахъ на Рейнѣ. Границы Австріи отдалились на 500 англійскихъ миль, отъ устьевъ Рейна до самыхъ верховьевъ его, до Швейцаріи. Раздѣлъ Польши громадно увеличилъ пропорцію славянскихъ ея подданныхъ, которыхъ теперь въ ней вдвое больше, нежели нѣмцевъ. Нѣмцы теперь составляютъ въ ней всего только пятую часть народа. Австрію теперь справедливѣе можно назвать славянскимъ, нежели нѣмецкимъ государствомъ; и съ каждымъ днемъ она все болѣе подчиняется нравственному вѣсу Россіи.

«Когда Австрія увидѣла фантомъ панславизма, она удвоила свои усилія германизировать славянъ и венгровъ. Тогда Меттернихъ совершилъ два послѣднія дѣла своего министерства,—присвоеніе Кракова и Галиційскую рѣзню. Нѣмецкій языкъ былъ насильственно введенъ въ краковскій университетъ. Дѣла такого рода не легко забываются,—нѣтъ, они иногда не забываются. Такія же достохвальныя усилія хотѣли бы дѣлать для германизаціи Венгріи, но въ сердцѣ этой страны еще было свободное племя мадьяровъ, независимое отъ прямой нѣмецкой администраціи. Какъ Австрія заботилась о германизаціи, такъ венгры о мадьяризаціи. Славянскихъ и румунскихъ поселянъ насильственно принуждали говорить на этихъ двухъ языкахъ и такимъ образомъ научили ненавидѣть оба эти языка, предпочитая свой родной имъ обоимъ. Славяне начали обращать свои взоры на Россію, румуны на независимыя дунайскія княжества, имъ одноплеменныя.

«Въ 1848 году всѣ націи австрійской имперіи возстали противъ двухъ націй, уступавшихъ другимъ въ числѣ, но стремившихся къ господству, противъ нѣмцевъ и мадьяровъ, въ то самое время, когда эти двѣ націи переходили отъ стариннаго соперничества къ открытой враждѣ. Всѣ провинціи подверглись совершенному хаосу. Австрія искала спасенія себѣ въ утрированіи духа тѣхъ самыхъ національностей, ко-

Digitized by Google

торыя были пробуждены ея деспотическими распоряженіями и тяжелыми налогами, и которыя она уже не могла обуздать. Когда ясно обнаружилось безсиліе Австріи привести къ повиновенію своихъ подданныхъ, явилась Россія, не какъ простая союзница, а какъ высшая покровительствующая держава.

«Австрія могла бы, уступая справедливымъ требованіямъ различныхъ провинцій, дать каждой изъ нихъ право имѣть собственную администрацію, на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ. Она могла бы устроить родъ монархической Швейцаріи съ населеніемъ въ 15 разъ больше и съ колоссальною силою въ оборонѣ. Она предпочла систему, въ которой честолюбіе наступательныхъ войнъ соединяется съ слабостью въ случаѣ обороны.

«Она заботилась только объ упроченіи единства, т. е. о господствѣ нѣмецкой части своего населенія. Она уничтожила прежнюю венгерскую конституцію, повергла мадьяровъ въ полнѣйшее рабство, съ неблагодарнымъ презрѣніемъ поработила тѣ самыя національности, которыя наиболѣе помогли ей противъ венгеровъ. Не для того проливали свою кровь храбрые славяне и румыны. Теперь нѣмецкое меньшинство сосредоточило на себѣ одномъ всю ту ненависть ихъ, которая прежде раздѣлялась между нѣмцами и венграми. Австрія отказалась и отъ единственнаго качества, которымъ могли искупаться ея недостатки. Прежде, хотя не было въ ней религіозной свободы, правительство строго наблюдало за католическимъ духовенствомъ. Но съ 1848 года іезуиты съ своими многочисленными аффиліаціями овладѣли правленіемъ, училищами, благотворительными учрежденіями. Они мѣшаютъ даже повышенію независимыхъ офицеровъ; они шпіонствуютъ за дѣйствіями каждаго, превращаютъ каждую исповѣдальню въ полицейскую караульню, стѣсняютъ протестантовъ въ бракахъ, въ воспитаніи дѣтей, даже въ самыхъ похоронахъ. Архіепископъ вѣнскій сдѣланъ кардиналомъ и главою папской инквизиціи надъ всѣмъ міромъ.

«Между тѣмъ провинціи, особенно Италія и Венгрія, на много лѣтъ были преданы въ руки жадныхъ, алчныхъ и мстительныхъ генераловъ. Повсюду каждый день наказывали плетьми, вѣшали, разстрѣливали; никакого удовлетворенія не было сдѣлано основательнымъ требованіямъ или настоятельнымъ необходимостямъ. Военныя контрибуціи, насильственные займы и двойные налоги, поглощаемые увеличивающимися долгомъ, казнокрадствомъ, расточительностью на шпіоновъ и монаховъ, оказываются недостаточны для содержанія огромныхъ гарнизоновъ и постройки укрѣпленій на всѣхъ границахъ и въ сердцѣ городовъ. Войска, собранныя въ одной провинціи, недостаточны для удержанія въ покорности населенія другой. Солдаты разныхъ націй, сходясь въ лагерѣ, дерутся между собою; иногда стрѣляютъ въ своихъ генераловъ, если они принадлежатъ къ враждебному племени. Таково мирное положеніе Австріи».

2. Изъ втораго письма «Итальянца».

«Милостивый Государь! Многіе англичане находятся подъ вліяніемъ ошибочной мысли, что Австрія владѣетъ своими итальянскими провинціями по наслѣдственному, достойному уваженія праву; они даже полагаютъ, что Пруссія и всѣ другія Германскія государства обязаны рядомъ непрерывныхъ преданій защищать Австрію во владѣніи этими землями. Я не буду входить въ вопросъ о правахъ Орлеанскаго дома и династіи Гонзага на герцогства Миланское и Мантуанское, права, которыя прежняя Австрійская династія (а не нынѣшняя Лотарингская фамилія) во-первыхъ не слишкомъ законнымъ образомъ присвоила себѣ, а во-вторыхъ до значительной степени передала Савойскому дому. Эти обветшалые вопросы совершенно уничтожены прекращеніемъ прежней Нѣмецкой имперіи.

«Потому я замѣчу только, что двѣ трети итальянскихъ подданныхъ Австріи составляютъ пріобрѣтеніе совершенно новое. Почти четыре милліона изъ нихъ принадлежатъ бывшему Венеціанскому государству, обнимавшему не только нынѣшнее Венеціанское королевство, но и землю на западъ отъ него, отъ Адидже до верхней Адды, вмѣстѣ съ бывшими Венеціанскими провинціями на восточномъ берегу Адріатическаго моря (Истрія, Далмація, Разуза и Каттаро), гдѣ итальянцы всегда жили въ брат-

Digitized by Google

ской дружбѣ съ храбрымъ славянскимъ племенемъ, съ потомками людей, ушедшихъ отъ турецкаго владычества. Кромѣ того по Вѣнскому трактату Австрія получила бывшій вольный епископскій городъ Тренто въ Тиролѣ, въ Альтеллинѣ, которая прежде принадлежала къ Швейцарской конфедераціи, и нѣсколько папскихъ округовъ на лѣвомъ берегу По; всѣ вмѣстѣ эти пріобрѣтенія имѣютъ около полумилліона жителей.

«Добровольное присоединеніе Далматскаго королевства къ Венеціанской республикѣ совершилось за много лѣтъ до вашего Вильгельма Завоевателя. Провинціи, которыми владѣла Венеція въ Ломбардіи, принадлежали ей уже въ 1547 году. Германіи вовсе не грозила опасностью Венеціянская власть въ этихъ земляхъ; напротивъ того, Венеціянская республика служила оплотомъ противъ турокъ. Венеція была такою защитою для неблагодарныхъ австрійцевъ, что до ея паденія въ 1797 году никогда французская армія не бывала въ Вѣнѣ; а послѣ того, когда Австрія завладѣла Венеціею, французы занимали Вѣну два раза, въ 1805 и 1809 году. И такъ Австрійцы должны признаться, что ихъ столица была безопаснѣе, имѣя своимъ авангардомъ Венеціянскую республику, нежели теперь, когда они должны защищаться сами.

«Тотъ способъ, какимъ Венеція, древнѣйшая свободная держава въ Европѣ, внезапно превращена была, 60 лѣтъ тому назадъ, изъ союзницы Австріи противъ французовъ въ добычу и жертву Австріи, этотъ маневръ—одна изъ постыднѣйшихъ сдѣлокъ въ исторіи. Отвѣтственность за это безнравственное дѣйствіе, окончательныя послѣдствія котораго еще неизвѣстны, тяжело лежитъ на Австріи, обманувшей венеціянскую аристократію, дѣйствовавшую за нее; тяжело лежитъ на Франціи, обманувшей молодыхъ энтузіастовъ, отворившихъ свои ворота арміи мнимыхъ друзей, для произведенія демократической реформы; тяжело лежитъ и на Англіи, получившей въ Іоническихъ островахъ, подъ именемъ протектората, часть добычи отъ разрушенія державы родственной ей по морю.

«Если бы Англія послѣдовала совѣтамъ своихъ благородныхъ согражданъ, подобныхъ лорду Гильдфорду, она могла бы, дѣйствительно, пріобрѣсть благороднѣйшій и выгоднѣйшій протекторатъ надъ двумя прекрасными племенами, населяющими Итальянско-Греческіе острова. Іоническіе острова, собственная Греція, Θессалія и Кандія, соединившись, чувствовали бы къ могущественной Англіи, защитницѣ ихъ свободы и возрожденія, такую же симпатію, какую обнаруживали къ Венеціи во время кандійской войны.

«20 апрѣля 1814 года, черезъ три недѣли послѣ капитуляціи Парижа, Евгеній Богарнье сдалъ Венецію австрійскимъ войскамъ, пользовавшимся помощью англійскаго флота. Черезъ недѣлю австрійцы вступили въ Миланъ. Англичане уже занимали Легорнъ и Геную. Англичане принимали на себя отвѣтственность во всѣхъ этихъ событіяхъ, которыми руководили; они участвовали во всѣхъ обѣщаніяхъ независимости, которыя тогда были торжественно даны итальянцамъ отъ имени союзниковъ. Даже для сохраненія своего вліянія надъ Италіею Англія могла бы обезпечить итальянцамъ трактатами независимость отъ иностранцевъ, свободу печати, свободу совѣсти и сохраненіе представительной формы, по крайней мѣрѣ той, какая была сохранена Наполеономъ.

«Но въ Италіи побѣда Англіи, пріобрѣтенная сокровищами и кровью лучшихъ сыновъ ея, была побѣдою папы, шпіонства и инквизиціи. Іезуиты вышли изъ своего гнуснаго гроба, чтобы развратить Италію и заразить всю Европу.

«Лучшіе и благоразумнѣйшіе люди съ грустью видѣли, на какую безславную жизнь осуждены они этою измѣною. Негодующимъ взоромъ они измѣряли великую разницу между прямымъ, хотя и военнымъ управленіемъ Наполеона, и унизительнымъ лицемѣріемъ безотвѣтственнаго деспотизма. Первоначальныя свободныя правительства, учрежденныя Бонапартомъ въ Миланѣ, Генуѣ, Римѣ, Неаполѣ, были также громко осуждаемы друзьями свободы, какъ и защитниками рабства и суевѣрія,—брань послѣднихъ сильно свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу. Дѣло въ томъ, что старинныя итальянскія государства, преобразованныя Бонапартомъ въ демократическія республики, имѣя представительные парламенты, вдругъ достигли такой степени свободы управленія, слова,

Digitized by Google

печати и жизни, что очень скоро при них истребился бы папизм, исчезли бы всѣ злоупотребленія, вся испорченность и изнѣженность. Это было возрожденіем итальянской жизни. Но скоро Наполеон, обольщенный принципами противными тѣм, на которых основалась его власть, покинул путь прогресса и обратился к одной грубой физической силѣ. Это было его первым, добровольным отреченіем.

«Кажется странным, что Наполеон, владѣя всею Италіею и зная, какою славою для него было возстановить полную ея независимость, вдруг измѣнил свой путь и стал дѣйствовать въ противорѣчіе съ самим собою. Он присоединил к Франціи, как простыя французскія префектуры, Турин, Геную, Парму, даже Флоренцію святилище итальянской литературы, Рим, святилище итальянской исторіи. Быть может он лучше, чѣм кто-нибудь, понимал природу своих соотечественников и боялся пробудить національную жизнь, чувствуя, что и на недолгое время нельзя будет удержать ее под иноземной опекою.

«Дух Наполеона возстает въ Италіи. Франціи не нужно переходить Альпы: она уже занимает центр Италіи; она чувствует повидимому, что призвана исполнять первыя, благородныя и святыя мысли ея великаго императора. Неужели Англія не соединится съ ней на это безкорыстное дѣло, не захочет пріобрѣсти нашего уваженія, нашей благодарности и любви помощію нам для прекращенія страданій, производимых дурным австрійским и папским управленіем?»

3. Отвѣт *Times'a* на второе письмо «Итальянца».

«По правилу выслушивать всѣ стороны, мы помѣстили второе письмо «Итальянца», убѣждающаго нас помогать Франціи въ «безкорыстном дѣлѣ», въ положеніи конца преступленіям и безумствам «дурнаго австрійскаго и папскаго правительства». Мы народ методическій, мы привыкли разсудительным образом поступать даже въ вопросах о симпатіях и національностях; потому прежде нежели мы получим расположеніе помогать Франціи въ ея предполагаемой итальянской политикѣ, мы не без основанія можем просить доказательств на то, что французское правительство дѣйствительно одушевлено тѣми превосходными намѣреніями, которыя придает ему наш пылкій корреспондент. Доказательства нам кажутся едва ли не слабыми. Наполеон I въ 1797 году провинился, как оказывается, «въ одном из постыднѣйших дѣл, о каких упоминает исторія». Он предал Венецію Австріи и «обманул молодых энтузіастов, отворивших ворота его арміи». Если таковы «благородныя и святыя намѣренія», осуществить которыя Франція считает, по мнѣнію итальянцев, своею обязанностью, то может быть он не ошибается; но такія намѣренія не должны ожидать себѣ никакой помощи от Англіи. Если же, как надобно скорѣе думать, «Итальянец» желает видѣть въ нас вѣру, что нынѣшнія намѣренія Франціи состоят въ том, чтобы, по примѣру Наполеона I, покрыть Италію демократическими республиками, мы желали бы нѣкоторых доказательств на то. Правленіе французских владѣній въ Италіи всегда слѣдовало формѣ правленія, существовавшаго въ самой Франціи, съ такою же прочностью, как полип принимает цвѣт скалы, за которую держится. Пока во Франціи была республика, ея итальянскія завоеванія также были республиками; когда Франція сдѣлалась имперіею, республики стали королевствами. Теперь Франція управляется императором. Можно ли предположить, чтобы вторая имперія захотѣла, въ противность примѣру первой, потерпѣть итальянскія республики, которыя были бы живою сатирою на нее? Папское и австрійское правленіе не нравится нашему «Итальянцу»; но какія черты превосходства над австрійским правленіем может он указать въ нынѣшнем французском правленіи? Развѣ во Франціи больше свободы перу и слову, нежели въ Австріи? Развѣ личная свобода лучше обезпечена? Ему не нравится папское правленіе. Но Франція имѣет лагерь въ Римѣ. Способ, каким она вошла въ него, десять лѣт тому назад, не предвѣщает особенно хороших шансов для демократической республики; а опора, которую она въ теченіе десяти лѣт дает своим вооруженным вмѣшательством правительству папы, единственным средством к укрощенію рим-

Digitized by Google

лянъ считающему содержаніе ихъ въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи,—эта поддержка не ободряетъ насъ къ большимъ надеждамъ о происхожденіи хорошаго правленія къ такого источника. Скорѣе мы думали бы, что Франція не готовитъ для Италіи ничего, кромѣ той правительственной системы, правленія перваго Наполеона, о которой нашъ корреспондентъ говоритъ такъ прекрасно. Изъ этого мы заключаемъ, что мы не призваны помогать Франціи, т. е. императору французовъ, въ ниспроверженіи нынѣшнихъ итальянскихъ правительствъ, потому что не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы его намѣренія простирались далѣе замѣны прежнихъ формъ новыми совершенно такими же».

В. Изъ преній объ адресѣ въ Палатѣ Общинъ (засѣданіе 3-го февраля 1859 года). Положеніе итальянскаго вопроса.

1. Изъ рѣчи лорда Пальмерстона.

«Судя по слухамъ, есть вѣроятность большой европейской войны, начинающейся столкновеніемъ въ Италіи между Франціею и Сардиніею съ одной стороны и Австріей съ другой; предметомъ войны будетъ, я полагаю, изгнаніе Австріи за итальянскі границы. Многіе думаютъ, и я въ томъ числѣ, что надобно чрезвычайно желать, въ интересахъ не только Италіи, но и самой Австріи, чтобы она не владѣла этими провинціями на югъ отъ Альповъ. Я не думаю, чтобы эти владѣнія увеличивали ея могущество. Я увѣренъ, что они ставятъ ее въ такое положеніе, которое дѣлаетъ ее предметомъ ненависти для многихъ и внушаетъ ей такую политику, отъ которой благоразумное правительство захотѣло бы удержаться. Но мы должны помнить, что она владѣетъ этими провинціями по трактату 1815 года (послѣ этого Пальмерстонъ говоритъ, что трактаты не могутъ быть произвольно нарушаемы). Нельзя было бы сказать, къ чему привело бы правило не признавать трактатовъ. Начинать войну нельзя легкомысленно. Легко начать ее; но невозможно сказать, каковы будутъ ея размѣры. Война между двумя такими могущественными державами, какъ Франція и Австрія, можетъ начаться изъ-за вопроса только о владѣніи Ломбардіею. Но сказать, какія державы могутъ напослѣдокъ быть вовлечены въ такой споръ, это выше человѣческой проницательности. Слѣдовательно тѣ, которые хотѣли бы возбудить или начать такую войну, должны были бы хорошенько взвѣсить отвѣтственность, лежащую на государственныхъ людяхъ. Начинать такую войну, значило бы вовлекать Европу въ бѣдствія, которыя трудно описать,—вовлекать по такой причинѣ, которая не въ состояніи оправдать подобной войны, хотя и представляется хорошею въ абстрактной теоріи. Но долженъ также сказать, что если Австрія опирается на прочное договорное право относительно провинцій, данныхъ ей трактатами, въ которыхъ участвовали всѣ европейскія державы, то у ней нѣтъ этого права, когда она переходитъ за границы, опредѣленныя этими трактатами; занятіе другихъ частей Италіи, не принадлежащихъ ей, оправдывается никакимъ договорнымъ правомъ. Я надѣялся бы, что хотя не будетъ войны (я вѣрю, что не будетъ войны), — я надѣялся бы, что эти предметы будутъ приняты въ соображеніе различными европейскими правительствами и будутъ приняты мѣры для прекращенія исключительнаго положенія вещей, которое возникаетъ изъ занятія папскихъ земель австрійскими войсками съ одной стороны и французскими войсками съ другой. Это положеніе вещей продолжается уже много времени. Оно—уклоненіе отъ нормальнаго положенія вещей. Оно не нарушаетъ никакого трактата, это правда, но оно и не узаконено никакимъ трактатомъ. Въ оправданіе говорятъ, что если бы чужеземныя войска были выведены, въ римскомъ и неаполитанскомъ государствахъ вспыхнула бы революція. Но я предложилъ бы средство лучшее, нежели занятіе земель иностранными войсками. Я предложилъ бы исправленіе недостатковъ, которые привели къ нему; пусть только эти правительства примутъ совѣтъ, данный имъ еще въ 1832 пятью великими державами; пусть они преобразуютъ свою систему, пусть они по-

Digitized by Google

жатъ конецъ тираническимъ злоупотребленіямъ, угнетающимъ и ожесточающимъ народъ, и тогда не будетъ революціи, тогда занятіе иностранными войсками можетъ прекратиться, и внутреннее спокойствіе тѣхъ странъ перестанетъ быть въ опасности. Но если эти государства не положатъ конца нынѣшней системѣ, пусть они подвергаются ея послѣдствіямъ. Потому я присоединяюсь ко всѣмъ людямъ разсудительнаго ума, въ отвращеніи отъ этой войны, слухи о которой разнеслись повсюду, и выражаю надежду, что проницательность правителей и здравый смыслъ націй будутъ стремиться къ сохраненію европейскаго мира».

2. Изъ рѣчи д'Израэли.

«Мы откровенно сообщили Франціи и Австріи нашъ взглядъ на ихъ положеніе въ Италіи, бывшее поводомъ къ этому несчастному соперничеству и несогласію. Мы также признаемъ неудовлетворительное положеніе многихъ частей Италіи, какъ и благородный лордъ (Пальмерстонъ). Я думаю, что палата согласна съ благороднымъ лордомъ въ его порицаніи каждаго поступка, которымъ нарушились бы важные трактаты, ограждающіе спокойствіе Европы, какая бы держава ни поступила подобнымъ образомъ. Но благородный лордъ справедливо замѣчаетъ, и всѣ здравомыслящіе люди согласятся съ нимъ, что состояніе центральной Италіи чрезвычайно неудовлетворительно и что эта неудовлетворительность очень мало связана, или вовсе не связана съ важными трактатами, силу которыхъ благородный лордъ, подобно всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, желаетъ охранить. Настоящее правительство давно замѣчало, и его предшественники также замѣчали неудовлетворительность въ положеніи дѣлъ центральной Италіи. Но въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ между иноземными державами недовольство ихъ положеніемъ? Причина въ томъ, что центральная Италія занята арміями двухъ великихъ военныхъ державъ Европы. Эти державы— Франція и Австрія, взаимное соперничество и недовѣріе которыхъ порождаетъ столько опасностей. При этихъ обстоятельствахъ, мы сообщили нашимъ союзницамъ, Франціи и Австріи,—я не только этимъ двумъ державамъ, но также и дворамъ туринскому, берлинскому и санктпетербургскому, что состояніе центральной Италіи неудовлетворительно, и чрезвычайно полезно было бы принять мѣры для устраненія давнихъ причинъ общественнаго неудовольствія и безпокойствъ для всей Европы. Но мы съ такой же откровенностью и твердостью выразили наше мнѣніе, что эти великіе и благодѣтельные результаты не могутъ быть достигнуты низверженіемъ существующаго порядка, основаннаго на договорахъ, а скорѣе обращеніемъ вліянія государствъ, заинтересованныхъ въ итальянскомъ вопросѣ, на улучшеніе состоянія центральной Италіи. Стараясь и во Франціи и въ Австріи отвратить недовѣріе, возникшее между ними, представляя имъ всѣ соображенія для сохраненія мира, мы также говорили этимъ двумъ великимъ державамъ объ обязанности ихъ замѣнить непріязненный споръ за военное владычество въ Италіи болѣе благороднымъ соревнованіемъ о содѣйствіи интересамъ Италіи и улучшеніи ея положенія. Мы указывали Франціи и Австріи, что особенность ихъ положенія,—одна изъ нихъ владѣетъ частью Италіи, другая занимаетъ древнюю столицу Италіи, обѣ онѣ старшія дочери католической церкви,—мы указывали имъ, что такая особенность положенія ставитъ первою обязанностью ихъ вступать въ совѣщаніе о томъ, не можетъ ли соединенное ихъ вліяніе склонить государей центральной Италіи къ такой политикѣ, которая устранила бы злоупотребленія и административные недостатки, признанные невыносимыми по общему мнѣнію. Мы не захотѣли присоединиться сами къ этимъ усиліямъ, не потому, чтобы желали уклониться отъ отвѣтственности или отъ исполненія высокихъ обязанностей, лежащихъ въ эту критическую минуту на всѣхъ великихъ державахъ, но намъ казалось, что вмѣшательство Англіи, протестантской державы, въ такія дѣла можетъ быть фальшиво истолковано, и что лучше будетъ, если результаты, которыхъ желаетъ и Англія, осуществятся соединеннымъ вліяніемъ Франціи и Австріи. Безъ сомнѣнія таже мысль руководила Пруссіею и Россіею. Но удерживаясь отъ прямаго вмѣшательства, не выступая на первый планъ, всячески убѣждая Францію и Австрію соединить свои усилія къ д

стиженію великаго результата, къ улучшенію итальянскихъ правительствъ, мы также сказали, что еслибы результатъ ихъ совѣщаній былъ, по ихъ мнѣнію, столь важенъ, что другія великія державы, подписавшія трактатъ 1815 года, должны были бы согласиться съ ними для достиженія дальнѣйшихъ цѣлей, если бы, напримѣръ, Франція и Австрія почли необходимымъ и полезнымъ произвести какія нибудь территоріальныя перемѣны въ центральной Италіи, то мы съ полною готовностью стали бы помогать имъ нашимъ совѣтомъ и вліяніемъ для произведенія такого результата, и стали бы склонять другія державы, участвовавшія въ договорахъ 1815 года, присоединиться къ этому дѣлу и помогать ему. Я думаю, что этотъ образъ дѣйствій будетъ одобренъ Палатою. Мы не можемъ думать, и ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ думать, чтобы улучшеніе или возрожденіе Италіи могло быть достигнуто превращеніемъ ея снова въ поле битвъ. Рекомендуемая нами политика представляется столь здравой, умѣренной и согласной съ мнѣніями всѣхъ разсудительныхъ людей, что я не отчаяваюсь увидѣть ее принятою, и потому, хотя я допускаю, что дѣла находятся теперь въ критическомъ положеніи, но не соглашусь еще съ благороднымъ лордомъ (Пальмерстономъ), что война, и можетъ быть общая европейская война, кажется теперь вѣроятною. Я сказалъ, что мы сдѣлали туринскому двору представленія въ томъ же смыслѣ и съ тою же откровенностью и полнотою, какъ Франціи и Австріи. Устройство Сардиніи таково, что необходимо и натурально вызываетъ сочувствіе въ свободномъ парламентѣ; и нѣтъ въ Италіи государства, къ которому англійскія чувства были бы такъ расположены, какъ къ Сардиніи, особенно въ послѣдніе годы. Мы всѣ надѣялись, что Сардинія будетъ орудіемъ нравственнаго и матеріальнаго улучшенія для Италіи, по отношенію къ свободѣ и въ другихъ отношеніяхъ; и я не покину поспѣшно надеждъ, казавшихся столь основательными и бывшихъ столь ободрительными для каждой благородной души; но я хотѣлъ бы внушить этому милому для насъ государству, что на пути, по которому оно идетъ, терпѣніе должно быть добродѣтелью, столь же необходимою и драгоцѣнною, какъ энергія и предпріимчивость, обнаруживаемыя Сардиніею; хотѣлъ бы внушить, что сохраненіемъ порядка, охраненіемъ своей политической свободы, пріобрѣтеніемъ опытности въ пользованіи этою свободою, опытности, увеличивающейся въ ней съ каждымъ годомъ, она вѣрнѣе достигнетъ своей конечной цѣли, т. е. возрожденія Италіи, нежели могла бы достичь союзомъ съ какою нибудь великою державою, которая могла бы на минуту придать ей искусственную силу, но вѣроятно только вовлекла бы ее въ ненатуральныя усилія, — а эти усилія могутъ кончиться ослабленіемъ маленькаго государства. Я обманулъ бы Палату, если бы сказалъ, что представленія нами сдѣланныя произвели уже дѣйствія столь полныя, какъ мы желали. Но они были сдѣланы откровенно, полно и свободно всѣмъ государствамъ Европы. (Тутъ Д'Израэли увѣряетъ, что одна изъ причинъ, по которымъ онъ надѣется на сохраненіе мира, состоитъ въ его довѣріи къ мудрости французскаго императора, искренно желающаго сохранить дружбу съ Англіей; онъ прибавляетъ, что слухи о намѣреніи Наполеона III при удобномъ случаѣ внезапно напасть на Англію, неосновательны, и что при нынѣшнемъ состояніи англійскихъ войскъ нападеніе на Англію было бы безразсуднѣе, нежели когда нибудь; потомъ заключаетъ): Мы не вступали ни въ какіе союзы; мы не дѣлали никакихъ конвенцій по итальянскому вопросу, но дали всѣмъ замѣшаннымъ въ него державамъ одинъ и тотъ же откровенный, дружескій и искренній совѣтъ. Нашъ совѣтъ имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ сохраненіе мира, во-вторыхъ улучшеніе состоянія Италіи: и я не могу покинуть моего убѣжденія, что въ наше время, когда общественное мнѣніе, если не въ каждой странѣ всесильно, то въ каждой странѣ имѣетъ великую и благодѣтельную власть, военная борьба не будетъ начата изъ прихоти склоняющей къ нападенію, но что всѣ великіе государи, гдѣ бы ни стоялъ ихъ престолъ, въ Англіи или въ Германіи, поймутъ что есть слава выше военной славы и есть источникъ могущества болѣе вѣрный, нежели хвастовство военною силою». (Далѣе слѣдуютъ, въ томъ же смыслѣ, философскія разсужденія, съ явнымъ отношеніемъ къ Наполеону III).

Digitized by Google

3. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Есть въ тронной рѣчи предметъ, который долженъ служить не темою для будущихъ нашихъ разсужденій, какъ другіе предметы, которыхъ касается тронная рѣчь, но о которомъ, если надобно говорить, то надобно говорить нынѣ же; относительно этого предмета достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) желаетъ по возможности успокоить палату, но самъ чувствовалъ, что вовсе не могъ достаточно успокоить ее. Онъ сказалъ относительно возникновенія войны между двумя великими державами Европы, что усомнился бы сказать, что эта война вѣроятна, или что на миръ нѣтъ никакой надежды. Мнѣ кажется, что эти выраженія служатъ справедливою оцѣнкою нынѣшняго положенія дѣлъ, и что они вовсе не успокоительны. Я совершенно согласенъ почти съ каждымъ словомъ, сказаннымъ моимъ благороднымъ другомъ, депутатомъ Тайвертона (Пальмерстономъ) объ этомъ предметѣ. Я желалъ бы, чтобы въ 1815 году судьба сѣверныхъ провинцій Италіи была устроена какъ нибудь иначе. Я желалъ бы, чтобы, хотя въ послѣдніе годы, Австрія почла выгоднымъ отказаться отъ нѣкоторыхъ областей сѣверной Италіи. Но трактатъ, дающій ей эти области, принадлежитъ къ государственному праву Европы и не можетъ быть нарушенъ безъ прекращенія европейскаго мира. Потому я хотѣлъ бы надѣяться вмѣстѣ съ почтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), что не будетъ легкомысленнаго нарушенія этого трактата. Но если бы нападеніе было сдѣлано съ цѣлью расширенія границъ, если бы Франція захотѣла присоединить къ себѣ какія нибудь области, а Сардинія увеличить свои владѣнія, отъ такихъ намѣреній нападеніе только сдѣлалось бы еще болѣе дурнымъ, нежели просто легкомысленное нарушеніе трактата. Я всегда чувствовалъ глубокую симпатію къ независимости и свободѣ Италіи; но я не могу сказать, чтобы дѣло итальянской свободы и независимости, по моему мнѣнію, получило пользу отъ такой войны, какую повидимому хотятъ начать. Въ старинные дни вигистскаго клуба часто провозглашался тамъ тостъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Когда мистеръ Кеннингъ сдѣлался иностраннымъ министромъ и былъ обѣдъ въ Гервичѣ, послѣ новаго выбора его въ депутаты, онъ также провозгласилъ тостъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Я также стою за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ; но клянусь жизнью, я не вижу, какимъ образомъ это дѣло могло бы выиграть отъ такого нападенія, о которомъ теперь говорятъ. Мы не имѣемъ права подвергать нашему разбору форму правительства, принятую у сосѣдней націи. Придавая высокую цѣну миру, проникаясь тѣмъ господствующимъ мнѣніемъ, что миръ должно сохранять, французская нація показываетъ свое сужденіе о состояніи, въ которомъ она находится, и не намъ спорить съ нею о формѣ ея правительства. Но если это правительство хочетъ вторгнуться въ другую страну съ цѣлью улучшить въ ней форму правительства, то мы имѣемъ право спросить, выиграетъ ли свобода и независимость этой страны отъ такого нападенія. По всѣмъ этимъ причинамъ я долженъ осудить предполагаемую войну, какъ нарушеніе европейскаго мира, какъ чрезвычайно дурной примѣръ, колеблющій довѣріе ко всѣмъ трактатамъ, на которыхъ основанъ миръ Европы. Но мы не должны пытаться,—и ни дѣло мира, ни дѣло будущаго благосостоянія Европы, не получатъ никакой выгоды, если мы будемъ пытаться закрывать глаза, чтобы не видѣть тѣхъ важныхъ бѣдствій и страданій, которымъ подвергнута Италія. Съ перваго же года по заключеніи Вѣнскаго трактата, Австрія стала стремиться къ тому, чтобы управлять цѣлой Италіей; она своимъ вмѣшательствомъ отклоняла неаполитанскаго короля отъ введенія въ его королевство учрежденій, основанныхъ на принципахъ не похожихъ на принципы. господствовавшіе въ Австріи; и когда, въ 1821 году, неаполитанскій народъ сдѣлалъ попытки, чтобы улучшить свои учрежденія и имѣть представительное собраніе, что было сдѣлано? Австрійская армія вошла въ Неаполь и 40,000 войска было поставлено въ этомъ королевствѣ, чтобы лишить неаполитанскій народъ тѣхъ учрежденій и законовъ, какіе онъ считалъ лучшими. Лордъ Кестэльри при этомъ случаѣ отъ имени британскаго правительства объявилъ,— это можно назвать протестомъ,—что британское правительство не можетъ одобрить

Digitized by Google

принципа, по которому было сдѣлано это вторженіе. Потомъ, когда пармскій народъ, страдавшій тогда подъ самымъ дурнымъ правительствомъ, подъ властью самой дурной аристократіи и самаго дурнаго духовенства въ цѣлой Европѣ, хотѣлъ улучшить свое положеніе, 12,000 австрійскаго войска вошли въ эту страну, чтобы не допустить народъ къ улучшенію своихъ учрежденій. Въ 1831 году опять было такое же вмѣшательство; правда, былъ данъ совѣтъ папѣ, но въ тоже время были употреблены насильственныя средства. Въ 1848 году тосканскій народъ, среди общаго хаоса и смятенія, господствовавшаго на континентѣ, сталъ недоволенъ своимъ кроткимъ правительствомъ и учредилъ республику; но скоро онъ раскаялся въ своей опрометчивой революціи, уничтожилъ республиканское правленіе и возстановилъ власть великаго герцога Тутъ мы увидѣли примѣръ того, что народъ по собственному согласію желалъ возвратиться къ той кроткой формѣ правленія, которую находилъ сообразнѣйшею съ своимъ довольствомъ и благосостояніемъ; но этимъ не удовольствовались. Большой австрійскій отрядъ вошелъ въ Тоскану и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ, безъ всякой надобности и цѣли, кромѣ того, чтобы оскорблять этотъ кроткій и покорный народъ зрѣлищемъ чужеземнаго военнаго господства. И относительно центральной Италіи, о которой говорилъ достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли), надобно замѣтить, что соперничество Франціи было возбуждено именно этими австрійскими вмѣшательствами. Они были причиною того, что въ началѣ царствованія Луи-Филиппа было послано въ Анкону французское войско для противодѣйствія австрійскому вмѣшательству въ другихъ частяхъ Италіи. Въ 1848 году австрійскія войска также вмѣшались въ управленіе легатствами, и французскій отрядъ былъ немедленно посланъ въ Римъ и овладѣлъ Римомъ; и по словамъ почти всѣхъ тогдашнихъ оффиціальныхъ представителей Франціи, это было сдѣлано единственно потому, что Франція не могла допустить Австрію имѣть полную власть надъ Италіей. Но соперничество этихъ двухъ великихъ державъ имѣло результатомъ бѣдствія несчастнаго народа, надъ которымъ военной силой было поставлено правительство самое ненавистнѣйшее ему. Надобно замѣтить, что императоръ французовъ самъ написалъ письмо, въ которомъ указывалъ, какими средствами можно улучшить положеніе римскаго народа,—онъ совѣтовалъ ввести наполеоновскій кодексъ, свѣтскую администрацію и т. п. Но этотъ совѣтъ не былъ принятъ. Австрійское правительство во многихъ отношеніяхъ можно назвать просвѣщеннымъ. Но въ Болоньи и Анконѣ не австрійское правительство, тамъ только австрійское войско, а въ Римѣ французское войско; и этими войсками поддерживается въ Папской Области самое худшее правленіе, какое только существовало въ ней. Кто сомнѣвается въ этомъ пусть прочтетъ сочиненія о Папской Области. Я самъ слышалъ, какъ были разрушены всѣ попытки къ улучшенію. Народъ говорилъ: «дайте намъ свѣтскую администрацію и замѣните чиновниковъ-монаховъ свѣтскими чиновниками». Посланы были свѣтскіе чиновники, но люди такого рода, что бѣдный народъ сказалъ: «дайте намъ опять монаховъ, дайте намъ кардинала или кого угодно, лишь смѣните ихъ». Изъ этого выводятъ доказательство, что народъ не хочетъ свѣтскаго правительства. Такимъ же образомъ выводятъ, что народъ не желаетъ муниципальныхъ учрежденій. До французской революціи были муниципальныя учрежденія и народъ управлялъ многими изъ своихъ дѣлъ. Французы разрушили всѣ эти муниципальныя учрежденія, но замѣнили ихъ хорошею администраціею, или что называется просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Съ 1852 года они не имѣютъ ни муниципальныхъ учрежденій, ни просвѣщеннаго деспотизма; они имѣютъ всевозможное взяточничество и притѣсненіе. Два года тому назадъ я читалъ Палатѣ достовѣрное свидѣтельство о томъ, что въ Папской Области сознаніе у преступниковъ вынуждается пыткою. Удивительно ли, что народъ, управляемый такимъ образомъ, при помощи иностранныхъ войскъ, недоволенъ правительствомъ и готовъ на все, лишь бы прекратилось нынѣшнее состояніе! Какъ же помочь этому? Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) говоритъ, что былъ поданъ совѣтъ, чтобы Австрія и Франція придумали мѣры, указали средства къ улучшенію судоустройства и администраціи. Совѣтъ очень хорошъ, но есть планъ, который лучше всякаго другаго: онъ состоитъ въ томъ, чтобы народу дали самому устроить свои законы. Я недавно читалъ брошюру Фарини. Синьоръ Фарини говоритъ: «По парижскому трактату жителямъ Молдавіи и Валахіи

Digitized by Google

дозволяется собраться для соображенія, какъ устроить свое правленіе. Почему бы намъ не позволить того же? Почему бы жителямъ Романьи не позволить собраться объявить, подъ какими законами они хотѣли бы жить»? Мнѣ кажется, что синьоръ Фарини совершенно правъ; и въ рѣчи королевы вы слышали объявленіе, что представители Дунайскихъ Княжествъ собрались и установили себѣ законы. Я убѣжденъ, что народъ центральной Италіи,—народъ, 500 лѣтъ славившійся въ литературѣ, 500 лѣтъ бывшій просвѣщеннымъ народомъ и потому далеко превосходящій жителей Дунайскихъ Княжествъ,—что этотъ народъ, если иностранныя войска будутъ выведены,—я убѣжденъ, что если это сдѣлается, то народъ Папской Области скоро установитъ такіе законы для своего правленія, результатомъ которыхъ будетъ общее довольство и благосостояніе. Позвольте жителямъ Болоньи, позвольте жителямъ Романьи составить для себя законы, и я увѣренъ, что затруднительность итальянскаго вопроса почти исчезнетъ. Я думаю, что въ такомъ случаѣ не было бы надобности въ кровавой войнѣ, отъ которой, не выиграетъ ихъ свобода и отъ которой, опасаюсь я, едва ли пріобрѣтутъ они независимость. Я согласенъ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), съ моимъ благороднымъ другомъ (Пальмерстономъ) и со всею Палатою въ надеждѣ, что такое страшное бѣдствіе, какъ война, не посѣтитъ Европу. Я не могу вѣрить, чтобы была достаточная причина для нея. Вы сказали въ парижскомъ трактатѣ и сказали очень благоразумно, что не должно быть никакого вмѣшательства иноземной вооруженной силы въ дѣла Дунайскихъ Княжествъ, въ дѣла Сербіи, иначе, какъ по согласію на такое вмѣшательство всѣхъ державъ, бывшихъ участницами договора. Почему не сказать того же самаго о всѣхъ итальянскихъ государствахъ? Почему не сказать, что ни въ Церковную Область, ни въ Тоскану, ни въ Неаполь не должны вступать иноземныя войска иначе, какъ по согласію европейскихъ державъ? Я не думаю, чтобы какой бы то ни было планъ, составленный австрійскимъ правительствомъ, или французскимъ правительствомъ, для управленія Папскою Областью, могъ имѣть успѣхъ, потому что папское правительство имѣетъ довольно таланта и хитрости, чтобы разстроивать всякія новыя распоряженія и уклоняться отъ нихъ».

С. Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету Times'a).

«Я предполагаю, что мы всѣ реформеры; нѣтъ человѣка, который не былъ бы за парламентскую реформу. А если каждый за реформу, то зачѣмъ же мы предостерегаемъ народъ противъ обмана? Замѣчали ли вы разсужденія газетъ о реформѣ и образѣ нашихъ дѣйствій въ послѣдніе три мѣсяца? Я готовъ допустить, что выражался не всегда хорошо (нѣтъ, нѣтъ), но все-таки объясненія многихъ газетъ были внушены не честнымъ желаніемъ дружески указать ошибки, въ которыя могъ я впасть, а глубокимъ чувствомъ вражды. Замѣчали ли вы также паническій страхъ, овладѣвшій нѣкоторыми членами Палаты Лордовъ? Эти нобльмены воображаютъ, что нашъ народъ можно удержать отъ стремленія къ великой цѣли, приписывая мнѣ выраженія, которыхъ цѣль я ни мало не одобряю.

«Великій вопросъ, разсуждать о которомъ мы собрались, можетъ быть раздѣленъ на три части:

Во-первыхъ, какъ поступить относительно расширенія границъ избирательнаго права?

«Во-вторыхъ, надобно ли произвести какую нибудь перемѣну въ способѣ подачи голосовъ?

«Въ-третьихъ, какія мѣры надобно принять, чтобы взять депутатовъ отъ мѣстъ и населеній, совершенно неспособныхъ хорошо пользоваться правомъ выбора, и какимъ новымъ или старымъ большимъ городамъ, или промышленностямъ и населеніямъ должны быть потомъ переданы эти депутаты?

«Послѣдній вопросъ будетъ главнымъ предметомъ моей нынѣшней рѣчи; но прежде я долженъ также сказать по нѣскольку словъ о первомъ и второмъ.

Digitized by Google

«Главное мое возраженіе противъ нынѣшняго ценса въ томъ, что онъ исключаетъ отъ выборовъ многочисленнѣйшій классъ. Жильцы квартиръ въ 10 фунтовъ вообще не принадлежатъ къ сословію, получающему заработную плату. Предметомъ реформы 1832 года было—не дать голоса классу работниковъ. Я не осуждаю этотъ билль или его составителей; я не спорю, что онъ былъ великою мѣрою, какъ первый шагъ нашъ къ распространенію политическихъ правъ въ народѣ; но дѣло въ томъ, что онъ исключаетъ обширный классъ работниковъ, и я утверждаю, что такое исключеніе обида для всѣхъ другихъ честныхъ классовъ и громадная несправедливость къ тому классу, до котораго непосредственно относится. Нѣтъ необходимости, чтобы каждый имѣлъ голосъ; но необходимо, для удовлетворенія здраваго смысла и справедливости, чтобы избирательное право было распредѣлено безобидно и съ возможной соразмѣрностью между всѣми классами націи. Какъ достичь этой цѣли? Я думаю, что мы должны принять какой нибудь широкій и общій, всеобъемлющій принципъ. Я рекомендовалъ, чтобы участіе въ парламентскихъ выборахъ было дано всѣмъ, трудъ которыхъ облагается податью на пособіе бѣднѣйшимъ и безнадежно больнымъ людямъ. Я знаю, что въ Бредфордѣ многіе джентльмены расположены въ пользу того, чтобы голосъ былъ данъ каждому, имѣющему свое домашнее хозяйство. Я не вижу существенной разницы между этими двумя предложеніями, и если я не требую отъ каждаго, расположеннаго въ пользу голоса по хозяйству, идти со мною за голосъ по подати, то самъ я съ величайшимъ удовольствіемъ пойду съ нимъ за голосъ по хозяйству, который онъ предпочитаетъ. Единственная разница между этими двумя основаніями, сколько я могу видѣть, клонится въ пользу принимаемаго мною. Голосъ по хозяйству исключалъ бы каждаго, кто не имѣетъ особенной своей квартиры. Я предполагаю, что приверженцы голоса по хозяйству не желаютъ исключить отъ выборовъ людей, живущихъ на квартирѣ у своихъ друзей. Я принимаю, какъ я говорилъ прежде, тотъ цензъ, который Фоксъ и покойный лордъ Грей предлагали въ 1797 году, лордъ Дергемъ предлагалъ во время билля о реформѣ въ 1832 году и защищали почти всѣ важнѣйшіе реформеры послѣднихъ 60 лѣтъ. Я думаю, что если будетъ установленъ такой цензъ, то во всемъ королевствѣ будетъ чувствоваться невозмутимая увѣренность, что по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ парламентъ оказалъ полную справедливость всѣмъ классамъ народа. Я совершенно готовъ принять къ этому общему правилу всякія дополненія, для доставленія участія въ выборахъ лицамъ, желающимъ того, и я увѣренъ, что значительная часть лицъ, пользующихся теперь правомъ выбора, не будутъ вполнѣ довольны никакою мѣрою, которая была бы скупа на отличіе, драгоцѣнное для гражданъ свободной страны. Сильный авторитетъ (газета *Times*) говоритъ мнѣ, что отъ столь обширнаго распространенія ценса возникнетъ опасность. Я кратко опредѣлю дѣйствительную границу предлагаемаго расширенія. Я полагаю, что въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно большую пропорцію населенія, число избирателей увеличится втрое. Но въ очень многихъ другихъ городахъ,—я полагаю во всѣхъ тѣхъ, которые не чисто мануфактурные города, число избирателей увеличится не больше, какъ вдвое; а взявъ вмѣстѣ всѣ города королевства, я думаю, что расширеніе будетъ почти въ два съ половиною раза сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ избирателей. Могутъ сказать, что и это очень большое расширеніе, могутъ говорить: «кто знаетъ, что сдѣлаютъ новые избиратели». Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ? (хохотъ). Я совершенно увѣренъ, что изъ членовъ парламента нѣкоторымъ прійдется измѣнить тарифъ своихъ мнѣній, или они не попадутъ въ новый парламентъ (хохотъ и аплодисменты). Есть другіе члены, которыхъ полезно будетъ сохранить въ парламентѣ, но которые найдутъ свое положеніе въ немъ измѣнившимся. Но я полагаю, что вообще новыя избирательныя корпораціи будутъ дѣйствовать по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, которыми руководятся нынѣшніе избиратели. Или вы боитесь, что на улицахъ у васъ будутъ безпорядки? Вы слышали, что когда было предложено (въ 1832 году) дать двухъ депутатовъ городу Лидсу и установить десяти-фунтовый цензъ, былъ банкиръ, который объявилъ, что будетъ не безопасно имѣть банкъ въ этомъ городѣ и что, если это предложеніе будетъ принято, онъ долженъ будетъ перенести свой банкъ,—вѣроятно,

Digitized by Google

въ какую нибудь деревушку. Всѣ толки о безпокойствахъ отъ людей, имѣющихъ голосъ на выборахъ,—возникаютъ изъ незнанія, рѣшительно непонятнаго. Я всегда полагалъ, что голосъ на выборахъ—символъ нравственной силы, въ противоположность физическому насилію. Я всегда полагалъ, что когда человѣкъ имѣетъ право подать свой голосъ, то мысль о насиліи исчезаетъ изъ его ума и дубина выпадаетъ изъ его рукъ (аплодисменты). Но мнѣ говорятъ, что новые избиратели поглотятъ нынѣшнихъ избирателей. Одинъ изъ моихъ лондонскихъ друзей писалъ мнѣ: «возбуждаютъ мнѣніе или опасеніе, что вашъ цензъ поглотитъ лавочниковъ, и лавочники поднимаются противъ васъ». Но что говорили въ 1832 году? Говорили: не должно вводить въ цензъ лавочниковъ, потому что лавочники поглотятъ кого-то выше ихъ (хохотъ и аплодисменты). Я не думаю, чтобы булочники, бакалейщики и другіе лавочники въ Бредфордѣ или какомъ нибудь другомъ городѣ, составляли заговоръ для поглощенія людей съ большими капиталами, какъ напримѣръ оптовыхъ торговцевъ, мануфактуристовъ и т. д.; а если вы спуститесь по лѣстницѣ богатства, вы сойдете къ людямъ той же самой плоти, тѣхъ же фамилій, съ тѣми же интересами, тѣми же надеждами и опасеніями, къ людямъ читающимъ тѣ же газеты, узнающимъ изъ нихъ тѣ же факты. Вы можетъ быть не знаете, что при нынѣшнемъ цензѣ люди, занимающіе квартиры отъ 10 до 25 фунтовъ, составляютъ гораздо болѣе половины всѣхъ избирателей; но эти люди, съ цензомъ менѣе 25 фунтовъ, не дѣлали ничего такого, чтобы поглотить людей съ цензомъ выше 25 фунтовъ. И когда цензъ спустится до 3 фунтовъ, или до голоса по хозяйству, или по подати, я думаю, что подобное опасеніе окажется такою же совершенною нелѣпостью, какъ оказалось опасеніе отъ ценса, установленнаго реформою 1832 года.

«Есть еще вопросъ о цензѣ для графствъ. До сихъ поръ онъ былъ, какъ говорится, болѣе консервативнаго характера, чѣмъ цензъ въ городахъ. До реформы 1832 года онъ былъ основанъ на поземельной собственности; теперь онъ установленъ въ 50 фунтовъ наемной платы. Уже много лѣтъ предлагалось понизить его до той нормы, какъ въ городахъ. Я полагаю, что таково мнѣніе большинства настоящей Палаты Общинъ. Я думаю, что такой цензъ найдетъ много сочувствія и въ городахъ, и въ графствахъ. Я вовсе не намѣренъ защищать или предлагать такихъ мѣръ, которыя были бы далеко впереди общественнаго мнѣнія; напротивъ, я хочу идти наравнѣ съ нимъ и дѣйствовать согласно съ нимъ; потому буду совершенно доволенъ учрежденіемъ во всѣхъ графствахъ 10-ти фунтоваго ценса.

«Когда всѣ эти люди, не бывшіе избирателями, получатъ голосъ, важнымъ становится вопросъ, какъ они будутъ подавать голосъ: такъ ли, какъ подавался голосъ до сихъ поръ, или могутъ получить обезпеченіе и защиту отъ посторонняго вліянія и угрозъ черезъ введеніе баллотировки. Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ есть представительная система, выборы производятся посредствомъ баллотировки. Помнится, я читалъ у какого-то историка Соединенныхъ Штатовъ,—надѣюсь, что никто не испугается ссылки на Соединенные Штаты (хохотъ), что свобода представительныхъ учрежденій зависитъ отъ баллотировки (аплодисменты). Люди богатые, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень храбры (хохотъ),—не нуждаются въ баллотировкѣ и не требуютъ ея; но почти всѣ тѣ, которые не богаты, считаютъ ее совершенной необходимостью, чтобы можно было имъ честно исполнять свою общественную обязанность на выборахъ (аплодисменты). Я думалъ бы, что скорѣе надобно принять во вниманіе мнѣніе тѣхъ, которые чувствуютъ необходимость баллотировки, нежели мнѣніе тѣхъ, для кого она всегда не будетъ важна. Опыты послѣднихъ 20 лѣтъ въ парламентскихъ выборахъ убѣдили меня, что я не доставлю никакой пользы моимъ согражданамъ, которые вновь получатъ право голоса, если право голоса будетъ имъ дано безъ защиты баллотировкою. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что баллотировка будетъ принята въ скоромъ времени (аплодисменты). Теперь въ Палатѣ Общинъ болѣе 230 членовъ, подававшихъ голосъ за баллотировку; и каждые выборы до новой парламентской реформы будутъ увеличивать это число; а выборы послѣ реформы, если бы даже было возможно парламенту принять реформу безъ баллотировки, очень сильно увеличили бы число такихъ членовъ; и я совершенно увѣренъ, и полагаю, что точно также увѣренъ

Digitized by Google

каждый разумный человѣкъ въ Палатѣ Общинъ, что теперь баллотировка почти въ рукахъ избирателей (аплодисменты).

«Перейдемъ теперь къ вопросу о распредѣленіи депутатовъ. Въ прежнихъ моихъ рѣчахъ я говорилъ объ этомъ только въ общихъ выраженіяхъ, потому что, вы сами увидите, никакихъ подробностей нельзя было сказать объ этомъ предметѣ, иначе какъ внимательно разсмотрѣвъ списокъ городовъ съ ихъ населеніемъ. Чтобы видѣть, у какихъ городовъ надобно взять депутатовъ, надобно было прежде сдѣлать внимательныя и подробныя изслѣдованія. Когда я ѣхалъ сюда, меня спросили, могу ли я сказать, каковъ будетъ билль правительства? Спрашивавшій меня объ этомъ былъ молодъ въ политикѣ. Я не посвященъ въ тайны министерства, но воспользуюсь случаемъ сказать, что ни одно изъ моихъ рѣшеній не было принято по чувству какой нибудь враждебности къ министерству лорда Дерби. Я знаю, что одна партія старается нанести уронъ другимъ и что почти каждое слово, сказанное человѣкомъ въ моемъ положеніи, можетъ быть перетолковано въ разныхъ смыслахъ; но опытъ учитъ меня, что когда идетъ вопросъ о правительственныхъ формахъ, когда надобно осуществить въ законѣ великій принципъ, то, если вы желаете имѣть на вашей сторонѣ правительство, сердце и совѣсть народа, необходимо вамъ идти дорогою независимою отъ обѣихъ партій, идти прямымъ путемъ не къ цѣлямъ партій, а къ великой цѣли, къ которой стремится ваша мысль и мысль націи (аплодисменты).

Такъ вотъ есть разные способы произвести распредѣленіе депутатовъ, если будетъ новое распредѣленіе. Во-первыхъ, правительство или кто нибудь другой можетъ предложить, чтобы всѣ маленькіе города, которымъ никто не хочетъ оставлять особенныхъ депутатовъ, все таки удержали право выбирать депутатовъ въ соединеніи съ двумя или тремя деревенскими приходами, населеніе которыхъ вмѣстѣ съ населеніемъ такого маленькаго города составило бы цифру довольно значительную. Въ такомъ случаѣ и не было бы перемѣщенія депутатовъ. Мы имѣемъ такіе опыты въ нѣсколькихъ городахъ. Есть маленькій городъ, въ которомъ по улицамъ растетъ трава; по сосѣдству на 5 или на 6 миль во всѣ стороны двѣ три деревушки, нѣсколько фермъ, на каждой по нѣскольку жителей, гдѣ нибудь лавочка мастера, дѣлающаго колеса и т. д.,—все это, сложенное вмѣстѣ, составляетъ парламентскій городъ и милордъ *N* или мистеръ *N*., который тутъ случится землевладѣльцемъ всего округа, одинъ составляетъ собою въ сущности всю избирательную корпорацію (хохотъ). Намъ не стоитъ и безпокоиться хлопотами о реформѣ, если мы желаемъ удовлетвориться биллемъ такого рода. Лучше ужь намъ оставаться при нынѣшнемъ [1]).

«Можно поступить съ маленькими городами другимъ образомъ. Можно соединить два или три вмѣстѣ, если они довольно близко, и тогда составится избирательная корпорація; болѣе многочисленная чѣмъ нынѣ, а въ тоже время опростаются нѣсколько депутатскихъ мѣстъ для раздачи по большимъ городамъ. Но такое группированіе имѣетъ большія неудобства. Каждый, кто былъ депутатомъ отъ корпораціи, состоящей изъ нѣсколькихъ городовъ, знаетъ эти неудобства. Въ каждомъ городѣ нужно имѣть особый комитетъ, и если несчастная система, имѣть повѣренныхъ адвокатовъ для управленія выборами, останется, то надобно имѣть въ каждомъ городѣ особеннаго повѣреннаго; а при всѣхъ этихъ хлопотахъ и издержкахъ окажется только, что вы связали вмѣстѣ три мертвыя тѣла въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ одно живое тѣло (хохотъ и аплодисменты).

«Есть еще другой способъ. Можно принять извѣстную норму и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой нормы; число такихъ маленькихъ городовъ будетъ велико, и депутатовъ, которыхъ вы возьмете у нихъ, вы раздѣлите между большими избирательными корпораціями: половину или три четверти изъ этого числа, или все это число депутатовъ вы можете отдать графствамъ; я долженъ полагать, что такой способъ парламентской реформы не будетъ удовлетворителенъ для массы людей, желающихъ реформы (аплодисменты). Мы очень хорошо знаемъ, что значитъ давать депутатовъ

[1]) Этотъ способъ и слѣдующіе способы, опровергаемые Брайтомъ, нравятся старымъ партіямъ.

Digitized by Google

графствамъ. Мы знаемъ, что черезъ это уничтожилась бы возможность дать депутатовъ тѣмъ большимъ городамъ, участие которыхъ въ составѣ парламента слишкомъ мало по ихъ населенію, ихъ богатству, ихъ положенію и общей важности ихъ въ государствѣ. Реформа 1832 года дала 63 новыхъ депутата городамъ и, если не ошибаюсь, 65 графствамъ; и я полагаю, что съ той поры до нынѣшняго времени было между людьми, расположенными въ пользу реформы, всеобщее мнѣніе, что реформа 1832 года дала слишкомъ большое вліяніе графствамъ и землевладѣльческой партіи при распредѣленіи депутатовъ. Я прошу васъ и вашихъ согражданъ во всемъ королевствѣ наблюдать за этимъ пунктомъ самыми недремлющими глазами, немилосердно отвергать какой угодно билль, какого угодно правительства, какъ бы ни увеличивалось имъ число избирателей, какъ бы велики въ немъ ни были кажущіяся уступки, если онъ не распредѣлитъ депутатовъ, взятыхъ у маленькихъ городовъ, главнымъ образомъ между большими городами (аплодисменты). Въ этомъ вопросѣ о распредѣленіи депутатовъ именно и есть душа вопроса о реформѣ (новые аплодисменты). Если вы не станете смотрѣть за этимъ, вы будете обмануты, и когда билль пройдетъ, вы можетъ быть обернетесь назадъ и станете горевать, что вы не въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь (вниманіе). Я теперь думаю объяснить, и какъ можно короче, какъ бы я предложилъ поступить относительно ценса, границъ его расширенія, и какъ бы я рекомендовалъ сдѣлать съ распредѣленіемъ депутатовъ (аплодисменты).

«Билль 1832 года наложилъ руку на 56 городковъ и совсѣмъ отнялъ у нихъ депутатовъ; а прежде они выбирали 111 или 112 депутатовъ. Онъ наложилъ руку еще на 30 городковъ, изъ которыхъ иныхъ вы бы не нашли, если бы поѣхали въ тѣ мѣста взглянуть на нихъ (хохотъ). Такъ онъ наложилъ руку еще на 30 другихъ городковъ и взялъ у каждаго изъ нихъ одного изъ двухъ членовъ, и опросталъ еще два мѣста соединеніемъ трехъ или четырехъ городковъ. Всего опросталъ онъ 143 депутатскихъ мѣста. Вотъ, я предлагаю поступить по тому же правилу, какъ билль 1832 года, но ступить немножко дальше, впрочемъ, надѣюсь, ступить не дальше того, какъ требуется нуждами и желаніями нашей земли. По реформѣ 1832 года были взяты всѣ депутаты у городковъ съ населеніемъ меньше 2,000 человѣкъ; а изъ городковъ съ населеніемъ меньше 4,000 человѣкъ, избиравшихъ по два депутата, былъ взятъ одинъ депутатъ. Въ биллѣ, который былъ предложенъ лордомъ Джономъ Росселемъ, и который, какъ вы знаете, не прошолъ, предлагалось отнять всѣхъ депутатовъ у городковъ съ населеніемъ меньше 5,000 и взять по одному изъ двухъ депутатовъ отъ городковъ съ населеніемъ меньше 10,000. Мы всѣ недавно читали въ газетѣ, чрезвычайно хорошей и пользующейся великимъ вліяніемъ, статью, въ которой давался совѣтъ, какъ поступить теперь. Эта газета была въ послѣднее время не очень ласкова ко мнѣ, да и не очень справедлива,—я не прошу ничего кромѣ справедливости (аплодисменты). Газета *Times* совѣтовала вамъ подняться до 10,000 и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой линіи; этимъ получалось большое число депутатскихъ мѣстъ для дѣлежа между большими корпораціями. Хорошо. Мнѣ казалось, что мѣра лорда Росселя недостаточна, а поднимать линію такъ высоко, какъ совѣтуетъ *Times*, я не считалъ нужнымъ; и пересматривая таблицу числа избирателей, я нашелъ, что если вы дойдете до 8,000, то всего будетъ ниже этой линіи 56 городковъ, изъ которыхъ 25 посылаютъ по одному депутату, а 31 по два депутата; а всѣ 56 городковъ посылаютъ 87 депутатовъ. Таже статья *Times'a* совѣтовала не давать больше одного депутата городамъ до 25,000 жителей. Я сдѣлалъ свои предположенія не по этимъ совѣтамъ, потому что мнѣ не случалось видѣть статью, когда она была напечатана. Я предполагаю взять депутатовъ у всѣхъ городовъ до 8,000 жителей, потомъ идти до 16,000 и оставить только по одному депутату всѣмъ городамъ до этого числа. Это дастъ вамъ еще 34 депутатскихъ мѣста къ прежнимъ 87, и если вы прибавите еще 4 депутатовъ, потерянныхъ по парламентскому рѣшенію двумя подкупными городами Сентъ-Альбансомъ и Садбери, то вы получите отъ городковъ Англіи и Уэльса 125 опроставшихся мѣстъ. Я хочу объяснить вамъ, какъ надобно бы раздать эти мѣста, въ чемъ и состоитъ сущность дѣла.

(Брайтъ предлагаетъ распредѣлить депутатовъ такъ, чтобы города отъ 16 до

Digitized by Google

25,000 жителей, имѣющіе теперь по одному или по два депутата, сохранили нынѣшнее число; города отъ 25 до 54,000 жителей должны имѣть по два депутата; изъ нихъ многіе имѣютъ только по одному. Города отъ 54 до 135,000 должны имѣть по три депутата; отъ 135 до 270,000—по четыре депутата. Наконецъ пять самыхъ большихъ городовъ: Манчестеръ, Финсбери, Мерильбонъ, Ливерпуль и Глэзго, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ 1851 году болѣе 316,000 жителей, должны имѣть по шести депутатовъ. Читатель знаетъ, что Лондонъ, по отношеніи къ парламентскимъ выборамъ, раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая въ этомъ случаѣ называется особеннымъ городомъ. Финсбери и Мерильбонъ—именно такія части Лондона. Третью часть Лондона, самую многочисленную, Тауэръ-Гемлестъ (болѣе 500,000 жителей), Брайтъ предлагаетъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ у каждой будетъ по четыре депутата. По отношенію къ парламентскимъ выборамъ, Лондономъ называется только одна часть этого города, именно Сити. Слишкомъ маленькіе города съ правомъ имѣть особенныхъ депутатовъ находятся почти только въ собственной Англіи съ Уэльсомъ и почти однимъ этимъ изъ трехъ королевствъ доставляются Брайту всѣ упраздняемыя мѣста. Эти упраздненныя мѣста онъ раздаетъ шотландскимъ большимъ городамъ точно также, какъ англійскимъ. Прибавляя число депутатовъ тѣмъ собственно англійскимъ графствамъ, въ которыхъ населеніе особенно велико, онъ по такой же пропорціи увеличиваетъ число депутатовъ и отъ ирландскихъ графствъ. Мы опускаемъ много другихъ подробностей, относящихся въ частности къ тому или другому городу, къ тому или другому графству. Довольно сказать, что вообще Брайтъ предлагаетъ поставить равномѣрныя правила для Англіи, Шотландіи и Ирландіи, чтобы всѣ три королевства пользовались, по участію въ составѣ Палаты Общинъ, одинаковыми правами, съ уничтоженіемъ прежней несправедливой неодинаковости. Во многихъ случаяхъ онъ не предлагаетъ окончательнаго рѣшенія, говоря, что мѣстнымъ жителямъ надобно предоставить выбрать изъ нѣсколькихъ способовъ распредѣленія тотъ, который найдутъ они удобнѣйшимъ).

«Я боюсь, что разсказъ о содержаніи этихъ списковъ былъ, по необходимости, утомителенъ («Нѣтъ» и аплодисменты), но этого перечня нельзя было избѣжать по той методѣ, которую поставилъ я себѣ для нынѣшнихъ объясненій съ вами. Можетъ быть иные скажутъ, что я предполагаю дать слишкомъ много депутатовъ тѣмъ городамъ, для которыхъ полагаю четырехъ или шестерыхъ депутатовъ. Но я принималъ въ соображеніе не только населеніе, но и цѣнность ихъ имущества и количество налоговъ. Приведу вамъ два или три факта. Я предлагаю дать Манчестеру и Ливерпулю по шести депутатовъ, всего обоимъ городамъ двѣнадцать депутатовъ. Въ 1857 году эти два города платили прямыхъ налоговъ 897,000 фунтовъ, а всѣ тѣ города съ населеніемъ меньше 8,000, у которыхъ я беру депутатовъ,—всѣ эти города, имѣвшіе 87 депутатовъ, сколько налоговъ платили они въ томъ же году? Всего только 221,000 фунтовъ (хохотъ и аплодисменты). Стало быть вчетверо меньше Манчестера и Ливерпуля. Возьмемъ всѣ города до 25,000 жителей. Всѣ они вмѣстѣ платили 857,000 фунтовъ, т. е. меньше Манчестера и Ливерпуля. Потому я не боюсь, чтобы тотъ, кто просмотритъ мои таблицы, упрекнулъ меня, что я даю слишкомъ большое вліяніе населенію или богатству вашихъ большихъ городовъ. Если кто нибудь скажетъ вамъ, что это будетъ вредно, или что это само по себѣ дурно и несправедливо, тотъ или вовсе не хочетъ представительной системы, или вовсе не понимаетъ ея (такъ, такъ!). Когда я предположилъ, или лучше, когда мнѣ предложили и я взялся, быть можетъ опрометчиво (нѣтъ!.. и громкіе аплодисменты), составить билль о реформѣ, я зналъ, какія тутъ представляются затрудненія. Я зналъ тогда, какъ знаю теперь, что при составленіи подобнаго плана нельзя найти неоспоримой нормы, точной нормы, на которой можно было бы остановиться и сказать: «вотъ это именно такъ слѣдуетъ, иначе быть не можетъ». Въ биллѣ 1832 года не было ни одного пункта, не представлявшаго повода къ спору, и каждый пунктъ дѣйствительно оспаривался; и въ биллѣ реформы 1859 года,—будетъ ли это мой планъ или планъ правительства,—каждый пунктъ точно также будетъ подлежать спору. Но я предлагаю своей роднѣ вопросъ не о томъ, сдѣлаете ли вы какія нибудь маленькія пере-

Digitized by Google

мѣны въ ту или другую сторону въ моемъ планѣ,—я предлагаю вопросъ только о томъ, считаете ли вы въ общихъ чертахъ этотъ планъ, который я составилъ, надъ которымъ я много думалъ, о которомъ я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ разсудительнѣйшихъ друзей реформы въ нашей землѣ,—считаете ли вы годнымъ для нашей родины, въ общихъ его чертахъ, въ его цѣлости,—годится ли то, что онъ беретъ большія и свободныя избирательныя корпораціи и даетъ имъ приблизительно справедливую долю вліянія, такую долю вліянія въ великомъ національномъ совѣтѣ, на какую имѣютъ они право (сильные аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ вамъ, и на дняхъ же вы прочтете во многихъ газетахъ (хохотъ), что я поступаю съ графствами не справедливо, не пропорціонально ихъ населенію и богатству. Вотъ я вамъ скажу въ немногихъ словахъ свое мнѣніе объ этомъ. За исключеніемъ трехъ или четырехъ графствъ, гдѣ другіе интересы разрослись такъ широко, что переросли землевладѣльческую власть, депутаты отъ всѣхъ другихъ графствъ, какъ вы знаете, просто депутаты землевладѣльцевъ. Это говоритъ о нихъ и лордъ Дерби. Когда-то онъ сказалъ вамъ, что если кто скажетъ ему, каковы политическія мнѣнія трехъ или четырехъ большихъ землевладѣльцевъ какого нибудь графства, онъ берется сказать вамъ, каковы политическія мнѣнія депутатовъ этого графства (хохотъ). Что тутъ спорить,—только спросите какого хотите фермера, они ли выбираютъ депутатовъ въ своемъ графствѣ? Фермеры знаютъ это лучше всѣхъ. И есть одна вещь, которой желаю я чуть ли не больше, чѣмъ всякой другой по этому дѣлу,—именно то, чтобы пришло время, когда честные, умные, постоянно улучшающіе наше земледѣліе англійскіе землепашцы стали бы также независимы въ подачѣ голосовъ на выборахъ, какъ соотвѣтствующій имъ классъ городскаго населенія (аплодисменты). Вы читали газеты, вы видѣли ходъ парламентскихъ преній, стало быть, вы не могли не замѣтить, что землевладѣльцы Палаты Общинъ по мнѣніямъ, образу дѣйствій, симпатіямъ и предразсудкамъ находятся въ очень близкомъ союзѣ съ землевладѣльцами Палаты Лордовъ. Вы знаете, что почти всѣ они—люди одного сословія, имѣютъ одинъ интересъ и служатъ представителями одного и того же рода собственности. Пэры—представители землевладѣльцевъ. Сколько пэровъ являются изъ Йоркшира представителями йоркширскихъ землевладѣльцевъ? Не умѣю вамъ сказать, но полагаю, что десяти пальцевъ у меня на рукахъ едва ли бы достало, чтобы сосчитать ихъ (хохотъ). Не скажетъ ли кто, что они не представители землевладѣльцевъ? Я уже предлагалъ этотъ вопросъ и жду отвѣта. Отъ кого же они представители, если не отъ землевладѣльцевъ? Или они представители торговцевъ? Скажите, есть ли въ Палатѣ Лордовъ торговцы? Они представляютъ землевладѣльцевъ. Я читалъ въ какой то газетѣ—не помню теперь, въ какой,—что они не представляютъ ни землевладѣльцевъ, ни кого другаго въ особенности, а всѣ интересы страны и что они сидятъ въ Палатѣ по древнему праву, котораго никто не можетъ отрицать. Я вовсе не отрицаю его, вовсе и не предполагаю тревожить ихъ. Есть у меня здѣсь выписка изъ замѣчательнаго парламентскаго акта, которая покажетъ вамъ, чьими представителями служатъ пэры. Это актъ присоединенія Ирландіи къ Великобританіи. Онъ говоритъ: «Двадцать восемь свѣтскихъ лордовъ Ирландіи, избираемые пожизненно пэрами Ирландіи, въ Палату Лордовъ». Шотландскіе пэры также избираютъ 16 пэровъ въ парламентъ. Кого же они представляютъ, какъ не землевладѣльцевъ? (аплодисменты). Они имѣютъ въ своемъ представительствѣ ту огромную выгоду, что не сидятъ съ нами въ Палатѣ Общинъ,—я чуть было не сказалъ, жаль, что они не сидятъ съ нами (хохотъ), тогда по крайней мѣрѣ не возвращались бы они изъ изъ засѣданій въ 7 часовъ и пренія шли бы для нихъ не всегда такъ плавно, какъ въ ихъ ясной атмосферѣ. Они составляютъ особенную Палату одни, и что изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что представляя одинъ интересъ—только одинъ,—они имѣютъ безграничную силу въ защитѣ правъ и привилегій этого интереса; они имѣютъ въ десять разъ больше силы, нежели имѣли бы сидя съ нами въ Палатѣ Общинъ; вы не можете предложить никакого, даже самаго маленькаго, закона, безъ того, чтобы онъ не пошелъ черезъ нихъ, и по конституціи они имѣютъ такое же безусловное право отвергать всякій билль, какъ и сама Палата Общинъ. Вы недавно видѣли на яркомъ примѣрѣ, какъ они поступаютъ: онъ показываетъ, какая у нихъ власть. Я не поручусь,

Digitized by Google

что онъ показываетъ также и ихъ разсудительность. Корона предположила сдѣлать знаменитаго юриста пожизненнымъ пэромъ. Когда онъ пришелъ занять свое мѣсто въ Палатѣ, они его не допустили. Они начали составлять рѣшенія, назначать комитеты, просто возмутились противъ короны, и корона по совѣту министровъ, которые, кажется мнѣ, обнаружили тутъ малодушіе, уступила имъ и сдѣлала лорда Уэнслиделя не пожизненнымъ, а наслѣдственнымъ пэромъ, и черезъ это повредила своему праву назначать пожизненныхъ пэровъ. Но лорды не удовольствовались тѣмъ, что сказали коронѣ: «ты не можешь ввести въ нашу палату никого, иначе какъ съ принципомъ наслѣдственности». Они также обратились къ Палатѣ Общинъ и сказали: «хотя огромное большинство публики и огромное большинство васъ самихъ, джентльмены, давно желаетъ допустить въ вашу Палату барона Ротшильда, какъ доказываютъ ваши рѣшенія въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, но, джентльмены, мы запрещаемъ вамъ это» (аплодисменты). Теперь, если графства требуютъ,—впрочемъ они еще не требовали, потому что я еще не видѣлъ большого митинга фермеровъ или земледѣльцевъ, и я не полагаю, чтобы при нынѣшнемъ положеніи вещей фермеры считали особенной выгодой для себя имѣть частые выборы или выбирать побольше представителей отъ своего графства,—но если бы графства потребовали бы и получили бы въ Палатѣ Общинъ пропорцію депутатовъ согласную съ ихъ населеніемъ, то придетъ время, и неизбѣжно придетъ, что города спросятъ: почему же одни только графства, одни большіе землевладѣльцы имѣютъ представителей въ Палатѣ Лордовъ? (сильные аплодисменты). Я не хочу поднимать этого вопроса, я настолько консерваторъ, что желаю сохранить существующія въ мое время учрежденія, пока они могутъ дѣйствовать безъ очевиднаго и серьезнаго время для государственныхъ интересовъ. Будемъ всячески стараться пожить еще съ Палатою Лордовъ; но дадимъ же себѣ дѣйствительныхъ представителей въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). А когда Палата Общинъ дѣйствительно будетъ вашею представительницею, то повѣрьте, лорды проснутся, протрутъ себѣ глаза и замѣтятъ, что во многихъ важныхъ случаяхъ они ошибались. Они не то что откажутся сами отъ себя, но будутъ смотрѣть на народные интересы и народныя симпатіи не тѣми глазами, какъ теперь; да и чувствовать эти интересы поживѣе, нежели теперь, и у васъ надолго будетъ согласіе съ Палатою Лордовъ въ законодательствѣ не меньше нежели прежде (аплодисменты).

«Разсматривая предложеніе мое, надобно намъ спросить у самихъ себя: правда ли, что нынѣшнее представительство очень неудовлетворительно? А если оно неудовлетворительно, то пришло ли время принять мѣры, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ? Я думаю, вся нація согласна, что нынѣшнее представительство неудовлетворительно. Это говоритъ лордъ Эбердинъ. Это говоритъ лордъ Джонъ Россель. Это говоритъ лордъ Пальмерстонъ, о которомъ впрочемъ его друзья утверждаютъ, что онъ не считаетъ этого дѣла столь важнымъ, какъ другіе государственные люди. Это говоритъ даже лордъ Дерби. Вспомните же, что никогда не бывало у насъ въ Англіи болѣе четырехъ человѣкъ, которые считались годными кандидатами въ первые министры (хохотъ). Всѣ эти высокіе авторитеты сходятся въ мнѣніи, что представительство у насъ неудовлетворительно и что очень пришла пора сдѣлать въ немъ великое улучшеніе. А если пришла пора, такъ должны ли мы приниматься за дѣло, или только ворчать на принимающихся за него? Если мы не сдѣлаемъ его удовлетворительно, такъ лучше намъ и вовсе не приниматься за него. Постоянно тревожить эти вопросы вредно: прочность правительства имѣетъ большія выгоды, хотя бы форма его далеко не имѣла теоретическаго совершенства. Но каждое правительство можетъ быть низвергнуто, каждое государственное устройство можетъ быть разрушено, если постоянно потрясать его. Такъ, однако же намъ нужно такое правительство, которое народъ уважалъ бы. которому онъ довѣрялъ бы. Если вы не хотите получить хорошаго билля, то не нужно намъ вовсе никакого (аплодисменты). Дурной билль—я только повторяю слова, которыя сказалъ три мѣсяца назадъ, когда въ первый разъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ,—дурной билль становится революціоннымъ биллемъ; пустой билль можетъ и не быть революціоннымъ, но толку отъ него нѣтъ, а опасность бываетъ большая. Если будетъ принятъ дурной или пустой билль, вамъ опять придется начи-

Digitized by Google

вать требованія въ парламентѣ и пренія во всѣхъ концахъ страны, пока, наконецъ, всѣмъ опротивитъ возрастающій недостатокъ симпатіи между управляющимъ классомъ и ими. И тогда можетъ встрѣтиться случай, какой нибудь періодъ раздраженія, когда пэры и управляющій классъ могутъ подвергнуться обращенію гораздо менѣе мягкому, гораздо болѣе суровому, нежели то, что я предлагаю теперь (аплодисменты). Теперь, стоитъ ли мой билль того, чтобы хлопотать о немъ? Стоитъ ли онъ того, чтобы нація сдѣлала усиліе для его полученія? Когда я брался составить билль, я говорилъ, что буду стараться не объ его теоретическомъ совершенствѣ, а о томъ, чтобы онъ былъ осуществимъ, чтобы онъ удовлетворялъ надобностямъ нынѣшняго случая, чтобы самые умѣренные могли склониться къ поддержкѣ его и самые серьезные, самые горячіе могли удовлетвориться имъ. Я представляю вамъ теперь этотъ билль, потому что считаю такую мѣру необходимой, думаю, что ей слѣдуетъ пройти черезъ парламентъ, и думаю, что англійскій народъ такъ поддержитъ его, что парламентъ не откажетъ въ своемъ утвержденіи. Это дѣло въ рукахъ у городовъ Англіи: будутъ ли они составлять рѣшенія, подавать просьбы, будутъ ли они представлять своимъ депутатамъ, каковы ихъ желанія по этому великому вопросу? Разные журналисты рѣшили, что я не государственный человѣкъ. Я никогда не претендовалъ быть государственнымъ человѣкомъ. Я гражданинъ, одинъ изъ васъ (аплодисменты). Я безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, если я одинъ. Лордъ Грей, при своемъ высокомъ санѣ, своихъ великихъ талантахъ, своей великой репутаціи, своемъ вліяніи на страну не могъ бы провести билль 1832 года, если бы народъ не потребовалъ въ одинъ голосъ, чтобы этотъ билль сдѣлался англійскимъ закономъ. Не предполагайте, что я останусь одинъ. Если народъ скажетъ свою волю, есть важные люди, симпатіи которыхъ съ нами,—они наблюдаютъ признаки временъ, ждутъ извѣстій о такихъ митингахъ, какъ вотъ этотъ, который будетъ имѣть большое вліяніе на ихъ рѣшеніе. Если есть большая армія, найдутся генералы и полководцы. Не сомнѣвайтесь, между аристократическими фамиліями найдется не одна такая, которая не измѣнитъ своей исторической репутаціи (аплодисменты). Пусть нація скажетъ свою волю, и слово ея навѣрное будетъ исполнено. Лично про себя я скажу, что три послѣдніе мѣсяца я былъ предметомъ многихъ порицаній и большой клеветы; но я перетерпѣлъ все это и прежде по другому дѣлу (аплодисменты). Въ послѣдній разъ передъ этимъ я говорилъ съ Бредфордскими людьми, когда былъ сотрудникомъ человѣка съ глубокою проницательностію, свѣтлымъ сужденіемъ, съ обширнымъ знаніемъ, съ убѣдительною рѣчью. Развѣ мы не подвергались тѣмъ же порицаніямъ, тѣмъ же клеветамъ? А все таки, развѣ мы не получили успѣха и развѣ теперь въ вознагражденіе за все, не имѣемъ мы той дорогой мысли, что нѣтъ на нашей родинѣ руки, отирающей трудовой потъ съ лица, работа которой не была бы облегчена и вознагражденіе которой не было увеличено черезъ тѣ непріятности, которыя мы съ радостью терпѣли? (аплодисменты). Въ своихъ рѣчахъ по этому дѣлу я не нападалъ ни на кого лично. Нашелся шотландскій лордъ, сказавшій большому обществу, что я подвергся наказанію Божію и страдаю разстройствомъ ума. Его друзья пусть скажутъ, можетъ ли онъ когда нибудь подвергнуться такому несчастью (хохотъ). Другой нобльменъ говоритъ, что я разрушитель собственности и измѣнникъ своему сословію. На подобныя слова я не отвѣчаю (аплодисменты). Есть нѣсколько великихъ людей и есть много хорошихъ людей въ рядахъ англійской аристократіи. Есть въ ней такіе люди, которые были бы знатны, хотя бы не было ни отличій, ни привилегій дворянству; но даже и ихъ добродѣтели не могутъ долго поддержать ихъ сословіе противъ опасной защиты, которой оно теперь подвергается (аплодисменты). Потому совѣтую имъ отозвать назадъ воителей, которые каждымъ своимъ подвигомъ обнаруживаютъ соединеніе наслѣдственной знатности съ умственной нищетой и недостатокъ джентльменскихъ привычекъ и правилъ между членами аристократіи (аплодисменты и хохотъ). Я не хочу задерживать хода этихъ великихъ преній личными спорами. Я отряхаю съ себя жалкихъ ругателей, которыхъ натура въ томъ, чтобы лаять и рычать на защитниковъ каждаго великаго и добраго дѣла (аплодисменты). Я обращаюсь къ великой націи въ великомъ дѣлѣ. Это не шутки,—я говорю, потому что убѣжденъ. Все мое краснорѣчіе только въ сердечной любви къ правдѣ, а

Digitized by Google

факты и доказательства мои доступны уму, говорятъ сердцу моихъ согражданъ (апплодисменты). Я безсиленъ, какъ отдѣльный человѣкъ; мои сограждане—нація, и всесильны; имъ и вамъ я вручаю исходъ и судьбу этого великаго вопроса.

(«Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при сильныхъ и продолжительныхъ апплодисментахъ»).

Д. статья Times'а о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ.

«Министерство намѣрено произвести любопытный опытъ надъ темпераментомъ публики; этотъ опытъ звучитъ въ англійскихъ ушахъ скорѣе литературнымъ, нежели политическимъ удовольствіемъ. Мы всѣ сочувствуемъ остроумной дамѣ, которая въ продолженіе тысячи ночей съ опасностью жизни развлекала своего владыку; намъ помнится, что еще живѣе сочувствовали мы положенію другой дамы, безпрестанно кричавшей: «сестра Анна, сестра Анна, не видишь ли ты чего-нибудь?» между тѣмъ какъ синебородый мужъ ея стоялъ надъ ней съ занесеннымъ кинжаломъ. Мы можемъ обѣщать себѣ много удовольствія отъ богатой изобрѣтательности мистера Д'Израэли и вѣрнаго такта главы министерства. Сколько разъ прійдется публикѣ услаждаться новыми разсказами о путешествіяхъ Синдбада, о приключеніяхъ новыхъ кривыхъ Календеровъ, или какого нибудь Бармекида, для отвлеченія насъ отъ мысли, что насъ морятъ политическою діэтою! Какъ часто будетъ являться на горизонтѣ облако пыли, за которымъ окажется стадо барановъ, или невинный караванъ! Если есть на свѣтѣ два человѣка, которые могли бы пріятно и не совсѣмъ безполезно оттянуть у націи три или шесть мѣсяцевъ своею болтовнею, мы знаемъ, кто эти люди. Но мы сомнѣваемся въ возможности подобнаго подвига для кого бы то ни было изъ смертныхъ артистовъ. Тяжба языка съ потребностью времени всегда проигранная тяжба. Старый парламентъ вашей молодости имѣлъ очень долгую отсрочку, цѣлыхъ 40 лѣтъ, и великіе авторитеты провозглашали, что скорбь смертная прошла и не будетъ реформы. Но это было только сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, и на сорокъ первый годъ пришла реформа и корнямъ и вѣтвямъ. Какъ она оборвала съ парламентскаго дерева гнилые города и искоренила гнилые принципы! Если бы нынѣшнее министерство могло оттянуть это печальное дѣло до послѣдняго года нынѣшняго столѣтія, оно почло бы это немалой пользой. Но ни метафоры, ни прежніе примѣры не даютъ успѣха. Если предъидущій подсудимый получилъ сорокъ лѣтъ отсрочки, изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшній подсудимый получитъ ее. Но правы ли мы, подозрѣвая министерство, что оно бьетъ на проволочку? Навѣрное правы. Оно говоритъ, что билль у него готовъ, и мы вѣримъ тому, вѣримъ также, что билль этотъ не понравился никому въ самомъ кабинетѣ, не говоря уже о людяхъ внѣ кабинета. И не удивительно. Дѣйствительная реформа, по всей вѣроятности, скорбная мѣра, которую только жестокая необходимость можетъ вынудить отъ страдальцевъ, которыхъ произведетъ она непремѣнно легіонъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ выборы въ гнилыхъ городахъ покупались и продавались. Ихъ можно было цѣнить подобно жалованью. И когда заговорили о реформѣ, поднялись громкія требованія о денежномъ вознагражденіи. Въ оправданіе себѣ такое требованіе могло ссылаться на присоединеніе Ирландіи, когда каждый продавецъ выборовъ въ ирландскихъ городахъ получилъ за согласіе плату деньгами, или чѣмъ нибудь стоющимъ денегъ. Теперь выборы въ маленькихъ городахъ тоже имѣютъ свою цѣну: они и теперь даютъ деньги, мѣста, власть, почетное положеніе въ обществѣ, связи, какъ давали прежде. И несчастные хозяева, наслѣдники и жители этихъ городовъ, занимавшіеся своимъ промысломъ, подвергаются такому же убытку, какъ въ прежнюю реформу подвергались владѣльцы Геттона и Ольдъ-Сарума. Ихъ много въ парламентѣ и они готовы защищать свою собственность отъ власти высшей и по выраженію лорда Пальмерстона, отъ власти низшей. Стало быть прежде всего—счетъ голосамъ. Безъ сомнѣнія такъ и сдѣлано, и вѣроятно этотъ счетъ внушилъ лорду Дерби разныя тяжелыя мысли.

«Но согласиться ли этотъ упрямый Рауль-Синяя Борода, англійскій народъ,

Digitized by Google

пойти на трехмѣсячную проволочку пустыми сказками о волшебныхъ лампахъ и крылатыхъ коняхъ? Это очень сомнительно. Рауль скоро скажетъ: «ты слишкомъ долго молишься, когда же ты кончишь?» Или, какъ мореходцы говорили Аріону: «когда же ты кончишь это слишкомъ длинное соло?» Если даже положить, что лордъ Пальмерстонъ или лордъ Джонъ Россель были бы довольны, что реформа откладывается до послѣдняго параграфа рѣчи, или до послѣдняго мѣсяца сессіи, есть къ несчастію другіе партнеры, у которыхъ ставка въ игрѣ больше. Если бы эти лорды перестали быть реформерами, или были бы оставлены безъ игры, они все-таки остались бы бы лордомъ Джономъ Росселемъ и лордомъ Пальмерстономъ, остались бы тѣмъ самымъ, чѣмъ были прежде. Но Джонъ Брайтъ—или реформеръ или ничто. Пока есть вода для его суровыхъ членовъ и дышитъ онъ волнами—онъ силенъ; отнимите у него воду и онъ умираетъ. У него нѣтъ прочнаго пьедестала, какой дается высокимъ аристократическимъ положеніемъ для потерпѣвшихъ неудачу политическихъ честолюбцевъ. Будьте увѣрены, что онъ не позволитъ легко отдѣлаться отъ себя. Да и зачѣмъ ему позволять? Пока министры откладываютъ въ долгій ящикъ свои предложенія, берегутъ ихъ будто кипу скандалезныхъ мемуаровъ запечатанными до третьяго поколѣнія, они оставляютъ мистеру Брайту и его друзьямъ поле битвы и нѣчто похожее на побѣду. Говорятъ, пары еще не разведены. Членъ министерской партіи, поддерживавшій адресъ, говорилъ своимъ избирателямъ, что никто не требуетъ реформы. «Такъ разводите же пары!» Вотъ пароль дня. И если въ слѣдующіе три мѣсяца не будетъ подброшено довольно дровъ подъ машину, то эти три мѣсяца будутъ непохожи ни на одинъ трехмѣсячный періодъ отъ сотворенія міра. Что тутъ говорить? агитація уже не за дверями парламента. Мистеру Брайту полная возможность предложить, не давая и одного дня отсрочки, что «такъ какъ, парламентская реформа много разъ уже откладывалась и такъ какъ нѣтъ достаточнаго основанія для дальнѣйшей отсрочки, то палата объявляетъ, что она не довольна отлагательнымъ методомъ правительства и желаетъ немедленно заняться важнѣйшимъ дѣломъ нынѣшней сессіи». Такое предложеніе будетъ благоразумно или неблагоразумно, это дѣло расчета; но министры, прежде чѣмъ спокойно объявили Палатѣ, что у нихъ есть хорошій проэктъ, но что они отлагаютъ его на три мѣсяца или больше, должны были бы удостовѣриться, что подобное предложеніе не имѣетъ шансовъ быть принятымъ Палатою. Путь, избранный министерствомъ, не тотъ, который обыкновенно ведетъ къ успѣху въ нашемъ хлопотливомъ мірѣ. Есть на свѣтѣ люди, которыхъ подвиги вѣчно находятся въ обѣщаніи; которыхъ розы вѣчно остаются бутонами; которыхъ лошади всегда все еще въ стойлѣ; которыхъ капиталъ не выходитъ изъ подъ замка; которые вѣчно занимаютъ у будущаго и вѣчно въ долгу. Испанія можетъ быть заплатитъ нѣкогда своимъ кредиторамъ и Мичиганскій штатъ выйдетъ изъ банкротства, но пока, годъ за годъ, они все остаются какими были, и отъ каждаго вѣрнѣе всего ожидать того, что онъ останется какимъ былъ. Люди, хвастающіеся своими будущими сочиненіями *promisores librorum*, составляютъ цѣлое племя, не занимающее виднаго мѣста въ литературѣ; но люди, хвалящіеся будущими великими законами, не менѣе многочисленны и смѣшны.

«Въ парламентѣ и внѣ парламента, мы теперь среди агитаціи. Напрасно говорить, что народу не слишкомъ нужна реформа. На десять миль отъ насъ кругомъ едва ли найдется человѣкъ, которому билетъ въ театръ не былъ бы пріятнѣе билета на участіе въ Лондонскихъ выборахъ. Билетомъ на выборы онъ пожалуй не воспользуется, а билетъ въ театрѣ онъ можетъ передать своему другу или первому встрѣчному трубочисту. Но если каждому лично для себя не дорого участіе въ выборахъ, если тутъ нѣтъ эгоистичныхъ побужденій, то остается общественный вопросъ, остаются всѣ побужденія, которыми движутся общественные вопросы. И развѣ нѣтъ на то причинъ? Во-первыхъ, вопросъ долго отсрочивался и предводители всѣхъ партій замѣшаны въ проволочкѣ. Далѣе, есть очень маленькій параграфъ въ рѣчи королевы, обѣщающій только, что вниманіе парламента будетъ обращено на законы о парламентскихъ выборахъ. Потомъ есть еще ничтожнѣйшее упоминаніе объ этой прискорбной темѣ въ министерскихъ рѣчахъ; потомъ осторожное объявленіе, что ничего не будетъ сдѣлано

Digitized by Google

до пасхи, или до той поры, пока страна будетъ приведена въ состоянiе удовлетвори-тельное, по мнѣнiю правительства. Что это значитъ? Людей сажаютъ на дiэту передъ опасной операцiей. Что же, парламенту будетъ отрѣзана нога или вырванъ дурной зубъ? Подумаешь, что для лорда Дерби мысль о парламентской реформѣ была также страшна, какъ страшны были бы эти тяжелыя конституцiонныя операцiи. Но когда нервы будутъ болѣе спокойны, кровь менѣе взволнована и все тѣло въ лучшемъ по-ложенiи, нежели теперь?

«Люди, которые безъ надобности откладываютъ мѣру, которую сами признаютъ необходимою, подвергаются отвѣтственности за то, какъ разрастется она въ это время. Проэктъ, изложенный публикѣ (Брайтомъ), не можетъ быть названъ слабымъ; самъ авторъ называетъ его сильною мѣрою. Но развѣ совершенно невозможно пройти въ дѣйствительности еще болѣе сильной мѣрѣ? Напротивъ, это возможно, потому что са-мые горячiе защитники каждаго изъ проэктовъ, предложенныхъ публикѣ, соглашаются, что ихъ планъ производитъ реформу еще не совершенно полную. Напримѣръ, планъ мистера Брайта не даетъ голоса земледѣльческимъ работникамъ. Посмотрите на массу строящихся зданiй,—вы увидите сотню рабочихъ, трудящихся съ большимъ искус-ствомъ и прилежанiемъ, сильныхъ своею организацiею. Вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы голоса, даже по проэкту мистера Брайта. Баллотировка также не соста-вила бы части закона, если законъ будетъ принятъ скоро. Но дайте нѣсколько лѣтъ отсрочки; оставьте вопросъ въ рукахъ нашихъ реформеровъ, дайте имъ распространить убѣжденiе, что безъ нихъ ничего не сдѣлается, и они станутъ безусловными господами положенiя. Мы вовсе не увѣрены въ томъ, что не увидимъ реформъ болѣе сильныхъ, нежели всѣ нынѣшнiе проэкты, и что дѣло не побѣдитъ насъ всѣхъ. Важнѣйшiя вещи дѣлаются въ одинъ день. Учрежденiя старой Францiи, подобно Бастилiи, были низ-вергнуты въ одинъ день. Немного времени было нужно для возвышенiя вознагражде-нiя за вестъ-индскихъ невольниковъ до 20,000,000 фунтовъ. Если Палата Общинъ разъ приметъ сторону реформы подъ давленiемъ популярности и необходимости, она не будетъ тогда останавливаться на пустякахъ. Палата Лордовъ можетъ тогда и имѣть даже удовольствiя слушать длинныя рѣчи, уступать краснорѣчiю или доводамъ ей придется, можетъ быть, принять билль въ молчанiи и даже въ отсутствiи; тогда будутъ знать, кого винить за это,—не насъ и даже не мистера Брайта. Мы требуемъ такой поспѣшности, которая бы дала обѣимъ Палатамъ время составить удовлетвори-тельный законъ».

Е. Митингъ въ лондонской Сити.

(По отчету газеты Manchester Guardian).

«Публичный митингъ избирателей лондонской Сити, созванный лордомъ мэромъ по просьбѣ, имѣвшей множество подписей, происходилъ въ субботу 5 февраля въ Гил-дейской Залѣ лондонской Ратуши (*Guildhall*). Митингъ былъ многочисленъ; больша часть присутствующихъ очевидно принадлежала къ сословiю не участвующему нын въ выборахъ. Президентствовалъ на митингѣ лордъ мэръ, открывшiй засѣданiе ровн въ 2 часа.

«Лордъ мэръ началъ занятiя митинга объявленiемъ, что согласно требованiю присланному къ нему, какъ главѣ избирательной корпорацiи города Лондона, онъ на-шелъ полезнымъ созвать митингъ избирателей для обсужденiя вопроса о парламентско реформѣ. Милордъ мэръ заключилъ объявленiемъ, что первое рѣшенiе будетъ мотиви-ровать мистеръ Эрнестъ Джонсъ.

«Мистеръ Эрнестъ Джонсъ, котораго приняли съ громкими апплодисментам выступилъ на переднюю часть эстрады и сказалъ, что хотя лондонская Сити прини-мается за дѣло позднѣе другихъ городовъ, но зато многочисленный митингъ, собран-шiйся теперь, придаетъ сильное движенiе дѣлу истинной реформы, и онъ увѣренъ, чт примиренiе сословiй, къ достиженiю котораго онъ ревностно стремился, получитъ бол

Digitized by Google

успѣха и въ будущемъ сдѣлается чѣмъ-то похожимъ на дѣйствительность. Рѣшеніе, которое онъ намѣренъ предложить, таково:

«По мнѣнію настоящаго митинга не будетъ удовлетворительно никакое расширеніе избирательнаго права, которое не дастъ надлежащаго участія въ политической власти всѣмъ сословіямъ общества». Онъ сказалъ, что желаетъ явиться адвокатомъ полнаго и надлежащаго допущенія рабочихъ классовъ къ участію въ выборахъ, при обсужденіи въ парламентѣ какого бы то ни было билля о реформѣ. Онъ сказалъ: «Я не желаю сказать ничего враждебнаго мистеру Брайту, но хочу двинуть его впередъ, чтобы онъ ввелъ въ свой билль право голоса для каждаго взрослаго человѣка, вмѣсто предлагаемаго имъ права голоса для каждаго платящаго подати. Мистеръ Брайтъ сказалъ, что по его биллю число настоящихъ избирателей увеличится въ два съ половиною раза, такъ что избирателей будетъ около двухъ съ половиною милліоновъ; но четыре милліона останутся еще безъ права голоса. На какомъ основаніи, спрошу я, эти четыре милліона должны остаться внѣ конституціоннаго права? Мистеръ Брайтъ сказалъ, что нѣкоторые члены англійскаго населенія ведутъ безпорядочную жизнь, находятся въ зависимости и не трудятся. Я согласенъ съ этимъ и не предполагаю, чтобы когда нибудь рѣшительно каждому человѣку было дано право голоса. Есть разряды людей, которые всегда должны остаться исключенными отъ выборовъ, такъ напримѣръ бродячее населеніе, а иначе организуются толпы, которыя станутъ участвовать въ нѣсколькихъ выборахъ въ одинъ день. Но четыре милліона, исключаемые биллемъ мистера Брайта, навѣрное не всѣ принадлежатъ къ разряду бродячаго населенія, описаннаго мистеромъ Брайтомъ. Скажутъ, что все это люди, находящіеся въ зависимости [1]). Нѣтъ, эти милліоны состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ работниковъ, а мистеръ Брайтъ самъ говорилъ, что работники не находятся въ положеніи людей зависимыхъ. Если же они и зависятъ, то отъ кого зависятъ кромѣ хозяина, у котораго работаютъ? Дайте сословію работниковъ голосъ и дайте ему баллотировку, и тогда вы сдѣлаете ихъ независимыми людьми (аплодисменты). Мистеръ Брайтъ находитъ въ биллѣ реформы 1832 года тотъ недостатокъ, что этотъ законъ перенесъ власть отъ одного класса къ другому и былъ нарочно составленъ такъ, чтобы исключить отъ выбора рабочіе классы. Не впадите же сами теперь въ подобную ошибку (аплодисменты). По предлагаемому мистеромъ Брайтомъ правилу, отъ участія въ выборахъ будетъ исключенъ каждый работникъ, за котораго платитъ подать въ пользу бѣдныхъ хозяинъ, если этотъ работникъ занимаетъ квартиру дешевле 5 фунтовъ въ годъ. Это, по моему мнѣнію, дурная черта въ биллѣ мистера Брайта и результатомъ ея былъ бы излишній перевѣсъ большихъ городовъ надъ малыми, а городовъ вообще надъ деревнями (аплодисменты). Пока я живъ, я буду противиться такому несправедливому отнятію правъ у работниковъ, какъ у вольныхъ людей (аплодисменты).

«Во всѣхъ большихъ мануфактурныхъ городахъ фабриканты строятъ для работниковъ домики, и если кто изъ такихъ работниковъ потребуетъ, чтобы его внесли въ списокъ платящихъ подать на бѣдныхъ, чтобы черезъ это получить ему голосъ, такой работникъ не найдетъ себѣ мѣста ни на какой фабрикѣ. Стоитъ ли такое расширеніе избирательнаго права того, чтобы хлопотать о немъ? Можно ли возбудить сочувствіе и поддержку отъ среднихъ классовъ въ пользу такого предложенія (нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!). Чѣмъ скорѣе мистеръ Брайтъ узнаетъ, что такое основаніе избирательнаго права отвергается лондонскою Сити и англійскою землею, тѣмъ больше будетъ пользы для мистера Брайта и для всѣхъ, и тѣмъ больше будетъ вѣроятія, что мистеръ Брайтъ предложитъ націи какую нибудь хорошую и соотвѣтственную мѣру реформы (аплодисменты). Я знаю, мистеръ Брайтъ сказалъ, что у него нѣтъ силы дать голосъ этимъ четыремъ милліонамъ. Если у него нѣтъ силы сдѣлать это, почему онъ не обратился къ этимъ четыремъ милліонамъ? Призовите ихъ на помощь. Они такая сила, которой не могутъ воспротивиться никакіе нобльмены. Пусть мистеръ Брайтъ вызоветъ ихъ къ содѣйствію, и посмотримъ, могутъ ли какіе нибудь нобльмены устоять противъ такого могущества (аплодисменты). Если мистеръ Брайтъ не вызоветъ къ

---

[1]) То есть, содержащіеся пособіями изъ подати, взимаемой въ пользу бѣдныхъ.

Digitized by Google

содѣйствію эти четыре милліона, стану вызывать ихъ я, и слабость органа, требующаго справедливости, не помѣшаетъ пріобрѣтенію права голоса этимъ милліонамъ, исключаемымъ изъ участія въ выборахъ (аплодисменты). Я говорю, что проектъ мистера Брайта въ нынѣшнемъ своемъ видѣ поведетъ только къ тому, что отъ аристократіи власть перейдетъ къ коттонократіи [1]). Я хочу такого билля, по которому голосъ человѣку давался бы на самомъ дѣлѣ, а не въ насмѣшку. Голосъ долженъ быть свободенъ, а онъ не будетъ свободенъ, если станетъ зависѣть отъ собственности другаго человѣка. Теперь, когда голосъ зависѣлъ отъ занятія извѣстной квартиры, онъ не былъ свободенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ занималъ квартиру на наемной фермѣ, или въ домикѣ, принадлежащемъ хозяину фабрики, гдѣ онъ работаетъ. Только при одномъ правилѣ будетъ дана справедливая свобода голоса отдѣльному лицу и справедливое участіе во власти тому собранію отдѣльныхъ лицъ, которое называется націею,—это въ томъ случаѣ, когда голосъ будетъ данъ каждому взрослому человѣку (сильные аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ, что реформу, предлагаемую мистеромъ Брайтомъ, реформеры должны принять, потому что она поведетъ къ новой реформѣ. Но я скажу: нѣтъ (аплодисменты). Дать голосъ одному сословію съ исключеніемъ другаго, значитъ только крѣпче запереть дверь доступа рабочему классу къ полученію голоса. Еслибы правило мистера Брайта шло изъ хорошаго основанія, я принялъ бы его; но правило, выходящее изъ ошибочнаго основанія, все равно, что слишкомъ короткая веревка, брошенная утопающему человѣку, который не можетъ достать до нея руками. Партія мистера Брайта думаетъ, что она сильна, а мы слабы,—такъ мы не побоимся же сказать ей: господинъ Брайтъ и господа манчестерскіе люди, вашъ билль негодится, дайте намъ билль, который былъ бы лучше. (Такъ, такъ!—аплодисменты). Нашъ митингъ огроменъ, посмотримъ же, сколько здѣсь изъ васъ хотятъ, чтобы голосъ былъ данъ каждому взрослому человѣку. (Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного или двухъ человѣкъ, поднимаютъ руки) [2]). Говорятъ, что Англіи угрожаетъ нашествіе. Не давайте обмануть себя крикомъ объ этой опасности. Дѣлаютъ такое умозаключеніе: «континентъ въ опасности, континентъ взволнованъ, потому необходимо намъ обсудить наши оборонительныя средства, прежде чѣмъ станемъ разсуждать о реформѣ; реформа должна подождать, пока мы распорядимся улучшеніемъ нашихъ оборонительныхъ средствъ». Нація много разъ уже попадала въ эту ловушку министерской хитрости; а я на такія отговорки отвѣчаю: «дайте голосъ народу нашей земли; дайте ему политическія права, чтобы ему было что защищать, и тогда никакой иностранецъ не отважится думать о нашествіи на наши берега». Если я успѣлъ склонить митингъ къ принятію моего предложенія, это будетъ важное дѣло; это будетъ плотиной отъ прилива шарлатанскихъ обмановъ, почти уже затопляющаго рабочіе классы Англіи (аплодисменты).

«Мистеръ Петеръ-Альфредъ Телоръ началъ говорить въ поддержку предложенія. Онъ сказалъ: «Я радъ, что имѣю случай возвысить голосъ на такомъ громадномъ митингѣ въ поддержку предоставленія голоса каждому взрослому человѣку. Я выбранъ кандидатомъ въ депутаты Ньюкэстля отъ людей, желающихъ тамъ, чтобы данъ былъ голосъ каждому взрослому человѣку». Мистеръ Телоръ продолжалъ говорить въ защиту такого ценса. «Но, прибавилъ онъ, выражая наши сильныя мнѣнія, намъ должно позаботиться о томъ, чтобы не вносить раздора въ станъ реформы (такъ, такъ!). Я не въ пользу *билля* мистера Брайта, но все, что мы нынѣ дѣлаемъ, послужитъ въ пользу *намѣреній* мистера Брайта. Этотъ почтенный джентльменъ всегда подробно объяснялъ, что лично онъ желаетъ дать голосъ каждому взрослому человѣку, но онъ прибавлялъ, что по правилу благоразумной политики онъ считаетъ нужнымъ, представляя билль Палатѣ Общинъ, представить такой билль, который могъ бы пройти черезъ нее (такъ, такъ!). Потому нынѣшній митингъ поможетъ

---

[1]) Коттонократы, или лорды хлопчатобумажныхъ фабрикъ—выраженіе уже вошедшее въ англійскій языкъ.

[2]) По англійскому обычаю выражать свое согласіе на предложеніе поднятіемъ руки.

Digitized by Google

мистеру Брайту, хотя почтенный депутатъ сдѣлалъ ту ошибку, что почелъ хорошею политикою требовать меньше, нежели ему нужно (такъ, такъ!).

«Лордъ мэръ предложилъ рѣшеніе митингу и объявилъ, что оно принято единогласно, по удостовѣреніи во мнѣнія митинга черезъ поднятіе рукъ *за* и *противъ*.

«Выраженіе благодарности лорду мэру за предсѣдательствованіе на митингѣ было принято съ громкими аплодисментами.

«Послѣ того митингъ разошелся».

Digitized by Google

Мартъ 1859.

Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскіе фанатики.—Проэктъ перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Компьенскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ.

Въ прошедшій разъ, миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства приходилось намъ перечислять въ параллель съ его объявленіями и оффиціальными актами, имѣвшими воинственное направленіе; каждому дѣйствію его въ одномъ видѣ соотвѣтствовало, почти въ тотъ же день, какое нибудь дѣйствіе, имѣющее противоположный видъ; и мы заканчивали очеркъ только тѣмъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что въ пять или шесть послѣднихъ дней, входившихъ въ нашъ обзоръ, именно во вторую недѣлю февраля (по новому стилю), миролюбивыя манифестаціи, повидимому, взяли верхъ надъ воинственными; но нельзя еще рѣшить, проченъ ли такой оборотъ въ въ наружныхъ дѣйствіяхъ французскаго правительства, а можно только находить, что нѣкоторая продолжительность манифестацій въ этомъ смыслѣ довольно правдоподобна. Такое предположеніе европейскихъ газетъ оправдалось. До того числа, извѣстія о которомъ мы имѣемъ при составленіи нынѣшняго обзора (15 марта новаго стиля), всѣ наружныя дѣйствія и объявленія французскаго правительства были благопріятны сохраненію европейской тишины. Цѣлый мѣсяцъ миролюбивыхъ увѣреній и наружныхъ дѣйствій въ томъ же смыслѣ,—чего же ты хочешь больше Западная Европа? Ты слишкомъ требовательна и недовѣрчива, если тебѣ мало столькихъ оффиціальныхъ ручательствъ за ненарушимость твоего спокойствія.

Послѣ неопредѣлительно миролюбивой рѣчи французскаго императора при открытіи засѣданій законодательныхъ властей (7 февраля) и рѣшительно миролюбивой рѣчи графа Морни, президента законодательнаго корпуса, въ первомъ засѣданіи этого собранія (8 февраля), первою довольно яркою манифестаціею въ пользу мира былъ выговоръ, данный министромъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ

Digitized by Google

Presse, за одну изъ воинственныхъ статей, которыя до той поры ежедневно появлялись въ ней безъ всякихъ непріятныхъ для нея послѣдствій. Статья эта ни мало не превосходила своимъ жаромъ прежнихъ декламацій; не стоитъ она вниманія ни въ какомъ отношеніи; но она послужила пробирнымъ камнемъ для проведенія черты мирнаго зеленаго цвѣта рукою Делангля,—какъ же намъ не присмотрѣться къ произведенію г. Леузонъ-Ледюка, получившаго честь, рубцомъ на своей спинѣ, свидѣтельствовать о сохраненіи европейскаго спокойствія?

По поводу одной книги объ исторіи Италіи за послѣднія десять лѣтъ, знаменитый знатокъ русской исторіи, г. Леузонъ-Ледюкъ, объявляетъ, что Италія излечилась отъ прежнихъ неопытныхъ мечтаній и получила теперь способность дѣйствовать противъ Австріи основательнѣе. Теперь, говоритъ онъ, Италія не такова, какъ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Какъ перемѣнились времена! восклицаетъ правдолюбивый защитникъ Италіи. Къ Піэмонту теперь примыкаютъ даже тѣ, которые болѣе всѣхъ другихъ не довѣряли ему, отталкивали его отъ себя съ наибольшей энергіей. *Viva Verdi*,—этотъ символическій крикъ раздается съ одного конца полуострова до другаго,—блистательный симптомъ, если не единства, можетъ быть невозможнаго, то по крайней мѣрѣ общаго сословія, носящаго на своемъ знамени знаменательный девизъ: «независимость и свобода!» Самъ Мацціни, этотъ нетерпѣливый агитаторъ, отказываясь отъ исключительности своей системы, присоединяется къ усиліямъ для достиженія общей цѣли. Оставимъ на минуту вопросъ о внутренней организаціи и остановимся на вопросѣ объ освобожденіи отъ иностранцевъ; онъ теперь самый настоятельный. Что значитъ этотъ всеобщій крикъ «*Viva Verdi*»! если не соединеніе къ освобожденію отъ иностранцевъ? Но, говорятъ, достаточны ли будутъ силы одной Италіи для этого? Единодушное возстаніе цѣлаго народа очень могущественный рычагъ. И не приписываютъ ли Австріи силу, которой она не имѣетъ? Вспомнимъ венгерскую войну, особенно вспомнимъ странный составъ Австрійской имперіи. Сколько въ ней самой такихъ элементовъ, которые могутъ развлечь ея силы! Одного движенія у этихъ венгровъ, или у этихъ славянъ, подобно итальянцамъ негодующихъ на габсбургскій скипетръ, было бы слишкомъ достаточно, чтобы принудить итальянскую армію Франца-Іосифа отступить, а кто не предвидитъ вѣроятности такого движенія? И развѣ Италія расчитываетъ только на свои силы для сверженія ига своихъ поработителей? Нѣтъ, она призываетъ на помощь всѣ благородныя націи. Мы боимся вмѣшательства,—почему же? Не должны ли мы скорѣе съ признательностью привѣтствовать представляющійся случай положить наконецъ предѣлъ этой болѣзни, мучащей Европу и задерживающей колесницу прогресса?

«Австрія повсюду поднимаетъ голову въ Италіи, она поднимаетъ голову и внѣ Италіи. Не Австрія ли уничтожила всѣ результаты парижскаго трактата? Не Австрія ли внушаетъ Турціи всѣ ея измѣны, всѣ ея преступленія? Не Австрія ли возмутила союзъ, соединявшій насъ съ Англіею? Война, которая избавитъ насъ отъ этого кошмара, не должна ли быть благословляема между всѣми войнами? Такова война, готовящаяся въ Италіи. Вотъ почему мы смотримъ на нее съ довѣріемъ и спокойствіемъ».

Что замѣчательнаго въ этой статьѣ? Развѣ то, что преднамѣренныхъ ошибокъ въ ней по крайней мѣрѣ столько же, сколько справедливаго. Итальянцы будто бы отсрочиваютъ вопросъ о внутренней организаціи до той поры, пока рѣшится дѣло національной независимости. Какое же ручательство въ томъ? Символическій крикъ viva Verdi! то есть: viva V(ictor) E(mmanuel) R(é) d'I(talia)—„да здравствуетъ Викторъ Эммануэль, король всей Италіи?“

Digitized by Google

Но, во-первыхъ, вся ли Италія повторяетъ этотъ крикъ? Кажется, онъ слышенъ только въ Ломбардіи и въ Моденѣ; Неаполь, Римъ и самая Венеція, даже и теперь не высказываютъ охоты склониться передъ Туриномъ. Да и въ Ломбардіи можно ли положиться на этотъ „блистательный симптомъ“? Кому не извѣстно, что первоначальный крикъ быстро смѣняется другими по мѣрѣ того, какъ развиваются событія? Въ 1848 году итальянское движеніе началось съ крикомъ „да здравствуетъ папа Пій IX!“ А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно пришло къ тому, что Пій IX почелъ нужнымъ бѣжать изъ Рима; и чтобы возстановить его власть, Наполеонъ III, бывшій тогда президентомъ республики, почелъ за нужное послать противъ Рима французское войско, которое до сихъ поръ, вотъ уже цѣлыя десять лѣтъ, стоитъ въ Римѣ. Почему знать, что, возбудивъ итальянское движеніе теперь, какъ Пій IX возбуждалъ его одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Викторъ Эммануэль не увидѣлъ бы себя въ необходимости возстановлять свою власть даже надъ наслѣдственными землями тѣмъ же средствомъ, какимъ возстановилось правленіе Пія IX въ Римѣ? Мы уже не говоримъ о Ломбардіи, или Венеціи, или Тосканѣ; но можетъ ли онъ разсчитывать и на преданность значительной части своихъ нынѣшнихъ подданныхъ, если имъ не будетъ нужно молчать о своихъ чувствахъ къ нему изъ опасенія отъ австрійцевъ? Генуя недавно была усмирена только формальною осадою. Теперь она встрѣтила Виктора Эммануэля съ тріумфомъ, но вѣдь это потому, что она хочетъ войны по воспоминанію о 1848 году, когда въ нѣколько мѣсяцевъ она обогатилась торговлею съ Миланомъ, пока онъ былъ свободенъ отъ австрійцевъ. Она и въ 1848 году желала войны, однакожь это не помѣшало ей, въ свое время, выразить нежеланіе подчиняться Турину. Но теперь, говоритъ Леузонъ-Ледюкъ, самъ Маццини хочетъ помогать сардинскому королю и графу Кавуру. Такъ эта помощь важна? Такъ маццинисты дѣйствительно сильны въ Италіи? Это можно видѣть изъ неосторожныхъ словъ Леузонъ-Ледюка; но чтобы туринскій кабинетъ остался безопасенъ при такой помощи, этому трудно повѣрить. Нынѣ Маццини можетъ быть и не хочетъ мѣшать Кавуру, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по изгнаніи австрійцевъ онъ не вздумалъ, вмѣстѣ съ генуэзцами, предъявить свои желанія.

Если бы выговоръ былъ данъ за преднамѣренныя ошибки, статья заслуживала бы его; но онъ данъ просто за воинственность. Миролюбивые идеалисты сообразили, что это еще первый выговоръ, данный какой нибудь газетѣ въ министерствѣ Делангля, который очевидно хочетъ прибѣгать къ такому средству только въ случаѣ крайней надобности; тѣмъ больше значенія получала эта экстренная мѣра: если уже Делангль сдѣлалъ выговоръ, значитъ война стала слишкомъ противна видамъ правительства.

Душевная безмятежность, вносившаяся во французское общество такимъ разсужденіемъ, была нѣсколько нарушена циркуляромъ того же самаго Делангля къ префектамъ. Въ немъ онъ говорилъ, „что они должны объяснять рѣчь императора не въ смыслѣ безусловно миролюбивомъ, что есть опасность, которая страшнѣе войны, именно то, когда умы, предавшіеся матеріальнымъ интересамъ (то есть мыслямъ о гибельности войны для народнаго благосостоянія), забываютъ о преданіяхъ чести и патріотизма“,—иначе сказать, что

хотя Наполеонъ III хотѣлъ бы сохранить миръ, но національная честь требуетъ войны, и люди, думающіе иначе—самые вредные люди. Циркуляръ заключался приказаніемъ смотрѣть, чтобы провинціальныя газеты говорили въ такомъ тонѣ: „если же не въ силахъ газетъ одушевиться тѣмъ высокимъ языкомъ, какимъ императоръ говорилъ съ Европою, то достоинство ихъ требуетъ не ослаблять его дѣйствія толкованіями, обличающими эгоизмъ или малодушіе“,—это значило, что газеты, не желающія склоняться въ пользу войны должны молчать. Этотъ циркуляръ, сдѣлавшійся въ Парижѣ извѣстнымъ (15 февраля), наканунѣ выговора, даннаго Press'ѣ, нѣсколько парализовалъ впечатлѣніе выговора; а еще больше ослабилось оно толкованіемъ о происхожденіи знаменитаго выговора. Говорили, будто бы австрійскій посланникъ сказалъ графу Валевскому, что выѣдетъ изъ Парижа, если не получитъ удовлетворенія за нападки Press'ы на Австрію; такимъ образомъ выговоръ оказывался только дипломатическою учтивостью.

Но эти два небольшія нарушенія миролюбивыхъ симптомовъ были послѣдними отголосками прежней воинственности, да и они оказались неимѣющими важности, какую имъ придали. Выговоръ не былъ просто дипломатическимъ оборотомъ: хозяинъ Press'ы Мильйо вѣроятно осязалъ его серьезность, потому что немедленно продалъ газету, „а то, чего добраго, говорилъ онъ, запретятъ ее“. Принцъ Наполеонъ, до сихъ поръ ей покровительствовавшій, сказалъ хозяину, что не въ силахъ защитить ее отъ опасностей. Новый хозяинъ не захотѣлъ служить органомъ воинственной партіи и прежній редакторъ Геру долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который хочетъ повести ее въ духѣ орлеанской партіи, питающей къ принцу Наполеону и его фамиліи тоже самое чувство, какое прежняя Presse имѣла къ Австріи. Да, расклеивается каждое маленькое дѣло у людей, противъ которыхъ повертывается счастіе въ главномъ дѣлѣ. Хотѣли обуздать вредную ревность союзника,—и что же вышло? органъ, принадлежавшій слишкомъ усердному союзнику, перешелъ въ руки врага. Дѣйствительно ли хотѣлъ Делангль сдѣлать серьезный выговоръ Press'ѣ, или только Валевскій оказывалъ черезъ него дипломатическое приличіе австрійскому посланнику, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было, выговоръ получилъ очень серьезную силу. Совсѣмъ не такова была судьба циркуляра: онъ оказался безсильнымъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что имъ вовсе не хотѣли шутить. Провинціальныя газеты быть можетъ и замолчали на нѣсколько дней, но уже давно опять говорятъ противъ войны, чуть ли не сильнѣе прежняго.

Явилась оппозиція болѣе опасная, нежели газеты. Въ прошлый разъ мы упоминали о томъ, какъ сильно говорятъ депутаты въ салонахъ противъ войны. Теперь они начали говорить подобнымъ образомъ даже въ залѣ своихъ собраній,—мы ошиблись, еще не въ главной залѣ общихъ собраній, а только въ маленькихъ частныхъ залахъ, гдѣ собираются для комитетскихъ совѣщаній отдѣлы законодательнаго корпуса (бюро) или засѣдаютъ коммиссіи. Самымъ поразительнымъ случаемъ подобнаго рода была встрѣча бюджета. Вотъ какъ разсказываютъ это дѣло. Бюджетъ 1860 года показываетъ число арміи и расходы на нее почти въ такихъ же цифрахъ, какія были въ прошедшемъ году и утверждены для нынѣшняго года. Коммиссія законодательнаго корпуса

Digitized by Google

по финансовымъ дѣламъ, получивъ новый бюджетъ, объявила, что недоумѣваетъ, какимъ образомъ согласить эти цифры мирнаго положенія съ слухами о войнѣ. „Законодательный корпусъ можетъ заниматься только серьезными цифрами, сказала коммиссія, онъ не захочетъ утверждать такой бюджетъ, къ которому будутъ сдѣланы потомъ прибавки экстренныхъ кредитовъ на веденіе войны". Поэтому, прежде нежели начать разсмотрѣніе бюджета, коммиссія потребовала у правительства объясненія о томъ, серьезны ли цифры бюджета. Коммиссіонеръ правительства для объясненій съ законодательнымъ корпусомъ по бюджету, Барошъ, долженъ былъ объявить, что цифры бюджета по искреннему убѣжденію правительства не потребуютъ прибавокъ, и что правительство увѣрено въ сохраненіи европейскаго мира.

Депутаты, начинающіе, какъ видимъ, наступательное движеніе, становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе,—т. е. на словахъ, отъ которыхъ еще далеко до дѣла. Даже бывшіе министры Наполеона III, лица самыя близкія къ нынѣшнему правительству, отъ прежней системы почтительныхъ возраженій переходятъ къ такому образу дѣйствій, котораго сами никакъ не одобрили бы мѣсяца за полтора или за два. Напримѣръ, вотъ что произошло между Персиньи и принцемъ Наполеономъ при той церемоніи, когда передавался въ архивъ императорской фамиліи документъ о бракосочетаніи принца Наполеона. Персиньи присутствовалъ тутъ, какъ членъ тайнаго совѣта. Зашла рѣчь о войнѣ. Принцъ Наполеонъ выразилъ пренебреженіе къ трактатамъ 1815 года, сказалъ, что надобно плевать на нихъ (they should le cast to the winds) и освободить Италію въ противность имъ; а если общественное мнѣніе, прибавилъ онъ, противно такой политикѣ, то не надобно смотрѣть на него. Персиньи перебилъ его словами, что подобный образъ мыслей вреденъ, не только для правительства, но и для всего общества; и что подобная политика была бы противна интересамъ Франціи. Потому, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ, я всегда буду противиться ей всѣми силами. Разговоръ въ этомъ тонѣ тянулся довольно долго; словомъ сказать, на торжественной церемоніи произошла очень жаркая сцена въ противность всякому этикету.

Не только отдѣльные сановники, подобно Персиньи доказывавшіе, что имѣютъ мужество противорѣчить желаніямъ императора, когда то нужно для его собственной пользы; не только депутаты законодательнаго корпуса, между которыми есть десятка полтора людей независимыхъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на толпу своихъ товарищей, дѣлаютъ оппозиціонныя попытки,—даже въ сенатѣ, составленномъ самимъ императоромъ изъ самыхъ покорнѣйшихъ ему людей, начинаютъ слышаться рѣчи очень рѣзкія. По случаю бракосочетанія принца Наполеона надобно было увеличить его содержаніе. Это производится рѣшеніемъ сената (senatusconsult). Покорные члены не могли и думать о томъ, чтобы отвергнуть предложеніе о назначеніи принцу Наполеону требуемой прибавки въ 700,000 франковъ; а между тѣмъ непремѣнно хотѣли выразить свое неудовольствіе на принца. Какъ это сдѣлать? Двое изъ членовъ сената, Кастельбажанъ и Буасси, придумали средство: надобно предложить въ senatusconsult'ѣ измѣненіе такого рода, что 700,000 франковъ назначаются не принцу Наполеону, а просто предоставляются въ распоряженіе императора. Эта очень замысловатая протестація такъ понравилась

Digitized by Google

сенаторамъ, что наканунѣ преній Парижъ ожидалъ ея принятія большинствомъ сената. Но сами предводители оппозиціи испортили дѣло, слишкомъ понадѣявшись на доблесть своихъ товарищей. Рѣчи, ими сказанныя, были такъ рѣзки, что сенаторы перепугались; и когда дѣло дошло до подачи голосовъ противъ senatusconsult'а въ его первоначальномъ видѣ, оказалось противъ него только два голоса самихъ ораторовъ, а всѣ остальные члены сената благоразумно отступились отъ геройскаго замысла. Результатъ неблистательный; но каковъ бы онъ ни былъ, страшно уже самое появленіе оппозиціонныхъ попытокъ въ вѣрномъ сенатѣ. Потомъ по вопросу о бюджетѣ сенатская коммиссія бюджета точно такъ же требовала объясненій, какъ и коммиссія законодательнаго корпуса.

Можно вообразить себѣ, какъ силенъ ропотъ противъ войны, если даже сенатъ чуть-чуть было не вздумалъ попытаться быть его отголоскомъ. До сихъ поръ увѣряли, что по крайней мѣрѣ французская армія желаетъ войны единодушно. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ, напримѣръ Пелиссье, и Канроберъ, противъ войны: но говорилось, что они составляютъ исключеніе. Теперь всѣмъ извѣстно, что изъ генераловъ большая часть противъ войны; что между солдатами также мало охоты идти въ Италію. Только офицеры, особенно штабъ-офицеры, надѣющіеся скорѣе дослужиться до генеральскихъ эполетъ на поляхъ битвъ, желали бы идти въ походъ. Словомъ сказать, даже большинство арміи едва ли не противъ войны. Принцъ Наполеонъ и его прежній органъ, газета „Presse", увѣряли, что лишаясь прежнихъ приверженцевъ въ промышленномъ сословіи, правительство пріобрѣтетъ себѣ усердныхъ защитниковъ между прежними врагами-республиканцами и революціонерами. Эти партіи, ожидающія въ скоромъ времени благопріятнаго случая для рѣшительныхъ дѣйствій, въ послѣднее время держали себя очень осторожно и молчали. Ихъ молчаніе истолковывалось въ смыслѣ согласія. Но вотъ и эта надежда исчезла. Парижскіе республиканцы въ половинѣ февраля собирались у Карно и рѣшили, что они противъ войны. Черезъ нѣсколько дней былъ въ Лондонѣ митингъ французскихъ изгнанниковъ демократической партіи и также объявилъ себя противъ войны.

Положеніе вообще сдѣлалось въ самой Франціи еще гораздо затруднительнѣе, нежели какъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Давно уже было извѣстно, что коммерческія палаты по всей Франціи хотятъ подавать просьбы о сохраненіи мира; онѣ имѣли на это слишкомъ много основаній. Не только фонды и другія кредитныя бумаги сильно падаютъ, производя повсюду разореніе, но и вообще торговля остановилась, заграничный отпускъ чрезвычайно уменьшился, фабрики не имѣютъ заказовъ, во всѣхъ торговыхъ городахъ множество банкротствъ. Но вздумали было остановить протестъ торговаго сословія простымъ запрещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что запрещеніемъ нельзя утишить недовольство. Тогда самъ императоръ принялъ депутацію одного изъ торговыхъ городовъ и въ отвѣтъ на жалобы сказалъ: „Господа, успокойтесь, миръ не будетъ нарушенъ". (Rassurez vous, Messieurs, la paix ne sera pas troublée). Это было въ половинѣ февраля. Но послѣ того недовольство въ обществѣ расло; оппозиція сановниковъ становилась все сильнѣе; сенатъ совершилъ мужественное дѣло, выслушавъ, хотя съ испугомъ, рѣчи

Digitized by Google

противъ войны и ея представителя принца Наполеона, наконецъ законодательный корпусъ потребовалъ объясненій относительно бюджета и, не ограничиваясь этимъ, бюджетная коммиссія единодушно предложила сдѣлать новое, еще болѣе рѣзкое нападеніе. Она хотѣла предложить уничтоженіе новаго министерства Алжиріи и колоній, т. е. потребовать отставки принца Наполеона, бывшаго представителемъ воинственности въ совѣтѣ министровъ. Съ половины февраля вражда остальныхъ министровъ къ нему дошла до такой рѣзкости, что онъ три раза требовалъ отставки, т. е. предлагалъ императору выборъ между нимъ и остальными министрами, надѣясь, что его предпочтутъ имъ. Это было дѣйствительно правдоподобно по тѣмъ соображеніямъ, какія мы излагали въ предыдущей статьѣ: Франція можетъ противиться войнѣ, но война необходима для нынѣшней системы. Поэтому носились слухи объ удаленіи въ отставку министровъ, особенно сильно споривщихъ съ принцемъ Наполеономъ. Но съ каждымъ днемъ ихъ положеніе усиливалось, и вотъ наконецъ, 5-го марта, къ общему изумленію, явилось въ Монитёрѣ оффиціальное увѣдомленіе, объявлявшее, что газеты, говорящія о войнѣ вовсе не должны считаться представительницами намѣреній правительства, потому что во Франціи нѣтъ цензуры, слѣдовательно правительство не отвѣчаетъ за мнѣнія журналистовъ. За этимъ увѣдомленіемъ слѣдовала статья, подробно объяснявшая, что Франція не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ усилій ни въ арміи, ни во флотѣ. Франція обѣщала помогать Піэмонту, если на него нападетъ Австрія, больше не обѣщала и не хочетъ она ничего. Слухи объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ—„выдумки, ложь и бредни“. Пѣхотные и конные полки остаются въ комплектѣ мирнаго штата. Покупка 4.000 лошадей для артиллеріи сдѣлана только для ремонта, чтобы привести ее къ нормальному мирному положенію. Работы въ арсеналахъ происходятъ только потому, что надобно исправить артиллерію и флотъ, и если построено нѣсколько новыхъ судовъ, то единственно для обыкновенныхъ сношеній съ Алжиріею или для провоза съѣстныхъ припасовъ въ Чивита-Веккію, или въ Александрію для кохинхинской экспедиціи; потому слухи о войнѣ нелѣпы; выдумываются злонамѣренными людьми; принимаются на вѣру глупцами. Конечно французскій императоръ наблюдаетъ за причинами могущихъ возникнуть несогласій; но разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приняло дипломатическій характеръ и надобно думать, что они разрѣшатся мирнымъ соглашеніемъ. Въ то же самое время въ англійскихъ газетахъ явилось письмо императора французовъ къ одному изъ его англійскихъ друзей, мистеру Геду, съ увѣреніемъ въ симпатіи къ Англіи, о которой онъ вспоминаетъ съ глубокою любовью, потому что провелъ въ ней много лѣтъ изгнанія; императоръ всегда былъ поклонникомъ англійской свободы; жаль, что она, какъ все хорошее, имѣетъ крайности. Зачѣмъ она вмѣсто разъясненія истины употребляетъ всѣ усилія для ея омраченія? Только несправедливая вражда англійскихъ газетъ огорчаетъ императора, счастливаго, впрочемъ, тою мыслію, что онъ нашелъ такого добросовѣстнаго и безкорыстнаго защитника, какъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Къ этому письму было приложено письмо самого Геда, объяснявшаго, что дѣйствительно только злоязычіе англійскихъ газетъ мѣшаетъ упроченію союза Англіи съ повелителемъ полмилліона солдатъ. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ эти документы въ томъ самомъ видѣ, какъ они

Digitized by Google

были напечатаны въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ отвѣтами на нихъ газеты Times, къ которой специально относилось примѣчаніе, слѣдовавшее въ Монитёрѣ за миролюбивою статьею, въ столбцахъ которой появлялись статьи Геда въ защиту Наполеона, и въ редакцію которой онъ обратился съ просьбою напечатать письмо Наполеона и его комментаріи.

Въ первыя минуты статья Монитёра, изумившая всѣхъ, всѣхъ убѣдила въ рѣшимости императора французовъ кончить дѣло миромъ. Но черезъ нѣсколько часовъ стали говорить, что она еще недостаточна, и тогда вздумали помѣстить въ Монитёрѣ вторую статью, которая бы разсѣяла остающіяся сомнѣнія. Но вечеромъ принцъ Наполеонъ вышелъ въ отставку и объявленіе объ этомъ, явившееся на другой день въ Монитерѣ, было сочтено достаточнымъ усиліемъ миролюбивыхъ увѣреній, такъ что для новой статьи почли излишнимъ слишкомъ высокое помѣщеніе въ Монитёрѣ, а отвели ей мѣсто въ Constitutionnel'ѣ.

Отставка принца Наполеона составляетъ важнѣйшую изъ миролюбивыхъ демонстрацій. Она успокоила многихъ, даже между такими людьми, которые не вѣрили Монитёру. Миролюбивыя французскія газеты заговорили сильнѣе прежняго, и никто имъ до сихъ поръ не мѣшаетъ доказывать, что война была бы безразсудствомъ со стороны французскаго правительства и гибелью для Франціи.

До сихъ поръ мы говорили о симптомахъ, происходившихъ внутри Франціи; теперь посмотримъ, какъ развивался итальянскій вопросъ въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ, и въ какомъ положеніи видятъ себя державы, вовлеченныя въ него Франціею.

Съ самаго начала Англія приняла очень сильное участіе въ раздорѣ Франціи съ Австріею, усиливаясь предупредить войну. Изъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ мы знаемъ, что сенъ-джемскій кабинетъ посылалъ множество депешъ къ отдѣльнымъ дворамъ и нѣсколько циркуляровъ къ кабинетамъ парижскому, туринскому, вѣнскому и нѣкоторымъ другимъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ состояло во-первыхъ въ томъ, что Англія совѣтуетъ враждующимъ державамъ сдѣлать взаимныя уступки; во-вторыхъ, и это было главное, она объявляла, что будетъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ той стороны, которая первая нарушитъ миръ,— противъ Австріи, если нападетъ на Піэмонтъ Австрія; противъ Франціи, если Франція захочетъ помогать Піэмонту въ случаѣ его нападенія на Австрію. Отъ Австріи никто не ждетъ нападенія, потому очевидно, что дѣйствительный смыслъ грознаго запрещенія относится только къ Франціи. Мы разсказывали въ прошлый разъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній, одинъ за другимъ исчезали предлоги къ войнѣ, выставлявшіеся Франціею. Развязалось мирнымъ образомъ сербское дѣло. Франція отыскала новую причину войны въ Папской Области; Англія опять устроила, что исчезъ и этотъ предлогъ: Австрія согласилась вывести свои войска изъ легатствъ, если Франціи дѣйствительно угодно вывесть изъ Рима свои войска. Появился было третій предлогъ,—избраніе Кузы общимъ господаремъ Валахіи и Молдавіи; но черезъ два—три дня исчезъ и онъ: было рѣшено устроить это дѣло посред-

Digitized by Google

ствомъ конференціи. Казалось бы не легко отыскать четвертый предлогъ, но нашелся и онъ: вдругъ разнеслись слухи, что парижскій посланникъ Англіи, лордъ Коули, черезъ Лондонъ ѣдетъ въ Вѣну посредникомъ по какому-то новому спорному вопросу. По какому же дѣлу онъ ѣдетъ, когда всѣ дѣла уже благополучно кончены? Нѣсколько дней господствовало недоумѣніе; наконецъ узнали, какія требованія привезъ онъ; узнали, что данъ отказъ на нихъ; узнали, что въ Вѣнѣ составлены другія предложенія; что получено на нихъ одобреніе Англіи; что отправлены они въ Парижъ и тамъ имѣютъ вѣроятность быть принятыми. Наконецъ узнали, что по итальянскому вопросу соберется конгрессъ въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Эта четвертая французско-австрійская дипломатическая исторія занимала Европу одна, чуть ли не столько же времени, какъ всѣ три прежнія вмѣстѣ: съ половины февраля всѣ толкуютъ о посольствѣ лорда Коули и толки еще не кончились. Въ чемъ же дѣло?

Когда Австрія согласилась вывесть войска изъ Папской Области, то было открыто, что жалобы Франціи противъ нея, по итальянскимъ дѣламъ, не ограничиваются содержаніемъ ея гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ земляхъ центральной Италіи, а проистекаютъ также изъ трактатовъ заключенныхъ ею съ Неаполемъ, Тосканою, Пармою, Моденою. Общее содержаніе трактатовъ состоитъ въ томъ, что австрійскія войска должны помогать этимъ правительствамъ въ подавленіи революцій, которыя могли бы вспыхнуть противъ нихъ; а въ вознагражденіе за такую опору итальянскіе правители обязались не дѣлать въ политическомъ устройствѣ такихъ измѣненій, которыя могли бы возбуждать зависть въ ломбардо-венеціанцахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Франція, Австрія держитъ подъ своей зависимостью всю Италію, кромѣ Піэмонта; надобно уничтожить эти трактаты. И тутъ опять едва ли встрѣтилось бы серьезное затрудненіе, еслибы это требованіе не скрывало подъ собой новыхъ требованій въ случаѣ согласія на него со стороны Австріи. Трактатъ съ Неаполемъ не нуженъ для Австріи, потому что и безъ всякихъ обязательствъ неаполитанское правительство не имѣетъ никакой охоты давать конституцію; а если бы (чего никакъ нельзя предполагать) серьезно захотѣло дать ее, то никакіе трактаты не помогли бы Австріи противъ государства, имѣющаго болѣе 9,000,000 населенія, т. е. вдвое болѣе чѣмъ Сардинія, и при томъ довольно далекаго отъ австрійскихъ границъ. Чтоже касается до Пармы, Модены и Тосканы, ихъ привязанность къ Австріи и безъ письменныхъ обязательствъ достаточно прочна по династическимъ отношеніямъ. Изъ-за чего же было бы тутъ серьезно спорить? Но говорятъ, будто Австрія не согласна на отмѣненіе трактатовъ, въ сущности не очень важныхъ. Мы не будемъ останавливаться на догадкахъ о дипломатическихъ тайнахъ, т. е. о мелочныхъ подробностяхъ австрійскаго оффиціальнаго отвѣта: дѣло ясно и безъ всякихъ стараній проникнуть въ секреты. Во-первыхъ, вліяніе Австріи на Италію въ случаѣ отмѣны трактатовъ не изчезнетъ безъ замѣны другимъ иностраннымъ вліяніемъ: Піэмонтъ, руководимый Франціею и служащій ея орудіемъ, почти уже сдѣлавшійся ея вассаломъ, будетъ давать тонъ другимъ итальянскимъ правительствамъ и тонъ этотъ будетъ чисто французскій. По всей вѣроятности, Австрія согласилась бы предоставить

Digitized by Google

Неаполь, Тоскану и т. д. непринужденному влеченію ихъ сердецъ, но не такъ легко ей отдать Италію подъ вліяніе Франціи. Во-вторыхъ, — и въ этомъ сущность дѣла,—даже и такая уступка не прекратила бы ссору. За четвертымъ требованіемъ явилось бы пятое и т. д., пока вопросъ бы дошелъ до своего кореннаго смысла, до очищенія Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій Австріею съ предоставленіемъ ихъ Піэмонту и съ вознагражденіемъ Франціи за ея хлопоты, или присоединеніемъ Савойи, или основаніемъ вассальнаго французскаго королевства гдѣ нибудь въ Тосканѣ, или въ легатствахъ.

Такимъ образомъ не надобно придавать слишкомъ большой важности ходу оффиціальныхъ переговоровъ о томъ или другомъ вопросѣ, формально выставляемомъ впередъ. Всѣ они въ сущности не болѣе какъ препровожденіе времени въ приличныхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ на душѣ у собесѣдниковъ мысли совершенно иного рода, о которыхъ нѣтъ ясныхъ упоминаній въ бесѣдѣ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что предметы открытаго несогласія одинъ за другимъ отстраняются,—три уже отстранены; о четвертомъ думаютъ, что Франція и Австрія подошли очень близко къ согласію въ немъ и собирается конгрессъ для разрѣшенія дѣла мирнымъ путемъ. Въ самой Франціи, соотвѣтственно этимъ наружнымъ дипломатическимъ фактамъ и требованію французскаго общества, мирные симптомы взяли въ послѣднее время рѣшительный верхъ надъ военными манифестаціями; прусское правительство формально объявило въ своей палатѣ депутатовъ, что мирное разрѣшеніе возникшихъ затрудненій сдѣлалось правдоподобнымъ. А между тѣмъ надежды на сохраненіе мира теперь едва ли не меньше, нежели до громкихъ мирныхъ манифестацій, которыми ознаменовалось начало марта. Военныя приготовленія во Франціи, Сардиніи, Австріи, Англіи продолжаются съ энергіею, которая увеличивается ежедневно. Въ послѣднее время начала становиться въ оборонительное положеніе и Пруссія, увлекая за собою тѣ второстепенныя государства германскаго союза, которыя не предупредили ее въ этомъ направленіи.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь того, что мы говорили въ прошлый разъ о существенныхъ причинахъ угрожающей войны. Мы уже указывали, что онѣ лежатъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ общественному мнѣнію во Франціи и въ нѣкоторыхъ угрозахъ со стороны итальянскихъ энтузіастовъ. Въ дополненіе къ прежнимъ разсказамъ приведемъ нѣсколько случаевъ, сдѣлавшихся извѣстными съ половины февраля. Очень многимъ читателямъ они извѣстны изъ русскихъ газетъ, — но мы и не можемъ имѣть претензіи на сообщеніе новыхъ фактовъ, — газеты всегда будутъ предупреждать насъ въ этомъ отношеніи, и мы желаемъ только облегчать воспоминанія о газетныхъ извѣстіяхъ, приводя ихъ въ связь.

Говорятъ, что маршалъ Пелиссье имѣлъ въ Лондонѣ свиданіе съ Маццини будто бы затѣмъ, чтобы узнать, могутъ ли Франція и Сардинія разсчитывать на содѣйствіе его партіи при войнѣ. Но предполагается кромѣ этой и другая цѣль,—склонить Маццини, чтобы онъ убѣждалъ итальянскихъ революціонеровъ отказаться отъ орсиніевскихъ предпріятій, о которыхъ мы

Digitized by Google

говорили въ прошлый разъ. Въ дополненіе къ прежнимъ, разсказываютъ о двухъ новыхъ случаяхъ такого рода.

Въ итальянской газетѣ «Opinione» было краткое извѣстіе о какой-то адской машинѣ, посылавшейся въ Парижъ и захваченной таможнею. Съ другой стороны въ парижскихъ газетахъ было извѣстіе о томъ, что принцесса Матильда пріѣзжала къ префекту полиціи взглянуть на какіе-то старинные документы. Эти два отрывочныя обстоятельства парижскій корреспондентъ Daily News объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дней десять тому назадъ (т. е. около 15 февраля н. с.), какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, человѣкъ, казавшійся по наружности лакеемъ и одѣтый въ императорскую ливрею, явился на одну изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ и спросилъ три ящика, которыхъ ожидаетъ принцесса Матильда съ поѣздомъ, только-что пришедшимъ въ Парижъ, и на которыхъ должна быть надпись «оставить на станціи до востребованія». Ему сказали, что дѣйствительно прибыли такіе ящики, но только два. Онъ взялъ ихъ, повторивъ, что ожидали трехъ. На слѣдующій день прибылъ третій ящикъ съ такою же надписью. Конторщики желѣзной дороги прямо послали его въ домъ принцессы Матильды на улицѣ *Coursellеs*. Швейцаръ, выслушавъ исторію двухъ другихъ ящиковъ, сказалъ, что онъ ихъ не видѣлъ. Принцессѣ доложили о полученной посылкѣ, и она вышла въ залъ взглянуть на нее. Ящикъ вскрыли при ней и нашли въ немъ бомбы, точно такого же устройства какъ орсиніевскія, только нѣсколько поменьше размѣромъ. Разумѣется, стали страшно безпокоиться мыслею, что два другіе ящика, вѣроятно съ подобною же поклажею, скрываются гдѣ нибудь въ Парижѣ и находятся въ рукахъ заговорщиковъ. Въ этотъ вечеръ или въ слѣдующій было то, что императоръ ѣздилъ въ *Opéra Comique*, причемъ, какъ пишетъ и корреспондентъ одной изъ англійскихъ газетъ, были замѣчены чрезвычайныя предосторожности. Теперь я слышалъ, что при этомъ случаѣ было поставлено на бульварѣ два эскадрона кавалеріи,—количество войскъ совершенно безпримѣрное,—и что пространство около подъѣзда было совершенно очищено отъ народа на необыкновенно большое разстояніе. Причина этихъ предосторожностей теперь очевидна. Едва ли можно сомнѣваться, что принцесса Матильда была въ префектурѣ полиціи по дѣлу, имѣющему связь съ тревожнымъ открытіемъ, о которомъ я разсказываю. Быть можетъ,—впрочемъ объ этомъ еще нѣтъ слуховъ,—что она и ея слуги пріѣзжали взглянуть сходны ли съ полученнымъ ими ящикомъ какія нибудь два другіе, отъисканные полиціею. Туринская газета *Opinione*, издающаяся подъ вліяніемъ французскаго правительства, кратко упоминала о ящикѣ съ бомбами, посланномъ на имя принцессы Клотильды. Но я почти совершенно могу ручаться, что достовѣрный разсказъ—тотъ, который передаю я».

Черезъ нѣсколько дней парижскій корреспондентъ другой англійской газеты, Manchester Guardian сообщилъ объ этомъ дѣлѣ разсказъ, почти совершенно сходный съ приведенными нами, а въ другомъ письмѣ разсказалъ другой случай, который передаемъ его подлинными словами:

«Назадъ тому недѣли три произошло, говорятъ, загадочное обстоятельство, достовѣрность котораго я знаю. Въ Тюильрійскомъ саду былъ схваченъ и обысканъ человѣкъ, у котораго былъ револьверъ и двѣ или три ручныя гранаты, усѣянныя пистонами въ видѣ рожковъ, какъ на орсиніевскихъ гранатахъ. Разумѣется, его отвели въ тюрьму. Онъ называлъ себя итальянской фамиліей и имѣлъ итальянскій выговоръ. Онъ сказалъ, что можетъ дать полиціи важныя свѣдѣнія, потому что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Но два или три дня онъ былъ очень молчаливъ и наконецъ сталъ просить, чтобы ему дали товарища, говоря, что не можетъ и не хочетъ говорить ничего, пока его станутъ держать въ одиночномъ заключеніи. Ему данъ былъ товарищъ,

Digitized by Google

одинъ изъ людей, служившихъ при тюрьмѣ, что-то вродѣ архиварiуса или библiотекаря. Тогда итальянецъ раскрылъ или показалъ видъ, что раскрываетъ много тайнъ. Но на другой или на третiй день допрашивавшiе чиновники возвратились и объявили ему, что по произведеннымъ дознанiямъ ни одно изъ его словъ не подтвердилось фактами и что ему надобно рѣшиться говорить правду. Онъ сказалъ, что объявитъ ее завтра. Его оставили на ночь въ покоѣ. Но въ четвертомъ часу утра онъ всталъ, взялъ бритву своего товарища и перерѣзалъ себѣ горло. Призванный докторъ нашелъ, что рана сдѣлана съ такою силою, что арестантъ долженъ былъ умереть въ нѣсколько минутъ. Эта исторiя мало извѣстна публикѣ; хорошо извѣстна она немногимъ и тѣ различно ее истолковываютъ».

Съ перваго взгляда легко открыть множество поводовъ къ сомнѣнiю въ достовѣрности обоихъ этихъ анекдотовъ. Особенно второй имѣетъ неправподобныя черты. Но люди довѣрчивые или мнительные находятъ много причинъ принимать ихъ за истину. Разсказъ туринской газеты, преданной императору французовъ, долженъ былъ явиться не иначе, какъ слѣдствiемъ невозможности опровергнуть слухъ. Посѣщенiе префектуры принцессою Матильдою плохо объясняется желанiемъ разсмотрѣть какiе-то старинные документы; чрезвычайныя предосторожности при посѣщенiи театра императоромъ были приняты конечно не безъ причины. Наконецъ слѣдующiй разсказъ, который можно очистить отъ всѣхъ неправдоподоныхъ подробностей, сохранивъ только главную черту, именно арестованiе и самоубiйство человѣка, пойманнаго съ орсинiевскими гранатами, служитъ естественнымъ продолженiемъ перваго разсказа, хотя сообщается совершенно другимъ корреспондентомъ. Такъ разсуждаютъ мнительные люди, прибавляя, что должны же быть на чемъ нибудь основаны хотя нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ, ходящихъ по Парижу въ такомъ большомъ количествѣ.

Достовѣрно то, что итальянскiе фанатики любятъ говорить о томъ, что орсинiевскiя попытки будутъ безпрестанно повторяться, пока Наполеонъ III не докажетъ на дѣлѣ своего желанiя освободить Италiю. Мнительные люди прибавляютъ, что посылка бомбъ, по сообщенному нами разсказу, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда сѣверная Италiя прочла миролюбивыя рѣчи императора французовъ и графа Морни; когда разнеслись слухи, что Викторъ-Эммануэль написалъ императору французовъ письмо, жалуясь, что императоръ охладѣваетъ къ итальянскому дѣлу, и высказывая свое намѣренiе отказаться отъ престола, если это дѣйствительно такъ. При этихъ слухахъ, продолжаютъ мнительные люди, нѣкоторыя особенно горячiя головы дѣйствительно могли почесть излишнимъ сохранять далѣе систему пощады, принятой всею ихъ партiею; могли подумать, что итальянскiй вопросъ уже заглушенъ и пора имъ мстить за свое разочарованiе.

Подобныя размышленiя составляютъ одну сторону дѣла; приведемъ два, три факта въ дополненiе къ тому, что говорили въ прошлый разъ о другомъ источникѣ войны, объ отношенiяхъ общественнаго мнѣнiя къ внутренней политикѣ. Мы представляли нѣсколько доказательствъ тому, что въ концѣ прошедшаго года оно выражалось очень настойчиво и съ каждою недѣлею его настойчивость возрастала, и что приготовленiя къ войнѣ служили средствомъ, чтобы обратить его отъ внутреннихъ дѣлъ на заграничныя; мы прибавляли, что на первое время эта фонтанель подѣйствовала, и что во французскихъ га-

Digitized by Google

зетахъ за январь вся энергія уходила на итальянскій вопросъ. Само собою разумѣется, что временное отвлеченіе стало терять свою силу, какъ только утратило первую новизну, и въ скоромъ времени тотъ самый предметъ, который долженъ былъ служить отвлеченіемъ, обратился въ новое поощреніе для возвратившейся настойчивости. Вотъ каково напримѣръ заключеніе статьи Journal des Débats о поѣздкѣ графа Коули въ Вѣну:

«Мы не можемъ видѣть французское правительство дѣлающимъ столь великія усилія для пріобрѣтенія этой прекрасной странѣ (Италіи) соединенныхъ благъ порядка и свободы, не обращаясь мыслью къ состоянію нашей страны и не чувствуя желанія, чтобы пришелъ для Франціи день, когда эти два блага стали бы нераздѣльны, когда мы могли бы наконецъ безопасно наслаждаться тѣми драгоцѣнными выгодами, которыя нынѣ съ такимъ усердіемъ хотимъ, какъ говоримъ, дать народамъ, навѣрное не превосходящимъ насъ ни блескомъ ума, ни разсудительностью, ни энергіею, ни славою. Какъ ни суровы были до сихъ поръ испытанія свободы въ нашей странѣ, мы не можемъ вѣрить, чтобы свобода должна была безсильно прозябать въ ней, какъ въ безплодной землѣ, и чтобы французская почва была рѣшительно неудобна для этого благороднаго растенія, столь же необходимаго нашимъ душамъ, какъ хлѣбъ и вино необходимы для нашего тѣла. Мы отвергаемъ безчеловѣчный каламбуръ, присуждающій Францію считать свободу только товаромъ на вывозъ, полезнымъ для другихъ и вреднымъ для ней самой; мы составляемъ себѣ о будущности нашей страны мысль, болѣе возвышенную и болѣе отрадную».

Эта статья напечатана въ нумерѣ 3 марта.

Если осторожный Journal des Débats, всегда державшій себя такъ кромно, что не получалъ ни одного выговора, говорилъ такимъ языкомъ еще до уступки, сдѣланной противникомъ правительственныхъ желаній статьею Монитера, то не трудно отгадать, что другія газеты, менѣе дипломатичныя, говорили рѣзче; а послѣ статьи Монитера заговорили еще сильнѣе.

Мы видѣли въ Законодательномъ Корпусѣ и даже въ сенатѣ стремленіе къ оппозиціи. Обѣ корпораціи объявили свое недовѣріе къ бюджету; обѣ требовали у правительства положительныхъ увѣреній въ ненарушимости мира, говоря, что безъ этого не стоитъ и заниматься разсмотрѣніемъ бюджета; Законодательный Корпусъ требовалъ даже удаленія принца Наполеона изъ совѣта министровъ, и принцъ былъ удаленъ и увѣренія даны. Довольно ли всего этого, чтобы судить о томъ, какъ растетъ требовательность общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, есть фактъ еще болѣе ясный. Вотъ подлинныя слова парижскаго корреспондента газеты l'Indépendance Belge въ письмѣ отъ 4 марта. Читатель знаетъ, какъ заботится эта газета о томъ, чтобы не подвергаться запрещеніямъ во Франціи, и какъ осторожно помѣщаетъ она парижскія извѣстія.

«Носится слухъ,— я не знаю, какого довѣрія онъ заслуживаетъ,—что въ комитетѣ министровъ обсуждался проэктъ закона въ измѣненіе нынѣшнихъ постановленій о журналистикѣ. Этотъ проектъ долженъ измѣнить нынѣшнее законодательство въ либеральномъ духѣ. Но вотъ что болѣе положительно: г. де-Персиньи, этотъ неутомимый династическій слуга наполеоновской монархіи, приготовляетъ проэктъ конституціи, которому старается пріобрѣсти большинство въ сенатѣ. Одно изъ основаній проэкта: измѣненіе статьи, устанавливающей неотвѣтственность министровъ. Г. де-Персиньи хочетъ такой организаціи кабинета, по которой кабинетъ, дѣлаясь фактически-отвѣтственнымъ, становился бы въ тѣснѣйшую связь съ общественнымъ мнѣніемъ».

Digitized by Google

Предоставляемъ читателю самому выводить заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ изъ этого извѣстія. Основная черта парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, что министрами назначаются люди, пользующіеся большинствомъ въ собраніи представителей націи (напримѣръ, въ Англіи, Палата Общинъ, въ Пруссіи Палата Депутатовъ, во Франціи Законодательный Корпусъ), и такъ скоро большинство этого собранія перестаетъ поддерживать ихъ, выходятъ въ отставку, уступая мѣсто тѣмъ людямъ, на которыхъ указываетъ большинство. Въ этомъ состоитъ существенный смыслъ такъ называемой отвѣтственности министровъ. Она предполагаетъ, что министры дѣйствуютъ самостоятельно, и потому при парламентскомъ правленіи никогда не говорится формальнымъ образомъ о вліяніи на нихъ монарха для внушенія имъ того или другаго образа дѣйствій: предполагается, что это значило бы компрометировать представителя верховной власти, и предполагается, что онъ не участвуетъ въ столкновеніяхъ между разными партіями, безпристрастно отдавая предпочтеніе той, на сторонѣ которой общественное мнѣніе, выражающееся парламентскимъ большинствомъ. По нынѣшней конституціи этого нѣтъ во Франціи: всѣ дѣйствія министровъ предполагаются исполненіемъ личной воли императора и министры отвѣчаютъ за свои распоряженія ему, т. е. должны сообразоваться съ его желаніемъ, а не съ мнѣніемъ парламентскаго большинства, т. е. министры не обязаны отвѣтственностью передъ представителями націи: не ими вводятся въ кабинетъ, не ими выводятся изъ кабинета. Формальнымъ образомъ въ этомъ состоитъ различіе нынѣшней французской системы отъ той, какая была при Луи-Филиппѣ и какая существуетъ напримѣръ въ Англіи. Такимъ образомъ измѣненіе, предполагаемое Персиньи, имѣло бы тотъ формальный смыслъ, что Наполеонъ III принималъ бы въ своемъ государствѣ такое положеніе, какъ напримѣръ имѣетъ въ своемъ государствѣ королева Викторія. Конечно, отъ формальныхъ постановленій до дѣйствительнаго порядка дѣлъ очень далеко; ясно также, что при данномъ характерѣ и данной предшествовавшей исторіи нынѣшняго правительства подобная перемѣна въ немъ, не только на дѣлѣ, но и по формѣ, не болѣе какъ мечта. Не нужно также доказывать, что если бы ни личный характеръ, ни предшествующая исторія не противились такому измѣненію, оно дѣлалось бы невозможнымъ уже по основнымъ принципамъ существующихъ партій. Въ прежнія времена, и не дальше какъ напримѣръ въ дѣлѣ Монталамбера, защитники нынѣшней французской системы справедливо утверждали, что свободное парламентское правленіе возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существованіе династіи прочно и гдѣ политическія партіи спорятъ только о томъ, каковы должны быть министры, ни мало не желая перемѣны въ династіи. Министры и журналисты Наполеона III справедливо утверждали, что положеніе дѣлъ во Франціи не таково, что почти все общество примыкаетъ къ двумъ большимъ партіямъ орлеанистовъ и республиканцевъ, одинаково враждебныхъ нынѣшней династіи, и что въ этомъ состоитъ существенная разница Франціи отъ Англіи. Вспоминая эти справедливыя слова самого Наполеона III и его приверженцевъ, мы видимъ въ проэктѣ Персиньи только благонамѣренную утопію, которая не можетъ имѣть никакого фактическаго значенія. Но утопіи важны въ томъ отношеніи, что показываютъ направленіе мысли въ людяхъ, предающихся имъ,

Digitized by Google

показываютъ понятія этихъ людей о потребностяхъ своего положенія. Съ этой стороны очень занимателенъ проэктъ Персиньи, который постоянно былъ ближайшимъ изъ друзей Наполеона III и вполнѣ достоинъ этой неизмѣнной дружбы своею преданностью пользамъ императора французовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его проэктъ явился слѣдствіемъ бесѣдъ съ императоромъ французовъ.

Двойственность наружныхъ дѣйствій Франціи возникающая изъ особенности отношеній нынѣшней системы къ состоянію общественнаго мнѣнія, усиленнымъ образомъ отражается на Сардиніи, вовлеченной Франціею въ такое положеніе, которому нужно безотлагательное рѣшеніе. Матеріальныя средства Сардиніи не могутъ долго выносить усилій, требуемыхъ нынѣшними отношеніями. Не только англійская биржа оказалась нерасположенною къ сардинскому займу, но даже фирма Фульдъ, въ Парижѣ не согласилась принять на себя реализацію этого займа, хотя Фульдъ, будучи министромъ государства, покровительствующаго Сардиніи, долженъ былъ бы, скорѣе всѣхъ другихъ банкировъ, согласиться на такую услугу. Графъ Кавуръ принужденъ былъ для покрытія большей половины займа прибѣгнуть къ добровольной національной подпискѣ въ самой Сардиніи. Это удалось, но подписка была не слѣдствіемъ коммерческаго разсчета, который одинъ служитъ надежнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ: она была только проявленіемъ энтузіазма, который вообще быстро остываетъ, а въ Сардиніи имѣетъ особенности, не совсѣмъ безопасныя для системы графа Кавура. Сардинскіе энтузіасты не хотятъ знать о причинахъ, принуждающихъ Францію и Піэмонтѣ медлить объявленіемъ войны, и каждая миролюбивая манифестація Франціи раздражаетъ ихъ. Потому графъ Кавуръ принужденъ опережать иногда своими распоряженіями желанія императора французовъ, компрометировать его дипломатическіе обороты слишкомъ явнымъ раскрытіемъ общей своей и его непреклонной рѣшимости начать войну. Напримѣръ, послѣдніе нумера полученныхъ нами газетъ заключаютъ распоряженіе о призваніи подъ знамена того разряда сардинскихъ солдатъ, который, постоянно находясь въ отпуску, призывается къ службѣ только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Этимъ распоряженіемъ графъ Кавуръ совершенно убилъ дѣйствіе, на которое была разсчитана статья Монитёра и отставка принца Наполеона. Точно также компрометируется французская дипломатика тономъ сардинскихъ газетъ, даже находящихся подъ вліяніемъ туринскаго министерства. Онѣ прямо говорятъ, что не придаютъ никакого значенія миролюбивымъ манифестаціямъ Франціи и что война не только неизбѣжна, но и никакъ не можетъ быть отсрочена, хотя бы на полгода. Слишкомъ неосторожные союзники раскрываютъ Европѣ даже то, о чемъ для выгоды Франціи слѣдовало бы до времени молчать. Напримѣръ, какой комментарій приложили они къ статьѣ Монитёра? Вотъ какой. Монитёръ говоритъ, что императоръ французовъ обѣщалъ только помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія отъ Австріи. Такъ, сказали сардинскія газеты, но что надобно подразумѣвать подъ этимъ? Уже то самое, что австрійцы собрали много войскъ въ Ломбардію, имѣютъ въ ней грозныя крѣпости и занимаютъ выгодныя стратегическія линіи, должно считаться нападеніемъ. Они грозятъ Піэмонту, стало быть Піэмонтъ, если захочетъ выбить изъ угрожающихъ позицій, будетъ только обороняться, а не нападать.

Digitized by Google

Графъ Кавуръ оффиціально сказалъ, что онъ самъ такъ думаетъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, до какой степени могло быть пріятно для Франціи такое истолкованіе факта, обнародованнаго ею въ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. «Мы не хотимъ нападать, мы только обязались помогать Піэмонту защищаться», говоритъ Монитеръ. «Если мы нападемъ на австрійцевъ, мы будемъ только защищаться», объясняетъ Кавуръ. Графъ Кавуръ не дѣлалъ бы такихъ непріятныхъ для Франціи толкованій, если бы могъ удержаться отъ нихъ; но онъ теперь уже не самъ идетъ,—его ведетъ партія лѣвой стороны, на которую онъ опирается въ туринской палатѣ депутатовъ. Но и у этихъ людей, имѣющихъ наклонность къ республиканству и революціонерству, предводители вовсе не лишены политической опытности и навѣрное понимаютъ всю важность дипломатической уклончивости, которую разоблачаютъ и разрушаютъ; какъ же они рѣшаются выставлять тѣ стороны дѣла, которыя надобно бы скрывать, по расчету ихъ союзниковъ? Они уже находятъ, что можно пренебрегать желаніями этихъ союзниковъ; думаютъ, что же держать ихъ въ своихъ рукахъ. Съ половины февраля, не смотря на всѣ миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства, они прямо говорятъ о Наполеонѣ III: Non puo scaparsi — «Онъ не можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ». Впрочемъ одушевлены воинственнымъ жаромъ и надѣются выгодъ отъ нынѣшнихъ отношеній къ Франціи только тѣ итальянскіе революціонеры, у которыхъ энтузіазма болѣе, чѣмъ проницательности. Маццини не раздѣляетъ ихъ счастливой увѣренности и совѣтовалъ людямъ своей партіи держаться въ сторонѣ. Дѣйствительно, они уклоняются отъ воинственныхъ манифестацій и стараются удерживать народъ. Такая политика конечно основывается не на разговорахъ съ маршаломъ Пелиссье, если дѣйствительно маршалъ видѣлся съ Маццини: итальянскій агитаторъ въ дипломатическихъ соображеніяхъ вѣроятно проницательнѣе храбраго генерала. Вліянію Маццини приписываютъ то, что въ Римѣ строго сохраняется тишина, и римскій народъ такъ далекъ отъ мысли начинать возстаніе въ настоящее время, что папская полиція почла возможнымъ разрѣшить праздновать карнавала безъ всѣхъ стѣсненій, которымъ нужно было подчинять его во всѣ предъидущіе 10 лѣтъ, со времени возстановленія папской власти. Маццинисты говорятъ: «подождемъ».

Но далеко не всѣ способны къ разсчетливому терпѣнію. Со всѣхъ концовъ Италіи съѣзжаются въ Піэмонтъ пылкіе итальянцы, особенно средняго и высшаго сословій, чтобы сражаться за независимость и свободу отечества. Говорятъ, что въ концѣ февраля въ Сардиніи было уже до 10,000 такихъ волонтеровъ, ожидающихъ только объявленія войны, чтобы стать подъ знамена. Разумѣется, большинство ихъ—ломбардцы. До объявленія войны, Сардинія, связанная особой конвенціей съ Австріей, не можетъ принять ихъ въ свою службу. Но уже составляются изъ нихъ два особые легіона, изъ которыхъ однимъ командуетъ Гарибальди, такъ храбро защищавшій Римъ. Много разсказываютъ анекдотовъ о самоотверженности, съ какою эти благородные мечтатели идутъ въ Туринъ, воображая, что дѣло сардинской арміи — дѣло Италіи. Мы приведемъ только одинъ такой анекдотъ. Герцогство Пармское издавна занято австрійцами, хотя герцогиня, говорятъ, вовсе недовольна такимъ покровительствомъ. Въ концѣ февраля какой-то офицеръ, извѣстный

Digitized by Google

герцогинѣ своею преданностью къ ея династіи, подалъ въ отставку. Герцогиня удивилась и пригласила его къ себѣ для объясненія. „Какъ, вы покидаете насъ при настоящихъ обстоятельствахъ?“ сказала она. — „Ваше Высочество, мои чувства не измѣнились; но выше васъ для меня — Италія; я принадлежу ей, не гнѣвайтесь на меня. Я ѣду въ Туринъ, снимаю мои эполеты и поступаю рядовымъ солдатомъ въ корпусъ волонтеровъ, который теперь организуется тамъ“. Прибавляютъ, что сама герцогиня, тронутая его энтузіазмомъ, не нашла возраженій противъ этого. Корреспондентъ „Indépendance Belge“, разсказывающій объ этомъ случаѣ, говоритъ, что потомъ должны были распустить цѣлый баталіонъ парискаго войска, который весь съ оружіемъ и всею аммуниціею хотѣлъ перейти въ Піэмонтъ.

Мы думаемъ, что всѣ эти благородные люди и вмѣстѣ съ ними графъ Кавуръ, патріотизму котораго мы также отдаемъ справедливость, жестоко ошибаются въ своихъ надеждахъ. Впрочемъ мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что войны не будетъ. Напротивъ, никогда не казалась она столь неизбѣжною, какъ теперь. Мы видѣли истинныя причины этой неизбѣжности; мы видѣли, что эти причины усиливаются съ каждымъ днемъ. Шансы столкновеній, которыя послужатъ поводами къ ея начатію, также увеличиваются съ каждымъ днемъ. Волненіе въ Ломбардіи растетъ. Народная манифестація въ Миланѣ при погребеніи молодаго графа Дандоло, извѣстнаго патріота, служитъ докательствомъ тому. Даже въ мирной Тосканѣ агитація такъ сильна, что считаютъ нужнымъ для ея успокоенія дать либеральную конституцію. Очищеніе Рима французскими войсками должно было служить къ тому, чтобы вспыхнуло возстаніе, чтобы римляне пошли противъ австрійцевъ, чтобы австрійцы разбили ихъ и пошли преслѣдовать ихъ къ Риму и тѣмъ нарушили бы недавній трактатъ и подали бы Піэмонту возможность провозгласить войну подъ именемъ собственной обороны. Партія принца Наполеона въ Парижѣ непремѣнно ожидала этого, и когда было объявлено, что французы выходятъ изъ Рима, она радостно говорила: „наконецъ-то занавѣсъ подымается“. Enfin voila la voile levée. Но совѣты Мацціни до сихъ поръ удерживали римлянъ отъ волненій. Разумѣется, такой хранитель кажется для папскаго правительства не совсѣмъ надежнымъ, и пока оно будетъ въ состояніи призвать для своей защиты австрійцевъ, оно ищетъ другихъ защитниковъ. Говорятъ, что оно черезъ Христину, мать испанской королевы, проситъ прислать въ Римъ два полка испанцевъ; Неаполь, говорятъ, самъ предлагалъ такую услугу, но нынѣшнія неаполитанскія войска слишкомъ извѣстны своею отличною организаціею и стойкостью въ битвахъ: самъ неаполитанскій король былъ бы мало безопасенъ, еслибъ не было у него швейцарскихъ полковъ; потому и папское правительство, призывая испанцевъ, въ тоже время, нанимаетъ швейцарскій полкъ и вербуетъ ирландцевъ.

Нѣсколько новыхъ фактовъ произошло въ послѣдній мѣсяцъ и на сторонѣ противниковъ Піэмонта и Франціи. Нечего говорить о томъ, что Австрія усиливаетъ свою армію въ Ломбардіи. Constitutionnel преднамѣренно увеличивая эту цифру въ доказательство опасности, угрожающей Піэмонту, съ цѣлью предрасположить умы къ принятію нападенія со стороны Піэмонта за необходимую мѣру защиты, насчитываетъ въ Италіи 177.000 австрійскихъ

Digitized by Google

войскъ. Но интереснѣе тотъ фактъ, что подтвердились прежніе слухи, говорившіе, что Австрія не только отлично приготовилась къ войнѣ, но и нимало не боится ея, напротивъ увѣрена въ ея успѣхѣ. Молодой императоръ рѣшительно проникнутъ воинственностью и жалуется на своихъ осторожныхъ министровъ: говорятъ, еслибъ не совѣты стариковъ, онъ не сдѣлалъ бы никакой уступки, и война давно бы началась. Впрочемъ и осторожные министры высказываютъ соображенія слѣдующаго рода: „австрійскій императоръ, даже и потерявъ нѣсколько битвъ, даже и потерявъ итальянскія провинціи, все-таки останется австрійскимъ императоромъ; но нельзя сказать того же о вліяніи военныхъ неудачъ на судьбу Наполеона III. Стало быть рискъ войны не противъ насъ“.

Германія утвердилась въ мысли дѣйствовать единодушно. Всѣ второстепенныя государства соединяются съ Пруссіею, которая объявила, что строго исполнитъ обязанности, лежащія на ней какъ на членѣ германскаго союза. Если бы не угрожала опасность Рейну, германскій союзъ вѣроятно не принялъ бы участія въ войнѣ. Но никто не думаетъ, чтобы въ случаѣ итальянской войны могъ быть сохраненъ миръ на Рейнѣ. Если бы даже французы захотѣли ограничить театръ войны Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ, то каждому очевидно, что это не зависѣло бы отъ нихъ.

Пруссія объявила, что дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ Англіею, и Западная Европа раздѣлена теперь на два лагеря слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны Франція, Піэмонтъ, быть можетъ, Тоскана и либеральная партія во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ областяхъ; съ другой стороны Австрія, Пруссія, всѣ другія нѣмецкія государства и Англія.

Въ Англіи очень можетъ быть, что на дняхъ произойдетъ перемѣна правительства, и вмѣсто кабинета лорда Дерби явится кабинетъ Росселя, или Пальмерстона, или, какъ многіе предполагаютъ, Росселя и Пальмерстона вмѣстѣ. Но если бы нынѣшнее министерство пало и если бы даже, — случай самый благопріятный для французскаго правительства, — главою министерства сдѣлался одинъ лордъ Пальмерстонъ безъ Росселя, все-таки во внѣшней политикѣ Англіи не произошло бы перемѣны, благопріятной для Франціи. Самъ Пальмерстонъ теперь далеко не тѣхъ мыслей, какія, по увѣренію приверженцевъ французскаго правительства, высказывалъ прошлою осенью, когда гостилъ у Наполеона III въ Компьенѣ. Послѣ своего паденія Пальмерстонъ вздумалъ было держаться правила „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“. Онъ былъ низвергнутъ за излишнюю дружбу съ императоромъ французовъ, и долго думалъ потомъ снова войти въ кабинетъ, опираясь на эту дружбу. Его партизаны увѣряли, что только онъ одинъ въ состояніи поддержать дружбу Франціи съ Англіей, и носились слухи о разныхъ интригахъ со стороны Франціи въ Лондонѣ для возвращенія власти лорду Пальмерстону. Онѣ не удались, и тогда онъ былъ приглашенъ для дальнѣйшихъ совѣщаній въ Компьень, подъ предлогомъ охоты, которую онъ до сихъ поръ очень любитъ. Императоръ французовъ встрѣтилъ его съ такимъ почтеніемъ, какъ встрѣтилъ бы одного изъ сильнѣйшихъ государей Европы, и могущественный лордъ держалъ себя такъ непринужденно, какъ бы хозяинъ былъ чуть ли не его вассаломъ. Извѣстенъ анекдотъ о красной курткѣ. Однажды была устроена охота въ костюмахъ

Digitized by Google

какой-то старинной французской эпохи. Но лордъ Пальмерстонъ явился въ красной курткѣ, напоминавшей своимъ цвѣтомъ мундиръ англійскаго солдата, не обращая вниманія на распоряженія церемонійместера. Погода была ненастная. Кто-то выразилъ опасеніе, чтобы благородный гость не простудился въ своемъ легкомъ платьѣ. „Не безпокойтесь, отвѣчалъ крѣпкій старикъ:—это сукно хорошее. Подъ Ватерлоо, какой шелъ дождь, однакожъ оно выдержало". Кому простили бы подобную выходку? Но съ лордомъ Пальмерстономъ были до крайности любезны. Теперь оказывается, что любезность была не даромъ: полгода тому назадъ главою оппозиціи былъ Пальмерстонъ; партія министерства была и тогда, какъ теперь, въ меньшинствѣ; лордъ Дерби держался только помощью Робака и Брайта: стоило примириться съ ними Пальмерстону, лордъ Дерби былъ бы низвергнутъ, главою министерства сдѣлался бы Пальмерстонъ. Не задолго передъ пріѣздомъ его въ Компьенъ Наполеонъ III видѣлся съ Кавуромъ (въ началѣ сентября) и тогда уже былъ рѣшенъ бракъ принца Наполеона и принцессы Клотильды, былъ составленъ союзъ для завоеванія Ломбардіи. Оставалось только обезпечить себѣ разрѣшеніе на это дѣло отъ Англіи, т. е. отъ Пальмерстона, имѣвшаго полную вѣроятность сдѣлаться первымъ министромъ не нынче—завтра. Дѣйствительно, лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Тогда-то, говорятъ, императоръ французовъ окончательно задумалъ войну и немедленно началъ приготовленія къ ней, которыя предполагалъ онъ кончить къ апрѣлю мѣсяцу. Въ такихъ надеждахъ на лорда Пальмерстона была сдѣлана сцена новаго года австрійскому посланнику. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе въ Парижѣ, когда телеграфъ 3-го февраля принесъ рѣчь Пальмерстона объ итальянскомъ вопросѣ въ первомъ засѣданіи Палаты Общинъ. Пальмерстонъ, котораго предполагали обѣщавшимъ свое содѣйствіе, говоритъ, что нельзя допустить нарушенія трактатовъ, что Англія должна быть противъ той державы, которая отважилась бы нарушить миръ Европы; что не только помогать ей, но даже и сохранить нейтралитетъ Англія не можетъ, если французы вторгнутся въ австрійскія владѣнія. Вотъ что писали изъ Парижа вскорѣ послѣ этого разочарованія. Мы буквально приводимъ слова корреспондента газеты „Manchester Guardian".

„Вы можетъ быть улыбнетесь, узнавъ, что здѣшній придворный міръ въ неописанной ярости противъ лорда Пальмерстона, на котораго благоугодно ему сваливать всецѣлую вину за все происшедшее. Эти люди (и самъ императоръ) неистощимы теперь въ брани на великаго оратора, и распространяемыя ими изобрѣтенія очень занимательны. Они утверждаютъ, что увѣренія, данныя лордомъ Пальмерстономъ императору во время Компьенскаго свиданія, были истинною причиною того, что произошло теперь. Они утверждаютъ, что онъ жарче, нежели кто нибудь, говорилъ о надобности изгнать австрійцевъ изъ Италіи и что онъ совершенно обманулъ Наполеона III. Они не могутъ простить ему его рѣчи, и теперь нѣтъ такого браннаго слова, котораго бы они не прилагали къ человѣку, мѣсяцъ тому назадъ провозглашавшемуся отъ нихъ за идеалъ европейскаго государственнаго мужа".

Неужели лордъ Пальмерстонъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ, оказался измѣнникомъ? Мы не имѣемъ къ нему особенной симпатіи, свидѣтельствомъ

Digitized by Google

тому характеристика его въ январскомъ обзорѣ и тѣ слова, которыя найдетъ читатель нѣсколькими страницами дальше въ этой статьѣ. Но надобно сказать, что въ итальянскомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ едвали могъ и хотѣлъ обманывать. А что себѣ онъ не измѣнилъ, это доказывается самою его рѣчью 3-го февраля. Въ ней онъ говоритъ, что пламенно желаетъ освобожденія Ломбардо-Венеціанскихъ областей отъ австрійцевъ, и даже прибавляетъ, что потеря этихъ провинцій была бы выгодна для самой Австріи. Значитъ, онъ не измѣнилъ своимъ Компьеньскимъ словамъ. Въ чемъ же дѣло? Лордъ Пальмерстонъ въ Компьенѣ конечно говорилъ объ изгнаніи австрійцевъ, предполагая освобожденіе занимаемыхъ ими областей, предполагая, что изгнаніе совершится или самими итальянцами, или союзомъ Франціи съ Англіею, которая не дозволитъ этому дѣлу обратиться въ простую замѣну одного иностраннаго господства другимъ. Разумѣется, когда дѣло было начато безъ согласія и участія Англіи, слѣдовательно не въ такихъ видахъ, на которые могъ соглашаться Пальмерстонъ, ему по необходимости пришлось смотрѣть на это дѣло иначе. Странно тутъ только одно: какимъ образомъ можно было предполагать, чтобы англичанинъ, и притомъ, каковы бы ни были недостатки его характера и его убѣжденій, все-таки честный человѣкъ, сталъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какого ожидали? Тутъ объясненіе ошибки только одно: люди очень разсчетливые, но привыкшіе думать очень дурно о человѣческомъ характерѣ вообще, понимаютъ иногда невинныя слова въ низкомъ смыслѣ. Эта особеннаго рода наивность иногда вводитъ ихъ въ такое же заблужденіе и потомъ разочарованіе, какъ наивность благородства бываетъ причиною ошибокъ идеалистовъ. Субъективная точка зрѣнія, какова бы она ни была по своему нравственному характеру, вообще ведетъ къ ошибкамъ.

Едва ли не разрушается и другое предположеніе, на которомъ основывалась рѣшимость, принятая въ Компьенѣ,—предположеніе, что лордъ Пальмерстонъ будетъ главою оппозиціи въ то время, когда падетъ кабинетъ Дерби. Пальмерстонъ не менѣе Дерби противился бы нынѣшнимъ французскимъ планамъ, но все-таки онъ гораздо болѣе расположенъ къ мягкости относительно императора французовъ, нежели лордъ Россель; а теперь дѣла оборачиваются такъ, что Россель близокъ къ пріобрѣтенію прежняго своего положенія, изъ котораго на время былъ вытѣсненъ Пальмерстономъ. По вопросу о парламентской реформѣ прежній глава виговъ успѣлъ захватить и до сихъ поръ сохраняетъ первенство надъ Пальмерстономъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, успѣетъ ли Пальмерстонъ сдѣлаться рѣшителемъ битвы въ нижней палатѣ, или замысловатый планъ дѣйствій, имъ придуманный, дѣйствительно окажется неудачнымъ, какимъ кажется теперь; но до сихъ поръ лордъ Россель беретъ надъ нимъ явное преимущество. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ связывается съ перемѣною прежнихъ отношеній между предводителями либеральнаго большинства, и такое или иное его рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на ходъ общихъ вопросовъ европейской политики. Кромѣ этого интереса въ немъ раскрылась еще другая сторона, занимательная не для одной Англіи, а для цѣлой Западной Европы: онъ послужилъ очень вѣрнымъ испытаніемъ того, можно ли надѣяться на успѣшное веденіе историческихъ

Digitized by Google

задачъ людьми, увѣряющими, что несмотря на старомодность своихъ принциповъ, они серьезно хотятъ улучшеній. Тори, бывшіе столь щедрыми на либеральныя обѣщанія, превосходно выказали свою существенную натуру въ этомъ дѣлѣ.

Тори давно распускали слухи о своихъ превосходныхъ качествахъ и намѣреніяхъ. Прежде торійская партія дѣйствительно была враждебна прогрессу, безпрестанно твердилъ Д'Израэли:—но теперь мы уже вовсе не таковы, какими были прежде. Поддерживать злоупотребленія, угнетать народъ,—какъ это можно! Въ наше время стыдно и вѣрить такимъ глупымъ обвиненіямъ. Напротивъ, мы теперь стали самыми искренними друзьями народа. Пусть только онъ не слушаетъ злонамѣренныхъ либераловъ, а вѣритъ намъ. Мы одни искренніе друзья его. Мы можемъ и хотимъ сдѣлать для него гораздо больше, нежели всѣ эти пустые либералы и своекорыстные демагоги.

Вотъ наконецъ пришло время оправдать такія увѣренія. Злонамѣренные радикалы, думающіе только о своихъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своему честолюбію и тщеславію, подняли вопросъ о реформѣ, и торійскій кабинетъ долженъ былъ составить проэктъ это улучшенія. Мы уже видѣли, съ какою готовностью принялся онъ за это дѣло, какъ хотѣлъ оттянуть его на цѣлый годъ и вмѣсто того выигралъ отсрочку на двѣ недѣли, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свой настоящій характеръ. Но нѣтъ, это дѣло еще далеко не всѣхъ вразумило. Было извѣстно, что Д'Израэли, истинный представитель нынѣшняго торизма, давно, еще въ декабрѣ приготовилъ билль, но что нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ членовъ кабинета онъ показался слишкомъ либераленъ и представленіе его въ Палату Общинъ замедлилось именно съ той цѣлью, чтобы образумить этихъ отсталыхъ людей. Объ основаніяхъ билля были распущены самые благопріятные слухи: говорили, что онъ чуть ли не превосходитъ либеральностью билль Брайта, который будто бы совершенно доволенъ имъ, находится въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ министерству и чуть ли не приглашается на совѣщанія къ Дерби, Д'Израэли и Стенли. Вотъ приблизилось и 28 февраля, день представленія билля въ парламентъ. Накануне было объявлено, что двое изъ министровъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями сельскихъ сквайровъ, т. е. самыхъ отсталыхъ тори, вышли въ отставку, потому что не одобряютъ билль. Стало быть предразсудкамъ отсталыхъ людей не сдѣлано никакой уступки, правительство непоколебимо удержало свои либеральныя основанія. Вотъ теперь-то Англія увидитъ, что консерваторы лучше понимаютъ и ревностнѣе исполняютъ народныя желанія, нежели эти самохвалы-радикалы. Но—нечего ждать до завтра,—они сами поспѣшили скорѣе познакомить публику съ своимъ прекраснымъ произведеніемъ: они предварительно сообщили основанія своего билля газетѣ Times, она изложила ихъ въ подробной статьѣ въ томъ же нумерѣ, который извѣщалъ объ удаленіи отсталыхъ министровъ. Позвольте однако, чтожь это такое? Судя по изложенію Times'а, билль не слишкомъ хорошо соотвѣтствуетъ народнымъ ожиданіямъ. Тутъ что нибудь не такъ. Вѣроятно, газета не умѣла понять, или исказила мысли торійскаго кабинета. Нѣтъ, лучше подождать до завтра. Вотъ завтра мистеръ Д'Израэли вноситъ билль и говоритъ очень ловкую рѣчь, продолжающуюся около четырехъ часовъ. Въ ней изложено все содержаніе билля,

Digitized by Google

объяснены его достоинства, доказано, что лучшаго ничего и сдѣлать невозможно. Въ чемъ же сущность этого прекраснаго произведенія? Ценсъ въ графствахъ понижается съ 50 ф. на десять, сравниваясь съ городскимъ ценсомъ. Прекрасно; но это было уже предложено Логъ-Кингомъ, и Палата Общинъ, принявъ его предложеніе, уже рѣшила, чтобы это пониженіе было однимъ изъ основаній каждаго билля о реформѣ. Но что предлагаетъ правительство для городовъ, относительно которыхъ оно не связано рѣшеніями палаты? Тутъ перемѣнъ никакихъ. Остается прежній ценсъ въ 10 ф. Но чрезвычайно большое достоинство придаетъ мисторъ Д'Израэли своему предложенію ввести въ дополненіе къ квартирному ценсу профессіональный ценсъ: священники, медики, адвокаты и люди другихъ ученыхъ званій должны имѣть голосъ, хотя бы и не занимали квартиру въ 10 ф.; хорошо, но много ли найдется медиковъ или адвокатовъ, которые занимаютъ квартиру цѣною менѣе 5 руб. сер. въ мѣсяцъ? Кромѣ того получаютъ право голоса всѣ имѣющіе болѣе нежели на 60 ф. капитала въ акціяхъ Остъ-Индской компаніи или въ сохранныхъ кассахъ; и это хорошо, но многіе ли изъ акціонеровъ Остъ-Индской компаніи занимаютъ квартиры менѣе 10 ф.? Всѣ эти уступки касаются только немногочисленныхъ отдѣльныхъ лицъ; что же сдѣлано вообще въ пользу городскихъ классовъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ права голоса? Вообще не сдѣлано ничего. Нѣтъ, этого нельзя сказать: прежде городскіе жители, владѣвшіе независимыми отъ феодальныхъ отношеній участками земли въ 40 шиллинговъ дохода, имѣли, какъ поземельные собственники, голосъ на выборахъ въ графствахъ. Теперь они лишаются этого права: если они не занимаютъ въ городѣ квартиру въ 10 ф., они остаются вовсе безъ голоса. Число такихъ людей болѣе 100 тысячъ. Въ этой оригинальной чертѣ виденъ истинный смыслъ торійской реформы: тори хотятъ удалить отъ деревенскихъ выборовъ всѣхъ самостоятельныхъ людей, мѣшавшихъ иногда полновластію лендлордовъ. Ихъ ревность къ истребленію злоупотребленій такъ велика, что они уничтожаютъ единственное противодѣйствіе, которое мѣшало безграничному произволу нѣсколькихъ человѣкъ надъ составомъ большинства Палаты Общинъ; они предлагаютъ усилить тотъ самый фактъ, который былъ главною причиною народнаго неудовольствія, увеличить то самое злоупотребленіе, противъ котораго должна быть направлена реформа. Таково-то расширеніе избирательнаго права, ими придуманное: оно состоитъ въ томъ, чтобы отнять право голоса болѣе, чѣмъ у 100,000 независимыхъ людей. А какъ пышны были слухи, распускавшіеся объ этой части билля! Не менѣе привлекательны были слухи и о другомъ важномъ условіи реформы,— о введеніи баллотировки. Говорили, что министерство предлагаетъ вводить баллотировку во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ согласятся на нее двѣ трети избирателей: какой либерализмъ! Нѣкоторые люди противъ баллотировки,— пусть ихъ подаютъ голоса открытымъ образомъ, черезъ записку въ реэстръ; но повсюду огромное большинство требуетъ баллотировки,—пусть оно распоряжается, какъ ему кажется лучше. Стѣсненія нѣтъ никому, вопросъ отдается на добрую волю каждаго, а между тѣмъ цѣль реформы достигается вполнѣ, потому что повсюду, гдѣ независимые избиратели составляютъ большинство, они введутъ баллотировку. Какъ же оправдались эти слухи? Билль рѣшительно отвергаетъ баллотировку—это правда; но за то онъ предлагаетъ нѣчто го-

Digitized by Google

раздо лучше: тотъ избиратель, которому далеко, или которому некогда идти въ избирательную контору записывать свое имя въ реэстрѣ, можетъ присылать формальную бумагу съ объявленіемъ, за какого кандидата подаетъ онъ голосъ: не правда ли, независимость голоса ограждается этимъ вполнѣ? Удивительное умѣнье удовлетворить потребностямъ націи! Но какъ ни высоки понятія о прогрессивности торійской партіи, внушаемыя этими двумя частями билля, третья часть, касающаяся распредѣленія депутатовъ, еще гораздо превосходнѣе всѣхъ предположеній, какія можно составить о ней по двумъ первымъ частямъ. Существуетъ до 150 ничтожныхъ городковъ, посылающихъ въ парламентъ до 250 депутатовъ, между тѣмъ какъ всѣ громадные города, въ которыхъ живетъ болѣе половины англійскаго населенія, не имѣютъ и пятой части этого числа представителей. Отстраненіе этой нелѣпости, распредѣленіе депутатовъ хотя сколько нибудь соотвѣтствующее распредѣленію населенію,—въ этомъ самое настоятельное требованіе здраваго смысла и огромнаго большинства націи. Что же предлагаетъ торійскій билль? Скрѣпя сердце, онъ беретъ по одному изъ двухъ депутатовъ отъ 15 городковъ и отдаетъ эти 15 мѣстъ тѣмъ изъ новыхъ большихъ городовъ, которые не имѣли до сихъ поръ ни одного представителя. Онъ такъ заботливъ объ этихъ маленькихъ запустѣлыхъ городкахъ, что ни одного изъ нихъ не лишаетъ представительства въ парламентѣ. И если несчастные 15 городковъ, подвергающіеся удару, будутъ имѣть вмѣсто двухъ депутатовъ только по одному, чтожь дѣлать?—прогрессъ имѣетъ свои суровыя требованія, а торійское министерство такъ искренно и горячо служитъ прогрессу.

Самъ Д'Израэли очень хорошо понималъ степень соотвѣтственности своего билля съ настроеніемъ умовъ, и его рѣчь была мастерскимъ произведеніемъ по мягкой изворотливости и благодушному смиренію, съ которымъ онъ оправдывалъ и извинялъ предлагаемый билль. При каждомъ словѣ онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы увернуться отъ опасности раздражить большинство палаты, и исполнилъ эту трудную задачу съ удивительнымъ искусствомъ. За это мастерство въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему апплодировали,—но именно только за мастерство затруднительнаго изложенія. Негодованіе за содержаніе рѣчи сильнымъ образомъ было выражено всѣми представителями либеральныхъ партій, особенно лордомъ Росселемъ, Робакомъ и Брайтомъ. „Это не реформа, это пародія надъ реформой“, говорили они одинъ за другимъ. „Предлагать такой билль, значитъ смѣяться, надъ требованіями времени, значитъ оскорблять націю“. Робакъ, говоря отъ имени реформеровъ, объявилъ, что министерство, измѣнившее условіямъ поддержки, которой пользовалось отъ нихъ, поплатится за это своимъ существованіемъ:

«Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ,—сказалъ онъ,—полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!..). Я говорю прямо: достопочтенный

Digitized by Google

джентльменъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ, и разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути чрезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣчать оппозицію, упорную оппозицію отъ каждаго друга народа въ этой палатѣ» (апплодисменты).

Въ приложеніяхъ мы сообщаемъ отрывки изъ рѣчей Росселя, Робака и Брайта, для того, чтобы читатель могъ подробнѣе видѣть отношенія парламентскихъ партій по вопросу о реформѣ.

Въ тотъ день оставалось еще объясненіе или извиненіе нелѣпости билля Дерби: чтожь было дѣлать бѣдному лорду и его головѣ, т. е. министру Д'Израэли? Быть можетъ они одушевлены самыми хорошими намѣреніями, но ихъ товарищи по кабинету, представители отсталыхъ провинціаловъ, деревенскихъ сквайровъ, составляющихъ основу торійской партіи, не понимали требованій времени; люди просвѣщенные и прогрессивные, Д'Израэли и Дерби, по рукамъ и по ногамъ связаны этими дикарями, которымъ уже и нынѣшній билль кажется слишкомъ прогрессивенъ. Вѣдь вотъ уже и такъ вышли въ отставку двое министровъ, Генли и Вальполь, бывшіе въ кабинетѣ представителями деревенскихъ сквайровъ; эти невѣжественные люди, эти тупые обскуранты были причиной неудовлетворительнаго характера билля. Какъ жаль, что такіе прогрессивные люди, какъ Дерби и Д'Израэли, должны сообразоваться съ нелѣпыми понятіями этихъ дубоголовыхъ джентльменовъ, съ которыми, къ несчастію, должны поддерживать дружбу! Конечно, противъ такого разсужденія довольно натурально представляется вопросъ: какая же необходимость прогрессивнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, лорду Дерби и министру Д'Израэли, водить дружбу непремѣнно съ сословіемъ деревенскихъ сквайровъ, которыхъ они называютъ обскурантами, исполненными предразсудковъ? Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ нѣтъ въ Англіи другихъ людей, на которыхъ могутъ опираться просвѣщенные государственные мужи? Развѣ лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли крѣпостные холопы этихъ господъ? Развѣ не по доброй волѣ нянчатся они съ ними, угождаютъ имъ? Или Англіи нѣтъ спасенья безъ деревенскихъ сквайровъ? Развѣ къ Англіи не прилагается поговорка: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишь дружбу, я буду знать каковъ ты самъ»? Если вы, милордъ и мистеръ, остаетесь въ близкихъ отношеніяхъ съ обскурантами, съ невѣждами, исполненными нелѣпыхъ сословныхъ предразсудковъ, если вы опираетесь на нихъ, значитъ у васъ самихъ лежитъ къ тому сердце— вотъ что можно было сказать на извиненіе нелѣпости поступковъ предразсудками людей, съ которыми будто бы нельзя ссориться, на которыхъ будто бы необходимо опираться. Изъ 28 милльоновъ жителей Соединеннаго Великобританско-Ирландскаго королевства, 27 съ половиною милльоновъ апплодировали бы и благословляли бы правительство, если бы оно вздумало не побояться огорчить этихъ сквайровъ, передъ которыми трепещетъ. Вѣдь эти сквайры,—незамѣтная горсть въ массѣ англійскаго населенія. Кто же виноватъ, если желаніе этой горсти людей, если ея одобреніе кажется лорду Дерби и мистеру Д'Израэли драгоцѣннѣе любви англійскаго народа? Кто виноватъ, если эта горсть людей заслоняетъ отъ нихъ цѣлую Англію? Что тутъ говорить,—лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли одержимы галлюцина-

Digitized by Google

ціей, у нихъ повреждено зрѣніе, у нихъ поврежденъ мозгъ, вотъ что говорили англійскія газеты въ то утро, которое слѣдовало за представленіемъ билля.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и снова засѣдаетъ Палата Общинъ и встаютъ одинъ за другимъ мистеръ Вальполь и мистеръ Генли, отставные министры, представители обскурантовъ, связывавшіе прогрессивное министерство лорда Дерби и мистера Д'Израэли. Они объясняютъ, почему именно вышли въ отставку, чѣмъ именно были недовольны въ биллѣ лорда Дерби. Оба говорятъ одно и то же: „Мы не хотѣли, чтобы для городовъ и для графствъ былъ одинаковый ценсъ; для графствъ приняли ценсъ въ 10 ф. До сихъ поръ всегда ценсъ въ графствахъ былъ выше ценса въ городахъ. Теперь эта основная черта англійскаго устройства стирается. Мы на это не могли согласиться. Какой ценсъ будетъ въ городахъ, это намъ все равно; но онъ долженъ быть непремѣнно ниже ценса, принимаемаго въ городахъ". Это говорятъ они оба. Мистеръ Генли дѣлаетъ прибавку такого рода: „Я думаю только о графствахъ. Какъ устроятся города, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Вводите въ нихъ, пожалуй, хоть всеобщую подачу голосовъ, я объ этомъ не забочусь. Мнѣ нужно только одно, чтобы ценсъ въ городахъ былъ ниже ценса въ графствахъ". Мистеръ Вальполь не раздѣляетъ этого совершеннаго равнодушія къ устройству избирательнаго права въ городахъ. Онъ говоритъ: „чтобы не сглаживать различія между графствами и городами, я предлагалъ понизить ценсъ въ городахъ до 5 ф.", т. е. до такой границы, при которой нѣсколько сотъ тысячъ людей рабочаго сословія вошли бы въ число избирателей.

Такъ вотъ они — обскуранты! Такъ вотъ что противопоставляли они просвѣщеннымъ прогрессистамъ, Дерби и Д'Израэли! Они люди съ предразсудками, это правда — имъ непремѣнно нужно, чтобы оставалась разница между городами и графствами, какъ было въ старину. Но какъ легко было удовлетворить этому предразсудку! Онъ такъ невиненъ, что самъ Брайтъ не хотѣлъ его опасаться: въ проэктѣ предводителя реформеровъ также была сохранена разница по ценсу между городами и графствами. За то, при удовлетвореніи этому наивному желанію, какъ легко было склонить обоихъ представителей деревенской отсталости на такое пониженіе ценса въ городахъ, которое бы удовлетворило общественному мнѣнію! Да чего склонять ихъ?... Одинъ самъ требуетъ такого пониженія; другой говоритъ: „дѣлайте какъ хотите". Если бы только захотѣли Дерби и Д'Израэли, они легко могли бы согласить предразсудки этой отсталой деревенщины съ потребностями времени въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ вопроса о реформѣ. Конечно также легко было бы имъ, если бы только они сами хотѣли, убѣдить массу своей партіи на отнятіе у запустѣвшихъ городковъ не 15, а 50 или 60 депутатовъ, и тогда, по всей вѣроятности, ихъ билль прошелъ бы; но они сами были, какъ видно изъ объясненій Генли и Вальполя, дальше отъ сочувствія потребностямъ времени, нежели простодушные люди, на которыхъ сваливаютъ они вину. Да и какъ быть иными людямъ, опирающимся на торійскую партію? Сельскіе джентльмены исполнены предразсудковъ — это правда; но предразсудки сохранились у нихъ инстинктивные, всосанные съ молокомъ матери,

Digitized by Google

наивные, натуральные, безсознательные. Сельскіе джентльмены занимаютъ въ англійскомъ обществѣ вредное положеніе—и это правда; но вѣдь не они сами добровольно избрали такое положеніе: они родились и выросли въ немъ; оно досталось имъ по наслѣдству, безъ участія ихъ воли. Кому Богъ не привелъ получить образованія, кому Богъ не привелъ имѣть отцомъ и матерью людей не вредившихъ обществу, тотъ можетъ, и при невѣжествѣ, и при вредныхъ сословныхъ предразсудкахъ, оставаться въ душѣ человѣкомъ честнымъ, добросовѣстнымъ и доброжелательнымъ. Только растолкуйте ему, что вы можете улучшить положеніе общества, не обижая его безъ надобности, онъ согласится на улучшеніе; только растолкуйте ему, что добросовѣстность требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ, онъ согласится на перемѣны. Между его товарищами по положенію и по предразсудкамъ могутъ даже найтись многіе такіе, которые сами съ радостью будутъ содѣйствовать полезнымъ для общества перемѣнамъ, если только вразумятся, что перемѣна производится не изъ вражды къ нимъ, а изъ желанія пользы другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ людямъ и цѣлому государству. Какъ бы ни было вредно для общества положеніе, занимаемое какимъ нибудь сословіемъ; какъ бы ни было исполнено нелѣпыхъ и вредныхъ предразсудковъ это сословіе,—все таки огромное большинство его, какъ и огромное большинство всѣхъ другихъ сословій, состоитъ изъ людей добрыхъ и хорошихъ. Но не таковы люди, основывающіе свою карьеру на предразсудкахъ другихъ и на вредныхъ сторонахъ существующаго порядка дѣлъ. Они держатся предразсудковъ и злоупотребленій не по наивности, не по незнанію, какъ тѣ темные люди, которые находятъ въ нихъ предводителей своимъ страстямъ, защитниковъ своимъ предразсудкамъ. Такимъ человѣкомъ, по разсчету основавшимъ свою карьеру на предразсудкахъ и злоупотребленіяхъ, мы считаемъ мистера Д'Израэли, истиннаго руководителя торійской партіи. Въ немъ не ищите ни наивности, ни незнанія. Онъ не хуже любаго хартиста понимаетъ, во что обходится обществу политическое преобладаніе лендлордовъ; онъ можетъ быть не меньше Диккенса хохочетъ въ душѣ надъ дикими предубѣжденіями сельскихъ сквайровъ; но онъ разсчиталъ, что между этими сквайрами мало людей умныхъ и образованныхъ, что онъ явится звѣздою между ними, если войдетъ въ ихъ ряды. Между реформерами сдѣлаться однимъ изъ первыхъ людей не такъ легко,—даже между парламентскими дѣятелями сколько великихъ талантовъ имѣютъ они: Робакъ, Мильнеръ, Джибсонъ, Брайтъ, Кобденъ и мало ли другихъ. Среди такихъ людей трудно отличиться. Да и какія выгоды могутъ они дать? Имъ далеко до того, чтобы быть канцлерами казначейства. Вотъ тори—другое дѣло! Тутъ истинное безрыбье, на которомъ и ракъ будетъ рыбой, и мистеръ Д'Израэли несравненнымъ геніемъ,—они будутъ нянчить его, они выведутъ его въ люди. Вѣдь у нихъ великая скудость въ умныхъ и образованныхъ людяхъ, которые умѣли бы говорить человѣческимъ языкомъ. А поднять могутъ они очень быстро и высоко,—вѣдь на половину годовъ бываетъ такихъ годовъ, въ которые они составляютъ министерство. „Умные люди, образованные люди! пожалуйте къ намъ, простякамъ и невѣждамъ. Вы будете нашими оракулами, мы подѣлаемъ изъ васъ своихъ канцлеровъ казначейства, своихъ ми-

Digitized by Google

нистровъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и всякихъ другихъ дѣлъ и бездѣлій". Умные люди, какъ и всякіе другіе люди, большею частію бываютъ честными людьми,—потому почти никто изъ нихъ не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ приглашеніемъ. Между умными людьми, какъ и между всякими другими людьми, попадается иногда человѣкъ, думающій, что для совѣсти самое выгодное мѣсто—быть подъ пяткой; вотъ находится такой человѣкъ и навѣрное не замедлитъ оказаться, напримѣръ, канцлеромъ казначейства въ министерствѣ лорда Дерби, достопочтеннымъ мистеромъ Д'Израэли. А не прячь совѣсть подъ пятку, не защищай того, надъ чѣмъ смѣешься, не превозноси тѣхъ, кого презираешь, не покровительствуй тому, вредъ чего понимаешь,—и не оказался бы ты ничѣмъ; оставался бы довольно незамѣтенъ между множествомъ такихъ же умныхъ, какъ ты, людей, остающихся честными, и затмѣвался бы подобно имъ многими честными геніальными людьми, надъ неразсчетливостью которыхъ ты имѣешь теперь полное право издѣваться и которыхъ, при аплодисментѣ одурачиваемыхъ тобою простяковъ, ты поносишь, какъ враговъ „счастливой англійской конституціи", враговъ общества, враговъ неба и земли, на которой ты славно устроилъ свои дѣлишки, о которомъ ты очень рѣдко думаешь, да и то съ усмѣшкой, хотя говоришь очень часто съ слезами умиленія.

Все это хорошо,—то есть для мистера Д'Израэли; но дурно для консервативныхъ принциповъ, защищаемыхъ мистеромъ Д'Израэли, то, что мистеры Д'Израэли, привыкши хитрить и лицемѣрить, забываютъ нехитрую истину, понятную даже недалекимъ людямъ видавшимъ вблизи историческія событія, присматривавшимся вблизи къ общественной жизни: хитрость и лицемѣріе—это мелочныя пружинки, которыми можно изворачиваться съ успѣхомъ только въ мелочныхъ дѣлишкахъ личной выгоды; общественными силами эти годныя для личныхъ цѣлей средства сдѣлаться не могутъ, потому что огромное большинство общества честно и прямодушно, а отъ того и ходъ общественныхъ дѣлъ, двигаемый качествами общества, ломитъ всегда на прямки, дурно ли, хорошо ли, назадъ ли, впередъ ли, только всегда по большой столбовой дорогѣ, на которой все видно, ничего не прикроешь. Думая повести общественныя дѣла тѣми же средствами, какія пригодны только для личныхъ дѣлъ, эти люди не успѣваютъ ничего сдѣлать порядочнымъ образомъ, не умѣютъ удовлетворить никого, не умѣютъ даже понять никого, потому что слишкомъ привыкли думать только о себѣ. Себѣ они могутъ пріобрѣсть и богатство и почести, но государству не умѣютъ принести ничего кромѣ обѣдненія и униженія. Въ Англіи, гдѣ контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англоманы, но все таки не совсѣмъ безсиленъ и очень полезенъ, нельзя такимъ людямъ упражнять надъ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть-чуть подальше свернутъ они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подъ уздцы. Государству принести большаго вреда—нѣтъ имъ воли тамъ; но за то своей партіи часто успѣваютъ они удружить такъ, что любо смотрѣть: такъ скомпрометируютъ темныхъ простяковъ, выдвинувшихъ ихъ впередъ, что бѣдняки не знаютъ куда отъ стыда дѣваться, а иногда и вовсе загубятъ ихъ такъ, что уже никакъ нельзя бываетъ поправить дѣла. Успѣлъ ли

Digitized by Google

сочинить надъ своими бѣдными тори мистеръ Д'Израэли штуку въ размѣрѣ втораго рода и должны ли они ни за что ни про что потерять министерство, какъ увѣряютъ газеты, когда могли бы удержаться въ немъ еще довольно долго, это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но вѣрно теперь то, что осрамилъ онъ своимъ биллемъ торійскую партію до нельзя.

Презрительная досада овладѣла всею Англіею, когда она, поутру 1 марта, прочла въ газетахъ основанія, предлагаемыя для реформы мистеромъ Д'Израэли. Кромѣ одной газеты, принадлежащей министерству (Morning Gerald) и одной изъ пальмерстоновскихъ газетъ (Manchester Guardian) и Times'а, вздумавшаго сообразоваться съ тактикою Пальмерстона, о которой разскажемъ ниже, всѣ другія газеты на чемъ свѣтъ стоитъ осмѣяли хитрый проэктъ съ перваго же раза. Немедленно стали назначаться, во всѣхъ большихъ городахъ митинги для выраженія мнѣній о министерскомъ проэктѣ и съ каждымъ днемъ митинги растутъ, а рѣшенія ихъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ, которому мы представимъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ одинъ нумеръ Manchester Guardian 8 марта.

Митингъ въ Стренджвезѣ. Мистеръ Джозефъ Джонсонъ предложилъ объявить, что министерскій билль прискорбно обманываетъ основательныя ожиданія націи. Предложеніе принято единогласно.

Ольдгемъ. По просьбѣ со множествомъ подписей, лордъ-мэръ назначилъ на завтра митингъ для выраженія протеста противъ министерскаго билля.

Лидсъ. На митингѣ единогласно объявлено, что билль, предложенный министерствомъ, долженъ быть встрѣченъ рѣшительной и энергической оппозиціей всѣхъ либеральныхъ людей.

Векфильдъ. Послѣ многихъ частныхъ митинговъ назначенъ на завтра общій митингъ для совѣщанія о дѣйствительнѣйшихъ мѣрахъ противиться министерскому биллю.

Саутемптонъ, Нордвульвичь и Мерильбонъ. Назначены или происходили такіе же митинги.

Демонстрація въ Гайдъ-Паркѣ, въ Лондонѣ. Мистеръ Ментель предложилъ моцію: «министерскаго билля нельзя и называть биллемъ реформы; это не билль, а просто срамъ; намъ нуженъ хорошій билль, или не нужно никакого». Принято единодушно среди сильныхъ и продолжительныхъ аплодисментовъ.

Шеффильдъ. Мистеръ Фишеръ старшій предложилъ слѣдующее рѣшеніе: «билль, предложенный министерствомъ, не исправитъ недостатковъ нашей представительной системы, а размножитъ и увеличитъ ихъ; онъ возбудитъ чрезвычайно вредную вражду между жителями деревень и городовъ. Онъ не беретъ депутатовъ у маленькихъ зависимыхъ городковъ, не даетъ баллотировки, не даетъ голоса трудолюбивымъ и порядочнымъ людямъ рабочаго класса; эти недостатки дѣлаютъ его совершенно несообразнымъ съ потребностями націи». Принято единогласно.

Ньюкэстль. Мистеръ Джозефъ Ковъ предложилъ рѣшеніе. «По мнѣнію настоящаго митинга министерскій проэктъ реформы не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ. Митингъ считаетъ этотъ проэктъ оскорбительнымъ для разума, вреднымъ для интересовъ рабочаго сословія англійской націи, и заслуживающимъ самой сильной и безусловной оппозиціи». Это предложеніе принято единогласно, а вмѣстѣ съ нимъ и рѣшеніе просить королеву объ удаленіи нынѣшнихъ министровъ.

Просимъ читателя замѣтить, что всѣ эти извѣстія взяты нами только изъ одного нумера газеты, т. е. доставлены только однимъ днемъ, и что эта газета держится политики Пальмерстона, который 8 марта еще хотѣлъ покро-

Digitized by Google

вительствовать министерскому биллю, и что наконецъ эта газета провинціальная, оставляющая безъ особеннаго вниманія тѣ части Соединеннаго королевства, которыя далеки отъ Манчестера. Были сотни митинговъ въ первой половинѣ марта и ни на одномъ изъ нихъ не было сказано о министерскомъ биллѣ ни одного, не только благопріятнаго, но и снисходительнаго слова. Всѣ единодушно рѣшали противиться министерскому биллю самымъ энергическимъ образомъ. На каждомъ митингѣ онъ служилъ предметомъ самыхъ горькихъ и презрительныхъ насмѣшекъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, двѣ изъ трехъ газетъ, защищавшихъ билль, уже измѣнили свой тонъ: Times говоритъ о биллѣ съ ѣдкой ироніей и Manchester Guardian вторитъ Times'у. Единственнымъ защитникомъ билля остается бѣдный Morning Gerald, органъ министерства.

Къ чему же привели всѣ реакціонныя хитрости, всѣ лицемѣрныя фразы? Только къ тому, что изобрѣтатели ихъ сдѣлались предметомъ насмѣшки сами компрометировали ту партію, которую хотѣли защитить. Быть можетъ по крайней мѣрѣ угодили они тѣмъ обскурантамъ, на потворствѣ которымъ основываютъ свою карьеру? Нѣтъ, и того они не достигли. Органъ фанатическихъ тори, Press, объявляетъ, что она противъ билля. Какая же была выгода угождать этимъ реакціонерамъ? Они все-таки раздражены, а нація хохочетъ и негодуетъ.

Но мнѣніе націи и рѣшеніе парламента—двѣ различныя вещи, очень часто и мало несходныя при нынѣшней системѣ выборовъ и нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ. Каковъ же ходъ дѣла въ Палатѣ Общинъ? Реформеры противъ министерскаго билля, это не требуетъ объясненій. Изъ двухъ предводителей вигистской партіи, лордъ Россель, какъ мы видимъ, немедленно по внесеніи билля самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ себя противъ него. Другой предводитель, лордъ Пальмерстонъ, вздумалъ слѣдовать политикѣ болѣе хитрой: онъ промолчалъ, чтобы въ рѣшительную минуту можно было ему присоединиться къ той сторонѣ, союза съ которой потребуетъ его выгода. Соединеніе Росселя съ реформерами показывало, что противъ билля будетъ почти ровно половина голосовъ или даже нѣсколько больше; но все-таки Пальмерстонъ полагалъ, что тѣ 70 или 80 голосовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, могутъ по произволу спасти или низвергнуть министерство. Однакожъ тактика эта, клонившаяся къ тому, чтобы сдѣлаться рѣшителемъ парламентскихъ преній, оказалась не совсѣмъ удачною. Приверженцы лорда Пальмерстона съ перваго же раза были недовольны тѣмъ, что онъ не высказался противъ билля. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ агитація въ народѣ росла, партія Пальмерстона все сильнѣе убѣждалась, что защищать билль значило бы подвергать себя негодованію націи. По послѣднимъ извѣстіямъ надобно полагать, что пальмерстоновскіе виги не будутъ поддерживать торійскаго билля. Читатель знаетъ, что парламентскія партіи стараются держать втайнѣ свой планъ дѣйствій до послѣдней минуты; потому, не смотря на множество извѣстій и предположеній о будущей судьбѣ министерскаго билля, она еще остается неизвѣстной: неизвѣстно, на что рѣшился Пальмерстонъ, неизвѣстно, какъ поступитъ министерство, если потерпитъ неудачу, которой надобно ожидать. Надобно только думать, что лордъ Пальмерстонъ думаетъ

Digitized by Google

принять въ вопросѣ о реформѣ либеральную роль для поправленія своей популярности и открытія себѣ дороги въ кабинетъ.

Удастся ли ему это, мы узнаемъ чрезъ недѣлю, при второмъ чтеніи билля. Но теперь пока видно только то, что излишняя тонкость значительно попортила его парламентское положеніе. До сихъ поръ предводителемъ оппозиціи былъ онъ. Лордъ Россель оставался на второмъ планѣ; но Пальмерстонъ промолчалъ 28 февраля и тѣмъ далъ лорду Росселю время снова выдвинуться впередъ. Предводитель оппозиціи теперь лордъ Россель. При второмъ чтеніи билля мы увидимъ, удастся ли Пальмерстону отбить у него это мѣсто, или надежда быть главою кабинета по низверженіи нынѣшняго министерства положительно отнята у него Росселемъ.

До сихъ поръ Россель, возстановившій свое прежнее значеніе рѣчью 28 февраля, дѣйствуетъ какъ предводитель оппозиціи. Онъ созвалъ къ себѣ, оставляя въ тѣни лорда Пальмерстона, либеральныхъ депутатовъ всѣхъ партій для совѣщанія о единодушномъ образѣ дѣйствій по вопросу о реформѣ. Пальмерстоновскихъ виговъ тутъ не было; но кромѣ депутатовъ, постоянно шедшихъ за Росселемъ, явились въ собраніе всѣ реформеры. Выслушавъ проэктъ Росселя, они объявили себя готовыми поддерживать его. Такимъ образомъ дѣла пошли по одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, вѣроятность и значеніе которыхъ мы объяснили въ январскомъ обзорѣ: реформеры и росселевскіе виги соединяются подъ предводительствомъ Росселя противъ тори. Что бы ни стали дѣлать пальмерстоновскіе виги, судьба торійскаго билля уже рѣшена этимъ соединеніемъ: онъ долженъ погибнуть.

Но его фактическая погибель, уже несомнѣнная, еще не равнозначительна паденію торійскаго министерства. Чтобы понять эти тонкости, надобно вникнуть въ обычаи англійскаго парламента.

Билль, вносимый въ Палату Общинъ, долженъ быть прочитанъ въ ней три раза; на каждое чтеніе требуется согласіе палаты. Согласіе на первое чтеніе обозначаетъ только то, что палата хочетъ заняться предметомъ, къ которому относится билль: тутъ нѣтъ еще вопроса о согласіи палаты съ духомъ вносимаго въ нее проэкта. При согласіи на второе чтеніе рѣшается, одобряетъ ли палата основные принципы билля. Если разрѣшено второе чтеніе, палата обращается въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей. Тутъ предлагаются различныя частныя поправки (amendment), относящіяся къ той или другой статьѣ. Послѣ всего этого проэктъ пересматривается коммиссіею для приведенія первоначальныхъ его опредѣленій въ соотвѣтственность съ принятыми поправками. Тогда палата, возвратившись къ обыкновенной формѣ засѣданій, выслушиваетъ поправленный билль и снова подаетъ голоса объ немъ. Все вмѣстѣ это называется вторымъ чтеніемъ билля. Чрезъ нѣсколько времени назначается третье чтеніе, при которомъ вопросъ идетъ и о принципѣ и о всѣхъ подробностяхъ билля въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ втораго чтенія. Такимъ образомъ первое чтеніе только формальность, дающая палатѣ время приготовиться къ подробному обсужденію билля при второмъ чтеніи. За то второе чтеніе бываетъ настоящимъ испытаніемъ предлагаемаго закона и въ немъ одномъ находятся три разные момента, изъ которыхъ на каждомъ билль можетъ погибнуть: палата можетъ, во-первыхъ, отказать ему

Digitized by Google

въ согласіи на второе чтеніе; во-вторыхъ при комитетскомъ совѣщаніи можетъ принять такія поправки, которыми совершенно измѣняется характеръ первоначальнаго проэкта; въ третьихъ, наконецъ, при общемъ чтеніи поправленнаго билля можетъ отвергнуть его. Если онъ миновалъ всѣ эти опасности, то при третьемъ чтеніи наступаетъ для него самое рѣшительное испытаніе: къ третьему чтенію собираются всѣ депутаты; каждая партія старается явиться на поле битвы въ самомъ полномъ составѣ, и тутъ окончательно оказывается, на чьей сторонѣ большинство палаты, если и при второмъ чтеніи оно не оказалось на сторонѣ противниковъ билля.

Ясно, что борьба имѣетъ двѣ различныя части. При подачѣ голосовъ о первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи билля дѣло непремѣнно идетъ на чистоту. Не то при поправкахъ; поправка можетъ совершенно измѣнить первоначальный смыслъ проэкта, замѣнивъ смысломъ прямо противоположнымъ; а между тѣмъ, если билль внесенъ министерствомъ и если министры болѣе дорожатъ сохраненіемъ своихъ мѣстъ, нежели проведеніемъ своихъ идей, то они могутъ, замѣтя, что большинство будетъ на сторонѣ поправки, объявить, что не придаютъ ей особенной важности и потому согласны на нее. Есть и другой способъ, еще болѣе благовидный и еще менѣе добросовѣстный. Если совершенно враждебная прежнему биллю поправка сопровождалась такими рѣзкими рѣчами и предложена отъ такихъ непримиримыхъ враговъ, что министерство не находитъ возможности притвориться, будто не замѣчаетъ ея враждебности, оно выставляетъ противъ нея другую поправку, которая отличается отъ предложенной противниками только какимъ нибудь пустымъ словомъ. Наконецъ недавно тори открыли еще третье средство безвредно для своихъ министерскихъ мѣстъ выдерживать самыя враждебныя перемѣны въ своихъ билляхъ. При совѣщаніи о своемъ индійскомъ биллѣ торійское министерство объявило, что этотъ предметъ по своей національной важности выше несогласій между партіями; что министерство не хочетъ ничего болѣе, какъ только служить желаніямъ страны въ этомъ великомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было оно рѣшено парламентомъ, министерство впередъ на все согласно. Этотъ методъ называется разрѣшеніемъ вопроса посредствомъ отдѣльныхъ постановленій объ отдѣльныхъ частяхъ его (by resolutions). Тутъ первоначальный билль долженъ разсматриваться по объявленію министерства не какъ проэктъ рѣшенія вопроса въ извѣстномъ духѣ, а просто какъ указаніе на подробности вопроса, безъ желанія настаивать на разрѣшеніе ихъ именно въ такомъ, а не другомъ духѣ.

Читатель видитъ, что всѣ эти способы не болѣе какъ хитрыя средства говорить „я доволенъ", въ то время, какъ дѣлаютъ противъ моего желанія. Министерство, прибѣгающее къ нимъ, навлекаетъ на себя насмѣшку и презрѣніе, но успѣваетъ продлить свое существованіе, если большинство ему противное раздѣлено на партіи, еще не успѣвшія согласиться относительно распредѣленія министерскихъ мѣстъ между своими предводителями при низверженіи существующаго министерства. Не будучи готовы составить новый кабинетъ, эти партіи большинства терпятъ существованіе прежняго министерства и показываютъ видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ его объясненію, что оно не принимаетъ во враждебномъ для себя

Digitized by Google

смыслѣ рѣшеній парламента, противныхъ его собственнымъ предложеніямъ. Именно такимъ образомъ съ перваго дня своего существованія до нынѣшняго числа держится торійское министерство. Но, разумѣется, всѣ эти увертки не болѣе, какъ формальность, допускаемая оппозиціею по ея несогласію относительно состава новаго кабинета. Если же соглашеніе оппозиціонныхъ оттѣнковъ будетъ устроено, тогда никакіе извороты не помогутъ министерству: оппозиція прямо принимаетъ рѣшенія, относящіяся не къ какому нибудь закону, а къ самому министерству, и предлагаетъ ему удалиться изъ кабинета. Но до этой невѣжливости дѣло рѣдко доходитъ. Министерству бываетъ извѣстно, успѣла ли оппозиція согласиться въ составѣ новаго министерства и если успѣла, то оно не будетъ прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ, зная, что онѣ уже были бы безполезны, и первое рѣшеніе палаты, несогласное съ какимъ нибудь его предложеніемъ, хотя бы по самому пустому вопросу, откровенно истолкуетъ въ его настоящемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ приказанія удалиться изъ кабинета. Читателю извѣстно, что тогда остаются двѣ дороги: министерство или немедленно повинуется парламенту, или испытываетъ свое счастье распущеніемъ прежняго парламента и созваніемъ новаго, голосу котораго оно уже не можетъ не повиноваться, потому что при выборахъ предполагался вопросъ: довольна ли нація существующимъ министерствомъ.

Мы излагали всѣ эти подробности парламентской тактики для того, чтобы читателю были ясны отрывочныя извѣстія, которыя будутъ приноситься ему газетами. Нынѣшній обзоръ нашъ будетъ напечатанъ вѣроятно до рѣшенія парламентской судьбы министерскаго билля о реформѣ, и мы хотѣли бы помочь читателю при соображеніи значенія будущихъ газетныхъ извѣстій по этому важному дѣлу; а теперь мы сообщимъ то, что уже сдѣлано по немъ, чего ожидаютъ въ настоящее время, т. е. около 15-го марта новаго стиля, и какъ думаютъ о вѣроятномъ исходѣ борьбы, которая начнется черезъ недѣлю (21-го числа).

Когда лордъ Россель, тотчасъ же по внесеніи билля Д'Израэли, высказался противъ него самымъ сильнымъ образомъ и когда реформеры, на собраніи, бывшемъ у лорда Росселя, рѣшились поддерживать стариннаго предводителя либераловъ, было рѣшено ими сосредоточить всѣ свои усилія въ парламентѣ на поддержку предложеній Росселя, и Брайтъ объявилъ въ Палатѣ Общинъ, что отлагаетъ представленіе своего билля. Такимъ образомъ событія приняли именно тотъ оборотъ, который мы предполагали вѣроятнѣйшимъ и объясняли въ январской книжкѣ. Мы говорили тогда (Соврем. Политика, № 1, стр. 123): „Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти голосовъ „ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для „нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлить въ свою „пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и „другого лагеря; то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у „себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, мо„жетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе „300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только за„просомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія со стороны независимыхъ „либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьез-

Digitized by Google

нымъ соперникомъ билля Дерби вѣроятно останется только билль Росселя“.
прибавляли тогда, что реформеры, отъ присоединенія которыхъ къ Росселю
къ Дерби зависитъ большинство, вѣроятно будутъ имѣть болѣе наклонн
дѣйствовать вмѣстѣ съ Росселемъ противъ Дерби. Въ продолженіи в
февраля носились слухи противные нашему предположенію, но вотъ тепе
оно оправдано фактомъ. Послѣ этого соединенія Брайта съ Росселемъ. Д
увидѣлъ невозможность провести свой билль, но онъ (то есть Д'Изра
придумалъ новую хитрость, вовсе не лестную для твердости министерск
убѣжденій, но казавшуюся ему единственнымъ средствомъ спастись отъ
раженія: узнавъ о союзѣ Росселя съ Брайтомъ. Д'Израэли объявилъ,
при второмъ чтеніи само министерство предложитъ въ своемъ биллѣ попра
на принципахъ болѣе широкихъ. Къ этому обращенію въ либеральное н
вѣданіе слѣдовало бы прибѣгнуть еще до представленія билля; теперь тр
тельный либерализмъ былъ штукою нѣсколько запоздалою и Россель объяв
въ палатѣ, что при второмъ чтеніи билля Дерби предложитъ слѣдую
рѣшеніе: „Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразу
(politic) поступать по способу предложенному настоящимъ биллемъ съ су
ствующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что
лата и нація неудовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго пр
не вводящимъ въ графствахъ и городахъ расширенія права голоса въ
мѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣро
Принятіе этой моціи, встрѣченной апплодисментами палаты, въ сущн
должно равняться отверженію билля Дерби, потому что она противна обѣ
важнѣйшимъ чертамъ билля,—сохраненію десяти-фунтоваго ценса въ город
и отнятію ценса въ графствахъ у фригольдеровъ, живущихъ въ города
Но министерству она оставляетъ возможность сказать, что ея принятіе, п
предложенныхъ самимъ министерствомъ поправокъ, не принимаетъ оно
прямое отверженіе своего билля, то есть за требованіе удалиться изъ ка
нета. Но кромѣ того однимъ изъ реформеровъ будетъ предложено при втор
чтеніи и прямое отверженіе билля. Теперь считаютъ, что это послѣднее пр
ложеніе будетъ принято большинствомъ отъ 80 до 90 голосовъ. Надо
однакоже замѣтить, что отъ министерства еще зависитъ парировать эт
ударъ собственнымъ предложеніемъ какихъ нибудь очень сильныхъ измѣне
въ первоначальномъ биллѣ. Очень можетъ быть, что такой маневръ остан
не совершенно безуспѣшенъ. Точно также лордъ Пальмерстонъ при втор
чтеніи билля, вѣроятно, сдѣлаетъ какой нибудь маневръ, чтобы возврат
себѣ роль предводителя оппозиціи, отнятую у него Росселемъ. Впрочемъ,
жется, что по вопросу о реформѣ это ему не удастся; но можетъ быть
пріищетъ какой нибудь другой вопросъ для достиженія своей цѣли.

Итакъ около 15-го марта новаго стиля положеніе дѣлъ было слѣдую
министерскому биллю предстояло или быть отвергнутымъ, или получить
поправокъ характеръ совершенно противный его прежнему духу; во втор
случаѣ торійское министерство полагаетъ объявить, что оно не принима
этихъ поправокъ за враждебныя ему. Въ первомъ случаѣ, по правильнымъ п
ламентскимъ обычаямъ, оно должно было бы, или выдти въ отставку, или р
пустить парламентъ. Но при нынѣшнемъ распаденіи виговъ на двѣ партіи (Р

Digitized by Google

селя и Пальмерстона) и при отдѣльномъ существованіи независимой отъ нихъ партіи реформеровъ можетъ встрѣтиться невозможность къ составленію вигистскаго министерства, и въ такомъ случаѣ тори успѣютъ удержаться въ министерствѣ. Этотъ шансъ много зависитъ отъ Пальмерстона: повидимому Росселю трудно будетъ составить министерство безъ содѣйствія Пальмерстона. Примириться этимъ двумъ соперникамъ, прежнимъ друзьямъ, получившимъ другъ отъ друга страшные удары, очень трудно; но судя по газетнымъ слухамъ надобно полагать, что переговоры о примиреніи ведутся. Основаніемъ ихъ служитъ по видимому то, что партія Пальмерстона требуетъ у своего предводителя, чтобы онъ принесъ свое личное неудовольствіе на Росселя въ жертву общей выгодѣ виговъ. На дняхъ мы увидимъ, исполнятся ли ожиданія газетъ, предсказывающихъ примиреніе; а пока скажемъ только, что около 15-го марта, то есть за недѣлю до рѣшенія дѣлъ, предполагали, что Россель, опираясь на реформеровъ, чувствуетъ себя довольно сильнымъ составить министерство и безъ содѣйствія Пальмерстона. Разумѣется, всѣ отношенія могли совершенно измѣниться въ слѣдующіе дни, остававшіеся до 21-го числа.

Между тѣмъ какъ восточный островъ Ирландско-Великобританскаго королевства занятъ былъ этими преніями о реформѣ и различными ея шансами, въ одномъ изъ портовыхъ городовъ западнаго острова случилось дѣло, возбудившее общее вниманіе даже среди всѣхъ заботъ о реформѣ и слуховъ о войнѣ. Въ гавань Квинстона прибылъ 6-го марта американскій корабль съ неожиданными гостями, и газета Cork Examiner разсказала о немъ слѣдующія интересныя вещи.

«Сильное впечатлѣніе было произведено въ Квинстонѣ прибытіемъ американскаго корабля «*David Steward*», на которомъ были знаменитый Поэріо и его спутники, недавно выпущенные изъ неаполитанскихъ темницъ. Помилованіе ихъ сопровождалось изгнаніемъ, и перевезенные въ Испанію, они должны были быть отправлены въ Америку. Неаполитанскій корабль привезъ ихъ въ Кадиксъ, оттуда «*David Steward*» нанятъ былъ перевезти ихъ въ Нью-Йоркъ. Всѣхъ изгнанниковъ 69 человѣкъ, въ томъ числѣ жена и двое дѣтей изгнанника Маццео. 19 февраля они были посажены на этотъ корабль. Для 44 человѣкъ нашлись первоклассныя каюты; остальные были помѣщены во вторыхъ мѣстахъ. По отплытіи изъ Кадикса, «*David Steward*» плылъ около 200 миль подъ надзоромъ «Стромболи», неаполитанскаго военнаго парохода. Потомъ пароходъ удалился, оставивъ корабль при попутномъ вѣтрѣ по дорогѣ въ Америку. Но едва корабль очутился въ безопасности отъ пушекъ парохода, всѣ изгнанники явились къ капитану, протестовали противъ своего отправленія въ Америку и потребовали, чтобы ихъ отвезли въ какую нибудь англійскую гавань. Капитанъ, оставившій третью часть платы за перевозъ обезпеченіемъ въ исполненіи контракта, отвѣчалъ, что не можетъ нарушить его. Они повидимому убѣдились его доводами и успокоились на тотъ день; но поутру возобновили свое требованіе болѣе рѣшительнымъ тономъ. Тутъ произошелъ случай романтическаго характера: въ Кадиксѣ нанялся служить на корабль молодой итальянецъ Раффаэлли Сеттембрини. До сихъ поръ онъ исполнялъ работу наравнѣ съ другими матросами; но когда пассажиры пришли во второй разъ къ капитану, онъ явился въ костюмѣ помощника штурмана галюэзскихъ пароходовъ: въ изящной синей блузѣ съ золотыми пуговицами и золотымъ околышемъ на шляпѣ. Дѣйствительно, онъ служилъ помощникомъ штурмана въ галюэзской пароходной компаніи. Оказалось, что онъ сынъ одного изъ важнѣйшихъ изгнанниковъ, Луиджи Сеттембрини. Услышавъ о томъ, на какихъ условіяхъ выпущенъ изъ темницы его отецъ, онъ отправился въ Испанію и, чтобы находиться вмѣстѣ съ отцомъ, придумалъ хит-

Digitized by Google

рость, о которой мы разсказали. Капитанъ корабля думаетъ, что цѣль у него была важнѣе, нежели простое желаніе увидѣть отца. Капитанъ думаетъ, что онъ былъ отправленъ лондонскимъ итальянскимъ обществомъ, чтобы помочь изгнанникамъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Какъ бы то ни было, но его присутствіе придало новую настойчивость требованію пассажировъ. Они сказали, что у нихъ теперь есть морякъ и что если бы имъ пришлось отнять управленіе кораблемъ у капитана и экипажа, то они могутъ плыть безъ ихъ помощи. Они представили капитану, что находятся въ морѣ уже цѣлыхъ два мѣсяца, что многіе изъ нихъ старики, что здоровье всѣхъ ихъ болѣе или менѣе ослаблено десятилѣтнимъ заключеніемъ и потому долгое плаваніе было бы пыткою для всѣхъ ихъ и можетъ быть смертью для нѣкоторыхъ. Они утверждали также, что, будучи подъ американскимъ флагомъ, они свободные люди и что онъ не имѣетъ права везти ихъ туда, куда они не хотятъ. Эти аргументы подкрѣплялись превосходствомъ по физической силѣ,—изгнанниковъ было 66 человѣкъ мужчинъ, а экипажъ состоялъ только изъ 17, потому капитанъ уступилъ и направилъ корабль на сѣверъ. Пассажиры обращались съ нимъ ласково, но поставили надъ нимъ надзоръ, чтобы онъ не свернулъ корабля съ направленія къ гавани, въ которую они хотѣли плыть. Они направлялись въ Коркъ, но нѣсколько ошиблись въ направленіи и черезъ 14 дней прибыли въ Квинстонъ. Тотчасъ же они сошли на берегъ съ выраженіями живѣйшаго восторга отъ мысли, что теперь свобода ихъ ненарушима. Нѣкоторые изъ нихъ целовали землю, на которой стали свободными людьми.

«Прибытіе пассажировъ въ Квинстонѣ — дѣло обыкновенное, не возбуждающее никакого вниманія. Но вѣсть о прибытіи этихъ пассажировъ разнеслась чрезвычайно быстро, и они стали предметомъ заботливѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что отъ долговременнаго заключенія зрѣніе у нихъ ослабѣло. Въ продолженіи путешествія, Поэріо, здоровье котораго очень разстроено, каждый день вставалъ съ постели, чтобы просидѣть нѣсколько часовъ на палубѣ. Ему 55 лѣтъ, но на видъ онъ кажется старше. Онъ не высокаго роста и плотнаго сложенія».

Изгнанники были встрѣчены въ Ирландіи и въ Англіи съ энтузіазмомъ. „Наши американскіе братья, приготовлявшіе почести для Поэріо и его спутниковъ, будутъ завидовать намъ, что пріемъ этихъ гостей достался на нашу долю", восклицаютъ англійскія газеты. Составился комитетъ для открытія національной подписки въ честь новоприбывшихъ. Первые государственные люди всѣхъ партій поставили за славу себѣ руководить этимъ дѣломъ. Президентомъ комитета выбранъ лордъ Шефтсбери, лордъ Пальмерстонъ, лордъ Россель, Мильнеръ—Джибсонъ, Глэдстонъ, лордъ Гренвилль, лордъ Лендсдонъ, лордъ Дергемъ, лордъ епископъ лондонскій, лордъ Линдѐерстъ, находятся въ числѣ членовъ комитета.

Поэріо и его товарищи были брошены въ темницы вслѣдствіе событія 1848 года; но ни Поріо, ни Сеттембрини, ни большая часть другихъ изгнанниковъ, прибывшихъ теперь въ Англію, ни мало не участвовали въ революціонныхъ движеніяхъ, вынудившихъ у Фердинанда II согласіе на конституцію. Они только пользовались популярностью, и потому самъ король почелъ нужнымъ обратиться къ нимъ, когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ исчезло довѣріе къ нему и онъ почелъ себя находящимся въ опасности. Онъ самъ просилъ Поэріо и другихъ принять управленіе дѣлами, чтобы спасти ему жизнь и престолъ. Вскорѣ потомъ обстоятельства измѣнились. Фердинандъ II почелъ возможнымъ обойтись безъ ихъ помощи и уничтожить конституцію. Если бы Поэріо и его товарищи могли полагать, что чѣмъ-нибудь заслужили его гнѣвъ, они имѣли довольно времени уѣхать изъ Неа-

Digitized by Google

поля. Но они полагали, что Фердинандъ II, хотя и нашелъ полезнымъ возвратиться къ прежнему принципу управленія, смотритъ на нихъ, своихъ бывшихъ министровъ, какъ на людей, которымъ долженъ быть признателенъ за помощь въ трудныя для него времена. Такая мысль была заблужденіемъ излишней самонадѣянности. Фердинандъ II думалъ о нихъ совершенно иначе, и нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ поступилъ совершенно основательно, рѣшившись наказать ихъ за либеральныя мнѣнія. Правда, они не сдѣлали ничего преступнаго; но самый образъ ихъ понятій былъ преступенъ по неаполитанскимъ законамъ, возстановленнымъ по усмиреніи революціи. Правда, они не были революціонерами; но революціонеры довѣряли имъ, когда они были призваны къ управленію дѣлами. Безнаказанность такихъ людей конечно была бы противна прочности возстановленной системы, или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовала бы, что эта система должна щадить своихъ противниковъ, слѣдовательно, сама не увѣрена въ своихъ силахъ. Если бы эти страницы попались на глаза французскимъ, англійскимъ, сардинскимъ или нѣмецкимъ либераламъ, мы подверглись бы отъ нихъ безпощадному порицанію; но что же дѣлать, надобно говорить то, что думаешь. Намъ кажется, что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Поэріо и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о беззаконности наказаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма и генералъ-прокуроръ, бывшій обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричатъ, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случахъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невиновности подсудимаго составляется на основаніи впечатлѣнія, производимаго всею его жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелочныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридическаго доказательства, но которые всѣ вмѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невинности? Притомъ, намъ кажется, что требовать уликъ противъ Поэріо, значило быть слишкомъ щепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно, что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно онъ имѣлъ образъ мыслей враждебный господствующему порядку; слѣдовательно онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно правительство было бы виновно передъ самимъ собою и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такою безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей. Поэріо и его товарищи могутъ быть, какъ частные люди, достойны всякаго уваженія по благородству характера, по талантамъ и т. д.; но какъ враги правитель-

Digitized by Google

ства они основательно могли быть подвергнуты смертной казни. Но правительство смягчило это наказаніе, замѣнивъ его заключеніемъ въ крѣпость. До сихъ поръ мы не видимъ въ этомъ дѣлѣ ничего противнаго основаніямъ существующаго въ Неаполѣ порядка; но дальнѣйшія дѣйствія неаполитанскаго правительства кажутся намъ уже несовершенно благоразумными. Помѣщеніе въ темницахъ, отведенное для осужденныхъ преступниковъ, было чрезвычайно дурно: тѣсно, мрачно, сыро, грязно. Они были содержимы въ цѣпяхъ, содержаніе имъ отпускалось чрезвычайно дурное. Вообще обходились съ ними также сурово, какъ съ какими нибудь убійцами пойманными на воровствѣ. Говоря по строгой правдѣ, и въ этомъ не было ничего собственно несправедливаго: по всей вѣроятности многіе другіе заключенные въ неаполитанскихъ темницахъ содержались точно также, хотя правительство и не имѣло къ нимъ личной непріязни. Но въ нашъ вѣкъ либеральные предразсудки очень сильны въ Западной Европѣ; притомъ и человѣколюбіе внушаетъ, что строгость напрасна тамъ, гдѣ не нужна. Намъ кажется, что Поэріо и его товарищи были бы достаточно наказаны за свой преступный образъ мыслей тюремнымъ заключеніемъ и безъ прибавленія цѣпей, грубаго обращенія и разныхъ лишеній. Впрочемъ мы не судьи въ этомъ дѣлѣ; судья въ немъ неаполитанское правительство, которое лучше насъ знало потребности своего положенія и вѣроятно не употребляло бы этихъ сильныхъ строгостей, если бы не были онѣ дѣйствительно нужными. Очень можетъ быть, что оно было совершенно право, когда утверждало, что нѣкоторая суровость необходима для обузданія злоумышленниковъ примѣромъ ихъ предводителей и соучастниковъ, и что эта строгость, быть можетъ и дѣйствительно тяжело ложащаяся на нѣкоторыхъ лицъ, спасительно дѣйствуетъ на множество людей, предостерегая ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, — но не даромъ существуетъ пословица: „чужую бѣду по пальцамъ разведу“. Глэдстонъ, не замѣчавшій у себя на родинѣ надобности въ подобныхъ мѣрахъ, не захотѣлъ, когда былъ въ Неаполѣ, понять грустной необходимости, возлагаемой на неаполитанское правительство обязанностью поддерживать порядокъ при множествѣ недовольныхъ. Онъ имѣлъ случай въ подробности изслѣдовать положеніе людей заключенныхъ въ неаполитанскія тюрьмы по политическимъ причинамъ и съ чрезвычайною силою изобразилъ его Европѣ. Эти извѣстія ужаснули западно-европейскихъ либераловъ, и общественное мнѣніе заговорило такъ сильно, что Франція и Англія должны были наконецъ разорвать дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ правительствомъ, когда оно не согласилось исполнить ихъ требованіе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ людей, впрочемъ справедливо наказанныхъ за свои заблужденія, которыя не могъ не замѣтить даже Монтанелли, хотя и раздѣляетъ ихъ образъ мыслей. Самъ Монтанелли, напримѣръ, разсказываетъ, что когда Фердинандъ II, провозгласивъ конституцію, назначилъ министромъ Боццелли, одного изъ предводителей демократической партіи, этотъ демократъ упалъ къ ногамъ короля и вскричалъ: „Государь! если бы я зналъ васъ раньше, я не составлялъ бы заговоровъ“, — а вотъ въ этомъ-то и состояла непростительная ошибка, за которую дѣйствительно былъ онъ достоинъ наказанія, постигнувшаго его въ послѣдствіи.

Но здоровье короля въ послѣднее время ослабѣло. Сколько извѣстно,

Digitized by Google

болѣзнь его ревматизмъ, въ соединеніи съ золотушными страданіями. Эта болѣзнь имѣетъ въ Неаполѣ какой-то особенный характеръ: она бросается на одну изъ ногъ, дѣлаетъ человѣка хромымъ, потомъ поднимается въ желудокъ и тогда становится смертельною. Король чувствовалъ себя правымъ, но все-таки размышленія, внушаемыя тяжелой болѣзнью, склонили его оказать милость заключеннымъ. Конечно, онъ основательно думалъ, что было бы опасно оставить ихъ въ Неаполѣ, но мы видѣли какъ разстроилось намѣреніе удалить ихъ въ Америку.

Мы высказали нашъ взглядъ на это дѣло, но безпристрастіе обязываетъ насъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, привести мнѣніе противной партіи, понимающей дѣло иначе, и мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ статьи Times'а, предоставляя себѣ право показать неосновательность обвиненій, взводимыхъ ею на неаполитанское правительство.

«Мы должны нынѣ объявить, что Поэріо, Сеттембрини (говоритъ *Times*, 9 марта) и остальные неаполитанскіе каторжники, которыхъ везли въ Сѣверную Америку по приказанію умирающаго, но не раскаявающагося Фердинанда, презрѣли его милостью и съ чрезвычайнымъ ослѣпленіемъ и неблагодарностью не захотѣли принять прощеніе на условіяхъ, имъ предложенныхъ. Десять лѣтъ онъ считалъ нужнымъ держать ихъ въ цѣпяхъ, въ гнуснѣйшихъ тюрьмахъ, въ подземельныхъ подвалахъ, подвергая ихъ ужасамъ медленной смерти; но смерть, призываемая ими, не приходила. Они были наказаны по приговору суда, веденнаго такимъ образомъ, что изумлялась Европа,— такъ нагло было клятвопреступленіе, такъ возмутительны дѣйствія судей, такъ тверда ихъ рѣшимость произнесть осужденіе. Показанія шпіоновъ, представленіе подложнаго письма, отвергнутаго впослѣдствіи даже неаполитанскимъ генеральнымъ прокуроромъ,— таковы документы по ихъ дѣлу. Въ Англіи знаютъ, что Поэріо жестоко страдалъ, но почти всѣ знаютъ о немъ только по письмамъ Глэдстона о состояніи неаполитанскихъ тюрьмъ, и англійскій народъ еще не знаетъ, какая черная измѣна погубила этихъ несчастныхъ джентльменовъ, не знаетъ, какъ велики права ихъ на нашу симпатію. Они не заговорщики; они не имѣли никакого отношенія къ итальянскимъ заговорамъ. Но когда Европа была раздираема волненіями, въ возбужденіи которыхъ они не участвовали, то по просьбѣ своего короля они помогли ему установить конституціонное правленіе въ Неаполѣ. Торжественнѣйшимъ образомъ Фердинандъ призывалъ на себя погибель, если измѣнитъ данному слову. Но послѣ 15 мая [1]) онъ бросилъ на вѣтеръ всѣ обѣщанія. Несчастные джентльмены, которыхъ мы теперь съ гордостью называемъ нашими гостями, были виновны развѣ въ томъ, что повѣрили слову Фердинанда. За это преступленіе, котораго никто не захочетъ повторить, они были осуждены на десять лѣтъ страданій, какимъ подвергались очень немногіе люди, и пережили ихъ, чтобы разсказать свѣту. Чѣмъ больше мы будемъ изслѣдовать ихъ исторію, тѣмъ больше мы убѣдимся, что эти люди терпѣли невообразимое мученіе десять лѣтъ единственно за то, что имѣли безразсудство повѣрить Фердинанду и приняли участіе въ системѣ правленія, которую онъ клялся сохранить. Даже дыханіе клеветы никогда не касалось ихъ чистаго имени. События 1848 года произошли безъ всякаго возбужденія отъ нихъ. Фердинандъ, чтобы спасти свой престолъ и свою жизнь, бросился писать конституцію. Онъ лично и убѣдительно просилъ главныхъ между этими изгнанниками быть министрами его новаго правленія. Они исполнили просьбу. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ возможность пренебречь своими обѣщаніями и обязательствами. Онъ обратилъ пушки на своихъ подданныхъ, и на досугѣ было составлено

[1]) Когда неаполитанское національное собраніе было разогнано вооруженною силою, городъ Неаполь бомбардированъ и либеральное движеніе подавлено послѣ упорной битвы.

*

Digitized by Google

пошлое, ни на чемъ не основанное обвиненіе въ заговорѣ противъ государственныхъ людей, оказавшихъ ему пособіе для сохраненія ему престола въ часъ его тяжкой бѣды. Жертвы его тираніи и вѣроломства теперь между нами. Чувство, гораздо сильнѣйшее всѣхъ политическихъ расчетовъ, призываетъ насъ почтить такихъ людей».

Статья написана, какъ видимъ, очень сильно и даже краснорѣчиво; но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что ни честность Поэріо, Сеттембрини и другихъ, ни краснорѣчіе англійскаго журналиста не могутъ вознаградить за недостатокъ яснаго взгляда на сущность дѣла, — недостатокъ одинаково замѣтный и въ бѣдныхъ страдальцахъ, и въ ихъ защитникѣ. Они, кажется, не понимаютъ теоріи неотъемлемыхъ правъ. Мы говоримъ, напримѣръ, что негръ—невольникъ, ступившій на англійскую или русскую землю, дѣлается свободнымъ человѣкомъ, хотя бы владѣлецъ имѣлъ на него самые неоспоримые документы и хотя бы даже онъ самъ добровольно продался въ рабство этому господину. Такъ постановляютъ англійскіе и русскіе законы, потому что выше всѣхъ документовъ и обязательствъ и обѣщаній ставятъ въ этомъ случаѣ неотъемлемое право человѣческой личности, объявляя недѣйствительными всякіе договоры и факты, противные этому праву. Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что также безусловна теорія неотъемлемыхъ правъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. Обѣщанія и дѣйствія, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такія уступки по самому принципу теоріи недѣйствительны и, если такъ можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теоріи должны быть уничтожаемы. Когда Фердинандъ возстановилъ свою прежнюю власть, ему не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ раскаяваться, кромѣ развѣ того, какъ жалѣть о грустномъ стеченіи обстоятельствъ, вынудившихъ уступки, и раскаяваться въ минутномъ отступленіи отъ ненарушимой теоріи. Потому выраженіе „нераскаявающійся“ въ отношеніи къ нему совершенно неумѣстно. Онъ по совѣсти можетъ сказать, что правъ передъ Поэріо и его товарищами. Также неумѣстна дерзкая иронія надъ условіями, съ которыми было соединено освобожденіе этихъ преступниковъ: развѣ правитель не имѣетъ обязанности заботиться о спокойствіи своего государства? Развѣ онъ не обязанъ принимать мѣръ нужныхъ для того? Фердинандъ находилъ, что для внутренняго спокойствія Неаполя было бы вредно дозволить жить тамъ Поэріо и его товарищамъ. Онъ былъ правъ передъ собою, освобождая ихъ на такомъ условіи, чтобы они удалились въ страну, гдѣ были бы безвредны для Неаполя. Онъ руководился милостью, но и самая милость должна быть благоразумна. Десяти-лѣтнія страданія преступниковъ были ужасны,— но что же дѣлать? Притомъ, чѣмъ возмущается краснорѣчивый защитникъ преступниковъ? Тѣмъ обстоятельствомъ, что тюрьмы не были устроены съ комфортомъ. Но неужели онъ не понимаетъ, что комфортъ въ тюрьмѣ совершенно неумѣстенъ, да еслибъ и былъ умѣстенъ, то почти ничѣмъ не облегчилъ бы страданія преступниковъ? Тяжесть тюремнаго заключенія состоитъ именно въ томъ, что заключенный лишенъ свободы и никакой комфортъ не можетъ чувствительнымъ образомъ уменьшить этой тяжести, никакое отсутствіе ком-

Digitized by Google

форта не можетъ значительно увеличить ее. Вниманіе къ тому, хороша или дурна была тюрьма, въ которой сидѣлъ Поэріо, кажется намъ такою же ничтожною щепетильностью, какъ вниманіе къ тому, соблюдено ли титулованіе по рангу на адресѣ получаемаго кѣмъ нибудь письма. Вопросъ въ томъ, заслуживали ли заключенія наказанные имъ люди, т. е. были ли они тяжкими преступниками? Да, потому что не исполнили лежавшей на нихъ по неаполитанскимъ законамъ обязанности защищать форму правленія, существовавшую до революціи. Съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что вся статья Times'а кажется намъ слѣдствіемъ неяснаго пониманія неаполитанскихъ учрежденій, точно также, какъ образъ дѣйствій, за который пострадали Поэріо и его товарищи, мы считаемъ ошибочнымъ, и полагая, что онъ былъ очень вреденъ для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты въ своихъ несчастіяхъ, совершенно заслуженныхъ. Мы грустимъ о тяжести этихъ страданій, мы высоко уважаемъ личныя достоинства и благородство характера несчастныхъ страдальцевъ, — но, повторяемъ, они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты „Times“ и отвѣтъ газеты.

1. Редактору газеты «*Times*».

Милостивый государь! Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзалъ изъ столбцовъ вашей газеты и нашелъ полезнымъ послать къ императору французовъ, о которомъ англійская пресса говоритъ, что онъ непремѣнно хочетъ войны, три письма, въ которыхъ я защищалъ его и которыя были напечатаны вами.

Посылаю вамъ копію записки, при которой они были отправлены, и провѣренный переводъ письма, полученнаго мною въ отвѣтъ. Спокойныя и великодушныя чувства его относительно Англіи, я увѣренъ, будутъ оцѣнены и одобрены вашими безчисленными читателями всѣхъ сословій и мнѣній во всѣхъ странахъ свѣта. Для нихъ всѣхъ должно быть очевидно, что если бы англійская пресса, согласно съ желаніемъ британской націи, только приняла, а не отталкивала руку дружбы, постоянно протягиваемую Англіи съ самаго его избранія французскимъ народомъ, императоромъ Наполеономъ III, нынѣ повелѣвающимъ полумилліономъ солдатъ, то соединенныя силы, энергія и богатство двухъ державъ могли бы обезпечить Европѣ неоцѣненныя блага «мира, превышающаго всякій разумъ».

Остаюсь, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ф. Б. Гедъ.

Господину Моккару, личному секретарю императора, въ Парижѣ.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ имѣетъ честь просить мистера Моккара вручить прилагаемыя бумаги его величеству императору Наполеону III.

«*Дворецъ Тюильри, 1-го марта.* Любезный мой сэръ Фрэнсисъ, благодарю васъ за то, что вы собрали и прислали мнѣ различныя статьи, помѣщенныя вами въ англійскихъ газетахъ, ибо такимъ образомъ вы дали мнѣ случай изъявить вамъ всю мою признательность за чувства, которыя вы не побоялись добровольно выразить въ мою пользу. Я увидѣлъ въ этомъ — и это меня очень тронуло — новое доказательство, что старые друзья мои въ Англіи меня не забыли и знаютъ, что я всегда сохранялъ къ англійскому народу то уваженіе и сочувствіе, какія питалъ къ нему во время изгнанія моего посреди васъ. Даже теперь, когда я пишу къ вамъ, я вспоминаю, какъ о чемъ-то счастливомъ, о томъ времени, когда, будучи изгнанникомъ, я видѣлся съ вами въ Англіи. Вѣдь человѣкъ вмѣстѣ съ перемѣной судьбы мѣняетъ и радость, и горе свое. Въ былое время меня поглощала только скорбь изгнанія; теперь передо мною

Digitized by Google

заботы управленія, и одна изъ величайшихъ состоитъ, конечно, въ томъ, что меня дурно понимаютъ и невѣрно судятъ обо мнѣ именно тѣ, которыми я всего болѣе дорожу и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи. Такъ, я нахожу весьма естественнымъ, что партіи, которымъ я былъ обязанъ противодѣйствовать, выказываютъ ко мнѣ недоброжелательство и изыскиваютъ всѣ средства вредить мнѣ; но не могу понять, почему англичане, которыхъ я всегда былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ союзникомъ, безпрестанно нападаютъ на меня въ своихъ газетахъ самымъ недостойнымъ и несправедливымъ образомъ, ибо, говоря по совѣсти, для меня непостижимо, какой они могутъ имѣть интересъ въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Еслибъ я у себя вздумалъ дѣйствовать такимъ образомъ, то впослѣдствіи былъ бы поставленъ въ невозможность подавить страсти, мною возбужденныя. Я всегда питалъ большое уваженіе къ свободѣ англійскаго народа; но глубоко сожалѣю о томъ, что свобода, какъ и все хорошее, имѣетъ свои крайности. Зачѣмъ она, вмѣсто разъясненія истины, дѣлаетъ все, что только можно, для ея затемненія? Зачѣмъ, вмѣсто поощренія и развитія благородныхъ чувствъ, распространяетъ она недовѣрчивость и вражду? Итакъ, посреди всѣхъ этихъ лживыхъ происковъ, я счастливъ тѣмъ, что нашелъ защитника, который, руководствуясь одной любовью къ истинѣ, рѣшился возвысить противъ нихъ свой добросовѣстный и безкорыстный голосъ. Примите, любезный мой сэръ Фрэнсисъ, увѣреніе въ дружественныхъ моихъ чувствахъ

«Наполеонъ».

Отвѣтъ газеты *Times*.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ былъ почтенъ отъ императора французовъ благодарственнымъ письмомъ за свое усердіе къ императорскому дѣлу. Это письмо онъ посылаетъ намъ, а мы представляемъ его читателямъ. Черезъ него сэръ Фрэнсисъ Гедъ болѣе прежняго убѣдился, что Наполеонъ III есть достойнѣйшій и искреннѣйшій властелинъ, желающій только одного того, чтобы жить въ мирѣ со всѣми націями и особенно съ Англіей. Сэръ Фрэнсисъ Гедъ считаетъ это письмо побѣдоносньмъ оправданіемъ своихъ собственныхъ мыслей и увѣренъ, что мы не будемъ долѣе представлять собою помѣху тому прочному союзу предмета его обожанія съ англійскимъ народомъ, который такъ сильно будетъ содѣйствовать счастію человѣчества. Мы жалѣемъ, что неспособны раздѣлять увѣренность, внушаемую нашему корреспонденту письмомъ императора. Если бы судьба мира зависѣла только отъ прекрасныхъ словъ, она скоро была бы рѣшена. Къ счастію люди смотрятъ не на одни слова, а также и на дѣла, и общія мѣста о мирѣ и союзѣ будутъ производить мало впечатлѣнія, пока арміи остаются собранными для нападенія на сосѣда и увеличивается число военныхъ кораблей въ видахъ имѣть послѣ того войну съ другимъ сосѣдомъ.

Разбирая письмо Наполеона III, мы не имѣемъ намѣренія припоминать событій хорошо извѣстныхъ каждому. Карьера повелителя французовъ—предметъ исторіи, и Европа знаетъ путь, которымъ онъ вошелъ на престолъ. Даже сэръ Фрэнсисъ Гедъ, хотя его душа очевидно распростерта въ поклоненіи монарху, личнымъ знакомствомъ котораго онъ почтенъ, требуетъ съ нашей стороны хорошаго обращенія съ нимъ только на томъ основаніи, что императоръ простиралъ къ намъ руку дружбы и что онъ повелѣваетъ полумилліономъ солдатъ. Мы согласны разсматривать вопросъ исключительно на этихъ основаніяхъ. Французскій императоръ могущественный властелинъ и увѣряетъ Англію въ своей дружбѣ. Обязываютъ ли насъ эти причины забывать о томъ фактѣ, что, получивъ полное распоряженіе надъ своимъ отечествомъ, онъ поступалъ съ слабѣйшими государствами высокомѣрно и оскорбительно, и что нынѣ онъ грозитъ Европѣ такимъ дѣломъ, которое можетъ стать общею европейскою войною? Жалобы императора, высказанныя въ его письмѣ, конечно были бы достойны уваженія, если бы имѣли хотя какое нибудь основаніе. Онъ говоритъ, что перемѣна судьбы только измѣнила его радости и печали. «Прежде мнѣ являлись только скорби изгнанія,

Digitized by Google

теперь ясно вижу я прискорбія власти, и одно изъ величайшихъ моихъ прискорбій то, что я вижу себя предметомъ ложныхъ мнѣній и сужденій со стороны тѣхъ, кого я наиболѣе уважаю и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи». Намъ кажется, что послѣ событій послѣдняго года, послѣ адресовъ французскихъ полковниковъ, послѣ открытія Шербургскаго порта и статуи Наполеону I, послѣ преслѣдованія Монталамбера за похвалу англійскимъ учрежденіямъ и послѣ отказа принять британское посредничество въ пользу древнѣйшей нашей союзницы Португаліи по дѣлу корабля *Charles et Georges*,—это обращеніе къ англійской чувствительности нѣсколько не своевременно. Мы утѣшаемся мыслью, что каковы бы ни были печали нашего союзника, отчужденіе англичанъ отъ него не можетъ занимать важнаго мѣста между ними. Послѣ опытовъ, представленныхъ послѣдними мѣсяцами, тщеславіемъ было бы съ нашей стороны предположеніе, что мнѣніе англичанъ имѣло бы особенную цѣну для императора французовъ, если бы не казалось оно нужнымъ для руководства мнѣніями французскаго народа. Императоръ удивленъ, что англійская пресса говоритъ противъ него, «потому что по совѣсти, говоритъ онъ, я не вижу для нея никакой выгоды въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Если бы въ своей странѣ я вздумалъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, мнѣ потомъ невозможно было бы удержать страсти, которыя возбудилъ бы я». Надобно замѣтить, что это старинный аргументъ самаго сэра Фрэнсиса Геда. Во-первыхъ предполагается, что каждое слово о настоящемъ правительствѣ возбуждаетъ общественное мнѣніе противъ Франціи. Во-вторыхъ дается намъ предостереженіе, что императоръ, когда бы ему ни вздумалось, можетъ поднять противъ насъ французскій народъ. Но великій и единственный вопросъ для Англіи и для другихъ странъ состоитъ въ томъ, можетъ ли даже самая терпѣливая и неизмѣнная учтивость отвратить нападеніе, которымъ грозитъ имъ французское правительство. Еслибы несомнѣнно было, что миръ Европы можетъ быть купленъ молчаніемъ, мы все-таки еще подумали бы, стоитъ ли покупать его такою цѣною; но когда оказывается, что подобная робость только можетъ поощрять къ нападенію, то и это жалкое искушеніе изчезаетъ. Сколько можно судить, бывшія и нынѣшнія наши несогласія съ Франціею были произведены не смѣлостью газетъ или какихъ нибудь парламентскихъ ораторовъ, а угодливостью нашихъ государственныхъ людей. Европѣ кажется, что натянуто-похвальныя выраженія, въ которыхъ всегда говорятъ объ императорѣ наши бывшіе и настоящіе министры, обозначаютъ страхъ предъ его могуществомъ и сознаніе нашей слабости. Мы не ставимъ этого языка въ вину англійскимъ политическимъ людямъ; фразеологія въ парламентѣ совершенно искуственная, и мы знаемъ, что когда министръ говоритъ «нашъ августѣйшій союзникъ» или «этотъ проницательный государь», то эти выраженія совершенно равносильны тому, какъ онъ своего политическаго противника называетъ своимъ «достопочтеннымъ другомъ». Но континентъ не понимаетъ этихъ тонкостей; и если онъ теперь расположенъ твердо воспротивиться притязаніямъ французской имперіи, то его надежды на англійскую помощь внушаются тономъ народа, а не тономъ нашихъ оффиціальныхъ правителей.

Но что намъ разсуждать о вѣроятностяхъ, когда можно указать на фактъ. Австрія имѣетъ всѣ качества, какія желалъ бы придать каждой державѣ Наполеонъ III, и ея газеты были постоянно идеаломъ, въ родѣ того, какой представляетъ намъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Императоръ «глубоко жалѣетъ, что свобода, подобно всему хорошему, можетъ имѣть свои излишества». Онъ спрашиваетъ, «зачѣмъ, вмѣсто обнародованія истины, она употребляетъ всѣ усилія на ея помраченіе? зачѣмъ она, вмѣсто того, чтобы развивать и ободрять благородныя чувства, распространяетъ недовѣріе и ненависть?» Чтожь, если свобода въ Англіи дѣлала такой грѣхъ, она была невинна въ Австріи. Когда англійскія газеты, въ противность императорскимъ парижскимъ газетамъ, «употребляли всѣ усилія на помраченіе истины», австрійскія газеты неуклонно удерживались цензурою въ границахъ учтивости. Во все продолженіе царствованія императора Наполеона, австрійскій императоръ обращался съ нимъ учтиво и уважительно; по его внушенію Францъ-Іосифъ сталъ врагомъ царя Николая, такого государя, котораго онъ привыкъ считать благодѣтелемъ и почти отцемъ. Обмѣнивались учтивости между вѣнскимъ и парижскимъ дворами; давались ордена; было устроено дружеское

Digitized by Google

свиданіе въ Штутгардтѣ и не было никакихъ причинъ предусматривать какой нибудь раздоръ. Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ различій во мнѣніи объ устройствѣ турецкихъ провинцій, не возникало потомъ никакихъ случаевъ несогласія. Характеромъ внутренняго французскаго управленія австрійцы никогда не огорчались. Вѣнскіе государственные люди чуть ли не первые привѣтствовали возстановленіе такъ называемаго «порядка», и съ той поры до настоящаго времени они зорко наблюдали за своими газетами, строго запрещая даже тѣ робкія размышленія, которыя дозволялись сѣверонѣмецкимъ газетамъ. Каковъ же былъ результатъ? Принесло ли все это какую нибудь пользу Австріи? Были ли, хоть на одинъ часъ, ради всего этого, отсрочены приготовленія французскаго императора, или поколебался ли онъ, хоть на минуту, въ своей рѣшимости найти причину къ ссорѣ? Въ войнѣ съ Австріею, въ союзѣ съ Сардиніею, въ предложеніи независимости итальянскому народу, онъ увидѣлъ путь къ увеличенію личнаго и семейнаго могущества и почти два года неотступно подготовлялъ свои планы. Кто помнитъ, какъ сначала разнеслись тихіе слухи по Италіи, какъ они смѣнились маленькими замѣчаніями австрійскому посланнику въ Парижѣ и какъ вдругъ, когда все было готово, былъ поднятъ занавѣсъ перваго января,—кто помнитъ это, можетъ судить, насколько могутъ измѣнять намѣреніе императора Наполеона самыя усердныя заботы о его смягченіи.

Потому, не смотря на письмо, вызванное сэромъ Фрэнсисомъ Гедомъ, англичане будутъ продолжать судить о европейскихъ дѣлахъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія обижать императора, или его династію, или народъ его избравшій. Очень можетъ быть, что онъ съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ вспоминаетъ о странѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ и пріобрѣлъ знакомства, поддерживаемыя до сихъ поръ. Быть можетъ, что онъ не желаетъ зла Англіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуютъ того его расчеты. Но образъ его дѣйствій, принципы его правленія и, наконецъ, насильственность его иностранной политики и его безмѣрныя вооруженія породили недовѣріе, которому мы только служили органомъ. Наполеону III еще остается исполнить два собственныя свои изреченія, которыя теперь свѣтъ начинаетъ повторять только въ ироническомъ смыслѣ. Онъ сказалъ намъ, что «имперія—это миръ» и что «свобода должна увѣнчать зданіе имперіи». Пусть онъ покажетъ свою вѣрность этимъ принципамъ и ему не нуженъ будетъ защитникъ передъ англійскимъ народомъ.

8. Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты «Times».

1. Замѣчаніе, статья и возраженіе изъ Монитера.

«Общественное мнѣніе въ иностранныхъ государствахъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи журналистики во Франціи. Вообще полагаютъ, кажется, что газеты подвержены предварительной цензурѣ, и такимъ образомъ имъ придаютъ значеніе, неимѣющее основанія. Правительство не оказываетъ на газеты никакого предупредительнаго вліянія. Итакъ публика всячески должна остерегаться выводовъ, основанныхъ на образѣ выраженій журналовъ. Всякій разъ, какъ представляется важный вопросъ или совершается значительный фактъ, правительство обращается прямо къ націи черезъ посредство оффиціальнаго журнала. Такой долгъ оно всегда возлагало на себя и тѣмъ совѣстливѣе будетъ исполнять его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе болѣе чѣмъ когда либо вводится въ заблужденіе».

«Положеніе дѣлъ въ Италіи, хотя ужь не новое, приняло въ послѣднее время въ глазахъ публики особенно-важный характеръ, который, разумѣется, не могъ не поразить императора; ибо глава великой державы, какова Франція, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ, касающихся европейскаго порядка. Исполненный благоразумія, недостатокъ котораго могъ бы быть ему поставленъ въ вину, онъ прямодушно заботится о разсудительномъ и справедливомъ рѣшеніи, какого могутъ ожидать

Digitized by Google

эти щекотливыя и трудныя задачи. Императору нечего скрывать, не отъ чего отрекаться ни въ заботахъ ни въ союзахъ своихъ. Французскій интересъ преобладаетъ надъ его политикой и оправдываетъ его бдительность. При неосновательной, будемъ надѣяться, тревогѣ, взволновавшей умы въ Піэмонтѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій Австріи; онъ не обѣщалъ ничего болѣе, и всѣ знаютъ, что онъ сдержитъ слово. Развѣ это мечты о войнѣ? Съ которыхъ поръ перестали считать сообразнымъ съ правилами благоразумія предвидѣніе болѣе или менѣе близкихъ затрудненій и взвѣшиваніе всѣхъ послѣдствій ихъ? Мы указали на то, что есть дѣйствительнаго въ мысляхъ, обязанностяхъ и расположеніи императора; все, что прибавлено преувеличенными газетными статьями— выдумки, ложь и бредни. Говорятъ, что Франція дѣлаетъ значительныя вооруженія. Это обвиненіе ни на чемъ не основанное. Нормальный составъ войскъ на мирной ногѣ, принятый императоромъ два года назадъ, не превзойденъ. Артиллерія покупаетъ четыре тысячи лошадей для того, чтобы достигнуть предѣла, положеннаго уставомъ. Пѣхотные полки простираются до двухъ тысячъ человѣкъ, кавалерійскіе до девятисотъ. Говорятъ также, что нашимъ арсеналамъ придано необычайное движеніе. Но забываютъ, что мы должны перемѣнить всѣ наши артиллерійскіе снаряды и преобразовать весь флотъ нашъ. Это послѣднее предпріятіе, на которое мы давно рѣшились, чтобы поставить флотъ нашъ въ нормальное положеніе, ежегодно утверждается Законодательнымъ Корпусомъ; и не смотря на самую похвальную дѣятельность, для совершенія этихъ работъ потребуется еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ тревожатся приготовленіями нашего флота. Всѣ эти приготовленія ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатовъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію, и четырехъ смѣшанныхъ транспортныхъ судовъ, предназначаемыхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ, а именно для войскъ нашихъ въ Чивита-Веккіи и доставленія черезъ Александрію продовольствія экспедиціи нашей въ Кохинхинѣ.

«Вотъ факты. Они должны вполнѣ успокоить искренніе умы насчетъ намѣреній, приписываемыхъ императору, ниспровергнуть увѣренія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы бросать тѣнь сомнѣнія на самыя прямодушныя мысли и отуманивать самыя ясныя положенія. Не пора ли спросить себя, когда кончатся эти смутные и нелѣпые слухи, распространенные газетами изъ конца въ конецъ Европы, съ цѣлью указывать общественному легковѣрію на воинственные планы императора французовъ и возлагать на него одного отвѣтственность въ тревогахъ и вооруженіяхъ Европы? Кто же можетъ имѣть право столь оскорбительнымъ образомъ вводить умы въ заблужденіе и столь неосновательно встревоживать интересы? Гдѣ слова, гдѣ дипломатическія ноты, гдѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о желаніи возбудить войну ради страстей, ею удовлетворяемыхъ, или славы, ею доставляемой? Кто видѣлъ солдатъ, кто считалъ пушки, кто исчислилъ запасы, прибавленные, цѣною стольких издержекъ и съ такой поспѣшностью, къ нормальному и уставному положенію Франціи на мирной ногѣ? Гдѣ чрезвычайные наборы, преждевременные призывы рекрутъ? Когда призывали къ службѣ людей, срокъ отпуска которыхъ подлежитъ возобновленію? Кто можетъ указать наконецъ хоть бы на самые ничтожные элементы этихъ общихъ обвиненій, которыя выдумываются злонамѣренными людьми, разносятся по свѣту легковѣрными и принимаются на вѣру глупцами? Конечно, императоръ, какъ мы уже говорили, наблюдаетъ за различными причинами несогласій, могущими показаться на горизонтѣ. Свойство всякой разсудительной политики стараться предотвращать событія или вопросы, способные нарушить порядокъ, безъ котораго нѣтъ ни мира, ни мирныхъ сдѣлокъ. Серьезнымъ дѣламъ нуженъ не отдыхъ, а необходимы безопасность и ручательство за будущее. Такая предусмотрительность не есть волненіе или вызовъ. Изучать вопросы не значитъ создавать ихъ, и отклонять отъ нихъ свои взоры и вниманіе, не значило бы ни уничтожать, ни рѣшать ихъ. Впрочемъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вступило на дипломатическій путь, и ни изъ чего нельзя заключить, чтобы исходъ ихъ не былъ благопріятнымъ для упроченія общаго мира».

Digitized by Google

2. Отвѣтъ газеты *Times*.

Подобно языческому Юпитеру, иногда покрывавшему небо грозными тучами, которыя потомъ онъ, тотъ же самый Юпитеръ, съ такою же скоростью разгонялъ, императоръ Наполеонъ, такъ долго устрашавшій насъ слухами о приближеніи войны, теперь благоволитъ успокоивать насъ словами мира и тишины. И пора было, очень пора. Перспектива чрезвычайно благоденственнаго года отчасти уже разрушена и болѣе двухъ мѣсяцевъ уже отнята у друзей цивилизаціи и прогресса повсюду разлившимся страхомъ европейской войны. Когда немногія слова такъ легко могли разсѣять страхъ, которымъ былъ обнятъ міръ, намъ естественно жалѣть, что они такъ долго оставались несказанными и что мы были оставлены блуждать въ совершенномъ мракѣ, который могъ быть такъ быстро и безслѣдно разсѣянъ однимъ лучемъ свѣта, подобно Розенкрейцерскому пламени горящаго въ священномъ бюро Монитера. Мы не охотники до подобныхъ шутокъ и никакъ не предполагали, чтобы у императора французовъ было такъ много серьезнаго юмора. Мистифировать цѣлый континентъ — это шутка гигантскаго размѣра, такого размѣра, что перестаетъ быть шуткой. Читая римскую исторію, невольно бываешь пораженъ, замѣчая какую-то соотвѣтственность между безмѣрными преступленіями цезарей и громаднымъ театромъ, на которомъ они совершались; и фальшивая тревога, въ которую была ввергнута Европа на два мѣсяца, произведена была въ размѣрѣ достойномъ ея виновника. Но, слава Богу, періодъ неосновательнаго страха кончается. Веселый джентльменъ, перерядившійся привидѣніемъ, чтобы попугать насъ, снова надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и ужасная маска уже не потрясаетъ нашихъ нервовъ. Костюмировка была очень страшна, но теперь мы знаемъ, что дурнаго умысла въ ней не было, и потому успокоились. Можемъ увѣрить императора французовъ, что ни одинъ плѣнникъ, попавшійся въ руки мухаммеданъ, не прислушивался къ проповѣди корана, подъ занесенными на него кинжалами, и ни одна прекрасно-волосая саксонка, стоя въ двухъ шагахъ отъ палача, не слушала миссіонеровъ Карла Великаго съ такимъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ обратиться, какъ слушаемъ его теперь мы, когда онъ, чрезъ посредство Монитера, усердствуетъ убѣдить насъ, что мы совершенно ошибались, предполагая нѣкоторое время, будто бы есть хотя малѣйшая вѣроятность нарушенія европейскаго мира. Ни въ комъ никогда не бывало такого пылкаго желанія повѣрить.

Поэтому съ несомнѣннѣйшимъ довѣріемъ мы принимаемъ слова неоффиціальной части Монитера, которая, какъ кажется, всегда особенно предназначалась для оффиціальныхъ сообщеній, что тонъ французскихъ газетъ никакъ не надобно смѣшивать съ тономъ правительства, и что хотя онѣ, не подвергаясь предостереженіямъ и выговорамъ, могли дышать воинскимъ пламенемъ, но что все таки мы не должны изъ-за этого питать ни малѣйшаго сомнѣнія въ сохраненіи мира, пока само правительство не объявитъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Это ученіе очень успокоительно; оно въ одинъ мигъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ печальныхъ опасеній относительно близкой войны, какія могли быть внушены недавними статьями *Presse*'ы, *Pays* и *Siécl*'я и, можетъ быть, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы проникнуты сильнѣйшимъ желаніемъ отречься отъ нашихъ ересей. Намъ восхитительно вѣрить, «что наши безпокойства были неосновательны» и что когда мы чуть-чуть не были готовы къ предложеніямъ менѣе лестнымъ, императоръ французовъ былъ и остается только «благоразуменъ, искрененъ и блителенъ»; и что «онъ обѣщалъ помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія на него отъ Австріи, но не обѣщалъ ничего болѣе». Мы готовы со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца признаться, что принимая «предусматриваніе затрудненій и взвѣшиваніе послѣдствій» за нѣчто довольно близкое къ дѣйствію, мы ошибались, и съ печалью мы научаемся, что черезъ такое предположеніе мы провинились «въ мечтательности, лживости и безумствѣ». Мы соглашаемся, что ошиблись, принявъ за постановленіе вооруженныхъ силъ на военное положеніе ту армію, тотъ флотъ и тѣ запасы, какіе императоръ опредѣлилъ въ предположеніяхъ глубокаго мира; и что покупка 4,000 лошадей для артиллеріи ни мало не выходитъ за границы мирнаго

Digitized by Google

штата и составляетъ самое натуральнѣйшее дѣло для государства, единственная цѣль котораго состоитъ въ успокоеніи тревожащихся сосѣдей. Подобно намъ, Франція имѣетъ надобность измѣнить характеръ своей артиллеріи; подобно намъ, она имѣетъ надобность перестроить свой флотъ. Какъ могли мы шорохъ, производимый въ ея арсеналахъ этими чисто мирными трудами, смѣшивать съ громомъ и шумомъ, предвѣщающимъ бѣдствія приближающейся войны? Кто можетъ претендовать на Францію за постройку четырехъ фрегатовъ для перевозки ея войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію и кто можетъ клеветать на четыре смѣшанныя транспортныя судна, предназначенныя для надобностей по сношеніямъ съ Чивита-Веккіею и для продовольствія кохинхинской экспедиціи? Какъ могли мы «нагонять тучи на столь ясное положеніе» и придавать публичность тѣмъ «неопредѣлительнымъ и нелѣпымъ слухамъ», которые «общественному легковѣрію представляютъ» императора французовъ, будто бы серьезно занимающимся приготовленіями къ войнѣ? Мы смиренно покоряемся выговору Монитера и желаемъ единственно того, чтобы императоръ благоволилъ доказать своими дѣйствіями также убѣдительно, какъ доказалъ уже своими словами, что наши опасенія были напрасны и бездѣльны. Мы не станемъ входить въ споры для опроверженія хотя одного какого нибудь изъ его словъ. Пусть только онъ сдѣлаетъ ихъ справедливыми въ будущемъ, и мы совершенно согласны, чтобы онъ считалъ ихъ справедливыми въ прошломъ. Мы не желаемъ побѣдъ въ спорахъ; намъ не нужно ничего, кромѣ мира, и если по какой нибудь строптивости нашего ума этотъ миръ окажется, какъ говоритъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ, «превышающимъ всякое разумѣніе», мы все-таки не станемъ изъ-за этого возражать ему. Будетъ ли угодно императору французовъ сказать, что онъ замышлялъ войну, но что представленіями своихъ законодательныхъ властей, своихъ министровъ и своего народа онъ былъ убѣжденъ промѣнять войну на миръ; или угодно ему стараться убѣдить насъ, что страхи, волновавшіе всю Европу, и сильнѣе всѣхъ остальныхъ частей Европы волновавшіе собственную его державу, просто «сбивчивыя и неосновательныя галлюцинаціи», все равно мы окажемся одинаково податливыми на вѣру ему, если только онъ озаботится, чтобы по крайней мѣрѣ будущее явилось въ точности соотвѣтствующимъ его мнѣнію о прошедшемъ. Не будемъ предлагать никакихъ вопросовъ, не будемъ возбуждать никакихъ мрачныхъ воспоминаній; памфлеты, рѣчи и циркуляры мы погрузимъ въ рѣку забвенія, глубже книги чародѣя Просперо, трижды счастливые, если въ замѣнъ этихъ или какихъ нибудь другихъ уступокъ мы можемъ получить увѣренность, что миръ Европы останется ненарушеннымъ. Намъ представляется, не отъ того ли произошла наша ошибка, что мы не умѣли составить себѣ достаточно великолѣпнаго и воинственнаго понятія объ истинномъ характерѣ мира и не успѣли понять, какъ похожъ этотъ миръ на войну въ большихъ военныхъ монархіяхъ. Нельзя найти лучшаго примѣра этому сходству, какъ то, что въ самое время работы во французскихъ арсеналахъ надъ замѣненіемъ нынѣшнихъ пушекъ новыми, болѣе сильными, но гораздо болѣе легкими, оказалось необходимымъ купить вдругъ 4,000 новыхъ лошадей для новыхъ баттарей Мы постараемся воспитать въ себѣ болѣе воинственныя понятія о мирѣ, бдительности, предусмотрительности и искренности и всѣхъ другихъ прекрасныхъ вещахъ, обѣщаемыхъ Монитеромъ; и когда мы перевоспитаемъ себя, быть можемъ мы сдѣлаемся способнѣе воздавать справедливость настоящимъ намѣреніямъ и будущимъ планамъ Франціи.

Но мы увѣрены, что можно простить насъ за желаніе, чтобы новый родъ мира, изобрѣтенный императоромъ, былъ сдѣланъ нѣсколько менѣе убыточенъ для его сосѣдей, и чтобы Франція возжелала сидѣть подъ виноградникомъ своимъ и смоковницею своею, пожиная жатвы свои и источая въ точилѣ елей изъ маслинъ своихъ, прекративъ громадные сборы разрушительныхъ снарядовъ, которые, хотя безъ сомнѣнія много содѣйствуютъ увеличенію ея внутренняго мира и счастія, развитію ея благосостоянія и улучшенію ея финансовъ, но возлагаютъ чрезвычайно тяжкое и неудобоносимое бремя подобныхъ приготовленій на насъ, ея менѣе счастливыхъ и менѣе богатыхъ сосѣдей и союзниковъ. Мы съ восхищеніемъ слышимъ, что она прилежитъ къ мирнымъ искусствамъ, но нашъ низкій меркантильный духъ внушаетъ намъ желаніе,

Digitized by Google

чтобы она могла прилежать къ нимъ съ меньшею потерею денегъ, кредита и безопасности.

C. Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и мистеровъ Робака и Брайта противъ билля о парламентской реформѣ, внесеннаго мистеромъ д'Израэли въ засѣданіе Палаты Общинъ 28-го февраля (по отчету газеты Times).

I. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Я совершенно понимаю, что правительству очень затруднительно было предложить билль о народномъ представительствѣ. Я соглашаюсь также, что слыша въ первый разъ предлагаемый проэктъ, трудно судить о его подробностяхъ, безъ нѣкоторой отсрочки для ихъ разбора. Но въ словахъ достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) есть двѣ вещи, о которыхъ я долго думалъ, о которыхъ я теперь же могу судить, и слова достопочтеннаго джентльмена объ этихъ вещахъ, признаюсь, исполнили меня очень сильнаго неудовольствія. Первая изъ этихъ вещей относится къ фригольдерамъ [1]), которые теперь имѣютъ право голоса въ графствахъ (Браво!). Эти собственники теряютъ голосъ въ графствахъ. Это представляется мнѣ очень значительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ (Браво!). Этимъ правиломъ отнимается голосъ у 90 или 100 тысячъ лицъ, пользовавшихся такимъ правомъ въ теченіе 400 лѣтъ (Браво!). Предлагается, безъ всякаго ихъ согласія, безъ всякаго изслѣдованія, лишить ихъ этого права голоса безцеремоннымъ рѣшеніемъ парламента. (Браво!). Но я считалъ это право не однимъ изъ недостатковъ нынѣшней системы, нуждающихся въ исправленіи, а напротивъ оно всегда казалось мнѣ вещью чрезвычайно хорошею (аплодисменты). При реформѣ 1832 года, когда нѣкоторые пэры хотѣли принять прошедшій черезъ Палату Общинъ билль реформы съ извѣстными измѣненіями и одно изъ этихъ измѣненій было въ томъ, чтобы фригольдеры, живущіе въ городахъ, не имѣли голоса въ графствахъ, я прямо объявилъ лорду Грею, что если билль возвратится въ Палату Общинъ съ этимъ измѣненіемъ, то я предложу отвергнуть это измѣненіе и буду рисковать судьбою цѣлаго билля изъ-за этого одного измѣненія (аплодисменты). Многія изъ этихъ лицъ по новому биллю лишились бы всякаго участія въ выборахъ, потому что изъ людей, имѣющихъ свободную собственность въ 40 шиллинговъ дохода и живущихъ въ городахъ, только тѣ имѣютъ голосъ въ городахъ, которые занимаютъ квартиры въ десять фунтовъ. Это одно изъ предложеній достопочтеннаго джентльмена, возбуждающихъ во мнѣ сильное неудовольствіе. Другая часть проэкта, представляющаяся мнѣ очень опасною, не какое нибудь новое предложеніе, а просто умолчаніе. Мнѣ давно казалось, что въ рабочихъ сословіяхъ нашего отечества есть очень многочисленный разрядъ лицъ совершенно способныхъ быть хорошими избирателями. Относительно всѣхъ этихъ лицъ достопочтенный джентльменъ не говоритъ ничего (аплодисменты). Да, если билль о реформѣ долженъ удовлетворить націи, то я долженъ сказать, что есть значительная часть общества, права которой не удовлетворяются нынѣшнимъ законодательствомъ; это, великое сословіе рабочихъ людей (Браво!). Они все больше и больше интересуются политическими дѣлами, они становятся все болѣе и болѣе способными судить о нихъ, и чувствуя себя способными имѣть голосъ, они недовольны тѣмъ, что остаются лишены этой привилегіи (аплодисменты). Если билль о реформѣ долженъ дать удовлетвореніе націи, то масса рабочихъ людей въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ должна получить голосъ, и черезъ ихъ допущеніе къ выборамъ конституція сдѣлается болѣе прочна. Я думаю, что вы лишите себя этой прибавочной силы, если вы оставите ихъ исключенными отъ выборовъ. Эти двѣ вещи въ

---

[1]) *Freeholders*, маленькіе собственники изъ простаго народа, участки которыхъ находятся внѣ феодальной зависимости отъ лендлордовъ, большихъ землевладѣльцевъ изъ аристократическихъ фамилій.

Digitized by Google

словахъ достопочтеннаго джентльмена пробудили во мнѣ большое неудовольствіе. Относительно другихъ статей билля я теперь не хочу говорить ничего; но о всемъ вообще вопросѣ скажу, что если вы не рѣшились дать націи болѣе значительнаго удовлетворенія, если вы не хотите сдѣлать болѣе дѣйствительной перемѣны, то лучше не дѣлать никакой перемѣны (сильные аплодисменты). Я понимаю, что нація можетъ продолжать разсужденіе объ этихъ дѣлахъ еще нѣсколько времени, не производя никакихъ перемѣнъ. Но я не понимаю того, чтобы парламентъ предложилъ націи, или, лучше сказать, наложилъ на націю противъ ея воли билль, содержащій много перемѣнъ, но не содержащій никакого постановленія въ пользу честнаго и тяжко работающаго человѣка (тори кричатъ: о, о!... оппозиція аплодируетъ). Если вы не дадите удовлетворенія тѣмъ, которые имѣютъ право быть удовлетворены, то повѣрьте, вашъ билль не представляется мнѣ улучшеніемъ нынѣшнихъ законовъ о представительствѣ (аплодисменты); но важнѣе всего то, что онъ не представляется мнѣ консервативною мѣрою. Я могу понять, что консервативный министръ говоритъ: «это дѣло о представительствѣ было уже устроено прежними законами и мы не предполагаемъ измѣнять его, потому что намъ не кажется нужнымъ улучшеніе въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей»; но чтобы консервативный министръ предлагалъ отнятіе голосовъ у 90 или 100 тысячъ человѣкъ и не соглашался дать голосъ рабочимъ сословіямъ,—этого я не въ состояніи понимать» (сильные аплодисменты).

2. Изъ рѣчи Робака.

«Перемѣна сама по себѣ зло. (Хохотъ). Перемѣна въ законодательствѣ извинительна только тогда, когда перемѣна клонится къ лучшему; а мое обвиненіе противъ предложенія достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) состоитъ въ томъ, что это перемѣна, которая ведетъ къ худщему (о, о! съ одной стороны; съ другой аплодисменты). Почему былъ внесенъ въ 1831 году билль реформы 1832 года благороднымъ лордомъ (Росселемъ)? Онъ былъ внесенъ потому, что правительственная сила была въ рукахъ только у одного класса, именно у землеедѣльческой аристократіи (браво!). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) самъ сказалъ, что цѣлью этого билля было дать власть среднему сословію. И дѣйствительно, онъ ее далъ ему. Вспомните же, какъ вело себя рабочее сословіе при этомъ случаѣ (аплодисменты); что говорили работники? Они говорили: «Билль, внесенный благороднымъ лордомъ, не дастъ намъ власти; но мы имѣемъ такое довѣріе къ вамъ, наши сограждане средняго сословія, что мы поможемъ вамъ побѣдить оппозицію землевладѣльческой аристократіи, дадимъ вамъ силу пріобрѣсть голосъ для вашего сословія». Безъ рабочаго сословія тогда не прошелъ бы билль о реформѣ (браво!). Оно тогда держало себя такъ, что я никогда этого не забуду. Оно держало себя такъ, что среднее сословіе не должно никогда забыть этого (аплодисменты). Теперь отъ имени рабочихъ классовъ нашей земли я обращаюсь къ среднему классу Англіи и говорю ему: въ 1832 году вы пріобрѣли себѣ власть помощью работниковъ, и я призываю васъ, какъ серьезныхъ, какъ честныхъ, какъ благородныхъ людей, не пренебречь теперь интересами тѣхъ, которые помогли вамъ тогда (браво!).

«Билль достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) не дастъ ни йоты власти рабочему сословію нашей земли (аплодисменты). Это билль отнимающій голоса, а не дающій голоса. Онъ отнимаетъ голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ, и не даетъ никому участія во власти. Возьму въ примѣръ тотъ городъ, представителемъ котораго имѣю я честь быть (Шеффильдъ). Въ этомъ городѣ живетъ нѣсколько тысячъ людей, имѣющихъ нынѣ голосъ въ графствахъ. Каждый изъ этихъ людей лишится голоса въ графствѣ, не получая въ вознагражденіе голоса въ городѣ. Потому вашъ билль ничего не даетъ ему, а отнимаетъ у него голосъ въ графствѣ (аплодисменты). Къ чему же это клонится? Разумѣется къ чему,—къ усиленію власти землевладѣльческой аристократіи (аплодисменты). Въ этомъ и состоитъ цѣль представленнаго билля. Я скажу достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) вотъ что: я и многіе депутаты, сидящіе на нашей сторонѣ залы, съ полнымъ одобреніемъ нашихъ избира-

Digitized by Google

телей давали правительству полную и неизмѣнную поддержку. Но я увѣренъ, что не проживу и 24 часовъ, какъ уже получу отъ моихъ избирателей извѣщеніе, что нѣтъ ихъ желанія, чтобы я продолжалъ поддерживать правительство (сильные апплодисменты). Почему же такъ? Вотъ почему. Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ!). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!...) Я говорю прямо: достопочтенный джентльментъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушной помощью, какую получалъ отъ насъ. И разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути черезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣтить оппозицію, упорную оппозицію каждаго друга народа въ этой палатѣ» (апплодисменты).

3. Изъ рѣчи Брайта.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы вообще находимъ, что когда люди предпринимаютъ дѣло, къ которому неспособны по натурѣ или наклонностямъ, то не достигаютъ они особеннаго успѣха (хохотъ и апплодисменты). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) могъ бы составить для парламентской реформы билль гораздо лучшій того, который внесенъ имъ; но ему привелось въ этомъ дѣлѣ быть представителемъ партіи, которая всегда упорно противилась всякому расширенію политическихъ правъ народа (апплодисменты). Я очень сожалѣлъ, что онъ и его друзья согласились заговорить объ этомъ вопросѣ и предъявить претензію на его разрѣшеніе. Я думаю, что они были отчасти правы, когда упрекали покойнаго великаго министра (Роберта Пиля), будто онъ поступилъ дурно, взявшись за дѣло, которое слѣдовало бы ему предоставить своимъ противникамъ (отмѣна хлѣбныхъ законовъ); но онъ по крайней мѣрѣ говорилъ, что совершенно убѣдился въ справедливости новыхъ принциповъ, которые сталъ защищать. Достопочтенный джентльменъ и его друзья еще не говорили намъ ничего такого, изъ чего могли бы мы заключить, что они подверглись подобному обращенію въ новую вѣру (браво!). Соображая то, что я назову незнакомствомъ достопочтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ на министерской сторонѣ палаты, съ мнѣніями о настоящемъ вопросѣ, господствующими въ городахъ, я думаю, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они внесли или стали поддерживать проэктъ въ такомъ духѣ, какого нація ожидаетъ отъ правительства, принимающагося за вопросъ о реформѣ. Кто ихъ просилъ объ этомъ биллѣ? (браво!). Я ни разу не слышалъ, чтобы какой-нибудь джентльменъ министерской стороны палаты сердился на своихъ предводителей за то, что они не хлопочатъ о реформѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ ихъ приверженцевъ внѣ парламента говорилъ на публичныхъ митингахъ въ пользу перемѣнъ парламентскаго устройства. Я никогда не читалъ въ ихъ газетахъ статей въ пользу парламентской реформы. Да, еслибы достопочтенные джентльмены той (министерской) стороны палаты не думали, что выгода ихъ партіи требуетъ билля о реформѣ, то имъ лучше показалось бы обойтись безъ него (браво!). Но есть въ нашей землѣ сословіе—нѣтъ, не сословіе, а огромная часть націи, которое теперь требуетъ, и уже 25 лѣтъ требовало исправленій въ биллѣ реформы 1832 года. Въ чемъ же собственно состояла ихъ жалоба на этотъ билль? Развѣ они не говорили единогласно, что билль 1832 года составленъ такъ, чтобы оставить безъ голоса огромную часть націи? (браво!). Они говорили, что люди, живущіе заработною платою, вообще не занимаютъ квартиръ цѣною въ 10 ф., и что потому опредѣлять цензъ въ 10 ф. значило опредѣлять черту, необходимо исключавшую ихъ отъ выборовъ и дѣлать ихъ паріями. Билль 1832 года поставилъ всю массу рабочихъ классовъ въ такое положе-

Digitized by Google

ніе. Я не жалуюсь на этотъ билль, но я имѣлъ бы полнѣйшее презрѣніе,—нѣтъ, не скажу презрѣніе,—я совершенно отчаялся бы въ рабочихъ классахъ нашихъ, если бы подумалъ, что они останутся довольны такимъ положеніемъ (апплодисменты). Повинуясь великому требованію людей, лишенныхъ голоса, представителями которыхъ мы служимъ, вы предлагаете билль, и ваши газеты стали въ послѣднее время говорить намъ, что вы сдѣлались реформерами и что вы отобьете хлѣбъ, по выраженію вашихъ газетъ, у благороднаго лорда, представителя лондонской Сити (Росселя), своимъ проэктомъ. Вотъ внесенъ этотъ билль, и когда онъ завтра утромъ разойдется по всѣмъ частямъ королевства, каждый изъ этихъ трудящихся, содержимыхъ въ рабствѣ людей, платящихъ подати и исполняющихъ другія обязанности гражданина, увидитъ, что какъ оставилъ его паріей билль 1832, такъ оставляется онъ паріей и по биллю 1859 года. Какими способами достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) предлагаетъ расширить избирательное право? Онъ даже и не претендуетъ, что этими способами рабочіе классы получатъ голосъ (браво!). Во-первыхъ, онъ даетъ голосъ каждому, кто, нанимая комнаты въ чужой квартирѣ, платитъ 8 шиллинговъ въ недѣлю [1]). Это не относится къ рабочимъ классамъ (браво!). Далѣе, дается голосъ каждому, имѣющему университетскую степень. Изъ этихъ людей не очень многихъ въ Англіи можно считать принадлежащими къ рабочимъ классамъ (хохотъ) [2]). Священники, которымъ билль даетъ голосъ, уже и теперь имѣютъ голосъ [3]), и претензія упоминать о нихъ въ биллѣ, просто претензія и больше ничего (браво!). Затѣмъ слѣдуютъ джентльмены занимающіеся адвокатствомъ и джентльмены занимающіеся медициной. Затѣмъ слѣдуютъ учителя имѣющіе свидѣтельство отъ комитета народнаго просвѣщенія [4]). Но къ чему такая исключительность? Развѣ кромѣ этихъ джентльменовъ, ходившихъ на экзаменъ, нѣтъ другихъ преподавателей, на которыхъ достопочтенный джентльменъ могъ бы распространить право голоса (браво!). Я стыдился бы явиться передъ моими согражданами съ предложеніемъ такого пустаго, до обидности пустаго расширенія избирательнаго права (апплодисменты). Далѣе слѣдуетъ движимая собственность. Получаютъ голосъ лица, имѣющія 10 фунтовъ годичнаго дохода отъ принадлежащихъ имъ облигацій государственнаго долга, банковыхъ акцій, акцій Остъ-Индской компаніи и желѣзныхъ дорогъ, и лица, имѣющія 60 фунтовъ въ сохранныхъ кассахъ. Чтобы быть оригинальнымъ, достопочтенный джентльменъ отступилъ отъ цифры, назначавшейся благороднымъ лордомъ (Росселемъ), который опредѣлялъ ее въ 50 фунтовъ, и даже въ этомъ неважномъ случаѣ онъ не хотѣлъ дойти до той, какъ намъ казалось, недостаточной либеральности, которая была въ биллѣ благороднаго лорда. Вникнемъ въ это правило о сохранныхъ кассахъ. Пусть палата представитъ молодаго человѣка, который скопилъ 60 фунтовъ и положилъ ихъ въ сохранныя кассы. Если онъ вздумаетъ жениться, онъ выметъ эти 60 фунтовъ и найметъ квартиру въ 6 или 7 фунтовъ. Женатьба укрѣпляетъ узы, привязывающія его къ родинѣ; онъ имѣетъ теперь новую причину любить порядокъ и повиновеніе законамъ; но по биллю онъ теряетъ голосъ и переходитъ въ разрядъ парій (браво!).—Всѣ эти способы расширенія избирательнаго права,—просто обольщеніе; цѣль ихъ только то, чтобы казалось, будто бы вы что-то даете, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вы дрожите отъ страха при мысли, не дали ли вы въ самомъ дѣлѣ чего нибудь (апплодисменты). Благородный лордъ (Россель) указалъ на другую статью, которая уже одна, безъ всѣхъ остальныхъ, рѣшительно погубила бы билль; это отнятіе голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ (браво!). Мы понимаемъ это очень хорошо, и я полагаю, достопочтенные джентльмены (министерской стороны)

---

[1]) То есть 20 ф. въ годъ. Прежній цензъ въ 10 ф. относился только къ людямъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры.

[2]) Надобно вспомнить, что дѣло идетъ объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, воспитаніе въ которыхъ стоитъ такъ дорого, что доступно только дѣтямъ богатыхъ семействъ.

[3]) Потому, что едва ли какой нибудь священникъ въ Англіи занимаетъ квартиру цѣною меньше 10 фунтовъ.

[4]) Открывать школу и заниматься преподаваніемъ можетъ въ Англіи всякій, безъ всякаго документа на степень преподавателя; и конечно далеко не у каждаго есть охота хлопотать о полученіи такого документа.

Digitized by Google

также понимают очень хорошо (браво!). Это вознагражденіе для нихъ за пониженіе ценса въ графствахъ до 10 фунтовъ (браво!). Никогда еще вамъ не предлагалось такого дряннаго или такого опаснаго вознагражденія. Благородный лордъ говорилъ, что этимъ отнимается голосъ у 100,000 человѣкъ; а я съ нѣкоторыми друзьями, предвидя такое предложеніе, вздумалъ разобрать по классамъ избирателей двухъ городовъ. Вотъ списокъ городовъ Манчестера и Сальфорда съ раздѣленіемъ избирателей на классы, чтобы видѣть, каково будетъ дѣйствіе внесеннаго теперь билля. Въ Манчестерѣ считается 2,918 человѣкъ, имѣющихъ голосъ въ южномъ округѣ Ланкастерскаго графства. Изъ нихъ 1,195 человѣкъ имѣютъ голосъ въ Манчестерѣ, занимая квартиры въ 10 фунтовъ; эти 1,195 человѣкъ должны потерять голосъ въ графствѣ. 298 человѣкъ живутъ въ городѣ, но не имѣютъ тамъ голоса; они совершенно перестанутъ быть избирателями. Таже пропорція и въ Сальфордѣ. Значитъ, изъ 100 городскихъ фригольдеровъ 40, если не больше, совершенно теряютъ голосъ (браво!). Въ этомъ отношеніи билль не расширяетъ, а сокращаетъ право. Я вполнѣ увѣренъ, что Палата Общинъ никогда не приметъ такого постановленія (браво!). Я думаю, что невозможно придумать никакой мѣры, которая пробудила бы большее неудовольствіе въ націи и сильнѣе поколебала бы ея довѣріе,—не скажу: къ благородству, просто скажу: къ здравому смыслу парламента. И цѣль всего этого,—сдѣлать выборы въ графствахъ еще болѣе исключительными, чѣмъ прежде. Кажется, вы ничего столько не боитесь, какъ хорошихъ, и особенно свободныхъ избирательныхъ корпорацій въ графствахъ. Палатѣ можетъ быть не извѣстенъ тотъ замѣчательный фактъ, что во многихъ англійскихъ графствахъ уже давно число избирателей не увеличивается, или даже положительно уменьшается. Въ одиннадцати графствахъ съ 1837 до 1852 года число избирателей уменьшилось на цѣлыхъ двѣ тысячи. Это происходитъ отъ затруднительности покупать свободные участки и отъ увеличенія объема фермъ. Итакъ въ вознагражденіе джентльменамъ, которые сидятъ на его сторонѣ, мнѣнія которыхъ, если онъ будетъ слѣдовать имъ, погубятъ его (хохотъ), достопочтенный джентльменъ хочетъ уничтожить въ графствахъ 100,000 голосовъ. Среднее сословіе требовало реформы, но оно хочетъ гораздо лучшаго распредѣленія избирательной силы (браво!), а достопочтенный джентльменъ съ смѣлостью, рѣшительно интересною (хохотъ), говоритъ среднему сословію, что его желаніе щедро исполняется, потому что, благодаря фанатизму нашего отечества, только одинъ англійскій городъ избираетъ католика, и потому онъ сохранилъ депутата городу Эронделю [1]) (хохотъ). Зналъ ли достопочтенный джентльменъ съ кѣмъ онъ говорилъ, когда онъ, выставляя Эрондель, обижалъ такіе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ, и даже и не упомянулъ о Глэзго? (браво!). Но вѣдь все это будетъ хорошо понято людьми, которые завтра прочтутъ газеты. Лучше было бы достопочтенному джентльмену держаться старинной практики своей партіи и противиться реформѣ, нежели составлять подобный проэктъ, который въ массѣ англійскаго населенія не возбудитъ ничего кромѣ досады и негодованія. Благородный лордъ (Россель) думаетъ, что этотъ проэктъ не консервативенъ; проэктъ, касающійся парламентскаго устройства, не можетъ быть консервативенъ, когда только портитъ, ничего не улучшая (браво!). Какъ ни сильно требую я парламентской реформы, но я знаю, что мало важности въ томъ, теперь, или черезъ четыре, или черезъ пять лѣтъ будетъ проведенъ законъ о реформѣ. Не нынѣ—завтра, время еще будетъ. Но когда правительство берется за такой вопросъ, оно не должно являться въ тысячу разъ менѣе консервативнымъ, нежели мы. Достопочтенный джентльменъ упоминалъ о моемъ

[1]) Д'Израэли говорилъ, что маленькіе города выбираютъ депутатовъ, служащихъ представителями такихъ интересовъ, которые не найдутъ себѣ представителей въ большихъ городахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ, городокъ Эрондель имѣющій только 2,750 жителей и только 130 избирателей, постоянно выбираетъ католика, потому-то и надобно сохранить маленькія избирательныя корпораціи. Это любимый аргументъ защитниковъ нелѣпой неравномѣрности въ распредѣленіи депутатовъ. Эрондель избираетъ католика конечно потому, что находится въ полной зависимости отъ сосѣдней фамиліи лендлордовъ католическаго исповѣданія.

Digitized by Google

проэктѣ,—онъ очень старъ; я предлагаю то, что предлагали въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣ многіе государственные люди; защищали знаменитые государственные люди во время пре ней реформы. Я не имѣю возраженій противъ сравненія моего проэкта съ проэкто достопочтеннаго джентльмена. Онъ говоритъ, что не принимаетъ въ соображеніе н селенія и богатства. Но если не обращать вниманія на населеніе и богатство, то д чего нужна парламентская реформа, и парламенты, и министры, и канцлеры казначе ства [1]) (хохотъ). Достопочтенный джентльменъ говоритъ, что основывается на инт ресахъ. Но что такое интересы? Вѣроятно они состоятъ въ потребностяхъ и мнѣнія народа, и достопочтенный джентльменъ избралъ самый дѣйствительный способъ,— благодаренъ ему за это,—узнать мнѣніе народа объ этомъ великомъ вопросѣ. Я желаю бурныхъ политическихъ преній или гнѣвныхъ споровъ (браво!) ни въ парл ментѣ, ни внѣ парламента. Я надѣялся, что опытъ 1831 и 1832 годовъ научи правительство, берущееся за этотъ великій вопросъ, необходимости рѣшить его на ш рокомъ и прочномъ основаніи. Я надѣялся, по прежнимъ словамъ достопочтенна джентльмена, что онъ такъ и поступитъ; потому что я не могъ вѣрить, чтобы очер билля, явившійся въ одной изъ газетъ (*Times*), былъ вѣрнымъ изложеніемъ прав тельственнаго проэкта. Я надѣялся, что достопочтенный джентльменъ «отобьетъ у ме хлѣбъ» биллемъ столь широкимъ, полнымъ и достойнымъ поддержки отъ націи, что буду въ состояніи всею душою одобрять этотъ билль, а не буду принужденъ, какъ пр нужденъ теперь, просить у Палаты позволеніе представить другой билль объ это предметѣ; чѣмъ больше вы будете разсматривать мой билль, тѣмъ болѣе будете убѣж даться, что онъ основанъ на принципахъ реформы 1832 года и конституціи и что о несравненно консервативнѣе,—для будущихъ пятидесяти лѣтъ, нежели проэктъ, кот рый портитъ все, раздражитъ огромныя массы людей и не устроитъ порядочнымъ о разомъ ничего (браво!).

---

[1]) Читатель знаетъ, что Д'Израэли канцлеръ казначейства.

Digitized by Google

Апрѣль 1859.

Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ.

Россія заключила съ англійскимъ домомъ Томсона Бонера и комп. заемъ въ 12 милліоновъ фунт., въ трехъ-процентныхъ облигаціяхъ по курсу 67.

Эти немногія слова внушатъ много занимательныхъ размышленій человѣку, слѣдившему за биржевыми извѣстіями въ послѣдніе мѣсяцы.

Прежде всего онъ припомнитъ условія займовъ, заключенныхъ въ последнее время Австріею и Сардиніею.

Австрія заключила 5% заемъ по курсу 80; этотъ заемъ не пошелъ: его облигаціи продаются на три и даже на четыре процента ниже 80, и всетаки не находятъ покупателей.

Сардинія заключила также 5% заемъ по курсу 77; да и тотъ пошелъ, благодаря, не столько коммерческому разсчету, сколько разгоряченному патріотизму самихъ сардинцевъ.

67 по 3%,—это, въ переводѣ на 5%, значило бы $111^2/_3$.

80 и 77, по 5%,—это, при переводѣ на 3% облигаціи, значило бы 48 и $46^1/_5$.

Отчего такая громадная разница условій въ пользу нашего займа?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: разница въ условіяхъ происходитъ отъ разницы въ назначеніи денегъ, получаемыхъ черезъ эти займы. Австрія и Сардинія занимаютъ деньги на войну; Россія на усиленіе фонда, обезпечивающаго кредитные билеты. Деньги, получаемыя нами черезъ заемъ, получаютъ употребленіе въ высокой степени производительное: служатъ къ улучшенію нашей монетной системы, то есть къ улучшенію національнаго быта, содѣйствуютъ развитію производительныхъ силъ государства; казна занимаетъ деньги у капиталистовъ, чтобы раздать ихъ, такъ сказать, взаймы всему населенію государства, которое употребитъ ихъ на уплату своихъ долговъ, на основаніе промышленныхъ предпріятій, на введеніе лучшаго порядка въ свою торговлю, на лучшее устройство своихъ земледѣльческихъ работъ. Каждый рубль, полученный государствомъ за 3%, пойдетъ на дѣла, дающія народу облегченіе или прибыль въ 8, въ 10, въ 15 или 20%. Это хоро-

*

Digitized by Google

шій коммерческій оборотъ; каждый разсчетливый человѣкъ одобряетъ такіе обороты и съ увѣренностью даетъ на нихъ деньги, потому что, получая ихъ, должникъ доставляетъ ему развитіемъ своего благосостоянія вѣрнѣйшій залогъ въ исправной расплатѣ съ нимъ. Такими займами не ослабляется, а возвышается кредитъ государства, потому что они свидѣтельствуютъ о заботливомъ государственномъ хозяйствѣ.

Да, очень замѣчательны условія нашего нынѣшняго займа. На лондонской биржѣ, которая конечно будетъ служить главнымъ помѣщеніемъ ему, наши 5% облигаціи стоятъ нынѣ на $110^1/_2$ 111. Извѣстно, что новый заемъ всегда негоціируется по курсу нѣсколько ниже того, какой имѣютъ прежнія облигаціи; эта разница въ цѣнѣ есть необходимая уступка, служащая отчасти вознагражденіемъ для банкирскихъ домовъ, берущихъ на себя хлопоты о распродажѣ облигацій, отчасти приманкою для покупщиковъ. Но съ другой стороны, надобно замѣтить, что по разнымъ биржевымъ причинамъ, которыя объяснять было бы слишкомъ долго, облигаціи низшаго процента имѣютъ курсъ нѣсколько болѣе высокій, нежели какой должны были имѣть по пропорціи съ облигаціями высшаго процента того же государства, если государство имѣетъ долгъ съ разными процентами. Напримѣръ, французскіе фонды на парижской биржѣ 19 марта (новаго стиля) продавались на наличныя деньги по слѣдующей цѣнѣ: $4^1/_2$% облигаціи 94 фр. 50 сант.; пропорціонально этой цѣнѣ 3% облигаціи должны были продаваться по 63 фр.; но дѣйствительно онѣ продавались по 68 фр. 10 сант. Эта сравнительная высота французскихъ 3% фондовъ уже слишкомъ зависитъ отъ чрезмѣрной игры, производящейся исключительно на нихъ. На лондонской биржѣ русскими облигаціями игра не производится, и потому пропорціональная разница въ цѣнѣ между 3% (новыми) и $4^1/_2$% (прежними) нашими облигаціями не должна быть такъ значительна, какъ между соотвѣтствующими французскими фондами, и относительную высоту 3% фондовъ, по сравненію съ $4^1/_2$%, нельзя полагать болѣе $2^1/_2$ на 100. Послѣдніе курсы нашихъ $4^1/_2$% фондовъ, на лондонской биржѣ были 100. По этой пропорціи 3% должны бы имѣть цѣну около 70. Заемъ произведенъ, какъ мы знаемъ, по 67,—это составляетъ уступку около 3 на 100,—уступка чрезвычайно малая, если мы примемъ въ соображеніе значительный размѣръ займа и особенно одновременное съ нимъ требованіе займовъ другими державами, предлагающими гораздо большую уступку и гораздо выгоднѣйшія для банкировъ условія. Франція, напримѣръ, на своей биржѣ предлагала въ послѣднее время уступку отъ 7 до 8 на 100; объ Австріи и Сардиніи мы уже не говоримъ: австрійскіе фонды передъ займомъ стояли на 91 и 92, а заемъ не пошелъ даже по 80, и 23 марта австрійскіе 5% фонды на лондонской биржѣ стояли на 75.

Мы надѣемся, что читателю эти цифры не покажутся сухими: въ нихъ очень много смысла, яснаго и поразительнаго. Чтобы оцѣнить политику, которой держались разныя державы со времени возникновенія слуховъ объ итальянской войнѣ, довольно будетъ сравнить нынѣшніе курсы ихъ фондовъ съ тѣми, какіе были на лондонской биржѣ въ концѣ декабря, передъ самымъ началомъ сардинско-французскихъ угрозъ.

Digitized by Google

Фонды.	Курсъ въ концѣ декабря 1858.	Курсъ 23 марта н. с. 1859.	Величина упадка.
Англійскіе 3%-ные	$96^3/_4$	$96^1/_4$	$^1/_2$%
Русскіе $4^1/_2$%-ные	100	100	0
Французскіе 3%-ные	72,90	68,65	4,25%
Сардинскіе 5%-ные	94	82	12%
Австрійскіе 5%-ные	95	75	20%

Англія и Франція находятся относительно кредита въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, нежели три другія великія державы: Австрія, Пруссія, Россія въ случаѣ большихъ займовъ должны обращаться къ иностраннымъ капиталистамъ, преимущественно въ Лондонъ или Амстердамъ; Англія и Франція обходятся въ этихъ дѣлахъ безъ чужаго содѣйствія, собственными силами. Нѣтъ надобности говорить, что Англія далеко превосходитъ силою своего кредита самую Францію: парижская биржа едва можетъ удовлетворять потребностямъ французскаго рынка и французской казны; лондонская биржа служитъ источникомъ денегъ для всѣхъ нуждающихся державъ, не только Европы, но даже Америки. Высота англійскихъ фондовъ, далеко превосходящая цѣну даже голландскихъ и датскихъ облигацій, показываетъ чрезвычайную прочность англійскаго государственнаго кредита. Но даже англійскіе фонды нѣсколько поколебались отъ приготовленій къ войнѣ. Упадокъ ихъ, совершенно незначительный, свидѣтельствуетъ объ увѣренности англійской публики въ миролюбивомъ расположеніи своего правительства; упадокъ французскихъ фондовъ, очень сильный, показываетъ какимъ обремененіемъ для государства считаетъ французское общество войну. Еще сильнѣе поражены сардинскіе фонды; но особенно страшно упали австрійскіе: капиталисты знаютъ, что Сардинія въ случаѣ войны стала бы вести ее главнымъ образомъ на счетъ Франціи; Австрія должна была бы доставать деньги на войну сама, и потому ея финансовое положеніе гораздо затруднительнѣе, нежели положеніе Сардиніи. Три державы, являющіяся главными дѣятельницами въ походахъ, грозящихъ Европѣ, понесли уже въ своемъ кредитѣ потерю пропорціональную прежней его твердости. Англія была бы въ войнѣ только союзницею Австріи, да и по своему положенію не могла бы подвергнуться никакой прямой опасности. Но извѣстно, что она не могла бы не принять участія въ войнѣ, и несмотря на всю ея финансовую силу, ея фонды нѣсколько опустились. Только русскіе фонды остались непоколебимы, только они одни сохранили въ мартѣ ту самую высоту, какую имѣли въ декабрѣ. Это отъ того, что Россія умѣла удержаться отъ обязательствъ, которыя должна была сдѣлать Англія: она можетъ, въ случаѣ войны, сохранить нейтралитетъ, и вотъ этой-то счастливой возможности она обязана непоколебимымъ сохраненіемъ своего кредита [1]).

[1]) Тоже самое надобно сказать и о другихъ державахъ, которымъ счастливое положеніе дало возможность также, какъ Россіи, не принимать участія въ угрожающей войнѣ. Вотъ лондонскіе курсы фондовъ этихъ державъ:

Фонды.	13 декабря.	23 марта.
Датскіе 3%-ные	84,7	84,7
Голландскіе 4%-ные	100,2	100,2

Только тѣ державы, которыя не принуждены участвовать въ войнѣ, и не должны опасаться, что она приблизится къ ихъ предѣламъ, были такъ счастливы, что сохранили свои фонды на прежней высотѣ.

Digitized by Google

Непоколебимость нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ свидѣтельствуетъ о характерѣ той политики, которой мы держались среди затруднительныхъ столкновеній, волновавшихъ Европу въ нынѣшнемъ году. Подобно Англіи, мы старались предотвратить войну; но мы были счастливѣе Англіи отдаленностью своею отъ предполагаемаго театра войны, и возможность нейтралитета для насъ, не существующая для Англіи, выразилась сохраненіемъ нашихъ фондовъ въ такой твердости, которая не могла удержаться даже за англійскими.

Дѣйствительно, Россія умѣла идти самымъ надежнымъ путемъ въ недавнихъ политическихъ столкновеніяхъ: подобно Англіи она старалась предупредить ихъ; но будучи свободнѣе Англіи удержаться отъ всякаго участія въ угрожающей войнѣ, она имѣла возможность дѣйствовать съ успѣхомъ болѣе счастливымъ, нежели Англія: мы знаемъ теперь, что конгрессъ, который остается послѣднимъ средствомъ предотвратить войну, составляется вслѣдствіе предложеній Россіи. Англія старалась достичь подобнаго результата, но ея голосъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ голосъ Россіи, потому что сама она была по несчастію запутана въ эти раздоры. Оставаясь чужда имъ, Россія, какъ видимъ, внушаетъ теперь болѣе уваженія и довѣрія къ себѣ, нежели самая Англія. Будемъ же надѣяться, что какимъ бы путемъ ни пошли событія въ Западной Европѣ, мы съумѣемъ удержаться въ томъ счастливомъ положеніи, которое успѣли сохранить до сихъ поръ среди всѣхъ заискиваній, просьбъ, предложеній и обѣщаній. Мы понимаемъ, что какъ бы выгодны ни казались обѣщанія, никогда, никакими выигрышами, не могутъ быть вознаграждены пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ. Мы понимаемъ, что какъ бы ни были справедливы наши сочувствія, какъ бы основательны ни были наши антипатіи, выше всѣхъ симпатій и антипатій должна быть для насъ забота о благѣ собственнаго нашего государства. Мы можемъ не любить австрійцевъ, можемъ желать добра Сардиніи; но мы знаемъ, что выигрышъ для Сардиніи отъ войны—дѣло еще загадочное, а потери и пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ, могутъ быть высчитаны уже и теперь, до ея начала, или лучше сказать, даже не могутъ быть вычислены,—такъ огромны были бы онѣ. Погибель двухъ, трехъ или больше сотъ русскихъ людей, жизнь которыхъ такъ необходима для ихъ семействъ, производительный трудъ которыхъ такъ полезенъ для націи; разстройство финансовъ, которые, слава Богу, приведены теперь въ порядокъ; ослабленіе или совершенное прекращеніе всѣхъ добрыхъ начинаній, разстройство торговли и промышленности, на много лѣтъ разрушеніе возникающаго благосостоянія,—вотъ результаты, къ какимъ привело бы насъ участіе въ войнѣ, мысли о которой мы, къ нашему счастію, умѣли отвергать. Вся Сардинія не стоитъ такихъ пожертвованій. „Но мы были бы рады наказать австрійцевъ за ихъ поступки съ нами въ крымскую войну, за тѣ притѣсненія, какимъ подвергаютъ они славянъ своего государства и какія поддерживаютъ надъ славянами въ Турціи“. Все это такъ; мы не можемъ не желать добра славянамъ, а что касается до австрійцевъ, то не только мы, но и никто въ Европѣ не питаетъ къ нимъ особеннаго расположенія. Но благоразуміе выше всего. Досада и презрѣніе выражались бы слишкомъ

Digitized by Google

неудовлетворительно, если бы выражались такъ, чтобы приносить вредъ самому досадующему. Мы не любимъ австрійцевъ—это такъ, но искать войны, которая, какъ ни вредна была бы австрійцамъ, все же не дешево обошлась бы и намъ, это дѣло совершенно иное. Объ этомъ не было бы нужды и распространяться, если бы корреспонденты французскихъ газетъ не принуждали насъ положительно заявить мнѣнія русскаго общества своими, Богъ знаетъ, откуда взятыми извѣстіями о какихъ-то будто бы воинственныхъ желаніяхъ русскаго общества. Беремъ наудачу одну изъ этихъ газетъ, еще очень разсудительную въ сравненіи съ другими. Вотъ чѣмъ начинается новѣйшее письмо ея здѣшняго корреспондента:

«Слухи о войнѣ здѣсь, какъ и у васъ, по временамъ замолкаютъ (пишетъ корреспондентъ *Indépendance Belge* изъ Петербурга 2 (14) марта, но съ тою разницею, что здѣсь общественное желаніе вовсе не таково, какъ у васъ: оно не въ пользу мира. Русскіе согласятся на все, съ большою охотою согласятся на все, лишь бы только получить возможность помѣряться съ австрійцами. Отъ ожиданія, отъ неувѣренности, даже отъ боязни видѣть это желаніе обманутымъ, оно усиливается съ каждымъ днемъ; это чувство,—повторяю свои прежнія слова,—распространено во всѣхъ сословіяхъ». (*Indépendance Belge* 25 марта).

Это чувство распространено во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества! Мы также принадлежимъ къ одному изъ сословій русскаго общества, но вовсе не имѣемъ такого желанія; мы встрѣчаемся съ людьми изъ другихъ сословій и ни въ комъ не замѣчаемъ такого желанія. Кто желаетъ войны, въ самомъ дѣлѣ? Желаютъ ли крестьяне или мѣщане, чтобы явилась надобность въ усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ; или желаютъ купцы, чтобы разстроилась торговля и пострадали всѣ промышленныя предпріятія; или желаютъ помѣщики, чтобы блокированы были наши порты, чтобы прекратился отпускъ хлѣба, сала и всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній за границу? Ни въ одномъ изъ этихъ сословій мы не замѣчали такихъ удивительныхъ желаній. Конечно, мы съумѣемъ приносить нужныя пожертвованія; съумѣемъ подчинить заботы о своемъ благосостояніи государственной необходимости, но только дѣйствительно нужныя пожертвованія, только для государственной необходимости. Если бы кто нибудь вздумалъ нападать на насъ, мы съумѣли бы отплатить за нападеніе. Но приносить ненужныя пожертвованія для удовольствія другихъ,—это было бы неразсчетливо; начинать войну безъ необходимости не желаетъ наше общество, благодарное правительству за его миролюбивую политику, приносящую намъ столько выгодъ.

Но, продолжаютъ французскія газеты, могутъ быть предложены выгодныя условія для участія въ войнѣ. Что отвѣчать на это? И надобно ли отвѣчать? Извѣстна прочность тѣхъ союзовъ, въ которыхъ есть временная надобность приглашающему на союзъ, если приглашающій всѣми прежними своими дѣйствіями уже доказалъ, что всегда имѣетъ въ виду исключительно собственныя выгоды. Впрочемъ, кому интересно узнать объ этомъ больше, тотъ найдетъ въ приложеніи переводъ статьи изъ газеты „Humbug“.

Наконецъ указываютъ на бѣдственное положеніе австрійскихъ славянъ. Говорить откровенно объ этомъ предметѣ—дѣло не легкое у насъ, потому что огромное большинство честныхъ людей, въ благородномъ сочувствіи къ

Digitized by Google

нашимъ одноплеменникамъ, забываетъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, которое, какъ намъ кажется, должно удерживать отъ желанія прямыхъ вмѣшательствъ въ ихъ отношенія. Быть можетъ, иные насъ назовутъ противниками славянъ, защитниками австрійскихъ нѣмцевъ, за то, что мы укажемъ на это обстоятельство и попробуемъ вывести изъ него заключеніе о томъ, до какой степени была бы полезна австрійскимъ славянамъ наша помощь. Но мы просимъ людей, сочувствующихъ славянамъ, вникнуть въ наши слова хорошенько, — намъ кажется, что эти слова внушены намъ именно любовью къ славянамъ.

Славяне—наши одноплеменники, это правда; они гордятся нами, а мы любимъ ихъ, и это правда; но не должно забывать, что вотъ уже цѣлую тысячу лѣтъ они и мы жили отдѣльно другъ отъ друга, въ условіяхъ совершенно различныхъ, и потому пріобрѣли гражданскія привычки и общественныя потребности далеко не во всемъ одинаковыя. Не даромъ говорятъ, что русская исторія самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ исторіи всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ, въ томъ числѣ даже и славянскихъ. Государственныя учрежденія получили и сохраняютъ у насъ форму ни мало не похожую на все то, что когда нибудь существовало или существуетъ въ Западной Европѣ. Западные славяне, смотря на насъ издали, могутъ не замѣчать нашихъ особенностей. Но мы должны знать себя лучше и должны понимать, могутъ ли наши формы соотвѣтствовать жизни и потребностямъ народовъ, участвовавшихъ въ европейской исторіи, которая такъ долго совершенно не касалась насъ.

Мы ни мало не виноваты въ томъ, что отстали отъ другихъ европейцевъ; но не подлежитъ спору то, что народные нравы у насъ грубѣе, нежели въ Западной Европѣ. Возьмемъ факты изъ самыхъ простыхъ и близкихъ отношеній. Русскій мужъ еще не отвыкъ отъ того, чтобы бить жену; отецъ и мать вмѣстѣ еще не отвыкли отъ того, чтобы женить сына или отдавать дочь замужъ, не освѣдомляясь объ ихъ согласіи. У другихъ европейцевъ такіе факты представляются только рѣдкими исключеніями, противорѣчащими общимъ обычаямъ народа. Своимъ языкомъ чехъ можетъ быть очень близокъ къ намъ, но по своему обращенію съ женою и дѣтьми онъ гораздо ближе къ нѣмцу, испанцу и какому хотите другому европейцу, нежели къ намъ. Отъ народныхъ нравовъ зависятъ формы общественной жизни. Мы приведемъ только одну черту общественнаго устройства. Чехи успѣли уже давно забыть о тѣхъ формахъ общежитія, которыя связаны съ крѣпостнымъ правомъ; у насъ оно только теперь уничтожается и результаты его еще долго будутъ оставаться очень сильными въ нашемъ общежитіи. Поэтому надобно думать, что наша жизнь совершенно не соотвѣтствуетъ потребностямъ и привычкамъ западныхъ славянъ. Если они думаютъ иначе, они ошибаются по незнанію. Если мы сами думаемъ иначе, мы доказываемъ только то, что забываемъ объ особенностяхъ нашей жизни, или не умѣемъ цѣнить ихъ по достоинству. Наши казанскіе татары могутъ говорить нарѣчіемъ очень близкимъ къ языку бухарцевъ и киргизовъ, но они привыкли жить совершенно иначе, нежели ихъ восточные соплеменники, и надобно думать, что разница нравовъ поставила между ними преграду, разрушеніе

Digitized by Google

которой не могло бы быть полезно для казанскихъ татаръ. Конечно, этотъ примѣръ вовсе не можетъ служить параллелью; но мы хотѣли только сказать, что западные славяне участвовали въ европейской исторіи гораздо долѣе и гораздо ближе, чѣмъ мы, и потому пріобрѣли нравы и требованія, соотвѣтствующихъ которымъ мы не находимъ у себя.

Конечно, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что ихъ настоящее положеніе хорошо, или жалобы ихъ на Австрію несправедливы. Въ сочувствіи къ бѣдствіямъ австрійскихъ славянъ мы не уступимъ никому. Но мы желали бы только, чтобы сами славяне хладнокровнѣе разсуждали о средствахъ улучшить свое положеніе, а главное, чтобы они точнѣе изучали нашу жизнь съ ея особенностями. По географическому положенію самыми естественными посредниками въ такомъ изученіи должны служить поляки. Теперь читателю, можетъ быть, хотя до нѣкоторой степени, извѣстны основанія, по которымъ и самое горячее сочувствіе къ австрійскимъ славянамъ не представляется для насъ побужденіемъ одобрять вызовы французскихъ газетъ къ войнѣ съ Австріею. Не изъ особеннаго расположенія къ австрійскимъ нѣмцамъ, а изъ заботливости о судьбѣ самихъ славянъ мы находимъ, что они должны разсчитывать исключительно на свои силы для произведенія улучшеній въ своемъ бытѣ.

Читателю можетъ казаться, что всѣ наши соображенія относительно войны запоздали. Многіе ожидаютъ теперь мирнаго разрѣшенія всѣхъ дипломатическихъ затрудненій отъ конгресса, который долженъ собраться по итальянскому вопросу. Но мы остаемся при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ объ истинныхъ причинахъ войны; въ этихъ причинахъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія, стало быть всѣ дипломатическіе фазисы этого дѣла представляются намъ касающимися только формъ и оставляющими безъ перемѣны сущность отношеній. Посмотримъ, что будетъ дѣлать конгрессъ; и если Сардинія въ союзѣ съ Наполеономъ III удержится отъ войны, мы скажемъ, что конгрессъ успѣлъ совершить неимовѣрно трудный подвигъ.

Мы не считаемъ особенно полезнымъ дѣломъ перечитывать длинныя депеши, въ которыхъ обыкновенно очень тонко излагаются мелочи и совершенно умалчивается сущность дѣла; точно также едва-ли есть особенная надобность тратить время на угадываніе дипломатическихъ комбинацій и проэктовъ, содержимыхъ въ секретѣ: то, что есть въ нихъ дѣйствительно важнаго, бываетъ обыкновенно извѣстно всѣмъ, а то, что остается секретомъ, относится почти всегда только къ формамъ, которыя не измѣняютъ сущности дѣла, каковы бы ни были. Такъ, два мѣсяца тому назадъ, мы не считали нужнымъ изслѣдовать, дѣйствительно ли заключенъ и въ какой формѣ заключенъ письменный трактатъ о союзѣ между Франціею и Піэмонтомъ на случай войны; мы полагали, что письменное условіе существуетъ, а въ какой формѣ и подъ какимъ заглавіемъ писано оно—это все равно; прибавляли даже, что еслибъ и не существовало особеннаго документа, установляющаго такой союзъ, опять таки было бы все равно, потому что сущность союза была бы изложена и гарантирована въ какихъ нибудь нотахъ, не принадлежащихъ по своему заглавію къ такъ называемымъ трактатамъ. Намъ также не казалось полезнымъ напрягать усилія для отгадыванія формаль-

Digitized by Google

ныхъ оговорокъ, подъ которыми Францiя обѣщаетъ вооруженную помощь Сардинiи, потому что оговорки и условiя перетолковываются такъ или иначе, исполняются или не исполняются сообразно съ отношенiями и событiями, извѣстными рѣшительно каждому читающему хотя бы Санктпетербургскiя или Московскiя Вѣдомости. Напримѣръ, все равно, оборонительный и наступательный или только оборонительный союзъ заключенъ на бумагѣ: если будетъ выгодно подать помощь, то и наступательная война окажется оборонительной, а если невыгодно, то и въ оборонительной войнѣ окажутся обстоятельства, уничтожающiя приложимость договора. Мы говорили, что сущность дѣла при договорѣ и безъ договора, и при всякой формѣ договора остается одна и таже, извѣстная всѣмъ: Пiэмонтъ хочетъ войны, французское правительство хочетъ помогать и ему и дѣйствительно будетъ помогать, если не возникнутъ событiя, которыми уничтожилась бы надобность и возможность той политики, которую Наполеонъ III обнаружилъ на церемонiи 1 января; это равнодушiе къ дипломатическимъ тайнамъ оправдалось теперь фактами. Францiя наконецъ призналась, что союзъ существуетъ, но что онъ только оборонительный; а съ тѣмъ вмѣстѣ слову оборонительный придается такое значенiе, что если Пiэмонтъ двинетъ свои войска въ Ломбардiю и австрiйцы будутъ принуждены обороняться, то все-таки будетъ объявлено, что Пiэмонтъ ведетъ войну не наступательную, а только оборонительную: если такъ истолковываются формальныя условiя трактатовъ, то не все ли равно, какъ если бы не существовало никакихъ условiй и никакихъ трактатовъ, а дѣйствiя сообразовались бы только съ отношенiями и выгодами? Въ сущности оно такъ и бываетъ. Мы упоминаемъ о нашихъ прежнихъ словахъ вовсе не для хвастовства проницательностью или предусмотрительностью: хвастаться намъ тутъ никакъ нельзя, во-первыхъ потому, что не мы сами изобрѣли соображенiя, оказавшiяся вѣрными, а только нашли ихъ въ газетахъ, считающихся хорошими въ Западной Европѣ; во-вторыхъ, и газетамъ этимъ не было нужды въ особенной проницательности для представленiя принятыхъ нами соображенiй, естественно вытекающихъ изъ всѣхъ фактовъ новой политической исторiи. Мы только хотѣли привести примѣръ, которымъ оправдывался бы излагаемый нами теперь взглядъ на значенiе собирающагося нынѣ конгресса въ развитiи итальянскаго вопроса.

Мы хотимъ сказать, что и отъ этого конгресса, какъ ни важенъ кажется онъ, не должно ожидать сильнаго влiянiя на ходъ событiй, а тѣмъ менѣе надобно придавать особенную важность тѣмъ изъ относящихся къ нему подробностей, которыя еще не обнародованы. Корреспонденты газетъ могутъ представлять догадки и споры объ этихъ частностяхъ, но подобные толки пригодны только для занятiя разговорами отъ нечего дѣлать.

Напримѣръ, гдѣ соберется конгрессъ? Въ Баденъ-Баденѣ, Брюсселлѣ, въ Ахенѣ, какъ говорили прежнiя извѣстiя, или въ Карльсруэ, какъ утверждаютъ послѣднiя извѣстiя? Намъ кажется, что этимъ должны интересоваться только лица, которымъ надобно будетъ ѣхать въ городъ, избранный мѣстомъ конгресса; да и для нихъ вопросъ важенъ только въ томъ отношенiи, имѣетъ ли городъ этотъ хорошiя гостинницы съ удобными квартирами, хорошъ ли климатъ въ городѣ и представляются ли въ его окрестностяхъ прiятные пей-

Digitized by Google

зажи для прогулокъ. Какія лица будутъ уполномоченными на конгрессѣ? Дѣйствительно ли сами министры иностранныхъ дѣлъ съѣдутся на совѣщаніе или вмѣсто нихъ будутъ засѣдать какіе нибудь другіе дипломаты? И это все равно: какъ бы то ни было, конгрессъ будетъ составленъ изъ уполномоченныхъ очень высокаго сана, т. е. будетъ имѣть очень высокую оффиціальную торжественность. Но можетъ быть важнѣе вопросъ о томъ, составится ли конгрессъ только изъ уполномоченныхъ пяти великихъ державъ или будутъ допущены въ товарищи къ ихъ уполномоченнымъ уполномоченные Сардиніи? И если будутъ допущены сардинскіе уполномоченные, то съ полнымъ делиберативнымъ или только съ консультативнымъ голосомъ? И въ послѣднемъ случаѣ, будетъ ли данъ консультативный голосъ и другимъ итальянскимъ государствамъ? Или конгрессъ, составляемый исключительно пятью великими державами, предложитъ итальянскимъ государствамъ образовать отдѣльную конференцію, мнѣнія которой будутъ спрашиваться конгрессомъ, когда онъ почтетъ нужнымъ?— Обо всемъ этомъ спорятъ, какъ однажды при насъ очень образованные люди горячо спорили о томъ, надобно ли писать „Житомиръ“ или „Житоміръ“? Положительно утверждаютъ, что Францiя требуетъ, а Австрія отвергаетъ допущеніе Сардиніи шестою державою въ конгрессъ съ делиберативнымъ голосомъ. Но что Франція хочетъ этого, а Австрія не хочетъ, это каждый изъ насъ могъ бы знать и самъ, хотя бы ни слова не говорилось о томъ въ газетахъ. Чѣмъ рѣшится это разнорѣчіе и другіе спорные пункты, рѣшительно все равно: хотя бы голосъ на конгрессѣ былъ данъ не только Сардиніи, но также Испаніи, Португаліи, Швеціи и даже княжествамъ Вальдекскому и Книпгаузенскому, все-таки ходъ переговоровъ будетъ исключительно зависѣть отъ расположеній пяти великихъ державъ; и наоборотъ, хотя бы Сардиніи не дали, не только делиберативнаго, но и консультативнаго голоса, все-таки каждая изъ пяти великихъ державъ будетъ сообразоваться въ своихъ расположеніяхъ съ силами и наклонностями тѣхъ второстепенныхъ государствъ, которыя замѣшаны, или могутъ быть замѣшаны въ это дѣло.

Но кромѣ вопросовъ о формѣ конгресса есть споры о томъ, каковы будутъ предметы его совѣщаній и къ чему могутъ привести эти совѣщанія въ томъ случаѣ, если Франція и Піэмонтъ найдутъ удобнымъ отказаться отъ разрѣшенія вопроса вооруженною рукою. Тутъ опять все существенное ясно изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, а все составляющее дипломатическую тайну, вовсе не важно. Австрія согласилась участвовать въ конгрессѣ,—изъ этого видно, что суду конгресса будутъ подлежать, по его формальнымъ условіямъ, только итальянскія государства, а не сама Австрія: если бы конгрессъ собирался за тѣмъ, чтобы рѣшить, должна ли Австрія сохранить свои итальянскія провинціи, или должна возвратить имъ независимость, Австрія не согласилась бы на конгрессъ. И такъ конгрессъ собирается формальнымъ образомъ для разсмотрѣнія внутренняго положенія Папской Области, Тосканы и Модены, отчасти Неаполя и Пармы. Начнутъ разсужденіями о томъ, какія надобно сдѣлать улучшенія въ администраціи этихъ государствъ, чтобы правительства ихъ пріобрѣли расположеніе своихъ подданныхъ и могли держаться на своихъ ногахъ, не опираясь на австрійскіе и французскіе штыки. Угодно ли знать, къ чему приведутъ эти совѣщанія? Подвергнутымъ обсужденію правительствамъ

Digitized by Google

даны будутъ совѣты двоякаго рода: во-первыхъ, исправить недостатки ихъ законодательства и администраціи, во-вторыхъ усилить и преобразовать военную силу для охраненія порядка при новыхъ законахъ и улучшенной администраціи. На первые совѣты итальянскія правительства дадутъ отвѣтъ, что вполнѣ имъ сочувствуютъ, но что, къ сожалѣнію, разныя неблагопріятныя обстоятельства препятствуютъ ихъ исполненію въ настоящее время; второй совѣтъ они также одобрятъ и по возможности исполнятъ его. Конгрессъ рѣшитъ, что такъ какъ второе дѣло, т. е. сохраненіе порядка, составляетъ основу перваго, т. е. законодательныхъ улучшеній, то французскія и австрійскія войска должны быть выведены изъ итальянскихъ герцогствъ, изъ легатствъ, изъ Рима и Чивита-Веккіи, когда домашнія правительства этихъ земель устроятъ свои войска до надлежащей степени, и совѣтъ этимъ правительствамъ ускорить по возможности такое дѣло послужитъ заключеніемъ совѣщаній и рѣшеній конгресса по этому предмету.

Но ограничатся ли занятія конгресса этимъ предметомъ?—Ни мало. Правда, по формальнымъ основаніямъ, принятымъ для конгресса Австріею и Франціею, безъ сомнѣнія, опредѣлено, что не должно быть рѣчи о внутреннихъ дѣлахъ Австріи и Піэмонта, потому что оба эти государства—державы самостоятельныя, не нуждающіяся въ чужой помощи для охраненія порядка, стало быть вмѣшательство другихъ державъ въ ихъ внутреннюю политику было бы нарушеніемъ этикета, принятаго такъ называемымъ международнымъ правомъ. Но это все равно. Сардинія и Франція отъ имени Сардиніи будутъ жаловаться на Австрію, Австрія на Сардинію. Обѣ стороны будутъ сваливать одна на другую необходимость вооруженій, сдѣланныхъ ими. Австрія будетъ говорить, что политика нынѣшняго сардинскаго кабинета противна спокойствію Европы, т. е. будетъ косвеннымъ образомъ предлагать замѣну Кавура предводителями правой стороны, которые сами по себѣ могутъ быть совершенно честны, но опираются на іезуитовъ и абсолютистовъ. Сардинія будетъ требовать въ управленіи ломбардо-венеціанскими провинціями такихъ измѣненій, при которыхъ Австріи не было бы надобности содержать въ Италіи сильную армію. Австрія на это будетъ отвѣчать, что сдѣлала все, что могла, что ни въ Ломбардіи, ни въ Венеціи нѣтъ недовольныхъ, а напротивъ всѣ очень довольны австрійскимъ правленіемъ, а что если есть между 5 милліонами ея итальянскихъ подданныхъ какихъ нибудь сотни двѣ недовольныхъ, то это люди безпокойнаго характера, дурныхъ мыслей, неблагонамѣренные интриганты и честолюбцы, которыхъ никто изъ миланцевъ и венеціанъ не слушаетъ, и что сильную армію въ Италіи должна содержать она вовсе не по недовольству своихъ итальянскихъ подданныхъ, а только для огражденія себя отъ честолюбивыхъ замысловъ Піэмонта. Австрія имѣетъ 700,000 войска, стало быть вывести ее на иной путь нельзя иначе, какъ силою оружія. Съ Піэмонтомъ было бы можно справиться и такъ называемымъ моральнымъ принужденіемъ, но онъ опирается на Францію, стало быть и его нельзя словами сбить съ его увѣреній, что перемѣнить политику ему невозможно и что впрочемъ его политика совершенно миролюбива. Что же тутъ будетъ дѣлать конгрессъ? Разнорѣчіе такъ и остается разнорѣчіемъ; конгрессъ разойдется, склонивъ враждующія державы развѣ къ тому, чтобы та и другая сторона обѣщались не начинать военныхъ дѣйствій и отвести свои

Digitized by Google

войска на нѣсколько миль отъ границы. Только и сдѣлаетъ конгрессъ по этому вопросу, въ которомъ и заключается сущность дѣла. Впрочемъ напрасно мы говоримъ, что онъ сдѣлаетъ это,—это уже сдѣлано: обѣщанія не начинать войну даны съ обѣихъ сторонъ и посланы, или на дняхъ будутъ посланы приказанія тѣмъ или другимъ войскамъ отступить отъ границы. Стало быть въ сущности все уже сдѣлано, что могъ бы сдѣлать конгрессъ. Или нѣтъ, мы опять ошибаемся: онъ можетъ потребовать возобновленія и усиленія, какъ миролюбивыхъ обѣщаній, такъ и приказаній объ отступленіи. Особенно послѣднее, вѣроятно, понадобится: извѣстно, что генералы по какой-то странности не всегда слушаются приказаній передаваемыхъ военными министрами по желанію министровъ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, австрійскому генералу Шварценбергу и прусскому генералу Йорку въ 1812 году много разъ приказывали дѣлать такъ, а они все-таки дѣлали иначе.

Словомъ сказать, конгрессъ—просто отсрочка, на которую Австрія согласилась для того, чтобы не сказали, будто она отвергаетъ пути къ примиренію, а Франція для того, чтобы занять чѣмъ нибудь время до тѣхъ поръ, пока Франція сообразитъ, удобно ли ей начинать войну, или, если она уже рѣшила это, то пока она кончитъ свои вооруженія и устроитъ свои отношенія къ другимъ державамъ такъ, какъ ей хочется.

Всѣ эти отношенія остаются совершенно въ прежнемъ видѣ, кромѣ развѣ той перемѣны, что три великія державы, являющіяся посредницами, тѣснѣе сблизились между собою. Но мы выражаемся объ этомъ фразою вовсе не положительною: чтобы говорить навѣрное, нужно было бы точнѣе, нежели мы знаемъ, знать взглядъ одной изъ великихъ державъ на политику Франціи въ настоящую минуту. Вотъ это единственный неизвѣстный навѣрное пунктъ дѣла, а многое отъ него зависитъ, потому что если бы между тремя державами было то же согласіе, существованіе котораго извѣстно о двухъ изъ нихъ, именно объ Англіи и Пруссіи, то шансы мира нѣсколько увеличивались бы.

Впрочемъ и тутъ мы ошибаемся. Настоящее расположеніе нейтральныхъ державъ извѣстно съ достаточной точностью, и говоря о томъ обстоятельствѣ, отъ котораго увеличивались бы шансы мира, можно только желать его въ будущемъ, потому что, если бы совершенное согласіе между нейтральными державами существовало теперь, этотъ фктъ не могъ бы скрываться и двухъ недѣль: газетныя извѣстія обнаружили бы его тотчасъ же, а пренія въ англійскомъ парламентѣ черезъ нѣсколько дней подтвердили бы достовѣрность слуховъ. Но этого нѣтъ, а напротивъ несомнѣнные признаки показываютъ, что нейтральныя державы держатся въ различныхъ положеніяхъ относительно распрей между Франціею и Австріею.

Потому надобно думать, что согласіе на конгрессъ еще не уменьшаетъ вѣроятность войны. Такой взглядъ на положеніе дѣлъ подтверждается и состояніемъ курсовъ: они не поднимаются, или поднявшись тотчасъ же падаютъ; это значитъ, что западныя биржи мало вѣрятъ въ близость примиренія. Другимъ свидѣтельствомъ рѣшимости на войну служитъ то, что Франція не останавливаетъ своихъ вооруженій, напротивъ въ послѣднее время сдѣланы распоряженія, еще прямѣе прежнихъ указывающія на близость войны. Французскія войска сосредоточиваются на югѣ все въ большемъ количествѣ. Говорятъ, что теперь въ Ліонѣ и въ

Digitized by Google

окружности его расположено до 120,000 человѣкъ, которые могутъ быть собраны въ одну массу въ теченіе 12 часовъ. Изъ Алжиріи продолжаютъ перевозить во Францію самыя отборныя боевыя войска; между прочимъ привезены тюркосы, стрѣлки изъ алжирскихъ туземцевъ, нѣчто въ родѣ прежнихъ зуавовъ. До сихъ поръ тюркосы не были выводимы изъ Алжиріи, и надобно полагать, что ихъ не стали бы тревожить понапрасну. Наконецъ надобно замѣтить, что во всѣхъ французскихъ пѣхотныхъ полкахъ формируются теперь четвертые баталіоны. О томъ, что продолжаются вооруженія въ Сардиніи и соотвѣтственныя имъ вооруженія въ Австріи, не надобно и говорить.

Словомъ сказать, у Франціи и у Сардиніи остаются прежнія побужденія къ войнѣ, стало быть вѣроятность войны остается прежняя. Въ какомъ-то салонѣ Гизо очень мѣтко характеризовалъ необходимость воинственной политики для нынѣшней французской системы словами: „c'est une impossibilité inévitable“—„это неизбѣжная невозможность“. Дѣйствительно, вести войну противъ желанія націи, войну, въ которой союзницами Австріи будетъ Пруссія, Англія и вся Германія, и притомъ такую войну, которая разбудитъ въ Италіи принципы, противоположные основаніямъ нынѣшней французской системы—это очевидная невозможность; но въ то же время безъ войны обойтись нельзя, она представляется единственнымъ средствомъ продлить существованіе нынѣшней системы. Положеніе очень затруднительное, и какъ выйдетъ изъ него Франція, мы не знаемъ. Правда, есть выходъ,—устраненіе изъ французской жизни элементовъ, своимъ противорѣчіемъ съ ея потребностями ведущихъ ее на войну, которая бы своимъ шумомъ заглушила противорѣчія. Есть причины думать, что этотъ выходъ ближе, нежели обыкновенно полагаютъ. Усилія нейтральныхъ державъ могутъ отсрочить войну на три, на четыре мѣсяца: тогда будетъ поздно начинать походъ и Франція можетъ сказать, что, твердо рѣшившись на войну, она откладываетъ ее до весны. Это будетъ средствомъ продолжить шумъ внѣшней политики, т. е. уклониться на нѣкоторое время отъ невозможности, соединенной съ неизбѣжностью; это многіе находятъ правдоподобнымъ. Но если бы случилось такъ, то въ теченіе года могли бы исчезнуть изъ французской жизни элементы, ведущіе къ войнѣ, потому что ихъ недолговѣчность обнаруживается. Если же нѣтъ,—война остается неизбѣжностью. Близости измѣненія, о которомъ мы говоримъ, вѣрятъ не многіе; но случиться ему не такъ трудно, какъ пологаютъ поверхностные наблюдатели. Мы возвратимся къ этому предмету впослѣдствіи, а теперь обратимся къ событіямъ во внутренней политикѣ другой державы, которая споритъ съ Франціею за политическое преобладаніе въ Западной Европѣ.

Теперь (26 марта) мы еще только по телеграфическимъ депешамъ знаемъ, что англійское министерство, потерпѣвъ пораженіе по вопросу о реформѣ, объявило, что распуститъ парламентъ. Мы еще не имѣемъ подробныхъ извѣстій о томъ, какія позиціи приняты были разными партіями въ послѣднюю минуту борьбы и въ какомъ положеніи каждая изъ нихъ увидѣла себя по окончаніи битвы. Мы можемъ пока довести разсказъ о формальныхъ дѣйствіяхъ въ залѣ Палаты Общинъ, только до дня подачи голосовъ о предложеніи Росселя; свѣдѣнія наши о развитіи внутренней стороны этого во-

Digitized by Google

проса кончаются еще двумя или тремя днями ранѣе, но если мы принуждены отложить до слѣдующаго раза многія подробности, которыя были бы очень умѣстны здѣсь, то все-таки можемъ уже довольно отчетливо понимать положеніе дѣлъ, о которомъ сообщены отрывочныя извѣстія телеграфическими депешами.

Читатель знаетъ, что торійское министерство держалось только помощью независимыхъ либераловъ, которые получали отъ него больше уступокъ, нежели имѣли отъ Пальмерстона; знаетъ также, что когда въ рѣшительномъ дѣлѣ, въ биллѣ о реформѣ, Дерби и Д'Израэли выказали наконецъ свою натуру, т. е. отсталость и обскурантизмъ, независимые либералы, въ лицѣ Робека, объявили, что лишатъ ихъ своей поддержки, если они не покаются въ своихъ грѣхахъ. Читатель знаетъ также, что предводителемъ парламентской оппозиціи противъ билля явился Россель, оттѣснивъ Пальмерстона на второй планъ. Независимые либералы, какъ мы говорили, обѣщали ему поддержку, чтобы отвергнуть торійскій билль. Теперь видно, что послѣ того между Росселемъ, т. е. партіею чистыхъ виговъ, и Брайтомъ, т. е. независимыми либералами, велись переговоры о томъ, что дѣлать послѣ пораженія торійскаго министерства. Брайтъ указывалъ сущность этихъ переговоровъ, когда на митингѣ въ Манчестерѣ (17 марта) объявлялъ, что лордъ Россель можетъ, если ему угодно, сдѣлаться главою министерства, но что необходимымъ условіемъ къ тому ставится для него принятіе въ кабинетъ новыхъ людей, составленіе такого кабинета, который бы не имѣлъ исключительнаго аристократическаго характера, до сихъ поръ принадлежавшаго всѣмъ безъ исключенія англійскимъ кабинетамъ. Это значило, требовать отъ Росселя слишкомъ далекаго отступленія отъ аристократическихъ обычаевъ. Черезъ нѣсколько времени вигамъ нельзя будетъ обойтись безъ такой уступки, но теперь они не согласились на нее, не захотѣли впустить въ кабинетъ Брайта и Робека за то Брайтъ и Робекъ не отворили имъ самимъ двери въ кабинетъ. Это одно изъ трехъ обстоятельствъ, объясняющихъ развязку битвы. Не смотря на всѣ взаимныя огорченія, которыя Россель и Пальмерстонъ наносили другъ другу, Россель все-таки предпочелъ, разорвавъ переговоры съ Брайтомъ, начать переговоры съ своимъ соперникомъ между вигами. И тутъ дѣло не удалось, чего и слѣдовало, разумѣется, ожидать: Россель и Пальмерстонъ оба были первыми министрами, оба хотятъ вступить въ кабинетъ не иначе, какъ первыми министрами. Исторію ихъ переговоровъ довольно забавно изложилъ The Weekly Magazine въ шутливомъ стихотвореніи „Политическое сліяніе", The Political Fusion:

«Пальмерстонъ сказалъ Росселю:—Джонъ, мы слишкомъ долго оставались врагами; вотъ теперь есть намъ обоимъ случай послужить отечеству и королевѣ,—не себѣ самимъ послужить,—въ насъ нѣтъ такихъ низкихъ мыслей. (Тутъ онъ подморгнулъ). Мы не ищемъ власти, Джонъ.

Тогда Россель сказалъ Пальмерстону:—Одобряю твою мысль; соединившись, мы легко столкнемъ лорда Дерби съ должности: разумѣется, мы сдѣлаемъ это не изъ желанія получить мѣсто; такого своекорыстія мы стыдились бы. (Тутъ онъ тоже подморгнулъ). Единственная наша цѣль быть полезными отечеству.

— Хорошо, сказалъ Пальмерстонъ, схвативъ руку Росселя:—наконецъ-то мы

Digitized by Google

поняли другъ друга, и я горжусь тѣмъ. На это Россель сказалъ Пальмерстону: — Мы тотчасъ же устроимъ эту штуку и въ минуту выгонимъ дербистовъ.

— А кто же будетъ первымъ министромъ, сказалъ Пальмерстонъ:—значитъ я?— Ну вотъ, поспѣшно возразилъ Россель.—Я рѣшительно не вижу, почему же ты; развѣ я хуже тебя?—Гораздо лучше меня ты, Джонъ, но министромъ внутреннихъ дѣлъ ты будешь чрезвычайно дѣльнымъ.

— Нѣтъ, ты, милый Пальмерстонъ, самая яркая звѣзда въ иностранной политикѣ. Не скромничай, мой другъ; весь свѣтъ знаетъ это. Такъ вотъ, я буду первымъ министромъ, а ты занимайся иностранными дѣлами.—Ну нѣтъ, братъ, погоди, возразилъ Пальмерстонъ.

И могъ бы произойти изъ этого жаркій споръ, но Пальмерстонъ быстро вытащилъ изъ кармана пенни и бросилъ вверхъ.—«Рѣшотка», сказалъ Россель. Проигрышъ или выигрышъ выпалъ ему—это мы скажемъ, когда они войдутъ въ кабинетъ».

Отъ исторической истины отступаетъ этотъ разсказъ только чѣмъ, что Россель и Пальмерстонъ не придумали разрѣшить спорнаго пункта посредствомъ орлянки. До послѣдней минуты Пальмерстонъ оставался враждебенъ Росселю и на этомъ основывалась надежда Дерби получить отъ него защиту. Это было вторымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ развязку дѣла.

Впрочемъ не надобно обольщаться этими насмѣшками и вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ споръ, напримѣръ, между Росселемъ и Пальмерстономъ за то, кому быть первымъ министромъ, относится исключительно или главнымъ образомъ къ личному честолюбію. Оно можетъ играть тутъ свою роль, но просторъ для него не великъ: за тѣмъ и за другимъ предводителемъ стоитъ партія, политику которой онъ обязанъ проводить; эта партія рѣшаетъ, какъ долженъ дѣйствовать ея предводитель во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и его личное честолюбіе служитъ, какъ и его таланты, только орудіемъ къ осуществленію извѣстной политики. Общая политика кабинета опредѣляется мнѣніями перваго министра, т. е. той партіи, которая дѣйствуетъ черезъ него. Переговоры шли о томъ, которому изъ двухъ отдѣловъ вигистской партіи взять перевѣсъ надъ другимъ, и могутъ ли они примириться на столько, чтобы одинъ отдѣлъ видѣлъ исполненіе своихъ основныхъ убѣжденій въ дѣйствіяхъ другаго. Если бы партіи сошлись въ своихъ убѣжденіяхъ, онѣ заставили бы своихъ предводителей примириться или отвергли бы ихъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ будетъ примѣръ того, какъ личныя желанія предводителя партіи должны смиряться передъ требованіемъ партіи, представителемъ которой онъ служитъ. Если нельзя считать личное честолюбіе важнымъ двигателемъ даже во взаимныхъ отношеніяхъ партій, столь мало разнящихся по убѣжденіямъ, какъ пальмерстоновскіе и росселевскіе виги, то еще гораздо менѣе участіе личнаго честолюбія въ борьбѣ или переговорахъ партій, существенно разнящихся между собою по убѣжденіямъ, какъ напримѣръ тори и виги или виги и независимые либералы. Само собою разумѣется, что если Россель, т. е. его отдѣлъ виговъ не согласился дать Брайту и Робеку тѣхъ мѣстъ въ кабинетѣ, которыхъ они требовали, тутъ вопросъ былъ не о томъ, что нѣкоторымъ значительнымъ вигамъ, по личному разсчету, непріятно было отдать другимъ людямъ министерскія мѣста, кандидатами на которыя считали они себя,— еслибъ они лично и подчинялись такому своекорыстію, партія умѣла бы укротить его, или обратить непокорныхъ въ совершенное ничтожество. А у

Digitized by Google

Робека или Брайта личное честолюбіе уже совершенно исчезаетъ передъ торжествомъ принципа: Кобдена или Брайта ввести въ кабинетъ, это все равно и для Кобдена и для Брайта; тутъ дѣло не въ томъ, я или ты получаешь личное возвышеніе, а только въ томъ, что получаетъ правительственную силу принципъ, защищаемый обоими. Точно также, если бы, напримѣръ, велись переговоры между вигами и тори, важность была бы не въ томъ, Дерби или Д'Израэли требуетъ себѣ извѣстнаго мѣста, а только въ томъ, дается ли извѣстное мѣсто, все равно,—тому или другому изъ нихъ. При всемъ своемъ честолюбіи Д'Израэли долженъ былъ бы совершенно забыть тутъ личный вопросъ.

Къ литературномъ дѣламъ мы нѣсколько привычнѣе, нежели къ политическимъ, и потому характеръ подобныхъ сближеній, переговоровъ и разрывовъ мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить сравненіемъ ихъ съ литературными случаями. Положимъ, напримѣръ, что основывается новый журналъ; положимъ, что его редакторомъ дѣлается человѣкъ такъ называемыхъ западническихъ мнѣній. Если онъ приглашаетъ къ участію въ журналѣ кого нибудь изъ славянофиловъ, это значитъ не то, что между ними существуютъ личныя хорошія отношенія, а только то, что журналъ по обстоятельствамъ времени хочетъ защищать такіе принципы, которые выше предметовъ несогласія между обѣими партіями, напримѣръ, гласность, или освобожденіе крестьянъ, или улучшеніе судоустройства, и не будетъ обращать почти никакого вниманія на тѣ предметы, въ которыхъ двѣ партіи не согласны. Если кто нибудь изъ славянофиловъ принимаетъ предложеніе, это значитъ, что вся партія его одобряетъ образъ дѣйствія, предполагаемый журналомъ. Само собою разумѣется, мы предполагаемъ приглашающаго редактора и приглашаемыхъ сотрудниковъ людьми дѣльными, пользующимися значительнымъ положеніемъ въ своей партіи: о людяхъ ничтожныхъ никто не хлопочетъ, никто ихъ не приглашаетъ и никто не принимаетъ приглашеній, дѣлаемыхъ ими. Посмотримъ же теперь, могутъ ли имѣть личные разсчеты важное мѣсто въ такомъ дѣлѣ. Что было бы, напримѣръ, еслибы сотрудникъ славянофилъ согласился участвовать въ журналѣ не для проведенія мыслей, которымъ сочувствуетъ его партія, а только по денежнымъ выгодамъ или по тщеславію, т. е. если бы онъ принялъ участіе въ журналѣ безъ одобренія своей партіи. Люди, сочувствующіе славянофиламъ, не сочувствовали бы тогда журналу; сотрудникъ былъ бы безполезенъ для журнала, т. е. игралъ бы въ немъ жалкую роль; даже его тщеславіе было бы разочаровано, и онъ скоро бы отказался, если бы еще раньше того редакторъ не отказалъ ему, какъ человѣку безполезному. Такимъ образомъ, даже тутъ, въ дѣлѣ маловажномъ по сравненію съ управленіемъ національною политикою, личныя отношенія и разсчеты не могутъ имѣть важнаго значенія передъ интересами принциповъ. Нѣчто подобное, только въ гораздо значительнѣйшихъ размѣрахъ, бываетъ сущностью переговоровъ между важными людьми политическихъ партій въ Англіи при составленіи министерства.

Быть можетъ мы слишкомъ заботились о разъясненіи отношеній, изъ которыхъ возникли два обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развязку преній по биллю о реформѣ. Мы хотѣли показать, что въ переговорахъ между Росселемъ и Брайтомъ, между Росселемъ и Пальмерстономъ

Digitized by Google

о составленіи новаго министерства, дѣло шло не о личныхъ отношеніяхъ, а собственно о степени вліянія, какое должны имѣть на политику составлявшагося кабинета различные политическіе принципы. Если одинъ требовалъ себѣ и своимъ приверженцамъ извѣстныхъ мѣстъ въ кабинетѣ, другой не находилъ возможнымъ пожертвовать этими мѣстами, желая оставить ихъ за собою и своими кандидатами,—лица тутъ были только представителями принциповъ; вопросъ объ извѣстныхъ мѣстахъ для лицъ былъ вопросомъ о степени вліянія принциповъ извѣстной партіи на политику. Быть можетъ, читателю не было надобности въ нашихъ объясненіяхъ, чтобы не ошибаться въ этомъ и не предполагать силы личныхъ отношеній и разсчетовъ тамъ, гдѣ говорится у насъ о лицахъ. Фамилія тутъ служитъ только для краткости выраженія вмѣсто словъ „партія, имѣющая такія-то убѣжденія и выбравшая своимъ органомъ такого-то человѣка“. Третье обстоятельство, имѣвшее вліяніе на развяку дѣла, будетъ ясно для каждаго безъ всякихъ объясненій.

При неизвѣстности того, войною или миромъ разрѣшится итальянскій вопросъ, и въ Англіи, какъ повсюду, люди совершенно одинаковыхъ мнѣній обо всемъ могутъ думать различно о степени вѣроятности того или другого рѣшенія. Это зависитъ отъ степени оптимизма или пессимизма въ характерѣ и отъ степени личнаго знакомства съ европейскими дипломатическими отношеніями. Если предполагать, что война не только неизбѣжна, но и не будетъ отсрочена на три-четыре мѣсяца, а вспыхнетъ на дняхъ, то конечно англичанинъ не долженъ желать распущенія парламента, потому что присутствіе парламента вовсе не ослабляетъ правительство, или, по англійскому выраженію „корону“, какъ у насъ многіе полагаютъ по совершенному незнанію, а напротивъ — чрезвычайно усиливаетъ могущество „короны“. Королева Викторія и ея королевство не имѣли бы и половины того могущества, какимъ теперь обладаютъ, если бы у нихъ не было парламента. У насъ все думаютъ только о томъ, что парламентъ стѣсняетъ министерство, или по англійскому выраженію „правительство“ и „администрацію“. Напротивъ. Повелѣніе, подписанное Наполеономъ III, не имѣетъ во Франціи десятой части той дѣйствительной силы, какъ повелѣніе, принятое королевою Викторіею въ Англіи. Для людей, обманываемыхъ формами, это кажется странно; но стоитъ только подумать о сущности дѣла и мы увидимъ, что оно такъ, и непремѣнно должно быть такъ. Фульдъ или Валевскій очень часто въ душѣ не желалъ бы исполненія тѣхъ мѣръ, исполненіе которыхъ поручается имъ. Какъ же будутъ исполнены эти мѣры? Обыкновенно исполняются онѣ безъ усердія, часто искажаются, еще чаще исполняются только для формы, такъ что на дѣлѣ производится вовсе не то, о чемъ отдано приказаніе и объ исполненіи чего подается отчетъ на бумагѣ. Франція въ значительной степени имѣетъ право называться бумажнымъ царствомъ. Подумаемъ только о томъ, какому ослабленію, искаженію и пренебреженію должно подвергаться тамъ въ исполненіи каждое дѣло, проходя по разнымъ инстанціямъ, сверху внизъ, когда самъ министръ часто дѣлаетъ подъ рукою все возможное для ослабленія мѣры, когда изъ 87 префектовъ половина враждебна въ душѣ министру, другая половина считаетъ

Digitized by Google

себя умнѣе его, и когда всѣ они знаютъ, что даже самъ министръ требуетъ исполненія только на бумагѣ, и когда наконецъ каждый префектъ находится къ исполнителямъ, своимъ подчиненнымъ, въ такомъ же положеніи, какъ министръ къ префектамъ, т. е. долженъ дѣйствовать черезъ людей, ни мало не сочувствующихъ ни ему, ни предмету его приказаній. Правительство дѣйствуетъ въ потемкахъ, не зная, на кого можетъ положиться, и въ большей части случаевъ не имѣетъ усердныхъ исполнителей, не имѣя въ тоже время и средствъ удостовѣриться, дѣйствительно ли приказанія исполняются. Ничего подобнаго, никакой подобной путаницы и безсилія, нѣтъ при парламентѣ. Каждое распоряженіе принимается цѣлою партіею, т. е. безчисленнымъ множествомъ людей во всѣхъ классахъ общества, какъ личное дѣло каждаго изъ нихъ; и каждый изъ нихъ всячески содѣйствуетъ надлежащему его исполненію. Обязательство въ этомъ уже напередъ дано ими, еще до обнародованія ряспоряженія и дано оно съ дѣйствительнымъ желаніемъ дать и исполнить его. Опора парламента такъ сильна, что правительство или „корона“ замѣтно ослабѣваетъ даже въ тѣ короткіе промежутки, которые бываютъ между сессіями парламента. Два или три мѣсяца тому назадъ „корона“ удостовѣрилась, что ея повелѣнія исполняются усердно и добросовѣстно; но этого краткаго періода бываетъ достаточно, чтобы она утратила часть той основательной самоувѣренности, которая сообщалась ей присутствіемъ парламента. И только, когда онъ соберется снова, чувствуетъ она возвращеніе своей прежней силы.

Шумъ производятъ вообще только тѣ дѣла, относительно которыхъ мнѣніе не установилось; въ чемъ всѣ согласны, о томъ не бываетъ длинныхъ разговоровъ. Потому и до нашего слуха доходятъ только тѣ дѣла парламентской жизни, въ которыхъ парламентъ раздѣленъ на партіи; но не должно забывать, что кромѣ этихъ шумныхъ дѣлъ происходитъ множество другихъ гораздо важнѣйшихъ, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ „корона“ не слышитъ отъ парламента ничего, кромѣ единодушнаго одобренія и искреннихъ обѣщаній его сильной помощи. Читатель можетъ вспомнить, какъ парламентъ отвѣчалъ на изложеніе дѣйствій „короны“ по итальянскому вопросу: члены всѣхъ партій въ одинъ голосъ сказали „да, совершенно такъ; каждый изъ насъ дѣйствовалъ бы точно также, мы всѣ содѣйствуемъ „коронѣ“ и чтобы ей ни понадобилось, она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка“. Объ этомъ случаѣ мы узнали, потому что имъ интересуется не одна Англія, но и весь континентъ; но каждый день рѣшаются съ такимъ же согласіемъ дѣла, не касающіяся до другихъ державъ и важныя только для самой Англіи. Напримѣръ, всѣ суммы, нужныя правительству, вообще получаются безъ всякаго затрудненія.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Мы видѣли, что въ присутствіи парламента правительство гораздо сильнѣе и смѣлѣе, нежели въ тѣ промежутки, когда оно не можетъ ежедневно удостовѣряться въ сочувствіи представителей націи. Поэтому люди, ожидающіе войны на дняхъ, не хотѣли бы поставить вопросъ о реформѣ такъ, чтобы отъ него произошелъ перерывъ въ засѣданіяхъ парламента; хотѣли бы придать ему такой мягкій оборотъ, чтобы министерству не было надобности распускать нынѣшній парламентъ и

*

Digitized by Google

назначать новыя выборы; а распущеніе парламента представлялось однимъ изъ шансовъ, возникающихъ отъ принятія большинствомъ такихъ предложеній, на которые министерство не изъявило своего согласія. Такіе люди были и между вигами и между тори: но тори и безъ того подавали голосъ за министерство; виги все-таки должны были поддерживать предложеніе, клонящееся къ замѣненію торійскаго министерства ихъ собственнымъ. Потому вліяніе на способъ подачи голосовъ могло оказываться отъ этого обстоятельства только между независимыми либералами. Когда разстроились ихъ переговоры съ Росселемъ, т. е. вступленіе ихъ самихъ въ кабинетъ, они остались равнодушными къ вопросу о перемѣнѣ министерства, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились подать голосъ за торійское министерство только для того, чтобы правительство не оставалось безъ помощи парламента въ столкновеніяхъ по итальянскому вопросу. Важнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Робекъ.

Имѣя въ виду три обстоятельства, изложенныя нами, можно довольно ясно понимать причины, которыми была приведена развязка дѣла, противная, и желаніямъ министерства, и желаніямъ по крайней мѣрѣ двухъ третей членовъ Палаты Общинъ.

Въ парламентскихъ преніяхъ прежде всего обнаружилось вліяніе послѣдняго изъ обстоятельствъ, замѣченныхъ нами. Еще задолго до собранія парламента, на шеффильдскомъ митингѣ по вопросу о реформѣ, Робекъ, депутатъ Шеффильда, уже выразилъ свое мнѣніе, что итальянскій вопросъ своею затруднительностью долженъ въ совѣщаніяхъ парламента взять верхъ надъ дѣломъ о реформѣ. Онъ полагалъ даже, что парламентъ, развлеченный войною, не успѣетъ заняться реформою. Война не вспыхнула такъ рано, какъ онъ опасался, но все-таки онъ думаетъ, что со дня на день надобно ждать ея, и потому присутствіе парламента необходимо для «короны». Когда приблизился срокъ, назначенный для преній о предложеніи Росселя, которымъ могло быть министерство низвергнуто или принуждено распустить парламентъ, Робекъ почелъ своею обязанностью сдѣлать усиліе для предотвращенія такой необходимости. За три дня до начала преній о предложеніи Росселя онъ сказалъ, что хочетъ обратиться съ совѣтомъ къ лорду Росселю и къ министерству. Образъ дѣйствій, принятый лордомъ Росселемъ, сказалъ онъ, долженъ повести къ перемѣнѣ министерства или распущенію парламента.

«Перемѣна министерства при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—продолжалъ онъ,— можетъ произвесть страшныя бѣдствія на континентѣ; распущеніе парламента можетъ произвесть немедленный взрывъ войны. Почему такъ, позвольте мнѣ объяснить. Европа не понимаетъ Англіи. Она подумаетъ, что отъ распущенія Палаты Общинъ всѣ партіи разстроились въ своихъ отношеніяхъ и что исчезло могущество общественнаго мнѣнія въ Англіи, а миръ въ Европѣ держится силою англійскаго общественнаго мнѣнія (апплодисменты). Если только Европа подумаетъ, что сила эта исчезла, на другой же день возникнетъ хаосъ и кровопролитіе въ цѣлой Европѣ (браво!). Сильно занятый этими соображеніями, я прошу благороднаго лорда (Росселя) оставить тотъ путь, по которому онъ хотѣлъ идти. Отъ него зависятъ теперь судьбы нашей земли, и путь, имъ избранный, можетъ навлечь на насъ неисчислимыя бѣдствія».

Потому Робекъ просилъ Росселя поступить теперь такъ, какъ онъ поступилъ въ прошедшемъ году въ индійскомъ вопросѣ. Индійскій билль Дерби,

Digitized by Google

также какъ теперь вопросъ о реформѣ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ большинствѣ палаты. Чтобы дать министерству возможность избѣжать формальнаго порицанія палаты, Россель предложилъ ей, прежде нежели займется она этимъ биллемъ, обсудить, независимо отъ него, важнѣйшія стороны дѣла, чтобы министры могли составить новый билль сообразно этимъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ законъ былъ составленъ въ смыслѣ большинства, противнаго первоначальнымъ идеямъ министерства, а министры все-таки избѣжали формальнаго столкновенія съ большинствомъ, и не нужно было имъ ни выходить въ отставку, ни распускать парламентъ. Робекъ просилъ Росселя и теперь поступить подобнымъ образомъ, т. е. 21 марта, въ день назначенный для втораго чтенія билля, предложить парламенту вмѣсто преній о биллѣ заняться составленіемъ отдѣльныхъ рѣшеній по главнымъ пунктамъ вопроса. Россель не согласился, но министерство чрезвычайно ободрилось несогласіемъ Робека на образъ дѣйствій Росселя. Оно получило надежду, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими независимыми либералами, будетъ вотировать противъ Росселя, и что, благодаря этому отпаденію, Россель останется въ меньшинствѣ.

Потому министерство отказалось отъ мысли объ уступчивости, которой хотѣло держаться. Оно предполагало, пользуясь неудачей Росселя и Пальмерстона въ составленіи условій, при которыхъ они оба могли бы войти въ кабинетъ, объявить, что какія бы поправки ни были сдѣланы при комитетскомъ совѣщаніи въ его биллѣ, оно ни одной изъ этихъ поправокъ не приметъ за существенно враждебную. Виги, не имѣя возможности составить кабинета, должны были бы принять такое объясненіе, и торійское министерство, не подвергнувшись формальному порицанію, удержалось бы въ кабинетѣ. Теперь тори сдѣлались отважными. Они предположили, что если объявятъ свое намѣреніе считать принятіе Росселевой поправки за прямое порицаніе своему биллю, то большинство отвергнетъ эту поправку, потому что слѣдствіемъ ея при такомъ объявленіи было бы или паденіе министерства или распущеніе парламента. Но было извѣстно, что виги не могутъ составить новаго кабинета, стало быть необходимо оставаться прежнему кабинету за недостаткомъ другаго, стало быть изъ двухъ шансовъ остается только одинъ, именно распущеніе парламента; а именно этого опасаются нѣкоторые независимые либералы, стало быть подадутъ голосъ противъ Росселя.

Настало 21 марта. Всѣ, кто могъ, явились въ Палату Общинъ посмотрѣть на ходъ борьбы. Палата Лордовъ, хорошо чувствующая не слишкомъ большую важность свою, посидѣла въ своей залѣ всего съ небольшимъ часъ и поспѣшила кончить свои блѣдныя пренія, чтобы всею массою посмотрѣть на истинныхъ владыкъ Англіи въ Палатѣ Общинъ. Лордовъ пришло столько въ Палату Общинъ, что недостало имъ мѣстъ въ назначенной для нихъ галлереѣ. Каждое засѣданіе начинается представленіемъ просьбъ, такъ что лорды успѣли видѣть весь спектакль; просьбъ было множество, и все по вопросу о реформѣ, и все противъ министерскаго билля. Рѣдкій депутатъ явился безъ такого приношенія президентскому столу. И торійскіе депутаты несли, бѣдняжки, эти смертоносныя для нихъ посылки отъ своихъ избирателей. Вотъ всталъ Россель. Брайтъ и независимые либералы привѣтствовали

Digitized by Google

его громкими аплодисментами; не отступившись отъ своего предложенія, онъ помогалъ ихъ дѣлу сильнѣе, нежели самъ предполагалъ, какъ мы увидимъ. Пальмерстоновскіе виги не аплодировали теперь, да и въ продолженіе рѣчи аплодировали рѣдко, только изъ приличія. Послѣ длиннаго разбора основныхъ постановленій министерскаго билля, онъ заключилъ: „словомъ сказать, я долженъ объявить прямо, что билль, предложенный Палатѣ, я считаю мѣрою самаго вреднаго, оскорбительнаго и опаснаго характера“. Раздались продолжительные аплодисменты. Объяснивъ, почему предложилъ только поправку ко второму чтенію, а не прямое отверженіе билля [1]), онъ продолжалъ: „да, безполезно передавать въ комитетъ этотъ билль; и замѣчанія, сдѣланныя моимъ уважаемымъ другомъ (Робекомъ), не заставляютъ меня измѣнять своего образа дѣйствій. Онъ говорилъ, что если мы остановимъ ходъ министерскаго билля, результатомъ этого можетъ быть распущеніе парламента,— я не пугаюсь этого. Я думаю, что при вопросѣ, отъ котораго зависитъ судьба наша и нашихъ потомковъ, останавливаться страхомъ распущенія или какой нибудь опасности, угрожающей нашимъ иностраннымъ дѣламъ, было бы совершенно недостойно насъ (браво!). Если наше рѣшеніе будетъ противно проэкту министровъ, пусть они поступаютъ, какъ имъ покажется лучше. Если они почтутъ полезнымъ распустить парламентъ, чтобы узнать мнѣніе народа объ этомъ вопросѣ, то,—не знаю, какъ другіе, а я не побоюсь этой аппеляціи (аплодисменты). Пусть они выставятъ свой билль на всѣхъ избирательныхъ эстрадахъ Англіи и посмотрятъ, какой отвѣтъ имъ будетъ данъ (браво, браво!). И если агитація возрастетъ отъ этого, если общіе выборы породятъ требованія обширнѣйшія нынѣшнихъ, отвѣтственность за то будетъ на министрахъ, а не на насъ (аплодисменты). А по отношенію къ опасно-

---

[1]) Противъ этого способа дѣйствій было много порицаній со стороны тори. Они говорили, что если билль, по мнѣнію Росселя, дуренъ, то надобно было прямо отвергать его, а не предлагать поправку къ предложенію о второмъ чтеніи. Россель отвѣчалъ на это, что въ биллѣ есть кое-что хорошее, именно пониженіе ценса въ графствахъ, но существенный характеръ его дуренъ. Предлагать простое отверженіе значило бы вмѣстѣ съ дурнымъ отвергать и хорошее; притомъ простое отверженіе не указывало бы, что именно дурно въ биллѣ. Предложеніе, мною сдѣланное,—говорилъ онъ,—прямо указываетъ это дурное и положительно опредѣляетъ, каковъ долженъ быть характеръ билля, требуемаго Палатою. Читатель помнитъ, что предложеніе Росселя было: „Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (*politic*) поступать по способу, предложенному настоящимъ биллемъ, съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что Палата и нація не удовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ расширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою“. Съ формальной стороны Россель достаточно оправдалъ свой образъ дѣйствій; но существенная причина тутъ была другая: предложеніе, сдѣланное Росселемъ, скорѣе могло получить большинство, нежели простое предложеніе отвергнуть билль. Пальмерстонъ и его друзья могли бы сказать, что предпочитаютъ извѣстное, вѣрное, хотя не совсѣмъ хорошее, совершенной неизвѣстности; могли бы сказать: вы отвергаете билль, но чѣмъ же вы хотите его замѣнить? Теперь у нихъ не было этого предлога отдѣлиться отъ Росселя. Притомъ предложеніе оставляло министрамъ формальную возможность оставаться на мѣстахъ, не распуская парламентъ. Этимъ отчасти предупреждалось возраженіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя принуждать министровъ къ отставкѣ или распущенію парламента; можно было сказать: если они сдѣлаютъ то или другое, значитъ они не считаютъ обстоятельствъ слишкомъ опасными, и во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна ложиться на нихъ.

Были и другія возраженія противъ тактики Росселя, о которыхъ мы не упоминаемъ и которые онъ также разбираетъ въ своей рѣчи.

Digitized by Google

сти, что вспыхнетъ война, признаюсь, меня очень удивляетъ слышать и видѣть въ печати, что присутствіе лорда Мальмсбери въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира[1]) (хохотъ). Я вовсе не имѣю вражды къ лорду Мальмсбери; но когда слышу, что его присутствіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира, я спрашиваю себя: гдѣ же такой простякъ, который повѣритъ этимъ словамъ? (браво, браво! хохотъ). Остается еще одно замѣчаніе. Говорятъ, что я руковожусь интересами партіи, или своими личными. Я считаю своею обязанностью не обращать вниманія на такія обвиненія, а идти путемъ, который мнѣ кажется полезнѣйшимъ для отечества (браво, браво!). Никто не станетъ спорить, что много лѣтъ я принималъ искреннеѐ участіе въ этомъ вопросѣ."—Лордъ Россель въ нѣсколькихъ словахъ припомнилъ исторію своихъ усилій по дѣлу парламентской реформы, и заключилъ рѣчь словами: „имѣя такія убѣжденія, я не могу не думать, что билль, теперь предложенный, на каждомъ шагу долженъ встрѣчать оппозицію, пока наконецъ онъ будетъ отвергнутъ. Я долженъ дѣйствовать такъ, оставляя безъ вниманія всѣ обвиненія, какимъ могу подвергнуться (апплодисменты). Объ этомъ великомъ вопросѣ реформы я могу сказать, что я защищалъ его когда былъ молодъ, и не измѣню ему теперь, когда сталъ старикомъ" (громкіе апплодисменты).

Лордъ Россель доказалъ, что министерскій билль въ дѣлѣ парламентскаго устройства составляетъ не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, и потому долженъ быть отвергнутъ. Для отвѣта предводителю оппозиціи министерство выбрало того изъ своихъ членовъ, который пользуется наилучшею репутаціею; всталъ сынъ лорда Дерби, молодой лордъ Стенли, котораго торійская партія считаетъ лучшею своею надеждою. Надобно замѣтить, что лордъ Стенли самый либеральный человѣкъ въ торійской партіи, стало быть лучше всѣхъ понималъ, что дѣло, которое пришлось ему защищать, не совсѣмъ хорошо. Говорятъ, что онъ вовсе не одобряетъ билля, составленнаго его отцемъ и Д'Израэли. Вѣроятно онъ защищался бы не совсѣмъ удачно и тогда, еслибъ не случилось происшествія, совершенно не предвидѣннаго; но небывалый въ парламентскихъ лѣтописяхъ случай окончательно разстроилъ молодаго оратора. Мы предоставимъ одной изъ англійскихъ газетъ разсказать это курьёзное происшествіе, замѣтивъ предварительно, что голосъ лорда Стенли отличается очень высокими нотами, въ родѣ сопрано.

«Иногда сидишь цѣлый вечеръ въ комнатѣ, не зная, что гдѣ нибудь въ углу виситъ клѣтка съ пѣвцомъ. Пожилые хозяева дома ведутъ рѣчь, не возвышая голоса, и птичка сидитъ спокойно; но вдругъ вбѣгаетъ въ комнату юноша, полный жизни и веселья, кричитъ, смѣется, вноситъ веселость, споръ и шумъ. Веселость заразительна, и Филомела вдругъ заливается неудержимымъ потокомъ оглушительной радости и симпатіи. Чѣмъ громче вы говорите, тѣмъ пронзительнѣе становятся ноты птички, пока

---

[1]) Торійское министерство не такъ рѣшительно въ дипломатическихъ дѣлахъ, какъ было бы министерство виговъ; притомъ лорда Мальмсбери осуждаютъ за излишнее расположеніе къ императору Французовъ, а главное онъ вовсе не отличный дипломатъ. Англичане думаютъ, что если бы Англія съ самаго начала сильнѣе высказалась противъ требованій Сардиніи и Франціи, то опасность войны уже миновала бы.

Digitized by Google

наконецъ безперые двуногіе остаются побѣждены и безгласны передъ непокорнымъ маленькимъ пѣвуномъ.

«Ребенокъ въ Палатѣ Общинъ,—какое нелѣпое сочетаніе словъ! Да, настоящій ребенокъ въ Палатѣ Общинъ, крикливый ребенокъ... съ такимъ голосомъ, которымъ покрывается всякій другой голосъ, который внушаетъ вниманіе къ себѣ собранія этихъ серьезныхъ людей, и наконецъ по прошествіи первой минуты изумленія вызываетъ взрывъ хохота у консерваторовъ, виговъ и радикаловъ, у протестантовъ и католиковъ, у оранжистовъ и ультрамонтанцевъ, у всѣхъ безъ различія. Это былъ случай безпримѣрный въ исторіи Палаты Общинъ. Гуси кричали и ослы ревѣли въ этой палатѣ, но ребенокъ!.. Пусть истолкователи знаменій займутся этимъ предзнаменованіемъ. Надобно ждать великихъ событій.

«Я говорилъ, что лордъ Джонъ сѣлъ и всталъ молодой лордъ Стенли. Голосъ его былъ настроенъ высоко и поднимался все выше. Вѣдь тутъ былъ лордъ Дерби, онъ смотрѣлъ на сына, не могъ скрыть родительской гордости, не могъ скрыть и значительной дозы родительскаго безпокойства. Палата слушала и возбудилось вниманіе даже юнѣйшаго члена толпы высокоуважаемыхъ слушателей. Въ ту минуту, какъ замеръ и малѣйшій шорохъ, а голосъ оратора поднялся до высочайшихъ нотъ гнѣвнаго упрека, пронзительный звукъ, въ одну ноту съ высокою трелью оратора, пронесся изъ галлереи дамъ. Это былъ ребенокъ!.. У французовъ есть поговорка *le ton va plus loin que le mot*. Этотъ ребенокъ не былъ членомъ вѣрноподданной оппозиціи ея величества; онъ не былъ виновенъ въ увлеченіи духомъ партій; онъ не хотѣлъ изгнать мистера Д'Израэли и ввести лорда Росселя; онъ не хотѣлъ губить свое отечество, низлагать королеву и водворять республику; но слова президента были строги. Ребенокъ инстинктивно понялъ, что какой-то господинъ упрекаетъ его въ капризѣ и неприличіи, и онъ огорчился несправедливымъ упрекомъ, и онъ расплакался.

«Въ первую минуту изумленіе подавило всѣ другія чувства. 600 паръ глазъ направились къ позолоченной рѣшоткѣ, за которой сидятъ дамы. Не могу вамъ сказать, надъ чѣмъ хохотала Палата: надъ смущеніемъ ли мама, или надъ очевидной причиной невиннаго крика, или надъ перемѣной, происшедшей въ молодомъ ораторѣ. Палата смѣялась; но смѣялся ли церемоніймейстеръ палаты? смѣялся ли тотъ членъ палаты, который узналъ въ крикѣ сыновній голосъ и видѣлъ церемоніймейстера медленно встающаго съ креселъ съ грознымъ видомъ и идущаго на галлерею, съ рукою стискивающею эфесъ шпаги и съ похвалами памяти добраго царя Ирода? Будемъ надѣяться, что молодой депутатъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, побѣжавшій за гнѣвнымъ церемоніймейстеромъ, былъ отецъ ребенка и что не произошло несчастія; будемъ надѣяться, что разстроенная и дрожащая мама, бѣжавшая по корридору, спрятавъ ребенка подъ шаль, не встрѣтила гнѣвнаго джентельмена со шпагою.

«Но молодой министръ... Палата хохотала, а что дѣлалъ лордъ Стенли? Съ прискорбіемъ я долженъ сказать, что онъ совершенно растерялся. По словамъ однихъ, онъ думалъ, что младенческій крикъ былъ чревовѣщательскою пародіею его «*si* выше линеекъ»; другіе говорятъ, что лордъ Джонъ велѣлъ принести этого ребенка, съ инструкціею ущипнуть его при самомъ патетическомъ пассажѣ. Что справедливо, мы не знаемъ; но перемѣна въ молодомъ ораторѣ была мгновенная: его убила маленькая птичка, вскрикнувшая за дамскою рѣшоткою. Его голосъ упалъ на полторы октавы; его декламація потеряла всю пылкость и увѣренность».

Въ самомъ дѣлѣ, разнесся слухъ, что убійственный ребенокъ былъ сынъ лорда Джона Росселя. Это курьезное совпаденіе довершило эффектъ писка. Только на другой день объяснилось, какимъ образомъ упало такое обвиненіе на лорда Джона, невиннаго въ злосчастіи своего противника: фамилія матери ребенка была Джонсъ, Jones'baby—въ произношеніи это трудно отличить отъ John's baby, и каждый понялъ эти слова о лордѣ Джонѣ вмѣсто неизвѣстной мистриссъ Джонсъ.

Digitized by Google

Отъ этого ли пустого случая, или отъ того, что лордъ Стенли самъ плохо вѣрилъ въ свое дѣло, его рѣчь была неудачна; но въ ней заключалось важное объявленіе: онъ сказалъ палатѣ, что министерство почтетъ принятіе предложенія Росселя за прямое отверженіе билля. Эта рѣшимость была вызвана предложеніемъ, которое сдѣлалъ Робекъ три дня тому назадъ. Она поддержана была потомъ рѣчами нѣсколькихъ независимыхъ либераловъ, между прочимъ Горсмена, располагающаго нѣсколькими голосами, и новою рѣчью самаго Робека. Она поддерживалась также упорнымъ молчаніемъ, которое сохранялъ лордъ Пальмерстонъ.

Четыре засѣданія уже продолжались пренія, а лордъ Пальмерстонъ все еще держался упорнаго молчанія. Очевидно, онъ выжидалъ случая, который доставилъ бы ему возможность сдѣлать маневръ противъ Росселя и спасти министерство отъ пораженія; но случая такого не представлялось и, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ наконецъ говорить за предложеніе Росселя, какъ требовали его приверженцы. Досада слышалась въ каждомъ его словѣ; онъ излилъ ее на министерство, своимъ нелѣпымъ образомъ дѣйствій заставившее его помогать сопернику. Лордъ Пальмерстонъ мастеръ на сарказмы. Онъ осыпалъ ими министерство. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ: мнѣ очень не хотѣлось дѣйствовать заодно съ Росселемъ, но дѣла приняли такой оборотъ, что я долженъ поддерживать его предложеніе и сказать моему благородному другу: „ваша поправка мнѣ кажется прекрасной“.—Зная чувства оратора къ его благородному другу и досаду на невозможность дѣйствовать противъ поправки Росселя, Палата захохотала и раздались ироническіе аплодисменты: они ободрили Пальмерстона, видѣвшаго, что депутаты хорошо понимаютъ саркастическій тонъ его словъ, и онъ продолжалъ: „я полагаю, что ваша поправка достигаетъ своей цѣли, и совершенно готовъ поддерживать ее сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ“,—депутаты опять наградили ловкій юморъ хохотомъ. И такъ Пальмерстонъ объявилъ, что принужденъ подать голосъ за Росселя. Исполнивъ эту обязанность, онъ далъ волю своей досадѣ на министерство, неразсчетливо объявившее, что принимаетъ предложеніе Росселя за прямое порицаніе. Брать назадъ это формальное увѣреніе, повторенное нѣсколько разъ, было уже поздно, и лордъ Пальмерстонъ могъ только съ самыми язвительными насмѣшками доказать, что такая храбрость была неумѣстна для министерства, смиренно переносившаго множество непріятныхъ рѣшеній Палаты. Судя по вашей прежней терпѣливости, говорилъ онъ министрамъ, я думаю, что вы поступите вотъ какъ: и объяснялъ Палатѣ, какъ желали бы поступить они, но уже не могутъ послѣ своего храбраго объявленія. „Предложеніе, безъ сомнѣнія, будетъ принято; что же тогда сдѣлаютъ министры? Слухи носятся различные. Говорятъ, что министры подадутъ въ отставку. Я этому не вѣрю“. Палата громко захохотала надъ этимъ яснымъ намекомъ на готовность тори переносить всякія униженія отъ Палаты, лишь бы усидѣть на своихъ мѣстахъ. „Я думаю, что они измѣнили бы своей обязанности, если бы подали въ отставку. Я не прошу ихъ подавать въ отставку“. Палата опять захохотала надъ ловкимъ намекомъ и на жалкій промахъ министровъ и на собственныя чувства оратора, который дѣйствительно желалъ бы удержать въ министерствѣ тори, чтобы не впускать

Digitized by Google

въ кабинетъ Росселя. „Я скажу имъ, какъ говорилъ Вольтеръ о какомъ-то министрѣ, заслужившимъ его немилость: я не накажу его, я не пошлю его въ тюрьму, я приговорю его остаться на своемъ мѣстѣ“,—и лордъ Пальмерстонъ сталъ насмѣшливо доказывать, что министры не должны принимать немилость Палаты за порицаніе, а должны вести до конца вопросъ о реформѣ, какъ бы ни передѣлывала Палата ихъ несчастный билль. „Другіе говорятъ, продолжалъ Пальменрстонъ, что министры распустятъ парламентъ,—это было бы нелѣпостью со стороны консервативнаго министерства: неужели оно допуститъ, чтобы во всѣхъ избирательныхъ совѣщаніяхъ подвергнули разбору основанія британской конституціи?“—лордъ Пальмерстонъ сталъ доказывать, что распущеніе парламента было бы гибельно для тори, потому что выборы усилили бы въ новой палатѣ партію, желающую радикальной реформы. Палата хохотала надъ объясненіемъ того, что тори принуждены принять мѣру самую невыгодную для нихъ, самую пріятную для Брайта. „Но нѣтъ, этого не будетъ“, продолжалъ Пальмерстонъ, и насмѣшливо перетолковывалъ слова министровъ, отыскивая въ нихъ готовность переносить всякія неудачи, лишь бы сохранить свои мѣста.

Послѣ такой рѣчи бѣдные тори уже не имѣли никакой возможности отказываться отъ своего объявленія, что не могутъ перенести принятіе росселевой поправки: Пальмерстонъ слишкомъ ясно и язвительно объяснилъ, что такая терпѣливость была бы теперь рѣшительной низостью. Они должны были неподвижно ожидать своей участи.

На этомъ фазисѣ борьбы останавливаются подробныя извѣстія, полученныя нами. Пренія продолжались еще нѣсколько дней, но положеніе партій достаточно опредѣлилось въ тѣ дни, о которыхъ мы уже разсказали. Послѣ рѣчи Пальмерстона было ясно, что предложеніе Росселя будетъ принято. Ошибочная надежда на противное заставила министровъ сдѣлать геройское усиліе, чтобы угрозою распущенія палаты отвлечь отъ Росселя нѣсколькихъ членовъ колебавшихся между отвращеніемъ отъ ихъ билля и опасеніемъ оставить Англію безъ парламента въ минуту, когда вспыхнетъ война. Разрывъ переговоровъ Брайта съ Росселемъ о состовленіи министерства увѣрилъ ихъ, что Брайтъ не будетъ настойчиво требовать ихъ удаленія изъ кабинета. Неудача попытки виговъ примирить Пальмерстона съ Росселемъ заставила ихъ надѣяться на покровительство Пальмерстона. Къ ихъ несчастью, Пальмерстонъ нашелъ, что спасти ихъ уже невозможно послѣ ихъ излишней храбрости, и могъ только съ насмѣшкою показать имъ, какимъ путемъ они могли бы спастись, но, что возвратиться на этотъ путь имъ уже невозможно. Имъ оставалось только или выйти въ отставку, или распустить парламентъ.

Но выйти въ отставку они могли только тогда, если бы готово было новое министерство занять ихъ мѣсто въ кабинетѣ. Неудача переговоровъ между тремя отдѣлами оппозиціи не дала составиться новому министерству, стало быть оставался только одинъ исходъ—распущеніе парламента.

Ничего лучшаго не могъ желать Брайтъ. Новые выборы необходимо должны усилить въ парламентѣ партію серьезныхъ реформеровъ, и кому бы ни досталось счастье сдѣлаться первымъ министромъ при новомъ парламентѣ, Росселю или Пальмерстону, и тотъ и другой принуждены будутъ въ новомъ

Digitized by Google

парламентѣ принять для реформы основанія болѣе широкія, нежели какія были возможны при Палатѣ, распускаемой теперь.

Слухи о войнѣ и разсказы о ходѣ вопроса парламентской реформы — каждый разъ однѣ и тѣже темы!—нѣтъ ли чего нибудь новаго? Ничего такого, что интересовало бы Европу; все вниманіе западнаго континента сосредоточено на итальянскомъ вопросѣ, а люди, которые смотрятъ на вещи серьёзнѣе и ждутъ чего нибудь хорошаго не отъ шумныхъ столкновеній между такими противниками, изъ которыхъ ни одному нельзя сочувствовать и желать побѣды,— люди, которые ждутъ добра только отъ развитія національнаго сознанія и улучшенія внутренняго законодательства, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ на успѣхи реформистскаго движенія въ Англіи, которая и своими внутренними учрежденіями и своимъ внѣшнимъ могуществомъ имѣетъ такое сильное вліяніе на судьбу западнаго континента. Одинъ предметъ для пустыхъ толковъ, другой для серьёзной мысли,—кромѣ того, нѣтъ ничего особенно занимательнаго ни для болтуновъ, ни для людей разсудительныхъ. Всѣ другія текущія событія такъ мелки, что каждымъ изъ нихъ можетъ интересоваться, да и то не слишкомъ сильно, развѣ та страна, въ которой оно происходитъ. Напримѣръ, въ Германіи занимательнаго такъ мало, что сами нѣмцы отводятъ душу только тѣмъ, что увѣряютъ самихъ себя въ необыкновенной силѣ Германіи, если она станетъ дѣйствовать единодушно: тогда, увѣряютъ нѣмцы, мы закидаемъ французовъ шапками. Иные даже припѣваютъ какую-то пѣсню о Блюхерѣ, который будто бы въ 1814 году завоевалъ Парижъ. Такимъ патріотамъ и храбрецамъ другіе нѣмцы, болѣе разсудительные, замѣчаютъ, что вопросъ о закидываніи французовъ шапками зависитъ отъ того, каковы будутъ французы и въ какихъ кокардахъ кончатъ они свою войну съ австрійцами, если война начнется. Они полагаютъ, что стоитъ только французамъ перемѣнить кокарды, и нѣмцы не найдутъ нужнымъ закидывать ихъ шапками, а начнутъ подражать французской модѣ. Въ доказательство они приводятъ состояніе нѣмецкихъ государствъ,—состояніе въ самомъ дѣлѣ странное. Послѣдній случай, въ которомъ выразилась эта странность, произошелъ на дняхъ въ Баваріи. Впрочемъ не думайте, чтобы въ Баваріи произошло что нибудь новое,— нѣтъ, тамъ въ десятый или двадцатый разъ повторилось тоже самое, что случается уже много лѣтъ.

Какъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, такъ и въ Баваріи уже давно господствуетъ реакція. Какъ вездѣ, такъ и тамъ она довольно долго господствовала, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Наконецъ силы общественнаго мнѣнія стали пробуждаться, и палата депутатовъ, урѣзанный остатокъ такъ называемыхъ „пріобрѣтеній борьбы“ (Errangenschaften) 1848 года,— пріобрѣтеній, надобно замѣтить, довольно мизерныхъ, и борьбы, надобно замѣтить, не слишкомъ-то важной,—эта палата депутатовъ стала просить о замѣнѣ реакціоннаго министерства Пфортена какимъ нибудь другимъ, которое не было бы орудіемъ іезуитовъ и ихъ братіи. Пфортенъ распустилъ палату. Новые выборы еще усилили противное обскурантамъ большинство. По правиламъ конституціоннаго порядка, существующаго въ Баваріи, Пфортенъ долженъ былъ выйти въ отставку, потому что на вопросъ, имъ самимъ предложенный: кого одобряетъ нація—большинство палаты или его, министра Пфортена?—выборы

Digitized by Google

отвѣчали, что нація согласна съ палатою во мнѣніи о пользѣ отставки ег г. Пфортена. Онъ разсудилъ поступить иначе, к опять распустилъ палат; чтобы не покидать пріятнаго министерскаго кресла. Выборы прислали ен сильнѣйшее большинство противъ него въ новую палату. Хоть бы тутъ ем одуматься и не компрометировать короля. Нѣтъ, интересы короля и націи ні какъ не могутъ сравниться съ пріятностью занимать министерское мѣсто, палата опять была распущена, чтобы министру Пфортену не покидать свое: мѣста. Вся эта исторія коротко разсказывается на бумагѣ. а на дѣлѣ он тянулась цѣлыхъ четыре года. Въ четыре года конечно успѣло накопить много раздраженія такого жолчнаго, что даже баварское пиво не могло смягчи сердца добродушныхъ своихъ любителей. Новые выборы были еще враждебнѣ прежнихъ и вотъ, въ концѣ января нынѣшняго года, собралась новая палат въ которой, если не считать 25 чиновниковъ, было всего только 15 мині стерскихъ депутатовъ противъ 105, осуждавшихъ упрямство Пфортена. Думал что теперь по крайней мѣрѣ онъ опомнится и пойметъ, что не слѣдуетъ ем компрометировать короля для сохраненія своей должности. Какъ судило огро ное большинство палаты, т. е. избирателей, о способѣ дѣйствій Пфортена, яс высказывалось даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Напримѣръ, депутатъ Фёльк предложилъ измѣнить нѣкоторыя статьи уголовнаго кодекса. Комитетъ палат которому поручено было разсмотрѣть предложеніе, составилъ докладъ слѣду щаго рода: „Предложеніе основательно и заслуживало бы одобренія; но тепер подобными вопросами заниматься безполезно, потому что настоящее положен дѣлъ только переходное. Министерство по несогласію съ прежней палато распустило ее, выборы возвратили палату съ усиленнымъ большинством противъ министерства. Есть конституціонно-монархическія государства, в которыхъ, разумѣется само собою, при подобномъ случаѣ министерство вых дитъ въ отставку. У насъ не такъ; потому разногласіе между правительством и представителями націи можетъ еще продолжиться. Однако же оно так серьёзно и благо страны такъ страдаетъ отъ его продолженія, что сама с бою должна явиться въ скоромъ времени потребность помочь этому дѣлу. пока продолжается разнорѣчіе, не слѣдуетъ ни ожидать, ни желать, чтоб палата возвращалась къ дѣлу, прерванному въ мартѣ прошлаго года“.

Подобное чувство было выражаемо палатою депутатовъ рѣшительно пр каждомъ случаѣ. Но министерство держалось системы не показывать вид что понимаетъ желаніе представителей націи, и наконецъ палата принужден была формальнымъ образомъ объяснить свои отношенія къ министерству чувство порицанія, съ которымъ смотритъ на него все государство. Случа къ тому былъ поданъ итальянскимъ вопросомъ. Пфальцскою провинціею Ба варія граничитъ съ Франціею и должна была принять мѣры предосторожност противъ угрожающаго вторженія французовъ въ Западную Германію. Надобн было назначить суммы для вооруженій. Согласіе на экстронные кредиты, тре буемые министерствомъ, почитается въ конституціонныхъ государствахъ одо бреніемъ политическихъ принциповъ министерства, если не сопровождаетс никакими особенными замѣчаніями о степени согласія палаты съ общимъ ха рактеромъ управленія, получающаго ея поддержку въ этомъ частномъ случаѣ Палата измѣнила бы своимъ убѣжденіямъ, если бы оставила возможност

Digitized by Google

истолковывать свой патріотизмъ, не отступающій передъ пожертвованіями, въ смыслѣ сочувствія къ министерству, и потому она приняла слѣдующій адресъ къ королю, соединяющій выраженіе почтительной преданности къ его лицу съ указаніемъ на ошибки реакціонеровъ, вредящихъ ему своимъ властолюбіемъ.

„Указывая на приближающуюся опасность войны, ваше величество требовали денежныхъ средствъ, нужныхъ для защиты государства. Палата депутатовъ дала ихъ. Она никогда не побоится жертвъ, требуемыхъ отечествомъ. Что бы ни готовила судьба народу, Баварія въ неразрывномъ союзномъ единствѣ съ другими братними племенами Германіи будетъ подъ Виттельбахскимъ знаменемъ [1]) держать себя соотвѣтственно обязанностямъ, возлагаемымъ на нее славою прошедшаго и трудностями настоящаго. Одного не достаетъ Баваріи— не достаетъ того, что даетъ крѣпость во дни опасности: она лишена благотворнаго единодушія. При министерствѣ, которое, забывая королевскія слова „свобода и законность“, потеряло невознаградимые годы европейскаго мира и внутренней тишины безъ серьёзной заботы объ исполненіи обѣщанныхъ реформъ, при министерствѣ, которое словомъ и дѣломъ поколебало вѣру въ чистое и нелживое пониманіе государственнаго устройства и возбудило противъ себя на борьбу силу общественнаго мнѣнія,—при такомъ министерствѣ для представителей народа не легка была задача дать изъ національныхъ средствъ милліоны, требуемые для вооруженій противъ враговъ. Соглашаясь на это пожертвованіе, палата депутатовъ считала неизбѣжнымъ долгомъ открыто изложить причины своего рѣшенія. Нѣтъ мысли, отъ которой была бы она такъ далека, какъ отъ намѣренія выразить этимъ согласіемъ одобреніе существующей министерской системы или хотя бы смягчить выраженіе своего недовѣрія къ тѣмъ, которые служатъ олицетвореніемъ этой системы. Палата согласилась на требованіе потому, что отечество для нея выше всего, и всякая другая мысль должна замолкнуть, когда его священные интересы, его честь и его права требуютъ необходимыхъ жертвъ. Палата согласилась потому, что среди печальнаго расположенія умовъ остается непоколебимою опорою для надеждъ, основою для народнаго благоденствія неискоренимая вѣра въ конституціонную вѣрность, въ патріотическое расположеніе вашего величества, чувства котораго представляютъ единственный залогъ лучшаго будущаго и ручательство въ патріотическомъ употребленіи средствъ, данныхъ патріотизмомъ. Никакая теорія не заставитъ баварскій народъ перестать чтить величество вашего трона, недосягаемо возвышающееся надъ перемѣною принциповъ отвѣтственныхъ министровъ [2]). Никакое омраченіе въ этой атмосферѣ, лежащей между королемъ и

---

[1]) Читатель знаетъ, что въ Баваріи царствуетъ Виттельбахская династія.

[2]) Читатель знаетъ, что конституціонный порядокъ возлагаетъ на министровъ обязанность не компрометировать короля и династію вовлеченіемъ королевскаго имени въ споры съ оппозиціею. Читатель также знаетъ, что недобросовѣстные министры, ставящіе свое властолюбіе выше интересовъ короны, постоянно нарушаютъ это правило, соблюденіе котораго необходимо для непоколебимости довѣрія націи къ монарху. Каждый разъ, когда они не могутъ защитить своихъ дѣйствій доводами государственной пользы, они прикрываются личною волею государя, какъ недобросовѣстные секретари прикрываютъ свои продѣлки подписью начальника, которому представляютъ дѣло въ искаженномъ видѣ или вовсе умалчиваютъ о важнѣйшихъ сторонахъ дѣла. Такъ дѣйствовали Гизо, Мантейфель, такъ дѣйствуетъ и Пфортенъ. Читатель видитъ, что слова палаты относятся къ этому способу дѣйствій, равно недобросовѣстному передъ королемъ и государствомъ, вредному для государства, опасному для династіи.

Digitized by Google

народомъ, не можетъ затемнить блеска короны, священныя права которой, служащія основаніемъ порядка, также неприкосновенны народу, какъ его собственныя права. Наслѣдованная отъ предковъ вѣрность вашему величеству, всемилостивѣйшему королю и государю, и вашему высокому дому явится непоколебимою при всѣхъ обстоятельствахъ, пока между Гартовымъ хребтомъ и Рейномъ, между Рёнбергомъ и Фихтельбергомъ и прародительскими Альпами будутъ жить баварскіе люди".

Этотъ адресъ былъ принятъ палатою 15 марта, и министерство тотчасъ же рѣшилось поступить по прежней системѣ: оно частнымъ образомъ объявило депутатамъ, что распуститъ палату, и для этого просило ихъ поспѣшить окончаніемъ текущихъ дѣлъ. Добродушная баварская вѣрность выказалась и въ этомъ испытаніи: чтобы не останавливать отправленій административнаго механизма продолженіемъ борьбы, палата съ патріотическимъ усердіемъ поспѣшила окончить дѣла, нужныя для правильнаго хода управленія, и по ихъ окончаніи, 26 марта, была распущена. Въ деклараціи о распущеніи парламента (Landtagsabschied) Пфортенъ заставилъ короля, польза котораго требовала бы невмѣшательства въ споры партій, отвѣчать палатѣ общимъ суровымъ порицаніемъ. „Прискорбіемъ исполняетъ насъ (было написано въ королевской деклараціи) взглядъ на ходъ и характеръ совѣщаній палаты, въ которыхъ до такой чрезмѣрности превзойдена всякая граница" [1]). Но депутаты хорошо чувствовали, что жестокій выговоръ принадлежитъ не королю, а только Пфортену, потому что только министру, а не королю, могъ быть непріятенъ ихъ адресъ, весь наполненный увѣреніями въ томъ, что своекорыстная политика министра, пренебрегающаго пользами династіи для удовлетворенія своему властолюбію, не мѣшаетъ палатѣ и націи сохранять преданность къ королю и надежду на него. Палата хотѣла показать это, кончивъ свое засѣданіе, по выслушаніи обиднаго порицанія, все-таки громкими восклицаніями „да здравствуетъ король!" повторенными три раза. И не только въ оффиціальномъ собраніи своемъ палата выказала это чувство: оппозиціонное большинство депутатовъ, собравшись на дружескій обѣдъ передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, также встрѣтило тѣми же громкими криками, повторенными три раза, тостъ за здоровье короля.

Мы разсказывали баварскія событія, строго держась взгляда и отчасти выраженій нѣмецкихъ газетъ, переводимыхъ нашими газетами; не знаемъ, нуждаются ли читатели въ замѣчаніи, что упреки, которыми осыпаютъ эти газеты Пфортена, также неосновательны, какъ похвалы англійскихъ газетъ Поэріо и его товарищамъ, переданныя нами въ прошедшій разъ. Мы получили отъ нѣкоторыхъ очень уважаемыхъ нами людей упреки за жесткое сужденіе объ ошибкахъ Поэріо. Мы рады этому порицанію,—во первыхъ потому, что оно показываетъ благородную силу чувства въ людяхъ, его дѣлающихъ,—

[1]) Мы старались передать въ русской фразѣ грамматическую странность нѣмецкаго выраженія, но оно въ подлинникѣ еще несообразнѣе съ духомъ новаго языка, нежели въ переводѣ: *in welchen so sehr alles Mass überschritten worden ist.* Излишняя старомодность и канцелярская рутина понятій отразилась въ каждомъ звукѣ этого оборота, принадлежащаго XVII вѣку.

Digitized by Google

во вторыхъ потому, что оно даетъ намъ случай исправить недостатки изложенія, бывшіе причиною страннаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ нашихъ замѣчаній нѣкоторыми высокоцѣнимыми отъ насъ людьми. Напрасно они полагаютъ, что основаніемъ нашихъ сужденій о Поэріо были его принципы. Одобряемъ ли мы эти принципы, или нѣтъ,—вовсе не въ томъ дѣло. Смѣшно было бы разсудительному человѣку сурово порицать кого нибудь за убѣжденія, несогласныя съ его собственными; а если человѣкъ, съ которымъ мы не соглашаемся въ убѣжденіяхъ, имѣетъ честныя намѣренія, то жестко осуждать его за несогласіе съ нами было бы даже неблагородно; а если наконецъ сумма разногласій притомъ еще незначительна передъ суммою понятій одинаковыхъ въ томъ и другомъ образѣ мыслей, то рѣзкость осужденія изъ-за этихъ несогласій была бы просто фанатизмомъ, натуральнымъ и извинительнымъ только въ критическія минуты, а не при спокойномъ сочиненіи, болѣе или менѣе вялой и безцвѣтной статейки,—качества, которыя мы сами совѣтуемъ замѣтить нашимъ порицателямъ въ нашихъ статейкахъ, которыми, право, не стоитъ обижаться по причинѣ ихъ пустоты,—была бы даже тупоумною пошлостью, которая неизвинительна ни при какихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ; мы говорили не про убѣжденія, не про образъ мыслей,—мы говорили только про образъ дѣйствій. Каковы бы ни были намѣренія Поэріо, онъ нанесъ много вреда, надѣлалъ слишкомъ много бѣдъ своему отечеству. И хотите ли знать, отчего надѣлалъ онъ столько бѣдъ родинѣ, которую конечно горячо любилъ, для блага которой жертвовалъ жизнью и пожертвовалъ всѣмъ личнымъ своимъ счастьемъ? Это потому, что онъ дѣйствовалъ не логически. Онъ вообразилъ, что становится англійскимъ министромъ, тогда какъ онъ былъ въ Неаполѣ. Людовикъ IX не могъ бы исполнить дѣла, которое, какъ увѣряютъ насъ историки наши, исполнилъ Петръ Великій. Государственный человѣкъ полезенъ только тогда, когда его характеръ и его образъ дѣйствій сообразенъ съ обстоятельствами. Кто не понимаетъ, что ему надобно дѣлать въ данномъ положеніи, или не хочетъ дѣлать того, что необходимо, тотъ лучше пусть не становится въ это положеніе, пусть оставитъ мѣсто дѣйствовать другимъ, пусть отойдетъ въ сторону и ждетъ, пока другіе, быть можетъ менѣе чистые, если не менѣе благородные, удовлетворятъ потребностямъ времени; и когда будетъ сдѣлано ихъ руками то, къ чему неспособенъ былъ онъ, когда положеніе очистится и успокоится,—пусть только тогда принимаетъ онъ власть и вноситъ въ ея дѣйствія свою кротость и свою довѣрчивость къ людямъ. Если вы не хотите грязнить своихъ сапогъ, сидите дома, пока грязные дворники чистятъ улицу, душная пыль которой превращена въ грязь грозою. Это время чистки неудобно для прогулокъ чистоплотнымъ людямъ: они только будутъ мѣшать людямъ, у которыхъ чистоплотность не доходитъ до пренебреженія къ исполненію дѣлъ, нужныхъ для приведенія въ порядокъ тротуаровъ. Аполлонъ не принимался за очищеніе Авгіасовыхъ конюшенъ: это дѣло могъ исполнить только Геркулесъ, во всю свою жизнь только однажды вздумавшій пощеголять въ чистой рубашкѣ, да и то передъ самой кончиной, по совершеніи всѣхъ своихъ двѣнадцати подвиговъ.

Но возвратимся къ Пфортену. Мы не говоримъ о томъ, каковы его

Digitized by Google

убѣжденія; мы говоримъ только о томъ, что онъ дѣйствительно исполняетъ роль, играть которую призванъ. Если роль хороша, не онъ заслуживаетъ похвалы; если она дурна, тяжесть порицанія не должна обрушиваться на него. Быть можетъ онъ нарушаетъ форму; быть можетъ палата депутатовъ имѣетъ за себя формальную справедливость, указывая въ своемъ адресѣ на несоблюденіе извѣстныхъ формальныхъ условій; мы хотимъ сказать, что быть можетъ Пфортенъ говоритъ то, чего по формѣ ему не слѣдовало бы говорить. Но какже изъ-за формы не хотятъ замѣчать сущности дѣла? Въ сущности Пфортенъ говорилъ правду, а правдивость всегда похвальна, и если иногда несогласна съ принятыми приличіями, то бываютъ случаи, въ которыхъ человѣкъ не властенъ соблюдать условныя приличія. Представимъ напримѣръ такое обстоятельство. Поваръ подаетъ на столъ не то кушанье, которое поручалъ ему приготовить господинъ; господинъ начинаетъ сердиться: извинительно ли повару сказать, что госпожа (которая держитъ мужа подъ башмакомъ) приказала ему изготовить не то блюдо, котораго желалъ господинъ? Конечно, прислуга не должна посѣявать сплетенъ и возбуждать несогласій между мужемъ и женой; но вѣдь слова повара не сплетня, а правда, и несогласіе не возбуждается ими, потому что они сами только необходимый результатъ уже существовавшаго несогласія.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Статья газеты Humbug о выгодахъ союза съ Франціею.

Русскій баснописецъ Крыловъ, переводя басни изъ Лафонтена, часто передѣлывалъ ихъ, и очень удачно. Между прочимъ, есть у него небольшой разсказъ, который называется «Левъ на охотѣ». Начало басни извѣстно: левъ пригласилъ нѣсколькихъ другихъ звѣрей на охоту, съ тѣмъ условіемъ, что добыча будетъ раздѣлена поровну между всѣми союзниками. Но когда была поймана первая добыча, очень жирный и вкусный олень, левъ взялъ его всего себѣ, сказавъ остальнымъ членамъ компаніи: «неужели вы думаете воспользоваться чѣмъ нибудь тамъ, гдѣ я?» Это есть и у Лафонтена; но русскій поэтъ продолжаетъ разсказъ слѣдующимъ образомъ. На другой день левъ встрѣтилъ медвѣдя и сказалъ ему: «пойдемъ охотиться вмѣстѣ; я вчера былъ на охотѣ вмѣстѣ съ леопардомъ, но теперь поссорился съ нимъ: онъ товарищъ ненадежный, а твоя честность и сила привлекаютъ меня. Добычу мы раздѣлимъ поровну».—«А какъ ты раздѣлилъ ее съ бывшими своими товарищами вчера?—спросилъ медвѣдь. Ихъ примѣръ научаетъ меня, какихъ выгодъ можно ожидать отъ содѣйствія тебѣ. Если мнѣ понадобится идти на охоту, я умѣю охотиться и одинъ; а если вздумаю взять товарищей, возьму по крайней мѣрѣ такихъ, о которыхъ не ходитъ въ нашемъ лѣсу слуховъ, подобныхъ исторіи твоей вчерашней охоты» [1]).

Эту басню знаменитаго русскаго поэта мы совѣтовали бы прочесть тѣмъ, которыхъ нынѣ приглашаютъ участвовать въ войнѣ, обѣщая имъ удивительныя выгоды. Мы, англичане, люди прозаическіе, не будемъ соперничать въ талантѣ изобрѣтательности съ авторами обольстительныхъ обѣщаній,—нашъ практическій умъ способенъ только разсказывать о дѣйствительныхъ фактахъ.

Въ 1853 году Англія не имѣла никакой разумной причины ссориться съ Россіей. У насъ было очень много дѣлъ въ своемъ быту: чувствовалась потребность дать права простолюдинамъ, которые оставались, по выраженію мистера Д'Израэли, паріями; чувствовалась потребность исправить наши гражданскіе законы, и особенно устройство гражданскихъ судовъ, при которомъ тяжбы продолжаются иногда по 30 или больше лѣтъ; чувствовалась потребность смягчить наши уголовные законы, слишкомъ отзывающіеся средневѣковымъ варварствомъ; надобно было подумать о средствахъ пріобрѣсти расположеніе ирландцевъ, платившихъ намъ справедливымъ недовѣріемъ за долговременныя угнетенія. Словомъ сказать, домашняго дѣла было у насъ на рукахъ столько, что разсудительные люди, среди столькихъ собственныхъ заботъ, не стали бы впутываться въ чужія дѣла. Но была у насъ одна слабость, и ею искусно воспол-

---

[1]) Любопытно было бы взглянуть на англійскую книжку, изданную подъ именемъ перевода басенъ Крылова. Кажется, что переводчикъ слѣдовалъ примѣру одного русскаго ученаго, который въ спорахъ читаетъ на память изъ антіохійскихъ или трулланскихъ постановленій цѣлыя страницы, о которыхъ и во снѣ не снилось почтеннымъ людямъ, писавшимъ эти постановленія.

зовались тѣ, которые нуждались въ нашемъ содѣйствіи для своихъ личныхъ выгодъ. Намъ стали говорить о чрезмѣрномъ усиленіи русскаго флота, будто бы грозящаго сдѣлаться опаснымъ соперникомъ нашему преобладанію на моряхъ. Мы поддались этимъ внушеніямъ, дѣйствовавшимъ на чувствительную струну нашего сердца. Мы начали войну, потому что намъ обѣщано было владычество на моряхъ. Но мы хотѣли вести войну серьезно. Не того хотѣлъ нашъ союзникъ. Онъ заключилъ миръ въ то самое время, когда для достиженія результата, обѣщаннаго намъ отъ него, нужно было продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Онъ говорилъ, что надобно освободить востокъ отъ русскаго господства; что надобно лишить Россію того мѣста, которое занимала она въ европейской политикѣ. Соотвѣтствовали ли условія парижскаго мира этимъ обѣщаніямъ? Уступки, сдѣланныя Россіею, не имѣли никакой важности. Она сохранила Крымъ и севастопольскую гавань, то есть всѣ средства опять имѣть господство на Черномъ морѣ, если только захочетъ этого. Мы слышимъ, что покореніе кавказскихъ горцевъ приходитъ къ концу, т. е. Россія становится госпожею надъ азіатскими провинціями Турціи. Она теперь сильнѣе на востокѣ, нежели была до войны. Такую ли цѣль войны указывали обѣщанія нашего бывшаго союзника? Балтійскій флотъ Россіи теперь гораздо сильнѣе, нежели прежде. Франція говорила намъ, что должно разрушить Кронштадтъ, уничтожить Свеаборгъ, овладѣть Петербургомъ. Хотѣла ли она этого? нѣтъ, мы знаемъ теперь, что нашъ флотъ былъ приведенъ въ Балтійское море только для того, чтобы играть кукольную комедію и чтобы его бездѣйствіе выставило насъ посмѣшищемъ для цѣлой Европы. Если бы мы были на Балтійскомъ морѣ одни, мы могли бы сдѣлать что нибудь, вѣроятно могли бы сдѣлать довольно многое; но союзники наши связывали намъ руки. Они принудили насъ стоять передъ Кронштадтомъ тѣми соломенными чучелами, надъ которыми смѣются даже дѣти. Благодаря нашимъ союзникамъ, дѣйствія наши противъ Свеаборга ограничились фейерверкомъ. Намъ позволено было только навлечь на себя ненависть и презрѣніе ничтожными высадками въ какихъ-то финляндскихъ деревняхъ и отнятіемъ нѣсколькихъ чухонскихъ лодокъ. Таковы были двѣ первыя наши кампаніи на Балтійскомъ морѣ. Мы наконецъ поняли, что въ третью кампанію мы должны дѣйствовать одни, если хотимъ сдѣлать что нибудь. Мы сдѣлали приготовленія, нужныя для этого. Но въ Парижѣ были приняты мѣры, чтобы всѣ наши вооруженія остались безполезными. Еще хуже было въ Крыму. Всю честь осады Севастополя присвоили себѣ французы и смѣялись надъ нашей храброй арміей, которой предоставлена была труднѣйшая и обширнѣйшая часть осадныхъ работъ. Мы и здѣсь увидѣли, наконецъ, что война ведется вовсе не серьезно; ведется такъ, чтобы не принести никакихъ результатовъ. Убѣдившись, что французская армія не хочетъ пользоваться пріобрѣтенными выгодами, что цѣлый годъ потерянъ подъ Севастополемъ совершенно безполезно, что по занятіи Севастополя, когда было бы нужно энергическое наступленіе, французы стоятъ сами и держатъ насъ въ бездѣйствіи,—мы поняли, что нужно намъ и на югъ послать такія силы, которыя могли бы дѣйствовать безъ помощи, или, лучше сказать, противъ тайной воли нашихъ союзниковъ. Полтора года, благодаря нашей довѣрчивости, война велась такъ, что Англію, которая принесла пожертвованій не меньше Франціи, выставляли на позоръ Европѣ наши союзники, какъ державу безсильную, неимѣющую ни арміи, ни даже порядочнаго флота. Мы поняли, наконецъ, чему были мы обязаны такимъ посрамленіемъ: всѣ наши приготовленія были разсчитаны на то, что мы будемъ имѣть серьезныхъ союзниковъ, а на дѣлѣ оказалось, что союзники думаютъ не о достиженіи серьезныхъ результатовъ, а только о хвастовствѣ, и пользуясь нашей довѣрчивостью, нашими богатыми средствами, присвоиваютъ всю честь подвиговъ себѣ, хотя безъ насъ не могли бы ровно ничего сдѣлать, систематически отнимая у насъ всѣ случаи выгоднаго употребленія нашихъ силъ, располагая и собственныя дѣйствія такъ, чтобы вся война была пустымъ хвастовствомъ. Понявъ это, мы приготовились, къ веснѣ 1856 года, выставить армію и флоты, которые могли бы дѣйствовать независимо отъ обманчивыхъ плановъ нашихъ союзниковъ; мы хотѣли смыть съ себя пятно безсилія, наложенное на насъ союзниками, хотѣли показать, что если въ первые полтора года войны Англія не могла ничего сдѣлать, такъ это потому,

Digitized by Google

что она была обманута союзниками, воевавшими только изъ хвастовства и для хвастовства и не допускавшими до дѣйствія насъ, хотѣвшихъ дѣйствовать серьезно. Союзникъ замѣтилъ это и поспѣшилъ заключить миръ, своевременный для него, потому что его тщеславіе было уже удовлетворено войною, слишкомъ преждевременный для насъ, полагавшихъ для войны серьезную цѣль.

Какую же пользу принесло намъ то, что мы повѣрили обѣщаніямъ, дававшимся передъ войною? Безъ нашей помощи Франція не могла бы начать войны; потому намъ обѣщали все, чѣмъ могли льстить намъ. Но война имѣла только одну цѣль,—отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ тщеславію военными лаврами, похвалиться передъ Европою, что Франція стала могущественнѣйшею военною державою. Цѣль эта была достигнута, чего же больше? Непріятель остался невредимъ: онъ попрежнему господствуетъ въ западной и центральной Азіи; флотъ его сталъ могущественнѣе прежняго; къ чему же была война? Развѣ къ тому, что, пользуясь ей, Франція усилила свой флотъ, чего не могла бы сдѣлать, если бы не обманула насъ своимъ союзомъ, и теперь, развивъ свои силы благодаря нашему ослѣпленію, грозитъ намъ, своимъ союзникамъ.

Да, много мы слышали отъ нея льстивыхъ комплиментовъ; много получали выгодныхъ обѣщаній, когда были нужны ей. Она говорила тогда, что хочетъ сокрушить Россію, какъ теперь говоритъ, что хочетъ сокрушить Австрію; она говорила намъ, что исполнитъ всѣ наши желанія. Мы повѣрили и были одурачены.

О настоящемъ и будущемъ мы, какъ люди практическіе, совѣтуемъ судить по прошедшему. Кто, вступая въ прежніе союзы, имѣлъ единственной цѣлью загребать жаръ чужими руками и обманывать довѣрчивыхъ союзниковъ, которыхъ потомъ унижалъ и съ которыми немедленно начиналъ ссориться, какъ только успѣвалъ достичь своей личной цѣли, тотъ и съ новыми союзниками, вѣроятно, желаетъ поступить точно также.

Исторія англо-французскаго союза поучительна не для однихъ насъ.

Мы истратили 150 милліоновъ фунтовъ, мы пренебрегли нашими домашними полезными дѣлами, мы обременили наши финансы новымъ долгомъ, мы пожертвовали десятками тысячъ лучшихъ дѣтей нашей родины,—и потомъ оказалось, что все это было нужно только для того, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ военному тщеславію и унизить насъ самихъ.

Май 1859.

Австрійскій ультиматумъ.—Нелѣпость австрійскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи.

Обзоръ нашъ въ апрѣльской книжкѣ былъ писанъ въ то время, когда только что были получены первыя извѣстія о согласіи французскаго и австрійскаго правительствъ на составленіе конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью въ людяхъ, понимавшихъ всю вредность угрожавшей тогда войны, была такъ велика, что заставила ихъ на нѣсколько дней забыть о несовмѣстимости истинныхъ причинъ войны съ какимъ бы то ни было разрѣшеніемъ вопроса мирными путями; въ томъ, что конгрессъ соберется, никто не сомнѣвался, и почти всѣ были увлечены надеждою на то, что результатомъ конгресса будетъ миръ. Противъ этого увлеченія мы говорили довольно подробно, доказывая, что какъ бы ни велись и о чемъ бы ни велись совѣщанія конгресса, онъ никакъ не можетъ уменьшить неизбѣжность войны и можетъ развѣ только послужить средствомъ оттянуть объявленіе войны мѣсяца на два или на три, пока Франція кончитъ свои приготовленія къ войнѣ.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, намъ не было бы нужды много говорить въ подтвержденіе нашей мысли о безсиліи конгресса: въ газетахъ уже явились положительные факты, показывавшіе, что конгрессъ дѣйствительно служитъ для Франціи только средствомъ выиграть нѣсколько времени; еще два или три дня,—и можно уже было довольно вѣрно предсказывать, что конгрессъ не только не рѣшитъ вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апрѣля новаго стиля, всѣ разсудительные люди уже замѣчали это по характеру, въ какомъ велись переговоры о составленіи конгресса. Видно было, что одна изъ враждующихъ сторонъ хорошо поняла намѣренія другой и требуетъ передъ созваніемъ конгресса такихъ гарантій миролюбія, дать которыхъ никакъ не могла другая сторона. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями переговоровъ о конгрессѣ,—эта исторія теперь уже устарѣла, да и въ свое время не имѣла дѣльнаго значенія, какъ мы тогда же доказывали; упомянемъ только для связи событій о послѣднемъ

Digitized by Google

фазисѣ переговоровъ, изъ котораго непосредственно вышло объявленіе войны со стороны Австріи. Послѣ множества разныхъ споровъ о разныхъ предварительныхъ условіяхъ для созванія конгресса, Австрія наконецъ предложила, чтобы еще до созванія конгресса была обезоружена Сардинія, потому что иначе громъ оружія могъ бы ежеминутно прервать совѣщанія конгресса, говорила она. Это предложеніе, присланное въ Лондонъ для сообщенія другимъ державамъ, Англія немедленно объявила справедливымъ по намѣренію, но неделикатнымъ по исключительной формѣ: было бы обидно для Піэмонта требовать отъ него, чтобы онъ одинъ обезоруживался, когда двѣ другія, гораздо сильнѣйшія державы, его сосѣдки, остаются вооруженными, говорила Англія; но дѣйствительно, для успѣха совѣщаній конгресса нужно, чтобы ихъ тишина не нарушалась возможностью вооруженихъ столкновеній; потому предварительнымъ условіемъ должно быть обезоруженіе, но не одного Піэмонта, а всѣхъ трехъ вооружающихся державъ, т. е. и Австріи, и Франціи. Австрія немедленно отвѣчала, что она согласна, и есть вѣроятность думать, что этотъ новый оборотъ, приданный Англіею первоначальному предложенію Австріи, былъ сдѣланъ сообразно плану, предварительно условленному: предложеніе обезоружиться являлось изъ Лондона въ Парижъ съ бóльшимъ вѣсомъ, нежели какой имѣло бы, происходя прямо изъ Вѣны. Франція отвѣчала такимъ способомъ, который ясно показывалъ, что въ Парижѣ господствуетъ непреклонная рѣшимость воевать: ваше предложеніе совершенно справедливо, отвѣчали изъ Парижа въ Лондонъ, и Франція думаетъ, что тѣ державы, которыя вооружились, т. е. Австрія и Сардинія, должны обезоружиться; но ко Франціи это требованіе не примѣняется, потому что Франція не вооружалась; она только занималась приведеніемъ своей арміи и флота въ комплектъ по мирному положенію. Въ сущности этимъ отвѣтомъ былъ рѣшенъ послѣдующій образъ дѣйствій Австріи. Но если есть врагъ слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться къ другому врагу, болѣе сильному? Сардинія имѣла эту привилегію слабыхъ, принимать на себя удары, вызываемые поступками сильныхъ. На первый разъ она отвѣчала, что не хочетъ обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала въ Лондонъ второй отвѣтъ, говорившій, что она согласна на обезоруженіе. Этотъ второй отвѣтъ былъ уже изъ Лондона сообщенъ въ Вѣну, когда тамъ рѣшились послать въ Туринъ знаменитый ультиматумъ. Повидимому, не было и причины обиднымъ образомъ предлагать требованіе обезоружиться державѣ, уже принявшей принципъ обезоруженія; но въ Вѣнѣ хотѣли имѣть предлогъ къ объявленію войны и потому просто не приняли въ соображеніе второй отвѣтъ Сардиніи, т. е. согласіе, а основались только на первомъ отвѣтѣ, т. е. на отказѣ. Отъ 19 (7) апрѣля было изъ Вѣны послано приказаніе Гіулаю переслать къ Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоруженія Сардиніи, съ прибавленіемъ, что Австрія даетъ трехдневный срокъ на отвѣтъ и что всякій уклончивый отвѣтъ приметъ, какъ необходимость начать военныя дѣйствія. Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ графу Кавуру барономъ Келлербергомъ въ $5^1/_2$ часовъ вечера 23 (11) апрѣля. Срокъ ожиданія кончался въ $5^1/_2$ часовъ вечера 26 (14) апрѣля. Сардинія отвѣчала отказомъ покориться обидному требованію; этотъ отвѣтъ былъ

Digitized by Google

врученъ послу Гіулаю въ $5^1/_2$ часовъ, и вечеромъ того же дня австрійцы перешли черезъ Тичино. Война началась.

Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутого образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соотвѣтствовавшаго видамъ Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицею войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды: онъ надѣялся только показать, что былъ поставленъ неуступчивостью Австріи въ необходимость начать войну, а теперь сама Австрія начинала ее. Но если Австрія рѣшалась на поступокъ, такъ сильно компрометировавшій ее въ дипломатическомъ отношеніи, она имѣла много причинъ пренебречь этимъ невыгоднымъ впечатлѣніемъ. Ускоряя объявленіе войны, она могла выиграть довольно много въ отношеніи финансовомъ и чрезвычайно много въ отношеніи военномъ. Изложимъ эти соображенія, заставившія ее пожертвовать соблюденіемъ дипломатическихъ формъ, которыми она всегда такъ дорожила.

Первою причиною, спѣшить началомъ войны, было финансовое положеніе Австріи. Мы излагали въ предъидущихъ обзорахъ ходъ италіянскаго вопроса. Изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, ясно было, что Франція, во что бы то ни стало, рѣшилась найти предлогъ къ войнѣ съ Австріею и никакія уступки не могли избавить Австрію отъ войны, очевидно необходимой для Наполеона III. Въ половинѣ апрѣля (новаго стиля) Австрія совершенно кончила свои вооруженія и промедленіе уже не могло усилить ни числа ея войскъ, ни ея крѣпостей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тѣмъ содержаніе арміи, вполнѣ приведенной на военную ногу и уже занявшей всѣ позиціи, требуемыя войною, ежедневно стоило Австріи полумилліона гульденовъ (около $2^1/_2$ милліоновъ руб. сер. въ недѣлю). Денежные запасы казны подходили къ концу. По самымъ благопріятнымъ разсчетамъ представляется, что около 15 апрѣля Австрія имѣла обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ уже не болѣе, какъ только на содержаніе своей арміи въ теченіе 45 дней. Объявленіе войны открывало ей путь извоpотиться въ этой финансовой крайности средствами невозможными въ мирное время. Двигая свою армію въ Піэмонтъ, она сваливала съ себя на сардинскія земли бремя ея продовольствія. Кромѣ того, она получала предлогъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ въ собственныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что обыкновенные займы совершенно ей не удавались. Объявленіе войны немедленно сопровождалось наложеніемъ на вѣнскій банкъ насильственнаго займа въ 200.000.000 гульденовъ (125 милліоновъ руб. сер.), достаточнаго по австрійскому разсчету на покрытіе издержекъ первой кампаніи.

Еще гораздо важнѣе были военныя выгоды, пріобрѣтаемыя немедленнымъ объявленіемъ войны. Франція желала еще мѣсяца два продлить переговоры, потому что ея вооруженія далеко не были кончены. Съ половины апрѣля каждый потерянный день приближалъ ту минуту, когда непріятель можетъ

Digitized by Google

явиться на войну съ полною готовностью. Что будетъ, должны были разсуждать австрійскіе министры, если мы не разорвемъ переговоровъ? Франція дотянетъ время до конца мая или начала іюня, успѣетъ спокойно ввести въ Сардинію свои войска, приготовленныя къ битвѣ, устроитъ операціонную линію близь ломбардской границы, и объявивъ войну, въ два дня займетъ Миланъ превосходными силами. Чтобы предупредить это, надобно воспользоваться временемъ, когда мы совершенно готовы, а Франція еще не готова къ начатію военныхъ дѣйствій, пока ея войскъ нѣтъ еще въ Сардиніи. Имѣя предъ собой только сардинцевъ, австрійцы могли быстро двигаться впередъ и въ пять или въ шесть дней похода занять такія позиціи, которыми почти отнималась у французовъ возможность помочь сардинцамъ. Сардинская армія одна была бы совершенно смята австрійцами. Ей оставалось бы, или запереться въ Алессандріи, или даже отступить въ Геную. Блокировавъ Алессандрію, австрійцы могли легко занять всѣ горные проходы изъ генуэзскаго побережья въ піэмонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французскихъ войскъ въ Геную: австрійцамъ было бы легко остановить ихъ въ альпійскихъ ущельяхъ. Заперевъ сардинцевъ въ Алессандріи, или отбросивъ ихъ въ Геную и занявъ горные проходы лѣвымъ крыломъ своей арміи, правымъ крыломъ австрійцы черезъ два или три дня занимали бы Туринъ и Сузу и овладѣвали бы путемъ изъ Франціи въ Сардинію черезъ Монъ-Сени и другими проходами черезъ Савойскія Альпы. Сѣть сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы въ ихъ рукахъ; они имѣли бы въ своихъ рукахъ всѣ дефиле, черезъ которыя должны проходить въ Италію французскія войска; почти безъ всякихъ усилій и рѣшительно безъ всякаго риска они могли въ одну недѣлю овладѣть почти всѣмъ Піэмонтомъ, уничтожить или запереть сардинскую армію и, сокрушивъ одного врага, имѣли бы на рукахъ только однихъ французовъ, которымъ едва ли было бы возможно проникнуть въ Піэмонтъ безъ страшныхъ пожертвованій черезъ Савойскія и Генуэзскія Альпы, захваченныя австрійцами.

Эти чрезвычайныя выгоды рѣшительно перевѣшивали собою то неудобство, что нападеніемъ на Піэмонтъ Австрія выставляла себя, какъ зачинщицу войны. Успѣхъ кампаніи стоитъ того, чтобы перенести нѣсколько дипломатическихъ протестацій. И притомъ раздраженіе нейтральныхъ державъ было только формальностью. Англія и Пруссія все-таки хорошо знали, что Австрія не сама начинаетъ войну, а вынуждена къ ней Франціею. Удовлетворивъ дипломатическому приличію протестомъ, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположеніе въ пользу Австріи и объявили бы, что хотя Австрія не права по формѣ, но права по сущности дѣла.

Такимъ образомъ, когда прошла первая минута недоумѣнія, возбужденная австрійскимъ ультиматумомъ, нейтральная Европа согласилась, что видимая дерзость была въ сущности слѣдствіемъ очень вѣрнаго и разсудительнаго соображенія. Но если Австрія дѣйствовала совершенно согласно съ своими выгодами, рѣшившись разорвать переговоры, то ея дальнѣйшія дѣйствія показали, что она рѣшительно не умѣла поступать сообразно условіямъ того положенія, стать въ которое рѣшилась. Мы видѣли, на чемъ былъ основанъ весь планъ, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ. Основаніемъ всему служилъ

Digitized by Google

тотъ фактъ, что около 20 апрѣля не было еще ни одного французскаго солдата въ Сардиніи. Цѣлью всего дѣла было то, чтобы кончить кампанію прежде чѣмъ французы присоединятся къ сардинцамъ: первѣйшимъ условіемъ успѣха въ этомъ была всевозможная быстрота. Что же мы видимъ? Война рѣшена апрѣля 19-го, военныя дѣйствія едва начинаются 29-го. Миланъ соединенъ съ Вѣною электрическимъ телеграфомъ, и такъ ультиматумъ могъ быть полученъ Гіулаемъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ былъ составленъ въ Вѣнѣ. Туринъ соединенъ съ Миланомъ желѣзною дорогою, кромѣ одного небольшаго перерыва около границъ, верстъ въ пятнадцать, и посланный Гіулая могъ быть въ Туринѣ черезъ четыре часа. Трехъ или четырехъ часовъ очень достаточно, чтобы король могъ созвать министровъ и сказать „да“ или „нѣтъ“ на сообщенное ему требованіе. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматумъ былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля въ 5 час. вечера, австрійскія войска могли перейти черезъ Тичино 20 числа въ 6 или 7 час. утра и 25 числа кончить дѣло съ сардинскою арміею, а 26 уже занимать проходы изъ Савойскихъ Альпъ въ Піэмонтъ. Но австрійцы, отступивъ отъ дипломатическихъ формъ своею рѣшимостью послать ультиматумъ, не могли, кажется, рѣшиться на отступленіе отъ канцелярскаго порядка въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Имъ казалось необходимо, чтобы приказаніе объ ультиматумѣ было доставлено Гіулаю не телеграфическою депешею, а какимъ нибудь курьеромъ, и благодаря этой церемонности австрійскаго кабинета въ сношеніяхъ съ своимъ главнокомандующимъ, посланный Гіулая явился въ Туринъ только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, какъ слѣдовало бы ему явиться. По причинамъ, рѣшительно непонятнымъ, вмѣсто трехъ часовъ данъ былъ сардинцамъ срокъ для отвѣта въ цѣлыхъ трое сутокъ, — и вотъ уже была потеряна цѣлая недѣля, и, благодаря австрійскому канцелярскому порядку, французы успѣли явиться въ Генуѣ и въ Сузѣ въ ту самую минуту, какъ австрійцы только еще собирались переходить черезъ Тичино. Но австрійцамъ вѣроятно казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскали причину потерять еще трое сутокъ. Англія предложила возобновить при ея посредничествѣ переговоры съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ велись они черезъ лорда Каули еще до принятія русскаго предложенія о конгрессѣ. Австрія согласилась отложить движеніе своей арміи черезъ Тичино, пока Англія получитъ отвѣтъ отъ императора французовъ на это предложеніе. Такая отсрочка рѣшительно непостижима. Ультиматумъ былъ посланъ, конечно, только потому, что Австрія совершенно убѣдилась въ безполезности переговоровъ. въ томъ, что они только служатъ для Франціи средствомъ выиграть время. пока французскія вооруженія будутъ совершенно кончены. Послѣ этого совершенной нелѣпостью представляется промедленіе, принятое Австріею. Наполеонъ отвѣчалъ, что согласенъ возобновить переговоры только на томъ условіи, если Англія совершенно ручается за ихъ удачу и готова объявить войну Австріи, когда Австрія не успѣетъ помириться съ Франціею. Само собою разумѣется, Австрія не могла принять переговоровъ, единственнымъ результатомъ которыхъ была бы ссора ея съ Англіею, и получивъ извѣстіе объ условіяхъ, предлагаемыхъ Франціею, отказалась отъ посредничества. Тогда, вечеромъ 29 ап-

Digitized by Google

рѣля, двинулась черезъ Тичино вся австрійская армія, которая до той поры оставалась на ломбардскомъ берегу, пославъ только нѣсколько слабыхъ отрядовъ въ Сардинію. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоровъ невозможныя условія: десятидневная отсрочка, данная ему австрійскою медленностью, была достаточна для введенія въ Сардинію такого числа войскъ, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ отсрочкахъ для открытія кампаніи. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временемъ, которое дано было имъ нелѣпою медленностью врага.

Въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Туринъ баронъ Келлербергъ, было созвано чрезвычайное засѣданіе сардинской палаты депутатовъ и графъ Кавуръ, изложивъ состояніе дѣлъ, потребовалъ у палаты полномочій королю на время войны. Съ патріотизмомъ, который никогда не измѣняетъ никакому парламенту въ подобныхъ случаяхъ, палата не стала даже и совѣщаться о требованіи правительства. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для составленія доклада, черезъ полчаса былъ готовъ докладъ и тотчасъ же, большинствомъ 110 голосовъ противъ 24, былъ принятъ законъ, предложенный Кавуромъ. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. Въ тотъ же день, 23 (11) апрѣля, сардинская армія получила распредѣленіе нужное для начала похода. Самъ король принялъ команду надъ арміею, которая стала сосредоточиваться между крѣпостями Казале и Алессандріею, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ ожидать прибытія французовъ. Австрійцы начали дѣйствовать такъ поздно, и потомъ дѣйствовали такъ вяло, что сардинцы спокойно простояли въ своей крѣпкой позиціи, не подвергаясь ровно никакимъ опасностямъ, пока черезъ Геную прибыло къ нимъ столько французскихъ войскъ, что нападеніе со стороны австрійцевъ на союзную армію, защищаемую пушками Алессандріи, сдѣлалось невозможно.

Гораздо болѣе усилій нужно было французамъ, чтобы прибыть въ Піэмонтъ съ тою удивительною быстротою, которая заслужила имъ полную похвалу отъ всѣхъ европейскихъ спеціалистовъ. Извѣстіе о рѣшимости Австріи послать ультиматумъ, то есть напасть на Сардинію, сдѣлалось извѣстно французскому правительству по крайней мѣрѣ въ тотъ же самый день, какъ былъ написанъ ультиматумъ, если не сдѣлалось извѣстнымъ еще раньше, пока оно составлялось. Да и нельзя было не знать объ этомъ 20 числа французскому правительству, если 21 знали англійскія газеты. Замѣчательна не та быстрота, съ которою французское правительство получило нужныя свѣдѣнія, а та энергія, съ которою оно стало доканчивать свои приготовленія къ походу, какъ только узнало о рѣшительномъ оборотѣ дѣла. 23 числа, въ тотъ день, когда австрійскій ультиматумъ былъ сообщенъ графу Кавуру, было уже снаряжено въ походъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которые 19 числа еще не предполагали двинуться ранѣе двухъ или трехъ недѣль. 26 числа, когда австрійскій авангардъ перешелъ Тичино, французы уже высаживались въ Генуѣ и спускались въ Сузу, съ Савойскихъ Альпъ. Переѣздъ моремъ едва ли былъ труденъ, потому что въ Марсели давно уже были собраны огромныя транспортныя средства; но чрезвычайно замѣчательна поспѣшность, съ какою французскія войска умѣли сѣсть на корабли и выйти на берегъ. До какой степени доведена была заботливость французскаго воен-

Digitized by Google

наго начальства о быстромъ совершеніи всѣхъ эволюцій, нужныхъ для перевозки арміи моремъ или сухимъ путемъ, можно видѣть изъ того, что французскіе солдаты были заранѣе обучаемы тому, какъ входить въ вагоны желѣзныхъ дорогъ и выходить изъ нихъ самымъ быстрымъ и правильнымъ образомъ.

Дивизіи, отправлявшіяся сухимъ путемъ, должны были совершить дорогу очень трудную. Въ концѣ апрѣля проходы въ Савойскихъ Альпахъ еще покрыты снѣгомъ. 4,000 рабочихъ было употреблено на очищеніе пути черезъ Монъ-Сени, но все-таки войскамъ пришлось перенести очень тяжелыя затрудненія. О томъ, какъ много долженъ былъ терпѣть отъ холода и тяжелаго пути солдатъ, можно вообразить, зная, что умеръ отъ перехода черезъ Монъ-Сени генералъ Буа, начальствовавшій первою дивизіею, вступившею въ Сузу. Были примѣры, что французскіе отряды дѣлали въ одинъ день 45-ти-верстовой переходъ черезъ Монъ-Сени съ его утомительнымъ подъемомъ и утомительнымъ спускомъ.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступали въ Туринъ 30-го апрѣля поутру, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ главныя силы австрійцевъ перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французскихъ войскъ переправилась въ Сардинію моремъ, какъ потому, что этотъ путь легче, такъ и потому, что сардинская армія, соединиться съ которой они спѣшили, находилась около Алессандріи, которая гораздо ближе отъ Генуи, нежели отъ Сузы.

Извѣстіе о наступленіи австрійцевъ было получено въ Туринѣ и въ Генуѣ нѣсколько раньше, нежели вѣсть о приближеніи союзниковъ. Послѣ мучительной неизвѣстности, успѣютъ ли французы прійти во время, чтобы спасти столицу и армію Сардиніи, первыя французскія колонны были встрѣчены жителями съ неописаннымъ восторгомъ. Солдаты, вступившіе въ Туринъ, воткнули съ французской граціозностью букеты цвѣтовъ въ дула своихъ ружей и сами были засыпаны цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ.

Быстро прибывали въ Сузу новые отряды одинъ за другимъ, еще быстрѣе приходили въ генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привозя французскій десантъ. Около 5-го мая, когда австрійцы наконецъ собрались приблизиться къ Алессандріи, изъ Генуи къ сардинской арміи пріѣхали уже болѣе 40.000 французскихъ солдатъ. Около 7-го числа болѣе 80,000 французовъ уже были въ Піэмонтѣ. Австрійцы слишкомъ запоздали переходомъ черезъ Тичино; но если бы, хотя потомъ, умѣли вознаградить потерянные дни, вѣроятно еще успѣли бы что нибудь сдѣлать, потому что на первый разъ французы перевозили только солдатъ, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ обоза. Но австрійцы не торопились и французы имѣли время снабдить свою пѣхоту конницею и артиллеріею. Мы уже прочли въ телеграфическихъ депешахъ, что 12-го мая императоръ французовъ прибылъ въ Геную и 13-го (1) въ Алессандрію; это значитъ, что онъ уже переслалъ въ Италію все то количество войскъ, какое считаетъ нужнымъ имѣть тамъ, что перевезены туда и пушки и всѣ военные запасы, которые предназначались къ отправленію для начала похода. Наполеонъ III не явился бы на театръ войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блистательнаго наступленія. Австрійцы сами уже увидѣли, что время слабости противниковъ

Digitized by Google

прошло и что пора имъ отступать. Снова перейти въ наступленіе случится имъ, вѣроятно, еще не слишкомъ скоро. Посмотримъ же, что они успѣли сдѣлать въ первую недѣлю кампаніи, пока шансы были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ будутъ во все продолженіе остальнаго похода. Мы находимъ, что самое лучшее понятіе объ этомъ можемъ дать читателямъ, переведя изъ Times'а 6-го мая статью, написанную или спеціалистомъ, или по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ специалистами.

«Австрія, повидимому, хочетъ убѣдить свѣтъ, что если была очень поспѣшна въ своей дипломатикѣ, то готова вознаградить за такую, непривычную ей, поспѣшность медленностью своей стратегіи. Она удивила Европу и озадачила важныхъ, невинныхъ и довѣрчивыхъ англійскихъ министровъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ такую минуту, когда они полагали, что она ждетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ своихъ затрудненій; она явилась съ внезапною угрозою, съ трехдневнымъ срокомъ и съ немедленнымъ открытіемъ похода, и мы всѣ думали, что кратковременною выгодностью обстоятельствъ она хочетъ воспользоваться для нанесенія рѣшительнаго удара. Она имѣла 190,000 человѣкъ въ Ломбардіи и Венеціи, изъ нихъ 120,000 были придвинуты къ самымъ берегамъ пограничной рѣки. Командиръ этой арміи, смотря черезъ маленькую рѣчку, могъ видѣть почти весь театръ своихъ будущихъ дѣйствій. Направо, изчезая въ отдѣленіи, встаютъ вершины Альпъ; налѣво, менѣе громадныя вершины Монферратскихъ и Аппенинскихъ горъ обозначаютъ границу мѣстности, въ которую онъ думалъ вторгнуться. Но между сѣверною и южною горными террасами разстилается, прямо впереди его, далекій горизонтъ равнины, идущей между этими горами, подобно заливу. По срединѣ равнины извивается По, прославленная поэзіею и исторіею. Съ сѣвера и съ юга, съ Альпъ на правой рукѣ и съ Аппенинскаго хребта на лѣвой рукѣ и съ отдаленныхъ Коттійскихъ Альпъ, возвышающихся прямо передъ нимъ въ концѣ горизонта и отдѣляющихъ его отъ Франціи, текутъ маленькія рѣчки, будто блестящія ребра, входящія въ спинной хребетъ Піэмонта, образуемый рѣкою По. Въ горныхъ округахъ, налѣво, стоятъ сардинскія крѣпости; значительнѣйшая изъ нихъ, Алессандрія, расположена почти у входа въ Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежитъ Генуя. Гористая страна направо, подымающаяся къ Симплову, къ Розѣ и къ Большому Сенъ-Бернару, почти не защищена искусствомъ; а прямо передъ собою, по всей плоской равнинѣ рѣки По, нашъ австрійскій генералъ не находитъ ни одного укрѣпленія, способнаго обороняться хотя одинъ часъ. Только извивается по этой равнинѣ большая рѣка и текутъ въ нее справа и слѣва небольшія рѣчки. Есть тутъ маленькіе неукрѣпленные города, напримѣръ: Новара, Мортара и Верчелли, составляющіе треугольникъ; но нѣтъ никакой задержки между нимъ и Туриномъ, лежащимъ въ концѣ этой равнины. Вся Европа думала, что Туринъ будетъ цѣлью австрійцевъ; что, получая отвагу отъ громаднаго превосходства въ силахъ, они хотятъ маскировать сильной арміей крѣпость Алессандрію и Казале и весь южный горный округъ, надъ которымъ господствуютъ эти крѣпости, и что съ остальными силами они быстро двинутся прямо впередъ, безъ остановки пойдутъ до самаго королевскаго дворца въ Туринѣ. Занятіе вражеской столицы въ началѣ войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладѣть сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая теперь ставитъ въ непосредственное сообщеніе французовъ, высаживающихся въ Генуѣ, съ французами, переходящими черезъ Монъ-Сени въ Сузу. Владѣя Туриномъ и желѣзными дорогами, находящимися въ Туринѣ, австрійскій генералъ разрѣзалъ бы двѣ французскія арміи и спокойно владѣлъ всею Сардиніею, кромѣ только одной горной Монферратской области.

«Завладѣть Туриномъ было такъ важно для удачнаго начала игры, что Австрія дѣйствительно могла пренебречь моральной невыгодой, если спѣшила войной за тѣмъ, чтобы пріобрѣсть такую важную физическую выгоду. Но по какимъ-то причинамъ,— очень можетъ быть, что эти причины очень уважительны, но если онѣ существуютъ,

Digitized by Google

то не было надобности спѣшить разрывомъ переговоровъ,—по какимъ-то причинамъ Австрія не воспользовалась ни своимъ выигрышемъ во времени, ни своимъ превосходствомъ въ силахъ. Ея армія медленно переступила черезъ рѣку и стала на плоскую равнину, лежавшую передъ нею. Постепенно, съ большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару,—Новару правымъ флангомъ, Мортару лѣвымъ,—и потомъ подвинулась на нѣсколько верстъ далѣе до Верчелли; тутъ она остановилась, стала дѣлать рекогносцировки, а между тѣмъ прибывали нагруженные войсками корабли въ Геную и длинныя колонны французской пѣхоты спускались съ Монъ-Сени. Быть можетъ, австрійцевъ задержали дожди, отъ которыхъ разлились маленькія рѣчки и испортились дороги; быть можетъ, революціи въ Пармѣ и въ Тосканѣ внушили имъ осторожность или нерѣшительность, а быть можетъ и то, что австрійцы считали выгоднѣйшимъ впустить всѣхъ французовъ черезъ море и черезъ Альпы въ Піэмонтъ, дать имъ собрать всѣ силы,—быть можетъ австрійцы думали, что лучше разомъ прикрыть всѣхъ ихъ въ этой равнинѣ, изъ которой некуда будетъ убѣжать французамъ, и придавить всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Мы не можемъ отгадывать ихъ побужденій и критиковать ихъ стратегіи; но мы можемъ видѣть, что, пробывъ семь дней на сардинской землѣ, они подвинулись отъ границъ не далѣе 50 верстъ.

«Съ прямаго пути австрійцы повертываютъ на югъ, т. е. направляются болѣе къ Монферратскому хребту, нежели къ Альпійскому. На пути встрѣчается имъ одинъ изъ изгибовъ По, и 4-го мая они перешли эту рѣку въ Камбіо, близь города Салы, какъ будто намѣрены были двинуться на Алессандрію; далѣе вверхъ по рѣкѣ, у Фрассинето, близь Казале, крѣпости, способной держаться нѣсколько времени, другой австрійскій корпусъ пытался перейти черезъ рѣку, но послѣ канонады, продолжавшейся 15 часовъ, онъ былъ отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ.

«Какую цѣль могли имѣть эти движенія? Если бы австрійцы продолжали двигаться по сѣверному берегу По, они шли бы на Туринъ. Но тутъ на дорогѣ встрѣчается Дора, маленькая рѣчка, текущая изъ Альпъ и впадающая въ По; берега этой рѣки укрѣплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрійцевъ. Перешедши на другой берегъ По, австрійцы совершенно обошли эту позицію, потому что они теперь на южномъ берегу, а Дора впадаетъ въ По съ сѣвера. Но въ чемъ состоитъ ихъ намѣреніе: хотятъ ли они идти на Туринъ, или на Алессандрію—трудно рѣшить».

Дѣйствительно, трудно рѣшить, что хотѣли дѣлать австрійцы. Одни предполагаютъ, что они думали дойти до Турина; другіе думаютъ, что они хотѣли обратиться на Алессандрію; третьи полагаютъ что они хотѣли отрѣзать Алессандрію отъ Генуи. Но все равно, что бы ни хотѣли они сдѣлать. Потеря времени разстроила всѣ ихъ планы. Отъ границы до Турина верстъ около 100. Верстахъ въ 50 отъ границы лежитъ Алессандрія, находящаяся на западъ и нѣсколько на югъ отъ Турина, верстахъ въ десяти на югъ отъ По. Австрійцы прошли половину дороги до Турина, такъ что поровнялись съ Казале, и Алессандрія оставалась у нихъ уже нѣсколько назади. Но пока они медлили, стояли и производили рекогносцировки, сардинская армія, стоявшая между Алессандріею и Казале (Казале нѣсколько ближе къ Турину, нежели Алессандрія), получила такія сильныя подкрѣпленія отъ французовъ, что австрійцамъ нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движеніе на Туринъ. Они постояли еще нѣсколько времени; непріятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрійцы отступаютъ и гдѣ остановится ихъ отступленіе—трудно сказать. По послѣднимъ извѣстіямъ французско-сардинскія войска уже начали наступленіе подъ личною командою императора французовъ и австрійскія войска оттѣснены уже почти до самой границы. Такимъ образомъ движеніе впередъ принесло имъ развѣ только ту

Digitized by Google

пользу, что они прокормили двѣ недѣли своихъ солдатъ сардинскимъ хлѣбомъ и собрали нѣсколько контрибуцій. Это нелѣпое начало похода не предвѣщаетъ для нихъ ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и особенно Мантуѣ.

Приводятъ двѣ причины для оправданія чрезмѣрной медленности въ ихъ наступленіи. Сардинцы, отступая передъ непріятелемъ, испортили дороги: на каждыхъ 100 метрахъ (45 саженяхъ) они копали черезъ дорогу довольно глубокіе рвы; кромѣ того, рубили стоявшія по дорогамъ деревья и сваливали ихъ на дорогу; наконецъ, они прорвали плотины и шлюзы каналовъ, которыя проведены по всей западной части Піэмонта для орошенія полей, и затопили подъ водою цѣлыя обширныя мѣстности. Погода также заступилась за сардинцевъ: съ 1 мая (19 апрѣля) пошли проливные дожди, продолжавшіеся нѣсколько дней, и рѣчки выступили изъ береговъ Но такихъ затрудненій все-таки еще мало для объясненія медленности, съ которою австрійцы подавались впередъ. Какъ бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по нимъ въ цѣлую недѣлю больше того пространства, которое въ одинъ день переходили французскіе отряды по Альпійскому хребту, гдѣ дорога и хуже, и несравненно труднѣе. Чрезмѣрному затопленію полей отъ спущенныхъ каналовъ нельзя вѣрить—Піэмонтъ не Голландія, и навѣрное было бы австрійцамъ гдѣ пройти, еслибы они хотѣли; а если поля были такъ затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верстъ въ день, если нельзя было проходить по 25 верстъ. Нѣтъ, кажется, надобно сказать, что, пропустивъ благопріятное время для исполненія своего плана, австрійцы сами не знали, что имъ дѣлать.

Мы пишемъ почти черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны Австріею Сардиніи, а между тѣмъ, собственно говоря, не произошло никакихъ громкихъ военныхъ событій, и хотя надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами, но въ военной части извѣстій за прошлый мѣсяцъ мало интереснаго. До сихъ поръ людямъ, интересующимся итальянскими дѣлами, политическія догадки доставляли больше предметовъ къ размышленію, нежели военныя событія. Война началась; есть сильная вѣроятность, что австрійцы въ первый же походъ потеряютъ всю землю въ Италіи до Вероны и Мантуи; но въ чемъ же существенная цѣль войны, чего надобно ожидать въ случаѣ успѣха французовъ? Это мы отчасти можемъ видѣть изъ предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ и сужденій, произносимыхъ самими французами о цѣляхъ ихъ политики.

Конгрессъ не состоялся; но его собранію предшествовали переговоры и нѣкоторыя основанія будущаго устройства дѣлъ въ Италіи были одобрены Франціею.

Нѣкоторые думаютъ, что Франція, подобно Сардиніи, не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ совершеннаго отнятія итальянскихъ владѣній у Австріи. Это несправедливо. Вотъ четыре основанія, принятыя самою Франціею для переговоровъ на предполагавшемся конгрессѣ.

Digitized by Google

I. Средства обезпечить сохраненіе мира между Австріею и Сардиніею.

II. Оставленіе римскихъ владѣній иностранными войсками, ихъ занимающими, и изслѣдованіе, какія реформы должны быть введены въ итальянскія государства.

III. Будетъ предложена комбинація для замѣны особенныхъ трактатовъ между Австріею и итальянскими государствами.

IV. Распредѣленіе территоріальныхъ владѣній и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Изъ этого мы видимъ, что Франція соглашалась на сохраненіе за Австріею всѣхъ ея нынѣшнихъ итальянскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что въ случаѣ успѣшнаго похода требованія Франціи возрастутъ, но нѣтъ имъ никакой необходимости возрастать непремѣнно до совершеннаго отнятія всѣхъ итальянскихъ владѣній у Австріи. Тутъ можетъ быть множество среднихъ степеней, опредѣляемыхъ размѣромъ успѣховъ и силою расположенія въ императорѣ французовъ къ прекращенію войны послѣ нѣсколькихъ славныхъ побѣдъ. Всякія условія возможны послѣ того, какъ Франція соглашалась оставлять за австрійцами всѣ ихъ нынѣшнія владѣнія. Если Франція найдетъ удобнымъ кончить войну оставленіемъ у Австріи венеціанскихъ владѣній до Гардскаго озера, до Минчіо и Мантуи, а отъ Ломбардіи заставитъ ее отказаться, Франція назоветъ это великою услугою дѣлу итальянской независимости. Если у австрійцевъ будетъ отнято и гораздо меньше, напримѣръ только западная часть Ломбардіи до Адды и озера Комо, и это будетъ также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимаетъ нашу мысль. Впрочемъ, мы ничего не предсказываемъ; мы говоримъ только, что императоръ французовъ вовсе не обязанъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока заставитъ Австрію отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи; мы говоримъ только, что онъ можетъ заключить миръ съ Австріею на какихъ ему угодно условіяхъ, и каковы бы ни были условія, все-таки онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ для Италіи болѣе, нежели обѣщался сдѣлать передъ началомъ войны: не станемъ забывать, что онъ соглашался оставить за Австріею всѣ ея владѣнія въ Италіи.

Но удовлетворятъ ли итальянцевъ какія бы то ни было условія мира, кромѣ совершеннаго отнятія у Австріи всѣхъ Ломбардо-Венеціанскихъ земель? Люди бываютъ наклонны къ излишней требовательности отъ своихъ помощниковъ или покровителей; но въ такомъ случаѣ всегда бываетъ можно уличить ихъ въ неблагодарности и неблагоразуміи, напомнивъ имъ, какъ скромны были ихъ желанія въ началѣ дѣла. Есть въ Италіи партія, непринимающая никакихъ сдѣлокъ, всегда требовавшая непремѣнно только того, чтобы ни одинъ клочокъ итальянской земли не принадлежалъ иностранцамъ; это маццинисты. Но императоръ французовъ опирается не на этихъ республиканцевъ, а на людей умѣренной или такъ называемой конституціонной партіи въ Италіи. Эта партія передъ войною вовсе не шла въ своихъ требованіяхъ до такой революціонной неуживчивости съ австрійцами, какъ маццинисты. Она объявляла, что удовольствуется гораздо меньшими пріобрѣтеніями. Самымъ точнымъ выраженіемъ ея тогдашнихъ требованій надобно считать программу

Digitized by Google

разрѣшенія итальянскаго вопроса, съ которою въ началѣ апрѣля былъ отправленъ въ Лондонъ повѣренный отъ конституціонной партіи центральныхъ итальянскихъ государствъ. Мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ важномъ фактѣ парижскимъ корреспондентомъ Times'а, въ письмѣ его отъ 9 апрѣля (28 марта).

«Въ Лондонъ пріѣхалъ повѣренный отъ конституціонной партіи въ центральной Италіи съ предложеніями, производящими замѣчательное впечатлѣніе на людей, которымъ онъ сообщалъ ихъ. Въ числѣ значительныхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ совѣщанія, находятся лорды Пальмерстонъ, Кларендонъ и Джонъ Россель, а къ нынѣшнему времени онъ вѣроятно склонилъ и лорда Мальмсбери раздѣлять такой же взглядъ. Секретъ его успѣха заключается въ слѣдующемъ: онъ предлагаетъ средство вполнѣ удовлетворить итальянцевъ, оставляя неприкосновенными вѣнскіе трактаты. Онъ объявляетъ, что центральная Италія и Піэмонтъ оставляютъ, какъ несбыточное желаніе, всякое требованіе выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи. Конечно, они не перестаютъ желать этого, но этого нельзя достичь безъ войны, а конституціонная партія вовсе не желаетъ видѣть французовъ въ Италіи. Теперь она ограничиваетъ свои желанія тѣмъ, чтобы австрійцы и французы вывели свои войска изъ всѣхъ итальянскихъ владѣній, нынѣ занимаемыхъ ими не на основаніи трактатовъ. Она требуетъ, чтобы Австрія, владѣющая частью Италіи единственно по вѣнскому трактату, была обязана строго ограничиваться предѣлами этого трактата и не простирала своей власти на другія государства. Иначе сказать, они говорятъ австрійцамъ: «Ограничивайтесь вашимъ берегомъ По, и оставьте насъ въ покоѣ въ нашихъ земляхъ». Многіе говорили, что вліяніе Маццини въ Италіи ослабѣло, совершенно исчезло. Конституціонная партія подтверждаетъ теперь это; она объявляетъ, что имѣетъ полную организацію и готова принять на свою рѣшительную отвѣтственность управленіе государствами центральной Италіи по удаленіи австрійцевъ, ручаясь за то, что не будетъ ни насилій, ни кровопролитія. Она только требуетъ того, чтобы австрійцы удалились изъ тѣхъ частей Италіи, которыя заняты ими не по вѣнскому трактату, и обязались никогда не возвращаться въ эти земли, потому что безъ такого обязательства австрійцы вѣчно будутъ возбуждать волненія, чтобы имѣть предлогъ воротиться.

«Важнѣйшій фактъ во всемъ этомъ то, что Сардинія, въ лицѣ синьора д'Азеліо отъ имени графа Кавура, совершенно согласна съ этою программою. Синьоръ д'Азеліо говоритъ, что Сардинія имѣетъ свои особенныя неудовольствія противъ Австріи, но что они не важны сравнительно съ условіями, на которыя согласна вся Италія. Конституціонная партія говоритъ, что это умѣренное требованіе можетъ быть исполнено безъ войны, и что если дѣла будутъ устроены на этомъ основаніи, она будетъ совершенно довольна, предоставляя успѣхамъ времени и разума и вліянію сосѣднихъ либеральныхъ учрежденій произвести перемѣну въ положеніи Ломбардіи. Но, прибавляетъ она, конечно, она будетъ стремиться пріобрѣсть все, что можетъ, если война вспыхнетъ».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной силѣ мацциниcтовъ и конституціонистовъ. Конституціонисты думаютъ, что они сильнѣе, мацциниcты могутъ думать тоже самое о себѣ,—не въ этомъ дѣло, какъ думаетъ конституціонная партія о своихъ силахъ, а въ томъ, чего она хотѣла, на что она соглашалась передъ войною. Относительно ея чувствъ мы выводимъ изъ ея программы, присланной въ Лондонъ, два заключенія. Во-первыхъ, конституціонная партія въ Италіи имѣла сомнѣніе въ томъ, благопріятны ли будутъ для либеральныхъ учрежденій и независимости Италіи результаты войны, которую Франція хотѣла начать противъ австрійцевъ. Эти сомнѣнія были такъ велики, что конституціонная партія центральной Италіи и

Digitized by Google

Піэмонта готова была пожертвовать ломбардо-венеціанцами австрійцамъ, лишь бы избавить Италію отъ опасности со стороны французовъ. Этотъ фактъ мы припомнимъ впослѣдствіи. Во-вторыхъ,—и это теперь для насъ главное,—конституціонная партія всего только за нѣсколько дней до начала войны говорила, что „ея требованія могутъ быть совершенно удовлетворены" даже при сохраненіи за австрійцами всѣхъ ихъ нынѣшнихъ владѣній. Только съ этою партіею хочетъ до сихъ поръ дѣйствовать Франція за одно, только ея содѣйствіе она принимаетъ, только ея потребности признаетъ справедливыми; мы спрашиваемъ теперь, какое право будетъ она имѣть жаловаться на неудовлетвореніе своихъ желаній, если Франція найдетъ неудобнымъ лишать австрійцевъ хотя бы одного селенія въ Ломбардіи? А если Франція уменьшитъ австрійскія владѣнія хотя какимъ-нибудь маленькимъ округомъ, императоръ французовъ можетъ назвать это уже великодушнымъ превышеніемъ требованія самихъ итальянцевъ. „Но конституціонная партія не отказывалась отнять у австрійцевъ все, что можно будетъ отнять, если вспыхнетъ война". — Такъ, этими самими словами ей и будутъ отвѣчать, если война кончится какими нибудь не важными потерями для австрійцевъ. „Что могли мы отнять у австрійцевъ, не подвергая Францію чрезвычайнымъ усиліямъ и бѣдствіямъ слишкомъ упорной войны, то мы и отняли у нихъ, — скажутъ французскіе дипломаты; — требовать совершеннаго отказа ихъ отъ итальянскихъ владѣній, значило бы слишкомъ обременять Францію и итальянскую войну обращать въ обще-европейскую; этого Франція не обѣщала сдѣлать и не могла сдѣлать".

„Но самъ императоръ французовъ въ своей прокламаціи объявилъ, что война должна имѣть своимъ результатомъ совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи". Нѣтъ, понимать прокламацію его непремѣнно въ такомъ смыслѣ—значитъ видѣть въ ея выраженіяхъ только такое значеніе, какое пріятно неопытному въ дипломатическихъ истолкованіяхъ читателю, и не замѣчать, что тѣ же самыя выраженія могутъ допускать и другое толкованіе, далеко не столь тѣсное. Мы попробуемъ показать, что можно сдѣлать изъ этихъ фразъ, въ случаѣ надобности. Въ длинной прокламаціи собственно только два мѣста, опредѣляющія конечную цѣль войны; мы посмотримъ, что могутъ сдѣлать изъ нихъ обоихъ дипломаты, въ случаѣ надобности.

„Австрія довела положеніе дѣлъ до такой крайности, что должно или ей владычествовать до Альпъ, или Италіи быть свободной до Адріатическаго моря". Неопытный умъ можетъ видѣть въ этомъ положительную рѣшимость отнять у Австріи все, до самой Венеціи. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во-первыхъ, необходимость изгнанія австрійцевъ ставится слѣдствіемъ ихъ собственной политики, непримиримо враждебной Піэмонту, — „Австрія довела вещи до такой крайности", и освободить Италію до Адріатическаго моря необходимо потому, что иначе Австрія „завладѣетъ всею землею до Альпъ"—то есть, Піэмонтомъ. Но что, если Австрія докажетъ, что она отказывается отъ вражды противъ Піэмонта? Что, если она согласится на такія условія мира, что существованіе Піэмонта будетъ ограждено отъ предполагаемой опасности? Тогда исчезаетъ одна половина дилеммы, стало быть исчезаетъ надобность и въ другой половинѣ. Если не

Digitized by Google

будетъ опасности, что Австрія станетъ расширять свои владѣнія, не будетъ надобности и изгонять ее изъ Италіи.

Нейтральныя державы теперь убѣждены, что Австрія никогда не хотѣла присвоивать себѣ ни вершка піэмонтской земли,—почему знать, что Франція не убѣдится въ этомъ, когда почтетъ удобнымъ склониться къ такому убѣжденію?

Итакъ, прокламація ставитъ изгнаніе австрійцевъ въ зависимость отъ факта (опасность для Піэмонта), который можетъ быть съ согласія Австріи устраненъ множествомъ разныхъ способовъ; напримѣръ: обязательствомъ Австріи не нападать на Піэмонтъ; уступкою какихъ нибудь округовъ, отнимающихъ стратегическія линіи для наступленія въ Піэмонтъ изъ Австрійскихъ владѣній; срытіемъ какихъ нибудь пограничныхъ укрѣпленій; обязательствомъ не держать въ Ломбардіи болѣе 100,000 войска (какъ и не держала Австрія до начала нынѣшняго года) и т. д. Нельзя исчислить всѣхъ комбинацій, которыми можетъ уничтожиться надобность изгонять австрійцевъ изъ Италіи.

Мы видимъ, какъ легко при нѣкоторой опытности въ дипломатическихъ изслѣдованіяхъ найти, въ случаѣ надобности, что первое изъ выраженій, опредѣляющихъ цѣль войны, вовсе не исключаетъ возможности оставить за австрійцами часть ихъ владѣній или и всѣ ихъ владѣнія въ Италіи, смотря по внушенію обстоятельствъ. А на этомъ одномъ выраженіи почти исключительно и опираются всѣ толки, будто бы полное изгнаніе австрійцевъ поставлено непремѣнною цѣлью войны. Въ самомъ дѣлѣ, второе выраженіе прокламаціи гораздо менѣе опредѣлительно:

„Цѣль этой войны—то, чтобы Италія снова принадлежала самой себѣ (rendre l'Italie à elle-même), а не то, чтобы замѣнить одно господство надъ нею другимъ“. Тутъ сущность мысли заключается просто въ засвидѣтельствованіи того, что Франція не хочетъ завоеваній въ Италіи, что она не хочетъ занять въ ней того положенія, какое нынѣ занимаютъ австрійцы. Но само собою разумѣется, что исполненіе желаній зависитъ отъ обстоятельствъ, и въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ, мы имѣемъ указаніе на факты, которые могутъ принудить Францію,—конечно, съ прискорбіемъ, отступить отъ образа дѣйствій, стремленіе къ которому выражено приведенною у насъ фразою:

„Мы идемъ въ Италію не возбуждать безпорядки, не потрясать власть святѣйшаго отца, нами возстановленную“. Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны къ произведенію „безпорядковъ“?—Ясно, что Франція стала бы удерживать ихъ отъ такого гибельнаго заблужденія,—этимъ именно и занималась до сихъ поръ Австрія. Вся политика ея въ Италіи направлена была исключительно къ предупрежденію „безпорядковъ“. Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется въ римлянахъ желаніе колебать ее? Франція принуждена будетъ охранять папу отъ недоброжелательства его подданныхъ.

Такимъ образомъ, самая прокламація довольно точно показываетъ, что Франція въ Италіи главною своею заботою будетъ имѣть пресѣченіе безпорядковъ и народныхъ волненій; она предоставитъ итальянцамъ ту степень незави-

Digitized by Google

симости, какая можетъ остаться у нихъ безъ нарушенія законнаго порядка условія мира съ австрійцами поставляются въ зависимость отъ прекращені опасности для Піэмонта, и мы видѣли, что опасность эта можетъ быт устранена множествомъ разныхъ способовъ, не требующихъ изгнанія ав стрійцевъ изъ Италіи. Только людямъ, слишкомъ расположеннымъ ви дѣть въ чужихъ словахъ смыслъ, какой пріятенъ для нихъ, и не привык шимъ вникать въ характеръ дипломатическаго языка, можетъ ка заться, что императоръ французовъ связываетъ себя въ своей прокламаціи ка кими нибудь обязательствами, кромѣ обѣщанія не допускать въ Италіи безпо рядковъ, какъ не допускали ихъ австрійцы, и поддерживать власть папы, как поддерживалъ ее до сихъ поръ. Если у кого остается сомнѣніе въ этомъ оно можетъ окончательно разсѣяться соображеніемъ смысла рѣчей, сказан ныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ по поводу итальянскаго вопроса, и со ображеніями относительно дѣйствій французскаго коменданта въ Римѣ.

Много разъ мы указывали на существенную причину неизбѣжности войны, находя ее въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ об щественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вни маніе націи отъ внутреннихъ вопросовъ громомъ побѣдъ и упрочить себя возобновленіемъ своей военной славы. Политика эта въ значительной степени оправдалась успѣхомъ. Мы видѣли, что съ начала нынѣшняго года толками о войнѣ заглушились требованія внутреннихъ реформъ, такъ быстро усилив шіяся въ концѣ прошлаго года. Мы говорили также, что ропотъ разсчетли выхъ людей на обременительность задуманной войны будетъ заглушенъ эн тузіазмомъ воинственной націи, когда война будетъ объявлена. И дѣйстви тельно, массою простолюдиновъ въ Парижѣ и въ другихъ большихъ горо дахъ овладѣлъ восторгъ, какъ только была объявлена война. Мы могли бы не вѣрить, если бы только французскія газеты говорили о народномъ вос торгѣ; но изъ англійскихъ и даже нѣмецкихъ газетъ видно, что простолю дины большихъ городовъ и особенно Парижа дѣйствительно увлечены мыслью о славѣ, какую пріобрѣтетъ Франція, освободивъ Италію. Разсказы газет ныхъ корреспондентовъ несомнѣнно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеровъ, поступающихъ на время войны, если и не такъ громадно, как увѣряютъ оффиціальныя газеты, то все же очень значительно. Одинъ Па рижъ далъ ихъ болѣе 15,000 (оффиціальныя газеты говорятъ о 25,000). Въ другихъ большихъ городахъ наберется почти такое же число. Еще важ нѣе тотъ фактъ, что императоръ отважился послать изъ Парижа въ Ита лію и свою гвардію, и большую часть гарнизона. Это показываетъ, что правительство стало пользоваться значительною степенью популярности и могло ослабить предосторожности противъ возстанія въ столицѣ.

Правда и то, что простолюдины, совершенно незнакомые съ диплома тическими тонкостями, понимаютъ характеръ войны совершенно не въ та комъ свѣтѣ, какой придаетъ войнѣ правительство и въ какомъ видятъ ее люди, болѣе свѣдущіе въ дипломатическомъ языкѣ. Парижскіе простолюдины и вся французская армія думаютъ, что война имѣетъ революціонный харак теръ; потому и восторгъ, ею возбужденный въ солдатахъ и въ работни кахъ, уже принялъ оттѣнокъ, изъ котораго должны возникнуть столкновенія,

Digitized by Google

когда фцкты покажутъ простолюдинамъ и солдатамъ, что они ошибались. Толпы волонтеровъ и работниковъ ходятъ по улицамъ Парижа съ революціонными пѣснями, которыхъ не слышно было съ 1850 года. Войска, садившіяся на корабли въ Марсели, также пѣли революціонныя пѣсни. Во французскомъ лагерѣ въ Піэмонтѣ, надъ всѣми криками въ честь императора и въ честь Италіи господствуетъ Марсельеза. Съ криками „да здравствуетъ императоръ!“ часто смѣшиваются крики „да здравствуетъ республика!“ Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революціонному характеру простонароднаго энтузіазма слишкомъ большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успѣетъ подавить тѣ его проявленія, которыя были бы для нынѣшней системы опаснѣе простаго пѣнія. Можно даже думать, что въ случаѣ успѣшнаго хода войны личный энтузіазмъ къ императору, доставившему случай для побѣдъ, возьметъ верхъ надъ нынѣшнимъ республиканскимъ оттѣнкомъ воинственности. Но какъ бы то ни было, надобно замѣтить фактъ, который можетъ быть источникомъ затрудненій для нынѣшней системы, если не будетъ подавленъ быстрыми побѣдами.

Заблужденія простолюдиновъ не раздѣляются, какъ мы сказали, людьми опытными въ политической жизни, а восторгъ отъ ожидаемой славы не заставляетъ образованные классы общества забывать объ интересахъ, которымъ война неблагопріятна. Республиканская партія не предполагаетъ, чтобы война имѣла цѣлью дѣйствительное освобожденіе Италіи, а буржуазія скорбитъ объ упадкѣ фондовъ. Этимъ объясняется чрезвычайно холодный пріемъ военныхъ предложеній въ Законодательномъ Корпусѣ и смѣлость рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ членовъ его. Засѣданія Законодательнаго Корпуса въ первый разъ со времени второго декабря становятся интересными. Опираясь на недовольствѣ большинства депутатовъ, въ которыхъ прежніе разсчеты о выгодахъ приверженности къ нынѣшней системѣ смѣняются разсчетами о вѣроятномъ разореніи отъ войны, малочисленные республиканцы Законодательнаго Корпуса начинаютъ говорить довольно рѣзко. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ писемъ парижскаго корреспондента Times'а и отчеты Монитёра о нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ.

Мы говорили о быстротѣ, съ какою французское правительство сдѣлало военныя распоряженія при первомъ извѣстіи объ австрійскомъ ультиматумѣ. Не теряя времени, внесло оно въ Законодательный Корпусъ и проэкты тѣхъ декретовъ, которые должны быть принимаемы съ согласія законодательной власти. Первые два предложенія состояли въ томъ, чтобы увеличить призываемый подъ знамена контингентъ 1858 года отъ прежней цифры 100,000 до 140,000 человѣкъ и дать правительству полномочіе заключить заемъ въ 500,000,000 франковъ. Вотъ какъ парижскій корреспондентъ Times'а разсказываетъ о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 26-го апрѣля, когда были сдѣланы эти предложенія.

«Графъ Морни, управляющій мудрыми совѣщаніями представителей Франціи, явился въ половинѣ втораго въ простомъ фракѣ. Относительно орденовъ онъ принялъ скромность. Изъ находящейся у него полудюжины ихъ, онъ удовольствовался на этотъ разъ только лентою и звѣздою Почетнаго Легіона. Скоро явился г. Барошъ, замѣчательный по своему мундиру президента государственнаго совѣта, богато вышитому

Digitized by Google

золотомъ, по лентѣ и по звѣздѣ,—за свои гражданскія заслуги онъ также получилъ «звѣзду мужества». Передъ г. Морни стоитъ столъ съ богатою позолотою, съ инкрустаціями и съ конторкою, имѣющею завидное отличіе служить хранилищемъ мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоитъ длинный столъ, за которымъ сидятъ коммиссары правительства: одинъ изъ нихъ теперь г. Барошъ. Приблизилась рѣшительная минута; г. Морни позвонилъ въ колокольчикъ во второй разъ и водворилось глубокое молчаніе. Президентъ возвѣстилъ о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ; г. Валевскій вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ коммиссаровъ. Затруднителенъ вопросъ, чей мундиръ богаче вышитъ,—г. Валевскаго или г. Барша: оба они находятся въ золотой скорлупѣ. Но мнѣ кажется, что г. Валевскій, какъ сенаторъ, имѣетъ право носить одинъ или два золотые жгута лишнихъ противъ г. Бароша, какъ президента государственнаго совѣта. Впрочемъ, оставляю этотъ вопросъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великолѣпны. Изъ львовъ, дельфиновъ, коршуновъ, орловъ и другихъ орденовъ, данныхъ г. Валевскому европейскими государями, на выставкѣ не было ни одного, кромѣ ленты и звѣзды Почетнаго Легіона. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этой общей умѣренности.

«Президентъ объявилъ, что министръ имѣетъ нѣчто объявить палатѣ. Г. Валевскій всталъ и началъ читать по тетради. Сообщеніе содержало только исторію итальянскаго вопроса и начиналось описаніемъ безпокойства, произведеннаго въ началѣ года вооруженіями Австріи и накопленіемъ войскъ въ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ съ намѣреніемъ напасть на Піэмонтъ. Сколько я разслышалъ, министръ не упомянулъ ни о словахъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику въ новый годъ, ни о пломбьерскихъ планахъ, ни о намѣреніи, приписываемомъ Піэмонту, при помощи Франціи выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. Умалчивая обо всѣхъ этихъ фактахъ, какъ обстоятельствахъ неважныхъ, онъ изложилъ ходъ переговоровъ до австрійскаго ультиматума относительно обезоруженія Піэмонта. Разумѣется, министръ выказывалъ умѣренность желаній и плановъ императора и сильно отрицалъ всякіе планы честолюбія или завоеванія. Палата слушала молча. Къ концу сообщенія, въ мѣстахъ о желаніи императора сохранить миръ, два раза послышался шопотъ семи или восьми голосовъ *très bien! très bien!*—по окончаніи рѣчи десятка два голосовъ повторили тоже восклицаніе и десятка два паръ рукъ захлопали. Большинство палаты сидѣло молча и неподвижно.

«Тогда г. Барошъ прочелъ изложеніе причинъ проэкта закона объ увеличеніи послѣдняго сто-тысячнаго контингента прибавкою еще сорока тысячъ рекрутъ. Прочтенъ былъ также проэктъ закона о разрѣшеніи правительству сдѣлать заемъ въ 500 милліоновъ франковъ.

«Тогда всталъ г. Морни и прочелъ краткій адресъ къ палатѣ. Онъ убѣждалъ депутатовъ «пренебречь при настоящихъ обстоятельствахъ всѣми матеріальными интересами для патріотизма, смотрѣть не назадъ, а впередъ», и т. д. Увѣщаніе пренебречь матеріальными интересами для болѣе благородной цѣли, исходя отъ столь уважаемаго авторитета, безъ сомнѣнія произвело надлежащее впечатлѣніе. Нѣкоторые депутаты улыбнулись, въ знакъ согласія и одобренія, какъ я полагаю. Послѣ этой самоотверженной рѣчи нѣсколько человѣкъ изъ депутатовъ закричали: *Vive l'empereur!* и стали апплодировать. Апплодисменты были вовсе не общіе и расположеніе палаты не походило на энтузіазмъ.

«Надобно не оставить безъ вниманія то, что два министра, избранные для представленія сообщеній и для поддержанія ихъ своимъ краснорѣчіемъ, съ самаго начала до самаго конца противились войнѣ. И г. Валевскій, и г. Фульдъ, прочитавшій сенату такое же сообщеніе, какъ г. Валевскій Законодательному Корпусу, глубоко скорбѣли о направленіи, принятомъ дѣлами».

Разсмотрѣвъ проэкты въ своихъ отдѣленіяхъ (бюро), Законодательный Корпусъ собрался на другой день (27 апрѣля) для совѣщаній въ публичномъ засѣданіи объ увеличеніи контингента. Ораторомъ оппозиціи явился въ

Digitized by Google

этотъ день республиканецъ Эмиль Оливье. Рѣчи, произносимыя въ Законодательномъ Корпусѣ, печатаюся только въ извлеченіяхъ, составляемыхъ оффиціальнымъ порядкомъ подъ наблюденіемъ президента, назначеннаго императоромъ. Потому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно измѣняется въ этихъ извлеченіяхъ смыслъ словъ, несогласныхъ съ желаніями президента. Но и по блѣдному извлеченію, представленному Монитёромъ, читатель можетъ видѣть, въ чемъ состоялъ смыслъ словъ Оливье. Вотъ буквальный переводъ изъ протокола, помѣщеннаго въ Монитёрѣ.

«Г. Эмиль Оливье говоритъ, что вотъ уже четыре мѣсяца общественное мнѣніе взволновано. Всѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, сохранитъ Франція миръ или начнетъ войну? Ораторъ жалѣетъ, что въ теченіе этого долгаго времени французы получали свѣдѣнія о ходѣ дѣла только изъ преній англійскаго или сардинскаго парламентовъ, и французскому Законодательному Корпусу предложенъ этотъ вопросъ только уже по фактическомъ его разрѣшеніи.

«Въ настоящую минуту Италія одушевлена всеобщимъ желаніемъ: ея нація желаетъ изгнанія иностранцевъ, соединяется подъ знаменемъ Піэмонта и призываетъ Францію. Такое чувство, по мнѣнію оратора, совершенно основательно. Съ 1815 года австрійское правительство не ограничивалось нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ отъ его имени миланцамъ и венеціанцамъ, оно постоянно угнетало всю Италію. На минуту блеснулъ Италіи лучъ надежды; она отвергла даже руку, протягиваемую ей французской республикой, надѣясь, что будетъ обязана своимъ освобожденіемъ только самой себѣ. Эта надежда ее обманула.

«На жалобы итальянскаго народа, на протестаціи, сдѣланныя отъ его имени графомъ Кавуромъ передъ парижскимъ конгрессомъ, всегда отвѣчали только однимъ возраженіемъ, указаніемъ на трактаты 1815 года, на эту «территоріальную конституцію Европы», по выраженію лорда Пальмерстона.

«Какъ надобно смотрѣть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различныя мнѣнія объ этихъ, слишкомъ знаменитыхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ. Во Франціи никто не отваживался защищать ихъ, даже изъ тѣхъ людей, которые считали необходимымъ сохранять ихъ. Одни говорили, должно проклинать ихъ, но уважать ихъ; другіе, какъ знаменитый манифестъ (Ламартина), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатовъ 1815 года, но уважать ихъ фактическое существованіе. Всѣ признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными противъ Франціи. Ораторъ объявляетъ, что онъ и его друзья дѣлаютъ существенное различіе между разными территоріальными опредѣленіями трактатовъ 1815 года. Постановленія, направленныя противъ Франціи, они отличаютъ отъ тѣхъ, которыми нарушены права національностей менѣе сильныхъ. Достопочтенный членъ мало скорбитъ о томъ, что не расширяются границы Франціи. Призваніе Франціи не въ томъ, чтобы расширять свои границы. Ораторъ и его друзья осуждаютъ устарѣлую завоевательную политику. Не матеріальныя, а нравственныя завоеванія должна дѣлать Франція; для націй, какъ и для частныхъ людей, истинное величіе состоитъ въ безкорыстіи.

«Но есть, по мнѣнію оратора, въ трактатахъ 1815 года такія постановленія, которыя должны быть энергически отвергаемы; это тѣ постановленія, которыя направлены противъ національностей, не столь сильныхъ, какъ Франція, и въ особенности тѣ двусмысленныя постановленія, которыя повергли Италію, какъ жертву, къ ногамъ Австріи. Когда былъ возбужденъ итальянскій вопросъ, достопочтенный членъ и его друзья хотѣли думать, что во мнѣніи самаго правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношенію къ Италіи; на этомъ пути они готовились оказывать ему самую рѣшительную, страстную, неослабную помощь; но въ ту минуту, когда надобно принять окончательное рѣшеніе, возникло въ умѣ оратора сомнѣніе и онъ желалъ бы, чтобы правительство разсѣяло это сомнѣніе. Онъ далекъ отъ мысли

Digitized by Google

упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступать въ войну; понятно, что глава государства колеблется передъ рѣшеніемъ отнять у націи блага мира. Но онъ былъ печально удивленъ слыша вчера, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ подтверждаетъ слова, сказанныя съ англійской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года,—этихъ трактатовъ, которые разорвала сама Австрія своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными вмѣшательствами, продолжительными занятіями чужихъ земель военною силою. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбудивъ его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упрочить трактаты 1815 года и возвратить имъ силу, ими потерянную.

«При такомъ положеніи вещей ораторъ спрашиваетъ, что хотятъ дѣлать въ Италіи. Итальянскіе походы могутъ имѣть разный характеръ. Французское вмѣшательство можетъ произвесть освобожденіе Италіи; но оно можетъ также привести только къ договору въ родѣ Кампоформіосскаго, или оказаться новою римскою экспедиціею. Намѣренія правительства не объяснены. Въ этой неизвѣстности, ораторъ и его друзья считаютъ нужнымъ опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицію, правительство имѣетъ только одну цѣль, пріобрѣтеніе военной славы, хочетъ воспользоваться Италіею, а не принести пользу ей. Они не хотятъ выражать довѣріе къ правительству, подавая голосъ за предложенный законъ; они не хотятъ, отвергая законъ, принимать такой видъ, какъ будто-бы измѣняютъ Италіи и становятся на сторонѣ австрійцевъ; потому они удерживаются отъ подачи голоса. Сердце ихъ за Италію, но они ожидаютъ отъ правительства объясненія, что нынѣшняя война начинается для пользы Италіи.

«Въ заключеніе ораторъ говоритъ, что, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, война начинается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Чѣмъ бы она ни кончилась, онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и его друзья останутся вѣрны преданію своихъ отцевъ, преданію тѣхъ гражданъ героевъ, которые въ дни великой опасности умѣли охранять, подъ предводительствомъ Гошей и Марсо, отъ оскверненія иностранцами священную землю отечества».

Немного нужно догадливости, чтобы понять изъ этого извлеченія, какимъ рѣзкимъ неодобреніемъ была проникнута рѣчь Оливье. Онъ говоритъ, по выраженію Монитёра, что французская нація въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ узнавала факты только изъ преній англійскаго и сардинскаго парламентовъ; но въ Монитёрѣ часто печатались оффиціальныя статьи, излагавшія ходъ дѣла и намѣренія французскаго правительства, — ясно, что Оливье не считаетъ достовѣрнымъ ни одного слова этихъ статей. Онъ жалѣетъ, по выраженію Монитёра, что четыре мѣсяца правительство не предлагало Законодательному Корпусу итальянскаго вопроса и сообщаетъ ему объ этомъ дѣлѣ, когда оно уже рѣшено,—ясно, что ораторъ говорилъ о пренебреженіи правами Закодательнаго Корпуса, а права эти понималъ такъ, что правительство было обязано не дѣлать ничего важнаго безъ его согласія. Ораторъ думалъ, по выраженію Монитёра, что правительство хочетъ вести войну для уничтоженія трактатовъ 1815 года относительно Италіи, т. е. для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, но въ рѣшительную минуту въ немъ пробудилось сомнѣніе,—ясно, онъ говорилъ, что никогда не вѣрилъ въ намѣренія правительства освободить Италію, а теперь имѣетъ въ рукахъ доказательства основательности своего невѣрія. Это доказательство доставлено словами англійскаго министра, что Франція соглашалась вести переговоры на основаніяхъ трактатовъ 1815 года. Но Монитёръ также излагалъ основанія переговоровъ, и ясно, что Оливье выставляетъ разнорѣчіе Монитёра съ истиной, доказанной преніями англійскаго парламента; онъ говоритъ, что Монитёръ скрывалъ

Digitized by Google

факты, излагалъ дѣло въ ложномъ видѣ; но теперь Валевскій и Барошъ говорили согласно съ Монитёромъ,—ясно, какой характеръ придаетъ Оливье ихъ словамъ. По выраженію Монитёра, онъ былъ бы радъ, если бы объяснилось его сомнѣніе,—ясно, онъ требовалъ у министровъ отчета въ противорѣчіи оффиціальныхъ изложеній съ фактами; Валевскій подтвердилъ факты, обнаруженные англійскимъ парламентомъ: это значитъ, Валевскій былъ принужденъ сознаться, что до сихъ поръ лгалъ. Наконецъ, въ предпослѣднемъ параграфѣ рѣчи, несмотря на всѣ искаженія, сдѣланныя протоколомъ въ словахъ Оливье, смыслъ остался такъ рѣзокъ, что не требуетъ поясненій. Можно идти въ Италію за тѣмъ, чтобы освободить ее, можно идти за тѣмъ, чтобы поработить ее больше прежняго, говоритъ Оливье въ этомъ параграфѣ. Зачѣмъ посылаютъ туда теперь французовъ, продолжаетъ онъ, можно знать по результатамъ римской экспедиціи. Исторія этой экспедиціи извѣстна: когда она отправлялась, Наполеонъ III, бывшій тогда еще президентомъ республики, говорилъ, что цѣль экспедиціи спасти Римъ отъ австрійцевъ, а кончилась экспедиція тѣмъ, что французы поддерживаютъ въ Римѣ правительство, которое угнетаетъ римлянъ хуже, нежели австрійцы угнетаютъ ломбардцевъ. Послѣдній параграфъ протокола заключаетъ въ себѣ мысль самую горькую: „война начинается при счастливыхъ условіяхъ, но мы готовы защищать Францію отъ вторженія иностранцевъ“, говоритъ Оливье. Ясно, что это значитъ: Оливье говорилъ, что самыя счастливыя обстоятельства разрушаются коварствомъ излишней хитрости, которое наконецъ должно возстановить противъ себя всю Европу; Европа увидитъ, что Ломбардія была только предлогомъ для завоевательной политики; Европа увидитъ, что должна защищать сама себя, а не Австрію, составится новая коалиція и повторятся событія 1813 и 1814 годовъ. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые Монитёромъ, свидѣтельствуютъ о мысли еще болѣе рѣзкой: безъ сомнѣнія, Оливье противопоставлялъ этихъ республиканскихъ генераловъ Наполеону I и указывалъ на то, что европейская коалиція, которая легко побѣдитъ императорскую Францію, можетъ быть побѣждена только республиканскою Франціею.

Къ такимъ-то рѣчамъ въ Законодательномъ французскомъ Корпусѣ открывается теперь возможность; большинство, составленное изъ людей, до сихъ поръ восторженно хвалившихъ нынѣшнюю систему, вдругъ охладѣло къ ней и дозволяетъ возвышать голосъ немногимъ республиканцамъ, находящимся въ Законодательномъ Корпусѣ; мало того, что оно позволяетъ имъ говорить,—вѣроятно, оно слишкомъ сочувствуетъ имъ за протестъ противъ намѣреній императора, если самъ графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, принужденъ былъ терпѣть рѣчь Эмиля Оливье.

Но зачѣмъ догадки о чувствахъ большинства, такъ недавно бывшаго преданнымъ нынѣшней системѣ? Холодность, съ которою принимаетъ оно сообщенія и объясненія правительства, достаточно свидѣтельствуетъ о его чувствахъ. Но опять, зачѣмъ мы говоримъ о заключеніяхъ, выводимыхъ изъ молчанія и холодности? Бывшіе панегиристы правительства уже не довольствуются молчаніемъ; черезъ два дня послѣ преній о контингентѣ происходили пренія о займѣ, и вотъ что разсказываетъ парижскій корреспондентъ

Digitized by Google

Times'а о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 29 апрѣля. Въ предисловіе къ его разсказу мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: слова Плишона онъ буквально беретъ изъ протокола, напечатаннаго въ Монитёрѣ, и беретъ далеко не все рѣзкое, сохраненное изъ нихъ даже Монитёромъ. Можно по этому судить, какова въ дѣйствительности была рѣчь этого депутата, до сихъ поръ восхищавшагося второю имперіею.

«Большое удивленіе было возбуждено свободою, съ которой говорили противъ войны многіе члены, до сихъ поръ бывшіе раболѣпными приверженцами (*servile followers*) правительства, и просторомъ, который былъ дозволенъ ихъ рѣчамъ вицепрезидентомъ Законодательнаго Корпуса г. Шнейдеромъ, предсѣдательствовавшимъ въ этотъ день. Если бы болѣзнь не помѣшала быть въ засѣданіи президенту, г. Морни, то, вѣроятно, не было бы такого простора. Особенно энергиченъ былъ языкъ г. Плишона. Онъ началъ тѣмъ, что не чувствуетъ никакой симпатіи къ большей части мнѣній г. Оливье, республиканскаго депутата, говорившаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, но соглашается съ нимъ въ одной мысли,—въ той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго имѣвшей всю полноту политической жизни, терпѣть такое положеніе, что факты, относящіеся къ ней, она должна узнавать отъ иностранцевъ». Еще невыносимѣе, прибавилъ онъ, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущность страны, завязываются и рѣшаются безъ всякаго участія Законодательнаго Корпуса. «Я подалъ голосъ за увеличеніе нашихъ военныхъ силъ (продолжалъ г. Плишонъ), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть мы обязаны поддерживать честь французскаго знамени и поздно намъ разсуждать. Но еслибы вопросъ не былъ уже рѣшенъ безъ насъ; еслибы я могъ разсматривать, имѣетъ ли Франція какую нибудь надобность вмѣшиваться въ эту войну, я сказалъ бы: нѣтъ. Я вотировалъ съ прискорбіемъ, потому что имѣлъ глубокое убѣжденіе, что правительство безъ надобности впутало нашу страну въ войну, исполненную риска и опасности, для результатовъ, по крайней мѣрѣ невѣрныхъ, чтобы не сказать болѣе. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ правительствомъ, рѣшительно не видно, чтобы австрійская политика въ Италіи подвергала опасности честь или спокойствіе Франціи, или равновѣсіе Европы». Далѣе онъ замѣтилъ, что политическое положеніе Италіи вовсе не ново; что со времени возникновенія этого положенія было во Франціи много разныхъ правительствъ и ни одно изъ нихъ не находило этого положеніе столь важнымъ для интересовъ Франціи, чтобы завязывать войну для его прекращенія. Онъ спросилъ, будетъ ли эта война революціонная или политическая, должна ли она быть отрицаніемъ или продолженіемъ политики, внушившей римскую экспедицію? Будетъ ли цѣлью ея только изгнаніе австрійцевъ, или независимость и единство Италіи? Онъ спросилъ, какъ далеко хочетъ идти правительство и на чемъ оно думаетъ остановиться? «Каждому видны, заключилъ г. Плишонъ, жертвы, которыхъ будетъ стоить Франціи эта война; но никто не видитъ, какую выгоду Франція получитъ отъ нея. Да, ничего не можетъ она получить отъ нея, кромѣ развѣ пустой славы,—это будетъ единственнымъ вознагражденіемъ ея за кровь ея дѣтей». Г. Плишону отвѣчалъ г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта. Онъ сказалъ, что Франція воюетъ потому, что на нее напали. Франція объявила, что если австрійцы нападутъ на Пьемонтъ, она обязана защищать его. Другихъ причинъ къ войнѣ нѣтъ. Послѣ того всталъ просить слова г. Жюль Фавръ, знаменитый республиканскій адвокатъ.

Рѣчь Жюля Фавра занимала важнѣйшее мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля: мы приводимъ вполнѣ всю часть протокола, въ которой излагаются его слова. Читатель замѣтитъ какой смыслъ должно было имѣть въ дѣйствительности замѣчаніе президента, предшествовавшее словамъ Жюля Фавра. Президентъ просилъ палату слушать спокойно съ увѣренностью, что ораторъ не скажетъ ничего оскорбительнаго для чувствъ палаты; это служило напоминаніемъ ора-

Digitized by Google

тору, что позволеніе говорить дается ему подъ условіемъ соблюдать осторожность въ словахъ. Но въ благодарности президенту, которой начинаетъ Жюль Фавръ, содержится прямой отказъ скрывать свои мысли. Потомъ онъ возстаетъ противъ Плишона,—это за то, что Плишонъ высказывалъ боязнь войны съ революціоннымъ характеромъ. Жюль Фавръ доказываетъ, что если война не будетъ имѣть революціоннаго характера, то не зачѣмъ начинать ее; и вся его рѣчь состоитъ въ развитіи двухъ мыслей, одинаково враждебныхъ нынѣшней системѣ; онъ доказываетъ, что война необходимо должна была бы имѣть революціонный характеръ; потомъ доказываетъ, что правительство хочетъ вести ее въ консервативномъ духѣ съ единственной цѣлью упрочить свое существованіе славою побѣдъ, безъ всякаго намѣренія улучшить положеніе Италіи. Но прочтемъ изложеніе самой рѣчи, представленное Монитёромъ.

«Г. Жюль Фавръ требуетъ рѣчи.

«Г. Президентъ, давая рѣчь г. Жюлю Фавру, проситъ палату слушать его не перерывая. Искусство, съ которымъ г. Фавръ владѣетъ рѣчью, должно служить палатѣ ручательствомъ за то, что рѣчь оратора будетъ сообразна съ важностью обстоятельствъ; потому г. президентъ проситъ палату слушать эту рѣчь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавръ благодаритъ Г. Президента за доброжелательную мысль его замѣчанія, но требуетъ полной независимости своимъ объясненіямъ. Онъ постарается не оскорбить палату ни однимъ изъ своихъ словъ. Если онъ принимаетъ участіе въ настоящемъ преніи, онъ дѣлаетъ такъ по убѣжденію, что это преніе необходимо, и требуетъ болѣе глубокаго разъясненія.

«Ни мало не одобряя нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ г. Плишономъ, ораторъ понимаетъ ихъ. По мнѣнію достопочтеннаго члена, очевиднѣйшею истиною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ея причина была ясно указана и цѣль ея ясно опредѣлена.

«Достопочтенный членъ указываетъ не несообщеніе извѣстій, какъ на нѣчто очень замѣчательное. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ Франція могла быть ввергнута въ войну, которая можетъ обнять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно къ выраженію своего мнѣнія. Но если Законодательному Корпусу не дано было направлять ходъ событій, если теперь онъ не имѣетъ права отказывать нашей арміи въ средствахъ съ блескомъ явиться на театрѣ дѣйствій, то члены палаты имѣютъ право спрашивать о причинѣ и о цѣли войны.

«Свѣдѣнія, сообщенныя правительствомъ, не бросили особеннаго свѣта на вопросъ. Правительство промолчало послѣ рѣчи г. Оливье. А между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ объясненія должны казаться необходимыми. Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ палатѣ изложеніе событій, но по мнѣнію оратора въ этомъ объясненіи нѣтъ откровенности относительно одного пункта, и этотъ недостатокъ откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«Въ настоящее засѣданіе г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что война теперь начата и трактаты разорваны. Ораторъ спрашиваетъ, не нужно ли въ такомъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить положеніе дѣлъ. Каждый членъ палаты желаетъ, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламенила сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ея была доказана всѣмъ, чтобы всѣмъ была показана святость и нравственность ея причины.

«Документъ, прочитанный г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, говоритъ, что Франція постоянно желала мира, что она и теперь желаетъ его, что она вела переговоры для этой цѣли. Ораторъ протестуетъ противъ этихъ выраженій. Г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что Франція сражается только потому, что на нее напали; но, по мнѣнію оратора, война имѣетъ цѣль болѣе высокую. Воевать для соб-

Digitized by Google

ственной защиты,—такая политика невозможна для Тюильри. Правительство должно умѣть лучше держать знамя Франціи. По убѣжденію оратора, французское правительство хотѣло войны и готовило ее. Отвѣтственность за войну должна лежать на правительствѣ.

«Достопочтенный членъ проситъ возвратиться мыслью годъ назадъ. Ничто не показывало тогда, что миръ будетъ нарушенъ. Тюильрійскій кабинетъ выразилъ свою заботливость объ Италіи среди этого совершеннаго спокойствія; онъ высказалъ тогда мысль, что надобно произвесть реформу въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и возставалъ противъ возрастающаго существованія Австріи. Положеніе, принятое французскимъ правительствомъ, его слова, допускаемыя имъ статьи и брошюры, все это встревожило Австрію за владычество въ Италіи, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблятся въ своемъ основаніи.

«По мнѣнію оратора, такой образъ дѣйствій необходимо долженъ былъ имѣть двоякое послѣдствіе: глубоко взволновать Италію и встревожить вѣнскій кабинетъ, т. е. заставить его усилить стѣснительныя мѣры, которыми онъ обременялъ Италію. 40 лѣтъ Австрія господствуетъ въ Италіи насиліемъ, терроризмомъ, инквизиціею, полиціею, ссылками, конфискаціею, многочисленными крѣпостями, которыя она считаетъ неприступными и которыми ограждаетъ она свою непопулярность. Она думала, что, увеличивъ силу средствъ разрушенія и порабощенія въ этой благородной и несчастной странѣ, она восторжествуетъ надъ всѣмъ. Она подавила все, кромѣ сердецъ: сердца ускользнули отъ тиранства, и непримиримостью своей вражды протестуютъ противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ, на которыхъ основываютъ они свой протестъ. Но, прибавляетъ ораторъ, насиліе бываетъ только фактомъ временнымъ и никогда не можетъ основать прочнаго правительства.

«Притомъ же явилось для Франціи затрудненіе, о которомъ не думали уполномоченные Вѣнскаго конгресса, затрудненіе въ тысячу разъ опаснѣйшее всѣхъ тайныхъ обществъ, поражающихъ во маракѣ. Австрія подвергается явной опасности отъ развитія свободы передъ лицомъ деспотизма. Потому Австрія почувствовала необходимость вести противъ Піэмонта глухую вражду. Но Піэмонтъ имѣетъ за себя святость и справедливость своего дѣла и нравственную поддержку во всѣхъ благородныхъ людяхъ. Его молодой король составляетъ гордость своего народа и хочетъ отмстить за смерть своего благороднаго, славнаго и несчастнаго отца. Помощникомъ піэмонтскаго короля находится государственный человѣкъ, возвеличенный мыслью, что онъ долженъ освободить Италію, что это должно быть дѣломъ его жизни, — государственный человѣкъ, написавшій на знамени Піэмонта девизъ: «независимость Италіи», т. е. изгнаніе австрійцевъ.

«Ораторъ спрашиваетъ, правда ли, что тѣ волненія, которыя въ настоящую минуту обнаруживаются въ Италіи, движеніе, которое разливается въ ней и которое уже низвергло шаткій тосканскій престолъ,—правда ли, что эти волненія одобряются Тюильрійскимъ кабинетомъ? Французское правительство услышало жалобы итальянцевъ и сдѣлалось ихъ эхомъ; оно недавно укрѣпило договоромъ и брачнымъ союзомъ старинныя связи между Франціею и савойскимъ домомъ. Правительство въ своей политикѣ было вѣрно преданіямъ Франціи и ораторъ убѣжденъ, что Франція будетъ могущественна только тогда, когда Италія будетъ свободна и обновлена. Разбивать цѣпи рабства, изгонять властителей, умѣющихъ господствовать только насиліемъ, таково, по мнѣнію достопочтеннаго члена, призваніе Франціи.

«Ораторъ знаетъ, что была рѣчь о конгрессѣ, на которомъ дипломаты думали мирно разрѣшить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда ихъ всегда казалась оратору химерою. Конгрессъ невозможенъ, если на немъ нѣтъ Піэмонта; а если является на немъ Піэмонтъ, удаляется съ него Австрія. Но, удаляясь, она губитъ себя, потому что удаляется отъ цивилизаціи и человѣчества.

«И такъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только войною, потому ораторъ считаетъ необходимостью, чтобы въ точности была извѣстна политика и цѣль Франціи. Причиною войны служитъ угнетеніе Италіи, оно вредно для Франціи. Чтобы отстранить этотъ вредъ, рѣшена теперь война и эта война не должна имѣть никакой другой

Digitized by Google

цѣли, какъ независимость Италіи. Это говоритъ Піэмонтъ въ своей прокламаціи, и нашъ союзникъ не можетъ быть обманутъ.

«Потому оратору кажется, что невозможно имѣть сомнѣній относительно цѣли войны. Но онъ не можетъ удержаться отъ воспоминанія, относящагося къ 1849 году, къ эпохѣ римской экспедиціи. Въ 1849 году онъ имѣлъ нѣкоторое опасеніе за результатъ экспедиціи. Члены тогдашняго правительства отвѣчали ему, ручаясь своимъ словомъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ покушеній противъ свободы; а между тѣмъ извѣстно, что произошло. По мнѣнію оратора, результатомъ римской экспедиціи было возстановленіе правительства, которое ненавистно жителямъ Церковной Области и которое всѣ кабинеты признаютъ дурнымъ.

«Чтобы устранить всякую неизвѣстность, ораторъ проситъ г. президента государственнаго совѣта сказать ему, ошибается ли онъ въ истолкованіи истинной причины и цѣли войны. По мнѣнію оратора, Франція обнажила мечъ за независимость Италіи и не должна влагать его въ ножны, пока остается хотя одинъ австріецъ на итальянской землѣ. Если правительство находитъ, что мысль оратора слишкомъ обширна, онъ проситъ отвѣчать ему на вопросъ: обнаружившееся волненіе уже низвергло престолы австрійскихъ вассаловъ; намѣрено ли правительство возстановлять ихъ? Если правительство кардиналовъ будетъ низвергнуто, то будутъ ли проливать кровь римлянъ для возстановленія этого правительства?

«По мнѣнію оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объясненія объ этомъ. Довольно будетъ и того, если правительство промолчитъ. Дилемма теперь такова: или надобно измѣнить Италіи и Піэмонту, или надобно освободить Италію, т. е. изгнать изъ нея австрійцевъ. Ораторъ хочетъ думать, что если правительство не отвергнетъ прямо политику втораго рода, то оно принимаетъ ее. Ограничивать роль Франціи войною чисто оборонительною, это значило бы косвеннымъ образомъ дѣлать Францію союзницею Австріи, упрочивать австрійское господство и отдавать Италію на жертву всѣмъ бѣдствіямъ реакціи.

«Ораторъ убѣжденъ, что никто не можетъ желать такого результата; потому онъ убѣжденъ, что французы теперь идутъ на освобожденіе Италіи и что независимость ея составляетъ цѣль войны. Достопочтенный членъ прибавляетъ, что во внутренней политикѣ не можетъ быть никакого примиренія между нимъ и правительствомъ, пока Франція остается угнетена нынѣшнею системою.

«Г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, говоритъ, что такое выраженіе не должно быть терпимо. Франція не угнетена нынѣшнею системою; напротивъ, Франція поднята нынѣшнею системою.

«Г. Президентъ замѣчаетъ, что г. Жюль Фавръ, произнося употребленное имъ выраженіе, забылъ, что нынѣшнее правительство было одобрено нѣсколько разъ поразительнымъ согласіемъ неизмѣримаго большинства націи.

«Г. Жюль Фавръ говоритъ, что единственнымъ его намѣреніемъ было честно выразить его мысль о войнѣ. Если Франція и правительство думаютъ о войнѣ также, какъ онъ, то какъ бы велико ни было его несогласіе съ правительствомъ во внутренней политикѣ, онъ будетъ энергически поддерживать правительство противъ внѣшнихъ враговъ».

Даже по этому искаженному извлеченію видно, что Жюль-Фавръ говорилъ съ самой ѣдкой ироніей. Даже Монитёръ не съумѣлъ скрыть фразы о неестественности порядка, при которомъ Франція могла быть ввергнута въ войну безъ согласія своихъ представителей. Требовать отъ правительства объясненій послѣ того, какъ оно своимъ молчаніемъ подтвердило слова Оливье, — требовать послѣ этого новыхъ объясненій и все-таки доказывать, что война, вѣроятно, будетъ ведена для освобожденія Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ напоминать о римской экспедиціи, — это значило горько смѣяться. Наконецъ, рѣзкое выраженіе объ угнетеніи Франціи при нынѣшней системѣ

Digitized by Google

свидѣтельствуетъ о такой смѣлости рѣчи, какую рѣдко позволяли себѣ ораторы и въ Палатѣ Депутатовъ при Луи-Филиппѣ. Какъ ни скрашиваетъ Монитёръ слова, сказанныя Жюлемъ Фавромъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Бароша, все-таки видно, что Барошъ и президентъ не могли заставить его взять назадъ свое выраженіе; и даже по изложенію Монитёра видно, что заключеніе рѣчи о согласіи республиканцевъ съ внѣшнею политикою правительства имѣло смыслъ сарказма.

Заключимъ обзоръ фактовъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ войною во Франціи, письмомъ парижскаго корреспондента Times'а о дѣйствіи, произведенномъ въ Парижѣ прокламаціею императора французовъ.

«Прокламація императора французовъ, явившаяся вчера въ «Монитерѣ», кажется публикѣ слабымъ, но старательнымъ подражаніемъ прокламаціи первой имперіи. Она представляется такою близкою копіею всѣхъ этихъ манифестовъ, сначала производившихъ трескъ, а потомъ потерявшихъ всякую эффектность, что есть люди, указывающіе на нее какъ на свидѣтельство того, что въ прежнія времена было больше умственной свѣжести и оригинальности. Дѣйствительно, нынѣшняя прокламація вовсе не лестнымъ для себя образомъ напоминаетъ о бюллетеняхъ и прокламаціяхъ генерала Бонапарте къ его полу-голодной и полу-нагой арміи, устремлявшейся съ альпійскихъ снѣговъ на плодоносныя ломбардскія долины; напоминаетъ его «приказы» послѣ Лоди, Арколе или Кампо-Форміо, его адресы къ французскому народу при выступленіи въ каждый новый походъ. Одинъ депутатъ изъ Бургони замѣтилъ, что нынѣшняя прокламація точно также относится къ тирадамъ Наполеона I, какъ стаканъ дешеваго вина, разбавленнаго водою, къ рюмкѣ настоящаго шамбертенскаго. Но попадаются люди, которые находятъ, или по крайней мѣрѣ говорятъ, что она очень краснорѣчива. Объ этомъ можете судить, какъ хотите, но она не прошла безъ замѣчаній со стороны людей, читающихъ ее на улицахъ. Они замѣчаютъ съ изумленіемъ (хотя трудно сказать, на какомъ основаніи они изумляются), что она не упоминаетъ ни о сенатѣ, ни о Законодательномъ Корпусѣ, ни о государственномъ совѣтѣ,—ни объ одномъ изъ такъ называемыхъ *grands corps de l'Etat*, «великихъ государственныхъ учрежденій», какъ будто бы они и не существовали въ правительственномъ механизмѣ, не имѣли въ немъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго, ни финансоваго значенія. Упоминая объ императрицѣ и наслѣдномъ принцѣ, прокламація ввѣряетъ этихъ августѣйшихъ особъ принцу Іерониму, «брату перваго императора», «храбрости войскъ, остающихся во Франціи», національной гвардіи и вообще народу, но ни слова не говоритъ «Монитеръ» ни о сенатѣ, ни о депутатахъ.

«Министры также «блистаютъ своимъ отсутствіемъ» въ этомъ торжественномъ адресѣ къ французскому народу. Но это менѣе удивительно, если справедливъ слухъ, что кабинетъ распался, что его члены увольняются въ отставку или посылаются въ армію съ напутствіемъ: «идите туда, гдѣ ждетъ васъ слава». Дѣйствительно, говорятъ, что г. Валевскій и г. Фульдъ желали сопровождать императора,—достовѣрно ли это, не умѣю сказать. Государственный министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ болѣе всѣхъ членовъ кабинета надѣялись и желали сохраненія мира. Но, съ ироническою хитростью, именно г. Фульдъ и г. Валевскій были избраны для произнесенія воинственныхъ воззваній къ сенату и депутатамъ. Это напоминало о «бѣсѣ проповѣдникѣ» испанской комедіи, въ которой бѣсъ Люзбель принужденъ за наказаніе надѣть костюмъ францисканскаго монаха и проповѣдывать въ луккскихъ церквахъ въ защиту ордена, который онъ особенно ненавидѣлъ и которому особенно вредилъ. Старательность Люзбеля, желающаго поскорѣе кончить обязанность, ненавистную ему, отчаянныя усилія его выдать свое уничиженіе за усердіе, принужденная горячность его проповѣди,—все это было повторено на нашихъ глазахъ. Потому вовсе не удивительно, что прокламація не упоминаетъ о нынѣшнихъ министрахъ, и холодность, съ какою были приняты депутатами важныя сообщенія послѣднихъ дней, можетъ служить объясне-

Digitized by Google

ніемъ оффиціальному молчанію о депутатахъ. Сенатъ, говорятъ, оказался удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи. Сенатъ и въ первой французской имперіи былъ угодливѣе Законодательнаго Корпуса. Но не должно забывать, что въ часъ несчастія Наполеонъ I именно на сенатъ изливалъ свои горчайшіе сарказмы. Къ сенаторамъ онъ обращался съ упрекомъ за то, что они никогда не имѣли мужества сказать ему истину, безъ сопротивленія и возраженія принимали каждое его распоряженіе, каждое его желаніе. Слова о «неисправимыхъ людяхъ старыхъ партій, постоянно соединявшихся съ врагами отечества», обращены на легитимистовъ и орлеанистовъ и составляютъ, надобно думать, лучшее средство пріобрѣсть ихъ сочувствіе.

«О томъ, выходятъ ли, остаются ли министры, публика, повидимому, мало заботится,—перемѣны интересны только для нихъ самихъ и для желающихъ занять мѣста отставленныхъ. Изъ упоминанія о принцѣ Іеронимѣ должно бы, кажется, слѣдовать, что по крайней мѣрѣ двое или трое изъ нихъ должны быть отставлены. Друзья принца Іеронима говорятъ, что онъ мало вѣритъ въ ихъ преданность царствующей династіи».

Прокламацію императора французовъ мы не приводимъ здѣсь, потому что она слишкомъ извѣстна читателю по газетамъ. Но кому угодно вообще ближе познакомиться съ характеромъ и степенью правдивости военно-дипломатическаго краснорѣчія, тотъ можетъ прочесть двѣ слѣдующія прокламаціи австрійскаго главнокомандующаго. Вотъ что говоритъ Гіулай жителямъ Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій, выступая въ походъ противъ Сардиніи:

«Оскорбленія, наносимыя изъ піэмонтскихъ владѣній императорской фамиліи безумной партіей, противной порядку и закону, и упорство, съ которымъ она отвергаетъ всякія слова миролюбія и примиренія, истощили долготерпѣніе нашего Августѣйшаго Императора и Государя и заставили его прибѣгнуть къ силѣ оружія на побѣдоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего Государя, я назначенъ главнокомандующимъ арміей и гражданское управленіе Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ соединено въ моихъ рукахъ съ военной властью на время войны съ той минуты, какъ наши царственные орлы и наши славныя знамена переходятъ за ломбардскія границы.

«Энтузіазмъ, съ которымъ ваши молодые люди стали въ ряды императорской арміи, добровольное усердіе, съ которымъ вы удовлетворили нуждамъ нашей храброй арміи, чувство долга, одушевляющее васъ,—все это служитъ для меня ручательствомъ за сохраненіе тишины и общественнаго порядка, не взирая на всѣ ухищренія революціонной партіи».

Конецъ прокламаціи, по выраженію Гоголя,—уже не такъ занимателенъ. Онъ говоритъ о томъ, что для огражденія ломбардцевъ, столь усердныхъ къ австрійскому императорскому дому, отъ злонамѣренныхъ людей, оставляется въ Ломбардіи достаточное число войска. Эта заботливость объ огражденіи усердныхъ ломбардцевъ отъ всякой бѣды со стороны ненавистныхъ имъ коварныхъ злоумышленниковъ носитъ на себѣ характеръ высокой заботливости о благѣ Ломбардо - Венеціанскаго королевства. Но скажите, возвышался ли когда нибудь самъ авторъ Монте-Кристо до такой восхитительной поэзіи, какою проникнуты переведенныя нами строки объ увѣренности Гіулая въ энтузіазмѣ, съ которымъ ломбардскіе юноши бѣгутъ становиться подъ славными знаменами Австріи?..

Но, можетъ быть, читателю интересно точнѣе узнать кроткія добродѣтели Гіулая, находящагося въ столь чувствительныхъ отношеніяхъ къ ломбардо-венеціанцамъ. Отеческая любовь его къ ломбардо-венеціанцамъ доста-

Digitized by Google

точно характеризуется однимъ анекдотомъ. Однажды Гіулай замѣтилъ Радецкому, помощникомъ котораго былъ, что онъ слишкомъ неосторожно ѣздитъ по миланскимъ улицамъ, потому что какой нибудь итальянскій патріотъ можетъ выстрѣлить въ него. „Не бойтесь, сказалъ Радецкій, они въ меня не будутъ стрѣлять: вѣдь они знаютъ, что послѣ моей смерти главнокомандующимъ сдѣлаетесь вы".

Но не съ одними ломбардцами Гіулай говоритъ совершенно по душѣ, съ полной откровенностью и правдивостью. Столь же прекрасна и его другая прокламація, къ сардинцамъ. Вы, читатель, быть можетъ полагаете, что только французы идутъ въ Ломбардію освободителями,—вы совершенно ошибаетесь: австрійцы также идутъ въ Сардинію за тѣмъ, чтобы освобождать ее. Вы не знали этого; такъ вотъ же вамъ подлинная прокламація австрійскаго главнокомандующаго.

«Піэмонтцы!

«Переходя ваши границы, мы направляемъ наше оружіе не на васъ.

«Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая насиліемъ своимъ угнетаетъ васъ, возстаетъ противъ всякаго миролюбиваго слова и нарушаетъ права другихъ итальянскихъ государствъ и Австріи.

«Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и умѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священны.

«Мое слово служитъ вамъ ручательствомъ, что человѣколюбіе императорскихъ войскъ нисколько не уступаетъ ихъ храбрости.

«Какъ выразитель великодушныхъ намѣреній моего Августѣйшаго Императора и Государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вамъ обѣщаніе: наша война не есть война противъ народовъ и національностей, но противъ дерзкой партіи, которая подъ обманчивою маскою свободы лишила бы всѣхъ насъ свободы, если бы Богъ нашего оружія не былъ бы и Богомъ правосудія.

«Когда наши противники будутъ побѣждены, когда порядокъ и миръ будутъ возстановлены, вы, называющіе насъ нынѣ врагами, вы тогда назовете насъ вашими освободителями и друзьями».

Наполеонъ III называетъ себя освободителемъ, и Гіулай называетъ себя также освободителемъ, — какъ разобрать, кто изъ нихъ лучшій другъ свободы? Но этотъ вопросъ намъ нѣтъ никакой надобности рѣшать. Мы только излагаемъ факты, да и то, какъ видитъ читатель, почти только чужими словами.

Не знаемъ, многіе ли сардинцы повѣрили Гіулаю, но французскимъ прокламаціямъ вѣритъ множество итальянцевъ. Ближе всего должны быть знакомы съ обѣщаемою свободою римляне, которые уже 10 лѣтъ пользуются правительствомъ, находящимся подъ защитою французскаго войска, и теперь снова ограждаемымъ отъ всякой опасности прокламаціями и многими изустными и письменными увѣреніями французскаго правительства. Но римляне вздумали было воображать, что они итальянцы, и что такъ какъ французы пришли освобождать всю Италію до самаго Адріатическаго моря, то слѣдовательно освобожденіе относится и къ нимъ. Начало своему освобожденію принялись

Digitized by Google

полагать они очень идиллическое, именно, ограничились на первый разъ тѣмъ, что раза два собрались подъ окнами генерала Гойона, командующаго французскимъ войскомъ въ Римѣ, и герцога Граммона, французскаго посланника въ Римѣ, и кричали: „да здравствуетъ императоръ!“ —„да здравствуетъ Франція!“ — „да здравствуетъ Италія!“ Намѣренія у нихъ, какъ видимъ, не были слишкомъ человѣкоубійственны или анархичны, но все-таки поступки ихъ нарушали порядокъ, и потому генералъ Гойонъ, вышедши на балконъ, сказалъ народу, махавшему шляпами и платками въ честь ему и Франціи: „Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!“ Послѣ этихъ словъ, столь же ясныхъ, сколь краткихъ, генералъ ушелъ съ балкона, а кардиналъ Антонелли, то же защитникъ свободы, прислалъ полицію, которая арестовала нѣсколькихъ человѣкъ; а на другое утро, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній порядка и свободы, явилась прокламація Гойона, которая менѣе чувствительна и возвышенна, чѣмъ всѣ прокламаціи, занимавшія насъ до сихъ поръ, но въ которой за то, съ похвальной ясностью, изображены истинныя качества итальянской свободы съ точки зрѣнія Гойона.

«Штабъ-квартира.
«Римъ 26-го апрѣля 1859 года.

«Въ городѣ произошли мирныя, но публичныя манифестаціи. Какова бы ни была наша симпатія къ чувствамъ, ими выражаемымъ, но мы не можемъ допустить ихъ возобновленія. Всякая публичная манифестація, подъ какимъ бы знаменемъ и по какому бы побужденію ни происходила, нарушаетъ порядокъ, и слѣдствіемъ ея всегда бываютъ мѣры, печальныя для тѣхъ, кого онѣ постигаютъ.

«Законъ воспрещаетъ всякія столпленія на улицахъ и повелѣваетъ, чтобы въ случаѣ нужды они были разгоняемы силою.

«Назначенный сюда по приказанію нашего императора, чтобы помогать достопочтимому Святѣйшему Отцу облегченіемъ его правительству способовъ сохранять порядокъ, я обязанъ, какъ командиръ вооруженной силы, наблюдать за соблюденіемъ закона. Какъ бы ни прискорбна была эта обязанность, мы неукоснительно исполнимъ ее при всякихъ обстоятельствахъ. Но я надѣюсь, что понятливость и благоразуміе Римскаго народа облегчатъ мнѣ исполненіе моего долга. *Гойонъ*».

Въ этой прокламаціи каждое слово дышетъ самою чистѣйшею правдою, тутъ нѣтъ ни тѣни притворства, генералъ Гойонъ никого не хочетъ вводить въ заблужденіе, и изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, онъ одинъ обращается къ своей публикѣ съ словами, вполнѣ заслуживающими довѣрія. Его образъ дѣйствій мы считаемъ наилучшимъ поясненіемъ того, каковы будутъ для итальянцевъ результаты французскихъ побѣдъ въ Италіи при нынѣшней системѣ.

Если бы нынѣшняя система французскаго правительства хотѣла допускать въ Италіи „безпорядки“, въ Римѣ и въ Неаполѣ давно бы произошли перевороты, подобные тому, какой совершился въ Тосканѣ. Стоило бы французамъ сказать въ Римѣ, что они не будутъ стрѣлять по народу, если онъ выразитъ свои чувства, и Римъ давно низложилъ бы папу, и 25.000 римскаго войска пошли бы на усиленіе сардинско-французской арміи. Стоило бы французамѣ послать одинъ батальонъ войска въ Неаполь, и тамъ была бы провозглашена конституція, или было бы учреждено временное правительство, и 50.000 неаполитанцевъ пошли бы помогать сардинцамъ. По всей южной

Digitized by Google

границѣ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній явились бы итальянскія войска, возстаніе въ нѣсколько дней охватило бы эти владѣнія; австрійскіе отряды, оставшіеся тамъ, бѣжали бы въ Мантую и Верону, а вступившая въ Піэмонтъ армія, отрѣзанная отъ всѣхъ сообщеній, должна бы просто положить оружіе. Въ двѣ недѣли, вся кампанія была бы кончена; французамъ осталось бы только блокировать три-четыре крѣпости, и если бы Австрія не заключила мира, черезъ мѣсяцъ она не существовала бы, потому что и Вѣна, и Пештъ, и Аграмъ, и Прага ждутъ только случая, чтобы разсчитаться съ преемниками Виндишгреца за обманы и свирѣпости. Если бы императоръ французовъ хотѣлъ собственно того, чтобы освободить Италію отъ австрійцевъ, такая политика съ его стороны была бы неизбѣжна. Но цѣль его совершенно не такова. Онъ хочетъ собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская безпорядковъ въ Италіи. Потому Неаполь остается спокоенъ, и Римъ принужденъ оставаться спокойнымъ, и только Флоренція, относительно которой французы не успѣли принять никакихъ мѣръ, не была удержана отъ переворота.

Съ самаго начала нынѣшняго года, люди умѣренной конституціонной партіи старались убѣдить австрійскаго эрцгерцога Леопольда II, царствовавшаго въ Тосканѣ, что если онъ хочетъ сохранить свой престолъ, ему необходимо сблизиться съ Піэмонтомъ и провозгласить себя защитникомъ итальянской независимости. Само собою разумѣется, что онъ отвергалъ эти совѣты; онъ говорилъ, что величайшая уступка, на какую онъ можетъ рѣшиться, будетъ сохраненіе нейтралитета между Австріею и Піэмонтомъ. Неудовольствіе въ народѣ увеличилось, но Леопольдъ II былъ нѣсколько лучше другихъ итальянскихъ государей, держащихся австрійской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшаго только на его политику. Особенно опаснымъ казался народу генералъ Феррари, главнокомандующій тосканскихъ войскъ, который прежде находился въ австрійской службѣ и пропитался тамъ антинаціональнымъ направленіемъ. 24-го апрѣля, когда во Флоренціи получено было извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ, жители начали сильнѣе прежняго говорить, что стыдно было бы измѣнять національному дѣлу. Въ этотъ день (пасхальное воскресеніе) хотѣли просить герцога, когда онъ пойдетъ изъ церкви во дворецъ, чтобы онъ отставилъ Феррари. Но потомъ стали говорить, что самъ герцогъ увидитъ эту необходимость, и первый день Пасхи прошелъ безъ демонстрацій. Въ понедѣльникъ разыгрывалась во Флоренціи лоттерея, на которую сходится множество народа изъ окрестностей; но спокойно прошелъ и этотъ день, хотя Феррари сдѣлалъ поступокъ, какъ бы нарочно вызывавшій къ возстанію. Братъ одного изъ офицеровъ тосканскаго войска отправлялся волонтеромъ въ Піэмонтъ; офицеръ поѣхалъ провожать брата въ Ливорно и обнималъ его при прощаніи. Феррари велѣлъ схватить этого офицера и заковать въ цѣпи; но всѣ другіе офицеры объявили, что вооруженной силой освободятъ заключеннаго. Феррари освободилъ его и тѣмъ кончилось дѣло. Сами австрійцы признаются, что жители Тосканы держали себя съ удивительнымъ самоотверженіемъ, все еще надѣясь, что герцогъ пойметъ свои обязанности къ Италіи. 26-го апрѣля срокъ австрійскаго ультиматума кончился; австрійцы готовились

Digitized by Google

перейти Тичино, французы прибыли въ Геную. Флорентинцы увидѣли, что невозможно болѣе медлить. Офицеры и солдаты тосканской арміи начали говорить, что не могутъ измѣнить отечеству и не захотятъ рѣзать народъ. На улицахъ показались трехцвѣтныя итальянскія кокарды. Повсюду слышались крики: „да здравствуетъ Италія!“ 27-го апрѣля всѣ улицы были наполнены народомъ, но особенно толпился онъ передъ герцогскимъ дворцомъ. Въ цитадели Св. Георгія, господствующей надъ Флоренціей, еще съ августа мѣсяца хранился запечатанный конвертъ. 27-го апрѣля, поутру, въ половинѣ девятаго, эрцгерцогъ Карлъ, сынъ Леопольда, отправился въ цитадель, созвалъ офицеровъ, распечаталъ передъ ними конвертъ и прочелъ содержавшуюся въ немъ бумагу. Она заключала приказаніе бомбардировать Флоренцію, написанное генераломъ Феррари, съ подробными распоряженіями о томъ, какъ производить бомбардировку. Эрцгерцогъ Карлъ спросилъ, много-ли въ крѣпости зарядовъ и сколько орудій можетъ быть наведено на городъ. Комендантъ цитадели отвѣчалъ, что онъ и его товарищи готовы защищать великаго герцога и его семейство, еслибъ членамъ династіи лично угрожала опасность, но не могутъ стрѣлять по народу за то, что онъ выказываетъ чувство національности, раздѣлять которое сама армія считаетъ долгомъ чести. Герцогъ, убѣдившись, что армія не хочетъ начинать междоусобную войну и истреблять городъ, долженъ былъ отказаться отъ проэкта бомбардировки. Жители Флоренціи, собравшіеся на площади передъ дворцомъ, послали къ Леопольду депутацію, которая убѣждала его, что единственнымъ средствомъ сохранить престолъ своей династіи остается ему отреченіе въ пользу старшаго сына Фердинанда, которому народъ еще можетъ довѣрять, между тѣмъ какъ самому герцогу никто уже не вѣритъ послѣ событій 1849 года. Герцогъ отвѣчалъ, что не откажется отъ власти, и послалъ за маркизомъ Лаятико, однимъ изъ главныхъ людей умѣренной національной партіи, чтобы поручить ему составленіе министерства въ либеральномъ духѣ. Но, посовѣтовавшись съ своими друзьями, маркизъ отвѣчалъ, что необходимо отреченіе великаго герцога въ пользу старшаго сына. Герцогъ и тутъ не согласился, и сталъ готовиться къ отъѣзду. Все это было 28-го числа, поутру; около четырехъ часовъ герцогъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ. Толпы народа молча пропускали поѣздъ, не произнося ни одного оскорбительнаго слова. Въ половинѣ осьмаго, вечеромъ, муниципальное начальство города Флоренціи обнародовало, что должно было принять на себя заботу объ учрежденіи новой администраціи, по удаленіи герцога со всѣмъ семействомъ. Временное правительство, назначенное городскимъ начальствомъ, объявило, что Тоскана ввѣряетъ свою судьбу королю сардинскому, вручаетъ ему диктаторскую власть на время войны и проситъ его прислать коммиссара для управленія дѣлами. Сардинскій король отвѣчалъ, что принимаетъ на себя только завѣдываніе военными дѣлами для борьбы съ австрійцами. Вооруженія въ Тосканѣ производятся очень дѣятельно и она усиливаетъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ сардинскую армію. Леопольдъ съ своимъ семействомъ безъ всякихъ затрудненій выѣхалъ за границу и теперь находится въ Вѣнѣ.

Часть герцогства Моденскаго, лежащаго между Сардиніей и Тосканой (Масса и Каррара), также послѣдовала примѣру Тосканы и присоединилась къ Піэмонту въ военномъ отношеніи. Въ остальной части Моденскаго герцогства народъ долженъ былъ оставаться спокойнымъ, потому что слишкомъ близко находятся

Digitized by Google

сильные австрійскіе отряды въ ломбардскихъ областяхъ и въ Феррарѣ. Приближеніе австрійцевъ возстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена дня на два удалиться изъ своихъ владѣній.

Въ Неаполѣ продолжается тревожное ожиданіе потрясеній, которыя должны послѣдовать за смертью Фердинанда II, лежащаго теперь въ медленной и мучительной агоніи.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 (1) мая. Война до сихъ поръ сохраняла чисто политическій характеръ; императоръ французовъ рѣшительно не хочетъ возбуждать революціонныхъ движеній, и гдѣ можетъ, какъ напримѣръ въ Римѣ, поддерживаетъ существующій порядокъ противъ недовольныхъ. Онъ не довѣряетъ ни народному энтузіазму, ни волонтерамъ, и до сихъ поръ могъ остаться вѣренъ своей мысли, выставлять только солдатъ противъ австрійскихъ солдатъ. Если борьба будетъ сохранять такой характеръ, австрійцы могутъ очень долго тянуть ее, владѣя Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольникъ, образуемый этими крѣпостями, изъ которыхъ особенно сильны Верона и Мантуя, находится въ самомъ центрѣ ихъ итальянскихъ владѣній. Выбить ихъ изъ него будетъ дѣломъ очень труднымъ, если и предположить, что они, потерявъ нѣсколько сраженій, принуждены будутъ отступить до Минчіо и Аддидже въ нынѣшій походъ.

Если война продолжится болѣе одного кратковременнаго похода,—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, — то нѣтъ ей возможности не распространиться далеко за предѣлы Италіи. Нейтральныя державы, при нынѣшней дипломатической системѣ, по необходимости будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ ближе и ближе втягиваться въ этотъ водоворотъ, пока онъ совершенно увлечетъ ихъ. Въ Западной Европѣ важны въ военномъ отношеніи только Пруссія съ Германскимъ союзомъ, который теперь совершенно подчиняется ея руководительству, и Англія.

О томъ, какую роль въ войнѣ будетъ играть Германія, едва ли надобно говорить. Она будетъ противъ Франціи. Вопросъ объ этомъ только вопросъ о времени и поводѣ открытія военныхъ дѣйствій. И Пруссія, и всѣ второстепенныя державы Германскаго союза уже приготовили свои войска къ выступленію въ походъ,—разумѣется, не противъ Австріи. Германія можетъ выставить на Рейнъ 500,000 войска, кромѣ гарнизоновъ, которые останутся въ крѣпостяхъ по западной границѣ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о войнѣ въ Англіи, но самымъ краткимъ образомъ можно опредѣлить намѣренія Англіи двумя словами: она чрезвычайно желала бы сохранить нейтралитетъ, но предчувствуетъ, что должна будетъ взяться за оружіе для собственной защиты, и въ такомъ случаѣ будетъ вести войну самымъ энергическимъ образомъ. Эти двѣ черты вопроса очень живо и полно выражены въ рѣчахъ, которыя Брайтъ и Робекъ сказали на выборахъ своимъ избирателямъ. Брайтъ выставляетъ первую черту нынѣшняго англійскаго взгляда на войну—гибельность войны, желаніе сохранить миръ, если бы это было возможно, проклинаетъ тѣхъ, кто заставитъ Англію взяться за оружіе. Робекъ говоритъ о томъ, что какъ бы то ни было, война неизбѣжна, и когда она начнется, Англія страшно накажетъ тѣхъ,

Digitized by Google

кто нарушилъ ея спокойствіе. Мы помѣщаемъ въ приложеніи эти замѣчательныя рѣчи.

Но вотъ коротенькій отчетъ изъ Times'а объ успѣхѣ митинга, который былъ созванъ въ Гайдъ-Паркѣ однимъ изъ немногихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ людей, воображающихъ, что война начата для освобожденія Италіи. Читатель увидитъ изъ этихъ строкъ, какой успѣхъ имѣютъ подобныя мысли въ Англіи.

«Вчера вечеромъ многочисленный митингъ былъ собранъ въ Гайдъ-Паркѣ, съ цѣлью предложить адресъ къ императору Наполеону для выраженія симпатіи императору за образъ дѣйствій, принятый имъ въ итальянскихъ дѣлахъ. Этотъ митингъ былъ созванъ докторомъ Уэббомъ, который и предсѣдательствовалъ. Предсѣдатель, открывая совѣщаніе сказалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ радикаловъ въ королевствѣ. Изложивъ митингу причину, по которой онъ созванъ, докторъ Уэббъ прочелъ адресъ императору, выражавшій одобреніе ему за образъ дѣйствій, принятый имъ для освобожденія итальянцевъ отъ австрійскаго тиранства Мистеръ Ментель (одинъ изъ главныхъ людей радикальной партіи въ Лондонѣ) сказалъ тогда рѣчь, объяснявшую, что онъ не вѣритъ императору французовъ. Потомъ мистеръ Ментель предложилъ поправку, осуждающую адресъ доктора Уэбба къ императору. Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложеніе доктора Уэбба послать адресъ къ императору французовъ было отвергнуто».

Мысль о томъ, что, при желаніи сохранить миръ, Англія вынуждена будетъ воевать противъ Франціи, давно замѣчалась въ англійскихъ государственныхъ людяхъ всѣхъ партій, тори, виговъ и радикаловъ, Дерби, Пальмерстона и Робека, и высказывалась газетами, которыя въ результатѣ всегда остаются руководительницами событій; но съ особенною силою вспыхнула эта мысль при слухѣ о союзѣ между Россіею и Франціей. Никакія увѣренія министровъ въ томъ, что слухи о русско-французскомъ союзѣ неосновательны, не помогли дѣлу. Англичане остались при мысли, что Франція задумываетъ напасть на Англію, отнять у ней владычество на моряхъ и ищетъ или уже нашла союзниковъ. Эта мысль имѣетъ рѣшительное вліяніе на ихъ расположеніе. Давно уже производились вооруженія, теперь они приняли гигантскій размѣръ, передъ которымъ ничтожны кажутся всѣ вооруженія, сдѣланныя въ крымскую войну.

Начались уже и дипломатическія столкновенія съ Франціею, предшествующія войнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна протестація англичанъ противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойскія Альпы. По трактатамъ 1815 года австрійскія владѣнія въ Италіи были увеличены собственно съ тою цѣлью, чтобы Австрія вмѣстѣ съ Піэмонтомъ служила оплотомъ противъ попытокъ Франціи къ новому завоеванію Италіи. Чтобы еще больше укрѣпить оборону, было постановлено, что часть Савойи, служившая въ то время обыкновеннымъ путемъ изъ Франціи въ Италію, при всякихъ войнахъ должна оставаться нейтральною и охраненіе ея нейтралитета было поручено Швейцаріи. Когда разнеслись слухи о намѣреніи французовъ идти черезъ Савойю, Швейцарія встревожилась и потребовала объясненій у французскаго правительства. Но противъ Швейцаріи Франція дѣйствительно не имѣетъ пока никакихъ замысловъ и потому Швейцарія могла получить объ-

*

Digitized by Google

ясненіе, совершенно успокоившее ее. Всѣ недоразумѣнія были уже устранены, когда французскія войска пошли черезъ Савойю, и притомъ шли они по такимъ частямъ этой области, которыя Швейцарія признала не входящими въ границу нейтральности; итакъ она не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на движенія французскихъ войскъ черезъ Савойю. Послѣ этого казалось бы, что Англіи еще гораздо менѣе надобности вмѣшиваться въ это дѣло; однако же она протестовала противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойю, какъ противъ нарушенія нейтральной земли. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что Англія уже пріискиваетъ причины къ объявленію войны при первомъ случаѣ, когда ей покажется, что пора предупреждать опасность, которая, какъ убѣждены англичане, грозитъ имъ.

Императоръ французовъ замѣчаетъ, какъ сильно недовѣріе Англіи къ его намѣреніямъ, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы возстановить доброе согласіе съ ней. Мы не будемъ перечислять всѣхъ маленькихъ и большихъ любезностей, которыя онъ оказываетъ ей съ этою цѣлью, — отъ приказанія освободить отъ карантинныхъ формальностей какого-нибудь англичанина, спѣшащаго черезъ Францію воротиться домой съ Востока, до назначенія посланникомъ въ Лондонъ Персиньи, который считается въ Англіи самымъ жаркимъ приверженцемъ англо-французской дружбы. Замѣтимъ только, что въ Тюльери опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, котораго недавно такъ бранили, и говорить, что когда онъ сдѣлается министромъ, разрывъ между Англіею и Франціею будетъ невозможенъ.

Говорить такимъ образомъ, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы отъ политики Дерби и Мальмсбери чѣмъ нибудь, кромѣ развѣ большей твердости, значитъ не понимать, что тори и виги расходятся между собою только по вопросамъ внутренней политики, а въ иностранной политикѣ держатся совершенно одинаковыхъ началъ. Если бы лордъ Пальмерстонъ замѣнилъ лорда Мальмсбери, иностранная политика Англіи ни мало не измѣнилась бы.

Но падетъ ли торійское министерство, замѣнится ли министерствомъ Росселя и Пальмерстона? Это по прежнему зависитъ отъ того, какъ почтутъ нужнымъ дѣйствовать радикалы нъ новомъ парламентѣ, который соберется 31 мая. Въ прошедшій разъ мы довели разсказъ о внутреннихъ событіяхъ англійской исторіи до послѣднихъ дней преній о второмъ чтеніи билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинаціями и обстоятельствами было рѣшено пораженіе торійскаго министерства въ прошедшемъ парламентѣ и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопросъ такъ круто, что не могло избѣжать распущенія парламента, потерпѣвъ пораженіе. Намъ остается представить разсказъ о томъ засѣданіи, которымъ была рѣшена судьба министерства и парламента. Это засѣданіе было исполнено интереса, и мы переводимъ письмо лондонскаго корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и въ томъ отношеніи, что читатель довольно подробно можетъ познакомиться изъ него съ нѣкоторыми обычаями англійскаго парламента.

«Палата ожидала замѣчательной рѣчи отъ мистера Д'Израэли, и не ошиблась. Сначала онъ говорилъ о технической сторонѣ вопроса, излагалъ свой билль и защищалъ его. Палата постепенно наполнялась. Герцогъ Кембриджскій, графъ Карлейль и

Digitized by Google

многіе другіе пэры явились въ залѣ, а между тѣмъ ораторъ начиналъ говорить о личныхъ вопросахъ и одушевлялся страстью. Вотъ онъ извергаетъ громы на своихъ противниковъ сильнымъ, отдающимся по всей залѣ голосомъ; вотъ голосъ его обращается въ звучный шопотъ, достойный мистриссъ Сиддонсъ въ роли лэди Макбетъ. Когда онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ министерствомъ лорда Дерби, его голосъ дрожитъ отъ волненія. Тутъ онъ складываетъ на груди руки и говоритъ глухимъ сдержаннымъ тономъ человѣка, рѣшившагося подавлять свое волненіе и негодованіе, какъ Отелло передъ сенатомъ. И вдругъ, съ театральнымъ порывомъ, онъ протягиваетъ руку, указываетъ на лорда Росселя и громкимъ голосомъ съ бурными жестами, будто Цицеронъ, обвиняющій Катилину, объявляетъ, какъ человѣкъ и какъ министръ, что образъ дѣйствій благороднаго лорда производитъ вредное вліяніе на государственныя дѣла. Всѣ эти жесты и быстрые переходы отъ *forte* къ *pianissimo*, эти заученныя модуляціи, трагическіе переливы голоса, различныя позитуры были до того театральны, что не производили должнаго впечатлѣнія. Въ нихъ не было натуральности. На сценѣ былъ замѣчательный актеръ, владѣвшій всѣмъ, кромѣ верховнаго искусства скрывать искусственность. Однако же рѣчь достопочтеннаго джентльмена перерывали довольно мало, хотя большинство слушателей не соглашалось съ многими изъ его словъ и хотя зрѣлище такого человѣка, какъ мистеръ Д'Израэли, рыдающаго съ замираніями голоса о чемъ бы то ни было, напоминало зрителямъ не столько о трагедіи, сколько о балаганномъ фарсѣ. Съ ловкою деликатностью показавъ своимъ слушателямъ, что распущеніе парламента будетъ слѣдствіемъ противнаго министерству рѣшенія, онъ сѣлъ среди криковъ одобренія, производимыхъ энтузіазмомъ 300 джентльменовъ съ голосами, развитыми псовою охотою [1]).

«Президентъ предлагаетъ вопросъ. Герцогъ Кэмбриджскій и другіе пэры позорно изгоняются изъ палаты. Песочные часы переворачиваются, колокола по зданію звонятъ съ неистовымъ усердіемъ и депутаты устремляются въ залу [2]).

«Президентъ провозглашаетъ «молчаніе» и герольдмейстеръ палаты затворяетъ двери, и каждый членъ, находящійся въ залѣ, уже пойманъ и долженъ подать голосъ, а каждый членъ, оставленный за запертою дверью, долженъ писать къ своимъ избирателямъ объ несчастномъ случаѣ, по которому онъ опоздалъ минутою къ подачѣ голосовъ. Депутаты толпятся у рѣшотки своихъ мѣстъ, какъ рой пчелъ, а въ галлереѣ зрители набиты, какъ сельди. Президентъ предлагаетъ вопросъ, столь мало понятный публикѣ, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ» [3]).

---

[1]) Читатель знаетъ, что псовая охота служитъ любимымъ наслажденіемъ сельскихъ сквайровъ, составляющихъ главную опору торійской партіи.

[2]) Въ англійскомъ парламентѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, находится членовъ, которые не охотники слушать рѣчей, и пока ораторы аргументируютъ, они прохаживаются по корридорамъ, разсуждая о разныхъ предметахъ, или сидятъ въ библіотекѣ и другихъ комнатахъ зданія, занимаясь своими дѣлами, а въ залу собраній являются только къ тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать имъ время собраться, оставляется нѣсколько минутъ между предложеніемъ вопроса и подачею голосовъ. О предложеніи вопроса дается вѣсть по всему зданію звономъ колокольчика, а промежутокъ времени измѣряется песочными часами. Когда этотъ срокъ кончился, затворяются двери, ведущія отъ депутатскихъ мѣстъ въ корридоры.

[3]) Техника, по которой предлагаются въ англійскомъ парламентѣ вопросы, довольно многосложна, такъ что во многихъ случаяхъ большинство англійской публики не поняло бы, въ чемъ дѣло и почему оно ведется такимъ порядкомъ, еслибы газеты не переводили эту технику на вразумительный языкъ. Теперь дѣло шло слѣдующимъ порядкомъ: пренія начались по предложенію Д'Израэли прочесть во второй разъ билль: по парламентской формѣ это выражается слѣдующими словами: канцлеръ казначейства предполагаетъ, „чтобы билль былъ прочитанъ во второй разъ въ палатѣ". Это составляетъ основной вопросъ преній и по немъ направляется ходъ подачи голосовъ. Лордъ Россель предлагаетъ вмѣсто этого свое рѣшеніе, смыслъ котораго тотъ, что билль министерства не удовлетворителенъ. На техническомъ языкѣ это выражается такъ: „депутатъ лондонской Сити предлагаетъ палатѣ выпустить въ предложеніи всѣ слова, стоящія послѣ *чтобы*, и замѣнить ихъ слѣдующими словами..." Итакъ, прежде всего палата должна рѣшить, выпустить ли изъ основнаго вопроса всѣ слова послѣ *чтобы*.

Джентльмены съ высокими грудями и псово-охотничьими голосами воззываются обыкновенною формою: «Вы, говорящіе «да»,—говорите «да!» Они не просто говорятъ «да», они ревутъ его, рычатъ его». Президентъ говоритъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»,—говорите «нѣтъ!» Если бы 330 подполковниковъ съ голосами Стентора скомандовали пли! взрывъ крика не могъ бы быть сильнѣе. Самый тонкій слухъ затруднился бы рѣшить, въ которомъ отвѣтѣ крикъ былъ громче. Президентъ, быть можетъ подозрѣвая на чьей сторонѣ большинство, сказалъ: «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «нѣтъ». Въ отвѣтъ раздалась обычная фраза съ громовымъ крикомъ: «большинство на сторонѣ «да». Тогда президентъ сказалъ: «да» идутъ направо, «нѣтъ» идутъ налѣво. Считать «да» будутъ мистеры»... конецъ фразы былъ заглушенъ шумомъ и хаосомъ [1]).

«Собраніе раздѣлилось на два медленные потока, устремившіеся въ противоположныя стороны. Медленно шли слабые, больные, дряхлые члены, принесенные съ постелей въ палату по холодному ночному туману, смѣнившему бурю съ снѣгомъ, бывшую въ тотъ вечеръ. Тихо шли они, разсуждая о рѣчи Диззи [2]), о заслоняющемъ собою всѣ другія заботы распущеніи парламента и о большинствѣ въ пользу лорда Джона. Медленно проходилъ каждый передъ секретаремъ и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господъ счетчиковъ при исполненіи ихъ обязанности въ такомъ важномъ случаѣ. Воротясь въ палату, «да» образовали почти непроходимую толпу у рѣшотки, а «нѣтъ» столпились около кресла президента. Каждый съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждетъ результата. Наконецъ два джентльмена проходятъ черезъ толпу, стоявшую у рѣшотки; одинъ изъ нихъ, сэръ Уильямъ Джоллифъ, счетчикъ «да», подходитъ къ президенту, шепчетъ ему число «да» и потомъ возвращается къ своему предводителю. Лицо Диззи безстрастно; но сэръ Уильямъ не достигалъ совершенства въ этой школѣ. «Мысли его можно прочесть на лицѣ его», по словамъ поэта. Лицо его печально, и мы видимъ, что онъ считаетъ своихъ побѣжденными. Онъ знаетъ число только своей залы, но по безпримѣрному многолюдству присутствовавшихъ депутатовъ, онъ полагаетъ, что въ засѣданіи было больше 600 членовъ, а онъ не насчиталъ въ своей залѣ и половины этого числа. Бѣдный сэръ Уильямъ, онъ убитъ духомъ и не можетъ скрыть этого! Вотъ по немногу пробиваются чрезъ толпу своихъ счетчики противной стороны и шепчутъ секретарю. Секретарь пишетъ и передаетъ бумагу собирателю депутатовъ оппозиціи [3]). Правительство побито. Поднимается страшный гулъ въ палатѣ. Тсъ,

---

Если она рѣшитъ, что ихъ должно выпустить, тогда она должна будетъ рѣшать, постановить ли на мѣсто словъ, предложенныхъ Д'Израэли и уже отброшенныхъ, слова, предлагаемыя Росселемъ. Ясно, что въ настоящемъ случаѣ эта вторая подача голосовъ будетъ имѣть только формальное значеніе, потому что желать выпущенія словъ Д'Израэли могли только тѣ, которые хотѣли замѣнить ихъ словами Росселя. Итакъ существенную важность имѣла въ настоящемъ случаѣ только первая подача голосовъ о рѣшеніи, „чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ“, т. е. о томъ, удерживается-ли основное предложеніе Д'Израэли, „прочесть билль во второй разъ“, или отвергается.

[1]) Первый способъ подачи голосовъ въ англійскомъ парламентѣ состоитъ въ томъ, что президентъ проситъ согласныхъ съ предложеніемъ сказать „да“, потомъ несогласныхъ сказать „нѣтъ“; судя по силѣ звука, онъ говоритъ потомъ, на которой сторонѣ большинство голосовъ. Если сторона, которую онъ объявляетъ меньшинствомъ, сомнѣвается въ вѣрности его догадки, или просто хочетъ, чтобы извѣстны были въ точности силы ея и силы ея противниковъ, она протестуетъ, и тогда президентъ назначаетъ подачу голосовъ „раздѣленіемъ“ (*division*). Тогда депутаты, принимающіе предложеніе, выходятъ изъ залы засѣданій въ боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающіе предложеніе—въ боковую залу на противоположной сторонѣ. На той и другой сторонѣ бываетъ по два счетчика (*tellers*); они записываютъ имена, пересчитываютъ ихъ и подаютъ списки президенту.

[2]) Фамильярное прозвище, вмѣсто Д'Израэли; Пальмерстона фамильярно зовутъ Памъ: лорда Джона Росселя—Джонни.

[3]) *Whipper-in.* И министерская партія, и оппозиція имѣютъ по одному такому члену, спеціальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы всячески заботиться собирать какъ можно болѣе депутатовъ своей стороны въ тѣ засѣданія, когда рѣшаются важныя дѣла. Онъ разсылаетъ циркуляры съ просьбами

Digitized by Google

тише... объявляются цифры. «Да», на правой сторонѣ—291, «нѣтъ», на лѣвой сторонѣ—330. Раздаются апплодисменты такіе, какъ будто бы 330 подполковниковъ пожалованы кавалерами Бани и получили крымскую медаль изъ рукъ ея величества.

Тишина отчасти возстановлена и президентъ предлагаетъ подачу голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Поднимается мистеръ Уильдъ, продавецъ ландкартъ, имѣющій магазинъ на Черингъ-Кроссѣ,—у него есть поправка въ пользу баллотировки. Начинается сцена крика и смятенія, одна изъ тѣхъ сценъ, какія едва ли можно видѣть гдѣ нибудь, кромѣ Палаты Общинъ,—сцена, которая возбудила бы въ насъ насмѣшку, или даже презрѣніе, еслибы мы прочли, что она происходила въ конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Среди страшнаго вопля можно разслышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Нѣсколько минутъ палата хохотала, когда мистеръ Генри Беркли, очевидно, по совѣту лорда Джона Росселя, встаетъ требовать себѣ нѣкоторой опеки надъ вопросомъ о баллотировкѣ въ палатѣ и представляетъ, что мистеръ Уильдъ повредитъ этому вопросу, требуя подачи голосовъ о немъ несвоевременнымъ образомъ, въ такую минуту, когда палата нетерпѣливо хочетъ подавать голоса о предложеніи лорда Росселя и пожать плоды побѣды. Но шумъ и смятеніе увеличиваются; достопочтенный депутатъ Бристоля (Беркли), ощущая, что его убѣжденія не могутъ быть въ одно время слышны стенографамъ и достопочтенному депутату города Бодмина (Уильду), сидящему позади его, обращается задомъ къ президенту, лицомъ къ нему и ораторствуетъ передъ достопочтеннымъ джентльменомъ съ замѣчательною энергіею жестикуляціи, при хохотѣ палаты, которая не можетъ разслышать ни слова. Мистеръ Мильнеръ Джибсонъ является помощникомъ мистеру Беркли [1]).

«Бѣдный мистеръ Уильдъ представлялъ въ эту минуту комическую картину: онъ сидѣлъ угрюмый, озлобленный, упорный, но не совсѣмъ довольный собой. Мистеръ Брайтъ, сидѣвшій прямо впереди него, обернулся назадъ и, кажется, испытывалъ надъ нимъ силу интимныхъ убѣжденій. Локъ Кингъ и другіе крайніе либералы подошли къ мистеру Уильду и тоже упрашивали его взять назадъ свое предложеніе; но онъ сидѣлъ неподвижно, и страшенъ былъ шумъ и гвалтъ. Мильнеръ Джибсонъ объявилъ, что уйдетъ изъ залы, не подавъ голоса, если достопочтенный членъ не отступится отъ требованія подачи голосовъ о баллотировкѣ.

«Тогда всталъ мистеръ Кле и, засунувъ палецъ за верхнюю пуговицу жилета, въ величественной позѣ ожидалъ, пока пронесется крикъ недовольства, привѣтствовавшій его появленіе, какъ проносится по нивѣ дыханіе вѣтра. Онъ сказалъ: «Сэръ (крики неудовольствія, на время которыхъ умолкаетъ достопочтенный джентльменъ), я думаю (новые крики неудовольствія и новая пауза), я думаю (новые крики, идущіе *crescendo*)». Нѣтъ возможности продолжать. Достопочтенный джентльменъ, покидая свою ораторскую позитуру, скороговоркою предлагаетъ отсрочить преніе. Встаетъ сэръ Джонъ Шелли и подполковниковъ съ голосомъ Стентора оказывается слишкомъ 500. Такихъ громкихъ криковъ «не нужно» рѣдко удается слышать.

«Буря достигла страшной силы. Можетъ ли лордъ Джонъ укротить ее? Онъ

непремѣнно явиться въ палату такого-то числа, ѣздитъ къ лѣнивымъ, ободряетъ больныхъ и тому подобное. Какая энергія нужна для его занятій, обозначается его именемъ *Whipper-in*, которое буквально надобно было бы перевести „человѣкъ, загоняющій плетью“.

[1]) Уильдъ, очевидно, одинъ изъ людей, одержимыхъ ревностью не по разуму: изъ усердія къ баллотировкѣ, онъ своею поправкою едва не погубилъ самого предложенія лорда Росселя и едва не спасъ министерства. Въ прошлой палатѣ, большинство было противъ баллотировки, и заставить подавать голоса о ней, значило заставить многихъ либераловъ подать голосъ вмѣстѣ съ министерскою партіею. Беркли президентъ общества, требующаго введенія баллотировки при выборахъ и въ парламентѣ, имѣетъ роль представителя своей партіи (независимыхъ виговъ и радикаловъ) по этому вопросу. Мильнеръ Джибсонъ, какъ извѣстно читателю, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ реформеровъ, потому и онъ старается спасти свою партію отъ нелѣпой выходки Уильда. Голоса, требовавшіе подачи голосовъ о предложеніи Уильда, конечно, принадлежали торійскимъ депутатамъ,—они надѣялись, что пораженіе баллотировки заставитъ многихъ либераловъ упасть духомъ и вообще разстроитъ ряды ихъ противниковъ.

Digitized by Google

дѣлаетъ попытку, встаетъ и усиливается сказать что-то палатѣ. Глухой могъ бы быть тутъ наилучшимъ стенографомъ. Всѣ видятъ, что губы благороднаго лорда движутся, что онъ жестикулируетъ, но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствамъ зрителей. Когда увидѣли, что нельзя отвратить подачи голосовъ, мистеръ Брайтъ, мистеръ Беркли и другіе друзья баллотировки встаютъ и идутъ изъ залы, но и тутъ несчастная судьба преслѣдуетъ ихъ: песочные часы бѣгутъ и послѣдняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующихся депутатовъ успѣла скрыться изъ залы. Депутаты нетерпѣливо кричатъ: «время кончилось» и президентъ былъ принужденъ дать знакъ къ закрытію дверей. Со времени битвы подъ Ватерлоо, когда покойный сэръ Джемсъ Макдональдъ, съ другимъ храбрымъ воиномъ желѣзной силы, руками вытолкнули за ворота Гугумонскаго замка французовъ и заперли за ними ворота, не бывало примѣровъ такого сильнаго мужества, какое было выказано герольдмейстеромъ по командѣ президента: «затворите и заприте двери!» Толпа депутатовъ стремилась въ залу, толпа депутатовъ стремилась изъ залы, когда герольдмейстеръ, схватившись за дверь, разрѣзалъ пополамъ этотъ сонмъ, и осталась въ залѣ половина хотѣвшихъ выдти и не попала въ залу половина хотѣвшихъ войти [1]).

Подаются голоса о предложеніи мистера Уильда. «Вы, говорящіе «да»—говорите «да!» Слабъ отвѣтъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»—говорите «нѣтъ!» Не наполнилась ли палата волами васанскими?—иначе какъ бы могъ подняться такой ревъ? Разумѣется предложеніе мистера Уильда отвергнуто; отворяются двери, и толпа врывается снова въ залу. Опять неистово звонятъ колокола и члены спѣшатъ, толкая другъ друга, чтобы не остаться запертыми въ коридорахъ при подачѣ голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Президентъ говоритъ: «мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». 50 недовольныхъ тори возражаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ» [2]). Президентъ отражаетъ аттаку. «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». Дѣло становится серьезнымъ, министры оборачиватся и бросаютъ умоляющіе взгляды на своихъ приверженцевъ На этотъ разъ только 25 голосовъ восклицаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ!» — «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да», говоритъ президентъ въ третій разъ. Молчаніе такое, что слышенъ былъ бы полетъ мухи. Президентъ говоритъ: «Большинство на сторонѣ «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такіе долгіе, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматриваетъ на канцлера казначейства. Среди многозначительнаго молчанія онъ предлагаетъ отсрочить засѣданіе до понедѣльника, и тѣ депутаты, которые не раздавлены каретами, въ безчисленномъ

---

[1]) Приверженцы баллотировки, зная, что не будутъ имѣть большинства, поспѣшили изъ залы затѣмъ, чтобы имѣть право сказать: мы не участвовали въ подачѣ голосовъ, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было имъ возобновить вопросъ въ другой разъ, когда они успѣютъ расположить въ пользу баллотировки колеблющихся депутатовъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлалъ Беркли. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій онъ выбралъ такую благопріятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинствомъ трехъ голосовъ. Такое слабое меньшинство противъ баллотировки Беркли справедливо назвалъ великимъ успѣхомъ своего дѣла.

[2]) Прежде предлагается вопросъ, оставить-ли въ предложеніи Д'Израэли слова, противъ которыхъ предложена поправка Росселемъ; тори должны были отвѣчать „да", т. е. оставить слова Д'Израэли. Большинство рѣшило, что ихъ должно выпустить. Теперь спрашивается, внести-ли въ рѣшеніе слова, предложенныя Росселемъ, и тори должны отвѣчать „нѣтъ". Но сущность дѣла, какъ мы говорили, уже рѣшена первою подачею голосовъ; очевидно, большинство будетъ на сторонѣ Росселя и въ этомъ вопросѣ, потому выгода тори требуетъ уже не доводить дѣла до подачи голосовъ раздѣленіемъ: еслибы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось послѣ первой побѣды присоединеніемъ колебавшихся членовъ прежняго меньшинства. И въ англійскомъ парламентѣ, какъ повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются къ побѣдителямъ, хотя бы прежде и возставали противъ нихъ. Парламентская тактика требовала отъ торійской партіи маскировать то, что она теперь не можетъ имѣть и тѣхъ 291 голоса, которые были на ея сторонѣ въ началѣ засѣданій. Но какъ Уильдъ едва не погубилъ либераловъ излишнимъ усердіемъ, такъ между тори явились теперь такіе же вредные ревнители.

Digitized by Google

множествѣ движущимися у подъѣзда, пошли домой, глубоко размышляя и весело болтая о занимательныхъ эпизодахъ засѣданія».

Мы говорили, что торійское министерство, потерпѣвъ пораженіе, рѣшилось распустить парламентъ, надѣясь, что общественное мнѣніе не захочетъ видѣть министерскій кризисъ наканунѣ войны и что въ новомъ парламентѣ тори получатъ большинство. Кромѣ нерасположенія англичанъ мѣнять министровъ во время войны или приготовленій къ войнѣ, тори надѣялись на благопріятный исходъ выборовъ потому, что ожидали помощи себѣ отъ всѣхъ тѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, у которыхъ парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества такихъ мѣстечекъ выборы служатъ просто источникомъ дохода, и тори надѣялись, что любовь къ собственному карману заставитъ многія изъ нихъ, прежде бывшія за виговъ, замѣнить прежнихъ депутатовъ своихъ торійскими депутатами, которые будутъ защищать прежнія злоупотребленія. Но еще больше, нежели на благопріятное расположеніе этихъ городковъ, тори надѣялись на прямую покупку ихъ избирателей. Тотчасъ же, какъ рѣшено было распустить парламентъ, торійскіе богачи собрались, чтобы составить подписку „на покрытіе издержекъ по выборамъ“, то есть на покупку маленькихъ городовъ. Въ нѣсколько минутъ подписка дошла до 100,000 фунтовъ,—гораздо болѣе полумилліона руб. сер. Подкупы были возведены при нынѣшнихъ выборахъ торической партіею до размѣровъ неслыханныхъ, колоссальныхъ. Мы въ приложеніи переводимъ изъ Times'а нѣсколько статей, которыя дадутъ читателю понятіе о великости скандала и впечатлѣніи, произведенномъ на англійское общество этимъ наглымъ безстыдствомъ.

Но результаты выборовъ не совсѣмъ отвѣчали огромности средствъ, употребленныхъ на подкупъ. Тори все-таки не успѣли пріобрѣсти большинства въ новомъ парламентѣ,—напротивъ либеральныя партіи имѣютъ въ новомъ парламентѣ большинство отъ 60 до 70 голосовъ. Сколько можно судить по нынѣшнимъ извѣстіямъ о характерѣ либеральной половины Палаты Общинъ, чистыхъ виговъ, безусловно идущихъ за Росселемъ или Пальмерстономъ, будетъ въ ней нѣсколько меньше, нежели въ прежней палатѣ, всего около 220 человѣкъ, а радикаловъ, независимыхъ либераловъ и манчестерцевъ, группирующихся около Брайта и Робека, нѣсколько больше прежняго, всего около 150 человѣкъ. Тори будутъ имѣть около 280 голосовъ. Эти цифры еще не совсѣмъ точны, потому что до сихъ поръ подробные разсчеты сдѣланы только по общему распредѣленію голосовъ между министерствомъ и оппозиціею всѣхъ оттѣнковъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, ясно, что ходъ дѣлъ въ Палатѣ Общинъ будетъ по прежнему зависѣть отъ тактики Брайта и Робека, съ тою только разницею, что въ новомъ парламентѣ ихъ прямое вліяніе будетъ нѣсколько сильнѣе прежняго. Падетъ ли министерство Дерби или нѣтъ, это главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ нихъ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Взглядъ англичанъ на войну.

1. Отрывокъ изъ рѣчи Брайта къ жителямъ Бирмингэма 28 апрѣля. (По Times'у).

Выборъ кандидатовъ происходилъ въ залѣ Городскаго Совѣта; въ 11 часовъ вечера были отворены двери залы, вмѣщающей до 7000 человѣкъ, и она наполнилась въ нѣсколько минутъ. Сэръ Рэтклифъ, мэръ бермингэмскій, предсѣдательствовалъ въ собраніи. Когда мистеры Чольфильдъ [1]) и Брайтъ явились на эстрадѣ, ихъ привѣтствовали апплодисментами, продолжавшимися по крайней мѣрѣ 10 минутъ. Мистеръ Эклендъ, напротивъ, былъ освистанъ съ тою же энергіею.

Мистеръ Чольфильдъ первый обратился къ избирателямъ. Послѣ него сталъ говорить мистеръ Брайтъ. Онъ былъ принятъ съ восторженными и продолжительными апплодисментами. Сказавъ нѣсколько словъ о своихъ убѣжденіяхъ, о необходимости реформы и ея цѣли, онъ продолжалъ:

«Я говорю, что англійское правительство разорительно, дерзко и публично расточало плоды народнаго труда. Если бы не было такъ, то почему же мы имѣли бы теперь національный долгъ въ 800 милліоновъ фунтовъ, за который вѣчно должны платить каждый годъ 30 милліоновъ фунтовъ процентовъ, почему же мы имѣли бы надобность ежегодно собирать до 70 милліоновъ фунтовъ податей? Развѣ управлять нами такъ затруднительно? Развѣ нужны огромныя арміи и огромные флоты, безчисленная полиція и колоссальныя издержки на то, чтобы сохранить порядокъ въ нашей землѣ? (крики «нѣтъ!» и апплодисменты). Можно ли указать хотя на одного работника ланкастерскихъ фабрикъ, хотя на одного земледѣльца, хотя на кого нибудь изъ всѣхъ людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, и сказать, что онъ сталъ богаче, лучше или безопаснѣе, благодаря невѣроятнымъ нашимъ расходамъ въ послѣдніе сто лѣтъ? (апплодисменты). Съ парламентомъ, составленнымъ такъ, какъ составленъ теперь вашъ парламентъ, нѣтъ у васъ должнаго обезпеченія за экономію. Знаете ли вы чудовищный фактъ, что нынѣ, завтра и послѣзавтра 47 городковъ, общее населеніе которыхъ не превышаетъ населеніе Бирмингэма, выбираютъ — не двухъ депутатовъ, какъ вы, а 72 депутатовъ въ Палату Общинъ (крики «это стыдъ!» и апплодисменты). Это не представительное правленіе! Предположите, что кто нибудь изъ вашихъ хозяевъ взялъ деньги на плату работникамъ и далъ имъ по одному шиллингу за цѣлую недѣлю, а все остальное какому нибудь привилегированному десятку. Правда, онъ роздалъ всѣ деньги и форма платежа соблюдена,

---

[1]) Бирмингэмъ посылаетъ въ парламентъ двухъ представителей. Чольфильдъ, вмѣстѣ съ Брайтомъ бывшій депутатомъ Бирмингэма въ прошломъ парламентѣ, имѣетъ убѣжденія одинаковыя съ Брайтомъ. Виги и тори соединились противъ Брайта и выставили своимъ кандидатомъ Эклепда.

Digitized by Google

но тѣ, которые получили только по шиллингу, разумѣется. скажутъ, что не дано имъ полнаго вознагражденія за ихъ трудъ, и результатомъ будетъ неудовольствіе, отвращеніе, голодъ и нищета,—такъ и здѣсь. Депутаты выбираются и кто нибудь выбираетъ ихъ, лордъ Нѣкто, сквайръ Нѣкто. Виги и тори дѣйствуютъ по одной системѣ; и если вы введете моего почтеннаго товарища и меня въ слѣдующій парламентъ, то со всѣхъ сторонъ будемъ мы окружены десятками депутатовъ, всѣ избиратели которыхъ, взятые вмѣстѣ, не составляютъ такого числа, какъ тотъ одинъ городъ, представителями котораго мы будемъ (апплодисменты). Надобно сказать еще о баллотировкѣ. Когда я вижу, что теперь дѣлается,—не въ большихъ городахъ, подобныхъ Бирмингэму, а въ маленькихъ городкахъ,—когда я посмотрю, какія приготовленія дѣлаются къ выборамъ, какъ подавляется самостоятельность въ избирателяхъ, какъ о каждомъ независимомъ избирателѣ производятъ обыскъ, не долженъ ли онъ кому нибудь, не оказалъ ли ему кто нибудь услуги, не можетъ ли кто нибудь привлечь его обѣщаніями или запугать, чтобы этими средствами подѣйствовать на его голосъ,—когда я посмотрю на это, то чувствую, что многіе избиратели въ маленькихъ городахъ захвачены въ такіе тиски, что если осталась въ ихъ груди искра чести, они должны считать себя униженными и пристыженными на всю жизнь (апплодисменты). Едва ли есть на свѣтѣ такая земля, имѣющая представительную систему, въ которой не была бы принята баллотировка. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ австралійскихъ колоніяхъ, во Франціи, въ Бельгіи и въ Сардиніи, выборы производятся баллотировкою. Могутъ сказать, что баллотировка не спасла Францію отъ военнаго деспотизма, или была употреблена орудіемъ при введеніи его въ этой странѣ. Но я скажу вамъ, что пусть будутъ у васъ американскія учрежденія, или нынѣшнія ваши учрежденія, или тѣ, какія прежде существовали во Франціи, — вообще, пусть будетъ какая угодно форма вашего правленія, но если среди васъ находится 400.000 вооруженныхъ людей, единственное ремесло которыхъ война, которые отдѣлены отъ гражданскаго быта, которые живутъ не въ домахъ, а палаткахъ или казармахъ, то не будетъ безопасности,—нѣтъ, и на полгода не будетъ безопасности ничему, заслуживающему имя гражданской свободы (апплодисменты). Я стыдился бы недостатка логики въ своей головѣ, еслибъ сказалъ, что военный деспотизмъ во Франціи поддерживается или произведенъ всенароднымъ выборомъ. Еслибы право голоса было бы такъ ограничено, какъ при Луи-Филиппѣ, или еще больше ограничено, и явился бы человѣкъ, по какому нибудь наслѣдству, или по личнымъ качествамъ получившій приверженность полумилліона солдатъ, все равно исчезло бы все похожее на свободу (браво, браво!). Перехожу теперь, джентльмены, къ вопросу величайшей важности. Я слышу, что получено изъ Лондона извѣстіе величайшей и печальнѣйшей важности для Европы и для человѣчества. Война, которая четыре мѣсяца приближалась потаенными, но не укрывавшимися ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, шагами, появилась наконецъ во всей своей демонской ужасности.

„Смотрите, стоитъ на горѣ этотъ гигантъ: закрываютъ солнце его развѣвающіеся волосы, пропитанные кровью. Сверкаетъ въ его злодѣйскихъ рукахъ смертоносное орудіе; сожигаетъ глазъ его все, на что устремится“.

See where the giant on the mountain stands,
His blood-red tresses deepening in the sun,
With death-shot glowing in his fiery hands,
And eye that scorches all it glares upon

(апплодисменты). Таково чудовище, являющееся теперь на горизонтѣ, грозящее опустошить, залить кровью, наполнить невыразимыми страданіями города и села безчисленныхъ милліоновъ европейскаго населенія. Что намъ должно сдѣлать? Судя по прошедшему, я знаю, что мы станемъ дѣлать. Мы станемъ сначала посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста посредничеству. Мы станемъ немножко одобрять однихъ, немножко стращать другихъ. Понемногу мы впутаемся въ дѣла одной стороны такъ, что другая станетъ обвинять насъ во враждѣ и коварствѣ. А тутъ, какое нибудь страшное дѣло будетъ совершено одною изъ воюющихъ сторонъ. Оно будетъ выставлено передъ нами

Digitized by Google

въ истинномъ или грубопреувеличенномъ видѣ. Если ваше правительство расположено къ войнѣ, въ лондонскихъ журналахъ найдутся люди, которые будутъ разукрашивать и искажать всѣ факты и разжигать васъ воззваніями иногда къ вашимъ благороднымъ страстямъ, иногда къ низкимъ страстямъ, пока наконецъ наша страна, эта жемчужина изумруднаго моря, которая одна безопасна среди всѣхъ бурь и грозъ, волнующихъ и мучащихъ міръ, будетъ увлечена къ тому, чтобы вмѣшаться въ борьбу, и англійская кровь, и англійскія сокровища будутъ проливаться, какъ проливались прежде по всѣмъ полямъ Европы, гдѣ выигрываются или проигрываются битвы (апплодисменты). Говорятъ, что у насъ есть договоры съ Бельгіей и что если кто станетъ обижать это маленькое королевство, то надобно послать англійское войско на защиту его столицы и его государя. Я не заключалъ такихъ договоровъ, не заключали и вы; и я говорю, что министръ, который хочетъ втянуть Англію въ эту войну, становится виновникомъ въ гнуснѣйшемъ предательствѣ передъ англійскою короною и англійскимъ народомъ (апплодисменты). Но всѣ вы ничего не знаете о намѣреніяхъ вашего правительства. Вы ничего не знаете о переговорахъ. Парламентъ ничего не знаетъ о нихъ Намъ совершенно неизвѣстно, какія обязательства мы дали тому, кто владычествуетъ въ Парижѣ, или тому, кто владычествуетъ въ Вѣнѣ. Я думаю,—и рекомендую это мнѣніе джентльменамъ другихъ партій,—я думаю, что если бы англійскій народъ имѣлъ справедливое участіе въ составленіи Палаты Общинъ, то по всей вѣроятности наши иностранныя дѣла велись бы съ большею открытостью, съ большимъ прямодушіемъ, съ большею добросовѣстностью и намъ было бы менѣе опасности, проснувшись въ то или другое утро, увидѣть, что наша благородная страна, со всею своею промышленностью, всѣмъ своимъ просвѣщеніемъ, всею своею нравственностью, всею своею религіозностью ввергнута въ ужаснѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ преступленій, изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій (апплодисменты). Еще одно слово по вопросу о войнѣ. Я никогда не отрицалъ, нѣсколько зная человѣческую натуру, зная нѣсколько человѣческую исторію, и никогда не стану отрицать, что иногда человѣческому глазу и человѣческому сердцу кажется, будто есть кажущаяся необходимость брать на себя отвѣтственность за военныя бѣдствія (апплодисменты). Но, какова бы ни была, когда нибудь, кажущаяся необходимость войны, пусть каждый изъ насъ держитъ себя такъ, чтобы передъ лицемъ Бога, знающаго всѣ тайны каждаго сердца, могъ быть чистъ въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ при подобныхъ случаяхъ (браво, браво!). Война, по своей натурѣ, разрушительна и анархична; не можетъ быть свободы въ Европѣ, не можетъ быть невозмутимаго или прочнаго мира въ Европѣ, пока великія державы содержатъ 3 или 4 милліона вооруженныхъ людей во время глубокаго мира (апплодисменты). Даже у насъ, въ Англіи, что можетъ быть анархичнѣе и разрушительнѣе войны? Вспомните о войнѣ, въ которую мы были ввязаны съ 1793 до 1815 г. Это былъ періодъ ужаснаго страданія; это былъ также періодъ полнаго деспотизма. Не было тогда свободы выраженію мнѣній, не было свободы печатному слову, не было свободы никому, кромѣ развѣ того, кто хотѣлъ превзойти своихъ сосѣдей безумнымъ пристрастіемъ къ войнѣ. И потомъ опять, съ 1815 до 1828, не было свободы въ Англіи, или было почти столько же свободы, сколько теперь у нашихъ сосѣдовъ—французовъ. Изъ года въ годъ было все тоже: тяжелое страданіе, упадокъ промышленности, нищета въ народѣ, постоянные заговоры, тайныя общества, вспышки возмущеній, всяческія опасности для законнаго порядка. Все это было натуральнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ той гигантской и дурной войны, которую вели наши правители 25 лѣтъ (крикъ «нѣтъ», заглушенный апплодисментами). И вотъ опять война. За этою войною—государственный долгъ; за этимъ государственнымъ долгомъ—увеличеніе налоговъ; за этими налогами—недовольство и всякія опасности въ будущемъ; вотъ что будетъ, если вы позволите вашему правительству хоть на одинъ часъ вмѣшаться въ вооруженный споръ, начинающійся теперь (апплодисменты). Въ Палатѣ Общинъ одинъ изъ министровъ имѣлъ наглость упрекнуть меня, что я говорю во вредъ англійской коронѣ. Меня тутъ не было; но теперь я бросаю ему въ лицо его клевету (долгіе апплодисменты). Англійская корона никогда не подвергнется опасности отъ счастливаго и довольнаго народа (апплодисменты). Посмотрите на другія націи и на исторію прошедшаго: когда корона

Digitized by Google

была срываема съ чьей нибудь головы, когда престолъ былъ низвергаемъ, когда королевское семейство блуждало въ изгнаніи, это бывало не результатомъ справедливой, милостивой и мирной политики, это было наказаніемъ, ниспосылаемымъ отъ Бога на нарушителей его закона, на презрителей его заповѣдей. Недалеко назадъ надобно возвращаться, всего только на пять лѣтъ, чтобы найти объясненіе этимъ словамъ. Вы помните прославляемую осаду Севастополя; вы помните страданія англичанъ, чтобы не говорить мнѣ о страданіяхъ французовъ, русскихъ, турокъ и сардинцевъ. Вы помните, что однажды, когда русскіе аттаковали наши войска, только чудомъ англійскія войска спаслись отъ совершеннаго истребленія. Вы помните, раздраженіе общественнаго мнѣнія. Вы помните громы могущественнѣйшей изъ вашихъ газетъ. Вы помните черныя мысли, которыя проносились въ умѣ каждаго, когда одна за другою приходили къ вамъ эти вѣсти; помните, какъ люди спрашивали себя, что будетъ съ нашими несчастными солдатами и съ честью Англіи. Предположите же, что случилось то, что едва не случилось, и никто еще не объяснилъ, какъ могло не случиться. Я спрашиваю, кто поручился бы, что при тогдашнемъ расположеніи умовъ сохранился бы порядокъ въ Англіи, хотя на одинъ день, и что не получили бы наши законы удара несравненно болѣе тяжелаго, нежели всѣ опасности, о какихъ помнитъ кто-нибудь изъ васъ (крики «нѣтъ», «да!» и апплодисменты). Нѣтъ, конечно нѣтъ, опасность прошла. Люди забываютъ бурю, едва не потопившую ихъ, едва поставятъ ногу на твердую землю. Но я говорю вамъ, что изъ такихъ событій происходитъ національное неудовольствіе, анархія, паденіе законовъ и совершенная гибель самыхъ уважаемыхъ династій (апплодисменты).

2. Отрывокъ изъ рѣчи Робека въ Шеффильдѣ по окончаніи выборовъ (по отчету Times'а).

«Прежній парламентъ былъ распущенъ не по государственной надобности, а для частной выгоды (апплодисменты). Въ нынѣшнее время, когда судьба міра рѣшается, не нужно ли вамъ было имѣть твердое и сильное правительство, дѣйствующее отъ вашего имени? (браво! браво!) Но лордъ Дерби и его министерство распустили парламентъ, хотя мы всѣ видѣли угрожающую опасность, и Англія теперь лишена правительства [1]). Что же произошло? Каждому, сколько нибудь знакомому съ политикой, было ясно, что въ прошедшую субботу [2]) европейскіе деспоты узнали, что получили свободу дѣйствовать по своимъ желаніямъ, и мы всѣ предсказывали, что непосредственнымъ результатомъ этого будетъ война. Что же вышло? мы знаемъ теперь, что въ тотъ же самый день австрійскій ультиматумъ былъ посланъ въ Сардинію. Итакъ, вышла война и поля Италіи обольются кровью. Зачѣмъ же это? Началась война, и что теперь дѣлать Англіи? Друзья мои, мы должны будемъ требовать произведеній вашего труда, чтобы защищать васъ, вашихъ женъ и дѣтей, и великое имя Англіи (апплодисменты). Не знаю, что скажетъ на это мой товарищъ [3]), потому что онъ одинъ изъ тѣхъ довѣрчивыхъ людей, которые очень полагаются на разсудительность людей. Сколько я знаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ называютъ друзьями мира (хохотъ). Я тоже другъ мира; но между моимъ другомъ и мною та разница, что, по моему мнѣнію, при нынѣшнемъ расположеніи народовъ, Англія должна обнаруживать готовность къ страшному отпору, если хочетъ сохранить миръ (апплодисменты). Не пришло еще то время, чтобы считали хорошимъ, когда ударятъ васъ по щекѣ, подставлять другую щеку (хохотъ). Если кто ударитъ меня, я поквитаюсь съ нимъ (хохотъ и громкіе апплодисменты). И если Англія хочетъ остаться въ мирѣ, пусть она готовится къ войнѣ

---

[1]) Робекъ хочетъ сказать, что министры не знаютъ, одобряетъ ли нація ихъ образъ дѣйствій и какого образа дѣйствій она хочетъ, потому остаются совершенно безсильны, когда нѣтъ парламента.

[2]) Т. е. 23 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ.

[3]) Другой депутатъ Шеффильда, Гедфильдъ, подобно Брайту говорящій, что война не извиняется ничѣмъ, никогда, кромѣ необходимости отражать врага, вторгающагося въ наше отечество. Гедфильдъ, подобно Робеку—радикалъ.

Digitized by Google

(браво!). Если за границей будутъ знать, что малѣйшее нарушеніе неприкосновенности англійскихъ владѣній или англійской территоріи повлечетъ за собою немедленное и страшное наказаніе, тогда Англія будетъ безопасна. Но если бы когда случилось, чтобы въ нашемъ Британскомъ каналѣ побѣдоносно плавали французскій и русскій флоты, что было бы съ вашей торговлею, съ вашей безопасностью, что было бы съ могуществомъ Англіи, съ цивилизаціею человѣчества? Но чтобы эти флоты не могли побѣдоносно приплыть въ Британскій каналъ, это будетъ одною изъ первыхъ моихъ заботъ. Нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ, нѣтъ билля, за который я не подалъ бы голосъ, чтобы сохранить господство англійскаго флота въ Британскомъ каналѣ (громкіе аплодисменты).

B.

О характерѣ выборовъ въ маленькихъ городкахъ (статья Times'а 26 апрѣля).

«Лордъ Дерби—горячій приверженецъ свободной торговли. Каковы бы ни были его мнѣнія о другихъ пунктахъ либеральной програмы, въ этомъ пунктѣ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій у него открытое, окончательное, полное. Подъ управленіемъ прежнихъ жестокихъ противниковъ Пиля мы получаемъ свободную торговлю во всемъ, даже въ продажѣ голосовъ. Побѣда полновѣснѣйшему кошельку! Начинается битва гиней, какъ начинается битва императоровъ. Идутъ въ продажу маленькіе городки британскихъ островов. «Кто купитъ, кто не купитъ? Купите, купите! даемъ 15 фунтовъ за избирателя! Идетъ, 15 фунтовъ,—это дешевле пареной рѣпы!» Избиратели покупаются съ аукціона Керльтонскимъ клубомъ [1]). Жаль, что нельзя намъ зажать ротъ аукціонеру. Натурально негодованіе на человѣка, продающаго право первородства за блюдо чечевицы; но мы не должны забывать, что покупщикъ въ этомъ гадкомъ торгѣ хуже продавца. Искуситель хуже искушаемаго, хитрый лоснящійся змѣй гнуснѣе безразсудной красавицы Евы. Такой фактъ, какъ предпринятая теперь покупка маленькихъ городковъ политической партіей, идущей наперекоръ націи, можетъ привести къ заключенію, что эти маленькіе городки — язва, которую надобно безстрашной рукой вырѣзать изъ нашей избирательной системы. Лордъ Дерби и его друзья предпринимаютъ такую покупку. Лордъ Дерби выложилъ свои деньги на столъ. Сумма красива и велика, соотвѣтствуетъ своему предмету и достойна его. Герцогъ Боклью слѣдуетъ за нимъ съ достойнымъ такого примѣра пожертвованіемъ; другіе консервативные магнаты не измѣняютъ своему предводителю, и составляется груда золота, чтобы купить власть надъ правами англичанъ. Страннымъ можетъ казаться на первый разъ, что отъ поведенія немногихъ избирателей, какими нибудь десятками разсѣянныхъ по 40 или 50 ничтожнымъ городкамъ, зависитъ политика нашего великаго государства; но это фактъ, и безполезно съ гнѣвомъ отрицать его. Отъ большинства въ Палатѣ Общинъ зависитъ управленіе нашею страною; выборы маленькихъ городовъ рѣшаютъ, на какой сторонѣ будетъ большинство. Батальонъ не армія, но батальонъ можетъ быть поставленъ такъ, что отъ его вѣрности и мужества можетъ зависѣть судьба арміи. У лорда Дерби достало ума понять это. Его разсчетъ могъ бы быть вѣренъ, еслибъ онъ не забылъ сообразить негодованія, какое пробуждается этимъ въ обществѣ. Если ему не удается исполнить на практикѣ свою теорію, ему будетъ худо, а если удастся, то будетъ еще хуже. Мы терпѣливый народъ; не любимъ политическихъ смятеній, хотя вѣчно споримъ о политикѣ. Но есть вопросъ, въ которомъ будутъ совершенно согласны 999 англичанъ изъ 1000. Они не будутъ спокойно смотрѣть на то, что ихъ отечество покупается и продается за 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Привиллегія управлять Англіею должна цѣниться дороже.

---

[1]) Керльтонскій клубъ центральный избирательный комитетъ торійской партіи.

Digitized by Google

«Смотрите зорко!» такой долженъ быть лозунгъ каждаго избирателя и даже не избирателя, во время выборовъ. Вся баттарея подкуповъ будетъ направлена на маленькіе города. Мы не можемъ надѣяться остановить ея огонь, но наши усилія могутъ по крайней мѣрѣ лишить этотъ огонь успѣха. Есть у насъ трибуналы въ избирательныхъ комитетахъ Палаты Общинъ, а рѣшенія комитетовъ вообще принимаютъ цвѣтъ общественнаго мнѣнія. Если оно будетъ говорить, что грубое плутовство совершено надъ страной, что предводители политической партіи, лишенные внутренней силы, но занимающіе министерскія мѣста, обдуманно составили планъ подкупать избирателей, сдѣлали для этого большую подписку, употребили хитрыхъ и опытныхъ агентовъ, то комитеты будутъ строги къ повѣркѣ выборовъ. Правда, что открыть подкупъ не всегда будетъ имъ легко, потому что подкупъ обращенъ въ науку и профессора ея хитрѣйшіе люди нашего времени. Они посвятили всю энергію своего ума, всѣ усилія своей жизни на открытіе способовъ прикрывать передачу взятки отъ подкупающаго къ подкупаемому. Они трудились надъ этою проблемою, какъ Ньютонъ трудился надъ проблемою тяготѣнія. Наше спасеніе въ томъ, что есть другая часть общества, обратившая всѣ усилія своего ума, всю свою энергію на преданіе преступниковъ суду. Это только особенная форма вѣчной борьбы между мошенниками и полиціей, а побѣда въ результатѣ не останется за мошенниками».

(Статья Times'а 27 апрѣля).

«Не на большіе города направлены могущественнѣйшія усилія денегъ и происковъ. Нѣтъ, сотня городовъ, скуднѣйшихъ населеніемъ и самыхъ зависимыхъ по своему положенію, служатъ полемъ настоящей битвы. Выберите тѣ городки, у которыхъ дѣйствительно хорошій билль реформы долженъ отнять депутатовъ, и знайте, что именно въ этихъ городкахъ рѣшается великій конституціонный вопросъ. Къ этимъ милымъ мѣстамъ стремятся политическія сердца. Въ эти почтенныя мѣстности текутъ обильныя рѣки денегъ. Но есть въ нынѣшнихъ выборахъ, превосходящихъ всѣ прежніе развитіемъ плутовства, то утѣшительное обстоятельство, что они очень своевременно раскрываютъ чудовищное зло, лѣкарствомъ отъ котораго должна служить реформа. Въ прокламаціи королевы лордъ Дерби объяснилъ причину къ распущенію парламента. Но быть можетъ еще большей благодарности заслуживаетъ онъ за то, что выставляетъ теперь на видъ всѣмъ характеръ существующей парламентской системы. Честь англійскаго джентльмена съ такимъ упорствомъ переживаетъ періодическое соприкосновеніе съ политическимъ подкупомъ, что въ два года мы почти забываемъ, какъ рождается на свѣтъ Палата Общинъ. Люди любятъ забывать то, о чемъ непріятно вспоминать. Но теперь, какъ только сойдется Палата Общинъ, ей представится вопросъ о томъ, какъ она составилась, и она будетъ хорошо знать положеніе дѣла.

Непріятно указывать на отдѣльные случаи, но исторіи объ избирателяхъ въ маленькихъ городахъ, разносящіяся теперь въ публикѣ, конфузятъ даже крѣпкую совѣсть высокихъ политическихъ людей. Ничѣмъ не насыщаются нѣкоторые изъ этихъ городковъ, собирающихъ теперь, какъ они полагаютъ свою послѣднюю жатву. Вытянувъ всѣ деньги у кандидата, они прогоняютъ его, чтобы замѣстить болѣе богатою жертвою; производятся два и три побора, каждый въ увеличенномъ размѣрѣ противъ прежняго. Избиратели раздѣлены на разряды десяти-фунтовыхъ, двадцати-фунтовыхъ и пятидесяти-фунтовыхъ, и въ каждомъ разрядѣ ставится за долгъ амбиціи не брать меньше того, сколько слѣдуетъ. На нашихъ страницахъ много избирательныхъ адресовъ и рѣчей, но въ большей части случаевъ это только благопристойное прикрытіе для сдѣлокъ вовсе не высокаго характера. Кандидатъ издаетъ прокламацію и ходитъ по собраніямъ, говоря рѣчи. Но существенное дѣло производится между тѣмъ въ заднихъ комнатахъ людьми, которые не говорятъ рѣчей и едва упоминаютъ о политическихъ мнѣніяхъ. Этимъ нешумнымъ путемъ производится торгъ, неуступающій своимъ размѣромъ дѣламъ англійскаго банка. Нынѣшніе выборы будутъ стоить издержекъ,—преступныхъ и гибельныхъ издержекъ,—въ цѣлый милліонъ фунтовъ стерлинговъ. О такихъ фактахъ нечего много разсуждать. Каждый изъ нихъ замѣняетъ цѣлые томы до-

Digitized by Google

казательствъ. Краснорѣчивый ирландскій проповѣдникъ вмѣсто того, чтобы сказать проповѣдь о пожертвованіяхъ на сиротскую школу, взошелъ на каѳедру и только указалъ на небо, на несчастныхъ сиротъ, на тарелку для сбора и сошелъ съ каѳедры; и никогда еще не бывало такого сбора. Такъ и теперь, когда будетъ вопросъ о реформѣ, не нужно будетъ говорить, нужно будетъ только указать однимъ словомъ на общеизвѣстные факты. Будемъ же благодарить лорда Дерби за картинное поясненіе нашего конституціоннаго порядка. Нынѣшніе выборы—альбомъ сценъ въ духѣ реформы. Трагическая муза Шекспира изобразила сцену французскихъ пировъ и англійскихъ молитвъ въ ночь наканунѣ Азенкурской битвы. Мистеръ Чарльзъ Кинъ пояснилъ это изображеніе двумя эффектными картинами. Лордъ Дерби принялъ на себя санъ трагической музы и представилъ намъ картину выборовъ въ наглядное поученіе, что чѣмъ скорѣе и чѣмъ радикальнѣе преобразуемъ мы такой парламентъ—тѣмъ лучше».

Digitized by Google

Іюнь 1859.

Причины нашей симпатіи къ австрійцамъ.—Сраженія при Монтебелло и Палестро.— Битва при Маджентѣ. —Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла.

Нашъ разсказъ объ итальянской войнѣ въ прошедшій разъ былъ доведенъ только до прибытія императора французовъ въ Алессандрію 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько нибудь замѣчательной стычки, но уже не трудно было предугадывать участь кампаніи, и, повторяя соображенія безпристрастныхъ газетъ, мы говорили: „надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами“ („Современникъ“ № V, „Политика“, стр. 171); „нелѣпое начало не предвѣщаетъ для нихъ (австрійцевъ) ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ — Пескьерѣ и особенно Мантуѣ“ (стр. 170). Теперь это соображеніе уже исполнилось болѣе чѣмъ наполовину; мы знаемъ, что австрійцы уже отступили далеко за Миланъ, занятый французами, и въ то время, когда читатель будетъ перелистывать эти страницы, онъ вѣроятно уже прочтетъ въ телеграфическихъ депешахъ, что австрійцы оттѣснены до самаго Минчіо. Дѣлать такія предсказанія очень легко, и хвалиться ихъ исполненіемъ нечего; нужно только слѣдовать соображеніямъ тѣхъ газетъ, у которыхъ лучшіе корреспонденты и у которыхъ есть политическій тактъ. Мы напоминаемъ объ исполненіи нашихъ прежнихъ словъ только съ цѣлью увѣрить читателя, что онъ можетъ считать не пустымъ обольщеніемъ тѣ соображенія о характерѣ, ходѣ и результатахъ итальянской войны, которыхъ мы держимся. Если эти соображенія оправдались фактами въ той части своей, которая наиболѣе подвержена случайностямъ, это можетъ быть нѣкоторымъ ручательствомъ за то, что оправдаются событіями и тѣ стороны ихъ, въ которыхъ случай имѣетъ гораздо меньше силы. Если ходъ войны оказался дѣйствительно таковъ, какой надобно было предполагать по указаніямъ достовѣрнѣйшихъ публицистовъ Западной Европы, то можно быть увѣреннымъ, что эти публицисты не ошибались и въ своихъ

Digitized by Google

указаніяхъ на характеръ войны и на то, какіе результаты она дастъ, если сохранитъ нынѣшній свой характеръ.

Итакъ мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какія внушаютъ побѣды, припомнить то, что мы говорили въ февральской, мартовской и майской книжкахъ объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны и о цѣляхъ, которыми должна ограничиться она по разсчетамъ могущества, нашедшаго нужду поднять итальянскій вопросъ. Въ нынѣшній разъ мы не станемъ повторять всего, что говорили прежде; не будемъ вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочетъ, руководится вовсе не желаніемъ освободить Италію, а только потребностью упрочить себя пріобрѣтеніемъ военной славы; не будемъ говорить о томъ, что эта цѣль вовсе не одинакова съ восторженными надеждами патріотовъ, которые пока еще не получили прочнаго ручательства въ согласіи французской политики съ ихъ планами; не будемъ говорить, что совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинскихъ побѣдъ и что, напротивъ, существуетъ множество другихъ комбинацій, которыми можетъ удовлетвориться Франція и которыя вовсе не соотвѣтствуютъ гипотезамъ, созданнымъ довѣрчивостью многихъ благородныхъ людей въ Италіи, во Франціи и у насъ. Повторять въ четвертый или въ пятый разъ то, что уже много разъ доказывалось съ большою подробностью, было бы слишкомъ скучно: притомъ мы рисковали бы напрасно огорчать тѣхъ читателей, которые оставались не согласны съ нами: они теперь увлечены благородною радостью отъ вѣсти о бѣгствѣ австрійскихъ мучителей изъ Ломбардіи; въ восторгѣ прекрасной симпатіи, они не захотятъ хладнокровно думать о тѣхъ грустныхъ фактахъ, на которыхъ основано наше недовѣріе и которые затмѣваются теперь блескомъ побѣдъ. Мы только просимъ ихъ не осуждать насъ за то, что мы не въ состояніи забыть прошедшаго и не можемъ вѣрить словамъ людей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо познакомили насъ съ собою своими дѣлами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Мы помнимъ, что говорилось въ 1849 году и что было сдѣлано въ томъ же 1849 году и въ слѣдующіе за нимъ годы. Прокламація къ жителямъ Милана кажется намъ слишкомъ похожей на множество прокламацій, съ которыми обращалась та же сила къ жителямъ Рима, а прежде того къ самимъ французамъ. Читатели, несогласные съ нами, не хотятъ помнить прошедшаго и не захотѣли бы слушать насъ, если бы мы стали говорить объ немъ. А тѣ, которые согласны съ нами, сами помнятъ то, забвеніе о чемъ приготовляетъ другимъ горькую необходимость скоро раскаяться въ нынѣшней довѣрчивости.

Не будемъ же говорить о томъ, къ чему ведетъ Италію нынѣшняя война, если характеръ этой войны не измѣнится отъ новыхъ катастрофъ; займемся только приведеніемъ въ связь газетныхъ извѣстій о ходѣ войны. Онъ былъ блистателенъ для французовъ и сардинцевъ и свидѣтельствуетъ о нелѣпости австрійцевъ. По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство пріятно тѣмъ, что умственная сторона дѣла соотвѣтствуетъ его нравственному достоинству. Гнусные притѣснители, австрійцы, оказываются съ тѣмъ вмѣстѣ пошлыми, бездарными, просто глупыми. Къ сожалѣнію, эта гармонія нравственныхъ

Digitized by Google

качествъ съ умственными замѣтна только въ австрійцахъ. Въ другихъ лагеряхъ мы почти только и видимъ или людей честныхъ, но дающихъ себя въ обманъ, или людей, умѣющихъ очень хорошо обдѣлывать свои дѣла при помощи обманываемаго благородства, людей, которые умѣютъ хорошо дѣлать, но дѣлаютъ только дурное.

Нелѣпость австрійцевъ обнаружилась къ нашему удовольствію и радости, конечно, всѣхъ нашихъ читателей еще поразительнѣе, нежели какъ мы надѣялись въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Мы полагали, что прибытіе императора французовъ въ Геную 12-го мая (новаго стиля) обозначаетъ уже совершенную готовность французскихъ войскъ въ Иваліи къ начатію наступательныхъ дѣйствій. Онъ и самъ ожидалъ найти все нужное перевезеннымъ, устроеннымъ, приготовленнымъ къ походу: онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по прибытіи начать посылать въ Парижъ бюллетени о побѣдахъ. Но его отъѣздъ изъ Парижа, обманувшій насъ, былъ слѣдствіемъ ошибки въ его собственныхъ предположеніяхъ. Онъ могъ начать наступательныя дѣйствія не ранѣе, какъ черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ своего пріѣзда. Около 13-го (1) мая французская пѣхота была дѣйствительно готова къ открытію кампаніи, но не была готова ни кавалерія, ни артиллерія, безъ которыхъ нечего было дѣлать и пѣхотѣ. Такимъ образомъ австрійцы имѣли еще около трехъ недѣль лишняго времени, для того, чтобы что нибудь сдѣлать на свободѣ. Они не умѣли ничего сдѣлать и въ этотъ срокъ, далеко превосходившій наши прежнія ожиданія. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиціи, они укрѣпляли позиціи, которыя оставляли безъ боя, они поглядывали на непріятельскія позиціи, которыя можно было взять безъ боя, и не брали ихъ; одинъ только разъ вздумали было что-то сдѣлать, но и тутъ распорядились самымъ пошлымъ образомъ, такъ что не только дали побить себя, но вдобавокъ и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знаетъ, что австрійцы были тутъ побиты, но можетъ быть онъ не знаетъ, что по ихъ собственному объясненію они дали эту битву для разузнанія расположенія французско-сардинскихъ войскъ, а въ результатѣ она послужила къ тому, что они не знали, гдѣ имъ ждать нападенія отъ непріятеля.

Съ 26-го (14) апрѣля до 20-го (8) мая цѣлый мѣсяцъ свободнаго времени австрійцы потеряли за-даромъ, потерявъ прежде того еще цѣлую недѣлю тоже нелѣпымъ образомъ. 21-го мая они вздумали наконецъ что нибудь сдѣлать,—и придумали сдѣлать сильную рекогносцировку на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы узнать расположеніе праваго фланга французскихъ войскъ. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ австрійскій главнокомандующій. По правдѣ говоря, вѣроятно была тутътакже надежда захватить врасплохъ французскую дивизію, которая стояла слишкомъ далеко отъ другихъ. Дѣйствительно, дивизію эту захватили они врасплохъ, такъ что должны были бы непремѣнно уничтожить ее; но вмѣсто того сами были ею побиты, такъ что стыдно было имъ и признаваться въ своемъ человѣко-убійственномъ намѣреніи, и за лучшее почли они говорить только о невинной мысли произвесть рекогносцировку. Подробности объ этомъ дѣлѣ извѣстны теперь съ достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность послѣ страшной битвы при Мадже́нтѣ, потому разсказъ нашъ можетъ быть коротокъ.

Digitized by Google

Объ враждебныя арміи, около 20-го (8) мая, стояли растянувшись каждая верстъ на сто. Часть французско-сардинскихъ войскъ была на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу По, часть на правомъ (южномъ). Австрійскія войска тоже стояли по обѣ стороны рѣки. На сѣверъ отъ По границею между врагами служило теченіе рѣки Сезіи, на югѣ естественной границы не было. Главною позиціею австрійцевъ была тутъ Страделла, составляющая ключъ къ обладанію надъ тою частью По, которая находится между Павіею и Піаченцою. Французскія войска стояли, между прочимъ, около Вогеры, которая лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Страделлы. „Мы хотѣли узнать, говоритъ Гіулай, какъ велики силы французовъ въ этомъ пунктѣ". Съ этою цѣлью былъ посланъ по дорогѣ къ Вогерѣ корпусъ Стадіона, имѣвшій до 25,000 человѣкъ. Первые непріятельскіе аванпосты встрѣтилъ онъ въ деревнѣ Кастеджіо: тутъ стоялъ отрядъ сардинской конницы, имѣвшій всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Сардинцы защищались очень храбро, сдѣлали нѣсколько геройскихъ аттакъ, но принуждены были отступить по той же вогерской дорогѣ въ деревню Монтебелло, гдѣ находилось около 500 человѣкъ французской пѣхоты подъ командою полковника Камбреля. Эта горсть людей вмѣстѣ съ сардинскими кавалеристами нѣсколько часовъ выдерживала битву, пока генералъ Форѐ, начальствовавшій дивизіею, расположенною въ тѣхъ мѣстахъ, собиралъ своихъ людей и поспѣшно посылалъ ихъ баталіонъ за баталіономъ на подкрѣпленіе аванпостному отряду. Отъ Вогеры къ Монтебелло идетъ желѣзная дорога, и это дѣло было первымъ сраженіемъ, въ которомъ вагоны привозили солдатъ прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Австрійцы очень твердо выдерживали бой, пока онъ ограничивался перестрѣлкою. Наконецъ, французы пошли въ штыки,—въ этомъ способѣ битвы австрійцы оказались довольно плохи,—и забавно читать письмо одного изъ ихъ офицеровъ, который презрительно говоритъ, что такой „безчеловѣчный маневръ", какъ рукопашный бой на штыкахъ, „не нравится австрійскимъ войскамъ, непривыкшимъ къ этому варварству",—увѣряемъ читателя, что эта фраза ни мало не прикрашена, а буквально взята изъ письма ученаго и гуманнаго австрійца. Штыками французы окончательно утвердились въ Монтебелло, и австрійцы отступили въ Кастеджіо. Французы не могли преслѣдовать ихъ, потому что были гораздо слабѣе числомъ.

Изъ этого мы видимъ, что въ тактическомъ отношеніи побѣда была далеко не полная. Французы успѣли сбить австрійцевъ со второй позиціи; но въ первой позиціи, отнятой въ началѣ боя, австрійцы спокойно остановились, не преслѣдуемые побѣдителями. Зато нравственное дѣйствіе перваго серьезнаго дѣла было довольно велико: французы и сардинцы увѣрились, что при равномъ числѣ сражающихся австрійцы не могутъ устоять противъ нихъ. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло въ первый разъ дѣйствовали новыя французскія нарѣзныя пушки, и французы говорятъ, что ихъ страшному дѣйствію болѣе всего обязаны побѣдою. Съ другой стороны тутъ же было въ первый разъ испытано искусство знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, и австрійцы увѣряютъ, что венсенскіе стрѣлки далеко уступаютъ этимъ отборнымъ мастерамъ своего дѣла.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что тотъ и другой фактъ одинаково оспариваются противниками: французы говорятъ, что въ тирольскихъ стрѣлкахъ нѣтъ ничего особенно хорошаго; австрійцы пишутъ, что французскія нарѣзныя пушки принесли имъ мало вреда. Надобно думать, что обѣ стороны правы, хваля свое оружіе, и обѣ только хотятъ уменьшить страхъ опасности въ своихъ рядахъ, отвергая дѣйствительность непріятельскаго огня. Такъ думать заставляетъ страшный уронъ, понесенный обѣими сторонами. Со стороны французовъ было въ дѣлѣ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ выбыло изъ строя около тысячи; число австрійцевъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, было отъ 12-ти до 15-ти тысячъ, изъ нихъ выбыло изъ строя болѣе 1,250 человѣкъ. Сраженіе длилось не очень много времени, и военные люди находятъ, что такая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ (около восьмой части людей, бывшихъ въ дѣлѣ) была почти безпримѣрна въ подобныхъ стычкахъ прежнихъ войнъ. Ее надобно приписать, во французскихъ войскахъ, штуцерамъ тирольскихъ стрѣлковъ, а въ австрійскихъ—дѣйствію нарѣзныхъ пушекъ. О небывалой прежде мѣткости выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуетъ и непропорціональная потеря въ корпусѣ офицеровъ въ обоихъ отрядахъ. Изъ четырехъ полковыхъ командировъ и двухъ генераловъ, бывшихъ въ дѣлѣ, французы лишились одного генерала и трехъ полковыхъ командировъ; изъ шести человѣкъ уцѣлѣло только двое, да и то не совсѣмъ, потому что генералъ Форè также получилъ легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоитъ въ томъ случайномъ совпаденіи мѣстностей, что центромъ первой битвы въ нынѣшнемъ походѣ сдѣлалась деревня Монтебелло, при которой въ 1800 году Ланнъ одержалъ блистательную побѣду надъ австрійцами. Это дѣло служило вступленіемъ къ сраженію при Маренго, и отъ такого воспоминанія въ десять разъ усиливался эффектъ, произведенный нынѣшнею схваткою во французахъ и сардинцахъ.

Но едва ли не любопытнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то безцеремонное хвастовство, съ которымъ обѣ стороны уменьшали число своихъ и увеличивали число непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Французы говорили, что ихъ было всего только 5,000, или даже только 3,000, или даже только $2^1/_2$ тысячи противъ 25,000 австрійцевъ. Цифра 5,000 находится даже въ оффиціальныхъ отчетахъ, хотя каждому легко сосчитать по нумерамъ полковъ и баталіоновъ, что сражалось болѣе 8,000 французовъ, и хотя достовѣрно, что австрійцевъ сражалось не болѣе 15,000, а вѣроятно менѣе, и другія части корпуса Стадіона не участвовали въ битвѣ. Гіулай, напротивъ, говоритъ, что 8,000 австрійцевъ сражались противъ 40,000 французовъ и удержались въ своей позиціи; 40,000 противниковъ набираетъ онъ очень просто, считая весь корпусъ Бараге-д'Илье, которому принадлежитъ дивизія Форè; онъ могъ бы также легко показать и 250,000 противниковъ, стоило бы только считать всю французско-сардинскую армію. Какіе же Роландовскіе подвиги, кого ни послушать, Форè или Гіулая! Съ одной стороны 5,000 французовъ на голову разбили 25,000 австрійцевъ, съ другой стороны 8,000 австрійцевъ не были побѣждены 40,000 французовъ. Прелестно здѣсь согласіе въ опредѣленіи пропорціи: и по французскому, и по австрійскому отчету одинаково полагается одинъ свой солдатъ противъ пятерыхъ непріятелей.

Digitized by Google

Но если Гіулай не могъ перещеголять французовъ въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ ихъ далеко за собою тѣмъ отрадным самодовольствіемъ, съ какимъ излагаетъ Европѣ свое понятіе о результатѣ дѣла. Французы, оттѣснивши противниковъ, полтора раза превосходившихъ ихъ числомъ, кричали, что одержали полную побѣду,—тутъ нѣтъ еще ничего страннаго. Но Гіулай чуть не съ наслажденіемъ говоритъ, что сраженіе, въ которомъ сильный отрядъ его былъ разбитъ, совершенно соотвѣтствовало его намѣренію и удовлетворило его желанію. „Мы, говоритъ онъ, хотѣли заставить противниковъ выказать свои силы, и достигли въ этомъ успѣха". „Times" очень не дурно подсмѣивается надъ такимъ тупоумнымъ усиліемъ утаить шило въ мѣшкѣ.

„Если кому нибудь угодно, говоритъ Times, потратить цѣлое утро совершенно понапрасну, пусть онъ проповѣдуетъ здравый смыслъ знаменитому медику или полководцу. Для этихъ людей задача не въ успѣхѣ,—успѣхъ пустая случайность,—а въ томъ, чтобы дѣйствовать по правиламъ искусства. Фортуна—капризница беретъ города и спасаетъ жизнь; правила искусства вѣчны и безспорны. Уморивъ 30 паціентовъ правильнымъ лѣченіемъ, докторъ идетъ въ кабинетъ, беретъ книгу, читаетъ ее и съ удовольствіемъ говоритъ себѣ, что не ошибся въ симптомахъ и что его рецепты всѣ были secundum artem. Его паціентъ воспользовался всѣми благами нынѣшняго совершенства науки и умеръ надлежащимъ образомъ. Чего же вамъ больше? Австрійскій генералъ яснымъ образомъ принадлежитъ къ той же школѣ. Онъ подвигается съ цѣлымъ корпусомъ и аттакуетъ позицію, па которой несомнѣннымъ образомъ долженъ найти сильнѣйшій отпоръ. Потерявъ 1,500 человѣкъ и такимъ образомъ „исполнивъ цѣль рекогносцировки" и „принудивъ непріятеля выказать всѣ свои силы", онъ отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ и пишетъ ученую реляцію. Что мы станемъ говорить съ людьми, у которыхъ принципы до такой степени различны отъ нашихъ?"

Само по себѣ, сраженіе при Монтебелло не имѣло никакихъ результатовъ. Но оно принесло союзникамъ большую пользу тѣмъ, что утвердило австрійцевъ въ мысли, будто французы хотятъ держаться большими силами на южномъ берегу По и думаютъ начать наступленіе по дорогѣ отъ Вогеры къ Страделлѣ, чтобы перейти въ Ломбардію черезъ По между Павіею и Піаченцою. Блистательный отпоръ, данный ими австрійцамъ на правомъ берегу По, прикрылъ передвиженіе, которое сдѣлали они черезъ нѣсколько дней, перешедши черезъ По гораздо выше австрійской его части и сосредоточивъ свои силы на сѣверномъ берегу По, на дорогѣ изъ Верчелли въ Миланъ, посредствомъ отступленія къ Казале,—движеніе, которымъ рѣшена была судьба похода.

Около 20-го мая французы далеко еще не были готовы къ начатію похода, и потому около полуторы недѣли не было никакихъ важныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ союзной арміи. Не раньше 30 (18) числа одинъ изъ отрядовъ ея встрѣтился съ австрійцами,—но за то уже тутъ каждый день стали совершаться дѣла, одно другого важнѣе, и къ 5-му іюня (24 мая), въ одну недѣлю была кончена первая половина кампаніи: въ 5 дней (съ 30-го мая до 3-го іюня) австрійцы были принуждены уступить двѣ оборонительныя линіи (Сезію и Тичино), на укрѣпленіе которыхъ было потрачено

Digitized by Google

ими такъ много труда; въ 6-й день (4-го іюня) произошло генеральное сраженіе, на 7 день было ясно, что вся Ломбардія до Минчіо и Аддидже освобождена отъ поработителей, и что быстрота, съ которою произойдетъ очищеніе разныхъ ломбардскихъ областей и городовъ австрійцами и занятіе ихъ французами, зависитъ уже только отъ быстроты, съ какою способна двигаться назадъ одна армія, двигаться впередъ другая.

Читателю извѣстны главные факты этой чрезвычайной поспѣшной катастрофы: 30 и 31-го мая сардинцы два раза разбили сильные австрійскіе отряды у Палестро; 1-го іюня австрійцы отступали за Тичино съ крайнею торопливостью; 2-го іюня союзники подошли къ Тичино; 3-го іюня переправились черезъ него; 4-го (23 мая) разбили австрійскую армію у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этихъ дѣлъ, надобно намъ прежде всего ближе познакомиться съ театромъ ихъ.

Мы уже говорили, что въ послѣдней половинѣ мая австрійскія войска, бывшія на сѣверной сторонѣ По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинскихъ земель, занятыхъ ими въ началѣ похода, и сосредоточились въ четырехъ-угольникѣ между рѣками Сезіею, Тичино, По и городомъ Новарою. Сезія и Тичино идутъ съ сѣвера на югъ почти параллельно, немного расходясь въ южной части своего теченія, передъ впаденіемъ въ По. Сезія образовала западную, Тичино восточную часть расположенія австрійской арміи; на сѣверѣ австрійцы сильными отрядами стояли до шоссе и желѣзной дороги, которыя бокъ-о-бокъ идутъ въ этихъ мѣстахъ, ведя изъ Турина въ Миланъ. Важнѣйшій пунктъ въ этой части ихъ, между Сезіею и Тичино—городъ Новара, гдѣ потерпѣли сардинцы окончательное пораженіе въ 1848 году. На западномъ берегу Сезіи, очищенномъ австрійцами, стоитъ на этой же желѣзной дорогѣ (и шоссе) городъ Верчелли, еще въ половинѣ мая занятый сардинцами, а нѣсколько южнѣе село Палестро. Южную границу четырехъугольника составляетъ По. Въ южной сторонѣ широта четырехъугольника, занятаго австрійцами, составляетъ верстъ 40, въ сѣверной части верстъ 30 по прямому направленію, длина четырехъугольника отъ По до Миланской дороги (Новары) тоже верстъ 40.

Ясно, какой смыслъ имѣло это расположеніе. На югѣ австрійцы защищали По, на сѣверѣ миланскую дорогу; они думали, что союзникамъ трудно будетъ выбить ихъ изъ этого положенія, защищаемаго съ фронта рѣкою Сезіею; а по отступленіи съ Сезіи у нихъ оставалась другая защита, рѣка Тичино.

Ясно также, какой смыслъ имѣли битвы 30 и 31 мая при Палестро, и битва 4 іюня при Маджентѣ:—первыми двумя сардинцы сбили австрійцевъ на югъ съ миланской дороги между Сезіею и Тичино, третьею битвою союзники очистили себѣ дорогу отъ Тичино до Милана, отбросивъ австрійцевъ къ югу. Но какъ произошли эти битвы и наступательныя движенія союзниковъ, имъ предшествовавшія? Какимъ образомъ было произведено движеніе для сосредоточенія растянутыхъ до той поры отъ Верчелли, черезъ Алессандрію, до Вогеры союзныхъ войскъ между Сезію и Тичино, въ средней части ихъ теченія отъ Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дорогѣ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ? Какимъ образомъ совершился этотъ бли-

Digitized by Google

стательный фланговый маршъ, которымъ вся союзная армія обошла правый (сѣверный) флангъ непріятельскаго расположенія? Извѣстія французскихъ, сардинскихъ и бельгійскихъ газетъ объ этомъ маневрѣ чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притомъ такъ, что одинъ и тотъ же же корреспондентъ въ двухъ письмахъ сообщаетъ несообразные между собою клочки извѣстій, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Какъ ни старались мы составить изъ нихъ сколько нибудь связный разсказъ, все-таки выходило что-то дикое. Напримѣръ, по всѣмъ извѣстіямъ оказывалось, будто бы двойное сраженіе при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самомъ переходѣ черезъ Сезію, какъ будто бы тутъ сардинцы въ первый разъ хотѣли проникнуть за эту рѣку; а между тѣмъ, по письмамъ тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ видно было, что сардинская дивизія Чальдини еще съ 21 мая стояла на восточной сторонѣ Сезіи. Какимъ образомъ она вновь являлась переходящею черезъ Сезію, 30 мая, если перешла черезъ нее 21 и не была послѣ того тревожима австрійцами? И зачѣмъ австрійцы перепустили ее такъ свободно 21 мая? Какъ они могли 30 мая защищать переходъ черезъ рѣку, который былъ уже давно отнятъ у нихъ, или, лучше сказать, уступленъ ими почти безъ боя 21 мая? И какимъ образомъ, 31 мая, сардинцы, въ началѣ второго боя, являются отступающими къ Палестро, если бой начался тѣмъ, что австрійцы прямо подступили къ этой деревнѣ, чтобы выбить изъ нея непріятеля, еще не ходившаго дальше нея? И какую связь имѣли эти сардинскія битвы на среднемъ теченіи Сезіи съ движеніями главныхъ союзныхъ силъ, которыя вдругъ являются, 1 іюня, уже довольно далеко на востокъ за Палестро, близко къ Тичино, когда предполагается по всѣмъ извѣстіямъ, что австрійцы еще оспариваютъ переходъ черезъ Сезію?—всѣхъ этихъ и многихъ другихъ безсвязностей и противорѣчій никакъ нельзя было объяснить по извѣстіямъ континентальныхъ газетъ. Наконецъ, мы получили тѣ нумера Times'а, въ которыхъ помѣщены письма корреспондента этой газеты изъ Верчелли, отъ 31 мая, и изъ Палестро, отъ 1 іюня. Онъ одинъ оказывается наблюдателемъ, умѣвшимъ узнать дѣло и разсказать его порядочнымъ образомъ; у него одного факты изложены связнымъ и понятнымъ образомъ. Потому, отбрасывая всѣ нелѣпые разсказы другихъ газетъ, приходящихъ сюда раньше англійскихъ, мы просто переводимъ его письма. Думая, что вставлять въ нихъ клочки изъ другихъ извѣстій, съ перваго раза оказывавшихся безтолковыми, значило бы только портить разсказъ корреспондента Times'а, мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что въ выноскахъ прибавляемъ нѣкоторыя поясненія. Такимъ образомъ читатели, если и будутъ лишены множества эффектныхъ картинъ съ громкими фразами, которыми изобилуютъ континентальныя газеты, то покрайней мѣрѣ будутъ въ состояніи ясно понимать ходъ дѣла.

Верчелли, 31 мая.

«По обѣщанію, пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вамъ. Не ожидайте, чтобы это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень многое, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и писать. Тайна нынѣшней необыкновенной дѣятельности, столь сильно противорѣчащей тишинѣ послѣдняго мѣсяца, объясняется двумя словами: союзныя арміи

Digitized by Google

кончили свои приготовленія и двигаются впередъ, двигаются съ такою быстротою и энергіею, которая заставляетъ умолкнуть нетерпѣливыхъ, ожидавшихъ битвы за битвою и побѣды за побѣдою черезъ 24 часа послѣ того, какъ генуэзцы и туринцы привѣтствовали восторженными криками прибытіе первыхъ французскихъ войскъ.

«Безспорно, мы должны быть очень благодарны австрійцамъ, которые дали намъ кончить всѣ эти приготовленія, не думая мѣшать нашимъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ движеній, вродѣ наступленія къ Монтебелло и маленькихъ стычекъ на Сезіи.

«Были люди, улыбавшіеся при мысли, что императоръ лично принимаетъ командованіе арміею. Они должны были бы посмотрѣть на мѣстѣ, какъ собиралась эта великолѣпная армія, какъ снабжалась она всѣмъ нужнымъ, какъ принимались всѣ мѣры для огражденія ея, въ случаѣ покушенія непріятеля помѣшать приготовленіямъ; они долны были бы посмотрѣть, какъ эта армія съ безпримѣрною быстротою перенеслась въ назначенное мѣсто и, вѣроятно, они перестали бы улыбаться. потому что все это произведено самимъ императоромъ: онъ все организуетъ, онъ управляетъ и руководитъ. Одинъ фактъ самымъ яснымъ образомъ покажетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Не далѣе, какъ четыре или пять дней тому назадъ главныя силы французовъ были расположены отъ Вогеры по южному берегу По къ Алессандріи, Валенцѣ и Казале, а нынѣ эта масса, за исключеніемъ одной гвардіи, перешла Сезію, и все движеніе совершилось безъ всякой запутанности, безъ всякихъ промаховъ и съ такимъ великимъ искусствомъ, что до третьяго дня общее мнѣніе полагало, что движеніе арміи произойдетъ по совершенно другому направленію, именно къ востоку. Это убѣжденіе было такъ сильно, что всѣ вѣрили нарочно распущенному слуху, будто бы главная квартира императора будетъ перенесена въ Вогеру. Сборы императора выѣхать изъ Алессандріи много содѣйствовали такому успѣху.

«Только третьяго дня и вчера движеніе приняло свой истинный характеръ. До той поры главною задачею было—принять оборонительное положеніе и ввести въ линію французскую армію. Понять, какую массу составляетъ армія, имѣющая болѣе 100.000 человѣкъ, такъ же трудно, какъ пріобрѣсти ясное понятіе о величности суммы въ нѣсколько милліоновъ. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображеніе не можетъ сравниться съ дѣйствительностью. И надобно знать, что всѣ военные запасы и большую часть всего продовольствія надобно перевозить изъ Франціи, т. е. надобно перевозить сотни тысячъ тоннъ багажа, артиллеріи, аммуниціи и понтоновъ. Необходимо было сдѣлать все это безъ всякаго замѣшательства, потому что малѣйшая запутанность замедлила бы всѣ приготовленія страшнымъ образомъ. И вотъ французскія войска, по мѣрѣ того какъ прибывали, посылались на разныя позиціи, чтобы остановить всякое покушеніе со стороны австрійцевъ. Такимъ образомъ французская армія постепенно расположилась по южному берегу По, отъ Кастеджіо, Вогеры, Кастельнуово и Сале до Бастильяно; Алессандрія и Тортона были базисами ея расположенія; а піэмонтская армія занимала линію отъ Валенцы до Казале и, по отступленіи австрійцевъ, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переходъ черезъ Сезію, одну изъ тѣхъ широкихъ, болотистыхъ рѣкъ, которыми пересѣкаются долины верхней Италіи. Черезъ нее былъ только одинъ мостъ въ Верчелли, построенный на прекрасныхъ каменныхъ аркахъ. Онъ служилъ вмѣстѣ и для желѣзной дороги, и для большаго шоссе, ведущихъ въ Новару. Австрійцы, отступая, взорвали двѣ арки этого превосходнаго моста; поправка ихъ на глазахъ австрійцевъ была бы дѣломъ слишкомъ долгимъ и труднымъ и, конечно, слишкомъ привлекла бы ихъ вниманіе на этотъ пунктъ. Потому сардинская дивизія Чальдини получила приказаніе перейти Сезію въ бродъ; это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ болѣе недѣли тому назадъ. Чальдини утвердился въ Борго-Верчелли, первомъ значительномъ мѣстечкѣ по дорогѣ въ Новару [1]). Послѣ того немедленно поправили мостъ, и такимъ образомъ учредили свободное сообщеніе между

[1]) Борго-Верчелли лежитъ верстахъ въ трехъ на востокъ отъ Сезіи и нѣсколько сѣвернѣе города Верчелли, стоящаго на западномъ берегу рѣки.

Digitized by Google

обоими берегами рѣки. Масса сардинской арміи постепенно сосредоточилась въ этомъ пунктѣ и французскіе отряды заняли позиціи, оставленныя австрійцами [1]).

«Третьяго дня (29 — 17 мая) самъ король перенесъ свою главную квартиру изъ Казале въ Борго-Верчелли за Сезію. Французскіе инженеры къ этому времени уже построили еще другой мостъ для облегченія перехода, и французскія войска начали переправляться черезъ рѣку. Въ этомъ ихъ движеніи съ праваго крыла на лѣвое важную роль играла желѣзная дорога, и надобно сказать, что для перваго опыта примѣнить желѣзныя дороги къ военнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, этотъ маневръ былъ блистателенъ [2]). Войска, которымъ нужно было бы пять или шесть дней тяжелаго похода, въ пять или шесть часовъ достигли къ мѣсту своего назначенія. Это имѣло еще и ту выгоду, что войскамъ, шедшимъ по обыкновенной дорогѣ, оставался просторный путь, между тѣмъ какъ шоссе загромоздилось бы, если бы всѣ войска шли по немъ; не говорю о томъ, что огромная масса войскъ, перевезенная по желѣзной дорогѣ, избавилась отъ утомленія форсированныхъ маршей.

«Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство, избавленіе отъ форсированнаго марша, было для французской арміи менѣе нужно, чѣмъ для всякой другой. Еслибъ не огромность ея массы, можно бы подумать, что она составлена изъ отборныхъ солдатъ. Большая часть солдатъ, люди служившіе довольно долго; вообще они имѣютъ отъ 25 до 30 лѣтъ; по ихъ свободной и твердой поступи вы узнали бы въ нихъ опытныхъ служакъ, если бы и не блистали повсюду въ ихъ рядахъ крымскія медали.

«Вчера вечеромъ (30 мая) значительная часть французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ переходу черезъ Сезію, была уже на восточномъ берегу рѣки и съ той поры безъ перерыва идутъ другія войска черезъ мосты. Пѣхота, кавалерія, артиллерія, зарядные ящики, аммуниція, обозъ французскій и сардинскій, идутъ сплошною цѣпью, перерываясь только на тѣ минуты, когда ѣдутъ съ той стороны лазаретныя дроги съ ранеными, своими и непріятелями; каждый сторонится передъ этимъ поѣздомъ. Поразительнѣе всего въ союзныхъ войскахъ спокойный и веселый духъ, господствующій несмотря на частыя затрудненія и невзгоды, неизбѣжныя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

«Вчера, въ годовщину битвы при Гоито, когда Піэмонтцы, 11 лѣтъ тому назадъ, совершили блистательный переходъ черезъ Минчіо (30 мая), было назначено начать наступленіе.

«Сардинцамъ была предоставлена честь идти впередъ подъ личнымъ предводи-

---

[1]) Изъ этого ясно, что австрійцы просто не обращали вниманія на движенія Чальдини, упорствуя въ своемъ предположеніи, что главныя силы союзниковъ непремѣнно должны начать наступленіе къ Ломбардіи по прямой линіи отъ своего первоначальнаго расположенія, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаться вторгнуться въ Ломбардію прямо черезъ По въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка служитъ границею Сардиніи, т. е. между Павіею и Піаченцею. Въ этой мысли, конечно, укрѣпляло ихъ то обстоятельство, что до послѣдней минуты главная квартира императора французовъ оставалась въ Алессандріи; это свидѣтельствовало, по ихъ мнѣнію, что французская армія не измѣняетъ своего расположенія. Были даже, какъ мы прочли уже, нарочно распускаемы слухи, что главная квартира переносится въ Вогеру, т. е. по прямой дорогѣ изъ Алессандріи къ пограничной части рѣки По. Движеніе Чальдини вѣроятно считали австрійцы просто диверсіею, дѣлаемою для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе съ юга на сѣверъ.

[2]) Отъ Алессандріи, верстахъ въ десяти—пятнадцати вдоль по южному берегу По, идетъ желѣзная дорога къ ломбардской границѣ. Тортона лежитъ на этой дорогѣ верстахъ въ двадцати на востокъ отъ Алессандріи; Вогера верстъ на пятнадцать на востокъ отъ Тортоны. Почти прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ, отъ Алессандріи идетъ въ Верчелли также желѣзная дорога, переходящая черезъ По въ Казале, гдѣ была до 29 мая главная квартира сардинскаго короля. Казале лежитъ отъ Алессандріи верстахъ въ 30 на сѣверъ; Верчелли еще верстъ на 20 далѣе къ сѣверу, такъ что все разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ Алессандріи до Верчелли составляетъ верстъ 50, а отъ Вогеры верстъ 80. Итакъ, французы уѣхали отъ австрійцевъ съ южнаго берега По по желѣзной дорогѣ на западъ до того мѣста, гдѣ переправа черезъ По была свободна, и потомъ повернули, также по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу.

Digitized by Google

тельствомъ короля. Вы знаете изъ реляцій, что послѣ упорнаго сопротивленія они овладѣли деревнями Палестро, Казалино и Винзаліо, лежащими по дорогѣ къ Мортарѣ [1]). Двѣ пушки и до трехъ сотъ плѣнниковъ (въ томъ числѣ раненые) были трофеями побѣды. Слава ея вполнѣ принадлежитъ сардинцамъ, потому что хотя значительныя силы французскихъ войскъ были уже за Сезіею, но не участвовали въ сраженіи. Сардинцы вполнѣ заслуживали этой чести, потому что по всѣмъ разсказамъ сражались очень храбро. Упорность, съ какою отбивались австрійцы, надобно въ значительной степени приписать характеру мѣстности, чрезвычайно благопріятному для обороны. Представьте себѣ низменную поляну, пересѣченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лѣсомъ, достаточно густымъ для того, чтобы прикрыть обороняющихся и не давать наступающему мѣста развернуть силы. Деревни построены изъ кирпича и дикаго камня, такъ что каждый домикъ въ нихъ легко обращается въ крѣпостцу, а каждая изъ многочисленныхъ фермъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ, составляетъ крѣпкую позицію. Не можетъ быть мѣстности болѣе удобной для задержки наступающаго непріятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линія австрійскихъ войскъ состояла изъ итальянцевъ и большая часть плѣнниковъ, захваченныхъ вчера, ломбардцы. Ихъ заперли въ церковь и они служатъ предметомъ большаго любопытства.

«Французскіе солдаты боятся теперь только того, чтобы австрійцы не отняли у нихъ случая подраться въ открытомъ полѣ. Это опасеніе объясняется непостижимыми движеніями австрійцевъ, которые дали французамъ полную свободу кончать приготовленія. Быть можетъ они хотятъ драться на позиціи, которую сами выберутъ, а быть можетъ, что они обмануты внезапнымъ движеніемъ французовъ на Сезію, зная послѣ сраженія при Монтебелло, что французы сосредоточены на южномъ берегу По. Вѣрнѣе всего предполагать, что обѣ причины вмѣстѣ заставляютъ ихъ отступать. Извѣстно, что третьяго дня главныя силы австрійцевъ были еще на южномъ берегу По. Едва послѣдніе ряды французовъ вышли изъ Вогеры, какъ слышался уже тамъ стукъ австрійскихъ барабановъ. Третьяго дня австрійцы заняли Вогеру и сожгли ее.

«Несомнѣнно то, что австрійцы медленно отступаютъ передъ сардинцами по направленію къ Мортарѣ [2]) и что они также безъ сраженія отступаютъ къ Новарѣ».

Палестро, 1-го Іюня (20 мая).

«Вамъ извѣстны реляціи о двухъ удачныхъ дѣлахъ, которыми сардинцы третьяго дня и вчера начали свое наступленіе, и для васъ, вѣроятно, будетъ интересно услышать подробности объ этихъ блистательныхъ сраженіяхъ, которыми сардинцы открыли походъ. По своему размѣру эти дѣла едва могутъ называться сраженіями, но блескомъ своимъ ни мало не уступаютъ они дѣлу при Монтебелло, а результатомъ навѣрное превосходятъ его.

«Вы помните, что по мѣрѣ того, какъ австрійцы отступали съ Доры, до которой дошли было ихъ аванпосты, сардинская армія занимала позиціи, покидаемыя непріятелями [3]). На Сезіи, довольно значительной рѣкѣ, австрійцы остановились и укрѣпили всѣ слабые пункты переправы черезъ нее, какъ будто бы рѣшившись обо-

---

[1]) Изъ этого мы видимъ, что первое сраженіе при Палестро было слѣдствіемъ наступленія союзниковъ уже съ восточнаго береги Сезіи далѣе къ Тичино, а не возникло изъ того, какъ говорили другія газеты, будто бы австрійцы не перепускали союзниковъ черезъ рѣку. Дѣйствительно, какъ могли австрійцы 30 мая защищать Сезію противъ города Верчелли, когда оба берега рѣки въ этихъ мѣстахъ были уже заняты сардинцами 21 мая.

[2]) Мортара лежитъ верстахъ въ 20 на востокъ отъ Верчелли и также верстахъ въ 20 прямо на югъ отъ Новары, то есть отъ прямой дороги изъ Турина и Верчелли въ Миланъ. Новара на сѣверѣ и Мортара въ средней части четырехъугольника, который занимали австрійцы, лежатъ почти на одинаковомъ разстояніи между Сезіею и Тичино.

[3]) Дора течетъ почти параллельно съ Тичино и Сезіею верстъ на 35 къ западу отъ Сезіи, такъ что отъ ея устья остается до Турина по прямому пути верстъ 30. Австрійцы начали отступать съ Доры около 13-го (1-го) мая.

Digitized by Google

роняться на этой линіи. Линія Сезіи вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ неприступнымъ позиціямъ, на которыхъ горсть людей можетъ останавливать цѣлыя арміи; но все-таки, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ По, она представляетъ значительныя выгоды обороняющемуся. Какъ всѣ рѣки сѣверной Италіи, она течетъ широкимъ русломъ, пересѣченнымъ маленькими островами и отмелями, а берега ея покрыты густыми рядами деревьевъ, дающими хорошую защиту.

«Въ Верчелли переходитъ черезъ Сезію дорога въ Новару и другая дорога въ Мортару; въ этомъ городѣ сходятся и двѣ желѣзныя дороги, одна, ведущая съ юга къ Лаго-Маджіоре, а другая изъ Сардиніи въ Миланъ. Потому Верчелли, будучи ключемъ сообщеній между Сардиніею и Ломбардіею, составляетъ важный стратегическій пунктъ въ странѣ, которая вся пересѣчена рвами и канавами, устроенными для орошенія полей.

«Отступая изъ Верчелли, австрійцы разрушили единственный мостъ, служившій и для шоссе, и для желѣзной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла желѣзная дорога). Взорвавъ двѣ среднія арки моста, австрійцы разорвали важнѣйшую линію сообщеній съ Новарою и всею мѣстностью между Тичино и Сезіею.

«Десять дней тому назадъ, какъ вы знаете, дивизія Чальдини перешла въ Борго-Верчелли, деревню, которая находится по дорогѣ въ Новару, миляхъ въ двухъ (верстахъ въ трехъ) отъ Сезіи. Съ той поры она стояла тутъ, не будучи ни мало тревожима австрійцами, расположенными въ сосѣднихъ деревняхъ.

«30-го мая было назначено оттѣснить австрійцевъ съ ихъ позицій по дорогѣ къ Мортарѣ. Съ дороги изъ Верчелли въ Новару отдѣляются на правой рукѣ двѣ вѣтви, идущія на разстояніи около одной мили (полторы версты) одна отъ другой. Одна изъ этихъ вѣтвей отдѣляется съ большой дороги при деревнѣ Борго-Верчелли. Обѣ онѣ идутъ почти параллельно между собою въ юго-восточномъ направленіи и, наконецъ, соединяются въ Роббіо, миляхъ въ десяти (верстахъ въ шестнадцати) отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ выходятъ [1]). Миляхъ въ двухъ отъ начала этихъ вѣтвей стоятъ на нихъ,—на одной деревня Палестро, на другой деревня Винзаліо; обѣ эти деревни, находящіяся почти другъ противъ друга, были заняты австрійскими авангардами и укрѣплены баррикадами; въ каждой деревнѣ стояло 1.500 человѣкъ и половина батареи.

«Какъ при переходѣ черезъ Сезію, такъ и теперь, движеніемъ для оттѣсненія австрійцевъ командовалъ самъ король. Дивизія Чальдини была раздѣлена на двѣ колонны, которыя одновременно пошли, одна на Палестро, другая на Винзаліо.

«Чтобы понять вамъ трудности, съ которыми должны были бороться сардинцы, я долженъ описать вамъ ту мѣстность. Вся страна на востокъ отъ Сезіи составляетъ одну массу хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, раздѣляемыхъ насыпями, сдѣланными для проѣздовъ, и канавами отъ 3 до 4 футовъ глубины, для орошенія. Межи этихъ участковъ густо усажены деревьями, большею частью тополями и платанами, а самыя поля густо усажены шелковичными деревьями. Послѣ проливныхъ дождей хлѣбъ имѣлъ роскошный ростъ и вообще стоитъ теперь вышиною по крайней мѣрѣ отъ 5 до 6 футовъ, доставляя, такимъ образомъ, превосходное прикрытіе для стрѣлковъ. Рисовыя поля, напротивъ, до сихъ поръ всѣ остаются подъ водою; для ровнаго распредѣленія воды и управленія орошеніемъ сдѣланы маленькія насыпи отъ одного до двухъ футовъ вышиною, идущія по полямъ зигзагами, сообразно съ наклоненіемъ мѣстности. По такому-то округу идутъ двѣ дороги, образуемыя искусственными насыпями и возвышающіяся иногда футовъ на 20, а иногда и больше надъ уровнемъ окружающихъ полей и надъ дорожками, которыя идутъ по полямъ и отъ фермы къ фермѣ почти на одномъ уровнѣ съ полями. По этимъ маленькимъ дорожкамъ до сихъ поръ проходъ еще труденъ послѣ весеннихъ дождей. Изъ этого очерка, безъ котораго невозможно составить понятія о ходѣ битвы, вы можете видѣть, какъ затруднительно было на-

---

[1]) Роббіо стоитъ на дорогѣ изъ Верчелли въ Мортару, нѣсколько ближе къ Мортарѣ, нежели къ Верчелли.

Digitized by Google

ступленіе и какія выгоды были для обороны. Во-первыхъ, совершенно невозможно было сколько нибудь развернуть силы и воспользоваться числительнымъ превосходствомъ. Во-вторыхъ, артиллерію можно было ставить только на двухъ шоссе,— остальная мѣстность не позволяетъ провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на немъ больше двухъ пушекъ. Наконецъ, какъ бы для засвидѣтельствованія сардинской храбрости, положеніе обѣихъ деревень само по себѣ очень крѣпко. На ружейный выстрѣлъ передъ ними течетъ канализированная рѣчка Боджеа-Бузеа. Эта быстрая рѣчка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 15 футовъ ширины и 5 глубины. Кромѣ моста на каждомъ изъ двухъ шоссе, другихъ мостовъ черезъ нее нѣтъ. Передъ деревнями мѣстность имѣетъ легкій подъемъ, начиная съ 300 ярдовъ (125 саженъ) отъ мостовъ, а потомъ вдругъ, обрывисто, подымается на высоту отъ 20 до 30 футовъ. На этомъ крутомъ пригоркѣ построены деревни, а самыя шоссе, для которыхъ такой отвѣсный подъемъ былъ бы невозможенъ, прорѣзаны сквозь возвышеніе, будто бы широкія желѣзныя дороги, и съ обѣихъ сторонъ возвышаются надъ ними отвѣсныя крутизны прорѣза. При входахъ въ обѣ деревни австрійцы устроили баррикады. Подобно всѣмъ итальянскимъ деревнямъ, оба села выстроены исключительно изъ дикаго камня и кирпича; главныя улицы въ нихъ почти совершенно прямыя; по этимъ улицамъ идутъ шоссе. Тутъ стоитъ церковь старинной постройки съ высокой колокольней, которая въ военное время прекрасно служитъ для открытія непріятеля, приближающагося по прямому шоссе. Дворы домиковъ кругомъ обнесены постройками, оконъ въ нихъ мало, да и тѣ очень не велики, такъ что каждый домикъ составляетъ маленькій редутъ, заперпшсь въ которомъ мужественный противникъ можетъ дорого продать побѣду нападающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приблизилась къ Палестро, отдѣленіе 16-й батареи выѣхало впередъ и стало бомбардировать деревню, а баталіонъ берсальеровъ и одинъ баталіонъ 15-го линейнаго полка были посланы въ обходъ на право отъ шоссе по одной изъ маленькихъ дорожекъ и черезъ поля, чтобы напасть на деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Къ тому времени, какъ эта колонна подходила къ первымъ домикамъ, непріятель съ фронта началъ колебаться отъ артиллерійскаго огня. Какъ только это было замѣчено, другой баталіонъ 15-го линейнаго полка двинулся скорымъ шагомъ. Этою двойною аттакою деревня была очищена отъ австрійцевъ, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стѣною. Они поставили нѣсколько пушекъ на шоссе за деревнею, на одной линіи съ кладбищемъ, чтобы стрѣлять по сардинцамъ, когда они двинутся за деревню. На срединѣ села, на шоссе стоитъ церковь и шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поворотъ; потому, когда австрійцы были вытѣснены изъ деревни, сардинцы въ деревнѣ не терпѣли вреда отъ пушекъ, поставленныхъ непріятелемъ на шоссе за деревнею. Чтобы заставить замолчать эти орудія, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрійцы быстро подбили ихъ. Тогда сардинцы выставили другое отдѣленіе 16-й батареи; оно скоро заставило непріятеля прекратить огонь. Немедленно послѣ этого австрійцы удалились, и піэмонтцы остались владѣтелями деревни, захвативъ довольно много плѣнныхъ.

«Деревня Винзальйо по своему положенію болѣе крѣпка и страшна при оборонѣ; но сардинцы встрѣтили тамъ меньше сопротивленій. Она была также взята штыками, а пороху сардинцы истратили тутъ мало. Эта деревня была очищена австрійцами нѣсколько раньше Палестро, и едва сардинцы успѣли выбить ихъ съ кладбища у Палестро, по узкой дорогѣ изъ Винзальйо въ Палестро прибыли двѣ австрійскія пушки съ прикрытіемъ—непріятель еще надѣялся найти своихъ въ этой деревнѣ. Какъ только сардинцы замѣтили приближеніе этихъ орудій, они послали изъ Палестро отрядъ, который безъ затрудненія взялъ ихъ, потому что прислуга, обрѣзавъ постромки, ускакала. Эти двѣ пушки были первыми, взятыми въ нынѣшній походъ. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отосланы въ Верчелли.

«Дивизія Чальдини стала на ночь въ Палестро. Вечеромъ пришелъ 3-й полкъ зуавовъ, бывшій въ Крыму, а теперь отданный императоромъ въ распоряженіе короля сардинскаго.

Digitized by Google

«Такъ совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часовъ въ девять замѣчено было, что австрійцы приближаются повидимому съ намѣреніемъ отбить у сардинцевъ позицію, потерянную наканунѣ. Хотя колокольня церкви въ селѣ довольно высока, но благодаря характеру мѣстности, описанному мною, ихъ приближеніе не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще меньше можно было разгадать ихъ планъ. За деревнею земля покрыта преимущественно хлѣбными полями, между тѣмъ какъ въ мѣстности, пройденной сардинцами до деревни, господствуютъ рисовыя поля. По сосѣдству съ деревнею на поляхъ деревьевъ мало, стало быть мѣстность благопріятнѣе для того, чтобы развертывать силы въ боевую линію.

«Австрійская канонада противъ деревни продолжалась уже нѣсколько времени; но все еще нельзя было угадать ихъ истиннаго плана. Вдругъ съ праваго фронта сардинцевъ, на той канализированной рѣчкѣ, о которой я упоминалъ, показался большой непріятельскій отрядъ съ двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрійцы хотятъ ни больше, ни меньше, какъ отрѣзать передовой сардинскій отрядъ отъ Сезіи. Какъ только это было замѣчено, сардинцы, двинувшіеся главными своими силами впередъ за деревню противъ австрійцевъ, послали съ крайняго праваго своего фланга полкъ зуавовъ и два свои батальона (одинъ 9-го, другой 18-го линейнаго полка) противъ непріятеля, показавшагося на рѣчкѣ. Одушевленные братскимъ соревнованіемъ, эти храбрецы бросились на позицію, занятую австрійцами на правомъ ихъ флангѣ и, несмотря на страшный картечный огонь, встрѣтившій ихъ, сдѣлали великолѣпную аттаку на австрійскія пушки. Имъ надобно было пройти около 400 ярдовъ (175 саженъ) подъ убійственными непріятельскими выстрѣлами, и правда, что изъ ихъ рядовъ было вырвано огнемъ много людей; но жаръ ихъ не остылъ и, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, они бросились въ штаки. Аттака была такъ стремительна, что тирольскіе стрѣлки, выдвинутые цѣпью впереди батарей, не успѣли отступить, а прибѣжали къ батареямъ перемѣшанные съ сардинцами и зуавами. Восемь пушекъ и много плѣнныхъ были результатами этой блистательной аттаки. Изъ восьми пушекъ пять очутились въ рукахъ у зуавовъ, три у сардинцевъ; но стремительность нападенія была такъ мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кѣмъ была взята. Кромѣ этихъ восьми пушекъ, отъ 800 до 900 плѣннымъ и раненыхъ попалось въ руки союзниковъ. Число убитыхъ пропорціонально этой цифрѣ. Первая забота обратилась, натурально, на раненыхъ и справедливость требуетъ сказать, что австрійцы, которымъ судьба опредѣлила быть ранеными и попасть въ плѣнъ, не могутъ жаловаться на обращеніе союзниковъ съ ними. Такая заботливость должна производить на этихъ бѣдняковъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать съ плѣнными самымъ дурнымъ образомъ. Поэтому, напримѣръ, былъ случай, что австрійскій солдатъ, раненый подъ Вогерою въ животъ и въ голову, четыре дня прятался въ погребѣ, не ѣвши и не пивши и перевязывая свои раны носовымъ платкомъ.

«Какъ серьезна была битва, можно судить по числу раненыхъ, привезенныхъ со вчерашняго дня и все еще продолжающихъ прибывать въ Верчелли. Это темная сторона войны. Бѣдняки переносятъ свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видѣть ихъ блѣдныя лица, раздробленные члены, ихъ окровавленное платье и слышать стоны, вырывающіеся у нихъ противъ воли.

«Австрійскіе плѣнники возбуждаютъ здѣсь, натурально, большое любопытство. Не знаю, быть можетъ нарочно на передовыхъ позиціяхъ были поставлены самые молодые солдаты, но какъ бы то ни было, почти всѣ плѣнные просто мальчики. Не удивительно, что они не устояли противъ возмужалыхъ піэмонтцевъ и притерпѣвшихся къ военнымъ трудностямъ зуавовъ. Любопытно также, что большинство ихъ, принадлежавшее къ полку Вимпфена, набранному въ славянскихъ провинціяхъ на адріатическомъ берегу, говоритъ по-итальянски. По всей вѣроятности, австрійцы хотѣли показать, что могутъ вполнѣ полагаться на свои итальянскіе полки».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, вотъ еще отрывокъ изъ письма другаго (туринскаго) корреспондента Times'а.

Digitized by Google

«Туринъ 2 апрѣля. (23 мая).

«Король сардинскій выказалъ тутъ (при Палестро) неудержимую храбрость, которой онъ отличается. Онъ самъ водилъ войско въ аттаку на батарею, какъ будто простой капитанъ, желающій поскорѣе получить майорскіе эполеты. Его отвага пріобрѣла ему любовь зуавовъ, они провозгласили его своимъ товарищемъ и наградили чиномъ капрала зуавской службы. «Онъ можетъ быть доволенъ, мы его выбрали единодушно», говорятъ они: il doit être content, il a été élu à l'unanimité. На первый разъ это хорошо, и примѣръ короля безъ сомнѣнія имѣлъ хорошее дѣйствіе на армію; но мѣсто главнокомандующаго не въ головѣ батальона, идущаго въ аттаку, и Викторъ Эммануэль долженъ помнить, что его смерть запутала бы положеніе дѣлъ и могла бы повредить интересамъ, которые и теперь, по мнѣнію многихъ, не совершенно ограждены отъ опасности [1]). Говорятъ, императоръ французовъ сказалъ ему, что онъ долженъ болѣе щадить свою жизнь, если хочетъ быть королемъ итальянскимъ. Но характеръ короля рѣшительно боевой, и я увѣренъ, что онъ находитъ положительное наслажденіе въ экзальтаціи схватки и въ запахѣ австрійскаго пороха, вспыхивающаго у него подъ носомъ. Достовѣрнѣйшіе изъ здѣшнихъ разсказовъ о битвѣ при Палестро свидѣтельствуютъ, что австрійцы ниже своихъ противниковъ въ дѣйствованіи штыкомъ, и не могутъ устоять противъ этого оружія во французскихъ или піэмонтскихъ рукахъ. Фактъ то, что изъ привезенныхъ теперь сюда австрійскихъ раненыхъ огромное большинство имѣющихъ рану штыкомъ получили ее сзади. Кажется, робость овладѣваетъ ими въ рѣшительную минуту схватки. Нѣкоторые изъ итальянцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при Палестро, разсказываютъ любопытныя подробности объ итальянскихъ солдатахъ австрійской арміи. Говорятъ, что итальянцы были поставлены въ первую линію, а позади ихъ кроаты. Когда союзники подошли, одинъ изъ солдатовъ (это передаетъ его товарищъ, солдатъ той же роты) замѣтилъ офицеру, что грустно имъ, итальянцамъ, быть принужденными сражаться въ Италіи противъ итальянцевъ. У офицера въ рукахъ была обнаженная шпага и онъ отвѣчалъ на неосторожное замѣчаніе тѣмъ, что закололъ солдата. Потомъ онъ обратился къ ротѣ и сказалъ, что если они не будутъ исполнять своей обязанности, кроаты, стоящіе за ними, будутъ стрѣлять по нимъ. Разумѣется, имъ оставалось только сражаться, и вѣроятно, они «исполняли свою обязанность», если справедливо говоритъ плѣнный, что изъ 165 человѣкъ, составлявшихъ его роту, осталось въ живыхъ только 16. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ прежде, что итальянцы въ австрійскихъ войскахъ сражаются отчаянно. Но сдѣлавъ первый залпъ, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшаго ихъ товарища. Другія итальянскія роты падали на землю, пропуская сардинцевъ далѣе. Таковы разсказы плѣнниковъ, и надобно сказать, что они носятъ на себѣ печать истины. Австрійцы, разумѣется, будутъ оспаривать ихъ справедливость, но такое опроверженіе едва ли должно имѣть много вѣсу».

Разсказы англійскихъ корреспондентовъ, переведенные нами, имѣютъ не одно то достоинство, что очень яснымъ образомъ знакомятъ насъ съ обстоятельствами битвъ при Палестро, совершенно безтолково разсказываемыхъ континентальными газетами. Они также одни только представляютъ настоящее отношеніе между участіемъ сардинскихъ и французскихъ войскъ въ одержанной побѣдѣ. По французскимъ и бельгійскимъ извѣстіямъ вся честь второй, рѣшительной битвы предоставляется исключительно зуавамъ, и выходитъ, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрійцами, когда подоспѣлъ на выручку къ нимъ третій полкъ зуавовъ, который притомъ былъ будто бы направленъ на помощь къ нимъ самимъ императоромъ, видѣвшимъ

[1]) Корреспондентъ намекаетъ на опасность, грозящую самостоятельности Италіи не отъ однихъ враговъ, но и отъ союзниковъ. Мы увидимъ, что многіе итальянцы боятся французовъ.

Digitized by Google

пораженіе своихъ союзниковъ. Все это оказывается чистымъ вздоромъ. Мы видимъ, что третій полкъ зуавовъ еще въ предъидущіе дни былъ отданъ императоромъ въ распоряженіе сардинскаго короля и поступилъ въ составъ отряда, которымъ командовалъ Викторъ-Эммануэль. Полкъ этотъ вовсе не подоспѣвалъ на выручку Богъ знаетъ откуда, а просто съ начала битвы былъ поставленъ сардинскимъ королемъ на правомъ флангѣ. Посланъ былъ онъ противъ австрійцевъ, пошедшихъ въ обходъ деревни, не по какой нибудь особенной причинѣ, не потому, чтобы только онъ одинъ могъ исполнить аттаку, слишкомъ трудную для сардинцевъ, какъ предполагается по французскимъ отчетамъ; нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пошли, ни на шагъ отъ него не отстали, въ одинъ мигъ съ нимъ добѣжали до непріятельской батареи, взяли ее и смяли австрійцевъ два сардинскіе батальона, и если ему пришлось участвовать въ блистательной аттакѣ вмѣстѣ съ сардинцами, такъ это просто потому, что онъ стоялъ на правомъ флангѣ, около котораго пошли въ обходъ австрійцы; а на какой пунктъ будетъ произведено главное наступленіе австрійцевъ, это, какъ мы видимъ, рѣшительно не было извѣстно до той самой минуты, какъ началась аттака сардинско-зуавскимъ правымъ флангомъ. Вовсе не видно и того, чтобы на другихъ пунктахъ сардинцы уступали непріятелю; напротивъ, австрійское наступленіе съ фронта оказывается только фальшивою аттакою; служа единственно для замаскированія обхода съ праваго фланга, фронтальное наступленіе и не должно было имѣть особенной энергіи, а по французскимъ извѣстіямъ представляется, будто бы до того мѣста, гдѣ аттаковали ихъ зуавы, австрійцы дошли, гоня передъ собою сардинцевъ, сбитыхъ ими съ позиціи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они достигли этого мѣста особеннымъ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ и ни мало не гнавшимъ сардинцевъ ни съ какого пункта. Словомъ сказать, весь ходъ дѣла искаженъ съ тою цѣлью, чтобы вся честь побѣды принадлежала однимъ зуавамъ, а сардинцы являлись бѣдствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость къ сардинцамъ мы видимъ во французскихъ отчетахъ и о дѣлѣ при Монтебелло. Сардинская кавалерія почти забыта въ нихъ, и если упоминается, то какъ будто только съ цѣлью внушить, что она спаслась отъ истребленія единственно отступленіемъ подъ защиту французскаго аванпоста, командуемаго Камбрелемъ; между тѣмъ собственно ея блистательнымъ аттакамъ были обязаны французы тѣмъ, что слабый отрядъ ихъ могъ удержаться до прибытія подкрѣпленій; а что она не искала защиты, доказывается тѣмъ, что она постоянно возобновляла аттаки до тѣхъ поръ, пока потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Возвращаясь ко второму дѣлу при Палестро, мы выставимъ одинъ фактъ, положительно доказывающій, что въ знаменитой аттакѣ на правомъ флангѣ сардинцы дѣйствовали ни чуть не хуже зуавовъ: изъ восьми пушекъ, взятыхъ быстрымъ натискомъ, три оказались въ рукахъ у сардинцевъ и только пять у французовъ. Эта пропорція трофеевъ совершенно соотвѣтствуетъ числительности тѣхъ и другихъ войскъ. Зуавскій полкъ имѣлъ три батальона, сардинцевъ было два батальона, и по числу взятыхъ пушекъ оказывается, что всѣ батальоны дѣйствовали въ натискѣ совершенно ровно. Участіе сардинскихъ войскъ въ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ союзниками, вообще уменьшается систе-

Digitized by Google

матически во французскихъ извѣстіяхъ. Такъ, напримѣръ, почти совершенно замаскировывается въ нихъ тотъ общій фактъ, что сардинцами была исполнена главнѣйшая часть плана, который имѣлъ результатомъ очищеніе западной Ломбардіи отъ австрійцевъ. Пока французы бездѣйственно стояли на южномъ берегу По, на долю сардинцевъ досталось произвести то наступленіе по миланской дорогѣ, слѣдствіемъ котораго была побѣда при Мадджентѣ. Сардинцы должны были перейти Сезію, устроить мосты на ней для перехода остальныхъ частей войска; они вообще были авангардомъ въ общемъ планѣ кампаніи и подвергались сильнѣйшему риску. Да и самыя сраженія при Палестро, данныя при исполненіи этой трудной задачи, лишаются своего значенія по французскимъ отчетамъ, между тѣмъ какъ собственно они очистили французамъ дорогу въ Ломбардію.

Не успѣвъ остановить наступленіе сардинцевъ къ Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идутъ всѣ французскія силы, австрійцы начали быстро очищать пространство между Сезіею и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться съ тѣми своими силами, которыя стояли на южномъ берегу По и теперь были двинуты для общаго отпора врагу, направившему свое нападеніе не съ той стороны, какъ ждали австрійцы. Кажется, только 1 іюня они убѣдились, что союзники обманули ихъ искуснымъ передвиженіемъ главныхъ силъ на сѣверъ; они догадались объ этомъ планѣ уже тогда, какъ онъ былъ исполненъ, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы непріятель не захватилъ ихъ отрядовъ разбросанными. Они отступали съ такой поспѣшностью, что бросали въ сардинскихъ городахъ не только запасы провіанта и оружія, но часто и свои кассы съ звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только въ нѣсколькихъ часахъ пути и черезъ четыре дня по начатіи наступленія уже переходили черезъ Тичино у Буффалоры, Турбиго и другихъ деревень, расположенныхъ вдоль рѣки около желѣзной дороги и шоссе, ведущихъ изъ Новары въ Миланъ. Переправа не обошлась безъ сраженій, и между прочимъ было дѣло у переправы въ Турбиго (3 іюня); но читатели знаютъ, что эти схватки были только прелюдіею къ генеральному сраженію 4-го іюня при Мадджентѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сардинской границы на миланскомъ шоссе. Остановимся здѣсь на минуту, прежде чѣмъ станемъ говорить объ этомъ сраженіи, и обратимъ свое вниманіе на австрійцевъ: до сихъ поръ мы все говорили только о дѣйствіяхъ союзниковъ, и было бы обидою съ нашей стороны австрійцамъ не поговорить подробно и о нихъ, а мы ни за что въ свѣтѣ не хотимъ оскорблять это образцовое правительство: не даромъ про насъ говорятъ очень многіе, что мы держимъ сторону австрійцевъ: мы охотно сознаемся, что чувствуемъ къ нимъ слабость; да и какъ не симпатизировать намъ при нашихъ убѣжденіяхъ съ восхитительной австрійской системой? Да, мы смотримъ на австрійцевъ съ умиленіемъ восторга за то, что всему свѣту являются они въ истинномъ видѣ. Какъ въ древности говорили о грекахъ, что всѣ ихъ дѣла и мысли всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ,—res graecorum nuda est,—такъ можно теперь сказать объ австрійцахъ, и объ однихъ австрійцахъ, что никто не ошибается на ихъ счетъ. Попробуйте сказать что нибудь о французской, объ англійской, о какой угодно другой внутренней или внѣшней политикѣ,—сотни и тысячи благороднѣйшихъ людей набросятся на васъ за недостатокъ вѣры въ честность, благо-

Digitized by Google

родство, въ добрыя намѣренія, въ прекрасныя цѣли, въ восхитительные результаты; вы будете названы грязнымъ скептикомъ, клеветникомъ, жолчнымъ фанатикомъ и т. д. Съ одними австрійцами дѣло не таково. Тутъ скажите только: „австрійская политика своекорыстна, реактивна, гнусна",—всѣ съ вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрійцы за то, что ими одними не обольщенъ никто? Это объективная причина нашего глубокаго сочувствія къ австрійцамъ: невозможно не уважать дѣла, не производящаго ошибки ни въ чьемъ умѣ. Есть и субъективная причина у насъ любить австрійскую политику: она служитъ едвали не единственнымъ предметомъ, въ мнѣніи о которомъ сходимся мы со множествомъ людей, очень строго осуждающихъ наши мнѣнія почти о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ бѣлаго свѣта. Только говоря объ австрійцахъ, они могутъ хотя на минуту примиряться съ нами и признавать, что еще осталась въ насъ хотя слабая искра нѣкотораго человѣческаго чувства. Скажите же, читатель, какъ намъ не любить австрійцевъ?—вѣдь безъ нихъ исчезло бы единственное зеркало, въ которомъ черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же въ австрійскій лагерь и посмотримъ, что надобно сказать о дѣйствіяхъ благороднаго и человѣколюбиваго Гіулая, полтора мѣсяца тому назадъ рыцарски пошедшаго освобождать сардинцевъ. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что и съ той поры, какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительнымъ образомъ, умственное достоинство его распоряженій столь же мало соотвѣтствовало высокому нравственному достоинству его дѣла, какъ и въ ту пору, пока онъ могъ дѣйствовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можемъ: запасы, оружіе, деньги, оставленныя австрійцами при торопливомъ отступленіи, слишкомъ ясно обнаруживаютъ, что австрійскіе генералы вмѣстѣ съ своимъ Гіулаемъ не умѣли ничего сдѣлать, какъ слѣдуетъ и заблаговременно. Они укрѣплялись на Сезіи и перепустили сардинцевъ черезъ эту рѣку безъ боя. Кротость похвальна; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было изнурять своихъ солдатъ работами для устройства укрѣпленій? Пропустивши врага тамъ, гдѣ слѣдовало остановить его, они принялись сражаться съ нимъ на мортарской дорогѣ. Отважность также похвальна; но зачѣмъ было сражаться, имѣя въ тылу Тичино? Военные люди говорятъ, что, имѣя въ тылу рѣку, переходъ черезъ которую труденъ, сражаться не слѣдуетъ. Какъ только союзники ворвались, или, лучше сказать, безпрепятственно вошли въ знаменитый, надоѣвшій и намъ и, вѣроятно, читателямъ четыреугольникъ между Сезіею и Тичино, каждому и французскому, и австрійскому офицеру было ясно, что австрійцамъ остается только отступить за Тичино. Или они сражались затѣмъ, чтобы задержать наступленіе и порядочнымъ образомъ убраться, куда имъ слѣдуетъ? Но нѣтъ, они удовольствовались тѣмъ, что пять батальоновъ отняли восемь пушекъ у какого-то ихъ отряда, разсудили, что останавливать союзниковъ не стоитъ, и пошли назадъ такъ торопливо, что не успѣли вывезти съ собою даже своихъ денегъ, и притомъ не бумажекъ, а настоящихъ металлическихъ денегъ, которыми такъ небогаты. Чтожь это такое за нелѣпица? Но объ этомъ хорошо говоритъ Times. Статья его, написанная еще до полученія точныхъ свѣдѣній объ искусномъ передвиженіи союзниковъ съ юга на сѣверъ, удѣляетъ часть своего приговора и французамъ;

Digitized by Google

но по дружбѣ къ австрійцамъ мы скажемъ, что всѣ сужденія англійской газеты должны теперь достаться исключительно въ ихъ пользу: французскіе генералы доказали послѣ того, что, кромѣ ружей и пушекъ, имѣютъ и достаточную долю ума.

«Дѣлайте, что хотите (говоритъ Times),—трубите въ трубы, бейте въ барабаны, размахивайте знаменами,—оглушайте шумомъ, ослѣпляйте блескомъ, война все-таки страшное и отвратительное дѣло, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми религіозными ученіями, всѣми нравственными чувствами, всѣми потребностями и стремленіями цивилизаціи. Войною мы еще связаны съ гнуснымъ прошедшимъ, съ временами невыразимаго варварства и звѣрства, безконечныхъ и безплодныхъ страданій рода человѣческаго. Когда цивилизованные люди берутся за оружіе для взаимнаго истребленія, какъ мало различія между ними и дикарями, какъ похожимъ становится XIX вѣкъ, видѣвшій возникновеніе французской имперіи, на V вѣкъ, видѣвшій паденіе Римской имперіи! Но какъ ни отвратительна бываетъ война всегда, никогда не являлась она въ формѣ болѣе ужасной, нежели та, какую имѣетъ теперь на итальянскомъ полуостровѣ. Кажется, какъ будто бы принята теорія Гоббза, и война сочтена естественнымъ состояніемъ человѣчества, слишкомъ долго подавлявшимся трусливою и ничтожною однообразностью мира. Иначе, какъ бы могло, съ перваго дня нынѣшняго года, внезапно оказаться невозможнымъ положеніе вещей, продолжавшееся 45 лѣтъ? Война представляется еще ужаснѣе отъ своего сближенія съ величайшими пріобрѣтеніями новой цивилизаціи. Рѣзня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поѣздами желѣзной дороги, подвозившей свои грузы прямо на мѣсто человѣческой бойни, какъ подвозятъ быковъ, барановъ и телятъ на бойню, питающую Лондонъ. Оскверненная наука обращена въ орудіе для истребленія того самаго существа, умомъ котораго создана она, и тайны, вырванныя терпѣливымъ и долгимъ трудомъ мысли изъ тайниковъ, не хотѣвшей выдать ихъ природы, обращены на уничтоженіе прекраснѣйшаго ея творенія. Враждебныя толпы встрѣчаются съ свирѣпостью, которой могли бы позавидовать Гунны и Вандалы, а извѣстія о каждой подробности рѣзни разносятся прекраснымъ механизмомъ электрическаго телеграфа и пульсъ, въ которомъ бьется жизнь природы, съ вѣрностью и быстротою невѣдомой бичу людей въ прежнія времена, сообщаетъ всѣ обстоятельства разрушенія.

«Но этотъ контрастъ между гнусными средствами и цѣлями войны и благородными силами, порабощенными ихъ осуществленіемъ, еще не такъ возмутителенъ, какъ легкомысленная, напрасная растрата жизни, замѣчаемая нами въ нынѣшней борьбѣ. Сдѣлавшись болѣе ученою, война утратила нѣсколько своей прежней дикости, и со временъ великаго Наполеона стала игрою, въ которой побѣда должна принадлежать скорѣе высшему уму, нежели отчаяннѣйшей храбрости. По мнѣнію Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно имѣть болѣе гражданскихъ, нежели чисто военныхъ качествъ, чтобы вести войну успѣшно; и оба они своими успѣхами были болѣе обязаны удивительной вѣрности своихъ соображеній, нежели храбрости своихъ войскъ, какъ ни велика была она. Ихъ арміи совершали упорныя битвы, въ которыхъ много страдали; но бились и страдали онѣ для достиженія важныхъ стратегическихъ цѣлей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью, или перебить много людей у непріятеля. Солдатъ чувствовалъ, что его побѣда необходима для выполненія плана, осуществленіе котораго ведетъ къ тому, чтобы предать въ его власть непріятельскую армію или столицу. Герцогъ Веллингтонъ хотя и выигралъ много побѣдъ, но любилъ хвалиться тѣмъ, что никогда не начиналъ ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовалъ кровью своихъ солдатъ на дѣла, неимѣвшія прямой связи съ результатомъ похода. Смотря на вещи, происходящія въ Италіи, мало мы увидимъ слѣдовъ тѣхъ правилъ, какія были оставлены для руководства будущихъ полководцевъ этими великими мастерами военнаго искусства. До сихъ война представляла намъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, дававшихся, кажется, съ тою единственною цѣлью, чтобы истреблять людей другъ у друга. Отыскивать непріятеля повсюду, гдѣ можно найти его,

Digitized by Google

бросаться въ стычку, стоять въ ней съ бульдоговскимъ мужествомъ и потомъ отойти, не получивъ и не желавъ получить никакой выгоды, кромѣ «нанесенія большой потери непріятелю»,—это кажется высочайшею мудростью, доступною нынѣшнимъ полководцамъ. Возьмите, напримѣръ, сраженіе при Монтебелло, въ которомъ было погублено громадное число людей, такое громадное число, что до изобрѣтенія нарѣзнаго оружія такое кровопролитіе было бы достаточно для рѣшенія судьбы похода, или для взятія крѣпости, господствующей надъ цѣлою провинціею. Бывала ли когда нибудь такая напрасная и безпредметная рѣзня? Австрійцы хотѣли узнать, какъ велики силы французовъ въ извѣстномъ направленіи, и узнавъ это, напирали все впередъ, съ полной увѣренностью, что додвигаются наконецъ до такихъ силъ, превосходствомъ которыхъ будутъ оттолкнуты назадъ. Они знали это столь же твердо, какъ мальчикъ, бросающій камень въ прудъ, знаетъ, что камень дойдетъ до дна, и остановится на немъ. Но для удовлетворенія ребяческому желанію превратить рекогносцировку въ нападеніе, не могшее имѣть успѣха, принесено было въ жертву больше людей, чѣмъ стоила Альмская побѣда, и лишены были жизни эти люди безъ малѣйшаго результата.

«Тоже самое можно сказать о сраженіяхъ при Палестро. Сколько мы знаемъ, ни на минуту нельзя имѣть мысли, что австрійцы станутъ серьезно защищать всю линію передъ Тичино, когда французско-сардинская армія двинется для занятія этой линіи. Но Палестро нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; австрійцы дрались за него съ сардинцами съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ будто за Эйлауское кладбище, или Бородинскій редутъ, или за Гугумонскую ферму подъ Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрійцы должны отступать, того требуетъ планъ ихъ кампаніи. Въ тылу у нихъ почти неприступная линія Минчіо между Гардскимъ озеромъ и Мантуанскими болотами, и по всѣмъ соображеніямъ не слѣдуетъ имъ останавливаться для рѣшительнаго отпора, пока нѣтъ на ихъ сторонѣ ровно никакого преимущества. А если такъ, то кровь, пролитая подъ Палестро, пролита понапрасну и ничего не пріобрѣтено уменьшеніемъ силы одной арміи, которое куплено такимъ же уменьшеніемъ силы другой арміи. Генералы съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ, кажется, по совѣту, даваемому Филидоромъ молодымъ игрокамъ: «чаще мѣняйтесь шашками, говоритъ онъ, потому что это очищаетъ шахматницу и даетъ просторъ игрѣ». Военное искусство должно было бы имѣть другой способъ дѣйствія; слишкомъ легко достичь въ немъ совершенства, если оно учитъ только нападать на непріятеля при всякомъ случаѣ и наносить себѣ, вмѣстѣ съ другими, всевозможный вредъ. По сравненію съ такой тактикой достойно славы вторженіе Гарибальди въ австрійскія владѣнія, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено безъ поддержки: если онъ рисковалъ погубить себя и своихъ спутниковъ, то по крайней мѣрѣ у него была цѣль дѣйствительно важная. Мильтонъ говоритъ, что англо-саксонскія битвы столько же заслуживаютъ памяти въ исторіи, какъ битвы коршуновъ съ воронами. То же самое можно сказать о рядѣ битвъ, въ которыхъ единственной цѣлью было кровопролитіе, въ которыхъ тысячи были убиты не для исполненія какого нибудь обдуманнаго плана, а просто въ удовольствіе драчливости двухъ армій, генералы которыхъ повидимому неспособны сдержать свое взаимное ожесточеніе до той поры, когда созрѣетъ планъ дѣйствій съ ненапраснымъ пролитіемъ крови. Впрочемъ веденіе войны соотвѣтствуетъ ея началу. Начата она безъ всякой основательной причины, ведется она съ циническимъ презрѣніемъ человѣческой жизни, достойнымъ деспотическихъ государствъ, измѣряющихъ свое благосостояніе и могущество не числомъ рукъ, которыя могутъ заниматься въ нихъ полезною дѣятельностью, а объемомъ, до котораго могутъ они развить средства рѣзни и разрушенія въ рядахъ своихъ многочисленныхъ армій».

Эта статья была напечатана въ Times'ѣ еще 2 іюня (21 мая), когда не было извѣстно, что сраженія при Палестро были слѣдствіемъ общаго наступленія, предпринятаго союзниками; по вздорнымъ телеграфическимъ депешамъ казалось тогда, что движеніе сардинцевъ за Сезію не вытекало изъ

Digitized by Google

общаго плана, а было чисто дѣломъ удальства. Потому-то авторъ статьи осуждаетъ за безсмысленное кровопролитіе полководцевъ обѣихъ сторонъ. Теперь мы знаемъ, что дѣйствія французско-сардинскихъ полководцевъ были обдуманы и только слова ихъ депешъ, нелѣпо эффектныхъ, отнимали на время у ихъ поступковъ характеръ благоразумія. Теперь, когда ходъ дѣла сталъ точнѣе извѣстенъ, мы видимъ, что и подъ Палестро, какъ подъ Монтебелло, только бездарность австрійскихъ предводителей производила рѣшительно ненужную для нихъ рѣзню.

Провожая австрійцевъ изъ сардинскихъ владѣній, мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе неправдоподобныхъ увѣреній, которыми отвѣчали они на крики о грабительствахъ и свирѣпостяхъ, будто бы произведенныхъ ими въ Піэмонтѣ. Теперь нѣтъ надобности говорить, что слухи эти дѣйствительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужнымъ напечатать оффиціальное предупрежденіе своимъ газетамъ, чтобы онѣ перестали съ неразсчетливой радостью выдавать за истину всѣ выдумки о каннибальствѣ австрійскихъ солдатъ. Оно разсчло, что излишнее пристратіе къ пустымъ сплетнямъ въ результатѣ повредитъ дѣлу самихъ союзниковъ во мнѣніи Европы. Но быть можетъ, французское правительство не заслуживаетъ довѣрія? Мы не станемъ спорить противъ этого, а припомнимъ только, что само сардинское правительство сняло съ австрійскихъ кораблей эмбарго, наложенное на нихъ по оффиціальному объявленію за грабительство австрійцевъ въ Сардиніи. Снявъ эмбарго, оно показало, что увѣрилось въ несправедливости этихъ слуховъ. Въ первый разъ поколебалась вѣра въ нихъ письмами англичанина, корреспондента Times'а, допущеннаго австрійскимъ правительствомъ находиться при главной квартирѣ австрійской арміи. Странное, кажется, дѣло: всѣ австрійскія газеты и само правительство увѣряло Европу, что слухи о грабежѣ несправедливы; никто не вѣрилъ. Написалъ какой-то англичанинъ, никому неизвѣстный, Богъ знаетъ какихъ нравственныхъ качествъ, и ему повѣрили больше, нежели всѣмъ австрійскимъ командирамъ.

Но возвратимся къ слухамъ объ австрійскомъ грабительствѣ въ Сардиніи. Когда союзники вступили въ области, оставленныя непріятелемъ, корреспонденты французскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею, сами убѣдились, что необходимо отказаться отъ прежнихъ сплетень, и начали писать, что австрійцы не дѣлали съ сардинцами ничего предосудительнаго. Мало по малу откровенность дошла до того, что мы прочли въ Indépendance Belge слѣдующія строки, конечно очень лестныя для австрійцевъ, но еще болѣе утѣшительныя для ломбардцевъ, которые теперь съ восторгомъ встрѣчаютъ французовъ:

«Проведя три дня въ странѣ на востокъ за Тортоною [1]), я собралъ, пишетъ французскій офицеръ, подробности о контрибуціи, наложенной австрійцами на занятые ими города. Все дурное, разносившееся слухами, почти совершенно исчезаетъ, кромѣ нѣсколькихъ изолированныхъ фактовъ, которые надобно приписать исключительно бродягамъ. На мой взглядъ австрійцы не переступали границъ военнаго права, совершенно позволяющаго жить на счетъ непріятельской страны. Мое мнѣніе раздѣляется здѣсь (т. е. во французскомъ лагерѣ) всѣми. Навѣрное мы не видѣли бы большаго грѣха, если бы стали точно также поступать въ Австріи».

---

[1]) Т. е. въ мѣстности, которую долго занимали австрійцы.

Digitized by Google

По разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ французскіе офицеры употребляютъ иногда въ этомъ аргументѣ вмѣсто слова „Австрія“ слово „Ломбардія“. Но что еще будетъ въ Ломбардіи, мы услышимъ, а пока знаемъ только, по свидѣтельству того же французскаго офицера, что дѣло производится иногда его товарищами и въ Сардиніи нѣсколько по примѣру австрійцевъ. Нѣсколькими строками выше переведеннаго нами мѣста, мы въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Не знаю, понятно ли вамъ, что такое значитъ расположеніе войскъ по квартирамъ? Скажу вамъ о немъ два слова, потому что дѣло это непривычное для французской арміи, которая со времени послѣднихъ войнъ всегда располагалась только на бивуакахъ. Квартированіе по деревнямъ состоитъ вотъ въ чемъ. Отрядъ приходитъ, вступаетъ на дворъ фермы; начальникъ отряда ищетъ помѣщенія: овины, конюшни, амбары—запертые и отпертые—все годится, на чемъ есть кровля. (Итакъ, замокъ на дверяхъ амбара не служитъ помѣхой?). Берутъ у фермера всю солому, нужную для постилки людямъ. Располагаются въ этихъ амбарахъ, овинахъ, конюшняхъ и каждый устраиваетъ себѣ постель. Правда, что потомъ даютъ крестьянину квитанціи для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли даютъ ихъ? Невозможно, чтобы при квартирномъ расположеніи болѣе 100,000 человѣкъ не потерпѣлъ убытка какой нибудь бѣдняга. Правда, что этотъ бѣдняга порядкомъ вознаграждаетъ себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, какъ видно, не всегда даютъ даже квитанціи, по которымъ заплатитъ казна, то всегда ли дадутъ деньги изъ своего кармана?). Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ такое безцеремонное хозяйничество, увидѣлъ, какъ солдаты, не обращая ни на что вниманія, берутъ охапки соломы, у меня поворотилось сердце,—но что же дѣлать, надобно же солдату имѣть постель».

Если у автора письма на первый разъ поворотилось сердце, то вѣроятно не отъ однѣхъ охапокъ соломы, иначе нервы у него были бы уже слишкомъ чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцамъ и будутъ платить Ломбардцамъ за птицу, вино и т. д.; всегда ли будутъ они выдавать имъ идиллическія квитанціи за солому и дѣйствительно ли Ломбардія тоже должна входить въ составъ той Австріи, гдѣ, по мнѣнію французскаго лагеря, не будетъ большаго грѣха поступать французамъ точно также, какъ австрійцы поступали въ Сардиніи,—дѣло идетъ теперь не о французахъ, а объ австрійцахъ, симпатія къ которымъ въ насъ замѣчена многими и сознана теперь нами самими. Признаемся, источникомъ похвальной гордости служитъ намъ то, что теперь сами противники австрійцевъ свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ поведеніи нашихъ друзей въ сардинскихъ областяхъ. Но слѣдуетъ ли изъ безупречности ихъ поведенія по кодексу французскаго офицера, чтобы жителямъ занятыхъ ими областей дешево обошлось посѣщеніе Гіулая—освободителя? Въ цѣлыхъ округахъ не осталось ни хлѣба, ни скота, ни птицы, ничего, такъ что жители будутъ голодать до слѣдующей жатвы (въ Италіи впрочемъ при лѣтнемъ знoѣ діэта полезна, да и до жатвы осталось недолго); въ три года едва ли успѣютъ они снова обзавестись скотомъ и въ десять лѣтъ можно еще будетъ съ перваго взгляда узнавать тѣ мѣстности, въ которыхъ побывали гости. Да, намъ, читающимъ газеты, война сходитъ съ рукъ очень удобно, а нашимъ знакомымъ, служащимъ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, она иногда бываетъ даже пріятна, потому что даетъ прибавку жалованья; но поселянину она не обходится дешево даже при австрійскомъ поведеніи войскъ, совершенно соотвѣтствующемъ французскому идеалу.

Digitized by Google

Вся восточная часть Піэмонта теперь разорена; если безпорядочныхъ грабительствъ не было, все-таки всѣ средства страны поглощены реквизиціями; какимъ же образомъ могли быть придуманы австрійцами дикія сказки, будто бы сардинскіе поселяне принимали ихъ съ радостью, точно въ самомъ дѣлѣ Гіулай съ товарищами идетъ освобождать ихъ? Самая нелѣпая выдумка должна же привязываться къ какому нибудь дѣйствительному обстоятельству. Объясненіе этой видимой нелѣпости мы опять также находимъ въ письмахъ одного изъ корреспондентовъ Times'а. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ изъ Гарласко 28 и 30 мая.

«Въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ отсюда (изъ восточной части Сардиніи), я говорилъ, что поселяне вовсе нерасположены были къ войнѣ, а готовы, пожалуй, къ соціалистской революціи, ненавидя своихъ господъ, богатыхъ собственниковъ, живущихъ въ Туринѣ и въ Миланѣ. Одна изъ австрійскихъ газетъ сочиняетъ изъ этого, будто бы народъ здѣсь расположенъ къ Австріи. Нѣтъ, я могу увѣрить васъ, что поселяне Ломеллинской провинціи (земли между Сезіею и Тичино) не любятъ ни австрійцевъ, ни французовъ, ни своего правительства. Они имѣютъ только одно чувство—ненависть ко всѣмъ «проклятымъ господамъ» (maladetti signori). Они думаютъ, что богатые—«богатыми» называютъ они всѣхъ, неработающихъ руками, — имѣютъ выгоду отъ войны и приносятъ ей въ жертву поселянъ и ихъ интересы. Видя, какъ легко могло бы быть произведено здѣсь соціалистское возмущеніе, я не могу вѣрить словамъ Туринскаго бюллетеня № 32, говорящаго, что австрійцы старались возмутить бѣдный классъ жителей въ Страделлѣ и Вогерѣ противъ богатыхъ... Стараются поколебать довѣріе къ моимъ письмамъ, представляя меня приверженцемъ австрійцевъ. Увѣряю васъ, мое все сердце лежитъ, какъ должно лежать сердце каждаго англичанина, къ *итальянскому народу*, масса котораго должна пострадать отъ этой войны, на которой бы сторонѣ ни осталась побѣда, и пусть лучше отпадетъ у меня правая рука, чѣмъ напишу я хотя одно слово во вредъ итальянскому народу, для выгодъ кого бы то ни было, французскаго ли императора, сардинскаго ли короля или австрійскаго императора... Я боюсь, что общественное устройство въ Сардиніи едва ли сообразно съ конституціоннымъ порядкомъ. Огромное большинство народа находится въ слишкомъ большой зависимости отъ немногихъ богачей, въ числѣ которыхъ есть миланскіе аристократы. Кромѣ того, какъ вы знаете, въ Сардиніи есть сильная реакціонная партія, вовсе не ограничивающаяся однимъ какимъ нибудь сословіемъ. Я встрѣчалъ, кромѣ священниковъ, также и фермеровъ, сельскихъ старшинъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ ней. Аргументъ одного изъ нихъ былъ такъ простъ, что я повторю его вамъ. E troppo cara, la libertà, сказалъ этотъ патріотъ: «слишкомъ дорога она, свобода». Прежде онъ платилъ въ казну только 150 франковъ, а теперь подати съ него постепенно возвысились до 400 франковъ».

Многіе, быть можетъ, осудятъ насъ за эти выписки. Но что же дѣлать, если мы думаемъ, что въ нихъ высказана правда? Здѣсь не мѣсто подробно излагать нашъ взглядъ на политику Кавура; скажемъ въ двухъ словахъ, почему мы не питаемъ къ нему энтузіазма, за недостатокъ котораго иные осуждаютъ насъ. Намъ кажется, что онъ дался въ обманъ, и скоро будетъ въ томъ раскаяваться, если еще не раскаялся и теперь, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ признакамъ. Намъ кажется, что для освобожденія Италіи было бы полезнѣе ждать обстоятельствъ не столь опасныхъ, какъ нынѣшняя комбинація. Кромѣ того, намъ кажется, что въ ожиданіи войны съ Австріею не слѣдовало бы обременять сардинскій народъ слишкомъ высокими налогами для содержанія слишкомъ огромной арміи, которая даромъ истощала государство въ теченіе многихъ лѣтъ,—имѣя только готовые кадры, легко было при наступленіи

Digitized by Google

надобности организовать сильную армію въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напримѣръ сдѣлала Пруссія въ 1813 году. Мы думаемъ, что Кавуръ заставлялъ до сихъ поръ сардинскій народъ слишкомъ дорого платить за нынѣшніе подвиги, польза отъ которыхъ для Италіи еще очень сомнительна, и что наконецъ онъ далъ обмануть себя, сдѣлался теперь орудіемъ въ рукахъ, которыя отбросятъ его, когда извлекутъ изъ него себѣ пользу, далеко не соотвѣтствующую желаніемъ Кавура и итальянскихъ патріотовъ. Нѣкоторыя подтвержденія этому взгляду читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ, между прочимъ въ разсказѣ о тосканскихъ дѣлахъ. Теперь мы обращаемъ вниманіе читателя только на фактъ, объясняющій, почему австрійцы были приняты сардинскими поселянами безъ негодованія, такъ что могли выдумать, будто бы сардинскіе поселяне сочувствуютъ имъ, угнетателямъ Италіи. Итальянскіе землевладѣльцы при всемъ своемъ патріотизмѣ забыли, какъ мы видимъ, позаботиться о томъ, чтобы облегченіемъ повинностей примирить съ собою поселянъ, живущихъ на ихъ землѣ, графъ Кавуръ тоже забылъ, что для внушенія массѣ населенія привязанности къ правительству мало прекрасныхъ рѣчей и вѣрности патріотическимъ стремленіямъ образованныхъ сословій: нужно также облегчить народъ отъ лежащихъ на немъ тягостей; а графъ Кавуръ удвоилъ эти тягости для содержанія огромной арміи въ мирное время, когда еще не было въ ней надобности. Впрочемъ, мы совершенно напрасно вдавались въ этотъ эпизодъ объ отношеніяхъ къ народу политики, столь симпатичной благороднымъ стремленіямъ всѣхъ образованныхъ сословій: какое кому дѣло до того, лучше или хуже стало массѣ? У насъ, образованныхъ людей, потребности не тѣ, какъ у грубой массы, озабоченной только добываніемъ для себя, а болѣе для насъ, матеріальныхъ средствъ къ жизни, и нашимъ потребностямъ стремленіе политики Кавура удовлетворяетъ прекрасно. Возвращаемся же къ разсказу о войнѣ.

Мы оставили союзниковъ въ то время, когда, отбивъ непріятеля у Палестро, они продолжали наступленіе къ Тичино. На каждомъ шагу ихъ изумленіе возрастало, потому что они находили самыя выгодныя для обороны позиціи оставленными непріятелемъ безъ всякой попытки задержать на нихъ наступающія колонны. Это впечатлѣніе очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'а, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о двухъ битвахъ при Палестро. Продолжаемъ пользоваться его разсказомъ:

«Новара, 4 іюня (23 мая).

«Это письмо прійдетъ къ вамъ, когда вы по оффиціальнымъ реляціямъ конечно уже будете знать, какимъ непонятнымъ образомъ дѣйствовали австрійцы. Они оставили Мортару безъ сопротивленія, отступая по дорогѣ къ Павіи, къ Виджевано и къ броду при Аббіате-Грассо [1]). Французы перешли Тичино въ двухъ мѣстахъ—у Буффалоры, на шоссе отсюда въ Миланъ, и у Турбиго. Не только не было сопротивленія; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникамъ переправу. Это страннѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ, потому что, если отступленіе и скрываетъ какой нибудь глубоко обдуманный планъ [2]), котораго мы еще не

---

[1]) Виджевано лежитъ на дорогѣ изъ Мортары въ Миланъ, на сардинской сторонѣ Тичино, Аббіате-Грассо по той же дорогѣ далѣе, уже въ Ломбардіи. На дорогѣ изъ Мортары къ Павіи лежитъ Гарласко, гдѣ и была главная австрійская квартира.

[2]) Читатель увидитъ, что потомъ этотъ планъ объясняется.

Digitized by Google

можемъ разгадать, то едва ли можно себѣ вообразить планъ, который требовалъ бы облегчать наступленіе для непріятельской арміи. Надобно прибавить, что обѣ переправы, шоссе къ которымъ идетъ по болотамъ, представляютъ важныя выгоды для обороны. Но что страннѣе всего, давъ союзникамъ безпрепятственно пройти черезъ оба эти дефиле, они вдругъ показались вчера у Турбиго, миляхъ въ двухъ за рѣкою и около мили за каналомъ Naviglio Grande, образующимъ вторую линію обороны, почти столь же сильную. Тутъ произошла стычка, которую иные раздуваютъ въ цѣлую битву [1]), въ которой будто бы очень сильно фигурировали тюрки; а между тѣмъ, по правдоподобнѣйшимъ разсказамъ, это была не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя происходятъ теперь каждый день, чуть не каждый часъ, и въ которыхъ сотни три-четыре безвредныхъ выстрѣловъ обмѣниваются между стрѣлками съ обѣихъ сторонъ, да нѣсколько ядеръ перебрасываются съ одной стороны на другую. Реляція говоритъ о взятіи семи пушекъ и нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ; но реляціи въ нынѣшней кампаніи у французовъ еще въ сто разъ хвастливѣе, чѣмъ были въ Крыму. Достовѣрно одно: союзники утвердились за Тичино безъ битвы, достойной называться битвою и укрѣпляются за рѣкою тверже и тверже съ каждою минутою.

«Несмотря на то, что австрійцы отступаютъ непостижимымъ образомъ, мы беремъ всѣ предосторожности противъ внезапнаго нападенія, и это необходимо, потому что австрійцы рѣдко не бываютъ въ виду у насъ. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнурять войска, дѣлающія большіе переходы. Странно сказать, утомленія въ нихъ вовсе нѣтъ, больныхъ почти вовсе нѣтъ, и въ жизнь свою я не видѣлъ арміи, которая глядѣла бы такою здоровою. На всѣхъ этихъ усиленныхъ маршахъ я, сколько помню, не видѣлъ ни одного усталаго: каждый идетъ молодцомъ, чтобы не смѣялись надъ нимъ товарищи. Духъ въ солдатахъ веселый, и каждый день сильнѣе разгорается въ нихъ охота разъ помѣряться съ непріятелемъ. Это одушевленіе не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами,—имъ одинаково одушевлены всѣ войска, и я жду, что они изумятъ противника, когда столкнутся съ нимъ.

«Когда же это будетъ? Вопросъ становится проблематичнѣе съ каждымъ днемъ. Непріятель не держался на Сезіи, не принялъ битвы въ Мортарѣ; теперь ясно, что онъ не хочетъ защищать и линію Тичино [2]). На всѣхъ этихъ линіяхъ австрійцы надѣлали полевыхъ укрѣпленій, и не въ двухъ—не въ трехъ мѣстахъ, а повсюду, гдѣ только мѣстность представляла для нихъ выгоду. У обоихъ мостовъ черезъ Тичино возведены укрѣпленія. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они хотѣли крѣпко держаться въ странѣ, которую заняли, и по необходимости приходишь къ мысли, что какая нибудь особенная причина заставила ихъ измѣнить первоначальный планъ. Вы помните, при началѣ войны говорилось, что мысли Гіулая, командира австрійской арміи въ Италіи, и Гесса, начальника главнаго штаба императора, не одинаковы. Гіулай думалъ дѣйствовать наступательно и перейти за Тичино; Гессъ, говорятъ, хотѣлъ дѣйствовать чисто оборонительно. Принятъ былъ планъ Гіулая; но оказалось теперь, что онъ плохъ, потому очень можетъ быть, что теперь стали слѣдовать плану Гесса.

«Есть еще другое объясненіе неожиданному отступленію. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную систему Гесса, то значительно содѣй-

---

[1]) Почему этотъ австрійскій отрядъ явился, только уже перепустивъ непріятеля безпрепятственно черезъ обѣ крѣпкія линіи обороны, мы знаемъ изъ донесеній Гіулая. Войска тутъ были не тѣ, которыя отступали отъ Палестро и Мортары, а новый отрядъ, спѣшившій по желѣзной дорогѣ изъ Милана на встрѣчу союзникамъ; онъ былъ силою въ 7,000 человѣкъ. Онъ не успѣлъ встрѣтить союзниковъ раньше, въ дефиле или на *Naviglio Grande*. Прекрасно; но что же дѣлали войска, бывшія подъ Палестро еще 31 мая въ числѣ 20,000? Кажется, они могли бы задержать непріятеля и, въ теченіе трехъ дней, они могли бы получить подкрѣпленія съ юга. Но нѣтъ, они отступали безъ оглядки.

[2]) Дѣйствительно, онъ не защищалъ ее, а сразился Богъ знаетъ зачѣмъ нѣсколькими верстами далѣе, послѣ того, какъ выдалъ безъ боя врагу эту сильную линію обороны.

Digitized by Google

ствовала его принятію, состоитъ въ блистательномъ движенія, которымъ союзники въ нѣсколько дней совершенно обошли правое крыло австрійцевъ и принудили ихъ отступать. Они замѣтили это движеніе только четыре дня тому назадъ [1]) и едва имѣли время убраться. Кажется, только появленіе французовъ въ Новарѣ было для нихъ первымъ указаніемъ другаго плана: до той поры и не воображали, какой сюрпризъ имъ готовится. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ. Недалеко отъ Новары уланы захватили австрійскаго часоваго, тирольскаго стрѣлка, который и не предполагая, что непріятель близко, положивъ въ сторону ружье, спокойно занимался починкою своихъ штановъ, которые снялъ для этого дѣла.

«Не знаю, не посылали ли австрійцы въ передовую линію только свои худшія войска, но какъ бы то ни было, въ сраженіяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, они не поддержали репутаціи австрійской арміи. При Монтебелло корпусъ, силу котораго они сами считаютъ въ 20,000, былъ прогнанъ одною французскою дивизіею и нѣсколькими эскадронами сардинцевъ. При Палестро, во второй день, были въ дѣлѣ, какъ извѣстно, цѣлыя двѣ дивизіи и онѣ, съ потерею 8 пушекъ и 1,000 плѣнныхъ, были прогнаны одною сардинскою дивизіею Чальдини и полкомъ зуавовъ. Эти факты могутъ объясняться лишь предположеніемъ, что или одни плохія войска были выставлены впередъ, или духъ австрійской арміи не такъ высокъ, какъ увѣряли ея защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производитъ на нихъ сильное дѣйствіе: одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ самъ признавался, что стремительная аттака въ штыки, безъ остановки для стрѣльбы, кошачья гибкость, съ которою союзные солдаты переходятъ всѣ затрудненія и пробѣгаютъ на батарею сквозь картечный градъ, совершенно разстроиваютъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, такъ что солдатъ нельзя удержать въ порядкѣ. Это очень правдоподобно, потому что изъ 8 пушекъ, взятыхъ при Палестро, четыре взяты заряженными,—фактъ, говорящій самъ за себя. Неудивительно, что австрійцы теряются отъ изумленія при этой стремительности: они всегда воображали какимъ-то этикетомъ правильнаго боя стрѣлять, пока есть патроны; имъ кажется, что только варвары, непонимающіе деликатности, могутъ съ перваго же раза прибѣгать къ такому отчаянному способу неучтиваго боя».

«Турбиго, 4 іюня».

«Вотъ мы на ломбардской почвѣ! Черезъ одиннадцать долгихъ лѣтъ сардинская армія снова переходитъ этотъ Рубиконъ Италіи и Викторъ-Эммануэль на дорогѣ къ Милану. Берега Тичино представляютъ въ эту минуту одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, какія только можно вообразить: армія движется по странѣ, какъ будто созданной быть самою эффектною обстановкою. Отъ Новары до деревни Галліате [2]) вы ѣдете по пыльной дорогѣ между роскошными хлѣбными полями, опоясанными монотоннымъ и меланхолическимъ рядомъ ивъ, перерѣзанныхъ рядами суровыхъ и также скучныхъ тутовыхъ деревьевъ; ивы и тутовыя деревья посажены такъ тѣсно, что портятъ перспективу на Альпы и закрываютъ васъ, такъ что видна вамъ только длинная линія солдатъ, фуръ и муловъ, шагающихъ по прямой, пыльной дорогѣ. Такъ вы добираетесь до деревни Галліате, которая нѣсколько вознаграждаетъ васъ за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую васъ пылью. Вы бродите по извилистымъ улицамъ деревни съ причудливыми итальянскими домами, изъ которыхъ почти у каждаго, надъ широкою дверью со

---

[1]) Дѣйствительно, по письмамъ другаго корреспондента *Times'a*, находящагося въ главной квартирѣ австрійцевъ, мы знаемъ, что еще 31 мая тамъ ожидали наступленія главныхъ французскихъ силъ прямо черезъ По, или по дорогѣ отъ Вогеры на Страделлу, на правый флангъ австрійцевъ, гдѣ и были сосредоточены главныя ихъ силы, или на центръ, черезъ Валенцу. Дѣйствительно, только появленіе французовъ въ Новарѣ, 1 іюня, вывело ихъ изъ этого заблужденія.

[2]) Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ главнаго миланскаго шоссе и верстахъ въ пяти не доходя Тичино.

Digitized by Google

сводомъ, нарисованъ покровительствующій ему святой. За деревнею вы опять на монотонной дорогѣ, по прежнему окруженной хлѣбными полями. Деревья тутъ гораздо рѣже и Альпы открыты передъ вами во всемъ своемъ величіи. Но вамъ не время дивиться на гигантскія горы, потому что все ваше вниманіе занято самой дорогой, по которой вамъ надобно лавировать съ вашими лошадьми, охраняясь отъ упрямыхъ муловъ и скрипучихъ фуръ, съ ихъ carretieri, которые еще упрямѣе и безтолковѣе животныхъ, имъ подвластныхъ. Правда, вы избавились бы отъ всей непріятной тѣсноты, своротивъ въ сторону; но вамъ стыдно портить поля, пощаженныя самимъ непріятелемъ.

«Вамъ нетерпѣливо хочется увидѣть Тичино; вы поглядываете впередъ и сквозь зелень деревьевъ начинаютъ проглядывать на горизонтѣ колокольни. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ ихъ становится больше, вы различаете колокольни Турбиго, Бобекетты, Куджіоне и Буффалоры, встающія у подножія Альпъ; но все еще нѣтъ Тичино. Вдругъ вся сцена перемѣняется. Хлѣбныя поля, неотступно тянувшіяся по дорогѣ, исчезаютъ съ обѣихъ сторонъ и вы находитесь среди высокаго кустарника изъ дубовыхъ и каштановыхъ деревцевъ; ваше вниманіе отвлечено отъ дороги пестрою толпою французскихъ и сардинскихъ офицеровъ: они сошли съ лошадей—ѣдятъ, пьютъ, курятъ и отдыхаютъ; маркитанты суетятся удовлетворить голоднымъ желудкамъ, пересохшимъ горламъ; поселяне, разинувъ рты отъ удивленія, стоятъ и смотрятъ; шумъ увеличивается лошадьми, которыхъ проводятъ подъ уздцы, или спутываютъ. Двухъэтажный домъ налѣво съ надписью «Dogana Sarda» (сардинская таможня), говоритъ вамъ, что вы достигли конца вашего пути, что вы на берегахъ Тичино. Но вы еще не видите его. Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ,—и стоите на обрывѣ той возвышенной плоскости, которую до сихъ поръ принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается передъ вами. Во всей этой части теченія Тичино съ обѣихъ сторонъ опоясанъ высокой плоскостью, которая, по капризнымъ изгибамъ этой капризнѣйшей изъ рѣкъ, то подходитъ къ берегу, то отступаетъ отъ него, иногда подходя почти къ самой водѣ, въ другихъ мѣстахъ отдаляясь отъ рѣки болѣе чѣмъ на милю. У ponte di Turbigo, гдѣ рѣка раздѣляется на три рукава, одинъ рукавъ течетъ у самаго подножія террасы, спускъ съ которой такъ отвѣсенъ, что дорога должна дѣлать большой изворотъ сперва направо, потомъ налѣво, чтобы дойти до каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку. Русло рѣки имѣетъ здѣсь совершенно не такой видъ, какъ въ ея низовьяхъ. Два маленькіе рукава здѣсь разведены по каналамъ, болота замѣняются роскошною массою молодыхъ дубовъ и каштановъ, которые въ иныхъ мѣстахъ пересѣкаются хлѣбнымъ полемъ, и его нѣжная зелень съ желтоватымъ отливомъ рельефнѣе оттѣняетъ густую зелень лѣса. На противоположной сторонѣ третьяго и главнаго рукава изъ-за деревьевъ, плотно покрывающихъ тотъ берегъ, выглядываетъ караульный домъ. По постепенно возвышающейся мѣстности лѣса тянутся до края горизонта, гдѣ смѣшиваются съ зеленью Альпъ, великолѣпно окаймляющихъ картину. Среди массы зелени разбросаны деревни Турбиго, Бобекетта, Каджіоне и Буффалора, стоящія почти въ одинъ рядъ на террасѣ, опоясывающей Тичино съ ломбардской стороны. Длинные караваны солдатъ всѣхъ родовъ оружія, артиллеріи, понтоновъ, фуръ, телѣгъ, муловъ, обозныхъ лошадей,—эти караваны, столь утомлявшіе глазъ на длинной прямой линіи шоссе, здѣсь придаютъ новую очаровательность картинѣ, то скрываясь, то появляясь по извилинамъ дороги.

«Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслоняется другими чувствами и мыслями; армія перешла рѣку и утвердилась за ней, не встрѣчая до сихъ поръ сопротивленія, о которомъ стоило бы упоминать. Вечеромъ 2-го іюня первыя французскія войска показались на берегу Тичино, здѣсь, у Турбиго, и у Буффалорскаго моста. Въ Буффалорѣ широкій каменный мостъ былъ найденъ, если не совершенно невредимымъ, то уцѣлѣвшимъ на столько, что возможно было нѣкоторое сообщеніе черезъ него. Австрійскіе инженеры повидимому торопились, такъ что не нашли досуга взорвать его; только нѣкоторыя изъ ихъ минъ подѣйствовали и сдвинули нѣсколько камней. Въ Турбиго не было такой большой дороги, какъ у Буффалоры, и въ два послѣдніе года существовалъ тамъ только паплавной мостъ,—плашкоутный, существовавшій прежде, былъ сорванъ рѣкою и послѣ того не возобновлялся. На противномъ берегу стояли австрійскіе стрѣлки съ нѣсколькими пушками; но союзные стрѣлки

Digitized by Google

и артиллерія скоро заставили ихъ молчать; понтонная команда принялась наводить мостъ и только изрѣдка тревожилъ ее свистъ нѣсколькихъ пуль, такъ плохо направленныхъ, что ни одинъ человѣкъ изъ понтонной команды не былъ раненъ. Разъ или два выѣзжали впередъ австрійскіе уланы и тоже безвредно стрѣляли, пока одинъ изъ нихъ свалился съ лошади отъ пули здѣшняго стрѣлка. Когда мосты были готовы (на другой день къ вечеру), войска бросились черезъ нихъ и утвердились на другомъ берегу. Оттуда тотчасъ же стали подвигаться по дорогѣ, которая ведетъ лѣсомъ къ каналу [1]). На ломбардской сторонѣ дорога отъ рѣки слегка поднимается до Турбиго, стоящаго на краю террасы. Австрійцы, отступившіе отъ рѣки безъ сопротивленія, заняли позицію на этой террасѣ, защищаемой съ фронта каналомъ. У нихъ были пушки, обстрѣливавшія дорогу, и насыпаны были полевыя укрѣпленія. Такимъ образомъ австрійцы стояли на одной изъ тѣхъ грозныхъ позицій, которыя дорого обходятся нападающему. Какъ въ Палестро, дѣло было покончено съ-разу, стремительною аттакою. Тюрки, алжирскіе туземцы, блистательно овладѣли позиціею, захвативъ семь, по другому счету девять пушекъ. Австрійцы останавливали нашихъ послѣ того на маленькомъ кладбищѣ по дорогѣ въ Бобекетту, въ третій разъ въ этой деревнѣ. Съ каждымъ разомъ сопротивленіе было слабѣе и вообще болѣе походило на шутку. Союзники хотѣли не заниматься истребленіемъ этого незначительнаго отряда, а скорѣе идти впередъ по миланской дорогѣ; потому бѣгущихъ преслѣдовали не очень горячо; говорятъ, что взято въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ. По разсказамъ поселянъ, австрійцы бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ, бросая ружья, ранцы, все, что могло задерживать ихъ на бѣгу. Я говорилъ съ мѣстными жителями; по ихъ словамъ, австрійцевъ было до 6,000 и они пришли изъ Милана.

«Нынѣ утромъ французскіе аванпосты находились въ Санъ-Мартино противъ Буффалоры. У Буффалорскаго моста непріятеля не было, и вся окрестность при появленіи союзниковъ была погружена въ мертвое молчаніе. Буффалора еще занята австрійцами, которымъ представляетъ превосходную позицію. Будутъ ли они защищаться на ней сильнѣе, чѣмъ здѣсь, это надобно еще видѣть. Обманутые быстрымъ движеніемъ союзниковъ съ крайняго праваго фланга отъ Вогеры, на крайній лѣвый флангъ къ Верчелли, они не успѣли поспѣть къ Турбиго и защищали его только нѣсколькими тысячами солдатъ, пришедшихъ изъ Милана. Если они будутъ противиться у Буффалоры, это будетъ значить, что они успѣли собрать тутъ нѣсколько войскъ, наслаждавшихся деревенскимъ воздухомъ на По и спавшихъ въ Мортарѣ.

«4-го іюня, вечеромъ.

«Едва кончилъ я мое письмо къ вамъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы со стороны Буффалоры. Съ прибрежной террасы ясно виденъ дымъ каждой пушки; но пробраться туда нѣтъ никакой возможности сквозь массы движущихся туда войскъ. До сихъ поръ успѣлъ узнать я слѣдующее: гвардейскіе зуавы и гренадеры, ушедшіе впередъ другихъ войскъ по этому направленію, аттаковали позицію при Буффалорѣ, занятую австрійцами въ большихъ силахъ, иные говорятъ до 40,000 человѣкъ. Несмотря на такое превосходство противниковъ, французы, которыхъ было четыре полка, всего отъ 6 до 7,000 человѣкъ, послѣ упорнаго боя и сильной потери успѣли штурмомъ взять позицію, когда подошли къ нимъ австрійцы. Сраженіе продолжалось до поздней ночи».

«Турбиго, 5-го іюня, 11 часовъ утра.

«Дѣло при Буффалорѣ было самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ въ нынѣшнюю кампанію; оно имѣло размѣры большаго сраженія [2]). Планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на эту позицію, очень крѣпкую, не съ одного только фронта, но также съ

[1]) Къ тому каналу *Naviglio Grande*, который идетъ параллельно рѣкѣ, верстахъ въ двухъ отъ нея; о немъ говорилось въ первомъ письмѣ.

[2]) Авторъ называетъ битву 4-го іюня сраженіемъ при Буффалорѣ, потому что у этой деревни началось оно: но теперь его называютъ битвою при Маджентѣ, потому что боемъ у этой деревни рѣшена была побѣда.

Digitized by Google

лѣваго фланга, отъ Турбиго. Въ движеніи колонны, шедшей отъ Турбиго, произошло замедленіе и результатомъ было, что когда гвардейскіе гренадеры и зуавы,—всего только четыре полка,—аттаковали непріятеля, то оказалось, что они одни аттакуютъ цѣлую армію въ позиціи сильной отъ природы и еще болѣе усиленной полевыми укрѣпленіями. Не оробѣвъ отъ этого, они все таки шли впередъ. Но у непріятеля было такое превосходство въ числѣ, что, отражая аттаку, онъ могъ въ тоже время произвести наступленіе другими войсками и даже взять одну изъ нарѣзныхъ пушекъ. Однакоже, несмотря на всѣ свои усилія, онъ наконецъ не могъ устоять и былъ оттѣсненъ. Въ то время, какъ ему приходилось отступать, подошла и колонна съ лѣваго фланга.

«Я теперь ѣду на мѣсто сраженія и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы дополнить свѣдѣнія объ этой битвѣ, находившіяся въ моемъ вчерашнемъ письмѣ».

На этомъ, самомъ любопытномъ, мѣстѣ останавливается корреспонденція, напечатанная въ тѣхъ нумерахъ Times'а, которые мы теперь имѣемъ. Сравнивъ переведенный нами разсказъ съ тѣми реляціями и письмами о дѣйствіяхъ союзниковъ съ 28 мая до 3 іюня, которыя можно находить въ другихъ газетахъ, читатель не осудитъ насъ за то, что мы не хотимъ теперь и пользоваться ими для продолженія подробнаго очерка кампаніи съ того мѣста, на которомъ останавливаются письма корреспондента Times'а. Читатель, вѣроятно, одобритъ нашу рѣшимость, лучше повременить мѣсяцъ, чтобы продолжать изложеніе по превосходному, очень полному и совершенно дѣльному источнику, чѣмъ представлять публикѣ во второй разъ клочки той безтолковой декламаціи или реляціоннаго хвастовства, которымъ можно пресыщаться во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и которое оставляетъ въ головѣ только недоумѣніе о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, передаваемое съ очевидной вздорностью и явными противорѣчіями въ одномъ и томъ же источникѣ. Читатель, конечно, уже пробѣжалъ и реляцію Гіулая о сраженіи при Маджентѣ, и отчетъ объ этой битвѣ, составленный въ главной французской квартирѣ; пусть онъ самъ скажетъ, много ли онъ понялъ изъ этихъ донесеній, въ которыхъ техническая темнота служитъ составителямъ только къ прикрытію ошибокъ съ своей стороны и къ монотонному восхваленію храбрости каждаго отряда, каждой колонны, чуть не каждаго оберъ-офицера. Также сбивчивы и письма французскихъ корреспондентовъ. Нѣмецкія газеты, получаемыя здѣсь, всѣ наполнены нестерпимымъ чванствомъ тупоумія, думающаго, что можно обманывать Европу самохвальствомъ даже послѣ очищенія всей восточной Ломбардіи. Другихъ нѣмецкихъ газетъ, болѣе достовѣрныхъ, мы не имѣемъ въ рукахъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы путать читателя натянутыми догадками о настоящемъ ходѣ дѣла, лучше отложимъ продолженіе разсказа до слѣдующаго раза и представимъ здѣсь только самый краткій перечень фактовъ, начиная съ 4 іюня.

Сраженіе при Маджентѣ произошло, какъ видимъ изъ приведеннаго нами разсказа, оттого, что союзники слишкомъ уже понадѣялись на себя: да и трудно было удержаться отъ увлеченія вѣрностью своихъ комбинацій и презрѣніемъ къ противнику послѣ безтолковости, обнаруженной австрійцами при наступленіи союзниковъ отъ Верчелли къ Буффалорѣ. Планъ генеральнаго сраженія былъ составленъ, когда еще очень немногіе изъ союзныхъ корпусовъ успѣли придти на линію, съ которой наступленіе могло идти безпрепятственно

Digitized by Google

и сообразно съ диспозиціей. Какъ всегда бываетъ при слишкомъ многосложныхъ диспозиціяхъ, распредѣляющихъ движенія на слишкомъ далекое пространство, планъ битвы оказался неудобоисполнимымъ отъ множества непредвидѣнныхъ препятствій. Изъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ къ аттакѣ, оказались въ свое время на своемъ мѣстѣ только четыре гвардейскіе полка, при которыхъ находился и самъ императоръ французовъ. Потомъ сраженіе тянулось, чуть ли не наудачу, до той поры, пока Макъ-Магонъ подоспѣлъ на помощь стѣсненнымъ французамъ, пошедши не туда, куда предписывала идти разстроившаяся диспозиція, а на тотъ пунктъ, куда оказалось нужнымъ явиться по его собственному вѣрному соображенію. Въ дѣлѣ участвовала половина всей австрійской арміи и нѣсколько менѣе половины союзныхъ войскъ: остальные корпуса союзниковъ или не подоспѣли, или попали не въ тѣ мѣста, куда слѣдовало, а австрійцы еще не успѣли къ 4 іюня подвести къ миланской дорогѣ всѣхъ своихъ силъ съ юга. Надобно полагать, что союзники погрѣшили излишнею самоувѣренностью и тѣмъ спасли австрійцевъ отъ полнаго пораженія, которое бы ждало ихъ, еслибъ начало битвы было отложено союзниками на нѣсколько часовъ, пока всѣ корпуса ближе придвинутся къ непріятелю. Но совершенно нелѣпо поступили австрійцы, остановивъ половину своихъ силъ для генеральнаго сраженія въ такомъ пунктѣ, куда еще не могли придти другіе корпуса ихъ. Союзники одержали побѣду вовсе не блистательную въ тактическомъ отношеніи,—австрійцы отступили въ полномъ порядкѣ, какъ видно изъ того, что потеряли только четыре пушки, сами успѣвъ отбить одну у побѣдителей. Но стратегическія и особенно нравственныя послѣдствія этой неполной побѣды были огромны: союзники удержали за собою миланскую дорогу, оставивъ непріятелю свободу движеній только въ южной части восточной Ломбардіи. Черезъ два дня союзники были въ Миланѣ, который еще во время битвы самъ освободилъ себя отъ австрійскаго гарнизона, слишкомъ ослабленнаго посылкою подкрѣпленій на поле сраженія. Чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ крѣпостей на Минчіо и Аддидже, австрійцы теперь поспѣшно отступаютъ, бросая безъ защиты даже такія крѣпости въ юго-восточной Ломбардіи, какъ Павія и Піаченца. Съ этой рѣшительностью въ первый разъ является смыслъ въ ихъ дѣйствіяхъ. И дѣйствительно, послѣ сраженія при Маджентѣ бездарный Гіулай наконецъ отставленъ и теперь командуетъ арміею Гессъ, котораго считаютъ очень хорошимъ генераломъ. Что успѣетъ онъ сдѣлать, мы увидимъ, а теперь онъ по крайней мѣрѣ спасъ армію отъ истребленія, которое грозило бы ей, еслибъ она дала себя отрѣзать отъ Мантуи. Опасность эта была повидимому близка: такъ надобно думать, судя по тому, что 8 іюня корпусъ Бараге д'Илье уже аттаковалъ австрійцевъ при Мариньяно съ явнымъ намѣреніемъ отбить ихъ къ югу отъ мантуанской дороги. Онъ взялъ эту позицію; но австрійцы были уже дальше на востокъ, и, кажется, достигнутъ своего знаменитаго четырехъугольника на юго-востокѣ Гардскаго озера. До той поры, пока австрійцы станутъ за линіею Минчіо, а союзники соберутся выбивать съ нея непріятеля, всѣ слѣдующія военныя дѣйствія не будутъ имѣть почти никакого существеннаго интереса, хотя могутъ имѣть эффектные эпизоды, если австрійцы вздумаютъ безъ пользы и безъ толка давать еще какое нибудь большое сраженіе, не доходя до Минчіо. Прогнаніемъ австрійцевъ съ Тичино судьба всей Ломбардіи рѣшена: далѣе до

Digitized by Google

самой Мантуи нѣтъ такихъ позицій, въ которыхъ была бы вѣроятность удержаться имъ. Итакъ, съ интересомъ неизвѣстности надобно ждать теперь только уже того времени, когда начнется борьба на Минчіо; сущность всей части кампаніи до этой минуты впередъ извѣстна: съ битвами или безъ битвъ, австрійцы остановятся въ своемъ отступленіи не прежде, какъ у Мантуи.

Какъ ни громка побѣда при Мадждентѣ, какъ ни увлекательно подѣйствовало на массу публики занятіе Милана союзниками, но гораздо съ большею любовью останавливаемся мы на удивительныхъ подвигахъ волонтеровъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи, и если бы мы могли, эту часть военныхъ событій мы изложили бы съ наибольшею подробностью, и тутъ не было бы того холоднаго недовѣрія къ людямъ и намѣреніямъ, за которое осуждаютъ болѣе насъ счастливые способностью видѣть бѣлымъ черное или по крайней мѣрѣ довольно запачкавшееся отъ слишкомъ охотнаго прикосновенія къ смолѣ. Мы считаемъ дѣйствія волонтеровъ Гарибальди заслуживающими самаго точнаго изученія не по одному только уваженію къ этимъ истинно благороднымъ людямъ, жертвующимъ собою не изъ видовъ честолюбія, не по личнымъ разсчетамъ, дѣйствительно по искреннему желанію освобожденія отечеству, а не чего нибудь другаго,—нѣтъ ихъ судьба приковываетъ къ себѣ наше заботливое вниманіе и потому, что собственно только ихъ сила могла бы служить неизмѣнною опорою для независимости Италіи. Съ той самой поры, какъ австрійцы дали французамъ время прійти на помощь сардинцамъ, было ясно, что австрійцамъ нечего ожидать въ Италіи, кромѣ пораженій. Вопросъ давно уже не въ томъ, удастся ли союзникамъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, если они захотятъ; вопросъ только въ томъ, захотятъ ли этого французы, или удовольствуются блескомъ побѣдъ и заключатъ съ противниками миръ столь же безубыточный для нихъ, какъ парижскій миръ; а если и вовсе не позволятъ австрійцамъ владѣть ни однимъ футомъ земли въ Италіи, то захотятъ ли оставить ей независимость, или найдутъ удобнѣйшимъ иначе распорядиться ея судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тотъ видитъ, что одна только сила войскъ подвластныхъ единственно этому принципу національной независимости можетъ представляться ручательствомъ за нее. До сихъ поръ чистыми представителями этой идеи въ военныхъ силахъ можно съ достовѣрностью считать только волонтеровъ и потому-то интереснѣе всего теперь вопросъ о вліяніи, какое могутъ пріобрѣсти они себѣ на рѣшеніе дѣла своею числительностью, военными качествами и степенью участія въ изгнаніи австрійцевъ. Исторія отряда Гарибальди составляетъ не только самую чистую, но и самую важную для сущности дѣла часть похода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы ничего не знаемъ объ отрядѣ Гарибальди, кромѣ того, что онъ дрался геройски, что онъ къ несчастью слишкомъ еще малочисленъ и не можетъ еще имѣть большаго вѣса въ совѣщаніяхъ союзниковъ, наконецъ, что есть ясные признаки взаимнаго нерасположенія между союзниками и Гарибальди. Слуховъ о дѣйствіяхъ Гарибальди носилось много, но почти всѣ они были очень сбивчивы и всѣ до сихъ поръ лишены подробностей. Сообщимъ хотя то немногое, что теперь извѣстно.

Гарибальди двинулся въ сѣверо-западную гористую часть Ломбардіи,

Digitized by Google

пограничную съ Швейцаріей, еще въ тѣ дни, когда Чальдини только что перешелъ Сезію, за цѣлую недѣлю до начала наступленія со стороны союзниковъ. Онъ имѣлъ отъ 4.000 до 5.000 волонтеровъ, которыхъ выбиралъ самъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что люди у него были на подборъ, крѣпкаго сложенія, способные переносить всѣ лишенія и дѣлать изумительные переходы по труднымъ, гористымъ дорогамъ. Въ той части Ломбардіи, куда вступалъ онъ (Вальтеллине), населеніе отличается, если не особенною ненавистью къ австрійцамъ,—въ этомъ отличиться передъ другими ломбардцами было бы трудно,—то особенною воинственностью, которая объясняется и сосѣдствомъ свободной Швейцаріи, и гористымъ мѣстоположеніемъ. Въ 1848 году они продолжали упорно бороться противъ австрійцевъ, когда вся остальная Ломбардія была уже покорена и всякая надежда на успѣхъ сопротивленія и на сардинскую помощь исчезла. Еще въ началѣ кампаніи, какъ только австрійцы увели свои главныя силы въ Сардинію и когда еще не было никакой надежды на скорое появленіе союзниковъ въ Ломбардіи, городъ Комо [1]) возсталъ противъ австійцевъ. Разумѣется, возстаніе было тотчасъ же усмирено прибытіемъ сильнаго австрійскаго войска и наказано наложеніемъ огромной контрибуціи. Этотъ удивительный примѣръ отважнаго самопожертвованія показываетъ, что въ желаніи присоединиться къ Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имѣли оружія, которое было строжайшимъ образомъ отобрано австрійцами въ 1848 году; то, которое успѣли они спрятать въ землѣ, уже стало негоднымъ отъ ржавчины. Союзникамъ было это хорошо извѣстно. Почему же у Гарибальди не было запасовъ оружія для раздачи жителямъ? Ломбардцамъ не посылали того, что всего необходимѣе было для успѣха начинаемаго ими дѣла. Еще изумительнѣе та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы имѣть ему хотя маленькій отрядъ кавалеріи, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзниковъ есть такія легкія орудія, что два человѣка могутъ переносить ихъ на рукахъ по мѣстамъ, недоступнымъ для лошадей. Отрядъ въ 5.000 человѣкъ, не имѣющій ни одной пушки,—это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Какъ объяснить такую безпечность союзниковъ о Гарибальди, о его волонтерахъ, о жителяхъ Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацію, которую Гарибальди издалъ при вступленіи своемъ въ Ломбардію:

«Ломбардцы, вы призываетесь къ новой жизни и должны отвѣчать на призывъ, какъ отвѣчали ваши отцы у Понсиды и у Леньяно. Врагъ все тотъ же: свирѣпый, безжалостный, убійца и грабитель. Ваши братья во всѣхъ провинціяхъ поклялись побѣдить или умереть съ вами. Мы должны отмстить за притѣсненія, оскорбленія, порабощеніе двадцати поколѣній, мы должны оставить нашимъ дѣтямъ наслѣдіе, чистое отъ оскверняющаго господства иноземныхъ солдатъ. Викторъ Эммануэль, котораго національная воля избрала нашимъ верховнымъ вождемъ, посылаетъ меня къ вамъ организовать васъ на патріотическія битвы. Я умиляюсь сердцемъ отъ святой обязанности, мнѣ ввѣренной, и горжусь тѣмъ, что буду предводительствовать вами.

---

[1]) Лежащій верстахъ въ 35 по прямому направленію отъ сардинской границы, на самой границѣ Швейцаріи.

Digitized by Google

«Къ оружію же! Конецъ порабощенію. Кто можетъ держать въ рукахъ ружье и не возьмется за него, тотъ измѣнникъ!

«Дѣти Италіи, соединившись и освободившись отъ иноземнаго владычества, съумѣютъ возвратить ей мѣсто между народами, назначенное ей Провидѣніемъ».

Гарибальди не одобряетъ ломбардцевъ указаніемъ на великодушную помощь императора французовъ, а говоритъ только о Викторѣ Эммануэлѣ и сардинцахъ; о французахъ нѣтъ у него ни слова. Натурально, что французы не очень заботились о поддержаніи генерала, своимъ молчаніемъ слишкомъ ясно опредѣляющаго свой взглядъ на ихъ роль въ Италіи. Есть положительныя извѣстія о взаимномъ нерасположеніи итальянскихъ волонтеровъ и французскаго военнаго начальства. Надобно прибавить, что когда Гарибальди двинулся въ Ломбардію, было объявлено, что вслѣдъ за нимъ двинется сильный корпусъ союзныхъ войскъ для поддержки возстанія. Но это условіе не исполнилось, и до послѣдней минуты Гарибальди былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, хотя невозможно было и ожидать, чтобы онъ не погибъ, имѣя противъ себя въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 25.000 австрійцевъ, къ которымъ шелъ еще корпусъ Кламъ Галласа, состоявшій изъ 40.000 человѣкъ. Положимъ, что корпусъ Ніэля, который обѣщали послать въ Вальтеллине, оказался нуженъ для дѣйствій по миланской дорогѣ; но все-таки, кажется, можно было бы изъ 200 или 250 тысячъ союзныхъ войскъ отдѣлить нѣсколько тысячъ для поддержанія столь важнаго дѣла, какъ экспедиція Гарибальди, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей на Сезіи. Соображая все это, трудно удержаться отъ заключенія, что погибель Гарибальди не слишкомъ огорчила бы главную квартиру французской арміи.

Впрочемъ, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которымъ Гарибальди не получилъ артиллеріи, не получилъ оружія для раздачи жителямъ и оставленъ былъ безъ всякой поддержки среди враговъ въ пять разъ и потомъ въ десять разъ превосходившихъ его числомъ, онъ противъ всякаго ожиданія нашелъ въ Ломбардіи не погибель, а блистательные успѣхи. 22 (10) мая онъ вступилъ въ Ломбардію черезъ Арону (на южномъ концѣ Лаго-Маджіоре) и двинулся на Варезе, ближайшій ломбардскій городъ въ верстахъ двадцати по прямому направленію отъ сардинской границы. На дорогѣ онъ разбилъ австрійцевъ, и 23 числа занялъ Варезе. Черезъ нѣсколько часовъ приблизился къ городу австрійскій корпусъ въ 5.000 человѣкъ съ артиллеріею, которой не было у Гарибальди. Укрѣпивъ городъ баррикадами, онъ оставилъ въ немъ нѣсколько сотъ человѣкъ своихъ волонтеровъ, жители вооружились, какъ могли, а самъ Гарибальди съ главными силами ушелъ изъ города. Австрійцы подступили къ Варезе, но въ эту минуту Гарибальди напалъ на нихъ съ такой стороны, откуда они никакъ не могли его ожидать, разбилъ и разсѣялъ ихъ, и овладѣлъ всеми пятью пушками, которыя были у непріятеля. Быстро двинулся онъ потомъ на востокъ, въ Комо (на юго-западномъ концѣ озера Комо, верстахъ въ двадцати отъ Варезе), по дорогѣ также билъ австрійцевъ, занялъ Комо, двинулся далѣе на востокъ. Между тѣмъ австрійцы стягивали въ ту сторону свои войска, оставшіяся въ Ломбардіи; изъ арміи, стоявшей въ Сардиніи, былъ посланъ свирѣпый Урбанъ, славившійся между австрійцами искусствомъ въ партизанской войнѣ, съ отрядомъ

Digitized by Google

отборныхъ австрійскихъ головорѣзовъ. Погибель Гарибальди казалась неизбѣжна, и нѣсколько разъ разносились слухи, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, оттѣсненъ, то къ швейцарскимъ, то къ тирольскимъ границамъ. Какими маршами и побѣдами успѣвалъ онъ уходить отъ австрійцевъ или отбрасывать ихъ, все это до сихъ поръ еще неизвѣстно хорошенько, потому что извѣстія слишкомъ отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди дѣлали изумительные переходы, имѣли иногда по три стычки въ одинъ день и повсюду били австрійцевъ, гонявшихся за ними. Тяжелѣе всего должны были пройти для нихъ тѣ дни, когда огромный корпусъ Кламъ-Галласа, шедшій на подкрѣпленіе Гіулаю, находился въ тѣхъ мѣстахъ. Это было въ послѣднихъ числахъ мая. Всѣ походы и побѣды Гарибальди теперь остаются еще не разсказанными съ достовѣрностью въ газетныхъ извѣстіяхъ. Извѣстно только, что постепенно поднялъ онъ всю сѣверо-западную часть Ломбардіи и что результатомъ всѣхъ маршей и сшибокъ оказалось, 4 іюня (23 мая), въ день битвы при Маджентѣ, совершенное торжество волонтеровъ: войска Урбана, разбитыя и разсѣянныя, поспѣшно отступали въ этотъ день на югъ, а Гарибальди, преслѣдуя ихъ, занималъ уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили въ Миланъ, далеко въ тылу Милана, на желѣзной дорогѣ изъ Милана къ австрійскимъ крѣпостямъ. Этотъ результатъ показываетъ, какой оборотъ приняла бы война, еслибы Гарибальди не былъ оставленъ союзниками рѣшительно безъ всякой помощи. Имѣй онъ войска нѣсколько больше, онъ отрѣзалъ бы австрійцамъ отступленіе къ Мантуѣ и Веронѣ, и вся австрійская армія, бывшая въ Сардиніи, отброшена была бы на югъ и была бы взята въ плѣнъ. Но Гарибальди не хотѣли давать подкрѣпленія и потому онъ могъ только показать, что въ состояніи сдѣлать итальянскіе волонтеры при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

За недостаткомъ связныхъ извѣстій о подвигахъ Гарибальди, по крайней мѣрѣ, переведемъ изъ „Indépendance Belge“ письмо одного француза, жителя Комо, о тѣхъ сценахъ, которыя удалось ему видѣть. Если изъ него не получимъ мы никакого понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, даетъ оно оживленную картину одного изъ тѣхъ моментовъ, которыми былъ наполненъ этотъ блистательнѣйшій эпизодъ нынѣшней кампаніи, и нѣсколько обрисовываетъ впечатлѣніе, производимое Гарибальди на своихъ и на враговъ.

«Комо, 30 (18) мая.

«Милый братъ!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; спѣшу успокоить тебя, сказать, что всѣ мы живы и цѣлы. Но какія испытанія мы пережили! Событія смѣнялись въ нашемъ бѣдномъ городѣ съ поражающею быстротою.

«Я писалъ тебѣ, съ какимъ восторгомъ энтузіазма было принято здѣсь объявленіе войны Австріи. Мы, здѣшніе французы, составляющіе маленькій комитетъ, отпраздновали его достойнымъ образомъ, такъ что полиція пронюхала и около двухъ недѣль мы не могли собираться. Мы жили въ постоянномъ стѣсненіи, едва осмѣливались спрашивать другъ у друга о дѣйствіяхъ нашей арміи. По одному нумеру парижской газеты, ускользнувшей отъ взгляда таможенныхъ, мы знали, что 200,000 нашихъ защищаютъ Піэмонтъ отъ вторженія Гіулая, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало

Digitized by Google

сильно возбуждаться, когда нашъ гарнизонъ, часто смѣняющійся, сталъ безпрестанно выходить изъ города и возвращаться назадъ, иногда съ добычею и ранеными.

«Дѣло отчасти объяснилось именемъ Гарибальди, которое шопотомъ произносили австрійскіе офицеры, говоря между собою. Австрійцы ходили искать его; онъ сильно безпокоилъ ихъ. На солдатъ одно его имя наводило суевѣрный ужасъ: говорили, что его не беретъ никакое оружіе, говорили даже, что пули сплющиваются, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назадъ австрійскій отрядъ вышелъ утромъ, вѣроятно для рекогносцировки; къ восьми часамъ солдаты воротились, тяжело дыша отъ изнуренія, покрытые пылью, убитые духомъ, многіе изъ нихъ побросали оружіе. Они кричали: запирайте ворота! Ворота заперли. Отсталые солдаты тѣснились на подъемномъ мосту, съ воплями ужаса. Имъ не отперли воротъ. Они бросались на колѣна, ползали по землѣ;—запершіеся остались неумолимы.

«Въ одинъ мигъ весь гарнизонъ построился въ ряды; въ десять часовъ, отъ Вольтской площади пошелъ за городъ. Дошедши до форта, генералъ передумалъ и послалъ только патруль. Съ мучительною тревогою ожидали его возвращенія. Онъ воротился уже къ вечеру, не видѣвъ ничего, кромѣ ранцевъ и ружей, побросанныхъ бѣжавшими австрійцами.

«Тревога была поднята цѣпью застрѣльщиковъ; имъ показалось, будто они замѣтили непріятеля въ засадѣ. Они торопливо отступили къ своей колоннѣ, стрѣляя изъ ружей. Паническій страхъ овладѣлъ солдатами и они неудержимо побѣжали назадъ въ городъ.

«Генералъ въ тотъ же день отдалъ подъ военный судъ несчастнаго поручика, командовавшаго отрядомъ. Его ночью разстрѣляли во рву. Но, увѣряютъ, что онъ дѣйствовалъ хорошо.

«Можешь вообразить, въ какомъ безпокойствѣ былъ весь народъ. По утру, послѣ небольшой манифестаціи, явились на стѣнахъ афиши. Онѣ призывали ломбардцевъ къ оружію, обѣщая, что Гарибальди не замедлитъ прійти къ нимъ на помощь. Полиція разорвала эти прокламаціи и стала производить домовые обыски; они продолжались трое сутокъ. Я успѣлъ спрятать свои пистолеты и охотничье ружье, спрятать и женевскую газету, которую получалъ черезъ контрабанду. Но эти предосторожности только увеличили общее волненіе. Епископъ уѣхалъ изъ города; многіе жители также.

«Еслибъ не мои торговыя дѣла, признаюсь, я тоже уѣхалъ бы. Но бросить фирму значило бы потерять все состояніе.

«Я тебѣ говорилъ, что у насъ, французовъ, былъ устроенъ клубъ. Въ 11 часовъ вечера мы собирались поочередно другъ у друга, отдѣленіями человѣкъ по 10, чтобы не возбуждать подозрѣній. Карбонари изъ Варезе сдѣлали намъ тайныя приглашенія. Они предлагали намъ присоединиться къ обществу Giacomi, вѣтви котораго идутъ до самаго Милана. Я настаивалъ, чтобы принять приглашеніе. Комитетъ отказался, боясь шпіоновъ, отчасти и потому, что многіе изъ Giacomi нашего города ему не нравятся.

«Черезъ агента варезскихъ карбонари мы узнали, что Гарибальди думаетъ вторгнуться въ нашу провинцію; мы сильно ободряли его передать смѣлому генералу точныя свѣдѣнія объ австрійскихъ силахъ; у насъ эти свѣдѣнія были изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ отправился, взявъ ихъ, и потомъ я узналъ, что этому извѣщенію мы были обязаны своимъ освобожденіемъ. Гарибальди не потерялъ времени.

«Въ четвергъ (26—14 мая) мы были задолго до разсвѣта пробуждены ужаснымъ шумомъ. Солдаты ходили по улицамъ, перекликаясь; звенѣлъ рожокъ, барабаны били тревогу, артиллерія скакала по улицамъ, всадники носились въ галопъ. Въ однихъ домахъ закрывались ставнями, въ другихъ отворяли двери, въ третьихъ жители бросились въ погреба, приготовляя тамъ себѣ убѣжище. Потомъ повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчаніе господствовало въ городѣ. Проснувшись, мы увидѣли на каждомъ перекресткѣ часоваго; курки у ихъ ружей были взведены. Мой приказчикъ вышелъ отворить магазинъ—часовой прицѣлился въ него съ ругательствомъ. Бѣдняга

Digitized by Google

воротился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ и упалъ на стулъ. Я успокоилъ его. Онъ воображалъ себя уже убитымъ. Съ трудомъ я допытался у него, что съ нимъ такое.

«Когда онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, я вооружился бутылкою водки и отправился парламентеромъ къ австрійцу. Онъ подпустилъ меня, услышавъ, какое приношеніе назначено ему. По-нѣмецки я знаю плохо, но при помощи выразительныхъ знаковъ часоваго понялъ, зачѣмъ онъ тутъ поставленъ.

«Жителямъ запрещается открывать окна и двери и выходить изъ домовъ,— въ того, кто ослушается, велѣно стрѣлять.

«Приказъ былъ формальный. Черезъ нѣсколько времени его обнародовали. Кромѣ этого, я могъ узнать отъ своего австрійца только то, что его товарищи пошли аттаковать Гарибальди въ Варезе.

«Наканунѣ былъ слухъ, что австрійцы разбиты. Я не зналъ, что думать. Мы съ женою провели день въ большой тревогѣ.

«Вечеромъ, въ Плинскія ворота прискакалъ адъютантъ, взялъ на почтовомъ дворѣ свѣжую лошадь и, выпивъ стаканъ французскаго вина, поскакалъ въ Камерлату, мимо нашихъ оконъ. Запрещеніе выпускать жителей изъ домовъ было нѣсколько ослаблено. Въ 11 часовъ, громкая военная музыка вывела жителей изъ ихъ оцѣпенѣнія. Передъ нашими глазами прошла цѣлая бригада съ кавалеріею и аммуниціонными ящиками. Она пошла на Варезе.

«Солнце начинало выходить, какъ послышалась страшная канонада со стороны Варезе. Каждый выстрѣлъ мучительно отзывался въ груди нашей. Около десяти часовъ, пришли рысью болѣе сорока муловъ,—они везли раненыхъ. Безпокойная рысь увеличивала страданія раненыхъ, съ каждымъ шагомъ у нихъ вырывался мучительный стонъ. Такая необыкновенная поспѣшность ихъ перевозки показалась мнѣ признакомъ пораженія. Дѣйствительно, мулы съ ранеными прошли по длинной улицѣ, не останавливаясь у лазарета. Раненыхъ увозили въ главную квартиру.

«Въ половинѣ перваго часа, въ окрестностяхъ показались бѣгущіе солдаты. Они прятались. Пушечные выстрѣлы раздавались уже только изрѣдка; но ружейный огонь былъ очень силенъ, судя по непрерывнымъ отголоскамъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

«Около трехъ часовъ выстрѣлы приблизились. Эскадронъ гусаръ въ безпорядкѣ прискакалъ на Piazza Nuova; онъ пытался снова построиться; двѣ или три лошади взбѣсились. Замѣшательство увеличилось. Одна изъ лошадей, съ боками окровавленными отъ шпоръ, бросилась стремглавъ по Миланской улицѣ, другія понеслись за нею; эскадронъ разсѣялся весь. Не прошло четверти часа, какъ стали входить черезъ Варезское предмѣстье 2000 человѣкъ, покрытыхъ пылью, потомъ, кровью, почернѣвшихъ отъ пороховаго дыма. Они возвращались отъ Борго-Вико. Хотѣли привести ихъ въ порядокъ. Но голосъ начальниковъ былъ безсиленъ, новые бѣглецы врывались въ эту толпу, и вся смѣшанная масса валила въ Камерлату.

«Едва миновалъ этотъ потокъ людей, оставляя за собою раненыхъ, ранцы, оружіе, какъ большой колоколъ каѳедральной церкви зазвучалъ набатнымъ звономъ,— одна за другою, стали звонить всѣ колокольни страшнымъ призывомъ, глухіе и медленные звуки котораго говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!

«Еслибъ ты видѣлъ, милый братъ, какъ нѣмой городъ оживился, будто въ судорожномъ пароксизмѣ, при знакомыхъ звукахъ! Не видѣвъ, нельзя понимать этихъ чудесъ!

«Будто волшебствомъ появлялось оружіе изъ потаенныхъ ящиковъ, будто изъ земли возникали люди, разливались по улицамъ, и черезъ часъ 10.000 поселянъ бросались навстрѣчу Гарибальди. Онъ проскакалъ галопомъ черезъ городъ. Я не могъ увидѣть его въ этотъ разъ, но я съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей, слѣдовавшихъ за нимъ, на этихъ черныхъ демоновъ, съ тяжелыми карабинами, прыгающими у нихъ за плечами. Они бѣжали съ быстротою, которой нельзя было бы ожидать отъ людей столь утомленныхъ, послѣ шестичасоваго сраженія.

«Бой возобновился у станціи Миланской желѣзной дороги.

«Тутъ выстрѣловъ почти не было, и работа покончилась быстро. Австрійцы по-

Digitized by Google

бѣжали. Въ 6 часовъ, генералъ торжественно вступалъ обратно въ городъ съ 5000 своихъ героевъ. Какое зрѣлище!

«Отбитыя у непріятеля пушки были убраны цвѣтами. Раненыхъ мы разобрали по домамъ и стали ухаживать за ними, какъ за родными дѣтьми. У насъ съ тещею также есть раненый: повѣрь, онъ не пожалуется на насъ.

«Я видѣлъ Гарибальди только мелькомъ. Онъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, у него львиная голова на атлетическомъ станѣ. Его длинная черная борода, всклоченная, неразчесанная; его блестящіе глаза, сверкающіе молніею; его черная войлочная шляпа съ развѣвающими черными перьями; его красный плащъ, завязанный на шеѣ,—все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Всѣ увѣряютъ, что онъ человѣкъ очень деликатный, очень любезный съ женщинами, очень строгій къ своимъ волонтерамъ, еще болѣе строгій къ самому себѣ, до чрезвычайности умѣренный въ образѣ жизни, экзальтированный и холодный въ одно и тоже время. Своей маленькой арміи онъ внушаетъ безграничное довѣріе, съ которымъ равняется только ужасъ, внушаемый имъ непріятелю. Онъ всегда первый въ битвѣ, онъ скачетъ на своемъ конѣ въ ряды непріятельскихъ батальоновъ, спрыгиваетъ съ него, чтобы взять ружье пѣхотинца, дерется въ рукопашномъ бою, какъ простой солдатъ, постоянно подавая примѣръ самой рѣдкой храбрости и самаго изумительнаго хладнокровія.

«Разсказываютъ, что, ведя своихъ солдатъ въ битву, онъ говоритъ имъ:

«Дѣти мои, васъ одинъ противъ пятерыхъ. Передъ вами смерть; за вами ружья товарищей, которые убьютъ, какъ собаку, перваго, кто отступитъ. У насъ нѣтъ пушекъ; надобно взять ихъ. Пусть насъ убьютъ, не въ смерти дѣло, а надобно, чтобы Италія была свободна: вотъ ваша единственная награда!»

«Его 6000 человѣкъ, выбранныхъ изъ 30.000 волонтеровъ, которыхъ представляла ему Италія, таковы, что онъ можетъ дѣлать съ ними чудеса.

«Этотъ человѣкъ, столь похожій на атамана разбойниковъ, будетъ великимъ полководцемъ, если австрійская пуля не остановитъ его на дорогѣ.

«Вечеромъ этого радостнаго дня, мы всѣ иллюминовали свои домы. Въ городѣ былъ праздникъ: какая радость, какое веселье! Мы угощаемъ этихъ храбрецовъ, какъ родныхъ.

«Они уже уходятъ отъ насъ. Но Комо свободенъ, въ немъ уже нѣтъ австрійцевъ. Въ шесть лѣтъ, какъ я покинулъ Францію, я не испытывалъ подобной радости».

Еще недавно, только одни маццинисты въ Италіи сомнѣвались въ томъ, что война имѣетъ своею цѣлью совершенное освобожденіе Италіи отъ всякаго чужеземнаго владычества. Маццини писалъ еще при самомъ началѣ похода:

«Италія жаждетъ національнаго единства. Цѣль Луи-Наполеона не можетъ быть такова. Кромѣ Ниццы и Савойи, уже уступленныхъ ему Піэмонтомъ въ уплату за союзъ, онъ ищетъ также имѣть случай къ тому, чтобы воздвигнуть престолъ въ южной Италіи для Мюрата и престолъ въ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона. Римъ и часть римскихъ областей должны остаться подъ свѣтскою властью папы, Италія будетъ раздѣлена на четыре государства. Два изъ нихъ прямо будутъ находиться подъ управленіемъ чужеземцевъ; косвеннымъ образомъ Франція будетъ господствовать надъ всею Италіею, потому что папа съ 1849 года сталъ подвластенъ Франціи, а сардинскій король по узамъ благодарности и по слабости силъ станетъ французскимъ вассаломъ».

Но тогда очень немногіе помнили о своихъ прежнихъ опасеніяхъ; при объявленіи войны австрійцамъ, восторгъ овладѣлъ всѣми итальянцами, воцарились самыя радостныя ожиданія повсюду, отъ Венеціи до Неаполя. Мы знаемъ, какъ они были приведены къ разумному порядку въ Римѣ генераломъ Гойономъ; многія обстоятельства, относящіяся къ Гарибальди, заставляютъ думать, что возникновеніе итальянской силы, независимой отъ союзниковъ, встрѣчаетъ препятствія и въ сѣверной Италіи. Но любопытнѣе всего въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи ходъ дѣлъ въ Тосканѣ. Мы знаемъ, что тотчасъ послѣ переворота, тосканцы просили сардинскаго короля принять на время войны диктаторскую власть надъ ихъ страною, но что онъ отказался отъ этого, согласившись только назначить отъ себя командира для тосканскихъ войскъ. Онъ выбралъ генерала Уллоа, неаполитанца, отличившагося при защитѣ Венеціи въ 1848 году; войска рвались нетерпѣніемъ идти противъ австрійцевъ—ихъ оставляли въ праздности, и дисциплина упала отъ бездѣйствія и недовольства, такъ что наконецъ въ разныхъ отрядахъ обнаружились попытки неповиновенія. Прибытіе французскихъ войскъ возстановило дисциплину; но вмѣстѣ съ войсками прибылъ въ Тоскану принцъ Наполеонъ и его появленіе пробудило живѣйшее опасеніе въ тосканцахъ, еще до начала войны слышавшихъ, что ему предназначается получить владѣніе въ центральной Италіи, которое предполагается составить изъ Тосканы и легатствъ. Онъ издалъ прокламацію, служившую косвеннымъ отвѣтомъ на опасенія жителей, увѣрялъ въ ней, что пріѣхалъ въ Тоскану единственно для веденія войны; но прежнее безпокойство продолжалось и нашло себѣ новую пищу во множествѣ странныхъ обстоятельствъ. Чтобы читатель не приписалъ намъ желанія представлять вещи въ темномъ свѣтѣ, мы не будемъ сами разсказывать фактовъ, а только переведемъ одно изъ писемъ флорентинскаго корреспондента „Times'а“.

«Флоренція, 30 (18) мая.

«Дѣла въ Тосканѣ имѣютъ зловѣщій видъ, возбуждающій тревожныя опасенія во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ, очевидно, дѣйствуютъ какія-то таинственныя интриги. Вчера было освященіе знаменъ тосканской арміи. Энтузіазмъ вновь оживлялъ всѣхъ, горящихъ желаніемъ присоединиться къ сардинцамъ,—энтузіазмъ, который и былъ главною причиною тосканской революціи. Предполагали, что освященіе знаменъ будетъ послѣднимъ возможнымъ предлогомъ удерживать солдатъ въ праздности и что немедленно послѣ церемоніи всѣ они, вмѣстѣ съ новоприбывшими французами, пойдутъ на Пистойю черезъ Апеннины, или по какому нибудь другому направленію для содѣйствія французско-итальянской арміи. Но теперь намъ холодно говорятъ, что пока еще не предполагается никуда двигать тосканскихъ войскъ, что едва ли будетъ двинутъ хотя одинъ солдатъ до 30 іюня, такъ что мы имѣемъ въ виду еще мѣсяцъ полнаго бездѣйствія французско-итальянскихъ силъ, простирающихся по крайней мѣрѣ до 45,000 человѣкъ.

«Съ 21 апрѣля до сихъ поръ, до 30 мая, тосканскія войска оставались здѣсь неподвижно, хотя каждый человѣкъ въ цѣлой Тосканѣ и въ цѣлой Италіи желалъ, чтобы они пошли противъ австрійцевъ; предлогомъ было то, что ихъ надобно организировать, что надобно принять въ ихъ ряды волонтеровъ. Но организація до сихъ поръ привела только къ диз-организаціи. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія, отсутствіе дисциплины деморализировали тосканскихъ солдатъ до такой степени, что теперь они стали пригоднѣе буйствовать, чѣмъ сражаться. И я уже писалъ вамъ, что они сдѣлались бы источникомъ большихъ тревогъ и опасностей для родины, еслибъ не прибыли французы. Теперь мы опять слышимъ, что они остаются здѣсь и «организуются». Еще мѣсяцъ и, Богъ знаетъ, сколько слѣдующихъ мѣсяцевъ Тоскана не будетъ участвовать въ національной войнѣ.

«Шопотомъ говорятъ здѣсь, въ чемъ ключъ къ этой тайнѣ. Императоръ, желая избавиться отъ своего кузена, принца Наполеона, потерпѣвъ неудачу въ намѣреніи дать ему занятіе въ Алжиріи, предназначилъ ему престолъ въ Италіи; и если не представится ничего лучшаго, то ему будетъ дано великое герцогство Тосканское, или королевство Этрурійское, или королевство центральной Италіи. Отсюда образова-

Digitized by Google

ніе отдѣльнаго французскаго корпуса подъ его командою, отсюда прокламаціи, увѣряющія, что императоръ не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ въ Италіи для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство, или по крайней мѣрѣ графъ Кавуръ, должны были участвовать въ этихъ проэктахъ, и потому-то отказъ Виктора-Эммануэля отъ диктаторства, предлагавшагося ему Тосканою, поразилъ ужасомъ всѣхъ итальянскихъ патріотовъ, заставилъ всѣхъ думать, что не безъ причины дѣлается такое отступленіе отъ всѣхъ условленныхъ между итальянцами плановъ—отступленіе, еще рѣзче выставляющееся совершенно другимъ образомъ дѣйствій сардинскаго правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардіи. Мыслящіе люди полагаютъ, что всѣ эти провинціи будутъ соединены въ королевство сѣверной Италіи, а Тоскана оставляется въ сторонѣ, чтобы стать удѣломъ французскаго принца. Но скоро обнаружилось въ дѣйствіяхъ сардинскаго правительства что-то похожее на желаніе воротиться назадъ. Оно отказалось отъ диктаторства, предлагавшагося сардинскому королю, и дало Тосканѣ совѣтъ самой управлять своими дѣлами, но вдругъ, двумя недѣлями послѣ этого, т. е. двумя недѣлями слишкомъ поздно, оно извѣщаетъ тосканцевъ, что король принимаетъ протекторство и приглашаетъ временное правительство передать верховную власть въ руки сардинскаго коммиссара Буонкомпаньи.

«Но онъ не произвелъ никакой перемѣны въ дѣлахъ: Буонкомпаньи человѣкъ неспособный къ энергическимъ мѣрамъ. Вмѣстѣ съ министрами, членами академіи изящной словесности, онъ занимается прежними идилліями о велико-герцогскихъ оранжереяхъ, гуманныхъ кодексахъ и муниципальномъ устройствѣ,—дѣлахъ прекрасныхъ, но совершенно несвоевременныхъ, не обращая никакого вниманія на настоятельныя потребности страны и на единственное дѣло, которымъ должна была бы заниматься Тоскана, на національную войну, такъ что Тоскана и при сардинскомъ коммиссарѣ, какъ до него, остается совершенно безъ управленія. Тоскана имѣла и солдатъ и деньги для національной арміи, но одинъ мѣсяцъ такого пустаго управленія довелъ войско до деморализаціи и буйства, а государственные финансы разстроилъ такъ, что теперь понадобился заемъ въ 30.000,000 лиръ, когда 27 апрѣля нашли въ государственной кассѣ 18,000,000 наличными деньгами.

«Сардинскому правительству не удалось поправить своего прежняго отказа, потому что выборъ его упалъ на неспособнаго человѣка; но очевидно, что оно старается возвратить потерянное вліяніе на Тоскану. Недавно сюда былъ присланъ секретарь графа Кавура, Константино Нигра; онъ изъ числа двухъ или трехъ людей, которымъ графъ Кавуръ ввѣряетъ свои тайны, которыхъ считаетъ способными исполнять глубоко обдуманные планы. Меня увѣряютъ, что Нигра пріѣзжалъ сюда дѣйствовать противъ принца Наполеона; онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ людьми, имѣющими вліяніе на тосканцевъ, и всячески старался оживить партію итальянскаго единства, господствовавшую въ Тосканѣ 27 апрѣля. Но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Духъ сепаратизма развился здѣсь; самъ Кавуръ произвелъ его, когда посовѣтовалъ своему королю отказаться отъ диктатуры. Правда, есть въ Тосканѣ національная партія, желающая единства Италіи, и большинство молодежи всѣхъ сословій принадлежитъ къ ней; но эта партія теперь упала духомъ и подавлена.

«Единственная серьезно-важная сторона во всемъ этомъ,—тотъ фактъ, на который обращаю я ваше вниманіе и къ которому подводилъ рѣчь, быть можетъ слишкомъ длинно,—тотъ фактъ, что императоръ Наполеонъ и графъ Кавуръ уже не имѣютъ единодушія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тосканскимъ дѣламъ. Я не то говорю, чтобы графъ Кавуръ считалъ возможнымъ или полезнымъ прекратить самостоятельное существованіе Тосканскаго государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было, династія Бонапарте или какая другая династія будетъ царствовать въ Тосканѣ, если Тоскана не сольется въ одно государство съ остальною Италіею. Всѣ эти вопросы о будущемъ устройствѣ Италіи такія задачи, разрѣшеніе которыхъ очень трудно и должно быть въ значительной степени предоставлено случаю и непреоборимому ходу событій. Существенное желаніе Кавура и его партіи въ томъ, чтобы исполнилось обѣщаніе, данное имъ императоромъ: «подъ скипетръ савойскаго дома

Digitized by Google

будетъ соединено королевство съ 12,000,000 населенія». Если въ вознагражденіе за такую важную услугу Франція захочетъ посадить принцевъ изъ дома Бонапарте на престолы центральной и южной Италіи, графъ Кавуръ не имѣетъ ничего сказать противъ этого, потому что сѣверное королевство кажется ему достаточно сильнымъ для обезпеченія независимости всего полуострова. Но графъ Кавуръ и его друзья недовольны, во-первыхъ, неосторожною торопливостью, съ которою принцъ Наполеонъ идетъ къ своей цѣли, обнаруживая политику, отъ которой громко отказывались главныя лица союза, преждевременно возбуждая подозрѣніе и неудовольствіе европейскихъ государствъ; во-вторыхъ, недовольны они тѣмъ, что, думая только о достиженіи своей цѣли, онъ обрекъ на бездѣйствіе тосканскую армію. Итальянцы болѣе всего боятся, и справедливо боятся, чтобы участіе ихъ въ войнѣ не было заслонено громадными французскими силами, приглашенными на помощь. Каждый итальянецъ, котораго выведутъ они въ поле, служитъ лишнимъ аргументомъ въ защиту ихъ требованія стать независимымъ народомъ. Имъ очень тяжело уже то, что піэмонтская армія раздробляется на бригады и дивизіи, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ вмѣстѣ съ цѣлымъ французскимъ корпусомъ, и не дано ей дѣйствовать самостоятельно, всей вмѣстѣ, на одномъ пунктѣ. Еще тяжеле для нихъ, что они лишены помощи 18 или 20,000 регулярнаго, хорошо обученнаго тосканскаго войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будетъ считаться только частью пятаго корпуса французской арміи. Очевидно, графъ Кавуръ самъ навлекъ на себя это горе своимъ слишкомъ скорымъ согласіемъ на планы императора французовъ въ пользу принца Наполеона; но не менѣе справедливо и то, что сардинскій король, даже и отказываясь отъ диктаторства, принялъ на себя командованіе всѣми тосканскими войсками; и хотя неразсудительно было воображать, что страна, находящаяся въ революціонномъ состояніи, можетъ имѣть военное правительство различное отъ гражданскаго правительства; хотя Кавуръ былъ очень несчастливъ въ выборѣ командиромъ тосканскихъ войскъ Уллоа, боеваго генерала, а не администратора, и своего коммиссара Буонкомпаньи, человѣка, умѣющаго говорить и писать, но не дѣйствовать; но должно сказать, что утрата тосканскихъ войскъ для итальянскаго дѣла не входила въ программу, о которой условливались графъ Кавуръ и императоръ французовъ, и служитъ однимъ изъ предметовъ неудовольствія между ними.

«Какъ бы ни было, а пока графъ Кавуръ и національная партія побѣждены здѣсь, Константино Нигра уѣхалъ изъ Тосканы безъ всякаго успѣха. Буонкомпаньи жалуется на рѣзкость манеръ принца Наполеона. Генералъ Уллоа ждетъ удаленія отъ команды. Между тѣмъ вчера я видѣлъ среди тысячи знаменъ итальянское трехцвѣтное знамя съ императорскимъ орломъ по срединѣ. Оно было мастерской отдѣлки, его поднимали, чтобы оно развивалось выше,—и поднимали не безъ намѣренія».

Мы не утверждаемъ, чтобы бездѣйствіе тосканскихъ войскъ производимо было именно только вліяніемъ принца Наполеона, которому исключительно приписываетъ его авторъ письма; читатель видѣлъ, что изъ всего сказаннаго и переведеннаго нами выше, открывается этому другая причина, болѣе сильная; вообще нежеланіе французской политики пользоваться чисто народными силами для побѣдъ надъ австрійцами; желаніе по возможности не допускать никакихъ перемѣнъ въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ, кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть нужны для личныхъ цѣлей.

Если бы эта статья не была такъ длинна, мы могли бы найти новое подтвержденіе такому взгляду въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, гдѣ 21-го (9) мая умеръ Фердинандъ II и вступилъ на престолъ его сынъ, Францискъ II, съ которымъ Франція примирилась, не вытребовавъ отъ него никакихъ измѣненій во внутренней политикѣ, хотя Неаполитанскій порядокъ дѣлъ, если и отличался чѣмъ отъ австрійскаго порядка въ Ломбардіи, то

Digitized by Google

развѣ только къ худшему. Но мы сами сказали, что въ Неаполѣ съ новымъ царствованіемъ не произошло пока никакихъ перемѣнъ, стало быть и ничего особеннаго важнаго, ничего такого, о чемъ не было бы удобно отложить рѣчь до будущаго времени. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ все вниманіе Европы до того было поглощено войною, что было бы даже несвоевременно требовать отъ читателя терпѣнія слушать подробные разсказы о другихъ дѣлахъ.

Что же произошло новаго въ отношеніяхъ другихъ европейскихъ державъ къ войнѣ? Въ Германіи съ каждою недѣлею усиливается движеніе, требующее вмѣшательства Нѣмецкаго Союза въ пользу Австріи. У насъ имѣютъ привычку сваливать на всѣхъ людей цѣлой націи и на всѣ ея партіи узкіе національные предразсудки, которыми повсюду увлекается толпа,—мы говоримъ не о простолюдинахъ, а собственно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ,—эта толпа, повсюду служащая игрушкою своекорыстія и интриги. Теперь она въ Германіи кричитъ о необходимости защищать итальянскія владѣнія Австріи, кричитъ о томъ, что для всѣхъ нѣмцевъ постыдно, если изгонятъ изъ Италіи нѣкоторыхъ нѣмцевъ, угнетающихъ Италію. У насъ многіе обвиняютъ за это всѣхъ нѣмцевъ. Чтобы показать, что нѣмцы, возвысившіеся надъ пошлыми понятіями, господствующими не въ одной Германіи, судятъ объ этомъ дѣлѣ точно также, какъ судятъ о подобныхъ дѣлахъ возвысившіеся надъ предразсудками люди всѣхъ другихъ націй, мы приводимъ въ приложеніи большіе отрывки изъ брошюры Карла Фохта объ итальянскомъ вопросѣ. Изъ нихъ читатель увидитъ, что этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ такимъ безпристрастнымъ благородствомъ, лучше котораго ничего нельзя представить благородному человѣку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣритъ союзникамъ: онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны мѣшать изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардинцами и ихъ союзниками.

Нѣкоторые ожидаютъ возстанія въ самой Австріи, особенно въ Венгріи. Говорятъ, что Кошутъ отправляется съ нѣсколькими стами венгерцевъ поднимать своихъ соотечественниковъ и что онъ думаетъ проникнуть въ Венгрію черезъ Дунайскія Княжества. Не знаемъ, правда ли, что онъ уже думаетъ, будто настала благопріятная минута для такой попытки. Но дѣйствительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынѣшнею войною для возстановленія своей свободы. Кошутъ уже приготовлялъ къ этому Европу рѣчами, которыя произносилъ на англійскихъ митингахъ. Въ приложеніи мы переводимъ извлеченіе изъ одной его рѣчи. Оно слишкомъ коротко и безцвѣтно; но мы выбрали все-таки лучшее изъ тѣхъ, какія были у насъ подъ руками.

Изъ этого извлеченія читатель можетъ видѣть между прочимъ, что даже Кошутъ не надѣется отъ Англіи для угнетенныхъ національностей австрійской имперіи ничего, кромѣ нейтралитета. Самое благопріятное для

Digitized by Google

нихъ было бы уже то, если бы Англія не стала прямо помогать австрійцамъ. Изъ такого признанія самого Кошута мы можемъ убѣдиться, какъ неосновательны надежды людей, полагающихъ, что перемѣна министерства можетъ привести Англію къ союзу съ Франціею и Сардиніею въ итальянскомъ вопросѣ. Война принесла уже тотъ вредъ Англіи, что вывела на мѣсто перваго министра лорда Пальмерстона, не очень расположеннаго къ внутреннимъ улучшеніямъ, отнявъ первенство между вигами у Росселя, который гораздо либеральнѣе своего бывшаго противника и нынѣшняго друга. Большимъ и почти невѣроятнымъ счастьемъ было бы, еслибъ она не отозвалась подобнымъ образомъ и на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ даже самыхъ итальянцевъ. Будущаго предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какія нибудь непредвидѣнныя событія измѣнятъ ея характеръ и вмѣсто ожидаемыхъ нами разочарованій всѣмъ, увлекающимся надеждами, поведутъ измѣненное дѣло къ хорошимъ результатамъ. Но при томъ характерѣ, съ какимъ началась война и какой сохраняетъ она до сихъ поръ, мы не должны ожидать отъ нея ничего, кромѣ разоренія верхней Италіи, неискупаемаго никакими важными пріобрѣтеніями ни въ національной независимости, ни въ развитіи внутреннихъ учрежденій;—ничего, кромѣ погибели нѣсколькихъ сотъ тысячъ сардинцевъ и французовъ и вдвое большаго числа австрійцевъ въ битвахъ и еще большаго тѣхъ и другихъ въ военныхъ госпиталяхъ отъ тифа, изнурительной лихорадки и другихъ принадлежностей войны. „Чтожь, хорошо и то по крайней мѣрѣ, что перебьютъ много австрійцевъ", скажетъ иной.—Да, если бы 20.000 человѣкъ, выбывшіе изъ строя у Гіулая подъ Маджентою, были австрійцы; но австрійцы—эта не существующая нація, только командуетъ войсками, а эти войска, въ которыхъ солдатъ бьютъ десятками тысячъ, состоятъ на половину изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, а другую половину составляютъ итальянцы, венгерцы и наконецъ честные, простодушные нѣмцы Вѣны и Инншпрука, которые точно также порабощены австрійцами, какъ и венгерцы, и итальянцы, и славяне. Австрійцы только руководители арміи... и на убой за сохраненіе своего владычества повсюду ведутъ они людей ни мало не виновныхъ въ томъ коварствѣ и угнетеніи другихъ людей, которое служитъ основною чертою истиннаго австрійца. Австрійцы, это понятіе не такъ просто, какъ думаютъ наивные люди, представляющіе себѣ его въ географическомъ смыслѣ. Это такое же міровое понятіе, какъ поселянинъ, горожанинъ, портной, или какъ обскурантъ, либералъ, прогрессистъ, реакціонеръ. Австрійцы есть и въ Англіи, и въ Пруссіи, и во Франціи, и Австрія также мало населена австрійцами, какъ Англія, Пруссія или Франція.

Да, мы едва не забыли, что при нынѣшнемъ своемъ характерѣ война ведетъ къ одному вѣрному результату: упроченію власти Наполеона III. Французы уже начали питать къ нему энтузіазмъ за то, что онъ „озаряетъ блескомъ побѣдъ французское оружіе". Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не измѣнитъ своего характера, онъ будетъ безусловно владычествовать во всей Италіи, какъ до сихъ поръ владычествовалъ въ Римѣ.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

A. Отрывки изъ Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's v. Karl Vogt.

I. Австрія, стр. 39—58.

При вопросѣ объ Австріи прежде всего надобно подумать о томъ, правда ли то, что Австрія—нѣмецкая держава, существенные интересы которой лежатъ въ Германіи, или, напротивъ, она держава чуждая Германіи и стоитъ только одной ногой въ ней? Цифры отвѣчаютъ на это лучше словъ. 37,000,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 16,000,000 славянъ, 8,000,000 нѣмцевъ, 6,000,000 венгровъ и почти 6,000,000 итальянцевъ,—неужели это нѣмецкое государство? неужели это нѣмецкое населеніе? неужели тутъ могутъ преобладать нѣмецкіе интересы? Только самое пошлое тупоуміе, только подкупленное перо можетъ утверждать это. По справедливому выраженію Броха [1]), «Австрія государство, не имѣющее въ своемъ цѣломъ никакой натуральности: она конгломератъ различнѣйшихъ земель и клочковъ земель; она не имѣетъ естественныхъ прочныхъ границъ, напротивъ того перерѣзана внутри естественными границами, раздѣляющими ея составныя части; у ней почти нѣтъ морскихъ береговъ, или лучше сказать за исключеніемъ Далматскаго прибрежья, не имѣющаго никакой роли при внѣшнемъ положеніи вещей, и за исключеніемъ Итальянскихъ провинцій, о которыхъ идетъ споръ, у ней вовсе нѣтъ морскихъ береговъ: она не владѣетъ даже устьемъ единственной своей большой рѣки; она просто смѣшеніе—не націй, а отрывковъ различныхъ народовъ, которые никакъ не могутъ имѣть естественной связи, не подходятъ другъ къ другу, не имѣютъ одинаковыхъ интересовъ, которые напротивъ взаимно отталкиваются другъ отъ друга, ненавистны одинъ другому, которые удерживаются вмѣстѣ только насиліемъ, но въ которыхъ уже пробудилось сознаніе ихъ національностей и необходимости измѣнить такое положеніе».

Со времени подавленія послѣдней революціи всячески увѣряли Европу, что старая Австрія, сгорѣвши въ пламени, возродилась изъ пепла, какъ фениксъ, съ молодымъ императоромъ. Администрація, юстиція, полиція, внѣшняя политика и внутреннія тенденціи, все въ ней измѣнилось, говорятъ намъ. Если вѣрить вдохновеннымъ статьямъ господина Германа Оргеса, опредѣленнаго состоять при австрійской главной квартирѣ въ Ломбардіи корреспондентомъ *Allgemeine Zeitung*,—если вѣрить его статьямъ, то нѣсколько орѣховыхъ скорлупъ, находящихся на Адріатическомъ морѣ, составляютъ важный зародышъ могущественнаго флота, который скоро чуть ли не будетъ соперникомъ англійскому. Много лѣтъ замазывали обманчивымъ пластыремъ язвы, глубоко въѣвшіяся въ австрійскій организмъ, но теперь съ приближеніемъ войны они раскрылись въ отвратительной наготѣ. Намъ говорили о цвѣтущихъ финансахъ, но

---

[1]) Замѣтимъ, что Брохъ также нѣмецъ и брошюра его напечатана по-нѣмецки.

Digitized by Google

теперь по продажѣ желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, по продажѣ послѣдней рубашки, при ежегодномъ дефицитѣ болѣе 50,000,000 въ мирное время, при употребленіи почти всѣхъ доходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, послѣ передѣлки монеты для пріобрѣтенія нѣсколькихъ крейцеровъ,—теперь является изумительный результатъ, что даже Ротшильдъ, хотя и считается австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, не принялъ на себя новаго займа, а только взялъ его на коммиссію, что, не смотря на низкій курсъ и высокій процентъ за коммиссію, онъ успѣлъ вмѣсто 150,000,000 помѣстить только 25,000,000 и потерпѣлъ въ Англіи полное фіаско. *Allgemeine Zeitung* печатала много статей, стараясь показать затруднительность финансоваго положенія Сардиніи и постоянное возрастаніе государственнаго долга Франціи. Пусть все это будетъ такъ; положимъ, что Франція истощена и что Піэмонтъ близокъ къ нищенской сумѣ; но легче ли отъ этого финансовое положеніе Австріи? Когда три банкрота колятъ глаза другъ другу, уплачиваются ли тѣмъ ихъ долги? Но мы можемъ еще спросить, въ состояніи ли Австрія сдѣлать то, что теперь дѣлаетъ Піэмонтъ и что сдѣлала Франція въ крымскую войну,—въ состояніи ли она сдѣлать національный заемъ? Піэмонтскій заемъ былъ покрытъ въ нѣсколько дней, и сама Австрія значительно участвовала въ его покрытіи капиталами своихъ итальянскихъ провинцій. Посмотрѣли бы мы, много ли милліоновъ нашла бы Австрія въ своей землѣ и сколько баценовъ получила бы она изъ другихъ земель, если бы попробовала сдѣлать національный заемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пыталась сдѣлать истинно-добровольный насильственный заемъ. Землевладѣльцы, чиновники, капиталисты, всѣ, кто не дошелъ до нищенства, должны были давать по мѣрѣ своихъ доходовъ. Всяческими средствами старались набрать деньги, и все-таки не собрали и половины той суммы, какая была нужна. Обмѣнъ бумажныхъ денегъ, о которомъ протрубили, какъ о признакѣ благосостоянія австрійскихъ финансовъ, былъ пустымъ обольщеніемъ, это теперь доказано, и никто не былъ имъ обманутъ, хотя вся эта продѣлка была разсчитана только на обманъ. Неужели можно назвать обмѣномъ бумажныхъ денегъ, когда въ день только два часа продолжается выдача мелкихъ суммъ; а для обмѣна крупныхъ суммъ нужно подавать извѣщеніе за нѣсколько дней и притомъ объявлять свое имя! Разумѣется, никто не пойдетъ на такой обманъ, зная, что иначе подвергся бы полицейскимъ подозрѣніямъ и преслѣдованіямъ. Когда Наполеонъ I хотѣлъ подорвать англійскій банкъ, банкъ только на одинъ день прибѣгъ къ тому, что выдавалъ деньги счетомъ, а не вѣсомъ, какъ прежде. Австрійская касса 365 дней въ году находится въ такомъ же, или, вѣрнѣе сказать, въ гораздо худшемъ положеніи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Австрійская имперія, совершенно истощивъ свои финансовыя силы, находится на краю банкротства, къ которому и прибѣгнетъ, если война затянется, какъ уже прибѣгала прежде. Знающіе финансовые люди пишутъ изъ Вѣны, будто бы и къ войнѣ стремились только за тѣмъ, чтобы она послужила благовиднымъ предлогомъ для банкротства.

Что касается до внутренней администраціи, никто въ мірѣ насъ не увѣритъ, будто бы сдѣлано въ ней что нибудь хорошее. Самые ничтожные органы австрійскаго правительства сознаются теперь въ этомъ. Даже полуоффиціальные корреспонденціи принуждены сознаваться, что прежніе панегирики были пустословіемъ. Въ *Allgemeine Zeitung*, 27 февраля, одинъ изъ этихъ полуоффиціальныхъ корреспондентовъ изъ Вѣны писалъ: «Да, мы глубоко сожалѣемъ, что австрійское правительство оставляетъ внутренній организмъ государства какимъ-то трупомъ, что оно не организуетъ провинціальныхъ представительныхъ собраній и черезъ это лишаетъ государство возможности имѣть центральное представительное собраніе; мы думаемъ, что и многія правительственныя лица не менѣе насъ жалѣютъ объ уклоненіи отъ идей Стадіона и Шварценберга. Это дурная сторона нашего положенія, но все-таки наше право (то есть на Италію) остается ненарушимымъ. Мы лишены средства выражать нашъ патріотизмъ съ возвышеннаго центра; но это не относится къ вопросу, о которомъ теперь идетъ дѣло. Либеральна или не либеральна, конституціонна или не конституціонна теперь Австрія, федеративное устройство имѣетъ она или централизована—не о томъ теперь рѣчь. Дѣло не въ томъ, чтобы измѣненіемъ внѣшней политики проложить до-

Digitized by Google

рогу болѣе свободному внутреннему развитію государства, вопросъ не о томъ, какова внутренняя организація нашей державы,—дѣло идетъ о цѣлости и о незапятнанной чести нашего отечества». 21 февраля онъ пишетъ: «Мы очень желали бы быть спокойными относительно организаціи нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Основаніемъ тутъ долженъ служить императорскій патентъ 31 декабря 1851 г.; мы хотимъ исполненія этого декрета, но тутъ возобновляется вопросъ: что же исполнено изъ опредѣленій этого патента? Мелочныя реформы въ нашемъ судопроизводствѣ сдѣлали изъ него что-то нелѣпое, несоотвѣтствующее ни старому, ни новому принципу; оно не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши прежніе законы. Полумѣры и временныя мѣры потрясли законы въ самыхъ основаніяхъ. По вопросамъ о представительныхъ собраніяхъ, о вѣротерпимости, о муниципальномъ устройствѣ, о торговомъ и промышленномъ законодательствѣ не рѣшено еще ничего. Истинную опасность для Австріи мы видимъ не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ ея дѣлахъ».

Нужны ли послѣ этого еще свидѣтельства?

Патентъ 31 декабря 1851 года, о которомъ говоритъ вѣнскій корреспондентъ, самъ былъ источникомъ того, что увеличилось внутреннее распаденіе Австріи. Жезломъ побѣдоносной реакція онъ стиснулъ разныя національности, которыя прежде пользовались хотя призракомъ отдѣльной жизни. Въ изнеможеніи, послѣдовавшемъ за революціей, національности были подавлены безъ сопротивленія. Но теперь чехи, поляки, венгры, южные славяне чувствуютъ, какъ угнетены они ярмомъ централизаціи, повсюду накипаетъ неудовольствіе, которымъ очень легко воспользоваться искусному врагу, чтобы обезоружить Австрію. Будутъ ли служить источникомъ силы для имперіи восточныя провинціи, Венгрія, Славонія, если необходимость войны заставитъ противника помочь недовольнымъ деньгами, оружіемъ, аммуниціею и даже отрядами войска? Въ Кроаціи былъ наказанъ полкъ, не хотѣвшій идти въ походъ; въ Піэмонтѣ съ каждымъ днемъ увеличивается число австрійскихъ дезертировъ,—это ли признаки энтузіазма къ единству Австрійской имперіи? При такихъ признакахъ распаденія нужно только искусно помочь недовольству, чтобы вся имперія развалилась. Франція въ этомъ отношеніи тверда, и каково бы ни было ея правительство, не найдется въ ней партіи, которая вознутилась бы въ союзѣ съ иностранцами. Объ Австріи напротивъ смѣло можно сказать, что въ каждой изъ ея не-нѣмецкихъ провинцій скрывается зерно возмущенія, грозящаго разрушеніемъ цѣлому государству, и что это зерно ждетъ только оплодотворяющаго дождя, чтобы возникнуть изъ земли тысячами отпрысковъ.

Габсбургская династія всегда жила не покровительствомъ народамъ и національностямъ, а ихъ подавленіемъ; она постоянно вела съ хитростью и успѣхомъ гибельную игру, подавляя одинъ народъ другимъ и въ неразборчивости средствъ никогда не уступала бонапартизму. Ламбесса или Мантуя и Шпильбергъ, Каенна или висѣлица, на которой умерли венгерскіе генералы,—тотъ и другой методъ, по нашему мнѣнію, одинаковы. Стремленіе подавить національности принуждаетъ Австрію постоянно изнурять свои собственныя силы; она должна держать такую армію, которая совершенно поглощаетъ всѣ ея финансовыя средства; она должна отовсюду призывать искателей счастія, чтобы они командовали этою безродною арміею. Правду говорили, что Австрія находилась въ лагерѣ Радецкаго. Она и теперь только въ армейскомъ лагерѣ, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ своихъ собственныхъ народовъ, постоянно занимаетъ свои области военнымъ образомъ. Кромѣ лагеря, Австрія не существуетъ нигдѣ.

Всѣ австрійско-баварскія, всѣ ультрамонтанскія и реакціонныя скрипки разыгрываютъ теперь мотивъ «Австрія нѣмецкое государство». Насъ это ни мало не удивляетъ. Нѣмецкій духъ, нѣмецкое происхожденіе, нѣмецкій союзъ, нѣмецкое призваніе Австріи,—Габсбургскій домъ всегда прибѣгалъ къ этимъ фразамъ, когда грозила опасность его не-нѣмецкимъ провинціямъ. Тогда онъ ласкалъ Германію. Австрія уже давно подготовляла то настроеніе, которымъ теперь хочетъ пользоваться. Годъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ: «Нигдѣ въ цѣлой Германіи нѣтъ теперь такого нѣмецкаго патріотизма, какъ въ вѣнскомъ высшемъ кругу. Нѣмецкое единство—это аксіома, о которой толкуютъ каждый день. Но что думаютъ эти люди

Digitized by Google

на самомъ дѣлѣ, лучше всего можно видѣть изъ словъ Меттерниха, за вѣрность которыхъ я ручаюсь: «Я никогда не согласился бы на созваніе нѣмецкаго парламента— сказалъ на дняхъ сѣдой дипломатъ:—я до послѣднихъ силъ боролся бы противъ него; но когда его созвали и дали ему законную власть, то какимъ образомъ можно было пренебрегать его произведеніемъ,—имперскою конституціею, этого я не понимаю».

Послѣ того подкупныя перья начали выставлять нѣмецкой и заграничной публикѣ нѣмецкую политику Австріи въ полномъ ея великолѣпіи, наводя нѣмцевъ на ту мысль, что они должны не жалѣть ни денегъ, ни крови для Австріи. Теперь, когда опасность приблизилась, армія австрійскихъ агентовъ при всѣхъ большихъ и мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ всячески убѣждаетъ нѣмецкія правительства принимать военныя мѣры. Графъ Буоль по всей Германіи разсылаетъ циркуляры, въ которыхъ чисто нѣмецкій характеръ Австріи выставляется съ такою ясностью, какъ будто бы она не имѣла ни владѣній, ни интересовъ внѣ Германіи. Въ чемъ же доказательства нѣмецкаго направленія Австріи? На чемъ основываться, чтобы увѣриться въ нѣмецкомъ патріотизмѣ Австріи, въ ея энергіи, благоразуміи и проницательности? На чемъ основывается теперь она, обращаясь къ патріотизму общаго нѣмецкаго отечества и «съ увѣренностью ожидая отвѣта своихъ высокихъ братьевъ по союзу», какъ выражается графъ Буоль въ циркулярѣ 5 февраля? На своемъ образѣ дѣйствій въ нѣмецкомъ сеймѣ до революціи 1848? На своихъ заслугахъ въ дѣлѣ преслѣдованія нѣмецкой мысли? На несказанныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергла Германію, помогая мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ бросать въ темницу каждаго, у кого было хотя малѣйшее стремленіе къ единству и свободѣ, сковывать печатное слово, лишать всякаго значенія представительныя собранія и повсюду возбуждать племя противъ племени, народъ противъ народа, правительство противъ правительства? Или при своемъ воззваніи Австрія можетъ сослаться на свое поведеніе во время революціи, на то время, когда своими интригами она разрушала всѣ попытки къ основанію нѣмецкаго единства, раздувала старую вражду, привела кроатовъ опустошить свою собственную столицу, населенную нѣмцами, и наконецъ устроила то, что вмѣсто единства возникъ раздоръ хуже прежняго и плодомъ всѣхъ усилій Германіи остался прежній гибельный нѣмецкій сеймъ? Или при своемъ воззваніи къ единству и патріотизму Германіи можетъ она сослаться на свое поведеніе послѣ революціи? На свои дѣйствія въ національномъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ? Въ этомъ ли нѣмецкое направленіе, которое «всегда выказывала Австрія»? Напротивъ, не представляютъ ли всѣ дѣйствія Австріи въ Германіи непрерывнаго ряда преступленій противъ единства, чести, безопасности, свободы, могущества и величія Германіи?

Въ новой Австріи есть еще особенная черта, которая должна въ самомъ основаніи разрушить всякое довѣріе къ этой державѣ. Эта черта—заключеніе и исполненіе конкордата, который повергнулъ государство къ ногамъ ультрамонтанской партіи, уничтожилъ въ Австріи свободу совѣсти, ввелъ въ ней возмутительнѣйшую религіозную нетерпимость, предалъ исключительно въ руки фанатической партіи воспитаніе и преподаваніе. Послѣ австрійскаго конкордата эта партія мрака подняла голову въ цѣлой Европѣ. Съ той поры она повсюду стала предъявлять неслыханныя притязанія, и цивилизаціи не одного государства, а цѣлаго міра, снова сталъ грозить врагъ, противъ могущественныхъ нападеній котораго она можетъ удержаться только самымъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Такое дѣло должна защищать Германія,—Германія, единственнымъ палладіумомъ которой противъ совершеннаго упадка было до сихъ поръ право свободнаго изслѣдованія, должна жертвовать деньгами и кровью, чтобы спасти Австрію и чтобы спасенная Австрія отняла у нея и это послѣднее утѣшеніе, свободу мысли и совѣсти? О, нѣтъ, лучше намъ во второй разъ быть завоеванными! Отъ иностраннаго ига навѣрное освободилъ бы насъ свободный порывъ духа, воспитаннаго и укрѣпленнаго свободою мысли и совѣсти, какъ спасъ въ 1813 году.

О томъ, какъ Австрія управляетъ своими не-нѣмецкими провинціями, намъ не нужно тратить много словъ. Можно до небесъ превозносить австрійское управленіе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, можно доказывать, что оно лучшее правительство на цѣломъ полуостровѣ, не исключая даже піэмонтскаго; что итальянскіе под-

Digitized by Google

данные императора пользуются даже излишними льготами,—все это ни мало не относится къ сущности вопроса. Если бы австрійцы были ангелами на землѣ и осыпали благодѣяніями Ломбардію, все-таки они ненавистны ломбардцамъ; стало быть возраженія противъ ихъ владычества въ Ломбардіи сохраняли бы всю свою силу. Какъ произошла эта ненависть: выражается ли ею негодованіе національнаго самосознанія на вѣковое угнетеніе итальянцевъ нѣмцами; коренится ли она въ новыхъ воспоминаніяхъ о прокламаціи герцога Іоанна въ 1809 году, когда онъ обѣщалъ итальянцамъ свободу и національную независимость, или о прокламаціяхъ Нюджента въ 1813 году; или она просто племенной предразсудокъ,—это рѣшительно все равно. Это постоянное сопротивленіе, эта вѣчная оппозиція, не дающая ни минуты покоя австрійскому правительству, эти постоянные заговоры, вспыхивающіе то тамъ, то здѣсь,—все это не дѣло одного заговорщика или немногихъ недовольныхъ, напротивъ, это выраженіе глубокой ненависти, нѣдрящейся въ народѣ, ненависти, которая успокоится только тогда, когда исчезнетъ ея причина.

Венгрія находится въ такомъ же положеніи, какъ Ломбардія. 6 милліоновъ воинственнаго, рыцарскаго народа, въ теченіе вѣковъ сохранявшаго свою самостоятельность, не могутъ быть почеркомъ пера подведены подъ безразличный уровень «подданныхъ Австрійской имперіи». Запертая со всѣхъ сторонъ, не имѣя прямой связи ни съ цивилизованнымъ свѣтомъ, ни съ моремъ, Венгрія въ своей политической оппозиціи показываетъ не непрерывныя конвульсіи, какъ Италія, а отрывочные взрывы, но зато страшно сильные, которые каждый разъ приводятъ монархію на край погибели.

Бросимъ также взглядъ на внѣшнюю политику Австріи. Кричали прежде и теперь начинаютъ кричать, что Австрія предназначена распространить на востокѣ цивилизацію, возвратить Дунай нѣмецкой торговлѣ, быть можетъ германизировать весь востокъ. Но исполнила ли она хотя какую нибудь долю этой задачи? И если Австрія имѣетъ эту задачу, то какой другой путь есть къ ея достиженію, кромѣ поддержки и усиленія національностей, населяющихъ берега Дуная, чтобы онѣ вошли въ нравственный и матеріальный союзъ съ нѣмцами? На комъ, если не на Австріи, лежала прямая обязанность быть защитницею Дунайскихъ княжествъ? Если бы справедлива была болтовня нѣмецкихъ профессоровъ, что Австрія имѣетъ задачею распространить нѣмецкую цивилизацію на востокѣ, она должна была бы примкнуть въ этомъ дѣлѣ къ Франціи. Вмѣсто того Австрія служитъ источникомъ смутъ на востокѣ и все ея стремленіе до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы развлекать силы восточныхъ племенъ внутренними смутами, чтобы отнять у нихъ возможность сблизиться съ австрійскими провинціями.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ Австрія всегда была только полицейскимъ притѣснителемъ, который поддерживалъ ненавистныя народу системы, штыки котораго всегда были готовы, справедливо и несправедливо, по всякому поводу и безъ всякаго повода, поддерживать угнетеніе. Фактически она господствовала въ цѣлой Италіи и постоянно была занята хлопотами усмирять то здѣсь, то тамъ порывы народнаго неудовольствія. Съ династическо-австрійской точки такое положеніе, конечно, было необходимостью. Освобожденіе другихъ частей Италіи повредило бы ея господству въ Ломбардіи. Для сохраненія своихъ владѣній она должна была быть палачемъ въ остальной Италіи, а эта роль принуждала ее подавлять желѣзной рукой всякую жизнь въ ломбардскомъ народѣ.

Нельзя служить двумъ господамъ, а наивные люди думаютъ, что Австрія можетъ вполнѣ служить тремъ господамъ: Германіи, Италіи и Востоку. Когда грозятъ ея итальянскимъ владѣніямъ, она кричитъ: «помогите, я чисто-нѣмецкая держава!» Если колеблется ея положеніе на Востокѣ, она кричитъ: «помогите, иначе вспыхнетъ революція въ Италіи и Германіи!» Если требуютъ, чтобы она поддерживала своимъ могуществомъ нѣмецкое дѣло, она говоритъ, что занята на Востокѣ и въ Италіи; если нужно поддерживать нѣмецкіе интересы на Востокѣ, она говоритъ, что у ней связаны руки Италіею. У ней, какъ у Фильгешрейя въ комедіи Гольбейна, всегда ужасно много хлопотъ съ тѣмъ, чего не нужно дѣлать, и всегда ей некогда дѣлать того, что нужно. Такая жалкая политика необходима въ интересахъ династіи, которая хлопо-

Digitized by Google

четъ только о своемъ господствѣ и всячески старается подавить народную жизнь.

Обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса, на уваженіе къ трактатамъ, которые теперь выставляются палладіумомъ европейскаго устройства. Австрійское правительство твердитъ о своемъ уваженіи къ святости договоровъ. Страненъ такой языкъ въ устахъ единственнаго правительства, которое до сихъ поръ видимо нарушало договоры. До сихъ поръ всѣ другія державы хранили ихъ, только Австрія разорвала ихъ.

II. Италія (стр. 66—79).

При настоящемъ кризисѣ главное вниманіе Европы обращено на Италію. По низверженіи Наполеона, Италія была «географическимъ понятіемъ», въ которомъ владычествовала Австрія. Въ Сардиніи господствовала Австрія, въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ—Австрія, въ Церковной Области—Австрія, въ Неаполѣ—Австрія. Почти со всѣми этими государствами заключила она договоры, дающіе ей право вооруженнаго вмѣшательства при каждомъ малѣйшемъ случаѣ, и она, какъ нельзя полнѣе, пользовалась этимъ правомъ. Даже на тотъ случай, когда Парма и Піаченца присоединятся къ Сардиніи, Австрія выговорила себѣ сохраненіе крѣпости Піаченцы съ округомъ земли на 2000 туазовъ, считая отъ гласиса. Съ Моденою заключила она наступательный и оборонительный трактатъ, по которому «можетъ вводить въ Моденскія владѣнія и находящіяся въ нихъ крѣпости императорскія войска всякій разъ, когда потребуютъ того интересы общей защиты, или военное благоразуміе» и даже вообще «въ случаѣ событій, внушающихъ опасеніе за тишину и порядокъ». Такой же договоръ заключенъ съ Пармою. Договоръ съ Тосканою идетъ еще далѣе: онъ говоритъ даже о томъ случаѣ, когда вообще «будетъ угрожать война итальянскому полуострову». Въ Церковной Области Австрія успѣла на вѣнскомъ конгрессѣ пріобрѣсти себѣ, несмотря на протестаціи папскаго правительства, право имѣть гарнизоны въ Феррарѣ и Комаккіо. Съ Неаполемъ въ 1815 году былъ заключенъ подъ именемъ наступательнаго и оборонительнаго союза договоръ, по которому Австрія завоевала это государство; Неаполь обязался сохранить безъ перемѣны установленную въ немъ Австріею форму правленія. Австрія въ замѣну обязалась охранять блага внѣшняго мира и совершеннаго внуттренняго спокойствія и съ этой цѣлью вспомогательный неаполитанскій корпусъ отданъ подъ команду австрійскаго генерала.

Извѣстно, какъ Австрія воспользовалась этими трактатами. Когда Неаполь въ 1820 году принялъ конституцію, Австрія двинула свои войска, возстановила прежнюю форму правленія, стала гонять неаполитанцевъ сквозь строй и занимала Неаполитанское королевство своими войсками цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ она также не ограничивалась правомъ содержать гарнизоны. Куда ни вступали австрійскіе генералы, они захватывали въ свои руки администрацію и уголовный судъ, диктатуру надъ дѣлами и словами; австрійцы казнили патріотовъ, жители должны были исполнять австрійскія предписанія. Такимъ образомъ Австрія была фактически владѣтельницею всей Италіи, потому что ни одно изъ правительствъ полуострова не могло бы удержаться собственной силой. Развѣ могъ бы держаться собственной силой Неаполь или папское правительство, гнусность котораго видятъ самые заклятые ультрамонтанцы? Развѣ можно считать Тоскану и маленькія герцогства самостоятельными государствами, способными держаться собственной силой? Если бы они могли держаться сами, Австрія не стала бы теперь держаться за договоры съ ними съ силою отчаянія, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, не стала бы дѣлать изъ нихъ вопроса о жизни и смерти для цѣлой имперіи; эти договоры были бы ненужными клочками бумаги, и не послала бы она 200,000 солдатъ защищать ихъ. Дѣло понятно каждому. Въ тотъ самый день, когда поутру европейскія державы объявятъ, что ни одна изъ нихъ, ни Франція, ни Австрія, ни Россія, ни Англія, ни Баварія, ни Сардинія не могутъ вводить своихъ войскъ въ эти государства и что не могутъ они держать иностранныхъ наемныхъ солдатъ,—вечеромъ того же дня, утромъ котораго будетъ принято и исполнено это рѣшеніе, папа, неаполитанскій король, ве-

Digitized by Google

ликій герцогъ тосканскій, герцоги и герцогини съ своими пожитками, приживателями и приживалками побѣгутъ за границу, кому куда ближе. Но въ тотъ же день на ломбардо-венеціанской границѣ явится сосѣдкою австрійцевъ революція.

Таково было бы несомнѣнное положеніе дѣлъ въ Италіи, если бы только предоставить ее самой себѣ и очистить отъ иностранныхъ штыковъ.

Только одно государство осталось бы непоколебимо среди общаго волненія, могло бы уменьшить свою армію, поставить ее на мирное положеніе. Это государство— Піэмонтъ, бывшій прежде политическимъ спутникомъ Австріи, а теперь по принятіи національной политики сдѣлавшійся злѣйшимъ ея противникомъ. Положимъ, что въ основаніи этой политики кроется мысль о династическомъ возвеличеніи сардинскаго дома, что Сардинія хочетъ дать Италіи только независимость отъ иностранцевъ, а не внутреннюю свободу; но все-таки несомнѣнно то, что эта политика соотвѣтствуетъ теперь національному настроенію итальянскаго народа. Правда, что для достиженія своей цѣли Піэмонтъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, далеко превышающія его средства. Финансы его обременены чрезмѣрными долгами; доходы его израсходованы надолго впередъ; съ какимъ-то хвастовствомъ, неумѣстнымъ для такого маленькаго государства, Сардинія принимала участіе въ войнѣ, чтобы пріобрѣсти себѣ дружбу Франціи и Англіи и уваженіе России. Но развѣ эти усилія были совершенно напрасны и не вознаграждены многими пріобрѣтеніями? Развѣ производительныя средства страны не увеличились въ чрезвычайной степени, развѣ не построены шоссе и желѣзныя дороги, не улучшено и не преобразовано внутреннее управленіе, не развита и не укрѣплена политическая жизнь? И развѣ всѣ эти усилія не были устремлены къ цѣли дѣйствительно благородной,—къ тому, чтобы освободить угнетенное племя отъ иноземнаго ига?

Извѣстная партія старается возбудить сомнѣніе въ способности итальянскаго племени управлять самимъ собою; но каковы бы ни были недостатки итальянскаго характера, все-таки этому племени, какъ и всякому другому, принадлежитъ право располагать своею судьбою, какъ само оно хочетъ. 35 лѣтъ тому назадъ вся Европа сочувствовала борьбѣ грековъ съ турками за свою свободу. Неужели итальянцы заслуживаютъ сочувствія менѣе грековъ? Кто дѣйствительно знаетъ, видѣлъ собственными глазами эти два племени, тотъ ни на минуту не усомнится, которое изъ нихъ заслуживаетъ больше симпатіи. Надъ греками рабство тяготѣло долѣе и сильнѣе, въѣлось въ нихъ глубже. Но возвратимся къ итальянскому народу. Мы признаемъ въ немъ много недостатковъ, порожденныхъ, развитыхъ, привитыхъ долгимъ внутреннимъ и внѣшнимъ угнетеніемъ; но мы признаемъ въ немъ съ другой стороны пламенный патріотизмъ, неутомимо возобновляющій свои усилія для освобожденія Италіи; мы видимъ въ немъ быстроту пониманія и соображенія, свидѣтельствующую о великихъ умственныхъ способностяхъ, которыя при первой возможности снова могутъ обнаружиться такимъ же блистательнымъ образомъ, какъ прежде. Въ характерѣ итальянскаго народа мы видимъ множество превосходныхъ качествъ, множество благородныхъ зачатковъ, которые теперь подавляются, но тѣмъ не менѣе существуютъ и способны къ развитію. Аргументы, противопоставляемые освобожденію итальянцевъ, тѣже самые, которыхъ мы наслушались отъ противниковъ эманципаціи евреевъ: это все тѣ же аргументы, которые всегда выставлялись угнетателями противъ каждаго народа, стремившагося къ независимости. Фальшивый кругъ, по которому вѣчно строятся силлогизмы при подобныхъ вопросахъ, повторяется и здѣсь. «Освобожденіе должно совершиться тогда, когда народъ созрѣетъ до него; теперь онъ еще не созрѣлъ, и потому долженъ оставаться въ рабствѣ.» Но въ рабствѣ онъ никогда не созрѣетъ, будетъ отвѣчать защитникъ освобожденія: его недостатки порождены и развиты рабствомъ. Уничтожьте причину и исчезнетъ послѣдствіе. Дайте народу въ его независимости почву, на которой могъ бы онъ развиваться нормальнымъ образомъ, и онъ разовьется гармонически, сообразно своей натурѣ, и будетъ приносить благородные плоды вмѣсто волчцовъ и терній, порождаемыхъ нынѣшнею почвою рабства. Мы спросимъ далѣе, кто долженъ опредѣлить норму, по которой должно измѣряться право народа на свободу?—Поработитель?—но его собственный узкій интересъ вѣчно будетъ заставлять

Digitized by Google

его говорить, что эта норма еще не достигнута и, продолжая свое притѣсненіе, онъ съ каждымъ днемъ будетъ уменьшать возможность къ достиженію нормы. Это все равно, что обѣщать человѣку извѣстную должность, если онъ пріобрѣтетъ извѣстныя познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещать ему посѣщать школу, въ которой онъ только и можетъ пріобрѣсть эти знанія.

Партія угнетателей Италіи, выставляющая эти возраженія и подавляющая національныя стремленія, находитъ себѣ контрастъ въ другой партіи, которая въ абстрактномъ абсолютизмѣ своихъ революціонныхъ стремленій кажется мнѣ столь же уклоняющеюся отъ истины, какъ и противная ей партія. Я говорю о такъ называемой партіи мацциністовъ, идеаломъ которыхъ служитъ единая и нераздѣльная итальянская республика, которая написала на своемъ знамени абстрактный девизъ «*Dio e Popolo*» и отвергаетъ, какъ предательство національному дѣлу, всякое переходное состояніе между нынѣшнимъ положеніемъ и республикою. Намъ кажется, что эта партія страдаетъ двумя главными недостатками: непониманіемъ національнаго характера и невѣрностью въ разсчетахъ о томъ, какія силы нужны для достиженія цѣли. Историческое развитіе и направленіе народныхъ чувствъ безъ сомнѣнія указываютъ на федеративное устройство Италіи, а не на централизованную республику съ единственною столицею Римомъ. Намъ кажется, что полное государственное единство въ Италіи — все равно, съ республиканской или монархической формой, — можетъ быть установлено только при помощи страшнаго внутренняго деспотизма и при пролитіи цѣлыхъ рѣкъ крови въ междоусобныхъ войнахъ. Но должны ли идти итальянцы этимъ путемъ, разумѣется, мы должны предоставить ихъ собственному разсужденію и обстоятельствамъ будущаго.

Еще опаснѣе этой тенденціи кажется намъ то, что революціонная партія ошибается въ своихъ силахъ, считая ихъ слишкомъ большими, и поэтому отвергаетъ всякое соединеніе съ партіею федеральнаго направленія для достиженія окончательной цѣли, даже нападаетъ неумолимымъ образомъ на тѣхъ, которые соединяются съ нею для достиженія ближайшихъ цѣлей. Можно очень подробно высчитывать милліоны, эмфатически говорить о непреоборимой силѣ революціи и народныхъ ополченій и о томъ, что регулярныя войска не такъ сильны въ битвахъ, какъ вообще думаютъ; но что бы мы ни говорили, сила все-таки остается силой, и мы знаемъ, что организація силы придаетъ ей такое могущество, до котораго не возвышается неорганизованная сила. А единственная организованная сила, которая теперь можетъ служить въ Италіи національному дѣлу, есть сардинская армія и остальная народная сила должна сгруппироваться около нея, чтобы получить возможность дѣйствовать; а въ настоящее время сардинская армія можетъ служить только дѣлу независимости и конституціонной монархіи, а не дѣлу республиканской свободы. Надобно ли отталкивать ее отъ себя зато, что она не пойдетъ далѣе этой границы? Мы думаемъ совершенно иначе; и если даже предположить, что по завоеваніи независимости республиканская партія для достиженія полнѣйшей свободы должна была бы обратиться противъ своей прежней союзницы, — даже предположивъ это, мы все-таки думаемъ, что она не должна отвергать теперь союза съ нею.

Итакъ, мы напутствуемъ самыми искренними желаніями стремленія Италіи, усилія Піэмонта; и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, мы желаемъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, какъ въ 1848 году выражали «измѣнническое» желаніе, чтобы Радецкіе были побиты. Мы глубоко скорбимъ, что нѣмецкая сила, нѣмецкая кровь будетъ приноситься въ жертву гнилому дѣлу; мы употребимъ всѣ усилія уничтожить возможность возобновленія подобныхъ событій въ будущемъ; но теперь мы считаемъ пораженіе Австріи въ Италіи неизбѣжною необходимостью, къ которой ведетъ неумолимая судьба. Австрія сурово упрекаетъ піэмонтское правительство, піэмонтскій народъ за то, что они прибѣгаютъ къ войнѣ и революціи; но развѣ не то же дѣлали испанцы въ 1812 и мы сами въ 1813 году? Мы теперь снова восторженно прославляемъ національное нѣмецкое возстаніе, низвергнувшее Наполеона. Но развѣ въ 1813 году Пруссія играла относительно нѣмецкихъ государствъ, связанныхъ договорами съ Наполеономъ, не ту же самую роль, какую теперь Піэмонтъ играетъ относительно Ломбардо-Венеціанскаго королевства и мелкихъ итальянскихъ государствъ? Пруссія тогда тоже съ отверстыми

Digitized by Google

объятіями принимала дезертеровъ и за одинъ разъ приняла, напримѣръ, 10,000 саксонцевъ; она явно покровительствовала заговорамъ и возстаніямъ въ земляхъ тѣхъ нѣмецкихъ государей, которые были союзниками иностраннаго поработителя; Пруссія тоже нарушала тогда договоры, соблюдать которые клялась; она всячески подготовляла возстаніе, а между тѣмъ формально отреклась отъ всего, что дѣлала втайнѣ, до той поры, когда пришло время сбросить маску. И развѣ она была достойна порицанія?— нѣтъ, она была права! Фальшивость, заговоръ, измѣна, нарушеніе договоровъ, все это смыто высотою цѣли со скрижалей исторіи, на которыхъ остались только сіяющія слова: «освобожденіе народа отъ иноземнаго ига». Ножъ и ядъ испанца, боровшагося противъ французовъ, блистаютъ теперь славою, потому что онъ хотѣлъ независимости своей націи.

III. Второстепенныя нѣмецкія государства (стр. 90—100).

По различію мѣстоположенія и вѣроисповѣданія, по историческимъ отношеніямъ племенъ и семейнымъ связямъ царствующихъ династій, въ мелкихъ государствахъ нѣмецкаго союза владычествуютъ очень различныя вліянія, изъ которыхъ часто происходятъ даже долгія неудовольствія между правительствомъ и народомъ. Совершенно подчинена австрійскому вліянію особенно Баварія, имѣющая столько же охоты, но гораздо менѣе средствъ, играть изъ себя великую державу, какъ и Сардинія, которую баварскій органъ, *Allgemeine Zeitung*, ежедневно упрекаетъ за это стремленіе.

Какъ есть спутники у Австріи, такъ есть они и у Пруссіи. Мекленбургъ— Прусская Баварія, Баденъ—Прусская Саксонія. Берлинъ кажется второй отчизной для мекленбургскихъ герцоговъ, а мекленбургскій феодализмъ кажется идеаломъ для померанскаго дворянства. Шверинъ и Стрелицъ находятся подъ косвеннымъ управленіемъ Пруссіи, какъ Мюнхенъ подъ управленіемъ Австріи. Баденскій престолъ обязанъ своимъ возстановленіемъ прусскому войску, а нынѣшній герцогъ тѣсно связанъ съ прусскою династіею родственными связями. Такимъ образомъ въ Баденѣ такое же положеніе, какъ въ Саксоніи. Дворъ идетъ съ Пруссіей, но народъ не раздѣляетъ этой симпатіи.

Совершенно преданы прусскому интересу Гессенъ-Касель, Брауншвейгъ, Ольденбургъ; болѣе преданы Австріи Виртембергъ, Гессенъ-Дармштатъ, Нассау и Ганноверъ. Тѣ нѣмецкія государства, которыя во время отказавшись отъ союза съ Наполеономъ, сохранили полученное отъ него расширеніе границъ, еще живо помнятъ, какъ трудно было имъ на вѣнскомъ конгрессѣ защититься отъ прусскаго стремленія къ единству Германіи, и въ правительствѣ каждаго изъ этихъ государствъ сохраняется желаніе возобновить прежнюю игру при удобномъ случаѣ и вести ее на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей. Каждый маленькій министрикъ, управляющій государствомъ величиною въ одинъ прусскій округъ, воображаетъ себя такимъ тонкимъ дипломатомъ, который въ случаѣ политическихъ переворотовъ съумѣетъ спасти независимость своего государства и даже увеличить его; потому всѣ эти господа при началѣ кризиса стараются примкнуть къ сторонѣ, обѣщающей больше выгодъ.

Въ Австріи никто не предполагаетъ желанія увеличить свои владѣнія на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, а Пруссія, какъ всѣмъ кажется, не можетъ избѣжать такого стремленія. Особенно Ганноверъ считаетъ чрезвычайно опасными для себя слишкомъ дружескія объятія сосѣда и потому теперь онъ торопится съ манифестаціями, служащими выраженіемъ не патріотизма, а просто недовѣрія къ Пруссіи.

Объ остальныхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ едва ли стоитъ говорить. Запрещаетъ ли Нассау вывозъ лошадей, пишетъ ли оперы герцогъ Саксенъ-Кобургскій,— это, по нашему мнѣнію, не будетъ имѣть важнаго вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ. Эти маленькія фигурки европейскаго маскарада появляются на сценѣ и исчезаютъ съ нея, не возбуждая особеннаго вниманія ни въ комъ, кромѣ своихъ подданныхъ, число которыхъ, какъ мы знаемъ, не очень велико.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о Нѣмецкомъ Союзѣ вообще. Едва ли нуженъ былъ такой сильный толчекъ, какъ нынѣ, чтобы снова показать всю бѣдствен-

Digitized by Google

ную глубину нѣмецкаго паденія, показать, что единство Германіи не болѣе, как иллюзія, питаемая въ сердцѣ народа, но постоянно уничтожаемая правительствам отдѣльныхъ государствъ и ихъ сепаратизмомъ. Неспособный сдѣлать ни шага впередъ нѣмецкій Сеймъ снова явился соотвѣтствующимъ тсй цѣли, для которой созданъ ди пломатами, снова явился препятствіемъ къ единству, машиною для подавленія всякаг національнаго чувства, всякаго стремленія къ свободѣ въ нѣмецкомъ народѣ. Какова б ни была дорога, по которой слѣдуетъ идти Германіи въ настоящемъ кризисѣ, несо мнѣнно то, что Германія, какъ одно цѣлое, должна была бы энергически идти опре дѣленнымъ путемъ; а между тѣмъ теперь злополучный нѣмецкій Сеймъ, злополучны Нѣмецкій Союзъ, бродитъ, какъ пьяный кругомъ дорожнаго столба и напрасно усили вается разобрать, по какой дорогѣ ему идти. И можно ли ожидать чего нибудь инаго Можетъ ли существовать единство интересовъ въ союзѣ государствъ, изъ которых главныя необходимо увлекаются интересами, чуждыми союзу? Союзъ не можетъ соот вѣтствовать своей цѣли, пока въ немъ есть члены, не принадлежащіе къ нему, такі члены, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ союза. Именно таково положеніе Нѣмецкаго Союза. Развѣ не членъ его король Голландіи по своей провинці Люксенбургу? и развѣ выгода Голландіи не требуетъ того, чтобы держать запертым для нѣмцевъ устья Рейна и всячески подавлять торговлю Германіи? Развѣ не член Нѣмецкаго Союза король датскій по Гольштейну и Лауэнбургу? и развѣ не запирает устья Эльбы датская таможня? Кто скажетъ, что Данія, имѣющая голосъ на нѣмец комъ Сеймѣ, руководится нѣмецкими интересами? И развѣ Пруссія не связана По знанью? и развѣ ея нѣмецкая область, Восточная Пруссія, не оставлена внѣ союза Развѣ большая часть австрійскихъ областей не находится внѣ союза? и развѣ не должна поэтому Австрія необходимо имѣть интересы, враждебные Нѣмецкому Союзу Перечисленіе этихъ уродливостей доказываетъ, что Нѣмецкій Союзъ рѣшительно не имѣетъ условій, нужныхъ для живаго существованія, и станетъ живымъ тѣломъ только тогда, когда избавится отъ наростовъ, чуждыхъ нѣмецкой національности: только тогда составитъ онъ крѣпкое однородное цѣлое, имѣющее одинъ интересъ, одну поли тическую мысль.

О внутреннемъ устройствѣ нѣмецкаго полицейскаго союза, осужденнаго на поли тическое безсиліе, мы не хотимъ и говорить: говорить объ этомъ, значило бы даромъ тратить слова. Мы укажемъ только на одно обстоятельство, что въ критическія ми нуты, подобныя настоящей, нѣмецкій народъ получилъ бы громадную силу отъ цен тральнаго собранія своихъ представителей, въ которомъ велись бы совѣщанія о поли тическомъ положеніи. Изъ пошлаго раздора и безсилія нѣмецкія правительства въ опасныя времена всегда спасались только тѣмъ, что призывали на помощь силу народа; но каждый разъ народное довѣріе бывало обмануто по ихъ избавленіи изъ бѣды. Теперь снова наступаетъ такой періодъ обольщенія; снова призываютъ на помощь народную силу, признавая, что надобно произвесть великія реформы; и снова народъ будетъ обманутъ, какъ былъ обманутъ прежде. Побѣдивъ непріятеля, снова откроютъ, что нѣтъ необходимости исполнять данныя обѣщанія. Я никогда не приписывалъ себѣ дара прорицанія, но долженъ вспомнить, что въ 1848 году я говорилъ съ трибуны: «нѣмецкій народъ обманули въ 1813 году Калишскою прокламаціею, снова обманули его въ 1830 и въ третій разъ обманутъ въ 1848 году». Это предсказаніе исполни лось, и судя по тому способу, какимъ ведется теперь политическое движеніе, надобно сказать, что и въ нынѣшній разъ произойдетъ такой же обманъ, и за движеніемъ послѣдуетъ еще большее униженіе. Вытащите Австрію изъ бѣды, пожертвуйте вашими силами для сохраненія гнилаго мира, обманчивой тишины, для поддержанія этого про тивоестественнаго государства, которое безъ вашей помощи развалится,—сдѣлайте это, и вы не замедлите вкусить плоды вашего безумія и легковѣрія. По своему обычаю Австрія и въ нынѣшній разъ «изумитъ свѣтъ колоссальностью своей неблагодарности». Когда вы ее спасете, она найдетъ, что Нѣмецкій Союзъ организованъ совершенно удовлетворительно, чтобы служить ей орудіемъ, и въ чувствѣ этой удовлетворитель ности, всяческими интригами и насиліями постарается оставить Нѣмецкій Союзъ въ нынѣш немъ его видѣ и отстранить всякую реформу, въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Digitized by Google

Вопросъ теперь не о томъ, защищаться ли намъ противъ внѣшняго врага,— онъ не нападаетъ на насъ, не угрожаетъ намъ, его нѣтъ, развѣ мы сами сочинимъ его,—нѣтъ, вопросъ въ томъ, поддерживать ли намъ нынѣшнее гнилое положеніе, укрѣплять ли его намъ своею кровью на вѣковое униженіе и ослабленіе отечества.

IV. Вопросъ о войнѣ для Германіи (стр. 101—125).

Каково отношеніе Нѣмецкаго Союза къ Австріи въ случаѣ итальянской войны, пока эта война будетъ ограничиваться не нѣмецкими провинціями Австріи, не касаясь нѣмецкой границы? Отвѣтъ на это совершенно простъ. Если граница Нѣмецкаго Союза будетъ перейдена непріятелемъ, союзъ обязанъ всѣми силами вооружиться на ея защиту; если же союзныя земли останутся неприкосновенными, то отъ Союза совершенно зависитъ, защищать или не защищать область одного изъ союзниковъ, находящуюся внѣ союза. Это ясно сказано въ 47 статьѣ союзнаго акта.

Итакъ дѣло зависитъ единственно отъ того, надобно ли считать опасностью для союзныхъ земель, когда австрійцы будутъ сражаться съ піэмонтцами и французами въ долинахъ По, Минчіо и Аддидже, надобно ли въ этомъ случаѣ ограничиться только мѣрами для собственной защиты, или идти далѣе и помогать Австріи? Дѣло стоитъ внимательнаго изслѣдованія: крики газетъ и нѣкоторыхъ палатъ такъ запутали и исказили вопросъ, что надобно распутать его. Крикъ поднятъ такой, что подумаешь, будто дѣло идетъ не о войнѣ на По, а о войнѣ на Рейнѣ; что арміи направляются во Франціи не на югъ, а на сѣверъ и востокъ; что идутъ онѣ помогать не сардинцамъ, а голландцамъ и бельгійцамъ, вторгающимся въ Германію. Австрія мѣняетъ свой цвѣтъ, какъ хамелеонъ. Еще въ декабрѣ флагъ ея былъ черный съ желтымъ, чисто австрійскій, а теперь подкупленныя въ Германіи газеты намазали на немъ такую широкую красную полосу, что онъ сталъ похожъ на трехцвѣтный нѣмецкій флагъ, такъ долго бывшій подъ запрещеніемъ; а если нынѣшнее колебаніе продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то можно ожидать, что красный цвѣтъ возметъ рѣшительный перевѣсъ въ австрійскомъ знамени и нѣмецкій народъ съ удивленіемъ увидитъ, что Австрія всегда желала возстановить франкфуртскій парламентъ. Вѣдь *Allgemeine Zeitung* уже посылаетъ рукою любезные поцалуи нѣмецкимъ изгнанникамъ. Нелѣпость провозглашаемаго теперь принципа лучше всего можно выказать, примѣнивъ къ не-нѣмецкимъ областямъ другихъ членовъ союза то понятіе, какое хотятъ заставить принять насъ. Королевство Датское, королевство Голландское находятся къ Германіи точно въ такомъ же отношеніи, какъ Австрія: меньшая часть ихъ областей и ихъ населенія принадлежитъ къ Нѣмецкому Союзу; другая, большая часть, не принадлежитъ Германіи; ихъ интересы противоположны интересамъ Нѣмецкаго Союза; большинство жителей въ государствѣ, какъ одномъ цѣломъ, не принадлежитъ къ нѣмецкой національности. Но въ этомъ отношеніи Голландія и Данія все-таки поставлены выгоднѣе, чѣмъ Австрія, потому что въ нихъ господствующее большинство по крайней мѣрѣ родственно съ нѣмцами. Теперь мы спросимъ каждаго изъ честныхъ нѣмцевъ, обольщаемыхъ лживостью подкупныхъ газетъ: чувствуетъ ли онъ за собою обязанность спѣшить на помощь Голландіи или Даніи, если непріятель будетъ грозить ихъ областямъ, не входящихъ въ Нѣмецкій Союзъ? Въ Гольштейнѣ нѣмцы храбро сражались и были побѣждены и продолжатъ теперь тяжелую парламентскую борьбу, потому что Данія хочетъ уничтожить различіе между своими областями и уничтожить самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ. Развѣ не то же сдѣлала Австрія? развѣ она также не сбила въ одну кучу нѣмцевъ и словаковъ, чеховъ и венгровъ, поляковъ и итальянцевъ, и притомъ еще безъ конституціи, безъ народнаго представительства.

Итакъ положеніе совершенно одинаково. Предположимъ теперь такой случай: по поводу Зундской пошлины, гарантированной Даніи трактатами, Сѣверная Америка, Англія и Россія нападаютъ на Данію; станутъ ли увѣрять насъ, что поднялась бы вся Германія и послала бы свои войска защищать датскіе острова? Разумѣется, кто заговорилъ бы объ этомъ, былъ бы объявленъ за сумасшедшаго. Но, говорятъ намъ,

Digitized by Google

опасность грозитъ нѣмецкимъ землямъ:—истинная цѣль французовъ на Рейнѣ. Если такъ, защищайте Рейнъ, твердо объявите, что нарушеніе неприкосновенности этой границы будетъ объявленіемъ войны Нѣмецкому Союзу, приготовьте, если хотите, войска. Это будетъ умно, если только ваши опасенія основательны. Но держитесь же строго въ границѣ союзныхъ обязанностей, не переступайте ни на шагъ дальше ихъ. Развѣ Нѣмецкій Союзъ обязанъ постоянно напрягать свои силы для защиты провинцій, до которыхъ ему нѣтъ надобности, которыя только навлекаютъ на него ежеминутныя опасности и внушаютъ нѣкоторымъ членамъ Союза стремленія противныя его интересамъ? Время намъ, если не теоретически, то практически рѣшить этотъ вопросъ. Съ вѣнскаго мира еще ни одному солдату не нужно было браться за ружье для защиты отъ иностраннаго нападенія областей, принадлежащихъ къ Союзу. Но Союзъ долженъ былъ воевать противъ одного изъ своихъ членовъ, короля Датскаго. Пруссія вела войну въ своей области, не принадлежащей къ Нѣмецкому Союзу—въ Познани; Австрія вела ожесточенную войну въ своихъ областяхъ, не принадлежащихъ къ Союзу—въ Венгріи и Италіи. Кто страдалъ отъ всѣхъ этихъ битвъ и войнъ? Страдали нѣмецкія области, Нѣмецкій Союзъ. Всѣ столкновенія происходили отъ не-нѣмецкихъ областей и господство надъ этими областями было для Нѣмецкаго Союза только причиною растраты крови и денегъ, источникомъ слабости и внутренняго разстройства.

Если мы не воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ для измѣненія такого порядка дѣлъ, мы будемъ терпѣть попрежнему; а этотъ порядокъ дѣлъ не измѣнится, пока Нѣмецкій Союзъ будетъ по рукамъ и по ногамъ скованъ прикованными къ нему нѣмецкими областями, и отъ этихъ оковъ покрыты ранами его члены. Эти нѣмецкія области—вѣчныя фонтанели, вытягивающія изъ него жизненные соки, покрывающія его гнойными язвами. Эти наросты дикаго мяса не укрѣпляютъ, а разслабляютъ Германскій Союзъ, и истинно нѣмецкая, истинно національная политика первою задачею своею должна поставить осуществленіе единственнаго разумнаго принципа, говорящаго: никакой союзъ не долженъ имѣть владѣній, не принадлежащихъ къ союзу.

Въ послѣднее время дѣлали много воззваній къ нѣмецкому сердцу. Мы сдѣлаемъ воззваніе къ нѣмецкой головѣ, которая пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ. Уловить благопріятную минуту для осуществленія своей цѣли,—вотъ главная задача политической практики. Отъ умѣнья уловить эту минуту зависитъ успѣхъ дѣла. А по нашему мнѣнію, пора бы намъ убѣдиться изъ опыта, что въ спокойное время политическаго застоя не удавалось намъ произвести ни малѣйшаго измѣненія въ бѣдственномъ положеніи Германіи, что только во времена внѣшнихъ или внутреннихъ невзгодъ, войны или революціи, нѣмецкія правительства удостоивали обѣщать отстраненіе этихъ бѣдствій, но брали назадъ свои обѣщанія, какъ только переставала опасность грозить имъ. Преобразованіе Нѣмецкаго Союза, его тѣснѣйшее сплоченіе должно служить единственнымъ ручательствомъ за неприкосновенность его границъ. Всѣ остальныя полумѣры будутъ только жалкимъ замазываніемъ щелей, раскрывающихся все шире и шире подъ обманчивою замазкою. Потому и теперь, когда бѣдствіе низвергается на Австрію, намъ надобно воспользоваться этою благопріятною минутою, чтобы преобразовать Нѣмецкій Союзъ, установить его на новыхъ основаніяхъ. Вмѣсто патріотическихъ возгласовъ, вмѣсто наивной довѣрчивости, съ которою отлагаютъ всякое улучшеніе внутреннихъ отношеній до будущаго времени, до того времени, когда пройдетъ бѣда,—вмѣсто этой смѣшной довѣрчивости мы требуемъ мужественной твердости, твердаго стремленія къ нашей собственной, ясно-сознанной цѣли; мы требуемъ, чтобы партія, которой дорого единство Германіи, поставила это единство условіемъ для нѣмецкихъ правительствъ; чтобы она объявила, что пришло время дать дѣйствительное существованіе Нѣмецкому Союзу и ограничить его тѣми провинціями, въ которыхъ населеніе дѣйствительно составляютъ нѣмцы, тѣми областями, у которыхъ интересъ одинъ и тотъ же. Если серьезно захотѣть этого, легко теперь достичь этого. А если мы отложимъ реформу до окончанія войны, то безъ особеннаго пророческаго дара можно предсказать, что единство Германіи снова останется мечтою до пришествія новыхъ бѣдъ.

«Но договоры!—говорятъ мнѣ.—Договоры должны быть охраняемы. Надобно

Digitized by Google

поражать того, кто нарушитъ ихъ. На этихъ договорахъ основанъ европейскій миръ. Горе тому, кто ихъ нарушитъ!» — Но мы напрасно усиливаемся считать эти договоры ненарушенными. Напрасно мы искали въ вѣнскомъ и парижскомъ трактатахъ Бельгійскаго королевства,—оно существуетъ только по нарушенію этихъ договоровъ, нарушенію, жертвою котораго былъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, голландскій король, защищать котораго не думалъ никто, въ томъ числѣ и Нѣмецкій Союзъ. А король голландскій точно такой же членъ Союза, какъ императоръ австрійскій, и владѣніе Бельгіею было гарантировано ему тѣми же трактатами и съ такою же торжественностью, какъ императору австрійскому владѣніе итальянскими провинціями; и все-таки Бельгія отторглась отъ него въ противность договорамъ и, надобно замѣтить, отторглась только благодаря также французскому вмѣшательству. Если бы Франція не положила на вѣсы свою шпагу, то Голландія навѣрное подавила бы Бельгію.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Мы уже говорили, что ихъ нарушала и сама Австрія. Въ вѣнскомъ трактатѣ мы находимъ Краковскую республику. Австрія прибрала ее къ своимъ рукамъ, несмотря на вялыя протестаціи Франціи и Англіи, и теперь мы находимъ только австрійскій провинціальный городъ Краковъ безъ всякаго слѣда самостоятельности.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Во Франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали депутаты Шлезвига, Восточной Пруссіи; и Германскій Сеймъ, и Франкфуртскій парламентъ торжественно объявили, что эти области принадлежатъ къ Германскому Союзу. По договорамъ 1815 года, напротивъ, онѣ не принадлежатъ къ нему.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

По договорамъ 1815 года родъ Бонапарте навѣки изгнанъ изъ Франціи и всѣ державы обязались изгонять его изъ Франціи, если будетъ нужно вооруженною силою. Всѣ державы оффиціально признали и продолжаютъ признавать новую Французскую имперію.

Договоры 1815 года гарантируютъ, что Швейцарія должна сохранить то устройство, какое получила въ 1815 году. Швейцарскій народъ совершенно измѣнилъ это устройство. Всѣ державы признали этотъ переворотъ.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми.

Полноте же лицемѣрить!

Мы знаемъ теперь, какъ произошли эти трактаты; мы знаемъ, какія пружины тутъ дѣйствовали, и знаемъ жалкій результатъ ихъ, такъ называемое европейское равновѣсіе, которое ежеминутно колеблется и ничего не уравновѣшиваетъ. Даже Гизо, этотъ закоснѣлый доктринеръ, признается въ своихъ мемуарахъ, что эти трактаты были бѣдствіемъ для Европы.

Трактаты, подобно законамъ, служатъ выраженіемъ извѣстной эпохи, бываютъ произведеніемъ извѣстнаго отношенія партій или государствъ, которое может быстро измѣняться. На вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствовали только династическіе интересы и дипломатическія взятки. Но послѣ того народная жизнь шла впередъ гигантскими шагами, и она, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, требуетъ новаго выраженія, новой одежды для тѣла, въ которомъ движется. Сознаніе національности повсюду развивается неудержимо, и раньше или позже разорветъ цѣпи, наложенныя на національности трактатами.

Въ движеніи, глубоко взволновавшемъ теперь Германію и усиливающемся съ каждымъ днемъ, прекрасная и возвышенная сторона является въ искаженіи нечистыми элементами. Возвышенную сторону движенія составляетъ національное чувство, потребность единства, сознаніе необходимости для Германіи имѣть самостоятельную политику. Возвышенную сторону его составляетъ сближеніе при мысли объ угрожающей опасности, хотя бы мнимой, требованіе общихъ мѣръ, которое отчасти возникаетъ изъ народа, къ

Digitized by Google

которому почти равномѣрно примкнули всѣ политическія партіи, между тѣмъ какъ правительства неохотно поддаются господствующему направленію. Это движеніе свидѣтельствуетъ, что событія 1848 года не остались безъ энергичнаго слѣда; оно показываетъ, что потребность единства, тождественная въ Германіи съ потребностью свободы, находитъ отголосокъ въ сердцѣ народа.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно сочувствуемъ нынѣшнему движенію; мы призываемъ къ соединенію силъ противъ всякаго нападенія на Германію. Но мы не хотимъ, чтобы этотъ призывъ служилъ средствомъ для своекорыстныхъ цѣлей; мы хотимъ сорвать маску съ лицемѣровъ, показать имъ, что умѣемъ различать искреннюю потребность отъ преступной спекуляціи на народное довѣріе.

Мы видимъ, что подъ этимъ движеніемъ скрывается нечистый элементъ ультрамонтанизма. Съ той поры, какъ Австрія отказалась отъ принциповъ Іосифа II и засіяла на черножелтомъ небѣ звѣзда конкордата, взоры всей ультрамонтанской партіи обращены на Австрію; изъ Австріи получаетъ она свои лозунги, австрійскіе обскуранты управляютъ ею въ Баваріи, Верхней Швабіи, Вестфаліи. Въ католическихъ земляхъ сильнѣе всего развилось нынѣшнее движеніе. Манифестація виртембергской палаты депутатовъ были возбуждены двумя депутатами изъ Верхней Швабіи. Слишкомъ знаменитый Кеттелеръ, епископъ майнцскій, увѣщеваетъ своими пастырскими посланіями католическое духовенство поддерживать нѣмецкое движеніе. Всѣ ультрамонтанскіе агитаторы твердятъ, что Германія одно и тоже съ Австріей, Австрія одно и тоже съ папою, и призываютъ защищать Германію, для того, чтобы защитить конкордатъ.

Какая забота о Германіи у этихъ изчадій Рима? Они просто дѣйствуютъ въ пользу конкордата, посредствомъ котораго господствуютъ надъ Австріею и хотятъ господствовать надъ Германіею. Пусть нынѣшнее движеніе защититъ Австрію отъ иноземнаго нападенія, поддержитъ и укрѣпитъ ее, и вы увидите, что оно будетъ обращено въ пользу ультрамонтанской партіи, увеличитъ вліяніе Австріи, а Австрія будетъ дѣйствовать въ пользу ультрамонтанской партіи и нѣмецкій Сеймъ снова будетъ служить орудіемъ для подавленія свободы совѣсти. Можетъ ли быть такова наша цѣль? можемъ ли мы хотѣть сами налагать на себя руки, отдаваться во власть врагу рода человѣческаго? Намъ твердятъ о непримиримыхъ врагахъ Германіи—французахъ. Въ каждомъ нумерѣ «*Allgemeine Zeitung*» проповѣдуется о нихъ; но нѣтъ ни одного слова о томъ гнусномъ чудовищѣ, которое хочетъ погибели всего рода человѣческаго. Разумѣется, «*Allgemeine Zeitung*» не станетъ говорить о немъ, она его союзница, или вѣрнѣе сказать, она его рабыня. Но мы еще не продавались ему и не хотимъ погибели свободной мысли; мы должны предостерегать отъ черныхъ фигуръ, вмѣшивающихся въ нынѣшнее движеніе; мы должны разоблачить ихъ и спросить нѣмцевъ, неужели они хотятъ слѣдовать по пути, по которому желаютъ вести ихъ эти черные люди; мы должны спросить нѣмцевъ, не лучше ли намъ приберечь свои силы и свое одушевленіе для лучшаго дѣла?

Мы видимъ также, что поднимается изъ исторической тины старинное французоѣдство съ оребячившимся отъ старости Арндтомъ и Петромъ Пустынникомъ тевтономаніи Яномъ; они снова начинаютъ пѣть старую пѣсню о нѣмецкомъ Рейнѣ. Поднимается даже крикъ о завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ нѣмецкихъ земель, и, чего добраго, не нынче—завтра появится какой нибудь ученый господинъ съ силлогизмомъ, совершенно основательнымъ: Карлъ-Великій былъ нѣмецъ, слѣдовательно и всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, должны быть возвращены къ Германіи. Но шутки въ сторону. Французы мечтаютъ о рейнской границѣ; но отъ мечты до осуществленія далеко, и разсудительные люди хорошо понимаютъ, что надежда на осуществленіе французской мечты можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока Германія имѣетъ 34 различныхъ правительства и пока главнѣйшія изъ этихъ правительствъ, господствующія на нѣмецкомъ Сеймѣ, имѣютъ существенные интересы внѣ Нѣмецкаго Союза. Когда будетъ существовать истинная Германія съ единствомъ интереса и твердой организаціей, рейнская граница будетъ совершенно безопасна.

Принципъ національности драгоцѣненъ для насъ; но принципъ свободнаго рѣшенія народомъ своей судьбы, — еще драгоцѣннѣе. Эльзасъ—нѣмецкая страна, и можно

Digitized by Google

жалѣть о томъ, что раздробленность Германія была причиною потери этой провинціи. Но не должно забывать, что должно пройти много поколѣній прежде, чѣмъ эта страна захочетъ присоединиться къ Германіи. Я много разъ по-долгу живалъ въ Эльзасѣ, у меня есть близкіе друзья во всѣхъ его городахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ политическихъ партіяхъ; и никогда, даже въ эпоху самой горячей борьбы противъ французскаго правительства или въ защиту нѣмецкихъ нравовъ и языка отъ вторженія французскихъ элементовъ, никто изъ нихъ не слыхалъ въ цѣломъ Эльзасѣ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи и присоединиться къ Германіи. Стоитъ только намекнуть объ этомъ, и умолкаютъ всѣ жалобы на невыносимое бремя податей, на несносный чиновничій деспотизмъ, на французскую надменность и шарлатанство. Это можетъ быть печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, каково состояніе Германіи; но никто не можетъ отрицать истину этого свидѣтельства. Такое настроеніе умовъ въ Эльзасѣ можетъ служить для насъ примѣромъ того, какое глубокое чувство возбуждается въ народѣ сознаніемъ своей принадлежности къ единому и великому цѣлому.

Наконецъ основною причиною нынѣшняго движенія я нахожу нашъ старый наслѣдственный грѣхъ, наслѣдованное нами еще отъ кимвровъ и тевтоновъ расположеніе стремиться за Альпы и господствовать въ Италіи. Эта ошибка въ теченіе многихъ столѣтій, съ самыхъ Среднихъ вѣковъ губила наши лучшія силы, истощала нашу кровь. Отъ усилій господствовать въ Италіи,—да, только отъ этихъ усилій погибло политическое могущество нѣмецкой націи: а все еще мы не исцѣлились отъ этой старой болѣзни. Въ доказательство мы приведемъ отрывокъ изъ письма, помѣщеннаго въ *Allgemeine Zeitung,* 6 марта. «Впечатлѣнія, производимыя на нѣмца путешествіемъ въ Ломбардію, различны, смотря по различію въ настроеніи его мыслей. Мы вынесли изъ Италіи совершенно не такія впечатлѣнія, какъ г. Витте [1]); главнѣйшее изъ нихъ то, что нѣмецъ въ Ломбардіи чувствуетъ себя членомъ владычествующей націи; это чувство такъ рѣдко, оно такъ мало пробуждается въ другихъ посѣщаемыхъ нами странахъ, что становится вдвойнѣ радостно для насъ, тѣмъ болѣе, что служитъ свидѣтельствомъ моральнаго превосходства нашей націи». Поздравляемъ васъ, надменный глупецъ, съ вашимъ сердечнымъ наслажденіемъ отъ владычества надъ рабами. У васъ сіяетъ лицо пошлымъ восторгомъ отъ мысли порабощать другихъ. Мы не раздѣляемъ этого чувства, мы не понимаемъ наслажденія, съ которымъ плантаторъ топчетъ ногами негра; мы не хотимъ быть ни порабощенными, ни поработителями.

Опомнимся же отъ этого гогенштауфенскаго сумасбродства и габсбургскаго идіотства. Есть хорошая французская поговорка: *il faut laisser l'Allemagne aux Allemands*—«оставьте Германію нѣмцамъ», — будемъ же имѣть мужество сказать: оставимъ Италію итальянцамъ. Мы еще не выбили изъ своей головы средневѣковаго варварства; отбросимъ его, подобно другимъ средневѣковымъ нелѣпостямъ, и будемъ благодарить небо, если закроется могила, въ которой до сихъ поръ каждый годъ, каждый день, каждый часъ, хоронили мы нѣмецкую силу, нѣмецкое богатство и нѣмецкое политическое могущество.

V. заключение (стр. 126—134).

Безъ войны не разрѣшатся вопросы, поднимающіеся нынѣ со всѣхъ сторонъ, не удовлетворятся стремленія дать Европѣ болѣе разумное устройство. Безъ войны Германія не можетъ получить болѣе плотнаго единства, отвязаться отъ своихъ не-нѣмецкихъ приставокъ и пріобрѣсти такимъ образомъ политической силы; Италія также не можетъ безъ войны достичь того, чтобы составить національную федерацію и свергнуть австрійское иго; не можетъ и Венгрія достичь осуществленія своего стремленія къ самостоятельности; не могутъ южные славяне и румуны достичь національной орга-

---

[1]) Витте, прусакъ, помѣстилъ въ одной изъ прусскихъ газетъ рядъ писемъ изъ Италіи, проникнутыхъ тою мыслью, что насильственное владычество австрійцевъ въ Ломбардіи дѣйствуетъ самымъ грустнымъ образомъ на нѣмцевъ съ благороднымъ образомъ мыслей.

Digitized by Google

низаціи. Безъ войны, безъ совершеннаго истощенія противящихся тому державъ, не возможно такое преобразованіе и потому спокойствіе Европы не установится, пока н будутъ разрѣшены эти вопросы. Война должна начаться не нынѣ, завтра. Конгресс можетъ лишь отсрочить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, но не устранить ее.

Итакъ мы ожидаемъ войны и думаемъ, что она будетъ гораздо лучше нынѣш няго тревожнаго положенія, отъ котораго національное богатство страдаетъ больш нежели страдало бы отъ войны. Но кто же будутъ противники и какихъ результатов можно ожидать, если война вспыхнетъ, какъ теперь предполагаютъ, по вопросу об итальянскихъ провинціяхъ Австріи? На одной сторонѣ будутъ Франція и Піэмонт на другой Австрія. Обѣ стороны имѣютъ хорошія войска, хорошихъ генераловъ, почт одинаковое число жителей, и потому война будетъ упорна, быть можетъ нерѣшительн Австрія самое упрямое изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ. Постоянно побѣ ждаемая Наполеономъ, она постоянно выводила новыя арміи и переживала новыя по раженія. Въ оборонѣ она всегда была также упорна, какъ французы неудержимы в наступленіи.

Война можетъ имѣть три случая. Во-первыхъ, если Австрія будетъ побѣжден она потеряетъ всѣ Ломбардо-Венеціанскія земли и будетъ отброшена за Тальямент Можетъ ли быть результатъ благопріятнѣе этого? Мы хотимъ независимости Итал мы убѣждены, что возвращеніе Италіи естественныхъ границъ будетъ залогомъ сп койствія въ Европѣ, какъ теперь служатъ для Европы источникомъ волненій. Пр мышленный классъ долженъ обратить вниманіе на наши слова. Онъ боится революці революція перестанетъ грозить Германіи только тогда, когда Германія будетъ отд лена альпійскою стѣною отъ Италіи.

Но, говорятъ намъ, вмѣсто австрійцевъ станутъ господствовать въ Италіи фра цузы. Франція увеличится, почерпнетъ новыя силы въ этой войнѣ, и Германія сно должна будетъ бояться за свою рейнскую границу. Мы отвѣчаемъ: Франція дости нетъ побѣды только съ крайнимъ напряженіемъ силъ, и пройдетъ много лѣтъ преж чѣмъ она оправится отъ этого истощенія. Италія долго еще будетъ занята внутре ними вопросами, если сдѣлается самостоятельной, и Луи-Наполеонъ ограничится тѣм что возвратитъ ей независимость. Потому и въ этомъ случаѣ союзъ съ Италіею вов не увеличитъ силу Франціи въ наступательной войнѣ. Но, говорятъ намъ, Луи Нап леонъ не удовольствуется освобожденіемъ Италіи, онъ хочетъ завоеваній. Мы это не вѣримъ. У насъ есть примѣръ противнаго въ крымской войнѣ, и мы остаем тѣмъ спокойнѣе, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ битвъ другія державы навѣрное н останутся праздными зрительницами и вмѣшаются въ дѣло, чтобы не дозволить Франц слишкомъ расширить своихъ границъ.

Но предположимъ, даже, что, противъ всякой вѣроятности, Франція остави бы за собою какія нибудь области на югѣ или на сѣверѣ Италіи. Неужели могущ ство Франціи увеличилось бы отъ этого пріобрѣтенія? Посмотрите на Римъ. Французов въ Римѣ ненавидятъ точно такъ же, какъ австрійцевъ въ Ломбардіи. Между рим нами и ими не установилось ничего, похожаго на дружбу, ни одна партія не сочу ствуетъ имъ, всѣ желаютъ ихъ удаленія. Если бы Франція захотѣла явиться в Италіи завоевательницею, она стала бы въ Италіи точно въ такое же отношеніе, как Австрія. Ея силы безплодно истощались бы на охраненіе завоеванныхъ областей; пр малѣйшемъ поводѣ къ нарушенію мира она стала бы трепетать за эти провинціи, как трепещетъ Австрія; въ случаѣ войны, ей постоянно грозило бы возстаніе, а ея об ронительная линія страшно растянулась бы, такъ что трудно было бы ей защищать Да, съ самой узкой нѣмецкой точки зрѣнія, надобно было бы желать, чтобы францу скій волкъ схватилъ въ пасть итальянскую кость, о которую притупились бы е зубы. Итакъ мы не боимся французскихъ завоеваній въ Италіи, хотя въ интерес самой Италіи вовсе не желаемъ ихъ.

Предполагаемый второй случай, что побѣдятъ австрійцы. Мы твердо убѣжден что нынѣшняя французская система не можетъ пережить пораженія; она должна был бы или упасть отъ революціи, или совершенно измѣниться, допустивъ расширен внутренней свободы. Та и другая перемѣна была бы выгодна для Европы и Германі

Digitized by Google

Предположимъ наконецъ третій случай, что война будетъ тянуться нерѣшительнымъ образомъ, и обѣ противныя стороны должны будутъ напрягать всѣ свои силы въ долгой борьбѣ. Каковъ былъ бы результатъ? Франція истощилась бы; Австрія разорилась бы, ей грозило бы распаденіе, она была бы принуждена опереться на Германію и сдѣлать ей всѣ уступки, требуемыя нѣмецкими интересами. Такимъ образомъ внѣшній врагъ и внутренній врагъ сдѣлались бы равно безсильны и безвредны.

Но пора намъ высказать выводъ. Мы видѣли, что Австрія опаснѣйшій внутренній врагъ Германіи, мы видѣли, что будущность Германіи можетъ улучшиться только отъ раздробленія Австріи. Мы видѣли, что Европа только тогда пріобрѣтетъ спокойствіе, нужное для ея внутренняго развитія, когда уничтожатся противоестественныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распредѣленіемъ національностей по государствамъ. Мы убѣдились, что принципъ національности составляетъ теперь требованіе европейскаго мира. Мы убѣдились, что пришло время, когда Германія можетъ пріобрѣсти себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разсудительно, и при этомъ условіи можетъ пріобрѣсти политическую самостоятельность въ Европѣ. Мы видѣли, что каковъ бы ни былъ исходъ борьбы между Австріею и Франціею, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутренняго развитія и политической будущности Германіи.

Таковы наши выводы.

Неужели же мы пожертвуемъ всѣми своими интересами въ безсмысленномъ ослѣпленіи и фальшивомъ патріотизмѣ? неужели мы сами усилимъ и возвеличимъ нашего внутренняго врага, чтобы онъ тѣмъ сильнѣе вредилъ намъ впослѣдствіи? Неужели католическіе обскуранты убѣдятъ насъ истощить всѣ наши силы для того, чтобы отравить нашу будущность, отнять у себя возможность свободнаго развитія, потерять драгоцѣннѣйшее наше благо—свободу мысли и совѣсти? Гдѣ же та разсудительность, за которую прославляли нѣмецкій народъ, которая всегда была и достоинствомъ и недостаткомъ его?

Никакой договоръ не долженъ останавливать народа отъ устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ сообразно съ его желаніями. Такъ сдѣлала Бельгія, такъ сдѣлала Швейцарія, такъ сдѣлала Франція,—неужели одна Германія не имѣетъ ни права, ни силы поступить такимъ же образомъ?

Пусть всѣ газеты, пусть всѣ палаты, пусть каждый нѣмецъ требуетъ преобразованія Нѣмецкаго Союза. Государства Нѣмецкаго Союза не должны имѣть никакихъ провинцій внѣ Германіи. Нѣмецкій Союзъ долженъ имѣть представительное правленіе и быть однимъ политическимъ цѣлымъ въ иностранной политикѣ. Одинъ народъ, одно государство, одна армія.

Если мы достигнемъ этого, если мы успѣемъ соединиться, намъ не будутъ страшны тогда никакіе внѣшніе враги. Намъ проповѣдуютъ теперь политику страха. Безъ помощи Австріи, вы потеряете Рейнъ, говорятъ намъ. Помогайте Австріи на По, чтобы она помогла вамъ на Рейнѣ. Но мы говоримъ: пусть соединятся нѣмцы. Если мы соединимся, намъ не нужно будетъ бояться никого въ свѣтѣ; а пока мы раздроблены, пока мы связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами, итальянцами, мы будемъ побѣждаемы всякимъ врагомъ.

В. Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу италіянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити, 19 (7) мая. (Изъ *Times'a*).

Г-нъ Кошутъ былъ встрѣченъ громкими и продолжительными апплодисментами и сказалъ:

«Туча, собиравшаяся болѣе 40 лѣтъ и переполненная электричествомъ, наконецъ начала извергать громы. При такомъ положеніи дѣлъ Англія должна занять положеніе безпристрастнаго нейтралитета и строгаго вмѣшательства. Если она своимъ вмѣшательствомъ не придастъ искаженнаго направленія естественному ходу событій, то я жду отъ начавшейся теперь войны пользы для націи, которой принадлежатъ всѣ стремленія моего сердца. Такое ожиданіе происходитъ не отъ минутнаго увлеченія, оно

Digitized by Google

основано на той безспорной аксіомѣ, что бѣдствіе угнетающаго представляетъ шан избавленія угнетенному. Францъ Іосифъ вовлеченъ въ войну: думая объ относите номъ положеніи воюющихъ сторонъ и о стратегическихъ необходимостяхъ, котор должны развиться въ продолженіи войны, я прихожу къ заключенію, что скоро ос божденіе будетъ возможно для нѣкоторыхъ изъ числа національностей, угнетаем Австріею. Это угнетеніе составляетъ величайшее изъ европейскихъ бѣдствій и бе его уничтоженія могутъ быть только придумываемы разныя искусственныя комбинац для временнаго прикрытія нелѣпости политическаго устройства Европы, но не во можно мирное и прочное устройство европейской политической системы. Британск правительство дало торжественное обязательство, что не вмѣшается въ войну ни пр мымъ, ни косвеннымъ образомъ и будетъ держаться строгаго нейтралитета. Э хорошо, но я долженъ выразить желаніе, чтобы принципъ нейтралитета получи характеръ прочнаго правила, не подверженнаго случайнымъ отклоненіямъ, а для это необходимо общественному мнѣнію высказаться яснѣе, чтобы не осталось сомнѣнія смыслѣ, какой англичане хотятъ придать нейтралитету. Нейтралитетъ—общее выр женіе; онъ долженъ получить опредѣлительный смыслъ, который будетъ имѣть толь тогда, когда ясно будетъ, на чьей сторонѣ стало бы англійское правительство томъ случаѣ, если бы не осталось нейтральнымъ. Я не читалъ ни одного оффиціа наго или полуоффиціальнаго объявленія, которое показывало бы, что Англія соч ствуетъ Франціи; но читалъ много такихъ объясненій, изъ которыхъ оказывалось, ч для нынѣшняго правительства выборъ былъ только между нейтралитетомъ или со зомъ съ Австріею. Говорилось также, что Англія останется нейтральною, но будет слѣдить за тѣмъ, какой оборотъ примутъ событія, а между тѣмъ вооружаться, чтоб можно ей было отразить нападеніе на свои границы. Но на Англію не нападет никто, если она сама не впутается въ войну. Между тѣмъ, мы имѣемъ признаки д того, чтобы предугадывать, чего хочетъ англійское правительство; намъ говорят что если французскій флотъ вступитъ въ Адріатическое море, то интересъ Анг требуетъ воспротивиться ему; что если французы нападутъ на Венецію, то интере Англіи требуетъ защитить ее. Отъ чего же защитить? Отъ великаго несчастія бы освобожденной изъ подъ австрійскаго деспотизма? Есть предразсудки, которые вовл кутъ Англію въ войну, если она не отвергнетъ ихъ. Изъ этихъ предразсудковъ гла ные происходятъ отъ ошибочнаго пониманія итальянскаго вопроса, отъ уваженія к трактатамъ 1815 года, отъ дипломатической фразы объ ограниченіи театра вой опредѣленною мѣстностью и отъ величайшей изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ—от мнѣнія, будто существованіе Австрійской имперіи необходимо для сохраненія европей скаго равновѣсія. Итальянскій вопросъ возникаетъ не просто отъ дурнаго управлені онъ не таковъ, чтобы его можно было устранить своевременною уступкою или рефо мою. Это вопросъ о національности, и потому сущность его практическаго разрѣшен состоитъ въ совершенномъ и окончательномъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, так чтобы имъ нельзя было туда воротиться. Потому сдѣлки тутъ невозможны. И австрійцы должны быть окончательно изгнаны изъ Италіи, или итальянскій вопро будетъ появляться вновь. Только истребленіемъ итальянцевъ можетъ упрочить австрійское господство въ Италіи, а народъ, состоящій изъ 26,000,000 нельзя истр бить. Въ доказательство того, что это вопросъ о національности, надобно вспомнит что въ 1846 году жители Папской Области, при всей невыносимости своихъ частны страданій, объявляли, что вопросъ о ихъ правительствѣ—дѣло второстепенное. Общі итальянскій вопросъ, говорили они, составляетъ главную сторону дѣла, и главно ихъ неудовольствіе противъ папскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно пор ботило себя Австріи. Поэтому въ 1848 году вся Италія соединилась противъ австрій цевъ, и когда независимость была предложена Ломбардіи, миланцы объявили, что н хотятъ отдѣлять своей судьбы отъ судьбы Венеціи. Они сражались не за Ломбарді а за Италію. Поэтому и піэмонтцы, хотя своей судьбой и были довольны, съ р достью подверглись опасностямъ, страданіямъ и пожертвованіямъ великой войны. Ре публиканцы присоединились къ королю, написавшему на своемъ знамени «независи мость Италіи». Тоскана подчинилась сардинскому монарху и французы встрѣчены с

Digitized by Google

восторгомъ. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, была со стороны британскаго правительства та ошибка, что оно смотрѣло на это дѣло, не какъ на вопросъ о національности, а какъ на такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ безъ изгнанія австрійцевъ, если только они обяжутся не входить во внутреннія дѣла другихъ государствъ полуострова.

О трактатахъ 1815 года надобно сказать, что исторія слѣдующихъ 44-хъ лѣтъ была непрерывнымъ протестомъ противъ этихъ трактатовъ. Всѣ ихъ статьи, благопріятныя для свободы, нарушались континентальными правительствами, и Англія не мѣшала этому; неужели теперь она возьмется за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность этихъ трактатовъ въ пользу Австріи, которая годится только для того, чтобы распространять мракъ и увѣковѣчивать рабство?

Теперь надобно перейти къ тому, что дипломаты называютъ ограниченіемъ войны. Это выраженіе значитъ, что война не должна переходить за границы Италіи. Но если австрійцы отступятъ за Тальяменто, которымъ Ломбардія отдѣляется отъ ихъ другихъ владѣній, то неужели французы и сардинцы не должны преслѣдовать ихъ, и неужели Австрія, ведя войну, должна пользоваться всѣми выгодами нейтралитета?

Какой выводъ изъ этихъ соображеній? Безполезно разсуждать о томъ, что должна будетъ дѣлать Англія, если французы вторгнутся въ рейнскую Германію, потому что императоръ французовъ вовсе не хочетъ раздражать Германію и Англію. Истинный вопросъ въ томъ, должны ли англичане своею кровью и своими деньгами гарантировать Австріи привилегію нейтралитета въ ея областяхъ, лежащихъ внѣ Италіи? Должны ли англичане бросаться въ ужасы войны для защиты Австріи отъ военныхъ дѣйствій, которыя, не нарушая народнаго права, могутъ предпринять противъ нея противники? Если англичане не хотятъ этого, они не должны довольствоваться неопредѣленными общими фразами, а должны внушить своему правительству, что ограничится ли война бассейномъ По, или распространится на другія австрійскія области, Англія все равно не должна принимать въ ней участія. За что англичанамъ защищать Австрію? Ее называютъ вѣрною союзницею Англіи; она была на постоянной пенсіи Англіи, въ ея бездонный карманъ постоянно бросались милліоны, собираемые съ англійскаго народа; но исторія не говоритъ, чтобы Англія получала какія нибудь выгоды отъ нея.

Говорятъ, будто цѣлость Австрійской имперіи необходима для сохраненія политическаго равновѣсія. Я не буду разсматривать этой кабалистической абракадабры «политическое равновѣсіе», этого Молоха, которому такъ долго приносили въ жертву справедливость, политическую нравственность и свободу націй; я только скажу, что искуственныя государства, лишенныя органическаго единства и гармоніи, служатъ не къ предупрежденію, а къ возбужденію войны. Противъ чьего перевѣса должна служить оградою Австрія? Если бы Австрія не владѣла Италіею, не было бы итальянскаго вопроса. Австрія не оплотъ европейскаго равновѣсія, она Дамокловъ мечъ, грозящій спокойствію Европы. Пусть она исчезнетъ въ пучинѣ вѣчной погибели, разверзающейся для нея, и тогда, если и будутъ частные перевороты, то не будетъ уже нарушаться спокойствіе всей Европы. Націи, собранныя въ искуственную массу, называемую Австріей, имѣютъ значительные элементы могущества, но ошибочно заключать изъ этого, что Австрійская имперія могущественна. Если всѣмъ этимъ націямъ будетъ дозволено возвратить свою національную самостоятельность, они дѣйствительно составятъ оплоты для независимости Европы. Но въ настоящее время Австрія не оплотъ Европы, а слабѣйшій пунктъ Европы.

Говорятъ, что если бы итальянцы или другія угнетенныя націи дѣйствовали одни, Англіи не было бы нужды вмѣшиваться, но вмѣшательство французовъ измѣняетъ дѣло. Говорятъ, что императоръ французовъ дѣйствуетъ только съ честолюбивыми цѣлями и что для національностей нѣтъ выгоды мѣнять одного господина на другаго. Я отвѣчаю на это, что почти не было примѣровъ, когда бы народъ пріобрѣталъ свободу безъ помощи иностранцевъ. Самой Англіи помогали при возвращеніи свободы 15,000 голландскихъ солдатъ и голландскій флотъ изъ 500 вымпеловъ, съ которыми пришелъ на помощь ей Вильгельмъ Оранскій. Постоянно были вмѣшательства противъ

Digitized by Google

свободы; но Англія никогда не вооружалась, чтобы остановить ихъ; неужели она теперь начнетъ войну, чтобы остановить вмѣшательство, происходящее въ пользу свободы? По какимъ побужденіямъ императоръ французовъ началъ эту войну, я не знаю; но я знаю, что было бы противно его выгодамъ и потому не входитъ въ его намѣренія. Его выгодамъ было бы противно стремленіе къ завоеваніямъ, потому что оно послужило бы погибелью для него, какъ послужило погибелью для Наполеона I. Если вслѣдствіе событій, возникающихъ изъ этой войны, откроется моему отечеству возможность возвратить себѣ независимость, неужели я долженъ былъ бы совѣтовать венграмъ отвергнуть независимость только потому, что ее предлагаетъ имъ Бонапарте? Нѣтъ, Венгрія такъ далека отъ Франціи и настолько сильна, что не можетъ сдѣлаться французскимъ департаментомъ. А если итальянцы, получивши черезъ французское вмѣшательство возможность организоваться и вооружиться, не съумѣютъ въ случаѣ надобности защититься отъ своихъ друзей, то они покажутъ, что не заслуживали свободы.

Digitized by Google

Іюль 1859.

Похвала миру.—Сраженіе при Мадженте и Сольферино.—Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ.

Итакъ, миръ!—миръ, заключенный съ такою быстротою, или лучше сказать, торопливостью, что долго не могли опомниться отъ этого внезапнаго, скоропостижнаго факта люди, вѣрившіе въ серьезность войны, то есть девять человѣкъ изъ десяти, читающихъ газеты и разсуждающихъ о политикѣ. Даже и мы, бывшіе изъ числа тѣхъ немногихъ, которые съ самаго начала утверждали, что дѣло ведется только для развлеченія французовъ побѣдоносными фейерверками и должно прекратиться немедленно по „увѣнчаніи французскаго оружія“ достаточнымъ числомъ „лавровъ“,—даже и мы, сознаемся, не предполагали, чтобы наше мнѣніе оправдалось такъ скоро, чтобы такъ поспѣшно обращены были силою совершившагося факта къ принятію нашего взгляда люди, которые не отстали отъ наивной привычки измѣрять вѣроятности будущаго только благородствомъ собственныхъ желаній, а не искать мѣрила для результатовъ извѣстнаго дѣла въ характерѣ, въ потребностяхъ и намѣреніяхъ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ судьба дѣла. Надѣемся, теперь перестанутъ осуждать насъ за то, что мы оставались холодны, недовѣрчивы, не полагались на прокламаціи, не ждали отъ войны ничего, кромѣ бойни на поляхъ сраженій, ампутацій и тифа въ госпиталяхъ, тріумфальныхъ процессій въ Парижѣ, да увѣнчанія лаврами французскаго оружія.

Да, миръ, по которому Австрія остается владычицею Венеціи, владѣтельницею крѣпостей на Адидже и Минчіо, дающихъ военное господство надъ всей сѣверной Италіею,—миръ, по которому единство Италіи создается въ формѣ итальянской конфедераціи подъ предсѣдательствомъ папы, то есть, подъ формою еще безсильнѣйшею, нежели нѣмецкій союзъ,—миръ, по которому членомъ этой конфедераціи становится Австрія, то есть, ненормальное тяготѣніе ея надъ другими итальянскими государствами посредствомъ тайныхъ трактатовъ и незаконнаго занятія крѣпостей войсками, — шаткое господство это замѣняется открытымъ, нормальнымъ господствомъ надъ ними, посредствомъ законной формы, гарантируемой Европою,—миръ, по которому Сардинія получаетъ область, не довольно большую для того, чтобы дать ей

Digitized by Google

силу стоять одной противъ Австріи, но достаточно большую для того, чтобы Австрія не могла забыть этой потери и постоянно искала случая возвратить ее, имѣя готовый ключъ къ тому въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо и Адидже, то есть, такой миръ, по которому Сардинія изъ безопаснаго и потому самостоятельнаго государства становится вассальнымъ владѣніемъ Франціи, у которой безусловнымъ послушаніемъ должна покупать милостивое покровительство, служащее для нея защитою отъ Австріи,—итакъ миръ, по которому къ прежнему игу, австрійскому, присоединяется еще новое иго, французское.

Да, таковъ исходъ борьбы, воодушевлявшей пылкими надеждами людей, слишкомъ довѣрчивыхъ въ своемъ благородствѣ. Признаемся, даже мы, не ожидавшіе отъ войны, предпринятой императоромъ французовъ, ничего хорошаго, не ждали такого результата. Онъ превзошелъ самыя грустныя наши опасенія. Нельзя было ждать, чтобы судьба Италіи улучшилась; но по крайней мѣрѣ можно было думать, что она не станетъ хуже. Успѣхи союзниковъ будутъ или быстры и рѣшительны, или нѣтъ; кажется, этими двумя положеніями истощалась вся область возможнаго. Въ послѣднемъ случаѣ австрійское иго остается тяготѣть надъ Италіею; въ первомъ оно замѣняется французскимъ преобладаніемъ,—что жь, это не хуже, даже нѣсколько лучше. Кажется, умозаключеніе было непогрѣшительно; но воля, располагавшая событіями, устроила такъ, что вышло нѣчто неправдоподобное. Успѣхи союзниковъ были неимовѣрно быстры, страшно рѣшительны—и исполнилась часть дилеммы, говорившая, что въ этомъ случаѣ Италія подпадаетъ французскому господству; но не исполнилась та часть, которая говорила, что владычество Австріи падаетъ въ этомъ случаѣ—нѣтъ, оно не упало. Рука, поражавшая австрійцевъ, постаралась сама поддержать ихъ; воля, вздумавшая избрать поводомъ къ войнѣ освобожденіе Италіи, нашла удобнѣйшимъ замѣнить простое иго—сложнымъ, такъ сказать двухъ-этажнымъ игомъ: первымъ пластомъ оставила она лежать надъ Италіею Австрію; но на Австрію и Италію вмѣстѣ положила она тяжесть французскаго ярма. Прежде, для того, чтобы Италія могла стать свободною, довольно было, чтобы на нѣкоторое время какими нибудь обстоятельствами связаны были руки у Австріи; тѣ, которые опасались, что нынѣшняя война не освободитъ Италію, а только замѣнитъ австрійское господство французскимъ, могли думать, что довольно будетъ какого нибудь переворота во Франціи для паденія этой новой зависимости. Теперь, благодаря условіямъ, устроено такъ, что ни то ни другое уже не достаточно для освобожденія Италіи. Теперь, если ослабѣваетъ Австрія, это ведетъ только къ усиленію французскаго господства; если Франція потеряетъ силу или охоту тяготѣть надъ Италіею, это ведетъ только къ усиленію господства Австріи. Отлично устроилось дѣло: вмѣсто одного якоря, державшаго Италію въ состояніи неподвижной неволи, теперь держится она въ такомъ положеніи на двухъ якоряхъ. Такая развязка превосходитъ даже наши ожиданія; и признаемся, мы не чувствуемъ особенной радости, говоря людямъ, осуждавшимъ наше маловѣріе: видите теперь, господа, мы говорили правду,—мы говорили даже меньше, нежели оказалось теперь грустною правдою.

А между тѣмъ вѣдь имѣли же эти люди какія нибудь данныя для своей надежды? Да, имѣли, и данныя эти никогда не подлежали ни малѣйшему

Digitized by Google

сомнѣнію. Да, разумѣется, могъ всякій кому было угодно, основываясь на безспорныхъ данныхъ, ожидать отъ войны совершеннаго изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, могъ ожидать даже разрушенія всей Австріи и Богъ знаетъ какъ много другихъ прекрасныхъ вещей. Да, разумѣется, Франція имѣла достаточно силы, чтобы прогнать австрійцевъ за Тальяменто, за Дунай и за какую угодно границу. Да, разумѣется, Австрія постоянно находится „въ моментѣ распаденія", по выраженію Петруши въ „Родственникахъ". Все, чего ожидали благородные наивные люди, было не только возможно исполнить, было даже очень легко исполнить,—да мы и не знаемъ вообще, есть ли какая нибудь хорошая вещь, какая нибудь истинная потребность какого нибудь народа или просвѣщенныхъ людей въ какомъ нибудь обществѣ, которую бы трудно было исполнить, если бы только находилась, въ комъ нужно, серьезная охота къ исполненію такихъ вещей. Мало ли чего нѣтъ! Ошибка наивныхъ людей только въ томъ и состоитъ, что они судятъ о другихъ людяхъ по себѣ, предполагаютъ свою охоту,—предполагаютъ по крайней мѣрѣ возможность появленія такой охоты въ другихъ, которые не имѣютъ,—и, это главное, не могутъ имѣть ея. Мало ли чего нѣтъ! Въ Испаніи, напримѣръ,—въ той самой странѣ, гдѣ находился Авксентій Иванычъ Поприщинъ, и о которой онъ открылъ, что она собственно не Испанія, а Китай—попробуйте, говоритъ, написать „Китай", то и выйдетъ Испанія,—въ этой странѣ существуютъ, какъ извѣстно, двѣ провинціи, или такъ называемыя по старинному обычаю, потерявшему всякій смыслъ, два королевства, — Кастилія и Аррагонія; въ обѣихъ провинціяхъ есть большія дороги, а на большихъ дорогахъ есть разбойники, которые живутъ нарушеніемъ законовъ о собственности и личной неприкосновенности, или, если позволите такъ выразиться, занимаются грабежомъ, а при случаѣ надобности совершаютъ и убійства. Прекрасно,—то есть то, что есть тамъ разбойники и они занимаются грабежомъ и убійствомъ, это очень дурно, а „прекрасно" мы сказали къ тому, что намъ удалось очень хорошо положить основаніе разрѣшенію вопроса; впрочемъ и то что существованіе разбойниковъ, грабежа и убійствъ дурная вещь, это думаемъ мы съ вами, читатель, а сами кастильскіе и аррагонскіе разбойники находятъ, что это очень и очень недурно,—они даже полагаютъ, что они очень хорошіе и честные люди, гораздо честнѣе насъ съ вами,—если хотите узнать, какъ они доказываютъ это, можете прочесть у Шиллера въ трагедіи die Räuber, и въ безчисленныхъ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности, вы даже читали многія изъ книгъ, излагающихъ эту шутку. Но вѣроятно вы не читали одной препотѣшной нѣмецкой брошюры: Die kastilisch-arragonische Räuberfrage, der liberal-gemässigten Weltanschauung gemäss dargestellt und gelöset, von einem Freunde der gesetzlichen Freiheitsentwickelung, то есть „Вопросъ о кастильско-аррагонскихъ разбойникахъ, изложенный и разрѣшенный сообразно либерально - умѣренному міросозерцанію другомъ законнаго развитія свободы" (только нѣмецкій умъ способенъ придумывать такія заглавія). Что же предлагаетъ авторъ? Онъ предлагаетъ воспользоваться раздорами, какіе существуютъ между шайками, и склонить кастильскихъ разбойниковъ къ очищенію аррагонской области отъ злодѣевъ, ее безпокоящихъ. Занявшись такимъ благороднымъ дѣломъ, говоритъ онъ, сами кастильскіе разбойники исправятся и перестанутъ гра-

бить кастильцевъ. Оно, если хотите, очень основательно. Если, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что въ кастильскихъ разбойникахъ пробудится охота наблюдать за безопасностью аррагонскихъ дорогъ, то безъ всякаго сомнѣнія исполнятся заботы всѣхъ благомыслящихъ людей въ Аррагоніи, Кастиліи и въ цѣлой Испаніи о прекращеніи ужаснаго зла, угнетающаго бѣдныя эти страны. Но, простите насъ, благородный читатель: мы улыбались, читая брошюру, проникнутую превосходнѣйшими намѣреніями. Съ улыбкою мы закрыли ее—и на оберткѣ увидѣли напечатанныя мелкимъ шрифтомъ слова, которыхъ не замѣтили сначала: von der toledanischen Universal-Räuberbekehrungsgesellschaft approbirt und zum praktischen Gebrauch adoptirt,—то есть „одобрено и принято для практическаго употребленія толедскимъ обществомъ повсемѣстнаго обращенія разбойниковъ“. Когда мы прочли эти слова, мы забыли улыбаться, нами овладѣла грусть, досада, негодованіе: какъ, это не мечта отдѣльнаго наивнаго фантазера, это принято цѣлымъ обществомъ людей, вѣроятно очень почтенныхъ и располагающихъ, какъ видно, средствами для практической дѣятельности! Боже мой, чего же добраго можетъ ждать бѣдная Кастилія, бѣдная Аррагонія, вся Испанія, пока находится въ ней цѣлая толпа людей, серьезно принимающихъ благородную теорію почтеннаго „друга законнаго развитія свободы?“—Да, только тутъ мы поняли, почему Испанія вообще находится въ такомъ жалкомъ состояніи. Отчего же наша улыбка, отчего наше грустное негодованіе? Неужели мы не хотимъ прекращенія разбоевъ? Или мы не увѣрены, что раньше или позже разбои въ Испаніи дѣйствительно прекратятся? О, нѣтъ, добрые люди: мы не сомнѣваемся даже въ томъ, что ихъ можно было бы прекратить въ Испаніи очень легко и скоро, какъ прекращены они въ другихъ странахъ, мы не думаемъ только того, чтобы кастильскими разбойниками могло нынѣ или когда нибудь овладѣть стремленіе къ исполненію нашего съ вами желанія, добрые люди, господинъ „другъ“ и проч., и господа члены „общества для“ и проч. Мы полагаемъ, что для осуществленія этого желанія необходимо принять мѣры, которыхъ никакъ не желаютъ, никогда не могутъ желать разбойники,—и что эти мѣры не могутъ быть проведены иначе, какъ силами какихъ нибудь другихъ людей и сословій, не имѣющихъ ничего общаго ни съ кастильскими, ни съ аррагонскими, ни съ какими другими разбойниками. Впрочемъ, насъ совершенно справедливо упрекаютъ за нелѣпость уклоненій отъ предмета и неумѣстность произвольныхъ эпизодовъ, нимало неидущихъ къ дѣлу. Вотъ, напримѣръ, и теперь мы видимъ, что написали цѣлыя полуторы страницы, что называется ни къ селу ни къ городу, и что даже невозможно извлечь изъ этихъ страницъ никакого порядочнаго смысла. Ну, да что дѣлать,—не всякое лыко въ строку. Вы, читатель, простите намъ невоздержность, заставившую насъ передать вамъ курьезное впечатлѣніе отъ забавной нѣмецкой брошюры, а мы съ своей стороны готовы простить кому угодно, что угодно. А впрочемъ, нѣтъ,—не вѣрьте, нѣтъ, мы чувствуемъ, что не въ силахъ ни прощать, ни забывать. Какая, однакоже, безсвязная разбросанность въ нашемъ изложеніи: начали мы смѣяться надъ собою за одно отступленіе и вдались въ другое, а сами не замѣтили, что еще первое отступленіе не кончено; ну, да все равно: въ немъ нѣтъ смысла, стало быть нѣтъ бѣды, что нѣтъ и конца;—вѣдь въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, скажите, что интересное можно выжать изъ нашего эпизода о вздорной нѣмецкой брошюрѣ? Возвратимся же наконецъ къ дѣлу.

Мы начали было говорить о томъ, что люди, ожидавшіе отъ нынѣшней войны изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, разрушенія Австріи и тому подобныхъ вещей, основывались на нѣкоторыхъ данныхъ, рѣшительно не подлежащихъ сомнѣнію: на превосходствѣ военныхъ силъ французскихъ надъ австрійскими и на готовности почти всѣхъ австрійскихъ областей отпасть отъ государства, которое давитъ ихъ противоестественнымъ единствомъ. Мы говорили, что по нашему мнѣнію эти люди ошибались только въ одномъ,—въ предположеніи, будто сущность дѣла состоитъ въ этихъ данныхъ. Они забывали, что есть еще два элемента, отъ которыхъ зависитъ, до какой степени допустится осуществленіе результата, который могъ бы быть произведенъ дѣйствіемъ этихъ данныхъ, при предоставленіи полнаго простора ихъ дѣйствію. Столь несправедливо забываемые элементы теперь напомнили о себѣ видоизмѣненіемъ, какой придали результату войны,—это воля императора французовъ и стремленія европейской дипломатіи. Собственно нельзя и сказать, что люди, ожидавшіе неисполнившагося результата, забывали о нихъ—мы такъ выразились только для краткости,—по настоящему слѣдовало бы сказать, что они не хотѣли только думать о возможности неодинаковости между стремленіями этихъ чисто практическихъ элементовъ съ одной стороны и съ другой—идеальными воззрѣніями на судьбу Италіи и на желанія австрійскихъ провинцій. Италія должна быть свободна; національности, подавляемыя австрійскимъ противоестественнымъ единствомъ, должны получить самостоятельность;—Франція имѣетъ силу сдѣлать это; слѣдовательно сдѣлаетъ. Поставлять вопросъ такимъ образомъ значитъ быть наивнѣйшимъ идеалистомъ. Вопросъ былъ не въ силахъ Франціи, а въ томъ, найдетъ ли императоръ французовъ удобнымъ отнимать у Австріи всѣ ея италъянскія владѣнія, и захотятъ ли тѣ внѣшнія силы, поддержкою которыхъ лѣпится на свѣтѣ австрійское государство, отнять отъ него подпорки, которыя до сихъ поръ мѣшали распаденію порывающихся распасться частей этого противоестественнаго существа, прозябающаго искусственною жизнью въ интернаціональной теплицѣ политическаго равновѣсія и дипломатическаго консерватизма. Мы думали, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать „нѣтъ“. Другіе называли насъ закоснѣлыми, отсталыми скептиками и вредными охладителями благородныхъ стремленій за то, что мы не вѣрили въ основательность ихъ соображеній о свободѣ Италіи, паденіи Австріи, торжествѣ принципа національностей и другихъ благодатныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Императоръ французовъ и европейскіе дипломаты показали теперь, кто изъ насъ справедливѣе понималъ ихъ характеръ.

Мало ли чего нѣтъ! О, если бы императоръ французовъ руководился желаніями и совѣтами многочисленныхъ друзей, которыхъ пріобрѣлъ въ лагерѣ своихъ прежнихъ ненавистниковъ посылкою войскъ въ Италію, тогда, конечно, было бы легко исполниться ихъ надеждамъ. Но императоръ французовъ очень хорошо понимаетъ, что новые друзья его—приверженцы, вовсе не надежные для него: онъ и они смотрятъ на свѣтъ совершенно различными глазами, имѣютъ несогласимые между собою политическіе принципы, и потому онъ не можетъ ожидать себѣ ничего добраго отъ этихъ временныхъ друзей: нынѣ

*

Digitized by Google

желали они ему побѣдъ надъ австрійцами,—это хорошо; но только допусти онъ ихъ взять себя за руку, и завтра они объявятъ, что не выпустятъ эту руку изъ своихъ рукъ и поведутъ его за нее туда, куда ему вовсе не хочется идти. Потому натурально, что онъ не находитъ полезнымъ для себя слишкомъ хлопотать объ исполненіи ихъ желаній. Притомъ у него, какъ мы сказали, есть свои особенныя надобности, и если онѣ противорѣчатъ желаніямъ людей, которые вчера были и завтра опять будутъ его врагами, то натурально, что онъ долженъ пожертвовать этими чуждыми ему желаніями для соблюденія собственнаго интереса. Такъ и оказалось при заключеніи мира. Мы всегда предрекали такую развязку дѣла, и можемъ теперь сказать только, что сущность поднятой нынѣшнею весною войны выказалась фактами еще съ большею силою, нежели какъ мы ожидали. Изгнать австрійцевъ изъ Италіи и разрушить Австрію было гораздо легче, нежели предполагали даже мы, рѣшительно отвергающіе всякую внутреннюю устойчивость въ тѣхъ элементахъ, на которыхъ Австрія созидаетъ свое могущество, а война кончилась быстрѣе и выгоднѣе для Австріи, нежели полагали опять—таки даже мы, всегда утверждавшіе, что императоръ французовъ не имѣетъ намѣренія ни заходить слишкомъ далеко въ ея веденіи, ни наноситъ Австріи серьёзнаго вреда. Гораздо легче, нежели мы думали, можно было императору французовъ сдѣлать все, чего надѣялись европейскіе либералы, и гораздо меньше онъ сдѣлалъ, нежели было уже въ его власти сдѣлать даже ровно безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій. Изъ сопоставленія этихъ двухъ сторонъ дѣла кажется ясно слѣдуетъ, что дѣйствительно не было и не могло быть въ немъ желанія не только самому сдѣлать, но и допустить другихъ сдѣлать что нибудь похожее на результаты, какихъ ожидали отъ войны западно—европейскіе либералы. Это служитъ стотысячнымъ подтвержденіемъ тому простому правилу житейскаго благоразумія, что не слѣдуетъ предполагать въ человѣкѣ желаній и намѣреній, которыхъ не можетъ онъ имѣть по своему положенію и взгляду на вещи, и что стало быть не слѣдуетъ ожидать отъ него исполненія такихъ желаній. Кажется, вещь очень ясная, а между тѣмъ чуть ли не вся исторія состоитъ только въ безпрерывномъ нарушеніи этой простой житейской истины благородными людьми, которые искони вѣковъ массою помогали людямъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго, постоянно отдавали свои силы на совершеніе дѣлъ, по совершеніи которыхъ говорили: „какъ жаль! вышло совсѣмъ не то, чего мы надѣялись! Если бы мы знали, что такъ кончится, мы не стали бы и помогать. Ахъ, какъ мы обманулись! Жаль, очень жаль!“—Да, очень жаль, потому что именно только вашимъ легковѣріемъ, вашимъ ослѣпленіемъ торжествовало зло. Сами по себѣ, дурные люди безсильны: ихъ мало на свѣтѣ, безъ помощи честныхъ людей они могли бы заниматься развѣ только мелкимъ плутовствомъ, кражею носовыхъ платковъ изъ кармановъ. Изъ кого состоитъ масса, выводящая злыхъ людей въ такія положенія, на которыхъ они могутъ подавлять все благородное, убивать всякую истину, всякое добро,—изъ кого состоитъ масса, выводящая ихъ въ эти положенія и поддерживающая ихъ въ такихъ положеніяхъ? Изъ васъ она состоитъ, благородные довѣрчивые люди. Зачѣмъ же вы такъ наивно обольщаетесь словами, обѣщаніями, увѣреніями? Зачѣмъ вы такъ простодушно забываете про-

Digitized by Google

шедшее человѣка, забываете его характеръ, потребности его положенія, несогласныя съ вашими потребностями, его взглядъ на вещи, противоположный вашему,—зачѣмъ вы такъ ребячески забываете все, о чемъ велитъ помнить разсудокъ, лишь только какой бы то ни было эгоистъ вздумаетъ загребать жаръ вашими руками? Помните ли, какъ русскіе города отворяли ворота Батыю, увѣрявшему, что пришелъ съ любовью и льготами? Вы вѣчно дѣлаете тоже самое; нѣтъ, вы дѣлаете хуже. Батый имѣлъ свою силу, а ваши враги становятся гибельны для васъ только тою самою силою, которую вы даете имъ. Вы виновники всего зла, которое терпятъ люди. Слова наши жестоки; вы—благородные люди, вы истинно желаете добра, можно ли такъ горько укорять васъ? Такъ, вы честны и хороши, но черезъ ваше непростительное легковѣріе гибнетъ все, чего желаете вы сами, черезъ васъ вѣчно страдаютъ народы. Научитесь же хотя сколько нибудь опытомъ, будьте осмотрительнѣе, не ввѣряйтесь и не увлекайте другихъ ввѣряться людямъ, которые не могутъ ни понимать, ни желать добра, не будьте ихъ помощниками на собственную вашу гибель.

Впрочемъ, къ чему мы говоримъ все это? Развѣ историческій опытъ научалъ когда нибудь благоразумію тѣхъ, которые не успѣли житейскою наблюдательностью научиться ему, доживъ до усовъ и бороды, или даже до сѣдыхъ волосъ? Нѣтъ, видно большинство людей всегда будетъ готовымъ орудіемъ на чужую и свою бѣду въ рукахъ интригантовъ, всегда готово будетъ вѣрить каждому, кто захочетъ обманывать. Оставимъ же безплодную дидактику и станемъ разсказывать голые факты, которые сами по себѣ поучительнѣе всякой дидактики; впрочемъ, и разсказывать ихъ скучно, тяжело, когда впередъ знаешь, что они почти никого, почти ничему не научатъ. Нынѣ рыба поймана на одну удочку, а завтра все-таки пойдетъ на другую.

Мы говорили, что изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи оказалось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, нежели какъ можно было предполагать, даже при самомъ невыгодномъ понятіи о военной силѣ Австрійской имперіи. Австрійцы оказались въ военномъ дѣлѣ просто неспособными ни къ чему, кромѣ того, чтобы быть битыми. Даже и тамъ, гдѣ не было повидимому никакой возможности не одержать имъ побѣду, они съ неимовѣрною оригинальностью успѣвали устроить дѣло такъ, что оставались побиты. Находить себѣ пораженіе тамъ, гдѣ никакая другая армія не могла бы потерпѣть его, это оказалось ихъ спеціальностью, въ которой достигли они чрезвычайнаго мастерства. Мы разсказывали о первой половинѣ похода въ прошедшей книжкѣ и остановились на краткихъ извѣстіяхъ объ отступленіи австрійцевъ послѣ сраженія при Мадджентѣ, обѣщаясь привести въ нынѣшній разъ подробный разсказъ объ этой битвѣ. По прежнему, мы будемъ пользоваться письмами, которыя получалъ „Times“ отъ своего корреспондента при главной квартирѣ союзниковъ, потому что изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ, эти письма составляютъ самый подробный и лучшій матеріалъ для исторіи нынѣшняго похода. По прежнему, мы просто переводимъ ихъ, чтобы не надѣлать ошибокъ и путаницы, прибавляя къ нимъ клочки изъ другихъ источниковъ, не столь точныхъ и связныхъ.

Digitized by Google

Послѣднее изъ переведенныхъ нами въ прошедшей книжкѣ писемъ корреспондента Times'а, находящагося при союзной арміи, заключало краткій очеркъ битвы при Маджентѣ, набросанный наскоро въ первыя минуты по окончаніи битвы. Переводимъ теперь слѣдующія письма того же корреспондента, излагающія ходъ сраженія самымъ подробнымъ образомъ. Читатель замѣтитъ, что этимъ обстоятельнымъ разсказомъ совершенно подтверждаются впечатлѣнія, производившіяся первымъ короткимъ очеркомъ: планъ битвы дѣйствительно былъ составленъ союзниками въ такую минуту, когда различные корпуса ихъ арміи находились еще слишкомъ далеко отъ боевой линіи; диспозиція обнимала собою цѣлые десятки верстъ и грѣшила многосложностью. Отряды, двигавшіеся по ней иногда за цѣлыя двадцать верстъ къ полю сраженія, разумѣется, не могли явиться на столь отдаленные пункты съ математической точностью, какую предполагала диспозиція, и потому въ первую половину сраженія подвергались страшной опасности тѣ французскіе полки, которые должны были начать нападеніе собственно съ той цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ другихъ пунктовъ, на которыхъ должны были явиться другіе сильнѣйшіе отряды для нанесенія рѣшительнаго удара. Эти отряды, совершившіе слишкомъ далекій обходъ, были задержаны отдаленностью и трудностью пути гораздо дольше, чѣмъ предполагала диспозиція, и такимъ образомъ австрійцы едва не истребили французскаго корпуса, открывшаго битву. Храбрость отборныхъ солдатъ этой первой колонны и сообразительность Макъ-Магона, догадавшагося отступить отъ диспозиціи сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, избавили императора французовъ отъ пораженія, даже доставили ему побѣду. Но ошибки диспозиціи, составленной французскимъ штабомъ, все-таки спасли австрійскую армію отъ совершенной погибели: она отступила съ поля сраженія въ порядкѣ и не былъ отрѣзанъ ей путь отступленія къ Мантуѣ,—а надобно полагать, что союзники могли бы отрѣзать ей отступленіе, если бы повременили начатіемъ битвы до той минуты, пока успѣютъ придвинуть свои войска къ непріятелю на надлежащее разстояніе. Начинаемъ нашъ переводъ.

«Ponte di Magenta. 5 іюня.

«Въ тотъ самый день, когда союзники придвинулись къ переходу черезъ Тичино у Турбиго, 2 іюня, другая колонна была послана по главному новарско-миланскому шоссе къ Ponte di Buffalora. Гвардіи была предоставлена честь первой перейти рѣку. Дивизія вольтижоровъ, командуемая генераломъ Каму, пошла на Ponte di Turbigo, а дивизія гвардейскихъ гренадеровъ и зуавовъ, командуемая генераломъ Вимпфеномъ, двинулась къ Ponte di Buffalora. Этотъ мостъ составляетъ большую дорогу изъ Турина въ Миланъ, потому владѣть имъ было чрезвычайно важно для обѣихъ сторонъ. Чтобы обезпечить его за собою, австрійцы, пока еще были въ фортификаціонномъ расположеніи духа, устроили на сардинской сторонѣ моста страшное предмостное укрѣпленіе (tête de pont) на высотахъ Сенъ-Мартино, у гостинницы этого имени. Земледѣліе, столь дорожащее каждымъ вершкомъ земли въ этой богатой равнинѣ, прекращается съ приближеніемъ къ Тичино и къ Сенъ-Мартинской гостинницѣ. Вмѣсто хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, является тутъ поле, поросшее дикою травою и отчасти кустарниками. Вся окрестность, сколько видитъ ее глазъ, составляетъ непрерывную равнину, по которой далѣе тянутся опять рисовыя поля съ рядами деревьевъ. Единственное возвышеніе—небольшой холмъ въ половинѣ мили на сѣверъ; у подошвы его

Digitized by Google

течетъ одинъ изъ канализированныхъ рукавовъ Тичино. Недавно построенная проселочная дорога идетъ подлѣ самаго холма, пересѣкаетъ рукавъ каменнымъ мостомъ и, круто поворачивая у самаго берега на югъ, выводитъ на шоссе къ Буффалорскому мосту. Этотъ маленькій мостъ на проселочной дорогѣ былъ взорванъ австрійцами и такимъ образомъ отрѣзанъ одинъ изъ путей къ Буффалорскому мосту. На главномъ шоссе было построено очень сильное предмостное укрѣпленіе; начинаясь передъ крутымъ спускомъ съ террасы къ рѣкѣ, оно обнимаетъ желѣзную дорогу, идущую направо отъ шоссе, обнимаетъ Сенъ-Мартинскую гостинницу и рядъ таможенныхъ зданій, построенныхъ подлѣ нея, потомъ идетъ въ видѣ длинной куртины футовъ на полтораста къ сѣверу до отдѣльнаго зданія, служившаго прежде караульнымъ домомъ; у него построенъ другой редутъ, соотвѣтствующій сдѣланному на другомъ концѣ укрѣпленія; весь этотъ рядъ укрѣпленій снабженъ рвомъ, брустверомъ и амбразурами для пушекъ и занимаетъ площадь болѣе половины квадратной мили (болѣе версты). Сообщаю вамъ это подробное описаніе, для того, чтобы показать, какъ твердо хотѣли австрійцы держаться на піэмонтской сторонѣ Тичино: вы видите, что не по доброй волѣ должны были они оставить укрѣпленіе, надъ которымъ столько трудились.

«Какъ бы то ни было, съ приближеніемъ союзниковъ они покинули это укрѣпленіе и ушли за рѣку, оставивъ на сардинской сторонѣ 15 пушекъ. Въ этомъ пунктѣ (Ponte di Buffalora) ведетъ черезъ Тичино великолѣпный мостъ, построенный на аркахъ изъ огромныхъ гранитныхъ камней такой крѣпости, чтобы могли служить онѣ для желѣзной дороги. Отступая, австрійцы хотѣли взорвать мостъ и заложили мину во второмъ быкѣ отъ ломбардскаго берега, чтобы разрушить мостъ между второю и третьею арками. Мина была взорвана и разрушила верхнюю часть быка; но арки, лежавшія на немъ, вмѣсто того, чтобы упасть въ рѣку,—только опустились на нижнюю часть быка и теперь лежатъ на ней. Онѣ расшатались, но все еще оставались такъ крѣпки, что можетъ проходить по нимъ не только пѣхота и кавалерія, но даже обозъ и артиллерія. Между камнями образовались щели, но ихъ покрыли досками и мостъ служитъ хорошо.

«Когда явились первыя колонны союзниковъ и заняли мостъ, въ тотъ же день была сдѣлана рекогносцировка на небольшое пространство къ Ponte di Magenta на ломбардской сторонѣ, гдѣ каналъ Naviglio Grande идетъ параллельно съ рѣкою. Мостъ былъ найденъ занятымъ австрійцами, которые обнаружили себя нѣкоторыми пушечными выстрѣлами изъ орудій, поставленныхъ на шоссе и на желѣзной дорогѣ, идущихъ тутъ не вдалекѣ другъ отъ друга. Когда другая колонна перешла рѣку у Турбиго въ достаточномъ числѣ войскъ для содѣйствія нападенію на правый флангъ непріятеля у Буффалоры и Мадженты, генералъ Вимпфенъ вчера, 4 іюня, въ десять часовъ утра получилъ приказаніе двинутся впередъ съ гвардейскими полками зуавскимъ и 3 гренадерскимъ. Единственною цѣлью этого движенія было прикрыть наведеніе другаго моста черезъ Тичино. Вимпфенъ дебушировалъ по шоссе только съ своею бригадою и двумя пушками гвардейской конной артиллеріи. Исходнымъ пунктомъ движенія съ моста служили четыре крѣпкіе каменные домика, въ которыхъ жили шоссейные сторожа и инженеры. Дорога идетъ тутъ прямою линіею къ Мадженскому мосту (ponte di Magenta), ведущему черезъ каналъ; Мадженскій мостъ находится въ трехъ киллометрахъ (около 3 верстъ) отъ Тичино (Буффалорскаго моста). Шоссе между этими пунктами идетъ по чрезвычайно высокой насыпи, возвышающейся почти вездѣ отъ 20 до 30 футовъ надъ прекрасно орошенными полями, которыя, очевидно, были прежде русломъ рѣки во время разливовъ и ограждены отъ затопленій уже человѣческимъ искусствомъ. Каналъ Naviglio Grande, построенный для оплодотворенія этой низменности, идущей внизъ по Тичино до Аббіате Грассо, даетъ воду для орошенія полей, на которыя проведенъ маленькими насыпями въ нѣсколько футовъ шириною; эти насыпи служатъ межами и усажены, по обыкновенію, неизбѣжными ивами и тополями.

«Насыпь, по которой предполагаютъ положить желѣзную дорогу, выходитъ прямо съ Буффалорскаго моста, точно также какъ и насыпь шоссе; эта насыпь желѣзной дороги идетъ отъ моста направо прямою линіею, но потомъ, не доходя полумили (три четверти версты) до канала, круто поворачиваетъ налѣво и переходитъ черезъ каналъ

Digitized by Google

всего только въ 150 ярдахъ (65 саженъ) отъ шоссе. Самый каналъ выходитъ изъ Тичино у Оледжіо и Форваменто и идетъ по такой линіи, гдѣ мѣстность на ломбардской сторонѣ уже нѣсколько возвышается, такъ чтобы уровень воды въ немъ былъ достаточенъ для орошенія низменностей. Эта линія нѣкотораго возвышенія мѣстности очевидно образовала берегъ прежняго русла рѣки, съуженной теперь трудомъ человѣка; у Мадженгскаго моста подъемъ съ низменности на эту линію очень крутъ. По всему пространству отъ Буффалоры, лежащей налѣво отъ шоссе, до Мадженгскаго моста и Робекко, лежащаго направо отъ шоссе, этотъ подъемъ имѣетъ среднюю высоту покрайней мѣрѣ отъ 60 до 70 футовъ и покрытъ виноградниками, расположенными въ нѣсколько крутыхъ террасъ, возвышающихся одна надъ другою. Деревня Буффалора лежитъ около мили ($1^1/_2$ версты) налѣво отъ шоссе и остается на лѣвой рукѣ нѣсколько позади васъ, когда вы дойдете до Мадженгскаго моста. Каналъ и край возвышенности, въ которой прорѣзанъ онъ принимаютъ у Буффалоры направленіе болѣе на востокъ, и когда вы подымаетесь на высоту, то вы увидите, что каналъ и обрывъ высоты идутъ полукругомъ налѣво отъ васъ, отъ Буффалоры къ шоссе. На правой рукѣ они идутъ прямо къ насыпи, приготовленной для желѣзной дороги, и потомъ отходятъ отъ рѣки по направленію къ Робекко.

«Если мое описаніе достаточно ясно, то вы увидите, что эта позиція, которую заняли австрійцы, имѣетъ характеръ гигантской куртины, которая прикрывается Буффалорою, какъ бастіономъ. Подступами къ этой грозной позиціи служатъ: налѣво дорога къ Буффалорѣ, въ центрѣ главное шоссе, идущее прямо отъ ponte di Buffalora къ Мадженгскому мосту, а направо насыпь желѣзной дороги. Футахъ въ 300 (саженяхъ въ 40) позади этой позиціи идетъ каналъ, имѣющій футовъ 30 въ ширину и крутые берега, отвѣсная высота которыхъ гораздо меньше высоты подъема съ низменности на террасу, гдѣ находится австрійская позиція и въ которой прорѣзанъ каналъ. Всѣ три дороги постепенно поднимаются на половину высоты всего уступа террасы, а другая половина высоты прорѣзана для нихъ, такъ что по обѣ стороны пути поднимается стѣною. И на главномъ шоссе и на насыпи желѣзной дороги земля для подъема пути съ прибрежной низменности взята изъ прорѣза, сдѣланнаго въ самой террасѣ, и такимъ образомъ шоссе и полотно желѣзной дороги идутъ какъ будто въ два широкія окна, имѣющія одну высоту съ насыпями. Эти два широкіе прорѣза, почти квадратные, похожи на два редута, гигантскими брустверами которыхъ служатъ окраины террасы. Для довершенія сходства австрійцы, занимавшіе вершину высотъ и прикрывавшіе свои резервы за этою вершиною, устроили банкеты, на которыхъ поставили свою пѣхоту. Насыпь желѣзной дороги была перегорожена баррикадою въ томъ мѣстѣ, гдѣ входитъ прорѣзомъ въ террасу и тутъ поставлены были пушки, обстрѣливавшія весь путь по насыпи къ тому мѣсту. На главномъ шоссе, гдѣ входитъ оно въ прорѣзъ террасы, были поставлены только двѣ пушки. Въ обоихъ мостахъ черезъ каналъ были заложены мины, чтобы взорвать ихъ въ случаѣ надобности.

«Такова позиція, противъ которой двинулся генералъ Вимпфенъ съ 3 гренадерскимъ полкомъ (подъ командою полковника Ліетмана), поддерживаемымъ двумя пушками конно-гвардейской артиллеріи и гвардейскими зуавами. Эта колонна шла по главному шоссе, а второй гренадерскій полкъ одновременно съ нею шелъ по лѣвой дорогѣ прямо на деревню Буффалору. Эти колонны, посланныя аттаковать австрійскую позицію съ фронта, были встрѣчены непріятельскою артиллеріею; французская конная артиллерія сильно и очень успѣшно отвѣчала на этотъ огонь, какъ показываютъ трупы лошадей и людей, остающіяся на дорогѣ и теперь, послѣ того какъ цѣлыя сутки хоронятъ убитыхъ.

«Несмотря на опасность идти противъ такой страшной позиціи съ такими ничтожными силами, колонна, направлявшаяся по главному шоссе, уже готова была начать аттаку на высоты, съ которыхъ непріятельская артиллерія могла вредить наведенію моста, когда пришелъ приказъ остановиться и отойти. Планъ былъ въ томъ, чтобы обойти позицію съ ея праваго фланга корпусомъ генерала Макъ-Магона, который наканунѣ перешелъ рѣку у Турбиго и теперь долженъ былъ двинуться на Буффалору и Мадженту. Гренадеры и зуавы были отведены назадъ изъ-подъ непріятельскихъ

Digitized by Google

выстрѣловъ и ждали, пока пушечный и ружейный огонь на ихъ лѣвомъ флангѣ покажетъ, что корпусъ Макъ-Магона дошелъ по назначенію и завязалъ бой. Эти выстрѣлы послышались около полудня. Тотчасъ же отданъ былъ приказъ снова двинуться впередъ и храбрая колонна пошла. Чтобы не слишкомъ подвергать людей огню, третій гренадерскій полкъ былъ сведенъ съ насыпи направо, на поля, и безостановочно шелъ впередъ батальонными эшелонами, несмотря на градъ ядеръ, осыпавшій его съ фронта и съ фланга, и на затруднительность прохода по мягкому грунту, пересѣченному канавами. Гренадеры несли большія потери, но это только одушевляло ихъ быстрѣе идти впередъ. Мѣстность бокъ-о-бокъ съ насыпью желѣзной дороги, по лѣвой сторонѣ ея, была избрана пунктомъ аттаки. (Я говорилъ, что желѣзная дорога и шоссе подходятъ на нѣсколько десятковъ ярдовъ другъ къ другу на той мѣстности, гдѣ врѣзываются въ террасу). Подъемъ тутъ былъ еще круче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и чрезвычайно удобенъ для защиты; но этотъ пунктъ менѣе подвергался фланговому огню слѣва, который слишкомъ вредилъ бы колоннѣ, если бы она пошла по шоссе.

«Когда войска подошли къ самой террасѣ, составляющей тутъ уголъ отъ пересѣченія насыпью желѣзной дороги, былъ данъ приказъ ударить въ штыки, и гренадеры, сбросивъ свои ранцы, въ одну минуту взобрались на крутой подъемъ, овладѣли его вершиною и проникли за баррикаду. Первый гренадеръ, достигнувшій вершины, поднялъ свою медвѣжью шапку; съ крикомъ «vive l'empereur!» взбирались на верхъ за нимъ его товарищи и въ нѣсколько минутъ овладѣли позиціей. Непріятель бѣжалъ по желѣзному мосту, ведущему черезъ каналъ; гренадеры преслѣдовали его такъ горячо, что человѣкъ, которому поручено было взорвать мину подъ мостомъ, былъ заколотъ штыками. Пока одни лили воду на порохъ въ каморѣ мины, другіе устремились впередъ, чтобы овладѣть сводомъ, черезъ который желѣзная дорога выходитъ на террасу; тотчасъ же послѣ того было послано два батальона направо и налѣво для прикрытія фланга, а третій батальонъ остался стеречь занятую позицію. Этотъ успѣхъ принудилъ непріятеля оставить высоты и передъ насыпью шоссе, по которой приближались зуавы. Не имѣя времени взорвать моста, непріятель отступилъ въ группу домовъ, стоящихъ за мостомъ и служившихъ таможнею и караульными для австрійцевъ занялъ также и виноградники, опоясывающіе обѣ дороги въ этомъ мѣстѣ. Виноградныя лозы были густо переплетены по рѣшеткамъ и образовали прекрасное прикрытіе для стрѣлковъ, а пушки, поставленныя австрійцами нѣсколько далѣе къ Маджентѣ, обстрѣливали обѣ дороги. Положеніе было чрезвычайно критическое: французы занимали теперь позицію почти столь же сильную, какъ прежде занимали австрійцы, но они оставались безъ подкрѣпленія, а непріятель началъ появляться густыми массами со всѣхъ сторонъ. Колонны его, подошедшія изъ Робекко, усиливались взять позицію въ лѣвый флангъ и въ тылъ, гдѣ также были поставлены пушки, громившія ряды гренадеровъ, которые рѣдѣли съ каждою минутою. Съ фронта показывалось все больше и больше непріятельскихъ войскъ, а слѣва изъ группы домовъ сыпался градъ пуль, такъ что съ каждою минутою труднѣе было французамъ удерживать за собою позицію въ этомъ направленіи. Чтобы избавиться, во что бы то ни стало, отъ этого урона, приказано было зуавамъ взять группу домовъ; три роты зуавовъ были посланы подкрѣпить гренадеровъ и обойти дома съ тыла; остальныя роты зуавовъ бросились на непріятельскіе дома въ штыки, выгнали защитниковъ, сами утвердились въ этой группѣ домовъ и даже очистили мѣстность передъ ними, проникнувъ до фермы, лежащей нѣсколько правѣе.

«Было уже около часа, а горсть храбрецовъ оставалась еще безъ поддержки. У непріятеля было довольно силъ останавливать Макъ-Магона, который кромѣ того задерживался въ дорогѣ сломанными мостами, такъ что его диверсія не производила предполагаемаго дѣйствія. Колонны, двинутыя на Буффалору, нашли мостъ черезъ каналъ разрушеннымъ, а войска, посланныя въ подкрѣпленіе изъ второй линіи, еще не успѣли прійти на помощь гренадерамъ и зуавамъ. Между тѣмъ непріятель готовился самъ аттаковать ихъ, чтобы отбить потерянную позицію. Все новые и новые батальоны, подвозимые по желѣзной дорогѣ поѣздами, свистъ которыхъ былъ слышенъ, начали двигаться въ аттаку на французовъ. Оставить позицію, столь дорого

Digitized by Google

купленную, значило бы не только признать себя побѣжденными, но и сдѣлать почти невозможнымъ возобновленіе французскаго наступленія съ фронта. Непріятель имѣлъ бы время взорвать мостъ, и такимъ образомъ сдѣлать позицію почти неприступной, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ успѣлъ бы и подвести большее число своихъ войскъ для защиты этой позиціи.

«Потому все заставляло эти два полка, изъ которыхъ каждый при началѣ битвы имѣлъ 1500—1600 солдатъ, держаться въ занятой позиціи до послѣдняго человѣка. И они держались въ ней, какъ слѣдуетъ настоящимъ воинамъ, противу всѣхъ массъ, посылаемыхъ на нихъ непріятелемъ. Австрійцы много разъ ходили въ аттаку, но каждый разъ напрасно: штуцера зуавовъ и гренадеровъ ослабляли ихъ ряды, потомъ французы бросались на нихъ въ штыки и отбивали назадъ, покрывая поле сотнями ихъ труповъ. Виноградники, насажденные передъ группою домовъ, и шоссе, и желѣзная дорога, и ферма на правомъ концѣ площади боя,—всѣ эти мѣста еще завалены австрійскими трупами, хотя уже похоронены цѣлыя массы ихъ. Напрасны были всѣ усилія непріятеля. Гренадеры и зуавы не только успѣли удержать за собою позицію, но даже бросались нѣсколько разъ впередъ, преслѣдуя оттѣсняемыхъ или на встрѣчу новымъ колоннамъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ зуавы на лѣвой сторонѣ, гренадеры на правой доходили до самой деревни. На мѣстности, покрытой деревьями, трудно было идти ровными рядами, и когда двѣ французскія пушки были выдвинуты впередъ, чтобы удержать новую австрійскую колонну, она успѣла увезти ихъ. Одна была потомъ отбита назадъ въ деревнѣ Мадкентѣ, но другая осталась у непріятеля. Наоборотъ, гренадеры, несмотря на свою малочисленность, успѣли еще до прибытія подкрѣпленій взять у непріятеля одну пушку и одну гаубицу.

«Такое положеніе дѣла длилось до 2 часовъ дня; и уже приближалось время, когда горсть французовъ, при всемъ своемъ геройствѣ, принуждена была бы уступить. Она потерпѣла страшный уронъ, зарядовъ оставалось мало и физической силы въ людяхъ послѣ двухчасоваго гигантскаго боя съ постоянно возрастающими силами противника. Въ эту минуту облако пыли явившееся сзади на шоссе, показало прибытіе давно ожидаемыхъ подкрѣпленій и увидѣли, что подходитъ дивизія Рено. Какъ только она приблизилась, 8-ой егерскій полкъ былъ посланъ направо, къ деревнѣ Робекко, 23-й линейный—на центръ позиціи, а 90-й линейный оставленъ въ резервѣ. Около того же времени корпусъ Макъ-Магона преодолѣлъ затруднительность пути по неудобнымъ мѣстностямъ и напалъ на Мадженту. Скоро сзади, отъ Тичино, сталъ подходить батальонъ за батальономъ, и нѣсколько дивизій было послано въ обходъ, чтобы окружить и задавить австрійцевъ. Эти силы тѣснили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и принудили его къ такому поспѣшному отступленію, что болѣе 5,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 73 офицера, достались въ руки союзниковъ. Кромѣ двухъ пушекъ, которыя взяли гренадеры и которыя видѣлъ я самъ, взято много другихъ,—по инымъ разсказамъ до 36 [1]). Я самъ не видѣлъ ихъ и потому не ручаюсь за достовѣрность разсказа; но если бы столько пушекъ и не было взято, все-таки битва была славною побѣдою для союзниковъ. Изъ числа плѣнниковъ я самъ видѣлъ толпу офицеровъ, числомъ до 50 человѣкъ, и 3,200 человѣкъ солдатъ въ одной массѣ. кромѣ нѣсколькихъ другихъ отрядовъ.

«6 іюня, 11 часовъ утра.

«По разсказамъ плѣнныхъ теперь несомнѣнно, что непріятель дался въ обманъ и сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы защищать По у Кандіи. Кандія стоитъ по дорогѣ къ Валенцѣ и Піаченцѣ. Всѣ войска его, бывшія при Ponte di Magenta, пришли туда убійственно форсированными маршами. Они введены были въ битву голодныя и изнуренныя,—нѣкоторые изъ плѣнныхъ говорятъ, что не ѣли цѣлыя сутки; это странная несообразность съ огромными реквизиціями австрійцевъ; да и пришли

[1]) Читатель знаетъ, что это оказалось хвастовствомъ французовъ.

Digitized by Google

они на мѣсто битвы не всѣ вдругъ, а подходили постепенно, отрядъ за отрядомъ, такъ что многіе явились только за тѣмъ, чтобы увеличить собою число плѣнныхъ. Потери въ австрійскихъ полкахъ, бывшихъ въ дѣлѣ съ самаго начала, ужасны. Особенно много убито офицеровъ, которые исполняли свою обязанность, какъ говорятъ, превосходно. Солдаты тоже дрались храбро, но изнуренные маршами и голодомъ, они, разумѣется, вовсе не могли устоять противъ союзниковъ, войска которыхъ находятся въ прекраснѣйшемъ состояніи.

«Кромѣ того, и австрійскіе командиры не умѣли, кажется, воспользоваться численнымъ превосходствомъ своимъ въ началѣ битвы, и подумали объ этомъ тогда, какъ было уже поздно.

«Мадджента, іюня 7.

«Подробности о битвѣ при Ponte di Magenta въ моемъ прошедшемъ письмѣ касались сраженія только на одной части поля битвы, именно у моста, ведущаго черезъ каналъ Naviglio Grande по мадджентской дорогѣ, и очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы я не разсказалъ вамъ, что происходило съ другой стороны поля битвы, у самой деревни Мадженты. Я уже говорилъ, что когда дивизія гвардейскихъ зуавовъ и гренадеровъ аттаковала фронтъ позиціи при Ponte di Magenta и Буффалорѣ, генералъ Макъ-Магонъ, нынѣ герцогъ мадджентскій и маршалъ Франціи, получилъ приказаніе двинуться изъ Турбиго съ дивизіями Эспинаса, ла-Моттружа и дивизіею гвардейскихъ пѣшихъ стрѣлковъ и егерей, чтобы атаковать австрійцевъ, расположенныхъ у Мадженты, съ ихъ праваго фланга и съ тыла. Сардинская армія, нѣсколько дивизій которой уже тогда перешли Тичино у Турбиго, должна была поддерживать этотъ отрядъ. Отъ Турбиго до Мадженты по ближайшей дорогѣ разстояніе не менѣе 12 миль (около 20 верстъ). Эта проселочная дорога, выходящая отъ шоссе, въ большей части мѣстъ такая узкая, что едва могутъ разъѣхаться по ней двѣ телѣги. Мѣстность по обѣ стороны гораздо лѣсистѣе, чѣмъ на сардинской сторонѣ Тичино и кругомъ множество виноградниковъ. Обращаю ваше вниманіе на это, чтобы показать, какъ трудно было солдатамъ Макъ-Магона, корпусу отъ 27 до 30,000 человѣкъ, пройти 12 миль до поля битвы по такой дорогѣ. Вы поймете эту трудность, когда я скажу, что гвардейскіе егеря и стрѣлки, составлявшіе резервъ, пошли изъ Турбиго въ 7 часовъ вечера, а въ сраженіе могли вступить не раньше 4 часовъ вечера, а авангардъ сардинской арміи, дивизія Фанти, достигла поля битвы не ранѣе 7 часовъ вечера, такъ что не могла уже принять никакого участія въ дѣлѣ. Только около полудня подошло достаточное число войскъ, чтобы начать бой. Вы знаете, что нападеніе съ другой стороны на Ponte di Magenta и Буффалору велѣно было начать въ 10 часовъ, потомъ отложить его до 12 часовъ, когда услышаны были пушечные выстрѣлы съ лѣваго фланга (союзниковъ), со стороны Марчелло.

«Я говорилъ съ однимъ раненымъ плѣннымъ австрійскимъ офицеромъ, игравшимъ значительную роль въ дѣлѣ. По его словамъ, австрійцы никакъ не предполагали нападенія на ихъ правый флангъ отъ Турбиго. Вообще, во всю кампанію, большимъ неудобствомъ для нихъ былъ недостатокъ свѣдѣній о движеніяхъ союзниковъ. Ни деньгами, ни угрозами не могли они заставить поселянъ разсказать что нибудь; а съ другой стороны бдительность союзниковъ была такъ велика, что шпіоны не приносили почти никакой пользы. Поэтому-то они никакъ не могли открыть, гдѣ главныя силы союзниковъ и насколько готовы они къ дѣйствію. Этимъ также объясняется смутная неопредѣленность австрійскихъ движеній, такъ изумлявшая Европу. У нихъ не было данныхъ для соображенія плановъ; они принуждены были, подобно слѣпымъ, ощупывать дорогу, сначала къ Турину, потомъ на правомъ берегу По. Результатомъ было, что они толковали о смѣшной бездѣйственности союзниковъ, между тѣмъ, какъ союзники сосредоточивали свои силы на сѣверѣ, и что австрійцы узнали, откуда грозитъ опасность, только тогда, какъ увидѣли союзниковъ вступающими въ Новару и являющимися на Тичино. Тутъ имъ уже было поздно противиться. Правда, они со всевозможной поспѣшностью оставили свои позиціи, очистили Мортару и оставили линію рѣки По; но они уже не успѣли сосредоточить свою армію для защиты линіи

Digitized by Google

Тичино и ломбардской границы. Торопливо собрали они войска, какія только могли, и поставили ихъ въ Мадженте и на каналѣ, образующемъ вторую линію, едва ли не болѣе крѣпкую, чѣмъ самъ Тичино. Но хотя они всячески спѣшили, хотя заморили своихъ солдатъ маршами, все таки они успѣли собрать только части перваго корпуса (Кламъ-Галласа), третьяго корпуса (Шварценберга), втораго (Лихтенштейна) и седьмаго (Цобеля). Какъ велики были эти силы, съ достовѣрностью опредѣлить невозможно. Здѣсь (въ главной французской квартирѣ) считаютъ ихъ въ 100 т. человѣкъ; и дѣйствительно, судя по числу полковъ, солдаты которыхъ есть между плѣнными, надобно полагать, что около Мадженты было отъ 70 до 80 т. Командовалъ ими генералъ Кламъ-Галласъ, корпусъ котораго на дняхъ пришелъ изъ Богеміи, но при Маджентѣ былъ далеко не весь; напримѣръ, изъ 72 пушекъ, которыя онъ долженъ имѣть, было тутъ всего только 18,— впрочемъ, малочисленность орудій была обстоятельствомъ не слишкомъ важнымъ, потому что характеръ мѣстности допускаетъ дѣйствіе артиллеріи только въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Была у австрійцевъ и дивизія кавалеріи, но она не являлась въ боевой линіи. И Гіулай, и Гессъ были при арміи, но оба они не командовали въ сраженіи. Торопливость, съ которою подводились войска, не позволяла хорошенько позаботиться объ нихъ, такъ что, не говоря уже объ усталости, они должны были голодать, что было новою причиною ихъ слабости. Этому послѣднему обстоятельству надобно приписывать сильнѣйшее вліяніе, потому что относительно утомленія походомъ, надобно сказать, что французско-сардинскія войска въ послѣдніе десять дней дѣлали еще болѣе сильные марши, и напримѣръ, хотя корпусъ герцога маджентскаго долженъ былъ сдѣлать долгій переходъ подъ знойнымъ солнцемъ прежде, чѣмъ явился на поле битвы.

«Совершенно не зная о движеніяхъ непріятеля и будучи вдвойнѣ обмануты его бездѣйствіемъ со стороны Турбиго и демонстраціей на Буффалору, австрійцы приготовились отражать нападеніе въ этомъ послѣднемъ направленіи. Въ рѣшительную минуту они увидѣли, что предмостное укрѣпленіе (tête de pont), построенное ими на сардинской сторонѣ Тичино въ Санъ-Мартино, сооружено очень плохо, такъ что защищать его просто значило бы отдать на жертву поставленныя въ немъ войска; потому они рѣшились покинуть его и взорвать каменный мостъ у Буффалоры. Пять батальоновъ, занимавшіе предмостное укрѣпленіе, были выведены въ ночь съ перваго на второе число и сдѣлана была попытка взорвать мостъ, оказавшаяся, какъ вы знаете, неудачной. Въ неудачѣ надобно, кажется, винить не столько инженеровъ, сколько общее управленіе всѣмъ походомъ. Австрійцы, повидимому, были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что не подумали объ отступленіи и не приготовились на случай надобности взрывать мосты. Миннаго пороха у нихъ вовсе не было подъ руками, а лишняго пушечнаго пороха было такъ мало, что еслибы собрать весь запасъ его изъ зарядныхъ ящиковъ, то не набралось бы и шести центнеровъ (20 пудовъ). Главнокомандующій требовалъ по телеграфу изъ Милана, чтобы ему прислали миннаго пороха, но ему отвѣчали, что и въ Миланѣ его нѣтъ. Вотъ причина, что каменный мостъ черезъ Тичино австрійцы могли только пошатнуть, а два моста черезъ каналъ у Ponte Nuovo di Magenta остались совершенно невредимы. Минныя каморы были приготовлены, но не было пороху, чтобы положить въ нихъ.

Позиція передъ мостами черезъ каналъ была очень сильна, потому австрійцы рѣшились защищать ее, и не воображая, что нападутъ на ихъ правое крыло, расположили свою позицію отъ Буффалоры черезъ Ponte di Magenta къ Робекко, т. е. какъ можно параллельнѣе съ Тичино и съ каналомъ, а резервы поставили въ деревнѣ Маджентѣ. Со стороны дороги изъ Турбиго не было никакихъ войскъ кромѣ одного батальона, занимавшаго одну изъ большихъ уединенныхъ фермъ направо отъ дороги за деревнею Марчелло: да и этотъ батальонъ былъ поставленъ болѣе для наблюденія, чѣмъ съ мыслью, что прійдется защищать этотъ пунктъ. Наступленіе гренадеровъ изъ Ponte di Buffalora въ 10 часовъ, т. е. двумя часами раньше появленія колонны Макъ-Магона на дорогѣ изъ Турбиго, было расчитано на то, чтобы утвердить австрійцевъ въ ихъ заблужденіи и они сосредоточили свои войска, чтобы задавить французовъ, двинувшихся отъ Ponte di Buffalora. Показавшись австрійцамъ, этотъ отрядъ,

Digitized by Google

какъ вы помните, получилъ приказаніе остановиться, чтобы дать Макъ-Магону время подойти съ другой стороны, и началъ рѣшительное наступленіе, только услышавъ выстрѣлы Макъ-Магона.

«При всей своей геройской храбрости французскіе гренадеры и зуавы едва ли успѣли бы овладѣть страшною позиціею на канавѣ, если бы приближеніе Макъ-Магона, пошедшаго въ обходъ, не заставило австрійцевъ обратиться противъ этого неожиданнаго непріятеля. Они должны были отвести назадъ свое правое крыло, такъ что послѣ этой перемѣны фронта лѣвое крыло ихъ осталось въ Робекко, деревня Мадджента сдѣлалась центромъ ихъ позиціи, а Корбетто правымъ флангомъ. Войска, выдвинутыя впередъ защищать позицію на канавѣ, были отведены назадъ, чтобы стать передъ деревнею Мадджентою и направо отъ нея.

«Чтобы имѣть ясное понятіе объ этомъ новомъ расположеніи австрійцевъ, вы должны помнить направленіе трехъ дорогъ: одна изъ Буффалоры въ Мадженту идетъ почти прямо на востокъ; во вторыхъ, главное шоссе, ведущее въ Миланъ, идетъ изъ Ponte Nuovo di Magenta въ Мадженту и наконецъ линія желѣзной дороги, перешедши черезъ каналъ, поворачиваетъ налѣво, пересѣкаетъ двѣ другія дороги и потомъ проходитъ по западной сторонѣ деревни Мадженты. Линія желѣзной дороги въ этой части сраженія играетъ роль еще болѣе важную, чѣмъ въ битвѣ на каналѣ; на этой линіи австрійцы встрѣтили атаку Макъ-Магона. Обширное зданіе станціи и сама деревня служили опорою австрійскаго центра, который протягивался по желѣзной дорогѣ до точки ея пересѣченія съ шоссе. Правое крыло опиралось на выдвинутый пунктъ той фермы, направо отъ дороги изъ Турбиго, о которой я упоминалъ.

«Какъ только подошелъ корпусъ Макъ-Магона, онъ построился въ боевую линію насколько позволяла мѣстность. Поставивъ первую дивизію налѣво, вторую направо, а нѣсколько пушекъ на узкой дорогѣ и гвардейскихъ егерей и стрѣлковъ въ резервѣ, онъ отважно двинулся на непріятельскую позицію. Пѣхота, какъ только подошла на видъ къ непріятелю, должна была развертываться по полямъ и виноградникамъ. Мѣстность такъ наполнена виноградниками и деревьями, что линія не могла подвигаться плотнымъ строемъ, а принуждена была принять болѣе растянутое построеніе, среднее между разсыпнымъ стрѣлковымъ строемъ и развернутымъ строемъ линейной пѣхоты. Ферма, образовавшая выдвинутый впередъ пунктъ, сдѣлалась предметомъ кровопролитнаго боя. Непріятель сосредоточилъ около нея и въ ней значительную массу войскъ и противъ нихъ былъ посланъ второй полкъ иностраннаго легіона, произведшій атаку съ большою стремительностью. Непріятель, видя опасность потерять этотъ ключъ позиціи своего праваго крыла, послалъ колонну направо обойти во флангъ аттакующихъ и, если можно, отрѣзать ихъ. На лѣвомъ крылѣ Макъ-Магона должны были находиться австрійцы, чтобы служить резервомъ и охранять его отъ подобнаго движенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы пытаться обойти австрійцевъ съ праваго фланга и съ тыла и отрѣзать имъ отступленіе. По затруднительности узкой дороги, они не могли прійти во-время и результатомъ было, что 2-й полкъ иностраннаго легіона сильно потерпѣлъ, но былъ наконецъ избавленъ изъ этого положенія приближеніемъ резерва. Какъ только резервъ подошелъ, вся линія двинулась впередъ, шагъ за шагомъ оттѣсняя врага. По всей длинѣ линій шелъ рукопашный бой на ружьяхъ и штыкахъ. Артиллеріи негдѣ было поставить, кромѣ дороги. Но французы имѣли нѣсколько ракетныхъ батарей, которыми успѣшно дѣйствовали противъ врага. Въ такомъ бою обнаружилось превосходство штуцера надъ простымъ ружьемъ, которымъ были вооружены австрійцы. Надобно прибавить, что защищавшія позицію войска держались по возможности тѣснымъ строемъ, такъ что каждый выстрѣлъ ихъ противниковъ находилъ себѣ цѣль. Вы никогда не видывали такой страшной рѣзни, какая происходила на всемъ этомъ пространствѣ, которое австрійцы защищали шагъ за шагомъ, но напослѣдокъ должны были уступить. Это мѣсто походитъ теперь на то, какъ будто былъ тутъ большой базаръ тряпья. Кэски, ранцы, ружья, мундиры, бѣлье, сапоги покрываютъ поле, и все это изломано, изорвано, все покрыто кровью и до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ упорствѣ сопротивленія, хотя большая часть раненыхъ уже убрана и почти всѣ убитые похоронены. Сколько драмъ геройства и сви-

Digitized by Google

рѣпости, сколько трагедій страданія и погибели должно было происходить здѣсь! Но самый отчаянный бой былъ далѣе, на желѣзной дорогѣ, у станціи, стоящей за ней, и въ деревнѣ, подлѣ нея. Оттѣсняемые по всей линіи австрійцы сосредоточили здѣсь всѣ свои усилія отбиться отъ врага. Противъ станціи и нѣсколько протягиваясь на обѣ стороны отъ нея, передъ линіею рельсовъ идетъ широкій длинный ровъ, образовавшійся отъ вынимапія земли для насыпи полотна. Гдѣ кончается ровъ, тамъ идетъ съ того и другого конца довольно длинною линіею крѣпкая деревянная рѣшетка, выкрашенная желтою краскою и служившая къ тому, чтобы нельзя было переходить черезъ желѣзную дорогу. Кромѣ того, само полотно желѣзной дороги, составляя довольно высокую насыпь, образуетъ родъ естественнаго бруствера, нѣсколько прикрывавшаго обороняющихся. Станція, сосѣднія строенія и крѣпкая колокольня были наполнены стрѣлками, а линейныя войска стали густою массою передъ ними. Тутъ были выдвинуты австрійцами впередъ свѣжіе отряды, пришедшіе на смѣну утомленныхъ товарищей. Гвардейскіе егеря и стрѣлки были посланы взять эту крѣпкую позицію. Они ринулись впередъ, сбили враговъ и гнали ихъ до рѣшетки, которая остановила ихъ стремительное движеніе. Нѣсколькими пушечными выстрѣлами легко было бы свалить рѣшетку, но не было мѣста, откуда бы можно было стрѣлять по ней; потому оставалось употребить только саперовъ съ топорами. Они срубили рѣшетку и колонна вошла въ деревню. Тутъ каждый домъ обратился въ цитадель, защищаемую отчаяннымъ гарнизономъ; только правильною битвою можно было взять его, и цѣлый рядъ писемъ легко было бы наполнить эпизодами, которыхъ были исполнены эти отдѣльныя битвы. Надобно признаться, что австрійцы отчаянно продолжали сражаться и тогда, какъ все было уже потеряно; ихъ офицеровъ было тутъ убито и ранено невѣроятно много, и солдаты остались безъ всякаго руководства въ этихъ изолированныхъ позиціяхъ, изъ которыхъ не было отступленія. Имъ было сказано прежде, что пощады не должны они ждать, что у союзниковъ есть правило убивать всѣхъ плѣнныхъ и раненыхъ, потому они дрались съ мечтательною непреклонностью, считая себя погибшими людьми. Раненые залѣзали въ погреба и прятались, гдѣ только могли, чтобы не попасться въ руки свирѣпаго врага, и умирали жалкимъ образомъ. Множество ихъ найдено было спрятавшимися; одни были мертвы, другіе такъ истощены, что едва ли могутъ поправиться. Еще и теперь, черезъ три дня послѣ битвы, находятъ очень многихъ и несутъ ихъ или въ госпиталь, или въ могилу. Я самъ нынѣ поутру видѣлъ, какъ вытащили изъ погреба станціи двухъ несчастныхъ, тирольскаго стрѣлка, легко раненаго, и линейнаго солдата, полумертваго отъ страха и истощенія. Они въ своемъ убѣжищѣ слышали на верху выстрѣлы изъ ружей, находимыхъ заряженными на полѣ битвы, и, вѣроятно, думали, что это разстрѣливаютъ ихъ товарищей. Но вовсе не такова ихъ судьба. Къ плѣнникамъ французы едва ли даже не сострадательнѣе, чѣмъ къ своимъ солдатамъ. Они ухаживаютъ за ранеными австрійцами, какъ за дѣтьми, съ материнскою заботливостью, и дѣлаютъ все, что только могутъ, для облегченія ихъ страданій.

«Но воротимся къ сраженію. Въ 8 часовъ Макъ-Магонъ исполнилъ свое дѣло: Маджента была взята. Какъ начало его атаки на эту деревню спасло полки, нападавшіе на Ponte Nuovo di Magenta, такъ наступленіе этой колонны, подкрѣпленной сильными резервами, содѣйствовало довершенію его побѣды и увеличенію числа плѣнныхъ. Почти нѣтъ возможности опредѣлить цифру ихъ, потому что ежеминутно приводятъ новыхъ,—но всего ихъ должно быть не менѣе 8,000; число убитыхъ и раненыхъ во всемъ сраженіи должно полагать тысячъ въ 10, потому что французы сами признаютъ свою потерю въ 4,000 человѣкъ.

«Что побѣда была блистательная и рѣшительная, это несомнѣнно. Взяты знамена двухъ австрійскихъ полковъ и три пушки въ этой части сраженія. Почему такъ мало взято пушекъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что австрійцы немногимъ больше и могли выставить ихъ противъ непріятеля, да и выставляли ихъ съ большою осторожностью, какъ будто предвидѣли несчастье.

«Лучшимъ доказательствомъ великости побѣды служитъ ея результатъ: австрійцы въ ту же ночь оставили Миланъ, бросивъ 100,000 лиръ и 3,000 ружей въ цита-

Digitized by Google

дели. Ихъ отступленіе было такъ поспѣшно, что они не успѣли даже испортить желѣзную дорогу или увезти локомотивы,—на слѣдующее утро миланцы прислали поѣздъ за ранеными въ Мадженту, которая служитъ послѣднею станцію по желѣзной дорогѣ къ Тичино».

Слѣдующее письмо нашъ корресподентъ Times'а посвящаетъ Милану. Мы переводимъ почти вполнѣ и этотъ разсказъ.

Миланъ, 8 іюля.

«Если бы кто сказалъ мнѣ, что на девятый день по моемъ пріѣздѣ въ лагерь при Верчелли я пріѣду по желѣзной дорогѣ въ Миланъ, я назвалъ бы его просто сумашедшимъ. А между тѣмъ такъ случилось. Тотчасъ по уходѣ австрійцевъ миланцы, какъ я говорилъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, прислали поѣздъ за ранеными. Двѣ роты 1-го егерскаго гвардейскаго полка, подбиравшія раненыхъ, приносили ихъ на станцію; тамъ собрались доктора, и, сдѣлавъ первую перевязку, отправляли ихъ въ Миланъ. Поѣзды безпрестанно приходили и уходили. Они состояли исключительно изъ вагоновъ 3-го класса, частью закрытыхъ, частью открытыхъ. Легко раненые, которые могли ходить, отправлялись въ пассажирскихъ вагонахъ; тяжело раненыхъ клали въ товарные вагоны, которымъ было придано возможное по обстоятельствамъ удобство настилкою соломы и сѣна. Туда приносили несчаствыхъ, мучительно страдавшихъ отъ движенія. Подлѣ нихъ стоялъ боченокъ съ прохлаждающимъ питьемъ изъ воды и сиропа и другой боченокъ съ виномъ, для утоленія палящей жажды, возбуждаемой ранами.

«Станція и самые поѣзды представляли потрясающія сцены, ужаснѣе которыхъ ничего невозможно вообразить; это было темною стороною блестящей побѣды, взглядомъ за кулисы при дневномъ свѣтѣ. Раненые, находившіеся во всѣхъ степеняхъ страданія и агоніи, полуодѣтые, въ изорванномъ платье, запыленные, лежали облиты собственною кровью. Священники ходили между нихъ съ св. дарами, причащая умирающихъ. Оледенѣлый взоръ смерти въ глазахъ одного показывалъ, что онъ перестагъ страдать; безпокойно вращающіеся глаза другаго и колѣнопреклоненный передъ нимъ священникъ показывали, что стоны его скоро прекратятся; подлѣ него лежалъ третій, котораго вы почли бы умершимъ, если бы не слабое подергиванье его руки или ноги судорогами. Вы невольно умолкали, входя въ эти мѣста, и снимали шляпу при видѣ такого страданія. Даже неугомоные французскіе солдаты, прислуживавшіе этимъ бѣднымъ страдальцамъ, стали задумчивы, и мертвое молчаніе перерывалось по временамъ только торжественными словами священника, слабымъ вздохомъ, пронзительнымъ крикомъ боли. Вы почти забывали о побѣдѣ, искупающей эту мрачную сцену, вы думали, что эти люди, которые мирно занимались бы своими промыслами, были призваны подвергнуться такимъ ужасамъ на защиту дѣла, которое не касается ихъ, котораго они не знаютъ, о которомъ никогда не думали. Да, тяжела такая судьба.

«Но рѣшительно невозможно передать тѣхъ минутъ, когда раненые переносились въ вагоны. Какіе крики, какія блѣдныя лица, искаженныя страданіемъ, какіе изувѣченные члены, Солдаты, переносившіе ихъ, казалось, забывали обо всемъ на свѣтѣ кромѣ заботы облегчить мученія страдальцевъ. Филантропа растрогала бы такая сострадательность, а циникъ улыбнулся бы отъ мысли, что тѣ самые люди, которые нанесли раны, стараются теперь исцѣлить ихъ, чтобы потомъ стараться наносить ихъ вновь. Передъ тѣмъ, какъ поѣздъ двинулся, вновь разнесли раненымъ прохладительное питье, котораго они жаждали. Наконецъ поѣздъ его тронулся, шумъ его заглушилъ всѣ другіе звуки, и въ нѣсколько поворотовъ колеса унесли насъ изъ виду станціи. Когда мы пріѣхали въ Миланъ. тамъ уже насъ ждали женщины, добровольно явившіяся ухаживать за ранеными; онѣ подали имъ лимонадъ для утоленія жгучей жажды послѣ переѣзда, продолжавшагося болѣе часа.

«Вы прыгаете изъ вагона и нѣсколько шаговъ переносятъ васъ въ совершенно иной міръ, отъ сценъ ужаса къ сценамъ счастья, отъ блѣдныхъ лицъ къ смѣющимся, отъ нѣсколькихъ страдальцевъ къ цѣлому народу, упоенному радостью, отъ вагоновъ, наполненныхъ изувѣченными, въ обширный городъ, разукрашенный по праздничному:

Digitized by Google

окна убраны коврами, французскими и итальянскими флагами, балконы наполнены красавицами, привѣтствующими каждый новый мундиръ, проходящій мимо ихъ, бросающими цвѣты на всѣхъ солдатъ безъ различія; улицы наводнены народомъ, онъ кричитъ «evviva» и аплодируетъ каждому солдату или офицеру, на всѣхъ итальянскія кокарды, съ прибавкою синей полоски изъ французской кокарды. Въ толпѣ вы видите французскихъ солдатъ,—каждаго изъ нихъ окружаютъ, провожаютъ его съ тріумфомъ нѣсколько горожанъ; въ каретахъ сидятъ новые гости вмѣстѣ съ хозяевами: идутъ люди въ статскомъ платьѣ съ кокардами на груди, съ ружьями на плечахъ, съ бумагою, пришитою къ шляпѣ,—на ней слова «порядокъ и безопасность», Ordine e sicurezza. Это новая муниципальная гвардія изъ волонтеровъ, вооружившихся ружьями, найденными въ цитадели, и взявшихся охранять полицейскій порядокъ.

«Словомъ, Миланъ торжествовалъ удаленіе австрійцевъ и вступленіе французовъ, вошедшихъ сюда нынѣ по утру (8 іюня—27 мая).

«Нынѣ австрійцы очистили Миланъ не такъ, какъ въ 1848 году: тогда продолжалась пять дней борьба, а теперь они ушли изъ города среди молчанія ночи. По опыту 1848 года австрійцы знали, что нельзя имъ удержаться въ Миланѣ, имѣя передъ собою союзниковъ, и одинъ изъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Маджентѣ, уже нѣсколько дней назадъ говорилъ мнѣ, что они ожидали революціи въ Миланѣ еще до ухода ихъ къ Маджентѣ. Побѣда эта избавила городъ отъ нужды въ революціи, и австрійцы умно рѣшились оставить ненавидящій ихъ городъ. Еще до полученія извѣстій о пораженіи австрійцевъ, наружность ихъ солдатъ, возвращающихся изъ битвы, показала горожанамъ, что австрійскія дѣла плохи. Возвращавшіеся австрійцы значительно измѣнили свою прежнюю господскую осанку, и по суетливому ихъ движенію было видно, что они готовятся къ выступленію. Правда, они еще водили по улицамъ семь человѣкъ зуавовъ, которыхъ взяли въ битвѣ, но вошедши въ одни ворота, они черезъ цитадель вышли въ другія ворота. Вмѣстѣ съ ними удалился миланскій подеста,—по своей непопулярности, онъ не могъ остаться въ городѣ безъ нихъ. По утру, увидѣвъ, что австрійцы ушли, муниципальный совѣтъ взялъ на себя управленіе дѣлами и принялъ мѣры для предупрежденія безпорядковъ. Три тысячи ружей были розданы надежнымъ молодымъ людямъ, которые стали стеречь всѣ общественныя зданія и ходить патрулями по городу. Это было достаточно для сохраненія тишины, и не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Сначала толпа, вспоминая 1848 годъ, вздумала ломать мостовую для постройки баррикадъ; но ее тотчасъ же остановили, и народъ держалъ себя самымъ спокойнымъ образомъ, точно также, какъ и въ Тосканѣ. Это показываетъ, что итальянцы, если только оставить имъ свободу, прекрасно умѣли бы управлять своими дѣлами.

«Съ учрежденіемъ временнаго правительства, если можно такъ назвать новую администрацію, исчезъ весь механизмъ стѣсненія: полицейское господство и т. п., водворилась свобода мысли и жизни, но не было ничего похожаго на буйныя столпленія. Совѣтъ обнародовалъ прокламацію о преобразованіи прежней національной гвардіи; другая приглашаетъ жителей сдѣлать хорошій пріемъ арміи; третья объявляетъ о прибытіи императора и короля; радость отъ полученія давно желанной свободы и встрѣча освободителей—этими фактами затмевается все остальное въ Миланѣ. Городъ упоенный восторгомъ—вотъ нынѣшній характеръ Милана. Со вчерашняго утра, когда пришли французы, миланцы до сихъ поръ не могутъ опомниться отъ восхищенія. Меня не было въ городѣ при первой встрѣчѣ, но какова она была, можно судить по тому, что видишь и теперь: повсюду сыплются на французовъ букеты, раздаются аплодисменты, крики и evviva,—миланцы превосходятъ по этой части всѣхъ итальянцевъ, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ. Карнавалъ продолжался до поздней ночи, и жители импровизировали иллюминацію, выставивъ на балконы всѣ свѣчи, бывшія въ комнатахъ.

«Эффектъ былъ поразителенъ, потому что весь городъ освѣтился въ одинъ мигъ, разомъ, безъ всякихъ предувѣдомленій, такъ что это внезапное согласіе лучше всего показывало, какимъ единодушіемъ проникнуты миланцы, по крайней мѣрѣ въ эту минуту».

Digitized by Google

Послѣ этого корреспондентъ подробно описываетъ въѣздъ императора французовъ и короля сардинскаго въ Миланъ; мы думаемъ, что читатели не нуждаются въ переводѣ этой части письма,— всѣ подробности, ею сообщаемыя, легко могутъ быть угаданы соображеніемъ.

Послѣ пораженія подъ Маджентою, австрійцы поспѣшно отступали назадъ, бросая всѣ свои крѣпости, запасы, думая только о томъ, чтобъ безъ новыхъ пораженій добраться до Минчіо и своихъ крѣпостей, отъ которыхъ грозили отрѣзать ихъ быстро наступавшіе враги. До самаго сраженія при Сольферино (24—12 іюня), цѣлыя три недѣли всѣ извѣстія съ театра войны ограничивались только новостями о томъ, какъ французско-сардинскія войска переходятъ безпрепятственно одну рѣку за другою, занимаютъ одинъ городъ за другимъ. Единственнымъ сколько нибудь замѣтнымъ исключеніемъ изъ этой монотонной исторіи уступокъ и завоеваній безъ боя служило сраженіе при Меленьяно, 8 іюня, на дорогѣ отъ Милана къ тому пространству, по которому австрійцы должны были отступать отъ Мадженты къ Мантуѣ. На первый разъ союзникамъ показалось, что корпусъ Бенедека, встрѣченный ими у Меленьяно, былъ поставленъ тутъ съ цѣлію, чтобы задержать наступленіе союзниковъ, чтобы дать другимъ австрійскимъ корпусамъ время отступить. Но ничего подобнаго этому разсчету или какому бы то ни было разумному плану со стороны австрійцевъ не оказывается по точнѣйшимъ извѣстіямъ: австрійцамъ пришлось сразиться у Меленьяно единственно только по той же безтолковой нелѣпости всѣхъ ихъ дѣйствій въ нынѣшнемъ походѣ, которая была причиною ихъ столкновеній съ союзниками и пораженій при Монтебелло, Палестро и Маджентѣ. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а:

«Долго никто здѣсь не могъ понять, зачѣмъ Бенедекъ, стоявшій въ Ломелло, когда союзники переходили Тичино, очутился въ Меленьяно, между Миланомъ и Лоди [1]). Наконецъ тайна эта разъяснилась. 4-го числа [2]) графъ Гіулай послалъ Бенедеку приказъ идти со всевозможною поспѣшностью на помощь ему, Гіулаю, къ Маджентѣ [3]). Получивъ приказаніе, Бенедекъ, никогда не манкирующій исполненіемъ обязанности, пошелъ форсированнымъ маршемъ къ мѣсту дѣйствія. Но еще не дошелъ онъ до него, какъ Гіулай, увидѣвъ 5 числа, что не можетъ удержаться въ своей позиціи у Мадженты, началъ отступать на Павіо [4]). Гіулай, надобно думать, забылъ сообщить Бенедеку о своемъ отступленіи къ Аддѣ, и вотъ Бенедекъ 6 числа явился у окрестности Аббіате-Грассо [5]). Не извѣстно, какъ успѣлъ онъ пройдти отъ этого мѣста до Меленьяно [6]), но этотъ переходъ вѣроятно былъ чрезвычайно труденъ, потому что многіе солдаты его падали отъ изнуренія и, покидаемые на дорогѣ, были подбираемы преслѣдующимъ его непріятелемъ. По французскимъ извѣстіямъ, союзники взяли 1,200 плѣнныхъ—безъ всякаго сомнѣнія, это были изнемогшіе и отставшіе отъ корпуса солдаты».

---

[1]) То есть очень далеко на сѣверъ отъ той дороги, по которой слѣдовало бы ему отступать.

[2]) То есть въ тѣ минуты, когда шла битва при Маджентѣ.

[3]) То есть на сѣверъ отъ Ломелло.

[4]) То есть по дорогѣ отъ Мадженты прямо на югъ, такъ что Бенедекъ остался на сѣверо-западѣ отъ него, продолжая идти къ мѣстамъ, оставленнымъ австрійцами и уже занятымъ союзниками.

[5]) Тамъ, гдѣ 4 іюня была главная квартира Гіулая, и откуда Гіулай уже давно ушелъ; вмѣсто своего стана, онъ нашелъ непріятельскій лагерь.

[6]) То есть избѣжалъ враговъ, въ средину которыхъ попалъ по непростительной небрежности Гіулая, оставившаго его безъ извѣстій о своемъ отступленіи

Digitized by Google

Австрійскіе солдаты, по признанію самихъ враговъ очень храбро дрались во всѣхъ сраженіяхъ, но благодаря совершенно оригинальному способу распоряженій ихъ предводителей, всѣ сраженія были устроены такъ мило, что союзная армія по совѣсти едва ли даже можетъ хвалиться своими побѣдами, несмотря на храбрость непріятельскихъ солдатъ и крѣпость занятыхъ ими позицій: пусть позиціи были страшны, но главныя силы непріятеля бродили около нихъ безъ всякаго толку и смыслу, оставляя безъ поддержки тѣ свои отряды, которые защищали позицію, а эти отряды были поставлены на позицію изнуренные форсированнымъ маршемъ, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, полутора, даже двухъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, да и въ битвѣ стояли также не имѣя ни куска хлѣба для подкрѣпленія изнуренныхъ силъ. При каждой битвѣ мы слышимъ объ австрійскихъ солдатахъ одну и туже исторію, которую разсказываетъ вѣнскій корреспондентъ Times'а о битвѣ при Маджентѣ:

«Солдаты, не имѣвшіе времени поѣсть, падали на землю совершенно истощенные зноемъ, голодомъ и жаждою. Медикъ, находящійся при арміи, говоритъ мнѣ, что раненые, приносимые въ госпитали, прежде всего просятъ, чтобы ихъ накормили и напоили».

Каковы бы ни были солдаты, выставляемые на битву въ подобномъ состояніи, побѣда надъ ними должна быть такъ несомнѣнна, что побѣдители едва ли могутъ и гордиться ею. Прибавимъ къ этому нелѣпость распоряженій и стратегическихъ и тактическихъ, и мы убѣдимся, что за свои побѣды союзники должны благодарить не столько самихъ себя, сколько своихъ противниковъ.

Нелѣпость плановъ, по которымъ австрійцы наступали и отступали, сражались и оставляли безъ боя свои позиціи, всего яснѣе выказывается сраженіемъ при Сольферино, которое затмило своею громадностью и самую битву при Маджентѣ,—сраженьемъ, подобнаго которому по числу войскъ не бывало со времени битвы подъ Лейпцигомъ. У австрійцевъ была чрезвычайно крѣпкая позиція на Минчіо; другую, передъ нею, тоже довольно крѣпкую, представляла рѣка Кіэзе, текущая параллельно съ Минчіо, верстахъ въ 20—25 отъ него на западъ. Всѣ военные люди въ одинъ голосъ говорили, что австрійцы могутъ защищаться на Кіэзе и непремѣнно должны защищаться на Минчіо,— австрійцы почли полезнымъ доказать на фактѣ, что они гораздо выше всѣхъ соображеній, представляемыхъ здравымъ смысломъ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ оффиціальнаго значенія въ австрійскомъ государствѣ. Они перепустили непріятеля безъ боя черезъ Кіэзе, и отступили на восточный берегъ Минчіо, какъ будто собираясь всѣми силами защищать переправу черезъ эту рѣку. Всѣ того и ожидали, что австрійцы остановятъ непріятеля на этой рѣкѣ. Но австрійцы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обратно перешли Минчіо, чтобы встрѣтить врага между Кіэзе и этою рѣкою,—зачѣмъ же было отступать, зачѣмъ дѣлать лишніе переходы, изнурявшіе солдатъ и разстроивавшіе аммуниціонный обозъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ? Такимъ-то манеромъ, 24 (12) іюня сочинили они битву въ такой позиціи, которую сами бросили за два дня передъ этимъ. Разумѣется, исходъ сраженія совершенно соотвѣтствовалъ обдуманности ихъ дѣйствій. Чтобы подробнѣе познакомить читателя

Digitized by Google

съ этою битвою, самою колоссальною изъ всѣхъ сраженій нынѣшней войны, мы прибѣгаемъ опять къ разсказу корреспондента „Times'а“, находящагося при главной квартирѣ союзной арміи. Мы переводимъ всѣ его письма, относящіяся къ битвѣ при Сольферино. Въ первомъ, сдѣланномъ наскоро, описаніи вкрались у него ошибки, которыя исправляетъ онъ самъ въ слѣдующихъ письмахъ, и есть у него нѣсколько повтореній, которыхъ можно было избѣжать, передѣлавъ его письма въ одинъ непрерывный разсказъ; но мы не рѣшаемся передѣлывать этихъ писемъ, не желая жертвовать свѣжестью и точностью сообщаемыхъ ими свѣдѣній, для приданія имъ внѣшняго единства. Начинаемъ переводъ отрывкомъ письма, въ которомъ онъ, за нѣсколько дней передъ сраженіемъ, изображаетъ мѣстность, гдѣ потомъ произошло оно. Читатель знаетъ, что краеугольными камнями австрійскаго военнаго господства въ сѣверной Италіи служатъ огромныя крѣпости Верона и Мантуа съ двумя меньшими крѣпостями, Пескьерою и Леньяно; что эти крѣпости составляютъ четыреугольникъ; что западную сторону его образуетъ рѣка Минчіо, на сѣверномъ концѣ которой лежитъ Пескьера, а на южномъ Мантуа. Минчіо вытекаетъ изъ юго-восточнаго угла Гардскаго озера. Полемъ сраженія была мѣстность на югъ и на югъ-западъ отъ Пескьеры и Гардскаго озера. Вотъ подробности о ея характерѣ:

«Брешія. Іюня 19 (7).

«Южные берега Гардскаго озера опоясаны рядомъ невысокихъ холмовъ, начинающихся у Гавардо на Кіэзе и идущихъ на югъ къ Лонато и Кастильйоне [1]); потомъ эти холмы поворачиваютъ на юго-востокъ къ Вольтѣ [2]), далѣе оборачиваются на сѣверъ черезъ Валеджіо и Соммакомпанья [3]), и доходятъ до Адидже у Буссоленго [4]). Почти каждое изъ этихъ именъ напоминаетъ о какомъ нибудь сраженіи, а въ серединѣ треугольника, между этими его окраинами и Гардскимъ озеромъ, почти нѣтъ деревни, которая не бывала бы театромъ боя въ прежнихъ войнахъ новаго времени. Это потому, что холмы, идущіе на югъ отъ Гардскаго озера, охраняютъ пути къ Минчіо и переходы черезъ него, такъ сказать, и составляютъ передовое укрѣпленіе знаменитаго четыреугольника австрійскихъ крѣпостей.

---

[1]) Лонато—верстахъ въ 4 на западъ отъ юго-западнаго конца Гардскаго озера; Кастильйоне—верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Конато.

[2]) Вольта верстахъ въ 15 по прямой линіи отъ Кастильйоне, на юго-востокъ; она почти прямо на югѣ отъ Пескьеры и юго-восточнаго конца Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Минчіо на западъ.

[3]) Валеджіо лежитъ верстахъ въ 6 отъ Вольты на сѣверо-востокъ, уже на восточномъ берегу Минчіо. Соммакомпанья еще далѣе на сѣверо-востокъ отъ Вольты, верстахъ въ 10. Вольта, Валеджіо и Соммакомпанья образуютъ прямую линію, длина которой верстъ 15.

[4]) Буссоленго лежитъ на 8 верст. прямо на сѣверъ отъ Соммакомпаньи, на юго-западномъ берегу Адидже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ съ сѣвера на востокъ. Адидже течетъ сначала почти параллельно восточному берегу Гардскаго озера и поворачиваетъ почти прямо на востокъ съ небольшимъ уклоненіемъ къ югу, нѣсколько не доходя параллели южнаго берега Гардскаго озера. Такимъ образомъ, основаніе холмистаго треугольника (сѣверную сторону его) составляетъ линія отъ Лонато на западѣ до Буссоленго на востокѣ; эта линія имѣетъ около 25 верстъ длины, и въ средней части своей идетъ по южному берегу Гардскаго озера. Южный конецъ треугольника—Вольта, лежитъ верстахъ въ 20 отъ Лонато (юго-западнаго угла) и верстахъ въ 22 отъ Буссоленго (юго-восточнаго конца). Минчіо сѣвернымъ теченіемъ своимъ проходитъ по этому треугольнику, который большею половиною своею лежитъ на западъ отъ рѣки, а небольшимъ кускомъ на востокъ отъ нея.

Digitized by Google

«Черезъ Минчіо ведутъ три большія дороги. Одна на югѣ изъ Павіи въ Мантую идетъ вдоль По и входитъ прямо въ крѣпость. Двѣ другія на сѣверѣ; обѣ выходятъ изъ Брешіи. Та, которая идетъ сѣвернѣе, проходитъ прямою линіею черезъ Лонато, извивается по холмамъ вдоль южнаго края Гардскаго озера, переходитъ черезъ Минчіо въ Пескьерѣ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ озера, и потомъ ведетъ въ Верону. Другая дорога, идущая южнѣе, переходитъ черезъ Кіэзе у Монтекьяро, и входитъ въ холмистый треугольникъ у Кастильйоне, потомъ ведетъ на юго-востокъ до Гоито, гдѣ переходитъ черезъ Минчіо. Кромѣ этихъ главныхъ путей, есть двѣ или три проселочныя дороги черезъ Минчіо; онѣ выходятъ изъ Лонато или Кастильйоне и переходятъ рѣку у Валеджіо, Монцамбано и Саліонцо [1]).

«Я такъ подробно разсказывалъ вамъ объ этихъ дорогахъ потому, что онѣ составляютъ значительный элементъ въ оборонительной системѣ крѣпостного четыреугольника; онѣ устроены съ такимъ характеромъ, чтобы ограничить доступы къ нему по возможности немногими пунктами. Природа мѣстности очень благопріятствовала осуществленію такого плана. Начать съ того, что болѣе половины Минчіо,—вся нижняя часть его отъ Гоито до устья, такъ окружена болотами, что для устройства перехода нужны тутъ колоссальныя сооруженія. Въ центрѣ этой части теченія лежитъ крѣпость Мантуа, составляющая единственный пунктъ переправы.

«На сѣверѣ всѣ большія дороги сосредоточены въ Брешіи и оттуда къ Минчіо проложены по холмистому округу, описанному мною. Армія, желающая достичь рѣки, не можетъ миновать этой гористой мѣстности. Холмы эти настолько круты, что даютъ опору обороняющемуся, но не такъ утесисты, чтобы затруднять его собственныя движенія,—словомъ сказать, это мѣстность самая выгодная для обороны. Пока заняты холмы, и въ особенности край западнаго ряда ихъ у Лонато и Кастильйоне, непріятель не можетъ идти къ Минчіо, не подвергая чрезвычайной опасности своего тыла. Но даже и потерявъ эти двѣ крайнія позиціи, храбрый защитникъ въ холмистой мѣстности по обѣ стороны Минчіо почти на каждомъ шагу находитъ новыя позиціи, въ которыхъ можетъ задерживать непріятеля съ фронта и съ фланга. Если помните, въ 1848 году всѣ упорнѣйшія битвы австрійцевъ съ піэмонтцами происходили тутъ. И прежде и послѣ того эта мѣстность была любимымъ мѣстомъ австрійскихъ маневровъ при ежегодномъ лагерномъ сборѣ ихъ войскъ въ началѣ осени. Сообразивъ это все, натурально было бы ждать, что австрійцы встрѣтятъ насъ при Лонато и Кастильйоне главными силами, выдвинувъ свой авангардъ къ Монтекьяро на Кіэзе».

Австрійцы два раза покидали эту позицію, уходили за Минчіо и потомъ опять возвращались; въ первый разъ такой странный оборотъ сдѣлали они около 19 (7) іюня, во второй разъ перешли на западную сторону Минчіо 23 (11) іюня, чтобы рано поутру напасть на врага, котораго предполагали застать врасплохъ—предположеніе, нелѣпость котораго должна была являться ясною каждому въ ихъ лагерѣ, имѣвшему понятіе о томъ, какъ осторожно двигаются впередъ союзники. По какой причинѣ австрійцы возвращались назадъ послѣ перваго отступленія, мы не знаемъ хорошенько; но кажется, что тутъ странный маневръ этотъ былъ произведенъ только отдѣльнымъ корпусомъ, и имѣлъ характеръ сильной рекогносцировки. Второе, рѣшительное движеніе впередъ всѣми силами было, какъ теперь извѣстно, слѣдствіемъ мысли самого

[1]) Саліонцо лежитъ на Минчіо, верстахъ въ 4 ниже (южнѣе) Пескьеры; Монцамбано еще версты на 3 далѣе къ югу; Валеджіо еще южнѣе версты на 4. Отъ Пескьеры до Мантуи по прямому направленію всего верстъ 30 (по извилинамъ рѣки, конечно, болѣе). Проселочныя дороги всѣ три переходятъ рѣку въ верхней части, и самая южная изъ нихъ (у Валеджіо) не далѣе 10 верстъ отъ Пескьеры по прямому направленію. Изъ трехъ большихъ дорогъ двѣ переходятъ рѣку въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и Мантуѣ, а третій путь, черезъ Гоито, находится отъ Мантуи верстахъ въ 10, а отъ Пескьеры верстахъ въ 20.

Digitized by Google

Франца Іосифа, который увлекся личнымъ соперничествомъ съ Наполеономъ III и хотѣлъ показать, что умѣетъ быть главнокомандующимъ не хуже императора французовъ. Начинаемъ снова переводить разсказъ корреспондента „Times'a".

«Кавріана, 25 (13) іюня, 4 часа вечера.

«Еще новое имя прибавилось къ числу мѣстностей маленькаго треугольника между Кіэзе и Минчіо, прославленныхъ военными событіями. Сольферино—названіе, еще вчера неизвѣстное никому, кромѣ антикваріевъ, имѣетъ нынѣ значеніе во всемірной исторіи: оно соотвѣтствуетъ одной изъ величайшихъ битвъ нашего вѣка. Тутъ въ первый разъ встрѣтились полными силами двѣ великія арміи, борьбою которыхъ рѣшается судьба Италіи. Во всѣхъ прежнихъ битвахъ обѣ выставляли въ поле или по крайней мѣрѣ вводили въ дѣло только часть своихъ силъ; вчера обѣ онѣ ввели въ битву всѣ силы, какія только могли. Стало быть, тутъ былъ первый случай судить объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ и могуществѣ. Оба императора были во главѣ войскъ, окруженные всѣми опытнѣйшими своими совѣтниками.

«Каковъ будетъ непосредственный результатъ этого гигантскаго состязанія, вы давно уже будете знать по телеграфическимъ депешамъ, когда прійдетъ къ вамъ мое письмо. Каково бываетъ вліяніе великой битвы на общую судьбу похода, разъясняется тотчасъ по окончаніи сраженія только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда одна изъ армій совершенно разсѣяна; а сраженіе при Сольферино не принадлежитъ къ числу такихъ битвъ, хотя составляетъ великую и рѣшительную побѣду. Австрійцы были разбиты, оттѣснены съ одной позиціи за другою,—но могутъ ли они противостать намъ еще разъ въ открытомъ полѣ, или нѣтъ, этого мы теперь еще не знаемъ.

«Въ австрійскихъ военныхъ планахъ есть какой то элементъ, непостижимый для насъ и придающій дѣйствіямъ ихъ въ нынѣшнемъ второмъ періодѣ похода такую же сбивчивость и шаткость, какою отличался и первый періодъ кампаніи. Въ понедѣльникъ (20—8 іюня) они находятся въ полномъ отступленіи за Минчіо, а въ четвергъ опять выступаютъ впередъ всѣми своими силами, занимаютъ позиціи, укрѣпляютъ ихъ, приготовляются встрѣчать насъ. Не предположить ли, что отступленіе было уловкой? Но если такъ, они считали своего непріятеля слишкомъ довѣрчивымъ, думая спрятать отъ него 180 или 200 тысячную армію. Все повидимому показывало, что австрійцы хотятъ уйти за Минчіо, не принимая битвы на западной сторонѣ его, а думая всѣми своими силами защищать переходъ черезъ эту рѣку; но мы все-таки двигались впередъ съ такою осторожностью, какъ будто бы ежеминутно ожидали встрѣтить врага. Отряды правильно подвигались съ позиціи на позицію, одинъ заступалъ мѣсто, оставленное другимъ, на право и на лѣво посылались партіи для развѣдыванія непріятеля.

«Когда союзники, перешедши Кіэзе, приблизились къ той мѣстности, гдѣ скорѣе всего можно было ждать отпора, если готовился отпоръ, они стали подвигаться точно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы шли на поле битвы. Каждый корпусъ занималъ положеніе, которое слѣдовало бы ему занимать въ сраженіи. Это было видно при объѣздѣ по линіи союзныхъ войскъ наканунѣ битвы: тутъ, какъ и во все время наступленія, лѣвое крыло было нѣсколько впереди праваго, а на крайнемъ правомъ крылѣ былъ отдѣльный корпусъ, шедшій въ тылу для прикрытія этого фланга, но такъ близко къ передовой линіи, что при случаѣ битвы можно было ввести его въ боевую линію.

«Наканунѣ сраженія позиція союзниковъ протягивалась отъ Дезенцано на берегу Гардскаго озера [1]) вдоль по западному краю холмистаго треугольника, черезъ Лонато до Кастильйоне, потомъ линія расположенія поворачивала назадъ къ Карпенедоло, гдѣ касалась рѣки Кіэзе. Самъ императоръ съ гвардіею, составлявшею ре-

---

[1]) Дезенцано лежитъ на юго-западномъ углу Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Лонато, которое находится на юго-западѣ отъ озера.

Digitized by Google

зервъ, былъ въ Монтекьяро, а штабъ-квартира сардинскаго короля находилась въ Лонато [1]).

«Въ этотъ день (23) была сдѣлана рекогносцировка къ Сольферино [2]) и наткнулись на австрійскіе аванпосты; это показало, что Сольферино занято австрійцами но не разъяснило, отдѣльный ли тутъ отрядъ ихъ, оставленный для наблюденія за союзниками, или авангардъ всей австрійской арміи. Дѣло показалось подозрительнымъ. По всей окрестности было то глубокое молчаніе. которое почти всегда замѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ; единственными признаками жизни и движенія служили облака пыли по направленію къ переходамъ черезъ Минчіо у Гонто и Мантуи. Вечеромъ воздухоплаватель Годдаръ долженъ былъ подняться на аэростатѣ съ одного изъ холмовъ, находящихся позади Кастильйоне [3]). Мнѣ нужно было уѣхать въ Кастильйоне до начала этой операціи, потому не умѣю вамъ сказать, удалась ли она и разъяснила ли положеніе непріятеля. Какъ бы то ни было, вечеромъ въ Кастильйоне все еще оставалось неподвижно—и гвардія, и императорская квартира.

«Наконецъ, вчера въ 5 часовъ утра громъ пушекъ показалъ, что положеніе непріятеля извѣстно: сильная рекогносцировка со стороны союзниковъ обнаружила его силы. Менѣе нежели въ часъ гвардія построилась и выступила. Еще не прошелъ другой часъ, уже готова была диспозиція къ атакѣ. Не знаю, была ли эта диспозиція составлена по вдохновенію минуты, или императоръ заранѣе зналъ, на какую позицію прійдутъ австрійцы защищать переходъ черезъ Минчіо; но судя по видимому, казалось, что весь планъ атаки составили экспромтомъ, и приказанія были отданы уже въ самыя послѣднія минуты.

«Прежде чѣмъ говорить объ этихъ диспозиціяхъ, постараюсь дать вамъ понятіе о расположеніи австрійской арміи.

«Минчіо, выходя изъ Гардскаго озера, течетъ прямо на югъ, а гряды холмовъ на обоихъ берегахъ идутъ почти перпендикулярно къ нему. На правомъ (западномъ) берегу, который одинъ для насъ нуженъ, холмы идутъ съ сѣверо запада на югъ до Кастильйоне, потомъ, дѣлая поворотъ, упираются въ Минчіо по направленію на юго-востокъ. Такимъ образомъ гористая мѣстность тутъ образуетъ довольно правильный параллелограммъ, направленный отъ сѣверо-востока на юго-западъ; четырьмя углами его служатъ Лонато, Пескьера, Вольта и Кастильйоне [4]); длиною этотъ параллелограммъ холмовъ около 12 миль (18 верстъ), а широта—около 9 миль (14 верстъ) [5]) и почти по самой срединѣ раздѣленъ рѣчкою, текущею въ Минчіо. Холмы поднимаются легкими возвышеніями отъ береговъ озера, достигаютъ самой большой высоты своей около источника этой рѣчки, потомъ опять понижаются къ Минчіо. Источникъ рѣчки почти въ самомъ центрѣ параллелограмма; налѣво отъ нея (на сѣверъ) лежатъ Рондолетто и Поццоленго, а налѣво (на югъ)—Сольферино, Монте-Оливето и Кавріана

---

[1]) Читатель помнитъ, что союзники вообще подвигались лѣвымъ крыломъ нѣсколько впередъ; сардинцы были на лѣвомъ крылѣ. Лонато отъ Кіэзе находится верстахъ въ 6 на востокъ (впередъ къ непріятелю); Кастильйоне, какъ мы говорили, верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато; Карпенедоло верстахъ въ ... на юго-западъ отъ Кастильйоне; эта деревня (Кастенедоло) лежитъ около 1½ версты на востокъ отъ Кіэзе. Прямое разстояніе между Дезенцано и Карпенедоло верстъ 13. Монтекьяро лежитъ на Кіэзе, верстахъ въ 7 на западъ отъ Кастильйоне и занимаетъ центръ дуги, образуемой Лонато, Кастильйоне и Карпенедоло.

[2]) Верстахъ въ шести на востокѣ отъ Кастильйоне.

[3]) Этотъ извѣстный воздухоплаватель, находящійся при главной квартирѣ императора французовъ, очень помогалъ своими восхожденіями полученіями свѣдѣній о расположеніи непріятельскихъ силъ; по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ корреспонденты французскихъ газетъ. Читатель помнитъ, что еще въ концѣ прошлаго вѣка генералы французской республики пытались воспользоваться этимъ новымъ тогда открытіемъ для обозрѣванія непріятельскихъ позицій.

[4]) Лонато на сѣверномъ, Кастильйоне на южномъ углу западной (союзнической) стороны; Пескьера на сѣверномъ, Вольта на южномъ концѣ восточной (австрійской) стороны.

[5]) Длина тутъ считается по направленію отъ Лонато къ Пескьерѣ, а широта по восточной и западной сторонамъ.

Digitized by Google

Эти пункты австрійцы выбрали ключами своей позиціи; позиція ихъ тянулась отъ Пескьеры, на которую они опирались правымъ флангомъ, черезъ этотъ крѣпкій центръ въ равнину рѣки Минчіо, пересѣкаемую шоссе, идущимъ въ Гоито. Вся длина ихъ позиціи имѣла не менѣе 12 миль (18 верстъ). Центромъ этой линіи была Кавріана, гдѣ императоръ австрійскій расположилъ свою главную квартиру, а Сольферино былъ ключъ всей позиціи [1]). Такою позиціею прикрывались всѣ доступы къ Минчіо; но именно мысль о необходимости прикрыть всѣ дороги, ведущія къ этой рѣкѣ, заставила австрійцевъ растянуть свою позицію на такое огромное пространство и позиція была ослаблена своею излишнею длиною. Надобно притомъ замѣтить, что чѣмъ далѣе отступать къ востоку, тѣмъ болѣе возрастаетъ эта ослабляющая длина позиціи, потому что главный путь черезъ Минчіо, шоссе, ведущее въ Гоито, идетъ изъ Кастильйоне къ рѣкѣ съ большимъ отклоненіемъ на югъ.

«Эту слабость позиціи союзники замѣтили и составили свой планъ сообразно съ нею. Вмѣсто того, чтобы брать позицію съ фронта, откуда она страшно крѣпка, вся сила атаки была устремлена на фланги, съ тѣмъ чтобы, если возможно, прорвать австрійскую линію и овладѣть однимъ изъ доступовъ къ Минчіо или, по крайней мѣрѣ, заставить непріятеля покинуть крѣпкую позицію на холмахъ.

«Поэтому четвертый корпусъ, генерала (нынѣ маршала) Ніэля, подкрѣпленный частью резерва и артиллеріею, получилъ приказаніе оперировать въ равнинѣ, по направленію къ Гоито [2]). Первый корпусъ маршала Бараге д'Илье долженъ былъ идти по дорогѣ, ведущей изъ Кастильйоне вдоль холмовъ у ихъ подошвы, мимо деревушки Гроле, на Сольферино. Одна изъ дивизій корпуса герцога маджентскаго (Макъ-Магона; его корпусъ второй) должна была атаковать Сольферино по горной дорогѣ, съ фронта, а другая совершенно съ тыла, отъ деревни Санъ-Кассіано [3]). 3-й корпусъ, маршала Канробера, не былъ поставленъ въ первой линіи, — онъ оставался нѣсколько назади, по направленію къ Кастель-Онзаго [4]), а сардинской арміи назначено было совершить на лѣвомъ (сѣверномъ) крылѣ фланговое движеніе, соотвѣтственное подобному движенію на правомъ крылѣ (то есть движенію 4-го корпуса) и стараться прорвать линію между Пескьерою и Поццоленго, чтобы овладѣть одною изъ дорогъ на Минчіо, находящихся въ этомъ направленіи. Гвардія оставалась въ резервѣ, подъ личнымъ начальствомъ императора, управлявшаго всѣмъ наступленіемъ.

«Холмистый видъ мѣстности довольно благопріятенъ для наблюдателя, но линія была такъ растянута, что не было возможности обозрѣвать всю ее, а одновременность наступленія на многихъ пунктахъ отнимала возможность слѣдить за подробностями въ каждой отдѣльной мѣстности. Потому ограничусь только главными чертами, насколько я самъ видѣлъ дѣло или успѣлъ разузнать о немъ.

«Аттака началась почти одновременно на правомъ крылѣ и въ центрѣ: въ то самое время, какъ ружейный огонь и наступленіе колоннъ къ Сольферино показали, что битва завязалась въ центрѣ, послышался громъ піэмонтскихъ пушекъ съ лѣваго фланга и Ніэлевой артиллеріи съ праваго, со стороны Санъ-Виджиліо и Медоле [5]).

«Холмъ, около котораго построена деревня Сольферино, — самый возвышенный пунктъ во всей окрестности. Онъ имѣетъ форму конуса, а на вершинѣ его стоитъ высокая четырехъугольная башня, называющаяся Spia d'Italia (Шпіонка Италіи), потому что съ верху ея видна вся равнина Верхней Италіи отъ Альпъ до По. Этотъ холмъ стоитъ отдѣльно отъ остальнаго хребта и отъ него идутъ три возвышенныя террасы: одна къ озеру, другая въ долину, третья къ деревнѣ Кавріанѣ. Такимъ образомъ, онъ составляетъ какъ будто цитадель съ тремя бастіонами, и всѣ дороги,

---

[1]) Кавріана лежитъ верстахъ въ трехъ на юго-востокъ за Сольферино.

[2]) Читатель помнитъ, что дорога въ Гоито лежала на лѣвомъ флангѣ австрійской позиціи.

[3]) Санъ-Кассіано лежитъ на юго-востокъ отъ Сольферино, на версту съ небольшимъ.

[4]) На сѣверо-западъ отъ Сольферино.

[5]) Эти деревни лежатъ верстахъ въ 4 и въ 7 на югъ (направо по французскому фронту) отъ Кастильйоне; Санъ-Кассіано, куда Ніэль долженъ былъ двинуться, чтобы атаковать Сольферино съ тыла, лежитъ между Медоле и Сольферино.

Digitized by Google

ведущія къ нему, идутъ по ущельямъ между террасами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной обращенной въ равнину, террасы очень круты, и сами дороги всходятъ по такому крутому возвышенію, что называются «лѣстницами», Scale di Solferino. Съ равнины подъемъ на холмъ не крутъ до первыхъ домовъ селенія, но тутъ получаетъ такую же обрывистую крутизну, какъ подъемы съ другихъ сторонъ. Этотъ подъемъ со стороны равнины и былъ выбранъ пунктомъ аттаки. Австрійцы ждали того и приготовились къ встрѣчѣ противниковъ. Обѣ стороны дороги до самаго села покрыты виноградниками; въ нихъ были введены густыя массы пѣхоты; мѣстность по своему характеру давала ихъ стрѣлкамъ прикрытіе и свободу дѣйствія. Артиллерію они также приготовили: поставили пушки не только на дорогѣ, но и по обѣ стороны ея на разныхъ возвышенныхъ пунктахъ, которыхъ много въ верхней половинѣ дороги, близъ деревни. Бой начался почти съ самой равнины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Кастильйоне поворачиваетъ на гору къ деревнѣ и пересѣкаетъ другую дорогу, ведущую изъ деревни на гоитское шоссе. Двѣ дивизіи перваго корпуса (дивизіи Форе и Базена) должны были выбивать непріятеля съ позицій; дивизія втораго корпуса должна была напасть на деревню съ тыла, отъ Санъ-Кассіано. Австрійскіе стрѣлки были прогнаны; двѣ дивизіи 2-го корпуса двинулись впередъ и послѣ жаркой перестрѣлки успѣли оттѣснить непріятеля къ деревнѣ. Но настоящій бой именно только въ деревнѣ и начался. Входъ въ нее былъ загороженъ баррикадами, и въ высокихъ стѣнахъ садовъ, идущихъ по обѣ стороны, были продѣланы бойницы для ружей, а съ возвышенія направо осыпала дорогу картечью батарея. Входъ въ деревню сдѣлался мѣстомъ отчаяннѣйшей битвы: наконецъ французы пробились черезъ него, и тогда началось одно изъ тѣхъ сраженій въ улицахъ, которыя составляютъ отличительную черту нынѣшней кампаніи: въ каждомъ домѣ были сдѣланы бойницы, каждый былъ занятъ непріятелемъ. Въ домахъ этихъ нѣтъ на дворахъ выходовъ съ задней стороны, потому въ каждомъ засѣвшіе въ него солдаты должны были драться до послѣдняго человѣка или сдаваться. Первая дивизія 1-го корпуса два раза успѣвала прорываться до церкви, ограда которой находится у самой подошвы большаго коническаго холма, и два раза принуждена была отступать передъ резервами, подводимыми непріятелемъ Бой длился болѣе двухъ часовъ, и силы солдатъ начали изнемогать. Въ эту минуту, около 8 часовъ утра, гвардейскіе вольтижеры и егеря получили приказаніе смѣнить ихъ. Въ то же время дивизія 2-го корпуса съ тюрками или алжирскими туземными стрѣлками успѣшно произвела аттаку отъ Санъ-Кассіано, а другая дивизія 1-го корпуса достигла высотъ налѣво отъ дороги. Менѣе, чѣмъ въ полчаса непріятель былъ выбитъ изъ своей крѣпости и отступилъ, оставивъ 12 пушекъ побѣдителямъ. Онъ удалялся къ Кавріанѣ, но шагъ за шагомъ. Смотря съ Сольферино къ Кавріанѣ, видишь рядъ холмовъ, безпрестанныхъ подъемовъ и спусковъ, изъ которыхъ каждый былъ мѣстомъ новой схватки.

«По взятіи Сольферино бой получилъ характеръ правильнаго сраженія, въ которомъ стало играть роль тактическое искусство,—взятіе Сольферино было болѣе дѣломъ храбрости, нежели искусства. Сраженіе часто сравниваютъ съ шахматною игрою. Вѣрность этого сравненія никогда не поражала меня такъ, какъ вчера при видѣ наступленія отъ Сольферино къ Кавріанѣ, когда одинъ нашъ отрядъ выдвигался за другимъ, а непріятель шагъ за шагомъ уступалъ. Въ этомъ боѣ особенно обнаружилось превосходство новой французской нарѣзной пушки. Легкость орудій этихъ такова, что ихъ можно было поднимать на холмы, на которые по крутизнѣ ихъ даже пѣхотѣ трудно было взбираться. А между тѣмъ далекость и вѣрность ихъ стрѣльбы почти невѣроятны. Видно было, какъ ихъ бомбы лопаются среди непріятельскихъ батарей и пѣхоты, между тѣмъ какъ ядра австрійскихъ пушекъ, бросаемыхъ подъ самымъ большимъ угломъ возвышенія, не долетали или лопались въ воздухѣ. Аттака на этотъ рядъ позицій, занимаемыхъ одна за другою, произведена была одновременно и съ высотъ и изъ долины; общею цѣлью нападенія было взять высоты Кавріаны, бывшей центромъ австрійской позиціи. Между тѣмъ какъ одна колонна подымалась по дорогѣ, ведущей вдоль подошвы холмовъ къ Кавріанѣ, главныя силы шли поперекъ горъ и ложбинъ, къ Кавріанской башнѣ, по мѣстности почти непроходимой,

Digitized by Google

Въ то время, какъ совершалась такимъ образомъ атака на мѣстѣ, которое сдѣлалось теперь центромъ позиціи, развивалась и атака производимая 4-мъ корпусомъ въ равнинѣ на правомъ крылѣ. Близь Кастильйоне направо и налѣво отъ дороги мѣстность покрыта виноградниками и тутовниками,—лозы и деревья насаждены не очень густо, но такъ, что все-таки составляютъ достаточное прикрытіе для движеній кавалеріи и артиллеріи. Мили черезъ двѣ, деревья по обѣ стороны отходятъ отъ дороги, и отъ подножья холмовъ, чрезъ шоссе до окрестностей Медоле, простирается почти обнаженная отъ деревьевъ равнина, отчасти обращенная въ лугъ, отчасти засѣянная хлѣбомъ. Эта равнина, протягивающаяся до Кавріаны, Гвидиццоло и Черезоле [1]), стала сценою самаго горячаго кавалерійскаго и артиллерійскаго боя, очень смертоноснаго, какъ видно было въ телескопъ съ высотъ. Пѣхота участвовала въ немъ только на правомъ краю равнины, у Медоле и Черезоле, занимая лежащіе у входа въ равнину виноградники, откуда непріятельская пѣхота была выгнана. Какъ только генералъ Ніэль могъ дебушировать въ равнину съ правой стороны, побѣда была рѣшена, потому что безмѣрное превосходство французской артиллеріи заставило уступить австрійскихъ артиллеристовъ, которые, надобно признаться, дрались очень храбро. Это было около 4 часовъ вечера. Центръ дошелъ до кавріанскихъ холмовъ и пока одна колонна взлѣзала на обрывистый гребень, подъ которымъ идетъ дорога, другая была послана по дорогѣ въ деревню. По быстротѣ, съ которою подвигались колонны, было видно, что австрійцы покинули мысль продолжать сопротивленіе въ этой позиціи и думали только о томъ, чтобы совершить отступленіе въ порядкѣ. На кавріанской позиціи, которая почти также страшна, какъ сольферинская, они держались только до той поры, пока могли увести другія свои войска, и она была наконецъ взята съ незначительною потерею. Въ равнинѣ австрійская артиллерія очень хорошо отступала эшелонами, а кавалерія ихъ была выслана впередъ задерживать союзниковъ. Тутъ африканскіе егеря (chasseurs d'Afrique) сдѣлали нѣсколько блестящихъ атакъ, но непріятель все-таки удержалъ за собою дорогу въ Гоито. Къ 5 часамъ въ центрѣ и на правомъ крылѣ было почти все кончено. Окончаніе было ускорено проливнымъ дождемъ, который пошелъ около этого времени.

«Разсказъ о томъ, что происходило на лѣвомъ крылѣ, я долженъ оставить до другаго письма, потому что не могъ наблюдать за сраженіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, и не имѣлъ еще времени ни разспросить о подробностяхъ, ни осмотрѣть поля битвы. Но когда битва на правомъ флангѣ кончилась, началась сильная канонада на лѣвомъ; это, вѣроятно, было или возобновленіе атаки для овладѣнія Ponte di Monzambano или нападеніе на часть австрійской арміи, отступавшую къ Пескьерѣ. Было, кажется, сдѣлано нѣсколько залповъ изъ этой крѣпости; судя по звуку, нѣкоторые выстрѣлы должны были быть изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій.

«Результатъ побѣды—то, что австрійцы прогнаны съ позиціи, которую они сами выбрали и всячески укрѣпили, такъ, что сдѣлали ее почти неприступною. Это такое доказательство превосходства французовъ, сильнѣе котораго не можетъ и быть.

«Поццоленго, 26 іюня.

«Я почти жалѣю, что писалъ вамъ вчера по первому впечатлѣнію битвы; эта поспѣшность могла придать извѣстный мѣстный колоритъ разсказу, но была во вредъ его точности. Въ маленькомъ сраженіи, гдѣ вы сами можете наблюдать каждое движеніе и каждый фазисъ дѣла, записывать свои первыя впечатлѣнія, конечно,—лучшій методъ; въ такой большой битвѣ, какая была 24 іюня, приходится собирать подробности постепенно, и только познакомившись съ ними всѣми, начинаешь понимать истинный видъ сраженія и становишься способнымъ вѣрно изобразить его. О дѣлахъ, подобныхъ сольферинскому сраженію, отдавать отчетъ въ первую же минуту—почти опрометчивость; потому что самъ главнокомандующій затруднился бы пересказать факты такого сраженія. Черезъ пять часовъ по его окончаніи, онъ самъ еще не

[1]) То есть, верстъ на 9 на югъ отъ Сольферино.

Digitized by Google

зналъ бы ихъ хорошенько. Я вижу однако, что мое первое впечатлѣніе было справедливо, и что съ нашей стороны не ожидали сраженія. Извѣстно было, что аррьергардъ австрійской арміи, корпусъ Бенедека (8-й корпусъ), сражавшійся у Меленьяно и потомъ прикрывавшій отступленіе остальной арміи, воротился на эту сторону Минчіо 19 числа. Онъ получилъ приказаніе остановиться въ Кастильйоне и приготовиться къ оборонѣ этой деревни; но едва началъ онъ исполнять предписаніе, какъ получилъ противное приказаніе, отзывавшее его опять за Минчіо. Потому онъ перешелъ рѣку у Монцамбано, оставивъ только малочисленные аванпосты за собою. Итакъ, очевидно, что австрійцы въ это время думали довольствоваться только обороною линіи Минчіо. Между 19 и 22 числомъ ихъ планъ измѣнился — это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гіулай только 22 числа простился съ арміею. Прощаніе состояло въ очень лаконическомъ приказѣ по арміи, говорившемъ только, что императоръ далъ ему другое назначеніе, и что потому онъ уѣзжаетъ. На мѣсто его начальникомъ штаба итальянской арміи былъ назначенъ генералъ Шликъ, бывшій прежде гусаромъ и составившій себѣ имя въ венгерской войнѣ 1848 — 49 годовъ. Главную команду надъ арміею лично принялъ императоръ. Судя по всему, кажется, что слишкомъ много было мастеровъ при вареніи этой браги, потому что очень много соперничества между австрійскими генералами, изъ которыхъ каждый воображаетъ себя имѣющимъ право быть главнокомандующимъ. Напримѣръ, генерала Бенедека, который считается,—по крайней мѣрѣ въ своемъ корпусѣ,—способнѣйшимъ командовать, Гіулай обвиняетъ за то, что онъ пришелъ на манджентское поле позднѣе, чѣмъ слѣдовало, хотя вѣроятнѣе то, что будучи на другой сторонѣ По, онъ не имѣлъ времени прійти ко времени битвы.

«Какъ бы то ни было, императоръ лично принялъ команду для того, чтобы прекратить всѣ эти раздоры, на которыя очень досадуетъ армія. Это было 22 числа. 23-го армія получила приказаніе быть готовою къ выступленію въ 7 часовъ утра, и все громадное войско, состоявшее изъ 1-го, 2-го, 3-го, 5-го, 7-го, 8-го и 9-го корпусовъ, перешло въ этотъ день Минчіо и до наступленія вечера всѣ отряды его заняли назначенныя позиціи. Эта масса, къ которой надобно прибавить 12 лучшихъ кавалерійскихъ полковъ (отъ ихъ дѣйствія на равнинѣ медольскаго поля ожидали многаго) не могли имѣть менѣе, какъ 180—200 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, двинутъ былъ за рѣку сильный паркъ тяжелыхъ орудій.

«Подумавъ о томъ, что такая масса въ одинъ день успѣла перейти рѣку и прійти на позиціи, изъ которыхъ иныя находились въ 10—12 миляхъ (15—18 верстъ) отъ берега, невозможно не удивиться обнаруженной тутъ дѣятельности, и невозможно удержаться отъ заключенія, что австрійскій главнокомандующій не умѣлъ воспользоваться качествами своей арміи въ началѣ компаніи.

«Эта огромная армія собралась не столько для того, чтобы защищать позиціи на холмахъ, сколько за тѣмъ, чтобы напасть на союзныя арміи и прогнать ихъ изъ Ломбардіи. Увѣренность въ этомъ была, надобно думать, велика, потому что занятіе Брешіи и Милана стало обыкновеннымъ разговоромъ офицеровъ. Императоръ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ и рано на слѣдующее утро осмотрѣлъ сольферинскую позицію.

«Возвращеніе австрійцевъ было такъ внезапно, что извѣстіе о немъ не дошло до союзной арміи. По причинамъ, о которыхъ я теперь не могу говорить, союзники преднамѣренно шли впередъ медленно и не старались заходить слишкомъ далеко, чтобы не вести дѣла поспѣшнѣе, нежели какъ нужно было для ихъ цѣли. Вы, конечно, замѣтили это по короткимъ переходамъ и долгимъ остановкамъ въ движеніи союзниковъ за Брешіею. 24 числа они вовсе не хотѣли двигаться впередъ. Весь планъ этого дня состоялъ у нихъ въ томъ, чтобы піэмонтцы, линія которыхъ шла отъ Дезенцано на берегу озера по краю холмовъ до Эзенты [1]), послали два отряда для рекогносцировки: одинъ къ Пеекьерѣ, а другой къ Поццоленго, по дорогѣ къ Саліонцскому мосту, а 1-й французскій корпусъ (Бараге д'Илье), занимавшій остальную половину дороги къ Кастильйоне, также долженъ былъ послать два отряда для рекогносцировки: къ Madonna del Monte, по дорогѣ изъ Кастильйоне къ Поццоленго и другой къ Сольферино.

Digitized by Google

«Вы помните, мнѣ представлялось, что битва завязалась отъ встрѣчи этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ съ непріятелемъ. Относительно піэмонтцевъ это такъ, но не вѣрно относительно французовъ: еще до выступленія изъ отрядовъ на рекогносцировку, линія ихъ аванпостовъ была уже атакована въ равнинѣ отъ Медоле къ Санъ-Кассіано. Планъ непріятеля состоялъ, кажется, въ томъ, чтобы, отставая правымъ крыломъ, нанести рѣшительный ударъ лѣвымъ, чтобы подвергнуть опасности или совсѣмъ отрѣзать линію отступленія союзникамъ. Съ этою цѣлью 8-й корпусъ (Бенедека), перешедшій Минчіо, былъ поставленъ на высотахъ у Пуццоленго, а остальная армія была собрана между Сольферино и Медоле, Кавріаною и Черезоле. Это движеніе въ обходъ праваго фланга союзниковъ было возможно только подъ условіемъ удержать за собою высоты Сольферино: потерявъ ихъ, армія, если бы продолжала держаться въ равнинѣ, подвергалась опасности быть разрѣзанною на двое и потерять одинъ изъ переходовъ черезъ Минчіо или даже два.

«Императоръ, прибывшій, какъ вы помните, черезъ часъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, тотчасъ же увидѣлъ эту опасность и необходимость овладѣть ключемъ позиціи. Существенною задачею было: задержать непріятельскія силы, направленныя на наше правое крыло, и оттѣснять его къ равнинѣ, пока ключъ позиціи будетъ взятъ. Для этого 1-й корпусъ получилъ приказаніе идти по дорогамъ, опоясывающимъ холмы со стороны равнины; 2-й корпусъ сталъ на право отъ 1-го, а еще правѣе 1-го былъ поставленъ 4-й корпусъ; 3-й былъ оставленъ назади, по направленію къ краю праваго крыла, чтобы служить резервомъ 4-му въ случаѣ надобности, предотвратить всякое фланговое движеніе непріятеля и атаковать его лѣвый флангъ, если онъ покусится на фланговое движеніе. Гвардейская пѣхота была поставлена резервомъ для 1-го и 2-го корпусовъ, а вся кавалерія находилась въ готовности двинуться впередъ, какъ только непріятель будетъ оттѣсненъ въ открытую равнину Campo di Medole. Упорство австрійцевъ удержать Сольферинскія высоты равнялось только стремительности, съ которою усиливались они сбить наше правое крыло и, если возможно, обойти его.

«Я описывалъ вамъ сольферинскую позицію. Увѣряю васъ, она принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ можно вполнѣ сказать: «чѣмъ долѣе всматриваешься, тѣмъ неправдоподобнѣе становится». Невозможно вообразить себѣ ничего крѣпче этого форта на холмѣ съ его высокими утесистыми бастіонами и дорогою, идущею по ущельямъ, которыя фланкированы маленькими террасами, именно такой высоты и на такомъ разстояніи, какъ нужно для дѣйствія артиллеріи. Австрійцы, знавшіе каждый дюймъ этой любимой мѣстности своихъ маневровъ, отлично воспользовались всѣми ея выгодами. Но особенно позаботились они о томъ, чтобы всевозможно укрѣпить входы въ село и домы. Домы построены на спускѣ крутаго холма, потому они и ихъ сады стоятъ какъ будто на высокихъ насыпяхъ, а ихъ заборы образуютъ родъ крѣпостной стѣны вокругъ села. Въ каждомъ заборѣ были устроены бойницы, за каждою бойницею стояло по одному и по два хорошихъ стрѣлка, вооруженныхъ штуцерами, и солдаты, стоявшіе позади стрѣлковъ, постоянно подавали имъ новые заряженные штуцера. Врываясь въ деревню французы понесли большую потерю. Мѣстность передъ нею была совершенно очищена, такъ что штурмующіе были безъ всякаго прикрытія отъ огня. Лѣстницъ у нихъ не было, а ворота такъ высоки, что нельзя было просто перелѣзть ихъ; потому 1-й полкъ зуавовъ (отличавшійся и въ сраженіи при Меленьяно) составилъ пирамиду изъ людей, и ставшіе въ нижнемъ ряду подверглись убійственному непрерывному огню, чтобы дать перелѣзть стѣну своимъ товарищамъ. Но самая страшная бойня была, по обыкновенію, около церквей (ихъ двѣ; одна стоитъ какъ разъ подлѣ высокой квадратной башни, Spia d'Italia, о которой я такъ часто говорилъ, а другая на одномъ изъ отроговъ, выходящихъ отъ горы къ озеру) и наконецъ около самой Spia d'Italia. Эта квадратная башня и разрушенная стѣна вокругъ нея построена, какъ я говорилъ вамъ, на высокой конусообразной горѣ, пускающей три отрога: на равнину, къ Кастильйоне и къ озеру. Идущій въ равнину—наименѣе крутой и самый широкій, на

---

[1]) На половинѣ дороги между Лонато и Кастильйоне.

Digitized by Google

его вершинѣ стоитъ большая церковь съ оригинальнымъ куполомъ, а обширный дворъ ея обнесенъ высокими стѣнами. Одна изъ дорогъ спускается отсюда въ равнину по довольно крутой улицѣ, но по выходѣ изъ деревни спускъ становится отлогимъ. Слѣва эта дорога фланкирована высокою отдѣльною террасою, а справа господствуетъ надъ нею длинный отрогъ съ плоскою вершиною, идущій отъ башни къ Кастильйоне и образующій главную черту этого пейзажа, благодаря двумъ-тремъ десяткамъ высокихъ тополей, посаженныхъ на немъ въ рядъ. Третій отрогъ, ниже двухъ первыхъ, вознаграждаетъ свою невысокость своею утесистою крутизною. Церковь, построенная на краю его, также составляетъ одну изъ главныхъ чертъ картины. По самому соединенію этого отрога съ горою очень круто спускается дорога, ведущая въ Кастильйоне. Часть деревни, построенная въ этихъ мѣстахъ, называется верхнею деревнею. Съ Кавріанской стороны гора имѣетъ очень обрывистый спускъ и у подошвы ея построена тутъ нижняя деревня, дорога къ которой ведетъ черезъ Санъ-Кассіано.

«Всѣ дороги идутъ между этими отрогами горы, такъ что каждая изъ нихъ составляетъ дефиле. Потому главныя усилія штурмующихъ были обращены на взятіе высотъ, господствующихъ надъ дорогами. Почти всѣ эти отроги въ своей верхней части такъ круты, что очень трудно взобраться на нихъ даже человѣку необремененному никакою тяжестью; послѣ этого можете вообразить себѣ, каково было достичь вершинъ французскимъ солдатамъ въ аммуниціи, съ ранцами на плечахъ. Австрійцы, стоявшіе на верху, сложили съ себя ранцы и ждали непріятеля, облегчивъ себя такимъ образомъ. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ прибавьте палящее іюньское солнце, нѣсколько непріятельскихъ батарей, осыпающихъ картечью, и густую массу австрійской пѣхоты, стрѣляющей съ верху изъ штуцеровъ. Только послѣ полудня успѣли французы взойти на высоты. Двѣ бригады,—одна изъ 1-ой, другая изъ 2-ой дивизіи 1-го корпуса, напрягали всѣ свои усилія, чтобы овладѣть высотами, но были оттѣснены назадъ. Тогда-то императоръ, управлявшій движеніями съ одного изъ малыхъ холмовъ, сказалъ, какъ говорятъ: «Надобно взять этотъ пунктъ; онъ ключъ позиціи. Прикажите двинуться впередъ гвардейскимъ гренадерамъ»,—потомъ, какъ будто вспоминая, что они уже отбыли свой чередъ подъ Маджентою, сказалъ: «Нѣтъ, пошлите 1-ую бригаду вольтижеровъ». Пришли гвардейскіе егеря и 1-е батальоны 1-го и 2-го вольтижерскихъ полковъ, и съ разбѣга взяли высоты съ 12 пушками, стоявшими на нихъ. Ихъ стремительная атака была такъ великолѣпна, что императоръ и за нимъ весь штабъ сняли шляпы и закричали: «Bravo, les voltigeurs!»

«Я прибылъ на эту позицію вскорѣ послѣ ея взятія и долженъ признаться, что никогда не видѣлъ столькихъ труповъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Можно было понять, чего стоилъ бой обѣимъ сторонамъ, посмотрѣвъ на число и на лица людей въ полкахъ, дравшихся тутъ. Но удивительно для меня все-таки то, какъ французы могли взять эту позицію. Австрійцы, охранявшіе деревню у подошвы горы, были взяты въ плѣнъ: они имѣли приказаніе защищать это мѣсто до послѣдняго человѣка.

«Атака втораго корпуса, какъ вы помните, происходила направо отъ мѣста атаки перваго корпуса. Второму корпусу было поручено очистить равнину налѣво отъ гоитской дороги, у подножія холмовъ; ему пришлось одолѣть не меньшія трудности, хотя другаго рода. По природѣ эта мѣстность ровна, какъ столъ, но пересѣчена дорогами, изгородями, рядами деревъ, рвами и насыпями. Каждая изъ этихъ искусственныхъ преградъ становилась для непріятеля новымъ средствомъ сопротивленія; ему чрезвычайно благопріятствовало множество отдѣльныхъ фермъ, которыми наполнена равнина и каждая изъ которыхъ стала теперь маленькою цитаделью, требовавшею приступа.

Четвертый корпусъ точно также дѣйствовалъ направо отъ гоитской дороги. Часть его была послана исполнить фланговое движеніе отъ Медоле и дебушировать къ Гвидиццоло, около кавріанскихъ высотъ. Бой былъ чрезвычайно упоренъ, особенно въ фермахъ, потому что австрійцы, видя себя въ опасности потерять гоитскую дорогу и быть отброшенными къ холмамъ, не щадили никакихъ усилій для задержанія четвертаго корпуса. Несмотря на то, обѣ колонны вечеромъ дебушировали на ме-

Digitized by Google

дольскую поляну (Campo di Medole). Безъ сомнѣнія, взятіе Сольферино много помогло французамъ на этомъ флангѣ, потому что австрійцы послѣ того сражались только для прикрытія своего отступленія. Очевидецъ, бывшій въ томъ дѣлѣ, гдѣ находился императоръ австрійскій, разсказываетъ, что когда Францъ Іосифъ увидѣлъ отступленіе своихъ войскъ съ Кавріанской башни, у него показались слезы на глазахъ.

«Пока дѣла шли такимъ образомъ на правомъ флангѣ (союзниковъ), піэмонтцы, по условію, двинули отряды на рекогносцировку. Одна бригада пятой дивизіи съ 12 пушками пошла къ Пескьерѣ, и одна бригада третьей дивизіи, съ 4 пушками, къ Поццоленго. Первая шла полемъ прямо къ Пескьерѣ, вторая сначала по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Дезенцано въ Пескьеру, а дошедши до пересѣченія желѣзной дороги съ шоссе, повернула къ Поццоленго.

«Мѣстность на югъ отъ Серміонскаго полуострова [1]), идетъ легкимъ возвышеніемъ къ холмамъ на югѣ, образуя какъ будто бассейнъ между озеромъ и треугольникомъ холмовъ. Она густо усажена деревьями и неудобна для обзора. Сардинцы, не подозрѣвая близости непріятеля, дошли въ своей рекогносцировкѣ до Санъ-Мартино [2]), стоящаго на возвышенности, обрывисто поднимающейся надъ низменною окрестностью. Эта обрывистая терраса имѣетъ нѣсколько тысячъ квадратныхъ футовъ и у ея подошвы разсѣяно между деревьями множество фермъ. Офицеру генеральнаго штаба, бывшему при рекогносцирующемъ отрядѣ, показалось, что онъ видитъ фигуры, двигающіяся къ противоположной сторонѣ въ одно время съ піэмонтцами, но онъ думалъ, что это поселяне. Потому колонна продолжала идти мимо террасы, пославъ на нее нѣсколько застрѣльщиковъ; они были встрѣчены штуцерными пулями изъ домовъ у подошвы террасы. Колонна повернулась и, поставивъ свои пушки по направленію къ деревьямъ, пошла къ террасѣ. Она успѣла овладѣть возвышенностью, хотя не безъ большихъ потерь, пославъ извѣстіе слѣдующей бригадѣ, чтобы она спѣшила на подкрѣпленіе къ ней; но вторая бригада еще не успѣла подойти, какъ австрійцы уже подвели свѣжія войска и піэмонтцы были вытѣснены изъ взятой ими позиціи. Когда подошла къ нимъ новая бригада, они сдѣлали вторую попытку овладѣть высотами, но она не удалась, и піэмонтцы отступили, чтобы перестроить свои ряды и подождать новыхъ подкрѣпленій. Эти подкрѣпленія, двѣ бригады, Аосты и Каму, пришли около четырехъ часовъ вечера, и тогда произведена была новая атака. Всѣ пушки были соединены въ одну большую батарею для разрушенія домовъ у подошвы террасы, и построены были для атаки три колонны. Несмотря на чрезвычайное изнуреніе отъ поспѣшнаго марша, они взобрались на высоты, и не только удержались окончательно въ этой позиціи, но и преслѣдовали непріятеля до самаго Поццоленго. Потеря ихъ была очень велика, до 4.000 убитыми и ранеными. Они имѣли противъ себя весь восьмой корпусъ (Бенедека), то есть страшное превосходство въ силахъ у непріятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба для нихъ была бы еще тяжелѣе, если бы не успѣхъ французовъ у Сольферино и Кавріаны, необходимо заставлявшій австрійцевъ отступить и правымъ крыломъ. Двое изъ піэмонскихъ генераловъ были тутъ ранены.

Пока еще продолжался бой, было получено съ другаго крыла требованіе послать одну дивизію къ Сольферино на подкрѣпленіе войскамъ, бывшимъ тамъ.

«На этомъ мѣстѣ я долженъ остановится въ своемъ разсказѣ, потому что отходитъ почта. Продолженіе до завтра.

«Кавріана 27 іюня.

«Сколько помнится, мой вчерашній разсказъ остановился на описаніи боя на лѣвомъ крылѣ союзниковъ, между піэмонтцами и корпусомъ генерала Бенедека. Съ

---

[1]) Южный, широкій конецъ Гардскаго озера разрѣзанъ по срединѣ своего протяженія (нѣсколько ближе къ западной сторонѣ) узкимъ и длиннымъ полуостровомъ, на углу котораго, вдающемся въ озера, лежитъ Серміоне.

[2]) На половинѣ дороги между озеромъ и Поццоленго, верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ Поццоленго и на югъ отъ общей линіи южнаго берега, прямо на югъ отъ Серміонскаго полуострова, глубоко врѣзывающагося въ озеро къ сѣверу.

нашей стороны дѣло при Санъ-Мартино надобно считать совершенно отдѣльною битвою не входящею въ общій планъ сраженія. Только около полудня, незадолго передъ взятіемъ Сольферино, было, какъ я сказалъ, потребовано содѣйствіе съ нашего лѣваго фланга другимъ пунктамъ. Имѣя двѣ съ половиною дивизіи уже сражающимися противъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ, и предвидя наступленіе еще другихъ, свѣжихъ австрійскихъ войскъ отъ Пескьеры, сардинцы не имѣли возможности сдѣлать требуемаго движенія къ Сольферино.

«Съ австрійской стороны, напротивъ, битва по всему протяженію ихъ линіи имѣла общій планъ. Но великимъ затрудненіемъ для нихъ было давать необходимую связь движеніямъ на пространствѣ отъ 12 до 16 миль (около 20 верстъ) въ длину. Пока могли прибыть приказанія изъ Кавріаны, положеніе дѣлъ часто совершенно измѣнялось, а выбрать для движенія благопріятную минуту—это составляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ условій для успѣха битвы. При страшной растянутости линіи правое крыло австрійцевъ въ Поццоленго находилось совершенно отдѣльно отъ остальной арміи, да и движеніями на лѣвомъ крылѣ несовсѣмъ удобно было распоряжаться изъ средины позиціи. Растянутость линіи затрудняла также употребленіе резервовъ, и вообще производила разрозненность, которая могла бы сдѣлаться еще болѣе гибельна для австрійцевъ, если бъ они не стали очень заблаговременно думать объ отступленіи. Всѣ эти важныя ошибки отчасти вознаграждались многочисленностью линій отступленія, бывшихъ у австрійцевъ; но эта выгода была важна только въ концѣ, когда она спасла ихъ отъ участи быть совершенно пораженными. Въ продолженіе битвы любопытно было наблюдать послѣдствія слишкомъ большаго протяженія ихъ линіи и возникавшей изъ того слабости ея. Французы, съ тою стремительностью, какую всегда имѣютъ въ первомъ нападеніи, повсюду успѣвали прорвать или отбить назадъ ту часть линіи, которую атаковали, и прежде чѣмъ приходили резервы къ австрійцамъ, они обыкновенно успѣвали зайти во флангъ тѣмъ отрядамъ, которые еще сохраняли свою позицію и такимъ образомъ принуждали ихъ отступать. Несмотря на общее свое числительное превосходство, австрійцы почти вездѣ оказывались слишкомъ малочисленными въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту, такимъ образомъ они были оттѣсняемы шагъ за шагомъ. Чѣмъ далѣе они отступали, тѣмъ длиннѣе становилась растянутость ихъ линіи и происходящая изъ того невыгода, потому что дорога въ Гоито, составлявшая линію отступленія ихъ лѣваго крыла и въ тоже время имѣвшая жизненную важность какъ одинъ изъ главныхъ путей черезъ Минчіо, идетъ подъ косымъ угломъ къ рѣкѣ, все болѣе отходя на югъ. Отвратить эту невыгоду, разумѣется, было не въ ихъ власти, но очевидно не должны были они выбирать боевой линіи, имѣвшей такое неудобство. Они имѣли шесть переправъ черезъ Минчіо: въ Пескьерѣ, Саліонцо, Монцамбано, Боргетто, Валеджіо и Гоито; они должны были защищать всѣ эти шесть переходовъ. Подобно курицѣ съ многочисленными цыплятами, они растянули своя крылья, чтобы прикрыть всѣхъ ихъ. Они по всей вѣроятности были очень увѣрены въ успѣхѣ, и разсчитывали, что чѣмъ далѣе будутъ подвигаться впередъ, тѣмъ короче будетъ становиться ихъ линія. Это совершенно вѣрно, потому что Лонато и Кастильйоне, изъ которыхъ выходятъ всѣ пути, ведущіе къ Минчіо, находятся не далѣе какъ въ 4 или 5 миляхъ (верстахъ въ 7) другъ отъ друга, и оттѣсняя непріятеля, они могли надѣяться обойти его съ праваго фланга (съ юга) своимъ лѣвымъ крыломъ. Таковъ очевидно былъ ихъ разсчетъ, оказавшійся ошибочнымъ. Если армія достовѣрно полагается на побѣду, она можетъ занимать такую боевую позицію, которая дѣлала бы побѣду наиболѣе рѣшительной, а пораженіе врага наиболѣе полнымъ; но всѣ предшествовавшія событія этого похода были таковы, что едва ли оправдывали несомнѣнный разсчетъ австрійцевъ на побѣду, даже при численномъ превосходствѣ; потому благоразуміе требовало бы отъ нихъ большей умѣренности въ предположеніяхъ.

«Стараясь забрать слишкомъ много, они ослабили свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, и стараясь дѣйствовать наступательно, своимъ лѣвымъ крыломъ, они потеряли Сольферино, ключъ своей позиціи. Правда, можно извинить имъ то, что при тогдашнихъ своихъ укрѣпленіяхъ и силѣ поставленнаго въ немъ отряда, Сольферино казалось

Digitized by Google

нимъ непобѣдимою позиціею; но въ войнѣ существуетъ только большая или меньшая вѣроятность, а не абсолютная достовѣрность.

«Потерявъ Сольферино, имъ не оставалось ничего больше, какъ думать объ отступленіи. Удержаться въ равнинѣ, по которой идетъ дорога въ Гоито, не стало уже возможности, потому что ее можно было взять во флангъ съ отроговъ холмистаго хребта, и если бы они стали слишкомъ долго отстаивать ее, они подверглись бы опасности быть взятыми во флангъ также и отъ Медоле и потерять отступленіе на Гаито. Центръ ихъ не могъ поддержать ихъ здѣсь, потому что, подаваясь направо, онъ терялъ бы свою собственную линію отступленія,—дорогу на Валеджіо.

«При такомъ положеніи дѣлъ, линію отступленія на Гоито можно было удержать за собою только съ величайшими пожертвованіями, и по справедливости надобно сказать, что австрійцы нѣсколько загладили ошибки, которыхъ надѣлали въ своемъ наступленіи, мастерствомъ, съ которымъ совершили свое отступленіе при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Я уже говорилъ о медольской полянѣ (Campo di Medole), но долженъ возвратиться къ ея описанію, потому что она играла главную роль при отступленіи австрійскаго лѣваго крыла.

«Эта поляна—открытая мѣстность, совершенно лишенная деревьевъ. Она образуетъ почти правильный параллелограммъ, четырьмя углами которому служатъ: Санъ-Кассіано, подошва Кавріанскихъ холмовъ, Медоле и Піуре; четыреугольникъ этотъ имѣетъ мили $2^1/_2$ (версты 4) въ длину и мили 2 (версты 3) въ ширину и по ширинѣ своей перерѣзанъ гоитскою дорогою, проходящею черезъ Гвидицоло; она, въ свою очередь, пересѣкается дорогою изъ Медоле въ Санъ-Кассіано, идущею у самаго начала поляны [1]). Эта открытая мѣстность почти вся занята скудными хлѣбными нивами, еще не созрѣвшими. Края поляны усажены рядами виноградныхъ лозъ и множествомъ шелковичныхъ деревьевъ.

«Когда австрійцамъ пришлось отступать съ первой позиціи, они стали не доходя края этой поляны, передъ деревнею Гвидиццоло, которая лежитъ на одну треть мили (на полверсты) отъ поляны. Они стояли по обѣ стороны гоитской дороги. Тутъ они должны были выдерживать, съ 2 часовъ дня до сумерекъ, страшнѣйшія концентрированныя атаки. 1-й и 2-й корпуса и гвардія начали около 2 часовъ всходить на кавріаскія высоты и подвигаться по нижнимъ отрогамъ холмовъ къ полянѣ; 4-й корпусъ (Ніэля), не участвовавшій въ наступленіи до взятія Сольферино, началъ дебушировать изъ лѣсовъ съ кастильйонской стороны поляны и проселочной дороги, ведущей изъ Піуре въ Гвидиццоло. Гвардейская кавалерія и нѣсколько полковъ африканскихъ егерей (chasseurs d'Afrique) выходили по шоссе, ведущему изъ Кастильйоне въ Гоито. Такимъ образомъ, австрійская позиція была атакована съ трехъ сторонъ. Нигдѣ не принесло такъ много пользы превосходство французской артиллеріи, какъ здѣсь. Дальность и вѣрность ея стрѣльбы были изумительны: видно было, что каждая бомба, каждый штрапнель нарѣзныхъ орудій ударяются и разрываются среди рядовъ непріятельской пѣхоты и среди его батарей, между тѣмъ, какъ непріятельская артиллерія не могла наносить французамъ почти никакого вреда. Эта разница была особенно поразительна въ началѣ боя, когда разстояніе между враждебными линіями оставалось еще велико. Австрійскія ядра и бомбы не долетали; бомбы, пущенныя подъ очень большимъ угломъ возвышенія, лопались въ воздухѣ, не достигая французскихъ рядовъ. Не смотря на эту невыгоду, австрійцы ставили на позицію одну пушку за другою, и интересно было смотрѣть, съ какою быстротою французы заставляли молчать почти каждую изъ нихъ. Я дивился тому, что австрійцы не старались вознаградить числомъ орудій слабость ихъ въ дальности и прицѣльности стрѣльбы. У нихъ никогда не выставлялось разомъ больше трехъ или четырехъ орудій, да и тѣ ставили они почти только на шоссе, хотя открытая поляна благопріятствовала маневрированію артиллеріи. Можно предположить развѣ то, что они жалѣли потерять пушки и отправили заранѣе свою артиллерію къ Минчіо, оставивъ только необходимѣйшее число орудій,—по моему, это экономія фальшивая, потому что они понесли въ людяхъ потерю, отъ которой сбере-

[1]) То есть, по западному краю ея.

гали пушки. Поле по обѣ стороны дороги передъ Гвидиццоло было усѣяно убитыми и ранеными. Требуетъ разъясненія еще другое обстоятельство: почему они не воспользовались огромною массою кавалеріи (12 полковъ), которую перевели черезъ Минчіо и которая, будучи искусно направляема, могла бы принести значительную пользу прикрываніемъ ихъ отступленія. Причина ея бездѣйствія была тоже повидимому бережливость,—иначе можно развѣ предположить, что они не могли вывести всю свою кавалерію на дорогу, загроможденную отступающими войсками. Какъ бы то ни было, я не видѣлъ на полѣ битвы ничего похожаго на 12 кавалерійскихъ полковъ, изъ которыхъ каждый долженъ имѣть въ походѣ болѣе 1,000 лошадей. Были только двѣ небольшія атаки, произведенныя нѣсколькими эскадронами уланъ противъ африканскихъ конныхъ егерей. Схватки эти имѣли очень воинственный видъ, но не принесли значительной пользы ни той, ни другой сторонѣ. Всю тяжесть нападеній должна была выносить австрійская пѣхота, ея отпоръ нельзя не назвать твердымъ.

«Если я успѣлъ довольно ясно изобразить расположеніе обѣихъ армій, то вы видите, что съ нашей стороны, — піэмонтскую битву я оставляю безъ вниманія, потому что она не имѣла никакой связи съ операціями на этомъ пунктѣ, — вы видите, что съ нашей стороны все нападеніе было произведено двумя большими колоннами: лѣвая состояла изъ 1-го и 2-го корпуса и гвардейской пѣхоты; правая — изъ 4-го корпуса, поддерживаемаго 3-мъ корпусомъ и оставленными на-право отъ него эшелонами. Обѣ эти колонны двинулись съ равнины, и цѣлью своихъ операцій имѣли Кавріану, бывшую центромъ австрійской позиціи. Этого пункта должны были онѣ достичь двумя большими фланговыми движеніями, чтобы проникнуть на хребетъ холмовъ съ лѣва и, прорвавъ австрійскую линію, отрѣзать центръ, стоявшій въ Кавріанѣ, отъ лѣваго крыла, стоявшаго у Гвидиццоло и Черезоле. Для того 1-й корпусъ, бывшій на лѣво и поддерживаемый гвардіею, прошелъ впередъ, вдоль подошвы холмовъ до Сольферинской дороги, потомъ оборотился налѣво и взялъ эту позицію. Сдѣлавъ это, онъ опять принялъ прежнее направленіе и дошелъ по грядѣ холмовъ до Кавріаны. 2-й корпусъ, бывшій направо отъ нея, шелъ впередъ, очищая равнину и спуски холмовъ до Санъ-Кассіано, потомъ также оборотился налѣво и пошелъ на высоты, которыя одновременно съ нимъ атаковала лѣвая колонна, уже взошедшая на холмы.

«Четвертый корпусъ не отклонялся отъ своего первоначальнаго направленія по лѣвой сторонѣ гоитской дороги, пока поровнялся съ Гвидиццоло. Онъ сталъ грозить крайнему лѣвому крылу непріятеля и пути отступленія этого крыла изъ Медоле, а потомъ также направился къ холмамъ, чтобы врѣзаться между центромъ и лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи.

«Взятіе Сольферино и это движеніе нашей правой колонны (4-го корпуса), направленное къ тому, чтобы отрѣзать лѣвое крыло непріятеля отъ центра—это двѣ главныя черты битвы. До 5 часовъ вечера этотъ второй фазисъ боя оставался еще нерѣшеннымъ. Въ это самое время разразилась сильная гроза, продолжавшаяся болѣе получаса и бывшая временемъ поворота въ ходѣ сраженія. Между тѣмъ, какъ 4-ый корпусъ продолжалъ свою атаку на Гвидиццоло, придвинута была дивизія 3-го корпуса и, обошедши позади 4-го корпуса, вдвинулась промежду Кавріанскихъ холмовъ и Гвидиццоло. Въ то же время артиллерія дѣйствовала во флангъ австрійцамъ, съ послѣднихъ отроговъ Кавріанскихъ холмовъ. Этимъ рѣшилось дѣло и скоро австрійская линія была прорвана.

«Матеріальными результатами побѣды были, какъ вы знаете по реляціямъ, нѣсколько пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ; но это еще не важно въ сравненіи съ нравственнымъ результатомъ ея. Стратегическій выигрышъ состоитъ въ томъ, что мы овладѣли линіею Минчіо. Но, по несчастію, невозможно было въ тотъ же день захватить какого нибудь перехода черезъ рѣку. Правда, непріятель былъ разбитъ, но, опасаясь за свою линію отступленія, онъ началъ отступать очень заблаговременно и въ довольно хорошемъ порядкѣ. Была уже совершенная ночь, когда успѣли его вытѣснить изъ Гвидиццоло и Кавріаны. Отъ этихъ мѣстъ до Минчіо около 10 миль (15 верстъ), а войска были на ногахъ и сражались не ѣвши съ самаго разсвѣта. Даже

и тѣ отряды, которые не входили въ бой, были изнурены усталостью, голодомъ и жаромъ. Идти въ Минчіо значило бы убивать ихъ чрезмѣрнымъ усиліемъ».

Послѣ сраженія при Сольферино, австрійцы отступили до самого Адидже и сосредоточились около него, уступивъ безъ обороны переправу черезъ Минчіо и оставивъ только гарнизоны въ Пескьерѣ и Мантуѣ. Изгнаніе ихъ изъ Италіи уже не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію: берега Адидже съ Вероною и Леньяно составляютъ послѣднюю оборонительную линію ихъ передъ врагомъ, наступающимъ съ запада. Области, лежащія на востокъ отъ Адидже, между Вероною, Леньяно и Венеціею, лишены всякихъ крѣпкихъ позицій и безъ боя переходятъ въ руки того, кто владѣетъ линіею Адидже. А то, что союзники скоро и даже безъ особенныхъ трудовъ прогонятъ австрійцевъ съ Адидже, было ясно. Если бы нападеніе на эту линію ограничивалось одною атакою съ фронта (съ запада) и тутъ австрійцы не могли бы долго удержаться въ полѣ,—ихъ армія, разстроенная и деморализированная, уже не способна была дать новую битву,—она должна была или отступить на сѣверъ, вонъ изъ Италіи, или запереться въ Веронѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ нѣсколько дней вся страна между Минчіо и Венеціею очищалась отъ прежнихъ поработителей, и союзникамъ оставалось только взять Мантую и Пескьеру, Верону и Леньяно, чтобы ни одного австрійца не оставалось въ Италіи. Изъ этихъ четырехъ крѣпостей двѣ, Пескьера и Леньяно, не имѣютъ сами по себѣ большой силы; Мантуя очень крѣпка противъ штурма, но за то и не стѣснительна для непріятеля; расположенная на островѣ рѣки Минчіо въ ея нижней части, она окружена на далекое пространство непроходимыми гнилыми болотами, такъ что возможный входъ въ нее или выходъ изъ нея ограничивается тремя или четырьмя чрезвычайно длинными и узкими плотинами. Если осаждающему трудно проникнуть въ крѣпость, за то очень легко даже съ малыми силами запереть въ ней какой угодно сильный гарнизонъ, которому останется только неподвижно ждать смерти отъ заразительныхъ испареній своего болотнаго убѣжища. Итакъ, Мантуя не была неизбѣжною остановкою для дальнѣйшаго развитія наступательныхъ дѣйствій: нужно было только блокировать ее небольшимъ корпусомъ и дорога къ Веронѣ становилась безопасна.

Верона—дѣло иное; она могла казаться новымъ Севастополемъ по обширности подъема, представляющаго съ своими многочисленными отдѣльными фортами не столько крѣпость въ тѣсномъ смыслѣ слова, сколько укрѣпленный лагерь для громаднѣйшей арміи, пожалуй хотя для 200,000 человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что укрѣплена она своими фортами и стѣнами по расчету дальности дѣйствія прежнихъ простыхъ пушекъ, а теперь, когда нарѣзная система, введенная во французскую артиллерію, дала возможность обстрѣливать предметъ съ батарей, стоящихъ на 2 или даже на 3 версты далѣе, чѣмъ надобно было ставить прежнія простыя орудія, около большей части крѣпостей находятся пункты, нимало не защищенные, оставленные въ распоряженіе осаждающаго врага и между тѣмъ при постановкѣ на нихъ нарѣзныхъ батарей господствующіе надъ укрѣпленіями, которыя, если вооружены только простыми орудіями, должны молча подвергаться огню нарѣзныхъ

Digitized by Google

орудій, осыпающихъ ихъ бомбами сверху и съ дистанціи недостижимой для ихъ ядеръ. Когда союзники начали осаду Пескьеры, такихъ пунктовъ нашлось около крѣпости много. Какая нибудь гора въ трехъ верстахъ отъ крѣпости была прежде, при простыхъ орудіяхъ у осаждающаго, совершенно безвредна для нея. Теперь эта гора, занимаемая французскими нарѣзными пушками, становится къ крѣпости въ такое же отношеніе, какъ цитадель къ городу, лежащему подъ нею. Съ первыхъ рекогносцировокъ союзники увидѣли, что при помощи нарѣзныхъ орудій ничего не будетъ стоить имъ взять Пескьеру, хотя она и очень много укрѣплена была по сравненію съ 1848 годомъ, когда взялъ ее послѣ трудной осады Карлъ Альбертъ. То же самое неминуемо должно было оказаться и при осадѣ Вероны: эта крѣпость, представлявшая страшную твердыню противъ простыхъ пушекъ, должна была явиться очень слаба передъ нарѣзными батареями, для которыхъ нашлись бы вокругъ нея позиціи, господствующія надъ укрѣпленіями.

Кромѣ этого залога вѣрной побѣды надъ крѣпостью, прежде столь сильною, было еще другое обстоятельство, чрезвычайно облегчавшее задачу. Главнымъ источникомъ силы Севастополя было то, что онъ черезъ свою сѣверную сторону оставался совершенно открытъ всѣмъ подвозамъ и подкрѣпленіямъ. Это была не осада крѣпости, а борьба противъ колоссальнаго редута, за которымъ стояли всѣ силы русской арміи, остававшейся во владѣніи путями сообщенія съ своимъ государствомъ и всѣми его продовольственными и боевыми средствами. Въ этомъ должна была состоять и главная сила Вероны. Вся неодолимость ея основывалась на томъ обстоятельствѣ, что непріятель, подходящій къ ней съ запада, не можетъ обложить ее войсками своими по обширности круга ея укрѣпленій,—а пока остается свободна восточная сторона крѣпости, она черезъ венеціанскія области продолжаетъ имѣть безпрепятственныя сообщенія съ Австріею и можетъ получать постоянно свѣжія войска, новые запасы оружія, боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Въ нынѣшней войнѣ эта главная выгода обороны не должна была существовать. Господствуя на морѣ, французы могли высадить сколько имъ угодно войска на венеціанскомъ берегу, и почти безпрепятственно овладѣвъ всѣми землями на востокъ отъ Вероны, гдѣ австрійскіе отряды были очень слабы, отрѣзать Верону съ востока отъ сообщеній съ Австріею. Подобно Антею, оторванная отъ родной земли австрійская крѣпость становилась жертвою врага.

Надобно вспомнить еще и о томъ, что слава знаменитаго четыреугольника крѣпостей происходитъ отъ предположенія о взаимной поддержкѣ ихъ и о томъ, что въ центрѣ ихъ будетъ стоять австрійская армія, которая, опираясь то на ту, то на другую, будетъ отбивать непріятеля, съ какой бы стороны ни захотѣлъ онъ вторгнуться въ четыреугольникъ, бастіонами которому служатъ четыре крѣпости. Благодаря удачнымъ своимъ распоряженіямъ, австрійцы безъ боя потеряли эту выгоду центральнаго положенія между четырьмя крѣпостями: союзники безпрепятственно перешли Минчіо и врагъ явился въ томъ центрѣ, который слѣдовало занимать защитникамъ. Четыре крѣпости были отрѣзаны одна отъ другой; австрійская армія отступила за крайнюю изъ нихъ на сѣверо-востокѣ. Взаимная связь твердынь не существовала, а австрійская армія, бросившая три изъ числа четырехъ своихъ опоръ, ли-

Digitized by Google

шилась той свободы маневрированія между ними, которая составляла главную надежду ея на возможность задержать наступающаго врага передъ Адидже.

Такимъ образомъ быстрое паденіе Вероны было достовѣрно; нужно было едва ли нѣсколько недѣль, чтобы овладѣть этою крѣпостью, оттѣснить австрійскую армію за сѣверную границу Италіи. Занимая центръ знаменитаго четыреугольника, главная союзная армія уже начала осаду Пескьера своимъ лѣвымъ (сѣвернымъ) крыломъ, а массою силъ своихъ подвигалась на Верону, предоставивъ блокированіе сильной, но безвредной Мантуи корпусу принца Наполеона, послѣ долгаго бездѣйствія въ Тосканѣ подошедшему наконецъ въ началѣ іюля съ юга къ театру войны. У венеціанскаго берега уже явился французскій флотъ съ сильнымъ десантомъ, который готовъ былъ безпрепятственно сойти на берегъ и въ нѣсколько дней отрѣзать Верону отъ сообщенія съ внутренними австрійскими владѣніями черезъ венеціянскія земли.

Не только выгодность стратегическаго положенія ручалась союзникамъ за скорое достиженіе цѣли, объявленной для войны прокламаціями императора французовъ: союзники уже знали по опыту, что каждое столкновеніе ихъ съ врагомъ, каковъ бы ни былъ боевой исходъ его, имѣетъ на ходъ войны точно такое же вліяніе, какъ бы австрійская армія была разбита на голову. Да, самая рѣзкая черта компаніи заключалась въ томъ, что союзники вовсе не нуждались въ побѣдахъ, чтобы гнать непріятеля и отнимать у него область за областью, одну линію обороны за другою: австрійцы вели войну такъ, что казалось, будто они даютъ сраженія собственно только для формы, въ угожденіе военному обычаю, напередъ рѣшившись отдавать свои позиціи и области, хотя бы непріятель и не могъ отнять ихъ силою, а главное, рѣшившись не дѣлать ничего такого, что могло бы вести къ побѣдѣ надъ врагомъ. Дѣйствительно, оба главныя сраженія,—при Маджентѣ и при Сольферино,—разстраивали армію союзниковъ такъ, что она долго, 24 часа, 48 часовъ послѣ битвы, оставалась рѣшительно обезсиленною не могла ничего сдѣлать отступала или стояла неподвижно, — а у австрійцевъ находилось много свѣжихъ войскъ подъ рукою, и стоило имъ двинуть эти войска, чтобы обратить нерѣшительную битву, нѣсколько склонявшуюся къ выгодѣ союзниковъ, въ совершенное пораженіе союзниковъ; но австрійцы отступали безъ оглядки, хотя имѣли полную возможность сами гнать врага. Послѣ сраженія при Маджентѣ союзники отступили за Тичино; къ австрійцамъ подошло больше свѣжихъ, нежели сколько войскъ было въ битвѣ,— стоило двинуть свѣжія войска на непріятеля, и онъ былъ бы пораженъ,— австрійцы сами разсудили удаляться отъ отступавшаго врага, и онъ, нечего дѣлать, пошелъ себѣ впередъ, какъ будто побѣдитель. По окончаніи битвы при Сольферино повторилась та же самая исторія. Не говоримъ уже о томъ, что битвы давались со стороны австрійцевъ самымъ нелѣпымъ образомъ: они какъ будто нарочно заботились, чтобы войска ихъ являлись въ сраженіе изнуренныя голодомъ, не имѣли пищи для поддержанія своихъ силъ во время боя и чтобы непріятель имѣлъ полный, безпрепятственный просторъ совершить маневры, нужные для раздробленія ихъ арміи, для отрѣзанія корпу-

Digitized by Google

совъ, защищающихъ ключъ позиціи, отъ резервовъ. Это особенно хорошо видно изъ отчетовъ самихъ австрійцевъ и корреспондентовъ, находившихся при ихъ главной квартирѣ. Переведенныя нами письма корреспондента „Times'а“, бывшаго въ главной квартирѣ союзниковъ, придаютъ ходу дѣлъ колоритъ совершенно вѣрный относительно результатовъ, какіе слѣдовали за каждымъ сраженіемъ; въ этомъ отношеніи, каждая битва дѣйствительно равнялась для союзниковъ полнѣйшей побѣдѣ. Но такой характеръ придавался ей только дѣйствіями австрійцевъ по ея окончаніи, то есть тѣмъ, что австрійцы шли потомъ очень далеко назадъ, какъ будто лишенные всякой возможности продолжать сопротивленіе. А сами по себѣ, битвы были вовсе не таковы: черезъ четверть часа по прекращеніи боя можно было сказать, что побѣда перейдетъ въ руки австрійцевъ, если только они захотятъ возобновить битву. Это видно, если вникнуть и въ подробности писемъ, помѣщенныхъ нами въ текстѣ, но совершенно ясно изъ писемъ тѣхъ корреспондентовъ, которые, находясь въ австрійской главной квартирѣ, ближе видѣли количество и расположеніе австрійскихъ силъ. Чтобы читатель могъ самъ провѣрить это впечатлѣніе, мы помѣщаемъ въ приложеніи отчетъ о битвѣ при Маджентѣ, составленный другимъ корреспондентомъ той же газеты „Times“, находившимся въ главной квартирѣ австрійцевъ. Читатель увидитъ, какъ не далеки были отъ побѣды австрійцы въ этомъ сраженіи, оставшемся для нихъ равносильнымъ самому безнадежному пораженію.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ странны были диспозиціи австрійскихъ войскъ во всѣхъ битвахъ, какъ вообще неудачно выбиралось время для битвъ. Напримѣръ, при переходѣ союзниковъ черезъ Тичино, разсѣянные корпуса австрійской арміи могли сосредоточиться 5 іюня; но австрійцы дали битву 4 іюня, когда на поле битвы успѣло къ началу ея прійти лишь нѣсколько одинокихъ отрядовъ, потомъ одинъ за другимъ подходили опять одинокіе отряды, и французы постепенно били ихъ, одинъ за другимъ. Сраженіе при Сольферино было устроено такъ удачно, что цѣлые два корпуса пропадали Богъ знаетъ гдѣ во время битвы. За сутки передъ тѣмъ, армія была сосредоточена,—вмѣсто того, чтобы ждать врага, отдыхая въ сосредоточенномъ положеніи, она была двинута ему на встрѣчу и раздробилась по разнымъ дорогамъ.

Эти странныя качества, выказывавшіяся австрійцами неизмѣнно во все продолженіе похода, во всѣхъ сраженіяхъ, не были какими нибудь случайными явленіями, зависѣвшими отъ временнымъ обстоятельствъ. Нѣтъ, причины всѣхъ недостатковъ, уничтожавшихъ всякую пользу отъ храбрости войска, лежатъ въ самой организаціи австрійской арміи. Говоря о ея характерѣ, мы прежде всего приведемъ отрывокъ изъ того же самаго корреспондента „Times'а“, письмами котораго уже такъ много пользовались.

«Никто изъ знавшихъ воюющія арміи не сомнѣвался въ превосходствѣ французскихъ и сардинскихъ войскъ надъ австрійскими и тогда, когда оно еще не было засвидѣтельствовано результатами сраженій. Племена, изъ которыхъ состоитъ австрійская армія, не уступаетъ французамъ и піэмонтцамъ физическою крѣпостью, и не разъ доказывали, что не уступаютъ имъ мужествомъ; но разница въ томъ, что французскія и сардинскія войска—національныя войска, а австрійская армія только произведеніе

искусной военной организаціи. Французская или піэмонтская армія подобна цѣльному камню, вырѣзанному изъ сердца скалы, австрійская—груда кусковъ, плохо связанныхъ цементомъ.

«Надобно видѣть доказательство великаго таланта организированія у австрійскаго правительства въ томъ, что оно сумѣло хотя какъ нибудь связать въ одно цѣлое тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ его армія. Австрія обязана этимъ сословію своихъ офицеровъ, которое удивительно по чрезвычайной силѣ корпоративнаго духа. Австрійскій офицеръ, какого бы ни былъ онъ племени, прежде всего и болѣе всего—австрійскій офицеръ. На австрійскомъ офицерѣ черно-желтая кокарда составляетъ какъ будто талисманъ, подъ которымъ сглаживаются всѣ различія, подъ которымъ умираютъ всѣ чувства, кромѣ служебной обязанности быть вѣрнымъ императору. Никогда привязанность вассала къ феодальному сюзерену не превосходила преданности австрійскаго офицера императору,—она безгранична и готова на всякія пожертвованія.

«Объясненіемъ этого качества служитъ то, что австрійскій офицеръ, изъ какого бы класса онъ ни происходилъ, становится привиллегированнымъ существомъ съ той минуты, какъ надѣваетъ эполеты. Онъ составляетъ часть отдѣльной корпораціи, и принадлежитъ къ могущественному въ государствѣ цѣлому. Онъ становится въ обществѣ равенъ дворянину, а въ государствѣ съ исключительно-аристократическими тенденціями это крѣпчайшія узы, какія только могутъ существовать. Сыновьямъ офицеровъ всячески облегчается удобство слѣдовать примѣру своихъ отцовъ, и потому ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества военныхъ родовъ, какъ въ Австріи,—они считаютъ почти своимъ правомъ принадлежать къ арміи. Они пріобрѣтаютъ, можно сказать, особенную физіономію и ихъ легко узнаешь уже по виду.

«Преданнымъ классомъ офицеровъ австрійское правительство связываетъ разнородные элементы, составляющіе его армію. Чтобы увеличить разстояніе между офицеромъ и солдатомъ, чтобы не допустить въ солдатѣ родиться мысли, будто онъ можетъ что нибудь значить безъ офицера, принято за правило, какъ можно рѣже помѣщать офицера въ полки изъ людей одной націи съ нимъ. Такимъ образомъ солдатъ вдвойнѣ отдѣленъ отъ офицера: исключительнымъ положеніемъ офицера и его національностью. Въ этомъ заключается и главный источникъ слабости всей системы Все идетъ превосходно, пока войско въ казармахъ и на плацъ-парадѣ, гдѣ солдатъ учится механически исполнять извѣстныя движенія при звукѣ извѣстныхъ словъ; но когда дѣло переходитъ на поле битвы, никакой примѣръ самоотверженія со стороны офицеровъ, никакая выучка не въ состояніи сдѣлать солдатъ одушевленными. Солдатъ чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ, видя передъ собою людей, съ которыми связываетъ его только команда и наказаніе. Напрасно истощаетъ свои усилія офицеръ: онъ не можетъ одушевить безжизненную массу.

«Вотъ причина превосходства союзныхъ армій; оно останется за нами, пока нынѣшняя военная организація будетъ существовать въ Австріи. Теперь австрійскіе солдаты могутъ подъ гнетомъ дисциплины стоять на мѣстѣ, но никогда не могутъ поровняться съ союзниками въ бою».

Намъ кажется, что тутъ есть только одна ошибка или скорѣе неточность выраженія: говоря о томъ, что разнородные элементы австрійской арміи соединяются въ одно цѣлое корпусомъ офицеровъ, который воодушевленъ совершенно особеннымъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мыслями разноплеменныхъ народовъ Австрійской имперіи, писатель, которымъ мы пользуемся, представляетъ, какъ будто бы нѣчто дѣйствительно выгодное для арміи—этотъ странный духъ касты, уничтожающій въ австрійскихъ офицерахъ всякія чувства, кромѣ привязанности къ отвлеченному понятію знамени и мундира. Но изъ его же собственныхъ словъ мы видимъ далѣе, что дисциплинарнымъ духомъ касты уничтожается всякая энергія въ массѣ солдатъ:

Digitized by Google

они исполняютъ маневры, они стоятъ на мѣстѣ, куда ихъ поставили, но они неспособны сражаться съ тѣмъ увлеченіемъ, безъ котораго невозможно устоять противъ непріятеля, одушевленнаго энтузіазмомъ. Вся организація австрійской арміи направлена только къ тому, чтобы выдрессировать солдатъ для механическаго исполненія начальственныхъ требованій. Какъ бы ни были храбры племена, составляющія такое войско, оно всегда будетъ побѣждаемо непріятелемъ, солдаты котораго не мертвыя машины, а живыя существа.

Организація австрійской арміи, дѣлающая сословіе офицеровъ особенною привилегированною кастою, которая имѣетъ къ солдату только одно отношеніе —отдаваніе механическихъ приказаній, наблюденіе за исполненіемъ формалистики, наказываніе за проступки противъ правилъ военной механики, эта организація служитъ примѣненіемъ къ военному быту того начала, на которомъ одномъ построено все государственное зданіе, которое одно пользуется привилегіею быть законнымъ основаніемъ и единственною рамкою гражданской жизни въ Австріи,—мы говоримъ о бюрократіи. Другія бюрократическія государства успѣли до нѣкоторой степени охранить отъ этого мертвящаго своего принципа по-крайней мѣрѣ армію; они какъ будто понимали, что должны оставить нѣкоторый просторъ жизни, то есть нѣкоторый залогъ внутренней силы; хотя въ этомъ учрежденіи, служащемъ опорою ихъ мертвому формалистическому существованію. Въ Австріи, бюрократія не есть прихоть нелѣпаго произвола, размѣры которой могутъ по произволу ограничиваться тѣмъ же самымъ произволомъ; нѣтъ, бюрократія въ Австріи составляетъ дѣйствительную необходимость для поддержки государства, которое распалось бы отъ предоставленія простора внутренней жизни принадлежащаго ей разноплеменнаго населенія; потому австрійское правительство не въ силахъ устроить ни одной своей отрасли иначе, какъ по бюрократическому принципу, по началу мертвой формалистики, все подчиняющей холодному механизму, сосредоточивающей всю жизнь въ рукахъ чиновной касты, убивающей всякую индивидуальность, всякое развитіе личности, стало быть и живаго соображенія. Австрія не могла устроить и свою армію на болѣе живомъ основаніи, и безсиліе, которымъ такъ страшно отличалась ея громадная, превосходная со стороны формалистики армія, можетъ служить новымъ примѣромъ—если только нужны на это новые примѣры,—къ убѣжденію насъ въ томъ, что бюрократія приводитъ лишь къ одному результату: къ полнѣйшему внутреннему разслабленію того самаго механизма, которому приноситъ она въ жертву все.

Изъ бюрократическаго принципа, на которомъ основано устройство австрійской арміи, дѣйствительно происходитъ совершенное разстройство всѣхъ существенныхъ частей военнаго механизма ея подъ фальшивымъ лоскомъ наружной исправности. Мы возьмемъ въ примѣръ только одну сторону военнаго быта, продовольственную часть. На бумагѣ, государство въ изобиліи снабжаетъ солдата всѣмъ нужнымъ; на бумагѣ, все выдается ему своевременно, повсюду огромные запасы всего нужнаго. Что же оказывается на дѣлѣ? при огромныхъ запасахъ, солдаты въ каждое сраженіе являлись голодными. Мы уже приводили нѣсколько свидѣтельствъ тому. Представимъ еще одно подлинными словами очевидца, чтобы нельзя было подозрѣвать

Digitized by Google

насъ въ преувеличеніи фактовъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ о сраженіи при Мадженті:

«Если вы узнаете, что двѣ трети бывшихъ въ этомъ дѣлѣ солдатъ были очень утомлены длинными форсированными маршами, и не ѣли въ продолженіе 36 или даже 48 часовъ, то вы признаетесь, что мужество, съ которымъ они дрались, было изумительно».

Да, мы совершенно согласны изумляться мужеству бѣднаго австрійскаго солдата,—то есть славянскаго, венгерскаго или нѣмецкаго простолюдина, который, будучи насильно одѣтъ въ австрійскій мундиръ, сражается самъ не знаетъ за что, сражается голодный, измученный, оборванный. Но мы думаемъ, послѣ приведенной нами выписки, что напрасны были всѣ предшествовавшіе подробные разсказы о войнѣ. Всю ее, со всѣми ея битвами, можно было разсказать въ двухъ словахъ: „союзники имѣли противъ себя несчастныхъ, обворованныхъ, умирающихъ съ голоду солдатъ, которыхъ начальники воодушевляли къ битвѣ только страхомъ наказаній; не стоитъ и говорить о томъ, что такое войско было принуждено быстро покидать всѣ тѣ области, завоевать которыя находилась охота у союзниковъ". Да; намъ нѣтъ надобности долго говорить о томъ, какъ и почему оказывается безплоднымъ геройское мужество забитаго машинальною дрессировкою и обворованнаго солдата,—это исторія хорошо извѣстная каждому.

Но мы не можемъ пропустить безъ вниманія еще одной черты австрійскаго веденія войны. Мы уже такъ часто указывали на нелѣпость всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ австрійскихъ распоряженій въ нынѣшнемъ походѣ, что нѣтъ надобности перечислять здѣсь вновь эти нелѣпости;—да и какъ перечислять ихъ? Каждая битва представляется рядомъ ошибокъ отъ расположенія войскъ передъ началомъ ея и выбора минуты для ней до постыднаго отсутствія резервовъ въ рѣшительную минуту въ рѣшительномъ пунктѣ и тупоумнаго неумѣнья двинуть въ дѣло свѣжія войска, которыхъ оказывается потомъ огромное множество по окончаніи битвы. Думали сначала, что въ этомъ виноватъ былъ собственно Гіулай; мы сами, грѣшные люди, вѣрили, что онъ особенно плохъ. Но его удалили—и дѣло не пошло ни на волосъ лучше; значитъ, и другіе были не лучше Гіулая, то есть были тоже образцами совершеннѣйшей бездарности. Дѣйствительно, человѣкъ сколько нибудь даровитый составляетъ между австрійскими командирами странное исключеніе; онъ, можно сказать, неумѣстенъ, не соотвѣтствуетъ своей обстановкѣ сверху и снизу, потому на него косятся, да и онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго,—во-первыхъ, не выпроситъ разрѣшенія сверху, во-вторыхъ, не найдетъ порядочныхъ исполнителей въ непосредственныхъ своихъ помощникахъ. Разумѣется, эта бездарность командировъ также въ значительной степени производится бюрократическимъ порядкомъ. Человѣкъ состоитъ на бумагѣ въ извѣстномъ чинѣ, удовлетворяетъ на бумагѣ и на парадахъ формальнымъ условіямъ хорошаго офицера, постепенно повышается по заведенному бумажному порядку, и если онъ обладаетъ умѣньемъ пользоваться бюрократическими пружинами повышенія, есть притомъ у него деньжонки, собранныя соблюденіемъ строгой бумажной отчетности, да связишки,

Digitized by Google

то почему же ему не дойти и до командованія корпусомъ или даже цѣлою арміею, когда Богъ продлилъ жизнь для выслуги числа лѣтъ, нужнаго для прохода по всѣмъ степенямъ бумажнаго производства въ чины? Благодаря этому бумажному порядку выслуги и повышеній, австрійская армія представила въ началѣ нынѣшняго похода фактъ, неимовѣрно милый: главнокомандующимъ ея былъ человѣкъ, никогда не бывавшій въ походахъ, не только въ сраженіяхъ! Да, графъ Гіулай дослужился до главнокомандующаго, будучи знакомъ съ дѣйствительною военною службою столько же, какъ вы, читатель. знакомы съ кохинхинскимъ языкомъ.

Но бюрократія служитъ только однимъ источникомъ подобныхъ феноменовъ, являющихся командирами австрійскихъ бригадъ, корпусовъ и армій; другимъ источникомъ того же служитъ аристократія. Есть мнѣніе, будто бюрократія враждебна аристократіи; оно можетъ быть и основательно по какой-нибудь идеальной теоріи того или другого принципа; но въ дѣйствительности оба они уживаются вмѣстѣ превосходно, по правилу: рука руку моетъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ государства, въ которомъ все такъ исключительно подведено было бы подъ бюрократію, какъ въ Австріи; съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ государства, которому Австрія уступала бы своею аристократичностью. Не знаемъ, возможно ли такое примиреніе бюрократическаго устройства съ аристократическимъ по возвышеннымъ теоріямъ объ идеальномъ значеніи бюрократіи, но въ дѣйствительности оно существуетъ очень удобно, напримѣръ, въ Австріи, и основывается на слѣдующемъ очень простомъ правилѣ: каждый аристократъ, если угодно ему поступить на службу, имѣетъ по своему роду, родству и связямъ неотъемлемое право занять важную должность въ бюрократическомъ механизмѣ, и почти всѣ важныя должности заняты аристократами; а если какой нибудь человѣкъ незнатнаго рода, благодаря своей ловкости, богатству или покровительству сильнаго аристократа, добьется до полученія важнаго мѣста въ бюрократическомъ механизмѣ, онъ уже имѣетъ право считаться полуаристократомъ, хотя бы не имѣлъ приличныхъ высшему кругу манеръ; если же имѣетъ ихъ — хорошо говоритъ по французски, и т. д., — то онъ уже считается почти настоящимъ аристократомъ, а дѣти его во всякомъ случаѣ уже истинные аристократы. Такому порядку дѣлъ подчинена и армія. Командиры корпусовъ ея, какъ видимъ, князь Лихтенштейнъ, князь Шварценбергъ и т. д.—это наслѣдственные полководцы. О ихъ способности для командованія войсками нечего спрашивать: отрицать ее значило бы, по австрійскимъ понятіямъ, отрицать наслѣдство, быть врагомъ общественнаго спокойствія, человѣкомъ достойнымъ Шпильберга.

Таковы-то причины безсилія австрійской арміи: онѣ выше всякой случайности лицъ и обстоятельствъ, онѣ лежатъ въ самомъ устройствѣ государственнаго организма,—въ бюрократическо-аристократическомъ характерѣ всего управленія. Онѣ выше даже побѣдъ и пораженій: трудно побѣдить австрійскому войску, но если бы оно и одержало какую нибудь побѣду, отъ этого нимало не перемѣнился бы ходъ войны: солдаты и послѣ побѣды все-таки остались бы тѣ же солдаты, изнуренные необдуманными маршами, забитые муштрованіемъ, голодные, безсильные поддержать борьбу на завтра; командиры остались бы тѣ же бездарные люди, неумѣющіе ничѣмъ распорядиться,

Digitized by Google

неспособные воспользоваться побѣдою, случайно имъ доставшейся, какъ постоянно не умѣютъ пользоваться никакими благопріятными обстоятельствами. Подъ Маджентою французы были скорѣе побѣжденными, нежели побѣдителями, а все-таки черезъ четыре дня вступили въ Миланъ; и если бы они были разбиты при Сольферино, все-таки черезъ недѣлю осадили бы они Мантую и Пескьеру.

Но мало того, что австрійская армія была безсильна выдерживать борьбу по характеру своей организаціи: уже развивались внутри Австрійской имперіи факты, которые уничтожили бы эту армію безъ усилій со стороны французовъ; уже раскрывались бездны, которыя поглотили бы всю эту массу и истощили бы всѣ источники для ея возсозданія. Намъ нечего распространяться о глубокомъ страшномъ негодованіи на австрійскія притѣсненія во всѣхъ славянскихъ областяхъ имперіи: онѣ всѣ ждутъ только первой возможности, чтобы своими возстаніями разрушить весь составъ нынѣшней Австрійской имперіи и создать на ея мѣстѣ нѣчто совершенно новое, непохожее на Австрію. которая Прагѣ и Загребу столь же ненавистна, какъ Милану. Въ 1848 году австрійское правительство спаслось враждою между славянами и венграми: теперь едва ли повторилась бы со стороны венгровъ ошибка, возстановившая противъ нихъ славянъ, и со стороны славянъ ошибка, предавшая ихъ движеніе въ руки австрійцевъ. Уже въ концѣ венгерской войны венгры хлопотали о примиреніи съ славянами, предлагали имъ условія, которыми они могли совершенно удовлетвориться. Уже тогда было время, что въ Прагѣ ждали появленія венгерскихъ войскъ съ восторгомъ. Можно полагать, что съ того времени десятилѣтній тяжелый опытъ развилъ понятіе о необходимости взаимнаго согласія для преодолѣнія врага, который равно безпощаденъ оказался и къ обманутымъ славянамъ, ему предавшимся, и къ побѣжденнымъ венграмъ. Но все равно, успѣли ли бы славяне и венгры поладить между собою,—этотъ вопросъ важенъ только для исхода ихъ собственныхъ дѣлъ, а не для судьбы австрійской арміи въ Италіи: въ согласіи между собою или нѣтъ возстали бы славяне и венгры,—все равно, они возстали бы противъ вѣнскаго правительства, все равно оно должно было бы обратить свои войска на борьбу съ ними, и все равно солдаты этихъ войскъ разошлись бы изъ-подъ австрійскихъ знаменъ каждый подъ свое родное знамя. Это время было уже очень близко: Венгрія уже начинала волноваться, уже со дня на день ждала Кошута, у котораго уже былъ готовъ легіонъ венгерскихъ волонтеровъ,—еще двѣ-три недѣли, и Венгрія охватывалась возстаніемъ, и за нею не замедлили бы послѣдовать тѣмъ же путемъ славянскія области. Въ газетахъ было напечатано письмо какого-то венгерца, увѣряющаго, что возстановленіе старинной конституціи, существовавшей до 1848 года, удовлетворило бы Венгрію, и что Кошутъ вовсе не любимецъ венгерскаго народа. Другіе говорили, что венгерскіе поселяне вовсе не имѣютъ ненависти къ Австріи. Авторы такихъ смѣлыхъ свидѣтельствъ о смиреніи и миролюбіи венгровъ достойны удивленія современниковъ и потомства за наглость, съ какою утверждаютъ невозможную небывальщину. Такіе факты, какъ возстаніе 1848 года, славныя побѣды надъ австрійцами, свирѣпыя казни, слѣдовавшія за подавленіемъ возстанія,—такіе факты не забываются

Digitized by Google

народомъ не только въ десять, не забываются и въ пятьдесятъ лѣтъ. Если вы хотите судить о томъ, какую встрѣчу нашелъ бы Кошутъ между соотечественниками, можете предугадывать это по восторгу, съ которымъ встрѣчали его даже чужеземцы. Вся Францiя готовилась привѣтствовать его такъ, чтобы отъ границы до границы ея путь венгерскаго правителя былъ непрерывнымъ трiумфальнымъ шествiемъ. Разумѣется, этого не дозволили. Но вотъ народный трибунъ Венгрiи достигъ Италiи, гдѣ по недавности своего пребыванiя, французскiе освободители еще не успѣли довести надзоръ за общественнымъ порядкомъ до того образцоваго совершенства, какъ во Францiи,— вотъ Кошутъ явился въ Италiю, и хотите знать, какъ онъ былъ встрѣченъ? Мы только переведемъ разсказъ „холоднаго“ англичанина изъ Weekly Times, да и то пропуская самыя яркiя мѣста.

«Съ той минуты (говоритъ англiйская газета), какъ нога Кошута ступила на итальянскую землю, его встрѣчаетъ восторгъ и торжество повсюду, гдѣ онъ ни является. По всей дорогѣ, на каждой станцiи, толпы итальянцевъ собирались привѣтствовать его. Разъ встрѣтился ему конвой венгерцевъ, взятыхъ въ плѣнъ;—узнавши великаго вождя своей родины, они привѣтствовали его виватами, eljen, eljen. Въ другомъ мѣстѣ пробился сквозь толпу раненый италiанецъ: въ 1848 году онъ принадлежалъ къ итальянскому легiону Монти въ Венгрiи и хотѣлъ выразить свой восторгъ, что видитъ знамена Италiи и Венгрiи снова соединенными. Въ Астѣ самъ военный комендантъ былъ предводителемъ толпы, привѣтствовавшей Кошута восторженными криками. Въ Алессандрiи Кошутъ долженъ былъ произнести итальянскую рѣчь собравшемуся народу. Послѣ двухъ долгихъ свиданiй съ Кавуромъ въ Туринѣ, венгерскiй изгнанникъ отправился съ повѣреннымъ другомъ сардинскаго министра въ Парму, главную квартиру принца Наполеона. До самой Страделлы, гдѣ кончается желѣзная дорога, повторялись тѣ же сцены энтузiазма, какъ по дорогѣ до Турина. Но за Страделлою итальянцы, разумѣется, потеряли слѣдъ Кошута. Прибывши вечеромъ въ Пiаченцу, онъ успѣлъ спокойно проѣхать въ отель, не будучи узнанъ. Но во время завтрака служитель принесъ книгу, гдѣ останавливающiеся въ гостинницѣ записываютъ свои имена, и, увидѣвъ имя «Кошутъ», бросился изъ комнаты, какъ сумасшедшiй. Не прошло пяти минутъ, и всѣ 30,000 жителей Пiаченцы знали, кто ихъ гость, и какъ будто по звуку набата сбѣжались подъ его окна съ восторженнѣйшими криками «evviva». Подеста (мэръ) города со всѣмъ муниципальнымъ начальствомъ явился въ его комнату съ привѣтствiями и предложенiями услугъ.

«Парма была празднично разукрашена въ ожиданiи прiѣзда принца Наполеона. Спутникъ Кошута былъ узнанъ однимъ итальянцемъ, стоявшимъ передъ отелью; онъ спросилъ его: «Это графъ Кавуръ?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Кошутъ, — вдругъ глаза итальянца засверкали, и онъ закричалъ: «Кошутъ! evviva Кошутъ!» Въ нѣсколько минутъ весь городъ взволновался отъ этой вѣсти; толпы собрались передъ отелемъ; посѣтители наводнили комнату, и почетный караулъ былъ поставленъ у дверей».

Кто имѣетъ хотя нѣкоторое понятiе о венгерскихъ событiяхъ 1848—1849 года и тяготѣющей съ тѣхъ поръ надъ Венгрiею реакцiи, тотъ не можетъ сомнѣваться, что появленiе Кошута хотя бы только съ нѣсколькими стами человѣкъ на границѣ Венгрiи должно было стать сигналомъ общаго поголовнаго возстанiя между мадярами,—такого возстанiя, сладить съ которымъ едва ли могло бы австрiйское правительство и при полной безопасности за всѣ другiя провинцiи. А, повторяемъ, славянскiя области имѣютъ слишкомъ основательныя причины питать къ австрiйскому правительству тѣже самыя чувства, какъ мадъяры, и не замедлили бы послѣдовать ихъ примѣру. Но

Digitized by Google

что говорить о славянахъ и мадьярахъ, когда даже нѣмецкія области смотрятъ на австрійское правительство, какъ на врага, которому не могутъ желать побѣды? Если читатель не вѣритъ этому, пусть онъ прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма, присланнаго въ Times ея вѣнскимъ корреспондентомъ отъ 25 іюня.

«Жители Вѣны ожидаютъ, что австрійская армія одержитъ преимущество надъ союзниками, но очень многіе изъ нихъ думаютъ, что дурно бы было для государства, если бы она одержала рѣшительную побѣду. Если французы будутъ разбиты, высокомѣріе австрійскаго правительства, конечно, станетъ еще больше, нежели каково было до начала войны, и оно опять станетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Теперь когда правительство терпитъ несчастье, всѣ члены его сознаются, что нынѣшняя система не хороша; но опытъ доказалъ, что языкъ огромнаго большинства австрійскихъ сановниковъ измѣняется съ обстоятельствами. Состояніе общественнаго мнѣнія почти во всѣхъ провинціяхъ очень дурно и должно остаться такимъ, потому что не сдѣлано никакихъ улучшеній для удовлетворенія ему. По письмамъ изъ Тироля, мы знаемъ, что сильное неудовольствіе господствуетъ въ этой вѣрнѣйшей изъ австрійскихъ земель, и что народъ не показываетъ ни малѣйшаго желанія браться за оружіе для защиты страны».

Въ Западной Европѣ покажется ненатуральнымъ и невѣроятнымъ, чтобы даже австрійскіе нѣмцы считали несчастіемъ для государства тотъ случай, когда ихъ правительство одержало бы побѣду, и надѣялись добра только отъ пораженій своей арміи. Но мы совершенно понимаемъ это чувство.

Итакъ, вотъ каково было положеніе вещей около 5 іюня новаго стиля: австрійская армія въ Италіи была такъ сокрушена ужасными битвами, а еще больше голодомъ, которому подвергала ее безпорядочность администраціи, и безнадежностью, въ которую повергалась она бездарностью и безтолковостью команды,—она была такъ разслаблена этими бѣдствіями, что неспособна была держаться противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, и могла надѣяться нѣсколько замедлить его наступленіе, только оставаясь подъ прикрытіемъ знаменитыхъ австрійскихъ крѣпостей. Но нелѣпость команды отдала въ руки врагу центръ четыреугольника, и была уже разорвана всякая связь крѣпостей, составлявшая главный источникъ ихъ силы, и австрійская армія была оттѣснена изъ крѣпкой позиціи между крѣпостями за восточную границу ихъ. Такимъ образомъ, Мантуя осталась окружена союзниками, стала безсильнымъ болотнымъ убѣжищемъ гарнизона, который принужденъ былъ бездѣйственно ждать времени, когда зараза и голодъ принудятъ его сдаться спокойно стерегущему его врагу; Пескьера и Леньяно оказывались слабы противъ новой страшной артиллеріи, противъ которой не была разсчитана система ихъ укрѣпленій. Остановкою для союзниковъ оставалась только одна Верона, да и та не могла долго противиться нарѣзнымъ орудіямъ, тѣмъ болѣе, что лишившись одного источника своей силы—связи съ Мантуею и Пескьерою, она должна была черезъ какую нибудь недѣлю лишиться и другаго источника грозности—французы готовились подойти къ ней съ востока и отрѣзать ее отъ сообщеній съ внутреннею Австріею. Скорое паденіе Вероны не подлежало сомнѣнію, и австрійская армія близко уже видѣла необходимость идти за итальянскую границу. Австрійское правительство было безсильно бороться съ однимъ вра-

Digitized by Google

гомъ, а теперь предстояло ей имѣть другихъ враговъ еще болѣе страшныхъ,— венгры готовились возстать, славяне послѣдовать ихъ примѣру,—ихъ соотечественники въ австрійской арміи ждали только перваго случая сорвать австрійское знамя въ своихъ полкахъ, замѣнить его своимъ національнымъ знаменемъ и присоединиться къ своимъ возставшимъ соотечественникамъ для низверженія австрійской тиранніи. Да, еще нѣсколько недѣль, и австрійская армія не только очистила бы Италію,—она не существовала бы, распалась бы на свои составныя части, изъ которыхъ каждая столь же враждебна австрійскому игу, какъ ломбардцы и венеціане. И не оставалось бы у австрійскихъ притѣснителей нигдѣ опоры,—ни даже въ нѣмецкихъ провинціяхъ ихъ имперіи, потому что самая Вѣна ждала облегченія своей судьбы отъ несчастій, постигающихъ австрійское правительство.

Да, правы были благородные довѣрчивые люди, предсказывавшіе, что нынѣшняя война должна привести угнетенныя національности Австрійской имперіи къ освобожденію отъ тяжелаго, ненавистнаго ига, должна имѣть своимъ результатомъ распаденіе Австріи. Скорѣе, нежели могли надѣяться самые пылкіе изъ нихъ, дошла война до этого фазиса: черезъ два мѣсяца по открытіи военныхъ дѣйствій настала уже минута кризиса, и союзникамъ не нужно было никакихъ новыхъ усилій,—имъ нужно было только простоять еще мѣсяцъ, много полтора мѣсяца, простоять это недолгое время хотя бы сложа руки, и австрійская армія исчезала, и освобождалась не только Италія,— освобождалась и Венгрія, и всѣ австрійскія провинціи.

Но именно въ эту минуту и былъ заключенъ миръ. Воля, отъ которой требовалось не какое нибудь новое усиліе, не какія нибудь новыя жертвы, требовалось только бездѣйственное согласіе, чтобы освободились десятки милліоновъ людей, — она поспѣшила остановить погибель угнетенія и спасла Австрію отъ разрушенія. Она такъ спѣшила спасти уничтожавшагося врага, что дала ему условія мира, не удовлетворявшія собственнымъ увѣреніямъ этой воли о цѣляхъ войны, не соотвѣтствовавшія великости пріобрѣтеннаго превосходства надъ врагомъ.

Миръ состоялся такъ быстро, что намъ не было и времени поговорить о близости его и представить читателю еще новый примѣръ той, къ сожалѣнію, слишкомъ легкой способности предугадывать неизбѣжное, которая почерпается изъ невысокаго мнѣнія о людяхъ и принципахъ, давно оказавшихся недостойными довѣрія и сочувствія,—этой предусмотрительности, которой мы,—пусть проститъ намъ читатель,— несмотря на ея чрезвычайную легкость, мы гордились съ какимъ-то негодующимъ самодовольствомъ, потому что видимъ, какъ люди, быть можетъ превосходящіе насъ умомъ и знаніемъ и всѣми лестными качествами, оказываются лишены этой, можно сказать, пошлой способности—предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло, выставляющее себя прекраснымъ и благимъ, и постоянно оказываются обманутыми въ своей благородной довѣрчивости, между тѣмъ какъ мы съ насмѣшкою, въ которой слышатся стоны, имѣемъ право говорить имъ: вотъ, вы не изволили соглашаться съ нами, а теперь видите, вышло точно такъ, какъ мы предрекали съ самаго начала.

Да, жаль, что миръ не повременилъ хотя бы недѣли,—мы уже наби-

Digitized by Google

рали громадную массу доказательствъ въ дополненіе къ прежнимъ нашимъ словамъ о томъ, чѣмъ кончится эта война. Кому только угодно было не закрывать глазъ, тотъ могъ видѣть съ каждымъ днемъ больше и больше фактовъ, показывавшихъ, каковы будутъ условія мира. Уже давно было извѣстно, что сардинскій король и его министръ находятся въ немилости у своего союзника за то, что обнаруживаютъ наклонность понимать цѣль войны нѣсколько серьезнѣе, нежели онъ, и принимать мѣры къ дѣйствительному освобожденію Италіи отъ австрійцевъ; уже давно стало ясно, что сбылись опасенія, по которымъ мы предполагали въ прошломъ мѣсяцѣ, что графъ Кавуръ началъ видѣть себя обманутымъ и сталъ раскаяваться; уже давно было ясно, что сардинское правительство принуждено повиноваться политикѣ, исполнять распоряженія, служить планамъ, которые противны его собственнымъ желаніямъ. Теперь мы считаемъ уже напраснымъ перечислять эти признаки, указывавшіе исходъ войны, потому что совершился тотъ роковой фактъ, приближеніе котораго они предвѣщали. Займемся исключительно имъ, этимъ миромъ, по которому Италія, не освобождаясь отъ австрійцевъ, подчиняется еще новому игу, французскому, и по которому уничтожается самостоятельность единственнаго государства, которое пользовалось въ Италіи самостоятельностью и свободою.

Зачѣмъ заключенъ миръ? О, Боже мой, прокламація императора французовъ передъ началомъ войны, эта прокламація, на которой довѣрчивымъ людямъ угодно было основывать свою вѣру въ освобожденіе Италіи, уже указывала причину, по которой не можетъ быть допущено изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: „Мы идемъ въ Италію (говорила прокламація, объявлявшая о войнѣ съ Австріею) не покровительствовать безпорядкамъ, не колебать престолъ папы“. Мы тогда же говорили, какой выводъ указывается этими словами. Скоро явились факты, подтверждавшіе заключеніе, и безъ того, впрочемъ, слишкомъ ясное. Когда Жюль-Фавръ спрашивалъ, будутъ ли возстановлены великій герцогъ тосканскій и герцогиня пармская, — его вопросъ оставленъ былъ безъ отвѣта, хотя онъ говорилъ, что неполученіе отвѣта онъ сочтетъ равносильнымъ подтвержденію его опасеній за характеръ войны. Потомъ въ оффиціальныхъ газетахъ явились статьи, говорившія, что война, которую Франція ведетъ съ Австріей, не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями, какія обнаруживаются въ разныхъ областяхъ Италіи, незанятыхъ французскими войсками, что Франція вездѣ, гдѣ только можетъ, препятствуетъ такимъ безпорядкамъ. Эти слова не имѣли бы особеннаго вѣса, если бы не подтверждались фактами; но французское правительство дѣйствительно вездѣ, гдѣ имѣло войска, поддерживало такую же образцовую тишину, какъ австрійцы въ занятыхъ ими областяхъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ образъ дѣйствій генерала Гойона въ Римѣ. Мы уже говорили объ этомъ. Вотъ еще новый случай того же рода, — онъ произошелъ, когда римляне хотѣли поздравить французовъ съ побѣдою при Сольферино. Переводимъ изъ „Times'а“:

«Каждое воскресенье римская молодежь собирается у дверей церкви S. Luigi dei Francesi, и ставши въ два ряда, съ поклонами и другими молчаливыми знаками симпатіи провожаетъ генерала Гойона до его коляски послѣ военной мессы. Въ субботу

(25 іюня) депутація этихъ молодыхъ людей явилась къ генералу предупредить его, что завтра собраніе будетъ многочисленнѣе обыкновеннаго и что онъ не долженъ удивляться, если демонстрація будетъ сопровождаться криками «viva l'Italia, viva l'imperatore dei Francesi e Vittorio Emmanuele!» и если даже будутъ развѣваться итальянскія знамена. «Господа, сказалъ генералъ, если такъ, мы выходимъ за границы мирной демонстраціи. Я не могу допустить этого,—я долженъ запретить это и предупрежу это во что бы то ни стало». На слѣдующее утро генералъ Гойонъ наполнилъ площадь передъ церковью огромнымъ количествомъ войска, загородилъ горожанамъ всѣ входы на площадь и, садясь въ карету, тихо сказалъ своимъ офицерамъ: «Мы въ Римѣ среди трехъ партій: первая состоитъ изъ честныхъ либераловъ, которые убѣждены, что Франція хочетъ добра этой странѣ—ихъ мы должны любить; вторая партія—приверженцы Австріи; ихъ, пока они остаются въ справедливыхъ границахъ мнѣнія, которое свободно, мы должны уважать; третья партія состоитъ изъ мацциниcтовъ—ихъ должно задавить, il faut écraser»,—и пожавъ руки полковникамъ и другимъ штабнымъ офицерамъ, генералъ уѣхалъ съ площади».

Поддерживая безмятежную тишину въ занятыхъ ими мѣстахъ, французы старались по возможности удержать отъ возстаній и всѣ другія части Италіи; а гдѣ, несмотря на ихъ старанія, населеніе возставало, они устраивали такъ, что жители лишались возможности организовать военную силу для борьбы съ австрійцами. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что главной заботою французской политики было воспрепятствовать образованію самостоятельныхъ итальянскихъ войскъ, которыя помѣшали бы императору французовъ остановить войну, когда ему будетъ угодно, и помириться съ австрійцами, на какихъ будетъ ему угодно условіяхъ. Въ этомъ отношеніи усилія французовъ увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Тосканскія войска, напримѣръ, совершенно были лишены возможности видѣть врага и были доведены до разслабленія преднамѣренною деморализаціею. Въ другихъ областяхъ не дано было и устроиться военной силѣ. Одному только Гарибальди не успѣли помѣшать составить отрядъ волонтеровъ, да то единственно оттого, что отрядъ былъ уже готовъ, когда французы явились въ Италію. За то отняты были у этого отряда средства усиливаться, и способъ къ тому нашелся самый простой: волонтеровъ оставили безъ оружія.

Такимъ образомъ волонтеры Гарибальди могли только удивлять Европу отважностью своихъ подвиговъ, но не могли усилиться на столько чтобы Италія имѣла черезъ нихъ хотя какой нибудь голосъ при рѣшеніи своей судьбы. Мы не можемъ теперь и говорить здѣсь объ этомъ отрядѣ, оставшемся безъ всякаго вліянія на ходъ событій,—но вѣроятно читатели сочувствуютъ этимъ героямъ и хотѣли бы знать о нихъ, какъ можно больше; потому помѣщаемъ въ приложеніи письмо одного изъ волонтеровъ, помѣщенное въ Pensiero ed Azione--оно имѣетъ совершенно оригинальный характеръ, напоминающій народныя эпопеи, гомеровы рапсодіи, сербскія пѣсни: этотъ отрядъ—не безразличная толпа людей, слитыхъ въ одну бездушную боевую машину,—нѣтъ, каждый боецъ имѣетъ имя, извѣстное и дорогое его соотечественникамъ, каждый знаменитъ своими подвигами, каждый долженъ въ благодарной памяти многихъ составлять предметъ гордости своего родного города или села. Посмотрите, какое тутъ множество людей, дѣйствительно замѣчательныхъ: знаменитые ученые, отличные медики, адвокаты, богатые куп-

цы—всѣ они стали въ ряды простыми солдатами. Отрядъ героевъ и людей честныхъ, ты одинъ могъ бы служить вѣрною надеждою родины, но за то тебя и оставили не имѣющимъ ни палатокъ, ни плащей, не дали тебѣ оружія, отняли у тебя средства усилиться, выдали тебя безпомощнымъ врагу—ты побѣдилъ его, прославилъ себя и Италію, и не твоя была вина, если ты не успѣлъ спасти свою родину.

Дивная энергія, выказанная волонтерами Гарибальди, была выраженіемъ народныхъ силъ Италіи. Несмотря на всѣ страшныя препятствія и отъ враговъ и отъ союзниковъ, итальянцы начинали выступать на сцену дѣйствія. Въ Тосканѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ національная партія, требующая единства, начинала торжествовать надъ интригами, устроенными за тѣмъ, чтобы эти земли, по окончаніи войны, могли быть возвращены къ прежнему положенію. Въ римскихъ областяхъ одинъ городъ за другимъ вооружался на защиту національнаго дѣла. Перуджія пострадала за него, но по всей Италіи пронесся крикъ мести, и жители Болоньи, Анконы, Феррары готовились наказать злодѣевъ, виновныхъ въ гибели Перуджіи. Подходило время, когда уже невозможно было бы остановить развитіе народныхъ силъ Италіи. Потому то и поспѣшили заключеніемъ мира.

Читатель знаетъ, какъ онъ былъ заключенъ. Среди побѣдъ, при несомнѣнной увѣренности въ легкомъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, императоръ французовъ подложилъ австрійскому императору перемиріе, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагая ему условія мира гораздо болѣе выгодныя, нежели какъ могъ ожидать Францъ Іосифъ. Разумѣется, предложеніе было принято съ благодарностью, и тогда Наполеонъ пригласилъ Франца Іосифа пріѣхать на личное свиданіе съ нимъ для порѣшенія вопроса объ окончательномъ мирѣ. 11 іюля (29 іюня) на этомъ свиданіи, безъ всякаго участія сардинскаго короля или его министровъ, былъ заключенъ миръ. Читатель знаетъ его условія: Австрія сохраняетъ Венецію и крѣпости на Минчіо и Адидже; но уступаетъ Ломбардію Франціи, которая передаетъ ее по своей милости во владѣніе сардинскому королю. Такимъ образомъ Сардинія получаетъ увеличеніе владѣній въ такой формѣ, которая уже сама по себѣ ясно указываетъ, что отнынѣ сардинскій король долженъ быть вассаломъ Наполеона III. Кавуръ, видя всѣ свои планы разрушенными, вышелъ въ отставку, и тѣмъ окончательно разъяснилось значеніе мира для людей, все еще не хотѣвшихъ разстаться съ мечтами. Во всей остальной Италіи все должно остаться по старому, какъ было до войны, и гдѣ произведены были „безпорядки", напримѣръ, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, тамъ возстановляется законный порядокъ, нарушившійся во время войны. Мы говоримъ, что все должно остаться по старому; конечно, въ условіяхъ мира есть фразы объ учрежденіи итальянской федераціи, также и о внутреннихъ реформахъ. Но состоится ли итальянская федерація на дѣлѣ, или останется только „желаніемъ высокихъ примирившихся державъ" это еще неизвѣстно, а если состоится она, то будетъ служить только органомъ для французскаго и австрійскаго господства надъ итальянскими государствами. Что же касается до внутреннихъ реформъ, то десятилѣтнее владычество французовъ въ Римѣ и ходъ дѣлъ въ Неаполѣ, находящемся нынѣ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею, должны служить

Digitized by Google

ручательствомъ за то, что Францiя не станетъ принуждать папу и неаполитанское правительство къ проведенiю реформъ, а будетъ спокойно ждать, пока они добровольно проникнутся стремленiемъ къ реформированiю, а сама до той поры будетъ ограничиваться только выраженiемъ „желанiй“, которыя, впрочемъ, выражены Наполеономъ III еще въ 1849 году въ знаменитомъ письмѣ его. Къ сожалѣнiю, они вотъ уже десять лѣтъ остаются „желанiями“, хотя французы всѣ эти десять лѣтъ господствовали въ Римѣ.

Впрочемъ, устройство итальянской конфедераци и внутреннiя реформы— не болѣе какъ второстепенныя подробности, опредѣленiе которыхъ будетъ идти обыкновеннымъ дипломатическимъ порядкомъ; стало быть намъ представится еще много случаевъ разсуждать объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, осуществленiе которыхъ теперь несомнѣнно, благодаря столь поспѣшно заключенному между Францiею и Австрiею мира.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента Times'а, находящагося при австрійской главной квартирѣ.

Бинаско, 5 іюня.

«Услышавъ вчера въ Маджентѣ перестрѣлку между аванпостами, я никакъ не думалъ, что буду свидѣтелемъ одной изъ упорнѣйшихъ битвъ нашего столѣтія: я зналъ, что австрійцы слишкомъ утомлены, такъ что не захотятъ нападать, а что французы имѣютъ уже достаточныя силы для нападенія, я вовсе не зналъ. А между тѣмъ, наканунѣ они овладѣли широкимъ каменнымъ мостомъ черезъ Тичино, между Санъ-Мартино и Буффалорою, который остался почти неповрежденъ отъ минъ, взорванныхъ въ немъ австрійцами, и навели кромѣ того два понтонныхъ моста, такъ что могли вчера по утру собрать на восточной сторонѣ рѣки до 60,000 пѣхоты и большую массу артиллеріи; съ этими силами поспѣшили они напасть на утомленныхъ и раздробленныхъ австрійцевъ. Тѣмъ менѣе колебались они напасть, что имѣли большіе резервы въ Трекате, часахъ въ двухъ пути отъ поля битвы. Австрійскіе корпуса были на нѣсколько часовъ задержаны въ своемъ движеніи къ назначеннымъ позиціямъ совѣщаніемъ между графомъ Гіулаемъ и генераломъ Гессомъ, и потому не дошли до опредѣленныхъ имъ мѣстъ. Такимъ образомъ, три бригады корпуса Клама и три бригады корпуса Лихтенштейна были единственными войсками, дѣйствительно сосредоточенными для сопротивленія французамъ, шедшимъ отъ Турбиго и Трекате. Они стояли въ Буффалорѣ и Маджентѣ. Корпусъ Цобеля (четыре бригады) былъ въ Кастеллотто, близь Аббіате Грассо, корпусъ Шварценберга—въ Аббіате Грассо, а Стадіона (пять бригадъ) въ Фаллавеккіа Бенедекъ былъ такъ далеко, что его нельзя брать и въ разсчетъ, а Урбанъ, стоявшій въ Каларате, не былъ призванъ въ битву. Одинъ только корпусъ Цобеля двинулся вчера до начала битвы; онъ шелъ на Корбетту. Генералъ Кламъ не могъ знать, что мина, подложенная подъ мостомъ, совершенно не подѣйствовала: еслибъ онъ зналъ это, онъ огородился бы окопами и укрѣпился бы другими способами въ Буффалорѣ и разрушилъ бы мосты черезъ большой каналъ, проходящій мимо этого села, почти параллельно Тичино. Этихъ мостовъ пять: 1) у Бернаты, 2) у Буффалоры, 3) на шоссе изъ Милана въ Новару, 4) на желѣзной дорогѣ, 5) старый мостъ у деревни, которая называется *Ponte di Magenta*. Эти мосты были чрезвычайно полезны для французовъ. Ниже по каналу былъ еще одинъ мостъ у Робекко, оказавшійся полезнымъ для австрійцевъ.

«Битва началась въ 11 часовъ тѣмъ, что французы взяли Буффалору, четыре первые моста изъ перечисленныхъ мною и деревню *Ponte di Magenta*, въ которой тотчасъ же окопались. Немедленно послѣ того они двинулись далѣе, къ Маджентѣ, потому что австрійцы поставили батарею у станціи желѣзной дороги, зная, что главнымъ предметомъ усилій непріятеля будетъ овладѣть желѣзною дорогою, и французы

были отбиты съ большимъ урономъ отъ Мадженты. Отрядъ корпуса Клама въ 6 или 7 тысячъ человѣкъ, былъ оттѣсненъ ими къ сѣверу отъ Буффалоры и почти отрѣзанъ, но генералъ-маіоръ Лебцельтернъ пришелъ изъ Корбетты съ своею бригадою (корпуса Цобеля) и отбилъ у французовъ Буффалору съ ближайшимъ къ ней мостомъ. Самъ Лебцельтернъ сошелъ съ лошади, лично водилъ свои войска въ атаку и былъ тяжело раненъ. Графъ Гіулай пріѣхалъ въ Мадженту въ ту самую минуту, какъ вносили туда Лебцельтерна. «*Es lebe der Kaiser*! сказалъ раненый генералъ: рапортую вашему высокопревосходительству, что моя бригада отбила Буффалору, но не можетъ удержаться въ ней, если не будетъ подкрѣплена. Я немного оцарапанъ», прибавилъ онъ, падая въ обморокѣ на землю.

«Но подкрѣпленій готовыхъ не было: генералъ-лейтенантъ Рейбахъ посланъ былъ атаковать *Ponte di Magenta* со всѣми войсками, какія нашлись въ Маджентѣ, одна изъ дивизій корпуса Цобеля была оставлена въ Корбеттѣ охранять путь отступленія на случай несчастія; одна изъ бригадъ корпуса Лихтенштейна (бригада генералъ-майора Кинцеля съ итальянскимъ пѣхотнымъ полкомъ эрцгерцога Сигизмунда) была должна занимать Робекко, за мостомъ,—на этомъ пунктѣ ожидали черезъ часъ или два увидѣть корпусъ Шварценберга, которому уже послали приказаніе двинуться изъ Аббіате Грассо.

«Графъ Гіулай послалъ одного изъ своихъ любимыхъ адъютантовъ, молодаго англичанина Невилля, просить князя Шварценберга пріѣхать къ нему, и самъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ въ Робекко ждать его. Едва онъ въѣхалъ въ деревню, какъ прискакалъ офицеръ и поднесъ ему пушечный патронъ изъ заряднаго ящика, взятаго въ *Ponte di Magenta* генераломъ Рейбахомъ, вмѣстѣ съ нарѣзною французскою пушкою; онъ рапортовалъ, что *Ponte di Magenta* отбита у непріятеля, но бѣдный Рейбахъ, самъ водившій свою пѣхоту въ атаку, тяжело раненъ, Шварценбергъ еще не прибылъ, но Гіулай послалъ полкъ эргерцога Сигизмунда по западной сторонѣ канала напасть на французовъ во флангъ между *Ponte di Magenta* и Тичино.

«Тутъ я взошелъ на колокольню Робеккской церкви—оттуда было хорошо видно поле битвы. Я видѣлъ, что дивизія Рейбаха уже вытѣснена изъ Мадженты; головы корпуса Шварценберга вступали въ Робекко; арріергардъ его, разумѣется, еще не двигался. На сѣверо-западѣ шелъ впередъ полкъ Сигизмунда, но далѣе простымъ глазомъ было можно различить, какъ батальонъ за батальономъ идутъ французы навстрѣчу ему. По желѣзной дорогѣ до самаго Трекате и по Новарской дорогѣ облака пыли показывали, что идутъ подкрѣпленія къ нимъ. Судьба Сигизмундова полка не подлежала сомнѣнію—онъ не имѣлъ подкрѣпленій. Скоро подвергся онъ страшной потерѣ, но своею атакою на французскій флангъ отбилъ назадъ войска, вступавшія въ Мадженту.

«Корпусъ Шварценберга занялъ позицію во время сильной грозы. Бригада Рамминга была у канала, по восточному его берегу, бригада Дунфельда по западному, бригада Гартунга ближе къ Тичино; всѣ три онѣ атаковали *Ponte di Magenta*, ключъ французской позиціи. Пять разъ эта деревня переходила изъ рукъ въ руки. Одинъ только гессенскій полкъ (бригады Гартунга) ходилъ въ атаку девять разъ; князь Шварценбергъ, сошедши съ лошади, самъ водилъ его, съ своимъ адъютантомъ, Сеченымъ, у котораго плащъ весь былъ пробитъ пулями, но самъ Сеченый остался невредимъ. Послѣ трехчасоваго отчаяннаго боя французы отступили на всѣхъ пунктахъ и 10,000 свѣжихъ австрійцевъ довершили бы рѣшительную побѣду. Но не было ни одного человѣка въ резервѣ, потому что 4-ая бригада корпуса Шварценберга была услана атаковать французовъ съ тыла, отъ Тичино. 5-й корпусъ, графа Стадіона, шелъ изъ Фаллавеккіи, но еще и половина его не прошла Аббіате Грассо. Дорога тутъ была только одна, потому онъ растянулся такъ, что авангардъ его былъ на нѣсколько миль отъ арріергарда. Между тѣмъ и съ сѣвера и съ запада подходили свѣжія французскія войска и линія боя снова подвигалась къ востоку, и снова французы взяли *Ponte di Magenta* и шли на Робекко. Въ эту минуту, когда все казалось потеряннымъ, эскадронъ гусарскаго короля прусскаго полка попросилъ дозволенія идти въ атаку и, получивъ его, бросился на зуавовъ съ такою стремительностью, что раз-

Digitized by Google

сѣялъ ихъ и отбросилъ въ деревню; за нимъ вошелъ гессенскій пѣхотный полкъ. Эта атака тѣмъ болѣе удивительна, что произведена была черезъ виноградники. Передъ самыми сумерками я видѣлъ, что многочисленныя французскія войска отступаютъ по желѣзной дорогѣ и когда въ сумерки сошелъ я съ своего высокаго наблюдательнаго поста и сталъ говорить съ офицерами генеральнаго штаба, стоявшими подъ колокольнею, то намъ всѣмъ казалось, что битва кончается успѣшно, и что имѣя свѣжія корпуса Бенедека и Стадіона и дивизію Урбана, мы не можемъ сомнѣваться, что побѣда останется за нами. Дивизія Паумгартена (изъ корпуса Стадіона) начинала тогда проходить Робекко; но было уже слишкомъ поздно. Французы продолжали бой до 9 часовъ вечера и кончили тѣмъ, что удержали за собою *Ponte di Magenta*. Весь корпусъ Шварценберга,—то есть, остатки его,—былъ отозванъ назадъ въ Робекко, чтобы занять позицію для битвы, которой ожидали на слѣдующій день. Войска Стадіона, по мѣрѣ того какъ подходили, также становились въ позицію для ожидаемой битвы; остатки корпусовъ Клама и Лихтенштейна собрались въ Корбеттѣ. Въ Маджентѣ австрійцы держались до 10 часовъ вечера, когда отправили послѣдній поѣздъ раненыхъ по желѣзной дорогѣ въ Миланъ.

«Но надеждамъ австрійцевъ не суждено было исполниться. Видно было, что французы отступали съ позицій своихъ по фронту,—ихъ огонь имѣлъ характеръ перестрѣлки, производимой арріергардомъ при отступленіи. У австрійцевъ, по всей вѣроятности, было наготовѣ больше свѣжихъ войскъ, нежели у французовъ. Но лично изслѣдовавъ и осмотрѣвъ положеніе дѣлъ, графъ Гіулай долженъ былъ признать справедливость рапорта Клама, что часть его корпуса, бывшая въ дѣлѣ, перестала быть дисциплинированнымъ войскомъ. Былъ такой батальонъ, въ которомъ не осталось ни одного офицера; другой былъ такъ раздробленъ, что вовсе никуда не годился: часть его была оттѣснена на югъ, другая на сѣверъ. Корпусъ Лихтенштейна былъ почти въ такомъ же состояніи, корпусъ Шварценберга едва ли въ лучшемъ. Необходимо было день или два, чтобы оправиться имъ. Графу Гіулаю приходилось рѣшать, давать ли битву нынѣ, или нѣтъ. Изъ четырехъ три шанса было, что мы побѣдимъ, но пораженіе было бы совершенною погибелью всей арміи, потому что отступленіе на Верону съ разбитыми войсками среди враждебнаго населенія было бы невозможно. Потому Гіулай рѣшился на отступленіе и оставилъ одну изъ бригадъ корпуса Шварценберга прикрывать его. Въ половинѣ 5-го часа нынѣ поутру (5 іюня) эта бригада,—опять гессенскій полкъ,—атаковала *Ponte di Magenta*, овладѣла деревнею и увидѣла, что у французовъ остался на этой сторонѣ Тичино только арріергардъ: они также отступили! Да, ночью обѣ арміи отступили въ совершенномъ изнуреніи силъ.

«Веролянова, 12-го іюня (31-го мая).

«Французская реляція о битвѣ при Маджентѣ дошла до насъ. Французы говорятъ, что они побѣдили при Трафальгарѣ, потому не слѣдуетъ удивляться, что по случаю Маджентскаго сраженія они сдѣлали иллюминацію въ Парижѣ. Но остается тотъ фактъ, что они отступили за Тичино, «чтобы дать отдохнуть арміи и реорганизировать ее». Австрійскіе отчеты о числѣ убитыхъ и раненыхъ еще не готовы, но включая въ это число взятыхъ въ плѣнъ и пропавшихъ безъ вѣсти, я думаю, что потеря у нихъ не менѣе 10,000 человѣкъ. Французы брали и теряли главныя позиціи ровно столько же разъ, какъ австрійцы, потому трудно вѣрить ихъ словамъ, будто бы у нихъ потеря меньше. Наполеонъ можетъ благодарить судьбу за совѣщаніе между Гіулаемъ и Гессомъ въ Берегуардо наканунѣ битвы, это совѣщаніе спасло его отъ совершеннаго пораженія, потому что въ теченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, пока оно тянулось, войска были остановлены въ своемъ движеніи и такимъ образомъ очень поздно пришли на ночевку, стало быть запоздали и пришли болѣе утомленными на другой день на поле сраженія. Французы говорятъ, что австрійцевъ было 120,000 человѣкъ,—это для того, чтобы оправдать свою потерю, которая больше, чѣмъ хочется имъ показать полученною отъ сраженія съ 25 или 30 тысячнымъ непріятелемъ; но я положительно знаю, что на полѣ битвы никогда не бывало одновременно болѣе

Digitized by Google

30,000 австрійцевъ. Надобно сказать, что со стороны австрійцевъ было большою ошибкою принимать битву, имѣя войска столь разбросанныя. Исторія о томъ, почему Буффалорскій мостъ остался не разрушенъ, сколько извѣстно, состоитъ вотъ въ чемъ: Вѣнскій инженерный департаментъ прислалъ въ армію подробные рисунки минъ, которыя слѣдуетъ устроить, и разсчеты о количествѣ пороха, нужнаго на нихъ. Артиллерійское депо, бывшее въ Павіи, доставило назначенное количество пороха, и мины были устроены въ точности по рисункамъ. Но 3-го числа инженерный офицеръ, распоряжавшійся въ Буффалорѣ, получилъ приказаніе взорвать два или три малыхъ моста черезъ каналъ, и употребилъ на это часть полученнаго пороха, думая, что получитъ новую партію его изъ Милана къ тому времени, когда будетъ нужно. Онъ напрасно ждалъ нѣсколько часовъ этой присылки, но не получилъ ничего, и когда вечеромъ въ тотъ же день приказали ему взорвать Буффалорскій мостъ, пороху у него не достало».

В. Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди.

«Получивъ прибавленіе къ № 17 *Pensiero ed Azione*, объявляющее о возобновленіи правильныхъ выпусковъ этой газеты, посылаю вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о блистательной и смѣлой экспедиціи отряда Гарибальди, потому что, сколько знаю, ни въ одной изъ итальянскихъ или иностранныхъ газетъ не было еще помѣщено связнаго разсказа объ этомъ походѣ. Отрядъ первоначально состоялъ изъ 4,500 человѣкъ. Сардинскій министръ обѣщалъ Гарибальди 10,000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, съ батареею артиллеріи и эскадрономъ конницы, но заблагоразсудилъ измѣнить своему слову, прекративъ наборъ волонтеровъ, оставивъ Гарибальди безъ пушекъ и безъ конницы, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ проводниковъ. Отрядъ раздѣленъ на четыре части или полка. 1-мъ полкомъ командуетъ полковникъ Энрико Козенцъ, воспитанникъ военной неаполитанской школы, чрезвычайно искусный и храбрый артиллерійскій офицеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ защитниковъ Венеціи въ 1849 году; 2-мъ командуетъ полковникъ Джакомо Медичи, знаменитый защитою позиціи *Vascello* въ Римѣ, осажденномъ французами; 3-мъ—полковникъ Никола Ардоино, старый офицеръ испанской междоусобной войны; 4-мъ—полковникъ Камилло Больдони, уважаемый артиллерійскій офицеръ, товарищъ Козенца по защитѣ Венеціи. Другіе штабъ-офицеры: Сакки, Липари, Черони, Биксіо, Фриджеріо и Форести. Лѣта солдатъ вообще отъ 20 до 30. Каждая итальянская область имѣетъ тутъ своихъ представителей. Есть у насъ нѣсколько десятковъ калабрійцевъ, прошедшихъ большую часть своего пути къ соединенію съ другими волонтерами по Аппенинскому хребту. Ломбардскій и тосканскій элементы составляютъ большинство. Есть тутъ и взводъ генуэзскихъ карабинеровъ,—всѣ они члены «Общества національной стрѣльбы», вооруженные на собственный счетъ превосходными штуцерами и удивительные стрѣлки. Къ нимъ присоединился англійскій джентльменъ, зрѣлыхъ лѣтъ, молчаливый, рѣшительный и неутомимый. Вообще отрядъ плохо экипированъ и имѣетъ посредственныя ружья. Солдаты одѣты въ легкій зеленый казакинъ (*casacca*), безъ верхняго платья, носятъ беретки (*berettino*) съ козырькомъ; есть у нихъ ранцы и патронташи, но нѣтъ ни плащей, ни шерстяного платья, ни палатокъ. Офицеры, начиная съ генерала, носятъ сардинскій мундиръ. Около четвертой части солдатъ принадлежатъ къ зажиточному и образованному сословію: между ними есть богатые владѣльцы, медики, инженеры, адвокаты, студенты, негоціанты, артисты. Изъ медиковъ и хирурговъ, пошедшихъ волонтерами въ этотъ отрядъ, извѣстнѣйшіе: Агостино Бертани, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ операторовъ Италіи, бывшій военнымъ штабъ-хирургомъ во время защиты Рима; Піэтро Ринари, который также во время защиты Рима былъ хирургомъ при легіонѣ Гарибальди; какъ безтрепетно умѣетъ онъ стоять передъ врагомъ, также непреклонно вынесъ онъ семь лѣтъ заключенія въ папской тюрьмѣ въ Паліано, изъ которой вышелъ съ сѣдыми волосами; Мадриліо Мароцци, который былъ при защитѣ Венеціи; Піэтро Маэстри, знаменитый писатель, членъ миланскаго комитета обороны въ 1848 году; Акилле Сакки, храбрый офицеръ, еще

Digitized by Google

страдающій отъ жестокой раны въ лѣвомъ плечѣ, которую получилъ въ одной изъ битвъ подъ Римомъ.

Гарибальди съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, называющимися альпійскими егерями, не могъ открыть себѣ прохода между австрійцами, вторгнувшимися въ Піэмонтъ линіею, которая простиралась отъ Піаченцы до Лаго-Маджіоре; но 17 мая искусно вышедши изъ Віэллы и форсированными маршами обошедши вдоль Ортскаго озера (*Lago d'Orta*), въ ночь съ 20 на 21 мая онъ перешелъ Тичино у Сесто Календе, взявъ въ плѣнъ 40 австрійскихъ солдатъ, и вступилъ въ Комскую область. Капитанъ Карло де-Кристофорисъ былъ оставленъ охранять Сесто Календе съ двумя ротами; 23 мая на него напали 800 австрійцевъ, хотѣвшихъ овладѣть этою переправою. Отрядъ де-Кристофориса, имѣвшій около 225 человѣкъ, храбро встрѣтилъ ихъ такимъ живымъ огнемъ, что обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ 20 плѣнниковъ.

«Гарибальди 25 числа занялъ Варезе, городъ, имѣющій 5000 жителей. Оттуда коммиссаръ сардинскаго короля. Эмиліо Висконти Веноста пригласилъ верхнюю Ломбардію возстать, провозглашая королемъ своимъ Виктора Эммануила. 26 числа фельдмаршалъ Урбанъ, командовавшій румунскими волонтерами противъ венгровъ въ 1848 году, приблизился къ Варезе съ 6.000 пѣхоты, эскадрономъ кавалеріи и четырьмя пушками. Гарибальди построилъ въ Варезе баррикады, вооружилъ горожанъ и оставилъ съ ними для защиты города 200 своихъ стрѣлковъ. Они стали у воротъ. Бой начался и продолжался четыре часа, а пока городъ защищался, Гарибальди вдругъ напалъ на Урбана и разбилъ его. Взводъ генуэскихъ стрѣлковъ дѣлалъ тутъ чудеса храбрости. Генералъ собралъ ихъ на городской площади и въ присутствіи жителей провозгласилъ храбрецами. У насъ былъ убитъ Роллеро, молодой студентъ, котораго по свѣдѣніямъ, характеру и храбрости считали товарищи предназначеннымъ къ блестящей будущности; Бурландо, молодой негоціантъ, былъ раненъ въ голову; графъ Бельджійозо убитъ. Камилло Сталло, основатель общества генуэскихъ стрѣлковъ и самъ превосходнѣйшій стрѣлокъ, видя, что выстрѣлы нѣкоторыхъ штуцерниковъ, направленные на канонировъ австрійской батареи, не попадаютъ въ цѣль, поставилъ пятерыхъ изъ нихъ подлѣ себя, сказавъ, чтобы они только заряжали и подавали ему штуцера, а что онъ одинъ берется очистить батарею; онъ сдѣлалъ пять выстрѣловъ, и пять артиллеристовъ упали; при пятомъ выстрѣлѣ остальные канониры вскочили на лошадей и ускакали съ пушками. Пѣхота, прикрывавшая батареи, была въ ту же минуту аттакована нашими въ штыки и бѣжала въ безпорядкѣ. Сталло былъ сдѣланъ офицеромъ на полѣ сраженія.

«27 числа Гарибальди настигаетъ врага по дорогѣ въ Комо, выбиваетъ его изъ Бинаго, потомъ сходитъ съ большой дороги, беретъ дорогу налѣво, по горамъ, и 28 числа неожиданно является передъ Комо. Непріятель, усилившійся до 8,000 человѣкъ съ 8 орудіями, занималъ высоты передъ Комо, отъ Санъ-Феруно, до Камерлаты, станціи на желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Комо въ Монцу и Миланъ. Волонтеры стремительно напали на высокій холмъ Санъ-Фермо, защищаемый двумя батальонами. «Мы,—разсказывалъ Карло Монно, двадцатилѣтній студентъ,—мы, генуэзцы, были впереди и я съ 28 стрѣлками зашелъ далеко впередъ остальнаго отряда; жаръ боя какъ будто опьянилъ насъ и мы гнали снизу вверхъ австрійцевъ. Вѣроятно, и направо и налѣво отъ насъ были стрѣлки и другія наши колонны, но мы этого не знали, потому что по горѣ въ разныхъ мѣстахъ есть кустарники, и полагали, что мы одни противъ всей этой массы. Однакоже у насъ горѣла душа побѣдить ихъ, и мы гнали ихъ изъ ущелья въ ущелье, указывая ихъ другъ другу криками, какъ будто на охотѣ за зайцами: «вотъ ихъ трое въ этой рытвинѣ»;—«вотъ, смотрите, двое на лѣво; вы берите себѣ того длиннаго, а я буду стрѣлять въ другаго». И такимъ манеромъ, дальше и дальше, дошли мы до самой вершины, а потомъ погнались за ними и по спуску до самой равнины къ городу. Батальонъ стоялъ въ долинѣ *Pra Pasque* загораживая дорогу въ городъ. Не теряя времени на перестрѣлку, стрѣлки взялись за штыки, и батальонъ отступилъ до предмѣстья Вико, гдѣ остановился, получивъ подкрѣпленія. Выгнанный и отсюда, непріятель отступилъ въ Камерлату; оттуда отряды его, сбитые съ своихъ позицій, собрались къ станціи, чтобы имѣть путь отступленія

Digitized by Google

на Миланъ. Тутъ начался новый бой, и опять на штыкахъ. Наконецъ, не будучи въ состоянiи удержаться ни въ одной позицiи, Урбанъ приказалъ отступать къ Марiано. Волонтеры, которые съ 17 числа безъ отдыху шли, а съ 26 шли и сражались, могли вечеромъ отдохнуть въ Комо. Комо—городъ съ 20,000 воинственнаго населенiя, которое въ 1848 году возстало, билось четыре дня, взяло штурмомъ три казармы и захватило въ плѣнъ 1,500 австрiйцевъ,—Комо,—такое дѣйствiе произвели воззванiя партiи умѣренныхъ къ благоразумiю,—не шевельнулся во все то время, пока шелъ бой у его воротъ: волонтеры были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ во время штурма, и Комо оживился только тогда, какъ непрiятель бѣжалъ. Тогда начались иллюминацiи, крики evviva, посыпались цвѣты и проч. Въ ночь съ 28 на 29, и поутру 29 Гарибальди провозгласилъ королемъ Виктора Эммануила, учредилъ нацiональную гвардiю, организовалъ муниципальную власть, отправилъ на озеро пароходы для набиранiя волонтеровъ и къ вечеру выступилъ изъ Комо.

«Онъ выступилъ изъ Комо 29 мая, и 2 iюня опять вернулся туда. Еще неизвѣстно хорошенько, зачѣмъ онъ уходилъ изъ Комо, гдѣ былъ и что съ нимъ было въ это время. Извѣстно только, что онъ съ двумя ротами штурмовалъ фортъ Лавено на Лаго-Маджоре, занятый 500 человѣкъ гарнизона съ артиллерiею, и что по чрезвычайному неравенству силъ штурмъ не удался.

«Урбанъ снова занялъ Варезе и Комо. Три или четыре дня считали отрядъ Гарибальди погибшимъ, истребленнымъ или принужденнымъ бѣжать въ Швейцарiю. Уже говорили, что, убѣдивъ его стать въ это фальшивое положенiе обѣщанiемъ поддержать его другими войсками и измѣнивъ своему слову, хотѣли просто погубить человѣка, который могъ сдѣлаться опаснымъ, убить въ общественномъ мнѣнiи репутацiю волонтеровъ, такимъ образомъ отнять у нацiи увѣренность, что она можетъ побѣждать врага сама, своимъ оружiемъ. Пораженiе корпуса Гарибальди надолго уничтожило бы возможность нацiональной войны. Уже вспоминали о тосканцахъ, выданныхъ на смерть при Куртаноне, и разсказывали, что въ главной французской квартирѣ съ удовольствiемъ говорятъ о погибели этого отборнаго отряда патрiотовъ. Разсматривая дѣло только съ военной точки зрѣнiя, кажется, что одной изъ пiэмонтскихъ дивизiй слѣдовало бы соединиться съ Гарибальди: тогда лѣвое крыло союзниковъ подвинулось бы на столько, что стало бы серьезно угрожать непрiятелю и принудило бы его ослабить центръ и лѣвое свое крыло посылкою подкрѣпленiй на правое (сѣверное), такъ что съ увѣренностью можно было бы напасть на него у Пiаченцы и Валенцы; а если бы непрiятель не захотѣлъ измѣнять расположенiя лѣваго союзнаго крыла, то можно бы обратить фальшивую атаку въ настоящую и совершить 1 и 2 iюня тотъ переходъ массою черезъ Тичино, который былъ совершенъ только 4-го. Вѣроятно, что посылку подкрѣпленiй къ Гарибальди замедлило движенiе Гiулая на Палестро 31 числа, и Гарибальди, предоставленный собственнымъ силамъ, подвергся бы большей опасности, если бы Гiулай, предвидя близость большаго сраженiя, не собралъ въ боевую линiю всѣ силы, которыми могъ располагать.

«Гарибальди послалъ къ озеру Изео отрядъ съ полковникомъ Турби и майоромъ Камоцци поднять комскiя долины и овладѣть австрiйскими пароходами на озерѣ. Эти два офицера дѣйствительно успѣли выйти на дорогу къ Брешiи съ нѣсколькими сотнями тамошнихъ поселянъ. Самъ Гарибальди 9 iюня разбилъ въ Палаццуоло 2,000 австрiйцевъ, шедшихъ изъ Брешiи и не воображавшихъ, что Бергамо уже въ рукахъ волонтеровъ. Потомъ онъ сдѣлалъ чрезвычайно искусный маневръ и, совершенно скрывъ свои слѣды отъ непрiятеля, перешелъ въ Романо, а оттуда бросился на Брешiю необыкновенно быстрымъ и долгимъ переходомъ, въ то время, какъ австрiйцы, еще бывшiе въ Брешiи, полагали, что Бергамо находится въ ихъ рукахъ. Въ Брешiи альпiйскiе егеря были приняты съ величайшимъ энтузiазмомъ.

«Заслуживая энтузiазма, съ которымъ смотрятъ на него соотечественники, Гарибальди служитъ ужасомъ для непрiятеля. *Bund* гризонская газета, разсказываетъ, что въ Тауферсѣ (въ нѣмецкомъ Тиролѣ, на сѣверъ отъ дефиле Стельвiо) увидѣли ночью сосѣднихъ гризонскихъ горцевъ изъ Валь-Монастерiо, бродившихъ ночью съ факелами,—вѣроятно они искали какую нибудь заблудившуюся корову,—нѣмцы вообра-

Digitized by Google

зили, что это отрядъ Гарибальди и начали бить въ набатъ. Тауферсъ навѣрное будетъ въ 200 миляхъ отъ Бергамо. Вотъ случай, еще интереснѣйшій: 8 іюня начальникъ иншпрукскаго округа (Иншрукъ, столица Тироля, еще дальше отъ Бергамо, нежели Тауферсъ) обнародовалъ прокламацію, изъ которой представляю отрывокъ въ переводѣ: «Волонтеры Гарибальди, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, угрожаютъ границамъ нашего любезнаго отечества. Со дня на день можетъ явиться Гарибальди, принося ужасы войны въ наши мирныя долины. Въ виду такой опасности должны умолкнуть всѣ другія заботы и всякая медлительность должна уступить мѣсто живѣйшей дѣятельности. Соединитесь въ стрѣлковыя роты и спѣшите на границу, и врагъ побѣжитъ, ужаснувшись вашего грознаго появленія. Докажите императору и Германіи, что вы достойные сыны вашихъ мужественныхъ отцовъ. Коммиссаръ иншпрукскаго оборонительнаго комитета, Бартъ».

«Въ сраженіи при Комо были убиты: капитанъ де-Кристофорисъ, офицеры Батталья, Каироли, Педотти и Феррини. Де-Кристофорисъ былъ убитъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Онъ поручилъ своему другу Корти передать саблю его его матери, а кольцо съ руки передать его милой. У Каироли было въ войскѣ три брата,— они дѣти знаменитаго хирурга Каироли.

«Зачѣмъ вы не остались въ госпиталѣ? спрашивали у Бурландо, который съ раненою, перевязанною головою сталъ въ ряды, чтобы идти съ другими изъ Комо въ Лекко.

«— Я нахожу себя безопаснѣе въ полѣ, чѣмъ въ госпиталѣ. Я уже вижу, что умно поступилъ, не послушавшись хирурга, который тоже хотѣлъ удержать меня въ госпиталѣ въ Варезѣ: если бы я его послушался, австрійцы, когда воротились въ Варезе, взяли бы меня въ постели».

«При штурмѣ Лавено, генуэзецъ Мосто, видя торчащіе изъ бойницъ въ стѣнѣ концы австрійскихъ штуцеровъ, схватился за одинъ изъ нихъ, чтобы по нему взобраться на стѣну. Онъ долженъ былъ бросить эту мысль, по приказанію офицера.

«Одинъ изъ волонтеровъ, взятый въ плѣнъ, былъ спрошенъ генераломъ Урбаномъ о дѣйствительной силѣ своего отряда. «2,000 человѣкъ», отвѣчалъ онъ, и, оборотившись къ горожанамъ, прибавилъ на мѣстномъ нарѣчіи: «вотъ оселъ австріецъ! думаетъ, что я скажу ему правду!»

Digitized by Google

Августъ 1859.

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Вилафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сенъ-Клу. Негодованіе во Франціи и Италіи. Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. Урокъ для либераловъ.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблаговидно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; „никто не долженъ оставаться безъ защитника", потому назначается въ этихъ случаяхъ самимъ президентомъ суда defenseur d'office, „защитникъ по предписанію". Ни онъ самъ, ни одинъ человѣкъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою неблагодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право разсчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ defenseur d'office всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихся неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ міръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ" заимствованы изъ „Ивана Выжигина". Но и самъ г. Гречъ только однажды въ свою долголѣтнюю жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только не защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣденнымъ столомъ, и наконецъ,—что требовало наибольшей дозы мужества,—защищали австрійцевъ in natura, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки исключеній....

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ наши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вмѣстѣ вліяніемъ на ходъ событій въ такъ называе-

Digitized by Google

момъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоотвѣтствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили нѣкоторое недовольство.... Что дѣлать?—всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаніемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возбужденнаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ въѣзжать въ Парижъ: онъ зналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ,—онъ укрылся отъ публики въ Сенъ-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекратилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону,—это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достичь. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще высшее,—интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было—идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ“.

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. „Средства были непропорціональны съ результатомъ“—это значитъ: „я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія“.—„Надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ“—это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ-республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ „Journal des Débats“ и черезъ Жюля Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. „Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинуть благородное дѣло, которому хотѣлъ служить“—это значитъ: „я не могу не сознаться, что почти всѣ думаютъ иначе“.—„Хо-

Digitized by Google

тѣлъ служить“—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать „служилъ“, то есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. „Развѣ не тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ“ и т. д.—это признаніе въ томъ, что армія была не довольна миромъ. — „Развѣ не тяжело было мнѣ передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ?“—это значитъ: „вся Европа говоритъ, что Италія не удовлетворена мною“.—Какое же извиненіе представляется всему этому? — „Судьбы моей страны могли быть въ опасности“ — это значитъ: „Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то есть, самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюля Фавра, что императорская Франція была безсильна передъ опасностями, сопряженными съ итальянскою войною“.

„Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было“ — три раза повторяетъ Луи-Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ поръ говорившему только о своей безошибочности и полномъ достиженіи своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить, что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжелѣе было признаваться, что въ арміи пробуждено недовольство; еще затруднительнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою, какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость такихъ признаній и вразумленій очевидна; что же могло заставить императора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всею Европою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно, что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли, которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того, какъ подѣйствуютъ эти мысли на гордость французской націи. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ надѣялся, что ему можно будетъ говорить: „Виллафранкскій трактатъ освободилъ Италію“, и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (См. „Современникъ“, № V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ выполненною условіями мира. Но неразумные люди, неумѣющіе, подобно намъ, понимать красотъ дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ буквальномъ смыслѣ фразу прокламаціи: „Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря“ и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, котораго ничѣмъ невозможно было заглушить: „Италія должна была освободиться до Адріатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адріатическаго моря, припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!“ и т. д.—Вотъ этотъ оглушительный крикъ незнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, нелѣпо вообразившихъ себя обманутыми, — вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Наполеона,

Digitized by Google

неждавшаго такой неблагодарности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій... Но слова, произносимыя человѣкомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполнѣ удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнутъ былъ онъ неудовольствіемъ неразсудительныхъ лѣдей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, выдерживающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состояніи души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ нужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ никакихъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: „мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и безплодную войну осадъ, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспаривать наши успѣхи или усугублять наши неудачи“. Далѣе опять: „надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ“.

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

„Атаковатъ съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ“;—если бы и такъ, остается кромѣ фланговъ еще тылъ, ровно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе „съ фланговъ“ опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынѣшнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга чѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьезно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открытая войскамъ другаго,—сердиться на это никто не можетъ. Притомъ, развѣ и французы уже давнымъ давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ о нейтральности этихъ земель нечего говорить: она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не „съ фланговъ“; нападать на него можно было не съ одного фронта,

Digitized by Google

а съ фронта, съ лѣваго фланга и съ тыла—какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, доставшаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ, союзники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

„Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями,—начинать долгую и безплодную войну осадъ“. Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственнаго и множественнаго чиселъ: „войну осадъ“ (guerre de sièges),—„за великими крѣпостями“. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только *одна* осада только *одной* крѣпости, Вероны. Пескьера и Леньяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мантую не было надобности ни брать, ни осаждать: довольно было блокировать отдѣльнымъ обсерваціоннымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ „осадахъ“, а объ „осадѣ“, не о „крѣпостяхъ“, а о „крѣпости“. Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: „мнѣ слѣдовало начинать долгую и безплодную войну осадъ“.—Почему же „долгую и „безплодную“ (stérile)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, разсчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ нарѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блистательное употребленіе себѣ? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; нарѣзныя батареи стрѣляли бы по этимъ безотвѣтнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью,—какъ же тутъ могла быть осада „долгою“? На какомъ основаніи она могла быть „безплодна“,—это ужь рѣшительно непонятно. Быстрое отнятіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно было бы дѣйствіе не безплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы „долга“ и „безплодна“,—неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со временъ его дяди крѣпости перестали считаться неизбѣжными остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытомъ полѣ? Нынѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

„Я находилъ передъ собою вооруженную Европу“; далѣе: „надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ“.—„Европу“,—но развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія дѣйствительно вооружалась; но каждому извѣстно, что

Digitized by Google

она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудитъ ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было пріостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію,—оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, вмѣсто громкаго слова „Европа“ надобно поставить только „Германія“. Германія дѣйствительно вооружалась. Но во-первыхъ, что̀ было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ „восточную армію“, явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссье, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, это было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значитъ, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣшилась до послѣдней крайности удерживаться отъ войны, а если бы когда (когда,—еще не было и видно, такъ далека была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно,—положимъ, что Германія начала бы воевать серьезно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Веронъ, можно было взять самую Вѣну,—и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Аддидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не взята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Аддидже

и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000,—итого, 240,000 человѣкъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ-подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія знамена враждебныя австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ вопросъ разрѣшался очень легко; если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои изъ Италіи,—итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!..

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Аддидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германіею, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка,—чего еще не было,—и серьезна,—чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ нѣмцевъ? Это что-то неслыханное. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волоскомъ. Какая же „опасность“ грозила „судьбамъ Франціи“, какая „несоразмѣрность“ могла существовать „между ея средствами и результатами“, стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагопріятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для „судебъ Франціи“, стало быть не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія: а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны—иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говоритъ президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какою славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

Digitized by Google

«Государь,

«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не имѣли ни одного солдата въ Италіи. Австрія тамъ обладала многочисленною арміею въ страшныхъ позиціяхъ, давно ею изученныхъ. Ея притязательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правительствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ—та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріятелемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной ихъ крови. Вы возвратили Италіи истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что выражая эти чувства я служу органомъ законодательнаго корпуса.»

Вотъ человѣкъ, понимающій, что и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. „Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута“—говоритъ онъ. Да, вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что было цѣлью войны?—Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила свободу, по словамъ того же Морни, — даже нѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила „истинную свободу“. Прекрасно, мы этому вполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидитъ, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италіи, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ „истинной свободы“ въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни,—такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: „вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ“. Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или лучше противъ воли сардинскаго короля и его министра,—но что жь за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обязанъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободряемые мужественными словами Морни,—„мужественными“, говоримъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартанскій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвергаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира,—ободряемые мужественнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимою приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только на-половину, боясь слишкомъ раздражить людей съ „благородными иллюзіями“, по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣемся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нынѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны

Digitized by Google

симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ; они желаютъ преобразованій, но потребность эта, ощущаемая и массою народа—только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало; но они желаютъ того, что нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она пріобрѣсти то, чего ищетъ. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ, реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и проницательности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя, что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только вражда революціонеровъ, а не инстинктъ собственныхъ выгодъ возстановляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и за то преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какая изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ,—а если бы онъ сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометировалъ бы нашу репутацію „въ настоящее время, когда“...—Въ настоящее время, когда

Digitized by Google

ждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ ми обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: и люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до льзы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ елудкомъ. Что же касается такъ называемыхъ высшихъ стремленій и блародныхъ безкорыстныхъ потребностей, — самое вѣрное дѣло: не вѣрить рьезности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, акъ на праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ оложительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исклюеніемъ изъ общаго правила,—люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце акъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувтвовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, ы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная атура. Но во всякомъ случаѣ, не забывайте одного: одной честности мало ля того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательость въ идеяхъ.—Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его оследствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія ругихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ ечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудиельность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри а дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и ввѣряйся олько тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только ому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому аще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступленіе, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

Итакъ, мы сказали, что по всему материку Западной Европы общество въ тѣсномъ смыслѣ слова,—сословія, участвующія до нѣкоторой степени въ просвѣщеніи и благосостояніи, — распадается на три партіи: реакціонеровъ, одерантистовъ и революціонеровъ. Каждый примыкаетъ къ той или другой, артіи, смотря по своимъ личнымъ потребностямъ; такимъ образомъ, связь о принадлежности къ одной и той же партіи гораздо крѣпче, нежели связь о національности, а вражда по различію партій – выше недовѣрія, внушааго иноземцами. По всему материку Западной Европы реакціонеры составляютъ нѣчто въ родѣ стариннаго Мальтійскаго ордена, въ которомъ были юди всѣхъ національностей и всѣ стояли другъ за друга, и всѣ стояли за вой орденъ. Точно тоже и модерантисты, и революціонеры. Кавуръ, напримѣръ, бывшій представителемъ итальянскихъ модерантистовъ возбуждалъ въ ердцѣ каждаго французскаго модерантиста, (напримѣръ, орлеаниста) гораздо ольше симпатіи, нежели французъ реакціонеръ, и случись, напримѣръ, толкновеніе между Кавуромъ и Морни (реакціонеромъ), каждый орлеанистъ ожелалъ бы побѣды Кавуру и сталъ бы помогать ей всѣми средствами, ка-

Digitized by Google

кія можетъ принять. Наоборотъ, Кавуръ и Мадцини были другъ отъ друга гораздо дальше, нежели, напримѣръ, Кавуръ отъ французскихъ орлеанистовъ или Мадцини отъ французскихъ революціонеровъ.

Партій, мы сказали, три. Но борьба требуетъ только двухъ лагерей: собственно борьбу ведутъ между собою только двѣ изъ трехъ партій, болѣе сильныя, а третья должна примыкать къ одной изъ нихъ на то время, пока онѣ вмѣстѣ одолѣютъ третью, чтобы уже потомъ раздѣлаться между собою. Изъ шести возможныхъ тутъ сочетаній, каждое случилось въ дѣйствительности. Напримѣръ, легитимисты (реакціонеры) во Франціи при Луи-Филиппѣ поддерживали республиканцевъ; въ первой половинѣ 1848 года они поддерживали партію умѣренныхъ противъ ультра-республиканцевъ. Модерантисты (орлеанисты) поддерживали во Франціи въ 1849 году реакціонеровъ (бонапартистовъ), а теперь поддерживаютъ революціонеровъ. Революціонеры въ Испаніи при Наполеонѣ поддерживали реакціонеровъ въ борьбѣ противъ „офранцузившихся“ (afrancesados) или умѣренныхъ прогрессистовъ; теперь въ Бельгіи, (гдѣ впрочемъ революціонеры очень малочисленны, благодаря тому обстоятельству, что король Леопольдъ—человѣкъ и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ умный), они поддерживаютъ конституціоналистовъ.

Какіе изъ этихъ многочисленныхъ сочетаній между разнородными партіями могутъ быть названы соотвѣтствующими логикѣ идей, какіе союзы могутъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ раскаянія? Пока остаешься въ сферѣ отвлеченныхъ идей, вопросъ очень ясенъ. Реакціонеры съ одной стороны, модерантисты и революціонеры съ другой—различаются между собою существенною противоположностью цѣлей: реакціонеры хотятъ застоя, и для того чтобы сохранить нынѣшній порядокъ отъ прогрессивныхъ реформъ, принуждены тянуть ходъ исторіи назадъ; модерантисты и революціонеры одинаково хотятъ прогрессивныхъ реформъ и разнятся между собою только въ понятіи о средствахъ къ успѣшнѣйшему ихъ осуществленію. Изъ такого отношенія понятій необходимо слѣдуетъ, что если модерантисты или революціонеры становятся союзниками реакціонеровъ, они помогаютъ дѣлу, существенно-противоположному ихъ собственнымъ стремленіямъ, и въ результатѣ увидятъ себя обманувшимися. Напротивъ, реформы, которыхъ желаютъ модерантисты и революціонеры, въ сущности факта одинаковы, и разнятся между собою только процессомъ своего осуществленія; стало быть, результатомъ союза между модерантистами и революціонерами бываетъ произведеніе измѣненій, одинаково нужныхъ обоимъ союзникамъ, и споръ о способѣ осуществленія самъ собою исчезаетъ, когда дѣло исполнено тѣмъ или другимъ способомъ.

Таково естественное отношеніе партій по существеннымъ ихъ стремленіямъ. Только одинъ союзъ между модерантистами и революціонерами можетъ быть названъ существенно удовлетворительнымъ для обѣихъ соединяющихся партій. Напротивъ того, если модерантисты или революціонеры будутъ помогать реакціонерамъ, они въ результатѣ непремѣнно найдутъ разочарованіе или, по выраженію императора французовъ, „разрушеніе иллюзій“, которыми вовлеклись въ противоестественный союзъ.

Digitized by Google

После этихъ общихъ замѣчаній, намъ легко видѣть, что отношенія партій въ Италіи были совершенно неправильныя, несогласныя не только съ логикой понятій, но и съ первымъ элементарнымъ условіемъ сколько нибудь правильнаго хода борьбы. Сардинія была центромъ, изъ котораго вышло движеніе послѣдней войны, и потому обратимъ главное вниманіе на нее.

Не надобно думать, чтобы сардинскіе реакціонеры (клерикальная партія, или правая сторона палаты депутатовъ, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Соларо делла Маргариту) измѣнили общему принципу, по которому иноземцы одного и того же политическаго направленія милѣе соотечественниковъ, держащихся противнаго направленія. Они продолжали, и до войны, и во время войны, сочувствовать австрійцамъ, вѣрнѣйшимъ приверженцамъ реакціи. Въ этомъ клерикальная партія была совершенно логична, и какъ бы ни судили мы о ея стремленіяхъ, надобно признать въ ея образѣ дѣйствій ловкость и вѣрность разсчета. Революціонеры также выдержали вѣрность принципу во время войны; они говорили, что не могутъ присоединиться къ дѣлу, въ которомъ главною силою, дѣйствующею противъ австрійцевъ, является бонапартизмъ, который имѣетъ тѣ же самыя стремленія, какъ и австрійская политика; но модерантисты,—или, по итальянскому своему названію, конституціонная или піемонтская партія, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Кавура, — дѣйствовали иначе. Они противъ Австріи, то есть реакціи, вздумали опереться на бонапартизмъ, то есть на ту же самую реакцію, и пренебрегли основнымъ правиломъ политической тактики, по которому одинаковыя партіи во всѣхъ странахъ взаимно поддерживаютъ другъ друга и, несмотря ни на какія случайныя столкновенія, не могутъ желать вреда одна другой. По этому правилу, бонапартизмъ никакъ не можетъ сдѣлать вреда Австріи, чего хотѣла піемонтская партія. Онъ могъ на время, по случайнымъ своимъ надобностямъ, стать съ Австріею въ формальную вражду, но и во время этой формальной борьбы не могъ забыть, что въ сущности дѣло Австріи есть его собственное дѣло, что подрывая австрійскую, то есть реакціонную силу онъ вредилъ бы самому себѣ. Потому война между бонапартизмомъ и Австріею, по существенному характеру и интересу обоихъ противниковъ, никакъ не могла имѣть иной натуры, какъ натуры турнира, рыцарскаго состязанія, при которомъ дерутся вовсе не съ намѣреніемъ повредить другъ другу, а только съ безвредною для противника мыслью поспорить о томъ, кто кого сильнѣе, кто долженъ занять первое мѣсто за дружескимъ пиромъ, за который сядутъ благородные противники тотчасъ по окончаніи боя. Пренебреженіе этимъ неизбѣжнымъ фактомъ было бы неизвинительно въ піемонтской партіи, если бы мы не знали, что за союзъ съ бонапартизмомъ она схватилась только въ крайности. Первоначально она старалась дѣйствовать сообразно правилу политической тактики и не щадила никакихъ пожертвованій, чтобы найти себѣ опору въ Англіи, т. е. также въ партіи конституціоннаго модерантизма. Для этого она, въ угоду англичанамъ, послала войска въ Крымъ, принесла въ жертву нѣсколько тысячъ солдатъ и нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ. Но на парижскомъ конгрессѣ Англія нелѣпымъ образомъ сблизилась съ Австріею, и

тогда бѣдная піемонтская партія, покинутая своею естественною союзницею, приняла предложенія, дѣлавшіяся ей бонапартизмомъ. Если бы въ политической борьбѣ возможна была та хладнокровность, съ какою ведется шахматная игра, то надобно было бы сказать, что лучше, нежели принимать такую помощь, было повременить, выжидая той поры, когда Англія увидитъ свою ошибку если во Франціи возьметъ верхъ партія прогресса. Но положеніе Италіи было такъ тяжело, что трудно произнесть надъ піемонтскою партіею за эту ошибку приговоръ съ тою строгостью, какой требуетъ грубость ошибки и великость вреда, ею принесеннаго. Но какъ бы то ни было, извинителенъ или неизвинителенъ былъ союзъ піемонтской партіи съ бонапартизмомъ, онъ отнялъ у республиканской партіи возможность соединиться въ рѣшительную минуту съ конституціоналистами. Обыкновенно говорятъ, что Маццини, въ своемъ фанатизмѣ, не хочетъ признавать ничего хорошаго въ людяхъ иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они совершенно приняли его идеи. Но кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторіею этого агитатора, тотъ знаетъ, что постоянно, повсюду онъ искалъ союзниковъ, не останавливаясь никакими разногласіями, лишь бы нашлось соотвѣтствіе въ одномъ,—въ желаніи освободить Италію. Онъ обращался съ этою надеждою и къ папѣ, и къ Карлу Альберту, и наконецъ онъ сталъ удерживать свою партію отъ подобныхъ надеждъ и союзовъ только потому, что увидѣлъ ошибочность своей собственной прежней мысли о пользѣ ихъ для дѣйствительнаго освобожденія Италіи.

Такимъ образомъ, въ Италіи даже не успѣли образоваться два лагеря,—осталось цѣлыхъ три враждебныхъ лагеря, по невозможности соединенія маццинистовъ, не вѣрившихъ бонапартизму, съ піемонтскою партіею, основавшею на немъ свои надежды.

Теперь графъ Кавуръ палъ и тѣ люди, мнѣніе которыхъ измѣняется сообразно съ успѣхомъ или неудачею, конечно находятъ теперь большую легкость порицать ошибки этого государственнаго дѣятеля, которому недавно поклонялись. Мы не восхищались политикою графа Кавура, когда счастье было повидимому на его сторонѣ, за то теперь не станемъ осыпать его упреками. Напротивъ мы скажемъ въ оправданіе ему, что слишкомъ легко было ему, человѣку замѣчательнаго ума, разсчитывать на свое умственное превосходство надъ союзникомъ... Онъ могъ вообразить, что будетъ держать этого человѣка въ рукахъ, сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей. Это было очень натурально. Не въ упрекъ Кавуру, а въ объясненіе факта, мы замѣтимъ, что онъ тутъ забылъ только одно: инстинктъ эгоизма такъ ловокъ и разсчетливъ, что человѣкъ, руководящійся исключительно имъ, можетъ перехитрить какого угодно геніальнаго министра...

Съ самаго начала Кавуръ холодностью и молчаливостью своего союзника былъ введенъ въ ту ошибку, что вообразилъ, будто бы только онъ нуждается въ Наполеонѣ III, между тѣмъ, какъ въ сущности, самъ императоръ французовъ гораздо больше нуждался въ немъ. Въ началѣ года, когда шли въ газетахъ толки о конгрессѣ и разныхъ дипломатическихъ посредничествахъ, отъ которыхъ ожидали предотвращенія войны, мы нѣсколько разъ по-

Digitized by Google

дробно излагали факты, дѣлавшіе для императора французовъ войну необходимостью. Желающіе могутъ найти ихъ въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ.

Война въ Италіи, безотлагательная война, потому что каждая ночь, каждый день до ея объявленія грозитъ опасностями,—такова была потребность Наполеона III. Но онъ не говорилъ объ этомъ, держалъ себя холодно; потому Кавуръ сталъ думать, что нужно всяческими уступками склонять его къ войнѣ. Въ сущности, Кавуръ могъ диктовать условія союза, потому что Франція не могла провозгласить намѣренія освобождать Италію отъ австрійцевъ, иначе, какъ опираясь на Сардинію. Положимъ, Кавуру также была нужна война, но у него не было необходимости начинать ее тотчасъ же, непремѣнно въ нынѣшнюю весну: онъ могъ подождать и годъ, и два, какъ ждалъ шесть или семь лѣтъ. Для Наполеона отсрочка была невозможна. Но Кавуръ въ горячности своего патріотизма думалъ, что союзникъ оказываетъ Сардиніи великодушную помощь, склоняемый краснорѣчіемъ и умомъ его, Кавура, къ дѣлу, въ которомъ самъ не имѣетъ надобности. Такимъ образомъ Сардинія бросилась въ войну, не гарантировавъ ничѣмъ свободы своихъ дѣйствій подлѣ союзника, подавлявшаго ее громадностью своихъ силъ.

Но какими же способами можно было гарантировать независимость сардинской политики? Развѣ неизвѣстно, что никакія обѣщанія не гарантируютъ противъ превосходства силы? Такъ, обѣщанія ненадежны, и въ томъ именно и заключалась ошибка, что Сардинія ограничилась ими. Нужно было принять другія мѣры для огражденія своей самостоятельности. Во-первыхъ, французскимъ войскамъ надобно было назначить театръ дѣйствій, различный отъ театра дѣйствій сардинской арміи, такъ чтобы она составляла совершенно отдѣльное цѣлое; во-вторыхъ, нужно было оговорить, что внутренніе вопросы въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Легатствахъ не должны нимало относиться до французовъ. То и другое, и все что угодно, Наполеонъ принялъ бы: Кавуръ могъ тогда предложить ему какія-угодно условія союза. А онъ напротивъ, считалъ себя облагодѣтельствованнымъ, принимая помощь безъ всякихъ гарантій. Ему гарантіи казались невозможны, потому что онъ не замѣчалъ, что война Наполеону III нужнѣе, нежели ему самому; онѣ казались ему не нужны, потому что онъ считалъ помощь слѣдствіемъ великодушія Наполеона III и своего вліянія на него, то есть дѣломъ, которое Наполеонъ будетъ и по доброй волѣ вести сообразно его видамъ: онѣ казались ему излишни, потому что онъ, надѣясь на свое умственное превосходство, воображалъ, что будетъ управлять Наполеономъ III.

При такомъ безусловномъ ввѣреніи хода и характера войны Наполеону III, при отдачѣ сардинской арміи въ распоряженіе Наполеона III, война необходимо должна была имѣть конецъ въ томъ родѣ, какой дѣйствительно получила. Это было съ самаго начала ясно для всѣхъ проницательныхъ публицистовъ, и мы тогда же передавали ихъ предсказанія читателю. Спрашивается, кто былъ причиною безусловно-владычествующаго положенія, занятаго въ ней Наполеономъ III? Кто призвалъ его въ Италію? Кто отдалъ ему въ команду сардинскую армію и всѣ другія итальянскія войска? Кто не принялъ никакихъ предосторожностей для доставленія итальянцамъ вліянія на рѣшеніе ихъ судьбы? Піемонтская партія, модерантисты, и глава ихъ—графъ Кавуръ.

Digitized by Google

Наполеонъ III только воспользовался даннымъ ему отъ нихъ положеніемъ сообразно съ своими видами: — что̀ тутъ особеннаго, если человѣкъ заботится о своихъ выгодахъ, и за что тутъ винить его? „Смотри, кому въ руки отдаешься", и „не сваливай свою вину на другаго", сказали бы мы графу Кавуру и его приверженцамъ, если бы они, бѣдные, не заслуживали теперь скорѣе состраданія, чѣмъ гнѣва.

А гнѣва они заслуживали своею непредусмотрительностью, которая отозвалась теперь, по выраженію Наполеона III, „разрушеніемъ благородныхъ надеждъ". „Но, скажетъ иной читатель, кто же могъ предполагать такую измѣну? Кто могъ ожидать, что союзникъ соединится съ врагами противъ друзей?"

Послѣ предъидущихъ объясненій намъ легко отвѣчать на это возраженіе, основывающееся только на запутанности понятій, истинное отношеніе которыхъ мы старались показать. Да, только изъ запутанности понятій проистекали всѣ обвиненія Наполеона III въ измѣнѣ друзьямъ. Кто смотритъ на вещи правильно, тотъ не станетъ винить въ такихъ пустякахъ императора французовъ, а напротивъ—скажетъ, что онъ поступилъ совершенно такъ, какъ ему слѣдовало поступить по тѣмъ принципамъ, постояннымъ защитникомъ которыхъ онъ былъ.

Припомнимъ раздѣленіе общества на три партіи и взглянемъ на то, къ какимъ изъ нихъ принадлежатъ императоръ французовъ, австрійское правительство и графъ Кавуръ.

Владычество бонапартизма во Франціи основано на реакціи. Австрія также представительница реакціи. Изъ этого ясно, что существенные интересы бонапартизма и Австріи одинаковы, что эти силы должны поддерживать одна другую, что ослабленіе одной изъ нихъ грозитъ опасностью и для другой. Конечно, и между самыми родственными элементами могутъ возникать случайныя столкновенія, но взаимный интересъ требуетъ, какъ можно скорѣе, прекращать ихъ, чтобы дружно противиться общему врагу.

Кто не упускалъ изъ виду этого основнаго факта,—одинаковости между существенными интересами бонапартизма и Австріи, тотъ очень хорошо видѣлъ, что считать Наполеона III врагомъ Австріи значило совершенно не понимать его. Такимъ образомъ, оказывается клеветою та часть обвиненія, которая возникаетъ изъ расположенія Наполеона какъ можно скорѣе заключить миръ съ Австріею, и притомъ на самыхъ выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Остается другая часть обвиненія: „онъ измѣнилъ выгодамъ своихъ друзей, сардинцевъ";—читатель видитъ, что тутъ слово „друзья" такъ же несправедливо, какъ и слово „враги" относительно австрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Кавуръ, на чемъ была основана его сила, къ чему стремилась его партія? Партія, вошедшая въ союзъ съ Наполеономъ черезъ Кавура была, какъ всѣмъ извѣстно, партія приверженцевъ конституціоннаго устройства. Теперь спрашивается, кому не извѣстны отношенія Наполеона III къ конституціонному принципу? Конституціоналисты—злѣйшіе враги бонапартизма; онъ держится только подавленіемъ ихъ. Какимъ же образомъ злѣйшихъ враговъ называть друзьями? Прискорбная необходимость могла заставить Наполеона III принять на время содѣйствіе, предлагавшееся ему италь-

Digitized by Google

янскими конституціоналистами, но коренная, непримиримая враждебность этихъ двухъ элементовъ оставалась неизгладима, и Наполеонъ III былъ бы просто неразсчетливъ, если бы забылъ о ней. Онъ хорошо чувствовалъ, что служить Кавуру значило бы усиливать конституціонную партію въ Италіи, а усиливать ее въ Италіи значило бы оживлять ее во Франціи, то есть вредить самому себѣ. Такого безразсудства не слѣдовало и ожидать отъ человѣка, хорошо понимающаго свое положеніе и умѣющаго соблюдать свои выгоды. Потому-то проницательные публицисты съ самаго начала и говорили, что цѣли Кавура не могутъ быть цѣлями Луи-Наполеона. Просимъ читателя припомнить выписки изъ англійскихъ рѣчей и статей въ прежнихъ нашихъ обзорахъ.

Послѣ этого нѣтъ нужды распространяться о совершенной неумѣстности неблаговиднаго термина „измѣнникъ", которымъ многіе характеризуютъ тотъ очень натуральный фактъ, что Наполеонъ III заключилъ отдѣльный миръ съ Австріею, противъ выгоды и воли Сардинцевъ. „Измѣна", „предательство"—какія грубыя, несвѣтскія понятія! Понятіе „предательства" не должно существовать въ умѣ свѣтскаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ умѣ дипломата, и кто позволяетъ себѣ жаловаться на предательство, тотъ обнаруживаетъ только собственную неприготовительность къ веденію важныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ исторія была самая невинная. Положимъ, напримѣръ, что вы хотите ѣхать изъ Рязани въ Петербургъ, а я въ Москву; вамъ извѣстно, что дальше Москвы я не поѣду; но вамъ угодно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Теперь спрашиваю васъ: если, доѣхавъ до Москвы, я останусь тамъ и предоставлю вамъ продолжать путь, какъ вы сами знаете, или остаться въ Москвѣ, когда вы не можете ѣхать одни,—если я сдѣлаю это, неужели вы имѣете право называть меня измѣнникомъ? У васъ, быть можетъ, наивныя понятія; быть можетъ, вы, зная что мнѣ нужно быть только въ Москвѣ, вынудили у меня какое нибудь двусмысленное слово, что я охотно побывалъ бы и въ Петербургѣ, и повѣрили этому слову,—ну, что жь мнѣ изъ того? Какой же практическій человѣкъ вѣритъ словамъ? Мало ли что говорятъ, такъ вотъ всему вы и станете вѣрить! Вы должны разсчеты ваши основывать на томъ что̀ мнѣ нужно, а не томъ, что̀ я говорю; иначе вы на каждомъ шагу будете оставаться въ проигрышѣ...—Но, повѣрьте мнѣ, – никого вы не называйте за это измѣнникомъ, а называйте только сами себя слишкомъ наивнымъ простякомъ, а лучше всего, постарайтесь отучиться отъ вашей плебейской наивности.

Луи-Наполеонъ не притворялся какимъ нибудь конституціоналистомъ; онъ не скрывалъ своего принципа, принципа реакціи; онъ не скрывалъ своей непримиримой враждебности къ конституціонализму. Теперь,—итальянскимъ конституціоналистамъ было угодно вручить ему свою судьбу. Я спрашиваю состояніе открытой вражды, въ которой онъ находится съ конституціонистами, не уполномочивало ли его воспользоваться ослѣпленіемъ враговъ, чтобы запутать ихъ въ ихъ собственныя сѣти? Да, Кавуръ всегда былъ врагомъ ему, потому что былъ конституціоннымъ министромъ, главою партіи, единомышленники которой во Франціи—смертельные ненавистники Луи-Наполеона. Съ какой же поры военная ловкость, пользующаяся ошибками непріятеля, стала называться измѣною? Повѣрьте,—вѣдь не даромъ же говорятъ у французовъ: à la guerre—comme à la guerre, на войнѣ по военному и дѣлается.

Digitized by Google

Не знаемъ, до какой степени удалось намъ убѣдить читателя, что императоръ французовъ поступилъ очень естественно, заключивъ отдѣльный миръ съ Австріею на самыхъ выгодныхъ для нея и самыхъ невыгодныхъ для Италіи условіяхъ, и что винить его тутъ ровно не за что. Намъ кажется, что логика нашего оправданія неопровержима. Вотъ оно вкратцѣ!

Итальянская независимость составляетъ предметъ желанія для итальянскихъ революціонеровъ (Маццини) и конституціоналистовъ или модерантистовъ (графъ Кавуръ и піемонтская партія). Партія итальянскихъ реакціонеровъ смертельно боится освобожденія Италіи. Австрія—представительница принципа реакціи. Бонапартизмъ держится реакціею. Элементы реакціи, модерантизма и революціи разлиты по всѣмъ странамъ Западной Европы, и паденіе или усиленіе какого нибудь изъ этихъ элементовъ въ одной странѣ непремѣнно облегчаетъ подобную перемѣну во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому усиленіе конституціонной партіи въ Италіи,—а исполнить ея желаніе, освободить Италію, значило бы усилить ее,—необходимо вело къ усиленію конституціонной партіи въ самой Франціи. Ослабленіе Австріи также вело бы къ ослабленію реакціи во Франціи. То и другое было бы равнозначительно погибели бонапартизма. Итакъ, ясно было, что Наполеонъ III, принужденный вести войну въ Италіи, долженъ употребить всѣ свои усилія на то, чтобы покончить эту войну такимъ миромъ, который не освобождалъ бы Италію, не былъ бы вреденъ могуществу австрійцевъ, съ которыми прочные и существенные интересы у него одинаковы, и не принесъ бы пользы итальянскимъ конституціоналистамъ, помощью которыхъ онъ могъ воспользоваться на минуту, по одному случайному дѣлу, но партія которыхъ находится по своей натурѣ въ смертельномъ противорѣчіи съ условіями его собственнаго существованія.

Кажется, это просто и неопровержимо. А если дѣйствительно такъ, то надобно сознаться, что всѣ обвиненія противъ Наполеона III за Виллафранкскій миръ—пустыя фразы, порождаемыя только непониманіемъ сущности бонапартизма. Наполеонъ III поступилъ сообразно требованію своего жизненнаго принципа, пожертвовавъ своими врагами сардинцами своимъ друзьямъ австрійцамъ.

Но если мы находимъ, что дѣйствительно война, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ Наполеонъ III, не могла привести ни къ чему иному, кромѣ Виллафранкскаго мира, и если императоръ французовъ поступилъ, при заключеніи этого мира, совершенно послѣдовательно и основательно съ своей точки зрѣнія, то само собою разумѣется, что мы вовсе не намѣрены скрывать неудовольствія, пробужденнаго условіями этого мира въ людяхъ и партіяхъ, имѣющихъ принципы не одинаковые съ бонапартизмомъ. Напротивъ, именно съ того мы и начали, что упомянули объ этомъ недовольствѣ, объясняя имъ неточности въ изложеніи фактовъ и побужденій, склонившихъ къ миру императора французовъ, по его словамъ. Нашедши теперь истинную причину выгодныхъ для Австріи условій договора, мы подробнѣе займемся впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ въ различныхъ странахъ.

Англичанъ упрекали въ холодности къ итальянскому вопросу за ту недовѣрчивость, съ которою они смотрѣли на войну. Дѣйствительно, война была

Digitized by Google

непріятна имъ, потому что не обѣщала ничего, кромѣ побѣдъ Наполеона III, то есть увеличенія его могущества, и утвержденія его въ мысли, что онъ можетъ счастливо приводить къ концу какую угодно войну. Они думаютъ, что все это можетъ приблизить минуту, когда онъ вздумаетъ объявить, что долженъ отомстить Англіи за своего дядю. Но негодованіе, овладѣвшее англійскою публикою при извѣстіи о Виллафранкскомъ мирѣ, показало, какъ велико сочувствіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости (просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ объ англійской публикѣ, а не объ англійскомъ правительствѣ,—эти два понятія далеко не одинаковыя даже и въ приложеніи къ Англіи). Сожалѣніе о бѣдной Италіи пересилило въ нихъ даже радость о томъ, что уменьшилась опасность для нихъ самихъ быть запутанными въ разорительную войну. Въ примѣръ мы приводимъ статью, которою встрѣтилъ извѣстіе о мирѣ Times [1]).

«Миръ послѣдовалъ за перемиріемъ быстрѣе, нежели даже можно было предполагать. Великій волшебникъ нашего вѣка далъ три битвы и поговорилъ часъ времени съ побѣжденною Австріею, и вотъ, въ концѣ этой короткой конференціи, Ломбардія вдругъ уступлена Франціи, и Италія становится конфедераціею подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Перемѣны такъ быстры, что рябили въ глазахъ. Не успѣли мы уловить черты картины, представляющейся нашему зрѣнію, а предметъ уже исчезъ и на мѣстѣ его явился другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ мы разсуждали о конгрессѣ для предотвращенія войны. Недѣлю тому назадъ, свѣтъ толковалъ о шансахъ для Австріи успѣшно бороться противъ Франціи. Періодъ битвъ прошелъ. Грозный четыреугольникъ крѣпостей поглотилъ собою всѣ мысли. Но вчера исчезли всѣ размышленія и догадки объ арміяхъ, всякое вниманіе къ пушкамъ, и явились на свѣтъ два новыя государства, созданныя въ нѣсколько часовъ, вошедшія въ знакомство съ публикою сотрясеніемъ телеграфной проволоки. «Императоръ австрійскій уступаетъ королевство Ломбардское императору французовъ». Итакъ, Австрія совершенно выбита изъ колеи своего стариннаго упорства. Пескьера и Верона, Мантуя и Леньяно, линія Аддидже и венеціанскія лагуны—все покинуто, все уступлено... Францъ-Іосифъ немедленно уходитъ изъ Италіи съ 300,000 своихъ солдатъ, и Италія, освобожденная отъ этого давленія, преобразуется въ независимое государство. Какъ мы покажемся теперь свѣту съ такими новостями на нашихъ широкихъ листахъ? Что теперь скажетъ Times въ защиту своихъ неблагородныхъ подозрѣній? Какъ намъ извиняться передъ столь жестоко оклеветаннымъ императоромъ французовъ? Съ какимъ лицомъ встрѣтить намъ теперь торжество и презрѣніе друзей свободы, предостерегать которыхъ имѣли мы малодушіе? Униженное отреченіе одно только остается намъ. Соединимся же съ радикалами Англіи, карбонари Италіи и великимъ политическимъ оракуломъ Венгріи въ воспѣваніи славы Наполеона III! [2]) Забудемъ мы, послѣдніе изъ прозелитовъ и

[1]) Просимъ читателей не приписывать намъ нѣсколько саркастическаго тона, какимъ англійская газета отзывается о Наполеонѣ III; наше мнѣніе о дѣйствіяхъ французскаго императора мы высказали достаточно выше, а настоящую статейку переводимъ только для показанія, какое впечатлѣніе произвелъ въ Англіи Виллафранкскій миръ.

[2]) Здѣсь сарказмъ *Times'а* невѣренъ. Англійскіе радикалы не ожидали ничего хорошаго отъ войны. Читатель можетъ вспомнить рѣчь Робека и отчетъ самаго *Times'а* о митингѣ по итальянскому вопросу въ Гайдъ Паркѣ (Соврем. № V). Мацциністы также не одобряли Кавура за союзъ съ Наполеономъ III и говорили, что поспѣшное образованіе народныхъ войскъ, независимыхъ ни отъ Франціи, ни отъ Кавура, одно можетъ спасти Италію, судьбу которой предрекали. Кошутъ не выхвалялъ Наполеона III и долго, упорно не соглашался на его предложеніе содѣйствовать венгерскому возстанію, и когда наконецъ рѣшился на это, то полагался не на его увѣренія, а на то, что австрійскихъ войскъ въ

Digitized by Google

едва ли достойные назваться прозелитами,—забудемъ со стыдомъ всѣ наши неблагородныя опасенія, и возрадуемся теперь, когда Италія, и не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ стала свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря!

Но—погодите! Въ этомъ потокѣ телеграфическихъ депешъ, въ этомъ сонмѣ быстрыхъ извѣстій, приносящихся со всѣхъ сторонъ свѣта и соединяющихъ въ себѣ отголоски всѣхъ европейскихъ столицъ, есть звуки, дисгармонирующіе съ всеобщею радостью. Что значитъ это новое извѣстіе? Что это за горькая капля, отъ которой пропадаетъ пѣнистое кипѣніе энтузіазма, охлаждаются наши теплыя симпатіи? Италія должна быть свободна, потому что такъ говоритъ императоръ французовъ,—а кто, кромѣ невѣрующаго, неблагороднаго Times'а колеблется вѣрить императору?—Но это воцареніе папы, это возстановленіе великаго герцога Тосканскаго, это оставленіе Венеціи и Минчіо за Австріею,—всѣмъ этимъ видоизмѣняется первое извѣстіе, пришедшее отъ императора французовъ. Да, Италія свободна, но она свободна не въ демократическомъ, не въ конституціонномъ, не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ Наполеоновскомъ смыслѣ слова. Свобода—слово, принимаемое въ разныхъ значеніяхъ, и часто цвѣтъ его заимствуется отъ оттѣнка интересовъ человѣка, его употребляющаго. Свобода въ Спартѣ не значила того, чтобы илоты не были убиваемы, когда становились слишкомъ многочисленны или безпокойны. Свобода въ Италіи не значитъ, чтобы жители Италіи имѣли какой-нибудь голосъ въ своемъ управленіи. Италія свободна, но свободна на французско-императорскихъ условіяхъ. Ломбардія, завоеванная Франціею, отдается королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. Она могла имѣть свои понятія о возстановленіи прежняго герцогства, какъ самостоятельнаго государства, и Миланъ можетъ имѣть возраженія противъ того, чтобы стать удѣломъ Турина; но съ нынѣшняго времени Ломбардіи лучше молчать объ этихъ сумасбродствахъ. Она свободна и должна быть довольна. Венеція также свободна. Она свободна подъ австрійскимъ господствомъ. Чего же больше можетъ она хотѣть? Навѣрное она не имѣетъ сумасбродства мечтать о временахъ Дандоло! Или Венеція недовольна? Такъ она не знаетъ что такое свобода, какъ понимаетъ ее Наполеонъ. Но пусть она потише говоритъ о своемъ безумномъ недовольствѣ. Только кусокъ Ломбардіи переданъ Сардиніи: «Ломбардія до линіи Минчіо». Между «линіею» Минчіо и Венеціею текутъ двѣ большія рѣки въ По, и земля, орошаемая этими рѣками, усѣяна первоклассными крѣпостями. Это старинныя австрійскія желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда хотѣла. Это кровъ австрійскаго деспотизма, подъ который становится онъ каждый разъ, когда была опасность въ равнинахъ. Отсюда онъ могъ высылать десятки тысячъ своихъ солдатъ для подавленія каждаго признака недовольства въ самомъ зародышѣ. Вы, свободные сардинскіе ломбардцы, наслаждающіеся свободою подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные венеціанцы, которые можете, обрабатывая свои земли на материкѣ, любоваться на пушки, смотрящія съ ихъ восточныхъ бастіоновъ, не ведите слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей. Эта земля также свободна. Она лежитъ между Альпами и Адріатическимъ моремъ, стало-быть непремѣнно она свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободной подъ австрійскимъ господствомъ. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ аванпостъ Тироль, подобно ножу врѣзывающійся въ тѣло сѣверной Италіи. Она попрежнему наполнена войсками и оружіемъ, и изъ нея арміи могутъ быть посланы по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ быть въ Миланѣ или Венеціи. Австрія еще владѣетъ и по трактату будетъ продолжать владѣть

Венгріи оставалось мало. Читатель вспомнитъ его слова (Совр. № VI). „Венгрія такъ далека отъ Франціи, что ее нельзя обратить во французскіе департаменты":—кажется, это выраженіе мало свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ императора французовъ. Маццини, Кошутъ и англійскіе радикалы говорили только одно: Англія не должна вступаться за Австрію. *Times*, у которой были иногда порывы воинственности,—впрочемъ, не изъ любви къ Австріи,—а изъ опасенія замысловъ Наполеона противъ Германіи и самой Англіи, сердится на всѣхъ этихъ людей за противорѣчие ея воззваніямъ о необходимости самыхъ энергическихъ вооруженій, которыя неминуемо вовлекли бы Англію въ войну, если бы война продлилась хоть до слѣдующей весны.

Digitized by Google

этимъ страшнымъ четырехъ-угольникомъ. Потому въ этихъ городахъ лучше потише говорить о новопріобрѣтенной свободѣ и шопотомъ поздравлять другъ друга съ достославнымъ совершеніемъ обѣщанія освободить ее отъ Альповъ до Адріатическаго моря. Тоскана и Модена также свободны. Онѣ свободны собственнымъ своимъ дѣломъ, потому что изгнали своихъ герцоговъ и послали къ императору Наполеону половину своихъ молодыхъ людей волонтерами. Свободные граждане Тосканы и Модены сражались противъ своихъ изгнанныхъ государей при Сольферино и помогали императору Наполеону побѣдить ихъ. Это было ошибкою съ обѣихъ сторонъ. Истинная свобода, за которую сражались тосканцы и моденцы, состоитъ въ томъ, чтобы принять обратно своихъ прежнихъ правителей, и если бы герцоги понимали свою настоящую выгоду, они были бы не въ лагерѣ австрійскаго императора, а во французскомъ лагерѣ. Гиппіасъ возвращается въ Аѳины,— свобода Аѳинъ нуждается въ его возстановленіи.

«Гуэтли [1]) утверждаетъ, что половина ссоръ на свѣтѣ проистекаетъ отъ невниманія къ законамъ логики: люди не думаютъ объ опредѣленіяхъ». Въ этомъ причина разнорѣчія, раздѣлявшаго насъ съ людьми, сочувствовавшими итальянской войнѣ. Если бы они опредѣлили, что такое разумѣли подъ свободою Италіи, и опредѣлили въ томъ смыслѣ, какой мы видимъ нынѣ, мы никогда не усомнились бы въ намѣреніи Луи-Наполеона дать свободу Италіи. Не доходя до чрезвычайности въ нашей симпатіи къ Италіи, мы должны однакоже признаться, что если бы мы послали лорда Страффорда или лорда Кларендона на конгрессъ—сдѣлать для Италіи, что можетъ сдѣлать для нея Англія, и если бы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ возвратился, размахивая шляпою и восклицая «Италія свободна!», и оказалось бы, что онъ оставилъ австрійцевъ въ Пескьерѣ, въ Мантуѣ и въ Венеціи и силою возвратилъ герцоговъ въ Тоскану и Модену, и что это называетъ онъ свободою Италіи,—мы почувствовали бы большое искушеніе громко потребовать, чтобы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ былъ преданъ суду, какъ измѣнникъ. Если бы мы знали, что таковы были желанія г. Кошута и бирмингэмскихъ джентльменовъ [2]) и другихъ поклонниковъ императора Наполеона, то мы, кажется, могли бы вытребовать у Австріи исполненіе ихъ желаній, не усѣивая Италію трупами и не наполняя госпиталей бѣдными изуродованными солдатами. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было вынудить у Австріи силою дипломаціи. Все это не можетъ оскорблять ея гордости и значительно увеличиваетъ ея силу. Она избавлена отъ хлопотъ управлять безпокойною и убыточною провинціею и удерживаетъ силу опустошать ее, когда только захочетъ. Она теперь стоитъ въ Италіи, какъ мечъ-рыба подлѣ кита. Австрія—вся покрыта оружіемъ, Италія вся—добыча ей. Австрія уступила только то, что можетъ, когда ей угодно, взять назадъ, чего вѣроятно не захочетъ она и брать назадъ. Сардинія пріобрѣла провинцію, которую можетъ сохранять только по милости Австріи и которую, въ случаѣ нападенія, не можетъ защитить. Когда австрійскіе сатрапы будутъ возстановлены въ Тосканѣ и Моденѣ, сама Австрія будетъ стоять вооруженная съ ногъ до головы, непреодолимо господствующая въ итальянской конфедераціи. Австрія будетъ въ Италіи такъ сильна, какъ никогда еще не была. Если бы Англія имѣла безстыдство предложить ей такія условія до начала войны, Австрія не могла бы отказать въ нихъ, и тогда 100.000 человѣкъ остались бы живы, а Италія не меньше нынѣшняго была бы «свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря». Таковы бываютъ послѣдствія, когда люди не согласятся между собою въ смыслѣ словъ, ими употребляемыхъ. Но мы въ оправданіе себя должны замѣтить, что мы не одни ошибались. Тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ въ Европѣ долженъ былъ бы понимать императора Наполеона, тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ знаетъ итальянскій вопросъ, тотъ человѣкъ, котораго Италія прославляла, какъ лучшаго своего государственнаго дѣятеля, какъ лучшаго своего защитника,—графъ Кавуръ,—подобно намъ,

---

[1]) Авторъ знаменитыхъ изслѣдованій о законахъ мышленія.

[2]) То есть Брайта и манчестерской школы. Читатель припомнитъ, что говорили мы въ прежнемъ примѣчаніи о ихъ довѣріи къ намѣреніямъ Наполеона: они только требовали, чтобы Англія не помогала Австріи.

Digitized by Google

ошибался. Свободная Италія, о которой думалъ онъ, была ни мало не похожа на свободную Италію, которую изобрѣлъ императоръ французовъ съ императоромъ австрійскимъ,—и съ гнѣвомъ онъ удалился съ высокаго поста, который столь долго занималъ, не находя въ себѣ силъ выдерживать укоризны тѣхъ, надежды которы возбудилъ и негодованія которыхъ такъ справедливо долженъ опасаться».

Если съ такою силою охватило негодованіе англичанъ, людей называемыхъ холодными и во всякомъ случаѣ бывшихъ посторонними этому дѣл то легко представить себѣ, какъ закипѣли злобою французы, именемъ оружіемъ которыхъ такъ жестоко воспользовались для подобнаго мир Взрывъ чувства былъ такъ силенъ, что даже между газетами нашлись н которыя, отважившіяся, подъ прикрытіемъ общаго говора, выразить св мнѣніе нѣсколько внятнымъ голосомъ. Особенно ѣдкую форму придалъ свое протесту Siècle, газета умѣренныхъ республиканцевъ, служившая органом тѣмъ близорукимъ надеждамъ, которыя были, столь внезапно для легковѣр ныхъ, разрушены условіями мира. Въ тотъ день, когда пришла въ Париж телеграфическая депеша о мирѣ, Siècle помѣстилъ горячую статью, котора перечисляла, какъ неправдоподобные слухи, всѣ дѣйствительныя условія мира и послѣ каждаго изъ нихъ прибавляла: „нѣтъ, такого условія не будетъ, пото что оно было бы безстыдно, безславно, безчестно".—За тѣмъ слѣдовалъ про бѣлъ, а за пробѣломъ короткія и холодныя слова: „предъидущая стать была уже написана, когда телеграфическая депеша извѣстила насъ объ усло віяхъ мира; вотъ они"—и читатель видѣлъ, что миръ имѣетъ всѣ тѣ условія которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ были объявлены невозможными п безпримѣрной безчестности. Даже изъ полуоффиціальныхъ газетъ, состоя щихъ на подкупѣ у правительства, не всѣ отважились на первый разъ вы молвить обязанное свое слово въ похвалу мирному договору.

Въ парижскомъ населеніи условія мира вызвали сцены, напомнившія временахъ давно запрещенныхъ. По улицамъ стояли толпы народа, громк выражая свое негодованіе. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ блузники под няли страшный шумъ, такъ что потребовалось вмѣшательство полиціи. Объ явленія, содержавшія телеграфическую депешу объ условіяхъ трактата, был срываемы со стѣнъ, сожигаемы на позорныхъ кострахъ. И не одно париж ское населеніе, не одни безоружные, охраняемые артиллеріею фортовъ казармъ блузники были раздражены: что гораздо хуже, это чувство волно вало и армію, подвиги которой послужили къ тому, чтобы подвергнуть Италію такой судьбѣ. Солдаты ходили съ ругательствами по лагерю, офицеры ломали шпаги, говоря, что онѣ обезчещены....

Иной либералъ, привыкшій принимать свои желанія за факты, и два мѣсяца тому назадъ предвидѣвшій неизбѣжность освобожденія Итали Наполеономъ III, теперь, пожалуй, вообразитъ, что это неудовольствіе опасно для власти Наполеона III и, назвавъ его предателемъ, прибавитъ съ сладкою увѣренностію, что близко наказаніе ему за предательство. Мы никакъ не можемъ назвать основательнымъ и этого предсказанія. Мало ли чѣмъ, мало ли сколько разъ бываютъ недовольны!... Противъ Наполеона III сильное неудовольствіе существуетъ уже много лѣтъ, а онъ все-таки продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ и если можно сказать, что съ каждымъ годомъ пе-

Digitized by Google

удовольствіе ростетъ, то нельзя еще сказать навѣрное, чтобы невозможно было ему длиться и рости еще довольно долго, не производя никакого внѣшняго результата; и если развязка итальянской войны Виллафранкскимъ миромъ придала новую значительную дозу гнѣва къ прежнимъ причинамъ неудовольствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было Наполеону III пріискать и новыхъ клапановъ для выпуска паровъ, грозящихъ его системѣ. Уже говорятъ, что онъ готовится къ войнѣ на Рейнѣ—едва ли это достовѣрно, по крайней мѣрѣ относительно настоящей минуты; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не замедлитъ пріискать новыя дипломатическія разногласія и потомъ выведетъ изъ нихъ новыя какія нибудь военныя столкновенія, для того, чтобы снова отвлечь вниманіе французовъ отъ вопросовъ о внутреннихъ правительственныхъ формахъ.

Точно тоже надобно сказать и о надеждахъ на исправленіе условій Виллафранкскаго мира силою негодованія самихъ итальянцевъ. Само собою разумѣется, что въ Италіи неудовольствіе еще во сто разъ жарче, нежели во Франціи, — но что жь изъ того? Читатель уже могъ убѣдиться фактами, какимъ забавнымъ самообольщеніемъ были слухи, разнесшіеся въ первые дни по заключеніи мира, будто бы Гарибальди не хочетъ слагать оружія, будто бы король сардинскій хочетъ не покоряться трактату, столь убійственному для него по содержанію, столь оскорбительному по презрѣнію къ Сардиніи, которое ознаменовало форму его заключенія. Надѣемся, читатель понимаетъ, что не меньше, нежели въ этихъ слухахъ, находится забавнаго, ребяческаго простодушія и въ надеждѣ на силу тѣхъ фактовъ неудовольствія и волненія, которые совершились въ разныхъ итальянскихъ городахъ при полученіи извѣстій о заключеніи мира. Безъ всякаго сомнѣнія, король сардинскій глубоко оскорбленъ. Не спросясь его, заключили миръ, какъ будто онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности. Вмѣсто всей Ломбардіи, Венеціи, Тосканы, Пармы и Модены, которыя были у него уже, можно сказать, въ рукахъ, ему позволили пріобрѣсти только часть Ломбардіи, да и ту дали ему такимъ унизительнымъ образомъ, что, кажется, лучше онъ согласился бы вовсе не брать этого милостиваго подарка отъ великодушнаго союзника, если бы только могъ отважиться на отказъ. Но что жь изъ того? Именно въ томъ и дѣло, что король сардинскій, 100.000 солдатъ котораго раздроблены между 300.000 солдатъ императора французовъ, не смѣетъ и подумать о непослушаніи великодушному и, что гораздо важнѣе, слишкомъ могущественному союзнику. Гарибальди, конечно, раздраженъ еще гораздо глубже, нежели король сардинскій. Но у Гарибальди только 10.000 солдатъ, и хотя каждый изъ нихъ стоитъ пятерыхъ, все-таки сопротивленіе было бы гибельнымъ сумасбродствомъ. А если Гарибальди и самъ король сардинскій не могутъ не повиноваться необходимости, выражаемой цифрою 300.000 французскихъ штыковъ, то смѣшно и говорить о той возможности поддержать свои желанія, противныя условіямъ мира, какую имѣютъ жители Тосканы, Модены и Легатствъ. Они могутъ кипѣть какимъ угодно негодованіемъ, могутъ принимать какія имъ угодно рѣшенія,—на это имъ полная воля въ тѣ немногіе дни, какіе нужны для передвиженія французскихъ войскъ съ бывшаго театра войны къ ихъ областямъ. А когда войска подойдутъ, они должны будутъ, во-

Digitized by Google

лею или неволею, успокоиться. Никакой разсчетъ не дозволяетъ имъ и дѣлать попытку къ сопротивленію; а если благородный патріотизмъ заставитъ ихъ жертвовать жизнью въ безнадежномъ сопротивленіи для охраненія чести, это будетъ имѣть своимъ результатомъ только погибель отважныхъ защитниковъ, преданныхъ итальянской независимости. Мы надѣемся, что не найдется между нашими читателями такого неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, который захотѣлъ бы повторять вопросъ разныхъ газетъ: „Но кто же будетъ усмирять итальянцевъ, если они въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Легатствахъ скажутъ, что оружіемъ готовы защищать пріобрѣтенную независимость? Неужели дозволятъ австрійцамъ въ Италіи снова подавлять вооруженною рукою всѣ попытки къ реформѣ въ областяхъ, куда они не имѣютъ права входить? Неужели французы, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ называли себя защитниками итальянской свободы, рѣшатся штыками усмирять тѣхъ итальянцевъ, которые повѣрили имъ?“—Какое наивное „неужели“!—Безъ всякаго сомнѣнія, если французы найдутъ нужнымъ, они не только дозволятъ, но и прямо поручатъ австрійцамъ усмирять Легатства и другія папскія области. Безъ всякаго сомнѣнія, они сами усмирятъ штыками тосканцевъ и моденцевъ, если эти несчастные вздумаютъ дѣйствительно противиться возстановленію того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ до начала войны. А можетъ быть, — это еще лучше, — французы прикажутъ сардинцамъ исполнить за нихъ эту обязанность, и если вздумаютъ приказать, вы увидите, что сардинцы должны будутъ исполнить приказаніе.

Такимъ образомъ негодованіе, овладѣвшее всѣми итальянцами, и приготовленія ихъ противиться исполненію условій Виллафранкскаго мира въ тѣхъ странахъ, которыя должны утратить свободу, пріобрѣтенную въ то время, пока освободители Италіи, французы, были заняты войною въ долинѣ По,— эти приготовленія могутъ имѣть только одно значеніе,—значеніе свидѣтельства, что патріотизмъ и благородство обязываетъ иногда людей жертвовать своею жизнью для спасенія, если не свободы, то по крайней мѣрѣ для спасенія чести и славы своего мужества. Съ грустнымъ чувствомъ, какъ смотрѣли мы на подвиги волонтеровъ Гарибальди, смотримъ мы теперь на приготовленія жителей Тосканы, Модены и Легатствъ противиться исполненію судьбы, предназначенной для нихъ Виллафранкскимъ трактатомъ. Мы изложимъ здѣсь то, что извѣстно до сихъ поръ о благородныхъ и единодушныхъ усиліяхъ итальянскихъ патріотовъ отстоять свою независимость, — усиліяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Тоскана, Модена и Парма, услышавъ о томъ, что рѣшено относительно ихъ судьбы въ Виллафранкѣ, встрепенулись: исчезли всѣ мелкія несогласія въ ихъ населеніи, исчезли всѣ слишкомъ справедливыя ихъ неудовольствія противъ легковѣрной и слабой политики сардинскаго министерства, давшаго связать себя необдуманнымъ союзомъ; какъ одинъ человѣкъ, жители Тосканы и Модены рѣшили принять всѣ, какія только могутъ, мѣры для того, чтобы отстоять хотя первый шагъ къ созданію итальянскаго единства, отстоять хотя свое соединеніе съ Сардиніею, которая выдавала ихъ въ то время, пока можно было еще сдѣлать что нибудь съ успѣхомъ. Тосканцы послали приказаніе своимъ войскамъ, уведеннымъ французами въ Сѣверную Италію,—

Digitized by Google

какъ можно скорѣе возвратиться для защиты родины отъ французовъ и возстановляемаго ими великаго герцога; они объявили, что они присоединяются къ Сардиніи; они назначили какъ можно скорѣе произвесть выборы конституціоннаго тосканскаго собранія, которое облекло бы эту волю тосканскаго народа въ правильную форму.

Тосканскій „Монитеръ“, призывая тосканцевъ къ выборамъ, говорилъ, между прочимъ: „ничего не можетъ быть важнѣе этихъ выборовъ для народа. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать Европѣ: мы не хотимъ, мы не можемъ болѣе хотѣть австрійской династіи; мы не хотимъ ея, потому что она противна итальянской національности, за которую мы бились при Сольферино; мы не можемъ хотѣть ея, потому что если бы она возвратилась, обагренная кровью Сольферинской, то могла бы только составить вѣчное несчастіе наше и возмутить навсегда миръ всей Италіи. Итакъ вы видите, какое важное значеніе имѣетъ голосъ, который вы теперь должны подать! Кто поступитъ при этомъ легкомысленно, тотъ—или глупецъ, или предатель“.

Въ тоже время обнародована была прокламація къ войскамъ тосканскимъ, которымъ поручалась теперь „защита священнѣйшаго права Тосканы,—права свободно выразить свои желанія относительно національной независимости и конституціоннаго устройства“. Тосканцы объявили, что будутъ защищать это право, во что бы то ни стало. Въ сильной статьѣ, помѣщенной въ Тосканскомъ Монитерѣ противъ великаго герцога Леопольда, говорилось между прочимъ: „да, Тоскана вооружается и она должна вооружиться, потому что ей предстоитъ прогнать злѣйшаго врага своего, побѣжденнаго при Сольферино, если бы онъ захотѣлъ снова взойти на тосканскій престолъ. Но *вооруженіе* еще не значитъ *возмущеніе*, какъ хотятъ представить тайные агенты низверженной династіи: безъ всякаго возстанія, Тоскана имѣетъ уже противъ этого врага вооруженныхъ солдатъ; у ней есть войско; скоро будетъ и національная гвардія.—Города должны вооружаться, и когда ударитъ тревога, жители деревень также должны будутъ вооружаться всѣмъ, что только найдется подъ рукою во всемъ населеніи, которое съ презрѣніемъ отвергаетъ побитаго при Сольферино. Пусть знаетъ Европа, что образованный народъ, каковъ народъ тосканскій, не можетъ потерпѣть безчестія имѣть своимъ монархомъ того, кто, не далѣе какъ вчера, сражался въ лагерѣ австрійскаго императора, противъ итальянскихъ войскъ“.

Вслѣдствіе такихъ энергическихъ рѣшеній, муниципальный совѣтъ Флоренціи выразилъ формальнымъ образомъ слѣдующее желаніе націи:

«Муниципалитетъ выражаетъ желаніе, чтобы Тоскана могла составить часть большого итальянскаго государства подъ властью короля Виктора-Эммануила II, сохранивши административныя различія, которыя наиболѣе согласны съ интересами этой страны.

«Въ случаѣ же, если высшія политическія соображенія воспрепятствуютъ исполненію этого желанія, муниципалитетъ, настаивая на непремѣнномъ исключеніи династіи лотарингской, равно какъ и бурбонской, выражаетъ желаніе призвать къ управленію страною принца изъ савойскаго дома».

Digitized by Google

Это рѣшеніе положено повергнуть на усмотрѣніе короля сардинскаго и императора французскаго, на согласіе котораго тосканцы еще надѣялись. Тѣмъ не менѣе они продолжали свое дѣло: сократившн всѣ, установленные закономъ сроки, они назначили совѣщанія народнаго собранія, а между тѣмъ собирали мнѣнія городскихъ общинъ. 24-го іюля, изъ 141 города, въ числѣ которыхъ находятся Флоренція, Ливорно и другіе большіе города Тосканы, получено выраженіе желанія присоединиться къ Сардиніи, большинствомъ 809 голосовъ противъ 15. Рѣшенія эти, тотчасъ же представленныя через министра внутреннихъ дѣлъ, г. Риказоли, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Тосканѣ, выражали интересы и желанія 1.135.863 жителей. „Нѣкоторые города, прибавлено въ тосканскомъ журналѣ, помѣстившемъ это извѣстіе,— ожидаютъ еще составленія особеннаго собранія для произнесенія своего рѣшенія; но можно предсказать, что они утвердятъ рѣшеніе остальныхъ, и что желанія Тосканы выразятся единодушно. И нѣтъ сомнѣнія, что желанія страны, такимъ образомъ выраженныя и утвержденныя національнымъ собраніемъ, будутъ приняты во вниманіе державами, которыя должны опредѣлить новое устройство Италіи“.

Эти надежды на то, что голосъ націи будетъ уваженъ, продолжались довольно долго, и у нѣкоторыхъ продолжаются до сихъ поръ. Сначала онѣ были съ особенною силою поддержаны извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ положительнымъ образомъ,—что не употребитъ военнаго насилія для возстановленія низверженныхъ государей Италіи. Но потомъ стали ходить другіе слухи, которые однако же не смутили тосканцевъ, объявившихъ, что они „не побоятся никакого рода вмѣшательства и не отстанутъ отъ своего рѣшенія“. Назначены были общіе выборы народнаго собранія 7-го августа (26-го іюля), долженствовавшіе окончательно утвердить рѣшеніе городскихъ общинъ. Между тѣмъ, за недѣлю до начала этихъ выборовъ, разнесся слухъ, вскорѣ оказавшійся справедливымъ,—что Леопольдъ II отказался отъ престола въ пользу своего сына. Извѣстіе это принято было многими очень благопріятно, какъ облегчавшее развязку итальянскаго вопроса. Надѣялись, что тосканцы, имѣвшіе достаточныя причины лично ненавидѣть стараго герцога не будутъ столь несговорчивы въ отношеніи къ его сыну. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодой герцогъ, какъ слышно было, намѣревался войти въ свои владѣнія не иначе, какъ предшествуемый конституціею, весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отреченіе Леопольда ни въ чемъ не измѣнило ихъ рѣшенія относительно лотарингской династіи. Во время выборовъ, стѣны домовъ во Флоренціи покрыты были объявленіями съ надписью: „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, нашъ король“. Энтузіазмъ къ народному дѣлу не уменьшался, несмотря на то, что Сардинія вела себя въ этомъ дѣлѣ слишкомъ осторожно и даже робко. Предъ началомъ выборовъ, сардинскій чрезвычайный комиссаръ Бонкомпаніи былъ отозванъ изъ Флоренціи, чтобы не подать повода къ подозрѣнію въ тайномъ вліяніи Сардиніи на рѣшеніе тосканской націи. Временное правительство осталось въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ Риказоли. По послѣднимъ извѣстіямъ, національное собраніе уже открыто, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; президентомъ собранія избранъ

Digitized by Google

Тито Коппи. Это избраніе считаютъ доказательствомъ умѣренности собранія, потому что Коппи не принималъ никакого участія въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Несмотря на эту умѣренность, первымъ дѣломъ собранія, по предложенію депутата Джинори, было—провозгласить, что Лотарингская династія отнынѣ невозможна въ Тосканѣ. Предложеніе это было принято единодушно, всѣми 168 голосами собранія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Вторымъ предложеніемъ, принятымъ въ собраніи, было: „тосканская нація твердо рѣшилась—составить часть одного сильнаго итальянскаго государства, подъ конституціоннымъ направленіемъ короля Виктора Эммануила“.

Но къ чему можетъ повести все это единодушіе, вся эта рѣшимость, кромѣ доставленія новыхъ жертвъ дѣлу итальянскаго единства, и такъ уже имѣвшему столько жертвъ?

Не въ видахъ французской политики—допустить образованіе итальянскаго государства, на широкихъ основаніяхъ національной свободы. Теперь уже нѣтъ нужды дѣлать предположенія о видахъ французскаго императора: посольство графа Резе достаточно объяснило ихъ. Изъ дѣйствій этого посланника видно, что если не возвращеніе прежняго герцога, то по крайней мѣрѣ всевозможное противодѣйствіе дѣлу итальянской независимости рѣшено непоколебимо въ умѣ Луи-Наполеона. Г. Резе началъ съ того, что увѣрялъ всѣ итальянскіе города, низвергнувшіе своихъ владѣтелей, въ истинномъ расположеніи императора и въ его дружеской заботливости о судьбѣ народа. Между тѣмъ въ то же время во французскомъ Монитерѣ появилась статья, въ которой и Леопольду и Фердинанду придавался титулъ великаго герцога тосканскаго. Это принято было за нѣчто въ родѣ avertissement'а, адресованнаго къ тосканцамъ. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлались извѣстны требованія, предложенныя г. Резе королю сардинскому. Онъ требовалъ: 1) чтобы сардинскій комиссаръ былъ отозванъ изъ Пармы, такъ какъ отозваны уже комиссары изъ Флоренціи, Модены и Болоньи; 2) чтобы затѣмъ Сардинія не имѣла никакого, ни прямого, ни косвеннаго вліянія на населеніе этихъ областей и предоставила имъ самимъ выразить ихъ желанія; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содѣйствіе къ возстановленію изгнанныхъ принцевъ. — Надобно замѣтить, что не задолго передъ тѣмъ почти не сомнѣвались относительно оставленія Пармы за Піемонтомъ. Сардинское правительство полагало, что такъ какъ Парма не была включена въ условія Виллафранкскаго договора, то о возстановленіи герцогини не должно быть и рѣчи. Но вышло не то: умолчаніе Виллафранкскаго трактата ни мало не стѣснило императора французовъ, когда дѣло пошло о торжествѣ порядка надъ произволомъ народнымъ. Сардинія должна была согласиться, и графу Пальяри, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Пармѣ, немедленно посланъ былъ приказъ возвратиться въ Туринъ. Пармскіе жители были очень огорчены этимъ и рѣшились представить императору свои желанія относительно присоединенія къ Сардиніи: пармскій подеста Линати отправился въ Парижъ, чтобы поднести императору постановленія пармскихъ общинъ, требующихъ присоединенія къ Сардиніи.

Второе требованіе Резе было также принято Сардиніею безпрекословно. Да впрочемъ оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардинія еще ранѣе

Digitized by Google

этого, сама по себѣ (по крайней мѣрѣ такъ увѣряли оффиціально...) отказалась отъ всякаго вліянія на выборы; а теперь этого отказа требуетъ отъ нея французскій посланникъ!

Но третье предложеніе встрѣтило пока сильное сопротивленіе въ Сардиніи. Говорятъ, что Викторъ-Эммануилъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи — не мѣшать дѣлу итальянской независимости, и отвѣчалъ графу Резе, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ: „я могу не противиться тѣмъ распоряженіямъ, которыя вамъ поручено произвести въ итальянскихъ государствахъ, уже признавшихъ мою власть; я могу оставить собственнымъ силамъ народы, которымъ обѣщался покровительствовать; но никогда въ жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти въ Италію врагамъ народа“. Если эти слова дѣйствительно были сказаны, они очень хорошо изображаютъ положеніе сардинскаго правительства въ виду требованій своего союзника и благодѣтеля.

Впрочемъ, если Сардинія и не согласится участвовать въ возстановленіи изгнанныхъ герцоговъ, положеніе дѣла мало отъ того измѣнится. Луи-Наполеонъ рѣшилъ, что итальянскому независимому государству не бывать, и онъ найдетъ средства достигнуть своей цѣли. Французскіе солдаты, бывшіе въ Италіи, не всѣ еще возвратились... Близь Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая въ случаѣ надобности можетъ бомбардировать этотъ городъ, служащій Тосканѣ однимъ изъ главныхъ центровъ энтузіазма къ дѣлу итальянскаго единства. Рѣшеніе оставить въ Италіи 50-тысячную армію уже обнародовано въ Монитерѣ. А въ одно время съ извѣстіемъ объ открытіи національнаго собранія въ Тосканѣ, сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе императора объ остановкѣ возвращенія французскихъ войскъ изъ Италіи.

Какъ бы въ видѣ поясненія этихъ мѣръ, графъ Резе положительно объявилъ Тосканѣ, что о присоединеніи ея къ Сардиніи не можетъ быть и рѣчи. Но въ видѣ милости, онъ прибавилъ, что всякое другое желаніе націи, выраженное въ національномъ собраніи, можетъ быть принято во вниманіе при рѣшеніи судьбы Италіи.

Что тутъ дѣлать тосканцамъ? Говорятъ, что они склоняются къ мысли предложить власть принцу Наполеону. Въ этомъ избраніи находятъ средство примирить враждебные интересы французско-сардинскіе, такъ какъ принцъ Наполеонъ, будучи кузеномъ императора, въ то же время, по женѣ своей, близокъ и къ сардинской династіи. Притомъ же, говорятъ въ утѣшеніе себѣ нѣкоторые тосканцы, фамилія Бонапартовъ имѣетъ нѣкоторое притязаніе на флорентинское происхожденіе!...

Вслѣдствіе ли такихъ соображеній, или скорѣе отъ очевидной безвыходности своего положенія, тосканцы начали писать на стѣнахъ домовъ во Флоренціи: „viva Napoleone-Jerolamo, re d' Etruria“ (да здравствуетъ Іеронимъ-Наполеонъ, царь Этруріи). Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, что императоръ Наполеонъ и самъ принцъ не согласятся на такое избраніе, какъ весьма деликатные и совѣстливые люди. Но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что еще до окончанія войны говорили о замыслѣ французскаго правительства— устроить для принца Наполеона какой нибудь престолъ въ Италіи... Во вся-

Digitized by Google

комъ случаѣ любопытно и то, что народный энтузіазмъ принужденъ уже склоняться къ результатамъ, столь пріятнымъ для Франціи...

Послѣ Тосканы, едва ли нужно много распространяться о положеніи Модены, Пармы и Болоньи. Энтузіазмъ и тамъ проявился не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ Тосканѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о мирѣ, въ Пармѣ сдѣлана была общая демонстрація въ пользу присоединенія къ Піемонту; демонстрація эта принята была очень благосклонно піемонтскимъ губернаторомъ въ Пармѣ, объявившимъ, что король будетъ ею очень доволенъ, и что относительно присоединенія Пармы къ Сардиніи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но прошло двѣ недѣли, и Парма оставлена Сардиніею; выѣздъ сардинскаго комиссара произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ Пармѣ; впрочемъ она не отказалась отъ своихъ требованій и отправила адресъ за подписью, говорятъ, 20,000 человѣкъ, для заявленія своихъ желаній...

Въ Моденѣ немедленно послѣ того, какъ узнали о мирѣ, рѣшено было составить корпусъ національной гвардіи для защиты страны. Кромѣ того, объявлено было о формированіи корпуса волонтеровъ, которое тотчасъ же и началось съ большимъ успѣхомъ. Въ то же время произведена была народная демонстрація въ пользу Виктора-Эммануила и противъ возстановленія Франциска V. Составилось множество адресовъ, подписанныхъ тысячами лицъ разныхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, приглашавшая гражданъ оставаться спокойными и доказать Европѣ, что ихъ рѣшеніе серьезно и благоразумно, и вовсе не походитъ на какое нибудь безпорядочное движеніе. И дѣйствительно, энтузіазмъ моденцевъ былъ твердъ и спокоенъ; вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ одинъ изъ итальянскихъ корреспондентовъ „Indépendance Belge“ Болонецъ, пріѣзжавшій въ Модену на одинъ день.

«Болонья, 22 іюля.

«Я хотѣлъ воспользоваться открытіемъ желѣзной дороги, которая теперь соединяетъ насъ съ Моденой, чтобы побывать въ этомъ городѣ. Я провелъ тамъ вчерашній вечеръ и ночь. Только-что возвратившись въ Болонью, я берусь за перо, спѣша разсказать вамъ впечатлѣнія моего путешествія.

«Какой энтузіазмъ, какая манифестація, какой духъ народности, какое единодушіе въ чувствованіяхъ, и въ особенности какое непоколебимое рѣшеніе—скорѣе умереть, нежели допустить возвращеніе герцога! Сколько разъ я ни заговаривалъ, въ различныхъ мѣстахъ, о возвращеніи Франциска V, я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: piumosto morire (лучше умереть!), и въ тонѣ этихъ словъ слышалось столько истины...

«Говоря безъ всякихъ прикрасъ, я долженъ вамъ сказать, что, проведши нѣсколько часовъ въ Моденѣ, я убѣдился въ нравственной невозможности возвращенія герцога,—развѣ только онъ будетъ возстановленъ сильною арміею (если подобный образъ дѣйствій требуется видами европейскихъ державъ). Но упроченіе его на тронѣ все-таки невозможно, какъ только эта армія выйдетъ изъ Италіи.

«Предметомъ всѣхъ разговоровъ въ кафе, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ частныхъ собраніяхъ служитъ здѣсь уже не возвращеніе герцога:—здѣсь всѣ мужчины, женщины и дѣти давно рѣшили, что всѣ пойдутъ на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому;—предметъ общихъ разговоровъ составляетъ присоединеніе къ Сардиніи, котораго желаетъ единодушно вся нація. Если это соединеніе не состоится, жители считаютъ возможною одну только мѣру—повальное переселеніе въ Сардинію.

«Но оставляя въ сторонѣ выраженія воли народной, протестаціи и адресы,

Digitized by Google

безпрерывно возобновляемые, я скажу вамъ объ одномъ дѣлѣ, поднятомъ временнымъ правительствомъ. Дѣло идетъ объ открытіи нѣкотораго рода процесса съ Францискомъ V. Особая комиссія будетъ наряжена для разъисканія въ архивахъ доказательствъ злоупотребленій власти, совершенныхъ Францисками IV и V, послѣдними принцами изъ дома Эстовъ. Эти слѣдственныя разъисканія будутъ служить основаніемъ для обвинительнаго акта герцога предъ европейскими державами».

Герцогъ однако же не потерялъ присутствія духа. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ намѣревъ возвратиться въ Модену силою. У него въ распоряженіи находилось, по извѣстію въ „Patrie“, до 5,000 человѣкъ. По другому извѣстію, герцогъ моденскій, не имѣющій недостатка въ деньгахъ, навербовалъ себѣ до 7,000 наемниковъ, которыхъ называетъ „арміей Эстовъ“. Въ Моденѣ считается хорошо вооруженныхъ людей до 10,000, и они твердо рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности.

27-го (15 іюля) Фарини, бывшій чрезвычайнымъ комиссаромъ сардинскимъ въ Моденѣ, сложилъ съ себя это званіе, и вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ. Принявши это избраніе, Фарини немедленно объявилъ, что онъ намѣренъ приступить къ непосредственному созванію народныхъ комицій для разсужденій объ установленіи правительства, а между тѣмъ обѣщалъ заботиться объ усиленіи вооруженій и вообще военныхъ силъ страны.

Вскорѣ потомъ обнародованы и правила выборовъ: избирателями признаны всѣ граждане, достигшіе 21 года и умѣющіе читать и писать; число депутатовъ—73.

16-го августа и въ Моденѣ открылись засѣданія національнаго собранія, и Фарини сложилъ съ себя диктатуру.—Тоже самое и въ Легатствахъ. Они рѣшили, какъ можно поспѣшнѣе формировать свою армію, которая могла бы защитить ихъ отъ возстановленія папскаго владычества французскими или швейцарскими штыками.—Быть можетъ, они и устояли бы противъ однихъ швейцарцевъ, но швейцарцамъ въ случаѣ надобности помогутъ французы или пошлютъ помогать австрійцевъ.

Вообще папскимъ владѣніямъ угрожаетъ еще большая опасность со стороны всѣхъ друзей *порядка*, нежели остальнымъ герцогствамъ. Вопросъ жизни и смерти для Легатствъ—избавленіе отъ власти папы, а не присоединеніе къ Сардиніи; такъ ли, иначе ли ихъ бы устроили,—лишь бы отдѣлили отъ папы—они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочетъ освободитель Италіи, держащій судьбы ея въ своихъ рукахъ... Онъ такъ почитаетъ Пія IX, такъ давно защищаетъ его отъ самовольства его подданныхъ, такъ недавно создалъ для него новую политическую роль—предсѣдателя итальянскаго союза!... Потерпитъ ли онъ отложеніе нѣкоторыхъ областей отъ намѣстника св. Петра, допуститъ ли онъ такіе безпорядки!... И дѣйствительно, на всякое обнаруженіе народной воли въ Легатствахъ смотрятъ, какъ на *безпорядки*. А между тѣмъ неудовольствіе здѣсь сильно и нерѣдко выражается такими манифестаціями, которыя папское правительство и французскіе агенты рѣшительно называютъ мятежными. Вообще, ничего нѣтъ легче и удобнѣе теперь, какъ исказить характеръ народнаго движенія, передавая извѣстія о событіяхъ въ Италіи. Недавно распространился же слухъ, что Пармѣ провозглашена красная республика, подъ вліяніемъ маццинистовъ,

Digitized by Google

и подеста Линати долженъ былъ особымъ объясненіемъ разувѣрять Европу въ этихъ слухахъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекающіе итальянцевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, къ буйствамъ, для того, чтобы потомъ Франція или Австрія имѣли предлогъ употребить противъ нихъ вооруженную силу. Нельзя опредѣлить, въ какой степени достовѣрны эти извѣстія; но что они не лишены основанія, это доказывается той настойчивостью, съ которою временныя правительства въ Италіи убѣждаютъ гражданъ вести себя спокойно и серьезно... Въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ прокламацій попадается выраженіе: „чтобы не подать Европѣ повода къ недовѣрію.“ Само собою разумѣется, что подъ Европою тутъ нужно понимать собственно Францію...

Неудовольствіе обнаружилось въ папскихъ областяхъ, какъ и во всей Италіи, непосредственно послѣ заключенія мира. Но здѣсь оно было сильнѣе потому что имѣло еще нѣкоторыя особенныя причины. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что амнистію, названную въ условіяхъ мира *всеобщею*, папа объявилъ подлежащею многимъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Это произвело въ Римѣ такое волненіе, что генералъ Гойонъ испугался и счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. При этомъ произошли, разумѣется, арестаціи, продолжавшіяся и потомъ нѣсколько времени. Между прочимъ взяты подъ стражу въ Римѣ два капуцинскіе монаха, давно уже производившіе сношенія съ главами революціонной партіи; у нихъ найдено письмо Мацпини... Подобнаго рода тайное движеніе замѣчено было въ Анконѣ; вслѣдствіе чего съ начала іюня тамъ и водворены папскія войска разныхъ корпусовъ, занимающіяся безпрерывными арестаціями. Дошло до того, что запретили ходить по улицамъ двумъ человѣкамъ рядомъ, и хватали всякаго, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романьи, отложившейся отъ папы во время войны, подъ покровительствомъ сардинцевъ, прежде всего произошло любопытное объясненіе папскаго правительства съ императорскимъ. Папа жаловался, что сардинскія войска вошли въ его владѣнія, что Викторъ Эммануилъ послалъ своего комиссара Массимо-д'Азеліо—въ Болонью, что берсальеры и часть бригады Нави рѣшились даже оказать сопротивленіе папскимъ войскамъ, высланнымъ для надлежащаго наказанія мятежниковъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу, Луи-Наполеонъ поручилъ своему посланнику, г. Грамонну—оправдать предъ папою сардинскаго короля и объяснить, что принимая военную диктатуру, и посылая войска въ Церковную область, Викторъ Эммануилъ имѣлъ въ виду только направить силы Романьи противъ Австріи и „предупредить внутреннія столкновенія, которыя легко могли возникнуть, особенно послѣ происшествій въ Перуджіи“... Папа долженъ былъ остаться доволенъ такимъ объясненіемъ, которымъ императоръ французовъ еще разъ доказалъ ту послѣдовательность своего образа дѣйствій, которую мы такъ подробно защищали.

Но и о Легатствахъ, относительно образа проявленія ихъ стремленій, надо сказать тоже, что о герцогствахъ: они постарались о всевозможной осторожности и скромности въ выраженіи своего энтузіазма къ дѣлу національной свободы. Болонья—центръ защитниковъ народнаго дѣла—показала въ этомъ случаѣ примѣръ благоразумія. Во все время, пока въ ней суще-

Digitized by Google

ступитъ временное правленіе, спокойствіе ни разу не было нарушено, хотя и представлялись къ тому нѣкоторые поводы. Ни заключеніе мира, ни сущность его условій, ни внезапное удаленіе д'Азеліо, отозваннаго въ Туринъ, — ничто не вывело болонцевъ изъ границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Все было спокойно и шло путемъ законности. По отъѣздѣ Азеліо, власть осталась въ рукахъ полковника Филикона, который издалъ декретъ объ учрежденіи въ Легатствахъ государственнаго совѣта изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ чрезвычайнаго комиссара сардинскаго. Вскорѣ потомъ Филиконъ передалъ правленіе этому совѣту, который избралъ главою временнаго правленія полковника Чипріани, и пригласилъ гражданъ составить національное собраніе, которое бы въ законной формѣ выразило желанія націи относительно постояннаго правительства. Энергія и дѣятельность Чипріани оживили ходъ дѣлъ въ Болоньи: въ ожиданіи національнаго собранія, послѣдовали одинъ за другимъ адресы противъ папскаго правительства, организовались военныя силы, устроился національный заемъ, на сумму трехъ милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ составлялись національныя собранія,—и военный энтузіазмъ съ одинаковою силою поддерживался въ Италіи. Въ концѣ іюля генералъ Меццокапо, съ частію тосканскихъ войскъ, перешелъ пограничную линію Легатствъ. Оставивши часть своихъ силъ Римини, онъ 1-го августа перешелъ въ Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По извѣстіямъ изъ Болоньи, въ теченіе одной недѣли, отъ 27 іюля до 4-го августа, армія его возрасла отъ 11,000 до 16,000. Часть войскъ Меццокапо должна была направиться къ Урбино, а другая къ Анконѣ, чтобы черезъ Абруцскія горы перенести революцію въ Неаполь. По послѣднимъ извѣстіямъ, Гарибальди вышелъ изъ сардинской службы и принимаетъ начальство надъ войсками средней Италіи. Патріоты основываютъ на этомъ большія надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь не скрываютъ, что дѣло ихъ независимости болѣе нежели сомнительно. Надежды на мирное разрѣшеніе дѣла почти исчезли. Неизвѣстно, на чемъ порѣшилъ императоръ французовъ съ папою; но извѣстно, что папа, прежде принятія почетнаго предсѣдательства въ итальянскомъ союзѣ, требовалъ возвращенія себѣ Легатствъ; извѣстно и то, что Наполеонъ еще прежде обѣщалъ папѣ неприкосновенность его владѣній...

Послѣдняя надежда для итальянскихъ патріотовъ осталась въ непоколебимомъ единодушіи и вѣрности общему дѣлу, и послѣднія извѣстія все болѣе и болѣе подтверждаютъ слухи о сближеніи между собою всѣхъ возставшихъ областей. Первое извѣстіе о выраженіи сочувствія городовъ другъ другу было около 25 іюля, изъ Пармы. Вотъ что писалъ объ этомъ корреспондентъ „Independance Belge“:

Парма, 25 іюля.

«Нѣсколько дней тому назадъ, намъ объявили, что многіе сосѣдніе съ нами города, какъ-то Піаченца, Модена, Реджіо, Болонья,—предполагали прислать къ намъ депутаціи, для засвидѣтельствованія намъ ихъ сочувствія. Нечего говорить, что мысль эта принята была здѣсь съ восторгомъ, и что мы считали истиннымъ праздникомъ

Digitized by Google

для себя это посѣщеніе, долженствовавшее соединить за однимъ столомъ членовъ единаго семейства, такъ давно разрозненныхъ.

«Вчера, въ воскресенье, съ самаго утра весь городъ былъ на ногахъ, готовясь достойно встрѣтить своихъ гостей. Случилось, можетъ быть не безъ умысла, что всѣ они явились въ одно время, съ разныхъ концовъ, и вступили въ городъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ. Тотчасъ начались объятія, съ повторенными криками: «Viva l'Italia!»

«Я не въ состояніи описать того глубокаго впечатлѣнія, какое произведено было въ сердцахъ всѣхъ этимъ первымъ національнымъ торжествомъ.

«Члены городскаго совѣта, дворянство, высшіе чиновники и самъ губернаторъ пармскій, графъ Пальери—всѣ сошлись на площади Общины, и здѣсь опять начались объятія, при восторженныхъ кликахъ: «да зравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ! Сардинская армія! Франція! Сольферино!»

«Каждый пармскій житель овладѣлъ тогда однимъ изъ гостей, чтобы угостить его. Весь городъ превратился какъ будто бы въ одинъ большой домъ: двери каждаго дома, равно какъ и всѣ общественныя и частныя заведенія, были открыты для всякаго.

«Публичный садъ назначенъ былъ мѣстомъ для обѣда. Но число нашихъ гостей не позволяло усадить ихъ за одинъ столъ, какъ думали сначала; должны были удовольствоваться устройствомъ двадцати столовъ, на 100 человѣкъ каждый. Но и этого не хватило, потому что явились еще новые гости, въ числѣ которыхъ находились солдаты тосканскіе, сардинскіе и французскіе; ихъ присутствіе придавало еще болѣе торжественности и трогательности этому празднику. Въ числѣ этихъ солдатъ оказалось много раненыхъ, и они сдѣлались особеннымъ предметомъ самыхъ предупредительныхъ попеченій со стороны прекраснаго пола. Я видѣлъ, что дамы, принадлежащія къ высшей пармской аристократіи, разговаривали съ неизвѣстными солдатами такъ дружелюбно, какъ будто это были ихъ братья или сыновья.

«Множество знаменъ итальянскихъ и французскихъ украшало городъ; патріотическіе тосты раздавались безпрерывно; послѣ обѣда, продолжавшагося пять часовъ, былъ устроенъ импровизированный балъ; городъ былъ блистательно иллюминованъ... Гости отправились отъ насъ только на другой день, утромъ.

«За обѣдомъ читана была энергическая протестація Піаченцы противъ герцогскаго правительства. Тутъ же предложены были листы, и можно сказать навѣрное, что на нихъ подписались всѣ граждане Пармы, громко протестовавшіе противъ возвращенія герцогини и ея сына».

Таково было одно изъ публичныхъ проявленій взаимнаго сочувствія итальянскихъ городовъ. Вскорѣ обнаружились отношенія болѣе серьезныя. Отъ 31-го іюля изъ Флоренціи сообщали о предполагаемомъ союзѣ между Тосканою и Моденою, съ цѣлію общими силами отстаивать независимость страны противъ прежнихъ владѣтелей, ежели они рѣшатся вступить въ страну съ вооруженной силой. Къ этому союзу приглашалась и Болонья; но ея рѣшеніе сдѣлалось извѣстно только позже. По этому поводу корреспондентъ „Indépendance Belge“ сообщаетъ слѣдующіе факты.

Болонья, 8-го августа.

Въ нашей флорентинской корреспонденціи упомянуто было недавно о проэктѣ военнаго союза между Тосканою, Моденою и Легатствами. Это извѣстіе совершенно вѣрно; основанія этого проэкта были предметомъ долгихъ разсужденій; теперь если мои свѣдѣнія вѣрны, эти основанія приняты всѣми правительствами, заинтересованными въ дѣлѣ, и предположенный союзъ близокъ къ осуществленію, благодаря энергіи нашего теперешняго правителя—полковника Чипріани.

«Дѣло идетъ объ общемъ дѣйствіи армій трехъ странъ, для отпора внѣшнему

Digitized by Google

нападенію, съ какой бы стороны оно ни произошло. Такимъ образомъ силы Италіи возвысятся до 40,000 войска, и это число будетъ еще въ скоромъ времени увеличено поступленіемъ въ армію во Флоренціи и особенно въ Болоньѣ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, возвращающихся изъ Ломбардіи. Эта армія могла бы составить четыре дивизіи, въ каждой съ особой кавалеріей и артиллеріей, такъ чтобы каждая могла дѣйствовать отдѣльно вездѣ, гдѣ случится надобность.

«Мнѣ извѣстно, что главное начальство надъ этими арміями предложено генералу Гарибальди, и уже принято имъ; его же усмотрѣнію представленъ и планъ организаціи войска, сейчасъ упомянутый мною.

«Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточенія начальства надъ войсками въ рукахъ Гарибальду, были, кажется, непріятны сначала генералу Меццокапо, и онъ даже просилъ отставки. Но полковникъ Чипріани, въ длинномъ разговорѣ, нисколько не стѣсняя доброй воли генерала касательно отставки, умѣлъ разсѣять его нерасположеніе и пріобрѣлъ въ немъ себѣ друга и дѣятельнаго помощника. Генералъ Меццокапо останется начальникомъ войскъ въ Лагатствахъ.

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій ясно, что итальянцы уже начинаютъ понимать свое положеніе и догадываются, чего имъ слѣдуетъ ждать отъ Франціи. Они ничего не говорятъ еще; но самое предположеніе о возвращеніи низверженныхъ владѣтелей съ вооруженною силою—показываетъ, что Италія надѣется въ своихъ сосѣдяхъ найти скорѣе враговъ, нежели защитниковъ ея національнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ – съ чьей же силой возвратится Леопольдъ, или Фердинандъ, или Францискъ? Конечно, съ французской или съ австрійской, — не иначе, Италія понимаетъ это, но все еще не хочетъ покориться своей тяжелой участи и готовится къ борьбѣ...

Такимъ образомъ, вся средняя Италія рѣшилась противиться исполненію Виллафранкскаго трактата; но при всемъ своемъ энтузіазмѣ, что могли бы сдѣлать эти небольшія области съ 4 милліонами населенія, лишенныя готовыхъ войскъ, какъ Легатства, или потерпѣвшія, благодаря французской предусмотрительности, дезерганизацію въ своихъ войскахъ, какъ Тоскана? Что могли бы сдѣлать противъ безчисленной французской арміи эти области, лишенныя всѣхъ средствъ къ оборонѣ, которая по страшному неравенству силъ, не могла бы быть успѣшна и при самой полной организаціи?

Исполненіе тѣхъ условій Виллафранкскаго трактата, которыя относятся къ возстановленію прежняго порядка дѣлъ въ инсуррекціонныхъ областяхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: оно опирается на французскіе отряды...

Такимъ образомъ, въ Италіи должно возстановиться прежнее состояніе дѣлъ, кромѣ одной той перемѣны, что восточная часть Ломбардіи передана императоромъ французовъ сардинскому королю. Посмотримъ же теперь, какой смыслъ можетъ имѣть эта перемѣна и каковы тѣ итальянскія правительства, которыя спасены отъ погибели, возвращены къ новой болѣе самоувѣренной жизни трактатомъ, за который наивные легковѣры, очаровавшіеся войною, обвиняютъ теперь императора французовъ, столь полно и основательно защищеннаго нами отъ всѣхъ порицаній за это дѣло.

Въ судьбѣ восточной Ломбардіи, уступленной императоромъ французовъ королю сардинскому, мы видимъ новое доказательство въ пользу оправдываемаго нами дѣла императора Наполеона III: если мы захотимъ узнать, сколько выиграла эта часть Ломбардіи отъ присоединенія къ Сардиніи, то убѣдимся, что

Digitized by Google

остальная часть Ломбардіи и Венеціи не имѣютъ слишкомъ сильныхъ причинъ завидовать перемѣнѣ, которая миновала ихъ.

Если читатель не принадлежитъ къ счастливцамъ, у которыхъ денегъ „куры не клюютъ", къ счастливцамъ, которые могутъ постоянно носиться душою въ возвышенныхъ сферахъ чисто идеальныхъ созерцаній о прекрасномъ всякаго рода, отъ трюфлей до составленія собственныхъ картинныхъ галлерей, будучи избавлены хорошимъ наслѣдствомъ отъ презрѣнныхъ мыслей о прокормленіи семейства,—то читатель знаетъ по опыту, что презрѣнные матеріальные разсчеты о кускѣ хлѣба, о тяжести налоговъ и тому подобныхъ пошлостяхъ сильно примѣшиваются къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, и, напримѣръ, съ понятіемъ національной независимости у итальянцевъ должна была соединяться мысль, что національное правительство не будетъ давить ихъ такими ужасными поборами, какъ давили иноземные властители. Мы положительно увѣрены, и имѣемъ на то несомнѣнныя доказательства, что главнымъ источникомъ ненависти къ австрійцамъ въ Ломбардіи служили не политическія преслѣдованія, а обременительность ихъ управленія въ отношеніи налоговъ и поборовъ всякаго рода. Эти фискальныя тягости справедливо казались раззорительными, невыносимыми. Что же теперь сдѣлало сардинское правительство въ этомъ отношеніи съ доставшеюся ему частью Ломбардіи?—Ровно ничего; всѣ тяжести, мучившія ломбардцевъ при австрійцахъ, попрежнему лежатъ на ломбардцахъ. Мы не хотимъ сами говорить объ этомъ,—представляемъ просто выписку изъ „Indépendance Belge", которую нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ сардинской политикѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Indépendance Belge" въ Италіи о той системѣ управленія, которая учреждена теперь сардинскимъ правительствомъ въ Ломбардіи:

«Изъ текста декрета о новомъ правительственномъ устройствѣ Ломбардіи, посланнаго вчера мною, вы могли видѣть, что въ администраціи не измѣнено по возможности ничего; забота была не о томъ, чтобы придумать возможно-наилучшую администрацію, а только о томъ, чтобы немедленно имѣть готовую администрацію. Потому-то только ту перемѣну и сдѣлали, что удалили множество иностранцевъ (т. е. не итальянцевъ), занимавшихъ должности при австрійскомъ правительствѣ и сосредоточили управленіе въ рукахъ отвѣтственныхъ лицъ съ значительною властью, вмѣсто коллегіальныхъ административныхъ мѣстъ, бывшихъ такимъ вреднымъ недостаткомъ при австрійскомъ управленіи.

«Въ финансовой организаціи страны послѣдовали той же самой системѣ, какъ въ политической. Вотъ два декрета, относящіеся къ финансовому устройству:

«Викторъ Эммануилъ и проч. и проч. и проч.

«Сообразно нашему декрету отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, принимая въ уваженіе потребности національной войны и въ силу чрезвычайной власти, данной намъ закономъ 25-го апрѣля текущаго года, по предложенію нашего совѣта министровъ, мы повелѣли и повелѣваемъ нижеслѣдующее:

«1) Прямые и косвенные налоги, существующіе нынѣ въ ломбардскихъ провинціяхъ, впредь до послѣдующихъ распоряженій удерживаются, исключая постановляемаго слѣдующею статьею измѣненія.

«2) Относящіяся до продажи товаровъ, принадлежащихъ къ регаліямъ (Regia privativa) [1], до почтъ, телеграфовъ, и таможень, пошлины, законы и правила, дѣй-

[1]) Правительственныя монополіи: соль, табакъ, порохъ и проч.

Digitized by Google

ствующіе нынѣ въ другихъ частяхъ королевскихъ владѣній, будутъ примѣнены к Ломбардіи по особеннымъ распоряженіямъ губернатора.

«По совершеніи этого уподобленія, таможенная линія между Ломбардіею и дру гими провинціями будетъ уничтожена.

«Другой декретъ опредѣляетъ, что во время войны пограничныя и городск таможни не должны взимать никакихъ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ на употребл ніе арміи.

Такимъ образомъ, съ очень небольшими исключеніями, Ломбардія будетъ упра вляться нынѣ по тѣмъ же самымъ формамъ, какія существовали прежде; ломбардц будутъ платить тѣже самые налоги, какъ прежде,—и вы увидите странное зрѣлищ что вещи, бывшія несносными при австрійскомъ правительствѣ, будутъ выносить (и уже выносятся) съ охотою при правительствѣ, которое сами себѣ избрали. Кажд кажется это натурально, и если понадобятся и большія жертвы, они также перен сутъ ихъ съ готовностью».

Итакъ, для облегченія тѣхъ сословій, которыя чувствовали тягость а стрійскихъ наборовъ въ Ломбардіи, не сдѣлано ровно ничего. Мы не сомн ваемся въ томъ, что когда нибудь будутъ произведены сардинскимъ прав тельствомъ облегченія налоговъ въ Ломбардіи, какъ будутъ конечно прои ведены и въ самой Сардиніи, гдѣ налоги также доведены до чрезвычайн обременительности для поддержанія давнишней воинственности.... Мы не с мнѣваемся, что сардинскій правительственный принципъ, при всѣхъ свои несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы о облегченіи матеріальной участи народа, все-таки въ милліонъ— разъ лучш австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравстве номъ, и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ сардинскій принцип существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя б по временамъ и уклонялся отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятел ствамъ. Мы только хотимъ сказать, что нынѣшняя война была соединен съ однимъ изъ такихъ временныхъ забвеній объ облегченіи народныхъ бѣд ствій, что сардинская политика въ то время, когда пріобрѣла Ломбардію была такъ же недальновидна по финансовой части, такъ и по дипломат ческой.

Мы уже говорили, что поселяне сѣверной Италіи далеко не раздѣля энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высш сословія. Мы говорили, что причина этой холодности поселянъ къ наці нальному дѣлу заключается въ поземельныхъ отношеніяхъ, по которымъ п селянинъ, зависимый не прямо отъ правительства, а отъ богатаго землевл дѣльца, останавливаетъ на этомъ ближайшемъ посредникѣ своей бѣдност чувство нелюбви, которое уже не доходитъ до отдаленнѣйшей и коренн виновницы бѣдствій—до правительственной системы, принуждающей земле владѣльца обирать поселянина для уплаты налоговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ з щищающей землевладѣльца въ его господствѣ надъ поселяниномъ. Посел нинъ знаетъ, что онъ много отдаетъ землевладѣльцу;—о томъ, что земл владѣлецъ много изъ этой добычи долженъ отдавать правительству, онъ н знаетъ, не знаетъ и того, что оно не даетъ возможности ни землевладѣльц уменьшить повинности, лежащія на мужикѣ, ни мужику возвыситься до н

Digitized by Google

зависимости въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и въ Ломбардіи поселяне умѣютъ только нелюбить землевладѣльцевъ, не понимая, что должны были бы за все винить австрійское правительство, которое не имѣло съ ними непосредственнаго дѣла, а угнетало ихъ только черезъ посредство землевладѣльцевъ. Вотъ подробности объ этомъ положеніи вещей, найденныя нами у того же корреспондента Times'а, которому мы были обязаны описаніемъ войны:

«Справедливость требуетъ сказать, что поселянамъ (въ Ломбардіи) нечего было жаловаться на австрійское правительство: въ самомъ дѣлѣ, вы удивитесь, если я скажу, что, за исключеніемъ косвенныхъ налоговъ по монополіямъ соли, табаку, по гербовой бумагѣ и по таможеннымъ пошлинамъ, поселянинъ не платитъ здѣсь ничего, и прямыхъ налоговъ никакихъ на немъ не лежало. Всѣ налоги лежатъ на землевладѣльцѣ. Большая часть этого округа (сѣверо-восточная часть Ломбардіи) состоитъ изъ большихъ имѣній, владѣльцы которыхъ почти всѣ живутъ въ городахъ, только осенью пріѣзжая на нѣсколько недѣль въ свои помѣстья. Мелкой поземельной собственности, которая обработывается самими владѣльцами, здѣсь чрезвычайно немного, и почти всѣ поселяне просто фермеры или работники. Имѣющіе четырехъ и больше воловъ бываютъ фермерами; фермеръ получаетъ, сообразно съ своими рабочими силами, извѣстный участокъ земли съ домомъ, который содержится землевладѣльцемъ. Фермеръ дѣлаетъ посѣвъ изъ своихъ сѣмянъ и обработываетъ землю; изъ произведеній ему принадлежатъ двѣ трети, а третья часть отдается владѣльцу, который, какъ собственникъ, долженъ изъ этой трети уплачивать тяжелый поземельный налогъ (prediale). Неимѣющіе скота нанимаются въ годовые работники. Они получаютъ готовый домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, извѣстное число воловъ, сообразно пространству отдаваемой имъ въ обработку земли, соразмѣрному съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Весь сборъ произведеній поступаетъ къ землевладѣльцу, который даетъ извѣстную плату деньгами, хлѣбомъ, рисомъ, сѣномъ, виномъ, дровами и проч. этимъ своимъ работникамъ (bovarii). Едва ли нужно говорить, что и тутъ поземельный налогъ уплачивается землевладѣльцемъ.

«Шелководство совсѣмъ особое дѣло. Землевладѣлецъ составляетъ такъ называемое «общество», società. Каждому семейству даетъ онъ извѣстное количество сѣмени шелковичнаго червя и для прокормленія червей назначаетъ соотвѣтствующее число шелковичныхъ деревъ. Онъ даетъ семьѣ также домъ, если она не получила уже дома по фермерству или найму въ земледѣльческую работу у него. Продуктъ дѣлится по-ровну между землевладѣльцемъ и его компаньономъ. Налогъ платитъ опять землевладѣлецъ, какъ собственникъ шелковичныхъ деревъ. Но это еще не все: онъ долженъ нести и весь рискъ, а въ послѣдніе годы рискъ въ шелководствѣ былъ великъ. «И знаете, что бываетъ? — говоритъ человѣкъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, простодушный, но умный приходскій священникъ, — компаньонъ приходитъ къ владѣльцу и говоритъ: падроне (или по здѣшнему выговору парронъ) мнѣ нужно поленты, чтобы кормить мою семью.—Вотъ вамъ полента, говоритъ владѣлецъ.—Приходитъ другой и говоритъ: парронъ, мнѣ нужно дровъ, потому что погода холодная, и черви перемрутъ, если не топить для нихъ.—Вотъ вамъ дрова, говоритъ владѣлецъ:—Опять приходитъ третій и проситъ денегъ заплатить людямъ, которые обрываютъ и переносятъ къ червямъ листья съ деревъ, и получаетъ одну или двѣ мѣдныхъ монеты отъ владѣльца. Такъ все и идетъ, и владѣлецъ долженъ нести самъ всѣ издержки производства. Приходитъ galette, сборъ коконовъ,—и вотъ тебѣ! — коконы не сотканы червями: владѣлецъ—мало того, что не получилъ шелку, онъ долженъ еще платить подати, а въ придачу пропали даромъ и дрова, и полента, и деньги».

«Этотъ очеркъ нѣсколько объясняетъ расположеніе умовъ ломбардскаго сельскаго населенія, и показываетъ, почему поселяне въ равнинахъ до сихъ поръ оставались довольно равнодушны къ дѣлу удаленія австрійцевъ. Они только поставляли

Digitized by Google

рекрутъ, да платили косвенные налоги на соли и табакѣ, а кромѣ того не платили ничего. Подобно сельскому населенію въ другихъ странахъ, они не поднялись до идей выше мыслей о ѣдѣ, питьѣ, пріумноженіи человѣческаго рода и смерти. Смѣшно было бы ожидать отъ нихъ энтузіазма безъ предложенія имъ какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью новое правительство рѣшило сдѣлать значительное пониженіе въ цѣнѣ соли, надѣясь, и быть можетъ не безъ основанія, пріобрѣсти расположеніе сельскаго населенія въ равнинахъ. Въ горахъ, гдѣ больше мелкихъ собственниковъ и гдѣ стало-быть карманъ народа страдаетъ отъ тяжелой поземельной подати, наложенной австрійскимъ правительствомъ, поселянинъ такъ же сильно желаетъ низверженія австрійскаго правительства, какъ по всей Ломбардіи желаютъ этого высшіе классы горожанъ».

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ слѣдующіе факты: поселяне въ Ломбардіи не понимали, что австрійцы поддерживали невыгодныя для нихъ поземельныя отношенія, и обременяя землевладѣльцевъ налогами, служили истинными виновниками ихъ бѣдности; но они жили бѣдно, будучи въ совершенной зависимости отъ землевладѣльцевъ, и если желали перемѣнъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Сардинское правительство ничего не сдѣлало и по этому вопросу. Итакъ поселяне, не понимавшіе, что должны винить за свою бѣдность австрійцевъ, не получили причинъ быть расположенными къ сардинцамъ больше, нежели къ австрійцамъ. Высшіе классы и горожане, чувствовавшіе австрійское угнетеніе, не получили облегченій отъ Сардиніи; поселяне, не имѣвшіе ненависти къ австрійцамъ, оставлены въ прежнемъ положеніи.

Теперь читатель видитъ, почему мы, сказавъ въ началѣ статьи, что въ каждой западно-европейской націи существуютъ двѣ основы раздѣленія на партіи,—матеріальныя отношенія и политическія потребности, говорили потомъ только о трехъ партіяхъ, возникающихъ изъ разногласія въ политическихъ стремленіяхъ, не упоминая о четвертомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ массы народа, которая равнодушна къ понятіямъ реакціи, модерантизма и политическаго революціонерства, и носитъ въ себѣ только недовольство чисто матеріальными отношеніями извѣстнаго порядка вещей. Эта темная, почти нѣмая, почти мертвая въ обыкновенныя времена масса не играетъ роли въ нынѣшнихъ итальянскихъ событіяхъ, какъ не играетъ и въ большей части другихъ политическихъ дѣлъ Западной Европы. Глухія, нѣмыя стремленія этой массы такъ не похожи на историческія стремленія друзей реформы въ образованныхъ сословіяхъ, что модерантисты никогда, и даже революціонеры очень рѣдко отваживаются прямо опираться на удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, и масса, не находя въ ихъ программахъ соотвѣтствія съ своими мыслями, остается обыкновенно равнодушна къ реформаторамъ; мало того, она даже обыкновенно имѣетъ расположеніе проникаться нелюбовью къ нимъ, досадою на нихъ за то, что въ общественной тишинѣ, доставляющей ежедневное скудное пропитаніе массѣ, реформаторскія партіи производятъ нарушеніе для цѣлей, не кажущихся достаточно благотворными для массы. Оставаясь равнодушна къ реформаторамъ, не видя въ ихъ дѣлѣ своего дѣла, масса даже предается въ руки реакціонеровъ, которые по крайней мѣрѣ обѣщаются охранять внѣшній порядокъ, дающій массѣ насущный скудный хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ....

Digitized by Google

Такъ было и въ Италіи. Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства,—эти земли вмѣстѣ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 милліоновъ людей? Пошлите противъ нихъ хотя милліонъ солдатъ, и тысячи человѣкъ изъ этого милліона не возвратятся на родину.... Но гдѣ же въ Италіи было участіе массы? Дѣйствовали образованныя сословія да нѣкоторые классы горожанъ, то есть горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиною милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрогивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы— ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: „пусть раздѣлываются между собою, какъ знаютъ, это не наше дѣло: о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы, — что же намъ-то хлопотать о нихъ?"...

Да, — это мы видимъ теперь, — страшная судьба ждетъ патріотовъ Италіи. Каковы бы ни были правительства, ими низвергнутыя, прежнія гоненія будутъ ничтожны передъ мщеніемъ, которому подвергнутся образованные классы отъ реставраціи. Тоскана, Парма, Модена долго будутъ доставлять газетамъ матеріалы для пошлыхъ, глупыхъ филиппикъ противъ жестокостей реакціи, какъ будто бы реакція можетъ обходиться безъ крутыхъ средствъ!.. Что будетъ въ Италіи дѣлаться возстановленными правительствами, можемъ мы знать по примѣру, который дало папское правительство въ Перуджіи.

Мы не возьмемъ на себя обязанности разсказывать перуджіанское дѣло, происходившее передъ сольферинскою битвою; ограничимся выпискою изъ газеты, которую никто не заподозритъ въ преувеличеніи фактовъ съ неблагонамѣренною цѣлью, и переводомъ письма, присланнаго въ „Times" американцемъ, который самъ былъ очевидцемъ подвиговъ торжествующей реакціи. Вотъ это письмо, изъ котораго Европа впервые узнала о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Перуджіи, увлекшейся нечестивыми либеральными наклонностями:

«Флоренція, 25 іюня».

«Считаю обязанностью очевидца извѣстить васъ о свирѣпостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ Перуджіи 20 (8) числа нынѣшняго мѣсяца (іюня), когда швейцарскія войска послѣ форсированнаго марша успѣли вступить въ этотъ городъ, одолѣвъ храброе сопротивленіе жителей, которые въ предъидущій вторникъ (14—2 іюля) мирно, но твердо и единодушно возстали противъ легата и принудили его съ немногочисленными папскими солдатами, бывшими въ Перуджіи, оставить ихъ городъ.

«Во всю эту недѣлю были слухи. что правительство послало изъ Рима два полка; но телеграфъ молчалъ. Горожане составили изъ себя національную гвардію, собрали оружіе и загородили ворота св. Петра, находящіяся въ концѣ той улицы, гдѣ стоитъ Hôtel de France, въ которомъ жилъ я съ моимъ семействомъ.

«Насъ увѣряли, что мы будемъ за нѣсколько часовъ предупреждены о приближеніи войскъ; но они шли день и ночь проселочными дорогами, не проходя ни черезъ одинъ городъ, стоящій на обыкновенной дорогѣ, такъ что совершенно неожиданно явились подъ стѣнами города и перелѣзли черезъ нихъ.

Digitized by Google

«Они требовали покорности, но горожане, страдавшіе отъ несправедливостей, о которыхъ вы такъ часто и хорошо говорили Европѣ, отвѣчали съ твердостью, какую давала имъ великая надежда, что ихъ груди будутъ вторымъ оплотомъ противъ войскъ.

«Тогда была сдѣлана самая бѣшеная и, разумѣется, успѣшная атака на иррегулярное и необученное войско горожанъ; полтора часа непрерывно продолжалась перестрѣлка у воротъ.

«Солдатъ гнали къ Перуджіи день и ночь, выдавая имъ очень мало пищи; пятеро или шестеро изъ нихъ умерли на дорогѣ. Прибывши въ маленькую деревню близь Santa Maria degli Angeli (около города Ассизи), гдѣ они, вѣроятно, въ первый разъ выступили на большую дорогу, они вошли въ дома и принудили жителей отдать имъ все вино, какое было въ деревнѣ, такъ что къ Перуджіи пришли они пьяные, обезумѣвшіе отъ вина и усталости... Какъ прискорбно, что швейцарцы могутъ наниматься на совершеніе такихъ злодѣйствъ,—злодѣйствъ, говорю я, потому что, вошедши въ городъ, они стали дѣйствовать, какъ убійцы. Они входили въ дома, стрѣляли направо и налѣво въ лавки и въ дома, и часа черезъ два, послѣ начала атаки, мы услышали, что они выламываютъ двери нашего отеля, потомъ услышали мы выстрѣлы въ домѣ, хотя хозяинъ отеля былъ безоруженъ, оставался нейтральнымъ и не оказывалъ никакого сопротивленія. У дверей они застрѣлили двухъ служителей, кричавшихъ имъ, что это гостинница. По свирѣпымъ крикамъ и выстрѣламъ узнавъ, что намъ грозитъ большая опасность, всѣ мы ушли въ заднюю комнату во второмъ этажѣ; когда бѣшеные солдаты стали приближаться къ ней, мы спрятались въ длинный узкій чуланъ, въ концѣ котораго поставили хозяйку дома, ея мать и одну изъ служанокъ. Наше семейство состояло изъ одного мужчины, четырехъ женщинъ и съ ними было двое слугъ, такъ что всего 10 человѣкъ забились въ эту клѣтку, имѣвшую не болѣе двухъ футовъ ширины. Мы приготовлялись къ смерти. Прошло десять минутъ мучительной неизвѣстности, и солдаты вошли въ комнату; отворивъ дверь чулана, они направили въ нее штыки; три раза они грозили намъ; они походили на дикихъ звѣрей. Мы всѣ кричали по-итальянски: «мы американцы, иностранцы...» Одна изъ дамъ упала на колѣни и штыкъ былъ устремленъ на нее, когда сердце одного изъ швейцарцевъ смягчилось: онъ бросился впередъ съ крикомъ: «стыдно убивать женщинъ», сталъ между нами и своими товарищами, помогъ намъ укротить ихъ, увѣряя, что мы отдадимъ все, что у насъ есть. Взявъ наши часы и бывшія съ нами деньги, они ушли изъ комнаты. Добрый солдатъ, Конрадъ, сказалъ, что будетъ защищать насъ и что его товарищи обезумѣли отъ вина, утомленія и голода. Полчаса прошло спокойно; потомъ мы услышали, что бѣгаетъ по дому другая толпа; въ ту самую минуту, когда они были готовы ворваться въ нашу комнату, добрый солдатъ, которому мы были обязаны жизнью, вбѣжалъ въ другую дверь, съ крикомъ: «прячьтесь, прячьтесь! въ чуланъ, въ чуланъ!»—и опять мы спрятались на цѣлый часъ.

«Солдаты совершенно опустошили домъ. Они убили хозяина дома (человѣка безоружнаго, старавшагося успокоить ихъ) передъ тою комнатою, гдѣ мы были, и убили его самымъ жестокимъ образомъ. Въ цѣломъ городѣ совершались убійства. Одному изъ солдатъ помѣшалъ заколоть штыкомъ двухъ женщинъ его товарищъ, который боролся съ нимъ, пока женщины убѣжали къ намъ.

«Два раза мы должны были возвращаться въ нашъ чуланъ. До 9 часовъ солдатамъ было дано грабить и опустошать городъ. Между прочимъ, они убили бѣднаго малютку за то, что на него была надѣта его матерью итальянская кокарда. Они убили семь женщинъ... Многіе изъ жителей разорены. Въ нашемъ отелѣ (Hotel de France) не осталось ни одной цѣлой вещи: столы, стулья, зеркала,—все изломано и разбито въ мелкіе куски. Наши чемоданы были разломаны и все изъ нихъ взято. Потерявши все, мы едва спасли свою жизнь, благодаря нашимъ паспортамъ, которые по счастію были у меня въ карманѣ: намъ было дозволено уѣхать изъ города,—города смерти, по улицамъ котораго, когда мы уѣзжали на другой день поутру, лежали трупы».

А вотъ и выписка изъ „Journal des Débats“, который, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ чернить охранителей порядка:

Digitized by Google

«Извѣстно, что вся Романья, многіе города маркграфства и нѣкоторые города Умбріи объявили себя въ пользу войны за независимость. Движеніе повсюду имѣло одинаковый характеръ. Граждане, самые почтенные по знатности, богатству или личнымъ достоинствамъ, объявляли легату или делегату, что лучше будетъ ему удалиться, потому что городъ рѣшился помогать своими деньгами и силою своихъ молодыхъ людей войнѣ, которую ведутъ союзники противъ австрійцевъ. Повсюду делегаты удалялись безъ сопротивленія.

«Юнты, составлявшіяся изъ самыхъ почетныхъ людей въ каждомъ городѣ, немедленно учреждались и первымъ ихъ дѣломъ было посылать депутатовъ въ монастыри, коллегіумы, воспитательные домы іезуитовъ и другихъ орденовъ—увѣрить эти корпораціи, что всѣ онѣ могутъ быть совершенно спокойны за свое существованіе и свою собственность, что движеніе имѣло исключительно народный итальянскій характеръ а вовсе не характеръ революціи.

«Перуджія—самый близкій къ Риму изъ городовъ, въ которыхъ обнаружилось это движеніе. Правительство рѣшилось возвратить ее къ повиновенію. «Римская газета», три дня тому назадъ (21 іюня новаго стиля), извѣстила насъ, что городъ покоренъ и г. полковникъ Шмидтъ произведенъ въ генералы за услуги, оказанныя при этомъ дѣлѣ. Намъ очень непріятно, но мы должны сообщить подробности этого покоренія. Было послано 1,000 человѣкъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, которые называются швейцарцами, но въ сущности состоятъ изъ людей всякихъ націй, особенно изъ нѣмцевъ; къ нимъ въ Фулиньи присоединилось нѣсколько карабинеровъ,—этотъ корпусъ назначенъ быть жандармами, но состоитъ изъ грабителей. Присоединили къ нимъ еще нѣсколько ротъ обыкновеннаго папскаго войска, и полковникъ Шмидтъ, набравъ такимъ образомъ до 2,500 человѣкъ солдатъ, явился передъ Перуджіею.

На требованіе сдаться, муниципальная юнта отвѣчала просьбою дать ей нѣсколько часовъ времени для успокоенія особенно горячихъ людей и принятія нужныхъ мѣръ. Поста, секретарь юнты, пошелъ въ лагерь просить этой отсрочки, передъ нимъ несли бѣлое парламентское знамя. Едва только вышедши за городскія ворота, онъ упалъ пораженный шестью пулями. Потомъ были убиты четыре сына его, и мы слышали, что мать ихъ сошла съ ума. Въ одну минуту ядра разбили ворота, и войска ворвались въ предмѣстье св. Петра. Тутъ было убито 70 человѣкъ, множество другихъ ранено, начался грабежъ, и солдаты зажгли городъ. Изъ монастыря Бенедиктинцевъ было взято 14,000 скуди (21,000 р.). Въ семействахъ Темперини, Самтаремси, Таббакони, Бельцуни почти всѣ были перерѣзаны, даже маленькія дѣти. Изъ комнатъ, гдѣ хотѣли укрыться эти несчастные, всѣ дорогія вещи и все серебро взяли солдаты.

«Магдалена Темперини, богатая и уважаемая дама, была убита въ своей спальнѣ. Ирена Джоя Полидори, модистка, была убита. Въ Hotel de France, американецъ, жившій съ своимъ семействомъ.... (слѣдуютъ подробности, которыя мы уже знали изъ его письма).

«Послѣ такой побѣды, городъ немедленно былъ подвергнутъ всей строгости жесточайшихъ военныхъ законовъ, и было велѣно два дня иллюминовать его. Солдаты были роскошно угощаемы на счетъ города и стали получать по три паоли въ день; на городскую общину была наложена контрибуція въ 231,000 франковъ и на одного изъ членовъ юнты, г. Гуардабали, штрафъ въ 107,000 франковъ.

«У инсургентовъ было только 80 ружей.

«Вчера (23 іюня н. с.) было здѣсь (въ Римѣ) большое торжество»

Вотъ еще отрывокъ изъ письма корреспондента „Indépendance Belge“:

«Списокъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Перуджіи, слишкомъ длиненъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«У модистки Серри, солдаты ранили или убили восемь дѣвушекъ и ребенка, которые на колѣняхъ умоляли о пощадѣ.

Digitized by Google

«Въ домѣ г. Лагарини убиты его жена, теща и ребенокъ.

«Въ домѣ табачнаго купца Франчески, убита штыками въ постели больная женщина.

«У г. Темперини взято 2,000 скуди.

«Въ домѣ г. Сальватори убиты два служителя.

«Привожу только немногіе факты. Не могу упомянуть объ одномъ совершенно оригинальномъ.

«Между разными монастырями, существуетъ вражда. Доминиканскіе монахи, помогавшіе солдатамъ войти въ городъ, обратили ихъ ярость на монастырь св. Петра, который называли пристанищемъ мацциниетовъ. Солдаты убили одного изъ монаховъ и ранили нѣсколькихъ другихъ.»

Само собою разумѣется, что всѣми наивными людьми, никакъ не понимающими условій и натуры реакцій, овладѣло странное негодованіе при такихъ извѣстіяхъ, но папское правительство, пославъ свое благословеніе храбрымъ побѣдителямъ Перуджіи (защитники которой, какъ мы видѣли, имѣли только 80 ружей) и наградивъ генеральскимъ чиномъ ихъ командира, очень основательно объявило въ „Римской Газетѣ“, что очень глупо поступаютъ люди, удивляющіеся совершившимся въ Перуджіи фактамъ, какъ чему-то необыкновеному, что напротивъ, иначе никогда не бываетъ и не можетъ быть. Мы не судимъ о томъ, до какой степени хорошо или дурно рѣзать дѣвушекъ, дѣтей и больныхъ женщинъ, но должны признаться, что папское правительство понимаетъ характеръ своего положенія и неизбѣжные способы своего дѣйствія гораздо вѣрнѣе нежели тѣ наивные люди, которые удивляются перуджіанскимъ событіямъ и въ своемъ простодушіи даже требуютъ, чтобы подобныхъ вещей не совершалось. Напротивъ, мы совершенно убѣждены, что „иначе не бываетъ и быть не можетъ“, и что участь, постигнувшая Перуджію, служитъ только указаніемъ на судьбу всѣхъ остальныхъ возстававшихъ противъ законнаго правительства городовъ въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Легатствахъ.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ невозможно избѣжать подобной судьбы итальянскимъ патріотамъ? спроситъ иной простодушный человѣкъ. Теперь — нѣтъ, невозможно, потому что дѣло уже кончено, судьба ихъ была рѣшена съ той минуты, какъ итальянскіе либералы, вмѣсто того чтобы искать единственной вѣрной опоры себѣ въ массѣ своихъ соотечественниковъ, предали себя во власть иноземному реакціонному союзнику. Но они, если захотятъ, могутъ извлечь изъ нынѣшнихъ событій урокъ, воспользовавшись которымъ могутъ предохранить себя отъ неудачъ на слѣдующее время. Нашъ выводъ, само собою разумѣется, относится только къ итальянцамъ и ни къ кому другому. Вотъ онъ:

Либералы (разумѣется, въ Италіи) безсильны противъ реакціонеровъ, если остаются съ однѣми своими силами, потому что либерализмъ понятенъ только образованнымъ людямъ, стало быть имѣетъ своими приверженцами только горсть людей по сравненію съ массою населенія. Эта масса имѣетъ стремленія, въ сущности одинаковыя съ желаніями послѣдовательныхъ либераловъ, у которыхъ либерализмъ состоитъ не въ однихъ словахъ, а въ стремленіи къ важнымъ реформамъ, и которые могутъ сообразить, чего хотятъ, а не повторяютъ пустыя звонкія фразы безъ понятій въ ихъ смыслѣ.

Digitized by Google

Но то, чего хочетъ масса, гораздо обширнѣе реформъ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себѣ образованныя сословія (просимъ не забывать, что мы говоримъ собственно только объ Италіи). Масса хочетъ коренныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ. Обыкновенно либералы забываютъ объ этой потребности (модерантисты забываютъ всегда, или если помнятъ, то враждебны ей; революціонеры очень часто также упускаютъ изъ виду матеріальную сторону вопроса, слишкомъ занимаясь идеальною или политическою стороною) и потому масса остается холодна къ нимъ и продолжаетъ по своей апатіи давать реакціонерамъ средства къ подавленію либераловъ (въ Италіи). Итакъ, разъ навсегда, либералы, должны разсудить: въ состояніи ли они сочувствовать потребностямъ массы принять эти потребности въ свою программу безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, въ той самой формѣ, въ какой можетъ удовлетвориться перемѣнами масса. Если нѣтъ, если потребности массы (въ Италіи, коренное измѣненіе отношеній труда къ капиталу и въ особенности поземельныхъ отношеній) кажутся либераламъ несправедливыми или неудобоудовлетворяемыми, то пусть либералы сидятъ тихо и молча, потому что безъ возбужденія энтузіазма къ движенію въ массѣ движеніе не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ гибели либераловъ отъ торжествующей и мстительной реакціи (въ Италіи, само собою разумѣется).

Digitized by Google

Сентябрь 1859.

Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи.

12-го сентября.

Два мѣсяца тому назадъ, значеніе трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ, казалось ясно для всѣхъ. Съ перваго же взгляда на условія, принятыя побѣдоноснымъ императоромъ французовъ отъ побѣжденнаго австрійскаго императора [1]), каждый видѣлъ, что цѣлью императора французовъ было явиться милостивымъ покровителемъ Австріи, спасителемъ ея отъ разрушителей, въ добычу которымъ онъ могъ предать ее, — каждый видѣлъ, что своею великодушною готовностью на миръ, слишкомъ выгодный для Австріи, онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ дружбу этой державы, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ опираться на тѣсный союзъ съ нею. Это казалось ясно для всѣхъ. Но вотъ, теперь многіе возвращаются къ мнѣнію, совершенно было исчезнувшему изъ всѣхъ умовъ въ первые дни послѣ Виллафранкскаго мира, къ мнѣнію, что цѣлью войны со стороны императора французовъ не было простое желаніе заставить Австрію смириться передъ его могуществомъ и быть послушною союзницею его. Многимъ изъ людей, думавшихъ нѣкогда, что война начата имъ для пріобрѣтенія независимости итальянцамъ, снова представляется теперь, что Наполеонъ III дѣйствительно хотѣлъ и хочетъ быть покровителемъ итальянской независимости. Это новое колебаніе общественнаго мнѣнія произведено неожиданнымъ развитіемъ дѣлъ въ центральной Италіи. Оптимисты увѣрены теперь, что Тоскана, Модена и Парма успѣютъ осуществить свое желаніе присоединиться къ Піэмонту; они надѣются даже, что подобное присоединеніе будетъ дозволено и римскимъ легатствамъ, и такимъ образомъ возникнетъ въ сѣверной Италіи довольно могущественное государство, которое, имѣя около 14.000,000 жителей, въ состояніи будетъ служить самостоятельнымъ и

[1]) Теперь извѣстно, что императоръ французовъ не только предложилъ первый императору австрійскому заключить миръ, но и простеръ свою снисходительность до того, что согласился принять тѣ условія мира, которыя были составлены австрійцами, нимало не оскорбившись тѣмъ, что они два раза отвергали условія, предлагавшіяся имъ отъ него.

Digitized by Google

прочнымъ оплотомъ Италіи отъ иноземнаго господства. Не сомнѣваясь въ такомъ исходѣ дѣла, оптимисты предполагаютъ, что онъ не чуждъ намѣреніямъ императора французовъ, который, по ихъ мнѣнію, предвидѣлъ его при заключеніи Виллафранкскаго мира, содѣйствовалъ потомъ подъ рукою развитію національнаго движенія въ центральной Италіи и, когда будетъ нужно, объявитъ себя защитникомъ желаній Тосканы, Модены, Пармы и римскихъ легатствъ противъ всякаго вмѣшательства Австріи и какихъ бы то ни было другихъ державъ, не столь расположенныхъ къ упроченію итальянской независимости, какъ онъ, ея великодушный основатель.

Не находя до сихъ поръ, что запутанныя отношенія, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о судьбѣ центральной Италіи, достигли такого развитія, чтобы можно было съ достовѣрностью предвидѣть исходъ дѣла, мы не отваживаемся утверждать, чтобы надежды оптимистовъ были основательны и не беремся, подобно этимъ благороднымъ людямъ, столько разъ уже обманывавшимся, предсказывать будущее прекрасное и радостное. Мы рѣшительно еще не знаемъ, чѣмъ кончится дѣло, и ограничимся пока только изложеніемъ фактовъ, не дѣлая предвѣщаній о томъ, къ чему приведутъ они. Но уже и теперь мы имѣемъ доказательства тому, что нѣкоторыя изъ гипотезъ, внушающихъ свѣтлыя надежды оптимистамъ, совершенно неосновательны.

Во-первыхъ, они полагаютъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира императоръ французовъ предвидѣлъ тотъ оборотъ, какой приняли теперь дѣла въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и Легатствахъ. Такое мнѣніе можетъ основываться только на незнакомствѣ съ положеніемъ этихъ странъ около времени когда былъ заключенъ миръ. Было бы, слишкомъ долго припоминать исторію движенія во всѣхъ этихъ четырехъ областяхъ до начала іюля, и довольно будетъ обратить вниманіе читателя только на состояніе, какое представляли тогда легатства и Тоскана: Модена и Парма такъ незначительны сами по себѣ, что ходъ дѣлъ въ нихъ совершенно зависѣлъ отъ опоры, какую могли находить онѣ въ Легатствахъ и Тосканѣ.

Тоскана въ концѣ апрѣля возстала съ мыслью о единомъ итальянскомъ государствѣ, въ жертву которому хотѣла принести свою самостоятельность. Но съ перваго же разу Кавуръ принужденъ былъ отвергнуть ея просьбу о присоединеніи къ Піэмонту; это поколебало въ тосканцахъ мысль о томъ, что союзникъ, господствовавшій надъ сардинскою политикою, дозволитъ Сардиніи и Тосканѣ слиться въ одно государство. Энтузіазмъ охладѣлъ съ ослабленіемъ надежды, и въ Тосканѣ сталъ быстро воскресать партикуляризмъ, на время умолкавшій передъ порывомъ патріотизма. Многія обстоятельства, произведенныя вліяніемъ французской политики, содѣйствовали оживленію этого стариннаго стремленія сохранить свою самостоятельность. Укажемъ только на присылку въ Тоскану принца Наполеона,—его появленіе было принято за предвѣстіе намѣренія превратить западную часть центральной Италіи въ отдѣльное королевство; укажемъ также на то, что правительственная власть надъ Тосканою была передана людямъ, оказавшимся представителями партикуляризма. Такимъ образомъ въ концѣ іюня, около времени Сольферинской битвы, партія національнаго единства, желавшая присоединенія къ Піэмонту,

Digitized by Google

была въ Тосканѣ и устранена отъ вліянія на дѣла и убита духомъ. Надобно прибавить, что временное правительство отличалось отсутствіемъ всякой энергіи, не принимало никакихъ мѣръ для образованія силы, на которую могло бы опереться, если бы вздумало противиться иностранному вліянію, и даже допустило уже существовавшимъ войскамъ терять всякую энергію отъ праздности и распущенности. Тосканская армія разслабѣла, деморализировалась. Мало того: временное правительство даже отдало все свое войско въ руки французовъ, которые увели его далеко за границы Тосканы. Обо всемъ этомъ мы подробно говорили много разъ. Такимъ образомъ, во время заключенія Виллафранкскаго мира Тоскана казалась доведенною до того, что не могла энергически потребовать присоединенія къ Піэмонту,—напротивъ казалось, что она очень рада будетъ сохранить свою отдѣльность, а во всякомъ случаѣ она была совершенно лишена всякихъ силъ къ сопротивленію иностраннымъ приказаніямъ, оставшись рѣшительно безъ всякаго войска и имѣя такое правительство, которое лишено было способности къ энергическимъ мѣрамъ. Каждый, знавшій тогдашнее положеніе Тосканы, былъ увѣренъ, что она безмолвно покорится судьбѣ, какая будетъ ей предписана волею другихъ.

Еще меньше можно было разсчитывать на силу національныхъ стремленій въ Легатствахъ. Возстаніе тамъ только еще начиналось; въ началѣ іюля оно еще лишено было всякаго единства, всякой организаціи, представлялось только рядомъ слабыхъ попытокъ, лишенныхъ прочной связи между собою. Войскъ эти города рѣшительно не имѣли тогда никакихъ. Примѣръ Перуджіи, которая не имѣла для своей защиты ни одного солдата и защитники которой нашли только 80 ружей для борьбы противъ папскихъ наемниковъ,—примѣръ Перуджіи слишкомъ хорошо показывалъ, какъ велика сила сопротивленія, которою располагали Легатства въ началѣ іюля.

Словомъ сказать, вся центральная Италія при заключеніи Виллафранкскаго мира представлялась страною, совершенно лишенною всякихъ залоговъ энергическаго сопротивленія чужимъ предписаніямъ. Въ однихъ областяхъ ея возстаніе еще не имѣло времени организироваться, въ другихъ было уже разслаблено вліяніемъ политики, поддерживавшей партикуляризмъ и мѣшавшей развитію надеждъ на присоединеніе къ Піэмонту. Нечего и говорить о томъ, что четыре области, которыя по Виллафранкскимъ условіямъ должны были возвратиться къ повиновенію прежнимъ правительствамъ, не успѣли еще установить никакой связи между собою: Парма, Модена, Тоскана, Легатства— каждое изъ этихъ владѣній оставалось предоставлено только собственнымъ силамъ, не находилось еще ни въ какомъ союзѣ съ другими.

Послѣ этого, человѣкъ положительный, каковъ императоръ французовъ, могъ ли ожидать, чтобы области центральной Италіи выказали какую нибудь самостоятельность, лишившись всякой посторонней опоры? Нѣтъ, онъ ожидалъ, что онѣ, слишкомъ хорошо сознавая свое безсиліе, спокойно примутъ ту участь, которая была подготовлена для нихъ Виллафранкскимъ миромъ. Дѣйствительно, упрямство ихъ представлялось безумствомъ, невозможностью; нельзя было не ожидать, что низвергнутыя правительства возстановятся безъ всякаго затрудненія. Самая форма, въ которой выражено было согласіе императора французовъ на это желаніе императора австрійскаго при составленіи Виллафранкскаго

Digitized by Google

трактата, свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи въ легкости дѣла: трактатъ просто говорилъ: „великій герцогъ Тосканскіи и герцогъ Моденскій возвращаются въ свои владѣнія“,—тогда не считали нужнымъ и опредѣлять средствъ, которыми должно быть произведено ихъ возвращеніе: казалось, что оно совершится само собою, одною силою словеснаго распоряженія со стороны Франціи и Австріи.

И положеніе дѣлъ въ инсуррективовавшихъ странахъ, и легкость съ какою предполагали примиряющіеся императоры возстановить низвергнутыя правительства, свидѣтельствуетъ объ ошибочности той гипотезы оптимистовъ, по которой представляется, будто бы императоръ французовъ при заключеніи Виллафранкскихъ условій предусматривалъ оборотъ, какой приняли послѣ того дѣла центральной Италіи. Послѣ этого сама собою должна оказываться лишенною всякаго основанія и та гипотеза, по которой онъ будто бы хотѣлъ тогда быть защитникомъ этихъ земель отъ иноземнаго вмѣшательства: Виллафранкскій договоръ своимъ молчаніемъ объ этомъ вопросѣ слишкомъ ясно показываетъ, что въ то время объ немъ и не думали; казалось достаточнымъ, что императоръ французовъ повелѣвалъ инсуррективовавшимъ областямъ возвратиться къ повиновенію: Тоскана, Модена, Парма были окружены французскими войсками; войска эти должны были проходить черезъ нихъ для своего возвращенія во Францію; нѣсколько дивизій должны были остановиться въ нихъ на довольно долгое время. Эти распоряженія, слишкомъ хорошо показывавшія инсургентамъ необходимость исполнить волю могущественнаго союзника, считались очень достаточными залогами безпрекословнаго возстановленія низвергнутыхъ провинцій.

Мы излагаемъ факты, изъ которыхъ съ положительною достовѣрностью можно заключать о намѣреніяхъ, какія имѣлъ императоръ французовъ относительно центральной Италіи при заключеніи Виллафранкскаго мира,—можно видѣть, что онъ не хотѣлъ тогда коварствовать относительно австрійскаго своего союзника, напротивъ поступалъ съ нимъ искренно и давалъ ему обѣщанія добросовѣстно, имѣя въ виду не обманывать его фальшивыми обязательствами, а дѣйствительно пріобрѣсть солидныя права на его дружбу исполненіемъ его желаній. Факты очевидно доказываютъ это; но есть доказательство, еще болѣе прямое—это собственное свидѣтельство императора французовъ, данное при такихъ обстоятельствахъ, которыя отнимаютъ всякую возможность заподозривать его искренность. Черезъ два мѣсяца по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда стало очевидно, что безъ иноземнаго вооруженнаго вмѣшательства низвергнутыя правительства центральной Италіи не могутъ быть возстановлены, когда итальянскіе и французскіе либералы стали утверждать, что императоръ французовъ предвидѣлъ это и обманулъ Австрію, когда они, въ своемъ либеральномъ увлеченіи забывая о правилахъ политической добросовѣстности, стали превозносить его за этотъ предполагаемый макіавеллизмъ,—императоръ французовъ торжественно отвергъ ихъ похвалы и подробно объяснилъ, что поступалъ съ Австріею искренно, какъ слѣдуетъ истинному другу. Статья объ этомъ предметѣ, присланная лично имъ самимъ въ Монитеръ (9 сентября н. ст.), не оставляетъ никакой возможности сомнѣваться въ искренности его согласія на возстановленіе низвергнутыхъ

Digitized by Google

вительствъ, при заключеніи Виллафранкскаго договора. Во-первыхъ, какъ мы сказали, она отвергаетъ похвалы, которыми его превозносили неосновательные люди, и конечно, ничто, кромѣ потребности высказать истину, не могло бы заставить императора французовъ отказаться отъ славнаго ореола изумительной предусмотрительности и геніальной дипломатической ловкости, которымъ его начали было снова окружать либералы. Во вторыхъ, самое содержаніе торжественнаго объясненія своихъ тогдашнихъ намѣреній, имъ обнародованное теперь, носитъ на себѣ печать внутренней несомнѣнной достовѣрности: все въ этомъ объясненіи такъ естественно, такъ сообразно съ извѣстными публикѣ фактами, что не видѣть безусловной правдивости его можетъ развѣ тотъ, кто не слѣдилъ за подробностями событій, ознаменовавшихъ собою заключеніе Виллафранкскихъ условій. Мы приведемъ вполнѣ этотъ драгоцѣнный документъ, являющійся въ нашихъ глазахъ прекраснѣйшимъ примѣромъ рѣдкой въ дипломатическихъ актахъ правдивости. Читатель, слѣдившій за нашими прежними статьями, самъ увидитъ, какъ прекрасно подтверждаются увѣренія импертгора Наполеона всѣми фактами, какіе сообщали мы прежде. Просимъ только читателя не забывать, что мы хвалимъ статью Монитера собственно какъ изложеніе мыслей императора французовъ, а не какъ историческій разсказъ о внѣшнихъ фактахъ. Читатель знаетъ, что на факты можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, и мы теперь говоримъ не о томъ, справедлива ли была точка зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нихъ императоръ французовъ, а только о томъ, что его точка зрѣнія изложена въ этой статьѣ съ чрезвычайною искренностью. Мы пользуемся, съ немногими исправленіями, переводомъ, который представленъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“.

«Когда факты говорятъ сами за себя, то съ перваго взгляда кажется безполезнымъ объяснять ихъ. Однако, если страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи, то бываетъ необходимо возстановить ихъ характеръ, для того, чтобы каждый могъ съ знаніемъ дѣла оцѣнить ходъ событій».

Уже это вступленіе предвѣщаетъ, что хитросплетенныя гипотезы либеральныхъ оптимистовъ лишены всякаго основанія: „страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи“—итакъ, образъ дѣйствій императора французовъ можетъ быть вѣрно объясненъ только самымъ простымъ образомъ; а простѣйшее объясненіе уже извѣстно нашимъ читателямъ: императору Наполеону справедливо казалось, что дружба съ Австріею болѣе соотвѣтствуетъ его политическимъ принципамъ и гораздо выгоднѣе для него, нежели дружба съ графомъ Кавуромъ и тому подобными либералами, съ мечтателями и революціонерами; потому онъ заключилъ Виллафранкскій миръ, чтобы избавиться отъ союза съ опасными либеральными принципами и пріобрѣсть дружбу государства, политическія потребности котораго сходны съ его собственными.

«Въ минувшемъ іюлѣ, когда франко-сардинская и австрійская арміи стояли одна противъ другой между Аддидже и Минчіо, вѣроятности успѣха были съ обѣихъ сторонъ почти равны; ибо если на сторонѣ франко-сардинской арміи было нравственное вліяніе достигнутыхъ успѣховъ, то австрійская армія была сильнѣе въ числительномъ отношеніи и опиралась не только на страшныя крѣпости, но и на всю Германію, готовую

Digitized by Google

по первому сигналу, принять ея сторону. Въ случаѣ, еслибъ такое предположеніе осуществилось, императоръ Наполеонъ былъ бы вынужденъ отозвать войска свои съ береговъ Адидже и направвить ихъ къ Рейну, а тогда итальянское дѣло, ради котораго была предпринята война, если не погибло бы, то по крайней мѣрѣ, подверглось бы большой опасности».

Этотъ параграфъ, показывающій точку зрѣнія, съ которой императоръ французовъ оправдываетъ вообще заключеніе Виллафранкскаго мира, не имѣетъ особенной важности, потому что тѣ же самыя мысли были уже изложены имъ въ рѣчи, которою онъ отвѣчалъ въ Сенъ-Клу на привѣтствія великихъ государственныхъ учрежденій. Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы подробно разбирали степень фактической достовѣрности этого воззрѣнія, и не находимъ надобности повторять здѣсь то, о чемъ довольно обширно говорили еще такъ недавно; тѣмъ менѣе нужды въ подобномъ повтореніи, что теперь насъ занимаютъ вовсе не факты, а только намѣренія императора французовъ относительно центральной Италіи, изложенныя самимъ императоромъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

«Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, императоръ призналъ выгоднымъ, во-первыхъ для Франціи, а во-вторыхъ и для Италіи, заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ програмой, которую онъ себѣ предначерталъ, и полезны дѣлу, которому онъ хотѣлъ служить».

Здѣсь для насъ очень пріятно видѣть, что императоръ Наполеонъ уже убѣдился, какъ мы предсказывали, въ сообразности условій Виллафранкскаго мира съ его программою. „Призналъ выгоднымъ заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программою“ и т. д.—это выраженіе опредѣлительно, тутъ нѣтъ оговорокъ объ отступленіи отъ программы, которыя были въ Сенъ-Клудской рѣчи; итакъ, теперь Наполеонъ, согласно съ нашимъ предсказаніемъ, самъ увидѣлъ, что напрасны были сомнѣнія относительно своей вѣрности своимъ обѣщаніямъ, которыя овладѣли было имъ въ первые дни по заключеніи Виллафранкскаго мира, подъ вліяніемъ ропота со стороны либераловъ,—ропота, который мы тогда же называли совершенно неосновательнымъ. Теперь, какъ мы видимъ, Наполеонъ III, успокоившись духомъ, согласился съ графомъ Морни, что условія мира совершенно выполняютъ его програму, и что ему не за что упрекать себя. Но далѣе начинается существенная часть объясненія, то есть изложеніе намѣреній самого автора статьи „Монитера“:

«Прежде всего необходимо было знать, уступитъ ли Австрія, на основаніи трактата, завоеванную землю, а во-вторыхъ, откажется ли она открыто отъ преобладанія, пріобрѣтеннаго ею на всемъ полуостровѣ, признаетъ ли начало итальянской народности, допустивъ федеративную систему, наконецъ, согласится ли даровать Венеціанской Области учрежденія, которыя бы сдѣлали изъ нея настоящую итальянскую провинцію.

«По первому пункту, австрійскій императоръ уступилъ безъ сопротивленія завоеванную землю, а по второму онъ обѣщалъ самыя значительныя уступки для Венеціанской Области, допустивъ при будущемъ ея устройствѣ положеніе Люксембурга въ отношеніи къ Германскому Союзу; но непремѣннымъ условіемъ этихъ уступокъ онъ призналъ возвращеніе въ свои владѣніи эрцгерцоговъ».

Digitized by Google

Итакъ, во-первыхъ, при переговорахъ не было сдѣлано даже и попытки требовать независимости для Венеціи,— рѣчь шла только о томъ, чтобы императоръ австрійскій измѣнилъ нѣкоторыя черты управленія этою областью. Во-вторыхъ, самъ Наполеонъ III уподобляетъ итальянскую конфедерацію, которую хотѣлъ основать, Германскому Союзу,—точно такъ мы и опредѣляли характеръ этой идеи при полученіи первыхъ извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ.

«Итакъ, вопросъ былъ опредѣленъ въ Виллафранкѣ весьма ясно: или императоръ не долженъ былъ ничего выговаривать для Венеціанской области и ограничиться преимуществами, какія пріобрѣлъ своимъ оружіемъ, или, для достиженія важныхъ уступокъ и признанія начала народности, онъ вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе эрцгерцоговъ. Образъ дѣйствій указывался ему здравымъ смысломъ, ибо дѣло шло о возвращеніи эрцгерцоговъ не при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, а, напротивъ того, съ серьезными гарантіями, вслѣдствіе свободной воли населеній, которымъ бы дали понять, какъ согласно это возвращеніе съ интересами великой итальянской отчизны».

Такимъ образомъ, мы положительно видимъ изъ словъ самого императора французовъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира онъ ожидалъ, что жители Тосканы и Модены безпрекословно примутъ своихъ прежнихъ герцоговъ, безъ противорѣчія подчинятся согласному требованію Франціи и Австріи. Тогда не предполагалось, чтобы эти области отважились готовиться къ вооруженному сопротивленію; реставрація представлялась дѣломъ легкимъ.

«Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, точное изложеніе виллафранкскихъ переговоровъ, и для всякаго безпристрастнаго человѣка очевидно, что императоръ Наполеонъ добился мирнымъ трактатомъ того же и, быть можетъ, больше, чѣмъ завоевалъ оружіемъ».

Итакъ, императоръ французовъ долженъ былъ ожидать, что Виллафранкскій миръ пробудитъ въ итальянцахъ столько же, если еще не больше, восторга, сколько маджентская и сольферинская побѣды: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь по его мнѣнію „для всякаго безпристрастнаго человѣка“ должно было казаться „очевидно“, что виллафранкскими переговорами доставлено Италіи столько же, если не больше, выгодъ, сколько и самыми побѣдами.

«Должно сознаться притомъ, что императоръ Наполеонъ не безъ глубокаго сочувствія увидѣлъ, какъ откровенно и рѣшительно императоръ Францъ-Іосифъ отказался, въ интересахъ европейскаго мира и изъ желанія возстановить добрыя сношенія съ Франціей, не только отъ одной изъ лучшихъ своихъ провинцій, но и отъ опасной, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ нелишенной славы политики, обезпечивавшей за Австріей владычество въ Италіи».

Итакъ, прекращеніе австрійскаго преобладанія въ Италіи представлялось императору французовъ не слѣдствіемъ необходимости, не неизбѣжнымъ результатомъ пораженій, которымъ подверглись австрійскія арміи, не цѣлью войны, а просто слѣдствіемъ великодушной уступчивости австрійскаго императора. Дѣйствительно, по этому и предшествующимъ параграфамъ, условія Виллафранкскаго договора являются не какъ неминуемыя послѣдствія историческихъ фактовъ, а просто какъ результаты дружелюбнаго расположенія австрійскаго

Digitized by Google

и французскаго императоровъ, которые изъ любезности другъ къ другу соглашаются на взаимныя пріятныя одолженія: „Вамъ было бы пріятно, чтобы я согласился на возстановленіе великаго герцога моденскаго“, говоритъ Наполеонъ III Францу-Іосифу:—„извольте, для васъ я готовъ сдѣлать это“.—„Вамъ было бы пріятно передать Ломбардію королю сардинскому“, говоритъ Францъ-Іосифъ Наполеону III:—„извольте, для васъ я готовъ на эту уступку; для васъ я готовъ также замѣнить прежнюю австрійскую политику въ Италіи новою политикою доброжелательства“.

«Дѣйствительно, еслибъ трактатъ былъ въ точности исполненъ, то Австрія переставала быть для полуострова враждебной и страшной державой, противодѣйствующей всѣмъ народнымъ стремленіямъ, отъ Пармы до Рима и отъ Флоренціи до Неаполя,—а дѣлалась, напротивъ того, державой дружественной, ибо она добровольно соглашалась не быть болѣе германскимъ государствомъ по сю сторону Альпійскихъ горъ, и сама развивать итальянскую народность до береговъ Адріатическаго моря».

Итакъ, Италія не должна была послѣ Виллафранкскаго трактата опасаться австрійскаго могущества—австрійцы въ Италіи обѣщались быть итальянцами; они хотѣли покровительствовать упроченію итальянской независимости. Условія Виллафранкскаго трактата совершенно измѣняли натуру австрійцевъ, нужно было только исполниться этимъ условіямъ, и Италія имѣла бы въ австрійцахъ самыхъ полезныхъ друзей и покровителей всѣмъ своимъ стремленіямъ.

«Судя по всему вышеизложенному, нетрудно понять, что еслибъ, послѣ мира Италія была ввѣрена людямъ, болѣе занятымъ будущностью общей отчизны, чѣмъ мелочными частными успѣхами, то цѣлью ихъ усилій было бы развивать, а не преграждать послѣдствія Виллафранскаго трактата. Дѣйствительно, самымъ простымъ и патріотическимъ образомъ дѣйствій было бы сказать Австріи: Вы желаете возвращенія эрцгерцоговъ? Хорошо; но въ такомъ случаѣ исполните добросовѣстно обѣщанія ваши относительно Венеціанской области: пусть она пріобрѣтетъ собственную жизнь, пріобрѣтетъ итальянское управленіе и итальянскую армію; однимъ словомъ, пусть австрійскій императоръ будетъ по сю сторону Альпійскихъ горъ только великимъ герцогомъ венеціанскимъ, какъ нидерландскій король есть для Германіи не что иное, какъ великій герцогъ люксембургскій.

«Быть-можетъ даже, открытыми и дружественными переговорами удалось бы склонить императора австрійскаго принять комбинаціи, болѣе сообразныя съ желаніями, какія выразили герцогства Моденское и Пармское.

«Послѣ всего случившагося, императоръ Наполеонъ долженъ былъ разсчитывать на здравомысліе и патріотизмъ Италіи и думать, что она пойметъ побудительную причину его политики, выражающейся въ слѣдующихъ словахъ: «вмѣсто того, чтобы рисковать европейской войной, а слѣдовательно и независимостью страны своей, вмѣсто того, чтобы издержать еще 300 мильйоновъ и пролить кровь 50,000 солдатъ своихъ, императоръ Наполеонъ принялъ миръ, который въ первый разъ въ теченіе вѣковъ утверждаетъ народность полуострова. Піэмонтъ, служащій въ особенности представителемъ итальянскаго дѣла, получилъ значительное увеличеніе своего могущества, а если устроится итальянская конфедерація, то онъ будетъ играть въ ней главную роль. Но всѣ эти выгоды сопряжены съ однимъ условіемъ — возвратомъ въ свои владѣнія прежнихъ владѣтельныхъ домовъ».

Итакъ, итальянцы вообще виновны передъ императоромъ французовъ въ неблагодарности. Италія, неоцѣнившая по достоинству условій Виллафранкскаго мира, вообще показала недостатокъ „здравомыслія и патріотизма“, а

Digitized by Google

люди, дѣйствовавшіе въ центральныхъ областяхъ ея, въ особенности обнаружили, что „мелочные частные успѣхи“ для нихъ дороже, нежели „будущность общей отчизны“. Итальянцы неблагодарны, неблагоразумны, непатріотичны и не хотятъ успѣховъ дѣлу единства и независимости своей родины.

«Этотъ языкъ, мы еще надѣемся, будетъ понятъ здравомыслящей частью націи; ибо иначе что случится? Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія иностранной силой; но такъ-какъ одна часть условій Виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ Венеціанской области. Тревожимый враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вмѣсто политики примиренія и мира возродится политика недовѣрія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія».

Откровенныя указанія этого параграфа также не требуютъ длинныхъ комментарій. Если тосканцы, моденцы и т. д. не возстановятъ добровольно своихъ правительствъ, они должны считаться губителями Венеціи, которой императоръ австрійскій отмститъ за ихъ упрямство. Этого мало: онъ соберетъ противъ нихъ свои войска, и начнетъ войну съ ними. Франція объявила, что низвергнутыя правительства не будутъ возстановлены иностранной силой, но она давала это обѣщаніе въ предположеніи, что условія Виллафранкскаго мира будутъ исполнены жителями центральной Италіи (т. е., что они добровольно возстановятъ свои прежнія правительства); а если они не исполнятъ ихъ, то императоръ австрійскій конечно будетъ воленъ искать предлоговъ къ войнѣ противъ упрямцевъ.

«Повидимому, много надѣются на европейскій конгрессъ; мы сами горячо желаемъ его, но сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы конгрессъ добился лучшихъ для Италіи условій. Конгрессъ потребуетъ только того, что справедливо; а справедливо ли было бы требовать отъ великой державы важныхъ уступокъ, не предлагая ей, въ замѣнъ того, правомѣрныхъ вознагражденій? Единственнымъ средствомъ была бы война; но да пойметъ это Италія: есть въ Европѣ только одна держава, готовая вести войну *за идею*,— это Франція, а Франція свое дѣло уже исполнила».

Итакъ, ясно: Европа не можетъ требовать отъ Австріи для Италіи условій лучше тѣхъ, какія даны Виллафранкскимъ миромъ, потому что это было бы несправедливо. Европа не можетъ требовать чтобы Австрія отступалась отъ своихъ требованій, потому что эти требованія справедливы, и если Австрія начнетъ съ непокорною Италіею войну, Италія не должна ожидать себѣ защиты отъ Франціи.

Мы привели всю эту статью вполнѣ, потому что каждому человѣку со вкусомъ она должна очень понравиться откровенностью, съ какою излагается въ ней политика императора французовъ относительно Италіи. Франція, по словамъ этого объясненія, сдѣлала для Италіи все, что могла; условія Виллафранкскаго мира были совершенно сообразны съ программою, обѣщавшею „освободить Италію отъ Альповъ до Адріатическаго моря“, и были чрезвычайно выгодны для Италіи. Австрія становилась истинною доброжелательницею Италіи, покровительницею независимости ея. Итальянцы обнаружили недоста-

Digitized by Google

токъ понятливости и патріотизма, оставшись недовольны прекраснымъ Виллафранкскимъ договоромъ, и заслуживаютъ названія неблагодарныхъ людей. Сверхъ того, жители центральной Италіи провинились въ измѣнѣ своимъ собратамъ, венеціанцамъ, не захотѣвъ имъ добра, своимъ эгоистическимъ упрямствомъ лишивъ ихъ благодѣяній, какими готовъ былъ осыпать ихъ австрійскій императоръ. Австрійскій императоръ въ справедливомъ гнѣвѣ на упрямство неблагодарныхъ тосканцевъ, моденцевъ и пармезанцевъ долженъ будетъ наказать за ихъ непокорство Венецію отнятіемъ у нея своего милостиваго расположенія, а всю Италію смирить вооруженною рукою, и Франція, обиженная неблагодарностію итальянцевъ, признающая законность требованій Австріи, не будетъ останавливать ея справедливаго мщенія.

Заслуживая величайшей похвалы за свою откровенность, статья Монитера для насъ вдвойнѣ пріятна тѣмъ, что вполнѣ подтверждаетъ наши прежнія понятія о характерѣ политики императора Наполеона III относительно Италіи.

Чтоже теперь будетъ съ центральною Италіею? Ея судьба зависитъ отъ степени энергіи, которую выкажетъ она. Съ самаго начала войны, мы старались доказать, что Италія не должна для осуществленія своихъ желаній разсчитывать ни на чьи силы, кромѣ своихъ собственныхъ. Теперь, какъ видимъ, самъ императоръ французовъ подтверждаетъ справедливость этого нашего взгляда, подвергавшагося столь многимъ порицаніямъ со стороны людей, которые принимали свои собственныя желанія и мечты за его намѣренія. Да, Италія должна разсчитывать только сама на себя, и ни на кого больше. Посмотримъ же, что сдѣлали для осуществленія своихъ желаній тѣ области Италіи, которыя теперь пользуются самостоятельностію и на которыхъ потому лежитъ отвѣтственность за судьбу національныхъ стремленій.

Вопросъ идетъ теперь, какъ мы знаемъ, ближайшимъ образомъ объ участи центральной Италіи; потому и посмотримъ сначала, что сдѣлала она для пріобрѣтенія и охраненія желанной независимости.

Въ прошедшій разъ мы изложили первыя дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италіи послѣ полученія извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ. Они объявили, что возстановленіе прежнихъ правительствъ несогласно съ желаніями тосканскаго, пармскаго, моденскаго и романскаго населенія, которое хочетъ присоединенія къ Піэмонту, и въ каждой изъ четырехъ областей были немедленно назначены выборы для составленія національнаго собранія, которое дало бы законное выраженіе общему желанію. Выборы повсюду произведены были самымъ спокойнымъ, достойнымъ образомъ; депутатами повсюду были избраны самые почтенные люди;—знатнѣйшіе и богатѣйшіе аристократы повсюду явились предводителями народа въ выраженіи національнаго желанія, и напримѣръ въ Тосканѣ цѣлую половину всего числа депутатовъ составляли лица изъ титулованнаго дворянства. Поочередно открылись національныя собранія въ Тосканѣ, Моденѣ, Романьѣ и Пармѣ, и ходъ дѣлъ повсюду былъ совершенно одинаковъ: тотчасъ же по открытіи совѣщаній кто нибудь изъ самыхъ знаменитыхъ и уважаемыхъ людей дѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы объявить низвергнутую династію низложенной волею націи; когда президентъ собранія спрашивалъ, кто поддерживаетъ это предложеніе, вставали всѣ члены собранія; пренія о предло-

Digitized by Google

женіи не бывали продолжительны, — они кончались въ одно засѣданіе, и когда сосчитывались голоса, подаваемые посредствомъ баллотировки, оказывалось, что предложеніе принято единодушно, всѣми безъ исключенія присутствующими членами: ни одного голоса не оказывалось противнаго общему національному желанію. Потомъ дѣлалось другое предложеніе: объявивъ низложеннымъ прежнее правительство, область выражаетъ желаніе присоединиться къ Піэмонту,—и опять ходъ дѣла былъ прежній, и опять предложеніе принималось всѣми депутатами единодушно, и послѣ того національному собранію оставалось только назначить членовъ депутаціи, которая должна явиться къ „славному представителю идеи національнаго единства и независимости, Виктору Эммануилу“ и объявить ему, что страна, приславшая эту депутацію, хочетъ составить часть государства, признающаго его своимъ государемъ.

Само собою разумѣется, что всѣ акты этой драмы,—и выборы депутатовъ въ національное собраніе, и открытіе засѣданій собранія, и рѣшеніе собранія о низложеніи прежней династіи, и рѣшеніе его о присоединеніи къ Піэмонту, и отправленіе депутаціи въ Туринъ для сообщенія Виктору Эммануилу объ этомъ рѣшеніи,—каждая изъ этихъ сценъ происходила среди восторженнаго ликованія всей массы того народа, который имѣлъ физическую возможность окружить своихъ депутатовъ, столь вѣрно выполнившихъ его волю. Мы не разсказываемъ подробно ни этихъ сценъ, ни совѣщаній національныхъ собраній, потому что, при всей своей возвышенности, эти эпизоды не имѣютъ важнаго историческаго значенія. Либеральныя газеты очень толкуютъ о нихъ, какъ о безспорныхъ доказательствахъ сильнаго стремленія итальянцевъ къ національному единству; но, по нашему мнѣнію, существованіе такого простого, такого естественнаго чувства никогда не должно было подлежать сомнѣнію, и тѣ публицисты, которые нуждались въ свидѣтельствѣ послѣднихъ событій, чтобы увѣровать въ національное чувство итальянцевъ, выказывали только свою крайнюю непроницательность своею прежнею полемикою противъ людей, давно говорившихъ, что Италія готова забыть всѣ прежнія областныя свои подраздѣленія при первой возможности къ соединенію въ одно государство. Если уже нужны доказательства на то, что какой нибудь народъ хочетъ быть однимъ цѣлымъ, хочетъ избавиться отъ разрозненности, въ которую повергло его иностранное насиліе, то итальянцы представили эти доказательства еще въ 1848 г., когда не только центральная Италія, но и отдаленнѣйшія провинціи Неаполитанскаго королевства волновались для вспоможенія ломбардцамъ въ борьбѣ съ австрійцами. Непредвидѣнное, новое въ рѣшеніяхъ народа центральной Италіи о присоединеніи своемъ къ Піэмонту только развѣ то впечатлѣніе, какое производятъ эти рѣшенія на такъ называемыхъ умѣренныхъ либераловъ Европы: эти бѣдные люди не замѣчаютъ, что центральная Италія нынѣшнимъ выраженіемъ своихъ желаній снова подтверждаетъ теорію Мацципи о томъ, что Италія хочетъ не просто свободы, а понимаетъ невозможность свободы безъ основанія одного могущественнаго національнаго государства и что всѣ итальянскія области готовы пожертвовать своею самостоятельностью для основанія такого государства. Намъ кажется забавно, что публицисты,

Digitized by Google

объявлявшіе идеи Маццини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соотвѣтствующими теоріи Маццини и опровергающими мнѣніе его противниковъ о недостаткѣ въ итальянцахъ стремленія къ соединенію въ одно государство.

Итакъ, мы находимъ, что рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи не представляютъ рѣшительно ничего новаго въ исторіи чувства итальянскаго единства. Не имѣя значенія теоретической новизны, они еще меньше имѣютъ практическаго значенія. Что итальянцы хотятъ національнаго единства, это мы знали и безъ національныхъ собраній Тосканы, Романьи и т. д.; а будетъ ли ихъ желаніе исполнено, по крайней мѣрѣ по отношенію къ центральной Италіи, или по прежнему останется только неосуществленнымъ желаніемъ, это зависитъ вовсе не оттого, выражено ли національное желаніе итальянцевъ и хорошимъ ли, законнымъ ли, почетнымъ ли образомъ выражено,—осуществленіе всѣхъ подобныхъ вещей зависитъ отъ элементовъ совершенно иного рода. Нужна сила, которая могла бы привести въ исполненіе рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи, могла бы отстоять выраженное ими стремленіе противъ насилія могущественной державы, которую только физическая сила можетъ остановить отъ низверженія всѣхъ временныхъ правительствъ и національныхъ собраній центральной Италіи и отъ введенія прежняго порядка вещей въ этихъ областяхъ. На какую же силу можетъ разсчитывать центральная Италія для осуществленія своего національнаго стремленія, въ противность желанію Австріи?

До послѣдняго времени, люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ, питаютъ или по крайней мѣрѣ высказываютъ увѣренность, что Франція благопріятствуетъ ихъ желанію и не допуститъ Австрію совершить возстановленіе прежнихъ правительствъ вооруженною рукою. Даже статья „Монитера", переведенная нами, не заставила ихъ отказаться отъ надежды на покровительство Франціи. Въ самой Франціи, въ Германіи, въ Англіи, повсюду объясненіе „Монитера" было понято въ прямомъ и ясномъ своемъ смыслѣ: императоръ французовъ называетъ итальянцевъ неблагодарными, говоритъ, что избавленъ ихъ неблагодарностью отъ всякихъ обязанностей относительно Италіи, и не будетъ защищать ее противъ австрійцевъ. Итальянцамъ было угодно перетолковывать это положительное и очень ясное объявленіе въ смыслѣ, совершенно противномъ: они вздумали увѣрять себя, будто все содержаніе статьи „Монитера" состоитъ въ томъ, что Франція не допуститъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ итальянскія дѣла. Какимъ образомъ они отыскали въ „Монитерѣ" такое увѣреніе, остается ихъ тайною, и такое странное открытіе окажется еще изумительнѣе, если мы припомнимъ многочисленные факты, которыми обнаруживались истинныя отношенія Франціи къ Италіи со времени Виллафранкскаго мира.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы уже говорили о посольствѣ графа Резе, который былъ отправленъ императоромъ французовъ въ Піэмонтъ, въ Тоскану и т. д. убѣждать непокорныхъ жителей центральной Италіи подчиниться опредѣленію Виллафранкскаго договора о возстановленіи прежнихъ ихъ правительствъ. Мы знаемъ, что его посольство не имѣло успѣха. Тогда императоръ французовъ отправилъ въ Италію другаго чрезвычайнаго посланника,

Digitized by Google

графа Понятовскаго, который подобно Резе, старался запугать итальянцевъ страхомъ австрійскаго вторженія и увѣреніями, что Наполеонъ III не найдетъ возможности въ такомъ случаѣ подать помощи итальянцамъ. Выставляя безразсудство мысли о сопротивленіи австрійцамъ, опирающимся на одобреніе Франціи, Резе и Понятовскій старались съ другой стороны доказать итальянцамъ, что возстановленіе изгнанныхъ династій не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій, не будетъ сопровождаться никакою реакціею, что напротивъ того возвращаемые владѣтели будутъ отличаться чрезвычайнымъ либерализмомъ и самою усердною преданностью къ развитію итальянской національности, введутъ въ свои владѣнія самыя свободныя учрежденія и т. д. Краснорѣчіе посланниковъ доходило до того, что они выставляли даже недостатки рекомендуемыхъ ими герцоговъ вѣрными ручательствами за то, что подданные ихъ будутъ пользоваться чуть не республиканскою свободою. Такъ, напримѣръ, тосканцамъ говорили, что для нихъ вовсе не будетъ опасенъ Фердинандъ IV, которому передалъ свои права бывшій великій герцогъ Леопольдъ, отецъ его, отказавшійся отъ престола: молодой великій герцогъ, по словамъ Резе и Понятовскаго, думаетъ только о пирушкахъ, красавицахъ, картахъ, и вовсе не знакомъ и не хочетъ знакомиться съ государственными дѣлами; такимъ образомъ, продолжали французскіе агенты, при немъ Тоскана станетъ пользоваться совершенною свободою: занятый своими веселостями, онъ вовсе не станетъ вмѣшиваться въ управленіе.

Посольство графовъ Резе и Понятовскаго показываетъ, какъ добросовѣстно старался императоръ французовъ о выполненіи той статьи Виллафранкскаго мира, по которой согласился на возстановленіе эрцгерцоговъ. Не менѣе яснымъ свидѣтельствомъ увѣренности австрійцевъ въ добромъ его расположеніи служили Цюрихскія конференціи, столь знаменательно завершившіяся поѣздкою князя Меттерниха (сынъ покойнаго всемогущаго министра) для личнаго соглашенія съ Наполеономъ III.

Надобно начать съ того, что самое возникновеніе Цюрихскихъ конференцій было слѣдствіемъ доброжелательной готовности императора французовъ дѣлать все возможное въ угоду австрійцамъ. Читатель знаетъ, что въ Виллафранкѣ былъ заключенъ не окончательный, подробный трактатъ, а только предварительный мирный договоръ, ограничивавшійся лишь самыми общими опредѣленіями основныхъ условій мира. Притомъ и этотъ предварительный трактатъ былъ подписанъ только Австріею и Франціею: Сардинія не подписывала его, оставаясь только въ перемиріи съ австрійцами. Для заключенія окончательнаго мирнаго трактата, въ которомъ участвовала бы и Сардинія, необходимы были новые переговоры; они могли происходить въ формѣ конференцій исключительно только между тремя державами, воевавшими между собою; но можно было также составить конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ европейскія державы.

Повидимому, естественнѣе всего было бы выбрать форму общаго европейскаго конгресса. Виллафранкскій миръ, передавая Ломбардію отъ Австріи Піэмонту, измѣнялъ одно изъ главныхъ постановленій Вѣнскаго конгресса, потому дипломатическій обычай требовалъ, чтобы на совѣщаніе объ этой

Digitized by Google

уступкѣ были приглашены всѣ державы, участвовавшія въ составленіи Вѣнскаго трактата. Кромѣ этой формальной причины, была и существенная надобность въ приглашеніи всѣхъ первостепенныхъ европейскихъ державъ къ участію въ переговорахъ: перемѣна столь важная, какъ переходъ большой и богатой области отъ одной державы къ другой, при нынѣшнемъ состояніи европейской дипломатики, нуждается въ согласіи всѣхъ державъ, имѣющихъ сильное вліяніе на дѣла нашей части свѣта. Но Австрія не хотѣла европейскаго конгресса, отчасти потому, что опасалась отъ него нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ Виллафранкскаго мира въ невыгодномъ для нея смыслѣ: отчасти потому, что вовсе не хотѣла упроченія этихъ условій, каковы бы ни были они, ручательствомъ всѣхъ европейскихъ державъ. Дѣйствительно, Наполеонъ III говорилъ совершенную истину, объявляя, что далъ императору австрійскому миръ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Австріи, чѣмъ тѣ условія, какія предлагались державами, готовившимися принять на себя посредничество между Австріею и Франціею. Надобно было ожидать, что и на конгрессѣ нѣкоторыя державы будутъ менѣе, нежели Франція, благопріятствовать сохраненію австрійскаго могущества въ Италіи. Объ Англіи положительно было извѣстно, что она будетъ стараться измѣнить Виллафранкскія условія такъ, чтобы независимость Италіи была хотя сколько нибудь ограждена. Натурально, что австрійцы уже по одной этой причинѣ опасались конгресса. Еще важнѣе была другая причина, по которой они отклоняли его. Если уступка ломбардскихъ земель Піэмонту будетъ утверждена согласіемъ всѣхъ европейскихъ державъ, Австрія возстановитъ противъ себя всѣ эти державы, когда вздумаетъ возвратить себѣ Ломбардію; а она почти открыто признается, что имѣетъ эту цѣль и хочетъ воспользоваться первымъ случаемъ для отнятія у Піэмонта пріобрѣтенной имъ области: потому для нея очень полезно устроить дѣло такъ, чтобы переходъ Ломбардіи къ Піэмонту былъ утвержденъ согласіемъ только одной Франціи: тогда и для оправданія своихъ будущихъ попытокъ завоевать Ломбардію Австрія нуждалась бы въ согласіи на то одной только Франціи, имѣла бы право отвѣчать на протестъ каждой иной державы противъ такой попытки: „вамъ какое дѣло? вы не участвовали въ сдѣлкахъ, которыми опредѣлено положеніе Ломбардіи, стало быть не слѣдуетъ вамъ заниматься и перемѣнами въ этомъ положеніи“.

Само собою разумѣется, что эти невыгоды конгресса для Австріи не болѣе какъ невыгоды чисто формальныя, значительныя только съ дипломатической точки зрѣнія, но не могущія имѣть никакого дѣйствительнаго значенія. Читатель очень хорошо долженъ знать изъ исторіи, что условія мира зависятъ отъ воли побѣдителя, и никакая держава не можетъ произвесть въ нихъ чувствительныхъ измѣненій, если не возьмется сама за оружіе,—стало быть и европейскій конгрессъ не могъ бы сдѣлать ничего важнаго въ пользу Италіи. Читатель также очень хорошо долженъ знать, что дипломатическія гарантіи всегда оказываются или совершенно излишними, или совершенно не дѣйствительными: если какая нибудь могущественная держава во время нарушенія условій, данныхъ слабому государству сильнымъ, найдетъ выгоду вступиться за права слабаго, она вступится за нихъ, хотя бы вовсе не гарантировала ихъ; а если не будетъ находить въ томъ выгоды для себя, то

Digitized by Google

ни мало не заступится, хотя бы они гарантированы ею самымъ положительнымъ образомъ, потому что всегда найдется благовидный предлогъ уклониться отъ невыгодныхъ обязанностей. Но должно помнить, что послѣ Виллафранкскаго мира отношенія Италіи, Австріи и Франціи получили дипломатическій характеръ; а въ дипломатическомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, невыгоды европейскаго конгресса для Австріи представлялись очень значительными.

Но выгоды Піэмонта и Италіи противоположны выгодамъ Австріи; потому натуральнымъ образомъ Піэмонтъ желалъ европейскаго конгресса. Итакъ, съ одной стороны было желаніе Піэмонта и всей Италіи, дипломатическій обычай и отчасти даже дѣйствительная потребность по правиламъ международныхъ европейскихъ отношеній, съ другой—нежеланіе Австріи. Сардинія, дипломатическій обычай и европейское право требовали созванія конгресса для окончательнаго рѣшенія судьбы Италіи; для Австріи пріятно было рѣшить дѣло, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ участія постороннихъ державъ, частными конференціями между тремя примиряющимися державами.

Таковъ былъ смыслъ вопроса о конгрессѣ или конференціяхъ, поднятаго тотчасъ по заключеніи Виллафранкскихъ условій. Какъ и всѣ событія съ самаго начала приготовленій къ войнѣ,—это дѣло зависѣло отъ воли императора французовъ: если бы онъ не захотѣлъ уступить желанію Австріи, Австрія была бы въ необходимости согласиться на конгрессъ, потому что иначе она явилась бы сама виновницею разрыва Виллафранкскихъ условій, а каждый, слѣдившій за ходомъ войны и дипломатическихъ отношеній, знаетъ, что она никакъ не могла рѣшиться на такое неблаговидное безразсудство.

Поставленный рѣшителемъ спора между Сардиніею—представительницею Италіи, и Австріею, императоръ французовъ почелъ удобнѣйшимъ для себѣ оказать истинно дружеское покровительство желанію Австріи, и открылись конференціи въ Цюрихѣ.

Если самое открытіе конференцій было выраженіемъ доброжелательства императора французовъ къ Австріи, то еще яснѣе обнаружилось это отношеніе формою конференцій и ходомъ совѣщаній на нихъ.

Читатель знаетъ, какимъ обиднымъ для Піэмонта образомъ Австрія вела дѣло о перемиріи и объ уступкѣ Ломбардіи. Она не хотѣла удостоивать Сардинію чести прямыхъ сношеній съ нею, и уступила Ломбардію не ей, а императору французовъ, который уже лично отъ себя передалъ эту область Виктору-Эммануэлю. Той же самой системы презрѣнія держалась Австрія и на Цюрихскихъ конференціяхъ. Переговоры происходили не прямо между уполномоченными всѣхъ трехъ державъ: австрійскіе уполномоченные сообщали свои мысли французскимъ, и уже французскіе передавали требованія сардинцамъ, потомъ сообщали мысли сардинскихъ уполномоченныхъ австрійскимъ. Не только не хотѣли австрійцы сноситься прямо съ сардинцами, но и вообще уклонялись отъ веденія дѣла на конференціяхъ, какъ будто находили унизительнымъ для себя опредѣлять свои отношенія къ Италіи въ такихъ совѣщаніяхъ, на которыхъ получили право присутствовать, какъ равные съ ними, уполномоченные Піэмонта: австрійское неудовольствіе не смягчалось даже тѣмъ, что это формальное право было,

Digitized by Google

какъ мы сейчасъ говорили, уничтожено введеніемъ отдѣльныхъ совѣщаній между Австріею и Франціею. Засѣданія конференціи безпрестанно перерывались на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ австрійцы вели переговоры въ Сенъ-Клу, въ Парижѣ или Сенъ-Соверѣ, непосредственно съ императоромъ французовъ, и Цюрихская конференція должна была только принимать результаты, полученные австрійцами посредствомъ совѣщаній, изъ которыхъ уже совершенно исключена была Сардинія. Такая очевидная снисходительность императора французовъ къ желаніямъ Австріи, разумѣется, производила въ австрійцахъ чрезвычайную требовательность: Австрія хотѣла, чтобы Сардинія во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ отказывалась отъ своихъ интересовъ, правъ и притязаній, а сама не отступала ни въ чемъ ни отъ одной изъ своихъ претензій. Такимъ образомъ, Цюрихскія конференціи оказались еще болѣе безсильными, чѣмъ можно было ожидать. Результаты Цюрихскихъ совѣщаній, разумѣется, сохраняются подъ строжайшимъ дипломатическимъ секретомъ, и хранить этотъ секретъ тѣмъ легче, что, собственно говоря, нечему изъ него и обнаруживаться: несмотря на всѣ заботы уполномоченныхъ показать видъ, будто они совершаютъ важныя дѣла, для всей Европы очевидно, что они не могутъ ничего сдѣлать, по чрезвычайной требовательности Австріи.

До какой степени доходила на Цюрихскихъ конференціяхъ эта требовательность, можно судить по одному, чисто формальному предмету раздоровъ. Австрійскіе уполномоченные вздумали спросить, какой титулъ намѣренъ принять Викторъ-Эммануэль теперь, по пріобрѣтеніи Ломбардіи? Сардинцы отвѣчали, что онъ думаетъ назвать свою державу „королевствомъ Верхней Италіи“. Австрійцы объявили, что не согласятся на такой опасный титулъ, и что держава Виктора-Эммануэля должна довольствоваться именемъ „королевства Сардинскаго и Ломбардскаго“. Изъ этого возникли безконечные споры; чѣмъ кончились они, мы, признаемся, не полюбопытствовали узнать; но читатель можетъ судить, какова была неуступчивость Австріи во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, если она ухитрилась поднять споръ по дѣлу, не имѣющему ровно никакого дѣйствительнаго значенія.

Теперь обнаружилось, что Цюрихскія конференціи не могутъ ничего порѣшить, и что для окончанія дѣла надобно прибѣгнуть къ какимъ нибудь другимъ средствамъ. Съ новою силою возникло требованіе конгресса со стороны Сардиніи; но Австрія по прежнему не хочетъ его, и Франція, изъ любезности къ ней, теперь придумываетъ новыя дипломатическія формы, по которымъ дѣло могло бы рѣшиться соглашеніемъ только между Австріею и Франціею, безъ участія другихъ первоклассныхъ державъ. Говорятъ, что такою формою избрано личное свиданіе Франца Іосифа съ Наполеономъ III, и газеты наполнены извѣстіями о томъ, что въ Арененбургѣ, замкѣ принадлежащемъ императору французовъ въ Швейцаріи, дѣлаются приготовленія къ посѣщенію высокихъ друзей. Не имѣя никакой наклонности проникать въ дипломатическія тайны, мы мало жалѣемъ о томъ, что не можемъ положительно объявить читателю, должно ли дѣйствительно состояться такое свиданіе, и можетъ ли итальянское дѣло быть покончено безъ созванія европейскаго конгресса: для насъ очень достаточно и того, что существуетъ предположеніе о

Digitized by Google

разрѣшеніи итальянскихъ недоразумѣній личнымъ свиданіемъ двухъ императоровъ,—для насъ довольно этого новаго свидѣтельства о дружелюбіи между ними. Зная наклонности и предположенія двухъ императоровъ, уже можно предугадывать, какъ будетъ рѣшено дѣло центральной Италіи, если будетъ зависѣть только отъ воли Наполеона III и Франца Іосифа. А будетъ ли оно зависѣть только отъ ихъ воли, или явятся обстоятельства и пріобрѣтутъ вліяніе элементы, несогласные съ ихъ намѣреніями, этого не знаютъ еще и дипломаты.

Изъ элементовъ, которые могли бы своимъ энергическимъ вліяніемъ повести вопросъ къ рѣшенію, различному отъ того, какое предопредѣляется ему дружелюбными отношеніями Австріи и Франціи, прежде всего представляется уму каждаго рѣшимость Сардиніи отражать силу силою. Если бы Викторъ-Эммануэль положительно сказалъ, что принимаетъ земли центральной Италіи въ составъ своего королевства, и быстро исполнилъ это присоединеніе, то, по всей вѣроятности, такое самостоятельное дѣйствованіе пробудило бы горячія дипломатическія протестаціи, — со стороны Австріи открытыя, со стороны Франціи секретныя, — но уничтожило бы всякую мысль о вооруженномъ подавленіи желаній центральной Италіи. Сардинская армія, усилившись ломбардскими солдатами, имѣетъ теперь до 120,000 человѣкъ; принявъ быстрыя мѣры къ увеличенію военныхъ силъ центральной Италіи, легко было бы въ двѣ недѣли довести цифру войскъ Виктора-Эммануэля до 200,000. Противъ такого числа защитниковъ, Австрійцамъ понадобилось бы послать не менѣе 250,000 человѣкъ, начинать войну въ серьезныхъ размѣрахъ,—а на это Австрія, при нынѣшнемъ изнуреніи, никакъ не рѣшилась бы. Но нынѣшнее сардинское правительство держитъ себя въ чрезвычайной зависимости отъ Франціи. Оно думаетъ, что должно искать себѣ опоры не въ смѣломъ удовлетвореніи національнымъ стремленіямъ, а въ милостивомъ покровительствѣ императора французовъ. Потому, когда явилась въ Туринъ депутація тосканцевъ съ предложеніемъ присоединить ихъ землю къ Сардиніи, отвѣтъ имъ былъ данъ совершенно неопредѣлительный и совершенно несообразный съ потребностями положенія. Надобно было прямо сказать: „Да, принимаю ваше предложеніе“ и быстро декретировать мѣры къ энергической оборонѣ и къ осуществленію соединенія, — тогда отвратилась бы опасность вооруженнаго вмѣшательства Австріи, и осуществленіе патріотическихъ желаній было бы обезпечено; или прямо сказать: „нѣтъ, не могу принять“—тогда тосканцы знали бы, что должны покориться и могли бы избѣжать ужасовъ открытаго завоеванія — согласіемъ на возвращеніе прежнихъ династій или избраніемъ въ свои правители принца Наполеона. Но сардинское правительство не сказало ни того, ни другаго. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ тосканцамъ, что онъ благодаритъ ихъ, и очень радъ былъ бы поступить по ихъ желанію, но что исполненіе этого желанія зависитъ не отъ него, а отъ согласія Европы, и что онъ будетъ ходатайствовать за нихъ передъ европейскими державами и передъ великодушнымъ своимъ покровителемъ, императоромъ французовъ. Точно такой же отвѣтъ былъ данъ и депутаціямъ остальныхъ земель центральной Италіи. Нѣтъ надобности объяснять, что подобная политика оставляетъ центральную Ита-

Digitized by Google

лію въ прежней тяжелой неизвѣстности о томъ, должна ли она надѣяться на помощь сардинской арміи, или предоставляется исключительно собственнымъ силамъ. Впрочемъ, если мы говоримъ о неизвѣстности, мы опредѣляемъ этимъ только впечатлѣніе, произведенное отвѣтомъ сардинскаго короля на центральную Италію, а для посторонняго наблюдателя, хладнокровно взвѣшивающаго дипломатическія выраженія, очень ясно, что отвѣтъ Виктора-Эммануэля заключаетъ отказъ въ вооруженной помощи противъ австрійскаго нападенія: король сардинскій говоритъ о „ходатайствѣ передъ европейскими державами“, а не упоминаетъ о „защитѣ отъ насилія“, — на дипломатическомъ языкѣ такое умолчаніе равносильно положительному объявленію, что Сардинія не отваживается оборонять центральную Италію отъ вторженія австрійцевъ.

Итакъ, центральная Италія остается предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Посмотримъ же, какія средства приготовила она для того, чтобы воспротивиться насильственному возстановленію низложенныхъ правительствъ. Вотъ подробное изложеніе этого вопроса, сдѣланное флорентійскимъ корреспондентомъ „Times'a“. Надобно предварительно замѣтить, что этотъ корреспондентъ самъ итальянецъ и вполнѣ сочувствуетъ дѣлу итальянскаго единства.

«Флоренція, 21 іюля».

«Эти люди, столь спокойные и разсудительные въ своихъ дѣйствіяхъ, столь единодушные и рѣшительные въ окончательномъ своемъ опредѣленіи, готовы ли подвергаться лишеніямъ, выдерживать опасности, которыя влечетъ за собою ихъ рѣшеніе? Будутъ ли дѣла ихъ соотвѣтствовать мужественнымъ словамъ? Будетъ ли ихъ твердость равняться ихъ благоразумію, и на полѣ битвы окажутся ли они столь же непоколебимыми, какъ въ залѣ собранія? Увы! Человѣческая храбрость непремѣнно основывается на сознаніи своей силы, на увѣренности въ ней, а этого, я боюсь, очень мало найдется въ тосканскихъ патріотахъ. Люди въ Тосканѣ благородны, благоразумны, возвышенны въ своихъ чувствахъ, но вовсе не герои. Примѣровъ нравственнаго мужества можно ожидать отъ нихъ, но едва ли можно ожидать многочисленныхъ примѣровъ физической храбрости. Какъ ни прекрасны ихъ намѣренія, но я не знаю, найдется ли десятокъ такихъ патріотовъ, которыхъ можно заставить сдѣлать переходъ въ три мили въ знойное время на встрѣчу даже самому слабому врагу. Слабость и изнѣженность тосканцевъ, особенно флорентинцевъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ послѣдніе три вѣка у нихъ были такіе нравы и обычаи, которые совершенно разслабили это племя, бывшее и въ самое энергическое свое время болѣе способнымъ на гражданскіе споры, нежели на перенесеніе трудностей похода. У этого народа, любящаго спокойствіе, нѣтъ ничего похожаго на мужественныя игры, на атлетическія забавы. Лошади у нихъ есть, они даже любятъ лошадей, но, за исключеніемъ кавалерійскихъ офицеровъ, едва ли вы увидите какого нибудь тосканскаго джентльмена на сѣдлѣ. Да и офицеры, и даже простые солдаты завладѣли всѣми извощичьими экипажами и кажется лишены всякихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ какъ на машинахъ съ колесами и рессорами. Въ послѣдніе два мѣсяца тосканцы сформировали эскадронъ волонтеровъ-гусаръ; вооружившихся и экипировавшихся на свой счетъ. Эти гусары цѣлый день разъѣзжаютъ по улицамъ въ экипажахъ — это я вижу постоянно, но еще не имѣлъ счастья видѣть хотя одного изъ нихъ, верхомъ на лошади.

«У нихъ любимая отговорка та, что достоинство солдата — нравственная, а не физическая энергія и что каждый гражданинъ, одушевленный благороднымъ принципомъ, мгновенно можетъ стать превосходнѣйшимъ боевымъ солдатомъ. Но я видѣлъ ихъ волонтеровъ и ихъ регулярныя войска на походѣ въ Ломбардію, подъ командою

Digitized by Google

Уллоа, и хотя многіе изъ ихъ недостатковъ надобно приписать дурной командѣ и очень дурному комиссаріату, но должно сказать и то, что въ цѣлой дивизіи едва ли было три человѣка, имѣвшихъ силу сдѣлать дневной переходъ приличнымъ солдату образомъ. Они всѣ могли оказаться героями на полѣ битвы, до которой, къ несчастію, не допустили ихъ, но со стороны походной дисциплины они представляли жалкій видъ.

«Съ такими-то оборонительными силами Тоскана готовится отстаивать свои желанія противъ Австріи и, быть можетъ, Франціи. Швейцарія, имѣющая населеніе немногимъ больше, нежели Тоскана, два года тому назадъ могла грозно возстать, вызывая на борьбу съ собою громадныя силы самой воинственной изъ европейскихъ державъ. Но швейцарскіе люди достойны называться мужчинами. Несправедливо было бы винить тосканцевъ за изнѣженность, которая развита въ нихъ прежними правительствами; но должно было бы нынѣшнему правительству постараться объ исправленіи этого недостатка. Можно было бы желать, чтобы оно учредило стрѣлковые отряды, организовало артиллерію, постаралось сдѣлать молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій солдатами болѣе серьезными, чѣмъ волонтеры-гусары, занялось національной гвардіею, которая хороша, но малочисленна и мало обучена. Въ Англіи, гдѣ каждый занятъ полезнымъ дѣломъ, нельзя отрывать отъ него людей, чтобы дѣлать ихъ рекрутами. Но въ Италіи, гдѣ изъ десяти человѣкъ высшаго и средняго сословій девятеро ничего не дѣлаютъ, записывать молодыхъ людей въ пѣшіе или конные отряды значитъ отрывать ихъ отъ праздности. Изъ флорентинскихъ кофейныхъ можно было бы набрать нѣсколько батальоновъ здоровыхъ рекрутъ».

«Флоренція, 2 сентября».

«Даже подъ страхомъ получить имя аларииста, я долженъ возвратиться къ непріятному вопросу о вооруженіяхъ центральной Италіи. Я думаю, что мое предостереженіе будетъ еще своевременно и полезно для итальянцевъ.

«Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ центральной Италіи простираются до 40 или 50.000 человѣкъ. Я самъ часто повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыя теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя положить болѣе, 20, или со всѣми натяжками болѣе 22.000 человѣкъ. Число тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10.000. Этотъ храбрый и добрый человѣкъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя, утверждали, что тосканскія войска были деморализированы и дезорганизированы своимъ прежнимъ командиромъ [1]). Гарибальди говоритъ, что «судя по ихъ нынѣшнему духу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ честью могли сражаться подлѣ Мадженскихъ и Сольферинскихъ побѣдителей». Но сколько я знаю, никто и не питалъ сомнѣнія о ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились къ разслабленію дисциплины и къ недостаточной приготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишеній походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя, какъ ветераны. Маленькая тосканская армія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ—не созданіе новаго времени. Съ небольшими перемѣнами, она—наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

«Фарини организовалъ моденскую бригаду, реджіосскую бригаду и теперь занимается организованіемъ пармской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проэктировать ихъ въ декретахъ. Роман-

---

1) Генераломъ Уллоа, котораго осуждаютъ за то, что онъ, слишкомъ подчиняясь принцу Наполеону и вообще французской политикѣ, оставлялъ тосканскія войска въ бездѣйствіи.

Digitized by Google

ская дивизія Меццокапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ начался наборъ ея, и усердіе итальянскихъ волонтеровъ неизбѣжно было охлаждено Виллафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то большею частію люди, отпущенные изъ піэмонтской арміи и привлеченные подъ знамена нелѣпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать ихъ пьяною и безпорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригадъ. Безспорно, Гарибальди такой человѣкъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные имъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, мгновенно были превращены его вліяніемъ въ легіонъ героевъ,—но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для итальянцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и разслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди, не хуже меня, понимаетъ опасность своего капуанскаго отдыха и постарается держать свои моденскія и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и пармскихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ декреты говорятъ о нихъ въ будущемъ времени; я нахожу, что теперь устроены пока только еще зародыши и кадры трехъ этихъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романьи организація дивизіи Меццокапо встрѣчала много затрудненій. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпускъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какою опредѣляютъ численность войскъ подъ командою Меццокапо, не превышаетъ 8,000 человѣкъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простирающійся, быть можетъ, до 3,000 чел. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоитъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батареи, по восьми орудій каждая; въ Романьи артиллерія состоитъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человѣкъ, находящихся теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человѣкъ; въ это число входятъ 2,400 человѣкъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи,—эти солдаты превосходные, но, разумѣется, ихъ нельзя выводить за границу; остальные—рекруты. Если время позволитъ довершить обученіе рекрутъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ центральной Италіи,—22,000 человѣкъ,—безспорно можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣютъ отъ 4 до 5 милліоновъ жителей. Когда нынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣть до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человѣкъ жителей,—пропорція не дурная для государства, находящагося внѣ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что центральная Италія не находится внѣ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокій миръ.

«Въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ выказывается сильная, но не очень практичная ревность къ поголовному вооруженію народа. Низшія сословія имѣютъ оружіе, но правительство, по крайней мѣрѣ въ Пармѣ, почти боится дозволять имъ обучаться обращенію съ оружіемъ. Въ Тосканѣ «благоразумные» люди говорили мнѣ: «много мы надѣлали великихъ глупостей, но избѣжали по крайней мѣрѣ одной,—учрежденія національной гвардіи». Дѣйствительно, до Виллафранкскаго мира не было ничего похожаго на національную гвардію. Теперь есть до 500 молодыхъ людей изъ средняго сословія, начавшихъ учиться военному дѣлу. Но національная гвардія не была бы «великою глупостью» для страны, которая нуждается въ защитникахъ. Каждый мужчина здѣсь долженъ былъ бы имѣть ружье и учиться стрѣльбѣ изъ него.

Digitized by Google

Нѣтъ на землѣ ничего удивительнѣе итальянской лѣни. Я могъ бы цѣлые сутки без перерыва говорить на эту грустную тему. Итальянцы предавались лѣни при своих прежнихъ абсолютныхъ правительствахъ, потому что «суровость тѣхъ временъ под вляла всякую энергію». Они предаются лѣни—предаются ей, если только можно больше прежняго, при нынѣшнемъ положеніи вещей, потому что «сильныя ощущенія отъ изумительныхъ событій не даютъ подумать ни о какомъ дѣлѣ». Ихъ праздность могла бы обратиться на великую пользу имъ, если бы они захотѣли употребить свое праздное время на то, чтобы обратиться къ военному дѣлу. Я слышалъ, что въ герцогствѣ Пармскомъ устроены галлереи для стрѣльбы, и что народъ охотно посѣщаетъ ихъ. Но въ Тосканѣ ничье ухо не тревожится звуками выстрѣловъ, ничего подобнаго не устроено, ни о чемъ подобномъ и не думаютъ. Праздность тосканской разслабляющей жизни въ кофейныхъ только усилилась въ эти тревожныя времена освобожденія. Нескончаемо идетъ въ кофейныхъ болтовня, остающаяся пустою болтовнею. Молодежь, безконечные часы толковавшая прежде въ кофейныхъ о новой танцовщицѣ, также безконечно толкуетъ теперь о вѣроятности того, что Наполеонъ III скорѣе заступится за Тоскану, чѣмъ станетъ помогать австрійцамъ, о томъ, что Англія, или Пруссія, или китайскій императоръ явится на защиту итальянскаго дѣла. И никто въ этой изнѣженной толпѣ не встаетъ напомнить своимъ товарищамъ эпикурейцамъ, что мужчины должны быть мужчинами, что объ итальянскомъ дѣлѣ должны заботиться итальянцы, что каждый человѣкъ съ здоровыми руками и ногами бездѣйственно сидящій теперь въ кофейной есть измѣнникъ родинѣ. Я не разъ писалъ вамъ, что правительство хотѣло набрать эскадронъ гусаръ, числомъ въ 150 человѣкъ, изъ хорошихъ фамилій. Во время войны набралось до 60 человѣкъ такихъ гусаровъ; послѣ Виллафранкскаго мира число ихъ уменьшилось до 25,—какова послѣ этого надежда на то, что люди хорошихъ фамилій будутъ готовы рисковать жизнью за независимость отечества? Эти 25, ничего не дѣлающихъ гусаровъ по прежнему гуляютъ пѣшкомъ, а чаще въ экипажахъ по улицамъ Флоренціи, оставаться въ которой вовсе не слѣдовало бы имъ. У насъ здѣсь множество людей въ раззолоченныхъ мундирахъ, людей надѣвшихъ мундиры потому, что мундиръ, по ихъ мнѣнію, придаетъ имъ красу; они съ большимъ удовольствіемъ носятъ тяжелыя, слишкомъ тяжелыя сабли, которыя гремятъ и звенятъ, волочась за ними,—но ихъ никогда не позовутъ на дѣйствительную службу, и, что еще хуже, они не услышатъ, если ихъ позовутъ.

«Я представилъ картину не очень лестную. Но я вовсе не хочу, чтобы эту преступную бездѣйственность итальянцевъ приписывали недостатку храбрости, нежеланію идти на опасность и смерть въ случаѣ нужды. Пороки итальянцевъ должны быть приписываемы состоянію, въ какомъ находилось ихъ отечество столько вѣковъ. Каковы бы ни были итальянцы, должно сказать, что они безконечно лучше того, чѣмъ можно было бы ожидать. У нихъ живыя чувства и облагородные инстинкты, надобно только дѣйствовать на нихъ во-время. Когда первые слухи о войнѣ электризовали страну четыре мѣсяца тому назадъ, было бы легко вывести сотни тысячъ итальянцевъ изъ этихъ кофейныхъ, замѣняющихъ имъ домъ. Въ апрѣлѣ въ Піэмонтъ явилось столько волонтеровъ, что не находилось мѣста для нихъ всѣхъ. Даже теперь, если Гарибальди пройдетъ по тосканскимъ городамъ, призывая молодежь къ оружію, за нимъ пойдутъ десятки тысячъ волонтеровъ. Битвъ итальянцы не боятся, они не отступятъ передъ огнемъ и сталью, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военнаго обученія и маршировки. Они не любятъ солдатчины, если не видятъ необходимости въ ней. Послѣ Виллафранкскаго мира они впали въ оцѣпенѣніе, которое происходитъ на половину отъ увѣренности въ защитѣ, на половину отъ отчаянія. Императоръ французовъ даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное вмѣшательство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ итальянскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ никому пальцемъ тронуть народъ, который держитъ себя съ такимъ примѣрнымъ достоинствомъ, благоразуміемъ, единодушіемъ. А если Франція и Австрія оставятъ ихъ въ покоѣ, то «за чѣмъ же,—говорятъ они,—намъ получать мигрени и мозоли отъ долгихъ напрасныхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и папы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если

Францiя не сдержитъ своего слова,—если она или Австрiя, или она и Австрiя вмѣстѣ нападутъ на насъ, къ чему приведутъ всѣ наши воинственныя приготовленiя? Къ тому, чтобы умереть съ оружiемъ въ рукахъ и облагородить нашу погибель подвигами отчаянiя! Но храбрость отчаянiя не нуждается ни въ оружiи, ни въ солдатскомъ обученiи. Флоренцiя храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ подъ начальствомъ Франческо Ферруччiо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой армiй. Римъ и Венецiя въ 1849 дорого продали побѣду французамъ и австрiйцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ волонтеровъ зналъ—правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ».

«Трудно спорить съ людьми, которые такъ легко смотрятъ на обязанности гражданина. Тосканское правительство, хорошо знающее свой народъ, по временамъ издаетъ изящныя, краснорѣчивыя, чувствительныя патрiотическiя увѣщанiя, приглашающiя прежнихъ и новыхъ волонтеровъ становиться въ ряды армiи. Принуждать ихъ къ этому, или набирать солдатъ посредствомъ конскрипцiи, кажется дѣломъ превышающимъ власть или рѣшимость правительства. Оно не отваживается на такiя неудобоисполнимыя вещи, и его чрезвычайная заботливость о сохраненiи порядка дѣлаетъ его до крайности подозрительнымъ противъ каждаго, кто хотѣлъ бы изустно или печатно сдѣлать болѣе сильное воззванiе къ патрiотическимъ чувствамъ массы. Быть можетъ, правительство поступаетъ благоразумно, держась такой системы,—быть можетъ, обстоятельства расположатся такъ, что тосканцы будутъ избавлены судьбою отъ испытанiя отчаянной обороны. Быть можетъ, ихъ желанiя будутъ уважены и присоединенiе Тосканы къ Пiэмонту совершится безъ борьбы. Они поручаютъ рѣшенiю великихъ державъ справедливость своего дѣла, но не приготовились противопоставить отчаянное сопротивленiе окончательному ихъ рѣшенiю».

Итакъ, говоря коротко и прямо, центральная Италiя остается беззащитна,—покрайней мѣрѣ была беззащитна въ половинѣ сентября, Силы, которыя она приготовила, достаточны для отраженiя двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, которыхъ могъ бы привести съ собою герцогъ моденскiй; быть можетъ достаточны для отраженiя папскихъ войскъ; но вторженiю какого нибудь, даже одного австрiйскаго, корпуса онѣ не могли бы представить успѣшнаго сопротивленiя. Странная, изумительная безпечность!—и чтобы объяснить ее, мы должны высказать факты, за раскрытiе которыхъ передъ нашими читателями опять могли бы сердиться на насъ западно-европейскiе либералы, еслибъ «Современникъ» могъ быть имъ извѣстенъ.

Будемъ говорить откровенно. Какова цѣль, которую поставили себѣ правительства центральной Италiи, и кто такiе люди, въ рукахъ которыхъ находится теперь управленiе этими областями? Въ Тосканѣ и въ легатствахъ правительство составляютъ люди, принадлежащiе къ такъ называемой умѣренной либеральной партiи. Она до послѣдняго времени не считала возможнымъ думать о соединенiи центральной Италiи съ Пiэмонтомъ—такая мысль представлялась ей преждевременною, слишкомъ смѣлою. Она считала возможнымъ стремиться только къ тому, чтобы прежнiя правительства, низверженiя которыхъ она не надѣялась, покинули свою реакцiонную политику, начали подражать либерализму Пiэмонта и замѣнили прежнiй свой союзъ съ Австрiею—союзомъ съ Пiэмонтомъ. Учрежденiе федерацiи между итальянскими государствами казалось ей крайней степенью прогресса, возможною для настоящаго времени. Достичь этой цѣли она думала не силою самого народа центральной Италiи,—эта опора представлялась ей слишкомъ слабою,—а дипломатическимъ заступничествомъ великихъ европейскихъ державъ. Она жестоко преслѣдовала,

Digitized by Google

какъ вредныхъ мечтателей, послѣдователей Маццини, которые говорили, что надобно стремиться къ слiянiю итальянскихъ государствъ не въ союзъ, а просто въ одно государство, и что произвести эту перемѣну должны сами итальянцы своими собственными силами. Въ какомъ же положенiи находятся теперь умѣренные либералы, управляющiе дѣлами центральной Италiи? Обстоятельства повернулись такъ, что ихъ собственная программа совершенно устранена, и вопросъ идетъ объ осуществленiи программы, которую защищали маццинисты. Прежнiя правительства были низвергнуты, чего не надѣялись умѣренные либералы. Выборъ остался только между двумя крайностями: или возвращаются низложенные правители, съ удвоенною враждою къ нацiональнымъ стремленiямъ, и будутъ крѣпче прежняго держаться австрiйской политики,—или области центральной Италiи составляютъ одно государство съ Пiэмонтомъ. Чтобы избѣжать реакцiи, чтобы осуществить нацiональныя стремленiя, надобно опираться не на дипломатическое заступничество иноземцевъ, а исключительно на свои собственныя силы. Такимъ образомъ, умѣренные либералы поставлены въ необходимость исполнять программу Маццини. Этимъ объясняется слабость, медлительность ихъ дѣйствiй. Они находятся въ фальшивомъ положенiи. Имъ пришлось направлять отечество къ цѣли, которую издавна привыкли они считать недостижимою, пользоваться для этого средствами, которыя привыкли они считать недостаточными или опасными. Они должны вооружать народъ—но развѣ они не думали всегда, что народъ безсиленъ?—развѣ они не думали всегда, что его содѣйствiе опасно, потому что онъ слишкомъ легко готовъ предпочитать маццинистовъ умѣреннымъ либераламъ? И вотъ, они принуждены преслѣдовать каждаго, кто хотѣлъ бы вооружить массу, одушевить ее, пробудить въ ней горячую энергiю. Каждый агитаторъ представляется для нихъ опаснымъ маццинистомъ, а всѣхъ маццинистовъ они считаютъ нужнымъ арестовать или высылать за границу. Они боятся, что европейскiе дипломаты обвинятъ ихъ въ революцiонерствѣ, они хотятъ сохранить репутацiю людей смирныхъ, послушныхъ дипломатическимъ обычаямъ,—а между тѣмъ поставлены въ революцiонное положенiе, не имѣютъ въ своемъ распоряженiи никакихъ другихъ силъ, кромѣ революцiонныхъ,—вотъ объясненiе тому, что они остаются бездѣйственны и оставляютъ центральную Италiю до сихъ поръ безъ средствъ къ оборонѣ.

Чѣмъ разрѣшится такое фальшивое положенiе дѣлъ? Уступятъ ли умѣренныя правительства центральной Италiи необходимости обстоятельствъ, и отважутся ли наконецъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ для приведенiя страны въ возможность защищаться? Отважится ли Сардинiя открыто явиться защитницею центральной Италiи?—Мы боимся, что оба эти рѣшенiя будутъ приняты уже тогда, когда поздно будетъ защищаться. Время идетъ, и съ каждымъ днемъ опасность иноземнаго вторженiя приближается, а Сардинiя все еще остается въ своей робости, и правительства центральной Италiи все еще бездѣйствуютъ. Мы боимся, что время свободы, оставленное для нихъ дипломатическими переговорами объ исполненiи Виллафранкскаго мира,—это краткое время свободы, которымъ они должны были бы воспользоваться для приготовленiя къ оборонѣ и которое протекаетъ безполезно по нерѣшительности Сардинiи, по безсилiю правительствъ центральной Италiи,—по-

Digitized by Google

служитъ только къ тому, чтобы приготовить болѣе жертвъ для реакціи.

Но если Австрія твердо рѣшилась на вторженіе въ центральную Италію для возстановленія прежнихъ правительствъ (она уже собрала 200,000 войска въ Венеціанской области), и если Франція, какъ теперь очевидно, не хочетъ жертвовать своими войсками, чтобы во второй разъ защищать Италію, то зачѣмъ же столько времени медлитъ Австрія? Это промедленіе, конечно, зависитъ не отъ нея,—она можетъ вторгнуться въ Италію только тогда, когда императоръ французовъ найдетъ удобнымъ для себя сказать „теперь пора"; а онъ по необходимости долженъ былъ нѣсколько времени помедлить такимъ разрѣшеніемъ.

Императоръ французовъ никакъ не ожидалъ, чтобы Виллафранкскій договоръ произвелъ на Францію такое невыгодное впечатлѣніе; онъ надѣялся, что Франція и вся Европа назоветъ его освободителемъ Италіи, согласится съ нимъ, что онъ сдѣлалъ для итальянцевъ все, что могъ, и доставилъ дѣйствительную гарантію ихъ независимости и единству учрежденіемъ итальянской конфедераціи. Потому онъ полагалъ, что можетъ удобно совершить и возстановленіе эрцгерцоговъ, что эта небольшая непріятность будетъ заглушена въ европейскихъ либералахъ восторгомъ отъ присоединенія Ломбардіи къ Піэмонту и учрежденія итальянскаго союза. Притомъ, какъ мы говорили, онъ надѣялся, что встрѣтитъ въ центральной Италіи безусловную покорность, и что возстановленіе эрцгерцоговъ будетъ произведено почти безъ всякаго шума. Въ той и въ другой надеждѣ онъ обманулся. Опрометчивые французскіе либералы, увлекавшіеся нелѣпымъ довѣріемъ во время войны, были разочарованы въ своихъ неосновательныхъ надеждахъ условіями Виллафранкскаго мира, и вознегодовали; почти вся Франція раздѣляла прежде ихъ ошибку и теперь стала раздѣлять ихъ чувство. Изъ всѣхъ виллафранкскихъ условій возстановленіе эрцгерцоговъ было самымъ щекотливымъ, самымъ непопулярнымъ; притомъ, мы говорили, оказалось, что нельзя исполнить его такъ тихо, незамѣтно, какъ надѣялся императоръ французовъ: тосканцы и моденцы, вмѣсто того, чтобы молча покориться, поспѣшили высказать, что возстановленіе эрцгерцоговъ можетъ быть совершено только вооруженною силою и рѣшительно противно ихъ желанію. Этими двумя непредвидѣнными обстоятельствами—непопулярностью Виллафранкскаго мира во Франціи и непокорностью центральной Италіи достаточно, по нашему мнѣнію, объясняется медлительность императора французовъ, отсрочившая до сихъ поръ принятіе мѣръ къ возстановленію въ центральной Италіи прежняго порядка вещей. Многіе производятъ его политику въ этомъ вопросѣ изъ другаго побужденія: говорятъ, будто Наполеонъ III хочетъ создать изъ центральной Италіи особенное королевство для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона, и думаютъ, что его систему должно объяснять слѣдующимъ образомъ: пусть Тоскана, Модена и Романья получатъ довольно времени, чтобы безвозвратно компрометировать себя передъ своими прежними династіями; когда эти земли доведутъ дѣла до такой крайности, что не будутъ въ состояніи ожидать отъ возстановленія прежнихъ правительствъ ничего, кромѣ ужаснаго мщенія, тогда имъ будетъ объявлено, что соединеніе съ Піэмонтомъ невозможно. Не имѣя возможности возвратиться назадъ, къ

Digitized by Google

прежнимъ правительствамъ, центральная Италія будетъ рада всякому средству избавиться отъ своего отчаяннаго положенія, отвратить отъ себя мщеніе австрійцевъ и эрцгерцоговъ, возвращеніе которыхъ будетъ неизбѣжно грозить ей, когда она увидитъ себя оставляемою безъ защиты и сардинцами и французами. Тогда агенты принца Наполеона объявятъ ей, что остается одинъ только путь избавиться отъ страшной реакціи,—надобно провозгласить королемъ центральной Италіи принца Наполеона, который, будучи зятемъ короля сардинскаго, можетъ даже не считаться въ Италіи чужестранцемъ, стало-быть тосканцы, моденцы и жители Романьи, избравъ его своимъ властителемъ, могутъ утѣшаться мыслью, что не подверглись иноземному господству. Въ прежнихъ нашихъ обозрѣніяхъ приведено довольно фактовъ, могущихъ подтверждать такой способъ объясненія политики императора французовъ. Теперь мы прибавимъ, что есть въ Тосканѣ агитаторы, убѣждающіе своихъ соотечественниковъ, что принцъ Наполеонъ одинъ можетъ спасти ихъ отъ австрійскаго мщенія и порабощенія. Говорятъ, что Меттернихъ ѣздилъ къ Наполеону III въ Сенъ-Совёръ болѣе всего для соглашенія по этому предположенію, и увѣряютъ, будто онъ передалъ императору французовъ, что Австрія готова не противиться учрежденію въ центральной Италіи королевства для принца Наполеона, лишь бы оно было создано волею двухъ императоровъ, а не основывалось формально на принципѣ верховной власти народовъ располагать своею судьбою. До какой степени вѣренъ этотъ слухъ, мы не знаемъ; но само собою разумѣется, что императору французовъ было бы пріятнѣе превращеніе центральной Италіи въ особенное королевство подъ властью его родственника, нежели ея присоединеніе къ Піэмонту, который въ такомъ случаѣ слишкомъ усилился бы. Это несомнѣнно; напротивъ того, трудно рѣшить, составляетъ ли учрежденіе такого королевства положительную цѣль его политики, или просто только остается его желаніемъ, осуществленіе котораго предоставляетъ онъ стеченію обстоятельствъ, не находя удобнымъ жертвовать для него болѣе близкими потребностями своего положенія. Намъ кажется, что эти потребности были въ теченіе нынѣшняго лѣта очень настоятельны, и что забота объ удовлетвореніи ихъ заставляла императора французовъ въ политикѣ относительно центральной Италіи руководиться интересами болѣе близкими, нежели учрежденіе королевства для принца Наполеона. По крайней мѣрѣ факты, въ родѣ посольствъ графа Резе и графа Понятовскаго, показываютъ, что до послѣдняго времени императоръ французовъ имѣлъ въ виду не пріобрѣсти королевскій санъ своему родственнику, а просто возстановить эрцгерцоговъ. (Разумѣется, обстоятельства съ каждымъ днемъ могутъ перемѣниться, и открыть Наполеону III возможность измѣнить свою политику). Статья „Монитера“ также свидѣтельствуетъ объ этомъ, да и вообще медлительность политики Наполеона III относительно Тосканы, Модены и Романьи достаточно объясняется, какъ мы уже говорили, двумя обстоятельствами: непопулярностью Виллафранкскаго мира и непокорностью центральной Италіи.

Противъ ожиданія увидѣвъ, что Виллафранкскій миръ произвелъ на Францію очень неблагопріятное впечатлѣніе, Наполеонъ III былъ долженъ доказать, что условія его не такъ дурны, какъ показалось французамъ, и потому онъ отложилъ исполненіе самаго непопулярнаго изъ этихъ условій,— возстановленіе эрцгерцоговъ, до той поры, когда неудовольствіе французовъ

Digitized by Google

остынетъ и вниманіе ихъ будетъ отвлечено отъ Италіи новыми вопросами. Для смягченія невыгоднаго впечатлѣнія, оказалось нужнымъ прибавить и объясненіе, что онъ соглашался на возстановленіе только въ предположеніи, что оно будетъ произведено съ согласія самихъ тосканцевъ и моденцевъ. Чтобы показать французамъ ошибочность въ ихъ мнѣніи, будто онъ не расположенъ въ пользу итальянскаго единства, онъ очень милостиво принималъ итальянцевъ, являвшихся къ нему съ разными адресами. Съ тою же цѣлью французскому посланнику въ Римѣ, герцогу Граммону, было поручено возобновить старинныя требованія о введеніи въ Римскихъ владѣніяхъ свѣтскаго управленія и наполеоновскаго кодекса и даже предложить папѣ, чтобы онъ призналъ возставшія провинціи самостоятельнымъ намѣстничествомъ, которое было бы независимо отъ Рима по своимъ внутреннимъ дѣламъ, уплачивая только извѣстную ежегодную подать для покрытія издержекъ Римскаго Двора. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія Наполеона III надобно считать только слѣдствіемъ непріятной, но вѣроятно непродолжительной надобности заставить французовъ измѣнить мнѣніе о характерѣ его итальянской политики. Должно думать, что эта надобность минуетъ, когда остынетъ во Франціи первоначальная энергія неудовольствія, произведеннаго Виллафранкскимъ миромъ, и что тогда императоръ французовъ возвратится къ болѣе открытой консервативной политикѣ.

Несоотвѣтственность сужденій французовъ о Виллафранкскомъ мирѣ съ ожиданіями Наполеона III была причиною нѣкоторыхъ дѣйствій, не соотвѣтствующихъ принципамъ его, и во внутренней политикѣ. Надобно было заставить чѣмъ нибудь французовъ измѣнить порицаніе въ похвалу, и потому 17-го августа обнародована была амнистія всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ, или, по выраженію декрета объ амнистіи, преступникамъ. Во французскихъ газетахъ амнистія вызвала горячія похвалы, и вѣроятно многіе изъ изгнанниковъ воспользуются ею. Но главнѣйшіе изъ нихъ одинъ за другимъ обнародовали протестаціи противъ этого акта. Протесты были написаны разумѣется въ духѣ совершенно противномъ правительству Наполеона III; но тѣмъ не менѣе газеты, издающіяся во Франціи, получили разрѣшеніе перепечатать ихъ. Вообще правительство видѣло необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки для смягченія общественнаго мнѣнія, и разнеслись слухи, что приготовляется новый законъ о книгопечатаніи, дающій гораздо большую свободу журналистикѣ. Будетъ онъ изданъ или нѣтъ,—мы не знаемъ, но строгость, съ которою правительство слѣдило за непріязненными ему газетами, на время значительно уменьшилась, и въ журналистикѣ начали говорить о внутреннихъ дѣлахъ языкомъ болѣе смѣлымъ. Явились даже прямыя требованія свободы печатнаго слова; даже осторожный „Journal des Débats“ почелъ безопаснымъ напечатать статью, въ которой подробно показываетъ вредъ, происходящій для государства отъ стѣсненій, которымъ подвергается свобода печатнаго слова.

Но всѣ эти мѣры и уступки для отвлеченія общественнаго мнѣнія отъ неудовольствія, овладѣвшаго Франціею послѣ Виллафранкскаго мира, оказывались недостаточны, и потому давно уже стали говорить, что Наполеонъ III хочетъ загладить непопулярность, бывшую слѣдствіемъ мира, начатіемъ новой войны,—или съ Германіею, то есть собственно съ Пруссіею, или съ Англіею;—

Digitized by Google

предполагается, что та и другая война были бы пріятны для французовъ,— одна льстила бы имъ надеждою на завоеваніе земель до Рейна, другая льстила бы враждебному предубѣжденію противъ англичанъ, до сихъ поръ остающемуся въ толпѣ реакціонеровъ и невѣжественныхъ простяковъ.

Мы не знаемъ, до какой степени вѣрны были эти предположенія: въ войнѣ съ Пруссіею и Германіею не такъ легко можно было бы пріобрѣсти лавры, какъ въ сраженіяхъ съ австрійцами, а война противъ Англіи еще гораздо опаснѣе. Скорѣе всего надобно думать, что эти слухи, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, не предназначались къ исполненію, а были возбуждаемы только затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ Виллафранкскаго мира. Война необходима для императора французовъ, но кажется, что нужно еще довольно много времени для устройства дипломатическихъ отношеній, которыя дозволяли бы начать войну съ Пруссіею или Англіею удобнымъ для него образомъ. Однакоже, какъ бы то ни было, съ серьезною мыслью о войнѣ, или только для занятія французовъ толками о вѣроятности или невѣроятности новой войны, начинались уже приготовленія къ ссорамъ съ Англіею. Полуоффиціальныя газеты получили приказаніе гремѣть угрозами противъ Англіи. Была уже пріискана и причина для разрыва съ нею: она заключалась опять-таки въ итальянскомъ вопросѣ. Англія говорила, что не хочетъ вооруженнаго вмѣшательства въ центральной Италіи для возстановленія эрцгерцоговъ, или учрежденія новаго королевства въ пользу принца Наполеона; она требовала, чтобы тосканцамъ и моденцамъ было дозволено осуществить ихъ желаніе присоединиться къ Піэмонту. Французская политика, находившая невыгоднымъ для себя допустить такое усиленіе Піэмонта, естественно находилась въ противорѣчіи съ англійскою. Это разногласіе и угрозы французскихъ газетъ, служащихъ обыкновенно органами французскаго правительства, заставили англичанъ серьезно подумать о средствахъ борьбы, въ случаѣ войны съ Франціею: англійскіе арсеналы и военныя верфи кипѣли дѣятельностью; парламентъ даже назначилъ комиссію для обозрѣнія береговъ Англіи, съ цѣлью усилить укрѣпленія тѣхъ пунктовъ, которые окажутся недостаточно защищенными. Тревога эта, поднятая Франціею, была однако, по всей вѣроятности, только средствомъ придуманнымъ для развлеченія французовъ, безъ серьезнаго намѣренія начать войну въ скоромъ времени. Кромѣ общихъ основаній для такого мнѣнія, находимыхъ нами въ томъ, что война съ Англіею очень трудна для Франціи и очень опасна для самой прочности власти императора французовъ, положительное подтвержденіе нашему мнѣнію мы видимъ въ чрезвычайной поспѣшности, съ какою французское правительство воспользовалось первымъ случаемъ прекратить свои угрозы противъ Англіи, замѣнивъ ихъ другимъ непредвидѣнно представившимся средствомъ развлечь вниманіе своей націи.

Случай этотъ дали китайцы. Читателямъ извѣстно, что, по послѣднему договору, Англія и Франція, которыя вели войну съ Китаемъ общими силами, получили право прислать своихъ уполномоченныхъ въ Пекинъ для размѣна ратификованныхъ списковъ трактата. Въ іюнѣ посланники дѣйствительно отправились туда съ этою цѣлью, въ сопровожденіи англійской эскадры и нѣсколькихъ французскихъ судовъ, и 17-го іюня дошли до устья Пейхо,

Digitized by Google

укрѣпленія котораго были разрушены англичанами въ предъидущую войну. Теперь эти укрѣпленія оказались возстановленными, но ни батарей, ни солдатъ на нихъ не было видно. Нѣсколько дней прошли въ переговорахъ, потому что китайцы не хотѣли впустить эскадру, требуя, чтобы уполномоченные отправились въ Пекинъ сухимъ путемъ. Видя ихъ упрямство, посланники рѣшились наконецъ пройти черезъ устье, не слушая возраженій. Но когда англійскія суда (25-го іюня) подошли къ укрѣпленіямъ, вдругъ на нихъ демаскировались очень сильныя батареи, а на берегу явилось многочисленное войско. Произошла битва, и неприготовившіеся къ ней англичане принуждены были отступить, потерявъ 464 человѣка убитыми и ранеными изъ 1,300 человѣкъ экипажа. Французы, которые почти не участвовали въ сраженіи, потеряли только 14 человѣкъ. Французское правительство съ величайшею горячностью стало говорить о необходимости самымъ сильнымъ образомъ отмстить за оскорбленіе французскаго флага и немедленно вступило въ самые дружескіе переговоры съ англійскимъ о содѣйствіи англійскому флоту въ Китаѣ. Оно изъявило готовность послать на войну съ китайцами корпусъ въ 12,000 человѣкъ, и, благодаря китайцамъ, прежнія угрозы противъ англичанъ вдругъ замѣнились живѣйшимъ усердіемъ помогать имъ противъ китайцевъ. Дѣйствительно, если можно достичь цѣли,— то есть развлечь французовъ — легкою и эффектною войною на далекомъ востокѣ, то къ чему продолжать опасныя ссоры съ англичанами?

О внутреннихъ дѣлахъ самой Англіи мы очень давно не говорили, потому что въ ней до послѣдняго времени все было заглушено толками объ итальянской войнѣ. Почти безъ шума упало министерство Дерби,—его судьба была рѣшена, когда независимые либералы согласились поддерживать Пальмерстона и Росселя. Почти ничего не было сдѣлано въ краткую сессію новаго парламента, который ограничился только тѣмъ, что низвергъ Дерби (въ чемъ никто не сомнѣвался) и принялъ бюджетъ, представленный новымъ министерствомъ (въ чемъ также не было никакого сомнѣнія). По принятіи бюджета, парламентъ разошелся, отложивъ до обыкновенной сессіи всѣ важныя дѣла. Только теперь, когда ослабѣли опасенія войны, возобновляются заботы о внутреннихъ вопросахъ. Больше всего общественное внибыло занято въ послѣднее время колоссальною распрею между лондонскими строительными подрядчиками и ихъ рабочими, которые требовали сокращенія работы съ десяти часовъ въ день на девять часовъ (Nine hours mouwement). Теперь этотъ величественный эпизодъ борьбы между капиталомъ и трудомъ приближается къ окончанію, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы представимъ отдѣльную статью о немъ. Реформитское движеніе, оттѣснявшееся на второй планъ войною, теперь возобновляется, и въ слѣдующей книжкѣ намъ придется, вѣроятно, говорить о немъ. А теперь мы должны сказать хотя нѣсколько словъ о вліяніи, оказанномъ итальянскою войною на дѣла другихъ западно-европейскихъ государствъ. Газеты наполнены извѣстіями объ улучшеніяхъ внутренняго управленія, полученныхъ или получаемыхъ Австріею, и объ агитаціи для достиженія національнаго единства, овладѣвшей Германіею. Много говорить объ этихъ вещахъ не стоитъ,

Digitized by Google

но надобно сказать столько, чтобы читатель могъ убѣдиться, что подробнѣе говорить о нихъ не стоило.

Австрійскіе либералы (либералы есть и въ Австріи, притомъ даже въ очень значительномъ количествѣ) основываютъ теперь великія надежды на расположеніи своего правительства „къ исправленію недостатковъ законодательства, искорененію злоупотребленій, введенію просвѣщеннаго направленія въ администраціи“ и т. д. Читатель быть можетъ не вѣритъ, чтобы подобная вещь могла находить себѣ мѣсто въ Австріи? Онъ ошибается: надежды либераловъ опираются на доказательствѣ самомъ несомнѣнномъ,—на словахъ, которыми заканчивается манифестъ Австрійскаго императора о заключеніи мира. Кто можетъ не вѣрить офиціальному обѣщанію? Покажите намъ такого скептика, — нѣтъ, вы его не отыщете, по крайней мѣрѣ между либералами, отличительными чертами которыхъ и въ Австріи, какъ повсюду, служатъ два качества: вѣрить и восхищаться. Содержаніе манифеста, внушившаго имъ восторгъ, въ сущности таково: „насъ поколотили, у насъ отняли часть нашихъ земель; думать о новой войнѣ теперь пока намъ нѣтъ возможности, потому что нѣтъ у насъ и десяти гульденовъ звонкой монеты, а на бумажныя деньги войну вести трудно. Итакъ, мы проникаемся миролюбивыми чувствами и постараемся развитіемъ внутреннихъ силъ вознаградить потерю во внѣшнемъ могуществѣ“. Прекрасно. Но изъ этого ясно, что только военныя неудачи заставили австрійское правительство подумать о внутреннихъ улучшеніяхъ, а изъ этого ясно, что когда позабудется стыдъ пораженій, когда остынетъ народное неудовольствіе, возбужденное ими, пройдетъ и забота объ улучшеніяхъ. А къ сожалѣнію, Австрію побили слишкомъ еще мало. Если бы у нея отняли Тироль или Богемію, если бы побѣдоносный непріятель дошелъ до Вѣны, быть можетъ впечатлѣніе о неудовлетворительности прежней системы осталось бы въ правительствѣ довольно сильно и прочно. Но теперь мѣста пораженій арміи были такъ отдалены, что скоро явится—и отчасти явилась уже,—возможность приняться за прежнее самохвальство. Дѣйствительно, мы уже видимъ въ офиціальныхъ австрійскихъ газетахъ увѣренія, что австрійская армія покрыла себя славою въ итальянскую войну. Возвращеніе самодовольства предвѣщаетъ скорое паденіе реформаціонныхъ намѣреній правительства, и мы скоро увидимъ, что почти всѣ обѣщанія свои оно оставитъ невыполненными, рѣшительно возвратится къ реакціонной политикѣ, которой слѣдовало до войны. Да и въ чемъ состоятъ обѣщанныя реформы? Касаются ли онѣ основной причины зла? Обѣщано ли прекратить безправіе гражданъ передъ правительствомъ? Нѣтъ, нынѣшній правительственный принципъ не только не намѣренъ, а даже и не обѣщалъ отказаться отъ своего произвола, ограничить себя законами, которые давали бы гражданамъ участіе въ правительствѣ. Дѣло ограничилось офиціальнымъ признаніемъ надобности измѣнить низшую администрацію и прекратить стѣсненія, которымъ подвергались въ пользу католичества другія исповѣданія. Кто, кромѣ либераловъ, по природѣ своей расположенныхъ восхищаться и надѣяться, могъ находить какую нибудь существенную важность въ этихъ реформахъ, которыя могли бы имѣть дѣйствительное значеніе только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами въ общемъ

Digitized by Google

преобразованіи государственныхъ учрежденій, во всей системѣ своей проникнутыхъ духомъ угнетенія?—Исправить низшую, городскую и сельскую администрацію! Да возможно ли, чтобы она исправилась отъ какихъ бы то ни было уставовъ, если остается въ прежнемъ видѣ областная и общая государственная администрація? Что значитъ какой нибудь окружный начальникъ или городской бургомистръ, когда правитель провинціи и министръ, повелѣвающіе ему, продолжаютъ дѣйствовать по прежней системѣ? Могутъ ли иновѣрцы почувствовать дѣйствительное облегченіе отъ какихъ бы то ни было частныхъ постановленій, относящихся къ нимъ, когда вся администрація по прежнему остается подчинена принципу обскурантизма, и свобода мысли по прежнему преслѣдуется, какъ преступленіе? Неужели можно сказать, что правительство вступаетъ на новый путь, если оно имѣетъ упрямство ограничивать реформы такими мелочами, какъ постановленія о низшихъ чиновникахъ и какихъ нибудь инспекторахъ протестантскихъ школъ? Но либеральные оптимисты ничего не разбираютъ. Какъ юношамъ необходимо быть въ состояніи влюбленности, такъ имъ необходимо быть въ состояніи благонадежности, и какъ юноши готовы влюбляться въ каждаго урода, лишь только послышатъ шорохъ шелковаго платья, такъ и они восторгаются при одномъ звукѣ словъ „либерализмъ, реформа, улучшеніе“. Не знаемъ, начали ли они разочаровываться теперь, но фактовъ уже слишкомъ довольно, чтобы разочароваться. Вотъ уже три мѣсяца прошло съ того времени, какъ даны были обѣщанія, а для выполненія ихъ ровно ничего еще не сдѣлано, кромѣ только того, что подъ громкимъ названіемъ устава объ отвращеніи притѣсненій, которымъ подвергались иновѣрцы, изданъ законъ, въ которомъ самое важное правило то, что протестантскія школы отнынѣ будутъ имѣть ревизорами только протестантовъ. Да и это необыкновенно важное облегченіе дано пока только еще протестантамъ венгерскихъ областей,—о томъ, можно ли дать такія же громадныя привиллегіи протестантамъ другихъ провинцій, австрійское правительство еще думаетъ. Будемъ надѣяться, что и онѣ получатъ такія же прочныя гарантіи своей религіозной свободы. Да, великая реформа! Можно послѣ этого ожидать, что и обѣщаніе о преобразованіи низшаго управленія будетъ выполнено: дѣлать реформы въ подобномъ размѣрѣ вовсе не обременительно для правительства. Конкордатъ, по которому іезуитизмъ вмѣшивается во всѣ дѣла, контролируетъ всю жизнь каждаго австрійца, остается во всей своей неприкосновенности,—почему же не дать протестантскимъ школамъ протестантскихъ ревизоровъ? Вѣдь ихъ будутъ назначать люди, находящіеся подъ вліяніемъ іезуитовъ, стало быть выберутъ такихъ протестантовъ, которые будутъ служить іезуитству усерднѣе всякаго католика. Будемъ же увѣрены, что Австрія вступила на новый путь, что реакція и обскурантизмъ замѣняются въ ея правительствѣ просвѣщеннымъ и свободнымъ направленіемъ. Если намъ кто нибудь скажетъ, что всѣ учрежденія и принципы, отъ которыхъ зависѣлъ нынѣшній порядокъ дѣлъ въ Австріи, остаются невредимы, мы будемъ отвѣчать ему, что онъ тупоумный скептикъ, не понимающій величія совершаемыхъ австрійскимъ правительствомъ преобразованій. Онъ быть можетъ скажетъ, что вѣнское правительство по прежнему сохраняетъ безотчетную власть надъ всею государствен-

Digitized by Google

ною жизнію, можетъ по произволу сажать въ Шпильбергъ кого только вздумаетъ, назначать правителей по придворнымъ и бюрократическимъ интригамъ, издавать какія ему вздумается распоряженія, отъ нелѣпости и обскуратизма которыхъ, ничѣмъ не ограждены австрійцы; онъ скажетъ, что Вѣнское правительство по прежнему опирается только на вооруженной силѣ и жертвуетъ всѣмъ для поддержанія своего военнаго деспотизма, что оно преслѣдуетъ всякую свободную мысль, управляетъ посредствомъ ржавыхъ бюрократическихъ пружинъ; онъ скажетъ, что народъ по прежнему обремененъ налогами, что финансы по прежнему истощаются расходами на армію и на роскошь двора. Мы будемъ отвѣчать такому скептику, что все это пустяки, что всѣ недостатки и бѣдствія австрійской жизни уничтожаются учрежденіемъ протестантскихъ ревизоровъ въ протестантскихъ школахъ: чего же вамъ еще, въ самомъ дѣлѣ? не ясное ли это доказательство просвѣщенности и свободолюбія въ австрійскомъ правительствѣ?

Еще меньше сомнѣній представляетъ движеніе въ пользу германскаго единства, обнаружившееся во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ со времени войны. Опасность, которая, по мнѣнію нѣмцевъ, грозила имъ со стороны Франціи, пробудила въ апатической массѣ мысль о томъ, какъ беззащитна Германія при своей раздробленности; распри между разными нѣмецкими правительствами, не прекращавшіяся и въ то время, когда почти всѣ ожидали нападенія иностранцевъ, заставила массу живо почувствовать вредъ, приносимый общимъ выгодамъ и потребностямъ націи мелкими соперничествами разныхъ ея государствъ; унизительная снисходительность, съ какою полуофиціальныя французскія газеты увѣряли нѣмцевъ, что императоръ французовъ хочетъ быть не врагомъ, а милостивымъ покровителемъ Германіи, напомнила массѣ о томъ, какое жалкое положеніе занимаетъ великая нѣмецкая нація среди другихъ народовъ, по своей разрозненности между множествомъ правительствъ. Пользуясь этими впечатлѣніями, умѣренная либеральная партія возобновила свои требованія, чтобы устройство нѣмецкаго союза было преобразовано для приданія единства нѣмецкому народу. Вмѣстѣ съ требованіемъ большаго единства возникло и неразрывно соединенное съ нимъ въ Германіи требованіе большей политической свободы. Палаты нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ приняли адресы, которыми просили свои правительства позаботиться о достиженіи такого результата. Начали составляться разныя собранія политическихъ людей для представленія или частнымъ правительствамъ, или франкфуртскому сейму адресовъ въ томъ же смыслѣ. Многіе города, черезъ своихъ муниципальныхъ правителей, выразили такое же желаніе. Если бы мы захотѣли перечислять всѣ эти адресы, собранія и просьбы, списокъ вышелъ бы чрезвычайно длинный; если бы мы вздумали выбирать изъ адресовъ и просьбъ всѣ черты патріотизма и либерализма, очеркъ національнаго движенія въ Германіи составился бы очень краснорѣчивый. Но въ чемъ же состоитъ сущность дѣла, и можно ли ожидать какихъ нибудь результатовъ отъ этого движенія? Нѣмецкіе патріоты и либералы, подававшіе адресы и требованія, всѣ свои надежды возлагаютъ на патріотизмъ и мудрость нѣмецкихъ правительствъ, особенно прусскаго. Прекрасно. Спрашивается только, могутъ ли нѣмецкія правительства добровольно

Digitized by Google

взяться за исполненіе желанія нѣмецкихъ патріотовъ? Единство Германіи— это значитъ, что правительства второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ должны отказаться отъ своей самостоятельности—но кому же охота добровольно уменьшать свою власть, добровольно жертвовать своими правами? Итакъ, ни Баварское, ни Саксонское, ни Ганноверское, ни какое другое изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ не можетъ желать единства Германіи. А если такъ, можно ли ожидать, чтобы прусское правительство принялось за осуществленіе такого дѣла? Неужели оно можетъ для удовлетворенія либераловъ начать смертельную вражду съ другими нѣмецкими правительствами, которыя основаны на тѣхъ же самыхъ принципахъ, какъ и оно? Революціонныя средства не могутъ быть приняты консервативнымъ правительствомъ, а единство Германіи, при нерасположеніи къ нему всѣхъ второстепенныхъ правительствъ, не можетъ быть осуществлено иначе, какъ революціонными средствами. Стало быть, напрасно и думать, чтобы прусское правительство взялось за дѣло, противное всѣмъ его принципамъ. Но, говорятъ, для прусскаго правительства это дѣло выгодно, потому что обѣщаетъ ему чрезвычайное увеличеніе могущества. Теперь Пруссія располагаетъ только собственными силами,—силами 17,000,000 своихъ подданныхъ; по превращеніи Германіи въ одно государство, Пруссія располагала бы силами по крайней мѣрѣ 35,000,000 нѣмецкаго населенія, и, занимая центральное положеніе въ Европѣ, стала бы сильнѣйшимъ государствомъ западнаго материка. Правда, перспектива эта была бы очень соблазнительна, если бы, соединивъ Германію въ одно государство, прусское правительство могло надѣяться быть къ нему точно въ такомъ же отношеніи, какъ теперь находится къ населенію своихъ областей. Извѣстно, что конституціонная форма правленія въ Пруссіи остается пока еще только формою, не имѣющею дѣйствительнаго значенія. Но почти всѣ земли западной Германіи уже привыкли къ свободнымъ учрежденіямъ; если бы ихъ представители вошли въ парламентъ, съ которымъ имѣетъ дѣло прусское министерство, они внесли бы въ парламентъ истинно-конституціонный духъ, нынѣ еще неизвѣстный большинству прусскихъ депутатовъ. Нынѣшнее полновластіе прусскаго правительства исчезло бы. Что же за радость ему жертвовать своими правами, добровольно снисходить на степень какого нибудь англійскаго правительства? Лучше управлять небольшою державою, но чувствовать себя въ ней полнымъ господиномъ, нежели называться главою великаго государства, но зависѣть отъ парламента, зависѣть отъ журналистовъ, адвокатовъ, учителей, купцовъ и тому подобной „сволочи". Кто захочетъ добровольно промѣнять положеніе господина на положеніе слуги? Таковъ простой взглядъ на вопросъ о нѣмецкомъ единствѣ; скажите же, какого успѣха могутъ ожидать люди, обращающіеся теперь къ нѣмецкимъ правительствамъ съ просьбою, столь странною? По нашему мнѣнію, пока движеніе въ пользу нѣмецкаго единства будетъ сохранять свой нынѣшній характеръ, оно останется не болѣе, какъ патріотически-либеральнымъ пустословіемъ.

Digitized by Google

Октябрь 1859.

Парижская сцена 5-го октября.—Бездѣйствіе Сардиніи.—Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи.—Приближеніе вооруженной реакціи.—Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи.—Заговоръ въ Турціи.

Временныя правительства центральной Италіи имѣли передъ собою двѣ дороги: они могли стремиться къ достиженію своей цѣли, къ соединенію съ Піэмонтомъ, опираясь на энтузіазмъ народа, отважно возбуждая патріотизмъ въ массахъ и быстро набирая какъ можно больше войска, для того, чтобы собственною силою защищать желанія центральной Италіи противъ австрійцевъ, противъ папы и другихъ враговъ, которые вздумали бы вооруженною рукою помѣшать осуществленію національнаго стремленія. Но мы видѣли, что подобная отважность и самоувѣренность не соотвѣтствовала духу и положенію людей, руководящихъ дѣлами центральной Италіи. Гораздо безопаснѣйшимъ казался для нихъ другой способъ дѣйствованія: они хотѣли показать европейскимъ правительствамъ, что не имѣютъ ничего общаго съ какими нибудь бурными демагогами, и что національное движеніе сохраняетъ подъ ихъ руководствомъ характеръ безукоризненной законности; они надѣялись доказать, что дѣло центральной Италіи не заключаетъ въ себѣ никакихъ революціонныхъ тенденцій, такъ что самыя консервативныя правительства могутъ оставаться имъ довольны и своею дипломатическою помощью защищать его отъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что такая политика заключала въ себѣ два очевидныя заблужденія. Правители центральной Италіи совершенно напрасно воображали, что какими бы то ни были усиліями могутъ придать себѣ законный характеръ въ глазахъ правительствъ континентальной Европы. Какъ бы консервативно ни держали себя тосканскій диктаторъ Риказоли и романьольскій диктаторъ Чиприани, все-таки и происхожденіе и стремленіе ихъ власти придавало ей неизгладимую печать революціонности. Временныя правительства центральной Италіи были основаны возмущеніемъ противъ легитимной власти и стремятся они къ тому, чтобы предотвратить возстановленіе законныхъ владѣтелей, чтобы замѣнить государей, имѣющихъ право владычествовать надъ своими землями по легитимному принципу, такимъ государемъ, какого само населеніе центральной Италіи вздумало выбрать себѣ безъ всякаго уваженія къ династическому принципу и правамъ освящен-

Digitized by Google

наго трактатами. Благопріятствовать этимъ правительствамъ, по своему ихъ происхожденію, могли только державы, признающія верховную власть народа, но никакъ не могли правительства, основанныя на легитимности. Еще ошибочнѣе была ихъ надежда до такой степени предотвратить всякія народныя волненія, чтобы не дать своимъ противникамъ никакого предлога обвинить національное движеніе центральной Италіи въ связи съ демагогическими тенденціями. Одно изъ главныхъ различій легитимнаго правительства, освященныхъ древностью, отъ правительства, вчера возникшаго изъ политическаго кризиса, заключается въ томъ, что народъ, недавно учредившій правительство по своему выбору, никакъ не можетъ имѣть той привычки всѣ свои чувства подчинять его рѣшенію, какая господствуетъ въ народѣ подъ властью стариннаго и легитимнаго правительства. Потому, какъ бы ни старалось новое, возникшее изъ политическаго переворота правительство предотвратить шумныя уличныя сцены, столь противныя натуральному чувству легитимныхъ правительствъ, оно не можетъ совершенне устранить подобныхъ событій: такъ или иначе, но все-таки произойдетъ что нибудь несообразное съ обычными требованіями системы безмятежнаго спокойствія, потому что населеніе уже имѣетъ мысль дѣйствовать самостоятельно и считать себя высшей правительственной властью. Изъ этого надобно выводить, что если временныя правительства центральной Италіи хотѣли удержать общественную жизнь и событія своихъ областей въ томъ спокойствіи, безъ котораго не могли эти правительства называть себя чистыми отъ революціонныхъ безпорядковъ, то имъ оставалось только стараться о возстановленіи законныхъ правительствъ и спѣшить какъ можно скорѣе передать свою власть—въ Романьи папскому правительству, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ —представителямъ законныхъ династій. Только быстрѣйшее возстановленіе прежнихъ правительствъ могло предупредить революціонныя сцены, и только отреченіе отъ своей власти въ пользу законныхъ династій могло отчасти загладить въ глазахъ легитимности преступность революціоннаго происхожденія нынѣшнихъ временныхъ правительствъ центральной Италіи. Но, по обыкновенному самообольщенію либераловъ, люди, управляющіе нынѣ дѣлами этихъ областей, никакъ не понимаютъ, что они не могутъ не казаться преступными революціонерами въ глазахъ легитимности, и что не въ силахъ они предотвратить революціонныхъ сценъ. Почти не натуральнымъ явленіемъ надобно было назвать то, что около пяти мѣсяцевъ центральная Италія провела подъ властью временныхъ правительствъ безъ такихъ сценъ. Это объясняется только тѣмъ, что до половины іюля военное одушевленіе отнимало у народа охоту ко вспышкамъ со всякою другою мыслью; а по заключеніи мира, почти до половины сентября, населеніе центральныхъ итальянскихъ областей думало, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту дѣло уже рѣшенное, исполненіе котораго не требуетъ никакихъ усилій, не подлежитъ никакимъ опасеніямъ, что сардинскій король не колеблется принять ихъ въ составъ своего государства, а Франція благопріятствуетъ такой развязкѣ. Когда съ половины сентября сталъ разъясняться для массы фактъ, съ самаго начала бывшій очевиднымъ для лучшихъ публицистовъ западной Европы,— когда населеніе центральной Италіи увидѣло, что само должно энергически хлопотать объ исполненіи своего желанія, которое подвержено великимъ опас-

Digitized by Google

ностямъ, что не только Францiя, но даже и Сардинiя не намѣрены жертвовать своими дипломатическими отношенiями для избавленiя центральной Италiи отъ необходимости защищать свое дѣло своими собственными силами,— словомъ сказать, какъ только пробудились въ массахъ усыпленныя на время мысли, заботы и опасенiя, свойственныя перiодамъ политическихъ кризисовъ, съ каждымъ днемъ надобно стало ожидать, что произойдетъ въ томъ или другомъ городѣ какая нибудь изъ уличныхъ сценъ, неразлучныхъ съ революцiоннымъ состоянiемъ. Надобно приписать мягкости итальянскаго характера то, что почти цѣлый мѣсяцъ, до 5 октября, замедлилось появленiе первой изъ этихъ неизбѣжныхъ вспышекъ. Либеральныя газеты наполнены очень возвышенными разсужденiями о томъ, что убiйство графа Анвити въ Пармѣ не должно быть поставляемо въ вину, ни временнымъ правительствамъ центральной Италiи, ни нацiональному движенiю, которымъ взялись руководить эти правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ расточаютъ цѣлые потоки еще болѣе краснорѣчивыхъ фразъ о преступности и гнусности этой самоуправной казни. Намъ кажется, что либеральныя газеты совершенно ошибаются. Само собою разумѣется, что ни Фарини, пармскiй диктаторъ, ни одинъ изъ чиновниковъ пармскаго управленiя не имѣлъ намѣренiя убивать Анвити; но что жь изъ этого слѣдуетъ? Изъ тѣхъ людей, которые поразили Анвити своими кинжалами, навѣрное также ни одинъ, за полчаса до убiйства, не поколебался бы сказать, что убивать какого бы то ни было преступника самоуправнымъ образомъ вовсе не слѣдуетъ, а надобно предать его правильному суду. На другой день послѣ этого событiя почти каждый изъ участвовавшихъ въ убiйствѣ также навѣрное готовъ былъ бы согласиться, что этотъ поступокъ былъ великимъ неблагоразумiемъ, тѣмъ болѣе излишнимъ, что Анвити не избѣжалъ бы наказанiя и по приговору правильнаго суда, имѣя противъ себя улики въ дѣйствiяхъ, наказываемыхъ уголовными законами. Убiйство было слѣдствiемъ мгновеннаго увлеченiя, которому въ совершившихъ его вовсе не предшествовала преднамѣренность и за которымъ навѣрное послѣдовало въ нихъ сожалѣнiе о вредномъ для итальянскаго дѣла поступкѣ. Въ чемъ же состоятъ существенныя черты поведенiя этихъ людей? Они увлеклись порывомъ чувства. Но если этотъ порывъ ставится теперь въ характеристику имъ и если они называются людьми запятнавшими себя преступленiемъ, то какимъ же образомъ не будетъ характеристика эта относиться и къ движенiю, неминуемо соединенному съ порывами, подобными самоуправной казни графа Анвити? Если этотъ фактъ служитъ пятномъ для людей, къ жизни которыхъ принадлежитъ, то мы не видимъ, какимъ образомъ можетъ быть очищено отъ него и то движенiе, къ которому онъ принадлежитъ. Идемъ далѣе. Могутъ ли быть освобождены отъ отвѣтственности за него и люди, руководящiе итальянскимъ движенiемъ? Передъ уголовнымъ судомъ, конечно—да; но передъ исторiею и инстинктивнымъ здравымъ смысломъ массы—нѣтъ. Кто берется за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно; и если не хочетъ онъ неизбѣжныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическiе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, какая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное

Digitized by Google

чувство забываетъ о формахъ. Кто не знаетъ этого, тотъ не понимаетъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ. Для руководителей нынѣшняго движенія центральной Италіи только и существуетъ это одно извиненіе въ избавленіе имъ отъ прямой отвѣтственности за смерть Анвити. Они могутъ сказать, что не предполагали неизбѣжности такихъ эпизодовъ въ дѣлѣ, за которое брались. Мы совершенно вѣримъ искренности этого извиненія, но, снимая съ нихъ прямую юридическую отвѣтственность, оно налагаетъ на нихъ тѣмъ болѣе тяжелую вину передъ исторіей. Человѣкъ бываетъ виновенъ передъ исторіею, когда берется за дѣло, характера котораго не понимаетъ. Онъ виновенъ потому, что своими ошибками приноситъ слишкомъ много вреда и дѣлу и всѣмъ, кого оно касается. Мы теперь говоримъ вообще о всѣхъ руководителяхъ движенія въ центральной Италіи. Что касается въ частности Фарини, пармскаго диктатора, то мы увидимъ, что онъ передъ исторіею виновенъ меньше всѣхъ другихъ правителей центральной Италіи. Если движеніе было ведено не такъ, какъ слѣдовало идти ему, то не отъ Фарини, по крайней мѣрѣ, происходилъ этотъ вредъ; напротивъ онъ дѣлалъ все что могъ для избѣжанія ошибокъ и своимъ вліяніемъ успѣвалъ исправлять нѣкоторыя изъ нихъ. Осудить его можно развѣ за то, что онъ согласился стать въ положеніе, связывающее его зависимостью отъ людей, системы которыхъ онъ не можетъ одобрять. Но и за это порицать его трудно: диктаторъ самой маленькой части союза, онъ не могъ принять болѣе рѣшительнаго тона, не могъ требовать, чтобы Тоскана и Романья поставили свою политику въ зависимость отъ политики Пармы и Модены; стало быть довольно и того, что онъ успѣлъ убѣдить ихъ сдѣлать хоть что нибудь.

Къ чему говорили мы все это? Къ тому ли, чтобы осуждать итальянское движеніе, или къ тому, чтобы защищать пармскую сцену 5 октября? Ни то, ни другое. Читатель давно долженъ былъ замѣтить, что мы вообще стараемся не брать на себя претензіи хвалить и порицать, а стараемся только разсказывать факты и объяснять связь между ними: читатель не ребенокъ, онъ можетъ самъ видѣть, что хорошо, что дурно, какое дѣло заслуживаетъ сочувствія, какое заслуживаетъ вражды. По всей вѣроятности, читатель и безъ нашихъ разсужденій знаетъ, что убійство не есть дѣло хорошее. Очень можетъ быть, что онъ также самъ понимаетъ хорошо или дурно дѣлаетъ нація, стремясь избавиться отъ иноземнаго ига. Стало быть, можно намъ положиться на его собственное чувство въ выборѣ между итальянцами и австрійцами; мы почли бы обидою для читателя внушать ему, какъ ребенку, что дурное—дурно, а хорошее—хорошо. Мы имѣемъ въ виду совершенно иной вопросъ, и постараемся изложить его какъ можно яснѣе.

Зло и добро такъ тѣсно смѣшаны въ мірѣ, что нѣтъ добраго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ дурныхъ, нѣтъ дурнаго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ хорошихъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя итальянское національное движеніе. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ дурнымъ,—но нельзя вамъ не признаться, что одна сторона его, стремленіе на-

Digitized by Google

ціи къ сверженію иноземнаго ига, хороша. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ хорошимъ,—но нельзя вамъ не признаться, что принадлежащій къ нему эпизодъ убійства Анвити—дуренъ. Таже исторія во всемъ и всегда. Что жь тутъ остается дѣлать? Надобно взвѣсить добро и зло, и если вамъ кажется, что въ сущности дѣло хорошо, не смущайтесь тѣмъ, что есть въ немъ стороны дурныя; если кажется, что въ сущности дѣло дурно, не обольщайтесь тѣмъ, что въ немъ есть стороны хорошія. Колебаться изъ-за этихъ разногласій между разными сторонами нечего. Да, или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будьте тверды. Надобно быть человѣкомъ, а не флюгеромъ. Это важная вещь, это быть можетъ важнѣйшая вещь въ исторіи. Ничѣмъ такъ не задерживаются успѣхи ея, какъ жалкою наклонностью большинства людей говорить нынѣ — да, завтра — нѣтъ, поддаваясь только минутнымъ впечатлѣніямъ быстро смѣняющихся фазисовъ дѣла.

Но само собою разумѣется, что для этого надобно не скрывать отъ себя ни одной изъ сторонъ, неизбѣжно принадлежащихъ дѣлу. Надобно знать, къ чему по необходимости ведетъ оно, какія явленія неизбѣжно вызоветъ. Надобно быть готову къ нимъ, иначе прійдется играть недостойную человѣка роль флюгера. Положимъ, напримѣръ, что вы жили въ 1848 году въ Германіи, и что вамъ надоѣли безплодныя смуты, и вы желали возстановленія порядка,—вы должны были знать, что возстановленіе порядка повлечетъ за собою продолжительное господство реакціи съ политическими преслѣдованіями. Вы должны были быть готовы безъ ропота, безъ разочарованія, видѣть ихъ, если хотѣли возстановленія порядка. Но чаще всего мы видимъ, что нынѣ кричатъ: „возстановляется порядокъ, ахъ, какъ мы рады!“ а завтра кричатъ; „владычествуетъ реакція, ахъ, какъ насъ это огорчаетъ!“ Это ребячество. Если вы чувствуете, что будете недовольны владычествомъ реакціи, не восхищайтесь возстановленіемъ порядка; а если чувствуете невыносимыя для васъ политическія смуты, въ такомъ случаѣ не жалуйтесь и не играйте роли либераловъ, когда придетъ реакція. Всѣ эти разсужденія сводятся, какъ видимъ, къ извѣстному выраженію Чичикова: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“.

Большинство, увлекающееся минутными впечатлѣніями, обнаруживаетъ этою непослѣдовательностью вредное вліяніе на ходъ дѣла обыкновенно уже тогда, когда дѣло очень сильно развилось: едва начинаетъ оно приносить свои плоды, какъ расположеніе къ нему въ массѣ исчезаетъ; оно лишается поддержки общественнаго мнѣнія, переходящаго на противоположную сторону, потому что въ числѣ плодовъ какого бы то ни было дѣла всегда бываетъ довольно много горькихъ на вкусъ для того самаго большинства, которому нравились цвѣтки. Оттого самыя успѣшныя дѣла въ исторіи остаются недоконченными. Возьмемъ ли мы исторію реакцій или исторію революціонныхъ движеній, мы одинаково увидимъ, что даже самыя сильныя изъ нихъ рѣдко достигали своей цѣли. Французская революція, напримѣръ, не успѣла совершенно искоренить во Франціи стараго порядка вещей: онъ воскресъ при Наполеонѣ и оказался очень сильнымъ при реставраціи; съ другой стороны и реакція, начавшаяся еще до Наполеона и почти безпрерывно господствовавшая во Франціи до сихъ поръ, не успѣла искоренить ни революціонной тенденціи, ни даже зако-

Digitized by Google

новъ ею произведенныхъ въ краткій періодъ шести лѣтъ отъ 1789 до 1795: каждый разъ, какъ только начинала она дѣйствовать успѣшно, большинство легкомысленно переходило на сторону революціи, которую также легкомысленно покидало, едва революція появлялась на горизонтѣ. Мы опять не говоримъ, какое изъ двухъ стремленій надобно считать справедливымъ и полезнымъ: стремленіе ли устроить порядокъ дѣлъ, сообразный съ новыми потребностями общества, или стремленіе возстановить старину; мы говоримъ только, что какое изъ этихъ стремленій ни назовете вы хорошимъ, все-таки неумѣнье большинства понять неразлучность нѣкоторыхъ тяжелыхъ испытаній или оскорбительныхъ для чувства явленій съ исполненіемъ предпочитаемаго вами дѣла, на сторонѣ котораго и большинство становилось по нѣскольку разъ, было причиною того, что дѣло это оставалось недоконченнымъ и, слѣдовательно, все равно, реакціонеръ вы или прогрессистъ, вы должны быть недовольны этимъ легкомысліемъ большинства. Потому-то мы говоримъ: если человѣкъ имѣетъ потребность распространять свои убѣжденія между другими людьми, то еще важнѣе забота вообще внушать людямъ, что они должны быть тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—пусть имѣютъ какія хотятъ убѣжденія. О томъ, что истина привлечетъ на свою сторону большинство, безпокоиться нечего: это неизбѣжно. Но должно позаботиться о томъ, чтобы люди приготовились, понявъ истину, не отступиться отъ нея легкомысленно изъ-за мелкихъ непріятностей, отъ которыхъ не свободно никакое дѣло.

Но если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи додѣланы какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ виновны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можетъ ковать желѣза тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можетъ вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полнаго успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха. И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны. Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя побѣды; но рѣшайтесь, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, тоже самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если человѣкъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ, требуемыхъ этимъ дѣломъ, и явленій, какія могутъ вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качествъ дѣла, за которое борется. Просимъ читателя помнить,

Digitized by Google

что мы не говоримъ о томъ, хорошо или худо какое дѣло, а только о томъ, какъ должны дѣйствовать люди, считающіе его хорошимъ. Напримѣръ, Наполеонъ I поставилъ себѣ задачею подавить революцію во Франціи. Хороша или дурна была его цѣль, мы не знаемъ; но онъ считалъ ее хорошею, и нельзя не признаться, что онъ дѣйствовалъ, какъ слѣдовало ему дѣйствовать по натурѣ дѣла, за которое онъ взялся. Въ парламентскихъ формахъ крылся тогда революціонный духъ,—онъ уничтожилъ эти формы; революціонеры вздумали противиться ему, — онъ казнилъ или сослалъ въ ссылку революціонеровъ; правильный судъ находилъ, что для ихъ истребленія нѣтъ юридическихъ основаній,—онъ отстранилъ правильный судъ и замѣнилъ его во всѣхъ нужныхъ для дѣла случаяхъ военно-судными комиссіями; во время мира разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему, раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, пріобрѣтали вліяніе надъ общественнымъ мнѣніемъ,—онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны.

Какъ не рѣшаемъ мы, хорошо или дурно было дѣло, которое велъ Наполеонъ, а говоримъ только, что онъ умѣлъ вести его сообразно его сущности, точно также мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взялись вести правители центральной Италіи, а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его, какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленія котораго они хотятъ—принципъ верховной власти народа—смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ пріобрѣсти помощь континентальной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ средства, требуемыя этимъ дѣломъ, дурны, этого мы не знаемъ: но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы.

Свойство фальшивыхъ положеній таково, что они вовсе не избавляютъ отъ тѣхъ бѣдъ, для избѣжанія которыхъ человѣкъ мѣняетъ открытое, прямое положеніе на фальшивое. Правители центральной Италіи не хотѣли свое революціонное дѣло вести революціоннымъ путемъ для того, чтобы избѣжать революціонныхъ сценъ. Смерть Анвити показала, что этихъ сценъ итальянское движеніе все-таки не избѣгаетъ. Но пора намъ, бросивъ разсужденія, перейдти къ изложенію этого факта. Подробнѣйшій и, кажется, самый точный разсказъ о немъ написанъ итальянскимъ корреспондентомъ Times'а. Кромѣ его письма мы переведемъ еще письмо корреспондента Daily News, чтобы читатель могъ, сличивъ ихъ, видѣть достовѣрность тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ характеръ сцены, возбудившей такое сильное негодованіе во всѣхъ газетахъ.

Вотъ письмо корреспондента Times'а:

Digitized by Google

«Парма, 9 октября.

«Я пріѣхалъ въ Парму вчера вечеромъ и нашелъ городъ еще погруженнымъ въ глубочайшее отчаяніе отъ одного изъ тѣхъ дикихъ дѣлъ народнаго мщенія, которыя предусматривались и предсказывались проницательными людьми, но отъ которыхъ по чрезвычайному счастію былъ до сихъ поръ избавленъ этотъ городъ, избавлена и вся центральная Италія.

«Передаю вамъ подробности вполнѣ, потому что руководящіе люди въ Италіи вообще полагаютъ, будто дѣйствуютъ сообразно съ благомъ своей страны, стараясь показаться иностраннымъ державамъ лучшими, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ; а я твердо убѣжденъ, что никогда никакое дѣло не выигрываетъ отъ скрыванія истины. Многіе факты основаны тутъ на однихъ народныхъ слухахъ; но я былъ чрезвычайно заботливъ и строгъ въ своихъ розысканіяхъ, потому надѣюсь, что я не прибавляю и не убавляю, а разсказываю этотъ случай, просто, какъ онъ произошелъ.

«Луиджи Анвити былъ родомъ изъ Піаченцы и принадлежалъ къ фамиліи, имѣвшей нѣкоторыя претензіи на знатность и носившей графскій титулъ. Онъ и его братъ уже умершій, много лѣтъ жили въ Пармѣ, какъ scroceli и balossi по ремеслу, т. е. какъ плуты и воры, мошенники и надуватели. Луиджи, бывшій младшимъ братомъ, вступилъ въ военную службу и въ 1848 году былъ капитаномъ; тогда, по его извѣстной дурной репутаціи, ему не позволили вступить ни въ число волонтеровъ, ни въ отрядъ регулярныхъ войскъ, посылавшихся Пармою для участія въ національной войнѣ. При востановленіи герцога Карла III, этотъ безумный правитель, выбиравшій самыхъ худшихъ людей, какихъ только можно было найдти, для организованія своей нелѣпо большой арміи, быстро возвысилъ Анвити до чина полковника. Анвити, исполненный зложелательства къ либеральной партіи, которая справедливо отвергла его, сталъ однимъ изъ главныхъ орудій сумасшедшихъ и жестокихъ подвиговъ герцога, особенно въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній за политическія преступленія, составлявшихъ источникъ самаго сильнаго неудовольствія пармезанцевъ противъ герцога и стоившихъ наконецъ герцогу жизни, которой онъ лишился 25 марта 1854. При регенствѣ герцогини Луизы, Анвити прославился участіемъ во всѣхъ жестокихъ мѣрахъ, принятыхъ противъ предполагаемаго убійцы герцога и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ той систематической рѣзни 22 іюля 1854, которую никогда не могли простить пармезанскіе простолюдины. 13 апрѣля 1855 г. Анвити, предметъ всеобщихъ проклятій, подвергся выстрѣлу изъ пистолета у дверей своего дома, когда возвращался домой въ сумерки. Пуля не попала въ него, онъ остался невредимъ и общая молва была, что это мнимое покушеніе на его жизнь было его собственнымъ дѣломъ, придуманнымъ для произведенія новыхъ свирѣпостей. Дѣйствительно, онъ обвинилъ въ покушеніи на убійство отставного рядового солдата Карини, предалъ его военному суду, судилъ, приговорилъ къ смерти и разстрѣлялъ, хотя говорятъ, что несчастный положительнѣйшимъ образомъ доказалъ, что во время выстрѣла находился совершенно въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, Анвити арестовалъ бѣднаго цирульника Маріо Феррари единственно за то, что онъ свидѣтельствовалъ въ пользу Карини, и цирульникъ былъ найденъ повѣшеннымъ въ своей тюрьмѣ; тѣло его висѣло, говорятъ, въ такомъ положеніи, которое никакъ не допускало мысли, что онъ удавился самъ.

«Ненависть всего населенія къ Анвити стала такъ сильна, что даже правительство почло нужнымъ удалить его изъ Пармы и послать его сначала въ Понтремоли, потомъ въ Піаченцу, гдѣ его карьера была также ознаменована гнусными свирѣпостями. При паденіи правительства герцогини въ маѣ нынѣшняго года, Анвити исчезъ и съ тѣхъ поръ не было о немъ слышно.

«Я считалъ нужнымъ предварительно сообщить эти факты, чтобы читатель могъ имѣть ясныя понятія о характерѣ этого человѣка и о свойствахъ правительства, при которомъ такія чудовища пользовались властью.

«Въ пятницу, 5 числа, Анвити переодѣтый поселяниномъ, ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Болоньи въ Піаченцу. У него былъ паспортъ отъ папскаго правительства, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ ѣхалъ по какимъ нибудь тайнымъ сноше-

Digitized by Google

ніямъ между папскими войсками и войсками герцоговъ моденскаго и пармскаго, собравшимися теперь въ Мантуѣ. Паспорта отъ нынѣшнихъ правительствъ у него не было, за то была медаль, служившая, какъ предполагаютъ, довѣрительнымъ знакомъ для него въ разныхъ лагеряхъ и доказательствомъ, что онъ дѣйствительно тотъ, кого ждали. Прибавляютъ—но я не удостовѣрился въ этомъ положительнымъ образомъ,—что въ его сакѣ было 15,000 франковъ банковыми билетами. Подлѣ моста черезъ Энцу, въ пяти миляхъ отъ Пармы, Анвити былъ узнанъ пармезанскимъ волонтеромъ, по ремеслу сѣдельникомъ, Камоцци, который, говорятъ, получалъ отъ него обиды и однажды былъ арестованъ просто по той причинѣ, что не нравился полковнику. Этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и назвалъ его по имени, но, получивъ рѣзкій и надменный отвѣтъ замолчалъ, и молчалъ, пока поѣздъ прибылъ на Пармскую станцію, въ 5 часовъ вечера. Тутъ онъ сказалъ объ Анвити нѣсколькимъ своимъ пріятелямъ волонтерамъ. Они его арестовали и отвели въ казарму жандармовъ (карабинеровъ) близь porta San Barnaba, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ и станціи. Едва только помѣстили они Анвити въ караульной комнатѣ, какъ простонародье, между которымъ слухъ объ его арестѣ распространился съ быстротою молніи, собралось передъ главною дверью казармы, требуя смерти ненавистнаго эксъ-полковника. Въ центральной Италіи, какъ я вамъ говорилъ, почти нѣтъ вооруженныхъ силъ, и въ казармахъ было всего только 6 или 7 карабинеровъ. Они поспѣшно затворили, заперли и загородили задвижкою главную дверь, а изъ оконъ старались успокоить толпу, убѣждая, что преступникъ не ускользнетъ изъ ихъ рукъ и что судить его надобно законнымъ порядкомъ. Толпа отвѣчала, что въ послѣдніе три мѣсяца она часто отдавала подобныхъ преступниковъ въ руки законныхъ властей и что они всѣ были выпускаемы на свободу; но что теперь она захватила злѣйшаго атамана всей шайки и не хочетъ, чтобы опять его скрыли отъ справедливаго мщенія. Пока предводители вели эти переговоры, толпа раздраженныхъ простолюдиновъ, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ изъ самаго низкаго разряда черни, нашла входъ въ казарму черезъ маленькую боковую дверь, которая по неосторожности была оставлена незапертой. Она ворвалась въ караульную комнату и нашла тамъ Анвити, который малодушно залѣзъ подъ одну изъ лавокъ, служащихъ постелями для жандармовъ, отправляющихъ караулъ. Его вытащили оттуда, не обращая вниманія на его крики и мольбы; вывели его изъ казармы, и тутъ, на улицѣ, началось демонское мученіе, которое продолжалось и надъ его трупомъ. Его протащили по всей улицѣ San Barnaba, потомъ черезъ Дворцовую площадь (Piazza del Corte), мимо герцогскаго дворца, гдѣ стоялъ караулъ изъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, потомъ черезъ Quattro mal cantoni и Bassa dei Magnani, черезъ Piazza grande (главную площадь), гдѣ стоялъ другой караулъ національной гвардіи, и остановились только у швейцарской кофейной въ улицѣ San Michele, по которой въ это время гуляло, по обыкновенію, множество порядочно одѣтыхъ людей. Тутъ, велѣвъ подать лимонаду своей почти безжизненной жертвѣ и насытивъ свою ненависть самымъ жестокимъ образомъ, они наконецъ повалили Анвити на одну изъ мраморныхъ ступеней и отрубили голову ему саблею. Тѣло, какъ мнѣ говорили, еще затрепетало подъ этимъ ударомъ. Прибавляютъ, и, кажется, справедливо, что одинъ изъ каннибаловъ отрубилъ пальцы рукъ у трупа и сосалъ кровь, которая потекла изъ перерезанныхъ жилъ; что нѣсколько уличныхъ мальчишекъ плясали надъ обезглавленнымъ трупомъ. Толпа вышла изъ кофейной и ходила почти по всѣмъ улицамъ и частямъ города. Нѣкоторые несли голову, воткнутую на саблю, другіе тащили трупъ по пыли; наконецъ воротились на главную площадь послѣ этой безумной оргіи, продолжавшейся два часа, и, остановившись передъ Colonna della Piazza—колонною безъ капители, служащею и памятникомъ и центральнымъ столбомъ, отъ котораго считаются мили, положили голову на вершину колонны и, заставивъ оркестръ слѣпыхъ скрипачей играть, начали плясать карманьйолу вокругъ ужаснаго трофея.

«Было 9 часовъ. Толпа, насытившаяся кровавою сценою, утомленная крикомъ и бѣшенствомъ, начала расходиться, хотя поклялась, что голова останется выставлена на колоннѣ три дня. Нѣсколько ротъ піэмонтскихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ городѣ, отважились войти въ толпу и разогнали ее. Голова и страшно искаженный

Digitized by Google

трупъ были отнесены въ городской госпиталь и оттуда тайкомъ перенесены для христіанскаго погребенія. При осмотрѣ изувѣченнаго тѣла нашлось на одномъ туловищѣ 23 раны отъ острыхъ орудій и одна рана пулею.

«Событіе, разсказанное мною со всею возможною для меня точностью и обстоятельностью, конечно ужасно; но точно того же можно бы ожидать отъ дурныхъ классовъ черни въ какомъ угодно городѣ какой угодно другой страны. Гораздо печальнѣе этого неистовства кажется мнѣ то, какъ держали себя хорошіе классы жителей и правительство до кроваваго дѣла и послѣ него. Я слышалъ только объ одномъ хорошо одѣтомъ человѣкѣ, который пытался вступиться за Анвити у швейцарской кофейной и убѣждалъ толпу, что теперь, когда Анвити уже мертвъ, они должны по крайней мѣрѣ не подвергать трупа напрасному поруганію. Но онъ долженъ былъ замолчать, потому что грозили «расправиться» съ нимъ такимъ же образомъ. Въ убѣжденіяхъ и робкихъ упрекахъ недостатка не было, но я не слышалъ, чтобы карабинеры въ казармахъ, или караулы національныхъ гвардейцевъ на двухъ площадяхъ, или какой нибудь солдатъ или гражданинъ нанесъ или получилъ ударъ, защищая,—не говорю злодѣя,—но законъ. Толпа цѣлыхъ три часа владычествовала въ городѣ; она могла бы господствовать и три дня, еслибъ захотѣла, потому что, какъ я говорилъ, въ послѣдніе мѣсяцы вооруженной политической силы почти не было и нѣтъ въ центральной Италіи.»

Вотъ разсказъ корреспондента Daily News:

«Парма, 6 октября.

«Полковникъ графъ Анвити имѣлъ 48 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ Піаченцы и былъ потомкомъ древней фамиліи, Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ въ армію Маріи-Луизы и скоро сталъ извѣстенъ парискому народу своею ненавистью къ либеральной партіи въ герцогствѣ. При возстановленіи Карла III полковникъ Анвити сталъ близкимъ другомъ его и исполнителемъ тѣхъ дѣлъ, которыя были причиною смерти молодаго герцога. Жестокость полковника была такъ велика, жертвы его звѣрства были такъ многочисленны, что при смерти герцога онъ былъ уже предметомъ всеобщихъ проклятій. Почти каждый день наказывались палками люди по его распоряженію; старики посылались въ тюрьму безъ суда и слѣдствія единственно подъ предлогомъ, что они либералы. Не разъ онъ выбѣгалъ, какъ бѣшеный, изъ кофейной и тащилъ какого нибудь горожанина въ цирульню, чтобы тамъ обрить ему бороду, потому что борода, по его мнѣнію, была признакомъ революціонныхъ замысловъ. Его неистовства были такъ многочисленны, что въ 1855 году былъ сдѣланъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, когда онъ переходилъ черезъ улицу Santa Lucia. Предполагаемые виновники этого покушенія были осуждены и одинъ изъ нихъ, Андреа Карини, былъ разстрѣлянъ, несмотря на ходатайство о помилованіи, представленное герцогинѣ предсѣдателемъ военной коммиссіи, которая судила его. Я имѣлъ случай разсматривать документы этого постыднаго процесса и вынесъ изъ разбора ихъ убѣжденіе, что не было и тѣни юридическаго доказательства въ оправданіе казни Карини. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ этого несчастнаго человѣка одинъ, Франческо Паницца, былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму на всю жизнь, а другой, Изола Джузеппе, на двадцать лѣтъ такого же наказанія. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ противъ цирульной, которую содержалъ нѣкто Маріо Феррари. При самомъ началѣ слѣдствія, показаніе этого человѣка служило доказательствомъ невинности Карини и другихъ обвиненныхъ съ нимъ; потому несчастный Феррари былъ брошенъ въ тюрьму и черезъ два дня нашли его повѣшеннымъ на рѣшоткѣ тюремнаго окна. Общее мнѣніе говорило, что полковникъ Анвити тайно велѣлъ задушить цирульника, чтобы сбыть съ рукъ единственнаго свидѣтеля, который могъ спасти предполагаемаго преступника. Карини былъ отцомъ многочисленнаго семейства и имѣлъ двухъ братьевъ, которые по ремеслу своему мясники. Я не безъ намѣренія дѣлаю это замѣчаніе, потому что, по слухамъ, родственники Карини играли главную роль въ кровавой сценѣ вчерашняго дня. По отъѣздѣ герцогинѣ, парское правительство получило юридическое доказа-

Digitized by Google

тельство невинности Карини, потому что человѣкъ, который выстрѣлилъ въ полковника, сознался въ винѣ.

«При самомъ началѣ національнаго движенія, Анвити бѣжалъ въ Церковную область. Но вотъ у него родилось намѣреніе возвратиться въ свой родной городъ, чтобы составить заговоръ противъ новаго правительства. Вчера онъ выѣхалъ изъ Болоньи съ поѣздомъ желѣзной дороги, отправляющимся въ часъ по полудни. Онъ одѣлся въ платье фермера. Поѣздка шла удачно до той самой минуты, какъ поѣздъ прибылъ къ рѣчкѣ Энцѣ, передъ которой вагоны теперь принуждены останавливаться, потому что мостъ сломанъ; пассажировъ перевозятъ на другой берегъ въ омнибусахъ. Какъ только полковникъ Анвити сѣлъ въ одинъ изъ этихъ омнибусовъ, онъ, хотя и былъ переодѣтъ, былъ узнанъ человѣкомъ, котораго прежде наказалъ палками. Потому, когда поѣздъ пришелъ на пармскую станцію, несчастному полковнику не дали продолжать его пути въ Піаченцу. Человѣкъ, узнавшій его, вытащилъ его изъ кареты и повелъ въ городъ среди проклятій толпы. Ярость народа была такъ велика, что нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, случайно бывшихъ на станціи, только съ величайшимъ трудомъ могли удержать это раздраженіе. Когда толпа дошла до городскихъ воротъ, съ нею встрѣтился полковникъ Дода, который, узнавши въ чемъ дѣло, поѣхалъ подлѣ арестованнаго, чтобы защищать его. По близости попалась карабинерская казарма, у которой стояли часовые; Анвити былъ переданъ подъ стражу имъ и толпа разошлась. Но извѣстіе о томъ, что схваченъ Анвити, дошло до дома, въ которомъ жена, братья и дѣти Карини еще скорбѣли о казни своего невиннаго родственника. Имя графа быстро пробудило чувство мщенія, и въ нѣсколько минутъ собралась у карабинерской казармы толпа, жаждавшая крови. При первомъ приливѣ народной волны, карабинеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) заперли дверь казармы, но дверь была выломлена толпою, которая ворвалась въ домъ и стала обыскивать комнаты. «Онъ не уйдетъ отъ насъ», — слышалось со всѣхъ сторонъ: «Правительство теперь не обманетъ народъ; ему не удастся спасти Анвити, какъ спасло оно другихъ злодѣевъ» (Надобно сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ два агента герцогскаго правительства были счастливо спасены отъ народнаго гнѣва). Обыскали первый, второй, третій этажъ казармы, обыскали чердакъ — Анвити нигдѣ не было. Раздраженная толпа обращала уже свою ярость противъ карабинеровъ. когда страшный крикъ послышался изъ подвальнаго этажа. Одинъ изъ искавшихъ нашелъ несчастнаго плѣнника и Анвити погибъ. Тѣло его потащили по улицѣ Св Барнабы; голова трупа была отрѣзана и положена на верхъ мраморнаго памятника, поставленнаго Бурбонами въ память Іосифа I. Вся эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа, не болѣе того времени, сколько нужно было для присылки вооруженной силы. Барабаны національной гвардіи собрали вооружившихся гражданъ, регулярныя войска поспѣшили присоединиться къ нимъ, и въ половинѣ седьмого толпа была разсѣяна, отрѣзанная голова снята съ памятника и трупъ жертвы отнесенъ въ домъ, гдѣ ставятся покойники передъ похоронами. Пармское правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ человѣческой предусмотрительности, для предотвращенія этого великаго преступленія, но оно совершилось такъ быстро, что нельзя было предотвратить его. Прибывъ сюда вечеромъ, я нашелъ Парму въ ужасѣ отъ воспоминанія о кровавой сценѣ, осквернившей ея улицы. Было уже сдѣлано много арестовъ, но говорятъ, что истинные виновники преступленія уже скрылись изъ города».

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ Siècle:

«Полковникъ Анвити, хотя и носилъ графскій титулъ, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Будучи главнокомандующимъ маленькой пармской арміи и генералъ-директоромъ полиціи, онъ имѣлъ безграничную власть, которою пользовался для совершенія всевозможныхъ жестокостей Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присутствовать при наказаніяхъ и оскорблять свои жертвы въ ту минуту, когда палачъ билъ ихъ. По очень сильнымъ уликамъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ повѣсилъ въ тюрьмѣ нѣсколькихъ человѣкъ безъ всякаго суда надъ ними».

Digitized by Google

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ Opinione.

«Анвити на Пармской станціи былъ узнанъ человѣкомъ, который, какъ говорятъ, былъ подвергнутъ имъ тѣлесному наказанію; присутствуя при наказаніи, полковникъ ругался надъ нимъ во все продолженіе наказанія».—«Кофейная, въ которую народъ притащилъ полумертваго Анвити изъ казармы, была та самая, гдѣ въ прежнія времена любилъ онъ сидѣть, хвалясь тѣлесными наказаніями и другими жестокостями, которыя дѣлалъ». — «При возстановленіи порядка, нѣсколько человѣкъ изъ толпы было ранено. Тотъ, который держалъ отрѣзанную голову, не отдавалъ ея, пока самъ получилъ семь ранъ. Его ярость объясняется тѣмъ, что онъ подвергался тѣлесному наказанію въ присутствіи Анвити, который всегда присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и при каждомъ ударѣ ругался надъ своими жертвами, приговаривая: вотъ тебѣ за viva l'Italia! вотъ тебѣ за слова: прочь австрійцевъ! и т. д.».

Не останавливаясь на нравственныхъ качествахъ Анвити, мы соберемъ изъ этихъ разсказовъ только тѣ черты, которыя прямо относятся къ сценѣ 5 октября. Но прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Тѣлесное наказаніе въ Италіи имѣетъ значеніе, какого не имѣетъ даже во Франціи. Итальянецъ даже самаго низкаго званія чувствуетъ обидность удара точно также, какъ въ другихъ странахъ человѣкъ свѣтскаго общества. Онъ считаетъ, что ударъ на всю жизнь обезчестилъ его, и что эта обида можетъ быть омыта только кровью оскорбителя, какъ у насъ ударъ по щекѣ. Надобно также вспомнить, что прежняя безпредѣльная увѣренность жителей Пармы, Модены и проч. въ легкости присоединенія къ Піэмонту въ послѣднее время смѣнилась столь же безпокойными опасеніями: они видятъ опасности со всѣхъ сторонъ, повсюду подозрѣваютъ злоумышленія и заговоры. Вспомнимъ также вспыльчивость итальянскаго характера и то, что носить при себѣ кинжалъ между итальянцами не такая рѣдкость, как у другихъ европейцевъ.

На Пармской станціи Анвити попалъ въ толпу людей, родственниковъ, которыхъ онъ безъ суда казнилъ, и которыхъ самихъ онъ подвергалъ тѣлесному наказанію, ругаясь при томъ надъ ними. Дѣйствительно, узнанъ былъ онъ однимъ изъ такихъ людей; главную роль въ толпѣ, поражавшей его кинжалами, играли братья Карини, мясники, ремесло которыхъ не располагаетъ къ кротости, братъ которыхъ былъ казненъ Анвити, и одинъ изъ которыхъ также подвергался отъ него тѣлесному наказанію; его голова была тоже въ рукахъ человѣка, котораго подвергалъ онъ тѣлесному наказанію. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія была кофейная, извѣстная тѣмъ, что онъ хвалился въ ней тѣлесными наказаніями, которыя производилъ. Толпа думала, что онъ пріѣхалъ въ Парму устраивать заговоръ для возстановленія правительства, при которомъ пользовался безотчетною властью. Толпа думала, что если она выпуститъ его изъ рукъ, передавъ на судъ правительства, правительство тайно освободитъ его, какъ освобождало другихъ подобныхъ ему агентовъ прежняго правительства. Кинжалы были подъ руками,—все, что происходило далѣе, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опьяненія, въ которое впадаетъ каждое многочисленное общество, разъ увлекшись страстью.

Но само собою разумѣется, что пармское правительство должно было смотрѣть на самоуправную казнь Анвити, какъ на преступленіе. Немедленно

Digitized by Google

приняты были мѣры для отысканія участниковъ этой сцены. Корреспондентъ Daily Newes, пріѣхавшій въ Парму на другой день послѣ нея, нашелъ уже многихъ людей арестованными. Однакоже Фарини, который къ несчастью былъ 5 октября въ Моденѣ и присутствіе котораго, вѣроятно, значительно смягчило бы кровавую сцену, возвратившись въ Парму, нашелъ нужнымъ придать еще болѣе строгости преслѣдованію, отрѣшилъ отъ должности многихъ чиновниковъ, чтобы замѣстить ихъ болѣе энергическими, и издалъ прокламацію, написанную съ пламеннымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ жителямъ Пармы: „Вашъ городъ оскверненъ ужаснымъ преступленіемъ. Наша добрая слава поражена, свобода профанирована, Италія оскорблена“ и т. д. Мы не увѣрены въ томъ, что Фарини говорилъ это по собственному убѣжденію, а не для того только, чтобы удовлетворить консервативныя силы на континентѣ Европы. По всей вѣроятности, ему казалось, что смерть Анвити—просто несчастный случай, слишкомъ достаточно объясняемый прежними отношеніями убитаго къ людямъ, бросившимся на него, и что всѣ послѣдующія подробности бѣшенства, выразившагося на его трупѣ, какъ ни возмутительны сами по себѣ, происходили не отъ преднамѣренной свирѣпости, а только отъ натуральнаго опьяненія разгорѣвшейся страсти, въ которой, конечно, раскаявались черезъ нѣсколько часовъ люди, поддавшіеся внезапному порыву ея. Мы полагаемъ, что говоря о характерѣ этого случая иначе, онъ только уступалъ необходимости отнять у враговъ Италіи предлогъ къ обвиненію временныхъ итальянскихъ правительствъ въ покровительствѣ революціоннымъ сценамъ или безсиліе наказывать ихъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Смерть Анвити могла дѣйствительно поразить Фарини, подобно другимъ либераламъ воображавшаго, что политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякихъ случаевъ нарушенія уличной тишины; продолжительное поруганіе толпы надъ тѣломъ убитаго могло возмутить пармскаго диктатора, по обыкновенію либераловъ идеалистически державшаго въ головѣ двѣ равно мечтательныя мысли, противорѣчащія одна другой: народъ—свирѣпый звѣрь, котораго нельзя выпускать изъ клѣтки; народъ—способенъ къ невозмутимой кротости и неотступному соблюденію всѣхъ прекрасныхъ формъ. Люди, подобные правителямъ центральной Италіи, никакъ не могутъ дойти до понятія, что народъ - просто собраніе такихъ же людей, какъ и всякіе другіе люди, то есть людей способныхъ, подъ вліяніемъ страсти, увлекаться до крайности и въ хорошую и въ дурную сторону, людей, въ жизни которыхъ неизбѣжны и натуральны случаи поочередныхъ увлеченій въ обѣ эти крайности. Никакъ это не понимая, они сами безпрестанно приходятъ въ экстазъ,—то въ экстазъ восторга, когда народъ сдѣлаетъ что нибудь энергическое въ хорошемъ смыслѣ, — таково было состояніе духа правителей центральной Италіи до 5 октября, чрезвычайно удивлявшихся патріотизму народа,—то въ экстазъ негодованія, если народъ увлечется какимъ нибудь неблаговиднымъ порывомъ, какъ 5 октября въ Пармѣ: они не умѣли предвидѣть ни того, ни другаго, не предполагали въ народѣ той смѣси хорошаго съ дурнымъ, изъ которой составляется жизнь каждаго человѣка. Подумавъ хорошенько, мы убѣждаемся, что Фарини не могъ взглянуть на дѣло хладно-

Digitized by Google

кровно: онъ былъ изумленъ, пораженъ, потому дѣйствительно долженъ былъ вознегодовать.

Впрочемъ, все равно, показываетъ ли Фарини только видъ, что не понимаетъ сущности дѣла, или въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ негодованіе и ужасъ. Какъ напрасны оказались мечтательныя усилія временныхъ правительствъ центральной Италіи предотвратить появленіе всякихъ революціонныхъ сценъ въ революціонномъ дѣлѣ, точно также напрасны останутся и всѣ ихъ усилія освободиться отъ упрека со стороны консерваторовъ за смерть Анвити. Чтобы ни говорилъ и ни дѣлалъ Фарини, консерваторы все-таки будутъ утверждать, что нынѣшнее пармское правительство потворствовало страстямъ, убившимъ Анвити; что по крайней мѣрѣ его существованіе благопріятствовало развитію этихъ страстей; что революціонное движеніе неизбѣжно ведетъ къ подобнымъ происшествіямъ. Что бы ни дѣлали временныя правительства центральной Италіи, они останутся революціонными и анархичными въ глазахъ консерваторовъ. Сказать ли правду?—въ сущности мнѣніе консерваторовъ будетъ основательно.

Мы останавливались такъ долго на пармской сценѣ 5 октября только потому, что она уже служитъ для враговъ итальянскаго единства поводомъ, сильнѣе прежняго выставлять революціонный характеръ этого движенія и несовмѣстность его съ консервативными принципами, которымъ слѣдуютъ континентальныя правительства Западной Европы. Толпа такъ называемыхъ порядочныхъ людей, голосъ которой составляетъ общественное мнѣніе, и которая всегда слѣдуетъ минутнымъ впечатлѣніямъ и поверхностнымъ выводамъ, неминуемо поддастся вліянію этого факта и другихъ ему подобныхъ революціонныхъ сценъ, которыя не замедлятъ послѣдовать за нимъ, какъ только центральныя области Италіи увидятъ себя въ дѣйствительной опасности отъ заговоровъ и вмѣшательствъ для возстановленія прежняго порядка вещей. Прежде толпа вслѣдъ за либералами твердила объ удивительныхъ качествахъ итальянскаго движенія, столь умѣреннаго и не имѣющаго будто бы никакихъ наклонностей къ отвратительному революціонерству. Скоро она будетъ повторять вслѣдъ за консерваторами, что итальянское дѣло запятнано кровью Анвити и другими революціонными сценами, которыхъ надобно ждать, лишь только вопросъ пріиметъ серьезный оборотъ. Впрочемъ, и сами либералы, какъ мы говорили, съ негодованіемъ разсуждаютъ о гнусности убійства, совершеннаго кровожадными извергами въ Пармѣ. Намъ кажется, что безъ такого отношенія къ общественному мнѣнію весь этотъ случай былъ бы совершенно ничтоженъ. Перестанемъ же наконецъ заниматься имъ.

И теперь, при разсужденіяхъ о немъ, а еще больше въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, мы очень много говорили о томъ, что правительства центральной Италіи не понимаютъ своего положенія и не умѣютъ дѣйствовать сообразно съ своими цѣлями. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ потеряли они совершенно понапрасну. Читатель помнитъ, что мы не говоримъ о томъ, хороша или дурна цѣль, къ которой они хотятъ привести Италію. Мы не хотимъ ни доказывать справедливости ихъ дѣла, подобно либераламъ, ни говорить о его святотатственности, подобнаго консерваторамъ. Съ одной стороны мы видимъ, и каждый читатель видитъ самъ, династическія права,

Digitized by Google

освященныя трактатами и всѣми правительствнными преданіями континентальной Европы. Съ другой стороны находится, какъ тоже знаетъ каждый читатель, стремленіе итальянскаго народа къ единству для достиженія независимости отъ иностранцевъ. На которой сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, онъ самъ долженъ знать и безъ насъ. Мы говоримъ только о томъ, что каково бы ни было дѣло центральной Италіи, хорошо или дурно, временныя правительства не умѣли вести его тѣмъ способомъ, какого оно требовало. Но должно сказать въ ихъ извиненіе, что тому же самому упреку подлежитъ и сардинское правительство, которое, будучи болѣе твердымъ и сильнымъ, должно было бы выказывать больше энергіи и ободрять своихъ слабыхъ союзниковъ. Когда Кавуръ управлялъ Сардиніею и былъ предметомъ всеобщихъ похвалъ, мы не раздѣляли господствовавшаго мнѣнія о мудрости его политики. Мы говорили еще до начала войны, что онъ запутываетъ Сардинію въ такія отношенія, при которыхъ она утратитъ свою самостоятельность, и что, несмотря на всю свою дипломатическую тонкость, сардинскій министръ вовлечетъ въ обманъ, подвергнетъ горькому разочарованію и себя и сардинскій народъ. Теперь, когда графъ Кавуръ, видя себя обманутымъ, видя Піэмонтъ попавшимъ подъ зависимость отъ Франціи, удалился отъ дѣлъ, приходится жалѣть о томъ, что не онъ управляетъ дѣлами государства, которое введено въ такое затрудненіе его же собственною непроницательностью. Положеніе дѣлъ въ Сардиніи таково, что власть перешла къ людямъ, въ сравненіи съ которыми графъ Кавуръ заслуживалъ бы полнаго сочувствія. Онъ хотя что нибудь дѣлалъ бы; у него по крайней мѣрѣ есть энергія и смѣлость. Нынѣшній первый министръ, генералъ де ла-Мармора, бывшій при Кавурѣ военнымъ министромъ, оказывается человѣкомъ лишеннымъ и этихъ качествъ, которыя теперь были бы нужнѣе всего. Центральная Италія требуетъ помощи и руководства отъ Піэмонта, а Піэмонтъ обнаруживаетъ полнѣйшее безсиліе и самую жалкую робость. Мы любимъ пользоваться чужими свидѣтельствами при изложеніи фактовъ, изъ которыхъ дѣлаемъ выводы: потому просто переведемъ два письма итальянскаго корреспондента Times'а, написанныя изъ Турина.

«Туринъ, 28 сентября.

«Піэмонтъ смѣло выступилъ бойцомъ за единство и независимость Италіи; два раза въ десять лѣтъ онъ рисковалъ самымъ существованіемъ своимъ для осуществленія этой цѣли. Честолюбіе или патріотизмъ былъ причиною такой политики, все равно, результатъ ея былъ ясенъ. Маленькое королевство стало во главѣ итальянскаго движенія, и всѣ земли, гдѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ, признавали Сардинію своею предводительницею въ національномъ дѣлѣ. Къ изумленію скептическихъ дипломатовъ, казался исчезнувшимъ духъ узкаго провинціализма, на которомъ было построено столько гипотезъ. Ни одна область не хотѣла отстать отъ другихъ и каждая изъ освобождавшихся отъ угнетенія итальянскихъ земель, какъ только становилась госпожею своей судьбы, спѣшила соединить свою участь съ участью земли и династіи, которыя отважились сдѣлать первый и опаснѣйшій шагъ.

«Почетнымъ положеніемъ для маленькаго государства была такая диктатура, такое супрематство. Но это супрематство имѣло свои опасности. Еслибъ императорская программа даже вполнѣ осуществилась, еслибъ Италія освободилась отъ Альпъ до Адріатики и царственный благодѣтель, съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, удалился

Digitized by Google

съ своими легіонами за Альпы, все-таки было бы геркулесовскимъ подвигомъ соединить и организовать земли, до сихъ поръ бывшія разрозненными, сохранить на будущее время итальянскою силою то, что было пріобрѣтено силою иноземцевъ. Еще гораздо труднѣе, но за то и еще гораздо славнѣе сдѣлалась эта задача послѣ Виллафранкскаго мира. Онъ далъ итальянцамъ только возможность испытать шансы войны, если они дѣйствительно имѣли рѣшимость на попытку своими силами сдѣлать то, чего неразсудительно ждали отъ другихъ. Ихъ руки были развязаны, и самъ императоръ, во второй своей миланской прокламаціи, сказалъ имъ, что остальное должны они сдѣлать сами.

«Два мѣсяца прошло съ той поры,—два мѣсяца драгоцѣннаго времени, и какъ же воспользовались этими двумя мѣсяцами? Цюрихская конференція влачила въ это время свое безполезное существованіе, какъ будто вызывая Италію дѣйствовать и приготовиться къ дѣлу. Теперь была для Піэмонта минута показать себя предводителемъ итальянцевъ; національная партія обращала свои взоры на Туринъ.

«А Туринъ спитъ, или какъ будто находится въ сомнабулизмѣ; онъ неподвиженъ или повинуется жестамъ великаго магнетизера. Какъ будто всякая дѣятельность и рѣшимость покинула правительство вмѣстѣ съ Кавуромъ. Прочтите отвѣты, данные депутаціямъ Тосканы, герцогствъ и Романьи, и вы угадаете все по этимъ отвѣтамъ. Во всемъ та же апатія и нерѣшимость, та же робость и малодушіе. Разумѣется, каждому понятна щекотливость положенія, въ какое Сардинія поставила себя относительно своего могущественнаго союзника, которому она столь многимъ обязана, котораго не можетъ она раздражать безъ величайшей опасности для себя. Но именно въ подобныхъ положеніяхъ, смѣлость неизмѣнно бываетъ лучшею политикою; она укрѣпляетъ довѣріе друзей и внушаетъ страхъ врагамъ, а противоположная система ободряетъ враговъ и отнимаетъ мужество у друзей. Но смѣлость этого рода требуетъ рѣшимости поддерживать дѣлами и жертвами то, что сказано словами. При энтузіазмѣ, какой показало населеніе Верхней Италіи, Сардинія могла бы въ эти два мѣсяца составить армію, по крайней мѣрѣ, въ 150.000 человѣкъ. Она тутъ не встрѣтила бы недостатка ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ; и если бы теперь она объявила, что согласна на присоединеніе государствъ центральной Италіи, чѣмъ она рисковала бы? Даже и такой могущественный человѣкъ, какъ императоръ Наполеонъ, не отважился бы настолько презрѣть общественное мнѣніе Европы, чтобы обратить свои легіоны противъ своей союзницы. Все, что могло бы случиться,—развѣ только то, что онъ отозвалъ бы ихъ, и оставилъ бы на волю судьбы итальянцевъ, которые теперь плотнѣе соединены и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь.

«Но положимъ, что Сардинія и центральная Италія не имѣютъ достаточной самоувѣренности, чтобы быть отважными въ своей политикѣ; самое простое благоразуміе должно было бы совѣтовать имъ не щадить никакихъ усилій для развитія своихъ военныхъ силъ, чтобы имѣть въ будущемъ возможность воспользоваться первымъ представляющимся благопріятнымъ случаемъ, и непостижимая апатія въ этомъ отношеніи болѣе всего подняла во всей центральной Италіи ропотъ противъ нынѣшняго сардинскаго министерства и особенно противъ главы его, генерала де-ла-Марморы. Неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ и въ каждомъ; каждый, съ кѣмъ бы вы ни заговорили, жалуется, и газеты повторяютъ жалобу.

«Съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который руководитъ въ критическія времена мыслями массы, какъ инстинктъ руководитъ животную натуру, всѣ вопросы внутренней политики здѣсь отброшены; никто не думаетъ о палатахъ и парламентскихъ преніяхъ, никто не заботится о медленности, какая видна въ окончательной организаціи Ломбардіи; каждый чувствуетъ, что есть нѣчто болѣе важное для общей цѣли, для единства и независимости Италіи, что важнѣйшее дѣло—организація военныхъ силъ. Даже не признавая присоединеніе земель центральной Италіи, Сардинія должна была употребить всѣ усилія для ихъ военнаго устройства; этого ожидали всѣ. Вашъ тосканскій корреспондентъ разсказалъ вамъ, каковы успѣхи этого дѣла, и мнѣ нечего прибавить къ его словамъ, кромѣ того, что я долженъ передать вамъ всеобщее впечатлѣніе, приписывающее истинную причину жалкаго положенія военныхъ силъ центральной

Италіи, апатіи, чтобы не сказать нерасположенію, піэмонтскаго правительства. Всѣ земли на югъ отъ По ждали отъ сардинскаго правительства руководства въ этомъ дѣлѣ; руководить ими было бы не только легко, это было бы обязанностью Піэмонта, по всеобщему убѣжденію. Само правительство почти признало это, пославъ въ центральную Италію генерала Фанти. Но если бы кто сталъ приводить политическія соображенія и опасенія по дѣлу военной организаціи земель центральной Италіи, то, конечно, уже нѣтъ никакихъ извиненій относительно Ломбардіи. Три мѣсяца прошло съ той поры, какъ Ломбардія освободилась отъ Тичино до Минчіо, и ни одинъ солдатъ не прибавленъ къ національнымъ силамъ. Единственная вещь, которую сдѣлали, состояла въ томъ, что пять полковъ ломбардскихъ волонтеровъ, которыхъ набралъ Гарибальди, уменьшили въ два полка и послали двухъ піэмонтскихъ офицеровъ командовать ими. Даже тѣ 10.500 ломбардскихъ солдатъ, которыхъ возвратила Австрія, были разосланы по домамъ [1]). Не дѣлая никакого прибавленія къ войску изъ новой провинціи, министерство значительно уменьшило даже существовавшую сардинскую армію, отпустивъ резервы, созванные во время войны; такъ что теперь, по присоединеніи Ломбардіи и при готовности герцогствъ, Тосканы и Романьи, помогать общему дѣлу, Сардинія едва ли можетъ выставить въ поле двѣ трети того числа войскъ, какое имѣла при началѣ послѣдней войны. А между тѣмъ, замѣтьте, Австрія имѣетъ 250.000 войска въ Венеціанской области, и столь многіе вопросы еще не разрѣшены. Какимъ образомъ это произошло, объяснить не трудно. Короля никто не осуждаетъ; онъ популяренъ по прежнему, если не больше прежняго, и между прежними и между новыми своими подданными; но очень многіе имѣли случай изучить странныя понятія перваго министра, которыми объясняется все. Представьте себѣ Дармштатскаго или Гессенъ-Кассельскаго министра, сдѣлавшагося первымъ министромъ достигшей единства Германіи: по всей вѣроятности онъ захочетъ всю Германію обратить въ Дармштатъ или Гессенъ-Кассель.

«Еще во время войны храбрый генералъ и его партія, которая, впрочемъ, очень малочисленна даже въ арміи, дѣлали всевозможныя затрудненія устройству національныхъ силъ. «Будьте піэмонтцами, или намъ васъ не нужно»,—таковъ былъ ихъ девизъ, и, благодаря этому девизу военнаго министра, Гарибальди вступилъ въ Ломбардію съ солдатами, у которыхъ не было ни обуви, ни платья. Къ счастію, ломбардскіе города думали иначе и снабдили храбрый отрядъ всѣмъ нужнымъ. Пока былъ министромъ Кавуръ, онъ всячески старался противодѣйствовать этой узкой и нелѣпой политикѣ, но не могъ совершенно преодолѣвать ее, и потому вмѣсто 20 или 30,000 человѣкъ у Гарибальди, даже въ лучшія времена, не было больше 5,000. Теперь Кавуръ живетъ въ деревнѣ, а де-ла-Мармора первый министръ. Боязнь, чтобы піэмонтская армія не обратилась въ національную армію, заставила потерять два съ половиною мѣсяца, заставила уничтожить легіонъ Гарибальди, заставила отстранить самого Гарибальди, призываемаго общественнымъ мнѣніемъ Италіи организовать войска центральной Италіи; эта же боязнь замедляетъ военную организацію Ломбардіи. Дѣло дошло до того, что королю представлена изъ Милана просьба, требующая поспѣшить устройствомъ ломбардскихъ военныхъ силъ».

«Туринъ, 30 сентября.

«Если бы мѣстныя политическія новости должны были составлять предметъ моихъ писемъ, я могъ бы посылать вамъ бѣлые листы, потому что такого продукта, какъ мѣстныя политическія новости, здѣсь въ настоящее время не находится. По дѣлу о рѣшеніи итальянскаго вопроса можно сообщить много извѣстій изъ Парижа или Вѣны, можно довольно много извѣстій сообщить изъ Тосканы и всякой другой средней и южной Итальянской области, не исключая даже маленькихъ герцогствъ Пармскаго и Моденскаго; но ровно нечего сообщить объ этомъ изъ столицы народа,

---

[1]) Австрія возвратила въ Ломбардію тѣхъ солдатъ своей арміи, которые были родомъ изъ этой области.

Digitized by Google

который выступилъ передовымъ бойцомъ итальянской независимости. Это можетъ казаться страннымъ, но это такъ. Въ самую критическую эпоху борьбы, Піэмонтъ совершенно исчезъ, или, лучше сказать, принудилъ себя исчезнуть со сцены. Всѣ играютъ роль въ этомъ дѣлѣ: императоръ Наполеонъ, отъ котораго ждутъ рѣшенія; императоръ австрійскій, дѣлающій предложеніе за предложеніемъ; нейтральныя державы, предлагающія совѣты; папское правительство, приготовляющееся занять Романью при первомъ удобномъ случаѣ; даже маленькія герцогства, отважившіяся выразить желанье и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлающія все для его исполненія. Одинъ Піэмонтъ, боецъ итальянской независимости, не только не принялъ твердаго и достойнаго положенія, но даже не осмѣливается сдѣлать и того, чего не поколебались сдѣлать маленькія герцогства,—не осмѣливается выразить ни мнѣнія, ни желанія; онъ только осмѣливается предоставлять все рѣшенію другихъ. Золотое яблоко, предметъ его давнихъ желаній, само дается ему въ руки, а онъ надѣется своимъ смиреніемъ и умѣренностью тронуть сердца императоровъ. Иначе нельзя объяснить этой непростительной апатіи, этой робости, этого совершеннаго подчиненія чужому рѣшенію.

«Все это было бы чрезвычайно похвально, если бы Сардинія хотѣла получить не первенство въ Италіи, а Монтіоновскую премію въ Парижѣ. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, каково должно быть впечатлѣніе, производимое такою политикою на умы остальныхъ итальянцевъ, привыкшихъ надѣяться на Сардинію? Это значитъ покидать ихъ въ кризисѣ, который былъ вызванъ въ значительной степени самою Сардиніею. Это значитъ ронять Сардинію во мнѣніи итальянцевъ и ободрять всѣ силы, враждебныя итальянской національной идеѣ. Надобно помнить, что единодушіе, съ которымъ верхняя и средняя Италія захотѣла примкнуть къ Сардиніи, происходило не отъ страстной любви къ самой Сардиніи или къ ея учрежденіямъ, не отъ восторженнаго желанія сдѣлаться непремѣнно піэмонтцами; оно основывалось на мысли, что Піэмонтъ будетъ служить центромъ, вокругъ котораго могъ бы соединиться народъ, говорящій итальянскимъ языкомъ и имѣющій итальянскія тенденціи. Постояннымъ аргументомъ людей, противившихся соединенію Италіи, было то, что Піэмонтъ едва можетъ считаться итальянскимъ государствомъ и во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ другихъ итальянскихъ земель, и что потому присоединеніе къ Сардиніи было бы для Италіи скорѣе потерею, чѣмъ выигрышемъ. Да и народы сѣверной Италіи не имѣли иллюзій относительно Піэмонта. Но стремленіе къ національному единству было такъ горячо, что для него все другое забывалось. Теперь найдутся люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ напомнятъ итальянцамъ, что такое Піэмонтъ.

«Чувство массъ всегда наклонно переходить отъ одной крайности къ другой и переходъ совершается у него быстро. Отреченіе отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ преданій, стремленіе къ соединенію со всѣми возможными пожертвованіями было такъ внезапно и пылко, что необходимо должна послѣдовать за нимъ реакція, если оно не будетъ поддержано до самой поры своего осуществленія. Сардинія, становясь во главѣ движенія, принимала на себя обязанность поддерживать его. Пока продолжалась война, это было легко; каждая побѣда надъ австрійцами служила новымъ ободреніемъ желаній остальной Италіи, каждый дюймъ итальянской земли, отнимаемой у австрійцевъ, служилъ для Сардиніи новымъ правомъ на супрематство. Пока слышался громъ пушекъ, онъ заглушалъ всѣ другіе звуки. Всѣ мелкіе сардинскіе недостатки искупались имъ. Задача единства исполнялась, какъ всѣ думали, самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Французскія и сардинскія войска освобождали Италію, потому могла быть терпима отсрочка въ составленіи національной арміи. Необходимость политической и административной организаціи не чувствовалась, пока дѣйствовали другіе и Италія не призывалась сама исполнять свое дѣло.

«Теперь все это перемѣнилось. Итальянскіе патріоты призваны исполнить обѣщаніе, которое произносили такъ часто: l'Italia farà da se,—«Италія устроится безъ чужой помощи». Убѣжденіе въ этомъ быстро распространяется, и таковъ страхъ видѣть всѣ надежды разрушившимися въ послѣднюю минуту, что господствуетъ почти всеобщее расположеніе слѣдовать за кѣмъ бы то ни было, лишь бы онъ взялъ на

Digitized by Google

себя иниціативу. Италія ищетъ предводителя; въ комъ нашла бы она его, не было бы и сомнѣнія, если бы піэмонтское правительство, принявшее власть послѣ Виллафранкскаго трактата, исполнило свою обязанность.

«Несчастьемъ не для одного Піэмонта, но и для всей Италіи было то, что Кавуръ удалился въ эту, самую критическую минуту, потому что съ нимъ въ эту минуту потеряла силу партія, понимавшая, что Піэмонтъ, для исполненія своего предназначенія въ Италіи, долженъ расширить свои владѣнія, чтобы они вмѣстили новый элементъ,—понимавшая, что Піэмонтъ долженъ сдѣлаться предводителемъ Италіи. Нынѣшнее министерство, или, лучше сказать, глава его, вмѣсто того, чтобы расширить піэмонтскія учрежденія, хотѣло бы втѣснить всю Италію въ Піэмонтъ. Нынѣшній первый министръ служитъ представителемъ узкаго піэмонтскаго провинціализма. Въ правительствѣ есть люди, видящіе безразсудство такого стремленія,—напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Ратацци); но сила перваго министра такова, что его взглядъ пересиливаетъ идеи всѣхъ его товарищей. Онъ остался непоколебимъ послѣ Виллафранкскаго трактата и не устрашился трудностей. Это вмѣняется ему въ большую заслугу, и, конечно, заслуживало бы большаго уваженія, если бъ, оставшись въ министерствѣ, онъ продолжалъ идти прежней дорогой; но этого не слѣдовало бы и ожидать: это значило бы требовать, чтобы обыкновенный человѣкъ совершалъ геркулесовскіе подвиги.

«Результатъ этого—жаркіе споры, не подвигающіе дѣла впередъ. Никогда не было столь благопріятнаго случая доказать свѣту, что Піэмонтъ понимаетъ свое назначеніе быть предводителемъ и организаторомъ итальянскаго движенія. Ломбардія была окончательно присоединена и никакія политическія соображенія не мѣшали заняться ея политическимъ и военнымъ устройствомъ. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, и Ломбардія все еще остается въ томъ неустроенномъ положеніи, какъ была при началѣ движенія. Ни одинъ ломбардскій полкъ не прибавился къ національному войску, кромѣ легіоновъ Гарибальди; а по внутренней организаціи только и было сдѣлано, что попытка ввести сардинскую систему налоговъ, сардинскіе уголовные законы и сардинскую систему первоначальнаго обученія; но эту попытку надобно было бросить, потому что она не нашла сочувствія въ Ломбардіи. Натуральнымъ образомъ, нужны были итальянскія, а не піэмонтскія учрежденія. Новыя обстоятельства требовали новыхъ учрежденій, новыхъ законовъ на болѣе широкомъ основаніи. Кажется, даже правительство чувствовало эту потребность, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ формально выразилъ ее при вступленіи въ должность и учредилъ комитеты для составленія новыхъ законовъ. Но до сихъ поръ нѣтъ никакого слѣда дѣятельности этихъ комитетовъ, и все остается въ прежнемъ видѣ.

«Къ счастію, не весь Піэмонтъ раздѣляетъ мнѣнія или апатію правительства, и если вверху летаргія, то внизу есть жизнь, и жизнь здоровая. Кажется, какъ будто дѣятельность, прежде исключительно принадлежавшая правительству, перешла къ журналистикѣ. Въ Туринѣ явилось множество дешевыхъ газетъ: онѣ продаются въ большомъ количествѣ, находятся въ рукахъ каждаго; это показываетъ, что начинаетъ пробуждаться интересъ къ свободному обсужденію дѣлъ. Не только число газетъ возрасло, но и характеръ ихъ чрезвычайно улучшился. Каждый, кто помнитъ высокопарную декламацію и нелѣпую полемику, составлявшую характеръ сардинской журналистики до войны и во время войны, замѣчаетъ чрезвычайную перемѣну. Это несомнѣнно служитъ началомъ здороваго выраженія общественнаго мнѣнія, котораго до сихъ поръ почти не было въ Сардиніи. Нынѣ въ газетахъ господствуетъ серьезность, показывающая, что въ Піэмонтѣ есть люди, понимающіе важность настоящей минуты. Тонъ газетъ сталъ гораздо спокойнѣе прежняго; въ нихъ стало меньше цвѣтистой фразеологіи, политическія идеи стали формироваться.

«Замѣтимъ же, что всѣ газеты, почти безъ всякихъ исключеній, стали въ оппозицію правительству и требуютъ, чтобы оно пробудилось отъ своей летаргіи. Но еще отраднѣе этой оппозиціи то, что многіе изъ нихъ поняли, что такое нужно для прекращенія летаргіи правительства, поняли, что для этого нужно созвать парламентъ. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ нумерѣ своемъ Diritto, газета, стоящая въ главѣ

Digitized by Google

этого движенія, оканчивая прекрасную статью о внутренней реформѣ, спрашиваетъ, имѣетъ ли министерство власть составлять новые законы безъ согласія парламента, потому что эта исключительная власть была дана ему только на время войны. Статья могла бы идти дальше и сказать, что нынѣшнее министерство не получило права существовать, потому что власть его не была утверждена палатами, которыя еще не собирались со времени войны.

Нельзя не согласиться съ авторомъ этихъ писемъ, что сардинское правительство рѣшительно не исполняло до сихъ поръ своей обязанности въ дѣлѣ итальянскаго единства. Правда, велики затрудненія и страшны опасности, отнимавшія у него прежнюю смѣлость и рѣшимость. Послѣдняя война поставила Піэмонтъ въ великую нравственную зависимость отъ Франціи. Мало того, 50,000 французскаго войска остаются въ Ломбардіи, чтобы обезпечивать со стороны сардинскаго правительства исполненіе обязанностей повиновенія, возлагаемыхъ на него, по мнѣнію императора французовъ, благодарностью за помощь въ войнѣ. Австрія обнаруживаетъ замыслъ возобновить войну, какъ только убѣдится, что Франція не станетъ вновь защищать Италію. Но какъ ни велики опасности, все-таки слѣдовало дѣлать по крайней мѣрѣ то, въ чемъ не было риска. И еслибъ это было сдѣлано, теперь Сардинія могла бы уже не бояться никакого риска за себя и за остальную Италію. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ помѣшать Сардиніи усиливать свою собственную армію, кто могъ помѣшать ей помогать своими совѣтами временнымъ правительствамъ центральной Италіи, руководить ихъ дѣйствіями и послѣ каждой новой мѣры, принятой ими въ пользу единства, принимать соотвѣтственную мѣру въ собственныхъ владѣніяхъ? Сардинія могла бы говорить, что вынуждена къ такой политикѣ общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ ей только изъ опасенія пробудить революціонные безпорядки своимъ бездѣйствіемъ. Если бы она поступала хотя такимъ образомъ, она имѣла бы теперь 150,000 собственнаго войска и 100,000 войска въ центральной Италіи. Съ такими силами она не нуждалась бы ни въ чьей защитѣ отъ австрійцевъ. Что же касается до французскихъ войскъ, остающихся въ Ломбардіи, событія давно доказали, что императоръ французовъ колеблется употреблять ихъ даже противъ революціонныхъ правительствъ средней Италіи, не имѣющихъ арміи; тѣмъ менѣе могъ онъ до сихъ поръ употребить ихъ противъ законнаго правительства союзной съ нимъ державы. Но напрасны были всѣ внушенія разсчета, всѣ требованія сардинскаго народа, всѣ просьбы и усилія остальныхъ итальянцевъ: сардинское правительство руководилось исключительно угодливостью передъ Франціей и, оставляя само себя беззащитнымъ противъ австрійцевъ, оставляло безпомощной центральную Италію.

Такая жалкая политика Піэмонта въ значительной степени извиняетъ медлительность и слабость, которую обнаруживаютъ правительства центральной Италіи до послѣдняго времени, хотя все-таки нельзя не сказать, что они измѣняютъ обязанности, лежащей на правительствахъ въ критическія времена, оставаясь позади народныхъ требованій, вмѣсто того, чтобы руководить ими и идти впереди народа. Они допустили ослабнуть народному довѣрію къ нимъ и этимъ объясняется пармская сцена 5 октября: толпа прямо говорила, что хочетъ расправиться сама съ графомъ Анвити потому,

Digitized by Google

что не надѣется на правительство. Въ послѣднее время правительства центральной Италіи начали, кажется, понимать свою ошибку; по крайней мѣрѣ стали они съ половины сентября повиноваться общему голосу, требовавшему отъ нихъ большей рѣшительности. Мы знаемъ, что въ послѣднія недѣли диктаторы герцогствъ, Тосканы и Романьи, декретировали много мѣръ, клонящихся къ установленію фактическаго единства между ихъ областями и Піэмонтомъ: они постановили, что официальныя дѣйствія сардинскихъ властей должны быть признаваемы и въ центральной Италіи, напримѣръ полиція Тосканы или Романьи обязана исполнять рѣшенія сардинскихъ судовъ, если лица или имущества, которыхъ касается рѣшеніе, находятся въ этихъ земляхъ; они постановили также, что ученыя степени, даваемыя сардинскими университетами, признаются и въ центральной Италіи; они ввели сардинскій уголовный кодексъ, провозгласили, что центральная Италія принимаетъ сардинскую конституцію; они рѣшили, что должно быть установлено единство мѣръ и вѣса между Сардиніей и центральной Италіей и введена сардинская монетная система; объявили, что въ ихъ земляхъ не нужны особенные паспорты или визы для путешественниковъ, имѣющихъ паспортъ или визу отъ Сардиніи и уничтожили таможни между Сардиніею и центральной Италіей; наконецъ, для всѣхъ официальныхъ актовъ они приняли формулу, показывающую расширеніе власти сардинскаго правительства на центральную Италію: „Въ царствованіе Виктора Эммануила, избраннаго короля"; приняли сардинскій гербъ и флагъ. Постыдно сказать, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ они не получили ободренія со стороны сардинскаго правительства,—мало того, сардинское правительство до сихъ поръ не выразило даже, согласно ли оно на эти мѣры хотя тогда, когда онѣ уже исполнены. Изъ правителей центральной Италіи пармскій и моденскій диктаторъ Фарини, съ самого начала дѣйствовавшій рѣшительнѣе тосканскаго своего товарища Риказоли и романьольскаго Чиприани, раньше ихъ понялъ и необходимость въ этихъ мѣрахъ для осуществленія народныхъ требованій. Его вліянію и примѣру надобно главнымъ образомъ приписать то, что два другіе диктатора начали хотя отчасти исполнять свою обязанность. Въ послѣднія недѣли гораздо дѣятельнѣе прежняго занялись правительства центральной Италіи и устройствомъ военныхъ силъ. Говорятъ, что Фанти, назначенный наконецъ главнокомандующимъ центральной итальянской арміи, надѣется скоро имѣть 60,000 войска вмѣсто прежнихъ 20,000. Кажется, что дано нѣсколько больше свободы энергическому Гарибальди, которому прежде самымъ тѣснымъ образомъ связаны были руки.

Все это прекрасно, хотя слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ теперь, тосканскому и романскому правительствамъ рѣшительнѣе отбросить апатію и медлительность, остатки которой все еще слишкомъ замѣтны въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы только противъ воли вынуждаемыхъ у нихъ только требованіями народа и вліяніемъ Фарини. Но мы боимся, не окажется ли въ результатѣ, что не вознаградима потеря долгихъ мѣсяцевъ, пропавшихъ въ бездѣйствіи,—не окажется ли при наступленіи рѣшительной минуты, что прежняя апатія правительствъ центральной Италіи и продолжающееся малодушіе сардинскаго правительства безвозвратно повредили дѣлу итальянскаго

Digitized by Google

единства. Мы боимся, не застанутъ ли центральную Италію все еще не приготовившуюся къ оборонѣ тѣ попытки къ возстановленію прежняго порядка вещей, слухи о которыхъ усиливаются съ каждою недѣлею, и когда настанутъ дни борьбы, не пропуститъ ли сардинское правительство, по своему малодушію, тѣхъ минутъ, въ которыя помощь его могла бы спасти центральную Италію [1]).

Давно извѣстно, что въ Мантуѣ собираются такъ называемыя войска герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, т. е. наряжаются въ моденскіе и тосканскіе мундиры австрійскіе солдаты. Масса прежнихъ тосканскихъ и моденскихъ войскъ осталась на родинѣ, чтобы служить національному дѣлу, но было въ той и другой землѣ по нѣскольку сотъ человѣкъ преторіанцевъ, которые удалились въ австрійскій лагерь съ своими государями. Тотчасъ же по заключеніи Виллафранскаго мира эти немногіе дезертиры были обращены въ кадры для принятія въ свои ряды гораздо многочисленнѣйшихъ товарищей изъ австрійской арміи. Благодаря этой простой системѣ переодѣванія, отряды, называющіеся теперь арміями герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, стали довольно многочисленны и теперь достовѣрно во-первыхъ то, что они предназначаются къ вторженію въ Модену и Тоскану, а во-вторыхъ, что въ связи съ этимъ вторженіемъ приготовляется нападеніе на непокорныя земли съ противоположной стороны: папскія войска давно уже стоятъ на границахъ Романьи. Если бы подъ командою Кальберматтена, начальника такъ называемой папской арміи, находились только прежніе солдаты Пія IX, они не представляли бы большой опасности для Романьи. Но и тутъ производится тотъ же фокусъ, какъ съ мнимыми корпусами герцоговъ моденскаго и тосканскаго. Каждый день присылаются въ лагерь Кальберматтена партіи переодѣтыхъ австрійскихъ солдатъ подъ именемъ рекрутовъ, навербованныхъ въ Церковной области. Мѣсяца два тому назадъ, количество кальберматтеновыхъ войскъ не увеличивалось отъ этихъ присылокъ, потому что настоящіе урожденцы Церковной области уходили изъ арміи цѣлыми толпами, не желая сражаться противъ соотечественниковъ, дѣлу которыхъ сочувствуютъ. Но, разумѣется, когда всѣ они ушли, а австрійцы все продолжаютъ приходить, то сила арміи возрастаетъ. Она значительно увеличилась также черезъ поступленіе нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ, ушедшихъ или удаленныхъ изъ Неаполя. Читатель знаетъ, что старинные договоры швейцарскихъ правительствъ о службѣ швейцарцевъ иностраннымъ державамъ или такъ называемыя капитуляціи, не возобновляются съ той поры, какъ демократическая партія въ Швейцаріи окончательно взяла верхъ надъ патриціями, продававшими своихъ соотечественниковъ реакціоннымъ правительствамъ Италіи, нуждающимися въ иностранныхъ войскахъ для поддержанія своей непопулярной политики. Лѣтомъ нынѣшняго года кончался срокъ швейцарскимъ ка-

[1]) Письмо изъ Флоренціи, напечатанное въ этой книжкѣ, изображаетъ вещи въ свѣтѣ, гораздо болѣе отрадномъ, нежели въ какомъ представляются онѣ намъ. Мы понимаемъ, что трудно очевидцу воскресенія народа не очароваться, не забыть на минуту о грозѣ, собирающейся надъ свѣтлымъ праздникомъ. А если не имѣть въ виду опасностей, то, разумѣется, легко осудить тѣхъ людей, которыхъ порицаетъ нашъ корреспондентъ. Мы боимся того, что когда увидятъ нужду обратиться къ этимъ людямъ, будетъ уже поздно.

Digitized by Google

питуляціямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское правительство объявило, что оно оставитъ швейцарскіе полки на своей службѣ, но что они должны называться уже не швейцарскими, а неаполитанскими, и вмѣсто своихъ кантональныхъ знаменъ имѣть неаполитанскія. Это показалось обидно швейцарскимъ солдатамъ, которые, разумѣется, презирали неаполитанское войско; а еще важнѣе то, что съ переименованіемъ въ неаполитанскихъ солдатъ, они опасались потерять высокое жалованье, которое получали до той поры, и быть сравнены въ денежномъ отношеніи съ неаполитанскими, получающими денегъ меньше ихъ. Въ одномъ изъ ихъ полковъ вспыхнулъ мятежъ, солдаты безпорядочною толпою бросились на дворцовую площадь, объявляя, что требуютъ возвращенія своихъ знаменъ или отставки. Въ сущности, они были правы, и если въ опрометчивости нарушили дисциплину или даже совершили преступленіе, убивъ и переранивъ нѣсколькихъ офицеровъ, останавливавшихъ движеніе, слѣдовало разобрать дѣло судебнымъ порядкомъ и наказать виновныхъ, не подвергая всѣхъ безъ разбора убійству. Но въ Неаполѣ господствуютъ иныя понятія и правила: по толпѣ солдатъ, собравшихся на площади и ограничивавшихся просьбами, пустили картечь, потомъ ударили на нихъ въ штыки. Послѣ того, разумѣется, нельзя было терпѣть въ Неаполѣ и другихъ швейцарскихъ полковъ, раздраженныхъ предательскимъ истребленіемъ своихъ товарищей. Швейцарцы получили отставку, то есть дано было имъ всѣмъ то самое, чего нѣкоторые просили до рѣзни; для чего же было стрѣлять картечью и колоть штыками?— спроситъ читатель. Подобные вопросы неумѣстны относительно Неаполя. Тамъ все дѣлается не потому, чтобы могло быть нужно или полезно, а просто потому, что такъ вздумалось поступить. Но мы ведемъ рѣчь объ источникахъ усиленія папской арміи, а не о принципахъ, по которымъ ведутся дѣла въ Неаполѣ. Большая часть швейцарцевъ, удаленныхъ изъ Неаполя, поступила въ папскую армію, стоящую на границахъ Романьи. Благодаря этому и переодѣтымъ австрійцамъ, армія получила солдатъ, пригодныхъ не для одного грабежа, какъ прежде, но и для грабежа и для сраженій. Съ недѣли на недѣлю ждутъ столкновеній между нею и корпусомъ инсургентовъ, давно стоящимъ противъ нея подъ командою Гарибальди. Нѣсколько разъ уже разносились слухи о схваткахъ, впрочемъ, еще преждевременные; но Гарибальди на дняхъ отдалъ по своему корпусу приказъ, говорящій о близости рѣшительныхъ дѣйствій. Понятно, почему папскія войска медлятъ нападеніемъ: кардиналы со дня на день ждутъ, что императоръ французовъ формально выразитъ намѣреніе вступиться за нихъ, или позволитъ австрійцамъ прислать для усмиренія Романьи корпусъ уже безъ переодѣванья. Кромѣ австрійцевъ, есть у папы другіе помощники. Давно уже извѣстно, что король Неаполитанскій готовъ послать свои войска для усмиренія Романьи; они уже придвинуты къ папскимъ границамъ, и свиданіе короля съ папою въ Кастель-Гандольфо положительно имѣетъ цѣлью переговоры объ этомъ пособіи. Не одно только сходство принциповъ между папскимъ и неаполитанскимъ управленіемъ, не одна только преданность неаполитанскаго правительства интересамъ папы возбуждаетъ въ королѣ усердіе помочь усмиренію Романьи: есть у него и прямая собственная надобность постараться объ этомъ дѣлѣ. Неаполь наполненъ слухами, будто бы Гарибальди хочетъ вступить въ

Digitized by Google

Неаполитанскія владѣнія, чтобы его корпусъ послужилъ точкою опоры для возстанія, на которое готовы жители всѣхъ неаполитанскихъ провинцій, отъ одного конца королевства до другаго. При всей неправдоподобности такого движенія, неаполитанское правительство серьёзно боится его, слишкомъ хорошо зная, какъ легко оно могло бы воспламенить все населеніе королевства. Говоря о вступленіи на престолъ новаго короля, мы замѣчали, что пока можно еще и не сообщать никакихъ подробностей объ этой перемѣнѣ въ системѣ неаполитанскаго управленія. Дѣйствительно, до сихъ поръ все остается въ этомъ королевствѣ по прежнему, стало быть не уменьшилось, а напротивъ, увеличилось общее недовольство, господствовавшее въ Неаполѣ при Фердинандѣ II, усилившись и ожесточившись отъ разочарованія въ надеждѣ на реформы, которыхъ ожидали отъ новаго короля.

Такимъ образомъ, съ одной стороны собираются при первомъ разрѣшеніи отъ Наполеона вторгнуться въ центральную Италію австрійцы въ мундирахъ солдатъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, съ другой стороны собираются вторгнуться въ мундирахъ папскихъ солдатъ тѣже австрійцы, съ примѣсью дѣйствительныхъ папскихъ солдатъ. Въ случаѣ надобности, они будутъ подкрѣплены войсками короля неаполитанскаго. Могутъ получить они подкрѣпленіе и отъ Испаніи,—давно уже ходятъ слухи, что Испанія претендуетъ на право вступиться за герцога пармскаго, принца испанской династіи, предлагаетъ свои услуги и папѣ, по своему усердію къ католичеству, а больше для того, чтобы этою услугою превратить въ милость досаду кардиналовъ, которые сердятся на Испанію съ той поры, какъ во время послѣдней революціи конфискованы тамъ огромныя владѣнія монастырей. Испанія готовитъ теперь очень большое войско, — отъ 30 до 50 тысячъ,—для экспедиціи противъ нѣкоторыхъ марокскихъ разбойничьихъ племенъ, безпокоящихъ ея владѣнія на африканскомъ берегу. Марокскіе разбойники, конечно, достойны наказанія; но почему же, если будетъ разрѣшеніе отъ Франціи и просьба отъ папы, не обратить хотя часть этихъ силъ и на усмиреніе инсургентовъ Романьи, которые хуже всякихъ разбойниковъ въ глазахъ каждаго порядочнаго консерватора? Вотъ, мы уже насчитали довольно силъ для нападенія на инсургентовъ; но австрійцы со дня на день ждутъ, что Франція позволитъ имъ войти въ непокорныя области въ собственныхъ мундирахъ, — а у нихъ войска въ собственныхъ мундирахъ въ Венеціи сосредоточено, говорятъ, до 250,000 человѣкъ. Притомъ, почему знать?—могутъ и французы, оставленные въ Ломбардіи, пособить дѣлу укрощенія гнусныхъ убійцъ Анвити и еще болѣе гнусныхъ для консерватора либераловъ, непокорство которыхъ довело дѣла до того, что Анвити, вмѣсто того, чтобы вѣшать другихъ, самъ подвергся смерти.

Мы все говоримъ о фактахъ, о солдатахъ, а до сихъ поръ еще не упомянули о томъ, въ какомъ положеніи находится итальянскій вопросъ по дипломатическимъ переговорамъ, извѣстія о которыхъ занимаютъ всего больше мѣста въ газетахъ. Читатели знаютъ, какъ мало значенія мы придаемъ этой сторонѣ дѣла. Осмѣлимся даже признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ мы пишемъ эти обзоры, мы не прочли до конца ни одной изъ тысячъ напечатанныхъ по итальянскому и другимъ дѣламъ депешъ, которыя для мно-

Digitized by Google

гихъ кажутся столь важными, а иногда даже и очень интересными. Послѣ такого признанія, мы уже очень смѣло можемъ прибавить, что ходъ цюрихскихъ конференцій, опечалившихъ своею ничтожностью даже терпѣливѣйшихъ любителей этого рода совѣщаній, очень мало интересовалъ насъ. Кажется, конференціи покончились, — мы не поручимся впрочемъ, вѣрно ли мы запомнили извѣстіе, слишкомъ бѣгло прочитанное нами, — быть можетъ, оно говорило только, что цюрихскія конференціи скоро кончатся,—а быть можетъ, говорилось въ немъ и совершенно противное, именно, что конференціи еще не скоро кончатся. Читатель, надѣемся, проститъ нашу невнимательность и забывчивость. А впрочемъ, нѣтъ, мы не ошиблись: должно полагать, что цюрихскія конференціи кончились, потому что подписанъ въ Цюрихѣ трактатъ, подтверждающій всѣ условія Виллафранкскаго мира, — но, впрочемъ, подтверждающій ихъ по какой-то странности очень недостаточно, такъ что для достаточнаго подтвержденія нужно созвать европейскій конгрессъ. Опять измѣнила дрянная память: трактатъ не подписанъ еще, а только подписывается. Но, впрочемъ, бѣда не велика, подписанъ ли онъ, или еще только подписывается; это не составляетъ большой разницы. Во всякомъ случаѣ, консерваторы и мы вмѣстѣ съ консерваторами, которыхъ обыкновенно защищаемъ противъ либеральнаго легкомыслія, были очень утѣшены извѣстіемъ,—какого, впрочемъ, всегда и ожидали,—что подписываемый или подписанный въ Цюрихѣ трактатъ дѣйствительно подтверждаетъ всѣ Виллафранкскія условія. Зато опечалены дѣйствительно подтвержденіемъ также постояннаго нашего ожиданія, что хотя трактатъ и подписанъ, и Виллафранкскія условія подтверждены, но конференціи съ трактатомъ своимъ не могли рѣшить ни одного изъ вопросовъ, опредѣляемыхъ этими условіями, кромѣ только одной передачи Ломбардіи, то есть уже совершившагося факта, о которомъ не было никакихъ споровъ, слѣдовательно не нужно было и никакихъ переговоровъ. Что касается остальныхъ вопросовъ, особенно возстановленія низвергнутыхъ правительствъ центральной Италіи, то эти вопросы передаются на рѣшеніе конгресса, потому что не рѣшены хотя въ тоже время и рѣшены, и напримѣръ положено, что низвергнутыя правительства должны быть возстановлены.

Какъ постичь всю эту тонкость и рѣшенную нерѣшенность или нерѣшенную рѣшенность, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не рѣшаемся и отгадывать. Но если забыть о ней, какъ будто бы и не было нами прочитано ни одного извѣстія о цюрихскихъ конференціяхъ, и просто, безъ помощи всякихъ дипломатическихъ сообщеній и объясненій, сообразить, чѣмъ должны были кончиться цюрихскія конференціи по извѣстному всѣмъ положенію фактовъ, тогда можно будетъ понять, въ чемъ должно состоять дѣло. Франція покровительствуетъ Австріи; потому Австрія несговорчива и подняла такія страшныя притязанія, что Сардинія не могла согласиться ни въ чемъ, кромѣ того, что согласна принять Ломбардію, которую давно приняла. Затѣмъ, Франція и Австрія подтвердили, что остаются при Виллафранкскихъ условіяхъ, то есть Франція обязывается по мѣрѣ возможности поддерживать на европейскомъ конгрессѣ австрійскія требованія, на которыя уже согласилась въ Виллафранкѣ, — обѣщаніе, кажется, совершенно лишнее. Сардинія осталась къ

Digitized by Google

Австріи въ прежнихъ отношеніяхъ, и упрямство это принуждаетъ Францію и Австрію передать дѣло европейскому конгрессу. Да, мы забыли, что въ извѣстіяхъ о результатѣ цюрихскихъ трудовъ есть двѣ вещи, которыхъ можно было и не ожидать: во-первыхъ, кромѣ того, что Сардинія обязана принять на себя часть австрійскаго государственнаго долга, соразмѣрную населенію провинціи, отошедшей отъ Австріи,—и лучше сказать не соразмѣрную, а гораздо большую,—кромѣ этого, Сардинія обязана еще уплатить Австріи вознагражденіе за уступку Ломбардіи; говорятъ, что величина этого платежа опредѣлена въ 40 мильоновъ гульденовъ (26 мильоновъ р. сер.). Это хорошо. Во-вторыхъ оказывается, что Франція должна также получить отъ Сардиніи вознагражденіе за свою помощь,—имя вознагражденія замѣняется, впрочемъ, названіемъ простой уплаты за продовольствіе и аммуницію, которыми сардинскія войска пользовались изъ французскихъ магазиновъ; говорятъ, что эта уплата не превышаетъ 60 мильоновъ франковъ,—мы полагаемъ что она можетъ оказаться и болѣе значительною. Прибавляютъ, что по затруднительности такого платежа для сардинскихъ финансовъ, разстраиваемыхъ уплатою вознагражденія Австріи, можетъ поступить въ замѣнъ его Савоія. Читатель помнитъ, что передъ войною ходилъ слухъ, будто Кавуръ купилъ помощь Франціи и надежду на пріобрѣтеніе Ломбардіи, Венеціи и центральной Италіи—согласіемъ на присоединеніе Савоіи къ Франціи. Потомъ и во время войны, и особенно по ея прекращеніи постоянно происходили и продолжаются въ Савоіи попытки поднять агитацію для выраженія жителями ея желанія присоединиться къ Франціи. Но дѣло представляетъ много затрудненій, потому что расширеніе французскихъ границъ возбудило бы слишкомъ сильное неудовольствіе въ другихъ державахъ. На этомъ основаніи, мы безъ доказательствъ болѣе несомнѣнныхъ не будемъ предполагать во французскомъ правительствѣ стремленія къ обмѣну денежнаго требованія съ Сардиніи на уступку Савоіи. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что сардинцы и ломбардцы должны расплатиться за свое соединеніе дороже, чѣмъ ожидали.

Итакъ, война не рѣшила итальянскаго вопроса; не рѣшили его и цюрихскія конференціи; теперь возлагается надежда на европейскій конгрессъ. Какъ сильна должна быть надежда на удовлетворительное устройство итальянскихъ дѣлъ конгрессомъ, будетъ намъ время поговорить тогда, когда онъ соберется, а теперь пока идетъ рѣчь еще о томъ, собирется ли онъ. Англійское правительство говоритъ, что можетъ принять участіе въ устройствѣ судьбы Италіи только въ такомъ случаѣ, если основаніемъ ему будетъ принята свободная воля самихъ итальянцевъ; Morning Post, органъ нынѣшняго министерства, объявляетъ, что низложеніе прежнихъ династій и выраженіе желанія присоединиться къ Піэмонту англійское правительство признаетъ фактомъ не только совершившимся, но и законнымъ, и не можетъ одобрить никакого дѣйствія или рѣшенія, которое вело бы къ его нарушенію. А между тѣмъ, по цюрихскому трактату Франція съ Австріею подтверждаютъ свое прежнее рѣшеніе о возтановленіи низложенныхъ династій. Итакъ, надобно еще подождать, какимъ способомъ успѣютъ склонить Англію къ согласію на участіе въ конгрессѣ.

Но читатель, конечно, знаетъ, что уже придуманъ способъ согласить обяза-

Digitized by Google

тельство, принятое Франціею, съ „свободнымъ желаніемъ" населенія центральной Италіи. Этого легко достичь черезъ возстановленіе низложенныхъ династій. Изъ разныхъ возможныхъ передѣлокъ, Франція и Австрія остановились пока на слѣдующей. Часть Пармскаго герцогства присоединяется къ Піэмонту—итакъ, Піэмонтъ не можетъ жаловаться. Другая часть этой земли присоединяется къ герцогству Моденскому, и все это вмѣстѣ отдается бывшему герцогу пармскому. Великій герцогъ тосканскій получаетъ обратно свои прежнія владѣнія. Предварительно, герцогъ и великій герцогъ объявляютъ, что каждый изъ нихъ даетъ отдаваемой ему странѣ „либеральную конституцію". Эти конституціи составляются по общему согласію Франціею и Австріею, впрочемъ будутъ походить болѣе на французскую, чѣмъ на австрійскую, во-первыхъ, сообразно тому, что Франція теперь сильнѣе, стало быть и понятія ея имѣютъ перевѣсъ надъ австрійскими въ общихъ совѣщаніяхъ, во-вторыхъ и потому, что австрійская конституція не такъ либеральна, какъ французская, а тутъ нуженъ либерализмъ. Послѣ этого объявленія, предлагается жителямъ Модены (и части Пармской области) и Тосканы, хотятъ ли принять герцога и великаго герцога, дающихъ имъ такія либеральныя конституціи. Но читатель помнитъ, что мнѣніе должно быть выражено жителями свободно; для этого предварительно принимаются мѣры для освобожденія ихъ отъ происковъ и нравственнаго принужденія со стороны Сардиніи, потому что по отчетамъ графа Резе и графа Понятовскаго, бывшихъ въ той части Италія по порученію французскаго правительства. Сардинія терроризируетъ Парму, Модену, Тоскану и рѣшеніе этихъ странъ о присоединеніи къ Піэмонту было вынужденное. Какія именно мѣры нужно будетъ принять для освобожденія ихъ отъ Піэмонтскаго угнетенія, будетъ зависѣть отъ удобства обстоятельствъ: быть можетъ, удобно будетъ ввести въ эти области французскія войска; быть можетъ, найдутся средства иначе обезпечить свободу жителямъ при выраженіи согласія на покорность герцоту и великому герцогу. Но въ томъ парижскій политическій кругъ не сомнѣвается, что при надлежащемъ обезпеченіи свободы выраженія мнѣній въ Тосканѣ и Моденѣ съ прибавляемой къ ней частью Пармы, большинство голосовъ будетъ подано въ пользу герцога и великаго герцога. Такимъ образомъ, условія Виллафранкскаго мира относительно этихъ странъ исполнятся по свободному желанію самихъ жителей.

Герцогъ моденскій взамѣнъ своего герцогства, передаваемаго герцогу пармскому, получаетъ денежное вознагражденіе.

Само собою разумѣется, что подробности этого плана могутъ измѣниться, но для насъ важна сущность его.

Излагая его, мы не говоримъ о Романьѣ,—это потому, что судьба ея рѣшена Франціею гораздо опредѣлительнѣе, нежели участь Тосканы и герцогствъ. Положительно и достовѣрно извѣстно, что Франція рѣшилась возстановить въ ней власть папы. Этого требуетъ отъ Наполеона необходимость. Онъ не хочетъ слишкомъ раздражать ультрамонтанскую партію, а она не простила бы согласія на присоединеніе Романьи къ Пьемонту. По всей католической Европѣ уже поднята агитація въ этомъ духѣ. Французскіе епископы принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Въ бордосской рѣчи императоръ выразилъ порицаніе волненію, которое они производятъ своими „пастырскими

Digitized by Google

посланіями" (mandements),—но въ той же рѣчи онъ сказалъ, что не захочетъ отнятія провинцій у папы. Ультрамонтанскимъ газетамъ запрещено печатать „пастырскія посланія", но Univers, главная изъ нихъ, объявила своей публикѣ объ этомъ запрещеніи твердымъ и гордымъ тономъ, съ угрозами, выражающими сознаніе, что правительство не можетъ не уступить требованіямъ ультрамонтанской партіи. А, между тѣмъ, именно въ Романьѣ возстановленіе прежняго порядка потребуетъ наибольшихъ усилій, потому что раздраженіе противъ него тамъ глубже укоренилось въ массѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи. Мы приведемъ одно изъ писемъ итальянскаго корреспондента Times'а, показывающее и силу и причины этого чувства.

«Феррара, 7 октября».

«Вчера обѣдалъ я въ общей залѣ гостиницы св. Марка, въ Луго. За разными столами сидѣли люди почти изъ всѣхъ частей Романьи. Обмѣнъ словъ отъ одного стола къ другому скоро произвелъ общій разговоръ, благодаря сообщительности итальянскаго характера. Луго торговый городъ, и его ярмарка знаменита по всѣмъ легатствамъ. Большинство обѣдавшихъ были фермеры и мелкіе купцы, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ принадлежали къ сословію, болѣе образованному. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаній, разговоръ обратился къ общему предмету разговоровъ по всей Италіи,—къ политикѣ. Увѣренность этихъ людей въ томъ, что они избавились отъ монашескаго управленія, равнялась твердостью своею только силѣ ненависти, съ которою всѣ они говорили о немъ. Мнѣ вздумалось, что можно теперь испытать ихъ, и я сказалъ, что «во всякомъ случаѣ» легатства навѣрное останутся подъ отдѣльнымъ свѣтскимъ управленіемъ, «если бы даже» они снова признали верховную власть папы. Въ ихъ отвѣтѣ не было досады, не было неудовольствія на мое неблагопріятное для нихъ предположеніе. Они отвѣчали спокойнымъ тономъ желѣзной, непоколебимой рѣшимости. Не будетъ моего «если бы даже» и «во всякомъ случаѣ». Они говорили, что ихъ освобожденіе отъ монаховъ дѣло конченное, безвозвратное, независимое ни отъ какихъ случайностей.

«Вы знаете,—сказалъ студентъ изъ Форли,—что жителей въ четырехъ легатствахъ болѣе милліона. Половина этого числа погибла бы, прежде чѣмъ какая бы то ни была человѣческая сила успѣла возстановить папское владычество надъ другою половиною. Описываютъ очень мрачными красками ужасы войны, но что значитъ всякая другая война по сравненію съ междоусобною? Страсти нашего народа сдерживаются святою надеждою, что ему будетъ оказана справедливость. Но пусть Австрія или какая-нибудь другая большая держава попробуетъ усмирить насъ, и вы увидите, что ярость вспыхнетъ. Я не дамъ тогда двухъ байоковъ за жизнь монаха въ нашей землѣ. Образъ дѣйствій монаховъ подвергаетъ наше терпѣніе самому трудному испытанію. Одного изъ нихъ заставили служить Te Deum спокойнымъ, но положительнымъ объясненіемъ, что иначе его жизнь будетъ въ опасности. Въ Форли мы, міряне, отслужили Te Deum сами. Во многихъ городахъ въ это воскресенье не служили мессы. Въ однихъ духовенство не хотѣло служить ее, въ другихъ мы не допустили ее служить. Между монахами и нами смертельная вражда, и она вспыхнетъ дикою, кровавою, открытою войною, если какая-нибудь могущественная держава приметъ ихъ сторону противъ насъ. Въ нашемъ видимомъ спокойствіи, въ этомъ удивительномъ порядкѣ, соблюдать который мы обѣщались другъ другу, есть расчетливость и система. Мы всѣ единодушны. Мы не сдѣлаемъ ни шагу безъ совершеннѣйшаго согласія и взаимнаго обязательства. Мы теперь какъ стая собакъ на сворѣ. Горе тѣмъ, которые заставятъ насъ сорваться со своры! Пусть Европа судитъ о нашей непоколебимой твердости по нынѣшней нашей умѣренности, по силѣ, съ которою мы сдерживаемъ себя»!

«Подлѣ меня сидѣлъ мелкій торговецъ изъ Ponte Lago Scuro, лежащаго близъ

Digitized by Google

Феррары. Онъ кивалъ головою въ подтвержденіе каждому слову форлійскаго студента, и когда студентъ кончилъ, онъ продолжалъ:

«Чего мы не дѣлали для примиренія, для дружелюбнаго соглашенія? Поѣзжайте по нашей области, на каждомъ шагу вы увидите арки и другіе памятники, построенные для встрѣчи Піа IX, когда онъ въ послѣдній разъ путешествовалъ по нашей провинціи, два года тому назадъ. Мы готовы были позабыть послѣднія десять лѣтъ и привѣтствовать кроткаго первосвященника, который началъ свое правленіе святымъ восклицаніемъ: Benedite, o Dio, all'Italia,—«Боже, благослови Италію!» Мы были готовы отказаться отъ Мацциніевыхъ демагоговъ, лишившихъ его престола; извинить многое тѣмъ страхомъ, которому онъ подвергался, дурными иноземными вліяніями, подъ которыми произошло возстановленіе его трона. Мы готовы были,— Богъ тому свидѣтель!—сложить все порицаніе за его дурное управленіе съ него на его недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. Мы были убѣждены, что ему нужно только пріѣхать къ намъ, увидѣть и услышать насъ, чтобы разсудить между нами и нашими притѣснителями. Папа пріѣхалъ, видѣлъ насъ,—что же онъ сказалъ намъ, что сдѣлалъ для насъ? Всѣ его политическія дѣйствія ограничились прощеніемъ плута, дѣлавшаго фальшивую монету. Кромѣ этого, онъ далъ намъ только свое благословеніе, а какую пользу принесло намъ это благословеніе? На слѣдующую зиму вода въ По замерзла на нѣсколько футовъ,—случай, котораго не бывало цѣлыя пятьсотъ лѣтъ,—и вся наша торговля, всѣ сношенія остановились, судоходство прекратилось, мельницы замерзли. А на слѣдующую осень наводненіе опустошило наши нивы. Да, такова польза благословеній, получаемыхъ нами отъ этихъ монаховъ. Вся ихъ цѣль въ томъ, чтобы дѣлать насъ бѣдными и невѣжественными. Когда у насъ нѣтъ никакой промышленности, никакого образованія, они любятъ это. Чѣмъ ближе вы будете подъѣзжать къ Риму, тѣмъ яснѣе вы увидите положеніе народа, которое нравится папскому правительству, какъ идеалъ христіанской націи. Имъ нужно, чтобы у насъ въ легатствахъ третья часть людей таскались по міру, собирая милостыню, какъ въ Римѣ. Но, слава Богу, мы еще не доставили имъ этого удовольствія, и не доставимъ его никогда. Мы хотимъ быть образованными и трудящимися людьми. Посмотрите на эти благодатныя долины, самыя плодоносныя въ цѣломъ божьемъ свѣтѣ,—мы создали эти нивы изъ болотъ. Наши феррарскія долины, гдѣ были прежде болота, покрыты хлѣбомъ и рисомъ. Нашимъ землямъ не нужно удобренія, ихъ нужно только осушать и уравнивать, это мы дѣлали и дѣлаемъ, въ потѣ нашего лица, а не по милости папы. Намъ нужны только улучшенія въ земледѣліи. Намъ нужны желѣзныя дороги и проселочныя дороги, свободныя сношенія съ болѣе образованными націями и сбытъ для нашихъ продуктовъ. Могутъ ли намъ дать это папа и его монахи? Можемъ ли мы это получить себѣ подъ ихъ ярмомъ? Посмотрите, первая желѣзная дорога изъ Піаченцы въ Болонью открыта только вчера, по удаленіи монаховъ. Какъ только они удалились, мы стали быстро строить желѣзныя дороги изъ Болоньи въ Равенну, Римини и Феррару, хотя находимся среди военныхъ затрудненій. Посмотрите, что десятилѣтняя свобода сдѣлала для Піэмонта. Въ 1848 году Піэмонтъ не имѣлъ и 4 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь онъ соперничаетъ ими съ Франціею, Бельгіею, Германіею, и линіи, устроенныя и содержимыя правительствомъ, даютъ 20 или 30 милліоновъ казнѣ. Кто не захочетъ быть піэмонтцемъ? Друзья и сенаторы! прочь монаховъ, и да здравствуетъ Италія и нашъ король, Викторъ-Эммануилъ!

«Невозможно было устоять противъ простого, убѣдительнаго краснорѣчія добраго купца, и я присоединилъ свой голосъ къ общему громкому ура. Мы разстались поздно вечеромъ большими друзьями, и я заснулъ съ твердой вѣрой въ пробужденіе этого народа, который такъ давно былъ угнетаемъ».

Романья, какъ видимъ, говоритъ объ отчаянномъ сопротивленіи; но извѣстно, что противъ регулярныхъ войскъ не можетъ удержаться ополченіе, не усвоившее себѣ прочной организаціи, которая бы равняла его съ дисциплинированною арміею. Потому-то мы и опасаемся, что каждый упущенный

для организаціи волонтеровъ день гибельно отзовется на судьбѣ земель центральной Италіи. Безъ борьбы онѣ не сдадутся, но должно бояться того, что стройные батальоны подавятъ всякое сопротивленіе.

Теперь очевидно, что ждутъ только предлоговъ къ вооруженному вмѣшательству. Смерть Анвити уже представила одинъ такой предлогъ. Въ переведенномъ нами письмѣ читатель видѣлъ, что подобныхъ сценъ будетъ не мало, когда опасенія въ массѣ усилятся. Газеты стали со дня на день больше говорить о томъ, что приверженцы стараго порядка, ободряемые слухами о близости вооруженной помощи, становятся отважнѣе прежняго и составляютъ заговоры. Само собою разумѣется, это станетъ пробуждать революціонныя страсти въ массѣ и революціонныя движенія. Итакъ, предлоговъ къ вооруженному скоро будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь.

Итальянскій вопросъ до сихъ поръ исключительно занимаетъ собою вниманіе Европы. Во Франціи пробуждали нѣкоторый интересъ только тѣ явленія, которыя были прямыми или косвенными его послѣдствіями,—напримѣръ, ультрамонтанская агитація въ пользу папскаго свѣтскаго владычества, о которой мы уже упоминали, и полемика газетъ противъ стѣсненій, которымъ онѣ подлежатъ. Она составляетъ предметъ отдѣльной статьи въ этой книжкѣ „Современника", и мы здѣсь замѣтимъ только, что требованія, начавшія высказываться съ такою силою, не могутъ долго оставаться безъ вліянія на положеніе дѣлъ: надобно ожидать, что они или вынудятъ реформу, или заставятъ принять мѣры стѣсненія, болѣе прежняго сильныя. Во всякомъ случаѣ, полемика эта свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе, на время отвлеченное отъ внутреннихъ вопросовъ войною, возвращается къ нимъ съ усиленнымъ интересомъ. По нашему правилу, излагать подробно только тѣ событія, которыя или особенно интересуютъ цѣлую Европу, или имѣютъ внутреннюю великую важность, мы конечно не станемъ утомлять читателя разсказами о томъ, что на Алжирской границѣ началась у французовъ война съ марокскими племенами, которая по всей вѣроятности кончится тѣмъ, что французы нѣсколько раздвинутъ границы своихъ африканскихъ владѣній на западъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, что французскія войска въ Кохинхинѣ изнемогли отъ болѣзней и потому отказываются отъ мыслей объ обширныхъ завоеваніяхъ въ этой странѣ,—какое дѣло не только намъ, но и самой Франціи до завоеваній въ Азіи, когда въ самой Франціи надобно было бы производить еще много завоеваній надъ бѣдностью и невѣжествомъ?

Объ Англіи ничего не приходится намъ говорить въ этотъ разъ. Національнымъ событіемъ было то, что „большой корабль", the big ship, то есть, „Восточный великанъ", Great Eastern, уже началъ свои прогулки по морю, и несмотря на неосторожность въ одной изъ техническихъ подробностей при устройствѣ трубъ, проводившихъ воду въ паровики, неосторожность, которая произвела взрывъ одной изъ этихъ трубъ, онъ оказался совершенно соотвѣтствующимъ надеждѣ, какую имѣли на его достоинства. Онъ легко ходитъ по 25 верстъ въ часъ подъ неполными парами; онъ остается

Digitized by Google

непоколебимъ при волненіи, производящемъ сильную качку въ самыхъ большихъ изъ прежнихъ кораблей, и развѣ только въ бурю будетъ подвергать своихъ пассажировъ морской болѣзни. Самый взрывъ засвидѣтельствовалъ чрезвычайную крѣпость его: онъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ этого потрясенія, которое разрушило бы, говорятъ, даже линейный корабль. Но Great Eastern—не политическій фактъ, и мы здѣсь должны ограничиться этими немногими словами о немъ. Сентябрь и октябрь мѣсяцы—время совершеннаго затишья въ государственной жизни Англіи. Но въ ноябрѣ, когда по старому обычаю начинаются приготовленія общественнаго мнѣнія къ приближающейся парламентской сессіи, съ удвоенною силою должна возобновиться агитація въ пользу парламентской реформы, съ которою соединится агитація въ пользу финансовой реформы. Читатель знаетъ, что люди, бывшіе главными дѣятелями въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, по ихъ отмѣненіи образовали лигу въ пользу финансовой реформы вообще. Они находятъ, что теперь наступила пора сильно поднять въ парламентѣ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ налоговъ. Кобденъ и Брайтъ согласны съ этимъ, и надобно ожидать, что митинги въ концѣ нынѣшняго года будутъ очень оживлены, а парламентская сессія слѣдующаго года пройдетъ не такъ безплодно, какъ сессія нынѣшняго, — разумѣется, если не возникнетъ опять опасеній какой нибудь войны со стороны Франціи. Разрывъ между хозяевами и работниками по строительной промышленности (Builders' Strike), о которомъ упоминали мы въ предъидущемъ обозрѣніи, все еще продолжается вотъ уже почти три мѣсяца, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, когда и какъ онъ кончится.

Въ Германіи продолжаютъ толковать объ агитаціи въ пользу единства. Дѣло это приняло оборотъ, который для человѣка, незнакомаго съ характеромъ германскаго сейма, можетъ казаться подающимъ надежды, но въ сущности ведетъ только къ нескончаемой и совершенно безплодной дипломатической перепискѣ. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ правительствъ Германіи, чтобы избавиться отъ упрековъ за отсутствіе патріотизма, вздумали предложить сейму заняться пересмотромъ союзнаго акта. Исторія всѣхъ реформъ, которыя предполагалось совершить посредствомъ сейма, доказываетъ полнѣйшее безсиліе сейма сдѣлать что нибудь въ духѣ улучшенія; да и какія существенныя улучшенія могутъ быть предложены тѣми, которые должны потерять отъ всякаго дѣйствительнаго улучшенія? Если читатель вспомнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ объ этомъ, онъ согласится, что сейму предложены будутъ реформы ничтожныя, да и тѣ сеймъ, послѣ долгихъ и очень скучныхъ споровъ, найдетъ невозможными, если само населеніе Германіи не потрудится разъяснить ему, что не только предложенныя реформы возможны, но необходимы еще другія, болѣе важныя.

Въ Австріи прежнія надежды на замѣненіе реакціонной системы болѣе свободною уступили мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, горькому разочарованію. Венгерскіе протестанты, столь осчастливленные великою реформою, касавшеюся инспекторовъ школъ, имѣютъ неблагодарность объявлять, что подобныя реформы просто комедія, насмѣшка. Министры отвѣчаютъ, что они сами знаютъ это, но реформъ иного характера производить не могутъ. Они

Digitized by Google

говорятъ правду. Ихъ безсиліе на добро дѣйствительно стало очевидно для всѣхъ.

Но самымъ занимательнымъ, послѣ итальянскаго вопроса, случаемъ въ европейскомъ политическимъ мірѣ было открытіе колоссальнаго заговора въ Турціи, всего только за нѣсколько дней до срока, назначеннаго къ его исполненію. Заговоръ этотъ очень интересенъ какъ фактъ, опровергающій распространенное по Европѣ предубѣжденіе, будто турецкое правительство идетъ въ главѣ реформы, постепенно распространяющей въ Турціи цивилизацію, и будто бы оно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вяло и плохо только потому, что нѣтъ въ турецкомъ обществѣ элементовъ, на которые могло бы оно опереться, нѣтъ многочисленной партіи, которая хотѣла бы видѣть Турцію цивилизованнымъ государствомъ. Характеръ открытаго теперь заговора доказываетъ противное. Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Европейской Турціи, которое, разумѣется, только того и желаетъ, чтобы правительство шло путемъ реформъ, мы видимъ теперь, что даже въ турецкомъ племени есть много людей, которые были бы рады очистить Турцію отъ азіатскаго деспотизма и фанатизма и помогать осуществленію всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя требуются отъ него европейскими державами, и которыхъ оно не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, или не дѣлаетъ вовсе.

Само собою разумѣется, что турецкое правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть истинныя намѣренія заговорщиковъ и выставить ихъ фанатиками, хотѣвшими истребить христіанъ, и т. д., кровопійцами, хотѣвшими зарѣзать султана, и т. д. Но мужество, съ которымъ заговорщики держали себя на допросахъ, одно уже могло бы свидѣтельствовать противъ такихъ обвиненій. Люди, замыслы которыхъ дурны, не были бы такъ безтрепетны предъ лицомъ смерти. Они смѣло говорили министрамъ, своимъ судьямъ, о дурномъ управленіи, которое губитъ Турцію, о произволѣ администраціи, расточительности двора. Мы подождемъ, пока болѣе разъяснится правда, затемненная теперь офиціальными клеветами, и приведемъ нынѣ только отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'а (3 октября).

Натурально было бы предполагать, что заговоръ, въ которомъ большая часть руководителей — азіатскіе турки, въ которомъ замѣшаны очень многіе мусульманскіе духовные, отчасти вызванъ мѣрами, принятыми въ послѣдніе годы въ пользу христіанъ. Но это предположеніе несправедливо. Я нигдѣ не нахожу ему подтвержденій а очень длинное, подробное и интересное письмо, помѣщенное въ Presse, которая ручается за вѣрность его извѣстій, положительно опровергаетъ это. Оно говоритъ:

«Заговорщики думали о впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу приготовляемый ими переворотъ. Увѣряютъ, что у нихъ былъ составленъ манифестъ для сообщенія европейскимъ державамъ. Въ этомъ актѣ излагались причины неудовольствія націи на Абдулъ-Меджида и его министровъ: представлялись свѣдѣнія о дворцовыхъ издержкахъ и суммахъ, получаемыхъ министрами. Далѣе, объявлялось, что переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго прогрессу, цивилизаціи, а въ особенности, ничего опаснаго для христіанъ».

«Каждый народъ имѣетъ свой методъ идти къ своимъ цѣлямъ. Турецкій заговоръ бы повидимому нѣчто соотвѣтствующее нашей англійской лигѣ въ пользу финансовой реформы, только вмѣсто собиранія колоссальныхъ митинговъ, мирной агитаціи и краснорѣчія Кобдена и Брайта, у нашей муфти и улемовъ были тайныя собра-

Digitized by Google

нія въ домѣ одного изъ ихъ товарищей, близъ мечети султана Баязета, и замыселъ арестовать султана и его министровъ. Письмо помѣщенное въ Presse продолжаетъ:

«Мѣсяца три тому назадъ составилось тайное общество съ смѣлымъ намѣреніемъ арестовать султана и измѣнить форму правленія. Главное лицо общества, Шейхъ-Ахмедъ, курдъ, родомъ изъ Сулейманіе, жилъ въ медресе (училищѣ) при мечети султана Баязета. Онъ человѣкъ просвѣщенный, чуждый фанатизма, уважаемый богословъ и философъ и извѣстенъ непоколебимою честностью. Подобно почти всѣмъ туркамъ, Шейхъ-Ахмедъ печалился тѣмъ, какъ дурно ведутся государственныя дѣла, возрастающею слабостью имперіи, административными злоупотребленіями, финансовыми безпорядками, безмѣрными дворцовыми издержками. Онъ строго осуждалъ дѣйствія министровъ и слабость султана. Его слушали съ почтеніемъ, и слова его получали великую силу отъ нравственнаго авторитета, которымъ онъ пользовался. Ежедневно повторяющіеся факты подтверждали эти слова и увеличивали народное неудовольствіе. Около шейха собрались люди, раздѣлявшіе его мысли; у нихъ часто происходили совѣщанія. Это были судьи, духовные, военные, люди средняго сословія и чиновники».

«Въ числѣ друзей шейха находился черкесъ Гуссейнъ-Паша, человѣкъ горячаго и рѣшительнаго характера, получившій извѣстность въ карскую компанію 1855 года. Онъ былъ тогда командиромъ перваго арабистанскаго полка, отличился при отраженіи русскаго штурма и за это произведенъ былъ въ генералы. Въ прошломъ году онъ былъ менѣе счастливъ въ войнѣ съ черногорцами, гдѣ корпусъ его сильно пострадалъ; подъ нимъ самимъ было убито двѣ лошади и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Его удалили отъ командованія. Возвратившись въ Константинополь, онъ требовалъ военнаго суда, но ему отказали въ этомъ. Оставшись безъ должности и считая себя обиженнымъ, онъ питалъ неудовольствіе на правительство. Познакомившись съ Шейхомъ-Ахмедомъ, онъ охотно присоединился къ его замыслу. Мѣсяца два тому назадъ, его опредѣлили въ штабъ румелійской арміи. Онъ отказался, но потомъ согласился и уѣхалъ. Говорятъ, что въ его отсутствіе руководителемъ движенія положили сдѣлать артиллерійскаго генерала Гассана-Пашу, командовавшаго батареями и караулами на Босфорѣ. Въ числѣ заговорщиковъ былъ также Джаферъ-Паша, албанецъ знатнаго рода, нѣкогда боровшійся противъ Порты, но во время дунайской компаніи присоединившійся къ арміи султана съ 200 своихъ соотечественниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ на его счетъ. Послѣ войны ему давали много обѣщаній, но ни одного не исполнили. Ему даже не дозволили возвратиться на родину, а принудили остаться въ Константинополѣ, давая ему около 7 фунтовъ (45 р. с.) въ мѣсяцъ. Были и другіе значительные люди въ числѣ заговорщиковъ; офицеровъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, считая не менѣе 850 человѣкъ. Общество имѣло правильную организацію и члены его раздѣлялись на два класса, руководителей и простыхъ членовъ.

«Только руководители знали другъ друга. Простые члены знали только своихъ руководителей, изъ которыхъ у каждаго было подъ руководствомъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Надобно полагать, что число членовъ заговора было не менѣе 15 или 18-ти тысячъ. Планъ заговорщиковъ былъ таковъ: при возвращеніи султана изъ мечети или изъ дворца Топхане съ обыкновенною свитою, они хотѣли ждать его въ самомъ узкомъ мѣстѣ той улицы, которая параллельно Босфору ведетъ изъ Топхане въ Дольма-Бакши, гдѣ стоитъ кабуташскій караулъ. Офицеры и солдаты этого караула должны были арестовать султана; всѣ они были на сторонѣ заговорщиковъ. Послѣ арестованія султана хотѣли пустить съ кабуташскаго крыльца ракеты, чтобы дать сигналъ полку, расположенному въ Кулали, на другой сторонѣ Босфора. Отряды этого полка должны были идти, чтобы арестовать военнаго министра Риза-Пашу, великаго визиря Аали-Пашу и министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Пашу».

«Другихъ министровъ, президентовъ и членовъ совѣтовъ также хотѣли арестовать и подобно султану держать подъ стражей. Говорятъ, что Гассанъ-Паша, сдѣлавшій доносъ на заговорщиковъ, утверждаетъ, будто бы измѣнилъ имъ, узнавъ, что они хотятъ убить всѣхъ арестованныхъ и самаго Абдулъ-Меджида; но общее мнѣніе въ Константинополѣ таково, что у заговорщиковъ не было намѣренія убивать кого бы то ни было и что Гассанъ выдумалъ эту исторію для своего извиненія. Заговорщики на-

Digitized by Google

значили уважаемыхъ людей для замѣщенія низложенныхъ сановниковъ, не спрашивая впрочемъ согласія у избранныхъ ими кандидатовъ. Они хотѣли объявить султану низложенным и возвести на престолъ его брата или старшаго сына. Все было готово; исполненіе заговора было назначено въ субботу 17 (5) сентября, но въ среду 14 (2), вечеромъ, Гассанъ явился къ Риза-Пашѣ и разсказалъ ему все. Быстро приняты были мѣры. Въ четвергъ, въ пятницу и субботу множество людей было арестовано: они содержатся въ Кулали, въ Скутари и въ другихъ мѣстахъ. Письмо продолжаетъ:

«Въ числѣ заговорщиковъ, арестованныхъ въ пятницу, былъ Джаферъ-Паша; его посадили на большой каикъ подъ стражею 10 солдатъ, чтобы отвести въ Кулали. На дорогѣ онъ растегнулъ пуговицы широкаго пальто, которое было на немъ. Въ ту минуту, когда каикъ вошелъ въ быстрое теченіе, онъ вскочилъ и прыгнулъ въ воду; солдаты схватили его за пальто, но онъ вынулъ руки изъ рукавовъ, нырнулъ и исчезъ. Это было въ половинѣ восьмого, вечеромъ. Приближалась ночь, и Джаферъ-Пашу не нашли; только его феска всплыла черезъ нѣсколько минутъ на поверхность, тѣла его не отыскали. Многіе говорятъ, что паша умѣлъ чрезвычайно хорошо плавать и что онъ можетъ быть спасся».

Выбирая достовѣрнѣйшія черты изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что цѣлью заговора было прекратить безпорядки управленія и дворцовой расточительности введеніемъ въ Турцію болѣе правильной администраціи и лучшихъ законовъ, въ томъ числѣ уравненіемъ правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ.

Digitized by Google

Ноябрь 1859.

Европейскія дѣла.—Сѣверо-Американскіе штаты и Браунъ.

Четыре мѣсяца тому назадъ, соединеніе центральной Италіи въ одно государство съ сѣверною, почти для всѣхъ казалось дѣломъ конченнымъ; три мѣсяца тому назадъ, вы пріобрѣтали имя желчнаго скептика, если отваживались говорить, что прежній порядокъ дѣлъ въ Романьѣ и Тосканѣ будетъ возстановленъ. Теперь всѣ видятъ близость реставраціи. Дѣло тянется двигателями реставраціи, повидимому, съ необыкновенной медлительностью, а между тѣмъ, идетъ къ концу очень быстро. Такова натура вещей, что нужно только бездѣйствовать и вынуждать къ бездѣйствію другихъ, чтобы возрастить зло, между тѣмъ, какъ основаніе чего нибудь хорошаго требуетъ страшныхъ, конвульсивныхъ усилій. Реакція не сдѣлала, кажется, ровно ничего: еще не одинъ солдатъ не двинулся въ Романью или Тоскану для низверженія новаго порядка вещей; а онъ уже близокъ къ паденію. Въ прошедшій мѣсяцъ не было сдѣлано реакціею ничего энергическаго, а торжество ея съ каждымъ днемъ становится несомнѣннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что новаго произведено надъ Италіею? Ровно ничего. Подписаны два остальные изъ трехъ цюрихскихъ трактатовъ, именно договоры между Сардиніею и Франціею, между Сардиніею и Австріею; но ихъ подписаніе было дѣломъ чистой формальности, послѣ того какъ подписанъ былъ первый изъ трехъ договоровъ— трактатъ между Австріею и Франціею; а мы еще въ прошломъ мѣсяцѣ сообщали извѣстіе объ этомъ. Явилось письмо Наполеона къ королю сардинскому объ устройствѣ итальянскихъ дѣлъ; но оно буквально излагаетъ ту самую программу, которую мы сообщили также въ прошломъ мѣсяцѣ, недѣли за три до появленія письма. Король сардинскій отказался отъ власти, которую предлагала ему центральная Италія, и запретилъ принимать ее своему родственнику, герцогу Кариньянскому, — но еще въ прошломъ мѣсяцѣ, и даже два и три мѣсяца тому назадъ, можно было предугадывать, что онъ такъ поступитъ, и мы нѣсколько разъ говорили это. Созывается конгрессъ, но Англія, Пруссія, Россія еще не выразили своего согласія участвовать въ немъ, — точно тоже положеніе было мѣсяцъ тому назадъ. Что же новаго? Рѣшительно ничего, кромѣ того, что прибавилось довольно много новообращенныхъ къ людямъ, не ожидающимъ хорошей развязки итальянскаго дѣла.

Digitized by Google

Что же говорить объ этомъ дѣлѣ подробно? Довольно будетъ самымъ краткимъ образомъ перечислить мелкія происшествія, которыми ограничивались итальянскія новости въ прошломъ мѣсяцѣ.

Обнародованіе условій Цюрихскаго трактата навело въ Италіи уныніе на людей, питавшихъ до той поры маниловскія надежды. Мы не понимаемъ, отчего было унывать, когда Цюрихскій трактатъ былъ просто подтвержденіемъ Виллафранкскихъ условій, и императоръ французовъ постоянно повторялъ, что не можетъ отступить отъ этихъ условій. Надобно отдать ему справедливость: онъ въ этомъ дѣлѣ не хитрилъ, не обманывалъ, не скрывалъ своихъ намѣреній. Вольно же было энтузіастамъ не вѣрить его словамъ, совершенно явнымъ и твердымъ. Его письмо къ королю сардинскому навело на итальянцевъ новое, еще сильнѣйшее уныніе; и опять-таки не было имъ причинъ унывать больше прежняго, потому что письмо было только десятымъ или двадцатымъ повтореніемъ того самаго, что говорилъ онъ при каждомъ случаѣ четыре мѣсяца сряду. Не находя въ этомъ письмѣ ничего новаго, мы не можемъ привести его здѣсь; но любители репетицій, понимающіе сущность дѣла только при десятомъ его повтореніи, стали бы упрекать насъ, если бы вовсе лишили ихъ возможности прочесть вновь то самое, что излагалось у насъ много разъ; потому мы печатаемъ въ приложеніи переводъ письма, заимствуя его изъ „Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей“, съ нѣкоторыми исправленіями по подлиннику. Здѣсь мы замѣтимъ только, что планъ устройства итальянскихъ дѣлъ, излагаемый императоромъ Наполеономъ, раздѣляется на двѣ части по отношеніямъ осуществленія разныхъ его надобностей къ волѣ различныхъ державъ. Во-первыхъ, есть вещи, исполненіе которыхъ зависитъ единственно отъ согласія императора французовъ; это возстановленіе прежнихъ правительствъ въ Тосканѣ и герцогствахъ и подчиненіе Романьи папскому владычеству. Императоръ Наполеонъ хочетъ этихъ вещей, стало быть онѣ исполнятся; это реальная часть письма. Другія вещи могутъ быть исполнены только по согласію Австріи или итальянскихъ правительствъ,—именно объявленіе Мантуи и Вероны союзными крѣпостями, независимое устройство Венеціанской области, дарованіе благодѣтельныхъ реформъ папской области и введеніе представительнаго правленія въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Венеціи и такъ далѣе; объ этихъ вещахъ впередъ извѣстно, что на нихъ не согласятся правительства, воля которыхъ нужна для ихъ осуществленія; этимъ желаніямъ императора Наполеона суждено остаться прекрасными желаніями, подобно давнишнему его желанію о преобразованіяхъ въ папскомъ правительствѣ; эту часть письма мы можемъ назвать поэтической. Поэзія не составляетъ предмета нашихъ обозрѣній; оставляя ее въ сторонѣ, мы обращаемъ вниманіе читателя только на прозаическую часть письма, и если онъ потрудится сличить ее съ нашимъ изложеніемъ французской программы итальянскаго вопроса въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ увидитъ буквальную вѣрность изложенныхъ нами тогда извѣстій.

Цюрихскій миръ и письмо императора Наполеона показали правительствамъ центральной Италіи надобность принять новыя мѣры. Были вновь созваны конституціонныя собранія въ герцогствахъ, въ Тосканѣ и въ Романьи для назначенія регентства. Всѣ собранія единогласно избрали общимъ регентомъ

Digitized by Google

центральной Италіи принца Кариньянскаго, ближайшаго изъ взрослыхъ родственниковъ короля Сардинскаго. Императоръ Наполеонъ выразилъ королю Сардинскому желаніе, чтобы принцъ Кариньянскій не принималъ предлагаемой ему власти; король Сардинскій и принцъ Кариньянскій повиновались, и депутація центральной Италіи, повергнувшая къ стопамъ ихъ единодушное рѣшеніе четырехъ областей, получила отказъ. Само собою разумѣется, что принята была депутація очень любезно и милостиво, какъ принимались и всѣ прежнія депутаціи, отправлявшіяся къ королю Сардинскому или къ императору французовъ. Принцъ Кариньянскій былъ такъ милостивъ, что изложивъ причины, по которымъ долженъ былъ отказаться отъ предложенія, указалъ депутаціи на человѣка, который можетъ занять мѣсто регента и собственной властью передалъ ему это званіе. Конечно, центральная Италія, давая принцу Кариньянскому власть регента, ни мало не думала, что предоставляетъ ему власть передать это званіе кому угодно безъ ея вѣдома. Но особенно странно то, что избранникомъ принца Кариньянскаго былъ Буонкомпаньи, котораго называютъ человѣкомъ очень пріятнымъ въ обществѣ, но который показалъ себя лишеннымъ всякой энергіи и сообразительности, когда управлялъ отъ имени Сардинскаго короля Тосканою во время войны. Вмѣсто того, чтобы готовить войско, онъ занимался тогда идиллическими упражненіями: строилъ оранжереи, устраивалъ цвѣточныя выставки, учреждалъ преміи для архитекторовъ за проэкты какихъ-то изящныхъ зданій, и для поэтовъ за хорошія драматическія произведенія. Благодаря такому аркадскому управленію, тосканская армія совершенно разстроилась при немъ въ одинъ мѣсяцъ, такъ что не годилась уже ровно никуда, и Гарибальди долженъ былъ заводить войско въ Тосканѣ съизнова, какъ будто Тоскана лежала въ архипелагѣ Дружбы и Согласія, а не въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мантуи. По послѣднимъ извѣстіямъ Буонкомпаньи поѣхалъ управлять центральною Италіею, и надобно только ждать извѣстія о томъ, приметъ ли она такого регента. Намъ кажется ясна цѣль, съ которою назначенъ регентомъ такой человѣкъ.

Что жь дѣлаютъ межь тѣмъ правительства центральной Италіи? Казалось, будто бы они хотятъ наконецъ стать энергичнѣе прежняго. Давно жаловались на неспособность диктатора Романьи, полковника Чипріани; онъ отказался отъ этого сана и тогда передали диктатуру Романьи пармскому и моденскому диктатору Фарини, который энергичнѣе всѣхъ остальныхъ правителей. Носились слухи, будто бы предоставляютъ больше простора Гарибальди, который прежде былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Но по послѣднимъ телеграфическимъ депешамъ, Гарибальди выходитъ въ отставку и хочетъ удалиться изъ Италіи. Какой смыслъ придавать этому извѣстію, мы еще не знаемъ; значитъ ли оно, что Гарибальди увидѣлъ невозможность не только побѣдить, но и защищаться съ честью? или его отставка значитъ только то, что онъ хочетъ разорвать всякія связи съ нерѣшительными людьми, поставить жителямъ центральной Италіи вопросъ о выборѣ между нимъ и между ними, хочетъ получить власть надъ войсками прямо отъ народа, а не отъ робкихъ правителей, чтобы начать дѣйствовать сообразно своему характеру и положенію дѣлъ? Когда читатель будетъ просматривать эту страницу, смыслъ просьбы Гарибальди объ отставкѣ уже будетъ извѣстенъ, а теперь мы можемъ

Digitized by Google

сказать одно: въ тѣ дни, когда мы пишемъ это, въ центральной Италіи вѣроятно уже совершается перемѣна въ личностяхъ и характерѣ правителей, близость которой мы указывали въ прошедшемъ обозрѣніи; власть или перешла или переходитъ въ руки людей рѣшительныхъ, безстрашныхъ; но перемѣна эта по всей вѣроятности уже запоздала. Теперь дѣла будутъ идти такимъ образомъ: всѣми людьми, неимѣющими твердаго характера, то есть огромнымъ большинствомъ людей, овладѣетъ уныніе; ошибочность вялой и робкой политики, которой слѣдовали до сихъ поръ, обнаружится для всѣхъ; горсть людей, которые давно были готовы жертвовать жизнью за національное дѣло, даже безъ надежды на успѣхъ его, возьметъ въ свои руки власть, покинутую людьми слабыми или отнятую у нихъ народнымъ негодованіемъ. Эти новые правители,— кто они будутъ, Гарибальди, Маццини, Саффи, Фарини или другіе, все равно,— начнутъ самымъ энергическимъ образомъ готовиться къ вооруженной защитѣ. Но, по всей вѣроятности, не будутъ уже имѣть времени приготовиться къ ней. Когда явятся враги, энтузіазмъ народа вспыхнетъ и совершится много славныхъ, но уже безполезныхъ подвиговъ.

Теперь уже ясно выраженъ въ письмѣ императора французовъ и другихъ оффиціальныхъ документахъ планъ, по которому хотятъ произвести реставрацію: подъ рукою будутъ помогать реакціонерамъ будутъ изнурять терпѣніе и силы народа отнятіемъ у него всякой возможности установить прочное положеніе дѣлъ (это выразилось запрещеніемъ королю Сардинскому принимать королевскую власть надъ центральной Италіей и запрещеніемъ принцу Кариньянскому принимать регенство), будутъ производить заговоры и безпорядки (во Флоренціи уже открытъ заговоръ реакціонеровъ, а Фарини долженъ былъ удалить изъ Пармы предводителей реакціонной партіи, начавшихъ интриговать слишкомъ явно); этими безпорядками воспользуются, чтобы ввести иностранныя войска въ мундирахъ папы, герцога Моденскаго, эрцгерцога Тосканскаго, или и въ собственныхъ мундирахъ: тогда это уже не будетъ называться „иностраннымъ вмѣшательствомъ,“—это будетъ только „помощь“, оказанная мирному населенію, просившему защиты отъ злодѣевъ и анархистовъ“.

Въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ все продолжается по прежнему. Въ Римѣ, напримѣръ, французскій посланникъ продолжаетъ дѣлать папѣ представленія о необходимости реформъ, папа сердится за это по прежнему и въ досадѣ забываетъ иногда правила учтивости,—дипломатическій міръ былъ очень скандализированъ, услышавъ, что Пій IX однажды, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, повернулся спиною къ герцогу Граммону, когда герцогъ твердилъ ему свои наставленія. Французскія полуофиціальныя газеты однакожъ увѣряютъ, что папа готовъ дать требуемыя реформы; важнѣйшимъ доказательствомъ готовности служитъ то, что однажды онъ сказалъ Граммону: „перестанемъ говорить объ этомъ; я подумаю и посмотрю“. Разумѣется, впрочемъ, что когда будетъ происходить покореніе Романьи, будутъ для формы обнародованы какія нибудь новыя постановленія или хотя обѣщанія,—ручательствомъ за это служитъ совѣтъ, данный Австріею. Реформы или обѣщанія будутъ, конечно, таковы же, какъ знаменитое „удаленіе кардинала Антонелли, мѣшающаго благотворнымъ рефор-

Digitized by Google

мамъ своею гибельною властью надъ умомъ папы“. Кардиналъ носилъ два главныхъ титула: во-первыхъ, министра, во-вторыхъ, президента государственнаго совѣта, который никогда не собирается и потому ничѣмъ не занимается. Министромъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ папы Антонелли остался, но отъ предсѣдательства въ совѣтѣ уволенъ. Такимъ образомъ, можно было сказать, что папа удовлетворилъ требованію объ отставкѣ Антонелли. Точно таково же будетъ удовлетвореніе и требованію реформъ, и все-таки можно будетъ сказать, что даны новые законы. Надобно думать, требуемыя реформы очень важны и либеральны, если ихъ требуютъ Австрія и Франція.

Въ Неаполѣ давно носились слухи о подготовляющихся возстаніяхъ. Но если пропущено благопріятное для нихъ время войны и надеждъ, то какой успѣхъ могли бы имѣть возстанія теперь, когда реакція готова овладѣть и тѣми областями, въ которыхъ успѣло одержать перевѣсъ прогрессивное движеніе? Попытка нѣсколькихъ энтузіастовъ въ Палермо была несвоевременна, и правительство безъ труда подавило ее. Движеній болѣе сильныхъ можно ждать развѣ въ томъ случаѣ, если въ центральной Италіи вспыхнетъ народная война противъ иноземнаго вмѣшательства и на первый разъ инсургентамъ удастся одержать какіе нибудь успѣхи, — также, если Гарибальди, ставъ неограниченнымъ распорядителемъ военныхъ силъ, вторгнется въ папскія и неаполитанскія владѣнія, какъ уже грозилъ передъ своею отставкою. Иначе, неаполитанскіе либералы напрасно пожертвовали бы собою, если бы вздумали начать какое нибудь движеніе.

Въ Германіи праздновали столѣтній юбилей рожденія Шиллера, во всѣхъ большихъ городахъ Европы также совершалось это торжество великолѣпнымъ образомъ. Затѣмъ, ничего замѣчательнаго не было въ Германіи. Движеніе въ пользу единства продолжалось въ прежнемъ, пока совершенно безсильномъ и праздномъ направленіи.

Война съ марокскими племенами по западной границѣ Алжира доставила французамъ лавры, какъ и должно быть; но въ экспедиціонномъ корпусѣ явилась холера, пожравшая уже не одну тысячу людей, такъ что лавры куплены нѣсколько дорого, какъ тоже и должно быть. Испанія начинаетъ военныя дѣйствія противъ Марокко съ другой стороны.

Въ Англіи начинается агитація въ пользу реформы парламентской и финансовой, но пока еще были только приготовительные митинги, а настоящія дѣйствія начнутся съ 1 декабря. Мы не говорили въ прошлый разъ о дипломатическомъ столкновеніи Англіи съ Соединенными Штатами, по поводу занятія острова Санъ-Хуана отрядомъ сѣверо - американскихъ войскъ, потому что изъ такой ничтожной причины не можетъ произойти никакихъ важныхъ послѣдствій, и подобные толки годятся только для наполненія газетныхъ столбцовъ. Мы не упомянули бы объ этомъ спорѣ изъ-за маленькаго, почти пустаго и никому собственно ненужнаго островка, если бы не пришлось кстати припомнить о немъ при надобности говорить о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ по другому случаю, о которомъ въ европейскихъ газетахъ было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителенъ.

Въ маленькомъ городкѣ или селѣ Гарперсъ-Ферри, лежащемъ въ одномъ

Digitized by Google

изъ невольническихъ штатовъ, близъ границы между свободными и невольничьими штатами, явилось нѣсколько человѣкъ аболиціонистовъ; они врасплохъ овладѣли арсеналомъ, находящимся тутъ, и стали провозглашать освобожденіе негровъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришла милиція изъ сосѣднихъ невольничьихъ городовъ, аболиціонисты не положили передъ нею оружія, милиція стала усмирять ихъ силою, они отчаянно оборонялись, большая часть ихъ была убита на мѣстѣ, остальные переранены, взяты въ плѣнъ и преданы суду, который, конечно, приговоритъ ихъ къ смерти „за убійство", если не за возстаніе. По своему размѣру, случай этотъ вовсе не важенъ; но онъ очень многозначителенъ, какъ первый въ своемъ родѣ. До сихъ поръ наступательнымъ образомъ дѣйствовала партія защитниковъ невольничества; аболиціонисты, дѣйствуя словомъ, фактически держались въ оборонительномъ положеніи. Теперь, какъ видимъ, ихъ энтузіазмъ такъ раздраженъ постоянными обидами отъ защитниковъ рабства, и увѣренность въ своихъ силахъ такъ возросла у нихъ, что являются стремленія дѣйствовать наступательно. Первая попытка была неудачна, какъ почти всегда бываютъ первыя попытки; ближайшимъ слѣдствіемъ ея будетъ усиленіе партіи защитниковъ рабства всѣми робкими людьми, боящимися крутыхъ мѣръ. Но безъ всякаго сомнѣнія, борьба станетъ постепенно принимать новый характеръ, и аболиціонисты черезъ нѣсколько времени отмстятъ за первыхъ своихъ мучениковъ, Брауна, предводителя горсти людей, геройски сражавшихся въ Гарперсъ-Ферри, и его неустрашимыхъ товарищей. Сѣверные и западные штаты будутъ постепенно проникаться мыслью о постыдности давать въ обиду своихъ политическихъ друзей, и границы рабства, до сихъ поръ расширявшіяся, начнутъ стѣсняться подъ напоромъ свободныхъ людей сѣвера и запада. Мы приводимъ здѣсь отрывокъ изъ помѣщеннаго въ Times'ѣ письма о личности Брауна, предводителя первыхъ мучениковъ за дѣло негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ приложеніи помѣщаемъ извлеченіе изъ устава общества, которое предполагалъ учредить Браунъ. Уставъ этотъ былъ найденъ въ числѣ бумагъ, найденныхъ у него. Неукротимая энергія и глубокое, строгое нравственное чувство придаютъ этому уставу чрезвычайную оригинальность. Онъ интересенъ для знакомства съ понятіями людей, составляющихъ крайнюю аболиціонистскую партію. Вотъ письмо о личности Брауна:

„Браунъ, извѣстный въ Соединныхъ Штатахъ подъ именемъ старика капитана Брауна, жестоко пострадалъ при началѣ волненій въ Канзасѣ, пять лѣтъ тому назадъ. Онъ жилъ еще не принимая никакого участія въ борьбѣ, начинавшейся тогда между приверженцами и противниками рабства въ Канзасѣ; въ его домъ ворвалась ночью шайка головорѣзовъ, пришедшихъ изъ Миссури: они разграбили и унесли все, что было цѣннаго въ небольшомъ имуществѣ, которое онъ пріобрѣлъ долгими годами скромнаго труда, сожгли домъ и нивы его и безъ всякой надобности убили одного изъ его дѣтей. Жена его скоро умерла отъ печали. Браунъ впалъ въ мономанію, холодную, необыкновенно проницательную, терпѣливую и отчаянно храбрую. Онъ собралъ небольшой отрядъ, въ которомъ рѣдко бывало десятка два человѣкъ; почти всѣ они были родомъ изъ штатовъ Новой Англіи. Обстоятельства превратили этихъ мирныхъ, можно сказать малодушныхъ, земледѣльцевъ

Digitized by Google

и мастеровыхъ въ отчаянныхъ партизановъ. Въ числѣ ихъ были два сына Брауна. Много разъ этотъ отрядъ проникалъ далеко во внутренность Миссури, освобождалъ изъ тюремъ людей, схваченныхъ по подозрѣнію въ томъ, что помогали бѣгству невольниковъ, уводилъ съ собою на свободу цѣлыя семейства невольниковъ, разорялъ домы людей, извѣстныхъ своимъ участіемъ въ попыткахъ ввести въ Канзасъ рабство и предавалъ ихъ самихъ казни. Когда эти попытки оказались неудачны и возстановилось спокойствіе, Браунъ опять сталъ земледѣльцемъ и мирнымъ гражданиномъ. Но черезъ нѣсколько времени шайка миссурійцевъ, гнавшаяся за бѣжавшимъ невольникомъ, явилась въ Канзасѣ, обыскивала безъ всякаго законнаго права домы жителей, и производила буйства тамъ, гдѣ встрѣчала сопротивленіе. Едва успѣли миссурійцы воротиться домой, какъ Браунъ съ своими сыновьями былъ уже въ ихъ землѣ, жегъ ихъ домы, нивы, уводилъ негровъ. За его голову была назначена награда; большая партія миссурійцевъ гонялась за нимъ, и послѣдній слухъ о немъ, дошедшій до меня, говорилъ, что онъ, будучи окруженъ преслѣдователями, бросился прямо на нихъ, безвредно пробился со всѣми своими товарищами и ночью скрылъ отъ нихъ свои слѣды“.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо императора французовъ къ королю сардинскому

(изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей).

«Любезный братъ, я пишу вамъ сегодня съ цѣлью изложить вашему величеству нынѣшнее положеніе дѣлъ, напомнить вамъ прошедшее и опредѣлить вмѣстѣ съ вами путь, которому должно слѣдовать на будущее время. Обстоятельства важны: необходимо устранить обольщенія и безплодныя сожалѣнія, и заботливо обсудить дѣйствительное положеніе вещей. Такъ теперь вопросъ не въ томъ, хорошо или худо я сдѣлалъ, заключивъ Виллафранкскій миръ, а въ необходимости извлечь изъ этого трактата результаты, наиболѣе — благопріятныя для умиренія Италіи и спокойствія Европы. Прежде, чѣмъ идти дальше въ обсужденіи этого вопроса, я хочу напомнить еще разъ вашему величеству препятствія, которыя такъ затрудняли всякіе окончательные переговоры и заключеніе всякаго трактата. Война далеко не такъ сложна, какъ миръ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ только борьбу двухъ интересовъ: нападенія и обороны. Во второмъ, напротивъ—того, надобно примирять множество интересовъ, нерѣдко противоположнаго характера. Это-то именно и случилось при заключеніи мира. Необходимо было получить трактатъ, который бы какъ можно лучше обезпечилъ независимость Италіи, удовлетворилъ Пьемонтъ и желаніе населеній, нисколько не оскорбляя, притомъ, католическаго чувства или правъ государей, которыми интересуется Европа. Итакъ я полагалъ, что если австрійскій императоръ пожелаетъ откровенно вступить со мною въ соглашеніе, съ цѣлью достигнуть этихъ важныхъ результатовъ, то причины антагонизма, раздѣлявшаго въ теченіе вѣковъ мою и его имперіи, исчезнутъ, и возрожденіе Италіи можетъ осуществиться по взаимному согласію и безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Вотъ каковы, по моему мнѣнію, существенныя условія этого возрожденія:

«Италія должна состоять изъ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, связанныхъ союзной лигой.

«Каждое изъ этихъ государствъ приметъ представительную систему и спасительныя реформы.

«Конфедерація должна утвердить начала итальянской народности, у которой будетъ одно знамя и одна таможенная система.

«Руководящій центръ въ Римѣ будетъ состоять изъ представителей, назначенныхъ государями на основаніи списка, приготовленнаго палатами, такъ чтобы въ этомъ нѣкотораго рода сеймѣ вліяніе владѣтельныхъ фамилій, подозрѣваемыхъ въ наклонности къ Австріи, было уравновѣшиваемо элементами, порожденными избраніемъ.

«Обезпеченіе за папой почетнаго предсѣдательства въ конфедераціи удовлетво-

Digitized by Google

ритъ религіознымъ чувствамъ католической Европы, нравственное вліяніе папы усилится во всей Италіи и позволитъ ему сдѣлать уступки, сообразныя съ законными желаніями населеній. Планъ, составленный мною въ минуту заключенія мира, можетъ еще осуществиться, если вашему величеству угодно будетъ благопріятствовать ему вашимъ вліяніемъ. Притомъ, на этомъ пути уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ.

«Уступка Ломбардіи, съ опредѣленнымъ долгомъ, составляетъ свершившійся фактъ.

«Австрія отказалась отъ права содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ Піаченцы, Феррары и Коммакіо.

«Права государей, правда, гарантированы, но независимость центральной Италіи также обезпечена формальнымъ устраненіемъ всякой мысли объ иноземномъ вмѣшательствѣ: наконецъ, Венеціянская область должна сдѣлаться провинціей чисто-итальянской.

«Дѣйствительный интересъ вашего величества и Полуострова состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать намъ въ развитіи этого плана, для достиженія наилучшихъ результатовъ, ибо ваше величество не можете забыть, что я связанъ трактатомъ, и не могу въ имѣющемъ собраться конгрессѣ уклониться отъ моихъ обязательствъ. Роль Франціи начертана заранѣе.

«Мы требуемъ, чтобы Парма и Піаченца были присоединены къ Пьемонту, потому что эти владѣнія необходимы ему съ стратегической точки зрѣнія.

«Мы требуемъ, чтобы герцогиня пармская была призвана къ управленію Моденой.

«Чтобы Тоскана, предѣлы которой, быть можетъ, расширятся, была возвращена великому герцогу Фердинанду; чтобы во всѣхъ итальянскихъ государствахъ была принята система благоразумной свободы;

«Чтобы Австрія открыто освободилась отъ постоянной причины затрудненій въ будущемъ, согласившись укрѣпить венеціанскую народность не только отдѣльнымъ представительствомъ и управленіемъ, но и итальянской арміей.

«Мы требуемъ, чтобы крѣпости Мантуа и Пескьера были признаны союзными крѣпостями;

«Наконецъ, чтобы конфедерація, основанная на дѣйствительныхъ потребностяхъ, а равно и на преданіяхъ Полуострова, за исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія, упрочила независимость Италіи.

«Я не пренебрегу ничѣмъ для достиженія этого великаго результата. Будьте увѣрены, ваше величество, что чувства мои не измѣнятся и что, насколько тому не будутъ противиться интересы Франціи, я всегда съ радостью буду служить дѣлу, за которое мы вмѣстѣ сражались. Дворецъ Сенъ-Клу, 20-го октября 1859 г.».

II.

Временная конституція и постановленія для народа Соединенныхъ Штатовъ.

(то есть, уставъ военнаго общества для освобожденія невольниковъ).

«По соображенію, что рабство во всемъ своемъ существованіи въ Соединенныхъ Штатахъ есть ничто иное, какъ самая варварская, безпричинная и неизвинительная война одной части гражданъ противъ другой части, въ которой единственными условіями служатъ постоянное тюремное заключеніе и безнадежное порабощеніе или совершенное истребленіе, въ совершенную противность и оскорбленіе вѣчнымъ и очевиднымъ истинамъ, изложеннымъ въ актѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ;

«Мы, граждане Соединенныхъ Штатовъ и угнетенный народъ, который по недавнему рѣшенію верховнаго суда объявленъ не имѣющимъ никакихъ правъ, ненарушимыхъ для бѣлаго человѣка, вмѣстѣ со всѣми другими людьми, униженными вслѣдствіе

Digitized by Google

такихъ законовъ, опредѣляемъ и постановляемъ себѣ для настоящаго времени слѣдующія временныя конституцію и постановленія къ лучшему охраненію нашего народа, собственности, жизни и свободы и для руководства нашими дѣйствіями:

«Статья 1. Кто имѣетъ право быть членами нашего общества. Всѣ лица совершеннаго возраста безъ различія того, будутъ ли они угнетенными и порабощенными гражданами, или будутъ происходить изъ угнетенныхъ и порабощенныхъ племенъ Соединенныхъ Штатовъ, согласные поддерживать и защищать временную конституцію съ органическими постановленіями, имѣютъ полное право вмѣстѣ съ своими малолѣтними дѣтьми на покровительство этой конституціи.

Статья 2 говоритъ, что временное правительство организуемаго общества имѣетъ три отдѣла: законодательный, исполнительный и судебный.

«Статья 3. Власть законодательная. Законодательную власть долженъ составлять конгрессъ или палата представителей, имѣющая не менѣе пяти и не болѣе десяти членовъ, избирающихся всѣми совершеннолѣтними гражданами, принадлежащими къ обществу, и остающихся въ должности три года.

«Статья 4. Исполнительную власть составляютъ президентъ и вице-президентъ, избираемые всѣми членами общества, также на три года.

«Статья 5. Судебную власть составляетъ верховный судья и четыре другихъ судьи верховнаго суда, избираемые такимъ же образомъ.

«Слѣдующія статьи опредѣляютъ порядокъ суда надъ президентомъ и другими сановниками, въ случаѣ нарушенія ими обязанностей, кругъ власти этихъ сановниковъ, ихъ жалованье и т. д., также организацію военныхъ силъ общества.

«Статья 28. Собственность. Вся, взятая въ добычу или конфискованная собственность и вся собственность, производимая трудомъ членовъ обществъ и ихъ семействъ, должна считаться собственностью всего общества безразлично и можетъ быть употребляема на общую пользу. Каждое лицо, которое противозаконно удержитъ, утаитъ, употребитъ или безъ нужды израсходуетъ такую собственность или собственность конфискованную у непріятеля, считается виновнымъ и по уликѣ наказывается.

«Статья 29 опредѣляетъ, что монета и драгоцѣнныя вещи, конфискуемыя у непріятеля, должны составлять особенный фондъ, спеціально назначенный для военныхъ расходовъ; слѣдующія двѣ статьи опредѣляютъ порядокъ распоряженія этимъ фондомъ.

Статья 32 говоритъ, что съ плѣнниками должно поступать человѣколюбиво: «обязанность всѣхъ лицъ обоего пола, принадлежащихъ обществу, требуетъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обращаться съ плѣнниками, соблюдая всевозможную уважительность и кротость и внушать такое уваженіе всѣмъ другимъ, ради страха имени всемогущаго Бога, промыслу и защитѣ котораго мы вручаемъ наше дѣло.

«Статья 33. Добровольные. Всѣ лица, которые добровольно освободятъ своихъ рабовъ и внесутъ свои имена въ книги этого общества, должны, пока будутъ сохранять тишину, пользоваться полнѣйшимъ покровительствомъ своей личности и собственности, хотя бы не поступили въ составъ общества, и съ ними должно поступать какъ съ друзьями, а не просто какъ съ лицами нейтральными.

«Статья 34. Нейтральные. Личность и собственность всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ рабовъ и остаются безусловно нейтральными, должна быть уважаема на сколько возможно, хотя общество не обязано защищать ихъ.

Статья 35 говоритъ, что произвольное разрушеніе какой бы то ни было собственности должно быть наказываемо.

«Статья 36. Конфискуемая собственность. Вся движимая и недвижимая собственность всѣхъ лицъ, прямо или косвенно дѣйствующихъ съ врагомъ или въ пользу его, или упорно держащихъ у себя рабовъ, должна быть конфискуема всегда и повсюду.

«Статья 37. Дезертирство. Лица, уличенные по безпристрастному суду въ дезертирствѣ къ врагу, послѣ того какъ были членами общества или измѣннически отдавшіе ему собственность, оружіе, военные или съѣстные запасы, дороги, мосты, укрѣпленія или предавшіе ему людей, подвергаются смертной казни, и вся ихъ собственность конфискуется.

Digitized by Google

Слѣдующія статьи опредѣляютъ наказанія за безнравственные поступки.

«Статья 42. Бракъ, училища, воскресенье. Брачныя узы должны быть всегда уважаемы. Школы и церкви должны быть учреждаемы со всевозможной быстротой для религіознаго и другаго образованія, и первый день недѣли долженъ быть днемъ отдыха, посвященнымъ нравственному и религіозному просвѣщенію и усовершенствованію, вспоможенію страждущимъ, обученію дѣтей и непросвѣщенныхъ и распространенію внѣшней опрятности.

«Статья 43. Открытое ношеніе оружія. Всѣ лица безпорочнаго поведенія, здраваго ума и надлежащаго возраста обоего пола, находящіеся въ этомъ обществѣ, поощряются къ открытому ношенію оружія.

«Статья 44. Запрещеніе носить скрытое оружіе. Никто въ границахъ завоеванной земли, кромѣ должностныхъ лицъ, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ носить скрытаго оружія, и каждый подозрѣваемый въ томъ можетъ быть арестуемъ и обыскиваемъ.

Статья 45 опредѣляетъ случаи арестованія другихъ подозрительныхъ лицъ.

«Статья 46. Эти статьи не имѣютъ цѣлью низверженіе правительства. Предъидущія статьи не должны быть истолковываемы въ смыслѣ, возбуждающемъ къ низверженію правительства какого-нибудь отдѣльнаго штата или общаго правительства Соединенныхъ Штатовъ, и клонятся не къ разрушенію союза, а только къ его исправленію, и нашимъ знаменемъ будетъ знамя, подъ которымъ наши отцы сражались за независимость».

Digitized by Google

Декабрь 1859 г.

Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи.

Chi va piano, va sano—„кто идетъ по тихоньку, навѣрное дойдетъ". По этой итальянской поговоркѣ ведется итальянское дѣло къ тому, чтобы Италія не пріобрѣла политической самостоятельности. Вотъ уже почти полгода послѣ Виллафранкскаго мира и никакихъ рѣзкихъ мѣръ не было еще употреблено въ Италіи. Французскія войска продолжаютъ занимать Ломбардію, но этотъ фактъ не имѣетъ ничего рѣзкаго: натурально, что могущественный союзникъ оставлялъ часть своей арміи въ завоеванной землѣ для защиты слабаго союзника, пока Сардинія не подписала окончательнаго мира съ Австріей. А если французскія войска простояли въ Ломбардіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, то почему же не пробыть имъ на прежнихъ квартирахъ еще нѣсколько времени, тѣмъ болѣе, что поздней осенью и зимой передвигать ихъ обременительно. Потому о французскихъ войскахъ въ Италіи нельзя говорить никому раздражительнымъ тономъ. Кромѣ этого, никакихъ насилій не было. Все ведено было тихо, и, благодаря этой тихости, дѣло подводится все ближе и ближе къ потребной цѣли. Области центральной Италіи, успѣвшія возмутиться противъ законныхъ правительствъ, воображали, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту рѣшено тайными условіями Виллафранкскаго договора. Но король Сардинскій бездѣйствовалъ и онѣ увидѣли надобность сами принять иниціативу; на это король Сардинскій отвѣчалъ, что принять предлагаемой ему власти не можетъ. Они думали, что Сардинія рѣшится хотя послать къ нимъ регента; Сардинія не рѣшилась и на это. Потомъ они просили, чтобы правитель, назначенный для нихъ безъ ихъ согласія, служилъ покрайней мѣрѣ комиссаромъ сардинскаго короля. Сардинія объявила, что не можетъ давать ему этого качества и что онъ ѣдетъ въ центральную Италію просто, какъ г. Буонкампаньи, а не какъ повѣренный Сардинскаго правительства. Онѣ согласились и на это. Было у нихъ войско и былъ генералъ, которымъ держалось войско. Сардинское правительство объявило генералу, что онъ служитъ препятствіемъ для успѣшнаго хода дипломатическихъ отношеній; онъ вышелъ въ отставку и войско центральной Италіи теперь ослабѣваетъ. Участь ея

Digitized by Google

положено поставить въ зависимость не отъ ея стремленій, не отъ итальянскаго чувства, а отъ рѣшеній конгресса. Сначала думали итальянцы, что кромѣ пяти великихъ державъ на конгрессѣ будетъ только Сардинія, ихъ защитница, плохая или хорошая, но все таки защитница; потомъ они увидѣли, что будутъ приглашены также рѣшать ихъ судьбу Римъ и Неаполь, мнѣніе которыхъ очень хорошо извѣстно. Послѣ этого стало очевидно даже для итальянцевъ, на какой сторонѣ будетъ большинство голосовъ. Но итальянцы надѣялись, что рѣшенія конгресса будутъ имѣть только нравственное значеніе совѣтовъ и указаній; скоро стали говорить имъ, что конгрессъ можетъ опредѣлить нѣкоторые случаи вооруженнаго вмѣшательства для исполненія своихъ рѣшеній. Въ послѣднее время начали опредѣлять, въ чемъ должны состоять эти случаи. Во внутреннюю администрацію иностранцы не должны вмѣшиваться, но интересы Европейскаго равновѣсія требуютъ возстановленія извѣстныхъ разграниченій между государствами; потому конгрессъ можетъ послать войска для предотвращенія перемѣнъ въ распредѣленіи итальянскихъ государствъ. Такимъ образомъ итальянское дѣло очень опредѣлительно принимаетъ тотъ характеръ, какой и слѣдовало принять ему, судя по всѣмъ соображеніямъ. Мы давно уже говорили, что пора публикѣ перестать интересоваться имъ, какъ перестаешь интересоваться дюжиннымъ романомъ, съ первыхъ страницъ котораго виденъ весь ходъ интриги и предугадывается развязка, дающая торжество добродѣтели и наказывающая порокъ. Читатель знаетъ, что мы любимъ становиться на точку зрѣнія людей, ведущихъ дѣло и потому мы безъ сомнѣнія должны называть здѣсь порокомъ тѣ стремленія, представителями которыхъ служатъ теперь Буонкомпаньи и Риказоли, а прежде служилъ графъ Кавуръ. Сущность этихъ стремленій состоитъ въ томъ чтобы, достигнуть упроченія итальянской національности не силами самого итальянскаго народа, а помощью союзовъ и дипломатическихъ тонкостей. Графъ Кавуръ наказанъ за такую мечту и не замедлятъ быть наказаны его продолжатели въ центральной Италіи.

Дѣло становится безнадежнымъ, люди расчетливые охладѣваютъ къ нему, и оставляемое ими вліяніе начинаетъ переходить къ людямъ болѣе твердымъ, но получающимъ власть слишкомъ поздно. Фарини, бывшій самымъ энергичнымъ изъ трехъ диктаторовъ, соединилъ теперь въ своихъ рукахъ управленіе Романьею съ прежнею своею властью надъ Пармой и Моденой. Когда былъ выбранъ національнымъ собраніемъ Романьи въ регенты центральной Италіи принцъ Кариньянскій, отказался отъ диктатуры надъ Романьею полковникъ Чипріани, который очень долго былъ итальянскимъ патріотомъ, служа агентомъ французскаго вліянія. Онъ думалъ, что принцъ Кариньянскій приметъ регентство; но очевидно, что французскій кабинетъ оставилъ его при такомъ ожиданіи только для того, чтобы его удаленіе служило яснымъ предостереженіемъ для Турина. Сардинское правительство видѣло, что при одной мысли о регентствѣ принца Кариньянскаго отказываются отъ дѣлъ люди, находящіеся въ хорошихъ отношеніяхъ къ французскому двору: изъ этого оно должно было заключать о серьезности неудовольствія со стороны Франціи, которому подвергалось бы оно допущеніемъ принца Кариньянскаго къ регентству. Жители Романьи, покинутые прежнимъ диктаторомъ, должны были обратиться къ Фарини. Новый диктаторъ

Digitized by Google

принялъ разныя мѣры къ теснѣйшему соединенію герцогствъ съ Романьею. Но ничего важнаго сдѣлать онъ не могъ, потому что, несмотря на всѣ разочарованія, большинство такъ-называемыхъ либеральныхъ людей въ центральной Италіи все еще ждетъ отъ конгресса исполненія своихъ желаній, никакъ не вразумляясь о ихъ незаконности съ легитимной точки зрѣнія. Вотъ письмо Флорентинскаго корреспондента Times'а, показывающее, какая способность къ самоослѣпленію оставалась въ итальянскихъ либералахъ даже тогда, когда они узнали, что Франція запретила принцу Кариньянскому быть регентомъ.

«Флоренція, ноября 14».

«Противъ моего искренняго убѣжденія я послалъ вамъ въ прошлый четвергъ, 10 числа, двѣ строки, содержавшія важное извѣстіе, что выборъ принца Кариньянскаго регентомъ будетъ благопріятно принятъ въ Туринѣ. Это извѣстіе было получено мной изъ самаго высшаго офиціальнаго источника; оно разрушало всѣ доказательства, которыми я въ письмѣ, отправленномъ къ вамъ за минуту передъ этимъ, подтверждалъ свою мысль о невозможности того, чтобы Франція позволила Сардиніи послать регента безъ согласія Франціи. Но я тотчасъ же послалъ къ вамъ по телеграфу радостную вѣсть, довольный тѣмъ, что мои мрачныя соображенія опровергаются офиціальнымъ образомъ.

Теперь, продолжаетъ корреспондентъ, эта офиціальная увѣренность опровергнута фактами: Сардинія по внушенію Франціи отказалась послать принца Кариньянскаго и полуофиціальная Туринская газета Opinione принуждена объявить, что «представились этому дѣлу затрудненія, которыхъ нельзя было предусматривать».

«Но, говоритъ корреспондентъ, и Opinione, и Independente, и Corriere Mercantile довольно страннымъ образомъ утверждаютъ, что препятствіе дѣлу, столь благотворному для Италіи, безъ всякаго сомнѣнія не происходитъ отъ Франціи,—они утверждаютъ это, имѣя подъ глазами Монитёръ, объявляющій, что «должно сожалѣть о рѣшеніи, которымъ собранія центральной Италіи предложили регентство принцу Кариньянскому». Эти неисправимые обольстители общественнаго мнѣнія рѣшились повидимому ослѣплять себя до конца. Виллафранкскій миръ по ихъ словамъ былъ «не такъ дуренъ» для Италіи; Цюрихскій миръ былъ «лучше Виллафранкскаго»; письмо императора къ Виктору Эммануэлю было «доброжелательной мыслью»; и теперь они говорятъ, что Мониторъ «только сожалѣетъ, но вовсе не протестуетъ». Это только проблескъ молніи, а не настоящая гроза; они протрутъ глаза, немножко встрепенутся и черезъ минуту ихъ надежда попрежнему свѣжа.

«Въ этомъ вѣчномъ самообольщеніи итальянцевъ нѣтъ ни чувства собственнаго достоинства, ни истиннаго благоразумія. Я не осуждаю бѣдняка, который хватается за соломенку. Но 12 милліоновъ народа, имѣющихъ въ полѣ 150,000 солдатъ, съ королемъ готовымъ исполнить свою обязанность или умереть, и съ мечемъ Гарибальди, не должны были бы вѣчно ждать чужихъ разрѣшеній или запрещеній. Я увѣренъ, что если бы король Сардинскій отважно отказалъ въ согласіи на Виллафранкскія условія, онъ оказался бы сильнѣе обоихъ императоровъ, своего друга и своего врага, потому что французскій императоръ все-таки не былъ въ этомъ дѣлѣ всею Франціею, не былъ даже французскою арміею Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ французскіе офицеры въ Миланѣ ломали свои шпаги, прочитавъ депешу о Виллафранкскомъ перемиріи.

«Отважность, которая могла бы тогда спасти Піэмонтъ и Италію, остается и теперь единственнымъ спасеніемъ для Италіи и Піэмонта. Богу извѣстно, что дѣло Виктора-Эммануэля и Италіи ясно и чисто передъ всѣмъ свѣтомъ. Пусть онъ воскликнетъ: Dieu et mon droit! Итальянцы должны наконецъ понять, что имъ надобно полагаться на самихъ себя, и только на самихъ себя. Въ ту минуту, когда они выступятъ съ отвагою передъ лицомъ Европы, Европа будетъ на ихъ сторонѣ. Правда, ни Франція, ни Англія не будутъ сражаться за нихъ; но ихъ отвага внушитъ къ нимъ симпатію и удивленіе и французской и англійской націи; императоръ французовъ увидитъ тогда, что не всесиленъ даже во Франціи, даже въ рядахъ своихъ солдатъ. Несмотря на свою долгую робость, на свое напрасное дипломатизированье, итальянцы

Digitized by Google

имѣютъ больше друзей, чѣмъ враговъ за Альпами,—друзей въ Англіи и Франціи, друзей въ Германіи и самой Австріи. Пусть они смѣлыми, рѣшительными дѣлами превратятъ въ энтузіазмъ эту благорасположенность къ нимъ. Пусть они вспомнятъ, что сдѣлала Швейцарія встарину, что сдѣлала Греція недавно. Истинная храбрость возбуждаетъ уваженіе и приходитъ къ тому, что пріобрѣтаетъ помощь и содѣйствіе, которыхъ не ждала и не просила.

Безъ всякаго сомнѣнія итальянцы когда-нибудь убѣдятся въ справедливости размышленій, представляемымъ этимъ отрывкомъ. Но до сихъ поръ, какъ видно, то большинство людей, въ которыхъ честность соединяется съ недальновидностью, продолжаетъ еще надѣяться не на свои силы, а на чужое доброжелательство. Иначе не вышелъ бы въ отставку Гарибальди. Когда мы заканчивали прошедшій обзоръ, только-что было получено телеграфическое извѣстіе объ отставкѣ Гарибальди, безъ всякихъ объясненій этого факта. Кажется, легко можно бы намъ сообразить, что этотъ фактъ можетъ имѣть только одинъ смыслъ,—нѣтъ, съ наивностью достойною золотого вѣка,—съ наивностью, надъ которою такъ часто смѣемся, мы умудрились видѣть въ немъ признакъ хотя слабой возможности къ осуществленію стремленій, погибель которыхъ такъ ясно предсказывается здравымъ смысломъ. Мы сказали себѣ, быть можетъ Гарибальди увидѣлъ невозможность спасти итальянское дѣло съ людьми, губящими его своимъ легковѣріемъ. Быть можетъ, своимъ выходомъ въ отставку онъ говоритъ итальянцамъ: выбирайте между ними и между мною, пока я могу еще приготовить васъ къ оборонѣ отъ враговъ. Какая наивность, какое ребячество! Гарибальди просто былъ упрошенъ удалиться, какъ человѣкъ вредный; быть можетъ, онъ и не считалъ себя вреднымъ; но что же было ему дѣлать, когда его увѣряли въ томъ люди, уважать мнѣнія которыхъ онъ имѣетъ слабость. Слѣдующее письмо, переводимое нами по обыкновенію изъ Times'а, объясняетъ начало дѣла.

«Когда война кончилась и услуги Гарибальди стали не нужны Ломбардіи, онъ сталъ искать новаго поля для своего патріотизма и дѣятельности, и нашелъ его въ центральной Италіи, гдѣ съ радостью былъ встрѣченъ всѣми, въ томъ числѣ и правительствами. Едва стало извѣстно его новое положеніе, какъ молодежь Ломбардіи, Венеціи и итальянскаго Тироля стала сходиться къ его знамени. Альпійскіе стрѣлки послѣдовали за своимъ предводителемъ; изъ 7.000, составлявшихъ этотъ корпусъ, едва ли 600 или 700 человѣкъ остались въ сардинской службѣ. Да и тѣ стали лишь тѣнью того, чѣмъ были прежде. Нравственное вліяніе ихъ прежняго генерала было таково, что онъ обходился безъ наказаній и не было ни одной жалобы на нарушеніе дисциплины. Съ переходомъ команды въ новыя руки, какъ будто измѣнилась натура Альпійскихъ стрѣлковъ и стало нужно прибѣгать къ самымъ жестокимъ военнымъ наказаніямъ для сохраненія какого нибудь порядка. Едва ли надобно говорить, что піэмонтскіе командиры приписывали это печальное дѣло отсутствію дисциплины, въ которомъ стрѣлки привыкли жить при Гарибальдѣ, а для каждаго другаго было очевидно, что бѣда произошла отъ желанія піэмонтскихъ командировъ, не имѣвшихъ права на уваженіе своихъ солдатъ, примѣнять педантическія правила, годныя для конскриптовъ, къ отряду волонтеровъ.

«Альпійскіе стрѣлки, послѣдовавшіе за своимъ предводителемъ въ центральную Италію, составили зерно арміи герцогствъ и около нихъ группировались волонтеры, сходившіеся отовсюду. Такимъ образомъ армія герцогствъ была, можно сказать, арміею Гарибальди, а онъ самъ центромъ народныхъ овацій и симпатій. Это было слѣдствіемъ самой сущности дѣла, а не происковъ Гарибальди: даже противники его сознаются, что ни въ комъ нѣтъ такъ мало охоты блистать, какъ въ немъ. Натурально было, что правительства центральной Италіи, столь замѣчательныя своею благонамѣренною

Digitized by Google

вялостью, стали недовольны такимъ нравственнымъ превосходствомъ, совершенно затмѣвавшимъ ихъ. Они не могли признаваться въ своемъ чувствѣ, но положеніе было для нихъ чрезвычайно непріятное. Чтобы избавиться отъ своей досады, они вздумали выпросить организатора для арміи изъ Піэмонта. Предлогомъ было, что новый главнокомандующій будетъ новымъ звеномъ связи съ Піэмонтомъ, и кромѣ того будетъ помощникомъ для Гарибальди, о которомъ они распространяли слухъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ онъ «вовсе не администраторъ»; но особенно распространяли слухъ, что необходимость новаго назначенія производится наклонностью Гарибальди поднять въ южной Италіи возстаніе, которое можетъ компрометировать центральную Италію и привести къ вооруженному вмѣшательству.

«Гарибальди, всегда готовый приносить свое личное положеніе въ жертву для общаго дѣла, согласился на эту уступку и неусомнился подтвердить своимъ молчаніемъ мысль, будто бы передача главной команды генералу Фанти была его собственнымъ желаніемъ. Вначалѣ не было особенныхъ столкновеній, но скоро оказалось, что фальшиваго положенія нельзя исправить приданіемъ ему еще большей фальшивости. Армія герцогствъ, состоявшая изъ волонтеровъ, было учрежденіе народное, требовавшее не такого характера команды, какъ армія, составленная изъ конскриптовъ. Генералъ Фанти, служившій послѣднія десять лѣтъ въ Піэмонтѣ, такъ пропитался духомъ піэмонтской военной организаціи, что повидимому не замѣчалъ этой разницы. Дѣло состояло въ томъ чтобы пользоваться всѣми пригодными матеріалами для быстраго составленія національнаго войска, а не въ томъ, чтобы соблюдать педантическія правила, замедлявшія формированіе новыхъ силъ. Прямѣе говоря, Фанти совершенно пренебрегалъ важнымъ элементомъ, который въ подобныхъ случаяхъ долженъ вознаграждать недостаточность другихъ условій. Этотъ элементъ—народный энтузіазмъ; надобно было организовать его, а не подавлять формальностями похвальной рутины. Когда приходили волонтеры со всѣхъ сторонъ, ихъ не спрашивали о томъ, не нужно ли ихъ покормить, если у нихъ на ногахъ сапоги,—ихъ просто ставили подъ мѣрку, и если они не подходили подъ нее, имъ говорили, что они не могутъ быть приняты. Спрашивали, сколько имъ лѣтъ, и если волонтеру было 17 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, вмѣсто предписанныхъ 18 лѣтъ, ему говорили, что онъ не годится, и можетъ идти куда ему угодно. Организатору не было дѣла до того, что волонтеръ пришелъ издалека и не можетъ возвратиться на родину; не было организатору дѣла и до того, что черезъ три мѣсяца волонтеру исполнилось бы 18 лѣтъ; не думалъ онъ и того, чтобы человѣкъ могъ стать хорошимъ солдатомъ, хотя имѣетъ роста только 5 футовъ $4^1/2$ дюйма, вмѣсто 5 футовъ 5 дюймовъ.

«Гарибальди, не бывшій десять лѣтъ піэмонтскимъ генераломъ, натурально смотрѣлъ на дѣло иначе и всячески старался прекратить это педантство: его усилія были напрасны, потому что упорность организатора въ педантизмѣ укрѣплялась побужденіями самолюбія. По имени, Гарибальди былъ вторымъ въ командѣ, но въ сущности сохранялъ преобладаніе надъ умами. По обыкновенію, нашлись люди постаравшіеся раздуть несогласіе и нуженъ былъ только поводъ къ произведенію кризиса. Поводъ былъ поданъ сближеніемъ романьольской арміи съ папскою, приблизившеюся къ границамъ. Есть въ центральной Италіи неаполитанскіе офицеры, сильно подозрѣваемые въ сообщничествѣ съ тайными французскими агентами. Эти люди почти всѣ были замѣшаны въ замыслы мюратистовъ. Они заслужили расположеніе правительствъ центральной Италіи, всего болѣе тѣмъ, что стали въ оппозицію съ Гарибальди. Самого Гарибальди предполагали находившимся въ сношеніяхъ съ республиканскою партіею.

«Когда папскія и національныя войска сошлись близко, былъ составленъ планъ, чтобы Гарибальди посадилъ нѣсколько человѣкъ на мелкія суда и сдѣлалъ высадку въ Анконѣ, гдѣ должно было произойти возстаніе. Французское правительство, узнавъ объ этомъ планѣ, грозило занять Болонью, если произойдетъ что нибудь подобное. Планъ былъ оставленъ; французскому правительству и всей Европѣ было говорено, что это намѣреніе принадлежало Гарибальди, что онъ по внушенію республиканцевъ хотѣлъ поднять возстаніе въ южной Италіи. Но я положительнѣйшимъ образомъ говорю вамъ, что эта мысль происходила не отъ Гарибальди, а отъ правительствъ центральной Италіи; когда они увидѣли неудовольствіе Франціи, они свалили этотъ замыселъ на

*

Digitized by Google

Гарибальди. Факты были искажены и онъ былъ выставленъ человѣкомъ, желающимъ смутъ. Къ нему обратились съ требованіемъ, чтобы онъ не начиналъ военныхъ дѣйствій, и онъ далъ честное слово не дѣлать ничего для поднятія возставія въ южной Италіи; но въ тоже время объявилъ, что не будетъ подражать генералу Меццакапо, который стоялъ съ своими войсками неподвижно, когда Кальберматтенъ рѣзалъ людей въ Перуджіи».

Мы видимъ, какія причины заставляли правительства центральной Италіи дѣлать Гарибальди непріятности, понуждавшія его выйдти въ отставку: мелкая завистъ посредственныхъ людей къ человѣку, затмѣвавшему ихъ своею популярностью; досада педантовъ на правителя, желающаго мѣръ сообразныхъ съ обстоятельствами: всегдашняя ненависть умѣренныхъ людей къ человѣку подозрѣваемому въ образѣ мыслей болѣе опредѣлительныхъ. Для Сардинскаго правительства Гарибальди былъ помѣхою въ другомъ отношеніи. Онъ былъ непріятенъ для Франціи, которая находила, что онъ готовитъ для центральной Италіи средства воспротивиться ея намѣренію. Она говорила Сардиніи, что не можетъ довѣрять ей, пока она не разорветъ своихъ двусмысленныхъ отношеній къ людямъ непокорнымъ французской политикѣ, не употребитъ своего вліянія для удаленія Гарибальди, служащаго опорою такимъ людямъ. Это фактъ очевидный. Но очень правдоподобно, что сардинское правительство, и помимо требованій Франціи, имѣло свои собственныя причины желать удаленія популярнаго генерала. Когда послѣ несчастнаго дѣла о регентствѣ обнаружилось, что Сардинія не рѣшается соединять свое дѣло съ дѣломъ центральной Италіи, патріоты стали думать, что должны избрать какого нибудь другого общаго правителя, если Сардинская династія отказывается отъ этого положенія. Разумѣется, уму всѣхъ представилось имя Гарибальди. Не только въ центральной Италіи, но и во всей Европѣ явилась эта мысль у людей желавшихъ добра возставшимъ областямъ. Лордъ Элленборо напечаталъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ Тосканѣ, Романьѣ и герцогствамъ передать Гарибальди верховную власть, отвергнутую Викторомъ-Эммануэлемъ и принцемъ Кариньянскимъ. Times, служащая органомъ для мнѣній, господствующихъ въ англійской публикѣ, повторила этотъ совѣтъ. „Если Наполеонъ III, говорила она, не дозволяетъ центральной Италіи имѣть правителемъ Виктора-Эммануэля или принца Кариньянскаго, то еще нельзя быть увѣреннымъ, что она будетъ приведена къ согласію на возвращеніе Австрійскихъ эрцгерцоговъ. Быть можетъ она подумаетъ наконецъ о томъ, нѣтъ-ли между сынами ея человѣка вашингтоновской закалки и обратитъ свои взоры на Гарибальди". Легко представить себѣ, какія чувства пробуждались въ сардинскихъ дипломатахъ такою мыслью. Они все еще надѣятся, что если центральная Италія и не будетъ присоединена къ Піэмонту милостью императора французовъ, то конгрессъ согласится образовать изъ нея королевство, владѣтель котораго будетъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Сардинскому королю и которое черезъ нѣсколько времени перейдетъ къ Сардиніи по праву династическаго наслѣдства. Они льстятъ себя мыслью, что королевство это можетъ получить принцъ Кариньянскій въ награду за почтительность къ Франціи и къ Европейскому конгрессу; а если нѣтъ, то остается принцъ Наполеонъ, зять Виктора-Эммануэля: извѣстно, что назначить его королемъ центральной Италіи было бы пріятно императору французовъ. Но если бы власть надъ центральной Италіей перешла къ Гари-

Digitized by Google

бальди, эти надежды сильно страдали бы. Очень можетъ быть, что жители центральной Италіи не захотѣли бы мѣнять такого президента или диктатора ни на принца Кариньянскаго, ни на принца Наполеона, и Сардинская династія осталась бы въ проигрышѣ. Предположеніе, что сардинскіе политики могли желать отставки Гарибальди по этому разсчету, только наша догадка; но читатель согласится, что оно очень правдоподобно. Какъ бы то ни было, были ли настоянія центрально-итальянскихъ правительствъ и требованія Франціи единственными причинами, по которымъ сардинское министерство хотѣло удалить Гарибальди, или къ этимъ побужденіямъ присоединялся въ Туринѣ и собственный разсчетъ, но достовѣрно то, что сардинскій кабинетъ рѣшился избавиться отъ Гарибальди. Орудіемъ въ этомъ дѣлѣ былъ избранъ Викторъ-Эммануэль, къ которому Гарибальди чувствуетъ личную пріязнь за его храбрость и за его честность, съ которой онъ, подобно самому Гарибальди, готовъ пожертвовать жизнью для уничтоженія иностраннаго господства надъ Италіей. По всѣмъ извѣстіямъ надобно думать, что Викторъ-Эммануэль дѣйствительно человѣкъ очень почтенный; но онъ не беретъ на себя рѣшеніе политическихъ вопросовъ и слушаетъ во всемъ совѣта государственныхъ людей, составляющихъ его кабинетъ: онъ полагаетъ, что они знаютъ дѣла лучше, нежели онъ. Гарибальди былъ приглашенъ въ Туринъ и король, слѣдуя желанію своихъ министровъ, просилъ его удалиться изъ центральной Италіи для блага общаго дѣла, ходъ котораго затрудняется присутствіемъ генерала, внушающаго недовѣріе императору французовъ и европейскимъ дипломатамъ.

Съ удаленіемъ Гарибальди не только прекратилось развитіе военныхъ силъ въ центральной Италіи, но и существующее войско стало разстраиваться. Много разъ только личное вліяніе Гарибальди успокоивало волонтеровъ, поставленныхъ въ нелѣпое положеніе жить въ лагерѣ безъ всякаго дѣла. Теперь случаи нарушенія дисциплины станутъ серьезны, и мы не замедлимъ услышать о разстрѣливаніи непокорныхъ генералу Фанти. Нѣсколько человѣкъ уже разстрѣляно. Такія отношенія не могутъ превлекать новыхъ волонтеровъ. Говорятъ, что и старые обнаруживаютъ желаніе разойтись; но оставшееся начальство успокоиваетъ итальянцевъ тѣмъ фактомъ, что съ волонтеровъ при поступленіи было взято обязательство прослужить не менѣе полутора года, и кто уйдетъ изъ лагеря раньше этого срока, будетъ разстрѣлянъ, какъ дезертиръ. Зная причины, по которымъ Гарибальди ссорился съ Фанти, можно предвидѣть, много-ли даровитыхъ офицеровъ останутся въ арміи или сохранятъ свое вліяніе, лишившись главной опоры, которая защищала армію отъ плацъ-парадной формалистики. Гарибальди убѣждалъ своихъ сподвижниковъ не удаляться вслѣдъ за нимъ; они сами хотѣли продолжать служить пока могутъ. Но вотъ мы уже читаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ въ отставку, объявляя, что невозможно служить при новыхъ порядкахъ, взявшихъ перевѣсъ по удаленіи Гарибальди.

Повторяемъ то, что говорили уже нѣсколько разъ: при появленіи явной опасности народный духъ въ центральной Италіи оживится, и когда погибель будетъ неизбѣжна, явится энтузіазмъ, и даровитые люди поведутъ героевъ умирать въ безнадежной борьбѣ. Но время идетъ, а все не принимается надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы доставить патріотамъ средства начать

Digitized by Google

борьбу съ какими нибудь шансами успѣха, когда она станетъ неизбѣжной. Напротивъ съ каждымъ мѣсяцемъ производятся перемѣны, ведущія къ разслабленію и тѣхъ приготовленій, какія существовали. Исполненіе рѣшеній конгресса облегчается съ каждымъ мѣсяцемъ правителями самой Сардиніи и центральной Италіи. Отставка Гарибальди важнѣйшій изъ этихъ фактовъ. Назначеніе Буонкампаньи общимъ правителемъ центральной Италіи должно производить дѣйствіе въ томъ же смыслѣ.

Мы уже говорили, что Буонкампаньи, человѣкъ очень почтенный, до сихъ поръ выказывалъ себя не имѣющимъ ни распорядительности, ни энергіи. Судя по всему, что онъ дѣлалъ прежде въ Тосканѣ, во время войны, надобно думать, что онъ неспособенъ дѣлать ничего, что нужно дѣлать правителю въ трудныхъ обстоятельствахъ. Безхарактерность и неспособность вновь выказалась имъ уже при дѣлѣ о его новомъ назначеніи. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ центральную Италію, какую власть будетъ имѣть въ ней?—Онъ будетъ общимъ правителемъ; но частные правители, Риказоли въ Тосканѣ, Фарини въ Романьѣ и въ герцогствахъ, сохраняютъ свою власть. Такимъ образомъ Буонкампаньи будетъ представлять собою только лишнюю правительственную инстанцію, которая можетъ только мѣшать и задерживать, но не можетъ ничего дѣлать. Его назначеніе производитъ одинъ результатъ: оно усложняетъ и запутываетъ существовавшія отношенія. Тосканскій правитель Риказоли долго не хотѣлъ признавать этой новой власти; послѣ переговоровъ, ни мало разъяснившихъ дѣла, онъ уступилъ. Могъ ли человѣкъ съ характеромъ принять положеніе, которымъ явно недоволенъ одинъ изъ двухъ людей, называющихся прямыми помощниками общаго правителя? По всей вѣроятности Буонкампаньи будетъ служить, противъ собственныхъ намѣреній, лучшимъ орудіемъ для приведенія центральной Италіи къ тому порядку дѣлъ, который рѣшатъ ввести въ нее Франція и конгрессъ.

Роль Франціи на конгрессѣ достаточно опредѣлена всѣми официальными объявленіями французскаго правительства и характеромъ его дѣйствій на цюрихскихъ конференціяхъ. Чтобы напомнить читателю объ отношеніяхъ Франціи къ австрійской и сардинской политикѣ со времени Виллафранкскаго перемирія, мы приведемъ изъ Times'а письмо о французской политикѣ на цюрихскихъ конференціяхъ.

«Ходитъ много разсказовъ о статьяхъ трактата, невыгодныхъ для Сардиніи. Передаю вамъ нѣкоторые изъ нихъ. Не ручаясь за каждую подробность, могу васъ увѣрить, что главныя черты ихъ справедливы.

«Во первыхъ, назначеніе г. де-Буркене уполномоченнымъ само по себѣ считалось уже признакомъ намѣренія императора Наполеона благопріятствовать Австріи на цюрихскихъ конференціяхъ. Де-Буркене извѣстенъ своими австрійскими симпатіями; сильныя выраженія принца Наполеона противъ ультра-австрійскихъ стремленій французскаго уполномоченнаго приводятся въ доказательство, что правительство, его назначившее, хорошо знало направленіе человѣка, которому поручало власть надъ переговорами. По всеобщимъ разсказамъ, де-Буркене вполнѣ оправдалъ свою репутацію австрійскаго приверженца и на всѣхъ совѣщаніяхъ защищалъ интересы Австріи съ такою твердостью, какъ будто былъ австрійскимъ уполномоченнымъ; говорятъ, что сардинскій уполномоченный встрѣчалъ въ немъ едва ли не болѣе сопротивленія, чѣмъ въ австрійскомъ.

«Переговоры о Пескьерѣ приводятся, какъ поразительное доказательство тому; ихъ излагаютъ въ слѣдующемъ видѣ: когда начались споры о томъ, какъ великъ

Digitized by Google

долженъ быть районъ, принадлежащій къ крѣпости по Виллафранкскому условію, сардинскій уполномоченный предложилъ опредѣлить его въ 1,200 метровъ,—радіусъ соотвѣтствующій дальности вѣрнаго выстрѣла изъ 24-хъ фунтовой осадной пушки. Австрійскій уполномоченный отвѣчалъ требованіемъ радіуса въ 5,000 метровъ, говоря, что такова дальность выстрѣла изъ новой нарѣзной пушки, которая теперь должна считаться основаніемъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ. Съ общаго согласія было положено выбрать какого нибудь генерала, пользующагося авторитетомъ, чтобы онъ, какъ третейскій судья, опредѣлилъ истинный смыслъ термина «районъ крѣпости», Согласились выбрать маршала Вальяна, извѣстнаго знатока артиллерійской части, составляющей его спеціальность. Нельзя было опасаться, что онъ будетъ пристрастенъ въ пользу итальянцевъ: извѣстно, что онъ былъ противъ итальянской войны и его нерасположеніе заниматься приготовленіями къ ней заставило императора уволить его отъ должности военнаго министра. Маршалъ отвѣчалъ, что подъ райономъ крѣпости понимается гласисъ и такъ называемая «servitude militaire» крѣпости, то есть чистое мѣсто, оставляемое вокругъ нея. Ширина этого мѣста обыкновенно принимается въ 500 или 600 метровъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе посредника на половину сокращало районъ, предлагаемый Піэмонтомъ. Обѣ стороны предварительно согласились подчиниться рѣшенію посредника и положеніе Сардиніи становилось выгоднѣе, чѣмъ сама она ожидала. Французскій уполномоченный помогъ Австріи, предложивъ районъ въ 3,500 метровъ, и Сардинія принуждена была уступить. Если бы районъ былъ принятъ въ нѣсколько сотъ метровъ, холмы окружающіе Пескьеру остались бы за Сардиніею, и Пескьера осталась бы, какъ теперь, маленькою, слабою крѣпостью, надъ которой съ трехъ сторонъ господствуютъ непринадлежащія ей высоты. Но если эти высоты принадлежатъ Австріи, она можетъ обратить Пескьеру въ обширный укрѣпленный лагерь, владычествующій надъ Ломбардской долиной. Районъ въ 3,500 метровъ, уступленный австрійцамъ, обнимаетъ всѣ эти высоты и, благодаря тому, Пескьера остается плацъ-дармомъ, изъ котораго австрійцы могутъ дебушировать въ Ломбардію.

«Жалуются также на рѣшеніе денежнаго вопроса. 40 мильоновъ флориновъ, прибавленныхъ къ собственно Ломбардскому долгу и уплачиваемыхъ теперь Австріи Піэмонтомъ, даны Австріи дружбою г. де-Буркене.

«Я думаю, что слухи, приписывающіе такое сильное вліяніе мыслямъ этого дипломата, преувеличены. Я вѣрю, что г. де-Буркене любитъ австрійцевъ больше, чѣмъ сардинцевъ: такое настроеніе мыслей не рѣдкость между французскими государственными людьми. Но я не думаю, чтобы императоръ французовъ оставлялъ своего уполномоченнаго безъ очень точныхъ указаній по каждому случаю.

«Теперь называютъ слѣдствіемъ ошибки то, что по Виллафранкскимъ условіямъ были оставлены за Австріей три округа Мантуанской провинціи, лежащіе на правомъ берегу По. Но императоръ, который провелъ много лѣтъ своей жизни въ Италіи долженъ былъ очень хорошо знать, что Боргофорте, Гонзаго и Сермиде лежатъ на правомъ берегу По: тѣмъ удивительнѣе было бы ему не знать положенія этихъ мѣстностей, что они находятся близь Мантуи, осаждать которую готовились французы. «Ошибка», по которой эти округи на правомъ берегу По были оставлены за австрійцами, даетъ Австріи на По и на Минчіо просторъ наступать на Ломбардію».

Хорошимъ указаніемъ на то, каковы будутъ рѣшенія конгресса, надобно также считать выборъ перваго уполномоченнаго, котораго будетъ имѣть на немъ Англія. Читатель знаетъ, что составленіе конгресса замедлялось больше всего разногласіемъ между Франціею и Англіею во взглядѣ на права конгресса относительно жителей центральной Италіи. Англія говорила, что державы, составляющія конгрессъ, однимъ изъ основаній для его совѣщаній должны признать право итальянцевъ располагать своею политическою судьбою, какъ имъ самимъ угодно. Франція говорила, что признать за ними этого права нельзя, что конгрессъ можетъ опредѣлить ихъ судьбу по своимъ соображеніямъ, не стѣсняясь тѣмъ, согласны или нѣтъ эти соображенія съ же-

Digitized by Google

ланіемъ самихъ итальянцевъ. Какъ и чѣмъ кончилось это разногласіе по формѣ, мы не умѣемъ сказать: подлинные документы еще не обнародованы; но каковы бы ни были выраженія, на которыхъ Англія согласилась съ Франціей по спорному вопросу, и было ли устроено соглашеніе въ немъ, это все равно, потому что сущность дѣла хорошо видна изъ фактовъ. Они показываютъ, что Англія отказалась отъ мысли привести конгрессъ къ принятію своего воззрѣнія, и что конгрессъ удерживаетъ за собою право руководиться своими собственными соображеніями, а не намѣреніями жителей центральной Италіи. Такой характеръ дѣла обнаруживается, во-первыхъ, тѣмъ, что передъ самымъ временемъ когда англійское министерство согласилось на участіе въ конгрессѣ, англійскія газеты говорили, что Англія не должна въ немъ участвовать; изъ этого видимъ, что англійское министерство не имѣло тогда возможности провести свой взглядъ. Когда Англія объявила, что участвуетъ въ конгрессѣ, англійскія газеты стали требовать, чтобы уполномоченнымъ поѣхалъ лордъ Пальмерстонъ, пользующійся репутаціею самаго искуснаго дипломата; тогда мы будемъ знать, говорили онѣ, что если онъ будетъ принужденъ удалиться изъ конгресса по несогласію съ его направленіемъ, то уже дѣйствительно никакое дипломатическое искусство не могло придать дѣлу другого оборота и охранить Италію отъ вооруженнаго вмѣшательства. Но министерство назначило первымъ уполномоченнымъ не Пальмерстона и не лорда Джона Росселя, министра иностранныхъ дѣлъ, и даже не лорда Кларендона, который послѣ нихъ пользуется наибольшимъ значеніемъ въ иностранной политикѣ, а только лорда Коули, англійскаго посланника въ Парижѣ, дипломата второстепеннаго. Офиціально приводились благовидныя объясненія такому выбору: лордъ Пальмерстонъ—первый министръ, а до сихъ поръ не бывало примѣровъ, чтобы первый министръ уѣзжалъ за границу; лордъ Россель занятъ приготовленіемъ билля о парламентской реформѣ, долженъ внести его въ парламентъ и защищать въ то самое время, когда соберется конгрессъ. Однако даже въ офиціальныхъ объясненіяхъ есть намекъ на дѣйствительную причину неудобства посылать въ Парижъ одного изъ главныхъ государственныхъ людей: лордъ Россель, говорятъ полуофиціальныя англійскія газеты, выражалъ свое мнѣніе о правѣ итальянцевъ независимо располагать своею судьбою, съ такою рѣзкостью, которая дѣлала бы неловкимъ его положеніе на конгрессѣ. Но всѣмъ въ Лондонѣ извѣстно, что было у министерства и другое соображеніе, которое еще прямѣе обнаруживаетъ, что Англія отказалась отъ надежды удержать конгрессъ отъ дипломатическаго распоряженія участью центральной Италіи. Министерство руководилось желаніемъ произвести какъ можно меньше напраснаго шума въ случаѣ удаленія Англіи изъ совѣщаній конгресса, и желаніемъ по возможности ослабить дипломатическую важность самаго конгресса. Величественность его болѣе всего зависитъ отъ того, какъ смотритъ на него Англія, потому что она одна изъ великихъ державъ открыто расходится въ итальянскомъ дѣлѣ съ Франціею, такъ что конгрессъ устраивается, можно сказать, собственно для нея. Назначая своимъ уполномоченнымъ такого второстепеннаго дипломата, какъ лордъ Коули, она показываетъ, что не придаетъ конгрессу высокой важности и низводитъ его почти до степени простыхъ конференцій. Кромѣ того лордъ Коули постоянно живетъ въ Парижѣ,

Digitized by Google

гдѣ долженъ происходить конгрессъ, потому Англія можетъ говорить, что присутствіе его на конгрессѣ вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы она сколько нибудь интересовалась конгрессомъ; ея уполномоченный, какъ будто просто дѣлаетъ визиты своимъ товарищамъ по дипломатическому корпусу, когда является въ ихъ собраніе, а когда онъ перестанетъ участвовать въ конгрессѣ, это просто будетъ имѣть такой видъ, какъ будто онъ случайнымъ образомъ не имѣлъ времени или охоты продолжать визиты. которые дѣлалъ прежде, имѣя больше досуга. Словомъ сказать, назначеніе лорда Коули первымъ уполномоченнымъ имѣло тотъ характеръ, что Англія хочетъ принимать въ конгрессѣ наименьшее возможное участіе и придавать ему наименьшее возможное значеніе. Конечно, она прибѣгла къ этой системѣ только потому, что не имѣетъ никакой надежды провести на немъ свой взглядъ. Дѣйствительно, до начала совѣщаній конгресса еще далеко, а намъ объясняютъ, что онъ не только намѣренъ располагать судьбою Италіи по своему усмотрѣнію, но и почтетъ себя имѣющимъ право исполнять свои рѣшенія посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства.

Впрочемъ не надобно сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ рекомендовать итальянскимъ правительствамъ проведеніе тѣхъ благотворныхъ реформъ, которыя будутъ согласны съ сохраненіемъ власти законныхъ правительствъ. Стѣснять правительства въ этомъ случаѣ, конечно, было бы нарушеніемъ должнаго уваженія къ нимъ, и исполненіе совѣтовъ будетъ представлено рѣшенію ихъ собственной просвѣщенности и заботливости о благѣ подданныхъ. Къ сожалѣнію, часто оказывается въ подобныхъ случаяхъ, что самыя дружественныя иностранныя правительства не могутъ обсуживать положенія дѣлъ въ государствѣ, къ которому относятся ихъ совѣты, такъ хорошо, какъ правительство, получающее совѣты. Оно часто принуждено бываетъ отвѣчать совѣтникамъ, что предполагаемая ими надобность въ реформахъ не существуетъ, или предлагаемая реформа не сообразна съ благотворными принципами, которыхъ оно держится. Въ настоящемъ случаѣ совѣты будутъ обращены къ Неаполитанскому, а главнымъ образомъ, къ Римскому правительству. Римское правительство уже заранѣе объяснилось передъ Европою объ этомъ дѣлѣ. Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, написалъ циркуляръ къ французскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, излагая совѣты, которые вотъ уже 11 лѣтъ даетъ французское правительство папскому и которые, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ повторены конгрессомъ. Изъ этого возникли слухи, что Римское правительство рѣшилось произвести требуемыя Франціею реформы. Тогда въ оффиціальной римской газетѣ явилось краткое извѣщеніе о неосновательности такихъ слуховъ, а во французской газетѣ „l'Univers", служащей органомъ римскаго двора, была напечатана статья, замѣчательная по своей откровенности. Мы приводимъ переводъ ея, потому что правдивость вообще намъ нравится, хотя бы содержаніе правдивыхъ объясненій и не соотвѣтствовало нашимъ понятіямъ.

«Ничто не можетъ (говоритъ l'Univers) внушить вѣрующимъ столь живаго порыва любви къ святѣйшему отцу, какъ мысль о скорби, которая должна была обнять его при чтеніи циркуляра г. министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 5 ноября, къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ. Всѣ европейскія газеты перепечатали этотъ актъ,

Digitized by Google

который, говоря о реформахъ, предположенныхъ святѣйшимъ отцемъ къ дарованію его подданнымъ *въ удобное время*, прибавляетъ, что эти реформы «будутъ имѣть слѣдствіемъ предоставленіе жителямъ *свѣтскаго управленія*, дарованіе имъ гарантій *лучшаго правосудія и контроля надъ финансовымъ управленіемъ* посредствомъ избирательнаго собранія.» Жосткость этой фразы поразила всѣхъ.

«Можно было бы написать, что есть въ городахъ римскаго государства небольшое число адвокатовъ, мелкихъ купцовъ, лекарей, лавочниковъ и праздношатающихся которые требуютъ не *лучшихъ*, но болѣе сообразныхъ съ учрежденіями другихъ странъ или мечтами этого меньшинства, учрежденій, въ администраціи, юстиціи и финансовомъ управленіи; но прилично ли и полезно ли было напередъ говорить, что учрежденія, еще не существующія, будутъ *лучше* существующихъ и подвергать такимъ образомъ святѣйшаго отца упреку столь суровому, столь прямому, столь незаслуженному?

«Католики думаютъ, что духовныя лица всегда судили, судятъ и будутъ судить справедливѣе, нежели судилъ, судитъ и когда либо будетъ судить ихъ свѣтъ.

«Говоря о реформахъ, которыя должны быть введены въ управленіе святѣйшаго отца, обыкновенно произносятъ слова: Наполеоновскій кодексъ, свѣтская администрація и проч. Я не буду входить въ подробности о томъ, какія измѣненія возможны въ настоящемъ управленіи; все возможное рѣшено сдѣлать. Но я говорю, что Наполеоновскій кодексъ написанъ въ духѣ совершенно противуположномъ сущности римскаго управленія, написанъ для системы нравовъ, идей, потребностей діаметрально противуположныхъ ему. Управленіе святѣйшаго отца есть управленіе особеннаго рода. Не уничтожившись, оно не можетъ быть соглашено съ условіями французскаго гражданскаго кодекса.

«Принципы французскихъ законовъ, объявляющихъ католическую религію не государственною религіею, а только религіею большинства французовъ, провозглашающихъ свободу другихъ исповѣданій, объявляющихъ бракъ гражданскимъ учрежденіемъ, не могутъ быть примѣнены къ Риму. Высокопреосвященнѣйшіе кардиналы Барнабо, Марини, Антонелли, Бофонди и Мертель, которымъ святѣйшій отецъ предварительно поручилъ положить основаніе общей кодификаціи гражданскихъ законовъ, соединяютъ съ обширнѣйшими юридическими знаніями возвышеннѣйшее чувство христіанскаго достоинства, и потому тщательно сохранятъ всѣ элементы, насажденные въ римскихъ нравахъ мудростью католической церкви. Неужели необходимо для блага народа, чтобы они были подчинены уровню одинаковыхъ законовъ, и красота ихъ совокупности развѣ не происходитъ отъ различія въ ихъ обычаяхъ?

«Что касается секуляризаціи, она никогда не можетъ достичь до совершеннаго уничтоженія духовнаго элемента въ управленіи, какъ требуютъ реформаторы. Духовному элементу принадлежитъ престолъ въ Римѣ. Его двойственная власть раздѣляется на двѣ части только въ отвлеченной теоріи; на фактѣ обѣ части составляютъ одно. Это тоже самое, какъ въ обыкновенномъ королѣ не могутъ быть раздѣлены власть гражданская и власть военная. Въ 1856 году число чиновниковъ духовнаго званія было 124, а свѣтскихъ 6,854. Въ послѣдніе три года эта цифра, 124, еще уменьшилась; въ удобное время она будетъ еще уменьшена. Можно ли не понимать намѣренія людей, утверждающихъ, что этимъ нельзя удовольствоваться?»

Римскій дворъ обвиняютъ въ коварствѣ. Намъ кажется, что послѣ подобныхъ объясненій съ его стороны, говорить о его недобросовѣстности значитъ только показывать свое неумѣнье отрѣшаться отъ собственныхъ самообольщеній. По нашему мнѣнію, въ итальянскомъ вопросѣ, — и Франція, и Австрія, и Римъ, и Неаполь нимало не скрывали своихъ намѣреній, и кому угодно будетъ находить, что развязка дѣла, — когда дѣло развяжется, — оказалась несоотвѣтственной его ожиданіямъ, тотъ самъ обманывалъ себя, а не былъ обманутъ другими.

Мы скажемъ это не только объ итальянскомъ вопросѣ, но также и объ австрійскихъ дѣлахъ, которыми довольно сильно интересовалась Европа въ

Digitized by Google

послѣдніе два мѣсяца. Такъ называемые просвѣщенные и благонамѣренные люди въ западной Европѣ въ одинъ голосъ твердятъ теперь, что Австрія очень скоро должна подвергнуться коренному преобразованію, которое произойдетъ путемъ неправильнымъ, если австрійское правительство не поспѣшитъ произвести его путемъ законнымъ. Намъ кажется, что такое мнѣніе ошибочно.

Многочисленные друзья, которыхъ имѣетъ у насъ Австрія, очень смущены извѣстіемъ, будто бы этому примѣрному государству угрожаетъ распаденіе. Газеты наполнены предвѣщаніями очень тревожными для австромановъ: онѣ увѣряютъ, что во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ недовольство, что Венгрія не-нынче-завтра возстанетъ, что даже Тироль, до сихъ поръ столь вѣрный, ропщетъ, что сама Вѣна стала непріязненна. Все это было бы еще не такъ важно съ австрійской точки зрѣнія, если бы въ казнѣ были деньги: тогда было бы можно набрать побольше войска и усмирять непокорныхъ; но главная бѣда въ томъ, что денегъ не хватаетъ даже на содержаніе войска, и говорятъ, будто бы неоткуда достать ихъ, потому что кредитъ Австріи совершенно упалъ. При всемъ нашемъ пристрастіи къ прекрасному австрійскому порядку мы не будемъ скрывать отъ читателя этихъ прискорбныхъ фактовъ, но смѣло скажемъ въ свое утѣшеніе, что порицатели Австріи напрасно выводятъ изъ нихъ убійственное для нашихъ чувствъ заключеніе, будто бы Австріи въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ паденіе. Мы не видимъ, какое основаніе имѣютъ они для столь зловѣщаго предвѣщанія. Во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ неудовольствіе,—но что жь тутъ необыкновеннаго? Оно повсюду владычествовало въ Австріи съ давнихъ поръ. Денегъ нѣтъ? государству грозитъ банкротство?—И это не новость. Денегъ никогда не было у австрійскаго правительства, банкротству подвергалось оно нѣсколько разъ и все-таки, какъ видимъ, продолжаетъ себѣ существовать на перекоръ всеобщему неудовольствію и собственному безденежью. Вотъ что одинъ изъ русскихъ дипломатовъ писалъ объ Австріи еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, незадолго передъ войною 1805 года: „Съ перваго же взгляда видно, что астрійская имперія совершенно распадается: министры ея бездарны, финансы находятся въ величайшей запутанности, армія лишена всякаго довѣрія къ своимъ генераламъ и офицерамъ, потому и къ себѣ самой. Аристократы необразованы, не имѣютъ никакой благородной мысли, никакой нравственной силы. Талантливыхъ людей совершенно нѣтъ“. Можно было бы привести много такихъ отзывовъ объ Австріи, сдѣланныхъ пятнадцать, тридцать, пятьдесятъ и, если угодно, сто лѣтъ тому назадъ. Австрія всегда казалась умирающею, готовою разрушиться, однако же просуществовала до сихъ поръ, и нѣтъ причины ей не пережить еще много и много лѣтъ, несмотря на всѣ признаки скорой смерти. Мы послѣ изложимъ соображенія, внушающія намъ эту отрадную надежду, а теперь перечислимъ факты, повидимому, противорѣчащіе ей. Мы не ждемъ отъ нихъ скораго паденія Австріи, и они интересны для насъ только въ томъ отношеніи, что нынѣшніе газетные толки и нихъ представляютъ довольно забавный контрастъ съ довѣріемъ, какое годъ тому назадъ имѣли тѣ же самыя газеты къ австрійскому самохвальству о благодѣтельныхъ реформахъ, будто бы произведенныхъ австрійскимъ правительствомъ послѣ 1849 года.

Мы начнемъ именно съ этого самохвальства. Благодаря отчасти славя-

Digitized by Google

нофиламъ, отчасти людямъ, которые интересуются судьбою славянскихъ племенъ не будучи славянофилами, наша публика знала объ австрійскомъ деспотизмѣ въ славянскихъ областяхъ; притомъ разныя политическія столкновенія по турецкимъ и другимъ дѣламъ пріучали насъ смотрѣть на Австрію, какъ на недоброжелательницу Россіи, потому австрійское самохвальство находило въ насъ меньше готовности вѣрить, чѣмъ въ западныхъ народахъ. Но и у насъ до итальянской войны постоянно говорили о финансовой мудрости знаменитаго Брука, о быстромъ развитіи промышленныхъ и всякихъ другихъ силъ Австріи, благодаря мудрой политикѣ правительства. Въ Западной Европѣ всему этому вѣрили больше насъ, и австрійское правительство считалось благоразумнымъ, просвѣщеннымъ, прогрессивнымъ. Либералы говорили, что подъ деспотическою формою лежитъ забота о замѣненіи отжившихъ и вредныхъ средневѣковыхъ учрежденій новыми, сообразными духу времени. Въ примѣръ тому, какимъ вещамъ вѣрила Европа, мы приведемъ нѣсколько словъ съ первыхъ страницъ книги чрезвычайно основательной, набитой офиціальными актами и статистическими данными; она принадлежитъ знаменитому австрійскому ученому, барону Чорнигу, „оказавшему безсмертныя услуги статистикѣ и этнографіи", и называется Oesterreich's Neugestaltung, 1848—58. Почтенный авторъ начинаетъ свою основательную книгу слѣдующимъ очеркомъ:

«Сильное потрясеніе, произведенное фазисомъ европейскаго развитія въ 1848 и 1849 годахъ и подвергнувшее организмъ Австрійской имперіи огненному испытанію, имѣло своимъ послѣдствіемъ очищеніе и преобразованіе всѣхъ общественныхъ отношеній.

«Прежнее устройство Австрійской имперіи приносило великія выгоды существованію имперіи, во всѣхъ политическихъ кризисахъ являясь прочною опорою короны; но оно ослабляло матеріальное развитіе имперіи и затрудняло монарху верховное управленіе дѣлами. Ленное устройство, на которомъ основывался прежній порядокъ, давно отжило свой вѣкъ, потому и форма соединявшая австрійскія области пережила свое время. Неудержимо распространяющіяся идеи вѣка подкопали основу этого порядка дѣлъ и въ сферѣ теоретическаго изслѣдованія и въ области практическихъ преобразованій, когда форма разрушилась, какъ бы отъ одного дуновенія. Учрежденія, побѣдоносно выдержавшія вѣковую борьбу, не упали бы мгновенно подъ едва замѣтнымъ плесканіемъ волнъ прилива, если бы корни ихъ не засохли. Но отпаденіе измѣнчивой оболочки не коснулось существеннаго зерна: оно возникаетъ въ свѣжихъ силахъ изъ великой реформы государственнаго преобразованія.

«Исторія желѣзнымъ рѣзцомъ начертала событія на своихъ скрижаляхъ; много было разочарованій; изъ многихъ ранъ еще струится кровь. Уже окрѣпшая государственная сила отнимаетъ у нарушителей спокойствія надежду на исполненіе ихъ плановъ и внушаетъ желающему спокойствія и порядка гражданину твердую надежду въ прочность порядка. Но въ массѣ народа должно распространиться убѣжденіе, что его нравственныя блага: языкъ, литература, наука и искусство, также какъ и матеріальныя блага, лучше охраняются и развиваются упроченіемъ общественнаго порядка при нынѣшнихъ соотвѣтствующихъ духу вѣка учрежденіяхъ, нежели въ хаосѣ политическаго волненія или подъ олигархическимъ владычествомъ слабыхъ республикъ; должно распространиться убѣжденіе, что эти блага находятся не въ противорѣчіи, а въ тѣснѣйшей связи съ стремленіями всѣхъ монархическихъ правительствъ».

Изъ этого видно, какой характеръ приписывало себѣ австрійское правительство въ послѣдніе годы: оно говорило, что борется противъ остатковъ феодальнаго порядка вещей, хочетъ привести учрежденія Австрійской имперіи въ соотвѣтствіе съ духомъ вѣка. Ропотъ провинцій возникалъ единственно

Digitized by Google

отъ людей слѣпо привязанныхъ къ рутинѣ и неумѣвшихъ понимать, что истребленіе средневѣковыхъ формъ вовсе не враждебно развитію національностей, а напротивъ должно послужить для нихъ источникомъ безопасности и укрѣпленія.

Стоитъ только пересмотрѣть книгу Чорнига, чтобы найти сотни фактовъ, побѣдоносно разрушающихъ всякое возраженіе противъ благонамѣренности или просвѣщенности австрійскаго правительства. Мы возьмемъ на пробу одинъ вопросъ. Враги Австріи утверждали, будто бы ея правительство враждебно просвѣщенію. Это совершенная клевета, судя по фактамъ, приведеннымъ у Чорнига. Начать съ того, что послѣ 1849 года было учреждено особенное министерство народнаго просвѣщенія, — „что показывало сознаніе необходимости полнаго преобразованія по этой части; дѣятельности и благоразумію министра графа Туна удалось въ нѣсколько лѣтъ придать всему новую жизнь“. Прежде, по словамъ Чорнига, университеты находились въ дурномъ положеніи; они преобразованы по образцу лучшихъ нѣмецкихъ; сословію профессоровъ теперь дано почетное и независимое положеніе, введена свобода преподаванія, усиленъ вообще научный элементъ; учреждены при университетахъ институты для образованія преподавателей. Для обширной Венгріи было недостаточно одного университета, существовавшаго въ Пештѣ; потому были возведены на степень высшихъ учебныхъ заведеній, увеличены въ размѣрѣ и получили щедрые штаты прежнія ничтожныя академіи въ Пресбургѣ, Раабѣ, Кашау, Гросвардейнѣ, Дебречинѣ, Аграмѣ и Германштатѣ. Для того, чтобы государство имѣло просвѣщенныхъ чиновниковъ, учреждены при университетахъ коммиссіи, подвергающія экзамену людей, желающихъ поступать на службу. „Благодаря преобразованію университетовъ, неусыпной заботѣ о пріобрѣтеніи хорошихъ профессоровъ и приглашенію ученыхъ знаменитостей изъ другихъ нѣмецкихъ земель,—говоритъ Чорнигъ,—умственная жизнь получила новое развитіе,—это фактъ, не подлежащій спору“. Точно также усилены были средства ученыхъ академій, дѣятельность которыхъ въ послѣднее время стала очень плодотворна. „Особенно должно сказать это объ императорской вѣнской академіи наукъ, основанной въ 1847 году и съ 1848 года развившей свою дѣятельность плодотворнымъ образомъ“. Въ 1851 году былъ учрежденъ при ней центральный метеорологическій институтъ. „Гимназическое преподаваніе (продолжаетъ Чорнигъ) было преобразовано, какъ и университетское. Оно получило болѣе основательности, такъ что требованія отъ учащихся сдѣлались строже и гимназіи стали въ уровень съ потребностями общаго научнаго образованія“. Были составлены хорошіе учебники, пріобрѣтены хорошіе преподаватели учрежденіемъ институтовъ и особенныхъ испытаній. Для техническаго образованія учреждены реальныя школы. Въ концѣ 1857 года считалось уже 24 высшихъ и 142 низшихъ реальныхъ школы. Улучшены были и первоначальныя училища, составлены для нихъ лучшіе учебники, увеличено жалованье ихъ учителямъ. Словомъ сказать, куда ни посмотришь, вездѣ многочисленныя улучшенія. Особенную заботу правительства, по словамъ Чорнига, составляетъ въ дѣлѣ преподаванія охраненіе права національностей. За каждымъ племенемъ признано право требовать, чтобы его дѣти получили общее образованіе на собственномъ языкѣ. Потому въ каждомъ мѣстѣ элементарное преподаваніе производится на томъ

Digitized by Google

языкѣ, которымъ говоритъ большинство жителей. Въ гимназіяхъ также оно производится на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Есть гимназіи чешскія, словацкія, польскія, сербо-кроатскія, мадярскія и руссинскія. Какой обширный размѣръ получило народное образованіе въ Австріи, можно видѣть по числу учебниковъ, требуемыхъ первоначальными училищами. Тѣ же цифры могутъ показать, какъ правительство помогаетъ развитію національностей. Въ 1856 г. экспедиція учебниковъ продала 2,534,000 учебныхъ книгъ для первоначальныхъ школъ. Въ томъ числѣ было 1,076,000 на нѣмецкомъ языкѣ, 706,000 на славянскомъ, 545,000 на итальянскомъ, 23,000 на восточно-румынскомъ, 184,000 на мадярскомъ языкѣ. О томъ, какъ покровительствуется въ Австріи литература и какъ быстро она развивается, можно судить по громадному количеству ежегодно выходящихъ книгъ. Кромѣ 455 журналовъ и газетъ, въ 1855 году въ Австріи было издано 6,244 книги, имѣвшія въ сложности 85,952 печатныхъ листа. Въ томъ числѣ было: на нѣмецкомъ языкѣ 1806, на итальянскомъ 1497, на мадярскомъ 640, на чешскомъ 208, на латинскомъ 187, на польскомъ 116, на сербо-кроатскомъ 60, на словенскомъ 41, по 30 на еврейскомъ и французскомъ, на румынскомъ 25, на рутенскомъ 13, на армянскомъ 9, на старо-славянскомъ 5, на англійскомъ 4 и по одной на греческомъ и испанскомъ языкахъ.

Какой отрадный отчетъ! А между тѣмъ дѣло просвѣщенія еще самая отсталая часть государственной австрійской жизни. Каковы же должны быть усовершенствованія въ другихъ частяхъ? И дѣйствительно, читая книгу Чорнига, испытываешь то чувство, которое такъ хорошо выражаетъ у Гоголя одно изъ дѣйствующихъ лицъ словами: „душа радуется, духъ торжествуетъ“. Огромное большинство просвѣщенныхъ людей въ западной Европѣ, при обыкновенной своей наклонности вѣрить такъ называемымъ документамъ и оффиціальнымъ цифрамъ, до послѣдняго времени восхищалось новымъ развитіемъ Австріи, и даже у насъ, какъ мы замѣтили, слышались похвалы финансовой мудрости Брука. Чтобы вѣрить и восхищаться, нужно было только забыть о существенномъ характерѣ австрійскаго правительства.

Кто помнилъ его характеръ, всегда зналъ очень хорошо, можетъ ли быть хоть капля правды въ его похвалахъ себѣ, можетъ ли оно сдѣлать какое бы то ни было дѣйствительное улучшеніе, можетъ ли оно управлять хотя такъ, чтобы положеніе дѣлъ не становилось годъ отъ году хуже. Вспомнимъ происхожденіе нынѣшней Австріи. Она возникла черезъ подавленіе возстаній почти во всѣхъ своихъ провинціяхъ. Прежде всего была бомбардирована Прага и объявлена въ осадномъ положеніи Богемія; потомъ Радецкій возстановилъ австрійское господство въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Виндишгрецъ, прославившійся отличнымъ исполненіемъ бомбардированія Праги, былъ избранъ для совершенія того же процесса надъ Вѣной, и эрцгерцогство австрійское было подвергнуто осадному положенію, по примѣру Богеміи, Ломбардіи и Венеціи. Тоже было въ Галиціи; потомъ дошла очередь до Венгріи. Усмирить Венгрію помогали южные славяне; а когда Венгрія была побѣждена, приняты были мѣры для подавленія непріятныхъ стремленій и у южныхъ славянъ. Итакъ австрійское правительство должно было держаться исключительно военнымъ деспотизмомъ. И вдругъ

Digitized by Google

намъ стали говорить, что неудовольствіе въ побѣжденныхъ областяхъ ослабѣло или уничтожилось. Можно ли было этому вѣрить? Когда военный деспотизмъ имѣлъ даръ вливать довольство въ недовольные умы, замѣнять ненависть любовью? Намъ стали говорить, что произведены мудрыя реформы. Но всякая реформа, заслуживающая своего названія, основывается на расширеніи свободы или ведетъ къ ней. Возможно ли, чтобы военный деспотизмъ допустилъ расширеніе свободы, когда онъ существуетъ именно только для ея подавленія и посредствомъ ея подавленія? Изъ этого можно было съ достовѣрностью заключать, что всѣ такъ называемыя австрійскія реформы по необходимости были пародіями на реформы или прикрывали именемъ реформъ введеніе реакціонныхъ мѣръ; можно было видѣть, что если когда нибудь австрійскому правительству хотѣлось сдѣлать что нибудь дѣйствительно доброе, оно не имѣло силы сдѣлать то, чего хотѣло, будучи противоположно съ основнымъ условіемъ всякаго дѣйствительнаго добра. Можно было видѣть, что даже подобныя безсильныя попытки по необходимости играли слишкомъ ничтожную роль среди безчисленныхъ распоряженій, вызываемыхъ прямо потребностью военнаго деспотизма. Намъ стали говорить, что приняты прекрасныя мѣры для введенія порядка въ австрійскихъ финансахъ. Но могутъ ли быть приведены въ порядокъ финансы при военномъ деспотизмѣ, когда первая забота должна по необходимости состоять въ содержаніи возможно большаго количества войскъ, когда нужно думать только о томъ, чтобы набрать какъ можно больше денегъ и всѣ собираемыя деньги тратить на военные расходы, не знающіе никакихъ предѣловъ? Изъ всего этого естественно возникло такое понятіе о ходѣ австрійскихъ дѣлъ въ послѣдніе годы: ни одна изъ потребностей, неудовлетворенность которыхъ произвела волненіе 1848 г., не могла быть удовлетворена; люди съ либеральнымъ образомъ мыслей, будучи предметомъ подозрѣнія и преслѣдованія, должны были питать къ австрійскому правительсту и личную ненависть за свои непріятности и несчастія, и гражданскую ненависть за его реакціонный деспотизмъ; люди съ консервативными желаніями были раздражаемы безчисленными перемѣнами, отъ которыхъ разрушались прежнія учрежденія и привычки, замѣняемыя новымъ порядкомъ, при которомъ было еще меньше мѣста свободѣ, нежели при прежнемъ; консерваторы и прогрессисты одинаково страдали отъ чрезмѣрнаго увеличенія податей, изнурявшихъ всю массу населенія; такимъ образомъ, недовольство и разстройство должны были рости съ каждымъ годомъ.

Для человѣка мыслящаго это всегда должно было казаться несомнѣннымъ фактомъ; послѣдняя война обнаружила его для всей Европы. Ободренные внѣшними неудачами, недовольные отважились говорить нѣсколько громче прежняго, и ропотъ заглушилъ прежнее самохвальство. Австрія увѣряла, что даже венгерскія провинціи примиряются съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей; вмѣсто того оказалось, что даже вѣрнѣйшая изъ нѣмецкихъ областей—Тироль, негодуетъ на притѣсненія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, англичанинъ, посѣтившій Тироль въ августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года:

«Въ послѣднюю свою поѣздку по Тиролю я замѣтилъ въ народѣ чувства, которыя сильно удивили меня. Будучи хорошо знакомъ съ нравами и обычаями страны и

Digitized by Google

съ областнымъ нарѣчіемъ, я могъ узнать состояніе страны лучше, нежели обыкновенные путешественники. Я старался познакомиться съ общественнымъ и политическимъ состояніемъ этой важной области австрійской имперіи послѣ великихъ событій послѣдней итальянской войны, и потому сближался съ людьми, отъ которыхъ можно было получить нужныя свѣдѣнія,—съ приходскими священниками, съ лицами городскаго начальства, съ бюргерами и т. д. (дворянства въ Тиролѣ нѣтъ).

«Въ противоположность фанатической ненависти къ Франціи, какая господствуетъ въ Баваріи и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, здѣсь я нашелъ очень вѣрныя сужденія о той пользѣ, которую принесла Австріи война, и многіе прямо выражали мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что не были побиты гораздо больше.

«Къ нынѣшнему правительству нѣтъ ни въ комъ ни малѣйшаго довѣрія. Правительство, вѣроятно, сдѣлаетъ большія обѣщанія и по обыкновенію не сдержитъ ихъ или постарается обмануть народъ полумѣрами,—вотъ чего «надѣятся» въ Тиролѣ. Когда одинъ офицеръ сказалъ мнѣ это, и когда я спросилъ его, почему же такія мысли называются надеждой, онъ отвѣчалъ мнѣ: «потому, что если такъ будетъ, не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ народъ самъ возьметъ себѣ то, чего проситъ теперь». Страшное состояніе австрійскихъ финансовъ деморализируетъ всѣ сословія общества, и въ Австріи происходитъ броженіе, подобное тому, какое предшествовало первой французской революціи,—и повѣрьте мнѣ, когда вспыхнетъ въ Австріи революція, она также будетъ имѣть кровавые эпизоды. На армію нельзя нисколько полагаться: солдаты раздражены презрѣннѣйшею нераспорядительностью во время итальянскаго похода и дурнымъ обращеніемъ съ ними. Я посѣщалъ въ Инспрукѣ раненыхъ и слышалъ отъ нихъ страшные разсказы о небрежности администраціи относительно ихъ. Послѣ Сольферинской битвы, въ Веронѣ было приготовлено только тысяча кроватей для раненыхъ и одинъ солдатъ увѣрялъ меня, что чувство недовольства было такъ сильно, что будь еще другая такая битва, вспыхнула бы военная революція. Эти факты поразительны, и меня увѣряютъ, что точно такое же чувство господствуетъ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ; что всѣ ждутъ раньше или позже страшнаго взрыва, который истребитъ безчисленныя злоупотребленія, пожирающія всю жизненную силу этихъ прекрасныхъ странъ. Къ удивленію, я нашелъ, что приходское духовенство имѣетъ очень прогрессивные и даже демократическіе принципы,—фактъ необыкновенно-важный при громадномъ вліяніи, которымъ пользуется оно въ простомъ народѣ.

«Въ простомъ народѣ неудовольствіе еще больше. Поселянинъ обложенъ податями, несоразмѣрными его средствамъ. Результатъ этого дурного управленія—страшная бѣдность, безъ надежды на облегченіе, и знаменитая вѣрность тирольскихъ поселянъ подвергнута правительствомъ слишкомъ сильному испытанію. Очень трудно было собрать стрѣлковъ для защиты тирольскихъ границъ во время войны; когда ихъ стали собирать, они долго не хотѣли идти. Повсюду съ громкимъ ропотомъ говорятъ о томъ, что надобно созвать представителей Тироля, которому такъ давно было обѣщано представительное собраніе».

Мы хотѣли сначала исчислить всѣ признаки распаденія, которое будто бы угрожаетъ Австріи и потомъ уже сказать, почему не выводимъ изъ этихъ фактовъ зловѣщихъ предсказаній, которыя дѣлаются многими. Но тонъ переведеннаго нами письма такъ силенъ, что мы не удерживаемся отъ желанія теперь же высказать часть оговорокъ, которыя хотѣли отложить до конца. Мы охотно вѣримъ всему, что сообщаетъ англійскій корреспондентъ; мы уже говорили, что иного положенія дѣлъ невозможно и предполагать. Положимъ, что недовольно духовенство, недовольны горожане и поселяне, недовольны всѣ сословія; предположимъ, что опаснѣе всего, существованіе величайшаго недовольства въ самой арміи,—но что жь тутъ важнаго? Если поселяне и горожане захотятъ возмутиться, противъ нихъ пошлютъ войска, разгонятъ толпы—вотъ и все. Но сами войска возмутятся?—Ну, это не

Digitized by Google

такъ правдоподобно, какъ войска думаютъ. Военная дисциплина даетъ такую силу надъ руками выстроенныхъ въ ряды людей, что лишь оставались бы вѣрны главные командиры и хотя немногіе офицеры,—всѣ недовольные офицеры, сколько бы ихъ ни было, будутъ арестованы тѣми самыми солдатами, въ пользу которыхъ хотѣли бы они дѣйствовать, и батальоны пойдутъ противъ инсургентовъ, хотя бы каждый человѣкъ въ этихъ батальонахъ выражалъ прежде сочувствіе инсургентамъ и обѣщался не употреблять противъ нихъ своего штыка. Если бы даже нѣкоторые полки успѣли возмутиться, они будутъ усмирены другими. Это не разъ бывало и не разъ повторится. Но бывали же, скажутъ намъ, примѣры удачныхъ возстаній? Бывали, но такъ рѣдко, что нужно разсудительному человѣку слишкомъ и слишкомъ много фактовъ и кромѣ того нужно возникновеніе совершенно особенныхъ обстоятельствъ для пробужденія въ немъ ожиданій подобнаго событія. Вотъ иное дѣло, еслибъ итальянская война протянулась еще нѣсколько мѣсяцевъ,—тогда, разумѣется, вспыхнуло бы возстаніе въ Венгріи, распространилось бы, вѣроятно, и по другимъ провинціямъ; а теперь не стоитъ и толковать о такихъ пустякахъ. Горючій матеріалъ есть—какъ не быть ему; но погода вообще такая сырая, что пламя вспыхнуть никакъ не можетъ, а только идетъ въ промокшей массѣ медленное гніеніе. Возвратимся же къ симптомамъ этого гніенія, которые многими принимаются за предвѣстіе пожара, между тѣмъ какъ мы думаемъ, что прекращеніемъ итальянской войны опасность пожара и для Австріи и для нѣкоторыхъ другихъ земель Западной Европы отсрочена, впредь до какого нибудь другого экстреннаго случая.

Во время итальянской войны опасность возстанія ближе всего была въ Венгріи: еще лишь нѣсколько недѣль, и Кошутъ снова грозилъ бы Вѣнѣ или, лучше сказать, вѣнскому правительству, а самая Вѣна съ нетерпѣніемъ ждала бы венгровъ, которые явились бы къ ней, быть можетъ, вмѣстѣ съ южными славянами, погубившими и венгровъ и самихъ себя въ 1848 году тѣмъ, что понадѣялись тогда на обѣщанія австрійскаго правительства; а какъ скоро миръ былъ заключенъ, опасность венгерскаго возстанія миновала. Мы уже говорили читателямъ, что разсматриваемъ австрійскія дѣла со стороны ихъ забавности, если можетъ быть забавна нелѣпость, которая разоряетъ, держитъ въ порабощеніи, нищетѣ и невѣжествѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ людей. Но дѣла на свѣтѣ идутъ такъ дико (впрочемъ совершенно натурально), что надобно умереть съ досады, если не помирать со смѣху. Мы совѣтуемъ читателю избрать послѣднее: оно гораздо лучше оправдываетъ апатію.—„Почему вы ничего не дѣлаете?—Помилуйте, какъ же я стану дѣлать что нибудь, если дѣло кажется мнѣ мелочно смѣшнымъ“,—это прекрасный отвѣтъ. Итакъ, будемъ же смотрѣть со смѣхомъ на все то, чего передѣлать или уничтожить не можемъ. Смотря такимъ образомъ на австрійскія дѣла, мы находимъ едва ли не самою забавною чертою ихъ то, что глубокомысленные люди начали разсуждать о страшномъ недовольствѣ венгровъ будто нарочно съ той самой минуты, когда оно перестало быть страшнымъ. Во время войны благоразумные люди называли Кошута фантазеромъ за то, что онъ указывалъ на готовность венгровъ возстать противъ австрійскаго

Digitized by Google

ига: „помилуйте, венгры довольны нынѣшнимъ положеніемъ, говорили благоразумные люди:—они не пойдутъ за Кошутомъ". Оно и натурально было думать такъ: шумъ войны заглушалъ все, потому не слышно было ничего изъ Венгріи, стало быть и казалось, что Венгрія тиха и довольна. Но вотъ война прекратилась, скучныя цюрихскія конференціи, робкія дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италіи и споры о томъ, какъ составится конгрессъ, не могутъ достаточно занять собой празднаго вниманія; всѣ начали присматриваться, не найдется ли гдѣ нибудь какого нибудь развлеченія отъ скуки, и вдругъ—о удивленіе! о радость людямъ благороднаго образа мыслей!—открывается, что Венгрія недовольна, что она говоритъ о возстаніи. Въ восторгѣ отъ такой находки не потрудились даже разобрать, что громкій ропотъ ея нынѣ составляетъ лишь затихающій постепенно отголосокъ грозныхъ ея приготовленій подняться при появленіи Кошута. Всѣ начали толковать о Венгріи въ то время, когда исчезла для нея возможность стать дѣйствительно опасной для австрійскаго правительства. Чтобы не отстать отъ другихъ, поговоримъ и мы о венгерскихъ дѣлахъ теперь, когда собственно не стоитъ говорить о нихъ.

Читатели знаютъ, какъ облагодѣтельствованы были венгерскіе протестанты новыми льготами, и какъ они неблагодарно объявили, что такихъ льготъ не хотятъ и принимать. Имъ наконецъ запрещено было собираться и протестовать; но они продолжаютъ дѣлать то и другое. Въ адресѣ одного изъ протестантскихъ собраній были недавно употреблены даже слова, что подписавшіеся „готовы жертвовать жизнью и кровью (Leben und Blut) за возвращеніе полной свободы своему исповѣданію". Не менѣе шума надѣлала просьба студентовъ Пештскаго университета о томъ, чтобы лекціи въ немъ читались не на нѣмецкомъ, а на венгерскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что за такую дерзость студенты наказываются, какъ и слѣдовало. Протестація нѣсколькихъ лютеранскихъ священниковъ и просьба нѣсколькихъ студентовъ—событія, какъ видимъ, достойныя занимать собою Европу. Что далѣе? Далѣе, венгерцы, видя, что Германія собирается праздновать столѣтнюю годовщину рожденія Шиллера, вздумали отпраздновать такую же столѣтнюю годовщину рожденія одного изъ своихъ поэтовъ. Это еще не все. Венгерскіе магнаты, изъ которыхъ иные жили въ Вѣнѣ, иные въ помѣстьяхъ, вздумали, что надобно возвысить значеніе національной венгерской столицы и начали переселяться въ Пештъ, чтобы оживить его померкнувшій блескъ своею пышностью. Факты тоже необыкновенно значительные. Далѣе, было нѣсколько обѣдовъ по разнымъ случаямъ,—по случаю юбилея католическаго примаса Венгріи, по случаю открытія музея въ Клаузенбургѣ и т. д. Обѣдавшіе, очень знатные и почтенные люди, пили на этихъ обѣдахъ за здоровье Франца Іосифа „короля Венгерскаго," — то есть, намекали, что желаютъ возстановленія независимости Венгерскаго королевства. Факты, которые тоже необыкновенно важны. Что далѣе? Далѣе ничего другого замѣчательнаго не случилось. Но читатель видитъ, что и такъ уже набралось довольно фактовъ, чтобы привлечь на Венгрію вниманіе Европы. Европа нашла, что венгры очень раздражены противъ Австріи. Мы объ этомъ распространяться не будемъ, а лучше обратимъ вниманіе на фактъ, который, быть можетъ, из-

Digitized by Google

вѣстенъ не всѣмъ нашимъ читателямъ, и который одинъ представляетъ собою нѣкоторое ручательство за лучшую будущность земель, составляющихъ нынѣ восточную половину австрійской имперіи. Славяне, населяющіе южную полосу ихъ и своею враждою съ венграми въ 1848 году навлекшіе на себя и на венгровъ австрійское иго, начинаютъ понимать, что только союзъ съ венграми можетъ спасти ихъ. Вотъ отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а:

«Лица, недавно посѣщавшія Сербскую Воеводину, Трансильванію, Славонію и Кроацію, говорятъ, что жители этихъ провинцій почти столь же недовольны, какъ венгры. Покойный банъ Еллачичь торжественно обѣщалъ южнымъ австрійскимъ славянамъ, что они будутъ награждены за свою вѣрность въ 1848 и 49 годахъ; но баронъ Бахъ дѣлалъ невозможнымъ исполненіе этого обѣщанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Еллачичь говорилъ мнѣ, что Австрійская имперія «пойдетъ къ чорту (wird zum Teufel gehen), если Баху дадутъ продолжать свои гадости». Главная причина неудовольствія южныхъ славянъ та, что они принуждены теперь платить больше податей, чѣмъ до 1849 года, когда Кроація, Славонія, Банатъ и Сербская Воеводина были соединены съ Венгріей. Способъ собиранія податей сильно увеличиваетъ неудовольствіе славянъ и венгровъ, горько жалующихся на произволъ и придирчивость финансовыхъ чиновниковъ.

Въ просьбѣ студентовъ Пештскаго университета также есть черта, свидѣтельствующая объ ослабленіи національной вражды между славянами и и венграми: эту просьбу о замѣненіи нѣмецкаго языка венгерскимъ подписали, вмѣстѣ съ молодыми людьми венгерскаго происхожденія, множество молодыхъ людей изъ славянъ. По этому поводу корреспондентъ Times'а сообщаетъ еще одинъ любопытный фактъ. Когда послѣ войны австрійское правительство стало прислушиваться къ народному ропоту во всѣхъ областяхъ, то, разумѣется, оказалось, что повсюду хотятъ введенія представительной власти въ правительство. Такое нелѣпое желаніе, конечно, не могло быть исполнено; но австрійскіе министры придумали средство „доставить обществу надлежащее участіе въ законодательныхъ совѣщаніяхъ“, не заражая Австрію тлетворнымъ парламентаризмомъ: теперь составляется проэктъ новаго городского и сельскаго управленія, и въ каждой области министры выбрали по нѣскольку благонадежныхъ людей, которыхъ и приписали къ комиссіямъ, составляющимъ проэктъ. Эти „повѣренные“ или „благонадежные люди“ (Vertauensmänner), конечно, были взяты изъ лицъ самыхъ благонадежныхъ для австрійскаго правительства. Но даже и они, люди самые отсталые въ цѣломъ обществѣ, выражаютъ желанія, ни мало не пріятныя для австрійской системы, и между прочимъ, повѣренные изъ южныхъ австрійскихъ провинцій выражаютъ, что при венгерскомъ правительствѣ было для нихъ лучше, чѣмъ при австрійскомъ. Вотъ отрывокъ изъ Times'а.

«Одинъ изъ повѣренныхъ, выбранныхъ самимъ правительствомъ для разсмотрѣнія новаго общиннаго закона, именно представитель Воеводины, провинціи, оторванной въ 1849 г. отъ Венгріи, прямо выразилъ требованіе, чтобы эта область была присоединена обратно къ Венгріи. Другой повѣренный, родомъ изъ города Сабатки, въ 1848 и 49 годахъ выказывавшаго величайшую ревность въ сербскомъ движеніи противъ венгровъ, также сказалъ, что его городъ поручилъ ему требовать того же сама-

Digitized by Google

го. Можетъ ли правительство долго упорствовать въ поддержаніи такого порядка дѣлъ, противъ котораго энергически протестуютъ даже тѣ люди, въ пользу которыхъ, по словамъ правительства, устроенъ этотъ порядокъ? (Посмѣемся надъ англійскимъ тупоуміемъ. Почему же не можетъ, пока имѣетъ войска для усмиренія протестующихъ?) Мы знаемъ, что divide et impera было всегда девизомъ вѣнскаго кабинета, что раздробленіе Венгерскаго королевства въ 1849 году имѣло существенною цѣлью только ослабленіе Венгріи, и что удовлетвореніе, которое будто бы давалось этимъ раздробленіемъ желанію не-венгерскихъ національностей, было только предлогомъ, болѣе или менѣе ловкимъ. Но если это принужденное раздѣленіе само содѣйствуетъ нравственному соединенію областей, между которыми правительство хочетъ поддерживать антагонизмъ, то очевидно, что политика правительства столь же неловка, какъ и несправедлива».

Въ первое время послѣ постыдныхъ итальянскихъ пораженій, австрійское правительство прониклось, какъ извѣстно читателямъ, самыми либеральнѣйшими (по крайней мѣрѣ по его собственному увѣренію) тенденціями, иначе сказать, нашло, что пока заростутъ прорѣхи, надѣланныя французскимъ штыкомъ въ его волчьей кожѣ, надобно прикрывать ихъ овечьей шкурою. Для этого даны восхитительныя льготы протестантамъ, обѣщано новое муниципальное управленіе и т. д., для этого же былъ отставленъ отъ должности министра баронъ Бахъ, считавшійся самымъ яростнымъ приверженцемъ обскурантизма, и сдѣланъ министромъ Гюбнеръ, либерализмъ котораго достаточно свидѣтельствовался уже тѣмъ фактомъ, что до послѣдней войны онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ, разумѣется, долженъ былъ проникнуться свободолюбіемъ нынѣшней французской системы. Дѣйствительно, баронъ Гюбнеръ оказался нестерпимо либераленъ для австрійскаго кабинета и теперь уже получилъ отставку, прослуживъ министромъ ровно сколько же времени, столько Бельтовъ служилъ канцелярскимъ чиновникомъ. Главнымъ преступленіемъ его было желаніе сдѣлать что нибудь для смягченія ненависти венгровъ. Вотъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ, присланный въ Times изъ Пешта.

«Со времени подчиненія нашей страны нынѣшнему управленію, въ первый разъ австрійскій министръ явился между нами въ лицѣ г. Гюбнера, бывшаго министра полиціи. Его посѣщеніе не принесло ему счастья: по общему мнѣнію, онъ вышелъ или, вѣрнѣе сказать, удаленъ въ отставку за венгерскія дѣла. Нѣсколько времени тому назадъ, наши газеты, столь молчаливыя о всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, начали увѣрять насъ, что правительство серьезно и почти исключительно занято Венгріею, что примиреніе съ нею должно служить введеніемъ къ дарованію другимъ провинціямъ либеральныхъ учрежденій, обѣщанныхъ императорскою прокламаціею 15 іюля. Молва говоритъ, что баронъ Гюбнеръ поѣхалъ, какъ депутатъ отъ своихъ товарищей, познакомиться съ истиннымъ положеніемъ общественнаго мнѣнія въ нашей странѣ. Не долго ему нужно было жить здѣсь, чтобы увидѣть, какъ мало довѣряютъ венгры вѣнскимъ обѣщаніямъ и какъ мало важности придаютъ имъ. Но г. Гюбнеръ не отчаялся. Онъ обратился къ партіи, которая до 1848 года называлась у насъ консервативной и была привязана, или, по крайней мѣрѣ, очень легко могла быть привязана къ нынѣшнему правительству; онъ выразилъ желаніе узнать требованія венгровъ или, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ ограничиваетъ требованія венгровъ эта партія, какъ самая умѣренная. Въ Тотъ Медерѣ, помѣстьи графа Людовика Кароли, съѣхалось около 30 членовъ консервативной партіи. Г. Гюбнеръ сообщилъ имъ намѣренія правительства относительно Венгріи, которыя казались ему очень способными удовлетворить націю, и просилъ ихъ откровенно высказать свое мнѣніе. Эти аристократы единодушно объявили, что императору

Digitized by Google

стрійскому, королю венгерскому, остается только одинъ способъ удовлетворить венрскій народъ, и способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы возстановить то самое ложеніе, какое было до 1848 года, возвратить Венгріи прежнюю независимость и нституцію, насильственно отнятую у ней десять лѣтъ тому назадъ; что Венгрія не ілаетъ полнаго уподобленія съ остальными австрійскими провинціями и что такъ назаемыя прогрессивныя уступки, предлагаемыя ей, не удовлетворятъ никого. «По отношеію къ правительству, сказали они барону Гюбнеру, въ Венгріи нѣтъ партій. Въ онъ отношеніи мы всѣ соединены одинаковымъ желаніемъ,—мы всѣ требуемъ сохранія нашей національности, съ независимостью, необходимою для ея развитія, независимостью, которая была плодомъ восьми-вѣковой борьбы. Мы хотимъ остаться венгра і и не хотимъ дѣлаться австрійцами. Половинныя уступки, которыя расположенъ ѣлать вѣнскій кабинетъ, могутъ заставить замолчать нѣсколькихъ робкихъ людей, і на массу населенія не произведутъ никакого дѣйствія».

«Этотъ опытъ, къ которому баронъ Гюбнеръ прибѣгъ для исполненія своего поченія, долженъ былъ убѣдить его, что дѣйствительно существуетъ только одинъ особъ примирить Венгрію съ императорскою династіею. Говорятъ, что онъ имѣлъ жество открыто выразить свои убѣжденія передъ императоромъ, и результатомъ бы, что черезъ нѣсколько дней по своемъ возвращеніи въ Вѣну онъ былъ принужденъ йти въ отставку. Единственною ли причиною этой вынужденной отставки были венрскія дѣла? Этого я не могу сказать положительнымъ образомъ; но достовѣрно то, ю немногіе люди, по легковѣрію или по робости имѣвшіе расположеніе вѣрить въ пеѣну системы со стороны правительства и начинавшіе радоваться этой предполагаей перемѣнѣ, потеряли послѣднюю надежду, и теперь венгерцы болѣе, чѣмъ когда будь, убѣждены, что единственное спасеніе для нихъ состоитъ въ томъ, отъ чего и іжна ждать себѣ единственнаго спасенія нація, бывшая свободною нѣсколько вѣвъ,—состоитъ въ единодушіи и мужествѣ».

Вотъ другое письмо того же корреспондента, служащее продолженіемъ рваго.

«Вотъ уже около двухъ недѣль прошло послѣ отставки барона Гюбнера, но есь все еще продолжаютъ говорить о его неожиданномъ удаленіи изъ кабинета. Такое продолжительное вниманіе должно назваться феноменомъ въ нашу эпоху, когда се такъ скоро забывается. Но еще любопытнѣе то, что о Гюбнерѣ серьезно жалѣтъ,—эта честь не оказывалась еще ни одному изъ императорскихъ министровъ съ 849 года. Гюбнеръ былъ министромъ очень недолго, въ сношеніяхъ съ нами былъ не меньше времени, а между тѣмъ, видя сожалѣніе о его отставкѣ, можно почти казать, что онъ успѣлъ пріобрѣсти популярность въ Венгріи. Вотъ какимъ путемъ нъ достигъ этой quasi-популярности. Во-первыхъ, онъ строго держался въ границахъ закона и уважалъ то положеніе вещей, которое создано эдиктами и постановленіями системы Баха и Шварценберга. Эта система не очень удовлетворительна, эти дикты и постановленія заслужили мало симпатіи въ Венгріи; но все таки администраія, считающая себя обязанной соблюдать хотя ихъ, лучше такой, которая поступаетъ совершенно произвольно, по капризу министровъ и другихъ лицъ. Во-вторыхъ, Гюбнеръ устраняя обманчивыхъ и тунеядныхъ посредниковъ, хотѣлъ видѣть все своими глазаі, и, что еще важнѣе, не закрывалъ и не отворачивалъ глазъ отъ фактовъ, несогласныхъ съ понятіями, которыя угодно имѣть вѣнскому правительству. Благодаря такому образу дѣйствій, онъ сталъ въ Венгріи менѣе непопуляренъ, чѣмъ его предшественики и товарищи. Особенно оцѣнили въ Венгріи то, что онъ самъ старался вникать ъ вещи, потому что Венгрія убѣждена, и по моему мнѣнію справедливо, что еслибы ѣнское правительство захотѣло ясно видѣть отрицательныя или положительно-дурныя послѣдствія, произведенныя здѣсь его насильственной централизующей политикой въ послѣднія десять лѣтъ, то оно рѣшилось бы для соблюденія собственной выгоды покинуть эту политику и удовлетворить справедливымъ требованіямъ страны, которыя выражаются съ постоянно-возрастающей энергіей.

«Политическое и національное движеніе, обнаруживающееся теперь въ Венгріи и произведенное преимущественно итальянской войной и императорскимъ манифестомъ 15 іюля, не должно, кажется, ослабѣть отъ неуспѣха тотъ-медерскаго свиданія и отставки Гюбнера. Напротивъ того, съ каждымъ днемъ представляются новыя доказательства серьезности этого движенія и его распространенія по всѣмъ классамъ общества. Оно обнаруживается особенно тѣмъ фактомъ, что прежніе политическіе люди, систематически державшіе себя въ полномъ бездѣйствіи, начинаютъ видѣть, что они сдѣлали важную ошибку, что напрасно унывали духомъ, что чѣмъ менѣе равенства въ оружіи, тѣмъ славнѣе сражаться. Очевиднымъ доказательствомъ того, что венгры хотятъ покинуть политику безучастія, служитъ записка, поданная четырьмя очень уважаемыми магнатами императору для ознакомленія его съ причинами неудовольствія и съ желаніями націи. Чувство, внушившее эту записку, раздѣляется огромнымъ большинствомъ дворянства».

Изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а мы беремъ изложеніе требованій, выражаемыхъ четырьмя магнатами въ запискѣ, поданной императору.

«Можно сказать положительно, что уже недалека минута, когда австрійское правительство увидитъ себя принужденнымъ уступить требованіямъ Венгріи. Поэтому, будетъ не лишнимъ, если я подробнѣе разскажу вамъ содержаніе записки, представленной кабинету предводителями старой консервативной партіи. Вотъ извлеченіе изъ нея:

«Венгерцы требуютъ своей конституціи и муниципальныхъ законовъ, въ томъ видѣ, какъ постановилъ сеймъ 1848 года, и требуютъ возстановленія Венгерскаго королевства «въ его древней и законной цѣлости». Предлагаютъ назначить придворнаго канцлера (Hofkanzler), съ правомъ голоса въ кобинетѣ. Ему должна быть поручена организація венгерской придворной канцеляріи. Предлагаютъ назначить королевскаго намѣстника, который «вмѣстѣ съ придворной канцеляріей и баномъ кроатскимъ организуетъ венгерское королевство, вмѣсто существующихъ теперь венгерскихъ округовъ[1]) баната и кроатскихъ намѣстническихъ отдѣленій (Stadthalterei—Abtheilungen)» Далѣе, венгерцы требуютъ: назначенія намѣстниковъ или правителей въ каждый комитетъ и королевскихъ комиссаровъ въ вольные города; возстановленія королевскаго «стола» (высшаго судилища) и «септемвирата»; преобразованія венгерской «придворной камеры» (казначейства); замѣны провинціальнаго финансоваго управленія (Finanz Landes-Direction) и прокураторовъ (чиновниковъ, завѣдующихъ доходами)—прежними финансовыми учрежденіями; возвращенія церковныхъ, академическихъ и университетскихъ фондовъ подъ начальство намѣстника и духовной комиссіи (Commissio Ecclesiastica) и возвращенія Пешскому университету терезіанскихъ привилегій; предоставленія всѣмъ чиновникамъ и судьямъ права вести дѣла на венгерскомъ языкѣ; введенія этого языка во всѣ школы, кромѣ тѣхъ, которыя учреждены для другихъ національностей; наконецъ, возстановленія корпуса королевской венгерской (дворянской) гвардіи.

«Составители записки говорятъ, что если императорское правительство захочетъ принять эти предложенія, то «въ одной Венгріи» расходы скоро сократятся на тридцать или сорокъ мильоновъ флориновъ. Эти четыре магната, графы: Майлатъ, Дешевфи, Сеченъ (не Сечени) и баронъ Іошика предлагаютъ также созвать въ Будѣ провинціальную комиссію, для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: 1) о средствахъ предупредить на будущее время столкновенія между націей и королемъ; 2) объ установленіи отношеній между верхней и нижней палатами венгерскаго сейма «на основаніи общественныхъ и политическихъ перемѣнъ, произведенныхъ мартовскими законами 1848 года»; 3) о преобразованіи муниципальнаго управленія; 4) о планѣ учрежденія венгерскаго закладнаго банка; 5) о томъ, какую часть существующаго государственнаго

---

[1]) Собственная Венгрія теперь раздѣлена на пять „административныхъ округовъ", Буда-Пештскій, Пресбургскій, Эденбургскій, Кашаускій и Гросвардейнскій.

Digitized by Google

долга должна принять на себя Венгрія; 6) о приведеніи въ гармонію венгерскихъ и австрійскихъ законовъ. По рѣшенія этихъ вопросовъ, будетъ уже возможно созвать сеймъ, короновать императора королемъ венгерскимъ и выбрать палатина.

«Записка оканчивается слѣдующими словами:

«Послѣдствія покажутъ, что конституціонная и федеративная связь между Венгріею, учрежденная прагматическою санкціею, дастъ имперіи болѣе внѣшняго могущества и внутренняго благоденствія, чѣмъ система централизаціи».

Изъ этого мы видимъ, что венгерцы самой умѣренной партіи требуютъ возстановленія отношеній, въ которыя стало ихъ отечество къ Австріи въ мартѣ 1848 года, когда Венгрія была провозглашена совершенно независимымъ отъ Австріи государствомъ, соединеннымъ съ другими австрійскими землями только единствомъ царствующаго лица, въ томъ родѣ, какъ Норвегія соединена со Швеціей. До 1848 года требованія консервативной партіи были умѣреннѣе. Относительно внутренняго устройства, принятаго Венгріею въ мартѣ 1848, замѣтимъ, что оно давало демократическому элементу перевѣсъ надъ аристократическимъ, господствовавшимъ до той поры, и было построено на самыхъ свободныхъ основаніяхъ. Само собою разумѣется, что вѣнское правительство никогда не можетъ согласиться ни на что подобное; а если таковы требованія самыхъ отсталыхъ людей самой консервативной партіи, не принимавшей участія въ венгерскомъ возстаніи и заслужившей тогда общую ненависть крайнимъ недостаткомъ либерализма и патріотизма, то легко можно заключить, что желанія громаднаго большинства венгерской націи идутъ гораздо далѣе и что габсбургская династія ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ примирить съ собою Венгрію.

Австрійское правительство говоритъ, что за потерю политическихъ правъ оно съ избыткомъ вознаградило Венгрію заботливостью своею о развитіи матеріальныхъ ея интересовъ. Но вотъ письмо Пештскаго корреспондента газеты Times.

«Органы австрійскаго правительства напрасно говорятъ, что нынѣшняя система была благопріятна развитію матеріальныхъ средствъ Венгріи. Матеріальные успѣхи, сдѣланные ею въ послѣднія десять лѣтъ, произведены не австрійскимъ правительствомъ, а просто тѣмъ общимъ европейскимъ прогрессомъ, который отразился и на Венгріи; а еще болѣе обязана своимъ развитіемъ Венгрія своему сейму 1848 года, который освободилъ крестьянъ, провозгласилъ равенство всѣхъ граждамъ передъ закономъ и принялъ другія либеральныя мѣры. Матеріальное развитіе Венгріи было бы гораздо быстрѣе, если бы австрійское правительство не считало нужнымъ всячески задерживать его. Это правительство, напримѣръ, болѣе чѣмъ удвоило величину налоговъ въ послѣднія 10 лѣтъ; поземельная подать теперь такъ тяжела, что большіе и малые собственники бросаютъ воздѣлываніе земли, по той простой причинѣ, что доходъ съ нея не окупаетъ налагаемой подати. Безпорядочное финансовое управленіе обременило Венгрію долгомъ, котораго не имѣла она десять лѣтъ тому назадъ, и лишило ее всей звонкой монеты, которая замѣнена упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами; отъ этого торговый балансъ очень не выгоденъ, а внутренній кредитъ совершенно разстроенъ. Словомъ сказать, Венгрія подверглась хищничеству во всѣхъ отношеніяхъ: въ національномъ, территоріальномъ, политическомъ и денежномъ; а между тѣмъ полуофиціальные органы вѣнскаго кабинета въ Прагѣ, въ Аграмѣ и въ другихъ городахъ отваживаются говорить о выгодахъ, доставленныхъ Венгріи австрійскимъ владычествомъ и даже—о Господи, твоя воля!—требовать благодарности отъ венгерцевъ».

Digitized by Google

Слова эти примѣняются и ко всѣмъ другимъ провинціямъ Австрійской имперіи: повсюду въ послѣднія 10 лѣтъ налоги удвоились или утроились, и все-таки доходовъ далеко не достаетъ на расходы. Разстройство финансовъ служитъ однимъ изъ главныхъ основаній предсказывать близкій переворотъ въ имперіи.

Читатель согласится, что теперь было бы поздно разсуждать о тѣхъ недавно еще хваленныхъ мѣрахъ, которыми вѣнское правительство думало поправить свои денежныя дѣла. Теперь каждый говоритъ, что всѣ эти похвалы чистый вздоръ. Съ 1848 г. расходы среднимъ числомъ были почти вдвое болѣе доходовъ. Вотъ общая таблица суммы доходовъ и расходовъ за восемь лѣтъ, съ начала 1848 до конца 1855, сообщаемая Чорнигомъ.

Всего получено доходовъ за эти 8 л.	1,652,565,419	флориновъ.
Обыкновенныхъ расходовъ за эти 8 лѣтъ было	2,005,137,304	„
Такимъ образомъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ недоставало	352,571,885	„
Кромѣ обыкновенныхъ расходовъ было чрезвычайныхъ расходовъ на военныя и другія издержки .	977,908,240	„
Итого, весь дефицитъ за 8 лѣтъ .	1,330,480,125	„

Этотъ дефицитъ покрывался займами, заключаемыми на самыхъ разорительныхъ условіяхъ, выпускомъ бумажныхъ денегъ, вытѣснившихъ изъ обращенія звонкую монету, и разумѣется, упавшихъ въ курсѣ, продажею государственныхъ имуществъ по самой невыгодной цѣнѣ и назначеніемъ произвольныхъ поборовъ, подъ именемъ національныхъ займовъ. Изъ этихъ произвольныхъ поборовъ особенную знаменитость пріобрѣлъ въ послѣдніе мѣсяцы такъ называемый національный заемъ 1854 года, сущность котораго превосходно характеризуется одною фразою офиціальной книги Чорнига: „Его императорско-королевское величество повелѣлъ *наложеніе добровольнаго* займа (verordnete Seine k. k. Majestät die Auflegung eines freiwilligen Anlehens) въ размѣрѣ не менѣе 350 и не болѣе 500 мильоновъ флориновъ". Дѣйствительно, сущность дѣла состояла въ томъ, что каждому общественному учрежденію и каждому частному лицу, имѣвшему деньги или предполагавшемуся имѣвшимъ деньги, было приказано добровольно взять приходившееся на него по раскладкѣ количество облигацій и уплатить за нихъ деньги. По австрійскимъ понятіямъ это совершенно въ порядкѣ вещей, и мы совершенно сходимся въ этихъ понятіяхъ съ австрійцами. Но что же обнаружилось нынѣ осенью? Вмѣсто 500 мил., показывавшихся по отчетамъ, было взято 611 мил., то есть взято добровольныхъ пожертвованій цѣлыми 111 мильонами больше, чѣмъ слѣдовало взять по самому предписанію о добровольномъ займѣ. Европейскія биржи ужаснулись и начали говорить, что теперь нельзя уже имѣть ровно никакого довѣрія къ австрійскимъ финансамъ, потому что финансовыя операціи производятся фальшивымъ образомъ и въ отчетахъ выставляются

Digitized by Google

фальшивыя цифры. Мы не понимаемъ хорошенько, для чего горячиться изъ-за невѣрности цифръ въ такихъ документахъ, которые составляются совершенно произвольнымъ образомъ. Если вѣнское правительство можетъ налагать какія ему угодно подати, если оно можетъ расходовать деньги какъ ему угодно, то разумѣется можетъ и говорить объ этихъ доходахъ и расходахъ, какъ ему угодно: произволъ въ словахъ вещь совершенно ничтожная по сравненію съ произволомъ въ поступкахъ. Министръ финансовъ, говорятъ европейскія биржи, обманулъ Австрію и Европу на 111 мильоновъ; но велика ли тутъ важность, когда вѣнское правительство въ восемь лѣтъ израсходовало 1,300 мильоновъ, которыхъ не имѣло, стало быть, по настоящему, и не могло расходовать? Къ чему кричать о какой нибудь разницѣ въ одновременномъ поборѣ на 111 мильоновъ, когда, благодаря всему характеру австрійскаго хозяйства, ежегодные расходы по платежу процентовъ государственнаго долга въ десять лѣтъ увеличились на 63 мильона? Дѣйствительно, въ 1848 году проценты австрійскаго долга составляли 33 мильона, а въ 1858 году 96 мильоновъ; сумма долга, къ 1848 г. составлявшая 666 мильоновъ, къ 1858 г. простиралась до 1,733 мильоновъ. Намъ кажется, что при такомъ хозяйствѣ, при которомъ въ десять лѣтъ долгъ возрастаетъ въ два съ половиною раза, нечего уже толковать ни о какихъ фальшахъ и обманахъ.

Но банкиры, конечно по ограниченности своихъ понятій, судятъ иначе, и вслѣдъ за ними вся австрійская публика возопила, что Брука совершилъ неслыханно безчестное дѣло, когда обнаружилось, мѣсяца два тому назадъ, что онъ пять лѣтъ обманывалъ Австрію и Европу на 111 мильоновъ. Всѣ заговорили, что такого обманщика нельзя терпѣть въ должности министра. Нѣсколько времени были увѣрены, что Брукъ получитъ отставку. Но онъ не получалъ никакихъ намековъ о томъ, что ему грозитъ немилость. Для очищенія совѣсти, онъ самъ подалъ въ отставку,—но его просьба не была принята; напротивъ, императоръ сказалъ, что его довѣріе къ Бруку сохраняется неизмѣннымъ. Брукъ остался.

Конечно такое „торжество порока“ еще усилило общіе крики о безнадежности и безнравственности положенія, въ которомъ держитъ себя австрійское правительство. Но полуофиціальные органы австрійскаго правительства находятъ прекрасныя извиненія для поступка, столь жестоко осуждаемаго биржами и публикою. Франкфуртскій „Акціонеръ“ говоритъ, что когда государство и Вѣнскій банкъ сводили свои счеты въ 1855 году, часть національнаго займа 1854 г. была предназначена для выкупа бумажныхъ денегъ. „Когда начался выкупъ ихъ, оказалось, что одинъ изъ разрядовъ бумажныхъ денегъ остался пропущенъ въ расчетахъ. Сумма эта простиралась до 60.000,000 и необходимо было собрать ее, чтобы банкъ возобновилъ платежи. Сдѣлать тогда новый заемъ не оказалось возможности, потому министръ финансовъ прибѣгъ къ отчаянному средству получить деньги тайнымъ увеличеніемъ національнаго займа. Излишекъ его облигацій, выпущенный тайно, былъ перданъ иностраннымъ капиталистамъ, у которыхъ баронъ Брукъ предполагалъ постепенно выкупить ихъ. Но когда война разстроила этотъ планъ, онъ объявилъ публикѣ истинное положеніе дѣлъ. Ошибка, изъ которой возникла необходимость тайнаго займа, была сдѣлана чиновникомъ, который прежде оказалъ

Digitized by Google

такія великія услуги государству, что баронъ Брукъ почелъ обязанностью чести принять порицаніе на себя". Финансовые люди говорятъ, что это оправданіе сочинено неправдоподобнымъ образомъ; что порядокъ, по которому составляются смѣты и расчеты, не допускаетъ возможности подобныхъ пропусковъ при вычисленіи количества выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. „Аугсбургская газета" представила другое оправданіе: она не говоритъ ни о пропускѣ въ смѣтѣ, ни о выкупѣ бумажныхъ денегъ, а просто говоритъ, что понадобилось больше денегъ на расходы, чѣмъ предполагали при наложеніи національнаго займа, что заключать иностранный заемъ было бы невыгодно, и тайнымъ расширеніемъ принужденнаго займа баронъ Брукъ оказалъ государству великую услугу, доставивъ ему деньги на условіяхъ болѣе выгодныхъ. Вѣнскія газеты прибавляютъ, что этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи Австріи: если вмѣсто 500 мильоновъ, говорятъ онѣ, можно было взять взять болѣе 600 мильоновъ, это служитъ поразительнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ много денегъ въ Австріи, и ручательствомъ того, что правительство можетъ брать ихъ сколько ему понадобится, стало быть, не страшны ему никакіе дефициты. Съ этимъ нельзя не согласиться. Пока у австрійскихъ подданныхъ есть товары, дома, земли, разумѣется, можно брать съ нихъ деньги, и пока правительство будетъ безбоязненно брать у подданныхъ столько денегъ, сколько захочетъ, оно, конечно можетъ расходовать вдвое противъ своихъ правильныхъ доходовъ. Такимъ образомъ самое дѣло свидѣтельствуетъ въ пользу австрійскаго благоденствія. Остается только защитить личный характеръ министра. Это можно сдѣлать въ двухъ словахъ: увеличивъ тайнымъ образомъ заемъ, онъ поступилъ не по собственной волѣ, а по требованію и положительному разрѣшенію императора.

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы ни мало не смутимся перспективой, которая предстоитъ австрійскимъ финансамъ при нынѣшней системѣ. Перспектива эта превосходно объяснена статьею, которая помѣщена въ „Аугсбургской газетѣ" и очевидно прислана полуофиціальнымъ образомъ отъ австрійскаго правительства. Она доказываетъ, что расходы никакъ не могутъ быть уменьшены, но что Австрія богата и не должна бояться дефицитовъ, безъ которыхъ обойтись нельзя. Дѣйствительно, дефициты съ каждымъ годомъ возрастаютъ, и теперь австрійскій государственный долгъ по предположеніямъ банкировъ долженъ быть цѣлою третью выше того, чѣмъ былъ два года назадъ: въ 1858 году онъ считался, какъ мы говорили, въ 1733 мильона; къ нимъ надобно прибавить недавно открывшіеся 111 мильоновъ тайнаго займа, всего около 1850 мильоновъ. Въ два послѣдніе года должно было прибавиться къ нему еще 600 мильоновъ. Новаго тутъ ничего нѣтъ: мы видѣли, что и въ прежніе годы дефициты среднимъ числомъ были около 200 мильоновъ ежегодно. Если такой порядокъ могъ держаться вотъ уже цѣлыхъ 11 лѣтъ, то почему же онъ не можетъ держаться еще 11, или 20, или 30 лѣтъ? У австрійскихъ подданныхъ есть имущество, слѣдовательно у казны есть источникъ для добыванія денегъ, лишь была бы охота брать ихъ, а въ охотѣ брать деньги недостатка нѣтъ.

Послѣ этого не нужно будетъ огорчаться намъ и другимъ друзьямъ Австріи если окажется безсиліе австрійскаго правительства провести дѣло,

Digitized by Google

за которое оно взялось, будучи встревожено ропотомъ при открытіи тайнаго займа. Императоръ австрійскій приказалъ назначить новую комиссію по финансовымъ дѣламъ и приказалъ, чтобы на слѣдующій финансовый годъ эта комиссія составила бюджетъ, въ которомъ не было бы дефицита. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ государственномъ счетоводствѣ, составленіе такого бюджета самая легкая вещь. Нужно только отдѣлить весь излишекъ расходовъ противъ доходовъ и не вносить этого излишка въ бюджетъ, назвавъ всѣ эти лишніе расходы экстренными, не входящими въ разсчетъ обыкновенныхъ расходовъ. Тогда, подъ названіемъ обыкновенныхъ расходовъ, останется въ бюджетѣ такая сумма, которая будетъ покрываться доходами.

Общее отношеніе правительства къ странѣ характеризуется его отношеніемъ къ печатному выраженію мнѣній. Свобода, которою пользуется публицистика, бываетъ соразмѣрна съ увѣренностью правительства въ томъ, что коренныя учрежденія государства соотвѣтствуютъ желаніямъ населенія. Стѣснительныя мѣры противъ журналистики служатъ выраженіемъ того, что правительство чувствуетъ шаткость основаній, на которыхъ держится. Потому австрійская журналистика всегда находилась въ стѣсненномъ положеніи. Послѣ войны австрійскій кабинетъ, вынужденный къ нѣкоторымъ наружнымъ уступкамъ для смягченія общаго ропота, долженъ былъ допустить газеты къ обсужденію нѣкоторыхъ предметовъ, споры о которыхъ не дозволялись прежде. Теперь, оправившись отъ перваго смущенія, онъ не захотѣлъ отнять у газетъ ту гомеопатическую дозу свободы, которой онѣ пользовались недолгое время. 29-го ноября явилось министерское распоряженіе въ дополненіе къ закону 1852 года, относительно политическихъ газетъ. Оно состоитъ изъ четырехъ параграфовъ: два первые содержатъ въ себѣ неопредѣленныя фразы, имѣющія нѣкоторый оттѣнокъ либерализма и служащія прикрытіемъ для другихъ двухъ параграфовъ, въ которыхъ находится истинное содержаніе новаго постановленія. Третій и четвертый параграфы говорятъ о наказаніяхъ за напечатаніе недостовѣрныхъ извѣстій или свѣдѣній, составляющихъ правительственную тайну, или словъ, могущихъ быть оскорбительными для правительственныхъ или частныхъ лицъ. Эти правила составлены такъ, что каждое сужденіе и каждое извѣстіе можетъ быть подведено подъ нихъ. Изъ писемъ вѣнскаго корреспондента „Times'а“ мы беремъ извѣстія о дѣйствіи, произведенномъ на публику этимъ постановленіемъ.

«Вѣна, 30 ноября».

«Третій и четвертый параграфы напечатаннаго вчера министерскаго распоряженія произвели чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ публикѣ, которая открыто говоритъ теперь, что ея правители «неисправимы». Венгерцы, живущіе въ Вѣнѣ, радуются тому, что правительство приняло такую мѣру, значительно увеличивающую его непопулярность въ Австріи и отвращающую отъ него симпатію въ Германіи. Когда графъ Рехбергъ вступилъ въ должность, онъ представлялся человѣкомъ проницательнымъ, но теперь, повидимому, сталъ глухъ и слѣпъ ко всему, что происходитъ вокругъ него. Какое впечатлѣніе произведено въ вѣнской журналистикѣ новымъ распоряженіемъ, можно судить по статьямъ, напечатаннымъ нынѣ въ «Wanderer» и «Presse». «Presse» спрашиваетъ, возможно ли существовать газетамъ при такихъ стѣсненіяхъ, говоритъ,

Digitized by Google

что онѣ должны потерять всякую самостоятельность и продолжаетъ: «правительство, обѣщавшее соблюдать законность въ отношеніи газетъ, не можетъ приводить въ исполненіе такихъ распоряженій». «Wanderer» говоритъ тоже самое.

Вотъ отрывокъ изъ слѣдующаго письма того же корреспондента.

«Вѣна. 2 декабря.

«Министерское распоряженіе, служащее дополненіемъ къ закону о тисненіи 1852 года, продолжаетъ сильно занимать вѣнскую публику, которая открыто объявляетъ, что ничего хорошаго нельзя ожидать отъ людей, издающихъ такія нелиберальныя и іезуитскія постановленія. Уважаемые юристы утверждаютъ, что это постановленіе противорѣчатъ уголовному кодексу и потому не можетъ быть исполняемо. Но судьи въ Австріи теперь менѣе независимы, чѣмъ прежде, и можно ожидать, что нѣкоторые изъ нихъ пожертвуютъ строгою законностью, чтобы избѣжать опасности лишиться мѣста. Но говорятъ, что судьи были бы правы, если бы объявили новое министерское распоряженіе противозаконнымъ. Всѣ газеты громко жалуются на него. Люди, желающіе извинять поступокъ министерства, говорятъ, что правительство будетъ «законнымъ порядкомъ» преслѣдовать нарушителей новаго распоряженія: но они забываютъ недавній случай, бывшій въ Прагѣ. Судъ, состоявшій изъ четырехъ или пяти членовъ, рѣшилъ одно дѣло не по желанію министра фонъ-Баха—и судьи были отставлены. Впрочемъ, это возбудило въ судейскомъ мірѣ такое всеобщее негодованіе, что правительство скоро было принуждено возвратить должности судьямъ, отрѣшеннымъ за соблюденіе справедливости. Правительство продолжаетъ думать, что приняло хорошую мѣру, но оно скоро почувствуетъ, что сдѣлало страшную ошибку: оно дало сильное оружіе своимъ врагамъ, которые не замедлятъ имъ воспользоваться. Австрійскія газеты такъ негодуютъ на новое распоряженіе, что конечно не станутъ поддерживать ни одной изъ будущихъ мѣръ правительства».

«Графъ Рехбергъ и баронъ Тьерри, министръ полиціи (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ 5 декабря), должны знать, что время теперь очень неблагопріятно для ссоръ съ газетами; но они подчинены требованіямъ двора и іезуитской партіи. Когда соберется конгрессъ, Австріи будетъ очень нужна помощь ея газетъ, но она не будетъ имѣть отъ нихъ помощи: публицисты рѣшились доказать графу Рехбергу и его товарищамъ, что они не простыя машины. Правительство воображаетъ, что подчинило журналистику своей власти; но оно скоро увидитъ, что ошибается. У правительственныхъ лицъ на языкѣ постоянно патріотизмъ и они постоянно жалуются на то, что находятъ его въ Австріи такъ мало; они должны были бы знать, что жители многихъ провинцій открыто и публично объявляютъ, что устали терпѣть нынѣшній порядокъ дѣлъ и желаютъ перемѣны. Люди, посѣщающіе кофейныя и трактиры столицы, говорятъ, что трудно рѣшить, военные или статскіе сильнѣе бранятъ правительство. Знатные и простолюдины, богатые и бѣдные, всѣ ропщутъ, и господствующее впечатлѣніе то, «что Австрія разваливается»,—я употребляю выраженіе, сказанное мнѣ однимъ изъ богатыхъ и очень уважаемыхъ людей».

«Министерское распоряженіе относительно журналистики (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ отъ 6 декабря) произвело чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ Германіи, и нѣмецкія газеты уже выразили, что не могутъ имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ кабинету, который доказалъ, что превосходитъ своею реакціонностью даже кабинетъ ему предшествовавшій. Можетъ быть, что онъ произведетъ нѣсколько неважныхъ реформъ; но нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы онъ произвелъ какую нибудь важную перемѣну въ прежней системѣ, если не произойдетъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій. Непопулярность правительства чрезвычайно велика и публика говоритъ такимъ языкомъ, что мнѣ кажется, будто народъ, отчаявшись въ улучшеніяхъ желаетъ насильственнаго расторженія имперіи. Прежде никогда нельзя было услышать враждебнаго слова противъ династіи, но теперь выражаются о ней такимъ языкомъ,

Digitized by Google

котораго я не хочу повторять. Требованія венгровъ возрастаютъ и нѣкоторые изъ ихъ предводителей говорятъ теперь, что возстановленіе конституціи будетъ недостаточно «безъ гарантіи другихъ державъ».

Всеобщее неудовольствіе во всѣхъ областяхъ, волненіе въ земляхъ бывшаго венгерскаго королевства, страшное финансовое положеніе, поправить котораго нѣтъ возможности,—вотъ факты, которыхъ мы ни мало не отрицаемъ; прибавимъ даже, что не находимъ никакой возможности устранить ихъ при нынѣшней системѣ. Венгрія не примирится съ австрійскимъ порядкомъ никогда. Въ другихъ провинціяхъ будутъ съ каждымъ годомъ распространяться чувства, господствующія нынѣ въ Венгріи; съ каждымъ годомъ нынѣшній порядокъ дѣлъ будетъ все исключительнѣе поддерживаться только вооруженною силою; военный деспотизмъ и беззаконное управленіе съ каждымъ годомъ будутъ все увеличивать дефициты и изнурять всѣ области. Но что жь изъ того? Развѣ въ массахъ распространилось ясное убѣжденіе, что подобный порядокъ дѣлъ неизбѣженъ при существованіи Габсбургскаго дома? Вовсе нѣтъ. Правда, въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ говорится, что теперь не рѣдкость услышать въ Вѣнѣ враждебныя выраженія о династіи. Но во-первыхъ, въ какомъ кругу они слышатся? Въ какомъ нибудь такъ называемомъ образованномъ обществѣ, которое составляетъ незамѣтную каплю въ морѣ населенія. Во-вторыхъ, даже изъ этой горсти людей, очень не многіе произносятъ свои слова съ прямымъ и твердымъ убѣжденіемъ, а почти всѣ другіе только такъ-себѣ, болтаютъ на досугѣ, вовсе не будучи непоколебимы въ такихъ мысляхъ; напротивъ, оставаясь въ душѣ вѣрными подданными. Людей, которыхъ династія могла бы дѣйствительно считать своими врагами, въ Австріи очень мало. Мы уже не говоримъ о Тиролѣ и о другихъ нѣмецкихъ областяхъ, не говоримъ о южныхъ австрійскихъ славянахъ, которые обвиняютъ во всемъ только министровъ и генераловъ, совѣтниковъ и исполнителей.. Обратимъ вниманіе на темныя чувства или предразсудки огромнаго большинства населенія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя называются наиболѣе враждебными австрійскому правительству. Возьмемъ въ примѣръ Богемію и Венгрію. Чего хотятъ чехи? Быть отдѣльнымъ королевствомъ, находящимся въ федеративномъ отношеніи къ другимъ австрійскимъ областямъ, имѣя только то общее съ ними, что король чешскій въ то же время будетъ королемъ венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, королемъ далматскимъ, и прочее. Того же хочетъ и Венгрія. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Власть оставалась бы все-таки въ тѣхъ же рукахъ, какъ теперь. Династія не могла бы примириться съ униженіемъ, которому подвергало бы ее федеративное и конституціонное устройство. Имѣя въ своемъ распоряженіи войско и администрацію, она не замедлила бы возстановить нынѣшній порядокъ вещей болѣе выгодный для нея. Потому мы думаемъ, что существенной перемѣны въ положеніи австрійскихъ земель нельзя ожидать раньше того очень продолжительнаго срока, пока въ массахъ созрѣютъ и упрочатся привычкой совершенно новыя убѣжденія о нынѣшней австрійской династіи. При ней невозможенъ никакой иной порядокъ вещей, кромѣ нынѣшняго. „Ничто не вѣчно подъ луной“, потому и Австрія когда нибудь разрушится, мы даже положительно убѣждены, что это неизбѣжно. Но

Digitized by Google

продолжительность времени, нужная для перемѣны укоренившихся предубѣжденій, внушаетъ намъ отрадную увѣренность, что на нашъ вѣкъ еще продолжится нынѣшнее австрійское хозяйничанье и благополучно переживетъ тѣ опасности, какимъ можетъ подвергнуться въ болѣе или менѣе скоромъ времени: вѣдь, пережила же Австрія наполеоновскій разгромъ, пережила 1848 годъ; будемъ надѣяться, что жизненной силы нынѣшнихъ предубѣжденій достанетъ на перенесеніе еще нѣсколькихъ подобныхъ пароксизмовъ. Но само собою разумѣется, что послѣ каждаго пароксизма предубѣжденія ослабѣваютъ и раньше или позже ослабѣютъ до такой степени, что явится возможность прочно утвердиться новому лучшему порядку вещей.

Противоположность между англійскою и французскою политикою въ итальянскомъ вопросѣ послужила для французскихъ правительственныхъ газетъ формальнымъ предлогомъ къ нападеніямъ на Англію, которыми усилились постоянныя опасенія англичанъ, что императоръ французовъ думаетъ начать войну съ Англіею. Печатный ходъ этого дѣла соотвѣтствуетъ обыкновенному способу, которымъ императоръ французовъ подготовляетъ свою націю къ дѣламъ, нужнымъ по его соображенію. Читатель знаетъ, что когда приготовленія требуютъ долгаго времени, можно провесть его слѣдующимъ образомъ: сначала выставить причины къ неудовольствію, онѣ дадутъ право дѣлать вооруженія; но для успокоенія противника черезъ нѣсколько времени можно показать въ словахъ уступчивость и прекратить полемику; это не помѣшаетъ продолжать вооруженія. Такая смѣна угрозъ и мягкости можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вооруженія будутъ кончены и наступитъ удобное время дѣйствовать рѣшительно. Теперь отношенія Франціи къ Англіи находятся въ періодѣ мягкости, которая была введена въ нихъ, главнымъ образомъ, статьею Times'а, требовавшею объясненія враждебнаго тона, принятаго французскими правительственными газетами. Французское правительство отвѣчало на это раскрытіе его намѣреній циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ къ французскимъ префектамъ, которымъ предписывалось увѣдомить зависящія отъ нихъ газеты, чтобы онѣ остановили свою полемику противъ Англіи. Это было въ половинѣ ноября новаго стиля, и послѣ того до сихъ поръ продолжается затишье. Но мы не можемъ примѣнять тона и содержанія своихъ ежемѣсячныхъ обозрѣній къ ежедневнымъ перемѣнамъ тона въ газетахъ, и по необходимости должны болѣе держаться общаго, довольно медленнаго развитія въ характерѣ отношеній. Читатель знаетъ, что въ послѣдніе два года общею чертою ихъ было непрерывное усиленіе морскихъ вооруженій Франціи и увѣренности, что они имѣютъ цѣлью войну съ Англіей. Потому, не увлекаясь кратковременнымъ и наружнымъ прекращеніемъ недовѣрчивости, мы скажемъ нѣсколько словъ о фактахъ, изъ которыхъ выводятъ заключеніе о намѣреніи императора французовъ воевать съ англичанами. Прежде всего, мы приведемъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ Revue Indépendante. Этотъ журналъ служитъ органомъ орлеанистовъ, которые не одобряютъ никакихъ ссоръ съ Англіею.

«Неизбѣжность войны съ Англіею служитъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ во Франціи, всѣ говорятъ, что она была бы очень популярна. А еслибъ она и не была теперь популярна, легко было бы принять средства, чтобы дать ей популярность.

Digitized by Google

Несмотря на сорока-пяти-лѣтній миръ, старая національная вражда еще не погасла во французахъ. Особенно сохраняетъ она полную свою силу по всему прибрежью отъ Дюнкирхена до Байонны, и считается патріотическою добродѣтелью. Это очевидно изъ тона статей противъ Англіи. въ газетахъ, руководимыхъ правительствомъ. Люди, близко знакомые съ берегами ла-Манша, Нормандіи и Бретани говорятъ, что ожесточенныя нападенія на Англію въ правительственныхъ газетахъ симпатично принимались прибрежнымъ населеніемъ. Тоже самое въ Парижѣ. Вражда противъ Англіи, пробуждаемая тайными поощреніями, усиливается съ каждымъ днемъ, и англичане, пріѣзжающіе по дѣламъ въ Парижъ, говорятъ, что не находятъ такого пріема тамъ, какъ прежде. Въ высшихъ административныхъ кругахъ, въ арміи, во флотѣ, между работниками и торговцами постоянно идутъ объ этомъ толки, и всѣ согласны, что если война съ Англіею будетъ отложена, то единственно по неоконченности приготовленій и по необходимости выбрать время. Содѣйствіе французовъ англичанамъ въ Китайской войнѣ, по общему мнѣнію, служитъ только къ замаскированію плана, и чѣмъ сильнѣе говорятъ объ этомъ содѣйствіи, тѣмъ лучше достигается эта цѣль.

«Желаніе войны съ Англіею очень понятно. Не говоря уже о чувствахъ особенной вражды къ Англіи, громадная армія изъ 600,000 или 700,000 человѣкъ, упоенныхъ ласкательствомъ и жаждущихъ повышепія, натурально хочетъ имѣть дѣло. Но отъ рядового до генерала, все войско желаетъ войны именно съ Англіею. Какъ о чрезвычайномъ исключеніи, говорятъ о словахъ одного генерала, который имѣлъ мужество объявить, что въ случаѣ войны съ Англіею, онъ выйдетъ въ отставку. Но общее чувство арміи восхищается мыслью о высадкѣ въ Англію,—объ этомъ дѣлѣ, которое «не удалось первой имперіи, но должно быть исполнено второю». 20 августа былъ данъ въ Версали обѣдъ 6.500 императорскихъ гвардейцевъ. Столы были разставлены въ оранжереѣ, и каждый солдатъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, подъ командою своего офицера. Въ концѣ обѣда, публикѣ позволили войти въ толпы солдатъ и разговаривать съ ними. Одинъ изъ числа публики подошелъ къ зуаву, съ огромнымъ шрамомъ на лицѣ, и сказалъ: «Мой другъ, вы можете гордиться своею раною, и она не портитъ вашего вида, хотя вы потеряли отъ нея глазъ. Вы довольно уже сражались на свой вѣкъ».—«Довольно? Нѣтъ; если мѣсяца черезъ четыре, какъ мы надѣемся, насъ поведутъ въ Англію, я попрошу. чтобы меня поставили первымъ». Разсказываютъ много такихъ разговоровъ. Другой зуавъ удивилъ даму, подлѣ которой сидѣлъ въ вагонѣ, объявивъ ей, что французская армія опять будетъ въ дѣлѣ на слѣдующую весну.—«Мы идемъ въ Англію».—«Въ Англію»! воскликнула изумленная дама.—«Да, madame, въ Англію, на слѣдующую весну».—«Зачѣмъ же»?—«Отмстить за себя, отмстить»!—«За что же отмстить? Франція и Англія въ союзѣ. Онѣ не могутъ воевать».—Будутъ воевать, madame. Я знаю англичанъ. Они хорошіе солдаты. Мы ихъ уважемъ, но ненавидимъ. Безъ войны нельзя».—«Но за что же будетъ война? Я не понимаю».—«А вотъ за что, madame. Мы побили Австрію за то, что она притѣсняла бѣдную Италію; теперь надобно побить Англію, за то, что притѣсняетъ Индію и несчастную Ирландію».—«Въ Англію перейдти не легко».—«Да, не легко, но все равно, мы перейдемъ, и я, вашъ покорнѣйшій слуга, первый, прошу, чтобы насъ повели туда. Надѣюсь, этого хочу не я одинъ».—«Разумѣется, не вы одинъ, подтвердилъ стрѣлковый сержантъ, сидѣвшій подлѣ;—всѣ хотятъ идти въ Англію». Вотъ образецъ солдатскихъ разговоровъ. Армія единодушно хочетъ войны; флотъ также: у него есть на это собственныя причины. Въ войнахъ первой имперіи, французскій флотъ терпѣлъ сильнѣйшія пораженія, и жажда мщенія въ немъ имѣетъ двойную силу. Матросы съ восторгомъ говорятъ, какъ они перевезутъ войско въ Англію. Но хладнокровнѣйшіе изъ нихъ замѣчаютъ, что Франція не можетъ начать войну ранѣе 1861 года, потому что нужно не менѣе полутора года для заготовленія каменнаго угля. Брестъ, годичный запасъ котораго простирался прежде только до 5,000 тоннъ, имѣетъ теперь до 50,000 тоннъ каменнаго угля; въ Шербургѣ также собранъ большой запасъ, но эти количества считаются недостаточными.

«Духовенство не уступаетъ своею ревностью флоту и арміи. Univers приходитъ въ бѣшенство при одномъ имени Англіи, а эта газета служитъ вѣрнымъ органомъ

Digitized by Google

клерикальной партіи. Крестовый походъ противъ протестантовъ-англичанъ восхитилъ бы ее. Теперь французское духовенство раздражено тѣмъ, что правительство медлитъ возвратить подъ властъ папы возмутившуюся Романью. Война съ Англіею самое лучшее средство вновь пріобрѣсти поддержку отъ ультрамонтанцевъ. Тогда миссіонеры станутъ въ ряды зуавовъ. Общественное мнѣніе сначала сильно было противъ Итальянской войны, и даже по совершенномъ измѣненіи его, множество набожныхъ людей остались враждебны политикѣ императора. Такой оппозиціи не будетъ при войнѣ съ Англіею; когда духовенство и армія соединяются, ихъ желанія неодолимо.

«Говорятъ, что даже тѣ классы, которые считаются непримиримо враждебными императору, одобряютъ эту войну. Легитимисты ненавидятъ Англію, такъ что за войну съ нею готовы примириться съ императоромъ; это будетъ патріотическимъ поводомъ войти въ милость къ нему, котораго они давно ждутъ.

«Такимъ образомъ, императоръ французовъ можетъ удовлетворить армію и флотъ, принести удовольствіе духовенству, привлечь къ себѣ легитимистовъ и получить единодушное одобреніе народа. Эта цѣль такъ искусительна, что нельзя не придавать важности словамъ и дѣйствіямъ императора, соотвѣтствующимъ ей. Рядъ этихъ признаковъ начинается словами, которыя Луи Наполеонъ произнесъ передъ палатою пэровъ, судившею его при Луи-Филиппѣ за намѣреніе произвести возмущеніе во Франціи Я «представитель пораженія, которое должно быть отомщено. Это пораженіе—Ватерлоо». Будучи президентомъ республики, Луи-Наполеонъ не разъ и не одному человѣку говорилъ, что возстановленіе имперіи можетъ имѣть одну цѣль: отмщеніе за Ватерлоо и за святую Елену. По возстановленіи имперіи, учрежденіе медали св. Елены служило несомнѣннымъ признакомъ намѣреній его. Зачѣмъ было выбирать такое имя для напоминанія о славѣ первой имперіи, учрежденной его дядею? Что напоминается этимъ именемъ? Оно говоритъ о пораженіи Франціи, о побѣдѣ Англіи, объ униженіи Наполеона I. Зачѣмъ напоминать о такомъ фактѣ, если не имѣть намѣренія воспользоваться имъ? Это намѣреніе состоитъ въ возбужденіи вражды противъ Англіи, въ подготовленіи націи къ войнѣ. Раздоръ съ Англіею въ началѣ прошлаго года, когда Наполеонъ III требовалъ усиленія наказаній противъ заговорщиковъ (Conspiracy Bill) присоединилъ къ политическимъ причинамъ вражды личное неудовольствіе. Послѣ покушенія Орсини онъ окончательно рѣшился воевать съ Англіею, которая служитъ убѣжищемъ для его враговъ. Послѣ того, когда онъ упоминалъ о союзѣ съ Англіею, онъ горько жаловался на то, что этотъ союзъ принуждаетъ его приносить слишкомъ большія жертвы. Съ той поры приготовленія къ войнѣ съ Англіею идутъ безостановочно».

Людей, желающихъ непрерывнаго мира съ Англіей, во Франціи очень много; и англичане справедливо думаютъ, что всегда будутъ имѣть за себя, т. е. за сохраненіе мира, значительную партію въ самой Франціи. Но національные предразсудки и во Франціи, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, такъ еще сильны, что по ложному понятію о національной славѣ, будто бы пріобрѣтаемой побѣдою, и будто бы помрачаемой военными неудачами, готовы поддерживать враговъ Англіи множество французовъ, которые по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, никакъ не должны были бы дѣлать этого. Любопытнымъ примѣромъ тому явился Журденъ, одинъ изъ сотрудниковъ газеты Siècle. Онъ также вздумалъ неистовствовать противъ англичанъ. Его сотрудники по газетѣ почли неприличнымъ и вреднымъ соглашаться на эту патріотическую фантазію, и потому Журденъ излилъ свои чувства въ особенной брошюрѣ, которую назвалъ „Война англичанину!“— la guerre à l'Anglais. Самъ по себѣ его памфлетъ не замѣчателенъ и подвергся такому блестящему опроверженію отъ его пріятеля Пейра, въ газетѣ Presse, что самъ Журденъ устыдился своей дикой выходки и сталъ извиняться въ ней. Но мы приведемъ изъ его брошюры одинъ отрывокъ, который

Digitized by Google

можетъ служить свидѣтельствомъ, что, несмотря на всѣ жалобы французскихъ писателей, публицистика пользуется во Франціи значительною степенью свободы Журденъ сравниваетъ Францію съ Англіей въ разныхъ отношеніяхъ и во всемъ находитъ преимущество на сторонѣ своей родины. По своему республиканскому образу мыслей, онъ съ особенною любовью останавливается на томъ, что во Франціи болѣе равенства, нежели въ Англіи; но въ одномъ отношеніи онъ принужденъ отдать преимущество Англіи; и вотъ изъ его памфлета отрывокъ, служащій заключеніемъ этого отдѣла:

«Англія имѣетъ надъ нами (французами) только одно дѣйствительное, несомнѣнное, безспорное преимущество. Она имѣетъ свободу въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова,— свободу печати, свободу политическихъ собраній и союзовъ. Этому пріобрѣтенію она обязана своимъ могуществомъ. Свобода и равенство въ арсеналѣ нравственной силы то же самое, что нарѣзныя пушки и паръ въ арсеналѣ матеріальной силы.

«Равенство пріобрѣтено нашими отцами. Оно вошло въ наши нравы, наши учрежденія, наши законы, и не можетъ быть искоренено. Англія имѣетъ свободу—почему же и мы не должны имѣть ея? Зачѣмъ намъ оставаться лишенными такой наступательной и оборонительной силы? Англія не замедлила заимствовать у насъ наши нарѣзныя пушки; почему же намъ не заимствовать у нея оружія въ тысячу разъ болѣе вѣрнаго и полезнаго, оружія, которое творитъ, а не истребляетъ, которое созидаетъ, а не разрушаетъ?

«Какъ можемъ мы оставлять союзнику, который завтра можетъ стать врагомъ, исключительное обладаніе благомъ, которое мы можемъ принять и пользованіе которымъ привычно намъ?

«Мы говорили, что Англія имѣетъ только одно преимущество надъ нами; но оно таково, что въ данный день можетъ оказать сокрушительную силу. Можемъ ли имѣть его, можемъ ли пользоваться имъ? Да, потому что оно представляетъ непобѣдимую силу.

«Мы должны обладать свободою, должны вписать ее въ наши кодексы, потому что она столь могущественное оружіе. Англійское правительство думаетъ, что въ случаѣ столкновенія будетъ сильнѣе насъ и всей Европы, потому что видитъ Европу лишенной столь сильнаго оружія. Облечемся же въ это оружіе».

Многіе полагаютъ, что англичане боятся исхода войны, когда постоянно высказываютъ такое сильное безпокойство относительно намѣреній императора французовъ. Это совершенно несправедливо. Они очень хорошо чувствуютъ, что какъ бы сильна ни была армія, высадившаяся на ихъ берега, черезъ мѣсяцъ не останется въ Англіи ни одного непріятеля. Они опасаются высадки только потому, что какъ бы малъ ни былъ округъ, которымъ непріятель успѣетъ овладѣть на нѣсколько дней, онъ разореніемъ этого округа нанесетъ націи громадный убытокъ: опустошеніе одного англійскаго графства, говорятъ они, будетъ стоить націи дороже, нежели вся индійская война.

Мы не считаемъ нужнымъ подробно разсказывать о томъ, какъ четыре Ливерпульскіе купца прибѣгли къ странному способу узнать степень основательности общихъ опасеній; какъ они отправили къ императору Наполеону письмо съ вопросомъ, дѣйствительно ли думаетъ онъ сдѣлать высадку, и какъ секретарь Наполеона, Моккаръ, отвѣчалъ имъ, что такого намѣренія никогда не было у императора французовъ. Разумѣется, нелѣпый поступокъ былъ всѣми осмѣянъ и отвѣтъ Моккара не измѣнилъ мыслей ни въ комъ. Принуждаемая примѣромъ Франціи, Англія дѣятельно усиливаетъ свой флотъ и свои укрѣпленія. Чита-

Digitized by Google

тель знаетъ, что въ послѣднее время опредѣлено англійскимъ правительствомъ усилить регулярное войско 30 новыми батальонами и приняты разныя мѣры для образованія огромнаго резерва матросовъ, которымъ Англія могла бы располагать въ случаѣ войны. Но еще больше этихъ мѣръ будетъ способствовать возвышенію военныхъ силъ Англіи реформа, которая равно хороша и для войны и для мира.

Духъ войска, главное условіе его силы, возвышается соразмѣрно чувству собственнаго достоинства въ солдатѣ. До сихъ поръ въ англійской арміи сохранялось тѣлесное наказаніе, столь противное здравому смыслу и политической расчетливости, не говоря уже о гуманныхъ принципахъ. Правда, оно употреблялось рѣдко, назначалось не иначе какъ по суду и ограничивалось числомъ ударовъ, ничтожнымъ по сравненію съ кодексами другихъ армій, сохраняющихъ это неблагоразумное средство наказанія. Но все-таки англійскій солдатъ, поступая въ ряды войска, зналъ, что первый проступокъ можетъ подвергнуть его безчестному наказанію. Это гибельнымъ образомъ дѣйствовало на нравственное достоинство солдатъ и уменьшало военныя ихъ силы. Правительство поняло наконецъ, что вредитъ и государству, и арміи, и самому себѣ, оставаясь при такой неумѣстной рутинѣ. Оно не можетъ вычеркнуть тѣлеснаго наказанія изъ военныхъ законовъ безъ разрѣшенія парламента и потому теперь, до собранія парламента, измѣнены только правила, по которымъ назначается тѣлесное наказаніе. Вотъ эти правила:

За первый проступокъ или за первое преступленіе, какого бы рода оно ни было, солдатъ не можетъ быть подвергаемъ тѣлесному наказанію. Ему могутъ подлежать только тѣ солдаты, которые уже подвергались прежде другимъ нанаказаніямъ за разные тяжкіе проступки. Дезертирство и воровство,—вотъ почти единственныя преступленія, за которыя солдатъ отдѣляется отъ общей массы своихъ товарищей, не подлежащихъ тѣлесному наказанію ни въ какомъ случаѣ, и записывается въ разрядъ штрафованныхъ, которые за новое преступленіе могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію. Но онъ понижается въ этотъ разрядъ только на одинъ годъ, и если проведетъ его, не сдѣлавъ новаго преступленія, то его прежнее право быть изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія возвращается ему. Приказъ главнокомандующаго, производящій эту реформу, заключается словами, чтобы военные суды старались назначать тѣлесное наказаніе какъ можно рѣже. Если даже извѣстный солдатъ, попавшій за прежнее преступленіе въ штрафной разрядъ, совершитъ до истеченія года, т. е. до возстановленія своихъ правъ, новое преступленіе, за которое можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, говоритъ приказъ англійскаго главнокомандующаго, чтобы военно-судная комиссія должна была дѣйствительно приговорить его къ такому наказанію: она должна дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ дѣла, и назначать тѣлесное наказаніе только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Эти правила предписаны только какъ временная мѣра до той поры, когда парламентъ совершенно отмѣнитъ тѣлесное наказаніе въ арміи. Билль объ этомъ приготовляется министерствомъ. Точно также приготовляетъ оно билль объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ англійскомъ флотѣ, въ которомъ между тѣмъ ограничено тѣлесное наказаніе новыми правилами, точно такими

Digitized by Google

же, какія введены въ арміи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти реформы, возвысивъ духъ солдатъ и матросовъ, принесутъ Англіи больше пользы и значительнѣе увеличатъ силу ея войскъ, нежели увеличилась бы она чрезъ прибавку цѣлыхъ десятковъ батальоновъ и кораблей.

Другое очень важное явленіе въ военной жизни Англіи составляетъ „волонтерское стрѣлковое движеніе". Читатель знаетъ, что оно началось нынѣшнею весною; съ той поры, подъ вліяніемъ опасеній войны со стороны Франціи, оно постоянно и быстро развивается. Нѣкоторые изъ радикаловъ, именно Брайтъ съ манчестерскою школою, не сочувствуютъ этому движенію,—во-первыхъ потому, что оно воинственно, а они держатся миролюбивой политики, во-вторыхъ потому, что оно развлекаетъ націю отъ мыслей о внутреннихъ реформахъ; въ-третьихъ потому, что оно развивается подъ руководствомъ лендлордовъ, то есть торійской партіи. Мы думаемъ, что Брайтъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ошибку; если движеніе достигнетъ своей цѣли, упрочитъ въ Англіи существованіе громаднаго ландвера, котораго невозможно употреблять на заграничную войну, но который дѣлаетъ невозможнымъ вторженіе въ Англію,—если англичане, благодаря этому, пріобрѣтутъ сами и внушатъ другимъ націямъ увѣренность, что высадка въ Англію—просто безумство, то освободившись отъ своихъ нынѣшнихъ опасеній они будутъ менѣе развлекаться заботами объ иностранныхъ замыслахъ и не будутъ торопиться объявленіемъ войны, какъ дѣлали иногда прежде, съ единственною цѣлью предупредить сборы противника; при ихъ разсудительности, усиленіе оборонительныхъ средствъ сдѣлаетъ ихъ еще болѣе миролюбивыми. А торійское вліяніе на волонтерское движеніе надобно считать явленіемъ временнымъ: чѣмъ больше расширяться и укореняться въ народѣ будетъ новое учрежденіе, тѣмъ болѣе будетъ оно проникаться народнымъ духомъ и не замедлитъ перейти подъ вліяніе радикаловъ, если только сами они захотятъ того. Число волонтеровъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается; въ половинѣ декабря ихъ считали до 75,000 человѣкъ. Судя по силѣ движенія, надобно полагать, что скоро число это превзойдетъ цифру волонтеровъ, который имѣла Англія въ 1804 году, когда Наполеонъ I грозилъ ей булонскимъ лагеремъ. Тогда, при населеніи вдвое меньшемъ, Англія имѣла 379,943 человѣкъ волонтеровъ. Нынѣшніе волонтеры всѣ вооружаются штуцерами и учатся стрѣлять очень успѣшно, такъ что масса уже состоитъ изъ хорошихъ стрѣлковъ.

Агитація въ пользу парламентской и финансовой реформы началась. Были уже два большіе приготовительные митинга, одинъ въ Ливерпулѣ, другой въ Лондонѣ. Главнымъ руководителемъ движенія остается Брайтъ, какъ въ прошломъ году. Но объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить.

Digitized by Google

Январь 1859 [1]).

Характеръ историческаго прогресса.—Обзоръ состоянія Западной Европы.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Парламентская реформа въ Англіи.

Послѣднее десятилѣтіе было очень тяжело для друзей свѣта и прогресса въ Западной Европѣ. Но чтоже тутъ удивительнаго, что рѣдкаго? Въ какомъ же вѣкѣ не бывало въ двадцать разъ больше мрачныхъ лѣтъ, нежели свѣтлыхъ? Людямъ нашего поколѣнія въ Западной Европѣ пришлось перенести очень много тяжелыхъ испытаній; но въ какомъ же поколѣніи жизнь людей, желавшихъ добра, не отравлялась почти постоянно испытаніями, быть можетъ, еще болѣе тяжелыми? Исторія любитъ прикрашивать прошедшее, какъ старыя кокетки любятъ говорить, что нѣкогда наслаждались непрерывнымъ рядомъ сладкихъ побѣдъ; но люди, бывшіе свидѣтелями ихъ прошедшаго, слушаютъ этотъ вздоръ съ улыбкой, думая про себя: „однакоже самохвальство очень легкое дѣло; мы помнимъ, что никогда вы не были такъ хороши, какъ воображаете". Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ прошедшемъ какой бы то ни было страны Западной Европы найдутся десятилѣтія хорошаго времени? Припомнимъ хотя послѣднія полтора столѣтія. О Германіи, Италіи, Испаніи нечего и говорить: ихъ исторія за все это время очень незавидна, и счастливыхъ годовъ онѣ могутъ искать развѣ въ будущихъ годахъ XIX столѣтія, а никакъ не въ прошедшихъ его годахъ и не въ XVIII вѣкѣ. Припомнимъ судьбы двухъ народовъ, жизнь которыхъ до сихъ поръ была удачнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ; кстати же, исторія Франціи и Англіи нѣсколько знакомѣе намъ, Русскимъ, и дѣло будетъ понятно безъ длинныхъ разсужденій. Попробуемъ подводить итоги для жизни каждаго поколѣнія этихъ племенъ, начиная съ людей, бывшихъ прадѣдами дѣдамъ нашихъ современниковъ.

Что видѣлъ вокругъ себя въ свою жизнь французъ, бывшій старикомъ въ 1730 году, молодымъ человѣкомъ въ 1700? Прежде всего онъ видѣлъ страшное истощеніе Франціи предшествовавшими войнами, которыя по разсказамъ его отцевъ были славны для французскаго оружія, но какъ онъ замѣчаетъ самъ, не принесли Франціи ровно никакой пользы, кромѣ чести разориться самой для опустошенія Нидерландовъ и Западной Германіи; потомъ онъ видитъ пораженіе французскихъ войскъ въ современныхъ ему битвахъ Евгеніемъ Савойскимъ и герцогомъ Марльборо, видитъ постыдный для Франціи

[1]) *Примѣчаніе издателя.* Въ виду встрѣтившейся невозможности провѣрить своевременно эту статью по рукописи, пришлось, чтобы не задерживать печатаніе настоящаго тома, помѣстить ея по необходимости въ концѣ книги.

Digitized by Google

Утрехтскій миръ и предшествовавшее ему униженіе французскаго короля передъ какимъ нибудь Гейнзіусомъ. Престарѣлымъ королемъ овладѣли іезуиты, можно свободно кощунствовать надъ всѣмъ святымъ, попирать ногами всѣ нравственные законы, надобно только льстить іезуитамъ,—и будешь могущественъ, богатъ, всѣми уважаемъ. Ему говорятъ, будто бы прежде было лучше, но онъ вспоминаетъ, что первымъ впечатлѣніемъ его дѣтства было: отмѣненіе Нантскаго эдикта, казни несчастныхъ гугенотовъ, между которыми благословляли судьбу тѣ, которые могли бѣжать изъ любимой родины. Теперь драгоннады продолжаются, къ нимъ присоединилось преслѣдованіе янсенистовъ, и человѣкъ, который исповѣдуется предъ смертью не у іезуита, не будетъ похороненъ по христіанскому обычаю. Все государство предано произволу кровопійцъ, называющихся откупщиками, интендантами; министры заботятся только о томъ, чтобы угодить госпожѣ Ментенонъ; народъ изнемогаетъ подъ бременемъ невыносимыхъ налоговъ, а въ казнѣ все также нѣтъ ни копѣйки денегъ и съ каждымъ годомъ растутъ долги. Хорошо было при Людовикѣ XIV, еще лучше сдѣлалось при герцогѣ-регентѣ. Пріятное тридцатилѣтіе! Но все-таки оно лучше слѣдующихъ тридцати лѣтъ, а эти тридцать лѣтъ, кончающіеся позорнымъ пораженіемъ при Росбахѣ, все-таки лучше слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ на столько же, на сколько маркиза Помпадуръ была лучше графини дю-Барри. Но если первая половина жизни третьяго поколѣнія была еще тяжелѣе, нежели жизнь втораго, которая въ свою очередь была еще несчастнѣе жизни перваго поколѣнія, то вотъ является надежда, что послѣдніе пятнадцать лѣтъ будутъ для внуковъ лучше, нежели первые: новый король человѣкъ добрый, желающій блага народу. Кто же является при немъ всесильнымъ министромъ? Старый весельчакъ графъ Морепа, который былъ слишкомъ дуренъ даже для прежнихъ временъ. Хороши надежды! „Но сила общественнаго мнѣнія поддержитъ добраго короля въ его благихъ намѣреніяхъ". Дѣйствительно, потребности, высказываемыя общественнымъ мнѣніемъ, даютъ такую сильную опору честнымъ людямъ, что Тюрго и Мальзербъ едва могутъ удержаться въ министерствѣ нѣсколько мѣсяцевъ и удаляются, не успѣвъ сдѣлать почти ровно ничего. Далѣе ходъ событій извѣстенъ; вѣроятно онъ былъ хорошъ, если какъ разъ подъ конецъ третьяго тридцатилѣтія привелъ къ ужасному взрыву. О слѣдующихъ четырехъ или пяти годахъ мы не будемъ говорить; но вѣроятно и они были не очень счастливы, если кончились возникновеніемъ позорной Директоріи съ ея безстыднымъ Баррассомъ, промѣнять котораго на Наполеона-Бонапарте казалось уже огромнымъ выигрышемъ. При Наполеонѣ громъ побѣдъ долго тѣшилъ хвастуновъ; но, озираясь вокругъ себя, разсудительный человѣкъ видѣлъ, что во Франціи уже не оставалось молодыхъ людей, которые всѣ, кромѣ калѣкъ и уродовъ, забраны конскрипціею. Всякая мысль, не только свободная, но и рѣшительно всякая, преслѣдовалась во Франціи; всѣ права были отняты у гражданъ; надъ всею страною тяготѣлъ деспотизмъ. Побѣды были такъ удачны, что кончились вторженіемъ враговъ во Францію. Изнуренная страна не имѣла силъ защищаться и правленіе Наполеона было вообще такъ хорошо, что французы привѣтствовали своихъ завоевателей, какъ освободителей. Наполеона смѣнили Бурбоны, которые заставили Францію

Digitized by Google

жалѣть о немъ. Деспотъ, избавителями отъ котораго были чужеземцы, явился избавителемъ отъ Бурбоновъ и былъ встрѣченъ съ такимъ же восторгомъ, какимъ за годъ встрѣчены были враги, освобождавшіе отъ него. Затѣмъ послѣдовало новое завоеваніе Франціи, которая, при всемъ страшномъ своемъ изнуреніи, принуждена была заплатить огромную контрибуцію и содержать иностранныя арміи. Въ этомъ положеніи застаетъ Францію 1820 годъ, которымъ кончается четвертое тридцатилѣтіе. Человѣку, желавшему добра, легче ли было жить въ это время, нежели какъ было его отцу, дѣду, прадѣду и прапрадѣду? Бурбоны съ самаго начала заставили жалѣть о Наполеонѣ, освободиться отъ котораго было пріятно для Франціи даже цѣною своего завоеванія иноземцами; но каково бы ни было сначала правленіе Бурбоновъ, все-таки полнаго своего совершенства оно достигло именно съ 1820 года, которымъ начинается жизнь новаго поколѣнія: до той поры реставрація колебалась между крайними фанатиками и людьми, которые назывались умѣренными по сравненію съ ними. Теперь умѣренные (дѣйствовавшіе впрочемъ такъ, что ужасался и совѣстился даже самъ Фуше, человѣкъ извѣстной репутаціи) были совершенно оттѣснены тою партіею, которая своею яростью набрасывала на нихъ видъ умѣренности. Что говорилось и дѣлалось въ это время, съ 1820 до 1830 года, то было въ рѣдкость, даже при Людовикѣ XV. А для того, чтобы оцѣнить слѣдующіе 18 лѣтъ, довольно сказать, что по общему мнѣнію людей, содѣйствовавшихъ перевороту 1830 года, Франція едва ли много выиграла черезъ него; а многіе изъ самыхъ либеральныхъ людей находили, что прежде было едва ли не лучше. Да и то сказать, можно ли похвалить такое положеніе, отъ котораго въ 30 лѣтъ происходятъ двѣ революціи? Чѣмъ же для пяти предшествующихъ поколѣній французовъ жизнь была лучше, нежели для нынѣшнихъ?

„Но что же вы говорите о Франціи? замѣтятъ многіе изъ читателей: — французская исторія дѣйствительно представляетъ очень мало отраднаго: тамъ вѣчныя смѣны угнетенія и анархіи, приводящей къ другому угнетенію. Во Франціи дѣйствительно никогда не было легко жить, тутъ не нужно никакихъ доказательствъ. Вотъ другое дѣло Англія, — въ ней порядокъ, въ ней свобода, въ ней непрерывный прогрессъ, столь же быстрый какъ и мирный“. Мы рады слушать утѣшенія. Очень пріятно, если англійская исторія окажется отраднѣе французской. Но только жаль, что очень многіе увѣряютъ совершенно въ противномъ: они утверждаютъ, будто бы въ Англіи массѣ народа всегда было тяжелѣе жить, нежели во Франціи. Быть можетъ они ошибаются, но самое существованіе ихъ мнѣнія уже доказываетъ, что слишкомъ большаго превосходства надъ французской жизнью англійская не имѣетъ, иначе ошибка ихъ была бы невозможна: вѣдь можно спорить развѣ о томъ, въ чемъ больше горечи, въ полыни или въ горчицѣ; если бы полынь сравнивалась съ сахаромъ, никто бы и спорить не сталъ. Посмотримъ же на исторію этой Англіи, столько хвалимой одними, столько ненавистной другимъ.

Что видитъ вокругъ себя англичанинъ, начинающій самостоятельную дѣятельность въ 1700 году? (Мы уже не говоримъ, что видитъ ирландецъ, — пусть рѣчь идетъ только объ англичанинѣ, для котораго ирландецъ

Digitized by Google

тогда былъ хуже собаки). Первая пріятность для человѣка, хотя съ нѣкоторымъ чувствомъ справедливости и доброжелательства, состоитъ въ томъ, что гораздо болѣе, нежели девять десятыхъ частей націи совершенно лишены всякой недвижимой собственности и могутъ быть уподоблены тому греческому мудрецу, изрѣченіе котораго извѣстно всѣмъ намъ въ латинскомъ переводѣ: omnia mea mecum porto. Впрочемъ это удовольствіе вовсе не составляетъ привилегіи человѣка, жизнью котораго мы начинаемъ нашъ очеркъ: тоже самое удовольствіе доставляетъ зрѣлище родины и его сыну, и внуку, и правнуку, и праправнуку. Итакъ вопросъ о положеніи массы простолюдиновъ отбросимъ въ сторону: вѣроятно оно для Англіи такъ и слѣдуетъ быть, если искони вѣковъ до нашего времени такъ остается. Посмотримъ на то, какъ удовлетворяются нравственныя потребности образованнаго сословія. Нашъ англичанинъ 1700—1730 годовъ читалъ между прочимъ Локка, а можетъ быть и Мильтона; оба они растолковали ему, что свобода совѣсти дѣло священное, что когда одна секта присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя права, то хорошаго ничего нельзя ожидать. А между тѣмъ не только нашему англичанину, но и его сыну, и его внуку, и даже правнуку не удастся видѣть признанія политическихъ правъ за людьми несогласными съ оксфордскимъ изувѣрствомъ: этотъ гостинецъ англійская исторія бережетъ только уже для второй четверти XIX столѣтія.

Значитъ, и объ этомъ толковать нечего: вѣроятно стѣсненіе иновѣрцевъ не должно возмущать англичанина съ гуманнымъ образомъ мыслей. Притомъ же надобно полагать, что онъ утѣшится очаровательнымъ зрѣлищемъ свободнаго парламентскаго правленія. Въ самомъ дѣлѣ, умилительно и подумать объ англійскомъ парламентѣ: собираются представители націи, на ихъ мудрое и благонамѣренное обсужденіе предоставляются всѣ дѣла,—превосходно, но только и тутъ есть для нашего англичанина 1700—1730 годовъ небольшое огорченіе. Въ палатѣ общинъ изъ десяти членовъ девятеро назначаются вовсе не націею, а нѣсколькими лордами, и обязаны подавать голоса, какъ прикажутъ имъ хозяева. Притомъ ни министры королевы Анны, ни министры Георга I, не хотятъ подчиняться парламенту, а напротивъ, или подкупаютъ его, или, если не удастся подкупить, просто-на-просто не слушаютъ его и распоряжаются государственными дѣлами, какъ сами хотятъ; и великолѣпный спектакль парламентскаго правленія почти постоянно оказывается чистою комедіею, смыслъ которой — полнѣйшій произволъ придворнаго управленія, не только въ это, но и въ слѣдующее тридцатилѣтіе, такъ что сыну при Георгѣ II такъ же мало отрады, какъ и отцу при Аннѣ и Георгѣ I. Но вотъ въ молодые годы внука начинается правленіе Георга III. Хотя теперь не обратится ли парламентская комедія въ серьезное дѣло? Вотъ нарушены коренные законы Англіи въ дѣлѣ Вилькса. Много лѣтъ волнуется Лондонъ, волнуется все государство въ негодованіи на преступныхъ министровъ; гремятъ ораторы въ парламентѣ; письма страшнаго Юніуса разятъ преступниковъ, какъ частые удары молніи; а преступные министры, ненавидимые націею, улыбаются и преспокойно себѣ управляютъ Англіей. Мало того, что они нарушаютъ законы въ Англіи, они хотятъ обратить въ рабовъ американцевъ, чтобы при помощи этихъ рабовъ, по знаменитому выраженію лорда

Digitized by Google

Четема, обратить потомъ въ рабство и самую Англію. Вся Англія негодуетъ сильнѣе прежняго, вся сочувствуетъ обижаемымъ американцамъ; а министры все-таки продолжаютъ свое дѣло, улыбаясь въ отвѣтъ на проклятія народа, раздающіяся по улицамъ и грозныя рѣчи великихъ ораторовъ, гремящія въ парламентѣ. Министры таки сдѣлали свое дѣло, довели американцевъ до возстанія: братья рѣжутъ братьевъ, и европейскіе братья въ добавокъ нанимаютъ краснокожихъ, чтобы они скальпировали американскихъ братьевъ. Тутъ зрѣлище становится еще отраднѣе: тѣ самые англичане, которые негодовали на угнетеніе американцевъ и поощряли ихъ къ сопротивленію, теперь одушевлены уже враждою къ нимъ за то, что они не дали поработить себя и не захотѣли быть орудіемъ порабощенія для Англіи. Среди этихъ сценъ проходитъ жизнь внука. При правнукѣ онѣ продолжаются въ болѣе широкихъ размѣрахъ и растягиваются еще на большее число лѣтъ. Исторія, бывшая съ американцами, повторяется относительно французовъ: начинается слишкомъ двадцатилѣтняя война съ Франціею за то, что французы, наслушавшись англійскихъ рѣчей о свободѣ, произвели у себя революцію, къ которой ободряли ихъ сами же англичане: видите ли, Англія погибнетъ, если не будутъ возстановлены Бурбоны, которыхъ Англія имѣла непримиримыми своими врагами до самой минуты ихъ паденія. Льется двадцать лѣтъ англійская кровь въ Испаніи, въ Голландіи, во Франціи, обагряются ею всѣ моря, Англія облагаетъ себя двойной тяжестью податей, увеличиваетъ до баснословной цифры свой долгъ, чтобы возстановить Бурбоновъ, которые всегда были и опять будутъ ея врагами. Занятымъ войною англичанамъ уже не до того, чтобы думать о внутреннихъ улучшеніяхъ. Мало того, что некогда думать объ улучшеніяхъ,—подъ вліяніемъ односторонняго напряженія силъ на внѣшнюю войну, внутреннія учрежденія Англіи едва ли не ослабѣваютъ; по крайней мѣрѣ послѣ войны, когда вниманіе снова обращается къ внутреннимъ дѣламъ, Англія видитъ въ своемъ правительствѣ рѣшительное стремленіе къ подавленію правъ, которыми пользовалась нація. Въ 1820 году, праправнукъ, начинающій жить, находитъ свою родину во власти обскурантовъ и реакціонеровъ, давно уже господствующихъ въ ней. Наконецъ избытокъ угнетенія пробуждаетъ націю отъ долгой политической дремоты и возникаетъ стремленіе къ реформамъ. Есть народы, которые могутъ завидовать англичанамъ во второй четверти нашего вѣка; но для самихъ англичанъ мало утѣшенія въ томъ, что у другихъ хуже, нежели у нихъ: какъ бѣдны и узки достигаемыя ими реформы, и какихъ долгихъ хлопотъ стоитъ каждая изъ нихъ! Нѣсколько десятковъ лѣтъ нужно волноваться цѣлому государству, чтобы добиться отмѣны злоупотребленія, и потомъ оказывается, что злоупотребленіе осталось почти во всей своей силѣ. Великимъ дѣломъ въ жизни поколѣнія 1820—1850 годовъ была парламентская реформа, необходимость которой чувствовалась по крайней мѣрѣ уже лѣтъ сорокъ, да и та была произведена въ такомъ жалкомъ размѣрѣ, что осталось почти неприкосновеннымъ зло, противъ котораго она была направлена. Палата общинъ попрежнему осталась представительницею почти одного только аристократическаго интереса; не только простолюдины не пріобрѣли доступа въ нее своимъ депутатамъ, но и среднее сословіе,

Digitized by Google

которое въ Англіи богаче, просвѣщеннѣе и многочисленнѣе, нежели гдѣ нибудь, почти не имѣло въ ней голоса до 1850 года. Реформа была такъ узка и бѣдна, что ни мало не удовлетворила требованіямъ проницательныхъ людей, которые потомъ почти 30 лѣтъ напрасно выбивались изъ силъ, чтобы дополнить ее. Она была произведена такъ неудовлетворительно, что первымъ результатомъ ея было доставленіе господства той самой партіи, которая противилась ей. Другимъ важнымъ дѣломъ было отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ; оно составляетъ до сихъ поръ предметъ пышныхъ похвалъ; но нашъ англичанинъ 1820—1850 годовъ только подъ конецъ своей жизни дождался этой реформы, которая требовалась еще его отцемъ; стало быть свою жизнь провелъ онъ въ тяжеломъ ожиданіи, да и подъ конецъ жизни чѣмъ онъ былъ утѣшенъ?—тѣмъ, что славу улучшенія похитилъ человѣкъ, всѣми силами противившійся ему до послѣдней минуты, а люди, которые были истинными виновниками улучшенія, остались попрежнему предметомъ презрѣнія обѣихъ господствующихъ партій. Да, мы забыли еще одну пріятность для англичанина 1820—1850 годовъ. При немъ Англія сдѣлалась самостоятельною державою, а до тѣхъ поръ, съ самаго начала прошлаго вѣка, вся ея политика подчинялась надобностямъ ганноверскаго курфирста, который постоянно жертвовалъ интересами Англіи интересамъ своей нѣмецкой области. Хорошо состояніе государства, 120 лѣтъ терпящаго такую обременительную нелѣпицу. Мы знаемъ, что такой отзывъ о развитіи англійскихъ учрежденій въ 1820—1850 годахъ несогласенъ съ господствующимъ мнѣніемъ; но онъ покажется менѣе страннымъ, когда намъ представится случай ближе всмотрѣться въ исторію Англіи за послѣднія 40 лѣтъ. Да и теперь читатель можетъ быть не осудитъ его, если подумаетъ о томъ, что реформа 1832 года оставила палату общинъ, попрежнему, во власти виговъ и тори, и что только нынѣ начинаетъ возникать въ ней независимая отъ этихъ узкихъ котерій партія, служащая представительницею средняго сословія; также если вспомнитъ, что Робертъ Пиль, отмѣняя хлѣбные законы, только воспользовался чужими трудами, которымъ до тѣхъ поръ всячески противился; а Кобденъ, которому Англія дѣйствительно обязана этимъ великимъ дѣломъ, до сихъ поръ не удостоился имѣть никакого участія въ правительствѣ. Хорошъ порядокъ дѣлъ, когда лучшій министръ вынуждается къ согласію на отмѣну вопіющихъ злоупотребленій только страхомъ революціи!

„Къ чему же ведетъ этотъ очеркъ? Неужели вы хотите доказать, что въ исторіи Англіи 1820—1850 годовъ не было ничего хорошаго?“ Напротивъ, хорошаго было сдѣлано очень много и въ это время, и въ прежніе періоды, не только въ Англіи, не только во Франціи, но даже и въ Неаполѣ, и въ Португаліи, и въ самой Турціи. Мы вовсе не отвергаемъ прогресса, а только хотимъ показать, что нашему поколѣнію жить ни чуть не тяжелѣе, нежели какому бы то ни было изъ предъидущихъ поколѣній; и что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ мыслящіе люди были ровно настолько же довольны ходомъ и характеромъ событій, во все продолженіе ихъ жизни, насколько могутъ быть довольны теперь; что и въ прежнія времена удачи для нихъ были очень рѣдки и давались имъ судьбою въ очень урѣзанномъ видѣ; что прогрессъ всегда и вездѣ происхо-

Digitized by Google

дилъ очень медленно, сопровождаясь цѣлою тучею самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, безпрестанно перерываясь видимымъ господствомъ реакціи, или по крайней мѣрѣ застоемъ.

А прогресса мы не только не думаемъ отрицать, напротивъ, даже не понимаемъ, какъ можно сомнѣваться въ его неизбѣжности при какихъ бы то ни было задержкахъ и неудачахъ. Законъ прогресса — ни больше ни меньше, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ понемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, водянымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ — просто законъ наростанія. Ничто не остается безъ слѣда; послѣ каждаго процесса образуются какія нибудь остатки, при помощи которыхъ или бываетъ легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другаго процесса, которому нельзя было бы произойти безъ помощи этого удобренія, и который слѣдовательно принадлежитъ уже къ высшему порядку, нежели прежній. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнѣе, нежели въ исторіи природы, и поэтому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе; но во всѣхъ сферахъ жизни законы одинаковы. Отвергать прогрессъ—такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія, или силу химическаго сродства.

Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело,—вотъ все, что мы хотимъ сказать; такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоятельствъ, могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ дѣйствіе общаго закона. Чтобы убѣдиться въ его неизмѣнности, надобно сообразить ходъ событій за довольно продолжительное время, и именно съ этой цѣлью мы припоминали главныя черты исторіи двухъ передовыхъ народовъ Европы за цѣлыя полтораста лѣтъ. Сравните состояніе общественныхъ учрежденій и законовъ Франціи въ 1700 году и нынѣ, — разница чрезвычайная, и вся она въ выгоду настоящаго; а между тѣмъ почти всѣ эти полтора вѣка были очень тяжелы и мрачны. Тоже самое и въ Англіи. Откуда же разница? Она постоянно подготовлялась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно тяжелою: мало по малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій застой, и попрежнему лучшіе люди, если переживали внушенную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и попрежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ пристроекъ, которыя оставались неотдѣланы начисто, некогда было заботиться о субтильныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе со множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Но этому

Digitized by Google

лѣнивому времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не нравившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то понемногу онѣ исправлялись; а пока изнеможенное общество занималось мелочами, лучшіе люди говорили, что перестройка не докончена, доказывали, что старыя части зданія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался уставшимъ обществомъ, какъ безпокойный крикъ, мѣшающій отдыху: потомъ, по возстановленіи своихъ силъ, общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое негодовало прежде, понемногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало.

Прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, въ томъ нѣтъ спора; но все-таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. Исторія движется медленно, но все-таки почти все свое движеніе производитъ скачекъ за скачкомъ, будто молоденькій воробушекъ, еще не оперившійся для полета, еще не получившій крѣпости въ ногахъ, такъ что послѣ каждаго скачка падаетъ, бѣдняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть,—чтобы опять-таки упасть. Смѣшно, если хотите, и жалко, если хотите, смотрѣть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждымъ прыжкомъ она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растетъ и крѣпнетъ, и со временемъ будетъ прыгать прекрасно, скачекъ быстро за скачкомъ, безъ всякой замѣтной остановки между ними. А еще со временемъ, птичка и вовсе оперится, и будетъ легко и плавно летать съ веселою пѣснею. Правда и то, что, судя по нынѣшнему, не слишкомъ еще скоро прійдетъ ей время летать; а все-таки прійдетъ, сомнѣваться тутъ нечего.

За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, принуждающая къ бездѣйственному отдыху; во время отдыха востановляются силы; бездѣйствіе, сначала столь отрадное, мало по малу становится скучнымъ и возвращается жажда дѣятельности, покинутой на время отъ изнеможенія; воскресаютъ прежнія стремленія, и съ свѣжими силами, умудренный прежнимъ опытомъ, человѣкъ горячо берется за продолженіе дѣла, къ которому на время охладѣвалъ. Таковъ общій видъ исторіи: ускоренное движеніе и вслѣдствіе его застой, и во время застоя возрожденіе неудобствъ, къ отвращенію которыхъ была направлена дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и укрѣпленіе силъ для новаго движенія, и за новымъ движеніемъ новый застой и потомъ опять движеніе, и такая очередь до безконечности. Кто въ состояніи держаться на этой точкѣ зрѣнія, тотъ не обольщается излишними надеждами въ свѣтлыя эпохи одушевленной исторической работы: онъ знаетъ, что минуты творчества непродолжительны и влекутъ за собою временный упадокъ силъ. Но за то, не унываетъ онъ и въ тяжелые періоды реакціи: онъ знаетъ, что изъ реакціи

Digitized by Google

по необходимости возникаетъ движеніе впередъ, что самая реакція приготовляетъ и потребность и средства для движенія. Онъ не мечтаетъ о вѣчномъ продолженіи дня, когда поля облиты радостнымъ, теплымъ свѣтомъ солнца. Но когда охватитъ ихъ мрачная, сырая и холодная ночь, онъ съ твердой увѣренностью ждетъ новаго разсвѣта и, спокойно всматриваясь въ положеніе созвѣздій, считаетъ, сколько именно часовъ осталось до появленія зари.

Не годъ и не два года продолжается тяжелый застой въ исторіи Западной Европы; но несомнѣнные признаки показываютъ, что полночь уже прошла и до новаго дня осталось меньше времени, нежели сколько пережито отъ заката солнца въ предъидущій день. Всѣ примѣты, которыя были передъ прошлымъ утромъ, появляются вновь и происходятъ факты, соотвѣтствующіе тѣмъ, какіе мы видѣли около пятнадцати или двадцати лѣтъ тому назадъ. Какъ тогда, и теперь правительственный духъ, въ большей части второстепенныхъ государствъ Западной Европы, отъ крайней реакціи начинаетъ нѣсколько склоняться къ слабому либерализму. Читатели знаютъ, что учрежденіе регенства въ Пруссіи было побѣдою надъ крайними реакціонерами и сопровождалось обѣщаніемъ либеральнаго направленія. Въ большей или меньшей степени подобныя перемѣны начинаютъ происходить и во многихъ другихъ второстепенныхъ государствахъ. Измѣненіе тутъ въ сущности не велико, но все-таки оно произведено общественнымъ мнѣніемъ и указываетъ на возобновленіе политической жизни въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Испаніи, произошли перевороты, также замѣнившіе прежнихъ крайнихъ реакціонеровъ людьми, которые сравнительно съ ними считаются либеральными, и напримѣръ Санъ-Луисъ смѣнился О'Доннелемъ. Итальянская революціонная партія въ послѣдніе два-три года нѣсколько разъ возобновляла старинныя попытки на Неаполь и Сицилію. Наконецъ, носятся слухи объ опасностяхъ для австрійскаго владычества въ Ломбардіи, какъ носились въ 1846 и 1847 годахъ, когда европейскій переворотъ начался именно такими же столкновеніями въ Сѣверной Италіи; и снова Сардинія провозглашаетъ себя защитницею Италіи отъ австрійцевъ. Не надобно приписывать большаго значенія происшедшимъ перемѣнамъ, не надобно ожидать происхожденія новыхъ перемѣнъ именно отъ тѣхъ столкновеній, какія уже видимъ теперь въ Италіи. Ломбардія и Сардинія сами по себѣ были бы слишкомъ слабы для побѣды надъ Австріею, а Франція, чтобы она ни говорила, остается въ сущности пока при намѣреніи не переступать за границы дипломатическихъ дѣйствій. Да если бы и дѣйствительно происшедшія перемѣны были важны, а предсказываемые газетными слухами перевороты осуществились, то всѣ они имѣли бы только мѣстное значеніе, относясь къ такимъ государствамъ Западной Европы, исторія которыхъ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на общій ходъ европейскихъ дѣлъ. Чтобы видѣть, чего надобно ожидать для цѣлой Западной Европы въ ближайшіе годы, надобно обратить вниманіе на состояніе Англіи и Франціи, каждая значительная перемѣна въ которыхъ отзывается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ цѣлой европейской политикѣ.

Движеніе къ парламентской реформѣ, овладѣвающее теперь Англіею,

Digitized by Google

мы подробнѣе разсмотримъ ниже. Теперь обратимъ вниманіе только на отношеніе этого движенія къ состоянію умовъ въ цѣлой Западной Европѣ. Со времени паденія Наполеона, два раза Западная Европа подвергалась общему потрясенію, и въ оба раза переворотъ на материкѣ совпадалъ съ великою реформою въ англійскихъ учрежденіяхъ. Революціи 1830 года соотвѣтствуетъ агитація въ Англіи для парламентской реформы; революціи 1848 года соотвѣтствуетъ отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Оба раза промежутокъ между континентальнымъ переворотомъ и англійскою реформою, или слѣдовавшею за нимъ или предшествовавшею ему, имѣлъ менѣе двухъ лѣтъ. Эта близость по времени вовсе не дѣло случая. Состояніе общественнаго мнѣнія въ Англіи имѣетъ такую громадную силу надъ общественнымъ мнѣніемъ континента, что горячее настроеніе англійской жизни къ радикальнымъ перемѣнамъ служитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ для такихъ же стремленій на материкѣ; и, наоборотъ, Англія теперь такъ тѣсно связана съ континентомъ, что господствующее на немъ стремленіе отражается и на англичанахъ. Но еще важнѣе этого взаимодѣйствія то обстоятельство, что свои собственныя, мѣстныя причины къ возрожденію преобразовательныхъ стремленій начинаютъ усиленно дѣйствовать въ Англіи и на континентѣ почти въ одно и тоже время. Исходною точкою новой исторіи были и для Англіи и для континента одни и тѣ же годы, 1813, 1814 и 1815, одно и тоже событіе—низверженіе Наполеона и прекращеніе войнъ, послѣдовавшихъ за большою французскою революціею. Каждый отдѣльный человѣкъ изнашивается событіями, въ которыхъ участвовалъ; образъ его мыслей и размѣръ его желаній складывается въ неизмѣнную форму пятнадцатью или двадцатью первыми годами его общественной жизни. Такимъ образомъ, когда завершился извѣстный циклъ событій, извѣстный періодъ государственнаго порядка, почти все общество состоитъ изъ людей, сформировавшихся прежними стремленіями, не стремящихся, или неотваживающихся стремиться ни къ чему новому сверхъ того результата, который произведенъ прежнимъ порядкомъ вещей и характеромъ идей ихъ молодости. Чтобы совершилось въ обществѣ что нибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться изъ новыхъ людей, силы которыхъ не изнурены участіемъ въ прежнихъ событіяхъ, мысли которыхъ сложились уже на основаніи достигнутаго ихъ предшественниками результата, надежды которыхъ еще не обрѣзаны опытомъ. Чтобы составъ общества обновился такимъ образомъ, нужно бываетъ около пятнадцати лѣтъ, по простому ариѳметическому закону физической смѣны поколѣній: въ пятнадцать лѣтъ большинство людей, бывшихъ взрослыми при началѣ срока, вымираетъ или дряхлѣетъ и замѣняется новымъ большинствомъ, составившимся изъ людей, бывшихъ при началѣ періода юношами или дѣтьми. Эти новые люди могутъ обнаружить рѣшительное вліяніе на ходъ событій нѣсколько раньше средняго срока, напримѣръ, лѣтъ черезъ десять, если обстоятельства благопріятствуютъ ускоренію перемѣны, или нѣсколько позднѣе, напримѣръ, лѣтъ черезъ двадцать, если обстоятельства неблагопріятны ея быстротѣ. Но все-таки существуетъ средній срокъ для осуществленія новыхъ идей и нельзя не замѣтить, что крайнія колебанія и предѣлы разныхъ эпохъ, то растягиваясь, то сокращаясь, колеблются около средней цифры, пятнадцати или

Digitized by Google

шестнадцати лѣтъ. Эта періодичность замѣчена всѣми въ событіяхъ новой французской исторіи, но она также видна во всѣхъ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которые особенно важны были для прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, съ 1789 до 1848 года прошло 59 лѣтъ. Въ эти 59 лѣтъ Франція пережила четыре смѣны внутренней жизни: революцію, имперію Наполеона I, реставрацію и. Орлеанскую монархію. Въ эти 59 лѣтъ отжили свой вѣкъ два поколѣнія и четыре раза смѣнялось большинство взрослыхъ людей. Періодъ, соотвѣтствующій силѣ каждаго большинства, приблизительно соотвѣтствуетъ одному изъ четырехъ періодовъ государственной жизни.

1789	Большая революція.	11 лѣтъ
1800	Наполеонъ I	14 —
1814	Бурбоны.	16 —
1830	Орлеанская монархія (до 1848) . .	18 —
	4 періода государственной жизни въ. .	59 —

Эти цифры, замѣченныя всѣми, служили обыкновенно только для кабалистической игры празднымъ острякамъ, не понимавшимъ ихъ зависимости отъ физіологіи и психологіи. Но онѣ пріобрѣтаютъ смыслъ, когда мы сообразимъ ихъ связь съ физическимъ закономъ смѣныпоколѣній. Такая же періодичность легко замѣчается и въ другихъ странахъ и въ другія времена, которыя важны въ исторіи прогресса. Мы говорили о новой англійской исторіи. Просмотримъ ея хронологію.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ окончанія революціонныхъ войнъ (1815), произошла парламентская реформа (1832), черезъ 14 лѣтъ послѣ того отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (1846). Теперь всѣ видятъ, что не дальше какъ въ слѣдующемъ году, а по всей вѣроятности въ нынѣшнемъ, совершится новая парламентская реформа, и можно уже опредѣлить продолжительность періода, доживаемаго теперь Англіею, государственная жизнь которой измѣнится съ исполненіемъ дѣла, руководимаго Брайтомъ:

1815	Окончаніе революціонныхъ войнъ.	17 лѣтъ
1832	Парламентская реформа	14 —
1846	Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (до 1859 или 1860)	13 или 14 —
	3 періода государственной жизни въ	44 или 45 —

Опять видимъ тотъ же средній срокъ, около 15 лѣтъ, для смѣны одного характера государственной жизни другимъ, срокъ, въ который прежнее большинство общества замѣняется другимъ большинствомъ изъ новаго поколѣнія.

Началомъ новѣйшей исторіи для Англіи, какъ для Франціи и для остальнаго континента Западной Европы, были почти одни и тѣ же годы: 1813 годъ для Германіи (освобожденіе отъ французовъ; возстановленіе стараго порядка вещей); 1814 для Италіи, Испаніи и Франціи (низверженіе Наполеоновской власти, возстановленіе старинныхъ монархій); 1815 для

Digitized by Google

Англіи (окончаніе революціонныхъ войнъ); продолжительность времени, нужнаго для достиженія человѣкомъ физической и нравственной возмужалости, и срокъ для смѣны одного большинства взрослыхъ людей новымъ большинствомъ, одинаковы у всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу. Изъ этого натурально слѣдуетъ, что возникновеніе новыхъ эпохъ въ разныхъ государствахъ Западной Европы происходило бы довольно одновременно даже тогда, когда народы Западной Европы не были бы такъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ и рѣшительныя перемѣны въ жизни сильнѣйшихъ между ними не имѣли бы прямаго вліянія на судьбу другихъ. Изъ этого мы видимъ, что реформаціонное движеніе, охватившее теперь Англію, должно служить указаніемъ на близость времени для подобныхъ движеній и у остальныхъ народовъ Западной Европы.

Но мало того, что есть въ жизни одного изъ двухъ господствующихъ народовъ Запада симптомъ, ясно указывающій приближеніе новой эпохи на континентѣ Западной Европы. Въ жизни другаго господствующаго народа, который каждымъ измѣненіемъ въ характерѣ своей исторіи прямо возбуждаетъ или придавливаетъ политическую энергію другихъ западныхъ обществъ, замѣчаются признаки, свидѣтельствующіе о томъ, что приближается для французскихъ учрежденій новый кризисъ.

Волненія, раздиравшія Францію въ первой половинѣ 1848 года, были такъ тяжелы, что президентство Луи-Наполеона показалось отдыхомъ, успокоеніемъ для утомленной націи. Мѣры, посредствомъ которыхъ Кавеньякъ и его партія почли нужнымъ поддержать порядокъ. были такъ ужасны, что Луи-Наполеонъ послѣ Кавеньяка представлялся кроткимъ и легкимъ правителемъ. Реакціонеры, легитимисты и орлеанисты, господствовавшіе въ Національномъ Собраніи 1849 года, были такъ ожесточены противъ новыхъ учрежденій и идей, что дѣйствительно Луи-Наполеону не было никакой надобности самому принимать какія нибудь стѣснительныя мѣры во время своего президентства: все, что могло казаться ему нужнымъ для окончательнаго подавленія пораженной въ іюнѣ 1848 года революціи, съ великимъ рвеніемъ и опрометчивою поспѣшностью дѣлало само Національное Собраніе, не дожидаясь его желанія. Ему оставалось только смотрѣть, какъ усердно работаютъ другіе. Національное Собраніе доходило до такихъ крайностей, которыя даже превышали мѣру собственной надобности реакціонеровъ, и Луи-Наполеонъ могъ безвредно для своихъ цѣлей противиться нѣкоторымъ намѣреніямъ ихъ, безъ пользы раздражавшимъ народъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ оттѣнокъ демократизма.

Особенно помогъ ему въ этомъ отношеніи знаменитый законъ, разными условіями отнимавшій у значительной части простолюдиновъ право быть избирателями. Эта мѣра противъ тогдашнихъ знаменитыхъ фантомовъ красной республики и соціализма была совершенно неумѣстна въ 1850 и 1851 годахъ, потому что работники, противъ которыхъ она была направлена, и безъ того надолго перестали быть опасными, потерявъ всѣхъ энергическихъ своихъ товарищей въ іюньской битвѣ и лишившись всѣхъ значительныхъ людей близкихъ къ нимъ партій по Буржскому и Версальскому процессамъ. Притомъ же Луи-Наполеонъ думалъ, сдѣлавшись безусловнымъ господиномъ

Digitized by Google

надъ Франціею, обратить выборы въ чистую формальность. Слѣдовательно ему легко было выставлять себя защитникомъ народнаго права, которому онъ не хотѣлъ оставлять серьезнаго значенія. Именно этотъ маневръ, раздоръ съ Національнымъ Собраніемъ для возстановленія suffrage universel во всей его обширности, и послужилъ Луи-Наполеону предлогомъ къ закрытію Національнаго Собранія, пробудившаго противъ себя сильную ненависть въ массахъ стремленіемъ возстановить прежнюю монархію, представители которой, Генрихъ V и принцъ Немурскій (ему слѣдовало быть регентомъ малолѣтняго Орлеанскаго претендента), не пользовались популярностью. Напротивъ того Луи-Наполеонъ умѣлъ возбудить въ массахъ надежду, что займется общественными преобразованіями для улучшенія матеріальнаго быта. Правда, въ цѣлые три года своего президентства онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ, но онъ постоянно сваливалъ вину своего бездѣйствія на Національное Собраніе, совершенно связывавшее будто бы ему руки своею враждою. Дѣйствительно Національное Собраніе враждовало съ президентомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно враждовало и противъ низшихъ классовъ. Натурально, масса пришла къ тому убѣжденію, что, имѣя тѣхъ же враговъ, какъ и президентъ, должна смотрѣть на него какъ на своего друга. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ не вѣрить наивный и честный человѣкъ тому, что президентъ желалъ бы водворить во Франціи новый порядокъ гражданскихъ отношеній, благопріятный для низшихъ классовъ? Вѣдь Луи-Наполеонъ, когда былъ еще изгнанникомъ или плѣнникомъ, написалъ множество горячихъ сочиненій, въ которыхъ являлся приверженцемъ новыхъ соціальныхъ теорій и доказывалъ, что династія Бонапарте вѣрнѣйшая представительница демократическаго принципа. Правда, будучи президентомъ, онъ часто говорилъ противъ опасныхъ мечтателей, прибѣгающихъ къ оружію для измѣненія гражданскаго быта. Но вѣдь онъ говорилъ только противъ безразсудныхъ мѣръ, противъ кровавыхъ возстаній и уличныхъ смутъ,—тутъ нѣтъ еще ничего противнаго народному интересу. Вѣдь народъ испыталъ, въ іюнѣ 1848 года, что возстаніе обращается на погибель ему самому; а черезъ годъ, въ іюнѣ 1849 года, онъ видѣлъ, что люди, противъ которыхъ возстаетъ иногда Луи-Наполеонъ, приглашаютъ простолюдиновъ къ возстанію, ничѣмъ не обезпечивъ его успѣха, не сообразивъ благопріятствуютъ ли обстоятельства ихъ замыслу. Чтожь, Луи-Наполеонъ правъ: они въ самомъ дѣлѣ люди не практичные, опасные мечтатели. А противъ идей, которыми они пріобрѣли нѣкогда довѣріе народа, Луи-Наполеонъ ничего не говоритъ; онъ не отказывается отъ своихъ прежнихъ мыслей, напротивъ постоянно твердитъ, что призванъ судьбою осуществить ихъ, но только осуществить практичнымъ образомъ, въ предѣлахъ благоразумія, путемъ порядка. Стало быть вся разница между нимъ и красными республиканцами или соціалистами въ томъ, что тѣ люди опрометчивые и непрактичные, а онъ практиченъ и благоразуменъ: нельзя сказать, чтобы разница не была въ его пользу. Народъ уже испыталъ плоды мечтательности и понимаетъ цѣну благоразумія. Такъ думала значительная часть народной массы, пока продолжалось президентство Луи-Наполеона, и очень многіе простолюдины съ большими надеждами встрѣтили 2-е декабря; но, разумѣется, главнымъ обстоятельствомъ надобно тутъ считать то, что Націо-

Digitized by Google

нальное Собраніе, противъ котораго направился ударъ, состояло изъ реакціонеровъ, представителей ненавистной буржуазіи, на которой лежало проклятіе простолюдиновъ за іюньскія свирѣпости, за множество придуманныхъ ею потомъ стѣснительныхъ мѣръ, за явное стремленіе къ возстановленію стараго порядка.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиною лѣтъ, Луи-Наполеонъ умѣлъ поддерживать мнѣніе о себѣ, какъ о другѣ народа, призванномъ осуществить соціальныя теоріи, призванномъ незыблемо утвердить во Франціи владычество демократіи и преобразовать къ лучшему матеріальное положеніе массы. На этомъ былъ основанъ его успѣхъ 2 декабря, а на успѣхѣ 2 декабря основалась репутація его геніальности. Дѣйствительно нельзя не признать его чрезвычайно замѣчательнымъ человѣкомъ со стороны умѣнья пользоваться обстоятельствами для своихъ видовъ, для устройства своихъ дѣлъ. Это качество сильнѣе всего развивается постояннымъ и исключительнымъ положеніемъ думать единственно о себѣ. Но для того, чтобы быть хорошимъ правителемъ нужно другое качество, именно способность думать о выгодахъ ближняго, о пользахъ общества, о благѣ націи. Дѣло частнаго человѣка, прокладывающаго себѣ дорогу впередъ, совершенно не таково, какъ дѣло правителя, задача котораго состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ общества. Очень часто бываетъ, что чрезмѣрное сосредоточеніе мысли на первомъ предметѣ лишаетъ человѣка и охоты и возможности приготовиться къ занятію вторымъ предметомъ, а безъ приготовленія и охоты никогда не будетъ и умѣнья. Въ исторіи много примѣровъ тому, что люди, съ чрезвычайнымъ искусствомъ доходившіе до полученія власти, лишены были способности пользоваться ею. Всѣ министры Людовика XV, всѣ министры Іакова II и королевы Анны принадлежали къ людямъ такого типа. Надобно перечитать исторію этихъ эпохъ, и для насъ совершенно объяснится различіе между Луи-Наполеономъ, стремящимся къ президентству и потомъ къ императорству, и между Луи-Наполеономъ, управляющимъ Франціею подъ именемъ Наполеона III.

Факты о внутреннемъ управленіи Наполеона III со времени возстановленія имперіи изложены въ статьѣ, которую читатель найдетъ въ этой книжкѣ. Неизвѣстный авторъ статьи, заимствованной нами изъ Англійскаго журнала, находитъ Луи-Наполеона замѣчательнымъ правителемъ только въ сношеніяхъ съ другими державами; и мы замѣтимъ что этотъ фактъ подтверждаетъ нашу мысль объ исключительномъ источникѣ талантовъ, приписываемыхъ Наполеону III. Въ иностранныхъ дѣлахъ цѣль обыкновенно та, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше вліянія и могущества. Ясно, что тутъ для Наполеона III, правителя, продолжается тоже самое дѣло, которымъ занимался онъ во Франціи до возстановленія имперіи. Только сфера дѣйствія обширнѣе, а интересъ дѣятельности тотъ же самый, чисто личный интересъ. Понять, какого союза выгоднѣе держаться, какими столкновеніями какъ воспользоваться для извлеченія себѣ выгодъ, до какой поры поддерживать или вражду съ кѣмъ нибудь, кому и какую услугу надобно оказать, кого и какъ уколоть или обойти,—все это принадлежитъ къ той заботѣ, которая

Digitized by Google

исключительно занимаетъ Наполеона III, и потому онъ можетъ мастерски вести дипломатическія дѣла.

Но совершенно не таковы задачи внутренней политики, тутъ личное дѣло уже доведено возстановленіемъ имперіи до полнѣйшаго окончанія: нечего болѣе желать, не къ чему болѣе стремиться, кромѣ только упроченія своего настоящаго положенія. Власть пріобрѣтена уже такая безпредѣльная, такая произвольная, что дальнѣйшаго расширенія для нея не существуетъ, надобно только употреблять ее. На что же употреблять? Обязанность правителя требуетъ осуществленія извѣстныхъ убѣжденій, удовлетворяющихъ по его мнѣнію нуждамъ общества. Но есть характеры, неспособные имѣть никакихъ убѣжденій, или потому что вовсе лишены всякой энергіи, или потому что умъ, занявшись какимъ нибудь однимъ спеціальнымъ, такъ сказать техническимъ дѣломъ, теряетъ всякій интересъ къ общимъ идеямъ, ко всему тому, что выходитъ за границы личныхъ заботъ и изъ чего возникаютъ убѣжденія. Въ недостаткѣ твердой воли Наполеона III нельзя подозрѣвать, но все таки онъ не имѣетъ никакихъ твердыхъ убѣжденій кромѣ одного, что правительственный механизмъ, придуманный его дядей, чрезвычайно хорошъ. Да и эта мысль держится въ немъ твердо единственно потому, что дѣйствительно механизмъ первой имперіи дѣйствительно самый лучшій, лучшій для доставленія безграничнаго произвола лицу, держащему его въ рукахъ. Словомъ сказать и тутъ опять исключительно субъективная мысль, никакъ не замѣняющая совершеннаго недостатка убѣжденій.

Правда, Наполеонъ высказывалъ разныя убѣжденія. До той поры какъ сдѣлался кандидатомъ въ президенты, онъ утверждалъ что любитъ первую имперію за ея революціонное происхожденіе, что самъ онъ революціонеръ и хочетъ войти на императорскій престолъ революціоннымъ путемъ, чтобы быть на немъ послушнымъ исполнителемъ требованій соціализма. Сдѣлавшись кандидатомъ въ президенты, онъ сталъ утверждать что первая имперія была хорошею формою для своего времени, а теперь была бы совершенно неумѣстна и дурна; что республика, дѣйствительно лучшая форма правленія, и что онъ искреннѣйшій республиканецъ, но что революціонный путь гнусенъ и гибеленъ; что революціонерство было у него пагубнымъ влеченіемъ молодости; что Луи-Филиппъ поступилъ совершенно хорошо, посадивъ его въ Гамскую крѣпость; что онъ дѣйствительно былъ преступникомъ, когда являлся въ Страсбургѣ и Булони; что онъ раскаивается въ этомъ, и т. п. Послѣ 2 Декабря онъ снова находитъ, что республика чистѣйшая нелѣпость, но уже молчитъ о соціалистическихъ разсужденіяхъ своихъ, писанныхъ въ Гамской крѣпости, утверждая, что всякое преобразованіе въ общественныхъ отношеніяхъ было бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Къ такому разнообразію въ словахъ надобно прибавить, что его дѣйствія постоянно не имѣли никакого отношенія къ словамъ, которыя всегда служили только средствомъ заявить себя приверженцемъ такой партіи, расположеніе которой казалось ему полезнымъ. Они удовлетворяли этой цѣли пока не было у него власти, или пока могъ онъ утверждать что власть его стѣснена сопротивленіемъ національнаго собранія. Но когда не стало этого оправданія для бездѣйствія, то открылось, что за

Digitized by Google

словами не было ничего, кромѣ желанія достигнуть безграничной власти. Что дѣлать съ ней, на что употребить свое безграничное могущество, онъ не зналъ и не знаетъ до сихъ поръ. Въ статьѣ нами переведенной, доказано фактами, какъ шатки были всѣ его намѣренія произвести ту или другую реформу, какую слабость и робость обнаруживалъ онъ во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя не внушались ему интересомъ самоохраненія, какъ неловко брался онъ за дѣло и какъ торопливо покидалъ его при первомъ неудовольствіи. Онъ зналъ что надобно сдѣлать что нибудь для пользы общества, но что именно и какъ онъ не зналъ. Затруднительность его положенія можетъ быть понята тѣми изъ насъ, которые рѣшительно лишены вкуса, напримѣръ въ музыкѣ, живописи, поэзіи или скульптурѣ. Смотритъ, напримѣръ, на картину, и что подумать объ ней, похвалить или осудить ее, рѣшительно не знаетъ, надобно однако же сказать что нибудь для поддержанія своей репутаціи, и скажетъ что картина хороша. Помилуйте, она дурна, возразитъ сосѣдъ. Онъ пробуетъ защитить свое мнѣніе, но съ нѣсколькихъ словъ его разбили и онъ поспѣшно перерываетъ споръ, заводя рѣчь о другомъ предметѣ. А можетъ быть картина и въ самомъ дѣлѣ не дурна, но какъ ему знать это, на чемъ опереться, когда онъ самъ чувствуетъ, что картина не производитъ на него ровно никакого впечатлѣнія.

Мы уже говорили, что люди, всѣ мысли и заботы которыхъ сосредоточены на личныхъ дѣлахъ, не могутъ вѣрно судить о предметахъ общаго интереса, потому что не способны принимать къ сердцу чужіе интересы. Все что не освѣщено для нихъ разсчетомъ ихъ собственной выгоды навсегда остается для нихъ темнымъ. Не имѣя чувства истины, они дѣйствуютъ только наудачу тамъ, гдѣ не говоритъ инстинктъ личной пользы и потому дѣйствуютъ слабо, робко, безсвязно и безплодно.

А между тѣмъ могущество пріобрѣтено страшное, энергія воли чрезвычайно сильна и нѣтъ могуществу и характеру никакого занятія, кромѣ охраненія собственныхъ интересовъ. Понятно, съ какою напряженностью обращается сила на единственный предметъ для нея занимательный. Понятно, также, какъ неизбѣжна чрезвычайная подозрительность въ человѣкѣ, чувствующемъ свою неспособность къ исполненію принятой на себя обязанности и какъ усиливается подозрительностью напряженіе заботъ о самоохраненіи. Отсюда объясняются всѣ тѣ многочисленныя стѣснительныя мѣры, рядъ которыхъ наполняетъ всю исторію внутренняго управленія при Наполеонѣ III.

Само собою разумѣется что при подобномъ характерѣ внутренней политики, прежнія чувства массы должны были скоро смѣниться неудовольствіемъ, „какъ много для себя, какъ сильно и успѣшно все для себя и какъ мало для общества; и какая же намъ польза? что мы выигрываемъ чрезъ 2 Декабря?“ думалъ каждый. Появленіе неудовольствія заставило прибѣгнуть къ мѣрамъ еще болѣе стѣснительнымъ, отъ нихъ неудовольствіе только расло быстрѣе и быстрѣе. Надобно было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ внутренней политики и найдено было къ тому средство въ искусственномъ возбужденіи биржевыхъ спекуляцій. Но скоро и этого стало мало: съ небольшимъ черезъ годъ послѣ 2 Декабря пришлось начать войну, совершенно ненужную для Франціи. Успѣхъ этихъ средствъ извѣстенъ: войну пришлось

Digitized by Google

прекратить чтобы не повредить самому себѣ ея продолженіемъ: прежній союзникъ былъ раздраженъ, бюджетъ разстроился хуже прежняго, положительныхъ выгодъ государству война не успѣла доставить никакихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по ея окончаніи убѣдились въ ея ненужности и безполезности для Франціи даже тѣ, которые на минуту были ослѣплены батарейнымъ фейерверкомъ, и всѣ убѣдились что война была просто слѣдствіемъ личнаго разсчета. Къ тому же времени началъ съ довольно смраднымъ запахомъ гаснуть и другой фейерверкъ, отвлекавшій вниманіе толпы отъ внутренней политики. Чрезмѣрно-возбужденныя спекуляціи истощили запасъ капитала и запасъ довѣрія публики. Биржевые курсы стали падать и напрасны были всѣ усилія поддержать фонды, а колоссальныя компаніи, ослѣплявшія всѣхъ фальшивыми дивидендами, увидѣли свои акціи упавшими до половины и еще ниже противъ прежней цѣны. Въ это время произошло покушеніе Орсини на жизнь Наполеона III. Послѣдствія этого случая извѣстны. Мѣры предосторожности, принятыя Наполеономъ, были такъ ужасны, что до крайности увеличили общее неудовольствіе, и менѣе нежели черезъ полгода онъ принужденъ былъ отказаться отъ терроризма, которымъ думалъ ограждать себя. Покушеніе 14 Января послужило поводомъ и къ первому поразительному неуспѣху Луи-Наполеона во внѣшней политикѣ. Онъ раздражилъ англичанъ нападеніями на ихъ учрежденія, появлявшимися въ газетахъ правительственной партіи; онъ оскорбилъ ихъ угрозами вторженія въ Англію и неосторожнымъ требованіемъ измѣнить коренной законъ Англіи. Негодующая нація низвергла министерство, подчинившееся французскому вліянію и общественное мнѣніе произнесло приговоръ черезъ присланныхъ одному изъ участниковъ въ замыслѣ Орсини. Сначала Наполеонъ думалъ запугать разсердившихся англичанъ и послалъ въ Лондонъ Пелиссье, который бы заговорилъ съ англичанами языкомъ лагерныхъ приказаній. Но едва дошли въ Англію слухи о назначеніи новаго посланника съ такимъ значеніемъ, какъ раздались насмѣшки, показавшія безсиліе угрозъ и пришлось истолковать грозное назначеніе въ смиренномъ смыслѣ, будто бы Пелиссье выбранъ именно для того, чтобы напомнить англичанамъ объ идиллическихъ временахъ нѣжной ихъ дружбы съ французами подъ Севастополемъ, и объяснить что бомба вовсе не начинена порохомъ, а наполнена конфектами. Потомъ почтено было нужнымъ чтобы важнѣйшій между наперстниками императора, Персиньи сказалъ въ собраніи одного изъ департаментскихъ совѣтовъ рѣчь, которая служила бы извиненіемъ передъ Англіею. Эти нѣжности не смягчили англичанъ, но за то послужили прикрытіемъ полнаго дипломатическаго пораженія. Едва кончилась несчастная исторія съ Англіей, какъ было употреблено въ дѣло новое средство отклонить вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ. Начались слухи о войнѣ съ Австріею для освобожденія сѣверной Италіи. Въ этомъ спектаклѣ надобно было бы ожидать успѣховъ. Но до сихъ поръ нѣтъ еще доказательствъ что угрозы осуществятся; онѣ останутся одними словами, какъ въ раздорѣ съ неаполитанскимъ королемъ. Если война дѣйствительно начнется, она будетъ имѣть результаты, объясненные въ статьѣ, переведенной нами изъ Вестминстерскаго Обозрѣнія: на нѣсколько времени она задержитъ

Digitized by Google

опасность, грозящую французскому правительству; но еще больше разстроитъ финансы, и каждый мѣсяцъ отсрочки будетъ купленъ двойнымъ приближеніемъ неизбѣжнаго финансоваго кризиса.

Дипломатическое пораженіе разрушило ореолъ всемогущества надъ Европою, которымъ украшался Наполеонъ III во мнѣніи французовъ. Необходимость отставить Эспинаса, министра террориста, и противъ собственной воли смѣнить внутреннюю администрацію, была первою побѣдою общественнаго мнѣнія надъ кореннымъ принципомъ Наполеоновой системы. До той поры императоръ отступалъ передъ оппозиціею множество разъ, но только въ такихъ дѣлахъ, которыя не относились къ его личнымъ интересамъ; теперь онъ отмѣнилъ мѣру, прямо выходившую изъ его заботы о самомъ себѣ, изъ его единственнаго убѣжденія. Онъ призналъ, что даже и свой принципъ, въ которомъ прежде былъ непреклоненъ, теперь не въ силахъ уже онъ поддержать противъ оппозиціи. Вся Франція, самые приверженцы его увидѣли и даже самъ онъ призналъ, что принявъ слишкомъ произвольныя мѣры послѣ покушенія Орсини, онъ выказалъ опрометчивость, потерялъ разсудительность въ единственномъ вопросѣ, который велъ до той поры непогрѣшительно, въ вопросѣ о собственныхъ выгодахъ. Въ первый разъ онъ растерялся тутъ и надѣлалъ вреда самъ себѣ, прибѣгнувъ къ средству совершенно несоотвѣтствовавшему цѣли. Несостоятельность его поддерживать далѣе принципъ безграничнаго произвола, раскрылась такъ ясно для всѣхъ, что надобно было вывести нѣкоторыя изъ правительственныхъ газетъ на совершенно новую для нихъ дорогу уступокъ общественному мнѣнію. Онѣ заговорили о томъ что стѣсненіе свободы не есть коренная черта Наполеоновской системы, а только временная мѣра, которая нужна была въ первые годы новаго правленія, пока нація не привыкла къ нему; что теперь правительство думаетъ отказаться отъ стѣсненій и совѣтовали ему поскорѣе „довершить конституцію“, дарованіемъ журналистикѣ широкой свободы. Показалось мало этихъ совѣтовъ, почли нужнымъ, чтобы ближайшіе оффиціальные совѣтники императора высказали ту же мысль не только какъ желаніе нѣкоторыхъ частныхъ людей, пользующихся благосклонностью правительства, но и прямо какъ положительное намѣреніе самого императора. Морни и Персиньи, назначенные президентами двухъ департаментскихъ совѣтовъ, воспользовались открытіемъ ихъ для произнесенія рѣчей о томъ что имперія примиряется со свободою; что напрасно думаютъ, будто между этими двумя принципами есть несовмѣстность, что напротивъ правительство нуждается въ совѣтахъ независимаго общественнаго мнѣнія. И этого всего показалось еще мало. Императоръ почелъ нужнымъ примириться съ своимъ кузеномъ, принцемъ Наполеономъ, котораго прежде держалъ въ немилости, какъ вреднаго демократа. Много ли серьезности въ демократизмѣ принца Наполеона, этого намъ не нужно разбирать; довольно того, что онъ слыветъ въ реакціонныхъ кругахъ краснымъ, чуть ли не республиканцемъ, и чуть ли даже не соціалистомъ. За эту репутацію, до сихъ поръ мѣшавшую его земному преуспѣянію, теперь увидѣли въ немъ полезнаго правительству человѣка и сочинили для него новый министерскій департаментъ — Алжиріи и колоній. Собственно говоря, новый департаментъ не былъ нуженъ для администра-

Digitized by Google

ціи и служитъ только для увеличенія безпорядицы въ Алжирскихъ дѣлахъ, потому что новый министръ лишнее звено въ механизмѣ, при существованіи Алжирскаго генералъ-губернатора. Но драгоцѣнно было то, чтобы доставить принцу Наполеону мѣсто въ совѣтѣ министровъ, оффиціальное участіе въ правительствѣ: черезъ это, правительство, по выраженію покровительствуемыхъ имъ газетъ, „обновлялось погруженіемъ въ демократическій элементъ и укрѣплялось въ либеральномъ направленіи мудрыми совѣтами принца Наполеона, извѣстнаго своею преданностью дѣлу свободы“. Мудры ли совѣты принца Наполеона, способенъ ли онъ давать ихъ и способенъ ли его кузенъ слушать ихъ, разобрать это уже дѣло самихъ французовъ, а для насъ интересенъ только тотъ фактъ что имперія принуждена дѣлать, хотя на словахъ, уступки либеральнымъ партіямъ и признавать несовмѣстность прежней своей внутренней политики съ требованіями общественнаго мнѣнія. Цѣлымъ рядомъ обѣщаній она старается смягчить его, но все напрасно: уже обнаружилось для всѣхъ безсиліе прежней системы и воодушевляются гражданскимъ мужествомъ даже тѣ безцвѣтные люди, которые семь лѣтъ не смѣли пикнуть ни слова. Какое нибудь Revue des deux Mondes, два, три мѣсяца тому назадъ наполнявшее свою политическую хронику разборами французскаго перевода книги Маколея, исторіи Піэмонта, написанной на Итальянскомъ языкѣ Кіалою, мемуаровъ графа Міо-де-Мерито, драмы въ стихахъ „Персты Феи“, написанной господами Скрибомъ и Легуве, и другихъ столь же политическихъ предметовъ,—это Revue des deux Mondes съ іюля мѣсяца прошлаго года отваживается возвышать голосъ, требуетъ свободы для политическихъ преній въ журналистикѣ и не боится даже подозрѣній въ несогласіи своихъ желаній съ Наполеоновскою конституціею, безъ страха называя своихъ противниковъ абсолютистами, а ихъ мнѣнія анахронизмами. Послушайте, какъ разсуждаетъ политическая хроника Revue des deux Mondes 1-го августа: „Мы неуклонно будемъ возвращаться къ великимъ вопросамъ, недавно предъявленнымъ. На наши прежніе совѣты о необходимости либеральныхъ уступокъ намъ отвѣчали истинными анахронизмами. Насъ выставляютъ защитниками парламентаризма, противниками нынѣшней системы. Слишкомъ много чести для насъ, милостивые государи. Мы не имѣемъ претензіи разбирать нынѣшнюю конституцію; даже въ нынѣшнюю лѣтнюю пору мы не имѣемъ охоты пускаться въ эту мерзлую область. Мы не хотимъ даже заглядывать подъ вуаль конституціи, мы не позволяемъ себѣ такихъ фамильярностей съ нею; мы довольствуемся тѣмъ, что вѣримъ на слово привилегированнымъ счастливцамъ, которые водятъ ее подъ руку. Что говорили они? Они говорили, что политическое движеніе нынѣшней Франціи имѣетъ два рычага: иниціативу верховной власти и самодержавное общественное мнѣніе, всегда одерживающее послѣднюю побѣду. Они говорили серьёзно, мы хотѣли и хотимъ вѣрить этому серьёзно. Результатомъ того было наше требованіе, чтобы самодержавіе общественнаго мнѣнія было избавлено отъ опеки. Мы требуемъ перемѣны въ законахъ, которымъ нынѣ подчинена журналистика“. Одною половиною своихъ газетныхъ органовъ правительство было принуждено одобрять эти требованія, но другая половина полуоффиціальныхъ газетъ защищала прежнюю политическую си-

Digitized by Google

стему. Но было уже поздно: уступки только вели къ усиленію требованій. Черезъ два мѣсяца, 1 ноября, хроника Revue des deux Mondes говорила еще нѣсколькими тонами выше, уже прямо обвиняя въ злонамѣренности и безумствѣ людей, прибѣгавшихъ къ разнымъ изворотамъ для защиты прежней системы, которую уже не смѣютъ они защищать открыто. „Мы не побоимся (провозглашала хроника) прямо сказать, что только люди дурнаго ума могутъ приписывать мелочному раздраженію выражаемую нами потребность въ свободѣ политическихъ преній. Интересы, съ которыми связано во Франціи дѣло либерализма, такъ высоки и велики, что разумѣется должны возбуждать искреннее и горячее безпокойство въ людяхъ, приверженныхъ къ другому образу мыслей. Дѣло либерализма связано, по нашему мнѣнію, съ дѣломъ народной чести и общественнаго спокойствія. Отъ свободы для Франціи зависитъ честь, потому что самымъ оскорбительнымъ униженіемъ для нашей родины было бы, если бы она дала увѣрить себя, что она дѣйствительно не способна принимать участіе въ управленіи своими дѣлами, посредствомъ непрерывнаго и полнаго пользованія политическими правами. Точно также, по нашему мнѣнію, отъ свободы зависитъ и общественная безопасность: степенью способности народа управлять самимъ собою измѣряется степень его безопасности. Какъ ни преувеличивайте раболѣпную лесть, а все-таки ваши великіе люди зависятъ отъ націи, которою повидимому руководятъ. Этимъ всегда кончается дѣло: въ исторіи самыхъ порабощенныхъ и послушныхъ народовъ бываютъ минуты, когда общественная власть изнемогаетъ, и возстановить ее можно только совокупными силами цѣлой націи. Не ясно ли, что лучшимъ приготовленіемъ къ такому критическому положенію служитъ для народа свободы? Да и не говоря уже о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, мы живемъ въ такіе времена, когда участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ дѣлахъ представляется практическою необходимостью. Нынѣ всѣ смотрятъ на правительство, просто какъ на дирекцію коммерческой компаніи, акціонеры въ которой всѣ мы; и какъ бы ни были искусны директоры, акціонеры иногда лучше ихъ знаютъ, какъ надобно вести дѣла компаніи. Власть лежитъ нынѣ во всѣхъ насъ, происходитъ изъ насъ; та власть, которую имѣетъ правительство, только вручена ему нами, какъ нашему повѣренному въ дѣлахъ. Итакъ мы сохраняемъ относительно правительства всѣ тѣ права контролировать его, и въ случаѣ надобности брать инициативу въ свои руки,—всѣ тѣ права, которыя имѣетъ довѣритель надъ своимъ повѣреннымъ. Эти права на государственномъ языкѣ называются политическою свободою. она состоитъ въ свободѣ тисненія, въ свободѣ и публичности преній совѣщательныхъ корпорацій государства. Народъ, не пользующійся этими правами, не изучающій своихъ выгодъ, не ведущій надзора за своими дѣлами, не подающій правительству совѣтовъ и внушеній, которыя правительство можетъ получать только отъ него,—такой народъ не замедлитъ понести наказаніе за это забвеніе своихъ обязанностей: онъ подвергается долгимъ и бѣдственнымъ волненіямъ. Мы опасаемся, что стѣсненіе, наложенное на нѣкоторыя наши права, приведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, если продлится сверхъ мѣры. Наши революціи

Digitized by Google

свидѣтельствуютъ о томъ, и своими настоятельными требованіями мы хотимъ предупредить новыя опасности". Каковъ языкъ?—и отъ кого же? Вы подумаете, что читаете Руссо, или по крайней мѣрѣ Ледрю-Роллена, - нѣтъ, вы читаете смиренное Revue des deux Mondes, которое „всегда было другомъ порядка и повиновенія существующимъ законамъ". О вашей конституціи, говоритъ оно, мы и толковать не хотимъ; пусть занимаются ею тѣ, кому охота хвалить это мерзкое существо. Вы утверждаете, что наше желаніе противорѣчитъ конституціи,—такой отвѣтъ чистый анахронизмъ: мы уже сказали, что намъ нѣтъ дѣла до вашей конституціи. Мы требуемъ свободы. Вы противорѣчите намъ,—что же за важность: изъ этого видно только, что вы люди дурнаго ума. Два мѣсяца тому назадъ, мы требовали только измѣненія законовъ о книгопечатаніи, вы не соглашались,—такъ теперь намъ этого уже мало: мы требуемъ теперь свободы тисненія и парламентской формы правленія. Вѣдь вы—небольше какъ только наши повѣренные въ дѣлахъ, и мы имѣемъ право полнаго контроля надъ вами, и въ случаѣ надобности, право взять власть изъ вашихъ рукъ въ свои. Пожалуйста же поторопитесь исполнить наше требованіе, а не то будетъ революція. — Каковъ языкъ! И хоть бы отъ демократовъ, отъ какихъ нибудь красныхъ, или хоть бы просто отъ республиканцевъ,—нѣтъ, отъ Revue des deux Mondes, которое за нѣсколько мѣсяцевъ держало себя застѣнчивѣе скромной дѣвушки, отъ буржуазіи, которая, годъ тому назадъ, была тише воды, ниже травы: вода забурлила и бурлитъ безнаказанно.

Да что ужь Revue des deux Mondes! Оно хотя и трусило, и молчало, но по крайней мѣрѣ не рвалось прежде въ переднюю. А вотъ даже и графъ Монталамберъ, который такъ усердно терся въ передней, и тотъ уже бравируетъ господина, которому присягалъ не въ примѣръ прочимъ. „Франція порабощена, пишетъ онъ:—намъ нужны англійскія учрежденія, мы не хотимъ быть рабами". Отдавать или не отдавать подъ судъ непокорнаго служителя? И то и другое представляется опаснымъ. Наконецъ рѣшаются отдать подъ судъ. Половина Франціи хохочетъ скандалу между прежними друзьями, другая негодуетъ на строгость и безтактность правительства. Судъ приговариваетъ виновнаго къ наказанію, смягченному до послѣдней крайности. Негодованіе усиливается. Наполеонъ III спѣшитъ замять дѣло помилованіемъ осужденнаго. Осужденный храбрится пуще прежняго. „Не принимаю прощенія. Оно не законно. Вы не имѣли права давать его. Я подалъ апелляцію. Вы не смѣете прерывать хода правосудія вашими произвольными прощеніями, въ которыхъ никто не нуждается. Пусть меня судитъ законъ". Опять новыя безпокойства въ правительствѣ: можетъ ли судъ пересматривать дѣло, конченное помилованіемъ? Вѣдь это значило бы соглашаться съ Монталамберомъ, что императоръ поступилъ незаконно, преждевременно вмѣшавшись въ дѣло. Оно можетъ быть и такъ, но все-таки судъ принимаетъ просьбу и пересматриваетъ дѣло, какъ будто бы помилованія и не существовало. Онъ произноситъ новый приговоръ. Давно ли было время, когда такая самостоятельность была бы объявлена непризнаваніемъ императорскихъ правъ, несоблюденіемъ конституціи? Но теперь уже не до того, и власть, получившая столько

Digitized by Google

оскорбленій, считаетъ нужнымъ снова заминать дѣло новымъ помилованіемъ. „Пустите меня въ тюрьму! кричитъ Монталамберъ—я не хочу имѣть съ вами никакихъ сдѣлокъ!“ и ломится въ тюрьму. Его упрашиваютъ пощадить правительство отъ дальнѣйшихъ скандаловъ и остаться свободнымъ. Какая комедія! Но была ли бы она возможна за годъ или за два? Система ослабѣла до того, что даже прежніе служители нагло отвергаютъ ея милости и вызываютъ ее на бой съ дерзкимъ крикомъ: попробуй ударить, если смѣешь! и она не смѣетъ ударить.

Луи-Наполеонъ чувствуетъ невозможность остановить возрастающую смѣлость террористическими мѣрами и видитъ необходимость прибѣгнуть къ тому средству, которое разъ уже употреблялъ съ такимъ успѣхомъ для отвлеченія вниманія націи отъ домашнихъ дѣлъ. Распущены слухи о войнѣ Франціи съ Австріей. Фраза, сказанная Австрійскому посланнику на новый годъ, подтвердила общую молву. „Я скорблю, что наши отношенія къ вашему правительству не такъ хороши, какъ прежде“. Итакъ война. Но Англійское правительство не одобрило сильную фразу, и въ оффиціальныхъ французскихъ газетахъ объясняетъ, что напрасно придавали ей воинственный смыслъ, что она сказана была доброжелательно, дружескимъ тономъ; а въ разговорѣ значеніе словъ зависитъ отъ тона, которымъ они говорятся; да и самыя слова, даже и безъ всякаго тона, какъ слѣдовало бы принять? Сожалѣть о вещи значитъ жалѣть, что ея нѣтъ и желать, чтобы она была, потому я сожалѣю объ ослабленіи дружбы съ вами, просто значитъ: я желаю, чтобы дружба наша возстановилась. Императоръ просто хотѣлъ выразить, что постарается прекратить всякія неудовольствія съ Австріей. Вольно же было понимать его слова въ другомъ смыслѣ.

Послѣ такихъ объясненій, разумѣется, трудно, сказать, миромъ или войною кончатся дипломатическія столкновенія Франціи съ Австріей. Видно только, что французскому правительству хотѣлось бы начать войну, но оно пока еще боится прибѣгать къ этому послѣднему средству для выхода изъ опасностей, которыя расли постоянно съ самаго окончанія русской войны и особенно быстро стали развиваться вслѣдствіе опрометчивости, овладѣвшей имъ послѣ покушенія 14 января.

Англія отъ опрометчивыхъ угрозъ по дѣлу Орсини пріобрѣла кромѣ случая выказать увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ надъ силами нынѣшняго французскаго правительства, существенную выгоду: излишняя податливость Пальмерстона убила въ общественномъ мнѣніи этого стараго шутника, популярность котораго была уже нѣсколько лѣтъ самымъ вреднымъ препятствіемъ для внутреннихъ улучшеній. Теперь трудно Пальмерстону сдѣлаться главою министерства, а не дальше какъ за годъ нельзя было и предвидѣть, когда кончится его министерство, отнимавшее возможность всякихъ улучшеній для внутреннихъ учрежденій Англіи и отвлекавшее вниманіе націи отъ всѣхъ серьёзныхъ вопросовъ государственнаго благосостоянія дипломатическими фокусами, совершавшимися обыкновенно на маленькихъ государствахъ, самая слабость которыхъ должна была бы служить защитою имъ отъ пошлыхъ обидъ. У насъ во время войны писали

Digitized by Google

много дурнаго о лордѣ Пальмерстонѣ, считая его истиннымъ виновникомъ страшнаго кровопролитія; но теперь забыта тогдашняя досада, и Пальмерстонъ снова принимается многими за серьёзнаго государственнаго человѣка. Да и прежнія порицанія ему большею частью приходились невпопадъ, потому что его, бѣдняжку, совершенно напрасно винили въ русской войнѣ: куда бы ему было рѣшиться на войну съ сильной державой! Онъ удовольствовался бы бумажною перестрѣлкою, да шуточками въ парламентѣ. Греція,—это иное дѣло; а отъ Россіи постарался бы отдѣлаться безъ пушечнаго выстрѣла этотъ, по выраженію Диккенса, „старый фарсеръ, лучшій виртуозъ фокусъ-покусовъ и превращеній“.

Въ молодости лордъ Пальмерстонъ былъ фешенеблемъ перваго сорта и знаменитымъ Донъ-Жуаномъ. Тотъ же блескъ и ту же любовь къ легкимъ побѣдамъ перенесъ онъ въ свою политическую дѣятельность. Но извѣстно, что франты вообще не любятъ серьёзныхъ занятій. Для реформъ нужно серьёзное изученіе внутренняго быта страны во всѣхъ подробностяхъ, и лордъ Пальмерстонъ былъ всегда врагомъ реформы, — и тогда, когда былъ тори, и тогда, когда обратился къ вигизму. Но какъ же онъ обратился къ вигизму? Очень просто, Донъ-Жуаны всегда предпочитаютъ тѣ гостиныя, въ которыхъ можно имѣть больше успѣха. Во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1807 году, когда началась политическая карьера Пальмерстона, владычествовали тори; владычествовали они уже давно и сильно укрѣпились въ министерскихъ и парламентскихъ позиціяхъ, такъ что должны были удержаться въ нихъ еще очень надолго; потому и лордъ Пальмерстонъ былъ тори, а въ награду за свой торизмъ былъ военнымъ министромъ. Надобно замѣтить, что онъ изъ фамиліи Тэмплей, къ которой принадлежатъ герцоги Бокингемы и Чендосы, стало быть имѣлъ наслѣдственное право на министерскій санъ. Лордъ Веллингтонъ побѣждалъ французовъ въ Испаніи, потомъ въ Бельгіи, стало быть военному министру хорошо было говорить въ парламентѣ надлежащія рѣчи. Потомъ министерства смѣнялись, потому что различные политическіе принципы поочередно брали вверхъ одинъ надъ другимъ, а лордъ Пальмерстонъ, при всѣхъ перемѣнахъ, оставался на своемъ мѣстѣ, потому что для него были равны всякіе принципы. Такимъ образомъ дожилъ онъ до министерства Веллингтона и по наслѣдству отъ прежнихъ достался и этому. Но Веллингтонъ былъ человѣкъ суровый относительно принциповъ: по его мнѣнію, если уже называться тори, то и не надобно отступаться отъ торійскихъ правилъ; черезъ нѣсколько времени онъ отнялъ должность у своего товарища. Тогда разумѣется надобно было перейти въ оппозицію: нельзя же не сердиться, потерявши мѣсто, на которомъ сидѣлъ 20 лѣтъ. Оппозиціею были виги,—какъ же не сдѣлаться вигомъ?

Тутъ подоспѣла іюльская революція; отголоскомъ этого потрясенія были низвергнуты тори, вошли въ министерство виги, съ ними и Пальмерстонъ. Виги предложили парламентскую реформу. Пальмерстонъ 20 лѣтъ противился всякимъ реформамъ, но теперь противиться реформѣ значило бъ — надолго потерять министерское мѣсто. Кто себѣ врагъ? Пальмерстонъ не противорѣчилъ реформѣ и остался министромъ еще на десять лѣтъ. Съ этой поры,

Digitized by Google

съ 1830 года онъ руководилъ иностранною политикою Англіи до прошедшаго года за исключеніемъ только двухъ періодовъ: министерства Пиля (около 5 лѣтъ) и недолгаго министерства Дерби (передъ русскою войною). Управляя иностранною политикою, онъ много геройствовалъ надъ маленькими государствами, какъ напримѣръ надъ Греціею, которую чуть не бомбардировалъ по дѣлу Пачифико. Кромѣ того онъ имѣлъ привычку дѣлать непріятности и сильнымъ державамъ, но только такъ, чтобы дѣло не доходило до войны. Изъ этой невинной наклонности ободрялъ онъ къ волненію сициліанцевъ, ломбардо-венеціанцевъ и венгровъ, обѣщая имъ покровительство Англіи. Но когда волненія обращались въ вооруженныя возстанія, и для исполненія обѣщаній пришлось бы объявить войну Австріи и Неаполю, Пальмерстонъ разсудилъ, что это значило бы заводить штуку за предѣлы благоразумія, и покинутые инсургенты были подавляемы. А быть можетъ они и не взялись бы за оружіе, если бъ не получили увѣреній въ покровительствѣ отъ лорда Пальмерстона. Гдѣ жь было такому человѣку, дерзкому надъ слабыми, робкому передъ сильными, начать войну противъ Россіи? Но онъ любилъ шумѣть, пока дѣло не представляло опасности, и говорить въ парламентѣ язвительныя рѣчи. Масса, не знавшая его дѣлъ (онъ отличался чрезвычайнымъ искусствомъ очень долго скрывать отъ парламента дипломатическіе документы, на всѣ требованія отвѣчая, что переговоры еще не кончены, и обнародованіе депешъ имѣло бы невыгодное вліяніе на ходъ ихъ), принимала слова за дѣла, полагала, что онъ на самомъ дѣлѣ поступаетъ въ переговорахъ такъ же храбро, какъ въ парламентскихъ рѣчахъ, и воображала Пальмерстона героемъ иностранной политики. На этомъ основалась его громадная популярность и никто не полагалъ, чтобы храбрецъ былъ храбрецомъ только до первой угрозы, произнесенной сильнымъ голосомъ. Это обнаружилось, когда онъ на угрозы Наполеона, на крики оффиціальныхъ французскихъ газетъ, что надобно истребить Англію,—притонъ убійцъ и заговорщиковъ,—отвѣчалъ предложеніемъ англійскому парламенту измѣнить англійскій законъ въ угодность Франціи. Тутъ въ одинъ мигъ разсѣялись многолѣтнія заблужденія и какъ дымъ исчезла вся популярность Пальмерстона. Онъ палъ, и если когда нибудь вновь сдѣлается министромъ, то уже никакъ не по собственной силѣ, а развѣ по родственнымъ связямъ. Да и то пока остается неправдоподобнымъ.

Англійская нація чрезвычайно много выиграла, освободившись отъ пристрастія къ лорду Пальмерстону, потому что съ паденіемъ его прекратилась помѣха къ улучшенію внутреннихъ учрежденій. Нынѣшнее торійское министерство, не имѣя большинства въ Палатѣ Общинъ своею собственною партіею, принуждено искать опоры въ томъ отдѣлѣ либеральной партіи, который недоволенъ чистыми вигами (Пальмерстоновскими и Росселевскими), какъ людьми отсталыми, держащимися слишкомъ узкихъ границъ въ реформахъ. Въ первый разъ этотъ отдѣлъ выступилъ самостоятельною партіею по дѣлу о предложеніи подвергнуть порицанію торійскій кабинетъ за знаменитую депешу, посланную лордомъ Элленборо къ Остъ-индскому генералъ-губернатору. Но прежде нежели начались пренія, открылось, что лордъ Элленборо дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ согласія своихъ товарищей, которые и

Digitized by Google

заставили его выйти въ отставку. Этимъ фактически было уже уничтожено значеніе депеши, и за предложеніемъ подвергнуть порицанію министерство оставался уже одинъ тотъ смыслъ, чтобы низвергнуть торійскій кабинетъ. Но въ такомъ случаѣ образовалось бы вигистское министерство Росселя или Пальмерстона, или обоихъ вмѣстѣ. Члены, желающіе широкихъ реформъ, рѣшились сосчитать свои силы, чтобы увидѣть —дѣйствительно ли отъ нихъ зависитъ дать большинство вигамъ или тори, и въ случаѣ, если бы оказалось это, дѣйствовать самостоятельно, поддерживать тори или виговъ, смотря потому, которая изъ двухъ аристократическихъ партій готова будетъ сдѣлать имъ больше уступокъ.

И вотъ собрались, чтобы сосчитать своихъ членовъ, разные отдѣлы реформаторской партіи: люди манчестерской школы, радикалы и тѣ немногіе хартисты, которые засѣдаютъ въ парламентѣ; они увидѣли, что составляютъ пятую часть всего числа членовъ Палаты Общинъ. Остальные члены почти по-ровну раздѣлены на виговъ и тори; слѣдовательно и тѣ и другіе въ нынѣшней Палатѣ Общинъ пріобрѣтаютъ или теряютъ большинство, смотря потому, за нихъ или противъ нихъ будутъ члены, желающіе широкихъ реформъ. Тогда эти члены, соединившись въ одну партію „независимыхъ либераловъ“, то есть либераловъ недовольныхъ отсталыми понятіями чистыхъ виговъ, потребовали отъ министерства рѣшимости дѣйствовать либеральнѣе чистыхъ виговъ. Лордъ Дерби долженъ былъ согласиться, потому что иначе подвергся бы пораженію. Независимые либералы подали голосъ за министерство: оно было спасено и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась неизбѣжность парламентской реформы, какъ единственной цѣны, которою можетъ быть куплена необходимая торійскому министерству поддержка независимыхъ либераловъ.

Съ этой минуты агитація въ пользу парламентской реформы приняла огромные размѣры, какъ дѣло о вопросѣ, достигшемъ практическаго значенія. Руководителемъ агитаціи былъ избранъ по предложенію самого Робака, главы радикаловъ, бывшій сподвижникъ Кобдена по отмѣненію хлѣбныхъ законовъ, Джонъ Брайтъ, въ настоящее время едва ли не первый по таланту между всѣми англійскими ораторами, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ. Читатель конечно видѣлъ въ газетахъ извлеченія изъ его рѣчей въ главныхъ городахъ Великобританіи на митингахъ, собиравшихся для изъявленія сочувствія къ дѣлу парламентской реформы. Мы должны будемъ много разъ возвращаться къ этому предмету и тогда изложимъ его подробнѣе, а теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ о личности государственнаго человѣка, ставшаго во главѣ реформирующей партіи, о смыслѣ движенія, избравшаго своимъ ораторомъ этого честнаго квакера, и о тѣхъ шансахъ, какіе теперь имѣетъ дѣло парламентской реформы.

Брайтъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, для которыхъ еще недавно не существовало возможности въ Англіи. Почти до конца второй четверти нынѣшняго вѣка вся государственная власть была тамъ захвачена двумя аристократическими партіями, потому что и виги, предводители которыхъ всегда были аристократами по происхожденію, давно уже сдѣлались узкими аристократами также и по своимъ политическимъ принципамъ. Пер-

Digitized by Google

вымъ примѣромъ сильнаго государственнаго человѣка, давшаго парламентскимъ рѣшеніямъ направленіе независимое отъ аристократическихъ разсчетовъ, явился Робертъ Пиль въ 1846 году, когда принудилъ значительную часть торійской партіи подать голосъ за отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Но при этомъ случаѣ онъ только воспользовался могущественнымъ положеніемъ, которое занималъ; а этого могущественнаго положенія онъ достигъ только тѣмъ, что совершенно примкнулъ къ тори и много лѣтъ былъ послушнымъ ихъ органомъ Безъ своего торизма онъ былъ бы ничѣмъ. Послѣ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, аристократическія партіи начинаютъ по немногу дряхлѣть, при могущественномъ напорѣ новыхъ идей; отъ нихъ начинаютъ отдѣляться люди съ болѣе свѣтлыми головами, отъ торійской партіи пилиты, отъ виговъ манчестерская школа и радикалы. Когда нибудь мы разскажемъ весь ходъ этого измѣненія, а здѣсь замѣтимъ только одно: до половины послѣдняго года разложеніе прежнихъ аристократическихъ партій не достигло еще такихъ размѣровъ, и новыхъ людей съ независимыми понятіями въ Палатѣ Общинъ было еще не такъ много, чтобы характеръ Палаты Общинъ существенно измѣнился. Правда, пилиты пріобрѣтали по временамъ довольно важное участіе въ составѣ того или другого кабинета; правда, по предложеніямъ радикаловъ Робака и Мильнера-Джибсона, принимались иногда довольно важныя рѣшенія; но все это бывали только счастливою случайностью, неизмѣнявшею общаго хода дѣлъ. Верховное руководство государственными дѣлами никогда не выходило изъ рукъ аристократовъ или, если не аристократовъ по происхожденію, то послушныхъ представителей той или другой аристократической партіи. Если не тори, то виги, если не виги, то тори—другой альтернативы не было. Если не лордъ Дерби съ своимъ помощникомъ Д'Израэли, то лордъ Пальмерстонъ, или оба вмѣстѣ,—другихъ правителей Англія не могла имѣть. Всего только полгода тому назадъ люди, не принадлежащіе къ аристократическимъ партіямъ, нашли себя въ Палатѣ Общинъ достаточно многочисленными для того, чтобы составить новую, независимую партію и свергнуть съ себя зависимость отъ виговъ. Главныя лица этой новой партіи: Кобденъ, Робакъ и Брайтъ. Не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ постояннымъ ея предводителемъ, но по дѣлу парламентской реформы она избрала своимъ предводителимъ Брайта.

Джонъ Брайтъ, сынъ Джемса Брайта, ланкаширскаго фабриканта, родился въ 1811 году, слѣдовательно теперь ему около 47 лѣтъ. Отецъ его былъ квакеръ, и онъ воспитанъ въ правилахъ этого исповѣданія, изъ которыхъ неуклонно слѣдовалъ всегда двумъ основнымъ: говори всегда правду, хотя бы прошлое житейское благоразуміе предписывало молчать о ней, и считай преступленіемъ войну, какъ убійство. Знаменитость его началась чрезвычайно энергическимъ и блистательнымъ содѣйствіемъ Кобдену въ агитаціи для отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Рѣчами на митингахъ по этому вопросу онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1843 году могъ явиться кандидатомъ въ Дёргемѣ, гдѣ протекціонисты были чрезвычайно сильны. Его соперникъ лордъ Денгеннонъ одержалъ верхъ, но только посредствомъ подкупа; это было доказано и парламентъ объявилъ выборъ не дѣйствительнымъ. Тогда Брайтъ снова явился кандидатомъ и былъ выбранъ въ члены парламента.

Digitized by Google

Дѣятельность его въ парламентѣ и на митингахъ съ каждымъ годомъ увеличивала его славу, и въ 1847 году Манчестеръ, центръ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, единогласно избралъ своимъ представителемъ его вмѣстѣ съ Кобденомъ. Въ парламентѣ онъ, разумѣется, энергически поддерживалъ всѣ либеральныя предложенія и популярность его возрастала до самой той поры, когда поднялся въ Англіи фанатическій вопль противъ папизма, по случаю оффиціальнаго назначенія папою католическаго архіепископа (кардинала Уайзмена) и нѣсколькихъ католическихъ епископовъ для Англіи. Брайтъ не могъ для сохраненія популярности пожертвовать убѣжденіемъ въ обязанности каждому просвѣщенному человѣку защищать свободу совѣсти, и возсталъ противъ нетерпимости. Это нѣсколько повредило ему въ общемъ мнѣніи. Но онъ все-таки пользовался любовью, и при новыхъ выборахъ, въ 1852 году, Манчестеръ остался ему вѣренъ. Но вотъ началась Русская война, Брайтъ всячески старался предупредить ее, доказывалъ ея ненужность, указывалъ средства избѣжать ея; на него стали смотрѣть очень косо.

Война началась, судьба англійской арміи была печальна, національная гордость англичанъ жестоко страдала и потому ихъ раздраженіе было безгранично. Общій крикъ: „надобно, какъ можно энергичнѣе продолжать войну, чтобы загладить первыя неудачи и ошибки, чтобы разсѣять въ иностранцахъ и въ насъ самихъ сомнѣніе о нашимъ могуществѣ“ заглушалъ всѣ другія рѣчи, подавлялъ всѣ другія чувства. Страшно было противорѣчить безграничному увлеченію; замолчали почти всѣ неодобрявшіе войну. Брайтъ не отступилъ отъ исполненія того, что считалъ своею обязанностью. Громче прежняго онъ доказывалъ ненужность войны. Всѣ закричали, что онъ измѣнникъ отечества, что онъ сумасшедшій негодяй. Вся популярность его изчезла, онъ подвергся презрѣнію и ненависти націи. Но не отступилъ онъ отъ обязанности говорить ей то, что считалъ правдою. Во время войны у насъ было переводимо множество отрывковъ изъ его удивительныхъ рѣчей; но выборъ дѣлался обыкновенно очень односторонним образомъ, такъ что публикѣ не легко было отгадать существенный смыслъ сопротивленія Брайта войнѣ. Многіе полагали у насъ, что Брайтъ осуждаетъ войну изъ пристрастія къ Россіи; другіе думали, что онъ проклинаетъ ее только какъ филантропъ, какъ сантиментальный мечтатель, или какъ сектантъ, единственно изъ теоретическихъ или религіозныхъ убѣжденій о грѣхѣ проливать человѣческую кровь. Нѣтъ, онъ доказывалъ ненужность войны съ чисто-англійской точки зрѣнія, имѣя въ виду интересы не Россіи, а своей родины, и доказывалъ это соображеніями чисто практическими, говорилъ какъ государственный человѣкъ, а не какъ идеалистъ. Онъ доказывалъ, что могущество Россіи не до такой степени безмѣрно, чтобы цивилизованнымъ странамъ Западной Европы можно было серьезно страшиться его. Онъ доказывалъ, что Россія едва ли хотѣла и едва ли могла овладѣть Константинополемъ, если бы даже западныя державы и не подавали помощи Турціи. Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, Турція такъ нелѣпа и разстроена, что не можетъ служить оплотомъ Западной Европѣ противъ Россіи, и если не можетъ охраниться отъ Россіи своими Балканами, пустынями и болотами, то лучше и не поддержи-

Digitized by Google

вать ее, потому что поддержка будетъ стоить гораздо дороже, нежели стоило бы прямое столкновеніе съ Россіею на западно-европейской почвѣ. Онъ говорилъ, что излишнее расширеніе границъ не усиливаетъ, а ослабляетъ государство, и если бы Россія завоевала Турцію, то не укрѣпилась бы, а изнурилась бы присоединеніемъ болѣзненнаго нароста къ своему организму. Наконецъ онъ доказывалъ, и это было главнѣйшимъ его основаніемъ, что могущество государства зависитъ гораздо больше отъ его богатства и умственнаго развитія, нежели отъ его обширности и числа его жителей. Потому, говорилъ онъ, пусть Россія дѣлаетъ что хочетъ, лишь бы не мѣшала вашимъ домашнимъ дѣламъ. Если она кажется вамъ опасною своимъ могуществомъ, если вы находите нужнымъ принять какія нибудь усиленныя мѣры, чтобы взять перевѣсъ надъ нею, эти мѣры должны состоять въ усиленной заботливости англійскаго правительства о развитіи англійской промышленности, о распространеніи просвѣщенія въ Англіи и болѣе всего о возвышеніи благосостоянія бѣдныхъ классовъ англійскаго народа. Послѣдняя забота важнѣе всѣхъ, какъ потому что благосостояніе массы само по себѣ главнѣйшій источникъ государственнаго моущества, такъ и потому, что оно служитъ необходимымъ условіемъ для развитія двухъ другихъ условій государственной силы, для развитія промышленности и просвѣщенія. Если вы пойдете по этому пути быстрѣе, нежели Россія, съ каждымъ годомъ вы будете становиться сильнѣе ея; а если она хочетъ идти другимъ путемъ, путемъ войны, завоеваній и насилія, она быстро будетъ терять и прежнюю свою силу. Но я не желаю вреда никакому народу, хотя больше всего желаю пользы своему. Я не радовался бы, если бы Россія дѣйствительно хотѣла губить себя войнами и завоеваніями. Я хочу думать, что нынѣшнее столкновеніе ея съ Турціей было только слѣдствіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя скоро минуются; и во всякомъ случаѣ нельзя не предвидѣть, что очень скоро она обратитъ свои силы вмѣсто завоеваній на развитіе истинныхъ источниковъ могущества, на заботу о своей промышленности, своемъ просвѣщеніи, о благосостояніи своихъ простолюдиновъ, и какъ вы, если будете благоразумны, быстро станете усиливаться, такъ будетъ возрастать и ея истинное могущество. Пусть возрастаетъ: мы должны желать ей того, какъ надобно желать и всякому другому народу, потому что такое могущество даетъ только счастье и безопасность самой державѣ, имъ владѣющей, а не представляется опасностью для другихъ державъ: вѣдь оно основано на промышленности, образованности, на благосостояніи массы народа; а чѣмъ промышленнѣе и образованнѣе государство, тѣмъ меньше ищетъ оно войны, и чѣмъ благосостоятельнѣе масса народа, тѣмъ усерднѣе народъ станетъ, въ случаѣ надобности, защищать свои границы, но тѣмъ меньше будетъ у него охоты нападать на другихъ.— Такова была сущность мыслей, которыми Брайтъ доказывалъ ненужность и вредъ войны съ Россіею для самой Англіи. Въ тѣ времена, раздраженные, ослѣпленные англичане вознегодовали на него за такія рѣчи; онъ сдѣлался предметомъ самихъ позорныхъ ругательствъ и проклятій, самой нелѣпой клеветы. Онъ безумецъ, онъ измѣнникъ родинѣ, онъ защитникъ деспотизма, онъ подкупленъ Россіею, онъ рабъ русскаго царя, кричали про него всѣ. Онъ

Digitized by Google

остался вѣренъ своей обязанности говорить правду, но ненависть и гнѣвъ народа, который онъ такъ любилъ, тяжело подѣйствовали на него, такъ что его здоровье разстроилось, и по окончаніи парламентской сессіи 1855 года, онъ, изнуренный борьбою, для поправленія здоровья уѣхалъ въ Италію. Разумѣется, къ прежнимъ клеветамъ тотчасъ же прибавилось новое истолкованіе: прежде его называли гнуснымъ измѣнникомъ, теперь дополнили его характеристику помѣшательствомъ. Озлобленіе противъ него было такъ упорно, что при выборахъ, въ мартѣ 1857 года, Манчестеръ лишилъ Брайта (вмѣстѣ съ Кобденомъ, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и подвергся той же ненависти, какъ Брайтъ) званія своего представителя. Но тутъ начинается новый переворотъ въ общественномъ мнѣніи относительно Брайта и его товарищей Исключеніе изъ парламента людей столь замѣчательныхъ было несправедливостью уже слишкомъ рѣзкою, и нація вдругъ вспомнила о ихъ прежнихъ заслугахъ по отмѣненію хлѣбныхъ законовъ. Да и притомъ, кто будетъ разбирать въ Палатѣ Общинъ промышленные вопросы съ глубокимъ знаніемъ дѣла, съ совершенною проницательностью, если не будетъ въ ней представителей манчестерской школы? Они необходимы для Палаты, и при дополнительныхъ выборахъ они введены были въ парламентъ. Брайта выбралъ Бирмингемъ. Скоро послѣ того нація разочаровалась въ Пальмерстонѣ, въ жертву которому принесла Брайта и его товарищей. Воинственный жаръ успѣлъ остыть, послѣдствія войны подтвердили фактами справедливость мнѣній Брайта. Всѣ убѣдились, что Турція не стоила потраченныхъ на нее силъ. Россія по окончаніи войны предалась новому направленію, неизбѣжность и пользу котораго предсказывалъ Брайтъ, и, занявшись благодѣтельными внутренними преобразованіями, фактически доказала, что не хочетъ страшить Европу съ вредомъ для себя, а заботится о дѣйствительномъ своемъ благѣ, съ пользою и для самой Европы. Непопулярность Брайта изчезла въ нѣсколько недѣль, замѣнившись прежнею или еще большею любовью націи. Масса народа въ Англіи, какъ и повсюду, прямодушна и расположена цѣнить прямоту характера чуть ли не выше всего. Англичане поняли, какая рѣдкая честность нужна была Брайту, чтобы не замолчать во время войны предъ раздраженною націею о ненавистной тогда истинѣ; какую чрезвычайную преданность общему благу доказали онъ и его товарищи, не колеблясь жертвовавшіе собою для отклоненія націи отъ разорительной ошибки Съ уваженіемъ къ нему, какъ къ великому оратору, съ возвращеніемъ наклонности къ признаванію правды въ его убѣжденіяхъ, соединилось чрезвычайное почтеніе къ удивительной прямотѣ и честной твердости его характера. Въ это время возродилось стремленіе къ парламентской реформѣ, на время подавленное войною, и Брайтъ, явившійся самымъ блистательнымъ ораторомъ на митингахъ въ пользу этого вопроса, былъ избранъ отъ всей партіи реформаторовъ, по предложенію самого Робака, который одинъ могъ имѣть притязаніе на соперничество съ нимъ, главою реформаціоннаго движенія. Какое участіе принимаетъ онъ въ немъ, мы разскажемъ послѣ, а теперь мы хотѣли только сказать, каковъ человѣкъ, избранный англійскою націею въ руководители такого дѣла, передъ которымъ ничтожны всѣ другія дѣла, занимающія теперь Англію.

Digitized by Google

Сравните Брайта съ Пальмерстономъ, и вы поймете, какъ будетъ отличаться отъ прежней англійской политики новая: когда партія, одушевленная понятіями, производящими нынѣ реформу, станетъ сильнѣе двухъ прежнихъ партій, тогда будутъ невозможны государственные дѣятели, подобные лорду Пальмерстону. Дурные люди останутся, но принуждены будутъ руководиться въ своихъ государственныхъ дѣйствіяхъ мнѣніями честныхъ людей. Очень вѣроятно, что часто будутъ управлять государствомъ по прежнему тори или виги, но они должны будутъ, чтобы удержаться въ министерствѣ, поступать сообразно съ требованіями новыхъ людей, понимающихъ государственное благо вѣрнѣе ихъ. Начало этому новому періоду англійской исторіи мы видимъ уже теперь, когда лордъ Дерби (этотъ идолъ Крыловской басни, изрекающій мудрые отвѣты, потому что въ немъ сидитъ жрецъ очень тонкаго ума, д'Израэли), этотъ наслѣдникъ людоѣдовъ, подобныхъ лорду Лондондерри, является уже гуманнымъ и просвѣщеннымъ правителемъ, потому что независимые либералы накинули довольно крѣпкую узду на него и его товарищей. Съ теченіемъ времени узда будетъ становиться крѣпче и крѣпче, т. е. и въ вигахъ и въ тори будетъ еще больше хорошаго, вкладываемаго въ ихъ дѣйствія если не внушеніями собственнаго сердца, то внѣшнею необходимостью. Съ этой стороны, со стороны уступокъ требованіямъ просвѣщенныхъ людей средняго сословія, доселѣ остающихся въ Англіи защитниками интересовъ и простого народа, исторія министерства лорда Дерби чрезвычайно занимательна. Мы теперь коснемся смысла главнѣйшаго изъ ея эпизодовъ, смысла подготовляемой агитаціею парламентской реформы. Чего хотятъ люди, избравшіе своимъ предводителемъ Брайта? Чѣмъ не довольны они въ нынѣшнемъ устройствѣ парламента, и каковъ былъ бы результатъ требуемыхъ ими перемѣнъ? Въ слѣдующемъ изложеніи мы будетъ отчасти пользоваться статьею Файдера, помѣщенною въ Indépendance Belge 8 и 9 декабря прошлаго года.

Первое измѣненіе, требуемое реформаціонною партіею, относится къ продолжительности срока, на который избираются члены Палаты Общинъ по распущеніи прежняго парламента.

По стариннымъ законамъ, продолжительность одного и того же парламента не была ограничена никакимъ срокомъ и зависѣла единственно отъ воли короля. Онъ могъ сохранять одинъ и тотъ же парламентъ во все продолженіе своего царствованія, если находилъ то удобнымъ для себя и полагалъ, что новые выборы будутъ ему менѣе благопріятны, нежели выборы, произведенные при его восшествіи на престолъ. Такимъ образомъ одинъ изъ парламентовъ, бывшихъ при Карлѣ II, продолжался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ. По закону, парламентъ не могъ пережить только кончины того короля, по грамматамъ котораго произведены были выборы. Смертью короля распускался его парламентъ, и новый король долженъ былъ назначать новые выборы.

По изгнаніи Стюартовъ, при Вильгельмѣ III, почли нужнымъ ограничить прежній произволъ и обезпечить для націи средства чаще приводить въ соотвѣтствіе съ господствующимъ мнѣніемъ корпорацію, представляющую голосъ націи. По статуту, называющемуся трехгодичнымъ закономъ (Triennal act), было постановлено, что одинъ и тотъ же парламентъ не можетъ продолжаться долѣе трехъ лѣтъ и общіе выборы производятся на этотъ срокъ.

Digitized by Google

Черезъ двадцать два года, при Георгѣ 1, срокъ этотъ былъ продленъ на семь лѣтъ по семигодичному закону (Septennial act); измѣненіе предложено было вигами и нашло сопротивленіе въ торійскихъ абсолютистахъ и реакціонерахъ. Лордъ Сомерсъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и свободномыслящихъ людей тогдашней Англіи, лежавшій при смерти, сказалъ одному изъ своихъ друзей виговъ, пришедшему посовѣтоваться съ нимъ объ этомъ намѣреніи: „Я никогда не одобрялъ трехгодичнаго билля и всегда думалъ, что на самомъ дѣлѣ онъ производитъ результатъ, противный тому, какого хотѣли мы достичь. Вы имѣете сердечное мое сочувствіе въ этомъ дѣлѣ и я думаю, что оно будетъ самою твердою опорою для свободы Англіи". Теперь напротивъ, прогрессисты требуютъ сокращенія срока. Откуда такая разница въ желаніяхъ людей сходнаго образа мыслей? Въ началѣ XVIII вѣка назначеніе огромнаго большинства членовъ Палаты Общинъ зависѣло отъ лордовъ и частая смѣна парламентовъ неблагопріятствовала самосостоятельности депутатовъ, которые только долгимъ срокомъ выборовъ избавлялись отъ произвола своихъ патроновъ. Подобное положеніе вещей продолжалось до самой реформы 1832 года, которая, увеличивъ число депутатовъ, назначаемыхъ большими городами, ввела въ Палату Общинъ значительное число представителей средняго сословія независимыхъ отъ патронатства. Но все еще большинство депутатовъ избирается подъ сильнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, или даже просто по ихъ назначенію. Новая реформа намѣрена положить конецъ этому введеніемъ тайной баллотировки и другими измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Тогда большинство Палаты Общинъ будетъ состоять изъ людей истинно независимыхъ, и болѣе частые выборы будутъ принуждать ихъ соображаться не съ желаніями какихъ-нибудь патроновъ, какъ было прежде, а съ потребностями ихъ избирателей, также дѣлающихся независимыми отъ патронатства, т. е. быть вѣрными представителями общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ съ перемѣною обстоятельствъ одинъ и тотъ же законъ изъ либеральнаго становится реакціоннымъ или наоборотъ; и прогрессисты находятъ нынѣ пользу въ сокращеніи срока, между тѣмъ какъ прежде продолжительный срокъ былъ нуженъ для того, чтобы Палата Общинъ хотя нѣсколько повиновалась общественному мнѣнію.

Теорія различныхъ оттѣнковъ реформаціонной партіи почти единодушна по этому вопросу. Могущественное общество „Друзей всенароднаго выбора" (Comples de suffragistes), радикалы и прогрессивные либералы подобно хартистамъ, которыхъ очень мало въ парламентѣ, но къ которымъ по прежнему принадлежитъ большинство простолюдиновъ, желаютъ ежегодныхъ выборовъ, которые были однимъ изъ шести пунктовъ знаменитой „народной партіи" (People's Charter), представленной въ 1839 году Палатѣ Общинъ въ формѣ просьбы съ 1,200,000 подписей и вновь представленной въ 1848 году съ такимъ же числомъ подписей.

Если семилѣтній срокъ не удержится, то виги и тори вѣроятно будутъ отстаивать трехлѣтній срокъ, бывшій въ концѣ XVII вѣка. Мы говоримъ,—вѣроятно, потому что ни виги, ни тори еще невысказывали своихъ программъ по вопросу о реформѣ; и только по открытіи парламентскихъ за-

Digitized by Google

сѣданій, около половины февраля, когда лордъ Дерби и лордъ Россель (быть можетъ и лордъ Пальмерстонъ отдѣльно отъ Росселя) представятъ свои собственные билли въ соперничество съ Брайтовымъ, можно будетъ съ достовѣрностію опредѣлить, какую мѣру уступокъ предлагаютъ отъ себя та и другая изъ старыхъ партій. Еще неизвѣстно, какой срокъ сочтетъ практичнымъ для настоящаго времени и реформаціонная партія.

Другое коренное измѣненіе относится къ составу Палаты Общинъ. Реформаціонная партія требуетъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ между деревнями, или, какъ называютъ въ Англіи, графствами, и городами.

Въ настоящее время Палата Общинъ состоитъ изъ 658 человѣкъ; но избирательные округи назначаютъ извѣстное число депутатовъ, вовсе не по пропорціи къ числу своего населенія, какъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ, а просто—каждый округъ извѣстнаго класса выбираетъ извѣстное число депутатовъ, одно и тоже въ самыхъ маленькихъ и въ самыхъ большихъ округахъ этого класса.

Во-первыхъ пользуются правомъ назначать депутатовъ въ парламентъ три университета: Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій Св. Троицы, каждый по два депутата.

Второй разрядъ избирательныхъ округовъ составляютъ деревни; ихъ депутаты называются, какъ мы знаемъ, депутатами графствъ. Число всѣхъ такихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ простирается до 253. Тутъ избиратели — немногочисленные землевладѣльцы и толпа фермеровъ, совершенно зависящихъ отъ землевладѣльцевъ, которые нарочно не соглашаются на заключеніе съ ними срочныхъ контрактовъ, а ограничиваются контрактами безсрочными (at will), которые могутъ быть уничтожены во всякое время произволомъ каждаго изъ двухъ контрагентовъ. Выборы происходятъ въ Англіи посредствомъ записи въ книгу, за какого кандидата какой избиратель подаетъ голосъ. Такимъ образомъ землевладѣлецъ можетъ прогнать съ фермы фермера, который не послушается его приказанія и не поддержитъ своимъ голосомъ кандидата, пользующагося покровительствомъ землевладѣльца. Почти вся земля въ Англіи сосредоточена, какъ извѣстно, въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ аристократовъ, и эти немногочисленные богатые землевладѣльцы назначаютъ всѣхъ такъ называемыхъ депутатовъ графствъ, то есть почти двѣ пятыхъ части всего числа депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Остальные 399 депутатовъ избираются городами или, чтобы вѣрнѣе передать смыслъ англійскаго термина—замками или цитаделями (borough). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда всѣ города были крѣпостями, и городскую корпорацію составляли только граждане, жившіе въ собственно такъ называемомъ укрѣпленномъ городѣ, а жители предмѣстій были исключены отъ участія въ ихъ правахъ. Мало по малу все это измѣнилось, стѣны разрушились, жители предмѣстій сравнялись въ правахъ съ жителями стараго города; но въ избирательномъ смыслѣ городъ по прежнему называется не просто городомъ (city), а укрѣпленнымъ городомъ или замкомъ (borough). Средневѣковое начало осталось не въ одномъ имени, но и въ чрезвычайной неравномѣрности пропорцій между числомъ жителей или даже избирателей и числомъ назначаемыхъ

Digitized by Google

ими депутатовъ. Землевладѣльческіе или деревенскіе округи по крайней мѣрѣ всѣ довольно велики; но въ числѣ городовъ, назначающихъ каждый по стольку же депутатовъ, какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Глэзго, Лидсъ или Бирмингемъ, находится множество маленькихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ, болѣе похожихъ на деревушки, нежели на города. Количество этихъ запустѣвшихъ городовъ (rotten boroughs), составляющихъ каждый по отдѣльному избирательному округу, уменьшено на половину реформою 1832 года, но все-таки ихъ остается еще чрезвычайно много; между прочимъ насчитывается 59 такихъ городовъ, которые имѣютъ каждый менѣе 500 избирателей. Всѣ вмѣстѣ эти 59 городовъ, имѣя только 20,076 избирателей и всего населенія не болѣе 373,000, посылаютъ въ парламентъ 89 депутатовъ, между тѣмъ какъ Ливерпуль, одинъ имѣющій большее число жителей и избирателей, нежели всѣ они вмѣстѣ, назначаетъ только двухъ депутатовъ.

Въ числѣ многочисленныхъ маленькихъ городковъ, имѣющихъ избирательную привилегію, находится много такихъ, въ которыхъ всѣ жители совершенно зависятъ отъ одного землевладѣльца, какъ будто въ деревнѣ; поэтому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что до сихъ поръ большинство Палаты Общинъ назначалось нѣсколькими сотнями богатыхъ землевладѣльцевъ, а весь остальной милліонъ избирателей Англіи назначалъ только меньшую половину депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Измѣненіе въ распредѣленіи избирательныхъ округовъ, требуемое реформаціонною партіею, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ уменьшить зависимость Палаты Общинъ отъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, и безъ того уже имѣющихъ слишкомъ значительную долю въ законодательной власти по своему званію членовъ Палаты Лордовъ. Во-вторыхъ уничтожить страшную неравномѣрность числа депутатовъ съ числомъ населенія въ разныхъ избирательныхъ округахъ.

Въ теоріи тутъ и манчестерская школа и радикалы опять согласны съ хартистами: они считаютъ наилучшимъ тотъ принципъ, какой введенъ во всѣхъ новыхъ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы, именно распредѣленіе страны на избирательные округи безъ различія городовъ отъ деревень, и каждому избирательному округу предоставленіе числа представителей прямо соразмѣрнаго его населенію. Тогда, напримѣръ, Манчестеръ составлялъ бы одинъ избирательный округъ съ окрестными мѣстечками и деревнями или, пожалуй, и цѣлое Ланкастерское графство, то есть и Манчестеръ и Ливерпуль и другіе города со всѣми деревнями Ланкастерскаго графства составляли бы одинъ округъ. И напримѣръ въ первомъ случаѣ, если Манчестерскій избирательный округъ имѣлъ бы 500,000 жителей, между тѣмъ какъ все Великобританское Королевство съ Ирландіею 28,000,000, и въ Палатѣ Общинъ по прежнему будутъ находиться 658 членовъ, то на долю Манчестерскаго округа пропорціонально числу его жителей пришлось бы выбирать 11 или 12 представителей.

Такова теорія реформистовъ. До какой степени возможнымъ сочтутъ они измѣнить въ настоящее время распредѣленіе избирательныхъ округовъ на практикѣ, мы скоро узнаемъ.

Третье измѣненіе относится къ условіямъ, которыя до сихъ поръ были

Digitized by Google

нужны человѣку для того, чтобы онъ могъ явиться кандидатомъ на парламентскіе выборы. До сихъ поръ могъ быть членомъ парламента отъ графства только владѣтель участка земли, дающаго не менѣе 600 фун. стерл. (немного менѣе 4,000 р. серебромъ) годоваго дохода, а представителемъ отъ города только человѣкъ имѣющій собственность, приносящую не менѣе 300 фун. стерл. (около 2,000 руб.) ежегоднаго дохода. Исключеніе изъ этого допускалось одно, и то въ пользу аристократіи: старшіе сыновья перовъ Англіи могутъ быть избираемы депутатами отъ графствъ, хотя бы не имѣли никакого самостоятельнаго дохода.

Вся реформаціонная партія согласна въ теоретическомъ желаніи, чтобы это и нѣкоторыя другія стѣснительныя условія кандидатства были отмѣнены, и депутатомъ могъ быть каждый англичанинъ, котораго почтутъ своимъ довѣріемъ избиратели.

И теперь есть и прежде были въ числѣ членовъ Палаты Общинъ люди безъ всякаго состоянія; но они вступали въ парламентъ какъ кліенты могущественныхъ аристократовъ, которые, сообщивъ имъ право называться владѣльцами нужной для кандидатства собственности посредствомъ какого нибудь фиктивнаго акта, доставляли имъ для безбѣдной жизни какую нибудь синекуру или просто давали содержаніе отъ себя. Если другія перемѣны, требуемыя реформаціонною партіею, осуществятся въ надлежащемъ размѣрѣ, то въ Палату Общинъ войдетъ множество людей безъ состоянія, но дорожащихъ своею независимостью,—такихъ людей, которые не захотятъ принимать синекуръ, а тѣмъ менѣе позволятъ кому нибудь предложить имъ содержаніе. Но обязанность члена Палаты Общинъ, дѣйствительно исполняющаго свой долгъ, отнимаетъ чрезвычайно много времени. Въ теченіе всей парламентской сессіи одно присутствіе въ засѣданіи отнимаетъ у него почти половину дня. Если же онъ будетъ говорить рѣчи, то ему понадобится еще много времени на статистическія, историческія, юридическія и другія ученыя занятія. Притомъ жизнь въ Лондонѣ гораздо дороже, нежели въ провинціальныхъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ. Человѣкъ не богатый не можетъ быть отвлекаемъ такъ сильно отъ своихъ частныхъ дѣлъ и переселяться въ столицу безъ вознагражденія. Потому необходимымъ дополненіемъ къ другимъ преобразованіямъ является назначеніе жалованья членамъ Палаты Общинъ. Народная Хартія опредѣляла его въ 500 фунтовъ (нѣсколько болѣе 3,000 руб. сер.) въ годъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи Ирландіи считается около 7,000,000 взрослыхъ мужчинъ. Изъ нихъ до сихъ поръ только одна шестая часть, не многимъ болѣе 1,000,000 человѣкъ, пользовалась правомъ подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ. Въ графствахъ это право предоставлено теперь только владѣльцамъ независимыхъ участковъ земли, freeholders, дающихъ не менѣе 10 фунт. дохода и фермерамъ, платящимъ за наемъ фермы землевладѣльцу не менѣе 50 фунтовъ; а въ городахъ лицамъ, занимающимъ квартиры цѣною не менѣе 10 фунтовъ. Такимъ образомъ даже и среднее сословіе не все пользуется избирательнымъ правомъ, а изъ простолюдиновъ недоступно оно, можно сказать, никому.

Хартисты, радикалы и манчестерская школа согласны въ томъ, что слѣ-

Digitized by Google

довало бы желать, чтобы каждый взрослый англичанинъ, безъ всякаго различія состояній, сдѣлался избирателемъ. Въ теоріи вся реформаціонная партія принимаетъ suffrage universel. Какими условіями надобно ограничить его, чтобы реформа могла пройти черезъ нынѣшнюю Палату Общинъ, огромное большинство которой принадлежитъ къ стариннымъ аристократическимъ партіямъ,—это другой вопросъ; и теперь еще неизвѣстно, какія именно основанія для расширенія числа избирателей приметъ Брайтъ въ своемъ биллѣ, по совѣщанію съ депутатами главнѣйшихъ реформаціонныхъ обществъ, покрывающихъ теперь всю Англію своими комитетами. Изъ его рѣчей на митингахъ извѣстно только что онъ считаетъ для настоящаго времени практичнымъ основаніемъ такое расширеніе избирательнаго права, чтобы участвовалъ въ парламентскихъ выборахъ каждый, участвующій въ выборахъ лицъ, завѣдующихъ сборами на неимущихъ, то есть, каждый глава семейства или человѣкъ, живущій самостоятельнымъ хозяйствомъ.

Остановится ли онъ на этомъ основаніи или, по совѣщанію съ важнѣйшими представителями реформаціонной партіи, найдетъ практичнымъ измѣнить его,—пока еще неизвѣстно. Но этотъ вопросъ представляется наименѣе сомнительнымъ изъ всѣхъ составныхъ пунктовъ реформы относительно своего дѣйствительнаго осуществленія. Старинныя партіи вѣроятно будутъ противиться введенію баллотировки и пропорціональнаго распредѣленія депутатовъ по числу населенія избирательныхъ округовъ; но кромѣ немногихъ слишкомъ упорныхъ тори, думающихъ отдѣлиться отъ лорда Дерби и остальныхъ тори, чтобы безусловно отвергать реформу, всѣ оттѣнки парламентскихъ партій согласны въ томъ, что избирательное право должно быть расширено въ очень значительной степени; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа введетъ въ число избирателей половину совершеннолѣтнихъ англичанъ, такъ чтобы пониженіе ценса обняло значительную часть простолюдиновъ.

Но предоставленіе правъ бѣдной части средняго сословія и простолюдиновъ дастъ ихъ потребностямъ дѣйствительное вліяніе на составъ Палаты Общинъ только тогда, когда независимость избирателей будетъ ограждена введеніемъ тайной баллотировки (ballot) на выборахъ. Эта гарантія въ Англіи необходимѣе, нежели гдѣ нибудь. Во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи есть очень много простолюдиновъ, владѣющихъ землею, слѣдовательно независимыхъ отъ чужаго произвола; многіе ремесленники также занимаются въ этихъ странахъ своими промыслами, какъ самостоятельные хозяева. Въ Англіи ни тотъ, ни другой разрядъ самостоятельныхъ простолюдиновъ почти не существуетъ. Простолюдины-земледѣльцы тамъ не болѣе, какъ наемные работники, подчиненные произволу фермеровъ, которые въ свою очередь также подчинены произволу землевладѣльцевъ. Ремесленные промыслы гораздо въ сильнѣйшей степени, нежели на континентѣ, сосредоточены въ обширныхъ мастерскихъ, и ремесленники такъ же, какъ и земледѣльцы, почти всѣ обратились въ наемныхъ работниковъ;—о фабричныхъ работникахъ нечего и говорить. Потому введеніе тайной баллотировки реформаціонною партіею требуется съ такою же настойчивостью, какъ расширеніе избирательнаго права. Но изъ всѣхъ пунктовъ Брайтова билля баллотировка встрѣтитъ самое сильное сопротивленіе со стороны старинныхъ партій, сознающихъ, что именно въ этомъ вопросѣ заклю-

Digitized by Google

чается вопросъ о продолженіи или паденіи прежней ихъ силы. Пройдетъ ли это требованіе реформаціонной партіи черезъ Палату Общинъ, трудно сказать прежде, нежели разъясняться мнѣнія той части виговъ, которая отвергла Пальмерстона и возвратилась къ прежнему главѣ всей вигистской партіи, лорду Росселю.

Мы изложили требованія реформаціонной партіи и смыслъ ихъ.

Народная Хартія также ограничивалась шестью пунктами, составляющими теперь програму всѣхъ независимыхъ либераловъ. Ея знаменитыя требованія были:

1) Всеобщее право избирательства; избирателемъ долженъ быть каждый совершеннолѣтній человѣкъ, находящійся въ здравомъ разсудкѣ и не осужденный за уголовное преступленіе.

2) Ежегодные парламентскіе выборы.

3) Жалованье членамъ Палаты Общинъ, чтобы и люди безъ состоянія могли принимать на себя званіе депутатовъ.

4) Выборы посредствомъ тайной баллотировки, чтобы оградить независимость избирателей.

5) Новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, чтобы число депутатовъ отъ каждаго округа было соразмѣрно его населенію.

6) Отмѣненіе ценса для кандидатовъ, чтобы нація могла избирать своихъ депутатовъ безъ различія между богатыми и бѣдными.

Въ 1839 году, и даже не дальше, какъ въ 1848 году, Народная Хартія называлась безуміемъ, выставлялась гибелью для Англіи. Теперь мы видимъ, что честнѣйшіе и наиболѣе практичные изъ государственныхъ людей Англіи, такіе люди какъ Брайтъ и Кобденъ, своею дѣятельностью въ Лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ доказавшіе, что они вовсе не похожи на сантиментальныхъ идеалистовъ, принимаютъ всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи; и если билль Брайта допуститъ нѣкоторыя ограниченія въ изложенной нами программѣ, то эти измѣненія явятся только временною уступкою для пріобрѣтенія большаго числа союзниковъ въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, только слѣдствіемъ парламентской тактики, принимающей компромиссы, взаимныя уступки или сдѣлки въ подробностяхъ, для доставленія скорѣйшаго торжества основнымъ принципамъ. Въ мірѣ нравственномъ, также какъ и въ матеріальномъ то, что сначала казалось невозможностью, часто является необходимостью, и то, что казалось безуміемъ, признается мудростью черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ послѣ того, какъ было отвергаемо, осмѣиваемо или проклинаемо.

Вопросъ объ исполненіи требованій, выставляемыхъ всею реформарціонною партіею, сталъ теперь вопросомъ только о времени. Не нынѣ, завтра, нѣсколькими годами раньше, нѣсколькими годами позднѣе, всѣ они должны быть приняты парламентомъ. Вопросъ о парламентской реформѣ вообще не допускаетъ и такой отсрочки; она должна быть произведена непозже какъ въ слѣдующую сессію, если не будетъ произведена въ сессію нынѣшняго года, что гораздо вѣроятнѣе для насъ и представляется несомнѣннымъ для всѣхъ Англійскихъ газетъ. Но спрашивается теперь, въ какой степени именно нынѣшнею реформою будутъ удовлетворены требованія реформаціонной партіи. Мы уже говорили, что это должно разъясниться не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ,

Digitized by Google

вскорѣ по открытіи парламентской сессіи. Теперь еще неизвѣстно, всѣ ли шесть пунктовъ будетъ обнимать билль Брайта, или реформаціонная партія найдетъ практичнымъ взяться на первый разъ за проведеніе только трехъ основныхъ пунктовъ (расширеніе избирательства, передѣлъ округовъ и баллотировка). Неизвѣстно также, какой именно тактикѣ захотятъ слѣдовать три оттѣнка старыхъ аристократическихъ партій, заключающихъ вь себѣ четыре пятыхъ частей всего состава нынѣшней Палаты Общинъ. Они еще и сами не рѣшили въ точности, какъ будутъ дѣйствовать: подобныя рѣшенія, вынуждаемыя необходимостью, подчиняются обстоятельствамъ, измѣняющимся каждый день, и потому окончательно принимаются только наканунѣ самаго дѣйствія. Мы перечислимъ различные шансы, указывая на тѣ, которые нынѣ представляются правдоподобнѣйшими, но которые могутъ смѣниться другими въ промежутокъ, отдѣляющій нынѣшній день отъ преній въ Палатѣ Общинъ о реформѣ.

Само собою разумѣется, мы не имѣемъ претензіи предсказывать, какъ именно и что именно случится: очень можетъ быть, что вмѣсто комбинацій, излагаемыхъ нами, явятся вслѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ другія комбинаціи. Мы только хотимъ перечислить случаи, представляющіеся вѣроятнѣйшими теперь, чтобы читатель могъ легче соображать значеніе отрывочныхъ газетныхъ извѣстій о тѣхъ парламентскихъ движеніяхъ, которыя болѣе или менѣе подходили бы къ тому или другому изъ сочетаній, объясненныхъ нами.

Въ настоящее время Палата Общинъ распадается, какъ извѣстно, на четыре большія партіи: тори, пальмерстоновскіе виги, росселевскіе виги и реформисты. Они должны слиться въ двѣ партіи, покрайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ, именно по вопросамъ о тайной баллотировкѣ, передѣлѣ округовъ и степени расширенія избирательнаго права. Будутъ сначала представлены три главные билля: торійскій билль Дерби, билль Росселя и билль Брайта. Представитъ ли Пальмерстонъ свой особенный билль—еще неизвѣстно, да и неважно знать это, потому что онъ незнатокъ въ подобныхъ дѣлахъ и будетъ не болѣе, какъ компиляторомъ. Быть можетъ, и пилиты представятъ особенный билль; но они малочисленны и имѣютъ важность только тѣмъ, что могутъ служить посредниками для сближенія Брайта съ Росселемъ или съ Дерби, или Росселя съ Дерби. Изъ этихъ трехъ, четырехъ или пяти биллей только два, имѣющіе наиболѣе надежды соединить большинство голосовъ, послужатъ серьезнымъ предметомъ преній; другіе будутъ представлены собственно только для формы, для очищенія совѣсти той или другой партіи, чтобы не сказали, будто она не имѣла собственнаго рѣшенія поднятому вопросу. Чьи же это два билля, которые будутъ серьезнѣйшими соперниками? По всей вѣроятности, билль Дерби и билль Росселя. Партія Дерби такъ многочисленна, что не можетъ примкнуть къ другой партіи, а можетъ только дѣлать уступки, чтобы къ ней примкнула какая нибудь другая партія. Пальмерстонъ, изнемогающій подъ непопулярностью, и малочисленные пилиты не могутъ быть серьезными соперниками Дерби. Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти голосовъ ни массы тори, ни массы виговъ; онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлить въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и другаго

Digitized by Google

лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія, со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьезнымъ соперникомъ биллю Дерби вѣроятно останется только билль Росселя. Который же изъ нихъ восторжествуетъ? Это зависитъ отъ двухъ шансовъ.

Во-первыхъ, на что рѣшатся пальмерстоновскіе виги. Присоединившись къ Дерби, они едва ли дадутъ ему большинство, но сдѣлаютъ невозможнымъ его сближеніе съ реформаціонною партіею. Присоединившись къ Росселю, они заставятъ Дерби сдѣлать всевозможныя уступки для пріобрѣтенія помощи реформистовъ, безъ которой тогда ему не будетъ спасенья.

Но быть можетъ реформисты сдѣлаютъ выборъ между Дерби и Росселемъ раньше, нежели исполнятъ свой маневръ пальмерстоновскіе виги. Въ такомъ случаѣ побѣда скоро будетъ рѣшена: она по всей вѣроятности останется за тою стороною, къ которой присоединятся реформисты.

Къ какой же сторонѣ присоединятся они? Надобно думать, что это зависитъ не столько отъ Дерби, сколько отъ Росселя. Онъ и его часть виговъ—настоящіе господа нынѣшняго положенія вещей, на сколько оно обрисовалось до сихъ поръ. Какъ бы ѣдко ни говорили реформисты о вигахъ, сколько бы услугъ ни оказали они до сихъ поръ лорду Дерби, все-таки у нихъ гораздо больше расположенія къ союзу съ Росселемъ, нежели съ Дерби: они сами вышли изъ виговъ, у нихъ множество общихъ воспоминаній съ партіею Росселя, и Россель все-таки гораздо лучшій прогрессистъ, нежели Дерби, хотя оба они довольно плохіе прогрессисты. Да и Дерби поддерживали они нѣкоторое время только для того, чтобы вынудить больше уступокъ у Росселя. Что касается до принциповъ, Росселю уступки, нужныя для сближенія съ реформистами, были бы вовсе не такъ тяжелы, какъ Дерби; но тутъ примѣшивается другое обстоятельство, отнимающее возможность достовѣрно предвидѣть рѣшеніе Росселя. Уступки въ отвлеченныхъ принципахъ мало. Если билль Росселя восторжествуетъ, министерство Дерби падаетъ и образуется новый кабинетъ, кабинетъ Росселя. Если онъ будетъ обязанъ побѣдою реформистамъ, приличіе требуетъ дать имъ нѣкоторые изъ министерскихъ портфелей, или, какъ говорятъ въ Англіи, печатей. Но для этого надобно было бы отказаться отъ постояннаго правила предводителей вигистской партіи, которые всегда берегли министерскія мѣста исключительно для членовъ пяти или шести главныхъ вигистскихъ фамилій; именно эта уступка—допущеніе въ кабинетъ людей средняго рода (употребляемъ удачное выраженіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ: оно какъ нельзя лучше характеризуетъ понятія владычествующихъ въ Англіи фамилій) по всей вѣроятности будетъ для Росселя и его товарищей тяжелѣе, нежели для Дерби и торійской партіи, которая такъ обветшала и оскудѣла умственными силами, что давно уже видитъ себя въ необходимости подкрѣплять свои кабинеты людьми средняго рода, терпѣла уже униженіе своему суздальскому чувству (прибѣгаемъ опять къ удачному выраженію того же соотечественника: только подобныя

Digitized by Google

выраженія и могутъ объяснять русскому читателю, почему Англія, при многихъ великихъ сторонахъ несомнѣннаго превосходства, не пользовалась до сихъ поръ популярностью на континентѣ), повинуясь Роберту Пилю, а теперь слушаясь д'Израэли, и уже притерпѣлась къ этой бѣдѣ.

Чтобы привлечь къ себѣ реформистовъ, Россель долженъ ввести въ свой билль тайную баллотировку,—введетъ ли онъ ее? Тяжело взять въ товарищи себѣ людей средняго рода; тяжело и подкопать основу аристократическаго господства надъ Палатою Общинъ. Но съ другой стороны, какъ же уступить Пальмерстону, ненавистнѣйшему сопернику, какъ не превзойти его въ либерализмѣ? А вѣдь приверженцы Пальмерстона уже соглашались на расширеніе избирательнаго права до какой угодно степени, хотя бы даже до всенароднаго избирательства. Стало быть превзойти ихъ въ этомъ пунктѣ нельзя, и остается только вопросъ о тайной баллотировкѣ. Что же касается до ослабленія зависимости выборовъ отъ аристократическаго вліянія, тутъ опять съ нѣкоторой непріятностью соединено и сильное удовольствіе, да и большая выгода. Почти всѣ большіе землевладѣльцы заклятые тори; уничтожить вліяніе лендлордовъ на выборы значитъ—подорвать въ самомъ корнѣ могущество торійской партіи: партія виговъ на четыре пятыхъ выходитъ изъ независимыхъ выборовъ, стало быть потеряетъ очень мало, потерявъ членовъ, даваемыхъ ей несвободными выборами, за то пріобрѣтаетъ множество новыхъ членовъ отъ выборовъ, которые выйдутъ изъ-подъ власти тори. А партія тори, вся до послѣдняго человѣка, входитъ въ Палату Общинъ только черезъ аристократическое вліяніе. Выражаясь терминами употребительными на континентѣ, тайная баллотировка имѣла бы такое вліяніе на составъ Палаты Общинъ: нынѣ правая сторона (Дерби) имѣетъ двѣ пятыхъ части голосовъ; центръ (Россель) также двѣ пятыхъ части; лѣвая сторона (Кобденъ, Брайтъ, Робакъ) одну пятую часть; чрезъ введеніе тайной баллотировки, отъ нынѣшней правой стороны уцѣлѣетъ развѣ четвертая часть; остальные ея голоса пополамъ раздѣлятся между двумя остающимися партіями. Такимъ образомъ нынѣшній центръ, нѣсколько подвинувшись направо, займетъ всю правую сторону и будетъ имѣть три пятыхъ части всѣхъ голосовъ, т. е. располагать рѣшительнымъ большинствомъ и господствовать, не нуждаясь уже ни въ какихъ союзахъ и уступкахъ. Выгоды для Росселя тутъ очевидныя. Потому многіе полагаютъ, что онъ введетъ въ свой билль тайную баллотировку. Отважится ли онъ на такое отступленіе отъ своихъ прежнихъ биллей, мы не знаемъ; но если отважится— побѣда его неподлежитъ сомнѣнію, покрайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ. Правда, пальмерстоновскіе виги могутъ тогда отшатнуться отъ него, но и вмѣстѣ съ тори едва ли составятъ они большинство.

Въ такомъ случаѣ правдоподобнѣйшій ходъ дѣлъ былъ бы слѣдующій: билль лорда Дерби отвергается (пренія, вѣроятно, начнутся съ него); это значитъ, что Палата предпочитаетъ билль Росселя. По парламентскимъ правиламъ, лордъ Дерби и его товарищи немедленно подаютъ въ отставку. Королева поручаетъ Росселю составить министерство. Обычай обязываетъ его взять своими товарищами въ министерство нѣсколько человѣкъ изъ реформистовъ, содѣйствовавшихъ паденію прежняго министерства. Но онъ можетъ не сдѣлать этого, и

Digitized by Google

для составленія большинства ввести въ министерство пальмерстоновскихъ виговъ и пилитовъ. По окончаніи преній и по утвержденіи Росселева билля парламентъ будетъ распущенъ и назначены выборы на основаніи новаго закона. Они, по всей вѣроятности, дадутъ Росселю такое большинство, что онъ будетъ въ состояніи освободиться отъ всякихъ союзниковъ, сколько нибудь стѣснительныхъ, и тогда реформисты будутъ: составлять оппозицію вигистскому министерству.

Довольно вѣроятнымъ представляется и другой случай. Если Россель не введетъ въ свой билль тайную баллотировку, реформисты будутъ поддерживать билль Дерби, который въ расширеніи права избирательства можетъ не пожалѣть уступокъ, чтобы превзойти Росселя либерализмомъ. Тогда билль Дерби проходитъ и торійское министерство назначаетъ новые выборы по утвержденіи своего билля королевой. Но только до этой поры и простирается разница между двумя случаями, о которыхъ мы говоримъ: результатъ новыхъ выборовъ всегда будетъ одинъ и тотъ же. Въ новомъ парламентѣ тори будутъ слабы, большинство пріобрѣтутъ виги, а реформисты, усилившись вдвое противъ нынѣшняго, будутъ составлять оппозицію.

Наконецъ можетъ представиться третій случай, который по нынѣшнему положенію дѣлъ вѣроятенъ не менѣе двухъ другихъ: упорство виговъ противъ коренной реформы можетъ взять такую силу надъ ихъ чувствами, что они захотятъ соединиться съ тори своими давнишними соперниками, лишь бы только дать какъ можно менѣе простора преобразованію. Тогда Дерби, Пальмерстонъ и Россель, или Дерби и Россель станутъ поддерживать одинъ и тотъ же билль, составленный изъ соединенія торійскаго съ вигистскимъ. Тогда изъ виговъ очень многіе отдѣлятся отъ своихъ прежнихъ предводителей и присоединятся къ реформистамъ. Но все-таки за массою остальныхъ виговъ вмѣстѣ съ тори будетъ очень сильное большинство. Они будутъ вынуждаться тогда къ уступкамъ уже не парламентскою необходимостью, а только вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое въ этомъ случаѣ получитъ наименьшее возможное удовлетвореніе. Возникнетъ коалиціонное министерство Росселя и Дерби или Росселя, Пальмерстона и Дерби; но и оно опять таки приходитъ къ тому же концу; послѣ новыхъ выборовъ виги получаютъ большинство и остаются одни полными господами въ кабинетѣ. Тогда въ новомъ парламентѣ тори сохранятъ нѣсколько больше голосовъ, хотя все-таки ослабѣютъ. Это сбереженіе нѣкоторой силы произойдетъ насчетъ виговъ, большинство которыхъ не будетъ такъ значительно, какъ въ двухъ другихъ случаяхъ.

Вотъ различные шансы для хода событій, и одинъ изъ трехъ, представленныхъ нами случаевъ, непремѣнно долженъ осуществиться, если не произойдетъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ теперь политическихъ событій на континентѣ въ недолгій промежутокъ, отдѣляющій насъ отъ преній о реформѣ. Мы видимъ, что каковы бы ни были политическіе маневры партій, дѣло все-таки должно придти къ одному и тому же концу послѣ новыхъ выборовъ: въ новомъ парламентѣ тори ослабѣютъ, виги пріобрѣтутъ большинство и войдутъ въ министерство на мѣсто тори; реформисты усилятся до того, что будутъ составлять оппозицію, между тѣмъ

Digitized by Google

какъ до сихъ поръ оппозиціею бывали поочередно только или виги или тори, для которыхъ реформисты служили не болѣе, какъ союзниками.

Отъ хода событій, отъ передачи кабинета однѣми партіями другимъ, обратимся къ соображенію о томъ, какое вліяніе обнаружитъ парламентская реформа на общій характеръ англійской политики. Если читатель хотя нѣсколько сочувствуетъ тѣмъ понятіямъ о ходѣ исторіи, которые выражены нами въ началѣ этого очерка, онъ не будетъ увлекаться блистательными надеждами и одобритъ наше правило: предполагать всегда наименѣе благопріятную для прогресса развязку каждаго кризиса. Вся исторія человѣчества внушаетъ скромность ожиданій отъ настоящаго. Да оно и лучше, когда не надѣешься ничего особенно выгоднаго или радостнаго: по крайней мѣрѣ избавляешься отъ разочарованій. За то когда надежды приведены къ наименьшему размѣру, какой только допускается здравымъ смысломъ, можно быть увѣреннымъ, что то немногое и малое, на что расчитываешь, уже неизбѣжно случится. А если противъ ожиданій обстоятельства повернутся нѣсколько благопріятнѣй, нежели могли бы повернуться въ наихудшемъ случаѣ, тогда принимаешь каждую данную ими прибавку, какъ сюрпризъ судьбы. Будемте предполагать, что намъ прійдется носить шубы до самаго іюня, а если теплая погода начнется раньше, тѣмъ лучше.

Мы возьмемъ самый худшій случай, какой возможенъ. Предположимъ, что виги и тори, забывая прежнее соперничество, соединяются для сопротивленія опасности, дѣйствительно грозящей одинаково и тѣмъ и другимъ. Вѣдь широкая реформа подорвала бы могущество не только тори, но и виговъ: виги усилились бы только на короткое время, и реформисты съ каждыми новыми выборами стали бы захватывать на ихъ счетъ все больше и больше депутатскихъ мѣстъ. Если пріятность временнаго торжества не возьметъ верха надъ желаніемъ упрочить свою нынѣшнюю силу, виги соединятся съ тори теперь же для сопротивленія реформистамъ. Тогда реформа будетъ имѣть наименьшій размѣръ. Пусть будетъ отвергнуто сокращеніе срока парламента, и жалованье депутатамъ, и тайная баллотировка и уничтоженіе ценса для кандидатовъ. Все-таки остаются еще два пункта, въ которыхъ старыя партіи не могутъ не сдѣлать уступокъ общественному мнѣнію, въ которыхъ онѣ уже рѣшились на уступки. Эти два пункта: измѣненіе избирательныхъ округовъ и расширеніе избирательства. И Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель, всѣ уже сказали, что этихъ двухъ вещей нельзя не сдѣлать. Пусть и въ нихъ уступка будетъ сдѣлана самая меньшая, хотя бы даже ничтожная, хотя бы даже на первое время чисто формальная и вздорная. Пусть останется очень рѣзкая непропорціональность между числомъ депутатовъ и населеніемъ округовъ. Пусть основою для расширенія избирательнаго права будетъ принята не самостоятельность и какое бы то ни было участіе въ платежѣ прямыхъ мѣстныхъ податей, а только пониженіе ценса, которое давно уже предлагаютъ и Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель. Все-таки въ городахъ избирателями сдѣлаются довольно многіе простолюдины и слѣдовательно отъ тѣхъ большихъ городовъ, гдѣ выборы имѣютъ уже и теперь независимость, депутатами въ парламентъ будутъ назначаться люди, служащіе болѣе точными представителями національныхъ потребностей,

Digitized by Google

нежели теперь; и все-таки въ нѣкоторыхъ изъ маленькихъ городовъ, не имѣющихъ независимости, будетъ взято нѣсколько депутатовъ и передано большимъ независимымъ городамъ. Въ результатѣ число депутатовъ, дѣйствительно представляющихъ въ парламентѣ національныя потребности, все таки значительно увеличится и качество ихъ, если можно такъ выразиться, степень соотвѣтственности ихъ голосовъ съ голосомъ націи, улучшится. Ихъ будетъ больше, это значитъ, усилится ихъ вліяніе на парламентскія пренія; смыслъ ихъ рѣчей улучшится, это значитъ, что съ большею противъ прежняго силою они будутъ требовать отъ парламента для блага націи, больше, нежели могли требовать до сихъ поръ. Словомъ сказать, пусть реформа будетъ обрѣзана старыми партіями до послѣдней крайности,—все же она усилитъ въ парламентѣ людей, заботящихся о благѣ націи, т. е. хотя нѣсколько облегчитъ дальнѣйшій путь къ болѣе полнымъ реформамъ, а до той поры, до осуществленія болѣе полныхъ реформъ, все-таки принудитъ парламентъ хотя на одну каплю болѣе думать объ истинныхъ потребностяхъ націи, нежели какъ было до сихъ поръ. Этого мы не „надѣемся“ отъ реформы,—„надѣяться“ тутъ выраженіе неумѣстное: развѣ говорится: я надѣюсь, что 20 января солнце взойдетъ нѣсколько раньше и закатится нѣсколько позже, чѣмъ 19? Развѣ говорится: „я надѣюсь, что февраль будетъ нѣсколько теплѣе января?“ Нѣтъ, говорится просто: я знаю это,—какъ и мы скажемъ просто: мы знаемъ, что реформа дастъ англійской націи больше силы надъ веденіемъ англійской политики, нежели сколько нація имѣла силы до сихъ поръ.

Англійская нація не совсѣмъ похожа на лорда Пальмерстона и ему подобныхъ буяновъ надъ слабыми, трусовъ передъ сильными. Она, какъ и всѣ европейскія націи, живетъ своимъ трудомъ, стало быть не имѣетъ ни времени, ни охоты безъ нужды вмѣшиваться въ чужія дѣла, а хочетъ только заботиться о своемъ благосостояніи, искренно желаетъ добра и другимъ. Она, какъ и всѣ трудящіеся люди, хотѣла бы только того, чтобы лучшимъ устройствомъ ея домашнихъ отношеній было облегчено ея существованіе, и каждому изъ ея трудящихся членовъ дана возможность, послѣ тяжелой дневной работы, отдохнуть вечеромъ у домашняго очага, дана возможность имѣть нѣсколько досуга, при которомъ человѣкъ изъ чернорабочей машины мало по малу становится дѣйствительно человѣкомъ.

Но мы забыли еще одинъ шансъ. Если не вспыхнетъ какая нибудь неправдоподобная война въ два три слѣдующіе мѣсяца и не отвлечетъ бѣдную націю, жертву чужаго честолюбія и легкомыслія, отъ заботы о своихъ дѣлахъ, то билль о реформѣ будетъ принятъ Палатою Общинъ въ нынѣшнюю сессію, т. е. никакъ не дальше половины нынѣшняго года. Но вѣдь этимъ еще не кончается дѣло: билль, прошедши черезъ Палату Общинъ, нуждается потомъ въ согласіи Палаты Лордовъ, и только прошедши черезъ нее, получаетъ утвержденіе королевы. Что, если Палата Лордовъ отвергнетъ билль? Едва ли. Въ подобныхъ вопросахъ не допускается сопротивленіе Палатѣ Общинъ. Это не какой нибудь вопросъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ; это не какія нибудь дрязги, въ которыхъ Палата Общинъ можетъ перенести отказъ: тутъ отказъ повле[illegible] собою принятіе рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія самой возмо[illegible] тивленія; дѣло можетъ коснуться состава Палаты Лордовъ. Н[illegible]

Digitized by Google

момъ дѣлѣ палата лордовъ отвергла билль, этимъ она произвела бы развѣ отсрочку на одинъ годъ, и въ этотъ годъ агитація приняла бы такіе размѣры, что никто не могъ бы уже и подумать о дальнѣйшемъ сопротивленіи; да и самыя требованія сильно возвысились бы и билль слѣдующаго года былъ бы гораздо радикальнѣе нынѣшняго, каковъ бы ни былъ нынѣшній; слѣдовательно, отказъ Палаты Лордовъ послужилъ бы только въ пользу реформѣ.

Мы успѣли представить очеркъ только двухъ вопросовъ изъ всего безчисленнаго множества дѣлъ, занимающихъ Западную Европу. Въ числѣ этихъ дѣлъ есть довольно важныя; напр. въ Англіи вопросъ объ Іоническихъ островахъ; во Франціи, Австріи и Сардиніи, вопросъ о Ломбардо-Венеціанскихъ земляхъ; въ Турціи и Австріи, отчасти Франціи и Англіи—вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ и Сербіи; вопросъ о направленіи новаго правительства въ Пруссіи; есть кромѣ того вѣчные вопросы о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, о Кубѣ, о Центральной Америкѣ и Богъ знаетъ еще сколько другихъ исторій, дающихъ занятіе дипломатамъ и газетамъ. Кромѣ всего этого, еще тянется война въ Остъ-Индіи, дѣлаютъ что-то европейцы въ Кохинхинѣ, проникаютъ въ Китай и Японію. Обо всемъ этомъ до слѣдующихъ книжекъ.

P. S. *15 января 1859.* Когда наша статья уже печаталась, мы получили газеты съ извѣстіемъ о митингѣ 17 января въ Бредфордѣ, гдѣ Брайтъ довольно полно изложилъ главныя основанія своего билля. Смыслъ этихъ оснований и шансы, которые указываются ими для реформаціонной партіи, объяснять теперь было бы слишкомъ долго. Замѣтимъ только два обстоятельства: билль составленъ въ духѣ чрезвычайно умѣренномъ и очевидно произвелъ въ обществѣ очень благопріятное впечатлѣніе, потому что газеты, враждовавшія противъ Брайта (и во главѣ ихъ Times) почли нужнымъ хвалить его билль, хотя и продолжаютъ возставать противъ его личности. Кромѣ того, есть въ рѣчи Брайта нѣсколько выраженій, по которымъ надобно заключать, что предводители одной изъ старыхъ аристократическихъ партій вступили съ нимъ въ переговоры. Онъ говоритъ о „могущественныхъ людяхъ, симпатія которыхъ съ нимъ которые наблюдаютъ признаки времени и ждутъ извѣстій о митингахъ подобныхъ настоящему для опредѣленія своего пути“. Кого надобно разумѣть подъ этими словами, виговъ или тори? Судя по тому, что Брайтъ сильно настаиваетъ на передачѣ большимъ городамъ почти всѣхъ депутатскихъ мѣстъ, отнимаемыхъ у мелкихъ, несамостоятельныхъ городовъ, и никакъ не соглашается уступить ихъ земледѣльческимъ графствамъ, можно предполагать, что онъ сходится съ вигами: тори никогда не согласились бы въ этомъ отношеніи на уступки, а виги сами держатся того же плана, какъ Брайтъ. Но эта догадка—не болѣе, какъ наша догадка. Да и самые переговоры, съ кѣмъ бы ни велись они, могутъ разстроиться: посмотримъ, согласится ли Россель на баллотировку,—отъ этого зависитъ очень многое.

JUN 12 1918

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ VI.

СОВРЕМЕННИКЪ 1860.

(Критика и библіографія.—Статьи экономическія.—
Отдѣлъ „Политика“).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая ул., 27.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ VI.

СОВРЕМЕННИКЪ 1860.

(Критика и библіографія.—Статьи экономическія.— Отдѣлъ „Политика").

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая ул., 27.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ VI ТОМА

„СОВРЕМЕННИКЪ“ 1860.

Стр.

№ 1 **Капиталъ и трудъ**. (Начала политической экономіи, И. Горлова). . . . 1

Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на Современникъ 1859 г. 51

№№ 1, 2 и 5 **Іюльская монархія**: I.—Характеръ Луи-Филиппа.—Смерть принца Конде.—Процессъ министровъ Карла X.—Открытый разрывъ съ демократами, потомъ и съ либералами.—Отставка Лафайета и Лафита.—Министерство Казиміра Перье.—Размѣръ улучшеній, произошедшихъ изъ іюльскихъ событій.—Новый элементъ французской исторіи.—Ліонское возстаніе. 53

II.—Королевскій бюджетъ.—Вандейское возстаніе и плѣнъ герцогини Беррійской. — Похороны Ламарка и возстаніе 5—6 іюня 98

III.—Процессъ Менильмонтанскаго семейства. . . . 127

№ 2 **Лѣность грубаго простонародья** 151

№№ 4 и 5 **Антропологическій принципъ въ философіи**. 179

№ 5 **Замѣчаніе на „Послѣднее слово г. Погодину“ г. Костомарова** . . 240

№ 6 **Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной**. 243

Библіографія: — Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. О. Новицкаго 265

— Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи. Соч. Н. Готорна 274

— Историческая Библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія, Шлоссера 285

№№ 7 и 8 **Прадѣдовскіе нравы** (Записки Державина) 289

№ 7 **Библіографія**: — Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки Александра Смирнова. 331

— Изъ Украйны. Сказки и повѣсти Г. П. Данилевскаго 337

№ 8 **Библіографія**: — Новѣйшая исторія, соч. Д-ра Лоренца . . . . . . —

№ 9 **Библіографія**: — Молинари. Курсъ политической экономіи 339

— Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской имперіи до французской революціи, соч. Гизо . . 346

№ 10 **Библіографія**: — Записки Льва Николаевича Энгельгардта 350

№ 12 **Предложеніе г. Закревскаго относительно виннаго акциза** 359

Нынѣшніе англійскіе виги (Маколей, т. I). 373

Библіографія: — Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губ., составилъ М. Барановичъ 391

— Экономическая Библіотека. Промышленныя предпріятія, Курсель-Сенёля 402

— О судоустройствѣ. Соч. Бентама. 404

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

(Особый отдѣлъ „СОВРЕМЕННИКА“).

Стр.

1860 г. № 1 — Перемѣна въ положеніи итальянскаго вопроса.—Сближеніе Франціи съ Англіею.—Консультація о декретѣ 17 февраля 1852 г.—Приложенія: I. „Папа и конгрессъ“. II. „Разговоръ француза съ англичаниномъ“ 415

№ 2 — Отношеніе французской политики къ дѣлу итальянской независимости.—Французская программа о введеніи свободной торговли.—Неудача торійской попытки низвернуть министерство Пальмерстона 444

№ 3 — Соединеніе центральной Италіи съ сѣверною.—Уступка Савойи.—Отношеніе Англіи къ Савойскому вопросу 459

№ 4 — Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи.—Сцена 19 марта въ Римѣ.—Апрѣльскія сцены въ Палермо и въ Мессинѣ — Сцена 15 марта въ Пештѣ.—Кончина Брука 484

№ 5 — Сицилійскія дѣла.—Конституція, полученная Австріею.—Либерализмъ французскаго сената.—Парламентская реформа въ Англіи. 514

№ 6 — Письма изъ Палермо въ газету „Times“. 546

№ 7 — Неаполитанскія и сицилійскія дѣла. — Баденское свиданіе.—Судьба билля объ отмѣнѣ пошлины съ бумаги въ Англіи.—Извлеченіе изъ палермской корреспонденціи Times'а. . 579

№ 8 — Сицилійскія и неаполитанскія дѣла 620

№ 9 — Письма корреспондента Times'а, находящагося при штабѣ Гарибальди.—Общій очеркъ хода событій въ южной и средней Италіи 636

№ 10 — Итальянскія дѣла.—Борьба на Вольтурно.—Уничтоженіе папской арміи.—Борьба между Кавуромъ и Гарибальди.—Австрійская конституція 682

№ 11 — Реформы въ Австріи.—Реформы во Франціи.—Итальянскія дѣла.—6 ноября 1860 г. въ Соединенныхъ Штатахъ . 710

№ 12 — Австрійскія дѣла.—Программа Шмерлинга.—Развитіе венгерскихъ отношеній.—Вопросъ о народностяхъ въ Венгріи.—Италія.—Декретъ 24 ноября во Франціи.—Вопросъ о сохраненіи или расторженіи союза въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 732

Digitized by Google

КАПИТАЛЪ И ТРУДЪ.

(**Начала политической экономіи**, сочиненіе *Ивана Горлова*. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1859).

Читателю извѣстно, что мы не очень усердно покланяемся той системѣ политической экономіи, которая, по незаслуженному счастью, до сихъ поръ считается у насъ единственною и полною представительницею всей науки. Если мы скажемъ, что г. Горловъ ни на шагъ не дерзаетъ отступать отъ этой системы, читатель можетъ предположить, что наша статья будетъ содержать жестокое нападеніе на сочиненіе г. Горлова. Нѣтъ,—мы не находимъ, чтобы эта книга заслуживала такой участи или такого вниманія.

Г. Горловъ излагаетъ систему, которую мы не одобряемъ; но онъ, какъ изъ всего видно, держится этой системы только потому, что гораздо легче знать вещи, о которыхъ толкуютъ во всѣхъ книгахъ уже цѣлыхъ сто лѣтъ, нежели усвоить себѣ понятія, явившіяся не очень давно. Ломоносовъ былъ великій писатель—кому это не извѣстно? А то, что Гоголь также великій писатель, еще далеко не всѣмъ понятно. За что же нападать на человѣка, который, вѣчно толкуя о Ломоносовѣ, не цѣнитъ Гоголя потому только, что родился „въ настоящее время, когда“, чтобы понимать Гоголя, надобно слѣдить за литературою, а не черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда слава Гоголя войдетъ въ рутину? Это просто отсталой человѣкъ; отсталость должна въ чувствительной душѣ возбуждать сожалѣніе, а не гнѣвъ.

Порицать книгу г. Горлова мы не находимъ надобности; хвалить ее мы, пожалуй, были бы готовы, но какъ ни старались набрать въ ней матеріалы для похвалъ, набрали ихъ не много. Изложеніе книги не очень дурно; хорошимъ назвать его нельзя, потому что оно вяло и скучно. Мыслей, которыя считаются дурными у людей, взятыхъ г. Горловымъ за руководителей, у г. Горлова нѣтъ; но за то нѣтъ и ни одной сколько нибудь свѣжей или самостоятельной мысли, — а мы могли бы ожидать найти двѣ, три такихъ мысли, потому что нѣкоторая (умѣренная) свѣжесть и нѣкоторая (мелочная) самостоятельность допускаются даже школою, къ которой принадлежитъ г. Горловъ. Ученость,—и того мы не нашли. Есть заимствованія изъ Рошера, Рау, Милля, Макъ-Куллоха, показывающія знакомство съ этими писателями; но ихъ книги не такая рѣдкость, чтобы уже и превозносить того, кому случится познакомиться съ ними. Главнымъ рессурсомъ для г. Горлова служитъ, повидимому, „Словарь Политической Экономіи“ Гильйомена, — книга хорошая, спору нѣтъ, но вовсе не имѣющая своимъ назначеніемъ служить источникомъ для ученыхъ сооруженій. За что же можно похвалить г. Горлова? Развѣ

Digitized by Google

за спокойствіе, умѣренность и скромность тона? Правда, это не составляетъ особеннаго достоинства при вялости изложенія, а должно считаться только слѣдствіемъ вялости; но такъ и быть, похвалимъ его книгу за отсутствіе излишнихъ претензій.

Говоря безъ тонкостей, это значитъ: мы не намѣрены нападать на книгу г. Горлова потому, что, при всей своей почтенности, она не заслуживаетъ вниманія. Есть читатели, очень мнительные, которымъ все надобно доказывать. Къ числу ихъ въ настоящемъ случаѣ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать и г. Горловъ. „Вы говорите, что моя книга не заслуживаетъ вниманія,—извольте же доказать это". Пожалуй. Въ доказательство возьмемъ, чтобы не ходить далеко, хотя предисловіе къ „Началамъ политической экономіи". Вотъ оно, все вполнѣ. Читатель, который повѣритъ намъ на слово, можетъ пропустить эту выписку, потому что, предупреждаемъ его, онъ не найдетъ въ ней ничего, заслуживающаго труда быть прочтеннымъ.

„Въ настоящее время въ Россіи поднято много весьма важныхъ вопросовъ, тѣсно соединенныхъ съ народнымъ благосостояніемъ. Чтобъ прояснить свои понятія объ этихъ вопросахъ, общество обратилось къ наукѣ, дотолѣ находившейся у насъ въ совершенномъ забвеніи—къ государственной экономіи. Тогда оказалось, что хотя наука эта прежде и не была разработываема въ нашей литературѣ, но что начала ея были болѣе или менѣе распространены между многими образованными людьми, чрезъ университетское преподаваніе или чрезъ изученіе иностранныхъ сочиненій. Ибо, по первому призыву общественнаго мнѣнія, возбужденнаго вопросами о свободѣ труда въ сельскомъ хозяйствѣ и торговлѣ, о способахъ владѣнія землею, о монополіяхъ и другихъ предметахъ, появились не только особые отдѣлы въ журналахъ, имъ посвященные, но даже основались спеціальные журналы, назначенные для разработки экономическихъ идей и руководимые людьми, весьма свѣдущими. При такомъ направленіи нащего времени и при такихъ его потребностяхъ, напрасно было бы оправдывать появленіе книги, заключающей въ себѣ изложеніе началъ государственной экономіи.

„Однако же тѣ ошиблись бы, которые, имѣя въ виду вопросы современности, стали бы искать въ этой книгѣ практическихъ правилъ и способовъ дѣйствія въ данныхъ случаяхъ. Въ настоящее время появляется въ Россіи много разныхъ плановъ и экономическихъ проэктовъ. Но не такова задача этой книги: она чужда всякаго прожектерства и не есть собраніе какихъ нибудь политико-экономическихъ рецептовъ и способовъ. Въ ней только излагаются естественные законы экономіи народовъ, и мы почти могли бы сказать вмѣстѣ съ французскимъ экономистомъ К. Дюнойэ—*je n'impose rien, je ne propose même rien, j'expose*. Но живая потребность ощущается, и именно теперь, въ изученіи этихъ естественныхъ законовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если прежнія искусственныя организаціи народной экономіи, произведенныя историческими обстоятельствами, удаляются со сцены, то надобно знать, какимъ естественнымъ законамъ будетъ слѣдовать народная экономія, когда она будетъ предоставлена самой себѣ.

„При этомъ случаѣ, такъ называемые практики конечно упрекнутъ насъ въ ограниченности взгляда, который довольствуется старою, заброшенною формулою *laissez faire* и полагается на естественные законы. Мы же, съ своей стороны, находимъ, что эта формула есть великое, хотя и не исключительное начало, что она уже принесла и принесетъ еще огромную пользу всякій разъ, когда заставитъ общество убѣдиться въ безполезности разныхъ искусственныхъ организацій, въ родѣ *glebae adscriptio* и тому подобныхъ. А естественные законы установлены тою же великою Силою, которая управляетъ цѣлымъ міромъ; слѣдовательно, по натурѣ своей, они не могутъ быть бѣдственны и разрушительны, и разсмотрѣніе ихъ всегда можетъ сдѣлаться достойнымъ предметомъ весьма важной науки.

„Намъ скажутъ, что подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ человѣкъ не только живетъ, но страдаетъ и погибаетъ. Это справедливо; такъ что же изъ этого? По естественнымъ законамъ человѣкъ можетъ впадать въ бѣдность и растроивать свое эконо-

Digitized by Google

мическое положеніе. Изъ этого выходитъ только то, что ему необходимо законы эти изучать, чтобъ изъ нихъ извлекать всю пользу и напротивъ избѣгать зла. Съ послѣднею цѣлію общество принимаетъ нѣкоторыя мѣры; но это не показываетъ, что надлежитъ отвергнуть формулу *laissez faire;* это показываетъ только, что надлежитъ въ извѣстныхъ случаяхъ ее дополнять. Какова была бы медицина, еслибъ она утверждала, что, для поддержанія здоровья человѣка, надлежитъ постоянно возбуждать искусственными средствами его аппетитъ и таковыми же очищать его тѣло, и что природа этого сдѣлать не можетъ, будучи предоставлена самой себѣ? И однако же, прежнія экономическія системы были проникнуты духомъ именно подобной медицины, ибо онѣ искусственно возбуждали производство и потребленіе цѣнностей въ обществахъ, не понимая, что для нихъ существуютъ естественные законы. Такихъ-то экономическихъ системъ мы не признаемъ, и желаемъ, чтобы онѣ отъ прежней сложности дѣйствія и искусственности обратились къ потерянной простотѣ и естественности.

„Итакъ мы излагаемъ теорію, естественные законы экономіи народовъ. Но теорія была бы жалкою и безплодною отвлеченностію, еслибъ она отвращалась отъ явленій современности, которыя совершаются предъ глазами всѣхъ и живо занимаютъ всѣхъ, кому дороги важнѣйшіе интересы человѣчества. Въ объясненіи именно этихъ явленій лежитъ практическое значеніе теорій, излагаемыхъ въ наукѣ. Современные экономисты, Мекколлокъ и Рошеръ, справедливо замѣтили, что важнѣйшая задача теоретика состоитъ въ томъ, чтобы выразить и разсмотрѣть съ надлежащею основательностію потребности своего времени. Мы старались не выпускать изъ виду эту точку зрѣнія, излагая отвлеченныя истины экономической науки, и можетъ быть это-то придастъ нашей книгѣ нѣкоторую особенность и практичность, несмотря на то, что въ ней нѣтъ готовыхъ плановъ дѣйствія и экономическихъ проэктовъ“.

Обращаемся теперь къ недовѣрчивымъ читателямъ, которые были своею мнительностью принуждены прочесть выписанное нами предисловіе г. Горлова, и спрашиваемъ ихъ: чего должно ожидать отъ книги, имѣющей подобное предисловіе? Отъ него вѣетъ шестидесятилѣтнею рутиною, вы по крайней мѣрѣ двадцать разъ читали въ разныхъ книгахъ все то, что сказано на этихъ страницахъ,—и какимъ рутиннымъ тономъ изложены эти всѣмъ и всякому давно наскучившія мысли! Обратите вниманіе хотя на начало: „Въ настоящее время въ Россіи поднято весьма много важныхъ вопросовъ“—вѣдь этими самыми словами начинаетъ нынѣ рѣшительно каждый, что бы ни началъ писать,—фельетонъ о загородныхъ гуляньяхъ или пѣніи г-жи Лагруа въ „Нормѣ“, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ или о новоизобрѣтенной помадѣ для рощенія волосъ. Итакъ, „въ настоящее время“ появленіе „Началъ политической экономіи“ своевременно. Почему же? Вѣроятно потому, что она даетъ рѣшенія для „вопросовъ“, поднятыхъ въ настоящее время? Нѣтъ, она „не есть собраніе политико-экономическихъ рецептовъ и способовъ *(къ чему?)*. — Въ ней не найдется практическихъ правилъ и способовъ дѣйствія въ данныхъ случаяхъ“. Она только описываетъ, а не предписываетъ—прекрасно; но въ такомъ случаѣ къ чему же начинать фразою „въ настоящее время“? И какою ветхостью пахнетъ мысль, что наука только описываетъ факты, а не предлагаетъ правилъ! Неужели изъ такихъ фразъ можно составлять предисловія? И кто придумалъ эту мысль? Несчастный Жанъ-Батистъ Сэ, какъ уловку для смягченія Наполеона, не любившаго, чтобы „идеологи“ мѣшали ему воевать! Это—отговорка, избитая уловка, а г. Горловъ принимаетъ ее за чистую монету. Гдѣ вы найдете книгу о политической экономіи, которая не требовала бы свободы труда и отмѣненія протекціонной системы? Самъ г. Горловъ требуетъ этихъ вещей. Почему же онъ не замѣчаетъ, что книга его противорѣчитъ своему предисловію? — Потому не замѣ-

Digitized by Google

чаетъ, что и содержаніе книги, и содержаніе предисловія имъ составлены просто по рутинѣ. Довольно будетъ того, говоритъ онъ, если наука убѣдитъ въ безполезности искусственныхъ организацій, „въ родѣ glebae adscriptio“ — какая скромность въ прелестномъ выраженіи glebae adscriptio вмѣсто „крѣпостное право“! Книга подписана г. ценсоромъ 6 апрѣля и 11 августа 1859 года, когда уже свободно позволялось говорить о вредѣ крѣпостного права, а г. Горловъ все еще не рѣшился употребить этотъ прямой терминъ въ предисловіи къ ней, какъ будто писалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И будто бы крѣпостное право—искусственная организація? Просмотрите книгу ле-Пле „Les ouvriers“ или хотя Рошера,—вы увидите, что оно возникаетъ такъ же естественно, какъ впослѣдствіи возникаетъ отношеніе наемнаго работника къ капиталисту. Естественность извѣстнаго явленія, къ сожалѣнію, вовсе не ручается за его сообразность съ здравыми экономическими понятіями. У древнихъ, напримѣръ, естественно развилось въ теоріи понятіе, а въ практикѣ явился обычай, что свободному гражданину неприлично работать—ну что тутъ хорошаго? Начитавшись Бастіа, который особенно много разыгрывалъ варіацій на слово искусственность, г. Горловъ забылъ, что искусственнымъ образомъ не производится въ общественной жизни ровно ничего, а все создается естественнымъ образомъ,—дѣло не въ томъ, чтобы сказать „это естественно“, а въ томъ, чтобы разобрать, ко вреду или къ пользѣ общества это служитъ. Вѣдь и протекціонная система—явленіе совершенно естественное въ извѣстныхъ обстоятельствахъ (то есть, когда масса не имѣетъ здравыхъ экономическихъ понятій, проникнута завистью къ иноземцамъ, думаетъ, что богатство состоитъ главнымъ образомъ въ деньгахъ и т. д.),—а по словамъ самого г. Горлова, въ ней нѣтъ ничего хорошаго. Война тоже—дѣло самое естественное, и останется самымъ естественнымъ дѣломъ въ исторіи, пока массы не будутъ перевоспитаны. Г. Горловъ вслѣдъ за своими учителями говоритъ о естественности и искусственности, но сами его учители не знаютъ хорошенько смысла употребляемыхъ ими понятій; мы на слѣдующихъ страницахъ поговоримъ объ этомъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ еще одинъ милый фактъ все о томъ же деликатномъ glebae adscriptio. „Въ настоящее время, когда поднято такъ много вопросовъ“, ведется дѣло, между прочимъ, и объ уничтоженіи у насъ крѣпостнаго права. У насъ нѣкоторые полагаютъ, что освобождаемые крестьяне будутъ лѣниться, не захотятъ наниматься на обработку полей, и земледѣліе упадетъ, количество производимаго Россіею хлѣба уменьшится отъ освобожденія крестьянъ. Интересно было бы знать, подтверждаются ли такія опасенія послѣдствіями подобныхъ реформъ въ другихъ странахъ. О томъ, каковы были экономическія послѣдствія освобожденія крестьянъ во Франціи, Пруссіи, Австріи и другихъ европейскихъ земляхъ—г. Горловъ ничего не говоритъ; единственный примѣръ освобожденія, экономическіе результаты котораго подробно пояснены у него—уничтоженіе рабства въ англійскихъ и французскихъ колоніяхъ. Къ чему же привела эманципація англійскихъ вестъ-индскихъ невольниковъ? Вотъ къ чему, по словамъ г. Горлова (стр. 145 и 146). „Для плантаторовъ оказались неудобства, состоявшія въ томъ, что рабочихъ нельзя было находить безъ большаго затрудненія. Негры не хотѣли заниматься прежними работами, а стали воздѣлывать пустопорожнія земли, или заниматься мелкими промыслами, или предаваться праздности. Только огромная плата могла привлечь ихъ на плантаціи, такъ что во время жатвы поденьщики получали до 3 и даже 4 рублей. Это положеніе, проистекавшее отъ

Digitized by Google

недостатка рукъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было причиною того, что работа на многихъ плантаціяхъ была совершенно прекращена. Разумѣется, и производство сахару соотвѣтственно уменьшилось". Затѣмъ слѣдуетъ ссылка, разумѣется, на Dictionnaire de l'économie politique, служащій главнымъ рессурсомъ для г. Горлова, и приводится изъ этого словаря таблица, показывающая, по словамъ г. Горлова, что „производство сахару, постепенно уменьшаясь, дошло только до двухъ третей въ періодъ 1842—1846 годовъ" сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое производилось въ 1827—1831 годахъ, до освобожденія негровъ. Далѣе, г. Горловъ подробно объясняетъ, „до какой степени пострадали колоніи" отъ освобожденія негровъ. Въ Гвіанѣ, напримѣръ, по его словамъ, „цѣна многихъ плантацій чрезвычайно упала", и заключаетъ свое разсужденіе словами: „итакъ, съ экономической точки зрѣнія и имѣя въ виду одни только настоящіе, современные интересы, эманципація была дѣломъ разорительнымъ" (стр. 147). На той же и слѣдующей страницахъ говорится, опять по свидѣтельству того же драгоцѣннаго ученаго пособія, Dictionnaire de l'économie politique, что „тѣ же хозяйственныя послѣдствія, которыя обнаружились въ англійскихъ владѣніяхъ, оказались и во французскихъ колоніяхъ" и до сихъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, „благосостояніе колоній все еще не возстановилось" (стр. 148). Dictionnaire de l'économie politique, изданный для французской публики, можетъ безопасно говорить ей объ этомъ предметѣ какой угодно вздоръ, потому что освобожденіе тамъ — уже дѣло конченное и безвозвратное. Но русскій авторъ, пишущій для общества, въ которомъ вопросъ объ освобожденіи еще не покончень, не долженъ былъ бы безъ всякой критики заимствовать всякое пустословіе о вредныхъ послѣдствіяхъ освобожденія — изъ французскихъ книжекъ или книжищъ съ дурнымъ направленіемъ, потому что у насъ нелѣпыя сужденія объ этомъ предметѣ могутъ имѣть дурное вліяніе. Если бы г. Горловъ потрудился справиться съ отчетами о совѣщаніяхъ французскаго конституціоннаго собранія 1848 года, провозгласившаго освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ, онъ увидѣлъ бы, что та партія, которая писала статьи Dictionnaire de l'économie politique, была партіею плантаторовъ, противилась освобожденію негровъ, и увидѣлъ бы, какъ опровергались мнѣнія этихъ почтенныхъ людей Шёльхеромъ, главнымъ двигателемъ освобожденіе негровъ. Онъ понялъ бы тогда, что бѣдствія, на которыя жалуются французскія плантаторы, были произведены не освобожденіемъ негровъ, а безразсуднымъ поведеніемъ самихъ плантаторовъ, противившихся освобожденію, раздражившихъ негровъ и не захотѣвшихъ вести свое хозяйство раціональнымъ образомъ. Онъ могъ бы оцѣнить тогда справедливость ихъ жалобъ на лѣность негровъ. Дѣло очень просто: плантаторы не хотѣли по освобожденіи негровъ измѣнить порядка работъ, существовавшаго при невольничествѣ, не хотѣли обращаться съ неграми, какъ съ людьми свободными, хотѣли сохранить на работахъ бичъ, какъ поощреніе къ труду, не хотѣли ни платить неграмъ за работу, ни измѣнить устройства своихъ плантацій такъ, какъ требовали новыя условія труда. Само собою разумѣется, что и въ Пруссіи разорился бы тотъ помѣщикъ, который захотѣлъ бы теперь сохранять въ своемъ помѣстьи барщину и плеть. Совершенно неизвинительно легкомысліе, съ которымъ г. Горловъ также повторяетъ жалобы англійскихъ вестъ-индскихъ плантаторовъ. Если бы онъ потрудился прочесть полемику, которая велась объ этомъ предметѣ въ англійскихъ газетахъ много разъ, и между прочимъ въ началѣ нынѣшняго года, онъ увидѣлъ

Digitized by Google

бы, что жалобы плантаторовъ на неохоту негровъ работать—лишены всякаго основанія,—да, повторяемъ: лишены *всякаго* основанія. Плантаторы въ большей части колоній просто не хотятъ платить имъ порядочнаго жалованья, — это доказано официальнымъ образомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ сами губернаторы колоній. А въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ плантаторы отказались отъ вражды противъ негровъ, гдѣ они нанимаютъ ихъ по добровольному соглашенію, какъ нанимаются работники въ Западной Европѣ, *никакого* недостатка въ рабочихъ силахъ не чувствуется и негры работаютъ какъ нельзя усерднѣе. Напрасно г. Горловъ принялъ безъ критики пустословіе Dictionnaire de l'économie politique, напрасно онъ не потрудился справиться съ подлинными документами. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли освобожденіе въ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ имѣло тѣ слѣдствія, какъ утверждаютъ плантаторы, слова которыхъ легковѣрно повторяетъ г. Горловъ, слишкомъ важенъ для насъ; потому въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Современника" мы переведемъ статью Edinburgh Review, подробно излагающую ходъ дѣла въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ. Документы, въ ней приводимые, доказываютъ, что экономическое паденіе колоній началось задолго до уничтоженія невольничества; что главною причиною его было самое существованіе невольничества; что производство сахара въ колоніяхъ начало уменьшаться до уничтоженія невольничества; что эманципація не усилила этого явленія, происходившаго отъ другихъ причинъ; что, напротивъ, выгодныя послѣдствія его наконецъ одолѣли силу причинъ, уменьшавшихъ производство сахару, что свободный трудъ далъ плантаторамъ возможность выдержать соперничество съ другими производящими сахаръ странами, которыя совершенно задавили бы производство англійскихъ колоній, если бы эти колоніи сохранили невольничество, — однимъ словомъ, что освобожденіе негровъ имѣло послѣдствія, совершенно противныя тѣмъ, какія приписываются ему неразумною злобою плантаторовъ,—не разорило колоніи, а спасло ихъ отъ совершеннаго разоренія, являвшагося слѣдствіемъ невольничества.

Понятіе, сообщаемое намъ книгою г. Горлова о послѣдствіяхъ эманципаціи, можетъ служить примѣромъ того, до какой степени оправдываются содержаніемъ его книги слова его, будто бы онъ „не выпускалъ изъ виду точку зрѣнія", по которой „важнѣйшая задача теоретика состоитъ въ томъ, чтобы выразить и разсмотрѣть съ надлежащею основательностью потребности своего времени". Надобно ли говорить о томъ, сколько свѣжести и занимательности имѣетъ столь удачно осуществляемая имъ мысль, что „теорія", „не давая готовыхъ плановъ дѣйствія", не должна однако же „отвращаться отъ явленій современности, которыя совершаются передъ глазами всѣхъ и живо занимаютъ всѣхъ, кому дороги важнѣйшіе интересы человѣчества"?

Такимъ образомъ, предисловіе г. Горлова составлено изъ мыслей, которыя быть можетъ имѣли свѣжесть лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, но составлять изъ которыхъ предисловіе къ сочиненію, издаваемому „въ настоящее время", быть можетъ значитъ наводить читателя на предположеніе, что онъ въ самой книгѣ не найдетъ ничего, кромѣ истертой школьной рутины. Вдобавокъ, сличеніе этихъ обѣщаній предисловія съ содержаніемъ книги показало намъ, что г. Горловъ набираетъ ветхіе взгляды изъ своихъ учителей, не думая о томъ, оправдываются ли они подробностями той самой теоріи, которую онъ излагаетъ. Онъ возстаетъ противъ искусственности и не замѣчаетъ, что напримѣръ меркантильная система, которую главнымъ

Digitized by Google

образомъ имѣетъ онъ въ виду („прежнія экономическія системы“, которыя „искусственно возбуждали производство и потребленіе цѣнностей въ обществахъ“—эти слова явно служатъ характеристикою меркантильной системы),—не замѣчаетъ того, что меркантильная система была въ свое время явленіемъ самымъ естественнымъ, да и никогда не бывало ничего искусственнаго въ экономическихъ явленіяхъ; онъ заимствуетъ слово искусственность изъ Бастіа, не замѣчая, что оно годилось только для полемики, а серьёзнаго смысла въ себѣ не заключаетъ. Онъ обѣщаетъ надлежащимъ образомъ разсматривать живые вопросы, и по важнѣйшему изъ нихъ, по эманципаціи, безъ всякой критики повторяетъ ложныя увѣренія людей, защищавшихъ рабство и озлобленныхъ его уничтоженіемъ.

Намъ кажется, что нѣтъ надобности подробно разбирать книгу, снабженную такимъ ветхимъ предисловіемъ. Намъ кажется, что нѣтъ основаній и нападать на такую книгу: Богъ съ нею, она не привлечетъ къ себѣ ничьего вниманія; потому чѣмъ меньше говорить о ней, тѣмъ сообразнѣе будетъ съ ея достоинствомъ.

Если бы намъ слѣдовало всю эту статью посвятить собственно книгѣ г. Горлова, статья была бы, какъ видимъ, очень коротка. Но мы вздумали воспользоваться появленіемъ его ветхаго труда, чтобы поговорить объ отношеніяхъ нашего взгляда на экономическія явленія къ той системѣ, ученикомъ которой является г. Горловъ. Мы часто споримъ противъ нея, смѣемся надъ нею; но до сихъ поръ наши споры и насмѣшки относились къ разнымъ частнымъ вопросамъ экономической жизни—къ теоріи невмѣшательства общественной власти въ экономическія явленія, къ отверженію общинной поземельной собственности и т. д. Теперь мы хотимъ взглянуть на дѣло въ его общемъ характерѣ.

Если мы называемъ отсталыми, невѣрными и вредными многія мнѣнія той школы, ученіе которой у насъ исключительно называется политическою экономіею, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали за неоспоримыя и благотворныя истины очень многихъ существенныхъ положеній школы, называющей своимъ основателемъ Адама Смита. Напримѣръ, безъ всякаго сомнѣнія, постоянная мѣновая цѣнность продукта опредѣляется издержками его производства, а рыночная, ежедневно колеблющаяся цѣна его—отношеніемъ запроса къ предложенію; безъ всякаго сомнѣнія также, раздѣленіе труда служитъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ условій для увеличенія и усовершенствованія производства. Мы могли бы насчитать множество подобныхъ положеній, съ которыми мы вполнѣ согласны; но такой списокъ подробностей всегда остался бы не полонъ, а между тѣмъ былъ бы слишкомъ утомителенъ; мы думаемъ, что лучше опредѣлимъ отношеніе своего взгляда къ господствующей школѣ политической экономіи, если вмѣсто перечисленія подробностей, въ которыхъ согласны съ нею, выскажемъ свою мысль объ основной идеѣ, которая составляетъ общій источникъ всѣхъ этихъ частныхъ мыслей. Мы удивимъ многихъ такъ называемыхъ экономистовъ, если скажемъ, что вполнѣ принимаемъ основную идею ихъ системы. „Какъ? вы признаете принципъ laissez-faire, laissez-passer?“ скажутъ съ изумленіемъ такъ называемые экономисты, воображающіе, что понимаютъ теорію, которой держатся и противъ которой мы постоянно споримъ. „Если такъ, зачѣмъ же вы защищаете столь противорѣчащія этому принципу мысли, какъ законодательное опредѣленіе экономическихъ отношеній и общинное владѣніе землею?“ прибавятъ они съ негодованіемъ. Изъ такого понятія о принципѣ laissez-faire, laissez-passer слѣдуетъ только, что такъ называемые эко-

Digitized by Google

номисты сами не разумѣютъ основаній теоріи, которой слѣдуютъ. Чтобы объяснить имъ ихъ ошибку въ этомъ случаѣ, мы должны будемъ коснуться мыслей, которыя относятся не къ одной политической экономіи, а принадлежатъ къ общей теоріи какой бы ни было науки. Читатель увидитъ, что многія изъ соображеній, на которыхъ основанъ нашъ взглядъ на экономическіе вопросы, имѣютъ подобный характеръ.

Идеи, предписывающія что нибудь дѣлать, стремиться къ чему нибудь, словомъ, имѣющія практическій характеръ, по обширности своего примѣненія раздѣляются на два разные рода. Однѣ имѣютъ значеніе общее, требуютъ примѣненія ко всякому данному случаю, всегда и вездѣ. Таковы напримѣръ принципы: человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно; общество обязано стремиться къ водворенію въ себѣ справедливости, законности. Цѣль дѣйствія указывается такими принципами; но говорятъ ли они о способѣ, которымъ надобно стремиться къ ней? Нѣтъ, способъ исполненія задачи ни мало не опредѣляется ими. Какъ скоро мысль указываетъ способъ исполненія, она теряетъ характеръ всеобщей, безъисключительной примѣнимости. Возьмемъ напримѣръ самое общее опредѣленіе способа къ исполненію обязанности поступать честно. Оно будетъ: не лги. На первый разъ можетъ показаться, что это правило не допускаетъ исключеній. Но Муцій Сцевола сказалъ Порсенѣ: „такихъ людей, какъ я, въ Римѣ триста человѣкъ“; онъ солгалъ,—онъ былъ одинъ; но кто осудитъ его, когда онъ своимъ обманомъ спасъ отечество? Въ одной изъ сербскихъ пѣсенъ о битвѣ на Косовомъ полѣ, сербы посылаютъ своихъ витязей осмотрѣть силы врага. Витязи возвратились; „много ли войска у турокъ?“ спрашиваютъ ихъ. „Нѣтъ,—войска у турокъ не очень много; мы можемъ одолѣть его“, отвѣчаютъ они войску; потомъ отводятъ въ сторону князя Лазаря и говорятъ: „у турокъ безчисленное войско; побѣдить ихъ нѣтъ возможности; мы сказали, что турокъ немного, чтобы не оробѣли сербы“. Кто осудитъ этихъ витязей? А вѣдь они солгали. Они поступили бы не честно, если бы сказали войску правду. Мы нарочно взяли такой способъ дѣйствія, который представляется имѣющимъ самый высокій характеръ безъисключительности. Но и онъ, какъ видимъ, встрѣчаетъ случаи, въ которыхъ не соотвѣтствуетъ общей обязанности человѣка поступать честно, когда его нарушеніе составляетъ высокую доблесть. Всякое другое правило о способѣ дѣйствія допускаетъ еще гораздо больше исключеній. Надобно ли говорить, почему это такъ,—почему мысль, опредѣляющая способъ дѣйствія, никакъ не можетъ имѣть характера всеобщности, и характеръ этотъ можетъ принадлежать только мыслямъ, опредѣляющимъ цѣли дѣйствія? Цѣль практической дѣятельности постановляется природою человѣка, то есть элементомъ, присутствующимъ постоянно. Способъ дѣйствія есть элементъ, зависящій отъ обстоятельствъ, а обстоятельства имѣютъ характеръ временный и мѣстный, разнородный и перемѣнчивый. „Поступай честно“—это можно и должно соблюдать всегда, потому что нарушеніе этого правила противорѣчитъ благу человѣка, противорѣчитъ его натурѣ; условіе, изъ котораго вытекаетъ эта обязанность, неразлучно съ человѣкомъ, какъ неразлученъ съ нимъ его организмъ. Но въ чемъ состоятъ требованія честности,—это опредѣляется частнымъ характеромъ каждаго даннаго положенія; иногда честность требуетъ сказать правду, иногда—отказаться отъ личной выгоды, иногда она требуетъ стать во вражду съ кѣмъ нибудь другимъ, поступающимъ нечестно, иногда помочь ближнему; нельзя перечислить всѣхъ тѣхъ способовъ, которыми должна быть осуществляема въ разныхъ обстоятельствахъ обязанность поступать честно:

Digitized by Google

мы видѣли, что эти способы при противоположности обстоятельствъ могутъ даже имѣть характеръ взаимнаго противорѣчія. Въ большей части случаевъ, почти всегда, но только *почти* всегда, а не абсолютно всегда, честность требуетъ соблюденія истины; но мы видѣли, что иногда она требуетъ ея нарушенія *).

Теперь мы спросимъ такъ называемыхъ экономистовъ: какой смыслъ имѣетъ ихъ обожаемая фраза: laissez faire, laissez passer, чтò хотятъ они опредѣлять ей: цѣль экономическихъ учрежденій или способъ достиженія этой цѣли? Что они хотятъ сказать, когда произносятъ эти слова? Говорятъ ли они только то, что экономическія учрежденія должны стремиться къ доставленію наибольшей возможной свободы человѣку,—или полагаютъ сказать, что устраненіе законодательныхъ опредѣленій, стѣсненій и запрещеній есть единственный способъ къ водворенію наилучшаго экономическаго порядка? Въ первомъ случаѣ, если бы знаменитая фраза хотѣла опредѣлять только цѣль экономическихъ учрежденій, въ ней не было бы очевиднаго противорѣчія съ характеромъ принциповъ, могущихъ имѣть всеобщность. Нужно было бы изслѣдовать, дѣйствительно ли это правило вѣрно, дѣйствительно ли оно составляетъ результатъ изысканій политической экономіи; но не было бы еще причины, безъ всякихъ изслѣдованій, съ перваго же взгляда называть его несоотвѣтствующимъ придаваемой ему претензіи. Но въ такомъ случаѣ принципъ laissez faire, laissez passer теряетъ всякую опредѣлительность и становится рѣшительно неспособенъ къ полемическому употребленію, какое придаютъ ему такъ называемые экономисты. Тогда и меркантилистъ, и коммунистъ, и регламентаторъ одинаково съ экономистомъ могутъ говорить, что система каждаго изъ нихъ служитъ осуществленіемъ этого принципа. „Цѣль экономическихъ учрежденій есть наибольшая возможная свобода, скажетъ, напримѣръ, меркантилистъ. Мнѣ кажется, что при запретительномъ тарифѣ цѣль эта достигается полнѣе, нежели при ограниченіи пошлинъ чисто фискальною цѣлью. Безъ запретительныхъ пошлинъ житель Франціи не могъ бы дѣлать свекловичнаго сахара, а запретительный тарифъ даетъ каждому французу эту возможность,—слѣдовательно, расширяетъ кругъ его выбора между экономическими дѣятельностями—слѣдовательно даетъ ему больше свободы“. Регламентаторъ въ свою очередь сказалъ бы: „свободенъ только тотъ, кто безопасенъ; опредѣлимъ же ширину коленкора, опредѣлимъ, сколько нитокъ долженъ имѣть дюймъ каждаго сорта этой ткани, сколько вѣса долженъ имѣть каждый кусокъ каждаго сорта и по какой цѣнѣ долженъ продаваться; тогда покупщикъ обезпеченъ отъ плутовства фабрикантовъ,—слѣдовательно свободенъ“. Что сказалъ бы коммунистъ,—мы не хотимъ объяснять. Безъ всякаго сомнѣнія, экономистъ могъ бы опровергнуть приведенныя нами разсужденія регламентатора и меркантилиста; но онъ могъ бы опровергнуть ихъ только со стороны фактическихъ ошибокъ, а не могъ бы упрекнуть ихъ въ недостаткѣ любви къ принципу

*) Нѣтъ надобности замѣчать, что случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ, жизни дѣйствія, а не жизни мысли, не теоретической сферѣ. Въ теоріи, въ изслѣдованіи принципъ: „ищи истины, распространяй истину“ опредѣляетъ задачу, цѣль дѣятельности, а не способъ исполненія этой задачи. Потому этотъ принципъ абсолютенъ. Но какъ осуществлять его? На это опять есть разные способы, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на безъисключительность. Иногда и отъ нѣкоторыхъ людей служеніе истинѣ требуетъ заботы о новыхъ изслѣдованіяхъ въ области науки; иногда нарушилъ бы человѣкъ свои обязанности передъ истиною, если бы отдалъ свои силы на новыя изслѣдованія—это бываетъ тогда, когда онъ можетъ оказать истинѣ больше услугъ простымъ распространеніемъ уже найденныхъ наукою истинъ въ массѣ, нежели какими нибудь учеными изъисканіями.

Digitized by Google

laissez faire, laissez passer, если этотъ принципъ опредѣляетъ только цѣль учрежденій, а не способъ достиженія цѣли. Они могли бы говорить, что по ихъ мнѣнію регламентація или запретительный тарифъ служатъ способами къ достиженію этой цѣли. Итакъ очевидно, что если фраза laissez faire, laissez passer служитъ девизомъ одной изъ спорящихъ теорій, то она опредѣляетъ не только цѣль (въ этомъ смыслѣ могли бы принять ее всѣ безъ исключенія экономическія школы), а указываетъ также способъ исполненія задачи. Дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ понимаютъ эту фразу всѣ ея приверженцы. Когда они произносятъ ее, они говорятъ не то одно, что экономическія учрежденія должны стремиться къ водворенію наибольшей свободы въ обществѣ,—они говорятъ также, что какова бы ни была цѣль общественныхъ учрежденій, эта цѣль можетъ быть достигаема исключительно однимъ способомъ: отстраненіемъ законодательнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія. Экономисты не могутъ указать ни одного сочиненія своей школы, въ которомъ ихъ любимая фраза не употреблялась бы постоянно именно въ этомъ опредѣлительномъ смыслѣ, какъ указаніе исключительнаго способа къ исполненію требованій науки.

Послѣ нашихъ предъидущихъ объясненій читатель видитъ, что даже безъ всякихъ изслѣдованій, уже по одному своему характеру, фраза laissez faire, laissez passer, опредѣляющая способъ дѣйствія, выказываетъ себя лишенной возможности служить основнымъ принципомъ науки. Характеръ науки есть всеобщность; она должна имѣть истину для всякаго времени и мѣста, для всякаго даннаго случая. Когда нравственная философія говоритъ „поступай честно“, она даетъ правило, которое прилагалось и въ допотопныя времена и будетъ примѣняться во все безконечное продолженіе будущаго. Когда юриспруденція говоритъ „оправдывай невиннаго и осуждай виновнаго“, она также даетъ правило, отъ примѣненія котораго не долженъ быть исключенъ никакой случай, никогда и нигдѣ. Если политическая экономія имѣетъ претензію принадлежать къ области наукъ, то есть заключать въ себѣ хотя малѣйшую частицу теоретической истины, она также должна имѣть своимъ основнымъ принципомъ такую мысль, которая примѣнялась бы во всякое время ко всякому данному случаю. Мы видѣли, что мысли, опредѣляющія способъ дѣйствія, никакъ не могутъ имѣть такой всеобщности. Если бы такъ называемые экономисты были знакомы съ архитектоникою наукъ, они поняли бы, что придавая фразѣ laissez faire, laissez passer смыслъ, опредѣляющій способъ дѣйствія, они отнимаютъ у своей теоріи всякій научный характеръ, когда ставятъ основнымъ принципомъ ея эту фразу.

Но предположимъ, что мы исправили эту слишкомъ рѣзкую сторону ихъ ошибки, извиняемую только недостаткомъ философскаго образованія въ представителяхъ школы, надъ которой мы такъ часто смѣемся. Попробуемъ принять ихъ обожаемую фразу въ такомъ смыслѣ, который не показывалъ бы на первый же взглядъ свою несообразность съ претензіей служить общимъ принципомъ науки. Положимъ, что выраженіе laissez faire, laissez passer не имѣетъ претензіи опредѣлять способа, а говоритъ только о цѣли. Пусть оно значитъ только: цѣлью экономическихъ учрежденій должно быть водвореніе наибольшей возможной свободы. Въ такомъ смыслѣ оно имѣетъ всеобщность значенія. Мы видѣли, что въ этомъ случаѣ оно уже не можетъ служить девизомъ какой нибудь одной изъ враждующихъ школъ, а принимается за истину всѣми безъ исключенія честными людьми,

Digitized by Google

къ какой бы школѣ кто изъ нихъ ни принадлежалъ. Оно уже становится не пригоднымъ для полемическаго употребленія въ спорахъ между порядочными людьми; но можетъ ли оно, хотя въ этомъ своемъ всеобщемъ смыслѣ, служить основнымъ принципомъ политической экономіи, какъ отдѣльной науки, занимающейся изслѣдованіями о производствѣ и распредѣленіи цѣнностей? Опять для каждаго, знакомаго съ общими понятіями о наукѣ, очевидно, что политическая экономія никакъ не можетъ удовлетвориться подобнымъ принципомъ. Каждый предметъ имѣетъ свой собственный характеръ, которымъ отличается отъ другихъ предметовъ или, какъ говорится, имѣетъ свою индивидуальность. Потому основной принципъ каждой науки долженъ имѣть въ себѣ особенность, долженъ быть таковъ, чтобы принадлежалъ именно этой наукѣ; напримѣръ: нравственная философія говоритъ „поступай честно“, юриспруденція—„заботься объ оправданіи невиннаго и осужденіи виновнаго“; это двѣ мысли рѣшительно различныя. Но говорила ли бы что нибудь свое, что нибудь спеціальное политическая экономія, если бы сущность ея выражалась правиломъ: „водворяй свободу“? Это одна изъ задачъ, равно принадлежащихъ всѣмъ нравственнымъ и общественнымъ наукамъ. Общій принципъ всѣхъ ихъ: служить благу человѣка. Свобода, подобно истинѣ (или, лучше сказать, просвѣщенію, потому что здѣсь имѣется въ виду субъективное развитіе истины въ индивидуумахъ), не составляетъ какого нибудь частнаго вида человѣческихъ благъ, а служитъ однимъ изъ необходимыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ каждаго частнаго блага; свобода и просвѣщеніе—это кислородъ и водородъ, которые не могутъ быть предметами особенныхъ наукъ, потому что и сами по себѣ не составляютъ отдѣльныхъ предметовъ, не могутъ существовать въ природѣ независимымъ, самостоятельнымъ образомъ, отдѣляются отъ другихъ элементовъ только искусственнымъ анализомъ, но безъ которыхъ не существуетъ въ природѣ никакая жизнь. Како-благо ни возьмете вы, вы увидите, что условіемъ его существованія служитъ свобода; потому она составляетъ общій предметъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, — водвореніе свободы служитъ общимъ принципомъ ихъ. Для чего юриспруденція старается оградить личность и собственность своими гражданскими и уголовными законами и своими приговорами? Для того, чтобы человѣку свободнѣе было жить на свѣтѣ. Могутъ ли быть хороши гражданскіе или уголовные законы, которые клонятся не къ увеличенію, а къ уменьшенію свободы? Никакъ не могутъ быть хороши. Возьмите какую угодно другую нравственную или общественную науку,—о предметѣ и цѣли каждой изъ нихъ вы должны сказать то же самое. Въ числѣ другихъ наукъ, это надобно сказать и о политической экономіи. Но точно такую же роль въ нравственныхъ наукахъ играетъ, какъ мы замѣтили, и просвѣщеніе. Его интересы также служатъ неизмѣнною нормою того, хорошо или худо какое бы то ни было общественное учрежденіе, хорошо или дурно какое бы то ни было правило, имѣющее претензію опредѣлять жизнь частнаго человѣка или общества. Но гдѣ же отдѣльная наука о просвѣщеніи? Для какой науки можетъ служить спеціальнымъ принципомъ правило: „водворяй просвѣщеніе“? Это общій принципъ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ. Въ числѣ ихъ, и о политической экономіи должно сказать: соотвѣтствіе интересамъ просвѣщенія служитъ нормою ея правилъ, распространеніе просвѣщенія верховною цѣлью заботъ ея. Итакъ, если говорить laissez faire, laissez passer, то надобно также сказать: laissez éclairer, laissez être intelligent,—давайте свободу, давайте про-

Digitized by Google

свѣщеніе. Безъ этихъ двухъ вещей ничего хорошаго не бываетъ; потому обѣ онѣ равно должны служить принципами для политической экономіи, которая разумѣется должна стремиться къ тому, чтобы на свѣтѣ становилось не хуже, а лучше. Но должно прибавить, что къ этому же стремятся всѣ нравственныя и общественныя науки, и потому у всѣхъ у нихъ общій девизъ: свобода и просвѣщеніе.

Если выраженіе laissez faire, laissez passer не можетъ быть принципомъ никакой науки въ смыслѣ, опредѣляющемъ способъ дѣйствія; если въ смыслѣ, опредѣляющемъ только цѣль научныхъ изслѣдованій, это выраженіе не можетъ служить спеціальнымъ принципомъ ни одной изъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, будучи одинаковою нормою для успѣшности изслѣдованій во всѣхъ въ нихъ, то какой же принципъ надобно назвать основною идеею политической экономіи,— идеею, спеціально принадлежащею этой наукѣ? Если такъ называемые экономисты доказываютъ только свое незнакомство съ общими философскими понятіями, забавнымъ образомъ поставляя гордость свою въ выраженіи, не имѣющемъ спеціальной связи ни съ какою частною наукою и отнимающемъ у ихъ теоріи всякое научное достоинство, то въ какой же формулѣ надобно видѣть основной выводъ всѣхъ ихъ частныхъ изслѣдованій? Если бы они были сколько нибудь знакомы съ философскими пріемами, для нихъ было бы очень легко разрѣшить задачу, которую теперь мы хотимъ объяснить для нихъ по состраданію къ ихъ философской безпомощности.

Предметъ политической экономіи, по общему рѣшенію всѣхъ экономистовъ, составляетъ изученіе условій производства и распредѣленія цѣнностей, или предметовъ потребленія, или предметовъ нужныхъ для матеріальнаго благосостоянія человѣка. Экономисты говорятъ, что политическая экономія распадается поэтому на двѣ главныя части: о производствѣ и о распредѣленіи продуктовъ. Всѣ они согласны, что двигателемъ производства служитъ личный интересъ; всѣ они говорятъ, что счетъ и мѣра должны служить постояннымъ руководствомъ для всѣхъ соображеній въ политической экономіи. Кажется, эти вещи очень знакомы каждому изъ нихъ; посмотримъ же теперь, не достаточно ли будетъ этихъ основныхъ понятій для отысканія верховнаго принципа политико-экономическихъ стремленій? Для облегченія дѣла мы сначала взглянемъ на рѣшеніе задачи для каждой изъ двухъ главныхъ частей политической экономіи въ отдѣльности.

Личный интересъ есть главный двигатель производства. Энергія производства, служащая мѣриломъ для его успѣшности, бываетъ всегда строго-пропорціональна степени участія личнаго интереса въ производствѣ. Кажется, мы говоримъ мысли, отъ которыхъ никогда не отступался ни одинъ экономистъ. Въ чемъ же состоитъ личный интересъ? Онъ состоитъ въ стремленіи владѣть вещью. Полное владѣніе вещью называется правомъ собственности надъ вещью. Итакъ, личный интересъ вполнѣ удовлетворяется поступленіемъ вещи въ собственность. Поэтому энергія труда, то есть энергія производства, соразмѣрна праву собственности производителя на продуктъ. Изъ этого слѣдуетъ, что производство находится въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ тогда, когда продуктъ бываетъ собственностью трудившагося надъ его производствомъ. Иными словами,—работникъ долженъ быть собственникомъ вещи, которая выходитъ изъ его рукъ.

Мы не знаемъ, нужно ли объяснять примѣрами эту очень простую истину. На своемъ огородѣ каждый работаетъ усерднѣе, нежели на чужомъ; поэтому самое вы-

Digitized by Google

годнѣйшее дѣло бываетъ тогда, когда огородъ принадлежитъ человѣку копающему въ немъ гряды. Избу для себя каждый строитъ усерднѣе, чѣмъ для другаго; поэтому самое выгодное дѣло бываетъ тогда, когда изба принадлежитъ тому, кто обтесывалъ лѣсъ и пилилъ доски для ея постройки.

Теперь обратимся къ закону наивыгоднѣйшаго распредѣленія цѣнностей. Тутъ нужно руководиться счетомъ и мѣрой; но вычисленія будутъ очень простыя: четыре правила ариѳметики будутъ достаточны для разрѣшенія задачи. Въ статьѣ „Экономическая дѣятельность и законодательство“, мы уже говорили, какъ она рѣшается, и здѣсь кратко повторимъ наши тогдашнія слова. Наивыгоднѣйшее распредѣленіе цѣнностей есть то, при которомъ данная масса цѣнностей производитъ наибольшую массу благосостоянія или наслажденія. Будемъ выражать степень его цифрами. Предположимъ, что сумма цѣнностей есть 1,000, а число лицъ, составляющихъ общество, есть 100. Предположимъ сначала, что въ рукахъ одного сосредоточилась цѣнность 604; тогда на остальныхъ 99 лицъ осталось 396, т. е. на каждаго по 4. Предположимъ теперь, что распредѣленіе цѣнностей измѣнилось, и въ рукахъ одного сосредоточилось, вмѣсто 604,—сумма 802, тогда прочимъ 99 лицамъ остается только 198, т. е. на каждаго изъ нихъ приходится только цѣнность 2. Сравнимъ это положеніе съ прежнимъ и посмотримъ, увеличилась или уменьшилась, сумма благосостоянія въ обществѣ. Выигралъ одинъ и его благосостояніе увеличилось на одну третью часть противъ прежняго; проиграли 99 и благосостояніе каждаго изъ нихъ уменьшилось на половину. Итакъ, мы имѣемъ одну третью часть единицы выигрыша и 99 половинъ единицы проигрыша, т. е. за вычетомъ плюса изъ минуса мы имѣемъ ровно $44^{1}/_{6}$ единицъ чистаго проигрыша. Это значитъ: общество пострадало на столько, какъ будто изо 100 человѣкъ 44 лишились всякаго пропитанія.

Теперь взглянемъ на перемѣну въ противоположномъ направленіи. Предположимъ такое распредѣленіе цѣнностей, что у единицы, у которой сосредоточивалась цѣнность 604, осталась только цѣнность 406; тогда на остальныхъ 99 приходится 594, т. е. на каждаго по 6. Это значитъ, что у одного благосостояніе уменьшилось на половину, а у 99 другихъ возрасло у каждаго на половину. Вычитая минусъ изъ плюса, мы имѣемъ 44 чистаго выигрыша. Это значитъ: общество выиграло на столько, какъ будто изо 100 человѣкъ 44 отъ совершенной нищеты перешли къ благосостоянію. Изъ этого слѣдуетъ, что наивыгоднѣйшее распредѣленіе цѣнностей производится такими отношеніями и учрежденіями, при которыхъ общество идетъ къ соразмѣрности между количествомъ цѣнностей дѣйствительно принадлежащихъ каждому лицу и тою долею цѣнностей, какая приходилась бы на его часть по отношенію количества лицъ, составляющихъ общество, къ массѣ цѣнностей, находящихся въ этомъ обществѣ.

Итакъ, основною идеею ученія о производствѣ мы находимъ полное совпаденіе идеи труда съ правомъ собственности надъ продуктомъ труда; иначе сказать, полное соединеніе качествъ собственника и работника въ одномъ и томъ же лицѣ. Основною идеею ученія о распредѣленіи цѣнностей мы находимъ стремленіе къ достиженію, если можно такъ выразиться, такого порядка, при которомъ частное

---

*) Оставляемъ цифры этихъ двухъ примѣровъ такъ, какъ онѣ напечатаны въ „Современникѣ“, хотя полагаемъ, что вѣроятно корректура этихъ цифръ въ „Современникѣ“ осталась не выправлена. *Примѣчаніе издателя.*

Digitized by Google

число (количество цѣнностей, принадлежащихъ лицу) опредѣлялось бы посредствомъ ариѳметическаго дѣйствія, гдѣ дѣлителемъ ставилась бы цифра населенія, а дѣлимымъ цифра цѣнностей.

Читатель, привыкшій къ философскимъ пріемамъ, безъ труда увидитъ, что оба найденные нами принципа служатъ выраженіемъ совершенно одной и той же идеи стремленія къ одному и тому же факту, только съ разныхъ сторонъ. Дѣйствительно, когда мы беремъ значительную массу людей, то всѣ индивидуальныя различія сливаются въ средней цифрѣ. Иванъ можетъ быть вдвое сильнѣе и умнѣе Петра; но, вообще говоря, въ каждомъ обществѣ существуетъ извѣстный уровень умственныхъ и физическихъ силъ и масса индивидуумовъ очень близка къ этому уровню, а замѣчательныхъ исключеній изъ него въ дурную или хорошую сторону такъ немного, что при общихъ соображеніяхъ о порядкѣ дѣлъ въ цѣломъ обществѣ они составляютъ элементъ рѣшительно незначительный. Притомъ же эти уклоненія, эти слишкомъ сильные или слишкомъ слабые индивидуумы являются разбросанными по разнымъ группамъ родственныхъ и другихъ гражданскихъ отношеній, такъ что въ каждой сколько-нибудь значительной группѣ взаимно уравновѣшиваются. Такимъ образомъ надобно принимать, что въ каждой группѣ родства или въ каждой группѣ сосѣдства сумма физической и умственной способности къ труду очень близка къ общему уровню этой способности для цѣлаго общества. Потому изъ принципа о соединеніи труда и собственности въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, и изъ права собственности каждаго лица на продукты его труда прямо слѣдуетъ распредѣленіе цѣнностей, совпадающее съ найденнымъ нами мѣриломъ наивыгоднѣйшаго распредѣленія, т. е. съ распредѣленіемъ по средней цифрѣ. Съ практической точки зрѣнія почти все равно, которому изъ этихъ двухъ принциповъ отдать первое мѣсто. Но въ теоріи принципъ производства, т. е. соединеніе собственности въ одномъ лицѣ съ трудомъ, представляется какъ преобразованіе, или выводъ, или какъ частный случай принципа о наивыгоднѣйшемъ распредѣленіи цѣнностей, имѣющаго болѣе общее значеніе. Дѣйствительно, трудъ предполагаетъ матерію, надъ которой производится; продуктъ предполагаетъ существованіе предшествующаго ему продукта, изъ котораго онъ происходитъ черезъ приложеніе труда; такимъ образомъ распредѣленіе существующихъ цѣнностей представляется условіемъ производства. Кромѣ того, цѣнность сама по себѣ есть понятіе болѣе обширное, нежели понятіе производства, которое составляетъ только одинъ изъ моментовъ, проходимыхъ цѣнностью: всякое производство обращено на созиданіе цѣнности, но цѣнность не есть предметъ одного производства, она служитъ также предметомъ сохраненія, мѣны и потребленія. Прибавимъ, что производство имѣетъ свою цѣль не въ самомъ себѣ, а въ потребленіи, а потребленіе имѣетъ своею основою распредѣленіе цѣнностей, потому и основной предметъ изслѣдованій политической экономіи находится въ теоріи распредѣленія: производство занимаетъ ее только какъ подготовленіе матеріала для распредѣленія.

Читатель, привыкшій къ анализу общихъ понятій, конечно улыбается, читая такія азбучныя разсужденія, слишкомъ знакомыя „каждому, даже не учившемуся въ семинаріи“. Но для большинства такъ называемыхъ экономистовъ, рѣшительно незнакомыхъ съ философскими терминами и пріемами, они должны показаться столь же трудною абстрактностью, какъ для обыкновеннаго человѣка теорія эллиптическихъ функцій. Желая какъ-нибудь повразумительнѣе для ихъ непривычныхъ

Digitized by Google

мыслительныхъ силъ растолковать изложенныя нами азбучныя понятія, мы скажемъ, что они могутъ уразумѣть, въ чемъ дѣло, если потрудятся подумать о фактахъ, которые находятся въ каждой изъ книгъ, написанныхъ ихъ учителями или даже ими самими.

Напримѣръ, Плиній какъ-то сказалъ: „большепомѣстность разорила Италію“, latifundia perdidere Italiam. Экономисты съ восторгомъ отъ своей учености тычутъ эту фразу въ подлинныхъ латинскихъ словахъ въ глаза каждому читателю, кстати и некстати: смотри, дескать,—мы и по-латини знаемъ, и Плинія читали. Это хорошо. Но въ чемъ смыслъ словъ Плинія, приводящихъ въ восхищеніе каждаго экономиста? Въ томъ, что распредѣленіе поземельной собственности въ Италіи удалилось отъ средней цифры, происходившей изъ отношенія числа югеровъ *) къ числу семействъ, населявшихъ Италію. Пока были въ дѣйствіи благотворные законы объ общественной землѣ, ager publicus, изъ которой каждому гражданину давался небольшой участокъ, достаточный для прокормленія его семейства, пока Цинциннатъ и Регулъ, командовавшіе войсками, сами пахали землю, до тѣхъ поръ Римъ былъ и честенъ, и благосостоятеленъ, и могуществен. Когда „умнѣйшіе и лучшіе люди“, „optimates“, убѣдили римлянъ, что общественная земля—безплодное бремя, что частная поземельная собственность производительнѣе, когда ager publicus перешелъ въ частную собственность, Италія разорилась и Римъ погибъ. Мы совѣтуемъ экономистамъ прочесть, что говоритъ Нибуръ о законахъ Лицинія Столона, оградившихъ на нѣкоторое время общественную землю отъ вторженія частной собственности и бывшихъ источникомъ всего римскаго величія, всѣхъ гражданскихъ и частныхъ добродѣтелей, всего благосостоянія для римлянъ.

Экономисты съ большимъ удовольствіемъ разсуждаютъ также объ экономической невыгодности рабства; они удивляютъ въ этомъ случаѣ необыкновеннымъ благородствомъ, съ которымъ изобличаютъ чужіе недостатки. Пусть они подумаютъ объ основныхъ чертахъ рабства,—они увидятъ повтореніе всѣхъ этихъ невыгодныхъ обстоятельствъ при такомъ порядкѣ вещей, гдѣ собственность и трудъ не соединены въ одномъ лицѣ. Невольникъ получаетъ за свой трудъ пищу, жилище, и т. д.,—то, что необходимо для поддержанія его жизни, а продуктъ труда принадлежитъ не ему. Вотъ существенная черта невольничества. Пусть же экономисты припомнятъ собственныя свои слова о нормѣ заработной платы: нормою заработной платы служитъ возможность поддержанія жизни; она не можетъ ни далеко, ни надолго подняться выше этой нормы,—это ихъ собственныя слова. Итакъ, со стороны отношенія труда къ вознагражденію за трудъ вся разница между невольникомъ и наемнымъ работникомъ заключается въ томъ, что невольникъ получаетъ вознагражденіе натурою, а наемный работникъ деньгами; невольнику дается жилище, работнику даются деньги, на которыя онъ самъ долженъ пріискать себѣ жилище; но количество вознагражденія въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково: оно опредѣляется возможностью поддержать существованіе. Велика или мала цѣнность продуктовъ, производимыхъ, напримѣръ, въ теченіе недѣли трудомъ наемнаго работника, это все равно для него, какъ и для невольника: во всякомъ случаѣ онъ, подобно невольнику, получитъ за свой трудъ ни больше, ни меньше того,

---

*) Просимъ читателя удивиться и нашей учености: мы нарочно оставили слово *югеръ* чтобы онъ видѣлъ громадность нашихъ свѣдѣній: мы знаемъ, что у римлянъ земля измѣрялась не десятинами, а югерами. О, бездна учености!

Digitized by Google

сколько нужно для поддержанія его существованія. Поэтому мы говоримъ, что между состояніемъ невольника и наемнаго рабочаго существуетъ огромная разница въ нравственномъ и въ юридическомъ отношеніяхъ; но специальной экономической разницы въ ихъ отношеніяхъ къ производству нѣтъ никакой. Если трудъ свободнаго наемнаго работника производительнѣй, нежели трудъ невольника,—это зависитъ отъ того, что свободный человѣкъ выше невольника по нравственному и умственному развитію; потому и работаетъ нѣсколько умнѣе и нѣсколько добросовѣстнѣе. Но эта причина превосходства, какъ видимъ, совершенно чужда экономическому его отношенію къ производству; потому мы и говоримъ, что если нравственная философія и юриспруденція удовлетворяются уничтоженіемъ невольничества, то политическая экономія удовлетворяться этимъ никакъ не можетъ; она должна стремиться къ тому, чтобы въ экономической области была произведена въ отношеніяхъ труда къ собственности перемѣна, соотвѣтствующая перемѣнѣ, производимой въ нравственной и юридической области освобожденіемъ личности. Эта перемѣна должна состоять въ томъ, чтобы самъ работникъ былъ и хозяиномъ. Только тогда энергія производства поднимется въ такой же мѣрѣ, какъ уничтоженіемъ невольничества поднимается чувство личнаго достоинства.

Эти два примѣра могутъ показать экономистамъ, въ чемъ состоитъ смыслъ средней цифры въ распредѣленіи цѣнностей, которая служитъ основною идеею политической экономіи. Эти примѣры могутъ также показать имъ, что они сами обыкновенно не понимаютъ смысла фактовъ, объ которыхъ такъ много кричатъ. Мы привели два факта: одинъ прямо свидѣтельствуетъ въ пользу общиннаго поземельнаго владѣнія, другой прямо говоритъ о необходимости сдѣлать работника хозяиномъ, антрепренёромъ. Оба эти вывода повергаютъ въ ужасъ и въ негодованіе такъ называемыхъ экономистовъ, а между тѣмъ, они прямо слѣдуютъ изъ фактовъ, которыми сами экономисты безъ ума восхищаются, которыми они тычутъ въ глаза читателей чуть не на каждой страницѣ своихъ произведеній. Если бы у насъ было время и мѣсто, подобные сюрпризы можно было бы выводить рѣшительно изъ каждаго факта, приводимаго въ подтвержденіе теоріи laissez faire, laissez passer. Когда такъ называемые экономисты обыкновенно не умѣютъ сообразить даже частныхъ выводовъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, то нельзя уже удивляться тому, что они не умѣютъ сообразить, какой общій принципъ выходитъ изъ всей совокупности ихъ любимыхъ фактовъ и отдѣльныхъ наблюденій. Этотъ общій выводъ мы уже выразили. Повторяемъ его: наивыгоднѣйшее для общественнаго благосостоянія распредѣленіе цѣнностей состоитъ въ томъ, чтобы пропорція цѣнностей, принадлежащихъ каждому члену общества, какъ можно ближе соотвѣтствовала средней цифрѣ, даваемой отношеніемъ между суммою цѣнностей, находящихся въ данномъ обществѣ, и числомъ членовъ его составляющихъ.

Мы вообще не имѣемъ никакой претензіи представлять читателю что-нибудь новое, дѣлать ученыя открытія или высказывать истины, постиженіе которыхъ требуетъ какой-нибудь учености. Такъ и о выводѣ, который мы сейчасъ представили, мы должны сказать, что давнымъ-давно было множество писателей, превосходно объяснявшихъ эту мысль. Даже изъ людей, которыхъ хвалятъ экономисты (хвалятъ, впрочемъ, больше по непониманію, чѣмъ съ умысломъ), можно указать довольно многихъ, представлявшихъ такой выводъ. Мы назовемъ одного Бентама. Думаемъ, что не трудно найти такую же мысль и у Рикардо; быть можетъ, оты-

Digitized by Google

щется она даже у Мальтуса; объ Адамѣ Смитѣ нечего и говорить: извѣстно, что хорошіе экономисты считаютъ его страшнымъ еретикомъ и превозносятъ только изъ приличія. Но у всѣхъ этихъ знаменитостей политической экономіи взглядъ нами изложенный подавленъ изслѣдованіями о частныхъ явленіяхъ, анализъ которыхъ составлялъ главную ихъ задачу. Только у Бентама средняя цифра прямо и рѣшительно выставлена, какъ формула наивыгоднѣйшаго распредѣленія цѣнностей. Мы упомянули о великихъ людяхъ политической экономіи. Намъ приходитъ въ голову, что всѣ они уже давно умерли; намъ приходитъ въ голову спросить, какія открытія сдѣланы въ наукѣ послѣ нихъ людьми, которые называютъ себя вѣрными ихъ учениками? Адамъ Смитъ, напримѣръ, былъ основателемъ новой науки: показалъ отношеніе труда къ цѣнности, участіе капитала въ производствѣ, норму вознагражденія за трудъ, важность раздѣленія труда, и мало ли какихъ новыхъ открытій не сдѣлалъ онъ! На нѣсколькихъ страницахъ не перечтешь и десятой части ихъ. Мальтусъ разобралъ вопросъ о народонаселеніи. Рикардо объяснилъ вопросъ о рентѣ. Оба эти открытія послужили основными камнями для экономической теоріи. Кто не знаетъ трудовъ Мальтуса и Рикардо, не можетъ говорить ни о чемъ правильнымъ образомъ. Но интересно было бы намъ знать, какую новую мысль можно найти у кого бы то ни было изъ экономистовъ, славившихся послѣ Мальтуса или Рикардо, или процвѣтающихъ нынѣ? Какое открытіе въ наукѣ сдѣлалъ Мишель Шевалье, или Бастіà, или Воловскій, или Рошеръ, или Рау, или хотя бы даже самъ Жанъ-Батистъ Сэ? Нѣкоторые изъ нихъ были люди умные, напримѣръ Сэ (впрочемъ, мы едва ли не сдѣлали ошибку, употребивъ множественное число. Кажется, что грѣхъ было бы сказать о комъ-нибудь изъ названныхъ нами, кромѣ одного Сэ, что онъ человѣкъ съ замѣчательной головой); нѣкоторые изъ нихъ люди очень ученые, напримѣръ Рошеръ и Рау; нѣкоторые замѣчательны способностью болтать легко и изящно, напримѣръ Бастіà и Мишель Шевалье; а Воловскій считается диковинкою между членами парижскаго общества экономистовъ, потому что знаетъ по-нѣмецки. Но любопытно было бы узнать, что̀ они сдѣлали для развитія науки? Жанъ-Батистъ-Сэ ввелъ политическую экономію во Франціи и прекрасно популяризировалъ мысли, открытыя англичанами, — заслуга великая, но заслуга передъ французской публикой, а не передъ наукой. Мишель Шевалье хорошо описалъ Сѣверо-Американскіе Штаты и отлично доказалъ, что когда по открытіи Калифорнскихъ и Австралійскихъ розсыпей стали добывать золота въ десятеро больше противъ прежняго, а количество добываемаго серебра не увеличилось, то золото должно понизиться въ цѣнѣ, сравнительно съ серебромъ,—вещи хорошія, что и говорить,—но для науки новаго въ нихъ развѣ немногимъ больше, чѣмъ въ книгѣ г. Горлова. Бастіà писалъ памфлеты противъ протекціонистовъ и коммунистовъ, и памфлеты очень бойкіе, но въ нихъ онъ только рабски развивалъ отдѣльныя фразы изъ своихъ учителей. Онъ также, прослышавъ о возраженіяхъ американца Кери противъ теоріи ренты Рикардо, самъ сочинилъ противъ нея возраженія, какъ двѣ капли воды сходныя съ мыслями Кери, которыя лишены всякой основательности; это тоже похвально, но повторить по наслышкѣ чужія и притомъ неосновательныя мысли, не значитъ еще двинуть впередъ науку. Что еще онъ сдѣлалъ?—Да, вотъ что: несмотря на свою исторію съ Кери, онъ былъ человѣкъ честный—это похвально. Мы едва не забыли о главномъ. Онъ написалъ „Harmonies économiques“,—въ нихъ онъ доказывалъ, что все на землѣ устроено премудро и

Digitized by Google

промыслъ направляетъ все къ лучшему, и на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ Жанъ-Жака Руссо. Относится ли это къ политической экономіи, мы не умѣемъ рѣшить; но если относится, то должно быть очень полезно для нея. Воловскій перевелъ Рошера,—трудъ похвальный, и объяснилъ, что крестьянъ въ Россіи надобно освободить безъ земли,—мысль тоже хорошая, но не новая послѣ статей г. Бланка и разныхъ сотрудниковъ Журнала Землевладѣльцевъ. Рау въ коротенькихъ параграфахъ крупнымъ шрифтомъ повторилъ то, что нашелъ у своихъ предшественниковъ, и сдѣлалъ къ этимъ параграфамъ длинныя примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, въ которыхъ набралъ мильоны мелкихъ фактовъ, иногда очень любопытныхъ; такимъ образомъ вышла книга, неоцѣненная для пріискиванія справокъ и цитатъ. Рошеръ сдѣлалъ то же самое съ трудолюбіемъ, быть можетъ, еще колоссальнѣйшимъ, и въ добавокъ постарался расположить набранные имъ факты въ хронологическомъ порядкѣ. Оба они, какъ видимъ, компиляторы очень почтенные, не щадившіе ни глазъ, ни поясницы для служенія наукѣ. Но гдѣ же во всѣхъ этихъ книгахъ, начиная отъ Сэ и кончая Рошеромъ, хотя что-нибудь похожее на разрѣшеніе чего-нибудь, оставшагося нерѣшеннымъ послѣ Мальтуса и Рикардо? Ничего такого и не ищите: если вы не читали ни одной изъ книгъ всѣхъ этихъ знаменитыхъ писателей, и въ томъ числѣ вовсе не знаменитаго писателя Воловскаго, вы остались, быть можетъ, не знающими нѣкоторыхъ фактовъ, полезныхъ для соображенія, но навѣрное не лишили себя ни одной важной мысли, когда прочтены вами Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Бентамъ и Рикардо.

Теперь мы подумали: какое довѣріе можно имѣть къ удовлетворительности теоріи, ни на шагъ не подвинувшейся впередъ въ теченіе цѣлыхъ сорока или сорока-пяти лѣтъ? Если бы экономисты подумали объ этомъ, и въ добавокъ, если бы они знали хотя основныя понятія изъ исторіи развитія наукъ, они сообразили бы, что, даже не вникая въ ихъ доктрину, по этому одному признаку можно рѣшить, что она для нашего времени не состоятельна. Постоянно имѣя въ виду быть назидательными для экономистовъ, мы просимъ у читателя позволенія кратко изложить здѣсь вещи, конечно давнымъ давно ему извѣстныя, но къ великому состраданію и смѣху нашему неизвѣстныя такъ называемымъ экономистамъ.

Начнемъ съ того, что даже предметъ, въ которомъ не происходитъ никакихъ измѣненій, не истощимъ для науки, и каждый даровитый наблюдатель открываетъ въ немъ новыя стороны, незамѣченныя или непонятыя прежними изслѣдователями. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить исторія и археологія классическаго міра. Источники для ихъ изученія остаются одни и тѣ же вотъ уже четыреста лѣтъ. Со временъ Петрарки не открыто слишкомъ важныхъ греческихъ или римскихъ писателей. Гомеръ, Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Полибій, Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ, Плиній—всѣ эти книги съ возрожденія наукъ были въ рукахъ ученыхъ почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ имѣемъ ихъ мы. Нѣкоторыя новыя книги и отрывки отысканы,—это правда; но всѣ они не доставляютъ и тысячной доли новаго матеріала для изученія классической древности, по сравненію съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какой представлялся латинистамъ и гелленистамъ XV вѣка. Что же мы видимъ? Каждое новое поколѣніе дѣлаетъ новыя открытія въ пониманіи жизни древняго міра. Взглядъ на греческую и римскую исторію разъясняется, расширяется съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ. Древняя жизнь каждому новому изслѣдователю открываетъ новыя стороны. Каждая но-

Digitized by Google

вая книга, доставляющая своему автору извѣстность между латинистами и геллинистами, богата новыми мыслями.

Разумѣется, еще поразительнѣе перемѣны, которымъ быстро подвергаются науки, занимающіяся предметами, для изученія которыхъ являются новые матеріалы. Вспомнимъ объ исторіи древняго востока. Что общаго въ содержаніи и взглядѣ на предметъ между книгами, писанными, напримѣръ, о персидскомъ царствѣ тридцать лѣтъ тому назадъ и теперь, когда изучили зендскій языкъ, стали читать клинообразныя надписи и ближе познакомились съ нынѣшнимъ востокомъ? Но еще радикальнѣе перевороты въ воззрѣніяхъ на предметъ, когда не только открываются новые матеріалы для его изученія, но и самъ онъ продолжаетъ жить и измѣняться. Возьмемъ въ примѣръ исторію какого угодно изъ нынѣшнихъ народовъ и какое угодно событіе въ этой исторіи, напримѣръ французскую революцію. Въ эпоху Наполеона I понимали нѣкоторыя стороны этого событія; когда возвратились Бурбоны, она представилась въ новомъ видѣ; въ іюльскую монархію поняли ее гораздо полнѣе, чѣмъ при Бурбонахъ и при Наполеонѣ I; теперь опять видятъ, что взглядъ временъ Орлеанской династіи былъ далеко неудовлетворителенъ, и понимаютъ предметъ многостороннѣе и глубже.

Каждому извѣстно, отчего это происходитъ и почему не можетъ быть иначе. Жизнь и науки развиваются съ каждымъ поколѣніемъ. Когда измѣнились понятія общества отъ развитія жизни и всей совокупности наукъ, отъ этого самаго долженъ уже измѣниться взглядъ на предметъ каждой частной науки, хотя бы этотъ предметъ былъ неподвиженъ и новыхъ матеріаловъ къ его изученію не было. Когда прибавились новые матеріалы, перемѣна будетъ еще значительнѣе. Но что сказать, когда и самый предметъ растетъ, когда онъ самъ съ каждымъ годомъ все полнѣе объясняетъ себя развитіемъ новыхъ явленій и сторонъ своей натуры?

Именно таково дѣло политической экономіи. Мы видимъ, что каждое новое изданіе книги Бёка „О государственномъ хозяйствѣ древнихъ Аѳинянъ“, было значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ предъидущимъ изданіемъ, хотя предметъ былъ мертвъ и новыхъ источниковъ къ его изученію представлялось мало, по сравненію съ запасомъ прежнихъ матеріаловъ. А предметъ политической экономіи—не древнія Аѳины, а живое общество, и въ немъ быстрѣе всего остального развивается именно та сфера, которая составляетъ спеціальный предметъ политической экономіи. Что общаго между экономическимъ бытомъ Англіи или Франціи во время Адама Смита, или хотя бы во время Рикардо, и нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ? Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи всего 70 лѣтъ тому назадъ, изображаетъ намъ бытъ, о которомъ сами экономисты говорятъ, что онъ составляетъ такую же допотопную картину, какъ экономическая жизнь какого-нибудь древняго Египта или гомеровскаго Аргоса. Когда мы читаемъ первые романы Жоржа-Занда, писанные 25 лѣтъ тому назадъ, или „Пиквикскій Клубъ“ Диккенса, писанный послѣ „Индіаны“, мы видимъ, что вся обстановка жизни, всѣ экономическія отношенія сословій измѣнились въ эти немногіе годы. Да что говорить объ Англіи или Франціи? Посмотримъ хоть на себя, идущихъ очень тихо за другими народами. И у насъ, воротившись черезъ 20 лѣтъ въ знакомую вамъ губернію, вы не узнаете ея: купцы не тѣ, и торгуютъ не такъ, и не тѣмъ торгуютъ, и не на тѣхъ условіяхъ покупаютъ, какъ прежде. И помѣщики живутъ не такъ, не такіе имѣютъ доходы, не на такія вещи тратятъ ихъ, какъ прежде. И чиновник

Digitized by Google

перемѣнились, и мужики перемѣнились, и все не такъ, и все не то, что прежде.

А какое сравненіе между матеріалами, бывшими въ рукахъ у Адама Смита и у Мальтуса, и нынѣшними матеріалами? Адамъ Смитъ не зналъ даже числа жителей въ своемъ королевствѣ; Мальтусъ, когда писалъ свой трактатъ о народонаселеніи, единственнымъ достовѣрнымъ документомъ о числѣ рожденій и смертей и о прибыли населенія имѣлъ шведскія таблицы. Черезъ 15 лѣтъ по изданіи книги Адама Смита, не было еще извѣстно количество земли, воздѣлываемой въ Англіи или во Франціи. Словомъ сказать,—великіе люди, которымъ политическая экономія обязана своимъ нынѣшнимъ развитіемъ, не имѣли въ рукахъ и милліонной части тѣхъ статистическихъ свѣдѣній, которыми владѣемъ теперь мы. Надобно прибавить, что они не имѣли описаній народнаго быта и экономическихъ учрежденій даже въ своихъ странахъ. Тѣмъ больше славы для нихъ, что они съумѣли найти такъ много истинъ при столь скудныхъ средствахъ; но что сказать о положеніи теоріи, которая до сихъ поръ не умѣла воспользоваться безмѣрно возросшимъ богатствомъ свѣдѣній? Нечего говорить о томъ, каковы были знанія объ экономической жизни отдаленныхъ странъ, доступныя великимъ дѣятелямъ политической экономіи, если свои собственныя земли они съ экономической и статистической стороны едва ли не хуже знали, чѣмъ теперь мы знаемъ тибетскія и туркестанскія учрежденія. Даже о Германіи и объ Испаніи они имѣли самое смутное понятіе. Россіи они вовсе не знали. Не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ, никто въ цѣлой Англіи не могъ понять характера поземельной собственности въ Остъ-Индіи.

Что жъ теперь сказать, если кто-нибудь воображаетъ, что теорія, которая могла существовать во время Мальтуса и Рикардо, сколько-нибудь соотвѣтствуетъ нынѣшнему развитію экономической жизни, нынѣшнему запасу статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній? Вы приходите къ господину, который сидитъ и очень усердно пишетъ. Что это вы пишете? спрашиваете вы его. — „Я пишу исторію Петра Великаго“. Какіе же у васъ матеріалы и какъ вы смотрите на вашъ предметъ?— „Я нахожу, что у Голикова нѣсколько устарѣлъ слогъ, но взглядъ совершенно правиленъ, и собственно я только передѣлываю Голикова по вкусу нынѣшней публики“. Что̀ вы скажете такому господину? или, лучше сказать, можно ли говорить съ такимъ господиномъ? Это какой-то уродъ, какое-то неправдоподобное допотопное чудовище. Но изъ того, что онъ невѣжда или идіотъ, что его книги будутъ заслуживать только презрѣніе или насмѣшки, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы Голиковъ не былъ человѣкомъ, заслуживающимъ величайшей похвалы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ свое время; но для нашего времени нужны совершенно иныя вещи.

40 лѣтъ неподвижности въ теоріи такого предмета, какъ политическая экономія! Это нѣчто неудобомыслимое, неправдоподобное, невѣроятное. Какое единственное объясненіе можетъ быть такому нелѣпому явленію? какое предположеніе неизбѣжно вызывается въ умѣ такимъ страннымъ фактомъ? Не въ одной политической экономіи, а во всѣхъ наукахъ есть школы, остающіяся при окаменѣлыхъ теоріяхъ. До сихъ поръ пишутъ историческія книги въ духѣ „Разсужденія о всеобщей исторіи“ Боссюэта; до сихъ поръ есть историки, напримѣръ французской литературы, полагающіе, что Корнель съ Расиномъ выше Шекспира, или историки русской литературы, восхищающіеся Княжнинымъ и Озеровымъ. Мы очень хорошо

Digitized by Google

знаемъ, что думать о такихъ школахъ, и знаемъ, какъ объяснять отсутствіе замѣчательныхъ дѣятелей по такимъ теоріямъ. Что отжило свой вѣкъ, къ тому не обратятся живыя силы, то будетъ предметомъ любви и насыщенія для людей тупыхъ или своекорыстныхъ; около трупа собираются только коршуны и кишатъ въ немъ только черви. Люди съ свѣжими силами необходимо должны дѣлать что нибудь новое и свѣжее. Новиковъ, издавшій словарь русской литературы, былъ человѣкъ великаго ума и благородства; но когда занялся исторіею русской литературы такой же человѣкъ слѣдующаго поколѣнія, Н. А. Полевой, онъ не сталъ повторять мнѣній Новикова, и хотя продолжалъ его дѣло, но во многомъ прямо противорѣчилъ ему и почти во всемъ расходился съ нимъ. Когда послѣ Полеваго занялся тѣмъ же дѣломъ новый человѣкъ, Бѣлинскій, онъ опять заговорилъ совершенно новое,—и что значитъ теперь оставаться при мнѣніяхъ, которыя были хороши 35 лѣтъ тому назадъ, при основаніи „Телеграфа", мы къ несчастію видимъ на братѣ Н. А. Полеваго, г. Ксенофонтѣ Полевомъ. А вѣдь и г. Ксенофонтъ Полевой былъ въ свое время человѣкомъ полезнымъ, писалъ благородно и вовсе не глупо. Не дай только Богъ никому пережить себя, служить посмѣшищемъ для новыхъ поколѣній и самому пятнать свое имя и свою школу.

Мы очень хорошо знаемъ, что думать, напримѣръ о нынѣшнемъ значеніи теоріи и дѣятельности г. Ксенофонта Полеваго; знаемъ, какъ понимать его слова, что онъ и его литературные сподвижники исключительно защищаютъ чистоту вкуса, здравый смыслъ и благородство въ литературѣ, и что всѣ люди, которыхъ они порицаютъ, должны считаться злодѣями; мы очень хорошо знаемъ, какъ объяснять то явленіе, что вотъ уже 30 лѣтъ школа, къ которой принадлежитъ г. Ксенофонтъ Полевой, не производила ни одного замѣчательнаго человѣка. Мы говоримъ: истинной критики и здраваго взгляда на литературныя явленія надобно искать въ другихъ школахъ. Школа г. Ксенофонта Полеваго потеряла способность производить что-нибудь замѣчательное, потому что отстала отъ времени.

То же самое по необходимости предполагаешь и о школѣ такъ называемыхъ экономистовъ, когда видишь, что она утратила способность имѣть въ своихъ рядахъ людей великаго ума, утратила способность открывать что-нибудь новое и развивать науку. При видѣ такого явленія необходимо предполагаешь, что внѣ ея круга, вѣроятно, возникло какое-нибудь новое направленіе науки, привлекающее къ себѣ всѣ свѣжія силы. Дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ умы, способные открывать въ предметѣ новыя стороны, всѣ геніальные писатели занимавшіеся экономическими вопросами послѣ Мальтуса и Рикардо, принадлежатъ къ противникамъ такъ называемыхъ экономистовъ. Мнѣнія этихъ геніальныхъ людей во многомъ расходятся одно съ другимъ, потому что никогда не можетъ въ двухъ самостоятельныхъ головахъ развиться совершенно одинаковый взглядъ: самостоятельные и даровитые люди именно тѣмъ отличаются отъ бездарныхъ и тупыхъ, что у каждаго изъ нихъ есть оригинальность, особенность въ образѣ мыслей. Мы не имѣемъ охоты говорить, чьихъ именно мнѣній мы держимся, и скажемъ только, что, читая книги замѣчательныхъ противниковъ господствующей школы, вы бываете поражены безмѣрнымъ превосходствомъ каждаго изъ этихъ людей надъ нынѣшними такъ называемыми экономистами, по отношенію къ силѣ ума. Укажемъ въ примѣръ хотя на Сисмонди, чтобы не говорить о другихъ, болѣе геніальныхъ. Сисмонди занимался не одною политическою экономіею. Онъ, между прочимъ, написалъ многотомную

Digitized by Google

исторію Франціи. Въ этой книгѣ вы находите его человѣкомъ безспорно очень умнымъ и ученымъ; но, сравнивая съ другими современными ему историками, съ Гизо, Огюстеномъ Тьерри, Нибуромъ, вы не видите въ немъ геніальности: передъ этими, дѣйствительно великими историками, онъ кажется человѣкомъ второстепеннымъ. За то какая разница, если вы сравниваете его „Новые принципы политической экономіи" съ сочиненіями учениковъ Смита, Мальтуса и Рикардо,—онъ кажется гигантомъ по отношенію къ нимъ. Его книга во многомъ очевидно ошибочна; но сколько въ ней новыхъ, свѣжихъ мыслей, какая сила ума, какое богатство новыхъ фактовъ, ведущихъ къ новымъ взглядамъ, какая въ ней оригинальность и свѣжесть по сравненію съ монотонными произведеніями такъ называемыхъ экономистовъ, съ этими безцвѣтными повтореніями произведеній Адама Смита, Мальтуса и Рикардо! Что же надобно думать объ умственной силѣ писателей, передъ которыми кажется геніемъ человѣкъ, далеко не имѣвшій силы быть первостепеннымъ мыслителемъ въ такой наукѣ, которая имѣла дѣятелей дѣйствительно великаго ума? Невольно рождается мысль, что жалка и мертва та школа, дѣятели которой ничтожны по уму въ сравненіи даже съ человѣкомъ второстепеннаго таланта. Мы назвали Сисмонди потому, что хвалить его очень удобно; но читатель знаетъ, что между противниками такъ называемыхъ экономистовъ онъ — человѣкъ далеко не самый замѣчательный. Каждый вспомнитъ многія имена, гораздо болѣе знаменитыя. Мы упомянемъ изъ нихъ одно: въ „Современникѣ" недавно была помѣщена статья о Робертѣ Овенѣ. Вотъ, напримѣръ, мыслитель дѣйствительно великій. Читатель знаетъ, что у него были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стоять съ нимъ рядомъ и по геніальности и по благородству стремленій.

Мы спрашиваемъ теперь: когда намъ представляются въ изслѣдованіи извѣстнаго предмета два направленія, изъ которыхъ одно служитъ только безцвѣтнымъ повтореніемъ старины, не имѣетъ между своими дѣятелями ни одного человѣка съ замѣчательнымъ умомъ, а къ другому принадлежатъ безъ исключенія всѣ люди геніальные, то въ которомъ направленіи мы естественно должны предполагать ближайшее родство съ потребностями времени, наибольшую теоретическую справедливость и практическую благотворность? Повторяемъ наше сравненіе: если главою одной школы вы видите г. Ксенофонта Полеваго, а въ другой школѣ такихъ людей, какъ Бѣлинскій—которую изъ двухъ школъ вы естественно должны предполагать истинною представительницею науки?

Мы не имѣемъ охоты излагать мнѣнія тѣхъ людей, которыхъ считаемъ истинными представителями экономической науки въ наше время. Мы говорили, что хотимъ только показать отношеніе нашего взгляда на экономическія явленія къ теоріи такъ называемыхъ экономистовъ, которыхъ теперь мы имѣемъ право назвать отсталыми экономистами. Мы перечислили причины, по которымъ необходимо предполагать, что ихъ теорія неудовлетворительна для нынѣшняго времени. Теперь, изъ обстоятельствъ самаго дѣла, мы постараемся вывести заключеніе о томъ, какого характера надобно ожидать отъ теоріи, соотвѣтствующей нынѣшнему положенію общества въ цивилизованныхъ странахъ.

Извѣстно, что сущность историческаго развитія въ новомъ мірѣ служитъ какъ бы повтореніемъ того самаго процесса, который шелъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ; только повторяется онъ гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и имѣетъ болѣе глубокое содержаніе. Разные классы, на которые распадается населеніе государства,

Digitized by Google

одинъ за другимъ входятъ въ управленіе дѣлами до тѣхъ поръ, пока наконецъ водворится одинаковость правъ и общественныхъ выгодъ для всего населенія. Въ Аѳинахъ мы замѣчаемъ почти исключительное преобладаніе чисто-политическаго элемента: эвпатриды и демосъ спорятъ почти только изъ-за допущенія или недопущенія демоса къ политическимъ правамъ. Въ Римѣ является уже гораздо сильнѣйшая примѣсь экономическихъ вопросовъ: споръ о сохраненіи общественной земли, объ огражденіи пользованія ею для всѣхъ имѣющихъ на нее право, идетъ рядомъ съ борьбою за участіе въ политическихъ правахъ и наполняетъ собою всю римскую исторію до самаго конца республики. Лициній Столонъ и Гракхи имѣли продолжателей въ Маріѣ и Цезарѣ. Въ новомъ мірѣ экономическая сторона равноправности достигаетъ наконецъ полнаго своего значенія, и въ послѣднее время политическія формы главную свою важность имѣютъ уже не самостоятельнымъ образомъ, а только по своему отношенію къ экономической сторонѣ дѣла, какъ средство помочь экономическимъ реформамъ или задержать ихъ.

Въ новомъ мірѣ процессъ развитія не только обширнѣе и глубже, но и многосложнѣе, чѣмъ въ классической древности. Въ Аѳинахъ мы видимъ только эвпатридовъ и демосъ, въ Римѣ только патриціевъ и плебеевъ; въ новомъ обществѣ мы находимъ не два, а три сословія. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою политическую и свою экономическую систему. О политическихъ формахъ мы не будемъ говорить, а займемся только характеромъ экономическихъ учрежденій. Высшее сословіе, съ экономической стороны, представляется сословіемъ поземельныхъ собственниковъ. При его владычествѣ господствуетъ теорія пріобрѣтенія богатствъ посредствомъ насилія. Въ отношеніи къ чужимъ народамъ эта цѣль достигается войною, въ своей собственной странѣ посредствомъ права владѣльца на собственность людей, населяющихъ его землю, словомъ сказать, посредствомъ того, что въ западной Европѣ называлось феодальными учрежденіями. Характеръ этого быта не допускалъ высокаго экономическаго развитія, потому и экономическая наука была мало развита; но все-таки тѣ времена имѣли свою экономическую теорію. Она выражалась въ томъ, что человѣку свободному (свободнымъ человѣкомъ, по настоящему, былъ тогда только феодалъ) не слѣдуетъ заниматься производствомъ. Онъ долженъ быть только потребителемъ. Масса его соотечественниковъ и всѣ остальные народы существуютъ только для того, чтобы производить для него, а не для себя, предметы потребленія. Обширнаго научнаго развитія достигла только одна часть этой системы, называющаяся меркантильной теоріей. Сущность ея состоитъ въ томъ, чтобы брать у другихъ, не давая имъ ничего въ замѣнъ. Въ тѣ времена, при слабомъ развитіи кредита, звонкая монета, конечно, должна была имѣть всю ту важность, какая нынѣ принадлежитъ биржамъ, банкирамъ и вексельнымъ оборотамъ. Натурально было, что накопленіемъ драгоцѣнныхъ металловъ дорожили тогда точно такъ же, какъ нынѣ дорожатъ упроченіемъ и возвышеніемъ кредита. Меркантильная система, вытекавшая изъ понятія „надобно брать, не давая ничего въ обмѣнъ“, натурально должна была примѣнять эту идею къ драгоцѣннымъ металламъ, и потому говорила, что надобно всячески стараться, чтобы ввозъ серебра и золота былъ какъ можно больше, а вывозъ какъ можно меньше.

Феодальныя учрежденія были низвергнуты, когда среднее сословіе достигло участія въ государственныхъ правахъ, и по своей многочисленности, конечно, стало преобладать надъ высшимъ, лишь только было допущено къ раздѣленію власти.

Digitized by Google

Въ Англіи среднее сословіе достигло такого положенія въ половинѣ XVII вѣка и только въ это время были низвергнуты значительнѣйшія изъ феодальныхъ учрежденій *). Благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, вынуждавшему англійскую аристократію къ уступчивости, среднее сословіе до послѣдняго времени само обращалось съ нею снисходительнѣе, чѣмъ во Франціи, потому она сохранила огромную политическую силу. Соотвѣтственно сохраненію очень сильнаго вліянія высшаго сословія на политическія дѣла, въ Англіи сохранились и феодальныя учрежденія въ значительной степени. Земля осталась въ рукахъ аристократіи; аристократы, какъ лендлорды, сохранили господство надъ общественными дѣлами сельскаго населенія и огромное участіе въ составѣ палаты общинъ, которая стала верховною властью. По уступчивости аристократіи долго сохранялось фактическое преобладаніе ея въ государствѣ, и только послѣ цѣлаго вѣка непрерывныхъ маленькихъ пріобрѣтеній все большаго и большаго участія въ дѣлахъ, среднее сословіе дѣйствительно стало господствовать надъ ними, хотя юридически могло господствовать съ половины XVII вѣка. Къ тому времени, когда среднее сословіе пріобрѣло фактическій перевѣсъ надъ высшимъ въ государственныхъ дѣлахъ, т. е. къ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, относится и возникновеніе новой экономической теоріи, до сихъ поръ пользующейся привиллегіею на имя политической экономіи, какъ будто она единственная теорія экономическихъ учрежденій. Духъ ея совершенно соотвѣтствуетъ положенію средняго сословія въ обществѣ и роду его занятій. Среднее сословіе составляютъ хозяева промышленныхъ заведеній и торговцы; потому важнѣйшими изъ экономическихъ явленій школа Адама Смита признаетъ расширеніе размѣра фабрикъ, заводовъ и вообще промышленныхъ заведеній, имѣющихъ одного хозяина съ толпою наемныхъ работниковъ, и развитіе обмѣна. Для отсталыхъ экономистовъ, которые сами не понимаютъ духа своей теоріи, можетъ показаться страннымъ, что мы заботою ихъ теоріи ставимъ не развитіе производства вообще, а именно развитіе той формы его, успѣхи которой измѣряются расширеніемъ оборотовъ каждаго отдѣльнаго хозяина. Читатель, привыкшій наблюдать точныя черты явленій, не ограничиваясь отвлеченностями, не составляющими ихъ спеціальности, легко пойметъ, почему мы выразились именно такимъ образомъ. Возьмемъ въ примѣръ хлопчато-бумажную промышленность, которая справедливо составляетъ любимый предметъ панегириковъ отсталой школы. Кто не знаетъ, что возрастаніе хлопчато-бумажной промышленности состояло не въ увеличеніи числа хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, а въ расширеніи объема каждой изъ нихъ? Здѣсь было бы слишкомъ длинно объяснять, почему такое явленіе принадлежитъ всѣмъ отраслямъ промышленности, развивающимся при господствѣ средняго сословія. Притомъ каждому читателю извѣстно, что чѣмъ значительнѣе капиталъ извѣстнаго лица, тѣмъ меньшими процентами можетъ оно довольствоваться; что чѣмъ обширнѣе размѣръ промышленнаго заведенія, тѣмъ дешевле и лучше производство, благодаря полнѣйшему раздѣленію труда и дѣйствію болѣе сильныхъ и совершенныхъ машинъ. Итакъ мы сказали, что расширеніе размѣра промышленныхъ заведеній и развитіе обмѣна составляетъ главную заботу господствующей политико-экономической

*) Важнѣйшія изъ феодальныхъ повинностей были отмѣнены при Кромвелѣ и главнымъ условіемъ при возвращеніи Стюартовъ было то, чтобы они признали законность этой экономической реформы.

Digitized by Google

теоріи. Эта забота совершенно соотвѣтствуетъ положенію людей, господствующихъ надъ общественною жизнію въ цивилизованныхъ странахъ. Люди эти, какъ мы уже сказали, хозяева промышленныхъ заведеній и купцы. Разумѣется, дѣла каждаго купца развиваются пропорціонально общему развитію торговли, а богатства промышленника возрастаютъ пропорціонально обширности его заведенія. Для достиженія той и другой цѣли могущественнѣйшимъ пособіемъ служатъ биржевые обороты, банки и банкирскіе дома, потому ихъ интересы также чрезвычайно дороги для господствующей теоріи. Соотвѣтственно этимъ главнымъ предметамъ вниманія, господствующая экономическая теорія въ своемъ чистомъ видѣ почти исключительно занимается вопросами: о раздѣленіи труда, какъ пути, которымъ расширяются промышленныя заведенія, о свободной торговлѣ, о банковыхъ оборотахъ, объ отношеніи звонкой монеты къ бумажнымъ цѣнностямъ разнаго рода. Успѣшность занятій банкира, купца и хозяина промышленнаго заведенія зависитъ не отъ собственныхъ его потребностей, а просто отъ обширности круга людей, требующихъ его посредничества или покупающихъ его произведенія. Потому главная забота каждаго изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы расширить свой рынокъ. Изъ этого возникаютъ два противоположныя направленія: съ одной стороны, потребность мирныхъ отношеній со всѣми посторонними его ремеслу людьми, нерасположеніе къ войнѣ, затрудняющей доступъ на иностранные рынки, ведущей къ коммерческимъ кризисамъ, — съ другой стороны, стремленіе отбить покупателей у другихъ промышленниковъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ, какъ онъ, то есть въ сущности замѣненіе физической иноземной войны коммерческою междоусобною войною внутри каждаго промысла, — въ банкирскихъ оборотахъ между домами, встрѣчающимися на одной биржѣ; въ торговлѣ между купцами одного торговаго округа и одного рода торговли; въ промышленности между фабрикантами или заводчиками одного рода занятій. Сообразно этому, господствующая экономическая теорія провозглашаетъ владычество конкурренціи, то есть заботы каждаго производителя о томъ, чтобы подорвать другихъ производителей; но съ тѣмъ вмѣстѣ она доказываетъ, что благосостояніе каждаго народа возвышается отъ благосостоянія другихъ народовъ, потому что чѣмъ богаче они, тѣмъ больше покупаютъ у него товаровъ. Подобнымъ образомъ она доказываетъ, что чѣмъ успѣшнѣе идутъ промыслы въ народѣ вообще, тѣмъ выгоднѣе для каждаго отдѣльнаго промысла, для продуктовъ котораго внутренній рынокъ становится тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше благосостоянія въ обществѣ. Но, проповѣдуя такую заботливость объ иностранцахъ и постороннихъ людяхъ, какъ потребителяхъ, господствующая политико-экономическая теорія не видитъ возможности отвратить разорительную междоусобицу производителей, занимающихся однимъ дѣломъ. Соперничество, какъ орудіе этой междоусобной войны, принимаетъ между прочимъ форму спекуляціи, которая постоянно стремится къ безразсудному риску и къ коммерческому обману; это стремленіе промышленной и торговой дѣятельности періодически производитъ кризисы, въ которыхъ погибаетъ значительная часть произведенныхъ цѣнностей, и во время которыхъ подвергается страшнымъ страданіямъ масса, живущая заработною платою. Но такой характеръ производства и торговли неизбѣженъ при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, когда производство находится подъ властью хозяевъ и купцовъ, благосостояніе которыхъ зависитъ не отъ потребленія, а просто только отъ сбыта товаровъ изъ своихъ рукъ: при такомъ порядкѣ дѣлъ производство

Digitized by Google

разсчитывается не по истинной своей цѣли, а только по одному изъ посредствующихъ фазисовъ. Политическая экономія, замѣчая неизбѣжную связь спекуляціи и коммерческихъ кризисовъ съ нынѣшнимъ порядкомъ дѣлъ, выставляетъ ихъ вещами неизбѣжными и неотвратимыми. Изъ трехъ элементовъ, участвующихъ въ производствѣ цѣнностей, недвижимая собственность и въ особенности земля принадлежитъ высшему классу, не участвующему прямымъ образомъ въ производствѣ; оборотный капиталъ вносится въ производство среднимъ классомъ, такъ называемыми антрепренёрами, мануфактуристами, заводчиками и фермерами; трудъ почти весь совершается простымъ народомъ, который въ политическомъ отношеніи до сихъ поръ служилъ только орудіемъ для средняго и высшаго сословій въ ихъ взаимной борьбѣ, не сохраняя постояннаго независимаго положенія въ политической исторіи. Среднее сословіе естественно придаетъ наибольшее значеніе тому элементу производства, которымъ владѣетъ само. Сообразно этому господствующая теорія выставляетъ интереснѣйшимъ элементомъ производства оборотный капиталъ, доказывая, что безъ него невозможно успѣшное приложеніе труда къ матеріи, то есть земля останется непроизводительной, а работники не найдутъ себѣ занятія. Но съ высшимъ сословіемъ средній классъ, несмотря на взаимную борьбу, находится въ отношеніяхъ болѣе пріязненныхъ, нежели съ простымъ народомъ. Во-первыхъ, если средній классъ еще не совершенно уничтожилъ всякую самобытность въ высшемъ сословіи и не совершенно поглотилъ его въ себѣ, если все еще долженъ вести съ нимъ борьбу, то уже очень хорошо чувствуетъ, что имѣетъ рѣшительный перевѣсъ въ ней; съ каждымъ годомъ во всѣхъ странахъ средній классъ торжествуетъ экономическія побѣды и часто наноситъ политическія пораженія своему сопернику. Выигрывающій и побѣждающій натурально расположенъ быть снисходительнымъ къ изнемогающему противнику, близкую смерть котораго предвидитъ. Кромѣ того банкиры, купцы и мануфактуристы имѣютъ съ высшимъ сословіемъ много личныхъ связей; они равны ему по богатству, ведутъ одинаковый образъ жизни, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же салонахъ, сидятъ рядомъ въ театрахъ; почти всѣ лица одного сословія имѣютъ родственниковъ и пріятелей въ другомъ; и наконецъ это сліяніе дошло уже до того, что множество лицъ, принадлежащихъ по происхожденію къ высшему сословію, занялись промышленною дѣятельностью, а множество лицъ средняго сословія обратили часть своихъ движимыхъ капиталовъ въ недвижимую собственность. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно смягчаютъ враждебность средняго сословія противъ высшаго; но еще сильнѣе дѣйствуетъ въ томъ же смыслѣ существенная одинаковость ихъ положенія въ дѣлѣ распредѣленія цѣнностей при нынѣшнемъ порядкѣ. Мы видѣли противоположность ихъ отношеній къ производству: собственникъ - феодалъ пользуется рентою и получаетъ, ничего не давая въ обмѣнъ; купецъ и хозяинъ промышленнаго заведенія пріобрѣтаютъ богатство посредствомъ обмѣна: они покупаютъ одинъ предметъ и продаютъ другой, берутъ сырой матеріалъ и возвращаютъ обработанный продуктъ, мѣняютъ товары на деньги, мѣняютъ кредитъ на деньги и на товары, даютъ простолюдину деньги, покупая его трудъ. Въ этомъ отношеніи между антрепренёромъ и собственникомъ большая разница. Но сходство между ними то, что часть цѣнностей, поступающая къ собственнику безъ обмѣна, или остающаяся въ рукахъ антрепренёра послѣ обмѣна, далеко превышаетъ своимъ размѣромъ то количество цѣнностей, какое производится въ этомъ обществѣ трудомъ одного се-

Digitized by Google

мейства или, точнѣе говоря въ экономическомъ смыслѣ, трудомъ одного работника. Фабрикантъ, получающій, напримѣръ, въ Англіи тысячу фунтовъ ежегоднаго дохода, принадлежитъ къ самымъ мелкимъ фабрикантамъ; а между тѣмъ для произведенія прибыли въ тысячу фунтовъ нуженъ трудъ десяти и двадцати работниковъ. Такимъ образомъ по распредѣленію цѣнностей общество распадается на два разряда: экономическое положеніе одного изъ нихъ основывается на томъ, что въ рукахъ каждаго изъ его членовъ остается количество цѣнностей, производимое трудомъ многихъ лицъ втораго разряда; экономическое положеніе людей втораго разряда состоитъ въ томъ, что часть цѣнностей, производимыхъ трудомъ каждаго изъ его членовъ, переходитъ въ руки лицъ перваго разряда. Очевидно, каково должно быть отношеніе интересовъ между этими разрядами: одинъ долженъ желать увеличенія, а другой уменьшенія и приведенія къ нулю той части цѣнностей, которая переходитъ отъ лицъ втораго разряда къ лицамъ перваго. Эта общность интересовъ высшаго и средняго сословія по отношенію къ массѣ, служитъ самымъ твердымъ залогомъ снисходительности промышленниковъ къ собственникамъ. Сообразно этой мирной основѣ, лежащей подъ оболочкою враждебности, господствующая теорія признаетъ экономическое достоинство собственности, какъ наслѣдственнаго факта, который даетъ право на часть производимыхъ цѣнностей, безъ всякаго дѣятельнаго участія въ производствѣ ихъ со стороны собственника. Тотъ фактъ, что извѣстное лицо получило извѣстную недвижимую собственность, уже вмѣняется этому лицу въ заслугу, за которую оно должно получать постоянное вознаграждені, называемое рентою. Уступая такую привилегію недвижимой собственности, принадлежащей главнымъ образомъ высшему сословію, средній классъ натурально долженъ былъ выставлять дѣломъ совершенно необходимымъ подобную же выгоду отъ простаго, бездѣятельнаго обладанія движимою собственностью (деньгами и кредитными бумагами), принадлежащею главнымъ образомъ ему самому. Сообразно этому господствующая теорія принимаетъ неизбѣжность процентовъ и доказываетъ, что человѣкъ долженъ считаться очень полезнымъ членомъ экономическаго общества, когда, получивъ движимый или недвижимый капиталъ, проводитъ свою жизнь какъ потребитель, не принимая дѣятельнаго участія въ производствѣ, и видитъ свой капиталъ не уменьшающимся: она говоритъ, что рента и проценты имѣютъ свойство содержать собственника или капиталиста безъ убытка для общества, хотя бы онъ только потреблялъ, а самъ не производилъ ничего. При такихъ понятіяхъ объ участіи собственности и оборотнаго капитала въ производствѣ, конечно не очень много мѣста остается въ теоріи на долю труда. Мы видѣли, что въ политической жизни простой народъ до сихъ поръ служилъ только орудіемъ для высшаго и средняго сословій, не имѣя прочнаго самостоятельнаго значенія; точно такъ и господствующая экономическая теорія смотритъ на трудъ, принадлежность простаго народа, только какъ на орудіе, которымъ пользуются для своего увеличенія собственность и оборотный капиталъ. Мы видѣли, что высшее и среднее сословія имѣютъ въ распредѣленіи цѣнностей прямой интересъ уменьшать долю труда, потому что ихъ собственную долю составляетъ сумма продуктовъ, за вычетомъ части отдаваемой труду; точно такъ и теорія говоритъ, что продукты должны принадлежать владѣльцамъ собственности и оборотнаго капитала, а работникамъ можетъ быть выдаваема на продовольствіе лишь такая часть изъ производимыхъ ими цѣнностей, какая будетъ найдена воз-

Digitized by Google

можной по интересамъ собственности и оборотнаго капитала, подъ вліяніемъ соперничества.

Послѣдователи господствующей системы могутъ быть недовольны такимъ изложеніемъ характера своей теоріи; но читатель, знакомый съ ихъ сочиненіями, видитъ, что всѣ черты, нами исчисленныя, дѣйствительно принадлежатъ этой теоріи. Опредѣлить сущность ея, по нашему мнѣнію, очень легко: эта теорія выражаетъ взглядъ и интересы капиталистовъ, ведущихъ промышленныя и торговыя дѣла и отчасти уже сдѣлавшихся владѣльцами недвижимой собственности, а вообще проникнутыхъ снисходительностью къ побѣждаемому врагу, феодальному сословію, которое оказывается ихъ союзникомъ въ вопросѣ о распредѣленіи цѣнностей. Теорія самихъ феодаловъ выражала интересы людей совершенно чуждыхъ производству и понятію обмѣна; потому мало найдется въ ней пригоднаго для экономическихъ потребностей общества, и мы совершенно согласны съ отсталыми экономистами въ томъ, что меркантильная система была ошибочна въ своихъ основаніяхъ. Этого нельзя сказать о теоріи отсталыхъ экономистовъ. Въ ней есть элементы совершенно справедливые, и для того чтобы получить теорію, удовлетворяющую истиннымъ условіямъ общественнаго благосостоянія, нужно только со всею точностью развить основныя идеи, изъ которыхъ выходитъ господствующая система, но которыя или не хочетъ она развивать, или подавляетъ примѣсью враждебныхъ съ ними понятій.

Мы видѣли, что господствующая теорія соотвѣтствуетъ потребностямъ средняго сословія, существенную принадлежность котораго составляетъ оборотный капиталъ и которое источникомъ своихъ богатствъ имѣетъ участіе въ производствѣ. При такомъ основаніи теорія капиталистовъ должна была начать анализомъ понятій производства и капитала. Результатомъ анализа былъ выводъ, что всякая цѣнность создается трудомъ и что самый капиталъ есть произведеніе труда. Нужно не Богъ-знаетъ какое глубокое знакомство съ философскими пріемами, чтобы видѣть, къ чему приводитъ развитіе этихъ положеній. Если всякая цѣнность и всякій капиталъ производятся трудомъ, то очевидно, что трудъ есть единственный виновникъ всякаго производства, и всякія фразы объ участіи движимаго или недвижимаго капитала въ производствѣ служатъ только измѣненіями мысли о трудѣ, какъ единственномъ производителѣ. Если такъ, то трудъ долженъ быть единственнымъ владѣльцемъ производимыхъ цѣнностей. Вывода, нами представленнаго, конечно не хотятъ принять отсталые экономисты, но онъ необходимо слѣдуетъ изъ основныхъ понятій о цѣнности, капиталѣ и трудѣ, найденныхъ Адамомъ Смитомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если результатъ принципа не былъ замѣченъ тѣмъ мыслителемъ, который высказалъ принципъ: въ исторіи наукъ самое обыкновенное явленіе то, что у одного человѣка не достаетъ силы и открыть принципъ и послѣдовательно развить его; по принципу раздѣленія труда, принимаемому отсталыми экономистами, такъ и должно быть. Одни люди кладутъ фундаментъ, другіе строятъ стѣны, третьи кладутъ крышу и уже четвертые отдѣлываютъ домъ такъ, чтобы онъ былъ пригоденъ для жилья. Адаму Смиту тѣмъ легче было не предвидѣть логическихъ послѣдствій найденнаго имъ принципа, что въ тѣ времена у сословія, которому принадлежитъ трудъ, не было, ни въ Англіи, ни во Франціи, никакихъ стремленій къ самостоятельному историческому дѣйствованію и оно было въ тѣсномъ союзѣ съ среднимъ сословіемъ, съ владѣльцами оборотнаго капитала,

Digitized by Google

пользовавшимися помощью простолюдиновъ для своей борьбы съ высшимъ сословіемъ. Это были времена, когда Вольтеръ и Даламберъ покровительствовали Жанъ-Жаку Руссо; когда откупщикъ Эльвесіусъ былъ амфитріономъ всѣхъ прогрессистовъ. Адамъ Смитъ былъ въ сущности ученикомъ французскихъ энциклопедистовъ; и какъ они воображали, что народу не нужно ничего иного, кромѣ тѣхъ вещей, которыя были нужны для буржуазіи, и какъ народъ самъ не замѣчалъ еще тогда, что его потребности не во всемъ сходны съ интересами средняго сословія, шедшаго тогда во главѣ его на общую борьбу противъ феодаловъ, такъ и Адамъ Смитъ не замѣтилъ разницы между содержаніемъ своей теоріи, соотвѣтствовавшей экономическому положенію средняго сословія, съ основнымъ своимъ ученіемъ о трудѣ, какъ источникѣ всякой цѣнности. То были времена, когда требованія средняго сословія выводились изъ демократическихъ принциповъ и оживлялись мыслями, говорившими о человѣкѣ вообще, а не о торговцѣ, фабрикантѣ или банкирѣ.

Читателю извѣстно, не хуже насъ, что съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось. Возьмемъ въ примѣръ исторію Франціи. Въ 1789 году ученики Монтескьё подавали руку ученикамъ Руссо и апплодировали парижскимъ простолюдинамъ, штурмовавшимъ Бастилію. Черезъ нѣсколько лѣтъ они уже составляли заговоры для возстановленія Бурбоновъ. Во время реставраціи они опять соединились на нѣкоторое время съ народомъ, для низверженія воскресавшагося феодализма, но съ 1830 г. разрывъ сталъ окончательнымъ и безвозвратнымъ. Въ 1848 году среднее сословіе постоянно дѣйствовало за одно съ аристократіею. Въ Англіи разрывъ не до такой степени замѣтенъ для поверхностнаго наблюдателя, потому что побѣда средняго сословія надъ феодалами еще не такъ полна, и оно принуждено было прибѣгать къ помощи простаго народа при проведеніи парламентской реформы въ 1832 году и при уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ въ 1846. Но и въ Англіи мы видимъ, что работники составляютъ между собою громадные союзы для самостоятельнаго дѣйствованія въ политическихъ и особенно экономическихъ вопросахъ. Партія хартистовъ иногда примыкаетъ къ парламентскимъ либераламъ и крайніе парламентскіе либералы бываютъ иногда ораторами простонародныхъ требованій, если не въ экономическомъ, то въ политическомъ отношеніи. Но, несмотря на эти союзы, среднее сословіе и работники издавна держатъ себя, уже и въ Англіи, какъ двѣ разныя партіи, требованія которыхъ различны. Открытая ненависть между простолюдинами и среднимъ сословіемъ во Франціи произвела въ экономической теоріи коммунизмъ. Англійскіе писатели утверждаютъ, что послѣ Овена коммунизмъ не находилъ значительныхъ представителей въ ихъ литературѣ, и это отсутствіе смертельной вражды между теоретиками соотвѣтствуетъ отсутствію непримиримой ненависти между англійскими работниками и среднимъ сословіемъ. Но если англійскіе экономисты не находятъ въ своей литературѣ современныхъ мыслителей, подобныхъ Прудону, то въ практикѣ промышленные союзы (Trade's Unions) работниковъ представляютъ очень много соотвѣтствующаго теоріямъ, которыя у французовъ называются коммунистическими. Въ Англіи, гдѣ не любятъ давать громкихъ именъ вещамъ, эти союзы подвергаются упреку въ коммунистическихъ стремленіяхъ только при особенныхъ случаяхъ, каковы, напримѣръ, колоссальные отказы отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы. При взглядѣ на дѣло, болѣе спокойномъ, чѣмъ во Франціи, могутъ въ

Digitized by Google

англійской литературѣ сохранять, благодаря своему спокойному тону, названіе экономистовъ, вѣрныхъ системѣ Адама Смита и Рикардо, такіе писатели, идеи которыхъ, если бы выражены были на французскомъ языкѣ съ полемическою горячностью, подвергли бы своихъ авторовъ проклятію всѣхъ такъ называемыхъ экономистовъ Франціи. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ англійскихъ писателей, безъ особеннаго шума вводящихъ въ науку новые взгляды,—Джонъ Стюартъ Милль. Мы никакъ не думаемъ, чтобы его теорія была вполнѣ удовлетворительна. Онъ человѣкъ безспорно очень замѣчательнаго ума и безмѣрно выше всѣхъ французскихъ экономистовъ; но умъ его силенъ только въ логическомъ развитіи подробностей. Онъ превосходно разъясняетъ частныя истины, но создать новую систему, дойти до повѣрки основныхъ принциповъ и пополнить ихъ онъ не въ состояніи. Онъ говоритъ, напримѣръ, что всѣ возраженія экономистовъ противъ коммунизма не выдерживаютъ критики; а между тѣмъ онъ только исправляетъ и дополняетъ въ частныхъ случаяхъ ту теорію, односторонность которой доказана писателями, по его собственнымъ словамъ, неопровержимыми въ сущности своихъ мыслей. Почему же онъ не перестроилъ всю теорію съ самыхъ основаній? Очевидно, у него нѣтъ силы отдѣлить сущность новыхъ мыслей отъ ихъ полемической и декламаторской формы, перевести французское ораторство на холодную теоретическую рѣчь и согласить новыя мысли со старыми. Во всякомъ случаѣ, политическая экономія у него далеко не похожа по своему духу на то, что называется политическою экономіей у отсталыхъ французскихъ экономистовъ.

Мы говорили, что у французскихъ экономистовъ, слѣдовавшихъ за Жаномъ Батистомъ Сэ, нельзя найдти ни одной свѣжей мысли, что ихъ сочиненія содержатъ только безцвѣтное повтореніе мыслей, высказанныхъ Адамомъ Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Но какимъ бы раболѣпнымъ переписчикомъ старыхъ книгъ ни былъ новый писатель, онъ никакъ не можетъ остеречься отъ вліянія нѣкоторыхъ мыслей, принадлежащихъ его собственному времени; потому у французскихъ экономистовъ та теорія, вѣрность которой думаютъ они соблюсти, представляется съ искаженіями двойнаго рода. Адамъ Смитъ и Рикардо, когда писали свои произведенія, вовсе не думали о коммунистическихъ теоріяхъ, которыя во время Смита не существовали, а во время Рикардо казались невинною шуткою, не обращавшею на себя ничьего серьёзнаго вниманія. Нынѣшній французскій экономистъ, которому каждая блуза, встрѣчаемая на улицѣ, представляется символомъ коммунизма, грозящаго разрушеніемъ французскому обществу, который былъ нѣсколько разъ въ пухъ и прахъ побитъ Прудономъ, осмѣявшимъ его, выставившимъ его передъ публикой за идіота и невѣжду,—французскій экономистъ не можетъ ни одной буквы написать, не думая о коммунизмѣ. Какъ побѣдить этого ненавистнаго врага? Онъ самъ не одаренъ такими умственными силами, чтобы составить теорію, которая удовлетворяла бы его желанію опровергнуть коммунизмъ; онъ можетъ только переписывать старую теорію. Но при этомъ онъ вычеркиваетъ изъ нея все, что, по его мнѣнію, можетъ служить подтвержденіемъ коммунизму: онъ искажаетъ и опредѣленія и факты, чтобы предохранить своихъ читателей отъ коммунистической заразы; особенно отличался въ этомъ Бастіà. Адамъ Смитъ или Рикардо ужаснулись бы, увидѣвъ себя въ его передѣлкахъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ французскій экономистъ не въ силахъ разобрать, что въ его собственной головѣ засѣли разные клочки коммунистическихъ теорій, и среди искаженнаго повторенія мыслей, на-

Digitized by Google

примѣръ Адама Смита, вы вдругъ находите страницу, отъ которой такъ и вѣетъ коммунизмомъ, впрочемъ, также искаженнымъ *).

Французскіе экономисты, вклеивающіе въ свои книги все больше и больше страницъ изъ коммунистической теоріи, нимало не сообразныхъ съ общимъ направленіемъ сочиненій, показываютъ невозможность охранить прежнюю теорію отъ новыхъ идей. Англійскіе экономисты, и особенно Милль, прямо говорятъ о необходимости передѣлать ее, хотя и не имѣютъ силъ для исполненія такой задачи. Но изъ ихъ передѣлокъ и вставокъ можно видѣть, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать полной передѣлки. Мы попробуемъ представить краткій очеркъ теоріи, которая рождается изъ послѣдовательнаго логическаго развитія идей Адама Смита о трудѣ, какъ о единственномъ производителѣ всякой цѣнности. Читатель конечно не будетъ удивленъ, если наши опредѣленія будутъ иногда отличаться отъ опредѣленій обычныхъ для отсталой экономической школы.

Надобно начать съ разъясненій понятій о трудѣ производительномъ и непроизводительномъ. Производительнымъ трудомъ мы называемъ тотъ, результатомъ котораго бываютъ продукты, нужные для благосостоянія человѣка; непроизводительнымъ тотъ, результатомъ котораго не увеличивается благосостояніе. Очевидно, что тутъ многое зависитъ отъ того, чье благосостояніе ставится мѣриломъ производительности. Воровство очень производительный промыселъ для ловкаго вора; но благосостояніе общества не увеличивается отъ воровства, потому для него это дѣло непроизводительно, съ какимъ бы усердіемъ, и ловкостью, и прибылью ни велось ворами. Политическая экономія, если имѣетъ претензію на имя науки, конечно, должна разсматривать предметъ съ общей точки зрѣнія, имѣть въ виду выгоды общества, націи, человѣчества, а не какой нибудь частной корпораціи. Потому производительнымъ трудомъ мы называемъ только такой, продуктами котораго возвышается благосостояніе общества. Благосостояніе можетъ возвышаться только при расчетливости, а расчетливость находитъ убыточнымъ всякое дѣло, которымъ отнято время и силы отъ другаго болѣе выгоднаго дѣла. Напримѣръ, если плотникъ, который можетъ получать одинъ рубль въ сутки, займется мастерствомъ приносящимъ только восемьдесятъ копѣекъ, онъ поступитъ нерасчетливо и займется работою убыточною для него. Чтобы видѣть, какого рода трудъ можетъ считаться выгоднымъ для общества, то есть производительнымъ, надобно знать положеніе и потребности общества. Извѣстно, что потребности человѣка раздѣляются на необходимыя и прихотливыя. Если, напримѣръ, имѣть за обѣдомъ мясо составляетъ потребность дѣйствительную, то имѣть мясо, приправленное трюфлями, есть уже прихоть. Списокъ первыхъ существенныхъ потребностей человѣка не очень длиненъ; въ нашихъ климатахъ для здоровья необходимо: довольно просторное и опрятное жилище, хорошее отопленіе, теплая одежда, и пища, которая бы своимъ питательнымъ достоинствомъ равнялась пшеницѣ и мясу. Итакъ, пока всѣ члены общества не имѣютъ удовлетворенія этимъ первымъ потребностямъ, трудъ, обра-

*) Въ примѣръ укажемъ на опредѣленіе цѣнности у Бастіà. Онъ страшно ратуетъ противъ Прудона, и самъ того не замѣчая, принимаетъ опредѣленіе, данное Прудономъ, только уродуетъ его такъ, что вмѣсто внутренней цѣнности (valeur en usage) выходитъ у него мѣновая цѣнность (valeur en échange); перепутавъ эти вещи, онъ начинаетъ излагать теорію обмѣна услугъ такимъ образомъ, что можно только удивляться, какъ онъ самъ не замѣтилъ ея несообразности ни съ его собственными намѣреніями, ни съ самыми простыми понятіями о внутренней цѣнности и объ издержкахъ производства.

Digitized by Google

щаемый на производство предметовъ, служащихъ на удовлетвореніе потребност[и] более изысканныхъ и менѣе важныхъ для здоровья, употребляется нерасчетли[во] убыточно, непроизводительно. Положимъ, напримѣръ, что въ извѣстномъ об[щ]ствѣ не всѣ имѣютъ крѣпкое и теплое платье; положимъ, что на производств[о та]кого платья для одного человѣка на цѣлый годъ нужно десять рабочихъ дней и[ли] оцѣняя каждый день въ одинъ рубль серебромъ, годичная цѣнность удовлетвор[и]тельнаго платья составляетъ 10 р. с. Положимъ, что это общество состоитъ и[зъ] ста человѣкъ и употребляетъ на производство платья 1,000 рабочихъ дней. Т[е]перь, если одинъ изъ членовъ этого общества будетъ носить такое платье, что ст[а]нетъ расходовать на него 50 руб., это значитъ, что трудъ для удовлетворенія [его] потребности одѣваться занимаетъ въ обществѣ 50 рабочихъ дней. Это значит[ъ] что на производство одежды для остальныхъ членовъ общества остается тол[ь]ко 950 дней, между тѣмъ какъ нужно было бы 990 дней, чтобы одѣть ихъ удовле[т]творительнымъ образомъ. Ясно, что первая потребность нѣкоторыхъ членовъ о[б]щества не будетъ удовлетворена надлежащимъ образомъ, что они будутъ ну[ж]даться въ платьѣ. Изъ этого надобно заключать, что работники, употребившіе 5[0] дней на изготовленіе платья, трудились непроизводительнымъ для общества обра[зо]мъ, хотя бы и получили за свой трудъ надлежащее вознагражденіе. Ихъ тру[дъ] имѣлъ направленіе невыгодное для общества, и изъ 50 рабочихъ дней, употр[еб]ленныхъ ими на этотъ трудъ, 40 дней составляютъ чистую потерю для обществ[а].

Изъ этого надобно выводить такое правило: весь трудъ, употребленный [на] производство продуктовъ, стоимость которыхъ выше другаго сорта тѣхъ же про[]дуктовъ, удовлетворительнаго для здоровья, надобно называть непроизводител[ь]нымъ при настоящемъ положеніи общества, когда нѣкоторые изъ членовъ его [не] имѣютъ недостатокъ въ продуктахъ, необходимыхъ для здороваго образа жизни. Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 р. сер., отнимаетъ у обществ[а] пудъ говядины, потому что ея производство взяло столько же времени, сколько б[ы] нужно для произведенія пуда говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 [р.] сер., отнимаетъ у кого нибудь теплую шубу, потому что на производство этого ар[]шина сукна потрачено время, которое было бы достаточно для производства про[]стой, но теплой шубы.

Господствующая экономическая теорія очень близка къ подобному воззрѣні[ю] но никакъ не умѣетъ достичь до того, чтобы ясно сознать его. Она запутывает[ся] въ соображеніяхъ, которыя имѣютъ какой-то меркантильный характеръ. Деньг[и] обмѣнъ, плата за услугу, удовлетворительность вознагражденія для работавшихъ,— эти второстепенныя понятія затемняютъ для нея коренную сущность дѣла, а сущ[]ность дѣла состоитъ просто вотъ въ чемъ: нація, имѣющая извѣстное число люд[ей] способныхъ къ работѣ, располагаетъ извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней. Кажды[й] рабочій день, употребленный на удовлетвореніе прихоти или роскоши, пропалъ д[ля] производства продуктовъ, удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ. Если наці[я] употребляетъ половину своего рабочаго времени на производство предметовъ ро[с]коши,—а предметами роскоши надобно назвать всѣ тѣ, которые не идутъ н[а] удовлетвореніе первыхъ потребностей или хотя идутъ на удовлетвореніе ихъ, н[о] имѣютъ стоимость превышающую цѣнность производства другаго сорта тѣхъ ж[е] предметовъ, удовлетворяющаго условіямъ гигіены,—если нація употребляетъ поло[]вину своего рабочаго времени на производство предметовъ роскоши, когда н[]

удовлетворены надлежащимъ образомъ первыя потребности всѣхъ ея членовъ, она расточаетъ половину своего времени непроизводительнымъ образомъ, она поступаетъ подобно человѣку, который сталъ бы голодать половину дней, чтобы имѣть роскошный столъ въ другіе дни, который тратилъ бы на перчатки половину своего дохода и мерзнулъ бы зимою безъ теплой одежды.

Если хотите, вся сущность новой теоріи заключается въ такомъ взглядѣ на различные роды экономической дѣятельности. Все остальное служитъ въ ней—или развитіемъ этого основнаго требованія, вовсе не чуждаго и прежней теоріи, или опредѣленіемъ средствъ для того, чтобы приблизиться къ его исполненію.

Само собою разумѣется, что средствъ этихъ нужно искать въ порядкѣ распредѣленія цѣнностей. Если я имѣю средства платить 40 рублей въ зиму за абонементъ кресла въ оперѣ, никто не запретитъ мнѣ нанимать это кресло, и какое мнѣ дѣло до того, что трудъ, употребленный на производство цѣнностей въ 40 рублей, потребляемыхъ мною на мое развлеченіе въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ,—какое мнѣ дѣло до того, что этотъ трудъ, употребленный на вещи болѣе необходимыя, доставилъ бы приличную одежду или приличное жилище какимъ нибудь людямъ, которые теперь терпятъ лишенія? Моя совѣсть такъ же спокойна, какъ тогда, когда я кладу въ чашку кусокъ сахара, произведеннаго трудомъ невольниковъ: не я такъ другой занялъ бы это кресло, купилъ бы этотъ сахаръ, и не смѣшонъ ли я буду, если я стану отказывать себѣ въ невинномъ или даже благородномъ удовольствіи для какихъ-то абстрактныхъ понятій о трудѣ и времени?

Дѣйствительно, теорія трудящихся (такъ будемъ называть мы теорію, соотвѣтствующую потребностямъ новаго времени, въ противоположность отсталой, но господствующей теоріи, которую будемъ называть теоріею капиталистовъ) главное свое вниманіе обращаетъ на задачу о распредѣленіи цѣнностей. Принципъ наивыгоднѣйшаго распредѣленія данъ словами Адама Смита, что всякая цѣнность есть исключительное произведеніе труда, и правиломъ здраваго смысла, что произведеніе должно принадлежать тому, кто произвелъ его. Задача состоитъ только въ томъ, чтобы открыть способы экономическаго устройства, при которыхъ исполнялось бы это требованіе здраваго смысла.

Тутъ мы встрѣчаемъ дикое, но чрезвычайно распространенное понятіе объ отношеніяхъ естественности и искусственности въ экономическихъ учрежденіяхъ. Какъ,—вы хотите преобразовывать экономическое устройство искусственнымъ образомъ? говорятъ послѣдователи теоріи капитала. Вы теоретически придумываете какіе нибудь планы и хотите строить по нимъ общество?—это искусственность. Общество живетъ естественною жизнью и все должно совершаться въ немъ естественно. Публика, состоящая изъ людей, неимѣющихъ яснаго понятія ни объ искусственности, ни объ естественности, громкимъ хоромъ повторяетъ:—да, они хотятъ нарушать естественные законы. О! какіе они безумцы!

Обыкновенно называютъ естественнымъ экономическимъ порядкомъ такой, который входитъ въ общество самъ собою, незамѣтно, безъ помощи законодательной власти и держится точно такъ же. Опредѣленіе прекрасное,—только жаль, что ни одно важное экономическое учрежденіе не подходитъ подъ него. Напримѣръ, введеніе свободной торговли вмѣсто протекціонной системы, конечно, составляетъ по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ возвращеніе къ естественному порядку отъ искусственнаго. Какимъ же образомъ оно происходитъ? Правительство, убѣждаемое

Digitized by Google

теоретическими соображеніями ученыхъ людей, объявляетъ уничтоженнымъ прежній высокій тарифъ и велитъ повиноваться распоряженіямъ новаго низкаго тарифа. Только правительственная власть заставляетъ мануфактуристовъ, враждебныхъ новому тарифу, терпѣть его; если бы они имѣли силу, они готовы были бы собрать войско, овладѣть таможнями и поставить въ нихъ свою стражу, которая собирала бы высокія пошлины съ однихъ товаровъ и запрещала ввозъ другихъ. Величайшее торжество естественности составляетъ, по мнѣнію экономистовъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Но вѣдь она также была произведена по предварительному плану, составленному Кобденомъ и его товарищами, была произведена парламентскимъ актомъ, и много лѣтъ новый порядокъ вещей поддерживался только безпрестанными, упорными объявленіями законодательной власти, что она не потерпитъ никакихъ попытокъ къ возстановленію прежняго порядка. Уничтоженіе навигаціоннаго акта, возвратившее свободу морской торговлѣ между Англіею и другими странами, экономисты такъ же назовутъ возвращеніемъ отъ искусственности къ естественности; но и оно было произведено также, въ исполненіе теоретическихъ соображеній, рѣшеніемъ законодательной власти, и англійскіе судохозяева до сихъ поръ такъ неистовствуютъ противъ свободы, данной иностраннымъ флагамъ, что если бы не правительственная защита новому учрежденію, оно было бы уничтожено завтра же. Такимъ образомъ, признакомъ естественности вовсе не должно считаться то, что для ея водворенія не нужны ученыя теоріи или законодательныя распоряженія. Никакая важная новость не можетъ утвердиться въ обществѣ безъ предварительной теоріи и безъ содѣйствія общественной власти: нужно же объяснить потребности времени, признать законность новаго и дать ему юридическое огражденіе. Если мы захотимъ въ чемъ бы то ни было важномъ обходиться безъ этого, мы просто не имѣемъ понятія объ отношеніи общества и его учрежденій къ человѣческой мысли и къ общественной власти. Нѣтъ ни одной части общественнаго устройства, которая утвердилась бы безъ теоретическаго объясненія и безъ охраненія отъ правительственной власти. Возмемъ вещь самую натуральную: существованіе семейства. Если бы европейскіе законы не опредѣлили семейныхъ отношеній, могло ли бы утвердиться наше понятіе, напримѣръ, о единоженствѣ или о правѣ наслѣдства? Различіе въ правѣ наслѣдства, существующее между націями равно образованными, доказываетъ важность законодательныхъ опредѣленій въ этихъ вопросахъ. Въ чемъ же заключается дѣйствительный смыслъ понятій о естественности, какъ о чемъ-то независимомъ отъ законодательныхъ постановленій? Онъ заключается въ томъ, что законы для своей прочности и благотворности должны быть сообразны съ потребностями извѣстной націи въ извѣстное время. Въ противномъ случаѣ законы оставались бы безсильны и недолговѣчны. Такимъ образомъ законодательное опредѣленіе вовсе не служитъ нормою естественности: можетъ называться естественнымъ такое учрежденіе, которое ограждено законами, и могутъ называться неестественными такія учрежденія, которыя также ограждены законами. Дѣло состоитъ только въ томъ, сообразны ли будутъ законы съ потребностями націи.

Это говоритъ здравый смыслъ и безпристрастіе; но не то говорятъ эгоистическіе интересы. У чеховъ есть превосходная древняя пѣсня о судѣ Любуши. Она относится къ тому времени, когда чехи были еще язычниками, но уже начали чувствовать нѣмецкое вліяніе. По старому чешскому обычаю, который былъ у всѣхъ

Digitized by Google

славянъ, недвижимая собственность оставалась въ общемъ владѣніи сыновей. Въ крайнихъ случаяхъ, при невозможности мирныхъ отношеній между братьями-сонаслѣдниками, допускался ровный раздѣлъ между всѣми сыновьями. Вотъ умеръ на „Кривой Отавѣ“ владѣлецъ, какъ видно очень важный и богатый. Двое сыновей его не могли поладить между собою въ вопросѣ о наслѣдствѣ. Дѣло доходитъ до княжны, она созываетъ народный сеймъ для его рѣшенія. Что намъ дѣлать съ братьями? спрашиваетъ она:

Вадита се круто мезу собу *(о дедине отне);*
Будета имъ оба въ едно власти,
Чи се разделита ровну меру?—

„Ссорятся они жестоко между собою (изъ-за помѣстій отцовскихъ); будутъ ли они ими оба за одно владѣть, или раздѣлятся ровной мѣрой?“ Сеймъ отвѣчаетъ:

Будета имъ оба въ едно власти,—

„Должны они оба ими за одно владѣть“. Едва услышалъ это рѣшеніе старшій братъ, Хрудошъ, онъ всталъ. „Тряслись у него отъ ярости всѣ члены; махнулъ онъ рукой, заревѣлъ, какъ дикій быкъ: горе птенцамъ, къ которымъ залѣзетъ змѣя! горе мужчинамъ, которыми управляетъ женщина! Мужчинами долженъ управлять мужчина; старшему сыну по справедливости должно отдать помѣстье.

Встану Хрудошъ отъ Отаве Криве,
Трясехусе яростю вси уди;
Махну руку, зарве яримъ туремъ:
„Горе птенцемъ, къ нимъ-жь се змія внори,
Горе мужемъ, имъ же жена владе!
Мужу власти мужемъ заподобно,
Первенцу дедину дати правда!“

Экономисты не любятъ нераздѣльнаго владѣнія, но еще меньше одобряютъ они право первородства; а между тѣмъ Хрудошъ находитъ натуральнымъ и справедливымъ, чтобы старшій сынъ получалъ все помѣстье. Точно такъ во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ; каждый называетъ естественнымъ то, что сообразно съ его выгодами: сѣверо-американскіе плантаторы находятъ естественнымъ, чтобы черная раса была въ невольничествѣ у бѣлой; англійскіе землевладѣльцы находили естественнымъ, чтобы англійское земледѣліе охранялось пошлинами отъ иностраннаго соперничества; банкиры находятъ естественнымъ такой порядокъ, по которому они владычествуютъ надъ денежнымъ рынкомъ; мануфактуристы находятъ естественнымъ, чтобы фабрика имѣла хозяина, въ пользу котораго шли бы выгоды предпріятія; я могу находить естественнымъ, чтобы публика покланялась мнѣ за мои статьи; г. Горловъ можетъ находить естественнымъ, чтобы его книгу называли очень хорошей: что сказать обо всѣхъ этихъ претензіяхъ? Обо всѣхъ одинаково надобно сказать, что личный интересъ облекаетъ иллюзіею естественности всѣ дѣла безъ разбора, которыя для него выгодны.

Съ этой точки зрѣнія наука, которая должна быть представительницею человѣка вообще, должна признавать естественнымъ только то, что выгодно для человѣка вообще, когда предлагаетъ общія теоріи. Если она обращаетъ вниманіе на дѣла какой нибудь націи въ отдѣльности, она должна признавать естественными

Digitized by Google

тѣ экономическія учрежденія, которыя выгодны для этой націи, т. е., въ случаѣ раздѣленія между интересами разныхъ членовъ націи, выгодны для большинства ея членовъ. Если такъ, то совершенно напрасно говорить о естественности или искусственности учрежденій,—гораздо прямѣе и проще будетъ разсуждать только о выгодности или невыгодности ихъ для большинства націи или для человѣка вообще: искусственно то, что невыгодно. Замѣнять точный терминъ другимъ, произвольно выбраннымъ, значитъ только запутывать смыслъ дѣла.

Мы старались найти смыслъ во фразахъ о естественности, которая будто бы должна служить необходимой принадлежностью экономическихъ учрежденій, и наконецъ успѣли найти точку зрѣнія, съ которой эти фразы могутъ казаться не совершеннымъ пустословіемъ; но точка зрѣнія, нами найденная, чисто субъективная, производимая иллюзіею личной выгоды. Нѣтъ надобности говорить, что наука не должна смотрѣть на предметы такимъ образомъ; она должна стараться понимать ихъ въ томъ видѣ, какой они дѣйствительно имѣютъ, а не въ такомъ, какой обыкновенно придается имъ страстями. Теперь спросимъ каждаго, имѣющаго хотя какое нибудь понятіе о законахъ природы, можетъ ли что нибудь на свѣтѣ, важное или неважное, происходить не естественнымъ образомъ? Дѣйствіе не бываетъ безъ причины; когда есть причина, дѣйствіе непремѣнно будетъ; все на свѣтѣ происходитъ по причинной связи. Это извѣстно каждому школьнику. Связь причины и дѣйствія естественна и неизмѣнна; ничего противнаго ей не можетъ случиться, все требуемое ею непремѣнно должно произойти. Послѣ этого, кажется, ясно должно быть, что неестественнаго ничего никогда въ мірѣ не было и не будетъ. Финикійцы приносили своихъ дѣтей въ жертву Молоху; это они дѣлали очень дурно; но если вы разберете ихъ понятія, т. е. ихъ суевѣрія, то вы увидите, что дѣло это было для нихъ совершенно естественно, что люди съ такими понятіями не могли не бросать своихъ дѣтей въ огонь для умилостивленія Молоха. Отчего же у нихъ были такія дикія понятія? Опять таки, разберите ихъ исторію и вы увидите, что имъ естественно было имѣть такія понятія. Феодальный рыцарь убивалъ и грабилъ еврея, да и не только еврея, а всякаго не принадлежащаго къ рыцарскому обществу, съ такимъ же спокойствіемъ совѣсти, какъ вы пьете чашку чая. Въ его положеніи, съ его понятіями естественно было ему поступать и чувствовать такимъ образомъ. То положеніе общества, которымъ произведены были такія понятія и поступки, возникло также самымъ естественнымъ образомъ. Судя по этому, очень легко угадать, что скажутъ о нынѣшнемъ естественномъ порядкѣ дѣлъ наши потомки.

Впрочемъ нѣтъ надобности этому естественному порядку дѣлъ ждать мнѣній потомства, чтобы услышать приговоръ себѣ. Каково бы ни было положеніе и понятія общества, все-таки тѣмъ же самымъ естественнымъ путемъ являются въ немъ или отдѣльныя лица, или цѣлыя сословія, которыя судятъ о дѣлахъ не по временнымъ и мѣстнымъ преданіямъ и предубѣжденіямъ, а просто по здравому смыслу и по чувству справедливости къ человѣку вообще, а не къ рыцарю или вассалу, не къ фабриканту или работнику. Какимъ путемъ развивается въ нихъ сознаніе о правахъ человѣка вообще, безъ всякихъ подраздѣленій,—все равно; въ иныхъ производится оно высокимъ развитіемъ мысли; таковъ, напримѣръ, былъ Мильтонъ, провозглашавшій свободу совѣсти во времена смертельной религіозной вражды, когда честные пуритане и безчестные іезуиты одинаково думали, что

Digitized by Google

должны казнить другъ друга. Иногда это сознаніе развивается невыносимостью личнаго положенія; такъ родился средневѣковой припѣвъ, который повторялся крестьянами на всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ англійскаго и французскаго до польскаго и чешскаго: „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла шерсть, не было тогда рабовъ“. Задолго до уничтоженія рабства былъ произнесенъ надъ нимъ этотъ приговоръ, и стоитъ только сдѣлать рядъ вопросовъ, чтобы получить сужденіе о нынѣшнемъ естественномъ порядкѣ вещей. Мы не будемъ предлагать этихъ вопросовъ; они приходятъ въ голову каждому, въ комъ есть искра человѣческаго чувства, или кто подвергся несправедливости, или кто терпитъ лишенія. Мы скажемъ только, что все естественно: и хорошее и дурное. Естественность — не рекомендація.

Зато и искуственность тоже не должна служить ни порицаніемъ, ни похвалою, потому, что ни къ одной мысли, ни къ одному дѣйствію даже отдѣльнаго человѣка, не только къ какому нибудь плану, принимаемому многими людьми, или къ какому бы то ни было учрежденію, обнимающему многихъ людей, эпитетъ неестественности или искуственности не можетъ относиться на точномъ научномъ языкѣ. Вы скажете, напримѣръ, что какой нибудь жеманный франтъ говоритъ искуственнымъ языкомъ, дѣлаетъ искуственныя ужимки. Въ житейскомъ языкѣ, въ которомъ слова имѣютъ условный смыслъ и въ которомъ, напримѣръ, выраженіе „вашъ покорнѣйшій слуга“ означаетъ просто—я кончилъ свое письмо,—въ житейскомъ языкѣ почему и не выразиться такимъ образомъ? Но если вы хотите говорить языкомъ науки, вы не имѣете права сказать, чтобы франтъ, дѣлающій нелѣпыя ужимки, держалъ себя искуственно: по его понятіямъ объ изяществѣ манеръ онъ естественно долженъ дѣлать такія ужимки; а его понятія естественно получили такой характеръ отъ его воспитанія и отъ его отношеній къ обществу. Само собою разумѣется, что о такихъ пустыхъ вещахъ, какъ ужимки какого нибудь франта, смѣшно и глупо выражаться научнымъ языкомъ; но въ ученыхъ книгахъ о такихъ важныхъ вещахъ, какъ экономическія учрежденія, говорить языкомъ, не соотвѣтствующимъ научной точности, значитъ также поступать глупо и, позвольте прибавить, значитъ поступать недобросовѣстно. Извинять подобныя выраженія можно только отсутствіемъ философскаго образованія; потому они, конечно, извинительны, напримѣръ для Бастіà, который въ знаменитомъ спорѣ о даровомъ кредитѣ обнаружилъ совершенное незнакомство съ самыми элементарными пріемами и терминами гегелевской діалектики. Мы не говоримъ, чтобы гегелевская діалектика была хороша; мы только думаемъ, что человѣкъ, не имѣющій понятія о такомъ важномъ фактѣ, какъ, напримѣръ, гегелева философія, не можетъ считаться просвѣщеннымъ человѣкомъ, и становится смѣшонъ, когда принимается разсуждать объ ученыхъ предметахъ. И вотъ этакой господинъ полюбилъ слово естественность и вздумалъ клеймить словомъ искуственность все, чтò ему не нравилось. И вотъ господа экономисты съ восхищеніемъ схватились за эти слова; это не дѣлаетъ чести ихъ ученому образованію.

Какъ въ исторіи общества каждый послѣдующій фазисъ бываетъ развитіемъ того, что составляло сущность предыдущаго фазиса, и только отбрасываетъ факты, мѣшавшіе болѣе полному проявленію основныхъ стремленій, принадлежащихъ природѣ человѣка, такъ и въ развитіи теоріи, позднѣйшая школа обыкновенно беретъ существенный выводъ, къ которому пришла прежняя школа, и развиваетъ

Digitized by Google

его, отбрасывая противорѣчившія ему понятія, несообразность которыхъ не замѣ чалась прежнею теоріею. Мы видѣли основныя идеи, до которыхъ дошла теорі капиталистовъ: наивыгоднѣйшее положеніе производства то, въ которомъ пр дукты труда принадлежатъ трудившемуся; наивыгоднѣйшее распредѣленіе цѣнно стей то, въ которомъ часть каждаго члена общества по возможности близка к средней цифрѣ, получаемой изъ отношенія массы цѣнностей къ числу членов общества. Мы видѣли, что теорія трудящихся, принимая эти основныя идеи, точ нѣйшимъ образомъ развиваетъ понятіе о производительномъ трудѣ, и говорит что трудъ, обращенный на производство продуктовъ, несоотвѣтствующихъ настоя тельнѣйшимъ потребностямъ человѣческаго организма, долженъ въ нынѣшнее вре считаться непроизводительнымъ, пропадающимъ для общества; мы говорили, чт средствъ къ развитію производительнаго и къ уменьшенію непроизводительна труда новая теорія ищетъ въ учрежденіяхъ, которыми давалось бы наивыгоднѣй шее для общества распредѣленіе цѣнностей. Духъ этихъ учрежденій легко опр дѣлится, если мы сообразимъ экономическія качества лицъ, интересамъ которых должна удовлетворять новая теорія. Важнѣйшее различіе между лицомъ, внося щимъ въ производство трудъ, и лицомъ, которому принадлежитъ капиталъ, опр дѣляется слѣдующими чертами: въ производствѣ трудящійся дѣйствуетъ тольк собственными силами, между тѣмъ какъ капиталистъ располагаетъ силами многих лицъ; въ распредѣленіи цѣнностей, трудящійся не можетъ имѣть болѣе того, чт произведено имъ самимъ, а капиталистъ пріобрѣтаетъ сумму цѣнностей, произво димую трудомъ многихъ; цѣль производства для трудящагося есть потреблені произведенныхъ цѣнностей, а для капиталиста сбытъ ихъ въ другія руки для вы игрыша черезъ обмѣнъ. Мѣриломъ производства для трудящагося служатъ надоб ности его собственнаго потребленія (если трудъ въ одинъ день доставлялъ бы ем все, что нужно для потребленія въ цѣлую недѣлю, онъ сталъ бы трудиться тольк одинъ день въ недѣлю), а мѣриломъ производства для капиталиста служитъ тольк размѣръ сбыта.

Такимъ образомъ, трудящійся не находится къ другимъ лицамъ, занима щимся тою же работою, во враждебномъ отношеніи, какъ капиталистъ. Онъ мо жетъ только желать, чтобы въ другихъ промыслахъ производилось больше, но н имѣетъ интереса желать, чтобы уменьшилось производство другихъ трудящихся занимающихся тѣмъ же промысломъ, какъ онъ. Нынѣ, когда трудящійся не имѣет самостоятельности, подчиненъ разсчетамъ и оборотамъ капиталиста, этотъ суще ственный характеръ отношенія къ другимъ трудящимся затемняется соперниче ствомъ между работниками для полученія работы. Но вникнемъ въ чувства и разсмотримъ кругъ дѣятельности тѣхъ трудящихся, которые работаютъ самостоя тельно,—мы увидимъ, что для нихъ, даже при нынѣшнемъ порядкѣ распредѣле нія цѣнностей, нѣтъ интереса дѣйствовать во вредъ другимъ трудящимся того ж промысла. Представимъ себѣ, напримѣръ, русскую или французскую деревню, в которой у каждаго домохозяина есть свой участокъ земли и которая лежитъ в такомъ глухомъ мѣстѣ, что наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ нельзя там найдти *). Представимъ, что экономическій округъ, къ которому принадлежитъ эт

*) Экономисты, съ обыкновенной своей проницательностью, обратятся на выраженіе глуха мѣстность и скажутъ, что предполагаемый нами бытъ возможенъ только при неразвитости эк номическаго быта. Дѣйствительно, работникъ при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ можетъ сохрани

Digitized by Google

деревня, имѣетъ самый малый объемъ, хотя бы даже только одну милю въ поперечникѣ. Представимъ, что онъ населенъ очень мало; все-таки эта квадратная миля будетъ имѣть нѣсколько сотъ человѣкъ населенія. Предположимъ сохраненіе нынѣшняго опредѣленія продажной цѣны не по стоимости производства, а по отношенію между запросомъ и предложеніемъ. Все-таки разореніе сосѣда не можетъ принести никакой выгоды земледѣльцу этой деревни: для продовольствія жителей нуженъ земледѣльческій трудъ нѣскольких десятковъ семействъ, и устраненіе одного или двухъ изъ числа земледѣльцевъ нисколько не подниметъ цѣны на хлѣбъ. Когда было, напримѣръ, пятьдесятъ семействъ, производившихъ по десяти четвертей хлѣба, производство было 500 четвертей. Если Ивану удалось разорить Петра и осталось только 49 производителей, количество хлѣба уменьшилось только на одну 50-тую долю, и цѣна его не могла повыситься отъ этой ничтожной перемѣны. Иванъ, не имѣя наемныхъ работниковъ, не можетъ производить хлѣба больше прежняго, и продавая по прежнему 10 четвертей по прежней цѣнѣ, не найдетъ себѣ никакой выгоды отъ разоренія Петра. Конечно, дѣло иное, еслибъ разоренный поступилъ къ нему въ наемные работники: тогда онъ увеличилъ бы свое производство и получилъ бы больше выгоды; но тогда онъ занялъ бы уже положеніе капиталиста, и это показываетъ намъ, какимъ образомъ и по какому разсчету возникаетъ особенный классъ капиталистовъ. Но читатель замѣтитъ, что возникновеніе капиталиста основывается на разореніи другаго человѣка, то есть на предварительной потерѣ нѣкотораго количества цѣнностей, находившихся въ обществѣ. Теорія, духъ которой мы опредѣляемъ теперь, стремится именно къ тому, чтобы предотвратить всякую потерю цѣнностей; а изъ этого слѣдуетъ, что если она можетъ найти средства для своей цѣли, то и превращеніе Ивана въ капиталиста не будетъ допускаться экономическимъ порядкомъ, ею излагаемымъ.

Итакъ трудящійся, пока остается трудящимся, не имѣетъ выгоды себѣ въ подрывѣ людей, занимающихся тѣмъ же производствомъ, какъ онъ. Число рукъ, требуемыхъ каждымъ производствомъ, такъ велико, что цѣна продуктовъ не можетъ измѣняться отъ происковъ, направленныхъ противъ того или другаго человѣка, трудящагося въ этомъ производствѣ. Даже при нынѣшнемъ порядкѣ мы видимъ, что земледѣльцы, имѣющіе свое хозяйство, проникнуты взаимнымъ доброжелательствомъ; между ними нѣтъ соперничества въ томъ видѣ, какое существуетъ между фабрикантами, торговцами или большими фермерами. Въ чемъ же можетъ состоять конкурренція по теоріи трудящихся, если она не имѣетъ въ ней стремленія подорвать другъ друга, какое принадлежитъ ей въ теоріи капиталистовъ? Она просто состоитъ въ выгодѣ производить наибольшее количество продуктовъ въ данное время. Выгода капиталиста требуетъ увеличивать число своихъ покупателей, то есть при данномъ размѣрѣ рынка отбивать покупателей у своихъ соперниковъ. Выгода трудящагося требуетъ наработать побольше въ каждый день. Изъ этого мы видимъ, что по ней сохраняютъ всю свою привлекательность средства къ усовер-

---

самостоятельность только въ тѣхъ мѣстахъ и промыслахъ, которые не охвачены биржевымъ коммерческимъ духомъ. Но читатель знаетъ, что теорія трудящихся именно къ тому и стремится, чтобы духъ спекуляціи, то есть отчаяннаго риска, замѣнился духомъ производительнаго труда, который разсчетливъ и потому враждебенъ спекуляціи. Черезъ нѣсколько строкъ мы скажемъ, какимъ образомъ выгодная сторона нынѣшняго производительнаго развитія сохраняется и даже усиливается въ теоріи трудящихся, съ устраненіемъ убыточной своей стороны, то есть направленія къ рискованному и непроизводительному труду.

Digitized by Google

шенствованію производства. Трудящійся не хуже капиталиста долженъ чувствовать выгодность усовершенствованнаго инструмента, если трудится въ свою пользу. Разница только въ томъ, что выгода, приносимая этимъ усовершенствованіемъ, производится различнымъ образомъ по отношенію къ другимъ людямъ, занимающимся тою же отраслью производства: выгода, получаемая трудящимся, остается его выгодою, и только; выгода, получаемая капиталистомъ, происходитъ изъ подрыва другихъ.

До сихъ поръ мы говорили о ходѣ дѣлъ при нынѣшнемъ порядкѣ. Но для того, чтобы изложить дѣло яснѣе, надобно отбросить понятіе денегъ и говорить только о продуктахъ, какъ дѣлаетъ и господствующая экономическая теорія. Представимъ себѣ общество, для удовлетворенія нуждамъ котораго потребно въ годъ 1000 паръ платья, производимыхъ трудомъ 6000 рабочихъ дней; считая по 300 рабочихъ дней въ году, мы видимъ, что производствомъ платья должны заниматься 20 человѣкъ. Представимъ себѣ, что ни одинъ изъ этихъ 20 человѣкъ не находитъ выгоды или возможности расширить свое производство насчетъ другихъ. Долженъ ли будетъ онъ и при такомъ порядкѣ дѣлъ желать усовершенствованій въ производствѣ платья? Онъ производитъ 50 паръ платья и на каждую пару употребляетъ 6 рабочихъ дней. Выгодно ли будетъ для него введеніе какого нибудь новаго инструмента, сокращающаго работу на одну треть? Разумѣется, выгодно. Тогда онъ произведетъ свои 50 паръ платья, по 4 дня на каждую пару, не въ 300, а только въ 200 дней и 100 дней будетъ у него выиграно. Онъ можетъ употребить ихъ на отдыхъ или на какое нибудь новое занятіе, для котораго общество до сихъ поръ не имѣло времени.

Читателю могутъ показаться совершенно излишними эти разсужденія. Можетъ ли въ здоровой головѣ родиться мысль о томъ, что усовершенствованіе производства, то есть сокращеніе труда, бываетъ пріятно человѣку только тогда, когда служитъ ему средствомъ пріобрѣсти себѣ новыхъ покупателей, и перестанетъ казаться ему пріятнымъ и выгоднымъ, если число покупателей останется у него прежнее? Да, трудно вообразить себѣ такую несктадицу, но экономисты съ важностью провозглашаютъ ее, когда увѣряютъ, что соперничество въ нынѣшнемъ своемъ видѣ необходимо для усовершенствованія производства. Имъ кажется, будто человѣку хлѣбъ вкусенъ бываетъ только тогда, когда отнятъ у другаго.

Не имѣя причинъ зложелательствовать другъ противъ друга, трудящіеся не имѣютъ побужденій держаться каждый особнякомъ. Напротивъ, они имѣютъ прямую экономическую необходимость искать взаимнаго союза. Почти каждое производство для своей успѣшности требуетъ размѣровъ, превышающихъ рабочія силы одного семейства. Капиталистъ не нуждается въ союзѣ съ другими, потому что располагаетъ силами множества людей. Трудящійся, располагая силами только своей семьи, долженъ вступать въ товарищество съ другими трудящимися. Это для него легко, потому что нѣтъ ему причины враждовать противъ нихъ. Такимъ образомъ форма, находимая для производства теоріею трудящихся, есть товарищество.

Тутъ мы опять встрѣчаемъ возраженіе, забавность котораго можетъ быть сравнена только съ самодовольствіемъ, съ какимъ экономисты повторяютъ его, какъ будто бы неопровержимый аргументъ. Дѣло, имѣющее одного хозяина, идетъ успѣшнѣе, нежели дѣло, производимое товариществомъ, говорятъ они. Это возраженіе до того несообразно съ сущностью вопроса, что можетъ свидѣтельствовать только о

Digitized by Google

рутинной тупости, лишенной способности понимать новыя идеи, или о недобросовѣстности, нагло разсчитывающей на незнакомство большинства публики съ сущностью дѣла.

Во-первыхъ, можно отдавать предпочтеніе одной формѣ дѣла надъ другою только тогда, когда обѣ формы возможны при данныхъ условіяхъ дѣла. Напримѣръ, можно спорить о томъ, что выгоднѣе для англійскаго лендлорда: дѣлить свою землю на крупныя или на мелкія фермы. Но невозможно разсуждать въ Англіи о томъ, долженъ ли лендлордъ самъ быть фермеромъ или отдавать свою землю въ аренду. При условіяхъ англійской жизни и при обширности помѣстій, лендлорду невозможно быть самому своимъ фермеромъ. Потому, хотя съ абстрактной точки зрѣнія собственнику выгоднѣе самому воздѣлывать свою землю, но въ Англіи преобладаетъ отдача фермъ въ наймы, и ратовать противъ такого стремленія англійскихъ лендлордовъ вещь совершенно напрасная, пока остаются нынѣшніе обычаи и нынѣшнее распредѣленіе поземельной собственности. Точно такъ, все равно, выгоднѣе ли ведется дѣло однимъ хозяиномъ, или товариществомъ,—если трудящіеся имѣютъ стремленіе и выгоду быть самостоятельными: самостоятельность въ производствѣ возможна для нихъ только при формѣ товарищества, потому возражать противъ стремленія ихъ теоріи къ товариществу въ производствѣ — дѣло совершенно напрасное. Если вамъ угодно опровергать эту форму, доказывайте, что трудящіеся не должны имѣть стремленія къ самостоятельности. А если вы не хотите говорить этого, потому что говорить это значило бы отвергать свободу труда, объявлять себя защитникомъ несамостоятельности труда, защитникомъ крѣпостнаго состоянія и рабства, вы не имѣете логическаго основанія для возраженій противъ товарищества.

Мы не знаемъ, выгоднѣе ли шла бы постройка желѣзныхъ дорогъ, если бы эти предпріятія принадлежали отдѣльнымъ хозяевамъ, а не акціонернымъ компаніямъ; экономнѣе ли было бы управленіе построенными желѣзными дорогами, если бы каждая дорога принадлежала одному хозяину. Но дѣло въ томъ, что желѣзная дорога не можетъ быть построена иначе, какъ акціонернымъ обществомъ (если не строится государствомъ); это дѣло превышаетъ силы отдѣльнаго капиталиста. Итакъ, спрашивается только: выигрываетъ ли общество черезъ постройку желѣзныхъ дорогъ, нужны ли онѣ? Да. Могутъ ли онѣ быть строимы отдѣльными капиталистами? Нѣтъ. Послѣ этого всякая рѣчь о сравнительной выгодности строенія желѣзныхъ дорогъ отдѣльными капиталистами, а не товариществами капиталистовъ становится пустословіемъ.—Такъ точно мы спрашиваемъ: выигрываетъ ли трудящійся, если пріобрѣтаетъ самостоятельность въ трудѣ, долженъ ли онъ хотѣть, чтобы всѣ продукты его труда оставались въ его рукахъ?—Да. Каждый неизбѣжно желаетъ своей выгоды, и общество не можетъ не выигрывать, когда выигрываетъ вся масса населенія, которая состоитъ изъ трудящихся. Могутъ ли трудящіеся достичь этой цѣли иначе, какъ посредствомъ товарищества въ производствѣ? Нѣтъ. Послѣ этого всякая рѣчь о выгодахъ одиночнаго хозяйства надъ товариществомъ становится пустословіемъ.

Теорія трудящихся имѣетъ полное право говорить, что не принимаетъ возраженія о выгодахъ одиночнаго хозяйства, какъ возраженія, не [illegible]щагося къ сущности данныхъ положеній. При какомъ порядкѣ [illegible]етъ успѣшнѣе: при рабствѣ, или при свободѣ? Я этого [illegible]

Digitized by Google

только, что рабство противно врожденнымъ стремленіямъ раба, что свобода соо вѣтствуетъ имъ, и потому я говорю, что производство должно имѣть форму св боды.—На какой фабрикѣ больше производится продуктовъ: на фабрикѣ, прина лежащей одному хозяину капиталисту, или на фабрикѣ, принадлежащей товар ществу трудящихся? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что товар щество есть единственная форма, при которой возможно удовлетвореніе стремлені трудящихся къ самостоятельности, и потому говорю, что производство долж имѣть форму товарищества трудящихся.

Мы говоримъ: все равно, увеличивается или уменьшается успѣшность прои водства черезъ замѣненіе рабства свободою и одиночнаго хозяина товариществом трудящихся,—все равно, потребности человѣка заставляютъ утверждать, что сам стоятельность трудящихся, даваемая только формою товарищества, выгоднѣе д общества, нежели хозяйство отдѣльнаго капиталиста, какъ свобода выгоднѣе ра ства для общества. Но какъ при свободѣ успѣшнѣе идетъ и самое производст точно также при формѣ товарищества оно должно идти успѣшнѣе, нежели п хозяйствѣ отдѣльнаго капиталиста.

Одну изъ причинъ этого мы видѣли, когда говорили объ общемъ принцип производства, указываемомъ самою теоріею капиталистовъ: успѣшность произво ства пропорціональна энергіи труда, а энергія труда пропорціональна степени уч стія трудящагося въ продуктахъ; потому наивыгоднѣйшее для производства пол женіе дѣлъ то, когда весь продуктъ труда принадлежитъ трудящемуся. Фор товарищества трудящихся одна даетъ такое положеніе дѣлъ, потому должна бы признана формою самаго успѣшнаго производства.

Другая причина заключается въ направленіи производства, въ характерѣ пр дуктовъ, на которые будетъ обращенъ трудъ. Мы видѣли, что производительны трудомъ долженъ называться только тотъ, который обращенъ на производство пр метовъ нужныхъ,—такихъ предметовъ, потребленіе которыхъ одобряется разсче ливостью и благоразуміемъ. Съ точки зрѣнія трудящихся, такіе продукты—вещ удовлетворяющія необходимѣйшимъ потребностямъ человѣческаго организма. Пус каждый рабочій день производитъ цѣнностей на одинъ рубль. Пусть для благос стоянія трудящагося съ его семействомъ нужно потребленіе цѣнностей первой не обходимости на 200 рублей въ годъ. Пусть общество состоитъ изъ 100 человѣк трудящихся. Пусть въ этомъ обществѣ 40 человѣкъ заняты производствомъ пр дуктовъ роскоши. Тогда для производства предметовъ первой необходимости остаетс 60 трудящихся. Они производятъ по 1 р. въ 300 дней—всего на 15,000 ру лей продуктовъ первой необходимости, то есть для потребленія каждаго трудяща гося производится цѣнностей только на 150 рублей, между тѣмъ, какъ для ег благосостоянія нужно 200. Ясно, что трудящіеся должны нуждаться.

Самостоятельность трудящихся имѣетъ тотъ экономическій смыслъ, что он трудятся для собственнаго потребленія. Потому, пока не достаточно продукто первой надобности для ихъ потребленія, они не займутся производствомъ други продуктовъ. Положимъ, что форма товарищества уменьшаетъ успѣшность ихъ труд такъ что въ рабочій день производится цѣнностей только на 70 копѣекъ. Но з то всѣ 100 трудящихся работаютъ надъ производствомъ предметовъ первой н обходимости, и въ каждый день производится ихъ на 70 р., а въ 300 дней н 21,000. Ясно, что каждый трудящійся будетъ имѣть предметовъ первой необхо

димости на 210 р., когда для благосостоянія нужно только 200. Ясно, что общество трудящихся имѣло бы избытокъ даже при предполагаемомъ уменьшеніи успѣшности труда, тогда какъ прежде оно терпѣло нужду даже при предполагаемой большей успѣшности его.

Это значитъ вотъ что: если изъ двухъ работниковъ только одинъ занятъ, напримѣръ, земледѣліемъ, а другой производствомъ бронзовыхъ украшеній, то общество и въ томъ числѣ они скорѣе подвергнутся недостатку хлѣба, нежели когда оба они заняты производствомъ хлѣба, хотя бы, работая оба надъ производствомъ хлѣба, они производили только по 10 четвертей, а при занятіи одного производствомъ бронзовыхъ украшеній—другой оставшійся при земледѣліи производилъ по 15 четвертей въ годъ. Во второмъ случаѣ, при работѣ болѣе успѣшной, общество имѣетъ только 15 четвертей хлѣба, а въ первомъ случаѣ, при работѣ даже менѣе успѣшной, оно имѣетъ 20 четвертей.

Но мы видѣли, что успѣшность труда въ каждый рабочій день должна не уменьшиться, а увеличиться; потому избытокъ, производимый формою товарищества, долженъ быть гораздо болѣе значителенъ.

Есть еще третья причина большей успѣшности труда при формѣ товарищества. Мы видѣли, что мѣриломъ производства для трудящагося служитъ не сбытъ продуктовъ, а надобность собственнаго потребленія. Потребленіе имѣетъ въ себѣ элементъ постоянства, котораго лишенъ сбытъ. Вы можете навѣрное расчитывать, сколько хлѣба нужно для извѣстнаго семейства на недѣлю, на мѣсяцъ, на годъ; обѣдъ долженъ быть и нынѣ, и завтра. Не то въ вопросѣ о сбытѣ: нынѣ на биржѣ требуются сотни тысячъ четвертей хлѣба или тюковъ хлопчатой бумаги, черезъ недѣлю не потребуется, быть можетъ, ни одной четверти, ни одного тюка. Сбытъ не идетъ размѣреннымъ шагомъ, какъ потребленіе; онъ вѣчно находится въ лихорадочныхъ пароксизмахъ, и крайняя энергія смѣняется въ немъ совершеннымъ безсиліемъ. Къ довершенію гибельности, невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этихъ перемѣнъ, ни интенсивности каждой изъ нихъ. Потому производство капиталиста подвержено безпрерывнымъ застоямъ, а весь экономическій порядокъ, основанный не на потребленіи, а на сбытѣ, подверженъ неизбѣжнымъ промышленнымъ и торговымъ кризисамъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ потерѣ мильоновъ и десятковъ мильоновъ рабочихъ дней. Эти кризисы, эта насильственная утрата рабочаго времени невозможна при производствѣ, мѣриломъ котораго служитъ потребленіе. Пусть производство капиталиста, основанное на сбытѣ, можетъ бѣжать съ быстротою Ахиллеса; пусть производство товарищества трудящихся идетъ съ медленностью черепахи; но мы еще въ дѣтствѣ узнали, что черепаха шедшая безостановочно, опередила Ахиллеса, который, съ изумительною быстротою сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, садился и терялъ даромъ время.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, дающіе перевѣсъ производству подъ формою товарищества трудящихся надъ производствомъ отдѣльнаго капиталиста, если мы вникнемъ въ громадную силу каждаго изъ этихъ обстоятельствъ и подумаемъ, въ какой громадной пропорціи должна возрастать она отъ дружной помощи двухъ другихъ обстоятельствъ, то мы должны будемъ сказать, что степень возвышенія, которую должна произвести въ благосостояніи общества эта форма, далеко превосходитъ всѣ ожиданія, къ какимъ мы способны теперь, при нашемъ

Digitized by Google

рутинномъ понятіи объ идеалѣ общественнаго благосостоянія. Какъ самые жаркіе проповѣдники уничтоженія феодальныхъ учрежденій остались со всѣми своими панегириками призываемому новому вѣку далеко ниже дѣйствительности, которую принесъ онъ людямъ, такъ и мы теперь, какого благосостоянія ни ожидали бы отъ формы товарищества между трудящимися, не въ силахъ вообразить себѣ ничего равнаго высокому благосостоянію, которое произведетъ она въ дѣйствительности.

Думая о томъ, что люди, называющіеся учеными, воображающіе себя доброжелательными и честными, напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы пустозвонными декламаціями и тупыми возраженіями, неидущими къ дѣлу, задержать реформу столь благотворную, мы не можемъ не имѣть къ нимъ того чувства, которое человѣкъ, желающій улучшеній въ жизни, имѣетъ къ обскурантамъ и ретроградамъ. Они говорятъ о своей добросовѣстности, объ искренности своихъ убѣжденій. Но развѣ огромное число всякихъ вообще обскурантовъ не состоитъ также изъ людей добросовѣстныхъ? Мало того, чтобы быть человѣкомъ честнымъ; нужно также думать о томъ, чтобы не отстать отъ потребностей вѣка въ своемъ образѣ мыслей. Тяжко грѣшитъ противъ общества тотъ, кто воображаетъ, что не нужно ему провѣрять понятій, Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ когда зашедшихъ къ нему въ голову и принадлежащихъ положенію общества, далеко не похожему на нынѣшнее. Но если таково наше мнѣніе о такъ называемыхъ экономистахъ, то читатель видѣлъ, что мы вовсе не подвергаемъ безусловному осужденію теорію Адама Смита и Рикардо, которой они до сихъ поръ продолжаютъ держаться. Намъ кажется, что отличіе новой теоріи отъ этой устарѣлой состоитъ только въ томъ, что новая теорія, овладѣвая существенными выводами старой, развиваетъ ихъ съ полнотою и послѣдовательностью, которыхъ не могла достигать прежняя теорія. Прежняя теорія провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояніе одного народа нужно для благосостоянія другихъ. Новая теорія проводитъ тотъ же принципъ товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теорія говоритъ: все производится трудомъ; новая теорія прибавляетъ: и потому все должно принадлежать труду; прежняя теорія говорила: непроизводительно никакое занятіе, которое не увеличиваетъ массу цѣнностей въ обществѣ своими продуктами; новая теорія прибавляетъ: непроизводителенъ никакой трудъ кромѣ того, который даетъ продукты, нужные для удовлетворенія потребностей общества, согласныхъ съ разсчетливою экономіею. Прежняя теорія говоритъ: свобода труда; новая теорія прибавляетъ: и самостоятельность трудящагося.

Мы все говорили только о духѣ экономическаго порядка, требуемаго теоріею трудящихся, но не говорили о тѣхъ способахъ, которыми она предполагаетъ достичь своей цѣли. Если читатель припомнитъ сказанное нами въ началѣ статьи о характерѣ правилъ, представляющихъ способъ исполненія, онъ не будетъ ожидать, чтобы мы предложили какой нибудь способъ, какъ неизбѣжный и непремѣнный. Способъ зависитъ отъ нравовъ народа и обстоятельствъ государственной жизни его. Англичанину кажется удобнымъ расположеніе квартиры въ два или три этажа, о чемъ и не думаютъ другіе народы. Строить его домъ по одному плану съ русскимъ или французскимъ значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать вообще только то, что каждый домъ долженъ быть опрятенъ, сухъ и теплъ. Различныхъ плановъ для исполненія требованій новой теоріи находится много, и который изъ нихъ вы захотите предпочитать другому, почти все равно, потому

Digitized by Google

что каждый изъ нихъ въ существенныхъ чертахъ своихъ сходенъ съ другими и удовлетворителенъ, и изъ каждаго легко могутъ быть удалены тѣ подробности, которыя составляютъ причину споровъ между его приверженцами и защитниками другихъ плановъ. Экономисты и обскуранты всякаго рода, либеральные и нелиберальные, говорятъ, что всѣми этими планами стѣсняется индивидуальная свобода. Мы теперь не можемъ читать безъ улыбки такой упрекъ, потому что припоминаемъ о томъ, какъ случалось намъ потѣшаться надъ нимъ въ изустныхъ спорахъ. Мы употребляли военную хитрость такого рода: когда говорили намъ, что теорія, нами защищаемая, стѣсняетъ индивидуальную свободу, мы спрашивали: о комъ же, напримѣръ, изъ главныхъ мыслителей этой теоріи можетъ сказать это нашъ противникъ? Онъ называлъ нѣсколько именъ. Мы спрашивали, которое изъ нихъ принадлежитъ самому злѣйшему стѣснителю свободы? Узнавъ, кто именно жесточайшій тиранъ, мы говорили, что не можемъ защищать его, и перемѣняли разговоръ. Черезъ четверть часа мы, подъ именемъ плана, составленнаго собственно нами, излагали теорію писателя, защищать котораго отказывались прежде, и спрашивали у нашего противника замѣчаній о недостаткахъ, какіе могутъ быть въ нашемъ планѣ; онъ дѣлалъ разныя замѣчанія, но никогда не случалось намъ слышать въ числѣ ихъ, чтобы изложенный планъ стѣснялъ свободу. Выслушавъ до конца, мы говорили, обращаясь къ другимъ собесѣдникамъ: „изложенный мною планъ, въ которомъ г. такой-то, находя всякіе недостатки, не нашелъ стѣснительности для свободы, принадлежитъ именно тому мыслителю, идеи котораго онъ называлъ стѣснительными для свободы“. Послѣ этого защитникъ свободы, разумѣется, не могъ продолжать спора: оказывалось, что онъ не имѣлъ понятія о томъ, что осуждалъ. Это средство очень вѣрное. Дѣйствительно, почти ни одинъ изъ людей, нападающихъ на такъ называемые утопическіе планы, не знаетъ хорошенько сущности ни одного изъ этихъ плановъ. Да и удивительно ли, что экономисты не имѣютъ отчетливаго понятія объ идеяхъ своихъ противниковъ, если обыкновенно остаются незнакомы хорошенько даже съ Адамомъ Смитомъ, котораго называютъ своимъ учителемъ?

Пользуясь способомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы предлагаемъ *свой* планъ осуществленія теоріи трудящихся, прося читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающихъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. Надобно сказать также, что въ государствѣ, для котораго предназначался этотъ планъ, правительство ежегодно бросаетъ десятки мильоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ. Кромѣ того, оно даетъ десятки мильоновъ взаймы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и тратитъ десятки мильоновъ на разныя великолѣпныя постройки.

Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ.

Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи. Но если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ до-

Digitized by Google

рогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ такъ же имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ.

Теперь идея товарищества дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности.

Приглашаются желающіе участвовать въ составленіи товарищества. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ обоего пола; они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 и 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступили они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходитъ изъ него каждый можетъ, когда ему вздумается.

Въ государствѣ, къ которому относится планъ, находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ. Для товарищества всего выгоднѣе будетъ купить одно изъ такихъ зданій, поправка котораго не требовала бы особенныхъ расходовъ. Но если оно найдетъ выгоднѣйшимъ, то можно построить новыя зданія; словомъ сказать, дѣло это ведется совершенно по такому же разсчету, какъ постройка или покупка зданія для какого нибудь обыкновеннаго промышленнаго заведенія. Надобно только, чтобы при зданіи было такое количество полей и другихъ угодій, какое нужно для земледѣлія по разсчету рабочихъ силъ товарищества.

Разница отъ обыкновенныхъ фабрикъ и домовъ для помѣщенія работниковъ состоитъ въ томъ, что квартиры устраиваются съ тѣми удобствами, какія нужны по понятіямъ самихъ работниковъ, которые будутъ жить въ нихъ. Такъ, напримѣръ, квартира для семейнаго человѣка должна имѣть число комнатъ, нужное для скромной, но приличной жизни. Число квартиръ устраивается приблизительно соразмѣрное съ числомъ желающихъ пользоваться такими квартирами. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Обязательнаго правила тутъ нѣтъ никакого.

При зданіи находятся принадлежности, которыя требуются нравами или пользою членовъ товарищества. По нравамъ того народа и его потребностямъ такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, библіотека. Кромѣ того, разумѣется, должна быть больница.

По архитектурнымъ смѣтамъ, т. е. по цифрамъ, точность которыхъ каждый можетъ провѣрить, оказывается, что такое зданіе, со всѣми своими принадлежностями и удобствами, будетъ стоить такую сумму, что лица поселившіяся въ немъ получатъ квартиру и гораздо лучше и гораздо дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ обычный въ томъ государствѣ.

Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабрич-

Digitized by Google

ными дѣлами, какія удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются на счетъ товарищества.

Словомъ сказать, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами. Новаго и неудобоисполнимаго тутъ очень мало, какъ видимъ.

Теперь, когда зданіе готово и все нужное для работъ пріобрѣтено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ разсчетовъ служитъ то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно расчетливѣе, потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ, для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, потому во время посѣва и уборки назначаетъ за земледѣльческую работу такую плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Какъ видимъ, товарищество держится въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ въ нынѣшнее время средствъ: оно держится ихъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работники, незанимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнятъ новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнутъ къ нему.

Мы говорили, что каждый занимается тою работою, какую зналъ или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожъ, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится разсчетомъ. Сапожники, портные, столяры конечно для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такія мастерскія. Но если бы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ, нужна ли ему такая работа: если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что когда онъ непремѣнно хочетъ заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ чѣмъ-нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно, товарищество, не можетъ доставить ему мастерской такого рода. На первый разъ этотъ разборъ возможнаго и невозможнаго зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ.

Но власть директора не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены; какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

Digitized by Google

Но вотъ прошелъ годъ; члены товарищества успѣли достаточно узнать другъ друга и пріобрѣсти опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла. Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею и совершенно прекращается. Со втораго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ. Быть можетъ, опытъ и наклонности членовъ товарищества указали неудобства нѣкоторыхъ опредѣленій устава, которымъ управлялось товарищество въ первый годъ. Въ такомъ случаѣ что же мѣшаетъ товариществу измѣнить ихъ по своимъ надобностямъ и желаніямъ? Конечно, если первоначальный директоръ былъ человѣкъ разсудительный, если онъ принималъ людей въ члены товарищества съ осмотрительностью, то члены набрались такіе, которые понимаютъ въ чемъ сущность дѣла, къ которому они присоединились. Они вѣроятно понимаютъ, что товарищество существуетъ для возможно-большаго удобства и благосостоянія своихъ членовъ, что сущность его состоитъ въ устройствѣ, по которому каждый работникъ былъ бы свободнымъ человѣкомъ, и трудился въ свою пользу, а не въ пользу какого нибудь хозяина. Вѣроятно, также, что эти люди будутъ люди, а не звѣри, то есть не станутъ забывать, что общество обязано по возможности заботиться о сиротахъ и другихъ безпомощныхъ своихъ членахъ; вѣроятно они не захотятъ уничтожить ни школы, ни больницы, видя, что есть у товарищества достаточно средствъ для ихъ содержанія. А если такъ, то они останутся вѣрны духу и цѣли своего товарищества и тогда, когда отъ нихъ будетъ зависѣть измѣнять, какъ имъ самимъ угодно, уставъ его. А если такъ, то надобно полагать, что уставъ этотъ они не испортятъ, а развѣ усовершенствуютъ. Что именно сдѣлаютъ они для его усовершенствованія, это уже ихъ дѣло, а наше дѣло только разсказать, какой порядокъ заводится въ товариществѣ первоначальнымъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ первый годъ; одну часть его, относящуюся къ производству, мы изложили; теперь займемся другою, относящеюся къ распредѣленію и потребленію.

Можно, кажется, предположить, что работники, получая отъ товарищества обыкновенную плату обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ работать не хуже обыкновеннаго. Мы предполагаемъ, что управленію товарищества едва ли понадобится прибѣгать къ исключенію какого нибудь члена товарищества за лѣность; а если понадобится—что дѣлать!—оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя, какъ мы увидимъ, болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему качеству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то остается она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви, школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. (Если товариществъ много, этотъ запасный капиталъ служитъ

Digitized by Google

основанiемъ для ихъ взаимнаго застрахованiя отъ разныхъ невзгодъ. Когда же возрастанiе его представитъ возможность, онъ также обращается на пособiе вновь основываемымъ товариществамъ). За покрытiемъ всѣхъ этихъ расходовъ, должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней.

Нашъ уставъ написанъ именно въ томъ предположенiи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна. Почему мы такъ думаемъ? Просто потому, что хозяинъ частной фабрики также имѣетъ всѣ расходы, которые мы вычитали изъ прибыли товарищества: онъ также платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, также содержитъ, если только онъ человѣкъ честный, и церковь, и школу, и больницу (и надобно замѣтить, что, чѣмъ больше онъ тратитъ на эти учрежденiя, требуемыя понятiями или пользами его работниковъ, тѣмъ больше остается у него чистой прибыли); наконецъ, онъ также застраховываетъ свою фабрику,—издержка, соотвѣтствующая образованiю запаснаго капитала въ товариществѣ,—и за всѣми этими расходами у него все еще остается значительная сумма, которая одна собственно и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свою фабрику, если бы эта сумма, остающаяся у него въ рукахъ, не была значительна. Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него, а есть причина полагать, что она пойдетъ успѣшнѣе; потому-то и мы говоримъ, что дивидендъ въ товариществѣ будетъ значителенъ.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства. Другую сторону выгодности доставляетъ посредничество товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленiе.

Мы уже говорили, что всѣ желающiе члены пользуются въ общественномъ зданiи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно также они могутъ брать, если захотятъ, всякiя нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 коп. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получается онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 коп. за фунтъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно. Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцiй изъ общей кухни на квартиру.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи гдѣ хочешь, живи какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда.

Вотъ именно этотъ самый планъ имѣетъ свойство возбуждать въ экономистахъ отсталой школы неимовѣрное негодованiе своею ужасною притѣснительностью, своимъ противорѣчiемъ со всѣми правилами коммерческаго разсчета, своею противо-

Digitized by Google

естественностью и своимъ пренебреженіемъ къ личному интересу, безъ котораго нѣтъ энергіи въ трудѣ. Хорошій отсталый экономистъ скорѣе согласится пойдти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры, нежели сказать, что въ планѣ этомъ нѣтъ ничего слишкомъ дурного или неудобоисполнимаго.

Почему же такая простая и легкая мысль до сихъ поръ не осуществилась и по всей вѣроятности долго не осуществится? Почему такая добрая мысль возбуждаетъ негодованіе въ тысячахъ людей добрыхъ и честныхъ? Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда нибудь въ другой разъ.

Digitized by Google

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ПОДПИСЧИКОВЪ НА СОВРЕМЕННИКЪ 1859 Г. ПО ГУБЕРНІЯМЪ И ГОРОДАМЪ.

„Современникъ“ въ 1859 г. печатался въ числѣ 5,500 экземпляровъ. Они распредѣлялись между подписчиками по губерніямъ и городамъ слѣдующимъ образомъ *):

Все изданіе разошлось въ теченіе первой половины года, такъ что съ августа мѣсяца редакція принуждена была прекратить подписку на журналъ, за неимѣніемъ экземпляровъ.

Мы печатаемъ эти свѣдѣнія и представляемъ таблицу подписчиковъ, находя, что она можетъ быть интересною для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей. Никакихъ общихъ выводовъ изъ нея нельзя дѣлать, потому что неизвѣстно, отчего зависитъ большее или меньшее количество подписчиковъ на „Современникъ“ въ разныхъ мѣстностяхъ—отъ развитія ли любви къ чтенію вообще, или отъ взгляда мѣстнаго общества именно на нашъ журналъ. Можно только видѣть, что наибольшее количество подписчиковъ нашихъ, послѣ столичныхъ губерній падаетъ на Новороссійскій край и малороссійскія губерніи. Въ Херсонской (237) и Екатеринославской (211) губерніяхъ было болѣе всѣхъ. Затѣмъ много было въ Харьковской (190), Полтавской (188), Курской (111), Кіевской (96), Таврической (95), Ставропольской (94), Воронежской (88), Черниговской (82). Въ губерніяхъ собственно великорусскихъ (о бѣлорусскихъ, польскихъ и финляндскихъ не говоримъ) число подписчиковъ большею частію стоитъ ниже этой цифры. Изъ нихъ имѣютъ болѣе 80 подписчиковъ только губерніи Саратовская (105), Тамбовская (98), Орловская (92) и Тульская (91). Остальныя большею частію держатся около 30—60. Всего менѣе въ губерніяхъ Олонецкой (9) и Архангельской (16). Сравнительно съ числомъ населенія, довольно много подписчиковъ и въ Сибири. Напримѣръ, въ Енисейской губерніи, имѣющей почти столько же жителей, какъ и Олонецкая, подписчиковъ 38, вчетверо болѣе; Иркутская, населенная вчетверо менѣе Казанской, выписываетъ почти столько же экземпляровъ (59), какъ и Казанская (69), хотя Казань—университетскій городъ. Въ городѣ Иркутскѣ, на 25,000 жителей, получается болѣе экземпляровъ (37), нежели, напримѣръ, во всей Вятской губерніи, имѣющей два мильона населенія.... Впрочемъ, какъ част-

*) Далѣе идетъ таблица, не помѣщаемая нынѣ, какъ утратившая уже свой спеціальный интересъ.

Digitized by Google

ные и единичные факты, эти цифры еще ничего не доказываютъ. Можно изъ сличенія ихъ вывести, пожалуй, нѣкоторыя странности, можно сдѣлать нѣсколько курьезныхъ вопросовъ: напримѣръ, что значитъ, что Луганскій заводъ, въ которомъ живетъ всего до 800 человѣкъ, выписываетъ столько же экземпляровъ „Современника“, сколько вся Олонецкая губернія (9 экземпляровъ)? Отчего во всей Самарской губерніи полтора мильона населенія получаютъ столько экземпляровъ (30), сколько идетъ въ одинъ городъ Пензу? Отчего въ Новомиргородъ (8000 жит.) идетъ 25 экземпляровъ, въ Верхнеднѣпровскъ (3000 жит.)—23, а въ Нижній Новгородъ (40,000 жит.)—только 21? Отчего ни одного экземпляра „Современника“ не выписывается, напр., въ слѣдующихъ городахъ: въ Колѣ, въ Пинегѣ, въ Черномъ-Ярѣ, въ *Великомъ-Устюгѣ*, въ Боровскѣ, въ *Буѣ*, *Кологривѣ*, Лухѣ и Пучежѣ (Костромск.), въ *Верев* и *Звенигородѣ* (Москов.), въ Каргополѣ, *Олонцѣ* и Повѣнцѣ (Олонецк.), въ Мокшанскѣ, *Чердыни*, *Пронскѣ*, въ *Гатчинѣ*, *Ораніенбаумѣ*, *Павловскѣ* и *Стрѣльнѣ*, въ Балаклавѣ и Кинбурнѣ, въ *Борисоглѣбскѣ* и *Спасскѣ*, въ Алексинѣ и Ефремовѣ, въ *Романовѣ-Борисоглѣбскѣ*, и проч. Мы, разумѣется, наклонны къ тому, чтобы сдѣлать упрекъ всѣмъ таковымъ городамъ, неимѣющимъ *ни одного* подписчика на „Современникъ“. Но, разумѣется, всѣ подобныя замѣчанія и вопросы могутъ имѣть значеніе только тогда, когда у насъ будутъ цифры подписчиковъ *всѣхъ* журналовъ, по губерніямъ и городамъ. Тогда возможно будетъ сдѣлать какіе нибудь выводы. Мы печатаемъ свѣдѣнія о количествѣ своихъ подписчиковъ по списку газетной экспедиціи Санктпетербургскаго почтамта, именно въ той надеждѣ, что и другіе журналы захотятъ послѣдовать нашему примѣру и откроютъ публикѣ эту *тайну*, которую до сихъ поръ почему-то старались не открывать публикѣ. По нашему мнѣнію, скрытность здѣсь совершенно безполезна и неумѣстна. Казенныя учрежденія и акціонерныя компаніи безпрестанно печатаютъ подробные отчеты; что же намъ-то скрываться! Конечно, мы не обязаны публикѣ отчетомъ о степени матеріальнаго успѣха изданія; но если свѣдѣнія объ этомъ могутъ быть къ чему нибудь пригодны въ ряду общихъ знаній, то почему же и не объявить ихъ во всеобщее свѣдѣніе? А свѣдѣнія о распространеніи журналовъ въ публикѣ могутъ быть очень важны для статистики, если не образованія, то по крайней мѣрѣ—*любви къ чтенію въ Россіи*. И вотъ почему мы, печатая свой списокъ, надѣемся, что примѣру нашему послѣдуютъ и другіе журналы.

Digitized by Google

ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

I.

I. Характеръ Луи-Филиппа. Смерть принца Конде.—II. Процессъ министровъ Карла X. Открытый разрывъ съ демократами, потомъ и съ либералами. Отставка Лафайета и Лафита.—III. Министерство Казиміра Перье. Размѣръ улучшеній, произошедшихъ изъ іюльскихъ событій.—IV. Новый элементъ французской исторіи. Ліонское возстаніе.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ первой книги „Мемуаровъ" Гизо, мы помѣстили въ „Современникѣ" очеркъ политической исторіи Франціи въ эпоху реставраціи. Теперь мы хотимъ воспользоваться второю частью записокъ Гизо, чтобы представить читателямъ исторію Франціи при іюльской монархіи. Какъ въ статьяхъ „Борьба партій во Франціи въ эпоху реставраціи" мы вовсе не держались книги, изданіе которой служило для насъ только предлогомъ для изложенія фактовъ по совершенно инымъ источникамъ и съ точки зрѣнія, діаметрально противоположной взгляду Гизо, такъ и теперь вовсе не Гизо будетъ нашимъ руководителемъ. Читатель, знакомый съ литературою французской исторіи, конечно назоветъ наши разсказы почти простымъ переводомъ,—мы и не имѣемъ другой претензіи, кромѣ той, чтобы эти статьи могли назваться не совсѣмъ дурнымъ переводомъ. Теперь мы считаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ, но со временемъ удовлетворимъ и требованію библіографической точности представленіемъ цитатъ, отъ приведенія которыхъ нынѣ уклоняемся только для того, чтобы не сдѣлать свое изложеніе чрезмѣрно тяжелымъ.

Въ статьяхъ о реставраціи, мы довели разсказъ до возведенія на французскій престолъ принца Орлеанскаго. Мы не будемъ останавливаться на формальностяхъ, которыми сопровождался переходъ власти отъ Бурбоновъ къ ихъ родственнику. Легкая передѣлка конституціи, нѣкоторыя новыя гарантіи для свободы печати, не слишкомъ прочныя, — все это само по себѣ не было дѣломъ такой великой важности, чтобы стоило долго останавливаться надъ техническими подробностями произведенныхъ реформъ. Тѣ стороны новыхъ учрежденій, знаніе которыхъ будетъ нужно для объясненія смысла тѣхъ или другихъ событій, будутъ изложены нами при разсказѣ объ этихъ фактахъ. Читатель согласится, что намъ нѣтъ надобности разсказывать о новыхъ учрежденіяхъ слишкомъ подробно, если вспомнить, что новое правительство съ перваго же раза стало стремиться къ тому, чтобы всѣ либеральныя передѣлки прежнихъ законовъ остались только на бумагѣ. Такимъ образомъ, мы прямо начинаемъ съ разсказа о событіяхъ. Ходъ событій въ очень значительной степени опредѣлялся характеромъ новаго короля, и черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Луи-Филиппа произошелъ случай, очень ясно обри-

Digitized by Google

совывавшій ту сторону его характера, которая привела Францію къ лишенію свободы, а его собственную династію повела въ изгнаніе.

Сынъ Луи-Жозефа Конде, знаменитаго предводителя эмигрантской арміи, отецъ герцога Ангьенскаго, извѣстнаго своею трагическою смертью, принцъ Луи-Генрихъ-Жозефъ Конде, герцогъ Бурбонскій, послѣдній потомокъ фамиліи Конде, былъ въ свое время храбрымъ офицеромъ, но въ 1830 году имѣлъ уже около 75 лѣтъ, и прежняя отважность замѣнилась въ дряхломъ старикѣ боязливостью. Онъ давно уже не вмѣшивался въ политическія дѣла и тихо жилъ въ своихъ громадныхъ помѣстьяхъ, цѣнность которыхъ простиралась до семидесяти милліоновъ франковъ. При извѣстіи о катастрофѣ, постигнувшей Бурбоновъ, онъ совершенно растерялся. Онъ трепеталъ за Карла X, трепеталъ самъ за себя; приближенные напоминали ему о прежнемъ его мужествѣ, но слабый старикъ находился подъ властью женщины, интересы которой были связаны съ выгодами орлеанскаго дома.

Происхожденіе этой женщины было темно, даже фамильное имя ея неизвѣстно съ достовѣрностью; говорятъ, что она когда-то играла на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ; потомъ жила она съ какимъ-то роскошнымъ богачемъ; наконецъ успѣла овладѣть старикомъ Конде; при его посредничествѣ она успѣла выйдти замужъ за барона де-Фёшера, незнавшаго объ ея истинныхъ отношеніяхъ къ принцу. Женщина умная, красивая лицемъ, соединявшая искательность съ надменностью, умѣвшая казаться то нѣжной, то гордой, баронесса де-Фёшеръ умѣла устроить такъ, что принцъ Конде въ 1824 г. написалъ завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ ей помѣстья Сенъ-Лё и Буасси. Она уже пользовалась и при его жизни доходами съ нихъ, но ей казалось мало этихъ подарковъ и огромныхъ суммъ, выпрошенныхъ ею у принца. Черезъ нѣсколько времени Конде прибавилъ въ своемъ завѣщаніи новый подарокъ ей — Ангьенскій лѣсъ. Баронесса безпокоилась за судьбу этихъ пріобрѣтеній: она боялась, что по смерти принца законные наслѣдники, принцы Роганы, заведутъ съ нею процессъ. Она искала опоры своимъ правамъ и убѣждала герцога Конде усыновить герцога Омальскаго, бывшаго крестникомъ принца, одного изъ сыновей Луи-Филиппа. Существуютъ документы объ этихъ переговорахъ, начавшихся въ 1827 году. Герцогиня Орлеанская, супруга Луи-Филиппа, писала къ баронессѣ де-Фёшеръ письма, въ которыхъ благодарила ее за хлопоты объ усыновленіи герцога Омальскаго принцемъ Конде и увѣряла ее въ своей защитѣ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ этой переписки: „Я очень признательна, писала герцогиня баронессѣ, за вашу заботливость, и повѣрьте, что если я дождусь счастія видѣть своего сына усыновленнымъ со стороны принца Конде, то вы всегда и при всякихъ обстоятельствахъ найдете для себя и для всѣхъ близкихъ къ вамъ въ насъ ту опору, которой требуете; признательность матери служитъ вамъ вѣрнымъ ручательствомъ за то“. Но герцогъ Конде медлилъ уступить настояніямъ баронессы, и тогда герцогъ Орлеанскій присоединилъ свои личныя убѣжденія къ просьбамъ баронессы. 2 мая 1829 года Луи-Филиппъ написалъ принцу Конде очень ловкое письмо, въ которомъ говорилъ о своей признательности къ баронессѣ де Фёшеръ за ея хлопоты и о томъ, какъ пріятно будетъ видѣть ему одного изъ своихъ сыновей носящимъ славное имя Конде. Старикъ былъ смущенъ. Старинный эмигрантъ, онъ не любилъ Луи-Филиппа, фамилія котораго щеголяла либерализмомъ. Но онъ не зналъ, какъ сказать, что вовсе не имѣетъ того желанія, за которое благодаритъ его герцогъ; онъ боялся раздражить и баронессу, черезъ посредство которой при-

Digitized by Google

носилась ему слишкомъ ранняя благодарность. При томъ баронесса увѣряла его, что Карлъ X и всѣ Бурбоны желаютъ усыновленія, котораго она требуетъ. Вотъ отрывокъ одного изъ ея писемъ: „Король и королевская фамилія желаютъ, чтобы вы избрали одного изъ родственныхъ вамъ принцевъ наслѣдникомъ вашего имени и состоянія. Они думаютъ, что я одна мѣшаю исполненію этого желанія. Умоляю васъ, освободите меня отъ этого тяжелаго положенія, избравъ себѣ наслѣдника. Этимъ вы обезпечите, мой милый другъ, благосклонность королевской фамиліи и менѣе несчастное будущее для вашей бѣдной Софіи". Принцъ Конде упрекалъ баронессу за то, что она, не спросивъ его мнѣнія, не разузнавъ объ его намѣреніяхъ, вступила съ герцогомъ Орлеанскимъ въ переговоры о столь важномъ дѣлѣ. Но баронесса продолжала настаивать, говоря, что только усыновленіемъ герцога Омальскаго принцъ можетъ обезпечить ея собственную будущность, и наконецъ устроила свиданіе между принцемъ Конде и герцогомъ Орлеанскимъ. Ничего рѣшительнаго принцъ Конде не сказалъ на этомъ свиданіи; но герцогъ Орлеанскій приказалъ Дюпену старшему, своему повѣренному въ дѣлахъ, приготовить для герцога Конде проэктъ завѣщанія въ пользу принца Омальскаго. Это порученіе, какъ и всѣ переговоры, оставалось въ секретѣ. Но изготовленіемъ завѣщанія значительно облегчалось дѣло: имѣя готовую бумагу, баронесса де-Фёшеръ могла воспользоваться первою благопріятною минутою, чтобы получить подпись принца Конде. Она продолжала настаивать. Старикъ жаловался и сердился. Хлопоты баронессы о завѣщаніи лишали его покоя и онъ проводилъ ночи безъ сна: „они хотятъ моей смерти, говорилъ онъ: — какъ только получатъ они то, чего желаютъ, моя жизнь будетъ въ опасности". Въ своемъ отчаяніи, онъ, чтобы избѣжать преслѣдованій баронессы де-Фёшеръ, вздумалъ наконецъ обратиться къ великодушію самого герцога Орлеанскаго. „Дѣло, занимающее насъ, писалъ онъ герцогу 20 августа 1829, было начато баронессою де-Фёшеръ безъ моего вѣдома и нѣсколько легкомысленно; оно чрезвычайно тяжело для меня — вы сами могли это видѣть". Онъ умолялъ Луи-Филиппа просить баронессу де-Фёшеръ, чтобы она оставила свои требованія объ усыновленіи герцога Омальскаго, обѣщая ему „дать доказательство" своего расположенія. Герцогъ Орлеанскій исполнилъ просьбу: отправился къ баронессѣ и въ присутствіи свидѣтеля, который могъ бы передать его слова принцу Конде, уговаривалъ ее прекратить свои настоянія. Само собою разумѣется, что баронесса де-Фёшеръ рѣшительно отказала ему и объявила, что не можетъ не хлопотать въ пользу его сына. Дѣйствительно, она продолжала свои хлопоты съ такимъ усердіемъ, что вечеромъ 29 августа одинъ изъ приближенныхъ людей принца, Сюрваль, которому принцъ уже и прежде жаловался на свои страданія по дѣлу о завѣщаніи, услышалъ въ комнатѣ принца крики и стоны. Онъ вошелъ въ комнату. Тамъ были баронесса де-Фёшеръ и принцъ, опечаленный и раздраженный. „Это страшное, жестокое дѣло!—воскликнулъ принцъ: приставляютъ мнѣ ножъ къ горлу, чтобы принудить меня сдѣлать актъ, столь непріятный для меня!" Онъ схватилъ баронессу за руку и продолжалъ, сопровождая свои слова соотвѣтствовавшими ихъ смыслу жестами: „ну, чтожъ? рѣжьте же мнѣ горло этимъ ножемъ—рѣжьте!" На другой день, 30 августа, принцъ Конде подписалъ завѣщаніе, по которому дѣлалъ принца Омальскаго своимъ наслѣдникомъ и завѣщалъ баронессѣ на 10 милліоновъ франковъ имущества въ помѣстьяхъ и въ деньгахъ.

Это было ровно за одиннадцать мѣсяцевъ передъ іюльской революціей. Черезъ

Digitized by Google

нѣсколько времени придворные принца замѣтили перемѣну въ его отношеніяхъ к
баронессѣ: ея имя производило на него тяжелое впечатлѣніе, котораго онъ иног
не могъ скрыть. Онъ по прежнему выказывалъ ей нѣжность, не жалѣлъ для н
денегъ, но въ его нѣжности къ ней замѣтенъ былъ страхъ. Онъ не распечатыва
при ней получаемыхъ писемъ, какъ дѣлалъ прежде. Двумъ изъ своихъ прибли
женныхъ онъ сказалъ наконецъ, что хочетъ предпринять далекое путешествіе,
просилъ ихъ держать этотъ проэктъ въ секретѣ, особенно отъ баронессы де-Фё
шеръ. Время шло, и совершилась іюльская революція; отецъ принца Омальска
сдѣлался королемъ французовъ. Между тѣмъ происходили у него съ баронесс
странныя сцены. Утромъ 11 августа Манури, любимый камердинеръ принца, в
шедши въ его спальную, увидѣлъ у старика царапину около глаза. Принцъ пот
ропился объяснить ему происхожденіе раны: „повернувшись на кровати, я удари
глазомъ о столикъ“, сказалъ онъ. Манури замѣтилъ на это, что столъ ниже кр
вати и удариться о него нельзя. Черезъ нѣсколько минутъ Манури, разстилая ко
веръ въ туалетной комнатѣ принца, увидѣлъ подъ дверью потайной лѣстниц
письмо и подалъ его принцу. Принцъ очень смутился, взглянувъ на письмо, и ск
залъ: „я не умѣю хорошо лгать. Я сказалъ, что ушибся, повернувшись во снѣ в
постели; нѣтъ, я хотѣлъ отворить дверь, упалъ и ударился вискомъ о панель“
Послѣ того принцъ просилъ Манури, чтобы онъ ложился спать у дверей его ко
наты. Манури замѣтилъ, что прислуга будетъ говорить объ этомъ, потому что п
ея понятіямъ принцу натуральнѣе было бы класть у дверей своей комнаты друга
камердинера, Леконта, который былъ рекомендованъ принцу баронессою де-Фёшер
„Нѣтъ, если такъ, лучше оставить эту мысль“, отвѣчалъ принцъ.

Черезъ нѣсколько дней принцъ объявилъ одному изъ своихъ довѣренныхъ лю
дей, капитану Шуло, что рѣшился уѣхать.

25 августа, за два дня до смерти принца, баронесса Фёшеръ взяла у Рот
шильда вексель на Англію въ 500,000 франковъ. На другой день въ девятом
часу утра служители принца слышали жаркую сцену въ его комнатѣ между ним
и баронессою. Манури, когда вошелъ въ комнату, увидѣлъ его въ страшномъ ра
стройствѣ. Принцъ велѣлъ подать себѣ одеколона. Онъ послалъ за Шуло, которы
устроивалъ его секретную поѣздку. Но вечеромъ старикъ былъ довольно весел
играя въ вистъ съ баронессою де-Фёшеръ и двумя придворными. Уходя спать, он
сдѣлалъ слугамъ дружескій жестъ, который удивилъ ихъ, показавшись имъ зна
комъ прощанія. Это было вечеромъ 26 августа.

Спальная принца Конде соединялась небольшимъ корридоромъ съ комнатами
въ которыхъ жили разныя лица его штата. Нѣкоторыя изъ нихъ легли спать н
раньше двухъ часовъ, но они не слышали никакого шума въ спальной. Остальная
часть ночи также прошла совершенно спокойно.

Утромъ (27 августа 1830) камердинеръ принца Леконтъ пошелъ въ 8 часо
къ принцу, который наканунѣ приказалъ разбудить себя въ это время. Онъ пост
чалъ въ дверь — отвѣта не было. Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько времени вор
тился съ Бонни, находившимся въ штатѣ принца; они снова постучались: отвѣта
также не было. Леконтъ и Бонни, обезпокоенные, пошли сказать объ этомъ баро
нессѣ Фёшеръ. „Услышавъ мой голосъ, онъ будетъ отвѣчать“, сказала она и по
шла вмѣстѣ съ ними. Но отвѣта не было по прежнему. Между тѣмъ весь домъ уж
встревожился. Сошлись слуги. Манури желѣзнымъ ломомъ выбилъ дверь и вошел

Digitized by Google

въ спальную принца вмѣстѣ съ Леконтомъ и Бонни. Ставни, бывшіе у оконъ извнутри, были затворены, въ комнатѣ было очень темно, на каминѣ горѣла свѣча, но она стояла за экраномъ, скрывавшимъ свѣтъ. При этомъ слабомъ освѣщеніи вошедшіе служители увидѣли голову принца прислоненною ко внутреннему ставню одного изъ оконъ: фигура старика имѣла такое положеніе, какъ будто бы онъ подслушивалъ, что говорятъ за окномъ. Манури поспѣшно раскрылъ ставни другаго окна. Тутъ увидѣли, что такое произошло: принцъ Конде былъ повѣшенъ, или лучше сказать прицѣпленъ къ задвижкѣ ставня. Всѣ бросились въ спальную. Баронесса де-Фёшеръ съ воплемъ упала на кресло.

Герцогъ былъ привязанъ къ задвижкѣ ставня двумя носовыми платками, связанными въ одну веревку. Конецъ одного платка былъ привязанъ къ задвижкѣ, другой платокъ обвязанъ около шеи. Но этотъ платокъ, окружавшій шею, былъ связанъ неподвижнымъ узломъ, а не петлею, которая могла бы удушить; онъ не сдавливалъ шеи и былъ повязанъ такъ слабо, что вошедшіе люди легко всовывали пальцы между нимъ и шеею. Голова мертваго свѣсилась на грудь, лицо его было блѣдно. Языкъ у него не былъ высунутъ, какъ высовывается у людей удушаемыхъ петлею; руки были сложены, колѣна подогнуты и пальцы ногъ касались пола. Всѣ эти обстоятельства въ положеніи тѣла противорѣчили мысли о самоубійствѣ.

Явилось мѣстное начальство, потомъ король прислалъ высшихъ сановниковъ. Принцъ Луи-Роганъ, который былъ бы наслѣдникомъ принца Конде, если бы Конде умеръ безъ завѣщанія, не былъ увѣдомленъ о его смерти: онъ только изъ газетъ узналъ о кончинѣ человѣка, наслѣдство послѣ котораго отнималось у него завѣщаніемъ, неизвѣстнымъ ему до той поры.

Были составлены протоколы о положеніи, въ которомъ нашли тѣло, и состояніи комнаты. Эти протоколы говорили о самоубійствѣ. Главнымъ доводомъ въ подтвержденіе мысли о самоубійствѣ было обстоятельство, ничтожность котораго раскрылась позднѣйшимъ слѣдствіемъ: спальная извнутри была заперта задвижкою, такъ что безъ шума нельзя было войти въ нее. Но потомъ, когда начали пробовать, нельзя ли отодвинуть задвижку снаружи, оказалось, что можно было снаружи продѣть сквозь дверь ленту и отодвигать задвижку. Предположили, что принцъ для совершенія самоубійства сталъ на стулъ, съ котораго потомъ спустился. Но стулъ этотъ находился такъ далеко отъ тѣла, что отъ этого предположенія должны были потомъ отказаться даже люди, его высказавшіе.

Въ противность протоколамъ, говорившимъ о самоубійствѣ, свидѣтельствовали всѣ обстоятельства. Дряхлость принца, вялость его характера, извѣстная его религіозность, ужасъ, какой внушала ему одна мысль о смерти, его мнѣніе о самоубійствѣ, какъ о дѣлѣ трусливомъ и низкомъ, веселость, которую онъ обнаруживалъ въ предыдущіе дни,—всѣ эти соображенія разрушали догадку, порожденную тѣмъ обстоятельствомъ, что дверь была заперта. Всѣ вещи, найденныя въ комнатѣ принца, показывали, что, приготовляясь спать, онъ располагалъ провести слѣдующій день, какъ всегда проводилъ свои дни. Карманные часы его, лежавшіе на каминѣ, были заведены вечеромъ, по его обыкновенію, а подъ изголовьемъ лежалъ его носовой платокъ, завязанный узелкомъ на концѣ, какъ онъ дѣлалъ ложась спать, когда хотѣлъ напомнить себѣ этимъ узелкомъ что нибудь на слѣдующее утро. Самое тѣло висѣло такъ, что упиралось ногами въ полъ. Одинъ изъ лакеевъ принца, Романцо, путешествовавшій по Турціи и по Египту и видѣвшій много повѣшен-

Digitized by Google

ныхъ, говорилъ, что тѣло принца вовсе не имѣетъ такого вида, что у повѣшенныхъ цвѣтъ лица бываетъ не блѣдный, а черный, что глаза у нихъ остаются открытыми и языкъ высовывается изо рта,—этихъ признаковъ не было въ тѣлѣ принца. То же самое подтверждалъ другой слуга, ирландецъ Файфъ, также видѣвшій много повѣшенныхъ. Когда стали отвязывать трупъ отъ окна Роханцо только съ большимъ трудомъ успѣлъ развязать узелъ платка, прикрѣпленный къ задвижкѣ ставня,—такъ искусно былъ сдѣланъ этотъ узелъ. Между тѣмъ вся прислуга принца знала, что онъ не умѣетъ даже завязать лентъ на своихъ башмакахъ, по чрезвычайной неловкости. Кромѣ того кисть правой руки его имѣла сабельную рану, а ключица лѣвой руки была сломана, такъ что онъ не могъ поднять лѣвую руку къ шеѣ, стало быть не могъ завязать платка, ее окружавшаго; и дѣйствительно, когда онъ повязывалъ галстухъ, ему долженъ былъ помагать камердинеръ. Протоколы говорили, что онъ становился на стулъ, чтобы повѣситься. Но этотъ стулъ былъ слишкомъ далеко отъ тѣла, и притомъ всѣ знали, что принцъ съ трудомъ можетъ поднимать ногу даже на одну ступень лѣстницы: онъ могъ входить на лѣстницу не иначе, какъ держась одною рукою за перила, другою рукою опираясь на палку; трудно было такому разслабленному старику взлѣзть на стулъ и удержаться на немъ.

Мало того, были признаки, указывавшіе, что ночью кто-то входилъ въ комнату. Принцъ почти никогда не надѣвалъ туфлей и онѣ почти всегда оставались у кресла, на которомъ онъ раздѣвался. Теперь туфли стояли у постели. Прислуга, убиравшая вечеромъ постель, всегда вдвигала ее въ глубину алькова; такъ была придвинута кровать и вечеромъ 26 числа; теперь кровать была найдена отодвинутой отъ стѣны на полтора фута. Когда вошли въ спальную, на каминѣ стояли двѣ восковыя свѣчи, недогорѣвшія и погашенныя: кто могъ погасить ихъ,—неужели принцъ? Неужели онъ нарочно оставилъ себя въ темнотѣ, занимаясь многосложными приготовленіями къ самоубійству?

Баронесса Фёшеръ защищала предположеніе о самоубійствѣ. Но странно было, что, рѣшаясь на самоубійство, онъ не написалъ ни одного слова прощанья, не подумалъ о томъ, чтобы избавить отъ подозрѣнія служителей, которыхъ любилъ. Для освидѣтельствованія трупа были присланы три доктора: они рѣшили, что принцъ самъ лишилъ себя жизни, повѣсившись у окна. Но двое изъ нихъ находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; а докторъ принца не былъ приглашенъ присутствовать при освидѣтельствованіи тѣла. Одинъ изъ людей, невѣрившихъ самоубійству, Мери Лафонтенъ, доказалъ, что принцу нельзя было умереть въ томъ положеніи, какъ его нашли: онъ самъ привязывалъ шею къ задвижкѣ окна и опускался на полъ, принимая позу, въ какой нашли тѣло: петля не душила его въ этой позѣ. Къ довершенію всѣхъ сомнѣній въ самоубійствѣ найдено было новое обстоятельство. Кромѣ обыкновенной двери, запертой задвижкою, въ спальную принца вела другая потайная дверь и одинъ изъ свидѣтелей, вошедшихъ въ комнату утромъ 27 августа, утверждалъ, что дверь эта не была заперта.

Мало-по-малу предположеніе о самоубійствѣ стало казаться для всѣхъ невѣроятнымъ. Аббатъ Пелье, хоронившій Конде, сказалъ въ надгробномъ словѣ: „Принцъ невиненъ передъ Богомъ въ своей смерти“. Правительство не захотѣло напечатать эту проповѣдь въ Монитёрѣ.

Въ протоколахъ, говорившихъ о самоубійствѣ, были найдены неточности и на-

Digitized by Google

тяжки. Общая молва заставила правительство произвести слѣдствіе. Но когда слѣдователь, де-ла-Гюпруа, сталъ ревностно заниматься раскрытіемъ обстоятельствъ, его уволили въ отставку, но въ замѣнъ того дали его зятю должность, о которой давно хлопоталъ Гюпруа. Слѣдствіе о смерти принца Конде перешло въ другія руки и дѣло скоро было замято.

Молва винила въ смерти принца баронессу де-Фёшеръ; она сначала тревожилась, но скоро стала спокойна. Она была приглашена ко двору и весь Парижъ изумлялся такому приглашенію; подозрѣнія усилились; говорили, что самъ Луи-Филиппъ долженъ быть соучастникомъ въ ея преступленіи. Ему оставалось одно средство очиститься отъ подозрѣній: онъ долженъ былъ бы отказаться за своего сына отъ наслѣдства Конде. Но это наслѣдство простиралось до нѣскольких десятковъ милліоновъ, и такая жертва была выше силъ Луи-Филиппа. Наканунѣ своего восшествія на престолъ, онъ передалъ дарственною записью своимъ дѣтямъ громадныя родовыя имѣнья Орлеанскаго дома, чтобы уклониться отъ дѣйствія закона, по которому личное имущество человѣка, восходящаго на французскій престолъ, становилось государственнымъ имуществомъ. Этотъ дарственный актъ уже возбудилъ чрезвычайное неудовольствіе, поднялъ ропотъ о своекорыстіи. Теперь, черезъ три недѣли послѣ начала новаго правительства, дѣло о смерти принца Конде дало пищу новому, еще болѣе черному подозрѣнію. Конечно нельзя раздѣлять нелѣпыхъ тогдашнихъ подозрѣній о прямомъ соучастіи Луи-Филиппа въ смерти принца Конде; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что принцъ былъ насильственно лишенъ жизни, что виновницей его смерти была баронесса де-Фёшеръ, которая опасалась, что принцъ ускользнетъ изъ-подъ ея власти и перемѣнитъ завѣщаніе, или хотѣла поскорѣе вступить во владѣніе завѣщанными ей богатствами. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Луи-Филиппъ покровительствовалъ подозрѣваемой баронессѣ и почелъ нужнымъ затушить дѣло, результатовъ котораго опасалась баронесса: если бы она не боялась строгаго изслѣдованія, не нужны были бы усилія придать дѣлу тотъ оборотъ, которымъ отстранялась юридическая опасность, но усиливались подозрѣнія. Покровительство баронессѣ де-Фёшеръ по смерти принца Конде было очень вредно для репутаціи самого Луи-Филиппа. Но все равно, наконецъ, была ли виновна баронесса въ смерти своего любовника, или онъ самъ лишилъ себя жизни, во всякомъ случаѣ неоспоримымъ фактомъ остаются продолжительныя интриги, веденныя Луи-Филиппомъ вмѣстѣ съ этой женщиной для принужденія слабаго старика завѣщать свое безмѣрное богатство принцу Омальскому. Эта часть дѣла доказана документами, а она уже и сама по себѣ очень дурна.

Мы пропускаемъ дипломатическія сношенія, вниманіе къ которымъ только отвлекаетъ и народы, и исторію отъ мыслей о развитіи внутреннихъ учрежденій, т. е. отъ предметовъ, исключительно имѣющихъ существенную важность для благосостоянія обществъ. Довольно замѣтить общій характеръ впечатлѣнія, произведеннаго на Францію первыми дѣйствіями внѣшней политики Луи-Филиппа. Подобно русской и англійской націямъ, французская нація достигла такой государственной силы, что не нуждается ни въ чьей снисходительности для своего независимаго существованія. Ни англичане, ни нѣмцы, никакой другой народъ не могли имѣть въ 1830 году ни малѣйшей претензіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, утверждать своимъ согласіемъ, или колебать своимъ неодобреніемъ перемѣны въ ней происшедшія. Потому французы были справедливы, оскорбляясь униженнымъ

Digitized by Google

смиреніемъ, съ какимъ Луи-Филиппъ выпрашивалъ у иноземныхъ державъ своего признанія королемъ французовъ. Роль, которая могла быть прилична бельгійцамъ. просившимъ признанія своей самостоятельности у Европы, не годилась для Франціи, имѣющей силы достаточныя для того, чтобы держать себя независимо. Другимъ источникомъ неудовольствія внутри самой Франціи было положеніе, принятое правительствомъ Луи-Филиппа относительно слабыхъ государствъ, увлеченныхъ къ внутреннимъ переворотамъ событіями іюльскихъ дней. Во многихъ мѣстахъ Европы произошли волненія, имѣвшія ту же цѣль, какъ іюльскій переворотъ. Принципы. вводимые въ государственную жизнь второстепенныхъ итальянскихъ и другихъ государствъ этими движеніями, были несогласны съ принципами остальныхъ сильныхъ континентальныхъ государствъ, которыя начали дѣйствовать враждебно имъ. Рѣдко можно ожидать пользы для народа отъ иноземныхъ вооруженныхъ вмѣшательствъ, хотя бы они производились и подъ предлогомъ освобожденія народовъ. получающихъ иноземную помощь, которая обыкновенно приводитъ только къ новому порабощенію. Но если Франція не должна была жертвовать своими солдатами и деньгами на вооруженную пропаганду конституціонныхъ принциповъ, то она могла выказывать серьезную симпатію къ реформамъ, произведеннымъ другими государствами въ духѣ ея собственныхъ учрежденій; она могла поддерживать ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, могла и должна была требовать, чтобы всѣ европейскія державы уважали независимость своихъ слабыхъ сосѣдей. Правительство Луи-Филиппа не отваживалось дѣлать и этого. Оно не осмѣливалось говорить въ своемъ духѣ такимъ же языкомъ, какимъ въ своемъ духѣ говорили Пруссія и особенно Австрія: ему казалось, что оно должно смиреніемъ и уступчивостью покупать терпимость самому себѣ со стороны великихъ континентальныхъ державъ. Наконецъ Бельгія, освободившаяся безъ помощи Франціи, готова была присоединиться къ ней. Нельзя любить расширенія границъ, пріобрѣтаемаго покореніемъ чуждыхъ національностей,—но бельгійцы такъ близки къ французамъ, что чувствовали бы себя одною съ ними націею, если бы Франція приняла ихъ готовность соединиться съ нею. Правительство Луи-Филиппа не отважилось воспользоваться желаніемъ бельгійцевъ. Когда, не находя въ немъ такой рѣшимости, бельгійцы выбрали своимъ королемъ принца Немурскаго, втораго изъ сыновей Луи-Филиппа, новый король французовъ не захотѣлъ принять и этого предложенія, боясь оскорбить другія державы.

Такая смиренная робость могла происходить только изъ одного источника: Луи-Филиппъ хотѣлъ доказать континентальнымъ правительствамъ, что онъ достоинъ ихъ дружбы, что онъ хочетъ по возможности держаться тѣхъ же принциповъ, какихъ держались они, т. е. принциповъ, отъ которыхъ Франція отказалась съ конца прошлаго вѣка. Боязнь новаго порядка дѣлъ, пристрастіе къ старому порядку, господствовавшему до революціи и имѣвшему своими представителями Бурбоновъ, ясно выказывалась внѣшнею политикою Луи-Филиппа. Изъ того же самаго источника возникало его желаніе защитить бывшихъ министровъ Карла X. дѣло которыхъ подало первый случай къ открытому столкновенію новаго правительства съ сословіями и партіями, низвергнувшими Бурбоновъ, и послужило поводомъ къ удаленію изъ его кабинета людей, бывшихъ связью между нимъ и прогрессивною частью націи.

Увидѣвъ свое пораженіе въ іюльскіе дни, министры Карла X хотѣли скрыться

Digitized by Google

за границу. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись. Но четырехъ успѣли арестовать. Это были: Полиньякъ, предсѣдатель совѣта министровъ, служившій слѣпымъ орудіемъ Карла X; Перонне, бывшій самымъ усерднымъ исполнителемъ плана, составленнаго Карломъ X и Полиньякомъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и твердаго характера и потому виновный болѣе самаго Карла и Полиньяка, которые не понимали, что дѣлали, между тѣмъ какъ онъ очень хорошо зналъ, къ чему ведетъ дѣло и какими средствами надобно будетъ защищать его; Шантлозъ и Гернонъ-Ранвиль. Они были отвезены въ Венсенскій замокъ. Палата депутатовъ назначила изъ своей среды трехъ коммиссаровъ для обвиненія ихъ передъ палатою перовъ. Арестованные министры хотѣли отнять у Франціи права, составлявшія основу новаго порядка вещей; они подписали повелѣнія, которыми возстановлялся безотчетный произволъ; они приказали войскамъ стрѣлять по народу. Факты были безспорны, не было сомнѣнія въ томъ, какому наказанію подвергнетъ законъ этихъ ослѣпленныхъ или злонамѣренныхъ людей: они подлежали смертной казни. Луи-Филиппъ хотѣлъ спасти ихъ, потому что самъ становился во вражду съ порядкомъ дѣлъ, который хотѣли они низвергнуть.

Если бы милосердіе происходило изъ чистаго источника, оно могло бы совершиться открыто и благородно. Если бы Луи-Филиппъ сознавалъ, что вѣрно служитъ новому порядку вещей, если бы онъ чувствовалъ, что его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ старому порядку, или что онъ можетъ своими дѣлами опровергнуть такое подозрѣніе, онъ спокойно далъ бы процессу министровъ идти прямымъ путемъ, и когда судъ произнесъ бы приговоръ, онъ смѣло могъ бы смягчить его, какъ внушала ему кротость: имѣя по закону право помилованія, онъ могъ бы не только сохранить жизнь осужденныхъ, но даже избавить ихъ отъ заключенія, просто выславъ ихъ за границу для ихъ собственнаго спокойствія на время, пока заглохнетъ свѣжая ненависть къ нимъ. Но человѣкъ можетъ открыто и благородно прощать только тогда, когда прощеніе для всѣхъ покажется милостью къ врагамъ, а не потворствомъ. Луи-Филиппъ придумалъ косвенное средство спасти жизнь министровъ Карла X. Способъ, имъ избранный, замѣчателенъ потому, что превосходно характеризуетъ всегдашнее искусство его пріискивать очень благовидныя формы для удовлетворенія потребностямъ, вытекавшимъ изъ личнаго разсчета. Новый король говорилъ: „мой отецъ умеръ на эшафотѣ“, и плакалъ, увѣряя, что хочетъ уничтожить смертную казнь.

При всѣхъ дурныхъ сторонахъ своего характера, Луи-Филиппъ не можетъ быть обвиняемъ въ жестокости. Но кротость, за которую хвалятъ его, не простиралась въ немъ до того, чтобы онъ дѣйствительно считалъ смертную казнь дѣломъ безчеловѣчнымъ, вреднымъ для общества, преступнымъ, какъ слѣдуетъ считать ее. Если бы онъ дѣйствительно такъ думалъ, онъ имѣлъ бы очень много случаевъ провести черезъ палаты уничтоженіе смертной казни: онъ царствовалъ 18 лѣтъ, и въ послѣдніе годы своего правленія дѣлалъ во Франціи все, что хотѣлъ, пользуясь подъ конституціонными формами неограниченною властью. Но онъ не уничтожилъ смертной казни, и вовсе не стремился къ тому, чтобы уничтожить ее: съ окончаніемъ процесса министровъ Карла X, миновалась для него надобность желать этого. Желаніе, которое выражалъ онъ въ началѣ правленія, прямо имѣло своею цѣлью спасеніе министровъ Карла X. Такъ оно и было понято тогда же.

17 августа, Викторъ де-Траси предложилъ палатѣ депутатовъ уничтоженіе

Digitized by Google

смертной казни. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія предложенія, 6 октября предложила отсрочить это дѣло. Но палата, одушевленная рѣчами Лафайета и тогдашняго министра юстиціи, республиканца Дюпонъ-Делёра, бывшаго въ 1848 г. президентомъ временнаго правительства, рѣшила послать королю адресъ. въ которомъ просила его представить черезъ министровъ проэктъ закона объ отмѣненіи смертной казни, если не за всѣ, то за нѣкоторыя преступленія. Но въ самыхъ преніяхъ объ адресѣ было высказано, что дѣло собственно ведется не для рѣшенія общаго юридическаго вопроса, а только для спасенія жизни министровъ Карла X. Работники, недовольные уже тѣмъ, что судъ надъ Полиньякомъ и его товарищами предоставлялся палатѣ перовъ, учрежденію очень не популярному, стали роптать.

„Къ чему ведется это дѣло? говорили они:—для преступниковъ изъ простонародья, хотятъ оставить эшафотъ, а знатнымъ приступникамъ дать безнаказанность. Если какой нибудь несчастный, доведенный до преступленія нищетою или отчаяніемъ, совершитъ убійство, никто не станетъ избавлять его отъ руки палача; каждый почелъ бы стыдомъ обнаружить состраданіе къ его преступленію, порожденному несчастіемъ. Но когда люди знатные и богатые, которымъ поручена судьба государства, приносятъ въ жертву своей гордости тысячи людей, заставляютъ братьевъ рѣзаться между собою, и когда прійдетъ для этихъ людей часъ наказанія, всѣ говорятъ о милосердіи, и законъ теряетъ свою строгость".

Парижъ волновался. На улицахъ явились афиши, возбуждавшія народъ дѣйствовать. 18 октября, собрались толпы и ходили по городу. Онѣ направились къ Пале-Роялю со знаменемъ, на которомъ было написано: „смерть министрамъ!" Рѣшетку пале-рояльскаго сада успѣли запереть. Національная гвардія пришла на защиту дворца. Толпа, не успѣвшая войти во дворецъ, пошла на Венсенскій замокъ съ криками: смерть министрамъ! Генералъ Дюмениль, командовавшій замкомъ, вышелъ на встрѣчу народу, и сталъ говорить, что взорветъ на воздухъ башню, въ которой находились министры, если не будетъ въ силахъ защитить ее. Толпа вернулась, и опять прошла мимо Пале-Рояля съ криками, требовавшими смерти министровъ Карла X.

Національная гвардія выказала рѣшимость защищать правительство. На другой день король благодарилъ ее.

Въ этихъ безпорядкахъ были обвиняемы демократическіе клубы; но они не играли въ нихъ никакой роли, потому что сами члены клубовъ были несогласны между собою въ вопросѣ о судьбѣ министровъ Карла X. Напримѣръ, въ самомъ сильномъ клубѣ, Обществѣ Друзей Народа, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей, Рошъ, чрезвычайно горячо говорилъ противъ предложенія требовать казни венсенскихъ плѣнниковъ, и клубъ разошелся, не принявъ предложенія.

Уличныя волненія испугали министерство. Оно объявило въ „Монитёрѣ", что немедленное отмѣненіе смертной казни кажется ему невозможнымъ.

Сенскимъ префектомъ былъ тогда Одилонъ-Барро, пользовавшійся большою популярностью, которой не заслуживалъ. По своимъ понятіямъ, онъ мало отличался отъ Гизо, Броли и другихъ доктринеровъ, но королю не нравилась его грубоватая прямота и нерасположеніе къ придворнымъ. Луи-Филиппъ давно искалъ случая избавиться отъ него. Теперь случай нашелся. Одилонъ-Барро издалъ прокламацію, въ которой, строго порицая безпорядки, называлъ несвоевременнымъ

Digitized by Google

адресъ, представленный королю палатою. Король рѣшился отставить его. Но Лафайетъ былъ другомъ Одилона-Барро; Дюпонъ-Делёръ находилъ, что онъ очень полезенъ своею популярностью; оба они сказали, что скорѣе выйдутъ въ отставку, нежели согласятся на отставку Одилона-Барро. Въ совѣтѣ министровъ были жаркіе споры, кончившіеся очень рѣзкою сценою между Луи-Филиппомъ и Дюпонъ-Делёромъ. Король сказалъ, что Лафайетъ согласился на отставку Одилона-Барро. „Нѣтъ, государь, вы ошибаетесь“.—„Я самъ отъ него это слышалъ“, отвѣчалъ король. — „Позвольте мнѣ повторить, государь, что вы ошибаетесь, повторилъ Дюпонъ, славившійся чрезвычайною правдивостью: — Лафайетъ говорилъ мнѣ противное, и я не считаю его способнымъ противорѣчить самому себѣ до такой степени“. — Луи-Филиппъ вспыхнулъ. — „Впрочемъ, будемъ говорить только обо мнѣ, продолжалъ Дюпонъ:—если Одилонъ-Барро получитъ отставку, я возобновляю вашему величеству просьбу принять и мою отставку“.—„Но поутру вы говорили мнѣ не то“.—„Говорилъ вамъ? нѣтъ, государь, я утверждаю, что вы ошибаетесь“.—„Какъ? вы говорите, что мои слова несправедливы? Публика узнаетъ, что вы оскорбили меня“. — „Государь, когда король скажетъ да, и Дюпонъ-Делёръ скажетъ нѣтъ, я не знаю, кому изъ нихъ повѣритъ Франція“. — Министры были смущены этою рѣзкою сценою. Дюпонъ всталъ и хотѣлъ уйти. Герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ Луи-Филиппа, присутствовавшій въ совѣтѣ, бросился къ Дюпону, схватилъ его за руки, подвелъ его къ королю и сказалъ; „г. Дюпонъ честный человѣкъ; все это должно быть недоразумѣніемъ“. Король обнялъ министра, и Дюпонъ согласился остаться министромъ. Король видѣлъ, что ему еще невозможно открытымъ образомъ разорвать связи съ прогрессивною партіею, которой онъ былъ обязанъ престоломъ и представителемъ которой въ министерствѣ былъ Дюпонъ-Делёръ. Одилонъ-Барро сохранилъ свою должность. Это служило явнымъ пораженіемъ большинству министровъ, которые были враждебны прогрессистамъ. Всѣ эти консерваторы (Броли, Гизо, Моле, Казиміръ Перье, Дюпонъ старшій и Биньонъ) подали въ отставку. Король при помощи Лафита убѣждалъ ихъ примириться съ Дюпономъ. Всѣ усилія были напрасны. Консерваторы уже чувствовали, что близко время, когда они могутъ захватить власть одни, недопуская никого изъ прогрессистовъ раздѣлять ее. Шесть министровъ остались при своей просьбѣ объ отставкѣ и такимъ образомъ, если король еще сохранялъ видъ нейтральности между прогрессистами и консерваторами, то сами консерваторы уже отвергали всякія уступки прогрессистамъ, которымъ были они обязаны іюльскою побѣдою. Это было въ концѣ октября, всего черезъ три мѣсяца послѣ побѣды.

Положеніе дѣлъ представлялось затруднительнымъ, Парижъ сильно волновался; лозунгомъ волненія былъ крикъ: „смерть министрамъ Карла X!“ но судьба этихъ преступныхъ слѣпцовъ служила только ничтожнымъ предлогомъ, по которому обнаруживалось недовольство и недовѣріе къ общей политикѣ Луи-Филиппа. Подъ политическими признаками неудовольствія скрывались по обыкновенію другіе — соціальные. Всякій политическій кризисъ влечетъ за собою нѣкоторое разстройство промышленныхъ дѣлъ. Какъ бы ни были выгодны для благосостоянія націи прочныя послѣдствія какой нибудь крутой перемѣны, но на первый разъ она производитъ паденіе биржевыхъ курсовъ, стѣсненіе кредита, задержку въ торговыхъ заказахъ и фабричной дѣятельности. Такъ было и послѣ іюльской революціи. Она оставила многихъ работниковъ безъ занятій, отняла хлѣбъ у тѣхъ самыхъ, руками

Digitized by Google

которыхъ была произведена. Новое правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить имъ перенесеніе кризиса. Это также въ порядкѣ вещей. Волненія, происходившія въ Парижѣ, повторялись во многихъ провинціальныхъ городахъ.

При затруднительности положенія мало было охотниковъ принимать министерскіе портфели. Просьбы короля отвергались всѣми, кого онъ просилъ вступить въ кабинетъ. Онъ обратился къ Лафиту, который въ то время былъ безгранично преданъ ему и пользовался чрезвычайною популярностью, считаясь однимъ изъ главныхъ виновниковъ переворота, хотя въ самомъ дѣлѣ былъ только однимъ изъ главныхъ виновниковъ того, что переворотъ кончился возведеніемъ Луи-Филиппа на престолъ. Богатства Лафита передъ іюльскою революціею были безмѣрны, но промышленный кризисъ коснулся и его. Больше чѣмъ когда нибудь, ему слѣдовало сосредоточить все вниманіе на своихъ банкирскихъ дѣлахъ. Но изъ преданности королю онъ взялся и успѣлъ составить министерство подъ своимъ предсѣдательствомъ. Дюпонъ остался министромъ юстиціи, другія министерства были приняты людьми, лично преданными Луи-Филиппу (Себастіани, Монталиве, Жераръ, Мезонъ и Мерилью).

При парламентской формѣ правленія каждая важная перемѣна требуетъ объясненій въ палатѣ депутатовъ. Лица, вышедшія въ отставку, излагаютъ причины своего удаленія; лица, оставшіяся въ должности или вступившія въ должность, разсказываютъ дѣло съ своей точки зрѣнія. Эти объясненія произошли 9 и 10 ноября. Гизо, говорившему отъ имени отставныхъ министровъ, надобно отдать ту справедливость, что онъ очень прямо опредѣлилъ свою систему, которой держалось и большинство палаты. „Въ чемъ состоитъ характеръ іюльской революціи? сказалъ онъ. Она перемѣнила династію. Перемѣняя, она старалась прежнюю замѣнить такой, которая бы была какъ можно ближе къ этой прежней, и общественный инстинктъ склонилъ націю ограничить перемѣну самыми тѣсными предѣлами“. „Нѣкоторые члены министерства, продолжалъ Гизо, хотѣли развить изъ іюльской революціи новыя учрежденія. Мы, я и мои друзья, отказались продолжать такимъ образомъ революцію“. Кромѣ крайней лѣвой стороны, вся палата апплодировала ему.

Дѣло было представлено въ настоящемъ своемъ видѣ. Прогрессисты могли быть недовольны тѣмъ, что факты имѣли такой, а не иной характеръ; но факты были дѣйствительно таковы, какъ ихъ опредѣлялъ Гизо. Переворотъ въ самомъ дѣлѣ былъ поведенъ такъ, чтобы имѣть самые узкіе предѣлы. Тѣ, которые хотѣли новыхъ учрежденій, должны были понять, что реформы могутъ вытекать развѣ изъ новыхъ событій, а не изъ іюльской революціи, получившей характеръ простой замѣны прежняго короля ближайшимъ его родственникомъ съ нѣкоторыми мелочными уступками потребностямъ общества, оставшимся въ сущности неудовлетворенными. Такимъ образомъ консерваторы справедливо говорили, что кто хочетъ важныхъ реформъ, тотъ хочетъ новаго переворота, справедливо называли прогрессистовъ революціонерами. Кто не одобряетъ политику Гизо и Луи-Филиппа, можетъ развѣ прибавить, что революціонный характеръ прогрессивныхъ стремленій во Франціи проистекалъ именно изъ этой политики. Власть не хотѣла и теперь, какъ при Бурбонахъ, соглашаться на реформы, требуемыя положеніемъ общества. Эти реформы были бы безвредны или даже выгодны для нея, еслибъ она искренно и твердо помогала имъ; но она поставила безусловною своею цѣлью отвергать ихъ, и потому

Digitized by Google

стремленіе къ реформамъ нашло первымъ условіемъ для своего успѣха низверженіе власти.

На другой день президентъ совѣта министровъ Лафитъ отвѣчалъ на слова Гизо. Человѣкъ мягкаго характера, онъ старался доказать, что разница между вышедшими и вступившими министрами не такъ велика, какъ утверждалъ суровый Гизо. Онъ говорилъ, что „никто изъ министровъ не хотѣлъ и не хочетъ слишкомъ большихъ перемѣнъ“, что разногласіе было только въ томъ, какія перемѣны могутъ быть произведены безъ всякаго нарушенія существующаго порядка. Министры, вышедшіе въ отставку, полагали, что уже пора совершенно остановиться; онъ и новые министры думаютъ, что можно еще кое-что сдѣлать, не нарушая установившихся отношеній. „Никакого существеннаго разногласія въ системѣ не было, сказалъ онъ, между членами прежняго кабинета“, то есть между Дюпономъ съ одной стороны и Гизо съ другой. Либеральная часть консерваторовъ осталась недовольна такими словами. Эти почтенные люди воображали, что цѣлая бездна отдѣляетъ ихъ вмѣстѣ съ Лафитомъ и Одилономъ Барро отъ безусловныхъ консерваторовъ въ родѣ Гизо. Они обольщали себя. Разница была только въ томъ, что они любили нѣкоторыя слова, непріятныя для безусловныхъ консерваторовъ; особенно слово революція. Одни говорили „наша славная революція“, другіе говорили „революція опасна“. Но въ чемъ должны состоять существенные результаты этой революціи, обѣ партіи были согласны. Результатами ея они признавали вещи уже принятыя въ законъ. Одни вовсе не хотѣли отвергать этихъ давнихъ пріобрѣтеній: равенства передъ закономъ, уничтоженія сословныхъ привилегій, парламентской формы; другіе не думали, чтобы для удовлетворенія общественной потребности нужно было произвесть новыя реформы, столь же глубокія какъ эти принципы, бывшіе лозунгомъ еще въ 1789 году.

Разница между партіею либеральныхъ и партіею нелиберальныхъ приверженцевъ іюльской монархіи была, какъ видимъ, дѣйствительно не велика, и Лафитъ, если не понималъ этого умомъ, то уже говорилъ это по мягкости характера. Но большинство не только средняго сословія, но и городскихъ работниковъ еще обольщались поверхностными несогласіями двухъ партій въ неважныхъ подробностяхъ. Простолюдины еще воображали, что имѣютъ защитниковъ въ либералахъ, подобныхъ Лафиту, Одилону Барро, и популярность этихъ людей была очень велика. Еще не утвердившись въ своемъ новомъ положеніи, еще не собравъ силъ для отпора грозившимъ революціоннымъ порывамъ, Луи-Филиппъ могъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени держаться только помощью популярности Лафита и другихъ, именами которыхъ обольщались простолюдины. Если былъ когда человѣкъ обязанный безусловною признательностью къ другому человѣку, это былъ Луи-Филиппъ въ отношеніи къ Лафиту. Трудно сказать, удалось ли бы ему получить престолъ безъ Лафита. Онъ теперь держался на престолѣ также преданностью Лафита и его друзей. Кромѣ этихъ политическихъ правъ на признательность Луи-Филиппа, Лафитъ имѣлъ права на его расположеніе, какъ частнаго человѣка: онъ былъ личнымъ его другомъ. Но то качество характера, которое выражалось въ дѣлахъ Луи-Филиппа съ баронессою де-Фёшеръ и принцемъ Конде, не пощадило и самого Лафита.

Мы говорили, что банкирскія дѣла Лафита были затруднены промышленнымъ кризисомъ. Ему нужны были деньги. Онъ вздумалъ продать одно изъ своихъ имѣ-

Digitized by Google

ній—Бретёльскій лѣсъ. Покупщикомъ явился Луи-Филиппъ. Для Лафита было необходимо, чтобы продажа оставалась нѣсколько времени секретомъ: слухъ о ней, открывая его денежное стѣсненіе, поколебалъ бы его фирму. Потому онъ условился съ королемъ, чтобы купчая крѣпость не была записываема у нотаріуса. Но черезъ нѣсколько времени Луи-Филиппъ передумалъ: ему казалось, что безопаснѣе исполнить юридическую формальность, хотя бы она свидѣтельствовала о недовѣріи къ Лафиту и была вредна его дѣламъ. 18 ноября Лафитъ получилъ отъ Луи-Филиппа записку, которая извѣщала его, что король приказалъ своему повѣренному записать купчую крѣпость у нотаріуса. Такое неделикатное нарушеніе слова изъ мелочной и неумѣстной разсчетливости глубоко оскорбило Лафита. Онъ промолчалъ. Но съ того времени поселилось въ немъ недовѣріе къ словамъ короля. Онъ сталъ думать, что необходимо соблюдать осторожность въ сношеніяхъ съ Луи-Филиппомъ, и, чтобы избавиться въ политикѣ отъ такого же обмана, какому подвергся въ своихъ частныхъ дѣлахъ, рѣшился произнести въ палатѣ рѣчь, которая излагала бы систему министерства и служила бы для него самого гарантіей противъ двоедушія Луи-Филиппа. Когда эта рѣчь предварительно читалась въ совѣтѣ министровъ, Луи-Филиппъ выражалъ совершенное одобреніе, показывалъ даже энтузіазмъ и, расхаживая по комнатѣ большими шагами, подтверждалъ голосомъ и жестомъ самыя энергическія мѣста рѣчи. Но когда совѣтъ кончился, онъ выпросилъ у Лафита рѣчь, чтобы еще разъ прочесть ее, повторяя, что чрезвычайно доволенъ ея тономъ и содержаніемъ. Получивъ назадъ рѣчь на другой день, Лафитъ изумился: рукопись была покрыта помарками. Дюпонъ, болѣе рѣшительный, чѣмъ Лафитъ, отправился къ Луи-Филиппу и объявилъ, что выйдетъ въ отставку, если помарки не будутъ уничтожены. Король согласился, чтобы рѣчь была произнесена въ томъ видѣ, какъ читалась въ совѣтѣ.

Мы привели этотъ маловажный случай только потому, что онъ характеризуетъ общій способъ Луи-Филиппа вести дѣла. При многихъ хорошихъ качествахъ, хитрая двуличность дѣлала его человѣкомъ совершенно ненадежнымъ. Сама по себѣ рѣчь Лафита, подобно тому либерализму, представителемъ котораго былъ Лафитъ, не содержала въ себѣ ничего кромѣ громкихъ фразъ и неопредѣленныхъ обѣщаній, которыми обольщались люди, ихъ дѣлавшіе, но не знавшіе какъ исполнить ихъ и боявшіеся средствъ, нужныхъ для исполненія. Либеральная публика твердила, что великія континентальныя державы не должны мѣшать распространенію либеральныхъ учрежденій по Европѣ, что Франція остановитъ всѣхъ враговъ свободы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ либералы не хотѣли войны съ сѣверными континентальными державами и потому ихъ слова были только пышнымъ хвастовствомъ. Такова была и рѣчь Лафита. „Франція, говорилъ Лафитъ, не допуститъ нарушенія принципа невмѣшательства. Но если война станетъ неизбѣжна, міръ долженъ видѣть, что мы ведемъ ее только по необходимости выбора между войною и отреченіемъ отъ нашихъ принциповъ. Мы будемъ продолжать переговоры, но ведя ихъ будемъ вооружаться. Скоро кромѣ гарнизоновъ нашихъ крѣпостей мы будемъ имѣть 500,000 войска, готоваго къ битвѣ. Мы двинемся тѣсными рядами, сильные нашимъ правомъ и могуществомъ нашихъ принциповъ. Если народы взволнуются при видѣ трехцвѣтныхъ знаменъ и станутъ нашими союзниками, не мы будемъ виновны въ томъ“. Рѣчь Лафита была безпрестанно прерываема аплодисментами.

Но какую цѣль могли имѣть вооруженія, которыми хвалилось министерство?

Digitized by Google

На Францію никто не думалъ нападать, а наступательной войны противъ Австріи, Пруссіи, Россіи сами либералы не хотѣли начинать. Такимъ образомъ они только удовлетворяли своему тщеславію, а сѣверныя державы спокойно занимались въ средней Европѣ подавленіемъ принциповъ несогласныхъ съ прежнимъ порядкомъ дѣлъ. Точно также были пусты слова либеральныхъ консерваторовъ и о внутренней свободѣ. Они много твердили о ней, но ровно ничего не дѣлали для ея развитія.

Между тѣмъ приближалось время суда надъ министрами Карла X. Одинъ изъ обвинителей, назначенныхъ палатою депутатовъ, Могенъ, выражалъ мнѣніе, что министры подлежатъ смертной казни. Когда при дворѣ узнали объ этомъ, рѣшились смѣнить его, и палата депутатовъ, раздѣлявшая систему Луи-Филиппа, назначила на его мѣсто Персиля. Одинъ изъ докладчиковъ, назначенныхъ палатою перовъ, выказывалъ намѣренія своихъ товарищей, говоря, что этого процесса нельзя судить по уголовному кодексу, что палатѣ перовъ принадлежитъ юридическое полновластіе, что она выше законовъ и потому можетъ помиловать обвиненныхъ.

Процессъ начался 15 декабря. Обвиняемые держали себя съ достоинствомъ. Полиньякъ былъ спокоенъ, Перонне также, а Гернонъ-Ранвиль такъ владѣлъ собою, что въ первомъ засѣданіи процесса вынулъ какую-то брошюру и внимательно читалъ ее, какъ будто вовсе не интересуясь ходомъ своего процесса.

Дѣйствительно, министры Карла X могли быть спокойны, если не за свою судьбу, то по крайней мѣрѣ за положеніе, которое давалось имъ характеромъ обвиненія. Они могли представляться безспорно преступными, если бы обвинители разсматривали дѣло въ его сущности, говорили о намѣреніи Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ насильственнымъ образомъ возстановить во Франціи старый порядокъ, отнять у націи всѣ пріобрѣтенныя ею блага, возвратить времена произвола и привилегій; если бы обвинители требовали наказанія министровъ Карла X, какъ людей, начавшихъ междоусобную войну для утвержденія надъ Франціею произвольной власти феодальныхъ временъ, защитники обвиненныхъ не могли бы отвѣчать ничего. Но Персиль, назначенный обвинителемъ по желанію Луи-Филиппа, сталъ на исключительную и узкую точку зрѣнія юридическихъ формальностей. Онъ требовалъ наказанія министровъ Карла X за то, что они іюльскими повелѣніями нарушили конституцію. Отвѣтъ на это былъ готовъ: 14 статья конституціи 1814 года давала королю право „издавать повелѣнія, необходимыя для безопасности государства“. Іюльскія повелѣнія были изданы потому, что Парижу грозили смуты; ихъ цѣлью была безопасность государства, охраненіе порядка; слѣдовательно Карлъ X и его министры ни мало не нарушали конституціи, издавая эти повелѣнія, слѣдствіемъ которыхъ было паденіе Бурбоновъ. Персиль возражалъ на это, что іюльскія повелѣнія имѣли характеръ не административный, а законодательный, и что 15 статья конституціи присвоиваетъ законодательную власть не одному королю, а королю вмѣстѣ съ палатами перовъ и депутатовъ. Тутъ опять была явная натяжка: 15 статья говорила только о порядкѣ дѣлъ при обыкновенныхъ, спокойныхъ обстоятельствахъ, а исключительные случаи и чрезвычайныя опасности подходили подъ опредѣленіе 14 статьи. Послѣ этого слѣдовало спорить уже просто о томъ, дѣйствительно ли въ концѣ іюля угрожали государству волненія, и не ошиблись ли министры, предположивъ тогда надобность чрезвычайныхъ мѣръ. Вмѣсто преступленія, рѣчь должна была уже идти о проницательности и благора-

Digitized by Google

зуміи, то есть о качествахъ, недостатокъ которыхъ не подлежитъ юридическо наказанію. При такомъ основаніи обвиненія, министры Карла X оказывались пра по формѣ; да и на самомъ дѣлѣ ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думали, что н рушаютъ конституцію, издавая іюльскія повелѣнія: напротивъ, они были т искренно убѣждены, что пользуются своими законными правами и дѣйствуютъ д спасенія конституціи, которую хотятъ низвергнуть либералы и республиканцы.

Такимъ образомъ защитникамъ министровъ предоставлялась возможность д стательнаго оправданія. Особенный эффектъ произвела рѣчь Созè. Онъ говорил что необходимость должна служить объясненіемъ закону, что правительство долж предупреждать опасные для общества кризисы, что 14 статья ясно говорила о этомъ, что если бы даже этой статьи и не было въ конституціи, то на всяко правительствѣ лежитъ обязанность поддерживать порядокъ. Послѣ этого оста только вопросъ, необходимо ли было правительству Карла X искать себѣ защи въ іюльскихъ повелѣніяхъ? Да, уступки для Бурбоновъ были невозможны: ди стія могла бы держаться уступками только тогда, если бы могла удовлетворить н національному чувству. Но Бурбоны были возведены на престолъ иностранны войсками, потому нація никакъ не могла примириться съ ними. Она хотѣла и низверженія, потому что считала ихъ власть игомъ, наложеннымъ на нее отъ з воевателей. Конституція давала престолъ Бурбонамъ, а при враждѣ націи они мо удерживать за собою престолъ только деспотическими мѣрами; деспотизмъ не толь не нарушалъ конституціи, но напротивъ былъ необходимъ для ея спасенія. К нечно, выраженія Созè были не таковы, но таковъ былъ ихъ смыслъ. Изъ э ораторъ выводилъ, что между Бурбонами и французской націей неизбѣжна бы вооруженная борьба, минута которой настала въ іюлѣ 1830. Это была война, з истекавшая изъ необходимости вещей. Карлъ X былъ побѣжденъ въ войнѣ, изб жать которой не могъ, и по законамъ войны единственное наказаніе побѣжде нымъ состоитъ въ томъ, что побѣдитель отнимаетъ у нихъ имущество и они б гутъ съ поля битвы.

Нельзя не признаться, что Созè говорилъ правду. Но обвинители не мог принять приводимыхъ имъ фактовъ. Партія, одержавшая верхъ въ іюлѣ, хотѣ сохранить въ сущности тотъ же самый порядокъ вещей, какой былъ при Бурб нахъ, и не допускала коренныхъ реформъ. Она должна была говорить, что учре денія, существовавшія при Бурбонахъ, были удовлетворительны, что нація, про водя іюльскій переворотъ, не хотѣла измѣнять законовъ, а вооружилась только защиту ихъ отъ нарушеній. А если такъ, обвинители могли имѣть на своей ст ронѣ большинство голосовъ въ палатѣ перовъ, но здравый смыслъ и чувство спр ведливости были на сторонѣ ихъ противниковъ. Что можно было сказать проти словъ Созè, если признавалась неприкосновенность конституціи, по которой пр столъ принадлежалъ Бурбонамъ, и если признавалось, что правительство долж принимать мѣры для огражденія своего существованія отъ народныхъ возстаній

Парижскіе простолюдины роптали. Процессъ министровъ Карла X обращал въ панегирикъ людямъ, хотѣвшимъ возстановить во Франціи произволъ и стары порядокъ вещей. У простолюдиновъ былъ простой отвѣтъ на рѣчи Созè и други адвокатовъ побѣжденной партіи. Если Карлъ X дѣйствительно былъ въ необх димости отказаться отъ власти или прибѣгнуть къ деспотизму, почему онъ выбра деспотизмъ, а не отреченіе? Ему слѣдовало выбирать между своими правами и пр

Digitized by Google

вами націи: изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ правъ, рѣшившись пожертвовать правами націи. Говорятъ, что обвиняемые министры дѣйствовали по необходимости; но если принимать необходимость за оправданіе, ею оправдывается все, потому что все въ мірѣ происходитъ по необходимости. Говорятъ объ искренности ихъ убѣжденій. Искренность можетъ служить обезпеченіемъ для репутаціи человѣка, но законъ не извиняетъ ею преступленій; иначе каждый убійца могъ бы оправдаться, доказавъ, что считалъ убійство дѣломъ нужнымъ.

Мы уже видѣли, что офиціальные обвинители министровъ Карла X не могли говорить такимъ языкомъ, потому что мысли эти вытекали изъ принциповъ противуположныхъ стремленію ихъ партіи. Могла ли іюльская монархія признавать за націею право низлагать власть, когда сама предвидѣла близость борьбы съ націею? Она родилась изъ народнаго возстанія, но не могла признавать справедливости возстаній, потому что они уже угрожали ей самой.

Торжествующее положеніе, принимаемое адвокатами министровъ Карла X, раздражало простолюдиновъ, и Парижъ снова волновался. 20 декабря, когда Созѐ кончилъ свою рѣчь, начавшуюся наканунѣ, Люксанбургскій дворецъ, въ которомъ засѣдала палата перовъ, былъ окруженъ толпами, громко выражавшими свое негодованіе на ходъ процесса. Караулъ, находившійся при дворцѣ, едва удерживалъ народъ. Курьеры поскакали извѣстить объ опасности Лафайета, который со времени іюльскаго переворота былъ командиромъ національной гвардіи. Было приказано бить тревогу; въ зажиточныхъ сословіяхъ распространилась по обыкновенію молва, что грубая чернь хочетъ грабить городъ, и національная гвардія, которая послѣ іюльскаго переворота, точно также какъ и до него, состояла главнымъ образомъ изъ буржуазіи, стала поспѣшно собираться для укрощенія мятежниковъ, которые пять мѣсяцевъ тому назадъ прославлялись какъ защитники и спасители свободы.

Между перами владычествовало смятеніе. Напрасно одинъ изъ офицеровъ, командовавшихъ Люксанбургскимъ карауломъ, увѣрялъ Пакье, президента палаты, что ручается за сохраненіе порядка. Разстроенный Пакье понялъ его слова въ обратномъ смыслѣ и объявилъ, что засѣданіе прекращается, что комендантъ караула не совѣтуетъ ему собирать засѣданія вечеромъ, потому что это было бы опасно. Въ палатѣ депутатовъ господствовало такое же безпокойство. Но сознавая въ себѣ болѣе силы, депутаты переходили отъ безпокойства не къ робости, какъ перы, а къ рѣчамъ о необходимости крутыхъ мѣръ для усмиренія мятежа. День прошелъ однако же безъ кровопролитія. Но ждали гораздо большихъ опасностей на другой день.

21 декабря правительство приняло сильныя мѣры къ сохраненію порядка. Около Люксанбурга было поставлено нѣсколько батальоновъ регулярнаго войска и множество національной гвардіи. Всего было собрано до 30,000 человѣкъ вооруженной силы. Рѣчи адвокатовъ и обвинителей оканчивались въ этотъ день. Перамъ оставалось только произвести приговоръ. По окончаніи преній, обвиняемые были посажены въ карету, которая быстро поскакала въ Венсенскій замокъ. Народъ волновался и національная гвардія бывала иногда принуждена скрещивать штыки, преграждая дорогу толпѣ. Особенно встревожился народъ пушечнымъ выстрѣломъ, который служилъ сигналомъ того, что подсудимые благополучно довезены до крѣпкаго замка. Толпа приняла выстрѣлъ за знакъ начала борьбы. Въ разныхъ мѣстахъ пять или шесть человѣкъ получили случайнымъ образомъ раны

Digitized by Google

въ небольшихъ дракахъ, не имѣвшихъ даже характера стычекъ. Нѣсколько республиканцевъ закричали—къ оружію! и народъ бросился къ Лувру, на дворѣ котораго было сборное мѣсто для артиллеріи національной гвардіи.

Республиканцы были въ то время очень малочисленны. Когда составлялась національная гвардія, они разсудили, что исчезнутъ въ ней незамѣтными, если будутъ безъ разбора записываться въ разные легіоны. Чтобы сохранить нѣкоторую силу посредствомъ сосредоточенія, они вздумали преимущественно записываться въ артиллерію, которая имѣла четыре баттареи; такимъ образомъ вторая баттарея состояла вся изъ республиканцевъ и они составляли половину третьей баттареи. Народъ ожидалъ, что они выдадутъ ему пушки и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ. Но рѣшетки луврскаго двора были заперты; артиллеристы не могли присоединиться къ народу и онъ разошелся, потому что не имѣлъ предводителей.

Наступилъ вечеръ. Палата перовъ собралась для произнесенія приговора. Перы хотѣли показать мужество и всѣ явились въ засѣданіе; но мало по малу боязнь брала верхъ, хотя все пространство около Люксанбургскаго дворца было занято войсками и національными гвардейцами, ограждавшими безопасность судей. Подавъ голоса, перы торопливо бросились къ дверямъ. Напрасно Пакье, президентъ палаты, восклицалъ, что это неприлично, приказывалъ запереть двери, — перы тайкомъ уходили черезъ заднія двери и приговоръ былъ прочитанъ президентомъ въ залѣ почти опустѣвшей. Палата перовъ осудила всѣхъ четырехъ министровъ Карла X на вѣчное заключеніе.

Извѣстіе объ этомъ приговорѣ увеличило раздраженіе народа. Ночь проведена была тревожно. Поутру, 22 декабря, на площади Пантеона было развернуто черное знамя, символъ пролетаріевъ. Толпы народа шумѣли около Люксанбургскаго дворца и Пале-Рояля. Снова приказано было бить тревогу для созванія національной гвардіи. Но она была и утомлена службою предшествовавшихъ дней и сама недовольна приговоромъ, возбуждавшимъ негодованіе народа. Въ этой опасности, правительство обратилось къ помощи студентовъ, которые пользовались чрезвычайною популярностью съ іюльскихъ дней, когда управляли битвами на баррикадахъ. Студенты гордились ролью успокоителей, которую имъ предлагали. Они обнародовали прокламацію, приглашавшую народъ къ сохраненію порядка, увлекли за собою тысячи простолюдиновъ, привыкшихъ вѣрить имъ на-слово, и ходили по улицамъ, возстановляя тишину. Къ вечеру, дѣйствительно, все успокоилось безъ всякаго кровопролитія и насилія.

Луи-Филиппъ и консерваторы увѣрились теперь въ своихъ силахъ. За нихъ не только была національная гвардія, но и простолюдины выказали нерѣшительность, обнаружили неспособность начинать борьбу безъ предводителей, а студенты и прежніе іюльскіе предводители народа были на сторонѣ правительства. Больше всего содѣйствовало избѣжанію кровопролитія имя Лафайета, которому кромѣ команды надъ національной гвардіей было поручено въ эти дни и начальство надъ войсками. Результатомъ его увѣщаній народу было то, что онъ потерялъ значительную часть своей популярности, но все-таки довѣріе къ нему сильно успокоивало народъ. Онъ пріобрѣлъ новыя права на признательность Луи-Филиппа и консерваторовъ; но они по прекращеніи волненія разсудили, что могутъ обойтись и безъ помощи этого энтузіаста, сильно безпокоившаго ихъ своими либеральными порывами.

Digitized by Google

Едва увѣрились консерваторы въ томъ, что опасность мятежа прошла, какъ сдѣлано было въ палатѣ депутатовъ предложеніе уничтожить званіе коменданта всей національной гвардіи Франціи, принадлежавшее Лафайету съ іюльскаго переворота. Палата приняла это предложеніе 24 декабря, черезъ два дня по успокоеніи Парижа. Лафайетъ не былъ даже предувѣдомленъ о такомъ рѣшеніи. До сихъ поръ Луи-Филиппъ увѣрялъ его, что командованіе національною гвардіею всего королевства останется за нимъ на всю жизнь. Во время процесса министровъ эти увѣренія повторялись. Но едва процессъ кончился и тишина въ Парижѣ была возстановлена, его простодушному тщеславію нанесли жесточайшее оскорбленіе. Рѣшеніе палаты не говорило прямо о его отставкѣ, оно только уничтожало должность, имъ занимаемую. Въ исполненіе воли депутатовъ онъ послалъ къ Луи-Филиппу просьбу объ отставкѣ и получилъ отвѣтъ чрезвычайно странный. Луи-Филиппъ говорилъ, что просьба генерала удивила его, что онъ „еще не читалъ газетъ“ и что послѣ совѣта министровъ, который соберется въ тотъ день, онъ надѣется убѣдить Лафайета взять назадъ свою просьбу. Луи-Филиппъ очевидно хотѣлъ показать генералу, будто бы до полученія его просьбы не зналъ о рѣшеніи палаты. Это было не натурально, неправдоподобно: всѣ знали, что Луи-Филиппъ принимаетъ самое живо участіе въ государственныхъ дѣлахъ и что ни одно важное рѣшеніе не принимается министрами безъ его согласія. Особенно странна была фраза „я еще не имѣлъ времени прочесть газеты“: она говорила, будто бы Луи-Филиппъ только изъ газетъ узнаетъ о томъ, что дѣлаетъ правительство. Опять мы видимъ хитрость, доходящую до оскорбительнаго двоедушія. Лафайетъ былъ раздраженъ письмомъ. онъ однако же явился въ Пале-Рояль по приглашенію короля. Луи-Филиппъ принялъ его съ живѣйшимъ выраженіемъ привязанности, жалѣлъ о рѣшеніи палаты, осуждалъ неловкость своихъ министровъ. Лафайетъ отвѣчалъ, что вопросъ идетъ не лично о немъ, что о себѣ онъ не хочетъ говорить, но что система, которой вообще слѣдуетъ правительство, угрожаетъ опасностью свободѣ, что правительство не понимаетъ условій, налагаемыхъ на него іюльскими событіями, что оно идетъ по ложной дорогѣ. Характеръ его рѣчи былъ тотъ, что онъ переходитъ въ оппозицію. Его упрашивали остаться командиромъ національной гвардіи города Парижа, онъ отказался. Луи-Филиппъ умѣлъ придать дѣлу такой оборотъ, что самъ оставался въ сторонѣ; притомъ же, если палата уничтожила званіе командира національной гвардіи всего королевства, то отъ команды надъ парижскою національною гвардіею Лафайетъ отказался самъ, и такимъ образомъ Луи-Филиппъ могъ на другой день послѣ свиданія съ Лафайетомъ обнародовать (26 декабря) слѣдующую прокламацію:

„Храбрые національные гвардейцы, милые мои соотечественники, вы раздѣлите мою скорбь, узнавъ, что генералъ Лафайетъ нашелъ нужнымъ выйдти въ отставку. Я льстилъ себя надеждой, что онъ останется вашимъ начальникомъ, одушевляя вашу ревность своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о великихъ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу свободы. Его удаленіе отъ должности тѣмъ огорчительнѣе для меня, что достойный генералъ еще такъ недавно принималъ славное участіе въ поддержаніи общественнаго спокойствія, которое вы столь успѣшно охранили при послѣднихъ волненіяхъ. Потому я имѣю утѣшеніе думать, что сдѣлалъ все зависящее отъ меня для предотвращенія дѣла, которое будетъ для національной гвардіи предметомъ живаго огорченія, а для меня—истинной печали“.

Но ни эта прокламація, ни тонкость, съ какою была ведена вся интрига, не обманули никого: для всѣхъ былъ ясенъ истинный ходъ дѣла. Ясенъ былъ и смыслъ

Digitized by Google

его: разрывъ съ Лафайетомъ былъ окончательнымъ разрывомъ съ тою частью либераловъ, которая желала придать іюльской монархіи демократическій характеръ. Дюпонъ-Делёръ, единственный представитель этой партіи въ министерствѣ, подалъ въ отставку вслѣдъ за Лафайетомъ. Два мѣсяца тому назадъ, Луи-Филиппъ еще дорожилъ его содѣйствіемъ до такой степени, что пожертвовалъ для него всѣми остальными министрами. Теперь король считалъ себя уже столь сильнымъ, что не видѣлъ надобности беречь для себя опору въ монархистахъ съ демократическимъ направленіемъ. Оставалась еще въ связи съ нимъ не демократическая, но все-таки прогрессивная партія умѣренныхъ либераловъ, представителемъ которой былъ Лафитъ. Мы увидимъ, что очень скоро Луи-Филиппъ нашелъ такъ же ненужнымъ беречь ея сочувствіе и сталъ опираться исключительно на консерваторовъ, которые до самаго конца переворота старались оставить власть за Бурбонами. Повидимому, такіе люди всего менѣе могли бы разсчитывать на дружбу съ новою династіею, возведенною на престолъ противъ ихъ желанія. Но ясны причины, по которымъ такой союзъ нравился Луи-Филиппу: онѣ находились въ качествахъ его характера, уже извѣстныхъ намъ.

Партія, до іюльскаго переворота желавшая низверженія Бурбоновъ, была уже оттѣснена отъ участія въ правительствѣ; парижскіе простолюдины, совершившіе переворотъ, казались усмиренными; было уже видно, что общественныя учрежденія остаются почти въ такомъ же видѣ, какой имѣли при Бурбонахъ. Натурально было, что въ легитимистахъ воскресла надежда низвергнуть новое правительство, отказывавшееся отъ своихъ опоръ и не обѣщавшее націи никакихъ важныхъ улучшеній. Приверженцы Бурбоновъ начали думать, что пришло время для нихъ дѣйствовать смѣло. Предлогомъ для первой демонстраціи они выбрали 14 февраля (1831 года), годовщину смерти герцога Беррійскаго, который считался у нихъ мученикомъ за свою династію и сынъ котораго остался для нихъ королемъ по отреченіи Карла X. Легитимистскія газеты объявили, что 14 февраля будетъ совершена въ церкви св. Роха панихида по герцогѣ Беррійскомъ. Но министръ исповѣданій написалъ архіепископу парижскому предостереженіе, говоря, что предположенная церемонія можетъ вызвать народное волненіе. Главный священникъ церкви св. Роха не захотѣлъ рисковать и отложилъ церемонію. Но главный священникъ церкви св. Жермена, старикъ, сопровождавшій на эшафотъ Марію Антуанету, былъ мужественнѣе. Онъ согласился назначить свою церковь мѣстомъ манифестаціи. Элегантный аристократическій свѣтъ съѣхался на панихиду. Въ церкви собиралось подаяніе въ пользу солдатъ королевской гвардіи, которые были ранены въ іюльскую революцію, сражаясь за Бурбоновъ. Среди церкви былъ поставленъ катафалкъ, изображавшій гробъ герцога Беррійскаго. Въ концѣ службы повѣсили на катафалкѣ портретъ герцога Бордосскаго, котораго присутствующая публика признавала законнымъ королемъ. Катафалкъ украсили вѣнками; офицеры снимали свои ордена и клали на него.

Но слухъ о манифестаціи созвалъ на нее не однихъ легитимистовъ. Вокругъ церкви собралась толпа; въ ней ходили разсказы, по обыкновенію преувеличенные, о томъ, что дѣлается въ церкви. Толпа росла, въ ней раздавались угрозы. Префектъ полиціи Бодъ явился для наблюденія за порядкомъ. Служба уже кончилась и легитимисты разошлись, но толпа передъ церковью все увеличивалась и шумѣла. Вдругъ ея вниманіе обратилось на молодаго человѣка съ блѣднымъ лицомъ и длин-

Digitized by Google

ными волосами. Онъ былъ въ черномъ платьѣ и смотрѣлъ на толпу молча, но съ насмѣшкой. „Iезуитъ“, закричала толпа и бросилась на него; его потащили къ набережной и хотѣли сбросить въ рѣку. Префектъ полицiи съ нѣсколькими людьми поспѣшилъ спасти его. Завязалась драка и продолжалась болѣе часа; префектъ полицiи не могъ вырваться изъ толпы, а толпа съ криками ломилась въ церковь.

Легитимисты вздумали угрожать владычеству средняго сословiя, за то буржуазiя рѣшилась запугать ихъ яростью простолюдиновъ. Толпою предводительствовали люди изящно одѣтые, съ палевыми перчатками на рукахъ. Само правительство поощряло волненiе своимъ бездѣйствiемъ; войска не являлись, не являлась и нацiональная гвардiя: она готова была подавлять демократическiя волненiя, но не считала нужнымъ мѣшать мятежу, направленному противъ легитимистовъ. Толпа вломилась въ церковь и опустошила ее; все было переломано и разбито. Этотъ безпорядокъ еще продолжался, когда префектъ полицiи, успѣвъ спасти несчастнаго, сочтеннаго iезуитомъ, поспѣшилъ за приказанiями къ Луи-Филиппу. Король былъ совершенно спокоенъ; онъ оставилъ префекта полицiи обѣдать съ собою и такимъ образомъ прямо къ нему приходили полицейскiя донесенiя о ходѣ мятежа. Полицiя говорила, что на слѣдующiй день надобно ждать возобновленiя такихъ же сценъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ, что народъ собирается опустошить архiепископскiй дворецъ, „Надобно дать имъ мѣсто, гдѣ погулять, сказалъ король префекту полицiи: охраняйте только мой дворецъ“. Воротившись домой, префектъ полицiи распорядился, чтобы на завтра войска были разставлены около Пале-Рояля и не двигались на друг е пункты, что̀ бы ни дѣлалось.

Утромъ 15 феввaля народъ сталъ собираться около Пале-Рояля. Но тутъ стояли войска, а дворецъ архiепископа былъ оставленъ безъ всякаго охраненiя. Какiе-то переодѣтые люди втерлись въ толпу и стали уговаривать ее идти на дворецъ архiепископа. Толпа двинулась. Тревога, созывавшая нацiональную гвардiю, была пробита вяло, и нацiональная гвардiя не собиралась въ зажиточныхъ кварталахъ. Только изъ двѣнадцатаго округа, т. е. изъ предмѣстья св. Антонiя, гдѣ живутъ работники, явился для охраненiя порядка отрядъ подъ командою знаменитаго Араго, ревностнаго республиканца, игравшаго важную политическую роль въ своей партiи. Когда Араго съ своимъ отрядомъ дошелъ до архiепископскаго дворца, дворецъ былъ уже взятъ и опустошенiе производилось съ бѣшенствомъ. Пришелъ другой отрядъ нацiоналвной гвардiи, подъ командою другаго демократа, Шонена; но эти слабые отряды исчезали въ толпѣ и не могли ничего сдѣлать. И тутъ, какъ вчера, разрушенiемъ руководили изящно одѣтые люди. Араго посылалъ за подкрѣпленiями къ командиру парижской нацiональной гвардiи. Командиръ задержалъ посланнаго у себя и не далъ отвѣта. Араго послалъ къ нему нѣсколько записокъ. Командиръ обѣщалъ наконецъ прислать подкрѣпленiе, но не прислалъ.

Подлѣ архiепископскаго дворца находится церковь Парижской Богоматери. Толпа хотѣла грабить и ее. Араго успѣлъ спасти церковь хитростью. Наверху колокольни были уже люди, которые рубили крестъ: Араго указалъ на нихъ. „Вы видите, сказалъ онъ народу, что крестъ качается отъ ударовъ; колокольня очень высока, потому онъ кажется не великъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ огромный. Когда онъ станетъ падать, онъ сорветъ съ собою и тяжелую желѣзную балюстраду съ колокольни. Уходите отсюда, или многимъ сыновьямъ прiйдется оплакивать отцовъ,

Digitized by Google

многимъ женамъ—мужей“. Сказавъ это, онъ самъ бросился бѣжать, будто боясь, что будетъ раздавленъ. Толпа ринулась отъ церкви вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ успѣли подойти національные гвардейцы и окружили церковъ. Благодаря республиканскому ученому, церковь уцѣлѣла.

Но разрушеніе продолжалось въ архіепископскомъ дворцѣ. Араго былъ въ бѣшенствѣ отъ безсилія прекратить буйство. Онъ приказалъ однакоже своему слабому отряду гнать разрушителей; но ему отвѣчали, что въ ряды національныхъ гвардейцевъ вмѣшались сильные въ правительствѣ люди и говорятъ гвардейцамъ, чтобы они не мѣшались въ это дѣло. Въ числѣ другихъ тутъ находился Тьеръ, бывшій тогда товарищемъ министра финансовъ. Онъ ходилъ по мѣсту опустошенія съ довольнымъ лицемъ и съ улыбкой на губахъ. Въ три часа наконецъ явился одинъ изъ двѣнадцати легіоновъ національной гвардіи. Араго убѣждалъ командира легіона, чтобы онъ занялъ архіепископскій дворецъ и вытѣснилъ толпу, „Мнѣ приказано только прійдти сюда, повернуть назадъ и уйдти“, отвѣчалъ командиръ легіона. Онъ не сдѣлалъ ничего для прекращенія буйства. По всему Парижу происходили около церквей подобныя сцены. Толпа разрушала украшенія снаружи церквей, смѣшивая католицизмъ съ феодальнымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ крестами были разрушаемы на барельефахъ и гербахъ бѣлыя лиліи, символъ Бурбоновъ. Въ ночь 15 февраля мятежъ успокоился.

Когда въ палатѣ депутатовъ потребовали у префекта полиціи Бода объясненій о бездѣйствіи городскихъ властей во время смутъ, онъ отвѣчалъ пустыми фразами, изъ которыхъ было только видно, что онъ не можетъ оправдать себя, не компрометируя Луи-Филиппа. Объясненія министра внутреннихъ дѣлъ Монталиве были также неудовлетворительны. Участіе правительства въ смутахъ 14 и 15 февраля очевидно изъ подробностей приведенныхъ нами. Когда Араго, увидѣвъ людей, рубившихъ крестъ на церкви Парижской Богоматери, хотѣлъ остановить ихъ, они отвѣчали, что исполняютъ приказаніе начальства, и въ удостовѣреніе показали ему приказъ, подписанный меромъ округа. Меръ, конечно, поступалъ такъ не по собственной власти. Луи-Филиппъ хотѣлъ показать духовенству и аристократамъ, что въ случаѣ надобности можетъ предать ихъ ярости простолюдиновъ; а буржуазія возбуждала народъ противъ враговъ, которыхъ недавно побѣдила его помощью и которые вздумали было безпокоить ее, когда увидѣли, что она разорвала свой союзъ съ народомъ.

Чтобы польстить народу дешевымъ угожденіемъ его враждѣ къ Бурбонамъ, Луи-Филиппъ уничтожилъ въ государственномъ гербѣ бѣлыя лиліи, которыя истребляемы были 14 и 15 февраля.

Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя сильнѣе, и думалъ, что можетъ наконецъ разорвать связь даже съ тѣми умѣренными, очень умѣренными прогрессистами, которые сохранили вліяніе на дѣла по удаленіи демократовъ отъ власти. Онъ думалъ, что пришло уже время, когда онъ открыто можетъ опираться исключительно на однихъ консерваторовъ. Лафитъ сталъ ему не нуженъ, и онъ оставлялъ ему только имя министра, отнимая у него всякое участіе въ дѣлахъ. Цѣль была очевидна: ему хотѣлось вытѣснить Лафита изъ министерства, и скоро Лафитъ увидѣлъ себя одураченнымъ до того, что не могъ не подать въ отставку. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Сѣверная половина Церковной области всегда была проникнута къ папскому

Digitized by Google

правительству такими же чувствами, какъ теперь. Отголосокъ іюльской революціи произвелъ въ легатствахъ возстаніе. Австрійцы готовились идти усмирять Болонью. Лафитъ не хотѣлъ дозволять вмѣшательства, и давалъ инструкціи посланнику въ Вѣнѣ, Мезону, въ этомъ смыслѣ. Луи-Филиппъ не хотѣлъ ссориться съ Австріею. Мезонъ доносилъ французскому правительству, что Меттернихъ не исполняетъ его требованій, что австрійцы идутъ въ легатства, и если Франція хочетъ предупредить ихъ, она должна двинуть армію въ Піемонтъ. Эта депеша была получена министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастіани 4 марта. Президентъ совѣта узналъ о ней только 8 числа изъ газеты „National". Отъ него четыре дня скрывали важнѣйшее донесеніе посланника. Онъ былъ изумленъ, потребовалъ объясненій у Луи-Филиппа, и все еще сохраняя преданность къ нему, говорилъ, какъ опасна для самого короля дорога, по которой онъ идетъ. Луи-Филиппъ отвѣчалъ по своей обыкновенной методѣ. Съ наивной фамильярностью онъ кротко успокоивалъ своего друга, говорилъ, что будетъ очень огорченъ его удаленіемъ изъ министерства, упрашивалъ его остаться, показывалъ видъ, что не понимаетъ, какъ произошелъ случай, непріятный для Лафита, что онъ ничего не знаетъ о системѣ имъ осуждаемой, и совѣтовалъ ему объясниться объ этихъ вещахъ съ своими товарищами. Лафитъ собралъ ихъ на другой день; но между тѣмъ уже разнеслись слухи, что король просилъ предводителя консерваторовъ, Казиміра Перье, составить новое министерство; тонъ принятый министрами окончательно убѣдилъ Лафита въ справедливости этихъ слуховъ и онъ подалъ въ отставку. Ему давно было необходимо сдѣлать это для собственной репутаціи. Его давно, или лучше сказать, съ самаго начала обманывали. Себастіани и Монталиве, завѣдывавшіе важнѣйшими министерствами, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовали по инструкціямъ, которыя получали отъ Луи-Филиппа мимо Лафита; иностранная политика и внутренняя политика были ведены по системѣ, несогласной съ убѣжденіями перваго министра.

Отставкою Лафита кончается первый и очень непродолжительный періодъ царствованія Луи-Филиппа, періодъ такъ называемаго либеральнаго правительства. Съ министерствомъ Казиміра Перье власть рѣшительно переходитъ въ руки консерваторовъ, которыхъ вѣрнѣе будетъ назвать реакціонерами; точнѣе говоря, Луи-Филиппъ находитъ уже нужнымъ управлять исключительно посредствомъ консерваторовъ. Здѣсь мы должны остановиться, чтобы посмотрѣть, какія новыя учрежденія получила Франція при Луи-Филиппѣ даже въ тѣ первые семь мѣсяцевъ, когда Луи-Филиппъ еще находилъ необходимымъ имѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Мы видѣли характеръ событій: онъ состоялъ въ томъ, что постепенно и очень быстро оттѣснялись отъ власти люди, хотѣвшіе развитія либеральныхъ учрежденій, хотя стремленія этихъ людей были чрезвычайно умѣренны, хотя именно эти люди были основателями новаго правительства, хотя Луи-Филиппъ зналъ, что они вполнѣ преданы ему, и былъ имъ обязанъ признательностью и за свое возвышеніе и за личную дружбу ихъ къ нему. Посмотримъ, что успѣли сдѣлать эти люди для развитія свободы во Франціи.

Мы уже говорили, что измѣненія, произведенныя въ конституціи 1814 года при передачѣ престола орлеанскому дому, были неважны. Они ограничивались слѣдующими вещами: католическая религія, называвшаяся въ конституціи 1814 г. государственною религіею, объявлялась просто „религіею большинства французовъ";

Digitized by Google

мы увидимъ, что католическая партія выводила изъ этого новаго выраженія точно такія же притязанія, какія прежде выводила изъ словъ „государственная религія"; стало быть перемѣна была ничтожна и не достигала своей цѣли, если имѣла цѣлью равенство всѣхъ исповѣданій передъ администраціею и судомъ. Гораздо важнѣе казалась прибавка, сдѣланная къ восьмой статьѣ, установлявшей свободу печати: „цензура никогда не можетъ быть возстановлена". Но, во-первыхъ, цензура была давно уничтожена еще при Бурбонахъ; а во-вторыхъ, мы увидимъ, что эта гарантія оказалась очень неполна и что орлеанское правительство удержало за собою средства вредить непріязненной публицистикѣ посредствомъ штрафовъ и другихъ наказаній типографщикамъ и отвѣтственнымъ редакторамъ. 14 статья, бывшая предлогомъ къ изданію іюльскихъ повелѣній, была конечно уничтожена. Это было неизбѣжно. Для большей гарантіи отъ произвольныхъ распоряженій было прибавлено, что король не можетъ останавливать дѣйствія законовъ. Но за правительствомъ осталась власть объявлять города или цѣлые департаменты находящимися въ осадномъ положеніи, если грозила опасность законному порядку; а по осадному положенію административная власть переходила отъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ въ руки военныхъ командировъ и обыкновенный уголовный судъ могъ быть замѣняемъ военнымъ судомъ; такимъ образомъ уничтожалось только одно имя. даваемое произвольнымъ распоряженіямъ, но оставался другой, столь же широкій способъ замѣнять законъ произволомъ въ рѣшительныя минуты. Въ 16 статьѣ было сказано, что члены обѣихъ палатъ получаютъ право предлагать проэкты законовъ, между тѣмъ какъ по конституціи 1814 года проэкты законовъ могъ предлагать только король, то есть министерство. Но эта уступка была чистою формальностью: что касается собственно возможности представить проэктъ закона, никто не могъ помѣшать какому нибудь перу или депутату представить полный проэктъ закона подъ формою просьбы къ королю о предложеніи палатѣ такого закона; что же касается возможности провести проэктъ черезъ палату, большинство палаты депутатовъ принимаетъ только такіе проэкты, которымъ не противится министерство, потому что само министерство при парламентской формѣ бываетъ представителемъ большинства депутатовъ; если парламентская форма существуетъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ, министерство само представляетъ всѣ проэкты, требуемые палатою депутатовъ, и другимъ членамъ ея не остается дѣлать въ этомъ отношеніи ничего важнаго съ надеждою на успѣхъ. Кромѣ того были сдѣланы публичными засѣданія палаты перовъ, на которыя прежде не допускалась публика; но палата перовъ сама не имѣла большой важности. Было также постановлено, что члены палаты депутатовъ избираются не на семь лѣтъ, какъ прежде, а только на пять, и возрастъ, нужный для нихъ, пониженъ вмѣсто прежнихъ сорока лѣтъ на тридцать лѣтъ,—перемѣны не дурныя, подобно всѣмъ другимъ перемѣнамъ, нами перечисленнымъ, но также не значительныя. Нѣсколько важнѣе было то, что палата депутатовъ получила право сама избирать своего президента, который прежде назначался отъ короля. Наконецъ была объявлена незаконность всякихъ чрезвычайныхъ судилищъ. Но сами Бурбоны давно уже не прибѣгали къ чрезвычайнымъ судилищамъ, а возможность замѣнять обыкновенный судъ военнымъ оставалась попрежнему. Изъ этого перечисленія реформъ, произведенныхъ при передачѣ престола Луи-Филиппу, мы видимъ, что перемѣнъ было сдѣлано очень немного, что почти всѣ онѣ были совершенно мелочны, а двѣ или

Digitized by Google

три изъ нихъ, которыя однѣ могли имѣть серьёзное значеніе, не достигали своей цѣли, оставляя незакрытыми другіе пути къ произволу, подобному произвольнымъ дѣйствіямъ Реставраціи, и стало быть казались гарантіями для свободы только по формѣ, а вовсе не лучше прежняго ограждали ее въ дѣйствительности.

Образованные классы дорожатъ свободою. Они имѣли власть съ своихъ рукахъ и не сдѣлали ничего удовлетворительнаго для огражденія свободы. Послѣ этого напрасно и спрашивать о томъ, было ли сдѣлано что нибудь для доставленія бóльшаго благосостоянія массѣ народа, для облегченія лежавшихъ на ней тяжестей, были ли приняты хотя какія нибудь средства для того, чтобы дать ей средства подняться въ матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ. Для народа не было сдѣлано ровно ничего.

Но если улучшенія, произведенныя при передачѣ власти новому королю, не могли назваться значительными или удовлетворительными даже для тѣхъ ограниченныхъ цѣлей, о достиженіи которыхъ думали партіи, захватившія власть въ іюльскій переворотъ, то еще гораздо менѣе было сдѣлано для развитія внутреннихъ учрежденій въ слѣдующіе семь мѣсяцевъ, пока прогрессивные люди участвовали въ правительствѣ.

Ничего нельзя было ожидать для дѣла прогресса уже потому, что послѣ іюльскаго переворота продолжала свое существованіе та палата депутатовъ, которая была выбрана передъ іюльскими событіями въ оппозицію министерству Полиньяка. Въ тѣ времена общественное мнѣніе не могло быть разборчиво: борьба шла противъ крайняго фанатизма и произвола; каждый былъ хорошъ, кто говорилъ противъ преобладанія іезуитской и феодальной партіи. Кромѣ очень немногихъ уже слишкомъ закоснѣлыхъ обскурантовъ, каждый назывался тогда либераломъ, какъ самый смуглый брюнетъ долженъ назваться бѣлымъ, если сравнивать его съ негромъ. Потому палата, выбиравшаяся исключительно для оппозиціи Полиньяку, составилась изъ людей, безъ всякаго разбора казавщихся тогда либеральными. Большинство этихъ людей вовсе не желало низверженія Бурбоновъ; оно старалось въ іюльскіе дни и въ первыя числа августа удержать за ними власть, ограничивая, впрочемъ, свое усердіе словами въ засѣданіяхъ своей палаты. Эти разсчетливые люди перешли на сторону Луи-Филиппа, когда низложеніе Бурбоновъ было рѣшено. Но если они держались Бурбоновъ, значитъ, они были довольны учрежденіями, существовавшими при Реставраціи, и прежняя оппозиція ихъ вытекала только изъ мелочныхъ несогласій, изъ страха, что возьметъ верхъ феодальная партія, или изъ личныхъ причинъ. Теперь опасенія за преобладаніе феодаловъ исчезло, личные враги были побѣждены, нѣкоторыя мелочи въ законахъ были передѣланы, и большинство палаты не хотѣло уже никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, находя, что и сдѣланныя перемѣны едва ли не слишкомъ велики. Изъ либераловъ эти люди вдругъ превратились въ консерваторовъ, даже въ реакціонеровъ.

Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ нашелъ палату депутатовъ, расположенную какъ можно болѣе сократить и съузить развитіе политическихъ и общественныхъ учрежденій. Мы увидимъ, какія средства употреблялъ онъ впослѣдствіи, чтобы всегда имѣть такія палаты. Теперь надобно только замѣтить, что консерватизмъ этой первой палаты превосходно соотвѣтствовалъ его цѣлямъ: онъ могъ прикрывать свое личное нерасположеніе къ прогрессу, говоря, что не онъ, а палата не хочетъ реформъ, требуемыхъ развитіемъ общества. До самаго 24 февраля 1848 г.

Digitized by Google

онъ постоянно оправдывалъ реакціонность своей политики реакціонностью депу товъ. Но, по обыкновенной ошибкѣ людей тонкаго ума, онъ не замѣчалъ. ч тонкій формализмъ не понятенъ ограниченному соображенію людей не тонкаго у что они смотрятъ на дѣло проще, по своей неспособности къ мудренымъ умств нымъ экзерциціямъ. Общество скоро увидѣло, въ чемъ дѣло: оно увидѣло. ч большинство депутатовъ реакціонно только потому, что Луи-Филиппъ хоче этого. Дѣйствительно, масса консерваторовъ всегда состоитъ изъ людей, у ко рыхъ первая потребность—дѣйствовать за одно съ правительствомъ, чтобы нарушалась тишина. Правительству нужно только показать, что оно искренно х четъ реформъ, и эти люди сами станутъ хотѣть реформъ, потому что ихъ судь поддерживать правительство во всемъ и всегда, для избѣжанія всякихъ нару ній тишины. Это мы замѣчаемъ вообще, и болѣе по отношенію къ позднѣйши временамъ іюльскаго періода; а дѣло съ первою палатою депутатовъ іюльска правительства, о которой мы должны теперь говорить, было еще гораздо про По принципамъ парламентскаго правленія, было очень странно, что палата, званная королемъ одной династіи, спокойно продолжаетъ быть палатою кор другой династіи, какъ будто и не произошло переворота. Сущность парламентск формы состоитъ въ томъ, чтобы депутаты служили представителями господству щаго въ обществѣ настроенія; потому, если произойдетъ въ обстоятельствахъ о щественной жизни слишкомъ большая перемѣна, которая имѣетъ вліяніе на на строеніе умовъ, практика парламентаризма требуетъ новыхъ выборовъ, чтобы д путаты выражали собою не минувшее, а настоящее расположеніе общества. Фор мальнаго закона на это быть не можетъ, потому что дѣло зависитъ отъ настроені умовъ и нельзя подвести подъ формальныя рубрики того, при какихъ случаях происходитъ перемѣна въ настроеніи умовъ. Такимъ образомъ, Луи-Филипп могъ, не нарушая законныхъ формъ, сохранить палату, выбранную при Карлѣ Х Но для каждаго очевидно было, что іюльскій переворотъ и перемѣна династ должны были вызвать потребность въ новыхъ выборахъ. Если Луи-Филиппъ н производилъ ихъ, каждый понималъ, что причина этого — внутреннее довольст короля характеромъ палаты. Формально, Луи-Филиппъ имѣлъ за собою право дѣ ствовать такъ, какъ дѣйствовалъ; но и теперь, какъ постоянно во все время сво его правленія, онъ, слишкомъ надѣясь на возможность оправдаться формальны образомъ, пренебрегалъ тѣмъ, что сущность дѣла, понятная для всѣхъ, компроме тируетъ его. Первая палата его дѣйствовала реакціонно, непопулярно, и непопу лярность переходила съ нея на Луи-Филиппа, сохранявшаго палату, стало быт довольнаго ею.

Палата во всемъ показывала, что довольна прежними учрежденіями и не хо четъ реформъ. Если кому, кромѣ парижскихъ простолюдиновъ, іюльская монархі была обязана своимъ возникновеніемъ, то конечно газетамъ. Онѣ проложили Лу Филиппу путь къ престолу. Неумѣнье понять важность ихъ сочувствія, то ест важность сочувствія со стороны общественнаго мнѣнія, было причиною погибел Бурбоновъ. Луи-Филиппъ съ перваго же раза сталъ держаться той же ошибочно системы. Въ законодательныхъ вопросахъ, его желанія прикрывались рѣшенія палаты депутатовъ; когда здѣсь и при всѣхъ слѣдующихъ законодательныхъ во просахъ мы будемъ говорить о большинствѣ палаты, читатель постоянно долже понимать слова „большинство депутатовъ“ въ смыслѣ: „тѣ депутаты, дѣйств

Digitized by Google

которыхъ соотвѣтствовали системѣ Луи-Филиппа, которые составляли большинство въ палатѣ только потому, что Луи-Филиппъ находилъ это нужнымъ для своихъ цѣлей“. Съ этимъ замѣчаніемъ скажемъ, что первымъ важнымъ рѣшеніемъ палаты депутатовъ по учрежденіи новаго правительства было выраженіе рѣшимости сохранить тѣ законы, которые при Бурбонахъ предназначены были для стѣсненія журналистики. Въ началѣ ноября были пренія о предложеніи Траси уничтожить газетный залогъ (cautionnement) и о предложеніи Барта уничтожить газетный штемпель (timbre). Обѣ эти вещи были тяжелы для газетъ. Взносъ огромной суммы при основаніи газеты въ видѣ залога конечно затруднялъ основаніе новыхъ газетъ. Еще тяжеле было правило, что газеты могутъ быть печатаемы только на бумагѣ, къ которой приложенъ штемпель, стоившій нѣсколько сантимовъ. Этою платою за штемпель годовая цѣна газетъ значительно возвышалась, то есть, сильно ограничивалось ихъ распространеніе въ публикѣ. Само собою разумѣется, что эти стѣснительныя мѣры въ сущности производили дѣйствіе, противное тому, какого ожидало отъ нихъ правительство: чѣмъ меньше было число газетъ, тѣмъ сильнѣе была каждая изъ нихъ, и малочисленность газетъ, принадлежавшихъ каждой партіи, не давала партіи простора раздробляться на многочисленные оттѣнки, раздоры между которыми ослабляли бы партію: имѣя одинъ органъ, члены партій невольно держались плотно между собою. Уменьшеніе числа экземпляровъ газетъ, производимое штемпелемъ, ни мало не мѣшало расходиться ихъ мнѣніямъ въ публикѣ: напротивъ, малочисленные люди, читавшіе газеты, естественно становились руководителями остальныхъ и любопытство этихъ остальныхъ, которое могло бы молча удовлетворяться чтеніемъ дешевыхъ газетъ, теперь вело къ разспросамъ, разговорамъ, шумнымъ спорамъ, всегда оказывающимъ больше вліянія на мысли, чѣмъ одинокое чтеніе. Но по обыкновенію, реакціонеры замѣчали только внѣшнее дѣйствіе своихъ распоряженій, не соображая этого внутренняго результата, вреднаго для нихъ самихъ. Они видѣли, что штемпель и залогъ вредятъ газетамъ— этого было для нихъ довольно; того, что и штемпель, и залогъ увеличиваютъ вліяніе газетъ и содѣйствуютъ организованію плотныхъ партій, реакціонеры не замѣчали. Потому предложеніе объ отмѣнѣ штемпеля было отвергнуто палатою; точно такъ же отвергла она предложеніе объ отмѣнѣ залога, и, между прочимъ, Гизо надменно сказалъ: „залогъ долженъ быть сохраненъ, потому что служитъ гарантіею, показывающею принадлежность людей, основывающихъ газету, къ извѣстному классу общества“. Это значило, что благонамѣренными и почтенными людьми признаются только люди зажиточнаго класса. Можно судить, какъ дѣйствовали такія надменныя мнѣнія на гордыхъ парижскихъ пролетаріевъ. Правительство съ перваго же раза выказало, что не любитъ и боится газетъ. Мы постоянно будемъ видѣть, какой вредъ приносила ему такая система, которая наконецъ и довела іюльскую династію до паденія.

Но иной системы относительно газетъ, то есть общественнаго мнѣнія, не могла держаться консервативная партія. Безъ удовлетворенія современнымъ потребностямъ, она не могла ждать отъ общественнаго мнѣнія похвалъ своей политикѣ. А всѣ законы, составлявшіе предметъ совѣщаній палаты депутатовъ, имѣли характеръ несоотвѣтствовавшій нуждамъ общества.

Франція страдала отъ централизаціи и бюрократіи. Эти формы управленія были организованы Наполеономъ сообразно деспотическому характеру всей его си-

Digitized by Google

стемы. Онъ не хотѣлъ терпѣть никакой самостоятельности въ общесвтѣ, хотѣлъ, чтобы все зависѣло лично отъ него, докладывалось ему и рѣшалось имъ. Реставрація, стараясь истребить все хорошее, перешедшее въ законы Наполеона изъ постановленій предшествовавшихъ ему національныхъ собраній, усердно сберегла всѣ дурные элементы, введенные въ законодательство его стремленіемъ къ произволу. Луи-Филиппъ подражалъ Бурбонамъ. Города и сельскіе округи не имѣли независимости въ своихъ дѣлахъ; они управлялись распоряженіями префектовъ и подчиненныхъ префектамъ чиновниковъ. Законъ о муниципальной организаціи, принятый палатою депутатовъ въ половинѣ февраля 1831 года, ничего не измѣнялъ въ этомъ положеніи и не возвращалъ самостоятельности общинамъ. Также неудовлетворителенъ былъ избирательный законъ. Реставрація хотѣла сосредоточить вліяніе на дѣла въ рукахъ одного высшаго сословія; средствомъ къ этому служитъ ей высокій избирательный цензъ, по которому депутатовъ назначали только люди богатые, платившіе до 300 франковъ прямыхъ налоговъ съ имущества. (Приблизительно считая, это значило то же, что владѣть имуществомъ въ 45,000 франковъ). При такомъ цензѣ изъ 33 милліоновъ французовъ только 80 тысячъ были избирателями. Такая тѣсная привилегія съ самаго начала служила предметомъ всеобщаго негодованія. Надобно было понизить цензъ. Палата упорно боролась противъ общественнаго мнѣнія, стараясь, чтобы пониженіе было какъ можно незначительнѣе. Она хотѣла остановиться на 240 франковъ, но принуждена была опуститься до 200 франковъ. Такимъ пониженіемъ число избирателей удвоилось; но все-таки они составляли малочисленный привилегированный классъ въ массѣ населенія. Передъ февральскою революціею изъ 36 милліоновъ жителей Франціи только 200 тысячъ были избирателями: изъ 50 человѣкъ взрослыхъ мужчинъ только одинъ имѣлъ право участвовать въ выборѣ депутатовъ. Читатель знаетъ, что упорство, съ которымъ орлеанское правительство защищало такую неудовлетворительную систему, отказывая во всякомъ расширеніи избирательнаго права, послужило прямою причиною февральской революціи. Благовидность высокому цензу хотѣли придать увѣреніемъ, что онъ служитъ гарантіею извѣстной степени образованности, необходимой для избирателя. Но фальшивость такого предлога слишкомъ обнаруживалась тѣмъ, что палата отвергла предложеніе дать право выбора лицамъ, званіе которыхъ служитъ уже ручательствомъ за ихъ образованность. Было предлагаемо, чтобы профессора юридическихъ наукъ, медицины и другихъ университетскихъ факультетовъ, нотаріусы, адвокаты, судьи, офицеры становились избирателями, хотя бы и не имѣли требуемаго цензомъ состоянія. Эти предложенія были отвергнуты, хотя званіе профессора конечно служитъ болѣе вѣрнымъ признакомъ образованности, нежели простое владѣніе участкомъ земли или домомъ, платящимъ 200 франковъ налога. Цѣль высокаго ценза была очевидна: человѣкъ зажиточный предполагался болѣе твердымъ консерваторомъ, нежели человѣкъ безъ состоянія; высокій цензъ избирателей служилъ просто ручательствомъ за консервативность ихъ депутатовъ. Но этимъ соображеніемъ руководились сами консерваторы, а Луи-Филиппъ имѣлъ и другой разсчетъ, которымъ такъ хорошо пользуются англійскіе олигархи въ маленькихъ городкахъ, гдѣ 150 или 200 человѣкъ выбираютъ двухъ депутатовъ. Чѣмъ малочисленнѣе кружокъ избирателей, тѣмъ легче пріобрѣсти въ немъ большинство голосовъ личными сдѣлками съ каждымъ избирателемъ. Мы знаемъ, какъ продаются голоса въ маленькихъ англійскихъ городахъ и какъ невозможенъ под-

Digitized by Google

купъ въ англійскихъ большихъ городахъ. Такъ Луи-Филиппъ разсчитывалъ, что у правительства будутъ средства набрать 300 голосовъ въ какомъ нибудь департаментѣ, предоставленіемъ каждому изъ этихъ людей какихъ нибудь личныхъ выгодъ, и что 300 голосовъ составляютъ большинство, если число всѣхъ избирателей въ цѣломъ департаментѣ только 500 или 550 человѣкъ. Но орденовъ, должностей, выгодныхъ подрядовъ и денежныхъ подарковъ не достало бы у министерства, если бы понадобилось подкупать не сотни, а десятки тысячъ людей. Намъ прійдется разсказывать много примѣровъ того, какъ нагло производился подкупъ, особенно въ министерство Гизо. Въ послѣдніе годы іюльской монархіи было всѣмъ извѣстно, что большинство депутатовъ, поддерживающихъ кабинетъ, выбирается людьми подкупленными и потому безнаказанно даетъ подкупать себя. Въ тѣ времена всеобщее право выбора считалось само по себѣ достаточною гарантіею для составленія такой палаты, которая дѣйствительно была бы представительницею общественныхъ потребностей. Теперь, когда опытъ показалъ, что всеобщимъ избирательствомъ дается власть обскурантамъ и реакціонерамъ, многіе лучшіе люди потеряли вѣру въ этотъ принципъ. Дѣло въ томъ, что и тутъ, какъ во всѣхъ историческихъ дѣлахъ, разныя условія общественнаго благосостоянія связаны одно съ другимъ, и какое изъ нихъ ни возьмете въ отдѣльности, оно оказывается непрактичнымъ безъ другихъ условій. Политическая власть, матеріальное благосостояніе и образованность,—всѣ эти три вещи соединены неразрывно. Кто находится въ нищетѣ, тотъ не можетъ развить своихъ умственныхъ силъ; въ комъ неразвиты умственныя силы, тотъ не способенъ пользоваться властью выгоднымъ для себя образомъ; кто не пользуется политическою властью, тотъ не можетъ спастись отъ угнетенія, т. е. отъ нищеты, т. е. и отъ невѣжества. Эта неразрывность условій, похожая на фальшивый логическій кругъ, приводитъ въ отчаяніе людей нетвердыхъ духомъ или нетерпѣливыхъ. Но что же дѣлать, если такъ устроенъ свѣтъ? Намъ вѣроятно будетъ случай поговорить объ этомъ подробнѣе, если мы доведемъ разсказъ о французской исторіи до тѣхъ временъ, когда вопросъ о всеобщемъ избирательствѣ получилъ практическую важность и когда потомъ первые опыты всеобщаго избирательства оказались такъ неудачны. Теперь замѣтимъ только, что не одно всеобщее избирательство, а всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь и вѣроятно долго еще будутъ находиться въ нелѣпомъ положеніи, представляясь возможными только какъ результаты такихъ фактовъ, которые сами должны служить ихъ результатами. Разумѣется, мы говоримъ только о западной Европѣ. Напримѣръ, при нынѣшней воинственности французовъ невозможно имъ достичь благосостоянія; но только благосостояніе можетъ отучить ихъ отъ нелѣпой воинственности. Напримѣръ, невозможно для нихъ стать народомъ здравомыслящимъ, пока половина мужчинъ и почти всѣ женщины находятся у нихъ подъ вліяніемъ переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ іезуитовъ; но избавиться изъ подъ власти іезуитовъ могутъ они только тогда, когда станутъ народомъ здравомыслящимъ. Если надобно называть фальшивымъ логическимъ кругомъ, когда А можетъ быть порождено только существованіемъ Б, а Б, въ свою очередь, можетъ быть порождено только существованіемъ А, и когда А и Б, существованіе которыхъ необходимо для націи, одинаково не существуютъ или почти не существуютъ,—если надобно называть фальшивымъ кругомъ такое положеніе обстоятельствъ, то всѣ народы всегда находились въ этомъ фальшивомъ кругу; потому-

Digitized by Google

то прогрессъ и шелъ всегда и теперь идетъ съ такою страшною медленностью. Но если все-таки было нѣкоторое, хотя очень медленное движеніе впередъ, то значитъ, этотъ фальшивый кругъ не абсолютно сковываетъ развитіе жизни. Дѣло въ томъ, что если каждое условіе благосостоянія порождается только совокупностью всѣхъ другихъ условій, то успѣхъ, сдѣланный какимъ бы то ни было изъ нихъ, все-таки отражается нѣсколько благопріятнымъ образомъ на другихъ условіяхъ, какъ бы неудачны ни были его дѣйствія въ собственной частной сферѣ, какими бы разочарованіями ни печалили эти частныя послѣдствія людей, слишкомъ надѣявшихся на всемогущество одинокаго условія. Возьмемъ, напримѣръ, результаты декрета, внезапно давшаго каждому взрослому французу голосъ на выборахъ. Прямой результатъ декрета противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ того? Развѣ все-таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и остававшаяся безъ леченія; но все-таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было, наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все-же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже, поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принесенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеообщее избирательство, все-таки декретъ о немъ, при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно бóльшую пользу. А со временемъ, когда горечь первой неудачи пройдетъ, общественное мнѣніе возвратится къ мысли о правѣ каждаго француза быть участникомъ въ общественной власти, и масса будетъ при возстановленіи этого права подготовлена пользоваться имъ лучше, нежели воспользовалась при первомъ его установленіи. Не говоримъ уже о томъ, что какъ бы сильна ни оказалась при возстановленіи законныхъ учрежденій реакція общественнаго мнѣнія противъ всеобщаго избирательства, все-таки цензъ будетъ установленъ несравненно ниже того, какой отмѣненъ декретомъ о всеобщемъ избирательствѣ.

Консервативный принципъ требовалъ, чтобы только малочисленный привилегированный кружокъ владычествовалъ надъ общественными дѣлами; это было сдѣлано сохраненіемъ высокаго ценза. Натуральнымъ образомъ, охраненіе порядка, установляемаго представителями привилегированнаго кружка, можно было ввѣрять также только избраннымъ по своему состоянію людямъ. Съ этою цѣлью, при учрежденіи національной гвардіи было рѣшено, чтобы она имѣла довольно дорогой мундиръ; благодаря необходимости такого расхода, національная гвардія составилась только изъ людей зажиточныхъ. Бѣдный классъ, совершенно удаленный отъ участія въ дѣлахъ, имѣлъ противъ себя вооруженную силу, готовую наказать „всякую преступную попытку къ ниспроверженію существующихъ учрежденій“. Судить объ этомъ каждый можетъ какъ угодно; но дѣло въ томъ, что кто не имѣетъ власти, кто не имѣетъ оружія, о томъ никому не нужно заботиться: что за радость

Digitized by Google

хлопотать въ чужую пользу? Дѣйствительно, во весь орлеанскій періодъ ничего не было сдѣлано въ пользу массы.

Мы видѣли характеръ системы, господствовавшей въ тѣ немногіе первые мѣсяцы іюльской монархіи, пока Луи-Филиппъ находилъ нужнымъ терпѣть въ своемъ кабинетѣ прогрессистовъ. Если въ это время не было сдѣлано почти ничего для развитія общественныхъ учрежденій, если и то очень немногое, что было сдѣлано подъ напоромъ еще незаглохнувшихъ требованій взволнованнаго въ іюлѣ общества, было сдѣлано такъ, чтобы съузить реформы въ возможно меньшіе размѣры,—если упорный консерватизмъ владычествовалъ надъ іюльскою системою даже при Лафайетѣ, Дюпонъ-Делёрѣ и Лафитѣ, то разумѣется, еще сильнѣе выказался этотъ принципъ, когда управленіе перешло исключительно въ руки чистыхъ консерваторовъ и предводитель ихъ, Казиміръ Перье, сталъ главою министерства.

Казиміръ Перье во многихъ книгахъ называется человѣкомъ непоколебимой твердости характера,—этою репутацією онъ былъ обязанъ своему страшно-грубому высокомѣрію и страсти къ самовластію. Онъ приходилъ въ негодованіе отъ каждаго слова, сказаннаго поперекъ ему, вспыхивалъ и изливался жолчною бранью. При мягкости французскихъ общежительныхъ формъ, такія манеры отуманивали многихъ. Но въ нашемъ обществѣ подобные люди встрѣчаются часто, мы поприсмотрѣлись къ этимъ юпитерамъ громовержцамъ и знаемъ, какъ судить о нихъ. Подъ грубымъ высокомѣріемъ скрывается обыкновенно трусливость, какъ мы знаемъ по ежедневному опыту. Казиміръ Перье также былъ труслив,—онъ блистательно выказалъ это качество въ іюльскіе дни, когда блѣднѣлъ, дрожалъ, прятался усерднѣе всѣхъ своихъ товарищей депутатовъ. Но при отсутствіи опасности онъ былъ очень заносчивъ. Находя въ Луи-Филиппѣ человѣка мягкаго, деликатнаго, Казиміръ Перье обращался съ нимъ грубо,—это ставилось ему въ заслугу, какъ доказательство независимости характера. Но при своемъ тонкомъ и терпѣливомъ умѣ, Луи-Филиппъ дозволялъ ему грубить, потому что Казиміръ Перье трудился въ пользу личной власти короля, которому рѣзко запрещалъ вмѣшиваться въ дѣла. Высокомѣрный министръ душилъ либерализмъ; Луи-Филиппъ съ улыбкою смотрѣлъ на рьяность грубіяна, пріучавшаго и министровъ и депутатовъ къ послушанію. Луи-Филиппъ имѣлъ довольно ума, чтобы жертвовать своему разсчету щекотливостью самолюбія.

Не всѣ были такъ разсчетливы; придворный кругъ не любитъ дѣльцовъ, которые третируютъ его съ пренебреженіемъ, и Казиміръ Перье съ перваго же раза имѣлъ удовольствіе выказать свою силу въ полномъ блескѣ. На другой день по своемъ вступленіи въ министерство, явившись во дворецъ, онъ увидѣлъ на всѣхъ лицахъ недовольство и недовѣріе. Придворные дерзко перешептывались, когда новый министръ проходилъ мимо нихъ, и бросали на него враждебные взгляды. Онъ вошелъ въ залъ, гдѣ ждала его королевская фамилія. Король былъ любезенъ, королева вѣжлива съ нимъ, но принцесса Аделаида, сестра короля, уважавшаго ея совѣты, выказывала ледяную холодность, а старшій сынъ короля, герцогъ Орлеанскій, не скрывалъ своего нерасположенія къ новому министру. Казиміръ Перье поблѣднѣлъ, стиснувъ зубы отъ досады, подошелъ къ королю и попросилъ его поговорить съ собою наединѣ. Они вышли въ сосѣднюю комнату и Перье рѣзкимъ тономъ сказалъ: „Государь, прошу у васъ отставки". Король изумился, смутился, началъ говорить, что не понимаетъ причины его неудовольствія. „У меня враги въ клу-

Digitized by Google

бахъ, у меня враги при дворѣ, продолжалъ Перье: — этого слишкомъ много, государь, слишкомъ много. Бороться противъ столькихъ враговъ въ одно и то же время невозможно". Луи-Филиппу нельзя было ссориться съ нимъ: отставка черезъ день по принятіи должности надѣлала бы слишкомъ много шума, а вражда Казиміра Перье была бы страшна. Король старался смягчить его любезностями. Министръ былъ непреклоненъ. Луи-Филиппъ позвалъ сестру и сына, объяснилъ имъ раздраженіе Казиміра Перье и сказалъ, что надобно умилостивить его. Заставивъ ихъ просить себя, выказавъ свою силу надъ ними, Перье согласился остаться министромъ.

Товарищами Казиміра Перье были люди незначительные, не осмѣливавшіеся противорѣчить ему *). Одинъ маршалъ Сультъ могъ бы не смиряться передъ главою министерства, но онъ не имѣлъ охоты спорить, лишь бы ему самому не мѣшали деспотически распоряжаться въ военномъ министерствѣ и увеличивать свое богатство, потому что онъ былъ жаденъ къ деньгамъ.

Казиміръ Перье открыто высказалъ свою программу, явившись въ палату 18 марта (1831 г.). Онъ объявилъ, что іюльскій переворотъ не былъ дѣломъ народнаго возстанія, что онъ хочетъ подавить партіи, иначе понимающія характеръ этого событія, что Франція не будетъ оказывать никакой помощи народамъ, возставшимъ противъ своихъ правительствъ. Консервативное большинство палаты совершенно сочувствовало такой системѣ.

Но первыя дѣйствія Казиміра Перье для подавленія враждебныхъ партій не всегда сопровождались успѣхомъ. Впечатлѣніе, произведенное іюльскими событіями, не совершенно еще изгладилось, и преслѣдуемые смущали преслѣдователей, напоминая о томъ, что дали имъ власть.

Въ іюлѣ 1830 г. число республиканцевъ было чрезвычайно мало; оно было очень невелико и теперь, но все-таки возрастало по мѣрѣ того, какъ все яснѣе становилось, что реформъ нельзя ждать. Нѣкоторыя изъ прежнихъ политическихъ обществъ, имѣвшихъ только общее либеральное направленіе, начали принимать рѣшительно республиканскій цвѣтъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ было „Общество друзей народа (des Amis du peuple)", членами котораго по преимуществу были молодые люди, предводительствовавшіе народомъ въ іюльской битвѣ. Засѣданія „Друзей народа" сначала были публичныя. Они происходили въ обширной залѣ манежа Пеллье, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Въ концѣ сентября, правительство, именемъ Лафайета, бывшаго тогда командиромъ національной гвардіи, убѣдило „Друзей народа" отказаться отъ публичности засѣданій и перенести ихъ въ какую нибудь частную квартиру. Средства общества не были ничтожны, потому что оно отправило батальонъ волонтеровъ на помощь бельгійцамъ противъ короля голландскаго. Оно вело сношенія съ департаментами, издавало рѣзкія прокламаціи. Въ началѣ октября президентъ общества, Гюберъ, былъ потребованъ къ суду за одну изъ этихъ прокламацій, которая была найдена оскорбительной для палаты депутатовъ. „Господа, публично сказалъ онъ судьямъ: — странно видѣть васъ, всего черезъ два мѣсяца послѣ іюльской революціи, призывающими на

*) Военнымъ министромъ былъ маршалъ Сультъ; министромъ иностранныхъ дѣлъ Себастіани. „Исторія десяти лѣтъ". Просимъ сравнить это примѣчаніе съ нашимъ предисловіемъ. Другими министрами были: финансовъ — баронъ Луи; юстиціи — Бартъ; просвѣщенія и вѣроисповѣданій — Монталиве; торговли — д'Аргу; морскихъ силъ — Риньи.

Digitized by Google

свой судъ людей, бывшихъ не чуждыми успѣху этой великой борьбы. Я не буду имѣть непростительной слабости признавать васъ за своихъ судей и защищаться передъ вами. Судьи, служившіе Карлу X, объявите, что вы не можете произносить надо мною приговора. Народъ снялъ съ васъ власть, возвративъ свободу вашимъ жертвамъ, и вы сами подтвердили его приговоръ, бѣжавъ, когда другіе сражались. Взгляните на нашу трехцвѣтную кокарду: два мѣсяца тому назадъ, вы стали бы позорить ее, называя эмблемою мятежа. Какъ вы отважитесь съ прежнею самоувѣренностью судить людей, носившихъ ее наперекоръ вашимъ наказаніямъ? Какъ вы отважитесь, сидя на вашихъ креслахъ, съ которыхъ сняты лиліи, выносить взглядъ людей, которые изгнали кумира, погубившаго столь многихъ?" Народъ апплодировалъ этому гордому языку, и судьи еще робѣли передъ обвиняемыми.

Мы говорили, что во время волненій 21 и 22 декабря народъ разсчитывалъ на содѣйствіе артиллеристовъ 2-й батареи національной гвардіи. Они дѣйствительно хотѣли соединиться съ народомъ, и на луврскомъ дворѣ, ими занимаемомъ, произошло нѣкоторое волненіе. Девятнадцать человѣкъ артиллеристовъ были преданы суду. Главными изъ обвиненныхъ были командиры 2-й батареи, Гинаръ и Каваньякъ, и Трела̀, записавшійся въ нее простымъ артиллеристомъ.

Двое изъ этихъ людей, быть можетъ, извѣстны читателю по событіямъ 1848 г.: Гинаръ командовалъ тогда однимъ изъ легіоновъ національной гвардіи и дѣйствовалъ смѣлѣе другихъ командировъ; Трела̀ былъ министромъ публичныхъ работъ въ іюнѣ и имѣлъ несчастіе, оказавшись уже человѣкомъ отсталымъ, сдѣлать или одобрить безразсудныя распоряженія, слѣдствіемъ которыхъ было іюньское возстаніе. Третій, Годфруа Кавеньякъ, братъ Эжена Кавеньяка, сдѣланнаго диктаторомъ въ іюньскую битву, былъ уже и въ 1830 году однимъ изъ главныхъ людей республиканской партіи, а по смерти Армана Карреля сталъ ея предводителемъ; его славѣ Эженъ Кавеньякъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, которымъ такъ плохо воспользовался. Въ то время, всѣ они были еще молодые люди. Ихъ и шестнадцать человѣкъ другихъ обвиняли въ намѣреніи произвести возстаніе для провозглашенія республики. Процессъ ихъ былъ веденъ уже въ апрѣлѣ 1831 года, при министерствѣ Казиміра Перье.

Когда обвиненные вошли въ залу суда, сотни зрителей привѣтствовали ихъ апплодиcментами. Не думая защищаться, Кавеньякъ и его товарищи сами нападали на своихъ обвинителей, то съ желчною ироніею, то съ гнѣвною серьёзностью. Пренія продолжались нѣсколько дней, сочувствіе зрителей къ обвиняемымъ возрастало съ каждымъ днемъ. Докторъ Трела̀, человѣкъ строгихъ нравовъ и нѣжнаго, сострадательнаго характера, былъ любимцемъ бѣдняковъ, потому что безплатно ходилъ лечить и утѣшать ихъ. Онъ представилъ трагическую картину нищеты, свидѣтелемъ которой постоянно былъ, напоминалъ о несдержанныхъ обѣщаніяхъ, о забытыхъ услугахъ. Послѣ него говорилъ Годфруа Кавеньякъ, изящный и блистательный, но весь предавшійся серьезному изученію общественныхъ вопросовъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и великаго краснорѣчія. Онъ началъ оправданіемъ памяти своего отца, который служилъ тому же дѣлу, какъ и онъ, и былъ оклеветанъ вмѣстѣ съ другими дѣятелями временъ, предшествовавшихъ учрежденію директоріи. „Я наслѣдовалъ свои принципы, сказалъ онъ. Наука утвердила меня въ направленіи, которое естественно получилъ мой политическій взглядъ, и теперь, когда,

Digitized by Google

наконецъ, представляется мнѣ случай произнести слово, гонимое другими, я безъ страха и безъ аффектаціи объявляю свое задушевное убѣжденіе: „я республиканецъ“. Республиканскую партію обвиняютъ въ заговорахъ, продолжалъ онъ, это обвиненіе пусто: съ тѣхъ поръ какъ совершаются революціи, заговорами не стоитъ заниматься. Республиканская партія такъ увѣрена въ своей будущности, что можетъ ждать ея терпѣливо и полагаться въ судьбѣ своей на счастіе націи. Республиканцы предоставляютъ самому правительству вести заговоры на погибель нынѣшнихъ учрежденій ошибками и неправдами, которыя оно совершаетъ. Республиканцамъ нѣтъ нужды торопиться: они знаютъ, что есть въ обществѣ разлагающій элементъ, столь сильно разрушающій всѣ прежнія средства къ управленію, что власть неизбѣжно должна быть пересоздана. Управлять обществомъ безъ коренныхъ преобразованій теперь труднѣе, нежели измѣнить всѣ учрежденія. Противъ республиканцевъ вызываютъ воспоминанія Конвента; но изъ всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся во Франціи, одинъ Конвентъ не былъ низвергнутъ, а добровольно отдалъ власть, сходя со сцены побѣдоносно“. Онъ доказывалъ, что республиканская форма правленія — самая приличная и удобная для Франціи, что Франція стремится къ ней, и заключилъ свою рѣчь словами: „мы исполняли свою обязанность къ отечеству, и Франція найдетъ насъ готовыми на призывъ ея всегда, когда мы понадобимся ей; все, чего бы ни потребовала она отъ насъ, мы отдадимъ ей“. Аплодисменты публики служили продолженіемъ его рѣчи. При такомъ сочувствіи зрителей, при такой смѣлости обвиненныхъ, адвокатамъ ихъ почти не нужно было защищать ихъ; они были оправданы. Зрители бросились къ обвиненнымъ, чтобы проводить ихъ съ тріумфомъ. Гинаръ, Кавеньякъ и нѣкоторые другіе успѣли скрыться отъ готовившейся имъ оваціи; Гилье былъ пойманъ и отнесенъ домой на рукахъ, несмотря на всѣ свои просьбы и усилія. Трела и д'Эрбенвиль сѣли въ карету и велѣли кучеру ѣхать скорѣе, но толпа нагнала карету, остановила ее, со всѣхъ сторонъ посыпались цвѣты, народъ отпрягалъ лошадей. Трела и д'Эрбенвиль напрасно говорили народу, что онъ долженъ сохранять гордость и въ изъявленіяхъ сочувствія, что такіе знаки симпатіи непріятны для нихъ самихъ: толпа, не слушая ихъ, повезла на себѣ карету, и по всей дорогѣ до квартиры Трела поѣздъ двигался среди аплодисментовъ и криковъ. Это было 15 апрѣля (1831). Министерство было раздражено и хотѣло загладить свою неудачу насиліемъ. На другой день по улицамъ Парижа ходили войска, какъ будто для того, чтобы вызвать народъ къ столкновенію. Но республиканцы убѣдили его сохранить тишину.

Въ это время приближалась раздача медалей за іюльскіе дни. На медали хотѣли сдѣлать надпись „дана королемъ“. 1,200 человѣкъ, которымъ назначалась медаль, собрались въ Сомонскомъ пассажѣ и рѣшили не принимать медали, если эта надпись на ней не будетъ уничтожена. Подъ вліяніемъ судебнаго пораженія, правительство уступило и уничтожило надпись. Казиміру Перье самому было пріятно имѣть тутъ новый предлогъ, чтобы уколоть Луи-Филиппа.

20 апрѣля были отсрочены засѣданія палаты депутатовъ, а 3 мая она была распущена и назначены новые выборы. Ничтожность перемѣны, сдѣланной въ избирательномъ законѣ слабымъ пониженіемъ ценза съ 300 на 200 франковъ, обнаруживалась тѣмъ, что въ новой палатѣ большинство осталось прежнее; это значило, что сохранили преобладаніе тѣ же самые классы, какіе имѣли его и до іюль-

Digitized by Google

ской революціи. Нашъ вообще печальный взглядъ на исторію происходитъ вовсе не отъ того чтобы мы отрицали прогрессъ: напротивъ, много·разъ мы доказывали, что прогрессъ есть слѣдствіе причинной связи, неизмѣнно дѣйствующей повсюду и всегда, что онъ имѣетъ за собою такую же необходимость и неизбѣжность, какъ тѣ законы, о которыхъ говорятъ естественныя науки, какъ законъ тяготѣнія или химическаго сродства. Несомнѣнно былъ нѣкоторый прогрессъ и въ исторіи Франціи за тѣ годы, событія которыхъ мы разсказываемъ. Цензъ въ 200 франковъ все-же лучше ценза въ 300 франковъ, и все-же оказывалъ нѣсколько лучшее дѣйствіе. Прогрессисты въ новой палатѣ были сильнѣе, нежели въ прежней. Исторія грустна только потому, что прогрессъ идетъ очень медленнымъ шагомъ, подобно геологическому и зоологическому развитію. Климатъ Франціи сталъ теперь несравненно мягче и благопріятнѣе для человѣка, чѣмъ былъ во время Цезаря, когда покрывали Галлію лѣса и болота. Мы ни мало не отрицаемъ того, что и человѣческая жизнь во Франціи теперь гораздо лучше, нежели въ XV, или XVII, или XVIII вѣкѣ. Печально только то, что улучшеніе въ жизни идетъ такъ медленно, что лишь наука открываетъ его посредствомъ своихъ тонкихъ наблюденій, какъ только она открываетъ его и въ климатѣ, а для простаго практическаго чувства улучшеніе и въ климатѣ и въ жизни слишкомъ мало замѣтно. Впрочемъ такъ было всегда, и наше поколѣніе не имѣетъ основанія жаловаться на свою судьбу: болѣе счастливыхъ поколѣній не бывало. Эти послѣднія слова могутъ служить къ смягченію гнѣва, который мы заслуживаемъ со стороны умѣренныхъ либераловъ, восторгающихся настоящимъ временемъ: эти почтенные люди могутъ съ торжествомъ сказать: ну вотъ, вы сами признались, что наше поколѣніе самое счастливое во всей исторіи, стало быть оно очень счастливо. Мы не будемъ возражать.

И такъ прогрессъ былъ, прогрессъ удивительный, великій. Въ новой палатѣ число прогрессистовъ удвоилось; еще нѣсколько голосовъ, всего какихъ нибудь 20 или 30 голосовъ, и они имѣли бы большинство. Близка побѣда. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ досталась имъ побѣда. Мы увидимъ, какъ стали они держать себя тогда, много ли хорошаго они сдѣлали для родины, когда получили власть. Впрочемъ, мы ни мало не станемъ винить ихъ, если окажется, что они сдѣлаютъ не очень много: мы не станемъ упрекать ихъ въ измѣнѣ убѣжденіямъ, въ неисполненіи обѣщаній. Обѣщанія были и малы, и неопредѣленны, а въ убѣжденіяхъ своихъ огромное большинство прогрессистовъ всего на одинъ миллиметръ, т. е. на одну сороковую часть вершка расходилось съ консерваторами. Но изъ-за этого миллиметра шелъ споръ, поднимались крики, будто о завоеваніи цѣлыхъ областей.

При самомъ открытіи палаты прогрессисты доказали увеличившуюся свою силу. Правда, имъ не удалось сдѣлать президентомъ своего кандидата Лафита: но за то, воспользовавшись нѣкоторымъ раздробленіемъ консервативныхъ голосовъ, они сдѣлали вице-президентомъ Дюпонъ-Делёра, который недавно вышелъ изъ министерства за свой демократизмъ. Это было неудачею для министерства и Казиміръ Перье подалъ въ отставку. Но тутъ же пришло извѣстіе, что голландская армія вступила въ Бельгію; являлось важное дипломатическое затрудненіе, нельзя было Франціи имѣть министерскій кризисъ въ такое время, и министерство Казиміра Перье взяло назадъ свою отставку. Побѣда, уже доставшаяся прогрессистамъ, ускользнула изъ ихъ рукъ и власть осталась за консерваторами. Вотъ одинъ

Digitized by Google

изъ примѣровъ гибельнаго вліянія, какое постоянно имѣетъ забота о внѣшнихъ дѣлахъ на развитіе внутренней жизни общества. Если бы мы не поставили себѣ за правило исключать внѣшнюю политику изъ нашего разсказа, мы на каждомъ шагу встрѣчались бы съ подобными примѣрами. Но намъ кажется, что подтвержденіе полезной мысли, доставляемое этими примѣрами, далеко перевѣшивалось бы вредомъ, происходящимъ отъ уклоненія мысли читателей и нашихъ собственныхъ соображеній отъ истинно важнаго предмета, отъ внутреннихъ дѣлъ, къ пустымъ интригамъ и ничтожнымъ запутанностямъ.

Казиміръ Перье, т. е. консервативный кабинетъ, былъ драгоцѣненъ для Луи-Филиппа, цѣлямъ котораго такъ усердно служилъ. Но нѣтъ розы безъ шиповъ; характеръ Казиміра Перье, грубый и высокомѣрный, былъ для Луи-Филиппа очень непріятною колючкою. Надменный банкиръ дозволилъ себѣ грубость даже при торжественной церемоніи открытія новой палаты (23 іюля 1831). По парламентскому правилу новая сессія открывается чтеніемъ королевской рѣчи, которая составляется министерствомъ и содержитъ его програму. Когда король читалъ рѣчь, всѣ присутствовавшіе видѣли, что Казиміръ Перье слѣдитъ за его словами по списку рѣчи, который держитъ въ рукахъ. Такое публичное обнаруженіе недовѣрія было страшнымъ неприличіемъ; впрочемъ читатель могъ видѣть на предыдущихъ страницахъ довольно фактовъ, служившихъ основаніемъ для подобнаго поступка. Казиміръ Перье не былъ такъ простодушенъ, какъ Лафайетъ и Лафитъ.

Но скоро произошелъ скандалъ, давшій прогрессистамъ право говорить о самомъ Казимірѣ Перье точно также, какъ онъ думалъ о Луи-Филиппѣ. Послѣ іюльской битвы народъ громко требовалъ оружія и въ удовлетвореніе общему настроенію составъ національной гвардіи увеличился. Нужно было для новыхъ гвардейцевъ большое количество ружей. Чтобы получить ихъ какъ можно скорѣе, рѣшились сдѣлать заказъ не французскимъ фабрикамъ, а англійскимъ, которыя гораздо обширнѣе. Коммиссіонеромъ выбрали банкира Жиске, котораго рекомендовалъ тогдашнему министерству Казиміръ Перье. 2 октября 1830 г. Жиске поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы купить для военнаго министерства 300,000 ружей. Онъ былъ не подрядчикомъ, а просто коммиссіонеромъ. Правительство брало на себя его путевыя издержки и назначало ему извѣстный процентъ за хлопоты. Очевидно, онъ долженъ былъ заключать контракты на имя правительства, а не на свое, и сверхъ коммиссіонныхъ денегъ не искать себѣ коммерческой выгоды отъ поставки. Однакожъ, пріѣхавъ въ Англію, онъ заключилъ съ бирмингемскими фабрикантами Гуилеромъ, Айрономъ и Ферфексомъ контрактъ на свое имя: изъ коммиссіонера онъ сдѣлалъ себя подрядчикомъ. Бирмингемскіе фабриканты предложили, что возьмутъ, для исполненія подряда, старыя ружья изъ лондонскаго арсенала, гдѣ было множество стараго оружія. Жиске согласился, предоставивъ имъ третью часть выгоды, какую принесетъ этотъ оборотъ. Англійское министерство съ удовольствіемъ приняло выгодную сдѣлку: Гуилеръ и Комп. обязались взамѣнъ старыхъ ружей поставить въ лондонскій арсеналъ новыя ружья, съ извѣстною разсрочкою. 17 октября 1830 года Жиске воротился въ Парижъ. Наканунѣ его пріѣзда, его банкирская фирма, потрясенная промышленнымъ кризисомъ, прекратила платежи. На другой день по его пріѣздѣ она возобновила платежи. Маршалъ Жераръ, бывшій тогда военнымъ министромъ, отказался утвердить контрактъ, заключенный Жиске. Маршалъ Сультъ, ставшій преемникомъ Жерара при перемѣнѣ министерства, произошедшей въ на-

Digitized by Google

чалѣ ноября, также колебался принять контрактъ, по которому Жиске изъ коммиссіонера дѣлалъ себя подрядчикомъ. Жиске хлопоталъ, и когда наконецъ спросили, по какой цѣнѣ онъ будетъ ставить ружья, онъ назначилъ по 34 франка 94 сантима за ружье. Но 27 ноября негоціантъ ванъ-деръ-Мекъ предложилъ черезъ маршала Жерара поставить все требуемое количество ружей по 26 франковъ, обязываясь дать ружья англійской фабрикаціи и перваго сорта. Жиске, извѣщенный 8 декабря объ этомъ предложеніи, былъ сильно опечаленъ; но Ротшильдъ, получивъ участіе въ предполагаемой сдѣлкѣ, отправился къ Сульту и на другой день Жиске былъ приглашенъ Сультомъ для утвержденія подряда. Сравнительно съ цѣною, назначавшеюся отъ ванъ-деръ-Мека, подрядъ, утвержденный за Жиске, составлялъ для казны потерю въ два съ половиною мильона франковъ. Алчность маршала Сульта была извѣстна. По городу распространились очень дурные слухи о томъ, какимъ образомъ Сультъ былъ убѣжденъ отдать подрядъ Жиске по такой разорительной цѣнѣ. Когда публика стала вникать въ дѣло, къ имени маршала Сульта прибавилось имя Казиміра Перье. Имѣя свою фирму, Казиміръ Перье находился кромѣ того въ долѣ съ Жиске, имѣя въ его фирмѣ пай въ 1.200,000 франковъ. Фирмѣ Жиске грозило банкротство, и контрактъ, заключенный съ бирмингемскими фабрикантами, возстановлялъ, какъ мы видѣли, его дѣла, то есть, спасалъ отъ потерь и Казиміра Перье. Молва о характерѣ этой сдѣлки усилилась, когда оказалось въ добавокъ, что ружья, поставляемыя Жиске по такой чрезмѣрной цѣнѣ, были стары и дурны.

Контрактъ былъ утвержденъ Сультомъ до министерства Казиміра Перье. Но когда онъ сдѣлался первымъ министромъ, толки о подозрительности контракта стали еще сильнѣе. Арманъ Марра̀, имя котораго извѣстно читателямъ по событіямъ 1848 года, когда онъ былъ членомъ временнаго правительства, меромъ Парижа и президентомъ конституціоннаго собранія, написалъ въ республиканской газетѣ „La Tribune“ 9 іюля 1831 года статью, излагавшую это дѣло и содержавшую, между прочимъ, слова: „Правда ли, что при подрядѣ ружей г. Казиміръ Перье и маршалъ Сультъ получили *благодарность* (pot-de-vin), цифра которой составляетъ около мильона на каждаго изъ нихъ?“

Арманъ Марра̀ былъ потребованъ къ суду; адвокаты Жиске и Казиміра Перье защищали своихъ кліентовъ очень ловко, но публика опять была на сторонѣ обвиненнаго, съ жаромъ отстаивавшаго право газетъ печатать статьи подобныя той, за которую его обвинили. „Министры имѣютъ въ своемъ распоряженіи арміи, казну, всѣ національныя силы, говорилъ онъ. По одному знаку ихъ движется вся администрація, возстаютъ на ихъ противниковъ прокуроры и полиція. А мы, писатели, неужели не будемъ имѣть права спрашивать, какъ употребляютъ они власть, злоупотребленія при которой такъ легки? Неужели мы не можемъ выражать слуховъ общественнаго мнѣнія, инстинктъ котораго такъ правдивъ и вѣренъ? Наша обязанность высока. Свобода живетъ недовѣріемъ. Берите себѣ власть, если хотите, но знайте, что, взявъ ее, вы подвергаете публичному обсужденію себя, свое настоящее, свое прошедшее, всѣ ваши дѣйствія, даже всѣ ваши предположенія. Стыдъ робкому писателю, измѣняющему своей обязанности изъ страха опасностей, съ ней соединенныхъ“. Басканъ, издатель газеты, въ которой помѣщена была обвиняемая статья, представилъ суду письмо одного изъ главныхъ лондонскихъ оружейниковъ, Бекуита. Басканъ успѣлъ съѣздить въ Лондонъ, и сказавъ, что

Digitized by Google

имѣетъ подрядъ, просилъ Бекуита письменно обозначить цѣну, по которой онъ могъ бы принять на себя поставку. Въ этомъ условіи было сказано: „ружье того самаго качества, какъ ружья, полученныя Жиске изъ лондонскаго арсенала, стоитъ 26 франковъ 50 сантимовъ“. Судъ отказался принять къ дѣлу это письмо. Арманъ Марра̀ былъ приговоренъ къ 3,000 франковъ штрафа и шестимѣсячному заключенію. Но общественное мнѣніе рѣшило, что онъ былъ правъ, и фраза „ружья Жиске“ вошла въ полемическій словарь.

Послѣ этого процесса вниманіе общества было занято преніями палаты депутатовъ о наслѣдственности членовъ палаты перовъ. Мы не будемъ входить въ техническія подробности тѣхъ юридическихъ и политическихъ доводовъ, которыми защищали свое мнѣніе приверженцы и противники наслѣдственности званія перовъ. Довольно будетъ замѣтить отношеніе этихъ разныхъ мнѣній къ общему характеру французскихъ учрежденій. Защитники наслѣдственности законодательной власти аристократическаго элемента были совершенно правы, когда говорили, что для прочности и натуральности монархической формы необходимо имѣть ей вокругъ династіи цѣлое сословіе людей, права которыхъ на власть были бы также наслѣдственны; иначе, говорили консерваторы, принципъ наслѣдственной власти, примѣняясь только къ одному лицу, будетъ чѣмъ-то исключительнымъ, несоотвѣтствующимъ всему остальному правительственному устройству и всѣмъ остальнымъ общественнымъ учрежденіямъ; власть короля будетъ представляться натуральной только въ такомъ обществѣ, которое считаетъ натуральнымъ дѣломъ наслѣдственность политической власти вообще. Съ этой точки зрѣнія противники наслѣдственности въ палатѣ перовъ были очевидно неправы, воображая, что не наносятъ вреда самой монархіи разрушеніемъ аристократическихъ привилегій. Но если эти люди, будучи искренними монархистами (число республиканцевъ въ палатѣ депутатовъ было совершенно ничтожно), вовлекались въ такое противорѣчіе съ своими собственными стремленіями, если они принуждены были обольщать себя софизмомъ о возможности демократической монархіи, то очевидно они увлекались силою обстоятельствъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе слишкомъ настойчиво требовало уничтоженія наслѣдственности званія перовъ. Оно знало только, что эта наслѣдственность несогласна съ національнымъ образомъ мыслей, противорѣчитъ общему духу гражданскихъ учрежденій, водворившихся во Франціи съ конца прошлаго вѣка. Наслѣдственность вліянія на законодательную власть и правъ на участіе въ высшей администраціи была остаткомъ феодальнаго порядка вещей, ненавистью къ которому была проникнута французская нація. Противъ этого чувства не умѣло устоять большинство палаты депутатовъ, и не было этому большинству свободы сообразить, соотвѣтствуетъ ли вражда къ наслѣдственной власти въ палатѣ перовъ желанію быть защитниками монархической формы. Только съ этой точки зрѣнія интересенъ вопросъ о наслѣдственности званія перовъ: въ немъ выказалось безсознательное республиканское направленіе консервативной партіи, воображавшей себя такою ревностною защитницею монархической формы. Она противъ воли увлекалась общимъ духомъ французскихъ гражданскихъ учрежденій и національной ненавистью къ средневѣковымъ властямъ.

Въ другомъ отношеніи интересенъ изданный около того же времени законъ объ изгнаніи Бурбоновъ. Въ числѣ множества неосновательныхъ мнѣній о характерѣ партій есть предположеніе, что чѣмъ умѣреннѣе убѣжденія партіи, тѣмъ

Digitized by Google

мягче средства, которыми она хотѣла бы вести управленіе, и наоборотъ, чѣмъ важнѣе реформы, составляющія предметъ желанія извѣстныхъ людей, тѣмъ безпощаднѣе они къ своимъ противникамъ. Это мнѣніе получаетъ видимую основательность отъ сравненія политики крайнихъ реакціонеровъ съ политикою умѣренныхъ прогрессистовъ, которая дѣйствительно гораздо мягче. Луи-Филиппъ, Гизо и даже Тьеръ являются ангелами кротости сравнительно съ эмигрантами, свирѣпствовавшими въ первые годы Реставраціи. Изъ этого заключаютъ, что люди, сидящіе налѣво отъ центра, должны также уступать гуманностью своихъ правилъ центру, какъ уступаютъ ему люди, сидящіе направо отъ него. Но тутъ ошибка состоитъ въ томъ, что фактъ характеризуется неточнымъ признакомъ. Разница между реакціонерами и умѣренными прогрессистами заключается не въ томъ, что реакціонеры хотятъ перемѣнъ бóльшаго размѣра, а умѣренные прогрессисты меньшаго, не въ томъ, что Гизо хотѣлъ измѣнить только неважныя подробности второстепенныхъ учрежденій, а эмигранты думали передѣлать все гражданское устройство общества: нѣтъ, разница въ томъ, что Гизо хотѣлъ все-таки подвигать учрежденія впередъ, а эмигранты отодвинуть ихъ назадъ; бóльшая кротость мѣръ, нужныхъ для Гизо, зависѣла отъ того, что его намѣренія были все-таки сообразнѣе съ потребностями общества и онъ все-таки былъ человѣкъ, имѣвшій болѣе современныя чувства, нежели эмигранты. Нельзя отвергать того, что съ теченіемъ времени европейскія общества становятся гуманнѣе; потому въ комъ болѣе новыхъ идей, въ томъ должно быть больше гуманности. Еще важнѣе то обстоятельство, что, удовлетворяя потребности общества, человѣкъ встрѣчаетъ въ немъ сочувствіе и содѣйствіе, а идя наперекоръ ей, возбуждаетъ ропотъ и сопротивленіе. Прогрессъ учрежденій состоитъ именно въ томъ, чтобы они приводились въ соотвѣтствіе съ настоящимъ развитіемъ общественныхъ потребностей; потому прогрессъ самою сущностью своей вызываетъ въ своихъ послѣдователяхъ расположеніе къ мягкому и гуманному образу дѣйствій. Если мы не захотимъ вѣрить на слово историкамъ, исполненнымъ предразсудковъ, и станемъ всматриваться въ самые источники нашихъ историческихъ свѣдѣній, мы дѣйствительно увидимъ, что гуманность разныхъ партій была вообще пропорціональна ихъ прогрессивности, а жестокость соразмѣрна отсталости. Есть примѣры, свидѣтельствующіе противное во мнѣніи довѣрчивой массы, привыкшей полагаться на чужое, пристрастное свидѣтельство. Но мы именно то и говоримъ, что если мы будемъ изслѣдовать факты по достовѣрнѣйшимъ памятникамъ, мы убѣдимся, что въ этихъ примѣрахъ характеръ фактовъ искаженъ ненавистью пристрастныхъ историковъ и что, напримѣръ, въ тѣ эпохи французской исторіи, которыя зачернены передъ нами, какъ эпохи неслыханныхъ насилій и жестокостей, было совершено жестокостей и насилій меньше, чѣмъ въ эпохи, прославляемыя за свое спокойствіе.

Мы все это говоримъ въ видѣ предисловія къ слѣдующимъ словамъ объ изгнаніи Бурбоновъ, приводимымъ нами изъ писателя, котораго многіе воображаютъ извергомъ, жаждущимъ казней. Какъ удивятся эти люди, увидѣвъ, что врагъ не только феодализма, представителями котораго были Бурбоны, но и всѣхъ учрежденій нашего времени, имѣющихъ средневѣковое происхожденіе, называетъ безчеловѣчной надменностью рѣшеніе объ изгнаніи Бурбоновъ, принятое консерваторами и умѣренными либералами. Вотъ подлинныя слова:

„Полковникъ Бриквиль предложилъ, чтобы всѣ члены старшей отрасли Бурбоновъ были объявлены навсегда изгнанными изъ французскихъ предѣловъ; и чтобы этотъ за-

Digitized by Google

конъ объявлялъ наказаніемъ за свое нарушеніе смертную казнь. Надобно отдать жуазіи ту справедливость, что предложеніе полковника Бриквиля не нашло въ ней подушнаго сочувствія. Многіе понимали, что такой законъ нечестивъ и несправедли наказывая цѣлый родъ за дѣла одного изъ его членовъ; что онъ противенъ общественности, связывая долговѣчный народъ условіями мимолетнаго раздраженія онъ ненуженъ, потому что французскіе законы и безъ него наказываютъ заговоры безъ него слишкомъ кровавы; что онъ противорѣчитъ собственной своей цѣли, что честолюбіе пробуждается опасностями, облагороживающими даже незаконныя ленія, и потому, что среди благородной націи названіе преслѣдуемаго будетъ паспортомъ претенденту. Да и прилично ли было выказывать такое ожесточеніе династіи, уже побѣжденной? На трибуну вошелъ Мартиньякъ" (бывшій нѣкогда стромъ Карла X и заслужившій общее уваженіе своими напрасными усиліями спасти боновъ отъ погубившаго ихъ расположенія къ реакціи). „На его лицѣ была печать зародышъ которой уже лежалъ въ его организмѣ. Видя его выступившимъ на своего стараго изгнаннаго государя, вспоминали о его усиліяхъ предотвратить это деніе, это изгнаніе. „Господа, сказалъ онъ слабымъ, проницавшимъ въ душу изгнаніе по нашимъ законамъ—наказаніе позорное, налагаемое судьею по зрѣломъ жденіи. А вамъ предлагаютъ изречь наказаніе впередъ, безъ обсужденія, противъ колѣній еще не родившихся, противъ людей, о которыхъ вы не знаете, каковы дутъ. Одинъ изъ вашихъ ораторовъ недавно сказалъ: во Франціи гоненіе искупляетъ человѣка. Этою глубокою истиною осужденъ вашъ законъ Если претендентъ пріѣ во Францію, каждый предупредитъ правительство объ опасности, угрожающей ственному спокойствію. Но если пріѣдетъ во Францію изгнанникъ, впередъ осужденн на казнь, гдѣ вы найдете человѣка, который пошелъ бы привести за руку пала сказать ему: вотъ, посмотри, этому человѣку ты долженъ отрубить голову. Нѣтъ, Франціи не найдется такого человѣка". Ораторъ остановился, въ волненіи. „Если изъ этихъ изгнанниковъ, наказываемыхъ вашимъ предложеніемъ (заключилъ онъ рѣчь), будетъ приведенъ судьбою во Францію искать убѣжища, пусть онъ постучит дверь того самаго человѣка, который сдѣлалъ это предложеніе,—отворится дверь, онъ назоветъ себя, войдетъ въ домъ,—я впередъ ручаюсь ему за его безопасность" Этими благородными словами былъ рѣшенъ вопросъ. Палата приняла законъ объ изгнан но уничтожила всякое наказаніе за его нарушеніе. Если бы палата была послѣд тельна, она отвергла бы все предложеніе, а не одну половину его".

Это говоритъ авторъ „Исторіи десяти лѣтъ". Могъ ли ожидать отъ него кихъ словъ кто нибудь, знавшій о немъ только по словамъ его противниковъ, по его собственнымъ сочиненіямъ и дѣйствіямъ? Надобно прибавить, что онъ и политическіе друзья не только говорятъ, но и дѣйствуютъ въ томъ же духѣ: въ 1848 г. они противились изгнанію орлеанской фамиліи.

До сихъ поръ передъ нами проходили событія, имѣвшія чисто политическій характеръ. Но вотъ Ліонъ подалъ первый примѣръ тѣхъ волненій новаго которыя, постепенно возрастая, оттѣснили на второй планъ политическіе вопр во внутренней жизни Франціи и въ 1848 году дали событіямъ направленіе, щающее нынѣ столь многихъ.

Организація ліонской шелковой промышленности была въ 1831 году почт такова же, какъ теперь. Она занимала отъ 30 до 40,000 подмастерьевъ (ouvriers compagnons), которые жили со дня на день, не имѣя ни денегъ, ни кредита, постоянныхъ квартиръ. Выше ихъ находился классъ хозяевъ или мастеровъ (chefs d'atelier), число которыхъ простиралось отъ 8 до 10 тысячъ. У каждаго хозяин было четыре или пять станковъ и работавшіе за ними подмастерья отдавали станокъ хозяину половину платы, которую получали отъ фабриканта за раб Фабриканты, числомъ до 800 человѣкъ, составлявшіе третій классъ, заним

Digitized by Google

средину между мастерами и такъ называемыми коммиссіонерами, отъ которыхъ сами получали заказы и шелкъ. Такимъ образомъ было четыре разряда, изъ которыхъ каждый тяготѣлъ надъ слѣдующимъ. Коммиссіонеры давили собою фабрикантовъ, фабриканты мастеровъ, и стѣсненные мастера не могли не давить подмастерьевъ; такое отношеніе производило глухую ненависть каждаго низшаго разряда противъ того, который тяготѣлъ надъ нимъ. Пока промышленность шла безъ остановки, дѣло ограничивалось глухимъ ропотомъ. Но еще до іюльскаго переворота Ліонская фабрикація стала впадать въ затруднительное положеніе. Производство шелковыхъ матерій развилось въ Цюрихѣ, въ Базелѣ, въ Бернѣ, въ Кёльнѣ; Англія также начала сама производить у себя шелковые товары, которые прежде брала изъ Ліона. Кромѣ иностраннаго соперничества, уменьшавшаго сбытъ, явилось другое обстоятельство, тяжелое для работниковъ. Съ 1824 года число фабрикантовъ стало сильно увеличиваться; отъ этого усилилось между ними соперничество. Слѣдствіемъ всего было разумѣется пониженіе заработной платы. Вмѣсто прежнихъ 4 или 6 франковъ въ день, хорошіе работники стали получать только по 2 франка, по 2 франка безъ четверти, по 1 франку съ четвертью. Пониженіе шло постепенно, и въ ноябрѣ 1831 года работникъ, ткавшій гладкія матеріи, получалъ уже только 90 сантимовъ (20 коп. сер.), работая 18 часовъ въ сутки. Нищета подмастерьевъ дошла до крайности. Сами мастера впали въ жестокую нужду: пониженіе заработной платы не оставляло имъ средствъ платить за наемъ мастерской по возвысившимся цѣнамъ квартиръ. Жалобы были общія. Подмастерья и мастера сблизились между собою въ общей бѣдѣ.

Ліонскимъ префектомъ былъ человѣкъ, умѣвшій обращаться съ народомъ, Бувье-Дюмоларъ; онъ видѣлъ, что прійдется или употреблять крутыя мѣры противъ мастеровыхъ, или помочь ихъ нуждѣ, и рѣшился помочь. Но его власть была слаба. Муниципальный совѣтъ вообще враждовалъ противъ префекта, а генералъ Роге, командовавшій войсками въ Ліонѣ, былъ личнымъ врагомъ префекта. Роге, храбрый солдатъ, не понималъ ничего кромѣ военнаго ремесла и считалъ жалобы рабочаго населенія просто слѣдствіемъ мятежнаго духа. 11 октября 1831 года промышленный посредническій совѣтъ (conseil des prud'hommes), члены котораго выбирались изъ мастеровыхъ и фабрикантовъ съ тѣмъ, что число членовъ отъ фабрикантовъ было однимъ больше числа членовъ отъ мастеровыхъ, принялъ рѣшеніе слѣдующаго содержанія: „принимая въ соображеніе общеизвѣстный фактъ, что многіе фабриканты дѣйствительно платятъ за тканье слишкомъ мало, признается полезнымъ опредѣлить тарифъ наименьшихъ цѣнъ работы". Посредническій совѣтъ занялся этимъ вопросомъ по приглашенію генерала Роге; префектъ, несмотря на свою вражду съ генераломъ, рѣшился дѣйствовать въ пользу этого постановленія, и 15 октября собралъ на совѣщаніе членовъ Ліонской торговой палаты, меровъ города Ліона и его предмѣстій. На этомъ совѣщаніи было положено, чтобы тарифъ наименьшей платы былъ постановленъ по соглашенію между 22 работниками, изъ которыхъ 12 были уже выбраны своими товарищами, и 22 фабрикантами по выбору торговой палаты. Фабриканты остались недовольны такимъ рѣшеніемъ, но работники почли его благодѣяніемъ. 21 октября собрались 22 фабриканта, выбранные торговою палатою, и 12 депутатовъ отъ мастеровыхъ. Но фабриканты сказали, что будучи назначены не своими товарищами, а торговою палатою, они не могутъ составлять положеній обязательныхъ для всѣхъ фабрикантовъ; имъ былъ данъ срокъ,

Digitized by Google

чтобы получить полномочіе отъ сословія фабрикантовъ, а работники въ эти д
должны были выбрать остальныхъ десять депутатовъ въ дополненіе къ прежни
двѣнадцати. Но между тѣмъ кризисъ становился сильнѣе. Каждый вечеръ на пл
щадяхъ собирались толпы работниковъ, разсуждая о жестокости промедленія и
трудности ихъ обстоятельствъ. 25 октября было назначено днемъ засѣданія ко
миссіи для окончательнаго установленія тарифа. Въ десять часовъ утра ули
Ліона представляли замѣчательное зрѣлище. Десятки тысячъ рабочихъ въ стр
номъ порядкѣ, молча сходили съ высотъ предмѣстья Краснаго Креста, которое н
селено ими, и шли по городу къ префектурѣ ждать рѣшенія своей судьбы. О
стояли смирно и молча. У нихъ не было ни оружія, ни палокъ; только начальни
отрядовъ имѣли небольшія палочки, означавшія ихъ власть, и трехцвѣтное зна
развѣвалось надъ мирною толпой. Демонстрація имѣла спокойный характеръ.
Бувье-Дюмоларъ хотѣлъ отстранить всякій поводъ къ клеветѣ. Онъ вышелъ в
мундирѣ къ работникамъ, сказалъ имъ, что дурно будетъ, если ихъ присутств
станутъ выставлять понужденіемъ при составленіи тарифа, и поэтому пусть они ра
зойдутся; тогда онъ откроетъ засѣданія коммиссіи. Съ криками „ура префекту!
бѣдняки тихо и въ порядкѣ воротились домой. По ихъ удаленіи началось засѣда
ніе коммиссіи. Депутаты работниковъ выказали такую умѣренность, что въ нѣк
торыхъ работахъ согласились даже на пониженіе прежнихъ цѣнъ. Тарифъ бы
составленъ, подписанъ депутатами обѣихъ сторонъ; коммиссія поручила промыш
ленному посредническому совѣту наблюдать за его исполненіемъ и назначила из
вѣстный день въ недѣлю для занятій этимъ предметомъ; работники были въ во
сторгѣ. Предмѣстье Краснаго Креста вечеромъ было иллюминовано, танцы и пѣн
въ немъ продолжались до глубокой ночи. Работники такъ были расположены д
вольствоваться своимъ первымъ успѣхомъ, что ихъ депутаты хотѣли сложить сво
званіе. Но префектъ просилъ ихъ остаться офиціальными лицами, надѣясь имѣт
въ нихъ полезныхъ помощниковъ для поддержанія порядка.

Нѣкоторые изъ фабрикантовъ были также довольны введеніемъ тарифа: он
понимали, что онъ защищаетъ большинство самихъ фабрикантовъ отъ угнетені
капиталами нѣсколькихъ сильныхъ спекулянтовъ. Но большинство фабрикантовъ был
раздражено. Они называли тарифъ несноснымъ тиранствомъ. 10 ноября 400 че
ловѣкъ изъ нихъ собрались и подписали протестъ противъ тарифа: „работники
требуютъ чрезмѣрно большой платы, потому что создали себѣ прихотливыя потреб
ности“, говорили они въ этомъ документѣ. Бувье-Дюмоларъ, запуганный ихъ угро
зами, 17 ноября прочелъ посредническому совѣту бумагу, которой объявлялъ, что
что тарифъ не имѣетъ обязательной силы, а служитъ только основаніемъ для част
ныхъ сдѣлокъ между фабрикантомъ и работникомъ. Въ Ліонъ пришелъ слухъ, что
министръ торговли не одобряетъ дѣйствій префекта. Генералъ Роге говорилъ, что
надобно принять крутыя мѣры, чтобы работникамъ нельзя было возобновить мани
фестацій, подобныхъ манифестаціи 25 октября. Онъ держалъ солдатъ въ готовно
сти къ вооруженному дѣйствію и удвоилъ караулы, присоединивъ къ солдатамъ
національныхъ гвардейцевъ перваго Ліонскаго легіона, состоявшаго изъ фабрикан
товъ. Тарифъ перестал исполняться многими фабрикантами, посредническій со
вѣтъ перестал наблюдать за его охраненіемъ. Доведенные до прежней крайности,
несчастные работники рѣшились отказаться на недѣлю отъ работы и возобновить
мирныя манифестаціи, условившись громко выражать свою признательность пр

Digitized by Google

встрѣчѣ на улицахъ съ тѣми фабрикантами, которые выказывали къ нимъ доброжелательство. Но именно умѣренность работниковъ усиливала раздраженіе ихъ враговъ, пріобрѣтавшихъ болѣе самоувѣренности. Одинъ фабрикантъ показывалъ работникамъ пистолеты, приготовленные у него на столѣ; другой сказалъ: „если у нихъ нѣтъ хлѣба въ животѣ, мы набьемъ его штыками“.

20 ноября былъ смотръ національной гвардіи. Зажиточные гвардейцы явились на него въ мундирахъ новой формы; люди нуждавшіеся, т. е. хозяева мастерскихъ, оставались въ мундирахъ стараго покроя. Надъ ними стали смѣяться фабриканты, щеголявшіе новыми мундирами. Отвѣтомъ на насмѣшки служили угрозы. Вечеромъ въ городѣ было нѣкоторое безпокойство за слѣдующій день. Префектъ въ сопровожденіи мера и начальниковъ національной гвардіи хотѣлъ отправиться къ Роге, чтобы условиться съ нимъ о мѣрахъ для охраненія порядка. Комендантъ по враждѣ къ нему не захотѣлъ его принять. Бувье-Дюмоларъ сдѣлалъ распоряженія, чтобы національная гвардія собралась въ 7 часовъ утра. Эти распоряженія не были исполнены и на увѣдомленія о нихъ Роге отвѣчалъ презрительной запиской, въ которой говорилъ, что префекту не зачѣмъ хлопотать о сохраненіи порядка, потому что онъ, комендантъ войскъ, самъ займется этимъ; а самъ онъ между тѣмъ былъ боленъ и не зналъ хорошенько мѣстности Ліона.

Ліонъ расположенъ на узкомъ мысѣ между Роною съ востока и Соною съ запада. Предмѣстье Краснаго Креста лежитъ на сѣверъ отъ Ліона, на возвышенности, господствующей надъ городомъ. Между этимъ предмѣстьемъ и городомъ находится терраса, возвышающаяся надъ самымъ предмѣстьемъ; по ея отлогости идутъ въ городъ двѣ главныя дороги; та изъ нихъ, которая налѣво, называется Косогорною (Grand'Côte).

Въ понедѣльникъ 21 ноября, въ восьмомъ часу утра, 300 или 400 человѣкъ шелковыхъ работниковъ собрались въ предмѣстьи Краснаго Креста; съ ними былъ ихъ синдикъ. Они хотѣли ходить по мастерскимъ, чтобы приглашать къ прекращенію работы до возстановленія тарифа. Вдругъ явился отрядъ человѣкъ изъ 60-ти національныхъ гвардейцевъ; офицеръ скомандовалъ: „друзья, надобно разогнать эту сволочь!“ Они бросились со штыками на работниковъ. Работники окружили ихъ, обезоружили и прогнали. Толпы стали увеличиваться, но въ нихъ еще не было мятежныхъ мыслей. Онѣ только хотѣли возобновить свою мирную манифестацію 25 октября и пошли въ городъ по Косогорной дорогѣ, по четыре человѣка въ рядъ, держась за руки. Гренадеры 1-го легіона, состоявшаго изъ фабрикантовъ, пошли на встрѣчу имъ изъ города. На срединѣ дороги между городомъ и предмѣстьемъ они встрѣтились съ работниками, приложились, дали залпъ и восьмеро изъ работниковъ упали, тяжело раненые. Остальные въ безпорядкѣ бросились назадъ въ свое предмѣстье съ криками отчаянія. Въ минуту все предмѣстье Краснаго Креста взволновалось; изо всѣхъ домовъ посыпались люди, вооруженные палками, лопатами, кольями, вилами. У нѣкоторыхъ были ружья. Всюду раздавались крики: „къ оружію! бьютъ нашихъ братьевъ!“ По улицамъ стали подниматься баррикады; женщины и дѣти помогали строить ихъ. Работники захватили двѣ пушки національной гвардіи предмѣстья Краснаго Креста, и двинулись на Ліонъ; впереди шли барабанщики, надъ ними развѣвалось черное знамя, знамя пролетаріата; на этомъ знамени былъ девизъ: „жить работою или умереть въ бою“ (vivre en travaillant ou mourir en combattant). Былъ 11 часъ въ концѣ.

Въ городѣ между тѣмъ Роге мѣшалъ префекту. Онъ велѣлъ принести себя въ ратушу, гдѣ былъ уже Бувье-Дюмоларъ. Префектъ требовалъ, чтобы онъ велѣлъ раздать патроны.—„Не отъ васъ мнѣ получать приказанія, я знаю самъ, что дѣлать",—отвѣчалъ комендантъ. Въ половинѣ 12-го патроны были наконецъ розданы; префектъ съ генераломъ Ордонно повели колонну линейныхъ войскъ и національной гвардіи по Косогорной дорогѣ. На верхнемъ пунктѣ ея уже стояла баррикада. Подъемъ тутъ очень крутъ и съ обѣихъ сторонъ тянутся домы, въ которыхъ во всѣхъ живутъ работники. Градъ черепицъ, камней и пуль посыпался на колонну, когда она стала подниматься къ баррикадѣ. Префектъ былъ раненъ камнемъ, многіе вокругъ него упали, колонна отступила. Два офицера національной гвардіи Краснаго Креста, соединившейся съ работниками, вышли впередъ, прося префекта быть парламентеромъ. Онъ пошелъ за ними въ предмѣстье, вошелъ на балконъ, чтобы говорить народу, волновавшемуся подъ окнами. По временамъ его слова перерывались отчаянными криками: „работы или смерти!" Непріязненныя дѣйствія казались прекратившимися, какъ вдругъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ послышались ружейные залпы и пушечные выстрѣлы. „Предательство! мстить!" закричали работники и бросились на префекта, сорвали съ него шпагу, повели его, поднявъ сабли надъ его головою, въ другой домъ и оставили тамъ подъ карауломъ. Генералъ Ордонно также былъ схваченъ и приведенъ въ квартиру работника Бернара, который защитилъ его.

Между тѣмъ въ городѣ били тревогу, собирались войска и національная гвардія. Эскадронъ драгунъ, съ батареею артиллеріи національной гвардіи, прошелъ до предмѣстья Краснаго Креста по правой, Кармелитской дорогѣ, ведя жаркую перестрѣлку, потому что эта дорога также опоясана домами, въ которыхъ живутъ работники. Въ предмѣстьи онъ, поддержанный батальономъ національной гвардіи, упорно бился; земля была покрыта мертвыми и ранеными, когда принесена была записка отъ генерала Ордонно, приказывавшая войску и гвардіи отступить. Они повиновались, не зная, что Ордонно въ плѣну.

Вооруженные работники требовали у префекта, чтобы онъ подписалъ приказъ выдать имъ 40,000 патроновъ и 500 картечныхъ зарядовъ. Онъ не соглашался, и многіе грозили ему; но большинство, и въ томъ числѣ Лакомбъ, одинъ изъ мастеровыхъ, предводительствовавшихъ возстаніемъ, выказывали Бувье-Дюмолару свою привязанность, даже предлагали, чтобы онъ переодѣвшись ушелъ изъ плѣна. Уйти тайнымъ образомъ префектъ не согласился, но вечеромъ вышелъ къ толпамъ инсургентовъ и сказалъ: „Послушайте: если вы хотя минуту могли думать, что я измѣнялъ вашимъ интересамъ, оставьте меня заложникомъ; но если вамъ не за что упрекнуть меня, пустите меня воротиться къ управленію дѣлами, и вы увидите, что я неизмѣнно буду поступать, какъ добрый отецъ". Работники начали спорить между собою, отпускать ли его; но въ восьмомъ часу вечера наконецъ отпустили. Когда онъ проходилъ по улицамъ предмѣстья, наполненнымъ инсургентами, нѣкоторые роптали, но ропотъ покрывался криками „ура префекту, ура отцу рабочихъ!" Ночью былъ отпущенъ и генералъ Ордонно.

Въ Ліонѣ находилось до 3,000 войска; Роге призвалъ еще одинъ полкъ, который пришелъ ночью. Поутру (22 ноября) онъ послалъ отрядъ на предмѣстье Краснаго Креста, но работники окружили солдатъ и заставили ихъ положить оружіе; обѣ дороги, ведущія въ городъ, были во власти инсургентовъ, и тысячи лю-

Digitized by Google

дей, вооруженныхъ чѣмъ попало, двинулись на городъ. Битва на ліонскихъ улицахъ продолжалась цѣлый день. Постепенно почти вся ліонская національная гвардія перешла на сторону инсургентовъ; только отряды, состоявшіе изъ фабрикантовъ, до конца остались за одно съ войскомъ. Фабриканты стрѣляли по инсургентамъ изъ оконъ, Роге истреблялъ ихъ картечью—все было напрасно. Работники отбивали одну позицію за другою, брали въ плѣнъ одинъ отрядъ за другимъ. Къ ночи они владѣли всѣмъ городомъ, кромѣ окрестностей ратуши, куда отступили войска. Роге увидѣлъ невозможность продолжать сопротивленіе и ночью вывелъ войска за городъ, оставивъ префекта въ Ліонѣ хлопотать о возстановленіи порядка мирными средствами.

Бувье-Дюмоларъ пригласилъ къ себѣ Лакомба и другихъ работниковъ, имѣвшихъ вліяніе на товарищей. Они признали его власть, объявили, что не имѣютъ ничего противъ правительства, что хотѣли только спасти себя отъ истребленія. Они подписали прокламацію, составленную въ этомъ смыслѣ (23 ноября), и обыкновенное городское начальство было возстановлено самими инсургентами. Работники не дѣлали никакихъ жестокостей во время боя, сохраняли дисциплину, поступали съ плѣнными солдатами и фабрикантами ласково и предупредительно, а немедленно по прекращеніи битвы возстановилась въ городѣ полная безопасность. Ни о чемъ, подобномъ грабежу или воровству, не могли говорить и самые ожесточенные противники работниковъ. Когда какіе-то два плута вздумали было воровать во время битвы, работники, поймавъ ихъ, приговорили своимъ судомъ къ смерти и разстрѣляли. Они охраняли жизнь и собственность самыхъ враждебныхъ имъ фабрикантовъ, какъ охраняла бы самая заботливая администрація.

Такъ прошло полторы недѣли. Наконецъ, 3 декабря, около 12 часовъ, явилась прокламація, объявлявшая, что въ Ліонъ прибыли принцъ Орлеанскій, старшій сынъ короля, и маршалъ Сультъ, военный министръ. Они вступили въ городъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, которое шло боевыми колоннами, съ заряженными ружьями, съ пушками при зажженныхъ фитиляхъ.

Маршалъ Сультъ немедленно принялъ мѣры, какихъ и слѣдовало ожидать. У работниковъ было отобрано оружіе; національная гвардія Ліона и предмѣстья Краснаго Креста была распущена. Ліонъ и предмѣстье, наводненные 20,000-нымъ войскомъ, были объявлены въ осадномъ положеніи; предмѣстье Краснаго Креста стали окружать фортами съ многочисленными батареями. Множество работниковъ было арестовано.

Теперь, разумѣется, не стало надобности сохранять тарифъ, поддержаніе котораго было единственною цѣлью инсургентовъ и единственнымъ ихъ требованіемъ послѣ побѣды. Бувье-Дюмоларъ, за „неблагоразумныя дѣйствія“ былъ отставленъ отъ должности; онъ былъ боленъ, но маршалъ Сультъ приказалъ ему выѣхать изъ города, хотя бы за два льё, если не можетъ ѣхать дальше до выздоровленія. Бувье-Дюмоларъ былъ изгнанъ какъ негодяй и злодѣй изъ Ліона, который спасъ для правительства; онъ былъ вывезенъ изъ города больной, въ суровую зимнюю погоду, оставляя въ тревогѣ многочисленное свое семейство, состоявшее изъ 82-лѣтней матери и маленькихъ дочерей.

Странное впечатлѣніе произведено было на Францію ліонскимъ возстаніемъ. Непонятно казалось оно, и потому сначала наполнило умы тревогою. Ліонскіе работники поднялись не за Генриха V, не за Наполеона II, не для провозглашенія

Digitized by Google

республики,—зачѣмъ же они возстали, чего хотятъ?—чего-то чуждаго понятіямъ всѣхъ порядочныхъ людей, даже самыхъ увлеченныхъ крайними республиканскими понятіями: „Жить работою или умереть въ бою"—это девизъ чуждый всѣмъ партіямъ; что же будетъ такое? Могутъ ли всѣ партіи считать безопаснымъ для себя этотъ классъ, или всѣ должны соединиться противъ него?

Но забота эта была новая, непривычная для тогдашняго поколѣнія, уже забывшаго о Бабёфѣ. Палата депутатовъ одобрила строгія мѣры правительства. газеты не видѣли въ ліонскомъ возстаніи отношенія къ своей полемикѣ о политическихъ формахъ, общественное вниманіе тотчасъ же было поглощено другими дѣлами, и вопросъ, поднятый въ Ліонѣ людьми, не участвующими въ политической жизни, скоро былъ забытъ.

II.

V. Королевскій бюджетъ.—VI. Вандейское возстаніе и плѣнъ герцогини Беррійской.—VII. Похороны Ламарка и возстаніе 5—6 іюня.

Разсказъ о событіяхъ іюльской монархіи намъ приходилось начать странною исторіею завѣщанія и смерти герцога Конде, бросавшею самый невыгодный оттѣнокъ на характеръ человѣка, которому поручена была судьба государства. Вторую статью намъ опять приходится начать разсказомъ о проискахъ, имѣвшихъ такой же характеръ, производившихъ на французское общество такое же впечатлѣніе. Однимъ изъ главныхъ дѣлъ новой палаты депутатовъ было опредѣленіе бюджета для короля. Едва принявъ власть, Луи-Филиппъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы избѣжать исполненія скромныхъ обѣщаній, какія дѣлалъ во время іюльскаго переворота для привлеченія къ себѣ энтузіастовъ, подобно Лафайэту мечтавшихъ о республиканской простотѣ при монархическомъ устройствѣ. Онъ говорилъ тогда о чрезмѣрности расходовъ на придворный штатъ при Бурбонахъ и восклицалъ: „6,000,000 франковъ—вотъ самое большое, что можетъ понадобиться королю-гражданину!" Но какъ только объявленъ былъ онъ королемъ, онъ сталъ вести придворные расходы на сумму втрое бóльшую. Очень можетъ быть, что онъ былъ правъ, находя нужнымъ для сохраненной французами формы правленія такую обстановку; но публика, по обыкновенной своей непослѣдовательности, не хотѣла знать о существенныхъ условіяхъ формы, которую поддерживала, а твердила только о несоразмѣрности новыхъ требованій съ прежними обѣщаніями. Составленъ былъ проэктъ королевскаго бюджета въ 20 милліоновъ франковъ; умѣренный либерализмъ поступилъ и тутъ по своей обычной системѣ поднимать великій шумъ изъ-за пустяковъ. Дѣло было еще при министерствѣ Лафита. Онъ, увидѣвъ проэктъ, составленный придворными, выразилъ изумленіе громадности цифры: по его мнѣнію было бы достаточно 18 милліоновъ. Стоило ли спорить изъ-за такой мелкой разницы? 18 или 20 милліоновъ, вѣдь это было бы почти все равно и для Луи-Филиппа и для государственныхъ расходовъ. Но Луи-Филиппъ не соглашался сбавить десяти процентовъ изъ своей цифры, Лафитъ находилъ, что очень важна будетъ экономія на 2 милліона изъ 20, что характеръ придворной обстановки сильно перемѣнится отъ такого сокращенія. Назначена была коммиссія изъ членовъ палаты депутатовъ для разсмотрѣнія проэкта. Палата, еще бывшая подъ впечатлѣніемъ іюльскихъ обѣщаній, подобно Лафиту пришла въ ужасъ, узнавъ

Digitized by Google

цифру: вѣроятно ей казалось, что было бы довольно не 20, а тоже 18 или 18 съ половиною, или 17 съ половиною милліоновъ. Впечатлѣніе, произведенное проэктомъ, было очень сильно и дурно. Луи-Филиппъ нашелъ нужнымъ отложить вопросъ и путь къ отступленію былъ выбранъ имъ точно такой же какъ всегда: хитрость до того тонкая, что, удовлетворяя формѣ, никакъ не могла скрыть сущности дѣла. Онъ прибѣгъ къ преданности Лафита. Условились, чтобы онъ написалъ къ Лафиту письмо, въ которомъ жаловался бы на опрометчивое усердіе придворныхъ и говорилъ бы, что никогда не давалъ своего одобренія цифрѣ ими выведенной. Это письмо должно было имѣть характеръ секретнаго; но Лафитъ по неосторожности долженъ былъ прочесть его передъ членами коммиссіи, и, благодаря опрометчивому нарушенію тайны, коммиссія получала и передавала палатѣ, а палата публикѣ,—все это по секрету,—неопровержимое доказательство безкорыстія Луи-Филиппа, безкорыстія, которое коварно насилуется безразсудными придворными. Все сдѣлалось по условію и вопросъ о королевскомъ бюджетѣ былъ отложенъ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Время возобновить его пришло, когда палъ Лафитъ и съ образованіемъ министерства Казиміра Перье власть исключительно перешла въ руки безусловныхъ консерваторовъ. Новая палата уже не помнила іюльскаго обѣщанія о 6 милліонахъ и твердила только о надобности дать королю приличную обстановку. И тутъ опять способъ дѣйствія былъ выбранъ самый тонкій: въ проэктѣ королевскаго бюджета министры не выставляли цифръ, а только конфиденціальнымъ образомъ убѣждали разныхъ членовъ палаты депутатовъ назначить 18 съ половиною милліоновъ изъ государственнаго казначейства. Велика или мала была эта цифра, нужны или нѣтъ были прибавки къ ней, но сдѣлали еще новую ошибку изъ желанія не говорить о 20 слишкомъ милліонахъ. Если нужно давать людямъ непріятный сюрпризъ, всего разсчетливѣе бываетъ давать его однимъ пріемомъ въ одной пилюлѣ, а не дробить на нѣсколько разныхъ сюрпризовъ. По разсчету слишкомъ тонкому не было соблюдено это условіе, требуемое грубостью вкуса публики. Сначала сообщили ей объ 18 съ половиною милліонахъ чистыхъ денегъ изъ общихъ доходовъ государства, потомъ стали обнаруживать требованія на разныя прибавки подъ разными названіями. Оказалось, что кромѣ 18 съ половиною милліоновъ дворъ требуетъ въ личное распоряженіе короля множество разныхъ помѣстій и лѣсовъ, доходъ съ которыхъ простирается до 4 милліоновъ; кромѣ того стали говорить о сохраненіи удѣльнаго содержанія. До вступленія своего на престолъ Луи-Филиппъ, какъ принцъ крови, пользовался удѣльнымъ содержаніемъ въ 2 съ половиною милліона, даннымъ ему щедростью Карла X. По здравому смыслу, да и по положительнымъ законамъ Франціи, это удѣльное содержаніе должно было уничтожиться со вступленіемъ на престолъ лица, пользовавшагося имъ по титулу простаго принца. Напротивъ, теперь требовали, чтобы удѣльное содержаніе было оставлено за Луи-Филиппомъ независимо отъ королевскаго бюджета. Всѣми этими требованіями напомнилось публикѣ неблаговидное распоряженіе, сдѣланное Луи-Филиппомъ при самомъ вступленіи на престолъ. По основнымъ законамъ французской монархіи личное имущество фамиліи, вступающей на престолъ, сливается съ государственнымъ имуществомъ. Луи-Филиппъ поступилъ иначе: 6 августа 1830 года, наканунѣ дня, назначеннаго для провозглашенія его королемъ, онъ дарственною записью уступилъ своимъ дѣтямъ громадное свое богатство, которое на другой день

Digitized by Google

должно было бы стать государственнымъ имуществомъ. Это старое дѣло припомнилось теперь.

Самыя статьи основнаго или собственно такъ называемаго королевскаго бюджета (liste civile) были составлены съ натяжками явно несообразными. Такъ, напримѣръ, на содержаніе придворной церкви было назначено въ десять разъ больше. чѣмъ при набожномъ Карлѣ X, а Луи-Филиппъ не былъ усерднымъ католикомъ. На лѣкарства было назначено 80,000 франковъ, и публика говорила, что разслабленный подагрикъ Людовикъ XVIII употреблялъ микстуръ и припарокъ на сумму гораздо меньшую, чѣмъ думаетъ употреблять Луи-Филиппъ, пользующійся, по милости небесной, превосходнымъ здоровьемъ. Подъ статьею „личныя удовольствія" (menusplaisirs) было выставлено 4,268,000 франковъ; этотъ терминъ понимался во Франціи, какъ расходъ на содержаніе фаворитокъ, и забавно было назначеніе такой огромной суммы для Луи-Филиппа, нравы котораго были строги и семейное счастье котораго было всѣмъ извѣстно. На содержаніе каждой лошади было назначено по 5,000 франковъ, а лошадей этихъ полагалось 300. Луи-Филиппъ не блисталъ экипажами и упряжью: за чѣмъ же ему 300 лошадей, и чѣмъ кормить ихъ, чтобы фуражъ каждой стоилъ 5,000 франковъ?

Насмѣшкамъ не было конца. Особенною язвительностью отличались памфлеты Корменена. Они доказывали, что даже при Карлѣ X тратилось всего только 11,200,000 франковъ на тѣ статьи расходовъ, которыя теперь доводились до 18 съ половиною милліоновъ. Пренія въ палатѣ депутатовъ были продолжительны. Луи-Филиппъ достигъ успѣха; ему было дано все, чего онъ требовалъ, но нравственное достоинство его страшно потерпѣло: всѣмъ казалось, что онъ взошелъ на престолъ лишь за тѣмъ, чтобы собирать себѣ деньги, принялъ званіе короля по расчетамъ, какими руководится человѣкъ, берущій на аренду заводъ или помѣстье.

Къ довершенію эффекта, въ это же время возобновилось дѣло о завѣщаніи и смерти герцога Конде. Мы оставили его въ томъ положеніи, что законные наслѣдники, принцы Роганы, собирали матеріалы для начатія процесса противъ завѣщанія, передавшаго фамильныя богатства одному изъ сыновей Луи-Филиппа и баронессѣ де-Фёшеръ. Наконецъ матеріалы были собраны теперь и процессъ начался. Рѣчи адвокатовъ фамиліи Роганъ были убійственны для Луи-Филиппа; всѣ обстоятельства, изложенныя нами въ первой статьѣ, были выставлены на видъ съ безпощаднымъ мастерствомъ. Были разоблачены всѣ интриги, происходившія между баронессою и Луи-Филиппомъ, всѣ нравственныя мученія, какимъ подвергали жалкаго старика, чтобы выманить у него богатство, и вся двусмысленность его смерти. Адвокаты баронессы и герцога Омальскаго могли отвѣчать только юридическими тонкостями, показывавшими недостаточность обвиненій для судебнаго признанія насильственной смерти герцога и недѣйствительности его завѣщанія. Но публика осталась при мнѣніи, что если принцы Роганы не имѣютъ полныхъ юридическихъ доказательствъ, то сущность дѣла была именно такова, какъ они говорятъ.

Въ отвѣтъ на намеки легитимистскихъ и республиканскихъ газетъ о жадности, придворныя газеты вздумали отвѣчать указаніемъ на молодость Луи-Филиппа, на то, что онъ сражался подъ знаменами Дюмурье. Для газетъ противныхъ партій это послужило предлогомъ разобрать всю прошедшую жизнь Луи-Филиппа, доказать, что онъ съ первой молодости былъ интриганомъ: тутъ припомнилось, какъ онъ при помощи Дюмурье хотѣлъ овладѣть французскимъ престоломъ, какъ тогда

Digitized by Google

раскрылись его сношенія съ австрійцами, какъ потомъ онъ завелъ интриги въ Испаніи и былъ постыдно удаленъ оттуда Веллингтономъ, какъ интриговалъ онъ для полученія французскаго престола въ 1814 и 1815 годахъ.

Волненіе общества поддерживалось всѣми этими неблаговидными исторіями и раздраженіе противниковъ новаго правительства усиливалось строгостями, которыми хотѣлъ принудить ихъ къ молчанію Казиміръ-Перье. Онъ безпрестанно арестовалъ журналистовъ, заводилъ процессы противъ газетъ, подвергалъ полицейскимъ насиліямъ и судебному преслѣдованію разные кружки недовольныхъ, обвиняемыхъ въ составленіи заговора. Но часто выказывались въ этихъ преслѣдованіяхъ обстоятельства, еще сильнѣе подрывавшія уваженіе къ правительству. Мы упомянемъ только объ одной изъ такихъ исторій.

4 января 1832 года, въ пять часовъ вечера, послышался набатъ на колокольнѣ парижской церкви Notre-Dame. Сторожъ бросился на колокольню, но былъ встрѣченъ сверху лѣстницы криками и пистолетными выстрѣлами. Онъ побѣжалъ донести полиціи объ этомъ странномъ происшествіи и были присланы солдаты. Колокольня была обыскана; на ней нашли шесть человѣкъ молодыхъ простолюдиновъ. Одинъ изъ нихъ былъ еще почти ребенокъ, плакалъ, увѣрялъ въ своей невинности и обѣщалъ открыть все. Пока его допрашивали, показался огонь на сѣверной башнѣ церкви. Пожаръ успѣли потушить. Плачущій юноша говорилъ, что на колокольнѣ былъ еще седьмой человѣкъ. Долго не могли найдти этого седьмаго, и на башнѣ вспыхнулъ опять огонь. Пожаръ погасили во второй разъ и продолжали обыскъ. Вдругъ самъ вышелъ изъ какого-то темнаго угла человѣкъ и закричалъ, что сдается. Когда его спросили объ его званіи, онъ отвѣчалъ: „бунтовщикъ“. Самъ по себѣ случай былъ ничтожный, и странные люди, безъ всякихъ приготовленій думавшіе произвести возстаніе звономъ въ колоколъ, никому непонятнымъ, конечно, не были опасными противниками. Но слѣдствіемъ объ нихъ раскрылись вещи гораздо худшія самаго ихъ безразсудства. Оказалось, что полиція была за нѣсколько дней предувѣдомлена о ихъ замыслѣ. Открылось даже, что начальникъ городской полиціи Карлье, получившій такую знаменитость во время реакціи, послѣ 1848 года, когда сдѣлали его префектомъ полиціи, самъ сказалъ сторожу, чтобы онъ не запиралъ дверей на колокольню. Полицейскіе, ловившіе мятежниковъ, напередъ говорили, въ какомъ мѣстѣ лѣстницы найдутъ они баррикаду; когда арестовали послѣдняго изъ нихъ, полицейскій сержантъ сталъ нюхать его ладони, не намочены ли онѣ спиртомъ: полиція знала даже о томъ, что заговорщики хотятъ взять съ собой бутылку спирта, которая дѣйствительно и нашлась. Наконецъ, описаніе происшествія было послано въ Times изъ Парижа 3 января, наканунѣ самаго происшествія. Всѣ эти вещи были раскрыты слѣдствіемъ; а когда начался судъ, то адвокатъ арестованныхъ доказалъ, что они были возбуждены къ безразсудной попыткѣ полицейскимъ агентомъ Перно, освобожденнымъ каторжникомъ, доносившимъ начальству о всемъ ходѣ устроиваемаго имъ заговора. Казиміръ Перье увѣрялъ, что ему оставалась неизвѣстна эта темная продѣлка; но правительство все-таки оставалось нравственно виновно въ томъ, что его собственная полиція устроиваетъ заговоры для доставленія ему случаевъ устрашать строгостями недовольныхъ. Большая часть обвиненныхъ были оправданы присяжными, только трое были приговорены къ легкому наказанію, и то не за участіе въ заговорѣ, а лишь за то, что не донесли о продѣлкахъ Перно.

Digitized by Google

Человѣку, имѣющему высокія понятія о назначеніи правительства, должно казаться удивительнымъ, что онъ читаетъ въ этихъ статьяхъ все только разсказы о разныхъ темныхъ проискахъ, имѣвшихъ цѣлью денежныя выгоды Луи-Филиппа, и объ усиліяхъ къ подавленію разныхъ вспышекъ. Но дѣйствительно только этими вещами почти постоянно и ограничивалась дѣятельность новаго правительства. Не производя никакихъ важныхъ реформъ, оно оставляло въ разныхъ слояхъ общества всѣ прежнія причины къ недовольству положеніемъ дѣлъ. Общественное устройство оставалась въ томъ же видѣ какъ при Бурбонахъ, и тѣ классы, которые произвели іюльскій переворотъ, по недовольству не самими Бурбонами, а порядкомъ дѣлъ державшимся при Бурбонахъ, постепенно проникались такою же враждою и противъ Луи-Филиппа, опять-таки не по какимъ нибудь политическимъ убѣжденіямъ, несовмѣстнымъ съ властью Луи-Филиппа, а просто потому, что она поддерживала тяжелый для нихъ прежній порядокъ дѣлъ. Видъ этого безсилія іюльской монархіи сдѣлать что нибудь въ пользу простолюдиновъ постепенно приводилъ все большее число демократовъ къ мысли, что монархическая форма во Франціи несовмѣстна съ народными потребностями; такимъ образомъ само правительство было причиною усиленія республиканской партіи и успѣха, какой постепенно пріобрѣтала ея пропаганда между парижскими простолюдинами. Съ другой стороны приверженцы Бурбоновъ справедливо находили, что Орлеанская династія не имѣетъ причины существовать, если ничѣмъ важнымъ не отличается отъ прежней династіи: нація, не находя разницы между Бурбонами и ихъ младшею вѣтвью, Орлеанскимъ домомъ, должна, думали легитимисты, отдать предпочтеніе прежней династіи. Будучи поставлено между этими двумя движеніями, назадъ къ Бурбонамъ, и впередъ къ республикѣ, не имѣя самобытной опоры въ чувствахъ массы, іюльское правительство, поставившее задачею себѣ стоять и держать общественныя учрежденія въ прежнемъ видѣ, тратило всѣ свои силы исключительно на то, чтобы удержаться. Оно оправдывало свою апатію въ дѣлѣ общественнаго прогресса необходимостью сосредоточивать всѣ свои мысли, всѣ свои силы на свою защиту отъ опасностей, и не хотѣло понять, что опасности для него возникали именно только изъ его апатіи къ прогрессу и исчезли бы при появленіи въ немъ заботливости о реформахъ, полезныхъ для общества. Мы не хотимъ рѣшать, были ли въ самой формѣ правительства, сохраненной іюльскимъ переворотомъ, какія нибудь причины невозможности принять прогрессивное направленіе; бонапартисты и республиканцы утверждали это, доказывая, что дать Франціи необходимыя реформы можетъ, по мнѣнію однихъ, только военное самовластіе, по мнѣнію другихъ—только республика. Но была или нѣтъ въ самой формѣ правленія, установленной конституціею 1814 года и сохраненной конституціею 1830 года, несообразность съ потребностями французской націи, во всякомъ случаѣ, даже при наилучшихъ правительственныхъ формахъ, нельзя было произойти ничему хорошему при характерѣ Луи-Филиппа, имѣвшаго много прекрасныхъ качествъ ума и души, но не имѣвшаго одного: честной способности забывать свои денежные разсчеты и хитрыя интриги для національныхъ потребностей. Его характеръ не внушалъ ни уваженія, ни довѣрія; нравственная власть правительства надъ умами падала отъ этого, и враждебныя ему партіи, видя неудовлетворенность народныхъ нуждъ, разсчитывали легко низвергнуть Орлеанскую династію. Еще въ 1830 и 1831 годахъ были, какъ мы упоминали, небольшія вспышки республиканскихъ движеній и легитимист-

Digitized by Google

скихъ демонстрацій. Въ 1832 году тѣ и другія приняли размѣръ болѣе значительный.

Мы начнемъ съ волненія, поднятаго легитимистами на западѣ Франціи.

По удаленіи любимцевъ Карла X вслѣдъ за Бурбонами въ Англію, легитимисты остались безъ энергическихъ предводителей въ Парижѣ. Правда, они имѣли на своей сторонѣ двѣ великія знаменитости, Шатобріана и Беррье, но обое сообщали только блескъ своей партіи, а вести ее на битву не были способны. Великій поэтъ и благороднѣйшій человѣкъ по мнѣнію французовъ, а по нашему мнѣнію, несносный риторъ, всѣ хорошія качества котораго портились неимовѣрною раздутостью тщеславія, Шатобріанъ могъ своими кудрявыми произведеніями и рѣчами восхищать людей, любящихъ высокопарность, но къ практическому дѣлу никогда и ни въ чемъ не былъ способенъ,—это видѣли даже люди, приходившіе въ восторгъ отъ его генія, который дѣйствительно былъ у него на одно только жеманство. Онъ хандрилъ и разсуждалъ о паденіи своего вѣка, который палъ въ его мнѣніи собственно потому, что не призналъ въ немъ великаго государственнаго человѣка, равнаго Наполеону—стать въ параллель съ Наполеономъ было задушевною его мечтою, какъ показываетъ каждая страница его „Замогильныхъ Записокъ". Хандрилъ онъ потому, что это придавало челу его очень эффектную печать „высокой и глубокой скорби". Онъ чуждался всѣхъ, чтобы производить на публику болѣе эффекта своимъ трагическихъ одиночествомъ: ему хотѣлось навести людей на мысль, что онъ изгнанникъ на умственномъ островѣ Св. Елены. Беррье, напротивъ, былъ человѣкъ дѣйствительно огромнаго ума и таланта. Краснорѣчіе его было увлекательно, личность его очаровательна. Но онъ былъ плебей по происхожденію, и легитимизмъ управлялъ только его мыслями, а не сердцемъ: онъ самъ не вѣрилъ въ будущность аристократической монархіи Бурбоновъ. Его привлекло въ лагерь легитимистовъ особенно то, что аристократическіе салоны очень изящны, манеры аристократовъ очень граціозны и любезны, нигдѣ нельзя такъ хорошо провести вечеръ, наслушаться столькихъ и такихъ милыхъ комплиментовъ, найти для себя столько лести, не шокирующей тонкаго вкуса. Онъ былъ артистъ и любитель высокаго комфорта; своею завидною обстановкою онъ не хотѣлъ жертвовать: какъ ему было рисковать головою или свободою, когда адвокатство доставляло краснорѣчивому оратору такіе доходы, то есть такой комфортъ, и притомъ рисковать безъ глубокой преданности дѣлу легитимистовъ? Чтобы поднялось легитимистское возстаніе, управленіе партіею должно было перейти въ другія руки. Шатобріанъ, Беррье и другіе важнѣйшіе легитимисты, остававшіеся во Франціи, говорили, что надобно ждать, терпѣть, пока черезъ долгое время іюльское правительство падетъ само собою.

Аристократическая молодежь не хотѣла ждать: этимъ изящнымъ рыцарямъ грубая толпа колола глаза насмѣшливыми вопросами о томъ, что̀ дѣлали они въ іюльскіе дни, когда имъ слѣдовало бы умереть за своего аристократическаго короля и когда ни одинъ изъ нихъ не сталъ защищать династію, погибавшую за аристократовъ. Они горѣли нетерпѣніемъ доказать, что сохранили храбрость, привилегію на которую присвоивали дворянству, по примѣру своихъ предковъ. Тою же ревностью къ подготовленію возстанія были проникнуты дамы аристократическаго круга, праздность которыхъ радовалась развлеченію, имѣвшему романическій видъ съ своими воображаемыми опасностями, въ сущности безвредными для нихъ (кто

Digitized by Google

же сталъ бы казнить дамъ за бунтъ?) и тѣмъ болѣе привлекательными: затѣять интригу, хлопотать, ѣздить, секретничать, поощрять мужество словами любви, поцалуями за вѣрность законному королю,—все это такъ занимательно!

Партія легитимистовъ сама по себѣ была малочисленна; за то она владѣла большими денежными средствами и во многихъ мѣстахъ, особенно на югѣ Франціи и въ Вандеѣ, значительнымъ вліяніемъ на сельское населеніе, благодаря огромнымъ помѣстьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ продажи въ революцію. При нѣкоторой восторженности, молодежь и дамы могли разсчитывать на успѣхъ, котораго не надѣялись дѣльные люди легитимистской партіи. Предводители отказывались отъ участія въ опрометчивой попыткѣ, надобно было замѣстить ихъ кому нибудь. За это взялась принцесса Беррійская Марія-Каролина, вдова несчастнаго принца, убитаго десять лѣтъ тому назадъ, мать малолѣтняго короля Генриха V, женщина еще молодая, экзальтированная, любившая эксцентрическія приключенія. Карлъ X не одобрялъ отваги своей невѣстки, но не въ силахъ былъ устоять противъ ея пылкихъ требованій, согласился объявить, чтобы легитимисты признавали ее правительницею королевства отъ имени ея сына, и отпустить ее въ Италію, чтобы она оттуда руководила ходомъ заговора и явилась начальствовать возстаніемъ, когда оно вспыхнетъ. По пріѣздѣ герцогини въ Сардинію, начались совѣщанія съ являвшимися изъ Франціи заговорщиками о томъ, гдѣ начать возстаніе, на югѣ или въ Вандеѣ. Вандея уже имѣла нѣсколько шуанскихъ шаекъ, составившихся изъ молодыхъ людей, скрывшихся отъ конскрипціи, которую поселяне въ тѣхъ мѣстахъ не любили больше, чѣмъ гдѣ нибудь во Франціи. Однако главные изъ вандейскихъ заговорщиковъ все-таки мало надѣялись на свои силы, говоря, что могутъ взяться за оружіе лишь тогда, когда силы правительства будутъ отвлечены отъ западныхъ департаментовъ возстаніемъ на югѣ. Но прежде того легитимисты рѣшились сдѣлать попытку въ самомъ Парижѣ: они хотѣли овладѣть Тюильрійскимъ дворцомъ въ ночь съ 1 на 2 февраля (1832), во время большаго придворнаго бала; они уже достали ключи отъ пяти воротъ Тюильрійскаго сада, набрали нѣсколько сотъ человѣкъ бывшихъ королевскихъ тѣлохранителей (garde royale), обольстили нѣсколькихъ простолюдиновъ, сражавшихся въ іюлѣ на баррикадахъ и раздраженныхъ тѣмъ, что побѣда не принесла никакой пользы народу. Но полиція узнала о замыслѣ отъ оружейника, у котораго заговорщики покупали ружья, и который сталъ подозрѣвать недобрые замыслы въ своихъ покупщикахъ. Отважнѣйшіе изъ заговорщиковъ, простолюдины, были арестованы въ кофейной, въ улицѣ Пруверъ, куда собрались, чтобы взять ружья, которыя долженъ былъ привезти туда оружейникъ. Знатные соучастники замысла не были выданы преданными суду простолюдинами, да и противъ арестованныхъ почти не нашлось уликъ, такъ что наказаны были немногіе. Дѣло, задуманное въ Парижѣ, разрушилось, и надобно было возвратиться къ мысли поднять возстаніе на югѣ и въ Вандеѣ.

Герцогиня Беррійская, бывшая принцессою неаполитанскаго дома и находившаяся въ родствѣ почти со всѣми итальянскими государями, нашла себѣ радушный пріемъ у герцога моденскаго, который гордился тѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ европейскихъ правителей не признавалъ королемъ Луи-Филиппа. Герцогиня поселилась въ городкѣ Массѣ, на морскомъ берегу и близь Ливорно, такъ что сношенія съ Франціею были для нея очень удобны. Но прежде, чѣмъ начать войну съ Луи-Филиппомъ, она должна была преодолѣть препятствія, ко-

Digitized by Google

торыя представлялись ей въ самой легитимистской партіи, дробившейся на три отдѣла.

Важнѣйшіе изъ легитимистовъ, остававшихся во Франціи, не надѣясь на успѣхъ возстанія, думали, что надобно пока ограничиваться газетною и парламентскою полемикою и только подготовлять умы къ возстановленію Бурбоновъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Молодежь и дамы хотѣли возстанія; изъ людей, пользовавшихся политическимъ вліяніемъ, эту мысль раздѣляли только придворные, эмигрировавшіе съ Карломъ X. Они опять дѣлились на двѣ партіи. Одни полагали, что возстаніе можетъ имѣть удачу только тогда, если будетъ опираться на иноземное войско; они хотѣли, чтобы Россія, или Австрія, или Голландія, или вся континентальная Европа послала армію для вторженія во Францію, какъ было въ 1792 году; когда иностранцы двинутся въ Парижъ какъ воины Генриха V, вся Франція присоединится къ нимъ, думали эти люди, господствовавшіе надъ умомъ Карла X; ихъ представителемъ былъ герцогъ де-Блака̀. Другіе, главою которыхъ была герцогиня Беррійская, находили, что иностранное вторженіе могло только окончательно погубить Бурбоновъ, пробудивъ противъ нихъ національное чувство. Они хотѣли опираться исключительно на своихъ приверженцевъ внутри самой Франціи. Эти люди были нѣсколько разсудительнѣе партіи герцога Блака̀, рѣшительно неспособной понимать чувства французской націи, хотя и сами могли казаться сколько нибудь разсудительными только по сравненію съ партіею Блака̀.

Соглашаясь на экспедицію герцогини Беррійской, Карлъ X посылалъ вмѣстѣ съ регентшею герцога Блака̀, какъ совѣтника ея, и далъ ему тайное полномочіе, по которому вся власть должна была принадлежать герцогу, а регентшѣ одинъ только титулъ. Содержаніе этой бумаги не было въ точности извѣстно герцогинѣ, но она узнала его, благодаря ссорѣ двухъ сановниковъ своего штата съ герцогомъ. Одинъ изъ этихъ придворныхъ, вліянію которыхъ на герцогиню завидовалъ Блака̀, увидѣлъ необходимость низвергнуть его, чтобы удержаться самому, и убѣдилъ герцогиню потребовать, чтобы Блака̀ показалъ ей свое полномочіе. Когда бумага была прочитана главными приверженцами герцогини, они всѣ объявили, что Карлъ X, по отреченіи своемъ отъ королевскаго титула и по назначеніи регентшею герцогини Беррійской, уже не имѣлъ права располагать властью. Послѣ долгой борьбы герцогиня написала наконецъ къ Блака̀ письмо, въ которомъ доказывала ему неудобство раздѣленія власти между двумя лицами и просила его, въ доказательство дружбы къ ней, воротиться въ Шотландію къ Карлу X.

По удаленіи Блака̀ энергическая герцогиня стала вести дѣло быстро. По Франціи разъѣзжали эмиссары, были приготовлены прокламаціи и актъ, учреждавшій въ Парижѣ временное правительство, членами котораго герцогиня назначала Шатобріана, Кергорле, маршала Виктора (герцога Беллунскаго) и генерала Латуръ-Мобура. Заговорщики вступили въ сношенія съ бонапартистами и надѣялись на поддержку Меттерниха. Но Меттернихъ былъ настолько остороженъ, что не захотѣлъ компрометировать австрійскій кабинетъ связью съ авантюристами, а бонапартисты не могли сойтись съ легитимистами, потому что независимо отъ приверженности другому претенденту имѣли систему убѣжденій, несовмѣстную съ цѣлями легитимистовъ: Бурбоны были представителями старинной аристократической монархіи, бонапартисты были дѣтьми революціи и, охотно соглашаясь на военный

Digitized by Google

деспотизмъ, не хотѣли жертвовать равенствомъ всѣхъ французовъ передъ закономъ. Легитимисты, враждебные равенству, хотѣли деспотизма не военнаго, а придворнаго. Символами противоположности принциповъ служили цвѣта національнаго знамени: бонапартисты требовали, чтобы оставлено было трехцвѣтное знамя революціи, Наполеона I и іюльской монархіи, легитимисты не согласились отказаться отъ возстановленія бѣлаго знамени. Такимъ образомъ герцогиня Беррійская могла разсчитывать только на свою собственную партію, да и то далеко не на всю: благоразумнѣйшая и бо́льшая часть легитимистовъ не хотѣла участвовать въ опрометчивой попыткѣ. Шатобріанъ просилъ дозволенія пріѣхать въ Италію, чтобы отклонить герцогиню отъ ея намѣреній. Марія-Каролина не захотѣла видѣться съ нимъ. Легитимистскіе комитеты въ Парижѣ напрягали всѣ усилія, чтобы отклонить отъ мысли о возстаніи пылкую часть аристократической молодежи въ южныхъ провинціяхъ и Вандеѣ. Въ этихъ провинціяхъ легитимисты также были несогласны и большинство считало возстаніе несвоевременнымъ. Но люди пылкіе готовились къ нему, набирали волонтеровъ между поселянами, запасали ружья; въ Вандеѣ явились уже вооруженные отряды, убивавшіе жандармовъ, грабившіе почту. Волненіе увеличивалось, такъ что герцогиня видѣла надобность или сообщить заговорщикамъ, что дѣло отсрочено, или спѣшить къ нимъ во Францію. Она рѣшилась на послѣднее и взяла съ собою конституцію, приготовленную ея партизанами на случай успѣха. Конституція была составлена въ самомъ либеральнѣйшемъ духѣ, по мнѣнію легитимистовъ, но въ сущности все-таки возвращала Францію къ тому положенію дѣлъ, какое было до революціи. Одною изъ приготовленныхъ прокламацій всѣ законы и распоряженія, изданные съ іюльскаго переворота, объявлялись недѣйствительными, а личное имущество Луи-Филиппа подвергалось секвестру. Страшная мстительность, выказанная Бурбонами въ 1815 году, была одною изъ причинъ ихъ непопулярности. Люди, составлявшіе совѣтъ при герцогинѣ Беррійской, требовали, чтобы она увѣрила Францію въ полной безопасности отъ преслѣдованій за прошедшія событія. Герцогиня должна была покориться на словахъ, но въ спорѣ объ этомъ слишкомъ ясно выказала свои настоящія намѣренія жестомъ, подражавшимъ паденію топора гильотины. Кергорле съ жаромъ схватилъ ее за руку и сказалъ: „прошу васъ не повторять подобныхъ жестовъ“.

Отъѣздъ изъ Италіи во Францію назначенъ былъ 24 апрѣля (1832). Предлогомъ отъѣзда изъ Массы была выбрана поѣздка во Флоренцію. При наступленіи ночи герцогиня съ двумя дамами и однимъ изъ придворныхъ сѣла въ четырехмѣстную карету, подъ которую были взяты почтовыя лошади, для избѣжанія всякихъ подозрѣній. Въ городскихъ воротахъ каретѣ надобно было остановиться, и почтовый кучеръ по обыкновенію воспользовался этою остановкою, чтобы поправить сбрую на лошадяхъ. Пока онъ возился съ ними, не оглядываясь на карету, придворный служитель отперъ дверцу кареты, герцогиня съ одною изъ дамъ и съ придворнымъ вышла изъ нея, а въ карету сѣла горничная другой дамы, оставшейся на своемъ мѣстѣ. Карета стояла близъ городской стѣны, покрывавшей нѣсколько шаговъ пространства самою густою темнотой. Вышедшіе изъ кареты спрятались въ этой тѣни, и когда кучеръ, не замѣтившій ничего, поѣхалъ дальше, герцогиня съ своимъ спутникомъ и спутницею стали пробираться къ морскому берегу все вдоль по стѣнѣ. Въ одиннадцать часовъ вечера они пришли на пристань.

Digitized by Google

Дежурные таможенные служители крѣпко спали; если бы кто изъ нихъ проснулся, тайна разрушилась бы, и пришедшіе старались не поднять ни малѣйшаго шороха. Имъ пришлось долго ждать маленькаго парохода „Карлъ-Альбертъ", принадлежавшаго герцогинѣ. Пароходъ шелъ изъ Генуи; экипажу было сказано, что онъ отправляется въ Испанію. Время отъѣзда было разсчитано такъ, чтобы въ назначенное время пароходъ поравнялся съ окрестностями Массы; пассажиры на немъ были эмигранты. Капитанъ очень удивился, когда они потребовали, чтобы онъ шелъ къ берегу взять другихъ пассажировъ; онъ не хотѣлъ слушаться, боясь строгихъ наказаній за нарушеніе карантинныхъ правилъ; но эмигранты заставили его повиноваться. Герцогинѣ пришлось ждать парохода около четырехъ часовъ и она заснула на пескѣ, завернувшись въ свой плащъ. Въ три часа утра пароходъ наконецъ подошелъ и герцогиня счастливо перешла на него, не разбудивъ таможенныхъ сторожей.

Во время переѣзда она была спокойна и весела. Пароходъ пришелъ къ Марсели безъ всякихъ опасностей 28 апрѣля, въ полночь. На извѣстномъ мѣстѣ берега дожидались нѣсколько легитимистовъ. Переѣздъ съ парохода на берегъ въ шлюпкѣ былъ довольно страшенъ, потому что море сильно волновалось; но герцогиня и тутъ выказала свое безстрашіе. Мѣстомъ отдыха для нея былъ выбранъ крестьянскій домикъ среди поля; тропинка вела къ нему по скаламъ очень крутымъ. Герцогиня въ темную ночь смѣло шла этою опасною и тяжелою дорогою.

Между тѣмъ, въ Марсели уже распространился слухъ о ея прибытіи. Но за обстоятельствомъ, неожиданно разгласившимъ тайну, послѣдовало другое странное обстоятельство, прикрывшее герцогиню совершенною безопасностью на довольно долгое время. Вечеромъ 28 числа одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ герцогини нанялъ у рыбака лодку, чтобы ѣхать подальше отъ берега, взглянуть, не приближается ли пароходъ. Во время поѣздки онъ безпрестанно посматривалъ на часы и вообще обнаруживалъ безпокойство. Воротившись на берегъ, гребцы, бывшіе на лодкѣ, зашли случайнымъ образомъ отдохнуть въ ту самую харчевню, куда пришли и гребцы, перевозившіе съ парохода на берегъ герцогиню. Начавъ толковать между собою, они обнаружили, кто такая дама перевезенная на берегъ, и стали пить за здоровье герцогини. Городское начальство тотчасъ же узнало объ этомъ и приняло мѣры противъ волненія. Заговорщики увидѣли необходимость спѣшить своимъ дѣломъ. 30 числа, на разсвѣтѣ, они созвали нѣсколько сотъ человѣкъ рыбаковъ на пристани и приглашали ихъ подняться за Генриха V. Рыбаки выслушали, но пристать къ нимъ не захотѣли. Потерпѣвъ неудачу на пристани, легитимисты пошли по городу, но и тамъ никто къ нимъ не присоединился. Потерявъ всякую надежду, заговорщики думали уже только о томъ, чтобы скрыться отъ полиціи, но трое изъ нихъ все-таки были пойманы. Другіе немедленно послали въ домикъ, гдѣ скрывалась герцогиня, лаконическую записку, говорившую только: „движеніе не удалось, надобно удалиться изъ Франціи". Марія-Каролина не потеряла отваги. Она хотѣла тотчасъ же ѣхать въ Испанію, чтобы оттуда переѣхать въ Вандею. Но море было бурно, такъ что шлюпка не могла бы перевезти ее на пароходъ, а таможенная стража получила приказаніе слѣдить за всѣмъ какъ можно внимательнѣе. Выслушавъ эти соображенія, герцогиня рѣшилась ѣхать съ юго-восточнаго берега Франціи на западный берегъ прямымъ путемъ. Когда она жила еще въ Массѣ, она видѣла во снѣ покойнаго мужа, который сказалъ ей:

Digitized by Google

„одобряю твое намѣреніе; но на югѣ тебѣ не удастся; успѣхъ ты получишь въ Вандеѣ“. Она вѣрила этому сну и отправилась въ Вандею черезъ всю Францію. Она ѣхала проселочными дорогами по лѣсамъ; путь былъ труденъ; однажды, чтобы доставить ей ночлегъ, спутники ея должны были силою вломиться въ какую-то пустынную, жалкую избу; въ другой разъ она принуждена была искать убѣжища у какого-то республиканца, образъ мыслей котораго былъ ей хорошо извѣстенъ. Вошедши въ его домъ, она сказала свое имя и республиканецъ сохранилъ ея тайну.

Пароходъ, на которомъ она пріѣхала, держался между тѣмъ въ открытомъ морѣ. Послѣ разныхъ поисковъ на берегу, полиція вздумала отыскать этотъ корабль и 3 мая вечеромъ къ „Карлу-Альберту“ подошелъ дозорный пароходъ; двое офицеровъ вошли на палубу „Карла-Альберта“. Спутники герцогини, оставшіеся на немъ, сидѣли въ это время за столомъ и не потеряли духа, увидѣвъ опасность. Въ числѣ ихъ была мадмуазель Лебешю, сопровождавшая герцогиню изъ Массы. „Карлъ-Альбертъ“ былъ приведенъ въ Тулонскую гавань. Адмиралъ, командовавшій портомъ, послалъ поручика Сарла удостовѣриться, кто такова дама, найденная на пароходѣ. Взглянувъ на мадмуазель Лебешю, офицеръ смутился: ему показалось, что онъ видитъ передъ собою герцогиню, и не успѣвъ хорошенько разсмотрѣть лица дамы, онъ поспѣшилъ съ донесеніемъ, что на пароходѣ захвачена герцогиня Беррійская. Извѣстіе объ этомъ было по телеграфу отправлено въ Парижъ, а „Карлъ-Альбертъ“ подъ строжайшимъ надзоромъ отведенъ на Корсику, въ гавань Аячіо. Захваченныхъ арестантовъ, и въ томъ числѣ мадмуазель Лебешю, держали въ каютахъ подъ строгимъ арестомъ, такъ что не видѣлъ ихъ ни одинъ человѣкъ, который могъ бы узнать ошибку. Правительство распорядилось отвезти захваченную герцогиню въ Шотландію къ Карлу X. Мадмуазель Лебешю хотѣли уже посадить на корабль, отправлявшійся въ Шотландію, но королевскій адъютантъ д'Удето, которому было поручено исполнить это, зналъ герцогиню Беррійскую въ лицо, и только тутъ, 8 мая, открылась мистификація. А между тѣмъ ошибка, сообщенная въ Парижъ и продолжавшаяся цѣлыхъ пять дней, разнеслась по всей Франціи, и благодаря общимъ толкамъ о томъ, что она арестована на „Карлѣ-Альбертѣ“, герцогиня могла проѣхать бо́льшую часть дороги на почтовыхъ лошадяхъ, не обращая на себя ничьего подозрѣнія. Посѣтивъ нѣсколькихъ вандейскихъ легитимистовъ въ ихъ замкахъ, она поселилась наконецъ, переодѣвшись въ мужское платье, на фермѣ Мелье. Русые свои волосы она закрыла чернымъ парикомъ и носила костюмъ молодаго вандейскаго поселянина. Вечеромъ 21 мая предводители вандейскихъ легитимистовъ собрались на совѣщаніе у ней въ Мелье. Ихъ было четыре человѣка. Всѣ они говорили, что возстаніе невозможно; что нѣкоторая надежда на успѣхъ могла бы явиться развѣ тогда, если бы легитимисты уже восторжествовали на югѣ, а на югѣ они потерпѣли неудачу и въ Вандеѣ легитимисты такъ слабы, что не могутъ сами начать дѣло. Вандейскіе провинціальные дворяне, объяснявшіе это герцогинѣ, конечно, не убѣдили ее отказаться отъ мысли о возстаніи; но парижскій комитетъ легитимистовъ совершенно раздѣлялъ ихъ мнѣніе и былъ пораженъ, узнавъ о прибытіи герцогини въ Вандею. Собравшись на совѣщаніе, члены его рѣшились отправить въ Вандею Беррье, чтобы онъ отклонилъ герцогиню отъ напраснаго замысла и убѣдилъ ее уѣхать изъ Франціи. Марія-Каролина сильно возражала ему, когда онъ прибылъ въ бѣдную ком-

Digitized by Google

нату, служившую ей убѣжищемъ. Она говорила, что Европѣ и Франціи показалось бы трусостью, еслибъ она отказалась отъ своего плана, даже не пытавшись исполнить его. Однакоже Беррье успѣлъ склонить ее ѣхать изъ Франціи съ паспортомъ, который онъ далъ ей. Но по всей вѣроятности она выразила ему свое согласіе только затѣмъ, чтобы избавиться отъ его контроля и настояній. Едва уѣхалъ Беррье, герцогиня стала говорить, что получила письмо, отъ котораго измѣняются всѣ ея мысли: по ея словамъ письмо сообщало ей, что на югѣ вспыхнуло возстаніе. Быть можетъ она хитрила; а быть можетъ сама была обманута хитростью какого нибудь слишкомъ восторженнаго заговорщика.

Возстаніе не могло имѣть удачи ни въ какомъ случаѣ. Но разнорѣчащія распоряженія уменьшили и ту небольшую силу, какой могло бы оно достичь. Маршалъ Бурмонъ, управлявшій военною частью у легитимистовъ и пріѣхавшій изъ Шотландіи въ Нантъ, отмѣнилъ срокъ назначенный герцогинею Беррійскою для возстанія; потомъ, увидѣвшись съ герцогинею, отмѣнилъ прежній свой приказъ, отлагавшій возстаніе на неопредѣленное время, и опредѣлилъ срокомъ его ночь съ 3 на 4 іюня. Эти перемѣны окончательно разстроили дѣло и безъ того плохое. Многіе изъ людей, собиравшихся возстать, не успѣли взяться за оружіе, другіе, лишенные ихъ поддержки, были легко подавлены. Произошло въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько незначительныхъ схватокъ и тѣмъ кончилось дѣло. Даже изъ поселянъ почти никто не помогалъ заговорщикамъ, а жители Вандейскихъ городовъ, особенно Нанта, отличавшіеся ненавистью къ аристократіи еще въ первую революцію, ходили обезоруживать инсургентовъ съ такимъ же усердіемъ и мужествомъ, какъ регулярныя войска. Инсургенты были такъ малочисленны и раздроблены, что изъ всѣхъ схватокъ только одна была нѣсколько замѣчательна. 45 человѣкъ инсургентовъ, запершись въ зàмкѣ Пенисьеръ, нѣсколько часовъ отражали аттаки многочисленнаго отряда съ такимъ упорствомъ, что противники ихъ единственнымъ средствомъ принудить ихъ къ сдачѣ нашли—зажечь зàмокъ. Горсть инсургентовъ, не будучи въ силахъ погасить огня, пробилась сквозь ряды осаждавшихъ. Возстаніе, продолжавшееся всего нѣсколько дней, само по себѣ такъ ничтожно, что не стоило бы о немъ говорить, еслибъ неудача этого безразсуднаго дѣла не поразила надолго безсиліемъ легитимистскую партію, которая теперь, лишившись всякой надежды на самостоятельный успѣхъ, стала помогать своими денежными средствами республиканцамъ, чтобы хоть какъ нибудь вредить Орлеанской династіи. Республиканцы, люди вообще небогатые, затруднялись безпрерывными штрафами, которымъ подвергались ихъ газеты. Легитимисты въ слѣдующіе годы часто давали имъ деньги на уплату штрафовъ.

Теперь герцогинѣ Беррійской надобно было думать только о томъ, чтобы спастись отъ полицейскихъ поисковъ. Убѣжище было выбрано очень ловко. Нантъ былъ извѣстенъ своею ненавистью къ Бурбонамъ; полиціи никакъ не могло бы прійдти въ голову, что герцогиню нужно искать въ этомъ враждебномъ ей городѣ. Она пріѣхала туда переодѣтая крестьянкою и скрылась въ домѣ принадлежавшемъ сестрамъ Дюгиньи, дѣвицамъ изъ легитимистской фамиліи.

Во время вандейскаго возстанія, Казиміра Перье уже не было въ живыхъ. Здоровье перваго министра давно было разстроено; бурныя сцены, которыя часто имѣлъ онъ съ Луи-Филиппомъ, рѣзкія статьи и рѣчи прогрессистовъ дѣйствовали на него очень сильно при раздражительности его характера. Давно уже при немъ

Digitized by Google

нельзя было говорить о чьей нибудь смерти или болѣзни, не производя въ немъ вреднаго потрясенія. Въ такомъ состояніи духа, геройскимъ дѣломъ съ его стороны была рѣшимость, ставшая ближайшимъ поводомъ къ его смерти. Въ началѣ весны 1832 года дошла до Парижа холера, наводившая такой страшный ужасъ этимъ первымъ своимъ путешествіемъ по Европѣ. Во всей Европѣ народъ думалъ, что какіе-то злоумышленники отравляютъ его, и въ Парижѣ, какъ повсюду, было нѣсколько сценъ убійства совершенно невинныхъ людей, принятыхъ народомъ въ его отчаяніи за отравителей. Страшное уныніе владычествовало въ Парижѣ. Оно усиливалось мнѣніемъ, господствовавшимъ тогда по всей Европѣ, что холера заразительна. Старшій сынъ Луи-Филиппа, герцогъ Орлеанскій, захотѣлъ посѣтить холерные госпитали, чтобы своимъ примѣромъ разрушить, сколько отъ него зависѣло, этотъ гибельный предразсудокъ. Казиміръ Перье, какъ первый министръ, считалъ своею обязанностью сопровождать его и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ навѣстить холерныхъ, несмотря на ужасъ, какой при разстройствѣ собственнаго здоровья чувствовалъ отъ вида больныхъ. Страшныя мученія, судороги, искаженныя лица умирающихъ убили его. Воротившись домой, онъ почувствовалъ себя гораздо хуже прежняго и неизгладимое впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ холерными сценами, быстро истощило его послѣднія силы. Онъ умеръ 16 мая. Единственныя слова, которыми Луи-Филиппъ почтилъ память человѣка, такъ усердно служившаго ему подавленіемъ прогрессивныхъ партій, показываютъ всю холодность души его. Услышавъ о смерти перваго министра, онъ сказалъ: „Казиміръ Перье умеръ; дурно это, или хорошо? Посмотримъ“. Смертью перваго министра довольно долго не было производимо никакой перемѣны въ составѣ правительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве уже съ мѣсяцъ управлялъ и министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, принадлежавшимъ Перье, которому болѣзнь мѣшала заниматься дѣлами; это такъ и осталось по смерти Перье. Прежнее министерство продолжало существовать еще пять мѣсяцевъ. Казиміръ Перье былъ въ немъ единственный человѣкъ самостоятельнаго характера; всѣ остальные министры были его покорными слугами и слугами Луи-Филиппа, когда могли тайкомъ отъ своего президента слушаться въ чемъ нибудь короля. Теперь они слушались уже одного короля, и Луи-Филиппу было пріятно сохранять такихъ покорныхъ исполнителей. Вандейское возстаніе вспыхнуло и было подавлено при этомъ ничтожномъ министерствѣ и при немъ же кончился процессъ двадцати двухъ человѣкъ, обвиненныхъ за участіе въ этомъ возстаніи. Большая часть изъ нихъ были оправданы, немногіе осужденные были приговорены только къ легкому аресту. Также подвергнутъ былъ суду Беррье за то, что ѣздилъ на свиданье съ герцогинею передъ началомъ возстанія; но тутъ правительство дѣлало слишкомъ очевидную нелѣпость, пытаясь преслѣдовать человѣка, который вмѣшивался въ дѣло только съ цѣлью предотвратить его: процессъ былъ для Беррье тріумфомъ. При началѣ преній, многіе адвокаты сѣли не на мѣста, для нихъ назначенныя, а рядомъ съ Беррье на скамью обвиненныхъ. Президентъ замѣтилъ имъ, что имъ не слѣдуетъ сидѣть на ней. „Скамья обвиненныхъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, получаетъ нынѣ такую славу, что намъ почетно сѣсть на нее“. Когда вошелъ обвиненный, зрители и присяжные встали передъ нимъ.

Герцогиня Беррійская скрывалась въ Нантѣ въ домѣ г-жъ Дюгиньи. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не могли открыть ея убѣжища; кажется, Луи-Филиппъ и предписывалъ своимъ послушнымъ министрамъ, чтобы они не старались найти герцогиню:

Digitized by Google

арестъ ея поставилъ бы его въ непріятное положеніе или раздражить монархистовъ преданіемъ ея суду, или раздражить прогрессистовъ ея безнаказанностью. Притомъ, каковъ былъ бы результатъ процесса? Что, если бы палата перовъ или присяжные объявили ее невинною? Это равнялось бы объявленію, что самъ Луи-Филиппъ не имѣетъ законныхъ правъ называться королемъ. А если найдутъ герцогиню виновною, приговоромъ ея будетъ смерть; исполнить такой приговоръ невозможно, а смягчить его—значитъ подвергнуться обвиненію въ излишней снисходительности къ женщинѣ, бывшей виновницею междоусобной войны.

Но приближалось время собранія палатъ, а ничтожные министры не могли служить удовлетворительными представителями исполнительной власти передъ палатою депутатовъ; потребность парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, чтобы кабинетъ имѣлъ людей, уважаемыхъ большинствомъ, чтобы оно могло полагаться на ихъ слова. Депутаты принадлежавшіе къ большинству, возвращаясь въ Парижъ, говорили, что не потерпятъ министерства, не имѣющаго ни одного человѣка съ самостоятельнымъ умомъ или характеромъ. Луи-Филиппу надобно было ввести въ кабинетъ предводителей парламентскаго большинства. Онъ уклонялся отъ этой конституціонной обязанности, пока могъ, — уже тогда онъ обнаруживалъ стремленіе имѣть министрами не тѣхъ людей, на которыхъ указывало общественное мнѣніе или хотя мнѣніе большинства депутатовъ, а людей, которые были бы простыми исполнителями его личныхъ желаній. Впослѣдствіи, онъ успѣлъ обратить въ такую машину Гизо, человѣка съ великими талантами, поддавшагося хитрымъ обольщеніямъ, воображавшаго, что управляетъ Луи-Филиппомъ, между тѣмъ какъ Луи-Филиппъ водилъ его за носъ. Но теперь пока не было у Луи-Филиппа подготовлено еще ни одного такого сильнаго въ парламентской борьбѣ человѣка для служенія личнымъ его надобностямъ, и какъ онъ прежде терпѣлъ грубіяна Казиміра, такъ теперь былъ принужденъ пригласить въ свой кабинетъ людей, оставшихся послѣ Казиміра Перье предводителями консервативнаго большинства въ палатѣ депутатовъ, хотя эти люди не отказывались отъ всякой самостоятельности въ угодность ему.

Предводителями парламентскаго консервативнаго большинства были тогда Тьеръ и Гизо, соотвѣтствовавшіе своими характерами двумъ оттѣнкамъ этого большинства, различавшимися между собою не сущностью стремленій, а только темпераментами. Гизо былъ представителемъ людей разсудительныхъ и серьезныхъ, ясно понимавшихъ, чего они хотятъ и какія мысли, какія фразы сообразны съ ихъ основными стремленіями. Тьеръ выше всего цѣнилъ эффектъ и любилъ всякія громкія слова безъ разбору, лишь бы они были эффектны; онъ служилъ представителемъ людей легкомысленныхъ. По легкомыслію и любви къ эффектамъ, ему часто случалось заговариваться, и когда впослѣдствіи сталъ онъ непримиримымъ соперникомъ Гизо, многіе стали считать его либераломъ за блестящія фразы; но въ сущности онъ любилъ произволъ болѣе, чѣмъ самъ Гизо, и нимало не уступалъ ему консерватизмомъ, доходившимъ у нихъ обоихъ до реакціонности. Подробныя доказательства этому мы представимъ, когда будетъ рѣчь о борьбѣ между Тьеромъ и Гизо въ слѣдующіе годы, а теперь упоминаемъ только мимоходомъ, потому что личныя особенности этихъ двухъ людей еще не получили важнаго вліянія на судьбу Франціи: оба они были тогда еще только простыми представителями парламентскаго консервативнаго большинства.

Новое министерство, главными лицами котораго были Тьеръ и Гизо, извѣстно

Digitized by Google

подъ названіемъ министерства 11 октября, потому что въ этотъ день явилось въ „Монитерѣ“ объявленіе о замѣнѣ прежняго кабинета новымъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался Брольи, политическій другъ Гизо; внутреннихъ дѣлъ— Тьеръ; народнаго просвѣщенія — Гизо; финансовъ — Гюманъ; юстиціи — Бартъ; военнымъ министромъ остался Сультъ, получившій имя президента совѣта министровъ, но не имѣвшій никакого политическаго значенія.

Дѣло по отыскиванію убѣжища герцогини Беррійской принадлежало министерству внутреннихъ дѣлъ. По опрометчивости ли, или по какимъ нибудь политическимъ соображеніямъ, Тьеръ имѣлъ больше охоты отыскать герцогиню, нежели прежній министръ Монталиве. Нѣкто Дейцъ, перекрещенный еврей, бравшій деньги у духовенства за свое усердіе къ новой вѣрѣ и у легитимистовъ за свою преданность Бурбонамъ, давно уже предлагалъ свои услуги. Монталиве оставался равнодушенъ къ его усердію, но Тьеръ обѣщалъ ему 500,000 франковъ награды, если онъ отдастъ герцогиню Беррійскую въ руки правительства. Дейцъ сопровождалъ ее въ Италію, служилъ для легитимистовъ агентомъ по довольно важнымъ дѣламъ и ему было легко проникнуть въ тайну убѣжища герцогини. Тьеръ послалъ его въ Нантъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ полицейскимъ сыщикомъ, Жоли, которому, разумѣется, было поручено слѣдить за продажнымъ негодяемъ. Явившись въ Нантъ, Дейцъ отправился къ важнѣйшимъ изъ тамошнихъ легитимистовъ, прося, чтобы они доставили ему свиданіе съ герцогинею. До легитимистовъ уже доходили слухи о его предательствѣ и онъ долго не могъ побѣдить ихъ недовѣріе. Наконецъ, 30 октября, герцогиня послала за нимъ Дюгиньи, брата тѣхъ дѣвицъ, у которыхъ жила. Дюгиньи сказалъ Дейцу, что свиданіе будетъ происходить не въ томъ домѣ, гдѣ живетъ герцогиня, что она пріѣдетъ для этого въ другой домъ. Дейцъ повѣрилъ, а между тѣмъ свиданіе происходило въ томъ самомъ домѣ, гдѣ скрывалась герцогиня. Онъ долго говорилъ съ нею и просилъ новаго свиданія: увѣрившись, что она не боится сама давать ему аудіенціи, онъ теперь могъ дѣйствовать смѣло. Второе свиданіе было назначено 6 ноября въ томъ же домѣ. Онъ былъ незамѣтно окруженъ войсками. Въ разговорѣ съ герцогиней предатель не выказалъ никакого смущенія; но едва вышелъ изъ комнаты, какъ повсюду кругомъ дома заблистали штыки и полицейскіе чиновники бросились въ комнаты. Извѣщенная объ опасности, герцогиня едва имѣла время спрятаться съ одною изъ бывшихъ при ней дѣвицъ и двумя кавалерами своей свиты въ маленькій потайной альковъ, бывшій въ углу ея комнаты и прикрытый доскою, которая составляла заднюю спинку камина, такъ что входъ въ альковъ былъ только черезъ каминъ. Полиція произвела самый внимательный обыскъ: раскрывала мебель, пробовала стѣны ударами молотка, чтобы открыть, нѣтъ ли гдѣ нибудь за ними пустоты; но все ничего не находила. Такъ прошло нѣсколько часовъ до самой ночи. Въ комнатѣ стало холодно и полицейскіе нѣсколько разъ затопляли каминъ, чтобы согрѣться. Наконецъ отъ этого огня стало такъ жарко въ душномъ маленькомъ альковѣ за каминомъ, что герцогиня и прятавшіеся съ нею люди не могли выносить мученій жара. Они закричали: „мы выходимъ; выбросьте дрова изъ камина“. Дрова были выброшены и герцогиня Беррійская вышла изъ алькова, измученная шестнадцатью часами заключенія въ душномъ шкапѣ, имѣвшемъ только одно отверстіе, черезъ которое поочередно вдыхали свѣжій воздухъ она и товарищи ея. Она была перевезена въ цитадель Бле, лежащую близъ Бордо, въ мѣстности довольно унылой и не совсѣмъ здоровой. Климатъ Бле

Digitized by Google

убійственъ для людей съ слабою грудью; а герцогиня была расположена къ чахоткѣ.

При дворѣ сначала очень обрадовались арестованію Маріи-Каролины, избавлявшему отъ опасенія новыхъ тревогъ въ Вандеѣ; но скоро удовольствіе помрачилось появленіемъ тѣхъ затрудненій, предчувствіе которыхъ долго удерживало правительство отъ дѣятельныхъ поисковъ убѣжища принцессы. Предать ее суду не отваживались; легитимисты торжествовали, выставляя эту робость слѣдствіемъ неувѣренности новой династіи въ своихъ правахъ, а прогрессисты говорили о преступной снисходительности къ виновницѣ междоусобія. Множество просьбъ объ освобожденіи герцогини поступало въ палату депутатовъ; столько же поступало въ нее просьбъ о преданіи герцогини суду. Министры не могли избѣжать преній по этому дѣлу. Депутатъ, бывшій докладчикомъ коммиссіи, которой палата поручила разсмотрѣніе просьбъ, предлагалъ рѣшеніе сообразное съ желаніями министерства: онъ говорилъ, что министрамъ должна быть оставлена свобода поступить, какъ они найдутъ лучшимъ. Но министры не могли сказать въ защиту этого предложенія ничего такого, что не могло бы стать оружіемъ противъ нихъ самихъ для легитимистовъ. Явиться передъ палатою защитникомъ доклада принялъ на себя Брольи. Онъ сталъ говорить, что старшая отрасль Бурбоновъ, будучи изгнана изъ Франціи, не подлежитъ дѣйствію французскихъ законовъ и потому съ герцогинею можно поступать только по праву войны, то есть держать ее въ плѣну, пока того требуетъ государственная надобность. Предавать ее суду было бы слишкомъ опасно: „всѣ силы, какими можетъ располагать правительство, говорилъ онъ, были бы недостаточны на защиту или судей, или обвиненной, смотря по расположенію умовъ. Вы видѣли процессъ министровъ Карла X: десять дней весь Парижъ не выпускалъ оружія изъ рукъ, находился въ тревогѣ города, который ждетъ штурма. Но всѣ эти волненія были бы ничтожны передъ смутами, какія вызоветъ процессъ герцогини“. Депутаты лѣвой стороны требовали суда; они говорили, что во время преній объ изгнаніи старшей отрасли Бурбоновъ правительство обязалось предоставлять власти законовъ тѣхъ членовъ изгнанной династіи, которые отважились бы возбуждать междоусобную войну. „Говорятъ, что опасно было бы подвергать герцогиню Беррійскую обыкновенному суду, сказалъ Кабé (получившій впослѣдствіи извѣстность, какъ основатель коммунистической доктрины Икаризма и недавно умершій среди неутомимыхъ трудовъ для осуществленія своей теоріи). Неужели правительство такъ шатко, что не устоитъ въ подобномъ испытаніи?“ Легитимисты, напротивъ, иронически защищали мнѣніе министровъ и выводили изъ него заключеніе, что сами министры признаютъ Бурбоновъ стоящими выше ихъ суда, имѣющими права, отвергать которыхъ они не смѣютъ. Они хвалили правительство за такой вѣрный взглядъ и сожалѣли только, что оно не довольно послѣдовательно: при такомъ образѣ мыслей ему надобно было бы признать Бурбоновъ имѣющими законныя права на французскій престолъ.

Положеніе Луи-Филиппа и его министровъ было неловко. Но вдругъ разнесся слухъ, освободившій ихъ отъ затрудненія: стали говорить, что герцогиня Беррійская беременна. Правительство немедленно отправило въ Бле двухъ докторовъ для опредѣленія, справедливъ ли слухъ. Легитимисты объявляли его клеветою. На одной изъ дуэлей, случившихся по этому поводу, былъ довольно тяжело раненъ Арманъ Каррель. Неизвѣстность длилась нѣсколько недѣль, потому что два первые отчета

Digitized by Google

медиковъ о положеніи герцогини говорили только, что она вообще нездорова, но не утверждали, чтобы ея болѣзнь происходила отъ беременности. Въ первомъ отчетѣ требовалось даже, чтобы изъ цитадели Бле, гдѣ воздухъ вреденъ для груди, герцогиня была переведена куда нибудь въ другое мѣсто. Правительство не напечатало этого акта и убѣдило медиковъ сказать во второмъ отчетѣ, что климатъ Бле хорошъ. Эти интриги конечно не могли скрыться отъ публики, которая порицала правительство за такую небрежность о больной женщинѣ.

Еще громче стали порицанія, когда публика узнала, что герцогиню подвергаютъ нравственной пыткѣ для вынужденія у ней сознанія въ беременности. Прежній комендантъ цитадели не согласился впустить въ нее полицейскихъ шпіоновъ: онъ былъ смѣненъ, и комендантомъ назначили генерала Бюжо (впослѣдствіи прославившагося своими свирѣпостями при подавленіи республиканскаго возстанія въ Трансноненской улицѣ, а потомъ побѣдами въ Алжиріи), человѣка грубаго, вспыльчиваго, готоваго на всякія услуги начальству для полученія наградъ. Знаменитый полицейскій сыщикъ, Жоли, помѣстился теперь прямо подъ тою комнатою, гдѣ жила принцесса, и устроилъ въ потолкѣ своей комнаты, то есть въ полу комнаты герцогини, двѣ слуховыя трубы, просверливъ полъ спальни герцогини, такъ чтобы это не было замѣтно ей и ея приближеннымъ. Вынужденная шпіонствомъ полиціи и вспыльчивостью Бюжо, герцогиня 22 февраля (1833) написала наконецъ записку, въ которой говорила, что вступила въ тайный бракъ, когда была въ Италіи передъ вандейскимъ возстаніемъ. Въ самой запискѣ была фраза, показывавшая, какими мѣрами вынудили у нея это сознаніе: герцогиня говорила, что она „принуждена обстоятельствами и мѣрами, принятыми относительно нея правительствомъ“.

Этотъ актъ былъ немедленно напечатанъ въ „Монитёрѣ“, но произвелъ на публику дѣйствіе совершенно не такое, какъ ожидало правительство. Луи-Филиппъ шутилъ надъ положеніемъ герцогини, которая до іюльской революціи была чрезвычайно милостива къ нему и къ его семейству; онъ разсказывалъ разные циническіе анекдоты изъ временъ старой монархіи для объясненія случаевъ, которые могли произвесть ея беременность. Публика находила шутки и скандалъ неумѣстными, видя, что бѣдную женщину притѣсняютъ самымъ неделикатнымъ образомъ. Даже республиканскія газеты говорили, что если не слѣдуетъ прощать преступленій, то еще менѣе прилично оскорблять женщину и издѣваться надъ тѣмъ, что она вышла замужъ.

Неделикатность, съ какою вынуждали у герцогини косвенное признаніе въ беременности, могла еще быть понятна, хотя и заслуживала порицаніе. Но совершенно неумѣстны, даже съ точки зрѣнія выгодъ самаго Луи-Филиппа, были дальнѣйшіе поступки его министра внутреннихъ дѣлъ съ герцогинею. Порицаніе еще прямѣе упадетъ на него, когда мы скажемъ, что во время этихъ и дальнѣйшихъ притѣсненій и пошлостей министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ уже не Тьеръ, дѣйствовавшій самостоятельно, а д'Аргу, покорный слуга Луи-Филиппа, занявшій мѣсто Тьера, который принялъ министерство торговли и публичныхъ работъ. Тайное замужство герцогини навсегда ссорило ее съ Карломъ X, его любимцами и всѣми знатными легитимистами, которые по своимъ понятіямъ объ этикетѣ могли скорѣе простить женщинѣ всякій развратъ, всякую низость, нежели неравный бракъ. Герцогиня лишалась всякаго значенія въ своей партіи, совершенно пере-

Digitized by Google

ставала быть опасною: къ чему же было мучить ее? Хитрая разсчетливость Луи-Филиппа, хотѣвшая какъ можно болѣе унизить Бурбоновъ въ лицѣ герцогини Беррійской, довела его въ этомъ дѣлѣ до жестокости, противорѣчившей обыкновенному его добродушію, до пошлостей, вредившихъ его собственному имени гораздо больше, нежели имени герцогини, о которой, напротивъ, онъ заставилъ всѣхъ сожалѣть.

Многочисленные доктора, посланные по выбору самого правительства въ Бле, продолжали говорить, что слабость груди герцогини и общее разстройство ея здоровья требуетъ освободить ее. Правительство продолжало держать ее въ цитадели, въ нездоровой мѣстности, когда могло бы уже совершенно безопасно освободить. Оно обманывало ее обѣщаніями выпустить немедленно, если она въ дополненіе къ прежнему признанію о своемъ бракѣ напишетъ новое признаніе, прямо говорящее о беременности. Она не соглашалась; ей надоѣдали, подвергали ее грубымъ сценамъ, мучили ее шпіонствомъ, мучили присылкою къ ней разныхъ людей, которыхъ она не любила или боялась. Наконецъ, вынудили этими пошлыми средствами актъ, котораго требовали,—и не освободили ее, а оставили въ цитадели до разрѣшенія отъ бремени: къ чему были всѣ эти низости и жестокости? Потомъ, когда приблизилось время родовъ, придуманы были новыя неумѣстныя притѣсненія. 24 апрѣля Бюжо принесъ герцогинѣ проэктъ протокола, который будетъ составленъ о ея разрѣшеніи отъ бремени. Тутъ говорилось, что для засвидѣтельствованія подлинности событія должно присутствовать при немъ множество разныхъ офиціальныхъ лицъ; что они будутъ осматривать всю мебель комнаты съ цѣлью удостовѣриться, не спрятанъ ли гдѣ нибудь новорожденный ребенокъ, который былъ бы выданъ за рожденнаго герцогиней: это было нужно для предотвращенія подлога, на случай, если герцогиня не въ самомъ дѣлѣ беременна и хочетъ устроить сцену фальшивыхъ родовъ. Какимъ образомъ могло родиться такое дикое подозрѣніе, совершенно непонятно, потому что беременность герцогини была очевидна и достаточно засвидѣтельствована медиками. Въ противоположность этому принимались другія мѣры, чтобы она не могла скрыть ребенка, спустивъ его черезъ окно или какъ нибудь иначе. Всѣ эти предосторожности, совершенно напрасныя, имѣли чрезвычайно оскорбительный характеръ и споръ о нихъ мучилъ герцогиню въ то время, когда ей всего болѣе нужно было бы спокойствіе. Ее раздражали иногда этими обидами до конвульсій, которыя могли привести къ выкидышу и кончиться смертью. О каждой пошлой мелочи, унизительной для людей ее требовавшихъ, велись настойчивые переговоры будто о какомъ нибудь государственномъ вопросѣ, и наконецъ вытребовали у принцессы согласіе на слѣдующія условія: Марія-Каролина обязывалась 1) извѣстить генерала Бюжо, какъ только почувствуетъ первые симптомы родовъ; 2) когда войдутъ въ комнату офиціальные свидѣтели, утвердительно отвѣчать на вопросъ ихъ, который будетъ состоять въ томъ, дѣйствительно ли она герцогиня Беррійская; 3) если эти свидѣтели не успѣютъ прійти во время родовъ, то принять ихъ, когда найдетъ удобнымъ акушеръ. Обо всемъ этомъ доносилось по телеграфу въ Парижъ и требовалось разрѣшеніе высшаго правительства.

Акушеръ герцогини поселился было въ комнатѣ подъ ея спальною, гдѣ жилъ шпіонъ до полученія отъ нея письменнаго признанія въ беременности. Когда стали ждать приближенія родовъ, у акушера отняли эту комнату и снова поселили въ ней шпіоновъ, которые поставили лѣстницу до потолка подъ самою кроватью гер-

Digitized by Google

цогини. Всего этого казалось еще мало. Бюжо вытребовалъ, чтобы двери спальной были оставляемы на ночь отворенными, и въ залѣ, которая сообщалась черезъ эти двери со спальною, велѣлъ спать двумъ полицейскимъ чиновникамъ. Послѣ споровъ согласились замѣнить полицейскихъ чиновниковъ докторами, присланными отъ правительства. Бюжо хотѣлъ, чтобы чиновники, назначенные быть свидѣтелями, переселились изъ города Бле въ цитадель; но главные изъ нихъ были задержаны отъ этого переселенія дѣлами службы, и когда начались роды, свидѣтелей не было въ цитадели. Чтобы скорѣе извѣстить ихъ, Бюжо велѣлъ сдѣлать три пушечные выстрѣла, не думая о томъ, какъ испугаетъ бѣдную родильницу внезапный громъ подъ ея окнами. Надобно прибавить еще одну подробность, которая лучше всѣхъ прежнихъ: герцогиню принуждали замедлить движеніе ребенка во время родовъ, чтобы успѣли прійдти свидѣтели.

Всѣ эти пошлыя, низкія притѣсненія и жестокости дѣлались генераломъ Бюжо по сношенію съ совѣтомъ министровъ и съ Луи-Филиппомъ. Если бы не было другихъ фактовъ, одна исторія поступковъ съ герцогинею Беррійскою во время ея беременности могла бы показать, какъ чужда душѣ Луи-Филиппа была всякая мысль о совѣстливости.

Послѣ родовъ герцогиня Беррійская объявила имя своего мужа; это былъ графъ Луккези-Палли, сициліанскій аристократъ, съ которымъ она познакомилась и повѣнчалась въ Палермо, передъ отъѣздомъ во Францію. Когда больная оправилась, ее наконецъ освободили и она уѣхала въ Палермо повидаться съ мужемъ, а оттуда думала проѣхать въ Прагу, куда Карлъ X переселился вмѣстѣ съ ея дѣтьми изъ Шотландіи во время ея плѣна. Когда герцогиня объявила имя своего мужа, у легитимистовъ не осталось уже никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно обезчестила себя неравнымъ бракомъ. Еслибъ беременность была слѣдствіемъ отношеній внѣ брака, такую слабость они могли бы еще простить; но дочь, рожденная герцогинею, была рождена въ законномъ бракѣ, неприличномъ титулу принцессы: этого никакъ не могли простить люди, для которыхъ этикетъ былъ выше всего на свѣтѣ. Вся легитимистская партія во Франціи съ презрѣніемъ отвернулась отъ герцогини; только Шатобріанъ сдѣлалъ рыцарскій поступокъ, какъ часто дѣлалъ въ своей жизни. Когда всѣ аристократы отвернулись отъ Маріи-Каролины и позорили ее, онъ предложилъ ей свои услуги и явился посредникомъ между нею и Карломъ X, раздѣлявшимъ общее негодованіе придворныхъ легитимистовъ противъ герцогини. Усилія его, конечно, остались напрасны. Братъ принцессы, король Неаполитанскій, не хотѣлъ видѣться съ сестрою; Карлъ X также не соглашался принять ее въ Прагу и лишилъ опеки надъ дѣтьми. Онъ согласился только устроить кратковременное свиданіе съ ней въ другомъ городѣ, въ Леобенѣ, чтобы нога ея не переступала порогъ его жилища. Бѣдная женщина, отвергнутая всѣми, за кого рисковала жизнью, скоро умерла отъ чахотки. Дочь ея, рожденная во время заключенія, умерла почти въ одно время съ матерью.

Отвергнувъ Марію-Каролину, Карлъ X и его придворные лишились помощи единственнаго умнаго и энергическаго существа, какое было въ ихъ кругу. Легитимисты, остававшіеся во Франціи, получали отъ Карла X и его совѣтниковъ, главнымъ изъ которыхъ былъ Блака, такія несообразныя съ положеніемъ общества инструкціи, что не могли ничего дѣлать. Они надолго лишились всякой самостоя-

Digitized by Google

тельной роли въ ходѣ событій, и единственными противниками іюльской монархіи послѣ неудачной вандейской попытки оставались республиканцы.

Не желая перерывать разсказа о судьбѣ герцогини Беррійской, мы отступили отъ хронологическаго порядка и должны теперь возвратиться цѣлымъ годомъ назадъ, чтобы видѣть, какими происшествіями и мыслями занята была Франція послѣ того, какъ миновалась въ маѣ 1832 года опасность вандейскаго возстанія.

Прогрессисты съ каждымъ мѣсяцемъ яснѣе видѣли, что Луи-Филиппъ окончательно отвернулся отъ нихъ и хочетъ управлять Франціею въ реакціонномъ духѣ. Когда распущена была палата депутатовъ весною 1832 года, либеральные и радикальные члены ея видѣли надобность въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ мѣрахъ для предупрежденія новыхъ опасностей, пораждаемыхъ реакціоннымъ направленіемъ власти. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда холера почти миновалась, Лафитъ созвалъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ. Ихъ собралось около 40 человѣкъ. Тутъ были представители всѣхъ партій, не хотѣвшихъ реакціи, отъ самыхъ умѣренныхъ прогрессистовъ, въ родѣ Лафита, до республиканцевъ. Лафитъ предложилъ составить адресъ къ королю. Одинъ изъ немногихъ республиканскихъ депутатовъ, Гарнье-Паже (братъ его въ 1848 году былъ членомъ временнаго правительства, благодаря славѣ, наслѣдованной отъ этого дѣйствительно замѣчательнаго человѣка, умершаго въ молодости), сказалъ, что на это нельзя согласиться. Луи-Филиппъ, говорилъ онъ, человѣкъ неисправимый; обращаться къ нему съ просьбами и доказательствами совершенно напрасно: это значило бы только дѣлать себя смѣшнымъ, потому что можно впередъ предсказать отказъ на просьбу. Оппозиція имѣетъ передъ собою только одно судилище, на приговоръ котораго можетъ отдавать свои стремленія; это судилище— нація. Гарнье-Паже предлагалъ сдѣлать воззваніе къ націи. Его доводы убѣдили другихъ депутатовъ; по предложенію Шарля Конта было рѣшено изложить передъ націею мысли оппозиціи въ формѣ отчета. Онъ былъ составленъ Кормненомъ и Одилономъ Барро, обнародованъ 28 мая 1832 года за подписью всѣхъ оппозиціонныхъ депутатовъ и произвелъ очень сильное впечатлѣніе.

„Нижеподписавшіеся депутаты, видя опасность системы, все болѣе и болѣе удаляющей правительство отъ создавшей его революціи (говорилъ отчетъ), считаютъ при нынѣшнемъ положеніи Франціи настоятельнѣйшею своею обязанностью отдать своимъ избирателямъ отчетъ о принципахъ, которыми они руководствовались въ совѣщаніяхъ палаты. Если они не могли возвратить правительство къ образу дѣйствій, нужному для его собственнаго спасенія, то они могутъ по крайней мѣрѣ указать на опасность. Мнѣнія о характерѣ іюльскаго переворота были различны. Одни видѣли въ немъ только эпизодъ, только видоизмѣненіе реставраціи; они заключали изъ этого, что люди и принципы реставраціи должны быть людьми и принципами новаго правительства. Вліяніе этого мнѣнія обнаружилось во всѣхъ фазисахъ долгой и безплодной сессіи, теперь окончившейся. Оно было видно въ преніяхъ о королевскомъ бюджетѣ и т. д. Оно управляетъ администраціею государства и его отношеніями къ иноземнымъ державамъ.

„Другіе, и въ томъ числѣ мы, привѣтствовали въ іюльской революціи окончательное утвержденіе принциповъ и правъ, провозглашенныхъ революціею 1789 года“.

Оппозиціонные депутаты говорили, что они по всѣмъ вопросамъ дѣйствовали сообразно принципамъ 1789 г. Такъ, напримѣръ, они хотѣли привести королевскій бюджетъ въ скромные размѣры дѣйствительной надобности; хотѣли, чтобы члены палаты пэровъ избирались подобно членамъ палаты депутатовъ, а не назначались правительствомъ; хотѣли преобразовать армію, уменьшивъ число солдатъ, нахо-

Digitized by Google

дящихся подъ ружьемъ въ мирное время, и образовавъ сильные резервы. Люди тѣвшіе, чтобы іюльская монархія служила только продолженіемъ реставраціи. дали исполниться ни одному изъ этихъ желаній. Оппозиціонные депутаты го рятъ также, что они хотѣли измѣнить и государственный бюджетъ. Мы прив слова отчета объ этомъ предметѣ: они показываютъ, что если чувства оппоз были хороши, то она ограничивалась почти только неопредѣленными чувств не доходя до точныхъ заключеній о формѣ ихъ практическаго осуществленія.

„Продолжатели реставраціи находили всѣ издержки законными, всѣ налоги шими. Мы хотѣли, чтобы революція принесла свой даръ народу. Мы были далеки мысли не заботиться о средствахъ къ защитѣ родныхъ предѣловъ въ случаѣ надоб но болѣе экономное и простое управленіе, выборъ лучшаго основанія для нѣкото налоговъ и менѣе притѣснительный способъ ихъ сбора уменьшили бы тяжесть госу ственныхъ податей; распредѣлившись справедливѣе, онѣ стали бы менѣе обременит для рабочихъ классовъ“.

Желаніе, какъ видимъ, очень хорошее; но какіе же налоги надобно измѣ и какъ измѣнить?—этого оппозиція не говоритъ. Видно, что у нея не было т дыхъ убѣжденій по этимъ вопросамъ. Далѣе оппозиціонные депутаты говор что они хотѣли дать болѣе самостоятельности выборному началу въ мѣстн управленіи, винятъ правительство за то, что оно сохранило всѣхъ администра ровъ, служившихъ Бурбонамъ, и считало единственными своими врагами тѣхъ дей, которые сражались противъ Бурбоновъ. Переходя къ внѣшней политикѣ, позиція винитъ правительство за то, что оно не умѣло поддержать достоинс Франціи въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Отчетъ заключается повт ніемъ мысли, что правительство, уступая какому-то тайному вліянію,—фраза, в которою легко узнать вліяніе Луи-Филиппа,—отступаетъ все дальше отъ прин повъ, на которыхъ основана его власть, и тѣмъ готовитъ себѣ паденіе.

Отчетъ нравился публикѣ своимъ либерализмомъ, но не заключалъ въ с ничего опредѣлительнаго о способѣ дѣйствій, какого стала бы держаться оппо ція, если бы получила власть. Та же самая неопредѣленность оставалась въ м ляхъ парламентской оппозиціи до самаго конца царствованія Луи-Филиппа.

Говоря о неопредѣленности образа мыслей въ оппозиціи, мы, конечно, от симъ это сужденіе только къ большинству депутатовъ ее составлявшихъ, или собственно такъ называемой династической оппозиціи, къ той партіи прогрес стовъ, которые своими предводителями имѣли тогда Лафита и Одилона Барр хотѣли прогресса подъ властью Луи-Филиппа, какъ будто бы при человѣкѣ по номъ Луи-Филиппу возможны были какія нибудь важныя реформы. Но за эт многочисленными депутатами стояла горсть людей, убѣжденія которыхъ были яс по крайней мѣрѣ по вопросу о формѣ правленія. Изъ 135 депутатовъ, подпис шихъ отчетъ, болѣе 100 человѣкъ принадлежали къ династической оппозиціи, х тѣвшей сохранить конституціонную монархію съ Орлеанской династіей. Но че вѣкъ 20 или 25 были республиканцы, убѣжденные, что для произведенія кор ныхъ реформъ необходимо прежде всего устранить власть Луи-Филиппа. Въ ч должны состоять реформы, не было ясно и для большей части изъ этихъ людей. это обнаружили они, когда получили власть въ 1848 году. Но они по край мѣрѣ понимали, какая перемѣна необходима для доставленія самой возможн къ реформамъ; путь къ этой перемѣнѣ видѣли они ясно, и какъ люди съ точны понятіемъ о цѣли своихъ стремленій, очень разсчетливо умѣли пользоваться вс

Digitized by Google

обстоятельствами, которыя могли быть имъ полезны. Сами по себѣ въ палатѣ депутатовъ республиканцы были совершенно безсильны и могли играть въ ней хотя какую нибудь роль, только опираясь на династическую оппозицію; изъ этого возникалъ между нею и республиканцами нѣкотораго рода союзъ, и мы сейчасъ видѣли примѣръ того, какъ онъ приводилъ иногда династическую оппозицію къ дѣйствіямъ, несообразнымъ съ ея собственными намѣреніями и принципами. Она хотѣла изложить свои убѣжденія и причины своего неудовольствія въ адресѣ къ королю; это было очень логично съ ея точки зрѣнія; но республиканецъ Гарнье-Паже убѣдилъ ее, что вмѣсто адреса къ королю гораздо приличнѣе и умнѣе будетъ написать воззваніе къ націи. Съ своей точки зрѣнія онъ поступалъ логично; но что же сдѣлала династическая оппозиція, согласившись съ нимъ? Ясно было, что если она обращается къ націи, то жалоба приносится уже не на министровъ,—на нихъ слѣдовало бы жаловаться королю,—а на самаго короля. Подрывать довѣріе націи къ нему могло быть выгодно для республиканцевъ, но никакъ не для династической оппозиціи, сохранявшей искренно монархическія чувства. Воззваніе къ націи было написано Кормненомъ подъ диктовку Одилона Барро; но все-таки Одилонъ Барро и его товарищи по убѣжденію допустили въ этомъ актѣ намеки, которые вели уже вовсе не къ тому, чего хотѣла династическая оппозиція: актъ ею подписанный говорилъ о тайномъ вліяніи, т. е. вліяніи Луи-Филиппа, уничтожающемъ всякую возможность добра въ рѣшеніяхъ палаты депутатовъ и дѣйствіяхъ министерства. Мы говоримъ не то, чтобы династическая оппозиція выражала этими словами мысль ложную, а только то, что возбужденіе подобной мысли въ публикѣ прямо противорѣчило намѣреніямъ Лафита, Одилона Барро и ихъ политическихъ друзей. Точно также черезъ 15 лѣтъ династическая оппозиція стала дѣйствовать не въ своихъ, а въ республиканскихъ выгодахъ, когда начала знаменитую агитацію посредствомъ банкетовъ, которые привели къ февральской революціи. Люди съ понятіями сбивчивыми всегда работаютъ въ пользу людей съ образомъ мыслей яснымъ и систематичнымъ. Теперь умѣренные прогрессисты, вовсе не хотѣвшіе перемѣны въ правительственныхъ формахъ, работали, сами того не замѣчая, въ пользу республиканцевъ, а за два года передъ тѣмъ, ведя дѣло къ іюльскому перевороту, они работали, такъ же сами того не замѣчая, въ пользу Казиміра Перье, Гизо и ихъ друзей, на которыхъ теперь жаловались націи.

Еще поразительнѣе обнаружилась неспособность династической оппозиціи понимать смыслъ собственныхъ дѣйствій въ рѣшимости, которую приняла она черезъ нѣсколько дней по обнародованіи своего отчета: вопросъ о демонстраціи по поводу похоронъ генерала Ламарка еще прямѣе отчета доказалъ, что династическая оппозиція незамѣтно для самой себя доведена будетъ отъ словъ до дѣйствій, ведущихъ къ торжеству республиканцевъ. Такъ и случилось въ февралѣ 1848 года, когда она согласилась участвовать въ парижскомъ банкетѣ, результатомъ котораго могло быть только или упроченіе власти Гизо посредствомъ картечи и осаднаго положенія, или провозглашеніе республики,—вещи одинаково противныя намѣреніямъ династической оппозиціи. Теперь, въ 1832 году, точно такую же несообразность она сдѣлала, согласившись на демонстрацію при похоронахъ Ламарка. При тогдашнемъ волненіи умовъ, произведенномъ вандейскимъ востаніемъ, отчетомъ оппозиціи, разрушеніемъ надежды на либеральную перемѣну въ правительствѣ по смерти Казиміра Перье, созывать десятки тысячъ народа въ одну процессію, раз-

Digitized by Google

горячать эту массу эмблемами и рѣчами могли бы, кажется, только люди, хотѣвшіе произвесть столкновеніе между народомъ и правительствомъ для низверженія Луи-Филиппа. Республиканцы хотѣли этого; но никакъ не могла хотѣть династическая оппозиція. Чего же она хотѣла и зачѣмъ дѣлала демонстрацію? По своему обыкновенію она не знала, чего хочетъ и что должно выйти изъ ея дѣйствій.

Генералъ Ламаркъ, храбрый солдатъ наполеоновской арміи, одинъ изъ очень немногихъ генераловъ, не измѣнявшихъ отечеству въ 1814 году, пользовался большою популярностью, благодаря честности и прямотѣ характера, уваженію, какое пріобрѣлъ у Наполеона во время его бѣдствій, благодаря пылкости своего патріотизма и либеральному направленію. Когда онъ скончался въ началѣ іюня (1832), оппозиціонные депутаты, припоминая съ какимъ великолѣпіемъ совершены были консерваторами двѣ недѣли тому назадъ похороны Казиміра Перье, вздумали сдѣлать такимъ же политическимъ торжествомъ для своей партіи похороны своего знаменитаго друга. Днемъ похоронъ было назначено 5-ое іюня.

Легитимисты, разстроенные недавними неудачами на югѣ и въ Вандеѣ, и бонапартисты, въ то время очень малочисленные, могли надѣяться на счастливый для тѣхъ или другихъ оборотъ дѣла развѣ только какъ нибудь въ послѣдующемъ его развитіи, при какихъ нибудь особенныхъ случайностяхъ. Прямо могли выступить на борьбу съ Орлеанскою династіею одни только республиканцы. Съ этой точки зрѣнія, они дѣйствовали логически, возбуждая династическую оппозицію къ демонстраціи, подававшей поводъ къ столкновенію, въ которомъ единственный шансъ успѣха, если могъ быть какой нибудь шансъ успѣха, былъ въ пользу республиканцевъ. Но если династическая оппозиція дѣлала ошибку, ведя дѣло къ обороту, несоотвѣтствовавшему ея стремленіямъ, то республиканцы въ свою очередь ошибались, преувеличивая свою надежду на успѣхъ. Они были чрезвычайно малочисленны: правда, они пользовались популярностью въ Парижѣ между работниками; но простолюдины могли принять участіе въ ихъ попыткѣ только тогда, если бы предварительно были расположены къ борьбѣ или долгою агитаціею, или какими нибудь особенными обстоятельствами. Этого не было. Притомъ, сами республиканцы не успѣли согласиться между собою. Большинство ихъ видѣло безнадежность борьбы и не готовилось къ ней. Разсчитывали на успѣхъ только немногіе, не составлявшіе большинства ни въ одномъ изъ четырехъ главныхъ республиканскихъ клубовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, неблагоразумно было со стороны республиканцевъ то, что они не отклонили манифестацію, которая неизбѣжно вела къ столкновенію. Они дорого поплатились за эту ошибку; но гибельное для нихъ дѣло было вредно и для правительства: оно показало, какъ ничтожная горсть людей можетъ привести всѣхъ слугъ Луи-Филиппа къ отчаянію, какъ легко теряютъ голову эти надменные консерваторы, на которыхъ онъ исключительно оперся, какъ мало въ нихъ и преданности, и мужества.

5-го января, съ самаго разсвѣта, улицы около дома Ламарка были наполнены тысячами людей, захотѣвшихъ принять участіе въ процессіи. Она имѣла угрожающій видъ; правительство приготовилось къ этому: въ Парижѣ было собрано 24,000 регулярнаго войска, кромѣ того, въ окрестностяхъ Парижа еще 30,000, готовыхъ двинуться въ столицу. Процессія должна была проходить черезъ весь Парижъ, чтобы дойти отъ дома Ламарка до кладбища Лашеза. На этомъ длинномъ пути, при страшномъ скопленіи народа, конечно происходили нѣкоторыя небольшія

Digitized by Google

драки съ полицейскими, которыхъ прогоняла толпа; одушевленіе увеличивалось революціонными пѣснями. Зрители говорили, что начало іюльской революціи не было такъ грозно, какъ эта процессія, состоявшая изъ десятковъ тысячъ людей. Она дошла до Аустерлицкаго моста. Тутъ была приготовлена эстрада; процессія остановилась; Лафайетъ, маршалъ Клозель, Могенъ сказали рѣчи, отличавшіяся спокойною и грустною торжественностью. Но скоро эти ораторы смѣнились другими, менѣе знаменитыми и болѣе восторженными. Толпа разгорячалась; начали носиться слухи, что въ другихъ частяхъ Парижа уже дерутся, что какой-то генералъ перешелъ на сторону инсургентовъ, что войска также перешли на сторону народа и двинулись на Тюильри. Въ распространеніи этихъ фальшивыхъ извѣстій винятъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, возбуждавшихъ народъ къ столкновенію, чтобы можно было надолго запугать его страшнымъ подавленіемъ мятежа. Справедливо ли вообще такое обвиненіе, трудно рѣшить, но оно соотвѣтствуетъ обыкновенной системѣ французской полиціи, и подтверждается по крайней мѣрѣ однимъ достовѣрнымъ фактомъ: въ толпу въѣхалъ какой-то неизвѣстный простонародью и республиканцамъ человѣкъ въ черномъ платьѣ, сидѣвшій верхомъ на лошади и державшій въ рукѣ красное знамя, увѣнчанное фригійскою шапкою, символомъ 1793 года. Этотъ неизвѣстный являлся очевидно за тѣмъ, чтобъ возбудить массу къ насиліямъ. Но противъ своего ожиданія, онъ произвелъ дурное впечатлѣніе на народъ и въ особенности на республиканцевъ, не хотѣвшихъ, чтобы ихъ считали террористами. Неизвѣстный человѣкъ, потерпѣвъ неудачу, подошелъ къ генералу Флаго, одному изъ приближенныхъ Луи-Филиппа, и они вмѣстѣ ушли въ Тюильри. Народъ оставался спокоенъ.

Но кромѣ пространства у Аустерлицкаго моста, множество другихъ улицъ было наполнено толпою. Въ одной изъ нихъ, безъ всякой надобности явился эскадронъ драгунъ, направлявшійся къ Аустерлицкому мосту, по приказанію префекта полиціи Жиске, а не военнаго коменданта генерала Пажоля: ревность полиціи дѣйствовала и тутъ. Эскадронъ тѣснилъ толпу; изъ нея раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Тогда драгуны отступили и, объѣхавъ окольными улицами, бросились въ аттаку на пространство у Аустерлицкаго моста по Контръ-Эскарпной улицѣ, далекой отъ того мѣста, гдѣ они были встрѣчены выстрѣлами. Тутъ народъ еще не подавалъ никакого повода къ аттакѣ. Онъ былъ раздраженъ этимъ насиліемъ, и видя необходимость защищаться отъ сабельныхъ ударовъ, построилъ баррикаду. Окна сосѣднихъ зданій были заняты наскоро вооружившимися людьми, которые на аттаку противъ народа стали отвѣчать ружейными выстрѣлами. Драгуны смѣшались и ускакали; возстаніе началось. Инсургентовъ было мало, но они быстро разсѣялись по всѣмъ направленіямъ и въ нѣсколько часовъ овладѣли большею частью города, успѣли даже взять безъ боя нѣсколько крѣпкихъ позицій, выгнавъ занимавшіе ихъ караулы, которые въ смущеніи отступали безъ сопротивленія. Въ 6 часовъ вечера успѣхи инсургентовъ были уже такъ велики, что бо́льшая часть правительственныхъ лицъ отчаялись, хотя битва еще не начиналась. Министры и генералы собрались на совѣщаніе. Военный министръ, маршалъ Сультъ, или потерялъ голову, или, какъ потомъ стали подозрѣвать, хотѣлъ измѣнить, въ надеждѣ занять мѣсто Луи-Филиппа. Онъ говорилъ, что посылать войска въ узкія улицы и глухіе переулки, занятые инсургентами, значило бы подвергать солдатъ пораженію, и выказывалъ полную нерѣшительность. Онъ и многіе другіе говорили, что надобно

Digitized by Google

совершенно выступить изъ Парижа, оставивъ его во власти инсургентовъ, и сосредоточить войска за городомъ на Марсовомъ полѣ; а потомъ оттуда штурмовать городъ, какъ штурмуютъ непріятельскую крѣпость. Правительственное собраніе разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Придворные были въ уныніи. Дворецъ опустѣлъ; въ зданіяхъ министерствъ чиновники прятали важнѣйшія бумаги и всѣ приготовлялись къ бѣгству.

Образъ дѣйствій маршала Сульта былъ особенно двусмысленъ. Онъ не понималъ, что низость характера и жадность къ деньгамъ отнимаютъ у него то уваженіе въ народѣ, на какое имѣлъ бы онъ право по своимъ военнымъ заслугамъ. Онъ видѣлъ, что одинъ изъ его товарищей, Бернадоттъ, сдѣлался королемъ шведскимъ. и давно уже думалъ, что подобная карьера доступна и ему, имѣвшему собственно военной славы больше, чѣмъ Бернадоттъ. Во время испанской войны, командуя сильнѣйшею изъ французскихъ армій, защищавшихъ Іосифа, онъ велъ интриги съ англичанами, думая объявить себя королемъ португальскимъ,—по крайней мѣрѣ такъ думали тогда всѣ. Теперь, судя по страннымъ его дѣйствіямъ, стали подозрѣвать, что у него явилась мысль сѣсть на французскій престолъ. Онъ давалъ совѣтъ вывесть войска изъ Парижа, хотя ему, какъ отличному генералу, понятнѣе всѣхъ было, что выступленіе изъ города равнялось бы для Луи-Филиппа потерѣ престола. Въ наступившую ночь (съ 5 на 6 іюня) онъ имѣлъ свиданія съ предводителями республиканцевъ. Но если онъ дѣйствительно хотѣлъ бросить Луи-Филиппа и воспользоваться возстаніемъ для своего личнаго возвышенія, то онъ дѣйствовалъ слишкомъ нерѣшительно и не выигралъ ничего.

Правительство и придворные трепетали; бо̀льшая часть изъ нихъ считали свое дѣло потеряннымъ; но сами инсургенты имѣли еще меньше надежды на успѣхъ. Это были почти все только молодые люди, безъ всякаго значенія въ обществѣ и даже въ собственной партіи. Простолюдины, разочарованные безплодностью іюльской революціи, не приставали къ новому движенію, разсуждая, что и на этотъ разъ успѣхъ не принесъ бы имъ пользы. Быть можетъ, они вовлеклись бы въ движеніе, еслибъ стали во главѣ его люди съ популярными, знаменитыми именами. Инсургенты разсчитывали на содѣйствіе Лафайета и маршала Клозеля. Лафайетъ выразилъ согласіе присоединиться къ нимъ. Но самъ онъ былъ такъ дряхлъ. что не могъ ничего сдѣлать безъ помощи своихъ приближенныхъ, а они не хотѣли подвергать опасности его сѣдую голову, и согласіе, данное лично имъ помогать инсургентамъ, осталось секретомъ, не имѣвшимъ никакихъ результатовъ. Маршалъ Клозель отвѣчалъ инсургенту, который велъ съ нимъ переговоры: „Я присоединяюсь къ вамъ, если вы имѣете на своей сторонѣ хотя одинъ полкъ“. — „Если бы теперь былъ у насъ хотя одинъ полкъ, мы не нуждались бы въ васъ“, сказалъ инсургентъ. При такомъ безсиліи, даже настоящіе предводители республиканской партіи въ палатѣ депутатовъ и въ журналистикѣ считали безнадежнымъ дѣло возстанія, начатое безъ нихъ, и не захотѣли присоединиться къ отчаянной попыткѣ немногихъ энтузіастовъ. Они собрались на совѣщаніе въ конторѣ National'я, въ 8 часовъ вечера (5 января). Арманъ Каррель, самый сильный человѣкъ своей партіи, доказывалъ, что возстаніе не можетъ имѣть успѣха, и поддерживать инсургентовъ значило бы только увеличивать число жертвъ. Нужны были безстрашіе Карреля и его репутація, чтобы говорить это въ собраніи отважныхъ людей, готовыхъ отвѣчать подозрѣніями въ трусости на благоразумный совѣтъ. Но онъ

Digitized by Google

одержалъ верхъ и республиканскіе предводители рѣшили, наперекоръ собственной пылкости, не принимать участія въ возстаніи. Только немногіе второстепенные люди изъ нихъ не захотѣли покориться рѣшенію и отправились въ тѣ части города, гдѣ были построены баррикады.

Вечеромъ 5 іюня инсургенты владѣли множествомъ позицій, но всѣми ими овладѣли только потому, что не нашли сопротивленія въ караулахъ, застигнутыхъ врасплохъ. Повсюду они были чрезвычайно малочисленны и должны были удалиться, когда ночью и на слѣдующее утро явились войска. На разсвѣтѣ 6 іюня въ ихъ рукахъ оставались только два пункта: площадь Бастиліи, при входѣ въ предмѣстье св. Антонія, и часть Сенъ-Мартенской улицы съ выходившими на нее въ тѣхъ мѣстахъ переулками. Не было никакого сомнѣнія, что они черезъ нѣсколько часовъ будутъ выбиты и изъ этихъ позицій.

Между тѣмъ оппозиціонные депутаты собрались у Лафита на совѣщаніе; большинство ихъ думало только о томъ, чтобы очиститься отъ подозрѣнія въ соучастничествѣ съ инсургентами. Было предложено сдѣлать манифестацію въ этомъ смыслѣ. Но нашлись люди болѣе мужественные, которые успѣли убѣдить остальныхъ, что подобный поступокъ былъ неприличенъ, имѣя видъ трусости. Тогда собраніе пришло къ мысли послать къ Луи-Филиппу депутацію, которая высказала бы ему, что система, принятая имъ, служитъ источникомъ всѣхъ волненій въ обществѣ. Противъ этого говорили, что усилія депутаціи останутся безплодны, что Луи-Филиппъ подобно Карлу X имѣетъ свою неизмѣнную систему, отъ которой не захочетъ отступиться, что его ошибки происходятъ не отъ незнанія, а изъ сознательнаго разсчета. Все это было справедливо, но оппозиція считала своею обязанностью сдѣлать предостереженіе, хотя и предвидѣла его безуспѣшность. Членами депутаціи были назначены Араго (астрономъ), Одилонъ Барро и Лафитъ. Отправляясь во дворецъ, депутаты узнали, что возстаніе уже почти совершенно подавлено.

Главная борьба происходила въ Сенъ-Мартенской улицѣ. Площадь Бастиліи была скоро отбита у инсургентовъ, но въ Сенъ-Мартенской улицѣ они держались довольно долго, успѣвъ построить нѣсколько баррикадъ. Тутъ было ихъ всего нѣсколько десятковъ человѣкъ и они знали, что обрекли себя на смерть. Много аттакъ было ими отбито и 60 человѣкъ нѣсколько часовъ противились нѣсколькимъ батальонамъ регулярныхъ войскъ и многочисленнымъ отрядамъ національной гвардіи. Вотъ уже половина инсургентовъ была перебита, оставалось ихъ всего человѣкъ 35. Старикъ съ сѣдой бородою держалъ надъ баррикадою трехцвѣтное знамя. Пуля поразила его, но падая онъ убѣждалъ своихъ товарищей не унывать. Подлѣ него стоялъ молодой человѣкъ, управлявшій движеніями инсургентовъ посредствомъ барабанныхъ сигналовъ. Пуля раздробила ему кисть лѣвой руки. „Ступай въ лазаретъ“, твердили ему.— „Пойду, когда отобьемъ солдатъ“, отвѣчалъ онъ и продолжалъ бить сигналы одной правой рукой. Одинъ изъ людей, защищавшихъ баррикаду, сказалъ, что онъ проголодался и что надобно послать за пищею.— „Стоитъ ли? отвѣчалъ Жаннъ, командовавшій баррикадою: теперь три часа, а въ четыре насъ не будетъ на свѣтѣ“. Регулярныя войска не могли одолѣть эту горсть людей. Надобно было привезти пушки. Баррикада была разбита ядрами; тогда нѣсколько человѣкъ инсургентовъ, остававшихся живыми, пробились штыками сквозь ряды войска, нѣсколько человѣкъ другихъ ушли въ сосѣдній домъ и продолжали

Digitized by Google

тамъ защищаться. Они отстаивали комнату за комнатой, этажъ за этажемъ, наконецъ черезъ кровлю перелѣзли въ ближайшій домъ и спаслись. Всего тутъ было человѣкъ 25; 17 изъ нихъ были убиты, 5 или 6 человѣкъ ушли черезъ кровлю, двое, раненые, были спасены докторомъ. Вообще сопротивленіе было такъ продолжительно и упорно, что сами побѣдители не могли потомъ понять, какимъ образомъ такъ долго защищались отъ нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Между тѣмъ, депутація, посланная оппозиціею, явилась въ Тюильрійскій дворецъ. Луи-Филиппъ, всегда умѣвшій владѣть собою и одаренный замѣчательнымъ мужествомъ, сохранялъ во все время опасности спокойствіе духа и теперь принялъ депутацію съ обыкновенною своею любезностью. Депутаты исполнили свое порученіе твердо. Они сказали королю, что послѣ побѣды, имъ одержанной, удобно ему исправить прежнія ошибки для успокоенія всеобщаго неудовольствія, что минута побѣды должна быть эпохою перемѣны въ его системѣ, что онъ теряетъ свою популярность, что два возстанія, произошедшія почти одновременно на западѣ и въ Парижѣ, показываютъ гибельность политики, получившей господство послѣ отставки Лафита. Луи-Филиппъ, никогда не затруднявшійся отвѣтомъ, возразилъ на это, что если Парижъ обагрился кровью, въ этомъ виноватъ духъ партій; что если, сдѣлавшись королемъ Французскимъ, онъ лишился популярности, какую имѣлъ, будучи герцогомъ Орлеанскимъ, то это не удивительно послѣ клеветы, какой онъ постоянно подвергается отъ враждебныхъ партій. Строгость, выказываемая правительствомъ, продолжалъ онъ, необходима для подавленія постоянныхъ нападеній на него, и въ отчетѣ оппозиціонныхъ депутатовъ всѣ обвиненія—несправедливый вымыселъ. Послѣ этого офиціальнаго обмѣна рѣчей начался разговоръ въ томъ же духѣ. Луи-Филиппъ съ гордостью говорилъ, что ошибаются люди, приписывающіе собственно Казиміру Перье ту систему, которой слѣдовало министерство Перье; онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, увѣряя, что система принадлежитъ ему самому, Луи-Филиппу, и что Перье былъ только орудіемъ его воли. Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ.

Въ разговорѣ съ депутаціею, Луи-Филиппъ обѣщался не принимать никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для преслѣдованія участниковъ и предать ихъ законному суду. Это слово не было сдержано: Парижъ былъ объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи, хотя миновалась всякая опасность. Черезъ это судъ надъ обвиняемыми въ возстаніи передавался военнымъ коммиссіямъ. Изъ всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ, самымъ горячимъ образомъ требовалъ осаднаго положенія Тьеръ. Полиція произвела множество арестовъ и обысковъ. Было между прочимъ приказано арестовать Армана Карреля. Но совершенно неизвинительно было то, что правительство приказало медикамъ и хирургамъ доносить о раненыхъ, которые поступили къ нимъ въ госпитали или будутъ лечиться на дому. Не нашлось ни одного человѣка изъ докторовъ, который былъ бы столь низокъ, чтобы исполнить это требованіе.

Парижъ роптaлъ. Военно-судныя коммиссіи начали процессы противъ заговорщиковъ. Но по первому-же приговору, произнесенному одною изъ этихъ коммиссій, была подана апелляція въ кассаціонный судъ, и онъ, выслушавъ Одилона Барро, бывшаго защитникомъ обвиненнаго, уничтожилъ приговоръ, признавъ, что преданіе обвиняемаго военному суду составляло превышеніе власти и нарушало конституцію. Это былъ тяжелый ударъ для правительства, признаннаго виновнымъ въ

Digitized by Google

такой же незаконности распоряженій, какою произведены были іюльскія событія. Осадное положеніе было снято и процессы переданы законному уголовному судилищу. Изъ 22 человѣкъ обвиненныхъ только 5 были осуждены, остальные оправданы. Изъ осужденныхъ самому тяжелому наказанію подвергся Жаннъ, командовавшій баррикадою Сенъ-Мартенской улицы: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ. Остальные подверглись заключенію въ тюрьму на небольшое число лѣтъ. Эта многочисленность оправданій и мягкость наказаній также свидѣтельствовала о глубокомъ недовольствѣ общественнаго мнѣнія господствующею системою. Такимъ образомъ изъ трехъ партій, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ 5 и 6 іюня, каждая въ свою очередь подвергла себя пораженію по собственной неразсчетливости. Династическая оппозиція, вовсе не хотѣвшая возстанія, компрометировала себя согласіемъ на демонстрацію, которая неизбѣжно вела къ вооруженному столкновенію. Республиканцы разсчетливо шли къ той цѣли, какую дѣйствительно имѣли, но выбрали для взрыва неудобное время и преждевременностью борьбы навлекли на себя неудачу, отъ которой долго не могли оправиться. Наконецъ консервативная партія и Луи-Филиппъ, восторжествовавъ надъ противниками, надѣлали такихъ неловкостей, что только усилили прежнее неудовольствіе и послѣ побѣды увидѣли себя въ положеніи худшемъ прежняго.

Этотъ ходъ дѣла приводитъ насъ къ заключенію, какое вообще выводится почти изъ всѣхъ катастрофъ. Напрасно было бы думать какой нибудь партіи, что вредъ, наносимый противникамъ, непремѣнно долженъ обратиться ей въ пользу. Нѣтъ, дѣйствительно существуютъ выше всѣхъ вопросовъ о побѣдѣ той или другой партіи интересы цѣлаго общества, и тѣ дѣйствія, которыя вредятъ имъ, приносятъ въ результатѣ вредъ не однимъ противникамъ, но всѣмъ безъ исключенія, въ томъ числѣ даже людямъ, основывающимъ свой успѣхъ на нихъ. Есть мѣры, къ которымъ никогда не долженъ прибѣгать разсчетливый человѣкъ, какъ бы гибельны ни были онѣ для людей ему ненавистныхъ. Мы говоримъ это не съ точки зрѣнія нравственности или гуманности, а даже просто съ точки зрѣнія выгодности, эгоистическаго разсчета. Династическая оппозиція хотѣла повредить правительству, и дѣйствительно подвергла его бѣдѣ. Но что она выиграла сама? Она только компрометировала себя. То же самое надобно сказать и о республиканцахъ, и о консерваторахъ, руководимыхъ Луи-Филиппомъ. Эти три партіи были смертельно враждебны другъ съ другомъ, но для каждой изъ нихъ одинаково было бы лучше, еслибъ не произошло событій 5 и 6 іюня. Каковы бы ни были цѣли извѣстной партіи, но каждая должна была бы помнить, что нанесеніе вреда обществу не можетъ быть полезно даже и для частныхъ ея цѣлей. Конечно, хорошо говорить это людямъ спокойно смотрящимъ издали на историческую борьбу, и почти нѣтъ человѣку возможности удержаться отъ опрометчивыхъ дѣйствій, когда онъ охваченъ вихремъ исторической жизни, влекущей къ столкновеніямъ, столь же неизбѣжнымъ, какъ и напраснымъ. Но если уже нельзя удержаться отъ вредной растраты собственныхъ силъ и общественныхъ средствъ въ безплодныхъ катастрофахъ, то надобно по крайней мѣрѣ помнить, что есть другой гораздо спокойнѣйшій путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, путь ученаго изслѣдованія; и надобно было бы не безславить тѣхъ немногихъ людей, которые работаютъ на этомъ пути за всѣхъ насъ, увлекающихся пристрастіемъ къ внѣшнимъ событіямъ и къ эффектному драматизму собственно такъ называемой политической исторіи.

Digitized by Google

Мы обыкновенно не помнимъ и этого. Мыслители, отыскивающіе средства къ отстраненію тѣхъ недостатковъ, изъ которыхъ проистекаютъ гибельныя для всего общества катастрофы, подвергаются насмѣшкамъ и клеветамъ общества, которому хотятъ помочь. Довольно нелѣпымъ образомъ, за основаніе для порицаній и гоненій берется то, что они нововводители. Но вѣдь въ томъ именно и состоитъ общественная потребность, что старыя отношенія не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ жизни, стало быть должны замѣниться новыми.

Мы видѣли, изъ чего проистекали волненія, смущавшія Францію при іюльской монархіи,—источникомъ всѣхъ ихъ и самаго іюльскаго переворота былъ тотъ же самый фактъ, который служилъ причиною всѣхъ важныхъ событій французской исторіи съ конца прошлаго вѣка. Либералы, совершившіе іюльскій переворотъ, не могли бы ничего сдѣлать, еслибъ не помогли имъ парижскіе простолюдины. Тѣ же простолюдины давали силу людямъ, низвергнувшимъ старинное французское устройство въ концѣ прошлаго вѣка. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своимъ защитникомъ отъ возвращенія стараго порядка дѣлъ. Когда они убѣдились, что Наполеонъ дѣйствуетъ въ свою, а не въ ихъ пользу, они покинули его, и только это охлажденіе массы къ Наполеону дало возможность низвергнуть его въ 1814 году. Когда она увидѣла, что при Бурбонахъ не стало для нея лучше, чѣмъ было при Наполеонѣ, она низвергла ихъ, въ надеждѣ пріобрѣсть нѣчто лучшее безъ нихъ. Источникомъ всей силы, какую имѣло то или другое французское правительство, бывала надежда массы, что оно благопріятно для нея; недовольство ея своимъ положеніемъ было всегда причиною катастрофъ. Изъ чего же происходило это недовольство?

Не изъ политическихъ убѣжденій: масса одинаково была предана сначала республикѣ, потомъ абсолютной монархіи Наполеона. Къ политическимъ формамъ въ сущности была она равнодушна. Ея требованія относились къ предметамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою или другою политическою формою,—самымъ яснымъ свидѣтельствомъ тому служило Ліонское возстаніе 1832 года, о которомъ разсказывали мы въ прошлый разъ. И если политическія формы падали одна за другою по неудовлетворенности этихъ требованій при каждой изъ нихъ, то повидимому люди всѣхъ политическихъ партій должны были бы радоваться попыткамъ мыслителей къ пріисканію средствъ для удовлетворенія потребностей массы: какова бы ни была форма политическаго устройства, предпочитаемая извѣстною партіею, все равно, эта форма могла получить прочность только отъ разрѣшенія вопросовъ, составлявшихъ предметъ изслѣдованія для тѣхъ мыслителей, которые заботились пріискать средства къ удовлетворенію потребностей массы. Но всѣ политическія партіи—абсолютисты, конституціонисты, республиканцы—одинаково возставали противъ этихъ попытокъ, которыми пролагался единственный путь къ успокоенію общества. Республиканцы сдѣлали такую ошибку въ 1848 году; теперь, при іюльской монархіи, дѣлали ее консерваторы и умѣренные либералы.

Первою изъ попытокъ найти способы къ удовлетворенію потребностей массы былъ во Франціи въ нашемъ вѣкѣ сенъ-симонизмъ. Его основатели были подвергнуты судебному преслѣдованію вскорѣ послѣ событій, произошедшихъ изъ манифестаціи при похоронахъ Ламарка.

Digitized by Google

III.

VIII. Процессъ Менильмонтанскаго семейства.

Приверженцы новыхъ политическихъ и общественныхъ идей постоянно жалуются на то, что ихъ предшественники и предводители подвергались и подвергаются преслѣдованіямъ, какъ враги общественнаго спокойствія, люди вредные для общества. Но жаловаться тутъ ровно не на что. Преслѣдованіе — натуральная участь новизны не въ однѣхъ общественныхъ идеяхъ, а рѣшительно во всемъ: и въ отвлеченной наукѣ, и въ искусствѣ. Вспомнимъ: огромное большинство врачей очень долго называло нелѣпостью открытіе Гарве, что кровь не стоитъ, а течетъ въ нашихъ жилахъ; вспомнимъ: огромное большинство математиковъ и натуралистовъ очень долго называло нелѣпостью законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ. Смотря по тому, къ какой сферѣ относится новизна, различна бываетъ и форма возбуждаемаго ея преслѣдованія. Если дѣло относится къ отвлеченной наукѣ, человѣкъ вводящій новую идею заслуживаетъ репутацію невѣжды и сумасброда; если дѣло относится къ невиннымъ, безвреднымъ и безполезнымъ искусствамъ, человѣкъ за новизну идей провозглашается лишеннымъ изящнаго вкуса, безталаннымъ фантазеромъ,—такимъ долго считали Грёза, вздумавшаго ввести простоту и человѣческое чувство во французскую аффектированную и холодно-сладострастную живопись. Если дѣло относится къ обществу, къ политикѣ, то, конечно, и отрицательное воздаяніе должно имѣть административный и юридическій характеръ. Этому такъ и слѣдуетъ быть, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи общества. Быть можетъ, когда состояніе массы измѣнится, когда она будетъ руководиться собственными, а не чужими внушеніями въ своихъ мнѣніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, — очень можетъ быть, что тогда будетъ иначе; но это время еще очень далеко, а до той поры новыя общественныя идеи должны по всѣмъ возможнымъ основаніямъ и разсчетамъ подвергаться преслѣдованію, какъ бы полезны въ сущности ни были.

По нашему разсказу о фактахъ, составлявшихъ такъ называемую исторію въ первые годы іюльской монархіи, можно уже достаточно судить о томъ, каковы были существенныя потребности французской націи, хорошо ли удовлетворялись онѣ и много ли заботились о ихъ удовлетвореніи существовавшія тогда власти. Мы видѣли, что народъ, пробужденный изъ своей обычной летаргіи іюльскими днями, ежедневно грозилъ возстаніемъ, что уже и было довольно много попытокъ возстанія въ Парижѣ и Ліонѣ, единственныхъ двухъ пунктахъ, гдѣ масса народа такъ велика, что можетъ, хотя по временамъ, одушевляться сознаніемъ своихъ силъ. Мы видѣли, что половина всѣхъ правительственныхъ заботъ тратилась на подавленіе возстаній, а другая употреблялась на устройство личныхъ отношеній Луи-Филиппа; у правительства не оставалось времени позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыми вызывались смуты, подвергавшія опасности его существованіе; а между тѣмъ смуты возникали изъ тяжелыхъ обстоятельствъ массы. Для облегченія судьбы народа не было ничего дѣлано правительствомъ; она почти не занимала и либеральную часть палаты, увлеченную въ споры противъ правительства по вопросамъ, быть можетъ очень интереснымъ для образованныхъ и зажиточныхъ

Digitized by Google

сословій, но не имѣвшимъ никакого прямаго отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ массы народа. При такой беззаботности правительства и самихъ депутатовъ о народѣ, надобно было заняться заботою о его судьбѣ людямъ, не имѣвшимъ никакого официальнаго характера, никакой власти, такъ называемымъ теоретикамъ. Первая теорія объ улучшеніи народнаго быта, обратившая на себя большое вниманіе во французскомъ обществѣ, стала извѣстна подъ именемъ сенъ-симонизма. хотя самъ Сенъ-Симонъ положилъ только общія, очень неопредѣленныя основанія ей, а школа людей, гордившаяся названіемъ его учениковъ, переработала и развила мысли учителя такъ, что придала имъ значеніе, какого онѣ вовсе не имѣли у самаго Сенъ-Симона.

Первыя проявленія новыхъ общественныхъ стремленій всегда имѣютъ характеръ энтузіазма, мечтательности, такъ что болѣе походятъ на поэзію, чѣмъ на серьёзную науку. Таковъ былъ и характеръ сенъ-симонизма. Чтобы понять, какимъ образомъ могли дойти до фантастическихъ грезъ въ своихъ реформаторскихъ идеяхъ люди, оказавшіеся впослѣдствіи очень практичными дѣльцами, мы должны нѣсколько ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе фрунцузскаго общества.

Теперь французъ только по преданію знаетъ о порядкѣ дѣлъ, господствовавшемъ до временъ большой революціи. Хорошъ или дуренъ новый порядокъ вещей, но нація уже свыклась съ нимъ и безвозвратно отдѣлилась мыслью отъ дореволюціонной старины. Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ было не то: въ націи оставались еще живыя воспоминанія о феодальной старинѣ, о средневѣковомъ бытѣ, уничтоженномъ революціею. Революція не исполнила всѣхъ надеждъ, ею возбуждавшихся; не уничтожила бѣдности народа, давъ ему политическія права. У многихъ родилась мысль, что новый порядокъ, оставляющій каждаго на произволъ судьбы, хуже прежняго, при которомъ простолюдинъ, находясь въ гражданской зависимости отъ аристократа, пользовался его покровительствомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ говорилось въ старину, и бѣдствія настоящаго располагали придавать серьезное значеніе старинному преданію о покровительствѣ отъ высшаго низшему. Конечно, это расположеніе идеализировать старинныя отношенія всего скорѣе могло обольстить собою человѣка происходившаго изъ аристократіи. Ученіе Сенъ-Симона, основанное на мысли, что опека высшихъ надъ низшими можетъ быть полезна для низшихъ, показываетъ намъ въ реформаторѣ герцога, потомка феодаловъ, наслѣдника средневѣковыхъ воззрѣній.

Человѣкъ необыкновеннаго ума и рѣдкаго благородства, полный пламеннаго состраданія къ бѣдствіямъ массы, Сенъ-Симонъ видѣлъ передъ собою ту самую картину, какую и теперь видитъ каждый; но чужія несчастія и общественныя несообразности, не возмущающія душевнаго спокойствія людей съ обыкновеннымъ сердцемъ, мучили его.

Повсюду вокругъ себя онъ видѣлъ ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбытъ товара, борьбу работниковъ между собою за полученіе работы, борьбу фабриканта съ работникомъ за размѣръ платы, борьбу бѣдняка противъ машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежній кусокъ хлѣба; эта война называется конкурренціею и насъ увѣряютъ, что она приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда; очень можетъ быть; но страданія ею приносимыя неизмѣримо велики, потому что она губитъ всѣхъ слабѣйшихъ въ каждомъ званіи, въ каждомъ

Digitized by Google

промыслѣ. У кого больше капитала, тотъ богатѣетъ, а всѣ другіе раззоряются изъ самой свободы возникаетъ монополія милліонеровъ, порабощающихъ себѣ все; земли обременены долгами; ремесленники, сами бывшіе хозяевами, замѣняются наемными рабочими; духъ спекуляціи влечетъ общество къ отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждаго противоположна выгодѣ другихъ людей и каждый родъ занятій враждебенъ другому. Рынки завалены товарами не находящими сбыта, фабрики запираются и рабочіе остаются безъ хлѣба. Всѣ открытія науки обращаются въ средства порабощенія и оно усиливается самимъ прогрессомъ: пролетарій дѣлается просто рукояткою машины и безпрестанно бываетъ принужденъ жить милостынею; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ остается безъ всякихъ средствъ къ жизни; его дочь продаетъ себя отъ голода, его сынъ съ семи лѣтъ дышитъ зараженнымъ воздухомъ фабрикъ. Таково было матеріальное положеніе общества, представлявшееся Сенъ-Симону.

Тотъ же самый хаосъ видѣлъ онъ и въ нравственной жизни общества: оно не имѣло никакихъ твердыхъ убѣжденій, оно только привыкло слышать, что все вздоръ, кромѣ личной денежной выгоды. Самый бракъ сталъ просто коммерческою сдѣлкою, денежнымъ разсчетомъ: женихъ продаетъ себя, невѣсту продаютъ. При такомъ началѣ невозможно хорошее продолженіе супружеской жизни: мужъ всегда невѣренъ женѣ, жена почти всегда измѣняетъ мужу, супружеское счастье — рѣдкость, которой никто даже не вѣритъ; едва умираетъ человѣкъ, надъ его трупомъ начинаются ссоры и процессы изъ-за наслѣдства: общественная жизнь наполнена жесточайшею враждою между родными; эта гнусность простирается до того, что безпрестанно возникаютъ тяжбы у дочери съ отцемъ за имущество матери, у сына съ матерью за имущество отца. Вотъ какова семейная жизнь зажиточныхъ сословій. Для простолюдина съ каждымъ днемъ уменьшается возможность имѣть семейство: молодой человѣкъ не имѣетъ средствъ содержать жену, дѣвушка находитъ любовника, но не находитъ мужа; супружество замѣняется наложничествомъ. А если бѣднякъ по безразсудству женится, онъ принужденъ не воспитывать дѣтей, а дѣлать ихъ орудіями, помогающими прокормленію семьи: маленькіе мальчики и дѣвочки уже работаютъ на фабрикахъ, погибая тѣломъ отъ чрезмѣрной работы, погибая душою отъ преждевременнаго разврата: имъ нужно было бы подышать свѣжимъ воздухомъ, поиграть, а они заперты въ душной мастерской, въ которой перемѣшаны оба пола и происходятъ грязныя сцены. Каждый день въ пять часовъ утра тѣснится у дверей фабрики толпа этихъ несчастныхъ дѣтей, блѣдныхъ, слабыхъ, съ потусклымъ взоромъ, съ спиною уже сгорбленною, какъ у стариковъ. Шарль Дюпенъ уже докладывалъ палатѣ пэровъ, что изъ тысячи молодыхъ людей, призываемыхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ на очередь по конскрипціи, 898 человѣкъ оказываются неспособными къ военной службѣ по болѣзненности или изуродованности.

Мы уже видѣли, чѣмъ были поглощены силы правительства: не заботами объ общественномъ благѣ, а личными интригами, отчаянными усиліями поддержать свое существованіе, безплодными для народа турнирами ораторскаго краснорѣчія; мы видѣли, что депутаты были представителями одного зажиточнаго сословія, находившаго выгоду себѣ при общественномъ устройствѣ, столь тяжеломъ для массы: они не имѣли и мысли преобразовать его; притомъ же въ числѣ депутатовъ было столько чиновниковъ, безусловно зависящихъ отъ правительства, что министры

Digitized by Google

всегда и во всемъ имѣли за себя большинство, и не могло пройдти черезъ палату ничто не поддерживаемое министрами.

Все это возмущало Сенъ-Симона. Онъ сталъ думать о необходимости совершенно перестроить общественный бытъ. Онъ былъ потомокъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Франціи, герцогъ, богачъ; онъ пожертвовалъ всѣмъ для изслѣдованій о средствахъ улучшить положеніе страдавшихъ простолюдиновъ. Прежде всего, онъ считалъ нужнымъ изучить природу человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ самыхъ изысканныхъ до самыхъ грубыхъ, отъ самой высокой добродѣтели до низкихъ пороковъ. Самъ будучи человѣкомъ чистѣйшей нравственности, онъ вошелъ въ развратнѣйшіе круги, чтобы изучить, какими причинами и влеченіями обольщаются порочные люди; серьезный ученый, онъ сдѣлалъ свой домъ центромъ легкомысленныхъ забавъ аристократическаго общества, чтобы видѣть, почему становится человѣкъ пустымъ и легкомысленнымъ. Блестящіе балы смѣнялись у него собраніями ученыхъ, потому что онъ хотѣлъ также наблюдать, какимъ образомъ проявляется въ человѣкѣ стремленіе къ знанію. Изучивъ самымъ близкимъ наблюденіемъ высшія потребности человѣка и уклоненія, возникающія отъ изысканной цивилизаціи. онъ захотѣлъ узнать, что такое бѣдность; тутъ наблюденіе казалось ему недостаточнымъ, нуженъ былъ собственный опытъ и притомъ серьёзный, а не шуточный: онъ преднамѣренно, обдуманно, разсчетливо раззорился и конецъ своей жизни провелъ въ величайшей бѣдности, добывая пропитаніе ремесломъ переписчика. Такая жизнь свидѣтельствуетъ объ экзальтаціи филантропической любознательности, о фанатической преданности дѣлу, похожей на мономанію. Эта черта отразилась и на теоріи, которую извлекъ онъ изъ своихъ изумительныхъ опытовъ.

Сенъ-Симонъ видѣлъ въ исторіи человѣчества прогрессивное движеніе и замѣчалъ, что по временамъ оно чрезвычайно усиливается, а потомъ человѣкъ ищетъ отдыха въ состояніи временной почти совершенной неподвижности, чтобы, собравъ силы въ этомъ отдыхѣ, снова броситься въ стремительное движеніе. Поэтому онъ раздѣлялъ исторію на два разряда періодовъ, смѣняющихся одинъ другимъ: періоды, въ которыхъ владычествуетъ какая нибудь система понятій и учрежденій. вышедшая изъ предъидущей эпохи движенія; эта система представляетъ нѣчто связное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всѣхъ своихъ частяхъ; отдыхающее человѣчество подчиняется этой системѣ; такія эпохи Сенъ-Симонъ называлъ органическими. Собравъ силы, человѣчество принимается передѣлывать прежнюю систему своихъ понятій и учрежденій, является отрицаніе, разрушеніе. борьба защитниковъ старины съ нововводителями во всѣхъ отрасляхъ жизни; такія эпохи передѣлки онъ называлъ критическими. Онъ видѣлъ органическую эпоху въ язычествѣ до Сократа, потомъ критическую эпоху разрушенія язычества, смѣны его христіанскими понятіями и учрежденіями; когда христіанство окончательно восторжествовало въ Европѣ, западное человѣчество снова успокоилось въ органической эпохѣ, продолжавшейся до Лютера; съ Лютера снова началась и до сихъ поръ продолжается критическая эпоха. Задача Сенъ-Симона состояла въ томъ, чтобы найти систему понятій и учрежденій, на которыхъ снова могло бы успокоиться общество.

Онъ замѣчалъ, что общество дѣлится на трудящихся и праздныхъ; ему казалось, что сообразна съ стремленіями общества будетъ только такая система, въ которой будутъ господствовать трудящіеся. Для этого необходимо имъ организоваться.

Digitized by Google

Первымъ основаніемъ организаціи трудящихся Сенъ-Симонъ находилъ ихъ распредѣленіе на три разряда по тремъ главнымъ способностямъ, которымъ соотвѣтствуетъ ихъ трудъ. Человѣкъ чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ; Сенъ-Симонъ раздѣлялъ трудящихся на артистовъ, трудъ которыхъ дѣйствуетъ на чувство, на ученыхъ, развивающихъ человѣческую мысль, и на промышленныхъ людей (les industriels), исполняющихъ потребности, удовлетворяемыя матеріальною дѣятельностью. Теперь надобно было найдти законъ, по которому опредѣлялись бы взаимныя отношенія этихъ классовъ.

Въ мысляхъ, внушившихъ Сенъ-Симону рѣшеніе этого вопроса, видны сильные слѣды католическихъ идей, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ: его теорія приходила къ полному отрицанію католичества, такъ же какъ и всѣхъ формъ протестантства, но выросла она на почвѣ католичества. Ему казалось, что до Лютера католичество въ самомъ дѣлѣ служило очень сильной нравственной связью между всѣми народами и сословіями западной Европы, какъ увѣряютъ католическіе писатели; ему казалось, что католичество до Лютера въ самомъ дѣлѣ было элементомъ прогресса въ исторической жизни, имѣло на нее благотворное вліяніе. Онъ думалъ, будто бы паденіе этой предполагаемой нравственной связи, никогда не бывшей дѣйствительно сильною въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ей Сенъ-Симонъ,—будто бы это паденіе оставило въ сердцѣ человѣка и въ общественныхъ учрежденіяхъ пустоту, которую надобно наполнить новымъ подобнымъ учрежденіемъ. Разумѣется, это мнѣніе было фантасмагоріею: человѣчество ровно ничего не потеряло отъ замѣны папской власти въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ властью духовенства, не признававшаго папу, хотя (надобно признаться) мало и выиграло отъ той формы, какую приняла реформація въ Германіи и Англіи, потому что лютеранство и англиканство сохранили въ себѣ прежній католическій духъ. Власть надъ умами необразованныхъ сословій и немыслящаго большинства образованныхъ сословій, принадлежавшая католичеству до Лютера, осталась и послѣ Лютера у католичества въ южной Европѣ, подобнаго католичеству протестантства въ сѣверной Европѣ; а малочисленные мыслящіе люди, непризнающіе этихъ опекъ, не признавали и католической опеки въ Среднихъ вѣкахъ. Можетъ быть, число такихъ людей постепенно увеличивается; но это возрастаніе самостоятельной части общества просто слѣдствіе постепеннаго развитія и распространенія наукъ, и эти люди уже не могутъ быть возвращены подъ умственную опеку, какъ не возвращались подъ нее и въ Средніе вѣка.

Сенъ-Симону казалось иначе. Онъ думалъ, будто бы католичеству принадлежала власть надъ развитыми умами и будто бы можно возстановить надъ ними владычество авторитета; онъ думалъ, что этимъ возстановленіемъ внесется въ общество гармонія понятій, что изъ гармоніи понятій возникнетъ гармонія стремленій и дѣйствій, которая приведетъ людей къ благоденствію. Какимъ же способомъ создать эту власть надъ умами?

Сначала Сенъ-Симону казалось, что она должна возникнуть изъ сословія ученыхъ и онъ придумалъ очень фантастическій способъ помочь ея возстановленію. Въ „Письмахъ жителя Женевы къ его современникамъ“ онъ предлагалъ открыть подписку на гробѣ Ньютона; участвовать въ этой подпискѣ призывались бы всѣ: богатые и бѣдные, мужчины и женщины; каждый далъ бы, сколько можетъ и хочетъ, и, давая свое пожертвованіе, назначалъ бы нѣсколькихъ людей изъ числа

Digitized by Google

ученыхъ и художниковъ, авторитету которыхъ онъ наиболѣе вѣритъ; по проэкту Сенъ-Симона, онъ долженъ былъ назначить трехъ математиковъ, трехъ физиковъ. трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Собранныя подпискою деньги распредѣлились бы между учеными и артистами, получившими извѣстное число голосовъ, а тѣ двадцать одинъ человѣкъ изъ ученыхъ и артистовъ, которые получили наибольшее число голосовъ, составили бы „Ньютоновъ Совѣтъ", который взялъ бы въ свои руки умственное и нравственное управленіе народами, направлялъ бы ихъ къ одной общей цѣли и водворялъ бы повсюду гармонію понятій.

Само собою разумѣется, что эта наивная фантазія никого не очаровала. Видя неуспѣхъ, Сенъ-Симонъ сталъ доискиваться его причинъ и ему показалось, что онѣ заключаются не въ самой сущности его мысли, совершенно непригодной къ исполненію, а только въ подробностяхъ придуманнаго имъ способа. Ему показалось, что напрасно онъ обратился къ ученымъ, потому что ученые — сословіе безжизненное, сухое, не имѣющее иниціативы, неспособное развивать новыя мысли, а только принимающее идеи, выработанныя другими сословіями. Живой элементъ въ обществѣ составляетъ промышленность; она быстро развивается и ведетъ общество, куда хочетъ. Сенъ-Симонъ подумалъ, что исполнителями его мыслей будутъ промышленные люди. Онъ придумалъ проэктъ общественнаго устройства, по которому правитель былъ бы не главою бюрократическаго принципа, не представителемъ государства въ дипломатическихъ и военныхъ дѣлахъ, а главою промышленныхъ людей; министрами его были бы просвѣщенные промышленники; заботою ихъ было бы обращать государственные доходы на развитіе промышленности; система налоговъ была бы устроена такъ, чтобы давать трудящимся людямъ совершенный перевѣсъ надъ праздными въ государственной жизни. Но черезъ нѣсколько времени, Сенъ-Симонъ увидѣлъ несостоятельность и этого плана: промышленные люди. подобно ученымъ, оказались неспособными осуществить мысли реформатора и ему оставалось только обратиться къ артистамъ.

Съ каждою передѣлкою Сенъ-Симонъ пополнялъ свою теорію и въ этой послѣдней передѣлкѣ она получила наконецъ тотъ видъ, въ которомъ послужила основаніемъ такъ называемаго сенъ-симонизма, развитаго, какъ мы замѣтили, не самимъ родоначальникомъ школы, а ужь его учениками.

Коренною идеею Сенъ-Симона въ послѣднемъ видѣ его теоріи служитъ любовь. При нынѣшнемъ положеніи общества обязанность любить ближняго какъ брата должна состоять въ заботѣ о наискорѣйшемъ возможномъ улучшеніи матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Въ этомъ и состояла цѣль папской власти, пока папы оставались вѣрны своему назначенію: тогда они и господствовали надъ міромъ. Но въ самомъ основномъ принципѣ папства былъ уже важный недостатокъ, портившій все дѣло. Католичество учило, что власть папы ограничивается только религіозною, умственною, нравственною жизнью человѣка, а мірскія, матеріальныя дѣла подлежатъ вѣдомству свѣтской власти. Изъ этого возникъ дуализмъ папы и императора, характеризующій Средніе вѣка. Лишенное заботы о матеріальныхъ интересахъ людей, католичество тратило свои силы въ безплодныхъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ, не приносившихъ никакой матеріальной пользы людямъ. Въ своемъ безсиліи надъ матеріальною жизнью, папство дошло до того, что обратило въ принципъ, въ нрав-

Digitized by Google

ственную обязанность свое пренебреженіе къ этой сторонѣ жизни, отнятой изъ-подъ его вѣдомства свѣтскою властью, стало говорить, что человѣкъ долженъ презирать свое тѣло. Единственнымъ утѣшеніемъ для многочисленнѣйшаго класса, страдающаго отъ матеріальныхъ нуждъ, папство выставило фразу: „терпѣніе есть добродѣтель, физическое страданіе ведетъ къ духовному наслажденію;“ оно обольщало людей фантасмагоріею, потому что не въ силахъ было оказать имъ дѣйствительной помощи. Этого утѣшенія, по мнѣнію Сенъ-Симона, могло быть достаточно для тѣхъ временъ, когда свѣтская власть обнаруживалась только войною и завоеваніями. Но пришло другое время, когда она стала ризвиваться путемъ промышленности: тогда католичество было потрясено до самыхъ основаній, потому что для промышленности нужна была новая наука, а католичество не давало ея, и господство надъ умами перешло въ руки міряиъ. Кеплеръ, Гуттенбергъ, Медичи, родоначальники и покровители новой науки, новыхъ искусствъ, были міряне; математика, физика, физіологія, астрономія развивались трудами мірянъ и свѣтское общество получило господство надъ человѣческими понятіями; тогда католичество должно было пасть, явился Лютеръ и прежняя власть папы надъ умами исчезла. Папа утратилъ свое значеніе, когда свѣтское общество повело людей по пути улучшенія участи многочисленнѣйшаго класса. Но и Лютеръ въ свою очередь не возстановилъ истиннаго значенія духовной власти, потому что подчинилъ ее свѣтской власти. Притомъ же онъ изгналъ изъ протестантства артистическій элементъ, соотвѣтствующій одной изъ трехъ главныхъ способностей человѣка — чувству. Протестантство разрушило папскую власть, но само оказалось неудовлетворительнымъ, и общество нуждается теперь въ духовной власти, которая обнимала бы всѣ потребности человѣка и вела бы людей къ цѣли христіанства, къ улучшенію судьбы многочисленнѣйшаго класса, дѣйствуя на чувство черезъ артистовъ, на умъ черезъ ученыхъ, на матеріальныя дѣла черезъ промышленныхъ людей; эта власть должна создать систему, по которой устремляла бы она всѣхъ людей къ одной общей цѣли посредствомъ силы своего тонкаго чувства, глубокой науки и неутомимой дѣятельности. Сенъ-Симонъ думалъ, что нашелъ теорію этой власти и призванъ создать ее.

Намъ нѣтъ нужды объяснять передъ читателями, что вся его теорія возникаетъ изъ ошибочныхъ представленій о роли, будто бы принадлежавшей католичеству, и о возможности держать умъ развитыхъ людей подъ опекою авторитета. Сенъ-Симонъ называлъ свою теорію новымъ религіознымъ ученіемъ и дѣйствительно отвергалъ католическіе догматы; но догматическая разница не мѣшала его системѣ принадлежать къ тому же самому разряду нравственныхъ явленій, къ какому относилось католичество. Проникнутый его духомъ, Сенъ-Симонъ не замѣчалъ, что притязанія католичества на власть надъ умами всегда были неудачны, даже въ Средніе вѣка: люди назывались католиками, исполняли католическіе обряды, потому что ихъ заставляли дѣлать это, или по машинальной привычкѣ; но въ сущности каждый руководился или житейскими или учеными понятіями совершенно иного рода: люди и въ Средніе вѣка хлопотали о богатствѣ, о почестяхъ или бились изъ-за куска хлѣба; они ненавидѣли другъ друга въ случаѣ столкновенія выгодъ, они безпрестанно сражались между собою, хотя и носили одинаковое имя католиковъ; каждый изъ нихъ всегда радъ былъ ослушаться папскаго приказанія, противорѣчащаго его выгодамъ, если только имѣлъ хотя какую нибудь возмож-

Digitized by Google

ность ослушаться. Сами прелаты помогали папѣ только потому, что находили въ томъ свою выгоду; всѣ умные люди между ними смѣялись въ душѣ, а часто и открыто смѣялись надъ католичествомъ, сановниками котораго были только по житейскому разсчету. Сенъ-Симонъ хотѣлъ возстановлять то, чего никогда не было, съ наивнымъ энтузіазмомъ повѣривъ пустому самохвальству папизма. А еслибъ и существовала когда нибудь въ Средніе вѣка та власть надъ умами, въ существованіе которой онъ вѣрилъ, то въ наши времена существовать ей невозможно; впрочемъ напрасно мы сказали „въ наши времена“: существовать ей невозможно ни въ какія, ни даже въ самыя невѣжественныя времена. Авторитетъ существуетъ въ рутинѣ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ не участвуетъ разсудокъ; разсудокъ знаетъ факты, убѣждается доказательствами, но ничего не принимаетъ по авторитету. Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ часто можетъ не бывать смысла, но если они совершаются съ участіемъ смысла, они бываютъ результатомъ собственнаго самостоятельнаго соображенія обстоятельствъ и доказательствъ, а не внушеніемъ авторитетовъ. Думать иначе, вѣрить въ возможность авторитета, которому свободно подчинялся бы развитый разумъ, могъ только энтузіастъ, экзальтированный фальшивыми разсказами о прежней благотворительности папизма. Кому угодно, тотъ можетъ хохотать надъ такою наивностью; но серьёзный человѣкъ, не станетъ обращать большаго вниманія на ошибочныя гипотезы, посредствомъ которыхъ Сенъ-Симонъ развивалъ свою основную идею, не станетъ много заниматься разоблаченіемъ фантастичности тѣхъ средствъ, какими онъ думалъ осуществить ее: всѣ эти слабыя стороны очевидны каждому, не доведенному экзальтаціею до мономаніи. Нѣтъ, серьёзный человѣкъ скорѣе посовѣтуетъ обратить вниманіе на основную идею, которая лежитъ подъ всѣми этими заблужденіями, выкупаетъ всѣ ошибки и странности теоріи Сенъ-Симона. Эта идея проста и чиста: „для успокоенія общества необходимо наискорѣйшее возможное улучшеніе матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Обязанность каждаго хорошаго гражданина, каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы посвятить всѣ свои силы этому дѣлу“.

Сенъ-Симонъ умеръ за пять лѣтъ до іюльскихъ событій, не доживъ до такого времени, когда сильное возбужденіе общественныхъ мыслей могло бы расположить общество къ оцѣнкѣ попытокъ коренной общественной реформы и когда простолюдины, начавъ предъявлять свои требованія, заставили бы образованное общество обратить вниманіе на способы улучшить ихъ судьбу. Самоотверженный труженикъ умеръ почти не замѣченный обществомъ, имѣя только немногихъ учениковъ; но онъ умеръ исполненный вѣры въ успѣхъ своего ученія. „Жатва созрѣла, вы соберете ее“, было его послѣднее слово окружавшимъ его постель пламеннымъ послѣдователямъ. Энтузіасты прогресса ошибаются въ одномъ: въ томъ, что цѣль ихъ будетъ достигнута ихъ путемъ; но они правы, не сомнѣваясь въ томъ, что она будетъ достигнута. Такъ не исполнилась и надежда Сенъ-Симона на то, что обновленіе общества будетъ произведено его ученіемъ; но мы видимъ, что съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе влечется общество къ исполненію задачи, служенію которой онъ посвятилъ себя.

Но если уцѣлѣла только основная идея и исчезла форма его стремленій, то и самая форма исчезла не безъ слѣда, не безъ замѣтнаго вліянія на развитіе европейскаго общества. У него самаго ученіе оставалось еще отвлеченною теоріею. не

Digitized by Google

принимало практическаго характера; это внесли въ его теорію ученики, принявшіеся за осуществленіе своего восторженнаго стремленія съ такимъ блескомъ, что изумленное общество стало вслушиваться въ ихъ рѣчи, присматриваться къ ихъ дѣламъ и, удивляясь имъ или смѣясь надъ ними, превознося или порицая ихъ, все равно не могло не запомнить кореннаго смысла ихъ словъ и дѣлъ, освоилось черезъ нихъ съ идеею объ улучшеніи общественныхъ учрежденій сообразно съ потребностями простолюдиновъ, начало понимать, что эта задача имѣетъ въ себѣ настоятельность, неотступность, и стало нѣсколько яснѣе прежняго понимать, изъ-за чего же волнуются ліонскіе ткачи и жители Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Далеко время, когда исполнится то, что нужно для благосостоянія простолюдиновъ; понять еще не значить сдѣлать: можно понимать и не хотѣть сдѣлать; а кто не можетъ захотѣть, тотъ не способенъ и порядочно понять. Таково нынѣшнее положеніе дѣла, первая громкая рѣчь о которомъ принадлежала ученикамъ Сенъ-Симона: іудеямъ кажется оно соблазномъ, а эллинамъ безумствомъ. Очень не многіе люди изъ образованныхъ сословій сочувствуютъ ему настолько, чтобы въ самомъ дѣлѣ, а не на словахъ только хотѣть его исполненія; всѣ остальные порицаютъ его, не понимая, потому что не желаютъ понять. Много еще времени нужно ему идти до успѣха. Но все-таки уже довольно много приблизилось оно къ успѣху и тѣмъ самымъ, что сдѣлалось предметомъ, всѣхъ занимающимъ, каждому извѣстнымъ, стало на очереди уже въ числѣ важнѣйшихъ заботъ общества.

Въ числѣ людей близкихъ къ Сенъ-Симону находились такіе, имена которыхъ знамениты въ наукѣ. Секретаремъ Сенъ-Симона былъ Огюстенъ Тьерри, ученикомъ Огюстъ Контъ, основатель положительной философіи, единственной философской системы у французовъ вѣрной научному духу, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени. Но не они остались намѣстниками учителя въ осиротѣвшемъ кругу друзей. Главою школы признанъ былъ Олиндъ Родригесъ, который скоро добровольно отрекся отъ этого титула, сказавъ, что Анфантенъ и Базаръ достойнѣе его занимать вмѣстѣ первое мѣсто,—тотъ, кто знаетъ силу тщеславія надъ человѣкомъ, обыкновенное упорство самолюбія, изъ этого одного случая можетъ видѣть, какой высоты достигалъ энтузіазмъ у главныхъ послѣдователей Сенъ-Симона: самому сказать „есть люди умнѣе меня, вотъ они, я уступаю имъ мѣсто“,—это такой фактъ, на который гораздо рѣже у людей достаетъ нравственной силы, чѣмъ на пожертвованіе жизнью. Теорія Сенъ-Симона принимала средствомъ къ своему осуществленію авторитетъ, подчиненіе руководству старшинъ. Школа, оставшись вѣрна этому началу, предоставила разработку своего ученія признаннымъ его главамъ Анфантену и Базару, которые во всемъ совѣтовались съ Олиндомъ Родригесомъ, считавшимся за человѣка наиболѣе посвященнаго во всѣ мысли покойнаго учителя; ихъ изслѣдованія и размышленія придали ученію школы такое развитіе:

Принимая раздѣленіе людей на артистовъ, ученыхъ и промышленныхъ людей, по преобладанію въ нихъ чувства, разсудка или дѣятельной силы, сенъ-симонисты занялись точнѣйшимъ изысканіемъ того, что говоритъ исторія о ходѣ развитія этихъ трехъ сторонъ нравственной жизни.

Они находили, что въ развитіи чувства человѣчество идетъ отъ ненависти къ любви, отъ противоборства къ товариществу. Исторія показываетъ, что побѣжденные сначала были истребляемы побѣдителями; потомъ побѣдитель сталъ довольствоваться обращеніемъ побѣжденнаго въ рабство; рабство замѣнилось крѣпостнымъ

Digitized by Google

состоянiемъ (servage); крѣпостные люди были напослѣдокъ сдѣланы свободными, — вотъ одна черта постепеннаго ослабленiя свирѣпой ненависти, перехода отъ вражды и угнетенiя къ хорошимъ чувствамъ. Другая черта этого развитiя, постепенное исчезновенiе самыхъ источниковъ вражды, постепенная замѣна ея товариществомъ, союзомъ, видна въ образованiи государствъ. Сначала живутъ дикари разрозненными семействами, родами, которые всѣ воюютъ между собою. Эти семейства и роды мирятся, основываютъ города, изъ которыхъ каждый составляется союзомъ многихъ семействъ и родовъ; города, сначала враждебные между собою, сливаются въ государство, союзъ, который обнимаетъ всѣхъ ихъ; напослѣдокъ государства сливаются въ федерацiю. Исторiя свидѣтельствуетъ, говорили сенъ-симонисты, что человѣческiй родъ идетъ къ всеобщему товариществу, основанному на любви.

Въ этомъ отдѣлѣ теорiи мы уже видимъ переходъ отъ фантастической идеализацiи къ понятiямъ болѣе сообразнымъ съ наукою. Но галлюцинацiя сохранила свою силу въ понятiи сенъ-симонистовъ о развитiи науки и о томъ, какой элементъ жизни былъ ея представителемъ въ давней исторiи. Они говорили, что развитiе цивилизацiи постепенно уменьшаетъ преобладанiе физическаго насилiя, замѣняя его владычествомъ ума; но, подобно своему учителю, они воображали католичество представителемъ и руководителемъ умственнаго явленiя въ Среднiе вѣка. „Какимъ величественнымъ зрѣлищемъ было католичество, организованное независимо отъ свѣтской власти, говорили сенъ-симонисты: духовная власть внушала повиновенiе себѣ умственнымъ убѣжденiемъ и собственными заслугами, между тѣмъ, какъ свѣтская налагала свое владычество завоеванiемъ и наслѣдственностью. Папа свободно избирался изъ простыхъ монаховъ и до самаго Льва X, который окружилъ себя дворомъ, какъ свѣтскiй государь, духовная власть затмевала свѣтскую и господствовала надъ ней. Поучителенъ этотъ примѣръ: монахъ, выходя изъ своей кельи на папскiй престолъ, заставляетъ самыхъ гордыхъ наслѣдственныхъ владѣтелей цаловать свою туфлю. Исторiя папства въ Среднiе вѣка показываетъ, что человѣчество идетъ къ такой организацiи, въ которой каждому будутъ давать по его способностямъ, а способность будутъ цѣнить по дѣламъ ея“. Рискуя утомить читателя повторенiемъ, мы снова скажемъ, что папство никогда не играло такой роли. Папа, какъ папа, никогда не господствовалъ надъ свѣтскими государями. Обыкновеннымъ примѣромъ преобладанiя духовной власти приводятъ борьбу Гогенштауфеновъ съ римскими первосвященниками, особенно борьбу Генриха IV съ Григорiемъ VII. Но тутъ дѣйствовали побужденiя совершенно иного рода, чѣмъ послушность повелѣнiямъ духовной власти: Гогенштауфены имѣли противъ себя въ Германiи нѣсколько могущественныхъ герцогскихъ династiй, которыя воевали противъ нихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденiямъ; итальянцы вели противъ нѣмецкихъ завоевателей нацiональную борьбу; у папы были союзники, находившiе житейскую выгоду поддерживать его; когда папа съ своими союзниками дѣлался врагомъ императора, другiе враги конечно ободрялись, какъ ободряется всякая держава, видя, что государство, воюющее съ ней, подвергается нападенiю новыхъ враговъ. О благочестiи, о повиновенiи духовной власти тутъ такъ же напрасно говорить, какъ напрасно считать доброжелателями лютеранскаго исповѣданiя тѣхъ французскихъ государей, которые воевали съ Австрiею и поддерживали нѣмецкихъ протестантовъ въ то самое время, когда жгли на кострахъ французскихъ протестантовъ. Религiозныя фразы въ борьбѣ противъ Гогенштауфеновъ служили только

Digitized by Google

благовиднымъ прикрытіемъ для династическихъ разсчетовъ нѣмецкимъ герцогамъ, для національныхъ и муниципальныхъ стремленій итальянскимъ городамъ. Когда папа не прятался подъ защиту этихъ житейскихъ интересовъ, его буллы и проклятія оказывались совершенно безсильны; такъ было въ спорахъ папъ съ французскими королями, не грозившими порабощеніемъ итальянцамъ и умѣвшими поладить съ своими вассалами: папа проклинаетъ короля, французы не обращаютъ на это никакого вниманія; король посылаетъ въ Римъ небольшой отрядъ войска, солдаты преспокойно арестуютъ папу и предводитель ихъ даетъ папѣ пощечину въ наказаніе за буйство. Но неудачный выборъ примѣра не мѣшаетъ справедливости мысли, которую напрасно подтверждали сенъ-симонисты исторіею папства, а не анализомъ общаго вліянія, оказываемаго развитіемъ просвѣщенія на общественные нравы: исторія дѣйствительно говоритъ, что развитіе ума ведетъ къ лучшей оцѣнкѣ личныхъ заслугъ, къ замѣненію насилія убѣжденіемъ.

Въ промышленности законъ прогресса такъ же очевиденъ, продолжали сенъ-симонисты. Промышленныя привычки постоянно усиливаются, а воинственныя привычки ослабляются. Самыя войны, которыя прежде велись для грабежа областей, стали потомъ вестись для распространенія торговли съ этими областями. Римскія завоеванія имѣли не тотъ характеръ, какой имѣютъ англійскія. Итакъ человѣчество идетъ къ организаціи промышленности.

Изъ этихъ историческихъ изслѣдованій выводились три формулы, въ которыхъ, какъ и въ самыхъ изслѣдованіяхъ, основная мысль не всегда находитъ удачную форму для своего выраженія; вотъ эти выводы:

Человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви. Оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ. Оно идетъ къ организаціи промышленности.

Человѣчество дѣйствительно идетъ къ замѣненію вражды, принимающей въ промышленныхъ дѣлахъ форму конкурренціи, товариществомъ, союзомъ. Но совершенно напрасно ожидать, что основаніемъ этого союза можетъ служить любовь: любовь бываетъ только результатомъ, возникающимъ изъ согласія интересовъ, а основаніемъ хорошихъ отношеній служитъ разсчетъ, выгода. Любовь только въ рѣдкія минуты и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ разсчетомъ; да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все-таки остается подъ властью разсчета или рутины, обычая, т. е. того же разсчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ давно и усвоившагося намъ по воспитанію. Изъ-за любви иные люди могутъ утопиться, застрѣлиться,—рѣшимость очень сильная, но обнимающая собою очень не долгое время. Но чтобы любовь измѣняла характеръ человѣка и его дѣйствій на цѣлую жизнь, этого никогда не бывало: тѣ случаи, въ которыхъ молодой человѣкъ, полюбивъ достойную женщину, отставалъ отъ дурнаго общества или отъ прежнихъ пороковъ, показываютъ только, что встрѣча въ молодыхъ лѣтахъ съ благороднымъ человѣкомъ оказываетъ хорошее вліяніе на человѣка, который имѣетъ доброе сердце и предавался порокамъ не по внутреннему влеченію къ нимъ, а только отъ неумѣнья управлять собою и по недостатку хорошихъ людей между своими прежними знакомыми. Точно такое вліяніе имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ и простое сближеніе молодаго человѣка съ хорошимъ пріятелемъ или руководителемъ,

Digitized by Google

не имѣющее никакого оттѣнка сантиментальности или экзальтаціи. Но сенъ-симонисты, будучи энтузіастами подобно своему учителю, ошибочно думали, что энтузіазмъ можетъ имѣть надъ всѣми людьми постоянно такую же власть, какую имѣлъ тогда надъ ними: они не предчувствовали, что даже и въ нихъ, сошедшихся въ ученики Сенъ-Симона по особенной наклонности къ энтузіазму, эта горячка экзальтаціи скоро пройдетъ и они обратятся въ обыкновенныхъ людей, дѣйствующихъ по обыкновеннымъ житейскимъ побужденіямъ, станутъ изъ сенъ-симонистовъ купцами и банкирами, какъ Перейра, водевилистами, какъ Дюверье, фабрикантами и администраторами промышленныхъ предпріятій, какъ Казо и самъ Анфантенъ, профессорами и учеными, какъ Мишель Шевалье, Жанъ Рено, Пьеръ Леру.

Въ своемъ энтузіазмѣ они не замѣчали, что вторая формула выражена у нихъ самымъ одностороннимъ образомъ, такъ что вмѣсто водворенія всеобщаго благосостоянія она своимъ осуществленіемъ только упрочила бы нынѣшнія страданія огромнаго большинства людей. Право человѣка пользоваться житейскими удобствами они основывали только на его способностяхъ, забывая, что человѣкъ имѣетъ уже извѣстныя права просто какъ человѣкъ, независимо отъ того, уменъ онъ или глупъ;— на обширности результатовъ его дѣятельности, забывая о томъ, что у человѣка съ крѣпкими и съ слабыми мускулами желудокъ одинаково требуетъ пищи. „Каждому по его способности“: если—такъ, Ньютонъ долженъ получить сотни милліоновъ.— на что ему они? ему довольно простаго благосостоянія; для него и для другихъ людей было бы не выгодно, если бы его обратить въ Ротшильда, да онъ и не съумѣлъ бы справиться съ ротшильдовскими дѣлами; но учитель ариѳметики въ приходской школѣ, человѣкъ бѣдныхъ дарованій, едва самъ выучившійся тройному правилу, долженъ быть нищимъ, потому что онъ человѣкъ очень ограниченнаго ума. А что же будетъ съ большинствомъ людей всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему кромѣ механическаго исполненія рутины, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ умственныхъ правъ? Но мало того, что каждому дается по его способности,—сама способность измѣряется дѣлами: что же тогда будетъ съ людьми пораженными параличемъ, или другими хроническими болѣзнями, или увѣчными?—они не имѣютъ никакого права на самое сохраненіе жизни.

Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздаетъ ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ разсчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго благосостоянія; но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей; общество только потому и существуетъ, что предполагается надобность его для обезпеченія каждому изъ его членовъ полнѣйшаго удовлетворенія человѣческихъ нуждъ.

Двѣ первыя формулы сенъ-симонизма оказываются не удовлетворительными. Да и третья формула удовлетворительна только въ своемъ общемъ выраженіи, какое мы видѣли, а не въ томъ болѣе опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ сенъ-симонисты думали осуществить ее. „Организація промышленности.“ Это такъ, это возможно и нужно, это неизбѣжно. Но какимъ способомъ промышленность получитъ и будетъ сохранять свою организацію? Сенъ-симонисты извлекали этотъ способъ изъ

Digitized by Google

своей фальшивой идеализаціи католицизма. Они хотѣли дѣйствовать авторитетомъ, какъ господствовалъ будто бы католицизмъ и господствовалъ будто бы съ пользою для людей. Они придумывали правила и хотѣли, чтобы люди исполняли эти правила не по разсчетливому убѣжденію въ ихъ основательности, а по уваженію и по преданности къ людямъ провозглашающимъ эти правила, повелѣвающимъ хранить ихъ. Мало того: люди облеченные авторитетомъ сами должны были стоять выше всякихъ правилъ, ихъ воля должна была служить верховнымъ и безусловнымъ правиломъ для другихъ, какъ воля папы будто бы служила верховнымъ закономъ для католиковъ въ Средніе вѣка. Мы не станемъ дѣлать уже никакихъ замѣчаній о дикости этой фантазіи: нелѣпость тутъ очевидна.

Но каковы бы ни были недостатки способовъ, которыми сенъ-симонисты предполагали вести человѣчество къ благоденствію, высокость основнаго стремленія ихъ школы выкупала все, и потому къ ученикамъ Сенъ-Симона присоединялось довольно много даровитѣйшихъ людей изъ молодаго поколѣнія. Замѣчательно то, что почти всѣ они были люди самаго серьёзнаго образованія, главнымъ образомъ воспитанники Политехнической Школы, математики, инженеры, натуралисты. Конечно, это надобно объяснять тѣмъ, что, несмотря на второстепенныя нелѣпости развитія, коренная мысль, забота объ улучшеніи быта простолюдиновъ, имѣла справедливость и настоятельность, такъ что чѣмъ развитѣе былъ умъ человѣка, тѣмъ болѣе готовъ онъ былъ предпочесть сенъ-симонизмъ всѣмъ другимъ тогдашнимъ ученіямъ, упускавшимъ изъ виду самую основную черту общественнаго положенія. До іюльской революціи пропаганда шла тихо, но пробужденная послѣ іюльскихъ событій энергія общественной мысли дала сильный успѣхъ ученикамъ Сенъ-Симона. Школа считала уже нѣсколько десятковъ членовъ и могла приступить къ изданію газеты. Нужна была значительная сумма, чтобы основать газету: Фурнель и его жена пожертвовали на это свое состояніе. Газета эта, le Globe, была предпріятіемъ совершенно безкорыстнымъ и нумера ея раздавались даромъ. Но еще сильнѣе газеты возбуждали вниманіе Парижа публичныя засѣданія или лекціи школы въ улицѣ Тебу. Огромная зала была устроена въ видѣ театра съ тремя рядами ложъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ въ театрѣ бываетъ оркестръ, стояли въ три ряда лавки для послѣдователей школы; партеръ и ложи предназначались для любопытныхъ. Каждое воскресенье являлись въ засѣданіе ученики Сенъ-Симона, молодые и серьёзные; въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ. Они надѣвали при этихъ случаяхъ свой офиціальный костюмъ: у мужчинъ онъ былъ голубаго цвѣта, у дамъ бѣлаго съ фіолетовыми шарфами. Когда члены заняли свои мѣста, главы школы, Анфантенъ и Базаръ, вводили въ залу оратора, который долженъ былъ читать лекцію на этотъ разъ. При появленіи „верховныхъ отцовъ“ (Pères suprêmes), какъ назывались Анфантенъ и Базаръ, ученики вставали; между многочисленными зрителями водворялось глубокое молчаніе и ораторъ начиналъ изложеніе теоріи. Многіе изъ зрителей слушали его сначала съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица, но пламенная рѣчь, полная любви къ людямъ, постепенно увлекала все собраніе и сами скептики выходили изъ залы глубоко тронутые, серьёзно размышляя объ удивительномъ явленіи.

Сама школа вся была предана своему дѣлу; устроился въ ней общій столъ, какъ первая попытка братской жизни. Младшіе члены называли старшихъ отцами, мужчины называли женщинъ матерями, сестрами или дочерьми. Школа посылала

Digitized by Google

своихъ ораторовъ и въ провинціальные города для распространенія теоріи. Сн
чала провинціалы принимали ихъ, какъ и парижане, съ насмѣшкой, но резуль
томъ лекцій и въ провинціяхъ бывало сильное впечатлѣніе.

Пріобрѣтая внѣшній успѣхъ, теорія продолжала развиваться внутри са
школы: но съ развитіемъ дошла наконецъ до такихъ вопросовъ, по которымъ о
наружилось разногласіе между главными членами школы. Цѣлью теоріи было
ставить трудящимся преобладаніе надъ праздными; формулою своею она изб
соразмѣрность между способностями человѣка и матеріальными средствами, ка
предоставляются ему въ распоряженіе обществомъ. При такихъ воззрѣніяхъ се
симонисты необходимо должны были дойти до понятія о томъ, что нынѣшнее ра
предѣленіе собственности неудовлетворительно и что должны измѣниться прави
по которымъ она переходитъ отъ однихъ людей къ другимъ. Они думали, что г
сударство, обратившись въ сенъ-симонистскую ассоціацію, должно постепенно
купить у частныхъ лицъ недвижимую собственность, поземельную и всякую дру
они предполагали, что это дѣло должно совершаться медленно, почти незамѣт
и безъ всякаго нарушенія чьихъ бы то ни было денежныхъ интересовъ. Так
образомъ имущество частныхъ лицъ, по ихъ теоріи, должно было состоять толь
въ доходахъ съ капитала; а самый капиталъ долженъ былъ вѣчно оставаться со
ственностью общества. Имѣя въ своихъ рукахъ всю національную недвижи
собственность, государство должно было имѣть очень большую массу доходовъ
надѣломъ своихъ трудящихся членовъ по размѣру ихъ труда. На этотъ остат
оно производило бы тѣ улучшенія и содержало бы тѣ нужныя для общаго бл
учрежденія, которыя по своей огромности не могутъ быть устроиваемы и подд
живаемы частными средствами. Одною изъ его заботъ было бы обезпеченіе хор
шаго воспитанія всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ своихъ гражданъ. А если каж
видитъ судьбу своихъ дѣтей обезпеченною, то исчезаетъ разсудительная на
ность оставлять имъ наслѣдство, которое тогда послужило бы только во вредъ н
давая имъ средство жить въ праздности, то есть подвергаться нравственной пор
быть въ тягость самимъ себѣ и обществу, — участь всѣхъ праздныхъ людей. В
такомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ всѣ были согласны; но съ наслѣдствомъ тѣ
связано самое существованіе семьи въ нынѣшнемъ ея видѣ, и вотъ возникъ
школѣ вопросъ о бракѣ. Главная связь между родителями и дѣтьми—наслѣдств
если родители не передаютъ дѣтямъ наслѣдства, если воспитаніе и судьба дѣт
обезпечены и помимо родительской заботы, тогда, конечно, ослабляется важн
шее изъ соображеній, на которыхъ основываютъ теперь надобность въ прочно
брачнаго союза. До какой степени должны остаться неприкосновенными супру
скія отношенія—въ этомъ никакъ не могли сойтись два главныя лица сенъ-си
низма, Базаръ и Анфантенъ. Восторженность доходила у всѣхъ сенъ-симонист
до галлюцинаціи, но все-таки была между ними разница по степени восторжен
сти, и нѣкоторые могли назваться людьми разсудительными, по сравненію съ др
гими, хотя и сами были очень горячіе энтузіасты. Изъ двухъ „верховныхъ отцо
Базаръ былъ разсудительнѣе Анфантена: онъ былъ очень счастливъ въ своей
пружеской жизни, имѣлъ взрослыхъ дочерей, которыхъ нѣжно любилъ: онъ н
какъ не могъ переварить мысли, что такія семейныя отношенія, которыми был
счастливы и онъ, и его жена, и дѣти, несовмѣстны съ теоріей. Во Франціи кат
лики не признаютъ полнаго развода; Базаръ не понималъ серьёзности брака гр

Digitized by Google

существованіи развода. Но Анфантенъ не ограничивался защитою развода: онъ находилъ, что вліяніе правителей сенъ-симонистскаго общества должно простираться и на супружескія отношенія. Эта мысль Анфантена служитъ обыкновенною характеристикою сенъ-симонистскаго ученія; многіе только то и слышали о немъ, будто бы оно хотѣло, чтобы правители могли имѣть связи со всѣми женщинами, съ какими имъ вздумается. Но Анфантенъ хотѣлъ вовсе не того: его мысль была только идеализаціею тѣхъ будто бы благотворныхъ и чистыхъ отношеній, разсказамъ о которыхъ онъ по своей фантастичности вѣрилъ и которыя будто бы существовали между дамами и рыцарями въ Средніе вѣка и будто бы существуютъ между набожными католичками и ихъ нравственными совѣтниками іезуитскаго ордена. Извѣстно, что іезуиты съ своими собратіями необыкновенно любятъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла; Анфантенъ хотѣлъ, чтобы то же дѣлали сенъ-симонистскіе правители, только дѣлали съ чистымъ безкорыстіемъ, между тѣмъ какъ іезуиты хлопочутъ для выманиванія денегъ. Сенъ-симонисты думали, что надобно дать женщинѣ всѣ тѣ права, какими пользуется мужчина, открыть ей доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, наравнѣ съ мужчинами. Анфантенъ выводилъ изъ этого, что кромѣ правителей должны быть и правительницы; отношеніе этихъ правительницъ къ семейной жизни подчиненныхъ имъ людей онъ представлялъ себѣ въ родѣ того вліянія, какимъ по преданію пользовались дамы надъ своими рыцарями въ Средніе вѣка. Онъ вѣрилъ дѣйствительности того, чѣмъ восхищаемся мы въ романсѣ Пушкина о блѣдномъ, застѣнчивомъ и скромномъ рыцарѣ, который, разъ увидѣвъ какое-то таинственное существо, земную женщину или нѣчто высшее, трудно и рѣшить, написалъ ея девизъ на своемъ щитѣ и рубился въ ея славу съ сарацинами, одушевляя себя произнесеніемъ ея имени въ минуты опасностей, и ни разу больше не видѣлъ ея во всю свою жизнь, и во всю свою жизнь не взглянулъ уже ни на одну женщину:

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижимое уму.
И глубоко сновидѣнье
Въ душу врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не глядѣлъ;
Молвить слова ни съ одною
Онъ до гроба не хотѣлъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ пламенной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Написалъ онъ на щитѣ, и т. д.

У Базара еще оставалось настолько разсудительности, что онъ понималъ невозможность подобныхъ отношеній, которыя переходятъ въ матеріальную связь, какъ скоро перестаютъ быть пустыми, праздными словами. Анфантенъ вѣрилъ, что все будетъ такъ, какъ представляется его разгоряченному воображенію, обманутому сказочными преданіями. Споры были безконечны, исполнены увлеченій и потрясеній, которыя сами по себѣ уже свидѣтельствовали объ экзальтаціи близкой къ бреду. Изъ нѣсколькихъ десятковъ полныхъ приверженцевъ сенъ-симонизма, составлявшихъ такъ называемое „семейство“ (famille), нѣсколько человѣкъ главныхъ образовали такъ называемую коллегію, верховный совѣтъ, гдѣ предварительно разби-

Digitized by Google

рались вопросы, рѣшеніе которыхъ объявлялось потомъ всему „семейству". Когда поднялись между Базаромъ и Анфантеномъ разнорѣчія о неразрывности брака, о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ обществу и къ правителямъ будутъ правительницы и нужды ли онѣ, о вмѣшательствѣ правителей и правительницъ въ супружескія отношенія, бурныя засѣданія коллегіи стали продолжаться по цѣлымъ днямъ и ночамъ, такъ что члены коллегіи часто падали въ обморокъ среди пылкихъ споровъ. Однажды Олиндъ Родригесъ упалъ бездыханенъ, какъ будто пораженный апоплексіей, когда Рено отвѣчалъ ему „не думаю" на вопросъ, думаетъ ли Рено, что онъ говоритъ по вдохновенію. Онъ оправился, но его жизнь была въ опасности, такъ что Рено по совѣту доктора долженъ былъ успокоить его словами, что вѣритъ ему. Въ другой разъ Базаръ, чувствуя, что Анфантенъ уничтожаетъ всѣ его возраженія своею діалектикою, упалъ замертво послѣ спора, продолжавшагося цѣлую ночь. Нравственное потрясеніе было такъ сильно, что здоровье Базара уже не возстановлялось: черезъ нѣсколько времени онъ умеръ, какъ хилой старикъ.

Большинство членовъ сенъ-симонистскаго „семейства" долго не знало ничего положительнаго объ этомъ приближавшемся разрывѣ; наконецъ онъ сталъ необходимъ, и 19 ноября 1831 года было созвано общее собраніе „семейства". Анфантенъ, изложивъ причины разнорѣчія между нимъ и Базаромъ, объявилъ однако же, что не считаетъ своего мнѣнія окончательнымъ закономъ сенъ-симонистской теоріи, потому что, по самому предмету спорныхъ вопросовъ, нельзя рѣшить ихъ одному мужчинѣ безъ участія женщины; а сенъ-симонизмъ, имѣя въ немъ верховнаго отца (онъ уже получилъ первенство надъ Базаромъ), еще не имѣетъ верховной матери: когда явится она, она откроетъ искомый законъ; до той поры теорія нравственныхъ отношеній, развиваемая Анфантеномъ, еще не имѣетъ такой достовѣрности, чтобы можно было отступать отъ обыкновенныхъ нравственныхъ обычаевъ, опираясь на нее. „До той поры всякій поступокъ въ лонѣ ученія, который заслуживалъ бы порицанія по нравамъ и понятіямъ окружающаго насъ міра, былъ бы поступкомъ безнравственнымъ, потому что нанесъ бы вредъ всему ученію,—такъ заключилъ Анфантенъ свою рѣчь:—и лично я считалъ бы такой поступокъ величайшимъ свидѣтельствомъ нелюбви ко мнѣ, какое только можетъ быть со стороны моихъ дѣтей". Но разсудительнѣйшая часть школы находила это ручательство совершенно не достаточнымъ: „по моему мнѣнію позволительно и даже нужно дѣлать вотъ что, но я прошу васъ изъ уваженья ко мнѣ не дѣлать этого"—ожидать, что кто нибудь будетъ остановленъ такою просьбою, значитъ совершенно забывать законы дѣйствительной жизни. Большинство главныхъ членовъ сенъ-симонистскаго общества ужасались послѣдствій эманципаціи, которой хотѣлъ Анфантенъ. Пьеръ Леру горячо перервалъ его и, протестуя отъ имени всей коллегіи противъ его мнѣнія, сказалъ, что удаляется изъ его общества. Абель Трансонъ горько упрекалъ Анфантена за то, что онъ раскрываетъ, какъ часто нарушается супружеская вѣрность въ нынѣшнемъ обществѣ, какъ мало вѣрныхъ,—не только мужей (вѣрныхъ мужей изъ милліона наберется развѣ только десять—это знаетъ каждый мужчина), но и вѣрныхъ женъ, какъ мало замужнихъ женщинъ, положеніе которыхъ не было бы очень тяжело. „Отецъ Анфантенъ думаетъ (вскричалъ Жанъ Рено), что женщина явится узаконить правила имъ возвѣщенныя, и потому онъ стоитъ, смѣло поднявъ голову; но я вѣрю, что женщина сотретъ главу его. Я боюсь вліянія отца Анфантена на людей, приведенныхъ нами къ нашему ученію; потому я не уйду отъ него,

Digitized by Google

буду подлѣ него, чтобы показывать имъ, каковъ онъ".—„Ваше ученіе возводитъ прелюбодѣяніе въ законъ", сказалъ Анфантену Карно.—„Вы восхваляете развратъ", сказалъ Дюжье. Анфантенъ, въ своемъ фанатизмѣ никогда не терявшій спокойной и ласковой самоувѣренности, кротко выслушивалъ всѣ рѣзкія укоризны и только говорилъ, что радуется самостоятельности и откровенности, съ какою высказывается противное ему мнѣніе. Почти всѣ члены коллегіи были противъ него; но находилось довольно много и пламенныхъ защитниковъ, если не его мнѣнія, то его лица. Однимъ изъ нихъ былъ Мишель Шевалье, нынѣ сенаторъ французской имперіи: удивительно, что можетъ выйти со временемъ изъ восторженнаго юноши. „Объявляю вамъ, сказалъ Талабо, указывая на Анфантена, что этотъ человѣкъ руководитель человѣчества".—„Съ печалью вижу я, воскликнулъ Барро, обращаясь къ Абелю Трансону, что ты, Трансонъ, знаменосецъ нашего ученія, ты, рядомъ съ которымъ шелъ я, отдѣляешься отъ насъ. Нѣтъ, Трансонъ, ты не можешь покинуть насъ, потому что ты любишь простолюдиновъ, бѣдныхъ и страдающихъ". Анфантенъ, ни на минуту не терявшій гордой ясности духа, наконецъ распустилъ бурное собраніе, торжественнымъ голосомъ сказавъ: „происходящее теперь имѣетъ великую пользу для всѣхъ, но я желаю скорѣе кончить это. Мы снова соберемся въ понедѣльникъ. Очевиденъ тотъ фактъ, что есть изъ насъ люди, которые должны на время удалиться и успокоиться".

Школа собралась на новое засѣданіе; тутъ уже не было нѣкоторыхъ изъ числа значительнѣйшихъ членовъ. Анфантенъ съ нѣсколькими вѣрными послѣдователями спѣшилъ перейти отъ прежнихъ теоретическихъ разсужденій къ практическому осуществленію системы. Какъ только онъ остался полнымъ распорядителемъ по удаленіи Базара, онъ повелъ дѣло впередъ съ чрезвычайною быстротою. Подлѣ его президентскаго кресла въ этомъ засѣданіи уже стояло другое кресло, пустое: оно показывало, что для полной организаціи общества должна явиться подлѣ верховнаго отца верховная мать. Всталъ Олиндъ Родригесъ, управлявшій хозяйственною стороною школы. Съ восторженностью, обычною въ ней, онъ возвѣстилъ, что начинаетъ великое дѣло, передъ которымъ померкнутъ всѣ прежнія дѣла промышленности, торговли и кредита. „Ротшильдъ и Лафитъ не предпринимали ничего столь великаго, сказалъ онъ: ихъ время кончается, начинается мое". И онъ изложилъ планъ хозяйственной организаціи сенъ-симонистскаго общества; главными чертами ея онъ постановлялъ: 1) совершать, исключительно мирными средствами, улучшеніе нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго быта многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса; 2) устроить воспитательные домы для дѣтей сенъ-симонистовъ; эти дѣти должны воспитываться всѣ одинаково, безъ различій по богатству и знатности; 3) основать промышленныя ассоціаціи для работниковъ, принявшихъ ученіе сенъ-симонизма; 4) давать на первое время денежныя пособія этимъ ассоціаціямъ; 5) распространять ученіе, чтобы замѣнить нынѣшнюю промышленную анархію работническою ассоціаціею. Анфантенъ уже всталъ, считая собраніе конченнымъ, когда Рено сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить; онъ былъ въ величайшемъ волненіи и вскричалъ: „ваши деньги, отецъ Анфантенъ, не могутъ имѣть нравственнаго вліянія, потому что вы разрушаете прежнюю нравственность, не имѣя новой".—„Развѣ не имѣли вы новой нравственности, когда провозглашали вмѣстѣ со мной ліонскому народу наступленіе новой эпохи?"—вскричалъ, обращаясь къ нему, Лоранъ.—„Отецъ мой былъ пролетарій, воскликнулъ Анри Бо. Трудомъ

Digitized by Google

своимъ онъ собралъ богатства. Когда слово Сенъ-Симона было услышано мной, я почувствовалъ, что долженъ отказаться отъ моей привилегіи и я сталъ пролетаріемъ; тогда семья моя отреклась отъ меня, но вся суровость ея не охладитъ мою любовь къ ней. Своими дѣлами я заставлю ее возвратить мнѣ свою любовь. Рено! ты часто говорилъ: голосъ народа, голосъ Божій! — чего же требуютъ эти люди, населяющіе самый трудовой изъ нашихъ городовъ? Какой крикъ раздается подъ знаменемъ смерти? (читатель вспомнитъ, что незадолго передъ этимъ собраніемъ. бывшимъ въ концѣ 1831 г., происходило ліонское возстаніе подъ чернымъ знаменемъ съ девизомъ: „жить трудомъ или умереть въ бою"). Рено! Рено! они требуютъ хлѣба. Пролетаріи, слышащіе меня! рука моя не разъ жала ваши руки, загрубѣвшія отъ труда, и чувствовала, что вы отвѣчаете на ея пожатіе. Успокойтесь же! Богъ не допуститъ, чтобы человѣкъ могъ являться передъ людьми съ такимъ спокойнымъ и яснымъ лицомъ, въ такомъ величіи, такой красотѣ, чтобы служить на обольщеніе и пагубу ихъ. А вамъ, женщины, скажу я: здѣсь нѣтъ той, которая носила меня подъ сердцемъ, она не слышитъ меня; дайте же въ вашихъ сердцахъ мѣсто материнской любви ко мнѣ, чтобы увидѣвъ ту, которая по волѣ Бога родила меня, утишить скорбь безплодія, въ которую впала она. Скажите ей, чтобы смягчить ее, какую печаль долженъ чувствовать сынъ, подобный мнѣ, лишившись ея объятій, ея слова, ея присутствія".

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ за тѣмъ, чтобы читатель могъ судить по немъ объ экзальтаціи, въ какой находились сенъ-симонисты. Эта пламенная безсвязица похожа на бредъ опьянѣнія или на вопли помѣшаннаго. Трудно повѣрить, что люди, такъ говорившіе и вообще производившіе надъ собою такія сцены, были люди очень умные и почти всѣ оказались впослѣдствіи людьми очень разсудительными. Весь періодъ ихъ принадлежности къ школѣ былъ длиннымъ припадкомъ экстаза, чѣмъ-то въ родѣ мономаній, которымъ подвергались фанатики Среднихъ вѣковъ, основатели и знаменитости босоногихъ, нищенствующихъ, капуциновъ и траппистовъ.

Засѣданіе кончилось достойною своего начала сценою: увлеченное рѣчью Анри Бо, собраніе встало въ волненіи, многіе бросились обнимать Анфантена; другіе навсегда удалились изъ общества, безусловнымъ руководителемъ котораго онъ остался. Натурально было, что онъ побѣдилъ Базара и другихъ, еще сохранявшихъ искру разсудительности: весь сенъ-симонизмъ былъ экзальтаціею, презиравшею всѣ внушенія разсудка, и кто былъ болѣе экзальтированъ, тотъ былъ вѣрнѣе духу ученія.

Мы не умѣемъ рѣшить, была ли въ Анфантенѣ черта шарлатанства, разсчитывающаго, если не на денежныя выгоды, то на шумъ и звонъ. Все, что мы читаемъ о немъ, склоняетъ къ такому предположенію; если такъ, то надъ сенъ-симонизмомъ повторилась очень частая исторія, что добросовѣстные фанатики попадаются подъ вліяніе ловкихъ обманщиковъ. Но свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, недостаточны для возведенія естественной догадки въ полную увѣренность. Анфантенъ постоянно держалъ себя какъ отличный актеръ, ни на минуту не измѣнивъ роли, которая была наложена на него убѣжденіемъ, или которую наложилъ онъ на себя по разсчету: онъ постоянно являлся вдохновеннымъ жрецомъ; его рѣчь всегда была торжественна и медленна, чтобы слушатели чувствовали важность каждаго слова; его движенія, позы, жесты были величественны и всегда спокойны, какъ будто онъ неизмѣримо выше всего окружающаго міра со всѣми его вдохнове-

Digitized by Google

начиналась такимъ образомъ: „Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего“ и проч. Сіе въ точности такъ было исполнено. Когда преосвященный со всѣмъ своимъ духовнымъ причетомъ, отслужа молебенъ и окропя святою водою классы, хотѣлъ съ собраніемъ всѣхъ чиновъ выдти изъ училища, то однодворецъ остановилъ его вышеписаннымъ началомъ рѣчи; и губернаторъ тотчасъ подвинулъ ихъ въ училище, гдѣ уже и говорена была рѣчь передъ портретомъ императрицы порядочно; но при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавалъ въ покровительство государынѣ сына своего, жена его, стоявшая за нимъ съ малолѣтнимъ его младенцемъ, отдала ему онаго, а онъ положилъ его предъ портретомъ, говоря со слезами тѣ слова, которыя тамъ написаны. Сіе трогательное дѣйствіе такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа проліянныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабака, ибо также любилъ куликать“.

Державинъ очень гордился этой рѣчью. Но за такимъ успѣхомъ послѣдовали огорченія. Генералъ-губернаторъ сталъ сердиться на Державина (по словамъ самого Державина) за то, что онъ возсталъ противъ неправильной отдачи виннаго откупа ненадежнымъ лицамъ и за слишкомъ малую цѣну. Скоро представился случай удалить въ отставку строптиваго губернатора. Поставщикъ арміи Потемкина, купецъ Гарденинъ, заподрядивъ большія количества хлѣба для войска, явился въ Тамбовъ съ требованіемъ изъ казенной палаты денегъ на уплату за купленный провіантъ. Онъ предъявилъ сенатскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ казеннымъ палатамъ отпускать ему суммы, какія потребуются. Но тамбовская казенная палата объявила, что денегъ у нея нѣтъ. Задатки Гарденина должны были пропасть, а войско остаться безъ провіанта. Державинъ, по жалобѣ Гарденина, велѣлъ вице-губернатору (тогда вице-губернаторы были предсѣдателями казенныхъ палатъ) не задерживать выдачи денегъ. Вице-губернаторъ повторилъ, что денегъ нѣтъ, и уѣхалъ изъ города осматривать какой-то винокуренный заводъ. Тогда Державинъ самъ освидѣтельствовалъ книги и суммы казенной палаты и по освидѣтельствованіи оказалось вотъ что:

„Ассигнаціоннаго банка суммы болѣе 150,000 рублей валялись вовсе безъ записки, изъ коихъ, носился слухъ, раздаваны вице-губернаторомъ въ займы казенныя деньги безъ процентовъ и безъ залоговъ, кому хотѣлъ; также неокладные доходы, какъ-то: за гербовую бумагу, за паспорты, сбирались безъ записки въ приходъ; провіантскихъ и коммисаріатскихъ суммъ было на лицо, неизвѣстно почему удержанныхъ и не высланныхъ въ мѣста, куда ассигнованы, около 200,000, то есть несравненно болѣе, чѣмъ Гарденинъ требовалъ; словомъ, почти вся записная книга была бѣлая, документы разбросаны или и совсѣмъ растеряны, и неизвѣстныя какія-то деньги нашлись у присяжныхъ по коробкамъ, такъ что оказывалось въ растерѣ или похищеніи казенныхъ денегъ болѣе 500,000 рублей“.

Вице-губернаторъ и его партія подняли жалобы; генералъ-губернаторъ принялъ ихъ сторону, донесъ, что Державинъ производилъ свидѣтельствованіе суммъ съ притѣсненіями чиновникамъ казенной палаты, пріѣзжалъ самъ въ Тамбовъ и имѣлъ съ Державинымъ „довольно горячій разговоръ“, при которомъ однакоже, по словамъ Державина, „никакой непристойности не было“. Черезъ нѣсколько времени былъ

„полученъ указъ изъ сената, послѣдовавшій по жалобѣ намѣстника, въ коемъ многія глупыя небылицы и скаредныя клеветы на Державина написаны были. Между прочимъ, что будто онъ его за воротъ тащилъ въ правленіе“.

Digitized by Google

Державинъ говоритъ, что нетрудно было бы ему опровергнуть всѣ эти „нелѣпицы“, но—

„какъ зналъ онъ канцелярскій обрядъ, что не на справкахъ основанные отвѣты подлежатъ сумнѣнію и что начальничьи донесенія болѣе возымѣютъ вѣсу, нежели его отвѣты, то отлучивъ его отъ должности предадутъ дѣло въ сенатъ къ законному сужденію, а сенатъ нѣсколько лѣтъ будетъ собирать справки, которыя въ угодность генералъ-губернатора будутъ такія, какія ему только будутъ угодны; словомъ, ежели не обвинятъ, то вѣчно просудятъ, чего имъ только и хотѣлось, дабы не допущать Державина въ столицу, или лучше до лицезрѣнія императрицы; ибо таковъ есть законъ: кто подъ судомъ, то не допущается къ двору. Державинъ, все сіе предвидѣвъ, взялъ мѣры, дабы отвратить отъ себя толь злобою ухищренную напасть“.

Не объявляя сенатскаго указа, онъ призвалъ къ себѣ секретарей, велѣлъ имъ навести справки, каждому по своей экспедиціи, о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ касается сенатскій указъ, и представить ему эти справки формальнымъ порядкомъ. Секретари и совѣтники подписали справки, не зная зачѣмъ онѣ требуются, губернскій прокуроръ пропустилъ ихъ; тогда Державинъ, имѣя въ рукахъ дикументы, объявилъ въ губернскомъ правленіи сенатскій указъ и тотчасъ отправилъ въ Петербургъ свой отвѣтъ со справками, показывавшими неосновательность обвиненій, принятыхъ сенатомъ. Гудовичъ страшно разсердился; его петербургскіе друзья положили отвѣтъ Державина подъ сукно, составили по новой жалобѣ Гудовича докладъ, удалявшій Державина отъ должности и предававшій его суду. Такъ въ концѣ 1788 года прекратилось тамбовское губернаторство Державина, который въ заключеніи этого отдѣла своихъ записокъ показываетъ въ десяти пунктахъ пользу, принесенную Тамбову его управленіемъ. Онъ старался сократить дѣлопроизводство, улучшить порядокъ сбора податей и свидѣтельства суммъ, исправилъ тюремный домъ и ввелъ въ немъ чистоту и порядокъ, „чего прежде не было“.

„а содержали въ одной, такъ сказать, ямѣ, огороженной полисадникомъ, по нѣскольку сотъ колодниковъ, которые съ голоду, съ стужи и духоты помирали, безъ всякаго о нихъ попеченія“.

Кромѣ того, онъ старался улучшить судоходство по рѣкѣ Цнѣ, завелъ въ Тамбовѣ типографію для печатанія циркулярныхъ объявленій и т. д. Вообще видно, что усердіе къ общей пользѣ у Державина было и что въ денежныхъ дѣлахъ онъ былъ человѣкъ очень честный. Вело-ли его усердіе къ какой нибудь дѣйствительной пользѣ, или только производило путаницу, этого мы не хотимъ рѣшать, но кажется, что среди странныхъ выдумокъ приходили ему въ голову иногда и дѣльныя мысли.

Слѣдствіе надъ Державинымъ долженъ былъ производить въ Москвѣ шестой департаментъ сената. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ упрашивалъ Державинъ, чтобы сдѣлали докладъ, но оберъ-прокуроръ шестаго департамента, князь Гагаринъ, и сенаторы видѣли невозможность обвинить Державина, а съ тѣмъ вмѣстѣ знали, что генералъ-прокуроръ князь Вяземскій врагъ ему, потому и не хотѣли рѣшать дѣла. Предлогомъ безконечныхъ отсрочекъ было то, что одинъ изъ сенаторовъ, князь Волконскій, не ѣздитъ въ присутствіе по болѣзни: слушаніе дѣла отлагали до его выздоровленія. А Волконскій былъ совершенно здоровъ и не ѣздилъ въ сенатъ только затѣмъ, чтобы другіе могли отговариваться его болѣзнью. Державинъ наконецъ не выдержалъ, потребовалъ свиданія съ нимъ и сказалъ:

Digitized by Google

„Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но въ сенатъ выѣзжать не изволите, хотя тамъ мое дѣло уже съ полгода единственно за неприсутствіемъ вашимъ не докладывается. Я увѣренъ въ вашемъ добромъ сердцѣ и въ благорасположеніи ко мнѣ; но вы дѣлаете сіе мнѣ притѣсненіе изъ угожденія только князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому), то я увѣряю ваше сіятельство, что ежели будете длить и не рѣшите мое дѣло такъ или сякъ, я истребую моего оправданія, ибо увѣренъ въ моей невинности; то принужденнымъ найдусь принесть жалобу императрицѣ, въ которой изображу всѣ причины притѣсненія моего генералъ-прокуроромъ, какъ равно и состояніе управляемаго имъ государственнаго казначейства самовластно и въ противность законовъ, какъ онъ раздаетъ жалованье и пенсіоны, кому хочетъ, безъ указовъ ея величества, какъ утаиваетъ доходы, дабы въ случаѣ требованія на нужныя издержки показать выслугу предъ государынею, нашедши якобы своимъ усердіемъ и особымъ распоряженіемъ деньги, которыхъ въ виду не было, или совсѣмъ оныя небреженіемъ другихъ чиновниковъ пропадали, и тому подобное; словомъ, всѣ опишу подробности, ибо, бывъ совѣтникомъ государственныхъ доходовъ, всѣ крючки и норы знаю, гдѣ скрываются, и по переводамъ суммъ въ чужіе края умышленно государственные ресурсы къ пользѣ частныхъ людей, прислуживавшихъ его сіятельству; коротко, хотя буду десять лѣтъ подъ слѣдствіемъ и въ бѣдствіи, но представлю нелживую картину худаго его казною управленія и злоупотребленія сдѣланной ему высочайшей довѣренности. То не введите меня въ грѣхъ и не заставьте быть доносчикомъ противу моей воли, рѣшите мое дѣло, какъ хотите, а тамъ Богъ съ вами, будьте благополучны“.

Услышавъ такія угрозы, Волконскій немедленно поѣхалъ въ сенатъ и дѣло Державина было окончено въ одно засѣданіе. Противники Державина были признаны несправедливыми, но прежній указъ объ удаленіи его отъ должности положили оставить въ силѣ. Чтобы имѣть возможность совершенно очиститься, Державину было нужно имѣть въ рукахъ копію сенатскаго рѣшенія; а тогда не было еще закона дозволять подсудимымъ разсматривать дѣлопроизводство о нихъ. Державинъ купилъ копію рѣшенія у сенатскаго оберъ-секретаря за 2,000 рублей, пріѣхалъ съ нею въ Петербургъ и послалъ по почтѣ къ императрицѣ письмо, въ которомъ только подъ формою собственной догадки высказывалъ, что если его могутъ винить за такія-то обстоятельства и поступки, то въ нихъ онъ можетъ оправдаться такими-то фактами. Екатерина черезъ статсъ-секретаря Храповицкаго объявила ему свое благоволеніе и сказала, „что не можетъ обвинить автора Фелицы“. Онъ даже былъ приглашенъ къ ея столу, потомъ получилъ позволеніе объясниться съ нею по своему дѣлу. Державинъ разсказываетъ эту аудіенцію такъ, какъ будто успѣлъ убѣдить государыню въ своей правотѣ; но въ запискахъ Храповицкаго сохранился словесный отзывъ императрицы, показывающій, что она считала причиною постигавшихъ его непріятностей горячность и неуживчивость его собственнаго характера. Какъ бы то ни было, но императрица повелѣла выдать Державину жалованье за все время его подсудности, а Безбородко, врагъ Вяземскаго, прибавилъ въ указѣ, чтобы продолжать выдачу ему жалованья и впредь до опредѣленія къ мѣсту.

„Сіе Вяземскаго какъ громомъ поразило, и онъ занемогъ параличемъ. Державинъ однако по старому знакомству, какъ бы ничего не примѣчая, ѣздилъ изрѣдка въ домъ его и былъ довольно принятъ ласково“.

Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Вяземскій злѣйшій врагъ его, самъ всячески старался вредить Вяземскому, а между тѣмъ, какъ видимъ, выказывалъ ему расположеніе. Видно слишкомъ большая двуличность была тогда въ обычаѣ,

Digitized by Google

если Державинъ въ перемежку съ такими фактами безпрестанно говоритъ о прямотѣ своего характера.

Ему было обѣщано мѣсто, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а мѣста не давали. Онъ разсудилъ, что единственный путь для него поправить дѣла — войти въ милость къ Платону Александровичу Зубову.

„Но что дѣлать? надобно было сыскивать случая съ нимъ познакомиться; какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у императрицы. Такимъ образомъ ходя нѣсколько. не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего написалъ онъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22 числу сентября, то есть ко дню коронованія императрицы, передалъ чрезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ: но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; и сверхъ того и императрица приказала приглашать его въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и прочія собранія“.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Петербургъ изъ арміи Потемкинъ; ему очень хотѣлось, чтобы Державинъ прославилъ его побѣды своими одами. и потому Державинъ былъ принятъ у него ласково. Въ этой пріязни былъ одинъ случай, самъ по себѣ очень ничтожный, но хорошо опредѣляющій пріемы, къ какимъ пріучались тогдашними нравами сильные люди.

„Однажды призвавъ его въ свой кабинетъ, отдалъ (Потемкинъ) письмо принца Делиня, писанное къ нему на французскомъ языкѣ, прося оное перевесть на русскій. Державинъ отговаривался незнаніемъ перваго; но князь сказалъ: „нѣтъ братецъ, я знаю, что ты переведешь“. — Принялъ и съ пособіемъ жены своей перевелъ, чѣмъ казался быть довольнымъ и благодарилъ“.

Около того же времени представился Державину случай предостеречь Платона Зубова отъ непріятной исторіи. Отецъ Зубова, человѣкъ корыстолюбивый, пользуясь сыновнею силою, захватилъ чужое помѣстье; помѣщикъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать управы. Державинъ узналъ объ этомъ, объяснилъ молодому Зубову дурной поступокъ отца и Платонъ Зубовъ, человѣкъ, какъ надобно думать, благороднаго характера, заставилъ отца возвратить похищенное, чего могъ бы и не дѣлать при своемъ могуществѣ. Онъ ласкалъ Державина; ласкалъ и Потемкинъ, такъ что Державинъ рѣшительно недоумѣвалъ, за кого ему держаться. Милостива была къ нему и государыня, но, какъ видно, не считала его человѣкомъ серьёзнымъ. По крайней мѣрѣ вотъ что разсказываетъ самъ Державинъ, ни мало не подозрѣвая, что разсказъ свидѣтельствуетъ противъ его мнѣнія о себѣ, какъ о человѣкѣ уважаемомъ за дѣльность. На пасху въ 1790 году, когда придворные выходили изъ церкви послѣ вечерни, государыня пригласила всѣхъ въ Эрмитажъ.

„Лишь только вошли въ залу и сдѣлали по обыкновенію кругъ, то императрица съ свойственнымъ ей величественнымъ видомъ прямо подошла къ Державину и велѣла ему за собою идти. Онъ и всѣ удивилися, недоумѣвая, что сіе значитъ. Пришедъ въ отдаленныя Эрмитажа комнаты, начала приказывать тихо, какъ бы какую тайну, чтобъ

Digitized by Google

онъ сочинилъ Чичагову (то есть къ бюсту Чичагова) надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году въ Ревелѣ, сильнѣйшаго въ три раза противъ россійскаго, флота Шведскаго, которая была бъ сколько возможно кратка. Державинъ, принявъ повелѣніе, не могъ однако отгадать, къ чему было такое ничего незначущее порученіе и что при толь великомъ собраніи отведенъ былъ таинственно съ важностію въ толь отдаленные чертоги, тѣмъ паче, что на другой день, истоща всѣ силы свои и въ поэзіи искусство, принесъ онъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована; а написала она сама прозою, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова. Опослѣ сіе объяснилось и было ничто иное, какъ поддраживаніе или толчекъ Потемкину, что императрица, противъ его воли, хотѣла сдѣлать своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ Державина и для того его толь отличительно показала публикѣ. Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю".

Если Потемкинъ сказался больнымъ, если хотѣлъ показать, что разсерженъ, то ужъ навѣрное напрасно Державинъ приписывалъ огорченіе князя „отличительному" своему разговору; да навѣрное и государыня не имѣла мысли сдѣлать его своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ. Она просто хотѣла пошутить надъ придворными, заставить ихъ попусту ломать голову надъ содержаніемъ таинственнаго разговора ея съ Державинымъ. Бѣдняжка Державинъ не понимаетъ, какъ смѣшно его ребяческое тщеславіе, воображавшее, что Потемкинъ можетъ позавидовать ему и что императрица въ самомъ дѣлѣ чуть не отдала Потемкина подъ его команду, когда она просто шутила, заказывая ему надпись, о которой едва ли впередъ не знала, что онъ не съумѣетъ написать ее. Итакъ, изволите видѣть, Державинъ чуть-чуть не попалъ при дворѣ въ такую силу, что Потемкинъ сказался больнымъ отъ огорченія его успѣхами. Но черезъ нѣсколько дней послѣ того происходилъ знаменитый балъ, данный Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ; на балѣ были пѣты хоры, сочиненные Державинымъ, и Потемкинъ даже пригласилъ къ своему столу стихотворца. Въ ожиданіи обѣда Державинъ отправился къ директору канцеляріи Потемкина Попову и тамъ—

„свободный имѣлъ случай и довольно время объяснить (Попову), что мало въ томъ описаніи (бала, даннаго Потемкинымъ,—Державинъ затѣмъ и являлся къ Потемкину, чтобы поднести это описаніе) на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боязнь неудовольствія отъ двора, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, каковымъ никто не даетъ истиннаго вѣроятія; а потому и разсудилъ отнесть всѣ похвалы только къ императрицѣ и всему русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ: „На взятіе Измаила"; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознести его, сколько его дарованія достанетъ. Но таковое извиненіе мало въ пользу автора послужило".

Потемкинъ, прочитавъ описаніе, разсердился, сказалъ, что обѣдать дома не будетъ, и Державинъ ушелъ домой некормленый. О, простота, простота! и она тоже поднялась было на хитрости; Державинъ, какъ видно, хотѣлъ кольнуть Потемкина скупостью на похвалы ему, хотѣлъ поощрить его этимъ къ ближайшему ознакомленію поэта съ великодушными его качествами, но достигъ только того, что остался безъ обѣда. Впрочемъ, онъ вздумалъ извлечь пользу и изъ этой непріятности: по-

Digitized by Google

бѣжалъ къ сопернику Потемкина Платону Зубову, — но нѣтъ, пусть лучше онъ самъ разсказываетъ:

„Державинъ сказалъ о семъ Зубову и не оставилъ однако въ первое воскресенье, при переѣздѣ князя въ Таврическій его домъ, засвидѣтельствовать ему своего почтенія“.

Продолжалъ онъ и потомъ до самаго отъѣзда Потемкина дипломатизировать, кланяясь и ему, и Зубову, но пользы не получилъ ни отъ того, ни отъ другаго. Особенно вмѣняетъ онъ это въ вину Платону Зубову:

„Графъ Зубовъ хотя безпрестанно ласкалъ автора, и со дня на день манилъ и питалъ въ немъ надежду получить какое либо мѣсто, но чрезъ все лѣто ничего не вышло, хотя нерѣдко открывалъ онъ ему тѣсныя свои обстоятельства, что почти жить было нечѣмъ“.

Надобно при этомъ вспомнить, что у Державина было тогда 1,200 душъ. Не только важной должности не давалъ ему Зубовъ, — не хотѣлъ даже сложить съ него казеннаго взысканія за какую-то неисправность, по какой-то, впрочемъ не очень большой, поставкѣ хлѣба: Зубовъ и другіе просто въ глаза смѣялись надъ нимъ. Но прибѣгнувъ къ сенатскому оберъ-секретарю, Державинъ успѣлъ повернуть дѣло въ свою пользу. Чего не приходило ему въ голову по поводу скупости „любимца“, которому напрасно объяснялъ онъ свои заслуги: бѣднякъ воображалъ между прочимъ, что Зубову „непріятна и самая піэтическая его слава“, какъ будто Зубовъ былъ соперникомъ ему по риѳмоплетству. Основаніемъ такого дикаго предположенія служили факты, о которыхъ Державинъ съ своимъ обычнымъ простодушіемъ разсказываетъ слѣдующее:

„Казалось Державину, что непріятна ему (Платону Зубову) и самая піэтическая его слава; ибо часто желалъ онъ стравливать или ссорить съ нимъ помянутаго г. Емина, который, какъ извѣстно, также писалъ стихи. Онъ былъ до того дерзокъ, что въ глазахъ фаворита не токмо смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду „На взятіе Измаила“, говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкусу. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ, а Державинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не споритъ; но чтобъ узнать, кто изъ нихъ искуснѣе въ стихотворствѣ, то проситъ позволенія напечатать особо, на свой коштъ, на одной сторонѣ листа его критику, а на другой свою оду, и предать на разсужденіе публики — кому отдадутъ преимущество, говорилъ онъ, тотъ и выиграетъ тяжбу. Но Еминъ не согласился“.

Во всемъ мы готовы вѣрить Державину; въ одномъ только (да простятъ намъ почитатели великаго поэта) никакъ не вѣримъ: не вѣримъ, чтобы онъ равнодушно отвѣчалъ Эмину; навѣрное онъ горячился до упаду. Зубовъ явно потѣшался надъ нимъ, а онъ чуть ли не воображалъ, что Зубовъ завидуетъ его поэтической славѣ.

Наконецъ, однакоже, повернулись въ пользу Державина неотступныя просьбы у Зубова. Однажды Зубовъ спросилъ его, можно ли нерѣшенныя дѣла переносить изъ одной губерніи въ другую по подозрѣнію въ пристрастіи дѣлопроизводителей первой губерніи. Державинъ объяснилъ ему, что нельзя, указалъ и законы, которыми это воспрещено.

„Въ первое послѣ того воскресенье слышно стало по городу, что когда оберъ-прокуроръ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, за болѣзнію Вяземскаго правя по старшинству генералъ-прокурорскую должность, былъ по обыкновенію въ уборной для поднесенія ея величеству прошедшей недѣли сенатскихъ меморій, то она, вышедъ изъ

Digitized by Google

спальни, прямо съ гнѣвомъ устремилась на него и, схватя его за Владимірскій крестъ, спрашивала, какъ онъ смѣлъ коверкать ея учрежденіе. Онъ отъ ужаса помертвѣлъ и не зналъ, что отвѣтствовать; наконецъ, сколько нибудь собравшись съ духомъ, промолвилъ: „Что такое, государыня? я не знаю". — „Какъ не знаешь? Я усмотрѣла изъ меморіи, что переводятся у васъ въ сенатѣ во 2 департаментѣ, гдѣ ты оберъ-прокуроръ, нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи въ другую".

Вечеромъ, въ тотъ же день, Зубовъ, „призвавъ Державина, объявилъ ему, что императрица опредѣляетъ его къ себѣ для принятія прошеній и дѣлаетъ своимъ статсъ-секретаремъ, поручаетъ ему наблюденіе за сенатскими меморіями, чтобы онъ по нимъ докладывалъ ей, когда усмотритъ какое незаконное сената рѣшеніе". Это было въ декабрѣ 1791 года, и съ той поры Державинъ опять пошелъ по службѣ вверхъ, впрочемъ съ частыми перерывами, происходившими теперь уже просто оттого, что онъ никакъ не умѣлъ понять, бываетъ ли у Екатерины II, потомъ у императоровъ Павла I и Александра I время много заниматься тѣми второстепенными дѣлами, длинными докладами, о которыхъ онъ неотступно надоѣдалъ имъ, какъ только получалъ должность, дававшую ему право личнаго доклада. Такъ, онъ съ перваго же раза очень скоро наскучилъ императрицѣ Екатеринѣ II своими неотвязными толками о сенатскихъ меморіяхъ. Но самъ онъ иначе объясняетъ причину, по которой императрица, сначала слушавшая его благосклонно и внимательно, черезъ нѣсколько времени отстранила его доклады.

„Сначала императрица часто допущала Державина къ себѣ съ докладомъ и разговаривала о политическихъ произшествіяхъ, каковымъ хотѣлъ было онъ вести подневную записку; но поелику дѣла у него были всѣ роду непріятнаго, то есть прошенія на неправосудіе, награды за заслуги, и милости по бѣдности; а блистательныя политическія, то есть о военныхъ пріобрѣтеніяхъ, о постройкѣ новыхъ городовъ, о выгодахъ торговли и прочемъ, что ее увеселяли болѣе дѣла прочихъ статсъ-секретарей, то и стала его рѣдко призывать, такъ что иногда онъ недѣли предъ нею не былъ, и потому журналъ свой писать оставилъ; словомъ: примѣтно было, что душа ея болѣе занята была военною славою и замыслами политическими, такъ что иногда не понимала она, что читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ; но какъ имѣла необыкновенную остроту разума и великій навыкъ, то тотчасъ спохватывалась и давала резолюціи по крайней мѣрѣ иногда нѣсколько основательныя, однако же сносныя, какъ-то: съ кѣмъ либо снестись, переписать и тому подобныя. Вырывались также иногда у нея внезапно рѣчи, глубину души ея обнаруживавшія. Напримѣръ: ежелибъ я правила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бъ была россійскому скипетру. Или: я не умру безъ того, пока не выгоню турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая, и съ Индіей не осную торговлю. Или: кто далъ, какъ не я, почувствовать французамъ право человѣка. Я теперь вяжу узелки *), пусть ихъ развяжутъ. Случалось, что заводила рѣчь и о стихахъ докладчика, и неоднократно, такъ сказать, спрашивала его, чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицѣ. Онъ ей обѣщалъ и нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ".

Пусть это и правда, пусть въ самомъ дѣлѣ слушаніе тяжебныхъ дѣлъ меньше занимало императрицу, чѣмъ планы пріобрѣтенія новыхъ областей и расширенія перевѣса своего надъ сосѣдями, — но какъ же Державинъ, если понималъ это, не дѣйствовалъ сообразно съ такими данными? Ему слѣдовало бы не доводить до нея

*) Она обыкновенно, когда слушала дѣла, то вязала чулки или какіе-то шнурки съ узелками. *Примѣчаніе Державина.*

Digitized by Google

мелкихъ дѣлъ, излагать и крупныя въ самомъ сжатомъ видѣ. Но въ его глазахъ пріобрѣтали громадную важность всякія мелочи, лишь бы онъ коснулся до нихъ: онъ ничего не замѣчалъ и ему казались выраженіемъ особеннаго благоволенія тѣ самыя вещи, по которымъ человѣкъ болѣе сообразительный замѣтилъ бы, что надъ нимъ подшучиваютъ. Въ самомъ дѣлѣ, императрица повторяла иногда шутку, которую въ первый разъ сдѣлала по случаю надписи къ бюсту Чичагова: „въ публичныхъ собраніяхъ, въ саду иногда, сажала его подлѣ себя на канапе, шептала на ухо ничего не значущія слова, показывая, будто говоритъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ. Что̀ это значило, Державинъ самъ не зналъ“, но заключалъ, что его хотятъ посвятить въ важныя государственныя тайны, вручить ему великую власть. По своему простодушному тщеславію онъ думалъ, что пользуется „такимъ императрицы уваженіемъ, которое обращало на него глаза завистливыхъ придворныхъ“. Прекращеніе мнимаго особеннаго уваженія онъ приписываетъ случайному обстоятельству, именно тому, что однажды, устроивъ, для развлеченія императрицы, игру въ горѣлки, онъ упалъ, вывихнулъ руку и долженъ былъ просидѣть дома шесть недѣль. „Въ сіе-то время, говоритъ онъ, недоброжелатели умѣли такъ расположить противъ него императрицу, что онъ по выздоровленіи нашелъ ее уже совершенно перемѣнившеюся“. Мѣсяца черезъ полтора или два по выздоровленіи онъ пріѣхалъ съ докладомъ во время дурной и холодной погоды; когда онъ велѣлъ доложить императрицѣ о своемъ пріѣздѣ, она чрезъ камердинера сказала ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ“, и приказала ѣхать домой. На самомъ дѣлѣ, рѣдкій правитель могъ бы долго вынести такого пространнаго докладчика: довольно сказать, что докладъ его императрицѣ по знаменитому дѣлу Якоби „продолжался всякій день по два часа четыре мѣсяца, съ мая по августъ“, но и тѣмъ еще не кончился, а послѣ нѣкотораго перерыва продолжался до ноября. Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ это могло хватить матеріала на такой докладъ, хотя бы даже о дѣлѣ Якоби, привезенномъ „въ трехъ кибиткахъ, нагруженныхъ сверху до низу“.

Читатель видѣлъ много такихъ свидѣтельствъ Державина о самомъ себѣ, по которымъ, пожалуй, усомнится раздѣлять наше мнѣніе, что въ сущности онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, старавшійся отстаивать правду, насколько дозволяли его очень отсталыя понятія. Но вотъ, напримѣръ, это самое дѣло Якоби, длина доклада о которомъ поражаетъ своею нелѣпостью, служитъ доказательствомъ правдивости Державина: когда дѣло попало въ руки Державина, всѣ считали Якоби уличеннымъ преступникомъ и сама императрица не сомнѣвалась въ его преступленіяхъ. Державинъ, увидѣвъ, что Якоби обвиненъ напрасно, защищалъ его съ большою твердостью. Сущность этого знаменитаго государственнаго процесса онъ излагаетъ такъ:

Въ 1783 году Якоби былъ назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ въ то время пользовался благосклонностью генералъ-прокурора Вяземскаго. Передъ отправленіемъ своимъ на генералъ-губернаторство онъ ежедневно посѣщалъ Вяземскаго.

„Обласканъ былъ княгинею и прочими живущими у князя, между коими понравилась ему дочь вышеупомянутаго оберъ-прокурора, что былъ послѣ сенаторомъ, Ивана Гавриловича Рязанова, которая, какъ говорили злоязычники, была въ любовной связи съ княземъ и вѣроятно съ согласія княгини. Она, примѣтивъ сіе, сказала супругу.

Digitized by Google

Рады были такому жениху и стали принимать его еще дружественнѣе, довели до настоящаго сватовства: уже женихъ невѣсту дарилъ брильянтами. Искреннею ли любовію плѣненъ былъ генералъ-губернаторъ къ сей дѣвицѣ, или только, чтобъ чрезъ нее получить всѣ требованія и прихоти свои отъ генералъ-прокурора, какъ-то опредѣлять въ мѣста кого куда хотѣлъ, давать чины своимъ приверженцамъ и прочее; но сіе очень много значило, а особливо въ такомъ отдаленіи, каковъ пространный Сибирскій край. Всѣ думали, что онъ женившись уже отправится къ своей должности. Ожидали только докладу императрицы; но наканунѣ онаго любимецъ ея бывшій тогда, Александръ Дмитріевичъ Ланской, призываетъ его къ себѣ, спрашиваетъ о справедливости разнесшагося слуха и запрещаетъ именемъ императрицы совершать сіе супружество, а напротивъ того, объявляетъ ея волю, чтобъ онъ поскорѣе ѣхалъ въ назначенное ему мѣсто и открывалъ въ Иркутскѣ губернію по образу ея учрежденія. Къ сему враждующая противъ князя Вяземскаго партія графовъ Безбородка, Воронцова и прочіе прибавили, будто императрица проговорила: „Я не хочу, чтобъ князь Вяземскій выдавалъ свою Рязанову за Якобія и за ней жаловалъ ему въ приданое Сибирь“. Можетъ быть, подъ симъ она разумѣла, что если будутъ въ тѣсномъ и столь короткомъ между собою союзѣ генералъ-прокуроръ съ генералъ-губернаторомъ, то цѣлый край, столь обширный и отдаленный, будетъ въ совершенномъ ихъ порабощеніи, и правды уже тамъ не учинятъ. Она, зная ихъ характеры, можетъ быть, была и права“.

Якоби уѣхалъ, обѣщавшись вернуться черезъ годъ, чтобы жениться. Но черезъ годъ онъ прислалъ рапортъ, что важныя дѣла удерживаютъ его въ Сибири, и отказался отъ невѣсты.

„Получа сіе извѣстіе, князь, сказываютъ, проговорился, что онъ живъ не будетъ, ежели не отомститъ такую наглую обиду. Кто у нихъ по справедливости виноватъ, Богъ знаетъ. Самъ ли собою это сдѣлалъ Якобій, или во угожденіе двора; но имѣя великую душу, кажется бы нашелъ средство иначе поступить. Съ другой стороны, столь низку быть генералъ-прокурору, какъ ниже увидимъ, непростительно“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкто Парфентьевъ прислалъ на Якоби доносъ, въ которомъ важнѣйшимъ обвиненіемъ было, что Якоби хочетъ поднять войну съ Китаемъ, чтобы получить черезъ нее больше важности. Якоби вызвали въ Петербургъ и дѣло тянулось цѣлыхъ семь лѣтъ. Наконецъ открылось, что тѣ дѣйствія Якоби, на которыхъ основывалось главное обвиненіе, были прямымъ исполненіемъ тайной инструкціи, данной ему самою императрицею; нашелся даже указъ объ этомъ въ архивѣ Иностранной Коллегіи. Государыня, будучи недовольна непріязненными дѣйствіями китайцевъ, приказывала Якоби отвѣчать на нихъ также непріязненными мѣрами, и вотъ эти-то мѣры семь лѣтъ выставлялись доказательствомъ, что Якоби самовольно хотѣлъ начать войну съ Китаемъ. Когда императрицѣ припомнилась инструкція, она увидѣла невинность Якоби и подписала указъ о его оправданіи. Но сначала ей не была объяснена сущность дѣла и Державину нужно было много гражданскаго мужества, чтобы не отступиться отъ изложенія процесса въ томъ духѣ, какъ онъ самъ понималъ его: „при продолженіи Якобіева дѣла, говоритъ онъ, она вспыхивала“, и разсказываетъ такой случай:

„Въ одинъ разъ съ гнѣвомъ (императрица) спросила, кто ему приказалъ и какъ онъ смѣлъ съ соображеніемъ прочихъ подобныхъ рѣшенныхъ дѣлъ сенатомъ выводить невинность Якобія. Онъ твердо ей отвѣтствовалъ: „Справедливость и ваша слава, Государыня, чтобъ не погрѣшила чѣмъ въ правосудіи“. Она закраснѣлась и выслала его вонъ, какъ и нерѣдко то въ продолженіе сего дѣла случалось“.

Digitized by Google

Прежде Державина дѣло Якоби производилъ извѣстный Шишковскій и Д
жавину надобно было выдержать борьбу съ этимъ человѣкомъ, находившимся
отличной довѣренности у императрицы и у Вяземскаго по дѣламъ тайной кан
ляріи". Увидѣвъ, что Державинъ даетъ дѣлу другой оборотъ, Шишковскій вз
было на себя „важный и присвоенный имъ, какъ всѣмъ извѣстно, таинстве
грозный тонъ съ новымъ слѣдователемъ". Но Державинъ заговорилъ съ нимъ та
что онъ „затрясся, поблѣднѣлъ и замолчалъ". Если тутъ Державинъ замѣча
о себѣ, что выказалъ „неустрашимость", то, надобно признаться, онъ справедли
присвоиваетъ такое достоинство своему поступку: не всякій рѣшился бы раз
жать Шишковскаго противъ себя. Часто бывая смѣшнымъ по тщеславію, сли
комъ часто выказывая чрезвычайную ограниченность, иногда совершенную дико
понятій (доказательства тому мы еще увидимъ), не считая предосудительнымъ
ломъ низкопоклонничества, обычнаго тогда, Державинъ однако же являлся ин
человѣкомъ, защищавшимъ свои убѣжденія не безъ мужества.

Кто хочетъ довѣрять объясненіямъ самого Державина больше, чѣмъ обык
веннымъ разсказамъ о его служебной неспособности, тотъ можетъ найти у н
такую причину придворнаго охлажденія къ нему, которая приноситъ честь
сердцу: разсказавъ о разныхъ мелкихъ наговорахъ, отъ которыхъ, по его мнѣ
„поселилась остуда" къ нему въ сердцѣ императрицы, онъ продолжаетъ:

„Можетъ быть и за то, что онъ по желанію ея, видя дворскія хитрости и
престанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ пи
похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писа
не въ бытность его еще при дворѣ: ибо изъ далека тѣ предметы, которые ему ка
лись божественными и приводили духъ его въ восплામенѣніе, явились ему, при при
женіи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины,
охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чисты
сердцемъ въ похвалу ея".

„По желанію Императрицы (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), чтобъ Держав
продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ г
свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ придворныхъ кавер
коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чт
поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда въ близи увидѣлъ подлинникъ че
вѣческій съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ
того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣла
чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, ка
у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и ч
ства.—И такъ не зналъ, что дѣлать; но какъ покойная (т. е. первая) жена его лю
его сочиненія, съ жаромъ и мастерски не рѣдко читывала ихъ при своихъ пріяте
то изъ разныхъ лоскутовъ собрала она ихъ въ одну тетрадь (которая хранится н
въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Пушкина въ Москвѣ) и, переписавъ нач
своею рукою, хранила у себя; когда же мужъ безпокоился, что не можетъ ничего
обѣщанію своему сдѣлать для Императрицы, то она совѣтывала поднести ей то, что у
написано, въ числѣ коихъ были и такія піесы, кои еще до свѣдѣнія ея не доход
сказавъ сіе, подала къ удивленію его переписанную ею тетрадь. Не имѣя другаго сред
исполнить волю Государыни, обрадовался онъ сему собранію чрезвычайно. Просилъ пр
теля своего Алексѣя Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмкѣ приличныя ка
тинки (виньеты), и, переплетя въ одну книгу, съ посвятительнымъ письмомъ, подн
лично въ ноябрѣ 1795 года. Государыня, принявъ оную, какъ казалось съ благово
ніемъ, занималась чтеніемъ оной сама, какъ камердинеръ ея г. Тюльпинъ сказыва
двое сутокъ."

Digitized by Google

Но, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, она умѣла обращаться съ людьми, „выигрывать сердца и ими управлять, какъ хотѣла“,—

„Часто случалось, что разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, и онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ, зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается по прежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула, и въ изступленіи сказалъ: „Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите“. Она засмѣялась и сказала: „неужто это правда?“ Умѣла также притворяться и обладать собою въ совершенствѣ.“

Но, отъ чего бы то ни было, отъ неспособности ли своей къ дѣльному управленію, или отъ недостатка льстивости, Державинъ не получалъ наградъ, которыхъ считалъ себя достойнымъ. Такъ, по отставкѣ Вяземскаго, генералъ-прокуроромъ сдѣланъ былъ графъ Самойловъ, а Державинъ, считавшій себя имѣющимъ всѣ права на эту должность, назначенъ былъ только сенаторомъ. Чаще всего поручали ему разборъ тяжебныхъ дѣлъ и опеку надъ помѣстьями богатыхъ малолѣтнихъ вельможъ, будучи увѣрены, что онъ не польстится на взятки и не расхититъ управляемаго имѣнія. Въ началѣ 1794 назначили его президентомъ коммерцъ-коллегіи, но чрезвычайно ограничили его вліяніе на дѣйствительный ходъ дѣлъ, оставленіемъ полной независимости отъ него начальникамъ важнѣйшихъ таможенъ, такъ что, явнымъ образомъ, ему хотѣли предоставить только почетный титулъ безъ всякой власти. Онъ не разсудилъ понять этого, вмѣшивался въ дѣла, до которыхъ его не допускали, потому въ послѣдніе мѣсяцы императрица черезъ Трощинскаго сказала ему, „чтобъ онъ не безпокоился по дѣламъ коммерцъ-коллегіи“. Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины II, его служба уже ограничивалась однимъ присутствіемъ въ Сенатѣ, и доведя свой разсказъ до кончины императрицы, онъ пользуется тутъ удобнымъ случаемъ для повторенія своей постоянной жалобы, что не былъ награждаемъ ею по достоинству, — впрочемъ это не мѣшаетъ ему считать ея правленіе „благоденственнымъ“.

„Что касается до него, то, начавъ ей служить, какъ выше видно, отъ солдатства, слишкомъ чрезъ 35 лѣтъ, дошелъ до знаменитыхъ чиновъ, отправлялъ безпорочно и безкорыстно всѣ возложенныя на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повелѣнія съ довольною довѣренностію; но никогда не носилъ отличной милости и не получилъ за вѣрную свою службу какого либо особливаго награжденія, какъ прочіе его собратія, Трощинскій, Поповъ, Грибовскій и иные многіе. Онъ даже просилъ, по крайнему своему недостатку, обратить жалованье его въ пенсіонъ; но и того не сдѣлано до выпуску его изъ статсъ-секретарей. Деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кромѣ, какъ выше сказано, пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи, за спасеніе колоній, съ которыхъ онъ со всѣхъ получалъ доходу серебромъ не болѣе трехъ съ души, то есть 1000 рублей, а ассигнаціями въ послѣднее время до 2000 рублей, да въ разныя времена за стихотворенія свои подарковъ, то есть: за оду Фелицѣ золотую табакерку съ бриллiантами и 500 червонцевъ, за оду на взятіе Измаила золотую же табакерку, за тарифъ—съ бриллiантами же табакерку, по назначенію на билетѣ ея рукою надписанному: *Державину*, получилъ послѣ уже ея кончины отъ Императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за безцѣннѣйшее всѣхъ награжденій, что она, при всѣхъ гоненіяхъ силь-

Digitized by Google

ныхъ и многихъ непріятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, такъ сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать и явно надъ ними, огласкою его справедливости и вѣрной службы или особливою какою либо довѣренностію, которую она къ прочимъ оказала. Коротко сказать, сія мудрая и сильная Государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величія; но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе года, съ княземъ Потемкинымъ, упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ. Поелику же духъ Державина склоненъ былъ всегда къ морали, то, если онъ и писалъ въ похвалу торжествъ ея стихи, всегда однако обращался аллегоріями, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ. Но какъ бы то ни было, да благословенна будетъ память такой Государыни, при которой Россія благоденствовала и которую долго не забудетъ“.

Читатель замѣтитъ, что въ этомъ разсужденіи Державина нѣтъ никакихъ признаковъ логики, что посылки не вяжутся съ заключеніемъ. Но у Державина напрасно было бы и вообще искать какой нибудь послѣдовательности въ образѣ мыслей; его понятія представляютъ самую пеструю смѣсь мыслей, внушаемыхъ сердцемъ по природѣ благороднымъ, съ господствовавшими тогда идеями совершенно иного характера: также, какъ его поступки, свидѣтельствуютъ—то, какъ будто бы, о довольно значительномъ запасѣ природнаго здраваго смысла, то о самомъ мелочномъ тщеславіи и о совершенной безтолковости. Если хотите, всѣ эти противорѣчія очень легко объясняются тѣмъ несомнѣннымъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ нисколько подготовленъ къ важнымъ дѣламъ, которыми пришлось ему заниматься. Онъ былъ дикарь съ добрымъ отъ природы сердцемъ, по капризу судьбы поставленный довольно важнымъ человѣкомъ въ государствѣ, болѣе всего нуждавшемся въ избавленіи отъ дикарства. Онъ видѣлъ, что все не клеится, все дурно, повсюду находилъ несоотвѣтственность между національными нуждами и обстоятельствами, въ которыхъ содержалась нація. Ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь полезное для общества, но онъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ заключается причина разстройства и бѣдствій; ему не приходило въ голову, что причины эти заключаются въ дикихъ понятіяхъ, которыми самъ онъ былъ пропитанъ и наивностью которыхъ ловко пользовались нѣкоторыя хитрыя личности, принявшія изъ европейской цивилизаціи одинъ только маккіавелизмъ. Онъ вѣрилъ искренности пышныхъ фразъ и самъ былъ преданнѣйшимъ помощникомъ лицъ, въ чувствахъ которыхъ обманывался.

Читатель скажетъ, что мы слишкомъ мало подготовляли такое заключеніе предыдущею статьею; что она почти вся состоитъ только изъ голыхъ выписокъ, не связанныхъ никакою общею мыслью, даже не приведенныхъ ни въ какую систему, расположенныхъ въ томъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ попадались онѣ намъ при перелистываніи записокъ Державина; онъ скажетъ, что многія изъ этихъ выписокъ рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а другія еслибъ и могли имѣть какой нибудь смыслъ, то теряютъ его отъ безсмысленной обстановки другими выписками,

Digitized by Google

совершенно излишними. Все это такъ, положимъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что авторъ статьи плохо воспользовался матеріалами, какіе имѣлъ въ запискахъ Державина; но это ни мало не мѣшаетъ матеріаламъ оставаться не дурными и никто не препятствуетъ читателю придать имъ собственною мыслью ту обработку, какой не умѣла сообщить имъ наша статья. Пусть читатели довольствуются тѣмъ, что мы знакомимъ ихъ съ любопытными мѣстами книги, которая иначе была бы извѣстна развѣ одному изъ десятерыхъ между ними. Что за странная претензія получать готовые выводы—гораздо лучше думать самому.

Въ слѣдующій разъ мы переберемъ содержаніе остальной части „Записокъ" Державина, относящейся къ царствованію императора Павла и къ первой половинѣ царствованія императора Александра. Эта часть по объему вдвое меньше той, извлеченіе изъ которой мы дали теперь, но она гораздо любопытнѣе. Воспитанный въ понятіяхъ, господствовавшихъ надъ необразованною массою русскаго населенія въ началѣ царствованія Екатерины II, Державинъ судитъ по нимъ о новыхъ порядкахъ: при Екатеринѣ онъ былъ недоволенъ только частностями, и главнымъ образомъ только тѣми частностями, которыя непріятно отражались на его личныхъ дѣлахъ. При императорѣ Павлѣ, а еще больше въ первые годы императора Александра имъ овладѣваютъ другія чувства: общій характеръ управленія не таковъ, къ какому онъ привыкъ, онъ становится недоволенъ всѣмъ порядкомъ дѣлъ. Но вотъ именно тутъ и обнаруживается совершенная несостоятельность идей, которыми онъ привыкъ руководиться. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи его сужденія о лучшихъ сподвижникахъ императора Александра. Они, по его мнѣнію, губили Россію всѣмъ тѣмъ, что успѣвали сдѣлать дѣйствительно полезнаго для нея. До сихъ поръ Державинъ въ качествѣ государственнаго мужа былъ только смѣшонъ, но въ сужденіяхъ о первой половинѣ царствованія Александра выставляется онъ, при всей благонамѣренности, съ такой стороны, что невольно думаешь: каково бы ни было время, слѣдовавшее за кончиною Екатерины, но во всякомъ случаѣ оно едва-ли могло быть проигрышемъ, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, которое Державинъ выставлялъ образцовымъ.

II.

Вскорѣ по своемъ восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ пригласилъ Державина къ себѣ, далъ ему поцѣловать руку и въ очень милостивыхъ выраженіяхъ объявилъ, что хочетъ сдѣлать его правителемъ канцеляріи верховнаго Совѣта, зная его за человѣка честнаго. Говоря о назначаемой ему должности, императоръ употреблялъ слова „правитель Совѣта" вмѣсто полнаго названія „правитель канцеляріи Совѣта". Кажется, смыслъ былъ ясенъ, несмотря на выпускъ слова „канцелярія"; но Державинъ, чрезвычайно наивный и тщеславный, тотчасъ вообразилъ, что императоръ говоритъ не о существующей, очень хорошо извѣстной всѣмъ должности, а учреждаетъ для него какую-то новую должность, несравненно высшую, такъ чтобы онъ былъ не дѣлопроизводителемъ Совѣта, а безграничнымъ начальникомъ его, полновластнымъ лицемъ, чѣмъ-то въ родѣ Ришельё. Когда на другой день вышелъ указъ, въ которомъ краткое разговорное выраженіе „правитель Совѣта" было замѣнено полнымъ формальнымъ выраженіемъ „правитель кан-

Digitized by Google

целяріи Совѣта“, Державинъ, разумѣется, приписалъ разрушеніе своей фантазіи вовсе не тому, что она была создана только его тщеславіемъ, а интригамъ своихъ враговъ. Возникли разныя объясненія, въ которыхъ Державинъ велъ себя съ обыкновенною своею навязчивостью, такъ что государь разсердился, перестаяъ принимать къ себѣ Державина и приказалъ не пускать его въ кавалерскую залу. Державинъ началъ забѣгать къ разнымъ приближеннымъ императора, чтобы они смягчили его, но никому не было охоты впутываться въ это дѣло, и Державинъ обратился къ средству, которое и прежде удавалось ему нѣсколько разъ.

„По ропоту домашнихъ, былъ въ крайнемъ огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи, возвратить къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта. Онъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ, напечатанную во второй части его сочиненій, подъ надписью: Ода на новый 1797 годъ, и послалъ ее къ императору чрезъ Сергѣя Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залу по прежнему“.

До сихъ поръ мы не приводили выписокъ изъ поэтическихъ произведеній Державина; попробуемъ обратиться къ ихъ свидѣтельству на этотъ разъ. Ода на новый 1797 годъ дѣйствительно заслуживала того, чтобы произвести улучшеніе въ дѣлахъ Державина: она проникнута самымъ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія къ императору. Державинъ прославляетъ милостивый манифестъ новаго государя, потомъ говоритъ, что съ его царствованіемъ водворилась въ государственномъ управленіи самая полезная дѣятельность: „пронесся духъ животворящій“, „всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ и долгъ свой тщательно творитъ; передъ зерцаломъ судъ не дремлетъ, скрываетъ злость главу свою“. Всѣ заслуги награждены по достоинству, „сѣдина почестьми покрылась, заслуги получаютъ мзду“.

„Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,
Льетъ благодать своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣваютъ
И отъ него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.“

Вся вселенная повторяетъ молву, что Павелъ превосходитъ Екатерину II и Петра I и желаетъ „садить въ сердцахъ блаженства крины“. Далѣе онъ сравнивается съ Атлантомъ, „на рамена поднявшимъ свѣтъ“, называется избраннымъ сосудомъ Христовой церкви, льющимъ „всѣ добродѣтели во нравы“, „мудрымъ ума по просвѣщенью“, „нѣжнымъ, милостивымъ душой, отирающимъ слезы несчастнымъ“, такъ что—

„По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Титъ“.

И Державинъ обѣщаетъ Россіи, что она подъ Павловымъ владѣньемъ „будетъ счастливѣй всѣхъ земныхъ народовъ“.

Конечно, во всѣхъ этихъ похвалахъ мы должны находить очень значительную часть справедливости; но дѣло въ томъ, что если Державинъ и предугадалъ въ

Digitized by Google

своей одѣ сужденіе безпристрастной исторіи, то самъ онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда писалъ эту оду, вовсе не думалъ того, что писалъ: при своемъ раздраженіи, онъ дозволялъ себѣ въ домашнемъ кругу горькія насмѣшки или, по его собственному выраженію, „не могъ удерживаться отъ горестнаго смѣха", когда говорилъ съ своими близкими. Тутъ же, всего за 39 строкъ передъ выписаннымъ нами отрывкомъ, онъ выражаетъ такое мнѣніе:

„Всѣ прежнія учрежденія Петра Великаго и Екатерины зачали сумазбродно, безъ всякой причины, коверкать" (Записки Держ. стр. 392).

Вотъ еще черта такого же рода. Мы говорили, что прежде чѣмъ принялся за сочиненіе оды на новый 1797 годъ, Державинъ пытался помочь своему дѣлу черезъ ходатайство сильныхъ людей, которые однако же не захотѣли впутываться въ дѣло. Между прочимъ обращался онъ съ просьбою и къ князю Николаю Васильевичу Репнину, который тоже сказалъ: „не мое дѣло мирить васъ съ государемъ". Тогда Державинъ „почувствовалъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзеніе къ человѣку, который носилъ въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе". По его увѣренію, „скоро послѣ того низость души сего князя узнали и многіе"—вѣроятно мы ошиблись бы, предположивъ по этимъ словамъ, что и самъ Державинъ помогалъ этимъ многимъ узнать низость души сего князя, т. е. ѣздилъ по городу и старался вселять въ другихъ убѣжденіе, къ которому пришелъ о качествахъ души Репнина. Издатель записокъ Державина справедливо замѣчаетъ, что Репнинъ былъ, напротивъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ людей своего вѣка. Но для насъ важно не то, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ Репнинъ, а то, что Державинъ, имѣя о немъ мнѣніе, которое мы прочли, не почелъ нужнымъ выбросить изъ своихъ сочиненій оду „Памятникъ герою", на которую указываетъ издатель. Въ этой одѣ прославляется несравненная добродѣтель героя Репнина и доказывается, что сколь ни славенъ онъ своими побѣдами, но еще гораздо высшей славы заслуживаетъ дивными душевными достоинствами: достоинства эти такъ велики, что Державинъ для удовлетворительнаго ихъ изображенія проситъ даже помощи музы какого-то Кунгдзея.

„Всегда разборчива, правдива,
Нигдѣ и никому нельстива,
О! строгаго Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ звонкомъ кинѣ,
И трогать поученьемъ сердце!
Приди...

говоритъ Державинъ—„возсядь при памятникѣ дивномъ и вѣщай, что

Друзья, герои человѣковъ"

должны считаться „солью земли", „звѣздами во міракѣ", „великими зерцалами богоподобныхъ" и т. д., и что изображаемый теперь герой имѣетъ такія качества: онъ

„Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ

Digitized by Google

Внутри онъ сердца не привержень;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть",

и т. д. Муза Кунгдзея разыгрывается наконецъ до того, что заключаетъ пере-
сленіе добродѣтелей своего героя стихомъ—

„Благословенъ Репнинъ потомствомъ".

Изъ этого сличенія отзывовъ, дѣланныхъ Державинымъ при жизни, съ
словами въ „Запискахъ", предназначавшихся къ изданію уже по его смерт
когда ни Репнинъ, ни кто другой не могъ доставить ему повышенія по служб
мы вовсе не думаемъ выводить какихъ нибудь невыгодныхъ заключеній о лично
характерѣ самого Державина: мы хотимъ только сказать, что нравы, въ которы
онъ воспитался, были проще, откровеннѣе нынѣшнихъ. И теперь мы иног
составляемъ свои сужденія о людяхъ по нашимъ отношеніямъ съ ними, а вслу
говоримъ о людяхъ то, что нужно для нашей выгоды. Но мы совѣстимся, ког
обнаруживается это разнорѣчіе явныхъ словъ съ тайнымъ мнѣніемъ, а въ тѣ вр
мена, когда сложились понятія Державина, этой конфузливости люди какъ буд
не чувствовали: они думали, что въ этомъ разнорѣчіи нѣтъ ничего предосудит
наго. Они даже вовсе не старались скрывать, что человѣкъ украшается въ и
глазахъ всѣми возможными добродѣтелями и совершенствами, когда дѣлается и
милостивцемъ, что если они порицаютъ кого, то не иначе, какъ по своимъ ли
нымъ отношеніямъ къ нему. Репнинъ отказался хлопотать за Державина, и в
мы видѣли, какую низость души тотчасъ же нашелъ Державинъ въ героѣ, восп
томъ музою Кунгдзея. Точно также надобно полагать, что онъ и правительств
ныя распоряженія находилъ иногда неосновательными единственно лишь потом
что много разъ обманывался въ надеждѣ забрать въ свои руки всѣ государств
ныя дѣла. Успѣй онъ получить силу, онъ сталъ бы говорить совершенно иначе,
и не только сталъ бы говорить иначе, самъ отъ всей искренности сердца нах
дилъ бы, что ходъ дѣлъ совершенно соотвѣтствовалъ въ это время картинѣ, пр
ставленной имъ въ одѣ на новый 1797 годъ.

Черезъ нѣсколько времени Державина опять назначили президентомъ ко
мерцъ-коллегіи, но опять такъ, что у него не было въ рукахъ никакой вла
онъ только долженъ былъ исполнять распоряженія министра коммерціи князя Г
гарина. Державинъ опять полагаетъ, что императоръ хотѣлъ сначала вручить е
обширную власть, но пріятели князя Гагарина устроили иначе.

Мѣсяца черезъ два Державина назначили финансъ-министромъ; но существ
ная власть осталась въ рукахъ государственнаго казначея графа Васильева. Де
жавинъ, замѣтивъ это, попросилъ объясненія, чтожъ ему дѣлать на своей дол
ности? Между тѣмъ Кутайсовъ, бывшій тогда въ большой силѣ, разгнѣвался з
что-то на Васильева, удалилъ его въ отставку, и Державинъ былъ переимен
ванъ изъ финансъ-министровъ въ государственные казначеи. Вступая въ эту дол
ность, Державинъ долженъ былъ провѣрить по вѣдомостямъ и отчетамъ состоян
государственныхъ доходовъ и расходовъ; но отчеты о нихъ—

„никто, какъ должно, не разсматривалъ, откладывая день за день, то и была
дня учрежденія экспедиціи о государственныхъ (доходахъ) болѣе двадцати лѣтъ вся
имперія несчитанною";

Digitized by Google

всякой надежды склонить вестъ-индскихъ плантаторовъ сдѣлать хотя что нибудь для приготовленія своихъ невольниковъ къ освобожденію, они сильно хлопотали объ этихъ предварительныхъ мѣрахъ. Когда въ 1823 году мистеръ Бекстонъ сдѣлалъ первое предложеніе объ уничтоженіи невольничества, онъ прямо объявилъ:

„Цѣль наша — уничтоженіе невольничества, уничтоженіе полное, обнимающее все пространство британскихъ владѣній. Мы однако не думаемъ ни о быстромъ окончаніи этого дѣла, ни о внезапномъ освобожденіи негровъ. Мы имѣемъ въ виду такія подготовительныя распоряженія, которыя съ медленной постепенностью, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, понемногу привели бы насъ къ уничтоженію невольничества, *сдѣлавъ сначала негровъ способными пользоваться свободой*".

Онъ въ особенности требовалъ освобожденія молодыхъ дѣтей невольниковъ, чтобы вслѣдствіе этого невольничество могло постепенно исчезнуть.

Что могло быть умѣреннѣе этихъ стремленій? Циркулярныя письма, отправленныя вслѣдствіе этого диспута на невольничьи острова Кеннингомъ, просто „совѣтовали" колоніальнымъ властямъ принять какія нибудь временныя мѣры, которыя могли бы приготовить негровъ къ свободѣ. Ярость, вызванная этими спасительными совѣтами, показала аболиціонистамъ, какъ неосновательна была надежда, что плантаторы согласятся на постепенное уничтоженіе невольничества.

Одну изъ „переходныхъ мѣръ", такъ кротко предложенныхъ Кеннингомъ, долженъ былъ бы, кажется, охотно принять каждый англичанинъ, въ какой бы части свѣта онъ ни жилъ. Кеннингъ предлагалъ прекратить бичеваніе женщинъ. Очевидно, что нельзя было надѣяться на возвышеніе нравственнаго уровня невольниковъ, пока ихъ жены, сестры и матери были подвергнуты бичу всякаго разбойника, поставленнаго надъ ними. Съ чего же было и начинать улучшенія, если бы колонисты не согласились отказаться отъ такой привилегіи? И однако во всѣхъ колоніяхъ было рѣшено,—сохранить вредный и возмутительный обычай.

Аболиціонисты или, точнѣе, англійская публика рѣшилась покончить съ этими шутками, и сказала прямо, что если невольничества нельзя ослабить понемногу, такъ оно должно быть уничтожено. „Ученичество" было однако новой попыткой дать свободу какъ нибудь постепенно. Раздраженіе владѣльцевъ и невольниковъ было его единственнымъ слѣдствіемъ. Оно не допускало ни бича, ни заработной платы; и потому, вмѣсто приготовленія негровъ къ энергической работѣ по найму, оно только усилило разрывъ между ними и ихъ прежними владѣльцами.

Мы пришли теперь къ концу перваго періода въ исторіи англійской Вестъ-Индіи—періода невольничьяго труда. Мы видѣли, что при этомъ порядкѣ вещей рабочіе вымирали, производительность слабѣла, земледѣліе находилось въ варварскомъ состояніи, торговля падала, и сами владѣльцы—англійскіе джентльмены—„приведены были къ положенію, заставившему ихъ просить помощи парламента". Мы видѣли, что не аболиціонистовъ, а тѣхъ, кто спорилъ съ ними, слѣдуетъ обвинять въ непринятіи подготовительныхъ мѣръ для переходнаго періода. Обращаясь къ этому періоду, мы можемъ прямо замѣтить, что тотчасъ за уничтоженіемъ невольничества послѣдовало сильное уменьшеніе въ количествѣ вырабатываемаго сахара. Плантаторы не привыкли обращаться съ неграми, какъ съ свободными людьми, которыхъ можно было только поощрять, а не принуждать къ работѣ. Мы могли бы наполнить сотни страницъ описаніемъ болѣзненныхъ и безплодныхъ усилій плантаторовъ, чтобы всякими неправдами избѣжать ужасной необходимости: обращаться прилично съ своими бывшими невольниками, замани-

Digitized by Google

вать жалованьемъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ незадолго передъ тѣмъ могли сѣчь за малѣйшее проявленіе лѣности. Эти усилія имѣли единственнымъ слѣдствіемъ внушеніе неграмъ отвращенія къ плантаторамъ и рѣшимости заработывать себѣ хлѣбъ гдѣ бы то ни было, только не на сахарныхъ плантаціяхъ. Притомъ очень многіе плантаторы сами заставляли негровъ оставить принадлежавшіе имъ коттэджи и земли, надѣясь, что эта угроза заставитъ ихъ работать за меньшую плату. Но результатомъ былъ только переходъ негровъ на другія мѣста *).

Итакъ, въ теченіе извѣстнаго времени въ колоніяхъ господствовало нѣкоторое затрудненіе. Многіе плантаторы находили очень труднымъ приспособить свою обстановку и самихъ себя къ новому порядку вещей. Притомъ въ 1843 году страшное землетрясеніе опустошило группу Подвѣтренныхъ островов. На Антигоѣ, изъ 172 сахарныхъ заводовъ, 117 были совершенно разрушены. Въ городѣ Сенъ-Джонѣ цѣлая треть домовъ была разрушена, а значительная часть остальныхъ повреждена до того, что не могла уже служить жильемъ. Вслѣдъ за тѣмъ разразился ураганъ, и слѣды этихъ двухъ бѣдствій были еще замѣтны шесть лѣтъ послѣ того. Снесенныя церкви, вырванныя деревья, разрушенные дома поражали глазъ Берда еще въ 1849 году. Сахарный тростникъ пострадалъ ужасно. Но еще болѣе гибеленъ былъ рядъ засухъ, которыя, съ двумя только исключеніями, продолжались отъ 1840 по 1849 годъ. Шести засухъ въ теченіе восьми лѣтъ было бы конечно достаточно для разоренія плантаторовъ, если бы они даже владѣли мильонами невольниковъ.

Всѣ эти обстоятельства конечно страшно затруднили дѣло, и мы нисколько не отрицаемъ, что вестъ-индскіе владѣльцы понесли много убытковъ въ теченіе этихъ лѣтъ. Но многочисленныя свидѣтельства согласно утверждаютъ, что вскорѣ послѣ эманципаціи дѣла стали устроиваться. Выражаясь словами членовъ коммиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ состоянія Гвіаны въ 1850 году, скажемъ, что „обнаружились всѣ признаки перемѣны къ лучшему; количество обработываемой земли увеличилось, сборъ съ полей также; въ трудящемся населеніи стало замѣтно болѣе прилежанія къ работѣ, и вообще состояніе его свидѣтельствуетъ о быстромъ прогрессѣ". Невольничество кончилось въ 1834 году; ученичество—въ 1838; а только въ 1847 наступилъ для колоній кризисъ, разразившійся тогда надъ цѣлымъ міромъ.

Причиной этого кризиса былъ огромный упадокъ въ цѣнѣ сахара. Конечно и другія обстоятельства содѣйствовали увеличенію бѣдствій, начавшихся въ 1847 году; но истинное ихъ объясненіе заключается въ томъ поразительномъ фактѣ, что вестъ-индскій сахаръ, который въ 1840 году продавался въ таможенныхъ складахъ (за вычетомъ пошлины) по 49 шиллинговъ, въ 1848 году упалъ до 23 шил. 5 пенсовъ, то есть упалъ на 25 шил. 7 пенсовъ изъ 49! Если возьмемъ періодъ болѣе обширный, то увидимъ, что въ восьмилѣтіе, заключенное 1846 годомъ, сахаръ среднимъ числомъ продавался (за вычетомъ пошлины) по 37 шил. 3 пенса за центнеръ. Въ слѣдующія восемь лѣтъ средняя цѣна сахара спустилась до 24 шил. 6 пенсовъ за центнеръ. Замѣтимъ еще обстоятельство. Въ первыя восемь лѣтъ

---

*) Авторъ дѣльной статьи въ февральскомъ нумерѣ Westminster Review за 1853 годъ приходитъ къ тому заключенію, что „уменьшеніе количества труда было прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ дурныхъ поступковъ плантаторовъ".

Digitized by Google

Вестъ-Индія производила ровно 20,000,000 центнеровъ сахара *). Въ слѣдующее за тѣмъ восьмилѣтіе производство его увеличилось на 4,500,000 центнеровъ. Проданное по прежнимъ цѣнамъ, это количество должно бы было дать пятнадцатью милліонами фунтовъ стерлинговъ болѣе, чѣмъ сколько дало въ дѣйствительности. Дѣйствительный доходъ былъ даже *семью милліонами фунтовъ меньше* того, который получился въ первое восьмилѣтіе, когда сахара производилось меньше. Можно себѣ представить чувства плантаторовъ: сборъ съ полей увеличился, а между тѣмъ они получили семью мильонами меньше, чѣмъ въ прежнее восьмилѣтіе; пятнадцатью мильонами меньше, чѣмъ могли бы получить, если бы прежнія цѣны удержались! Уменьшеніе дохода семью мильонами! Одного этого факта было бы достаточно для произведенія страдальческихъ воплей, раздавшихся въ Вестъ-Индіи. Пониженіе цѣны съ 37 шил. 3 пенсовъ до 24 шил. 6 пенсовъ повлекло за собой положительный убытокъ вездѣ, гдѣ, по отсутствію владѣльцевъ, хозяйство было предоставлено небрежнымъ рукамъ управителей, или гдѣ имѣнія были обременены тяжелыми процентами по долгамъ. Сильное пониженіе цѣны сахара есть чрезвычайно важный фактъ, котораго нельзя забывать, если хотимъ понять, почему въ теченіе этихъ лѣтъ Вестъ-Индія была такъ близка отъ гибели **).

Легко понять, что такое сильное пониженіе цѣны главнаго продукта Вестъ-Индіи было бы причиной глубокаго страданія даже въ самомъ здоровомъ обществѣ. Но ударъ сталъ гибеленъ потому, что періодъ рабства и монополіи оставилъ вестъ-индскихъ владѣльцевъ въ такомъ разоренномъ, болѣзненномъ положеніи, что, по справедливому замѣчанію Байджлоу, зданіе должно было во всякомъ случаѣ рушиться. Уничтоженіе или неуничтоженіе невольничества тутъ ничего не значило. Дѣла дошли во время невольничества до того, что неизбѣженъ былъ какой нибудь переворотъ, достаточно сильный, чтобы стереть съ лица земли весь старый порядокъ вещей и очистить мѣсто новому. Мы слегка укажемъ нѣкоторыя черты этого стараго порядка.

Плантаторы были во время невольничества по уши въ долгахъ. Въ 1833 году былъ, напримѣръ, учрежденъ на маленькомъ островкѣ Сантъ-Люси судъ для разбора дѣлъ по залогамъ поземельной собственности; и въ первые же 18 мѣсяцевъ существованія этого суда, несмотря на небольшіе размѣры острова, было протестовано обязательствъ на огромную сумму 1,089,965 фунт. стерл. Все это были долги, заключенные во время существованія невольничества. И этотъ островокъ не былъ исключеніемъ. На всѣхъ прочихъ господствовалъ тотъ же порядокъ вещей. Почти всѣ владѣнія были заложены, многія далеко выше своей стоимости, владѣльцамъ было почти невозможно выплачивать тяжелые проценты и извлекать хотя какой нибудь барышъ изъ сложнаго и труднаго дѣла, съ которымъ они тщетно старались справиться. Мистеръ Байджлоу (американскій путешественникъ замѣ-

*) Parliamentary Return of tea and sugar, Iuly 1818. Этотъ отчетъ показываетъ также, что въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ нашего вѣка сахаръ продавался по 48 шил., т. е. вдвое дороже, чѣмъ съ 1846 по 1855 годъ. Неудивительно, что цѣна собственности въ Вестъ-Индіи упала съ тѣхъ поръ, какъ миновались эти блаженныя старыя времена.

**) Это сильное пониженіе цѣнъ было, конечно до извѣстной степени, слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ въ пользу свободной торговли въ 1846 году. Но, съ другой стороны, на него имѣли также вліяніе тѣ покровительственныя мѣры, которыя тогда были приняты Франціей, Бельгіей и другими континентальными государствами въ пользу свекловичнаго сахара. Сахаръ тростниковый былъ тогда принужденъ сосредоточиваться въ Англіи, вмѣсто того, чтобы расходиться по всей Европѣ.

Digitized by Google

чательнаго ума и наблюдательности), разобравъ этотъ вопросъ, объявляетъ, что въ эпоху освобожденія „островъ Ямайка былъ въ неоплатномъ долгу... почти всѣ владѣнія были заложены выше своей стоимости и не могли выплачивать лежавшихъ на нихъ процентовъ... Банкротство было неизбѣжно“.

Но самымъ невыгоднымъ обстоятельствомъ въ положеніи прежнихъ владѣльцевъ было то, что почти никто изъ нихъ не жилъ въ своихъ владѣніяхъ; а если кто и жилъ, то не былъ приготовленъ къ управленію имѣніемъ. Почти всѣ сахарныя плантаціи принадлежали лицамъ жившимъ въ Англіи, которыя никогда и не видали своихъ владѣній. Всякому извѣстно, какъ рѣдко окупается даже простая англійская ферма, если ее не арендуютъ, а просто поручаютъ управителю на жалованьи. А тутъ, кромѣ земледѣльческаго риска, на долю плантатора выпадало сложное мануфактурное производство, требующее очень большихъ издержекъ и внимательнаго присмотра. И все это поручалось агенту владѣльца.

Очень не рѣдко этотъ агентъ былъ человѣкомъ честнымъ, несмотря на сильное искушеніе; человѣкомъ воздержнымъ—несмотря на изобиліе рома и нравы вестъ-индскаго общества; человѣкомъ энергическимъ—несмотря на разслабляющее дѣйствіе климата; наконецъ, очень нерѣдко онъ обладалъ и количествомъ знанія достаточнымъ для веденія обширнаго хозяйства. Но большею частью это былъ просто человѣкъ, который жилъ на Ямайкѣ съ спеціальной цѣлью—награбить какъ возможно больше. Бутылка и черныя дѣвушки занимали его гораздо больше, чѣмъ исполненіе обязанности; его энергія испарялась подъ вліяніемъ лихорадки и бѣлой горячки; съ правильными хозяйственными системами онъ не былъ знакомъ вовсе: его надзору, наконецъ, ввѣрялось нѣсколько владѣній, къ которымъ очень часто присоединялось его собственное имѣньице, весьма естественно становившееся уже на первомъ планѣ. Какъ примѣръ послѣдняго, весьма обыкновеннаго случая, можемъ привести записку, поданную въ 1852 году сэру Генри Беркли, за подписью одиннадцати джентльменовъ „колонистовъ-производителей“. Въ этой запискѣ положительно сказано, что эти одиннадцать плантаторовъ въ то время владѣли или управляли ста двадцатью тремя имѣніями! Одиннадцать человѣкъ для управленія земледѣльческими и мануфактурными работами сахарнаго производства въ 123 имѣніяхъ, подъ вліяніемъ тропическаго солнца! Докторъ Деви говоритъ, что въ Монсерратѣ только четыре имѣнія, изъ тридцати девяти, были управляемы владѣльцами. Изъ остальныхъ, *двадцать-три* были ввѣрены одному агенту. Не удивительно, что девятнадцать изъ нихъ оказались или „дурно обработанными“ или „оставленными“. На Сенъ-Кристофѣ было 143 имѣнія и только восемь владѣльцевъ жили на островѣ. Мистеръ Байджлоу встрѣтился съ однимъ господиномъ, пріѣхавшимъ въ Вестъ-Индію, объяснить себѣ, почему его имѣніе съ каждымъ годомъ поглощаетъ все больше и больше денегъ. Оказалось, что его агентъ жилъ въ шестидесяти миляхъ отъ имѣнія и былъ принужденъ сдѣлать непріятное признаніе въ томъ, что ни разу его и не видѣлъ! Впрочемъ, сказать правду, владѣльцы были принуждены заключать подобныя условія. Не легко было найти англичанина, сколько нибудь знакомаго съ сахарныхъ производствомъ и согласнаго отправиться выпаривать свою жизнь на Ямайку. Нельзя порицать владѣльцевъ за то, что они не жили въ своихъ имѣніяхъ. Нельзя порицать ихъ за то, что они прибѣгали къ единственнымъ агентамъ, которыхъ могли отыскать. Но система эта, безъ сомнѣнія, могла привести только къ банкротству и разоренію.

Digitized by Google

Всякій легко согласится, что положеніе отсутствующаго владѣльца, обремененнаго долгами, ограбленнаго, обманутаго, забытаго своимъ агентомъ, было весьма затруднительно даже въ то время, когда сахаръ продавался по великолѣпнымъ цѣнамъ. Какой же участи этотъ владѣлецъ неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться, когда съ 1840 по 48-й годъ цѣна сахара упала съ 49 шил. до 23 шил. 5 пенсовъ?

Читатель отгадаетъ причину разоренія владѣльца, припишетъ его тому, что столь сильное пониженіе цѣны должно было не только поглотить всѣ барыши, но и привести къ значительной потерѣ. Это справедливо; но все еще не въ этомъ заключается главная причина, которая привела Вестъ-Индію къ такой страшной катастрофѣ. Смертельный ударъ нанесла не простая неудача годовой операціи, но то, что эта неудача повлекла за собой совершенную потерю кредита; а вмѣстѣ съ кредитомъ *исчезъ капиталъ*.

Одно изъ главныхъ отличій торговыхъ операцій Вестъ-Индіи заключалось въ томъ, что обширный капиталъ, необходимый для всѣхъ работъ сахарнаго производства (капиталъ, доходящій до суммы нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ), ежегодно былъ занимаемъ плантаторами у купцовъ, жившихъ въ Лондонѣ, подъ залогъ слѣдующаго сбора тростника, который затѣмъ и поступалъ къ этимъ купцамъ. Когда сахаръ такъ страшно упалъ въ цѣнѣ, купцы перепугались, и кредитъ плантаторовъ лопнулъ. Они были заняты операціей, стоившей уже имъ затраты обширнаго капитала; для поддержанія ея, имъ былъ необходимъ новый капиталъ и *этого капитала они не могли достать!* Всѣ прочія обстоятельства—долги плантаторовъ, ихъ отсутствіе, недостатокъ рабочихъ и т. д.—могли болѣе или менѣе затруднить ихъ положеніе; но настоящая сущность вопроса заключалась въ томъ, что вестъ-индскіе плантаторы вдругъ оказались лишенными капитала.

Страшный недостатокъ средствъ еще усилился, дошелъ почти до невозможности достать денегъ на какихъ бы то ни было условіяхъ оттого, что въ это самое время разразился надъ коммерческимъ міромъ кризисъ 1847 года. И, какъ будто для того, чтобы Вестъ-Индіи пришлось выпить до дна полную чашу разрушенія, вестъ-индскій банкъ подвергся банкротству.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла плантаторовъ, когда они подверглись конкурренціи Кубы и Бразиліи. Они были обременены долгами; не занимались своими дѣлами; пріобрѣтеніе ими новыхъ капиталовъ было подвергнуто всѣмъ случайностямъ займа. Никогда еще такой коренной переворотъ не постигалъ людей, менѣе къ нему готовыхъ. Послѣдствія были ужасны. Читатели едва ли поблагодарили бы насъ за ихъ описаніе; да оно и не входитъ въ предѣлы, которые мы себѣ опредѣлили. Мы хотѣли только показать, какъ несправедливо приписывать этотъ кризисъ освобожденію негровъ, когда онъ очевидно былъ слѣдствіемъ упадка цѣнъ на сахаръ и тѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя мы описали. Прибавимъ только, что въ Барбадосѣ недостатка въ рабочихъ рукахъ не было, и заработная плата держалась отъ 5 до 6 пенсовъ въ день. Между тѣмъ и тамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, „произошелъ переходъ собственности изъ рукъ въ руки, соединенный съ разореніемъ первоначальныхъ владѣльцевъ, принужденныхъ уступить свои имѣнія по сильно пониженнымъ цѣнамъ“.

Замѣтимъ еще слѣдующее обстоятельство. Старые плантаторскіе барыши упали; упали сильно. Пониженіе цѣнъ разорило людей, обремененныхъ долгами, или распоряжавшихся земледѣльческими и мануфактурными операціями изъ Лондона, черезъ

Digitized by Google

агентовъ. При всемъ томъ, свободная торговля не остановила сахарнаго производства ни на одно мгновеніе.

Съ 1840 года привозъ вестъ-индскаго сахара въ Соединенное Королевство подвергался слѣдующимъ измѣненіямъ:

	ЦЕНТНЕР.
Въ шестилѣтіе передъ установленіемъ свободной торговли (1841—1846) было привезено.	14,629,550.
Въ слѣдующія шесть лѣтъ (1847—1852).	17,918,362.
Въ послѣднія шесть лѣтъ (1853—1858).	18,443,331.

Мы видимъ, что цифра привоза постоянно росла. Въ первыя шесть лѣтъ послѣ освобожденія торговли, она поднялась на значительную цифру 3,288,812 центнеровъ. Въ вопросѣ, нами разбираемомъ, обстоятельство это имѣетъ первостепенное значеніе. Оно безусловно, необходимо, неопровержимо доказываетъ двѣ вещи: во первыхъ, что хотя прежніе владѣльцы не могли извлекать выгодъ изъ сахарнаго производства, *за то новые владѣльцы могли*. Ясно, что количество сахара не увеличивалось бы такъ постоянно и быстро, если бы производители не находили въ этомъ выгодъ. А если такъ, то, во-вторыхъ, слѣдуетъ, что разореніе прежнихъ владѣльцевъ зависѣло отъ особенныхъ причинъ—отъ ихъ долговъ, отсутствія и т. д., а не отъ недостатка рукъ; потому что съ этимъ недостаткомъ новымъ владѣльцамъ приходилось бороться точно также, какъ и старымъ. Нельзя допустить такую рѣдкость и дороговизну рабочихъ рукъ, чтобы не было средствъ покрыть эту издержку цѣною жатвы. Иначе тростника конечно и не производили бы.

Итакъ, мы утверждаемъ, что вестъ-индскій кризисъ 1847 года былъ слѣдствіемъ упадка цѣнъ на сахаръ, заставшаго порядокъ вещей уже совершенно гнилой. Но, можетъ быть, при томъ же упадкѣ цѣнъ и томъ же гниломъ состояніи общества, кризисъ разыгрался бы съ меньшей силой, если бы невольничество не было уничтожено? Если бы плантаторы вполнѣ пользовались невольничьимъ трудомъ, имъ можетъ быть удалось бы побѣдить эти затрудненія? Если бы они не страдали недостаткомъ рабочихъ рукъ, имъ можетъ быть удалось бы устоять подъ порывами бури, разразившейся надъ ними со стольkихъ сторонъ?

Какъ? Если при полномъ развитіи невольничества и монополіи плантаторы находились въ „бѣдственномъ положеніи ни съ чѣмъ несравнимомъ“ и были принуждены „просить помощи парламента“—то можно ли предполагать, что у нихъ достало бы силъ выдержать подобную бурю? Такая мысль была бы безуміемъ. Гроза, разразившаяся надъ міромъ въ 1847 году, во всякомъ случаѣ разгромила бы плантаторовъ.

Обратимся теперь къ докучливому вопросу о недостаткѣ рабочихъ рукъ. Тутъ прежде всего должно вспомнить, что при освобожденіи негровъ, извѣстное количество труда необходимо должно было оставить сахарное производство. Во время существованія невольничества, женщины и мужчины работали вмѣстѣ, толпами, и оба пола были принуждаемы почти къ одинаковому количеству полевой работы. Пока матери были заняты такимъ образомъ, дѣтей держали въ особеннаго рода госпиталяхъ, подъ надзоромъ нянекъ. Къ счастью, эта система исчезла вмѣстѣ съ установленіемъ свободы. Съ другой стороны, во время невольничества, большин-

Digitized by Google

ство рабочихъ ежедневно сгонялось на одну какую нибудь работу. Освободившись, каждый выбралъ себѣ ту, которую считалъ самой удобной и прибыльной. Если бы въ результатѣ оказалось меньше сахара, это нисколько не доказывало бы разоренія Вестъ-Индіи.

Затѣмъ справедливо, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно по берегамъ гвіанскихъ рѣкъ, большія массы негровъ, потерявъ сообщеніе съ цивилизованнымъ міромъ и найдя въ охотѣ и рыбномъ промыслѣ изобильныя средства къ жизни, впали въ состояніе безполезнаго варварства. Говорятъ также, что въ портовыхъ городахъ можно встрѣтить значительное число отвратительно-грязныхъ лѣнтяевъ, которые непріятно поражаютъ случайнаго посѣтителя. Положимъ, что какой нибудь путешественникъ при выходѣ на берегъ предлагаетъ шиллингъ черному господину въ лохмотьяхъ, и проситъ его перенести свой чемоданъ. Черный господинъ поблагодаритъ „массу“, но скажетъ, что „ему не нравится“ эта работа. Путешественникъ принимаетъ его за сумасшедшаго, и обращается къ другому. Тотъ, послѣ продолжительнаго соображенія, отвѣчаетъ, что онъ „готовъ на все для удовольствія массы“; онъ „надѣется, что Господь благословитъ массу и все его семейство“ и что „масса скоро найдетъ человѣка, который исполнитъ его желаніе“, но что онъ самъ собирается вечеромъ на похороны, чтобы „проводить своего умершаго брата до могилы“. Раздраженный путешественникъ натурально придетъ къ заключенію, что всѣ негры лѣнивые негодяи, и, вернувшись домой, напишетъ пламенную тираду противъ нихъ и филантроповъ.

Но что же говорятъ люди, которые въ самомъ дѣлѣ знакомы съ этимъ краемъ? Мы были удивлены массой достовѣрныхъ свидѣтельствъ, которыя можно привести въ подтвержденіе того факта, что если гдѣ нибудь недоставало рабочихъ, такъ или потому, что у плантатора не было капитала, необходимаго для еженедѣльной уплаты жалованья по рыночной цѣнѣ, или потому, что управляющій не умѣлъ принудить себя обращаться съ неграми съ должной добротой. Рапорты губернаторовъ показываютъ, что на большей части острововъ вовсе нельзя жаловаться на недостатокъ рабочихъ рукъ. Быть можетъ, что на Ямайкѣ, въ Гвіанѣ, на Сенъ-Кристофѣ, Гренадѣ и Тринидадѣ нѣтъ количества рабочихъ, которое бы могло удовлетворить огромному запросу на трудъ, хотя многія точныя изслѣдованія свидѣтельствуютъ противъ этого. Замѣтимъ, однако, что Сенъ-Кристофъ и особенно Тринидадъ производятъ теперь гораздо больше сахара, чѣмъ во время невольничества; а въ Гренадѣ „довольство господствуетъ во всѣхъ классахъ общества“.

Многочисленные и достовѣрные авторитеты свидѣтельствуютъ, что существующій недостатокъ рабочихъ рукъ не слѣдуетъ относить къ лѣности негровъ. Понятно, что въ такомъ климатѣ ничья энергія не можетъ развиться до такой степени, какъ въ Англіи. Но „я положительно отрицаю, писалъ губернаторъ Табаго въ 1857 году, — чтобы негры были преданы лѣни. Напротивъ, я могу засвидѣтельствовать, что нѣтъ въ цѣломъ мірѣ людей болѣе трудолюбивыхъ; по крайней мѣрѣ когда они работаютъ для себя“. „Немногія племена, говоритъ сиръ Чарльзъ Грей, способны къ труду болѣе тяжелому и настойчивому, чѣмъ негры, если только они увѣрены въ вознагражденіи за свой трудъ“. Докторъ Деви замѣчаетъ: „мнѣніе, что африканецъ по природѣ лѣнивъ и менѣе европейца склоненъ къ труду, очень распространено, но все-таки ошибочно. Кто, какъ я, былъ свидѣтелемъ ихъ неутомимой и заботливой работы, тотъ вѣроятно будетъ удивляться дѣятельности

Digitized by Google

негра и его любви къ труду". Свидѣтельство такого ученаго и независимаго наблюдателя, какъ докторъ Деви, о „неутомимой и заботливой работѣ негровъ" — достойно вниманія.

Вотъ дѣйствительныя причины недостатка рабочихъ рукъ: въ первые годы свободы недальнозоркое поведеніе плантаторовъ раздражило негровъ и принудило ихъ искать себѣ пропитанія внѣ предѣловъ плантацій. Затѣмъ, послѣ 1847 года плантаторы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣли *капиталовъ для уплаты жалованья*. Это была одна изъ сильнѣйшихъ причинъ удаленія работниковъ. В третьихъ, агенты плантаторовъ очень часто оскорбляли негровъ грубымъ обращеніемъ. Въ четвертыхъ, плантаторы были готовы нанимать рабочихъ *на время жатвы*, но затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могли предложить имъ ужъ очень мало дѣла. Весьма естественно, что работникъ не хотѣлъ бросать остальныхъ своихъ занятій, для принятія временнаго мѣста. Наконецъ, и въ этомъ заключается сущность вопроса, участокъ земли, принадлежащій каждому свободному негру, даетъ ему больше дохода (считая за цѣлый годъ), чѣмъ плантаторское жалованье. Лордъ Гаррисъ свидѣтельствуетъ, что на Тринидадѣ негръ можетъ получать 10 ф. съ каждаго экра своего участка (то есть, около 175 руб. сер. с десятины). Если это справедливо, то для общества выгоднѣе, чтобы онъ *въ большей степени увеличивалъ его богатство* этимъ путемъ, вмѣсто того чтобы идти работать по найму.

Можно было думать, что въ странѣ богатой плодородными землями такого рода причины отвлекутъ съ сахарныхъ плантацій гораздо больше рабочихъ рукъ, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Въ 1857 году въ одну Англію (независимо отъ обширнаго вывоза въ Америку) было вывезено сахара на сумму, доходившую до 5,618,000 фунт. стерл. Такіе обширные размѣры производства не должны быть приписаны наемнымъ переселенцамъ; наемные переселенцы большею частію нанимаются въ Вестъ-Индію на пять лѣтъ. Въ послѣднее пятилѣтіе ихъ было привезено всего 25,000. Между ними было много женщинъ и дѣтей; многіе изъ нихъ умерли. Такая горсть настоящихъ рабочихъ имѣетъ очень мало общаго съ выработкой сахара на сумму, приближающуюся къ шести милліонамъ фунтовъ стерлинговъ.

Мы должны прибавить, что заработная плата далеко не высока. Конечно сэръ А. Эльзенъ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи сообщить намъ, что негры „такъ чудовищно-неумѣренны въ запросѣ жалованья", такъ распущены и безпорядочны въ своихъ привычкахъ, что „отнимаютъ всякую возможность заниматься обработкой сахара съ какой бы то ни было надеждой на выгоду". Мистеръ Карлейль, съ обычной своей силой и неточностью, также рисуетъ намъ портретъ негра, который „по уши залѣзъ въ тыкву и потягиваетъ сахарный сокъ. Ему такъ хорошо среди Божьяго міра, что онъ конечно можетъ спокойно слушать „запросъ" менѣе блаженной бѣлой личности и не торопиться его исполненіемъ. „Давай больше жалованья," масса, ты не можешь ждать, давай больше", кричитъ онъ, пока наконецъ не дойдетъ до цифры, выходящей изъ предѣловъ всякой возможной росбой жатвы".

Ни педантъ, ни эксцентрическій геній не сообщаютъ никакихъ фактовъ относительно „чудовищной заработной платы, выходящей изъ предѣловъ всякаго дохода съ самой обильной жатвы"; и можно бы было подумать, что плантаторъ

Digitized by Google

работнику платить въ два или три раза больше, чѣмъ обыкновенный англійскій фермеръ. Между тѣмъ официальные отчеты и всѣ дѣльные авторитеты согласно говорятъ, что негръ получаетъ за полевую работу, среднимъ числомъ, по одному шиллингу въ день или по шести шиллинговъ въ недѣлю. Такая сумма конечно можетъ показаться страшной бывшему негровладѣльцу; но если бы „никакая жатва тростника“ не могла покрыть такой платы, эту жатву слѣдовало бы бросить,—и ее бросили бы.

Вопросъ о недостаткѣ рабочихъ рукъ совершенно правильно изложенъ французской коммиссіей, посланной для изученія положенія дѣлъ въ Вестъ-Индіи. Оставляя Гвіану, эта коммиссія писала:

„Нѣкоторые изъ гвіанскихъ плантаторовъ кричатъ о невозможности жить при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что никогда не терпятъ недостатка въ рабочихъ, совершенно довольны прилежаніемъ негровъ, и производятъ ни чуть не меньше, чѣмъ въ прежнія времена.... Это надобно сказать о прежнихъ плантаторахъ. Обратитесь теперь къ новымъ; послушайте этихъ людей, знакомыхъ съ насильственнымъ трудомъ только по преданію: вы встрѣтите въ нихъ единодушіе. Они всѣ вамъ скажутъ, что довольны условіями труда, что работы ихъ идутъ успѣшно“.

Намъ кажется, что всѣ эти доводы достаточно убѣдительно доказываютъ, что не освобожденіе виновато въ вестъ-индскомъ кризисѣ 1847 года, что бѣдствія этого періода были слѣдствіемъ потери монополіи, разразившейся надъ обществомъ совершенно искусственнымъ и гнилымъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что потеря монополіи произвела бы точно такую же катастрофу и въ случаѣ сохраненія невольничества. Мы согласны съ тѣмъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ чувствовался во многихъ мѣстахъ, соглашаемся, что онъ былъ серьёзнымъ затрудненіемъ для плантаторовъ, но очевидно, что не недостатокъ рабочихъ разорилъ плантаторовъ, разореніе плантаторовъ произвело недостатокъ рабочихъ.

Была еще и другая, сильная причина страданій, перенесенныхъ Вестъ-Индіей. По мнѣнію людей, вполнѣ знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, дурная администрація и дурное положеніе финансовъ имѣли огромное вліяніе на бѣдственное положеніе дѣлъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, разбирая положеніе каждаго острова отдѣльно. Мы покажемъ, какъ быстро многіе изъ нихъ достигли блестящаго благосостоянія, тотчасъ же послѣ того, какъ въ ихъ финансовомъ управленіи были произведены полезныя реформы. Мы покажемъ, какъ сильно отсутствіе такихъ реформъ затруднило положеніе Ямайки и другихъ острововъ. Теперь удовольствуемся приведеніемъ двухъ, довольно забавныхъ фактовъ. Докторъ Деви говоритъ, что на Монсерратѣ считалось только 85 бѣлыхъ, удовлетворявшихъ тремъ условіямъ, положеннымъ для избирателя: имѣвшихъ болѣе двадцати лѣтъ, умѣвшихъ читать и платившихъ прямыя подати. Тѣмъ не менѣе, этотъ островъ имѣлъ президента, совѣтъ министровъ, парламентъ и 77 должностныхъ лицъ, считая въ томъ числѣ членовъ парламента. Тутъ были и вице-канцлеръ, и генералъ-прокуроръ, и генералъ-адвокатъ, и королевскій совѣтникъ и т. д. Губернаторъ другаго островка оффиціально рапортовалъ, что число членовъ палаты уменьшилось отъ 44 до 42, вслѣдствіе того, нѣсколько страннаго, обстоятельства, что *одинъ избиратель*, обязанный выбрать *двухъ членовъ*, отправился въ Англію.

Остановимся на минуту. Мы доказали, кажется, что не потеря невольниковъ,

Digitized by Google

а потеря монополіи привела Вестъ-Индію къ такой страшной катастрофѣ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что освобожденіе невольниковъ можетъ быть оправдано, но свобода торговли должна быть осуждена? Можетъ ли исторія Вестъ-Индіи служить щитомъ падающему дѣлу протекціонизма?

Напротивъ. Мы покажемъ читателю, какую массу благосостоянія свобода торговли уже распространила въ Вестъ-Индіи. Намъ скажутъ, можетъ быть, что она была страшнымъ бѣдствіемъ. Замѣтимъ на это, что нація, рѣшающаяся принять свободу торговли, находится въ положеніи вовсе не похожемъ на то, въ которомъ была Вестъ-Индія. Поступая такимъ образомъ, нація говоритъ: „вмѣсто того, чтобы силой закона загораживать путь хорошимъ товарамъ ко мнѣ, предоставляю каждому желающему наполнять ими мои магазины". Такого рода мѣра, даже въ первую минуту, можетъ только увеличить богатство и благоденствіе страны. Въ Вестъ-Индіи положеніе дѣлъ было совсѣмъ другое. Тамъ небольшая группа острововъ имѣла привилегію продавать свои произведенія въ метрополіи, не опасаясь иностранной конкурренціи. Естественно, что рѣшимость метрополіи покупать на открытомъ рынкѣ должна была нанести имъ тяжелый ударъ. Если бы весь міръ всегда покупалъ ружья въ одномъ Бирмингамѣ, а потомъ вдругъ рѣшился покупать ихъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ ни дѣлали, — то конечно дѣла бирмингамскихъ оружейниковъ пошли бы очень плохо. Съ Вестъ-Индіей былъ именно такого рода случай. Уничтоженіе всякой монополіи приноситъ міру вообще большую пользу; но монополисту оно, на извѣстное время, можетъ быть вредно.

Не забудемъ также, какой нечестной конкурренціи актъ 1846 г. открылъ дорогу. Плантаторы Бразиліи и Кубы не только имѣли цѣлыя стада невольниковъ, но и пользовались ввозомъ невольниковъ изъ Африки, который ежегодно доставлялъ имъ 150,000 негровъ.

Никто не оспариваетъ факта, что кубанскіе плантаторы замучиваютъ своихъ невольниковъ до смерти, среднимъ числомъ, въ семь лѣтъ. Они заставляютъ ихъ работать день и ночь во все время сбора тростника, и *Африка вознаграждаетъ ихъ за убыль въ людяхъ*. Ясно, что при такой конкурренціи положеніе англійскихъ плантаторовъ было не выгодно. Мы увѣрены, что свободный трудъ очень быстро побѣдилъ бы невольничество, ничѣмъ не поддерживаемое. Но, когда можно заставлять невольниковъ работать до смерти, и замѣнять ихъ новыми, невольничество дѣйствительно становится могущественнымъ соперникомъ.

И, несмотря на все это, защитникъ свободной торговли можетъ торжествовать. Въ 1846 году говорили, да и теперь очень часто говорятъ, что свободный трудъ будетъ раздавленъ такой конкурренціей. Однако статистическія свѣдѣнія о привозѣ сахара показываютъ, что въ десятилѣтіе, заключенное 1846 годомъ, въ Англію было ввезено, изъ странъ *свободнаго труда*, 41,903,326 центнеровъ сахара. Въ десятилѣтіе, заключенное 1856 годомъ, эта цифра поднялась до 54,616,229 центнеровъ. Ясно, что свободный трудъ побѣждаетъ даже такое испытаніе,—побѣждаетъ на 12,712,903 центнеровъ. Потребленіе сахара въ Англіи, при уменьшенной пошлинѣ, поднялось съ 18,253,111 центнеровъ (въ четырехлѣтіе, заключенное 1846 годомъ) до 30,470,354 центнеровъ (въ четырехлѣтіе, заключенное 1858 годомъ). Но всего замѣчательнѣе здѣсь то обстоятельство (на которое финансовымъ людямъ слѣдовало бы обратить полное вниманіе), что свободная торговля не только возвысила народное благосостояніе въ такой значитель-

Digitized by Google

ной пропорціи, но и *увеличила доходы казны*. Въ первое изъ названныхъ нами четырехлѣтій пошлина съ сахара составила сумму въ 17,750,847 фунт. стерл. Во второе, при пониженной пошлинѣ, сумма эта достигла 20,883,583 фунт.

Теперь простимся навсегда съ „ужаснымъ прошедшимъ". Времена эти, слава Богу, миновались безвозвратно. Законы Англіи никогда уже не надѣнутъ въ Вестъ-Индіи цѣпей на руки или промышленность человѣка. Вичъ уже не терзаетъ тѣла невольника и не вырываетъ изъ груди его ужасный вопль отчаянія: „или ты думаешь, что я не человѣкъ?" Старый порядокъ вещей уступилъ мѣсто новому. Но тутъ мы и приходимъ къ главному вопросу—къ тому, былъ ли кризисъ 1847 года только временной грозой или, напротивъ, сказалъ Вестъ-Индіи первое слово неизмѣннаго приговора? Разорена ли она? Не обрекли ли ее на смерть филантропы и приверженцы свободной торговли, которые разорвали цѣпи ея невольниковъ и лишили ее протекціоннаго тарифа? Правда ли наконецъ, что она, съ каждымъ годомъ, все больше и больше, становится жертвой бѣдности и варварства, и не точнѣе ли будетъ сказать, что напротивъ теперь положены для нея основанія цвѣтущаго, здороваго благосостоянія?

Только неопровержимая сила офиціальныхъ отчетовъ и статистическихъ цифръ, которыя мы представимъ, даетъ намъ смѣлость произнести нашъ отвѣтъ. Со времени бѣдствій Вестъ-Индіи глаза англичанъ мало къ ней обращались, и очень не многіе знаютъ, что тамъ дѣлалось. Міръ вообразилъ, что смерть прекратила стоны, которые онъ пересталъ слышать. А между тѣмъ Вестъ-Индія быстро достигаетъ состоянія изобилія, счастія, комфорта, съ которымъ до сихъ поръ не была знакома. Два великіе опыта, опытъ освобожденія и опытъ свободной торговли, имѣли успѣхъ, сначала встрѣтившій нѣкоторыя препятствія, но теперь съ каждымъ годомъ принимающій болѣе и болѣе рѣшительный характеръ.

Мы уже говорили о насиліи, которое искусственнымъ образомъ направляло почти всю массу рабочихъ силъ нашихъ невольничьихъ колоній къ одному занятію — производству сахара. Мы замѣтили, что, при уничтоженіи этого насилія, необходимо должно было произойти новое распредѣленіе труда. Точно также мы говорили, что замѣна этого однообразнаго труда различными отраслями занятій была столько же полезна, какъ и необходима.

Потому мы нисколько не были бы огорчены, если бы какія нибудь новыя отрасли промышленности почти совершенно вытѣснили старыя. Такого рода фактъ нисколько не доказывалъ бы разоренія нашихъ острововъ. Онъ могъ быть слѣдствіемъ болѣе благоразумнаго и полезнаго примѣненія труда. Событія не дали однако такого результата. Свобода труда и торговли не только не ослабила, но значительно увеличила производство сахара въ нашихъ колоніяхъ. Въ послѣдніе два года чистаго невольничества (1832, 1833) наши колоніи вывезли въ Англію 8,471,744 центнера сахару. Въ 1856 и 1857 годахъ вывозъ этотъ достигъ до 8,736,654 центнеровъ. Сверхъ того, открыта была совершенно новая торговля съ Австраліей, Соединенными Штатами и нѣкоторыми другими странами. Относительно этой торговли, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ.

Результатъ будетъ еще поразительнѣе, если мы не примемъ въ соображеніе Ямайку, по рукамъ и по ногамъ связанную (какъ мы сейчасъ это покажемъ) своей дурной администраціей и финансовыми безпорядками. Взявъ только остальные шестнадцать острововъ, мы найдемъ, напримѣръ, что въ послѣднія шесть лѣтъ не-

Digitized by Google

вольничества они вывозили, среднимъ числомъ, 3,007,782 центнера сахару. а в послѣдніе четыре года одна Англія получила отъ нихъ 4,055,521 центн. Сверхъ того, была заведена новая торговля съ другими государствами.

То же оказывается и относительно рома. Не принимая въ соображеніе остр. Маврикія (гдѣ вывозъ увеличился въ 150 разъ противъ прежняго!) и Ямайк увидимъ, что во время невольничества изъ Вестъ-Индіи вывозилось 2,722,880 га лоновъ. При свободномъ трудѣ ихъ вывозится 4,074,602.

Итакъ ясно, что на семнадцати островахъ, изъ восемнадцати, производит ность увеличилась. Развились даже тѣ отрасли промышленности, въ котор можно было ждать паденія.

Изъ одной только Ямайки все еще приходятъ неблагопріятныя вѣсти. Дѣ ствительно, больно читать отчеты, присланные оттуда въ 1853 и 54 года послѣ страшныхъ опустошеній, произведенныхъ холерой и оспой. Естественно пр ставляется вопросъ, почему, среди быстраго развитія благоденствія во всѣхъ п чихъ колоніяхъ, этотъ островъ, самый важный изъ всѣхъ, все еще находится в страдальческомъ положеніи? По нашему мнѣнію этотъ фактъ можно объясн только дурнымъ состояніемъ ея администраціи. „Нѣтъ, говоритъ сиръ Ч. Гр никакой системы, ни послѣдовательности въ управленіи финансами этой колоні нѣтъ ни одного признаннаго органа исполнительной или законодательной влас который былъ бы въ состояніи принять дѣйствительныя и полезныя мѣры.

Беркли говоритъ: „Я убѣжденъ, что корень золъ, потрясающихъ осно здѣшняго общества, заключается въ недостаткѣ взаимной довѣренности при е дневныхъ сдѣлкахъ и въ необезпеченности собственности; а это въ свою очере есть слѣдствіе невозможности, при нынѣшнемъ административномъ порядкѣ, пр дать закону хотя какую нибудь силу“.

Однако и на Ямайкѣ произведено нѣсколько важныхъ перемѣнъ, и дѣйст их уже замѣтно въ быстрыхъ успѣхахъ края. Вывозъ произведеній острова, пр стиравшійся въ 1853 году до суммы 837,276 ф. ст., въ 1855 году дошелъ д 1,003,325 ф. ст. Въ два года онъ увеличился на 166,049 ф. ст. Въ послѣдн время губернаторъ писалъ, что онъ „больше чѣмъ когда нибудь надѣется на вершенное возстановленіе благосостоянія острова“.

Итакъ, даже Ямайка, повидимому, нѣсколько подвигается впередъ; а проч острова далеко ее обогнали. Легко можетъ быть, что перечень этихъ острововъ к кажется скучнымъ, но онъ такъ свидѣтельствуетъ о благодѣтельности свободы тр и торговли, что мы рѣшаемся представить рядъ извлеченій изъ губернаторск рапортовъ о положеніи и надеждахъ каждой колоніи.

Антигоа. „Отчеты о доходахъ показываютъ распространеніе промышленно и торговли, явившееся вслѣдъ за возстановленіемъ благоденствія земледѣльческ сословій“.

Багама. Быстрое развитіе этой группы острововъ выражается увеличен суммы привоза и вывоза. Въ 1854 году эта сумма составляла 201,497 ф. с. 1855—304,421 ф. с.—приращеніе 102,924 ф. с. въ теченіе одного года. В 1855 году здѣсь было построено 23 корабля. Въ 1851 году губернаторъ писа что въ условіяхъ народной жизни обнаружилась „значительная и важная п мѣна къ лучшему“, которую онъ главнымъ образомъ объясняетъ успѣхами в питанія.

Digitized by Google

Барбадосъ. 1853. „Значительное распространеніе торговли. Успѣхъ воздѣлыванія земли свободнымъ трудомъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1851 году вывезено больше сахара, чѣмъ когда бы то ни было, со времени заселенія острова“.

Въ 1858 году: „большое увеличеніе цѣнности статей вывоза“. „Значительное пространство земли, купленной рабочимъ классомъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ его индустріальныхъ способностей и трудолюбія“.

Доминика. 1853. „Увеличеніе производства много обѣщаетъ въ будущемъ“. Въ вывозѣ замѣтно значительное приращеніе по сахару, рому, кофе, какао, апельсинамъ, фруктамъ, кожамъ, колоніальному дереву и хлопку. 1857. „Весьма значительное приращеніе въ доходахъ и столь же замѣтное усиленіе ввоза“. Губернаторъ обращаетъ также вниманіе на индустріальное развитіе массы населенія, имѣвшее слѣдствіемъ распространеніе въ рабочемъ классѣ высокой степени комфорта и независимости.

Не давно начавшая развиваться независимость туземнаго работника уже и прежде выразилась въ „небольшихъ участкахъ тростника и маленькихъ мельницахъ“. Теперь этотъ работникъ поднялся ступенью выше; и мы уже видимъ его арендаторомъ обширныхъ сахарныхъ плантацій. Въ подтвержденіе этого, можемъ привести, напримѣръ, арендатора плантаціи Hope Vale (492 экра земли съ водяной мельницей); арендатора плантаціи Perseverance (522 экра съ паровой машиной и вполнѣ устроенною матеріальною частью) и арендатора помѣстья Mound Hardman, бывшаго сначала сахарной плантаціей, а потомъ фермой для разведенія скота. Бываютъ случаи, что способный работникъ принимаетъ издержки производства на себя. Онъ въ состояніи вести хозяйство дешевле, чѣмъ его бѣлый хозяинъ, и при меньшихъ издержкахъ получаетъ больше. Если ему не удастся отыскать пріятеля, который бы ссудилъ его деньгами, онъ обращается къ помощи своихъ же братій работниковъ, и послѣ жатвы раздѣляетъ съ ними собранныя произведенія или вознаграждаетъ ихъ долями въ результатѣ продажи.

Изъ Гренады мы слышимъ, „что довольство повидимому господствуетъ во всѣхъ слояхъ общества. Изъ рабочаго сословія уже поднялось значительное зерно землевладѣльцевъ. Состояніе финансовъ совершенно удовлетворительно“ вслѣдствіе усиленія привоза.

Въ Times 15 октября 1858 года о Гренадѣ говорится: „пространство земли, покрытой сахарными плантаціями, значительно увеличилось“. Упоминается о значительномъ приращеніи въ вывозѣ сахара, рома и какао.

Образовалось сословіе крестьянъ собственниковъ и арендаторовъ, быстро развивающее свое благосостояніе и независимость.

Гвіана. Населеніе увеличивается, воспитаніе повсемѣстно распространяется, число преступленій становится меньше и торговля развивается.

Монсерратъ. Указавъ на „всѣми признанное и постоянное улучшеніе состоянія общества“, губернаторъ продолжаетъ (1853): „нѣтъ острова на этихъ водахъ, въ которомъ была бы замѣтна болѣе энергическая тенденція къ общественному и нравственному обновленію и развитію. Сельское населеніе спокойно и довольно. Въ матеріальномъ отношеніи оно пользуется большимъ благосостояніемъ. Въ теченіе года привозъ больше чѣмъ удвоился“.

Невисъ. Дѣла этого острова въ особенности интересны потому, что надъ его податной системой былъ произведенъ опытъ, который, можетъ быть, когда нибудь

Digitized by Google

будетъ произведенъ въ цѣломъ мірѣ. Положеніе дѣлъ острова сдѣлалось послѣ кризиса 1847 года до такой степени отчаяннымъ, что президентъ Сеймуръ, человѣкъ замѣчательно смѣлый и энергическій, уговорилъ наконецъ законодательный корпусъ согласиться на коренной переворотъ въ финансовой системѣ. Пошлины съ привоза были совершенно отмѣнены, а на доходы съ имущества была наложена подать въ 20%.

Результаты этой мѣры были такъ поразительны, что заслуживаютъ вниманія государственныхъ людей, несмотря на ограниченность поля, на которомъ былъ произведенъ опытъ. Новая система вступила въ силу съ марта 1856 года. Въ этомъ же году привозъ поднялся съ 19,728 ф. с. до 34,449. Быстро открылись новыя лавки; доходъ съ домовъ утроился. Послышались звуки молота и запахъ свѣжей краски тамъ, гдѣ уже все разваливалось. „Дороги такъ оживлены, что кажется, будто бо̀льшая часть населенія вышла показать свое новое платье, а въ гавани, такъ часто пустынной, я насчиталъ десять большихъ кораблей".

Сенъ-Винсентъ. Въ 1857 году, губернаторъ писалъ: „Мнѣ чрезвычайно пріятно засвидѣтельствовать, что... положены основанія важныхъ и постоянно развивающихся улучшеній". Упомянувъ о распространеніи земледѣлія, онъ писалъ. что „колонія теперь находится въ хорошемъ, здоровомъ состояніи, и подаетъ самыя отрадныя надежды". Поселяне, по его словамъ, почти повсемѣстно пользуются благосостояніемъ, являются новыя села, увеличивается число собственниковъ и фермеровъ; наконецъ постоянно возвышается цѣнность привоза. Въ 1858 году онъ писалъ: „состояніе колоніи чрезвычайно удовлетворительно; земледѣльческія операціи значительно развились". Его надежды на прогрессъ и благоденствіе оправдались. Сумма привоза и вывоза въ 1856 году составляла 249,526 ф. с.; въ 1857— 406,159 ф. с.; приращеніе 156,633 ф. ст. въ одинъ годъ. Онъ положительно приписываетъ этотъ фактъ развитію образованія и довольства. Вотъ подлинныя его слова о состояніи острова: „отрадныя надежды 1856 года вполнѣ оправдались. Настоящее положеніе Сенъ-Винсента въ высшей степени удовлетворительно: будущее полно самыхъ блестящихъ обѣщаній".

Сенъ-Кристофъ. „Сахара теперь производится больше, чѣмъ во времена невольничества". „Состояніе земледѣлія на островѣ подаетъ наилучшія надежды. Торговый оборотъ въ 1856 году выразился суммой 246,536 ф. с. Въ 1857 г. онъ составлялъ 352,769 ф. с.,—приращеніе въ 106,233 ф. с. въ теченіе одного года. Число учениковъ въ школахъ постоянно увеличивается. Количество преступленій постоянно уменьшается".

Сенъ-Люси. „Никогда еще, въ продолженіе всей исторіи колоніи, сахарныя плантанціи не занимали такого обширнаго пространства". Отчеты о воспитаніи очень удовлетворительны. Губернатору кажется, что „значительная часть населенія все больше и больше одушевляется желаніемъ завести у себя школы. Общій видъ страны и состояніе земледѣльцевъ внушаютъ большія надежды".

Съ 1838 по 42 годъ сахара было вывезено 4,588,475 фунтовъ.

Табаго. „Рабочій классъ отличается промышленностью и хорошимъ поведеніемъ".

Тринидадъ „находится въ цвѣтущемъ состояніи". Во время невольничества торговый оборотъ составлялъ среднимъ числомъ сумму въ 810,636 ф. с,; въ 1856 году онъ дошелъ до 1,239,241 ф. с.—приращеніе въ 428,605 ф. с. Въ

Digitized by Google

1852 году сборъ тростника былъ изобильнѣе, чѣмъ когда нибудь, и съ тѣхъ поръ „въ хозяйствѣ сахарныхъ плантацій были произведены значительныя улучшенія". При прежнемъ порядкѣ вещей вывозилось сахару, среднимъ числомъ, 310,797 центнеровъ; въ семилѣтіе, заключенное 1854 годомъ, цифра эта поднялась до 426,042 центнеровъ.

Эти данныя относительно острововъ архипелага подтверждаются также статистическими отчетами о Вестъ-Индіи вообще.

Вывозъ кофе, хлопка, шерсти, сахара, рому, какао постоянно увеличивается. Сумма вывоза Великобританіи въ Вестъ-Индію въ 1857 году превосходила среднюю цифру вывоза въ предшествовавшее десятилѣтіе полумилліономъ фунтовъ стерлинговъ, и равнялась соединенной цифрѣ ея вывоза въ Швецію, Норвегію, Данію, Грецію, Азорскіе острова, Мадеру и Марокко. Въ четырехлѣтіе, заключенное 1853 годомъ, вывозъ и привозъ Вестъ-Индіи составляли вмѣстѣ 32,500,000 ф. с.; въ слѣдующіе четыре года эта цифра поднялась до 37,000,000—приращеніе въ 4,500,000. Въ 1857 году весь торговый оборотъ архипелага оцѣнивали въ 10,735,000 ф. с. и цѣнность сахара, вывезеннаго въ этомъ году въ одну Англію, составляла 5,618,000 ф. с.

Всѣ эти офиціальные отчеты и документы неопровержимо доказываютъ фактъ быстраго развитія богатства и благосостоянія Вестъ-Индіи. Нравственность негровъ, со времени уничтоженія прежняго порядка вещей, сдѣлала, по общему свидѣтельству, самые отрадные успѣхи; особенно въ тѣхъ тысячахъ новыхъ селъ, которыя негры себѣ выстроили. У негровъ теперь есть много коттэджей каменныхъ. Многіе изъ нихъ съ лицевой стороны украшены портиками, для защиты отъ дождя и солнца.

По концамъ строенія обыкновенно устроиваютъ спальни, а въ серединѣ родъ пріемной комнаты. У многихъ негровъ спальня снабжена хорошей кроватью краснаго дерева, умывальнымъ столикомъ, зеркаломъ и стульями. Въ средней комнатѣ стоитъ буфетъ, съ выставленной на немъ разнаго рода посудой, и нѣсколько приличныхъ стульевъ. Селенія выстроены правильно. Участки поселянъ имѣютъ большею частью продолговатую форму. Дома ихъ расположены въ одинаковомъ разстояніи отъ краевъ участка и въ 8 или 10 футахъ отъ дороги. Иногда передней части участка даютъ видъ европейскаго садика; украшаютъ ее кустами розъ и другихъ цвѣтовъ и вообще самыми красивыми растеніями. Въ остальной части ростутъ огородныя овощи.

Селенія негровъ имѣютъ „весьма пріятную наружность". Посѣщая тѣ изъ нихъ, которыя разсѣяны по гористой мѣстности, сэръ Генри Беркли нашелъ, что они имѣютъ сходство съ селами Швейцаріи и положительно доказываютъ прогрессъ цивилизаціи и комфорта. „Тысячи новыхъ хорошо воздѣланныхъ поселеній, съ прекрасно убранными коттэджами и садиками, совершенно перемѣнили видъ края съ 1838 года. Они представляютъ отрадное явленіе, свидѣтельствуя о благосостояніи жителей".

Негры, прежде незнакомые съ комфортомъ и независимостью, теперь находятся въ совершенно другомъ положеніи. Очень многіе изъ нихъ стали собственниками, устроили себѣ удобныя жилища и владѣютъ большимъ количествомъ лошадей, свиней и другихъ домашнихъ животныхъ. Они производятъ такое количество земледѣльческихъ продуктовъ, что ведутъ обширную торговлю ими. Унижающія при-

Digitized by Google

вычки безсемейной жизни оставлены многими, уже вступившими въ супружество: еженедѣльныя объявленія о предстоящихъ свадьбахъ доказываютъ, что обычай брака все болѣе распространяется между ними. Они послушны, вѣжливы и довѣрчивы къ тѣмъ, на кого работаютъ. Часто случается, что они по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ работаютъ съ одной только надеждой на вознагражденіе, хотя много можно насчитать примѣровъ того, что за такую довѣрчивость имъ платили обманомъ.

Количество поселеній, образовавшихся со времени освобожденія, почти невѣроятно. На одной Ямайкѣ, въ теченіе восьми лѣтъ послѣ этого событія, негры выстроили до двухъ сотъ такихъ селъ и купили 100,000 экровъ земли.

Очень многіе думаютъ, что освободившіеся негры бросали плантаціи и располагались на пустопорожной землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это случалось, но большею частію они покупали землю для своихъ поселеній и платили за нее хорошія деньги. Негръ-собственникъ гордится своимъ домашнимъ очагомъ и участкомъ земли, и въ этомъ не уступитъ никакому англичанину.

Некрасивость вовсе не составляетъ общей принадлежности всѣхъ негровъ. Многіе изъ негровъ-креоловъ могутъ быть названы красивыми. Высокіе и прекрасные лбы, черные и блестящіи глаза, правильные носы и губы, очень мало выдающіяся, попадаются очень часто. Одежда женщинъ большею частію состоитъ изъ пестраго бумажнаго платья, бѣлаго платка, повязаннаго на головѣ въ видѣ тюрбана, и хорошенькой соломенной шляпы съ бѣлыми лентами. Но нельзя не признаться, что въ праздничные дни негры наряжаются далеко не съ безукоризненнымъ вкусомъ. Одинъ изъ путешественниковъ по Вестъ-Индіи былъ скандализированъ видомъ негритянки, нарядившейся въ красные чулки, желтые башмаки и шляпку красную съ зеленымъ, къ которой была приколота голубая роза съ серебряными листьями. Шелковыя матеріи, атласъ, кисея и крепъ въ большомъ употребленіи: и даже „джентльмены“ въ такіе дни показываются не иначе, какъ въ самыхъ ослѣпительныхъ костюмахъ. Бархатные воротники, ослѣпительные жилеты и сапоги, сколько возможно болѣе шумливые, тутъ совершенно необходимы. Они всѣ носятъ зонтики, по возможности шелковые, и носовые платки, уголъ которыхъ непремѣнно выставляется на показъ. Мы слышали однако, что страсть къ яркимъ цвѣтамъ исчезаетъ, и что женщины становятся все болѣе и болѣе скромными. Просвѣщеніе уже уничтожило прежнія клички Самбосовъ, Помпейевъ, Даркейевъ; теперь негры любятъ имена въ родѣ: Аделина-Флоретта, Розалинда-Монемія, Алонзо-Фредерикъ и т. п. Эти маленькія претензіи, конечно, могутъ вызвать улыбку, но онѣ обнаруживаютъ успѣхъ цивилизаціи. То же можно сказать и объ ихъ обращеніи, въ которомъ произошла удивительная перемѣна. Грубый тонъ, недовольный видъ и манеры прежнихъ невольниковъ исчезли. Относительно бѣлыхъ они большею частію выказываютъ пріятную и свободную любезность. Ихъ вѣжливость и почтительность другъ къ другу, можетъ быть, иногда доходитъ и до смѣшного. При встрѣчѣ другъ съ другомъ, негры поселяне всегда мѣняются поклонами и вопросами. Старики пользуются особеннымъ уваженіемъ. Шумливые ребятишки всегда останавливаютъ свои игры при проходѣ старика. Какъ ваше здоровье?—кричатъ они; и слышатъ учтивый отвѣтъ: какъ ваше? Всѣ хвалятъ великодушіе и доброту негровъ. Несчастные бѣлые бѣдняки, которыхъ много въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вестъ-Индіи, часто находятъ въ нихъ ангеловъ хранителей. Негры часто для нихъ работаютъ, кормятъ, одѣваютъ ихъ, безъ малѣйшей надежды на вознагражденіе.

Digitized by Google

Они быстро развиваются въ гражданскомъ отношеніи. Бердъ говоритъ, что въ законодательныхъ палатахъ многихъ острововъ уже засѣдаютъ цвѣтные люди и чистые негры. Байджлоу въ законодательномъ собраніи Ямайки, состоявшемъ изъ пятидесяти членовъ, нашелъ десять или двѣнадцать цвѣтныхъ людей. Точно также, онъ видѣлъ цвѣтныхъ людей въ числѣ чиновниковъ, судей и адвокатовъ. Старые предразсудки противъ африканской крови исчезаютъ.

Воспитаніе съ каждымъ годомъ улучшается. Въ нѣкоторыхъ округахъ жалуются на недостаточное усердіе негровъ къ доставленію своимъ дѣтямъ образованія. За то изъ другихъ присылаются самые удовлетворительные отчеты, и почти всѣ губернаторы свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи количества преступленій. Пьянство мало распространено между неграми. Это веселый, добрый и нѣсколько легкомысленный народъ.

Намъ пора кончить. Мы надѣемся на согласіе читателя съ тѣмъ, что разъясняли три обстоятельства. Во-первыхъ, что если успѣхъ освобожденія былъ уменьшенъ недостаткомъ приготовленія негровъ къ свободѣ, то въ этомъ виноваты не аболиціонисты, а плантаторы. Во-вторыхъ, если недостатокъ рабочихъ рукъ былъ стѣснителенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то нигдѣ не достигъ размѣровъ серьёзнаго неудобства, и во всякомъ случаѣ не былъ слѣдствіемъ лѣности негровъ. Въ третьихъ, кризисъ 1847 и послѣдующихъ годовъ былъ произведенъ не освобожденіемъ негровъ, а упадкомъ цѣнъ на сахаръ.

Каждый изъ этихъ трехъ фактовъ имѣетъ свою важность; но вотъ два главныя заключенія, къ которымъ привело насъ наше изслѣдованіе. Первое состоитъ въ томъ, что невольничество и монополія губили Вестъ-Индію. Второе—что свобода труда и торговли развиваетъ ея благосостояніе. При невольничествѣ и монополіи рабочее сословіе страдало и гибло жалкимъ образомъ, а плантаторы были приведены къ самому бѣдственному положенію. Старый порядокъ вещей необходимо долженъ былъ вызвать катастрофу. И когда она наступила, когда старый порядокъ вещей исчезъ и далъ мѣсто новому—обнаружилось внутреннее достоинство принципа свободы. Онъ привелъ теперь къ результатамъ самымъ благотворнымъ, поразительнымъ; къ результатамъ, которые, немного лѣтъ тому назадъ, показались бы невѣроятными. Мудрая мѣра оправдалась послѣдствіями. Стремясь только къ тому, что было законно и благородно, желая не выгодъ, а удовлетворенія требованій справедливости,—Англія освободила своихъ невольниковъ. Безъ этой мѣры ея колоніи погибли бы безвозвратно; освобожденіе поставило ихъ на путь благосостоянія, и наконецъ съ каждымъ годомъ даетъ нашей торговлѣ съ Вестъ-Индіей все большее и большее значеніе. Вестъ-индскіе жители съ каждымъ годомъ все больше и больше обогащаютъ насъ произведеніями своей плодородной почвы. Вмѣсто того, чтобы быть мученіемъ государственныхъ людей, позоромъ Англіи—Вестъ-Индія теперь становится безцѣннымъ сокровищемъ британской короны. Великое дѣло освобожденія доказало, что поступать справедливо есть высшая степень разсчетливости.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Мы видимъ, что вообще освобожденные негры работаютъ по найму очень усердно, и что недостатокъ наемныхъ работниковъ чувствовался только на тѣхъ плантаціяхъ, владѣльцы которыхъ желали продолжать ту же систему обращенія съ вольными людьми, какой держались отно-

Digitized by Google

сительно невольниковъ. Будемъ желать, чтобы вредъ, принесенный вестъ-индскимъ землевладѣльцамъ желаніемъ продолжать прежнее свое дурное обращеніе съ работниками, послужилъ урокомъ для другихъ. Что дѣлать, амбиція, поставляющая свое достоинство въ дурномъ обращеніи, не выгодна въ нашъ вѣкъ. Теперь выгодный способъ вести хозяйство только одинъ—коммерческій; а чтобы вести дѣло коммерческимъ образомъ, надобно не гнушаться условіями коммерческаго обращенія съ людьми. Посмотрите на торговца: развѣ онъ ругается, даетъ окрики, дерется? Нѣтъ, онъ мягокъ и ласковъ, иначе ему быть нельзя, иначе какой дуракъ захочетъ связываться съ нимъ? Ему никто не захочетъ продавать, никто не захочетъ покупать у него; за свою грубость, поплатится онъ прорѣхами въ карманѣ. Вестъ-индскіе землевладѣльцы не хотѣли понять этого,—но хорошо будетъ для другихъ, если они поймутъ, что мягкость дѣлается необходима послѣ освобожденія людей въ обращеніи съ наемными работниками.

Мы указали только на одинъ выводъ изъ напечатанной нами статьи, но каждая страница ея представляетъ много матеріаловъ для полезныхъ соображеній по примѣненію къ нашимъ дѣламъ. Повторимъ въ немногихъ словахъ сущность статьи.

Обязательный трудъ разорялъ вестъ-индскихъ землевладѣльцевъ. Задолго до освобожденія, дѣла ихъ были въ совершенномъ разстройствѣ. Землевладѣльцы, захотѣвшіе обращаться съ освобожденными неграми по-человѣчески, не потерпѣли отъ освобожденія никакихъ затрудненій въ своемъ хозяйствѣ,—напротивъ, хозяйство ихъ пошло лучше. Освобожденные негры не усердны въ работѣ только для тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не могли отбросить любви къ бичу и ругательствамъ. Эти страдальцы отъ собственной грубости и жестокости совершенно напрасно взводятъ на негровъ клевету, будто они лѣнивы и грубы,—напротивъ, огромное большинство негровъ очень трудолюбиво.

Вспоминая о заглавіи нашей статьи, мы спрашиваемъ: возможно ли говорить о лѣности какого бы то ни было простонародья, если оказывается, что молва о лѣности—недобросовѣстная выдумка даже относительно африканской расы? А если такъ, то на чемъ же могутъ быть основаны въ какой-нибудь европейской странѣ опасенія о томъ, что землевладѣлецъ не найдетъ себѣ наемныхъ работниковъ, сколько ихъ нужно не только для веденія хозяйства въ нынѣшнемъ размѣрѣ, но для расширенія его? Неужели же о людяхъ, чувствующихъ такое опасеніе, надобно имѣть опасеніе, что они любятъ дурное обращеніе съ людьми болѣе, чѣмъ свою выгоду, не способны пользоваться выгодою, если выгода доставляется не дурнымъ обращеніемъ?

Digitized by Google

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(**Очерки вопросовъ практической философіи.** Сочиненіе *П. Л. Лаврова.* I. Личность. Спб. 1860).

I.

Если бы брошюра г. Лаврова могла служить только предметомъ критическаго разбора и если бы мы стали читать ее съ мыслью написать потомъ разборъ понятій, излагаемыхъ въ ней, мы съ первыхъ же страницъ отказались бы отъ ея чтенія, потому что,—скажемъ откровенно,—мы не читали большей части тѣхъ многочисленныхъ книгъ, которыя приняты въ соображеніе авторомъ, и даже думаемъ, что никогда не прочтемъ ихъ; а безъ знакомства съ ними нельзя съ точностью оцѣнить спеціальнаго достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами,—она даже послужила причиною того, что мы написали довольно длинную статью, имѣющую самыя тѣсныя отношенія къ ней.

Изслѣдованія г. Лаврова прямо начинаются ссылкою на писателя, изъ книгъ котораго ни одна не прочтена нами,—цитатою изъ Жюля Симона, очень извѣстнаго французскаго теоретика. Если бы мы не знали, къ какому направленію принадлежитъ этотъ писатель, довольно было бы намъ увидѣть двѣ строки, приводимыя изъ него въ самомъ началѣ брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться съ нимъ: „сочиненіе, относящееся къ политической теоріи и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость", говоритъ Жюль Симонъ, по свидѣтельству г. Лаврова, въ началѣ своей книги „Свобода". Этого десятка словъ, приведенныхъ изъ него, достаточно, чтобы замѣтить въ ихъ авторѣ совершенное непониманіе того порядка, по которому происходятъ всѣ дѣла на свѣтѣ и между прочимъ пишутся теоретическія сочиненія. Нынѣ политическія теоріи создаются подъ вліяніемъ текущихъ событій и ученые трактаты служатъ отголосками исторической борьбы, имѣютъ цѣлью задержать или ускорить ходъ событій. По мнѣнію Жюля Симона, прежде было не такъ,—иначе онъ не употребилъ бы слова „теперь". Этого мало: Жюлю Симону кажется также, что всѣ люди нашей эпохи, а въ томъ числѣ и ученые, поступаютъ не совсѣмъ хорошо, являясь не простыми представителями или послѣдователями абстрактныхъ ученій, не имѣющими никакого родства съ страстями своей страны въ свое время, а истолкователями и защитниками стремленій каждый своей партіи: еслибъ онъ не порицалъ ихъ за это, онъ не называлъ бы свою книгу сочиненіемъ „чуждымъ текущей политики". Наконецъ, онъ воображаетъ, что мо-

Digitized by Google

жетъ обмануть читателей, или чистосердечно полагаетъ самъ, что говоритъ пр… титулуя свою книгу сочиненіемъ, „чуждымъ текущей политики". Подъ влія… трехъ этихъ воззрѣній написаны слова, приведенныя изъ Жюля Симона г. Ла… вымъ и всѣ эти три воззрѣнія ошибочны до такой очевидности, что свидѣ… ствуютъ или о необыкновенной наивности и недальновидности Жюля Симона, и… о совершенномъ недостаткѣ правдивости въ его языкѣ. Мы склоняемся къ пер… предположенію, потому что человѣкъ хитрый умѣетъ хитрить, а Жюль Сим… говоритъ несообразности слишкомъ явныя, которыя могутъ внушаться только к… нею наивностью.

Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались в… подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому при… лежали, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ полити… скихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, к… торому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, зани… шихся спеціально политическою стороною жизни. Ихъ принадлежность къ поли… ческимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббзъ былъ абсолюти… Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ—республиканецъ, Монтескьё—либералъ въ анг… скомъ вкусѣ, Руссо—революціонный демократъ, Бентамъ просто демократъ, р… люціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ… чего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались постр… ніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ с… ственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, … торая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гну… лась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дал… онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ представитель партіи… пуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, … лавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Напо… номъ I и прусскими патріотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣ… ный либералъ, чрезвычайно консервативный въ своихъ выгодахъ, но прини… щій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеж… не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ нис… верженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти л… держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди,—это было бы еще не о… важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ полити… скихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто б… было и прежде всегда того же, что теперь, говорить, будто бы только тепер… лософы стали писать свои системы подъ вліяніемъ политическихъ убѣжденій—… чрезвычайная наивность, а еще наивнѣе выражать такую мысль о тѣхъ мыслител… которые занимались въ особенности политическимъ отдѣломъ философской нау…

Но, пусть себѣ будутъ похожи или непохожи на прежнихъ мыслителей … нѣшніе мыслители тѣмъ, что служатъ представителями политическимъ партій: к… бы тамъ ни было въ старину, а теперь мы видимъ, что каждый человѣкъ съ р… витою головою очень сильно интересуется политическими событіями: газеты … таютъ даже тѣ люди, которые не въ состояніи читать книгъ сколько нибудь с… ныхъ; чѣмъ же виноваты мыслители нашей эпохи, когда не отстаютъ въ умств… номъ развитіи отъ офицеровъ и чиновниковъ, помѣщиковъ и фабрикантовъ.

Digitized by Google

вочныхъ сидѣльцевъ и мастеровыхъ? Развѣ мыслителю необходимо быть тупоумнѣе и слѣпѣе каждаго грамотнаго человѣка. Всякій, достигшій какой нибудь умственной самостоятельности, имѣетъ политическія убѣжденія, судитъ обо всемъ по соображенію съ ними,—чѣмъ же виноватъ философъ или политическій теоретикъ, когда его образъ мыслей не лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется? Неужели учитель долженъ быть невѣжественнѣе ученика? Неужели человѣкъ, пишущій о предметѣ, долженъ интересоваться имъ меньше, чѣмъ интересуются люди, не принимающіе на себя претензіи печатать теорію этого предмета? Нужна баранья наивность, чтобы порицать ученаго за то, что онъ не глупѣе и не тупѣе неученыхъ людей.

Но забавнѣе всего простодушіе, съ какимъ Жюль Симонъ хочетъ убѣдить публику или успѣлъ убѣдить даже самого себя, будто бы его книга чужда текущей политики. Мы слыхивали о характерѣ теоретическихъ книгъ, писанныхъ Жюлемъ Симономъ въ разные годы. При іюльской монархіи его доктрина отличалась умѣреннымъ духомъ свободы и снисходительными полуодобреніями, полупорицаніями людямъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Во время республики элементъ свободы припрятался у него подъ ожесточенною реакціею противъ рѣшительныхъ прогрессистовъ, которые тогда едва не захватили власть въ свои руки. Когда упрочилась имперія и рѣшительные прогрессисты стали казаться безсильными, а реакція совершенно восторжествовала, Жюль Симонъ сталъ писать въ духѣ очень яростнаго свободолюбія. Изъ этого мы видимъ, что его теоріи отражали на себѣ не просто только убѣжденія его партіи, а подчинялись даже каждому кратковременному состоянію чувства этой партіи. Еслибъ мы и не читали объ этомъ фактѣ, мы навѣрное могли бы знать, что дѣло происходило такимъ образомъ: для насъ довольно было бы знать, что Жюль Симонъ пользуется во Франціи нѣкоторою репутаціею и слѣдовательно не совершенно лишенъ ума: умный человѣкъ не можетъ не замѣчать событій, происходящихъ около него, не принимать ихъ въ соображеніе, стало быть и его система не можетъ не отражать на себѣ хода событій. Это понимаетъ всякій, кромѣ немногихъ, слишкомъ наивныхъ людей. Г. Лавровъ прямо замѣчаетъ, что цитуемый имъ авторъ не сдержалъ своего несбыточнаго обѣщанія. А если такъ, къ чему было Жюлю Симону взводить на себя неправдоподобную небылицу, увѣреніемъ въ изолированности своей системы отъ вліянія текущей политики?

Человѣкъ, который говоритъ такія наивныя несообразности, можетъ быть добродѣтельнымъ семьяниномъ, хорошимъ гражданиномъ, пріятнымъ болтуномъ; но мыслителемъ онъ быть не можетъ, потому что у него въ головѣ нѣтъ логики. Если онъ сдѣлается писателемъ, его произведенія могутъ имѣть достоинства беллетристическія, археологическія и всякія другія, но не могутъ имѣть ровно никакого философскаго значенія. Поэтому мы лишаемъ себя всякой надежды прочесть философскія сочиненія Жюля Симона. Если бы мы захотѣли фельетонныхъ достоинствъ, мы прямо стали бы читать фельетоны г-жи Эмиль Жирарденъ, Луи-Дюнойе, Теофиля Готье; если бы мы захотѣли наслаждаться поэзіею, мы стали бы читать романы Жоржа Занда, пѣсни Беранже; если бы, наконецъ, мы захотѣли просто читать пустую болтовню, мы взялись бы за романы Александра Дюма-старшаго, или, пожалуй, младшаго, или даже маркиза Фудраса; но какая охота была бы намъ читать философскія книги Жюля Симона, въ которыхъ можетъ быть

Digitized by Google

много пріятной болтовни, фельетонной соли или даже поэзіи, но которыя все-так по самому своему предмету, далеко отстають этими достоинствами отъ поряд ныхъ фельетоновъ, хорошихъ и даже плохихъ романовъ, а не имѣють того стоинства, изъ-за котораго становится интереснымъ философское сочиненіе.— имѣють логики?

Точно также мы не думаемъ, чтобы намъ удалось прочесть сочиненія нынѣшн Фихте, о которомъ извѣстно намъ то, что о немъ всегда выражаются „сынъ зн менитаго Фихте". Такая рекомендація напоминаетъ намъ анекдотъ, случивші въ Петербургѣ лѣтъ пять или шесть тому назадъ. Встрѣтились гдѣ-то на вечер два незнакомые господина и, потолковавъ между собою, почувствовали желаніе по знакомиться. „Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?" спросилъ одинъ изъ них Другой назвалъ свою фамилію и въ свою очередь спросилъ: „а съ кѣмъ я имѣ удовольствіе говорить?"—„Я мужъ г-жи Тедеско", отвѣчалъ его собесѣдникъ. М никогда не имѣли охоты слушать пѣніе мужа г-жи Тедеско.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя отнимаютъ у насъ возможность п знакомиться съ сочиненіями Жюля Симона и Фихте-сына, мы не читали и не пр чтемъ философскихъ произведеній Шопенгауэра и Фрауэнштета. Они, по всей вѣ роятности, прекрасные люди, но въ философіи они то же самое, что въ поэзіи г-ж К. Павлова, одно изъ произведеній которой, „Разговоръ въ Кремлѣ", также ц туется г. Лавровымъ.

По недостатку знакомства съ многими изъ источниковъ, которыми пользовал г. Лавровъ, мы, конечно, не можемъ въ точности оцѣнить достоинство его прои веденія. Мы можемъ предполагать только одно: если бы онъ не имѣлъ больша философскаго дарованія, чѣмъ Жюль Симонъ, Фихте-сынъ, то въ его брошюр былъ бы тотъ же самый вовсе не философскій духъ, какой находится въ ихъ про веденіяхъ, и его „Теорія личности" была бы также плоха, какъ ихъ теоріи. Н его брошюра должна быть положительно признана хорошею. Изъ этого надо заключать, что г. Лавровъ замѣтилъ многія ошибки тѣхъ посредственныхъ фил софовъ, которыхъ изучалъ, что онъ умѣлъ понять многія вещи гораздо лучш нежели они, словомъ сказать, что недостатки его брошюры произошли изъ др гихъ книгъ, каковы книги Жюля Симона и Фихте-сына, а достоинствами свои брошюра обязана въ очень значительной степени самому автору. Мы думаемъ, чт это предположеніе вѣрно, и потому желаемъ, чтобы г. Лавровъ продолжалъ п сать статьи о философіи.

Точно также въ большую заслугу ему надобно вмѣнить и то, что онъ изучае философію не по однимъ мыслителямъ такого разряда, какъ Шопенгауэръ и Жю Симонъ. Въ нашемъ обществѣ, которое такъ мало знакомо съ истинно велики нынѣшними мыслителями западной Европы, которое считаетъ лучшими руково ствами къ изученію философіи или произведенія людей нынѣшняго поколѣнія далеко отставшихъ отъ современнаго развитія мысли, или творенія мыслителей в ликихъ, но уже слишкомъ давнихъ и переставшихъ быть удовлетворительными пр нынѣшнемъ развитіи наукъ и общественныхъ отношеній,—въ нашемъ обществ за великую заслугу надобно считать то, когда человѣкъ, кромѣ плохихъ или о ветшалыхъ руководствъ, рекомендуемыхъ ему всѣми встрѣчными и особенно всѣм спеціалистами, самъ доискивается до лучшихъ руководствъ, умѣетъ найти ихъ умѣетъ понять ихъ. Г. Лавровъ большую часть пути ведетъ своихъ читателей по

Digitized by Google

прямой и хорошей дорогѣ впередъ: это дѣлаетъ ему большую честь, потому что никто въ нашемъ обществѣ не показывалъ ему этой дороги, а вѣроятно всѣ, когда-нибудь служившіе ему совѣтниками, толкали его на разныя кривыя тропинки, ведущія по болоту и большею частью назадъ, а не впередъ.

Мы высоко цѣнимъ обѣ эти заслуги: и ту, что г. Лавровъ имѣлъ силу додуматься до результатовъ гораздо лучшихъ того, что давали ему какіе нибудь Фихте-сыновья и Жюли Симоны; и ту заслугу, что онъ умѣлъ найти для своихъ философскихъ изслѣдованій руководства, гораздо лучшія посредственныхъ и отсталыхъ книгъ. Но соединеніе прекрасныхъ мыслей, заимствованныхъ изъ дѣйствительно великихъ и современныхъ мыслителей или внушенныхъ собственнымъ умомъ, съ понятіями, или не совсѣмъ современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого въ сущности держится г. Лавровъ, или, наконецъ, принадлежащихъ особенному положенію мыслителя среди публики непохожей на нашу и потому получающихъ невѣрный колоритъ при повтореніи у насъ,—это соединеніе собственныхъ достоинствъ съ чужими недостатками придаетъ, если мы не ошибаемся, системѣ г. Лаврова характеръ эклектизма, который производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе на читателя, знакомаго съ требованіями философскаго мышленія. Въ брошюрѣ г. Лаврова встрѣчаются мысли, которыя едва ли совмѣстны между собою. Мы приведемъ одинъ примѣръ тому.

Г. Лавровъ мыслитель прогрессивный,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. По всему видно, что онъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать своему обществу въ пріобрѣтеніи нравственныхъ и общественныхъ благъ. Между тѣмъ на первой же страницѣ книжки мы встрѣчаемъ фразу „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“, и къ этой фразѣ прибавлена для подтвержденія цитата изъ книги Милля On liberty. „Утверждаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, чувствованія большинства, которому непріятно обнаруженіе болѣе-замѣтнаго или болѣе-богатаго образа жизни, чѣмъ образъ жизни, доступный этому большинству, дѣйствуютъ, какъ довольно дѣйствительный законъ противъ роскоши, и во многихъ мѣстахъ Союза, для лица, имѣющаго значительный доходъ, дѣйствительно трудно найти средства его тратить, не навлекая на себя народнаго неудовольствія“. Миллю хорошо говорить это: англійская публика знаетъ, какъ понимать его слова, а наша публика подумаетъ Богъ-знаетъ что, услышавъ ихъ безъ объясненій. Г. Лавровъ приводитъ отрывокъ изъ Милля не для какой нибудь важной цѣли, а просто для того, чтобы увеличить четырьмя словами, „общественный деспотизмъ Соединенныхъ Штатовъ“, длинный списокъ разныхъ политическихъ или общественныхъ формъ, пережитыхъ или переживаемыхъ западнымъ человѣчествомъ. Для такой неважной надобности, какъ представленіе 27 указаній вмѣсто 26, не стоило затрогивать факта, требующаго слишкомъ длинныхъ разсужденій. Напрасно г. Лавровъ привелъ его; но еще хуже, по нашему мнѣнію, вышло оттого, что онъ, указавъ на фактъ, не сказалъ нашей публикѣ о его смыслѣ. Мы должны дополнить этотъ недостатокъ. Во-первыхъ, фактъ, называемый у г. Лаврова общественнымъ деспотизмомъ, существуетъ не во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, а почти исключительно въ одной части ихъ, въ такъ называемыхъ Штатахъ Новой Англіи и главнымъ образомъ въ городѣ Бостонѣ. Во-вторыхъ, этотъ фактъ, вовсе, какъ видимъ, не повсемѣстный, составляетъ не послѣдствіе сѣверо-американскихъ учрежденій, какъ думаютъ поверхностные наблюдатели, а просто остатокъ пуританства,

Digitized by Google

ослабѣвающій съ каждымъ годомъ: извѣстно, что штаты Новой Англіи были основаны пуританами, которые считали роскошь грѣхомъ. Въ-третьихъ, даже и между потомками пуританъ стѣсненіе существуетъ вовсе не въ такой значительной степени, какъ полагаютъ довѣрчивые люди, принимающіе за чистую монету слова богатыхъ скрягъ: скряги вездѣ ищутъ предлога для извиненія своей чрезмѣрной скупости; обыкновенно они жалуются на свое безденежье, на тяжелыя времена, а въ штатахъ Новой Англіи пріискали еще новый предлогъ — мнимую стѣснительность какого-то повѣрья, почти уже переставшаго существовать.

Если уже говорить объ общественномъ деспотизмѣ въ Сѣверной Америкѣ, то слѣдовало бы указать не на эту ничтожную черту отживающей старины, а на другое явленіе, которымъ производятся теперь такія сильныя смуты въ Соединенныхъ Штатахъ: въ той части ихъ, которая сохранила невольничество, общественное мнѣніе, находясь подъ владычествомъ плантаторовъ, не допускаетъ ни одного слова, похожаго на аболиціонизмъ; люди, говорящіе противъ невольничества, подвергаются грабежу, изгнанію и уголовнымъ наказаніямъ. Но довольно сказать, что въ этой половинѣ Союза, въ южныхъ или невольническихъ штатахъ, господствуетъ аристократія: вся власть фактически принадлежитъ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ богатыхъ плантаторовъ, которые держатъ въ невѣжествѣ и нищетѣ не только своихъ негровъ, но и массу бѣлаго населенія этихъ штатовъ. Извѣстно, что вся земля въ Виргиніи и другихъ старинныхъ невольничьихъ штатахъ принадлежитъ потомкамъ старинныхъ вельможъ, получившихъ ее по пожалованью при Стюартахъ. Они постепенно расширяли свои владѣнія и на тѣ страны, въ которыхъ основаны новые невольничьи штаты; они держатъ шайки бандитовъ, подобныхъ знаменитому Уокеру. Вообще разница между Неаполемъ и Швейцаріею не такъ велика, какъ разница между южною и сѣверною половинами Соединенныхъ Штатовъ. Сѣверные (свободные) штаты только въ послѣднее время стали сознавать, что до сихъ поръ сохраняли надъ Союзомъ преобладаніе аристократы южныхъ (невольничьихъ) штатовъ и коренной смыслъ нынѣшней борьбы между аболиціонистами и плантаторами заключается въ томъ, что демократія, господствующая въ сѣверныхъ штатахъ, хочетъ вырвать политическую власть надъ Союзомъ изъ рукъ аристократовъ-плантаторовъ *).

Западная Европа очень богата политическими опытами, политическими теоріями, говоритъ г. Лавровъ, но къ чему же она пришла, такъ дорого заплативъ за опыты, употребивъ такъ много умственныхъ силъ на оцѣнку ихъ? Она пришла только къ чувству неудовлетворенности своимъ настоящимъ, къ страху за свое будущее: „Вездѣ критика и критика; надежды, недавно кипѣвшія съ такою силою, ослабѣли; будущее страшно для всѣхъ". Этотъ выводъ г. Лавровъ подтвер-

*) Въ Сѣверной Америкѣ многія слова, относящіяся къ политической жизни, употребляются не въ такомъ смыслѣ, какъ въ Европѣ; отъ этого происходятъ чрезвычайно частыя ошибки въ европейскихъ сужденіяхъ о сѣверо-американскихъ дѣлахъ. Аболиціонисты, которыхъ по европейскимъ понятіямъ слѣдуетъ называть демократами, называются теперь въ Сѣверной Америкѣ просто республиканцами; ихъ противники, аристократы, присвоили себѣ имя демократовъ. Какъ произошло такое превращеніе именъ, разсказывать здѣсь было бы неумѣстно, и мы замѣчаемъ о немъ только для того, чтобы читатель видѣлъ, что мы, приписывая аристократическій характеръ защитникамъ невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, не забыли о названіи демократовъ, которое они фальшиво себѣ присвоили. Такія превращенія въ смыслѣ политическихъ словъ встрѣчаются очень часто и въ европейской исторіи. Напримѣръ, во Франціи патріотами въ концѣ прошлаго вѣка назывались республиканцы, а въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка тѣмъ же именемъ звали себя защитники феодальныхъ учрежденій.

Digitized by Google

ждаетъ выписками изъ Жюля Симона, Милля и изъ автора книги „de la Justice“. О мнѣніяхъ Жюля Симона мы не станемъ говорить, но обратимъ вниманіе на взгляды двухъ другихъ писателей, цитуемыхъ г. Лавровымъ, потому что они люди дѣйствительно очень умные и совершенно честные.

Милля мы очень уважаемъ; онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мыслителей нынѣшней эпохи и сильнѣйшій мыслитель между экономистами, которые остались вѣрны ученію Смита. Впрочемъ, послѣдняя рекомендація сама по себѣ еще не могла бы служить мѣркою ума, потому что другихъ, сколько нибудь сильныхъ въ логикѣ людей, это экономическое направленіе рѣшительно не имѣетъ. Но, говоря не по сравненію съ другими экономистами смитовской школы, съ которыми неприлично сравнивать людей большаго ума, а по сравненію вообще съ учеными людьми по всѣмъ наукамъ, Милля можно назвать принадлежащимъ къ разряду тѣхъ второстепенныхъ, но все-таки очень замѣчательныхъ мыслителей, силу мысли которыхъ мы яснѣе всего опредѣлимъ, если скажемъ, что она такъ же велика, какъ напримѣръ сила поэтическаго таланта у лучшихъ изъ нынѣшнихъ нашихъ беллетристовъ. Г. Писемскій, напримѣръ, вовсе не Гоголь, но все-таки его талантъ далеко не дюжинный. Точно такъ и Миллю далеко до такихъ людей, какъ Адамъ Смитъ, или Гегель, или Лавуазье,—до людей, вводившихъ въ науку новыя основныя идеи; но довольно самостоятельно развивать идеи, уже получившія господство, пройти нѣсколько шаговъ впередъ по направленію, уже указанному другими,—это дѣло такихъ людей, какъ Милль. Они заслуживаютъ большаго уваженія. Посмотримъ же, что говоритъ Милль и почему онъ такъ говоритъ?

Его можно характеризовать однимъ недавнимъ дѣломъ. Читателю извѣстно, что въ Англіи стоитъ теперь на очереди вопросъ о пониженіи избирательнаго ценза. Самые отсталые консерваторы согласны, что это дѣло неизбѣжное. Они всячески стараются затянуть его, стараются уменьшить размѣръ его, говорятъ о рискованности большихъ перемѣнъ, объ опасностяхъ, угрожающихъ конституціи; но сознаются, что какую нибудь уступку надобно сдѣлать. Въ началѣ прошлаго года, когда умы, еще мало развлеченные внѣшними дѣлами, были сильно заняты пониженіемъ ценза, Милль издалъ брошюру и напечаталъ письмо, въ которыхъ объяснялъ, что прежде, нежели давать права людямъ какого нибудь сословія, надобно сдѣлать точныя ученыя изслѣдованія объ умственныхъ, нравственныхъ и политическихъ качествахъ людей этого сословія. Мы не знаемъ, говорилъ онъ, каковы политическія убѣжденія разныхъ разрядовъ работниковъ, мелкихъ лавочниковъ и другихъ людей, не пользующихся теперь политическими правами: кого они будутъ выбирать своими представителями, на какой путь повлекутъ ихъ представители палату общинъ? Но главнымъ предметомъ его замѣчаній былъ вопросъ о замѣнѣ открытой подачи голосовъ на выборахъ тайною баллотировкою. Консерваторы говорятъ, что открытая подача голосовъ развиваетъ въ человѣкѣ гражданскую доблесть, прямодушіе и всевозможныя другія добродѣтели, а тайная баллотировка нужна только трусамъ, которые лучше пусть и не участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, пока не пріучатся быть доблестными гражданами, или людямъ двоедушнымъ, которые на словахъ будутъ обѣщать свой голосъ одному кандидату, а подадутъ голосъ за другаго. Всѣ прогрессисты, напротивъ, требуютъ тайной баллотировки, говоря, что только ею ограждается независимость избирателя. Милль, хотя самъ большой прогрессистъ въ теоріи, не побоялся высказать, что не раздѣ-

Digitized by Google

ляетъ въ этомъ случаѣ мнѣнія своихъ политическихъ друзей. Это дѣлаетъ ему, какъ человѣку, тѣмъ больше чести, что прежде онъ думалъ иначе и теперь съ откровеннымъ благородствомъ прямо говоритъ, что принужденъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія, какъ неосновательнаго. Значила ли эта брошюра, восхитившая собою всѣхъ консерваторовъ, что Милль пересталъ быть прогрессистомъ? Нѣтъ, въ теоріи онъ по прежнему защищаетъ предоставленіе избирательнаго голоса всѣмъ взрослымъ людямъ; онъ идетъ тутъ гораздо далѣе самихъ хартистовъ, доказывая, что голосъ на выборахъ долженъ быть данъ и женщинамъ, тогда какъ даже хартисты говорятъ только о мужчинахъ. Но дѣло въ томъ, что къ живому вопросу Милль приступаетъ съ идеальнымъ желаніемъ повести его путемъ дѣйствительно наилучшимъ, по научному взгляду: прежде чѣмъ сдѣлать перемѣну, конечно, надобно собрать самыя лучшія и полныя данныя о качествахъ предмета, къ которому относится перемѣна, чтобы съ математическою точностью можно было предсказать ея результаты. Такъ и дѣлаютъ, напримѣръ, въ таможенныхъ реформахъ: высчитаютъ до послѣдней копѣйки, насколько уменьшится въ первый годъ таможенный сборъ отъ пониженія пошлины, съ какою быстротою начнетъ онъ потомъ возрастать, во сколько лѣтъ и до какой цифры возвысится. Милль хотѣлъ бы, чтобы и парламентская реформа была произведена такимъ же разумнымъ и осмотрительнымъ порядкомъ. Не собрано статистическихъ данныхъ о томъ, какое число людей честныхъ и вовсе не трусливыхъ поставлены своими житейскими обстоятельствами въ такую зависимость, что при открытой подачѣ голосовъ принуждены или вовсе не являться на выборы, или подавать голосъ не за того кандидата, котораго предпочитаютъ въ душѣ. Свѣдѣній этихъ не собрано, потому и Милль послѣ многолѣтняго обдумыванья рѣшилъ, наконецъ что нѣтъ достаточныхъ основаній предпочесть тайную баллотировку открытой подачѣ голосовъ. А если бы собрать доказательства, достаточныя для возведенія наклонности прогрессистовъ къ тайной баллотировкѣ въ научную истину, Милль былъ бы очень радъ раздѣлять желанія своихъ политическихъ друзей. Словомъ сказать, онъ въ своей брошюрѣ явился человѣкомъ очень честнымъ и такимъ же прогрессистомъ, какъ прежде, только выставилъ непрактичныя требованія. Отчего же эта непрактичность? Просто отъ слишкомъ сильнаго желанія, чтобы развитіе общественной жизни шло путемъ совершенно разсудительнымъ. На дѣлѣ этого не бываетъ въ важныхъ вещахъ ни въ жизни отдѣльнаго человѣка, ни въ народной жизни. Совершенно хладнокровно, спокойно, обдуманно, разсудительно дѣлаются только вещи не слишкомъ важныя. Посмотрите на человѣка, съ какой обдуманностью, какъ умно выбираетъ онъ, какую дѣвицу ангажировать на кадриль или мазурку: какъ зорко оцѣниваетъ онъ и красоту, и нарядность, и пріятность въ разговорѣ, и ловкость въ танцахъ избираемой имъ дамы, прежде чѣмъ подойдетъ къ ней съ предложеніемъ. Но вѣдь это потому, что дѣло тутъ не важное для него. Такъ ли онъ поступитъ при выборѣ невѣсты? Дѣло извѣстное, что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово,—и кончено. Правда, и при выборѣ невѣсты поступаютъ обдуманно, благоразумно, очень многіе; но вѣдь это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда женитьба представляется рѣшающемуся на нее дѣломъ простаго комфорта, т. е. развѣ не многимъ поважнѣе, чѣмъ пріискиваніе удобной квартиры или хорошаго повара. Даже изъ людей, женящихся просто съ корыстными цѣлями,

Digitized by Google

слишкомъ часто дѣлаютъ неразсудительный выборъ тѣ, у которыхъ желаніе обогатиться доходитъ до страсти. Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны—это истина извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь незначительнаго убытка или выигрыша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, пониженіе пошлины на чай или сахаръ произведено было въ Англіи очень спокойно и раціонально: кому охота была волноваться изъ-за того, что уменьшится нѣсколькими пенсами цѣна фунта чая, или нѣсколькими шиллингами цѣна центнера сахара? Каждому было пріятно получить черезъ это возможность сберечь десятка полтора или два шиллинговъ въ годъ; но кому надобность горячиться изъ за такой мелочи? Убытка не приносила реформа никому. Но большой убытокъ приносила англійскимъ судохозяевамъ другая реформа, также очень полезная: отмѣна навигаціоннаго акта, по которому англійскія суда пользовались въ англійскихъ гаваняхъ таможенными преимуществами передъ иностранными. Сословіе судохозяевъ доходило до ярости въ то время, и до сихъ поръ кипитъ злостью, съ неистовствомъ требуетъ, чтобы возстановили навигаціонный актъ. За то это сословіе составляетъ лишь ничтожную часть въ торговомъ классѣ, который, за исключеніемъ судохозяевъ, весь выигрывалъ черезъ реформу. Люди раздраженные были безсильны и потому дѣло велось обществомъ очень холодно. Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ англійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ раціонально: почему знать, если бы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше? Быть можетъ, представилась бы возможность вполнѣ достичь цѣли, не повредивъ выгодамъ многихъ противниковъ реформы, дѣйствительно подвергнувшихся черезъ нее убытку? Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо. Милль очень хорошо понимаетъ это, какъ научную истину, какъ общій принципъ историческаго развитія; но когда пришлось видѣть на опытѣ приложеніе этого принципа, онъ смутился и сталъ говорить Богъ знаетъ что. Отчего же смущеніе передъ фактомъ у человѣка, ясно понимающаго и отважно допускающаго принципъ, изъ котораго родился этотъ фактъ? Просто отъ разницы впечатлѣнія, производимаго отвлеченною мыслью и фактомъ, дѣйствующимъ на чувства. Осязаемый предметъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе отвлеченнаго понятія о немъ. Человѣкъ, хладнокровно разсуждающій о томъ, что онъ сдѣлаетъ въ данномъ случаѣ, рѣдко имѣетъ силу сохранить все спокойное присутствіе духа при дѣйствительномъ появленіи этого случая, если онъ

Digitized by Google

сколько нибудь дѣйствительно важенъ. Когда онъ пріятенъ, при первыхъ признакахъ его появленія нами овладѣваетъ радостное волненіе, когда онъ непріятенъ— тяжелый трепетъ, и ощущенія эти возбуждаются такъ легко, что очень часто производятся даже простымъ обманомъ чувствъ: дѣйствительныхъ признаковъ еще нѣтъ, но мы уже радуемся или тоскуемъ, по наклонности отыскивать во всемъ слѣды занимающаго насъ предмета, принимая за признаки приближающагося факта такія явленія, которыя на самомъ дѣлѣ ни мало не относятся къ нему. Оттого-то каждая политическая партія постоянно видитъ приближеніе своего идеала, истолковывая каждая по своему одни и тѣ же явленія, какъ признаки совершенно противоположныхъ одна другой перемѣнъ. Какъ бы то ни было, основательно или неосновательно бываетъ ожиданіе великихъ перемѣнъ, съ радостью или тоскою ждутъ ихъ заинтересованные люди, но дѣло въ томъ, что ихъ сужденіе, справедливое или несправедливое, никакъ не можетъ быть хладнокровно. Мы видѣли, съ какими чувствами принялъ Милль фактическіе признаки приближенія парламентской реформы, необходимость которой онъ самъ признаетъ въ теоріи. Отвлеченнымъ образомъ онъ желаетъ ея, но фактъ навелъ на него нѣкоторую робость. Это значитъ. что въ сущности лично для него перемѣна непріятна, что у него достало нравственнаго мужества побороть эту непріятность въ теоріи, но не достало силы побѣдить болѣе сильное впечатлѣніе, производимое фактомъ.

Теперь мы можемъ обратиться къ тому общему сужденію о положеніи дѣлъ въ западной Европѣ, которое беретъ изъ Милля г. Лавровъ. Вотъ слова Милля: „Современное направленіе общественнаго мнѣнія представляетъ то же самое въ неорганизованномъ видѣ, что мы видимъ организованнымъ въ китайской политической и педагогической системѣ; и если личности не будутъ способны успѣшно возстать противъ этого ярма, то въ Европѣ, несмотря на ея благородное прошедшее и на исповѣдуемое ею христіанство, разовьется второй Китай“. У насъ многіе съ большимъ удовольствіемъ схватились за эти слова, принимая ихъ за чистую монету: другіе сильно огорчились отъ нихъ. Западная Европа идетъ къ состоянію китаизма, она уже не въ силахъ выработать новыхъ формъ жизни, она будетъ только заканчивать систематическую постройку прежнихъ формъ, уже оказывающихся неудовлетворительными; потребности настоящаго, несовмѣстныя съ ними, будутъ подавлены преданіемъ и на всемъ Западѣ водворяется однообразная методичность насильственной рутины, какую мы видимъ въ Китаѣ. Такъ говорятъ нѣкоторые даже изъ самыхъ лучшихъ нашихъ людей, и указываютъ на грустный приговоръ Милля, какъ на подтвержденіе очень сильное. Но легко сообразить, какого довѣрія заслуживаютъ въ подобныхъ вещахъ впечатлѣнія человѣка, смутившагося даже такою частною перемѣною, какъ парламентская реформа, и притомъ перемѣною, являющеюся въ такомъ умѣренномъ объемѣ, какой принадлежитъ требованіямъ даже радикальной партіи парламента въ лицѣ ея представителя Брайта, который притомъ лишенъ надежды достичь осуществленія даже своихъ предложеній въ самомъ смягченномъ и ослабленномъ ихъ видѣ. Если Милль смутился отъ парламентской реформы, то можно ли ожидать, чтобы онъ хладнокровно разсудилъ о признакахъ перемѣны, которая стремится обнять всю общественную и частную жизнь западной Европы, измѣнить всѣ учрежденія и нравы, начиная съ государственныхъ формъ и кончая семейными отношеніями и экономическими постановленіями? Что мудренаго, если отъ признаковъ такой громадной перемѣны затмится холодная ясность

Digitized by Google

сужденія у человѣка, который можетъ безъ особеннаго трепета анализировать отвлеченныя понятія, но которому лично непріятны факты, соотвѣтствующіе этимъ понятіямъ? Въ приведенныхъ г. Лавровымъ словахъ Милля мы видимъ не анализъ сущности дѣла, а только впечатлѣніе, производимое этимъ дѣломъ на человѣка, имѣющаго благородный образъ мыслей, но по своимъ личнымъ обстоятельствамъ принадлежащаго къ сословіямъ, ожидающимъ себѣ потерь отъ перемѣны, выгодной для всего общества. Когда онъ говоритъ: западная Европа находится въ кризисѣ, исходъ котораго сомнителенъ; отвратить этотъ кризисъ, остановить развитіе вещей, вернуться къ прошлому—невозможно; но неизвѣстно, чѣмъ кончится кризисъ: приведетъ ли онъ западную Европу къ развитію болѣе высокихъ формъ жизни или къ китаизму, къ деспотизму подъ формою свободы, къ застою подъ формою прогресса, къ варварству подъ формою цивилизаціи,—когда онъ говоритъ это, намъ припоминаются чувства и слова честной части англійскихъ лендлордовъ во время отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Тѣ лендлорды, которые имѣли благородный образъ мыслей, также говорили тогда: да, мы видимъ, что отмѣнить хлѣбные законы необходимо; всякое сопротивленіе останется напрасно и можетъ только увеличить размѣръ окончательной побѣды Кобдена съ его товарищами; но къ чему приведетъ эта неизбѣжная перемѣна? Не убьетъ ли она англійское земледѣліе? Не разоритъ ли она наше сословіе?—это бы еще ничего: свою бѣду мы перенесли бы безропотно,—но не разоритъ ли она и фермеровъ, не пуститъ ли по міру голодными и милліоны деревенскихъ рабочихъ, пашущихъ поля для нашихъ фермеровъ? Эти люди говорили добросовѣстно; однако же, фактъ показалъ неосновательность ихъ мрачныхъ сомнѣній, и постороннему зрителю съ самаго начала было видно, что подобныя опасенія за будущность внушались этимъ людямъ только невыгодностью перемѣны для сословія, къ которому они принадлежали. Точно таково же происхожденіе боязни Милля за будущность западной Европы: его сомнѣніе о предстоящей судьбѣ цивилизованныхъ странъ не больше, какъ возведенное личнымъ чувствомъ въ общую формулу предчувствіе того, что дальнѣйшее развитіе цивилизаціи будетъ уменьшать привилегіи, присвоенныя сословіемъ, къ которому самъ онъ принадлежитъ. Постороннему человѣку очень замѣтна неосновательность силлогизма, обращающаго въ опасность для всего общества потерю привилегій.

Въ Миллѣ мы видимъ представителя чувствъ, съ которыми благородные люди богатыхъ сословій западной Европы встрѣчаютъ предстоящую перемѣну общественныхъ отношеній. Не менѣе любопытенъ характеръ воззрѣній другаго мыслителя, служащаго представителемъ умственнаго положенія простолюдиновъ западной Европы. Авторъ книги de la Justice былъ сынъ деревенскаго бочара,—не какого нибудь хозяина мастерской,—нѣтъ, простаго деревенскаго мужика, который самъ и одинъ, безъ всякихъ наемныхъ работниковъ, набивалъ обручи на мужицкія бочки и жилъ такъ же бѣдно, какъ всѣ мужики той деревни. Въ дѣтствѣ своемъ, мыслитель отчасти служилъ пастухомъ, отчасти помогалъ отцу набивать обручи. Нѣкоторые добрые люди зажиточнаго сословія, замѣтивъ умъ мальчика, помогли отцу отдать его въ безансонскую гимназію. Но книгъ покупать ученику было не на что, и онъ училъ уроки уже въ классной комнатѣ, въ немногія минуты передъ начатіемъ класса, по книгамъ своихъ товарищей. Бѣдность семейства скоро заставила его бросить гимназію, чтобы снова стать работникомъ; на 19-мъ году удалось ему поступить въ одну изъ безансонскихъ типографій наборщикомъ; черезъ

Digitized by Google

нѣсколько лѣтъ сдѣлался онъ корректоромъ, а потомъ достигъ должности фактора. Такъ прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ; молодой наборщикъ читалъ книги, думалъ, пробовалъ самъ писать кое-что, и за одно изъ своихъ сочиненій получилъ трехлѣтнюю стипендію въ 1,500 франковъ отъ безансонской академіи (общества любителей словесности). Это помогло ему въ занятіяхъ. Онъ продолжалъ писать, оставаясь типографскимъ работникомъ; но безансонская академія уже отвергала его новые труды, замѣтивъ, какой неблагонамѣренный характеръ обнаруживается въ образѣ мыслей ея стипендіата, который сначала представился ей человѣкомъ самыхъ консервативныхъ понятій. Между тѣмъ авторъ, оказавшійся очень дѣльнымъ человѣкомъ по управленію коммерческими дѣлами, пріискалъ себѣ мѣсто коммиссіонера (управляющаго) въ конторѣ водяной и сухопутной транспортировки братьевъ Готье въ Ліонѣ. Въ этой конторѣ служилъ онъ до самаго 1848 года, который доставилъ ему возможность жить уже одними литературными трудами. Управляя конторою Готье, онъ былъ дѣльцомъ очень распорядительнымъ и практичнымъ, такъ что привелъ въ цвѣтущее положеніе фирму, въ которой служилъ. Эта внѣшняя сторона жизни автора книги de la Justice служитъ вѣрнымъ отраженіемъ общихъ отношеній западнаго простонародья въ его трудовой жизни. Простонародье должно выбиваться изъ самаго жалкаго положенія; благосостоятельнымъ классамъ сначала бываетъ жалко видѣть людей умныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, находящимися въ безвыходной бѣдности и въ униженіи; сильные міра помогаютъ по чистому человѣческому чувству своимъ менѣе счастливымъ братьямъ: благодаря сострадательной заботливости зажиточныхъ людей, сынъ бѣднаго мастероваго, пастухъ и ученикъ бочара поступаетъ въ школу, выводится на дорогу, по которой и прійдетъ къ почету и выйдетъ изъ бѣдности. Но помощь эта, при всей своей похвальности, недостаточна, заботливость эта, при всей своей гуманности, не довольно внимательна: мальчикъ, прежде чѣмъ обратился въ юношу, уже остается безъ хлѣба, долженъ бросить путь къ хорошему положенію въ обществѣ, чтобы кормить себя и свою семью черной работой. Много гибнетъ тутъ силъ и времени въ неблагодарномъ трудѣ поденщика, живущаго со дня на день, работающаго 14 часовъ въ сутки, чтобы имѣть невѣрную и скудную пищу. Но природныя дарованія велики у него; онъ еще ничему не выучился, за то узналъ по крайней мѣрѣ, что спасенье можетъ быть дано ему только наукой: онъ уже не отстанетъ отъ умственнаго труда, какъ бы ни стѣсняли его обстоятельства. Притомъ же, онъ хочетъ знать правду. Кромѣ матеріальной потребности знанія, въ немъ уже развита любознательность. И вотъ, урывая время отъ сна, отказывая себѣ во всякомъ развлеченіи, даже въ отдыхѣ, онъ посвящаетъ часъ или полчаса поздняго вечера чтенію, какъ бы ни чрезмѣрна была черная работа, занимавшая его цѣлый день. Такимъ образомъ, учится онъ много; а мыслитъ онъ еще больше: голова его думаетъ надъ общечеловѣческими вопросами и надъ вопросами о положеніи цѣлаго его сословія, пока руки его исполняютъ черную работу. Тяжелъ и длиненъ этотъ путь: пятнадцать лѣтъ нужно ему на то, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія, которыя при лучшихъ условіяхъ пріобрѣлъ бы онъ въ два-три года. За то было у него время глубоко обдумывать все, что узнаетъ онъ, и мысль его получила великую проницательность. Вотъ онъ знаетъ уже все, что знаютъ ученые люди, а судитъ онъ яснѣе ихъ; онъ можетъ сообщить имъ нѣчто достойное ихъ вниманія: въ его мысляхъ есть нѣчто новое, потому что порождены онѣ жизнью, какой не

Digitized by Google

испытываютъ классы, имѣющіе ученыхъ людей. На первый разъ это новое такъ же нравится ученымъ порядочнаго общества, какъ нравилась прежде даровитость деревенскаго мальчика: они одобряютъ труженика; онъ продолжаетъ свой умственный трудъ, развиваетъ свои мысли,—но тутъ догадываются наконецъ его покровители, что есть какая-то вредная сторона въ его мысляхъ, показавшихся сначала такими невинными. Прежнее довольно гордое участіе къ нему замѣняется въ нихъ подозрительностью, она усиливается, подтверждается, переходитъ въ положительную нелюбовь, потомъ въ ненависть къ нему за его вредный образъ мыслей, за его гибельныя стремленія; онъ отвергнутъ всѣми, кто имѣетъ хорошее положеніе въ обществѣ, подвергается гоненіямъ; но уже поздно: онъ уже не нуждается въ покровительствѣ, онъ уже сильнѣе преслѣдователей, онъ знаменитъ, и всѣ его трепещутъ, потому что онъ сокрушаетъ каждаго, на кого принужденъ поднять руку. Эта біографія отдѣльнаго человѣка—исторія сословія, къ которому онъ принадлежитъ.

Этотъ человѣкъ интересенъ, какъ полный представитель умственнаго положенія, до котораго возвышается на Западѣ простолюдинъ. Переходя къ его теоріямъ, мы также найдемъ, что исторія его развитія отразилась въ нихъ всѣми своими сторонами и въ томъ числѣ своими недостатками. Онъ самоучка; по какимъ книгамъ онъ учился? Зналъ ли онъ, какія книги выбирать, зналъ ли онъ, на какія ученія обращать вниманіе, какъ на ученія дѣйствительно современныя? Нѣтъ, онъ учился по книгамъ, какія попадались ему въ руки, а чаще всего попадаются книги, написанныя въ духѣ теорій, уже получившихъ господство въ обществѣ, то есть теорій уже довольно старыхъ и значительно устарѣвшихъ. Такова судьба всякаго самоучки. Если кто нибудь изъ насъ, не учившихся, напримѣръ, химіи, вздумаетъ заняться этою наукою и не будетъ во время имѣть хорошихъ руководителей, онъ навѣрное возьмется или за школьныя руководства, служащія вмѣстилищемъ всякаго хлама, или за книги химическихъ знаменитостей, слава которыхъ уже распространилась въ обществѣ: за Либиха, можетъ быть даже за старика Берцеліуса; а люди, знакомые съ химіею въ нынѣшнемъ ея видѣ, говорятъ, что понятія не только Берцеліуса, но и Либиха уже устарѣли, уже не годятся въ руководство человѣку, который хотѣлъ бы узнать химію въ нынѣшнемъ ея видѣ; что науку эту надобно теперь изучать по другимъ писателямъ, а книги Либиха могутъ служить съ пользою только уже для справокъ, только уже человѣку усвоившему себѣ другой взглядъ на дѣло.

Г. Лавровъ занятъ философскою стороною системы автора книги de la Justice и мы обратимъ вниманіе здѣсь также на эту сторону, хотя для экономической науки его сочиненія гораздо важнѣе, чѣмъ для философіи. Авторъ книги de la Justice далеко превосходитъ всѣхъ своихъ французскихъ соперниковъ тѣмъ, что знакомъ съ нѣмецкою философіею. Ни о какомъ другомъ французскомъ философѣ нельзя сказать, чтобы онъ владѣлъ этимъ знаніемъ. Говорятъ, будто бы Кузенъ изучалъ Шеллинга и Гегеля; но они оба находили, что онъ рѣшительно не понимаетъ духа ихъ ученій, подъ именемъ ихъ системъ воображаетъ себѣ какую-то нелѣпицу, составившуюся въ его головѣ изъ смѣси непонятыхъ нѣмецкихъ выраженій съ принципами, противорѣчащими не только нѣмецкой философіи, но и духу всякаго научнаго изслѣдованія. Слѣдовавшіе за Кузеномъ французскія знаменитости по части философіи, точно такъ же какъ онъ, оставались чужды духу великихъ нѣмецкихъ

Digitized by Google

мыслителей или даже и вовсе не знакомы съ ними. Объ авторѣ книги de la Justice надобно сказать не то: онъ глубоко проникнутъ принципами нѣмецкой философіи. Мы читали, будто бы онъ не знаетъ по-нѣмецки; если это правда, то все еще ничего не значитъ. Бѣлинскій также не зналъ по-нѣмецки, а между тѣмъ зналъ нѣмецкую философію такъ, что не наберется въ самой Германіи десяти человѣкъ, понимающихъ ее столь же глубоко и ясно. Мы слышали, что главный источникъ знакомства съ этою наукою у автора книги de la Justice и у Бѣлинскаго былъ одинаковъ: разговоры съ людьми занимавшимися нѣмецкою философіею; говорятъ, что даже эти люди были одни и тѣ же. Можно полагать, что такія извѣстія справедливы. Но какъ бы то ни было, Прудонъ проникся духомъ нѣмецкой философіи. Это составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ его сторонъ. Надобно прибавить, что одна изъ причинъ неудовлетворительности или по крайней мѣрѣ неясности его понятій также заключается въ этомъ знакомствѣ, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ узналъ нѣмецкую философію подъ формою системы Гегеля и остановился на этой формѣ, какъ на окончательномъ выводѣ, между тѣмъ какъ въ Германіи наука развивалась дальше. Система Гегеля, проникнутая духомъ, господствовавшимъ надъ общественнымъ мнѣніемъ во время реставраціи и получившимъ свое начало во время первой имперіи, сама по себѣ уже не соотвѣтствуетъ нынѣшнему состоянію знаній. Надобно еще прибавить, что Гегель по своей натурѣ, или, быть можетъ по разсчету, облекалъ свои принципы въ одежду очень консервативную, когда говорилъ о политическихъ и теологическихъ предметахъ. Смѣлый французскій простолюдинъ, усвоивъ себѣ его методъ, не остался доволенъ его выводами и сталъ пріискивать для принциповъ Гегеля развитіе, болѣе сообразное съ ихъ собственнымъ духомъ и съ своимъ личнымъ образомъ мыслей, чѣмъ какое получили они у самаго Гегеля. Если бы онъ заблаговременно былъ познакомленъ съ послѣдующимъ развитіемъ науки въ Германіи, онъ нашелъ бы въ немъ то, чего искалъ. Но не имѣя этого пособія, онъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ; а исторія его умственнаго развитія помѣшала этимъ силамъ сохранить или пріобрѣсти качества, нужныя для построенія связной и однородной философской системы. Онъ слишкомъ много начитался новыхъ французскихъ философовъ, прежде чѣмъ сталъ ученикомъ Гегеля. Когда онъ передѣлывалъ его систему, онъ слишкомъ часто упадалъ подъ вліяніе мыслей, какія прежде были привычны ему по французскимъ книгамъ. Такимъ образомъ, его собственная система составлялась изъ соединенія гегелевской философіи съ понятіями французскихъ философовъ, часто не имѣющими научнаго духа. Повсюду видна у него чрезвычайная сила ума, но слишкомъ часто замѣтно, что умъ этотъ связывался воззрѣніями, не имѣющими никакого научнаго основанія. Результатомъ столь неблагопріятныхъ условій была темнота; онъ самъ замѣтилъ ее и хотѣлъ выйти изъ нея, или страстными порывами ненависти къ преданію, противъ его воли опутывавшему его, или усиліями придать ему разумный смыслъ. Во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній. При не-

Digitized by Google

знакомствѣ съ этими понятіями онъ принужденъ учиться по книгамъ или положительно дурнымъ, или устарѣлымъ, оставаться подъ вліяніемъ ошибочныхъ мнѣній, господствующихъ въ такъ называемой образованной публикѣ, въ которой достигаетъ господства только то, что уже отжило свое время въ наукѣ, принужденъ истощать свои силы на борьбу съ предразсудками уже разоблаченными истинно-современной наукой, еще не дошедшей до него, или подчиняться этимъ предразсудкамъ, переходить отъ гнѣва на нихъ къ покорности имъ, вмѣсто того чтобы холодно отстранить ихъ, какъ разоблаченную ложь, которая стала бы для него неопасна, какъ скоро онъ понялъ бы, что она чистѣйшій вздоръ.

Вотъ почему мы думаемъ, что ни авторъ книги de la Justice, ни Милль не могутъ быть авторитетами въ философіи. Оба они чрезвычайно важны для человѣка, желающаго узнать расположеніе мыслей въ извѣстныхъ сословіяхъ западно-европейскаго общества: изъ Милля онъ узнаетъ, какъ благородная часть западно-европейскихъ привиллегированныхъ классовъ смущается духомъ при видѣ осуществленія тѣхъ идей, теоретическую справедливость которыхъ сама она защищаетъ, признавая ихъ логически неотразимыми и ведущими къ общему благу, но которыя невыгодны для этихъ сословій. Авторъ книги de la Justice показываетъ, какъ простолюдины, жаждущіе перемѣнъ, затрудняются въ ихъ осуществленіи тѣмъ, что воспитались въ понятіяхъ старины, не познакомились еще съ воззрѣніями, соотвѣтствующими ихъ потребностямъ. Но представителями этихъ воззрѣній, развитыхъ современною наукою, ни Милль, ни Прудонъ не могутъ считаться *). Истинныхъ представителей ея надобно и теперь, какъ прежде, искать въ Германіи. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ кажется, что г. Лавровъ принужденъ былъ собственными силами доискиваться тѣхъ рѣшеній, которыя уже найдены нынѣшнею нѣмецкою философіею. Намъ кажется, что изученіе отжившихъ формъ нѣмецкой философіи и книгъ, написанныхъ мыслителями англійскими и французскими, предшествовало у него знакомству съ новѣйшими нѣмецкими мыслителями, и что, будь иначе, прочти онъ нѣсколькими годами позже тѣ книги, которыя прочтены имъ раньше, прочти онъ нѣсколькими годами раньше тѣ книги, которыя прочтены имъ уже только по окончаніи внутренней его работы надъ построеніемъ своего образа мыслей, онъ писалъ бы нѣсколько иначе. Мы не говоримъ, что онъ пришелъ бы къ другимъ воззрѣніямъ,—намъ кажется, что сущность его воззрѣній справедлива,—но они представлялись бы ему въ видѣ болѣе простомъ: быть можетъ мы выразились не такъ, и точнѣе было бы сказать: онъ рѣшительнѣе находилъ бы, что отвергаемая имъ ложь совершенно пустая ложь, могущая вызывать только улыбку состраданія, а не серьёзное раздумье о томъ, можно ли безусловно отвергнуть ее. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ простотѣ истины и въ основательности совершеннаго разрыва современныхъ воззрѣній съ пустою софистикою, въ которую одѣта древняя грубая ложь, отразилось бы и на его изложеніи большею

*) Конечно, когда мы говоримъ, что Милль не представитель современной философіи, мы разумѣемъ собственно ту часть науки, которую принято у насъ называть философіею,—теорію рѣшенія самыхъ общихъ вопросовъ науки, обыкновенно называемыхъ метафизическими, напримѣръ вопросовъ объ отношеніяхъ духа къ матеріи, о свободѣ человѣческой воли, о безсмертіи души и т. д. Этою частью науки Милль даже вовсе не занимался прямымъ образомъ; онъ преднамѣренно отклоняется отъ высказыванія всякаго мнѣнія о подобныхъ предметахъ, какъ будто считая ихъ недоступными точному изслѣдованію. Онъ собственно не философъ въ томъ смыслѣ слова, по которому философами называются у насъ Кантъ или Гегель, но не называются Кювье или Либихъ (по англійски Кювье и Либихъ также называются философами).

Digitized by Google

доступностью для большинства публики; быть можетъ его статьи, которыя те... всѣми уважаются, болѣе читались бы тою частью публики, которая слишкомъ ...клонна оставлять непрочтенными книги и статьи, внушающія ей слишкомъ бо...шое уваженіе. Не входя въ критику воззрѣній г. Лаврова, мы попробуемъ и...жить наши понятія о тѣхъ же предметахъ; намъ кажется, что они въ сущно... сходны съ образомъ мыслей г. Лаврова; разница будетъ почти только въ изло...ніи и въ пріемахъ постановки вопроса.

Основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы... человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой час... разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго возз...нія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная ес...ственными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями ф...зіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣ... Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія; эти нау... доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія приба...ляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую н...туру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и та... какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявля...щееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой нату... въ немъ нѣтъ. Убѣдительность этого доказательства равняется убѣдительности тѣ... основаній, по которымъ, напримѣръ, вы, читатель, увѣрены, что, напримѣръ, ... эту минуту, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣ... льва. Вы такъ думаете, во-первыхъ потому, что не видите его глазами, не сл...шите его рыканія; но это ли одно ручается вамъ за то, что льва нѣтъ въ ваш... комнатѣ? Нѣтъ, есть у васъ второе ручательство за то: ручательствомъ служи... тотъ самый фактъ, что вы живы; если бы въ вашей комнатѣ находился левъ, ... бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ. Нѣтъ послѣдствій, которыми неизбѣ... сопровождалось бы присутствіе льва, потому вы знаете, что нѣтъ тутъ и ль... Скажите также, почему вы убѣждены, что собака не умѣетъ говорить? Вы не сл...шали, чтобы она когда нибудь говорила; само по себѣ это было бы еще не дос...точно: вы видѣли многихъ людей, которые молчали въ то время, какъ вы и... видѣли; они просто не хотѣли, а не то чтобы не умѣли говорить: быть можетъ... собака только не хочетъ говорить, а не то что не умѣетъ говорить? Такъ и ... маютъ люди съ неразвитымъ умомъ, вѣрящіе сказкамъ, въ которыхъ разговарива... животныя, и объясняющіе свое предположеніе такимъ способомъ: собака очень у... и хитра, она знаетъ, что слова часто доводятъ до бѣды, оттого и молчитъ, ... считавъ, что молчать гораздо безопаснѣе, чѣмъ говорить. Вы смѣетесь надъ так... замысловатыми объясненіями и понимаете дѣло проще: вы видѣли случаи, въ ...торыхъ собака не могла бы не говорить, если бы имѣла эту способность: нап...мѣръ, убиваютъ собаку; она визжитъ изо всѣхъ силъ, ей очевидно невозмо... удержаться отъ выраженія своей мысли о томъ, что ей больно, о томъ, что съ н... поступаютъ жестоко. Она ищетъ всякихъ средствъ выразить это и находитъ од... средство—визгъ, а словъ не находитъ; значитъ, въ ней нѣтъ дара слова; если... онъ былъ въ ней, она дѣйствовала бы иначе. Дано обстоятельство, въ котор... существованіе извѣстнаго элемента въ извѣстномъ предметѣ непремѣнно имѣло... извѣстный результатъ; этого результата нѣтъ, потому нѣтъ и этого элемента. Во...

Digitized by Google

мемъ еще случай. Почему вы знаете, что, напримѣръ, г. Юмъ, надѣлавшій у насъ въ Петербургѣ такого шума года два тому назадъ своими фокусами, дѣйствительно только фокусникъ, а не можетъ въ самомъ дѣлѣ знать будущаго, знать тайнъ, которыхъ ему не сказывали, читать книгъ и бумагъ, которыя не находятся у него передъ глазами? Вы знаете это вотъ почему: еслибъ онъ могъ знать будущее, онъ былъ бы сдѣланъ дипломатическимъ совѣтникомъ при какомъ нибудь дворѣ и разсказывалъ бы министерству этого двора все, что произойдетъ въ данныхъ случаяхъ: напримѣръ, онъ сказалъ бы Рехбергу въ прошломъ мартѣ, что если австрійцы начнутъ войну, то они будутъ побиты при Палестро, Мадженте и Сольферино и потеряютъ Ломбардію. Тогда австрійцы не начали бы войны и не было бы ничего изъ того, что произошло въ прошломъ году въ Италіи, Франціи, Австріи, а происходило бы что нибудь совершенно иное. Если бы онъ могъ читать книги, не находящіяся у него подъ глазами, тогда правительства и ученыя общества не стали бы посылать ученыхъ на востокъ отыскивать древнія рукописи, а обратились бы съ просьбою къ нему, и онъ изъ Парижа прочелъ бы и продиктовалъ бы имъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ теперь древняго греческаго писателя, списокъ котораго уцѣлѣлъ въ какомъ нибудь сирійскомъ захолустьи. Этого нѣтъ, г. Юмъ и его собратія по искусству не открыли ровно ничего ни дипломатамъ, ни ученымъ; а непремѣнно открывали бы имъ важныя вещи, если бы могли, потому что это было бы для нихъ и несравненно выгоднѣе и несравненно почетнѣе фокусничества; потому они и не имѣютъ той способности, которую приписываютъ имъ легковѣрные люди. О всѣхъ такихъ случаяхъ не довольно сказать: мы не знаемъ, существуетъ ли извѣстный элементъ; нѣтъ, разсудокъ обязываетъ насъ прямо сказать: мы знаемъ, что этого элемента нѣтъ; еслибъ онъ былъ, то происходило бы не то, что происходитъ.

Но при единствѣ натуры мы замѣчаемъ въ человѣкѣ два различные ряда явленій: явленія такъ называемаго матеріальнаго порядка (человѣкъ ѣстъ, ходитъ) и явленія такъ называемаго нравственнаго порядка (человѣкъ думаетъ, чувствуетъ, желаетъ). Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти два порядка явленій? Не противорѣчитъ ли ихъ различіе единству натуры человѣка, показываемому естественными науками. Естественныя науки опять отвѣчаютъ, что дѣлать такую гипотезу мы не имѣемъ основанія, потому что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденія о немъ подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ. Напримѣръ, дерево растетъ, горитъ; мы говоримъ, что оно имѣетъ два качества: растительную силу и удобосгараемость. Въ чемъ сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба эти качества, кромѣ общаго понятія—качество; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба ряда явленій, соотвѣтствующихъ этимъ качествамъ, кромѣ понятія—явленіе. Или, напримѣръ, ледъ твердъ и блестящъ; что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другаго безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія. Изъ этого мы видимъ, что соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ

Digitized by Google

въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей. Но въ этомъ разнообразіи естественныя науки открываютъ и связь,—не по формамъ обнаруженія, не по явленіямъ, которыя рѣшительно несходны, а по способу происхожденія разнородныхъ явленій изъ одного и того же элемента при напряженіи или ослабленіи энергичности въ его дѣйствованіи. Напримѣръ, въ водѣ есть свойство имѣть температуру,—свойство общее всѣмъ тѣламъ. Въ чемъ бы ни состояло свойство предметовъ, называемое нами теплотою, но оно при разныхъ обстоятельствахъ обнаруживается съ очень различными величинами. Иногда одинъ и тотъ же предметъ очень холоденъ, то есть обнаруживаетъ очень мало тепла, иногда онъ очень горячъ, то есть обнаруживаетъ его очень много. Когда вода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, обнаруживаетъ очень мало теплоты, она бываетъ твердымъ тѣломъ — льдомъ; обнаруживая нѣсколько больше теплоты, она бываетъ жидкостью; а когда въ ней теплоты очень много, она становится паромъ. Въ этихъ трехъ состояніяхъ одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различныхъ явленій, такъ что одно качество принимаетъ форму трехъ разныхъ качествъ, развѣтвляется на три качества просто по различію количества, въ какомъ обнаруживается: количественное различіе переходитъ въ качественное различіе.

Но разные предметы различаются между собою своею способностью обнаруживать извѣстныя общія имъ качества въ очень различныхъ количествахъ. Напримѣръ, желѣзо, серебро, золото обнаруживаютъ очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью, и мѣриломъ котораго у насъ на землѣ служитъ вѣсъ. Воздухъ обнаруживаетъ это качество въ такомъ маломъ количествѣ, что только особенными учеными изслѣдованіями оно открыто въ немъ, а каждый человѣкъ, незнакомый съ наукою, по необходимости предполагаетъ, будто бы въ воздухѣ вовсе нѣтъ тяжести. Точно также думали о всѣхъ газообразныхъ тѣлахъ. Возьмемъ другое качество, способность сжиматься отъ давленія. Безъ особенныхъ средствъ анализа, даваемыхъ только наукою, никто не замѣтитъ, чтобы жидкости сжимались отъ какого бы то ни было давленія: кажется, будто бы вода сохраняетъ совершенно прежній объемъ подъ самымъ сильнымъ давленіемъ. Но наука отыскала факты, показывающіе, что и вода въ нѣкоторой степени сжимается отъ давленія. Изъ этого надобно заключать, что когда намъ представляется какое нибудь тѣло, не имѣющее повидимому извѣстнаго качества, то надобно употребить научный анализъ для повѣрки этого впечатлѣнія, и если онъ скажетъ, что качество это находится въ тѣлѣ, то надобно не твердить упорно: наши невооруженныя научными средствами чувства говорятъ противное, а надобно просто сказать: результатъ, полученный при помощи изслѣдованія предмета съ нужными научными средствами, показываетъ неудовлетворительность впечатлѣнія, получаемаго чувствами, лишенными нужныхъ въ этомъ дѣлѣ пособій.

Съ другой стороны, когда кажется, будто бы извѣстный предметъ имѣетъ какое нибудь особенное качество, котораго будто бы совершенно нѣтъ въ другихъ предметахъ, то надобно опять изслѣдовать дѣло научнымъ образомъ. Напримѣръ, намъ кажется, что дерево имѣетъ способность совершенно особенную, какой нѣтъ въ большей части другихъ тѣлъ: оно горитъ, а камень, глина, желѣзо не горятъ. Но когда мы изслѣдуемъ при помощи научныхъ пособій процессъ, называемый гореніемъ, то мы найдемъ, что онъ состоитъ въ соединеніи нѣкоторыхъ элементовъ извѣстнаго тѣла съ кислородомъ; вмѣстѣ съ этимъ наука показываетъ, что

Digitized by Google

въ большей части такъ называемыхъ негорючихъ тѣлъ постоянно происходитъ точно тотъ же процессъ соединенія всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ составныхъ ихъ частей съ кислородомъ. Напримѣръ, желѣзо постоянно окисляется,—на разговорномъ языкѣ этотъ видъ процесса называется особеннымъ словомъ „ржавѣть"; но наука открываетъ, что ржавѣнье и горѣніе совершенно одинъ и тотъ же процессъ, и что эти два случая его представляются различными для нашего впечатлѣнія только оттого, что въ одномъ случаѣ процессъ происходитъ гораздо быстрѣе, гораздо интенсивнѣе, нежели въ другомъ.

Отчего же теперь разные предметы имѣютъ различную величину интенсивности въ обнаруженіи извѣстнаго качества при одинаковыхъ условіяхъ?—отчего камень въ обыкновенныхъ житейскихъ условіяхъ обнаруживаетъ очень сильную степень качества называемаго тяжестью, а воздухъ не обнаруживаетъ его иначе, какъ при пособіи особенныхъ научныхъ средствъ, увеличивающихъ проницательность нашихъ чувствъ? Отчего окисленіе желѣза происходитъ въ обыкновенной атмосферѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ окисленіе дерева, когда оба предмета положены въ одну и ту же горящую печь? Наука говоритъ, что она еще не успѣла изслѣдовать законовъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ немногихъ тѣлахъ, остающихся въ химіи пока подъ именемъ простыхъ, но что во всѣхъ остальныхъ тѣлахъ, которыя успѣла она разложить, эта разница происходитъ отъ различія въ составѣ или отъ различія состояній, въ которыхъ находятся составныя части сложнаго тѣла. Напримѣръ, разницѣ между водою и масломъ или водянымъ паромъ и камнемъ соотвѣтствуетъ разница въ составѣ этихъ тѣлъ. Разницѣ между углемъ и алмазомъ соотвѣтствуетъ то различіе, что составныя части угля находятся въ некристаллизованномъ, а составныя части алмаза въ кристаллизованномъ состояніи. Естественныя науки замѣчаютъ также, что простыя или составленныя изъ нихъ сложныя тѣла, входя между собою въ химическія соединенія, вообще даютъ въ продуктѣ тѣло, обнаруживающее такія качества, какихъ не обнаруживали составныя его части, когда находились порознь. Такъ, напримѣръ, изъ соединенія въ извѣстной пропорціи водорода и кислорода образуется вода, имѣющая множество такихъ качествъ, которыхъ не было замѣтно ни въ кислородѣ, ни въ водородѣ. Объ этихъ комбинаціяхъ химія замѣчаетъ, что многосложныя изъ нихъ вообще отличаются большею перемѣнчивостью, такъ сказать подвижностью. Такъ, напримѣръ, желѣзная ржавчина, состоящая только изъ соединенія желѣза съ кислородомъ въ очень простой пропорціи, очень постоянна, такъ что нужно дѣйствовать на нее чрезвычайно высокою температурою или чрезвычайно сильными реагентами, чтобы произвести перемѣну въ этомъ тѣлѣ. Но кровяной шарикъ, въ которомъ желѣзная окись служитъ только однимъ изъ элементовъ многосложной химической комбинаціи съ примѣсями разныхъ другихъ тѣлъ, напримѣръ, воды, никакъ не можетъ долго сохранять своего состава: онъ можно сказать не существуетъ въ постоянномъ видѣ, какъ существуютъ частички ржавчины, а безпрестанно измѣняется, пріобрѣтая новыя частицы и теряя прежнія. То же надобно сказать о всѣхъ многосложныхъ химическихъ комбинаціяхъ: онѣ имѣютъ очень сильную наклонность существовать постояннымъ возникновеніемъ, возрастаніемъ, обновленіемъ и наконецъ уничтожаться среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, такъ что существованіе предмета, состоящаго изъ такихъ комбинацій, состоитъ въ безпрестанномъ возобновленіи частей и представляется непрерывнымъ химическимъ процессомъ.

Digitized by Google

Многосложныя химическія комбинаціи, имѣющія этотъ характеръ, одинаково обнаруживаютъ его, находятся ли въ такъ называемыхъ органическихъ тѣлахъ или возникаютъ и существуютъ внѣ ихъ, въ такъ называемой неорганической природѣ. Еще не очень давно казалось, что такъ называемыя органическія вещества (напримѣръ, уксусная кислота) существуютъ только въ органическихъ тѣлахъ: но теперь извѣстно, что при извѣстныхъ условіяхъ они возникаютъ и внѣ органическихъ тѣлъ, такъ что разница между органическою и неорганическою комбинаціею элементовъ не существенна и такъ называемыя органическія комбинаціи возникаютъ и существуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и всѣ они одинаково возникаютъ изъ неорганическихъ веществъ. Напримѣръ, дерево отличается отъ какой нибудь неорганической кислоты собственно тѣмъ, что кислота эта комбинація не многосложная, а дерево—соединеніе многихъ многосложныхъ комбинацій. Это какъ будто разница между 2 и 200,—разница количественная, не больше.

Итакъ естественныя науки видятъ въ существованіи органическаго тѣла, каково, напримѣръ, растеніе или насѣкомое, химическій процессъ. Объ этомъ явленіи вообще замѣчаютъ естественныя науки, что во время химическаго процесса тѣла обнаруживаютъ такія качества, какихъ совершенно незамѣтно въ нихъ при состояніи неподвижнаго соединенія. Напримѣръ, дерево само по себѣ не жжетъ, трутъ, кремень и огниво также не жгутъ; но если частичка стали, раскаленная треніемъ (ударомъ) о кремень и оторванная отъ огнива, попадаетъ въ трутъ и, чрезвычайно возвысивши температуру нѣкоторой частички этого трута, даетъ условіе нужное для начала въ этой частичкѣ трута химическаго процесса, называемаго горѣніемъ, то постепенно весь кусокъ трута, вовлекаясь въ этотъ химическій процессъ, начинаетъ жечь, чего не дѣлалъ, когда въ немъ не было химическаго процесса; будучи пододвинутъ къ дереву во время этого процесса, онъ также вовлекаетъ его въ свой химическій процессъ горѣнія и дерево во время этого процесса также жжетъ, свѣтитъ и обнаруживаетъ другія качества, какихъ не замѣчалось въ немъ до начала процесса. Возьмемъ какой угодно другой химическій процессъ, мы увидимъ то же самое: тѣло, находящееся въ немъ, обнаруживаетъ качества, какихъ не обнаруживало до начала процесса. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ броженія. Пивное сусло стоитъ спокойно въ своемъ чану; дрожжи также неподвижны въ своей кружкѣ. Положите дрожжи въ сусло, начинается химическій процессъ, называемый броженіемъ, сусло бурлитъ, пѣнится, бьется въ своемъ сосудѣ. Разумѣется, когда мы говоримъ о различіи состоянія тѣлъ во время химическаго процесса и въ такое время, когда не находятся они въ процессѣ, мы говоримъ только о количественной разницѣ между сильнымъ, быстрымъ ходомъ процесса и очень медленнымъ, слабымъ ходомъ его. Собственно говоря, каждое тѣло постоянно находится въ состояніи химическаго процесса; напримѣръ бревно, если и не будетъ зажжено, не сгоритъ въ печи, а будетъ спокойно какъ будто безъ всякихъ перемѣнъ лежать въ стѣнѣ дома, все-таки когда нибудь прійдетъ къ тому же концу, къ какому приводитъ его горѣніе: оно постепенно истлѣетъ и отъ него останется тоже только пепелъ (пыль гнилушки, которая наконецъ оставитъ отъ себя на прежнемъ мѣстѣ только минеральныя частицы пепла). Но если этотъ процессъ, какъ, напримѣръ, при обыкновенномъ тлѣніи бревна въ стѣнѣ дома, происходитъ чрезвычайно медленно и слабо, то и качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ процессѣ, обнаруживаются съ микроскопической слабостью, которая въ житейском

быту совершенно неуловима. Напримѣръ, при медленномъ истлѣваніи дерева, лежащаго въ стѣнѣ дома, также развивается теплота; но то количество ея, которое при горѣніи сосредоточилось бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, тутъ разжижается (если можно такъ выразиться) на нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что не достигаетъ никакого результата, удобоуловимаго на практикѣ: существованіе этой теплоты ничтожно для практическихъ сужденій. Это то же самое, какъ винный вкусъ въ цѣломъ прудѣ воды, въ который брошена одна капля вина: съ научной точки зрѣнія этотъ прудъ содержитъ въ себѣ смѣсь воды съ виномъ; но въ практикѣ надобно принимать, что вина въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ.

Читатель, вѣроятно, скажетъ, что всѣ наши разсужденія такъ же справедливы, какъ справедливы были бы разсужденія объ обращеніи земли около солнца, о холодѣ на полюсахъ, о жарѣ подъ тропиками, и столь же мало идутъ къ дѣлу. Читатель, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ правъ, сказавъ, что мы занимаемся теперь пустословіемъ. Но гораздо легче замѣтить въ себѣ недостатокъ или согласиться съ словами людей, указывающихъ его, нежели исправиться отъ него. Вообще люди наклонны щегольнуть знакомствомъ съ такими вещами, съ которыми въ сущности мало знакомы, любятъ выказывать это свое мнимое знакомство кстати и некстати; почему же намъ слѣдовало бы не имѣть этого недостатка? А если мы уже имѣемъ его, то почему же и не выказываться ему? Пусть же себѣ выказывается, и будемъ заниматься неидущими къ дѣлу разсужденіями о естественныхъ наукахъ, мало намъ знакомыхъ, пока надоѣстъ намъ это щегольство,—тогда мы займемся чѣмъ нибудь другимъ, чего, быть можетъ, также вовсе не знаемъ, напримѣръ, хоть нравственною философіею. Читатель подумаетъ: однако же труденъ будетъ переходъ отъ химіи къ общественнымъ учрежденіямъ. Ну вотъ, будто бы уже и трудно найти фразу, которой бы связывались совершенно несвязныя части разсужденія? Когда пріидетъ намъ охота говорить о философіи вмѣсто химіи, мы просто напишемъ: „итакъ, до сихъ поръ мы разсуждали вотъ о чемъ, а теперь будемъ разсуждать вотъ о чемъ“ и дѣло будетъ кончено — удовлетворительный переходъ сдѣланъ. Развѣ не дѣлаютъ безпрестанно точно такихъ же переходовъ очень знаменитые авторитеты: напишутъ двѣ фразы, рѣшительно не клеящіяся между собою, поставятъ между ними „итакъ“ или „слѣдовательно“,—и силлогизмъ готовъ, и все доказано.

Но мы чувствуемъ, что еще на нѣсколько страницъ хватитъ у насъ желанія толковать вмѣсто философіи о естественныхъ наукахъ, совершенно нейдущихъ къ дѣлу, по справедливому замѣчанію читателя. Смутило было насъ одно обстоятельство: мы уже истощили весь скудный запасъ нашихъ свѣдѣній о химическихъ комбинаціяхъ и процессахъ; мы не имѣемъ, что тутъ больше сказать, а говорить намъ охота страшная. Вотъ она-то и выручаетъ насъ изъ бѣды: „сказалъ все, что знаешь объ одномъ, шепчетъ намъ она, кидайся на другое, что подвернется подъ языкъ“. Мы послушались добраго совѣта. Давайте же говорить хоть о царствахъ природы: кое-что каждый о нихъ знаетъ, хоть иной и маловато; кое-что знаемъ и мы, и уже сами чувствуемъ, что маловато,—а все-таки на нѣсколько страницъ достанетъ. Но тутъ въ другое ухо желаніе какъ можно дольше уклоняться отъ настоящаго предмета рѣчи, чтобы наговорить какъ можно больше нейдущаго къ дѣлу, подшепнуло намъ другой совѣтъ: „изъ трехъ царствъ природы, минеральнаго, растительнаго и животнаго, вы пока ничего не говорите о томъ, которое одно могло

Digitized by Google

бы представлять примѣры хотя нѣкоторой аналогіи съ человѣческою жизнью въ жизни муравьевъ, пчелъ, бобровъ,—не говорите ничего о царствѣ животныхъ". Мы слушаемся и этого совѣта, хоть онъ очевидно нелѣпъ: нелѣпостей въ жизни дѣлаешь такъ много, что одною больше или одною меньше—не составитъ ровно никакой разницы, какъ не составляетъ ровно никакой разницы въ температурѣ присутствіе какой нибудь сгнивающей щепы. Будемъ же говорить о неорганической природѣ и о растительномъ царствѣ.

Намъ нравится эта новая тема собственно потому, что и независимо отъ недостаточности нашихъ знаній о ней, нельзя было бы сказать о ней ничего дѣльнаго, потому что она сама по себѣ чужда всякой реальности, вводя въ природу подраздѣленіе, котораго въ природѣ вовсе нѣтъ. Оно только кажется незнающему человѣку, что камень самъ по себѣ, а растеніе вещь совершенно другаго рода; на самомъ же дѣлѣ открывается, что оба эти предмета, столь несходные, состоятъ изъ одинаковыхъ частей, соединившихся по однимъ и тѣмъ же законамъ, только соединившихся въ разной пропорціи. Разлагаемъ камень и находимъ, что онъ составленъ изъ газовъ и металловъ; разлагаемъ растеніе и въ немъ тоже находимъ газы и металлы. Въ камняхъ металлы находятся не въ чистомъ своемъ видѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ кислородомъ; въ растеніяхъ тоже. Въ камняхъ газы находятся не каждый особо, не самъ по себѣ, а въ разныхъ соединеніяхъ съ другими газами и металлами; въ растеніяхъ тоже. Больше всего въ растеніи такихъ частей, которыя прямо состоятъ изъ голаго камня: въ живомъ растеніи этотъ камень составляетъ двѣ трети или три четверти всей массы растенія, или даже больше; этотъ камень—вода. Отъ вещей, которыя называются камнями въ обыкновенномъ языкѣ, этотъ камень отличается лишь тѣмъ, что плавится при температурѣ очень низкой, между тѣмъ какъ обыкновенные камни плавятся только при чрезвычайно высокой температурѣ. Но если расплавленный кварцъ не перестаетъ быть кварцемъ, камнемъ, то и минералъ, бывающій въ расплавленномъ видѣ водою (ледъ), не перестаетъ, расплавившись, быть минераломъ. Итакъ отъ обыкновенныхъ рудъ, камней и другихъ неорганическихъ тѣлъ растеніе отличается собственно тѣмъ, что представляетъ комбинацію элементовъ гораздо болѣе сложную и потому гораздо быстрѣе проходящую химическій процессъ въ обыкновенной атмосферѣ, чѣмъ неорганическія тѣла, и притомъ по самой своей многосложности проходящую процессъ гораздо болѣе сложный. Въ неорганическомъ тѣлѣ происходитъ, напримѣръ, окисленіе только одного рода, а въ растеніи одновременно совершается окисленіе въ нѣсколькихъ степеняхъ, и притомъ въ неорганическомъ тѣлѣ окисленію подвергаются одинъ или два элемента его однообразной комбинаціи, а въ растеніи вдругъ нѣсколько химическихъ соединеній, изъ которыхъ каждое довольно многосложно. Само собою разумѣется, что, находясь въ такомъ быстромъ и многосложномъ химическомъ процессѣ, тѣла обнаруживаютъ такія качества, которыхъ не проявляютъ при процессахъ менѣе быстрыхъ и сложныхъ. Словомъ сказать, разница между царствомъ неорганической природы и растительнымъ царствомъ подобна различію между маленькою травкою и огромнымъ деревомъ: это разница по количеству, по интенсивности, по многосложности, а не по основнымъ свойствамъ явленія: былинка состоитъ изъ тѣхъ же частицъ и живетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дубъ; только дубъ гораздо многосложнѣе былинки: на немъ десятки тысячъ листьевъ, а на былинкѣ всего два или три. Опять само собою разумѣется, что одинаковость тутъ существуетъ для теоре-

Digitized by Google

тическаго знанія о предметѣ, а не для житейскаго обращенія съ нимъ: изъ былинокъ нельзя строить домовъ, а изъ дубовъ можно. Въ житейскомъ быту мы совершенно правы, когда считаемъ руду и растенія предметами, принадлежащими къ совершенно разнымъ разрядамъ вещей; но точно также мы правы въ житейскомъ быту, считая лѣсъ вещью совершенно иного разряда, чѣмъ трава. Теоретическій анализъ приходитъ къ другому результату: онъ находитъ, что эти вещи, столь различныя по своему житейскому отношенію къ намъ, должны считаться только разными состояніями однихъ и тѣхъ же элементовъ, входящихъ въ разныя химическія комбинаціи по однимъ и тѣмъ же законамъ. Для открытія этого тождества между травою и дубомъ былъ достаточенъ анализъ ума, не обогащеннаго большимъ запасомъ наблюденій и тонкими средствами изслѣдованія; для открытія одинаковости между неорганическимъ веществомъ и растеніемъ нуженъ былъ гораздо большій умственный трудъ при помощи гораздо сильнѣйшихъ средствъ изслѣдованія. Химія составляетъ едва ли не лучшую славу нашего вѣка.

Впрочемъ громадный запасъ наблюденій и особенно тонкія средства анализа нужны не столько за тѣмъ, чтобы геніальный умъ могъ увидѣть истину, открытіе которой требуетъ глубокихъ соображеній,—чаще всего бываетъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ философскихъ вопросахъ, что истина замѣтна съ перваго взгляда человѣку пытливаго и логичнаго ума,—обширныя изслѣдованія и громадныя научныя средства въ этихъ случаяхъ приносятъ собственно ту пользу, что безъ нихъ истина, открытая геніальнымъ человѣкомъ, остается его личнымъ соображеніемъ, котораго онъ не въ силахъ доказать точнымъ ученымъ образомъ, и потому или остается непринята другими людьми, продолжающими страдать отъ своихъ ошибочныхъ мнѣній, или, что едва-ли не хуже еще, принимается другими людьми не на разумномъ основаніи, а по слѣпому довѣрію къ словамъ авторитета. Принципы, разъясненные и доказанные теперь естественными науками, были найдены и приняты за истину еще греческими философами, а еще гораздо раньше ихъ индійскими мыслителями, и вѣроятно были открываемы людьми сильнаго логическаго ума во всѣ времена, во всѣхъ племенахъ. Но развить и доказать истину логическимъ путемъ прежніе геніальные люди не могли. Она извѣстна была всегда повсюду, но стала наукою только въ послѣднія десятилѣтія. Природу сравниваютъ съ книгою, заключающею въ себѣ всю истину, но написанною языкомъ, которому нужно учиться, чтобы понять книгу. Пользуясь этимъ уподобленіемъ, мы скажемъ, что очень легко можно выучиться каждому языку настолько, чтобы понимать общій смыслъ написанныхъ имъ книгъ; но очень много и долго нужно учиться ему, чтобы умѣть отстранить всѣ сомнѣнія въ основательности смысла, какой мы находимъ въ словахъ книги, умѣть объяснить каждое отдѣльное выраженіе въ ней и написать хорошую грамматику этого языка.

Единство законовъ природы было понято очень давно геніальными людьми; но только въ послѣднія десятилѣтія наше знаніе достигло такихъ размѣровъ, что доказываетъ научнымъ образомъ основательность этого истолкованія явленій природы.

Говорятъ: естественныя науки еще не достигли такого развитія, чтобы удовлетворительно объяснить всѣ важныя явленія природы. Это совершенная правда; но противники научнаго направленія въ философіи дѣлаютъ изъ этой правды выводъ вовсе не логическій, когда говорятъ, что пробѣлы, остающіеся въ научномъ объяс-

Digitized by Google

неніи натуральныхъ явленій, допускаютъ сохраненіе какихъ нибудь остатковъ фантастическаго міросозерцанія. Дѣло въ томъ, что характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукою частей и явленій, уже достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполнѣ объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненныя части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ. Возьмемъ какую угодно отрасль естественныхъ наукъ,— положимъ, хотя географію или геологію,—и посмотримъ, какой характеръ могутъ имѣть, какого характера не могутъ имѣть свѣдѣнія, которыхъ мы еще не пріобрѣли по разнымъ частямъ предмета, изслѣдуемаго этими науками. При нынѣшнемъ развитіи географіи, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о странахъ около полюсовъ, о внутренности Африки, о внутренности Австраліи. Безъ сомнѣнія, эти пробѣлы въ географическомъ знаніи очень прискорбны для науки, и по всей вѣроятности даже для практической жизни было бы нужно пополнить ихъ, потому что очень можетъ быть, что въ этихъ странахъ найдется что-нибудь новое и пригодное для жизни: очень можетъ быть, что во внутренности Австраліи найдутся новыя золотыя розсыпи или рудники еще обильнѣе тѣхъ, какіе найдены на ея прибрежьи; очень можетъ быть, что во внутренности Африки найдутся какія нибудь новыя горныя породы, новыя растенія, новыя метеорологическія явленія: все это очень можетъ быть, и пока не будетъ произведено точное изслѣдованіе этихъ странъ, никакъ нельзя съ точностью сказать, какія именно вещи и явленія найдутся въ нихъ; но можно уже и теперь съ достовѣрностью сказать, какихъ вещей и какихъ явленій никакъ не будетъ въ нихъ найдено. Подъ полюсами, напримѣръ, не найдется жаркаго климата и роскошной растительности. Этотъ отрицательный выводъ несомнѣненъ, потому что, если бы подъ полюсами средняя температура была высока или хотя умѣренна, не таково было бы состояніе сѣверной Сибири, сѣверной части англійскихъ владѣній въ Америкѣ, морей, сосѣднихъ съ полюсами. Въ центральной Африкѣ также не найдется полярнаго холода, потому что, если бы центральная часть африканскаго материка имѣла климатъ холодный, не таково было бы климатическое состояніе южной полосы Алжиріи, верхняго Египта и другихъ земель, окружающихъ центръ Африки. Какія именно рѣки найдутся въ центральной Африкѣ или Австраліи, мы этого не знаемъ, но навѣрное можно сказать, что если найдутся тамъ рѣки, то теченіе въ нихъ будетъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Точно то же надобно сказать и о тѣхъ частяхъ земнаго шара, которыхъ еще не успѣла изслѣдовать геологія. Мы изслѣдовали только одинъ очень тонкій слой земной коры, не составляющій и одной тысячной части всего шара; въ безмѣрной массѣ вещества, скрывающагося подъ этою корою, конечно находится много тѣлъ и явленій, не встрѣчающихся въ доступной намъ ничтожной части его. Но по этой одной части мы уже достовѣрно знаемъ, какой характеръ имѣютъ и какого характера не имѣютъ предметы и феномены, заключенные въ недоступныхъ намъ нѣдрахъ шара. Мы знаемъ, что тамъ температура страшно высокая,—еслибъ она не была такъ высока, не то было бы на поверхности земли, что находится и происходитъ теперь; мы знаемъ, что въ такой высокой температурѣ не могутъ удерживаться тѣ химическія соединенія, которыя составляютъ такъ называемое органическое царство; потому мы знаемъ, что въ нѣдрахъ земли нѣтъ растительной и

Digitized by Google

животной жизни, какая существуетъ на поверхности земли. Тамъ нѣтъ никакихъ организмовъ, сколько нибудь подобныхъ нашимъ растеніямъ или животнымъ. Если мы захотимъ сказать, что на полюсахъ, или въ центральной Африкѣ, или въ нѣдрахъ земли находятся тѣла именно вотъ такого разряда, что тамъ происходятъ феномены именно вотъ такого вида, это будетъ только гипотезою, можетъ быть и ошибочною: мы не можемъ отгадать, вода или земля находится подъ полюсами; покрыто льдами или иногда бываетъ чисто отъ нихъ море подъ полюсами, если тамъ море; покрыта вѣчнымъ льдомъ или имѣетъ по временамъ какую нибудь растительность земля подъ полюсами, если тамъ земля,—эти положительныя заключенія были бы только догадками, не имѣющими научной достовѣрности; но отрицательные выводы, каковы, напримѣръ, то, что подъ полюсами не можетъ расти виноградъ или дубъ, что не могутъ тамъ жить обезьяны или попугаи,—эти отрицательные выводы имѣютъ совершенную научную достовѣрность; это уже не гипотезы, не догадки, это достовѣрное знаніе, основанное на отношеніи явленій, происходящихъ въ извѣстныхъ намъ странахъ земной поверхности, къ неизслѣдованнымъ нами феноменамъ неизвѣстныхъ частей ея. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ усомниться въ томъ, что подъ полюсами не живутъ попугаи? Для попугаевъ нужна средняя годичная температура въ 15 или 18 градусовъ выше точки замерзанія, а если бы на сѣверномъ полюсѣ была такая температура, то Гренландія имѣла бы климатъ по крайней мѣрѣ столь же теплый, какъ Италія. Или, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что въ слояхъ земнаго шара, близкихъ къ центру его, нѣтъ растительныхъ организмовъ? Чтобы они могли тамъ существовать, нужна была бы тамъ температура не выше точки кипѣнія воды, потому что безъ воды нѣтъ никакихъ растеній; а если бы тамъ была температура ниже точки кипѣнія воды, тогда не находили бы мы, что чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ выше температура слоевъ изслѣдованной нами оболочки земнаго шара.

Къ чему мы такъ долго останавливаемся на явленіяхъ и заключеніяхъ, каждому извѣстныхъ? Просто отъ того, что, по непривычкѣ къ систематическому мышленію, слишкомъ многіе люди слишкомъ наклонны не замѣчать смыслъ общихъ законовъ, который одинаковъ со смысломъ отдѣльныхъ феноменовъ, ими понимаемыхъ. Мы хотѣли какъ можно сильнѣе выставить силу одного изъ такихъ общихъ законовъ: если при нынѣшнемъ состояніи научнаго наведенія (индуктивной логики) мы въ бо̀льшей части случаевъ еще не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить по изслѣдованной нами части предмета, какой именно характеръ имѣетъ неизслѣдованная часть его, то уже всегда можемъ съ достовѣрностью опредѣлять, какого характера не можетъ имѣть она. Наши положительныя заключенія отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго при нынѣшнемъ состояніи наукъ находятся еще на степени догадокъ, подлежащихъ спору, доступныхъ ошибкамъ; но отрицательныя заключенія уже имѣютъ полную достовѣрность. Мы не можемъ сказать, чѣмъ именно окажется неизвѣстное намъ; но мы уже знаемъ, чѣмъ оно не оказывается.

Фантастическія гипотезы, разрушаемыя этими отрицательными выводами, въ химіи, въ географіи, въ геологіи, уже не заслуживаютъ никакой борьбы, потому что всѣми и каждымъ сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ признаются за бредни. Географъ не имѣетъ нужды доказывать, что подъ полюсами не найдется обезьянъ, въ центральной Африкѣ не найдется безголовыхъ людей, въ централь-

Digitized by Google

ной Австраліи рѣкъ, текущихъ снизу вверхъ, въ нѣдрахъ земли сказочныхъ гн довъ и циклоповъ, кующихъ оружіе Ахиллесу подъ надзоромъ Вулкана. Но чело вѣкъ съ логическимъ умомъ точно также смотритъ на фантастическія гипотезы въ другихъ наукахъ: онъ также видитъ, что все это бредни, несовмѣстныя с нынѣшнимъ состояніемъ знаній. Говорятъ, что открытія, сдѣланныя Коперникомъ въ астрономіи, произвели перемѣну въ образѣ человѣческихъ мыслей о предметахъ повидимому очень далекихъ отъ астрономіи. Точно такую же перемѣну и тоже въ томъ же направленіи, только въ гораздо обширнѣйшемъ размѣрѣ, производятъ нынѣ химическія и физіологическія открытія: отъ нихъ измѣняется образъ мыслей о предметахъ, повидимому очень далекихъ отъ химіи. Теперь, чтобы сколько нибудь свести конецъ этой статьи съ ея началомъ, мы опять обратимся мыслью къ будущимъ судьбамъ западной Европы, о которыхъ были принуждены говорить по поводу приводимыхъ г. Лавровымъ изъ Милля и Прудона цитатъ о прискорбной будто бы перспективѣ, грозящей западному человѣчеству. Химія, геологія и по томъ, вдругъ, разсужденія о политическихъ партіяхъ въ Англіи или Франціи, о западно-европейскихъ нравахъ, о надеждахъ и опасеніяхъ разныхъ сословій и разныхъ публицистовъ—какой произвольный переходъ, какое отсутствіе логики! Что жъ дѣлать, читатель: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; ничего другаго вы. и не должны были ждать отъ нашей статьи. Попробуемте приложить къ ея характеру методъ отрицательныхъ заключеній о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго и посмотримъ, чего никакъ не должны были бы вы ожидать отъ этой статьи, если бы потрудились употребить въ дѣло этотъ методъ передъ тѣмъ, какъ начали читать ее. Статья написана по русски, для русской публики: это вамъ было извѣстно по самой оберткѣ журнала. Статья эта хочетъ говорить о философскихъ вопросахъ,—это также было видно по ея заглавію на оберткѣ книжки. Теперь, разсудите сами: есть ли какая нибудь логика въ этихъ двухъ извѣстныхъ вамъ фактахъ! Какой-то господинъ написалъ статью для русской публики; нужны ли для русской публики журнальныя статьи? Судя по всему, рѣшительно не нужны: потому что еслибъ были нужны, онѣ были бы не таковы, какія бываютъ теперь. Итакъ этотъ неизвѣстный вамъ господинъ, авторъ этой статьи, поступилъ вовсе не логично, сдѣлалъ то, чего не нужно публикѣ—написалъ статью. Но вы, по своему великодушію, допустили эту нелѣпость безъ порицанія: вздумалъ онъ дѣлать то, чего никому не нужно,—ну, такъ и быть: написалъ статью, такъ пусть написалъ. Теперь другой вопросъ: о чемъ же онъ написалъ ее? о философіи. О философіи! Господи, твоя воля! да кто же въ русскомъ обществѣ думаетъ о философскихъ вопросахъ? Развѣ г. Лавровъ,—да и то сомнительно: быть можетъ и самому г. Лаврову гораздо интереснѣе всевозможныхъ философскихъ вопросовъ наши житейскія и общественныя дѣла. Выборъ предмета для такого нелогическаго поступка, какъ написаніе журнальной статьи, еще нелогичнѣе самаго этого поступка. Чего же вы могли ожидать отъ статьи, къ самому началу которой приложены двѣ такія крупныя печати съ надписью: отсутствіе логики? При нынѣшнемъ состояніи наукъ въ Россіи нельзя достовѣрно сказать, какія вещи можно было ожидать найти въ этой статьѣ вамъ, судившимъ о ней по ея заглавію; но можно достовѣрно сказать, что никакъ нельзя было ожидать найти въ ней логику. А гдѣ нѣтъ логики, там безсвязность. Вотъ вамъ небольшой опытъ приложенія теоріи отрицательныхъ выводовъ отъ характера извѣстнаго къ характеру неизвѣстнаго. Неправда ли, призна-

Digitized by Google

ципъ достовѣрности этого метода блистательно подтвердился прочтенною вами статьею? Мы говоримъ не по увлеченію авторскимъ самолюбіемъ, мы говоримъ по искреннему и вѣрному убѣжденію, что эта статья своею безсвязностью, безтолковостью возвышается надъ всѣми другими, читанными вами статьями, по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько интенсивность химическаго процесса въ растительной жизни возвышается надъ его интенсивностью въ неорганической природѣ. Скажите же теперь, не должны ли мы, чтобы выдержать характеръ статьи, переброситься къ разсужденіямъ о будущности западной Европы отъ химическихъ разсужденій?

Мы видѣли, какой характеръ принадлежитъ образу мыслей въ благородной части тѣхъ сословій западной Европы, которыя ждутъ себѣ потерь отъ перемѣнъ, признаваемыхъ ими самими за неизбѣжныя и справедливыя. Скорбь о своей предстоящей судьбѣ производитъ смущеніе въ ихъ умѣ. У нихъ нѣтъ силъ примѣнить къ близкому для нихъ факту принципъ, принимаемый ими въ его общемъ отвлеченномъ видѣ. Мы видѣли, на какой ступени развитія находится образъ мыслей простолюдина западной Европы. До него еще не дошла общая идея нынѣшней науки, выводы которой согласны съ его потребностями. Онъ еще держится устарѣлыхъ принциповъ, но видитъ совершенную несостоятельность выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ его учителями, людьми старыхъ системъ, и безпрестанно переходитъ отъ жолчнаго отрицанія ихъ къ подчиненности имъ. Въ этомъ смиреніи онъ не можетъ удержаться надолго и опять изливается въ ѣдкихъ тирадахъ, чтобы опять смириться передъ рутиною. Эта жолчная перемѣнчивость, это колебаніе вовсе не принадлежитъ духу новыхъ идей: напротивъ, шаткость воззрѣній, выражающаяся смѣсью скептицизма съ излишнею довѣрчивостью, происходитъ именно отъ недостаточнаго знакомства съ идеями, выработанными нынѣшнею наукой. Читатель видитъ, какой характеръ имѣютъ ея принципы и выводы. Основаніями своихъ теорій она беретъ истины, открытыя естественными науками посредствомъ самаго точнаго анализа фактовъ, истины столь же достовѣрныя, какъ обращеніе земли вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, дѣйствіе химическаго сродства. Изъ этихъ принциповъ, неподлежащихъ никакому спору или сомнѣнію, современная наука дѣлаетъ свои выводы путемъ столь же осмотрительнымъ, какъ и тотъ, которымъ дошла до нихъ. Она не принимаетъ ничего безъ строжайшей, всесторонней повѣрки и не выводитъ изъ принятаго никакихъ заключеній, кромѣ тѣхъ, которыя сами собою неотразимо слѣдуютъ изъ фактовъ и законовъ, отвергать которыхъ нѣтъ никакой логической возможности. При такомъ характерѣ новыхъ идей, человѣку, разъ принявшему ихъ, не остается уже никакой дороги къ отступленію назадъ или къ какимъ нибудь сдѣлкамъ съ фантастическими заблужденіями.

Такимъ образомъ существенный характеръ нынѣшнихъ философскихъ воззрѣній состоитъ въ непоколебимой достовѣрности, исключающей всякую шаткость убѣжденій. Изъ этого легко заключить, какая судьба ждетъ человѣчество западной Европы. Свойство каждаго новаго ученія состоитъ въ томъ, что нужно ему довольно много времени на распространеніе въ массахъ, на то, чтобы стать господствующимъ убѣжденіемъ. Новое и въ идеяхъ, какъ въ жизни, распространяется довольно медленно; но за то и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно распространяется, постепенно проникая все глубже и глубже въ разные слои населенія, начиная, конечно, съ болѣе развитыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и простолю-

Digitized by Google

дины западной Европы ознакомятся съ философскими воззрѣніями, соотвѣтству-щими ихъ потребностямъ. Тогда найдутся у нихъ представители не совсѣмъ так… какъ Прудонъ: найдутся писатели, мысль которыхъ не будетъ, какъ мысль Пру-дона, спутываться преданіями или задерживаться устарѣлыми формами науки… анализѣ общественнаго положенія и полезныхъ для общества реформъ. Когда пр… детъ такая пора, когда представители элементовъ, стремящихся теперь къ н… созданію западно-европейской жизни, будутъ являться уже непоколебимыми… своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, это будетъ признакомъ скораго торжества… выхъ началъ и въ общественной жизни западной Европы.

Теперь мы замѣчаемъ,—жаль, что замѣтили слишкомъ поздно,—что … статья, при всей своей безсвязности, можетъ служить предисловіемъ къ изложе… понятій нынѣшней науки о человѣкѣ, какъ отдѣльной личности. Еслибъ это … чено было нами раньше, мы постарались бы сократить окольныя наши отступле… изъ философіи въ естественныя науки; тогда предисловіе не имѣло бы такой … лишней длинноты и осталось бы намъ довольно страницъ для очерка теоріи лич-ности, какъ понимаетъ ее нынѣшняя наука. Но теперь уже поздно поправлят… дѣло и намъ остается только надежда, что нынѣшняя статья, могущая, какъ м… видимъ, служить предисловіемъ къ очерку философскихъ понятій о человѣкѣ, … самомъ дѣлѣ послужитъ предисловіемъ къ нему.

II.

Словомъ „наука“ (science) у англичанъ называются далеко не всѣ тѣ отрас… знанія, которыя у насъ и у другихъ континентальныхъ народовъ обнимаются эти… выраженіемъ. Англичане называютъ науками математику, астрономію, физику, хи-мію, ботанику, зоологію, географію, — тѣ отрасли знанія, которыя называют… насъ „точными“ науками, и тѣ, которыя очень близко подходятъ къ нимъ по … ему характеру; но они не разумѣютъ подъ выраженіемъ „наука“ ни исторіи, н… психологіи, ни нравственной философіи, ни метафизики. Надобно сказать, чт… дѣйствительно существуетъ громадная разница между этими двумя половинам… знаній по качеству понятій, господствующихъ въ той и другой. Изъ одной пол… вины каждый сколько нибудь просвѣщенный человѣкъ уже удалилъ всякія неосн… вательныя предубѣжденія и всѣ разсудительные люди уже держатся въ этихъ пре… метахъ одинаковыхъ коренныхъ понятій. Знанія наши и по этимъ отраслямъ … тія очень не полны; но по крайней мѣрѣ каждый тутъ знаетъ, что намъ извѣстн… основательнымъ образомъ, что еще неизвѣстно и что, наконецъ, несомнѣнным… образомъ опровергнуто точными изслѣдованіями. Попробуйте, напримѣръ, сказа… что человѣческому организму нужна пища или нуженъ воздухъ,—съ вами никт… не будетъ спорить; попробуйте сказать, что еще неизвѣстно, тѣ ли одни веществ… могутъ служить пищею человѣку, какими теперь онъ питается, и что можетъ бы… найдутся новыя вещества, пригодныя для этой цѣли,—съ вами также никто и… просвѣщенныхъ людей не станетъ спорить и каждый прибавитъ только, что ес… новыя вещества для пищи и будутъ найдены, если и очень вѣроятно, что они б… дутъ найдены, то до сихъ поръ они еще не найдены и человѣкъ пока можетъ пи… таться только извѣстными веществами, въ родѣ хлѣбныхъ растеній, мяса, моло…

Digitized by Google

или рыбы; вы въ свою очередь совершенно согласитесь съ этимъ замѣчаніемъ и спора тутъ у васъ быть не можетъ. Спорить вы можете только о томъ, какъ велика или мала вѣроятность скораго открытія новыхъ питательныхъ веществъ и къ какому роду вещей скорѣе всего могутъ принадлежать эти новыя еще не открытыя вещества; но въ этомъ спорѣ вы и вашъ противникъ одинаково будете знать и признаваться, что выражаете только догадки, не имѣющія полной достовѣрности, могущія оказаться болѣе или менѣе полезными для науки впослѣдствіи времени (потому что догадки, гипотезы даютъ направленіе ученымъ изслѣдованіямъ и ведутъ къ открытію истины, подтверждающей или опровергающей ихъ), но еще вовсе не входящія въ число научныхъ истинъ. Попробуйте сказать, наконецъ, что безъ пищи человѣкъ существовать не можетъ, — и тутъ каждый съ вами согласится, и каждый понимаетъ, что это отрицательное сужденіе находится въ неразрывной логической связи съ положительнымъ сужденіемъ „человѣческому организму нужна пища"; каждый понимаетъ, что если принять одно изъ этихъ двухъ сужденій, то непремѣнно надобно принять и другое. Совсѣмъ не то, напримѣръ, въ нравственной философіи. Попробуйте сказать, что хотите—всегда найдутся люди умные и образованные, которые станутъ говорить противное. Скажите, напримѣръ, что бѣдность вредно дѣйствуетъ на умъ и сердце человѣка,—множество умныхъ людей возразятъ вамъ: „нѣтъ, бѣдность изощряетъ умъ, принуждая его пріискивать средства къ ея отвращенію; она облагороживаетъ сердце, направляя наши мысли отъ суетныхъ наслажденій къ доблестямъ терпѣнія, самоотверженія, сочувствія чужимъ нуждамъ и бѣдамъ". Хорошо; попробуйте сказать наоборотъ, что бѣдность выгодно дѣйствуетъ на человѣка,—опять такое же множество, или еще большее множество умныхъ людей возразятъ: „нѣтъ, бѣдность лишаетъ средствъ къ умственному развитію, мѣшаетъ развитію самостоятельнаго характера, влечетъ къ неразборчивости въ употребленіи средствъ для ея отвращенія или для простаго поддержанія жизни; она главный источникъ невѣжества, пороковъ и преступленій". Словомъ сказать, какой бы выводъ ни вздумали вы сдѣлать въ нравственныхъ наукахъ, вы всегда найдете, что и онъ, и другой противоположный ему выводъ и кромѣ того множество другихъ выводовъ, не клеящихся ни съ вашимъ ни съ противоположнымъ ему выводомъ, ни другъ съ другомъ, имѣютъ искреннихъ защитниковъ между умными и просвѣщенными людьми. То же самое въ метафизикѣ, то же самое въ исторіи, безъ которой ни нравственныя науки, ни метафизика не могутъ обойтись.

Такое положеніе дѣлъ въ исторіи, нравственныхъ наукахъ и метафизикѣ заставляетъ многихъ думать, что эти отрасли знанія не даютъ или даже и вовсе не могутъ никогда дать намъ ничего столь достовѣрнаго, какъ математика, астрономія и химія. Хорошо, что намъ случилось употребить слово „бѣдность": оно наводитъ насъ на память о житейскомъ фактѣ, совершающемся ежедневно. Какъ только какой нибудь господинъ или какая нибудь госпожа изъ многочисленнаго семейства достигнетъ хорошаго положенія въ обществѣ, онъ или она тотчасъ же начинаетъ вытягивать изъ бѣдности, изъ ничтожества своихъ родственниковъ и родственницъ: около важнаго или богатаго лица появляются братья и сестры, племянники и племянницы, всѣ примыкаютъ къ нему и, держась за него, вылѣзаютъ въ люди. Припоминаютъ родство свое съ важнымъ или богатымъ лицомъ даже такіе господа и госпожи, которые не хотѣли и знаться съ нимъ, пока оно было не

Digitized by Google

важно и не богато. Иныхъ оно въ глубинѣ души и не долюбливаетъ, а все-таки помогаетъ имъ, — нельзя, вѣдь все-же родственники и родственницы,—и съ любовью къ роднымъ или съ досадой на нихъ, оно все-таки измѣняетъ ихъ положеніе къ лучшему. Точно такое же дѣло происходитъ въ области знаній теперь, когда нѣкоторыя науки успѣли изъ жалкаго положенія выбиться до великаго совершенства, до ученаго богатства, до умственной знатности. Эти богачки, помогающія своимъ жалкимъ родственницамъ,—математика и естественныя науки. Математика была въ хорошемъ положеніи давно, но чрезвычайно много времени было у ней занято заботою объ одной ближайшей ея родственницѣ, астрономіи. Тысячи четыре лѣтъ, если не больше, прошло въ этой вознѣ. Наконецъ, во время Коперника, астрономія была поставлена на ноги математикою, а съ Ньютона она получила блистательное положеніе въ умственномъ мірѣ. Едва переставъ сокрушаться день и ночь о бѣдственномъ состояніи своей сестры астрономіи, едва получивъ по нѣкоторомъ устройствѣ ея судьбы нѣсколько свободы подумать о другихъ родственницахъ, математика принялась помогать разнымъ членамъ семейства, до сихъ поръ остающагося въ нераздѣльномъ владѣніи родовымъ имуществомъ подъ именемъ физики: акустика, оптика и нѣкоторыя другія изъ сестеръ, носящихъ родовое имя физики, особенно воспользовались милостями математики; очень не дурно стало положеніе и многихъ другихъ членовъ той же многолюдной семьи. Дѣло тутъ шло уже гораздо быстрѣе, чѣмъ съ выведеніемъ астрономіи изъ жалкаго положенія: помогать другимъ математика уже выучилась, возившись съ своею ближайшею родственницею, и кромѣ того хлопотала теперь уже не одна, а имѣла въ ней хорошую адъютантку. Когда онѣ вдвоемъ придали человѣческій видъ многочисленнымъ особамъ семейства физики, пресмыкавшимся прежде въ жалчайшей нищетѣ и погрязавшимъ въ гнуснѣйшихъ научныхъ порокахъ, математика уже имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлое племя, стала президентшею довольно большаго и благоденствующаго государства. Въ концѣ прошлаго вѣка это умственное государство было въ такомъ же состояніи, какъ Соединенные Штаты въ политическомъ мірѣ около того же времени. Оба общества растутъ съ той поры одинаково быстро. Чуть не каждый годъ прибавляется какая нибудь новая область къ молодому Сѣверо-Американскому государству, становится изъ дикой пустыни цвѣтущимъ штатомъ, и все дальше и дальше оттѣсняются просвѣщеннымъ и дѣятельнымъ народомъ жалкія племена, нехотящія принимать цивилизаціи, и все больше и больше захватываетъ онъ въ свой союзъ другія племена, ищущія цивилизаціи, но не умѣвшія найдти ея безъ его помощи: луизіанскіе французы и испанцы Сѣверной Мехики уже присоединились и въ немногіе годы уже прониклись духомъ новаго общества, такъ что не отличить ихъ отъ потомковъ Вашингтона и Джефферсона. Милліоны пьяныхъ ирландцевъ и не менѣе жалкихъ нѣмцевъ стали въ Союзѣ людьми порядочными и зажиточными. Такъ и союзъ точныхъ наукъ подъ управленіемъ математики, то есть счета, мѣры и вѣса, съ каждымъ годомъ расширяется на новыя области знанія, увеличивается новыми пришельцами. Послѣ химіи къ нему постепенно присоединились всѣ науки о растительныхъ и животныхъ организмахъ: физіологія, сравнительная анатомія, разныя отрасли ботаники и зоологіи; теперь входятъ въ него нравственныя науки. Съ ними дѣлается нынѣ то самое, что мы видимъ надъ людьми тщеславными, но погрязавшими въ нищетѣ и невѣжествѣ, когда какой нибудь дальній родственникъ, не гордящійся какъ они высокимъ про-

Digitized by Google

исхожденіемъ и неслыханными добродѣтелями, а просто человѣкъ простой и честный, пріобрѣтаетъ богатство: кичливые гидальго долго усиливаются смотрѣть на него свысока, но бѣдность заставляетъ ихъ пользоваться его подачками; долго они живутъ этой милостыней, считая низкимъ для себя обратиться при его помощи къ честному труду, которымъ онъ вышелъ въ люди; но съ улучшеніемъ ихъ пищи и одежды пробуждаются въ нихъ мало по малу разсудительныя мысли, слабѣетъ прежнее пустое хвастовство, они понемногу становятся людьми порядочными, понимаютъ, наконецъ, что стыдъ не въ трудѣ, а въ хвастовствѣ и напослѣдокъ принимаютъ нравы, которыми вышелъ въ люди ихъ родственникъ; тогда, опираясь на его помощь, они быстро пріобрѣтаютъ хорошее положеніе и начинаютъ пользоваться уваженіемъ разсудительныхъ людей не за фантастическія достоинства, которыми прежде хвастались, не имѣя ихъ, а за свои новыя дѣйствительныя качества, полезныя для общества—за свою трудовую дѣятельность.

Еще не такъ далеко отъ насъ время, когда нравственныя науки въ самомъ дѣлѣ не могли имѣть содержанія, которымъ бы оправдывался титулъ науки, имъ принадлежавшій, и англичане были тогда совершенно правы, отнявъ у нихъ это имя, котораго онѣ не были достойны. Теперь положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Естественныя науки уже развились на столько, что даютъ много матеріаловъ для точнаго рѣшенія нравственныхъ вопросовъ. Изъ мыслителей, занимающихся нравственными науками, всѣ передовые люди стали разработывать ихъ при помощи точныхъ пріемовъ, подобныхъ тѣмъ, по какимъ разработываются естественныя науки. Когда мы говорили о противорѣчіяхъ между разными людьми по каждому нравственному вопросу, мы говорили только о давнишнихъ, наиболѣе распространенныхъ, но уже оказывающихся отсталыми, понятіяхъ и способахъ изслѣдованія, а не о томъ характерѣ, какой получаютъ нравственныя науки у передовыхъ мыслителей; о прежнемъ рутинномъ характерѣ этихъ знаній, а не о нынѣшнемъ ихъ видѣ. По нынѣшнему своему виду нравственныя науки различаются отъ такъ называемыхъ естественныхъ собственно только тѣмъ, что начали разработываться истинно научнымъ образомъ позже ихъ и потому разработаны еще не въ такомъ совершенствѣ, какъ онѣ. Тутъ разница лишь въ степени: химія моложе астрономіи и не достигла еще такого совершенства; физіологія еще моложе химіи и еще дальше отъ совершенства; психологія, какъ точная наука, еще моложе физіологіи и разработана еще меньше. Но, различаясь между собою по количеству пріобрѣтенныхъ точныхъ знаній, химія и астрономія не различаются ни по достовѣрности того, что узнали, ни по способу, которымъ идутъ къ точному знанію своихъ предметовъ: факты и законы, открываемые химіею, такъ же достовѣрны, какъ факты и законы, открываемые астрономіею. То же надобно сказать о результатахъ нынѣшнихъ точныхъ изслѣдованій въ нравственныхъ наукахъ. Очерки предметовъ, даваемые астрономіею, физіологіею и психологіею,—это все равно, что карты Англіи, Европейской Россіи и Азіатской Россіи: Англія вся снята превосходными тригонометрическими измѣреніями; въ Европейской Россіи тригонометрія покрыла своею сѣтью еще только половину пространства, другая половина снята способами, не столь совершенными; въ Азіатской Россіи остаются пространства, въ которыхъ только мимоѣздомъ опредѣлено положеніе нѣсколькихъ главныхъ пунктовъ, а все лежащее между ними наносится на карту по глазомѣру, способу очень неудовлетворительному. Но тригонометрическая сѣть съ каждымъ годомъ растяги-

Digitized by Google

вается все дальше и дальше, уже не очень далеко время, когда она охватитъ и Азіатскую Россію. А до той поры мы все-таки уже знаемъ объ этой странѣ многое довольно хорошо, нѣкоторые пункты даже очень хорошо, и всю ее уже знаемъ на столько, что легко открыть слишкомъ грубые промахи въ старинныхъ картахъ ея; а если бы кто нибудь вздумалъ насъ увѣрять, что Иртышъ течетъ къ югу, а не сѣверу или что Иркутскъ лежитъ подъ тропиками, мы только пожали бы плечами. Кому угодно, тотъ можетъ и до сихъ поръ повторять разсказы нашихъ старинныхъ космографій о народахъ предѣла Симова и о „нѣмыхъ языкахъ“, живущихъ за Печерою, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ и запертыхъ синклитовыми воротами, неподдающимися ни огню, ни желѣзу; но мы уже знаемъ, что надобно думать объ этихъ разсказахъ, основанныхъ только на фантазіи.

Первымъ слѣдствіемъ вступленія нравственныхъ знаній въ область точныхъ наукъ было строгое различеніе того, что мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ. Астрономъ знаетъ, что ему извѣстна величина планеты Марса, и столь же положительно знаетъ, что ему неизвѣстенъ геологическій составъ этой планеты, характеръ растительной или животной жизни на ней и самое то, существуетъ ли на ней растительная или животная жизнь. Если бы кто нибудь вздумалъ утверждать, что на Марсѣ находится глина или гранитъ, существуютъ птицы или молюски, астрономъ сказалъ бы ему: вы утверждаете то, чего не знаете. Если бы фантазеръ зашелъ въ своихъ предположеніяхъ дальше и сказалъ бы, напримѣръ, что живущія на Марсѣ птицы не подвержены болѣзнямъ, а молюски не нуждаются въ пищѣ, астрономъ при помощи химика и физіолога доказалъ бы ему, что этого даже и быть не можетъ. Точно такъ же и въ нравственныхъ наукахъ теперь строго разграничено извѣстное отъ неизвѣстнаго, и на основаніи извѣстнаго доказана несостоятельность нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній о томъ, что еще остается неизвѣстнымъ. Положительно извѣстно, напримѣръ, что всѣ явленія нравственнаго міра проистекаютъ одно изъ другаго и изъ внѣшнихъ обстоятельствъ по закону причинности, и на этомъ основаніи признано фальшивымъ всякое предположеніе о возникновеніи какого нибудь явленія, не произведеннаго предъидущими явленіями и внѣшними обстоятельствами. Поэтому нынѣшняя психологія не допускаетъ, напримѣръ, такихъ предположеній: „человѣкъ поступилъ въ данномъ случаѣ дурно, потому что захотѣлъ поступить дурно, а въ другомъ случаѣ хорошо, потому что захотѣлъ поступить хорошо“. Она говоритъ, что дурной поступокъ или хорошій поступокъ былъ произведенъ непремѣнно какимъ нибудь нравственнымъ или матеріальнымъ фактомъ, или сочетаніемъ фактовъ, а „хотѣніе“ было тутъ только субъективнымъ впечатлѣніемъ, которымъ сопровождается въ нашемъ сознаніи возникновеніе мыслей или поступковъ изъ предшествующихъ мыслей, поступковъ или внѣшнихъ фактовъ. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ дѣйствій, ни на чемъ не основанныхъ кромѣ нашей воли, представляется такой фактъ: я встаю съ постели; на какую ногу я встану? захочу на лѣвую, захочу на правую. Но это только такъ представляется поверхностному взгляду. На самомъ дѣлѣ факты и впечатлѣнія производятъ то, на какую ногу встанетъ человѣкъ. Если нѣтъ никакихъ особенныхъ обстоятельствъ и мыслей, онъ встаетъ на ту ногу, на которую удобнѣе ему встать по анатомическому положенію его тѣла на постели. Если явятся особенныя побужденія, превосходящія своею силою это физіологическое удобство, результатъ измѣнится сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ. Если, напримѣръ, въ человѣкѣ явится

Digitized by Google

мысль: „стану не на правую ногу, а на лѣвую“, онъ сдѣлаетъ это; но тутъ произошла только простая замѣна одной причины (физіологическаго удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость), или, лучше сказать, побѣда второй причины, болѣе сильной, надъ первою. Но откуда явилась эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость отъ внѣшнихъ условій? Она не могла явиться безъ причины, она произведена или словами собесѣдника, или воспоминаніемъ о прежнемъ спорѣ, или чѣмъ нибудь подобнымъ. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что человѣкъ, когда захочетъ, можетъ ступить съ постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положенію тѣла на постели, а на другую ногу,—этотъ фактъ свидѣтельствуетъ вовсе не то, чтобы человѣкъ безъ всякой причины могъ ступить на ту или другую ногу, а только то, что вставаніе съ постели можетъ совершаться подъ вліяніемъ причинъ болѣе сильныхъ, чѣмъ вліяніе анатомическаго положенія его тѣла передъ актомъ вставанія. То явленіе, которое мы называемъ волею, само является звеномъ въ ряду явленій и фактовъ, соединенныхъ причинною связью. Очень часто ближайшею причиною появленія въ насъ воли на извѣстный поступокъ бываетъ мысль. Но опредѣленное расположеніе воли производится также только опредѣленною мыслью: какова мысль, такова и воля; будь мысль не такова, была бы не такова и воля. Но почему же явилась именно такая, а не другая мысль? Опять отъ какой нибудь мысли, отъ какого нибудь факта, словомъ сказать, отъ какой нибудь причины. Психологія говоритъ въ этомъ случаѣ то же самое, что говоритъ въ подобныхъ случаяхъ физика или химія: если произошло извѣстное явленіе, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустымъ отвѣтомъ: оно произошло само собою, безъ всякой особенной причины—„я такъ сдѣлалъ, потому что такъ захотѣлъ“. Прекрасно, но почему же вы такъ захотѣли? Если вы отвѣчаете „просто, потому что захотѣлъ“, это значитъ то же, что говорить: „тарелка разбилась, потому что разбилась; домъ сгорѣлъ, потому что сгорѣлъ“. Такіе отвѣты вовсе не отвѣты: ими только прикрывается лѣность доискиваться подлинной причины, недостатокъ желанія знать истину.

Если при нынѣшнемъ состояніи химіи кто нибудь спроситъ, почему золото имѣетъ желтый цвѣтъ, а серебро бѣлый, химики прямо отвѣчаютъ, что до сихъ поръ еще не знаютъ этой причины, то есть еще не знаютъ, въ какой связи находится желтизна золота или бѣлизна серебра съ другими качествами этихъ металловъ, по какому закону, отъ какихъ обстоятельствъ произошло, что вещество, принявшее форму золота или серебра, пріобрѣло въ этой формѣ качество производить на нашъ глазъ впечатлѣніе желтизны или бѣлизны. Это прямой, честный отвѣтъ; но онъ, какъ видимъ, состоитъ просто въ признаніи своего незнанія. Богатому человѣку легко сознаваться, что у него въ данномъ случаѣ не нашлось денегъ,—но легко въ этомъ сознаваться только тогда, когда всѣ увѣрены, что онъ дѣйствительно богатъ; напротивъ, человѣку, который хочетъ прослыть за богача, будучи въ сущности бѣденъ, или человѣку, кредитъ котораго поколебался, не легко сказать, что у него въ нынѣшнее время не случилось денегъ: онъ всяческими хитростями будетъ скрывать истину. Таково было до недавняго времени состояніе нравственныхъ наукъ: онѣ стыдились говорить: у насъ нѣтъ объ этомъ достаточныхъ знаній. Теперь къ счастію не то: психологія и нравственная философія выходятъ изъ прежней своей научной нищеты, у нихъ уже большой запасъ богатства и онѣ прямо могутъ говорить „мы еще не знаемъ этого“, если дѣйствительно не знаютъ.

14*

Digitized by Google

Но если нравственныя науки на очень многіе вопросы должны еще отвѣчать теперь „мы этого не знаемъ", то ошибемся мы, предположивъ, что къ числу вопросовъ, остающихся для нихъ неразрѣшимыми нынѣ, принадлежатъ тѣ вопросы, которые по одному изъ господствующихъ мнѣній признаются неразрѣшимыми. Нѣтъ, незнаніе этихъ наукъ совершенно не таково. Чего не знаетъ, напримѣръ, химія? Она не знаетъ теперь, чѣмъ будетъ водородъ, перешедшій изъ газообразнаго состоянія въ твердое, металломъ или не-металломъ; есть сильная вѣроятность предполагать, что онъ будетъ металломъ, но справедлива ли такая догадка, это еще неизвѣстно. Химія не знаетъ также, дѣйствительно ли простое тѣло фосфоръ или сѣра, или они будутъ современемъ разложены на простѣйшіе элементы. Это случаи теоретическаго незнанія. Другой родъ вопросовъ, неразрѣшимыхъ для нея теперь, представляютъ многочисленные случаи неумѣнья исполнить практическія требованія. Химія умѣетъ изготовлять синильную кислоту, уксусную кислоту, но изготовить фибринъ она еще не умѣетъ. Тѣ и другіе неразрѣшимые для нея нынѣ вопросы, имѣютъ, какъ видимъ, характеръ совершенно спеціальный, характеръ такой спеціальный, что и въ голову они приходятъ только людямъ уже порядочно знакомымъ съ химіей. Точно таковы же вопросы, остающіеся нынѣ еще не разрѣшенными для нравственныхъ наукъ. Психологія, напримѣръ, открываетъ слѣдующій фактъ: при слабомъ умственномъ развитіи человѣкъ не въ состояніи понимать жизни, различной отъ его собственной жизни; чѣмъ сильнѣе развивается его умъ, тѣмъ легче ему бываетъ представлять себѣ жизнь не похожую на его жизнь. Какъ объяснить этотъ фактъ? При нынѣшнемъ состояніи науки строгаго научнаго отвѣта еще не найдено, а существуютъ только разныя догадки. Скажите теперь, кому изъ людей незнакомыхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ психологіи приходилъ въ голову такой вопросъ? Почти никто кромѣ ученыхъ даже не замѣчалъ и факта, къ которому относится этотъ вопросъ: это все равно, что вопросъ о металличности или не-металличности водорода: люди незнакомые съ химіей не знаютъ не только этого вопроса о водородѣ, но не знаютъ и самаго водорода. А для химіи чрезвычайно важенъ этотъ водородъ, существованіе котораго было бы не замѣтно безъ нея. Точно такъ для психологіи чрезвычайно важенъ фактъ неспособности неразвитаго человѣка и способности развитаго понимать жизнь различную отъ его жизни. Какъ открытіе водорода повело къ усовершенствованію химической теоріи, такъ и открытіе этого психологическаго факта имѣло своимъ послѣдствіемъ построеніе теоріи антропоморфизма, безъ которой ни шагу теперь нельзя ступить въ метафизикѣ. Вотъ другой психологическій вопросъ, также не разрѣшимый точнымъ образомъ при нынѣшнемъ состояніи науки: дѣти имѣютъ наклонность ломать свои игрушки; отчего это происходитъ? Надобно ли считать эту ломку только неловкою формою желанія пересоздавать вещи по своимъ надобностямъ, неловкою формою такъ называемой творческой дѣятельности человѣка, или тутъ есть слѣдъ чистой наклонности къ разрушенію, приписываемой человѣку нѣкоторыми писателями? Таковы почти всѣ теоретическіе вопросы, точнаго рѣшенія которыхъ еще не даетъ наука. Читатель видитъ, что они принадлежатъ къ разряду вопросовъ, надобность и важность которыхъ открывается только наукою, понятна только для ученыхъ, къ разряду такъ называемыхъ техническихъ или спеціальныхъ вопросовъ, которые вовсе не интересны для простыхъ людей, часто кажутся имъ даже ничтожными. Это все вопросы въ родѣ тѣхъ, изъ какого старо-славянскаго звука произошло у въ словѣ

Digitized by Google

„рука“: изъ простаго у или изъ юса, и по какому закону образуется существительное „возъ“ изъ глагола „везу“: зачѣмъ тутъ буква е замѣнилась буквою о? Для филолога эти вопросы очень важны, а для насъ не-филологовъ они, можно сказать, не существуютъ. Но не будемъ опрометчиво смѣяться надъ учеными, которые заняты изслѣдованіемъ такихъ мелочныхъ по видимому вещей: отъ открытія истины въ подобныхъ по видимому неважныхъ фактахъ возникали результаты важные и для насъ простыхъ людей: разъяснялись понятія о цѣломъ рядѣ важныхъ фактовъ, измѣнялись важныя житейскія отношенія. Изъ того, что нѣкоторые люди разъяснили нашу фонетику открытіемъ значенія юсовъ, явилось болѣе разумное обученіе грамматикѣ, и нашихъ дѣтей будутъ меньше мучить за нею, чѣмъ мучили насъ, и будутъ лучше выучивать ей, чѣмъ выучивали насъ.

Итакъ теоретическіе вопросы, остающіеся неразрѣшенными при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ наукъ, вообще таковы, что даже не приходятъ въ голову почти никому, кромѣ спеціалистовъ; неспеціалистъ съ трудомъ понимаетъ даже, какъ могутъ ученые люди заниматься изслѣдованіемъ такихъ мелочей. Напротивъ, тѣ теоретическіе вопросы, которые обыкновенно представляются важными и трудными для неспеціалистовъ, вообще перестали быть вопросами для нынѣшнихъ мыслителей, потому что чрезвычайно легко разрѣшаются несомнѣннымъ образомъ при первомъ прикосновеніи къ нимъ могущественныхъ средствъ научнаго анализа. Половина такихъ вопросовъ оказывается происходящими просто отъ непривычки къ мышленію, другая половина находитъ себѣ отвѣтъ въ явленіяхъ знакомыхъ каждому. Куда дѣвается пламя, носящееся надъ свѣтильнею горящей свѣчи, когда мы гасимъ свѣчу? Неужели химикъ согласится назвать эти слова вопросомъ? Онъ просто называетъ ихъ безсмысленнымъ наборомъ словъ, возникающимъ изъ незнакомства съ самыми коренными, самыми простыми фактами науки. Онъ говоритъ: горѣніе свѣчи есть химическій процессъ; пламя есть одно изъ явленій этого процесса, одна изъ сторонъ его, одно изъ качествъ его, выражаясь простымъ языкомъ; когда мы гасимъ свѣчу, мы прекращаемъ химическій процессъ; само собою разумѣется, что съ его прекращеніемъ исчезаютъ и его качества; спрашивать, что дѣлается съ пламенемъ свѣчи, когда гаснетъ свѣча, значитъ то же самое, что спрашивать о томъ, что осталось отъ цифры 2 въ числѣ 25, когда мы зачеркнемъ все число,— ровно ничего не осталось ни отъ цифры 2, ни отъ цифры 5: вѣдь онѣ обѣ зачеркнуты; спрашивать это можетъ только тотъ, кто самъ не понимаетъ, что значитъ написать цифру и что значитъ зачеркнуть ее; на всѣ вопросы такихъ людей существуетъ одинъ отвѣтъ: другъ мой! вы не имѣете понятія объ ариѳметикѣ и сдѣлаете хорошо, если станете учиться ей. Предлагается, напримѣръ, очень головоломный вопросъ: доброе или злое существо человѣкъ? Множество людей потѣютъ надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, почти половина потѣющихъ рѣшаютъ: человѣкъ по натурѣ добръ; другіе, составляющіе также почти цѣлую половину потѣющихъ, рѣшаютъ иначе: человѣкъ по натурѣ золъ. За исключеніемъ этихъ двухъ противоположныхъ догматическихъ партій, остаются нѣсколько человѣкъ скептиковъ, которые смѣются надъ тѣми и другими и рѣшаютъ: вопросъ этотъ неразрѣшимъ. Но при первомъ приложеніи научнаго анализа вся штука оказывается простою до крайности. Человѣкъ любитъ пріятное и не любитъ непріятнаго,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ сказуемомъ тутъ просто повторяется подлежащее: А есть А, пріятное для человѣка есть пріятное для человѣка, непріятное

Digitized by Google

для человѣка есть непріятное для человѣка. Добръ тотъ, кто дѣлаетъ хорошее для другихъ, золъ—кто дѣлаетъ дурное для другихъ,—кажется, это такъ же просто и ясно. Соединимъ теперь эти простыя истины и въ выводѣ получимъ: добрымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда для полученія пріятнаго себѣ онъ долженъ дѣлать пріятное другимъ; злымъ бываетъ онъ тогда, когда принужденъ извлекать пріятность себѣ изъ нанесенія непріятности другимъ. Человѣческой натуры нельзя тутъ ни бранить за одно, ни хвалить за другое; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отношеній. Если извѣстныя отношенія имѣютъ характеръ постоянства, въ человѣкѣ сформировавшемся подъ ними оказывается сформировавшеюся привычка къ сообразному съ ними способу дѣйствій. Потому можно находить, что Иванъ добръ, а Петръ золъ; но эти сужденія прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, какъ прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще понятія о привычкѣ тесать доски, умѣть ковать и т. д. Иванъ плотникъ, но нельзя сказать, что такое человѣкъ вообще: плотникъ или неплотникъ; Петръ умѣетъ ковать желѣзо, но нельзя сказать о человѣкѣ вообще, кузнецъ онъ или некузнецъ. Тотъ фактъ, что Иванъ сталъ плотникомъ, а Петръ кузнецомъ, показываетъ только, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Ивана, человѣкъ становится плотникомъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Петра, становится кузнецомъ. Точно такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ человѣкъ становится добръ, при другихъ золъ.

Такимъ образомъ съ теоретической стороны вопросъ о добрыхъ и злыхъ качествахъ человѣческой натуры разрѣшается столь легко, что даже и не можетъ быть названъ вопросомъ: онъ самъ въ себѣ уже заключаетъ полный отвѣтъ. Но другое дѣло, если вы возьмете практическую сторону дѣла, если, напримѣръ, вамъ кажется, что для самого человѣка и для всѣхъ окружающихъ его людей гораздо лучше ему быть добрымъ, чѣмъ злымъ, и если вы захотѣли бы позаботиться, чтобы каждый сталъ добръ: съ этой стороны дѣло представляетъ очень большія трудности; но онѣ, какъ замѣтитъ читатель, относятся уже не къ наукѣ, а только къ практическому исполненію средствъ, указываемыхъ наукою. Психологія и нравственная философія находятся тутъ опять точно въ такомъ же положеніи, какъ естественныя науки. Климатъ въ сѣверной Сибири слишкомъ холоденъ: если бы мы спросили, какимъ способомъ можно сдѣлать его теплѣе, естественныя науки не затруднятся отвѣтомъ на это: Сибирь закрыта горами отъ теплой южной атмосферы и открыта своимъ склономъ къ сѣверу холодной сѣверной атмосферѣ: если бы горы шли по сѣверной границѣ ея, а на южной не было горъ, страна эта была бы гораздо теплѣе. Но у насъ еще недостаетъ средствъ исполнить на практикѣ это теоретическое рѣшеніе вопроса. Точно такъ же и у нравственныхъ наукъ готовъ теоретическій отвѣтъ почти на всѣ вопросы, важные для жизни, но во многихъ случаяхъ у людей недостаетъ еще средствъ для практическаго исполненія того, что указываетъ теорія. Впрочемъ, нравственныя науки имѣютъ въ этомъ случаѣ преимущество надъ естественными. Въ естественныхъ наукахъ всѣ средства принадлежатъ области такъ называемой внѣшней природы; въ нравственныхъ наукахъ только одна половина средствъ принадлежитъ этому разряду, а другая половина средствъ заключается въ самомъ человѣкѣ; стало быть половина дѣла зависитъ только отъ того, чтобы человѣкъ съ достаточною силою почувствовалъ надобность въ извѣстномъ улучшеніи: это чувство уже даетъ ему очень значитель-

ную часть условій, нужныхъ для улучшенія. Но мы видѣли, что однихъ этихъ условій, зависящихъ отъ состоянія впечатлѣній самого человѣка, еще недостаточно: нужны также матеріальныя средства. Относительно этой половины условій, относительно матеріальныхъ средствъ, практическіе вопросы нравственныхъ наукъ находятся въ положеніи еще гораздо выгоднѣйшемъ, нежели относительно условій, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ. Прежде, при неразвитости естественныхъ наукъ, могли встрѣчаться во внѣшней природѣ непреодолимыя затрудненія къ исполненію нравственныхъ потребностей человѣка. Теперь не то: естественныя науки уже предлагаютъ ему столь сильныя средства располагать внѣшнею природою, что затрудненій въ этомъ отношеніи не представляется. Возвратимся для примѣра къ практическому вопросу о томъ, какимъ бы способомъ люди могли стать добрыми, такъ чтобы недобрые люди стали на свѣтѣ чрезвычайной рѣдкостью и чтобы злыя качества потеряли всякую замѣтную важность въ жизни по чрезвычайной малочисленности случаевъ, въ которыхъ обнаруживались бы людьми. Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной. Напримѣръ, въ случаѣ неурожая, когда пищи не достаточно для всѣхъ, число преступленій и всякихъ дурныхъ поступковъ чрезмѣрно возрастаетъ: люди обижаютъ и обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба. Психологія прибавляетъ также. что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ; самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать; но предметъ, нужный для ея удовлетворенія, находится человѣкомъ почти во всѣхъ положеніяхъ въ достаточномъ изобиліи, потому изъ потребности воздуха почти никогда не возникаетъ дурныхъ поступковъ. Но если встрѣтится исключительное положеніе, когда этого предмета оказывается мало для всѣхъ, то возникаютъ также ссоры и обиды; напримѣръ, если много людей будетъ заперто въ душномъ помѣщеніи съ однимъ окномъ, то почти всегда возникаютъ ссоры и драки, могутъ даже совершаться убійства изъ-за пріобрѣтенія мѣста у этого окна. Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить. Въ предметахъ для порядочнаго удовлетворенія этой потребности очень часто, очень у многихъ людей встрѣчается недостатокъ и онъ служитъ источникомъ самаго большаго числа всѣхъ дурныхъ поступковъ, почти всѣхъ положеній и учрежденій, бывающихъ постоянными причинами дурныхъ поступковъ. Если бы устранить одну эту причину зла, быстро исчезло бы изъ человѣческаго общества, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ всего дурнаго: число преступленій уменьшилось бы въ десять разъ, грубые нравы и понятія въ теченіе одного поколѣнія замѣнились бы человѣчественными, отнялась бы и опора у стѣснительныхъ учрежденій, основанныхъ на грубости нравовъ и невѣжествѣ, и скоро уничтожилось бы почти всякое стѣсненіе. Прежде исполнить такое указаніе теоріи было, какъ насъ увѣряютъ, невозможно по несовершенству техническихъ искусствъ; не знаемъ, справедливо ли говорятъ это о старинѣ, но безспорно то, что при нынѣшнемъ состояніи механики и химіи, при средствахъ даваемыхъ этими науками сельскому хозяйству, земля могла бы производить въ каждой странѣ умѣреннаго пояса несравненно больше пищи, чѣмъ

Digitized by Google

сколько нужно для изобильнаго продовольствія числа жителей, въ десять и дв цать разъ бо́льшаго чѣмъ нынѣшнее населеніе этой страны *). Такимъ образомъ со стороны внѣшней природы уже не представляется никакого препятствія снабженію всего населенія каждой цивилизованной страны изобильною пищею: задача остается только въ томъ, чтобы люди сознали возможность и надобность энергически устремиться къ этой цѣли. Въ реторическомъ слогѣ можно говорить, будто они на самомъ дѣлѣ заботятся объ этомъ какъ слѣдуетъ; но точный и холодный анализъ науки показываетъ пустоту пышныхъ фразъ, часто слышимыхъ нами объ этомъ предметѣ. Въ дѣйствительности еще ни одно человѣческое общество не приняло въ сколько нибудь обширномъ размѣрѣ тѣхъ средствъ, какія указываются для приданія успѣшности сельскому хозяйству естественными науками и наукою о народномъ благосостояніи. Отчего это происходитъ, почему въ человѣческихъ обществахъ господствуетъ беззаботность объ исполненіи научныхъ указаній для удовлетворенія такой настоятельной потребности, какъ потребность пищи, почему это такъ, какими обстоятельствами и отношеніями производится и поддерживается дурное хозяйство, какъ надобно измѣнить обстоятельства и отношенія для замѣны дурнаго хозяйства хорошимъ, — это опять новые вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ очень легко; и опять практическое осуществленіе научныхъ рѣшеній обусловливается тѣмъ, чтобы человѣкъ проникся извѣстными впечатлѣніями. Мы, впрочемъ, не станемъ здѣсь излагать ни теоретическаго рѣшенія, ни практическихъ затрудненій по этимъ вопросамъ; это завело бы насъ слишкомъ далеко, а намъ кажется, что уже довольно и предъидущихъ замѣчаній для разъясненія того, въ какомъ положеніи находятся теперь нравственныя науки. Мы хотѣли сказать, что разработка нравственныхъ знаній точнымъ научнымъ образомъ только еще начинается; что по этому еще не найдено точнаго теоретическаго рѣшенія очень многихъ чрезвычайно важныхъ нравственныхъ вопросовъ; но что эти вопросы, теоретическое рѣшеніе которыхъ еще не найдено, имѣютъ характеръ чисто технический, такъ что интересны только для спеціалистовъ, и что наоборотъ, психологическіе и нравственные вопросы, которые представляются очень интересными и кажутся чрезвычайно трудными для неспеціалистовъ, уже съ точностью разрѣшены и притомъ разрѣшены чрезвычайно легко и просто, самыми первыми приложеніями точнаго научнаго анализа, такъ что теоретическій отвѣтъ на нихъ уже найденъ; мы прибавляли, что изъ этихъ несомнѣнныхъ теоретическихъ рѣшеній возникаютъ очень важныя и полезныя научныя указанія о томъ, какія средства надобно употребить для улучшенія человѣческаго быта; что изъ этихъ средствъ нѣкоторыя должны быть взяты во внѣшней природѣ, и при нынѣшнемъ развитіи естественныхъ знаній внѣшняя природа уже не представляетъ этому препятствія, а другія должны быть доставлены разсудительною энергіею самого человѣка, и ынѣ только въ ея возбужденіи могутъ встрѣчаться трудности, по недоброжелательству, невѣжеству и апатіи людей, и вообще по власти предразсудковъ надъ огромнымъ большинствомъ людей въ каждомъ обществѣ.

*) Въ самой Англіи земля можетъ прокормить по крайней мѣрѣ 150,000,000 человѣкъ. Панегирики удивительному совершенству англійскаго сельскаго хозяйства справедливы въ томъ отношеніи, что дѣло это тамъ быстро улучшается; но ошибочно было бы думать, что оно теперь пользуется въ удовлетворительномъ размѣрѣ пособіями науки: это только что еще начинается и девять десятыхъ частей земли воздѣлываемой въ Англіи воздѣлывается по рутинѣ, совершенно не соотвѣтствующей нынѣшнему состоянію сельско-хозяйственныхъ знаній.

Digitized by Google

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлью объяснить, какимъ образомъ нынѣшнее высокое развитіе естественныхъ наукъ помогаетъ возникновенію точныхъ наукъ по такимъ отраслямъ бытія и по такимъ отдѣламъ теоретическихъ вопросовъ, которые прежде были только предметомъ догадокъ, иногда основательныхъ, иногда неосновательныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не дававшихъ точнаго знанія. Таковы нравственные и метафизическіе вопросы. Ближайшимъ предметомъ нашихъ статей служитъ теперь человѣкъ, какъ отдѣльная личность, и мы попробуемъ изложить, какія рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этому предмету, найдены точною научною разработкою психологіи и нравственной философіи. Если читатель помнитъ характеръ нашей первой статьи, онъ, конечно, будетъ ожидать, что лишь только мы дали это обѣщаніе, какъ тотчасъ же измѣнимъ ему и вдадимся въ длинное отступленіе, вовсе нейдущее къ дѣлу. Читатель не ошибется. Мы отлагаемъ на время въ сторону психологическіе и нравственно-философскіе вопросы о человѣкѣ, займемся физіологическими, медицинскими, какими вамъ угодно другими, и вовсе не будемъ касаться человѣка какъ существа нравственнаго, а попробуемъ прежде сказать, что мы знаемъ о немъ, какъ о существѣ имѣющемъ желудокъ и голову, кости, жилы, мускулы и нервы. Мы будемъ смотрѣть на него пока только съ той стороны, какую находятъ въ немъ естественныя науки; другими сторонами его жизни мы займемся послѣ, если позволитъ намъ время.

Физіологія и медицина находятъ, что человѣческій организмъ есть очень многосложная химическая комбинація, находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью. Процессъ этотъ такъ многосложенъ, а предметъ его такъ важенъ для насъ, что отрасль химіи, занимающаяся его изслѣдованіемъ, удостоена за свою важность титула особенной науки и названа физіологіею. Отношеніе физіологіи къ химіи можно сравнить съ отношеніемъ отечественной исторіи къ всеобщей исторіи. Разумѣется, русская исторія составляетъ только часть всеобщей; но предметъ этой части особенно близокъ намъ, потому она сдѣлана какъ будто особенною наукою: курсъ русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ читается отдѣльно отъ курса всеобщей, воспитанники получаютъ на экзаменахъ особенный баллъ изъ русской исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что эта внѣшняя раздѣльность служитъ только для практическаго удобства, а не основана на теоретическомъ различіи характера этой отрасли знанія отъ другихъ частей того же самаго знанія. Русская исторія понятна только въ связи съ всеобщею, объясняется ею и представляетъ только видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ силъ и явленій, о какихъ разсказывается во всеобщей исторіи. Такъ и физіологія только видоизмѣненіе химіи, а предметъ ея только видоизмѣненіе предметовъ разсматриваемыхъ въ химіи. Сама физіологія не удержала всѣхъ своихъ отдѣловъ въ полномъ единствѣ подъ однимъ именемъ: нѣкоторыя стороны изслѣдуемаго ею предмета, т. е. химическаго процесса, происходящаго въ человѣческомъ организмѣ, имѣютъ такую особенную интересность для человѣка, что изслѣдованія о нихъ, составляющія часть физіологіи, сами удостоились имени особенныхъ наукъ. Изъ этихъ сторонъ мы назовемъ одну: изслѣдованіе явленій производящихъ и сопровождающихъ разныя уклоненія этого химическаго процесса отъ нормальнаго его вида; эта часть физіологіи названа особеннымъ именемъ—медицина; медицина въ свою очередь развѣтвляется на множество наукъ съ особенными именами. Такимъ образомъ часть, выдѣлившаяся изъ химіи, выдѣлила изъ себя новыя части, которыя опять раздѣляются на новыя ча-

Digitized by Google

сти. Но это явленіе точно того же порядка, какъ раздѣленіе одного города на кварталы, кварталовъ на улицы: это дѣлается только для практическаго удобства, и не должно забывать, что всѣ улицы и кварталы города составляютъ одно цѣлое. Когда мы говоримъ: Васильевскій Островъ, или Невскій проспектъ, мы вовсе не говоримъ, чтобы домы Васильевскаго Острова и Невскаго проспекта не входили въ составъ Петербурга. Точно такъ медицинскія явленія входятъ въ систему физіологическихъ явленій, а вся система физіологическихъ явленій входитъ въ еще обширнѣйшую систему химическихъ явленій.

Когда изслѣдуемый предметъ очень многосложенъ, то для удобства изслѣдованія полезно дѣлить его на части; потому физіологія раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе; подобно всякому другому химическому процессу вся эта система явленій имѣетъ возникновеніе, возрастаніе, ослабленіе и конецъ. Поэтому физіологія разсматриваетъ, будто бы особые предметы, процессы дыханія, питанія, кровообращенія, движенія, ощущенія и т. д., зачатія или оплодотворенія, роста, дряхлѣнія, смерти. Но тутъ опять надобно помнить, что эти разные періоды процесса и разныя стороны его раздѣляются только теоріею, чтобы облегчить теоретическій анализъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно неразрывное цѣлое. Такъ геометрія разлагаетъ кругъ на окружность, радіусы и центръ, но въ сущности радіуса нѣтъ безъ центра и окружности, центра нѣтъ безъ радіуса и окружности, да и окружности нѣтъ безъ радіуса и центра,—эти три понятія, эти три части геометрическаго изслѣдованія о кругѣ составляютъ всѣ вмѣстѣ одно цѣлое. Нѣкоторыя изъ частей физіологіи разработаны уже очень хорошо; таковы, напримѣръ, изслѣдованія процессовъ дыханія, питанія, кровообращенія, зачатія, роста и одряхлѣнія; процессъ движенія разъясненъ еще не такъ подробно, а процессъ ощущенія еще меньше; довольно странно можетъ показаться, что такъ же мало изслѣдованъ процессъ нормальной смерти, происходящей не отъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаевъ или спеціальныхъ разстройствъ (болѣзни), а просто отъ истощенія организма самымъ теченіемъ жизни. Но это потому, во-первыхъ, что наблюденіямъ медиковъ и физіологовъ представляется не очень много случаевъ такой смерти: изъ тысячи человѣкъ развѣ одинъ умираетъ ею, организмъ остальныхъ преждевременно разрушается болѣзнями и гибельными внѣшними случаями; во-вторыхъ, и на немногіе случаи нормальной смерти ученые до сихъ поръ не имѣли досуга обратить такое вниманіе, какое привлекаютъ болѣзни и случаи насильственной смерти: силы науки по вопросу о разрушеніи организма до сихъ поръ поглощаются пріисканіемъ средствъ къ устраненію преждевременной смерти.

Мы сказали, что нѣкоторыя части процесса жизни еще не разъяснены такъ подробно, какъ другія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы уже не знали положительнымъ образомъ очень многаго и о тѣхъ частяхъ его, изслѣдованіе которыхъ находится теперь даже въ самомъ несовершенномъ видѣ. Во-первыхъ, если даже предположить, что какая нибудь сторона жизненнаго процесса въ своей особенной спеціальности остается до сихъ поръ и совершенно недоступною точному анализу въ духѣ математики и естественныхъ наукъ, то характеръ ея приблизительно былъ бы намъ уже извѣстенъ изъ характера другихъ частей, которыя уже довольно хорошо изслѣдованы. Это былъ бы случай такого же рода, какъ опре-

леніе вида головы млекопитающаго по костямъ его ногъ: извѣстно, что по одной какой нибудь лопаткѣ или ключицѣ животнаго наука довольно точно возсоздаетъ всю его фигуру и въ томъ числѣ голову, такъ что когда находится потомъ полный скелетъ, онъ подтверждаетъ вѣрность научнаго вывода о цѣломъ по одной его части. Мы знаемъ въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе: изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, ощущеніе: питаніе и ощущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другаго. Въ прошлой статьѣ мы уже говорили, что такія заключенія о неизвѣстныхъ частяхъ по извѣстнымъ частямъ имѣютъ и особенную достовѣрность и особенную важность въ отрицательной формѣ: А тѣсно связано съ X; А есть В; изъ этого слѣдуетъ, что X не можетъ быть ни С, ни D, ни E. Напримѣръ, найдена лопатка какого-то допотопнаго животнаго; къ какому именно разряду млекопитающихъ оно принадлежало, этого, можетъ быть, мы не съумѣемъ опредѣлить безошибочно, быть можетъ ошибемся, если причислимъ его къ породѣ кошекъ или лошадей; но уже по одной найденной нами лопаткѣ мы безошибочно знаемъ, что оно не было ни птицею, ни рыбою, ни черепокожимъ. Мы сказали, что эти отрицательные выводы имѣютъ большую важность во всѣхъ наукахъ. Но въ особенности они важны въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что уничтожаемыя ими ошибки имѣли особенную практическую гибельность въ этихъ наукахъ. Если встарину по плохому развитію естественныхъ наукъ ошибочно считали кита рыбой, а летучую мышь птицей, отъ этого, вѣроятно, не пострадалъ ни одинъ человѣкъ; но отъ ошибокъ, имѣвшихъ такой же источникъ, т. е. происходившихъ отъ неумѣнія подвергнуть предметъ точному анализу, произошли въ метафизикѣ и въ нравственныхъ наукахъ ошибочныя мнѣнія, надѣлавшія людямъ гораздо больше зла, чѣмъ холера, чума и всѣ заразительныя болѣзни. Сдѣлаемъ, напримѣръ, гипотезу, что праздность пріятна, а трудъ непріятенъ; если эта гипотеза станетъ господствующимъ мнѣніемъ, каждый человѣкъ будетъ пользоваться всѣми случаями, чтобы обезпечить себѣ праздную жизнь, заставивъ другихъ работать за себя; изъ этого произойдутъ всѣ виды порабощенія и грабежа, начиная отъ собственно такъ называемаго рабства и отъ завоевательной войны до нынѣшнихъ болѣе тонкихъ формъ тѣхъ же явленій. Эта гипотеза дѣйствительно была сдѣлана людьми, дѣйствительно стала господствующимъ мнѣніемъ и дѣйствительно произвела немало страданій. Теперь попробуемъ приложить къ понятію пріятности или удовольствія выводы изъ точнаго анализа жизненнаго процесса. Феноменъ пріятности или удовольствія принадлежитъ той части жизненнаго процесса, которая называется ощущеніемъ. Предположимъ пока, что собственно объ этой части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной части, еще нѣтъ у насъ точныхъ изслѣдованій. Посмотримъ, нельзя ли чего нибудь заключить о ней изъ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія пріобрѣла наука о питаніи, дыханіи, кровообращеніи. Мы видимъ, что каждое изъ этихъ явленій составляетъ дѣятельность нѣкоторыхъ частей нашего организма. Какія части дѣйствуютъ при феноменахъ дыханія, питанія и кровообращенія, это мы знаемъ, знаемъ и то, какъ они дѣйствуютъ; быть можетъ мы ошиблись бы, если бы стали изъ этихъ свѣдѣній дѣлать выводы о томъ, какія именно части организма и какимъ именно образомъ дѣйствуютъ при феноменѣ пріятнаго ощущенія: но мы уже прямо видѣли, что только дѣятельность какой-нибудь части организма даетъ возникновеніе тому, что называется явленіями человѣческой жизни; мы видимъ,

Digitized by Google

что когда есть дѣятельность, то есть и феноменъ, а когда нѣтъ дѣятельности, то нѣтъ и феномена; изъ этого видимъ, что и для пріятнаго ощущенія непремѣнно нужна какая нибудь дѣятельность организма. Теперь анализируемъ понятіе дѣятельности. Для дѣятельности необходимо существованіе двухъ предметовъ, дѣйствующаго и подвергающагося дѣйствію, и дѣятельность состоитъ въ томъ, что дѣйствующій предметъ обращаетъ свои силы на переработку предмета подвергающагося дѣйствію. Напримѣръ, грудь и легкія перемѣщаютъ и разлагаютъ воздухъ при феноменѣ дыханія, желудокъ переработываетъ пищу при феноменѣ питанія. Итакъ, пріятное ощущеніе такъ же должно непремѣнно состоять въ томъ, что силою человѣческаго организма передѣлывается какой-нибудь внѣшній предметъ: какой именно предметъ и какимъ именно способомъ переработывается, этого мы еще не знаемъ, но мы уже видимъ, что источникомъ удовольствія непремѣнно должна быть какая нибудь дѣятельность человѣческаго организма надъ внѣшними предметами. Попробуемъ теперь сдѣлать отрицательный выводъ изъ этого результата. Праздность есть отсутствіе дѣятельности; очевидно, что она не можетъ производить феноменовъ такъ называемаго пріятнаго ощущенія. Теперь становится намъ совершенно понятно, почему во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на непріятность жизни. Эта жалоба совершенно справедлива. Богачу такъ же непріятно жить, какъ и бѣдняку, потому что по обычаю, внесенному въ общество ошибочною гипотезою, съ богатствомъ соединена праздность, то есть вещи, которыя должны были бы служить источникомъ удовольствія, лишены этою гипотезою возможности составлять удовольствіе. Кто привыкъ къ отвлеченному мышленію, тотъ впередъ увѣренъ, что наблюденіе надъ житейскими отношеніями не будетъ противорѣчить результатамъ научнаго анализа. Но и люди непривычные къ мышленію будутъ приведены къ такому же заключенію соображеніемъ смысла тѣхъ фактовъ, которые представляетъ такъ называемая свѣтская жизнь: въ ней нѣтъ нормальной дѣятельности, т. е. такой дѣятельности, въ которой объективная сторона дѣла соотвѣтствовала бы субъективной его роли, нѣтъ дѣятельности, которая заслуживала бы имени серьёзной дѣятельности; чтобы избѣжать субъективнаго разстройства въ организмѣ, избѣжать происходящихъ отъ неподвижности болѣзней, избѣжать тоски, свѣтскій человѣкъ принужденъ создавать себѣ взамѣнъ нормальной дѣятельности фиктивную: онъ лишенъ движенія, имѣющаго объективную разумную цѣль, и потому „дѣлаетъ моціонъ“, т. е. убиваетъ на пустое размахиваніе ногами столько же времени, сколько слѣдовало употреблять на дѣловую ходьбу; онъ лишенъ физическаго труда и потому „занимается гимнастикою для гигіены“ т. е. машетъ руками и качается корпусомъ (за бильярдомъ, за токарнымъ станкомъ, если не въ гимнастической залѣ) столько же времени, сколько слѣдовало бы ему заниматься физической работой; онъ лишенъ дѣльныхъ заботъ о себѣ и своихъ близкихъ, потому занимается сплетнями и интригами, т. е. хлопочетъ мысленно надъ вздоромъ столько же, сколько слѣдовало бы хлопотать о дѣльныхъ вещахъ. Но всѣ эти искусственныя средства никакъ не могутъ доставить потребностямъ организма такого удовлетворенія, какое нужно для здоровья. Жизнь проходитъ у нынѣшняго богача такъ, какъ идетъ она у китайца, кушающаго опіумъ: противуестественное раздраженіе смѣняется летаргіею, напряженное пресыщеніе пустою дѣятельностью, оставляя послѣ себя все ту же пустую тоску, спасенія отъ которой ищутъ въ немъ.

Digitized by Google

Мы видимъ, что если даже предположить совершенный недостатокъ точныхъ изслѣдованій о какой-нибудь части жизненнаго процесса, какъ объ отдѣльной специальной части, то нынѣшнее состояніе точныхъ знаній о другихъ частяхъ того же самаго жизненнаго процесса уже даетъ намъ приблизительное понятіе объ общемъ характерѣ этой неизвѣстной части, даетъ намъ прочную опору для важныхъ положительныхъ и для еще болѣе важныхъ отрицательныхъ выводовъ о ней. Но, конечно, мы только для разъясненія дѣла, argumenti causa, предположили совершенное отсутствіе точныхъ изслѣдованій по нѣкоторымъ частямъ жизненнаго процесса; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни одной части жизненнаго процесса, о которой наука не пріобрѣла болѣе или менѣе обширныхъ и точныхъ знаній, спеціально относящихся именно къ этой части. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ. Результатами этихъ спеціальныхъ изысканій подтверждаются выводы, получаемые изъ общихъ наблюденій надъ цѣлымъ жизненнымъ процессомъ и надъ частями его, болѣе изслѣдованными.

До сихъ поръ мы говорили о физіологіи, какъ о наукѣ занимающейся изслѣдованіемъ жизненнаго процесса въ человѣческомъ организмѣ. Но читатель знаетъ, что физіологія человѣческаго организма составляетъ только часть физіологіи, или, точнѣе сказать, часть одного ея отдѣла—зоологической физіологіи. Замѣтивъ это, мы поправимъ ошибку сдѣланную на предъидущихъ страницахъ: напрасно мы говорили, что феномены дыханія, питанія и другихъ частей жизненнаго процесса въ человѣкѣ составляютъ предметъ физіологіи: предметъ ея составляютъ явленія этого процесса во всѣхъ живыхъ существахъ. Физіологія человѣка существуетъ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ географія Англіи, въ смыслѣ одной главы изъ состава цѣлой книги,—главы, которая можетъ сама разрастаться въ цѣлую книгу.

Когда мы поверхностнымъ образомъ обозрѣваемъ двѣ страны, очень далекія по развитію одна отъ другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованнаго народа, намъ кажется, будто бы въ одной изъ нихъ нѣтъ даже и слѣда тѣхъ явленій, какія поражаютъ насъ своимъ колоссальнымъ размѣромъ въ другой. Въ Англіи мы видимъ Лондонъ и Манчестеръ, доки наполненные пароходами и желѣзныя дороги, а у какихъ-нибудь якутовъ нѣтъ повидимому ничего соотвѣтствующаго этимъ явленіямъ. Но загляните въ основательное описаніе жизни якутовъ и оно уже самымъ оглавленіемъ своимъ наведетъ насъ на мысль, что поверхностное заключеніе наше было ошибочно: оглавленіе книги о якутахъ точно таково же, какъ оглавленіе книги объ англичанахъ: почва и климатъ; способы добыванія пищи; жилища; одежда; пути сообщенія; торговля и т. д. Какъ? спрашиваете вы себя:—неужели у якутовъ есть и пути сообщенія, и торговля? Да, разумѣется есть, какъ и у англичанъ; разница только та, что у англичанъ эти явленія общественной жизни сильно развиты, а у якутовъ они развиты слабо. У англичанъ есть Лондонъ,—но и у якутовъ есть явленія возникающія изъ того же самаго принципа, которымъ созданъ Лондонъ: на зиму якуты, бросая кочевую жизнь, поселяются въ землянкахъ; эти землянки вырыты по сосѣдству одна отъ другой, такъ что составляютъ какую-то группу,—вотъ вамъ и зародышъ города; въ самой Англіи дѣло началось съ того же: зародышъ Лондона была такая же группа такихъ же землянокъ. У англичанъ есть Манчестеръ съ гигантскими машинами, которыя называются бумаго-прядильною фабрикою; но вѣдь и якуты не довольствуются звѣриными шкурами въ ихъ натуральномъ видѣ, они сшиваютъ ихъ, они дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ; отъ ва-

Digitized by Google

лянія войлока уже не далеко до тканья; отъ иголки не далеко до веретена, а Манчестеръ составляется просто накопленіемъ десятковъ мильоновъ веретенъ съ удобною для нихъ обстановкою; въ работѣ якутскаго семейства надъ изготовленіемъ одежды лежитъ уже зародышъ Манчестера, какъ въ якутской землянкѣ зародышъ Лондона. Дѣло иного рода, насколько гдѣ развилось извѣстное явленіе; но явленія всѣхъ разрядовъ въ разныхъ степеняхъ развитія существуютъ у каждаго народа. Зародышъ одинъ и тотъ же; онъ развивается повсюду по однимъ и тѣмъ же законамъ, только обстановка у него въ разныхъ мѣстахъ различна, оттого различно и развитіе: берлинскій кислый виноградъ тотъ же самый виноградъ, какой растетъ въ Шампани и въ Венгріи; только климатъ разный, потому съ практической точки зрѣнія можно говорить, что берлинскій виноградъ, который ни на что не годится, вещь совершенно иного рода, чѣмъ виноградъ Токая или Эперне, изъ котораго дѣлаютъ дивныя вина; такъ, разница огромная, явная для всякаго, но согласитесь, что ученые люди поступаютъ справедливо, утверждая, что нѣтъ въ токайскомъ винорадѣ такихъ элементовъ, которыхъ не нашлось бы въ берлинскомъ виноградѣ.

Намъ нужно обозрѣть всю область природы, чтобы дойти до человѣка; а до сихъ поръ мы говорили только о такъ называемой неорганической природѣ и о царствѣ растеній, еще ничего не сказавъ о царствѣ животныхъ. Въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно отличается отъ растенія; но читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія такъ называемой животной жизни изъ растительной: есть растенія и животныя почти ничѣмъ не отличающіяся другъ отъ друга, такъ что трудно сказать, къ какому царству отнести ихъ. Если нѣкоторыя животныя почти ничѣмъ не отличаются отъ растеній въ эпоху полнаго развитія своего организма, то въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста; зародышемъ животнаго и растенія одинаково служитъ ячейка; ячейка, служащая зародышемъ животнаго, такъ похожа на ячейку, служащую зародышемъ растенія, что трудно и отличить ихъ. И такъ мы видимъ, что всѣ животные организмы начинаютъ съ того же самаго, съ чего начинаетъ растеніе, и только впослѣдствіи нѣкоторые животные организмы пріобрѣтаютъ видъ очень различный отъ растеній и въ очень высокой степени проявляютъ такія качества, которыя въ растеніи такъ слабы, что открываются только при помощи научныхъ пособій. Такъ, напримѣръ, и въ деревѣ есть зародышъ движенія: соки въ немъ движутся, какъ въ животныхъ; корни и вѣтви тянутся въ разныя стороны; правда, это перемѣщеніе происходитъ только въ частяхъ, а цѣлый организмъ растенія не перемѣняетъ мѣста; но и полипъ такъ же не перемѣняетъ мѣста: полипнякъ способностью перемѣщенія не превосходитъ дерево. Но есть даже и такія растенія, которыя перемѣняютъ свое мѣсто: сюда принадлежатъ нѣкоторые виды семейства Mimosa.

Не надобно обижать никого; мы нанесли бы животнымъ обиду, если бы, замѣтивъ, что они не должны считать себя существами иной природы, чѣмъ растенія, понизивъ ихъ на степень только особенной формы той же жизни, какая видна въ растеніяхъ, не сказали нѣсколькихъ словъ и въ честь имъ. Дѣйствительно, научный анализъ открываетъ несправедливость голословныхъ фразъ, будто животныя вовсе лишены разныхъ почетныхъ качествъ, какъ напримѣръ нѣкоторой способности къ

Digitized by Google

прогрессу. Обыкновенно говорятъ: животное всю жизнь остается тѣмъ, чѣмъ родилось, ничему не научается, нейдетъ впередъ въ умственномъ развитіи. Такое мнѣніе разрушается фактами извѣстными каждому: медвѣдя научаютъ плясать и выкидывать разныя штуки, собакъ подавать поноску и танцовать; слоновъ даже выучиваютъ ходить по канату, даже рыбъ пріучаютъ собираться въ данное мѣсто по звонку,—этого всего обученныя животныя не дѣлали безъ ученья; ученье даетъ имъ качества, которыхъ безъ него не имѣли бы они. Не только человѣкъ учитъ животныхъ — сами животныя учатъ другъ друга; извѣстно, что хищныя животныя учатъ своихъ дѣтей ловить добычу; птицы учатъ своихъ дѣтей летать. Но, говорятъ намъ, это наученье, это развитіе имѣетъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго нейдетъ животное, такъ что каждая порода неподвижна въ своемъ развитіи, которое относится только къ отдѣльнымъ членамъ ея; отдѣльное животное можетъ имѣть свою исторію, но порода остается безъ исторіи, понимая подъ исторіею прогрессивное движеніе. Это также несправедливо; на нашихъ глазахъ совершенствуются цѣлыя породы животныхъ: напримѣръ, улучшается порода лошадей или рогатаго скота въ извѣстной странѣ. Человѣкъ имѣетъ пользу отъ развитія однихъ только экономическихъ качествъ животнаго: отъ увеличенія силы у лошади, шерсти у овцы, молока и мяса у коровы и быка; потому мы и совершенствуемъ цѣлыя породы животныхъ только въ этихъ внѣшнихъ качествахъ. Но все-таки изъ этого уже видно, что животныя доступны развитію не только индивидуумами, а цѣлыми породами. Этого одного факта было бы уже достаточно для несомнѣннаго заключенія о томъ, что и умственныя способности животныхъ каждой породы не стоятъ неподвижно на одной данной точкѣ, а такъ же измѣняются: естественныя науки говорятъ, что причина производящая перемѣну въ мускулахъ, т. е. измѣненіе качествъ крови, непремѣнно производитъ нѣкоторую перемѣну и въ нервной системѣ; если при перемѣнѣ въ составѣ крови, питающей мускулы и нервы, измѣняется питаніе мускуловъ, то должно измѣняться и питаніе нервной системы; а при различіи въ питаніи непремѣнно измѣняются качества и дѣйствія питающейся части организма. Лошадь улучшенной породы непремѣнно должна имѣть впечатлѣнія нѣсколько иныя, чѣмъ простая лошадь: вы видите, что ея глазъ блещетъ болѣе живымъ огнемъ; это значитъ, что зрительный нервъ ея воспріимчивѣе, чувствительнѣе; если такъ измѣнился зрительный нервъ, то произошла нѣкоторая перемѣна и во всей нервной системѣ. Это вовсе не гипотеза, это положительный фактъ, извѣстный, напримѣръ, изъ того, что жеребенокъ отъ домашней лошади, отъ благовоспитанной лошади, если можно такъ выразиться, гораздо скорѣе и легче пріучается ходить въ упряжи, чѣмъ жеребенокъ отъ табунной лошади, отъ дикой, невоспитанной лошади; это значитъ, что умственныя способности у одного болѣе развиты въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ у другаго. Но тутъ дѣло идетъ для цѣлей человѣка, а не для потребности самого животнаго; это развитіе касается только низшихъ сторонъ умственной жизни, какъ всякое развитіе налагаемое цѣлями посторонними самому развивающемуся. Гораздо яснѣе обнаруживается въ животныхъ способность къ прогрессу, когда они развиваются по собственной надобности, по собственному побужденію. Наши домашнія животныя, привыкшія къ своему рабству, развившись въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя нужны для ихъ господина, вообще поглупѣли отъ рабства. Они стали трусливы, ненаходчивы въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Но, выходя на свободу, они возвращаются къ

Digitized by Google

находчивости и смѣлости вольнаго состоянія. Одичавшія лошади пріучаются защищаться отъ волковъ, пріучаются выбивать траву изъ-подъ снѣга зимой. Дикія животныя вообще умѣютъ приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ: книги о нравахъ животныхъ наполнены разсказами о томъ, какъ умѣютъ принаровлять свою жизнь къ новой обстановкѣ осы, пауки и другія насѣкомыя, посаженныя подъ стеклянный колпакъ. Сначала насѣкомое пробуетъ поступать по прежнему: постепенныя неудачи показываютъ ему неудовлетворительность прежняго метода, оно пробуетъ новые методы, и если обстоятельства не губятъ его, оно наконецъ устраиваетъ свою жизнь по новому способу. Медвѣдь, нашедши боченокъ съ виномъ, умѣетъ наконецъ догадаться, какъ выбить дно. Мы не станемъ приводить безчисленныхъ отдѣльныхъ анекдотовъ о находчивости животныхъ и замѣтимъ только одинъ общій фактъ, относящійся къ цѣлымъ породамъ: при появленіи человѣка въ пустынной странѣ, птицы еще не умѣютъ остерегаться его; но постепенно опытъ научаетъ ихъ быть осторожными, предусмотрительными относительно этого новаго врага, и всѣ породы дичи научаются обходиться съ охотникомъ умнѣе прежняго, избѣгать его, обманывать его.

Мы употребляли выраженіе „умственныя способности", говоря о животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя отрицать въ нихъ ни памяти, ни воображенія, ни мышленія. О памяти нечего и говорить: каждому извѣстно, что нѣтъ ни одного млекопитающаго, ни одной птицы безъ этой способности, и у нѣкоторыхъ породъ она развита очень сильно; памятливость собаки чрезвычайно велика: она узнаетъ человѣка, видѣннаго ею очень давно, умѣетъ находить дорогу въ хозяйскій домъ изъ очень отдаленнаго мѣста. Воображеніе непремѣнно должно существовать, если есть память, потому что оно только соединяетъ въ новыя группы разныя представленія, хранимыя памятью. Если существуетъ нервная дѣятельность, т. е. если происходитъ безпрерывная смѣна ощущеній и впечатлѣній, то прежнія представленія непремѣнно должны безпрестанно попадать въ сочетанія съ новыми, а этотъ феноменъ уже и есть то самое, что называется воображеніемъ. Положительнымъ образомъ существованіе фантазіи въ животномъ доказывается тѣмъ, что кошка видитъ сны: она во снѣ часто бываетъ похожа на лунатика: то сердится, то радуется. Впрочемъ, нѣтъ надобности слишкомъ дорожить этимъ частнымъ фактомъ, способностью кошки имѣть сновидѣнія: существованіе фантазіи у животныхъ обнаруживается другимъ гораздо болѣе общимъ фактомъ, расположеніемъ всѣхъ молодыхъ животныхъ забавляться посредствомъ игры надъ внѣшними предметами, которые не могли бы служить предметомъ такой игры, если бы не представлялись играющему животному чѣмъ-то въ родѣ куколъ. Молодая кошка забавляется какою нибудь щепочкою или кусочкомъ шерсти, какъ будто мышью: она бросаетъ клочекъ шерсти, чтобы онъ какъ будто бѣжалъ, сама принимаетъ подстерегающее положеніе, потомъ прыгаетъ и ловитъ воображаемую мышь,—это прямо игра въ куклы, только кукла тутъ имѣетъ роль не жениха и невѣсты, не барышни и служанки, а роль мышки: что дѣлать, каждое существо даетъ предметамъ такую роль, какая для него интересна.

Мышленіе состоитъ въ томъ, чтобы изъ разныхъ комбинацій ощущеній и представленій, изготовляемыхъ воображеніемъ при помощи памяти, выбирать такія, которыя соотвѣтствуютъ потребности мыслящаго организма въ данную минуту, въ выборѣ средствъ для дѣйствія, въ выборѣ представленій, посредствомъ которыхъ

Digitized by Google

можно было бы дойти до извѣстнаго результата. Въ этомъ состоитъ не только мышленіе о житейскихъ предметахъ, но и такъ называемое отвлеченное мышленіе. Возьмемъ въ примѣръ самое отвлеченное дѣло: рѣшеніе математической задачи. У Ньютона, заинтересованнаго вопросомъ о законѣ качества или силы, проявляющейся въ обращеніи небесныхъ тѣлъ, накопилось въ памяти очень много математическихъ формулъ и астрономическихъ данныхъ. Чувства его (главнымъ образомъ одно чувство—зрѣніе) безпрестанно пріобрѣтали новыя формулы и астрономическія данныя изъ чтенія и собственныхъ наблюденій; отъ сочетанія этихъ новыхъ впечатлѣній съ прежними возникали въ его головѣ разныя комбинаціи, формулы цифръ; его вниманіе останавливалось на тѣхъ, которыя казались подходящими къ его цѣли, соотвѣтствующими его потребности найти формулу даннаго явленія; отъ обращенія вниманія на эти комбинаціи, т. е. отъ усиленія энергіи въ нервномъ процессѣ при ихъ появленіи, онѣ развивались и разрастались, пока, наконецъ, разными смѣнами и превращеніями ихъ произведенъ былъ результатъ, къ которому стремился нервный процессъ, т. е. найдена была искомая формула. Это явленіе, т. е. сосредоточеніе нервнаго процесса на удовлетворяющихъ его желанію въ данную минуту комбинаціяхъ ощущеній и представленій, непремѣнно должно происходить, какъ скоро существуютъ комбинаціи ощущеній и представленій, иначе сказать, какъ скоро существуетъ нервный процессъ, который самъ и состоитъ именно въ рядѣ разныхъ комбинацій ощущенія и представленія. Каждое существо, каждое явленіе разрастается, усиливается при появленіи данныхъ, удовлетворяющихъ его потребности, прилѣпляется къ нимъ, питается ими,—а собственно въ этомъ и состоитъ то, что мы назвали выборомъ представленій и ощущеній въ мышленіи, а въ этомъ выборѣ ихъ, въ прилѣпленіи къ нимъ и состоитъ сущность мышленія.

Само собою разумѣется, что когда мы находимъ одинаковость теоретической формулы, посредствомъ которой выражается процессъ, происходившій въ нервной системѣ Ньютона при открытіи закона тяготѣнія, и процессъ того, что происходитъ въ нервной системѣ курицы, отыскивающей овсяныя зерна въ кучѣ сора и пыли, то не надобно забывать, что формула выражаетъ собою только одинаковую сущность процесса, а вовсе не то, чтобы размѣръ процесса былъ одинаковъ, чтобы одинаково было впечатлѣніе, производимое на людей явленіями этого процесса, или чтобы обѣ формы его могли производить одинаковый внѣшній результатъ. Мы говорили, напримѣръ, въ прошлой статьѣ, что хотя трава и дубъ растутъ по одному закону, изъ однихъ элементовъ, но все-таки трава никакъ не можетъ производить такихъ дѣйствій, давать такихъ результатовъ, какъ дубъ: изъ дуба человѣкъ можетъ строить себѣ огромные дома и корабли, а изъ травы можно только маленькой птичкѣ свить свое гнѣздо; или, напримѣръ, въ кучѣ гнилушки происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ печи громадной паровой машины; но куча гнилушки никого не перевезетъ изъ Москвы въ Петербургъ, а паровикъ со своею печью перевозитъ тысячи людей и десятки тысячъ пудовъ товаровъ. Муха летаетъ тою же самою силою, по тому же самому закону, какъ орелъ; но, конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она взлетала такъ высоко, какъ орелъ.

Говорятъ, будто бы животныя не разсуждаютъ,—это чистый вздоръ. Вы поднимаете палку на собаку; собака поджимаетъ хвостъ и бѣжитъ отъ васъ; отчего это? Оттого, что у ней въ головѣ построился слѣдующій силлогизмъ: когда меня

Digitized by Google

бьютъ палкою, мнѣ бываетъ непріятно; этотъ человѣкъ хочетъ побить меня палкою; итакъ, удалюсь отъ него, чтобы не получить болѣзненнаго ощущенія отъ его палки. Смѣшно и слышать, когда говорятъ, будто собака въ этомъ случаѣ убѣжала только по инстинкту, машинально, а не по разсужденію, не сознательно: нѣтъ, инстинктъ, машинальность есть тутъ, но не все дѣло произошло инстинктивно, машинально: по инстинкту, по машинальной привычкѣ собака поджала хвостъ, когда побѣжала отъ васъ, а побѣжала она по сознательной мысли. Въ дѣйствіяхъ каждаго живаго существа есть сторона безсознательной привычки или безсознательнаго движенія органовъ; но это не мѣшаетъ участію сознательной мысли въ томъ дѣйствіи, которое сопровождается и нѣкоторыми движеніями, происходящими безсознательно. Когда человѣкъ испугается, мускулы его лица безсознательно, инстинктивно принимаютъ выраженіе испуга; но тѣмъ не менѣе происходитъ въ головѣ этого человѣка другая часть явленія, принадлежащая области сознанія: онъ сознаетъ, что онъ испуганъ, онъ сознаетъ, что сдѣлалъ движеніе, выражающее испугъ; отъ этой сознательной стороны факта происходятъ новыя послѣдствія: человѣкъ можетъ быть постыдится себя за то, что испугался, можетъ быть приметъ мѣры къ оборонѣ отъ испугавшаго предмета, а можетъ быть поспѣшитъ удалиться отъ него.

Но мы забыли: вѣдь говорятъ, что у животныхъ нѣтъ сознанія, что они не сознаютъ своихъ ощущеній, своихъ мыслей, умозаключеній, а только имѣютъ ихъ. Какимъ образомъ понять это, какимъ образомъ могутъ понимать эти слова сами тѣ люди, которые говорятъ ихъ, всегда было для насъ загадкою. Не сознавать своего ощущенія—скажите, есть ли смыслъ въ этой фразѣ? скажите, какимъ образомъ можно составить себѣ отчетливое представленіе о комбинаціи понятій, которую хочетъ она возбудить? Ощущеніемъ вѣдь именно и называется такое явленіе, которое чувствуется; имѣть безсознательное ощущеніе значило бы имѣть нечувствуемое чувство, значило бы то же самое, что видѣть невидимый предметъ или, по знаменитому выраженію, „слышать молчаніе.“ Есть очень много выраженій совершенно безсмысленныхъ, составленныхъ изъ сочетанія словъ, соотвѣтствующихъ неклеящимся между собою понятіямъ; произносить ихъ каждый можетъ, но каждый, кто произноситъ ихъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что или самъ не понимаетъ, что говоритъ, или хочетъ шарлатанить. Говорятъ, напримѣръ, „невѣсомая жидкость“; но что такое жидкость, какая бы то ни была? Она все-таки тѣло, все-таки нѣчто матеріальное; всякое вещество имѣетъ свойство называемое притяженіемъ или тяготѣніемъ, состоящее въ томъ, что каждая частичка матеріи притягиваетъ къ себѣ другія частицы и сама притягивается ими; на землѣ это свойство обнаруживается вѣсомъ, т. е. тяготѣніемъ къ центру земли; итакъ, всякая жидкость непремѣнно имѣетъ вѣсъ, а „невѣсомая жидкость“ безсмысленное сочетаніе звуковъ, въ родѣ выраженій: синій звукъ, сахарная селитра и т. п. Если въ физикѣ такъ долго употреблялось безсмысленное выраженіе „невѣсомая жидкость“, то не удивительно изобиліе подобныхъ выраженій въ психологіи, которая разработана меньше физики; научный анализъ показываетъ вздорность ихъ, и одна изъ сторонъ развитія науки состоитъ въ томъ, чтобы отбрасывать ихъ.

Еще забавнѣе становится пустая гипотеза объ отсутствіи сознанія въ животныхъ, когда принимаетъ какой-то нелѣпо-возвышенный тонъ, подраздѣляя феноменъ сознанія на два разряда: простое сознаніе и самосознаніе, говоря, что жи-

Digitized by Google

вотныя имѣютъ простое сознаніе, а самосознанія не имѣютъ. Тутъ дѣло доходитъ до такой мудрости, съ которою можетъ сравниться лишь слѣдующая дистинція: скрипка издаетъ только синій звукъ, а самосиняго звука издавать не можетъ, его издаетъ віолончель. Кто пойметъ этотъ тонкій выводъ о качествахъ звука скрипки и віолончеля, для того будетъ совершенно ясно, что ощущеніе въ животныхъ сопровождается сознаніемъ, но не сопровождается самосознаніемъ, иначе сказать, что животныя имѣютъ ощущеніе о внѣшнихъ предметахъ, но не чувствуютъ, что имѣютъ ощущеніе, иначе сказать, имѣютъ чувства, которыхъ не чувствуютъ. Послѣ этого слѣдуетъ заключить: вѣроятно животныя ѣдятъ зубами, которыми не ѣдятъ, ходятъ ногами, которыми не ходятъ. Теперь для насъ очевидно существованіе птичьяго молока: птицы имѣютъ молоко, котораго не имѣютъ; такъ какъ онѣ его имѣютъ, то оно существуетъ, а такъ какъ онѣ его не имѣютъ, то простонародная поговорка справедливо полагаетъ, что достать его нигдѣ нельзя. Кто убѣжденъ въ справедливости всѣхъ этихъ столь основательныхъ мнѣній, тому остается только просидѣть Иванову ночь надъ папоротникомъ, и онъ получитъ цвѣтокъ невидимку.

Прикоснемся точнымъ анализомъ къ факту ощущенія, и вся фантасмагорія исчезаетъ отъ перваго прикосновенія. Ощущеніе по самой натурѣ своей непремѣнно предполагаетъ существованіе двухъ элементовъ мысли, связанныхъ въ одну мысль: во-первыхъ, тутъ есть внѣшній предметъ, производящій ощущеніе, во-вторыхъ существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе; чувствуя свое ощущеніе, оно чувствуетъ извѣстное свое состояніе; а когда чувствуется состояніе какого-нибудь предмета, то, разумѣется, чувствуется и самый предметъ. Напримѣръ, я чувствую боль въ лѣвой рукѣ; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую и то, что у меня есть правая рука; вмѣстѣ съ этимъ я чувствую, что существую я, часть котораго составляетъ эта лѣвая рука, и по всей вѣроятности чувствую такъ же, что эта рука болитъ у меня; или я не чувствую, что она болитъ у меня? или, когда я чувствую боль въ рукѣ, то я чувствую, что рука болитъ не у меня, а у какого-нибудь китайца въ Кантонѣ? Не смѣшно ли разсуждать о подобныхъ вещахъ, разсуждать о томъ, солнце ли есть солнце, рука ли есть рука, и о тому подобныхъ мудреныхъ задачахъ?

Чѣмъ отличается Ротшильдъ отъ бѣдняка? тѣмъ ли, что двугривенный въ карманѣ бѣдняка есть простое серебро, а груды серебряной монеты, лежащія въ подвалахъ Ротшильда, вычеканены изъ самосеребра, которое гораздо лучше серебра? Если бы Ротшильдъ былъ человѣкъ не богатый, а только тщеславный, онъ могъ бы придумывать подобные вздоры въ доказательство своего превосходства надъ бѣднякомъ. Но, какъ человѣкъ дѣйствительно богатый, онъ не имѣетъ надобности въ такихъ вздорныхъ фантазіяхъ и прямо говоритъ бѣдняку: мое серебро точно такое же, какъ ваше; но у васъ его одинъ золотникъ, а у меня много тысячъ пудовъ, потому-то, измѣряя богатствомъ право на уваженіе, я нахожу себя заслуживающимъ гораздо большаго уваженія, чѣмъ вы.

Говорятъ также, будто бы у животныхъ нѣтъ тѣхъ чувствъ, которыя называются возвышенными, безкорыстными, идеальными. Надобно ли замѣчать совершенную несообразность такого мнѣнія съ общеизвѣстными фактами? Привязанность собаки вошла въ пословицу; лошадь проникнута честолюбіемъ до того, что когда разгорячится, обгоняя другую лошадь, то уже не нуждается въ хлыстѣ и шпорахъ, а только въ удилахъ: она готова надорвать себя, бѣжать до того, чтобы упасть

Digitized by Google

замертво, лишь бы обогнать соперницу. Намъ говорятъ, будто бы животныя знаютъ только кровное родство, а не знаютъ родства, основаннаго на возвышенномъ чувствѣ благорасположенія. Но насѣдка высидѣвшая цыплятъ изъ яицъ, снесенныхъ другою курицею, не имѣетъ съ этими цыплятами никакого кровнаго родства: ни одна частичка изъ ея организма не находится въ составѣ организма этихъ цыплятъ. Однако же мы видимъ, что въ заботливости курицы о цыплятахъ не бываетъ никакого различія отъ того обстоятельства, свои или чужія яйца высидѣла насѣдка. На чемъ же основана ея заботливость о цыплятахъ, высиженныхъ ею изъ яицъ другой курицы? На томъ фактѣ, что она высидѣла ихъ, на томъ фактѣ, что она помогаетъ имъ дѣлаться курами и пѣтухами, хорошими, здоровыми пѣтухами и курами. Она любитъ ихъ, какъ нянька, какъ гувернантка, воспитательница. благодѣтельница ихъ. Она любитъ ихъ потому, что положила въ нихъ часть своего нравственнаго существа—не матеріальнаго существа, нѣтъ, въ нихъ нѣтъ ни частички ея крови,—нѣтъ, въ нихъ она любитъ результаты своей заботливости, своей доброты, своего благоразумія, своей опытности въ куриныхъ дѣлахъ: это отношеніе чисто нравственное.

Вообще замѣчаютъ, что дѣти, достигшія совершеннолѣтія, гораздо менѣе привязаны къ родителямъ, чѣмъ родители къ дѣтямъ. Главное основаніе этого факта открыть очень легко: человѣкъ любитъ прежде всего самъ себя. Родители видятъ въ дѣтяхъ результатъ своихъ заботъ о нихъ, а дѣти ничѣмъ не участвовали въ воспитаніи родителей, не могутъ видѣть въ нихъ результатъ своей дѣятельности. При нынѣшнемъ устройствѣ общества нравственныя отношенія совершеннолѣтнихъ дѣтей къ родителямъ состоятъ почти только въ томъ, чтобы содержать ихъ на старости, да и эту обязанность исполняли бы очень не многія дѣти по собственному влеченію, если бы не принуждались къ ея исполненію тѣмъ чувствомъ повиновенія общественному мнѣнію, которое принуждаетъ ихъ вообще не держать себя неприличнымъ образомъ, не возбуждать своими дѣйствіями общаго негодованія. Въ тѣхъ породахъ животныхъ, которыя не составляютъ обществъ, конечно, нѣтъ и общественныхъ отношеній, вынуждающихъ исполненіе подобнаго дѣла. Мы не знаемъ, какъ проводятъ свое дряхлое время жаворонки, ласточки, кроты и лисицы. Ихъ жизнь такъ необезпечена, что по всей вѣроятности очень не многія изъ этихъ животныхъ доживаютъ до дряхлости: вѣроятно они скоро дѣлаются добычею другихъ животныхъ, когда ослабѣваетъ въ нихъ сила улетать, убѣгать или защищаться. Говорятъ, что едва ли хотя одна рыба умираетъ естественной смертью, не бываетъ пожрана другими рыбами. То же надобно думать о большей части дикихъ птицъ и млекопитающихъ. Тѣ немногіе индивидуумы, которые доживаютъ до дряхлости, вѣроятно умираютъ отъ голода нѣсколькими часами или днями раньше, чѣмъ могли бы умереть, имѣя подлѣ себя пищу. Но изъ этого забвенія ихъ дѣтей о дряхлыхъ отцахъ и матеряхъ не будемъ выводить слишкомъ рѣзкаго сужденія объ отсутствіи дѣтской привязанности между животными: мы тутъ обязаны быть снисходительными, потому что наше сужденіе объ этомъ предметѣ почти вполнѣ примѣнилось бы и къ людямъ.

Когда говоришь безъ всякаго плана, самъ не отгадаешь, куда приведетъ тебя рѣчь. Вотъ мы видимъ теперь, что договорились до нравственныхъ или возвышенныхъ чувствъ. По вопросу объ этихъ чувствахъ практическіе выводы изъ обыкновеннаго житейскаго опыта совершенно противорѣчили стариннымъ гипотезамъ,

Digitized by Google

приписывавшимъ человѣку множество разныхъ безкорыстныхъ стремленій. Люди видѣли по опыту, что каждый человѣкъ думаетъ все только о себѣ самомъ, заботится о своихъ выгодахъ больше, нежели о чужихъ, почти всегда приноситъ выгоды, честь и жизнь другихъ въ жертву своему разсчету, словомъ сказать, каждый изъ людей видѣлъ, что всѣ люди эгоисты. Въ практическихъ дѣлахъ всѣ разсудительные люди всегда руководились убѣжденіемъ, что эгоизмъ — единственное побужденіе, управляющее дѣйствіями каждаго, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло. Если бы это мнѣніе, ежедневно подтверждаемое опытомъ каждаго изъ насъ, не имѣло противъ себя довольно большаго числа другихъ житейскихъ фактовъ, оно, конечно, скоро одержало бы верхъ и въ теоріи надъ гипотезами, утверждавшими, что эгоизмъ есть только испорченность сердца, а неиспорченный человѣкъ руководится побужденіями противоположными эгоизму: думаетъ о благѣ другихъ, а не о своемъ, готовъ жертвовать собою для другихъ и т. д. Но вотъ именно въ томъ и состояло затрудненіе, что гипотеза о безкорыстномъ стремленіи человѣка служить чужому благу, опровергаемая сотнями ежедневныхъ опытовъ каждаго, повидимому подтверждалась довольно многочисленными фактами безкорыстія, самопожертвованія и т. д.: тамъ Курцій бросается въ пропасть, чтобы спасти родной городъ, тутъ Эмпедоклъ бросается въ кратеръ, чтобы сдѣлать ученое открытіе, тутъ Дамонъ спѣшитъ на казнь, чтобы спасти Пиѳіаса, тутъ поражаетъ себя кинжаломъ Лукреція, чтобы возстановить свою честь. До недавняго времени не было научныхъ средствъ точнымъ образомъ вывести оба эти разряда явленій изъ одного принципа, подвести подъ одинъ законъ факты, противоположные между собою. Камень падаетъ на землю, паръ летитъ вверхъ, и въ старину думали, что законъ тяжести, дѣйствующій въ камнѣ, не дѣйствуетъ надъ паромъ. Теперь извѣстно, что оба эти движенія, происходящія по противоположнымъ направленіямъ, паденіе камня на землю и поднятіе пара вверхъ отъ земли, происходятъ отъ одной причины, по одному закону. Теперь извѣстно, что сила притяженія, вообще стремящая тѣла внизъ, обнаруживается при извѣстныхъ обстоятельствахъ тѣмъ, что заставляетъ нѣкоторыя тѣла подниматься вверхъ. Много разъ мы говорили, что нравственныя науки еще не разработаны съ такой полнотою, какъ естественныя; но и при нынѣшнемъ, вовсе не блистательномъ ихъ состояніи уже разрѣшенъ вопросъ о подведеніи всѣхъ часто разнорѣчащихъ между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ, какъ разрѣшены вообще почти всѣ тѣ нравственные и метафизическіе вопросы, въ которыхъ путались люди до начала разработки нравственныхъ наукъ и метафизики по строгому научному методу. Въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ его жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собою, а все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той же натуры, по одному и тому же закону.

Мы не станемъ говорить о тѣхъ дѣйствіяхъ и чувствахъ, которыя всѣми признаются за эгоистическія, своекорыстныя, происходящія изъ личнаго разсчета; обратимъ вниманіе только на тѣ чувства и поступки, которые представляются имѣющими противоположный характеръ: вообще надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все-таки лежитъ та же мысль о собственной

Digitized by Google

личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ. Очень мало найдется случаевъ, когда эта основа сама не напрашивалась бы на замѣчаніе даже человѣку, не очень привычному къ психологическому анализу. Если мужъ и жена жили между собою хорошо, жена совершенно искренно и очень глубоко печалится о смерти мужа, но только вслушайтесь въ слова, которыми выражается ея печаль: „на кого ты меня покинулъ? что я буду безъ тебя дѣлать? безъ тебя мнѣ тошно жить на свѣтѣ!“ Подчеркните эти слова „меня, я, мнѣ“: въ нихъ смыслъ жалобы, въ нихъ основа печали. Возьмемъ чувство еще гораздо высшее, чистѣйшее, чѣмъ самая высокая супружеская любовь: чувство матери къ ребенку. Ея плачъ о его смерти точно таковъ же: „ангелъ мой! Какъ я тебя любила! Какъ я любовалась на тебя, ухаживала за тобою! Сколькихъ страданій, сколькихъ безсонныхъ ночей ты стоилъ мнѣ! Погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость!“ И тутъ опять все то же „я, мое, у меня“. Столь же легко открывается эгоистическая основа въ самой искренней и нѣжной дружбѣ. Не многимъ затруднительнѣе тѣ случаи, въ которыхъ человѣкъ приноситъ жертву для любимаго предмета: хотя бы онъ жертвовалъ для него самою жизнью, все-таки основаніемъ пожертвованія служитъ личный разсчетъ, или страстный порывъ эгоизма. О большей части случаевъ такъ называемаго самопожертвованія не стоитъ говорить, какъ о самопожертвованіи: имъ неприлично это имя. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не отдаться живыми въ руки Аннибала,—геройство, достойное удивленія, но совершенно одобряемое эгоистическимъ разсчетомъ: они привыкли жить свободными гражданами, не терпѣть никакихъ обидъ, уважать себя и видѣть уваженіе отъ другихъ; Карѳагенскій полководецъ продалъ бы ихъ въ рабство, ихъ жизнь была бы рядомъ несноснѣйшихъ мученій; они поступили въ томъ же родѣ, какъ дѣлаетъ человѣкъ, вырывающій у себя больной зубъ: они предпочли одну минуту страшной смертельной муки нескончаемымъ годамъ мученій; въ средніе вѣка еретики, сожигаемые медленнымъ огнемъ на кострахъ изъ сырато лѣса, старались разорвать свои цѣпи, чтобы броситься въ пламя: легче задохнуться въ одну минуту, чѣмъ терпѣть задушеніе нѣсколько часовъ. Дѣйствительно, таково было положеніе жителей Сагунта. Мы напрасно предположили, что Аннибалъ удовольствовался бы обращеніемъ ихъ въ рабство: они все равно были бы истреблены если не своими, то Карѳагенскими руками, но Карѳагеняне стали бы долго мучить ихъ варварскими пытками, и здравый разсчетъ ихъ справедливо предпочелъ легкую и быструю смерть медленной и тяжелой. Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она также поступила очень разсчетливо; что ожидало ее впереди? Мужъ могъ бы наговорить ей много успокоительныхъ и ласковыхъ словъ, но вѣдь всѣ подобныя слова чистый вздоръ, свидѣтельствующій о благородствѣ говорящаго ихъ, но нисколько не измѣняющій непремѣнныхъ послѣдствій дѣла. Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя попрежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ: онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ. Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи унизительномъ по срав-

Digitized by Google

нению съ тѣмъ, къ какому она привыкла. Чистоплотный человѣкъ охотнѣе будетъ терпѣть голодъ, чѣмъ прикоснется къ пищѣ, оскверненной какою-нибудь гадостью; для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія.

Читатель понимаетъ, что мы говоримъ все это вовсе не къ уменьшенію великой похвалы, какой достойны жители Сагунта и Лукреція: доказывать, что геройскій поступокъ былъ вмѣстѣ умнымъ поступкомъ, что благородное дѣло не было безразсуднымъ дѣломъ, вовсе еще не значитъ, по нашему мнѣнію, отнимать цѣну у геройства и благородства. Отъ этихъ геройскихъ дѣлъ перейдемъ къ образу дѣйствій болѣе обыкновенному, хотя все еще слишкомъ рѣдкому, разберемъ такіе случаи, какъ преданность человѣка, отказывающагося отъ всякихъ удовольствій, отъ всякой свободы въ распоряженіи своимъ временемъ для того, чтобы ухаживать за другимъ человѣкомъ, нуждающимся въ его заботливости. Другъ, проводящій цѣлыя недѣли у постели больнаго друга, дѣлаетъ пожертвованіе гораздо болѣе тяжелое, чѣмъ если бы отдавалъ ему всѣ свои деньги. Но почему онъ приноситъ такую великую жертву и въ пользу какого чувства онъ приноситъ ее? Онъ приноситъ свое время, свою свободу въ жертву своему чувству дружбы, — замѣтимъ же, *своему* чувству; оно развилось въ немъ такъ сильно, что, удовлетворяя его, онъ получаетъ бо̀льшую пріятность, чѣмъ получилъ бы отъ всякихъ другихъ удовольствій и отъ самой свободы; а нарушая его, оставляя безъ удовлетворенія, чувствовалъ бы больше непріятности, чѣмъ сколько получаетъ отъ стѣсненія себя во всѣхъ другихъ потребностяхъ. Точно таковы же случаи, когда человѣкъ отказывается отъ всякихъ наслажденій и выгодъ для служенія наукѣ или какому-нибудь убѣжденію. Ньютонъ и Лейбницъ, отказавшіе себѣ во всякой любви къ женщинѣ, чтобы нераздѣльно отдать все свое время, всѣ свои мысли ученымъ изслѣдованіямъ, конечно совершали всю свою жизнь очень высокій подвигъ. Точно то же надобно сказать о политическихъ дѣятеляхъ, называемыхъ обыкновенно фанатиками. Тутъ опять мы видимъ, что извѣстная потребность развилась въ человѣкѣ такъ сильно, что удовлетворять ей пріятно для него даже съ пожертвованіемъ другими очень сильными потребностями. По своему предмету эти случаи очень рѣзко отличаются отъ тѣхъ фактовъ разсчета, въ которыхъ человѣкъ жертвуетъ очень большою суммою денегъ для удовлетворенія какой-нибудь низкой страсти, но по теоретической формулѣ всѣ они подходятъ подъ одинъ законъ: сильнѣйшая страсть беретъ верхъ надъ влеченіями менѣе сильными и приноситъ ихъ въ жертву себѣ.

При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится разсчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія бо̀льшей выгоды, бо̀льшаго удовольствія. Конечно, этою одинаковостью причины, изъ которой происходятъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними: мы знаемъ, что алмазъ и уголь—все одинъ и тотъ же чистый углеродъ, но тѣмъ не менѣе алмазъ есть алмазъ, вещь чрезвычайно драгоцѣнная, а уголь все-таки уголь, вещь очень малоцѣнная. Великая разница между добрымъ и злымъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Мы начнемъ съ анализа этихъ понятій, чтобы увидѣть, какими обстоятельствами развивается или ослабляется добро въ человѣческой жизни.

Digitized by Google

Очень давно было замѣчено, что различные люди въ одномъ обществѣ называютъ добрымъ, хорошимъ, вещи совершенно различныя, даже противоположныя. Если, напримѣръ, кто-нибудь отказываетъ свое наслѣдство постороннимъ людямъ, эти люди находятъ его поступокъ добрымъ, а родственники, потерявшіе наслѣдство, очень дурнымъ. Такая же разница между понятіями о добрѣ въ разныхъ обществахъ и въ разныя эпохи въ одномъ обществѣ. Изъ этого очень долго выводилось заключеніе, что понятіе добра не имѣетъ въ себѣ ничего постояннаго, самостоятельнаго, подлежащаго общему опредѣленію, а есть понятіе чисто условное, зависящее отъ мнѣній, отъ произвола людей. Но точнѣе всматриваясь въ отношенія поступковъ, называемыхъ добрыми, къ тѣмъ людямъ, которые даютъ имъ такое названіе, мы находимъ, что всегда есть въ этомъ отношеніи одна общая, непремѣнная черта, отъ которой и происходитъ причисленіе поступка къ разряду добрыхъ. Почему посторонніе люди, получившіе наслѣдство, называютъ добрымъ дѣломъ актъ, давшій имъ это имущество? Потому, что этотъ актъ былъ для нихъ полезенъ. Напротивъ, онъ былъ вреденъ родственникамъ завѣщателя, лишеннымъ наслѣдства, потому они называютъ его дурнымъ дѣломъ. Война противъ невѣрныхъ для распространенія мусульманства казалась добрымъ дѣломъ для магометанъ, потому что приносила имъ пользу, давала имъ добычу; въ особенности поддерживали между ними это мнѣніе духовные сановники, власть которыхъ расширялась отъ завоеваній. Отдѣльный человѣкъ называетъ добрыми поступками тѣ дѣла другихъ людей, которыя полезны для него; въ мнѣніи общества добромъ признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членовъ; наконецъ, люди вообще безъ различія націй и сословій называютъ добромъ то, что полезно для человѣка вообще. Очень часты случаи, въ которыхъ интересы разныхъ націй и сословій противоположны между собою или съ общими человѣческими интересами; столь же часты случаи, въ которыхъ выгоды какого-нибудь отдѣльнаго сословія противоположны національному интересу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возникаетъ споръ о характерѣ поступка, учрежденія или отношенія, выгоднаго для однихъ, вреднаго для другихъ интересовъ: приверженцы той стороны, для которой онъ вреденъ, называютъ его дурнымъ, злымъ; защитники интересовъ, получающихъ отъ него пользу, называютъ его хорошимъ, добрымъ. На чьей сторонѣ бываетъ въ такихъ случаяхъ теоретическая справедливость, рѣшить очень не трудно: общечеловѣческій интересъ стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго. Въ теоріи эта градація не подлежитъ никакому сомнѣнію, она составляетъ только примѣненіе геометрическихъ аксіомъ, „цѣлое больше своей части“, „большее количество больше меньшаго количества“, къ общественнымъ вопросамъ. Теоретическая ложь непремѣнно ведетъ къ практическому вреду; тѣ случаи, въ которыхъ отдѣльная нація попираетъ для своей выгоды общечеловѣческіе интересы, или отдѣльное сословіе интересы цѣлой націи, всегда оказываются въ результатѣ вредными не только для стороны, интересы которой были нарушены, но и для той стороны, которая думала доставить себѣ выгоду ихъ нарушеніемъ: всегда оказывается, что нація губитъ сама себя, порабощая человѣчество, что отдѣльное сословіе приводитъ себя къ дурному концу, принося въ жертву себѣ цѣлый народъ. Изъ этого мы видимъ, что при столкновеніяхъ національнаго интереса съ сословнымъ, сословіе, думающее извлечь пользу

Digitized by Google

себѣ изъ народнаго вреда, съ самаго начала ошибается, ослѣпляется фальшивымъ разсчетомъ. Иллюзія, которою оно увлекается, имѣетъ иногда видъ очень основательнаго разсчета: но мы приведемъ два или три случая этого рода, чтобы показать, какъ ошибоченъ бываетъ такой разсчетъ. Мануфактуристы думаютъ, что запретительный тарифъ выгоденъ для нихъ; но въ результатѣ оказывается, что при запретительномъ тарифѣ нація остается бѣдна и по своей бѣдности не можетъ содержать мануфактурную промышленность обширнаго размѣра; такимъ образомъ самое сословіе мануфактуристовъ остается далеко не столь богато, какъ бываетъ при свободной торговлѣ: всѣ фабриканты всѣхъ государствъ съ запретительнымъ тарифомъ, вмѣстѣ взятые, конечно, не имѣютъ и половины того богатства, какое пріобрѣли фабриканты Манчестера. Землевладѣльцы вообще думаютъ имѣть выгоду отъ невольничества и другихъ видовъ обязательнаго труда; но въ результатѣ оказывается, что землевладѣльческое сословіе всѣхъ государствъ, имѣющихъ несвободный трудъ, находится въ раззоренномъ положеніи. Мы привели такіе случаи, въ которыхъ разсчетъ отдѣльнаго сословія вредить для своей выгоды общему національному интересу имѣетъ повидимому чрезвычайно твердое основаніе; но и тутъ результатъ показываетъ, что основаніе только казалось твердымъ, а въ сущности было невѣрно; что сословіе, вредившее народу, само обманывалось относительно своихъ выгодъ. Это не можетъ и быть иначе: французскій или австрійскій мануфактуристъ все-таки французъ или житель Австріи, и все то, что вредно для государства, къ которому онъ принадлежитъ, сила котораго служитъ опорою его силы, богатство котораго служитъ опорою его богатства, — все это послужитъ во вредъ и ему самому, изсушая источники его силы и богатства. Точно то же надобно сказать о случаяхъ противоположности между интересами отдѣльной націи и общимъ человѣчественнымъ благомъ: и тутъ всегда оказывается, что совершенно ошибоченъ былъ разсчетъ націи, думавшей извлечь себѣ пользу изъ нанесенія вреда человѣчеству. Завоевательные народы всегда кончали тѣмъ, что истреблялись и порабощались сами. Монголы Чингисхана жили въ своихъ степяхъ такими бѣдными дикарями, что повидимому трудно было имъ прійдти въ положеніе худшее прежняго; но какъ ни дурно было состояніе дикихъ ордъ, пошедшихъ на завоеваніе земледѣльческихъ государствъ южной и западной Азіи и восточной Европы, а все-таки вскорѣ по совершеніи завоеванія эти несчастные люди, надѣлавшіе столько вреда другимъ для своего обогащенія, подверглись судьбѣ болѣе плачевной, чѣмъ даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести ихъ соотечественники, оставшіеся въ своихъ родныхъ степяхъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончили татары Золотой орды: конечно, цѣлая половина ихъ погибла при завоеваніи Россіи и при неудачныхъ нашествіяхъ на Литву и Моравію; остальная половина, сначала награбившая себѣ много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими. Ученые доказываютъ, что изъ нынѣшнихъ крымскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ татаръ едва-ли есть хоть одинъ человѣкъ, происходящій отъ воиновъ Батыя, что нынѣшніе татары, потомки прежнихъ племенъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ до Батыя и покоренныхъ Батыемъ, какъ были покорены русскіе; и что пришельцы-завоеватели всѣ исчезли, всѣ были истреблены ожесточеніемъ порабощенныхъ. Германцы при Тацитѣ жили немногимъ лучше монголовъ до Чингисхана; но и они мало выиграли отъ завоеванія римской имперіи. Остъ-готы, лангобарды, герулы, вандалы — всѣ погибли до послѣдняго человѣка. Отъ вестъ-готовъ осталось имя, но только имя; франковъ не успѣли

Digitized by Google

перерѣзать порабощенныя ими племена только потому, что франки перерѣзались сами при Меровингахъ. Испанцы, опустошивъ Европу при Карлѣ V и Филиппѣ II, сами раззорились, впали въ рабство и наполовину вымерли отъ голода. Французы, опустошивъ Европу при Наполеонѣ I, сами подверглись завоеванію и раззоренію въ 1814 и 1815 годахъ.

Все это мы говорили къ тому, чтобы *показать*, что понятіе добра вовсе не расшатывается, а напротивъ укрѣпляется, опредѣляется самымъ рѣзкимъ и точнымъ образомъ, когда мы открываемъ его истинную натуру, когда мы находимъ, что добро есть польза. Только при этомъ понятіи о немъ мы въ состояніи разрѣшить всѣ затрудненія, возникающія изъ разнорѣчія разныхъ эпохъ и цивилизацій, разныхъ сословій и народовъ о томъ, что добро, что зло. Наука говоритъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, о человѣкѣ, а не о французѣ или англичанинѣ, не купцѣ или бюрократѣ. Только то, что составляетъ натуру человѣка, признается въ наукѣ за истину; только то, что полезно для человѣка вообще, признается за истинное добро; всякое уклоненіе понятій извѣстнаго народа или сословія отъ этой нормы составляетъ ошибку, галлюцинацію, которая можетъ надѣлать много вреда другимъ людямъ, но больше всѣхъ надѣлаетъ вреда тому народу, тому сословію, которое подверглось ей, занявъ по своей или чужой винѣ такое положеніе среди другихъ народовъ, среди другихъ сословій, что стало казаться выгоднымъ ему то, что вредно для человѣка вообще. „Погибоша аки Обре“ — эти слова повторяетъ исторія надъ каждымъ народомъ, надъ каждымъ сословіемъ, впавшимъ въ гибельную для такихъ людей галлюцинацію о противоположности своихъ выгодъ съ общечеловѣческимъ интересомъ.

Если есть какая нибудь разница между добромъ и пользою, она заключается развѣ лишь въ томъ, что понятіе добра очень сильнымъ образомъ выставляетъ черту постоянства, прочности, плодотворности, изобилія хорошими, долговременными и многочисленными результатами, которая, впрочемъ, находится и въ понятіи пользы, именно этою чертою отличающемся отъ понятій удовольствія, наслажденія. Цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій состоитъ въ полученіи наслажденій. Но источники, изъ которыхъ получаются нами наслажденія, бываютъ двухъ родовъ: къ одному роду принадлежатъ мимолетныя обстоятельства, не зависящія отъ насъ, или, если и зависящія, то проходящія безъ всякаго прочнаго результата; къ другому роду относятся факты и состоянія, находящіеся въ насъ самихъ прочнымъ образомъ или внѣ насъ, но постоянно при насъ долгое время. День хорошей погоды въ Петербургѣ—источникъ безчисленныхъ облегченій въ жизни, безчисленныхъ пріятныхъ ощущеній для жителей Петербурга; но этотъ день хорошей погоды—явленіе мимолетное, лишенное всякаго основанія и не оставляющее никакого прочнаго результата въ жизни петербургскаго населенія. Нельзя сказать, чтобы этотъ день составлялъ пользу, онъ составляетъ только удовольствіе. Полезнымъ явленіемъ бываетъ хорошая погода въ Петербургѣ только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ и только для тѣхъ немногихъ людей, когда она довольно продолжительна и когда, благодаря этой продолжительности, успѣетъ прочнымъ образомъ поправиться здоровье нѣсколькихъ больныхъ. Но тотъ, кто переселяется изъ Петербурга въ хорошій климатъ, получаетъ себѣ пользу въ отношеніи здоровья, въ отношеніи наслажденія природой, потому что этимъ переселеніемъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ прочный источникъ долговременныхъ наслажденій. Если человѣкъ по-

Digitized by Google

лучилъ приглашенiе на хорошiй обѣдъ, онъ получаетъ только удовольствiе, а не пользу въ этомъ приглашенiи (разумѣется, и удовольствiе только въ томъ случаѣ, когда онъ находитъ наслажденiе въ гастрономiи). Но если этотъ человѣкъ, имѣющiй гастрономическiя наклонности, получаетъ большую сумму денегъ, онъ получаетъ пользу, то есть долговременную возможность пользоваться наслажденiемъ хорошихъ обѣдовъ. Итакъ, полезными вещами называются, такъ сказать, прочные принципы наслажденiй. Если бы при употребленiи слова „польза“ всегда твердо помнилась эта коренная черта понятiя, не было бы рѣшительно никакой разницы между пользою и добромъ; но, во-первыхъ, слово „польза“ употребляется иногда легкомысленнымъ, такъ сказать, образомъ о принципахъ удовольствiя, правда не совершенно мимолетныхъ, но и не очень прочныхъ, а во-вторыхъ, можно эти прочные принципы наслажденiй раздѣлить по степени ихъ прочности опять на два разряда: не очень прочные и очень прочные. Этотъ послѣднiй разрядъ собственно и обозначается названiемъ добра. Добро, это какъ будто превосходная степень пользы, это какъ будто очень полезная польза. Докторъ возстановилъ здоровье человѣка, страдавшаго хроническою болѣзнью,—что онъ принесъ ему, добро или пользу? Одинаково удобно тутъ употребить оба слова, потому что онъ далъ ему самый прочный принципъ наслажденiй. Наша мысль находится въ настроенiи безпрестанно вспоминать о внѣшней природѣ, которая будто бы одна подлежитъ вѣдомству естественныхъ наукъ, составляющихъ будто бы только одну часть нашихъ знанiй, а не обнимающихъ собою всей ихъ совокупности. Кромѣ того, мы замѣтили, что эти статьи свидѣтельствуютъ о чрезвычайной сухости нашего сердца, о пошлости и низости нашей души, во всемъ ищущей только пользы, все оскверняющей отыскиванiемъ матерiальныхъ основанiй, непонимающей ничего высокаго, лишенной всякаго поэтическаго чувства. Намъ хочется замаскировать этотъ постыдный недостатокъ поэтичности въ нашей душѣ. Мы ищемъ чего-нибудь поэтическаго для украшенiя нашей статьи; подъ влiянiемъ мысли о важности естественныхъ наукъ, отправляемся искать поэзiи въ область матерiальной природы и находимъ въ ней цвѣты. Украсимъ же одну изъ нашихъ сухихъ страницъ поэтическимъ сравненiемъ. Цвѣты, эти прекрасные источники благоуханiя, эти столь быстро увядающiя очарованiя нашего глаза — это удовольствiя, наслажденiя; растенiе, производящее ихъ—это польза; на одномъ растенiи много цвѣтовъ, увядаютъ одни, распускаются на мѣсто ихъ другiе; такъ полезною вещью называется то, изъ чего выростаетъ много цвѣтовъ. Но есть однолѣтнiя цвѣтущiя растенiя; и есть также розовыя деревья, алеандры, живущiя очень много лѣтъ и каждый годъ снова дающiя много цвѣтовъ—вотъ такъ добро превосходитъ своею долговѣчностью другiе источники наслажденiй, которые называются просто полезными вещами, но не удостоиваются имени добра, какъ фiалки не удостоиваются имени деревьевъ: онѣ предметы того же разряда вещей, но все еще не такъ велики и долговѣчны.

Изъ того, что добромъ называются очень прочные источники долговременныхъ, постоянныхъ, очень многочисленныхъ наслажденiй, сама собою объясняется важность, приписываемая добру всѣми разсудительными людьми, говорившими о человѣческихъ дѣлахъ. Если мы думаемъ, что „добро выше пользы“, мы скажемъ только: „очень большая польза выше не очень большой пользы“, — мы скажемъ только математическую истину, въ родѣ того, что 100 больше 2, что на алеандрѣ бываетъ больше цвѣтовъ, чѣмъ на фiалкѣ. Читатель видитъ, что методъ анализа

Digitized by Google

нравственныхъ понятій въ духѣ естественныхъ наукъ, отнимая у предмета всякую напыщенность, переводя его въ область явленій очень простыхъ, натуральныхъ, даетъ нравственнымъ понятіямъ основаніе самое непоколебимое. Если полезнымъ называется то, что служитъ источникомъ множества наслажденій, а добрымъ просто то, что очень полезно, тутъ уже не остается ровно никакихъ сомнѣній относительно цѣли, которая предписывается человѣку,—не какими нибудь посторонними соображеніями или внушеніями, не какими нибудь проблематическими предположеніями, таинственными отношеніями къ чему-нибудь еще очень невѣрному,—нѣтъ, предписывается просто разсудкомъ, здравымъ смысломъ, потребностью наслажденія: эта цѣль—добро. Разсчетливы только добрые поступки; разсудителенъ только тотъ, кто добръ и ровно настолько, насколько добръ. Когда человѣкъ не добръ, онъ просто неразсчетливый мотъ, тратящій тысячу рублей на покупку грошовой вещи, тратящій на полученіе малаго наслажденія нравственныя и матеріальныя силы, которыхъ достало бы ему на пріобрѣтеніе несравненно большаго наслажденія.

Но въ томъ же понятіи о добрѣ, какъ объ очень прочной пользѣ, мы находимъ еще другую важную черту, помогающую намъ открыть, въ какихъ именно явленіяхъ и поступкахъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ добро. Внѣшніе предметы, какъ бы тѣсно ни были привязаны къ человѣку, все-таки слишкомъ часто разлучаются съ нимъ: то человѣкъ разстается съ ними, то они измѣняютъ человѣку. Родина, родство, богатство, все можетъ быть покинуто человѣкомъ или покинуть его; отъ одного никакъ не можетъ онъ отдѣлаться, пока остается живъ, одно существо неразлучно съ нимъ,—это онъ самъ. Если человѣкъ полезенъ другимъ людямъ по своему богатству, онъ можетъ перестать быть полезенъ, лишившись богатства; но если онъ полезенъ людямъ по качествамъ своего собственнаго организма, по своимъ душевнымъ качествамъ, какъ обыкновенно говорится, то онъ можетъ развѣ только зарѣзать себя, но пока не зарѣжетъ, не можетъ перестать дѣлать пользу людямъ,—не дѣлать ея выше его силъ, не въ его власти. Онъ можетъ сказать себѣ: буду золъ, буду вредить людямъ; но исполнить этого онъ уже не можетъ, какъ умный не можетъ не быть умнымъ, еслибъ и не желалъ. Не только по постоянству и долговѣчности, но и по обширности результатовъ добро, приносимое качествами самого человѣка, гораздо значительнѣе добра, дѣлаемаго человѣкомъ только по обладанію внѣшними предметами. Доброе или дурное употребленіе внѣшнихъ предметовъ случайно; всякія матеріальныя средства также легко и часто бываютъ обращаемы на вредъ людямъ, какъ и на пользу имъ. Богатый человѣкъ, принося своимъ богатствомъ выгоду нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредитъ другимъ или даже и тѣмъ же самымъ людямъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, богатый человѣкъ можетъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ, развить въ нихъ здоровье, умъ, дать имъ множество знаній; это вещи полезныя для нихъ; но будутъ ли онѣ сдѣланы или нѣтъ, это еще неизвѣстно, и часто этого не бываетъ, а напротивъ, дѣти богача получаютъ такое воспитаніе, что дѣлаются отъ него людьми хилыми, болѣзненными, слабоумными, пустыми, жалкими. Дѣти богача вообще пріобрѣтаютъ привычки и понятія невыгодныя для нихъ самихъ. Если таково вліяніе богатства на людей, счастіемъ которыхъ наиболѣе дорожитъ богачъ, то, конечно, оно еще замѣтнѣе приноситъ вредъ другимъ людямъ, не столь близкимъ сердцу богача... Но если возможно нѣкоторое сомнѣніе относительно того, равняется ли вредное вліяніе богатства на этихъ

Digitized by Google

отдѣльныхъ людей пользѣ, получаемой ими отъ него, то можно спорить о томъ фактѣ, что въ дѣйствіи богатства отдѣльныхъ людей на цѣлое общество вредныя стороны гораздо сильнѣе полезныхъ. Это съ математическою достовѣрностью обнаруживается тою частью нравственныхъ знаній, которая раньше другихъ стала разработываться по точной научной системѣ и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своихъ разработана уже довольно хорошо наукою о законахъ общественнаго матеріальнаго благосостоянія или обыкновенно такъ называемою политическою экономіею. Итакъ, дѣйствительнымъ источникомъ совершенно прочной пользы для людей отъ дѣйствій другихъ людей остаются только тѣ полезныя качества, которыя лежатъ въ самомъ человѣческомъ организмѣ; потому собственно этимъ качествамъ и усвоено названіе добрыхъ, потому и слово „добрый“ настоящимъ образомъ прилагается только къ человѣку. Въ его дѣйствіяхъ основаніемъ бываетъ чувство или сердце, а непосредственнымъ источникомъ ихъ служитъ та сторона органической дѣятельности, которая называется волею; потому, говоря о добрѣ, надобно спеціальнымъ образомъ разобрать законы, по которымъ дѣйствуютъ сердце и воля. Но способы къ исполненію чувствъ сердца даются волѣ представленіями ума и потому надобно такъ же обратить вниманіе на ту сторону мышленія, которая относится къ способамъ имѣть вліяніе на судьбу другихъ людей. Не обѣщая ничего навѣрное, мы скажемъ только, что намъ хотѣлось бы изложить точныя понятія нынѣшней науки объ этихъ предметахъ. Очень можетъ быть, что намъ и удастся сдѣлать это.

Но мы едва не забыли, что до сихъ поръ остается не объяснено слово антропологическій въ заглавіи нашихъ статей; что это за вещь, „антропологическій принципъ въ нравственныхъ наукахъ?“ Что за вещь этотъ принципъ, читатель видѣлъ изъ характера самыхъ статей: принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру, чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ. Кажется, это требованіе очень простое, а между тѣмъ только въ послѣднее время стали понимать всю его важность и исполнять его мыслители, занимающіеся нравственными науками, да и то далеко не всѣ, а только нѣкоторые, очень не многіе изъ нихъ, между тѣмъ какъ большинство сословія ученыхъ, всегда держащееся рутины, какъ большинство всякаго сословія, продолжаетъ работать по прежнему фантастическому способу ненатуральнаго дробленія человѣка на разныя половины, происходящія изъ разныхъ натуръ. За то и всѣ труды этого рутиннаго большинства оказываются теперь такимъ же хламомъ, какимъ оказались труды Эмина и Елагина по русской исторіи, Чулкова по собиранію народныхъ пѣсенъ, или въ наше время труды гг. Погодина и Шевырева: кое-что похожее на правду попадается и въ нихъ,—вѣдь г. Погодинъ совершенно справедливо говоритъ, что Ярославъ былъ князь Кіевскій, а не Краковскій, что Ольга приняла въ Константинополѣ православіе, а не лютеранство, что Алексѣй Петровичъ былъ сынъ Петра Великаго; вѣдь г. Шевыревъ справедливо замѣтилъ, что русскій народъ употребляетъ скудную и неудобоваримую пищу, что между ямщиками попадаются красивые парни, и отыскалъ въ паисіевскомъ сборникѣ довольно любопытное свидѣтель-

Digitized by Google

ство о русскомъ язычествѣ. Но всѣ эти прекрасныя и совершенно вѣрныя вещи засыпаны въ книгахъ ученой четы покойнаго Москвитянина такимъ множествомъ вздорныхъ мнѣній, что отдѣлить въ нихъ правду отъ пустяковъ — трудъ столь же тяжелый, какъ отыскивать годныя на выдѣлку бумаги тряпки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изслѣдуются зоркими глазами и ловкимъ крючкомъ ветошниковъ; потому люди обыкновенные поступятъ лучше всего, если совершенно откажутся отъ столь непріятнаго дѣла, предоставляя его привычнымъ къ нему труженикамъ; но труженики эти, спеціалисты идущіе въ уровень съ понятіями нынѣшней науки, находятъ, что въ книгахъ подобныхъ сочиненіямъ гг. нами названныхъ и ихъ предшественниковъ даже и ученаго тряпья отыскивается слишкомъ мало, такъ что чтеніе ихъ составляетъ совершенную трату времени, ведущую только къ засоренію головы. Вотъ то же самое надобно сказать почти о всѣхъ прежнихъ теоріяхъ нравственныхъ наукъ. Пренебреженіе къ антропологическому принципу отнимаетъ у нихъ всякое достоинство; исключеніемъ служатъ творенія очень немногихъ прежнихъ мыслителей, слѣдовавшихъ антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявшихъ этого термина для характеристики своихъ воззрѣній на человѣка: таковы, напримѣръ, Аристотель и Спиноза.

Что касается до самаго состава слова „антропологія", оно взято отъ слова anthropos, человѣкъ,—читатель, конечно, и безъ насъ это знаетъ. Антропологія, это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса ни говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемые ею феномены, что качества феноменовъ обусловливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы. Естественныя науки еще не дошли до того, чтобы подвести всѣ эти законы подъ одинъ общій законъ, соединить всѣ частныя формулы въ одну всеобъемлющую формулу; что дѣлать, намъ говорятъ, что и сама математика еще не успѣла довести нѣкоторыхъ своихъ частей до такого совершенства: мы слышали, что еще не отыскана общая формула интегрированья, какъ найдена общая формула умноженія или возвышенія въ степень. Отъ этого, конечно, затрудняются ученыя изслѣдованія: мы слышали, будто бы математикъ очень быстро совершаетъ всѣ части своего дѣла, но какъ дойдетъ до интегрированья, ему приходится сидѣть цѣлыя недѣли и мѣсяцы надъ дѣломъ, которое можно было бы исполнить въ два часа, если бы уже найдена была общая формула интегрированья. Такъ еще больше въ нравственныхъ наукахъ. До сихъ поръ найдены только частные законы для отдѣльныхъ разрядовъ явленій: законъ тяготѣнія, законъ химическаго сродства, законъ разложенія и смѣшенія цвѣтовъ, законъ дѣйствій теплоты, электричества; подъ одинъ законъ мы еще не умѣемъ ихъ подвести точнымъ образомъ, хотя существуютъ очень сильныя основанія думать, что всѣ другіе законы составляютъ нѣсколько особенныя видоизмѣненія закона тяготѣнія. Отъ этого нашего неумѣнья подвести всѣ частные законы подъ одинъ общій законъ чрезвычайно затрудняется и затягивается всякое изслѣдованіе въ естественныхъ наукахъ: изслѣдователь идетъ ощупью, наугадъ, у него нѣтъ компаса, онъ принужденъ руководиться не столь вѣрными способами къ отыскиванію настоящаго пути, теряетъ много времени въ напрасныхъ уклоненіяхъ по окольнымъ дорогамъ на то, чтобы вернуться съ нихъ къ своей исходной точкѣ, когда видитъ, что онѣ

Digitized by Google

не ведутъ ни къ чему, и чтобы снова отыскивать новый путь; еще больше теряется времени въ томъ, чтобы убѣдить другихъ въ дѣйствительной непригодности путей оказавшихся непригодными, въ вѣрности и удобствѣ пути, оказавшагося вѣрнымъ. Такъ въ естественныхъ наукахъ, точно такъ же и въ нравственныхъ. Но какъ въ естественныхъ, такъ и въ нравственныхъ этими затрудненіями только затягивается отыскиваніе истины и распространеніе убѣжденности въ ней когда она найдена; а когда найдена она, то все-таки очевидна ея достовѣрность, только пріобрѣтеніе этой достовѣрности стоило гораздо большаго труда, чѣмъ будутъ стоить такія же открытія нашимъ потомкамъ при лучшемъ развитіи наукъ, и какъ бы медленно ни распространялась между людьми убѣжденность въ истинахъ отъ нынѣшей малой приготовленности людей любить истину, т. е. цѣнить пользу ея и сознавать непремѣнную вредность всякой лжи, истина все-таки распространяется между людьми, потому что, какъ ни думай они о ней, какъ ни бойся они ея, какъ ни люби они ложь, все-таки истина соотвѣтствуетъ ихъ надобностямъ, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, то будетъ принято людьми, какъ бы ни ошибались они отъ принятія того, что налагается на нихъ необходимостью вещей. Станутъ ли когда нибудь хорошими хозяевами русскіе сельскіе хозяева, до сихъ поръ бывшіе плохими хозяевами? Разумѣется, станутъ; эта увѣренность основана не на какихъ нибудь трансцендентальныхъ гипотезахъ о качествахъ русскаго человѣка, не на высокомъ понятіи о его національныхъ качествахъ, о его превосходствѣ надъ другими по уму или трудолюбію или ловкости, а просто на томъ, что настаетъ надобность русскимъ сельскимъ хозяевамъ вести свои дѣла умнѣе и разсчетливѣе прежняго. Отъ надобности не уйдешь, не отвертишься. Такъ не уйдетъ человѣкъ и отъ истины, потому что по нынѣшнему положенію человѣческихъ дѣлъ оказывается съ каждымъ годомъ все сильнѣйшая и неотступнѣйшая надобность въ ней.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЕ НА „ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО Г. ПОГОДИНУ“ Г. КОСТОМАРОВА.

Г. Погодинъ, заговоривъ о разныхъ предшествовавшихъ диспуту его съ г. Костомаровымъ переговорахъ и объясненіяхъ, даетъ и другимъ лицамъ полное право разсказать публикѣ, что они тогда говорили. Я хочу принести свою лепту въ сокровищницу воспоминаній объ этомъ достопамятномъ своею странностью явленіи.

Г. Костомаровъ долженъ теперь видѣть справедливость того мнѣнія объ ученыхъ трудахъ и пріемахъ г. Погодина, которое я ему выражалъ на словахъ во время совѣщаній о предполагаемомъ диспутѣ и еще раньше того при разныхъ случаяхъ, которое отчасти выразилось печатно въ статьѣ „Современника“ о VII томѣ „Лекцій“ и т. д. г. Погодина,—статьѣ, написанной, впрочемъ, не мною,—и съ которымъ г. Костомаровъ имѣлъ ошибку не соглашаться. Надѣемся, теперь онъ не имѣетъ возможности оспаривать это мнѣніе. Вотъ оно:

Ученые труды г. Погодина не имѣютъ ровно никакого ученаго значенія, а между тѣмъ г. Погодинъ очень долго пользовался репутаціею человѣка, оказавшаго важныя услуги русской исторіи,—такъ долго пользовался этою репутаціею, что самъ сталъ, наконецъ, вѣрить, будто она по справедливости заслужена имъ. Когда человѣкъ, не имѣющій заслугъ, считаетъ себя имѣющимъ заслуги, онъ становится несносенъ тщеславіемъ и наглостью. Человѣкъ тщеславный и наглый бываетъ неразборчивъ на средства. Г. Погодинъ обнаружилъ это свойство въ своихъ будто ученыхъ возраженіяхъ гг. Соловьеву и Кавелину, возраженіяхъ, наполненныхъ бранными выраженіями и высокомѣрными назиданіями людямъ, уже и тогда далеко превосходившимъ его ученостью и учеными заслугами. Кромѣ высокомѣрныхъ и бранныхъ назиданій, его статьи противъ гг. Кавелина и Соловьева имѣли нѣкоторыя черты, встрѣчаемыя въ особенномъ родѣ литературы, въ которомъ столь усердно упражнялся встарину Булгаринъ, а въ недавнее время г. Ксенофонтъ Полевой, и къ которому вообще былъ наклоненъ „Москвитянинъ“ подъ редакціею господина Погодина въ союзѣ съ господиномъ Шевыревымъ: тутъ были намеки на либерализмъ, на недостатокъ патріотизма, на неуваженіе къ тому, что долженъ уважать хорошій гражданинъ, и т. д. Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ г. Погодинъ занимался публицистикою. Онъ описывалъ разныя московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ московскихъ и другихъ россійскихъ сановниковъ и г. Кокорева. Этою публицистикою пріобрѣлъ онъ извѣстность совершенно особеннаго рода, вовсе незавидную. Пріемы, составлявшіе увеселеніе читателей въ его публицистическихъ статьяхъ, онъ переносилъ также въ свои ученые

Digitized by Google

труды, такъ что и они многими своими страницами пробуждали веселое чувство въ немногихъ читавшихъ ученыя сочиненія г. Погодина. Словомъ сказать, г. Погодинъ давно былъ извѣстенъ, какъ — положимъ хоть, какъ забавникъ.

Когда онъ сдѣлалъ вызовъ на диспутъ, нѣкоторые изъ людей, знакомыхъ г. Костомарову, и въ томъ числѣ я, убѣждали г. Костомарова не принимать вызова. Я могу говорить только за себя и только о томъ, на что имѣю свидѣтелей, кромѣ Костомарова и самого себя; потому упомяну лишь о собраніи у одного изъ профессоровъ здѣшняго университета, дня за два до собранія, бывшаго у г. Калачева: лица, находившіяся тутъ, могутъ припомнить, что̀ я тогда говорилъ г. Костомарову. Я говорилъ вотъ что: „Г. Погодинъ вызываетъ васъ на шутовство. Онъ самъ имѣетъ такую репутацію, что уже не можетъ ничемъ испортить ее; но человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, какимъ пользуетесь вы, неудобно связываться съ г. Погодинымъ: вы компрометируете себя черезъ это и увидите, что г. Погодинъ принудитъ васъ къ объясненіямъ, очень непріятнымъ для васъ, человѣка не любящаго полемики даже и приличной, а не только такой, какую имѣетъ обычай вести г. Погодинъ". Я смягчаю для печати выраженія, которыя употреблялъ тогда. Читатель можетъ дополнить ихъ воображеніемъ.

Г. Костомарову не угодно было тогда согласиться съ людьми, старавшимися удержать его отъ появленія передъ публикою въ обществѣ г. Погодина. Изъ основаній, мѣшавшихъ ему, по его словамъ, отвергнуть вызовъ г. Погодина, только одно могло быть признано до нѣкоторой степени справедливымъ; всѣ остальныя создавались только излишнимъ желаніемъ г. Костомарова цѣнить ученое достоинство даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ, а есть только бездарное труженичество. Онъ говорилъ, что нельзя пренебрегать г. Погодинымъ, какъ ученымъ, до такой степени, до какой довожу я мнѣніе о немъ. Это и нѣкоторыя другія возраженія подобнаго рода не имѣли никакой дѣйствительной силы въ моихъ глазахъ. Но нельзя было назвать неосновательнымъ одного изъ соображеній, приводившихся г. Костомаровымъ въ оправданіе рѣшимости принять вызовъ г. Погодина. Г. Костомаровъ говорилъ: „если я откажусь, онъ станетъ разглашать, что я почувствовалъ свое безсиліе спорить съ нимъ". Это правда; поступки г. Погодина послѣ диспута, на которомъ онъ былъ рѣшительно пристыженъ,—не г. Костомаровымъ, нѣтъ, собственнымъ своимъ невѣжествомъ,—доказываютъ, что онъ сдѣлалъ бы именно такъ. Мнѣ казалось однако, что и это соображеніе не имѣетъ достаточной силы, чтобы перевѣсить неудобство вступать въ дѣло съ г. Погодинымъ для такого человѣка, какъ г. Костомаровъ. Мнѣ казалось, что лучше было бы для г. Костомарова снести самохвальство г. Погодина, нежели рисковать уваженіемъ публики, связываясь съ такомъ компаньономъ. Результатъ показалъ, что я ошибался. Уваженіе публики къ г. Костомарову такъ велико и онъ держалъ себя на диспутѣ съ такимъ достоинствомъ, что даже появленіе въ товариществѣ съ г. Погодинымъ не заставило публику смѣяться надъ г. Костомаровымъ, какъ я того опасался. Но г. Костомаровъ вѣроятно самъ чувствуетъ теперь, что рискъ былъ очень великъ.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о самомъ диспутѣ. Я не такой знатокъ русской исторіи, чтобы брать на себя оцѣнку тѣхъ относящихся къ ней мнѣній, которыя требуютъ спеціальныхъ занятій для выраженія согласія или несогласія съ ними. Но убѣжденіе, которое защищалъ г. Погодинъ, не принадлежитъ къ числу такихъ мнѣній. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о сравнительной филологіи и о законахъ исторической критики, видитъ совершенную нелѣпость доказательствъ, которыми старые ученые

Digitized by Google

подтверждали норманство Руси. Во времена Шлёцера еще не было ни Гримма, ни Боппа съ ихъ сподвижниками, и Шлёцеру натурально было дѣлать филологическіе промахи, какіе находимъ у него. Но теперь повторять подобныя вещи можетъ только невѣжда. Я не былъ высокаго мнѣнія объ учености г. Погодина, но, признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ него такихъ поразительныхъ наивностей, какими угощалъ онъ насъ на диспутѣ: „вѣдь онъ съ г. Шевыревымъ перевелъ грамматику Добровскаго, думалъ я, стало быть долженъ имѣть хотя какое нибудь понятіе о филологическихъ пріемахъ“. Онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія: послѣ того, что я слышалъ на диспутѣ, для меня становится непостижимо, какимъ же образомъ могъ г. Погодинъ быть переводчикомъ грамматики Добровскаго? Я рѣшительно не умѣю отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Быть можетъ кто нибудь изъ людей, бывшихъ студентами московскаго университета во время изданія этого перевода, разъяснитъ намъ загадку. Я имѣлъ случай видѣть турецко-татарскую грамматику, переведенную съ французскаго студентомъ одного изъ нашихъ университетовъ и носящую на заглавномъ листѣ на русскомъ языкѣ имя профессора того же русскаго университета. Но этотъ профессоръ имѣлъ по крайней мѣрѣ добросовѣстность объяснить настоящій ходъ дѣла въ предисловіи книги, которую издалъ подъ своимъ именемъ.

Не менѣе филологическихъ подвиговъ были замѣчательны историческія понятія, обнаруженныя г. Погодинымъ. Ольга гордо держала себя при константинопольскомъ дворѣ, потому она была норманка; Олегъ плавалъ по морю на лодкахъ, потому былъ норманнъ. Я не понимаю одного: какимъ образомъ г. Костомаровъ могъ продолжать спорить съ человѣкомъ, удивившимъ насъ такими диковинными заключеніями? Я на его мѣстѣ сказалъ бы послѣ этихъ словъ г. Погодина: „Милостивый государь! спорить мнѣ съ вами объ историческихъ вопросахъ такъ же неумѣстно и неприлично, какъ неприлично и неумѣстно было бы какому нибудь оріенталисту спорить со мною о синтаксическихъ правилахъ сіамскаго языка. Поэтому я принужденъ кончить диспутъ“. Г. Костомаровъ не сказалъ этого и теперь подвергся совершенно заслуженной непріятности печатать полемическія объясненія.

Очень можетъ быть, что г. Костомаровъ найдетъ это мое мнѣніе о г. Погодинѣ слишкомъ жесткимъ; очень можетъ быть, что онъ будетъ недоволенъ такимъ сужденіемъ объ авторѣ неполнаго и невѣрнаго алфавитнаго указателя къ Русскимъ Лѣтописямъ, изданнаго подъ именемъ „Лекцій и т. д. о Русской исторіи“,—вѣдь выражалъ же онъ мнѣ свое неудовольствіе за статью Современника о седьмомъ томѣ лекцій г. Погодина, говоря, что г. Погодинъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія (впрочемъ, я и самъ недоволенъ этою статьею, только съ другой стороны: она еще слишкомъ мягка). Но если я навлеку на себя неудовольствіе г. Костомарова, то не огорчусь этимъ, потому что неправъ будетъ онъ.

Изъ дѣла г. Погодина съ г. Костомаровымъ выводится одно заключеніе, полезностью своей искупающее всю странность диспута, на который согласился г. Костомаровъ по ошибочному уваженію къ г. Погодину: пора намъ дѣятельнѣе прежняго приняться за перетряску хлама многихъ ученыхъ и другихъ нашихъ знаменитостей, чтобы всѣмъ стало видно, что это именно хламъ, ничего не стоющій, ни къ чему не годный, и чтобы не мѣшалъ этотъ хламъ дѣятельности тѣхъ немногихъ хорошихъ ученыхъ, которыхъ, къ счастію, мы уже имѣемъ. Пора намъ наконецъ раздѣлаться съ пустыми репутаціями, мѣшающими намъ сосредоточивать наше вниманіе исключительно на мнѣніяхъ дѣльныхъ людей.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ИЗЪ-ЗА Г-ЖИ СВѢЧИНОЙ.

Никто болѣе насъ не радовался блестящему успѣху „Русскаго Вѣстника“ и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобы успѣхъ этотъ продолжался и возрасталъ. Еще не такъ далеко время, когда подобныхъ чувствъ не питалъ у насъ одинъ журналъ къ другому; замѣна прежней завистливости доброжелательствомъ составляетъ въ нашей литературѣ фактъ довольно новый, и, сколько мы помнимъ, передъ публикою еще не излагались причины, которымъ надобно его приписывать,—по крайней мѣрѣ не излагались во всей полнотѣ. Дѣло произошло отъ того, что расширился кругъ предметовъ литературнаго обсужденія. Журналамъ и писателямъ, занятымъ серьёзными вопросами, не остается времени предаваться потѣхамъ самолюбія, которыя почти однѣ оставались для нихъ прежде. Съ расширеніемъ содержанія журналовъ измѣнилось и ихъ отношеніе къ публикѣ, даже съ матеріальной стороны. Прежде, когда въ нашей журналистикѣ не было ровно ничего интереснаго для общества, кругъ читателей оставался одинъ и тотъ же: литература была счастлива уже и тѣмъ, что сохраняли къ ней вниманіе люди привлеченные къ чтенію въ предшествовавшее время, въ эпоху Гоголя и Бѣлинскаго; расширить кругъ интересующихся ею она не могла по ничтожности, какой подверглась въ годы, слѣдовавшіе за кончиной Бѣлинскаго. Говоря коммерческимъ языкомъ, общій рынокъ не расширялся и успѣхъ одного журнала могъ увеличиваться только на счетъ другаго. Въ послѣдніе годы стало не то: число людей интересующихся журналами постоянно возрастаетъ,—конечно не въ такой быстрой пропорціи, какъ можетъ быть полагаютъ панегиристы настоящаго, но все-таки возрастаетъ на столько, что кругъ читателей того или другаго журнала увеличивается не на счетъ другихъ журналовъ. Итакъ, у журналовъ теперь въ матеріальныхъ интересахъ нѣтъ причинъ къ враждебности,—напротивъ, даже съ коммерческой стороны каждый сколько нибудь поддерживаемый публикою журналъ имѣетъ причину радоваться успѣхамъ другаго журнала: успѣхи одного журнала расширяютъ общее число читателей, то есть подготовляютъ новыхъ читателей и для другихъ. Еще важнѣе другое обстоятельство: главнѣйшія изъ затрудненій, съ которыми должна бороться наша литература, одинаковы для всѣхъ журналовъ; возрастаютъ или уменьшаются для всѣхъ, возрастая или уменьшаясь для одного какого бы то ни было; такъ что каждый журналъ, борясь противъ нихъ, оказываетъ прямую услугу всѣмъ другимъ. Прежде этого не было. Не то, чтобы прежде не существовали затрудненія, существующія теперь, — напротивъ, они были несравненно больше, чѣмъ теперь; но самая чрезмѣрность ихъ изолировала журналы по отношенію къ нимъ. Препятствія простирались

Digitized by Google

до того, что получали уже характеръ личныхъ отношеній, такъ что у каждаго журнала были свои частныя затрудненія, еще чувствительнѣйшія препятствій общихъ всей литературѣ; успѣхи или неудачи одного журнала въ этихъ мелочныхъ дѣлахъ не имѣли никакого вліянія на судьбу другихъ журналовъ. Теперь и въ этомъ отношеніи стало иначе. Мелкія затрудненія потеряли свою силу, остались только трудности одинаковыя для всѣхъ; успѣхъ или непріятность каждаго бываетъ слѣдствіемъ отношеній общихъ для всѣхъ, одинаково относится ко всѣмъ. Каждое увеличеніе силы „Русскаго Вѣстника“ увеличиваетъ силу и „Отечественныхъ Записокъ“, и Библіотеки для Чтенія“, и „Московскихъ Вѣдомостей“, и всякой другой газеты, и всякаго другаго журнала. Словомъ сказать, положеніе дѣлъ стало таково, что и матеріальные, и нравственные интересы всѣхъ литературныхъ органовъ находятся въ самой тѣсной связи.

При такихъ обстоятельствахъ потеряло всякій смыслъ прежнее мелочное соперничество, уничтожились причины прежней пошлой враждебности одного журнала къ другому. Всѣ органы литературы чувствуютъ себя помогающими одинъ другому. Журнальныя ссоры, какія бывали прежде, совершенно прекратились; теперь если бываетъ полемика, она ведется уже изъ-за идей, а не изъ пошлыхъ разсчетовъ, и обыкновенно представляетъ даже для ведущихъ ее журналовъ и ихъ читателей меньше интереса, чѣмъ продолжающееся вмѣстѣ съ нею дружное дѣйствованіе по вопросамъ одинаково понимаемымъ всею публикою и всѣми литературными органами; потому и самая полемика бываетъ кратковременна. Мало того, что она скоро прекращается,—даже въ то время, какъ идетъ она, она не мѣшаетъ двумъ полемизирующимъ журналамъ дружно трудиться для достиженія результатовъ гораздо важнѣйшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, чѣмъ полемическій вопросъ, о которомъ они заспорили между собою. Укажемъ въ примѣръ на полемику о происхожденіи русской сельской общины, занимавшую года три съ половиною тому назадъ „Русскій Вѣстникъ“ и „Русскую Бесѣду“. Ведя споръ по этому вопросу, „Русскій Вѣстникъ“ и „Русская Бесѣда“ одинаково стремились къ разъясненію идеи самоуправленія, къ реформамъ судопроизводства, къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія,—къ вещамъ въ милліонъ разъ важнѣйшимъ для нихъ самихъ, чѣмъ какой бы то ни было взглядъ на происхожденіе русской общины. Позволимъ себѣ указать также на полемику объ общинѣ, только разсматриваемой въ другомъ отношеніи, происходившую между „Экономическимъ Указателемъ“ и нашимъ журналомъ. Мы защищали общинное землевладѣніе, „Экономическій Указатель“ находилъ пользу замѣнить его обращеніемъ общинныхъ земель въ частную собственность. Мы считали очень полезнымъ дѣломъ рѣшеніе вопроса въ нашемъ смыслѣ, но еще несравненно больше дорожили тѣмъ, чтобы русскій поселянинъ сталъ изъ человѣка, подлежащаго обязательному труду, работникомъ дѣйствительно свободнымъ; навѣрное и „Экономическій Указатель“ считалъ освобожденіе поселянина вещью во сто разъ важнѣйшею той подробности освобожденія, о которой спорилъ съ нами. Не говоримъ уже о томъ, что помимо всего, имѣющаго какую нибудь связь съ предпочтеніемъ общиннаго землевладѣнія частной поземельной собственности или наоборотъ, существуютъ десятки очень важныхъ вопросовъ, въ которыхъ мы совершенно сочувствовали „Экономическому Указателю“ и о которыхъ нашъ журналъ постоянно говорилъ точно въ такомъ же смыслѣ, какъ и „Экономическій Указатель“. Подобно ему мы говорили о вредѣ стѣсненій, о необходимости

Digitized by Google

строгой экономіи, о необходимости полнѣйшаго обезпеченія имущественныхъ и личныхъ правъ, о необходимости гарантій хорошаго судопроизводства, хорошей администраціи для экономическаго развитія и одинаково съ нимъ понимали, въ чемъ должны состоять эти гарантіи.

Если же случайные споры по какимъ нибудь двумъ или тремъ частнымъ вопросамъ не имѣютъ въ глазахъ самихъ спорящихъ и тысячной доли того громаднаго значенія, какое принадлежитъ безчисленнымъ вопросамъ, о которыхъ всѣ литературные органы говорятъ одно и то же; если всѣ литературные органы соединены одинаковостью матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, то натурально, что всѣ мелочныя несогласія между ними никакъ не могутъ нарушать кореннаго, сильнѣйшаго отношенія между ними, состоящаго во взаимномъ доброжелательствѣ. Пусть не обманывается никто: русскіе писатели, русскіе журналы и газеты могутъ по временамъ спорить между собою, ихъ мнѣнія могутъ расходиться во многомъ, но все это не мѣшаетъ имъ въ сущности стремиться къ однѣмъ и тѣмъ же важнѣйшимъ цѣлямъ и каждому изъ нихъ находить свою собственную выгоду въ выгодѣ всѣхъ другихъ.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о господствѣ доброжелательныхъ отношеній между всѣми литературными органами, мы должны прибавить: что касается въ частности нашихъ чувствъ къ „Русскому Вѣстнику", то есть у насъ еще особенныя причины желать ему всевозможнаго успѣха. „Русскій Вѣстникъ" и нашъ журналъ служатъ представителями двухъ различныхъ принциповъ, и надобно сказать теперь, какъ мы сами понимаемъ отношеніе между ними. Мы думаемъ, что воззрѣнія, излагаемыя „Русскимъ Вѣстникомъ", подготовляютъ людей къ принятію воззрѣній, излагаемыхъ нами. Ошибаемся или нѣтъ въ этой мысли мы, дѣло иного рода, но имѣемъ эту мысль и намъ кажется, что она подтверждается ходомъ общественнаго сознанія во всѣхъ историческихъ эпохахъ, имѣвшихъ сходство съ тою, какую переживаетъ теперь русское общество; намъ кажется, что справедливость этой мысли основывается и на логическомъ законѣ развитія общественныхъ стремленій. Когда человѣкъ долженъ идти отъ отсутствія всякой дѣльной мысли къ ясному сознанію своихъ дѣлъ и средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, онъ не можетъ сразу сдѣлать окончательнаго вывода: полная истина была бы слишкомъ сурова для него, ея требованія показались бы ему превышающими его силы. Онъ идетъ къ ней постепенно, отдыхая на перепутьи. Намъ кажется, что такимъ перепутьемъ для мысли служатъ воззрѣнія, которыхъ держится „Русскій Вѣстникъ", что они хороши для пробужденія людей изъ совершенной летаргіи, для вовлеченія ихъ въ умственный процессъ. Ступень сознанія, на которую ведетъ „Русскій Вѣстникъ", не такъ высока надъ уровнемъ нашей рутины, чтобы очень трудно было восходить на нее. А когда человѣкъ взойдетъ на нее, ему уже не очень далеко остается подняться и на слѣдующую ступень, на которую прямо стать было бы ему трудновато. Пусть проститъ насъ „Русскій Вѣстникъ", но мы считаемъ его очень полезнымъ для насъ подготовителемъ серьезныхъ людей къ принятію нашихъ понятій: мы считаемъ его педагогическимъ учрежденіемъ, въ которомъ читается приготовительный курсъ.

При такомъ понятіи объ отношеніи воззрѣній „Русскаго Вѣстника" къ нашимъ, мы натурально должны дорожить его успѣхомъ въ публикѣ. Пусть приготовительный курсъ читается какъ можно лучше, пусть онъ привлекаетъ къ себѣ

Digitized by Google

какъ можно больше слушателей: тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ большее колич... людей почувствуетъ надобность къ дальнѣйшему изслѣдованію предметовъ, ко... рое, какъ мы думаемъ, ведетъ мысль къ понятіямъ излагаемымъ нами. Пон... теперь, какое чувство возбуждается въ насъ обстоятельствами, отъ которыхъ пр... видится вредъ для „Русскаго Вѣстника“: всякое ослабленіе столь поле... помощника было бы для насъ такою же потерею, какъ для него самого. С... стема невмѣшательства въ чужія дѣла, проповѣдуемая „Русскимъ Вѣстник... служитъ основаніемъ и нашей системы; но есть случаи крайней необходим... когда невмѣшательство было бы уже дурною беззаботностью, когда не извинит... было бы не подать помощи. Нѣсколько разъ „Русскій Вѣстникъ“ нанос... вредъ и мы молчали, полагая, что онъ самъ замѣтитъ неразсчетливость поступко... вредившихъ ему. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе мѣсяцы онъ повторилъ пре... ошибку, и мы полагаемъ, что надобно, наконецъ, сказать ему: остерегитес... сильно вредите себѣ. Быть можетъ, онъ найдетъ нашъ совѣтъ неумѣстнымъ, ... дится тѣмъ, что мы просимъ его подумать о послѣдствіяхъ его системы дѣйств... Если бы случилось такъ, если бы вмѣсто признательности мы возбудили въ ... лишь неудовольствіе, это послужило бы только сильнѣйшимъ доказательствомъ ... вательности нашего мнѣнія, что онъ нуждается въ доброжелательномъ совѣтѣ. ... можетъ сердиться на насъ, если ему угодно; но мы увѣрены, что, съ досадо... съ признательностью, онъ извлечетъ себѣ пользу изъ представляемыхъ нам... ображеній, а его польза—наша польза.

Изложимъ дѣло, принудившее насъ напомнить „Русскому Вѣстнику“ ... источникахъ его силы и надобности не изсушать ихъ.

Поводъ, изъ котораго возникло это дѣло, самъ по себѣ очень не важенъ ... такъ не важенъ, что нѣтъ особеннаго интереса даже и разбирать, чье мнѣніе ... спорномъ вопросѣ, о достоинствѣ характера и сочиненій покойной Свѣчиной ... справедливѣе: мнѣніе г-жи Туръ, или редакціи „Русскаго Вѣстника“. Пусть ... Свѣчина была превосходнѣйшая женщина, величайшая мыслительница,—изъ ... никому отъ этого ни тепло, ни холодно: жила она не среди насъ, дѣйствова... на насъ, читать ея произведеній русская публика не станетъ, пользы изъ них... извлечетъ, хотя бы они и были полезны обществу и какому нибудь иному, ко... рое можетъ ими заинтересоваться. Пусть, наоборотъ, она была очень дурная ж... щина и плохая писательница,—намъ-то какая оттого печаль или радость? Спо... объ этомъ все равно, что о томъ, храбрый ли воинъ былъ Мортагонъ, князь Б... гарскій. Если случится охота, почему и не поспорить?—дѣло невинное; но при... мать тутъ къ сердцу ровно нечего, браниться изъ-за такого спора не зачѣмъ. ... посторонныхъ людей и желанія не будетъ разбирать, чье мнѣніе о качествахъ М... тагона основательнѣе. Но если покойная Свѣчина столь же близка сердцу рус... публики, какъ Мортагонъ, князь Болгарскій, то тѣмъ непріятнѣе, что подн... гвалтъ, возникли взаимныя обиды между полезными и почтенными людьми из... такого неважнаго предмета. Мы не хотимъ разбирать, редакція ли „Рус... Вѣстника“ или г-жа Туръ основательнѣе судитъ о Свѣчиной; но если б... захотѣли разобрать, то не могли бы, по самой простой причинѣ: мы не вид... большой разницы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ спорящими. На основные воп... отъ которыхъ зависитъ взглядъ на дѣло, смотрятъ они одинаково. Г-жа Т... говоритъ: „Свѣчина достойна порицанія за то, что измѣнила родительской ...

Digitized by Google

кви“,—редакція „Русскаго Вѣстника“ говоритъ то же самое. Редакція „Русскаго Вѣстника“ прибавляетъ: „но существовали въ воспитаніи Свѣчиной обстоятельства, служащія ей извиненіемъ“,—г-жа Туръ уже и прежде говорила то же самое. Г-жа Туръ высоко цѣнитъ благотворность христіанской религіозности,—редакція „Русскаго Вѣстника“ цѣнитъ столь же высоко. Прискорбно, что люди, столь сходящіеся въ образѣ мыслей, разошлись по несоблюденію внѣшнихъ формъ. Воздавая должную похвалу религіозности образа мыслей одной изъ поднявшихъ споръ сторонъ, нельзя не воздать точно такой же похвалы и другой сторонѣ, столь же справедливой въ своей религіозности. Итакъ, если мы хотимъ разобрать дѣло, то не по его содержанію, а единственно по его формѣ и по тѣмъ послѣдствіямъ, какія порождены были формою дѣйствій, которой слѣдовала одна изъ вовлекшихся въ непріязнь сторонъ.

Въ № 7 „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ была напечатана статья г-жи Евгеніи Туръ „Госпожа Свѣчина“. Сколько мы можемъ судить, эта статья ничѣмъ не отличалась отъ многочисленныхъ другихъ статей г-жи Евгеніи Туръ, помѣщавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и соотвѣтствовала направленію, господствовавшему въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Но редакція „Русскаго Вѣстника“ почла нужнымъ сдѣлать въ концѣ этой статьи слѣдующую оговорку:

„Печатая эту интересную статью, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что не раздѣляемъ всѣхъ сужденій ея даровитаго автора. Намъ кажутся они нѣсколько односторонними и не совсѣмъ справедливыми. Можетъ быть они вызваны, какъ реакція, чрезмѣрными восторгами поклонниковъ г-жи Свѣчиной; но если несправедлива одна крайность, то также несправедлива и другая. Статья г-жи Туръ очень интересна, но едва ли даетъ совершенно вѣрное понятіе о предметѣ, ее вызвавшемъ. Жаль, что вмѣсто мелкихъ афоризмовъ, взятыхъ изъ *Airelles*, и писанныхъ Свѣчиною еще въ 1811 году, на первой порѣ ея жизни, критикъ не выбралъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, изъ ея разсужденія: *Le progrés, la civilisation et le christianisme*. Вообще жаль, что критикъ выбиралъ изъ сочиненій автора только то, что казалось ему слабымъ и могло бросить тѣнь на автора, не касаясь другихъ сторонъ, которыя могли представить его въ лучшемъ свѣтѣ или по крайней мѣрѣ подать поводъ къ серьёзному обсужденію. Религіозный интересъ, если онъ искреннен и не соединяется съ фанатизмомъ, заслуживаетъ уваженія не только во мнѣніи людей религіозныхъ, хотя бы и другихъ вѣроисповѣданій, но и во мнѣніи тѣхъ, кто къ этому интересу равнодушенъ“.

Надобно отдать справедливость тону этого замѣчанія: онъ не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго. Но тѣмъ не менѣе замѣчаніе должно было удивить г-жу Евгенію Туръ, которая, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣла, вовсе не была предупреждена редакціею „Русскаго Вѣстника“ о надобности сдѣлать къ ея статьѣ такую оговорку. Въ Сводѣ Законовъ нѣтъ никакихъ постановленій о правилахъ соблюдаемыхъ между редакціею журнала и постоянными его сотрудниками, но правила эти извѣстны каждому и постоянно соблюдаются. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ постоянными своими сотрудниками, редакторы имѣютъ много случаевъ переговорить съ ними обо всемъ, что нужно; отношенія между людьми, столь близкими какъ редакторы и постоянные сотрудники, не допускаютъ никакихъ непріятныхъ сюрпризовъ ни съ той, ни съ другой стороны: обо всемъ говорится заблаговременно, говорится откровенно. Редакція „Русскаго Вѣстника“ сдѣлала ошибку, не предувѣдомивъ г-жу Евгенію Туръ, что не совсѣмъ согласна съ нѣкоторыми мѣстами ея статьи и думаетъ сдѣлать печатную оговорку о томъ. Отступленіе отъ обычнаго и совершенно удобнаго способа дѣйствій въ этомъ случаѣ конечно должно

Digitized by Google

было оскорбить г-жу Туръ, показаться ей неделикатностью или даже пренебреженіемъ. Какая же польза обижать людей безъ всякой надобности, особенно если эти люди имѣютъ нѣкоторыя права на нашу признательность? Поступокъ, которымъ была оскорблена г-жа Евгенія Туръ, былъ сдѣланъ публично, и естественнымъ образомъ она должна была такъ же публично потребовать объясненія ему. Она прислала къ редактору „Русскаго Вѣстника" для напечатанія письмо по поводу оговорки, сдѣланной къ ея статьѣ. Письмо написано умѣреннымъ тономъ, въ деликатныхъ выраженіяхъ. Г-жа Евгенія Туръ не позволяла себѣ въ немъ никакихъ колкостей, и если старалась показать, что оговорка, послужившая такимъ неловкимъ сюрпризомъ для нея, была непослѣдовательностью со стороны самой редакціи или происходила отъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ статьи, то что же было дѣлать г-жѣ Евгеніи Туръ? Она была поставлена въ необходимость сказать это.

„М. Г. Вамъ угодно было,—писала г-жа Туръ,—сдѣлать примѣчаніе къ статьѣ моей о г-жѣ Свѣчиной, помѣщенной въ 7 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Въ примѣчаніи этомъ вы сперва выражаете мысль, что не согласны со мной во взглядѣ на г-жу Свѣчину (и т. д., г-жа Туръ перечисляетъ упреки, сдѣланные редакціею ея статьѣ). Всѣ обвиненія эти, клонящіяся къ тому, чтобы читатели заподозрили меня въ недобросовѣстности, какъ критика, вмѣняютъ мнѣ въ неизбѣжную обязанность опять говорить о г-жѣ Свѣчиной, о которой, казалось, я уже достаточно подробно высказала свое мнѣніе. Приговоръ свой о г-жѣ Свѣчиной я продолжаю считать и справедливымъ, и безпристрастнымъ; отъ замѣчанія редактора не можетъ внезапно измѣниться мнѣніе, составившееся благодаря внимательному чтенію біографіи и сочиненій женщины, о которой идетъ рѣчь. Мало того, я иду дальше, и утверждаю, что если бы вы, м. г., дали себѣ трудъ *внимательно прочесть* біографію г-жи Свѣчиной и серьёзно познакомиться съ ея сочиненіями, вы не разошлись бы со мной во взглядѣ. Это предположеніе я основываю на данныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появился *Русскій Вѣстникъ*, я исключительно, до сего года, въ немъ одномъ имѣла честь помѣщать статьи мои, потому именно, что взглядъ и убѣжденія редакціи сходились какъ нельзя больше съ моими собственными. Какимъ же образомъ могли мы вдругъ разойдтись въ воззрѣніи на лицо характера не сложнаго, на сочиненія, насквозь пропитанныя такими убѣжденіями, на которыя всѣ образованные люди, кромѣ католическихъ фанатиковъ, не могутъ не смотрѣть одинаково? Это какое-то чудо. Что нибудь одно: или мои мнѣнія, безъ моего вѣдома, круто повернулись въ другую сторону, либо вы сами, что еще страннѣе при званіи редактора, вступили на иную, совершенно противоположную дорогу. Посмотримъ, кто изъ насъ измѣнилъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ, достаточно извѣстнымъ публикѣ по нашей долголѣтней дѣятельности на литературномъ полѣ".

Вы порицаете то, что я не сдѣлала выписокъ изъ трактата Свѣчиной le Christianisme etc., говоритъ г-жа Туръ:—посмотримъ, что это за трактатъ.

„Мы должны, во-первыхъ, поставить на видъ читателямъ, что... разсужденіе le Christianisme, le progrès et la civilisation состоитъ всего только изъ $13^1/_2$ страницъ весьма крупной печати".

Но, говоритъ г-жа Евгенія Туръ, быть можетъ, качествомъ вознаграждается количество,—и она очень подробно разбираетъ трактатецъ въ $13^1/_2$ страницъ, за невниманіе къ которому заслужила порицаніе редакціи „Русскаго Вѣстника"; оказывается, что всѣ эти странички слѣплены изъ обыкновенныхъ общихъ мѣстъ, повторяемыхъ каждымъ французскимъ ультрамонтанцемъ. По словамъ г-жи Евгеніи Туръ, обнаруживается, что эти $13^1/_2$ страничекъ—просто „упражненіе французской пансіонерки на тему, заданную католическимъ попомъ, и заслужившее его одобреніе.

„Но,—продолжаетъ г-жа Евгенія Туръ,—заслуживаетъ ли оно одобреніе редактора *Русскаго Вѣстника*—это другой вопросъ, и мы представляемъ его на судъ читате-

Digitized by Google

лей. Что касается до насъ, намъ невозможно думать, чтобы мы расходились съ вами такъ рѣзко въ своихъ убѣжденіяхъ: возникшее несогласіе мы готовы объяснить болѣе простымъ образомъ. Вѣроятно, м. г., вы не потрудились прочесть сами этотъ пресловутый трактатъ: *le Christianisme, le progrès et la civilisation*...

„Что касается до обвиненія въ томъ, что мы не умѣли оцѣнить религіознаго чувства г-жи Свѣчиной (такъ заключаетъ свое письмо г-жа Туръ), то обвиненіе это еще болѣе голословно. Искреннее религіозное чувство достойно несомнѣнно всякаго уваженія—это истина, которую излишне было бы доказывать въ наше время .. Но вы сами говорите, что религіозное чувство. если оно предъявляетъ права на уваженіе, не должно быть соединено съ фанатизмомъ; а въ томъ-то и дѣло, что въ г-жѣ Свѣчиной фанатизмъ умѣлъ какъ-то хитро уживаться съ тщеславіемъ. Г-жа Свѣчина не была только религіозная женщина; она была однимъ изъ корифеевъ клерикальной партіи: свобода, отечество, наука, прогрессъ для нея не существовали; интересы папской власти и той части французскаго духовенства, которая стоитъ во главѣ такъ-называемой ультрамонтанской партіи, были ея исключительными интересами. Отъ партіи этой давно уже отшатнулись во Франціи, какъ вамъ извѣстно, всѣ люди, которые, будучи искренними католиками, дорожатъ въ то же время и плодами современной цивилизаціи. Если, м. г., такіе люди, какъ Ламенне, искренніе католики, отступались съ ужасомъ отъ темнаго ученія, которымъ проникнута г-жа Свѣчина, то вы можете съ спокойною совѣстью не принимать на себя защиты ея памяти отъ совершенно справедливыхъ нареканій“.

Редакція „Русскаго Вѣстника“ по всей вѣроятности не предвидѣла такого результата, когда дѣлала свое примѣчаніе къ статьѣ г-жи Туръ. Редакція конечно полагала, что не возникнетъ печатной полемики изъ-за этого примѣчанія, иначе она конечно справилась бы съ содержаніемъ трактата г-жи Свѣчиной, за невниманіе къ которому порицала г-жу Туръ; а письмо г-жи Туръ наводитъ на мысль, что редакція похвалила этотъ трактатъ по простой догадкѣ, не потрудившись заглянуть въ него. Послѣдующій документъ о томъ же дѣлѣ, напечатанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, совершенно подтверждаетъ, какъ мы увидимъ, такую мысль: изъ него видимъ, что редакція порицала г-жу Туръ, не справившись хорошенько ни съ книгою, о которой писала, ни съ другими источниками, по которымъ писала г-жа Туръ. Эта вторая неосмотрительность, прибавившись къ первой неосмотрительности, по которой была сдѣлана оговорка безъ предувѣдомленія г-жи Туръ, поставила редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ положеніе невыгодное. Но, какъ бы то ни было, вредъ, нанесенный редакціи двумя этими ошибками, не былъ еще неисправимымъ. Г-жа Туръ только считала нужнымъ защитить себя передъ публикой, и редакціи „Русскаго Вѣстника“, обманувшейся въ своемъ предположеніи о томъ, что оговорка въ статьѣ г-жи Туръ останется безъ послѣдствій, и о томъ, что у г-жи Свѣчиной есть сочиненія дѣйствительно замѣчательныя, — редакціи „Русскаго Вѣстника“ легко было бы загладить свою несправедливость относительно г-жи Туръ какимъ нибудь прямодушнымъ объясненіемъ, удовлетворительнымъ для сотрудника, понапрасну и неосновательно оскорбленнаго; тонъ письма г-жи Туръ показываетъ, что она готова была бы удовлетвориться самымъ безобиднымъ для редакціи прекращеніемъ непріятностей. Редакціи довольно было бы написать: мы не думали оскорблять г-жу Туръ; о предметахъ, которыхъ касалось наше замѣчаніе, каждый можетъ думать по своему; мы остаемся при своемъ мнѣніи, г-жа Туръ можетъ оставаться при своемъ, ссориться намъ съ нею изъ-за г-жи Свѣчиной рѣшительно не стоитъ. Если бы редакція „Русскаго Вѣстника“ отвѣчала на письмо г-жи Туръ въ этомъ смыслѣ и деликатнымъ тономъ, тѣмъ дѣло и прекратилось бы, непріятность была бы забыта, хорошія отношенія возстановлены. Ре-

Digitized by Google

дакція „Русскаго Вѣстника“ предпочла поступить иначе: она отвѣчала на письмо г-жи Туръ очень длиннымъ оскорбительнымъ разсужденіемъ, наполненнымъ колкостями, изъ которыхъ иныя были очень грубыми личными обидами уже не писательницы, а женщины. Какими побужденіями руководилась редакція „Русскаго Вѣстника“ при такомъ поступкѣ, мы не хотимъ говорить теперь: соображенія объ этомъ представлены статьею „Московскихъ Вѣдомостей“, отрывки изъ которой читатель найдетъ ниже. Теперь познакомимся пока съ внѣшнимъ фактомъ, съ отвѣтомъ „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ. Письмо г-жи Туръ было напечатано въ 8 № „Русскаго Вѣстника“ и въ томъ же нумерѣ помѣщенъ длинный отвѣтъ на него, занимающій цѣлыхъ двадцать страницъ. Перепечатывать его весь мы не имѣемъ возможности; ограничимся нѣсколькими мѣстами.

„Г-жа Евгенія Туръ (говоритъ редакція „Русскаго Вѣстника“) доставила намъ статью по поводу книги г. де-Фаллу: *Madame Swetchine*. Несмотря на безпокойство своего тона, несмотря на нѣкоторыя очевидныя излишества, статья эта, весьма интересно и живо написанная, не представляла, со стороны общаго образа мыслей, препятствій къ помѣщенію ея въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мы дали слово напечатать ее въ ближайшей книжкѣ; но прежде чѣмъ рѣшились окончательно подписать эту статью къ печати, нашли не лишнимъ справиться съ недавно-полученною въ Москвѣ книгою, по поводу которой статья написана и которой мы еще не имѣли въ рукахъ. Справка эта убѣдила насъ въ крайней невѣрности тона и многихъ сужденій статьи. Къ сожалѣнію, время не позволяло отложить ея печатаніе и замѣнить ее другою. Намъ осталось лишь заявить наше разногласіе съ авторомъ, что мы и сдѣлали въ выраженіяхъ самыхъ умѣренныхъ, совершенно неоскорбительныхъ, и даже, быть можетъ, слишкомъ уклончивыхъ“.

Какъ портится дѣло редакціи „Русскаго Вѣстника“ самою редакціею. Развѣ нужна ей, пріятна ей была ссора съ сотрудникомъ, такъ долго и такъ много помогавшимъ ей? Къ чему же эти обидныя слова о „безпокойствѣ тона“, къ чему объяснять дѣло такъ, что объясненіемъ напрасно увеличивается непріятность, нанесенная г-жѣ Туръ? „Время не позволяло замѣнить этой статьи другою...“ Къ чему такія слова? Зачѣмъ дѣлала редакція „Русскаго Вѣстника“ намекъ, что „Русскій Вѣстникъ“ печаталъ статьи г-жи Туръ только по недостатку другихъ статей, по невозможности замѣнить ихъ чѣмъ нибудь лучшимъ, что онѣ составляли журнальный баластъ, печатались лишь для наполненія извѣстнаго числа листовъ въ книжкѣ?

„Но г-жа Евгенія Туръ,— продолжаетъ редакція „Русскаго Вѣстника“,—прислала намъ для печатанія письмо, которое и напечатано нами въ этой книжкѣ. Она протестуетъ, она взываетъ къ нашимъ убѣжденіямъ, грозитъ намъ отлученіемъ отъ общества образованныхъ людей, упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ. Она зоветъ насъ на судъ общественнаго мнѣнія. Мы являемся, но предупреждаемъ, что передъ судомъ всякая уклончивость была бы неумѣстна, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту“.

Опять спрашиваемъ, зачѣмъ все это? Зачѣмъ было говорить: „г-жа Евгенія Туръ упрекаетъ насъ въ ультрамонтанствѣ и чуть не въ іезуитизмѣ“, когда она просто говорила: напрасно вы порицали меня, не справившись; „если бы вы справились, вы согласились бы со мной, что сочиненія г-жи Свѣчиной плохи“? Къ чему придавать размѣръ важныхъ взаимныхъ обвиненій несогласію, которое до сихъ поръ имѣло видъ невиннаго литературнаго, или, лучше сказать, библіографическаго спора? И къ чему эта громкая фраза: „она зоветъ насъ на судъ; мы являемся, но предупреждаемъ, что передъ судомъ надобно выводить дѣло на чистоту?“ Развѣ дѣло шло о преступленіяхъ, или о гнусностяхъ, низостяхъ? Дѣло пока шло только

Digitized by Google

объ ошибкахъ неловкихъ, но вовсе не безчестящихъ никого. Зачѣмъ же повертывать его такъ, какъ будто подвергается безславію тотъ, кто окажется неправымъ? Горячность тѣмъ болѣе опрометчивая, что всѣ шансы успѣха въ спорѣ не на сторонѣ редакціи, такъ раздувающей его размѣры, бывшіе въ началѣ ничтожными.

„Редактору „Русскаго Вѣстника“ (продолжаетъ редакція) очень пріятно узнать, что его убѣжденія сходились со взглядами и убѣжденіями г-жи Евгеніи Туръ, хотя онъ съ своей стороны и не берется съ точностію опредѣлить, въ какой мѣрѣ сходились. Но къ чему тутъ убѣжденія, когда дѣло вовсе не въ убѣжденіяхъ, а въ простой справедливости? Никакія убѣжденія не оправдываютъ несправедливости. Мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, есть, по нашему мнѣнію, или, если угодно. по нашему убѣжденію, то же, что и поступокъ, и мы искренно желаемъ, чтобъ убѣжденія г-жи Евгеніи Туръ сходились съ нашими и въ этомъ отношеніи“.

Опять какое ошибочное желаніе язвить противника безъ всякой нужды. Г-жа Туръ просто говорила: мы съ вами всегда сходились въ убѣжденіяхъ, посудите же, какая вѣроятность, чтобы я вдругъ написала статью, рѣзко противорѣчившую вашимъ убѣжденіямъ,—ей на это отвѣчаютъ: „очень пріятно узнать, что ваши убѣжденія сходились съ нашими, хотя мы, съ своей стороны, не берёмся съ точностью опредѣлить, насколько сходились“,—что это такое значитъ? Что это такое, если не колкій, презрительный намекъ на то, что убѣжденія г-жи Туръ всегда казались дурными редактору „Русскаго Вѣстника?“ Къ чему это объявленіе, что вы напрашиваетесь на сотоварищество со мной, но я отвергаю подобныхъ людей? Дальше еще лучше: „мы имѣемъ наивность не отличать статей отъ поступковъ“. Къ чему это провозглашеніе, что статья г-жи Туръ была дурнымъ дѣломъ въ нравственномъ отношеніи? Что же это такое: воровство, разбой, поджогъ? За обвиненіями въ преступленіяхъ слѣдуютъ насмѣшки.

„Г-жа Евгенія Туръ поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ мрака и зла—прекрасная цѣль. Она хочетъ всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, изобличать лжеученія папизма—въ добрый часъ“ (стр. 470).

Гдѣ въ статьѣ г-жи Туръ или въ письмѣ ея мѣста, дающія право на такія насмѣшки? Этимъ тономъ проникнутъ весь отвѣтъ редакціи. Чего тутъ нѣтъ! Главнымъ источникомъ насмѣшекъ служитъ тонкое противоположеніе похвальныхъ качествъ Свѣчиной съ качествами, которыя, какъ слѣдуетъ изъ намековъ, надобно читателю предполагать въ г-жѣ Туръ,—уловка очень легкая, но могущая только быть выраженіемъ наклонности оскорбить г-жу Туръ, а на самомъ дѣлѣ неразсчетливая даже и въ этомъ отношеніи: сревненіе съ Свѣчиной не можетъ не быть выгоднымъ не только для г-жи Туръ, но и ни для какой женщины. Ханжество и фанатизмъ—это такія качества, что быть уличеннымъ въ недостаткѣ ихъ значитъ уже очень много выиграть во мнѣніи порядочныхъ людей. Вотъ изъ отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ отрывки, могущіе дать понятіе о предметѣ, на который нападала статья г-жи Туръ и защиту котораго приняла на себя редакція „Русскаго Вѣстника“.

„Свѣчина никогда не отличалась фанатизмомъ; умъ ея былъ открытъ и знакомъ съ литературами всѣхъ образованныхъ народовъ, даже съ произведеніями древнихъ; она обладала высокимъ образованіемъ... Напрасно также стали бы мы искать этой черты (фанатизма) въ ея сочиненіяхъ... въ этихъ писаніяхъ нѣтъ и признака религіозной нетерпимости, нѣтъ никакого *мрачнаго ученія.* Въ нихъ нѣтъ апологіи папизма какъ папизма, нѣтъ или почти нѣтъ сближеній съ другими вѣроисповѣданіями... Писанія ея

Digitized by Google

имѣютъ общій религіозный характеръ, и большая часть сказаннаго ею могла быть сказана всякимъ религіознымъ человѣкомъ, православнымъ или протестантомъ.

„Упрекая Свѣчину въ фанатизмѣ, критикъ въ то же время укоряетъ ее за какую-то холодность сердца, хотя все, что извѣстно о жизни этой женщины, и все, что ею написано, свидѣтельствуетъ объ удивительной горячности, съ какою она посвящала себя главному интересу своей жизни, религіи и дѣламъ милосердія. Правда, Свѣчина не занималась любовными дѣлами. Но неужели только въ одномъ этомъ можетъ проявляться горячность? Неужели для человѣка, и даже для женщины, ни въ чемъ иномъ нельзя проявить горячность сердца?

„Молодая Софья Соймонова не знала никакой религіи... Впервые заговорило въ ней религіозное чувство, когда она встрѣтилась съ де-Местромъ. Но не свидѣтельствуетъ ли въ пользу ея природы то, что среди пустоты и мелочей свѣтской жизни, она могла съ такою силой сосредоточиться въ интересѣ глубокомъ и внутреннемъ, къ какой бы сферѣ ни принадлежалъ этотъ интересъ? Не замѣчательное ли явленіе—эта молодая свѣтская женщина, принятая ко двору, съ напряженіемъ изучающая богословскіе фоліанты? Можетъ быть, она могла бы лучше употребить свои силы, чѣмъ на чтеніе книгъ, которыя ей сообщалъ де-Местръ; но все-таки несравненно лучше употребляла она ихъ, чѣмъ многія натуры, *широкія и узкія*, которыя вращались въ той средѣ, гдѣ она родилась и откуда ушла“.

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями отвѣта, напечатаннаго редакціею „Русскаго Вѣстника“, да намъ и не нужно этого, потому что мы обращаемъ вниманіе не на содержаніе, а только на форму спора. Замѣтимъ только, что редакція очень подробно говоритъ о томъ, что г-жа Туръ „подбирала“ только „маленькія черточки“, которыя могли „выставить г-жу Свѣчину въ смѣшномъ видѣ, тщательно избѣгая всего, что могло бы быть истолковано въ ея пользу“. Одна изъ главныхъ рекомендацій уму и гуманности Свѣчиной представляется, по словамъ редакціи, тѣмъ, что Токвиль высоко цѣнилъ ея дружбу:

„Токвилль въ своихъ письмахъ относится къ Свѣчиной не просто какъ къ почтенной и доброй старушкѣ, онъ видитъ въ ней зрѣлое сильное разумѣніе, представляетъ на судъ ея свою мысль, подвергаетъ ея критикѣ свои идеи, тѣ самыя идеи, которыя такъ высоко отличали его между современными писателями Франціи, можно сказать Европы. Между прочимъ, онъ доказываетъ ей въ этихъ письмахъ необходимость, чтобы духовенство принимало болѣе живое и дѣятельное участіе въ интересахъ своей страны и въ вопросахъ политическихъ, соглашаясь съ ней, что вліяніе духовенства, равно какъ и вліяніе женщины, должно простираться преимущественно на общіе и внутренніе источники дѣйствій, не вмѣшиваясь въ ихъ внѣшнія и частныя проявленія...

„Итакъ, мы не только имѣли полное право, но были обязаны сказать подъ статьею г-жи Евгеніи Туръ, что она судила односторонне и несправедливо. Мы выразились уклончиво и мягко, мы сказали: *нѣсколько односторонне и не совсѣмъ справедливо;* читатели имѣютъ полное право упрекнуть насъ теперь, зачѣмъ не сказали мы: *крайне односторонне и слишкомъ несправедливо*“.

Послѣ приводятся выписки изъ сочиненій Свѣчиной, въ доказательство тому, что г-жа Туръ не вѣрно переводила или пересказывала ихъ, а потомъ другія, очень длинныя выписки, доказывающія, по мнѣнію редакціи „Русскаго Вѣстника“, что въ сочиненіяхъ Свѣчиной есть глубокомысліе и религіозное чувство, заслуживающее большаго уваженія, и что вообще г-жа Туръ была несправедлива къ дамѣ, превозносимой французскими ультрамонтанцами. Длинное возраженіе заканчивается словами:

„Все это г-жа Евгенія Туръ называетъ упражненіемъ пансіонерки на тему, заданную католическимъ попомъ. Ударъ энергическій,—но на кого онъ падаетъ? Что доказывается этимъ сильнымъ словомъ?“

Digitized by Google

Да, хорошо было бы впередъ знать редакціи „Русскаго Вѣстника“, на кого упадетъ ударъ,—тогда она остереглась бы поднимать дѣло, которое вело къ удару, потому что онъ былъ долженъ упасть не на г-жу Туръ, какъ думала редакція, а на самую редакцію. Ударомъ этимъ была статья, напечатанная въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“. Тономъ своимъ она совершенно гармонируетъ съ тономъ отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ. Самое заглавіе статьи, подписанной псевдонимомъ „Май“ (очевидно для напоминанія о знаменитомъ нѣкогда псевдонимѣ „Бай-Борода“), говоритъ о ея жолчности: она называется „Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ „Русскаго Вѣстника“. Она также длинна, какъ отвѣтъ редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ, писана съ большими, вообще неудачными претензіями на остроуміе и по литературному достоинству гораздо слабѣе отвѣта редакціи „Русскаго Вѣстника“ на письмо г-жи Туръ, а тѣмъ болѣе самого письма г-жи Туръ. Вотъ начало, по которому читатель можетъ видѣть, что неизвѣстный авторъ статьи не слишкомъ большой мастеръ острить, шутить и колоть.

„4-го мая нынѣшняго года на поляхъ „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ произошла кровавая битва. Кичливый подданный дерзнулъ поднять противъ своего властителя знамя возстанія Могучій властитель запылалъ гнѣвомъ и вывелъ противъ мятежника свои военныя силы, закаленныя въ многихъ сраженіяхъ подобнаго рода. Оффиціальныя извѣстія говорятъ о блистательной побѣдѣ. Гонцы счастливаго властелина разносятъ на всѣ стороны молву о новомъ громоносномъ его подвигѣ. Полуоффиціальные сателиты его увѣряютъ, что строптивый мятежникъ совершенно *уничтоженъ*. Толпа, любящая всегда сильные удары, рукоплещетъ и ликуетъ о побѣдѣ. Посреди этихъ всеобщихъ ликованій, посреди поздравительныхъ адресовъ отъ разныхъ классовъ, побѣдитель покоится на лаврахъ и вкушаетъ сладкій нектаръ торжества. Онъ смотритъ съ гордостью на свое дѣло, увѣренный, что такое жестокое наказаніе упрочитъ навсегда его власть, послужитъ спасительнымъ примѣромъ для другихъ непокорныхъ подданныхъ, и что съ этихъ поръ въ государствѣ „Русскаго Вѣстника“ царствовать будетъ тишина и порядокъ. Мы были далеко, когда дошли до насъ первые глухіе слухи объ этихъ важныхъ событіяхъ. Опытъ послѣднихъ годовъ, частое появленіе политическихъ и военныхъ *утокъ* пріучило насъ къ нѣкоторой недовѣрчивости насчетъ извѣстій о современныхъ событіяхъ, особенно насчетъ извѣстій о разныхъ побѣдахъ“.

Неизвѣстный авторъ статьи тяжеловатъ въ своихъ шуткахъ и полемизируетъ вообще неудачно. Но посмотрите, въ какое неловкое положеніе поставила себя редакція „Русскаго Вѣстника“: даже отъ неискусной руки этого слабаго противника „падаютъ“ на нее тяжелые „удары“.

„Съ нѣкотораго времени странныя дѣла совершаются въ этомъ почтенномъ журналѣ говоритъ „Май“). Столкновеніе г-жи Евгеніи Туръ съ редакціею „Русскаго Вѣстника“ есть только послѣднее явленіе въ длинномъ рядѣ фактовъ, изъ которыхъ многіе похоронены во мракѣ неизвѣстности, и только три доведены до общаго свѣдѣнія посредствомъ печати. Редакція „Русскаго Вѣстника“... обнаруживаетъ... оригинальный образъ дѣйствій... Безъ вѣдома и согласія авторовъ, она дѣлаетъ въ нихъ (въ статьяхъ) пропуски, руководясь въ этомъ совершенно загадочными соображеніями, или же снабжаетъ статьи своими собственными „элукубраціями“ и навязываетъ сотрудникамъ разныя порожденія своей фантазіи. Почтенные авторы, получая книжки „Русскаго Вѣстника“, не узнаютъ своихъ собственныхъ произведеній: одни изъ нихъ удивляются ихъ чрезвычайно худощавому состоянію, другіе съ изумленіемъ находятъ въ нихъ такія вещи, о которыхъ и во снѣ не мечтали. Другой оригинальный пріемъ редакціи состоитъ въ томъ, что она помѣщаетъ въ своемъ журналѣ статьи, и тутъ же сама пишетъ критики на эти статьи, протестуетъ противъ нихъ, доказываетъ автору, какъ сильно онъ ошибается и причисляетъ его къ той или другой категоріи отверженныхъ ею людей. Третій, еще болѣе

Digitized by Google

оригинальный пріемъ заключается въ томъ, что редакція печатаетъ въ концѣ статей замѣтки, въ которыхъ говоритъ автору разныя нравоученія и дѣлаетъ злобные намеки. Словомъ, редакція становится какимъ-то особеннаго и еще небывалаго рода исправительнымъ домомъ и заведеніемъ для улучшенія нравственности своихъ сотрудниковъ."

Примѣромъ перваго пріема выставляется исторія урѣзанной, безъ согласія автора, редакціею „Русскаго Вѣстника" статьи г. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ; примѣромъ втораго пріема—примѣчанія, которыми исправляла редакція „Русскаго Вѣстника" статью г. Утина „Очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ въ Англіи", и выговоръ ему отъ редакціи, напечатанный подъ заглавіемъ Nil admirari; примѣромъ третьяго пріема — замѣчаніе, придѣланное къ статьѣ г-жи Туръ. Въ чемъ же причина столь оригинальнаго обращенія съ сотрудниками и статьями? — продолжаетъ „Май":

„Причина всего этого довольно сложна и преимущественно психологическаго свойства. Описанныя нами явленія происходятъ большею частью отъ особеннаго мнѣнія редакторовъ „Русскаго Вѣстника" о самихъ себѣ и отъ особеннаго тоже мнѣнія ихъ о значеніи редакціи вообще. Большой успѣхъ „Русскаго Вѣстника"... произвелъ дурное вліяніе на редакторовъ этого журнала. Говоря простонароднымъ языкомъ—они очень зазнались... Мало по малу поселилось въ нихъ убѣжденіе, что они умнѣе, ученѣе, глубокомысленнѣе не только всѣхъ своихъ сотрудниковъ, но и всѣхъ . . . . вообще. Они вообразили себя единственными настоящими двигателями развитія въ Россіи, могучими умственными силачами, съ которыми некому у насъ равняться, непогрѣшительными мудрецами, которыхъ никто не уличитъ въ незнаніи; они глубоко убѣждены въ томъ, что, кромѣ нихъ, никто ничего не понимаетъ надлежащимъ образомъ.

„Но для пріобрѣтенія этого универсальнаго знанія, имъ вовсе не нужны книги. Они имѣютъ то, чего не имѣетъ никто въ нашей землѣ,—философское образованіе. Они долго купались въ морѣ философіи, просвѣтили свой умъ философіею и насквозь проникнулись философіею. А философія—такое знаніе, которое замѣняетъ собою и дѣлаетъ излишними всѣ другія...

„Согласно съ этимъ сложилось и особенное понятіе редакторовъ „Русскаго Вѣстника" о значеніи редакціи вообще. Изъ всего, что они дѣлаютъ, видно, что съ ихъ точки зрѣнія редакція есть не что иное, какъ начальство, умственное начальство, а сотрудники — подчиненные. Редакторъ, какъ начальникъ, по необходимости умнѣе своихъ сотрудниковъ. Начальство всегда бываетъ умнѣе подчиненныхъ. Иначе быть не можетъ. Иначе былъ бы извращенъ естественный порядокъ вещей. Сотрудники обязаны уважать высоко авторитетъ редактора и съ почтеніемъ принимать его замѣчанія."

Каковы же результаты философскаго всевѣдѣнія, которымъ обладаютъ редакторы „Русскаго Вѣстника"? Вотъ что отвѣчаетъ Май на этотъ вопросъ:

Она (редакція „Русскаго Вѣстника") защищаетъ англійскія учрежденія, это ея спеціальность. Она имѣетъ претензію на самое глубокое и основательное знакомство съ ними... Мы скажемъ однакожъ... что это глубокое знакомство со всѣмъ, что касается до Англіи, есть не что иное, какъ чистый догматизмъ, высокомѣрный, самодовольный и нетерпимый догматизмъ, лишенный научнаго содержанія. Всему міру извѣстно, какимъ образомъ сложились идеи и убѣжденія „Русскаго Вѣстника" насчетъ самоуправленія, децентрализаціи и т. д. Объ этомъ скажетъ всякій и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Казани, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ. Объ этомъ говорятъ даже за границею. Редакція „Русскаго Вѣстника" уяснила себѣ всѣ эти вопросы, вслѣдствіе спора съ г. Чичеринымъ и другими своими сотрудниками. До половины 1857 года незамѣтно было въ журналѣ никакого предпочтенія къ англійскимъ учрежденіямъ; напротивъ, въ немъ писались разныя милыя шутки надъ Англіею и ея государственными людьми. Обращеніе было внезапное. Разрывъ съ частью сотрудниковъ утвердилъ мнѣнія и убѣжденія редакціи и далъ имъ опредѣленную, окончательную форму. Съ тѣхъ поръ, въ очень скоромъ времени, она пріобрѣла себѣ такое необыкновенное знаніе всего англійскаго быта, что стала авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ и не дастъ никому сказать о немъ своего слова. Она

Digitized by Google

довела предпочтеніе къ англійскому устройству до какого-то безусловнаго, нетерпимаго поклоненія, и не позволяетъ никому коснуться ни одного англійскаго учрежденія. Она сдѣлалась англійскою болѣе, чѣмъ сами англичане, такъ что готова упрекать англичанъ въ непониманіи ими своихъ собственныхъ учрежденій, и сердится, если они сами находятъ въ нихъ недостатки. Между тѣмъ всякій, кто прилежно читаетъ „Русскій Вѣстникъ", видитъ, что единственными источниками политической премудрости редакціи служатъ— газета Times и извѣстное сочиненіе Гнейста объ англійскомъ устройствѣ.

Май доказываетъ это споромъ редакціи „Русскаго Вѣстника" съ г. Утинымъ за англійскихъ мировыхъ судей. Наконецъ, онъ берется за разборъ случая, бывшаго прямымъ поводомъ къ его статьѣ, за разборъ дѣла между г-жею Туръ и редакціею „Русскаго Вѣстника". Онъ начинаетъ объясненіемъ, что замѣтки позволительно дѣлать въ началѣ или въ срединѣ статьи, но непозволительно дѣлать ихъ въ концѣ статьи, придавая чрезвычайную важность этой дистинкціи, напоминающей знаменитое преніе въ Пассажѣ о томъ, что если бы г. Перрозіо напечаталъ какую-то фразу простымъ шрифтомъ, онъ былъ бы правъ, а когда напечаталъ ее курсивомъ, то уже неправъ. Потомъ замѣчается, что замѣчали и мы, что приличіе требовало предувѣдомить г-жу Туръ о намѣреніи сдѣлать примѣчаніе къ ея статьѣ.

Редакція оправдывается, aprés coup, тѣмъ, что уже было поздно, что время не позволяло отложить печатаніе статьи. Странно! Статья о г-жѣ Свѣчиной стоитъ послѣдняя въ первомъ отдѣлѣ; она занимаетъ меньше двухъ листовъ печати; очень легко можно было выпустить ее совсѣмъ, книжка и безъ того была бы толста. Можно было даже замѣнить ее другою. Сколько намъ помнится, книжка опоздала тогда не болѣе какъ тремя или четырьмя днями. Извѣстно, что прежде книжки „Русскаго Вѣстника" являлись двадцатью днями позже срока. Публика охотно подождала бы и на этотъ разъ. Но зачѣмъ предаваться всѣмъ этимъ соображеніямъ. Мы узнаемъ теперь отъ редакціи, что статья г-жи Туръ совершенно плоха, негодна и противна ей, и она сожалѣетъ, что не отдѣлала автора получше, что не усилила пріема; упрекаетъ себя въ томъ, что выразилась слишкомъ мягко. Если такъ, то тѣмъ болѣе становится непонятнымъ, зачѣмъ редакція помѣстила такую плохую, негодную и противную ей статью! Редакціи просто хотѣлось сдѣлать г-жѣ Евгеніи Туръ непріятность и наказать ее за какую нибудь ея прежнюю, намъ неизвѣстную непокорность."

Г-жа Туръ послала письмо въ редакцію „Русскаго Вѣстника", продолжаетъ Н. Май, — это требовало большаго мужества, потому что редакція „Русскаго Вѣстника" считается непобѣдимою въ полемикѣ. Отвѣтъ г-жѣ Туръ написанъ съ увѣренностью, что онъ уничтожитъ г-жу Туръ, но къ несчастію, онъ вышелъ неудаченъ.

„Мы не станемъ разбирать, была ли она пристрастна къ г-жѣ Свѣчиной или безпристрастна. Пусть она сама защищаетъ свое мнѣніе, если хочетъ. Мы вообще ничего не будемъ говорить о г-жѣ Свѣчиной. Съ нашей стороны, мы предоставляемъ редакціи полное право находить въ ней „умъ сильный, замѣчательный и владѣющій собою, нравственное чувство и зрѣлость мысли и глубокое развитіе душевной жизни." Пусть она любуется всѣми этими высокими свойствами, сколько ей угодно.

„А мы между тѣмъ займемся отвѣтомъ редакціи съ другой точки зрѣнія. Въ началѣ этого отвѣта редакція дѣлаетъ великолѣпную profession de foi. Она извѣщаетъ насъ, что имѣетъ *„наивность"* не отличать статей отъ поступковъ. Публичное слово, да и всякое слово, по ея мнѣнію и убѣжденію, есть то же, что и поступокъ".

„Мы и будемъ разбирать отвѣтъ редакціи съ точки зрѣнія *наивности*, и съ точки зрѣнія *гармоніи между поступкомъ и словомъ*

„Не дальше какъ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ, что г-жа Евгенія Туръ „поставила себѣ цѣлью неутомимо ратоборствовать противъ мрака и зла... она хочетъ

Digitized by Google

всю свою жизнь преслѣдовать ультрамонтанство, изобличать лжеученія папизма." Мы до сихъ поръ ничего этого не знали. Это что-то новое. Мы опять прочли внимательно статью г-жи Туръ и „Письмо" ея къ редактору, но нигдѣ не находимъ никакого указанія на подобныя намѣренія почтенной писательницы. Откуда цитуетъ редакція? Если въ самомъ дѣлѣ редакція приводитъ мѣста изъ другихъ какихъ нибудь писемъ г-жи Туръ, то полезно было бы знать, дѣлаетъ ли это съ согласія, по полномочію или требованію своей корреспондентки, или просто по *наивности?* Слово ли это или поступокъ?.

„Но дальше мы встрѣчаемъ въ отвѣтѣ нѣчто такое, чего ужъ никакъ нельзя назвать наивностью. Въ краткой замѣткѣ подъ статьею г-жи Туръ, редакція упрекала писательницу въ религіозномъ индиферентизмѣ Теперь она перемѣняетъ тактику и упрекаетъ ее въ совершенно противуположномъ—именно въ религіозной нетерпимости, исключительности, фанатизмѣ. Редакція нашла, что эта новая тактика гораздо для нея выгоднѣе... Аргументъ весьма силенъ, но тутъ между словомъ и поступкомъ редакціи такое разстояніе, какъ между небомъ и землею."

Мы не имѣемъ ни надобности, ни охоты, приводить всѣхъ нападеній Мая; ограничимся однимъ случаемъ: мы видѣли, что редакція ставитъ высокою рекомендаціею для ума Свѣчиной письма къ ней Токвиля. Что жъ такое эти письма, по объясненію Мая?

„Кто читалъ отвѣтъ редакціи, и не читалъ книги г. де-Фаллу, подумаетъ, что эта книга переполнена письмами Токвилля къ г-жѣ Свѣчиной, что онъ былъ неотступнымъ другомъ ея жизни, отводилъ съ ней свою душу, передавалъ ей содержаніе знаменитаго своего сочиненія: l'Ancien Regime et la Révolution, совѣтовался съ нею, какъ писать это сочиненіе, подвергалъ ея оцѣнкѣ всѣ свои идеи. Мы находимъ, что редакція пускаетъ въ глаза публики слишкомъ много пыли. Она говоритъ, что переписка Токвилля съ г-жею Свѣчиной занимаетъ *значительное* мѣсто въ книгѣ г. де-Фаллу и служитъ лучшимъ украшеніемъ ея, и что въ ней все идетъ рѣчь только о политическихъ и общественныхъ предметахъ. Писемъ Токвилля всего семь, и они занимаютъ 12 страничекъ. Письма эти не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго и украшаютъ книгу развѣ только ради одного имени Токвилля. Изъ всего видно, что онъ былъ знакомъ съ г-жею Свѣчиной только въ послѣдніе три года ея жизни, не состоялъ съ нею въ очень близкихъ сношеніяхъ и не видался съ нею часто. Мы не находимъ, чтобы онъ излагалъ г-жѣ Свѣчиной идеи своего знаменитаго труда и совѣтовался съ нею насчетъ его. Онъ говоритъ о немъ только въ одномъ письмѣ, менѣе страницы, и еще извиняется. что распространился слишкомъ много. Мы не видимъ въ перепискѣ особеннаго богатства политическихъ и общественныхъ предметовъ. Редакція пишетъ, что, *между прочимъ*, Токвилль толкуетъ съ г-жею Свѣчиной о необходимости живаго участія духовенства въ дѣлахъ страны. Дѣйствительно, этимъ вопросомъ заняты два письма его; да *прочаго*-то мы какъ-то не видимъ. Редакція выписываетъ изъ одного письма Токвилля комплименты его г-жѣ Свѣчиной; но для точности слѣдовало начать выписку не со средины письма, а перевести и первыя пять строчекъ его, изъ которыхъ публика увидала бы, что это поздравительное письмо, писанное, по старому обычаю, передъ Новымъ годомъ".

Теперь спросимъ: разсчетливо ли было со стороны редакціи „Русскаго Вѣстника" раздувать дѣло, чтобы оно пришло къ такимъ результатамъ? Каждая опрометчивость со стороны редакціи подвергала ее непріятности гораздо сильнѣйшей, чѣмъ непріятность, какую надѣялась она нанести г-жѣ Туръ. Помѣщеніе оговорки безъ предувѣдомленія г-жи Туръ заставило г-жу Туръ доказать, что редакція дѣлала свое примѣчаніе наудачу, не будучи знакома съ предметомъ статьи. Мало того, г-жа Туръ принуждена была сказать, что редакція обнаружила этою оговоркою наклонность слѣдовать взгляду на вещи, различному отъ тѣхъ убѣжденій, какими прежде характеризовался „Русскій Вѣстникъ" и какимъ былъ онъ обязанъ своими успѣхами въ публикѣ. Вмѣсто того чтобы пожалѣть о сдѣланной ошибкѣ, поставившей редакцію въ непріятность выслушать такія замѣчанія, редакція „Рус-

Digitized by Google

скаго Вѣстника“ вздумала отвѣчать на письмо насмѣшками и оскорбленіями г-жѣ Туръ, полагая, что уничтожитъ ее. Эта новая неловкость вызвала статью „Московскихъ Вѣдомостей“, написанную уже не въ томъ умѣренномъ духѣ, какъ письмо г-жи Туръ, а съ рѣзкою безпощадностью; статья безжалостно обнаружила слабыя стороны редакціи, которыхъ не хотѣла касаться г-жа Туръ. Чего тутъ не оказалось? Оказалась даже слабость знакомства редакціи съ Англіею, знаніе которой дȯ сихъ поръ составляло гордость „Русскаго Вѣстника“. Но прошедшаго не вернешь. Мы желали бы только одного: чтобы редакція „Русскаго Вѣстника“ увидѣла безвыходность своего положенія въ полемикѣ, которую опрометчиво возбудила, чтобы она прекратила споръ, продолженіе котораго непремѣнно должно еще больше поколебать ея авторитетъ въ публикѣ. Редакція предполагаетъ въ себѣ чрезвычайныя полемическія силы, и дѣйствительно, отвѣтъ на письмо г-жи Туръ написанъ съ большою ловкостью. Но никакая ловкость не можетъ измѣнить сущности дѣла, которая вовсе не въ пользу̇ редакціи: чѣмъ скорѣе прекратится оно, тѣмъ лучше для нея.

Но если мы желаемъ, чтобы прекратился споръ, невыгодный для редакціи „Русскаго Вѣстника“, мы желаемъ этого не по заботливости о личной славѣ редакторовъ,—какое намъ дѣло до нихъ? Пусть бы они держали себя такъ, какъ имъ угодно, лишь бы не вредить своему журналу. Есть другая сторона въ изложенномъ нами дѣлѣ: система дѣйствій редакціи „Русскаго Вѣстника“ вредитъ самому журналу,—вотъ это горько для насъ; вотъ именно только это и заставило насъ обратить вниманіе на исторію, которой мы ни мало не заинтересовались бы, еслибъ она касалась только личнаго спокойствія редакторовъ, а не вредила самому журналу. Въ чемъ состояла главная сила „Русскаго Вѣстника“ въ первое блистательное время его существованія? Въ томъ, что онъ располагалъ силами гораздо большаго числа постоянныхъ хорошихъ сотрудниковъ, чѣмъ какой бы то ни было другой журналъ въ то время. Въ другихъ журналахъ было всего по три, по четыре человѣка постоянно помогавшихъ редактору; въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ было такихъ людей человѣкъ пятнадцать или двадцать. При этомъ обиліи силъ журналъ шелъ прекрасно. Къ несчастію редакція, не умѣла цѣнить своего положенія и повела дѣло такъ, что скоро отдѣлились отъ „Русскаго Вѣстника“ довольно многіе изъ людей, на содѣйствіи которыхъ основывалось могущество „Русскаго Вѣстника“: вмѣстѣ съ г. Е. Коршемъ удалились отъ „Русскаго Вѣстника“ г. Ѳ. Дмитріевъ, г. Чичеринъ и нѣкоторые другіе люди, бывшіе столь же полезными для журнала. Чтȯ хорошаго вышло для „Русскаго Вѣстника“ или вообще для литературы изъ этого распаденія? Отдѣлившіеся люди основали новый журналъ; но оказалось, что у нихъ не достало средствъ вести его удовлетворительно, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ силы этихъ людей не приносятъ литературѣ той пользы, какую приносили до отдѣленія отъ „Русскагȯ Вѣстника“; а самъ „Русскій Вѣстникъ“ замѣтно ослабѣлъ съ той поры: въ немъ уже не было столькихъ дѣльныхъ людей, чтобы каждая книжка по прежнему наполнялась живыми статьями. Пропорція журнальнаго баласта значительно возросла въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Довольно часто редакція бывала принуждена выпускать книжки, не имѣвшія уже ни одной живой статьи, подобныя книжкамъ тѣхъ второстепенныхъ журналовъ, которые существуютъ, не обнаруживая никакого вліянія на публику. До отдѣленія г. Е. Корша и его друзей, каждый нумеръ „Русскаго Вѣстника“ производилъ впеча-

Digitized by Google

тлѣніе на публику, возбуждалъ горячіе толки; бывало, куда ни прійдешь, по
васъ спрашиваютъ: читали вы послѣдній нумеръ „Русскаго Вѣстника“? что
думаете о такой-то статьѣ? неправда ли, что она хороша?—бывало, тотчасъ
начинаютъ читать вамъ разные отрывки изъ этого послѣдняго нумера, если
еще не видали его. Въ послѣдніе два года этого уже почти не было: „Русск
Вѣстникъ“ не сохранилъ и половины прежняго интереса для публики; но все-та
онъ оставался однимъ изъ наиболѣе любимыхъ публикою журналовъ. Мы боим
чтобы теперь онъ не утратилъ значительной части вліянія, уцѣлѣвшаго за ни
послѣ этой первой потери. Г-жа Туръ удаляется отъ „Русскаго Вѣстника“. Вм
стѣ съ нею удаляются ея литературные друзья. Что хорошаго будетъ отъ
для литературы и для самаго „Русскаго Вѣстника“? Говорятъ, что отдѣляющіе
сотрудники думаютъ основать новый журналъ или новую газету. Хорошо, если
нихъ достанетъ средствъ придать своему изданію сильный интересъ; но приѣ
„Атенея“ служитъ невыгоднымъ предзнаменованіемъ. Всего скорѣе надобно пола
гать, что у новаго изданія не достанетъ силъ занять такое мѣсто, какое прина
жало „Русскому Вѣстнику“. А самъ „Русскій Вѣстникъ“ еще снова ослабѣлъ бы
если бы уже дѣйствительно нельзя было возвратить ему содѣйствія отдѣляющихся
сотрудниковъ. Но мы думаемъ, что дѣло еще можетъ быть поправлено, если ре
дакція „Русскаго Вѣстника“ пойметъ надобность въ томъ. Тамъ, гдѣ ссора во
никаетъ изъ личныхъ мелочныхъ непріятностей, прекратить ее всегда возмож
если люди, по несчастію вовлекшіеся въ нее, люди порядочные, люди преданны
дѣлу, умѣющіе ставить его выше пустыхъ личныхъ непріятностей. Мы не имѣ
права полагать, чтобы кто нибудь изъ лицъ, о которыхъ теперь говоримъ,
обладалъ благородными чувствами, не былъ готовъ бросить самолюбивое раздра
женіе для пользы своихъ убѣжденій. Притомъ же и самое положеніе спора бла
пріятствуетъ примиренію: каждая сторона вѣроятно уже находитъ, что выказа
въ немъ довольно полемическихъ талантовъ, вѣроятно очень довольна свои
остроуміемъ,—чего же больше: когда каждый доволенъ самимъ собой, взаимна
снисходительность не бываетъ тяжела. Всѣ считаютъ себя побѣдителями, а по
дители бываютъ великодушны. Но, разумѣется, первый шагъ къ примиренію л
житъ на обязанности той стороны, которая подала первая поводъ къ непріят
стямъ. Если редакція „Русскаго Вѣстника“ понимаетъ свои выгоды, она да
отдѣляющимся отъ нея сотрудникамъ возможность снова сойтись съ нею. Жела
этого заставляютъ насъ выгоды литературы вообще и собственные наши интере
мы уже говорили, что считаемъ „Русскій Вѣстникъ“ очень полезнымъ подгото
телемъ публики къ принятію идей, которыя мы защищаемъ. Нѣтъ нужды, ч
„Русскій Вѣстникъ“ очень усердствуетъ доказывать нелѣпость и гибельность
ній, которыхъ держимся мы: онъ все-таки выводитъ людей изъ умственной летарг
на дорогу, по которой каждый серьёзный человѣкъ изъ пробуждаемыхъ имъ
премѣнно долженъ раньше или позже прійти къ образу мыслей, нами излагаемо
всякая потеря столь полезнаго для насъ помощника — наша собственная по
и вотъ почему редакція „Русскаго Вѣстника“ не ошиблась бы, послушавши
нашего совѣта: одинаковость нашихъ собственныхъ интересовъ съ ея выго
должна служить ей достаточнымъ ручательствомъ за искренность совѣта, давае
нами ей.

Digitized by Google

Получивъ теперь 10-ю книжку „Русскаго Вѣстника", мы видимъ, къ сожалѣнію, что исторія, нами разсказанная на предыдущихъ страницахъ, обогатилась новымъ документомъ. Редакція „Русскаго Вѣстника" напечатала въ этомъ нумерѣ своего журнала „Объясненіе", служащее отвѣтомъ на статью Мая въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". „Объясненіе" столько же выше статьи Мая по литературному таланту, съ которымъ написаны если не всѣ, то многія его страницы, сколько уступаетъ ему убѣдительностью содержанія. Прекраснымъ примѣромъ полемической ловкости служитъ самое начало „Объясненія".

„Въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей" помѣщена статья подъ заглавіемъ *Краткое сказаніе о послѣднихъ дѣяніяхъ* „Русскаго Вѣстника", и помѣщена, какъ замѣчено редакціей газеты, въ интересѣ гласности. Побужденіе весьма естественное и весьма похвальное въ редакторѣ газеты, хотя бы и казенной. Гласность есть, безъ сомнѣнія, дѣло полезное. Она выводитъ на свѣтъ клеветы и сплетни, которыя плодятся во всякой общественной средѣ. и даетъ такимъ образомъ возможность изобличать и опровергать ихъ. „Московскія Вѣдомости" могли бы сказать въ своемъ примѣчаніи, что помѣщеніемъ этой статьи онѣ имѣли въ виду оказать услугу „Русскому Вѣстнику", и мы бы очень охотно повѣрили имъ, по крайней мѣрѣ вполнѣ согласились бы съ ними.

„Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего на свѣтѣ сколько нибудь обращающаго на себя вниманіе, что не возбуждало бы неблагопріятныхъ слуховъ, выдумокъ и клеветъ. Пока слухи остаются слухами и переходятъ изъ дома въ домъ, изъ устъ въ уста, нѣтъ предѣла ихъ развитію. Печать, напротивъ, все отрезвляетъ, все приводитъ въ должные размѣры, и нелѣпая клевета, вздорная выдумка, иногда не требуетъ никакихъ опроверженій и изобличается сама собою, появляясь въ печати, если только публика привыкла къ гласности, не пугается печатныхъ объясненій какъ скандаловъ, и не предпочитаетъ имъ тихихъ разговоровъ, какъ бы ни были они дѣйствительно скандалезны. Вотъ почему мы думаемъ, что редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" оказалъ намъ услугу, напечатавъ сказаніе о *нашихъ дѣяніяхъ:* всѣ обвиненія, высказанныя въ печатной статьѣ, непремѣнно ходили бы въ обществѣ, въ видѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ слуховъ, съ разными дополненіями и украшеніями,—говоримъ: непремѣнно, потому что, какъ оказалось, есть люди очень заинтересованные нами и нашими дѣяніями. Теперь эти обвиненія собраны, тщательно сгруппированы, весьма игриво изложены, и сами подлежатъ суду какъ публики, такъ и обвиняемыхъ лицъ. То, что было бы для редакціи „Русскаго Вѣстника" таинственнымъ иксомъ, становится теперь величиной опредѣленной, которую можно и взвѣсить, и разложить на составные элементы".

Оборотъ очень искусный. Можно замѣтить только, что у редакціи „Русскаго Вѣстника" не достало сдержанности, чтобы сохранить во всей статьѣ вѣрность этому вступленію. Дальше попадаются выходки противъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей", грубостью своею вовсе не соотвѣтствующія такому началу, очень сильному своею ироническою любезностью. Эти дальнѣйшія выходки ослабляютъ хорошее впечатлѣніе, имъ производимое.

Гласность очень хороша, между прочимъ, и для уничтоженія сплетенъ, сказала редакція „Русскаго Вѣстника", и затѣмъ продолжаетъ: впрочемъ, главный, общій фактъ, выставляемый на видъ статьею Мая, такъ неправдоподобенъ, что и безъ помощи гласности никто бы ему не повѣрилъ. По словамъ Мая, редакторъ „Русскаго Вѣстника" обращается съ своими сотрудниками, какъ начальникъ съ подчиненными. Но, замѣчаетъ редакція, —

„Русскій Вѣстникъ" издается уже не первый годъ. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" участвовали и участвуютъ своими трудами лица, принадлежащія къ числу лучшихъ дѣятелей нашей литературы, и не одни летераторы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, но и лица, принадлежащія къ различнымъ общественнымъ сферамъ, отличающіяся и дарованіями,

Digitized by Google

и самостоятельнымъ образомъ мыслей, и нравственнымъ достоинствомъ Спрашивается. вѣроятно ли, чтобъ эти лица не только согласились выносить подобныя отношенія къ какой бы то ни было редакціи въ продолженіе многихъ лѣтъ, или даже одного года, или одного мѣсяца, но даже допустили хоть на минуту самую возможность подобныхъ отношеній? Чтобы дать этой фантазіи какой нибудь смыслъ, надобно ограничить ея размѣры, надобно допустить, что не всѣ, а лишь нѣкоторые сотрудники „Русскаго Вѣстника“ находятся въ томъ жалкомъ положеніи, какое изображаетъ широкая кисть автора статьи. Если бы нашлись такіе люди, то они дѣйствительно заслуживали бы сожалѣніе, или лучше сказать, они заслуживали бы такое жалкое положеніе. Всѣ выходки, всѣ обвиненія противъ редакціи, собранныя авторомъ статьи, падали бы собственно на этихъ несчастныхъ. Чѣмъ хуже деспотъ, тѣмъ презрѣннѣе подданные, которые несутъ его иго. Мы не судьи собственной нашей личности. Но допустимъ, что мы, дѣйствительно, одержимы бѣсомъ властолюбія и исполнены самыхъ дурныхъ наклонностей: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто, сознавая это, негодуя и ропща противъ насъ въ душѣ своей, поддерживалъ съ нами сношенія и оставался нашимъ сотрудникомъ. Чѣмъ могли мы прикрѣплять къ себѣ свободныхъ людей, чѣмъ могли дѣйствовать на нихъ и порабощать ихъ нашему властолюбію и самоуправству? Какъ могли бы мы проявить наши деспотическія наклонности на людяхъ, которые намъ не подвластны? Редакція журнала не есть населенное имѣніе, не есть даже канцелярія. Здѣсь отношенія совершенно свободны, никто ни отъ кого не зависитъ, и люди, которые не могутъ сойдтись между собою, могутъ разойдтись безъ всякаго препятствія и затрудненія. Если свободный ведетъ и держитъ себя по обычаю невольника, то въ этомъ виновата его собственная добрая воля или его природа“.

Опять очень искусный оборотъ. Но положеніе бываетъ иногда такъ невыгодно, что и величайшая полемическая ловкость остается напрасна. Такъ и тутъ. Май пустился въ неловкую утрировку, редакція „Русскаго Вѣстника“ мастерски схватила эту слабую сторону своего порицателя, и повернула его мысли такъ, что выходитъ изъ нихъ ѣдкій намекъ противъ него самого и защищаемой имъ стороны. Но кто не видитъ, что выставить слабость неловкаго адвоката не значитъ еще опровергнуть сущность дѣла, неудачно имъ излагаемаго? Каждому понятно, что отношенія, за любовь къ которымъ упрекаетъ Май редакцію, только названы имъ начальническими, по неумѣнью его сообразить, что этимъ словомъ онъ даетъ оружіе противъ себя; каждый чувствуетъ, что дѣло идетъ не о „деспотизмѣ“, по ироническому выраженію редакціи „Русскаго Вѣстника“, а просто о нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ деликатности, можетъ быть, и незначительныхъ въ сущности, но все-таки непріятныхъ для людей, подвергающихся имъ. Опять, кто не знаетъ, что при нашихъ привычкахъ люди очень почтенные, благородные, глубоко сознающіе свое достоинство, умѣющіе даже защитить его въ крайнихъ случаяхъ, часто бываютъ расположены считать неумѣстнымъ громко высказывать неудовольствіе, когда бываютъ оскорбляемы не слишкомъ уже тяжело? Вѣдь самъ „Русскій Вѣстникъ“ прекрасно говоритъ объ этомъ общемъ нашемъ недостаткѣ: обижаться и однакоже молчать, чувствовать непріятность и переносить ее. Вѣдь у насъ желающій можетъ быть менѣе деликатнымъ, чѣмъ слѣдовало бы; вотъ объ этомъ слѣдовало бы подумать редакціи „Русскаго Вѣстника“. О томъ, что она деспотствуетъ, нелѣпо и говорить. Но быть можетъ небезполезно было бы не забывать, что не слѣдуетъ пользоваться переносливостью, составляющею слабость почти каждаго воспитаннаго въ нашихъ обычаяхъ: во-первыхъ, нехорошо пользоваться слабостями; во-вторыхъ, это наконецъ приводитъ къ ссорамъ, нимало не нужнымъ ни для кого и очень вреднымъ для тѣхъ самыхъ, которые (тоже безъ всякой нужды) пользуются слабостями до того, что люди теряютъ охоту имѣть съ ними дѣло.

Digitized by Google

Послѣ этого, въ „Объясненіи“ прекрасно излагаются понятія редакціи „Русскаго Вѣстника“ объ обязанностяхъ редакціи всякаго, а въ особенности Русскаго журнала, и о томъ, какія условія должно соблюдать, какими основаніями руководиться въ случаяхъ надобности передѣлывать статью. Эти понятія вообще справедливы, но значитъ, иногда они не соблюдались, если возникали неудовольствія. Кто не дѣлаетъ ошибокъ, опрометчивостей? Но вѣдь есть же средство поправлять ихъ; оно очень просто: не должно уходить въ нимбъ непогрѣшительности и самоувѣренности отъ дружелюбныхъ объясненій съ человѣкомъ, который думаетъ, что вы сдѣлали ошибку противъ него.

Затѣмъ объясняется очень подробно, что редакція „Русскаго Вѣстника“ имѣла полное право поступать съ статьями гг. Благовѣщенскаго и Утина такъ, какъ поступала. Имѣла или не имѣла формальное право, вовсе не въ томъ дѣло; оно въ томъ, что гг. Благовѣщенскій и Утинъ остались недовольны поступками редакціи „Русскаго Вѣстника“ относительно ихъ, а редакція остается довольна своими дѣйствіями въ этихъ случаяхъ. То и бѣда, что неумѣренность или неосторожность въ пользованіи правомъ, которое безспорно имѣете вы, ведетъ иногда къ возбужденію неудовольствія въ людяхъ, съ которыми вовсе не нужно было бы имѣть непріятностей. Этого-то и нужно избѣгать, а не удовлетворяться повтореніемъ гордыхъ словъ: „я имѣлъ право“; не въ томъ сила, имѣли ли мы права,— сила въ томъ, благоразумны ли мы были. Вотъ и теперь напримѣръ: безспорно, редакція „Русскаго Вѣстника“ имѣла полное право излагать исторію того, на какомъ основаніи передѣлывала она статью г. Благовѣщенскаго; но благоразумно ли она дѣлаетъ, излагая ее? Вѣдь она этимъ наноситъ новое оскорбленіе г. Благовѣщенскому — къ чему же? Полезно ли это для нея самой? И чѣмъ заслужилъ г. Благовѣщенскій, чтобы ему наносили непріятности изъ-за того, что поссорились съ какимъ-то г. Маемъ, до чего г. Благовѣщенскому конечно не было и нѣтъ никакого дѣла? Если вы хотѣли ссориться съ нимъ (чего вы совершенно не хотѣли, это по всему видно; мы вѣримъ вамъ, ваши слова объ этомъ согласны съ фактами), то и ссорились бы прямо съ нимъ, прямо по его дѣлу, — это не было бы обидно ему; а то, что вы дѣлаете? Ввязываете человѣка въ чужую непріятную исторію— это уже очень обидно. Неблагоразумно, неблагоразумно.

Идемъ далѣе,—вотъ добрались и до настоящаго предмета „Объясненія“, до статьи г. Мая. Съ такимъ плохимъ бойцомъ сражаться нетрудно: редакція очень ловко и ѣдко ловитъ его на собственныхъ его словахъ и доказываетъ, что напрасно онъ не хочетъ казаться партизаномъ г-жи Туръ, когда самъ проговаривается объ этомъ, что непохвальнымъ дѣломъ онъ занимался, собирая слухи и читая чужія письма, что очень смѣшно разсуждаетъ онъ о дозволительности примѣчаній отъ редакціи въ началѣ или срединѣ и недозволительности ихъ въ концѣ статей, что утрировкою выраженій примѣчанія, сдѣланнаго къ статьѣ г-жи Туръ, онъ самъ бьетъ себя, и т. д., и т. д.—все очень хорошо, а все-таки за побіеніемъ Мая остается не разбитымъ основаніе дѣла. Редакція очень искусно обходитъ его, но вѣдь замѣтно, что она обходитъ его, и думается: значитъ, въ дѣлѣ этомъ есть что-то неловкое, неудобное для оправданія,—какъ будто какія-то пустыя мелочи, изъ-за которыхъ не приходилось бы порядочнымъ людямъ начинать ссору съ сотрудникомъ, приносившимъ пользу ихъ журналу. Какъ тутъ все что-то не клеится съ оправданіями, замѣтимъ на двухъ, трехъ примѣрахъ. Май спрашивалъ,

Digitized by Google

хорошо ли было бы, если бы редакція вводила въ печатную полемику нѣкоторыя выраженія изъ писемъ г-жи Туръ, не предназначавшихся для печати? Редакція отвѣчаетъ:

„Писала ли намъ что нибудь подобное г-жа Евгенія Туръ, или не писала, какое ему до этого дѣло, и откуда можетъ онъ знать это, и какъ можетъ онъ дѣлать это заключеніе изъ нашихъ словъ, которыми мы ничего не цитуемъ, а только передаемъ наше собственное впечатлѣніе?“

Такъ, что за странная придирчивость! Но сама редакція черезъ двѣ страницы впадаетъ въ такую же излишнюю придирчивость:

„Она (г-жа Туръ) говоритъ, что мы можемъ съ спокойною совѣстью не защищать памяти Свѣчиной отъ заслуженныхъ нареканій. Если бы мы также были счастливы, какъ г-жа Евгенія Туръ, и нашли бы себѣ такого же защитника, какъ она, то защитникъ нашъ могъ бы спросить, откуда она взяла, что мы хотимъ защищать память Свѣчиной отъ нареканій? Въ краткой замѣткѣ редакціи, вызвавшей протестацію, ничего не говорится о защитѣ памяти Свѣчиной отъ нареканій Ужъ нѣтъ ли тутъ чего нибудь третьяго, воскликнулъ бы можетъ быть нашъ защитникъ, тономъ торжественно-мрачнымъ, не отголосокъ ли это какого нибудь письма или какой нибудь частной бесѣды? А дѣйствительно, нѣчто подобное намъ случилось сказать частнымъ образовъ; но г-жа Евгенія Туръ, которая не цитовала нашихъ словъ, а говорила отъ себя, имѣла бы полное право посмѣяться надъ нашимъ бѣднымъ защитникомъ, а за нею и публика“.

Надобно даже сказать, что редакція въ этомъ отношеніи еще страннѣе самого Мая. Тотъ привязывался къ выраженіямъ, довольно многосложнымъ, сходство которыхъ съ какими нибудь выраженіями изъ непредназначенныхъ для печати писемъ г-жи Туръ не могло быть случайно; а редакція обижается употребленіемъ словъ „защищать память“—фразы самой простой, обыкновенной, которую каждому часто случается употреблять. Что за мелочное подражаніе мелочности, которую сами осудили! Но страннѣе всего то, что предполагаемыя непозволительныя цитаты не заключаютъ въ себѣ ровно ничего такого, чтобы можно или Маю претендовать на редакцію за одну, или редакціи на г-жу Туръ за другую.

Спѣшимъ къ концу „Объясненія“. Многимъ показалось, будто редакція „Русскаго Вѣстника“, въ отвѣтѣ своемъ на письмо г-жи Туръ, не остереглась употребить выраженія, въ которыхъ заключались личности очень дурнаго тона. Намъ самимъ такъ показалось. Теперь редакція съ негодованіемъ отвергаетъ такое подозрѣніе:

„Наконецъ, защитникъ заноситъ на насъ самый тяжкій ударъ. По счастію, онъ не довершаетъ этого удара, и самъ готовъ оправдать насъ. Онъ говоритъ о какомъ-то мѣстѣ въ нашемъ отвѣтѣ, которое будто бы привело въ недоумѣніе самыхъ жаркихъ поклонниковъ „Русскаго Вѣстника“. Онъ говоритъ о какомъ-то неосторожномъ словѣ, которое могло быть принято за намекъ, „годный только для составителей грязныхъ памфлетовъ“. Мы благодаримъ его за то, что онъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, не приписалъ намъ никакого дурнаго умысла. Благодаримъ его также за совѣтъ быть осторожными, несмотря на то, что этотъ совѣтъ слишкомъ неопредѣлененъ и также не совсѣмъ остороженъ. Никакая осторожность не поможетъ, если вы расположены къ подозрѣнію и склонны видѣть во всемъ намекъ. Впечатлѣніе, производимое словомъ, зависитъ не отъ одного говорящаго, а также и оттого, что на умѣ у слушающаго. Въ объясненіяхъ нашихъ съ г-жею Евгеніею Туръ мы ни о чемъ не говорили, кромѣ только того, что заключалось въ спорномъ предметѣ, и могли имѣть въ виду лишь воззрѣнія этой писательницы, которыя она сама высказываетъ, которыя отчасти проглядываютъ даже въ статьяхъ напечатанныхъ у насъ, и съ которыми однако мы не можемъ согласиться. Вотъ почему мы и поспѣшили отказаться отъ солидарности убѣжденій, на которую

Digitized by Google

настаивала г-жа Евгенія Туръ. Говорить о мнѣніяхъ и взглядахъ писателей, оспаривать или даже осмѣивать ихъ можно и даже должно, если мы считаемъ ихъ ошибочными. Но мы считаемъ непозволительнымъ и безчестнымъ всякій намекъ, годный для грязнаго пасквиля. Мы еще понимаемъ возможность полнаго и точнаго заявленія факта, который можетъ быть опровергаемъ, но намекъ въ этомъ случаѣ есть дѣло недостойное, болѣе позорящее того, кто употребляетъ его, нежели тѣхъ, противъ кого направленъ. Каковы бы ни были наши недостатки и слабости, мы можемъ однако сказать, безъ опасенія, чтобы кто нибудь могъ уличить насъ въ противномъ, что мы не способны къ чему нибудь подобному, и объ этомъ свидѣтельствуетъ все наше прошедшее. Мы считали бы такой поступокъ непозволительнымъ и недостойнымъ даже относительно такихъ лицъ, которыя чѣмъ нибудь дѣйствительно подавали бы поводъ къ намекамъ, годнымъ для пасквилей, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда не было и не могло быть никакого повода къ чему либо подобному".

Прекрасно. Отъ души вѣримъ. Но зачѣмъ же, дѣйствительно успокоивъ насъ благороднымъ оправданіемъ, редакція тотчасъ же впадаетъ въ самые жалкіе личные намеки,—не такого дурнаго смысла, отъ какихъ торжественно отреклась, но все-таки очень, очень дрянные,—посмотрите, какой жалкій конецъ имѣетъ статья, вообще написанная съ талантомъ:

„На этомъ остановимся. О разныхъ мелкихъ выходкахъ противъ насъ, которыми преизобилуетъ статья, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", мы распространяться не будемъ. Говорить о себѣ очень трудно, даже въ интересѣ гласности. Мы не можемъ не считать всего этого мелочами, не заслуживающими вниманія публики. Но если редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", движимый столь дорогимъ для него интерессомъ гласности, захочетъ ближе ознакомиться съ бытомъ редакціи „Русскаго Вѣстника", то мы покорнѣйше просимъ его пожаловать къ намъ, осмотрѣть нашъ кабинетъ, наши книги, навести справки о нашихъ занятіяхъ редакціонныхъ и частныхъ, изслѣдовать наши познанія въ наукахъ. Такимъ образомъ онъ удовлетворитъ своей любознательности гораздо вѣрнѣе и проще, и извлечетъ для себя что нужно въ интересѣ гласности, не прибѣгая къ разнаго рода таинственнымъ сыщикамъ. Втораго тома книги Гнейста онъ не найдетъ теперь въ нашемъ кабинетѣ. Кто-то выпросилъ его у насъ... Кстати о книгахъ. Не можетъ ли редакція „Московскихъ Вѣдомостей", черезъ этого господина, любителя освѣдомленій и розысковъ, отыскать, гдѣ теперь находится кѣмъ-то у насъ взятая книга венгерца Этвеша, о которой говорили мы выше въ статьѣ объ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ? Она крайне нужна намъ въ настоящую минуту для нѣкоторыхъ справокъ, а другаго экземпляра достать въ Москвѣ нѣтъ возможности".

Что это такое? Помилуйте? Неужели объявленіе публикѣ, что нѣкто, написавшій подъ именемъ Мая статью противъ редакціи „Русскаго Вѣстника", бралъ прежде на просмотръ книги у одного изъ редакторовъ „Русскаго Вѣстника", и двухъ изъ этихъ книгъ не успѣлъ еще возвратить ему? На какой отвѣтъ напрашиваются эти слова? Какъ не вздумалось писавшему эти странныя слова, что вѣдь противники легко могутъ сочинить изъ нихъ объявленіе о подпискѣ для вознагражденія редакціи „Русскаго Вѣстника" за убытокъ, понесенный ею отъ неаккуратности неизвѣстнаго въ возвращеніи двухъ изъ числа книгъ, которыя бралъ онъ изъ редакціи? Что за радость напрашиваться на осмѣяніе?

Странное дѣло, жалкое дѣло! И вотъ такими-то дѣлами занимаютъ литераторы публику, и вотъ такія ссоры и вотъ такъ могутъ еще вестись между нами! Удивительно.

Ссорятся люди почтенные изъ-за вздора, разгорячаются до того, что Богъ-знаетъ какими вещами колятъ глаза,—по ихъ предположенію противникамъ, а по нашему мнѣнію самимъ себѣ, забывая изъ-за этого жалкаго вздора и свои вы-

Digitized by Google

годы и пользу литературы. Неужели еще кажется не пора редакціи „Русскаго Вѣстника“ прекратить эту странную исторію? Неужели ей уже невозможно примириться съ сотрудниками, содѣйствіе которыхъ было полезно для ея журнала? Кажется, еще можно загладить всѣ эти дрязги благороднымъ сознаніемъ своей опрометчивости. А если уже нѣтъ, то убѣждаемъ редакцію „Русскаго Вѣстника“ хотя впередъ быть осторожнѣе. Вѣдь если она будетъ продолжать такъ, то будетъ имѣть сотрудникомъ одного г. Ржевскаго.

Но публика и литераторы по прежней привычкѣ еще сохраняютъ столько уваженія къ редакціи „Русскаго Вѣстника“, и въ столь многихъ еще такъ сильна прежняя горячая привязанность къ этому журналу, что для редакціи „Русскаго Вѣстника“ еще очень не трудно сохранить своему журналу средства быть однимъ изъ лучшихъ у насъ: ей стоитъ лишь нѣсколько повнимательнѣе нынѣшняго остерегаться той единственной слабости, на которую мы обратили ея вниманіе и которая во всякомъ случаѣ нимало не мѣшаетъ намъ цѣнить ея достоинства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. *Ор. Новицкаго.* Часть I. Религія и философія древняго востока. Кіевъ. Въ университетской типографіи. 1860 г.

При военныхъ походахъ однимъ изъ неизбѣжныхъ явленій бываютъ толпы отсталыхъ, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ армія съ генеральнымъ штабомъ подвигается все дальше и дальше впередъ. При быстромъ наступленіи дѣло доходитъ до того, что большинство солдатъ остается далеко назади. По счету эти толпы далеко превосходятъ ту часть войска, которая идетъ подъ знаменами; но онѣ не принимаютъ уже никакого участія въ битвахъ и служатъ только обремененіемъ для своихъ бывшихъ товарищей, на плечахъ которыхъ остается вся тяжесть борьбы, которые за то одни и получаютъ славу. То же самое бываетъ и въ умственномъ движеніи человѣчества въ завоеваніи истины. Сначала всѣ народы идутъ наравнѣ: предки Аристотеля жили нѣкогда въ такомъ же состояніи, какъ готтентоты, имѣли такія же понятія; но вотъ умственное движеніе ускоряется въ нѣкоторыхъ племенахъ и огромное большинство человѣческаго рода отстаетъ отъ нихъ. Греки, изображенные Гомеромъ, уже далеко опередили троглодитовъ, лестригоновъ и другія племена, о которыхъ Иліада и Одиссея говорятъ, какъ о жалкихъ дикаряхъ, свирѣпыхъ, вслѣдствіе самой своей нищеты, умственной и матеріальной. Еще нѣсколько переходовъ — и большинство самихъ грековъ отстаетъ отъ передовыхъ племенъ. Во времена Солона аѳиняне уже много ушли впередъ противъ положенія, въ какомъ были при Гомерѣ, а спартанцы не подвинулись почти ни на шагъ, другія племена не подвинулись вовсе. Еще нѣсколько переходовъ — и въ самомъ аѳинскомъ племени повторяется то же явленіе: мудрость Солона была понятна и доступна каждому аѳинскому гражданину, а Сократъ кажется уже вольнодумцемъ большинству своихъ соотечественниковъ: только немногіе понимаютъ его, остальные спокойно осуждаютъ на смерть, какъ безбожника. То же самое и въ новой исторіи. Дѣло начинается тѣмъ, что вся масса людей, населяющая провинціи бывшей западной Римской имперіи и составившаяся изъ смѣшенія германскихъ завоевателей съ прежними римскими подданными, имѣетъ одинаковый взглядъ на вещи: всѣ одинаково католики и всѣ отъ высшихъ до низшихъ одинаково понимаютъ католичество: папа въ VII или VIII вѣкѣ отличается отъ самаго необразованнаго французскаго или ирландскаго поселянина только тѣмъ, что больше его помнитъ текстовъ и молитвъ, а не тѣмъ, чтобы иначе разумѣлъ смыслъ ихъ. Наука существуетъ въ видѣ поговорокъ и простонародныхъ сказаній, которыя одинаково извѣстны всѣмъ людямъ всѣхъ сословій; поэзія состоитъ въ народныхъ пѣсняхъ, которыя равно извѣстны и близки каждому. Черезъ

Digitized by Google

нѣсколько времени различіе сословій по матеріальному положенію производитъ разницу и въ ихъ умственной жизни. Церковныя богатства даютъ возможность образоваться теологамъ, изъ которыхъ большинство считается вѣрнымъ католическому преданію, но все-таки даетъ ему истолкованіе различное отъ понятій, сохраняющихся между простолюдинами. Немногіе особенно даровитые теологи доводятъ эту передѣлку до того, что ихъ понятія отвергаются большинствомъ другихъ спеціалистовъ, за то принимаются мірянами средняго и низшаго сословій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обстоятельства особенно благопріятствуютъ развитію массы. Такъ изъ католическаго общества выдѣляются альбигойцы и другіе еретики. Наука такъ же постепенно принимаетъ форму незнакомую массѣ, развиваетъ въ себѣ содержаніе непонятное для неспеціалистовъ. Изъ общихъ всѣмъ понятій о созвѣздіяхъ развивается нѣчто похожее на астрономію, и сама астрологія становится знаніемъ гораздо обширнѣйшимъ простонародныхъ повѣрій, изъ которыхъ вышла. Эти успѣхи основаны на матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ духовенство и среднее сословіе; горожане участвуютъ и въ произведеніи новой поэзіи, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежнихъ сказкахъ и пѣсняхъ: въ городскихъ цехахъ составляются компаніи мастеровъ поэзіи, мейстерзингеровъ; но еще больше содѣйствуютъ этой перемѣнѣ богатства феодальныхъ бароновъ, у которыхъ являются придворные поэты — трубадуры. Еще нѣсколько времени, и разстояніе между массою и передовыми людьми еще увеличивается: то, что было ересью, представляется выгоднымъ для нѣкоторыхъ свѣтскихъ государей, и ученія различныя отъ католическихъ преданій объявляются въ нѣкоторыхъ странахъ господствующими. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всѣ государи помогали католическому духовенству преслѣдовать еретиковъ, въ началѣ второй половины среднихъ вѣковъ графы Тулузскіе уже покровительствуютъ альбигойцамъ, но еще не смѣютъ сами объявить себя альбигойцами и оказываются безсильными защитить еретиковъ и самихъ себя отъ гоненія, поднимаемаго людьми прежнихъ понятій. Гусситы, въ концѣ среднихъ вѣковъ, уже могутъ удержаться противъ католическаго гоненія; а черезъ сто лѣтъ новыя понятія уже оффиціально становятся на мѣсто католичества: многіе государи предпочитаютъ Лютера папѣ. Но черезъ это только увеличивается разстояніе между передовыми людьми и массою не только въ странахъ, удержанныхъ въ католическомъ порабощеніи, но даже и въ протестантской части Европы: за энтузіазмомъ простонародья, давшимъ свѣтской власти силу отложиться отъ папы, слѣдуетъ прежняя умственная летаргія, и почти весь народъ протестантскихъ земель снова впадаетъ въ умственную рутину, очень похожую на католичество. За то очень далеко уходятъ впередъ небольшія части народа: изъ лютеранства быстро развивается анабаптизмъ и другія ереси протестантства. Большинство протестантскихъ теологовъ также сохраняетъ духъ неподвижности, по которому уподобляется своимъ католическимъ соперникамъ; но немногіе особенно даровитые люди, какъ напримѣръ Социнъ, даютъ ученое развитіе понятіямъ, соотвѣтствующимъ потребности прогрессивнаго меньшинства простолюдиновъ. Свѣтская наука также развивается между спеціалистами съ замѣчательною быстротою, а громадное большинство населенія остается до сихъ поръ повсюду въ невѣжествѣ, очень близкомъ къ тому, что было въ какомъ нибудь IX или X вѣкѣ. Поэзія образованныхъ сословій развивается столь же быстро, а масса повсюду остается при искаженныхъ клочкахъ прежней общенародной поэзіи среднихъ вѣковъ.

Digitized by Google

Подобное отношеніе существуетъ также между массою спеціалистовъ и образованныхъ сословій съ одной стороны, и небольшимъ числомъ передовыхъ ученыхъ и незначительнымъ числомъ людей, приготовленныхъ къ принятію ихъ воззрѣній, съ другой стороны. Мы видимъ, что очень немногіе англійскіе поэты прошлаго вѣка понимали Шекспира и очень немногіе люди въ образованной публикѣ умѣли цѣнить этихъ поэтовъ и самого Шекспира, а большинство англійской публики и англійскихъ поэтовъ очень долго продолжали держаться надутой реторики или холодной прилизанности, которая принадлежала степени поэтическаго развитія несравненно низшей, чѣмъ шекспировская натуральность. То же самое происходило и продолжаетъ происходить повсюду во всѣхъ направленіяхъ умственной жизни. У насъ, напримѣръ, огромное большинство поэтовъ и публики продолжаетъ считать Пушкина лучшимъ представителемъ русской поэзіи, между тѣмъ какъ время Пушкина уже давно прошло. Въ Германіи во время Канта продолжала господствовать вольфіанская схоластика, и кантовская философія стала господствовать, когда наука въ школѣ трансцендентальной философіи уже далеко ушла впередъ отъ кантовской фазы своего развитія; большинство ученыхъ и образованной публики въ Германіи держатся теперь воззрѣній трансцендентальной философіи, между тѣмъ какъ наука уже давно покинула эту прежнюю форму своего развитія. Отсталость всегдашняя участь большинства.

Такъ было до сихъ поръ; такъ продолжаетъ быть и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ выводить, чтобы такое отношеніе осталось и навсегда. Возвратимся къ нашему прежнему сравненію. Только небольшая часть первоначальнаго состава арміи имѣетъ силы не отстать отъ знаменъ въ быстромъ походѣ, только она участвуетъ въ битвахъ и совершаетъ завоеванія; остальные бывшіе товарищи этихъ воиновъ лежатъ по госпиталямъ или плетутся изнуренные далеко позади. Но вѣдь кончается когда нибудь эта разрозненность. Силою небольшой части первоначальнаго огромнаго войска рѣшена борьба, сдѣлано завоеваніе, враги приведены къ покорности, побѣдители отдыхаютъ; тутъ, чтобы раздѣлить съ ними плоды побѣды, ежедневно прибываютъ къ нимъ толпы, остававшіяся назади. Въ концѣ похода вся армія опять сплотилась подъ знаменами, какъ была передъ началомъ похода. Тѣмъ же должно кончиться и умственное движеніе: завоеванная истина оказывается такъ проста, понятна каждому, такъ сообразна съ потребностями массы, что принять ее гораздо легче, чѣмъ хлопотать надъ ея открытіемъ. Переходныя ступени очень тяжелы, одностороннія проявленія истины очень мудрены, но полная истина вовсе не такова: самые слабые имѣютъ довольно силъ, чтобы обнять ее, когда она, наконецъ, открыта. Мы видимъ, какъ упрощается теорія каждой науки по мѣрѣ ея совершенствованія. Тутъ происходитъ нѣчто подобное происходящему при достиженіи очень высокаго развитія поэзіею образованныхъ сословій: эта поэзія принимаетъ наконецъ формы доступныя простымъ людямъ. Корнель и Расинъ были понятны и извѣстны только малочисленному классу людей, получившихъ очень хлопотливое воспитаніе. Самъ Руссо, доступный кругу въ десять разъ большему, былъ еще совершенно недоступенъ большинству грамотной массы: когда образованные люди читали „Новую Элоизу“ и „Общественный Контрактъ“, французскіе грамотные простолюдины еще читали лубочным изданія искаженныхъ остатковъ средневѣковой литературы. Но пѣсни Беранже и Пьера Дюпона поются уже всѣмъ простонародьемъ французскихъ городовъ и все оно уже читаетъ Жоржа Занда. Правда,

Digitized by Google

еще остаются во Франціи цѣлыхъ двѣ трети грамотныхъ людей, состоящія изъ поселянъ, не вовлекшіяся въ этотъ быстро расширяющійся кругъ единства понятій самыхъ передовыхъ людей и совершенно простыхъ людей; правда и то, что еще цѣлая половина французскаго населенія не выучилась грамотѣ. Но мы уже видимъ, къ чему идетъ дѣло. Можно уже по пальцамъ сосчитать, сколько лѣтъ остается до той поры, когда каждый французъ, каждая француженка будутъ людьми читающими и когда каждый читающій станетъ образовываться не по тѣмъ дряннымъ книгамъ, какими довольствуется большинство французскихъ поселянъ теперь, а по произведеніямъ первоклассныхъ людей науки и поэзіи. Перспектива еще довольна длинна, но уже виденъ конецъ ея. Даже у насъ, какъ ни малы наши успѣхи по сравненію съ передовыми странами, есть признаки того, что начинается проникновеніе высшихъ результатовъ нашего умственнаго развитія въ массу, которой были недоступны менѣе высокіе фазисы этого развитія. Ломоносовъ былъ понятенъ только людямъ высокаго школьнаго образованія. Стиховъ Державина народъ не могъ ни узнать, ни оцѣнить; да они и были таковы, что, по правдѣ говоря, ровно нечего было цѣнить въ нихъ. Но молодые люди средняго сословія уже могли восхищаться балладами Жуковскаго. Для простолюдиновъ баллады эти были слишкомъ хитры и приторны; но „Черная шаль“ Пушкина пѣлась уже дѣвушками изъ уѣзднаго простонародья. На дняхъ, проходя мимо столиковъ, на которыхъ продаются лубочныя картинки, мы видѣли листъ съ главными сценами изъ пѣсни Лермонтова о Калашниковѣ; подъ картинками были написаны отрывки пѣсни, соотвѣтствующіе имъ.

Дѣло начинается постепеннымъ выдѣленіемъ людей высшаго умственнаго развитія изъ толпы, которая все дальше и дальше отстаетъ отъ ихъ быстраго движенія. Но по достиженіи очень высокихъ степеней развитія, умственная жизнь передовыхъ людей получаетъ характеръ все болѣе и болѣе доступный простымъ людямъ, все больше и больше соотвѣтствующій простымъ потребностямъ массы, и вторая высшая половина исторической умственной жизни состоитъ по своему отношенію къ умственной жизни простолюдиновъ въ постепенномъ возвращеніи того единства народной жизни, которое было при самомъ началѣ и которое разрушалось въ первой половинѣ движенія.

Тѣ передовые люди, дѣятельностью которыхъ развивается наука, ведутъ ее и къ тому, чтобы проникласъ результатами ея жизнь всего народа. Люди отсталые, служащіе только обремененіемъ для развитія науки, не приносятъ никакойпользы и ея распространенію въ массѣ; они безполезны во всѣхъ отношеніяхъ и во многихъ прямо вредны. Кто думаетъ такъ, тотъ не имѣетъ никакого основанія быть снисходительнымъ къ нимъ. Онъ не имѣлъ бы никакихъ извиненій, если бы сталъ скрывать свое мнѣніе о нихъ, если бы сталъ говорить, что ихъ труды имѣютъ какую нибудь цѣну, когда самъ видитъ, что они не имѣютъ никакой, ни для науки, ни для ознакомленія хотя бы съ тѣмъ неудовлетворительнымъ фазисомъ ея развитія, къ которому принадлежатъ. Напримѣръ, еслибъ мы стали думать, что все же лучше человѣку познакомиться хотя съ отсталыми философскими воззрѣніями, чѣмъ совершенно не имѣть никакого понятія о философіи, мы все-таки не могли бы сказать, что книга г. Ор. Новицкаго будетъ сколько нибудь полезна русской литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто прочтетъ ее? Навѣрное можно предвидѣть, что даже книгопродавческаго успѣха имѣть она не будетъ; никто не купитъ ея, кромѣ развѣ тѣхъ студентовъ, которые должны будутъ готовиться по ней къ экзамену, и

Digitized by Google

самая покупка ея этими молодыми людьми была бы вовсе не признакомъ распространенія знакомства съ философіею въ молодомъ университетскомъ поколѣніи, а напротивъ только признакомъ того, что молодые люди, уже захотѣвшіе познакомиться съ философіею, принуждены отсталостью своихъ руководителей знакомиться съ нею въ той формѣ, которая не удовлетворитъ ихъ, возбудитъ въ нихъ скуку, отвращеніе и во многихъ изъ нихъ убьетъ философскую любознательность, которая была уже пробуждена независимо отъ этой книги, и безъ нея не получила бы такого печальнаго конца. Но да не подумаетъ кто нибудь, что мы этимъ отвергаемъ всякое историческое достоинство системы, отраженіе которой находимъ въ книгѣ г. О. Новицкаго,—сама по себѣ она была нѣкогда очень хороша; намъ кажется только, что она выразилась въ его книгѣ неудовлетворительнымъ образомъ; намъ кажется также, что и въ подлинномъ своемъ видѣ она уже непригодна для нашего времени, бывши плодомъ обстоятельствъ нынѣ измѣнившихся.

Характеръ книги г. Ор. Новицкаго вотъ каковъ: когда въ Германіи распространилось знакомство съ философіею Канта, большинство спеціалистовъ, всегда держащееся рутины, осталось при своей рутинной схоластикѣ, при средневѣковыхъ понятіяхъ; но ради приличія стало прикрывать ихъ словами, заимствованными изъ кантовской терминологіи. Когда распространилась трансцендентальная философія, къ этой смѣси старыхъ схоластическихъ понятій съ новыми кантовскими терминами прибавилась въ рутинныхъ книгахъ еще новѣйшая примѣсь выраженій, взятыхъ изъ шеллинговской и гегелевской системъ. Новаго духа нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ этихъ рутинныхъ книгахъ, какъ нѣтъ никакого слѣда новыхъ общественныхъ идей въ реакціонныхъ газетахъ, щеголяющихъ выраженіями вошедшими въ моду послѣ Руссо. Г. Ор. Новицкій заимствовалъ основныя идеи своей книги изъ этихъ отсталыхъ нѣмецкихъ философовъ, излагающихъ языкомъ Канта, Шеллинга и Гегеля средневѣковыя идеи. На сколько онъ самъ потрудился надъ перекраскою средневѣковыхъ идей въ кантовскій или гегелевскій цвѣтъ, мы не знаемъ, да и никому нѣтъ большой надобности знать, потому что если бы кто нибудь напечаталъ нынѣ оду въ державинскомъ вкусѣ, то отзывъ критики и мнѣніе публики объ этомъ произведеніи остались бы совершенно одинаковы, хотя бы ода была оригинальнымъ произведеніемъ, или только передѣлкою какой нибудь чужой оды, или наконецъ простымъ переводомъ съ нѣмецкаго. Наводить справки объ этомъ рѣшительно не стоило бы.

Въ похвалу г. Ор. Новицкому надобно сказать, что онъ пишетъ съ соблюденіемъ правилъ грамматики, умѣетъ ставить союзы и предлоги въ надлежащихъ мѣстахъ и основательно знаетъ ученіе о знакахъ препинанія. Но эта сторона еще не главное достоинство его книги. Онъ имѣетъ привычку къ употребленію множества философскихъ терминовъ, изъ которыхъ иные даже очень не дурны, когда употребляются не г. Ор. Новицкимъ, а Гегелемъ. Кромѣ того, однимъ изъ источниковъ для изложенія китайской философіи служила ему книга покойнаго Іоакинѳа „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе“, изданная въ Санктпетербургѣ въ 1840 году. Читателю извѣстно, что эта книга написана въ вопросахъ и отвѣтахъ, и вопросы въ ней имѣютъ такой видъ: „Какъ называется у китайцевъ губернское правленіе? Сколько ассесоровъ бываетъ въ китайскомъ губернскомъ правленіи? На какія должности опредѣляются въ Китаѣ коллежскіе регистраторы?“ Въ отвѣтахъ очень точно объясняется все это.

Digitized by Google

Но пора намъ представить хотя одинъ примѣръ философствованій г. Ор. Н
вицкаго. Для примѣра мы выбираемъ ту часть введенія, которая излагаетъ от
шеніе философіи къ религіи. Существенное содержаніе религіи и философіи один
ково, говоритъ Ор. Новицкій, но онѣ „различаются между собою способомъ у
енія себѣ этого содержанія, формою, подъ которою сознаютъ одну и ту же ис

„Въ религіи безусловное открывается, какъ непосредственное присущіе Его въ че
вѣческомъ сознаніи, а въ философіи—какъ мысль о безусловномъ; религія преи
ственно живетъ въ убѣжденіяхъ сердца, а философія въ понятіяхъ разума. Въ не
гихъ словахъ (продолжаетъ Ор. Новицкій въ примѣчаніи), но глубоко вѣрно выр
это различіе философіи и религіи въ нашемъ православномъ Катихизисѣ (стр. 2): „Зн
принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце; вѣра прина
житъ собственно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ"... Сходясь въ одномъ содер
(продолжаетъ онъ опять въ текстѣ), философія и религія различаются между со
только своей формой, но своимъ *значеніемъ и достоинствомъ*. Каково бы ни
значеніе философскаго знанія и достоинство самой философіи, вѣра всегда выше
знанія... Если философія (дальше говоритъ Ор. Новицкій) хвалится отчетливостью
понятій въ свойственной ей области, за то эти понятія не имѣютъ той глубины и жиз
ности, которая принадлежитъ лишь религіи; изъ внутреннѣйшаго, глубочайшаго
ванія жизни человѣчества исходитъ она, и потому есть выраженіе внутреннѣйших
тайнъ; и съ другой стороны, человѣческій духъ раскрывается различными проявленія
науками, искусствомъ, интересами политической жизни, но всѣ эти проявленія и
нѣйшія сплетенія человѣческихъ отношеній, все, что имѣетъ значеніе и достоинс
человѣка, находитъ свое послѣднее средоточіе въ религіи, въ мысляхъ, сознаніи
ствованіи Бога; всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами
религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются въ ней и животворятся ею
философія и искусство, можно сказать, суть цвѣтъ народнаго сознанія; но жив
корень, какъ и всякаго народнаго образованія, есть только религія; отторгнут
этого корня, заключенное въ чисто-отвлеченныхъ понятіяхъ философское мышленіе
вѣетъ и приноситъ плоды незрѣлые и горькіе; только въ религіозномъ чувствѣ
софія всегда находила неизсякаемый источникъ высшихъ, животворныхъ пом
правда, и философія можетъ оказывать религіи своего рода услугу.—можетъ очи
религіозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему примѣси ложна
ниманія, суевѣрія, фанатизма и т. п.; но и это дѣлаетъ философія лишь тогда, е
внимаетъ голосу того же самаго чувства; она только тогда бываетъ дѣйствите
знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувствованіе. Наконецъ, философія ра
вается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; и потому, если она
или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать
успокоенія,—не можетъ удовлетворить сердца; она мыслитъ о безусловномъ, но
мыслитъ, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ,—чего непрестанно
духъ человѣка; между тѣмъ религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаю
загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, успокоиваются всѣ печа
тревоги сердца,—есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира;
религія, а не мышленіе о ней, даруетъ человѣку блаженство; и потому то,—по
снова,—вѣра выше знанія, религія выше философіи" (стр. 12, 13, 14 и 15).

По различію формъ (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) философія и религ
ваютъ въ разныхъ отношеніяхъ между собою. Въ религіи онъ видитъ два
ственныя видоизмѣненія: религію естественнаго откровенія, или религію есте
ную, и религію высшаго, сверхъ-естественнаго откровенія.

„Религіозное и нравственное чувствованіе (говоритъ г. Ор. Новицкій), несм
первоначальное величіе и святость его, можетъ, какъ и все человѣческое, пом
и извращаться страстями; и оно дѣйствительно помрачено и искажено грѣхомъ.—
въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый не только исторіей естественныхъ рел
исторіей языческихъ дѣяній, но и безпристрастнымъ внутреннимъ опытомъ.—

Digitized by Google

отрицали даже языческіе мыслители. Поэтому *высшее*, *сверхъестественное* откровеніе, возможность котораго понимаетъ разумъ, сдѣлалось необходимостью для человѣческаго рода и по божественному милосердію дѣйствительно дано людямъ. Многократно благоволилъ Господь возвѣщать людямъ свою волю черезъ избранныхъ имъ мужей, пока, наконецъ, воплощенный Сынъ Божій не принесъ на землю откровеніе божіе въ полнотѣ и совершенствѣ, и тѣмъ даровалъ человѣчеству *христіанскую, сверхъестественную откровенную религію*" (стр. 16 и 17).

Естественная религія (продолжаетъ г. Ор. Новицкій) не могла дать человѣку истиннаго и спасительнаго богопознанія, а божественная религія „мало по малу очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добрѣ, преобразовала домашнюю и общественную жизнь людей, произвела новое, самое благотворное вліяніе на искусство и науку, а потому самому и на философію. Она открыла человѣку такія тайны о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, до которыхъ не только не доходилъ человѣческій разумъ въ мірѣ языческомъ, ни въ религіи, ни въ философіи, но до которыхъ никогда и не можетъ дойти своими собственными силами. При такомъ значеніи богооткровенной религіи, философія уже не можетъ противопоставляться ей безъ вреда для самой себя, а тѣмъ больше не можетъ пересилить ее и возбудить къ дальнѣйшему развитію, какъ въ мірѣ языческомъ: человѣческое не можетъ стать выше божественнаго; за то, наоборотъ, эта божественная религія самымъ величіемъ своихъ истинъ, ихъ высотою и глубиною, можетъ несравненно больше, чѣмъ естественная религія, возбуждать философскую мысль къ дальнѣйшему развитію, чтобы своимъ собственнымъ путемъ, путемъ чистаго мышленія, она могла мало по малу приближаться къ неисчерпаемому богатству содержанія, даннаго божественнымъ откровеніемъ, проникнуться имъ, возвыситься къ нему"...

Еще болѣе перемѣнъ въ отношеніяхъ между религіею и философіею производилось развитіемъ самой философіи. Сначала философія 1) заключается въ предѣлахъ религіи, потомъ,—по словамъ г. Ор. Новицкаго,— „2) отдѣляется отъ религіи, становится независимою отъ нея въ своемъ развитіи, получаетъ совершенно другую форму, форму отчетливыхъ и самостоятельныхъ соображеній разсудка и нерѣдко поставляетъ себя во враждебное отношеніе къ религіи, не хочетъ признавать своего знанія въ ея вѣрѣ; наконецъ, 3) философія снова обращается къ религіи, старается примириться съ нею, признать разумомъ то, что религія признаетъ сердцемъ, соединить ея вѣру съ довѣріемъ къ самому разуму и опять является въ формѣ общности, но отчетливой и ясной".

До появленія сверхъестественной религіи философія имѣла,—по словамъ г. Ор. Новицкаго,—первый свой періодъ на востокѣ, второй періодъ въ Греціи, гдѣ „противопоставляла себя религіи общественной". Третьимъ періодомъ была Александрійская философія, которая „собрала религіозныя преданія и переплавила ихъ въ одно умозрительное созерцаніе". Послѣ появленія сверхъестественной религіи должны были, по словамъ г. Ор. Новицкаго, повториться тѣ же три періода.

„Тѣ же измѣненія философіи находимъ и въ мірѣ христіанскомъ. И здѣсь философская мысль сначала заключается въ предѣлахъ христіанской религіи, развивается подъ ея вліяніемъ и выражаетъ свое содержаніе въ общемъ видѣ: такова *философія Отцевъ Церкви и схоластическая;* такова же философія и *аравитянъ* въ ея отношеніи къ исламизму. Потомъ философія отрѣшается отъ религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно

Digitized by Google

противопоставляетъ себя религіознымъ идеямъ: такова *философія новая*, — англичанъ, французовъ, нѣмцевъ. Наконецъ надобно ожидать еще третьяго періода, — возвращенія философіи къ христіанской религіи. Такое ожиданіе не есть предсказаніе будущаго недоступнаго для насъ; какъ скоро въ мірѣ христіанскомъ даны два періода, соотвѣтствующіе двумъ первымъ изъ трехъ періодовъ міра языческаго, то по здравой аналогіи слѣдуетъ ожидать и третьяго, — какъ изъ двухъ посылокъ — заключенія. И теперь уже чувствуется потребность сближенія Философіи и Религіи, и приближается время, когда убѣжденія религіозныя и созерцанія философскія сольются въ гармоническое единство по высшимъ требованіямъ разума и вѣры; но пока — это есть еще предметъ желаній и надеждъ".

Не будучи богословами, мы не станемъ разсматривать того, бывало ли для религіи полезно то смѣшеніе философіи съ религіею, котораго желаетъ г. Орестъ Новицкій. Намъ кажется, что каждый человѣкъ долженъ дѣлать собственно то дѣло, которое дѣлаетъ (разумѣется, если это дѣло недурное само по себѣ); а если, дѣлая одно, станетъ думать, что дѣлаетъ другое, то онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ заблужденія, и вся его дѣятельность будетъ ошибочна. По словамъ г. Ореста Новицкаго, религія отличается отъ философіи и всякой другой науки по своему источнику и по способности, которая служитъ органомъ ея: она происходитъ изъ откровенія и состоитъ въ чувствѣ; философія, подобно другимъ наукамъ, основывается на наблюденіи, создается умомъ; религія состоитъ въ вѣрѣ, наука въ знаніи. Но будто бы въ этомъ состоитъ главная разница между ними? Нѣтъ, если мы обратимся за разъясненіемъ вопроса къ учителямъ, которые понимали откровенную религію наисправедливѣйшимъ образомъ, къ великимъ отцамъ церкви, мы услышимъ отъ нихъ, что откровенная религія различается отъ свѣтской науки и по самому предмету истинъ, которымъ научаетъ: откровенная религія отверзаетъ человѣку міръ духовный, недоступный внѣшнимъ чувствамъ, она говоритъ намъ о таинствахъ св. Троицы, о предвѣчномъ Божескомъ совѣтѣ искупленія людей смертію Бога-Сына, о чиноначаліяхъ ангеловъ, о паденіи злыхъ духовъ, о воскресеніи мертвыхъ, о Страшномъ Судѣ, о тайнахъ будущей жизни. Земное знаніе не касается этихъ великихъ истинъ, принадлежащихъ сферѣ, недостижимой для него, по своей возвышенности,—оно можетъ сообщать намъ только свѣдѣнія о внѣшней и матеріальной природѣ и о человѣкѣ, какъ о существѣ земномъ, матеріальномъ. Божественное откровеніе вводитъ людей въ знаніе „премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной", сообщаетъ человѣку истины, которыхъ „глазъ не видѣлъ, и ухо не слышало", и которыя даже „на мысль человѣку не входили" до полученія откровеннаго свыше знанія о нихъ. Такъ учатъ отцы церкви, понимавшіе религію откровенія съ совершенною ясностью. По ихъ ученію,— ученію вѣрному и подтверждаемому нынѣшними философами, отрѣшившимися и отъ схоластическихъ заблужденій и отъ самообольщеній трансцендентальной априоричности Шеллинга и Гегеля, разница между религіею откровенія и земною наукою состоитъ не въ томъ, что религія даетъ только вѣру, а не даетъ знанія, между тѣмъ какъ наука даетъ знаніе,—нѣтъ, по ученію великихъ отцовъ церкви, откровенная религія даетъ человѣку и знаніе, также какъ наука, но знаніе не о тѣхъ предметахъ, которые доступны земной наукѣ, а о совершенно иныхъ, несравненно высочайшихъ. Г. Орестъ Новицкій, слѣдуя заблужденію схоластиковъ, смѣшивавшихъ философію Аристотеля съ истинами христіанской религіи, слѣдуя примѣру трансцендентальныхъ философовъ, сливавшихъ откровенную религію съ наукою, затмилъ въ себѣ, подобно имъ, истинныя понятія и о томъ и

Digitized by Google

о другомъ: онъ не понимаетъ ни ученія отцевъ церкви, ни духа земной науки. Это затемнѣніе произведено тѣмъ, что онъ захотѣлъ быть спеціалистомъ по двумъ предметамъ, изъ которыхъ каждый довольно великъ, чтобы остаться не вполнѣ объятымъ и тогда, когда человѣкъ на изученіе его одного употребитъ всѣ свои силы, всю свою жизнь: у г. Ореста Новицкаго не достало ни времени, ни силъ основательно изучить ни религію, ни земную науку.

Г. Ор. Новицкій воображаетъ, что онъ философъ; если такъ, онъ долженъ быть филолофомъ, а не богословомъ. То, что доступно одному, недоступно другому. Но изъ всего видно, что наука кажется ему неудовлетворительной, что онъ ставитъ религію выше философіи и по достовѣрности, и по достоинству идей. Если такъ, ему слѣдовало бы бросить науку, перестать воображать себя философомъ и сдѣлаться преподавателемъ религіознаго ученія. Онъ самъ говоритъ, что оно приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ философія; зачѣмъ же онъ тратитъ свое время на дѣло очень мало полезное, не занимаясь дѣломъ несравненно полезнѣйшимъ? Онъ не правъ самъ передъ собою.

Предоставляя его собственному его порицанію, мы обратимся къ его книгѣ. Еслибъ онъ написалъ ее съ той точки зрѣнія, которая ему самому представляется справедливѣйшею, его книга могла бы удовлетворить собою людей, раздѣляющихъ его образъ мыслей. Съ богословской точки зрѣнія языческія ученія были грѣховными порожденіями отца лжи, во власть котораго впали люди, отпавшіе отъ истиннаго Бога; отцы церкви находили частицы истины и въ ученіяхъ древнихъ философовъ, но это мерцаніе откровенной истины относили къ откровенію Бога-Слова. По своему образу разумѣнія отношеній между религіею и философіею, не совершенно согласному съ истиною, какую находимъ въ чистѣйшемъ источникѣ, г. Ор. Новицкому слѣдовало бы говорить о языческихъ религіяхъ и системахъ философіи въ этомъ тонѣ, изобличать ихъ несогласія съ христіанскимъ вѣроученіемъ, показывать, что всѣ онѣ безъ исключенія учили человѣка разврату и преступленіямъ, или, точнѣе выражаясь, грѣховнымъ бѣсовскимъ дѣламъ. Съ этой точки зрѣнія онъ выставлялъ бы дурную сторону и въ буддизмѣ, обольщающемъ человѣка своею кротостью и видимою нравственною чистотою, и въ ученіи Сократа, и даже въ философіи самого Платона. Онъ видѣлъ бы тогда, что всѣ эти системы были злоухищреніями сатаны, облекающаго дѣтей своихъ въ одежды овчія, чтобы тѣмъ легче растерзать ему волчьими зубами обольщенныя души язычниковъ. Г. Ор. Новицкій могъ бы очень послѣдовательно провести этотъ взглядъ, и въ его книгѣ была бы логика; но онъ вздумалъ поступить иначе, вздумалъ говорить о языческихъ ученіяхъ въ такомъ тонѣ, который отвергается его собственною точкою зрѣнія, и книга его вышла ни для кого непригодною смѣсью грѣховныхъ философскихъ мыслей съ мыслями одобряемыми богословіемъ. Одна половина строкъ въ ней разногласитъ съ другою половиною.

Скажемъ болѣе: если бы г. Ор. Новицкій поступалъ сообразно съ своими убѣжденіями, онъ вовсе и не выбралъ бы древнихъ языческихъ религіозныхъ и философскихъ ученій предметомъ своего сочиненія. Человѣкъ, находящій безусловную истину въ религіи сверхъестественнаго откровенія, не можетъ заниматься языческими ученіями съ холодною ученою цѣлью. Всѣ они для него плоды лжи и грѣха. Отношенія къ лжи и грѣху возможны только двоякаго рода: или предаваться имъ, служить имъ, или бороться съ ними, опровергать ихъ. Но г. Орестъ Новицкій уже

Digitized by Google

познал суету лжи, душепагубность грѣха, стало быть не можетъ служить имъ; и такъ ему оставалось бы только изобличать ихъ, полемизировать противъ нихъ, искоренять ихъ. Но онъ не можетъ не видѣть, что это дѣло совершенно не нужное въ наше время въ цивилизованной Европѣ, къ которой принадлежитъ публика, читающая русскія книги. Русскіе люди могутъ имѣть свои умственные и сердечные недостатки, но никто не скажетъ, чтобы для русскихъ были опасны языческія вѣроученія древняго востока, Греціи, Рима; никто изъ нашихъ собратій по племени не поклоняется ни Зевесу, ни Шивѣ, ни Ариману, ни Озирису; предостерегать насъ отъ такихъ заблужденій дѣло совершенно излишнее. Это все равно, что предостерегать русскую публику отъ людоѣдства, отъ ѣденія мухомора или жирной глины, отъ дурныхъ привычекъ, существующихъ между дикарями острова Явы, чукчами и бушменами: мы, къ счастію, стоимъ уже гораздо выше такихъ привычекъ и никакъ не могли бы впасть въ нихъ даже безъ всякихъ предостереженій. Говорить о язычествѣ съ богословской точки зрѣнія надобно не съ русскими, а съ чувашами, бурятами, самоѣдами: вотъ они дѣйствительно нуждаются въ изобличеніяхъ лживости и грѣховности язычества. Но для нихъ нельзя писать книгъ на русскомъ языкѣ, потому что эти несчастные люди не умѣютъ читать книгъ ни на русскомъ, ни даже на своемъ собственномъ языкѣ. Разоблачать передъ ними язычество можно только однимъ способомъ: научиться ихъ языку, сдѣлаться миссіонеромъ и, странствуя по ихъ юртамъ, бесѣдовать съ ними. Если бы г. Ор. Новицкій занялся этимъ, если бы онъ сдѣлался миссіонеромъ между бурятами или тунгузами, онъ сталъ бы заниматься дѣломъ по истинѣ полезнымъ и похвальнымъ, разумѣется при соблюденіи того условія, чтобы проповѣдь его совершалась въ духѣ кротости. Но съ понятіями, при которыхъ можно разсуждать о язычествѣ только съ самоѣдами, языкомъ кроткаго миссіонера, г. Ор. Новицкій вздумалъ писать о язычествѣ для русской публики тономъ ученаго. Мы боимся, что весь трудъ его пропалъ понапрасну.

Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи. Сочиненіе американскаго писателя *Натаніэля Готорна.* Санктпетербургъ. 1860 г.

Готорнъ писатель великаго таланта, и надобно было надѣяться, что онъ превосходно перескажетъ миѳологическія преданія; въ его талантѣ есть особенность, дѣлавшая его необыкновенно способнымъ къ отличному исполненію взятой имъ на себя задачи. Послѣ Гофмана не было разсказчика съ такой наклонностью къ фантастическому, какъ Готорнъ. Съ фантастичностью счастливо соединяется въ немъ обыкновенная принадлежность таланта, главная сила котораго состоитъ въ богатствѣ фантазіи: онъ простодушенъ. Повидимому нельзя было бы найти лучшаго сказочника для дѣтей. Но вышло не то: книжка, переведенная теперь на русскій языкъ, написана очень талантливо, а все-таки оказывается плохою. Бѣда произошла оттого, что Готорнъ почелъ нужнымъ передѣлывать передаваемыя имъ греческіе миѳы. Впрочемъ, передѣлка передѣлкѣ рознь. Гёте передѣлалъ индійскій миѳъ о „Магадевѣ и Баядеркѣ", греческое сказаніе о посѣщеніи, сдѣланномъ умершею невѣстою жениху, и разсказы не стали хуже отъ передѣлки: „Магадева и Баядерка", „Коринѳская невѣста", — вещи превосходныя. Гёте передѣлалъ также легенду о Фаустѣ и первая часть Фауста также вышла удивительно прекрасное

созданіе. Хорошо вышло въ этихъ случаяхъ потому, что передѣлка совершалась по разумному основанію: поэтъ находилъ въ старинныхъ разсказахъ намекъ на идею, которой самъ былъ проникнутъ, развивалъ этотъ намекъ, ярко выставлялъ тотъ смыслъ, какой могли видѣть въ старомъ преданіи люди ему современные. Бываютъ хорошія передѣлки и другаго рода: авторъ, имѣя въ виду, что читатели, которымъ онъ пересказываетъ преданія иной страны, иной эпохи,—люди не ученые, не успѣвшіе пріобрѣсти археологическихъ, историческихъ, этнографическихъ свѣдѣній, какія нужны для легкаго пониманія передаваемыхъ разсказовъ, для вѣрной оцѣнки ихъ, для полнаго наслажденія, чувствуетъ надобность незамѣтно вплести въ разсказъ свѣдѣнія, какія нужны его читателямъ; если онъ человѣкъ съ талантомъ и самъ получилъ достаточное образованіе, онъ исполнитъ эту надобность удачно, безъ педантства, безъ неловкихъ натяжекъ, такъ что читать его разсказъ будетъ очень легко, и для людей неученыхъ гораздо легче, чѣмъ читать преданія въ оригинальной формѣ. Такъ Нибуръ передавалъ дѣтямъ миѳы классической древности въ разсказахъ, которые посвятилъ своему маленькому сыну. Ну Готорнъ передѣлывалъ ихъ не по этимъ надобностямъ, не для того, чтобы сдѣлать понятнѣе, и не для того, чтобы развить ихъ смыслъ сообразно съ идеями своего вѣка: онъ ударился въ то, что обыкновенно называютъ художественностью люди, не имѣющіе понятія о художественности; въ добавокъ вообразилъ, что въ подлинныхъ разсказахъ много неприличнаго, могущаго развратить дѣтское воображеніе, что надобно уродовать ихъ для сглаженія въ нихъ того, что люди съ развращеннымъ воображеніемъ считаютъ безнравственностью. Онъ писалъ подъ вліяніемъ двухъ этихъ мыслей и результатомъ вышло—дрянь.

Число дрянныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія такъ велико, что, разумѣется, не стоило бы много заниматься появленіемъ еще одной такого же достоинства; а эти многочисленныя дрянныя книжки такъ плохи, что разсказы Готорна могутъ даже назваться очень сносными по сравненію съ другими (тѣмъ болѣе, что изданы не дурно и языкъ перевода довольно не дуренъ); стало быть не для чего было бы много заниматься доказываніемъ, что Готорнъ написалъ для дѣтей плоховатую книжку. Но намъ вздумалось произвести вивисекцію этой книжки на пользу и назиданіе нашимъ собственнымъ авторамъ такъ называемыхъ художественныхъ произведеній: авось кто нибудь изъ нихъ увидитъ, что урокъ можетъ относиться и къ нему съ его собратіями. Мы станемъ говорить о Готорнѣ, человѣкѣ постороннемъ, значитъ рѣчь наша будетъ безобидна для своихъ; а свои сдѣлаютъ не дурно, если поразмыслятъ надъ ней: вѣдь и за ними, между нами будь сказано, водятся тѣ самые грѣшки, благодаря которымъ такъ шлепнулся въ миѳологическихъ разсказахъ Готорнъ, не смотря на свой огромный талантъ, — такой огромный, что изъ нашихъ художниковъ не найдется ни одного равнаго ему по таланту. А если человѣкъ, болѣе сильный, чѣмъ они, написалъ плохо оттого, что писалъ неблагоразумно, то, значитъ, имъ еще больше надобности въ благоразумныхъ мысляхъ.

Соблазнъ считать переработываемый матеріалъ нуждающимся въ моральной подчисткѣ былъ у Готорна извинительнѣе, чѣмъ у нашихъ художниковъ: вѣдь Готорнъ писалъ для дѣтей, а они хотятъ имѣть читателями взрослыхъ людей. Да и греческіе миѳы составились подъ вліяніемъ обычаевъ, изъ которыхъ иные были рѣшительно противны нынѣшнему развитію цивилизаціи,—напримѣръ отношенія, апотеозою которыхъ служатъ миѳы о Ледѣ или о Ганимедѣ. Важность не въ томъ,

Digitized by Google

что разсказываются тутъ извѣстные факты, а въ томъ, что разсказываемые факты выставляются явленіями законными, хорошими. Трудно рѣшить, какъ поступать съ подобными матеріалами писателю, публикою котораго должны быть люди того возраста или умственнаго развитія, которому совершенно чужда самая мысль о существованіи такихъ фактовъ, какъ отношенія Юпитера къ Ганимеду. Обыкновенно говорятъ, что благоразумнѣе всего оставлять ихъ въ незнаніи объ этихъ дурныхъ вещахъ, къ счастію неизвѣстныхъ имъ. Отвѣтъ совершенно справедливый въ примѣненіи къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствительно существуетъ въ нашихъ слушателяхъ или читателяхъ предполагаемое ими условіе незнанія фактовъ того рода, какіе мы сочтемъ полезнымъ скрывать отъ нихъ. Но въ томъ и бѣда, что это условіе встрѣчается на самомъ дѣлѣ несравненно рѣже, чѣмъ предполагаютъ утаивающіе воспитатели и учителя, слишкомъ наивно забывающіе о собственномъ дѣтствѣ и о характерѣ житейскихъ событій и разговоровъ, среди которыхъ растетъ ребенокъ. Изъ тысячи дѣтей развѣ одно воспитывается такъ заботливо, что не видитъ и не слышитъ безпрестанно тѣхъ вещей, о которыхъ не говоритъ съ нимъ воспитатель или учитель, будто съ незнающимъ о нихъ. Предположимъ случай почти невозможный, — предположимъ, что вся семья и вся прислуга въ жилищѣ ребенка люди совершенно нравственные и въ поступкахъ и въ словахъ; но вѣдь ребенокъ прогуливается же иногда по улицѣ, а на улицѣ нельзя пробыть пяти минутъ, не услышавъ сквернословія. Положимъ, что онъ не видитъ грязныхъ сценъ между людьми (чего трудно ожидать, если онъ не содержится въ заперти); но вѣдь по двору и по улицѣ подъ его окнами бѣгаютъ куры, собаки, а въ его комнатѣ летаютъ мухи: на нихъ онъ довольно насмотрится того, чего по нашему предположенію не видалъ отъ людей. Разумѣется, мы дѣлаемъ предположеніе совершенно фантастическое, когда беремъ такую обстановку ребенка, чтобы разговоры и дѣйствія домашнихъ не разоблачали передъ нимъ очень часто тѣхъ вещей, которыхъ по нашему мнѣнію не слѣдовало бы знать ему. Мы всѣ такъ неосторожны, привычка говорить о скандалахъ и несоблюдать деликатности въ собственной жизни такъ сильна въ насъ, что отъ насъ самихъ ребенокъ наглядится и наслушается всего того, что привлекаетъ къ Фоблазу извѣстныхъ читателей и читательницъ. Если бы самое знаніе фактовъ, самый звукъ словъ были такъ гибельны для нравственной чистоты, какъ обыкновенно полагаютъ, всѣ семилѣтнія дѣвочки и мальчики въ нашемъ обществѣ и во всякомъ другомъ нынѣшнемъ обществѣ были бы до крайности развратны. Но этого нѣтъ. Кромѣ особенно несчастныхъ случаевъ, очень искусственной обстановки, дѣти сохраняютъ чистоту. Кто наблюдаетъ жизнь, безпрестанно встрѣчаетъ примѣры этой чистоты, разсказъ о которыхъ былъ бы изумителенъ, невѣроятенъ для людей, судящихъ по предубѣжденію, а не по изслѣдованію дѣйствительной жизни. Часто вы встрѣчаете взрослую дѣвушку, выросшую среди самаго грязнаго домашняго быта и сохранившую столь полную чистоту не только въ своихъ поступкахъ и чувствахъ, но и въ самой фантазіи, что хочется повторить о ней слова Гамлета объ Офеліи:

Съ этой чистой душой, среди этихъ людей,
Бѣлый голубь она въ черной стаѣ грачей.

Часто вертепами цинизма бываютъ не то, что жилища несчастныхъ женщинъ, презираемыхъ порядочнымъ обществомъ, а жилища семействъ пользующихся по-

Digitized by Google

четомъ въ томъ же самомъ обществѣ; но и въ этихъ семействахъ дочери до очень поздней поры бываютъ обыкновенно невинны, чему не повѣрили бы мы сами, если бы несчастія слѣдующей жизни этихъ дѣвушекъ не показывали, что даже и онѣ въ 16, въ 18 лѣтъ не были готовы къ той роли, какая достается имъ. О мальчикахъ и юношахъ нельзя сказать того же только по одному чисто физическому отношенію: большая часть изъ нихъ очень рано испытываютъ физическую любовь; но,—фактъ опять невѣроятный для людей, судящихъ по готовымъ предразсудкамъ и внѣшнимъ признакамъ, а не по наблюденію сущности дѣла,—эти мальчики, испытывавшіе наслажденіе, которое по пошлости обыкновенныхъ отношеній слишкомъ часто сопровождается чѣмъ то похожимъ на развратъ,—даже и они до очень поздней поры обыкновенно сохраняютъ невинность души, и очень часто остается чисто даже ихъ воображеніе. Это доказывается чистотою чувства, какое испытываютъ почти всѣ они въ юношествѣ, встрѣчаясь съ порядочными женщинами: очень мало такихъ испорченныхъ юношей, которые, не смотря на свои прежнія физическія отношенія къ женщинамъ, не испытывали бы того, что называется первой любовью или платонической любовью,—названіе ошибочное, потому что дѣло не въ томъ, которая по счету женщина внушаетъ мужчинѣ благородное чувство, а платонизмъ говоритъ объ идеальной сантиментальности, которая очень приторна и скользка,—но мы указываемъ не на имена чувства, а на его характеръ. Съ 13—14 лѣтъ мальчикъ испытываетъ пріятныя любовныя шалости, но все-таки въ 18 или въ 20 лѣтъ проникается самымъ чистымъ чувствомъ къ женщинѣ: онъ робокъ съ нею, застѣнчивъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ, готовъ пожертвовать жизнью для ея счастья,—не только для ея счастья,—для ея каприза или для того чтобы получить отъ нея пожатіе руки, ласковое слово... Какъ выдумаете, неужели красавицы не заманивали много разъ въ свои комнаты того пажа, о которомъ разсказываетъ Шиллеръ въ балладѣ, названной у Жуковскаго „Кубкомъ“? Навѣрное онъ зналъ ласки многихъ женщинъ; а посмотрите, что сдѣлалось съ нимъ, когда пришла пора ему испытать настоящую любовь. Зачѣмъ онъ бросился въ пучину первый разъ? Онъ самъ не смѣетъ подумать о наградѣ, которой ждетъ за свою смѣлость: онъ хочетъ того, чтобы царевна подумала: „онъ лучше всѣхъ этихъ рыцарей“. Онъ самъ боится отдать себѣ отчетъ въ этой надеждѣ, которую отваживается выразить лишь однимъ, самымъ неопредѣленнымъ намекомъ въ своемъ разсказѣ:

И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой
Отъ взора людей далеко,
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой....

Слышите ли, онъ позволяетъ себѣ сказать лишь то, что любитъ, — кого любитъ, на это нѣтъ никакого намека; хоть бы взглянулъ онъ при этихъ словахъ на царевну,—нѣтъ, и того онъ не смѣетъ.—Онъ слишкомъ хорошо испыталъ ужасъ пучины: онъ не имѣлъ никакого понятія о немъ, пока не былъ въ ней самъ, и никто изъ окружающихъ не можетъ вообразить, какъ ужасна была судьба, на которую онъ обрекалъ себя. Тогда онъ содрогнулся, конечно въ первый разъ въ жизни, и самъ онъ говоритъ, что страшно ему и подумать о томъ, что испыталъ. А между тѣмъ онъ опять бросается на эту страшную смерть, лишь только увидѣлъ, что царевнѣ жаль его, что она не совсѣмъ холодна къ нему. Она проситъ отца не посылать отважнаго юношу за кубкомъ во второй разъ,—этого довольно:

Digitized by Google

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена,
Отважность сверкнула въ очахъ.
Онъ видитъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ она,
Онъ видитъ, въ ней жалость и страхъ,—
Тогда, неописанной радости полный,
На жизнь и погибель онъ бросился въ волны...

Что-же, отважился ли онъ попросить поцѣлуя у невѣсты, обѣщанной ему за подвигъ, или хоть поцѣловать ей руку на прощаньи, или хоть сказать ей слово?.. Нѣтъ, ему это было труднѣе, чѣмъ умереть для нея. Кто наблюдаетъ жизнь, тотъ безпрестанно видитъ правду Шиллерова разсказа, видитъ ее почти на каждомъ изъ молодыхъ людей, на которыхъ смотритъ. Всякая утрировка переходитъ въ обратную утрировку: педанты, претендующіе на идеальное понятіе о высокихъ добродѣтеляхъ, къ какимъ способенъ человѣкъ, имѣютъ слишкомъ грязное понятіе о людяхъ, которыхъ видятъ въ дѣйствительной жизни. Они требуютъ, чтобы дѣвушка или молодой человѣкъ не слышали ни одного слова о вещахъ, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ знакомиться человѣку въ этомъ возрастѣ; за то чрезвычайно легко сдѣлаться нравственно погибшимъ существомъ въ ихъ мнѣніи. Въ обоихъ отношеніяхъ они одинаково фантазеры: они хотятъ держать человѣка въ чистотѣ лишь потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ падокъ на грязь: они воображаютъ его зловоннымъ животнымъ и оттого льютъ на него цѣлыми ушатами эс-букетъ своихъ нравственныхъ рѣчей. Человѣкъ не нуждается въ такомъ избыткѣ косметическихъ средствъ, потому что онъ человѣкъ: грязь мерзка для него, и по-тому развѣ отъ слишкомъ сильнаго и долгаго втаптыванія въ грязь получаетъ онъ привычку къ ней. Можете вовсе не беречь его нравственность, и онъ будетъ нравственненъ, если вы, поклонники нравственности, сами не принудите его къ разврату вашимъ безумнымъ обращеніемъ съ нимъ.

Дѣло въ томъ, что пока не пробудилась въ человѣкѣ органическая потребность извѣстнаго удовольствія, оно вовсе не составляетъ для него удовольствія, не тянетъ его къ себѣ, не привлекаетъ къ себѣ не только его чувства, даже его вниманія. Дѣти, видя, что старшіе каждый вечеръ по нѣскольку часовъ сидятъ за преферансомъ, все-таки любятъ не сидѣнье за ломбернымъ столомъ съ картами въ рукахъ, а любятъ бѣгать, шалить, рѣзвиться. Потребность, сажающая людей за копѣечный преферансъ—скука головы, требующей умственнаго труда и не находящей его; дѣти не чувствуютъ этой умственной пустоты, для нихъ шалости служатъ достаточнымъ занятіемъ, и оттого они не сядутъ за карточный столъ, пока не станутъ взрослыми людьми и притомъ взрослыми людьми въ пустомъ обществѣ. Преферансъ не привлекателенъ для нихъ. Конечно, если старшіе позаботятся, то могутъ и въ десятилѣтнихъ мальчикахъ развить страсть къ преферансу: пусть разгорячатъ воображеніе дѣтей разсказами, что пріятнѣе всего выигрывать деньги у другихъ, пусть внушаютъ имъ презрѣніе къ дѣтскимъ играмъ, не дающимъ денежнаго выигрыша, и можетъ быть мальчики и дѣвочки начнутъ мечтать не объ игрушкахъ и бѣготнѣ, а объ десяти въ червяхъ. Впрочемъ этихъ моральныхъ раздраженій едва ли будетъ достаточно: вѣроятно понадобится прибѣгнуть къ физическимъ средствамъ. Заприте дѣтей въ тѣсныхъ комнатахъ, отнимите у нихъ игрушки, не велите имъ шумѣть, велите сидѣть неподвижно, — тогда они возьмутся за карты. Подобной пыткѣ подвергаются тѣ бѣдныя дѣти, которыя рано

Digitized by Google

чѣмъ слѣдуетъ, принимаются за физическую любовь или искусственные способы замѣнять ее. Имъ безпрестанно толкуютъ, чтобы они подражали старшимъ—вотъ они и подражаютъ. Имъ внушаютъ презрѣніе къ дѣтству, — хотятъ преждевременно сдѣлать ихъ взрослыми, — вотъ они и дѣлаются. Кто хочетъ, чтобы дѣти сохраняли нравственную чистоту, вовсе не нуждается въ обманываніи ихъ, въ утайкѣ отъ нихъ; онъ только не долженъ убивать въ нихъ самостоятельности, подавлять въ нихъ наклонностей, принадлежащихъ дѣтству: дѣтскія игры такъ будутъ наполнять ихъ воображеніе, что не останется имъ времени, не будетъ у нихъ охоты думать объ удовольствіяхъ, которыхъ еще не требуетъ ихъ организмъ. Если вы не испортили дѣтей принужденіемъ, то пусть они читаютъ какія хотятъ книги: они во всѣхъ книгахъ будутъ замѣчать лишь шумныя сцены сраженій, разныхъ геройскихъ подвиговъ, а любовныя интриги будутъ пропускать они безъ всякаго вниманія. Пусть каждый, чье дѣтство не было убито слишкомъ тяжкой стѣснительностью педантическаго надзора, слишкомъ натянутой формалистикой, припомнитъ, какое впечатлѣніе оставляли въ его дѣтской головѣ романы, читанные въ 10, 12 или 14 лѣтъ: всѣ эротическія страницы онъ перевертывалъ съ пренебреженіемъ, отыскивая дуэлей, дракъ съ звѣрьми или съ разбойниками, страшныхъ приключеній; для него существовалъ только сказочный интересъ драматическихъ внѣшнихъ происшествій, и чѣмъ шумнѣе были они, тѣмъ лучше казалась книга. Мы помнимъ про себя, какъ въ дѣтствѣ съ восторгомъ перечитывали разъ двадцать въ Римской исторіи Роллена періодъ Самнитскихъ войнъ, по которому тянется непрерывный рядъ сраженій: никакой романъ не занималъ насъ такъ, какъ эти страницы, которыхъ не въ состояніи прочесть взрослый человѣкъ по ихъ невыносимой монотонности. Около того же времени попался намъ въ руки какой-то скандалёзнѣйшій романъ покойнаго Степанова, кажется „Тайна“, а можетъ быть „Постоялый дворъ“: мы не прочли и половины первой части, такъ скучна показалась намъ эта книга. Черезъ нѣсколько времени было прочтено нами нѣсколько романовъ Поль-де-Кока. Насъ очень забавляли въ нихъ уморительныя приключенія въ родѣ того, какъ одинъ господинъ сталкиваетъ другаго съ лѣстницы, или вышедши прогуливаться вдругъ замѣчаетъ среди многолюдной улицы, что на немъ нѣтъ галстуха и что мальчишки бѣгутъ за нимъ, выдѣлывая разныя гримасы. Въ циническихъ сценахъ мы замѣчали только смѣшную сторону. Напримѣръ, входитъ дама въ комнату, гдѣ живутъ три студента, у которыхъ только одинъ костюмъ, поочередно надѣваемый дежурнымъ счастливцемъ, между тѣмъ какъ двое другихъ сидятъ завернувшись въ простыни. Увидѣвъ такую нелѣпую картину, дама въ ужасѣ кричитъ, студенты тоже кричатъ, и двое, которые въ простыняхъ, лѣзутъ подъ кровати, а дама бѣжитъ, падаетъ, разбиваетъ носъ, опять бѣжитъ, опять спотыкается—это ужасно смѣшно! Циническая сторона сцены совершенно не была замѣчена нами. Каждый можетъ провѣрить справедливость этихъ воспоминаній, если потрудится наблюдать впечатлѣнія и мысли ребенка, лишь бы ребенокъ былъ обыкновенный, не слишкомъ обезображенный постороннею заботливостью обратить его въ миніатюрную каррикатуру взрослаго человѣка.

Готорнъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, что ребенокъ сосредоточитъ все свое вниманіе на эротической сторонѣ разсказа, будетъ даже доискиваться, нѣтъ ли какихъ нибудь любовныхъ отношеній тамъ, гдѣ прямо не говорится о нихъ; онъ воображаетъ дѣтей похожими на злоязычныхъ старухъ или пожилыхъ

Digitized by Google

развратниковъ, которые не могутъ слышать женское имя безъ того, чтобы не приплести къ нему скандальныхъ сплетенъ или циническихъ грёзъ. Потому онъ съ забавною щепетильностью, доходящею до совершенной нелѣпости, выпускаетъ изъ греческихъ миѳовъ все похожее на любовь или передѣлываетъ ихъ самымъ пошлымъ образомъ, чтобы предохранить дѣтей отъ мысли, которая и безъ того не вошла бы въ ихъ маленькія головы. Очень потѣшна въ этомъ отношеніи его исторія о ящикѣ Пандоры. Миѳъ говоритъ, что ящикъ былъ свадебнымъ подаркомъ Пандорѣ, которая выходила замужъ,—больше этого ничего и не говорится, и кажется скандальнаго тутъ мало. Вѣроятно дѣти и безъ миѳа знаютъ, что ихъ маменька жена ихъ папеньки (хорошо, если они знаютъ это, а не то, что ихъ маменька не жена ихъ папеньки, а жена у папеньки другая женщина, или, что у ихъ папеньки есть дѣти кромѣ ихъ, маменькиныхъ дѣтей—случай довольно частый и всегда извѣстный дѣтямъ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ бываютъ подобные случаи). Вѣроятно дѣти знаютъ, что взрослыя дѣвушки выходятъ замужъ и ихъ старшая сестрица—невѣста или скоро будетъ невѣста (хорошо, если они знаютъ только это, а не то, что вотъ такая-то вотъ взрослая дѣвушка, можетъ быть ихъ сестрица, дала надъ собой какому-то молодому человѣку сдѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать только послѣ свадьбы, и оттого всѣ бранятъ ее). Короче сказать, въ словахъ миѳа, что когда Пандора выходила замужъ за Эпиметея, Меркурій принесъ ей вмѣсто свадебнаго подарка очень красивый ящикъ, — въ этихъ словахъ нѣтъ повидимому ровно ничего циническаго, скандальнаго или такого, знаніе о чемъ можно было бы утаить отъ дѣтей. Но Готорнъ сообразилъ очень проницательно: „свадьба, невѣста, женихъ... Какія скандальныя слова! Къ какимъ соблазнительнымъ мыслямъ поведутъ они дѣтей!“ Сообразно такому мудрому размышленію, онъ взялъ да и передѣлалъ начало миѳа слѣдующимъ образомъ:

„Въ древнее время, о! да вѣдь въ такое древнее, когда старый свѣтъ только-что еще раждался, жилъ мальчикъ, по имени Эпиметей, у котораго никогда не было ни отца, ни матери; а чтобъ ему не было скучно, то ему прислали изъ очень дальней стороны другого ребенка, тоже безъ отца и матери, чтобы имъ вмѣстѣ играть. Это была маленькая дѣвочка, которую звали Пандора.

„Первое, что бросилось ей въ глаза въ ту минуту, какъ она поставила ногу на порогъ хижины, гдѣ жилъ Эпиметей,—былъ большой ящикъ“.

Прелестно. Цѣль забавна; но посмотримъ, достигъ ли Готорнъ хотя своей жалкой цѣли. Мальчику скучно; чтобы развлечь его, нужна дѣвочка. Почему же дѣвочка? Зачѣмъ мальчику дѣвочка? Мальчику съ мальчикомъ веселѣй играть. чѣмъ съ дѣвочкой. Для чего же Эпиметею нужна дѣвочка? Вѣрно тутъ есть какая нибудь особенная забава, и вѣрно эта забава пріятнѣе тѣхъ игоръ, въ которыя играютъ мальчики съ мальчиками? Если фантазія дѣтей такъ загрязнена, что слова свадьба, женихъ, невѣста наводятъ ихъ на грезы о физической любви, то Готорнова передѣлка еще скорѣе привлечетъ ихъ къ этимъ грезамъ. Ужъ если быть послѣдовательнымъ, такъ надобно было ему изгнать изъ своихъ разсказовъ либо слово мальчикъ, либо слово дѣвочка: онъ находитъ нужнымъ взрослыхъ людей обращать въ дѣтей, чтобы охранить отъ скандала, такъ ужъ надобно было всѣхъ дѣтей одѣть въ одинъ костюмъ, чтобы всѣ были мальчики. Для чтенія мальчиковъ это было бы хорошо. Но вотъ бѣда, если книгу станутъ читать дѣвочки: съ ними не годится говорить о мальчикахъ, это наведетъ ихъ на дурную мысль. Итакъ.

Digitized by Google

будемъ писать для мальчиковъ особыя сказки, для дѣвочекъ особыя: изъ однихъ изгонимъ слова женщина, дѣвушка, дѣвочка; надобно уже для полнаго достиженія цѣли изгнать слова сестра и мать; не мѣшаетъ изгнать мѣстоименіе женскаго рода она, а то вѣдь и оно наведетъ на дурныя мысли; а чтобъ изгнать его, надобно будетъ избѣгать всякихъ существительныхъ женскаго рода: вмѣсто дверь будемъ писать ставень, вмѣсто рука будемъ писать глазъ, вмѣсто стѣна будемъ писать потолокъ. Изъ книгъ для дѣвочекъ, напротивъ, изгонимъ слова мальчикъ, мужъ, отецъ, братъ, онъ; носъ замѣнимъ ногой, языкъ головой и т. д. Но слово мужчина можно оставить: оно съ виду походитъ на женщину; только ужъ будемъ употреблять его въ женскомъ родѣ: „сія добрая мужчина“.

Намъ съ Готорномъ хорошо; мы шутки шутимъ по своимъ глупостямъ. Но вообразите себѣ, какія вещи должны происходить на свѣтѣ, если бы нашлись люди, держащіеся подобныхъ правилъ, ослѣпленные подобными фантазіями въ серьёзныхъ вещахъ. „Этого не говорите, это наведетъ на дурныя мысли; и вотъ этого не говорите, это тоже поведетъ къ дурнымъ мыслямъ; а говорите вотъ что, это не возбудитъ дурныхъ мыслей, и говорите еще вотъ что—это возбудитъ хорошія мысли“. Ахъ вы чудаки, чудаки! Да развѣ вы въ самомъ дѣлѣ успѣете скрыть что нибудь такое, что захотятъ знать люди? Да развѣ то, что скрываете вы отъ нихъ, не видятъ и не слышатъ они на каждомъ шагу? Если они не дѣлаютъ того, что васъ пугаетъ, отъ мысли о чемъ думаете вы удержать ихъ вашими стараніями утаить шило въ мѣшкѣ, такъ это просто значитъ, что не пришло еще имъ время приняться за это дѣло, что они еще не хотятъ думать о немъ, что у нихъ еще не пробудилась потребность къ нему; а когда прійдетъ пора, замѣтятъ они шило въ мѣшкѣ, старайтесь или не старайтесь вы скрыть его,—да и какъ не замѣтить?—вѣдь оно колетъ ихъ; а если они еще не замѣчаютъ его, значитъ они еще такъ не привыкли думать, что не сообразятъ связи между своею болью и шиломъ. А пока еще такъ слабо въ нихъ соображеніе, вы безопасно могли бы допустить ихъ слушать, что угодно: вѣдь все равно, они ничего бы не поняли. Кромѣ шутокъ, если люди сами не умѣютъ знать того, что могли бы узнать отъ другихъ, это значитъ, что они еще не чувствуютъ надобности, не хотятъ знать; а когда захотятъ, никакими способами ничего не скроете отъ нихъ; потому всякая утайка совершенно напрасна.

Но оставимъ мысли объ историческихъ дѣлахъ, чтобы заняться литературными вопросами, которые, какъ извѣстно читателю, гораздо важнѣе и милѣе для насъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Иные люди могутъ имѣть свой разсчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты, какъ Готорнъ искажаетъ греческіе мифы; но какая надобность можетъ заставлять художника искажать психологическую истину въ своихъ произведеніяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одинъ примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, героемъ которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало писавшему по-русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмевавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія, — человѣку, не безславными чертами вписавшему свое имя въ исторіи, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человѣкъ могъ быть изображенъ какъ человѣкъ серьёзный. Авторъ повѣсти, кажется, и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ

Digitized by Google

ему вздумалось: „а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большаго наслѣдства? Человѣкъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родоваго имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ,—нѣтъ, такой человѣкъ не можетъ считаться серьёзнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ". И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живаго человѣка рисовать карриктуру,—какъ будто левъ годится для каррикатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человѣкомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высокій трагическій характеръ, посерьёзнѣе Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышелъ винигретъ сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей.

Можно бы припомнить и еще нѣсколько повѣстей въ томъ же родѣ,—повѣстей прекрасныхъ, лучшихъ въ нынѣшней нашей литературѣ, но имѣющихъ только одинъ маленькій недостатокъ: авторъ боялся компрометировать себя или своихъ героевъ и героинь; онъ боялся, что скажутъ: „это безнравственно". Быть можетъ у него была и та боязнь, какъ у Готорна: читатели столь невинны и вмѣстѣ столь наклонны къ порчѣ, что грѣшно разсказывать имъ вещи такъ, какъ самъ ихъ знаешь: ну, неравно соблазнишь ихъ на что нибудь дурное, о чемъ они и не будутъ имѣть понятія, если я не скажу имъ этого? Нѣтъ-съ, пишите то, что знаете; никого изъ насъ не удивите, мы всѣ знаемъ не меньше вашего. И если мы еще не совсѣмъ испорчены, такъ это не потому, чтобы мы не знали какова жизнь, а потому, что не чужими словами портится человѣкъ, и не сценами, которыя видитъ, а только собственнымъ положеніемъ. Ради собственной вашей репутаціи не подражайте Готорну: вѣдь и для дѣтей смѣшно, когда онъ боится вымолвить слова женихъ и невѣста.

Но Готорнъ не удовлетворяется тѣмъ, что передѣлываетъ греческіе миѳы изъ безнравственныхъ въ нравственные. Онъ находитъ, что надобно придавать имъ привлекательность художественною отдѣлкою: безъ нея они были бы слишкомъ сухи, имѣли бы слишкомъ мало картинности, лица не выходили бы рельефны. Вотъ онъ и придаетъ имъ художественность. Въ чемъ же состоитъ она? А вотъ въ чемъ. Въ подлинникѣ миѳъ разсказанъ на двухъ страничкахъ, онъ растягиваетъ его на пятьдесятъ страницъ. Если въ миѳѣ сказано „поле", онъ размалевываетъ, что на этомъ полѣ растетъ трава, и какая трава, и какъ пріятно смотрѣть на траву; тутъ для красоты подвернется ему и корова,—вотъ она ходитъ по полю, щиплетъ траву: все описано, какая корова и какъ щиплетъ; къ коровѣ кстати приписанъ пастухъ, и пастухъ описанъ. Если въ миѳѣ сказано „Пандорѣ хотѣлось раскрыть ящикъ, а Эпиметей говорилъ, что это запрещено", — Готорнъ размалевываетъ изъ этихъ словъ длиннѣйшій разговоръ, очень мило, съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, съ ловко подмѣченными переходами рѣчей и переливами чувствъ, какія бываютъ при подобныхъ спорахъ. Это размазыванье и растягиванье чрезвычайно украшаетъ разсказываемую исторію,—по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Готорнъ.

Digitized by Google

Намъ было бы мало убытка, если бы такъ думалъ и дѣлалъ только Готорнъ. Но на бѣду припоминается намъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній отечественной литературы. Недавно мы читали на цѣлыхъ тридцати или пятидесяти страницахъ очень милое развитіе слѣдующаго положенія: бесѣдуетъ молодой человѣкъ съ молодой дамой; онъ говоритъ: „вамъ скучно", она говоритъ „нѣтъ"; онъ возражаетъ: „нѣтъ, вамъ скучно, потому что вы не живете, вы не наслаждаетесь жизнью", — положеніе очень хорошее и предметъ разговора прекрасный, но вѣроятно у Шекспира,—или куда ужъ намъ до Шекспира!—вѣроятно и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя такая сцена никакъ не заняла бы болѣе двухъ страницъ, и все было бы высказано на этихъ двухъ страницахъ: и характеры разговаривающихъ обрисованы очень рельефно, и съ полностью высказаны всѣ мысли, которыми обмѣнивались разговаривающіе. Такъ, но Лермонтовъ и Пушкинъ намъ не указъ: они не художники, а мы художники. У нихъ былъ талантецъ — отрицать нельзя, но пользоваться имъ они не умѣли. Разверните „Герой нашего времени": просто жалость какъ скомканы, сбиты всѣ сцены; ничего развитаго, ничего художественнаго,—скажетъ нѣсколькими словами въ чемъ сущность дѣла, и идетъ дальше. Нѣтъ, мы сдѣлали бы не такъ. Растягивай, размазывай, повторяй, тверди одно и то же по двадцати разъ, все съ новыми (очень граціозными) варіаціями, переливами красокъ, модуляціями мыслей, оттѣнками чувства. У насъ, напримѣръ, если герой надѣваетъ туфли, надѣваніе занимаетъ по крайней мѣрѣ полторы страницы, а надѣваетъ онъ ихъ разъ десять, и каждый разъ у насъ достанетъ искусства написать объ этомъ по полуторы страницы: вотъ ужъ подлинно художественность,—на то у меня и талантъ. Попробуйте-ко вы тянуть эту руладу, у васъ голоса не достанетъ, а я тяну. Прекрасно, только искусство ваше нѣсколько напоминаетъ процессъ, совершаемый за обѣдомъ беззубыми стариками: у кого зубы хорошіе, сразу раскусываетъ кусокъ, а беззубый бѣдняжка жуетъ, жуетъ его, мямлетъ, мямлетъ, такъ что дивишься только: какъ это, Господи, достаетъ у человѣка терпѣнья. По нашему ужъ и не берись за такой кусокъ, котораго сразу не раскусишь. — За то художественно, за то талантъ виденъ. Оно такъ, автору пріятно, и въ произведеніи сладость сахарная, только читать тяжеловато. Все равно, какъ слушаешь человѣка, который и очень умно говоритъ, только косноязыченъ: тянетъ, тянетъ, такъ душу изъ тебя и вытягиваетъ. О, мы умѣемъ пользоваться своими лицами и положеніями! Если, напримѣръ, дѣвушка попадется намъ въ руки, мы ее всю по ниточкѣ размочалимъ: „она была очень граціозна",—и напишемъ страницу, какъ она была граціозна; „она улыбнулась ему въ отвѣтъ", — и опишемъ, какъ улыбнулась. Тютрюмовъ не умѣетъ такъ бобровые воротники писать, какъ мы умѣемъ все описывать. Вы можете восхищаться Рафаэлемъ и Шекспиромъ, а по нашему мнѣнію мы съ Тютрюмовымъ выше Рафаэля и Шекспира. Хотите ли образчикъ нашей художественности?—вотъ онъ. Положимъ, молодой человѣкъ идетъ въ садъ, чтобы встрѣтить тамъ любимую дѣвушку и сказать ей, что любитъ ее. По вашему нехудожественному разсужденію дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы разсказать встрѣчу ихъ. Нѣтъ, позвольте... По нашему мнѣнію очень интересна была минута, когда герой причесывалъ голову.

„Вотъ и галстухъ повязанъ. Иванъ Андреевичъ сѣлъ передъ маленькимъ столикомъ орѣховаго дерева, слегка растреснувшимся посрединѣ. „Вотъ она, неопрятность

Digitized by Google

холостой жизни, подумалъ онъ. Федоръ не догадается, что надобно бы столикъ отодвинуть отъ окна въ простѣнокъ: вонъ какъ его перекоробило солнцемъ". Иванъ Андреевичъ взялъ въ руки гребень и осмотрѣлъ его: одинъ зубъ расщепился: „тоже никому нѣтъ дѣла присмотрѣть, что гребень уже не годится; то ли дѣло, когда домъ озаренъ и оживленъ присутствіемъ милой женщины; при ней не будешь держать себя неряхой; при ней и Ѳедоръ былъ бы расторопнѣй". Онъ взглянулъ въ зеркало, стоявшее на столикѣ. Оно было въ овальной рамкѣ краснаго дерева стариннаго фасона съ бронзовыми украшеніями и инкрустаціею: „что за безвкусица—на орѣховомъ столикѣ зеркало краснаго дерева. Неряха, лѣнтяй, сонливецъ..." Онъ съ упрекомъ взглянулъ на лицо, отражавшееся передъ нимъ въ зеркалѣ. Живая мысль уже свѣтлѣлась на этомъ лицѣ, которое недѣлю тому назадъ помнилось ему такимъ вялымъ, такимъ соннымъ. Въ отворенное окно влетѣла бабочка; радужная пыль ея бархатныхъ крылышекъ искрилась на солнцѣ будто милліоны маленькихъ брильянтиковъ, изумрудиковъ, рубиновъ. Иванъ Андреевичъ съ минуту любовался на бабочку. Онъ сравнивалъ ее съ кѣмъ-то, съ другимъ существомъ, столь же легкимъ, столь же нѣжнымъ,—и сладно было ему мечтать... „Однако же пора, подумалъ онъ:—или еще нѣтъ?" Онъ зналъ, что давно пора, но онъ робѣлъ, ему было тяжело и сладко, онъ медлилъ, потому что ему было хорошо: „да, пора, пора", подумалъ онъ и коснулся гребнемъ волосъ. (Описаніе волосъ было уже сдѣлано семнадцать разъ, потому здѣсь они не описываются: они уже довольно рельефно рисуются передъ читателемъ). Онъ медленно, съ какою-то нѣгою два раза провелъ гребнемъ по своимъ шелковистымъ волосамъ и задумался: онъ самъ любовался своими бѣлокурыми кудрями, кольца которыхъ вились такъ мягко; онъ въ первый разъ замѣтилъ, что на вискахъ у него показалось нѣсколько сѣдыхъ волосковъ. (О томъ что на вискахъ у него было нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, читателю уже было сообщено четыре раза и впослѣдствіи будетъ сообщено еще двадцать девять разъ). Гребень выпалъ изъ его руки, онъ задумчиво склонилъ лобъ на другую руку, которая прежде лѣниво лежала на столикѣ. Ему припомнилось время, когда еще не было сѣдинъ въ его кудряхъ. Вотъ передъ нимъ широкая поляна съ пыльной дорогой, ведущей къ покачнувшемуся помѣщичьему дому..." (Начинается описаніе деревни, въ которой выросъ Иванъ Андреевичъ, разсказывается его дѣтство).

Какъ это вамъ нравится, читатель? Мило, очень мило, только скучновато и длинновато немного. Дѣвушка, начавшая читать, какъ собирался нашъ герой на свиданіе, можетъ выйти замужъ, можетъ сдѣлаться матерью и сынокъ ея (очень милый шалунъ, мы его вамъ опишемъ при случаѣ) можетъ, рѣзвясь, изорвать книжку, прежде чѣмъ бывшая барышня успѣетъ дочитать повѣсть до той главы, гдѣ герой уже берется за ручку двери, чтобы идти въ садъ на свиданіе.

А вѣдь покайтесь, читатель, вы восхищались такими разсказами? Или не восхищались, а только увѣряли, что восхищаетесь, потому что одни люди безъ художественной жилки въ душѣ (это техническое выраженіе „художественная жила" очень нравится людямъ ею одареннымъ) могли не восхищаться такою художественностью?

Это разведеніе водою — художественность? Какая тутъ художественность! — Художественность состоитъ въ томъ, чтобы каждое слово было не только у мѣста,— чтобы оно было необходимо, неизбѣжно и чтобъ какъ можно было меньше словъ. Безъ сжатости нѣтъ художественности. Поэзія тѣмъ и отличается отъ прозы, что беретъ лишь самыя существенныя черты и беретъ ихъ такъ удачно, что онѣ во всей полнотѣ рисуются передъ воображеніемъ читателя съ двухъ, съ трехъ словъ геніальнаго писателя. На пяти или десяти страницахъ описать лицо такъ, чтобы можно было знать всѣ его примѣты,—это съумѣетъ сдѣлать самый бездарный прозаикъ. Нѣтъ, вы художникъ только тогда, когда вамъ нужно всего пять строкъ,

Digitized by Google

чтобы возбудить въ воображеніи читателя такое же полное представленіе о предметѣ. Пустословіе можетъ быть очень милымъ, изящнымъ пустословіемъ, но съ художественностью не имѣетъ оно ничего общаго. Поэзія и болтовня—вещи противоположныя. Сущность поэзіи въ томъ, чтобы концентрировать содержаніе: разведеніе водой убиваетъ ее.

Наши художники обращаются съ нами, какъ Готорнъ съ дѣтьми: одни утаиваютъ отъ насъ жизненную правду, чтобы не соблазнить, не испортить насъ; другіе занимаютъ насъ пустословіемъ, будто намъ, какъ дѣтямъ, пріятно слушать болтовню: лишь бы звучалъ воздухъ какими-нибудь словами, лишь бы не было молчанія, а то намъ все равно, съ удовольствіемъ слушаемъ всякіе пустяки. Хорошо было бы, еслибъ только художники обращались такъ съ нами, еслибъ только въ вымышленныхъ разсказахъ давали намъ ложь вмѣсто правды, пустословіе вмѣсто дѣла. Нѣтъ, съ нами точно такъ же поступаютъ и въ вещахъ, отъ которыхъ прямо зависитъ вся наша жизнь. Насъ считаютъ дѣтьми. Хорошо, будемъ же брать примѣръ хоть съ дѣтей, если ужъ въ самомъ дѣлѣ мы такъ неразвиты, такъ неопытны, такъ легковѣрны, такъ слабы. Развѣ дѣти бываютъ довольны такими пустяками, какими угощаетъ ихъ Готорнъ? Посмотрите, любитъ-ли ребенокъ растянутость, водянистость разсказа? Нѣтъ, онъ безпрестанно понукаетъ васъ: „ну, что же дальше? ну, что же дальше? Говорите скорѣй; скорѣй ведите къ концу сказку; говорите только самое существенное“. Развѣ ребенокъ любитъ хитрыя умолчанія, двоедушную замѣну настоящихъ словъ другими несоотвѣтствующими дѣлу? Нѣтъ, онъ требуетъ, чтобъ съ нимъ говорили прямо, каждую вещь называли ея настоящимъ именемъ; онъ не потерпитъ смягченій и прикрасъ; если вы скажете ему: Медуза была добрая дѣвушка. Минотавръ не пожиралъ людей, а ласкалъ ихъ, ребенокъ прямо скажетъ вамъ: вы лжете, вѣдь чудовища злы и вредны людямъ; или вы хотите обольстить меня къ мягкому мнѣнію о нихъ? Если такъ, пойдите прочь отъ меня, мнѣ противно и скучно ваше лживое пустословіе.

Но рѣчь наша идетъ собственно о литературѣ, о повѣстяхъ, о поэзіи. Мы затѣмъ только и взялись за книжку Готорна, чтобы побесѣдовать съ нашими художниками, съ нашими лучшими беллетристами. Неужели мы такъ просты, что думаемъ своими замѣчаніями исправить высоко стоящихъ въ литературѣ людей, недостатки которыхъ указываемъ? Нѣтъ, имъ поздно исправляться: въ нихъ уже слишкомъ въѣлась привычка фальшивости и пустословія. Хорошо было бы, еслибъ не поддались ей хотя тѣ люди, которые только еще формируются теперь, только еще готовятся къ дѣятельности. На этихъ людей мы съ вами, читатель, еще могли бы имѣть вліяніе: пусть они по нашему недовольству ихъ предшественниками видятъ, что ничего хорошаго не дождутся отъ насъ, если не будутъ поступать лучше ихъ. Пусть они знаютъ, что будутъ отвергнуты нами, если вздумаютъ лгать и пустословить.

Историческая библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, *Ф. К. Шлоссера*, профессора исторіи при гейдельбергскомъ универ-

Digitized by Google

ситетѣ. Восемь томовъ. Переводъ съ четвертаго, исправленнаго, изданія. Санктпетербургъ. 1858—60 года.

Редакція „Исторической Библіотеки" сообщила намъ слѣдующее объясненіе о ходѣ своего изданія.

„Кончивъ выдачу томовъ „Исторической Библіотеки" за первые два года, мы считаемъ не лишнимъ представить публикѣ отчетъ о началѣ предпріятія, которое было новостью въ нашей литературѣ.

„Мы хотѣли знакомить публику съ классическими твореніями новой западно-европейской литературы по всеобщей исторіи, главнымъ образомъ по исторіи западной Европы и Америки въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ, думая, что эта часть исторіи наиболѣе важна, и находя, что именно съ нею до сихъ поръ труднѣе всего было знакомиться намъ, по совершенному отсутствію на русскомъ языкѣ книгъ, относящихся къ ней. Мы уже имѣли переводы нѣсколькихъ недурныхъ сочиненій объ исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ; но чѣмъ ближе къ нашему времени событія, тѣмъ скуднѣе были источники, изъ которыхъ русскій читатель могъ получать правильное понятіе о нихъ. Сообразно этому плану мы избрали для начала своего изданія „Исторію восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій" Шлоссера, которая, обнимая собою почти все время, составлявшее предметъ предполагаемаго изданія, служила бы общимъ фундаментомъ для разныхъ монографій, избранныхъ нами для перевода въ слѣдующихъ томахъ „Исторической Библіотеки". Намъ казалось удобнѣе всего дать сначала связный разсказъ о всѣхъ частяхъ предмета, чтобы къ этой общей картинѣ могли примыкать подробнѣйшіе разсказы о разныхъ отдѣлахъ ея, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

„Мы не скрывали отъ себя, что такое начало, требуемое по нашему мнѣнію пользою самаго дѣла, представляетъ и особенныя затрудненія. Твореніе, переводъ котораго занялъ по нашему плану первые томы „Исторической Библіотеки", вовсе не таково, чтобы привлекать къ себѣ людей, цѣнящихъ книгу по внѣшнимъ достоинствамъ. Писатель суровый, враждебный всякимъ прикрасамъ, Шлоссеръ не похожъ на историковъ-беллетристовъ, на Маколея или Тьера. У него нѣтъ ни анекдотовъ, ни поэтическихъ описаній, ни драматическихъ сценъ: онъ называетъ „дрянью" (diese Lappalien) всѣ эти красоты или, по его выраженію „реторическіе цвѣтки" (Floskeln) и честитъ именемъ „балагуровъ" (Tändeleikrämer) знаменитыхъ историковъ, ставившихъ задачей себѣ нравиться даже тѣмъ людямъ, которые не читаютъ ничего кромѣ романовъ (Romanenleser). Доводя до крайности свое отвращеніе отъ прикрасъ, свое пренебреженіе къ внѣшней заманчивости изложенія, Шлоссеръ наконецъ создалъ въ себѣ привычку нарочно писать языкомъ сухимъ и даже страннымъ. У него часто бываетъ точка на срединѣ фразы,— пусть самъ читатель знаетъ, чѣмъ надобно окончить фразу .У него есть періоды, которыхъ не разберешь легко даже по нѣмецкой грамматикѣ, столь привычной къ перепутанности. Наконецъ, онъ ни мало не стѣсняется, не договоривъ объ одномъ предметѣ, заговорить о другомъ, потомъ опять возвратиться къ первому и опять не докончить его; десять разъ повторять одно и то же; оставлять разныя части своего разсказа совершенно безсвязными по внѣшней формѣ. Такую книгу не очень пріятно читать людямъ, привыкшимъ къ изящному изложенію. Мы полагали, что Шлоссеръ не будетъ имѣть и половины того числа читателей, какое имѣли „Разсказы изъ исторіи Англіи", взятые нами у Маколея. Но мы считали полезнымъ дать прежде всего общее обозрѣніе почти всего пространства времени, къ разнымъ частямъ котораго относились монографіи, назначенныя нами для слѣдующихъ томовъ. Еще драгоцѣннѣе для насъ былъ внутренній характеръ книги Шлоссера: мы не находили историка, который смотрѣлъ бы на вещи такъ разсудительно, какъ Шлоссеръ, который бы такъ заботился только объ одной правдѣ, отвергая всякое обольщеніе. Мы полагали, что серьезная часть публики оцѣнитъ это достоинство, привязывавшее къ Шлоссеру всѣхъ мыслящихъ людей, отъ которыхъ случалось намъ слышать отзывы о немъ: всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что ни отъ

Digitized by Google

кого не научились такъ много, какъ отъ суроваго, тяжелаго автора „Исторіи восемнадцатаго вѣка". Это мнѣніе подтверждалось и нашимъ собственнымъ опытомъ. Мы думали: вѣроятно въ той части публики, которая читаетъ преимущественно русскія книги, найдется довольно много людей, расположенныхъ полюбить грубаго старика, den groben alten Mann, какъ онъ самъ себя называетъ.

„Въ этомъ мы не ошиблись. Такихъ людей оказалось даже гораздо больше, чѣмъ мы ожидали. Это хорошій признакъ. Въ немъ видно новое подтвержденіе тому, что люди серьёзные составляютъ уже очень значительную часть въ нашей публикѣ.

„Шлоссеръ имѣлъ больше успѣха, чѣмъ на сколько мы разсчитывали. Публика поддержала насъ лучше, чѣмъ мы ждали; но мы сами поступили съ ней не совсѣмъ хорошо: мы были неисправны передъ ней. Въ 1858 году вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ томовъ мы успѣли издать только два, такъ что публика совершенно основательно поколебалась въ довѣріи къ нашимъ обѣщаніямъ. Теперь, когда мы наконецъ исполнили ихъ, надобно объяснить, отчего произошла наша прежняя неисправность. Дѣло вотъ въ чемъ: предпріятіе, нами задуманное, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы разсчитывали, приступая къ нему, или, правдивѣе говоря, мы нашли, что распоряженія, сдѣланныя нами для исполненія труда, были неудовлетворительны. Намъ пришлось работать надъ изданіемъ въ десять разъ больше, чѣмъ мы думали. Мы разсчитывали, что намъ прійдется почти только читать корректуру; на это достало бы у насъ времени, чтобы аккуратно издавать по четыре тома въ годъ; но исполнять дѣло съ такою быстротою мы не могли при томъ размѣрѣ работы надъ изданіемъ, какой достался на нашу долю по неосновательности собственныхъ нашихъ распоряженій и ожиданій въ началѣ дѣла. Изъ лицъ, на содѣйствіе которыхъ мы разсчитывали, разныя обстоятельства помѣшали нѣкоторымъ работать вмѣстѣ съ нами: одинъ уѣхалъ, другой былъ заваленъ иною работою. Мы могли бы предусмотрѣть эти обстоятельства и виноваты передъ публикой за то, что не приняли ихъ въ соображеніе.

„Сказавъ о затрудненіяхъ, замедлявшихъ дѣло, надобно сказать и о томъ, въ какомъ видѣ оно исполнялось и какое довѣріе могутъ имѣть къ нашему переводу тѣ читатели, которымъ нѣтъ времени и случая сличить его съ подлинникомъ. Переводъ вѣренъ, за это можно ручаться По всей вѣроятности встрѣчаются въ каждомъ томѣ по нѣскольку ошибокъ—дѣло неизбѣжное, но ошибокъ этихъ не слишкомъ много. Слогъ мы старались сохранять такой же, какой находится въ подлинникѣ. По всей вѣроятности, это было нерасчетливостью. Русская публика, болѣе привычная къ французской стилистикѣ, чѣмъ къ нѣмецкой, гораздо щекотливѣе нѣмецкой публики въ дѣлѣ слога: то, что кажется лишь нѣсколько шероховато нѣмцу, кажется очень шероховато русскому. Безъ нарушенія вѣрности въ передачѣ мыслей можно было бы сгладить неровности подлинника въ языкѣ перевода. Но изъ этого легко могло возникнуть недовѣріе къ переводу: кому охота внимательно сличать по нѣскольку десятковъ страницъ, чтобы видѣть, измѣняются ли мысли отъ перемѣны въ оборотахъ?—а каждый на слово вѣритъ, если слышитъ, что переводъ не совсѣмъ точенъ. Мы хотѣли скорѣе быть осуждаемыми за тяжеловатость языка, чѣмъ за невѣрность подлиннику. Итакъ, сколько зависѣло отъ насъ, мы переводили съ совершенной точностью. Но у Шлоссера встрѣчаются мѣста не допускаемыя русскою печатью. Гдѣ можно было сохранить смыслъ замѣненіемъ однихъ словъ другими, въ сущности равносильными, мы слѣдовали такому обыкновенію; но были мѣста не поддававшіяся этой внѣшней передѣлкѣ, требовавшія или перемѣны смысла, или совершеннаго выпуска,—въ такихъ случаяхъ мы предпочитали выпускать. Надобно сказать, много ли было въ подлинникѣ страницъ, подвергнувшихся внѣшней передѣлкѣ или выпуску.

„Ихъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Передѣлки сколько нибудь значительныя ограничились почти только нѣкоторыми параграфами литературнаго отдѣла въ I, II и IV томахъ, а выпустить понадобилось еще меньшее число страницъ. Всего выброшено нами около двухъ съ половиною печатныхъ листовъ и произведена внѣшняя

Digitized by Google

передѣлка въ другихъ пяти или шести печатныхъ листахъ,—пропорція очень небольшая на восемь томовъ, заключающихъ въ себѣ до 225 печатныхъ листовъ, особенно когда мы подумаемъ о содержаніи книги, многіе отдѣлы которой сообщаютъ публикѣ первый подробный разсказъ объ историческихъ событіяхъ, остававшихся до той поры почти совершенно чуждыми русскому изложенію.

„Поддержка, найденная нашимъ предпріятіемъ въ публикѣ, достаточна, чтобы мы могли продолжать изданіе „Исторической Библіотеки“: теперь первые два года ея уже окупились или почти окупились, этого для насъ уже довольно. Мы намѣрены продолжать изданіе, но не хотѣли бы снова быть неисправны въ срокахъ выпуска слѣдующихъ томовъ; потому въ концѣ прошлаго года мы повременили и теперь еще видимъ надобность нѣсколько повременить принятіемъ подписки на третій годъ „Исторической Библіотеки“, отлагая объявленіе о ней до той поры, когда лучше прежняго обезпечимъ своевременный выходъ томовъ нашего изданія“.

Digitized by Google

ПРАДѢДОВСКІЕ НРАВЫ.

(Записки Гавріила Романовича Державина. 1743—1812. Изданіе „Русской Бесѣды". Москва. 1860).

I.

Понятіе, какое уже издавна составилось о личныхъ качествахъ Державина, совершенно подтверждается его „Записками". Онъ былъ человѣкъ прямодушный (по тогдашнему времени), даже отважный (по тогдашнему времени) въ защитѣ справедливости; по образованію, онъ былъ и для тогдашняго времени человѣкомъ отсталыхъ идей; ума онъ былъ не геніальнаго, — быть можетъ, даже и очень недалекаго (а быть можетъ, странныя разсужденія, кажущіяся слѣдствіемъ ограниченности ума, происходили у него и просто только отъ совершенной неразвитости, разобрать трудно); горячность характера безпрестанно вовлекала его въ ошибки, которыя однакоже не мѣшали его карьерѣ устроиться очень завиднымъ образомъ; самодовольно считалъ онъ себя великимъ дѣльцомъ, чуть-чуть не ежегодно спасавшимъ государство отъ гибели; тонкіе и практичные сослуживцы справедливо могли считать его человѣкомъ пустымъ; а ему самому казались очень вредными людьми государственные люди съ просвѣщеннымъ образомъ мыслей, напримѣръ Сперанскій; но всетаки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ самъ по себѣ человѣкъ почтенный, честный, любившій правду, желавшій родинѣ добра, хотя не имѣвшій рѣшительно никакого понятія о томъ, въ чемъ состоитъ оно. Все это извѣстно было о Державинѣ задолго до изданія его „Записокъ" и доказывается каждою страницею ихъ. Когда онъ писалъ ихъ, ему хотѣлось выставить себя мудрымъ правителемъ, человѣкомъ, оказавшимъ великія услуги отечеству—это ему не удалось. За то прекрасно обрисовалъ онъ ими себя, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ, въ противность своему намѣренію изобразить себя не такимъ, каковъ былъ, а такимъ, каковъ казался себѣ въ самодовольныхъ мечтахъ.

Но главнѣйшій интересъ „Записокъ" Державина, разумѣется, не въ томъ, что черезъ нихъ подробнѣе прежняго можно познакомиться съ нимъ самимъ. Вліянія на тогдашнія дѣла онъ не имѣлъ; вѣроятно, читатель не почтетъ насъ хулителями отечественной поэзіи, если мы откровенно скажемъ, что и поэтическія его произведенія не имѣютъ ровно никакой цѣны, кромѣ развѣ нѣкотораго историческаго интереса. Былъ ли у него талантъ, или нѣтъ, этого мы сами уже не могли бы различить, видя въ его стихахъ одно только безвкусіе, слишкомъ часто напоминающее Тредьяковскаго; мы скорѣе готовы были бы думать, что замѣчательнаго

Digitized by Google

таланта онъ не имѣлъ. Но современникамъ казалось не такъ: они считали его великимъ поэтомъ; а если они находили, что онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ тогдашнихъ поэтовъ, значитъ, оно такъ и было; кто пользовался громкою славою въ свое время, тотъ, надобно полагать, имѣлъ больше таланта, чѣмъ другіе, подвизавшіеся на одномъ съ нимъ поприщѣ. Этимъ силлогизмомъ приходимъ къ заключенію, что у Державина было поэтическое дарованіе, хотя мы и не можемъ сами замѣтить его...

Не только по своей государственной службѣ, но и по стихотворной дѣятельности Державинъ не такой человѣкъ, чтобы очень важно было разузнавать его какъ можно короче. Къ счастію, есть въ его „Запискахъ" другой интересъ, какой всегда найдется въ мемуарахъ самаго незначительнаго человѣка, самаго плохаго писателя (надобно сказать правду: Державинъ писалъ прозою изъ-рукъ-вонъ плохо, или, выражаясь прямѣе, писалъ довольно безграмотно), — если только разсказывается въ нихъ довольно много какихъ бы то ни было „происшествій": по этимъ происшествіямъ, какъ бы неудовлетворительно ни были разсказаны, какъ бы неискусно они ни были подобраны авторомъ мемуаровъ, все-таки знакомишься съ нравами того вѣка, съ тѣмъ, что̀ и какъ дѣлалось тогда на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ именно съ этой только стороны мы и будемъ пересматривать здѣсь „Записки" Державина.

Съ этой точки зрѣнія для насъ не будетъ слишкомъ важно даже и то, совершенно ли вѣрны его разсказы о тѣхъ или другихъ происшествіяхъ. Очень можетъ быть, что иные факты онъ понималъ невѣрно, другіе представлялъ въ несправедливомъ видѣ по вліянію самолюбія. То и другое очень вѣроятно: человѣкъ необразованный, человѣкъ самыхъ отсталыхъ, часто дикихъ (даже для тогдашней эпохи) понятій, онъ былъ плохой цѣнитель всѣхъ тѣхъ дѣлъ, для сужденія о которыхъ требуется просвѣщенный умъ. Непонятый, неоцѣненный (по его мнѣнію) Екатериною II и Александромъ I, великій государственный мужъ, онъ писалъ съ цѣлью внушить потомству, что собственно ему слѣдовало вручить управленіе судьбами отечества, если бы хотѣли оказать истинное благодѣяніе отечеству, а при такомъ намѣреніи, или лучше сказать, при мнѣніи о своихъ дѣлахъ и достоинствахъ, внушавшемъ ему такое намѣреніе, онъ не могъ отличаться безпристрастіемъ. Очень можетъ быть, что многіе отдѣльные случаи, разсказываемые имъ, происходили не совсѣмъ такъ, какъ онъ говоритъ; но для насъ это почти все равно: если въ данномъ случаѣ было не совсѣмъ такъ, какъ онъ разсказываетъ, то вообще должно было постоянно бывать такъ, какъ онъ разсказываетъ: вѣдь ему нужно было, чтобы ему вѣрили, а для этого должно было ему заботиться о правдоподобіи, о сообразности его словъ съ мнѣніями о порядкѣ, по которому дѣлаются дѣла на свѣтѣ. Впрочемъ, оно и само собою видно, таковы ли были тѣ времена, какими оказываются по его запискамъ: каждый изъ насъ довольно знаетъ и по преданіямъ прошлаго и по наблюденію настоящаго, чтобы самому быть компетентнымъ судьею въ томъ, вѣрное ли впечатлѣніе о нравахъ тогдашней эпохи производится разсказами Державина. Итакъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, начинаемъ перебирать содержаніе его записокъ, не замедляя нашего извлеченія историческою критикою подробностей, не нужною для нашей цѣли, и не останавливаясь много надъ подробностями, имѣющими важность только для біографіи самого Державина, а замѣчая только тѣ страницы, которыя годятся для характеристики эпохи.

Digitized by Google

Державинъ, родившійся, какъ извѣстно читателю, въ Казани въ 1743 году, въ семействѣ очень небогатыхъ дворянъ, замѣчаетъ о себѣ, что „во младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ и сухъ и по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности“—не знаемъ, какъ теперь, а лѣтъ 20 тому назадъ попадались въ томъ же кругу примѣры такого способа укрѣплять силы слабыхъ малютокъ. Прогрессъ въ этомъ отношеніи не слишкомъ великъ, не то, что въ другихъ, въ которыхъ мы сдѣлали гигантскіе шаги, по увѣренію нашихъ публицистовъ. О томъ, какъ плохи были средства учиться, представлявшіяся Державину въ дѣтствѣ, читатель давно знаетъ. Но вотъ любопытная черта. Привезенный по седьмому году въ Оренбургъ, Державинъ былъ „отданъ для наученія нѣмецкаго языка сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ... наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, даже и непристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно“. Но каковъ ни былъ Роза, онъ все-таки выучилъ Державина тому, чему училъ, нѣмецкому языку. Съ тѣмъ и остался Державинъ на всю жизнь, что могъ читать въ подлинникѣ Геллерта и Гагедорна. У другихъ учителей не научился онъ ничему, хотя поступилъ въ гимназію, открывшуюся въ Казани, и считался въ ней отличнымъ ученикомъ. Его успѣхи въ черченіи были причиною, что директоръ гимназіи Веревкинъ, бывшій также и членомъ губернской канцеляріи (нѣчто подобное совѣтнику губернскаго правленія) взялъ его съ собою „вмѣсто инженера, подчиня ему нѣсколькихъ другихъ учениковъ“, когда былъ посланъ въ городъ Чебоксары освидѣтельствовать, какіе домы тамъ построены не по Высочайше утвержденному плану города. Для этого слѣдовало снять планъ съ дѣйствительно существующаго города. Тутъ вышла исторія слѣдующаго рода:

„Поелику они всѣ, какъ выше сказано, учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и притомъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астрелябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связьми желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задѣвала за какой либо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, который домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать *ломать*“.

Впрочемъ, замѣчаетъ Державинъ, быть можетъ Веревкинъ дѣлалъ это „не по неискусству, а изъ хитрости“, чтобы запугать домохозяевъ, которые дѣйствительно откупались у него взятками отъ разоренія домовъ. Рамы приносили и другую выгоду: Веревкинъ останавливалъ суда, шедшія мимо Чебоксаръ, и сгонялъ съ нихъ бурлаковъ таскать рамы: судохозяева также откупались, чтобы онъ пустилъ ихъ плыть. Были въ Чебоксарахъ кожевенные заводы; Веревкинъ сказалъ, что отъ нихъ портится вода въ рѣкѣ, велѣлъ остановить ихъ дѣйствіе и приставилъ къ нимъ караулы; разумѣется, и тутъ ему дали взятку. Эти заботы о чистотѣ рѣки не оста-

20*

Digitized by Google

навливали работъ по главному предмету поѣздки: Державинъ принялся чертить планъ Чебоксаръ такой величины, что въ комнатѣ онъ не умѣщался, а „черченъ былъ на подволокѣ однихъ купеческихъ палатъ“; но не успѣлъ онъ покончить этого циклопическаго плана, какъ Веревкинъ, уже удовольствовавшись полученными успѣхами, велѣлъ ему везти планъ въ Казань: планомъ нагрузилась телѣга, и улегся онъ на ней не иначе, какъ „подъ гнетомъ“.

Будучи вытребованъ изъ гимназіи на службу въ гвардію, по тогдашнему правилу, Державинъ, какъ извѣстно, долго оставался солдатомъ, потому что не имѣлъ протекцій, и его обходили производствомъ. Когда гвардія ходила въ Москву присутствовать при коронаціи Екатерины II, молодой человѣкъ нашелъ-было себѣ протекцію: послѣ чебоксарскихъ подвиговъ, онъ, бывши въ гимназіи, ѣздилъ также съ Веревкинымъ описывать развалины Болгаръ; планы и бумаги эти были въ свое время представлены Шувалову, куратору московскаго университета; теперь Державинъ вздумалъ просить его покровительства. Шуваловъ, прочитавъ поданное Державинымъ письмо, велѣлъ прійдти ему въ другой разъ.

„Но какъ дошло сіе до тетки его по матери двоюродной, Θеклы Савишны Блудовой, жившей тогда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, бывшемъ на Арбатской улицѣ, женщины по природѣ умной и благочестивой, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенной, считающей появившихся тогда въ Москвѣ Масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ, и тому подобныя бредни, а Шувалова признавали за ихъ главнаго начальника, то она ему, какъ племяннику своему, порученному отъ матери, и дала страшную нагонку, запретя накрѣпко ходить къ Шувалову, подъ угрозою написать къ матери, буде ея не послушаетъ. А какъ воспитанъ онъ былъ въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ, то и было сіе для него жестокимъ пораженіемъ, и онъ уже болѣе не являлся къ своему покровителю“.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Державинъ остался рядовымъ солдатомъ. Но въ 1763 году наконецъ произвели его въ капралы,—съ такимъ повышеніемъ ему захотѣлось показаться матери, онъ отпросился въ отпускъ. На дорогѣ случилась исторія такого рада. Онъ поѣхалъ вдвоемъ съ другимъ гвардіи капраломъ, Аристовымъ. „Прекрасная, молодая, благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ его гимназіи директоромъ, господиномъ Веревкинымъ“, и ѣхавшая изъ Москвы, гдѣ была по дѣламъ, назадъ въ Казань къ Веревкину, уговорилась ѣхать съ ними. Съ Державинымъ она была любезнѣе, чѣмъ съ Аристовымъ. Аристовъ началъ ревновать, „но не могъ воспретить соединенію ихъ пламени“. Вотъ, пріѣхали они къ перевозу черезъ Клязьму; перевозчики на паромѣ запросили дорого; Державинъ „не хотѣлъ имъ требуемаго количества денегъ дать, а они разбѣжались и скрылись въ кусты“—отъ чего разбѣжались и скрылись въ кусты, Державинъ не упоминаетъ; какъ бы то ни было, прошло полчаса, а перевозчики не являлись. „Натурально, красавицѣ скучилось; она стала роптать и плакать. Кого же слезы любимаго предмета не тронутъ? Страстный капралъ, обнажа тесакъ, бросился въ кусты искать перевозчиковъ“. Они нашлись, но стали просить впередъ плату, больше прежней. „Тутъ молодой герой, будучи пылкаго нрава, не вытерпѣлъ обману (какого же?), вышелъ изъ себя и, схватя палку, ударилъ нѣсколько разъ кормщика“. Онъ схватилъ багоръ, крикнулъ товарищамъ: „ребята, не выдавай!“ и всѣ перевозчики бросились на Державина.

Digitized by Google

Онъ схватилъ ружье, хотѣлъ выстрѣлить, но къ счастію, замѣчаетъ онъ, не могъ скоро спустить слишкомъ тугаго курка, а перевозчики, увидѣвъ ружье, разбѣжались (куда дѣвался Аристовъ, Державинъ не говоритъ; вѣроятно, онъ отсталъ самъ отъ счастливой четы). Державинъ сѣлъ въ челнокъ, стоявшій у берега, переправился на другой берегъ, гдѣ стояло село, и тамъ бѣгалъ по улицѣ и по дворамъ съ обнаженнымъ тесакомъ; жители попрятались отъ него. Наконецъ вышелъ осанистый мужикъ съ большою бородою, опираясь на посохъ, и пристыдилъ его. Державинъ и прекрасная молодая дѣвица пріѣхали въ Казань; тутъ кончилось его счастье: благородная дѣвица „жила въ одномъ домѣ съ господиномъ директоромъ, съ супругою его вмѣстѣ"—какая милая простота нравовъ,—и Державинъ уже не могъ „имѣть свободнаго входа къ ней въ покой",—впрочемъ, только потому, что былъ „не большаго чина и не богатъ",—а если бы чинъ и деньги, то, судя по этимъ словамъ, Веревкинъ не воспретилъ бы „входа въ покой" не только къ дѣвицѣ, но и къ своей супругѣ.

Возвратившись изъ деревни, Державинъ 4 года оставался капраломъ, но произведенъ въ фурьеры и командированъ съ подпоручикомъ Лутовиновымъ на яжелбицкую станцію осенью 1766 года для надзора за лошадьми, собранными на московской дорогѣ по случаю путешествія императрицы въ Москву. На зимогорской станціи былъ другой Лутовиновъ, братъ яжелбицкаго. Оба брата были „умные и весьма расторопные въ своей должности люди", но „упражнялись въ неблагопристойной жизни",—

„то есть въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непотребными ямскими дѣвками, въ извѣстномъ по распутству селѣ, что нынѣ городъ, Валдаяхъ; ибо младшаго брата станція была въ Яжелобицахъ, а старшаго въ Зимогорьѣ, въ сосѣдствѣ съ Валдаями. Тамъ проводили иногда цѣлыя ночи въ кабакѣ, никого однако постороннихъ кромѣ дѣвокъ не впущая".

Съ такими людьми Державинъ провелъ цѣлую зиму, но не сдѣлался пьяницею, — онъ вовсе не пилъ не только вина, даже пива и меду. Казенныя деньги, выданныя на расходы разгульному подпоручику, онъ взялъ въ свои руки, берегъ ихъ, расходовалъ правильно и тѣмъ спасъ его отъ суда, которому подвергся старшій, зимогорскій Лутовиновъ, разжалованный за растрату суммъ, а еще больше за слѣдующій случай: когда сторожевыя команды были сняты со станцій, Лутовиновы поспѣшили въ Москву;—

„пріѣхавъ въ село Подсолнечное, гдѣ стоялъ капитанъ Николай Алексѣевичъ Булгаковъ, котораго почитали не за весьма разумнаго человѣка, требовали отъ него, будучи въ шумствѣ, на скоро лошадей, но какъ лошади были въ разгонѣ, то они ему не вѣря, приказали ихъ сыскивать по дворамъ; а какъ и тамъ оныхъ не находили, то многіе буяны изъ солдатъ, желая угодить командирамъ, перебили въ избахъ окошки, и разломали ворота, то и вышла отъ сего озорничества жалоба и шумъ. Булгаковъ вступился за свою команду. Онъ и Лутовиновы, наговоря другъ другу обидныхъ и бранныхъ словъ, называя Булгакова дуракомъ, разгорячились, или лучше сказать, вышли хмѣльные изъ разсудка, закричали своимъ командамъ: къ ружью! Булгаковъ также своей. У каждаго было по 25 человѣкъ, которые построились во фрунтъ; имъ приказано было заряжать ружья; но Державинъ, бѣгая между ими, будто для исполненія офицерскихъ приказаній, запрещалъ тихонько, чтобъ они только видъ показывали, а въ самомъ дѣлѣ ружей не заряжали; и какъ было тогда ночное время, то офицеры того не примѣтили, а между тѣмъ подоспѣли лошади и наѣхали другія команды, а именно изъ Крестецъ капитанъ Голохвастовъ, то и успокоилось сіе вздорное междоусобіе".

Digitized by Google

Скоро Державинъ былъ произведенъ въ сержанты и опять отправился въ деревню показаться матери въ новомъ чинѣ. Возвращаясь оттуда, молодой человѣкъ остановился въ Москвѣ у знакомыхъ офицеровъ, проигрался и не могъ уже выѣхать. Около полгода прожилъ онъ, ведя игру въ надеждѣ отыграться; попалъ въ компанію шуллеровъ „или, лучше, прикрытыхъ благопристойными поступками и одеждою разбойниковъ“, научился у нихъ „заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ“. Но игралъ только изъ нужды, самъ слишкомъ большихъ низостей не дѣлалъ, и когда вырвался изъ дурной компаніи, скоро исправился: дѣйствительно, у него была честная натура. Онъ жилъ въ Москвѣ съ офицеромъ Максимовымъ, въ домѣ своего родственника Блудова. Въ эти мѣсяца кутежа „случилось съ нимъ нѣсколько замѣчательныхъ происшествій“.

„*Первое.* Хаживала къ нимъ въ домъ въ сосѣдствѣ живущаго приходскаго дьякона дочь, и въ одинъ вечеръ, когда она вышла изъ своего дома, отецъ или матерь, подозрѣвая ее быть въ гостяхъ у сосѣдей, упросили бутошниковъ, чтобъ ее подстерегли, когда отъ нихъ выдетъ. Люди ихъ и Блудова увидѣли, что бутошники позаугольно кого-то дожидаются; спросили ихъ; они отвѣчали грубо, то вышла брань, а потомъ драка; а какъ съ двора сбѣжалось людей болѣе нежели подзорщиковъ было, то первые послѣднихъ и поколотили. Съ досады за таковую неудачу и чтобъ отмстить, залѣзли они въ крапиву на оградѣ церковной, чрезъ которую должна была проходить несчастная грація. Ее подхватили отецъ и мать, мучили плетью и, по наученію полицейскихъ, велѣли ей сказать, что была у сержанта Державина. Довольно сего было для крючковъ, чтобы прицѣпиться“.

На слѣдующій день, когда онъ въ каретѣ четвернею возвращался домой, подлѣ воротъ будочники схватили лошадей подъ уздцы, „повезли чрезъ всю Москву въ полицію“ и посадили въ арестантскую, гдѣ провелъ онъ около сутокъ.

„На другой день поутру ввели въ судейскую. Судьи зачали спрашивать и домогаться, чтобъ онъ признался въ зазорномъ съ дѣвкою обхожденіи и на ней женился; но какъ никакихъ доказательствъ, ни письменныхъ, ни свидѣтельскихъ, не могли представить на взводимое на него преступленіе, то, проволочивъ однако съ недѣлю, должны были съ стыдомъ выпустить, сообща однако за извѣстіе въ полковую канцелярію, гдѣ таковому безумству и наглости алгвазиловъ дивились и смѣялись. Вотъ каковы въ то время были полиціи и судьи!“

„*Второе.* Познакомился съ нимъ въ трактирахъ по игрѣ нѣкто, хотя по роду благородный, знатной фамиліи, но по поступкамъ самый подлый человѣкъ, который содержался въ полиціи за поддѣлку векселей и закладныхъ на весьма большую сумму и подставленіе по себѣ въ поручительство подложной матери, который имѣлъ за собою въ замужествѣ прекрасную иностранку, которая торговала своими прелестями. Въ нее влюбился нѣкто пріѣзжій Пензенской молодой дворянинъ, слабой по уму, но довольно достаточный по имуществу. Она, съ вѣдома, какъ послѣ открылось, мужа, съ нимъ коротко обращалась и его безъ милости обирала, такъ что онъ заложилъ свое и материнское имѣніе и лишился самыхъ необходимо нужныхъ ему вещей. А какъ сей дворянинъ былъ съ Державинымъ хорошій пріятель, то и сжалился онъ на его несчастіе. Въ слѣдствіе чего, будучи въ одинъ день въ компаніи съ мужемъ, слегка далъ ему почувствовать поведеніе жены. Мужъ старался прикрыть ее и оправдать себя своимъ невѣдѣніемъ; и хотя тогда прекратилъ разговоръ шутками, но запечатлѣлъ на сердцѣ своемъ на него злобу за такое чистосердечное остереженіе. Онъ, спустя нѣкоторое время, позвалъ его въ гости къ себѣ на квартиру жены и подъ вечеръ намѣренъ былъ поколотить, а можетъ быть и убить; ибо, когда Державинъ вошелъ въ покои, то увидѣлъ

Digitized by Google

за ширмами двухъ сидящихъ незнакомыхъ, а тротьяго лежащаго на постелѣ офицера, котораго разъ видѣлъ въ трактирѣ игравшаго несчастно на бильярдѣ; ибо его на поддѣльные шары обыгрывали, что онъ шуткой и замѣтилъ офицеру. Хозяинъ, принявъ гостя сначала ласково, зачалъ его помалу въ разговорахъ горячить противорѣчіями, потомъ привязываться къ словамъ, напоминая прежде слышанныя имъ, относя ихъ къ обидѣ его и жены; но какъ гость опровергалъ сильными возраженіями свое невинное чистосердечіе; то умышленникъ и началъ кивать головой сидящимъ за ширмами и лежащему на постелѣ, давая имъ знать, чтобъ они начинали свое дѣло. Противъ всякаго чаянія лежащій сказалъ: „Нѣтъ, братъ, онъ правъ, а ты виноватъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его волосомъ, то я вступлюсь за него и переломаю вамъ руки и ноги"; ибо былъ онъ молодецъ, приземистый борецъ, всѣхъ проворнѣе и сильнѣе и имѣлъ подлѣ себя аршину, то хозяинъ и всѣ прочіе соумышленники удивились и опѣшали. Это былъ господинъ землемѣръ, недавно пріѣхавшій изъ Саратова, поручикъ Петръ Алексѣевичъ Гасвицкой, который съ того времени сдѣлался Державину другомъ".

Третье „замѣчательное происшествіе" было таково. Въ Москвѣ содержался тяжелый преступникъ Черняй; вздумавъ высвободиться, онъ подослалъ своего пріятеля сказать разнымъ чиновникамъ и офицерамъ, находившимся въ компаніи Державина, что знаетъ мѣста, гдѣ зарыты богатые клады. Державинъ въ это дѣло не вмѣшался, но другіе повѣрили и привлекли къ участію въ своихъ планахъ нѣкоторыхъ „довольно значущихъ" людей. Имъ надобно было освободить Черняя.

„Они это сдѣлали такимъ образомъ: составили подложный вексель на Черняя, по которому произвели взысканіе, и какъ находился такой законъ, по коему должно было изъ всѣхъ правительствъ по требованіямъ посылать въ Магистратъ колодниковъ для уплаты ихъ долговъ ихъ заимодавцамъ, а изъ Магистрата дозволялось отпускать ихъ въ баню, въ церковь и къ родственникамъ подъ присмотромъ;—сего довольно крючкотворцамъ. Черняй отпущенъ въ баню подъ надзираніемъ одного гарнизоннаго солдата; на Царицыной площади отбитъ незнаемыми людьми".

Разумѣется, Черняй скрылся отъ обманутыхъ своихъ покровителей.—Коекакъ выбравшись изъ Москвы, Державинъ въ Петербургѣ продолжалъ жить игрою въ карты, но игралъ только „по необходимости для прожитку" и „благопристойно". Исправленіе свое онъ приписываетъ вліянію женщины:

„Жилъ онъ тогда въ маленькихъ деревянныхъ покойчикахъ, на Литейной, въ домѣ господина Удолова, хотя бѣдно, однако же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по малу свое поведеніе".

Онъ былъ около этого времени наконецъ произведенъ въ офицеры (1 января 1772 г.),—черезъ нѣсколько времени пришлось ему быть свидѣтелемъ слѣдующаго „замѣчательнаго" (по его выраженію) происшествія:

„Помнится, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отданъ приказъ, чтобъ выводить роты на большое парадное мѣсто въ три часа по утру. Прапорщикъ Державинъ пріѣхалъ на ротный плацъ въ назначенное время. Къ удивленію не нашелъ тамъ не токмо капитана, но никого изъ офицеровъ, кромѣ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ; фельдфебель отрепортовалъ ему, что всѣ больны. Итакъ, когда пришла пора, онъ долженъ вести одинъ людей на полковое парадное мѣсто. Тамъ нашелъ маіора Маслова, и прочія роты начали собираться. Когда построились, сказано было: „къ ногѣ положи", и ученья никакого не было. Такимъ образомъ прождали съ 3-хъ часовъ до 9-ти часовъ въ великомъ безмолвіи, недоумѣвая,

Digitized by Google

что бы это значило. Наконецъ отъ стороны слободъ, что на Пескахъ, услышали звукъ цѣпей. Потомъ показались взводы солдатъ въ синихъ мундирахъ. Это была Семеновская рота. Приказано было полку сдѣлать карре, въ которой, къ ужасу всѣхъ, введенъ въ изнуренномъ видѣ и блѣдный унтеръ-офицеръ Оловянишниковъ, и съ нимъ 12 человѣкъ лучшихъ гренодеръ. Прочтенъ указъ Императрицы и приговоръ преступниковъ. Они умышляли на Ея жизнь. Имъ учинена торговая казнь; одѣли въ рогожное рубище и тутъ же, посажавъ въ подвезенныя кибитки, отвезли въ ссылку въ Сибирь. Жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ, но ужаснѣе того мысль, какъ могъ благородный человѣкъ навлечь на себя такое бѣдствіе. Однако же таковыхъ умышленій на Императрицу было не одно сіе (окромѣ возмущенія злодѣя Пугачева, которое будетъ ниже нѣсколько обстоятельнѣе описано, потому что въ усмиреніи онаго участвовалъ и Державинъ), и именно гласныя, не говоря о невышедшихъ наружу: скоро по коронаціи въ Москвѣ Хрущевы и Жилинскій; по возвращеніи въ Петербургъ Озеровскій и Жилинскій: первые ошельмованы на эшафотѣ переломленіемъ шпагъ и разосланы на житье по ихъ деревнямъ, вторые въ каторжную работу въ Сибирь, а Пугачевской успокоенъ съ большимъ кровопролитіемъ въ междоусобной брани".

Вскорѣ послѣ этого Державинъ, по собственной просьбѣ, взятъ былъ Бибиковымъ, отправлявшимся для усмиренія Пугачевскаго бунта. Онъ очень подробно разсказываетъ о своихъ подвигахъ противъ мятежниковъ: онъ чуть ли не считалъ себя спасителемъ всей страны; по крайней мѣрѣ только его распорядительность, по его словамъ, не допустила мятежу распространиться въ то время, какъ Пугачевъ, преслѣдуемый войсками императрицы, бѣжалъ черезъ Саратовъ. Но всѣ мы видимъ, что это только пріятныя фантазіи человѣка очень усерднаго, быть можетъ и очень мужественнаго, а все-таки не бывшаго въ такомъ положеніи, чтобы сдѣлать что-нибудь значительное. Изъ дѣйствій Державина во время Пугачевскаго бунта важнѣе всего остальнаго ссора его съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, въ которой всѣ находили неправымъ Державина, а самъ Державинъ считаетъ себя совершенно правымъ. Но это дѣло давно извѣстно публикѣ по разсказу Пушкина въ „Исторіи Пугачевскаго бунта" и вновь касаться его здѣсь нѣтъ надобности. За исключеніемъ эпизода ссоры съ Бошнякомъ, весь длинный разсказъ Державина о дѣйствіяхъ противъ Пугачева очень скученъ, мелоченъ и вообще таковъ, что трудно по немъ составить себѣ ясное понятіе о происшествіяхъ. Если Державинъ и былъ, какъ самъ полагалъ, отличнымъ военнымъ правителемъ и командиромъ, то военнымъ историкомъ онъ не былъ. Потому, пропуская всю эту часть его записокъ, переходимъ прямо къ возвращенію его въ Москву съ Поволжья. Первый дебютъ его по возобновленіи службы въ гвардіи былъ неудаченъ. Пока онъ воевалъ съ мятежниками, порядокъ команды при отводѣ караула нѣсколько измѣнился: прежде, останавливая взводъ, приведенный на караулъ, говорили: „лѣвый, стой! правый, заходи!" а теперь велѣно было командовать просто: „вправо заходи!" Не зная объ этой перемѣнѣ, Державинъ скомандовалъ по старому „и встала бѣда": онъ наряженъ былъ на „палочный караулъ".

„Сіе наипаче поразило честолюбивую его душу, когда представлялъ онъ себѣ, что давно ли ввѣрено ему было толь важное порученіе, въ которомъ могъ онъ двигать чрезъ свои сообщенія корпусами генераловъ, брать деньги въ городахъ, сколько хотѣлъ, посылать лазутчиковъ, казнить смертію, воспрепятствовалъ злодѣямъ пробраться по Иргизу во внутреннія, неограждённыя никѣмъ провинціи, и защитилъ, такъ сказать, своимъ однимъ лицомъ отъ расхищенія Киргизцами всѣ иностранныя колоніи, на луговой сторонѣ Волги лежащія, чѣмъ совокупно спасъ паки и Имперію и славу Госуда-

Digitized by Google

рыни Императрицы, которая, выписавъ ихъ изъ чужихъ земель, приняла подъ свое покровительство и обѣщала устроить ихъ блаженство прочнѣе, нежели въ ихъ отечествѣ. Но за все сіе вмѣсто награды получилъ уничиженіе предъ своими собратіями гвардіи офицерами, которые награждены были деревнями, а онъ не только оставленъ безъ всякаго уваженія, но, какъ негодяй, наряженъ былъ на палочной караулъ".

„Таковыми чувствами возмятенный", Державинъ вздумалъ-было искать защиты у извѣстнаго историка Щербатова, который выражалъ передъ тѣмъ желаніе познакомиться съ нимъ. Но князь Щербатовъ сказалъ, что пособить ему не въ силахъ. Вернувшись на квартиру „и размысля непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры", Державинъ „пролилъ горькія слезы", тѣмъ больше, что денежныя дѣла его находились въ разстройствѣ: онъ поручился за пріятеля, оказавшагося несостоятельнымъ, и его собственное помѣстье собирались продать съ аукціона. Однако же, „возвергнувъ печаль свою на Бога", рѣшился онъ дѣйствовать отважнѣе и поѣхалъ къ Потемкину просить себѣ награды за дѣйствія противъ Пугачева. Потемкинъ ничего не сдѣлалъ для него; но, принявшись снова играть въ карты, Державинъ выпутался изъ затрудненія: на 50 рублей онъ выигралъ до 40.000 рублей, заплатилъ долгъ и могъ жить порядочно. Еще нѣсколько разъ обращался онъ съ просьбами къ Потемкину, къ другимъ сильнымъ людямъ, къ самой императрицѣ, доказывая свои права на награду. Много разъ ему отказывали; наконецъ въ ноябрѣ 1776 г. попалъ онъ съ своею просьбою къ Потемкину въ счастливую минуту.—„Чего же вы желаете за свою службу?" спросилъ князь.—„Я ничего не желаю, коль скоро служба моя благоугодною ея величеству показалась", отвѣчалъ Державинъ.—„Вы должны непремѣнно сказать", продолжалъ Потемкинъ.

— „Когда такъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ отозвался проситель: за производство дѣлъ по секретной коммиссіи желаю быть награжденнымъ деревнями равно съ сверстниками моими, гвардіи офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему подвигу, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника".—„Хорошо", князь отозвался, „вы получите".

Но опять прошло нѣсколько мѣсяцевъ, награды не было и Державинъ, по собственному выраженію, „принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней". Наконецъ, проходя однажды черезъ пріемную залу, гдѣ былъ Державинъ, Потемкинъ „сквозь зубы" сказалъ своему правителю канцеляріи: „напиши о немъ докладную записку". Правитель канцеляріи не зналъ, что писать въ докладной запискѣ и попросилъ самого Державина написать ее. „Сей изготовилъ по самой справедливости", въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ему дать чинъ полковника. Потемкину показалось (по наговорамъ недоброжелателей, какъ полагаетъ Державинъ), что чинъ полковника давать ему не за что и Державинъ былъ вмѣсто того перечисленъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ коллежскіе совѣтники и съ награжденіемъ тремя стами душъ. Надобно было искать должности; должность нашлась такимъ путемъ: Державинъ успѣлъ войти въ домъ къ тогдашнему генералъ-прокурору, князю Вяземскому, „и проводя съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ... платилъ всегда проигранныя деньги исправно и съ веселымъ духомъ": веселость духа сохранять было тѣмъ легче, что Вяземскій съ небогатыми людьми игралъ по маленькой. „Таковымъ по-

Digitized by Google

ступкомъ, всегда благороднымъ и смѣлымъ, понравился ему, пріобрѣлъ его благоволеніе“. Открылось мѣсто экзекутора въ 1-мъ департаментѣ сената, Державинъ попросилъ и получилъ эту должность, довольно видную. Сенаторы уважали его, потому что онъ ежедневно бывалъ у Вяземскаго, „съ княземъ по вечерамъ, для забавы, иногда игралъ въ карты, а иногда читалъ книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не всегда справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу“.

Что дѣлать, такіе тогда были нравы. Но любопытно, что Державинъ, очень длинно разсказывая о своихъ просьбахъ, искательствахъ и похвальныхъ стихотвореніяхъ, очень часто твердитъ, что никогда никого ни о чемъ не просилъ, что имѣлъ характеръ очень независимый, чуждый всякаго ласкательства. При всей своей простотѣ онъ вѣроятно сообразилъ бы, что противорѣчитъ этими увѣреніями своимъ собственнымъ разсказамъ, если бы полагалъ, что его разсказы о томъ, какъ онъ терся въ передней у Потемкина и втирался въ милость къ Вяземскому, должны производить такое впечатлѣніе, какое производятъ на насъ. Но по всему видно, что онъ и не предполагалъ возможности такого впечатлѣнія; видно онъ самъ и всѣ его окружающіе находили, что онъ кланяется и напрашивается, льститъ и втирается гораздо меньше, чѣмъ было тогда въ обыкновеніи.

Дѣла Державина стали поправляться. Тяжба о поручительствѣ его за несостоятельнаго товарища по его „просьбѣ и старанію въ сенатѣ, а паче по покровительству генералъ-прокурора“, рѣшена такъ, что Державинъ пріобрѣлъ помѣстье, въ залогѣ котораго ручался. Въ этомъ помѣстьи было триста душъ; еще триста душъ были пожалованы Державину въ награду; всего съ родовымъ помѣстьемъ было у него теперь (около 1778 года) до тысячи душъ и онъ „взялъ намѣреніе порядочнымъ жить домомъ, а потому и рѣшился твердо въ мысляхъ своихъ жениться“. Рѣшившись жениться, онъ тотчасъ же влюбился и скоро съигралъ свадьбу съ своею Плѣнирою, какъ называлъ ее въ стихахъ. Въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, пока онъ занималъ должность экзекутора, случились, по его словамъ, два замѣчательныя происшествія: первое состояло въ томъ, что онъ отлично убралъ залу общаго собранія сената; второе пусть разскажетъ онъ самъ.

„Въ 1780 году, будучи въ Петербургѣ, Австрійскій императоръ Іосифъ подъ чужимъ именемъ посѣщалъ сенатъ и вступя въ залу общаго собранія, распрося о производимыхъ въ ней государственныхъ дѣлахъ, сказалъ сопровождавшему его экзекутору: „Подлинно въ пространной толь имперіи можетъ совѣтъ сей служить великимъ пособіемъ Императрицѣ“.

Но вотъ фактъ, который уже дѣйствительно замѣчателенъ. Въ концѣ 1780 г. учреждена была „экспедиція о государственныхъ доходахъ“, дѣлившаяся на четыре части: приходную, расходную, счетную и недоимочную. Въ каждой части было по особенному предсѣдателю съ тремя совѣтниками. Державина назначили совѣтникомъ во второй отдѣлъ экспедиціи, и какъ бы вы думали?.. Оказалось, что онъ, имѣвшій о финансахъ ровно такое же понятіе, какъ о французскомъ языкѣ (о которомъ еще будетъ анекдотъ)—самый знающій человѣкъ не только въ своей части, но и въ цѣлой экспедиціи, то есть въ цѣломъ управленіи финансами

Digitized by Google

Русской имперіи. Какимъ образомъ успѣли набрать пятнадцать человѣкъ еще менѣе Державина знакомыхъ съ финансами, это непостижимо; но не нашлось въ экспедиціи никого, кромѣ Державина, кому было бы поручить „написать должность экспедиціи о государственныхъ доходахъ“, то есть, уставъ финансоваго управленія цѣлой имперіи. Способнымъ къ этому сочли его потому, что еще когда онъ былъ экзекуторомъ, то „уже поручилъ ему генералъ-прокуроръ слѣдствіе надъ сенатскими секретарями, что они лѣнились ходить на дежурство свое“. Итакъ, Вяземскій приказалъ написать, и Державинъ написалъ уставъ. Объ этой процедурѣ онъ очень любопытно разсказываетъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ. Генералъ-прокуроръ Вяземскій, управлявшій всѣми отраслями внутреннихъ дѣлъ, въ томѣ числѣ и финансами,

„не надѣялся, чтобъ несвѣдущій законовъ могъ написать правила казеннаго управленія, требующія великаго предусмотрѣнія, осторожности и точности, но однако приказалъ. Что дѣлать? должно исполнить волю начальника; а какъ не хотѣлъ предъ ними (передъ своими соперниками, Васильевымъ и Храповицкимъ) уклоняться и испрашивать у нихъ мыслей и наставленія, то собравъ всѣ указы, на коихъ основаны были камеръ- и ревизіонъ-коллегіи, статсъ-конторы и самыя вновь учрежденныя экспедиціи, приступилъ къ работѣ, а чтобъ не разбивали его плана и мыслей, заперся и не велѣлъ себя сказывать никому дома. Поелику ему была дика и непонятна почти матерія, то маралъ, перемѣнялъ и наконецъ чрезъ двѣ недѣли составилъ кое-какъ цѣлую книгу безъ всякой посторонней помощи, представилъ начальнику, а сей, собравъ всѣ экспедиціи, велѣлъ предъ ними прочесть; но какъ никто не говорилъ ни хорошаго, ни худаго, то князь, желая слышать справедливое сужденіе, морщился, сердился, привязывался, и наконецъ принялся поправлять самъ единственно вступленіе или изложеніе причинъ названнаго имъ начертанія должности экспедиціи о государственныхъ доходахъ, полагая, что безъ онаго никакимъ образомъ не можно будетъ управлять казною государственною, давая разумѣть, что наказъ или полную инструкцію сама Императрица издать изволитъ. Товарищи думали, что безъ нихъ не обойдется, что не удостоится конфирмаціи сіе начертаніе и что ихъ будутъ передѣлать оное упрашивать; однако, къ великому ихъ удивленію, чрезъ графа Безбородку получилъ князь Высочайшую конфирмацію, что по оному велѣно было поступать. Хотя должно было по листамъ скрѣпить и исправить или контрасигнировать сію книгу Державину, яко писавшему оную, но присвоилъ сію честь Храповицкій, въ какомъ видѣ должна она и понынѣ существовать въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и есть оной правиломъ, ибо не слышно, чтобъ дана ей была какая новая инструкція“.

Скоро Державинъ сталъ ссориться съ генералъ-прокуроромъ Вяземскимъ, своимъ бывшимъ покровителемъ. Намъ нѣтъ нужды разсматривать, отъ чего возникло неудовольствіе Вяземскаго: отъ неумѣстной ли горячности, которой надоѣдалъ Державинъ каждому, или дѣйствительно отъ интригъ завистниковъ и наушниковъ, чѣмъ объяснялъ дѣло самъ Державинъ; по всей вѣроятности было и то и другое. Но для характеристики нравовъ, намъ нѣтъ надобности разбирать, какъ именно происходилъ тотъ или другой отдѣльный случай: довольно того, что Державинъ разсказываетъ его извѣстнымъ образомъ, находя, что разсказъ покажется правдоподобенъ и что всѣ читатели назовутъ разсказчика правымъ. У Державина произошло разнорѣчіе съ другимъ совѣтникомъ, Бутурлинымъ, о томъ, какъ лучше ревизовать отчетность казенныхъ палатъ; Бутурлинъ, по выраженію Державина, „забѣжалъ къ Вяземскому и оклеветалъ чѣмъ-то своего противоборца“. Когда Державинъ явился съ докладомъ, князь „началъ придираться“, а Бутур-

Digitized by Google

линъ, „тутъ же стоя, началъ потакать начальнику и подъяривать его на товарища, хотя самъ ничего не писалъ и не умѣлъ писать“. Державинъ, разсердившись, „сунулъ Бутурлину въ руки бумаги, сказавъ: пишите же вы сами, коли умѣете лучше“. Вяземскій принялъ это за неуваженіе къ себѣ и на другой день сказалъ ему черезъ Васильева, чтобы онъ подалъ въ отставку. Державинъ исполнилъ это съ большимъ достоинствомъ. Онъ явился къ Вяземскому, когда тотъ сидѣлъ, „окруженный многими прихлебателями,—

„и съ благородною твердостью духа сказалъ: „ваше сіятельство чрезъ г. Васильева изволили мнѣ приказать подать челобитную въ отставку; вотъ она; а что изъявили свое неудовольствіе на мою службу, то какъ вы сами недавно одобряли меня предъ Ея Величествомъ и исходатайствовали мнѣ чинъ статскаго совѣтника за мои труды и способности, то предоставляю вамъ въ нынѣшней обидѣ моей дать отчетъ Тому, предъ Кѣмъ открыты будутъ нѣкогда совѣсти наши“.—Сказавъ сіе, не дождавшись отвѣта, вышелъ вонъ. Глубокая тишина сдѣлалась въ комнатѣ, между множества людей“.

Дѣло было на дачѣ Вяземскаго. Державинъ пошелъ пѣшкомъ на другую дачу, бывшую въ двухъ верстахъ, гдѣ ждала его жена. Сконфуженный Вяземскій приказалъ подать ему карету, но Державинъ поблагодарилъ, не принялъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Васильевъ пріѣхалъ къ нему, сказалъ, что князь раскаявается, желаетъ, чтобы онъ остался служить,—

„но только съ тѣмъ, чтобъ онъ Державинъ сдѣлалъ на другой день видъ, якобы у него хочетъ просить прощенія въ своей горячности, и позвалъ бы его при случившихся посѣтителяхъ въ кабинетъ будто для объясненія. Обиженный, подумавъ и вспомня пословицу, чтобъ съ сильнымъ не бороться, а съ богатымъ не тягаться, согласился исполнить волю пославшаго г. Васильева“.

На другой день онъ опять явился къ Вяземскому, „принаровивъ такъ послѣ обѣда, что много еще было у генералъ-прокурора гостей“, и просилъ позволенія объясниться съ нимъ въ кабинетѣ. Вяземскій, улыбнувшись, сказалъ: „пожалуй, мой другъ, изволь“; и этою формальностью дѣло было улажено. Державинъ полагаетъ, что до конца выдержалъ независимость характера. Но, несмотря на примиреніе, Вяземскій остался сердитъ, отчасти за это дѣло, отчасти за оду Фелицѣ, понравившуюся Екатеринѣ.

„Съ того времени закралась въ его сердцѣ ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ, привязывался во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу“.

Но, говоритъ Державинъ, все это „снесено было съ терпѣніемъ близь двухъ годовъ“. Новая непріятность постигла его по дѣлу такого рода. При новой ревизіи число душъ оказалось увеличившимся, должны были увеличиться и суммы, доставляемыя подушной податью. Но Вяземскій велѣлъ оставить въ подносимыхъ государынѣ табеляхъ государственнаго дохода прежнюю цифру подушнаго сбора. Державинъ доказывалъ, что не слѣдуетъ утаивать новыхъ увеличившихся цифръ— его не послушались. Не говоря своимъ товарищамъ и Вяземскому, онъ высчиталъ увеличеніе дохода по документамъ, доставленнымъ изъ казенныхъ палатъ, и представилъ Вяземскому новую табель доходовъ, сказавъ: вы приказали не составлять

Digitized by Google

новыхъ табелей, а поднести государынѣ прежнія. Это исполнено; но чтобы не подвергнуться намъ и вамъ бѣдѣ, я составилъ и новыя табели, по которымъ можно показать настоящее состояніе государственной казны. „Съ симъ словомъ, вмѣсто благодарности за предостереженія и труды, воспылала никѣмъ не ожидаемая страшная буря“. Вяземскій сталъ браниться. „Съ чувствительнымъ огорченіемъ, такъ что пролились изъ глазъ слезы, пріявъ сей выговоръ, совѣтникъ сказалъ: „разсмотрите мои табели и тогда уже браните“. Табели были отданы на разсмотрѣніе общему собранію экспедиціи о доходахъ; она принуждена была сознаться,—

„что новую табель составить и поднесть Ея Величеству можно, по которой нашлось болѣе противъ прошлаго году доходовъ 8,000,000. Нельзя изобразить, какая фурія представилась на лицѣ начальника, какъ онъ прочелъ сей актъ... не хотѣлъ (Вяземскій) открыть точнаго доходу, чтобы держать себя болѣе во уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣніемъ оныхъ, но послѣ будто особымъ своимъ изобрѣтеніемъ и радѣніемъ найдетъ оныя кое-какъ и удовлетворитъ требованіе двора“.

Державинъ увидѣлъ, что служить ему у Вяземскаго уже невозможно, вышелъ въ отставку (въ февралѣ 1784) и собирался съѣздить въ деревню погостить у матери, когда императрица (въ маѣ того же года) назначила его губернаторомъ въ Олонецъ.

Олонецкимъ намѣстникомъ, т. е. прямымъ начальникомъ губернатора, лицемъ, имѣвшимъ генералъ-губернаторскія обязанности, только безъ титула генералъ-губернатора, былъ тогда генералъ-поручикъ Тутолминъ. Сначала онъ былъ хорошъ съ Державинымъ, но скоро началась ссора, причину которой Державинъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Тутолминъ—

„прислалъ въ губернское правленіе при своемъ предложеніи цѣлую книгу законовъ, имъ написанныхъ и императорскою властію не утвержденныхъ, требуя, чтобы они въ томъ правленіи, въ палатахъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ непремѣнно исполняемы были; но какъ они во многихъ мѣстахъ съ существующими коренными законами и самою естественною связію дѣлъ не токмо не сообразны, но даже и неудобоисполнительны были; удивясь таковой дичи и грубому дерзновенію, усумнился Державинъ принять тѣ законы къ исполненію, а для того пошелъ къ нему въ домъ, взявъ съ собою печатной указъ, состоявшійся въ 1780 году, въ которомъ воспрещалось намѣстникамъ ни на одну черту не прибавлять своихъ законовъ и исполнять въ точности императорскою только властію изданныхъ; ежели жъ въ новыхъ каковыхъ установленіяхъ необходимая нужда окажется, то представлять сенату, а онъ уже исходатайствуетъ ея священную волю. Прочетши сей законъ, намѣстникъ затрясся и поблѣднѣлъ“.

Законы, сочиненные намѣстникомъ, разумѣется остались безъ исполненія, но Тутолминъ сказалъ, что будетъ ревизовать губернскія мѣста. Ревизію началъ онъ съ губернскаго правленія, предсѣдателемъ котораго былъ губернаторъ. Онъ хотѣлъ, „по глупому честолюбію и чрезвычайному тщеславію, чтобы была ему встрѣча сдѣлана, такъ сказать, императорская, т. е. губернаторомъ и всѣми присутствующими чинами на крыльцѣ“. Но Державинъ принялъ его по регламенту въ залѣ присутствія; намѣстникъ раздражился больше прежняго, пробовалъ привязываться къ дѣламъ и даже къ мебели губернскаго правленія, но „ничего не смысля въ законахъ“, не съумѣлъ поддержать своихъ замѣчаній. Когда онъ изъ губернскаго правленія отправился въ другія присутственныя мѣста, Державинъ не поѣхалъ провожать его; намѣстникъ разобидѣлся еще больше, и по окончаніи ревизіи, похваливъ въ досаду губернатору казенную и уголовную палаты, имѣвшія особен-

Digitized by Google

ныхъ председателей, объявилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ жаловаться на губернатора. Когда Тутолминъ уѣхалъ въ Петербургъ, Державинъ принялъ свои мѣры: онъ самъ обревизовалъ тогда присутственныя мѣста, чтобы выказать неисправность палатъ, которыя были расхвалены намѣстникомъ, и нелѣпость распоряженій самого намѣстника.

„Само по себѣ открылось великое неустройство и несогласица съ существовавшими законами и регламентами, по коимъ мѣста должны были отправлять ихъ должности, ибо они поступали не по законамъ, а по новымъ постановленіямъ намѣстника. Словомъ, обнаружилось не токмо наглое своевольство и отступленіе намѣстника отъ законовъ, но сумасбродство и нелѣпица, чего исполнить было не можно, или по крайности безполезно. Напримѣръ: предписалъ онъ въ должность экономіи директора, чтобъ сажать и сѣять всякой годъ поселянамъ лѣса; но какъ въ Олонецкой губерніи почти по всѣмъ уѣздамъ были непроходимые лѣса, то сіе учрежденіе, годное на Екатеринославскую губернію, для которой въ бытность его тамъ губернаторомъ было оно написано, совсѣмъ не годилось для Олонецкой. Также и по другимъ палатамъ и судамъ такія были табели и предписанія, что более смѣха, нежели какого либо уваженія достойны. Установлены такіе между прочимъ сборы и подати, о коихъ въ правилахъ казеннаго управленія ниже однимъ словомъ не упоминалось“.

Формальнымъ образомъ обнаруживъ таковыя сумасбродства, Державинъ послалъ о нихъ донесеніе къ императрицѣ въ оправданіе свое.

„Формальнаго отвѣту не было; но извѣстно послѣ стало, что намѣстникъ былъ лично призванъ предъ Императрицу, гдѣ ему прочтено было донесеніе губернаторское, и онъ долженъ былъ на колѣняхъ просить милости“.

Благодаря этому, Державинъ удержался въ Олонцѣ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Но случилось происшествіе, доставившее торжество Тутолмину. Генералъ-прокуроръ Вяземскій, главный правитель всѣхъ внутреннихъ дѣлъ, держалъ сторону Тутолмина. Въ угодность ему и Тутолмину, прокуроры и стряпчіе безпрестанно подавали протесты въ губернское правленіе.

„Между прочими, коихъ всѣхъ описывать было бъ пространно и ненужно, поданъ былъ протестъ отъ прокурора въ медленномъ яко бы теченіи дѣлъ. Сіе было одно пресмѣшное о медвѣдѣ. Надобно его описать основательнѣе, дабы представить живѣе всю его глупость и мерзость пристрастія. По отъѣздѣ намѣстника, скоро и братъ его двоюродный полковникъ Николай Тутолминъ, бывшій предсѣдателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, отпущенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца. На Ѳоминой недѣлѣ того суда засѣдатель Молчинъ шелъ въ свое мѣсто мимо губернаторскаго дома по утру; къ нему присталъ, или онъ изъ шутки заманилъ съ собою, жившаго въ домѣ губернатора у ассессора Аверина, медвѣженка, которой былъ весьма рученъ и за всякимъ ходилъ, кто только его приласкивалъ. Приведши его въ судъ, отворилъ двери и сказалъ прочимъ своимъ сочленамъ шутя: „вотъ вамъ, братцы, новый засѣдатель, Михаилъ Ивановичъ Медвѣдевъ“. Посмѣялись и тотчасъ выгнали вонъ безъ всякаго послѣдствія“.

Державинъ сказалъ Молчину, что дастъ ему „сильный напрягай“, если дѣло дойдетъ до него формально. Но формально дѣло о медвѣженкѣ пошло не къ Державину, а къ Тутолмину.

„Шишковъ, засѣдатель того же суда, въ угожденіе намѣстника, довелъ ему исторію сію съ разными нелѣпыми прикрасами, а именно, будто медвѣженокъ, по приказанію губернатора, въ насмѣшку предсѣдателя Тутолмина (худо грамотѣ знающаго) приведенъ

Digitized by Google

былъ нарочно Молчинымъ въ судъ, гдѣ и посаженъ на предсѣдательскія кресла, а секретарь подносилъ ему для скрѣпы листъ бѣлой бумаги, къ которому, намаравъ лапу медвѣженка чернилами, прикладывали, и будто какъ прочіе члены стали на сіе негодовать, приказывая сторожу медвѣженка выгнать, то Молчинъ кричалъ: „Не трогайте, медвѣженокъ губернаторской".

Предсѣдатель Верхняго Земскаго Суда, Тутолминъ, возвратившись къ должности, подалъ жалобу на обиду, ему нанесенную; губернское правленіе рѣшило дѣло тѣмъ, чтобы сдѣлать выговоръ Молчину. Но намѣстникъ Тутолминъ объявилъ, что этого наказанія мало, а надобно отдать Молчина подъ уголовный судъ. Державинъ отвѣчалъ, что по закону не можетъ перемѣнять постановленій губернскаго правленія, а предоставляетъ намѣстнику рапортовать на него въ сенатъ. Тутолминъ такъ и сдѣлалъ. Вяземскій радъ былъ жалобѣ и говорилъ сенаторамъ: „вотъ, милостивцы, смотрите, что нашъ умница стихотворецъ дѣлаетъ: медвѣдей предсѣдателями". Державина перевели въ Тамбовскую губернію. Чтобы Тутолминъ не могъ вывести новыхъ жалобъ на какія нибудь неисправности бывшаго губернатора, по его отъѣздѣ, Державинъ, сдавая должность, подробно осмотрѣлъ подвѣдомственныя ему мѣста и привелъ въ порядокъ ихъ дѣла. При ревизіи Приказа Общественнаго Призрѣнія нашлось, что казначей Грибовскій (бывшій впослѣдствіи статсъ-секретаремъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ) выдалъ по опредѣленію за подписью одного губернатора безъ совѣтниковъ купцамъ заимообразно, безъ росписки ихъ въ шнуровыхъ книгахъ, 7,000 рублей и что недостаетъ въ наличности болѣе 1,000 рублей. Призвавъ къ себѣ Грибовскаго, Державинъ убѣдилъ его сдѣлать письменное признаніе въ томъ, что недостающія деньги проигралъ онъ въ карты любимцамъ намѣстника, вице-губернатору, губернскому прокурору и предсѣдателю уголовной палаты. Тогда Державинъ поодиночкѣ призвалъ къ себѣ вице-губернатора, прокурора и предсѣдателя уголовной палаты, показалъ каждому изъ нихъ признаніе Грибовскаго и они перетрусили. Послѣ того заставилъ онъ и купцовъ росписаться въ деньгахъ, ими взятыхъ, а недостающія деньги взнесъ свои. На другой день прокуроръ явился въ губернское правленіе съ протестомъ, въ которомъ говорилъ, что губернаторъ призывалъ его къ себѣ ночью и показывалъ ему бумагу, несправедливо замѣшивавшую его, прокурора, въ карточныя дѣла.

„Губернаторъ принялъ его со смѣхомъ, сказавъ, что онъ все затѣваетъ пустое, что онъ его никогда къ себѣ не призывалъ и деньги никакія въ приказахъ не пропадали, въ удостовѣреніе чего поручаетъ ему самому освидѣтельствовать денежную казну и книги по документамъ. Прокуроръ удивился, сходилъ въ приказъ и, нашедъ все въ цѣлости и въ порядкѣ, возвратился. Губернаторъ, изодравъ его протестъ, возвратилъ ему какъ сонную грезу, и приказавъ подать шампанскаго, всѣмъ тутъ бывшимъ и прокурору поднесъ по рюмкѣ, выпивалъ самъ, и отправился въ Петербургъ, оставя благополучно навсегда Олонецкую губернію и не сдѣлавъ никого несчастливымъ и не заведя никакого дѣла".

По пріѣздѣ въ Тамбовъ (весною 1786), Державинъ сначала жилъ очень согласно съ генералъ-губернаторомъ рязанскимъ и тамбовскимъ, графомъ Гудовичемъ, который былъ особенно доволенъ заботами губернатора „по приласканію общества". Державинъ давалъ праздники, которые—

„не токмо служили къ одному увеселенію, но и къ образованію общества, а особливо дворянства, которое, можно сказать, такъ было грубо и необходительно, что ни

одѣться, ни войти, ни обращенія, какъ должно благородному человѣку, не умѣли, или рѣдкіе изъ нихъ, которые жили только въ столицахъ. Для того у губернатора въ домѣ были всякое воскресенье собранія, небольшіе балы, а по четвергамъ концерты, въ торжественные же, а особливо въ государственные праздники—театральныя представленія, изъ охотниковъ благородныхъ молодыхъ людей обоего пола составленныя. Но не токмо одно увеселеніе, но и самые классы для молодаго юношества были учреждены поденно въ домѣ губернатора, такимъ образомъ, чтобъ преподаваніе ученія дешевле стоило и способнѣе и заманчивѣе было для молодыхъ людей".

Для танцевальныхъ уроковъ выписалъ онъ танцмейстера съ дочерью, для преподаванія молодымъ дворянамъ и дворянкамъ грамматики, ариѳметики и геометріи пригласилъ учителей изъ народныхъ училищъ. Дворяне были довольны заботливостью о ихъ дѣтяхъ, а дѣти, или, лучше сказать, молодые люди учились съ удовольствіемъ, потому что жена Державина, на попеченіи которой лежали эти праздники и уроки, принимала своихъ гостей очень любезно. При Державинѣ произошло въ Тамбовѣ открытіе народнаго училища и объ этомъ торжествѣ онъ разсказываетъ одну занимательную подробность. При открытіи училища надобно было сказать рѣчь. Губернаторъ просилъ объ этомъ тамбовскаго преосвященнаго Ѳеодосія, но онъ

„былъ человѣкъ и неученой, и больной, то онъ отказался. Губернаторъ убѣждалъ, чтобъ онъ приказалъ своему хотя проповѣднику то исполнить; но и въ томъ не успѣлъ, ибо тотъ проповѣдникъ былъ дьякономъ, не взирая на то, хоть безъ всякихъ талантовъ, но человѣкъ притомъ невоздержный и на тотъ разъ пилъ запоемъ. Губернаторъ послалъ въ городъ Ломовъ къ архимандриту, человѣку ученому, который, хотя по духовному правительству принадлежалъ Тамбовской эпархіи, но по губернскому правленію Пензенской губерніи. Сей обѣщалъ пріѣхать, но дня за три до назначеннаго дня прислалъ курьера съ отказомъ, сказавъ тому причину, что пензенскій губернаторъ требуетъ его въ Пензу для сей же надобности. Получа сіе, Державинъ не зналъ, что дѣлать."

Но вдругъ вспомнилъ онъ о человѣкѣ, который могъ замѣнить отказывавшихся проповѣдниковъ.

„Хаживалъ къ губернатору изъ города Козлова однодворецъ Захарьинъ, которой приношивалъ ему сочиненія своего стихи, большею частію заимствованные изъ священнаго писанія. Въ нихъ былъ виденъ нарочитый природный даръ, но ни тонкости мыслей, ни вкуса, ни познанія не имѣлъ".

Вотъ этому Захарьину Державинъ поручилъ написать рѣчь. Тотъ написалъ, но рѣчь оказалась „сущимъ вздоромъ, ни складу, ни ладу не имѣющимъ". Державинъ растолковалъ ему, какъ надобно поправить рѣчь. Захарьинъ поправилъ, переписалъ; рѣчь оказалась по прежнему нелѣпицей. Тогда Державинъ самъ продиктовалъ ему рѣчь по собственнымъ мыслямъ, „которыя онъ въ теченіе дня въ головѣ своей собралъ и расположилъ въ надлежащій порядокъ". Но тутъ явилась новая задача: отыскать приличное мѣсто, „гдѣ бы ему ту рѣчь по состоянію его сказать можно было",—въ церкви говорить однодворцу нельзя, потому что онъ не церковнослужитель, въ школѣ „также не вмѣстно", потому что онъ не учитель: какъ тутъ быть? Наконецъ Державинъ придумалъ:

„Приказалъ ему, чтобъ, когда процессія духовная будетъ возвращаться послѣ освященія училища въ соборъ, то чтобъ онъ, остановя ее, начиналъ свою рѣчь, которая

Digitized by Google

начиналась такимъ образомъ: „Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего“ и проч. Сіе въ точности такъ было исполнено. Когда преосвященный со всѣмъ своимъ духовнымъ причетомъ. отслужа молебенъ и окропя святою водою классы, хотѣлъ съ собраніемъ всѣхъ чиновъ выдти изъ училища, то однодворецъ остановилъ его вышеписаннымъ началомъ рѣчи; и губернаторъ тотчасъ подвинулъ ихъ въ училище, гдѣ уже и говорена была рѣчь передъ портретомъ императрицы порядочно; но при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавалъ въ покровительство государынѣ сына своего, жена его, стоявшая за нимъ съ малолѣтнимъ его младенцемъ, отдала ему онаго, а онъ положилъ его предъ портретомъ, говоря со слезами тѣ слова, которыя тамъ написаны. Сіе трогательное дѣйствіе такъ поразило всѣхъ зрителей, что никто не могъ удержаться отъ сладостныхъ слезъ, въ благодарность просвѣтительницѣ народа проліянныхъ, и надавали столько оратору денегъ, что онъ нѣсколько недѣль съ пріятелями своими не сходилъ съ кабака, ибо также любилъ куликать“.

Державинъ очень гордился этой рѣчью. Но за такимъ успѣхомъ послѣдовали огорченія. Генералъ-губернаторъ сталъ сердиться на Державина (по словамъ самого Державина) за то, что онъ возсталъ противъ неправильной отдачи виннаго откупа ненадежнымъ лицамъ и за слишкомъ малую цѣну. Скоро представился случай удалить въ отставку строптиваго губернатора. Поставщикъ арміи Потемкина, купецъ Гарденинъ, заподрядивъ большія количества хлѣба для войска, явился въ Тамбовъ съ требованіемъ изъ казенной палаты денегъ на уплату за купленный провіантъ. Онъ предъявилъ сенатскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ казеннымъ палатамъ отпускать ему суммы, какія потребуются. Но тамбовская казенная палата объявила, что денегъ у нея нѣтъ. Задатки Гарденина должны были пропасть, а войско остаться безъ провіанта. Державинъ, по жалобѣ Гарденина, велѣлъ вице-губернатору (тогда вице-губернаторы были предсѣдателями казенныхъ палатъ) не задерживать выдачи денегъ. Вице-губернаторъ повторилъ, что денегъ нѣтъ, и уѣхалъ изъ города осматривать какой-то винокуренный заводъ. Тогда Державинъ самъ освидѣтельствовалъ книги и суммы казенной палаты и по освидѣтельствованіи оказалось вотъ что:

„Ассигнаціоннаго банка суммы болѣе 150,000 рублей валялись вовсе безъ записки, изъ коихъ, носился слухъ, раздаваны вице-губернаторомъ въ займы казенныя деньги безъ процентовъ и безъ залоговъ, кому хотѣлъ; также неокладные доходы, какъ-то: за гербовую бумагу, за паспорты, сбирались безъ записки въ приходъ; провіантскихъ и коммисаріатскихъ суммъ было на лицо, неизвѣстно почему удержанныхъ и не высланныхъ въ мѣста, куда ассигнованы, около 200,000, то есть несравненно болѣе, чѣмъ Гарденинъ требовалъ; словомъ, почти вся записная книга была бѣлая, документы разбросаны или и совсѣмъ растеряны, и неизвѣстныя какія-то деньги нашлись у присяжныхъ по коробкамъ, такъ что оказывалось въ растерѣ или похищеніи казенныхъ денегъ болѣе 500,000 рублей“.

Вице-губернаторъ и его партія подняли жалобы; генералъ-губернаторъ принялъ ихъ сторону, донесъ, что Державинъ производилъ свидѣтельствованіе суммъ съ притѣсненіями чиновникамъ казенной палаты, пріѣзжалъ самъ въ Тамбовъ и имѣлъ съ Державинымъ „довольно горячій разговоръ“, при которомъ однакоже, по словамъ Державина, „никакой непристойности не было“. Черезъ нѣсколько времени былъ

„полученъ указъ изъ сената, послѣдовавшій по жалобѣ намѣстника, въ коемъ многія глупыя небылицы и скаредныя клеветы на Державина написаны были. Между прочимъ, что будто онъ его за воротъ тащилъ въ правленіе“.

Digitized by Google

Державинъ говоритъ, что нетрудно было бы ему опровергнуть всѣ эти „нелѣпицы“, но—

„какъ зналъ онъ канцелярскій обрядъ, что не на справкахъ основанные отвѣты подлежатъ сумнѣнію и что начальничьи донесенія болѣе возымѣютъ вѣсу, нежели его отвѣты, то отлучивъ его отъ должности предадутъ дѣло въ сенатъ къ законному сужденію, а сенатъ нѣсколько лѣтъ будетъ собирать справки, которыя въ угодностъ генералъ-губернатора будутъ такія, какія ему только будутъ угодны; словомъ, ежели не обвинятъ, то вѣчно просудятъ, чего имъ только и хотѣлось, дабы не допущать Державина въ столицу, или лучше до лицезрѣнія императрицы; ибо таковъ есть законъ: кто подъ судомъ, то не допущается къ двору. Державинъ, все сіе предвидѣвъ, взялъ мѣры, дабы отвратить отъ себя толь злобою ухищренную напасть“.

Не объявляя сенатскаго указа, онъ призвалъ къ себѣ секретарей, велѣлъ имъ навести справки, каждому по своей экспедиціи, о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ касается сенатскій указъ, и представить ему эти справки формальнымъ порядкомъ. Секретари и совѣтники подписали справки, не зная зачѣмъ онѣ требуются, губернскій прокуроръ пропустилъ ихъ; тогда Державинъ, имѣя въ рукахъ дикументы, объявилъ въ губернскомъ правленіи сенатскій указъ и тотчасъ отправилъ въ Петербургъ свой отвѣтъ со справками, показывавшими неосновательность обвиненій, принятыхъ сенатомъ. Гудовичъ страшно разсердился; его петербургскіе друзья положили отвѣтъ Державина подъ сукно, составили по новой жалобѣ Гудовича докладъ, удалявшій Державина отъ должности и предававшій его суду. Такъ въ концѣ 1788 года прекратилось тамбовское губернаторство Державина, который въ заключеніи этого отдѣла своихъ записокъ показываетъ въ десяти пунктахъ пользу, принесенную Тамбову его управленіемъ. Онъ старался сократить дѣлопроизводство, улучшить порядокъ сбора податей и свидѣтельства суммъ, исправилъ тюремный домъ и ввелъ въ немъ чистоту и порядокъ, „чего прежде не было“.

„а содержали въ одной, такъ сказать, ямѣ, огороженной полисадникомъ, по нѣскольку сотъ колодниковъ, которые съ голоду, съ стужи и духоты помирали, безъ всякаго о нихъ попеченія“.

Кромѣ того, онъ старался улучшить судоходство по рѣкѣ Цнѣ, завелъ въ Тамбовѣ типографію для печатанія циркулярныхъ объявленій и т. д. Вообще видно, что усердіе къ общей пользѣ у Державина было и что въ денежныхъ дѣлахъ онъ былъ человѣкъ очень честный. Вело-ли его усердіе къ какой нибудь дѣйствительной пользѣ, или только производило путаницу, этого мы не хотимъ рѣшать, но кажется, что среди странныхъ выдумокъ приходили ему въ голову иногда и дѣльныя мысли.

Слѣдствіе надъ Державинымъ долженъ былъ производить въ Москвѣ шестой департаментъ сената. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ упрашивалъ Державинъ, чтобы сдѣлали докладъ, но оберъ-прокуроръ шестаго департамента, князь Гагаринъ, и сенаторы видѣли невозможность обвинить Державина, а съ тѣмъ вмѣстѣ знали, что генералъ-прокуроръ князь Вяземскій врагъ ему, потому и не хотѣли рѣшать дѣла. Предлогомъ безконечныхъ отсрочекъ было то, что одинъ изъ сенаторовъ, князь Волконскій, не ѣздитъ въ присутствіе по болѣзни: слушаніе дѣла отлагали до его выздоровленія. А Волконскій былъ совершенно здоровъ и не ѣздилъ въ сенатъ только затѣмъ, чтобы другіе могли отговариваться его болѣзнью. Державинъ наконецъ не выдержалъ, потребовалъ свиданія съ нимъ и сказалъ:

Digitized by Google

„Вы, слава Богу, князь, сколько я вижу, здоровы, но въ сенатъ выѣзжать не изволите, хотя тамъ мое дѣло уже съ полгода единственно за неприсутствіемъ вашимъ не докладывается. Я увѣренъ въ вашемъ добромъ сердцѣ и въ благорасположеніи ко мнѣ; но вы дѣлаете сіе мнѣ притѣсненіе изъ угожденія только князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому), то я увѣряю ваше сіятельство, что ежели будете длить и не рѣшите мое дѣло такъ или сякъ, я истребую моего оправданія, ибо увѣренъ въ моей невинности; то принужденнымъ найдусь принесть жалобу императрицѣ, въ которой изображу всѣ причины притѣсненія моего генералъ-прокуроромъ, какъ равно и состояніе управляемаго имъ государственнаго казначейства самовластно и въ противность законовъ, какъ онъ раздаетъ жалованье и пенсіоны, кому хочетъ, безъ указовъ ея величества, какъ утаиваетъ доходы, дабы въ случаѣ требованія на нужныя издержки показать выслугу предъ государынею, нашедши якобы своимъ усердіемъ и особымъ распоряженіемъ деньги, которыхъ въ виду не было, или совсѣмъ оныя небреженіемъ другихъ чиновниковъ пропадали, и тому подобное; словомъ, всѣ опишу подробности, ибо, бывъ совѣтникомъ государственныхъ доходовъ, всѣ крючки и норы знаю, гдѣ скрываются, и по переводамъ суммъ въ чужіе края умышленно государственные ресурсы къ пользѣ частныхъ людей, прислуживавшихъ его сіятельству; коротко, хотя буду десять лѣтъ подъ слѣдствіемъ и въ бѣдствіи, но представлю нелживую картину худаго его казною управленія и злоупотребленія сдѣланной ему высочайшей довѣренности. То не введите меня въ грѣхъ и не заставьте быть доносчикомъ противу моей воли, рѣшите мое дѣло, какъ хотите, а тамъ Богъ съ вами, будьте благополучны“.

Услышавъ такія угрозы, Волконскій немедленно поѣхалъ въ сенатъ и дѣло Державина было окончено въ одно засѣданіе. Противники Державина были признаны несправедливыми, но прежній указъ объ удаленіи его отъ должности положили оставить въ силѣ. Чтобы имѣть возможность совершенно очиститься, Державину было нужно имѣть въ рукахъ копію сенатскаго рѣшенія; а тогда не было еще закона дозволять подсудимымъ разсматривать дѣлопроизводство о нихъ. Державинъ купилъ копію рѣшенія у сенатскаго оберъ-секретаря за 2,000 рублей, пріѣхалъ съ нею въ Петербургъ и послалъ по почтѣ къ императрицѣ письмо, въ которомъ только подъ формою собственной догадки высказывалъ, что если его могутъ винить за такія-то обстоятельства и поступки, то въ нихъ онъ можетъ оправдаться такими-то фактами. Екатерина черезъ статсъ-секретаря Храповицкаго объявила ему свое благоволеніе и сказала, „что не можетъ обвинить автора Фелицы“. Онъ даже былъ приглашенъ къ ея столу, потомъ получилъ позволеніе объясниться съ нею по своему дѣлу. Державинъ разсказываетъ эту аудіенцію такъ, какъ будто успѣлъ убѣдить государыню въ своей правотѣ; но въ запискахъ Храповицкаго сохранился словесный отзывъ императрицы, показывающій, что она считала причиною постигавшихъ его непріятностей горячность и неуживчивость его собственнаго характера. Какъ бы то ни было, но императрица повелѣла выдать Державину жалованье за все время его подсудности, а Безбородко, врагъ Вяземскаго, прибавилъ въ указѣ, чтобы продолжать выдачу ему жалованья и впредь до опредѣленія къ мѣсту.

„Сіе Вяземскаго какъ громомъ поразило, и онъ занемогъ параличемъ. Державинъ однако по старому знакомству, какъ бы ничего не примѣчая, ѣздилъ изрѣдка въ домъ его и былъ довольно принятъ ласково“.

Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что Вяземскій злѣйшій врагъ его, самъ всячески старался вредить Вяземскому, а между тѣмъ, какъ видимъ, выказывалъ ему расположеніе. Видно слишкомъ большая двуличность была тогда въ обычаѣ,

Digitized by Google

если Державинъ въ перемежку съ такими фактами безпрестанно говоритъ о прямотѣ своего характера.

Ему было обѣщано мѣсто, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а мѣста не давали. Онъ разсудилъ, что единственный путь для него поправить дѣла — войти въ милость къ Платону Александровичу Зубову.

„Но что дѣлать? надобно было сыскивать случая съ нимъ познакомиться; какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у императрицы. Такимъ образомъ ходя нѣсколько, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего написалъ онъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22 числу сентября, то есть ко дню коронованія императрицы, передалъ чрезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ; но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; и сверхъ того и императрица приказала приглашать его въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и прочія собранія“.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Петербургъ изъ арміи Потемкинъ; ему очень хотѣлось, чтобы Державинъ прославилъ его побѣды своими одами, и потому Державинъ былъ принятъ у него ласково. Въ этой пріязни былъ одинъ случай, самъ по себѣ очень ничтожный, но хорошо опредѣляющій пріемы, къ какимъ пріучались тогдашними нравами сильные люди.

„Однажды призвавъ его въ свой кабинетъ, отдалъ (Потемкинъ) письмо принца Делиня, писанное къ нему на французскомъ языкѣ, прося оное перевесть на русскій. Державинъ отговаривался незнаніемъ перваго; но князь сказалъ: „нѣтъ братецъ, я знаю, что ты переведешь“. — Принялъ и съ пособіемъ жены своей перевелъ, чѣмъ казался быть довольнымъ и благодарилъ“.

Около того же времени представился Державину случай предостеречь Платона Зубова отъ непріятной исторіи. Отецъ Зубова, человѣкъ корыстолюбивый, пользуясь сыновнею силою, захватилъ чужое помѣстье; помѣщикъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать управы. Державинъ узналъ объ этомъ, объяснилъ молодому Зубову дурной поступокъ отца и Платонъ Зубовъ, человѣкъ, какъ надобно думать, благороднаго характера, заставилъ отца возвратить похищенное, чего могъ бы и не дѣлать при своемъ могуществѣ. Онъ ласкалъ Державина; ласкалъ и Потемкинъ, такъ что Державинъ рѣшительно недоумѣвалъ, за кого ему держаться. Милостива была къ нему и государыня, но, какъ видно, не считала его человѣкомъ серьёзнымъ. По крайней мѣрѣ вотъ что разсказываетъ самъ Державинъ, ни мало не подозрѣвая, что разсказъ свидѣтельствуетъ противъ его мнѣнія о себѣ, какъ о человѣкѣ уважаемомъ за дѣльность. На пасху въ 1790 году, когда придворные выходили изъ церкви послѣ вечерни, государыня пригласила всѣхъ въ Эрмитажъ.

„Лишь только вошли въ залу и сдѣлали по обыкновенію кругъ, то императрица съ свойственнымъ ей величественнымъ видомъ прямо подошла къ Державину и велѣла ему за собою идти. Онъ и всѣ удивилися, недоумѣвая, что сіе значитъ. Пришедъ въ отдаленныя Эрмитажа комнаты, начала приказывать тихо, какъ бы какую тайну, чтобъ

онъ сочинилъ Чичагову (то есть къ бюсту Чичагова) надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году въ Ревелѣ, сильнѣйшаго въ три раза противъ россійскаго, флота Шведскаго, которая была бъ сколько возможно кратка. Державинъ, принявъ повелѣніе, не могъ однако отгадать, къ чему было такое ничего незначущее порученіе и что при толь великомъ собраніи отведенъ былъ таинственно съ важностію въ толь отдаленные чертоги, тѣмъ паче, что на другой день, истоща всѣ силы свои и въ поэзіи искусство, принесъ онъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована; а написала она сама прозою, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова. Опослѣ сіе объяснилось и было ничто иное, какъ поддразниваніе или толчекъ Потемкину, что императрица, противъ его воли, хотѣла сдѣлать своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ Державина и для того его толь отличительно показала публикѣ. Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постелю".

Если Потемкинъ сказался больнымъ, если хотѣлъ показать, что разсерженъ, то ужъ навѣрное напрасно Державинъ приписывалъ огорченіе князя „отличительному" своему разговору; да навѣрное и государыня не имѣла мысли сдѣлать его своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ. Она просто хотѣла пошутить надъ придворными, заставить ихъ попусту ломать голову надъ содержаніемъ таинственнаго разговора ея съ Державинымъ. Бѣдняжка Державинъ не понимаетъ, какъ смѣшно его ребяческое тщеславіе, воображавшее, что Потемкинъ можетъ позавидовать ему и что императрица въ самомъ дѣлѣ чуть не отдала Потемкина подъ его команду, когда она просто шутила, заказывая ему надпись, о которой едва ли впередъ не знала, что онъ не съумѣетъ написать ее. Итакъ, изволите видѣть, Державинъ чуть-чуть не попалъ при дворѣ въ такую силу, что Потемкинъ сказался больнымъ отъ огорченія его успѣхами. Но черезъ нѣсколько дней послѣ того происходилъ знаменитый балъ, данный Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ; на балѣ были пѣты хоры, сочиненные Державинымъ, и Потемкинъ даже пригласилъ къ своему столу стихотворца. Въ ожиданіи обѣда Державинъ отправился къ директору канцеляріи Потемкина Попову и тамъ—

„свободный имѣлъ случай и довольно время объяснить (Попову), что мало въ томъ описаніи (бала, даннаго Потемкинымъ,—Державинъ затѣмъ и являлся къ Потемкину, чтобы поднести это описаніе) на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боязнь неудовольствія отъ двора, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, каковымъ никто не даетъ истиннаго вѣроятія; а потому и разсудилъ отнесть всѣ похвалы только къ императрицѣ и всему русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ: „На взятіе Измаила"; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознести его, сколько его дарованія достанетъ. Но таковое извиненіе мало въ пользу автора послужило".

Потемкинъ, прочитавъ описаніе, разсердился, сказалъ, что обѣдать дома не будетъ, и Державинъ ушелъ домой некормленый. О, простота, простота! и она тоже поднялась было на хитрости; Державинъ, какъ видно, хотѣлъ кольнуть Потемкина скупостью на похвалы ему, хотѣлъ поощрить его этимъ къ ближайшему ознакомленію поэта съ великодушными его качествами, но достигъ только того, что остался безъ обѣда. Впрочемъ, онъ вздумалъ извлечь пользу и изъ этой непріятности: по-

Digitized by Google

бѣжалъ къ сопернику Потемкина Платону Зубову, — но нѣтъ, пусть лучше онъ самъ разсказываетъ:

„Державинъ сказалъ о семъ Зубову и не оставилъ однако въ первое воскресенье, при переѣздѣ князя въ Таврическій его домъ, засвидѣтельствовать ему своего почтенія".

Продолжалъ онъ и потомъ до самаго отъѣзда Потемкина дипломатизировать, кланяясь и ему, и Зубову, но пользы не получилъ ни отъ того, ни отъ другаго. Особенно вмѣняетъ онъ это въ вину Платону Зубову:

„Графъ Зубовъ хотя безпрестанно ласкалъ автора, и со дня на день манилъ и питалъ въ немъ надежду получить какое либо мѣсто, но чрезъ все лѣто ничего не вышло, хотя нерѣдко открывалъ онъ ему тѣсныя свои обстоятельства, что почти жить было нечѣмъ".

Надобно при этомъ вспомнить, что у Державина было тогда 1,200 душъ. Не только важной должности не давалъ ему Зубовъ, — не хотѣлъ даже сложить съ него казеннаго взысканія за какую-то неисправность, по какой-то, впрочемъ не очень большой, поставкѣ хлѣба: Зубовъ и другіе просто въ глаза смѣялись надъ нимъ. Но прибѣгнувъ къ сенатскому оберъ-секретарю, Державинъ успѣлъ повернуть дѣло въ свою пользу. Чего не приходило ему въ голову по поводу скупости „любимца", которому напрасно объяснялъ онъ свои заслуги: бѣднякъ воображалъ между прочимъ, что Зубову „непріятна и самая піэтическая его слава", какъ будто Зубовъ былъ соперникомъ ему по риѳмоплетству. Основаніемъ такого дикаго предположенія служили факты, о которыхъ Державинъ съ своимъ обычнымъ простодушіемъ разсказываетъ слѣдующее:

„Казалось Державину, что непріятна ему (Платону Зубову) и самая піэтическая его слава; ибо часто желалъ онъ стравливать или ссорить съ нимъ помянутаго г. Емина, который, какъ извѣстно, также писалъ стихи. Онъ былъ до того дерзокъ, что въ глазахъ фаворита не токмо смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду „На взятіе Измаила", говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкусу. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ, а Державинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не споритъ; но чтобъ узнать, кто изъ нихъ искуснѣе въ стихотворствѣ, то проситъ позволенія напечатать особо, на свой коштъ, на одной сторонѣ листа его критику, а на другой свою оду, и предать на разсужденіе публики—кому отдадутъ преимущество, говорилъ онъ, тотъ и выиграетъ тяжбу. Но Єминъ не согласился".

Во всемъ мы готовы вѣрить Державину; въ одномъ только (да простятъ намъ почитатели великаго поэта) никакъ не вѣримъ: не вѣримъ, чтобы онъ равнодушно отвѣчалъ Эмину; навѣрное онъ горячился до упаду. Зубовъ явно потѣшался надъ нимъ, а онъ чуть ли не воображалъ, что Зубовъ завидуетъ его поэтической славѣ.

Наконецъ, однакоже, повернулись въ пользу Державина неотступныя просьбы у Зубова. Однажды Зубовъ спросилъ его, можно ли нерѣшенныя дѣла переносить изъ одной губерніи въ другую по подозрѣнію въ пристрастіи дѣлопроизводителей первой губерніи. Державинъ объяснилъ ему, что нельзя, указалъ и законы, которыми это воспрещено.

„Въ первое послѣ того воскресенье слышно стало по городу, что когда оберъ-прокуроръ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, за болѣзнію Вяземскаго правя по старшинству генералъ-прокурорскую должность, былъ по обыкновенію въ уборной для поднесенія ея величеству прошедшей недѣли сенатскихъ меморій, то она, вышедъ изъ

Digitized by Google

спальни, прямо съ гнѣвомъ устремилась на него и, схватя его за Владимірскій крестъ, спрашивала, какъ онъ смѣлъ коверкать ея учрежденіе. Онъ отъ ужаса помертвѣлъ и не зналъ, что отвѣтствовать; наконецъ, сколько нибудь собравшись съ духомъ, промолвилъ: „Что такое, государыня? я не знаю".—„Какъ не знаешь? Я усмотрѣла изъ меморіи, что переводятся у васъ въ сенатѣ во 2 департаментѣ, гдѣ ты оберъ-прокуроръ, нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи въ другую".

Вечеромъ, въ тотъ же день, Зубовъ, „призвавъ Державина, объявилъ ему, что императрица опредѣляетъ его къ себѣ для принятія прошеній и дѣлаетъ своимъ статсъ-секретаремъ, поручаетъ ему наблюденіе за сенатскими меморіями, чтобы онъ по нимъ докладывалъ ей, когда усмотритъ какое незаконное сената рѣшеніе". Это было въ декабрѣ 1791 года, и съ той поры Державинъ опять пошелъ по службѣ вверхъ, впрочемъ съ частыми перерывами, происходившими теперь уже просто оттого, что онъ никакъ не умѣлъ понять, бываетъ ли у Екатерины II, потомъ у императоровъ Павла I и Александра I время много заниматься тѣми второстепенными дѣлами, длинными докладами, о которыхъ онъ неотступно надоѣдалъ имъ, какъ только получалъ должность, дававшую ему право личнаго доклада. Такъ, онъ съ перваго же раза очень скоро наскучилъ императрицѣ Екатеринѣ II своими неотвязными толками о сенатскихъ меморіяхъ. Но самъ онъ иначе объясняетъ причину, по которой императрица, сначала слушавшая его благосклонно и внимательно, черезъ нѣсколько времени отстранила его доклады.

„Сначала императрица часто допущала Державина къ себѣ съ докладомъ и разговаривала о политическихъ произшествіяхъ, каковымъ хотѣлъ было онъ вести подневную записку; но поелику дѣла у него были всѣ роду непріятнаго, то есть прошенія на неправосудіе, награды за заслуги, и милости по бѣдности; а блистательныя политическія, то есть о военныхъ пріобрѣтеніяхъ, о постройкѣ новыхъ городовъ, о выгодахъ торговли и прочемъ, что ее увеселяли болѣе дѣла прочихъ статсъ-секретарей, то и стала его рѣдко призывать, такъ что иногда онъ недѣли предъ нею не былъ, и потому журналъ свой писать оставилъ; словомъ: примѣтно было, что душа ея болѣе занята была военною славою и замыслами политическими, такъ что иногда не понимала она, что читано было ей въ запискахъ дѣлъ гражданскихъ; но какъ имѣла необыкновенную остроту разума и великій навыкъ, то тотчасъ спохватывалась и давала резолюціи по крайней мѣрѣ иногда нѣсколько основательныя, однако же сносныя, какъ-то: съ кѣмъ либо снестись, переписать и тому подобныя. Вырывались также иногда у нея внезапно рѣчи, глубину души ея обнаруживавшія. Напримѣръ: ежелибъ я правила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бъ была россійскому скипетру. Или: я не умру безъ того, пока не выгоню турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая, и съ Индіей не осную торговлю. Или: кто далъ, какъ не я, почувствовать французамъ право человѣка. Я теперь вяжу узелки *), пусть ихъ развяжутъ. Случалось, что заводила рѣчь и о стихахъ докладчика, и неоднократно, такъ сказать, спрашивала его, чтобъ онъ писалъ въ родѣ оды Фелицѣ. Онъ ей обѣщалъ и нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ".

Пусть это и правда, пусть въ самомъ дѣлѣ слушаніе тяжебныхъ дѣлъ меньше занимало императрицу, чѣмъ планы пріобрѣтенія новыхъ областей и расширенія перевѣса своего надъ сосѣдями, — но какъ же Державинъ, если понималъ это, не дѣйствовалъ сообразно съ такими данными? Ему слѣдовало бы не доводить до нея

*) Она обыкновенно, когда слушала дѣла, то вязала чулки или какіе-то шнурки съ узелками. *Примѣчаніе Державина.*

Digitized by Google

мелкихъ дѣлъ, излагать и крупныя въ самомъ сжатомъ видѣ. Но въ его глазахъ пріобрѣтали громадную важность всякія мелочи, лишь бы онъ коснулся до нихъ; онъ ничего не замѣчалъ и ему казались выраженіемъ особеннаго благоволенія тѣ самыя вещи, по которымъ человѣкъ болѣе сообразительный замѣтилъ бы, что надъ нимъ подшучиваютъ. Въ самомъ дѣлѣ, императрица повторяла иногда шутку, которую въ первый разъ сдѣлала по случаю надписи къ бюсту Чичагова: „въ публичныхъ собраніяхъ, въ саду иногда, сажала его подлѣ себя на канапе, шептала на ухо ничего не значущія слова, показывая, будто говоритъ о какихъ-то важныхъ дѣлахъ. Что это значило, Державинъ самъ не зналъ“, но заключалъ, что его хотятъ посвятить въ важныя государственныя тайны, вручить ему великую власть. По своему простодушному тщеславію онъ думалъ, что пользуется „такимъ императрицы уваженіемъ, которое обращало на него глаза завистливыхъ придворныхъ“. Прекращеніе мнимаго особеннаго уваженія онъ приписываетъ случайному обстоятельству, именно тому, что однажды, устроивъ, для развлеченія императрицы, игру въ горѣлки, онъ упалъ, вывихнулъ руку и долженъ былъ просидѣть дома шесть недѣль. „Въ сіе-то время, говоритъ онъ, недоброжелатели умѣли такъ расположить противъ него императрицу, что онъ по выздоровленіи нашелъ ее уже совершенно перемѣнившеюся“. Мѣсяца через полтора или два по выздоровленіи онъ пріѣхалъ съ докладомъ во время дурной и холодной погоды; когда онъ велѣлъ доложить императрицѣ о своемъ пріѣздѣ, она чрезъ камердинера сказала ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ“, и приказала ѣхать домой. На самомъ дѣлѣ, рѣдкій правитель могъ бы долго вынести такого пространнаго докладчика: довольно сказать, что докладъ его императрицѣ по знаменитому дѣлу Якоби „продолжался всякій день по два часа четыре мѣсяца, съ мая по августъ“, но и тѣмъ еще не кончился, а послѣ нѣкотораго перерыва продолжался до ноября. Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ это могло хватить матеріала на такой докладъ, хотя бы даже о дѣлѣ Якоби, привезенномъ „въ трехъ кибиткахъ, нагруженныхъ сверху до низу“.

Читатель видѣлъ много такихъ свидѣтельствъ Державина о самомъ себѣ, по которымъ, пожалуй, усомнится раздѣлять наше мнѣніе, что въ сущности онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, старавшійся отстаивать правду, насколько дозволяли его очень отсталыя понятія. Но вотъ, напримѣръ, это самое дѣло Якоби, длина доклада о которомъ поражаетъ своею нелѣпостью, служитъ доказательствомъ правдивости Державина: когда дѣло попало въ руки Державина, всѣ считали Якоби уличеннымъ преступникомъ и сама императрица не сомнѣвалась въ его преступленіяхъ. Державинъ, увидѣвъ, что Якоби обвиненъ напрасно, защищалъ его съ большою твердостью. Сущность этого знаменитаго государственнаго процесса онъ излагаетъ такъ:

Въ 1783 году Якоби былъ назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ въ то время пользовался благосклонностью генералъ-прокурора Вяземскаго. Передъ отправленіемъ своимъ на генералъ-губернаторство онъ ежедневно посѣщалъ Вяземскаго.

„Обласканъ былъ княгинею и прочими живущими у князя, между коими понравилась ему дочь вышеупомянутаго оберъ-прокурора, что былъ послѣ сенаторомъ, Ивана Гавриловича Рязанова, которая, какъ говорили злоязычники, была въ любовной связи съ княземъ и вѣроятно съ согласія княгини. Она, примѣтивъ сіе, сказала супругу.

Digitized by Google

Рады были такому жениху и стали принимать его еще дружественнѣе, довели до настоящаго сватовства: уже женихъ невѣсту дарилъ брильянтами. Искреннею ли любовію плѣненъ былъ генералъ-губернаторъ къ сей дѣвицѣ, или только, чтобъ чрезъ нее получить всѣ требованія и прихоти свои отъ генералъ-прокурора, какъ-то опредѣлять въ мѣста кого куда хотѣлъ, давать чины своимъ приверженцамъ и прочее; но сіе очень много значило, а особливо въ такомъ отдаленіи, каковъ пространный Сибирскій край. Всѣ думали, что онъ женившись уже отправится къ своей должности. Ожидали только докладу императрицы; но наканунѣ онаго любимецъ ея бывшій тогда, Александръ Дмитріевичъ Ланской, призываетъ его къ себѣ, спрашиваетъ о справедливости разнесшагося слуха и запрещаетъ именемъ императрицы совершать сіе супружество, а напротивъ того, объявляетъ ея волю, чтобъ онъ поскорѣе ѣхалъ въ назначенное ему мѣсто и открывалъ въ Иркутскѣ губернію по образу ея учрежденія. Къ сему враждующая противъ князя Вяземскаго партія графовъ Безбородка, Воронцова и прочіе прибавили, будто императрица проговорила: „Я не хочу, чтобъ князь Вяземскій выдавалъ свою Рязанову за Якобія и за ней жаловалъ ему въ приданое Сибирь". Можетъ быть, подъ симъ она разумѣла, что если будутъ въ тѣсномъ и столь короткомъ между собою союзѣ генералъ-прокуроръ съ генералъ-губернаторомъ, то цѣлый край, столь обширный и отдаленный, будетъ въ совершенномъ ихъ порабощеніи, и правды уже тамъ не учинятъ. Она, зная ихъ характеры, можетъ быть, была и права".

Якоби уѣхалъ, обѣщавшись вернуться черезъ годъ, чтобы жениться. Но черезъ годъ онъ прислалъ рапортъ, что важныя дѣла удерживаютъ его въ Сибири, и отказался отъ невѣсты.

„Получа сіе извѣстіе, князь, сказываютъ, проговорился, что онъ живъ не будетъ, ежели не отомститъ такую наглую обиду. Кто у нихъ по справедливости виноватъ, Богъ знаетъ. Самъ ли собою это сдѣлалъ Якобій, или во угожденіе двора; но имѣя великую душу, кажется бы нашелъ средство иначе поступить. Съ другой стороны, столь низку быть генералъ-прокурору, какъ ниже увидимъ, непростительно".

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкто Парфентьевъ прислалъ на Якоби доносъ, въ которомъ важнѣйшимъ обвиненіемъ было, что Якоби хочетъ поднять войну съ Китаемъ, чтобы получить черезъ нее больше важности. Якоби вызвали въ Петербургъ и дѣло тянулось цѣлыхъ семь лѣтъ. Наконецъ открылось, что тѣ дѣйствія Якоби, на которыхъ основывалось главное обвиненіе, были прямымъ исполненіемъ тайной инструкціи, данной ему самою императрицею; нашелся даже указъ объ этомъ въ архивѣ Иностранной Коллегіи. Государыня, будучи недовольна непріязненными дѣйствіями китайцевъ, приказывала Якоби отвѣчать на нихъ также непріязненными мѣрами, и вотъ эти-то мѣры семь лѣтъ выставлялись доказательствомъ, что Якоби самовольно хотѣлъ начать войну съ Китаемъ. Когда императрицѣ припомнилась инструкція, она увидѣла невинность Якоби и подписала указъ о его оправданіи. Но сначала ей не была объяснена сущность дѣла и Державину нужно было много гражданскаго мужества, чтобы не отступиться отъ изложенія процесса въ томъ духѣ, какъ онъ самъ понималъ его: „при продолженіи Якобіева дѣла, говоритъ онъ, она вспыхивала", и разсказываетъ такой случай:

„Въ одинъ разъ съ гнѣвомъ (императрица) спросила, кто ему приказалъ и какъ онъ смѣлъ съ соображеніемъ прочихъ подобныхъ рѣшенныхъ дѣлъ сенатомъ выводить невинность Якобія. Онъ твердо ей отвѣтствовалъ: „Справедливость и ваша слава, Государыня, чтобъ не погрѣшила чѣмъ въ правосудіи". Она закраснѣлась и выслала его вонъ, какъ и нерѣдко то въ продолженіе сего дѣла случалось".

Digitized by Google

Прежде Державина дѣло Якоби производилъ извѣстный Шишковскій и Державину надобно было выдержать борьбу съ этимъ человѣкомъ, находившимся „въ отличной довѣренности у императрицы и у Вяземскаго по дѣламъ тайной канцеляріи“. Увидѣвъ, что Державинъ даетъ дѣлу другой оборотъ, Шишковскій взялъ было на себя „важный и присвоенный имъ, какъ всѣмъ извѣстно, таинственный грозный тонъ съ новымъ слѣдователемъ“. Но Державинъ заговорилъ съ нимъ такъ, что онъ „затряся, поблѣднѣлъ и замолчалъ“. Если тутъ Державинъ замѣчаетъ о себѣ, что выказалъ „неустрашимость“, то, надобно признаться, онъ справедливо присвоиваетъ такое достоинство своему поступку: не всякій рѣшился бы раздражать Шишковскаго противъ себя. Часто бывая смѣшнымъ по тщеславію, слишкомъ часто выказывая чрезвычайную ограниченность, иногда совершенную дикость понятій (доказательства тому мы еще увидимъ), не считая предосудительнымъ дѣломъ низкопоклонничества, обычнаго тогда, Державинъ однако же являлся иногда человѣкомъ, защищавшимъ свои убѣжденія не безъ мужества.

Кто хочетъ довѣрять объясненіямъ самого Державина больше, чѣмъ обыкновеннымъ разсказамъ о его служебной неспособности, тотъ можетъ найти у него такую причину придворнаго охлажденія къ нему, которая приноситъ честь его сердцу: разсказавъ о разныхъ мелкихъ наговорахъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, „поселилась остуда“ къ нему въ сердцѣ императрицы, онъ продолжаетъ:

„Можетъ быть и за то, что онъ по желанію ея, видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ: ибо изъ-далека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея“.

„По желанію Императрицы (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово; но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда въ близи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями; сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ. Все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства.—И такъ не зналъ, что дѣлать; но какъ покойная (т. е. первая) жена его любила его сочиненія, съ жаромъ и мастерски не рѣдко читывала ихъ при своихъ пріятеляхъ, то изъ разныхъ лоскутовъ собрала она ихъ въ одну тетрадь (которая хранится нынѣ въ библіотекѣ графа Алексѣя Ивановича Пушкина въ Москвѣ) и, переписавъ начисто своею рукою, хранила у себя; когда же мужъ безпокоился, что не можетъ ничего по обѣщанію своему сдѣлать для Императрицы, то она совѣтывала поднести ей то, что уже написано, въ числѣ коихъ были и такія піесы, кои еще до свѣдѣнія ея не доходили; сказавъ сіе, подала къ удивленію его переписанную ею тетрадь. Не имѣя другаго средства исполнить волю Государыни, обрадовался онъ сему собранію чрезвычайно. Просилъ пріятеля своего Алексѣя Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмкѣ приличныя картинки (виньеты), и, переплетя въ одну книгу, съ посвятительнымъ письмомъ, поднесъ лично въ ноябрѣ 1795 года. Государыня, принявъ оную, какъ казалось съ благоволеніемъ, занималась чтеніемъ оной сама, какъ камердинеръ ея г. Тюльпинъ сказывалъ, двое сутокъ.“

Digitized by Google

Но, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, она умѣла обращаться съ людьми, „выигрывать сердца и ими управлять, какъ хотѣла",—

„Часто случалось, что разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, и онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ, зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается по прежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула, и въ изступленіи сказалъ: „Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что хотите". Она засмѣялась и сказала: „неужто это правда?" Умѣла также притворяться и обладать собою въ совершенствѣ."

Но, отъ чего бы то ни было, отъ неспособности ли своей къ дѣльному управленію, или отъ недостатка льстивости, Державинъ не получалъ наградъ, которыхъ считалъ себя достойнымъ. Такъ, по отставкѣ Вяземскаго, генералъ-прокуроромъ сдѣланъ былъ графъ Самойловъ, а Державинъ, считавшій себя имѣющимъ всѣ права на эту должность, назначенъ былъ только сенаторомъ. Чаще всего поручали ему разборъ тяжебныхъ дѣлъ и опеку надъ помѣстьями богатыхъ малолѣтнихъ вельможъ, будучи увѣрены, что онъ не польстится на взятки и не расхититъ управляемаго имѣнія. Въ началѣ 1794 назначили его президентомъ коммерцъ-коллегіи, но чрезвычайно ограничили его вліяніе на дѣйствительный ходъ дѣлъ, оставленіемъ полной независимости отъ него начальникамъ важнѣйшихъ таможенъ, такъ что, явнымъ образомъ, ему хотѣли предоставить только почетный титулъ безъ всякой власти. Онъ не разсудилъ понять этого, вмѣшивался въ дѣла, до которыхъ его не допускали, потому въ послѣдніе мѣсяцы императрица черезъ Трощинскаго сказала ему, „чтобъ онъ не безпокоился по дѣламъ коммерцъ-коллегіи". Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины II, его служба уже ограничивалась однимъ присутствіемъ въ Сенатѣ, и доведя свой разсказъ до кончины императрицы, онъ пользуется тутъ удобнымъ случаемъ для повторенія своей постоянной жалобы, что не былъ награждаемъ ею по достоинству, — впрочемъ это не мѣшаетъ ему считать ея правленіе „благоденственнымъ".

„Что касается до него, то, начавъ ей служить, какъ выше видно, отъ солдатства, слишкомъ чрезъ 35 лѣтъ, дошелъ до знаменитыхъ чиновъ, отправлялъ безпорочно и безкорыстно всѣ возложенныя на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повелѣнія съ довольною довѣренностію; но никогда не носилъ отличной милости и не получилъ за вѣрную свою службу какого либо особливаго награжденія, какъ прочіе его собратія, Трощинскій, Поповъ, Грибовскій и иные многіе. Онъ даже просилъ, по крайнему своему недостатку, обратить жалованье его въ пенсіонъ; но и того не сдѣлано до выпуску его изъ статсъ-секретарей. Деревнями, богатыми вещами и деньгами, знатными суммами, кромѣ, какъ выше сказано, пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи, за спасеніе колоній, съ которыхъ онъ со всѣхъ получалъ доходу серебромъ не болѣе трехъ съ души, то есть 1000 рублей, а ассигнаціями въ послѣднее время до 2000 рублей, да въ разныя времена за стихотворенія свои подарковъ, то есть: за оду Фелицѣ золотую табакерку съ брилліантами и 500 червонцевъ, за оду на взятіе Измаила золотую же табакерку, за тарифъ—съ брилліантами же табакерку, по назначенію на билетѣ ея рукою надписанному: *Державину*, получилъ послѣ уже ея кончины отъ Императора Павла. Но должно по всей справедливости признать за безцѣннѣйшее всѣхъ награжденій, что она, при всѣхъ гоненіяхъ силь-

Digitized by Google

ныхъ и многихъ непріятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, такъ сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать и явно надъ ними, огласкою его справедливости и вѣрной службы или особливою какою либо довѣренностію, которую она къ прочимъ оказала. Коротко сказать, сія мудрая и сильная Государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величія; но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась; ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе года, съ княземъ Потемкинымъ, упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ. Поелику же духъ Державина склоненъ былъ всегда къ морали, то, если онъ и писалъ въ похвалу торжествъ ея стихи, всегда однако обращался аллегоріями, или какимъ другимъ тонкимъ образомъ къ истинѣ, а потому и не могъ быть въ сердцѣ ея вовсе пріятнымъ. Но какъ бы то ни было, да благословенна будетъ память такой Государыни, при которой Россія благоденствовала и которую долго не забудетъ".

Читатель замѣтитъ, что въ этомъ разсужденіи Державина нѣтъ никакихъ признаковъ логики, что посылки не вяжутся съ заключеніемъ. Но у Державина напрасно было бы и вообще искать какой нибудь послѣдовательности въ образѣ мыслей; его понятія представляютъ самую пеструю смѣсь мыслей, внушаемыхъ сердцемъ по природѣ благороднымъ, съ господствовавшими тогда идеями совершенно иного характера: также, какъ его поступки, свидѣтельствуютъ—то, какъ будто бы, о довольно значительномъ запасѣ природнаго здраваго смысла, то о самомъ мелочномъ тщеславіи и о совершенной безтолковости. Если хотите, всѣ эти противорѣчія очень легко объясняются тѣмъ несомнѣннымъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ нисколько подготовленъ къ важнымъ дѣламъ, которыми пришлось ему заниматься. Онъ былъ дикарь съ добрымъ отъ природы сердцемъ, по капризу судьбы поставленный довольно важнымъ человѣкомъ въ государствѣ, болѣе всего нуждавшемся въ избавленіи отъ дикарства. Онъ видѣлъ, что все не клеится, все дурно, повсюду находилъ несоотвѣтственность между національными нуждами и обстоятельствами, въ которыхъ содержалась нація. Ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь полезное для общества, но онъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ заключается причина разстройства и бѣдствій; ему не приходило въ голову, что причины эти заключаются въ дикихъ понятіяхъ, которыми самъ онъ былъ пропитанъ и наивностью которыхъ ловко пользовались нѣкоторыя хитрыя личности, принявшія изъ европейской цивилизаціи одинъ только маккіавелизмъ. Онъ вѣрилъ искренности пышныхъ фразъ и самъ былъ преданнѣйшимъ помощникомъ лицъ, въ чувствахъ которыхъ обманывался.

Читатель скажетъ, что мы слишкомъ мало подготовляли такое заключеніе предыдущею статьею; что она почти вся состоитъ только изъ голыхъ выписокъ, не связанныхъ никакою общею мыслью, даже не приведенныхъ ни въ какую систему, расположенныхъ въ томъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ попадались онѣ намъ при перелистываніи записокъ Державина; онъ скажетъ, что многія изъ этихъ выписокъ рѣшительно ни къ чему не ведутъ, а другія еслибъ и могли имѣть какой нибудь смыслъ, то теряютъ его отъ безсмысленной обстановки другими выписками,

Digitized by Google

совершенно излишними. Все это такъ, положимъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что авторъ статьи плохо воспользовался матеріалами, какіе имѣлъ въ запискахъ Державина; но это ни мало не мѣшаетъ матеріаламъ оставаться не дурными и никто не препятствуетъ читателю придать имъ собственною мыслью ту обработку, какой не умѣла сообщить имъ наша статья. Пусть читатели довольствуются тѣмъ, что мы знакомимъ ихъ съ любопытными мѣстами книги, которая иначе была бы извѣстна развѣ одному изъ десятерыхъ между ними. Что за странная претензія получать готовые выводы—гораздо лучше думать самому.

Въ слѣдующій разъ мы переберемъ содержаніе остальной части „Записокъ“ Державина, относящейся къ царствованію императора Павла и къ первой половинѣ царствованія императора Александра. Эта часть по объему вдвое меньше той, извлеченіе изъ которой мы дали теперь, но она гораздо любопытнѣе. Воспитанный въ понятіяхъ, господствовавшихъ надъ необразованною массою русскаго населенія въ началѣ царствованія Екатерины II, Державинъ судитъ по нимъ о новыхъ порядкахъ: при Екатеринѣ онъ былъ недоволенъ только частностями, и главнымъ образомъ только тѣми частностями, которыя непріятно отражались на его личныхъ дѣлахъ. При императорѣ Павлѣ, а еще больше въ первые годы императора Александра имъ овладѣваютъ другія чувства: общій характеръ управленія не таковъ, къ какому онъ привыкъ, онъ становится недоволенъ всѣмъ порядкомъ дѣлъ. Но вотъ именно тутъ и обнаруживается совершенная несостоятельность идей, которыми онъ привыкъ руководиться. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи его сужденія о лучшихъ сподвижникахъ императора Александра. Они, по его мнѣнію, губили Россію всѣмъ тѣмъ, что успѣвали сдѣлать дѣйствительно полезнаго для нея. До сихъ поръ Державинъ въ качествѣ государственнаго мужа былъ только смѣшонъ, но въ сужденіяхъ о первой половинѣ царствованія Александра выставляется онъ, при всей благонамѣренности, съ такой стороны, что невольно думаешь: каково бы ни было время, слѣдовавшее за кончиною Екатерины, но во всякомъ случаѣ оно едва-ли могло быть проигрышемъ, по сравненію съ предыдущимъ временемъ, которое Державинъ выставлялъ образцовымъ.

II.

Вскорѣ по своемъ восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ пригласилъ Державина къ себѣ, далъ ему поцѣловать руку и въ очень милостивыхъ выраженіяхъ объявилъ, что хочетъ сдѣлать его правителемъ канцеляріи верховнаго Совѣта, зная его за человѣка честнаго. Говоря о назначаемой ему должности, императоръ употреблялъ слова „правитель Совѣта“ вмѣсто полнаго названія „правитель канцеляріи Совѣта“. Кажется, смыслъ былъ ясенъ, несмотря на выпускъ слова „канцелярія“; но Державинъ, чрезвычайно наивный и тщеславный, тотчасъ вообразилъ, что императоръ говоритъ не о существующей, очень хорошо извѣстной всѣмъ должности, а учреждаетъ для него какую-то новую должность, несравненно высшую, такъ чтобы онъ былъ не дѣлопроизводителемъ Совѣта, а безграничнымъ начальникомъ его, полновластнымъ лицемъ, чѣмъ-то въ родѣ Ришельё. Когда на другой день вышелъ указъ, въ которомъ краткое разговорное выраженіе „правитель Совѣта“ было замѣнено полнымъ формальнымъ выраженіемъ „правитель кан-

Digitized by Google

целяріи Совѣта“, Державинъ, разумѣется, приписалъ разрушеніе своей фантазіи вовсе не тому, что она была создана только его тщеславіемъ, а интригамъ своихъ враговъ. Возникли разныя объясненія, въ которыхъ Державинъ велъ себя съ обыкновенною своею навязчивостью, такъ что государь разсердился, перестал принимать къ себѣ Державина и приказалъ не пускать его въ кавалерскую залу. Державинъ началъ забѣгать къ разнымъ приближеннымъ императора, чтобы они смягчили его, но никому не было охоты впутываться въ это дѣло, и Державинъ обратился къ средству, которое и прежде удавалось ему нѣсколько разъ.

„По ропоту домашнихъ, былъ въ крайнемъ огорченіи и наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякой посторонней помощи, возвратить къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта. Онъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ, напечатанную во второй части его сочиненій, подъ надписью: Ода на новый 1797 годъ, и послалъ ее къ императору чрезъ Сергѣя Ивановича Плещеева. Она полюбилась и имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залу по прежнему“.

До сихъ поръ мы не приводили выписокъ изъ поэтическихъ произведеній Державина; попробуемъ обратиться къ ихъ свидѣтельству на этотъ разъ. Ода на новый 1797 годъ дѣйствительно заслуживала того, чтобы произвести улучшеніе въ дѣлахъ Державина: она проникнута самымъ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія къ императору. Державинъ прославляетъ милостивый манифестъ новаго государя, потомъ говоритъ, что съ его царствованіемъ водворилась въ государственномъ управленіи самая полезная дѣятельность: „пронесся духъ животворящій“, „всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ и долгъ свой тщательно творитъ; передъ зерцаломъ судъ не дремлетъ, скрываетъ злость главу свою“. Всѣ заслуги награждены по достоинству, „сѣдина почестьми покрылась, заслуги получаютъ мзду“.

„Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,
Льетъ благодать своей державѣ
Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
Всѣ руки къ небу воздѣваютъ
И отъ него всѣ ожидаютъ
Себѣ возможныхъ твари благъ.“

Вся вселенная повторяетъ молву, что Павелъ превосходитъ Екатерину II и Петра I и желаетъ „садить въ сердцахъ блаженства крины“. Далѣе онъ сравнивается съ Атлантомъ, „на рамена поднявшимъ свѣтъ“, называется избраннымъ сосудомъ Христовой церкви, льющимъ „всѣ добродѣтели во нравы“, „мудрымъ ума по просвѣщенью“, „нѣжнымъ, милостивымъ душой, отирающимъ слезы несчастнымъ“, такъ что—

„По доблести и по щедротѣ
Аврелій зрится въ немъ и Титъ“.

И Державинъ обѣщаетъ Россіи, что она подъ Павловымъ владѣньемъ „будетъ счастливѣй всѣхъ земныхъ народовъ“.

Конечно, во всѣхъ этихъ похвалахъ мы должны находить очень значительную часть справедливости; но дѣло въ томъ, что если Державинъ и предугадалъ въ

Digitized by Google

своей одѣ сужденіе безпристрастной исторіи, то самъ онъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда писалъ эту оду, вовсе не думалъ того, что писалъ: при своемъ раздраженіи, онъ дозволялъ себѣ въ домашнемъ кругу горькія насмѣшки или, по его собственному выраженію, „не могъ удерживаться отъ горестнаго смѣха“, когда говорилъ съ своими близкими. Тутъ же, всего за 39 строкъ передъ выписаннымъ нами отрывкомъ, онъ выражаетъ такое мнѣніе:

„Всѣ прежнія учрежденія Петра Великаго и Екатерины зачали сумазбродно, безъ всякой причины, коверкать“ (Записки Держ. стр. 392).

Вотъ еще черта такого же рода. Мы говорили, что прежде чѣмъ принялся за сочиненіе оды на новый 1797 годъ, Державинъ пытался помочь своему дѣлу черезъ ходатайство сильныхъ людей, которые однако же не захотѣли впутываться въ дѣло. Между прочимъ обращался онъ съ просьбою и къ князю Николаю Васильевичу Репнину, который тоже сказалъ: „не мое дѣло мирить васъ съ государемъ“. Тогда Державинъ „почувствовалъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзеніе къ человѣку, который носилъ въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе“. По его увѣренію, „скоро послѣ того низость души сего князя узнали и многіе“—вѣроятно мы ошиблись бы, предположивъ по этимъ словамъ, что и самъ Державинъ помогалъ этимъ многимъ узнать низость души сего князя, т. е. ѣздилъ по городу и старался вселять въ другихъ убѣжденіе, къ которому пришелъ о качествахъ души Репнина. Издатель записокъ Державина справедливо замѣчаетъ, что Репнинъ былъ, напротивъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ людей своего вѣка. Но для насъ важно не то, каковъ былъ на самомъ дѣлѣ Репнинъ, а то, что Державинъ, имѣя о немъ мнѣніе, которое мы прочли, не почелъ нужнымъ выбросить изъ своихъ сочиненій оду „Памятникъ герою“, на которую указываетъ издатель. Въ этой одѣ прославляется несравненная добродѣтель героя Репнина и доказывается, что сколь ни славенъ онъ своими побѣдами, но еще гораздо высшей славы заслуживаетъ дивными душевными достоинствами: достоинства эти такъ велики, что Державинъ для удовлетворительнаго ихъ изображенія проситъ даже помощи музы какого-то Кунгдзея.

„Всегда разборчива, правдива,
Нигдѣ и никому нельстива,
О! строгаго Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ звонкомъ кинѣ,
И трогать поученьемъ сердце!
Приди...

говоритъ Державинъ—„возсядь при памятникѣ дивномъ и вѣщай, что

Друзья, герои человѣковъ“

должны считаться „солью земли“, „звѣздами во мракѣ“, „великими зерцалами богоподобныхъ“ и т. д., и что изображаемый теперь герой имѣетъ такія качества: онъ

„Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ

Digitized by Google

Внутри онъ сердца не привержен;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть",

и т. д. Муза Кунгдзея разыгрывается наконецъ до того, что заключаетъ перечисленіе добродѣтелей своего героя стихомъ—

„Благословенъ Репнинъ потомствомъ".

Изъ этого сличенія отзывовъ, дѣланныхъ Державинымъ при жизни, съ его словами въ „Запискахъ", предназначавшихся къ изданію уже по его смерти, когда ни Репнинъ, ни кто другой не могъ доставить ему повышенія по службѣ, мы вовсе не думаемъ выводить какихъ нибудь невыгодныхъ заключеній о личномъ характерѣ самого Державина: мы хотимъ только сказать, что правы, въ которыхъ онъ воспитался, были проще, откровеннѣе нынѣшнихъ. И теперь мы иногда составляемъ свои сужденія о людяхъ по нашимъ отношеніямъ съ ними, а вслухъ говоримъ о людяхъ то, что нужно для нашей выгоды. Но мы совѣстимся, когда обнаруживается это разнорѣчіе явныхъ словъ съ тайнымъ мнѣніемъ, а въ тѣ времена, когда сложились понятія Державина, этой конфузливости люди какъ будто не чувствовали: они думали, что въ этомъ разнорѣчіи нѣтъ ничего предосудительнаго. Они даже вовсе не старались скрывать, что человѣкъ украшается въ ихъ глазахъ всѣми возможными добродѣтелями и совершенствами, когда дѣлается ихъ милостивцемъ, что если они порицаютъ кого, то не иначе, какъ по своимъ личнымъ отношеніямъ къ нему. Репнинъ отказался хлопотать за Державина, и вотъ мы видѣли, какую низость души тотчасъ же нашелъ Державинъ въ героѣ, воспѣтомъ музою Кунгдзея. Точно также надобно полагать, что онъ и правительственныя распоряженія находилъ иногда неосновательными единственно лишь потому, что много разъ обманывался въ надеждѣ забрать въ свои руки всѣ государственныя дѣла. Успѣй онъ получить силу, онъ сталъ бы говорить совершенно иначе,— и не только сталъ бы говорить иначе, самъ отъ всей искренности сердца находилъ бы, что ходъ дѣлъ совершенно соотвѣтствовалъ въ это время картинѣ, представленной имъ въ одѣ на новый 1797 годъ.

Черезъ нѣсколько времени Державина опять назначили президентомъ коммерцъ-коллегіи, но опять такъ, что у него не было въ рукахъ никакой власти: онъ только долженъ былъ исполнять распоряженія министра коммерціи князя Гагарина. Державинъ опять полагаетъ, что императоръ хотѣлъ сначала вручить ему обширную власть, но пріятели князя Гагарина устроили иначе.

Мѣсяца черезъ два Державина назначили финансъ-министромъ; но существенная власть осталась въ рукахъ государственнаго казначея графа Васильева. Державинъ, замѣтивъ это, попросилъ объясненія, чтожъ ему дѣлать на своей должности? Между тѣмъ Кутайсовъ, бывшій тогда въ большой силѣ, разгнѣвался за что-то на Васильева, удалилъ его въ отставку, и Державинъ былъ переименованъ изъ финансъ-министровъ въ государственные казначеи. Вступая въ эту должность, Державинъ долженъ былъ провѣрить по вѣдомостямъ и отчетамъ состояніе государственныхъ доходовъ и расходовъ; но отчеты о нихъ—

„никто, какъ должно, не разсматривалъ, откладывая день за день, то и была со дня учрежденія экспедиціи о государственныхъ (доходахъ) болѣе двадцати лѣтъ вся имперія несчитанною";

потому Державинъ, долго занимавшись повѣркою счетовъ своего предшественника, наконецъ—

„рапортъ Государю подалъ, въ которомъ именно изображено, что книгъ записныхъ и бухгалтерскихъ за время князя Вяземскаго совсѣмъ не нашлось, что за Васильева время хотя и есть книги, но такъ многочисленны, пространны и сумнительны, что ихъ въ скоромъ времени ни проревизовать, ни утвердить безъ справокъ до полученія отвѣтовъ отъ губернаторовъ никакъ не возможно, и что, наконецъ, многихъ имянныхъ указовъ на отпущенныя въ расходъ суммы не отыскано. Вотъ въ какомъ порядкѣ найдено Державинымъ государственной казны управленіе, что можно видѣть изъ помянутаго его рапорта, поданнаго Императору, который и теперь, чаятельно, въ цѣлости находится въ канцеляріи государственнаго совѣта“.

Кутайсовъ и Обольяниновъ разсердились на него за то, что онъ старался защищать Васильева, котораго они хотѣли погубить. Если Державинъ говоритъ правду, объясняя, что защищалъ Васильева только по человѣколюбію, если не было тутъ никакихъ другихъ разсчетовъ, эта защита дѣлаетъ честь сердцу Державина, потому что Васильевъ нѣкогда вредилъ ему самому. Въ заключеніе своихъ воспоминаній о временахъ императора Павла Петровича, Державинъ разсказываетъ нѣсколько частныхъ тяжбъ и дѣлъ, вводившихъ его въ разныя служебныя столкновенія. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

„Виленскій или минскій губернаторъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ увѣдомилъ дворъ въ 1798 году, что тамошніе обыватели дѣлаютъ потаенныя стачки, неблагопріятныя для Россіи, а полезныя для французовъ, и что нѣкто Дембровскій, набравъ нѣсколько полковъ поляковъ, ушелъ и присоединился къ ихъ арміямъ. Императоръ тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ Петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а по допросѣ присланы на судъ сенату. Таковые были почти всѣ изъ нижняго разбора людей, то есть попы, стряпчіе и дробная шляхта, которые никакого уваженія не заслуживали, потому что ежели они и были въ чемъ виноваты, то не иначе какъ по внушеніямъ или подкупамъ сильныхъ или богатыхъ магнатовъ, которыхъ они, не имѣя на нихъ явныхъ доказательствъ, принуждены были не выводить наружу. Ихъ обвиняли измѣною, потому что они присягали на русское подданство, и по россійскимъ законамъ приговаривали, вмѣсто смерти, на вѣчную каторгу въ Сибирь. По очереди пришло и до Державина давать свое о нихъ мнѣніе. (Онъ сказалъ:) „Почему жъ такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры, и можно ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные; по нашимъ, кто вступалъ въ заговоръ или слышалъ о томъ, да не донесъ, подлежитъ смерти. Мнѣ нечего другаго о нихъ сказать, какъ то же самое; но если и были они когда вѣрные подданные, спросите по совѣсти у всѣхъ вельможъ, которые о нихъ подписали смертный приговоръ, то есть графа Ильинскаго, графа Потоцкаго и прочихъ, которые тогда были сенаторами и присутствовали по сему дѣлу въ общемъ собраніи, не то же ли и они думаютъ, что сіи осужденные. Придетъ время, что оное узнаете: чтобъ сдѣлать истинно вѣрноподданными завоеванный народъ, надобно его прежде привлечь сердце правосудіемъ и благодѣяніями, а тогда уже и наказывать его за преступленія, какъ и коренныхъ подданныхъ по патріотическимъ законамъ. Итакъ, по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ, какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, за чѣмъ нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того ихъ не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не наказывать и не посылать всѣхъ въ ссылку. Иное дѣло главныхъ заводчиковъ; посмотрите лучше на Дембровскаго, который выпросилъ у Государя привилегію на сформированіе полковъ, то набравъ ихъ, онъ легко можетъ то сдѣлать, что и братья его, то есть уйдти во Францію, или когда подойдутъ французы, то измѣною присоединиться къ нимъ. Вотъ за чѣмъ

Digitized by Google

надобно неусыпно наблюдать, а не за тѣмъ, что попы и подъячіе между собою въ домахъ своихъ разговариваютъ, и за то ихъ ссылать въ ссылку." Г. Макаровъ то же въ собраніи при Державинѣ пересказалъ слышанное отъ него генералъ-прокурору князю Куракину. На другой, то есть въ воскресный день, когда Державинъ пріѣхалъ по обыкновенію во дворецъ, Куракинъ, встрѣтя его, улыбнувшись, сказалъ, что Государь приказалъ ему не умничать; а между тѣмъ, сколько слышно было, что судьба преступниковъ облегчена и болѣе не приказано забирать и привозить въ Петербургъ поляковъ въ тайную канцелярію, а тамъ ихъ за болтовню унимать по законамъ".

Державинъ тутъ показывается человѣкомъ, смотрѣвшимъ на дѣла правильнѣе многихъ своихъ сослуживцевъ; но къ сожалѣнію, онъ самъ разочаровываетъ насъ впослѣдствіи разсказами о томъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ началѣ царствованія ратовалъ противъ Потоцкаго и Чарторыжскаго, виня ихъ Богъ знаетъ въ какихъ злоумышленіяхъ противъ государства, ни больше, ни меньше, какъ за то, что они совѣтовали императору Александру Павловичу, который и самъ увидѣлъ справедливость ихъ соображеній, освободить русскихъ дворянъ отъ обязательныхъ сроковъ военной службы. Сравнивъ дѣйствія Державина въ этомъ случаѣ съ разсудительными мыслями, которыя здѣсь выписаны нами, мы должны заключить или то, что въ обоихъ случаяхъ онъ руководился только личными отношеніями, или то, что его образъ мыслей былъ совершенно безсвязенъ.—Послѣднее предположеніе еще правдоподобнѣе перваго.

Пропуская нѣсколько дѣлъ, не имѣющихъ интереса, мы переходимъ къ восьмой изъ разсказываемыхъ Державинымъ исторій. Державина посылали въ Бѣлоруссію для изслѣдованія разныхъ злоупотребленій; онъ, между прочимъ, нашелъ, что евреи, содержатели шинковъ, сильно вредятъ благосостоянію бѣлорусскихъ поселянъ, и представилъ, что было бы полезно запретить евреямъ шинкарство. Изъ этого возникло дѣло, тянувшееся довольно долго и оставшееся тогда безъ послѣдствій. Но за свою ревизію Державинъ получилъ одобреніе и награду. Черезъ нѣсколько времени явилась въ Петербургъ жена еврея, служившаго при винокуренномъ заводѣ, посѣщенномъ Державинымъ во время ревизіи, и подала жалобу о томъ, будто бы Державинъ билъ ее и она, бывши въ то время беременною, выкинула мертваго младенца.

„Но какъ Державинъ, бывъ на томъ заводѣ съ четверть часа, не токмо никакой жидовки не билъ, но ниже въ глаза не видалъ, то и не зналъ о сей клеветѣ до самой той минуты, когда, при пріѣздѣ его изъ коммерцъ-коллегіи въ сенатъ, оберъ-прокуроръ Оленинъ показалъ ему объявленный генералъ-прокуроромъ имянной указъ, чтобъ по той просьбѣ учинить разсмотрѣніе сенату. Крайне онъ удивился такой странной незапности и не вѣрилъ ей, потому что онъ поутру былъ у генералъ-прокурора, и ни слова отъ него о томъ не слыхалъ. Но прочетши указъ и просьбу, вспыхнулъ и сбѣсился, такъ сказать, до сумашествія. „На меня въ то время внимать клеветамъ жидовки, когда всѣ мои поступки въ Бѣлоруссіи апробованы уже рескриптомъ Государя, и предавать меня съ ней суду? (вскричалъ онъ). Нѣтъ, я ѣду къ Императору, прежде нежели буду отвѣчать на жидовкину бездѣльничью просьбу." Оленинъ и прочіе его пріятели, схватя его за полу, дергали и унимали, чтобъ онъ перестал горячиться Онъ, опомнившись, хотѣлъ ѣхать къ генералъ-прокурору, но не могши вдругъ преодолѣть своей запальчивости, просилъ г. сенатора Захарова, попавшагося ему въ глаза на подъѣздѣ сената, чтобъ онъ сѣлъ съ нимъ въ карету и проѣхался нѣсколько по городу. Сей исполнилъ его желаніе и, въ продолженіе ѣзды болѣе двухъ часовъ, разговорами своими нѣсколько его успокоилъ. По пріѣздѣ пошелъ прямо въ кабинетъ къ генералъ прокурору, но онъ, какъ видно, свѣдалъ о его чрезвычайномъ огорченіи, тотчасъ вскочилъ съ мѣста и пр

бѣжалъ къ нему, цаловалъ даже его руки, прося успокоиться, доказывая, что указъ, объявленный имъ, никакой важности въ себѣ не составляетъ, что жидовкина клевета ничего не значитъ. „Нѣтъ, ваше превосходительство, я писалъ указы и знаю, какъ ихъ писать; то когда велѣно разсмотрѣть жидовкину просьбу, то само по себѣ разумѣется, что съ меня противъ оной взять объясненіе и рѣшить по законамъ, стало судить.“— „Но какъ же этому помочь?“ сказалъ генералъ-прокуроръ.—„Поѣдемте со мною къ Императору, пусть онъ самъ разсудитъ“, сказалъ Державинъ.—„На что такъ далеко ходить въ разборъ, говорилъ Обольяниновъ, нѣтъ ли средства самимъ намъ поправить?“— „Но записаны ли въ сенатѣ, спросилъ Державинъ, всѣ вами объявленныя высочайшія повелѣнія и собственноручный рескриптъ Государя Императора, которымъ апробованы дѣла мои и поступки, бывшіе въ Бѣлорусской губерніи, по порученнымъ мнѣ коммиссіямъ, а въ томъ числѣ и по Лезинскому винокуренному заводу, на которые болѣе трехъ мѣсяцевъ жалобы ни отъ кого не было? Ежели записаны, то какъ вы могли противъ государскихъ благоволеній повѣрить такой сумазбродной и неистовой жалобѣ, и по ней докладывать?“—„Нѣтъ, онъ сказалъ, благоволенія мною вамъ объявлены, а рескриптъ въ сенатѣ не записанъ“.—„То объявите, говорилъ Державинъ, или я самъ ихъ объявлю прежде, нежели по жалобѣ жидовки докладывано будетъ, а когда они запишутся, тогда, наведя о нихъ справку, можете отвергнуть клевету еврейки, не требуя отъ меня объясненія на оную, и не подвергая, такъ сказать, меня суду съ нею“. Такъ и сдѣлали, и еврея, писавшаго ей жалобу, приговорили за дерзость на годъ въ смирительный домъ“.

Очень любопытное основаніе, по которому Державинъ полагалъ, что Сенатъ не долженъ принимать никакихъ жалобъ на его поступки во время ревизіи: ревизія была одобрена, потому нельзя уже заводить никакихъ дѣлъ, относящихся къ тому времени. Одобреніе и награда, конечно, были даны только на основаніи свѣдѣній о дѣйствіяхъ Державина, бывшихъ извѣстными правительству въ то время, когда разсматривался его докладъ о ревизіи; но, разумѣется, одобреніе этихъ дѣйствій не могло ни мало мѣшать разсмотрѣнію жалобъ на другія дѣйствія, не бывшія въ то время извѣстными правительству. Державинъ думалъ не такъ. Любопытно то, что Обольяниновъ и другіе сослуживцы Державина совершенно сходились съ нимъ во мнѣніи, что просьбу жидовки нельзя уже и разсматривать. Дѣло не въ томъ, справедлива или несправедлива была жалоба,—очень можетъ быть, что справедливы слова Державина, называющаго ее неосновательной: важны убѣжденія Державина и его сослуживцевъ, что жалобъ на его дѣйствія во время бѣлорусской ревизіи нельзя уже и принимать. Державинъ дѣйствовалъ тутъ на основаніи принципа, а не потому, чтобы боялся слѣдствія; ему даже, какъ видно, жаль было, что для соблюденія законности онъ принужденъ былъ требовать наказанія человѣку, который, по его мнѣнію, сдѣлалъ преступленіе сочиненіемъ просьбы для жидовки: при первой возможности онъ исходатайствовалъ освобожденіе наказанному за него еврею.

Заключеніемъ воспоминаній Державина о царствованіи Павла Петровича служитъ перечень наградъ, полученныхъ имъ въ это время. Такъ же, какъ и при перечнѣ наградъ, полученныхъ въ царствованіе Екатерины, Державинъ съ полнымъ простодушіемъ выставляетъ, что считалъ награды недостаточными. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Онъ получилъ отъ Императора Павла слѣдующія награжденія: 1) за оду на рожденіе великаго князя Михаила Павловича табакеркою съ брильянтами, 2) такую же за оду на Мальтійскій орденъ и 3) крестъ брильянтовый Мальтійскій, за сочиненіе банкротскаго устава.

Digitized by Google

„Наконецъ получилъ Державинъ еще награжденіе за поднесеніе росписанія доходовъ на 1801 годъ, за что прежде государственнымъ казначеямъ, предшественникамъ его, жаловалось по 100,000 р., которые и тогда Императоръ приказалъ было выдать; но окружающіе увѣрили Государя, что по недавнему вступленію Державина въ сію должность много такого награжденія, и дано ему только 10,000 рублей, а остальные 90,000 рублей раздѣлили по себѣ, какъ-то: Обольянинову 30,000 руб., адмиралу Кушелеву 30,000, князю Гагарину 30,000; но Державинъ никогда ни отъ кого никакого не получалъ награжденія и тѣмъ былъ доволенъ, хотя и чувствовалъ обиду; но скрылъ въ своемъ сердцѣ“.

Намъ нравится откровенность тогдашнихъ обычаевъ: Державину и въ голову не приходило, что кто нибудь изъ его читателей найдетъ неприличными его простодушные слова, что слишкомъ мало его награждаютъ.

Но вотъ начинается царствованіе Александра I. Читателю извѣстно, что первые годы новаго правленія были ознаменованы преобразованіемъ высшаго государственнаго управленія; но до сихъ поръ никто не предполагалъ, что Россія должна благодарить за эти преобразованія не кого нибудь другаго, а именно Державина: онъ съ обыкновенною своею наивностью объясняетъ, что дѣло было произведено только благодаря ему. Беклешовъ, назначенный генералъ-прокуроромъ на мѣсто Обольянинова, Трощинскій, бывшій первымъ статсъ-секретаремъ, и графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, пользовавшіеся большою силою въ началѣ царствованія императора Александра I, не внесли имя Державина въ списокъ членовъ государственнаго совѣта, когда это учрежденіе преобразовывалось,—вѣроятно они сдѣлали такъ потому, что имѣли о дѣловыхъ способностяхъ Державина такое же мнѣніе, какого держимся и мы. Но самолюбивый Державинъ, не колеблясь, выставляетъ другую причину: Беклешовъ, Трощинскій и Воронцовъ, „чтобъ Державинъ имъ ни въ чемъ не препятствовалъ, выключили его изъ государственнаго совѣта, подъ видомъ новаго его преобразованія“. Видите ли, Державинъ былъ такой опасный для нихъ человѣкъ, что даже преобразованіе государственнаго совѣта было предпринято собственно съ цѣлью избавиться отъ Державина. Послушайте, что дальше:

„Нѣкоторый подлый стиходѣй, въ угодность ихъ, не оставилъ насчетъ его пустить по свѣту эпиграму слѣдующаго содержанія:

Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо.

„Державину злобная глупость сія хотя сперва показалась досадною, но снесъ равнодушно и послѣ утѣшился тѣмъ, когда избранными въ совѣтъ членами, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели. Началось неуваженіе законовъ и самые безпорядки въ сенатѣ; охуждая правленіе Императора Павла, зачали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что имъ ни сдѣлано“.

Хорошо утѣшеніе для патріота, что отечество доведено до погибели! И конечно, читатель никакъ не предполагалъ, что опасность, какой подвергалась Россія въ 1812 году, произошла собственно отъ того, что Державинъ не засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ. Нечего сказать, спасъ бы онъ отечество отъ всякихъ бѣдствій,—это видно по размѣру ума, обнаруживающемуся въ его запискахъ. Но читатель все еще не видитъ, какимъ же образомъ Державинъ положилъ основаніе важной государственной реформѣ. Дѣло было очень просто. Въ Сенатѣ разсматри-

Digitized by Google

валась тяжба г-жи Колтовской съ ея мужемъ о какомъ-то наслѣдствѣ. Большинство сенаторовъ съ генералъ-прокуроромъ постановили рѣшеніе въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ, а Державинъ говорилъ въ пользу другой. Рѣшеніе большинства было утверждено государемъ; но Державинъ увидѣлъ, что въ докладѣ, представленномъ государю, не было упомянуто, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ большинства. Смотрите же, что изъ этого вышло.

„Натурально презрѣніе такое, учиненное ему генералъ-прокуроромъ, его безмѣрно огорчило; и для того онъ тотчасъ написалъ письмо къ бывшему тогда статсъ-секретаремъ Михайлѣ Никитичу Муравьеву, человѣку самому честнѣйшему и его пріятелю, въ которомъ просилъ его доложить Государю Императору, чтобъ пожалована была ему аудіенція для объясненія по должности сенатора. Сіе ему на другой день позволено, и когда онъ впущенъ былъ въ кабинетъ его, то вопрошенъ былъ: „Что надобно?“ — „Государь, Державинъ сказалъ, Ваше Императорское Величество манифестомъ своимъ о восшествіи на престолъ *обѣщали царствовать по законамъ и по сердцу Екатерины;* законы же Петра Великаго, на коихъ основанъ сенатъ, и сей Государыни давали всякому сенатору то преимущество, что голосъ каждаго имѣлъ право доставлять спорное дѣло на разсмотрѣніе самого монарха, несмотря на мнѣніе прочихъ, которые бы были съ нимъ согласны; а нынѣ г. генералъ-прокуроръ Беклешовъ, по дѣлу г-жи Колтовской, поднесъ докладъ Вашему Величеству, не упомянувъ о моемъ противномъ прочимъ мнѣніи, чѣмъ и учинилъ мнѣ по должности презрѣніе, то и осмѣлюсь испрашивать соизволенія вашего, на какомъ основаніи угодно вамъ оставить сенатъ? Ежели генералъ-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и всеподданнѣйше прошу меня изъ службы уволить“. Государь сказалъ: „Хорошо, я разсмотрю“. Въ слѣдъ за симъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ именной указъ, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть права сената и какимъ образомъ оныя сочинены, подать Его Величеству мнѣніе сената. Вотъ первоначальный источникъ, откуда произошли министерства“.

Вотъ оно какъ повернулось дѣло: изъ аудіенціи Державина произошли министерства. Бѣдняжка не понимаетъ, какъ смѣшны его легкомысленныя претензіи на имя государственнаго преобразователя. Онъ не воображалъ, что каждому извѣстно, что надъ реформами работали тогда люди въ тысячу разъ умнѣе и въ милліонъ разъ образованнѣе его. Какъ только указъ былъ полученъ въ Сенатѣ. Державинъ принялся хлопотать и сочинилъ цѣлый проэктъ организаціи высшаго государственнаго управленія. Онъ довольно подробно разсказываетъ свой планъ, но мы не станемъ утомлять читателя соображеніями такого законодателя, какъ Державинъ. Разумѣется, проэктъ былъ брошенъ, какъ ни на что не пригодный, по Державинъ имѣетъ тщеславную наивность предполагать, будто за этотъ проэктъ былъ данъ ему орденъ Александра Невскаго, хотя самъ же упоминаетъ обстоятельство, объясняющее награду совершенно иначе: орденъ былъ данъ ему при коронаціи, когда раздавались награды въ знакъ милости, а не за какія нибудь особенныя заслуги.

Черезъ нѣсколько времени императоръ Александръ призвалъ честнаго, хотя не слишкомъ даровитаго слугу, сказалъ, что хочетъ послать его въ Калугу для изслѣдованія злоупотребленій калужскаго губернатора Лопухина и отдалъ ему бумаги. въ которыхъ описывались эти злоупотребленія.

„Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ наисильнѣйшихъ вельможъ замѣшанныхъ, на которыхъ губернаторъ надѣясь чинилъ разныя злоупотребленія власти своей, а они его покровительствовали, просилъ у Императора, чтобъ онъ

Digitized by Google

избавилъ его отъ сей коммиссіи, объясняя, что изъ слѣдствія его ничего не выдетъ, что труды его напрасны будутъ, и онъ только вновь прибавитъ враговъ и возбудитъ на себя ненависть людей сильныхъ, отъ которыхъ клеветъ и такъ онъ страждетъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: „Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?“—„Нѣтъ, Ваше Величество, я готовъ исполнить волю вашу, хотя бы мнѣ жизни стоило, и правда предъ вами на столѣ семъ будетъ. Только благоволите ее защищать“.—„Нѣтъ! съ увѣрительнымъ видомъ возразилъ Императоръ,—я тебѣ клянусь поступать какъ должно“.

Увѣрившись въ защитѣ императора, Державинъ поѣхалъ въ Калугу и нашелъ тамъ дѣйствительно вещи удивительныя: Лопухинъ оказался виновенъ во множествѣ уголовныхъ преступленій; но еще изумительнѣе были разные странные поступки его, о которыхъ Державинъ говоритъ вотъ что:

„Важныхъ уголовныхъ и притѣснительныхъ дѣлъ открыто, слѣдующихъ до рѣшенія сената и высочайшей власти, 34, не говоря о безпутныхъ, изъявляющихъ развращенные нравы, буйство и неблагопристойные поступки губернатора, какъ-то: что напивался пьянъ и выбивалъ по улицамъ окны, ѣздилъ въ губернскомъ правленіи на раздьяконѣ верхомъ, приводилъ въ публичное дворянское собраніе въ торжественный день зазорнаго поведенія дѣвку, и тому подобное,—каковыхъ распутныхъ дѣлъ открылось 12“.

Возвращаясь къ тому же предмету черезъ нѣсколько страницъ, Державинъ подробнѣе перечисляетъ эти двѣнадцать дѣлъ, которыя, по его выраженію, „означали болѣе шалость и непристойность въ поступкахъ, нежели зловредное намѣреніе“.

„Итакъ найдено было 34 дѣла достойныхъ уваженія, какъ то въ смертоубійствѣ, въ отнятіи собственности, въ тиранствѣ и взяткахъ; а 12 такихъ, которыя, за первыми, уже не считались достойными уваженія, потому что означали болѣе шалость и непристойность въ поступкахъ, нежели зловредное намѣреніе, какъ то, напримѣръ: ѣздилъ губернаторъ въ губернскомъ правленіи при всѣхъ служителяхъ на раздьяконѣ, присланномъ отъ архіерея, для отсылки въ военную службу за вины его, верьхомъ, приговаривая разныя прибаутки, вводилъ въ государской праздникъ, во время торжественнаго благороднаго собранія, публичную распутную дѣвку, француженку, давая ей мѣсто между почтенными дамами и приглашая съ собою и прочими кавалерами танцовать; пьянствовалъ, ходя по улицамъ, выбивая въ домахъ окны, какъ то: у господина Демидова, отъ чего все и дѣло началось, и прочее, чего описывать здѣсь было бы подробно“.

Въ концѣ 1802 года былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи восьми министерствъ, и министромъ юстиціи назначенъ былъ Державинъ. Скоро перессорился онъ со всѣми своими товарищами, вѣроятно потому, что впутывался не въ свои дѣла, горячился изъ-за мелочей и не имѣлъ просвѣщеннаго взгляда на вещи, какимъ отличались тогда люди, пользовавшіеся милостью императора, и каковы были изъ числа министровъ, напримѣръ, Воронцовъ, Чарторыйскій, Кочубей, Мордвиновъ, Чичаговъ. Государь конечно скоро замѣтилъ, что человѣкъ отсталыхъ понятій и недальняго ума негодится на мѣстѣ министра юстиціи, и „сталъ онъ скоро приходить часъ отъ часу у императора въ остуду“; но самъ Державинъ, разумѣется, объясняетъ эту „остуду“ не своею неспособностью, а интригами своихъ товарищей. „Первое покушеніе ихъ противъ него обнаружилось“, какъ онъ говоритъ, по слѣдующему случаю, который самъ же разсказываетъ такъ, что выставляетъ себя попусту горячащимся, ничего не понимающимъ чудакомъ, воображая,

Digitized by Google

что является передъ читателями спасителемъ престола и отечества. Въ Сенатѣ возникъ вопросъ о прежнемъ постановленіи, по которому дворяне, поступавшіе въ военную службу юнкерами, не имѣли права выходить въ отставку раньше двѣнадцати лѣтъ. Вопросъ возникъ изъ того, что дворяне тяготились этимъ стѣсненіемъ. Сенатъ, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, положилъ было оставить въ силѣ прежнее правило. Но графъ Потоцкій подалъ мнѣніе, что теперь нѣтъ надобности удерживать дворянъ въ унтеръ-офицерахъ противъ ихъ воли, потому что, слава Богу, государство теперь не имѣетъ недостатка и въ такихъ дворянахъ, которые служатъ по доброй волѣ. Державинъ разсердился, и Богъ-знаетъ какая дичь полѣзла ему въ голову: ему показалось, что Потоцкій составилъ свое мнѣніе съ цѣлью подорвать могущество Россіи. Онъ зналъ, что мнѣніе Потоцкаго было предварительно одобрено самимъ государемъ, но не образумился и этимъ фактомъ, который, кажется, могъ бы показать, что мнѣніе Потоцкаго не имѣетъ въ себѣ ничего преступнаго. Дѣлая докладъ государю, Державинъ выставлялъ злонамѣренность Потоцкаго и вѣроятно наговорилъ уже слишкомъ много вздорныхъ клеветъ, потому что императоръ, несмотря на мягкость характера и на всегдашнюю свою любезность въ обращеніи, не выдержалъ и—

„отвѣчалъ на докладъ Державина весьма рѣзко, сими точно словами: „Что же, мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ! пусть его подаетъ, и сенатъ пусть разсуждаетъ". Державинъ докладывалъ, что таковыя мнѣнія приводятъ особу его и правительство въ неуваженіе, что можно подавать мнѣніе, но въ свое время и согласно законамъ. Государь отвѣтствовалъ: „Сенатъ это и разсудитъ, а я не мѣшаюсь".

Сенаторы, разсмотрѣвъ дѣло, которое прежде пропустили было безъ особеннаго вниманія, увидѣли, что нѣтъ никакой государственной надобности обязывать службою дворянъ не желающихъ служить, когда есть уже достаточное число служащихъ по доброй волѣ. Но державинъ и тутъ не унялся: ему грезились вольнодумныя мысли и революціонные замыслы въ его сослуживцахъ, сенаторахъ. Когда подавали голоса въ сенатѣ, онъ „шепнулъ "одному товарищу, на котораго надѣялся, сенатору Шепелеву, „чтобы онъ не соглашался съ революціонными мыслями". Онъ хотѣлъ написать протестъ, но простудился и—

„болѣзнь, сколько сама собою, или отъ чрезвычайной чувствительности и потрясенія всѣхъ нервъ, что россійскій сенатъ не токмо позволилъ унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идетъ противъ своего Государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революціи, подобной французской,—такъ умножилась, что Державинъ не могъ написать мнѣнія".

Наконецъ нѣсколько оправился отъ простуды, и написалъ протестъ; но болѣзнь, происходившая отъ душевной скорби, усилилась, такъ что „разлилась желчь отъ чрезвычайнаго огорченія" на рѣшеніе сената, и Державинъ „чуть было не умеръ". Выздоровѣвъ, онъ отправился въ сенатъ, надѣлалъ тамъ безразсудныхъ сценъ, доказывая, что „попущеніемъ молодаго дворянства въ праздность, нѣгу и своевольство безъ службы подкапывались враги отечества подъ главную защиту государства", доводилъ дѣло до новыхъ объясненій передъ императоромъ, но достигъ всѣмъ этимъ шумомъ только того, что государь совершенно ясно увидѣлъ его безтолковость и неспособность, и „съ того времени примѣтнымъ образомъ холоднѣе обращался Государь съ Державинымъ".

Digitized by Google

Приписывая это охлажденіе не собственной неспособности, а интригамъ своихъ враговъ, особенно Новосильцова, Кочубея и Сперанскаго, Державинъ, въ доказательство ихъ злонамѣренности, разсказываетъ два свои проэкта, осуществленію которыхъ они помѣшали. Эти два проэкта уже и сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ доказательствъ, могли бы свидѣтельствовать о совершенной нелѣпости Державина, который чрезвычайно гордится ими. Мы упоминали, что онъ ѣздилъ въ Бѣлоруссію для ревизіи разныхъ безпорядковъ и убѣдился тамъ, что евреи вредны для народа. Столь же вреднымъ ему показалось для общественнаго спокойствія сословіе шляхты. Не думая долго, онъ сочинилъ два проэкта одинаковаго содержанія. Въ одномъ проэктѣ онъ предлагалъ переселить изъ Бѣлоруссіи и польскихъ провинцій всѣхъ евреевъ въ Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую и Уфимскую губерніи и въ Сибирь, вовсе не сообразивъ того, что у государства не достало бы денежныхъ средствъ перевести цѣлый милліонъ народа за три, за четыре тысячи верстъ. Всю шляхту, простиравшуюся числомъ до 500,000 человѣкъ, онъ также предполагалъ переселить въ тѣ же губерніи. Разумѣется, каждый умный человѣкъ видѣлъ дикость такихъ крутыхъ фантазій, и оба проэкта были брошены безъ вниманія. Но онъ, съ обыкновенной своей проницательностью, увѣряетъ, будто его проэкты были отвергнуты врагами Россіи, Сперанскимъ и другими, взявшими за то по 30,000 червонцевъ. Вздорность этихъ словъ не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ.

Императоръ увидѣлъ наконецъ, что нѣтъ никакой возможности имѣть дѣло съ такимъ дикимъ человѣкомъ; но прежде чѣмъ приказалъ онъ Державину выдти въ отставку, нашъ поэтъ нашелъ случай еще разъ отличиться. Онъ съ большимъ самодовольствомъ разсказываетъ, какъ хлопоталъ объ отмѣненіи указа, установлявшаго сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Предоставимъ ему самому разсказать объ этихъ достославныхъ подвигахъ, только сокращая его разсужденія, слишкомъ длинныя.

„Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ, то сіе такимъ образомъ случилось: Румянцовъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости Государю угодить, средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль Государя, внушенная при воспитаніи его нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Румянцовъ, чтобъ подольститься къ Государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою Черторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочими, подалъ проэктъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ отъ господъ своихъ откупаться. Государь проэктъ сей, одобренный его молодыми тайными совѣтниками, принялъ весьма милостиво, или лучше сказать съ радостію, что нашлося средство привести его любимѣйшую мысль къ исполненію, передалъ оный государственному совѣту на разсмотрѣніе, или лучше сказать на исполненіе. Всѣ господа члены совѣта сей проэктъ согласно одобрили, какъ и указъ заготовленный о томъ апробовали. Державинъ только одинъ далъ свой голосъ, что всѣмъ владѣльцамъ по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьянъ своихъ позволено, а по указу царствующаго Государя 1801 года и снабжать отпущенныхъ людей землями можно, слѣдовательно никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцовъ можетъ отпустить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ, и новымъ особымъ указомъ растверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще довольно не просвѣщенному народу опасно, и только такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни крестьянамъ, ни дворянамъ. Это мнѣніе его записано въ журналѣ совѣта; но несмотря на то, Государь далъ указъ извѣстный о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Когда къ генералъ-прокурору (то есть Державину, исполнявшему должность генералъ прокурора по званію министра юстиціи) онъ присланъ былъ, то, не посылая онаго въ

Digitized by Google

сенатъ, поѣхалъ во дворецъ и представилъ Государю со всею откровенностію и чистосердечіемъ о неудобности указа Онъ вопросилъ, почему же онъ безполезенъ? Не говоря о политическихъ видахъ, что нашей непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности, которой она въ прямомъ ея смыслѣ не понимаетъ и понять не можетъ, отвѣтствовалъ Державинъ, но и по самому своему содержанію онъ неудобоисполнителенъ. Почему? Потому что условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ о свободѣ почти невозможно,—это такая вещь, которая цѣны не имѣетъ, требуя со стороны господина только всего великодушія, а со стороны раба благодарности, а иначе всякія условія будутъ тщетны. Сверхъ того, и государственное хозяйство неминуемо отъ сего учрежденія потерпитъ какъ въ сборѣ рекрутъ, такъ и денежныхъ повинностей, ибо крестьяне, продавъ взятую ими у помѣщиковъ землю, могутъ переселиться на другія въ отдаленнѣйшія страны имперіи, гдѣ ихъ сыскать скоро не можно, или по своевольству своему и лѣности разбредутся куда глаза глядятъ, чтобъ только не ставить рекрутъ и не платить никакой повинности, въ чемъ они единственно свободу свою полагаютъ. Нижніе земскіе суды или сельская полиція, по пространству въ имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ отъ разброду не могутъ безъ помѣщиковъ, которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ. Державинъ едва отъ Государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указъ въ государственный совѣтъ, какъ является къ нему г. Новосильцовъ съ повелѣніемъ отъ Государя, чтобъ указъ отослать въ сенатъ для непремѣннаго исполненія. Державинъ крайне симъ огорчился и не зналъ, какъ тому помочь, то пришло ему въ голову, что въ правахъ сената, напечатанныхъ при министерскомъ манифестѣ, и по коренным Петра Великаго и Екатерины II-й законамъ позволено сему правительству входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, когда какой ново-изданный законъ покажется теменъ, неудобоисполнителенъ и вреденъ государству, то и желалъ пріятельски о томъ сдѣлать внушеніе кому либо изъ господъ сенаторовъ, чтобъ онъ, при запискѣ того указа сената въ общемъ собраніи, подалъ мысли прочимъ сенаторамъ взойдти въ докладъ къ Государю, представя ему неполезность указа. Обращаясь мыслями на того и на другаго сенаторовъ, показался ему всѣхъ способнѣе, по престарѣлымъ лѣтамъ своимъ и по знанію законовъ и пользъ государственныхъ, Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, котораго онъ тотъ же день пригласилъ къ себѣ на вечеръ, сообщилъ наединѣ свои мысли. Онъ, понявъ всю важность предложенія, охотно согласился оное исполнить. Державинъ остался спокоенъ, уповая, что въ понедѣльникъ, при объявленіи указа въ общемъ собраніи, положатъ войдти съ докладомъ о неудобности сего новаго закона. Въ сихъ мысляхъ во вторникъ, яко въ докладной день, бывъ у Государя, поѣхалъ въ сенатъ, въ полномъ удостовѣреніи, что г. Колокольцовъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Вмѣсто того, на вопросъ отвѣтствуютъ ему, что указъ въ общемъ собраніи принятъ, записанъ и отосланъ въ первый департаментъ для исполненія. Весьма онъ сему удивился. Подходитъ къ Колокольцову, спрашиваетъ его потихоньку: „Какъ, указъ принятъ?“— „Такъ, отвѣчаетъ онъ пересѣменивая, къ несчастію я сдѣлался боленъ вчерась и не могъ въ сенатѣ быть“. Поговоря, положили, что будто по разнорѣчію въ исполненіи, внести паки въ общее собраніе. Какъ разсужденіе было о томъ при оберъ-прокурорѣ, князѣ Голицынѣ, посаженномъ въ сіе мѣсто, можно сказать, болѣе не для соблюденія законовъ и настоящаго дѣла, а для тайнаго увѣдомленія Государя, что въ сенатѣ дѣлается, и какъ онъ вѣрно отправлялъ возложенную на него должность, обѣдая всякой день во дворцѣ, то разсужденія Державина о семъ указѣ,—которыя онъ говорилъ о безполезности и неудобности сего указа, сожалѣя о Государѣ, что онъ приведенъ на такое дѣло, которое не принесетъ ему ни пользы, ни славы, натурально, что Голицынымъ слушаныя,—поѣхавъ обѣдать во дворецъ, пересказалъ Императору; а какъ по вторникамъ всякую недѣлю, послѣ обѣда часу въ 7-мъ, былъ во дворцѣ въ присутствіи Императора министерскій комитетъ, то Государь, посидѣвъ въ немъ не болѣе часа, не очень весело кончилъ присутствіе, и лишь только начали министры разъѣзжаться, то одинъ изъ камердинеровъ Государя, подошедъ къ Державин[illegible] сказалъ тихо, что Императоръ зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ. Вошедъ [illegible] его одного. Онъ тотчасъ началъ говорить: „Какъ вы, Гаврила [illegible]

Digitized by Google

указовъ идете въ сенатѣ и критикуете ихъ; вмѣсто того ваша должность подкрѣплять ихъ и наблюдать о непремѣнномъ исполненiи“. Державинъ отвѣчалъ, что не критиковалъ указовъ, а признается, что, при разсужденiи объ исполненiи, какъ и Его Величеству докладывалъ, сумнѣвался о удобности и пользѣ, что и теперь по присягѣ своей подтверждаетъ, удостовѣряя, что Его Величество симъ способомъ не достигнетъ своего намѣренiя, чтобъ сдѣлать свободными владѣльческихъ крестьянъ, да ежели бъ и достигъ, то въ нынѣшнемъ состоянiи народнаго просвѣщенiя не выдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ. Но какъ Государь учителемъ своимъ французомъ Лагарпомъ упоенъ былъ, и прочими его окружавшими ласкателями, сею мыслiю, по ихъ мнѣнiю великодушною и благородною, чтобъ освободить отъ рабства народъ, то остался неколебимъ въ своемъ предразсудкѣ, и приказалъ объявить имянное свое повелѣнiе, чтобъ по разногласiю въ первомъ департаментѣ не обращать того указа въ общее собранiе, а исполнить бы его непремѣнно, что онъ безпрекословно уже и исполнилъ, негодуя въ размышленiи на трусость г-на Колокольцова, каковы почти и всѣ были господа сенаторы его времени“.

Этою выпискою, послѣ которой всякiя разсужденiя напрасны, мы и закончимъ наши извлеченiя изъ „Записокъ“ знаменитаго поэта. Недолго пробылъ онъ министромъ, всего тринадцать мѣсяцевъ, но въ это короткое время успѣлъ надѣлать, какъ видимъ, довольно попытокъ произвести путаницу въ дѣлахъ. Онъ противится всякимъ реформамъ, придумываетъ нелѣпые и свирѣпые планы, называетъ подкупленными людьми благонамѣренныхъ и умныхъ сановниковъ, бросающихъ эти планы, называетъ якобинцами всѣхъ министровъ, производящихъ какое нибудь улучшенiе.

Быть можетъ найдутся читатели, которыхъ оскорбитъ наше откровенное мнѣнiе. Но что же дѣлать, не мы выставляемъ Державина въ такомъ видѣ, — онъ самъ потрудился изобразить себя такимъ въ своихъ запискахъ. Впрочемъ это самое и должно примирять насъ съ нимъ: видно онъ самъ не понималъ, что писалъ о себѣ, въ какомъ видѣ выставлялъ себя: не понималъ ни размѣра своихъ способностей, ни государственныхъ надобностей; людей онъ цѣнилъ только по своимъ отношенiямъ съ ними и каждый, кто не покровительствовалъ ему, кто мѣшалъ его вздорнымъ замысламъ, казался ему якобинцемъ, врагомъ престола и отечества. Но его тщеславiе было такъ простодушно, его ограниченность такъ недогадлива, что можно ему простить всѣ его нелѣпости, тѣмъ больше, что онѣ оставались безвредными для государства по его безсилiю.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки Александра Смирнова. Части 1 и 2. Москва. 1860 г.

Странный человѣкъ г. Александръ Смирновъ! Напечаталъ такія вещи, что, кажется, самъ долженъ былъ бы знать, можно ли его похвалить за представленіе публикѣ столь милаго подарка, а между тѣмъ еще напрашивается на „справедливый отзывъ о немъ". Помня его статейки по крестьянскому вопросу, написанныя въ доброжелательномъ къ народу духѣ, мы хотѣли пройдти молчаніемъ его „мысли, труды" и проч.: зачѣмъ, думали мы, доводить до свѣдѣнія публики, что человѣкъ, по всей вѣроятности почтенный и неглупый и безъ всякаго сомнѣнія благонамѣренный, вздумалъ надѣлать себѣ убытка, испортивъ нѣсколько десятковъ или сотенъ стопъ бумаги на печатное воспроизведеніе разныхъ своихъ рукописныхъ тетрадокъ, листковъ и клочковъ, которыхъ никакъ не напечаталъ бы въ такомъ видѣ, если бы, при всѣхъ своихъ почтенныхъ качествахъ, не подвергся какому-то удивительному припадку типографской маніи. Но нѣтъ, онъ требуетъ, чтобы критика непремѣнно подвергла оцѣнкѣ два удивительные тома, имъ изданные. По его мнѣнію, это даже очень важно. Онъ говоритъ, что занимается разработкою психологіи и разныхъ другихъ наукъ и дошелъ до „основныхъ мыслей, на которыхъ должны быть построены" эти науки. Вотъ эти-то основныя мысли онъ почелъ нужнымъ „предварительно отдать на всеобщее обсужденіе", чтобы онѣ были провѣрены критикой. Что критика признаетъ неосновательнымъ, отъ того готовъ онъ отказаться, если убѣдится въ справедливости возраженій; тогда, исправивъ частные недостатки въ своихъ понятіяхъ, онъ примется за систематическую работу, а теперь представляетъ лишь отрывочныя замѣчанія, потому что легче измѣнить планъ, чѣмъ передѣлывать готовое зданіе. Сообразно тому, онъ цѣлую половину двухъ своихъ томовъ наполнилъ „замѣтками", которыя самъ раздѣляетъ на тринадцать разрядовъ въ первомъ томѣ и на четырнадцать разрядовъ во второмъ. Вотъ перечень этихъ разрядовъ въ первомъ томѣ:

1) Общія и философскія замѣтки; 2) философскія; 3) гигіеническія; 4) медицинскія; 5) психологическія; 6) логическія; 7) грамматическія; 8) эстетическія; 9) теоретико-литературныя; 10) историко-литературныя; 11) для педагогіи и воспитанія; 12) политико-экономическія и юридическія; 13) историческія. Во второмъ томѣ есть еще разрядъ замѣтокъ по предметамъ естествовѣденія.

Въ какомъ винегретѣ подаются читателю эти четырнадцать блюдъ, можно судить, напримѣръ, по первому десятку замѣтокъ. По классификаціи самого автора эти десять замѣтокъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Digitized by Google

Первая замѣтка—физіологическая; вторая—общая и философская; третья—грамматическая; четвертая—также; пятая—также; шестая—психологическая и вмѣстѣ съ тѣмъ грамматическая; седьмая уже просто психологическая; восьмая—логическая; девятой мы не отыскали ни въ одномъ разрядѣ, вѣрно ужъ она совершенно особеннаго свойства, а десятая замѣтка—теоретико-литературная.

Порядокъ не дуренъ. Положимъ, авторъ еще не построилъ системы, но вѣдь все-таки не мѣшало бы привести ему свои мысли въ нѣкоторый порядокъ. Впрочемъ, что толковать о такихъ пустякахъ, какъ порядокъ или безпорядокъ въ мысляхъ. Посмотримъ, каковы эти мысли. Выпишемъ цѣликомъ, отъ перваго слова до послѣдняго, нѣсколько замѣтокъ, которыя предлагаются авторомъ на обсужденіе основательной критики и заключаютъ въ себѣ, по его мнѣнію, основныя идеи для построенія психологіи и еще нѣсколькихъ наукъ въ прибавокъ. Сначала выберемъ нѣсколько такихъ замѣтокъ, которыя покороче. Вотъ, напримѣръ, четвертая:

4.

„Выраженія, замѣняющія собою части рѣчи: н. п. *ваша милость*, *ваше здоровье*, *ваше превосходительство* и т. д., замѣняющія мѣстоименія личныя 2-го лица, *въ отношеніи*, *вслѣдствіе*, *по причинѣ* и т. д., употребляемыя въ смыслѣ предлоговъ, и пр., должны быть разсматриваемы въ синтаксисѣ—въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя они представляютъ, то есть въ опредѣлительныхъ, или дополнительныхъ“.

Чтожъ? это очень хорошо. Слова „ваша милость“ въ синтаксисѣ должны считаться личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица, —нѣтъ не то, они должны разсматриваться въ синтаксисѣ „въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя они представляютъ, т. е. въ опредѣлительныхъ или дополнительныхъ“. Правда, основательная критика ничего не можетъ возразить. Теперь мы знаемъ, что̀ такое „ваша милость“; но что̀ такое сама критика?

10.

„*Критика*, по участію намѣренности, воли, противоположна *исторіи и теоріи* *), въ которыхъ умъ дѣйствуетъ невольно, безъ предварительнаго намѣренія приложить свое историческое и теоретическое знаніе къ оцѣнкѣ даннаго предмета“.

Не дурно. Въ теоріи умъ дѣйствуетъ невольно, а въ критикѣ съ волею. Правда. Но не всегда. Вотъ, напримѣръ, хоть бы теперь: нашъ умъ дѣйствуетъ въ критикѣ совершенно невольно: г. Александръ Смирновъ принудилъ его заниматься разборомъ книги, которой добровольно мы ни разбирать, ни читать не стали бы. Читаемъ далѣе.

23.

„Сознаніе и воля. Въ сознаніи: чувство и умъ. Въ волѣ: желаніе, доходящее до страсти, и хотѣніе, спокойно стремящееся къ выполненію идеи“.

Жаль, не достаетъ въ этой замѣткѣ глаголовъ; съ ними была бы она яснѣе, чѣмъ теперь. Впрочемъ, недостатокъ ясности вознаграждается сжатостью. Анализъ воли и сознанія, хотѣнія и желанія очень не дуренъ, но въ слѣдующей замѣткѣ еще удачнѣе анализируется безусловное:

---

*) Курсивъ вездѣ принадлежитъ самому автору.

Digitized by Google

63.

„*Безусловное.*
„Въ умѣ—разумное убѣжденіе.
„Въ чувствѣ—религіозное чувство.
„Въ волѣ—чистая нравственность“.

Теперь мы знаемъ, что такое критика и теорія, страсть и хотѣніе, сознаніе и безусловное... Любопытно было бы узнать, что такое жизнь? Вотъ что:

77.

„*Первая половина* развивающейся *жизни* есть развитіе *центростремительной силы* и страдательной воли, которая стремится къ ея удовлетворенію; *вторая половина* есть развитіе дѣятельной воли, въ которой уже установившаяся личность *центробѣжно* проявляетъ себя“.

Прекрасно... Какъ же теперь дѣйствовать на человѣка въ началѣ первой половины жизни, когда развивается центростремительная сила, какъ воспитывать человѣка, въ чемъ главнѣйшая задача воспитанія?

88.

„*Важнѣйшее въ воспитаніи—вложить въ ребенка первоначальные добрые слѣды, или расположенія* (Spuren, oder Angelegtheiten у Бенеке), которые уже постоянно и будутъ притекающими элементами (hinzufliesende Elemente), усиливающими доброе и ослабляющими злое“.

Великая истина! Но едва ли менѣе важна слѣдующая мысль.

122.

„Какъ *художникъ* изъ элементовъ дѣйствительности по своей идеѣ образуетъ одно художественное цѣлое: такъ *душа* изъ элементовъ, воспринимаемыхъ ею изъ внѣшняго міра, по врожденной ей идеѣ развивается въ одно органическое цѣлое“.

Возвратимся однакоже къ центростремительной половинѣ жизни. Въ самомъ началѣ ея—младенчество.

140.

„*Наблюденія надъ младенцемъ.*—У младенца грыжа. Боль заставляетъ его кричать и метаться. У младенца цвѣтъ. Одинъ глазъ его видитъ, другому цвѣтъ мѣшаетъ глядѣть. Младенецъ рвется и плачетъ, силясь открыть закрывшійся глазъ. Онъ уже начинаетъ чувствовать удовольствіе въ свѣтѣ, и мракъ въ то время, когда онъ не спитъ, становится для него нестерпимымъ“.
(17 декабря).

Теперь будемъ ужъ выписывать безъ всякихъ замѣчаній.

150.

„*Наслажденіе* заключается въ сознаніи: нервами въ тѣлѣ, сердцемъ и умомъ въ душѣ.

154.

„Самый строгій положительный *разсудокъ* не исключаетъ самаго глубокаго, самаго теплаго *чувства*; исключаетъ только порывы, увлеченія, страсть.

238.

„Что *пищевареніе есть тѣлесный органъ эгоизма*, видно изъ того, что собака,

Digitized by Google

въ отсутствіе своего господина, тоскуя о немъ и съ самоотверженіемъ забывая себя отвергаетъ пищу.

272.

„*Судьба*—индивидуальная организація; судьба—назначеніе рода: вообще судьба—идея, которой служителемъ. исполнителемъ является всякое органическое существо. Все прочее—случай, стеченіе обстоятельствъ,—внѣшняя судьба.

273.

„Совокупность органическихъ силъ, получившихъ высшее, духовное развитіе и опредѣлившихся въ извѣстномъ содержаніи, переработанномъ изъ матеріала окружающаго міра, составляетъ *душу* человѣка; идея, лежащая въ основѣ человѣческаго организма, есть *духъ* его.

282.

„*Умъ* есть желудокъ души: онъ перевариваетъ впечатлѣнія внѣшняго міра. *Чувство*—актъ уподобленія: оно уподобляетъ пищу, принятую умомъ, организму души человѣческой. *Воля*—актъ дѣторожденія: она пораждаетъ новыя нравственныя существа—поступки, дѣйствія и другія произведенія душевной дѣятельности, возвращая въ новомъ видѣ внѣшнему міру то, что умъ изъ него принялъ.

283.

„Въ экономическомъ быту *переходъ предметовъ роскоши въ предметы всеобщаго употребленія* совершается по тому же закону, по которому *въ языкѣ фигурныя выраженія переходятъ въ простыя*. Идея одна и та-же — красота и потребность.

389.

„*Моменты времени*:

„1) Настоящее—точка.

„2) Прошедшее и будущее—линія.

„a) Прошедшее—линія конечная, имѣющая неизвѣстное начало и извѣстный конецъ (точку настоящаго).

„b) Будущее—линія безконечная, имѣющая извѣстное начало (точку настоящаго), но неизвѣстный конецъ, который простирается въ безпредѣльность".

Г. Александръ Смирновъ бережно сохранилъ и человѣколюбиво напечаталъ всѣ эти и множество другихъ подобныхъ истинъ. Жаль одного: зачѣмъ онъ не сохранилъ и не напечаталъ за нумерами тѣ изреченія, которыя конечно писалъ иногда на клочкахъ бумаги. Вышло бы очень не дурно:

415. „Проба пера.

„Милостивый государь.

617. „Проба пера. Хорошее перо.

„Милостивѣйшій государь.

824. „Александръ.

„Александръ Смирновъ, Смирновъ.

„А. Смирновъ. Милостивѣйшій. Проба пера".

Совѣтуемъ ему заняться собраніемъ этихъ лоскутковъ,—у него тогда составится третій томъ „замѣтокъ".

Но не всѣ „Замѣтки" такъ коротки. Есть и подлиннѣе, строкъ въ десять, въ полстраницы, даже въ цѣлую страницу, иногда и длиннѣе. Изъ десятистрочныхъ намъ очень понравилась слѣдующая:

Digitized by Google

406.

„Кровь есть жизненная жидкость, принимающая участіе во всякой органической дѣятельности. Во время пищеваренія она приливаетъ къ желудку, при умственныхъ занятіяхъ къ мозгу. Геморроидальный напоръ крови къ низу облегчается иногда принятіемъ пищи, или углубленіемъ въ книгу въ спокойномъ положеніи внизъ лицомъ: кровь отливаетъ къ желудку и къ мозгу. Смѣхъ облегчаетъ трудное испусканіе мочи: кровь отливаетъ отъ мочеваго пузыря къ периферіи тѣла. Отсюда извѣстная поговорка о неумѣренномъ смѣхѣ. Такъ *врачъ можетъ иногда дѣйствовать на тѣлесный организмъ не одними вещественными средствами*".

(15 августа).

Или не хотите ли полюбопытствовать, каковы тѣ замѣтки, которыя подлиннѣе? Вотъ вамъ:

373.

„Едва ли можно допустить ту чисто матеріальную точку зрѣнія, съ которой мысли представляются такимъ же произведеніемъ мозга, какъ желчь есть произведеніе печени, моча произведеніе почекъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что растительныя отправленія безпрестанно возбуждаютъ въ насъ чувства и мысли: н. п. извѣстное состояніе печени можетъ возбудить извѣстнаго рода мысли. Но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы мысли были произведеніемъ печени. Печень воздѣйствуетъ на нервы, а сообразно настроенію нервовъ раждаются и мысли. Головной мозгъ служитъ такимъ же внѣшнимъ возбудителемъ мыслящей силы, какимъ для него служатъ растительныя отправленія. Да и самые нервы имѣютъ не одинаково близкое отношеніе къ мышленію: узловая система, спинной мозгъ не то же, что головной, малый мозгъ не то же, что большія полушарія. Мозгъ, конечно, производитъ какой нибудь матеріальный продуктъ, подобный желчи, мочѣ и т. д., именно нервную матерію, столь же необходимую для тѣлесной жизни, сколько и для душевной. Какъ половой членъ выполняетъ два назначенія—испускаетъ мочу и совершаетъ половыя отправленія. такъ и мозгъ отправляетъ свою должность въ системѣ тѣлесныхъ отправленій и служитъ органомъ-возбудителемъ мыслящей силы. Что же это за мыслящая сила, непосредственно раждающая мысли? Она не врождена человѣку, какъ не врождена человѣку печень, а предопредѣлена въ идеѣ и развивается органически изъ принимаемаго оплодотвореннымъ сѣменемъ извнѣ для органической переработки матеріала: тѣлесные органы *развиваются* по предопредѣленной идеѣ въ сѣмени изъ пищи: *душевныя силы по предопредѣленной идеѣ души въ условіяхъ тѣлесной организаціи* (не въ нихъ самихъ, а въ условіяхъ ихъ) *изъ внѣшнихъ впечатлѣній*. Отсюда въ вопросѣ о происхожденіи душевныхъ силъ едва ли мы не придемъ къ положенію Бенеке, или по крайней мѣрѣ къ положенію, близкому къ его мнѣнію. Дѣйствительно, что обыкновенно называютъ душевной силой—умомъ, чувствомъ, волей, то не есть дѣйствительная душевная сила, а только идея ея, только извѣстное направленіе душевной дѣятельности. Идеи душевныхъ силъ, или направленія душевной дѣятельности, врождены человѣку, или, что одно и то же, предопредѣлены ему; но дѣйствительныя душевныя силы образуются и развиваются въ теченіе жизни на основаніи этихъ идей изъ внѣшнихъ впечатлѣній въ условіяхъ тѣлесной организаціи. Сѣмя растительное и животное служитъ такимъ же органомъ-возбудителемъ, по которому окружающая матерія слагается въ организмъ, какъ условія тѣлесной организаціи, и преимущественно нервы, и преимущественно головной мозгъ служатъ органомъ-возбудителемъ для переработки внѣшнихъ впечатлѣній въ систему душевныхъ силъ и ихъ произведенія—чувства, мысли, желанія. Какимъ образомъ внѣшнія впечатлѣнія обработываются въ душевныя силы—это требуетъ особаго, подробнаго, основательнаго изслѣдованія.

(4 іюля).

Мало вамъ этого? Вотъ вамъ ёще замѣтка, уже изъ самыхъ длинныхъ:

Digitized by Google

32.

„*Физіологическія полярныя противоположности.*—Половыя отправленія принадлежатъ къ растительной жизни организма. Такимъ образомъ двѣ главныя противоположности въ тѣлесномъ организмѣ: жизнь растительная и жизнь животворная. Растительная жизнь есть 1) жизнь организма самого по себѣ и 2) жизнь организма для поддержанія рода. Процессы той и другой растительной жизни: 1) питаніе—образованіе тканей, соковъ, сѣмени, 2) выдѣленіе—кала, мочи, пота, сѣмени при половомъ сообщеніи. Питаніе въ жизни организма самого по себѣ и питаніе въ жизни организма по отношенію къ роду, или образованіе сѣмени—суть полярныя противоположности питанія въ растительной жизни вообще. Люди жирные вовсе не отличаются особенною плодовитостію, напротивъ часто бываютъ безплодны; всѣ же плодовитые и страстные люди бываютъ худощавы. Также и выдѣленіе каломъ, мочою, потомъ и выдѣленіе сѣмени—органическія противоположности въ выдѣленіи въ растительной жизни вообще. Оттого слабинье, испусканіе мочи и потъ умѣряютъ похотливость, уменьшая количество сѣмени, которое при этомъ обращается уже на питаніе организма самого по себѣ. (Отсюда практическія гигіеническія и медицинскія примѣненія: 1) гигіеническое—умѣренность въ половомъ сообщеніи и своевременное непремѣнное сообщеніе, поддержка правильнаго отдѣленія кала и мочи, движеніе для испарины: неудовлетворенная похоть безъ всякихъ медицинскихъ средствъ смѣняется усиленнымъ отдѣленіемъ кала, мочи и пота; 2) медицинское—если похотливость сильна до вреда и истощенія организму, употребляютъ слабительныя, мочегонныя и потогонныя средства). И наоборотъ: истеченіе сѣмени умѣряетъ отдѣленіе кала, мочи и пота. (Гигіеническое правило: то и другое отдѣленіе должны быть въ согласіи и содѣйствовать къ здоровью организма, не преобладая слишкомъ другъ надъ другомъ). Жизнь животную образуютъ нервы и мышцы—двѣ полярныя противоположности: нервы—органъ внутренней, мышцы—органъ внѣшней дѣятельности. Наконецъ кости, кажется, составляютъ полярную противоположность, какъ растительной такъ и животной жизни вмѣстѣ; и именно это минералогическая, или такъ называемая неорганическая (хотя названіе это неправильно: въ мірѣ нѣтъ ничего неорганическаго) часть организма. Кости въ растительной жизни служатъ для прикрѣпленія растительныхъ тканей и охраненія нервной (мозговой) матеріи, въ животной—для движенія и дѣйствованія, управляемыхъ мышцами.

„Такимъ образомъ физіологія изслѣдуетъ:

„I) Организацію тѣла въ полномъ и совершенномъ его развитіи, или лучше сказать, на какой бы степени, въ какомъ бы періодѣ развитія онъ ни находился. (Отъ зачатія до смерти организація одна и та же, только въ различныхъ періодахъ жизни съ большимъ или меньшимъ развитіемъ, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ однихъ сторонъ организма надъ другими).

„A. Жизнь растительно-животная.
„A. Жизнь растительная.
„1) Жизнь организма самого по себѣ.
„1) Питаніе.
„2) Отдѣленія: каломъ, мочею, потомъ, выдыханіемъ.
„2) Жизнь организма для поддержанія рода.
„1) Образованіе сѣмени.
„2) Половое отправленіе.
„B. Жизнь животная.
„1) Нервы.
„2) Мышцы.
„B. Остовъ (остеологія).

„II) Развитіе организма отъ зачатія до смерти.

„NB. Изъ сдѣланныхъ нами для образца гигіеническихъ и медицинскихъ примѣненій видно, какъ плодотворно для практической науки открытіе закона полярныхъ противоположностей“.

Digitized by Google

Но милѣе всего въ цѣлыхъ двухъ томахъ сочиненій г. Александра Смирнова слѣдующая замѣтка:

245.

„Извѣстно, что животныя не страдаютъ геморроемъ. Это потому, что они ходятъ на четверенькахъ. Геморрой—привилегія гордаго человѣка, возносящаго голову къ небу. Но я видѣлъ одну собачку, сильно страдавшую геморроидальными припадками. Собачка эта принадлежала комедіанту, у котораго она безпрестанно ходила и плясала на заднихъ лапахъ. Ясно слѣдовательно, что положеніе на четверенькахъ есть средство, противодѣйствующее геморрою. Отсюда *легкое движеніе на четверенькахъ* должно быть введено въ число *гимнастическихъ упражненій для противодѣйствія* и предупрежденія *геморроя*".

(19 февраля).

Г. Смирновъ хочетъ слышать сужденіе о своихъ „Замѣткахъ, трудахъ" и проч.,—мы рады были бы сдѣлать отзывъ благопріятный, но читатель видитъ, что мы можемъ сказать одно: г. Смирновъ сдѣлалъ себя смѣшнымъ; ему теперь не остается другаго средства поправить дѣло, какъ скупить все изданіе своей книги и сжечь его.

Изъ Украйны. Сказки и повѣсти. *Г. П. Данилевскаго*. Три части. Спб. 1860.

Не понимаемъ, что за радость была г. Данилевскому печатать собраніе своихъ произведеній. Похвалы имъ ожидать онъ не долженъ ни отъ кого—это слѣдовало знать ему. Насмѣшки—вотъ единственные плоды, которые будутъ принесены ему тремя частями его „Сказокъ и повѣстей"! Неужели и на этотъ разъ опытъ останется напраснымъ для него? Неужели онъ не перестанетъ писать, печатать, собирать напечатанное и перепечатывать особыми книжками? Должно быть не перестанетъ,—если бы могъ онъ стать благоразумнѣе, давно сталъ бы: вѣдь уроковъ онъ получилъ уже не мало. Жаль намъ г. Г. Данилевскаго, а пособить ему никто не въ силахъ.

Новѣйшая исторія, сочиненіе ординарнаго профессора *Д-ра Ф. Лоренца*. Санктпетербургъ. 1860.

Книга почтеннаго профессора Лоренца можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ несправедливости мнѣнія, будто бы знакомство съ событіями новѣйшей западной исторіи вредно дѣйствуетъ на образъ мыслей. Г. Лоренцъ основательно познакомился съ новѣйшею европейскою исторіею: онъ, какъ видно, читалъ многія изъ лучшихъ сочиненій, относящихся къ ней, и вообще нельзя его упрекнуть въ недостаткѣ фактическихъ знаній по предмету его книги. А между тѣмъ образъ мыслей его остался совершенно неиспорченъ, до того чистъ, что не всегда можно встрѣтить такія здравыя сужденія даже у людей, не слыхавшихъ ни о чемъ, что дѣлалось въ Европѣ послѣ взятія Парижа союзниками. Профессоръ Лоренцъ разсуждаетъ обо всемъ такъ, что, мы увѣрены, ни одинъ изъ читателей его книги не будетъ испорченъ ею въ образѣ своихъ мыслей.

Напримѣръ, онъ начинаетъ свой разсказъ съ того, что устройство [illegible]лученное Германіею по низверженіи Наполеона, не удовлетворило [illegible],

Digitized by Google

мечтавшихъ о возстановленіи Германской имперіи. „Такимъ образомъ (слова профессора Лоренца) въ умахъ юношества политическія идеи среднихъ вѣковъ смѣшались съ революціонными идеями новѣйшаго времени и въ соединеніи съ религіозною мечтательностью произвели то смутное состояніе общества, отъ котораго, кромѣ зла и несчастія, ничего нельзя было ожидать“. Прочитавъ такія слова, не убѣждаетесь ли вы, что система Меттерниха была спасительна для общества, которое, какъ вы сейчасъ видѣли, не могло, кромѣ зла и несчастія, ничего ожидать отъ людей наказанныхъ Меттернихомъ? Далѣе г. Лоренцъ сообщаетъ намъ подробности, подтверждающія общій его отзывъ о стремленіяхъ нѣмецкой молодежи послѣ 1815 года. Идеи этой молодежи „діаметрально противорѣчили существующему порядку общества“ и „угрожали ему опасностями“. Потомъ профессоръ Лоренцъ перечисляетъ „преступленія“, совершенныя нѣмецкой молодежью. Вы видите, что необходимо было усмирить эту злонамѣренную молодежь. Переходя отъ Германіи къ Франціи, профессоръ Лоренцъ сообщаетъ намъ, что, возвратившись во Францію послѣ Ватерлооскаго сраженія, Людовикъ XVIII занялъ престолъ съ твердымъ намѣреніемъ „простить своимъ врагамъ и не мстить никому“. Профессоръ Лоренцъ свидѣтельствуетъ, что Людовикъ XVIII отличался „великодушіемъ“. Противники реставраціи достойны, поэтому, самаго сильнаго осужденія, и авторъ выражается о нихъ такимъ образомъ: „въ лицѣ Лафайета, избраннаго въ члены палаты депутатовъ, появилось снова на сцену старое пугало революціи“. При министерствѣ Деказа были сдѣланы нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, и профессоръ Лоренцъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „роялисты не безъ основанія жаловались, что Деказъ своими мѣрами погубитъ монархію“. Когда оппозиція выбрала депутатомъ Грегуара, бывшаго нѣкогда членомъ конвента, то „палата, чувствуя всю непристойность такого выбора, удалила изъ среды своей Грегуара“. Этого довольно, чтобы показать, какъ сильно говоритъ профессоръ Лоренцъ о гибельности либерализма въ Германіи и во Франціи. Столь же сильно выражается онъ о немъ, излагая событія испанской исторіи. Вотъ его подлинныя слова:

„Но въ то время, какъ въ Германіи и во Франціи реакція остановила движеніе революціоннаго духа, онъ появился въ Испаніи, и въ самомъ страшномъ и отвратительномъ видѣ, въ формѣ солдатской революціи. Испанія, доказавшая свою вѣрность природному государю героическимъ сопротивленіемъ иноземному властителю, не могла выйти изъ борьбы съ французской революціею, не заразившись ея правилами“.

Неаполитанскій переворотъ 1820 года подвергается не менѣе справедливому осужденію:

„Вообще вся неаполитанская революція, какъ по своему началу, такъ и по дальнѣйшему ходу, является предпріятіемъ легкомысленнымъ и безумнымъ: это скорѣе что-то въ родѣ святочной шутки, чѣмъ серьёзный политическій актъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого приговора, стоитъ только вспомнить тогдашнія продѣлки въ Неаполѣ“.

Февральскую революцію онъ называетъ „постыднымъ низверженіемъ престола толпою черни“; мартовскій переворотъ 1848 года въ Берлинѣ былъ произведенъ, по справедливому выраженію профессора Лоренца, „крамольниками“. Крамольники всѣхъ странъ и временъ описываются у него производящими злодѣйства или по крайней мѣрѣ „величайшіе безпорядки“. Въ пользу крамольниковъ, по его выра-

Digitized by Google

женію, расположена бывала только „сволочь" — вотъ, напримѣръ, его слова о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1848 года:

„Берлинъ сдѣлался главнымъ притономъ демократовъ, которые нашли безопасность подъ защитою вооруженной черни. Демократическій конгрессъ осадилъ полками черни учредительное собраніе. Эта постыдная сцена возмутила всѣхъ, которые еще не совсѣмъ утратили чувство чести и достоинства. Король приказалъ генералу Врангелю вступить въ Берлинъ съ многочисленнымъ войскомъ. Сволочь, которая до сихъ поръ господствовала въ столицѣ, спряталась въ своихъ закоулкахъ, тогда какъ вожди ея спаслись бѣгствомъ отъ заслуженнаго наказанія".

Г. Лоренцъ обнаруживаетъ, что въ 1848 году и въ Италіи, и въ Венгріи безпорядки произведены были также чернью и сволочью. Эти крамольники неистовствовали тамъ, гдѣ не было войскъ, и вездѣ разбѣгались при первомъ появленіи войскъ. Такъ было и въ „старомъ революціонномъ вулканѣ", т. е. во Франціи, гдѣ мятежники были укрощены принцемъ Луи-Наполеономъ, котораго въ благодарность за то Франція провозгласила императоромъ.

„Онъ дѣйствовалъ съ большимъ благоразуміемъ, и французы ранѣе, чѣмъ ожидать можно было, отвыкли отъ волненія, производимаго свободою журналистики, и отъ пріятнаго препровожденія времени, доставляемаго преніями трибуны".

„Франція могла утѣшиться въ потерѣ своего конституціоннаго правленія при взглядѣ на Пиринейскій полуостровъ, гдѣ конституція была источникомъ безконечныхъ безпорядковъ и борьбы партій. Извнѣ—то вліяніе Франціи, то Англіи, внутри же—борьба между умѣренною и изступленною партіями не давали покоя ни Испаніи, ни Португаліи и мѣшали въ нихъ развитію народной и государственной дѣятельности".

Кажется, этихъ выписокъ довольно, чтобы убѣдить въ совершенной безвредности занятій новѣйшею исторіею людей самыхъ предубѣжденныхъ противъ предмета, излагаемаго профессоромъ Лоренцомъ.

Молинари. Курсъ политической экономіи. Часть I. Редакція перевода *Я. А. Ростовцева.* Изданіе Николая Тиблена. С.-Петербургъ. 1860.

Молинари знаменитъ въ западной Европѣ, но еще знаменитѣе въ Россіи. Какими-то неисповѣдимыми судьбами онъ явился просвѣщать нась. Центромъ, изъ котораго должно было излиться экономическое просвѣщеніе на Россію, воля рока избрала Москву; но путь въ Москву лежалъ бельгійскому генію чрезъ Петербургъ, и въ Сѣверной Пальмирѣ ожидала знаменитаго гостя первая овація. Наши петербургскіе экономисты (читатель, можетъ быть, не знаетъ, что и у насъ есть знаменитые экономисты; но мы увѣряемъ его, что они есть) пришли въ радостное волненіе и устроили торжественный обѣдъ, на которомъ гость сіялъ какъ свѣча, а наши доморощенные знаменитости экономической науки увивались около этой свѣчи, какъ мотыльки, несмотря на свои почтенныя лѣта и фигуры. Молинари держалъ себя передъ своими петербургскими поклонниками съ привѣтливостью и удостоивалъ выражать свое удивленіе великимъ успѣхамъ русскаго просвѣщенія; благосклонно обѣщался онъ сообщить всей Европѣ, что у насъ есть люди, не лишенные нѣкоторой образованности; а люди, которыхъ находилъ онъ не лишенными нѣкоторой образованности, передавали намъ по секрету, что онъ произвелъ на нихъ впечатлѣніе фата и отчасти шарлатана. Вѣроятно отзывъ этотъ несправедливъ; вѣроятно Молинари великій ученый, звѣзда первой величины въ наукѣ,— иначе, какъ было бы объяснить поклоненіе со стороны нашихъ знаменитыхъ эко-

Digitized by Google

номистовъ, которые, какъ мы навѣрно знаемъ, собираются даже издавать свои труды на французскомъ языкѣ, по примѣру извѣстнаго во Франціи ученаго, г. Наркиса Атрѣшкова. Успѣхъ публичныхъ лекцій Молинари въ Москвѣ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ блистательному началу его путешествія по Россіи. Возвращаясь изъ Москвы, онъ прочелъ и петербургскому обществу нѣсколько лекцій въ той залѣ Пассажа, которая потрясалась изступленными апплодисментами стихотвореніямъ гг. Майкова и Бенедиктова. Но несмотря на такую расположенность залы къ восторгамъ, Молинари не произвелъ и тутъ эффекта,—мы слышали, будто онъ обвинялъ за то какихъ-то злонамѣренныхъ людей, устроившихъ противъ него заговоръ.

Впрочемъ, путешествіе г. Молинари по Россіи, обѣдъ въ честь его, его лекціи въ Москвѣ и петербургскомъ Пассажѣ,—все это вещи, не имѣющія никакого отношенія къ его книгѣ. О книгѣ надобно сказать, что переведена она хорошо и внѣшность изданія опрятна. Кому угодно знать, каково достоинство самой книги, удостоившейся такого перевода и изданія, тотъ можетъ узнать объ этомъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ объясняется съ полною откровенностью. Онъ говоритъ, что могутъ спросить, зачѣмъ издается новый курсъ политической экономіи послѣ книгъ, написанныхъ великими людьми политической экономіи, и въ особенности послѣ „великолѣпнаго политико-экономическаго словаря Гильомена"? - „Мнѣ казалось, отвѣчаетъ Молинари, что всѣ изданныя донынѣ политико-экономическія сочиненія заключаютъ въ себѣ одинъ весьма важный пробѣлъ". Любопытно узнать, какой же это „одинъ пробѣлъ"? Весьма важныхъ пробѣловъ въ сочиненіяхъ, исчисляемыхъ Молинари, столько, что и сосчитать ихъ трудно. „Я говорю, продолжаетъ Молинари, объ отсутствіи достаточно яснаго изслѣдованія того общаго закона, который водворяетъ порядокъ въ экономическомъ мірѣ, установляя справедливое и необходимое равновѣсіе, какъ между различными отраслями производства, такъ и въ вознагражденіи производительныхъ дѣятелей". Ну, это ужъ чуть ли не напрасно. Если память насъ не обманываетъ, Бастіа уже написалъ свои Harmonies économiques для восполненія этого „весьма важнаго пробѣла", который, впрочемъ, былъ восполненъ разными французскими экономистами задолго и до книги Бастіа. Если только въ этомъ дѣло, не стоило Молинари писать свой курсъ: у Бастіа уже доказано, что бѣднымъ не на что жаловаться, что каждый работникъ получаетъ надлежащее вознагражденіе, что если и есть на свѣтѣ люди, получающіе меньше, чѣмъ имъ слѣдовало бы, то эти люди не какіе нибудь ткачи, швеи, земледѣльческіе батраки,—нѣтъ, а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другіе обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающіе зависть въ неразумныхъ чернорабочихъ. Бастіа доказалъ уже, что если сосчитать, сколько жертвъ приносится для общаго блага и сколько благодѣяній обществу оказывается Ротшильдомъ, Миресомъ и сподвижниками ихъ, то надобно бѣднякамъ благословлять судьбу свою и воздвигать памятники заживо этимъ своимъ благодѣтелямъ. Усердіе Молинари нѣсколько запоздало. Но впрочемъ все равно, цѣль его все-таки прекрасна. Послушаемъ его сладкія слова. Милостиво говоритъ онъ, что не ставитъ этого пробѣла въ вину своимъ учителямъ. У нихъ была иная задача: они боролись противъ привилегій, корпорацій, кастъ, монополій и исполняли свое дѣло съ удивительнымъ успѣхомъ; но, къ сожалѣнію, по словамъ Молинари, ихъ система „встрѣтила въ наше время противниковъ среди тѣхъ самыхъ классовъ,

Digitized by Google

имя интересовъ которыхъ“ они дѣйствовали. Любопытно узнать, въ пользу ;ихъ же классовъ дѣйствовали Сэ, Макъ-Коллохъ, Росси, Мишель Шевалье, идерикъ Бастіа и Жозефъ Гарнье? Мы полагали, что они усерднѣе всего проповѣдывали въ пользу банкировъ и негоціантовъ, а въ особенности негоціантовъ, дущихъ заграничную торговлю; сколько намъ извѣстно, они не встрѣчали проэниковъ между людьми этихъ классовъ. Но, видите-ли, наше недоразумѣніе произошло отъ незнанія. „Между рабочими массами, объясняетъ намъ Молинари, возкла анти-либеральная и нео-регламентарная реакція, извѣстная подъ общимъ ;немъ соціализма“. Ну, вотъ дѣло и объяснилось. Сколько неправильныхъ поiй исправлено въ насъ этими немногими словами! Мы видимъ теперь, что Росси Певалье съ братіею трудились въ пользу рабочихъ классовъ,—какую прекрасо вещь они дѣлали!—жаль только одного, что этой вещи никакъ нельзя загить по ихъ сочиненіямъ, въ которыхъ интересы рабочихъ сословій постоянно ываются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сталкиваются съ интересами капиталивъ, а въ этихъ случаяхъ постоянно приносятся въ жертву интересамъ капитатовъ. Мы видимъ также, что соціализмъ анти-либераленъ; если такъ, мы не нимаемъ, почему же онъ не въ милости у консерваторовъ. Судя по словамъ зверженцевъ привилегій и монополій, соціализмъ до крайности либераленъ; съ либераленъ, что передъ соціалистами Мишель Шевалье съ братіею катся вовсе не либеральными людьми. Мы слышали, будто соціалисты провозшаютъ полнѣйшую децентрализацію, — можетъ быть это мечты безумныя, ужъ никакъ нельзя сказать, что это тенденціи анти-либеральныя. Мало о, что соціализмъ оказывается анти-либеральнымъ, онъ оказывается симою „нео-регламентарною“, т. е., въ переводѣ съ греко-латинскаго, онъ хоъ возстановить регламентацію промышленности, противъ которой боролся Адамъ итъ. Хорошо, что мы узнали это отъ Молинари, а то мы слышали совершенно отивное. Надобно благодарить Молинари, что онъ разсѣялъ эти наши заблужэія. Но мы теперь не можемъ сообразить, какъ же онъ станетъ писать пятую ть своего курса, которая „будетъ содержать разборъ ложныхъ экономическихъ оціальныхъ теорій“. Развѣ самъ онъ выдумаетъ эти ложныя теоріи; а иначе, къ же будетъ онъ разбирать мысли писателей, которыхъ не умѣетъ понимать? рочемъ незнаніе, неспособность понять, предубѣжденность, пристрастіе,—все слишкомъ слабыя задержки усердію: а Молинари горитъ усердіемъ восполнитъ динъ весьма важный пробѣлъ“,—проще сказать, онъ собирается „поразить солизмъ на смерть“. Послушаемъ его самого. „Появленіе соціализма, говоритъ олинари, возложило новую обязанность на экономистовъ,—

„основателямъ науки предстояла борьба только съ тѣми, которые пользовались употребленіями старой системы и, въ эгоистическихъ видахъ, требовали сохраненія ихъ превилегій; намъ же предстоитъ теперь бороться не только съ многочисленными слѣдниками этихъ привилегій, но и съ соціалистами, проклинающими свободу промышленности, взывая къ интересамъ массъ и требуя „организаціи труда“.

„Первымъ экономистамъ достаточно было доказать весь вредъ, причиняемый общему тересу ограниченіями и монополіями старой системы, всю нелѣпость предразсудковъ и физмовъ, которыми старались оправдывать ихъ сохраненіе. Однимъ словомъ—имъ статочно было „разрушить“ старую регламентарную систему. Теперь же, когда утверждаютъ, что опытъ промышленной свободы рѣшительно не удался, что общество, едва освобожденное отъ рабства, впало въ анархію,—этого недостаточно. Нужно оправдать

Digitized by Google

свободу отъ нареканій, которымъ она подвергается. Соціалисты считаютъ ее анархическою; они отвергаютъ существованіе всякаго регулирующаго начала въ производствѣ, предоставленномъ самому себѣ. Слѣдуетъ доказать, что это регулирующее начало существуетъ, и что анархія, которую соціалисты описываютъ такими мрачными красками, происходитъ отъ несоблюденія естественныхъ условій порядка.

„Вотъ новая задача, возложенная обстоятельствами на экономистовъ,—задача, которую я, по мѣрѣ силъ, пытался рѣшить. Я старался доказать, что экономическій міръ, въ которомъ соціалисты не замѣчаютъ никакого регулирующаго начала, управляется закономъ равновѣсія, дѣйствующимъ непрерывно и съ неодолимою силою для сохраненія необходимой соразмѣрности между различными отраслями и различными дѣятелями производства. Я пытался доказать, что подъ вліяніемъ этого закона, порядокъ въ экономическомъ мірѣ водворяется самъ собой, точно также, какъ, вслѣдствіе закона тяготѣнія, онъ установляется въ мірѣ физическомъ.

„Вотъ главная цѣль издаваемаго мною нынѣ труда. Не знаю, на сколько я достигъ ея, но я буду, во всякомъ случаѣ, считать свою задачу рѣшенною, если мнѣ удалось указать путь друзьямъ науки.

„И дѣйствительно, какъ не желать, чтобы доказано было очевиднымъ для всѣхъ образомъ, что производство, предоставленное самому себѣ, не обречено неизбѣжной анархіи; что въ самомъ себѣ оно заключаетъ въ высшей степени могущественное регулирующее начало? Если бы это было вполнѣ доказано и стало осязательной для всѣхъ истиной, кто бы осмѣлился тогда предлагать искусственную организацію общества? Соціализмъ не былъ ли бы пораженъ на смерть?“

Вотъ это мы называемъ говорить откровенно. Вы думаете, что Молинари писалъ съ цѣлью изслѣдовать истину, — нѣтъ, его желаніе было гораздо выше. Въ началѣ нынѣшняго года, излагая по поводу книги г. Горлова общій свой взглядъ на политическую экономію, мы говорили, что во Франціи послѣ Сэ она получила совершенно новое направленіе, котораго была чужда, когда излагалась Адамомъ Смитомъ; что это новое направленіе, при которомъ писатели имѣютъ въ виду не изслѣдованіе истины, а только отстаиваніе во что бы то ни стало извѣстныхъ обычаевъ и экономическихъ учрежденій, придано ей боязнью передъ соціализмомъ. Если кому тогдашній отзывъ нашъ о современныхъ французскихъ экономистахъ показался слишкомъ суровъ, то вотъ г. Молинари откровенно сообщаетъ намъ, что его цѣль именно такова, какъ мы говорили. Очень можетъ быть, что Молинари съ братіею совершенно правы въ своемъ желаніи поразить на-смерть ненавистное имъ ученіе; но жаль, что они не понимаютъ одного обстоятельства: если извѣстная система, въ какой бы то ни было наукѣ, вызвала противъ себя какую нибудь новую теорію, которой не имѣли въ виду основатели системы, то хотя бы новая теорія и была неосновательной, все-таки прежнею системою никакъ уже нельзя опровергнуть ее, и для успѣха въ новой борьбѣ надобно бросить старую точку зрѣнія, несостоятельность которой доказывается самымъ появленіемъ новой теоріи. Положимъ, напримѣръ, что Нибуръ былъ не правъ, когда возсоздавалъ латинскій эпосъ изъ разсказовъ Тита Ливія; но опровергнуть Нибура Ролленомъ нѣтъ никакой возможности: вѣдь Нибуръ именно изъ того и возникъ, что Ролленъ неудовлетворителенъ. Такъ и соціалисты рѣшительно не могутъ быть опровергнуты на основаніи Сэ или Адама Смита. Если вы хотите побѣдить новыхъ противниковъ, то запаситесь новымъ орудіемъ; мечъ, которымъ Адамъ Смитъ рубилъ меркантильную систему, негодится противъ вашихъ враговъ.

Но французскіе экономисты не понимаютъ этого, — еслибъ они понимали, они тогда и не были бы тѣмъ, что̀ разумѣется во Франціи подъ словомъ „эконо-

Digitized by Google

мистъ",—не были бы людьми отсталыми, повторяющими теперь то, что умѣстно было говорить Адаму Смиту въ прошломъ вѣкѣ, да и это повторяющими очень плохо. Возьмемъ въ примѣръ хотя Молинари, стремящагося „на-смерть поразить соціализмъ". Не споримъ, что Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ—люди заблуждающіеся или злонамѣренные; но всѣ согласны въ томъ, что они люди очень замѣчательнаго ума; кромѣ природнаго генія у нихъ есть боевыя средства, очень сильныя: Сенъ-Симонъ пережилъ и перечувствовалъ самъ все, что можетъ испытывать человѣкъ; Фурье чрезвычайно глубоко изучилъ человѣческое сердце; Прудонъ знакомъ съ нѣмецкою философіею и обладаетъ страшной начитанностью. Посмотримъ же, съ какимъ запасомъ знаній и умственныхъ силъ идетъ, напримѣръ, Молинари поражать такихъ людей.

Начинаетъ онъ по обыкновенной рутинѣ выпискою греческихъ словъ oicos и nomos, изъ которыхъ составилось слово „экономія", и объясненіемъ, что политика тоже происходитъ отъ греческаго слова polis, и въ подтвержденіе тому ссылается на Жозефа Гарнье, въ родѣ того, какъ одинъ русскій ученый подтверждалъ цитатою изъ Карамзина свое мнѣніе, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ сынъ Ивана Васильевича Грознаго. Бѣдняжка воображаетъ, что отлично щегольнулъ ученостью. Этимъ однимъ уже дается мѣра его учености. А хотите знать его сообразительность? Для этого достаточно прочесть сдѣланное имъ опредѣленіе политической экономіи. По обыкновенной рутинѣ приводитъ онъ нѣсколько разныхъ опредѣленій, данныхъ прежними учеными, и скромно заключаетъ этотъ перечень новымъ опредѣленіемъ своего домашняго издѣлія. Вотъ оно:

„Политическая экономія есть наука, описывающая организацію общества",— „она есть описаніе общественнаго механизма, короче,—анатомія и физіологія общества".

Поискали мы, нѣтъ ли какого нибудь ограниченія этому опредѣленію.—Нѣтъ; Молинари твердитъ себѣ: „Анатомія и физіологія общества;—описываетъ организацію общества" — и совершенно доволенъ. Ахъ, бѣдняжка, бѣдняжка, а хочетъ поражать соціализмъ! Не сообразилъ онъ, бѣдняжка, что въ его опредѣленіе цѣликомъ влѣзаютъ, кромѣ политической экономіи, всѣ общественныя науки отъ статистики до уголовнаго права, отъ исторіи до дипломатики. Не догадался онъ, что прихватилъ своимъ опредѣленіемъ всю юриспруденцію и администрацію, этнографію, исторію цивилизаціи и всѣ знанія, относящіяся къ общественной жизни. Не сообразилъ, что непремѣнно нужно было бы вставить въ опредѣленіе слова или „матеріальное благосостояніе", или „богатство", или что нибудь подобное. Съ такою-то сообразительностью отправляется человѣкъ ратовать противъ ложныхъ ученій!

Такъ превосходно опредѣливъ область политической экономіи, Молинари, разумѣется, доказываетъ, что она очень полезна. Откуда онъ такъ хорошо могъ узнать правила для составленія ученыхъ книгъ, преподаваемыя покойнымъ Кошанскимъ? Или, ужъ не написалъ ли онъ свой курсъ по возвращеніи изъ Москвы?—Но едва ли... времени съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ мало. По реторикѣ Кошанскаго, за опредѣланіемъ науки должно слѣдовать объясненіе пользы ея; такъ и дѣлаетъ Молинари. Доказавъ полезность политической экономіи не хуже, чѣмъ покойный Кайдановъ доказывалъ полезность всеобщей исторіи, Молинари продолжаетъ: „Изъ всего сказаннаго нами казалось бы, что легко видѣть всю пользу изученія политической экономіи; однако же, къ стыду нашего времени, эта польза была не разъ оспариваема". Скажите, пожалуйста, кѣмъ же это?—Ей „были нанесены страшные удары.

Digitized by Google

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый ораторъ Донозо Кортесъ, съ высоты испанской трибуны, сдѣлалъ яростное нападеніе на политическую экономію". Ну, отлегло у насъ отъ души; а то мы совсѣмъ было перепугались. Удары наносимые Донозо Кортесомъ, едва-ли слѣдуетъ называть очень страшными; вѣдь онъ жалѣетъ объ уничтоженіи инквизиціи, называетъ герцога Альбу благодѣтелемъ рода человѣческаго, отвергаетъ Коперникову систему, хочетъ отдать всю Европу, даже протестантскую, подъ безусловную власть папы и въ духовныхъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ,—мало ли на что онъ нападаетъ: и на прививаніе оспы, и на громоотводы, и на пароходство... Охота же обращать вниманіе на такого человѣка. Если ужъ и говорить о немъ, то можно только выставлять его или въ смѣшномъ, или въ отвратительномъ видѣ; но Молинари начинаетъ почтительно разсуждать съ нимъ и робко доказывать, что политическая экономія можетъ быть соглашена съ мнѣніями, которыхъ держится Донозо Кортесъ. Донозо Кортеса мы оставимъ въ сторонѣ, и послушаемъ, что говоритъ Молинари о политической экономіи въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи. Эти страницы составляютъ очень замѣчательное исключеніе въ книгѣ Молинари которая вся состоитъ изъ набора общихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ тутъ онъ возвышается далеко надъ уровнемъ обыкновенныхъ ученыхъ и превосходитъ даже своихъ учителей. Нѣкоторые говорили,—по словамъ Молинари,—что политическая экономія ведетъ къ невѣрію и къ стремленію пересоздавать существующія учрежденія. Молинари превосходно доказываетъ, что это несправедливо.

„Политическая экономія является, напротивъ, наукою существенно религіозною, потому что она, можетъ быть болѣе чѣмъ всякая другая, даетъ самое высокое понятіе о Великомъ Творцѣ вселенной".

„Что сдѣлали экономисты, ученія которыхъ во имя религіи отвергаются нѣкоторыми предубѣжденными умами? Они старались доказать, что Провидѣніе не бросило человѣчество на волю слѣпаго случая. Они старались доказать, что общество имѣетъ свои, Богомъ установленные законы, законы гармоническіе, водворяющіе въ немъ справедливость, точно также, какъ законы тяготѣнія водворяютъ порядокъ въ мірѣ физическомъ".

„Теперь, спрашиваю я, не болѣе ли въ этомъ законѣ нравственнаго, религіознаго и истинно христіанскаго? Не лучшее ли даетъ онъ намъ понятіе о Провидѣніи? Не заставляетъ ли онъ насъ еще болѣе полюбить его? Если изученіе твореній Кеплера, Ньютона возвышаетъ въ глазахъ нашихъ божественное могущество, то изученіе гармоническихъ законовъ общественной экономіи въ книгахъ Смитовъ, Мальтусовъ, Рикардо, Сеевъ или, что еще лучше, въ жизни самаго общества, не должно ли намъ дать болѣе высокое понятіе о правосудіи и благости Творца вселенной?"

„Вотъ каковы, съ религіозной точки зрѣнія, результаты изученія политической экономіи! Вотъ какъ приводитъ она къ невѣрію!"

„Политическую экономію можно еще разсматривать, какъ сильное орудіе для сохраненія общественнаго устройства".

Преобразовывать общественныя учрежденія!—продолжаетъ Молинари:—экономисты никакъ не отважатся мечтать объ этомъ, потому что въ мірѣ и такъ все устроено гармоническимъ образомъ, все имѣетъ превосходную организацію. Замѣнять существующую организацію какой нибудь другой,—объ этомъ могутъ думать только люди въ родѣ Фурье и Прудона, считающіе себя необыкновенными геніями. Прудонъ, напримѣръ,

„по изобрѣтеніи своего новаго рецепта общественной организаціи, кричалъ во всеуслышаніе, что если земля до сихъ поръ и вращалась съ запада на востокъ, то онъ съумѣетъ заставить ее вращаться съ востока на западъ.

Digitized by Google

„Вотъ до какой степени доходитъ изступленіе преобразователей общества. Чудовищная гордость до того овладѣла этими, иногда столь замѣчательными умами, что сдѣлала ихъ безобразными и отвратительными. Скажутъ: да это сумасшедшіе! Согласенъ“

Самъ Молинари, какъ видно, не считаетъ себя человѣкомъ необыкновеннаго ума. Онъ не умѣетъ даже отличать метафорическихъ выраженій отъ словъ, употребляемыхъ въ прямомъ смыслѣ и кажется воображаетъ, что Прудонъ намѣренъ измѣнить направленіе суточнаго движенія земли. Отчего же, однако, продолжаетъ Молинари, это безуміе заразительно? Заразительно оно потому, что „совпадаетъ съ заблужденіемъ толпы“. Вотъ это новость! Толпу часто и справедливо упрекаютъ въ рутинности, но никому не было до сихъ поръ извѣстно, что она подвержена безумію,—напротивъ, всѣ полагали, что если кругъ ея понятій узокъ, то все-таки она отличается большимъ здравымъ смысломъ. Безуміе, открытое въ ней Молинари, „представляетъ серьёзную опасность“, отъ которой лекарствомъ и служитъ политическая экономія.

„Предположимъ, что массы, увлеченныя утопіей, успѣютъ когда нибудь захватить въ свои руки управленіе народами: предположимъ, что онѣ воспользуются своимъ могуществомъ, для того, чтобы привести въ исполненіе тѣ системы, которыя несовмѣстны съ самыми необходимыми условіями существованія обществъ. Что же изъ этого выйдетъ? Благосостояніе общества очевидно будетъ сильно потрясено, и оно подвергнется той же опасности, тѣмъ же страданіямъ, какимъ подвергается больной, ввѣрившій заботу о своемъ здоровьи какому нибудь шарлатану. Я очень хорошо знаю, что жизненность общества достаточно велика, чтобы противиться самымъ вреднымъ снадобьямъ, я очень хорошо знаю, что общество не можетъ погибнуть; но оно можетъ жестоко пострадать и остаться надолго въ состояніи смертельнаго безсилія.

„Укажемъ еще на то, что происходитъ среди общества, которому угрожаютъ бѣдственные опыты утопіи, поддерживаемой невѣжествомъ. Происходитъ то, что источники общественнаго благосостоянія изсякаютъ уже заранѣе, что опасеніе зла дѣйствуетъ почти также разрушительно, какъ самое зло. Тогда интересы, которымъ угрожаетъ опасность, постоянной тревогой раздражаются наконецъ до такой степени, что рѣшаются на самыя тажелыя пожертвованія, для того только, чтобы избавиться отъ призрака преслѣдующаго ихъ. Для своего спасенія отъ соціализма, они готовы сносить существующій порядокъ!

„Вотъ почему полезно преподаваніе политической экономіи. Когда массы лучше узнаютъ условія существованія общества, тогда нечего будетъ опасаться,—онѣ сдѣлаются лучшими хранителями общественнаго порядка. Имъ можно будетъ ввѣрить священную заботу объ интересахъ того общества, самое существованіе котораго теперь подвергается опасности, благодаря ихъ невѣжеству и легковѣрію. Тогда можно будетъ дать имъ тѣ права, предоставленіе которыхъ теперь было бы не совсѣмъ благоразумно. Общество станетъ тогда дѣйствительно неодолимымъ, потому что для своей защиты оно будетъ располагать всѣми силами, кроющимися въ немъ.

„Итакъ, политическая экономія—наука существенно религіозная, потому что она болѣе, чѣмъ всякая другая, раскрываетъ предъ нами всю мудрость и благость Провидѣнія въ высшемъ управленіи дѣлами людей. Политическая экономія—наука существенно нравственная, потому что она доказываетъ, что полезное всегда согласуется въ окончательномъ результатѣ съ тѣмъ, что справедливо. Политическая экономія—наука существенно консервативная“.

Прекрасныя, совершенно основательныя слова, составляющія, какъ мы сказали, единственное замѣчательное мѣсто въ пустой болтовнѣ нашего знаменитаго гостя. Жаль только, что въ своемъ усердіи превознести политическую экономію обидѣлъ онъ весь человѣческій родъ, объявивъ его безумнымъ.

Digitized by Google

Мы просмотрѣли первую лекцію Молинари; надѣемся скоро представить читателямъ подробный разборъ его книги, а на нынѣшній разъ довольно будетъ и этого. Характеръ книги виденъ, видны превосходныя намѣренія автора „спасти общество отъ серьёзной опасности и на-смерть поразить соціализмъ“; но видно также, что недостаетъ у него сообразительности, нужной для такого прекраснаго дѣла. Печатно бранить Прудона и пускать пыль въ глаза своимъ петербургскимъ собесѣдникамъ фразами въ родѣ: „я говорилъ объ этомъ съ Прудономъ, близкимъ своимъ пріятелемъ“, — это какъ-то нейдетъ дѣльному ученому, а прилично только фату. Человѣкъ сколько нибудь ученый не сталъ бы щеголять цитатами изъ Жозефа Гарнье, или кого бы то ни было, о словопроизводствѣ слова „экономія“. Еще одна черта: слышали-ли вы, читатель, о замѣчательной книгѣ Шарля де Брукера? Никто никогда объ ней не слыхивалъ. Извѣстно, что Брукеръ былъ довольно важнымъ человѣкомъ въ Бельгійскомъ правительствѣ, былъ хорошій администраторъ, заботился о чистотѣ брюссельскихъ улицъ и т. д.; но какъ писатель онъ ничтоженъ. Въ предисловіи Молинари на страницѣ VI вы можете однакоже видѣть, что книга Брукера Principes généraux d'économie politique „должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между руководствами къ политической экономіи“. Отчего же это? На V стр. того же предисловія вы можете увидѣть, что Брукеръ доставилъ нашему просвѣтителю должность профессора въ Брюсселѣ. Вотъ это плохо. Можно посвятить свою книгу человѣку, котораго считаешь своимъ благодѣтелемъ, но превозносить его сочиненія, не заслуживающія вниманія, это уже нехорошо; и сомнительно, чтобы поступающіе такимъ образомъ могли понимать общественныя опасности или спасать общество; обыкновенно они проникаются усердіемъ къ одному, ненавистью къ другому, по желанію своихъ благодѣтелей.—Ну что, если бы профессорскія мѣста въ Бельгіи раздавалъ не Брукеръ, а Прудонъ;—тогда, вѣроятно, почтенный Молинари иначе говорилъ бы о Прудонѣ,—чего добраго, даже посвятилъ бы ему, пожалуй, свою книгу; а написалъ бы ее уже не для пораженія, а въ защиту соціализма.

Мы совѣтовали бы издателю первой части курса Молинари не выполнять своего обѣщанія, „издавать въ русскомъ переводѣ остальныя части книги немедленно по мѣрѣ ихъ выхода“: не стоитъ. Другое дѣло, напримѣръ, „Руководство къ сравнительной статистикѣ, Кольба“, которое издатель готовитъ къ печати, какъ сказано на оберткѣ книги. Это сочиненіе хорошее и за него будетъ можно поблагодарить г. Тиблена. Можно поблагодарить его и за изданіе перевода „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ, Гизо“,—сочиненія, къ которому мы теперь переходимъ.

Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской имперіи до французской революціи. Соч. *Гизо*. Редакція перевода К. К. Арсеньева. Изданіе Николая Тиблена. С.-Петербургъ. 1860.

Намъ нѣтъ возможности прослѣдить все содержаніе книги Гизо, указать всѣ тѣ случаи, въ которыхъ онъ, по нашему мнѣнію, ошибался,—для этого потребовалось бы написать цѣлую книгу. Есть писатели, у которыхъ на безчисленномъ множествѣ страницъ разведена водою одна какая нибудь бѣдная мысль, — примѣръ тому представлялъ намъ Молинари. Выписали мы изъ него нѣсколько строкъ, обнаруживающихъ его намѣренія, показали двумя-тремя выписками, что онъ не имѣетъ знаній, нужныхъ для исполненія такой задачи,—и довольно. Гизо не таковъ. Его историческія сочиненія не сшиты изъ клочковъ, нахватанныхъ по не-

Digitized by Google

многимъ, большею частью довольно плохимъ, источникамъ. Это не дюжинныя компиляціи съ высокими претензіями; Гизо серьёзный ученый; онъ самъ глубоко изучалъ предметы, о которыхъ говоритъ, и если у него много мыслей, несправедливыхъ по нашему мнѣнію, то каждая изъ нихъ заслуживаетъ серьёзнаго опроверженія, потому что взята не съ вѣтра. Писать такую подробную оцѣнку всѣхъ подробностей мы здѣсь не можемъ, и по-неволѣ должны обратить вниманіе лишь на общій принципъ его воззрѣнія.

Къ переводу, изданному г. Тибленомъ, приложена довольно недурная статья о дѣятельности Гизо, написанная г. Барсовымъ. Авторъ этого предисловія старается опредѣлить убѣжденія политической и ученой партіи, замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ Гизо, и показать русскому читателю, какъ надобно смотрѣть на лекціи, предисловіе къ которымъ составляетъ эта статья. Едва ли справедливо находитъ г. Барсовъ коренною причиною недостатковъ общаго взгляда Гизо на науку ту важность, которую Гизо придалъ понятію цивилизаціи и которая будто бы помѣшала ему дать въ исторіи надлежащее мѣсто народнымъ особенностямъ. Правильно или неправильно разсматриваетъ Гизо исторію разныхъ народовъ, но нельзя сказать, чтобы онъ не замѣчалъ разницы между ними. Напрасно также порицать Гизо за то, что онъ устранилъ изъ своего плана разсказъ отдѣльныхъ событій, сосредоточивъ все вниманіе на характеристикѣ общаго духа событій, учрежденій и понятій въ каждую данную эпоху. Напротивъ, эта особенность и составляетъ главную цѣну его историческихъ трудовъ. Историковъ-разсказчиковъ всегда были десятки и сотни, но никто изъ тогдашнихъ французскихъ историковъ не сдѣлалъ такъ много, какъ онъ, для разъясненія смысла европейской исторіи. Если бы онъ вдавался въ разсказъ фактовъ, они только отвлекли бы его вниманіе отъ существеннаго предмета его лекцій. Посвятивъ нѣсколько часовъ описанію личностей и битвъ періода крестовыхъ походовъ, онъ увидѣлъ бы, что у него едва остается нѣсколько минутъ на общую характеристику этого явленія. Но справедливъ г. Барсовъ, когда упрекаетъ Гизо за „излишній оптимизмъ въ сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ“. Дѣйствительно въ этомъ и заключается слабая сторона ученыхъ произведеній Гизо. Онъ находитъ, что въ сущности все было очень полезно для человѣчества. Страшное тяготѣніе Римской имперіи истощило всю энергію подвластныхъ странъ, убило духъ народовъ Пиринейскаго полуострова, Галліи, Британіи, Италіи до того, что эти десятки милліоновъ не могли отбиться отъ малочисленныхъ варваровъ, — Гизо находитъ, что централизація имперіи была лучшимъ противодѣйствіемъ прежней муниципальной разрозненности. Водворяется варварство—хорошо и это: варвары внесли въ европейскую исторію принципъ личной независимости. Послѣ страшнаго хаоса водворяется столь же страшный феодализмъ—хорошо и это: въ феодальныхъ замкахъ явилась поэзія. На развалинахъ феодализма возвышается Людовикъ XI,—онъ тоже былъ очень полезенъ,—въ какомъ отношеніи, мы уже и не знаемъ, но все-таки полезенъ.

Ученымъ основаніемъ такого оптимизма служило одностороннее понятіе о прогрессѣ. Мы видимъ, что какова бы ни была западная Европа въ XIII вѣкѣ, но все-таки она достигла положенія лучшаго, чѣмъ какое было въ X вѣкѣ, а XVII вѣкъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, былъ все-таки лучше XIII, и нынѣшнее время, каково бы оно ни было, далеко лучше XVII столѣтія. Въ чемъ же заключаются причины этихъ улучшеній судьбы европейскаго человѣчества? Проще всего

Digitized by Google

было бы искать этой благотворной причины въ натурѣ самихъ европейскихъ народовъ, которые, подобно всѣмъ другимъ народамъ, не лишены стремленій къ просвѣщенію, къ правдѣ и ко всему другому хорошему. Точно такъ же въ людяхъ есть врожденная способность и охота трудиться. Благодаря этимъ качествамъ человѣческой натуры, постепенно устраивается лучшій общественный порядокъ и благосостояніе. Масса трудится и понемногу совершенствуются производительныя искусства. Она одарена любознательностью или по крайней мѣрѣ любопытствомъ и—постепенно развивается просвѣщеніе; благодаря развитію земледѣлія, промышленности и отвлеченныхъ знаній, смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потомъ и учрежденія; всему этому причина одна—внутреннее стремленіе массы къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго быта, а формы, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ вырабатываться этотъ прогрессъ, не всегда благопріятны ему, потому что происходятъ совершенно изъ другихъ началъ и поддерживаются совершенно иными средствами. Возьмемъ, напримѣръ, феодализмъ. Что общаго имѣлъ онъ съ трудолюбіемъ или любознательностью? Произошелъ онъ изъ завоеванія, цѣлью его было присвоеніе плодовъ чужаго труда, поддерживался онъ насиліемъ, ученыхъ стремленій феодалы не имѣли; они хотѣли проводить въ лѣности все время, остававшееся у нихъ отъ войнъ, турнировъ и тому подобныхъ занятій. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ могла быть благопріятна прогрессу эта форма? Французскіе земледѣльцы работали и должны были отдавать все, что только можно было взять у нихъ. Этимъ ослаблялась энергія ихъ труда, да и самый трудъ безпрестанно прерывался насиліями всякаго рода. Потому сельское населеніе осталось во Франціи почти чуждо прогрессу. Горожане часто успѣвали защищаться за своими стѣнами, но все-таки очень часто подвергались грабежу, да и въ случаяхъ удачной защиты постоянная надобность обороняться отвлекала ихъ силы отъ труда. Можно ли послѣ этого говорить о томъ, что тогдашнія формы помогали труду? Если онъ достигалъ какихъ нибудь результатовъ, то лишь наперекоръ этимъ формамъ. Точно то же надобно сказать и объ успѣхахъ другаго элемента цивилизаціи, о прогрессѣ знаній. Если они развивались, то лишь наперекоръ тогдашнимъ формамъ. Только вотъ этимъ и объясняется медленность прогресса, неудовлетворительность цивилизаціи послѣ столькихъ вѣковъ исторической жизни. Ни въ чемъ, кромѣ натуры человѣка, не находила себѣ цивилизація поддержки, а люди, трудомъ и любознательностью которыхъ вырабатывалась она, находились въ положеніи чрезвычайно стѣсненномъ, такъ что дѣятельность ихъ была очень слаба и безпрестанно подвергалась помѣхамъ, уничтожавшимъ большую часть даже того немногаго, что успѣвала она произвести. Едва пріобрѣтаетъ она нѣкоторые успѣхи въ городахъ верхней Италіи, какъ идутъ на нее полчища нѣмцевъ, и результатомъ борьбы императоровъ съ папами оказывается подчиненіе ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ игу кондотьеровъ; едва начинаетъ расцвѣтать трудолюбіе и наука въ южной Франціи, какъ Иннокентій III указываетъ полчищамъ сѣверной Франціи эти цвѣтущія области, провозглашая истребленіе альбигойцевъ. Такъ или иначе, та же самая исторія постоянно повторялась повсюду въ западной Европѣ.

Но результатъ, произведенный человѣческою натурою, наперекоръ формѣ тяготѣвшей надъ нимъ, очень многими приписывается дѣйствію формы: при ней, слѣдовательно благодаря ей, таковъ силлогизмъ, обманывающій большинство исто-

Digitized by Google

риковъ. По такому силлогизму народъ считаетъ зиму причиной лѣтняго плодородія и могъ бы считать причиной теплоты, сохраняющейся въ жилищахъ, наперекоръ вліянію внѣшняго холода.

Гизо не заслуживалъ бы особеннаго порицанія, еслибъ онъ не превосходилъ въ этомъ отношеніи другихъ историковъ. Но то, что у нихъ было только слѣдствіемъ невнимательности, оставалось простою ошибкою, у него возведено въ теорію, развитую совершенно послѣдовательно. У другихъ историковъ мы найдемъ, что множество вредныхъ явленій выставляются полезными, но все-таки остается въ ихъ изложеніи нѣкоторое количество вредныхъ явленій выставленными какъ дѣйствительно вредныя. У Гизо не то: у него каждый значительный фактъ непремѣнно оказывается содѣйствовавшимъ прогрессу. Мавры завоевали Испанію—это полезно было для прогресса, потому что привело въ Европу арабскую цивилизацію; мавры, успѣвшіе цивилизоваться въ Испаніи, изгоняются изъ нея людьми гораздо менѣе просвѣщенными,—это опять полезно для цивилизаціи, потому что европейцы тутъ получаютъ еще больше случаевъ цивилизоваться. Слѣдствія побѣды — введеніе инквизиціи, отнятіе всѣхъ правъ у испанскаго народа, разореніе всей Европы честолюбіемъ Карла V и Филиппа II: нужды нѣтъ; Гизо все-таки называетъ благотворными явленіями факты, которые привели къ такимъ результатамъ.

Этотъ крайній оптимизмъ происходитъ у него отъ характера его политическихъ убѣжденій: онъ всегда былъ приверженцемъ старины. Новымъ идеямъ онъ всегда дѣлалъ лишь ничтожнѣйшія уступки, идеалъ его всегда былъ очень близокъ къ средневѣковому устройству. Напрасно говорятъ, что онъ сталъ реакціонеромъ только въ послѣднюю половину жизни,—онъ съ самаго начала былъ реакціонеромъ. Онъ въ 1814 году встрѣтилъ Бурбоновъ съ радостью, потому что они были представителями старинныхъ учрежденій. Во время реставраціи онъ разошелся съ крайними роялистами, но это оттого, что они были ослѣпленные фанатики, а онъ человѣкъ холоднаго образа мыслей, желавшій не переходить границъ благоразумія въ реакціонномъ стремленіи. Знаменемъ его всегда была легитимность. До послѣдней минуты онъ противился низложенію Бурбоновъ въ 1830 году, высказалъ усердіе къ нимъ не меньше самыхъ записныхъ легитимистовъ. Онъ разошелся съ ними опять только потому, что они хотѣли дѣйствовать неблагоразумными, непрактичными средствами: по ихъ мнѣнію, для пользы старинныхъ учрежденій надобно было возвратить во Францію Бурбоновъ посредствомъ силы. Гизо видѣлъ невозможность достичь успѣха этимъ путемъ и, понимая непрактичность желанія возстановить Бурбоновъ, хотѣлъ, чтобы Орлеанскій домъ сталъ полнымъ представителемъ всѣхъ принциповъ, которымъ прежде служили Бурбоны. Онъ совершенно достигъ этой цѣли. Новое правительство постоянно дѣйствовало такъ, что ничего лучшаго не могли бы дѣлать и сами Бурбоны. Несмотря на свой кальвинизмъ, Гизо покровительствовалъ іезуитамъ и помогалъ швейцарскому Зондербунду, начавшему войну противъ остальныхъ кантоновъ въ защиту іезуитовъ. Когда Гизо былъ министромъ, французская политика держалась совершенно тѣхъ же началъ, какимъ слѣдовалъ Меттернихъ. Будучи приверженцемъ старины по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Гизо чувствовалъ надобность выставлять съ хорошей стороны средневѣковые элементы и въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Нѣтъ, мы выразились невѣрно: не то, что онъ чувствовалъ надобность выставлять ихъ

Digitized by Google

съ хорошей стороны, а въ самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ въ нихъ хорошаго несравненно больше, чѣмъ дурнаго.

Странно можетъ казаться послѣ этого, что у насъ, да и въ остальной Европѣ, большинство писателей считаетъ Гизо однимъ изъ представителей либерализма. Но причина тутъ очень простая и обыкновенная; она заключается въ неразборчивости общественнаго мнѣнія, одинаково легко порицающаго или превозносящаго за нѣсколько пустыхъ фразъ, лишенныхъ всякаго опредѣленнаго значенія. Помните ли, какая исторія поднялась у насъ изъ-за какой-то статейки въ „Иллюстраціи“ объ евреяхъ, статейки, не имѣвшей въ себѣ ничего особеннаго. Сонмъ уважаемыхъ литераторовъ провозгласилъ за то „Иллюстрацію“ органомъ фанатизма, желающаго возжечь инквизиціонные костры. Начался такой гвалтъ, отъ котораго глухіе могли бы вновь оглохнуть. Точно такъ бываетъ и наоборотъ. Скажетъ, напримѣръ, человѣкъ: „я не одобряю насилія“; кажется, что̀ тутъ особеннаго: вѣдь насилія никто не одобряетъ. А вотъ, смотрите, ужъ эта фраза пріобрѣла ему имя либерала. Притомъ же и положеніе Гизо или Тьера было совершенно особенное: французскіе министры были единственными конституціонными министрами на континентѣ Европы. Правда, существовала конституція въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Баденѣ; но кто когда слыхивалъ что нибудь объ этихъ неважныхъ государствахъ? Вниманіе континентальныхъ либераловъ было занято исключительно преніями парижской палаты; и когда они читали рѣчи Тьера или Гизо, такъ краснорѣчиво говорившихъ о конституціи, они думали: какъ, однако же, отличаются эти министры отъ Меттерниха, преслѣдующаго слово „конституція“. Такъ и упрочилась за Тьеромъ и Гизо репутація либеральныхъ министровъ. Что̀ они дѣлали,—кому было время разбирать? Слушать слова гораздо легче, чѣмъ изслѣдовать поступки.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. Москва. 1860 г.

Знатоки домашней нашей литературы по новой русской исторіи, вѣроятно, найдутъ, что „Записки“ Л. Н. Энгельгардта составляютъ въ ней пріобрѣтеніе не совершенно ничтожное. Дѣйствительно, отыскиваются въ этой книжкѣ матеріалы для пополненія послужныхъ списковъ довольно многихъ второстепенныхъ лицъ екатерининской эпохи; но большинство публики найдетъ въ воспоминаніяхъ Энгельгардта мало любопытнаго; исключеніемъ служатъ развѣ два-три анекдота, по нуждѣ могущіе назваться характеризующими тогдашнее время. Мы извлечемъ ихъ здѣсь.

Энгельгардтъ говоритъ, что былъ избалованъ домашнимъ воспитаніемъ и исправился только благодаря какому-то Эллерту, содержавшему въ Смоленскѣ пансіонъ, въ который отдали испорченнаго мальчика. „Касательно наукъ“ Эллертъ былъ „малосвѣдущъ“, но за то умѣлъ внушать своимъ воспитанникамъ хорошую нравственность, „строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ, билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ“. Даже ученикамъ принадлежало право наказывать ферулою своихъ товарищей; право это давалось навязкою краснаго или голубаго банта въ петлицу ученика,

Digitized by Google

избираемаго въ помощники содержателю пансіона. Имѣвшіе красный бантъ получали право давать своимъ товарищамъ одинъ ударъ ферулою по рукѣ; имѣвшіе голубой бантъ—два удара. „Чтобы заслужить такой знакъ отличія", продолжаетъ Энгельгардтъ, „надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться; я почитаю", разсуждаетъ онъ, „что поощреніе это много способствовало къ нравственности". Надобно полагать, что въ самомъ дѣлѣ „способствовало". Впрочемъ, замѣчаетъ самъ Энгельгардтъ, „все было основано на побояхъ", и „изъ учениковъ отъ таковаго воспитанія много было изуродовано; однако же пансіонъ былъ всегда полонъ", Чтожъ такое, въ самомъ дѣлѣ, если и изуродуетъ Эллертъ ученика, то по крайней мѣрѣ основательно внушитъ ему хорошую нравственность. Такъ дѣлалось около 1780 г. Составляя свои „Записки" лѣтъ черезъ 50 послѣ того времени, Энгельгардтъ какъ будто не совсѣмъ порицаетъ смягчившіеся школьные обычаи 1820—1830 годовъ; но все-таки замѣчаетъ, что „касательно мальчиковъ умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія?" Надобно отдать ему честь, онъ выставляетъ для своего мнѣнія прочное основаніе, которое почему-то забываютъ указывать нынѣшніе приверженцы розогъ. „Нужно, чтобы они (мальчики) съ юности попривыкли даже и къ несправедливости". Противъ этого нельзя спорить: въ лѣтахъ взрослыхъ человѣкъ будетъ же подвергаться несправедливости, такъ не лучше ли въ самомъ дѣлѣ подготовить его къ тому съ дѣтства? Но для этого, конечно, мало было бы только сѣчь его; непремѣнно нужно еще сѣчь его безъ вины, несправедливо. Мы видимъ, что оно и хорошо, если такъ дѣлается.

По какому-то странному обстоятельству, многіе изъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ почти только одно то человѣческое и могутъ припомнить изъ чувствъ всей своей жизни, что они чувствовали боль, когда ихъ сѣкли; всѣ остальныя ихъ воспоминанія уже состоятъ исключительно въ разныхъ служебныхъ отношеніяхъ, въ полученіи наградъ или выговоровъ, повышеній или неудачъ по чинамъ и должностямъ. Энгельгардтъ не совсѣмъ избѣжалъ этой участи. Видно, что ему въ дѣтствѣ не нравилась теорія и практика Эллерта, „способствовавшая нравственности"; но видно также, что, достаточно „попривыкнувъ" къ ней, онъ сдѣлался человѣкомъ какъ слѣдуетъ, и дальше вы уже не найдете въ его „Запискахъ" никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ разсуждалъ о качествахъ порядковъ, въ которыхъ стала проходить его жизнь по окончаніи курса нравственности въ пансіонѣ Эллерта. Издатель „Записокъ Энгельгардта", г. Н. Путята, говоритъ въ коротенькомъ предисловіи, что „Записки" эти отличаются „простотою и чистосердечіемъ разсказа и характеромъ правдивости". Это такъ; видно, что авторъ былъ человѣкъ честный и почтенный. Но какое впечатлѣніе производили на него вещи, видѣнныя имъ въ теченіе долгой жизни и вскользь упоминаемыя у него, этого не спрашивайте. Былъ такой-то сильный человѣкъ, сдѣлалъ то-то, находился ко мнѣ въ такихъ-то отношеніяхъ,—этимъ обыкновенно и кончаются его замѣтки о людяхъ; развѣ-развѣ изрѣдка онъ прибавитъ: „обращался съ своими подчиненными ласково". Понятіе государственной пользы и человѣческой справедливости какъ будто не существуетъ для автора „Записокъ". Если не ошибаемся, объ одномъ только лицѣ выразился онъ не совсѣмъ оффиціально, объ Аракчеевѣ. Послѣ аустерлицкой битвы императоръ Александръ отставилъ отъ службы Вязмитинова, бывшаго военнымъ министромъ и петербургскимъ главнокомандующимъ; продолжаемъ словами

Digitized by Google

самого автора: „мѣсто его заступилъ графъ Аракчеевъ, который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ личнымъ его непріятелемъ. Но къ чести графа Аракчеева, и, можно сказать, въ одномъ только семъ случаѣ онъ показалъ себя незлобивымъ; черезъ двѣ недѣли по пріемѣ сей должности онъ подалъ государю просьбу объ увольненіи его отъ службы", сказавъ, что, по вступленіи въ должность, разсмотрѣлъ дѣла и нашелъ Вязмитинова ни въ чемъ неповиннымъ, а потому не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, если не будетъ оказано справедливости Вязмитинову, отставленному по неосновательнымъ подозрѣніямъ. Государь возвратилъ свою милость Вязмитинову. Вотъ только въ разсказѣ этого случая и выразилась у Энгельгардта какая-то тѣнь человѣческаго сужденія: онъ не удержался и замѣтилъ, что Аракчеевъ вообще не былъ „незлобивъ". Это слово представляетъ едва ли не единственное исключеніе въ сплошномъ ряду разсказовъ совершенно безцвѣтнаго характера. Да, мы забыли еще два отступленія отъ тона реляцій или должностныхъ меморій: Энгельгардтъ приводитъ нѣсколько анекдотовъ о причудахъ Потемкина и странныхъ выходкахъ Суворова. Только эти немногія строки и не могли бы быть цѣликомъ перенесены изъ воспоминаній Энгельгардта о значительныхъ лицахъ въ формулярные списки каждаго лица по принадлежности. Но вѣдь и то сказать: кто же могъ тогда упомянуть о Петемкинѣ или Суворовѣ, не упоминая о ихъ странностяхъ? Неоффиціальныя, такъ сказать, черты эти были обращены почти въ оффиціальную принадлежность могущественнаго правителя и знаменитаго полководца. Энгельгардтъ выказалъ бы самостоятельность, еслибы удержался отъ этихъ отступленій; они не уменьшаютъ, а напротивъ еще усиливаютъ впечатлѣніе совершенной оффиціальности, производимое его „Записками".

Мы также ошиблись, сказавъ, что выраженіе объ Аракчеевѣ, какъ о человѣкѣ не отличавшемся незлобіемъ, представляется въ цѣлой книгѣ единственнымъ примѣромъ человѣческаго сужденія: есть еще другой случай; онъ относится къ Суворову. Однажды Энгельгардтъ долженъ былъ явиться къ Суворову съ рапортомъ и обѣдать за его столомъ. „Чтобы сдѣлать ему угодное", говоритъ авторъ, „по-наслышкѣ изготовился я отвѣчать на всѣ его странныя требованія", но все-таки „получилъ чувствительный афронтъ". Предъ обѣдомъ у Суворова гостямъ разносили водку по чинамъ, и если случалось нѣсколько гостей одного чина, сержантъ, подававшій водку, спрашивалъ у нихъ, кто имѣетъ какое старшинство въ своемъ чинѣ. Пришлось сержанту спросить объ этомъ и Энгельгардта,—

„я сказалъ, что уже 6 лѣтъ 3 мѣсяца и 12 дней въ семъ чинѣ, и усмѣхнулся. Казалось, что графъ сего не могъ примѣтить; но другой причины къ его неудовольствію не было. Сѣли за столъ: мнѣ пришлось сѣсть наискось противъ графа. Вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: „воняетъ!" и ушелъ въ другую комнату. Адъютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что „дурной запахъ прошелъ". „Нѣтъ", кричалъ онъ, „за столомъ вонючка". Они стали обходить всѣхъ сидящихъ и начали обнюхивать; одинъ ко мнѣ подошелъ, сказалъ: „вѣрно у васъ сапоги не чисты, извольте выйти; графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажете себѣ сапоги вычистить; тогда опять можете сѣсть за столъ". Представьте мое смущеніе; однакожъ дѣлать было нечего. Я всталъ, сказалъ тому адъютанту: „доложите графу: я вижу, что моя физіономія ему не понравилась; какъ бы мнѣ пріятно ни было обратить на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь"—и вышелъ".

Мы съ удовольствіемъ приводимъ этотъ случай, окончаніе котораго показываетъ въ авторѣ „Записокъ" человѣка съ благородной душой. Но очень вѣроятно,

Digitized by Google

что безъ обиднаго личнаго для него столкновенія онъ не написалъ бы слѣдующихъ строкъ, идущихъ прямо вслѣдъ за приведеннымъ нами анекдотомъ:

„Посудите, пріятно ли было служить при немъ человѣку съ благороднымъ чувствомъ; признаюсь, что, несмотря на его великій геній, и служа подъ нимъ въ его славныхъ побѣдахъ, пріобрѣтая чины и ордена, трудно перенесть подобныя оскорбленія, которыя не съ однимъ со мною случались, но и съ нѣкоторыми генералами“.

Мы видимъ въ Энгельгардтѣ новый образецъ того же самаго характера нашихъ дѣдовъ, какой видѣли въ Державинѣ. Люди, воспитывавшіеся лѣтъ 80 или 100 тому назадъ, часто оказывались въ жизни людьми честными,—въ какомъ народѣ не встрѣчается очень много личностей, по натурѣ расположенныхъ къ благородству? Но, за очень рѣдкими исключеніями, они оставались людьми неимѣющими ровно никакого образа мыслей, людьми, у которыхъ всѣ понятія о добрѣ и злѣ замѣнялись вѣковыми правилами почти безразличнаго одобренія всему, что жило и дѣйствовало выше ихъ. По внушеніямъ старшихъ родственниковъ, воспитавшихся такъ же, какъ они, они привыкали думать: „такъ дѣлается, стало быть такъ тому и слѣдуетъ быть; не нами заведено, не нами и кончится; стѣну лбомъ не прошибешь; благоразумному человѣку не слѣдуетъ разсуждать о вещахъ, которыя приходится ему исполнять; отъ кого зависишь, того и слушайся; хорошо будешь служить, будетъ и тебѣ хорошо, а отъ кого ты получаешь хорошее, тотъ и хорошій человѣкъ“. Если начальникъ награждалъ и отстаивалъ своихъ подчиненныхъ, онъ былъ хорошій начальникъ; а хорошій начальникъ, само собою разумѣется, былъ полезнымъ слугой отечеству; а если человѣкъ былъ полезнымъ слугой отечеству, то какъ же не думать о немъ съ почтеніемъ? Эти правила житейской мудрости нарушались тогдашними людьми лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ самимъ приходилось отъ кого нибудь получить обиду,—тогда обиженный начиналъ разсуждать о качествахъ обидѣвшаго и доходилъ до открытія въ немъ дурныхъ сторонъ, которыхъ иначе никакъ не замѣтилъ бы. Новиковъ, Радищевъ, еще, быть можетъ, нѣсколько человѣкъ, одни только имѣли тогда то, что называется нынѣ убѣжденіемъ или образомъ мыслей. Остальные жили, служили честно или нечестно, смотря по своей натурѣ, и не думали ни о чемъ, кромѣ того, что лично касалось ихъ. Конечно, тѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ честность въ личныхъ дѣлахъ, которая встрѣчалась нерѣдко и въ тѣ времена. Ничего особеннаго нѣтъ, если не бываетъ грабителемъ и низкимъ пройдохой человѣкъ въ нынѣшнее время, встрѣчающій вокругъ себя многихъ людей съ благороднымъ образомъ мыслей, находящій въ нихъ поддержку своимъ хорошимъ стремленіямъ; но въ прежнія времена, когда было такъ мало возможности развить въ себѣ сознательныя убѣжденія, честность даже въ личныхъ дѣлахъ была бы явленіемъ удивительнымъ, если бы мы не знали, что люди отъ природы имѣютъ влеченіе къ честности, и только слишкомъ неблагопріятныя обстоятельства подавляютъ это влеченіе, естественно сохраняющееся во всѣхъ, чья жизнь не развивалась уже подъ слишкомъ дурными вліяніями. Правда и то, что честность только въ личныхъ дѣлахъ, не сопровождаемая никакими опредѣленными понятіями объ общихъ вопросахъ народнаго блага, приноситъ слишкомъ мало пользы обществу.

Вотъ, напримѣръ, попробуйте отыскать въ „Запискахъ“ Энгельгардта что нибудь свидѣтельствующее о какой нибудь пользѣ, принесенной имъ хотя какому нибудь,

Digitized by Google

самому маленькому клочку общества, хотя какой нибудь ротѣ солдатъ—ничего подобнаго не найдете. Да и какъ было бы найти, когда очевидно онъ и не думалъ, что могутъ быть у офицера къ солдату какія нибудь обязанности, кромѣ обязанности быть исправнымъ командиромъ и держать въ исправности свою часть.

Но вѣдь мы все-таки почти еще и не начинали знакомить читателя съ содержаніемъ „Записокъ“ Энгельгардта. Впрочемъ дѣло это можно кончить скоро. Три четверти книги заняты воспоминаніями о военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ участвовалъ авторъ, и мы не полагаемъ, чтобы отыскалось въ этихъ подробностяхъ новое, сколько нибудь важное. Остальная четверть тоже почти вся посвящена дѣламъ, лично относившимся до автора, главнымъ образомъ до его службы, такъ же не представляющимъ ничего особеннаго. Затѣмъ остается нѣсколько эпизодовъ, составляющихъ вмѣстѣ страницъ 10 или 12, не совсѣмъ лишенныхъ интереса. Вотъ, напримѣръ, анекдоты о сновидѣніяхъ, являвшихся могилевскому губернатору Пассеку. Во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, въ 1780 г., императрица Екатерина II остановилась на недѣлю въ Могилевѣ, гдѣ была приготовлена ей великолѣпная встрѣча намѣстникомъ, графомъ Захаромъ Чернышевымъ; за цѣлый мѣсяцъ до прибытія государыни съѣхалось въ Могилевъ множество знатнаго и богатаго народа, занимавшагося, въ числѣ другихъ развлеченій, очень сильною карточною игрою. Послушайте же, какая удивительная вещь приключилась тутъ.

„Случилось въ то время странное видѣніе бывшему тогда губернатору Петру Богдановичу Пассеку; онъ былъ страстный игрокъ: въ одну ночь проигравъ тысячъ съ десять, сидѣлъ около трехъ часовъ у карточнаго стола и вздремнулъ, какъ вдругъ, очнувшись, сказалъ: attendez; приснился мнѣ сѣдой старикъ съ бородою, который говоритъ: „Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку 3,000, она тебѣ выиграетъ соника; загни пароли, она опять тебѣ выиграетъ соника; загни сетелева, и еще она выиграетъ соника“. Ба. да вотъ и тройка лежитъ на полу; идетъ 3,000. И точно она сряду выиграла три раза“.

Обращаюсь отъ таинственной сферы, въ которую возноситъ насъ этотъ разсказъ, къ житейскимъ дѣламъ, мы подъ 1782 годомъ встрѣчаемъ у Энгельгардта анекдотъ, который самъ по себѣ не важенъ, но показываетъ, какими авантюристами наполнялось тогда наше общество, вслѣдъ за западно-европейскимъ.

Сербу Зоричу, бывшему нѣкоторое время, по тогдашнему выраженію, въ случаѣ, было пожаловано мѣстечко Шкловъ (Могилевской губерніи), въ числѣ другихъ наградъ при увольненіи отъ его обязанностей. Онъ жилъ тамъ великолѣпно. и вокругъ него постоянно толпилась цѣлая масса всякаго сброда, знатнаго или ловкаго. Проѣзжая въ 1782 году по Могилевской губерніи, Потемкинъ остановился на сутки въ Шкловѣ. Тутъ явился къ свѣтлѣйшему князю еврей и объявилъ, что камердинеръ графовъ Зановичей, живущихъ у Зорича, выпускаетъ сторублевыя фальшивыя ассигнаціи. Уѣзжая изъ Шклова, Потемкинъ велѣлъ произвести объ этомъ слѣдствіе, „не щадя ни самого Зорича, если будетъ въ подозрѣніи“.

„Теперь я дѣлаю отступленіе, и скажу о жизни Зорича и о Шкловѣ. Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣю-

Digitized by Google

щіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы, французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки,—словомъ, всякій сбродъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но таковаго рода жизнь ввела его въ неоплатные долги.

„Въ числѣ живущихъ у него былъ турецкій князь Исланъ-Бей, второй сынъ сестры царствовавшаго султана; когда Зоричъ былъ въ плѣну, онъ съ нимъ былъ знакомъ и пользовался его благодѣяніями. Сей князь былъ воспитанъ тайно подъ чужимъ именемъ, ибо, по турецкимъ законамъ, сестра султана одного только можетъ имѣть въ живыхъ сына, а послѣдующихъ должна при рожденіи задушать. По материнской природной нѣжности мать сберегла его; когда же начали догадываться, что онъ близкій человѣкъ султану, тогда мать его отправила въ чужіе края, и онъ, бывъ во Франціи, данныя ему деньги всѣ прожилъ, а болѣе ему не присылали. Вспомнивъ свое знакомство съ Зоричемъ, пріѣхалъ въ Шкловъ просить взаимной помощи, въ чемъ ему и не было отказано. Онъ былъ прекрасивый и любезный человѣкъ, говорилъ хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; впослѣдствіи старшій братъ его умеръ, и султанъ, узнавъ о немъ, позволилъ ему возвратиться въ Константинополь. Многіе русскіе потомъ его тамъ видѣли и сказывали, что данъ ему чинъ подавать султану умываться. Я для того сказалъ о немъ, что можно ли было подозрѣвать кого либо, съ какимъ намѣреніемъ кто тамъ жилъ? Тѣмъ болѣе Зановичи могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они пріѣхали, какъ путешественники, познакомившись въ Парижѣ съ Неранчичемъ, роднымъ братомъ Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ; пріѣхали же имѣя паспорты, жили роскошно и вели большую банковую игру.

„По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму: для сего просиживали они съ нимъ, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ посредство учитель, бывшій въ корпусѣ, Сальморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Тоже послужило къ таковому невыгодному для него мнѣнію, что два карла мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось оттого, что они держали карты; а на большихъ играхъ, особливо когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

„Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшой изъ нихъ былъ іезуитомъ: по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить на счетъ ближнихъ разными оборотами; оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогащены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простячковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены, а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранчичемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ основаніе.

„Когда уговорили Зорича на ихъ предложеніе, то старшій остался въ Шкловѣ, а

Digitized by Google

меньшой уѣхалъ за-границу, подъ видомъ тамъ продать свое имѣніе и пріѣхать съ деньгами для заплаты долговъ Зорича; но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже пріѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привезти инструменты; онъ былъ за-границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возращеніи проживалъ съ полгода въ Шкловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя. Съ отъѣздомъ его свѣтлости въ Дубровну, меньшой Зановичъ съ Сальмораномъ отправились въ Москву.

„Отецъ мой послалъ одного кульера обогнать его и извѣстить главнокомандующаго въ Москвѣ, а другаго вслѣдъ для надзиранія за Зановичемъ.

„Предсѣдатель Малѣевъ, получивъ наставленія, съ земскою полиціею и губернскими драгунами отправился въ Шкловъ, ночью засталъ старшаго графа Зановича въ постели, отправилъ его за карауломъ въ Могилевъ, прямо въ губернское правленіе; квартиру его окружили карауломъ; также взяты Зоричевы карлы, а съ самого Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не сдѣлаетъ отвѣта на запросные пункты. На квартирѣ Зановича, по осмотрѣ, ничего подозрительнаго не оказалось; найдено тысячи двѣ рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколько вещей изъ дорогихъ каменьевъ. Камердинеръ его оказался его любовницею итальянкою, но она ничего не знала, ибо она только ночевала на квартирѣ, а въ прочее все время была въ домѣ у Зорича. Князь Исланъ-Бей былъ великій непріятель сихъ побродягъ, безпрестанно съ ними ссорился и неоднократно уговаривалъ Зорича, чтобы ихъ прогналъ.

„Въ допросѣ губернскаго правленія Зановичъ показалъ, что братъ его поѣхалъ чрезъ Москву въ С.-Петербургъ явить правительству вымѣненныя ассигнаціи за-границею отъ жидовъ за дешевую цѣну; но послѣ нашли въ его квартирѣ подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій; по открытіи чего онъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургъ. Зорича же совершенно оправилъ въ незнаніи фальшивыхъ ассигнацій.

„Меньшой Зановичъ схваченъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Стакнувшись съ братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по признаніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ шведовъ въ 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторыя услуги, за что по освобожденіи порта высланы за-границу.

„Въ Шкловѣ было множество бродягъ, такъ что ежели случалась нужда отыскивать какого нибудь сорванца, то государыня приказывала посмотрѣть, нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и иногда точно его тамъ находили“

Вотъ еще разсказъ о томъ, какъ тогдашніе вельможи изъ хвастовства своимъ богатствомъ кормили и поили, сами не знали кого:

„Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимаемаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разсказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ; а какъ оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ день у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сіятельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжалъ сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ, кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.“

Чрезъ нѣсколько страницъ мы находимъ анекдотъ о Фонъ-Визинѣ, который удавалось читать намъ гдѣ-то и прежде. Энгельгардтъ разсказываетъ, что Фонъ-Визинъ, „облагодѣтельствованный“ И. И. Шуваловымъ, „перекинулся“ къ По-

Digitized by Google

темкину, бывшему непріятелемъ Шувалову, „и въ удовольствіе его много остраго и смѣшнаго говаривалъ насчетъ бывшаго своего благодѣтеля“. Однажды Потемкинъ,—продолжаемъ словами Энгельгардта,—

„былъ въ досадѣ и сказалъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ: „какъ мнѣ надоѣли эти подлые люди“.—„Да на что же вы ихъ къ себѣ пускаете,“ отвѣчалъ Фонъ-Визинъ, велите имъ отказывать“. „Правда, сказалъ князь, завтра же я это сдѣлаю“. – На другой день Фонъ-Визинъ пріѣзжаетъ къ князю; швейцаръ ему докладываетъ, что князь не приказалъ его принимать. „Ты вѣрно ошибся, сказалъ Фонъ-Визинъ, ты меня принялъ за другаго“— „Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я васъ знаю и, именно, его свѣтлость приказалъ одного васъ только не пускать, по вашему же вчера совѣту“.

Мы очень были бы рады, если бы историки нашей литературы успѣли доказать неосновательность этого разсказа, какъ князю Вяземскому удалось доказать неосновательность слуха, будто бы Фонъ-Визинъ отплатилъ неблагодарностію Н. И. Панину. — По поводу смерти Потемкина, Энгельгардтъ разсказываетъ, какъ мы уже упоминали, нѣсколько анекдотовъ о капризахъ свѣтлѣйшаго князя. Между прочимъ, онъ сообщаетъ намъ фамилію знавшаго наизусть календарь чудака, котораго Потемкинъ вызвалъ къ себѣ за нѣсколько сотъ верстъ, чтобы удостовѣриться въ твердости его знанія; имя этого человѣка было—Спечинскій. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ, извѣстный менѣе другихъ.

„Однажды княгиня (Долгорукая) сказала, что любитъ цыганскую пляску. Князь Григорій Александровичъ узналъ, что бывшіе въ конногвардіи вахмистры два брата Кузьмины, выпущенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ за ними послать, и когда ихъ привезли, одѣли одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ сдѣланъ былъ для княгини сюрпризъ, и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузьминыхъ. Я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ“.

Кромѣ этихъ немногихъ анекдотовъ, которые, какъ видитъ читатель, не имѣютъ ровно никакой исторической важности, можно замѣтить еще развѣ слѣдующій случай, бывшій съ графомъ Ланжерономъ. Производя смотръ войскамъ въ Казани, императоръ Павелъ остался недоволенъ генераломъ Игельстромомъ, который былъ инспекторомъ ихъ, и сказалъ Ланжерону, что назначитъ его на мѣсто Игельстрома. Ланжеронъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этого мѣста по многимъ „резонамъ“. Государь, находившійся въ той же комнатѣ, приказалъ Нелидову подойти къ Ланжерону и спросить, какіе резоны заставляютъ его отказываться отъ повышенія.

„Графъ Ланжеронъ отвѣчалъ:—первый и послѣдній: Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ, и я не хочу, чтобы моимъ лицомъ человѣку, состарѣвшемуся въ службѣ его императорскому величеству, было сдѣлано таковое чувствительное огорченіе. Не успѣлъ онъ вымолвить, какъ государь подбѣжалъ къ нему, топнулъ ногой, и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню.

„Бывшіе тутъ не смѣли тронуться съ мѣста; Лассій сказалъ: „Ланжеронъ, что ты сдѣлалъ? Ты пропалъ.“—„Что дѣлать! Слова воротить не можно; ожидаю всякаго несчастія, но не раскаяваюсь; я Игельстрома чрезвычайно почитаю, онъ не разъ мнѣ дѣлалъ добро“.

„Черезъ полчаса времени, государь, вышедъ изъ спальни, подошелъ къ графу и, ударя его по плечу, сказалъ: „Langeron, vous êtes un bon enfant, toujours je me

souviendrai de votre généreux procédé“ (Ланжеронъ, вы добрый малый; всегда я буду помнить вашъ благородный поступокъ).

Вотъ мы извлекли изъ „Записокъ“ Энгельгардта едва ли не рѣшительно все, сколько нибудь заслуживавшее извлеченія, и количество извлеченнаго оказалось очень невелико, а историческое достоинство еще меньше. Какъ объяснить такую скудость воспоминаній, записанныхъ человѣкомъ, жившимъ очень долго, близко видѣвшимъ почти всѣхъ замѣчательныхъ людей своего времени? Конечно, много тутъ зависитъ отъ самаго отсутствія въ немъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ понятій: онъ какъ будто бы не зналъ, что̀ важно, что̀ не важно; не зналъ, что ему нужно наблюдать; не замѣчалъ и того, что могло быть замѣчено даже безъ внимательнаго наблюденія. Но этимъ еще нельзя объяснить всего факта. Неужели же, на самомъ дѣлѣ, не было замѣчено и слышано Энгельгардтомъ и не сохранилось въ его памяти ничего, кромѣ служебныхъ подробностей, свойственныхъ формулярнымъ спискамъ, и пяти-шести анекдотовъ, очень неважныхъ? Будьте, какъ хотите, невнимательны къ тому, что дѣлается около васъ, все-таки невольно вы увидите и услышите довольно много несовсѣмъ маловажнаго для исторіи, если много лѣтъ находитесь подлѣ историческихъ людей. Нѣтъ, отсутствіе мысли, которая руководила бы наблюдательностію, не единственная причина сухости и бѣдности записанныхъ Энгельгардтомъ воспоминаній: видно, что, при всей своей правдивости, онъ считалъ излишнимъ вспоминать многое изъ того, что видѣлъ. Официальность понятій о вещахъ и людяхъ, происходившая отъ недостатка опредѣленнаго образа мыслей, доходила въ немъ до того, что онъ считалъ пустымъ легкомысліемъ, вольнодумствомъ—говорить о вещахъ, не принадлежавшихъ къ сферѣ официальности. Только то, что дѣлалось на сценѣ, казалось ему достойнымъ вниманія; закулисныя приготовленія событій и самыя отношенія ихъ къ общественной жизни находилъ онъ пустяками, недостойными воспоминанія. Мы вовсе не думаемъ видѣть въ этомъ какую нибудь особенность Энгельгардта, за которую можно было бы хвалить или порицать лично его. Нѣтъ, именно потому и выставляемъ мы эту черту его, что она была господствующею чертою людей того времени. Если бы она казалась намъ личною принадлежностію Энгельгардта, мы не почли бы ее вещію, достойною вниманія: какое намъ дѣло до личныхъ особенностей человѣка, не пользовавшагося никакимъ вліяніемъ, не игравшаго никакой исторической роли? Но, будучи общимъ характеромъ цѣлыхъ поколѣній, характеръ, находимый нами въ Энгельгардтѣ, оказывается дѣломъ очень важнымъ: онъ служитъ кореннымъ объясненіемъ возможности такой исторіи, какую имѣемъ. Масса общества, однимъ изъ обыкновенныхъ людей котораго является Энгельгардтъ, была такъ же, какъ онъ, апатична и безразлична ко всему, отъ чего зависитъ судьба общества: она не разсуждала, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло о національныхъ предубѣжденіяхъ. Мы воевали съ прусаками; зачѣмъ и для чего воевали, объ этомъ никто не заботился, и знали только, что если мы воевали съ прусаками, то значитъ, что они наши враги. Обнаруженіе дружбы къ прусакамъ представилось нашимъ предкамъ измѣною, бѣдою, хотя ни измѣны, ни бѣды никакой тутъ не было; нарушалось только предубѣжденіе, не основанное ни на чемъ дѣльномъ. Но отъ этого нарушенія произошла перемѣна. А когда не нарушались предразсудки, могло дѣлаться все, что дѣлалось въ прошломъ вѣкѣ, и общество смотрѣло равнодушно, какъ будто не понимая, что дѣла эти касаются до него.

Digitized by Google

ПРЕДЛОЖЕНІЕ Г. ЗАКРЕВСКАГО ОТНОСИТЕЛЬНО ВИННАГО АКЦИЗА.

Уничтоженіе откуповъ, рѣшенное правительствомъ, могло бы возбуждать разные вопросы, столь несомнѣнно разрѣшающіеся въ теоріи, что едва-ли можно и назвать ихъ вопросами. Напримѣръ, не представляется ли эпоха измѣненія гражданскихъ отношеній почти половины народа удобнѣйшею эпохою и для реформъ въ системѣ налоговъ? Выгодно ли для государства, или даже въ частности для бюджета государственныхъ доходовъ, чтобы главнѣйшимъ источникомъ доходовъ былъ налогъ на вино? Какіе напитки представляются болѣе полезными для народнаго здоровья? Каковы способы, могущіе содѣйствовать замѣненію ими не столь полезныхъ или прямо вредныхъ напитковъ въ народномъ употребленіи?—Теоретическое разрѣшеніе такихъ вопросовъ не представляетъ, какъ мы замѣтили, никакого затрудненія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы знаемъ, что имъ не придается никакого практическаго значенія, и разсуждать о нихъ теперь — значило бы разсуждать только для собственнаго удовольствія. Мы знаемъ, что если хотимъ говорить что нибудь могущее представиться сколько нибудь практическимъ, то по поводу рѣшеннаго въ принципѣ уничтоженія откуповъ надобно заниматься вопросами совершенно иного рода, изъ которыхъ главный состоитъ въ томъ, какъ установить такой акцизъ на вино и такой способъ взиманія этого акциза, чтобы сумма, равная нынѣшнему доходу съ откуповъ, могла доставляться хлѣбнымъ виномъ съ наименьшимъ возможнымъ обремененіемъ народа.

Я получилъ отъ г. Закревскаго для напечатанія въ „Современникѣ" слѣдующую, весьма заслуживающую вниманія, записку объ этомъ предметѣ.

ЗАПИСКА Г. ЗАКРЕВСКАГО.

„Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что населенія губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привиллегированныхъ, вмѣстѣ съ населеніями казачьихъ земель, составляющія въ совокупности 57,000,000 душъ или 11,400,000 семействъ, считая 5 душъ на каждое, въ теченіе года потребляютъ вина до 54,000,000 ведръ, а съ перегарными градусами, отпускаемыми откупщикамъ изъ казенныхъ магазиновъ, и водками, выдѣлываемыми внутри государства, изъ винограда, фруктовъ, сахарныхъ и свеклосахарныхъ остатковъ, потребленіе спиртовой жидкости возрастаетъ [illegible] ведръ въ полугарѣ; если же присчитать сюда то вино, которое [illegible] акцизными откупщиками, и то, которое вывозится съ заводовъ [illegible] миссіонерствами тайно, ограничивъ количество этого [illegible]

Digitized by Google

процентовъ на все вышепоказанное число ведръ, въ такомъ случаѣ годовой расходъ вина доходитъ уже до 72,000,000 ведръ въ полугарѣ.

„Всѣмъ извѣстно, что въ кабакахъ продается слабое вино, не полными мѣрами, по цѣнамъ отъ 5 до 10 р. включительно за ведро; что такого рода продажа вторглась уже и въ предѣлы такъ называемыхъ вольныхъ шинковъ, посредствомъ снятія ихъ въ арендное содержаніе акцизными и чарочными откупщиками; и что хорошо очищенное вино, высшіе сорта водокъ, наливки и настойки продаются въ откупныхъ заведеніяхъ и въ ренсковыхъ погребахъ отъ 15 до 30 и болѣе рублей за ведро, а въ трактирахъ отъ 30 до 150 р. за ведро.

„Ослабленіе крѣпости вина примѣсью воды до 20—30 и даже болѣе градусовъ недогара по спиртометру Гесса; неполность разлива, доходящая въ мелкой посудѣ до $^2/_{10}$ у ведра; продажа: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа, и половины одной четверти штофа за половину своей цѣны, вмѣсто осьмушки штофа *), а также двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ за цѣну ведра **); далѣе рядъ продѣлокъ со стороны цаловальниковъ и повѣренныхъ, а именно: новый подливъ воды, обмѣры до половины, переборъ денегъ, обчеты и даже самое обкрадываніе покупателей при всякомъ удобномъ случаѣ,—суть факты, подлинность которыхъ легко можетъ быть провѣрена.

„Поэтому учетъ денегъ, расходуемыхъ населеніями за 72,000,000 ведръ полугара, надлежало бы основать на всѣхъ вышеприведенныхъ фактахъ, безъ уступки, для того, чтобъ суммою обращенныхъ въ деньги—произвола откупщиковъ и продѣлокъ ихъ служителей—опредѣлить степень значенія откупной системы и мѣру вліянія, оказываемаго ею на народную жизнь; но къ сожалѣнію, такой учетъ, уже по самому положенію откупныхъ дѣлъ, невозможенъ.

„А потому, и чтобы не возбудить недовѣрія къ излагаемому здѣсь дѣлу, допускаемъ, что ни сокрытія вина со стороны акцизныхъ откупщиковъ, ни тайнаго вывоза онаго съ заводовъ со стороны акцизно-откупныхъ коммиссіонерствъ не было, и что, слѣдовательно, годовой сбытъ этого вина не превышаетъ 60,000,000 ведръ; что всѣ суммы, слагающіяся отъ продажи питій какъ въ заведеніяхъ откупщиковъ, такъ равно въ погребахъ и трактирахъ—сверхъ 10 р за ведро, идутъ на уравненіе въ цѣнѣ того вина, которое отпускается на порціи нижнихъ чиновъ по 3 р., съ тѣмъ, которое продается въ откупахъ отъ 5 до 10 р. за ведро; и что всѣ дѣйствія откупщиковъ и ихъ служителей ограничиваются 20-ю только градусами пониженія крѣпости вина, неполностію разлива на $^1/_{10}$ у ведра и продажею: двухъ четвертей штофа за цѣну полуштофа, четырехъ четвертей штофа за цѣну штофа и одной половины четверти штофа за половину своей цѣны, вмѣсто осьмушки штофа, а также: двухъ штофовъ за цѣну четверти ведра, четырехъ штофовъ за цѣну полуведра и восьми штофовъ за цѣну ведра ***). Но при этомъ многоуступчивомъ ограниченіи, откупщики изъ 60,000,000 ведръ полугара дѣлаютъ спеціальной водки 75,000,000 ведръ, заливаютъ ею посуды 83,333,333 ведра, а продаютъ за 104,166,667 ведръ, считая ведро по 7 р. 50 к. ****), на сумму 781,250,000 р.

„Четверть ржаной муки 9-ти пудоваго вѣса, дающая двойнаго спирта до $4^1/_2$ ведръ, принимая въ разсчетъ десятилѣтнюю сложность рыночныхъ цѣнъ при всевозможныхъ урожаяхъ, стоитъ не дороже 2 р. 50 к.; но будемъ считать четверть хлѣба въ 3 р, а выходы спирта изъ четверти хлѣба въ 4 ведра или въ 8 ведръ полугара; слѣдовательно заводчики, продавая вино по 50 к. за ведро въ полугарѣ, имѣютъ отъ каждой четверти хлѣба по 1 р. сер., что составляетъ $33^1/_3$% на стоимость продукта,

*) Называемая закономъ четверть штофа, въ существѣ не четверть штофа, а пятая доля онаго.

**) Ведро содержитъ въ себѣ 10 штофовъ, между тѣмъ какъ посуду эту простой народъ считаетъ осьмухами, осьминами на томъ основаніи, что прежде ведро дѣлилось на 8-мь штофовъ.

***) Всѣ дѣйствія откупщиковъ по продажѣ вина приведены ими въ такую систему, которая ограждаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности по откупнымъ законамъ и въ случаяхъ даже разлада ихъ съ полицейскими властями, что впрочемъ бываетъ весьма рѣдко.

****) 7 р. 50 к. средняя цѣна между цѣнами отъ 5 до 10 р. за ведро включительно.

Digitized by Google

кромѣ барды. Этого, конечно, весьма достаточно для покрытія заводскихъ расходовъ и для вознагражденія самого заводчика.

„Для выкурки 60,000,000 ведръ полугара потребно хлѣба 7,500,000 четвертей.

„Поэтому изъ суммы годоваго расхода населеній 781,250,000 р. с. поступаетъ:

„Въ доходъ казны, какъ это видно изъ печатныхъ свѣдѣній .	108,000,000 р.
„Въ пользу винокуренія съ 7,500,000 четвертей хлѣба, по 1 р. съ каждой четверти	7,500,000 —
„Въ пользу земледѣлія за 7,500,000 четвертей хлѣба по 3 р.	22,500,000 —
А всего . .	138,000,000 р.

„Остальные затѣмъ 643,250,000 руб. поглощаются безполезными откупными расходами, безполезною арендною платою за шинки и безполезными прибылями откупщиковъ.

„Каждая четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 104 р. 16 к., что составляетъ 3,470% на стоимость продукта; на каждое семейство приходится въ годъ спиртовой жидкости въ полугарѣ $5^{263}/_{1000}$ ведра на 68 р. 53 к., а въ сутки $^{14}/_{1000}$ ведра на 19 к. — Тутъ и одному пить нечего. Слѣдовательно, довольствоваться виномъ недостаточному семейству (а ихъ огромное большинство) нѣтъ возможности; остается одно изъ двухъ: или вовсе не пить, или пьянствовать.

„Предположимъ теперь, что, вмѣсто настоящихъ откупныхъ системъ, на всѣ вышеозначенныя населенія была бы распространена система свободной торговли трехпробнымъ виномъ въ 30 градусовъ перегара по спиртометру Гесса, и что, на основаніи этой системы, акцизная пошлина, въ размѣрѣ 2 р. съ ведра въ полугарѣ, взималась бы при выпускѣ вина съ заводовъ; вино это развозилось бы свободно, безъ ярлыковъ; правительство было бы совершенно обезпечено, какъ въ правильномъ сборѣ акцизной пошлины, такъ и въ полномѣрной продажѣ вина безъ пониженія установленной крѣпости, такимъ строемъ порядка, который нисколько не противорѣчилъ бы принципу свободнаго винокуренія и свободной торговли виномъ *).

„Въ такомъ положеніи дѣла, покупка трехпробнаго вина изъ первыхъ рукъ съ акцизомъ, на основаніи вышеупомянутаго разсчета, обходилась бы потребителямъ и промышленникамъ въ 3 р. 25 к., за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, прибавляя въ этой цѣнѣ 30% на расходы по перевозкѣ товара и найму торговыхъ помѣщеній, 4 руб. 22½ к. за ведро.—Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что потребители и фабрикаторы разныхъ издѣлій изъ вина и спирта обращались бы за покупкою вина преимущественно на заводы, и стало быть большая часть онаго пріобрѣталась бы ими въ 3 р. 25 к. за ведро, а потому средняя продажная цѣна вину никакъ не превышала бы 3 р. 75 к. за ведро. Слѣдовательно, на сумму теперешняго расхода населеній 781,250,000 р. продавалось бы трехпробнаго вина 208.333.333 ведра, а въ полугарѣ 270,833,333 ведра, для котораго требовалось бы хлѣба 33,854.166 четвертей. Изъ выручаемой же за это вино суммы 781,250,000 р. поступало бы:

„Въ доходъ казны акциза съ 270,833,333 ведръ полугара, по 2 р. съ ведра	541,666,666 р. **)
„Въ доходъ земледѣлія за 33,854,166 четвертей хлѣба, считая каждую въ 3 р.	101,562,498 „ ***)
„Въ прибыль заводчиковъ и на расходы ихъ по винокуренію, считая по 1 р. съ четверти.	33,854,166 „ ****)

*) Подъ вліяніемъ вытекающей изъ свободной торговли конкурренціи, заводчики и винопромышленники монополировать продажныхъ цѣнъ на вино не могутъ; но отъ пониженія установленной крѣпости вина и продажи онаго не полными мѣрами, никакая конкурренція спасти не въ силахъ, потому что недостатокъ жидкости въ мелкомъ разливѣ на десять процентовъ и на столько же ослабленіе крѣпости вина, для какого бы то ни было опытнаго глаза и тонкаго вкуса, незамѣтны, между тѣмъ какъ подобная разница (не говоря уже о большей) составляетъ громадныя суммы.

**) Вмѣсто 108,000,000 р.

***) „ 22,500,000 „

****) „ 7,500,000 „

Digitized by Google

„Въ прибыль промышленниковъ и на расходы ихъ . . . 104.166,670 „

А всего . . 781,250,000 р.

„Четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 23 р. 8 к. вмѣсто 104 р. 16 к.; на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина въ годъ $18^{276}/_{1000}$ ведра, вмѣсто $5^{263}/_{1000}$ ведра полугара, а въ сутки одна обыкновенная бутылка въ двадцатую долю ведра, вмѣсто $^{14}/_{1000}$ долей ведра, за тѣ же деньги.

„Но, можетъ быть, несмотря на значительность уступокъ, сдѣланныхъ нами въ пользу откупщиковъ и ихъ служителей, станутъ отрицать правильность нашего учета, на томъ основаніи, что въ уцѣлѣвшихъ отъ откупной аренды вольныхъ шинкахъ привилегированныхъ губерній продается хорошее вино не дороже 1 р. 80 к. за ведро.

„Хотя число такихъ шинковъ, которые почему либо не вошли еще въ составъ общей откупной монополіи, до того ничтожно, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, едва ли составляютъ двадцатую долю вошедшихъ; и поэтому, производимая въ нихъ продажа вина доступными цѣнами не можетъ уменьшить итога вышеозначеннаго учета на столько, на сколько увеличился бы оный отъ обращенія въ деньги тѣхъ статей, которыя уступлены нами въ пользу откупныхъ дѣйствій; но чтобъ не дать повода и къ подобнымъ возраженіямъ, мы рѣшаемся еще на одну огромную уступку, а именно на уступку 481,250,000 р. изъ суммы учтеннаго нами расхода 781,250,000 р. и, слѣдовательно, допускаемъ, что ни откупщики, ни ихъ служители, воды въ вино нисколько не подливаютъ, розливъ производятъ самый правильный, двухъ четвертей штофа по цѣнѣ полуштофа и двухъ штофовъ по цѣнѣ четверти ведра не отпускаютъ; словомъ, продаютъ вино въ законной крѣпости, законными мѣрами и не дороже 5 р. за ведро, стало быть и законными цѣнами, потому что установленная на улучшенный полугаръ цѣна, въ 4 р 50 к. за ведро, съ укупоркою достигаетъ 5 р. **); но и въ такомъ случаѣ изъ выручаемыхъ за 60,000,000 ведръ 300,000.000 р. денегъ, только 138,000,000 р., а именно: доходъ казны, покупка хлѣба для винокуренія и заводское производство, составляютъ предметъ необходимаго расхода, а остальные затѣмъ 162,000,000 р. теряются безполезно.

„На этотъ разъ четверть хлѣба, обращенная въ вино, обходится населеніямъ въ 40 р.; на каждое семейство приходится въ годъ вина $5^{263}/_{1000}$ ведра, на 26 р. $31^{1}/_{2}$ к., а въ сутки $^{14}/_{1000}$ ведра, на $7^{1}/_{4}$ к.

„Но если бы, при годовомъ расходѣ населеній въ 300,000,000 р. у насъ, вмѣсто откуповъ, существовала такая же система свободной торговли виномъ, какую привели мы прежде, при расходѣ этихъ населеній въ 781,2500,000 р., съ тою только разницею, что размѣръ акциза не превышалъ бы 50 к. съ ведра въ полугарѣ, то трехпробное вино, судя по цѣнамъ на хлѣбъ, продавалось бы изъ первыхъ рукъ не дороже 1 р. 30 к. за ведро, а изъ рукъ промышленниковъ, съ прибавленіемъ 30%, не дороже 1 р. 70 к., такъ что средняя продажная цѣна на это вино ни въ какомъ случаѣ не превышала бы 1 р. 50 к. за ведро; слѣдовательно, трехпробнаго вина продавалось бы 200,000,000 ведръ, для котораго требовалось бы хлѣба 32,500,000 четвертей, а изъ выручаемыхъ за вино въ теченіе года денегъ 300,000,000 р. поступало бы въ доходъ казны 130,000,000 р., вмѣсто 108,000,000 р.; въ пользу земледѣльцевъ за хлѣбъ 97,500,000 р., вмѣсто 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ и на расходы ихъ по винокуренію 32,500.000 р., вмѣсто 7,500,000 р.; въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ 40,000,000 р, вмѣсто 162,000,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ; четверть хлѣба обращенная въ вино, обходилась бы населеніямъ въ 9 р. 23 к., вмѣсто 40 р.; на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина $17^{143}/_{1200}$ ведра, вмѣсто $5^{263}/_{1000}$ ведра полугара, а въ сутки почти полная бутылка, вмѣсто $^{14}/_{1000}$ долей ведра, за одну и ту же сумму расхода.

---

*) Вмѣсто 643,250,000 р., поглощаемыхъ откупными расходами, арендною платою за шинки и прибылями откупщиковъ.

**) Всякое ведро вина, принятое откупщиками Великорусскихъ губерній изъ казны въ порцію, обходится имъ съ платежемъ акцизной суммы 5 р. 45 к. безъ откупныхъ расходовъ

„Здѣсь довольство народа очевидно, а поводовъ къ пьянству вовсе нѣтъ: и полная бутылка хорошаго вина въ $7^1/_2$ к. за столомъ семейства труженика, въ теченіе дня, конечно, израсходовалась бы, частію въ обыкновенномъ видѣ, частію же въ видѣ домашней наливки или настойки, не съ вредомъ для нравственности, а съ пользою для жизни и здоровья всѣхъ членовъ этого семейства. Кромѣ того, вино необходимо для порціи войскъ, для дѣланія: лака, политуры, уксуса, освѣтительнаго газа, гофманскихъ капель, одеколона, духовъ и проч.; оно нужно: аптекамъ, больницамъ, химическимъ лабораторіямъ, фотографическимъ заведеніямъ, сахарнымъ заводчикамъ и на разное домашнее употребленіе; въ немъ неизбѣжны: усышка, утечка, дорожная трата; оно теряется при очисткѣ чрезъ песокъ и уголь и угораетъ при перегонкѣ на спиртъ, нужный для дѣланія высшихъ сортовъ водокъ и другихъ издѣлій.

„Если бы система свободной торговли виномъ, при акцизѣ въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, была распространена, кромѣ вышеозначенныхъ населеній, на Закавказскій край, Остзейскія губерніи и на округа сибирскихъ киргизовъ, въ такомъ случаѣ, на 60,000,000 всѣхъ жителей, составляющихъ 12,000,000 семействъ, полагая въ сутки по одной бутылкѣ, потребовалось бы вина 219,000,000 ведръ въ годъ, да на порцію войскамъ, лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія издѣлія, съ неизбѣжными тратами, хоть 21,000,000 ведръ, а всего 240,000,000 ведръ трехпробнаго вина; въ полугарѣ же 312,000,000 ведръ, для котораго расходовалось бы хлѣба 39,000,000 четвертей, а изъ выручаемой за вино въ теченіе года суммы 360,000,000 р. обращалось бы:

„Въ доходъ казны: акцизной пошлины съ 312,000,000 ведръ полугара по 50 к.	156,000,000 р.
„Въ доходъ земледѣлія за 39 мил. четвертей, хлѣба, считая каждую въ 3 р.	117,000,000 „
„Въ пользу винокуренія, съ 39,000,000 четвертей, считая по 1 р. съ каждой четверти хлѣба.	39,000,000 „
„Въ пользу промышленниковъ и на расходы ихъ	48,000,000 „
А всего . . .	360,000,000 р.

„Но допустимъ, что годовой сбытъ трехпробнаго вина по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, будетъ ограничиваться количествомъ 200,000,000 ведръ *), а денежный расходъ на покупку этого вина суммою въ 300,000,000 р.; въ такомъ случаѣ доходъ казны отъ одного вина, не касаясь пива и меда, будетъ составлять 130,000,000 р.; сбытъ хлѣба внутри страны, собственно для винокуренія, разовьется до 32,500,000 четвертей; оборотъ денежныхъ суммъ сосредоточится на винокуренныхъ заводахъ, съ акцизомъ до 260,000,000 р. а польза промышленниковъ, съ ихъ расходами, дойдетъ до 40,000,000 р. Вина будетъ приходиться на каждое семейство собственно для питья, 15 ведръ, а денежнаго расхода 22 р. 50 к. въ годъ или $6^1/_6$ к. въ сутки.

„Установленіе акцизной пошлины въ размѣрѣ, превышающемъ 50 к. съ верда въ полугарѣ, при настоящемъ быту населеній нашихъ, вошло бы въ несогласіе съ законами экономіи; постепенное же возвышеніе этой пошлины, по мѣрѣ улучшенія народной жизни въ степени, не уменьшающей сбыта вина, было бы дѣломъ глубокаго и плодотворнаго разсчета.

„Никто не сомнѣвается, что допущеніе свободной торговли виномъ при условіяхъ, недопускающихъ злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и устраняющихъ возможность пониженія крѣпости вина и неполномѣрности при продажѣ онаго, необъяснимо полезно; но безъ этихъ условій, реформа въ дѣлѣ питейныхъ откуповъ будетъ, въ отношеніи казны, не лучше настоящей откупной системы.

„Единственно-возможное средство къ положительному устраненію злоупотребленій по сбору акцизной пошлины и огражденію вина отъ пониженія установленной крѣ-

*) Изъ 200,000,000 ведръ, 180,000,000 ведръ предполагается на расходъ для питья, а остальныя 20,000,000 ведръ для порціи войскъ, на дѣланіе лака, политуры, освѣтительнаго газа и на всѣ другіе расходы.

Digitized by Google

пости и обмѣровъ при продажѣ онаго, заключается лишь въ такомъ виномѣрномъ снарядѣ, который, въ примѣненіи своемъ къ винокуренному заводу, показывалъ бы во всякое время: сколько выкурено вина или спирта и въ какой крѣпости; а въ примѣненіи къ продажѣ вина не допускалъ бы ни обмѣровъ, ни отпусковъ онаго, ниже установленной крѣпости.

„Изобрѣтенный купцомъ Закревскимъ снарядъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ вышеобъясненнымъ условіямъ. Основанная на этомъ снарядѣ система свободной торговли виномъ, съ неограниченнымъ числомъ мѣстъ продажи онаго и возможно-дешевымъ правомъ на винопромышленность, будетъ до того правильна и по послѣдствіямъ своимъ благотворна, что примѣру ея станутъ охотно слѣдовать и другія просвѣщенныя правительства.

„Опытъ надъ снарядомъ Закревскаго можетъ быть произведенъ здѣсь въ С.-Петербургѣ: въ отношеніи контроля винокуренія, на одномъ изъ водочныхъ заводовъ; а въ отношеніи продажи вина, въ одномъ изъ питейныхъ домовъ.

„Благонамѣренные изъ капиталистовъ, сочувствуя дѣлу свободной торговли трехпробнымъ виномъ, изъявляютъ готовность свою застраховать акцизный доходъ казны, въ мѣрѣ нынѣшняго дохода ея отъ откуповъ, за весьма умѣренную премію, если вмѣстѣ съ распространеніемъ этой торговли по всей имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, установлена будетъ норма акцизной пошлины не менѣе 50 к. съ ведра въ полугарѣ; а для контроля винокуренныхъ заводовъ и огражденія самой продажи вина отъ обмѣровъ и пониженія установленной крѣпости, приняты будутъ настолько дѣйствительныя мѣры, на сколько представляетъ въ этомъ ручательства снарядъ Закревскаго, хотя бы въ такомъ случаѣ правительству угодно было производить сборъ акциза посредствомъ своихъ чиновниковъ.

„*Примѣчаніе.* Такого рода способъ застрахованія акцизнаго дохода предполагается въ томъ только предположеніи, что, можетъ быть, правительство не пожелаетъ на первый разъ принять на себя всѣ послѣдствія этого новаго дѣла, не сдѣлавши предварительно основательнаго опыта, а не потому, что застрахованіе необходимо: оно, кромѣ этого случая, при учетѣ заводовъ и продажѣ вина посредствомъ означенныхъ снарядовъ, безнужно.

„Назначеніе акцизной пошлины съ пива и меда, вывариваемыхъ на заводахъ —въ размѣрѣ 20 к съ ведра; съ вывариваемыхъ же домашнимъ образомъ—въ размѣрѣ 10 к. съ ведра, и отдача права сбора этой пошлины, на первый разъ, съ торговъ по городамъ, принесетъ казнѣ новый, весьма значительный доходъ; а свободное пиво и медовареніе и свободная торговля этими напитками будутъ въ свою очередь способствовать развитію сельскаго хозяйства и промышленности.

„P. S. Въ доказательство несостоятельности нынѣ дѣйствующихъ откупныхъ системъ, допустимъ еще то предположеніе, что вышеозначенное количество вина 60,000,000 ведръ въ полугарѣ, расходуемое между населеніями губерній Великороссійскихъ, Ставропольской, Сибирскихъ и привилегированныхъ и въ землѣ казачьихъ войскъ, продается уже не по 5, а только по 4 р. за ведро; что поэтому денегъ въ теченіе года для покупки вина издерживается всего только 240,000,000 р., что, независимо отъ этого, Закавказскій край, Остзейскія губерніи и округа Сибирскихъ киргизовъ расходуютъ денегъ на тотъ же предметъ не болѣе 10,000,000 р. въ годъ; и что, слѣдовательно, весь расходъ населеній цѣлой имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, ограничивается суммою въ 250,000,000 р.

„Но и въ такомъ случаѣ на эту сумму 250,000,000 р., при свободной торговлѣ трехпробнымъ виномъ, съ пошлиною въ 50 к. съ ведра въ полугарѣ, расходовалось бы трехпробнаго вина 166,666.667 ведръ, а въ полугарѣ 216,666,667 ведръ, для выкурки котораго требовалось бы хлѣба 27,083,333 четверти.

„Слѣдовательно, изъ вырученной за это вино въ теченіе года суммы 250,000,000 р. поступало бы: въ доходъ казны акцизной пошлины, не касаясь ни пива, ни портера, ни меда, ни браги, ни сусла, ни медоваго кваса, ни лака съ политурой, ни патентнаго сбора, ни погребщиковъ съ трактирщиками, 108,333,333 р. 50 к., стало быть, не менѣе того ея дохода, который поступаетъ нынѣ съ откуповъ; въ пользу землѣд-

Digitized by Google

лія за хлѣбъ 81,250,000 р., вмѣсто теперешнихъ 22,500,000 р.; въ пользу заводчиковъ 27,083,333 р., вмѣсто тенерешнихъ 7,500,000 р.; въ пользу винопромышленниковъ 33.333,333 р. 50 к., вмѣсто теперешняго милліарда (если все считать по фактамъ), поглощаемаго безполезными откупными расходами, безполезною арендною платою за шинки и безполезными прибылями откупщиковъ.

„Предполагая, что изъ означенныхъ 166,666,667 ведръ, собственно для питья расходовалось бы 150,000,000 ведръ, а остальные 16,666,667 ведръ употребились бы на лакъ, политуру, уксусъ и на всѣ другія потребности,—на каждое семейство приходилось бы трехпробнаго вина для питья въ годъ $12^1/_2$ ведръ на 18 р. 75 к., а въ сутки $^2/_3$ бутылки на 5 копѣекъ.

„И при всемъ этомъ, пагубнаго по своимъ послѣдствіямъ корчемства, конечно, не было бы; а погребщики и хозяева трактирныхъ заведеній, свободные отъ откупнаго гнета, не продавали бы такъ дорого предметовъ своего промысла".

Передавая мнѣ свою записку, г. Закревскій выразилъ согласіе на то, чтобы я, если найду нужнымъ, тутъ же выразилъ и свое мнѣніе о ней. Пользуюсь этимъ правомъ. Читатель видитъ, что въ запискѣ г. Закревскаго находятся двѣ главныя мысли. Во-первыхъ, доказательство, что доходы, получаемые нынѣ казною отъ винной продажи, могутъ быть при уничтоженіи откуповъ доставлены акцизомъ несравненно меньшаго размѣра, чѣмъ какой предполагается нужнымъ для этой цѣли большею частью людей, занимавшихся вопросомъ о сохраненіи нынѣшняго дохода отъ вина казнѣ съ уничтоженіемъ откуповъ. Во-вторыхъ, г. Закревскій предлагаетъ техническое средство, предотвращающее, по его убѣжденію, всякую возможность отнять у казны часть акцизнаго сбора утайкою въ количествѣ проданнаго вина или обманомъ въ крѣпости вина.

Въ первой мысли надобно согласиться съ авторомъ напечатанной нами записки, и дѣлая свои замѣчанія на нее, мы имѣемъ цѣлью только разъясненіе выводовъ, представляемыхъ г. Закревскимъ.

Онъ начинаетъ тѣмъ, что, основываясь на оффиціальныхъ данныхъ о количествѣ потребляемаго вина и на извѣстныхъ оборотахъ, употребляемыхъ агентами откуповъ при его продажѣ, вычисляетъ, какую массу денегъ стремится откупъ взять съ народа за продаваемое вино. Цифра выходитъ изумительная, — болѣе 780,000.000 рублей серебромъ. Конечно, не слѣдуетъ понимать слова г. Закревскаго такъ, что продавцы вина при откупной системѣ получаютъ въ дѣйствительности такую сумму за вино, — она по всей вѣроятности далеко превышаетъ собою то количество денегъ, какое въ состояніи заплатить народъ. Она только опредѣляетъ собою размѣръ стремленій откупа; а въ какой степени достигаются эти стремленія, зависитъ уже просто отъ матеріальной возможности народа удовлетворить имъ. Если народъ въ силахъ заплатить за вино только 400 милліоновъ, откупъ получитъ 400 милл.; если народъ не въ силахъ заплатить и этого, а имѣетъ въ своихъ рукахъ лишь 350 милліоновъ,—откупъ возьметъ 350 милл.; но если народъ имѣетъ силу выплатить не 350, не 400, а 500 или 550 милл., откупъ получитъ 500 или 550 милліоновъ; получитъ и больше, если народъ можетъ заплатить больше; словомъ сказать: полученіе денегъ до суммы 780 милліоновъ за продажу вина ограничивается только средствами уплаты со стороны народа, а не недостаткомъ права откупа брать ихъ. При существующихъ откупныхъ прі[illegible] народъ подлежитъ требованію со стороны откупа въ 780 милліоновъ; [illegible]

Digitized by Google

беретъ меньше, это лишь значитъ, что должникъ его за продаваемое вино, народъ, не имѣетъ въ данное время средствъ заплатить болѣе, и каждое увеличеніе народныхъ средствъ ведетъ только къ увеличенію суммы, получаемой съ него откупомъ.

Но сколько же денегъ берется съ народа откупомъ при нынѣшней невозможности народа уплатить всю сумму, до какой можетъ простираться требованіе откупа въ полномъ своемъ развитіи? Откупъ не получаетъ всего, чего требуетъ по своей натурѣ; но сколько же получаетъ онъ? Точной цифры нельзя тутъ опредѣлить, потому что она могла бы оказаться лишь изъ вѣрныхъ показаній всѣхъ откупщиковъ о количествѣ получаемыхъ ими за вино денегъ, а давать такія показанія было бы противно ихъ интересу. Они никакъ не захотятъ открыть свои счеты. Но еслибъ они и захотѣли, мы все таки узнали бы не всю сумму, какую платитъ народъ за вино, а лишь ту часть этой суммы, которая доходитъ въ руки откупщиковъ; между тѣмъ сверхъ этой части есть другая часть, не доходящая до ихъ рукъ. Агенты откупщиковъ утаиваютъ отъ нихъ часть денегъ, выручаемыхъ продажею вина; каждый кабакъ есть нѣчто въ родѣ аренды, и откупщикъ знаетъ только, сколько платится ему за аренду, но не знаетъ въ точности, сколько получаетъ арендаторъ, — сидѣлецъ кабака. Опредѣлить все количество денегъ, дѣйствительно выплачиваемыхъ народомъ за вино, никто не въ состояніи. За то, по крайней мѣрѣ, можно найдти цифру, о которой каждый скажетъ, что она необходимо должна быть гораздо меньше всей суммы, платимой народомъ за вино. Г. Закревскій находитъ, что по самымъ откупнымъ условіямъ откупъ продаетъ 60 милліоновъ ведръ вина (по переложенію разныхъ сортовъ вина въ полугаръ); по самымъ откупнымъ условіямъ ведро полугара до истощенія пропорціи 60 милл. ведръ не можетъ продаваться дешевле 5 р. сер.; это составляетъ 300 милл. руб. серебромъ. Такова была бы сумма, платимая народомъ за вино, еслибы откупъ продавалъ его не болѣе 60 милл. ведръ, еслибъ онъ продавалъ ведро полугара не выше 5 руб. сер. и еслибъ не употреблялись при продажѣ никакіе способы получить за проданное количество вина больше денегъ, чѣмъ приходилось бы получить по объявленной цѣнѣ. Но каждому извѣстно, что откупъ продаетъ вина больше пропорціи, оказывающейся по откупнымъ условіямъ, что продажная цѣна ведра полугара бываетъ объявляема выше 5 рублей и что наконецъ разными средствами, изъ которыхъ главныя—недомѣръ и пониженіе крѣпости, агенты откупа успѣваютъ получить за ведро вина сумму больше той, какая объявлена продажною цѣною его. Такимъ образомъ необходимо должно быть, что за вино берется у народа больше той суммы, какая выходила бы изъ продажи только 60 милл. ведръ полугара, только по 5 р. за ведро и безъ всякой фальши при продажѣ. 300 милліоновъ р. сер.—такая цифра, которая несомнѣнно меньше суммы, дѣйствительно платимой народомъ за вино.

При невозможности открыть истинную величину суммы, употребляемой народомъ на покупку вина, г. Закревскій основываетъ свои дальнѣйшіе разсчеты на этомъ количествѣ 300 милл. руб. сер., которое, какъ для всякаго очевидно, меньше истинной цифры. Онъ находитъ, что даже и эта сумма, меньшая дѣйствительной суммы, уже даетъ полную возможность казнѣ получить отъ продажи вина доходъ не меньшій или, вѣрнѣе сказать, большій нынѣшняго, при обложеніи вина акцизомъ, несравненно меньшимъ не только акциза, платимаго нынѣ откупщиками съ ведра, но и тѣхъ нормъ акциза, какія предполагались или предполагаются почти

Digitized by Google

всѣми другими лицами, занимавшимися вопросомъ о винномъ акцизѣ. Читателю извѣстно, что многія изъ этихъ лицъ считаютъ для сохранія нынѣшняго дохода казны необходимымъ установить акцизъ не меньше 2 р. сер. съ ведра полугара; многіе находятъ, что и эта цифра еще слишкомъ мала для гарантированія нынѣшняго дохода, что онъ будетъ обезпеченъ только акцизомъ въ 2 р. 50 к. Сколько мы знаемъ, никто изъ писавшихъ о винномъ акцизѣ не считалъ возможнымъ предложить цифру, меньшую одного рубля сер.—одинъ рубль, ниже этого не отваживались спускать акцизъ даже писатели, наиболѣе желавшіе установленія цѣны вина, какъ можно менѣе высокой. Г. Закревскій находитъ, что для обезпеченія казнѣ нынѣшняго дохода отъ винной продажи или, вѣрнѣе говоря, дохода, довольно много превышающаго нынѣшній, достаточенъ акцизъ въ 50 к. сер. съ ведра полугара.

Мы не будемъ слѣдовать за нимъ въ разсчетахъ, на которыхъ основана у него цифра акциза именно въ 50 к. сер. Тутъ можно сказать многое и за и противъ. Первымъ возраженіемъ въ мысли каждаго должно представиться, что г. Закревскій выводитъ свою цифру акциза въ соотвѣтственности съ среднею цѣною хлѣба по сложности послѣднихъ десяти лѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предполагаетъ (какъ и на самомъ дѣлѣ должно быть), что съ громаднымъ пониженіемъ цѣны вина при акцизѣ, имъ предлагаемомъ, потребленіе вина очень значительно увеличится, т. е. очень значительно увеличится и количество хлѣба, требуемаго заводами на выдѣлку вина; естественно раждается мысль, что при громадномъ увеличеніи запроса на хлѣбъ для винокуренія (до 20 или 30 мил. четвертей сверхъ нынѣшняго запроса) значительно поднимется цѣна хлѣба. А если поднимется цѣна хлѣба, то и заводчики не будутъ въ состояніи поставлять вино по цѣнѣ, нынѣ для нихъ выгодной; слѣдовательно, при данномъ акцизѣ цѣна вина будетъ выше предполагаемой г. Закревскимъ; а если такъ, то на сумму, какую по его разсчету платитъ народъ за вино, будетъ куплено меньше ведръ, чѣмъ предполагаетъ г. Закревскій; стало быть, для сохраненія данной цифры казеннаго дохода окажется необходимымъ акцизъ выше предполагаемаго г. Закревскимъ. Такое заключеніе съ перваго же взгляда будетъ сдѣлано каждымъ: но нельзя сказать, чтобы оно имѣло безспорную несомнѣнность. Во-первыхъ, можно спорить даже противъ того, что цѣна хлѣба значительно поднимется отъ увеличенія запроса его на винокуреніе. Есть у насъ очень много мѣстностей, которыя безъ увеличенія нынѣ существующей въ нихъ цѣны легко станутъ производить количество хлѣба, несравненно большее нынѣшняго, лишь бы нашелся сбытъ ему,—мѣстностей, которыя задерживаются въ увеличеніи своего хлѣбнаго производства не невозможностію производить больше хлѣба по нынѣшнимъ цѣнамъ, а просто лишь невозможностію сбыть увеличенное количество хлѣба по какимъ бы то ни было цѣнамъ. На этомъ основаніи можно думать, что цѣна хлѣба въ сложности для всей Россіи возрасла бы далеко не въ такой значительной степени, какъ увеличился бы запросъ на него для винокуренія. Г. Закревскій можетъ сказать, что уже сдѣлалъ слишкомъ достаточное удовлетвореніе этому предполагаемому возвышенію цѣны хлѣба, принявъ за основаніе своихъ разсчетовъ цѣну четверти ржи—3 р. с., вмѣсто получаемой по десятилѣтней сложности дѣйствительной цѣны—2 р. 50 к. Представляются и другія соображенія. Г. Закревскій основываетъ разсчетъ на выдѣлкѣ вина изъ ржи; но рожь самый дорогой изъ матеріаловъ винокуренія; при выдѣлкѣ вина изъ карто-

Digitized by Google

феля оно обходится дешевле. Увеличить воздѣлываніе картофеля очень легко безъ повышенія цѣны этого матеріала.

Но главное дѣло въ томъ, что если и принять въ полной силѣ возраженіе, основанное на вѣроятномъ повышеніи цѣны хлѣба при увеличившемся запросѣ на него для выдѣлки вина, выводы г. Закревскаго ни мало не поколеблются. Въ самомъ дѣлѣ, онъ опредѣляетъ продажную цѣну вина такой высоты, которая допускаетъ очень большое возвышеніе цѣны хлѣба, и точно такъ же достаточна для покрытія излишка расходовъ заводчика на тотъ случай, если бы сказали мы, что у г. Закревскаго принятъ чрезмѣрно большой выходъ по 8 ведръ полугара изъ одной четверти ржи. Сущность вопроса для выводовъ г. Закревскаго о количествѣ ведръ вина, съ какого будетъ собираться акцизъ, зависитъ непосредственнымъ образомъ отъ продажной цѣны вина, а онъ считаетъ ее на заводѣ въ 1 р. 30 к. сер. за ведро полугара съ акцизомъ въ 50 к. сер., то есть въ 80 к. сер. за ведро полугара при вычетѣ акциза. Нѣтъ сомнѣнія, что въ большей части Европейской Россіи ведро полугара будетъ обходиться заводчикамъ дешевле 80 к., даже при значительномъ повышеніи цѣнъ хлѣба противъ среднихъ нынѣшнихъ. А при свободной продажѣ вина и свободѣ винокуренія, конечно винокуреніе сосредоточилось бы главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна хлѣба низка. Такимъ образомъ, хотя бы мы и положили выходъ вина, значительно меньшій противъ полагаемаго г. Закревскимъ, а цѣну хлѣба значительно выше противъ принимаемой имъ, мы все-таки должны сказать, что при акцизѣ 50 к. заводчики будутъ продавать вино не выше 1 р. 30 к., а для выводовъ г. Закревскаго только и нужно согласіе на эту цифру.

Наконецъ, еслибъ мы и нашли стоимость ведра полугара менѣе 80 к. безъ акциза для заводчика слишкомъ малою,—чего мы не имѣемъ основаній думать,—все-таки какую бы другую цифру этой стоимости ни захотѣли мы предположить, никакое правдоподобное возвышеніе ея не будетъ имѣть чувствительнаго вліянія на количество продаваемаго вина. Никто не захочетъ сказать, что можно ожидать стоимости ведра полугара безъ акциза заводчику въ 1 р.,—такая стоимость невѣроятна по чрезмѣрной высотѣ. Но и при этой цѣнѣ вино, по оплатѣ акциза, предлагаемаго г. Закревскимъ, стало бы продаваться изъ первыхъ рукъ только по 1 р. 50 к. с. А при такой цѣнѣ продаваемое количество не было бы чувствительнымъ образомъ меньше количества, какое продавалось бы при цѣнѣ 1 р. 30 к., предполагаемой г. Закревскимъ. Высшая цѣна, 1 р. 50 к., все-таки была бы еще такъ легка, что не отозвалась бы сколько нибудь замѣтнымъ сокращеніемъ потребленія, соразмѣрнаго дѣйствительной потребности.

Но совершенно иной вопросъ, могла ли бы дѣйствительная потребность въ винѣ, при какой бы то ни было низкой цѣнѣ его, достигать размѣра, нужнаго для того, чтобы сохранился нынѣшній доходъ казны при величинѣ акциза только въ 50 к. Винный доходъ казны составляетъ нынѣ около 1 р. 75 к. съ каждаго человѣка всего населенія (при 60 милл. населенія больше 100 милл. рублей). Итакъ, при акцизѣ въ 50 к. нужно было бы потребленіе въ $3^1/_2$ ведра на каждаго жителя,—цифра, вѣроятно, въ два раза большая нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія (по офиціальнымъ даннымъ, составленнымъ на основаніи количества, продаваемаго откупщиками извѣстнымъ казнѣ образомъ, потребленіе вина оказывается даже только около 1 ведра на человѣка; но и правительству и каждому изъ насъ

Digitized by Google

извѣстно, что въ дѣйствительности откупъ продаетъ гораздо большее число ведръ, чѣмъ показываетъ). При пониженіи цѣны, столь громадномъ, какъ предполагаетъ г. Закревскій, конечно должно въ огромной пропорціи увеличиться количество продаваемаго вина; но увеличится ли оно вдвое, какъ нужно по разсчету г. Закревскаго, это сказать трудно. Если надо уже произносить рѣшеніе на основаніи однихъ только соображеній, при отсутствіи положительныхъ основаній, то скорѣе можно сказать „нѣтъ", чѣмъ „да". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что увеличеніе будетъ значительное, но едва ли дойдетъ оно до $3^1/_2$ ведръ на человѣка.

Впрочемъ, опять-таки мало важности въ томъ, вѣроятна или не вѣроятна именно та цифра потребленія вина, какую предполагаетъ г. Закревскій. Уменьшайте ее до какихъ угодно предѣловъ, все-таки вы получите выводъ, что для сохраненія казнѣ нынѣшняго дохода достаточенъ акцизъ, не многимъ превышающій величину акциза, предлагаемую авторомъ записки. Вина теперь продается безъ всякаго сомнѣнія до 100 милліоновъ ведръ, а по всей вѣроятности больше. Стало быть, если бы отъ пониженія цѣны вовсе не увеличилось потребленіе вина, былъ бы достаточенъ для сохраненія дохода казны акцизъ въ 1 руб. сер. Но даже при цѣнѣ около 2 р. за ведро, какая была бы при акцизѣ въ 1 р., потребленіе стало бы гораздо больше нынѣшняго, значитъ такой акцизъ не необходимъ, и можно удовольствоваться акцизомъ меньшаго размѣра. Быть можетъ 50 коп. съ ведра мало для сохраненія казеннаго дохода, быть можетъ нуженъ для этого акцизъ въ 70 или 75 коп., но во всякомъ случаѣ достаточенъ акцизъ, гораздо меньшій 1 р. сер., который понадобился бы лишь въ предположеніи, что продажа вина не увеличится при огромномъ пониженіи его цѣны, то есть при предположеніи явно неосновательномъ.

Намъ кажется, что нельзя съ точностію опредѣлить, на сколько ниже 80 или 75 коп. можетъ стать акцизъ при сохраненіи нынѣшняго дохода казны; но вѣроятно онъ можетъ спуститься ниже этихъ цифръ. Если казна не должна рисковать ничѣмъ въ этомъ случаѣ и если съ тѣмъ вмѣстѣ она не хочетъ увеличивать нынѣшняго своего дохода отъ налога на предметъ первой необходимости, то, не рискуя ничѣмъ, можно было бы опредѣлить акцизъ на первый разъ около 75 к. сер. съ ведра полугара, а потомъ постепенно понижать его, по мѣрѣ того, какъ опытомъ будетъ обнаруживаться достаточность низшихъ цифръ *).

---

*) Прочитавъ эту статью въ корректурѣ, г. Закревскій сдѣлалъ, въ подтвержденіе вѣрности своихъ разсчетовъ, слѣдующія замѣчанія на выраженныя мною сомнѣнія:

„Въ числѣ 60 милл. ведръ полугара заключается до 25 мил. ведръ трехпробнаго, а въ полугарѣ до $32^1/_2$ мил. ведръ продающагося собственно въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей этихъ губерній; остальное же затѣмъ вино и водки, въ количествѣ $27^1/_2$ мил. ведръ въ полугарѣ, продается на 40 милліоновъ жителей великороссійскихъ, Ставропольской и сибирскихъ губерній, въ совокупности съ жителями земель казачьихъ. Слѣдовательно на каждаго жителя привилегированныхъ губерній приходится въ годъ вина въ полугарѣ 1,91 ведра, а на жителя великороссійскихъ, Ставропольской и сибирскихъ губерній и земель казачьихъ всего только 0 61 ведра.

„Столь рѣзкая разница въ сбытѣ вина происходитъ отъ того единственно, что уцѣлѣвшая въ привилегированныхъ губерніяхъ нѣкоторая часть вольныхъ шинковъ отъ аренды акцизныхъ и чарочныхъ откупщиковъ—не позволяетъ имъ поднять во всемъ томъ краѣ такихъ высокихъ цѣнъ на вино, какія подняты ими въ великороссійскихъ губерніяхъ и вообще тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ соперничества: въ привилегированныхъ губерніяхъ продается вино такъ же дорого, какъ и во всѣхъ другихъ откупахъ, лишь въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ вольныхъ шинковъ, не подпавшихъ арендному содержанію, или тамъ, гдѣ всѣ шинки сняты на аренду цѣлыми уѣздами; но въ тѣхъ арендныхъ шинкахъ, которые находятся въ близкомъ сосѣдствѣ съ неарендованными, откупщики поневолѣ держатся сколько нибудь умѣренныхъ цѣнъ; однакожъ

Digitized by Google

Акцизъ въ 75 к. сер. мы находимъ не представляющимъ никакого риска для дохода казны, потому что онъ требуетъ увеличенія продажи всего лишь на $^1/_3$ противъ нынѣшняго дѣйствительнаго потребленія. Г. Закревскій выводитъ, что дѣйствительная продажа вина откупомъ превышаетъ нынѣ 100 мил. ведръ. Возможно ли предполагать, что съ пониженіемъ цѣны отъ 5 или 7 или даже отъ 10 р. сер. за ведро до 1 р. 55 коп. за ведро потребленіе его не увеличилось бы на одну третью часть? Трудно думать, что оно не увеличится въ пропорціи, болѣе значительной. А чѣмъ больше окажется оно, тѣмъ ниже можетъ стать акцизъ.

Стремленіе открыть возможность къ установленію малаго акциза составляетъ одну изъ двухъ главныхъ цѣлей записки г. Закревскаго, и въ этой первой цѣли мы совершенно ему сочувствуемъ. Никто изъ просвѣщенныхъ людей не сомнѣвается, что, чѣмъ ниже будетъ акцизъ на вино, тѣмъ больше выигрыша во всѣхъ отношеніяхъ, не только въ земледѣльческомъ и вообще хозяйственномъ, но и въ нравственномъ. Совершенно лишнимъ дѣломъ было бы доказывать, что дешевизна вина, необходимаго въ нашемъ климатѣ, при характерѣ жилищъ, пищи и одежды нашихъ простолюдиновъ, не имѣетъ ничего общаго съ пьянствомъ, а напротивъ. имѣла бы результатомъ своимъ уменьшеніе этого зла, происходящаго отъ совершенно иныхъ причинъ и, въ томъ числѣ, именно отъ дороговизны вина. Это вещь, извѣстная каждому, сколько нибудь занимавшемуся вопросами о народной жизни. Чѣмъ дешевле будетъ вино, тѣмъ меньше будетъ пьянства. Потому нельзя вмѣстѣ съ г. Закревскимъ не желать, чтобы установился какъ можно меньшій акцизъ. Очень можетъ быть, что съ теченіемъ времени откроется возможность понизить его до 50 к. сер., какъ предполагаетъ г. Закревскій; а теперь едва ли подлежитъ сомнѣнію практическая достаточность величины акциза, мало превышающей предлагаемую г. Закревскимъ.

Но условіемъ низкаго акциза служитъ то, чтобы казна не была обманываема въ количествѣ и качествѣ продаваемаго вина. Для полученія нынѣшняго дохода при акцизѣ отъ 50 к. до 1 руб. сер. съ ведра необходимо, чтобы каждое продаваемое ведро было оплачено акцизомъ, чтобы не продавалось народу одно ведро

эти умѣренныя цѣны отнюдь не ниже 3 и 4 рублей за ведро вина, ослабленнаго примѣсью воды до недогара.

„Если въ привилегированныхъ губерніяхъ на 17 мил. жителей теперь, когда въ чарочныхъ откупахъ и въ большей части вольныхъ шинковъ, находящихся въ арендномъ содержаніи откупщиковъ, продается вино по такимъ же высокимъ цѣнамъ, по какимъ оно продается здѣсь и въ другихъ откупахъ, сбытъ онаго достигаетъ 32 милліоновъ ведръ въ полугарѣ, то естественно, при цѣнѣ на трехпробное вино въ 1 р. 50 к. за ведро (выше которой съ акцизомъ въ 50 к. съ ведра продажи быть не можетъ), потребность онаго увеличится на 18 мил. и слѣдовательно вмѣсто 32 будетъ расходоваться 50 милліоновъ за несравненно меньшую сумму расходовъ населенія. А если неоспорима потребность въ 50 милліонахъ ведръ трехпробнаго вина на число населенія въ 17 милліоновъ, то на чемъ же можетъ быть основано сомнѣніе, что для населенія въ 60 милліоновъ одного и того же государства не разойдется 175 милліоновъ трехпробнаго вина?

„При цѣнѣ за четверть ржанаго хлѣба въ 3 р. всегда выгодно продавать вино съ заводовъ по 50 к. за ведро въ полугарѣ. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ вольныхъ шинкахъ, не подпавшихъ еще владычеству откупщиковъ, трехпробное вино и при теперешнемъ акцизѣ на оное въ 75 к. съ ведра продается по 1 р. 80 к. за ведро, слѣдовательно не изъ первыхъ рукъ; изъ первыхъ же рукъ, т. е. съ заводовъ, оно покупается съ акцизомъ не дороже 1 р. 40 к. за ведро.

„Цѣны на поставку вина въ казну съ заводовъ великороссійскихъ губерній примѣромъ служить не могутъ. Такого рода заподрядъ вина сопряженъ съ большими расходами въ казенныхъ палатахъ и требуетъ совершенно безполезной развозки вина по казеннымъ подваламъ. которые большею частію отстоятъ отъ заводовъ на огромномъ пространствѣ“.

Digitized by Google

полугара въ объемѣ полутора ведра разведенной водою жидкости подъ названіемъ полугара, и чтобъ не имѣлъ заводчикъ возможности отпустить покупщику 150 ведръ, показавъ казнѣ и оплативъ акцизомъ только 100 ведръ. Сомнѣніе въ возможности такого казеннаго контроля, которымъ предотвращались бы утайки и подлоги въ продажѣ вина, служило прежде главнымъ препятствіемъ къ уничтоженію откуповъ, а теперь служитъ главною причиною того, что считается необходимымъ высокій акцизъ. Предполагается, что казна можетъ разсчитывать на полученіе акциза только съ части вина, какое будетъ продаваться, а не со всего его количества, потому что нѣкоторая и притомъ значительная часть его будетъ утаена отъ оплаты акцизомъ.

Предлагались нѣкоторые способы къ устраненію обмана казны при введеніи свободной торговли виномъ, и намъ кажется, что были между этими способами такіе, которые ограждали бы казну удовлетворительнымъ образомъ. Сколько мы знаемъ, эти планы остались безъ вліянія на составленіе проэктовъ дѣйствительной организаціи новаго порядка винной торговли. Быть можетъ, предложеніе г. Закревскаго получитъ больше счастія въ этомъ отношеніи, быть можетъ оно привлечетъ къ себѣ вниманіе лицъ, устраивающихъ замѣну нынѣшняго порядка новымъ. Это предложеніе требуетъ чисто техническаго испытанія; надобно желать, чтобы оно было подвергнуто ему самымъ заботливымъ образомъ, потому что, если справедливо убѣжденіе г. Закревскаго въ качествѣ изобрѣтеннаго имъ снаряда, этотъ снарядъ разрѣшилъ бы всѣ затрудненія къ доставленію дешеваго и хорошаго вина безъ всякихъ обмановъ казны или народа при продажѣ.

Если снарядъ, изобрѣтенный г. Закревскимъ, дѣйствительно окажется имѣющимъ качества, приписываемыя ему изобрѣтателемъ, то правительство въ состояніи будетъ само легко усчитать количество вина, производимаго и продаваемаго каждымъ заводомъ. При невозможности утайки устраняется въ такомъ случаѣ всякая мысль о надобности въ откупахъ или въ чемъ нибудь подобномъ откупамъ. Тѣмъ страннѣе показалось намъ, что г. Закревскій упоминаетъ въ своей запискѣ о возможности составить компанію, которая, принявъ на себя наблюденіе за продажею вина съ заводовъ при помощи снаряда г. Закревскаго, гарантировала бы казнѣ нынѣшній доходъ отъ винной продажи. При прочтеніи записки намъ пришло подозрѣніе, что тутъ скрывается планъ возстановить откупъ подъ новою формою. Но г. Закревскій отвѣчалъ намъ (какъ упоминаетъ и въ примѣчаніи къ своей запискѣ), что онъ очень далекъ отъ такого желанія, и что если онъ разсчитываетъ на коммерческія выгоды отъ принятія его снаряда, то эти выгоды совершенно иного рода, чѣмъ какіе нибудь откупные доходы. „Я завелъ бы фабрику для выдѣлки снарядовъ моего изобрѣтенія, сказалъ онъ намъ; эти снаряды потребовались бы въ большомъ количествѣ, потому что они были бы нужны не на однихъ заводахъ, а также въ лавкахъ торгующихъ виномъ; мой снарядъ (продолжалъ г. Закревскій) необходимъ для обезпеченія не одной казны при продажѣ вина съ заводовъ, а также и для обезпеченія покупщика отъ обмана въ количествѣ или въ качествѣ вина при розничной продажѣ; для удовлетворенія покупщиковъ, продавцы нашли бы необходимымъ производить розничную продажу помощью этого снаряда. Огромное требованіе на мой снарядъ со стороны продавцовъ вина дало бы мнѣ большія выгоды“. Если дѣйствительно такъ, г. Закревскій имѣетъ въ виду выгоды совершенно законныя и непротиворѣчащія ни пользамъ казны, ни пользамъ

Digitized by Google

народа. Онъ просто хочетъ, какъ изобрѣтатель, воспользоваться въ теченіе извѣстнаго времени привилегіею на продажу своего изобрѣтенія. Если изобрѣтеніе дѣйствительно даетъ возможность достичь такого хорошаго для казны и для народа результата, какъ уничтоженіе всякой надобности въ откупахъ и установленіе низкаго акциза, то нельзя не сказать, что привилегія принесетъ г. Закревскому выгоды не съ вредомъ, а съ пользою для государства. Словомъ сказать, г. Закревскій хочетъ быть не чѣмъ нибудь похожимъ на откупщика, а фабрикантомъ.

Но если такъ, снова спросили мы его, — если вы дѣйствительно далеки отъ мысли объ откупныхъ выгодахъ, то зачѣмъ вы все-таки вставили въ вашу записку слова о какой-то компаніи, могущей гарантировать казнѣ нынѣшній доходъ съ винной продажи? Онъ отвѣчалъ и на этотъ вопросъ удовлетворительно. „О возможности учредить такую компанію я говорилъ (отвѣчалъ онъ намъ, и упоминаетъ объ этомъ въ примѣчаніи къ своей запискѣ) единственно для того, чтобы предотвратить всякое сомнѣніе въ вѣрности моихъ разсчетовъ о безубыточности для казны установить предлагаемый мною акцизъ при помощи моего снаряда. Если кто нибудь скажетъ, что установленіе такого низкаго акциза представляло бы рискъ для казны, у меня готовъ теперь отвѣтъ очень сильный: когда вы боитесь риска для казны, частные капиталисты готовы принять на себя такой рискъ, и это показываетъ вамъ, что въ дѣйствительности нѣтъ никакого риска, что разсчетъ мой вѣренъ". Надобно признаться, что такой оборотъ мыслей очень натураленъ и основателенъ.

„Но, продолжалъ г. Закревскій, я вовсе не желаю, чтобы сочтено было нужнымъ казнѣ принять гарантію компаніи, о которой говорю я; я вовсе не желаю, чтобы устроена была такая компанія; я убѣжденъ, что она совершенно не нужна, что казнѣ будетъ легко самой собирать акцизъ при помощи моего снаряда. Моя цѣль—установленіе совершенно свободной торговли виномъ, безъ всякой тѣни чего нибудь похожаго на откупъ или монополію". Предоставляемъ читателю судить, имѣютъ ли эти слова г. Закревскаго характеръ искренности. Что же касается до насъ, мы полагаемъ, что разсчетъ на справедливую прибыль отъ фабрикаціи большого размѣра достаточенъ для отклоненія умнаго коммерческаго человѣка отъ желанія извлекать выгоды изъ откупныхъ оборотовъ; и если снарядъ г. Закревскаго дѣйствительно таковъ, какимъ считаетъ его изобрѣтатель, онъ дѣлаетъ откупъ не нужнымъ для денежныхъ выгодъ изобрѣтателя. Потому мы не находимъ причины сомнѣваться въ искренности объясненій г. Закревскаго, изложенныхъ нами здѣсь.

А во всякомъ случаѣ, самое свойство снаряда, предотвращающаго всякую утайку въ продажѣ вина, было бы смертельно для откуповъ; поэтому мы вполнѣ желали бы, чтобы снарядъ г. Закревскаго по строгомъ испытаніи оказался такимъ, какимъ представляетъ его изобрѣтатель. Въ этомъ случаѣ, снарядъ г. Закревскаго имѣлъ бы очень важное значеніе для нынѣшняго нашего государственнаго хозяйства, и вопросъ, имъ возбуждаемый, такъ серьёзенъ, что конечно онъ будетъ подвергнутъ самому внимательному испытанію на практикѣ.

Digitized by Google

НЫНѢШНІЕ АНГЛІЙСКІЕ ВИГИ.

(**Маколей.** Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Критическіе и историческіе опыты. Изданіе *Николая Тиблена.* Спб. 1860).

Нечего и говорить о томъ, заслуживаетъ ли одобренія г. Тибленъ за намѣреніе издать переводъ сочиненій Маколея. Должно полагать, что для успѣха этого прекраснаго предпріятія излишни всякія рекомендаціи. Если надобно публикѣ услышать отъ рецензентовъ что нибудь о русскомъ переводѣ Маколея, то конечно лишь отзывъ о степени достоинства перевода. Но и въ этомъ отношеніи самъ издатель предупредилъ насъ, скромно объяснивъ въ предисловіи, что издаваемый имъ сборникъ переводовъ не имѣетъ претензіи передавать прелесть слога, которою блеститъ подлинникъ, а довольствуется возможною точностію въ передачѣ мыслей. Это правда, какъ мы убѣдились сличеніемъ довольно многихъ страницъ; переводъ сдѣланъ добросовѣстно. Ничего лучшаго не въ состояніи мы требовать, не потребуетъ и публика. Маколей не искаженъ въ изданіи г. Тиблена, — это уже очень много значитъ. Издатель, какъ видно, старался сдѣлать все, что могъ. Добросовѣстный переводъ онъ издалъ изящно, и присоединилъ къ нему, въ видѣ вступленія, большую статью о Маколеѣ, написанную человѣкомъ, довольно извѣстнымъ нашей литературѣ, г. Вызинскимъ. Статья недурно знакомитъ русскаго читателя съ характеромъ литературной дѣятельности Маколея и съ его жизнію.

Коротко говоря, о русскомъ изданіи Маколея нечего высказать намъ, кромѣ желанія, чтобы оно продолжалось такъ же счастливо, какъ началось.

Но другое дѣло — самъ Маколей. О немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, несовсѣмъ согласныхъ съ обыкновенными панегирическими отзывами. Не то, чтобы мы не любили Маколея,—напротивъ, невозможно не любить писателя, доставляющаго столько наслажденія. Но дѣло въ томъ, что нельзя восхищаться имъ почти безусловно, какъ дѣлаютъ очень многіе, въ томъ числѣ и г. Вызинскій. Самая статья г. Вызинскаго доставитъ намъ главные матеріалы для разъясненія основаній, по которымъ наше восхищеніе Маколеемъ имѣетъ свои границы.

Напрасно замѣчать, что Маколей обладалъ искусствомъ писать чрезвычайно изящно,—въ этомъ отдаютъ ему справедливость и тори, нелюбящіе его за либерализмъ (въ которомъ обвиняютъ его напрасно), и прусскіе патріоты, страшно разобиженные непочтительною статьею его о Фридрихѣ Великомъ. Сверхъ великаго таланта изложенія, мы признаемъ за нимъ достоинства человѣка очень ученаго, изслѣдователя очень основательнаго, въ которыхъ совершенно несправедливо отказываютъ ему англійскіе тори. Наконецъ, каждая страница, имъ написанная,

Digitized by Google

свидѣтельствуетъ, что онъ былъ человѣкъ съ очень замѣчательной силой ума. Но посмотримъ, какія заключенія объ этихъ его достоинствахъ надобно сдѣлать по отзывамъ самихъ его поклонниковъ.

Г. Вызинскій справедливо удивляется „огромной массѣ знанія, которою обладалъ“ Маколей. Но по свидѣтельствамъ, приводимымъ у самого г. Вызинскаго, вникнемъ въ характеръ этого знанія. „Онъ могъ бы удивить Кузена, цитуя Cyrus г-жи Скюдери“ (предисл. стр. IV). Мы не наводили справокъ, на чьемъ показаніи основывается это увѣреніе, что Маколей хранилъ въ своей памяти пустѣйшій изъ французскихъ романовъ прошлаго столѣтія, читать который утомительнѣе алгебры и безполезнѣе сочиненій маркиза Фудраса; но нельзя не вѣрить этому факту, когда на страницѣ LXXII-й читаешь слова одного изъ людей „близко знавшихъ“ Маколея. „Имена всѣхъ папъ, съ апостола Петра до Пія IX, имена всѣхъ архіепископовъ кентербѣрійскихъ, со времени основанія этого архіепископства, равнымъ образомъ фамиліи и титулы всѣхъ канцлеровъ и министровъ Англіи — онъ умѣлъ пересказать по пальцамъ“. Г. Вызинскій сообщаетъ. что „г-жа Бичеръ Стоу подтверждаетъ это свидѣтельство“. Трудно рѣшить, что похвальнѣе и полезнѣе: терять время на изученіе романовъ г-жи Скюдери, или помнить имена всѣхъ папъ. Обыкновенно, такіе факты объясняютъ одною страшною силою памяти. Такъ, человѣкъ безъ особенной силы памяти не въ состояніи блистать подобными знаніями. Но одной силы памяти тутъ еще мало: надобно поддерживать ее частымъ занятіемъ. Скалигеръ зналъ наизустъ Иліаду—но вѣдь онъ вѣроятно каждый годъ по нѣскольку разъ перечитывалъ ее, иначе черезъ три года послѣ послѣдняго чтенія не могъ бы припомнить половину стиховъ, какъ бы твердо ни зналъ ихъ прежде. Мы знали юношу, который, много занимавшись латинскимъ языкомъ, помнилъ почти всего Горація; черезъ нѣсколько времени онъ бросилъ латинскій языкъ, и черезъ пять лѣтъ не могъ уже прочесть на память ни одной оды поэта, бывшаго нѣкогда его любимцемъ. Даже родной языкъ забываютъ люди, когда теряютъ случай говорить и читать на немъ. Надобно полагать, что имена всѣхъ папъ можетъ помнить лишь человѣкъ или спеціально занимающійся исторіею папства, да и то лишь въ то время пока пишетъ сочиненія о папствѣ, или человѣкъ, не умѣющій различать важныя знанія отъ неважныхъ, нужныя отъ ненужныхъ и безпрестанно читающій много такого, что безполезно читать. Спеціальныхъ сочиненій о римской каѳедрѣ Маколей не писалъ и никогда не былъ намѣренъ писать; стало быть, мы должны причислить его къ людямъ, любознательности у которыхъ больше, чѣмъ умѣнья опредѣлять предметы, заслуживающіе вниманія. Впрочемъ мы вѣроятно ошибаемся: надобно думать, что Маколей очень хорошо понималъ, зачѣмъ твердитъ списокъ папъ, зачѣмъ изучаетъ сочиненія г-жи Скюдери. Разсказываютъ объ одномъ беллетристѣ, будто бы онъ всегда имѣлъ при себѣ карандашъ и тетрадку, въ которую записывалъ, не теряя ни минуты, каждое эффектное выраженіе, каждое бойкое слово, какое попадалось ему на мысль или въ ухо. Этотъ беллетристъ—Марлинскій, писатель съ талантомъ, съ умомъ, со всѣми какими угодно достоинствами и лишь съ однимъ недостаткомъ, состоявшимъ въ пристрастіи къ эффектному слогу. Судя по всѣмъ сочиненіямъ Маколея, надобно сказать, что онъ читалъ и изучалъ всякій вздоръ съ цѣлью, походившею на цѣль тетрадки, повсюду сопровождавшей Марлинскаго: онъ все хотѣлъ украшать свой умъ знаніями, нужными для украшенія рѣчи, для антитезъ, метафоръ, уподобленій,

Digitized by Google

намековъ, остротъ и всякаго блеска. Кому недостаточно припомнить характеръ его изложенія, чтобы убѣдиться въ этомъ, того убѣдитъ слѣдующее мѣсто изъ статьи г. Вызинскаго. Сказавъ, что Маколей говорилъ въ парламентѣ удивительно-прекрасныя рѣчи, г. Вызинскій замѣчаетъ, что онъ не игралъ однакоже важной роли въ ходѣ парламентскихъ преній, и въ объясненіе тому прибавляетъ: „При всемъ богатствѣ своего знанія и свободѣ рѣчи, онъ никогда не рѣшался говорить безъ тщательнаго приготовленія. Рѣчи его были не что иное, какъ тѣ же essays, но сказанные изустно. Онѣ еще болѣе нравились въ чтеніи. Главную прелесть ихъ составляло множество историческихъ примѣровъ и иллюстрацій, ловко и искусно подобранныхъ и приложенныхъ къ современнымъ вопросамъ. Это были не просто парламентскія рѣчи, а скорѣе блестящія публичныя чтенія о разныхъ политическихъ предметахъ. Палата всегда слушала Маколея съ наслажденіемъ, но слѣдовала за Робертомъ Пилемъ и подобными ему вождями преній“. Скажите пожалуйста, что это значитъ? Есть писатели, которые не могутъ стать замѣчательными парламентскими людьми по застѣнчивости, или по неспособности говорить бойко, или по брюзгливости характера; таковы были Гиббонъ и Байронъ. Но Маколей говорилъ свободно, легко, и не былъ брюзгою. Что же мѣшало ему сдѣлаться предводителемъ виговъ, если онъ умѣлъ говорить лучше Пальмерстона и Росселя? Мѣшало одно свойство характера или ума: Пальмерстонъ или Россель рѣшаются говорить, что нужно, всегда когда нужно; для нихъ главное дѣло—самое дѣло; изящна или не изящна покажется ихъ рѣчь, для нихъ все равно,—имъ хочется только, чтобы она оказалась пригодна для дѣла. Они конечно умные люди, но не хотятъ казаться людьми, не похожими на обыкновенныхъ смертныхъ. У Маколея были другія мысли: ему казалось мало, если скажутъ, что онъ говорилъ дѣльно, что онъ способствовалъ успѣху дѣла; ему нужно было, чтобы сказали: „его рѣчь отличалась удивительнымъ художественнымъ изяществомъ“; мало было ему, чтобы сказали: „онъ хорошо понимаетъ дѣло, онъ говорилъ умно“,—ему было нужно, чтобъ сказали: „онъ обнаружилъ чрезвычайную ученость и начитанность, чрезвычайное искусство пользоваться богатствами своей учености“.—Есть женщины, которыя являются въ общество, не набѣлившись и не нарумянившись; есть другія женщины, и даже очень красивыя, которыя не покажутся вамъ на глаза, не украсивъ себя косметическою разрисовкою. Намъ кажется, что при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ Маколей имѣлъ слабость, свойственную балетнымъ танцовщицамъ.

Были люди великаго ума, страдавшіе тою же слабостію и лишившіе черезъ нее свои сочиненія большей части цѣны въ глазахъ потомства. Говорятъ, напримѣръ, будто бы Корнель и Расинъ имѣли великіе поэтическіе таланты; изъ умныхъ людей нынѣшняго поколѣнія никто не въ состояніи рѣшить—правда ли это, потому-что никто не можетъ читать ихъ произведеній безъ тяжелаго усилія, отнимающаго всякую возможность эстетической оцѣнки. Но ихъ ошибочное направленіе извинялось фальшивымъ вкусомъ той эпохи. Маколей не имѣетъ подобнаго оправданія: онъ дѣйствовалъ въ эпоху, полную живыхъ стремленій, предпочитавшую дѣло фразѣ, простоту всякимъ украшеніямъ. Вліяніе эпохи отразилось на немъ не во вредъ ему, а въ пользу: оно удержало его отъ чрезмѣрной цвѣтистости, отъ слишкомъ приторныхъ реторическихъ прикрасъ. Говоря о немъ, можно въ подражаніе знаменитому афоризму сказать: „saeculi, non hominis virtus“. Вы

Digitized by Google

постоянно видите, что лично онъ всячески хлопочетъ объ эффектѣ, но строгая и дѣльная простота вкуса эпохи сдерживаетъ его реторическіе порывы, и онъ остается въ предѣлахъ здраваго смысла, не нарушаетъ логическихъ требованій. Вы постоянно чувствуете, что ему пріятно было бы сбросить эти стѣснительныя для него узы, но онѣ слишкомъ тяжелы и крѣпки. Нѣтъ народа, который писалъ бы такимъ простымъ и безъискусственнымъ языкомъ, какъ англичане. Маколей спасся отъ ламартиновскихъ и шатобріановскихъ словоухищреній только тѣмъ, что писалъ для англійской публики, въ которой Карлейль не популяренъ за ухищренность слога. Маколей хотѣлъ быть популяренъ, потому принужденъ былъ соблюдать умѣренность въ своей реторикѣ.

Но въ эпоху дѣльную, живую, не любящую пустыхъ прикрасъ, пристрастіе къ реторикѣ бываетъ признакомъ или нѣкоторой нездоровости ума, какъ напримѣръ у Карлейля, или того, что умъ писателя ниже собственно баллетристической стороны его способностей. Маколея нельзя назвать человѣкомъ съ болѣзненнымъ направленіемъ ума, каковъ Карлейль: никогда не найдете вы у Маколея дикихъ выходокъ, нелѣпостей, никакихъ признаковъ мономаніи, чѣмъ всѣмъ изобилуетъ Карлейль; напротивъ, о чемъ бы ни говорилъ Маколей и въ какомъ бы духѣ ни говорилъ, въ справедливомъ или въ ошибочномъ, онъ всегда говоритъ чрезвычайно разсудительно, предусматриваетъ всякое возраженіе, старается предотвратить его сдержанностію и обдуманностію формы, въ какой выражаетъ свою мысль, дѣлаетъ всевозможныя уступки и оговорки,—словомъ сказать: онъ всегда вполнѣ владѣетъ собою. Если такой писатель считаетъ слишкомъ важнымъ дѣломъ блескъ изложенія, то надобно заключить, что способность къ блестящему изложенію дѣйствительно составляетъ главную его силу, что онъ родился не столько мыслителемъ, какъ художникомъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ такъ. Нѣтъ никакой возможности спорить противъ того, что Маколей заслужилъ свою чрезвычайную знаменитость. Но если вы читаете его съ наслажденіемъ; если все, что онъ хочетъ сказать вамъ, умѣетъ онъ сказать превосходно; если онъ очень живо передаетъ вамъ тѣ черты эпохи, съ которыми хочетъ знакомить васъ, очень ярко обрисовываетъ событія и лица; если вы узнаете отъ него чрезвычайно много интереснаго и даже серьёзно-важнаго—то можно ли сказать, однако, чтобы его воззрѣніе имѣло какую нибудь оригинальность, чтобы выносили вы изъ всѣхъ его сочаненій какую нибудь общую мысль, или хотя начинали понимать яснѣе прежняго какую нибудь сторону человѣческой жизни? Въ частностяхъ онъ можетъ сообщить вамъ много полезнаго. Быть можетъ вы считали Кромвеля отвратительнымъ лицемѣромъ и злодѣемъ.—Маколей объяснитъ вамъ, что Кромвель—великій человѣкъ; быть можетъ вы не знали, какъ согласить благородный патріотизмъ Макіавелли съ провозглашеніемъ вѣроломства за лучшій принципъ политической дѣятельности,—Маколей покажетъ вамъ, какъ произошло такое странное сочетаніе высокихъ стремленій съ отвратительными правилами; быть можетъ вы сомнѣвались, слѣдовало ли англичанамъ допускать евреевъ въ парламентъ,—Маколей докажетъ вамъ, что это дѣло хорошее, и т. д., и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что изъ него съ удовольствіемъ узнаете вы фактическія подробности событій, съ которыми до него были знакомы лишь немногіе спеціалисты. Все это такъ; но скажите, чѣмъ отличается взглядъ Маколея на англійскую исторію отъ взгляда, вотъ уже полтораста лѣтъ господствующаго у всѣхъ англійскихъ писателей партіи виговъ? Кое въ чемъ Ма-

Digitized by Google

колей не соглашается съ Галламомъ, кое въ чемъ съ Макинтошемъ,—нельзя же безъ этого; не могутъ же два человѣка думать совершенно одинаково о каждомъ фактѣ. Но изъ мыслей Маколея, сколько нибудь важныхъ, нѣтъ ни одной, которая не была бы въ головѣ каждаго вига, которую нельзя было бы смѣло приписать кому угодно изъ нихъ, писавшему объ англійской исторіи. Еще менѣе можно найдти у Маколея какое нибудь опредѣленное и лично ему принадлежащее воззрѣніе на исторію вообще. Вотъ напримѣръ, чтобы не ходить далеко за сравненіями, укажемъ на его соотечественника Бёкля, о которомъ теперь начинаютъ очень много говорить. Вся книга Бёкля проникнута самобытною мыслью, что ходъ исторіи опредѣляется ходомъ научныхъ изслѣдованій, что „сумма событій опредѣляется суммою знаній“. Справедливо или несправедливо такое воззрѣніе, справедливо оно безъ всякихъ ограниченій, какъ думаетъ Бёкль, или только съ большими ограниченіями, объ этомъ каждый можетъ судить по своему; но безспорно то, что, проведеніемъ такого взгляда черезъ изложеніе фактовъ, Бёкль или приближаетъ историческую теорію къ истинѣ, или по крайней мѣрѣ возбуждаетъ другихъ ученыхъ къ изслѣдованіямъ, которыя должны приблизить ее къ истинѣ. У Маколея напрасно будете искать чего нибудь подобнаго. Справедливы или несправедливы мысли Маколея объ исторіи Англіи, онъ не высказалъ ни одной сколько нибудь важной мысли, которая не принималась бы всѣми изслѣдователями къ соображенію и до него. Можно быть послѣдователемъ понятій Бёкля, можно быть ученикомъ Гисо, Тьерри, Нибура. Но въ чемъ можно быть ученикомъ Маколея? Въ манерѣ изложенія,—это такъ; но въ способѣ пониманія вещей,—это невозможно, потому что въ способѣ пониманія нѣтъ у него ничего,—справедливаго или ошибочнаго,—что составляло бы его особенность. Пишите картинно, изучайте подробности, ройтесь въ архивахъ, чтобы собирать черты для яркихъ картинъ, для живыхъ портретовъ,—вотъ вещи, въ которыхъ вы можете стать ученикомъ Маколея. Что еще можетъ внушить онъ намъ? развѣ охоту хвалить виговъ; но вѣдь этому учитъ не онъ, учитъ каждый писатель партіи виговъ. Нельзя сказать, чтобы мысли Маколея были безцвѣтны,—нѣтъ, онѣ очень опредѣленнаго цвѣта. Но этотъ цвѣтъ—цвѣтъ мундира или кокарды; онъ принадлежитъ не индивидуальному человѣку, а цѣлому огромному разряду людей. Вы видите представителя извѣстной партіи; но что за человѣкъ самъ по себѣ этотъ представитель, вы не видите. Мы ошиблись: вы видите, что онъ человѣкъ ученый, очень умный и, главное, умѣющій превосходно писать.

Эта безхарактерность мысли, при высокой оригинальности изложенія, лишаетъ насъ возможности говорить собственно объ убѣжденіяхъ Маколея, — можно говорить только объ убѣжденіяхъ вигистской партіи, мастерски излагаемыхъ имъ въ примѣненіи къ историческимъ событіямъ и лицамъ.

Читателю извѣстна общая исторія партіи виговъ. Въ концѣ XVII вѣка вигами назывались всѣ безъ исключенія люди, хотѣвшіе утвердить господство парламента въ управленіи Англіею. Тогда всякій былъ вигъ, кто не хотѣлъ пожертвовать двору Стюартовъ парламентскою властію; одинъ былъ аристократъ, другой демократъ, одинъ конституціонистъ, другой республиканецъ,—это было все равно, всѣ сходились въ одномъ желаніи—низвергнуть Іакова II. Послѣ передачи власти Вильгельму III и потомъ, по провозглашеніи ганноверской династіи, долго связывала всѣхъ этихъ разномыслящихъ людей общая мысль, чтобы не возвратились Стюарты. Потомъ, когда ганноверская династія совершенно укрѣпилась, перестала

Digitized by Google

бояться Стюартовъ, она обнаружила стремленіе расширить свою власть, вдалась въ попытки подчинить парламентъ двору. Общая опасность продолжалась для виговъ, и продолжала соединять всѣ оттѣнки либерализма подъ знаменемъ виговъ. Потомъ начались войны съ Франціею, надолго отвратившія массу народа отъ либеральныхъ идей. По прекращеніи войнъ, нѣсколько лѣтъ шла борьба за то, чтобы отнять господство надъ государствомъ у тори, прикрывавшихъ тогда парламентскими формами принципы, очень близкіе къ тому, что̀ на континентѣ называется легитимизмомъ. Такимъ образомъ до недавняго времени вигизмъ означалъ просто либерализмъ. Но къ тому времени, съ котораго началась дѣятельность Маколея, положеніе дѣлъ измѣнилось. Власть парламента была окончательно утверждена. Сами тори, со времени Кеннинга, рѣшительно стали парламентистами. Англія въ послѣднія тридцать или тридцать-пять лѣтъ, называясь конституціонною монархіею, была на са̀момъ дѣлѣ уже республикою, въ которой законодательная власть вся принадлежитъ двумъ палатамъ или, точнѣе сказать, почти исключительно палатѣ общинъ: палата лордовъ не имѣетъ силы останавливать ни одного важнаго рѣшенія палаты общихъ и можетъ лишь затягивать неважныя дѣла, окончательною развязкою которыхъ не интересуется палата общинъ. Утвержденіе парламентскихъ актовъ королевскою властью сдѣлалось чистою формою: на фактѣ королевское утвержденіе значитъ согласіе министерства, а министерство назначается палатою общинъ и смѣняется ею по произволу, — то есть опять-таки на фактѣ, потому что по формѣ дѣло происходитъ иначе: министры избираются лицомъ, которому король или королева поручитъ составленіе министерства; но поручается это непремѣнно предводителю большинства палаты общинъ; никто другой и не берется за это порученіе или черезъ нѣсколько часовъ отказывается отъ него, когда, переговоривъ съ членами палаты общинъ, увидитъ, что большинство не согласно поддерживать кабинетъ, какой могъ бы онъ составить. Образованіе новаго министерства бываетъ всегда слѣдствіемъ совѣщаній партіи, имѣющей большинство въ палатѣ общинъ: она распредѣляетъ всѣ должности въ кабинетѣ, а лицо, называющееся составителемъ новаго кабинета, служитъ только исполнителемъ рѣшеній, принимаемыхъ въ этомъ дѣлѣ партіею. При первомъ желаніи большинства измѣнить кабинетъ, онъ измѣняется. Такимъ образомъ министерство, управляющее государствомъ, составляютъ повѣренные большинства палаты общинъ, поставленные въ необходимость передавать власть, по первому желанію большинства, лицамъ, которыхъ оно захочетъ назначить на ихъ мѣста. Во всѣхъ важныхъ административныхъ дѣлахъ министры даже формально спрашиваютъ утвержденія палаты общинъ. Они пользуются громадною властью,—но пользуются ею лишь по порученію палаты общинъ, лишь какъ ея агенты или уполномоченные. Въ этомъ рѣшительномъ переходѣ министровъ изъ-подъ власти двора подъ исключительную власть палаты общинъ и состоитъ сущность того, что̀ мы называемъ окончательнымъ утвержденіемъ конституціоннаго управленія въ Англіи. Когда совершенно установился такой порядокъ дѣлъ, когда торійская партія отказалась отъ всякой мысли о возвращеніи временъ Карла II и Іакова II, положеніе либеральной партіи въ Англіи измѣнилось. Прежде вся она соединялась надобностью бороться противъ тори для устраненія изъ англійскаго устройства элементовъ, не согласныхъ съ конституціоннымъ правленіемъ. Теперь тори стали такими же усердными приверженцами его, какъ и либеральная партія, и ей пред-

Digitized by Google

ставлялось два выбора: или успокоиться на упроченіи порядка, утвержденія котораго было прежде главною цѣлью ея усилій, или обратить свои заботы на достиженіе другихъ цѣлей, заботиться о которыхъ не было ей досуга прежде. Разумѣется, разные оттѣнки либеральной партіи сдѣлали различный выборъ. Одна половина ея удовольствовалась торжествомъ прежнихъ стремленій, которое было упрочено парламентскою реформою 1832 года,—эти люди сохранили прежнее названіе виговъ. Другая половина либеральной партіи стала говорить, что всѣ прежніе успѣхи должны считаться только средствомъ къ совершенію новыхъ реформъ, — эти люди извѣстны теперь въ Англіи подъ именемъ радикаловъ. По недавнимъ преданіямъ о дружномъ дѣйствованіи нынѣшніе виги и радикалы еще сохраняютъ между собою многія связи, но по существующимъ отношеніямъ они расходятся другъ съ другомъ гораздо больше, чѣмъ нынѣшніе виги съ нынѣшними тори. Вигамъ и тори одинаково кажется, что надобно сохранить основныя черты существующаго устройства, и если должны быть производимы постепенно какія нибудь преобразованія, то реформы эти должны касаться лишь второстепенныхъ подробностей, а коренное измѣненіе существующаго устройства было бы вредно. Радикалы, до сихъ поръ еще слабые въ палатѣ общинъ, но имѣющіе на своей сторонѣ всю небогатую часть средняго сословія и всю ту часть простаго народа, которая интересуется общественными дѣлами, хотятъ такихъ преобразованій, которыми должны измѣниться самыя основанія существующаго порядка. Коснемся лишь одной черты разнорѣчія, самой важной. По парламентской реформѣ 1832 года, большинство членовъ палаты общинъ избирается, какъ прежде, подъ вліяніемъ аристократіи. По мнѣнію виговъ и тори, такъ и слѣдуетъ остаться этому дѣлу. Но большинство публики расположено въ пользу новой парламентской реформы. Тори открыто говорятъ, что никакая реформа не нужна, и если въ прошедшемъ году они представляли проэктъ реформы, то прямо заявляли, что уступаютъ въ этомъ случаѣ прискорбному для нихъ заблужденію общественнаго мнѣнія. Виги предпочитали другой языкъ: они увѣряли себя и публику, что они желаютъ реформы. Но сравнивъ ихъ проэктъ съ торійскимъ проэктомъ, мы не найдемъ между ними большой разницы въ существенныхъ пунктахъ. По обоимъ проэктамъ сохранялась нынѣшняя чрезвычайная несоразмѣрность между числомъ населенія избирательныхъ округовъ и числомъ посылаемыхъ ими депутатовъ. По проэкту виговъ предполагалось сохранить ту нынѣшнюю черту, что какія нибудь десять ничтожныхъ мѣстечекъ, не имѣющихъ въ совокупности и 100 тысячъ жителей, посылаютъ въ палату общинъ больше представителей, чѣмъ Лондонъ съ его тремя милліонами населенія. Мѣстечки эти сохранялись потому, что находятся въ зависимости отъ мѣстныхъ аристократовъ. Точно также въ проэктѣ виговъ удерживался нынѣшній способъ выборовъ посредствомъ открытой подачи голосовъ, при которой фермеры и другіе зависимые люди необходимо должны выбирать кандидата, котораго рекомендуетъ имъ землевладѣлецъ. Въ этихъ основныхъ чертахъ проэктъ виговъ былъ сходенъ съ торійскимъ. Мало того, ходъ парламентскихъ преній обнаружилъ, что виги обманывали сами себя, думая, будто расположены хотя къ какой нибудь парламентской реформѣ: свой собственный проэктъ они защищали очень холодно, охотно поддавались торійской тактикѣ, замедлявшей ходъ преній о немъ, и бывали принуждаемы формально сознаваться, что предлагаютъ реформу лишь по внѣшнему настоянію, а не по собственному стремленію. Точно такъ же, какъ и

Digitized by Google

тори, они вынуждены были къ этой непріятной уступкѣ лишь тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, возбужденнаго радикалами въ концѣ 1858 года, и, подобно тори, съ радостію бросили непріятное дѣло, когда общественное мнѣніе, развлеченное заботами о внѣшнихъ отношеніяхъ, перестало вынуждать реформу. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ внутренней политики, какъ въ вопросѣ о парламентской реформѣ, нынѣшніе виги—такіе же консерваторы, какъ и тори; обѣ партіи, прежде враждовавшія, сходятся теперь во всемъ существенномъ.

Но эти нынѣшніе консервативные виги наслѣдовали имя, которое прежде было равнозначительно имени прогрессистовъ; вмѣстѣ съ именемъ они наслѣдовали и преданія старинныхъ виговъ; они говорятъ, что они преемники Росселя, казненнаго при Стюартахъ, и Фокса. Эти воспоминанія ни мало не мѣшаютъ имъ въ парламентской дѣятельности: прежніе виги временъ Фокса и его предшественниковъ или вовсе еще не занимались вопросами, въ которыхъ нынѣшніе виги разошлись съ прогрессивною партіею, или не имѣли возможности придавать этимъ вопросамъ первостепенную важность, потому что на первомъ планѣ стояли тогда другіе вопросы, нынѣ уже рѣшенные. Повторяя по этимъ рѣшеннымъ вопросамъ мнѣнія прежнихъ виговъ, нынѣшніе виги имѣютъ полную свободу разсуждать какъ хотятъ о новыхъ вопросахъ, выдвинувшихся на первый планъ только въ послѣднія десятилѣтія.

Но если въ государственной практикѣ нынѣшніе виги ничего не теряютъ отъ мысли о себѣ, будто бы о дѣйствительныхъ наслѣдникахъ стремленій прежнихъ виговъ, то фальшивость ихъ положенія обнаруживается, когда они отъ практики обращаются къ теоретическимъ трудамъ. Въ парламентѣ ведется рѣчь о надобности или ненадобности, о возможности или невозможности,—тутъ очень удобно говорить, что и для нынѣшняго вѣка границы надобнаго и возможнаго совпадаютъ съ границами, существовавшими сто лѣтъ тому назадъ; тутъ очень удобно говорить: мы держимся программы Фокса, защищаемъ все, что̀ защищалъ онъ, и не измѣняемъ ему, когда не дѣлаемъ того, чего не дѣлалъ онъ. Но въ наукѣ надъ всѣми мыслями должна господствовать логика; въ наукѣ факты обобщаются; изъ частныхъ требованій и отношеній извѣстнаго дѣятеля или извѣстной партіи выводится общій характеръ воззрѣній и стремленій этого человѣка, этой партіи, и требуется, чтобы вы или разрѣшали текущіе вопросы въ томъ же духѣ, или порицали тѣхъ историческихъ дѣятелей, въ духѣ которыхъ не хотите вы разрѣшать современные намъ вопросы. Тутъ несообразность претензіи нынѣшнихъ виговъ на вѣрность либеральнымъ преданіямъ съ нынѣшнимъ образомъ ихъ дѣйствій высказывается очень ярко. Она отразилась на произведеніяхъ Маколея.

Каковы были его мнѣнія о политическихъ вопросахъ, занимающихъ нынѣ умы въ Англіи, вполнѣ обнаруживается знаменитымъ, напечатаннымъ послѣ его смерти, письмомъ его къ одному сѣверо-американскому гражданину объ американскихъ учрежденіяхъ. Приводимъ письмо по переводу, помѣщенному въ статьѣ г. Вызинскаго.

„Вы удивились, узнавши, что я не имѣю слишкомъ высокаго мнѣнія о Джефферсонѣ, а я удивляюсь вашему удивленію. Я увѣренъ, что я никогда не написалъ ни одной строки, и никогда, ни въ парламентѣ, ни въ частномъ разговорѣ, ни даже на густингсахъ, на которыхъ господствуетъ обыкновеніе льстить массѣ, не сказалъ ни одного слова въ пользу того мнѣнія, что высшая власть въ государствѣ должна быть ввѣрена большинству гражданъ, считаемыхъ поголовно, то есть—иными словами—самой бѣдной и невѣжественной части общества. Я всегда былъ убѣжденъ, что учрежденія чисто-

Digitized by Google

демократическія, раньше или позже, должны уничтожить свободу, или цивилизацію, или и то и другое вмѣстѣ.

„Въ Европѣ, гдѣ народонаселеніе густо, слѣдствія такихъ учрежденій обнаружились бы почти мгновенно. То, что произошло во Франціи, можетъ послужить примѣромъ....

„Вы полагаете, что ваша страна (Соединенные Штаты) пользуется изъятіемъ отъ подобныхъ золъ. Я признаюсь откровенно, что мое мнѣніе совершенно другое. Судьба вашей страны неизбѣжна, хотя она и отсрочена вслѣдствіе физической причины. Пока вы будете имѣть огромныя пространства плодородной и незанятой почвы, ваше рабочее народонаселеніе будетъ пользоваться гораздо бо́льшимъ благосостояніемъ и довольствомъ, чѣмъ рабочее народонаселеніе Стараго Свѣта; и пока будутъ продолжаться эти отношенія, политическое устройство Джефферсона можетъ существовать, не производя никакихъ бѣдствій; но придетъ время, когда новая Англія будетъ такъ же густо заселена, какъ и старая Англія. Заработная плата будетъ такъ же низка и будетъ такъ же колебаться у васъ, какъ и у насъ. Вы будете имѣть ваши Манчестеры и ваши Бирмингамы, и въ этихъ Манчестерахъ и Бирмингамахъ сотни тысячъ работниковъ вѣроятно найдутся иногда безъ работы. Тогда-то наступитъ часъ испытанія для вашихъ учрежденій. Бѣдствіе вездѣ дѣлаетъ работника недовольнымъ и наклоннымъ къ мятежу; онъ съ жадностію слушаетъ агитаторовъ.... У насъ, въ другой годъ, бываетъ много ропота, а иногда и нѣсколько мятежа; но это не такъ важно, потому что у насъ тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ. Высшая власть находится въ рукахъ класса, правда, многочисленнаго, но избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка. Поэтому недовольные бываютъ усмиряемы не слишкомъ строгими, но рѣшительными мѣрами. Дурное время проходитъ безъ ограбленія богатыхъ въ пользу неимущихъ. Источники народнаго благосостоянія скоро опять открываются, работа является въ изобиліи, заработная плата повышается, и опять водворяется спокойствіе и всеобщее довольство. Я видѣлъ, какъ Англія три или четыре раза проходила такія критическія времена. Черезъ подобные кризисы Соединенные Штаты должны будутъ проходить въ слѣдующемъ столѣтіи, или, можетъ быть, еще въ нынѣшнемъ. Какъ вы вывернетесь изъ нихъ? Я отъ души желаю вамъ успѣшнаго исхода. Но мой разумъ и мои желанія противорѣчатъ другъ другу, и я не виноватъ, что предвижу самое худшее. Ясно какъ солнце, что ваше правительство никогда не будетъ въ состояніи усмирить бѣдствующее и недовольное большинство, потому что у васъ правительство есть именно это большинство, и оно держитъ совершенно въ своей власти богатыхъ, которые всегда составляютъ меньшинство. Придетъ время, когда въ Нью-Іоркскомъ штатѣ станетъ избирать законодательное собраніе толпа людей, изъ которыхъ ни одинъ не будетъ имѣть болѣе, чѣмъ половину завтрака, и не будетъ ожидать болѣе, чѣмъ половину обѣда. Возможно-ли сомнѣваться, какого рода законодательное собраніе выберутъ эти люди? Вотъ, съ одной стороны, государственный человѣкъ, который проповѣдуетъ терпѣніе, уваженіе пріобрѣтенныхъ правъ, строгое соблюденіе публичной честности. Вотъ, съ другой, демагогъ, который декламируетъ о тираніи капиталистовъ и лихоимцевъ, и спрашиваетъ, можно-ли допустить, чтобы кто-либо пилъ шампанское и ѣздилъ въ каретѣ въ то время, когда тысячи честныхъ людей лишены самаго необходимаго? Кого же изъ этихъ двухъ кандидатовъ, предполагать нужно, предпочтетъ работникъ, который слышитъ, какъ его дѣти кричатъ: „хлѣба?“ Я серьезно опасаюсь, что въ такія времена злополучія у васъ могутъ произойти дѣла, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе прежняго благосостоянія. Или какой нибудь Цезарь или Наполеонъ захватитъ кормило правленія въ свою крѣпкую руку; или же ваша республика будетъ такъ страшно разграблена и опустошена варварами въ XX столѣтіи, какъ Римская имперія разграблена и опустошена была въ V столѣтіи; но съ тою разницею, что гунны и вандалы, которые разоряли Римскую имперію, пришли извнѣ, а ваши гунны и вандалы будутъ порождены въ вашей собственной странѣ вашими собственными учрежденіями.

„Будучи такого мнѣнія, я, разумѣется, не могу причислить Джефферсона къ благодѣтелямъ человѣчества“.

Digitized by Google

Мы выписали это письмо цѣликомъ, для того, чтобы каждый могъ сличить наши заключенія и слова Маколея, на которыхъ они основываются. Есть разные способы доказывать невозможность демократическихъ учрежденій для той или другой страны въ извѣстное время,—Маколей говоритъ не о томъ: онъ доказываетъ, что демократическія учрежденія вообще вредны, вредны по своей сущности. Бываютъ исключительныя обстоятельства, въ которыхъ вредная вещь оказывается безсильною вредить. Такъ, напримѣръ, мышьякъ не убьетъ человѣка, если человѣкъ запьетъ его огромнымъ количествомъ молока; укушеніе бѣшеной собаки не испортитъ человѣка, если тотчасъ же прижечь рану раскаленнымъ желѣзомъ. Точно такъ Сѣверо-Американскіе Штаты еще не погублены своими демократическими учрежденіями лишь потому, что имѣютъ отъ этого яда слишкомъ сильное противоядіе въ громадномъ пространствѣ незанятыхъ земель. Сѣверная Америка—еще пустыня, лишь слегка заселенная по прибрежью. Мало ли какія безразсудства проходятъ людямъ безнаказанно въ пустынѣ? Житель пустыни можетъ не имѣть замковъ на дверяхъ, можетъ не имѣть плана на свой участокъ, можетъ закрывъ глаза—стрѣлять изъ ружья во всѣ стороны,—и его пули никому не повредятъ, объ его участкѣ никто не заведетъ съ нимъ тяжбы, его имущество не будетъ украдено, потому что нѣтъ вокругъ него людей, которымъ онъ могъ бы повредить своимъ безразсудствомъ или которые могли бы воспользоваться его безразсудствомъ. Сѣверо-Американскіе Штаты еще полудикая страна,—мало ли дѣлается въ полудикихъ странахъ такихъ вещей, которыя гибельны были бы въ благоустроенномъ обществѣ? Въ Сѣверной Америкѣ выжигаютъ траву, чтобы удобрить поле, выжигаютъ лѣсъ, чтобы пріобрѣсти поле; но скажите, развѣ можно назвать такіе способы хозяйства пригодными для страны, порядочно цивилизованной? Пустынностью, дикостью Сѣверной Америки объясняется возможность людямъ жить въ ней съ демократическими учрежденіями, не погибая отъ нихъ. Но эта возможность не будетъ длиться много времени. Сѣверная Америка быстро населяется и скоро войдетъ въ нормальное положеніе. Каково же нормальное положеніе цивилизованныхъ странъ?

Маколей обрисовываетъ его чертами очень опредѣлительными. Масса народа лишена всякаго недвижимаго имущества; она вся состоитъ изъ наемныхъ работниковъ, живетъ со дня на день рабочею платою; плата эта мала; масса терпитъ нужду и не знаетъ, будетъ ли имѣть завтра работу и пищу. Опасенія остаться безъ хлѣба часто сбываются, и сотни-тысячъ отцовъ семействъ слышатъ тогда крикъ голодныхъ дѣтей. Есть люди, думающіе, что демократическія учрежденія не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ при такомъ положеніи массы. Маколей говоритъ не то: онъ говоритъ, что эти учрежденія никогда не могутъ дѣйствовать правильнымъ образомъ ни въ какой странѣ, не похожей на пустыню; онъ говоритъ, что очерченное имъ положеніе дѣлъ неизбѣжно. Просимъ замѣтить эту разницу: она такова же, какъ разница между словами: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ и „всегда“. Если работники пьянствуютъ, они не могутъ быть зажиточны—это одна мысль; но совершенно другая будетъ мысль, если сказать: работники не могутъ быть зажиточны, потому что всегда пьянствуютъ. Въ странѣ, гдѣ положеніе массы бѣдственно, никакія учрежденія не могутъ дѣйствовать хорошо, да и ничего, серьёзно хорошаго, не можетъ быть,—кто этого не знаетъ? Объ этомъ не стоило писать письмо; мысль письма другая: кромѣ пустынныхъ странъ, во всѣхъ странахъ масса неизбѣжно должна бѣдствовать.

Digitized by Google

А если во всѣхъ населенныхъ странахъ масса должна бѣдствовать по закону необходимости, не отвратимому человѣческими силами, то выводъ конечно ясенъ. Человѣкъ бѣдствующій наклоненъ обольщаться словами обманщиковъ, обѣщающихъ ему деньги или хлѣбъ, если онъ доставитъ имъ власть. Потому масса должна быть лишена вліянія на общественныя дѣла.

Все это совершенно такъ по системѣ, нынѣ называющейся вигизмомъ и не отличающейся ничѣмъ существеннымъ отъ торизма. Но торизмъ откровенно остается вѣренъ правиламъ здраваго разсудка: вѣрны или не вѣрны, хороши или дурны его принципы, не о томъ мы говоримъ здѣсь,—мы говоримъ, что онъ откровенно принимаетъ правила, вытекающія изъ его принциповъ. По своему бѣдственному положенію масса, готовая за кусокъ хлѣба или даже за обѣщаніе куска хлѣба продать себя каждому честолюбцу, должна быть устранена отъ вліянія на общественныя дѣла. Но достигается ли эта цѣль только тѣмъ, что общество будетъ ограждено отъ зловредныхъ демократическихъ учрежденій? этого мало. Пусть „тѣ, которые страдаютъ, не управляютъ государствомъ“: пусть „высшая власть находится въ рукахъ класса избраннаго, класса образованнаго, класса, который сильно заинтересованъ въ безопасности собственности и въ поддержаніи общественнаго порядка“. Всего этого еще мало. „Избранный классъ“, какъ бы ни былъ „многочисленъ“, всегда бываетъ очень малочисленъ сравнительно съ массою,—иначе онъ и не былъ бы „избраннымъ“. Какими же средствами это меньшинство будетъ удерживать въ покорности себѣ массу? Тутъ возможно вообразить два случая. Масса можетъ повиноваться нравственному вліянію меньшинства, добровольно слушаться его наставленій,—въ такомъ случаѣ все равно, исключена ли она отъ формальнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, или имѣетъ его; хотя „законодательное собраніе избирается толпою“, избираются люди, соотвѣтствующіе идеямъ меньшинства, потому что масса руководится его совѣтами. Въ этомъ случаѣ „власть“ одинаково „находится въ рукахъ класса избраннаго“ и при аристократическихъ и демократическихъ учрежденіяхъ. Но не объ этомъ случаѣ говоритъ Маколей: мы видѣли, что такой случай онъ считаетъ невозможнымъ въ странахъ, вышедшихъ изъ состоянія пустынности. Онъ говоритъ о „ропотѣ“, мятежѣ, „объ усмиреніи недовольныхъ“, объ охраненіи страны отъ „разграбленія и опустошенія гуннами и вандалами, порожденными“ въ самой странѣ. А если такъ, рѣшеніе дѣла зависитъ уже не отъ существующихъ законовъ, а прямо отъ матеріальной силы. Если меньшинство, „заинтересованное въ безопасности собственности и поддержаніи общественнаго порядка“, при желаніи большинства „разграбить и опустошить“ страну, имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріальную силу „усмирить бѣдствующее и недовольное меньшинство“, порядокъ будетъ поддержанъ при какомъ угодно составѣ „законодательнаго собранія“: вѣдь дѣло приняло такой оборотъ, что остановить его можно только вооруженною силою; оно рѣшается не „законодательнымъ собраніемъ“, а войскомъ, не декретами, а штыками и картечью. Такъ оно и рѣшено было, напримѣръ, во Франціи, на которую ссылается Маколей. Въ іюнѣ 1848 года побѣда осталась за законодательнымъ собраніемъ, потому что оно имѣло на своей сторонѣ вооруженную силу; въ декабрѣ 1851 года законодательное собраніе было уничтожено, потому что вооруженная сила находилась въ рукахъ его противниковъ. Характеръ учрежденій въ обѣ эпохи былъ одинаковъ, но исходъ дѣла для законодательнаго собранія совершенно различенъ. Раздѣляя

Digitized by Google

мнѣніе Маколея о необходимости, чтобы „власть принадлежала избранному классу“, по „наклонности работника къ мятежу“, тори справедливо выводятъ изъ этого принципа заключеніе, что избранное меньшинство не должно довольствоваться однимъ законодательнымъ существованіемъ учрежденій, дающихъ ему власть, потому что этой одной гарантіи слишкомъ недостаточно,—оно должно также имѣть всегда на-готовѣ вооруженную силу для усмиренія безпорядковъ, а для предотвращенія безпорядковъ должно постоянно держать „страдающую“ грубую массу подъ властью вооруженной силы. Маколей твердитъ о „свободѣ и цивилизаціи“, для сохраненія которыхъ необходимо теперь англичанамъ, и скоро будетъ необходимо сѣверо-американцамъ, „усмирять большинство“; соображая условія и средства, нужныя для достиженія цѣли, указываемой Маколеемъ, тори находятъ и прямо высказываютъ, что „свобода и цивилизація“ должны основываться на вооруженномъ господствѣ „избраннаго меньшинства“.

Тори никогда не противорѣчатъ сами себѣ; ни въ какихъ случаяхъ не измѣняютъ своему образу мыслей. Но у виговъ совершенно не то: вопросы, совершенно одинаковые, рѣшаютъ они въ смыслахъ противоположныхъ. Въ примѣръ возьмемъ хотя статью Маколея о предоставленіи государственныхъ правъ англійскимъ евреямъ. Положеніе дѣла было совершенно сходно съ дѣломъ о предоставленіи избирательнаго права классамъ, противъ которыхъ направлено приведенное нами письмо. Сословія, не имѣющія въ Англіи права голоса на выборахъ, лишены только такъ-называемыхъ политическихъ правъ, а гражданскими правами пользуются они вполнѣ. Точно также вполнѣ пользовались гражданскими правами англійскіе евреи, когда не допускались въ палату общинъ и въ государственную службу. Тори, не хотѣвшіе давать имъ политическихъ правъ, утверждали, что предоставить имъ участіе въ политической власти было бы вредно. Посмотрите же, какъ усердно доказываетъ Маколей, что подобное ограниченіе вовсе не достигаетъ своей цѣли.

„Въ дѣйствительности, евреи и теперь не лишены политической власти. Они имѣютъ ее, и пока будутъ пользоваться правомъ накоплять большія богатства, они не могутъ не имѣть ея.—Какая власть въ образованномъ обществѣ сильнѣе власти кредитора надъ должникомъ? Если мы отнимемъ эту власть у еврея, то нарушимъ безопасность его собственности. Если же оставимъ ее, то оставимъ черезъ это въ его рукахъ власть гораздо болѣе обширную, чѣмъ власть короля и всего его кабинета.—Предоставить еврею засѣдать въ парламентѣ было бы безбожно. Но еврей можетъ добывать деньги, а деньги могутъ дѣлать членовъ парламента. Что еврей можетъ имѣть въ рукахъ своихъ самую сущность законодательной власти, что онъ можетъ располагать голосами при подачѣ мнѣній,—это совершенно въ порядкѣ вещей. Но чтобы онъ могъ сѣсть на эти таинственныя подушки зеленаго сафьяна, это было бы оскверненіемъ святыни, достаточнымъ для навлеченія погибели на страну.—Чтобы еврей былъ тайнымъ совѣтникомъ (министромъ) у христіанскаго короля, это было бы вѣчнымъ позоромъ для націи. Но еврей можетъ управлять биржею, а биржа можетъ управлять свѣтомъ. Министръ можетъ не рѣшаться на свою финансовую систему, пока не переговоритъ на единѣ съ евреемъ. Росчеркъ еврея на оборотѣ куска бумаги можетъ стоить болѣе, чѣмъ національный кредитъ. Но чтобы еврей поставилъ передъ своимъ именемъ „достопочтенный“ (титулъ членовъ палаты общинъ), было бы самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ для націи.—Такимъ же образомъ разсуждали нѣкоторые изъ нашихъ политиковъ объ ирландскихъ католикахъ. Католики не должны имѣть политической власти. Солнце Англіи навсегда зайдетъ, если католики будутъ имѣть политическую власть. Дайте католикамъ все остальное, но не допускайте ихъ до политической власти. Эти мудрые люди не понимали, что—разъ все остальное дано, то

Digitized by Google

дана и политическая власть. Они повторяли свою пѣснь кукушки и тогда, когда уже перестало быть вопросомъ: должны ли католики имѣть политическую власть, или нѣтъ; когда католическая лига поругалась надъ парламентомъ и католикъ-агитаторъ имѣлъ несравненно болѣе вліянія, чѣмъ лордъ-намѣстникъ.—Если мы обязаны устранить евреевъ отъ политической власти, то мы обязаны также и обращаться съ ними, какъ обращались наши предки: убивать, ссылать и грабить ихъ. Ибо этимъ путемъ,—и однимъ только этимъ путемъ,—мы можемъ на самомъ дѣлѣ лишить ихъ политической власти. Не принявъ же этого образа дѣйствій, мы можемъ только отнять у нихъ тѣнь власти, но должны оставить (у нихъ) самую сущность ея. Мы можемъ сдѣлать достаточно, чтобы обидѣть и раздражить ихъ, но не можемъ сдѣлать столько, чтобы оградить себя отъ опасности, если опасность въ самомъ дѣлѣ существуетъ“ (стр. 304—306).

Посмотрите, онъ становится на точку зрѣнія, съ которой письмо его къ сѣверо-американцу оказывается ни больше ни меньше, какъ смѣшнымъ. Каковъ смыслъ разсужденій, сейчасъ выписанныхъ нами? Участіе въ государственной власти, вліяніе на общественныя дѣла зависятъ не оттого, получено ли извѣстными лицами или извѣстнымъ сословіемъ формальное участіе въ формальныхъ актахъ управленія,—оно зависитъ просто оттого, находятся ли эти лица или это сословіе въ такомъ положеніи среди общественной жизни, чтобы имѣть реальное значеніе въ ней. Между англійскими евреями находятся люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ силъ—богатство; а если такъ, продолжаетъ онъ, то напрасно ожидать, что они могутъ быть отстранены отъ вліянія на государственныя дѣла Англіи какими бы то ни было законами о составѣ палаты общинъ или о государственной службѣ. Вы не хотите, чтобы еврей былъ членомъ палаты общинъ; но имѣя деньги, онъ склонитъ избирателей выбрать въ палату человѣка, который будетъ подавать голосъ точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ подавалъ бы его исключаемый вами изъ палаты еврей. Вы не допускаете, чтобы еврей могъ стать министромъ финансовъ. Но если еврей хорошо знаетъ финансовыя дѣла, министръ финансовъ будетъ дѣйствовать по его указанію; а если еврей господствуетъ на биржѣ, то онъ господствуетъ надъ финансовыми операціями министра. Дѣло не въ томъ, предоставлено ли формальными условіями вліяніе на государственную жизнь; дѣло въ томъ, находится ли сила имѣть такое вліяніе; если она находится, то обнаружитъ свое дѣйствіе, каковы бы ни были формальныя условія.

Маколей доказалъ, что исключить евреевъ изъ участія въ государственныхъ дѣлахъ Англіи невозможно, хотя бы и было полезно. Но было ли бы это полезно, еслибъ и было возможно? Тори, не допускавшіе евреевъ до государственной службы и въ палату общинъ, утверждали, что евреи—дурные англійскіе граждане, что они могутъ желать вреда англійскому королевству,—словомъ сказать, что они составляютъ классъ людей, имѣющій интересы, противоположные интересамъ сословій и лицъ, управлявшихъ Англіею и издававшихъ для нея законы въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ споръ. Маколей доказываетъ, что такое мнѣніе объ англійскихъ евреяхъ не совершенно справедливо, и прибавляетъ, что если оно отчасти справедливо, то все-таки лекарствомъ противъ зла было бы не устраненіе евреевъ отъ политическихъ правъ,—этимъ способомъ зло только увеличивается,—а предоставленіе имъ политическихъ правъ, которое одно можетъ сдѣлать ихъ изъ вредныхъ гражданъ полезными, изъ непріязненныхъ благорасположенными.

Digitized by Google

„Если евреи не почувствовали къ Англіи дѣтской привязанности, то это потому, что сама Англія обращалась съ ними, какъ мачиха. Нѣтъ другаго чувства, которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, живущихъ подъ сколько-нибудь порядочнымъ правительствомъ, какъ чувство патріотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было такой націи, или значительной части какой нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей — недостатокъ въ нихъ патріотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это — логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленіи его источника (стр. 308). Англійскіе евреи, сколько мы можемъ видѣть, являются именно такими, какими ихъ сдѣлало правительство. Они представляютъ собою именно то, что представляла бы всякая секта, или чѣмъ былъ бы всякій классъ людей, при такомъ обращеніи, какому подвергаются евреи. Если бы, напримѣръ, всѣ рыжеволосые люди въ Европѣ подвергались, въ теченіе многихъ вѣковъ, оскорбленіямъ и угнетеніямъ; были бы изгоняемы изъ одного мѣста, въ другомъ — подвергаемы заключенію; если бы у нихъ отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самымъ слабымъ уликамъ въ самыхъ неправдоподобныхъ преступленіяхъ, волочили на конскихъ хвостахъ, вѣшали, пытали, сожигали живыхъ; если бы, и послѣ смягченія нравовъ, люди эти продолжали подвергаться унизительнымъ стѣсненіямъ; если бы повсюду они были устраняемы отъ общественныхъ должностей и почестей, — каковъ былъ бы патріотизмъ джентльменовъ съ рыжими волосами? И если бы, при этихъ обстоятельствахъ, сдѣлано было предложеніе о допущеніи рыжихъ людей къ должностямъ, — какую поразительную рѣчь могъ бы сказать краснорѣчивый поклонникъ старинныхъ нашихъ учрежденій противъ столь революціонной мѣры! „Эти люди — могъ бы онъ сказать — едва ли считаютъ себя англичанами. Они считаютъ рыжаго француза или рыжаго нѣмца болѣе близкимъ себѣ, чѣмъ черноволосаго человѣка, родившагося въ ихъ собственномъ приходѣ. Если чужой монархъ покровительствуетъ рыжимъ волосамъ, то эти люди любятъ его болѣе, чѣмъ своего природнаго короля. Они не англичане; они не могутъ быть англичанами; это запрещено природой; опытъ доказываетъ, что это невозможно. Права на политическую власть они вовсе не имѣютъ; ибо никто не имѣетъ права на политическую власть. Пусть они пользуются личною безопасностью; пусть ихъ собственность находится подъ защитою закона. Но если они станутъ домогаться участія въ управленіи общиною, которой они только вполовину члены, общиною, которой конституція существенно черноволосая, то мы можемъ отвѣтить имъ словами нашихъ мудрыхъ предковъ: nolumus leges Angliae mutari“ (стр. 310).

Какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не измѣнявшій себѣ никогда, могъ написать и страницы, приведенныя нами изъ статьи о евреяхъ, и письмо къ сѣверо-американцу? Какъ онъ не замѣтилъ, что самъ опровергаетъ себя? Отвѣтъ заключается въ одномъ словѣ: авторъ письма къ сѣверо-американцу и статьи о евреяхъ былъ вигъ. Это значитъ: онъ былъ человѣкъ, по преданію продолжавшій повторять прогрессивныя убѣжденія, а на дѣлѣ бывшій консерваторомъ. Предоставленіемъ политическихъ правъ евреямъ не производилось на дѣлѣ никакой важной перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ; въ этомъ случаѣ консервативные интересы молчали, и не мѣшали проявленію слѣдовъ прежней прогрессивности.

Такова сущность нынѣшняго англійскаго вигизма: быть прогрессивнымъ въ мелочахъ, не имѣющихъ важности въ государственной жизни; быть консервативнымъ во всемъ важномъ. Читатель понимаетъ, что мы вовсе не хотимъ высказывать этимъ своей симпатіи или антипатіи къ вигизму. Мы хотимъ только опредѣлить его сущность. Мы не знаемъ и не хотимъ знать, полезное или вредное вліяніе имѣютъ виги на ходъ общественной жизни въ Англіи. Мы говоримъ о вигизмѣ, какъ общественномъ принципѣ, только для того, чтобы разъяснить характеръ воззрѣній Маколея на человѣческія дѣла.

Digitized by Google

Зная теперь, какую роль играетъ въ его убѣжденіяхъ прогрессивный элементъ, мы имѣемъ полное право опровергнуть тѣхъ, которые захотѣли бы, обманувшись нѣкоторыми отдѣльными строками или тирадами Маколея, видѣть въ немъ писателя, стоявшаго на сторонѣ радикальнаго либерализма. Правда, у него есть мѣста, которыя могутъ быть перетолкованы въ либеральномъ смыслѣ, если будутъ вырваны изъ связи текста; но должно будетъ только сообразить, къ какимъ фактамъ относитъ онъ самъ эти слова, какое консервативное ограниченіе получаютъ они отъ предмета его рѣчи, и увидимъ, что они не мѣшаютъ оставаться ему писателемъ консервативнымъ. Напримѣръ, въ статьѣ о Мильтонѣ находится тирада о свободѣ, съ уподобленіемъ, взятымъ изъ сказки о феѣ, которая иногда принимала отвратительный видъ, но скоро становилась опять феей. Въ художественномъ отношеніи сравненіе, заимствованное изъ Аріосто, надобно назвать очень картиннымъ; но предметъ, по поводу котораго дѣлается оно, отнимаетъ у него всякую излишнюю (если можно такъ выразиться) заносчивость. Маколей тутъ говоритъ о событіяхъ, происходившихъ за 200 лѣтъ до нашего времени и кончившихся утвержденіемъ нынѣшней династіи на англійскомъ престолѣ и нынѣшняго государственнаго порядка. Мысль Маколея та, что происходили въ этомъ отдаленномъ прошедшемъ нѣкоторые безпорядки, но что совокупность событій тогдашняго времени вела къ утвержденію нынѣшняго порядка, который онъ и защищаетъ съ усердіемъ истиннаго консерватора. Читатель знаетъ, что, по различію условій общественнаго быта, подробности консервативныхъ убѣжденій въ разныхъ странахъ различны. Возьмемъ, напримѣръ, законы о наслѣдствѣ. По англійскому закону недвижимое имущество отца, умершаго безъ завѣщанія, отдается одному старшему сыну; по французскому закону оно въ этомъ случаѣ дѣлится поровну между всѣми дѣтьми, какъ сыновьями, такъ и дочерями; по русскому закону дочерямъ выдѣляется по опредѣленной (одной четырнадцатой) части, а все остальное дѣлится поровну, уже между только сыновьями. Въ чемъ же теперь состоитъ консерватизмъ англичанина, француза и русскаго по убѣжденіямъ, касающимся закона о наслѣдствѣ? Англичанинъ-консерваторъ будетъ защищать право первородства противъ стремленій замѣнить его способомъ французскаго или русскаго раздѣла; французъ-консерваторъ долженъ защищать равный раздѣлъ между дочерями и сыновьями противъ русскаго назначенія дочерямъ извѣстной доли и противъ права первородства; русскій-консерваторъ также долженъ защищать существующій у насъ способъ раздѣла противъ французскаго способа и противъ права первородства. Изъ этого мы видимъ, что въ частныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ предметахъ консерваторы разныхъ странъ могутъ расходиться между собою; но неужели они должны считать другъ-друга людьми дурныхъ убѣжденій изъ-за этой разницы? неужели они должны не понимать, что подъ наружнымъ разнорѣчіемъ въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ лежитъ во всѣхъ нихъ одно и то же коренное убѣжденіе, соединяющее всѣхъ ихъ въ одну дружескую компанію? Въ самомъ дѣлѣ, какова сущность мысли каждаго изъ нихъ? „Установленный порядокъ наслѣдства или безусловно хорошъ, или по крайней мѣрѣ преимущества другихъ порядковъ надъ нимъ не такъ велики, чтобы стоило изъ-за этого хлопотать о передѣлкѣ, подвергать общество трудамъ или неудобствамъ, какія соединены съ перемѣною“. То же надобно сказать и обо всѣхъ другихъ отношеніяхъ общественной жизни. По каждому изъ нихъ консерватизмъ можетъ имѣть въ разныхъ странахъ разныя убѣжденія, но по каждому

Digitized by Google

всѣ эти различныя убѣжденія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ въ консервативныхъ людяхъ всѣхъ странъ. Такъ и Маколей по духу своему не говоритъ ничего, противорѣчащаго консерватизму, когда, защищая существующій въ Англіи порядокъ, защищаетъ и событія эпохи, основавшей этотъ порядокъ. Въ установившихся отношеніяхъ, которыя видитъ на своей родинѣ, Маколей не хочетъ перемѣны, а если писатель, проникнутый такимъ духомъ, и разнорѣчитъ въ словахъ съ консерваторами другихъ странъ, то по сущности мыслей онъ не враждебенъ имъ,—напротивъ, сходенъ съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, главная важность не въ томъ, хвалить или порицать извѣстный фактъ или извѣстныхъ людей, а въ томъ, какъ понимать ихъ, съ какой стороны хвалить и съ какой порицать. Обыкновенно фактъ имѣетъ множество сторонъ, различныхъ по своему значенію; дѣятельность человѣка точно такъ же. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитый наполеоновскій „Кодексъ". Онъ представляетъ собою передѣлку законовъ, изданныхъ или приготовленныхъ предшествовавшими Наполеону собраніями; передѣлка эта совершена съ заботою по возможности изгладить ихъ рѣзкій революціонный характеръ. Человѣкъ какой бы то ни было партіи можетъ хвалить или порицать этотъ кодексъ, стотря по тому, какую сторону его выдвинетъ онъ на первый планъ. Французскій легитимистъ будетъ хвалить его, если почтетъ, что въ тогдашнее время нельзя было сдѣлать ничего бóльшаго для сглаженія анархическихъ началъ, введенныхъ прежними собраніями во французское законодательство; онъ будетъ порицать его, если станетъ думать, что можно было сдѣлать тогда больше шаговъ къ возстановленію прежнихъ законовъ. Анархистъ можетъ хвалить тотъ же кодексъ, если убѣдится, что характеръ законовъ, изданныхъ предшествующими собраніями, мало измѣненъ въ немъ; будетъ порицать его, если убѣдится въ противномъ. Отъ факта обратимся къ дѣятелю—къ Наполеону I. Онъ былъ простолюдинъ, управлявшій государствомъ съ безусловною властію. Легитимистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ уничтожилъ республику, заставилъ молчать представительное собраніе, не дозволялъ говорить ничего противъ власти. Анархистъ можетъ восхищаться имъ за то, что онъ производилъ свою власть отъ народнаго выбора, и дѣйствовалъ революціоннымъ способомъ. Тотъ же анархистъ можетъ и порицать его за то самое, за что хвалитъ легитимистъ; тотъ же легитимистъ—порицать за то, за что хвалитъ анархистъ.

Повторяемъ, важность не въ томъ, какіе факты и какихъ людей хвалитъ или порицаетъ писатель, а въ томъ, какія стороны этихъ людей или фактовъ онъ выставляетъ на первый планъ.

Такъ и Маколею приходится иногда имѣть симпатію къ фактамъ и лицамъ, не представляющимся хорошими для консерваторовъ другихъ странъ,—чтожъ дѣлать! каждая національность имѣетъ свои особенности; онъ англичанинъ, и, въ качествѣ англичанина, ему извинительно многое, что было бы не извинительно во французѣ, какъ, наоборотъ, французу бываетъ извинительно многое, неизвинительное англичанину. Напримѣръ, вѣдь не порицаемъ мы англійскихъ газетъ за то, что онѣ постоянно наполняютъ множество колоннъ описаніями конскихъ скачекъ: а во французскихъ газетахъ это было бы несносно. Наоборотъ, нестерпимо показалось бы вамъ въ англійскихъ газетахъ постоянное наполненіе множества колоннъ разборами театральныхъ представленій, а во французскихъ газетахъ театральные фельетоны не составляютъ нелѣпости. Точно такъ Маколей въ качествѣ англича-

Digitized by Google

нина писалъ иногда страницы, которыхъ не написалъ бы консерваторъ какой нибудь другой націи. Но, повторяемъ, надобно только вникнуть, какую сторону лицъ и событій выставлялъ онъ на первый планъ, и мы простимъ ему многое.

Напримѣръ, главнымъ предметомъ своихъ занятій выбралъ онъ новую исторію Англіи съ половины XVII вѣка. Много лѣтъ жизни употребилъ онъ на исполненіе мысли написать ее; но успѣлъ описать только послѣдніе годы XVII вѣка. Прежде того много лѣтъ употребилъ онъ на приготовленіе къ этому труду, и естественно написалъ о томъ же періодѣ нѣсколько статей, пока еще не начиналъ писать исторію. Такимъ образомъ въ собраніи его сочиненій всего больше мѣста занято переворотомъ 1688 года, его причинами и послѣдствіями. Какую же сторону этого событія выставляетъ онъ на первый планъ? Сущность дѣла, по его изложенію, состояла въ томъ, что прекращены были нарушенія существовавшихъ законовъ; успѣхъ дѣла, то есть огражденія силы существующихъ законовъ, зависѣлъ оттого, что при исполненіи соблюдена была величайшая умѣренность; главнымъ обезпеченіемъ успѣха послужило то, что осталась неприкосновенна прежняя форма государственнаго устройства. Словомъ сказать, по изложенію Маколея выходитъ, что сущность дѣла была консервативна, и успѣхъ дѣла произошелъ отъ его консервативности. Можно ли порицать такого историка?

Да, нельзя порицать его за сущность его воззрѣнія, общую нынѣшнимъ вигамъ съ прежними ихъ противниками тори. Нѣтъ нужды, что тори порицаютъ событія, превозносимыя вигами,—виги изображаютъ ихъ съ такой стороны, которую стали бы хвалить и тори, если бы вздумали, подобно нынѣшнимъ вигамъ, выставлять ее на первый планъ. Разница только въ томъ, что тори не соглашаются, будто бы эта сторона дѣла была существенною его стороною. Но тутъ, какъ видитъ читатель, разница между вигами и тори имѣетъ уже чисто техническій, спеціальный, если можно такъ выразиться, археологическій характеръ, имѣетъ значеніе не общественное, а чисто ученое.

Съ ученой стороны, съ логической стороны Маколей, надобно признаться, не правъ. Нынѣшній вигизмъ можетъ имѣть большинство въ палатѣ общинъ, можетъ быть для англійской общественной жизни менѣе неудобенъ, чѣмъ торизмъ; но въ научномъ отношеніи онъ не выдерживаетъ критики, потому что вовсе не послѣдователенъ. Онъ отрицаетъ въ настоящемъ то, что признаетъ въ прошедшемъ, онъ допускаетъ въ мелкихъ дѣлахъ то, что отвергаетъ въ важныхъ,—въ наукѣ это не годится; она требуетъ строгой выдержанности принциповъ. Виги могутъ быть благоразумными министрами, но неблагоразумно поступитъ вигъ, если захочетъ проводить нынѣшній вигизмъ въ наукѣ, какъ дѣлалъ Маколей. Тутъ нужно было бы уважать логику и сдѣлать прямой выборъ: или, оставаясь вѣрнымъ основанію нынѣшняго вигизма, сдѣлаться тори,—потому что нынѣшніе виги тѣ же тори, лишь не логичные тори,—или, оставаясь вѣрнымъ преданію старыхъ виговъ, отвергнуть торійскія чувства нынѣшнихъ виговъ, на которыхъ мало походили Гампденъ и Пимъ, Альджернонъ-Сидни и Фоксъ. Маколей не замѣтилъ научной надобности такого выбора. Это значитъ, что онъ не имѣлъ такой силы ума, какая нужна человѣку, чтобы былъ онъ самостоятельнымъ мыслителемъ. Онъ превосходно развивалъ мысли, но чужія мысли.

Но если Маколей не имѣетъ первостепеннаго достоинства какъ мыслитель, то мы ни мало не думаемъ отрицать въ немъ ни тонкости и практичности ума, ни

Digitized by Google

способности превосходно аргументировать, ни богатства частныхъ наблюденій надъ человѣческимъ сердцемъ, ни близкаго знакомства съ ходомъ человѣческихъ дѣлъ: можно быть человѣкомъ очень замѣчательнаго ума, не будучи мыслителемъ, можно быть удивительнымъ знатокомъ жизни, не умѣя подмѣчать кореннаго ея смысла. Таковъ былъ Маколей. Но писатель замѣчательнаго ума, очень тонко знающій жизнь, всегда будетъ поучителенъ, каковы бы ни были научные его недостатки. Не забудемъ еще одного качества, о которомъ и нельзя забыть: Маколей—англичанинъ. Если кому нибудь изъ насъ и не кажутся справедливы его мнѣнія о многихъ предметахъ, то всеже очень важно для насъ знать, какими особенностями отъ консерватизма другихъ странъ отличается англійскій консерватизмъ; а ни отъ какого другаго писателя мы не можемъ узнать это такъ легко и съ такимъ наслажденіемъ, какъ отъ Маколея.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія. Составилъ *М. Барановичъ*. Спб. 1860 г.

Въ предисловіи къ изданному теперь тому „Матеріаловъ, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба“ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и планѣ сборника, обѣщающаго быть очень важнымъ для науки.

Военное министерство и въ особенности генеральный штабъ постоянно встрѣчали потребность въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи. Потому въ 1836 г. Высочайше повелѣно было генеральному штабу составлять и черезъ каждые три года исправлять и пополнять военно-статистическія обозрѣнія губерній и областей Россійской имперіи. Для этихъ обозрѣній дана была общая программа, по которой описаніе каждой губерніи или области должно было состоять изъ двухъ частей: одна заключала въ себѣ „общія“ статистическія и географическія свѣдѣнія, другая — свѣдѣнія спеціальныя по предметамъ вѣдомствъ генеральнаго штаба, провіантскаго и коммиссаріатскаго. По такой системѣ съ 1837 до 1854 г. были сдѣланы три изданія военно-статистическихъ описаній 69 губерній и областей имперіи; два первыя изданія были литографированы, а третье напечатано, но только для исключительнаго употребленія главныхъ военныхъ управленій, а въ публику эти изданія не выпускались.

Въ 1856 году, по заключеніи мира, были возобновлены, но уже на новыхъ основаніяхъ, статистическія работы генеральнаго штаба, пріостанавливавшіяся во время войны. Признано было, что работы эти заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній, могущихъ быть обнародованными и служить полезными матеріалами для ученыхъ; потому съ 1857 года онѣ производятся въ размѣрахъ, обширнѣйшихъ прежняго, съ тѣмъ, чтобы одна ихъ часть, подъ названіемъ статистическаго описанія, печаталась для публики, и только другая часть, собственно военное обозрѣніе, издавалась для исключительнаго употребленія военнаго министерства. „Недостатокъ въ офицерахъ (говорится въ предисловіи) и разныя другія затрудненія, неизбѣжныя при исполненіи столь обширныхъ работъ, были причиною, что работы эти не могли начаться одновременно во всей имперіи, но въ 1858 году производились уже въ большей части губерній и областей, а нынѣ производятся почти во всѣхъ частяхъ Россіи, и нѣкоторыя изъ нихъ уже окончены; прочія же ведутся съ различною степенью успѣха“. Описаніе Рязанской губерніи составляетъ начало предположеннаго изданія. Предисловіе оканчивается словами: „Издавая послѣдовательно въ свѣтъ, по мѣрѣ окончанія, прочіе томы „Матеріаловъ для Географіи и Статистики Россіи“, департаментъ генеральнаго штаба надѣется, что труды

Digitized by Google

офицеровъ генеральнаго штаба приготовятъ полезный матеріалъ для изученія Россіи и послужатъ хорошимъ основаніемъ для дальнѣйшихъ географическихъ и статистическихъ изслѣдованій".

Мы можемъ прибавить, что, судя по всему, надежда департамента генеральнаго штаба оправдается. Мы думаемъ такъ, во-первыхъ, потому, что имѣли случай знать нѣкоторыхъ изъ числа офицеровъ, отправившихся для описанія губерній: образованность и добросовѣстность ихъ ручаются за хорошее исполненіе возложенной на нихъ работы, и мы увѣрены, что всѣ ихъ товарищи по этой работѣ имѣютъ такія же достоинства. Вторымъ основаніемъ предсказывать хорошій успѣхъ дѣлу служитъ первый образчикъ его — „Описаніе Рязанской губерніи", составленное г. Барановичемъ и находящееся теперь въ нашихъ рукахъ.

По своему спеціальному характеру, книга эта будетъ прочитана всѣми конечно въ одной Рязанской губерніи, а за ея границами будетъ читаема только спеціалистами. Поэтому считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь ея оглавленіе, которое познакомитъ читателя съ программою всего начинающаго теперь изданія.

Изложивъ въ „Историческомъ введеніи" исторію края, составляющаго нынѣ Рязанскую губернію, г. Барановичъ въ первой главѣ своего описанія излагаетъ географію и топографію Рязанской губерніи съ большою подробностью. Во 2-й главѣ говорится о числѣ жителей, движеніи народонаселенія, представляется очеркъ физическихъ, нравственныхъ и гражданскихъ качествъ всего рязанскаго населенія вообще, и въ отдѣльности каждаго сословія. 3-я глава содержитъ также очень подробныя свѣдѣнія о промышленности; 4-я глава—о состояніи образованности рязанскаго населенія; 5-я глава описываетъ его внутренній и внѣшній бытъ, 6-я глава—управленіе, а 7-я глава содержитъ „свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстахъ вообще, и описаніе городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ въ особенности". Тутъ, между прочимъ, помѣщенъ полный списокъ „селеніямъ Рязанской губерніи, имѣющимъ болѣе 100 дворовъ", и селеніямъ, въ которыхъ находятся „фабрики и заводы, базары и ярмарки, почтовыя станціи и этапные пункты, становыя квартиры и волостныя и сельскія управленія, монастыри, церкви, раскольничьи молельни и мечети, училища и богадѣльни, пристани, водяныя мельницы и другіе замѣчательные предметы".

Надобно сказать, что г. Барановичъ исполнилъ эту программу очень добросовѣстно. Онъ воспользовался всѣми существовавшими пособіями для изученія Рязанской губерніи и, какъ видно по результатамъ, не жалѣлъ труда при собираніи личными изслѣдованіями свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, по которымъ существовавшіе матеріалы оказывались недостаточны.

Мы конечно не можемъ здѣсь пересмотрѣть все содержаніе толстаго тома, составившагося изъ его трудовъ. Остановимся лишь на очень немногихъ страницахъ книги.

Во всей средней полосѣ средней Россіи, а въ особенности въ подмосковныхъ губерніяхъ, жалуются на истребленіе лѣсовъ. Рязанская губернія представляетъ цифры, слишкомъ хорошо показывающія быстрый ходъ этого зла. Со времени генеральнаго межеванія въ теченіе 80 лѣтъ истреблена ровно третья часть лѣсовъ, существовавшихъ тогда въ Рязанской губерніи. Изъ 3,690,021 десятинъ всего пространства губерніи, по генеральному межеванію лѣсами было занято 1,413,426 десятинъ, а теперь показывается въ отчетахъ уже только 942,393 десятины лѣса;

Digitized by Google

изъ этого слѣдуетъ, что количество земли, занятой лѣсомъ, уменьшилось на 471,033 десятины. Люди, находящіе достаточнымъ повторять бездоказательныя фразы одной изъ экономическихъ школъ, враждебной общинному поземельному владѣнію, прямо толкуютъ, не справившись съ фактами, будто-бы въ истребленіи лѣсовъ виновато наше общинное землевладѣніе, а частная собственность сохраняетъ у насъ лѣса. Мы имѣли когда-то случай объяснять, что это бывало до сихъ поръ у насъ какъ разъ наоборотъ, что лѣса принадлежащіе государству или находившіеся въ пользованіи у общинъ сохранялись и сохраняются хорошо или дурно, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ лѣса частныхъ владѣльцевъ. Книга Барановича представляетъ новое подтвержденіе тому. Вотъ его слова:

„Относительно пользованія лѣсомъ не соблюдается никакой правильности. Казенные лѣса стоятъ почти нетронутыми и сохраняются, хотя нѣкоторые изъ нихъ, при разсчитанномъ оборотѣ рубки, могли бы имѣть постоянный и выгодный сбытъ на чугуноплавильные и стеклянные заводы, тѣмъ болѣе, что собственно заводскіе лѣса почти истреблены, а сосѣднія дачи частныхъ владѣльцевъ находятся въ скудномъ состояніи. Что же касается до помѣщичьихъ лѣсовъ, то они, какъ было уже сказано, рубятся безъ всякаго порядка. Сбереженіе лѣсовъ и вообще сколько нибудь правильное лѣсохозяйство замѣчается еще у тѣхъ владѣльцевъ, которыхъ хозяйство находится вообще въ хорошемъ положеніи; но такихъ немного; большею же частію помѣщики, стараясь извлечь хотя временную, но сколь возможно большую пользу, при первомъ представившемся случаѣ для выгоднаго сбыта продаютъ свои лѣса цѣликомъ разнымъ промышленникамъ, съ условіемъ совершеннаго истребленія.“

Изъ главы о движеніи народонаселенія мы отмѣтимъ одно очень основательное замѣчаніе г. Барановича. По десятой ревизіи 1858 г. въ Рязанской губерніи оказывался нѣкоторый перевѣсъ числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ; точно то же было по 9 ревизіи (1850 года). Между тѣмъ по свѣдѣніямъ о количествѣ раждающихся и умирающихъ слѣдовало-бы ожидать противнаго. Г. Барановичъ говоритъ:

„Свѣдѣнія, заимствованныя изъ дѣлъ рязанской духовной консисторіи, о количествѣ ежегодно заключаемыхъ браковъ, рождающихся и умирающихъ, имѣются за нѣсколько лѣтъ. Средній выводъ изъ нихъ показываетъ, что перевѣсъ рожденій бываетъ всегда на сторонѣ мужскаго пола. Среднимъ числомъ за 14 лѣтъ родилось:

мальчиковъ . .	29,127
дѣвочекъ . . .	28,044
разница . . .	1,083

„Слѣдовательно перевѣсъ рожденій въ пользу мужскаго пола довольно значителенъ; между тѣмъ какъ число умершихъ и мужскаго и женскаго половъ совершенно одно и то же, именно по тѣмъ же выводамъ умерло:

мужскаго пола . . .	18,222
женскаго пола . . .	18,239

„Изъ этого слѣдуетъ, что въ массѣ народонаселенія губерніи мужской полъ долженъ быть многочисленнѣе женскаго; но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Причина этому ясная —убыль народонаселенія отъ рекрутскихъ наборовъ, войнъ, разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, часто очень гибельныхъ для здоровья, касается одного только мужскаго пола.“

Вліяніе послѣдней причины, именно разныхъ промысловъ за предѣлами губерніи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Рязанскіе поселяне, уходящіе на промыслы

Digitized by Google

въ Москву, Петербургъ и проч., конечно умираютъ въ нѣкоторомъ числѣ за предѣлами губерніи, и эти умирающіе не вносятся въ метрическія книги Рязанской эпархіи. Но не отъ этой причины происходитъ, что число мужчинъ въ Рязанской губерніи оказывались въ послѣднія десятилѣтія меньше числа женщинъ. Въ концѣ прошлаго вѣка или въ началѣ нынѣшняго рязанцы также уходили на промыслы въ другія губерніи, а между тѣмъ по пятой и шестой ревизіямъ (1796 и 1812 гг.) численность мужскаго пола была больше женскаго. По переписи 1812 года, произведенной до начала войны, въ губерніи было слишкомъ на 20 тысячъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Усиленные наборы 1812, 1813 и 1814 гг. уничтожили почти весь этотъ перевѣсъ: по 7 ревизіи (1815 г.) количество мужчинъ превышало количество женщинъ на 830 человѣкъ. Въ слѣдующіе годы бралось меньше рекрутъ, и излишекъ мужскаго населенія сравнительно съ женскимъ по 8 ревизіи (1833 г.) простирался до 3,850 человѣкъ. Но послѣ того рекрутскіе наборы усилились, и въ 1850 г. (по 9 ревизіи) въ мужскомъ населеніи сравнительно съ женскимъ оказался уже недочетъ въ 10 тысячъ человѣкъ. За 1850 г. слѣдовали годы крымской войны, въ теченіе которыхъ этотъ недочетъ конечно еще увеличился; но въ два послѣдніе года передъ 10 ревизіею не производилось наборовъ, и потому недочетъ уменьшился съ 10 тысячъ человѣкъ до 5 тысячъ человѣкъ.

Дѣлая очеркъ нравственныхъ качествъ рязанскаго сельскаго населенія, г. Барановичъ замѣчаетъ въ населеніи двухъ половинъ губерніи, земледѣльческой и промышленной, обыкновенныя черты различія, производимыя разницею между неподвижнымъ бытомъ земледѣльца и болѣе подвижною жизнію мастероваго или фабричнаго работника; но говоритъ, что, независимо отъ этихъ различій, есть черты, общія всему сельскому населенію Рязанской губерніи,—черты, принадлежащія поселянину и всѣхъ прочихъ великороссійскихъ губерній. „Надежда на Промыслъ (говоритъ г. Барановичъ) служитъ ему (рязанскому и вообще великорусскому поселянину) лучшимъ утѣшеніемъ въ тяжкіе дни невзгоды“.

„Повиновеніе къ властямъ и довѣріе къ обществу суть тоже отличительныя его свойства. Говоря правду, примѣры ослушанія и неповиновенія довольно рѣдки, и случаются болѣе, какъ вынужденные чрезмѣрными требованіями или вслѣдствіе недоразумѣній. Крестьянинъ вполнѣ довѣряетъ обществу, среди котораго живетъ, зная, что оно не обманетъ его, но въ иныхъ случаяхъ жизни смотритъ на многое подозрительно и недовѣрчиво, и въ этомъ конечно нельзя обвинять русскаго человѣка, по природѣ добраго и простодушнаго“ (стр. 136).

Надобно отдать полную справедливость умѣнью г. Барановича понимать народъ: какихъ вздоровъ не разсказываютъ о нашемъ поселянинѣ люди, обыкновенно порицающіе его, и даже люди, обыкновенно восхищающіеся имъ, — какихъ пустяковъ не разсказываютъ они о тѣхъ сторонахъ его характера, которыя такъ вѣрно отмѣчаетъ г. Барановичъ въ немногихъ приведенныхъ нами словахъ. Отъ порицателей и панегиристовъ русскаго поселянина мы обыкновенно слышимъ увѣренія, будто бы онъ недовѣрчивъ къ людямъ, носящимъ нѣмецкое платье. Само собою разумѣется, что никакой разсудительный и опытный человѣкъ, хотя бы былъ поселянинъ или мѣщанинъ, помѣщикъ или купецъ, офицеръ или чиновникъ, не станетъ съ перваго же слова раскрывать вамъ свое сердце, высказывать вамъ свои чувства и надежды, не узнавъ предварительно, расположены ли вы его слушать и готовы ли сочувствовать ему; но человѣку, одѣтому въ какое бы то ни было платье,

Digitized by Google

не только нѣмецкое, а хотя бы грузинское, или турецкое, или даже славянофильское, и не только русскому человѣку, но и всякому человѣку, умѣющему говорить по-русски, нужно ровно столько же времени, ни больше, ни меньше, на то, чтобы сойтись съ поселяниномъ, какъ и на то, чтобы сойтись съ русскимъ мѣщаниномъ или купцомъ, или просто образованнымъ человѣкомъ. Сядьте за столъ въ ресторанѣ съ людьми образованнаго общества, сядьте за столъ на постояломъ дворѣ съ проѣзжими мужиками,—все равно разговоръ вашъ съ сосѣдомъ будетъ нѣсколько минутъ вертѣться на общихъ фразахъ, и все равно, черезъ нѣсколько минутъ, онъ будетъ проникнутъ довѣрчивостію или прямодушіемъ, если вообще вы сами таковы, что можете внушить довѣріе человѣку какого нибудь званія. Сблизиться съ мужикомъ человѣку изъ образованнаго общества не труднѣй и не легче, чѣмъ сблизиться съ человѣкомъ своего сословія. Но, разумѣется, для этого нужно, чтобы вы находились къ нему просто въ отношеніяхъ добраго знакомаго къ доброму знакомому, а не въ какихъ нибудь дѣловыхъ отношеніяхъ, въ которыхъ откровенность становится источникомъ невыгодъ для него, — въ этомъ опять мужикъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другаго человѣка: если говорить ему вредно, онъ будетъ удерживаться отъ лишнихъ рѣчей. Точно также и купецъ не будетъ говорить съ вами о своей торговлѣ, чиновникъ о своей службѣ, если долженъ будетъ ожидать, что извлеченныя изъ разговора съ нимъ свѣдѣнія намѣрены вы обратить во вредъ ему. Что тутъ особеннаго? Но, говорятъ, трудно убѣдить мужика, что вы не имѣете намѣренія обратить во вредъ ему его довѣріе. Ничуть не труднѣе, чѣмъ всякаго другаго человѣка; напротивъ, даже легче, потому что онъ сильнѣе всякаго будетъ расположенъ въ вашу пользу, когда въ вашемъ разговорѣ съ нимъ будетъ дружелюбная ласковость, безъ чванной снисходительности. Точно такъ же можно было бы перебрать одну за другою всѣ черты, указываемыя въ поселянинѣ короткими, но вѣрными словами сдѣланной нами выписки: готовность слушаться всякаго разсудительнаго совѣта, всякаго справедливаго требованія и т. д. Изъ всѣхъ этихъ чертъ мы считаемъ удобнымъ вникнуть нѣсколько поближе только въ одну, которую г. Барановичъ называетъ довѣріемъ къ обществу; да и эту черту разсмотримъ лишь съ одной стороны, — со стороны отношеній великорусскаго поселянина къ способу землевладѣнія, обычному у насъ.

Г. Барановичъ раздѣляетъ мнѣніе многихъ нашихъ экономистовъ, будто бы общинное землевладѣніе не выгодно. Тѣмъ достовѣрнѣе отзывъ его о расположеніи великорусскихъ поселянъ къ общинному землевладѣнію. Мы приведемъ изъ его книги вполнѣ весь отрывокъ объ этомъ предметѣ.

„Земли, предоставленныя въ пользованіе крестьянъ, дѣлятся между ними по ровну; въ казенныхъ имѣніяхъ по числу ревизскихъ душъ, а въ помѣщичьихъ по количеству тяголъ или наличныхъ работниковъ. У государственныхъ крестьянъ дѣлежъ земли бываетъ обыкновенно послѣ ревизіи; послѣ чего каждый владѣетъ своимъ участкомъ до слѣдующей ревизіи, то есть до новаго раздѣла земель. Если же, по какимъ нибудь причинамъ, въ селеніи произошла значительная убыль населенія, то, не дожидаясь ревизіи, въ селеніи дѣлается общій передѣлъ земель между оставшимися ревизскими душами. Самый процессъ дѣлежа въ казенныхъ селеніяхъ слѣдующій. Сперва разбиваютъ земли на десятины и сортируютъ, по достоинству, на нѣсколько разрядовъ. При этой сортировкѣ принимаютъ въ разсчетъ не одно качество почвы, но и отдѣльность земель отъ усадьбъ, однимъ словомъ, всѣ выгоды и неудобства дачи. Послѣ того общество, то есть ревизскія души, между которыми производится дѣлежъ, подраздѣляется на равныя части. Части эти называются *вытями* или *службами*, и какъ число ихъ, такъ и число заключаю-

Digitized by Google

щихся въ нихъ душъ произвольно; 200 душъ, напримѣръ, дѣлятся на 4 или на 5 вытей, по 50 или по 40 душъ въ каждой; если же въ селеніи 203 души, то остающіяся отъ разсчета три души называются *завытными* и надѣляются землей особо. Раздѣлившись на выти, общество, по числу этихъ послѣднихъ, дѣлитъ и каждаго сорта землю на равныя части, и потомъ бросаетъ жребій, какой участокъ земли во всѣхъ разрядахъ какой выти достанется. Каждая выть, получивъ землю, опять сортируетъ ее по качеству на разряды и всѣ полученные отъ общества участки дѣлитъ по числу составляющихъ ее душъ, а потомъ рѣшаетъ жребіемъ, кому какимъ клочкомъ владѣть.

„Такимъ образомъ дѣлятся не однѣ пашни, но и всѣ угодья, за исключеніемъ лѣсовъ, выгоновъ, иногда и луговъ, остающихся въ общемъ пользованіи. Земли находящіяся подъ усадьбами тоже раздѣляются по душамъ; но занятыя дворами, огородами и садами остаются безъ перемѣны; при раздѣлѣ сихъ послѣднихъ, крестьяне по условію вознаграждаютъ одинъ другаго участками лучшихъ пахотныхъ земель, коноплянниковъ и пр.

„Отъ подобнаго раздѣла поле выходитъ раздѣленное на полосы, шириною въ 2 и $1^1/_2$ саж., иногда и уже. Дробность полосъ часто бываетъ очень велика, но это не стѣсняетъ крестьянъ; они заботятся только, чтобы при дѣлежѣ вся земля, худая и хорошая, была распредѣлена между ними по качествамъ своимъ по возможности равномѣрно; если же случается, что иному не посчастливится и достанется дурная земля, то общество принимаетъ въ немъ участіе и вознаграждаетъ его небольшими деньгами.

„Подобный же способъ раздѣла земли между крестьянами существуетъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, съ тою только разницею, что земля дѣлится не по числу душъ, а по числу тяголъ, отчего участки дѣлаются не такъ дробны и самый раздѣлъ производится проще; кромѣ того, въ раздѣлѣ земель между крестьянами принимаетъ непосредственное участіе самъ помѣщикъ, или поставленный имъ бурмистръ. Общій передѣлъ земли, или перекладка тяголъ, вредящій крестьянскому хозяйству, дѣлается очень рѣдко: обыкновенно тягло владѣетъ доставшеюся ему землею долгое время; затяглые же, не имѣя земли, живутъ при семействахъ, помогая имъ или пріобрѣтая деньги на сторонѣ. Если же тягло въ деревнѣ, по какой нибудь причинѣ, уничтожилось, то земля, имъ оставленная, передается по жребію или по волѣ помѣщика одному изъ затяглыхъ, который съ этихъ поръ несетъ тягло.

„Въ оброчныхъ имѣніяхъ помѣщики предоставляютъ въ пользованіе крестьянъ всю свою землю и за это, по условію, получаютъ извѣстный оброкъ съ тягла; въ имѣніяхъ же барщинныхъ каждое тягло надѣляется среднимъ числомъ двумя десятинами въ каждомъ полѣ, и за это обязано обработывать такое же количество земли господской, употребляя для этого своихъ лошадей, упряжь и земледѣльческія орудія Въ большей части имѣній, земли между помѣщикомъ и крестьянами дѣлятся по-ровну; въ рѣдкихъ имѣніяхъ барская запашка превосходитъ крестьянскую. Кромѣ пашенной земли, крестьяне несущіе тягло надѣляются отъ помѣщика частью луговъ для сѣнокоса, выгономъ для скота, огородомъ, коноплянникомъ и пр. Что касается до луговъ, то они дѣлятся такъ же какъ и пашни, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ много; большею же частью раздѣлъ покосовъ производится каждое лѣто, обыкновенно когда настанетъ время сѣнокосу. Чрезъ это много терпятъ луга, потому что никто не заботится объ ихъ осушеніи и очищеніи.

„Въ хозяйственномъ отношеніи подобные раздѣлы земель имѣютъ много неудобствъ. Крестьянинъ, не имѣя твердой увѣренности сохранить землю, воздѣланную его трудами, на-долго и передать ее потомству, дѣлается равнодушнымъ ко всѣмъ улучшеніямъ, если польза отъ нихъ предвидится только въ будущемъ; къ тому же раздробленіе крестьянскаго хозяйства, въ видѣ клочковъ земли, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, чрезвычайно затрудняетъ веденіе правильнаго хозяйства. Но, тѣмъ не менѣе, эта система раздѣла справедлива по совѣсти; крестьянинъ доволенъ ею и не тяготится ея недостатками, которые устраняетъ, по мѣрѣ возможности, своимъ практическимъ умомъ и довѣріемъ къ обществу. При дѣлежѣ случаются иногда ссоры и неудовольствія, но рѣдко были примѣры, чтобы крестьяне обращались къ властямъ съ просьбою разсудить ихъ въ дѣлежѣ земли“.

Изъ всего этого мы видимъ, что единственная практически невыгодная сторона общиннаго землевладѣнія въ Рязанской губерніи—обычай брать участокъ не

Digitized by Google

однимъ цѣлымъ кускомъ въ каждомъ полѣ, а дробить землю каждаго поля на столько разныхъ частей, сколько есть разныхъ сортовъ земли, и давать каждому по полосѣ въ каждомъ изъ такихъ кусковъ, такъ что подушный участокъ въ каждомъ полѣ составляется изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ полосъ, очень мелкихъ. Но это неудобство не имѣетъ никакой связи съ общиннымъ землевладѣніемъ: при существованіи частной собственности земля одного поселянина также можетъ состоять изъ множества разбросанныхъ мелкихъ кусковъ, какъ и видимъ мы во Франціи, гдѣ семейство поселянъ, владѣющее землею, имѣетъ свою землю, раздробленною среднимъ числомъ на 23 или 24 клочка, лежащіе врозь другъ отъ друга. При частной собственности эта вредная раздробленность никакъ не можетъ быть устранена безъ очень рѣзкихъ принудительныхъ мѣръ, и даже будучи разъ истреблена—тотчасъ же стала бы возникать вновь. Земли одного владѣльца никакъ нельзя собрать въ одинъ кусокъ безъ принудительнаго обмѣна или принудительнаго отчужденія и округленія административнымъ путемъ. Но разъ собравшись въ одно мѣсто, поземельное имущество сельской семьи тотчасъ же вновь стало бы получать видъ прежней разбросанности отъ разныхъ дробленій одного куска и соединеній въ однѣ руки разныхъ полосъ разныхъ кусковъ черезъ продажу, наслѣдство и переходъ въ приданое. Вредная разбросанность клочковъ лежитъ въ самой натурѣ такого поземельнаго устройства. Но при общинномъ землевладѣніи разрозненность клочковъ бываетъ лишь слѣдствіемъ того, что поселяне не замѣчаютъ вреда въ ней, то есть существуетъ лишь въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ не очень важенъ приносимый ею вредъ, и исчезаетъ, какъ скоро становится тяжела для поселянъ. Изъ Гакстгаузена мы знаемъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ неудобство разбросанныхъ полосъ стало чувствительно, поселяне наши уже перешли къ другому способу дѣлить участки по душамъ,—къ способу, при которомъ никогда невозможно явиться вредной разбросанности полосъ. Вмѣсто того, чтобы давать въ каждый подушный участокъ полосу каждаго сорта земли, поселяне опредѣляютъ относительное достоинство каждаго сорта земли и достигаютъ одинаковости подушныхъ участковъ тѣмъ, что одну десятину лучшей земли полагаютъ равняющеюся, напримѣръ, $1^1/_4$ десятины земли втораго сорта, и быть можетъ цѣлымъ тремъ десятинамъ самой худшей земли. При такомъ способѣ нарѣзыванія подушныхъ участковъ, каждый участокъ состоитъ изъ одного куска въ полѣ, и раздробленности уже никакой нѣтъ и быть не можетъ. Если рязанскіе поселяне еще не поступаютъ такимъ образомъ, это просто значитъ, что дробленіе на полосы еще не составляетъ для нихъ чувствительнаго неудобства. Г. Барановичъ говоритъ, какъ о слѣдствіи общиннаго владѣнія, еще о другомъ фактѣ,—о томъ, что они плохо удобряютъ землю; но это происходитъ отъ совершенно иной причины, какъ мы увидимъ сейчасъ.

Впрочемъ, мы замѣчаемъ все это лишь мимоходомъ. Здѣсь не мѣсто повторять мысли, давно и очень обширно изложенныя въ „Современникѣ“. Дѣло для насъ теперь въ томъ, что г. Барановичъ, не будучи расположенъ къ общинному землевладѣнію, прямо свидѣтельствуетъ однако, что „крестьянинъ доволенъ этою системою“, „не тяготится“ тѣми слѣдствіями ея, которыя г. Барановичъ называетъ недостатками, и которыя скорѣе надобно назвать просто различіями ея отъ системы частной собственности. Мало всего этого: самъ г. Барановичъ признается, что „эта система раздѣла справедлива по совѣсти“.

Digitized by Google

Извѣстно, что у насъ довольно плохо удобряются поля въ большей части тѣхъ губерній, земля которыхъ требуетъ удобренія. Есть люди, столь богатые воображеніемъ и привычные повторять безъ всякаго соображенія тирады изъ плохихъ французскихъ книжекъ, что приписываютъ это обстоятельство общинному землевладѣнію. Гораздо проще объяснять его тѣмъ, что наши поселяне бѣдны и не могутъ обзавестись достаточнымъ количествомъ скота, а помѣщики также почти всѣ издавна обременены долгами и по неразсчетливости не могли заняться хозяйствомъ какъ слѣдуетъ. О количествѣ и содержаніи скота у поселянъ Рязанской губерніи г. Барановичъ сообщаетъ намъ слѣдующее:

„Уходъ за скотомъ самый небрежный: скотъ никогда не чистится и не моется, солома бросается подъ ноги съ цѣлью увеличенія навоза, а не для того, чтобы доставить скоту сухую подстилку. Съ приготовленіемъ питательнаго корма и питья, а также съ употребленіемъ средствъ, предохраняющихъ скотъ отъ болѣзней, крестьяне почти незнакомы; воспитаніе молодыхъ животныхъ самое противуестественное, отчего большая часть ихъ умираетъ; наконецъ, для улучшенія породъ ничего не дѣлается; крестьяне нисколько не заботятся о томъ, чтобы общими силами пріобрѣтать хорошихъ быковъ для стадъ своихъ. Самое распложеніе животныхъ предоставлено природѣ; плодиться начинаютъ они прежде, чѣмъ достигнутъ полнаго развитія, отчего получается слабый и болѣзненный приплодъ, и порода съ каждымъ поколѣніемъ становится слабѣе и слабѣе.

„Очевидно, что при такомъ хозяйствѣ нельзя ожидать отъ скота большихъ выгодъ. Главная цѣль содержанія скота: полученіе навоза и на лѣтнее время молока. Мясная пища почти неизвѣстна крестьянамъ, въ городахъ же продовольствуются пригоннымъ скотомъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Земли Войска Донскаго. Масло получается въ маломъ количествѣ, и рѣдко можно найти такія хозяйства, въ которыхъ бы оно шло въ продажу и составляло предметъ дохода. Однимъ словомъ, рогатый скотъ держится крестьянами только для того, чтобы запастись навозомъ и пропитать себя молокомъ; но такъ какъ кормовыя средства весьма недостаточны, то крестьяне содержатъ самое ограниченное число головъ; въ большей части семействъ можно найти одну, двѣ и весьма рѣдко три коровы; такъ что и единственная цѣль содержанія рогатаго скота—накопленіе навоза далеко не достигается“.

Но, разумѣется, смѣшно было бы ожидать, чтобы поселянинъ доставлялъ своему скоту пищу лучше той, какую имѣетъ самъ, или устроивалъ жилища для скота теплѣе, чище и удобнѣе, чѣмъ въ какихъ живетъ самъ. Мы возьмемъ изъ книги г. Барановича слѣдующія очень вѣрныя замѣтки о пищѣ и жилищахъ рязанскихъ поселянъ.

„Обыкновенно пища крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ вседневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдней часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ: въ праздникъ пекутъ, изъ ржаной муки съ примѣсью пшеничной, такъ называемые пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни, варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны или просто молока; о заправѣ щей мукою, масломъ и крупами не многіе имѣютъ понятіе, и потому они выходятъ жидки и невкусны, вполнѣ суровыя. Каша бываетъ гречневая, пшенная и просяная молочная и съ постнымъ масломъ или толченымъ коноплянымъ сѣменемъ во время постовъ; употребленіе каши уже служитъ признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается до мясной пищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще менѣе; въ общемъ употребленіи она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ

Digitized by Google

праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина и севрюжина, и свѣжая: плотица, окунь, ершъ, пискарь, язь, карась, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи. по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма питательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола, еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; а въ сѣверныхъ уѣздахъ объ нихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи, безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ не разбирая зрѣлы ли онѣ, или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы.

„Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служатъ болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который также, какъ и яичница подаются къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ приготовленіемъ пищи крестьяне не знакомы, развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ особенности на масляной количество съѣдаемой пищи, можно сказать, удвоивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда, напротивъ, крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ; и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ; въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Къ довершенію всего, часто у крестьянъ къ этому времени недостаетъ даже хлѣба, и онъ прибѣгаетъ къ займамъ или для насущнаго пропитанія молотитъ рожь еще незрѣлую.

„Жилище поселянина, состоящее изъ разныхъ построекъ, представляетъ всегда фигуру четвероугольника, болѣе или менѣе продолговатую. Главное строеніе есть изба, стоящая обыкновенно лицомъ на улицу; въ одну линію съ нею—ворота, потомъ амбаръ или плетень; по бокамъ и съ заду бани, погреба, конюшни, хлѣвы, загороды для скота и разныя другія пристройки. Амбары не всегда находятся въ чертѣ прочихъ строеній; есть много деревень, особенно въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ амбары стоятъ отдѣльно чрезъ улицу и за дворомъ.

„Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для житья, а другая есть клѣть, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ это главное строеніе крестьянина весьма разнообразно въ своихъ формахъ; иногда вмѣсто клѣти ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются дурно сколоченнымъ поломъ горизонтально на двѣ половины. изъ коихъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣть и называется подполица. Въ уѣздахъ Данковскомъ, Скопинскомъ, Пронскомъ и другихъ западныхъ клѣть называется горницей, а иногда горенкой.

„Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ; такимъ образомъ, средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаютъ отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 кубическихъ аршина; въ каждой избѣ, въ сложности, живутъ по восьми человѣкъ; слѣдовательно, каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину три, а въ вышину два аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіе зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить

Digitized by Google

себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитая большею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ *опечикѣ*, устроенномъ въ углу, подлѣ двери, и занимаетъ обыкновенно шестую часть избы. Русская печь не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію; если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и для приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы. Крестьяне это ясно видятъ, и—вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, то есть нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ долѣе горячій дымъ, посредствомъ поворотовъ въ трубѣ, задерживается въ печи, тѣмъ болѣе она даетъ теплоты, и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ предъ бѣлыми; кромѣ того, курныя избы удобнѣе, потому что сухи; напротивъ, избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому что печь не въ состояніи нагрѣвать надлежащимъ образомъ стѣны, и онѣ мокнутъ, осаживая влажность въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны; если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ, то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемая пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и пр., а кругомъ заплѣснѣвшія гнилыя стѣны,—то въ этихъ избахъ долженъ быть угаръ, и въ этомъ случаѣ дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собой вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи обыкновенно отворяются двери.

„Все это причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ; даже топятъ по черному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра—позволяютъ хозяину вполнѣ пользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба съ трубой.

„Исчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожъ не признать ихъ весьма неудобными; онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неровною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но зато утромъ температура почти равняется уличной".

Все это вещи, очень давно и очень хорошо извѣстныя каждому, кто сколько нибудь интересовался бытомъ великорусскихъ поселянъ. Каждому изъ такихъ людей не менѣе извѣстны и причины такого положенія. Но г. Барановичъ излагаетъ дѣло такимъ спокойнымъ тономъ, что едва ли у кого нибудь достанетъ смѣлости обвинить представляемый имъ отчетъ въ преувеличеніи. Думаемъ, что слѣдующія мѣста, приводимыя нами изъ его книги, не нуждаются въ комментаріяхъ, какъ вѣроятно не нуждаются и предыдущіе отрывки. Мы ограничимся тѣмъ, что выпишемъ ихъ.

Говоря о недоимкахъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ, г. Барановичъ дѣлаетъ такое объясненіе:

„Одно важное обстоятельство необходимо должно было имѣть вліяніе на состояніе недоимокъ у казенныхъ крестьянъ,—это учрежденіе палаты государственныхъ имуществъ. Не утверждая въ какой мѣрѣ это учрежденіе способствовало или препятствовало успѣшному взносу податей, представимъ состояніе недоимокъ до открытія палаты государственныхъ имуществъ и послѣ сего. Эти сравнительные выводы покажутъ слѣдующее:

при учрежденіи палаты въ 1839 году,	
подушной и оброчной недоимки считалось. .	110,948 р. с.
а къ 1856 году	768,796 „ „

„Слѣдовательно недоимка увеличилась на 657,848 р., то есть въ семь разъ.

„Наконецъ, есть еще одно зло, сильно ослабляющее народную нравственность и

Digitized by Google

благосостояніе и служащее главнѣйшею причиною накопленія недоимокъ: это пьянство,—порокъ тѣмъ болѣе возбуждающій сожалѣніе, что пагубныя слѣдствія онаго усиливаются разными посторонними обстоятельствами“.

Число кабаковъ, пропорціонально количеству душъ, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ пять разъ больше, чѣмъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ. Но многочисленность эта не должна считаться слѣдствіемъ желанія самихъ государственныхъ крестьянъ: они, по свидѣтельству г. Барановича, „ходатайствуютъ о выводѣ питейныхъ домовъ изъ своихъ селеній“ (стр. 416).

О помѣщичьихъ крестьянахъ и о помѣщикахъ мы не будемъ говорить ничего, довольствуясь только одною краткою выпискою о тѣхъ и другою столь же краткою о другихъ. Изъ крестьянскихъ повинностей мы замѣтимъ слова г. Барановича только объ одной обозной.

„Лѣтнія обязательныя работы состоятъ въ разныхъ полевыхъ занятіяхъ по земледѣлію; зимнія же въ молотьбѣ и возкѣ помѣщичьяго хлѣба на продажу, къ мѣстамъ сбыта. Эта возка составляетъ одну изъ обременительныхъ статей барщинныхъ обязанностей и совершается часто въ отдаленныя мѣста; въ уѣздахъ Раненбургскомъ и Данковскомъ каждое тягло обязано дѣлать отъ двухъ до трехъ *обозовъ* въ зиму, за 350 верстъ каждый; въ Пронскомъ и Михайловскомъ такое же количество обозовъ въ Москву, на разстояніе отъ 200 до 280 верстъ; въ Зарайскомъ по три обоза въ Москву и по шести къ Ильѣ Пророку (Московской губерніи, Богородскаго уѣзда) и пр.“

О состояніи помѣщиковъ Рязанской губерніи можно судить по способу, какимъ продаютъ они хлѣбъ.

„Заподряды хлѣба у помѣщиковъ дѣлаются въ декабрѣ или январѣ мѣсяцахъ, когда обыкновенно цѣны стоятъ выгоднѣйшія; иногда заподряды эти дѣлаются и ранѣе, но всегда принимаются въ разсчетъ цѣны январьскія, и по нимъ совершается расплата. Случается, что хлѣбъ покупаютъ даже на корню и деньги выплачиваются впередъ, но при этомъ заключается условіе, что противу цѣнъ, которыя будутъ въ январѣ, помѣщикъ долженъ сдѣлать уступку на 15 и болѣе процентовъ.

„Купецъ, покупая у помѣщика хлѣбъ, даетъ ему задатокъ; чѣмъ выгоднѣе сдѣлана покупка и чѣмъ настоятельнѣе требованіе на хлѣбъ, тѣмъ болѣе платится задатокъ, такъ что величина задатка опредѣляетъ и самую степень выгодности торговли; впрочемъ, при значительномъ заподрядѣ въ задатокъ дается обыкновенно половина всей суммы; иногда же платятся и всѣ деньги, но при этомъ дѣлается въ пользу купца уступка“.

Читатель конечно понимаетъ, что выгоднѣйшими цѣнами называются здѣсь выгоднѣйшія для купцовъ, то есть самыя низкія. Такимъ образомъ помѣщики Рязанской губерніи, по разстроенности своихъ дѣлъ, принуждены продавать хлѣбъ по самымъ убыточнымъ цѣнамъ, да и изъ этихъ цѣнъ дѣлать купцамъ значительную уступку для полученія денегъ впередъ. Надобно помнить, что г. Барановичъ говоритъ о положеніи дѣлъ въ годы, предшествовавшіе началу такъ называемаго крестьянскаго вопроса. Вообще онъ говоритъ, что хозяйственныя дѣла помѣщиковъ Рязанской губерніи находились тогда въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ.

Закрывая его книгу, мы должны сказать, [illegible] ень часто будутъ ссылаться на нее всѣ, занимающіеся статистико[illegible]вичъ заслуживаетъ полной признательности за свой [illegible] На-добно желать, чтобы и слѣдующіе то[illegible] таментомъ генеральнаго штаба, поход[illegible]

Digitized by Google

Экономическая Библіотека.—Промышленныя предпріятія. *Курсель-Сенёля.* Переводъ съ французскаго, изданный подъ редакціей В. Вешнякова. С.-Петербургъ. 1860 г.

Зачѣмъ написана Курсель-Сенёлемъ книга, переведенная теперь на русскій языкъ, и зачѣмъ переведена она на русскій языкъ, этого разобрать никакъ нельзя; но такъ какъ она уже написана и переведена неизвѣстно зачѣмъ, то надобно похвалить ее. Да и какъ не похвалить? Въ предисловіи къ русскому изданію мы читаемъ, что о достоинствахъ ея „свидѣтельствуютъ достаточно какъ два изданія ея на французскомъ языкѣ, слѣдовавшія одно за другимъ на разстояніи двухъ лѣтъ, такъ и благопріятные отзывы, которыми она была встрѣчена при первомъ появленіи своемъ не только французскими, но и русскими журналами“.

Мы согласны съ этими журналами, что книга хороша, только все-таки думаемъ, что не стоило ни писать, ни переводить ее. Читателю могутъ показаться странными такія слова. Но пусть припомнитъ онъ знаменитую статью „О сухихъ туманахъ“, когда-то порадовавшую читателей покойнаго „Атенея“. Кто могъ сказать, что статья эта не хороша? кто могъ сказать, что слѣдовало ее печатать? Мы помнимъ, что по случаю этой статьи было даже составлено оглавленіе къ книжкѣ „Атенея“, которая будто бы должна содержать слѣдующія статьи:

О переходныхъ породахъ отъ девонской формаціи къ юрской въ графствѣ Ланкастерскомъ;

О спинномъ хребтѣ африканскаго строѳокамила;

Температура воды въ глубинѣ Адріатическаго моря;

Идеализмъ и реализмъ въ стихотвореніяхъ г. Пилянкевича, или г. Пилянкевичъ какъ идеалистъ между реалистами и т. д. и т. д.

Для успѣшнаго веденія торговыхъ, фабричныхъ и земледѣльческихъ предпріятій необходимо знать и соблюдать извѣстныя экономическія правила, напримѣръ: покупать матеріалы не безъ разбора, вести счеты свои въ порядкѣ, не дѣлать напрасныхъ расходовъ, заниматься дѣломъ прилежно, предварительно позаботиться о пріобрѣтеніи нужныхъ для него свѣдѣній, и прочее. Скажите пожалуйста, надобно ли писать книгу для разъясненія этихъ условій, необходимыхъ для выгоднаго веденія дѣлъ? Если надобно, отвѣчайте мнѣ скорѣе, потому что въ такомъ случаѣ я не замедлю написать еще нѣсколько подобныхъ книгъ: одну книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ,—тутъ будетъ говориться, что чиновникъ долженъ выучиться правильному письму, старательно изучить формы дѣлопроизводства, быть усерденъ къ должности и т. д. Другую книгу я напишу объ условіяхъ, нужныхъ для учителя,—тутъ будетъ говориться, что учитель долженъ быть хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, посѣщать классы аккуратно и т. д. Но очень можетъ быть, что такія книги были бы совершенно лишни. Кому изъ людей, занимающихся или желающихъ заняться преподаваніемъ или чиновничествомъ неизвѣстны всѣ азбучныя истины, которыя составляли бы содержаніе такихъ книгъ? Вотъ точно такова и книга объ условіяхъ, нужныхъ промышленному предпринимателю.

Но въ свою книгу объ условіяхъ, нужныхъ чиновнику, я могъ бы, кромѣ азбучныхъ правилъ, напихать множество разныхъ отрывковъ изъ Свода Законовъ и

Digitized by Google

разныхъ юридическихъ книгъ. Отрывки эти могли бы каждый въ отдѣльности имѣть смыслъ. Не имѣло бы смысла только нанизыванье ихъ на нитку, ровно ни къ чему не пригодную. Точно также поступилъ и Курсель-Сенёль: изъ французскихъ кодексовъ и политико-экономическихъ книгъ набралъ онъ всего, что попалось ему подъ руку, нанизалъ всѣ эти отрывки, куда какой пришелся, и вышла книга, не лишенная страницъ, любопытныхъ для того, кому не удалось имѣть въ рукахъ книгъ, составленныхъ по плану, болѣе разумному. Напримѣръ: двойная бухгалтерія знаніе очень хорошее, очень важное; если вы хотите научиться двойной бухгалтеріи, вы возьмете какое-нибудь руководство къ ней. Если вы не хотите учиться ей, вы прочтите главу „основанія устройства счетоводства“ въ книгѣ Курсель-Сенёля,—вы вполнѣ достигнете своей цѣли: двойной бухгалтеріи не выучитесь, а часа два или три убьете на перевертываніе страницъ, потому что выдержки изъ руководствъ къ двойной бухгалтеріи занимаютъ у Курсель-Сенёля очень много страницъ, чуть ли не до сотни. Или вотъ еще хорошая вещь—французскіе коммерческіе законы. Если вы хотите изучать французское торговое право, вы возьмите какое-нибудь руководство по этому предмету; а въ книгѣ Курсель-Сенёля написано о немъ гораздо больше страницъ, чѣмъ нужно для человѣка, не желающаго торговать во Франціи или спеціально заниматься коммерческимъ правомъ, и несравненно меньше, чѣмъ нужно для французскаго промышленника или для спеціалиста. Словомъ сказать, книга Курсель-Сенёля—нѣчто въ родѣ книжекъ, какія встарину издавались подъ названіями „Красоты Локка“, или „Духъ Стерна“, или „Избранные Отрывки изъ Гольдсмита“—книжекъ, въ которыхъ есть разныя половинки и четверти разныхъ главъ, не дающія вамъ никакого понятія ни о чемъ, но очень не дурныя.

Презабавно читать на второмъ листѣ книги подробное заглавіе: „Руководство къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ“. Не менѣе забавно читать наивное „предисловіе автора“, говорящаго въ такомъ родѣ:

„Сближенія экономическихъ истинъ съ фактами, подмѣченными опытностію просвѣщенныхъ предпринимателей въ торговлѣ, въ мануфактурной промышленности и въ земледѣліи, достаточно, чтобы дать полезное содержаніе цѣлой книгѣ, въ которой бы практическія правила были повѣрены, подтверждены и выражены теоретически, книгѣ, которая бы указывала начинающимъ предпринимателямъ, или домогающимся еще только званія главы предпріятія, главныя теченія и подводные камни того океана, въ который они пускаются. Подобная книга можетъ научить даже практиковъ, которые, занимаясь дѣлами съ дѣтства, не имѣли довольно времени для размышленія, чтобы составить себѣ теорію. Наконецъ она можетъ служить и людямъ свѣтскимъ, любящимъ науку, умамъ пытливымъ, которые, стоя внѣ дѣлъ, хотятъ однакоже знать ихъ духъ, обычаи, потребности, смыслъ и общественное значеніе“.

Курсель-Сенёль хочетъ учить практиковъ, какъ имъ выгоднѣе вести свои дѣла,—да развѣ этому можно научиться изъ книгъ? Это все равно, что учиться изъ книгъ благоразумію, опытности, твердому характеру, бережливости. Другое дѣло техническія свѣдѣнія,—они дѣйствительно могутъ быть пополняемы, расширяемы книгами, но ужъ никакъ не книгами политико-экономическаго содержанія, а развѣ курсами технологіи, агрономіи, руководствами къ выдѣлкѣ кожъ или къ воспитанію шелковичныхъ червей, къ устройству прядильныхъ фабрикъ или свеклосахарныхъ заводовъ и т. д. Курсель-Сенёль хочетъ „служить и людямъ свѣтскимъ,

Digitized by Google

любящимъ науку, умамъ пытливымъ“, но вѣдь такіе люди, съ такими умами, станутъ читать курсы политической экономіи или изслѣдованія о положеніи промышленности, станутъ изучать или теорію, имѣющую какой-нибудь смыслъ, или факты, имѣющіе какой-нибудь смыслъ,—такіе люди нимало не нуждаются въ компиляціяхъ, составленныхъ изъ разнородныхъ обрывковъ разныхъ знаній.

Само собою разумѣется, что не стоило бы говорить о такой ничтожной книгѣ, если бы она являлась просто отдѣльною книгою. Но на оберткѣ ея выставлено „Экономическая Библіотека“; изъ этого надобно заключать, что разсматриваемая нами книга служитъ началомъ цѣлаго ряда томовъ. Мы хотѣли предупредить издателя или издателей „Экономической Библіотеки“, что въ выборѣ сочиненій для перевода полезна была бы имъ разборчивость.

О Судоустройствѣ. Соч. *Бентама*. По французскому изданію Дюмона изд. *А. Книримъ*. С.-Петербургъ. 1860 г.

Эта небольшая книга—отдѣльное изданіе перевода, помѣщеннаго въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“, который хорошо сдѣлалъ, принявъ на свои страницы такое сочиненіе. Императоръ Александръ I совѣтовался съ Бентамомъ и поручалъ обращаться къ нему за совѣтами лицамъ, занимавшимся тогда въ Россіи кодификаціею законовъ.

Мы не будемъ излагать здѣсь ни всей системы юридическихъ теорій Бентама, ни частной его теоріи судоустройства, и обратимъ вниманіе лишь на одинъ изъ многихъ вопросовъ, которыхъ онъ касается въ трактатѣ, переведенномъ теперь на русскій языкъ. Мы хотимъ сказать о томъ, справедливо ли ссылаются на авторитетъ Бентама тѣ юристы, которые не расположены въ пользу суда присяжныхъ.

Очень часто бываетъ, что извѣстныя средства, необходимыя для достиженія извѣстной цѣли при извѣстномъ устройствѣ человѣческихъ отношеній, оказывались бы не нужны, неудовлетворительны при лучшемъ устройствѣ отношеній, въ которомъ та же цѣль достигалась бы другими средствами или болѣе быстрыми, или менѣе обременительными. Такъ, напримѣръ, въ средніе вѣка единственнымъ средствомъ обезпечить хотя нѣкоторое правосудіе въ извѣстномъ округѣ или городѣ, доставить его жителямъ хотя нѣкоторую возможность добиваться справедливости, ограждать себя отъ безнаказанныхъ насилій—было предоставленіе этому округу или городу независимости отъ всякой высшей власти въ судѣ надъ его жителями. Въ западной Европѣ давались городамъ такія же привилегіи, какія извѣстны у насъ были подъ именемъ безсудныхъ или несудимыхъ грамотъ. Такимъ образомъ городъ Ульмъ или гор. Нюренбергъ получалъ право исключительнаго суда по дѣламъ своихъ гражданъ, и на этотъ судъ уже не было никакой законной апелляціи, никто не могъ законнымъ образомъ спрашивать у гражданъ Ульма или Нюренберга отчета въ томъ, когда они присуждали своего согражданина къ потерѣ имущества, къ тюремному заключенію или къ смерти. Никто не могъ законнымъ образомъ заступиться за осужденнаго, хотя бы процессъ его былъ рѣшенъ съ явною несправедливостію, по мелочному мѣстному неудовольствію на него или по злобѣ какого-нибудь вліятельнаго гражданина. Представимъ себѣ, что въ тѣ времена, во времена феодальныхъ насилій, явился юристъ, возвысившійся своими понятіями надъ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и дошедшій до яснаго представле-

Digitized by Google

нія о юридической системѣ, подобной порядку дѣлъ, существующему теперь въ Бельгіи или Швейцаріи. Конечно, въ его системѣ не было бы мѣста безапелляціонному городскому суду,—онъ сталъ бы доказывать, что судебная власть должна быть одна для цѣлаго народа, все государство имѣетъ право и обязанность защитить невиннаго человѣка отъ несправедливаго наказанія, къ которому приговорилъ его какой-нибудь отдѣльный судъ по пристрастію или незнанію. Но если такой юристъ выставлялъ бы судебный идеалъ, гораздо высшій существовавшаго тогда порядка, то можно ли было бы говорить, что, при существовавшемъ тогда порядкѣ, онъ не признавалъ полезности безапелляціоннаго городскаго суда и расположенъ былъ предпочитать такому суду другія тогдашнія формы суда, еще гораздо менѣе соотвѣтствовавшія его идеалу? Конечно, нѣтъ; конечно, этотъ юристъ понималъ, что изъ формъ, низшихъ его идеала, форма безапелляціоннаго городскаго суда несравненно лучше другихъ.

Нѣчто подобное было съ воззрѣніемъ Бентама на судъ присяжныхъ. Онъ составилъ очень высокій проэктъ судоустройства, такой высокій, что очень многіе изъ нынѣшнихъ наилучшихъ гарантій справедливаго суда замѣнялись въ его проэктѣ другими, болѣе простыми и вѣрными. Довольно будетъ сказать, что по этому проэкту уничтожалась разница между гражданскимъ и уголовнымъ судомъ; всѣ различныя юрисдикціи сливались въ одну. Этотъ единственный для всѣхъ разрядовъ дѣлъ судъ разсматриваетъ дѣла по кодексу, нимало не похожему ни на одинъ изъ существующихъ нынѣ кодексовъ,—по кодексу, чрезвычайно краткому и простому, такъ что каждый взрослый человѣкъ могъ бы знать всѣ дѣйствующіе законы и всѣ формы судопроизводства. При такихъ законахъ, при такомъ судопроизводствѣ можно было, по мнѣнію Бентама, обойтись безъ присяжныхъ, потому что вся публика была бы чѣмъ-то похожимъ на собраніе судей, передъ глазами которыхъ дѣйствуетъ собственно такъ-называемый судья, знающій, что каждому изъ присутствующихъ будетъ видна каждая натяжка въ веденіи дѣла, и немедленно наказываемый за малѣйшее отступленіе отъ правды. При такомъ идеальномъ порядкѣ, учрежденіе особенныхъ присяжныхъ конечно становилось излишнею формальностью. Но ошибочно было бы думать, что недостатки или неудобства, оказывавшіеся, по мнѣнію Бентама, въ судѣ присяжныхъ сравнительно съ идеальнымъ судоустройствомъ, проэктированнымъ у Бентама, могутъ имѣть важность при сравненіи суда присяжныхъ съ другими дѣйствительно существующими формами судоустройства: при такой нормѣ сравненія оказывается, что каждый недостатокъ суда присяжныхъ принадлежитъ въ бо̀льшей степени каждой иной формѣ судоустройства, и каждая иная форма имѣетъ кромѣ того много недостатковъ, отъ которыхъ свободенъ судъ присяжныхъ. А та идеальная форма судоустройства, которую проэктировалъ Бентамъ, не осуществима при нынѣшнихъ законахъ и нравахъ ни въ Англіи, ни въ Швейцаріи, ни въ Сѣверной Америкѣ, не говоря уже о другихъ странахъ. Такимъ образомъ съ практической стороны даже и передовымъ націямъ остается выборъ только между судомъ присяжныхъ и формами судоустройства, далеко уступающими ему во всѣхъ отношеніяхъ. Лучше всего объясняетъ это самъ Дюмонъ, издавшій сочиненіе Бентама „О судоустройствѣ“. Читатель знаетъ, что Бентамъ скучалъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ рукописей, и потому нѣкоторые изъ его трактатовъ были изданы въ редакціи, принадлежавшей не ему, а его другу, женевскому гражданину Дюмону. Къ числу такихъ трак-

Digitized by Google

татовъ принадлежитъ и сочиненіе Бентама о судоустройствѣ: Дюмонъ издалъ его по черновымъ бумагамъ Бентама и прибавилъ во многихъ мѣстахъ свои замѣчанія, изъ которыхъ самое обширное и важное—о судѣ присяжныхъ. Приводимъ здѣсь эти страницы:

„Бентамъ въ своихъ послѣднихъ взглядахъ на судоустройство не допускаетъ присяжныхъ, даже въ дѣлахъ уголовныхъ.

„Противники учрежденія суда присяжныхъ, а ихъ еще много, не упустятъ случая воспользоваться его авторитетомъ. „Вы видите, скажутъ они, публициста, котораго нельзя обвинять въ пристрастіи, юриста, воспитаннаго въ предразсудкахъ страны, въ которой привязанность къ этому роду суда доходитъ до энтузіазма; вы видите, какъ онъ постепенно перемѣняетъ свои мнѣнія о судѣ присяжныхъ, какъ онъ сначала ограничиваетъ кругъ ихъ дѣйствія только немногими случаями и наконецъ совершенно отвергаетъ ихъ. Непопулярность этого парадокса не устрашаетъ его, онъ видитъ въ этомъ учрежденіи недостатокъ отправленія суда, свойственный вѣкамъ тираніи и варварства, но долженствующій исчезнуть при гарантіяхъ созрѣвшей цивилизаціи".

„Не спѣшите торжествовать, скажу я противникамъ суда присяжныхъ.—Если Бентамъ не питаетъ къ этому учрежденію того же довѣрія, какъ самые просвѣщенные публицисты, то это не потому, чтобы онъ не сознавалъ его достоинства въ сравненіи со всѣми извѣстными родами суда, или чтобы онъ не видѣлъ въ немъ палладіума британской свободы и въ особенности свободы печати, безъ которой всякая другая свобода не можетъ долго существовать. Онъ думалъ только, что при устройствѣ суда, которому не нужно защищаться отъ произвольной власти, а только примѣнять извѣстные законы, которыхъ кодексъ въ рукахъ всѣхъ гражданъ, можно найдти гарантіи, болѣе простыя, болѣе дѣйствительныя, менѣе подверженныя ошибкамъ, нежели гарантіи, представляемыя этими минутными судьями. Онъ не хочетъ дать менѣе средствъ для охраненія общественной и частной безопасности, онъ предполагаетъ удвоить гарантіи, а не ослабить ихъ. Если противники суда присяжныхъ, отвергнувъ эти учрежденія, примутъ вполнѣ систему Бентама, то нельзя опасаться, что это поведетъ ихъ къ побѣдѣ. Но если они выставляютъ его знамя на судахъ, совершенно различныхъ отъ его судовъ, то они употребляютъ во зло его имя, и я могу сравнить ихъ съ шарлатанами, которые, поддѣлывая лекарства по рецепту искуснаго медика,—выпускаютъ предохранительныя средства, заключающіяся въ его рецептѣ, и продаютъ подъ его именемъ ядъ, составляющій ихъ произведеніе.

„Главное достоинство суда присяжныхъ заключается въ томъ, что онъ представляетъ болѣе ручательствъ хорошихъ судебныхъ рѣшеній, нежели постоянные судьи. Я приписываю ему это качество на основаніи четырехъ слѣдующихъ соображеній.

„I) Онъ представляетъ лучшее ручательство безпристрастія. Не только весьма вѣроятно, что, при существованіи отводовъ, присяжные чужды обвиненному, но очень часто они чужды другъ другу и судьямъ, такъ что между ними нѣтъ ни потворства, ни тайной связи. Если бы и существовалъ у одного или двухъ тайный источникъ пристрастія, то его дѣйствіе потерялось бы въ массѣ.

„Присяжные, взятые изъ средняго класса, находятся въ отношеніяхъ равенства съ лицами, подлежащими ихъ сужденію: они не могутъ имѣть иныхъ интересовъ, кромѣ поддержанія общихъ правъ и защиты невинности. Такъ какъ каждое рѣшеніе составляетъ для этихъ временныхъ судей важное и торжественное дѣйствіе, образующее эпоху въ ихъ жизни, то они естественнымъ образомъ употребляютъ все вниманіе, всю предусмотрительность, къ которымъ они способны.

„Не вдаваясь въ преувеличенія, граничащія съ сатирою, должно признать въ принципѣ, на основаніи общихъ наблюденій, почерпнутыхъ въ знаніи человѣческаго сердца, что постоянные судьи не могутъ быть въ той мѣрѣ свободны отъ пристрастія, какъ временные случайные судьи. Безъ сомнѣнія, они будутъ безпристрастны въ большей части случаевъ, но тѣмъ не менѣе всегда будутъ встрѣчаться такіе случаи, въ которыхъ пріязнь или непріязнь, интересы болѣе или менѣе отдаленные, предубѣжденія,

Digitized by Google

дѣйствующія даже тайно, будутъ имѣть вліяніе на ихъ рѣшеніе. Я не говорю о случаяхъ подкупа или преступнаго пристрастія, хотя исторія судовъ представляетъ многочисленные тому примѣры, но самое положеніе судьи заключаетъ въ себѣ опасность для правосудія. Это не парадоксъ, не острота, а фактъ. Очень часто было замѣчаемо, что отправлявшій долгое время судейскія обязанности является другимъ человѣкомъ, нежели какимъ онъ былъ въ началѣ своего поприща. Привычка видѣть и уличать виновныхъ внушаетъ служителямъ закона общее предубѣжденіе противъ обвиненныхъ и располагаетъ ихъ обвинять на основаніи предположеній, полу-доказательствъ, съ поспѣшностью, которая всегда будетъ подозрительна, даже и тогда, когда не влечетъ за собою ошибокъ.

„II) Вторая важная гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, состоитъ въ независимости, то есть въ независимости отъ административной власти. Это—видоизмѣненіе безпристрастія, но должно быть отъ него отличаемо, потому что примѣняется къ особымъ случаямъ, въ которыхъ обвиненные должны защищаться противъ какой нибудь могущественной вражды, противъ какого нибудь обвиненія, касающагося не общихъ интересовъ общества и правительства, а личныхъ интересовъ правительственныхъ органовъ, напр., когда дѣло идетъ объ открытіи ихъ злоупотребленій. Для сопротивленія злоупотребленіямъ власти необходимо не простое безпристрастіе, а гражданское мужество; и отъ кого скорѣе можно ожидать этого мужества, какъ не отъ гражданъ, которые не имѣютъ никакого сношенія съ министерствомъ, и между которыми нельзя найдти никакихъ общихъ опасеній или надеждъ, чтобы воспользоваться ими съ цѣлію навязать имъ извѣстное мнѣніе? Допустимъ даже возможность недобросовѣстности или трусости присяжныхъ,—администрація ничего этимъ не выигрываетъ: та нить, которую она сплетаетъ, рвется при каждой сессіи, при разсмотрѣніи каждаго дѣла. Въ дѣлахъ политическихъ эта гарантія является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; и между политическими дѣлами—дѣла, касающіяся свободы печати, всегда разнообразныя, всегда трепещущія современнымъ интересомъ,—суть тѣ, въ которыхъ общественный интересъ въ особенности требуетъ участія присяжныхъ.

„Скажутъ, что несмѣняемые судьи столь же независимы, какъ присяжные. Безъ сомнѣнія, имъ нечего опасаться отставки, но развѣ они свободны отъ надеждъ на повышеніе и на милости для себя и для своихъ семействъ? Избавляя ихъ отъ страха предъ правительствомъ,—ихъ избавляютъ также отъ необходимости искать подпоры въ общественномъ мнѣніи, дѣлаться сильными народною любовью. Мы допустимъ, что эти обыкновенныя искушенія не будутъ имѣть вліянія на людей честныхъ: развѣ нѣтъ болѣе утонченныхъ искушеній, заключающихся въ предразсудкахъ высшихъ классовъ, въ этомъ естественномъ союзѣ между всѣми, пользующимися какою либо частію власти, въ этомъ общемъ интересѣ щадить другъ друга? Безопасность, представляемая опредѣленіемъ въ законѣ преступленія клеветы, будетъ всегда недостаточна или по трудности опредѣлить пасквиль, или по трудности судить о намѣреніи, преступность котораго зависитъ отъ обстоятельствъ.

„Если нѣтъ суда присяжныхъ для разсмотрѣнія нарушеній законовъ о печати, то въ государствѣ существуетъ власть или сословіе, котораго дѣйствія выше всякой критики и которое призвано судить все печатное: всякое порицаніе его составляетъ преступленіе; оппозиція не имѣетъ гарантій. Ни интересъ правительства, ни интересъ народа не требуетъ этой независимости судей, подверженныхъ тѣмъ же страстямъ и тѣмъ же ошибкамъ, какъ и прочіе люди.

„III) Третья гарантія, представляемая судомъ присяжныхъ, состоитъ въ томъ, что каждое дѣло достигаетъ достаточной степени зрѣлости, что соблюдаются всѣ тѣ охранительныя формы, которыя весьма легко могутъ быть опущены или искажены при малѣйшемъ легкомысліи, поспѣшности или пристрастіи судей. Между этими формами самая полезная заключается въ постоянномъ различіи факта отъ вопроса права. Въ соблюденіи же этого различія заключается существенное достоинство суда присяжныхъ. Правда, что и постоянные судьи при гласности и устныхъ преніяхъ необходимо должны слѣдовать по тому же пути; но тѣмъ не менѣе учрежденіе суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество, что доказывается двумя слѣдующими соображеніями:

Digitized by Google

„1) Судья обращаетъ болѣе вниманія на подробности дѣла, когда онъ обязанъ изложить его присяжнымъ, нежели когда онъ дѣлаетъ это для самого себя. Большія упущенія въ допросѣ свидѣтелей могли бы пройти незамѣченными; но когда все происходитъ предъ присяжными, изъ которыхъ каждый имѣетъ право дѣлать замѣчанія, то нельзя предаваться ни дремотѣ скуки, ни лѣности.

„2) Нравственная отвѣтственность судьи въ отношеніи рѣшенія о фактѣ не такъ велика, даже при гласности, какъ можно было бы предполагать. Онъ все еще можетъ быть пристрастнымъ или въ выборѣ свидѣтелей, или въ способѣ ихъ допроса, и этого пристрастія нельзя замѣтить или по крайней мѣрѣ нельзя доказать, исключая случаевъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій.

„При разсмотрѣніи очень запутаннаго дѣла, продолжающагося цѣлый день или даже нѣсколько дней, кто изъ несогласныхъ съ рѣшеніемъ судьи осмѣлится утверждать, что онъ вникнулъ во всѣ обстоятельства дѣла, что онъ не упустилъ ничего существеннаго въ изложеніи фактовъ? Кто осмѣлится обвинять судью, что онъ дѣйствовалъ противъ своего убѣжденія или даже упрекать его въ поспѣшности или небрежности?

„При присутствіи присяжныхъ почти нельзя предположить активнаго пристрастія со стороны судьи. Во-первыхъ потому, что оно всегда будетъ довольно замѣтно для возбужденія по крайней мѣрѣ подозрѣнія и въ особенности потому, что оно будетъ всегда безполезно, такъ какъ рѣшеніе отъ него не зависитъ. Когда же факты приведены въ ясность, когда они просѣяны, если можно такъ выразиться, главное уже сдѣлано и остающееся лишено важности: судья, которому предоставлено пассивное примѣненіе закона, почти не можетъ отъ него уклониться.

„IV) Послѣдняя гарантія, которую представляетъ судъ присяжныхъ, заключается въ ихъ особенной способности хорошо обсуждать фактическіе вопросы,—способности, которая не встрѣчается въ такой же степени въ постоянныхъ судьяхъ. Сначала это кажется парадоксомъ, потому что повидимому бо́льшая проницательность находится на сторонѣ науки и продолжительной судебной практики. Итакъ слѣдуетъ развить это положеніе. Я не буду приводить мнѣній англійскихъ публицистовъ, которыхъ можно считать слишкомъ предубѣжденными въ пользу системы, составляющей ихъ славу; я приведу мнѣніе юриста, который видѣлъ и сравнивалъ суды съ присяжными и безъ присяжныхъ. Основываясь на своей опытности, этотъ глубокій наблюдатель утверждаетъ, что даже искусный юристъ менѣе способенъ оцѣнить факты, обстоятельства человѣческой жизни, свидѣтельскія показанія и улики, нежели граждане, живущіе въ свѣтѣ и принимающіе участіе въ свѣтѣ и принимающіе участіе въ его дѣятельности. „Ничего неизвѣстно“, говоритъ онъ, „a priori; или по крайней мѣрѣ, если нѣтъ другаго путеводителя кромѣ указаній разума, то при оцѣнкѣ частныхъ случаевъ представляется „опасность впасть во многія ошибки и неточности.—Что касается дѣлъ и событій жизни, „чувствъ, которыя заставляютъ насъ дѣйствовать, побужденій скрытаго интереса, которыя могутъ имѣть вліяніе на волю, физическихъ свойствъ вещей и внѣшнихъ признаковъ извѣстныхъ дѣяній,—признаковъ, которые могутъ дѣлать эти дѣянія болѣе „или менѣе несправедливыми, болѣе или менѣе преступными, то какой нибудь гражданинъ, одаренный только здравымъ смысломъ и обыкновеннымъ образованіемъ, въ состояніи гораздо лучше ихъ обсудить, нежели юристъ. Чѣмъ искуснѣе юристъ, чѣмъ „болѣе онъ сидитъ за книгами, тѣмъ далѣе онъ держитъ себя отъ дѣйствительной „жизни, тѣмъ менѣе ему извѣстно все происходящее подъ крышею земледѣльца, на „рынкахъ, въ кофейняхъ, въ трактирахъ. Если дѣло идетъ объ убыткахъ, то онъ „совершенно не въ состояніи ихъ опредѣлить. Если дѣло идетъ объ обидѣ то всѣ „мѣстныя частныя обстоятельства, могущія сдѣлать ее весьма тяжкою или почти ничтожною, ему неизвѣстны. Всѣ свѣдѣнія его о дракахъ ограничиваются слухами. Онъ „никогда не былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ; онъ не знаетъ тѣхъ обстоятельствъ, „при которыхъ онѣ возникаютъ, тѣхъ случайностей, которыя раздуваютъ ихъ, личныхъ качествъ того класса гражданъ, который наиболѣе имъ предается.

„Я присутствовалъ однажды при осмотрѣ, который производилъ судья для разрѣшенія вопроса, относящагося до качествъ и употребленія одной каменоломни. Въ то „время какъ тяжущіеся, ихъ эксперты, свидѣтели и секретарь занимались своимъ дѣ-

Digitized by Google

„ломъ, судья, бывшій впрочемъ весьма искуснымъ юристомъ, цитировалъ мнѣ большіе „отрывки изъ Тацита и Горація: и въ самомъ дѣлѣ намъ ничего другаго не оставалось дѣлать, потому что ни онъ, ни я, мы ничего не понимали въ этой спеціальности. Если онъ потомъ произнесъ приговоръ, то я увѣренъ, что это было превосходное приложеніе закона. Но къ чему? Къ факту, установленному экспертами.

„Говорятъ, что судьи не обязаны принимать мнѣніе экспертовъ; но какъ осмѣлятся они это сдѣлать? Именно, съ цѣлію не нарушить спокойствія своей совѣсти, „они соглашаются съ заключеніемъ экспертовъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе судья, тѣмъ менѣе онъ позволитъ себѣ удаляться отъ этого заключенія. Итакъ процессы, въ которыхъ требуется мнѣніе экспертовъ, рѣшаются окончательно двумя лицами, называемыми экспертами и дѣйствительно не заслуживающими названія присяжныхъ, потому „что они не представляютъ всѣхъ гарантій присяжныхъ.

„Но сколько есть процессовъ, въ которыхъ судья имѣлъ бы надобность въ заключеніи присяжныхъ, кромѣ тѣхъ, на которые указываетъ обычай. Встрѣчается мало „вопросовъ о фактѣ или объ умыслѣ, въ которыхъ это заключеніе не должно бы было „имѣть мѣста послѣ всего сказаннаго нами о неспособности юристовъ къ ихъ разрѣшенію. Присяжные же самые лучшіе изъ всѣхъ возможныхъ экспертовъ. Вопросъ о „судѣ присяжныхъ, разсматриваемый съ этой особенной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія, которая мнѣ кажется правильною, приводится для меня къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли имѣть экспертовъ болѣе способныхъ или менѣе способныхъ, представляющихъ болѣе гарантій или представляющихъ менѣе Chacun a son métier (всякому „свое ремесло)—пословица самая обыкновенная, но въ то же время весьма справедливая.—Юристъ долженъ развивать и прилагать законъ, свѣтскій человѣкъ, дѣловой „человѣкъ долженъ знать обстоятельства жизни и цѣли людей, потому что опытъ снабжаетъ его всѣми для того необходимыми данными“ (Rossi, Annales de législation et de jurisprudence t. II p. 93).

„Я до сихъ поръ ограничивался простымъ изложеніемъ доводовъ, которые говорятъ въ пользу суда присяжныхъ; я еще буду кратче въ отношеніи его состава и укажу только на самые важные пункты.

„Гарантіи, представляемыя судомъ присяжныхъ противъ ошибокъ или несправедливостей со стороны судей, предполагаютъ три условія, которыя должны быть соблюдены при ихъ избраніи.

„1) Не должно, чтобы они были назначаемы судьями или лицами, отъ нихъ зависящими.

„2) Должно брать ихъ въ классѣ, представляющемъ извѣстную гарантію способности, назначать отчасти посредствомъ жребія, отчасти посредствомъ выбора, дозволяя отводы безъ приведенія причинъ.

„3) Ихъ обязанность должна быть временная.

„Существуютъ еще другія условія относительно способа исполненія обязанности присяжныхъ, какъ то: не расходиться прежде произнесенія рѣшенія, ни съ кѣмъ не имѣть сообщенія, судить только на основаніи устныхъ преній, произносить приговоръ единогласно и пр.

„Я скажу только нѣсколько словъ о выборѣ присяжныхъ. Пусть возьмутъ листъ присяжныхъ, каково бы ни было ихъ число. При образованіи суда каждая изъ сторонъ вынимаетъ по очереди двадцать четыре имени; по всей вѣроятности никто не можетъ имѣть прежде вліянія на эти сорокъ восемь лицъ; но если бы въ этомъ числѣ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ подозрительныхъ публичному министерству или заинтересованнымъ сторонамъ, то это зло можетъ быть вполнѣ предупреждено имъ правомъ исключать двѣнадцать, по ихъ выбору, изъ остающихся двадцати четырехъ. Жребій кажется лучшимъ способомъ для составленія суда присяжныхъ.

„Все, что прямо или косвенно направлено противъ одного изъ трехъ вышеозначенныхъ условій, можетъ уменьшить въ значительной степени, или даже вовсе разрушить благодѣтельное дѣйствіе суда присяжныхъ. Можно даже совершенно обезсилить учрежденіе и исказить его до того, что оно не будетъ болѣе служить гарантіею для публики, а только для судей, ставя ихъ внѣ всякой отвѣтственности.

Digitized by Google

„Я изложилъ основанія, доказывающія пользу учрежденія суда присяжныхъ, какъ средства, способствующаго хорошимъ судебнымъ рѣшеніямъ. Но предполагая, что возможно достигнуть этого результата безъ суда присяжныхъ, я не перестану желать этого учрежденія по причинѣ тѣхъ различныхъ второстепенныхъ выгодъ, которыя, по моему мнѣнію, исключительно ему принадлежатъ.

„1) Мнѣ кажется очевиднымъ, что, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, тамъ онъ парализируетъ систему стѣснительныхъ законовъ или вліянія на суды. Такъ въ Англіи, гдѣ господствуютъ уголовные законы, щедрые на смертную казнь, присяжные часто оправдываютъ обвиненныхъ очевидно виновныхъ, изъ желанія избавить ихъ отъ суровости законовъ. Такъ исчезли на практикѣ чудовищные законы противъ католиковъ, прежде нежели они были формально отмѣнены. Это исправительное средство имѣетъ, безъ сомнѣнія, неудобства, которыхъ впрочемъ нельзя сравнить съ проистекающею изъ него общественною безопасностью

„Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія я укажу на то, что тамъ, гдѣ враждебно смотрятъ на независимость, всегда стараются отнять у суда присяжныхъ тѣ дѣла, въ которыхъ боятся общественнаго рѣшенія, или доставить себѣ средства имѣть вліяніе на присяжныхъ способомъ ихъ назначенія. Но такія мѣры служатъ какъ бы набатомъ къ тревогѣ.

„2) При судѣ присяжныхъ возникаетъ и распространяется во всѣхъ классахъ общества чувство личной безопасности. Это можно видѣть въ Англіи. Безопасность каждаго—самая лучшая похвала этому учрежденію. Каждый увѣренъ, что онъ можетъ быть судимъ только лицами, взятыми изъ его сословія, причемъ ему предоставляется право исключать тѣхъ, пристрастія которыхъ онъ имѣетъ основанія опасаться.

„Между дѣйствительною безопасностью и чувствомъ безопасности существуетъ естественная и тѣсная связь; но и то, и другое можетъ существовать отдѣльно.

„Если различать ихъ то чувство безопасности болѣе важно. Почему? Потому что страданіе, проистекающее изъ чувства опасенія, можетъ распространиться на всѣ классы общества и продолжительность этого зла можетъ быть безконечна. Юридическая несправедливость есть только личное зло, она падаетъ на относительно незначительное число лицъ, но безпокойство, раждающееся отъ этой несправедливости, можетъ распространиться на все общество и возмутить покой всѣхъ семействъ.

„Между дѣйствительною безопасностью и безопасностью видимо, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ существеннаго различія. Чѣмъ болѣе сознаютъ это, тѣмъ болѣе почувствуютъ цѣну учрежденія, которое способствуетъ къ образованію чувства общей безопасности.

„3) Нельзя не признать другой пользы, проистекающей изъ учрежденія суда присяжныхъ: чувства уваженія всѣхъ ко всѣмъ и слѣдовательно народа къ самому себѣ. Въ этой взаимной власти каждаго надъ каждымъ заключается истинное равенство. Чувство подчиненности смягчается временнымъ возвышеніемъ при отправленіи столь важной обязанности; чувство превосходства ограничивается въ такой же мѣрѣ подчиненіемъ народному суду. Вотъ почему въ Англіи не встрѣчается наглыхъ и гнусныхъ проступковъ противъ того класса, для обозначенія котораго весьма трудно найти имя, которое бы не заключало въ себѣ оскорбленія для людей съ предразсудками. Присяжные не пролетаріи; но они болѣе граничатъ съ огромною рабочею массою, нежели съ аристократическимъ кругомъ. Джентльмену, который грубо обошелся съ чистильщикомъ сапогъ, будетъ какъ-то неловко предъ судомъ присяжныхъ, который съ радость научитъ высокомѣрнаго щоголя уважать народъ. Я думаю, что этому учрежденію можно приписать въ значительной степени ту мужественную гордость, которая, правда, выставляетъ недостатки народнаго характера, но которая даетъ рѣзкій оттѣнокъ его патріотизму и его добродѣтелямъ.

„4) Гласность въ судахъ есть, безъ сомнѣнія, превосходное средство для привлеченія къ нимъ вниманія и для возбужденія общественнаго интереса ко всему въ нихъ происходящему; но участіе присяжныхъ въ судебныхъ дѣйствіяхъ въ особенности способно привести къ этому благодѣтельному результату. Независимо отъ значительнаго числа призываемыхъ каждый годъ къ отправленію этой обязанности, должно имѣть въ виду гораздо большее число тѣхъ, которые могутъ быть къ ней призваны и которые потому имѣютъ побудительныя причины изучать формы судопроизводства, права, кото-

Digitized by Google

рыя они должны защищать, силу свидѣтельскихъ показаній, значеніе доказательствъ, начала, по которымъ должно различать истинное отъ ложнаго, преступленіе отъ невинности. Занятіе этими предметами необходимымъ образомъ производитъ въ народѣ стремленіе предпочитать здравый смыслъ блестящимъ качествамъ и степенные характеры людямъ легкомысленнымъ и пустымъ. Посмотрите, какъ въ домѣ фермера собралось все его семейство послушать разсказы своего главы, только-что возвратившагося изъ засѣданій ассизовъ и исполненнаго воспоминаній о случившихся тамъ событіяхъ; онъ разсказываетъ имъ исторію обвиненныхъ, что было говорено въ судѣ, что онъ думалъ, какое участіе принималъ въ рѣшеніи и на какихъ основаніяхъ онъ осуждалъ или оправдывалъ. Я былъ не разъ удивленъ, слыша въ Англіи, какъ люди безъ ученаго образованія ясно различали доказательства на основаніи свидѣтельскихъ показаній (preuves testimoniales) отъ доказательствъ вещественныхъ (preuves circonstancielles) и обнаруживали въ этомъ отношеніи знанія, которыхъ нельзя было бы найти въ гораздо высшихъ классахъ у народовъ, не имѣющихъ суда присяжныхъ. Итакъ, какъ образованіе ума, какъ средство воспитать народный характеръ и сообщить ему умственное превосходство, судъ присяжныхъ создаетъ, по моему мнѣнію, школу взаимнаго обученія, въ которой безпрерывно переходятъ отъ теоріи къ практикѣ.

„5) Отправленія правосудія посредствомъ суда присяжныхъ представляетъ еще одну общую выгоду, состоящую въ стремленіи предупредить всякую частную вражду противъ судей. Судья является только органомъ закона для его примѣненія; если онъ хорошо исполняетъ свою обязанность, то онъ представляется защитникомъ обвиненнаго, наблюдая за соблюденіемъ всѣхъ охраняющихъ его формъ. Какъ только присяжные произнесли свой приговоръ, они расходятся, о нихъ нѣтъ болѣе рѣчи; злобы къ нимъ не можетъ быть, и потому отправленіе правосудія никогда не производитъ чувствъ ненависти и мщенія. Вотъ новое основаніе прочности общественнаго порядка. Если бы случилось, что присяжные были уличены въ ошибкѣ, гибельной для невинности, это несчастіе было бы приписано несовершенству человѣческихъ сужденій и не повлекло бы за собою послѣдствій пагубныхъ въ будущности. Но если то же самое случилось бы въ постоянномъ судѣ, то оно потрясло бы общественную безопасность и образовало бы противъ судей неизгладимое предубѣжденіе, такъ какъ воспоминаніе о гибельномъ происшествіи всегда соединялось бы съ ихъ именемъ. Доказательство этого мы видимъ во французской революціи. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ, нѣсколько судебныхъ ошибокъ, а не злоупотребленія, возбудили въ такой степени общественную ненависть противъ парламентовъ, что необходимость новыхъ судовъ въ особенности чувствовалась въ учредительномъ собраніи, и учрежденіе ихъ было однимъ изъ благодѣяній, дарованныхъ собраніемъ народу для снисканія его любви. При различныхъ перемѣнахъ въ правительствѣ Англіи судебное устройство никогда не было ниспровергаемо: въ немъ происходили, безъ сомнѣнія, перемѣны, смотря по характеру партій и судей, но формы оставались почти однѣ и тѣ же; не было судебныхъ коммиссій, не было революціонныхъ судовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что учрежденіе суда присяжныхъ было причиною этой твердости судебнаго устройства; народъ понималъ, что, сохраняя это учрежденіе, несмотря на его недостатки, онъ будетъ имѣть якорь спасенія противъ политическихъ обвиненій и произвола судей.

„Судъ присяжныхъ дѣйствительно представляетъ невыгоды. Сюда должно отнести проистекающую изъ него сложность судебнаго устройства, принужденіе въ отношеніи къ тѣмъ, которые чувствуютъ отвращеніе къ обязанности присяжнаго, увеличеніе издержекъ для вознагражденія присяжныхъ, остановку въ судѣ до ихъ собранія. Но независимо, оттого, что можно уменьшить эти невыгоды, онѣ не столь важны, чтобы могли перевѣсить выгоды этого учрежденія.

„Дѣлаютъ возраженія болѣе важныя.

„Безпристрастіе составляетъ главное достоинство суда присяжныхъ, но это безпристрастіе становится сомнительнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ столкновеніе между интересами различныхъ классовъ общества. Вотъ слова Палея (Paley), которыя приводятъ тѣмъ охотнѣе, что онъ является скорѣе защитникомъ, нежели порицателемъ всего касающагося англійскаго уложенія „Бываютъ случаи“, говоритъ онъ, „въ кото-

Digitized by Google

рыхъ рѣшеніе дѣлъ судомъ присяжныхъ невполнѣ достигаетъ цѣли правосудія. Это въ „особенности замѣчается въ спорахъ, въ которыхъ играетъ роль страсть или народное „предубѣжденіе. Сюда относятся случаи, въ которыхъ одинъ классъ людей представляетъ „требованія ко всему остальному обществу; напримѣръ, когда духовенство ведетъ тяжбу „о десятинѣ; тѣ, въ которыхъ чиновники должны исполнять обязанности, часто насту„пательныя, если можно такъ выразиться; напримѣръ, собиратели пошлинъ, баильи и „другіе низшіе служители закона; тѣ, въ которыхъ одна изъ сторонъ имѣетъ интересы, „общіе съ интересомъ присяжныхъ, а другая,—противные имъ; напримѣръ, въ спорахъ „между собственниками и фермерами; и наконецъ тѣ, въ которыхъ умы раздражены по„литическими несогласіями или религіозною ненавистью."

„Противъ этого я замѣчу, что во всѣхъ случаяхъ, исключая послѣдняго, упрекъ Палея относится не къ уголовнымъ дѣламъ, а къ гражданскимъ, и даже къ тѣмъ особымъ случаямъ, въ которыхъ можно вообще предполагать, что присяжные примутъ подъ свою защиту слабаго противъ сильнаго, или что они выскажутъ справедливое предубѣжденіе противъ законовъ, не согласныхъ съ общественнымъ интересомъ. Однако сильно ошибаются, если придаютъ слишкомъ большое значеніе этому обвиненію въ пристрастіи. Я слышалъ, что приводили въ примѣръ, какъ исключительный случай, дѣла покойнаго лорда Лонсдаля, котораго называли Левіаѳаномъ сѣвера по причинѣ его обширныхъ владѣній: такъ какъ ему принадлежали многія чрезполосныя мины, то онъ имѣлъ процессы съ большею частью своихъ сосѣдей. Противъ его исковъ образовалось предубѣжденіе столь для него неблагопріятное, что онъ не осмѣливался предоставлять рѣшеніе своихъ дѣлъ присяжнымъ въ Нортумберландѣ и переносилъ ихъ въ столицу.

„Этотъ случай, хотя исключительный, указываетъ на то средство, которое можно употребить противъ мѣстныхъ предубѣжденій: стоитъ только обратиться къ суду присяжныхъ болѣе отдаленному или призвать присяжныхъ изъ другой мѣстности, взыскивая лишнія издержки со стороны, желавшей воспользоваться этою осторожностью. Но я увѣренъ, что при хорошемъ способѣ образованія суда присяжныхъ подобные переносы встрѣтятся весьма рѣдко

„Что касается до примѣненія уголовныхъ законовъ въ дѣлахъ религіи, примѣненія, котораго многіе примѣры мы видѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то присяжныхъ можно упрекать только въ томъ, что они не мудрѣе закона и не просвѣщеннѣе судей; во всѣхъ процессахъ можно было видѣть, какъ судьи настаивали на важности преступленія, какъ они употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы подѣйствовать на совѣсть присяжныхъ, чтобы дать имъ понять, что они держатъ въ своихъ рукахъ важнѣйшій интересъ общества.

„Однако же я осмѣлюсь утверждать, что эти преслѣдованія прекратятся подъ вліяніемъ присяжныхъ, когда вполнѣ поймутъ, что они заключаютъ въ себѣ настоящее оскорбленіе для религіи, которая должна защищаться нравственнымъ вліяніемъ и доводами, не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ, необходимымъ для поддержанія обмана. Развѣ можетъ быть что нибудь опаснѣе, какъ дать невѣрію честь мученичества и силу энтузіазма?

„Я обращусь теперь къ другому возраженію противъ суда присяжныхъ, на которомъ Бентамъ настаивалъ болѣе, чѣмъ на другихъ. Это учрежденіе ставитъ судью, говоритъ онъ, внѣ всякой отвѣтственности, хотя хорошо извѣстно, что судья на самомъ дѣлѣ имѣетъ большое вліяніе, потому что присяжные имѣютъ склонность и, къ счастью, склонность весьма распространенную — слѣдовать указаніямъ человѣка, который болѣе ихъ образованъ. Судья можетъ при изложеніи обстоятельствъ дѣла или при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній склонить вѣсы на сторону оправданія или обвиненія. И въ самомъ дѣлѣ замѣчается значительное различіе въ рѣшеніяхъ одинаковыхъ случаевъ въ различныхъ ассизахъ, смотря по строгости или снисходительности судьи.

„Судя по всему тому, что я видѣлъ въ Англіи, я увѣренъ, что хотя тамъ для судьи нѣтъ законной отвѣтственности, но есть отвѣтственность нравственная, которая гораздо сильнѣе, потому что дѣйствуетъ всегда, устанавливается безъ обрядовъ судопроизводства, зависитъ отъ публики, присутствующей при всемъ происходящемъ въ судѣ. Судья не можетъ изложить обстоятельства дѣла, не выказавъ своего пристрастія или безпри-

Digitized by Google

страстія. Малѣйшее подозрѣніе разрушило бы его вліяніе и произвело бы на приговоръ дѣйствіе, противоположное тому, которое онъ желалъ.

„Для насъ не столь важно доказать, что нравственная отвѣтственность судьи представляетъ совершенную гарантію, какъ сравнить ее съ законною отвѣтственностію и опредѣлить, не встрѣчаются ли въ приложеніи сей послѣдней такія трудности, которыя дѣлаютъ ее ничтожною, исключая вопіющихъ случаевъ подкупа, невозможныхъ при судѣ присяжныхъ.

„Самый трудный вопросъ при разсмотрѣніи учрежденія суда присяжныхъ есть вопросъ о единогласіи. Если требовать единогласія, по примѣру англійскихъ законовъ, то оно можетъ быть болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Неизвѣстно, какъ оно составляется, происходитъ ли оно изъ искренняго согласія всѣхъ, или оно было вынуждено скукою, усталостью или перевѣшивающимъ вліяніемъ одного упрямаго человѣка. Въ случаяхъ, встрѣчающихся по всей вѣроятности довольно часто, въ которыхъ меньшинство уступаетъ большинству, единогласіе является покрываломъ, брошеннымъ на непреодолимое разногласіе.

„Защитники англійской системы возражаютъ съ своей стороны, что безъ требованія единогласія присяжные не будутъ достаточно внимательны къ дѣлу, что меньшинство упадетъ духомъ съ самаго начала, что оно будетъ порабощено числомъ, и что истинное преніе только тогда возможно, когда каждый можетъ надѣяться побѣдить.

„Хотя я не считаю этого вопроса вполнѣ разрѣшеннымъ, однако я склоняюсь на ту сторону, которая требуетъ единогласія на томъ основаніи, что большинство вообще въ состояніи лучше обсудить вопросъ о фактѣ, и что въ случаѣ, когда произойдетъ разногласіе, голоса должны скорѣе согласиться для оправданія, нежели для обвиненія, а такого результата должно, конечно, желать каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе у нѣсколькихъ присяжныхъ. Развѣ можно предполагать упрямство, когда дѣло ясно? Кто сопротивляется одинъ, тотъ хочетъ уступить только своему убѣжденію, но это убѣжденіе приводитъ къ мученичеству. Подобный характеръ достоинъ уваженія, даже если онъ ошибается.

„Я между прочимъ замѣчу, что самое большое препятствіе къ составленію единогласія заключается въ смертной казни. Хотя и говорятъ присяжнымъ, что они должны судить только о фактѣ, но всегда встрѣтятся между ними такіе, которые будутъ взвѣшивать послѣдствія своего голоса и останавливаться на малѣйшемъ сомнѣніи въ виновности, чтобы не имѣть на своей совѣсти смерти человѣка. Преобразуйте уголовные законы и тогда присяжные будутъ легче приходить къ единогласному заключенію.

„Бентамъ представляетъ другія возраженія противъ требованія единогласія.

„Его нельзя достигнуть, говоритъ онъ, какъ только постояннымъ клятвопреступленіемъ.

„Что касается слова *постоянный*, то я нахожу его неумѣстнымъ. Въ большей части случаевъ единогласіе двѣнадцати человѣкъ о фактѣ, о которомъ только что спорили, который разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Не только двѣнадцать, но даже сто, тысяча человѣкъ легко могутъ быть одного мнѣнія.

„Въ тѣхъ случаяхъ, когда факты не столь очевидны, чтобы присяжные могли изъ нихъ тотчасъ вывести единогласное заключеніе, то въ какомъ положеніи находится меньшинство? Въ положеніи сомнѣнія; я не могу не сомнѣваться, когда я одинъ или почти одинъ противъ девяти или десяти моихъ товарищей. Мое мнѣніе колеблется, я чувствую, какъ я склоняюсь къ большинству, и въ этой нерѣшимости мое снисхожденіе не составляетъ клятвопреступленія, потому что сущность клятвопреступленія заключается въ утвержденіи того, что считаю ложнымъ, тогда какъ я могу быть убѣжденъ, что мнѣніе значительнаго большинства должно быть справедливѣе моего.

„Я снова возвращусь къ замѣчанію, которое я сдѣлалъ въ началѣ этой главы. Бентамъ предлагаетъ систему судопроизводства, въ которой онъ обходится безъ суда присяжныхъ, въ той увѣренности, что гарантіи, которыми онъ окружилъ своего судью, лучше во многихъ отношеніяхъ гарантій, представляемыхъ судомъ присяжныхъ, и что онѣ имѣютъ на своей сторонѣ простоту, скорость, экономію. Но во всякой другой си-

Digitized by Google

стемѣ, исключая своей, онъ такъ далекъ отъ мысли презирать учрежденіе суда присяжныхъ, что написалъ особое обширное сочиненіе, въ которомъ господствуетъ аналитическая метода, принадлежащая только ему одному, чтобы выставить всѣ злоупотребленія, всю гнилость, какъ онъ говоритъ, вкравшіяся въ англійскій судъ присяжныхъ, въ особенности въ судъ спеціальныхъ присяжныхъ и по дѣламъ о политическихъ пасквиляхъ. Первая часть этого сочиненія вся посвящена приведенію доказательствъ существованія злоупотребленій; во второй онъ предлагаетъ средства для произведенія реформы и тѣ мѣры, которыя должны быть приняты для достиженія этимъ учрежденіемъ его истинной цѣли. Этотъ обширный трудъ не представляется произведеніемъ противника суда присяжныхъ; это работа искуснаго строителя на кораблѣ, который потерпѣлъ во время долгаго плаванія, въ который просачивается вода чрезъ незамѣтныя скважины и которому грозитъ ѣдкая ржавчина, если не поспѣшать остановить ея распространеніе. Вотъ что сдѣлалъ Бентамъ для суда присяжныхъ, не считая его самымъ лучшимъ средствомъ для отправленія правосудія.

„Однако можно ввести судъ присяжныхъ въ его систему, не искажая ея; но если бы слѣдовало сдѣлать выборъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ должно допустить это учрежденіе, то не должно забывать, что оно особенно важно въ политическихъ преступленіяхъ, а изъ нихъ въ тѣхъ, которыя касаются свободы печати. Я повторяю, что можно ввести судъ присяжныхъ въ планъ судопроизводства Бентама, какъ можно вставить боевый приборъ въ часы, не нарушая ихъ механизма“. (О судоустройствѣ, „Журналъ Министерства Юстиціи“, № 9, стр. 172—195).

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ЯНВАРЬ 1860.

Перемѣна въ положеніи итальянскаго вопроса.—Сближеніе Франціи съ Англіею.—Консультація о декретѣ 17 февраля 1852 года.—Приложенія: I. „Папа и конгрессъ". II „Разговоръ француза съ англичаниномъ".

Итальянское дѣло приняло новый оборотъ и, повидимому, ведется къ развязкѣ противной нашимъ ожиданіямъ. Если бы новое направленіе, полученное французскою политикою, зависѣло только отъ одной Франціи, мы все-таки остались бы при своемъ прежнемъ мнѣніи о будущности, приготовляемой для сѣверной и центральной Италіи; мы не имѣли бы основаній предполагать прочность и серьёзность въ дипломатическихъ отношеніяхъ, наполняющихъ теперь итальянцевъ радостными надеждами. Но перемѣна французской политики произведена сближеніемъ ея съ англійскою, которая по своей зависимости отъ парламентскаго и популярнаго контроля не можетъ быть перемѣнчивою или лживою въ важныхъ дѣлахъ. Эта связанность французской политики англійскою, и только именно эта связанность представляется ручательствомъ за серьёзность актовъ ея, возбудившихъ удовольствіе въ либеральной Европѣ. Не имѣя претензіи быть посвященными въ дипломатическія тайны, мы не беремся знакомить читателя съ тѣми мелочными и личными подробностями, которыя могли помогать или мѣшать сближенію Франціи съ Англіею; мы не будемъ даже повторять газетныхъ разсказовъ о разныхъ дипломатическихъ поѣздкахъ, письмахъ, депешахъ: они могутъ имѣть свою долю занимательности и даже быть справедливыми, но никто не поручится намъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не происходили какія нибудь другія хлопоты, имѣвшія такое же вліяніе и до сихъ поръ еще оставшіяся неизвѣстными для публики. Впрочемъ, еслибъ и всѣ закулисныя подробности дипломатическихъ сношеній были извѣстны, можно было бы оставить ихъ безъ вниманія, потому что сущность дѣла не въ нихъ: она состоитъ въ такихъ фактахъ, которые всѣмъ положительно извѣстны, о которыхъ депеши или вовсе не говорятъ, или говорятъ самымъ темнымъ образомъ, едва касаясь ихъ, но которые совершаются на глазахъ цѣлаго свѣта.

Въ прошедшій разъ мы говорили о приготовленіяхъ Франціи къ войнѣ съ Англіею и замѣчали, что этотъ фактъ, непрерывно идущій чрезъ всѣ распоряженія французскаго правительства со времени учрежденія имперіи, безпрерывно подвергается по наружному виду періодическимъ смѣнамъ прилива и отлива, то выставляется впередъ ожесточенною полемикою противъ Англіи, какъ смертельной непріятельницы французскаго могущества и благоденствія, то прикрывается любез-

Digitized by Google

ностью, предупредительностью и патетическими увѣреніями въ драгоцѣнности англійскаго союза. Мы замѣчали также, что съ половины ноября прошлаго года наступила очередь затишья и любезностей. Съ половины декабря это смягченіе достигло такого размѣра, что выразилось фактами, обнаружившими вліяніе на ходъ итальянскаго вопроса, составляющаго главный предметъ для дипломатическаго и газетнаго препровожденія времени. Такое сильное развитіе предупредительности къ Англіи со стороны Франціи обязываетъ насъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ факты, которые привели Францію къ необходимости политическаго поворота, радующаго теперь Европу.

Постоянно отыскивая поводы для раздраженія общественнаго мнѣнія противъ Англіи, французское правительство въ первой половинѣ прошлаго года, во время торійскаго министерства, имѣло такимъ предлогомъ предполагаемую вражду Англіи противъ освобожденія Италіи и предполагаемую наклонность лорда Дерби помогать австрійцамъ. Обнародованное въ послѣдствіи собраніе депешъ министерства Дерби по итальянскому вопросу обнаружило, что тори вовсе не имѣли такой наклонности, а напрочивъ, желали освобожденія Италіи. Но все равно, публика тогда предполагала въ министерствѣ Дерби расположеніе къ австрійцамъ и полуофиціальныя французскія газеты свирѣпствовали противъ коварнаго Альбіона, хотя людямъ, возбуждавшимъ эти нападенія, была очень хорошо извѣстна ихъ неосновательность. Когда былъ заключенъ виллафранкскій миръ, а въ Англіи лорды Пальмерстонъ и Россель смѣнили лордовъ Дерби и Мальмсбери, предлогъ вражды повернулся въ противную сторону. Франція теперь дѣйствовала въ пользу Австріи, противъ Сардиніи и центральной Италіи, а расположеніе Англіи къ дѣлу итальянской свободы обнаружилось для всѣхъ. Теперь полуофиціальныя французскія газеты стали нападать на Англію за то, что она хочетъ революціонизировать Италію. Пальмерсторъ и Россель вовсе не хотѣли этого, ихъ политика была въ сущности таже, какъ политика торійскаго министерства, отличаясь отъ нея только большею твердостью и ловкостью. Кромѣ итальянскаго дѣла было найдено много другихъ причинъ неистовствовать противъ Англіи. Одною изъ нихъ былъ знаменитый Суэзскій каналъ.

Говорить о Суэзскомъ каналѣ подробно значило бы подвергать себя и читателей ужаснѣйшей скукѣ. Говорятъ, что онъ долженъ принести неизмѣримую выгоду акціонерамъ компаніи, составившейся для его прорытія, долженъ давать имъ на первое время процентовъ 20 или 30, а потомъ гораздо больше; говорятъ также, что онъ принесетъ неизмѣримыя блага всему человѣческому роду. Это все провозглашается во Франціи, и по странному случаю не дозволяется въ ней спорить противъ такихъ увѣреній. Въ Англіи, въ Голландіи, да и въ самой Франціи многіе находятъ, что разсчеты о коммерческихъ выгодахъ канала натянуты; что хотя путь въ Индію и въ Китай по Чермному морю былъ бы гораздо короче нынѣшняго пути мимо мыса Доброй Надежды, но плаваніе по Чермному морю очень затруднительно отъ узости фарватера, неблагопріятныхъ теченій и сильныхъ вѣтровъ, такъ что по этой кратчайшей дорогѣ парусныя суда шли бы дольше, а пароходы сжигали бы больше угля, чѣмъ по длинной дорогѣ вокругъ Африки. Правда ли это, мы не знаемъ; но если коммерческія выгоды Суэзскаго канала въ самомъ дѣлѣ громадны и возраженія противъ нихъ неосновательны, то почему-жъ запрещать говорить противъ него во Франціи? Свободное обсужденіе вопроса не замедлило бы

Digitized by Google

разсѣять несправедливыя сомнѣнія. Съ другой стороны, если каналъ ненуженъ и убыточенъ въ коммерческомъ отношеніи, то зачѣмъ Франція хочетъ строить его? Противники канала даютъ на это отвѣтъ очень ясный. Каналъ хотятъ рыть не по коммерческому, а по политическому разсчету. Французы хотятъ завладѣть широкими полосами земли по его берегамъ, настроить тутъ укрѣпленій, поставить гарнизоны и батареи. Такимъ образомъ они совершенно отдѣлятъ Египетъ отъ турецкихъ владѣній и завладѣютъ потомъ этою страною, на которую постоянно имѣютъ свои виды со времени египетской экспедиціи генерала Бонапарте. Кромѣ того, они откроютъ себѣ военную дорогу въ Остъ-Индію. Теперь, въ случаѣ войны съ Англіей, имъ нельзя добраться до Мадраса и Калькутты, пройти на Индъ и Гангъ: если бы они послали эскадры вокругъ мыса Доброй Надежды, эскадры были бы на этомъ пути истреблены англичанами. Иное будетъ дѣло, когда они пророютъ Суэзскій каналъ и утвердятся на его берегахъ. Тогда ихъ флоты пойдутъ въ Индію подъ прикрытіемъ своихъ батарей, которыми будутъ остановлены англійскіе флоты. Намъ кажется, что всѣми этими разсчетами и опасеніями Англія могла бы пренебречь. Пока у ней будетъ такой торговый флотъ, какъ нынѣ, военные французскіе флоты, не имѣющіе подобнаго неистощимаго резерва хорошихъ матросовъ, едва-ли будутъ страшны для Англіи, и какимъ бы путемъ ни повела Франція экспедицію въ Индію, успѣховъ ей ждать трудно. Но даже и не въ этомъ дѣло. Пусть Суэзскій каналъ и послужитъ для французовъ средствомъ отнять у Англіи Остъ-Индію: здравый разсчетъ Англіи не долженъ былъ бы страшиться такой потери. Теперь всѣ разсчетливые люди въ Англіи понимаютъ, что владѣніе Остъ-Индіею служитъ для ихъ отечества не источникомъ бо́льшаго могущества и богатства, а просто источникомъ тяжелыхъ финансовыхъ затрудненій и ослабленія военныхъ силъ самой Англіи. Отказаться безъ внѣшней необходимости отъ такого убыточнаго владѣнія не дозволяетъ предразсудокъ національнаго тщеславія; но если бы какой нибудь случай отнялъ Остъ-Индію у Англіи, англичане скоро почувствовали бы, что очень много выиграли и въ богатствѣ и въ военномъ могуществѣ черезъ эту видимую потерю. Разумѣется, мы только излагаемъ свой взглядъ на дѣло, только говоримъ, что этотъ выводъ слѣдуетъ изъ мыслей, господствующихъ между разсчетливыми людьми въ самой Англіи. Но если мы говоримъ о ходѣ политическихъ событій, важность не въ томъ, какъ слѣдовало бы думать извѣстному народу или правительству, а въ томъ, какъ народъ или правительство дѣйствительно думаютъ. Пока предразсудокъ или ошибка считаются за истину, они управляютъ событіями. Англичане воображаютъ, что должны заботиться о сохраненіи своего господства въ Остъ-Индіи, французы думаютъ, что нанесли бы имъ смертельный ударъ разрушеніемъ этого господства и хотятъ строить для того Суэзскій каналъ. Англичане видятъ въ каналѣ выраженіе вражды къ нимъ со стороны Франціи. Давно уже идетъ въ Константинополѣ дипломатическая борьба, и вотъ, когда французы довели до крайности свои подготовленія къ войнѣ съ Англіею, французскому посланнику въ Константинополѣ было приказано рѣшительнымъ образомъ потребовать у султана согласія на Суэзскій каналъ. Это было открытымъ разрывомъ съ Англіею.

Но вдругъ атака перешла въ отступленіе. Оказалось, что дѣло заведено слишкомъ далеко, что англичане выходятъ изъ терпѣнія, а Франція между тѣмъ все еще не была и долго не будетъ готова къ войнѣ. По грубости своихъ нравовъ,

англичане не понимаютъ шутокъ. Францiя шалила для забавы своему національному предразсудку, наводила рѣчь на войну только за тѣмъ, чтобы горячить общественное мнѣніе, подготовлять его къ будущему, еще не очень близкому, а невѣжды англичане вздумали отвѣчать на шалости вовсе не дипломатичною рѣзкостью. „Если вы хотите войны, то начнемъ войну“, заговорили они. Тутъ понадобилось показать видъ дружбы. Необразованные островитяне были очень раздражены и для ихъ успокоенія пришлось сдѣлать очень много.

Главнымъ предметомъ дипломатическихъ разсужденій былъ итальянскій вопросъ, и Францiя въ доказательство своей любви къ Англіи должна была объявить, что принимаетъ въ этомъ дѣлѣ англійскую политику.

Мы говорили, въ чемъ заключалась разница между французскимъ и англійскимъ способомъ рѣшенія. Францiя хотѣла возстановить австрійскихъ вассаловъ въ Тосканѣ и Моденѣ или отдать эти земли французскому вассалу, а Романью возвратить папѣ. Для этого нужно было вооруженное вмѣшательство. Чтобы устроить его, созывался конгрессъ, рѣшенія котораго были впередъ извѣстны. Англія говорила, что распоряженіе участью итальянцевъ должно быть предоставлено самимъ итальянцамъ и что она не одобряетъ вооруженнаго вмѣшательства. Быть можетъ, она стала бы протестовать противъ него; это было даже почти достовѣрно. Быть можетъ, она даже приняла бы какія нибудь матеріальныя мѣры къ выраженію своего неудовольствія. Война съ Англіею изъ-за Италіи была неправдоподобнымъ шансомъ, но все-таки шансъ этотъ былъ, и почему знать, куда приведетъ раздоръ, разъ вспыхнувшій? Мы видѣли, до чего простиралась непріязнь: назначеніемъ на конгрессъ второстепеннаго дипломата, лорда Коули, англійское правительство прямо говорило, что считаетъ конгрессъ дѣломъ враждебнымъ своей политикѣ и не хочетъ впутываться въ него. Отъ этого удара, повидимому столь мягкаго, стала разсыпаться вся постройка батарей противъ Италіи, съ такимъ усердіемъ воздвигавшихся въ теченіе почти пяти мѣсяцевъ, прошедшихъ отъ виллафранкскаго мира до послѣдней половины ноября. Началось съ того, что великія нейтральныя державы приняли холодность Англіи къ конгрессу очень серьёзнымъ образомъ. Онѣ говорили, что не стоитъ и имъ посылать на конгрессъ важнѣйшихъ дипломатовъ, если Англія не придаетъ ему важности. Смыслъ этихъ дипломатическихъ фразъ былъ тотъ, что нейтральная Европа поколебалась въ своемъ прежнемъ расположеніи поддерживать французско-австрійскую политику, когда увидѣла, что Англія за это сердится. Какъ и что̀ было дальше, остается, и пусть себѣ остается, дипломатическимъ секретомъ; видно только, что нужно было все больше и больше дѣлать любезностей англичанамъ, и первымъ публичнымъ выраженіемъ этой необходимости была знаменитая брошюра „Конгрессъ и Папа“, явившаяся около 20 декабря. Безмѣрнаго шума и крика надѣлала эта тетрадка, написанная почетнѣйшимъ изъ придворныхъ публицистовъ, Ла-Героньеромъ, по инструкціямъ императора французовъ, который просматривалъ и исправлялъ ее. Въ приложеніи мы помѣщаемъ очень подробное извлеченіе изъ знаменитаго памфлета: мы вполнѣ перевели всѣ важныя мѣста его, выпуская только повторенія и амплификаціи, которыми изобилуетъ брошюра, написанная очень растянуто. Разбирать мыслей, въ ней изложенныхъ, мы не будемъ, потому что неудовлетворительность ихъ очевидна. Если папа не можетъ быть хорошимъ свѣтскимъ государемъ, то какъ же оставлять его государемъ въ Римѣ? Если онъ компрометируетъ свой духовный авторитетъ

поддерживая свою власть надъ подданными только при помощи иностранныхъ штыковъ, то развѣ не будетъ продолжаться то же самое, хотя бы оставили ему власть надъ однимъ городомъ Римомъ? Вѣдь именно жители города самые непримиримые враги свѣтской власти папы, и поддерживать ее надъ ними можно будетъ по прежнему только насиліемъ. Сама брошюра предвидитъ это, и уже придумала способъ укрощать римлянъ посредствомъ войскъ, присылаемыхъ для охраненія папы всѣми итальянскими государствами. Если Романью необходимо отнять у папы, чтобы онъ не являлся въ неприличномъ его званію видѣ притѣснителя и врага своихъ подданныхъ, то же самое надобно сказать о всѣхъ другихъ его владѣніяхъ и о самомъ городѣ Римѣ. Нѣтъ, говоритъ брошюра, папѣ необходимо оставаться государемъ хотя бы маленькаго владѣнія, чтобы не стать въ зависимость отъ какой нибудь одной державы; будучи главою всѣхъ католиковъ, онъ для спокойствія Европы не долженъ быть подданнымъ ни одной державы. Но государь маленькаго владѣнія находится въ такой зависимости отъ своихъ сосѣдей, что имѣетъ гораздо менѣе свободы, нежели каждый богатый человѣкъ въ какомъ нибудь свободномъ государствѣ. Каждый ирландскій епископъ менѣе стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели нынѣшній папа. Для независимости, папѣ вовсе не нужно быть свѣтскимъ государемъ, напротивъ, именно для этого ему нужно не быть свѣтскимъ государемъ. Пусть Римъ составляетъ часть свободнаго государства,—тогда никто не будетъ имѣть возможности стѣснять папу, живущаго въ немъ, какъ никто не имѣетъ возможности стѣснять какого нибудь бельгійскаго или швейцарскаго епископа. Для насъ, не католиковъ, это очевидно само собою, и нѣтъ надобности въ подробныхъ опроверженіяхъ брошюры. Она важна вовсе не своими логическими достоинствами, а просто тѣмъ, что императоръ французовъ черезъ нее показывалъ Европѣ свое намѣреніе не возвращать Романью папѣ.

Разумѣется, брошюра привела либеральныя партіи въ восторгъ, а католическую партію повергла въ ужасъ и негодованіе. Католическое высшее духовенство давно уже вело бурную агитацію на защиту папской власти; теперь агитація приняла еще болѣе ожесточенный характеръ и стала лично враждебною императору французовъ. Дѣло дошло до того, что французскіе кардиналы грозятъ сложить съ себя званіе членовъ сената, въ знакъ явнаго разрыва ультрамонтанской партіи съ правительствомъ.

Первымъ слѣдствіемъ изданія брошюры было удаленіе графа Валевскаго отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Благородный графъ былъ краснѣйшимъ демократомъ и агентомъ при западныхъ дворахъ отъ революціоннаго правительства Польши въ 1830—1831 годахъ. Но скоро онъ одумался и исправился, увидѣвъ невыгодность такого направленія мыслей, и для заглажденія грѣховъ своей молодости сталъ отличнѣйшимъ консерваторомъ и абсолютистомъ. Это дѣйствительно оказалось гораздо выгоднѣе, и говорятъ, что теперь въ цѣлой Европѣ нѣтъ человѣка, имѣющаго такую полную коллекцію первостепенныхъ орденовъ всѣхъ державъ: у графа болѣе 30 лентъ. Сообразны его заслугамъ были и болѣе существенныя награды, полученныя имъ отъ императора французовъ. Не считая денегъ, ему даны были два великолѣпныя помѣстья. Почтенный сановникъ былъ извѣстенъ за великаго друга Австріи. Ему даже приписывали значительное вліяніе на то, что со времени виллафранкскаго мира Франція держала себя враждебно противъ Италіи; утверждали даже, что реакціонный министръ принуждаетъ либе-

Digitized by Google

ральнаго императора дѣйствовать вопреки его собственнымъ желаніямъ. Такія наивности конечно не заслуживаютъ возраженія: каждому извѣстно, что, при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ, французскіе министры не имѣютъ никакой самостоятельности и служатъ только исполнителями приказаній императора. Наполеонъ III просто беретъ себѣ министромъ по извѣстной части на извѣстное время такого человѣка, имя котораго служило бы обозначеніемъ той системы, какой хочетъ держаться по этой части императоръ. За австрійское направленіе французской политики въ послѣднюю половину прошлаго года, графъ Валевскій заслуживалъ ровно столько похвалы или порицанія, какъ переписчикъ за содержаніе бумагъ. имъ переписываемыхъ. Но когда императоръ захотѣлъ показать, что его политика принимаетъ новый оборотъ, онъ долженъ былъ смѣнить министра, имя котораго служило вывѣскою австрійскаго направленія. Какимъ именно порядкомъ произошелъ поводъ къ удаленію, это все равно, но разсказываютъ это дѣло слѣдующимъ образомъ.

Когда явилась брошюра Ла-Героньера, папскій нунцій въ Парижѣ, Саккони, потребовалъ у Валевскаго, чтобы она подвергнута была запрещенію, или по крайней мѣрѣ правительство объявило въ „Монитёрѣ“, что оно не одобряетъ мыслей, въ ней изложенныхъ; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ уѣхать изъ Парижа. Валевскій, для успокоенія папы, сообщилъ французскому посланнику въ Римѣ, Граммону, что брошюра не имѣетъ официальнаго значенія и что французское правительство остается вѣрно прежней своей программѣ, то есть намѣренію возвратить легатства подъ власть папы; министръ уполномочивалъ посланника передать эти увѣренія папскому правительству. Но когда Валевскій сталъ въ совѣтѣ министровъ требовать, чтобы „Монитёръ“ объявилъ брошюру не имѣющей официальнаго характера, императоръ не согласился; напротивъ, образъ дѣйствій Наполеона III открыто подтверждалъ передъ публикою, что брошюра излагаетъ новую программу французской политики и что въ ея составленіи участвовалъ самъ императоръ. Тогда Валевскому не осталось ничего, кромѣ какъ подать въ отставку. Быть можетъ, эти свѣдѣнія не полны; но если были еще другія какія нибудь дипломатическія сцены, онѣ имѣли тотъ же характеръ, и когда мы узнаемъ ихъ, онѣ ничего не прибавятъ къ нашему понятію о сущности дѣла, достаточно опредѣляемой этимъ разсказомъ.

Предполагаемый конгрессъ не обѣщалъ теперь ничего хорошаго для папы; Австрія, видя сближеніе Франціи съ Англіею, покровительствующею Сардиніи, также не могла ждать благопріятнаго для себя рѣшенія. Подобно папѣ, она отказалась отъ мысли о конгрессѣ, которому былъ уже и прежде нанесенъ тяжелый ударъ тѣмъ, что Англія не хотѣла прислать на него ни одного изъ первостепенныхъ своихъ дипломатовъ, и скоро было объявлено, что онъ отсрочивается на неопредѣленное время.

Между тѣмъ Франція выказывала все больше и больше расположенія къ уступкамъ Англіи. Было, напримѣръ, рѣшено, что конгрессъ отлагается до того времени, когда правительства этихъ державъ согласятся между собою въ итальянскомъ вопросѣ и составятъ объ этомъ нѣчто въ родѣ общаго протокола; тогда онѣ явятся на конгрессъ какъ союзники, съ общею программою; императоръ французовъ говорилъ, что расположенъ въ этомъ случаѣ жертвовать своими намѣреніями принципамъ англійскаго кабинета (разумѣется, таковъ былъ только смыслъ словъ,

Digitized by Google

а слова были не тѣ: онъ говорилъ, что его намѣренія всегда были въ сущности одинаковы съ намѣреніями Пальмерстона и Росселя). Въ то же время онъ возобновилъ свое прежнее стремленіе ввести во Францію принципы свободной торговли. Въ какихъ формахъ начались переговоры объ этихъ обоихъ предметахъ, конечно еще не вполнѣ извѣстно публикѣ, да и не имѣетъ существенной важности; довольно и той части подробностей, которая уже стала извѣстна. Мы знаемъ, что дѣло было подготовлено частными объясненіями императора французовъ и его довѣренныхъ лицъ съ людьми, имѣющими вліяніе на правительство или общественное мнѣніе въ Англіи, любезностями къ англійскимъ газетамъ, а когда была подготовлена такимъ образомъ почва къ возобновленію распадавшейся дружбы, офиціальнымъ посредникомъ въ переговорахъ былъ избранъ англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Коули.

Объ одной изъ любезностей къ англійской журналистикѣ мы уже упоминали въ прошедшій разъ: когда французскимъ полуофиціальнымъ газетамъ было въ половинѣ ноября приказано прекратить нападенія на Англію, это было сдѣлано такъ, что имѣло видъ угожденія жалобамъ англійской журналистики: циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи полемики явился какъ будто отвѣтомъ на статью Times'а о дурномъ вліяніи, производимомъ французскими полуофиціальными нападеніями. Эти любезности продолжались: когда готовилась къ печати брошюра „Конгрессъ и папа", корректуры были заранѣе сообщены Times'у, такъ что у него былъ уже набранъ къ печати англійскій переводъ брошюры за цѣлыя сутки до ея появленія въ Парижѣ. Когда начались офиціальные переговоры поѣздкою Коули въ Лондонъ, агентству Рейтера, доставляющему телеграфическія депеши англійскимъ газетамъ, было прислано французскимъ правительствомъ объясненіе предшествовавшихъ недоразумѣній, доказывавшее, что императоръ еще въ августѣ хотѣлъ принять англійскій взглядъ на итальянское дѣло, и только графъ Валевскій помѣшалъ подворенію согласія. Такая предупредительность въ сообщеніи извѣстій англійской журналистикѣ должна была свидѣтельствовать англійскому народу, какъ дорожитъ императоръ французовъ его мнѣніемъ.

Кромѣ этихъ любезностей, относившихся къ цѣлой англійской публикѣ, не было недостатка и въ любезностяхъ съ отдѣльными лицами, пользующимися вліяніемъ на англійское общество. Извѣстнымъ примѣромъ тому служатъ отношенія, въ которыя Наполеонъ III вступилъ съ Кобденомъ, пріѣхавшимъ во Францію для отдыха и поправленія здоровья. Императоръ французовъ давно вѣритъ въ пользу принципа свободной торговли, и едва ли нужны были ему чужія убѣжденія для развитія въ немъ наклонности стремиться къ ея водворенію во Франціи; если же нужны были ему новыя разъясненія, онъ могъ получить ихъ отъ своихъ домашнихъ экономистовъ, хотя бы напримѣръ отъ Мишеля Шевалье, находящагося членомъ въ его государственномъ совѣтѣ. Но полезно, казалось, польстить англичанамъ, выставивъ Кобдена совѣтникомъ императора въ дѣлѣ, пріятномъ для Англіи: Мишелю Шевалье было поручено пригласить Кобдена къ императору, и теперь, когда въ письмѣ къ Фульду провозглашенъ принципъ свободной торговли, а черезъ лорда Коули заключена съ англійскимъ правительствомъ торговая конвенція въ этомъ смыслѣ, полуофиціальныя французскія корреспонденціи громко воздаютъ Кобдену честь за то, что его совѣты много способствовали утвержденію императора въ рѣшимости на дѣло, равно полезное для Франціи и для Англіи. Объ

Digitized by Google

этомъ стали разглашать въ первой половинѣ января, а прежде того свиданія съ Кобденомъ послужили Наполеону III средствомъ подкрѣпить авторитетомъ его имени свои миролюбивыя увѣренія. Почти одновременно съ брошюрою „Конгрессъ и папа“ явился (23 января) въ Times'ѣ „Разговоръ англичанина съ французомъ“, сообщавшійся парижскимъ корреспондентомъ этой газеты. Корреспондентъ, вставляя „любопытный разговоръ“ въ свое письмо, употреблялъ выраженія, показывавшія, что это документъ, составленный или исправленный „французомъ“, ведущимъ разговоръ, и ясно указывалъ, что этотъ „французъ“—Наполеонъ III. „Имѣя хорошую память, писалъ корреспондентъ, я запомнилъ мысли, которыя выставлялись на видъ разговаривавшими. Я считаю удобнѣйшимъ передать разговоръ въ той самой формѣ, какъ онъ происходилъ, чтобы не опустить ни одного выраженія“.—„Я желаю обратить ваше особенное вниманіе на слова французскаго собесѣдника, продолжаетъ корреспондентъ:—я имѣю причины думать, что ими въ точности передаются мнѣнія, выражаемыя въ высокой сферѣ“—фраза, принятая западною публицистикою для обозначенія личныхъ мнѣній царствующихъ лицъ. Въ приложеніи, мы переводимъ этотъ любопытный документъ, а здѣсь довольно будетъ замѣтить, что французъ поочередно разсѣеваетъ всѣ сомнѣнія въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Франціи, представляемыя англичаниномъ, который убѣждается его доводами.

Когда сближеніе съ Англіею было достаточно подготовлено этими дѣйствіями на общественное мнѣніе, дипломатическими переговорами и перемѣною обращенія съ Австріею, Сардиніею и папою, лордъ Коули по просьбѣ императора французовъ отправился (въ началѣ января) въ Лондонъ для сообщенія англійскому министерству предложеній Наполеона III о коммерческомъ и политическомъ союзѣ. Независимыя газеты утверждали, что императоръ далъ ему порученіе говорить о формальномъ трактатѣ по итальянскому вопросу; полуофиціальныя газеты опровергали этотъ слухъ; которыя изъ нихъ правы, все равно: достовѣрно то, что лорду Коули поручено было установить согласіе между Франціею и Англіею по итальянскому вопросу, что императоръ французовъ отказывался для этого отъ прежней своей политики относительно Италіи, соглашаясь принять англійскую систему на столько, на сколько окажется это необходимымъ для возвращенія англійской дружбы и для смягченія досады англичанъ за прежнія непріязненныя дѣйствія, предлагая имъ торговыя выгоды. О Суэзскомъ каналѣ онъ, разумѣется, замолчалъ. Въ чемъ состояли предложенія по итальянскому вопросу? Мы сначала приведемъ несомнѣнныя основанія ихъ, а потомъ сообщимъ и газетныя слухи о формахъ, которыя казались Наполеону III соотвѣтствующими его новому положенію.

Прошлою зимою, еще до начала итальянской войны, мы говорили, въ чемъ должна состоять ея цѣль для иностранной политики императора французовъ. Мы доказывали, что его намѣреніе должно состоять въ подчиненіи Италіи французскому вліянію. Виллафранкскій миръ и послѣдующія дѣйствія Франціи до половины ноября соотвѣтствовали этой цѣли. Для Сардиніи была завоевана область, не дававшая ей такой силы, чтобы устоять противъ австрійцевъ безъ помощи Франціи; но, однако же, бывшая пріобрѣтеніемъ такимъ богатымъ, что для его сохраненія Сардинія должна была жертвовать всѣмъ и безусловно исполнять волю императора французовъ, лишь бы онъ защищалъ ее отъ Австріи. Чтобы сардинцамъ понятнѣе и памятнѣе была шаткость ихъ положенія, за австрійцами были оставлены Пескьера и Мантуя, изъ которыхъ они могли мгновенно ринуться на Лом-

Digitized by Google

бардію, лишь только отнималъ у сардинцевъ руку помощи Наполеонъ III, недовольный какимъ-нибудь туринскимъ своевольствомъ. Такимъ образомъ недопущеніе Піэмонта до дальнѣйшаго увеличенія было главнымъ основаніемъ французской политики. Присоединеніе герцогствъ, Тосканы и легатствъ дѣлало бы Сардинію государствомъ довольно сильнымъ, которое могло бы забыть о послушаніи императору французовъ, возмечтавъ, что и безъ него можетъ удержаться противъ Австріи. Теперь, подъ вліяніемъ новой потребности, императоръ французовъ выражалъ Англіи готовность принять ея принципъ предоставленія жителямъ центральной Италіи свободы установлять у себя правительства по собственному выбору. Англія должна была видѣть изъ этого, что Наполеонъ III для дружбы къ ней готовъ,—а можетъ быть онъ и прямо говорилъ ей, что готовъ допустить присоединеніе центральной Италіи къ Піэмонту. Въ этомъ состоялъ существенный и несомнѣнный смыслъ порученія, съ которымъ лордъ Коули явился въ Лондонъ.

Изъ этого возникаютъ вопросы и предположенія, о вѣроятности которыхъ мы уже предоставляемъ судить читателю. Отказываясь, по крайней мѣрѣ на словахъ, отъ намѣренія держать въ своей зависимости Сардинію, Наполеонъ III, вѣроятно, долженъ былъ искать средствъ для вознагражденія себя за такое самопожертвованіе. Газеты увѣряютъ, что онъ убѣждалъ Англію дать ему въ вознагражденіе Савойю,—читатель вспомнитъ, что и до начала войны, и по ея окончаніи носились слухи о видахъ Франціи на эту страну. Тогда предполагалось, что пріобрѣтеніе будетъ сдѣлано безъ постороннихъ вмѣшательствъ, однимъ тяготѣніемъ надъ Сардиніею. Теперь, когда объявлялось, что Франція ничего не хочетъ дѣлать съ Италіею безъ согласія Англіи, натурально слѣдовало предложить какую нибудь пріятность и Англіи, если не было покинуто намѣреніе пріобрѣсти Савойю. Неофиціальныя газеты увѣряли, что императоръ французовъ не покидалъ этой мысли и хотѣлъ склонить Англію на увеличеніе французской территоріи, предложеніемъ, чтобы сама Англія взяла себѣ островъ Сардинію. Само собою разумѣется, что офиціальныя газеты опровергли такой слухъ, какъ опровергаютъ всякій слухъ о всякой попыткѣ, которая не удалась или которую рано еще разглашать. Мы не знаемъ, на чьей сторонѣ тутъ правда. Можно только сказать, что если островъ Сардинія былъ дѣйствительно предложенъ Англіи, то Англія едва ли была обольщена предложеніемъ. Она теперь уже довольно проникнута принципомъ разсудительной политики, по которому пріобрѣтеніе иноземныхъ владѣній считается дѣломъ невыгоднымъ для государства. Она не дошла еще до того, чтобы добровольно отказаться отъ прежнихъ пріобрѣтеній своихъ въ Европѣ, но едва ли захочетъ увеличивать ихъ число.

Однако трудно предположить, чтобы Франція дѣйствительно и серьёзно отказалась отъ намѣренія господствовать надъ Италіею. Какимъ же образомъ исполнить его, если предлагается въ угодность англичанамъ дать центральной Италіи свободу распоряжаться своей судьбой? Если такъ, она присоединится къ Піэмонту и Піэмонтъ станетъ на столько силенъ, что выйдетъ изъ-подъ французской зависимости. Отвѣчать на это можно двумя предположеніями. Газеты увѣряютъ, будто идетъ слѣдующее разнорѣчіе: Англія хочетъ, чтобы просто было признано рѣшеніи о присоединеніи къ Піэмонту, принятое въ августѣ законодательными собраніями центральной Италіи, или, по крайней мѣрѣ, новое испытаніе воли этихъ областей ограничилось созваніемъ законодательныхъ собраній для вторичнаго рѣ-

Digitized by Google

шенія по вопросу о ихъ устройствѣ. Франція, продолжаютъ газеты, предлагаетъ, чтобы это дѣло было рѣшено непосредственною подачею голосовъ всего населенія. Она надѣется, что въ этомъ случаѣ успѣетъ составить большинство не въ пользу присоединенія къ Піэмонту, а въ пользу основанія отдѣльнаго королевства съ избраніемъ въ короли или принца Наполеона (это было бы пріятнѣе всего для нея), или прежняго герцога тосканскаго (что было бы также очень не дурно по разсчетамъ Франціи), или, наконецъ, хотя принца кариньянскаго (что все-таки не такъ дурно, какъ прямое присоединеніе къ Піэмонту). Можетъ существовать и другое предположеніе. Тѣмъ предложеніемъ, которое Коули привезъ въ Лондонъ, просто оттягивается дѣло съ надеждою длить его до появленія обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ, когда можно будетъ обойтись безъ нынѣшнихъ церемоній съ Англіею. При такой игрѣ нѣкоторымъ обезпеченіемъ служитъ то, что Ломбардія остается занята 50-тысячнымъ французскимъ войскомъ. Оно конечно охраняетъ Ломбардію отъ вторженія австрійцевъ (которые, впрочемъ, никакъ не подумали бы вторгаться въ нее безъ разрѣшенія Наполеона III, хотя бы ни одного французскаго солдата не было за Альпами); но съ тѣмъ вмѣстѣ оно можетъ для самихъ сардинцевъ служить напоминаніемъ о гибельности самоволія, а въ случаѣ крайности уравновѣсить вліяніе, какое могли бы присвоивать себѣ англичане при возникновеніи у нихъ какого-нибудь несогласія съ Наполеономъ III. Мы предоставляемъ читателю судить, насколько правдоподобны эти объясненія. Если ему угодно, онъ можетъ принять и третью гипотезу, но о ней мы уже рѣшительно должны сказать, что она принадлежитъ не намъ и далеко превосходитъ собою силу изобрѣтательности нашего ума. Эта гипотеза состоитъ въ томъ, что французская политика теперь дѣйствительно стремится къ освобожденію Италіи отъ иноземнаго ига. Приверженцы этого предположенія раздѣляются на два класса: одни полагали всегда, что Наполеонъ III хочетъ собственно освобожденія Италіи,— питали эту увѣренность, несмотря на дѣйствія Гойона въ Римѣ, на виллафранкскій миръ, на цюрихскіе переговоры и на всѣ другія проявленія французской политики до половины декабря. Другіе, или, лучше сказать, тѣ же самые люди, говорятъ теперь, что до половины декабря Франція дѣйствительно держала сторону Австріи противъ Піэмонта и центральной Италіи, но что теперь, увидѣвъ несостоятельность такой системы, она искренно перешла къ противоположному направленію. Любовь къ Италіи для нихъ выше всѣхъ соображеній, и когда питать надежду на счастіе бѣдной націи можно было только отвергая факты, предшествовавшіе послѣднему обороту дѣла, они отвергали ихъ. Теперь, когда подано имъ новое основаніе для надежды, они пріобрѣли возможность говорить: ну, да, прежде было дѣйствительно плохо, зато теперь уже не можетъ быть ничего, кромѣ хорошаго. Мы сами отъ всей души желали бы присоединиться къ нимъ и не замедлимъ присоединиться, когда факты убѣдятъ насъ въ прочности основанія, недавно возникшаго для хорошихъ ожиданій. На одной изъ слѣдующихъ страницъ мы изложимъ условія этой прочности, и читатель позволитъ намъ не увлекаться слишкомъ радужными надеждами, пока мы не увидимъ, что эти условія существуютъ.

Но возвратимся къ лорду Коули. Предлагая содѣйствіе Франціи осуществленію англійской политики въ итальянскомъ вопросѣ, онъ сообщалъ, что Франція желала бы вступить съ Англіею въ формальный союзъ по этому дѣлу. Прямо или

косвенно было дано ему это порученіе, словесно или на бумагѣ, мы опять не знаемъ, и опять-таки говоримъ, что это все равно. Въ какой именно формѣ и подъ какимъ предлогомъ лондонскій кабинетъ уклонился отъ союза, мы опять-таки знаемъ и не слишкомъ интересуемся этимъ, будучи довольны соображеніями, которыя прямо слѣдуютъ изъ фактовъ извѣстныхъ всѣмъ. Министерство Пальмерстона искренно желаетъ освобожденія Италіи. Оно не захотѣло связывать своей итальянской политики обязательствомъ дѣйствовать не иначе, какъ по согласію съ Франціею. Мы находимъ, что этого достаточно для составленія себѣ понятія о сущности дѣла. Могутъ сказать: но Англія, при всемъ добромъ расположеніи къ итальянцамъ, не намѣрена впутываться изъ-за нихъ сама въ войну, то есть въ разореніе; быть можетъ, она уклонилась отъ союза съ Франціею только потому, что тогда, въ случаѣ войны Піэмонта съ Австріею, была бы втянута въ эту войну. Нѣтъ, при союзѣ Англіи съ Франціею всякое опасеніе войны за Италію исчезало бы: во-первыхъ, очевидно само собою, что у австрійцевъ достало бы благоразумія хотя на то, чтобы видѣть свое совершенное безсиліе противъ такой лиги. Во-вторыхъ, объ этомъ были спрошены англичанами австрійцы и отвѣчали, что въ случаѣ согласнаго дѣйствія Франціи и Англіи въ Италіи, Австрія не можетъ противиться и должна будетъ покориться, ограничиваясь протестаціею.

На этомъ пока останавливаются наши извѣстія о переговорахъ Франціи съ Англіею по итальянскому вопросу. Франція объявила, что не хочетъ ничего дѣлать въ Италіи безъ согласія Англіи,—Англія приняла съ признательностью такую нѣжность. Франція предложила ей союзъ по этому дѣлу,—Англія почла благоразумнымъ уклониться отъ вступленія въ союзъ до того времени, когда будетъ имѣть болѣе положительныя доказательства твердаго и искренняго расположенія Франціи предоставить итальянцамъ дѣйствительную независимость.

Намъ кажется, что англійскій кабинетъ поступилъ въ этомъ случаѣ очень честно и разсудительно. Мы тѣмъ смѣлѣе говоримъ это, что вовсе не принадлежимъ къ числу поклонниковъ лорда Пальмерстона, ни даже лорда Росселя. Намъ кажется, вѣрнѣе всего подождать, пока хотя они найдутъ, что Франція приняла въ итальянскомъ дѣлѣ удовлетворительную систему; намъ еще и тогда будетъ время посмотрѣть, надобно ли признать эту систему удовлетворительной съ той точки зрѣнія, которой мы обыкновенно руководимся; а пока колеблется даже лордъ Пальмерстонъ, намъ еще рано и думать объ измѣненіи нашего понятія о цѣляхъ французской политики въ Италіи.

Не всѣ такъ мнительны, какъ мы. Огромное большинство честныхъ людей въ Европѣ находится теперь въ состояніи восторга отъ ссоры, повидимому непримиримой, между папою и Франціею и отъ возвращенія графа Кавура къ управленію дѣлами.

Этому возвращенію мы сами очень рады, хотя не имѣемъ удовольстія быть особенно жаркими почитателями предводителя умѣренныхъ, быть можетъ нѣсколько ограниченныхъ, но твердыхъ итальянскихъ либераловъ. Теперь извѣстна въ точности причина его удаленія отъ дѣлъ при подписаніи виллафранкскаго перемирія. Когда мы выражали въ тѣ дни горькое негодованіе на всѣхъ и въ томъ числѣ даже на несчастныхъ итальянцевъ, менѣе всего виновныхъ, когда винили ихъ въ малодушіи, — такъ называемые благоразумные люди съ насмѣшкой спрашивали насъ, что же было дѣлать итальянцамъ, когда покидала ихъ французская помощь — и

Digitized by Google

осыпали насмѣшками нашъ ослѣпленный фанатизмъ, слыша отвѣтъ: „продолжать войну“. Мѣсяца два или три назадъ, эти благоразумные люди могли читать въ газетахъ, что предметъ ихъ поклоненія, графъ Кавуръ, человѣкъ не слишкомъ ослѣпляемый такъ называемымъ маццинiевскимъ фанатизмомъ, думалъ то же самое. Онъ убѣждалъ Виктора-Эммануэля не подписывать перемирія и продолжать войну, несмотря на то, будутъ ли французскія войска смотрѣть на нее неподвижно, или уйдутъ изъ Италіи, или будетъ имъ приказано присоединиться къ австрійцамъ для усмиренія непослушныхъ итальянцевъ. Изъ-за этого произошла наконецъ рѣзкая сцена, въ которой Кавуръ упрекалъ Виктора-Эммануэля за недостатокъ гражданской отваги, за непониманіе того, какъ силенъ сталъ бы онъ, послѣдовавъ его совѣту. Сцена эта оставила глубокое впечатлѣніе въ памяти Виктора-Эммануэля, и теперь называютъ подвигомъ высокаго патріотизма то, что онъ забылъ личную досаду, согласившись уступить общему требованію итальянцевъ и желанію англійскаго кабинета, чтобы Кавуръ принялъ управленіе государствомъ. Читатели знаютъ, что неудовольствіе, пробуждавшееся безтактностью, вялостью и трусостью Ла-Мармоны и Дабормиды, возрастало съ каждымъ днемъ; общественное мнѣніе Италіи и желаніе Англіи вынудило наконецъ у нихъ назначеніе, а у Франціи согласіе на назначеніе графа Кавура уполномоченнымъ на предполагавшійся конгрессъ. Что послѣ того паденіе министерства Ла-Марморы и замѣна его министерствомъ Кавура была уже дѣломъ неизбѣжнымъ. Если бы Франція и не показала видъ, что измѣняетъ свою политику, если бы она и продолжала мѣшать возвращенію Кавура въ кабинетъ, эта перемѣна могла бы развѣ замедлиться нѣсколькими недѣлями. Но, разумѣется, вступленіе графа Кавура въ министерство было облегчено и нѣсколько ускорено видимымъ измѣненіемъ отношеній Франціи къ Піэмонту. Пока мы дождемся болѣе прямыхъ проявленій французскаго доброжелательства къ Италіи, поставимъ ему въ заслугу хотя этотъ фактъ, въ которомъ оно не слишкомъ сильно участвовало.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что графъ Кавуръ будетъ дѣйствовать энергичнѣе и самостоятельнѣе своихъ предшественниковъ. Пока онъ останется министромъ, Піэмонтъ не будетъ пугаться фантомовъ французскаго вмѣшательства въ пользу австрійцевъ. Эти фантомы могутъ быть страшны только тому, кто отступаетъ передъ ними; и если мы говорили о нихъ, какъ о чемъ-то дѣйствительно налагающемъ на Піэмонтъ зависимость отъ Франціи, мы только говорили, что итальянцы, къ несчастію слишкомъ мало разсчитывая на свою національную силу, сами придавали имъ могущество своимъ малодушіемъ.

Газеты говорятъ, что графъ Кавуръ хочетъ какъ можно скорѣе созвать парламентъ, и высказываютъ теперь то, что давно было ясно: диктатура, противузаконнымъ образомъ продолжавшаяся въ Сардиніи по прекращеніи войны, на время которой была дана, держалась только потому, что созваніе парламента казалось прежнему робкому министерству дѣломъ несогласнымъ съ его обязанностью получать приказанія изъ Парижа.

Мы заслуживали иногда очень странныя порицанія тѣмъ, что, осуждая непослѣдовательность, слабость и непроницательность людей, принципы которыхъ не дурны, говорили, что гораздо лучше ихъ умѣютъ дѣйствовать люди, принципы которыхъ вовсе не хотѣли мы выставлять похвальными: многіе не хотѣли понимать, что можно осуждать образъ дѣйствій человѣка, стремленіямъ котораго сочув-

Digitized by Google

ствуешь, можно совѣтовать ему позаимствоваться непреклонностью воли отъ людей, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ твердости и отваги. Превосходнымъ примѣромъ этого до сихъ поръ служило римское правительство. Гдѣ вы найдете такую крайнюю слабость силъ? Князья Вальдекскій и Книпгаузенскій государи несравненно болѣе сильные, нежели папа, потому что хоть не нуждаются въ посторонней помощи для поддержанія своей власти, между тѣмъ какъ папа не продержался бы въ Римѣ 24 часовъ, если бы французы отняли свои штыки, служащіе теперь единственными опорами его престола. А между тѣмъ посмотрите, какъ онъ держитъ себя противъ Франціи. Мы не говоримъ, что основанія папской системы управленія хороши; но папа считаетъ ихъ хорошими, и готовъ скорѣе рисковать всѣмъ, лишь бы не измѣнить своимъ убѣжденіямъ. „Мы не хотимъ никакихъ сдѣлокъ, не боимся никакихъ угрозъ, говоритъ его правительство: посмотримъ, что-то вы успѣете съ нами сдѣлать“. И вотъ, такимъ образомъ держалось оно одиннадцать лѣтъ, и отстояло свои принципы. Если бы оно было не такъ непреклонно, оно давно уже было бы уничтожено, и вмѣсто кардиналовъ были бы въ Римѣ свѣтскіе министры, и папа не могъ бы даже посадить подъ арестъ какого нибудь еретика. Нѣтъ, римское правительство дѣйствовало очень не глупо: оно знало, что отважность есть лучшая разсчетливость. Теперь оно дѣйствуетъ такъ же, и нельзя не похвалить его твердости, какъ бы ни были дурны принципы, на защиту которыхъ употребляется эта твердость.

Посмотрите, напримѣръ, какъ это правительство, поддерживаемое только французскими солдатами, отвѣчало на брошюру, излагавшую намѣренія державы, которая повидимому можетъ уничтожить его однимъ словомъ.

„На дняхъ явилась въ Парижѣ (объявило папское правительство въ своемъ офиціальномъ органѣ, Giornale di Roma) анонимная брошюра подъ заглавіемъ „Папа и Конгрессъ“. Эта брошюра содержитъ прославленіе революціи, коварный тезизъ для тѣхъ слабыхъ головъ, которымъ недостаетъ здраваго разсудка, чтобы тотчасъ замѣтить ядъ, въ ней скрытый; а для всѣхъ хорошихъ католиковъ служитъ она причиною скорби.... Если цѣлью автора этой брошюры было устраненіе того, кому грозятъ столь великія несчастія, то пусть авторъ увѣрится, что имѣющему право на своей сторонѣ, стоящему вполнѣ на твердомъ и незыблемомъ основаніи справедливости, истинно нечего страшиться человѣческихъ козней“.

Такъ говорила „Римская Газета“, а парижскій органъ папскаго правительства, l'Univers, перепечатывая эту замѣтку, прибавилъ еще, что папа огорченъ „не столько утопіями брошюры, являющимися уже не въ первый разъ, сколько лицемѣріемъ ея автора“. А между тѣмъ каждому было извѣстно, кто долженъ считаться истиннымъ авторомъ брошюры. — Эта замѣтка явилась въ „Римской Газетѣ“ 30 декабря; черезъ два дня, когда генералъ Гойонъ явился поздравить папу съ новымъ годомъ, Пій IX отвѣчалъ на его привѣтствіе словами, рѣзкость которыхъ безпримѣрна въ дипломатическомъ мірѣ:

„Повергаясь къ стопамъ Бога, который былъ, есть и вѣчно будетъ, молимъ Его, въ смиреніи нашего сердца, да благоволитъ Онъ обильно ниспослать Свою благодать и свѣтъ на главу французской арміи и націи, чтобы при помощи этого свѣта онъ могъ неоступаясь идти своимъ труднымъ путемъ и познать наконецъ лживость принциповъ, недавно провозглашенныхъ въ брошюрѣ, которая можетъ назваться памятникомъ лицемѣрія и низкою картиною противорѣчій.

„Надѣемся, что при помощи этого свѣта,—или лучше скажемъ: мы убѣждены, что

Digitized by Google

при помощи этого свѣта онъ осудитъ принципы, изложенные въ этой брошюрѣ, и мы убѣждены въ этомъ тѣмъ болѣе, что мы владѣемъ нѣсколькими документами, которые нѣкогда имѣлъ благосклонность доставить намъ его величество и которые содержатъ осужденіе этихъ принциповъ".

Каково это? Отважился бы говорить такъ рѣзко, грозить такъ смѣло документальными изобличеніями Францъ-Іосифъ, который въ мильонъ разъ сильнѣе папы? Но что говорить о папѣ? Посмотрите, какъ поступаетъ „l'Univers", который могъ быть уничтоженъ (и теперь уничтоженъ) однимъ почеркомъ пера, — и даже не императора французовъ, а не болѣе, какъ одного изъ его министровъ. Сначала было запрещено перепечатывать во французскихъ газетахъ рѣчь папы. Онъ прямо объявилъ, что пусть его запрещаютъ, если хотятъ, но что онъ, несмотря ни на что, напечатаетъ слова папы, которыя считаетъ святынею. Запрещеніе печатать рѣчь папы было отмѣнено послѣ такого рѣшительнаго объявленія. и она явилась во всѣхъ французскихъ газетахъ.

Почему такъ дѣйствуютъ эти люди, столь слабые, поддерживаемые только тою силою, которой не хотятъ они дѣлать никакихъ уступокъ? Намъ скажутъ: они имѣютъ убѣжденіе. Да, но каждый воображаетъ что имѣетъ убѣжденіе, почему же не каждый такъ твердъ и рѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Это потому, что кардиналы и „l'Univers" хорошо понимаютъ всѣ послѣдствія своего принципа и не обольщаютъ себя ни относительно средствъ, которыми онъ долженъ быть поддерживаемъ, ни относительно своего положенія среди другихъ партій. Они знаютъ, чего они хотятъ, обдумали, какіе способы могутъ вести къ ихъ цѣли, чего имъ ждать отъ каждаго способа дѣйствій. Потому ихъ нельзя обольстить. Не то, чтобы они были уже Богъ знаетъ какіе геніальные люди, — нѣтъ, они просто люди послѣдовательные, не отступающіе передъ логическими выводами, не скрывающіе отъ себя настоящаго положенія дѣлъ. Ихъ принципъ несовмѣстенъ съ законнымъ порядкомъ,—они и не скрываютъ этого отъ себя, и потому ни за что не соглашаются на введеніе сносныхъ законовъ въ Папскую Область,—введеніе этихъ законовъ погубило бы ихъ, они знаютъ это. Ихъ принципъ несовмѣстенъ съ просвѣщеніемъ, и они непреклонно поддерживаютъ обскурантизмъ. Они знаютъ, что все это противно всему направленію вѣка, и впередъ рѣшились не уступать ни въ чемъ требованіямъ вѣка. Эта обдуманность, это отреченіе отъ сдѣлокъ съ гибельными для нихъ принципами сохраняетъ въ нихъ всю ту жизненность, къ какой еще способенъ ихъ принципъ. А если принципъ отжившій, противный всему, что возрастаетъ съ каждымъ днемъ, въ чемъ потребность общества, держится такъ долго и крѣпко, благодаря своей послѣдовательности, то какъ сильны стали бы принципы живые, соотвѣтствующіе потребностямъ общества, еслибъ ихъ приверженцы постарались такъ же ясно опредѣлить свои отношенія къ другимъ силамъ и такъ же хорошо изучить, какими средствами должны они идти къ своей цѣли. Ультрамонтанцы сильны только потому, что не хотятъ добровольно обольщать себя. Нельзя желать, чтобы кто-нибудь одобрялъ ихъ образъ мыслей; но хорошо было бы, если бы честные люди постарались сравниться съ ними въ отчетливости и послѣдовательности образа мыслей,—тогда правда успѣшнѣе торжествовала бы надъ ложью.

Итакъ, повидимому совершенный разрывъ съ папою, рѣшительный разрывъ съ австрійскою политикою въ Италіи, покровительство національному принципу

Digitized by Google

въ Италіи—вотъ признаки новаго направленія французской политики. Мы старались показать, въ чемъ заключается причина этого поворота дѣла. Подобный видъ принимаетъ французская политика уже не въ первый разъ съ начала прошедшаго года. Она шла къ своей цѣли, постоянно лавируя, смягчая свои дѣйствія въ одномъ направленіи выказываніемъ наклонности къ противоположному направленію, послѣ каждаго напора нѣсколько отступая, чтобы смѣшать соображенія противниковъ этими маневрами. Мы нѣсколько разъ указывали періоды видимыхъ отступленій, имѣвшихъ совершенно такой же характеръ; и если мѣсяцъ, два мѣсяца тому назадъ не предугадывали, что подобный маневръ долженъ скоро быть произведенъ ею въ размѣрѣ, гораздо большемъ прежнихъ такихъ же стратегемъ (напомнимъ смѣну миролюбивыхъ и воинственныхъ манифестацій передъ войною, смѣну манифестацій за Италію и противъ Италіи отъ виллафранкскаго мира до половины ноября),—если мы не предугадывали, что слѣдующее видимое отступленіе будетъ имѣть гораздо большій размѣръ, причиною этой непредусмотрительности, которую мы нимало не стараемся прикрыть, было то, что мы до самой половины декабря не знали, какъ близка была въ концѣ октября Франція къ войнѣ съ Англіею. Мы видѣли холодность, сильную ссору; но думая, что императоръ французовъ умѣетъ очень строго сдерживать себя до предназначеннаго срока, мы не хотѣли предполагать, какъ и самъ онъ не предполагалъ тогда, чтобы дѣло зашло гораздо дальше, нежели дозволяли его разсчеты. Ему было слишкомъ рано вызывать Англію на войну,—для этого нужны ему еще долгія приготовленія, но онъ нѣсколько увлекся, а главное, англійскій кабинетъ слишкомъ серьёзно принялъ эти нападенія. Мы замѣтили это слишкомъ поздно, какъ слишкомъ поздно замѣтилъ и самъ Наполеонъ III. Враждебность дошла до того, что для возстановленія хорошихъ отношеній понадобилось слишкомъ много уступокъ. Отъ человѣка, столь сдержаннаго, какъ императоръ французовъ, трудно было ожидать такой неосторожности.

Причина, изъ которой произошла перемѣна во французской политикѣ по итальянскому вопросу, показываетъ и степень прочности, какую могутъ имѣть надежды, возникающія изъ этой перемѣны. Все дѣло зависитъ отъ отношеній Франціи къ Англіи и отъ прочности нынѣшняго англійскаго министерства. Если еще довольно долго будетъ надобно смягчать Англію продолженіемъ уступокъ, Италія получитъ время для устройства своихъ дѣлъ по національному влеченію. Если же Англія скоро успокоится изъявленіями дружбы, надобность въ покровительствѣ итальянскому дѣлу минуетъ для Франціи. Тотъ и другой шансъ зависитъ отъ множества разныхъ обстоятельствъ. Англія можетъ быть вовлечена въ какія нибудь болѣе важныя для нея дѣла, которыя заставили бы ее забыть объ Италіи; Франція можетъ найти для своей дружбы съ нею какія нибудь другія основанія, согласіемъ въ которыхъ загладится отступленіе отъ англійской политики въ итальянскомъ дѣлѣ. Наконецъ, если бы вмѣсто виговъ вступили въ министерство тори, Наполеонъ III гораздо легче справился бы съ ними, нежели съ нынѣшнимъ министерствомъ, потому что тори не имѣютъ нынѣ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ Пальмерстонъ. Но какъ бы то ни было и что бы ни произошло, для человѣка, пристально наблюдавшаго дѣйствія Франціи, не можетъ существовать никакого сомнѣнія въ томъ, что превращеніе конституціоннаго Піэмонта въ сильное государство, могущее держаться противъ Австріи безъ помощи Франціи, столь же

Digitized by Google

противно видамъ нынѣшняго французскаго правительства, сколько сообразно съ политическими принципами и національными разсчетами Англіи, что поэтому направленіе, выказываемое нынѣ Франціею въ итальянскомъ дѣлѣ, составляетъ отказъ Франціи отъ собственной политики въ пользу англійской, и что французское правительство воспользуется первою возможностью для того, чтобы возвратиться по этому вопросу къ независимому образу дѣйствій въ направленіи, какого держалось послѣ виллафранкскаго мира. Хорошо будетъ, если итальянцы успѣютъ устроить свои дѣла до той поры.

Судьба Италіи зависитъ теперь главнымъ образомъ отъ прочности министерства виговъ, о которыхъ довольно трудно сказать, какая участь ждетъ ихъ самихъ. Въ палатѣ общинъ, выбранной при торійскомъ министерствѣ, перевѣсъ голосовъ на сторонѣ виговъ очень невеликъ: онъ простирается только до десяти голосовъ или даже менѣе. Присоединенія къ тори нѣсколькихъ депутатовъ ирландской либеральной партіи или отдѣленія нѣсколькихъ недовольныхъ радикаловъ было бы достаточно, чтобы произвести министерскій кризисъ, или заставить кабинетъ распустить палату общинъ. Впрочемъ, кажется, что тори не надѣются пока на успѣхъ,—это видно изъ того, что они въ палатѣ общинъ не предлагали измѣненія въ адресѣ, который служитъ отвѣтомъ на тронную рѣчь, т. е. на программу министерства, и предлагается однимъ изъ членовъ министерской партіи. Въ прошедшемъ году билль о реформѣ низвергъ торійское министерство. Новый билль, который на дняхъ будетъ внесенъ лордомъ Джономъ Росселемъ, легко могъ бы въ свою очередь низвергнуть своихъ составителей, но для этого было бы нужно существованіе довольно сильнаго реформистскаго движенія въ обществѣ. Въ прошедшемъ году оно было; теперь его до сихъ поръ еще нѣтъ, потому что вниманіе публики поглощено иностранными дѣлами, отношеніями къ Франціи и итальянскимъ вопросомъ.

О значительной интенсивности стремленія къ расширенію свободы во Франціи свидѣтельствуетъ то, что внутренняя политика занимаетъ теперь французскую публику больше нежели англійскую, хотя иностранныя дѣла, нами названныя, касаются Франціи еще ближе, чѣмъ Англіи. По прежнему глухая внутренняя агитація направляется главнымъ образомъ къ расширенію свободы печатнаго слова, и правительство, какъ надобно было ожидать, принуждено держаться въ этомъ отношеніи болѣе строгой системы, чѣмъ въ началѣ осени, чтобы по возможности ослабить возрастающее требованіе. Съ 15 августа до конца прошлаго года было сдѣлано двадцать предостереженій. Но несмотря на нихъ, есть нѣкоторые, разумѣется, еще слабые, признаки увеличивающейся самостоятельности независимой публицистики. Мы приведемъ только два примѣра. Когда графъ Валевскій получилъ отставку, императоръ назначилъ его членомъ тайнаго совѣта и въ то же время издалъ декретъ, опредѣлявшій 100 тысячъ франковъ жалованья членамъ тайнаго совѣта, не занимающимъ другихъ должностей. Такой членъ въ тайномъ совѣтѣ одинъ Валевскій и декретъ былъ изданъ собственно для него. Siècle сталъ доказывать, что декретъ незаконенъ, потому что всякія назначенія суммъ должны производиться не иначе, какъ по закону принятому законодательнымъ корпусомъ. Правительственныя газеты сначала спорили, но скоро должны были согласиться, что декретъ не будетъ имѣть законной силы до утвержденія его законодательнымъ корпусомъ. Другой примѣръ мы разскажемъ нѣсколько подробнѣе. Одинъ изъ

Digitized by Google

самыхъ умѣренныхъ, но за то и самыхъ усердныхъ орлеанистовъ, д'Оссонвиль, напечаталъ статью, за которую было дано предостереженіе газетѣ, напечатавшей статью. Воспользовавшись этимъ случаемъ, д'Оссонвиль обратился къ сословію адвокатовъ съ просьбою составить для него консультацію по четыремъ вопросамъ, ему представляющимся. Во-первыхъ, имѣетъ ли французскій гражданинъ право, посредствомъ просьбы, требовать отъ сената перемѣнъ въ существующемъ законодательствѣ, кажущихся ему полезными? Во-вторыхъ, обращаясь къ сенату, имѣетъ ли каждый французъ право объяснять причины, по которымъ онъ требуетъ реформы? Въ-третьихъ, можетъ ли декретъ 17 февраля 1852 года (т. е. декретъ, опредѣляющій для политическихъ газетъ стѣсненія, которымъ нынѣ онѣ подлежатъ), во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ своихъ постановленіяхъ, быть выставляемъ въ просьбахъ къ сенату актомъ противнымъ конституціи? Въ-четвертыхъ, можетъ ли быть перепечатана въ видѣ брошюры статья, подвергнувшаяся предостереженію, когда была напечатана въ газетѣ или въ журналѣ? Цѣль вопросовъ очевидна: они хотятъ достичь юридическаго удостовѣренія въ томъ, что декретъ, стѣсняющій свободу печатнаго слова, незаконенъ, и что сенатъ долженъ отмѣнить его по своей обязанности уничтожать законы, находящіеся въ противорѣчіи съ конституціей имперіи.

Первая консультація была составлена и подписана пятью знаменитѣйшими адвокатами Парижа; эти юридическія знаменитости: Плокъ, нынѣшній старшина (batonnier) корпораціи парижскихъ адвокатовъ; Беррье, великій ораторъ и предводитель легитимистской партіи; Мари, бывшій членомъ временнаго правительства въ 1848 году; Дюфоръ, бывшій министромъ во время республики; Бетмонъ, также бывшій министромъ республики, и Ліонвиль, бывшій старшиною парижскихъ адвокатовъ подобно всѣмъ тремъ другимъ, подписавшимъ консультацію вмѣстѣ съ нынѣшнимъ старшиною.

На первый вопросъ (имѣетъ ли право каждый французскій гражданинъ требовать у сената отмѣны законовъ, кажущихся ему вредными) консультація отвѣчаетъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ этого права. Юристы, подписавшіе ее, объявляютъ, что право просьбы простирается на всѣ законы безъ исключенія; они подтверждаютъ это мнѣніе приведеніемъ статей самой конституціи 1852 года. Точно также рѣшителенъ отвѣтъ и на второй вопросъ: въ просьбѣ сенату могутъ быть излагаемы причины, по которымъ требуется реформа. На третій вопросъ (обязанъ ли сенатъ отмѣнить декретъ 17 февраля 1852 года, если будетъ обнаружено его противорѣчіе съ конституціей) консультація отвѣчаетъ:

„Этотъ вопросъ сложенъ. Во-первыхъ, мы должны разсмотрѣть, можетъ ли сенатъ отмѣнить декретъ 17 февраля, если онъ противорѣчитъ конституціи 1852 года. На это могутъ возразить словами конституціи: „Эта конституція получаетъ законную силу съ того дня, какъ учреждаются сенатъ и законодательный корпусъ. Декреты, обнародованные президентовъ республики со 2 декабря до того времени, имѣютъ силу закона“. Сенатъ и законодательный корпусъ начали свои засѣданія 20 марта. Итакъ декретъ 17 февраля имѣлъ силу закона, когда они собрались, и слѣдовательно не нуждается въ одобреніи сената. Такое возраженіе мы находимъ неосновательнымъ. Декретъ 17 февраля имѣетъ силу закона пока не отмѣненъ, но сенатъ имѣетъ власть отмѣнять и законы, изданные до его учрежденія“.

Это доказывается ссылками на самую конституцію.

„Такимъ образомъ (продолжаетъ консультація) декретъ 17 февраля можетъ быть

Digitized by Google

подвергнуть разсмотрѣнію сената. Но существуетъ ли основаніе подвергать его такому разсмотрѣнію? Это вопросъ болѣе политическій, нежели юридическій, и характеризовать духъ и подробности декрета 17 февраля должно быть собственно дѣломъ лица подающаго просьбу. Мы доказали, что право подавать такую просьбу есть, и могли бы остановиться на этомъ. Но чтобы не оставить безъ отвѣта предлагаемый намъ спеціальный вопросъ, мы считаемъ своею обязанностью представить слѣдующія краткія замѣчанія. Согласенъ ли декретъ 17 февраля съ конституціею 1852 года? Мы не полагаемъ, чтобы кто нибудь могъ серьёзно утверждать это, и потому можемъ быть кратки въ этомъ случаѣ. Для существованія согласія декрета съ конституціею было бы необходимо декрету не противорѣчить „великимъ принципамъ 1789 года, составляющимъ основаніе общественнаго права французскаго народа", какъ говоритъ первая статья конституціи. Свобода печатнаго слова одинъ изъ важнѣйшихъ между этими принципами. Уважаетъ ли его декретъ 17 февраля? Можно ли сказать, что мы ошибаемся, принимая выраженіе „великіе принципы 1789 года" въ ихъ абсолютномъ и историческомъ смыслѣ?"

Консультація подробно доказываетъ, что это выраженіе должно быть понимаемо въ такомъ смыслѣ и что декретъ 17 февраля противорѣчитъ ему. Послѣ того она разсматриваетъ отношенія декрета къ праву собственности, ненарушимость котораго также провозглашена конституціей.

„Газета составляетъ не только органъ мнѣнія, но и коммерческую собственность значительной важности; итакъ запрещеніе газеты есть нарушеніе матеріальной собственности. По принципамъ французскихъ законовъ собственность священна и только судебное рѣшеніе можетъ касаться ея; никакая другая власть не имѣетъ этого права".

Изъ этого консультація выводитъ, что декретъ 17 февраля, дающій правительству власть запрещать газеты безъ судебнаго рѣшенія, противорѣчитъ основному принципу французскаго законодательства, также провозглашенному конституціею 1852 года.

На четвертый вопросъ (можетъ ли быть перепечатываема въ формѣ брошюры статья, получившая предостереженіе въ газетѣ) консультація также отвѣчаетъ утвердительно, доказывая, что декретъ 17 февраля не простирается на брошюры.

Статья д'Оссонвиля, подвергнувшаяся предостереженію въ газетѣ, было именно то самое письмо, въ которомъ предлагались сословію адвокатовъ эти вопросы. Получивъ консультацію, содержаніе которой мы изложили, д'Оссонвиль немедленно воспользовался отвѣтомъ на свой четвертый вопросъ и обратился къ типографщику, печатающему газету „Courrier de Dimanche", гдѣ была помѣщена статья, съ требованіемъ, чтобы онъ перепечаталъ статью въ видѣ брошюры, говоря, что въ случаѣ отказа будетъ требовать напечатанія брошюры формальнымъ судебнымъ порядкомъ. Правительство не отважилось доводить дѣло до этой крайности, и типографщику было сообщено, что онъ можетъ безопасно печатать требуемую брошюру.

Старшины адвокатской корпораціи первые подписали изложенную нами консультацію потому, что д'Оссонвиль въ письмѣ своемъ обращался прямо къ нимъ. Вслѣдъ за ними, почти всѣ парижскіе, и знаменитѣйшіе провинціальные адвокаты стали объявлять, что согласны съ ихъ консультаціею, или составлять особенныя консультаціи въ томъ же смыслѣ, но болѣе рѣзкія. Въ примѣръ мы приведемъ отрывокъ изъ консультаціи Одилона-Барро, предводителя прогрессивной части орлеанистовъ. Онъ говоритъ, что все сказанное старшинами адвокатовъ справедливо, но идетъ дальше, и выражаетъ, напримѣръ, слѣдующія мысли:

Digitized by Google

„Право просьбы есть право предостерегать, просвѣщать правительство, указывать, ему дурныя вещи, которыя должны быть исправлены, хорошія вещи, которыя должны быть сдѣланы. Если бы оно было даже не провозглашено конституціею, оно существовало бы по силѣ естественнаго права. Итакъ, оно существуетъ, но нижеподписавшійся не думаетъ, чтобы оно могло быть успѣшнымъ. Въ нынѣшней французской конституціи не достаетъ двухъ существенныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы право просьбы имѣло серьёзное значеніе. Эти условія: публичность и отвѣтственность. При нашемъ прежнемъ парламентскомъ правленіи право просьбы получало свою силу отъ публичныхъ преній. При конституціи, въ которой нравственная отвѣтственность правительства не обсуждается публичными преніями, оно останется безуспѣшнымъ. По нашей конституціи министры отвѣтственны только передъ императоромъ,—этого слишкомъ мало“.

По обыкновенію, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ событіяхъ, занимавшихъ газеты, но не имѣвшихъ особеннаго значенія.

Въ Австріи продолжается прежнее положеніе дѣлъ; это разумѣется само собою. Въ Пруссіи ландтагъ, открывшійся 11 января, будетъ, повидимому, имѣть занятія нѣсколько болѣе серьёзныя, чѣмъ въ прошломъ году, когда онъ былъ оставляемъ рѣшительно безъ всякаго дѣла. Рѣчь, произнесенная принцемъ регентомъ при началѣ засѣданій, обѣщаетъ проэкты нѣсколькихъ довольно важныхъ законовъ. Относительно движенія въ пользу германскаго единства она, разумѣется, высказывается съ тою же осторожностью, которой до сихъ поръ слѣдовала прусская политика въ этомъ дѣлѣ. Само движеніе также продолжается въ прежнемъ видѣ, то есть не имѣетъ еще ничего серьёзнаго, хотя нѣсколько возрастаетъ. О томъ, какъ и почему произошли министерскіе кризисы въ Даніи и въ Голландіи, читатель, вѣроятно, ничего не знаетъ и даже не помнитъ, были ли въ газетахъ извѣстія о нихъ; это показываетъ, что и намъ было бы напрасно говорить объ этихъ вещахъ.

Газеты наполнены длинными разсказами объ испанской арміи въ Марокко. Но пока дѣло ограничивалось тѣмъ, что испанцы, воображавшіе эту войну легкою побѣдоносною прогулкою, теряли много людей отъ болѣзней и отъ партизанскихъ нападеній мавровъ. Мавры такъ безпокоили ихъ, что армія очень долго не могла двинуться отъ базиса своихъ операцій, Сеуты, къ Тетуану, который хотятъ испанцы взять и который лежитъ всего верстахъ въ 20-ти отъ Сеуты. Когда она двинулась, то, разумѣется, прошла куда хотѣла, потому что дикіе партизаны, неимѣющіе никакой дисциплины, никогда не бываютъ въ состояніи противиться движенію сильныхъ регулярныхъ войскъ. Теперь она стоитъ около Тетуана. Переходъ былъ невеликъ, но испанцы потеряли на немъ много людей отъ партизанскихъ атакъ, изъ которыхъ одна была довольно сильна, такъ что имѣла видъ небольшого сраженія. Теперь испанцы находятъ, что лучше было бы имъ не ѣздить въ Африку за лаврами, а заниматься своими домашними дѣлами, которыя только что начали было поправляться, и вотъ теперь замедлены и даже довольно сильно разстроены ненужной войной.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Папа и конгрессъ.

Брошюра начинается обѣщаніемъ разсматривать вопросъ о свѣтской власти папы „въ истинно католическомъ духѣ“, но съ безпристрастіемъ. „Между людьми, которые, проклиная свѣтскую власть папы, громко желаютъ его паденія, и тѣми, которые, смотря на эту власть, какъ на догматъ вѣры, требуютъ ея неприкосновенности, есть мѣсто для мнѣнія менѣе исключительнаго. Это мнѣніе, равно уважая права народа и интересы религіи, протестуетъ противъ антагонизма, въ который они повидимому поставлены людьми исключительнаго образа мыслей, выходящими съ противоположныхъ точекъ отправленія. Мы искренно вѣримъ, что для главы церкви возможно удержать свои владѣнія, не налагая насиліемъ на его подданныхъ власть, царствующую именемъ Бога“.

„Во-первыхъ (продолжаетъ брошюра) необходима ли свѣтская власть папы для его духовной власти?“

„Католическое ученіе и политическій разумъ согласны въ утвердительномъ отвѣтѣ. Съ религіозной точки зрѣнія необходимо, чтобы папа былъ государемъ. Съ политической точки зрѣнія необходимо, чтобы глава 200 милліоновъ католиковъ не былъ въ зависимости ни отъ кого, не былъ подчиненъ никакой державѣ.... Если папа не будетъ независимымъ государемъ, онъ будетъ французскимъ или испанскимъ, австрійскимъ или итальянскимъ папой и характеръ его національности отниметъ характеръ всеобщности у папской власти“.

Брошюра доказываетъ это напоминаніемъ о средневѣковой борьбѣ папъ съ Римскими императорами, сущность которой, по словамъ брошюры, состояла въ стремленіи папъ освободиться отъ подчиненія нѣмецкому императору. „Церковь страдала отъ этого, страдала и Европа“.

„Духовная власть, резиденція которой въ Римѣ, не можетъ быть перенесена въ другое мѣсто безъ потрясенія политической власти не только въ католическихъ, но и во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Для Англіи, Россіи, Пруссіи также важно, какъ для Франціи и Австріи, чтобы священный представитель католическаго единства не могъ быть подвергаемъ принужденію, униженію или подчиненію. Римъ — центръ такой всеобщей власти, что интересъ всѣхъ правительствъ и всѣхъ народовъ требуетъ, чтобы онъ не наклонялся ни на чью сторону.

„Итакъ, очевидна необходимость свѣтской власти папы съ точки зрѣнія интересовъ религіи и политическаго Европейскаго порядка“. Но какимъ образомъ (продолжаетъ брошюра) можетъ быть примиренъ въ папѣ характеръ первосвященника съ характеромъ свѣтскаго государя? „Если искать рѣшенія этой задачи въ обыкновенныхъ правительственныхъ формахъ, мы не найдемъ ей рѣшенія. Нѣтъ въ мірѣ государственной формы, могущей примирить столь различныя требованія. Мы не достигнемъ этой цѣли ни монархіею, ни республикою, ни деспотизмомъ, ни свободою. Власть папы неизбѣжно должна быть властью патріархальной, его государство должно болѣе походить на семейство, чѣмъ на государство: потому не только нѣтъ надобности, чтобы его владѣніе было

Digitized by Google

очень обширно, а напротивъ, по нашему мнѣнію, очень прилично ему имѣть ограниченный объемъ. Чѣмъ меньше будетъ территорія, тѣмъ больше будетъ государь!

„Большое государство имѣетъ извѣстныя условія, которымъ не можетъ удовлетворить папа. Большое государство захочетъ жить политически, совершенствовать свои учрежденія, участвовать въ общемъ движеніи идей, пользоваться измѣненіями временъ, завоеваніями науки, прогрессомъ человѣческаго разума. Оно не будетъ имѣть этой возможности. Его законы будутъ скованы догматами. Его дѣятельность будетъ парализована преданіемъ. Его патріотизмъ будетъ осужденъ его вѣрою! Ему нужно будетъ или самоотреченіе до неподвижности, или оппозиція до возстанія. Міръ, идя впередъ, оставитъ его позади. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или все угаснетъ въ этомъ народѣ и не останется въ немъ никакой благородной дѣятельности жизни; или высокія стремленія національности восторжествуютъ и тогда матеріальная сила должна будетъ, какъ уже и бывало, замѣнять недостаточность нравственнаго авторитета. При такихъ условіяхъ свѣтская власть папы будетъ держаться только опорою австрійскихъ или французскихъ войскъ, занимающихъ его владѣнія.

„Прискорбная крайность.... Церковь найдетъ въ этомъ не условіе независимости, а только причину недовѣрія къ ней и безсилія. Франція не можетъ хотѣть этого. Люди истинно-религіозные не хотятъ этого.

„Итакъ, свѣтская власть папы необходима и законна, но не совмѣстна съ государствомъ, хотя сколько нибудь обширнымъ. Она возможна только тогда, когда изъята отъ всѣхъ обыкновенныхъ условій власти, отъ всего составляющаго дѣятельность, развитіе, прогрессъ свѣтской власти. Она должна жить безъ арміи, безъ представительныхъ собраній и, такъ сказать, безъ законовъ и правосудія. Это управленіе особеннаго рода, болѣе близкое къ семейной власти, нежели къ управленію народомъ.... Изъ этого натурально слѣдуетъ, что вопросъ, по нашему мнѣнію, не въ томъ, сколько подданныхъ будетъ у папы, какъ обширно будетъ его владѣніе. Оно должно быть достаточнымъ для того, чтобы самому папѣ не быть подданнымъ, быть государемъ въ свѣтскомъ отношеніи. Но эта свѣтская власть не должна обязывать его играть политическую роль, потому что иначе папа находилъ бы въ этой власти не гарантію независимости, а только условіе рабства для себя или необходимость порабощенія для своего народа.

„Можно согласиться, чтобы существовалъ въ Европѣ небольшой кусокъ земли, огражденный отъ страстей и интересовъ, волнующихъ другіе народы, и посвященный исключительно прославленію Бога“. Этимъ уголкомъ долженъ быть Римъ, славный своими воспоминаніями и памятниками. „Религія, воспоминанія, искусства также составляютъ національность. Жители Рима подъ властью главы церкви, конечно, подчиняются особеннымъ условіямъ общественнаго и гражданскаго быта; но если они не члены великаго отечества, за то они граждане славной метрополіи, вліяніе которой простирается повсюду, гдѣ сохраняется и распространяется вѣра.

„Итакъ, Римъ принадлежитъ главѣ церкви. Если бы онъ избавился отъ этой священной власти, онъ тотчасъ же потерялъ бы весь свой блескъ...

„Итакъ исторія, религія, политика совершенно оправдываютъ отступленіе отъ правильныхъ и нормальныхъ условій жизни народовъ. Нѣтъ ничего проще, законнѣе и нужнѣе того, чтобы папа царствовалъ въ Римѣ, владѣя небольшою территоріею. Для удовлетворенія столь высокому интересу дозволительно лишить нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ участія въ жизни націй, но не принося ихъ въ жертву и обезпечивая имъ гарантіи благосостоянія и общественной безопасности ... Мы понимаемъ свѣтское управленіе папы по образу церковнаго управленія. Это не диктатура, а первосвященничество. При широкомъ развитіи муниципальной жизни, снимающемъ съ него отвѣтственность за административные интересы, онъ можетъ оставаться въ сферѣ, возвышающейся надъ веденіемъ дѣлъ...

„Другой очень важный вопросъ въ томъ, чтобы католическое исповѣданіе получало свои доходы не исключительно отъ подданныхъ папскаго правительства. Папа духовный государь всѣхъ вѣрующихъ; было бы несправедливо, чтобы расходы, необходимые для поддержанія блеска приличнаго величію главы церкви, лежали на жителяхъ его владѣній. Эти расходы, требуемые интересами всѣхъ католическихъ державъ, должны быть

Digitized by Google

покрываемы ими посредствомъ щедрыхъ даней, платимыхъ папскому престолу.... Такимъ образомъ будетъ достигнутъ результатъ вдвойнѣ драгоцѣнный: съ одной стороны папа найдетъ новое освященіе всеобщности и единства принадлежащей ему нравственной власти въ дани католическихъ державъ; съ другой стороны онъ не будетъ принужденъ угнетать свой народъ налогами, которые, наполняя казну его, наносили бы вредъ его имени.

„Словомъ сказать, будетъ въ Европѣ народъ, имѣющій своею главою не столько государя, сколько отца,—народъ, права котораго будутъ ограждены не столько законами и учрежденіями, сколько сердцемъ его владыки. Этотъ народъ не будетъ имѣть представительнаго собранія, арміи, журналистики, судилищъ. Вся его общественная жизнь будетъ сосредоточена въ его муниципальномъ устройствѣ. Внѣ этого узкаго круга ему не будетъ другихъ занятій, кромѣ созерцанія искусствъ, поклоненія развалинамъ и молитвы. Онъ будетъ навсегда лишенъ той благородной дѣятельности, которая во всѣхъ странахъ служитъ возбужденіемъ патріотизму и законною карьерою для умственныхъ талантовъ и возвышенныхъ характеровъ. Подъ управленіемъ папы нельзя будетъ искать ни воинской, ни ораторской, ни политической славы.... Конечно, въ этомъ исключительномъ положеніи есть нѣчто тяжелое для людей, чувствующихъ въ себѣ благородное честолюбіе приносить пользу себѣ и другимъ своими достоинствами: они осуждены на бездѣйствіе. Но этой жертвы надобно требовать отъ нихъ во имя высшихъ интересовъ, передъ которыми должны исчезать частные интересы....

„Необходимость сохранить свѣтскую власть папы;

„Необходимость освободить его, по возможности, отъ всѣхъ отвѣтственностей, лежащихъ на правительствѣ, и поставить главу церкви въ такой сферѣ, въ которой его духовная власть не могла бы ни стѣсняться, ни компрометироваться его политическою властью;

„Необходимость не расширить, а уменьшить его территорію для достиженія этой цѣли и уменьшить, а не увеличить число его подданныхъ;

„Необходимость дать населенію этого государства, лишенному выгодъ политической жизни, вознагражденіе за нихъ попечительною, отеческою, экономною администраціею,— вотъ въ краткихъ словахъ мысли, которыя мы хотѣли доказать на предыдущихъ страницахъ.

„Какъ слѣдствіе этихъ выводовъ, представляется другой вопросъ, щекотливый, рѣшеніе котораго облегчается однакоже, по нашему мнѣнію, помощью принциповъ, нами изложенныхъ.

„Романья фактически отложилась въ послѣднее время отъ власти папы. Она провела нѣсколько мѣсяцевъ подъ властью временнаго правительства. Ею управляетъ теперь губернаторъ, власть котораго простирается на всѣ государства центральной Италіи. Такимъ образомъ это отдѣленіе имѣетъ за себя авторитетъ совершившагося факта.

„Должно ли возвратить Романью папѣ?

„Въ разрѣшеніи этого вопроса мы будемъ руководствоваться только интересами папской власти... Полезно ли для славы церкви, для нравственной силы ея главы, чтобы Романья была возвращена въ наслѣдство папскаго престола?..." Далѣе брошюра доказываетъ, что Романья составляетъ законное владѣніе папскаго престола. Но, продолжаетъ авторъ, „будучи законнымъ владѣніемъ папскаго престола, составляетъ ли Романья необходимое расширеніе его свѣтской власти, даетъ ли она ему силу и безопасность? Если такъ, нельзя было бы колебаться; вопросъ былъ бы рѣшенъ для всѣхъ католиковъ.

„Мы не думаемъ, чтобы отдѣленіе Романьи было уменьшеніемъ для свѣтской власти папы. Правда, его территорія уменьшается, но его политическая сила, избавляясь отъ парализующаго ее сопротивленія, не ослабляется, а нравственно возрастаетъ. Повторяемъ: сила папы не въ обширности владѣній, которыя можетъ сохранять онъ только оружіемъ иностранной державы, не въ числѣ подданныхъ, надъ которыми можетъ онъ царствовать только насиліемъ... Много или мало людей въ его владѣніяхъ, не въ томъ вопросъ. Нужно то, чтобы онъ имѣлъ достаточное число подданныхъ для своей независимости, а не слишкомъ большое число ихъ, которое вовлекало бы его въ тѣ волненія страстей, интересовъ, нововведеній, которыя происходятъ повсюду, гдѣ объемъ великъ..."

Digitized by Google

Если бы Романья добровольно подчинялась папѣ, она не была бы затрудненіемъ для него, продолжаетъ брошюра. Но она не хочетъ повиноваться ему, и потому возвратить Романью папѣ, значило бы вводить его въ затрудненіе.

„Церковь была бы принуждена считать невѣрными сынами непокорныхъ подданныхъ и поражать отлученіемъ возстающихъ на нее! Чтобы остаться владычицей, она, быть можетъ, должна была бы отказаться отъ своего прекраснѣйшаго имени, отъ имени матери! Она не хочетъ этого. Этого не хотятъ епископы и католики. Возвращеніе владѣнія, покупаемое такими жертвами, было бы для нея пораженіемъ, а не торжествомъ. Для возвращенія нѣсколькихъ сотъ жителей подъ свѣтскую власть папы она нанесла бы его духовной власти ударъ, отъ котораго сохранитъ ее покровительство Божіе и покровительство Европы.

„Но это не все. Предположимъ невозможный случай, предположимъ, что церковь не боится этого вреда и папа не отступаетъ передъ такою крайностью; предположимъ, что согласились возвратить Романью папскому правительству. Какъ сдѣлать это?

„Путемъ убѣжденій этого нельзя сдѣлать, какъ доказываетъ безуспѣшность подобныхъ усилій императора французовъ. Необходимо было бы употребить силу.

„Можно ли употребить ее? И если прибѣгать къ ней, кому поручить это дѣло? Поручить ли его Франціи? или поручить его Австріи?

„Вооруженное вмѣшательство для покоренія итальянцевъ было бы дѣломъ самымъ гибельнымъ для старыхъ правительствъ и особенно для папскаго правительства. Возстановленіе, совершаемое иноземною силою, никогда не было счастливо; оно всегда терпѣло наказаніе за свое происхожденіе. Когда власть наложена на страну иностранцами, воля страны никогда не принимаетъ эту власть и гнѣвъ страны почти всегда низвергаетъ ее.

„Правда, что Франція возвратила Пія IX въ Римъ. Для церкви была несчастіемъ надобность прибѣгнуть къ этой крайности; это доказывается необходимостью длить занятіе Рима нашею арміею. Надобно прибавить, что Римъ находится въ исключительномъ положеніи, указанномъ ему исторіею. По своему прошедшему величію онъ посвященъ назначенію, которое исполняетъ съ самаго начала папской власти. Онъ не можетъ уйти отъ этой судьбы—она предназначена ему. Это приговоръ цивилизаціи, исторіи и самаго Бога.

„Но необходимо ли для другихъ городовъ церковнаго государства то, что необходимо для Рима? Мы этого не думаемъ...

„Пойдемъ далѣе и спросимъ: кому было бы поручено совершить эту насильственную реставрацію? Франціи? или Австріи?

„Франціи! Но, она не можетъ. Будучи католической націей, она не согласилась бы нанести этотъ тяжелый ударъ нравственному могуществу католицизма; будучи націей либеральной, она не могла бы принуждать народы подчиняться правительствамъ, отвергаемымъ ихъ волею... Франція не привыкла принуждать народы. Когда она вмѣшивалась въ ихъ дѣла, она освобождала, а не порабощала ихъ... Въ Италіи, больше чѣмъ гдѣ нибудь. Франція обязана держаться принципа своей либеральной политики. Франція заботливо удерживалась отъ того, чтобы ободрять и признавать правительства, существующія de-facto въ центральной Италіи. Она истощила всѣ дипломатическія усилія для примиренія государей и подданныхъ. Но она не можетъ забыть, что эти новыя правительства родились въ тотъ день, когда удалилась Австрія. Они родились изъ законной реакціи противъ иноземнаго занятія, отъ благороднаго національнаго порыва къ Франціи, пришедшей спасти независимость Италіи.

„Въ Болоньѣ, какъ въ Моденѣ, Пармѣ и Флоренціи, пала собственно не власть прежнихъ государей, а вліяніе Австріи, подъ которымъ государи къ несчастію лишили національнаго характера свою власть.

„Безъ сомнѣнія слѣдовало бы желать, чтобы правительство, павшее отъ реакціи столь долго угнетеннаго національнаго чувства, могло возстановиться подъ гарантіею обѣщанныхъ реформъ. Содѣйствуя этому, Франція сохраняла истину своей умѣренной политики. Но дѣлая больше, обращая тепе[illegible]кого народа побѣдоносные штыки, защищавшіе его полгода тому [illegible] она поступила бы въ противность

Digitized by Google

своимъ преданіямъ, своимъ интересамъ и своимъ дѣламъ. Провозгласивъ великій принципъ справедливости и національности, Франція не можетъ отказаться отъ своего славнаго призванія и оставить Англіи, нашей либеральной союзницѣ, исключительную привилегію требовать осуществленія послѣдствій инціативы императора и побѣдъ нашего оружія.

„Но если Франція не можетъ рѣшиться на вмѣшательство, пусть предоставитъ она его Австріи! Такъ говорятъ приверженцы иностраннаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Итакъ, мы подвергались риску великой войны, одержали четыре побѣды, потеряли 50,000 человѣкъ, истратили 300 милліоновъ, взволновали Европу для того, чтобы Австрія тотчасъ по заключеніи мира возвратила себѣ въ Италіи владычество, которымъ пользовалась до своихъ пораженій!.. Нѣтъ, французская политика не допускаетъ такихъ противорѣчій, такихъ отступленій.

„Владычество Австріи въ Италіи кончилось... Чтобы Австрія могла возвратиться во Флоренцію, въ Парму или Болонью, нужно было бы предположить, что она побѣдила насъ".

Итакъ, продолжаетъ брошюра, Франція не можетъ ни произвести сама, ни дозволить Австріи вооруженнаго вмѣшательства въ Романьѣ. А если такъ, кому же поручить это дѣло? королю Неаполитанскому? Но войска его заняты предотвращеніемъ внутреннихъ волненій и его вмѣшательство произвело бы революцію въ цѣлой Италіи.

„Только одно вмѣшательство будетъ правильно, успѣшно и законно:—вмѣшательство всей Европы, собравшейся на конгрессъ для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ объ измѣненіи границъ и пересмотрѣ трактатовъ.

„По принципамъ международнаго права, это дѣло подлежитъ власти конгресса". Территоріальное распредѣленіе Италіи, продолжаетъ брошюра, установлено вѣнскимъ конгрессомъ; другой такой же конгрессъ будетъ имѣть власть измѣнить его. Иначе, надобно признать, что и вѣнскій конгрессъ не имѣлъ власти отдавать Романью папѣ. Говорятъ, что владѣнія папы нераздѣльны; это совершенная неправда: они соединялись, раздроблялись, переходили изъ рукъ въ руки.

„Основанія, приводимыя лицами, уменьшающими власть конгресса и желающими связать его свободу, не имѣютъ силы. Европа могла пожертвовать Италіею въ 1815 году; тѣмъ болѣе можетъ она въ 1860 году освободить и спасти ее. Право на это остается прежнее, требуютъ только того, чтобы оно получило лучшее примѣненіе... Что нужно сдѣлать при настоящемъ положеніи дѣлъ для примиренія интересовъ, кажущихся непримиримыми?

„Двѣ крайнія партіи стоятъ одна противъ другой. Одна хотѣла бы отнять у папы все, другая хотѣла бы все возвратить ему. Обѣ эти гипотезы, по нашему мнѣнію, одинаково не могутъ быть приняты и обѣ имѣли бы одинаковый результатъ для папской власти, хотя радикально противоположны другъ другу.

„Мы думаемъ, что надобно поступить иначе. Во-первыхъ, мы хотѣли бы, чтобы конгрессъ призналъ необходимость свѣтской власти папы за существенный принципъ европейскаго порядка. Для насъ въ этомъ сущность дѣла. Принципъ кажется намъ тутъ важнѣе, нежели бóльшая или мéньшая обширность владѣнія, натурально вытекающаго изъ него. Объ этомъ владѣніи надобно сказать, что вся его важность сосредоточивается въ городѣ Римѣ. Другія области не важны. Городъ Римъ и наслѣдіе Петра должны быть гарантированы папѣ великими державами, вмѣстѣ съ значительнымъ доходомъ, который католическія державы будутъ платить папѣ, какъ дань уваженія и покровительства. Итальянская милиція, составленная изъ отборныхъ людей союзной итальянской арміи, должна ограждать спокойствіе и неприкосновенность папскаго престола...

„Произвесть эту перемѣну, ставшую необходимой для упроченія свѣтской власти папы, долженъ конгрессъ... Какъ учрежденіе духовное, папство не можетъ бояться людей. Какъ учрежденіе политическое, оно подвержено всѣмъ испытаніямъ и несчастіямъ человѣческихъ дѣлъ. Для спокойствія и чести всей Европы нужно, чтобы папство не колебалось въ томъ видѣ, какой приданъ ему временемъ и исторіею. Интересъ католическихъ и некатолическихъ державъ тутъ одинаковъ, потому что независимость папы не только вопросъ совѣсти и религіи, но также гарантія нравственнаго равновѣсія въ мірѣ. Это великое дѣло не можетъ не быть важнымъ для каждаго...

Digitized by Google

„Напрасно было бы обольщать себя: папскій престолъ стоитъ на вулканѣ, и первосвященнику, которому вручилъ Богъ охраненіе мира на землѣ, самому постоянно грозитъ революція.... Онъ держится только покровительствомъ иностранныхъ армій, которыя, защищая, компрометируютъ его. Онѣ возбуждаютъ противъ него раздражительность національнаго чувства, онѣ свидѣтельствуютъ, что онъ не можетъ ввѣрить себя любви и уваженію подданныхъ.

„Только ослѣпленіе и непредусмотрительность можетъ желать продолженія такого печальнаго положенія; просвѣщенная и почтительная преданность желаетъ какъ можно скорѣе измѣнить его. Это измѣненіе необходимо, безотлагательно; только явные враги или слѣпые друзья папы могутъ отвергать его. Вопросъ не въ томъ, уменьшатся ли владѣнія папскаго престола, а въ томъ, чтобы спасти его.

„Когда Франція вступилась за Италію, великій интересъ спасенія папской власти былъ однимъ изъ серьёзнѣйшихъ предметовъ заботливости императора французовъ. Императоръ Наполеонъ видѣлъ, что свѣтская власть папы, возстановленная въ 1849 году его войсками и съ той поры поддерживаемая ими, подвергается серьезнымъ опасностямъ въ своемъ политическомъ существованіи. Онъ понялъ, что должно спасти папскую власть освобожденіемъ Италіи. Богъ благословилъ его намѣренія и далъ ему побѣду. Но его слава осталась бы безплодна, если бы, возвращая народу національность, она не ограждала безопасность и независимость церкви.

„Императоръ Наполеонъ I примирилъ новое общество и вѣру конкордатомъ. Какъ геніальный государственный человѣкъ и какъ благонамѣренный частный человѣкъ, онъ возстановилъ алтари и возвратилъ богослуженіе благородной Франціи, униженной скептицизмомъ и оскверненной анархіею, которая въ день безумства назвалась богинею разума.

„Да будетъ, въ свою очередь, его преемникъ имѣть славу примирить папу, какъ свѣтскаго государя, съ его народомъ и съ его временемъ! Объ этомъ должны просить Бога всѣ искренно католическія сердца".

II.

Разговоръ француза съ англичаниномъ.

(изъ Times'а 23 декабря 1859).

„Послѣ нѣсколькихъ неважныхъ словъ о предметахъ незамѣчательныхъ, англичанинъ, съ обычною своею прямотою, продолжалъ:

— Вы знаете мои чувства къ Франціи и мое искреннее желаніе видѣть полнѣйшее единодушіе между моею родиною и вашимъ отечествомъ. Судите же о моемъ удивленіи и (позвольте прибавить) о моей печали, когда я видѣлъ, что отношенія между нашими странами постепенно и глубоко измѣнились,—по крайней мѣрѣ, сколько можно судить по наружности. Я внимательно и добросовѣстно изучалъ расположеніе умовъ въ Англіи. Я разспрашивалъ и прислушивался къ мнѣніямъ людей всѣхъ состояній, отъ высшаго до низшаго, и долженъ, къ великому своему прискорбію, сказать вамъ, что во всѣхъ сословіяхъ недовѣріе дошло до того, что мы видимъ во всѣхъ словахъ Франціи только угрозы намъ, опасеніе дошло до того, что намъ показалось необходимо приготовляться къ оборонѣ. Потому я обращаюсь къ вамъ, чтобы вы разъяснили мнѣ факты, вообще почитаемые въ Англіи явными уликами дурныхъ намѣреній Франціи относительно насъ.

Французъ. Какъ! вы, человѣкъ столь проницательный и прямодушный,—при вашемъ столь здравомъ образѣ сужденій, при вашемъ столь основательномъ и просвѣщенномъ умѣ,—вы также заразились этимъ повѣтріемъ? Нѣтъ, я засмѣялся бы, если бы не зналъ, что вы говорите серьёзно; я почелъ бы васъ безразсуднымъ, если бы не зналъ, какъ вы разсудительны. Да, скажу вамъ, что, по мнѣнію моихъ соотечественниковъ и моему собственному мнѣнію, паническій страхъ, овладѣвшій Англіею, просто безразсудство.

Digitized by Google

Англичанинъ. Безразсудство, если хотите; но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ существуетъ, и стало быть заслуживаетъ серьёзнаго вниманія. Вы сами понимаете, какъ гибеленъ можетъ быть результатъ, когда столь многіе неосновательные слухи пользуются довѣріемъ. Въ обѣихъ странамъ умы раздражаются, и ничтожнѣйшей причины будетъ довольно къ произведенію разрыва, малѣйшей искры довольно для воспламененія пожара.

Французъ. Трудно возвратить къ истинѣ тѣхъ, которые упорно уклоняются отъ нея, и излѣчить такихъ слѣпыхъ, которые не хотятъ видѣть. Но я хочу представить вашему больному воображенію факты, неподлежащіе опроверженію, хочу фантомамъ, носящимся въ Англіи, противопоставить дѣйствительность, которую легко провѣрить и доказать до безспорности. Сначала пусть говорятъ факты, потомъ я представлю цифры. Ни одной изъ иностранныхъ державъ не далъ императоръ столько гарантій своего желанія жить въ доброй дружбѣ съ нею, сколько далъ Англіи. Едва достигнувъ власти, онъ, въ противность національному собранію, послалъ французскому флоту приказаніе дѣйствовать за-одно съ вашимъ на востокѣ. Потомъ онъ соединился съ вами на Крымскую войну. Когда возстаніе, вспыхнувшее въ Индіи, отвлекло всѣ силы вашей арміи, воспользовался ли онъ отсутствіемъ вашихъ войскъ для заведенія ссоры съ вами? Напротивъ, онъ предложилъ англійскимъ войскамъ путь черезъ Францію. Вмѣстѣ съ императорскою гвардіею, онъ участвовалъ въ подпискѣ для вашихъ раненыхъ, между тѣмъ какъ (скажу мимоходомъ и безъ намѣренія дѣлать упрекъ) наши раненые въ Италіи повидимому нашли васъ равнодушными. Наконецъ, сколько въ послѣднія десять лѣтъ было разными правительствами предложено мѣръ, которыя могли быть не выгодны для Англіи? Онъ отвергалъ всѣ ихъ и не выставлялъ въ заслугу себѣ передъ вами то, что отвергаетъ ихъ. Какъ можно было вдругъ забыть столь многочисленныя доказательства столь постоянной дружбы? Какъ могло произойти, что недовѣріе и заблужденіе явились результатомъ, котораго натурально должно было бы ожидать отъ нея? Какъ можно было отвѣчать страстною и ошибочною тревогою на образъ дѣйствій, столь честный? Напрасно ищу я причины внезапному испугу Англіи, — я не могу понять этой причины. И,—Боже мой!—какое время было выбрано для распространенія испуга? то самое время, когда императоръ представилъ вамъ рѣдкій примѣръ умѣренности. Именно съ того дня, какъ онъ предложилъ и заключилъ миръ, вздумали приписывать ему честолюбивые замыслы; его стали представлять идущимъ къ новымъ завоеваніямъ, когда, остановивъ стремительность своихъ войскъ, онъ такъ рѣшительно начерталъ границу, далѣе которой не хочетъ вести свою побѣду. Надобно назвать нелѣпостью, оогда обращаютъ такимъ образомъ въ любителя войны человѣка, миролюбивѣе котораго никто не можетъ представить, когда обращаютъ въ причину страха то, что должно бы служить залогомъ безопасности.

Англичанинъ. Я согласенъ, что образъ дѣйствій императора можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ для насъ и что его симпатія къ Англіи никогда не переставала внушать намъ довѣріе. Но народъ—но армія! Будемъ говорить откровенно. Скажите, развѣ народъ и армія не ненавидятъ насъ? и не принудитъ ли когда нибудь общественное мнѣніе вашего государя объявить войну намъ?

Французъ. На такіе вопросы я отвѣчаю: ошибка, жесточайшая ошибка! Нельзя не сознаться, что въ обѣихъ странахъ есть въ глубинѣ еще уцѣлѣвшій остатокъ вражды и соперничества, но онъ существуетъ болѣе въ скрытомъ, нежели въ наступательномъ состояніи. Съ одной стороны матеріальные интересы, съ другой либеральныя идеи постоянно влекутъ къ тѣснѣйшему сближенію обѣ страны. Притомъ Франція болѣе практична, чѣмъ вы полагаете. Какую матеріальную и нравственную выгоду могла бы принести намъ война съ вами? Никакой, абсолютно никакой, потому никто и не желаетъ ея. Но *всѣ* ли ваши мысли высказали вы? Не умалчиваете ли вы о какой-нибудь причинѣ этого столь всеобщаго недовѣрія Англіи къ императору и его правительству? Будьте искренны и я буду искрененъ.

Англичанинъ. Хорошо, я буду искрененъ. Вотъ наше рѣшительное основаніе, вотъ главная причина нашего неудовольствія: развитіе даваемое французскому флоту совершенно не пропорціонально потребностямъ и величію вашего отечества.

Французъ. Это опять 'предразсудокъ. Возможно-ли человѣку, подобному вамъ, раз-

Digitized by Google

дѣлять его? Кажется, если бы Англія лежала въ странахъ антиподовъ, а не въ нѣсколькихъ часахъ отъ нашей границы, она не была бы болѣе чужда знанію о томъ, что дѣлается во Франціи. Вы говорите о нашихъ чрезвычайныхъ вооруженіяхъ, но увѣрены ли вы въ этомъ фактѣ? Нѣкоторыя газеты печатали это, и вы прочли. Нѣкоторые люди говорили объ этомъ, и вы повѣрили, — вотъ все, вотъ единственный источникъ вашего убѣжденія. Узнайте же, что̀ такое дѣлается во Франціи; и считайте мои слова вѣрными. Ни одного сантима нельзя издержать безъ рѣшенія законодательнаго корпуса и безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ. Справьтесь съ бюджетами флота и арміи, вы не найдете въ нихъ никакого чрезвычайнаго расхода со стороны правительства.

Англичанинъ. Ваши бюджеты ничего для меня не значатъ. Я не знаю, какъ они составляются. Составлять цифры легко: онѣ способны группироваться какъ угодно; факты, напротивъ, не поддѣльны; вы ссылались на нихъ, и я, въ свою очередь, сошлюсь на нихъ. Въ Тулонѣ и въ Брестѣ вы строите корабли, обитые желѣзомъ. Противъ кого они могутъ назначаться, если не противъ насъ? Въ Нантѣ вы строите сотни плоскодонныхъ лодокъ,—для чего онѣ строются, если не для того, чтобы въ минуту высадить 20,000 солдатъ на нашъ берегъ? Скажу еще о вашихъ громадныхъ заготовленіяхъ каменнаго угля, о поразительной дѣятельности вашихъ арсеналовъ. Повсюду вы строите корабли, повсюду вы льете нарѣзныя пушки, ядра и бомбы. Это факты явные, всѣмъ извѣстные. Какой отвѣтъ вы мнѣ дадите на нихъ?

Французъ. Самый категорическій. Выслушайте меня со вниманіемъ, я буду ссылаться на законы и штаты, на подлинные отчеты, относящіеся къ періоду, котораго вы не заподозрите. По королевскому повелѣнію 22 ноября 1846 года, размѣръ морскихъ силъ на мирномъ положеніи долженъ состоять изъ 328 кораблей, въ томъ числѣ 40 линейныхъ кораблей и 50 фрегатовъ. Корабли тогда были парусные. Когда вспыхнула Крымская война, Франція имѣла очень мало паровыхъ кораблей. Легко было видѣть, что время парусныхъ судовъ прошло, что необходимо смѣлое принятіе принципа: отнынѣ всѣ линейные корабли должны быть паровыми. Потому императоръ въ 1855 году назначилъ подъ предсѣдательствомъ адмирала Гамлена коммиссію для опредѣленія основаній, какія долженъ имѣть новый флотъ, необходимый для Франціи. Докладъ коммиссіи говорилъ, что надобно преобразовать наши парусные корабли въ паровые и приспособить къ нимъ наши гавани, въ особенности построеніемъ верфей и доковъ, имъ требуемыхъ. Докладъ коммиссіи заключался требованіемъ, чтобы ежегодный бюджетъ на матеріалы для поддержанія морскихъ силъ былъ увеличенъ ежегодною суммою въ 25 милліоновъ франковъ на 13 лѣтъ,—этотъ періодъ коммиссія считала необходимыми для совершенія передѣлки. Изъ этой суммы 5 милліоновъ франковъ назначались на устройство гаваней. Когда докладъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе государственному совѣту, онъ уменьшилъ до 17 милліоновъ франковъ на 13-лѣтній періодъ размѣръ чрезвычайнаго кредита, требуемаго для флота. Не утомляйтесь этими подробностями. Вотъ еще одна, относящаяся къ послѣднему времени и совершенно достовѣрная. Въ 1859 году нашъ флотъ состоялъ изъ 27 паровыхъ линейныхъ кораблей, 15 паровыхъ фрегатовъ и 3 фрегатовъ одѣтыхъ желѣзомъ. Такимъ образомъ, чтобы достичь цифры, опредѣленной при Луи-Филиппѣ для флота по мирному положенію, мы должны снабдить паровыми машинами 13 линейныхъ кораблей и построить 35 фрегатовъ,—это потребуетъ по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ. Относительно одѣтыхъ желѣзомъ фрегатовъ, составляющихъ изобрѣтеніе императора, я скажу, что опытъ постройки ихъ былъ дѣломъ самымъ натуральнымъ, потому что, если онъ будетъ удаченъ, ими съ выгодою могутъ быть замѣнены линейные корабли. Но это не все. Необходимость имѣть исключительно паровой флотъ подвергла насъ издержкамъ, отъ которыхъ могла избавить себя Англія. Когда у насъ флотъ былъ парусный, мы, отправляя экспедицію, напримѣръ въ Африку, въ Крымъ, въ Италію, легко могли находить въ торговомъ флотѣ парусные транспорты для солдатъ, лошадей и запасовъ. Но торговый нашъ флотъ теперь еще не такъ развитъ, чтобы можно было находить въ немъ паровые транспорты, когда они бываютъ намъ нужны. Потому мы принуждены строить ихъ, чтобы всегда имѣть въ готовности извѣстное число транспортовъ. Эта необходимость такъ настоятельна, что вотъ въ эту

Digitized by Google

минуту, когда я говорю съ вами, всѣ наши транспорты идутъ въ Китай, и чтобы не остаться намъ рѣшительно безпомощными, морское министерство было принуждено купить въ Англіи три большіе парохода. Вы видите, я хочу убѣдить васъ, что не колеблюсь открывать вамъ самую сущность дѣлъ и мельчайшія подробности нашего положенія.

Англичанинъ. Эти категорическія объясненія начинаютъ успокоивать меня. Но можете ли вы дать мнѣ такое же объясненіе о запасахъ каменнаго угля и о лодкахъ, предназначенныхъ для высадки войска?

Французъ. Продолжаю съ тою же откровенностью. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ваше торійское министерство такъ сильно противилось итальянской войнѣ, что во всемъ высказывалось его расположеніе стать на сторону Австріи. Оно даже хотѣло объявить каменный уголь военною контрабандою. А нашъ флотъ употребляетъ исключительно англійскій уголь. Морскому министерству надобно было тогда обратить вниманіе на полу-враждебное положеніе вашего министерства и поискать средствъ, чтобы снабжать, въ случаѣ надобности, французскій флотъ французскимъ углемъ. Его обязанность—не оставлять нашихъ средствъ къ дѣйствію въ зависимости отъ произвола вашего министерства. Для этого были произведены опыты надъ измѣненіемъ нашихъ паровиковъ и былъ привезенъ въ Нантъ уголь, предназначаемый къ доставленію въ Брестъ внутренними нашими каналами. Было построено 60 желѣзныхъ плоскодонныхъ барокъ для облегченія перевозки угля. Но эти барки совершенно не таковы, какъ лодки предназначаемыя для высадки войскъ, и не заслуживали чести пробуждать ваши опасенія, тревожить вашъ сонъ.

Англичанинъ. Хорошо. Но всетаки вы закупили у насъ огромное количество каменнаго угля.

Французъ. Совершенная правда. Но важность въ томъ, чтобы знать, зачѣмъ было намъ нужно это большое количество угля, пугающее васъ. Оно исключительно назначено снабжать нашъ флотъ въ Китаѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Съ перваго іюля мы наняли во Франціи 51 корабль отвезти 26,000 тоннъ угля на Мартинику, во французскую Гвіану, въ Сенегалъ, въ Горею, на островъ Соединенія, въ Гонгъ-Конгъ, Шанхай, Сайгонгъ, на островъ Маврикія, въ Сингапуръ. Въ Англіи мы наняли 25 кораблей отвезти 31,000 тоннъ угля въ Гонгъ-Конгъ, Вузунгъ, Сингапуръ, Эчусангъ, Лоанду, и на мысъ Доброй Надежды. Вы можете получить положительныя доказательства достовѣрности всѣхъ этихъ подробностей и должны будете согласиться со мною, что опасенія вашихъ соотечественниковъ фантастичны и не имѣютъ разумнаго основанія.

Англичанинъ. Охотно соглашаюсь, что ваши слова имѣютъ видъ истины. У меня остается еще одно возраженіе; оно относится къ вашимъ арсеналамъ. Если, какъ вы увѣряете, ваше правительство не думаетъ возобновлять войну, зачѣмъ оно показываетъ такую большую дѣятельность?

Французъ. Вижу, что напрасно я указывалъ вамъ на основной фактъ, на тотъ фактъ, что. подобно другимъ державамъ мы находимся въ періодѣ полнаго преобразованія: вы, кажется, не хотите понимать этого. Намъ надобно перемѣнить не только всю матеріальную часть флота, но и всю нашу сухопутную артиллерію. У императора было въ Италіи 200 нарѣзныхъ пушекъ, но ему нужно будетъ еще три или четыре года для совершеннаго окончанія этого преобразованія.

Англичанинъ. Благодарю васъ за всѣ эти свѣдѣнія. Я постараюсь воспользоваться ими.

Французъ. Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Вы откровенно высказали всѣ опасенія, внушаемыя вамъ моимъ отечествомъ; но я еще не высказалъ вамъ всего моего мнѣнія о вашемъ отечествѣ. Если въ Англіи убѣждены, что Франція хочетъ объявить войну вамъ, то мы въ свою очередь убѣждены, что недовѣріе, возбужденное противъ насъ въ Англіи, произведено разсчетомъ одной изъ вашихъ партій. Партія тори, разстроенная, какъ вы знаете, сэромъ Робертомъ Пилемъ, ищетъ средствъ возстановить свою организацію, и по ея мнѣнію лучшимъ средствомъ къ этому было бы возобновленіе ненависти къ Франціи и составленіе противъ насъ Европейской коалиціи,

Digitized by Google

какъ въ 1804 году. Государственные люди, руководящіе теперь общественнымъ мнѣніемъ, не могутъ не знать всего, что я говорилъ. Мы думаемъ, что тори, вмѣсто опровержeнія этихъ ошибокъ, стараются укрѣпить ихъ и слѣдуютъ своей политикѣ съ на слѣдственнымъ упорствомъ. Но пусть они подумаютъ, чтобы, стараясь обманывать другихъ, не кончить имъ обольщеніемъ самихъ себя. Я вспоминаю анекдотъ объ одном марсельцѣ, которымъ можно закончить нашъ разговоръ, уже слишкомъ длинный. Этотъ марселецъ, желая подшутить надъ своими согражданами, сталъ кричать на улицѣ, чтъ въ марсельскую гавань вошелъ китъ. Шутка удалась, и всѣ побѣжали къ гавани. Но, скоро, увлеченный примѣромъ, онъ самъ побѣжалъ по одному направленію съ другимио посмотрѣть, не исполнилась ли на самомъ дѣлѣ его выдумка.

Этими словами окончился разговоръ".

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ФЕВРАЛЬ 1860.

Отношенія французской политики къ дѣлу итальянской независимости. — Французская программа о введеніи свободной торговли. — Неудача торійской попытки низвергнуть министерство Пальмерстона.

Благопріятныя для итальянскаго дѣла демонстраціи, произведенныя Франціею въ концѣ прошедшаго года, такъ поразили большинство европейской публики, что оно не хотѣло обращать вниманія на обстоятельства, которыми была вызвана эта видимая перемѣна, и приписывало ее личному желанію императора французовъ. Люди, болѣе осмотрительные въ своихъ заключеніяхъ, говорили, напротивъ, что дѣло зависѣло отъ надобности избѣжать нѣкоторыхъ преждевременныхъ столкновеній, и отношенія Франціи къ Италіи, оставаясь въ сущности прежними, какими были со времени виллафранкскаго мира, были только по наружности смягчены необходимостью показать уваженіе къ Англіи, сочувствовавшей итальянскому дѣлу. Теперь это мнѣніе подтвердилось столькими фактами, что мало найдется людей, которые захотѣли бы оспаривать его.

Важнѣйшимъ основаніемъ надѣяться на исходъ дѣла, сообразный съ желаніями итальянцевъ, служило до сихъ поръ то, что прежнее робкое и вялое министерство ла-Марморы и Дабормиды замѣнилось министерствомъ Кавура. Въ прошлый разъ мы говорили, что онъ получилъ управленіе дѣлами по настоянію Англіи. Тогда мы высказали это просто какъ соображеніе, вытекавшее изъ отношеній между прежнимъ министерствомъ, безусловно подчинявшимся французской политикѣ, и желаніями Англіи, чтобы Сардинія дѣйствовала самостоятельнѣе. Теперь это положительно подтверждено полуофиціальными объясненіями. Общественное мнѣніе въ Сардиніи, Ломбардіи, центральной Италіи давно требовало назначенія Кавура министромъ; но Франція противилась этому, и безъ сильнаго покровительства Англіи Кавуру сардинскій король не рѣшился бы удовлетворить общественному мнѣнію. Когда же, повинуясь настоянію Англіи, онъ отважился исполнить желаніе патріотовъ, Франція, чтобы не раздражать Англію, не захотѣла противиться перемѣнѣ кабинета. Но съ перваго же раза выказалось, что Франція дурно смотритъ на Кавура. Неблагорасположеніе къ нему обнаруживалось всѣми мелочами, которыми характеризуется дипломатическая вражда; кому было угодно, тотъ могъ не замѣчать этихъ признаковъ непріязни, и оставаться при мысли объ измѣненіи французской политики относительно Сардиніи; но такое заблужденіе въ самыхъ непроницательныхъ

Digitized by Google

людяхъ могло держаться лишь нѣсколько дней: раздоръ за Савойю скоро открылъ самымъ довѣрчивымъ истинныя отношенія Франціи къ министерству Кавура.

Еще до начала войны распространился слухъ, что помощь Наполеона III для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи Кавуръ купилъ обѣщаніемъ уступить Франціи Савойю. Это опровергалось тогда, но никто не вѣрилъ опроверженіямъ. Теперь достовѣрно извѣстно, что обѣщаніе было дано. По заключеніи мира, люди, которыхъ всѣ считали агентами французскаго правительства, стали хлопотать, чтобы возбудить въ Савойѣ агитацію съ цѣлью присоединенія къ Франціи. Попытки оставались совершенно неудачны, хотя догдашнее сардинское министерство не осмѣливалось мѣшать имъ. Полу-офиціальныя французскія газеты съ восторгомъ разсказывали о каждомъ мелочномъ фактѣ, который могъ быть выставленъ доказательствомъ желанія савойяровъ стать французами, и чрезвычайно преувеличивали важность этихъ манифестацій, совершенно ничтожныхъ и устроенныхъ искусственнымъ образомъ. Но когда Англія и другія державы спрашивали Францію, имѣетъ ли она виды на Савойю, французское правительство отвѣчало, что такое подозрѣніе неосновательно. Несмотря на эти увѣренія, хлопоты французскихъ агентовъ продолжались, и савойяры, встревоженные ими, увидѣли наконецъ надобность показать, что вовсе не имѣютъ чувствъ, приписываемыхъ имъ полу-офиціальными французскими газетами. Въ январѣ собрался большой митингъ въ Шамбери и единодушно выразилъ желаніе Савойи принадлежать по прежнему къ сардинскому королевству. Это вызвало сильный гнѣвъ на савойяровъ со стороны французскихъ полу-офиціальныхъ газетъ, которыя въ это время уже открыто говорили, что Савойя будетъ неминуемо присоединена къ Франціи. Кавуръ отважился выразить одобреніе савойярамъ, противорѣчащимъ увѣренію французскихъ агентовъ; французское правительство стало его упрекать за это. Оно перестало скрывать свои намѣренія и отъ иностранныхъ дипломатовъ. Англійскіе министры въ первыхъ засѣданіяхъ парламента могли еще говорить, что не получали отъ Франціи никакихъ офиціальныхъ сообщеній по этому дѣлу, но при повтореніи запросовъ о немъ въ парламентѣ, теперь они уже признаются, что Франція ведетъ переговоры объ исполненіи своего желанія. На сильныя возраженія, сдѣланныя Англіею, она отвѣчала только, что не приступитъ къ присоединенію Савойи, не спросивъ мнѣнія великихъ Европейскихъ державъ объ этомъ дѣлѣ. Значеніе этой фразы было тотчасъ же объяснено полу-офиціальными французскими газетами: онѣ объявляютъ, что спрашивать мнѣнія вовсе еще не значитъ принимать на себя обязанность слѣдовать ему; что если Франція будетъ совѣтоваться съ другими великими державами, это надобно считать просто формальностью. Само французское правительство говоритъ, что жертвы, принесенныя Франціею въ итальянской войнѣ, требуютъ вознагражденія, и что, увеличивъ силы Піэмонта, Франція нуждается въ новой, болѣе крѣпкой границѣ противъ усилившагося сосѣда. Къ этому прибавляется, что савойяры по своему языку французы, что они съ конца прошлаго вѣка постоянно желали соединиться въ одно государство съ своими единоплеменниками и что во всякомъ случаѣ присоединеніе будетъ произведено не иначе, какъ съ ихъ согласія.

Кавуръ, сколько можетъ, противится такому исходу дѣла. Когда ему напоминаютъ о данномъ передъ войною обѣщаніи, онъ говоритъ, что не исполнено условіе, съ которымъ было связано обѣщаніе. Въ тайныхъ договорахъ, заключенныхъ имъ съ Франціею, Франція обязывалась совершенно изгнать австрійцевъ изъ

Digitized by Google

Италіи и сдѣлать Виктора-Эммануэля королемъ не одной Ломбардіи, но также и Венеціи. Виллафранкскій миръ не доставилъ ему Венеціи, потому и онъ не обязанъ уступать Савойю. Онъ говоритъ, что и договора объ уступкѣ Савойи не было; это фальшивая тонкость: можетъ быть, не было акта, имѣющаго обыкновенную форму договоровъ; но было дано обѣщаніе,—на бумагѣ или на словахъ, этого мы не знаемъ, да это и все равно.

Если бы французскіе граждане пользовались нынѣ такими же правами, какъ сардинскіе, можно было бы сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли савойяры хотятъ остаться сардинцами. Они дѣйствительно французы по своей національности, и при конституціонномъ устройствѣ Франціи было бы очень легко пробудить въ нихъ желаніе присоединиться къ ней. Явиться ему было бы тѣмъ натуральнѣе теперь, что, пріобрѣтая Ломбардію, а можетъ быть и центральную Италію, король сардинскій становится владѣтелемъ чисто итальянскаго государства, въ которомъ Савойя теряетъ всю важность, какую имѣла при прежнемъ небольшомъ объемѣ королевства, имѣвшаго характеръ на-половину французскій. Но разница правительственныхъ формъ между Франціею и Сардиніею рѣшительно отнимаетъ всякую охоту присоединяться къ Франціи у савойяровъ, дорожащихъ нынѣшними своими правами, которыя утратились бы при переходѣ подъ власть императора. Эта сторона дѣла очень ясно изложена въ письмѣ, которое помѣщено въ Times'ѣ 8 февраля. Приводимъ извлеченіе изъ него:

„Независимо отъ важнаго вопроса о великихъ обще-европейскихъ интересахъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ присоединенія Савойи къ Франціи, я не могу (говоритъ англичанинъ) равнодушно смотрѣть на то, что свободный и довольный народъ передается противъ воли подъ власть нынѣшняго французскаго правительства. Наши предки жертвовали за свободу жизнью. Мы говоримъ, что цѣнимъ парламентское правленіе, наслѣдованное нами отъ нихъ. Мы цѣнимъ нашу свободу печатнаго слова, нашъ судъ, стоящій выше всякаго подозрѣнія или упрека, нашу безопасность отъ полицейскаго произвола, наше право думать и говорить какъ намъ угодно о нашихъ государственныхъ людяхъ и о дѣлахъ, касающихся общества. Можетъ ли человѣкъ, дорожащій этими учрежденіями и правами,—а я надѣюсь, что въ Англіи мало людей не дорожащихъ ими,—равнодушно смотрѣть на опасность потерять ихъ, грозящую Савойѣ? Нѣтъ въ Европѣ народа лучше савойяровъ. Это народъ храбрый, благородный, честный, любящій порядокъ, имѣющій мягкіе нравы и замѣчательную способность пользоваться свободными учрежденіями. Одиннадцать лѣтъ пользуясь ими, савойяры никогда не употребили ихъ во зло. Въ исторіи нашего столѣтія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ тотъ непрерывный, спокойный прогрессъ просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія, какой совершается въ Савойѣ съ тѣхъ поръ, какъ она стала частью свободнаго государства. Этотъ прогрессъ замѣтенъ самому поверхностному наблюдателю; а человѣкъ, близко узнавшій савойяровъ, видитъ, что благодѣтельныя послѣдствія нынѣшняго ихъ положенія имѣютъ характеръ прочный. Печатное слово въ Сардиніи до сихъ поръ еще не было совершенно свободно. Графъ Кавуръ всегда смотрѣлъ на газеты съ нѣкоторой подозрительностью и нелюбовью. Но, хорошо зная Савойю, я все-таки скажу, что народъ въ ней фактически также свободенъ ,какъ въ Англіи. Онъ постепенно, но прочно, освобождается отъ ига фанатизма. Если Сардинія была свѣтлою страною въ мрачной южной Европѣ, то самою свѣтлою частью Сардиніи была Савойя. Не нужно изображать другую сторону картины. Довольно будетъ сказать, что, когда Савойя будетъ частью нынѣшней Франціи, она потеряетъ всѣ свои свободныя учрежденія. Если англійская нація, гордая своимъ могуществомъ и своею свободою, будетъ равнодушно смотрѣть на такую опасность для Савойи и не сдѣлаетъ усилій для ея спасенія, въ Англіи будетъ слишкомъ много эгоизма, слишкомъ мало благородства. Французскія газеты заботливо распространяютъ слухъ, будто бы Савойя же-

Digitized by Google

лаетъ присоединиться къ Франціи. Это слухъ совершенно неосновательный. Бывали иногда мелочные случаи соперничества между Савойею и Піэмонтомъ, но чтобы въ Савойѣ было недовольство піэмонтскимъ правительствомъ, чтобы существовало въ ней хотя малѣйшее желаніе присоединиться къ Франціи—это совершенная выдумка. Изъ 50 человѣкъ вы не найдете одного, который имѣлъ бы хотя самую слабую охоту обратить свою страну во французскую провинцію.“

Говорятъ, что Савойя не будетъ присоединена къ Франціи безъ собственнаго согласія. Но въ исторіи слишкомъ много примѣровъ того, какъ удобно сильный можетъ производить факты, которые выставляетъ потомъ какъ доказательство тому, что слабый былъ согласенъ съ его требованіями. Полуофиціальныя французскія газеты и теперь уже говорятъ о желаніи савойяровъ присоединиться къ Франціи, какъ о фактѣ безспорномъ, хотя каждому извѣстно, что савойяры думаютъ совершенно иначе.

Мы считаемъ большимъ выигрышемъ для Италіи то, что управленіе сардинскими дѣлами перешло отъ прежнихъ робкихъ министровъ къ Кавуру, человѣку, твердому и смѣлому; но это вовсе не значитъ, чтобы мы измѣнили то понятіе о его политическихъ принципахъ, которое часто высказывали. Будучи министромъ маленькаго государства, онъ понималъ, что единственнымъ средствомъ доставить этому государству важное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ должно служить покровительство національнымъ итальянскимъ стремленіямъ и борьба противъ Австріи. Онъ понималъ также, что только сохраненіемъ свободныхъ учрежденій въ Піэмонтѣ можно привлечь симпатію другихъ итальянцевъ къ этому государству, которое прежде почти не считалось итальянскимъ. Надобно отдать справедливость уму, способному понять такой разсчетъ, и характеру, неуклонно державшемуся основанной на немъ системы. Онъ даровитый министръ, это не подлежитъ спору; но совершенно ошибаются тѣ, которые видятъ въ немъ человѣка, дорожащаго народными правами. Онъ просто дипломатъ, которому хороши всѣ средства, ведущія къ обыкновенной цѣли дипломатовъ, къ увеличенію силы того государства, которымъ онъ управляетъ. Ему случилось быть сардинскимъ министромъ, потому онъ говоритъ за Италію; а если бы случилось быть австрійскимъ министромъ, онъ дѣйствовалъ бы противъ нея. Нѣтъ въ исторіи нашего вѣка факта, въ которомъ министръ, управляющій извѣстною страною, выказалъ бы столько пренебреженія къ правамъ ея народа, сколько выказалъ Кавуръ въ договорѣ, по которому отдавалъ Франціи Савойю. Говорятъ о непопулярныхъ постановленіяхъ вѣнскаго конгресса. Но Меттернихъ и его товарищи, самоуправно распоряжаясь странами безъ согласія ихъ жителей, распоряжались по крайней мѣрѣ только странами завоеванными, отнятыми у противниковъ, а не коренными землями собственныхъ государствъ, не населеніемъ, которое считало ихъ своими министрами.

Европейскіе дипломаты нимало не затруднились бы такимъ характеромъ сдѣлки но уступка Савойи непріятна имъ по соображеніямъ, которыя для нихъ гораздо выше народныхъ правъ. Савойя даетъ стратегическое владычество надъ сѣверною Италіею. Владѣя Альпійскими проходами, лежащими въ ней, императоръ французовъ можетъ повелѣвать съ этихъ горъ Піэмонтомъ, какъ начальникъ цитадели командуетъ лежащимъ у ея подножія городомъ. По уступкѣ Савойи, королевство сѣверной Италіи окончательно станетъ вассальнымъ владѣніемъ Наполеона III.

Digitized by Google

Такъ думаютъ дипломаты, для которыхъ стратегическая граница гораздо важнѣе племенной границы. Надобно признаться, что на этотъ разъ въ ихъ соображеніяхъ есть много справедливости. Опасеніе слишкомъ сильнаго перевѣса Франціи въ юго-западной Европѣ сходится тутъ съ мыслями, внушаемыми желаніемъ итальянской независимости.

Конечно, одна только Англія имѣла бы теперь силу остановить французскія притязанія на Савойю вооруженною рукою. Но англійскіе министры положительно объявили, что не намѣрены жертвовать деньгами и кровью англичанъ по этому дѣлу, которое не касается прямо интересовъ Англіи. Они будутъ протестовать, выразятъ свое неудовольствіе, но больше этого не хотятъ ничего сдѣлать, если самъ Піэмонтъ не имѣетъ рѣшимости мѣшать насильственному присоединенію Савойи къ Франціи. Англійскіе министры правы, когда благосостояніе собственной націи не хотятъ приносить въ жертву исправленію ошибки, до нея не относящейся. Итакъ, споръ собственно идетъ только между Сардиніею и Франціею.

Судя по всему, что мы читаемъ, трудно полагать, чтобы Кавуръ отважился защищать Савойю оружіемъ отъ французскихъ притязаній. Поэтому англійскіе государственные люди полагаютъ, что присоединеніе Савойи къ Франціи неизбѣжно. Газетными слухами назначенъ уже и срокъ завладѣнію: въ началѣ февраля говорили, что оно должно произойти 1 марта. Разумѣется, дѣло не кончится такъ скоро и круто; надобно полагать, что будутъ предварительно устроены какія-нибудь формальности, которыя придадутъ завладѣнію благовидную наружность и займутъ собою довольно много времени. Но если не произойдетъ чего нибудь чрезвычайнаго и неожиданнаго, Савойя нынѣшнею весною обратится въ провинцію французской имперіи.

Теперь, какъ мы уже говорили, переговоры между Сардиніею и Франціею состоятъ собственно въ спорѣ о томъ, обязанъ ли Кавуръ исполнить обязательство объ уступкѣ Савойи, несмотря на то, что Венеція не пріобрѣтена для Виктора-Эммануэля, какъ предполагалось при составленіи этого обязательства. Французское правительство говоритъ, что неисполненіе договора объ отнятіи Венеціи у австрійцевъ произошло по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ императора французовъ: онъ сдѣлалъ все, что могъ, потому имѣетъ право получить обѣщанное вознагражденіе. Но это служитъ только дипломатическою тонкостью, придуманною для того, чтобы дать болѣе цѣны переходу къ другому средству доказывать основательность французскихъ притязаній. Положимъ, говорятъ французы, что Викторъ-Эммануэль получилъ вдвое меньше новыхъ земель и подданныхъ, нежели предполагалось дать ему; онъ и въ этомъ случаѣ обязанъ уступить Савойю. Тѣмъ меньше имѣетъ онъ права сопротивляться обѣщанному расширенію французскихъ границъ, если Франція дастъ ему на югѣ то увеличеніе владѣній, какого не могла доставить на востокѣ: центральная Италія должна считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за Венецію. Такимъ образомъ, по нынѣшнему положенію переговоровъ, Франція заставляетъ Сардинію покупать ея согласіе на присоединеніе центральной Италіи уступкою Савойи. Вѣроятно для того, чтобы сильнѣе внушить Кавуру необходимость согласиться на все, во второй половинѣ февраля возобновлены были слухи, что дѣло герцога Тосканскаго не совсѣмъ еще потеряно: говорятъ, будто Франція выражала герцогу готовность возвратить ему прежнія владѣнія съ прибавленіемъ Романьи, если онъ совершенно откажется отъ связей съ

Digitized by Google

Австріею и дастъ императору французскому достаточныя обезпеченія въ своей искренней готовности опираться исключительно на помощь Франціи. Надобно полагать, что эти слухи распущены только съ намѣреніемъ скорѣе побѣдить упрямство Кавура, или съ мыслью перейти къ прежнему намѣренію сдѣлать изъ центральной Италіи королевство для принца Наполеона.

Итакъ, мы видимъ пока, что Кавуръ, введенный въ кабинетъ Англіею и поддерживаемый ею, находится въ непріятныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Такое положеніе дѣлъ не будетъ продолжительно. Если не произойдетъ ничего чрезвычайнаго, Франція скоро овладѣетъ Савойею и тогда исчезнетъ одна изъ главныхъ причинъ нынѣшнихъ непріятностей. Какими же новыми отношеніями смѣнится къ веснѣ нынѣшній раздоръ, прикрываемый увѣреніями въ расположеніи Франціи къ дѣлу итальнекой независимости? Кавуръ, какъ хорошій дипломатъ, можетъ снова явиться полезнымъ помощникомъ императору французовъ при какихъ нибудь дальнѣйшихъ замыслахъ. Но при перемѣнчивости обстоятельствъ безполезно разсуждать о томъ, дѣйствительно ли вспыхнетъ весною, какъ многіе увѣряютъ, новая война для изгнанія австрійцевъ изъ Венеціи и будутъ ли французы снова помогать въ ней итальянцамъ. Мы видимъ, что австрійцы опасаются нападенія со стороны Сардиніи; мысль о немъ навѣрное есть у Кавура и открыто господствуетъ надъ умами итальянскихъ патріотовъ. Но осуществится ли она, или вопросъ объ итальянской независимости получитъ какой нибудь иной оборотъ, это обусловливается данными, разсчитать дѣйствіе которыхъ трудно.

Мы видимъ, напримѣръ, что со дня на день ждутъ возстанія въ Сициліи и потомъ въ Неаполѣ; того же ждутъ и въ частяхъ папской области, которыя еще не успѣли отложиться отъ папы. Невозможно предугадать, скоро ли произойдутъ эти событія, но, конечно, ими совершенно измѣнился бы ходъ дѣла въ сѣверной Италіи. Кромѣ того положеніе самой Австріи такъ незавидно, что по всѣмъ разсчетамъ слѣдовало бы ей скорѣе согласиться на добровольную уступку Венеціи съ полученіемъ денежнаго вознагражденія, нежели доводить своимъ упорствомъ дѣло до борьбы; но теперь пока она говоритъ, что не уступитъ Венецію, и полагаетъ, что будетъ въ силахъ отразить нападеніе. Австрія вѣроятно останется при своемъ упрямствѣ, но будутъ ли итальянцы къ слѣдующей веснѣ имѣть средства начать наступательныя дѣйствія? Мы пересмотримъ нынѣшнее положеніе разныхъ частей Италіи, соединеніе которыхъ было бы нужно для борьбы съ Австріею, если Кавуръ не сойдется опять съ императоромъ французовъ.

Прежнее сардинское министерство боялось сзывать парламентъ, потому что не нашло бы въ немъ одобренія своей робкой политикѣ. Кавуръ, напротивъ, первымъ условіемъ своего вступленія въ кабинетъ опредѣлилъ, чтобы парламентъ былъ созванъ какъ можно скорѣе. Надѣялись, что засѣданія могутъ начаться съ первыхъ чиселъ марта; но теперь полагаютъ, что туринскія палаты не успѣютъ собраться раньше 1 апрѣля. Причиною отсрочки выставляется то, что надобно было передѣлывать списки избирателей въ Сардиніи по измѣненіямъ, сдѣланнымъ въ избирательномъ законѣ послѣ присоединенія Ломбардіи къ Сардиніи. Но существенною причиною замедленія надобно считать усилія Франціи, желающей, чтобы палаты не собирались какъ можно долѣе: Тюильрійскій кабинетъ знаетъ, что парламентъ будетъ давать туринскому правительству сильную поддержку, и потому хотѣлъ бы покончить дѣло объ уступкѣ Савойи до собранія палатъ. Притомъ, надобно ожи-

Digitized by Google

дать, что національныя собранія Тосканы и Романьи, депутаты которыхъ будутъ выбраны по сардинскимъ правиламъ, повторивъ рѣшеніе прежнихъ собраній о присоединеніи къ Піэмонту, сами соединятся въ одно собраніе съ туринскимъ парламентомъ, и тѣмъ фактически исполнится расширеніе королевства Ломбардо-Сардинскаго на центральную Италію. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что если Франція и перестала съ конца прошлаго года прямо поддерживать Австрію противъ свободной половины Италіи, какъ поддерживала послѣднимъ лѣтомъ и осенью, то вовсе не сдѣлалась покровительницею Сардиніи, Тосканы и герцогствъ, а напротивъ, продолжаетъ мѣшать ихъ соединенію.

Еще яснѣе французская политика въ Римѣ. Никто никогда не сомнѣвался въ томъ, что лишь французскія войска въ Римѣ удерживаютъ населеніе остальныхъ папскихъ владѣній послѣдовать примѣру Романьи и присоединиться къ возникающей теперь сильной державѣ. Въ послѣднее время генералъ Гойонъ желалъ даже вызвать столкновеніе между жителями Рима и своими войсками: ему справедливо казалось, что строгое наказаніе надолго заставило бы римлянъ быть совершенно смирными, что оно было бы полезно для подавленія въ нихъ мятежныхъ мыслей. Правда, римляне и теперь смирны; но все же лучше для папы было бы, если бы французамъ удалось найти случай перебить и арестовать тѣхъ, которые могутъ когда нибудь оказаться не смирными и питаютъ въ глубинѣ души своевольныя мысли объ итальянской національности. Мы приведемъ разсказъ римскаго корреспондента газеты Times. Но прежде замѣтимъ, что музыканты французскаго гарнизона въ Римѣ выходятъ по четвергамъ и воскресеньямъ на Piazza Colonna развлекать гуляющихъ римлянъ военной музыкой. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, именно въ воскресенье 22 января, публика сдѣлала небольшую манифестацію, самаго скромнаго и лестнаго для французовъ характера: римляне, окружившіе музыкантовъ, прокричали нѣсколько разъ evviva! въ честь императору, французской арміи, Франціи и Италіи. Порядокъ ни на одну минуту не былъ нарушенъ; однакоже французское начальство почло нужнымъ произвести множество арестовъ. Но этимъ дѣло не ограничилось и мы сообщимъ его продолженіе словами римскаго корреспондента Times'а.

Генералъ Гойонъ въ своей чрезмѣрной ревности къ папскому дѣлу согласился съ папскимъ министромъ полиціи, монсиньоромъ Маттеуччи, завлечь народъ къ возобновленію манифестаціи. Противъ обыкновенія, по которому музыка играла только по четвергамъ и воскресеньямъ, музыканты были высланы на площадь въ понедѣльникъ 23 января. Дурная погода много помѣшала успѣху хитрости; однакоже, несмотря на дождь, собралось довольно много народа. Онъ держалъ себя самымъ благоразумнымъ образомъ и слушалъ музыку молча. Когда музыканты пошли назадъ въ казармы, народъ по обыкновенію провожалъ ихъ до Monte Brionzo. Тутъ нѣсколько человѣкъ закричали vive Napoléon! и папскіе жандармы бросились на толпу, стали давить ее лошадьми. Народъ и тутъ не потерялъ разсудительности. Онъ молча разошелся.

„Изъ этихъ фактовъ (говоритъ корреспондентъ) вы можете видѣть, что римскую публику стараются вовлечь въ манифестаціи совершенно противъ ея воли. Люди, пользующіеся вліяніемъ на народъ, употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы удержать его отъ обмана. Посылка музыкантовъ на площадь въ понедѣльникъ имѣла всѣ признаки вызова народа на столкновеніе.“

Digitized by Google

Это мнѣніе господствуетъ въ цѣлой Италіи. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма флорентинскаго корреспондента Times'а.

„Генералъ Гойонъ въ своей ревности, которую нѣкоторые римляне приписываютъ его желанію получить маршальскій жезлъ, но которое скорѣе происходитъ отъ его приверженности къ папѣ, всѣми силами хотѣлъ произвести столкновеніе, въ которомъ французскіе солдаты перебили бы людей, совершающихъ преступленіе своими криками vive la France. Но римляне были такъ умны, что не захотѣли исполнить его желаніе“.

Важно теперь то, успѣютъ ли итальянцы совершенно устроить свои дѣла въ тотъ промежутокъ времени, пока Франція вынуждена надобностью въ англійской дружбѣ выказывать нѣкоторую снисходительность къ національнымъ желаніямъ итальянцевъ, покровительствуемыхъ Англіею. Послѣднія достовѣрныя извѣстія о дипломатическомъ положеніи дѣла состоятъ въ томъ, что Англія получила отъ Франціи уклончивый отвѣтъ на свои предложенія, составленныя съ цѣлью обезпечить независимость земель, принадлежащихъ къ королевству Виктора-Эммануэля, или готовящихся присоединиться къ нему. Читателю извѣстно, что этихъ предложеній четыре: во-первыхъ, Франція и Австрія должны отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и могутъ заниматься ими не иначе, какъ по единодушному согласію трехъ другихъ великихъ державъ и Сардиніи; во-вторыхъ, Франція должна какъ можно скорѣе вывесть свои войска изъ Рима; въ-третьихъ, австрійцы не должны быть тревожимы въ Венеціи; въ-четвертыхъ, король сардинскій можетъ послать свои войска въ центральную Италію только тогда, когда народъ этихъ областей новымъ рѣшеніемъ подтвердитъ избраніе его въ короли. Должно сознаться, что эти предложенія составлены съ большимъ дипломатическимъ мастерствомъ, такъ что имѣютъ видъ одинаковой благопріятности къ правамъ Австріи и Сардиніи, между тѣмъ какъ въ сущности всѣ клонятся исключительно въ пользу Сардиніи и одинаково направлены противъ Франціи. Въ особенности надобно сказать это о третьемъ предложеніи. Оно имѣетъ видъ огражденія власти австрійцевъ надъ Венеціею, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣйствительный смыслъ его не таковъ; несмотря на полугодичный срокъ, итальянцы еще такъ мало устроили свои дѣла, что не разсчитываютъ безъ французской помощи начать войну съ Австріею за Венецію; такимъ образомъ возбуждать теперь ломбардцевъ и сардинцевъ къ наступательной войнѣ значило бы только вовлекать ихъ въ новую, еще сильнѣйшую зависимость отъ Франціи. Дѣло иное, когда они сами достаточно организуются,—тогда помощь Франціи для освобожденія Венеціи снова не будетъ имъ нужна, какъ не была нужна въ эпоху заключенія виллафранкскихъ условій. Франція не приняла ни одного изъ этихъ четырехъ предложеній, кромѣ перваго. Принять это первое условіе на словахъ она можетъ безъ опасности для своихъ цѣлей, пототу что держитъ сильную армію въ Ломбардіи. Кто занимаетъ страну своимъ войскомъ, тотъ можетъ говорить, что не хочетъ вынуждать ее къ исполненію своихъ требованій: страна все-таки въ зависимости отъ него. Отказъ на остальныя три требованія конечно данъ Франціею не въ прямыхъ выраженіяхъ, а подъ оболочкою дипломатическихъ фразъ, которыя неопытному въ ихъ чтеніи человѣку могли бы казаться почти равносильными согласію; но разъясненія, сдѣланныя англійскими государственными людьми въ парламентскихъ преніяхъ, не оставляютъ никому возможности сомнѣваться въ смыслѣ отвѣта даннаго Франціею.

Digitized by Google

Въ самой Франціи очень важное значеніе имѣетъ новая промышленная политика, провозглашенная письмомъ императора французовъ къ государственному министру Фульду, явившимся въ газетахъ въ половинѣ января. При Луи-Филиппѣ въ палатѣ депутатовъ постоянно имѣли перевѣсъ протекціонисты, потому что правительство съ удовольствіемъ покупало поддержку мануфактуристовъ ревностною защитою выгодной для нихъ покровительственной системы тарифа. Пользуясь этимъ долгимъ временемъ господства, протекціонисты успѣли чрезвычайно сильно распространить во французскомъ обществѣ вражду противъ свободной торговли. Только тѣ французы, которые довольно хорошо узнали политическую экономію, понимаютъ вредъ протекціонизма; огромное большинство, слѣдующее привычнымъ мнѣніямъ, воображаетъ, что для Франціи очень полезна дороговизна желѣза, каменнаго угля и другихъ важнѣйшихъ матеріаловъ промышленной дѣятельности.

Луи-Наполеонъ всегда былъ приверженцемъ свободной торговли; но оппозиція, которую представляли протекціонисты прежнимъ его попыткамъ въ этомъ духѣ, была такъ упорна, что передъ нею отступала даже его абсолютная власть, сокрушавшая всякое другое сопротивленіе. Протекціонисты были до того увѣрены въ своемъ могуществѣ, что нѣсколько разъ открыто грозили ему произведеніемъ возстанія, если онъ не оставитъ ихъ въ покоѣ. Теперь онъ почелъ свой престолъ настолько упроченнымъ недавними побѣдами, что отважился дѣйствовать рѣшительнѣе прежняго. Открытому провозглашенію принциповъ свободной торговли именно теперь, а не раньше и не позже, содѣйствовало совпаденіе разныхъ обстоятельствъ, возникавшихъ изъ политическаго положенія дѣлъ. Мы видѣли, что Наполеону III надобно было обезоружить подозрительность Англіи великими доказательствами дружбы къ ней. Перемѣна тона по итальянскому вопросу дѣйствовала на людей, занятыхъ политическими соображеніями, но не могла сильно дѣйствовать на массу англійской публики, у которой есть интересы болѣе близкіе, чѣмъ независимость итальянцевъ; а на государственныхъ людей Англіи эта перемѣна не производила никакого впечатлѣнія: они знали, что подъ измѣнившимися словами сохраняются прежнія намѣренія. Но и англійскіе министры и публика не могли остаться нечувствительны къ принятію системы, выгодной для Англіи столько же, сколько и для Франціи: коммерческій трактатъ, по которому Франція обязывалась отказаться отъ протекціонизма, служилъ сильнымъ и безспорнымъ доказательствомъ желанію Наполеона III жить въ дружбѣ съ Англіей. Была въ письмѣ къ Фульду и другая цѣль, столь же важная: императоръ говорилъ, что отнынѣ развитіе промышленности будетъ главною его заботою; этимъ самымъ онъ показывалъ, что Франція не должна опасаться возобновленія войнъ, что для него становится серьёзнымъ дѣломъ исполненіе знаменитой бордосской программы миролюбія; онъ успокоивалъ Францію, привлекалъ къ себѣ запуганныхъ итальянскою войною приверженцевъ мира, которые составляютъ большинство французскаго общества. Письмо и начиналось этими увѣреніями.

„Несмотря на неизвѣстность, еще царствующую въ нѣкоторыхъ подробностяхъ внѣшней политики (говоритъ императоръ французовъ), можно съ увѣренностью предвидѣть мирное рѣшеніе. Итакъ пришло время намъ заняться средствами къ приданію сильнаго развитія различнымъ отраслямъ національнаго богатства. Съ этою мыслью я посылаю вамъ основанія программы; нѣкоторыя части ея должны быть представлены на одобреніе палатъ; вы посовѣтуетесь о ней съ вашими товарищами, чтобы приготовить мѣры, могущія дать живое движеніе земледѣлію, промышленности и торговлѣ.“

Digitized by Google

Первою заботою правительства должно стать, по программѣ императора, улучшеніе французскаго земледѣлія и уничтоженіе стѣсненій, мѣшающихъ ему. Письмо перечисляетъ мѣры, нужныя для того, и переходитъ къ промышленности.

„Для ободренія промышленнаго производства, говоритъ оно, надобно освободить отъ всякихъ пошлинъ матеріалы, обработываемые промышленностью“.

Эти слова заключаютъ въ себѣ смертельный ударъ важнѣйшимъ статьямъ нынѣшняго протекціоннаго тарифа. Кромѣ того, надобно усовершенствовать кредитныя учрежденія и пути сообщенія. Затѣмъ слѣдуетъ фраза, наносящая второй ударъ протекціонизму: „необходимо будетъ постепенное пониженіе пошлинъ на товары первой необходимости“. Вмѣсто запрещеній должны явиться покровительственныя пошлины, какъ вмѣсто покровительственныхъ пошлинъ предписывается, приведенными у насъ выраженіями, учрежденіе легкихъ пошлинъ не для покровительства домашнимъ фабрикамъ, а просто для доставленія доходовъ казнѣ, по примѣру англійской таможенной системы. Послѣ этого письмо указываетъ финансовыя средства, которыя можно употребить на осуществленіе предлагаемой императоромъ программы, и въ заключеніе перечисляются главныя черты этой программы:

„Уничтоженіе пошлинъ на шерсть и хлопчатую бумагу; постепенное уменьшеніе пошлинъ на сахаръ и кофе; дѣятельное улучшеніе путей сообщенія; уменьшеніе пошлинъ за плаваніе по каналамъ, для общаго пониженія издержекъ перевозки; выдача ссудъ земледѣлію и промышленности; общеполезныя работы въ обширномъ размѣрѣ; коммерческіе трактаты съ иностранными державами.

„Таковы общія основанія программы, на которую прошу васъ обратить вниманіе вашихъ товарищей для безотлагательнаго приготовленія проэктовъ законовъ къ ея осуществленію. Я твердо убѣжденъ, что она встрѣтитъ патріотическую поддержку въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ, готовыхъ вмѣстѣ со мною водворить новую эпоху мира и упрочить пользованіе благами его для Франціи“.

Въ самомъ совѣтѣ министровъ находится много протекціонистовъ; къ нимъ принадлежитъ и Фульдъ, которому императоръ поручалъ заботу объ исполненіи своей программы. Но министры при нынѣшней системѣ должны служить простыми исполнителями даваемыхъ имъ инструкцій, и немногіе изъ нихъ расположены отказываться отъ своихъ должностей для сохраненія своихъ мнѣній. Фульдъ также не имѣетъ этой наклонности, которая найдена во Франціи несогласною съ общественнымъ порядкомъ. Онъ и другіе министры дѣятельно занялись исполненіемъ программы и черезъ мѣсяцъ по обнародованіи письма былъ уже напечатанъ въ „Монитёрѣ“ докладъ министра земледѣлія, промышленности и торговли, содержащій въ себѣ проэктъ закона о пониженіи пошлинъ на главные привозные товары. Этимъ докладомъ предлагается установить безпошлинный ввозъ шерсти, бумажнаго хлопка, поташа и разныхъ другихъ фабричныхъ матеріаловъ; конечно, скоро явятся проэкты законовъ объ измѣненіи тарифа по другимъ статьямъ, особенно по каменному углю, сахару и желѣзу.

Мы обратили особенное вниманіе на ту часть программы, которая относится къ таможеннымъ преобразованіямъ, потому что она и придаетъ главнѣйшее значеніе письму императора. Эта программа и торговый договоръ съ Англіею, служащій ея осуществленіемъ, конечно, произвели сильнѣйшее негодованіе между желѣзно-

Digitized by Google

заводчиками и владѣльцами каменно-угольныхъ копей, людьми очень сильными во Франціи; также между мануфактуристами по тѣмъ отраслямъ фабричной промышленности, которыя пользовались протекціонною системою, а къ этому разряду относится большинство французскихъ мануфактуристовъ. Раздраженіе ихъ такъ сильно, что они грозятъ манифестаціями, похожими на бунтъ, хотя императорское правительство не любитъ пропускать безнаказанными подобныхъ фразъ. Изъ департаментовъ стали являться въ Парижъ многочисленныя депутаціи этихъ мануфактуристовъ и заводчиковъ. Однажды набралось въ Парижѣ такихъ уполномоченныхъ до 400 человѣкъ; торговыя палаты, существующія во всѣхъ департаментахъ, почти всѣ прислали протесты, написанные очень рѣзкимъ языкомъ. Въ частныхъ разговорахъ съ правительственными лицами недовольные грозятъ, что закроютъ свои фабрики и заводы, объявивъ работникамъ, что правительство виновато въ нищетѣ, ожидающей десятки тысячъ смѣлыхъ людей. Было бы утомительно перечислять всѣ эти демонстраціи; довольно будетъ привести въ примѣръ ихъ адресъ, напечатанный въ органѣ протекціонистовъ, Moniteur Industriel, съ подписями 176 заводчиковъ и фабрикантовъ. Напомнивъ обѣщанія, данныя имъ императорскимъ правительствомъ въ прежнія времена, адресъ продолжаетъ:

„Такимъ образомъ даны были обѣщанія не рѣшать вопроса безъ предварительнаго изслѣдованія, въ которомъ были бы выслушаны голоса представителей отечественной промышленности; эти обѣщанія были возобновлены всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Что же мы видимъ теперь? Ваше величество готовитесь произвести коренныя перемѣны въ важнѣйшихъ статьяхъ нашего таможеннаго законодательства, такъ что всѣ наши фабрики подвергаются одновременному удару. Вы хотите совершить эти громадныя перемѣны безъ всякаго изслѣдованія, не выслушавъ насъ, не давъ намъ возможности быть выслушанными. Узнавъ, что императоръ благоволилъ принять нѣсколькихъ выбранныхъ министромъ торговли мануфактуристовъ для принесенія ему замѣчаній, мы обратились къ министру съ требованіемъ, чтобы и намъ оказана была та же милость. (Адресъ говоритъ объ аудіенціи, данной тѣмъ немногимъ мануфактуристамъ, которые одобряютъ принципы свободной торговли). Мы были многочисленны,—болѣе 400 депутатовъ промышленности находилось въ Парижѣ,—потому что мы должны защищать великіе интересы. Намъ отвѣчали, что занятія вашего величества не дозволяютъ вамъ принять насъ, и мы подверглись тяжелому огорченію остаться не получившими возможности объяснить императору истинное положеніе національной промышленности. Итакъ, мы спрашиваемъ, государь, что же будетъ съ полученнымъ нами обѣщаніемъ изслѣдовать дѣло? Намъ не позволили изложить нашихъ интересовъ, насъ осудили остаться невыслушанными. И при какихъ обстоятельствахъ не допускаете вы, государь, этого изслѣдованія, обѣщаннаго столь торжественно? Въ такое время, когда необходимѣе всего было бы воспользоваться знаніемъ и опытностью всѣхъ спеціальныхъ корпорацій (то есть торговыхъ палатъ, которыя почти всѣ защищаютъ протекціонизмъ) и всѣхъ знающихъ людей. Предполагаютъ оковать насъ договоромъ съ Англіею. Мы далеки отъ мысли оспаривать власть, даваемую вашему величеству конституціею. Императоръ имѣетъ право заключать торговые трактаты, не подвергая утвержденію законодательнаго корпуса производимыя черезъ эти трактаты измѣненія въ тарифѣ. Но мы не думаемъ нарушать границъ почтительнаго повиновенія, напомнивъ слова, сказанныя президентомъ сената при защищеніи сенатусконсульта 23 декабря 1852 года, объяснявшаго и измѣнявшаго конституцію". Изъ этихъ словъ, опредѣляющихъ границу власти императора, адресъ выводитъ очень ясный намекъ, что императоръ въ настоящемъ случаѣ превышаетъ свою законную власть. Адресъ заключается словами: „мѣра, принимаемая вашимъ величествомъ, должна назваться экономическою и общественною революціею. По нашему мнѣнію невозможно, чтобы правительство избѣжало многочисленныхъ и важныхъ ошибокъ, производя такія перемѣны безъ совѣщанія съ представителями нашихъ мануфактурныхъ городовъ".

Digitized by Google

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти угрозы останутся безсильными, и надобно сказать, что въ дѣлѣ введенія свободной торговли успѣхъ императора основывается не на одномъ военномъ могуществѣ, а также и на сообразности его цѣлей, въ этомъ случаѣ, съ понятіями просвѣщенныхъ людей во Франціи.

Кромѣ борьбы съ протекціонистами, шумной, но безопасной, французское правительство занято продолженіемъ борьбы съ ультрамонтанскою партіею, раздраженіе которой все возрастаетъ съ той поры, какъ брошюрою „Конгрессъ и папа" императоръ обнаружилъ намѣреніе принять въ случаѣ надобности политику, противную притязаніямъ папы на Романью. Мы уже упоминали въ прошедшемъ обозрѣніи о запрещеніи главнаго органа ультрамонтанцевъ, l'Univers'a. Скоро послѣ того была запрещена сильнѣйшая изъ провинціальныхъ газетъ, поддерживавшихъ систему l'Univers'a, la Bretagne, опасная тѣмъ, что издавалась для Вандеи, гдѣ фанатизмъ силенъ. Но мы до сихъ поръ продолжаемъ думать, что Наполеонъ III не въ такой степени враждебенъ католической партіи, какъ провозглашаетъ она сама въ гнѣвѣ на него и въ сознаніи своей силы. Въ послѣдніе дни стали носиться слухи о новыхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ папѣ французскимъ правительствомъ съ обѣщаніемъ сохранить въ той или другой формѣ верховную власть папы надъ Романьею, если онъ согласится на условія, кажущіяся необходимыми императору. Говорятъ, будто сущность предложеній состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Романьи нѣчто въ родѣ вице-королевства, правитель котораго пользовался бы значительною долею самостоятельности во внутреннихъ дѣлахъ провинціи. Очень можетъ быть, что слухъ не вѣренъ; а исполненіе предположеній, о которыхъ онъ говоритъ, во всякомъ случаѣ зависитъ отъ оборота, какой будетъ принятъ общимъ вопросомъ о присоединеніи центральной Италіи къ Ломбардо-Сардинскому королевству. Очень можетъ быть также, что предложенія объ условіяхъ, на которыхъ Романья будетъ возвращена подъ власть папы, сдѣланы императоромъ французовъ только въ той увѣренности, что папа упрямо отвергнетъ ихъ и черезъ это дастъ Наполеону III новое основаніе говорить, что онъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него для пользы папской власти, и самъ папа, своимъ упрямствомъ, лишилъ его возможности поправить дѣло. Но съ какою бы цѣлью ни были сдѣланы предложенія, если они дѣйствительно были сдѣланы, или какіе бы поводы ни произвели ошибку, если слухъ о предложеніяхъ ошибоченъ, во всякомъ случаѣ самая возможность возникновенія молвы объ этихъ предложеніяхъ уже свидѣтельствуетъ, что императоръ кажется готовымъ сдѣлать многое, лишь бы только примириться съ ультрамонтанскою партіею. Всѣ дѣйствія Гойона въ Римѣ указываютъ, что, не смотря на нынѣшнюю ссору, императоръ продолжаетъ питать ту нѣжную заботливость объ интересахъ ультрамонтанства, въ которой увѣряетъ даже брошюра, возбудившая негодованіе Ватиканскаго двора и французскихъ епископовъ. Въ этомъ увѣреніи императора надобно признавать самую похвальную искренность.

Торговый трактатъ, заключенный Наполеономъ III съ Англіею, послужилъ первымъ предметомъ для попытокъ торійской партіи нанести пораженіе нынѣшнему министерству. Передъ началомъ парламентскихъ засѣданій, открывшихся, какъ мы говорили, 24 января, тори по видимому не хотѣли домогаться власти. Эта система предписывалась имъ двумя важными соображеніями. Во-первыхъ, главнымъ дѣломъ нынѣшней сессіи должна быть парламентская реформа. Вступить въ кабинетъ, съ обязанностью вести это непріятное для нихъ дѣло, значило бы подвер-

Digitized by Google

гать себя и огорченію и нравственному униженію; а отлагать реформу значило бы возбуждать въ массѣ агитацію, которая вынуждала бы болѣе радикальную реформу. Вторымъ неудобствомъ была необходимость увеличивать налоги на покрытіе громадныхъ расходовъ по сухопутнымъ и морскимъ вооруженіямъ, вызваннымъ недовѣрчивостью англійскаго общества къ намѣреніямъ Франціи. Характеръ бюджета имѣетъ очень большое вліяніе на тактику парламентскихъ партій въ Англіи. Когда расходы не превышаютъ обыкновенной нормы и нѣтъ надобности увеличивать налоги, оппозиція бываетъ очень рада войти въ кабинетъ; въ противномъ случаѣ она съ удовольствіемъ оставляетъ своимъ противникамъ непріятную заботу налагать новое обремененіе на націю. Надобно думать, что тори увлеклись честолюбіемъ или мстительностью д'Израэли, рѣшившись пренебречь этими разсчетами и стараться о низверженіи виговъ до проведенія черезъ парламентъ бюджета и реформы. По обыкновенному порядку, первымъ изъ важнѣйшихъ занятій парламента министры поставили бюджетъ. Билль о реформѣ отнесенъ ими на вторую очередь. Чтобы понять дальнѣйшій ходъ дѣла, надобно прежде всего обратить вниманіе на характеръ бюджета, составленнаго Глэдстономъ. Налогъ на доходы, хотя уже существуетъ непрерывно много лѣтъ, все еще продолжаетъ считаться экстренною мѣрою, не входящею въ составъ обыкновенныхъ податей и налоговъ. Кромѣ того со времени войны остаются повышенныя, такъ называемыя, военныя пошлины съ чая и сахара. Та сумма, на какую повышены онѣ противъ прежнихъ пошлинъ, существовавшихъ до восточной войны, также считается чрезвычайнымъ налогомъ. Если исключить эти двѣ статьи дохода, то сумма обыкновенныхъ налоговъ, о сохраненіи которыхъ нѣтъ никакого спора, простиралась бы на слѣдующій финансовый 1860 — 1861 годъ до 60,700,000 фунтовъ; а между тѣмъ расходы, требуемые на этотъ годъ, простираются до 70,100,000 фунт., такъ что оказывается недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ на 9,400,000 фунтовъ, которые надобно получить изъ чрезвычайныхъ средствъ. Вотъ именно такой недочетъ и составляетъ обыкновенно главный предметъ разницы между разными системами, между которыми долженъ выбирать канцлеръ казначейства (министръ финансовъ): собственно тѣ средства, какія онъ предлагаетъ для покрытія этого излишка расходовъ надъ обыкновенными доходами, служатъ вообще предметомъ преній о бюджетѣ. Въ слѣдующемъ финансовомъ году сумма эта громадна, и потому составлять бюджетъ—вещь непріятная. Но недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ еще возрасталъ вслѣдствіе торговаго трактата, заключеннаго съ Франціей и понижающаго пошлины на разные французскіе товары. Важнѣйшій убытокъ производится пониженіемъ пошлинъ на французскія вина. Безъ всякаго сомнѣнія потребленіе ихъ въ Англіи довольно быстро увеличится, благодаря дешевизнѣ, производимой уменьшеніемъ пошлинъ, и скоро казна будетъ получать съ привозныхъ виноградныхъ винъ больше дохода при низкихъ пошлинахъ, чѣмъ сколько получала до сихъ поръ при высокихъ. Но въ нынѣшнемъ году уменьшеніе дохода отъ этой перемѣны предполагается въ 1,000,000 фунтовъ. Для покрытія излишка расходовъ надъ обыкновенными доходами Глэдстонъ предлагаетъ не отмѣнять на будущій годъ нынѣшнихъ повышенныхъ пошлинъ съ чая и сахара и кромѣ того не только сохранить, но и возвысить налогъ на доходы, такъ чтобы въ годъ платилось по 10 пенсовъ съ фунта, то есть нѣсколько болѣе четырехъ процентовъ. Эти предложенія составляютъ существеннѣйшую часть бюджета, требуемаго Глэдстономъ.

Digitized by Google

Разсчетъ его требованій основанъ, какъ мы видимъ, на предположеніи, что торговый трактатъ будетъ принятъ. Но министерство предлагало начать пренія прямо съ бюджета и потомъ уже перейти къ трактату, такъ что пренія о самомъ трактатѣ становились бы тогда уже чистою формальностью, по принятіи существенныхъ его оснований, введенныхъ въ бюджетъ. Между тѣмъ трактатъ, первая вѣсть о которомъ была принята въ Англіи съ восторгомъ, сталъ предметомъ несовсѣмъ благопріятныхъ отзывовъ въ значительной части англійской публики. Сообразивъ величину расходовъ на предстоящій годъ, англичане давно уже стали замѣчать, что пониженіе пошлинъ должно быть покрыто сохраненіемъ чрезвычайныхъ налоговъ въ нормѣ болѣе высокой, чѣмъ какую бы они имѣли безъ убытка на 1,000,000 фунтовъ, производимаго трактатомъ. Этотъ недочетъ производился въ пользу виноградныхъ винъ, которыя составляютъ въ Англіи предметъ роскоши. Многіе стали говорить, что несправедливо держать въ дорогой цѣнѣ чай и сахаръ, предметы первой необходимости, для доставленія дешевизны предмету роскоши. Кромѣ того находили подозрительнымъ выборъ предметовъ, на которые понижала или отмѣняла пошлины Франція. Въ числѣ этихъ предметовъ находятся каменный уголь и желѣзо. „Мы рады принятію принципа свободной торговли нашими сосѣдями, говорили многіе англичане, но должно признаться, что они могутъ не для промышленности закупать у насъ каменный уголь и желѣзо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Англійскимъ каменнымъ углемъ продовольствуется ихъ военный флотъ; они, допуская безъ пошлины къ себѣ нашъ уголь, могутъ имѣть тотъ разсчетъ, чтобы дешевле заготовить запасы на экспедицію противъ насъ. Англійское желѣзо также можетъ пригодиться имъ теперь на одежду блиндированныхъ кораблей, приготовляемыхъ противъ насъ. Сами по себѣ уступки ими дѣлаемыя принципу свободной торговли очень хороши, но прямою цѣлью ихъ теперь можетъ служить просто запасеніе средствъ для войны съ Англіею". Эти толки пробудили въ д'Израэли мысль выбрать дѣло о торговомъ трактатѣ первымъ поводомъ къ низверженію министерства. Вопросъ былъ поставленъ предводителемъ торійской оппозиціи такъ, что, быть можетъ, нужны нѣкоторыя объясненія для русскаго читателя.

Парламентская тактика находитъ иногда выгоду придавать рѣшительный смыслъ вопросамъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія. Такъ поступилъ при своемъ нападеніи на министерство д'Израэли. Послѣ бюджета или прежде бюджета разсматривать торговый трактатъ, это въ сущности было все равно. Если бы палата не хотѣла принять трактата, она могла бы отвергнуть ту часть бюджета, которая основана на немъ. Если бы она хотѣла принять трактатъ, не принимая бюджета, она отвергла бы бюджетъ, одобривъ ту его часть, которая относится къ трактату. Если бы палата хотѣла низвергнуть министерство, для нея было бы также все равно, тѣмъ или другимъ дѣломъ заняться прежде: и бюджетъ и трактатъ составляютъ такую важную часть программы министерства, что неодобреніе палаты по одному или другому дѣлу одинаково низвергало бы виговъ. Словомъ сказать, съ какой стороны ни смотрѣть на предложеніе министерства о томъ, чтобы разсматривать трактатъ послѣ бюджета — спорить тутъ ровно не о чемъ. Но именно вопросы, которые можно рѣшать такъ или иначе безъ всякой разницы для существеннаго хода дѣла, представляютъ партіямъ полную свободу помѣряться силами. По вопросамъ существенной важности всегда найдутся въ

Digitized by Google

многочисленномъ собраніи нѣсколько членовъ, которые одобрятъ въ этомъ частномъ дѣлѣ кабинетъ, которымъ вообще недовольны, или не одобрятъ кабинетъ, которымъ вообще довольны. По вопросамъ, не имѣющимъ существенной важности, такого раздробленія голосовъ не бываетъ. Министерство просило, чтобы бюджетъ разсматривался прежде трактата; д'Израэли вздумалъ потребовать, чтобы трактатъ разсматривался прежде бюджета; онъ потребовалъ, этого только потому, что министерству вздумалось сказать иначе: оно точно также легко могло бы потребовать того самаго, чего требовалъ теперь д'Израэли, и тогда онъ потребовалъ бы противнаго, того, что предлагалъ теперь отвергнуть. При такомъ поставленіи вопроса, голоса должны подаваться исключительно по желанію сохранить министерство виговъ или передать власть торійской оппозиціи,—вопросъ просто служитъ къ тому, чтобы сосчитать, на чьей сторонѣ большинство. Результатъ оказался гораздо благопріятнѣе для министерства, чѣмъ ожидало само оно: вмѣсто 30 голосовъ большинства, какъ разсчитывали виги, они получили большинство 63 голоса (293 противъ 230). Надобно полагать, что этимъ рѣшеніемъ парламентская судьба министерства упрочена по крайней мѣрѣ до преній о реформѣ: тори едва ли возобновятъ борьбу въ совѣщаніяхъ о бюджетѣ, начавшихся для нихъ очень сильною неудачею.

Оставляемъ до слѣдующаго мѣсяца обзоръ извѣстій о внутреннихъ дѣлахъ Австріи, чтобы дождаться точнѣйшихъ объясненій о характерѣ конституціонныхъ реформъ, которыя обѣщало, по телеграфическимъ депешамъ, австрійское правительство. Судя по всему, что мы читали до сихъ поръ о системѣ нынѣшняго кабинета, надобно полагать, что либерализмъ ограничится однимъ заглавіемъ обѣщанныхъ патентовъ, а содержаніе ихъ будетъ реакціонно, такъ что подъ именемъ дарованія конституціонныхъ правъ будетъ предложено народамъ Австрійской имперіи возстановленіе какихъ нибудь феодальныхъ учрежденій, соединенное съ уменьшеніемъ даже тѣхъ правъ, которыми пользовались австрійскіе подданные нынѣ. Такъ было съ обѣщаніемъ свободы протестантамъ. Имѣя эту увѣренность, мы однако же хотимъ подождать своимъ приговоромъ до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній о содержаніи новаго обѣщанія.

P. S. 20 февраля. Теперь получены телеграфическія депеши, самымъ поразительнымъ образомъ подтверждающія взглядъ, изложенный нами въ этой статьѣ нѣсколько дней тому назадъ. Франція уже положительно объявила, что не одобряетъ присоединенія Тосканы къ Ломбардо-Сардинскому королевству и повторяетъ ту программу своей политики, которая постоянно была нами указываема съ половины прошедшаго года. Франція никогда не измѣняла этой программѣ — теперь это очевидно для каждаго изъ ноты, отправленной Тувнелемъ 12 (24) февраля къ французскому посланнику въ Туринѣ, и изъ рѣчи императора Наполеона при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

МАРТЪ 1860.

Соединеніе центральной Италіи съ сѣверною.—Уступка Савойи.—Отношенія Англіи къ савойскому вопросу.

23 марта (4 апрѣля) 1860.

Около 15 февраля, когда мы писали свой прошлый обзоръ, два главные вопроса итальянскаго дѣла, вопросъ о центральной Италіи и о Савойѣ, находились въ такомъ положеніи: по савойскому вопросу сдѣлался офиціально извѣстенъ фактъ, о которомъ носились слухи еще до начала прошлой войны, но который упорно отрицался дипломатами,—тотъ фактъ, что передъ началомъ итальянской войны Сардинія обязалась уступить Франціи Савойю въъ обмѣнъ за Ломбардію и Венецію и что Франція требуетъ исполненія договора, хотя Венеція еще не принадлежитъ Сардиніи. Надобно было предвидѣть, что графъ Кавуръ уступитъ въ этомъ дѣлѣ. По вопросу о присоединеніи центральной Италіи къ Піэмонту раскрывалось, что Франція никогда не измѣняла тѣмъ принципамъ, которые должны составлять основаніе ея иностранной политики при нынѣшней системѣ. Было уже видно, что манифестаціи, произведенныя въ концѣ прошлаго года для сближенія съ Англіею, напрасно истолковывались въ смыслѣ слишкомъ безусловномъ, противорѣчившемъ тому, какимъ сама Франція ограничивала ихъ. Было видно, что Франція всегда оставалась и останется вѣрна своему первоначальному стремленію сохранить Тоскану отдѣльнымъ государствомъ. Нѣкоторые полагали, что возобновленіе усилій въ этомъ направленіи служитъ только къ тому, чтобы Сардинія охотнѣе уступила Савойю въ обмѣнъ за разрѣшеніе соединиться съ Тосканою. Но было очевидно, что Франція не нуждалась въ такомъ средствѣ для пріобрѣтенія Савойи, что ея сопротивленіе расширенію Сѣверо-итальянскаго государства происходитъ не изъ постороннихъ соображеній, а прямо изъ убѣжденія въ несогласіи такого факта съ потребностями французской политики, и что даже послѣ уступки Савойи она останется по прежнему расположена препятствовать соединенію центральной Италіи съ сѣверною. Теперь положительными фактами подтверждена справедливость такого взгляда, основаннаго на сущности дѣла. Савойя уже уступлена Сардиніею, а Франція все еще продолжаетъ убѣждать туринскій кабинетъ и жителей центральной Италіи, что лучше ихъ землямъ остаться разными государствами. Вѣрность французскаго правительства этой системѣ такъ велика, что даже и послѣ рѣшительнаго шага, сдѣланнаго итальянцами, послѣ подачи голо-

Digitized by Google

совъ 11 и 12 марта (новаго стиля), послѣ объявленія Сардиніи, что она принимаетъ результатъ этого вотированія, парижскій кабинетъ все еще продолжаетъ настаивать, чтобы Сардинія не соединялась съ Тосканою.

Эта точка зрѣнія, которой мы постоянно держались, то есть убѣжденіе въ неизмѣнности принциповъ французскаго правительства, будетъ служить для насъ и теперь основаніемъ при связномъ изложеніи отрывочныхъ газетныхъ извѣстій.

Начиная итальянскую войну, французское правительство смотрѣло на нее, какъ на средство достигнуть однимъ разомъ нѣсколькихъ цѣлей, которыя могутъ быть пріятны или непріятны для другихъ государствъ, но которыя каждый хорошій дипломатъ континентальной Европы неусомнится назвать дѣйствительно выгодными для французскаго правительства. Первою цѣлью было отвратить вниманіе французской націи отъ внутреннихъ вопросовъ, по которымъ разныя партіи несогласны съ нынѣшнею системою, къ внѣшнимъ дѣламъ, о которыхъ огромное большинство французовъ думаетъ одинаково съ своимъ императоромъ, то есть согласно съ обыкновенными военными и дипломатическими понятіями о пользѣ и чести преобладанія надъ другими странами. Это побужденіе къ веденію войны мы подробно излагали въ началѣ прошлаго года, когда война еще только готовилась. Не было тогда никакого сомнѣнія, что война принесетъ въ этомъ отношеніи пользу французскому правительству, и она дѣйствительно принесла ее. Если, какъ мы видимъ до сихъ поръ, во всѣхъ странахъ западной Европы общественное вниманіе отвлечено отъ домашнихъ дѣлъ вопросами иностранной политики, то во Франціи, которая является главною двигательницею этихъ вопросовъ, иностранная политика съ начала прошлаго года до сихъ поръ, конечно, должна была занимать умы съ непреодолимою силою. Но для того, чтобы настроеніе умовъ, производимое иностранными дѣлами, служило въ пользу правительства, французскіе дипломаты должны были неуклонно вести эти дѣла сообразно принципу наиболѣе понятному и лестному для французскаго національнаго чувства. Изъ этой необходимости возникала забота французской политики о пріобрѣтеніи какихъ нибудь новыхъ областей,—стремленіе натуральное, неизбѣжное при системѣ, по которой ведутся теперь французскія дѣла. Понимая эту необходимость, мы годъ тому назадъ говорили, что долженъ быть совершенно достовѣренъ слухъ о договорѣ, обязывающемъ Сардинію уступить Франціи Савойю. Но одно пріобрѣтеніе Савойи и вообще какое бы то ни было расширеніе границъ на юго-востокъ не могло удовлетворять потребностямъ французскаго правительства. Національное чувство гордится преобладаніемъ надъ чужими государствами едва ли не больше, нежели завоеваніемъ пограничныхъ областей. Дѣло шло объ итальянскомъ полуостровѣ, потому важнѣйшею задачею французскаго правительства должно было служить пріобрѣтеніе рѣшительной власти надъ итальянскими государствами. Тутъ все зависѣло отъ полнаго господства надъ Сардиніею, которой было обѣщано расширеніе границъ. Подчинивъ своей волѣ Сардинію, Франція уже легко могла бы пріобрѣсти безусловное вліяніе на другіе итальянскіе кабинеты, которые могутъ держаться только французскою защитою противъ стремленій къ единству, представителемъ котораго служитъ Сѣверно-итальянское королевство. Мы нѣсколько разъ объясняли, что виллафранкскій миръ прекрасно удовлетворялъ этой задачѣ. Сардинія становилась черезъ него настолько сильна, что внушала ужасъ папѣ и неаполитанскому правительству. Но въ рукахъ австрійцевъ были оставлены крѣпости

Digitized by Google

знаменитаго четырехугольника, такъ что сама Сардинія должна была только во французскомъ покровительствѣ видѣть спасеніе себѣ отъ австрійцевъ. Допустить присоединеніе Тосканы и другихъ земель центральной Италіи къ Сѣверно-итальянскому королевству было рѣшительно несогласно съ такимъ разсчетомъ. Королевство Виктора-Эммануэля, имѣя только 8 милліоновъ населенія, не должно было мечтать о политической самостоятельности. Но въ немъ должна была родиться мысль о самостоятельности, когда оно, увеличиваясь землями центральной Италіи, пріобрѣтало населеніе въ 13 или 14 милліоновъ. Допустить это значило бы потерять власть надъ нимъ. Потому французское правительство съ самаго виллафранкскаго мира постоянно говорило, что присоединеніе Тосканы къ Піэмонту такая вещь, на которую оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться. Мы не будемъ повторять здѣсь многочисленныхъ фактовъ, доказывавшихъ искренность этихъ словъ и многочисленныхъ плановъ, составлявшихся французскимъ правительствомъ для предотвращенія событія, несовмѣстнаго съ выгодами французскаго господства надъ Италіею. Въ свое время мы говорили о посольствахъ Резе и Понятовскаго, являвшихся въ центральную Италію отъ имени императора французовъ доказывать ея жителямъ, что соединеніе съ Піэмонтомъ невозможно. Послѣ Резе и Понятовскаго было еще нѣсколько такихъ посольствъ; между прочимъ ѣздилъ въ Италію старинный другъ Наполеона III, Тафель, съ такимъ же порученіемъ. Парижскій кабинетъ посылалъ въ Туринъ безчисленное множество депешъ въ томъ же смыслѣ; онѣ были въ свое время напечатаны, а теперь напечатаны и англійскія депеши, несомнѣнно показывающія серьёзность и искренность усилій Франціи не допустить расширенія піэмонтскихъ границъ на югъ. Мы не будемъ говорить также о всѣхъ многочисленныхъ планахъ, имѣвшихъ цѣлью сохранить отдѣльныя государства въ центральной Италіи. Читатель помнитъ, что при заключеніи мира была у Франціи мысль прямо возстановить прежнія правительства въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Романьѣ; потомъ, по временамъ, этотъ планъ смѣнялся дѣйствіями для возведенія на тосканскій престолъ принца Наполеона, которому до войны предназначалось быть королемъ этрурскимъ: когда казалось слишкомъ труднымъ дѣломъ возстановить австрійскихъ эрцгерцоговъ, Франція возвращалась къ первоначальной своей мысли объ отдачѣ центральной Италіи французскому принцу. Оба эти плана,—учрежденіе королевства центральной Италіи для принца Наполеона или возстановленіе прежнихъ правительствъ, нѣсколько разъ смѣнялись одинъ другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ концѣ прошлаго года Франція останавливалась на томъ, чтобы дать Піэмонту Парму и Модену, возстановить въ Тосканѣ великаго герцога, а Романью отдать папѣ. Піэмонту говорилось, что если онъ не согласится на это, Франція предастъ его на волю австрійцевъ. Въ такомъ положеніи были вещи около половины прошлаго мѣсяца. Теперь разскажемъ факты, которыми развивалось итальянское дѣло послѣ того времени. Послѣдняя воля французскаго правительства была выражена туринскому кабинету въ нотѣ Тувнеля 24 февраля. Она послужила ближайшимъ поводомъ къ такому рѣшительному обороту дѣла, что мы, въ противность своему обыкновенію не останавливаться на дипломатическихъ документахъ, представимъ извлеченіе изъ этой депеши.

Тувнель начинаетъ словами, что пришла теперь пора „объясниться съ полною откровенностью“; потому, говоритъ онъ, „я хочу теперь изложить вамъ безъ вся-

Digitized by Google

кихъ умолчаній мнѣніе императорскаго правительства". Французское правительство хочетъ отвратить отъ Италіи войну и анархію; оно приглашаетъ туринскій кабинетъ содѣйствовать ему въ этомъ стремленіи. „Туринскій кабинетъ можетъ избрать другой путь, но въ такомъ случаѣ общіе интересы Франціи не дозволятъ императорскому правительству сопровождать его на этомъ пути".—„Скажемъ съ полною откровенностью, что чувство, изъ котораго возникла въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи мысль о присоединеніи къ Піэмонту и которымъ произведено выраженіе этого желанія, есть не столько обдуманное влеченіе къ Сардиніи, сколько манифестація, направленная противъ одной изъ великихъ державъ (Австріи). Если это чувство не будетъ сдержано въ самомъ началѣ, оно не замедлитъ высказаться требованіями, съ которыми будетъ долженъ туринскій кабинетъ бороться по требованію разсудительности. Онъ подвергся бы двумъ одинаково плачевнымъ шансамъ: войнѣ или революціи. Соображая все это, съ твердымъ намѣреніемъ выбрать рѣшеніе, могущее наилучшимъ образомъ согласить нынѣшнія требовательныя обстоятельства съ удобствами болѣе спокойнаго будущаго, надобно признать, что пора остановиться на комбинаціи, которую можно представить на одобреніе Европѣ съ нѣкоторымъ шансомъ успѣха и которая сохранитъ за Сардиніею все нравственное вліяніе, на какое можетъ она имѣть притязаніе въ Италіи. Эта комбинація, по зрѣлому мнѣнію императорскаго правительства, была бы такова:

„1) Полное присоединеніе герцогствъ Пармскаго и Моденскаго къ Сардиніи.

„2) Временное управленіе легатствами Романьи, Феррары и Болоньи подъ формою викаріатства, которымъ будетъ завѣдывать король сардинскій отъ имени папы.

„3) Возстановленіе политической и территоріальной независимости великаго герцогства Тосканскаго.

„Это переходное положеніе имѣло бы ту выгоду, что обезпечивало бы за Сардиніею необходимое ей политическое положеніе, удовлетворяло бы легатства съ административной точки зрѣнія, а съ католической точки зрѣнія было бы среднею мѣрою, которая успокоила бы сомнѣніе совѣсти. Этотъ послѣдній результатъ важенъ для Франціи, которая не можетъ по принципу признать кореннаго раздробленія папскихъ владѣній. Мои слова о необходимости предупредить опасности, которымъ Сардинія подверглась бы, стремясь къ большему расширенію владѣній, въ особенности прилагаются къ Тосканѣ. Мысль присоединить великое герцогство, т. е. поглотить въ другомъ государствѣ страну, имѣющую столь прекрасную и благородную исторію и столь привязанную доселѣ къ своимъ преданіямъ, не можетъ проистекать ни изъ чего, кромѣ стремленія, опасность котораго очевидна императорскому правительству. Это стремленіе обнаруживаетъ въ увлекаемыхъ имъ тайную мысль о войнѣ противъ Австріи для завоеванія Венеціи и тайную мысль, если не о революціи въ Папскихъ владѣніяхъ и Неаполитанскомъ королевствѣ, то объ угрозѣ спокойствію этихъ государствъ." — „Если туринскій кабинетъ согласится на эту комбинацію, продолжаетъ Тувнель, то французское правительство не допуститъ иностраннаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и будетъ требовать согласія великихъ державъ на конгрессѣ или конференціи."—„Нужны ли мнѣ теперь длинныя подробности, чтобы объяснить, какова будетъ наша система, если туринскій кабинетъ, имѣя свободу выбора, захочетъ подвергаться опасностямъ, изложеннымъ мною при указаніи средствъ избѣжать ихъ? Предположеніе, по кото-

Digitized by Google

рому сардинское правительство могло бы разсчитывать только на однѣ свои силы, развивается, можно сказать, само собою, и мнѣ было тяжело останавливаться на немъ. По повелѣнію его величества, скажу вамъ только, что мы ни за что въ мірѣ не согласились бы принять на себя отвѣтственности въ такомъ положеніи". Въ заключеніе, Тувнель говоритъ, что, при нынѣшнемъ увеличеніи Сардиніи, забота о собственной безопасности заставляетъ Францію требовать присоединенія Савойи и Ниццы.

Со вступленіемъ Кавура въ управленіе дѣлами политика сардинскаго кабинета стала смѣлѣе и тверже прежняго, потому надобно было ожидать, что Сардинія попытается на сопротивленіе парижскому приказанію. Но отвѣтъ Кавура отъ 1 марта былъ написанъ тономъ болѣе смѣлымъ, нежели могли надѣяться итальянцы: сардинскій министръ безусловно отвергалъ даваемые ему совѣты и говорилъ, что если Піэмонту опасно отвергать ихъ, то безславно было бы принять ихъ или даже вести какіе нибудь переговоры на ихъ основаніи.

Если бы даже Сардинія по уваженію къ Франціи могла принять предлагаемую комбинацію, говоритъ Кавуръ, это предложеніе встрѣтило бы въ Тосканѣ и въ Романьѣ затрудненіе столь сильное, что Сардинія не могла бы преодолѣть его. „Въ населеніи центральной Италіи развилось сильное сознаніе права располагать своею судьбою. Это чувство было укрѣпляемо многократными формальными увѣреніями императорскаго правительства, что оно не дозволитъ подчинять центральную Италію силой какому бы то ни было управленію; оно пріобрѣло непреоборимую силу черезъ обнародованіе четырехъ англійскихъ предложеній, изъ которыхъ два первыя, вполнѣ принятыя Франціею, безусловно устанавливаютъ принципъ невмѣшательства". Сардинія можетъ только сообщить французское предложеніе правительствамъ центральной Италіи, которыя отдадутъ его на рѣшеніе самого населенія центральной Италіи. Но по всей вѣроятности оно будетъ отвергнуто народомъ центральной Италіи. Впрочемъ, каковы бы ни были отвѣты государствъ центральной Италіи, сардинское правительство впередъ обязывается безусловно согласиться съ ними. Если Тоскана захочетъ остаться отдѣльнымъ государствомъ, Сардинія не только не станетъ противиться, а напротивъ, будетъ помогать исполненію ея желанія; точно также она поступитъ относительно Пармы, Модены и Романьи. Но если эти области снова выразятъ желаніе присоединиться къ Піэмонту, Сардинія не можетъ болѣе отказываться отъ того. „Еслибъ мы и хотѣли, мы не могли бы противиться этому, говоритъ Кавуръ. При нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, министерство, которое отвергло бы такое желаніе, вновь выраженное, было бы низвергнуто единодушнымъ порицаніемъ". — „Мы понимаемъ, какой опасности подвергнемся, когда согласимся на присоединеніе центральной Италіи, продолжаетъ Кавуръ; мы знаемъ, что опасность эта увеличивается тѣмъ, что Франція указываетъ на нее. Но мы должны сдѣлать это, будучи убѣждены, что иначе не только кабинетъ, но и самъ король Викторъ-Эммануэль потерялъ бы всякую популярность, всякую нравственную власть въ Италіи и, вѣроятно, не осталось бы ему никакихъ иныхъ средствъ управленія, кромѣ насилія".

Такой языкъ не совсѣмъ обыкновененъ въ дипломатическихъ бумагахъ, посылаемыхъ отъ слабѣйшаго къ сильнѣйшему. Мы далеко не поклонники Кавура, но должны сказать, что депеша 1 марта приноситъ ему большую честь. Если мы осуждаемъ его образъ дѣйствій передъ итальянскою войною и во время войны, то

Digitized by Google

осуждаемъ именно за то, что не доставало въ немъ твердой увѣренности, которою одушевлена депеша 1 марта. Еще замѣчательнѣе было, что слова сопровождались столь же отважными дѣйствіями: вмѣстѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Тувнелю данъ былъ фактическій отвѣтъ распоряженіемъ, чтобы 11 и 12 марта жителямъ центральной Италіи было предложено рѣшить своими голосами вопросъ о присоединеніи къ Піэмонту. Это рѣшеніе было уже нѣсколько разъ выражено конституціонными собраніями центрально-итальянскихъ областей; но было извѣстно, что Франція считаетъ нужнымъ подвергнуть волю центральной Италіи новому испытанію. Французское правительство придавало непосредственной подачѣ голосовъ всѣми взрослыми людьми бо́льшую важность, чѣмъ рѣшенію представителей, выбранныхъ не всѣмъ населеніемъ, а только частью его, подходившею подъ избирательный цензъ. Чтобы устранить всякій формальный предлогъ къ отрицанію соотвѣтственности рѣшенія съ волею всего населенія, назначено было допустить къ вотированію всѣхъ взрослыхъ людей, безъ всякаго ценза. Само собою разумѣется, что предпочтеніе всенароднаго вотированья вотированью съ цензомъ было со стороны Франціи основано не на отвлеченномъ уваженіи къ демократитескому принципу, а просто на томъ предположеніи, что простолюдины и въ особенности поселяне центральной Италіи менѣе проникнуты стремленіемъ къ единству, чѣмъ горожане и люди образованныхъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно читали увѣренія, что въ Тосканѣ, Моденѣ и т. д. поселяне не раздѣляютъ ненависти либераловъ къ прежнему порядку дѣлъ и въ особенности къ прежнему раздробленію націи на маленькія слабыя государства. Эти увѣренія слышались не отъ однихъ противниковъ итальянскаго единства: сами итальянскіе либералы сильно сомнѣвались въ томъ, пользуются ли сочувствіемъ поселянъ. Надобно полагать, что въ послѣднее время Фарини, Рикасоли и Кавуръ постарались точнѣе разузнать это, — иначе они не стали бы рисковать призываніемъ всего населенія къ вотированью. Депеша Кавура, извлеченіе изъ которой мы привели, показываетъ полную увѣренность, что при всеобщемъ вотированьи большинство поселянъ будетъ на сторонѣ патріотовъ. Читателю извѣстно, что результатъ вотированья оправдалъ эту надежду съ такою полнотою, какой не ожидали даже люди наиболѣе увѣренные въ патріотизмѣ простолюдиновъ. Мы приведемъ изъ „Times'а“ отрывки писемъ, въ которыхъ разсказывается, какъ происходило торжественное выраженіе національной воли.

„Флоренція 11 марта.

„Теперь пять часовъ вечера; первый день вотированія прошелъ и,—я хотѣлъ прибавить: половина судьбы герцогствъ и Романьи рѣшена,—нѣтъ, я могу съ увѣренностью сказать: ихъ присоединеніе къ Піэмонту рѣшено. Не умѣю сказать вамъ, сколько голосовъ уже подано въ Эмиліи; билеты лежатъ въ запечатанныхъ урнахъ, остается для вотированія еще 24 часа, но я, не колеблясь, уже сообщаю вамъ результатъ вотированія.

„Я разскажу вамъ, что я видѣлъ нынѣ съ 6 часовъ утра, и я не сомнѣваюсь, что вы вмѣстѣ со мною будете впередъ увѣрены въ результатѣ. Вчера поздно вечеромъ я выѣхалъ изъ Турина, чтобы утромъ можно мнѣ было выѣхать изъ Пьяченцы и, проѣзжая по всей странѣ, какъ можно больше познакомиться съ народнымъ движеніемъ.

„Мы пріѣхали въ Пьяченцу въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ то самое время, какъ всходящій мѣсяцъ начиналъ освѣщать безобразные окопы, остатки сооруженій, возведенныхъ австрійцами въ началѣ прошлаго года. Ворота въ городскихъ стѣнахъ были уже заперты, и когда они отворились впустить поѣздъ, казалось, будто въ [illegible]

французскую крѣпость: куда я ни смотрѣлъ изъ окна вагона, вездѣ видѣлъ только синія французскія шинели и синія фуражки въ узкихъ улицахъ; гдѣ было какое нибудь движеніе, оно производилось только этими синими фуражками, виднѣвшимися при тусклыхъ лампахъ, зажженныхъ по древнему обычаю въ честь восходящаго мѣсяца. Это преобладаніе синяго цвѣта объясняется тѣмъ, что въ Пьяченцѣ стоитъ цѣлая французская дивизія. Вѣроятно, для сглаживанія этого оттѣнка была тутъ же поставлена одна рота сардинской пѣхоты.

„Я упоминаю объ этомъ впечатлѣніи потому, что оно было довольно страннымъ введеніемъ къ поѣздкѣ, дѣлаемой съ тою цѣлью, чтобъ видѣть, какъ подаются голоса о присоединеніи центральной Италіи къ Піэмонту. Мѣсяцъ былъ еще на половинѣ неба, когда я пришелъ опять на станцію, потому что поѣздъ отправляется въ шесть часовъ утра. Такимъ образомъ я былъ въ Пьяченцѣ только ночью, но все-таки при лунномъ свѣтѣ могъ повсюду на стѣнахъ видѣть афиши съ словами: Annessione alla Monarchia constitutionale del Vittorio Emmanuele: это показывало, что 9,000 противниковъ присоединенія, поставленныхъ въ Пьяченцѣ, произвели мало дѣйствія на умы горожанъ.

„Начинало свѣтать, когда мы выѣхали, и на первыхъ миляхъ покрытыя снѣгомъ поля съ одинокими фермами не показывали никакого признака жизни; все было холодно и неподвижно: и бѣлая отъ снѣга окрестность, и снѣжныя вершины Аппенинъ вдалекѣ, и даже Болонское шоссе, древняя via Emilia, идущее до самой Болоньи подлѣ желѣзной дороги, было также пустынно, какъ вся окрестность. Это продолжалось съ часъ. Но еще передъ нашимъ пріѣздомъ въ Кастель Гуэльфо, на послѣднюю станцію передъ Пармой, люди проснулись. Солнце взошло, колокольный звонъ слышался сквозь шумъ поѣзда. На шоссе показались экипажи и одинокіе путники; ставни и двери фермъ начали раскрываться. Свѣтъ принесъ жизнь, и великій день для центральной Италіи начался.

„Едва я замѣтилъ это дремавшему господину, сидѣвшему подлѣ меня, какъ мы съ нимъ ясно услышали сквозь стукъ желѣзныхъ колесъ и рельсовъ народный крикъ, повторявшійся безъ умолку. Мы раскрыли окно вагона, и шагахъ въ трехъ стахъ отъ большой дороги увидѣли процессію поселянъ: они шли съ трехцвѣтнымъ флагомъ впереди и привѣтствовали поѣздъ криками: „Viva l'Italia! Viva Vittorio Emmanuele!“ Это были все мужчины сосѣдней общины, одною толпою шедшіе вотировать въ главное село округа, на ту самую станцію, гдѣ мы должны были остановиться. Было еще не больше 7 часовъ утра, а вотированіе начиналось въ 10 часовъ. Мы еще не проѣхали и пятой части нашего пути, и съ этой минуты до конца пути мнѣ казалось, будто я вижу все населеніе герцогствъ и Романьи вышедшимъ въ путь. Шоссе, вдоль котораго мы все время ѣхали, постоянно было наполнено идущимъ народомъ. Маленькими и большими отрядами, каждый съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, каждый съ пѣснями и патріотическими криками, шли поселяне въ города. На каждой станціи стояли или шли черезъ нее такія группы Чѣмъ ближе подходилъ часъ вотированья, тѣмъ сильнѣе увеличивался этотъ потокъ. Казалось, будто видишь передъ собою какой-то пикникъ всего населенія. Прекрасный свѣтлый день, конечно, много содѣйствовалъ общей радостной готовности.

„Впрочемъ, Парма и Реджіо всегда считались благорасположенными къ соединенію городами; но что-то будетъ въ Моденѣ, гдѣ такъ систематически старались подѣйствовать на простолюдиновъ, особенно на поселянъ, деньгами и черезъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, чтобы отвратить народъ отъ соединенія? Мои сомнѣнія были разсѣяны самымъ блестящимъ образомъ. На самой моденской станціи большая дорога изъ округовъ по рѣкѣ По перерѣзываетъ желѣзную дорогу, и на этомъ перекресткѣ сотни поселянъ со множествомъ трехцвѣтныхъ знаменъ, украшенныхъ савойскимъ крестомъ и патріотическими девизами, предводимыя своими синдиками и священниками, стояли, ожидая пока пройдетъ поѣздъ и привѣтствуя его громкими криками.

„Вотированье шло такъ, что имѣло характеръ не борьбы, а національнаго торжества и пра[illegible] не встрѣчалось на дорогѣ такого человѣка, у котораго на шляпѣ [illegible] присоединенія. Люди низшихъ и высшихъ сословій были оди-

Digitized by Google

наково украшены этимъ девизомъ. Впечатлѣніе усилилось еще во сто разъ разъ, когда мы пріѣхали въ Болонью. Тутъ не было дома, не было лавки безъ надписи: Viva Vittorio Emmanuele, nostro legitimo rè! Viva l'annessione! Fedelta al nostro rè! Для поселянъ и для горожанъ, вотированье одинаково казалось второстепенною формою, а главнымъ дѣломъ было ходить по улицамъ процессіями, съ флагами и музыкою, пѣснями и патріотическими криками, и радость была главною чертою этого дня. Болонья съ своими узкими улицами, по которымъ идутъ ея неподражаемыя аркады, капризно разнообразныя, но составляющія гармоническій ансамбль, чрезвычайно удобна для такихъ проявленій энтузіазма. Окна и балконы были украшены флагами, коврами, шелковыми фестонами, часто съ вышитыми на нихъ гербами владѣльцевъ. Даже колонны аркадъ не избѣжали украшающей маніи и были одѣты красными и зелеными матеріями. Площади были мѣстами встрѣчъ для процессій, изъ которыхъ многія расхаживали по городу, цѣлый день: мѣстъ вотированья было одинадцать въ городѣ и по сосѣдству, потому довольно дѣла было ходившимъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ процессіямъ студентовъ, работниковъ, ремесленниковъ разныхъ промысловъ. Главнымъ мѣстомъ встрѣчъ для процессій была Piazza Maggiore, съ высокою башнею Азинелли, поднимающеюся надъ цѣлымъ городомъ. Крыльцо церкви, стоящей на Piazza Maggiore, было постоянно наполнено народомъ, наполнявшимъ и балконы на правой сторонѣ отъ церкви. Эти толпы безпрестанно обмѣнивались патріотическими криками съ проходившими черезъ площадь процессіями: махали платками, шляпами, кричали всевозможные evviva.

„Я говорилъ, что само вотированье было второстепеннымъ дѣломъ. Вотировать просто казалось предъявить билетъ на участіе въ общей радости. Интересно будетъ посмотрѣть, сколько голосовъ подано противъ соединенія: судя по всему, что я видѣлъ, надобно думать, что развѣ одинъ изо ста".

„Болонья, 12 марта. 9 часовъ утра.

„Вчера къ вечеру затихло движеніе, чтобы возобновиться черезъ минуту, возобновиться съ новымъ одушевленіемъ, сильнѣе прежняго. Зажженіе первой лампы на улицахъ было сигналомъ этого возобновленія. Въ одинъ мигъ на всѣхъ балконахъ явились бумажные фонари и восковые факелы. Искусственной иллюминаціи горожане не хотѣли дѣлать, они хотѣли только освѣтить чудныя улицы своего города. Эффектъ былъ магическій. Онъ придавалъ великолѣпнымъ зданіямъ совершенно новый характеръ. Особенно площадь передъ дворцомъ правительства превосходила своею эффектностью все, что когда нибудь я видѣлъ. Цѣлый городъ казался одною сценическою декораціею, и все населеніе города толпилось по улицамъ до поздней ночи. Все было оживлено; безпрестанно мѣнялись, сходились и расходились группы, съ веселыми криками. И во всемъ этомъ шумѣ и веселости, не было ничего грубаго: я не видѣлъ ни одного человѣка пьянаго.

„Поутру, съ половины 8-го, народъ стремился главнымъ образомъ къ театру, гдѣ поэтъ Гьянси долженъ былъ читать стихотворенія, соотвѣтствовавшія случаю. Тутъ происходила великая демонстрація. Зала была биткомъ набита. Каждому стихотворенію апплодировали съ фуроромъ. Первое изъ нихъ, Pio IX e guerra, было поэтическимъ судомъ надъ папою, второе, Aquila d'Austria, и третье, Annessione, говорили объ австрійцахъ и соединеніи Италіи. Энтузіазмъ былъ непреодолимъ, такъ что прусскій генералъ реакціонной партіи, случайно попавшій въ театръ, также увлекся, апплодировалъ и кричалъ не хуже самаго патріотичнаго итальянца".

„Модена, 13 марта.

„Мои впечатлѣнія о результатѣ вотированья въ Болоньѣ, посланныя къ вамъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ, оказались вѣрны. Нѣтъ сомнѣнія, что вчера рѣшилась судьба центральной Италіи. Выѣзжая изъ Болоньи нынѣ поутру, я справился о числѣ вотировавшихъ и узналъ, что изъ 21 тысячи человѣкъ, внесенныхъ въ списки города Болоньи и его предмѣстій, 17,000 подали вчера голоса. Я уѣхалъ еще въ 11 часовъ утра, но уже болѣе 1000 человѣкъ изъ остальныхъ пришли вотировать. Видъ городскихъ улицъ заставлялъ предугадывать такой результатъ, но даже и бывши приготовленъ къ нему,

Digitized by Google

невольно удивляешься его величію. Даже въ странахъ, гдѣ простолюдины не участвують въ выборахъ, такая большая пропорція вотирующихъ была бы чрезвычайна: еще удивительнѣе она при всеобщемъ вотированьи. Простолюдины вообще не охотники вотировать, и потому всегда бываетъ, что множество изъ нихъ не подаютъ голосовъ. Вотированье продолжается еще до 5 часовъ вечера, стало быть можно ожидать, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ изъ всего числа избирателей въ Романьѣ подадутъ голоса. Это общее участіе въ выборахъ служитъ самымъ поразительнымъ признакомъ интереса, который возбуждается во всемъ населеніи вопросомъ, рѣшаемымъ въ эти дни; это надобно отчасти объяснить долговременнымъ приготовленіемъ къ нему. Присоединеніе вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ было единственною мыслью, занимавшею народъ, и отъ частныхъ препятствій она только усиливалась и распространялась.

„Несмотря на столпленіе народа, все происходило съ совершеннымъ спокойствіемъ и порядкомъ, благодаря народнымъ правамъ. Избиратели въ Болоньѣ были раздѣлены для вотированья на 11 отдѣловъ по алфавитному порядку фамилій, такъ что въ каждомъ изъ 11 залъ, назначенныхъ для вотированья, подавали голоса люди, фамиліи которыхъ начинаются съ извѣстныхъ буквъ. Такой порядокъ представлялъ новое удобство для манифестаціи. Ремесленники и работники каждаго промысла собирались всѣ вмѣстѣ съ флагами и знаменами, съ оркестромъ, если только могли нанять его, или просто съ своими громкими голосами, если не было у нихъ денегъ нанять музыку. Всѣ вмѣстѣ они ходили по всѣмъ отдѣламъ, начиная съ А и кончая Z. Въ каждомъ отдѣлѣ принадлежавшіе къ нему люди входили въ залу и подавали голоса, а товарищи ждали ихъ на улицѣ съ патріотическими криками. Вотированье шло самымъ простымъ и правильнымъ порядкомъ. Описаніе того, какъ происходило оно въ одномъ отдѣлѣ, покажетъ, какъ происходило оно во всѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, отдѣлъ, въ которомъ были фамиліи, начинающіяся буквою М. Мѣстомъ вотированья для этого отдѣла былъ домъ Пеполи. Въ каждомъ итальянскомъ городѣ есть фамиліи, столь тѣсно связанныя съ городскою исторіею, что считаются какъ будто бы принадлежностью или собственностью цѣлаго города. Къ такимъ фамиліямъ въ Болоньѣ принадлежатъ Пеполи, и нынѣшній представитель ихъ рода одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ цѣлой Романьѣ. Натурально было выбрать мѣстомъ вотированья обширную залу его стариннаго дворца. Вы всходите по широкой лѣстницѣ, какія бываютъ только въ Италіи, по лѣстницѣ, которая одна занимаетъ пространство цѣлаго дома. На площади, вверху лѣстницы, стоитъ человѣкъ, который отбираетъ трости, зонтики и другія оружія. Вы отворяете дверь и видите себя въ огромной залѣ XVI столѣтія, со стѣнами, на которыхъ гербы разныхъ членовъ фамиліи, съ полами изъ мраморной мозаики; зала увѣшана фамильными портретами, которые какъ будто съ изумленнымъ любопытствомъ смотрятъ на нынѣшнія дѣла. Противъ дверей поставленъ длинный столъ, около котораго стоятъ человѣкъ десять въ пальто и шляпахъ. Столъ заваленъ списками избирателей. Передъ столомъ закрытая урна фута въ четыре вышины, запечатанная четырьмя печатями; посрединѣ крышки ея сдѣланъ узкій прорѣзъ для опусканія билетовъ. Два человѣка безотлучно охраняютъ эту урну, какъ сокровище. Избиратель входитъ, осматриваясь, куда ему направиться. Ему показываютъ къ столу. Высокій человѣкъ вѣжливо спрашиваетъ у него фамилію. Это президентъ отдѣла, Мингетти, одинъ изъ людей, получившихъ извѣстность во время послѣднихъ событій. Раскрывается списокъ избирателей, ставится въ немъ значекъ противъ имени человѣка, подающаго голосъ, и онъ кладетъ въ ящикъ свой билетъ; такъ требуетъ форма; но *да* или *нѣтъ* въ этомъ отвѣтѣ вовсе не тайна, потому что почти у каждаго билетъ былъ прикрѣпленъ на шляпѣ или фуражкѣ и на каждомъ билетѣ я видѣлъ рѣшеніе въ пользу единства.

„Когда я прибылъ въ Модену, вотированье уже кончалось, но я скажу вамъ, хоть вы не повѣрите этому: городъ былъ оживленъ; дѣйствительно, фактъ неимовѣрный въ прежней столицѣ Франциска IV. И здѣсь, какъ въ Романьѣ, ожидаютъ, что почти всѣ голоса безъ исключенія будутъ въ пользу присоединенія“.

Читателю извѣстенъ результатъ вотированья. Можно сказать, что только больные и отсутствующіе не подали своихъ голосовъ, а каждый, кто только могъ дойти

Digitized by Google

до урны, собиравшей голоса, исполнилъ свой долгъ. Такая огромная пропорція вотировавшихъ почти безпримѣрна въ европейской исторіи. Читателю извѣстно также, что едва одна пятидесятая часть голосовъ оказалась не въ пользу соединенія и что единодушіе, съ которымъ безмѣрное большинство населенія потребовало національнаго единства, было поразительно, превзошло всѣ надежды самыхъ жаркихъ патріотовъ. Читатель знаетъ также, что немедленно послѣ вотированья были отправлены областями центральной Италіи депутаціи въ Туринъ просить Виктора-Эммануэля принять центральную Италію въ составъ Сѣверно-итальянскаго королевства, что король безусловно согласился на просьбу, что теперь назначены въ центральной Италіи выборы депутатовъ для общаго парламента королевства, одинаково обнимающаго собою Піэмонтъ, Ломбардію и всю центральную Италію, что этотъ парламентъ собрался 2-го апрѣля. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ могущественнѣйшей опорой туринскому правительству въ его національныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ со стороны самихъ итальянцевъ дѣло рѣшено безвозвратно, и если бы туринское правительство захотѣло теперь повернуть назадъ, уступая французскимъ требованіямъ, то оно дѣйствительно было бы принуждено прибѣгнуть для этого къ мѣрамъ насилія, о которыхъ говоритъ въ своей нотѣ Кавуръ и которыми онъ едва ли захочетъ обезславить себя и лишить всякой правительственной силы своего короля. Отступиться отъ сдѣланнаго было бы теперь со стороны Кавура низостью и предательствомъ.

Но преждевременно было бы считать теперь дѣло уже совершенно поконченнымъ. Очень можетъ быть, что придутъ тѣ опасности, которыми Тувнель грозитъ итальянцамъ въ своей депешѣ отъ 24 февраля. Вопросъ рѣшенъ для итальянцевъ, но французское правительство до сихъ поръ не хотѣло соглашаться съ ними, не хотѣло согласиться даже и въ послѣдніе дни, ни послѣ единодушнаго вотированья въ пользу единства, ни послѣ того, какъ Викторъ-Эммануэль объявилъ центральную Италію частью своего королевства. Франція до сихъ поръ продолжаетъ настаивать, чтобы дѣло оборотили на путь, указанный нотою 24 февраля, и чтобы отреклись отъ дѣйствій противныхъ этому указанію. Одновременно съ каждымъ новымъ шагомъ итальянцевъ къ единству, Франція повторяла требованіе, чтобы они отказались отъ своихъ намѣреній и покорились ея волѣ. Такъ, напримѣръ, въ то самое время, какъ издавался во Флоренціи и Болоньѣ декретъ о вотированьи, 1 марта, императоръ французовъ объявлялъ въ своей рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, что порицаетъ дѣйствія итальянцевъ, несогласныя съ его прежними совѣтами. Въ тѣ же самые дни дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ повѣренный императора французовъ Альбери, пріѣхавшій во Флоренцію изъ Парижа въ концѣ февраля. Онъ уже и прежде являлся въ центральной Италіи истолкователемъ воли Наполеона III; теперь было ему поручено возобновить прежнія настоянія. Альбери, итальянецъ и патріотъ, человѣкъ честный и благонамѣренный. Подобно Монтанелли онъ постоянно совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ покориться французскому требованію, не потому чтобы самъ не сочувствовалъ дѣлу единства, а только потому, что считаетъ непреоборимыми тѣ затрудненія, которыя поставляются Франціею осуществленію національныхъ стремленій. Мы приведемъ письмо флорентинскаго корреспондента Times'а о послѣднемъ посольствѣ Альбери.

„Альбери возвратился изъ Парижа, гдѣ онъ имѣлъ разговоры съ императоромъ, и теперь говоритъ тономъ человѣка, которому поручено передать мысли императора его

Digitized by Google

соотечественникамъ. Я уже нѣсколько упоминалъ объ Альбери, выражая свое твердое убѣжденіе въ честности его характера. Онъ—одинъ изъ немногихъ тосканцевъ, защищающихъ мнѣніе объ отдѣльномъ тосканскомъ королевствѣ и поддерживавшихъ притязанія принца Наполеона на тосканскій престолъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ съ точностью передаетъ слова императора.

„Императоръ Наполеонъ убѣждаетъ черезъ него итальянцевъ, что и теперь, въ послѣднія минуты дѣла, планъ присоединенія къ Піэмонту не осуществимъ,—болѣе неосуществимъ, нежели когда нибудь; что каково бы ни было его собственное расположеніе согласиться съ этимъ „капризомъ народа", онъ встрѣчаетъ въ удовлетвореніи народному желанію препятствія столь сильныя, что даже колоссальное могущество его имперіи не даетъ ему средства побороть ихъ. Образованіе итальянскаго королевства съ населеніемъ въ 12.000,000 несовмѣстно съ присутствіемъ австрійцевъ въ Венеціи. Оно противно вѣнскому кабинету въ особенности потому, что дѣлается въ пользу Сардинскаго королевства, которому Австрія приписываетъ всѣ свои бѣдствія въ Италіи, съ которымъ теперь предвидитъ борьбу за самое свое существованіе. По мнѣнію императора, этотъ планъ столь же невыносимъ для Рима, для Неаполя и для всѣхъ великихъ монархій, защищающихъ мелкія итальянскія государства и вообще принципъ легитимизма. Присоединеніе центральной Италіи къ сѣверной, по мнѣнію императора, немедленно повело бы за собою всеобщую войну. А онъ самъ не хочетъ такой войны, да и Франція не пошла бы на нее съ охотою, и Англія не стала бы его поддерживать въ ней. Если итальянцы безразсудно останутся при своей мысли о соединеніи, ясно, что долженъ сдѣлать императоръ: онъ немедленно выведетъ свою армію изъ Ломбардіи, останется спокойнымъ зрителемъ борьбы, въ которой партія присоединенія будетъ имѣть противъ себя Австрію и южныя итальянскія государства. Хотя бы все, созданное имъ, разрушилось этою борьбою, онъ долженъ будетъ предоставить итальянцевъ ихъ судьбѣ, отдать ее австрійцамъ, отъ которыхъ она потомъ не избавится въ двѣсти лѣтъ. Но императоръ не желалъ бы отдать австрійцамъ и ихъ намѣстникамъ ни одного вершка земли, которую отнялъ у нихъ, и если дѣло не будетъ доведено до новой войны, Австрія согласится на сдѣлку: она непреклонна только въ двухъ вещахъ, въ рѣшимости сохранить Венецію и не допустить увеличенія Сардиніи. Императоръ думаетъ, что постепенно могъ бы склонить Австрію, чтобы она передала ему всѣ права низложенныхъ принцевъ ея династіи, государей моденскаго и тосканскаго; а папа, сколько бы ни сердился, находится въ рукахъ императора и кончитъ тѣмъ, что покорится ему. Главнымъ затрудненіемъ служатъ сами жители центральной Италіи, и императоръ объявляетъ, что готовъ спасти ихъ, если они послушаются внушеній разсудка. Пусть вопросъ о центральной Италіи будетъ на время отложенъ, съ сознаніемъ, что возможно будетъ со временемъ всякое рѣшеніе его, кромѣ присоединенія къ Сардиніи. Пока, пусть будетъ назначенъ регентъ для управленія Тосканою и маленькими герцогствами, пусть онъ управляетъ и легатствами, какъ вассалъ папы. Кого назначить регентомъ, императоръ не говоритъ прямо; не говоритъ и того, можетъ ли этотъ регентъ разсчитывать въ случаѣ надобности на содѣйствіе 50,000 французовъ, находящихся въ Ломбардіи, или хотя части ихъ, противъ нападенія австрійцевъ. Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ регентства,—во время которыхъ французскія войска останутся въ этой землѣ,—можно будетъ предложить жителямъ центральной Италіи вопросъ, хотятъ ли они имѣть своего регента королемъ; отвѣчать они будутъ по испытанному французскому способу, общенароднымъ вотированіемъ и просто „да" или „нѣтъ"; результатъ безъ сомнѣнія будетъ въ смыслѣ, котораго желаетъ императоръ".

То же самое говоритъ патріотъ еще болѣе знаменитый, ветеранъ 1848 года, храбро сражавшійся тогда противъ австрійцевъ и получившій тяжелую рану въ несчастной борьбѣ, Монтанелли. Если такіе люди, какъ онъ и Альбери, совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ отступить передъ опасностью, то надобно думать, что опасность дѣствительно ужасна. Она такъ велика, что въ самой Италіи безпрестанно носились въ послѣднее время слухи, будто бы Кавуръ уступилъ или усту-

Digitized by Google

паетъ требованію французскаго правительства. Вотъ что говорили, напримѣръ, во Флоренціи въ концѣ февраля, за три дня до декрета о вотированьи. Мы, по обыкновенію, переводимъ отрывокъ изъ корреспонденціи, печатаемой въ „Times'ѣ“.

„Послѣднее извѣстіе нынѣ состоитъ въ томъ, что Франція и Піэмонтъ заключили конвенцію, по которой Піэмонтъ соглашается на учрежденіе отдѣльнаго королевства центральной Италіи, состоящаго изъ Тосканы, Романьи и части Модены; королемъ будетъ назначенъ малолѣтній герцогъ Генуэзскій Альбертъ-Викторъ, племянникъ короля (Альберту-Виктору всего теперь шесть лѣтъ); опекуномъ его и регентомъ королевства будетъ назначенъ принцъ Наполеонъ, женатый на двоюродной сестрѣ малолѣтняго короля, принцессѣ Клотильдѣ. Такимъ образомъ центральная Италія по крайней мѣрѣ на 12 лѣтъ, до совершеннолѣтія Альберта-Виктора, будетъ вассальнымъ владѣніемъ французской династіи“.

Самъ корреспондентъ „Times'а“, передающій этотъ слухъ, называетъ его сказкою. Но этой сказкѣ вѣрили, и для насъ важно не то, основательна ли она, а то, что ей вѣрили: это свидѣтельствуетъ, какъ сильны были настоянія Франціи, если Италія могла думать, что Кавуръ уступаетъ имъ. Чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ о новомъ претендентѣ изъ французской династіи на престолъ центральной Италіи. Сыновья тѣхъ братьевъ Наполеона, которые были сдѣланы королями во время первой имперіи, до послѣдняго времени не имѣли близкихъ отношеній къ сыновьямъ Луціана Бонапарте, который еще во время консульства поссорился съ Наполеономъ. Подъ именемъ принцевъ Канино они живутъ въ Италіи и пользуются въ ней большою популярностью за свои демократическіе принципы. Въ февралѣ одинъ изъ членовъ фамиліи Луціана Бонапарте, Карлъ-Наполеонъ принцъ Канино, былъ вызванъ въ Парижъ; императоръ французовъ пожаловалъ ему титулъ королевскаго высочества, признавъ его принцемъ своей династіи, чего прежде не хотѣлъ, и сталъ давать ему почетное мѣсто подлѣ себя на всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ. Мы не имѣемъ претензіи отгадывать, справедливо ли заключаютъ изъ этого, что императоръ французовъ, увидѣвъ непопулярность принца Наполеона въ Тосканѣ, хочетъ замѣнить этого прежняго кандидата новымъ кандидатомъ на престолъ центральной Италіи, принцемъ Карломъ-Наполеономъ, семейство котораго пользовалось любовью итальянцевъ; справедливъ или несправедливъ этотъ слухъ, мы увидимъ въ довольно скоромъ времени, а теперь приводимъ его только, какъ новое выраженіе мнѣній, господствующихъ въ Парижѣ и въ самой Италіи относительно намѣреній императора французовъ. Вотъ еще любопытный фактъ о томъ, какія усилія дѣлало въ концѣ февраля французское правительство, чтобы склонить Кавура къ согласію на проэктъ, изложенный въ нотѣ Тувнеля отъ 24 февраля. Теперь мы сообщаемъ читателю уже не предположеніе публики, а положительное свѣдѣніе объ одномъ изъ средствъ, которыми французскіе дипломаты дѣйствовали на Кавура и другихъ государственныхъ людей Италіи. Этотъ фактъ мы беремъ изъ письма туринскаго корреспондента „Times'а“ отъ 9 марта.

„28 февраля французскій посланникъ въ Туринѣ, баронъ Талейранъ, представилъ графу Кавуру ноту 24 февраля и вмѣстѣ съ нею прочелъ сардинскому министру другую депешу, присланную отъ Персиньи, французскаго посланника въ Лондонѣ, къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ; Персиньи въ этой депешѣ увѣдомляетъ Тувнеля, что сообщилъ французскія предложенія лорду Росселю, и что Россель согласился на

рѣшеніе, даваемое этими предложеніями. Такое извѣстіе могло озадачить даже человѣка столь твердаго, какъ Кавуръ. Итакъ, Англія, послѣ всѣхъ своихъ увѣреній, измѣняетъ въ рѣшительную минуту! Но ударъ грома былъ отпарированъ электричествомъ въ другой формѣ: прежде чѣмъ депеши, прочтенныя Кавуру Талейраномъ, успѣли пріѣхать изъ Парижа въ Туринъ по желѣзной дорогѣ, по телеграфу уже было получено извѣстіе объ отвѣтѣ, какой былъ дѣйствительно данъ лордомъ Росселемъ на французскія предложенія: англійскій министръ сказалъ Персиньи, что эти предложенія „убійственны" для итальянской независимости. Любопытно было бы взглянуть на саркастическое выраженіе лица, съ которымъ Кавуръ отвѣчалъ, что по его мнѣнію г. Персиньи ошибся, потому что онъ, Кавуръ, имѣетъ основаніе думать, что англійское правительство рѣшительно противъ французскихъ предложеній".

Какъ было не разсчитать, что извѣстіе объ отвѣтѣ Росселя на депешу Тувнеля придетъ въ Туринъ по телеграфу раньше, чѣмъ доѣдетъ до Турина по желѣзной дорогѣ депеша Персиньи, излагающая вмѣсто подлиннаго отвѣта Росселя тотъ отвѣтъ, какой нуженъ былъ бы для французской системы? Но во всякомъ случаѣ, отважность, съ которою хотѣли подѣйствовать на Кавура этимъ замѣчательнымъ способомъ, заслуживаетъ удивленія.

Въ то же время дѣйствовали другимъ способомъ. Тувнель въ депешѣ 24 февраля говорилъ, что если туринскій кабинетъ не покорится французскому плану, Франція должна будетъ вывести свои войска изъ Ломбардіи, такъ что Италія останется беззащитною противъ австрійцевъ.

Если бы французскія войска были всѣ выведены изъ Италіи тотчасъ послѣ виллафранкскаго мира, Сардиніи не было бы отъ этого никакой опасности. Если Франція хотѣла защищать Піэмонтъ и Ломбардію отъ австрійскаго вторженія, она одними словами достигала бы этой цѣли столь же вѣрно, какъ и оставленіемъ цѣлой своей арміи въ Миланѣ: каждому извѣстно, что безъ положительнаго разрѣшенія Франціи, австрійцы никогда не думали переходить границъ, оставленныхъ имъ по виллафранкскому миру. Собственно для защиты Италіи французская армія въ Ломбардіи была не нужна; но она въ этой позиціи служила сильною поддержкою французскому вліянію на туринскій кабинетъ. Оставляя свое войско въ Ломбардіи, Франція имѣла въ виду свои собственные интересы, а не интересы итальянцевъ; это ясно. Но столь же ясно и то, что выводъ французской арміи изъ Ломбардіи долженъ теперь имѣть уже совершенно иное значеніе: если Франція говорила, что присутствіе ея арміи въ Миланѣ служитъ выраженіемъ ея покровительства сардинскому правительству, то удаленіе этой арміи должно было показывать австрійцамъ и цѣлой Европѣ, что Италія лишается всякой надежды на французскую поддержку въ случаѣ австрійскаго нападенія; отзывая свои войска изъ Италіи, Франція прямо приглашала австрійцевъ начать наступательную войну, для наказанія итальянцевъ за непокорность совѣтамъ парижскаго кабинета. Около цѣлаго мѣсяца продолжалась эта угроза и наконецъ она исполняется. Австрійцы теперь знаютъ, что Италія лишилась права на французскую помощь противъ нихъ. Публицисты, не раздѣляющіе того взгляда на французскую политику, котораго мы постоянно держались, не могли отрицать, что со вступленія Кавура въ управленіе дѣлами, неудовольствіе парижскаго правительства противъ Піэмонта выражалось сильными признаками предъ лицемъ всей Европы. Но они все-таки хотѣли предполагать, что этотъ очевидный разрывъ долженъ считаться только наружнымъ фактомъ, скрывающимъ подъ собою

Digitized by Google

совершенно иныя отношенія; они называли холодность просто демонстраціей, дипломатическимъ маневромъ, говорили, что императоръ французовъ, выказывая гнѣвъ Піэмонту, дѣйствуетъ неискренно, вводитъ, по тайному согласію съ Кавуромъ, въ обманъ Европу. Такое предположеніе, оскорбительное для императора французовъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія по своей натянутости. Факты показываютъ, что императоръ французовъ дѣйствительно имѣлъ тѣ намѣренія, которыя приказывалъ Тувнелю излагать въ депешахъ, всѣмъ извѣстныхъ. Предположеніе противнаго было такъ неправдоподобно, что даже публицисты, его представлявшіе, признавались въ его невѣроятности. Но у нихъ было еще другое ожиданіе: они говорили, что холодность и угроза имѣютъ цѣлью только вынудить у Сардиніи уступку Савойи, что когда эта страна будетъ отдана Франціи, вотированье центральной Италіи послужитъ для парижскаго кабинета поводомъ согласиться на соединеніе центральной Италіи съ Піэмонтомъ и оставить свои прежніе планы объ отдѣльномъ королевствѣ центральной Италіи, объявивъ, что императоръ французовъ не можетъ не признать рѣшительнаго значенія за всеобщимъ вотированьемъ, на которомъ основываетъ онъ свою собственную власть во Франціи. Факты показали теперь несостоятельность такихъ ожиданій, противныхъ принципамъ и цѣлямъ французской политики. Савойя уже уступлена Піэмонтомъ, а Франція продолжаетъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ кабинету Кавура, и вотированью центрально-итальянскаго населенія не придаетъ значенія, несогласнаго съ цѣлями своей политики. Парижскій кабинетъ ни мало не смутился результатами вотированья 11 и 12 марта. Онъ объявляетъ, что выраженіе чувствъ центральной Италіи надобно понимать слѣдующимъ образомъ: въ Романьѣ единодушная готовность присоединиться къ Піэмонту означаетъ только нежеланіе романьольцевъ возвратиться подъ власть папы и притомъ нежеланіе возвратиться подъ эту власть только въ томъ предположеніи, что папа не произведетъ административныхъ реформъ. Если же римское правительство согласится на реформы, предлагаемыя ему парижскимъ кабинетомъ, то возвращеніе подъ власть папы вовсе не будетъ, по мнѣнію парижскаго кабинета, несогласно съ чувствами романьольцевъ. Еще менѣе противно было бы ихъ желанію образованіе отдѣльнаго королевства, государь котораго находился бы къ папѣ въ отношеніяхъ вассала. Точно также истолковываетъ парижскій кабинетъ и вотированье Тосканы: 11 и 12 марта Тоскана сказала вовсе не то, чтобы хотѣла присоединиться къ Піэмонту, а просто только то, что не желаетъ возстановленія великаго герцога. Отдѣльное королевство будетъ совершенно удовлетворять желаніямъ тосканцевъ, лишь бы только королемъ былъ назначенъ какой нибудь другой принцъ, а не принцъ прежней династіи. Конечно, такое объясненіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому поставленію вопроса, на которое отвѣчала центральная Италія своимъ вотированьемъ. Спрашивалось не то, хотятъ ли романьольцы и тосканцы возвратиться подъ власть папы и австрійскаго эрцгерцога; вопросъ былъ прямо о томъ, хотятъ ли они оставаться отдѣльными отъ Піэмонта подъ какимъ бы то ни было правительствомъ или присоединиться къ Піэмонту. Но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что вопросъ былъ поставленъ дурно, оттого и отвѣтъ получился дурной, вовсе не выражающій желаній центральной Италіи. Парижскому правительству эти желанія извѣстны и потому оно послѣ вотированья продолжаетъ говорить, какъ говорило до вотированья, что надобно сдѣлать изъ центральной Италіи особенное королевство.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи находится теперь дѣло центральной Италіи. Фактически оно рѣшено: Тоскана, Романья и мелкія герцогства присоединены къ Піэмонту и Ломбардіи; но удержится ли это соединеніе? Не сдѣлаетъ ли туринскій кабинетъ какихъ нибудь уступокъ, хотя уступать теперь было бы уже очень неловко? Или не возникнутъ ли весною военныя событія, которыя дадутъ вопросу новый оборотъ, поведутъ къ освобожденію Венеціи или къ возстановленію прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи? Этихъ вещей предугадать еще нельзя, не потому, впрочемъ, чтобы онѣ облечены были дипломатическою тайною, а просто потому, что и сами дипломаты еще не знаютъ, чѣмъ разыграется дѣло. Желанія и намѣренія каждаго кабинета извѣстны всей европейской публикѣ, но неизвѣстно и самимъ кабинетамъ, возникнутъ ли случаи, нужные для осуществленія намѣреній того или другаго изъ нихъ. Точно въ такомъ же положеніи находится и другое дѣло, возникшее изъ прошлой войны. Фактически Савойя уже уступлена Франціи, но неизвѣстно, къ чему поведетъ это совершившееся расширеніе французскихъ границъ.

Люди, не умѣющіе или не желающіе придавать дипломатическимъ объясненіямъ ихъ истинный смыслъ, находятъ, что Франція и Сардинія дѣйствовали въ савойскомъ вопросѣ неискренно. Мы должны сказать, что обвиненія подобнаго рода совершенно непримѣнимы къ дипломатическимъ пріемамъ въ глазахъ людей, понимающихъ характеръ дипломатическихъ объясненій. Начнемъ изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основываются порицанія въ неискренности. Мы приведемъ ихъ по преніямъ англійской палаты общинъ, которая служитъ теперь, при ничтожествѣ французскаго законодательнаго корпуса и при неразвитости парламентской независимости въ прусской палатѣ депутатовъ, единственнымъ общеевропейскимъ мѣстомъ оффиціальнаго перевода политическихъ дѣлъ съ дипломатическаго языка на обыкновенный. Кинглекъ, членъ торійской оппозиціи, который принялъ на себя обязанность слѣдить въ палатѣ общинъ за дѣйствіями министерствъ по итальянскому вопросу, слѣдующимъ образомъ излагалъ переговоры въ своей рѣчи 28 февраля объ участи Савойи:

„Когда и какъ возникъ планъ присоединить Савойю и Ниццу къ Франціи? Правда или не правда, что мысль объ этомъ присоединеніи существовала еще до начала войны? Императоръ французовъ, начиная итальянскую войну, получилъ согласіе Европы на это предпріятіе торжественнѣйшими увѣреніями, что не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, никакихъ замысловъ объ увеличеніи Франціи.—„Императорское правительство, писалъ графъ Валевскій (тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ) герцогу Малаховскому (Пелисье, тогдашнему французскому посланнику въ Лондонѣ), не имѣетъ никакихъ тайныхъ замысловъ, никакихъ честолюбивыхъ видовъ, ему „не въ чемъ притворяться, нечего скрывать“.—27 апрѣля (при вступленіи французскихъ войскъ въ Италію) графъ Коули (англійскій посланникъ въ Парижѣ) писалъ лорду Мальмсбери (тогдашнему англійскому министру иностранныхъ дѣлъ): „Графъ Ва-„левскій сообщилъ мнѣ вчера, что послалъ герцогу Малаховскому, для передачи пра-„вительству ея величества, депешу, въ которой давалъ увѣреніе, что императорское пра-„вительство не руководится никакими завоевательными или честолюбивыми намѣреніями“. Еще ближе касаясь предмета, о которомъ теперь мы говоримъ, графъ Валевскій писалъ герцогу Малаховскому слѣдующее: „Альпійскіе проходы не въ нашихъ рукахъ, и для „насъ чрезвычайно важно, чтобы ключъ къ нимъ остался въ Туринѣ,—только въ Ту-„ринѣ.—Его императорское величество, сохраняя строгую вѣрность словамъ, которыя „сказалъ онъ, когда французскій народъ возвратилъ его на тронъ главы его династіи, „не одушевленъ ни личнымъ честолюбіемъ, ни желаніемъ завоеваній“. Въ формѣ еще болѣе рѣзкой и публичной повторилъ это увѣреніе самъ императоръ 8 іюня, вступивъ

Digitized by Google

въ Миланъ. Въ прокламаціи своей къ итальянскому народу онъ говорилъ: „Ваши враги, „которые также мои враги, старались уменьшить симпатію къ вашему дѣлу, существу-„ющую въ цѣлой Европѣ, убѣждая міръ, что я веду эту войну только для личнаго че-„столюбія или для увеличенія французской территоріи. Если есть люди, непонимающіе „своего времени, я не принадлежу къ ихъ числу. При нынѣшней просвѣщенности об-„щественнаго мнѣнія, могущество людей больше зависитъ отъ нравственнаго ихъ влія-„нія, нежели отъ безплодныхъ завоеваній. Я съ гордостью стремлюсь къ этому нрав-„ственному вліянію, содѣйствуя освобожденію одной изъ прекраснѣйшихъ странъ Ев-„ропы“.—Но въ моемъ портфелѣ лежитъ бумага, доказывающая. что эти слова заслуживали столько же довѣрія, какъ бюллетени первой имперіи. Еще въ мартѣ прошлаго года, до начала войны, я получилъ эту бумагу изъ источника, сообщавшаго ей полную достовѣрность. Она говорила: „Наканунѣ бракосочетанія принца Наполеона съ прин-„цессою Клотильдою была подписана бумага, называвшаяся „семейнымъ обязательствомъ“,—„не трактатомъ и не конвенціею, а просто семейнымъ обязательствомъ (pacte de famille); „въ ней императоръ французовъ обѣщалъ Сардиніи французскую помощь, а король сар-„динскій обѣщалъ отдать ему Савойю и Ниццу въ замѣнъ за пріобрѣтенія въ Лом-„бардіи“.—Лордъ Мальмсбери поручалъ тогда лорду Коули спросить французское правительство объ этомъ, но онъ употребилъ слово трактатъ, спрашивалъ, существуетъ ли подобный трактатъ, вмѣсто того чтобы спросить, существуетъ ли семейное обязательство. и 1 мая 1859 лордъ Коули отвѣчалъ: „Я сообщилъ графу Валевскому, что „англійское правительство получило извѣстіе о томъ, что 17 января подписанъ между „Франціею и Сардиніею трактатъ, по которому Сардинія уступаетъ Франціи Савойю „въ случаѣ пріобрѣтенія Ломбардіи. Графъ Валевскій отвѣчалъ, что онъ можетъ ска-„зать мнѣ одно: до сихъ поръ нѣтъ никакого трактата между Франціею и Сардиніею“. Долго не было на это никакихъ опроверженій, и секретарь (министръ) иностранныхъ дѣлъ, объявляя палатѣ общинъ о заключеніи виллафранкскаго мира, съ удовольствіемъ могъ прибавить, опираясь на слова графа Валевскаго, что Французское правительство вовсе не думаетъ о присоединеніи Ниццы и Савойи. „Могу съ удовольствіемъ извѣстить „палату, говорилъ онъ, что императоръ французовъ не дѣлалъ никакого подобнаго тре-„бованія. и что, судя по всему, надобно думать, что онъ не имѣетъ намѣренія дѣлать „какого бы то ни было прибавленія къ французской территоріи“.—Но наконецъ 7 февраля лордъ Гренвилль (представитель нынѣшняго министерства въ палатѣ лордовъ) высказалъ, если не всю истину, то по крайней мѣрѣ нѣчто, указывавшее на существованіе обязательства, о которомъ я говорилъ. „Французское правительство объявило „намъ (сказалъ онъ), что въ настоящее время нѣтъ вопроса о присоединеніи Савойи, „что однимъ изъ многихъ вопросовъ, о которыхъ разсуждали передъ войною. было „присоединеніе Савойи въ случаѣ извѣстныхъ событій, но такъ какъ эти событія не „совершились, то теперь и нѣтъ вопроса о присоединеніи. Французское правительство „прибавляетъ, что если Сардинія, черезъ присоединеніе Ломбардіи и другихъ провин-„цій, станетъ могущественнымъ итальянскимъ государствомъ, то оно почтетъ себя имѣ-„ющимъ право разсмотрѣть, на какихъ условіяхъ оно можетъ дать утвержденіе такому „устройству дѣлъ“.

Въ рѣчи 16 марта Кинглекъ дополнилъ исторію вопроса слѣдующими замѣчаніями о дипломатическихъ увѣреніяхъ съ стороны Сардиніи:

„Предлогъ, подъ которымъ присоединяется къ Франціи Савойя, легко можетъ быть примѣненъ къ присоединенію Рейнскихъ провинцій и Бельгіи. Знаетъ ли палата, что дѣлается теперь на бельгійской границѣ? Въ сосѣднихъ съ Франціею департаментахъ есть газеты. прямо доказывающія надобность присоединить Бельгію къ Франціи, говорящія бельгійцамъ, какія огромныя промышленныя выгоды получатъ они отъ присоединенія. Но я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ и о способѣ дѣйствій Сардиніи въ этомъ дѣлѣ. Графъ Кавуръ постоянно утверждалъ, что не давалъ никакихъ обязательствъ и не имѣетъ никакого расположенія уступать Савойю. Въ своей депешѣ къ Нигри, сардинскому посланнику въ Парижѣ, онъ говоритъ: „Сардинское правительство

Digitized by Google

„никогда, ни за какія пріобрѣтенія, не согласится уступить или промѣнять какую бы „то ни было часть земли, столько вѣковъ составлявшей славное владѣніе савойскаго „дома“. То же самое онъ говорилъ сэру Джемсу Гёдсону (англійскому посланнику въ Туринѣ): „Графъ Кавуръ, пріѣхавъ ко мнѣ, пишетъ сэръ Джемсъ Гёдсонъ, повторилъ „прежнія свои слова, что Сардинія не заключала никакого обязательства уступать, про-„давать или обмѣнивать Савойю или какую бы то ни было часть королевскихъ „владѣній“.

Факты, указываемые Кинглекомъ, совершенно достовѣрны: дѣйствительно, условіе объ уступкѣ Савойи было подписано Валевскимъ и Кавуромъ въ началѣ прошлаго года, еще до войны. Дѣйствительно, Францiя и Сардинія въ своихъ дипломатическихъ отвѣтахъ на вопросы другихъ кабинетовъ до послѣдняго времени постоянно отвѣчали, что такого условія не существуетъ, и наконецъ всего мѣсяца два тому назадъ говорили даже, что никто не думаетъ о переходѣ Савойи подъ власть Франціи. Но Кинглекъ совершенно ошибается, и что всего хуже, самъ знаетъ, что ошибается, когда выводитъ изъ этихъ фактовъ заключеніе, будто бы Сардинія и Франція кого нибудь обманывали своими отвѣтами, несоотвѣтствовавшими фактамъ. Кинглекъ самъ очень хорошо понимаетъ, что отвѣты подобнаго рода составляютъ чистую формальность, которой не придается никакого существеннаго значенія ни отвѣчающими, ни получающими отвѣтъ. Когда, напримѣръ, Мальмсбери или Россель спрашивали Кавура или Валевскаго, существуетъ ли обязательство уступить Савойю, они были уже увѣрены, что обязательство существуетъ; они имѣли на это положительныя доказательства; они знали также, что если объ этомъ обязательствѣ французскій или сардинскій кабинетъ самъ не объявилъ англійскому, то значитъ, что объявить было нельзя, и что отвѣтъ по необходимости будетъ отрицательный. Кавуръ или Валевскій, давая отрицательный отвѣтъ, также очень хорошо знали, что Мальмсбери или Россель впередъ знаютъ невозможность придавать какую бы то ни было существенную важность этому отвѣту. Потому обмана тутъ никакого не было, а все дѣло ограничилось исполненіемъ формальностей, не ведущимъ ни къ чему и ничему не обязывающимъ, а требуемымъ только свѣтскою деликатностью.

Теперь уже напечатанъ актъ, которымъ король сардинскій уступаетъ Савойю и Ниццу Франціи. Но этотъ актъ нуждается въ утвержденіи парламента, который собрался въ Туринѣ 2-го апрѣля; само собою разумѣется, что парламентъ можетъ не дать своего утвержденія, и тогда все дѣло разстроивается; но само собою разумѣется также, что Кавуръ совершенно увѣренъ въ согласіи парламентскаго большинства на уступку,—иначе онъ самъ помедлилъ бы до парламентскаго рѣшенія обнародованіемъ уступки; пренія по этому дѣлу могутъ быть интересны, но если не произойдетъ до той поры какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ въ политическомъ положеніи, они будутъ просто соблюданіемъ формальности. Точно также, читатель конечно и безъ нашихъ объясненій знаетъ, что согласіе самой Савойи и Ниццы на переходъ къ Франціи—не болѣе, какъ формальность. Говорятъ, что въ Савойѣ большинство народа не останется недовольно такою перемѣною,—это очень можетъ быть, судя по соображеніямъ, которыя читатель найдетъ ниже, въ рѣчи Брайта по савойскому вопросу. Въ Парижъ уже явилась депутація муниципальныхъ властей Савойи съ принесеніемъ своего подданства императору,—впрочемъ, это еще ничего не доказываетъ, потому что читателю очень хорошо извѣстно, какимъ образомъ

Digitized by Google

составляются подобныя депутаціи. Но въ Ниццѣ не успѣли устроить даже и такой демонстраціи: напротивъ, муниципальное управленіе послало къ Виктору-Эммануэлю просьбу, что если уже невозможно Ниццѣ оставаться сардинскимъ городомъ, то пусть по крайней мѣрѣ будетъ она объявлена отдѣльнымъ маленькимъ государствомъ. Ницца городъ чисто итальянскій, потому очень натурально ея желаніе не поступать въ составъ иноплеменнаго государства. Да и сами савойяры, не смотря на одноплеменность съ французами, вѣроятно станутъ довольны своимъ новымъ положеніемъ только впослѣдствіи, когда убѣдятся по опыту въ его матеріальной выгодности, а теперь едва ли еще успѣли проникнуться желаніемъ перейти подъ власть парижскаго правительства. Важность дѣла впрочемъ не въ томъ, довольно ли перемѣною населеніе, надъ которымъ она производится: на это обстоятельство никогда не обращали большаго вниманія историческія силы. Многозначительность событію придается не отношеніями его къ самимъ савоярамъ, а политическими и военными соображеніями другихъ державъ.

Савойя служитъ военнымъ путемъ изъ Франціи въ Италію. Особенную важность въ этомъ отношеніи имѣетъ сѣверная часть Савойи, округи Фосиньи и Шаблè, въ которыхъ лежатъ главные горные проходы. Въ 1815 году, когда старались оградить Европу отъ французскихъ вторженій, было постановлено, что сѣверная часть Савойи должна быть нейтральной землею, подобно Швейцаріи; швейцарцамъ было поручено особенное наблюденіе за сохраненіемъ этого нейтралитета, драгоцѣннаго и для нихъ самихъ, потому что онъ ограждаетъ отъ Франціи самостоятельность Женевы и всей юго-западной Швейцаріи. Швейцарія еще до начала войны тревожилась слухами объ уступкѣ Савойи, обращалась съ замѣчаніями къ Французскому двору и къ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года, особенно къ Англіи. Когда дѣло возобновилось въ концѣ прошлаго года, эти настоянія усилились, и Наполеонъ III нашелъ нужнымъ объявить швейцарскому посланнику въ Парижѣ, что въ случаѣ уступки Савойи сѣверная часть ея будетъ присоединена не къ Франціи, а къ Швейцаріи. Это было бы сообразно и съ желаніемъ сѣверныхъ савойяровъ, имѣющихъ тѣснѣйшія промышленныя связи съ Женевою, и ограждало бы Швейцарію. Но потомъ, когда дѣло объ уступкѣ приблизилось къ развязкѣ, французское правительство нашло, что нѣтъ надобности отдаватъ Швейцаріи сѣверные савойскіе округи: безопасность Женевы и другихъ юго-западныхъ кантоновъ будетъ, по словамъ парижскаго кабинета, достаточно ограждена, если сѣверная Савойя будетъ взята Франціею съ обязательствомъ считать ее нейтральною землею, какъ считалась она при сардинскомъ правительствѣ. Швейцарцы ни мало не успокоились такимъ обѣщаніемъ: они говорятъ, что могли наблюдать за сохраненіемъ нейтралитета въ сѣверной Савойѣ, когда она принадлежала Піэмонту, не превосходящему Швейцарію своими военными силами, но будутъ совершенно лишены средствъ останавливать такую сильную державу, какъ Франція. Само собою разумѣется, что никому не было бы охоты слушать швейцарцевъ, если бы опасность грозила имъ однимъ; но присоединеніе Савойи къ Франціи кажется западнымъ державамъ только первою попыткою французскаго правительства расширить Францію до такъ называемыхъ естественныхъ ея предѣловъ, до Альпъ и Рейна. Расширеніе границъ на югѣ до Альпъ происходитъ на счетъ Піэмонта и Швейцаріи; и область, присвоиваемая тутъ Франціею, мала и бѣдна. Но если [illegible] будетъ приложенъ къ Рейну, то Франція захватитъ земли обп[illegible]

Digitized by Google

массу которыхъ составляютъ рейнскія провинціи Пруссіи и королевство Бельгійское. Это было бы, — не знаемъ, на самомъ ли дѣлѣ, или только по мнѣнію дипломатовъ, — слишкомъ большимъ увеличеніемъ французскаго могущества. Итакъ процессъ, которому теперь подвергается Савойя, представляется только предисловіемъ къ выраженію претензій Франціи на баварскія и прусскія земли по лѣвому берегу Рейна и на Бельгію. Потому дипломаты западныхъ державъ очень недовольны присоединеніемъ Савойи. Сколько переговоровъ и безпокойствъ производится этимъ событіемъ, можно видѣть изъ того, что вотъ уже нѣсколько недѣль ни одно засѣданіе верхней или нижней палаты англійскаго парламента не проходитъ безъ разсужденій о савойскомъ дѣлѣ. Но до сихъ поръ все ограничивалось разговорами и писаніемъ депешъ. Собственно изъ-за Савойи никакая держава не хочетъ начинать войну съ Франціей, а если нѣтъ рѣшимости доходить до войны, то напрасно было бы и начинать ссору. Ближе всѣхъ дѣло о расширеніи французскихъ границъ касается Англіи и Пруссіи. Но Пруссія не такъ сильна, чтобы одна могла вести наступательную войну съ Франціею; потому дѣло собственно зависитъ отъ Англіи, и торійская оппозиція сильно претендуетъ на нынѣшній кабинетъ за то, что онъ не вступаетъ въ ссору съ Франціею. Россель и его товарищи очень основательно отвѣчаютъ, что не могутъ начинать ссоры, которая вела бы къ войнѣ, когда видятъ, что англійская нація рѣшительно не хочетъ начинать войну изъ-за савойскаго вопроса. Почему не хочетъ этого англійская нація, читатель увидитъ изъ слѣдующаго отрывка рѣчи Брайта, сказанной 2 марта въ отвѣтъ Роберту Пилю, упрекавшему министровъ за слабость ихъ сопротивленія императору Наполеону въ савойскомъ дѣлѣ.

„Прежде чѣмъ кто нибудь изъ членовъ правительства дастъ отвѣтъ на вопросъ достопочтеннаго баронета, сказалъ Брайтъ, я предложу достопочтенному баронету самому вопросъ: чего онъ хочетъ? Если достопочтенный баронетъ не можетъ ничего посовѣтовать правительству, то говоритъ объ этомъ предметѣ значитъ просто терять время, мало того, значитъ дѣлать положеніе худшимъ прежняго. Мы не французскій парламентъ, не савойскій парламентъ, не европейскій парламентъ,—мы англійскій парламентъ; и если нельзя доказать, что вопросы иностранной политики, безпрестанно предлагаемые намъ, имѣютъ прямой и очевидный интересъ для нашего отечества, то какое нелѣпое зрѣлище представляемъ мы Европѣ и цѣлому свѣту, постоянно разсуждая о нихъ? Всмотримся въ дѣло. Оно не таково, чтобы нельзя намъ было судить о немъ хладнокровно. Вѣроятно, всѣ мы согласны въ томъ, что было бы лучше, еслибъ въ Европѣ не было никакихъ неудовольствій и если бы никто не хотѣлъ измѣнять существующія границы государствъ. Но состояніе Европы не таково и невозможно ему быть такимъ. Эти достопочтенные джентльмены (тори) полагаютъ, что если границы государствъ устроены были въ 1815 г.—устроены такъ, что это устройство было совершеннымъ разстройствомъ,—то мы, какъ нація консервативная, должны защищать это устройство и противиться всякому измѣненію въ немъ; что мы, согласившись на отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, согласившись на перемѣны, происшедшія теперь въ Италіи, должны какъ нибудь выказать свои добродѣтели по савойскому дѣлу и обвинять императора французовъ въ великой измѣнѣ европейскимъ интересамъ за то, что онъ не хочетъ сохранить вѣнскаго трактата. Я вмѣстѣ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Робертомъ Пилемъ) жалѣю, что этотъ вопросъ поднятъ въ Парижѣ Я говорю притомъ, что пріобрѣтеніе Савойи не принесетъ Франціи никакого увеличенія силы, не принесетъ ей никакой выгоды. Какимъ образомъ могущество Франціи увеличится отъ присоединенія гористой области съ малочисленнымъ населеніемъ, этого я не могу понять и сообразить. Не думаю также, чтобы уступка Савойи чувствительно ослабила Сардинію и произвела въ ней важную перемѣну. Очень сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы эта пе-

Digitized by Google

ремѣна была невыгодна для савойскаго парода. Не претендую на то, чтобы мои свѣдѣнія были обширнѣе свѣдѣній достопочтеннаго баронета; но я слышалъ отъ многихъ заслуживающихъ довѣрія людей, что жители Савойи не имѣютъ ничего противъ присоединенія къ Франціи, а напротивъ, считаютъ его выгоднымъ для себя. (Ропотъ въ палатѣ). Намъ всѣмъ можетъ очень прискорбно, что они такъ думаютъ, но я объясню палатѣ, почему они такъ думаютъ. Изъ достовѣрнѣйшаго источника мнѣ извѣстно, что присоединеніе къ Франціи удвоитъ цѣну поземельной собственности въ Савойѣ. Желалъ бы я знать, кто въ какой нибудь другой странѣ былъ бы недоволенъ перемѣною, отъ которой удвоилась бы цѣнность поземельной собственности въ этой странѣ? Рабочіе классы въ Савойѣ также знаютъ, что цѣнность труда въ Савойѣ увеличится отъ присоединенія къ Франціи. Ліонъ отъ Шамбери всего въ двухъ или трехъ дняхъ пути, если не меньше. Ліонскіе фабриканты тотчасъ же заведутъ фабрики по всей Савойѣ, перенесутъ въ нее свой капиталъ и дѣятельность, и богатство Савойи увеличится. Потому, если я не хочу, чтобы наше правительство помогало этой перемѣнѣ, то не хочу, чтобы оно и противилось ей. Противиться этому, вы согласитесь, было бы вздорно. Несмотря на ваше сопротивленіе, Савойя все-таки перешла бы къ Франціи; вы только взволновали бы Европу и ввели бы Англію въ столкновеніе съ Франціею. По моему, лучше пусть пропадетъ Савойя,—впрочемъ, тутъ она вовсе не пропадетъ, да и не пострадаетъ,—чѣмъ намъ, представителямъ англійскаго народа, вводить наше правительство въ ссору съ французскимъ правительствомъ и народомъ по предмету, ни мало не касающемуся нашихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, оказывается, чѣмъ меньше касается нашихъ интересовъ какой нибудь иностранный вопросъ, тѣмъ больше онъ поглощаетъ вниманіе членовъ нашей палаты. Въ теченіе многихъ поколѣній мы старались передѣлать карту Европы. Мы расточали кровь и сокровища на установленіе разныхъ границъ, чтобы извѣстныя земли принадлежали извѣстнымъ фамиліямъ, какъ будто стоило хлопотать объ этомъ; и мы потерпѣли рѣшительную и постыдную неудачу во всѣхъ этихъ хлопотахъ. Разсудимъ же, во имя здраваго смысла и интересовъ англійскаго народа, объ этомъ вопросѣ спокойно и хладнокровно, какъ о предметѣ, касающемся только французскаго государства, сардинскаго государства и савойскаго народа. И если оба эти государства согласились на переходъ Савойи отъ Сардиніи къ Франціи, а самъ савойскій народъ расположенъ къ этой перемѣнѣ, то я говорю, что противно интересамъ Англіи и чести англійскаго правительства хлопотать объ томъ, чтобы помѣшать этой перемѣнѣ, которой я никогда не сталъ бы самъ помогать, но которая, по моему убѣжденію, не стоитъ того, чтобы налагать какую нибудь подать на англійскій народъ или тратить хотя одну каплю крови на замедленіе ея хотя одною минутою".

Какъ бы то ни было, но савойское дѣло служитъ для цѣлой Европы сильнымъ доказательствомъ намѣреній нынѣшняго французскаго правительства перейти къ той политикѣ, какой Франція слѣдовала при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I. Къ чему приведетъ такое чувство, угадать не трудно. Всякія сомнѣнія въ основательности опасеній, постоянно высказывавшихся нѣмецкими и англійскими публицистами, исчезнутъ, и западная Европа будетъ готовиться къ отраженію нападеній, ожидаемыхъ отъ Франціи. Общее положеніе дѣлъ становится критическимъ. Кризисъ можетъ произойти скоро, можетъ и затянуться на долгое время. Вычислить его продолжительность мѣсяцами нельзя, потому что въ вопросѣ о времени все зависитъ отъ безчисленныхъ, быстро мѣняющихся обстоятельствъ; но характеръ положенія зависитъ отъ фактовъ, которые мы уже видимъ и которые сильнѣе всякихъ мимолетныхъ дипломатическихъ отношеній. Этими фактами опредѣляется положеніе европейскихъ политическихъ дѣлъ до той поры, пока произойдетъ вооруженное столкновеніе, къ которому они ведутъ неизбѣжно. Но само собою разумѣется, что сущность дѣла можетъ по временамъ прикрываться разными второстепенными случайностями и развязка можетъ быть отсрочена или на нѣсколько мѣ-

Digitized by Google

цевъ, или даже на нѣсколько лѣтъ, усиліями государственныхъ людей. Теперь ворятъ, что по савойскому вопросу и въ особенности по вопросу о нейтралитетѣ верной части Савойи, соберется конгрессъ или составится конференція.

Можно было бы съ довольно твердою увѣренностью думать, что развязка довльно далека, если бы не существовало въ другихъ политическихъ вопросахъ южества поводовъ, могущихъ ускорить столкновеніе. Читатель знаетъ, наприрѣръ, что есть довольно сильныя основанія ожидать нынѣшнею весною возобновленя военныхъ дѣйствій въ Италіи. Австрія говоритъ, что не начнетъ войны изъ присоединенія центральной Италіи къ Піэмонту; но почему знать, удержится і она при нынѣшней политикѣ? Въ Вѣнѣ начинаетъ получать перевѣсъ воинвенная партія, къ которой самъ императоръ расположенъ по характеру и по юбви къ военному дѣлу. Австрія твердитъ, что Кавуръ, а въ особенности демоатическая партія въ Италіи, хочетъ вторгнуться въ Венецію для изгнанія автрійцевъ. Очень правдоподобно, что это желаніе есть у итальянцевъ; но они не риступятъ скоро къ его исполненію безъ вызововъ со стороны самой Австріи: имъ ужно еще организоваться и укрѣпиться. Поводами къ вызовамъ на войну или аже къ прямому объявленію войны со стороны Австріи могутъ послужить дѣла ерковной области и Неаполитанскаго королевства. Въ Церковной области только рисутствіе французовъ останавливало до сихъ поръ расширеніе возстанія изъ оманьи до самаго Рима. Удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима неминуемо придетъ къ перевороту; объ этомъ удаленіи постоянно говорятъ; пока нѣтъ еще снованій думать, чтобы желаніе папы замѣнить французскихъ своихъ тѣлохранителей неаполитанскими и угрозы Наполеона III оставить папу на произволъ удьбы исполнились надняхъ. Но почему знать, къ какому образу дѣйствій будетъ риведенъ императоръ французовъ своими разсчетами? Быть можетъ онъ остановится на мысли, что революція въ Римѣ и слѣдующая за нею война австрійцевъ ъ итальянцами были бы полезны для упроченія французскаго вліянія въ Италіи. Шансъ этого разсчета таковъ: итальянцы будутъ разбиты австрійцами и принуждены будутъ просить французской защиты на какихъ бы то ни было условіяхъ. о же можетъ произойти еще проще, и безъ революціи въ Римѣ, отъ одного укрѣпленія австрійцевъ въ надеждѣ, что Наполеонъ III не будетъ помогать итальянамъ: австрійцы немедленно начнутъ войну, какъ только убѣдятся въ этомъ. Мы оснулись только двухъ шансовъ, а ихъ множество. Шансъ противъ скораго возникновенія войны только одинъ: измѣненіе въ системѣ французской политики по тальянскому вопросу. Мы не будемъ повторять того, что много разъ говорили, о тепени вѣроятности, какую имѣетъ ожиданіе этого шанса, несовмѣстное съ коренными потребностями нынѣшней системы. Въ послѣдніе дни стали говорить о возобновленіи искренней дружбы между Сардиніею и Франціею. Мы еще не видимъ актовъ, на которыхъ могъ бы опитаться такой слухъ; но очень можетъ быть, что адняхъ будетъ произведена какая нибудь диверсія въ родѣ знаменитой брошюры Папа и конгрессъ“. Мы не можемъ слѣдить за этими мимолетными манифестаіями, бесѣдуя съ читателемъ одинъ разъ въ цѣлый мѣсяцъ, и можемъ только казать, что нужны были бы слишкомъ сильныя и продолжительныя доказательтва для внушенія намъ довѣрія къ серьёзности образа дѣйствій, несогласнаго съ ринципами и разсчетами системы, отъ которой иные ожидаютъ искренняго желаія освободить Италію.

Digitized by Google

Около того числа, когда мы пишемъ этотъ обзоръ, положеніе итальянскаго вопроса представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Австрійцы усиливаютъ свою армію въ Венеціи. Туринское министерство, вступившее въ управленіе областями центральной Италіи, дѣятельно занимается усиленіемъ арміи, для организаціи которой были пропущены шесть драгоцѣнныхъ мѣсяцевъ робостью и рутинностью Даборимды и Ла-Марморы; говорятъ, что къ веснѣ подданные Виктора-Эммануэля будутъ имѣть 300,000 солдатъ на свою защиту. Папа отлучаетъ отъ церкви всѣхъ, содѣйствовавшихъ отпаденію Романьи; изъ этого должна возникнуть усиленная ссора между Римомъ и Туриномъ. На случай удаленія французовъ, папа уже согласился съ королемъ неаполитанскимъ, чтобы Римъ былъ занятъ неаполитанскимъ войскомъ. Это опровергается оффиціальными увѣреніями, но это фактъ. О самомъ Неаполѣ новаго сказать нечего: тамъ по прежнему продолжаются аресты и тому подобныя мѣры, нужныя для поддержанія нынѣшняго порядка вещей, и вообще неудовольствіе растетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Надобно ли ожидать въ Италіи военныхъ дѣйствій при такомъ состояніи вещей, предоставляемъ судить читателю, напоминая ему однако же, что чрезвычайно многое зависитъ отъ воли императора французовъ.

Во Франціи начинаетъ заглушаться ропотъ протекціонистовъ, развивающимся убѣжденіемъ публики, что пониженіе тарифа будетъ выгодно для всего государства. За то начинаютъ пробуждаться вновь тѣ, впрочемъ слабыя, оппозиціонныя стремленія въ законодательномъ корпусѣ, признаки которыхъ появлялись и въ прошедшемъ году. Не надобно придавать никакой важности этимъ попыткамъ собранія, которое по своему происхожденію находится въ полнѣйшей нравственной зависимости отъ правительства: читателю извѣстно, что почти всѣ члены законодательнаго корпуса вошли въ него, какъ кандидаты правительства, исключительно благодаря административному содѣйствію, полученному ими при выборахъ. Какую цѣну могутъ имѣть покушенія на самостоятельность въ подобной корпораціи, читатель можетъ знать и безъ нашихъ объясненій. Но страннымъ образомъ эти господа выбрали первымъ случаемъ для своей оппозиціи дѣло, по которому говорили о своей независимости. Они кассировали выборъ одного изъ депутатовъ (ла-Феррьера) за то, что будто бы администрація тяготѣла надъ избирателями, рекомендуя этого кандидата, и потому будто бы выборы были не свободны, — претензія очень забавная. Воодушевившись сознаніемъ своей независимости, члены законодательнаго корпуса начали даже разсуждать о томъ, что несовмѣстно съ независимостью, будто бы составляющею принадлежность депутатскаго званія въ нынѣшнее время, то обстоятельство, что находятся въ числѣ депутатовъ нѣкоторыя лица придворнаго штата. Насъ увѣряютъ, будто бы ропотъ силенъ. Эта оппозиція заслуживаетъ полнаго презрѣнія сама по себѣ, но она показываетъ расположеніе умовъ, и мы упоминаемъ о ней только для того, чтобы напомнить читателю, какъ необходимо для нынѣшней системы отвлекать вниманіе публики иностранными дѣлами отъ внутреннихъ вопросовъ.

Англія также совершенно развлечена военными и дипломатическими заботами и опасеніями. Билль о парламентской реформѣ, представленный лордомъ Росселемъ 1 марта, мало занимаетъ собою публику, газеты и палаты, вниманіе которыхъ поглощено опасностями, порождаемыми или предсказываемыми савойскимъ дѣломъ. Билль этотъ умѣренъ до чрезмѣрности. Почти вся перемѣна, имъ предлагаемая,

Digitized by Google

ограничивается пониженіемъ ценза въ городахъ съ 10 фунтовъ на 6, а въ графствахъ съ 50 фунтовъ на 10. Отъ этого число избирателей увеличивается на 40 процентовъ и къ прежнему милліону ихъ прибавляется тысячъ полтораста или двѣсти работниковъ изъ числа тѣхъ, которые получаютъ лучшую плату; остальные 200 или 250 тысячъ новыхъ избирателей будутъ мелкіе фермеры, мелкіе лавочники и другіе люди небогатыхъ разрядовъ средняго сословія. Само по себѣ такое маловажное расширеніе круга избирателей было бы неудовлетворительно; но еще неудовлетворительнѣе билль потому, что предлагаетъ слишкомъ ничтожную перемѣну въ распредѣленіи депутатовъ между маленькими городами и огромными городами. Въ прошломъ году, во время агитаціи Брайта и во время преній о биллѣ д'Израэли, мы говорили, что именно этотъ вопросъ самый важный; теперь Ливерпуль и Манчестеръ, имѣющіе каждый по 400,000 жителей, избираютъ каждый только по 2 депутата, и въ то же время есть цѣлые десятки ничтожныхъ городишекъ съ какими нибудь 7 или 10 тысячъ жителей, которые также выбираютъ каждый по два депутата. Чтобы достигнуть хотя нѣкоторой пропорціональности между величиною избирательныхъ коллегій и числомъ посылаемыхъ ими депутатовъ, нужно было бы взять у маленькихъ городовъ болѣе 100 депутатскихъ мѣстъ, которыя слѣдовало бы распредѣлить между графствами и большими городами. Билль лорда Росселя предлагаетъ перемѣстить только 25 депутатовъ. При такой мизерности его, само собою разумѣется, что онъ не замѣняетъ открытую подачу голосовъ черезъ записыванье въ реестры тайною баллотировкою, которая нужна для огражденія независимости избирателей. Можно судить, соотвѣтствуетъ ли такой билль потребностямъ общества. Но что же дѣлать? Значительныя реформы могутъ быть проводимы только настоятельнымъ требованіемъ публики, только серьёзный гнѣвъ ея можетъ побѣждать сопротивленіе враждебныхъ общественному благу интересовъ, а англійской публикѣ не до парламентской реформы: всѣ заняты опасеніями общей европейской войны. При этомъ состояніи общественнаго вниманія, или лучше сказать невниманія ко внутреннимъ вопросамъ, прогрессисты принуждены поддерживать билль Росселя, будучи въ такое неблагопріятное для прогрессивной требовательности время довольны даже неудовлетворительною уступкою имъ со стороны аристократическаго отдѣла виговъ и отлагая до болѣе рѣшительной поры агитацію для полученія болѣе рѣшительныхъ реформъ, проведеніе которыхъ черезъ палату общинъ все-таки нѣсколько облегчается биллемъ Росселя, увеличивающимъ прогрессивный элементъ въ избирательныхъ коллегіяхъ и дающимъ нѣсколько новыхъ депутатовъ прогрессивнымъ избирательнымъ округамъ, то есть большимъ городамъ.

На континетѣ многіе ошибаются относительно причины, по которой англичане боятся войны: многіе публицисты и государственные люди другихъ націй, особенно французской, воображаютъ, будто англійская нація боится неуспѣха въ войнѣ,— вовсе нѣтъ: англичане твердо убѣждены, что единственная держава, которая могла бы успѣшно бороться съ нами,—Сѣверо-американскіе штаты; но съ Сѣвероамериканскими штатами едва ли возможна у нихъ война, потому что обѣ націи считаютъ теперь себя почти одною націею, и одинаково не хотятъ никакихъ серьёзныхъ ссоръ между собою. А въ войнѣ съ какими бы то ни было другими державами или хотя союзомъ державъ Англія навѣрное разсчитываетъ одержать верхъ. Она боится не неуспѣха въ войнѣ, а боится войны, хотя бы самой успѣшной, по-

Digitized by Google

тому что находитъ самую успѣшную войну дѣломъ разорительнымъ. Это внушен[ie] здраваго смысла уже настолько сильно въ Англіи, что господствуетъ надъ умами, когда они не раздражены страстями; но вспыхни война на материкѣ, страсти ра[з]горятся, дипломаты будутъ вовлекать въ нее, и англичане чувствуютъ, что они еще не настолько овладѣли собою, чтобы долго могли устоять противъ собствен[]ныхъ страстей, чужихъ вызововъ и приглашеній,—вотъ это опасеніе за свои [соб]ственныя чувства и заставляетъ ихъ заботиться о сохраненіи мира на европе[й]скомъ материкѣ. Они чувствуютъ, что пушечные выстрѣлы еще возбуждаютъ [въ] нихъ марсоманію. Эти обѣ стороны дѣла очень хорошо выставляются въ ихъ [дѣ]лахъ съ Китаемъ. Затронута ихъ національная гордость стычкою на Пей-Хо, [и] они не въ силахъ удержаться, снаряжаютъ экспедицію, втягиваются въ войн[у], хотя сами чувствуютъ, что эта война вещь дурная и разорительная. Чтобы бли[же] познакомиться съ понятіями англичанъ о такихъ дѣлахъ, мы прочтемъ отрывок[ъ] изъ рѣчи, сказанной Брайтомъ 16 марта, по поводу назначеній кредита на [ки]тайскую экспедицію:

„Мы теперь запутались въ дѣло, которое даже человѣку съ самой глухой совѣ[стью] въ этой палатѣ не можетъ представляться честнымъ дѣломъ, говоритъ Брайтъ. По[смот]тримъ, какъ шло это дѣло. Я не стану возвращаться къ первой китайской во[йнѣ] (1843 г.), которая была самымъ дурнымъ дѣломъ, какое только возможно. Я ст[ану] говорить только о второй войнѣ (1857 г.), начатой неосторожностью сэра Джона Б[оу]ринга, англійскаго уполномоченнаго. Война эта была основана на обманѣ. Такъ и[ли] иначе, она кончилась; но при переговорахъ о мирномъ трактатѣ была сдѣлана важн[ая] ошибка. У насъ, кажется, было непремѣнное желаніе ввести въ трактатъ что нибу[дь] особенно оскорбительное для китайцевъ, но рѣшительно безполезное для нашихъ тор[го]выхъ или политическихъ интересовъ; мы вытребовали вещь, неслыханную въ Кита[ѣ], чтобы англійскій посланникъ жилъ въ Пекинѣ. Надобно еще поспорить о томъ, сто[ит] ли держать посланника при какомъ бы то ни было дворѣ и не лучше-ли было бы вовсе отозвать назадъ всѣхъ нашихъ посланникомъ Но, какъ бы то ни было, странно[е по]нятіе объ англійскихъ политическихъ или коммерческихъ выгодахъ должны имѣть лю[ди], которые думаютъ, что могутъ получить Богъ-знаетъ сколько пользы, когда возьм[утъ] какого нибудь неопытнаго или голоднаго дипломата и пошлютъ его жить въ Пекин[ъ], гдѣ ему очень неудобно жить и гдѣ нѣтъ въ немъ никакой надобности. Это усло[віе] было включено въ трактатъ, я думаю, только за тѣмъ, чтобы унизить китайцевъ и [до]казать безусловное торжество англійскаго оружія надъ слабымъ китайскимъ правит[ель]ствомъ. Впрочемъ, это все равно; но когда посланникъ отправился въ Пекинъ и [про]изошло столкновеніе на Пей-Хо, то мы опять были также неправы, какъ въ томъ дѣ[лѣ], изъ котораго начали вторую китайскую войну въ 1857 году. Всѣ доказательства, [на] которыхъ опирался нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, осуждая войну 1857 [г.], совершенно примѣняются къ дѣлу, теперь имъ какъ будто защищаемому. Онъ говоритъ, что китайцы поступили съ англичанами на Пей-Хо коварно; но капитанъ англій[ской] службы, участвовавшій въ этомъ убійственномъ и несчастномъ дѣлѣ, объяснилъ [намъ], что никакого коварства не было, что если бы китайцы хотѣли поступить съ нами [ко]варно или устроивали засаду, то ни одинъ корабль не уцѣлѣлъ бы и ни одного [изъ] бывшихъ въ эскадрѣ англичанъ не осталось бы въ живыхъ. Это говоритъ человѣ[къ], участвовавшій въ дѣлѣ. Если мы люди разсудительные, то, запутавшись въ это дур[ное] и преступное дѣло, мы не должны прикрывать его обвиненіемъ китайцевъ въ коварств[ѣ]. Надобно обвинять въ безразсудствѣ и бездарности нашего посланника и въ больше[й] опрометчивости нашего адмирала, хотя этотъ адмиралъ и храбрый человѣкъ. Храбр[ость] съ разсудительностью прекрасная вещь, но безъ разсудительности ведетъ только к[ъ] подобнымъ несчастіямъ. Это не мое собственное мнѣніе, а мнѣніе офицеровъ, служи[в]шихъ въ Китаѣ, и 99 человѣкъ изъ 100 разсудительныхъ людей въ Англіи, читавших[ъ]

Digitized by Google

разсказъ объ этомъ гибельномъ дѣлѣ. Тутъ нынѣшнее правительство пока еще ни въ чемъ не виновато: оно приняло власть въ ту самую недѣлю, какъ произошло это дѣло на Пей-Хо, и нельзя осуждать его въ этомъ дѣлѣ, происшедшемъ за 15,000 миль отсюда. Но потомъ кабинетъ не выказалъ разсудительности, которой слѣдовало бы ожидать отъ него. Невозможно читать разсказовъ объ этомъ дѣлѣ въ англійскихъ и индійскихъ газетахъ, не приходя къ заключенію, что нашъ посланникъ Брюсъ обнаружилъ тутъ совершенную неразсудительность и что ея слѣдствіемъ была эта убійственная неудача. Что же сдѣлали съ человѣкомъ, выказавшимъ такой недостатокъ разсудительности? Когда посланникъ, занимающій свое отвѣтственное мѣсто за 15,000 миль отъ Англіи, совершаетъ такія важныя ошибки, то первымъ дѣломъ правительства должно было бы не оставлять его въ такой важной должности, а замѣстить его человѣкомъ, въ которомъ правительство и Англія могли бы найдти здравый смыслъ и осмотрительность. По моему мнѣнію, совершенная нелѣпость вести переговоры съ народомъ черезъ посланника, которому не удалось первое и единственное дѣло его съ этимъ народомъ и который, конечно, раздраженъ своею неудачею: вмѣсто того, чтобы являться къ народу съ благородными чувствами и съ уваженіемъ, какое возможно при данныхъ обстоятельствахъ, съ искреннимъ желаніемъ устроить дружелюбныя отношенія между этимъ народомъ и своею націею, онъ будетъ ожесточенъ собственною неудачею. Въ цѣломъ мірѣ невозможно найдти человѣка менѣе способнаго къ веденію переговоровъ или военныхъ дѣйствій въ Китаѣ, чѣмъ Брюсъ, а онъ былъ оставленъ нашимъ посланникомъ въ Китаѣ. Кто прочитаетъ его депеши, тотъ увидитъ, что онъ всегда былъ неспособенъ къ своей должности, потому что съ самаго начала дѣйствовалъ въ духѣ самой дурной подозрительности. Въ каждомъ словѣ его видно, что онъ хотѣлъ оскорблять, а не уважать чувства людей, съ которыми велъ переговоры... Если мы сильнѣе китайцевъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы должны были употреблять свою силу на оскорбленія имъ. Благородный лордъ, находящійся во главѣ правительства, вѣроятно, объяснитъ намъ, какой пользы надобно ожидать отъ того, что Брюсъ или преемникъ Брюса поселится въ Пекинѣ. Если онъ покажетъ, что выгоды отъ этого будетъ гораздо больше, чѣмъ вреда, тогда намъ можно подумать, посылать ли кого нибудь въ Пекинъ; но мнѣ кажется, что, по модному нынѣшнему выраженію, мы хотимъ войну вести за „идею", и притомъ за одну изъ самыхъ нелѣпыхъ идей, какія когда либо входили въ дипломатическія головы".

Брайтъ въ этомъ случаѣ излагаетъ не свои личныя мысли,—то же самое говорили всѣ англичане, пока еще не рѣшена была третья китайская война. Первымъ впечатлѣніемъ, по полученіи подробныхъ извѣстій о дѣлѣ на Пей-Хо, во всѣхъ англичанахъ была мысль, что дѣло это произведено опрометчивостью и излишнею требовательностью ихъ посланника, что китайцы были правы; это говорили всѣ англичане, говорилъ Times, который собственно потому и важенъ, что не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а только излагаетъ мнѣнія, господствующія въ публикѣ; это говорили и члены кабинета, Россель, Гледстонъ, Мильнеръ, Джибсонъ. Сомнѣвался ли кто нибудь изъ англичанъ въ успѣшности войны съ Китаемъ? Нѣтъ, англичане боялись побѣдъ. Но постепенно публика разгорячалась отъ разсужденій о дѣлѣ на Пей-Хо, которое уменьшитъ въ китайцахъ уваженіе къ англійской силѣ, если не будетъ она вновь доказана Китаю,—и постепенно Англія увлеклась въ войну, и теперь никто не хочетъ слушать Брайта, который имѣлъ твердость остаться при мысляхъ, бывшихъ прежде общими для всей англійской публики. Вотъ почему Англія и боится всякихъ поводовъ къ войнѣ: она знаетъ, что не удержится отъ опьяненія, производимаго ими. Въ побѣдѣ она не сомнѣвается, но знаетъ разорительность побѣдъ, и старается, чтобы оставался закрытъ путь, ве[illegible]мъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

АПРѢЛЬ 1860.

Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи.—Сцена 19 марта въ Римѣ.—Апрѣльскія сцены въ Палермо и въ Мессинѣ.—Сцена 15 марта въ Пештѣ.—Кончина Брука.

23 апрѣля 1860.

Благодаря разсказамъ корреспондента газеты „Times“, отправившагося въ Савойю посмотрѣть, что и какъ тамъ дѣлается, мы теперь довольно хорошо знаемъ, какимъ порядкомъ производилось дѣло присоединенія, на какихъ данныхъ основывалась возможность его, какія обстоятельства давали французамъ возможность получить уступку, а Кавуру открывали путь согласиться на нее. Фактъ самъ по себѣ не важенъ, какъ мы уже говорили: Франція мало выигрываетъ отъ завладѣнія небольшою и бѣдною областью, король Викторъ-Эммануэль и его министръ Кавуръ мало теряютъ матеріальныхъ средствъ военнаго и дипломатическаго могущества, отказываясь отъ власти надъ савойярами. Но великіе факты совершаются по тѣмъ же законамъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ и силъ, какъ и малые: лейпцигская битва, въ которой дралось 500,000 человѣкъ, происходила тѣмъ же способомъ и была рѣшена тѣми же причинами, по какимъ дерутся и побѣждаютъ или бываютъ побѣждаемы маленькіе отряды въ неважныхъ стычкахъ. Всмотрѣвшись въ дѣло о томъ, какъ и чѣмъ была рѣшена судьба Савойи, мы можемъ, если захотимъ, извлечь изъ него матеріалы для поясненія того, какъ происходятъ дѣла, отъ которыхъ зависитъ судьба Европы. Прежде всего прочтемъ разсказъ, знакомящій насъ съ савойскими происшествіями. Корреспондентъ „Times'а“ отправился въ эту страну, лишь только стало извѣстно, что уступка будетъ произведена съ формальнымъ участіемъ самихъ савойяровъ: ему хотѣлось удостовѣриться въ томъ, справедливы ли слухи, будто бы савойяры сами хотятъ присоединиться къ Франціи, или эти слухи, распускаемые французскими полуофиціальными газетами,—чистый вздоръ, и савойяры находятся въ отчаяніи отъ предстоящей перемѣны подданства, какъ увѣряли многія изъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ. Онъ не за французовъ, онъ не противъ французовъ: онъ поѣхалъ въ Савойю не затѣмъ, чтобы судить, хороши или дурны чувства савойяровъ, онъ занятъ только тѣмъ, чтобы узнать, въ чемъ состоятъ ихъ чувства. Предисловіемъ къ его разсказу о впечатлѣніяхъ служатъ воспоминанія о прежнемъ состояніи Савойи, въ которой онъ бывалъ нѣсколько разъ. До 1848 года савойяры не имѣли ровно никакихъ политическихъ и гражданскихъ понятій. Подъ патріар-

Digitized by Google

хальнымъ управленіемъ они не имѣли ни надобности, ни возможности думать о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Они любили гордиться своею вѣрностью королю, слушались во всемъ своихъ правителей, слушались духовенства въ томъ, что оставалось невходящимъ въ приказанія, получаемыя ими отъ правительства. Съ 1848 года положеніе дѣлъ начало измѣняться: король велѣлъ имъ выбирать депутатовъ,—такъ по ихъ понятіямъ представлялась конституціонная свобода; послушные приказанію, они выбирали депутатовъ, и сначала все такихъ людей, которые слушались во всемъ короля и католическаго духовенства. Потомъ понемногу начали они переваривать мысль, что депутаты выбираются собственно затѣмъ, чтобы защищать ихъ интересы, и начали показываться въ Савойѣ нѣкоторые зародыши либерализма. Либерализмъ этотъ былъ плоховатъ, а главное, слабоватъ: иначе и быть не могло у новичковъ; но все-таки понемногу онъ развивался, и графъ Кавуръ въ послѣдніе годы могъ надѣяться, что когда нибудь станетъ Савойя выбирать такихъ депутатовъ, которые поддерживали бы либеральное правительство; впрочемъ, нельзя было разсчитывать на скорое исполненіе такой надежды: савойяры измѣнялись—это правда, но измѣнялись медленно и двѣнадцать лѣтъ не успѣли много измѣнить ихъ. Въ такую-то страну поѣхалъ корреспондентъ „Times'а" разузнавать, что она думаетъ, чего она желаетъ, или, по его собственному полунасмѣшливому выраженію о себѣ, поѣхалъ отыскивать предполагаемое савойское движеніе. Послушаемъ же теперь, что нашелъ онъ и какъ шло при немъ дѣло.

„Анси. 25 марта, вечеромъ.

„Вотъ и въ Анси я, новый Жеромъ Патюро, отправившійся искать савойскаго движенія. Исполненный вѣры, подобно своему первообразу, я ни мало не обезкураживаюсь тѣмъ, что мало успѣха имѣли мои поиски въ южныхъ долинахъ Савойи, и теперь направляю свой путь къ сѣверу, не останавливаясь за дождемъ, градомъ, вѣтромъ и снѣгомъ, согрѣваемый надеждою найти наконецъ предметъ моихъ исканій. Нынѣ день выборовъ и выбранные депутаты должны выразить желаніе Савойи, рѣшить будущую судьбу родины своими голосами. Какая торжественная минута! какая отвѣтственность! какой шансъ мнѣ увидѣть всѣ народныя чувства на моемъ пути! Вотъ мысли, тѣснящіяся въ моей головѣ, высунутой въ окно вагона, везущаго меня въ Э-ле-Бенъ. Отъ этихъ мыслей я становлюсь торжественъ духомъ, какъ будто самъ я савойярскій патріотъ, какъ будто въ моей рукѣ одинъ изъ тѣхъ избирательныхъ билетовъ, которые рѣшатъ участь этихъ горъ и этого болотистаго озера, тянущагося налѣво, и этихъ косогоровъ съ ихъ виноградниками и крытыми черепицей домиками, быстро мелькающихъ направо.

„Поѣздъ останавливается; кондукторъ кричитъ: Бенъ! Бенъ! я беру свой сакъ и плащъ, рѣшаясь самъ во что бы то ни стало тащить ихъ со станціи въ городъ: я не могу вообразить, чтобы хоть одинъ изъ свободныхъ савойскихъ гражданъ, занятыхъ мыслями о предстоящей перемѣнѣ, нашелъ время прислужить неважному человѣку, пріѣхавшему въ вагонѣ, и снизошелъ отнести его сакъ въ гостинницу. Но я былъ пріятно изумленъ, услышавъ знакомый крикъ множества голосовъ, который встрѣтилъ меня по старому: „пожалуйте сюда, мсьё; угодно вамъ дилижансъ? — угодно вамъ экипажъ? — угодно вамъ ѣхать въ гостинницу?"—и множество другихъ предложеній. Я бросился въ городъ, чтобы, не жалѣя ни ушей, ни глазъ, видѣть все, слышать все, что только можно, пока отправится дилижансъ въ Анси. Разочарованіе, навѣянное на меня безсмысленною беззаботностью савойскихъ гражданъ въ такой великій день, нѣсколько затихло, когда я сквозь аллею тополей, ведущую къ городу, увидѣлъ множество людей, очень важно расхаживающихъ по главной улицѣ. Вездѣ въ другихъ городахъ жители плохіе патріоты, но мало плохихъ патріотовъ въ городѣ Э-ле-Бенъ, — такъ я поду-

Digitized by Google

малъ; но передумалъ въ слѣдующую же минуту. Оттого-ли, что они приняли меня за своего новаго подпрефекта и мой шотландскій плащъ за мундиръ, а мой зонтикъ за символъ моего сана, или отчего другаго, но политическое торжество ихъ было значительно разстроено моимъ появленіемъ. Я рѣшительно былъ на ихъ глаза интереснѣе присоединенія къ Франціи или отдѣленія отъ Сардиніи. Они зорко смотрѣли на меня, стараясь угадать, есть ли у меня намѣреніе и средства истратить въ ихъ городѣ нѣсколько пятифранковиковъ. Я былъ для нихъ даромъ небесъ въ это зимнее время, когда перепадаетъ имъ такъ мало денегъ: каждый забылъ отдѣленіе и присоединеніе, думая о томъ, нельзя ли отдѣлить какую нибудь монету отъ моего кармана и присоединить къ своему. Это было убійственно. Я спрашивалъ о ихъ мнѣніяхъ, они спрашивали, не закажу ли я обѣдъ. Я спрашивалъ, кто ихъ кандидатъ, они спрашивали меня, не хочу ли я посмотрѣть римскія развалины. Если бы вѣра моя не была тверда, я немедленно воротился бы въ Шамбери. Но я только пофилософствовалъ о деморализующемъ вліяніи иностраннаго золота на простыя неиспорченныя сердца, завернулся въ свой плащъ и взлѣзъ на дилижансъ, готовый везти меня въ болѣе первобытныя страны.

„Втащившись подъ дождемъ по грязной дорогѣ на Біольскую гору, экипажъ остановился и былъ тотчасъ же окруженъ людьми, привлеченными необыкновенностью того событія, что явился путешественникъ въ такое время года. Видъ у нихъ былъ такой почтенный, что я ободрился духомъ и спросилъ, кто ихъ кандидатъ и тотъ ли кандидатъ выбранъ, какого они хотѣли? Ma foi, не знаемъ, сказали они: погода была такъ дурна, что мы не ходили узнавать, что дѣлаютъ горожане. Я снова утѣшился мыслью, что люди тутъ уже слишкомъ первобытны; лошади отдохнули и мы поѣхали по шоссе къ Альбану и Капо-дель-Мандаменто.

„Тутъ опять была чуть не цѣлая толпа у станціи и табачной лавочки; одинокій жандармъ (піэмонтскій) былъ тутъ самой видной фигурой. Я зашелъ въ трактиръ, велѣлъ подать бутылку вина и спросилъ о новостяхъ. „Вы, мсье, должны знать ихъ лучше насъ; говорятъ, что въ Шамбери французы“.—Что же, нравится вамъ эта перемѣна?—„Не намъ, простымъ людямъ, говорить, что намъ нравится, что нѣтъ“.

„Пошелъ!—было невольнымъ отвѣтомъ разочарованнаго энтузіаста, и мы поскакали въ живописную деревушку Альби, гдѣ перемѣнили лошадей. Съ неутомимостью, достойною моего первообраза Жерома, я возобновилъ штурмъ и вступилъ въ разговоръ съ людьми, которыхъ воскресенье собрало передъ трактиромъ. Спрашивать ихъ было все равно, что спрашивать криваго безносаго кретена, запрягавшаго лошадей: я добился отъ нихъ столько же толку.

„Я былъ порядкомъ обезкураженъ, и если бы кстати не поднялась буря со снѣгомъ, отвлекшая мое вниманіе отъ великой мысли савойскаго движенія, я чувствовалъ бы себя разбитымъ на-голову. Но облачное движеніе оживило мою энергію и, отступившись отъ разспросовъ у бѣдныхъ ничего не знающихъ поселянъ, я рѣшился испытать счастья въ Анси, самомъ дѣятельномъ изъ савойскихъ городовъ, гордящемся тѣмъ, что имѣетъ хлопчато-бумажную фабрику, имѣетъ стеклянные заводы и по сосѣдству каменноугольныя копи. Передъ заходомъ солнца показались мнѣ вдалекѣ высокія трубы его заводовъ.

„Ожиданіе не обмануло меня. Въ Анси положительно было больше слѣдовъ движенія, чѣмъ въ Шамбери и другихъ городахъ, а моею цѣлью было найти какое нибудь движенье,—французское, сардинское, швейцарское,—все равно, лишь бы движеніе. Всѣ въ Анси были заняты этимъ дѣломъ, потому не трудно было вступить въ разговоры о немъ. Первымъ, что я услышалъ, были жалобы на піэмонтское правительство, которое въ своей итальянской политикѣ почти забыло о древнѣйшихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, вспоминая о нихъ только за тѣмъ, чтобы брать съ нихъ солдатъ и деньги. „А въ замѣнъ за то ничего оно не дѣлаетъ для насъ. Давно обѣщались провести желѣзную дорогу въ Анси, а до сихъ поръ еще и не начали ее, и провозъ нашихъ издѣлій въ Піэмонтъ очень убыточенъ“. Это недовольство ободряло людей, дѣйствовавшихъ въ пользу Франціи.—Стало быть вы теперь довольны, что присоединяетесь къ Франціи и что будетъ вамъ построена желѣзная дорога? сказалъ я.—„Насъ разоряютъ, мсьё, отвѣчали мнѣ: мы сбываемъ свои стеклянные товары въ Піэмонтъ, гдѣ такихъ не умѣютъ

Digitized by Google

дѣлать. А съ французскими стеклянными товарами, которые теперь пойдутъ къ намъ, наши не могутъ сравняться. Кончится, вѣроятно, тѣмъ, что намъ прійдется закрыть свои заводы. Кромѣ того намъ прійдется дороже платить за колоніальные товары, которые мы получали изъ Женевы". Не только торговцы, но и частные люди по предусмотрительности сдѣлали большія закупки этихъ товаровъ, чтобы уйти отъ убытка хотя на первое время.—Стало быть у васъ большая торговля съ Женевой?—„Да, Женева ввозитъ къ намъ на 7 или на 8 милліоновъ франковъ товаровъ своихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ".—Стало быть вамъ хотѣлось бы присоединиться къ Швейцаріи?—„Нѣтъ, вѣдь мы все равно лишились бы сбыта въ Піэмонтъ".—Такъ чего же вы желаете?— „Мы теперь не стали ничего желать, потому что все рѣшено и правительство отдало насъ Франціи".—Но по крайней мѣрѣ вы постарались нынѣ выбрать депутата, который выразилъ бы ваши желанія?—„Нѣтъ, нашъ кандидатъ бросилъ насъ; онъ уѣхалъ съ депутаціею въ Парижъ. Знаете, всѣ эти адвокаты и наши чиновники на французской сторонѣ: они надѣются, что имъ за усердіе заплатятъ орденами и хорошими должностями. Одному обѣщали мѣсто подпрефекта, другому должность префекта, третьему помощника префекта, а крестовъ раздадутъ цѣлыя сотни".

„Ясно, мой собесѣдникъ былъ фрондеръ. Я подозрѣваю, что онъ имѣетъ дѣла по хлопчато-бумажной фабрикѣ. Посмотримъ на другую сторону дѣла. Оно обернется къ вамъ другой стороной, если вы поговорите съ человѣкомъ, имѣющимъ дѣла по каменноугольнымъ копямъ или по лѣсной торговлѣ. Онъ скажетъ вамъ, во-первыхъ, что привыкъ не скрывать своихъ мнѣній, что онъ по сердцу и по душѣ такой же французъ, какъ по языку; что онъ не хочетъ дольше подчиняться итальянской политикѣ Піэмонта, не хочетъ, чтобы его руками другіе загребали жаръ, что савойская промышленность теперь связана, что ей теперь открытъ одинъ сбытъ въ Піэмонтъ, куда нельзя по дороговизнѣ провоза сбывать черезъ Альпы сырые продукты, составляющіе главное богатство Савойи, а Франція будетъ для нихъ готовымъ и близкимъ рынкомъ. И какъ только построютъ желѣзную дорогу, страна процвѣтетъ.

„Вотъ вамъ обѣ стороны дѣла: ту или другую выставляютъ передъ вами, смотря по тому, съ кѣмъ вы заговорите. Правда, нѣкоторое движеніе есть въ Анси, но какого оно рода?—самаго низкаго. Ни та, ни другая партія ни слова не говоритъ о различіи въ учрежденіяхъ; нѣтъ ни искры чувства, мѣсто которому было бы выше желудка, алчнаго центра нашей животной натуры.

„Разскажу еще одинъ случай,—грустно мнѣ разсказывать его, потому что онъ предвѣщаетъ недоброе. Въ день выборовъ французская партія давала обѣдъ; въ городѣ тогда было проѣздомъ человѣкъ восемь французскихъ купцовъ; ихъ пригласили на обѣдъ; они всѣ отказались, замѣтивъ: „добрые люди, вы сами не знаете, чего хотите. Мы испытали эту вещь и увѣряемъ васъ, что скоро вы раскаетесь".

„Въ девять часовъ вечера идетъ почтовая карета въ Женеву. Объ Анси я написалъ уже довольно, въ слѣдующій разъ скажу вамъ, что говорятъ въ Женевѣ о Шабле и Фосиньи".

„Женева. 26 марта.

„Вы повѣрите моимъ словамъ, что почтовая карета, ходящая изъ Анси въ Женеву, не слишкомъ удобный экипажъ и что на Сіонѣ чрезвычайно холодно во время вьюги. Но я невозмутимо ѣхалъ отыскивать савойское движеніе и только на станціи въ Крюсолѣ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, мое спокойствіе было нарушено нѣсколькими людьми, стоявшими на кругломъ крыльцѣ и громко кричавшими: „побѣда!" Это были партизаны Франціи, торжествовавшіе удачу на выборахъ. Они громко объясняли выгоды, какія получитъ Савойя отъ присоединенія къ Франціи. Этотъ панегирикъ пришелся не по вкусу двумъ другимъ людямъ, бывшимъ на крыльцѣ, и начался споръ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я вниманіе и къ политическимъ учрежденіямъ. Противники присоединенія заговорили о жандармахъ, о личной свободѣ, которая вся погибнетъ отъ присоединенія.

„Сіонскій хребетъ совершенно отрѣзываетъ Фосиньи и Шабле отъ остальной Савойи. Я очень доволенъ тѣмъ, что переѣхалъ его и могу вамъ разсказать о чувствахъ жите

Digitized by Google

лей въ этихъ нейтрализованныхъ округахъ. Я уже и прежде слышалъ отголоски швейцарскихъ опасеній и криковъ, полагалъ, что населеніе Шабле и Фосиньи не такъ равнодушно, какъ увѣряли меня въ южной Савойѣ, но я не предполагалъ, чтобы волненіе въ Швейцаріи было такъ сильно и чтобы желанія сѣверной Савойи получили такой опредѣленный характеръ. Оба эти обстоятельства заслуживаютъ вниманія.

„Я еще не былъ въ Шабле и Фосиньи и не могу говорить о собственныхъ наблюденіяхъ; но передо мною лежитъ печатная декларація жителей сѣверной Савойи, требующая присоединенія къ Швейцаріи и посланная ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года. Къ этой деклараціи пришиты 152 страницы, на которыхъ находятся 11,502 подписи, собранныя во всѣхъ кантонахъ нейтрализованныхъ округовъ. Эти подписи были собраны менѣе чѣмъ въ восемь дней, съ 8 до 16 марта. Можетъ показаться странно, что не позаботились объ этомъ раньше; но вспомните, что до появленія ноты 24 февраля Франція не заводила формальной рѣчи объ уступкѣ, а когда Швейцарскій союзный совѣтъ поручилъ своимъ дипломатическимъ агентамъ сдѣлать представленіе по этому дѣлу, то Франція даже отвѣчала, что о савойскомъ вопросѣ въ настоящее время нѣтъ рѣчи и что если бы онъ возникъ, то Шабле и Фосиньи были бы уступлены Швейцаріи. Введенные въ обманчивую безпечность, нейтрализованные округи и Швейцарія не думали, что имъ грозитъ опасность. Они были пробуждены только объявленіемъ, сдѣланнымъ въ Анси и Шамбери 8 и 10 марта, говорившимъ савойскому народу, что онъ приглашается выразить свое желаніе или нежеланіе присоединиться къ Франціи, и ни слова не упоминавшимъ о Швейцаріи и объ ея правахъ на нейтрализованные округи. Только тогда стали устраивать манифестацію въ сѣверной Савойѣ, собирать подписи къ объявленію о томъ, что сѣверная Савойя желаетъ присоединиться къ Швейцаріи, если не можетъ остаться соединена съ Піэмонтомъ. Послѣ того какъ эта декларація была напечатана, собрали къ ней еще болѣе тысячи подписей, такъ что свое согласіе съ ней выразили 12,600 человѣкъ въ округахъ, имѣющихъ всего населенія около 1600 человѣкъ. Я самъ поѣду въ эти округи и не стану теперь тратить время на отгадываніе того, до какой степени сильно въ жителяхъ желаніе, свидѣтельствуемое этою деклараціею“.

„Бонвиль. 27 марта.

„Цѣлый день я провелъ въ разъѣздахъ по всѣмъ сколько нибудь важнымъ мѣстамъ нейтрализованныхъ округовъ, былъ въ Тононѣ, Дувенѣ, Анмасѣ, Бонвилѣ и т. д., и у меня не осталось сомнѣнія въ томъ, что здѣсь имѣетъ дѣйствительную силу савойское движеніе, котораго почти не существуетъ въ остальной Савойѣ. Въ сѣверной Савойѣ жители гораздо живѣе, чѣмъ въ южной, они, кажется, готовы встрепенуться изъ своей дремоты; это надобно приписывать тѣснымъ ихъ связямъ съ Женевою, оставшимся не вовсе безъ вліянія на характеръ народа и пробуждавшимъ въ здѣшнихъ савойярахъ чувство независимости. Но все-таки не думайте, чтобы политическія соображенія говорили въ нихъ сильнѣе по этому дѣлу, чѣмъ у южныхъ савойяровъ. И здѣсь матеріальныя выгоды единственный рычагъ, движущій народными желаніями; но матеріальный интересъ влечетъ эти округи къ Женевѣ и къ Швейцаріи. Въ Швейцарію текутъ рѣки сѣверной Савойи, въ Швейцарію идутъ и продукты ея. Отъ остальной Савойи и отъ Франціи она отдѣлена цѣпью горъ, проѣздъ по которымъ всегда труденъ, а зимою часто и невозможенъ. Сообщеніе съ свѣтомъ здѣшнія долины имѣютъ черезъ Женевское озеро: по немъ получаютъ онѣ немногіе товары, ими потребляемые, по немъ пріѣзжаютъ къ нимъ и путешественники, служащіе для нихъ главнымъ источникомъ дохода.

„Потому, если бы принимать за основаніе сужденій матеріальный интересъ, то жители здѣсь всѣ до одного были бы расположены присоединиться къ Швейцаріи. Но отъ сотворенія міра всегда существовало противорѣчіе между интересами страны и выгодами нѣкоторыхъ ея жителей. Оно существуетъ и въ нейтрализованныхъ округахъ. Я имѣлъ случай говорить съ людьми всѣхъ сословій и во всѣхъ своихъ поискахъ не нашелъ землевладѣльца или фермера, который желалъ бы присоединенія къ Франціи. Если нѣкоторые изъ нихъ не такъ сильно, какъ другіе, высказывали свое желаніе присоеди-

Digitized by Google

иться къ Швейцаріи, это происходило только отъ робкой осторожности, которая стала овершенно понятна для меня изъ разговоровъ съ людьми французской партіи. Эта парія сосредоточена въ городахъ и центромъ ея служитъ Тононъ, а главною поддержкою ичный разсчетъ чиновниковъ, адвокатовъ и духовныхъ. Приверженность этихъ трехъ ословій къ Франціи натуральна, потому что они проиграли бы отъ присоединенія сѣерной Савойи къ Швейцаріи, между тѣмъ какъ всѣ остальные классы проигрываютъ тъ присоединенія къ Франція. Въ республиканской странѣ съ простыми и свободными чрежденіями, въ странѣ, сохранившей самоуправленіе почти во всей первобытной чистотѣ, иновники не могутъ ждать себѣ завиднаго положенія. Почти всѣ мѣста раздаются по ыборамъ, а не по рутинѣ и не по связямъ. Надежда на повышеніе очень мала; небоато и жалованье въ странѣ, гдѣ должность считается почетомъ, а не источникомъ ыгодъ. Жизнь чиновника, зависящаго отъ народа, трудна: отъ него требуютъ не такой ѣятельности, какая въ бюрократической машинѣ достаточна ему, чтобы не отстать отъ ругихъ. Гораздо привлекательнѣе карьера его въ могущественной, многосложной адмиистраціи, какова французская. Сколько почестей ждетъ тутъ честолюбивыхъ мэровъ и хъ помощниковъ! Каждый изъ нихъ надѣется быть подпрефектомъ или даже префекомъ. Шансы выгодъ для чиновничества слишкомъ неравны, не говоря уже о томъ, то въ Швейцаріи нѣтъ крестовъ и денежныхъ пожалованій.

„Такъ же плохи шансы въ простой и практичной Швейцарской республикѣ для двокатовъ. Въ Швейцаріи почти нѣтъ процессовъ, потому что почти всѣ дѣла конаются примирительными судами; а если и дойдетъ до процесса, сами тяжущіеся ведутъ го безъ адвоката по простотѣ судопроизводства. Сравните же съ этимъ величественую роль французскихъ адвокатовъ, съ гордостью говорящихъ о себѣ, что всегда были учшею славою великой націи. Адвокатство тамъ карьера чрезвычайно выгодная и ромѣ того ведущая къ первымъ государственнымъ должностямъ. Присоединеніе къ Швейцаріи тотчасъ лишило бы адвокатовъ почти всѣхъ ихъ нынѣшнихъ доходовъ, коорыми кормится множество этихъ людей теперь, благодаря сутяжничеству савойяровъ: каждый савойяръ имѣетъ теперь процессы со всѣми своими сосѣдями. Женева, городъ многолюдный, не имѣетъ столькихъ адвокатовъ, сколько ихъ въ каждомъ маленькомъ авойскомъ городкѣ. Швейцарскія учрежденія разорили бы ихъ, а присоединеніе къ Франціи открываетъ имъ блестящую карьеру. Духовенство, разумѣется, ужасается всякаго сближенія съ протестантскою Женевою. Женева вмѣстѣ съ Берномъ стояла во лавѣ движенія 1847 года, изгнавшаго іезуитовъ изъ Швейцаріи. Получивъ тутъ успѣхъ, на можетъ пойти и дальше: кто знаетъ, на чемъ она остановится? А императоръ, немотря на свои нынѣшнія непріятности съ папой, все-таки служитъ ревностнѣйшимъ защитникомъ католичества.

„Если взять всѣ эти три класса по счету, они конечно составляютъ ничтожное еньшинство. Но вліяніемъ они гораздо сильнѣе, чѣмъ числомъ. Каждый чиновникъ, двокатъ и священникъ господствуетъ надъ невѣжественнымъ и слабымъ простолюдиномъ, привыкшимъ къ слѣпому повиновенію. И если подумать о силѣ, находящейся въ уках этихъ трехъ сословій, то надобно назвать чрезвычайно сильнымъ естественное яготѣніе нейтрализованныхъ округовъ къ Швейцаріи, выразившееся 12-ю тысячъ подисей".

„Шамбери. 28 марта, вечеромъ.

„Кончено.

„Нынѣ, въ половинѣ девятаго поутру, первый отрядъ французской арміи, четыре юты 80-го линейнаго полка, вступилъ въ городъ. Завтра ждутъ еще такого же отряда постепенно соберется сюда весь полкъ. Шамбери, столица Савойи, занята войсками го величества императора французовъ.

„Во всемъ этомъ савойскомъ вопросѣ, съ самаго начала до конца, была одна потоянная черта, которая дѣлаетъ его очень курьезнымъ: всѣ стороны, участвовавшія въ томъ дѣлѣ, какъ будто стыдились своей роли и старались тонкими изворотами прикрасить свои поступки передъ самими собою. Встрѣча французскихъ войскъ нынѣшнимъ тромъ имѣла точно такой же характеръ. Ихъ ожидали со дня на день и довольно было

Digitized by Google

времени приготовиться къ пріему. Фабриканты, изготовляющіе разныя принадлежности къ иллюминаціямъ (эти господа жарчайшіе партизаны присоединенія къ Франціи), принялись дѣлать французскіе флаги, разные транспаранты и шкалики, но никто не покупалъ ихъ: самые пламенные партизаны Франціи совѣстились выступать впередъ и не покупали французскихъ флаговъ, подобно людямъ, мрачно смотрящимъ на готовившееся дѣло. Потому фабриканты, обманутые въ надеждахъ, бросили дѣлать шкалики и флаги, и когда было офиціально объявлено о прибытіи французскихъ войскъ, то не оказалось нужнаго запаса французскихъ украшеній.

„Прокламація городскаго управленія, говорившая о томъ, что Викторъ-Эммануэль снизошелъ на желаніе савойяровъ присоединиться къ великой французской имперіи, также носила на себѣ печать смущенія. На ея заголовкѣ былъ гербъ савойскаго дома, а въ концѣ ея восклицанія: да здравствуетъ Наполеонъ III! да здравствуетъ Франція! Смущеніе было видно и въ прокламаціи, созывавшей національную гвардію встрѣтить гостей на станціи. На станціонномъ домѣ были поставлены флаги, сдѣланные наполовину изъ савойскихъ, наполовину изъ французскихъ цвѣтовъ, съ вензелемъ императора на одной сторонѣ, съ вензелемъ короля на другой. Такой же видъ имѣли украшенія на городской ратушѣ: старому государю удѣлялась половина ихъ; но императорскій гербъ надъ балкономъ давалъ рѣшительный перевѣсъ новому владыкѣ. Изъ частныхъ домовъ только очень немногіе были украшены флагами и почти всѣ они также имѣли такой двойной характеръ.

„Поѣздъ прибылъ въ назначенное время, оркестръ заигралъ Partant pour la Syrie, собравшуюся толпу убѣждали привѣтствовать французовъ, французы отвѣчали на эту попытку привѣтствія, женщины махали платками, синдикъ произнесъ поздравительную рѣчь полковнику, французы пошли въ казармы, сопровождаемые національной гвардіей; за ними шла толпа, передъ ними шли музыканты. Было потомъ сдѣлано нѣсколько попытокъ устроить демонстраціи въ честь французовъ, но малочисленные энтузіасты не находили поддержки въ народѣ. Эти сцены были живою картиною савойскаго движенія: небольшое число хлопотливыхъ агитаторовъ среди мертвой и равнодушной массы. Украшенія, выставленныя на домахъ энтузіастовъ, производили то же впечатлѣніе: домовъ этихъ было очень мало.

„Вечеромъ оркестръ національной гвардіи игралъ на широкой улицѣ, ведущей къ замку. Въ девять часовъ вечера не было уже народа на улицахъ. Великій актъ занятія Савойи французами совершился.

„Теперь многіе, даже изъ людей желавшихъ перемѣны, чувствуютъ боязнь будущаго. Народъ жалѣетъ о прежнемъ положеніи. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ всеобщее неудовольствіе противъ савойяровъ, отправлявшихся депутатами въ Парижъ. Они вчера воротились обремененные обѣдами, любезностями и обѣщаніями. Даже здѣсь, въ южной Савойѣ, порицаютъ ихъ за то, что они предложили императору свою родину и говорили отъ ея имени. Савойяры по всегдашней своей привычкѣ повинуются своему королю, но не желаютъ принадлежать Франціи“.

„Шамбери. 29 марта.

„Небольшое и неудачное одушевленіе, поднятое вчера, теперь совершенно утихло. По разсчетливости или изъ стыда, бо́льшая часть флаговъ исчезла съ домовъ. Кромѣ тѣхъ, которые развѣваются на станціи желѣзной дороги, на публичныхъ зданіяхъ и на башнѣ замка, не осталось въ цѣломъ городѣ пятидесяти флаговъ. Изъ нихъ значительная часть висятъ въ окнахъ французскаго консульства. Французскіе солдаты ходятъ по улицамъ незамѣчаемые никѣмъ.

„Въ результатѣ происходящихъ теперь выборовъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Избиратели явились въ маломъ числѣ, считая дѣло конченнымъ безъ ихъ воли. Между тѣмъ на всякій случай составленъ адресъ, говорящій противное адресу, подписанному жителями сѣверной Савойи: онъ разсылается по всей странѣ, чтобы его подписывали. Савойяры станутъ подписывать: какъ же имъ не выразить своего согласія на распоряженіе, сдѣланное ихъ королемъ?“

Digitized by Google

Это спокойное изложеніе фактовъ представляетъ намъ въ маломъ видѣ образецъ того, какъ дѣлаются почти всѣ государственныя перемѣны и къ лучшему и къ худшему: масса населенія ничего не знаетъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ матеріальныхъ выгодъ, и рѣдки случаи, въ которыхъ она хотя замѣчаетъ отношенія своихъ матеріальныхъ интересовъ къ политической перемѣнѣ, какъ замѣчали въ Савойѣ. На этомъ равнодушіи массы основана возможность даже самыхъ замысловъ о большей части совершаемыхъ въ политической жизни перемѣнъ. Низлагается Наполеонъ I и призываются на его мѣсто Бурбоны: не думайте, чтобы это было дѣломъ французской націи; что призваніе Бурбоновъ не было дѣломъ союзныхъ монарховъ — вещь давно извѣстная. Кто же устроилъ эту перемѣну? Два-три союзныхъ министра съ Талейраномъ и нѣсколькими его кліентами. Они сказали союзнымъ монархамъ, что французы желаютъ возстановить Бурбоновъ, и Бурбоновъ призвали въ удовлетвореніе желанію французовъ, которые вовсе и не думали желать того. Но если такъ, почему же французы не сказали, что не хотятъ Бурбоновъ? Союзные монархи не стали бы дѣлать противъ ихъ желанія. Французы не сказали, что не желаютъ, потому что въ самомъ дѣлѣ нельзя было сказать, что они желаютъ или не желаютъ: имъ было все равно; имъ объявили, что Бурбоны не станутъ нарушать ихъ матеріальныхъ интересовъ, и они подумали: если такъ, мы ничего не проигрываемъ; пусть дипломаты дѣлаютъ, какъ знаютъ. Точно то же было при замѣненіи Бурбоновъ Орлеанской династіей. Изъ тысячи человѣкъ одинъ пожалѣлъ о Бурбонахъ, изъ тысячи человѣкъ одинъ порадовался передачѣ власти Луи-Филиппу, остальные 998 подумали: намъ все равно; пусть тѣ, кто лучше насъ знаетъ эти дѣла, дѣлаютъ какъ знаютъ. Точно также провозглашена была республика, точно также была потомъ провозглашена вмѣсто республики имперія. „Вы за кого? за Францію или за Піэмонтъ?“ спрашивалъ савойяровъ корреспондентъ „Times'а“.—„Мы? да насъ нечего объ этомъ спрашивать; а впрочемъ мы слышали, будто насъ отдаютъ французамъ“.—„Ну, чтожъ? это пріятно вамъ или непріятно?“ — „Да намъ-то что? — это не наше дѣло. А вотъ, говорятъ, будто французы построятъ намъ желѣзную дорогу, которой сардинцы не строили, — это будетъ хорошо“. — „Значитъ, вы рады перемѣнѣ?“ — „Да нечему радоваться: еще неизвѣстно, хуже или лучше намъ будетъ; вотъ посмотримъ, такъ увидимъ“. — „Чтожъ это значитъ? Значитъ, лучше бы вамъ оставаться подъ властью Піэмонта?“ — „Что же тутъ хорошаго? Хорошаго мы ничего не испытали отъ Піэмонта“. Какъ прикажете толковать съ людьми, разсуждающими такимъ образомъ? У васъ остается одно убѣжденіе отъ подобныхъ разговоровъ и случаевъ: масса просто матерія для производства дипломатическихъ и политическихъ опытовъ. Кто взялъ надъ нею власть, тотъ и говоритъ ей, что̀ она должна дѣлать—то она и дѣлаетъ. Такого взгляда постоянно держатся практическіе государственные люди. На этомъ основаніи управляли народомъ Ришельё и Питтъ, Меттернихъ и Луи-Филиппъ: дѣлали, что хотѣли, а народы слушались. Нельзя не признаться, что этотъ взглядъ очень близокъ къ истинѣ. Напрасно говорятъ въ его опроверженіе, что политика Меттерниха оказалась наконецъ несостоятельной, да и система Луи-Филиппа тоже. Напрасно ссылаются на то, что подъ конецъ они были низвергнуты и изгнаны: чтожъ тутъ за опроверженіе? вѣдь нельзя же вѣчно пользоваться удачей; разумѣется, когда нибудь настанутъ и несчастныя обстоятельства. Нынѣшній годъ пашетъ мужикъ землю — урожай хо-

Digitized by Google

рошъ, и на слѣдующій годъ тоже, и дальше тоже. Наконецъ на 29 или на 30-й годъ случился неурожай,—чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что мужикъ плохо пахалъ землю? Нѣтъ, слишкомъ 20 лѣтъ хорошаго урожая показываютъ, что пахалъ онъ ее хорошо, а неудача послѣдняго года просто капризъ природы, просто дѣло случая, и система хозяйства, которой держался мужикъ, не компрометируется этимъ несчастіемъ. Да и посмотримъ, что дальше послѣ этого неурожайнаго года?—опять пошли хорошіе урожаи при прежней обработкѣ земли. Не оправдываютъ ли они систему мужика? Такъ и въ исторіи: послѣ Луи-Филиппа продолжалась года полтора такъ называемая анархія, и французскимъ правителямъ трудно было ладить съ расходившеюся націею, или собственно даже не съ націею, а съ нѣсколькими десятками тысячъ энергическихъ работниковъ Парижа: остальныя сотни тысячъ работниковъ Парижа и другихъ городовъ были уже и тогда расположены держать себя смирно и послушно, а прочимъ девяти милліонамъ взрослыхъ мужчинъ Франціи никогда и не приходило въ голову буйствовать и непокорствовать. Такъ или иначе, дурно или хорошо, прошли эти недолгіе полтора года, тяжелые для французскихъ правителей,—и дѣла пошли прежнимъ порядкомъ: правители приказываютъ, а вся Франція слушается,—то же самое, что было при Луи-Филиппѣ, только формы приказаній нѣсколько измѣнились: при Луи-Филиппѣ въ заголовкѣ писалось „приказы по парламентскому вѣдомству", а при Луи-Наполеонѣ пишется: „приказы по армейскому вѣдомству". Спору нѣтъ, заголовокъ дѣло важное, но вѣдь не въ немъ вся важность; гораздо больше ея въ самомъ содержаніи бумаги, а содержаніе бумаги то же самое: „исправно платите подати и платите ихъ какъ можно больше; слушайтесь прелатовъ, если вы католики, пасторовъ, если вы протестанты; въ томъ и въ другомъ случаѣ слушайтесь префектовъ, которые будутъ слушаться министровъ, а министры будутъ слушаться кого сами знаютъ". Въ Австріи даже и въ заголовкѣ перемѣны не произошло: черезъ годъ по изгнаніи Меттерниха, Шварценбергъ велъ дѣла по тѣмъ же самымъ формамъ, какъ велъ Меттенрихъ: не явное ли дѣло, что чистый вздоръ говорили люди, утверждавшіе, будто бы Луи-Филиппъ и Меттернихъ ошибались въ своей системѣ? Система ихъ такъ вѣрно соотвѣтствовала надобностямъ французскаго и австрійскаго правительствъ, что сама собою воскресла изъ пепла, какъ вѣчно юный и прекрасный фениксъ. Отбросимъ вздорныя фантазіи, обсудимъ дѣло хладнокровно и скажемъ: какъ держали себя Луи-Филиппъ и Меттернихъ, такъ и слѣдовало имъ держать себя, такъ и всегда будутъ держать себя люди, которые будутъ становиться на ихъ мѣстѣ. Разсудительный человѣкъ могъ бы желать развѣ только одного: хорошо было бы, если бы политическое правило, столь пригодное для долгихъ періодовъ внутренняго спокойствія, было дополнено какимъ нибудь соображеніемъ, пригоднымъ для предотвращенія кратковременныхъ безпокойствъ, которыми перерываются долгіе спокойные періоды. Разумѣется, Луи-Филиппу и Меттерниху было бы гораздо лучше избѣжать непріятностей, которымъ подверглись они въ 1848 году. Система ихъ, какъ видимъ, не пострадала отъ народнаго буйства; но сами они пострадали — это жаль. Почтенные старцы, привыкшіе къ комфорту, привыкшіе къ власти, были принуждены бѣжать безъ всякаго комфорта. Сколько страха, сколько матеріальныхъ неудобствъ потерпѣли они въ ту недѣлю, пока пробирались въ безопасное убѣжище изъ возмутившихся своихъ столицъ черезъ раздраженныя провинціи! На новомъ мѣстѣ жительства комфортъ къ

Digitized by Google

нимъ возвратился; но власть уже не возвратилась. Благонамѣренные люди уважали ихъ, но уже никто не спрашивалъ ихъ приказаній, никто не исполнялъ ихъ повелѣній: развѣ легко было имъ такое положеніе? Да и французамъ или австрійцамъ развѣ лучше стало при новыхъ правителяхъ? Говоря по совѣста, мы далеко предпочитаемъ Меттерниха Шварценбергу, Баху, Буолю и Рехбергу: они умны и добры, — это такъ, но онъ былъ и гораздо умнѣе, и добрѣе ихъ. Величіе Наполеона III цѣнится нами по достоинству; но безпристрастная исторія скажетъ, что Луи-Филиппъ былъ выше его въ государственномъ искусствѣ. Итакъ и для народовъ, и для Луи-Филиппа съ Меттернихомъ было бы гораздо лучше, если бы эти мудрые правители (то есть Луи-Филиппъ и Меттернихъ) спокойно скончались съ властью въ рукахъ и безъ всякихъ непріятностей передали эту власть тѣмъ, кого сами почли бы достойными ея. Вотъ только заботы объ этомъ могъ бы еще желать въ правителяхъ разсудительный человѣкъ, потому что эта забота соотвѣтствуетъ выгодамъ самихъ правителей: онъ могъ бы желать, чтобы въ долгіе періоды внутренняго спокойствія правители обращали нѣкоторое вниманіе на средства предотвратить всякія непріятности для себя въ будущемъ, застраховать себя отъ внутреннихъ смутъ. Прочтенный нами разсказъ о савойскихъ дѣлахъ наводитъ на это средство: масса думаетъ только о своемъ матеріальномъ благосостояніи и если не будетъ доведена до большаго неудовольствія въ этомъ отношеніи, то всегда останется смирна и послушна; потому забота о народномъ благосостояніи по видимому выгодна для правителей. Такъ можетъ думать разсудительный человѣкъ; но если найдется другой человѣкъ, еще болѣе разсудительный, то замѣтитъ ему: „Другъ мой, вы слишкомъ требовательны. Вы хотите отъ людей нечеловѣческаго совершенства. Посмотрите на самихъ себя, посмотрите на всѣхъ вашихъ знакомыхъ: у кого изъ васъ, друзья мои, достаетъ времени, средствъ, твердости и безстрастія, чтобы отказывать себѣ въ настоящихъ желаніяхъ и удовольствіяхъ для отдаленныхъ шансовъ неизвѣстнаго будущаго, до котораго можетъ быть вы и не доживете? Правители, конечно, умнѣе большей части изъ насъ, или даже всѣхъ насъ; но вѣдь и они люди. У нихъ столько дѣла въ настоящемъ, столько дипломатическихъ отношеній, столько политическихъ заботъ, столько финансовыхъ надобностей, нетерпящихъ отлагательства, что нѣтъ имъ физической возможности дѣлать нынѣ то, отъ чего пользы могутъ ожидать они развѣ черезъ 15 или 20 лѣтъ. Войдите въ ихъ положеніе. Посмотрите, напримѣръ, сколько было хлопотъ Луи-Филиппу въ какомъ нибудь 1832 году: тутъ надобно биться съ Казиміромъ Перье, министромъ благонамѣреннымъ, но человѣкомъ вздорнаго характера; тутъ палата хочетъ сократить бюджетъ личныхъ расходовъ Луи-Филиппа; тутъ пятеро сумасшедшихъ бьютъ въ набатъ на Нотрдамской колокольнѣ, выдавая себя за республиканцевъ, потомъ оказывается, что полицейскій агентъ подвелъ ихъ на эту глупую выходку, и возникаетъ непріятнѣйшій скандалъ; тутъ холера; тутъ умираетъ Казиміръ Перье и начинаются интриги за министерскія должности; тутъ новые министры такъ бездарны, что хлопотъ съ ними больше, чѣмъ съ Казиміромъ Перье, а смѣнить ихъ невыгодно, потому что они послушны; тутъ начинаются дрязги по случаю возстанія и потомъ ареста герцогини Беррійской; тутъ подрастаютъ сыновья, надобно пріискивать имъ невѣстъ; тутъ Голландія ссорится съ Бельгіей; тутъ Мегметъ-Али ссорится съ Мухаммедомъ II; тутъ сотни другихъ дипломатическихъ столкновеній, — словомъ сказать, заботъ и хлопотъ столько,

Digitized by Google

что голова идетъ кругомъ у Луи-Филиппа. Такъ проходитъ весь 1832 годъ, — досугъ ли тутъ подумать о предупрежденіи непріятностей, которыя, можетъ быть, настанутъ когда нибудь лѣтъ черезъ шестнадцать — 1848 году, а можетъ быть вовсе не настанутъ? — Такъ проходятъ и 1833 и 1834 и всѣ слѣдующіе года. При такомъ множествѣ всякихъ другихъ хлопотъ и заботъ, можно ли винить Луи-Филиппа за то, что недостало у него ни времени, ни средствъ похлопотать о народномъ благосостояніи? Нельзя винить его,—некогда ему было, не до того ему было: и непріятности 1848 г., произведенныя крайностью народнаго бѣдствія, не могутъ во мнѣніи благоразумнаго человѣка считаться справедливымъ наказаніемъ Луи-Филиппу: онѣ просто были ударомъ судьбы, постигнувшей человѣка невиннаго. Или, чтобы перейти къ нынѣшнимъ дѣламъ, когда, напримѣръ, было Кавуру позаботиться о благосостояніи савойяровъ? Войдите въ его положеніе. Онъ, по своему искреннему убѣжденію, геніальный министръ; какъ же такому министру управлять такимъ маленькимъ государствомъ, какъ прежній Піэмонтъ? Надобно увеличить его. Вотъ бѣдный Кавуръ прибѣгаетъ къ англійскимъ министрамъ: помогите мнѣ увеличить управляемое мною государство! Боже милостивый! сколько ему возни было съ этими проклятыми англичанами: не хотятъ ввязываться въ чужія дѣла, да и кончено. Много перепортилось у него крови отъ такой англійской безсовѣстности. Года полтора или два ушло на напрасныя хлопоты. Приходится ему отъ англичанъ обратиться къ императору французовъ: новыя хлопоты, едва ли не больше прежнихъ. Тутъ начинается восточная война: надобно показать себя, что и мы, піэмонтцы, дескать, можемъ играть роль въ европейскихъ дѣлахъ, надобно пріобрѣсти право на благодарность Франціи, надобно „пріучить армію къ побѣдамъ“; кстати „армія“: Кавуръ хочетъ дѣлать завоеванія, а для завоеваній нужна сильная армія, а сильная армія не по средствамъ бѣднаго Піэмонта; такъ, но что же дѣлать? Сильная армія нужна и Кавуръ держитъ ее, хотя она не по средствамъ Піэмонта, а денегъ мало: сколько хлопотъ придумывать средства къ полученію денегъ!—до савойяровъ ли тутъ? Съ савойяровъ не много возьмешь деньгами; хорошо хоть то, что изъ нихъ выходятъ недурные солдаты; набираніе солдатъ, вотъ почти единственное отношеніе между Кавуромъ и савойярами, допускаемое множествомъ хлопотъ, поглощающихъ всѣ мысли и силы Кавура. Если теперь оказывается, что онъ ничего не сдѣлалъ для савойяровъ, можно ли его винить за то? Такъ, онъ совершенно правъ. Но что же изъ того вышло? Вышло то, что Наполеонъ III могъ сказать: отдайте мнѣ Савойю; для савойяровъ рѣшительно все равно, принадлежать ли вамъ или мнѣ; стало быть, дѣло зависитъ только отъ вашего желанія. Я вашъ союзникъ, я вамъ дѣлаю пользу—увеличиваю ваше государство, будьте же и вы полезны мнѣ—увеличьте мое государство; если вы не согласитесь, это значитъ, что вы не расположены ко мнѣ; другихъ причинъ къ отказу нѣтъ: савойяры не будутъ противиться. И вотъ Кавуръ, хотя вовсе невиненъ въ томъ, что не возбудилъ въ савойярахъ приверженности къ піэмонтскому правительству возвышеніемъ ихъ благосостоянія, терпитъ убытокъ. Будь савойяры противъ отдѣленія отъ Піэмонта, Наполеонъ не могъ бы и требовать уступки Савойи, а теперь требуетъ, и у Кавура нѣтъ никакихъ отговорокъ и онъ долженъ уступить.

Каждый человѣкъ, привлекающій на себя общее вниманіе, подвергается пересудамъ, въ которыхъ всегда бываетъ много вздора. Императоръ французовъ не

Digitized by Google

избѣжалъ этой участи: объ немъ говорятъ много ложнаго. Напримѣръ, утверждаютъ, будто бы, присоединяя Савойю къ Франціи, онъ слѣдуетъ принципу національности, принципу, несогласному съ преданіями господствующей политики, революціонному принципу: это клевета, гнусная клевета. Императоръ Наполеонъ въ этомъ дѣлѣ вѣренъ принципу, составляющему основаніе всякой дипломатики, согласной съ преданіями и признаваемой въ дипломатическомъ мірѣ за истинную политику. Онъ только хочетъ расширить предѣлы своего государства и увеличить его могущество. Какой хорошій дипломатъ не старается о томъ же для своего государства? Конечно, выгоды разныхъ государствъ сталкиваются въ этомъ случаѣ: то, что выгодно для одного, бываетъ вредно для другого; австрійскіе и прусскіе дипломаты совершенно правы, чувствуя недовольство отъ присоединенія Савойи къ Франціи; но они не могутъ сказать, чтобы императоръ французовъ не дѣйствовалъ тутъ по тѣмъ же самымъ принципамъ, какихъ держатся они. Обвинять его въ системѣ, основанной на принципѣ національности, совершенно несправедливо. Непричастность его революціоннымъ идеямъ, къ какимъ принадлежитъ принципъ національности, доказывается всѣмъ его правленіемъ. Кому мало этого доказательства, можетъ найти новое подтвержденіе невинности императора французовъ въ томъ, что вмѣстѣ съ Савойею онъ присоединяетъ къ Франціи Ниццу, городъ чисто итальянскій, съ округомъ чисто итальянскимъ. Тутъ уже явно, что политика Наполеона III основана на принципахъ чисто-дипломатическихъ, а не на какихъ нибудь революціонныхъ идеяхъ, въ родѣ принятія границъ національности за границы государства.

Дѣло присоединенія Ниццы представляетъ мыслящему человѣку одну черту, достойную великаго вниманія. Но чтобы дойти до факта, выставляющаго эту черту историческихъ дѣлъ, мы должны дополнить разсказъ, переведенный нами изъ писемъ, помѣщенныхъ въ Times'ѣ, очеркомъ событій, слѣдовавшихъ за тѣмъ временемъ, на которомъ остановился нашъ переводъ. Еще до вступленія французскихъ войскъ въ Савойю и Ниццу піэмонтское правительство стало постепенно отзывать изъ этихъ земель своихъ чиновниковъ, замѣняя ихъ людьми, которые подготовляли бы переходъ уступаемыхъ земель подъ новую власть. По вступленіи французскихъ войскъ, эта исторія продолжалась, и наконецъ временное управленіе все перешло въ руки приверженцевъ присоединенія. Главною ихъ заботою было, разумѣется, то, чтобы народъ вотировалъ за присоединеніе, когда будетъ предложенъ жителямъ вопросъ, хотятъ ли они перейти подъ власть Наполеона III. Какимъ порядкомъ велось это дѣло, можно видѣть по слѣдующему отрывку, который мы опять беремъ изъ той же корреспонденціи Times'а.

„Піэмонтскіе чиновники отозваны изъ Шамбери и Ниццы, но Викторъ-Эммануэль, неизвѣстно по какой надобности, соглашается, чтобы все дѣлалось отъ его имени. Онъ назначаетъ новыхъ правителей: савойяровъ въ Савойѣ, уроженцевъ Ниццы въ Ниццѣ, „чтобы нельзя было сказать, что выраженіе народныхъ чувствъ стѣснялось какимъ нибудь постороннимъ вліяніемъ“. Правителемъ Ниццы назначенъ Любонисъ, „человѣкъ нейтральнаго образа мыслей“; онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

„Всякое сомнѣніе относительно нашей судьбы кончено. Трактатомъ 24 марта король Викторъ-Эммануэль передалъ Савойю и Ниццу Франціи; но судьба народа должна зависѣть не исключительно отъ воли короля. Великодушный императоръ Наполеонъ и благородный Викторъ-Эммануэль выразили желаніе, чтобы трактатъ былъ утвержденъ народнымъ согласіемъ. Передъ священнымъ словомъ короля исчезаетъ всякая неизвѣстность

Digitized by Google

относительно нашего будущаго. Всякая оппозиція должна сокрушиться и стать безсильной противъ интересовъ страны и чувствъ долга. Притомъ же она встрѣтила бы непреоборимое препятствіе въ желаніяхъ Виктора-Эммануэля. Поспѣшимъ же утвердить нашими голосами присоединеніе нашей страны къ Франціи; будемъ отголоскомъ желаній короля; соединимся подъ знаменемъ великой и благородной націи, всегда пользовавшейся нашимъ сочувствіемъ; окружимъ престолъ славнаго императора Наполеона III съ вѣрностью, отличающею нашу страну, съ вѣрностью, которую до сихъ поръ мы такъ блистательно показывали династіи Виктора Эммануэля. Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ императоръ Наполеонъ III!"

Эти увѣренія офиціальныхъ лицъ, назначенныхъ самимъ королемъ сардинскимъ, что король не желаетъ выраженія вѣрности къ нему, что уступленныя области уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ не перейти подъ власть Франціи, были впрочемъ не главнымъ средствомъ заставить народъ подавать голоса противъ Сардиніи. Гораздо дѣйствительнѣе былъ другой способъ: каждому синдику (мэру) было объявлено, что онъ будетъ отвѣчать передъ императоромъ за вотированье той общины, которой управляетъ; кромѣ того, на него возлагалась обязанность переписать людей, которые стали бы подавать голоса противъ Франціи, чтобы представить эти списки будущему французскому начальству, а жителямъ общины объявить объ этомъ, чтобы они знали опасность сопротивленія. Многіе находятъ такой способъ дѣйствія дурнымъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что онъ имѣетъ достоинство благородной откровенности: дѣйствительно, гораздо лучше впередъ сказать людямъ, чего отъ нихъ хотятъ и чему подвергаютъ они себя въ случаѣ несогласія, нежели молчать и подвергать непріятностямъ, не предувѣдомивъ о нихъ. Само собою разумѣется, что почти всѣ поданные голоса были въ пользу Франціи, не только въ южной Савойѣ, которая была равнодушна, но и въ нейтрализованныхъ округахъ, желавшихъ присоединиться къ Швейцаріи, и даже въ Ниццѣ, для которой отдѣлиться отъ Піэмонта и стать французскимъ городомъ то же самое, что для Милана возвратиться подъ власть австрійцевъ. Въ результатѣ савойскаго вотированья Франція была увѣрена, но относительно Ниццы были нѣкоторыя сомнѣнія, потому вотированье въ Ниццѣ было назначено раньше, чѣмъ въ Савойѣ, чтобы жители не имѣли времени разубѣдиться въ своемъ мнѣніи, будто бы ихъ вотированье не будетъ имѣть вліянія на ходъ дѣла. Вотированье въ Савойѣ было назначено 22 апрѣля (новаго стиля), а въ Ниццѣ недѣлею раньше, 15 апрѣля. Остановимся теперь на этомъ фактѣ вотированья.

Чѣмъ окончательно рѣшена была судьба Ниццы и Савойи? Былъ уже давно заключенъ договоръ объ уступкѣ этихъ земель. Сардинія уже передала управленіе ими французскимъ агентамъ. Дѣло повидимому было кончено; но дѣйствительно ли было кончено оно? Спросимъ себя: что стали бы дѣлать Сардинія и Франція, если бы жители Ниццы и нейтральныхъ округовъ остались тверды въ своихъ желаніяхъ, если бы въ нейтральныхъ округахъ почти на всѣхъ билетахъ оказались слова: „присоединиться къ Швейцаріи", а въ Ниццѣ на всѣхъ билетахъ: „остаться въ піэмонтскомъ государствѣ", — что было бы тогда дѣлать? По всей вѣроятности нечего было бы дѣлать. Надобно было бы оставить Ниццу въ піэмонтскомъ государствѣ, а нейтральные округи присоединить къ Швейцаріи. Изъ этого мы видимъ, что какъ бы трудно ни было повидимому положеніе, но исходъ дѣла всегда можетъ быть измѣненъ твердостью людей, до которыхъ оно касается. Правда, вся трудность и состоитъ въ томъ и происходитъ отъ того, что съ самаго на[illegible]

Digitized by Google

оказывались они не способны къ твердости. Конечно, если бы жители Ниццы держали себя героями, которыхъ можно истребить, но не отдѣлить отъ Италіи, никто и не подумалъ бы требовать, чтобы Ницца была отдѣлена отъ Италіи, никто не подумалъ бы и соглашаться на такое требованіе. Все дѣло было основано на томъ, что не предполагалось въ нихъ геройства. Они слишкомъ хорошо подтвердили такое мнѣніе о себѣ своимъ вотированьемъ. Но не осудимъ ихъ за слабость: недостатокъ непоколебимости въ подобныхъ вещахъ и не называется слабостью, потому что мужество въ нихъ еще не въ нравахъ. Нашему вѣку не меньше или даже больше, чѣмъ прежнимъ вѣкамъ, свойственна военная храбрость; но до гражданскаго мужества ему еще далеко, потому что вездѣ на сто человѣкъ найдется развѣ одинъ гражданинъ. Впрочемъ, и то уже большой прогрессъ. Прежде гражданъ было еще меньше. Но прогрессъ это или нѣтъ, все-таки не слишкомъ еще скоро мы дождемся, чтобы каждый честный и храбрый человѣкъ сталъ гражданиномъ; а до той поры обыкновенный ходъ дѣлъ повсюду будетъ таковъ же какъ въ Ниццѣ, и постоянно будетъ утрачиваться въ долгіе періоды общественной апатіи бо̀льшая часть тѣхъ пріобрѣтеній, какія дѣлаются въ мимолетныя эпохи общественнаго одушевленія.

Уступка Савойи мало огорчаетъ итальянскихъ патріотовъ: страна эта населена французами, а не итальянцами; до ея потери нѣтъ дѣла національному чувству, подъ вліяніемъ котораго находятся теперь всѣ мысли итальянцевъ. Значительная часть либеральной партіи въ новомъ государствѣ Виктора-Эммануэля даже довольна тѣмъ, что отдѣлилась отъ него провинція, далеко отставшая по образованности даже отъ Піэмонта, не говоря уже о Ломбардіи и центральной Италіи, и посылавшая въ туринскій парламентъ депутатовъ клерикальнаго направленія, подававшихъ голоса противъ всякой прогрессивной мѣры. Но не таково чувство, производимое въ итальянцахъ уступкою Ниццы, города чисто итальянскаго: патріоты почти также скорбятъ о ней, какъ скорбѣли бы о возвращеніи Милана подъ австрійское господство. Вопросъ о Ниццѣ представлялъ единственную затруднительную часть дѣла при проведеніи трактата объ уступкѣ черезъ парламентъ. Дѣйствительно, вопросъ этотъ былъ поднятъ раньше всѣхъ другихъ въ парламентѣ, собравшемся 2 апрѣля. Мы приведемъ извѣстія объ этомъ изъ писемъ туринскаго корреспондента Times'а сдѣлавъ два—три замѣчанія для объясненія парламентскихъ формъ о которыхъ онъ упоминаетъ. Засѣданія новаго парламента въ королевствѣ сѣверной Италіи начинаются по прежней сардинской конституціи повѣркою выборовъ. Это дѣло занимаетъ нѣсколько засѣданій. Только по его окончаніи депутаты признаютъ себя окончательно утвердившимися въ своемъ званіи, получившими право исполнять свои конституціонныя обязанности. Тогда имъ прежде всего бываетъ надобно выбрать себѣ президента, вицепрезидентовъ и другихъ парламентскихъ сановниковъ. Только по выборѣ президента палата депутатовъ считаетъ себя конституировавшеюся, открывшею формальныя засѣданія. Только съ этого времени начинаетъ она совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ, а до той поры занимается лишь собственнымъ своимъ устройствомъ, конституированьемъ, подъ временнымъ предсѣдательствомъ старшаго по лѣтамъ изъ своихъ сочленовъ. Теперь сѣверно-итальянскій парламентъ по важности обстоятельствъ спѣшилъ кончить эти внутреннія формальности, чтобы скорѣе приступить къ совѣщаніямъ о государственныхъ дѣлахъ. Но все-таки онѣ должны были занять нѣсколько засѣ-

Digitized by Google

даній. Гарибальди, уроженецъ Ниццы, нравственно обязанный быть ея защитникомъ въ парламентѣ, не хотѣлъ терять времени, когда каждый часъ дорогъ, и въ засѣданіи 4 апрѣля, какъ только Кавуръ явился въ палату, сказалъ, что долженъ потребовать объясненій объ участи своего роднаго города. Теперь мы предоставляемъ разсказъ корреспонденту Times'а.

„Генералъ Гарибальди выбралъ мѣсто на одной изъ верхнихъ скамей крайней лѣвой стороны,—впрочемъ, политическія убѣжденія не всегда въ точности выражаются мѣстомъ, какое выбираетъ депутатъ въ Сардинскомъ парламентѣ. По правую сторону его сидитъ Лаврентп Робанди, депутатъ Ниццы, человѣкъ крайнихъ политическихъ мнѣній и горячаго характера. Храбрый генералъ много часовъ сидѣлъ неподвижно, выказывая рѣдкую терпѣливость и холодность среди безконечной болтовни своихъ товарищей. Въ половинѣ пятаго неожиданно вошелъ въ залу президентъ совѣта министровъ графъ Кавуръ; только что сѣлъ онъ на свое министерское мѣсто, сильный и твердый голосъ произнесъ обычную фразу: „требую слова". Это говорилъ Гарибальди. Водворилось глубокое молчаніе. Генералъ въ немногихъ словахъ попросилъ разрѣшенія сдѣлать вопросъ министру иностранныхъ дѣлъ. Графъ Кавуръ съ большою горячностью всталъ и съ видимымъ раздраженіемъ сказалъ, что совѣщаній нельзя еще начинать, потому что палата еще не открыла формальныхъ засѣданій; онъ запальчиво и даже нѣсколько грубо прибавилъ, что если бы даже вопросъ былъ предложенъ, онъ не сталъ бы отвѣчать. Гарибальди настаивалъ. Кавуръ обратился къ президенту, чтобы онъ предложилъ палатѣ вотировать „предварительный вопросъ", то есть объявить, что Гарибальди не можетъ дѣлать никакого предложенія или вопроса до формальнаго открытія совѣщаній. Другъ Гарибальди Лаврентп Робанди обратился къ палатѣ съ очень горячею рѣчью: онъ говорилъ о нетерпящихъ отсрочки обстоятельствахъ; другіе бурно требовали „предварительнаго вопроса". Меллана, членъ крайней лѣвой стороны, сидящій по правую руку Гарибальди, доказывалъ, что нѣтъ никакихъ даже и формальныхъ основаній недопускать требованіе Гарибальди. Палата вотировала, и значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ принятъ „предварительный вопросъ". Такимъ образомъ была разрушена первая попытка Гарибальди защищать городъ, въ которомъ онъ родился Кавуръ очевидно хочетъ выиграть время. Нынѣ Opinione объявляетъ, что черезъ недѣлю Ницца будетъ приглашена выразить свои желанія посредствомъ всеобщаго вотированья; если какими бы то ни было средствами она будетъ принуждена вотировать въ пользу присоединенія къ Франціи, парламентская оппозиція Гарибальди будетъ навсегда устранена. Но Кавуру все-таки прійдется провести нѣсколько дурныхъ минутъ при совѣщаніяхъ по савойскому дѣлу. Гарибальди, выходя изъ залы, сказалъ съ досадой: „пусть же каждый видитъ, какой у насъ парламентъ".

Цѣль Кавура была очевидна: ему хотѣлось отсрочить совѣщанія объ уступкѣ Ниццы до той поры, когда дѣло это уже окончится фактически. Но теперь онъ выигралъ отсрочку лишь на одну недѣлю, до окончанія повѣрки выборовъ. Лишь только палата конституировалась, Гарибальди возобновилъ свой вопросъ (въ засѣданіи 12 апрѣля). Мы опять переводимъ корреспонденцію Times'а.

„Туринъ. 12 апрѣля.

„Я надѣюсь, что въ Англіи не безъ интереса будутъ прочтены слѣдующія подробности, которыя могутъ служить предисловіемъ къ нынѣшнимъ преніямъ въ палатѣ по вопросу Гарибальди объ уступкѣ Ниццы.

„Новый губернаторъ Ниццы Любонисъ, авторъ знаменитой прокламаціи, смутившей даже министровъ, назначившихъ этого достойнаго сановника, терроризируетъ жителей Ниццы, чтобы они покорились желаніямъ императора французовъ. Газета Il Nizzardo, прекратившаяся по занятіи города французскими войсками, ободрилась и напечатала

Digitized by Google

еще нѣсколько нумеровъ, когда было объявлено, что призываютъ народъ свободно выразить свои чувства; Любонисъ конфисковалъ газету и угрожалъ тюремнымъ заключеченіемъ ея редактору. Всѣ синдики (мэры) получили увѣдомленіе, что каждый изъ нихъ будетъ отвѣтствовать передъ французскимъ правительствомъ за подачу голосовъ въ округѣ ему подвѣдомственномъ. Синдикамъ приказано составить списки людей, которые будутъ говорить противъ присоединенія къ Франціи; эти списки будутъ переданы французскому правительству. Епископъ издалъ циркуляръ, въ которомъ объявляетъ, что подать голосъ въ пользу Франціи есть долгъ совѣсти. Губернаторъ разослалъ своихъ агентовъ по всѣмъ сельскимъ округамъ, чтобы „организовать“ вотированье; этимъ агентамъ дано полномочіе распускать муниципальные совѣты, которые не раздѣляли бы чувствъ губернатора Ниццы, жаждущаго быть префектомъ. Здѣсь, въ Туринѣ, и во всей Италіи, уступка Ниццы печалитъ и раздражаетъ каждаго. Самые упорные приверженцы графа Кавура признаются, что отъ послѣднихъ его дѣлъ популярность его упала на сто процентовъ. Даже Павія, одинъ изъ городовъ недавно освобожденныхъ отъ австрійскаго ига, говоритъ въ адресѣ, присланномъ къ Гарибальди, что не можетъ радоваться своему освобожденію, видя участь Ниццы, и проситъ Гарибальди, чтобы онъ ободрялъ жителей своего роднаго города противиться до послѣдней крайности.

„Палата собралась въ началѣ втораго часа. Галлереи были переполнены зрителями, проникнутыми напряженнымъ ожиданіемъ. Новый президентъ, Ланца, прочелъ длинную рѣчь, потомъ всталъ графъ Кавуръ и положилъ на президентскій столъ два проэкта законовъ: одинъ изъ нихъ относился къ договору съ Франціей, другой къ декрету о присоединеніи центрально-итальянскихъ провинцій. Вслѣдъ за нимъ всталъ Гарибальди. Сильнымъ, яснымъ голосомъ онъ прочелъ пятую статью конституціи, говорящую, что никакая часть государства не можетъ быть уступлена или обмѣнена безъ согласія парламента, и сказалъ:

„Вотированье, требуемое теперь отъ жителей Савойи и Ниццы, не имѣетъ законности и дѣйствительности безъ утвержденія парламента. Трактатъ 24 марта, уступающій Ниццу Франціи, нарушаетъ право національности. Намъ говорятъ, что обмѣнъ двухъ маленькихъ за-альпійскихъ областей за Эмилію и Тоскану—выгодный обмѣнъ; но продавать народъ во всякомъ случаѣ жалкое дѣло. При стѣсненіи, которому подвергаетъ Ниццу французская полиція, вотированье чистая насмѣшка надъ народомъ“.

„Онъ изложилъ интриги французской полиціи, подкупы и угрозы, указалъ на объявленіе изданное Любонисомъ, говорилъ о томъ, что сардинское правительство тайно покровительствовало всѣмъ французскимъ проискамъ, и предложилъ, чтобы вотированье въ Ниццѣ было отложено до того времени, когда парламентъ вполнѣ разсмотритъ этотъ вопросъ.

„Кавуръ отвѣчалъ, что трактатъ 24 марта не изолированный фактъ, а принадлежитъ къ ряду великихъ политическихъ переворотовъ и событій, изъ которыхъ нѣкоторыя совершились, другія совершаются; чтобы дать генералу удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ онъ, надобно было бы войти въ объясненіе всей нашей политической системы, но я прошу отсрочить это до того времени, когда парламентъ будетъ разсматривать трактатъ съ Франціею: тогда я изложу передъ комитетомъ палаты положеніе дѣлъ и дамъ удовлетворительный отвѣтъ. Теперь я только скажу, что вопросъ о Савойѣ и Ниццѣ просто продолженіе той политики, которая привела насъ въ Миланъ, Болонью и Флоренцію. Если бы мы отвергли этотъ трактатъ, мы подвергли бы опасности всѣ наши славныя пріобрѣтенія. Теперь еще не время совѣщаться объ этомъ въ парламентѣ; но вотированіе Савойи и Ниццы не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго конституціи. Это вотированіе всегда можетъ быть уничтожено парламентомъ, который вовсе не будетъ связанъ мнѣніемъ жителей этихъ областей. Утвержденіе палатъ составляетъ условіе уступки, выраженное въ самомъ трактатѣ. Что же касается до интригъ, веденныхъ агентами разныхъ партій, то правительство не отвѣчаетъ за нихъ; оно озаботится, чтобы голоса подавались въ Савойѣ и въ Ниццѣ совершенно свободно. Правда, что нѣкоторыя дѣйствія временныхъ начальствъ въ Ниццѣ заслуживаютъ порицанія: Любонисъ не только превысилъ власть, дававшуюся ему инструкціями, онъ совершенно отступилъ отъ нихъ. Но онъ пользовался репутаціею честнаго и безпристрастнаго че-

Digitized by Google

ловѣка и все его прежнее поведеніе оправдывало выборъ, по которому онъ былъ назначенъ правителемъ Ниццы; а за свое отступленіе отъ инструкцій онъ подвергнутъ строгому выговору.

„Кавуръ заключилъ требованіемъ, чтобы совѣщанія по вопросу о Ниццѣ были отложены. Противъ него говорилъ Лаврента Робанди, депутатъ Ниццы, и другіе члены лѣвой стороны; въ защиту графа Кавура—другіе министры и нѣкоторые изъ депутатовъ министерской партіи. Маміани, министръ народнаго просвѣщенія, знаменитый публицистъ умѣренной либеральной партіи во времена предшествовавшія 1848 году, сказалъ рѣчь очень неловкую и показывавшую, что онъ уже не умѣетъ держать себя съ тактомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ неловкимъ образомъ сосредоточилъ защиту министерству на аргументѣ, въ которомъ дѣйствительно заключается сущность дѣла по мнѣнію Кавура и большинства итальянцевъ, но который не очень лестенъ для національнаго чувства. Теперь не время, сказалъ Маміани, разсуждать о законности. Трактатъ продиктованъ необходимостью; мы должны покориться. Впрочемъ, жители Ниццы имѣютъ большую симпатію къ Франціи. Французская нація могущественная амазонка, прелести которой неодолимы. Италія имѣетъ безчисленныхъ враговъ. Должна ли она поссориться съ единственнымъ своимъ союзникомъ и остаться безпомощной? Прочтите приказъ Ламорисьера. Неужели вы захотите разрушить все сдѣланное нами? Неужели мы захотимъ видѣть возстановленіе власти папы, австрійцевъ и неаполитанцевъ въ центральной Италіи, захотимъ видѣть тюрьмы, наполненныя патріотами, эшафоты, залитые кровью? Нѣтъ, лучше отдадимъ Ниццу на волю судьбы, которая пріятна многимъ изъ ея жителей".

Пренія были заключены вторичною рѣчью Кавура. Повторивъ прежнія свои мысли, онъ сказалъ: „Я пользовался большою популярностью и чувствую, что это дѣло губитъ ее". Большинствомъ голосовъ было принято требованіе Кавура отсрочить совѣщанія по вопросу о Ниццѣ, но впечатлѣніе было не въ пользу министерства. При выходѣ изъ залы Гарибальди былъ съ тріумфомъ принятъ толпою, собравшеюся передъ дворцомъ, а популярность Кавура дѣйствительно подверглась сильному колебанію. Вотъ что писалъ туринскій корреспондентъ Times'а.

„Туринъ. 13 апрѣля.

„Вчерашнее засѣданіе палаты депутатовъ произвело на всѣхъ тяжелое, печальное впечатлѣніе, отъ котораго до сихъ поръ люди еще не оправились. Правительство слишкомъ легко одержало побѣду, но такую побѣду, которая не приноситъ ему радости. Графъ Кавуръ принужденъ насильственно тяготѣть надъ рѣшеніями парламента, надъ вотированьемъ жителей Савойи и Ниццы; но это насиліе ему самому тяжеле всѣхъ. Если бы по крайней мѣрѣ онъ могъ высказаться, могъ сознаться, какъ отнята у него всякая свобода рѣшенія волею Франціи, онъ легко обратилъ бы самыхъ закоренѣлыхъ своихъ противниковъ отъ оппозиціи къ искреннему сочувствію; но онъ не можетъ высказать этого ни въ палатѣ, ни даже на страницахъ оффиціальной газеты и изливаетъ свои чувства, укрощаетъ гнѣвъ своихъ соотечественниковъ только въ краткой статьѣ полуоффиціальнаго Opinione. Я выпишу нѣсколько строкъ изъ этой статьи.

„Пренія, возбужденныя вопросомъ Гарибальди (говоритъ Opinione), были продолжительнымъ гнѣвнымъ стономъ депутатовъ Ниццы, отзывавшимся въ душѣ всѣхъ представителей націи. Не будемъ прикрывать этого дѣла нейдущими къ нему именами, назовемъ его настоящимъ именемъ: это великое, прискорбное пожертвованіе, приносимое націею для общаго блага. Этимъ объясняется огромное большинство голосовъ, поданныхъ вчера за правительство. Большинство палаты исполнило тяжкую, но неизбѣжную обязанность, и пусть не хвалится оппозиція своею ролью. Оппозиція могла безопасно высказать свои чувства, но только потому, что знала, что останется въ меньшинствѣ, и она сама была рада, что остается въ меньшинствѣ".

„Дѣйствительно, это такъ. Правительство скорбитъ въ своей побѣдѣ надъ оппозиціею. Оппозиція была бы уничтожена, если бы могла имѣть большинство. Маміани по

Digitized by Google

недогадливости сказалъ правду съ аркадскою наивностью: „Францiя амазонка, ужасная амазонка, внушающая страхъ даже своими обольстительными улыбками.“ Пожалѣемъ о Кавурѣ, принужденномъ любезничать съ этою страшною амазонкою! Еслибъ онъ могъ предугадывать, что не только долженъ будетъ уступить Савойю и Ниццу, но что это пожертвованiе будетъ сопровождаться нарушенiемъ всѣхъ государственныхъ законовъ, нарушенiемъ всякихъ правилъ справедливости, истины и чести, еслибъ онъ зналъ это и обдуманно довелъ себя до нынѣшняго положенiя, онъ былъ бы недостоинъ называться человѣкомъ. Но онъ по натурѣ расположенъ къ рискованной игрѣ. Ставка была велика, выигрышъ соблазнителенъ, а онъ привыкъ надѣяться на свое счастье. Его удачи въ Ломбардiи и въ центральной Италiи оправдывали его увѣренность въ своемъ счастьи, но теперь пришло ему время расплаты.

„Еслибъ онъ могъ хотя надѣяться, что этою уступкою оградился отъ дальнѣйшихъ требованiй! Никто не могъ безъ содроганiя слышать слова Мамiани: „Италiя должна выбирать между Францiею и совершенной безпомощностью.“ Меллана, членъ лѣвой стороны, справедливо спросилъ: „гдѣ же будетъ конецъ французской сторонѣ Альпъ? При Наполеонѣ I она простиралась на всю Лигурiю и даже на эту священную Пiэмонтскую землю, въ которой мы теперь еще можемъ говорить свободно.“ Мамiани сдѣлалъ намекъ, что Италiи нужна французская помощь для освобожденiя Венецiи, Рима и Неаполя. Но можно-ли ручаться за то, что Наполеонъ III никогда не вздумаетъ соединиться съ Австрiею, папою и Бурбонами противъ Италiи?

„Оппозицiя легко прiобрѣла всю нравственную честь въ пренiяхъ по вопросу Гарибальди. Она говорила то, что дѣйствительно думаетъ, и сердца слушателей, сердца самихъ противниковъ были на ея сторонѣ. Мужественная неловкость Гарибальди, страстный тонъ Лаврентi Робанди, трибунское краснорѣчiе Мелланы, суровая правдивость Манчини, все содѣйствовало усиленiю впечатлѣнiя“.

„Груди каждаго благороднаго итальянца нанесена кровавая рана результатомъ пренiй по вопросу Гарибальди (продолжаетъ корреспондентъ Times'а въ письмѣ 14 апрѣля). Я постоянно вижусь съ людьми всѣхъ партiй, и могу увѣрить васъ, что отъ каждаго слышу я одно и то же горькое замѣчанiе: „неужели таково должно было быть *первое* рѣшенiе *перваго* итальянскаго парламента?“ Гарибальди уѣхалъ вчера въ Ниццу; онъ не имѣлъ никакой надежды разрушить интриги, которыми агенты сардинскаго правительства отдаютъ французамъ Ниццу, связанную по рукамъ и по ногамъ. Гарибальди говорилъ, что покинетъ не только Ниццу, но и самую Италiю, уѣдетъ назадъ въ Монтевидео, въ Южную Америку. Теперь судьба Ниццы уже рѣшена безвозвратно. Но итальянцы все еще не имѣютъ силы примириться съ этимъ фактомъ и неудовольствiе владычествуетъ во всѣхъ умахъ.

„Графъ Кавуръ, говоритъ Diritto, могъ бы по крайней мѣрѣ созвать палату въ тайный комитетъ и сказать: господа! тяжкая необходимость, но неотвратимая необходимость принуждаетъ насъ уступить Ниццу Францiи. Можете ли вы указать мнѣ средство побѣдить эту необходимость? Я готовъ послушаться всякаго разсудительнаго совѣта. Но если вы подобно мнѣ думаете, что отъ этой неизбѣжной жертвы зависитъ безопасность нашей страны, то принесемъ эту жертву молча, принесемъ ее такъ, чтобы видно было, что мы только уступаемъ насилiю, которому не въ силахъ противиться; отдадимъ то, чего у насъ требуютъ, но по крайней мѣрѣ безъ постыдныхъ прикрытiй парламентскими совѣщанiями и народнымъ вотированьемъ“.

„Я такъ уважаю графа Кавура, что не хочу говорить съ его противниками, будто бы онъ „не жертва, а соучастникъ насилiя“. Если онъ и участвуетъ въ немъ, то по крайней мѣрѣ не добровольно. Разсчетъ французской политики въ томъ, чтобы не только отнять заальпiйскiя провинцiи у Пiэмонта, но и компрометировать въ общественномъ мнѣнiи Сардинскаго короля, его министровъ и либеральныя сардинскiя учрежденiя. Тутъ разсчетъ вѣрный: дѣло свободы должно пострадать оттого, что либеральный министръ пр[illegible]ать, а парламентъ играть глупую роль. Притомъ же французы будутъ [illegible] господствуетъ ихъ правительство надъ иноземными державами, [illegible] императора. Францiя хочетъ имѣть Савойю и Ниццу [illegible] волѣ создавать и низлагать

Digitized by Google

итальянскихъ государей,—это льститъ національному тщеславію. Не на графа Кавура должно падать порицаніе за уступку Савойи и Ниццы и за множество неблаговидныхъ вещей, которыя принуждено дѣлать сардинское правительство".

Мы не будемъ разсуждать о томъ, хорошо или дурно сдѣлалъ Кавуръ, рѣшившись купить расширеніе государства на югъ и востокъ продажею савойяровъ, которые не имѣли никакой охоты переходить подъ власть императора французовъ; мы уже нѣсколько разъ говорили объ этомъ. Уступка Ниццы не требуетъ никакихъ разсужденій: тутъ характеръ дѣла совершенно ясенъ. Читатель знаетъ, что Кавуръ не достигъ этою продажею той цѣли, какую предполагалъ, не пріобрѣлъ дружбы императора Наполеона, который по прежнему не одобряетъ даннаго противъ его воли сардинскимъ правительствомъ согласія на соединеніе центральной Италіи съ сѣверною. Когда трактатъ объ уступкѣ Савойи и Ниццы былъ уже напечатанъ, французское правительство объявило, что гарантируетъ только соединеніе Ломбардіи съ Піэмонтомъ, совершившееся по волѣ Наполеона III, но не гарантируетъ присоединенія Тосканы и Романьи,—это служитъ довольно яснымъ приглашеніемъ папѣ и австрійцамъ стараться о возстановленіи прежняго порядка дѣлъ въ центральной Италіи. До самаго послѣдняго времени мы читали извѣстія въ томъ же смыслѣ.

Какая судьба ожидаетъ Швейцарію, югозападная граница которой открывается вторженію французскихъ войскъ черезъ уступку нейтрализованныхъ савойскихъ округовъ? Говорятъ, что соберется конференція для разсмотрѣнія жалобъ швейцарцевъ и для пріисканія средствъ оградить ихъ безопасность. Когда будетъ опредѣлительнѣе извѣстно, что конференція дѣйствительно соберется, мы еще будемъ имѣть время посмотрѣть, чего можно ожидать отъ нея. Теперь еще нельзя ручаться и за то, что конференція соберется,—мы уже видѣли два или три раза въ прошедшемъ году, что предполагавшіеся конгрессы или конференціи подобнаго рода разстраивались. Но если бы конференція и дѣйствительно собралась, то, судя по нынѣшнимъ предложеніямъ о ней, нельзя ожидать, чтобы она успѣла что нибудь сдѣлать для огражденія Швейцаріи отъ опасности, представляемой новымъ слишкомъ могущественнымъ сосѣдствомъ.

Теперь положительно извѣстно, что Австрія, ободряемая нерасположеніемъ императора французовъ къ новому итальянскому королевству, готовится начать войну для возстановленія прежнихъ властей въ центральной Италіи. Удастся ли ей начать войну, или она будетъ удержана отъ нея внутренними своими затрудненіями, — этого не знаютъ и австрійскіе министры; но что ихъ правительство хочетъ войны, это дѣло явное для всѣхъ. Поводы къ войнѣ возникаютъ уже и теперь въ достаточномъ количествѣ, мы перечисляли ихъ нѣсколько разъ,—а скоро они должны явиться еще въ большемъ числѣ. Ламорисьеръ организуетъ теперь армію для папы, а дѣла въ Римѣ и въ Неаполѣ имѣютъ видъ, предвѣщающій сильныя вспышки. Мы на этотъ разъ ограничимся приведеніемъ газетныхъ извѣстій безъ всякихъ комментарій.

Читателю извѣстно, что въ Римѣ 19 марта былъ устроенъ папскою полиціею для недовольныхъ вечеръ, нѣсколько напоминающій Варѳоломеевскую ночь. Вотъ подробный разсказъ о немъ, сообщаемый корреспондентомъ Times'а.

Digitized by Google

„Римъ. 20 марта.

„Вчера Римъ былъ театромъ кровавой драмы. Я былъ зрителемъ всей этой сцены и, подвергаясь большой опасности, находился въ такомъ положеніи, что могу сообщить вамъ подробный и вѣрный разсказъ.

„16 марта предводители патріотической партіи издали слѣдующую прокламацію:

„Римляне! Генералъ Гарибальди устроилъ подписку для покупки милліона ружей на пріобрѣтеніе національной независимости. Принесемъ наши пожертвованія на алтарь отечества и будемъ помнить, что теперь мы можемъ только давать доказательства самоотверженности и терпѣнія. Стремясь къ своей великой цѣли, къ созданію итальянской независимости и свободы, мы должны хранить благородное и величественное спокойствіе, которое пріобрѣло намъ благодарность другихъ родныхъ нашихъ городовъ и симпатію всѣхъ образованныхъ націй. Надѣясь на справедливость нашего дѣла и на патріотическое усердіе людей, ведущихъ его къ торжеству, будемъ въ единодушіи и тишинѣ ждать того приближающагося дня, который соединитъ насъ съ остальными членами итальянской семьи".

„Правительство, раздраженное появленіемъ этой печатной прокламаціи, которая была прибита на всѣхъ улицахъ, прибѣгло къ арестамъ и обыскамъ. Обыски доставили ему свѣдѣнія о томъ, что готовится большая демонстрація на тотъ день, когда прійдетъ извѣстіе о результатѣ подачи голосовъ въ центральной Италіи. Дѣйствительно, патріоты рѣшили произвести вчера, въ понедѣльникъ, торжественное, но спокойное шествіе по Корсо въ честь соединенія центральной Италіи съ сѣверною. Они положили начать эту процессію въ пять часовъ вечера и кончить въ семь. Они сдѣлали распоряженіе, чтобы демонстрація происходила „съ обыкновеннымъ спокойствіемъ и совершенною умѣренностью, съ избѣжаніемъ всякихъ даже малѣйшихъ поводовъ къ безпорядку". Утромъ студенты, бывшіе по обыкновенію въ церкви, по окончаніи обѣдни стали служить благодарственный молебенъ по поводу присоединенія центральной Италіи. Прелатъ, управляющій церковью, прибѣжалъ въ бѣшенствѣ, вскочилъ на скамьи и бѣгая по нимъ кричалъ: „прочь, прочь отсюда, осквернители храма! Вы богохульствуете въ домѣ божіемъ!" То, что называлъ онъ богохульствомъ, было пѣніе церковнаго гимна „Тебѣ Бога хвалимъ". Обѣжавъ по скамьямъ, прелатъ бросился изъ церкви, кричалъ, чтобы призвали полицію; когда студенты вышли изъ церкви и увидѣли его въ такомъ бѣшенствѣ на улицѣ, они освистали его.

„Настало пять часовъ вечера. Правительство, знавшее о предположенной демонстраціи, распустило слухъ, что она будетъ происходить не на Корсо, а за Porta Pia; оно хотѣло этимъ ослабить собиравшихся на Корсо патріотовъ, чтобы они были беззащитны.

„Итакъ, настало пять часовъ и Корсо, по обыкновенію, былъ уже наполненъ экипажами прогуливающихся; экипажи по обыкновенію ѣхали шагомъ въ два ряда: одинъ рядъ вверхъ, другой рядъ внизъ по улицѣ. Тротуары были наполнены гуляющими горожанами съ женами и дѣтьми; число прогуливавшихся женщинъ было, по обыкновенію, гораздо больше числа мужчинъ. Не было нигдѣ видно ни одного папскаго жандарма, ни одного сбирра. Французскіе патрули стояли на обыкновенныхъ своихъ мѣстахъ, прогуливавшіеся совершенно ничего не предчувствовали. Вдругъ, въ концѣ шестаго часа, изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ, изъ всѣхъ переулковъ ринулись на Корсо толпы папскихъ жандармовъ, неистово гоня встрѣчавшихся имъ гуляющихъ и всячески стараясь поднять драку съ ними. Но толпа чрезвычайно терпѣливо сторонилась отъ нихъ, избѣгая всякаго столкновенія.

„Близъ Piazza Colonna стояла группа извѣстныхъ жандармскихъ сыщиковъ, переодѣтыхъ въ статское платье. Тутъ былъ Нордони, слишкомъ хорошо извѣстный во всякомъ костюмѣ; съ нимъ были Стринати, Джанелли, Валентини и Галанти; за ними стоялъ отрядъ карабинеровъ и безчисленная толпа сбирровъ. Нѣсколько молодыхъ людей проходили передъ группою переодѣтыхъ сыщиковъ. Нордори закричалъ имъ, чтобы они разошлись. Но они и безъ того шли не вмѣстѣ, а каждый порознь, потому не поняли, да и никакъ не могли исполнить этого приказанія. Нардони велѣлъ своимъ сбиррамъ

Digitized by Google

арестовать ихъ. Жандармы схватили за воротъ десять человѣкъ изъ молодежи. Народъ столпился около этой сцены, поднялся крикъ, шумъ; жандармы вынули свои палаши, народъ бросился на нихъ, стѣснилъ ихъ, прижалъ къ стѣнѣ; восемь человѣкъ изъ арестованныхъ были освобождены, но двое уведены солдатами въ полицейскую казарму, находящуюся на Monte Citorio. Между тѣмъ пробудился ропотъ въ народѣ, образовались большія толпы. Нордони съ своею командою исчезаетъ. Французскіе патрули также уходятъ. У Monte Citorio нѣсколько французскихъ офицеровъ стараются успокоить толпу обѣщаніемъ, что папскіе жандармы будутъ отведены изъ этихъ мѣстъ. Это обѣщаніе было исполнено: папскіе жандармы исчезли; полицейскую казарму заняли французскіе солдаты, народъ апплодировалъ французамъ. Смятеніе около полицейской казармы прекращалось.

„Между тѣмъ, по сосѣдству, на Piazza Colonna появились новые отряды папскихъ жандармовъ и бросились на народъ, гоня его съ площади на Корсо. Они прокладывали себѣ путь черезъ толпу и черезъ ряды экипажей, рубя своими палашами, а за ними бѣжали переодѣтые сбирры съ кинжалами и кололи людей· Не умѣю сказать вамъ, сколько человѣкъ ранено, но должно быть очень много. Кровь кипитъ во мнѣ отъ мысли о томъ, что я видѣлъ. Повсюду текла кровь, на землѣ лежали раненыя женщины и дѣти. Я самъ видѣлъ, что также ранено было трое французскихъ офицеровъ. Они бросались между народомъ и жандармами, стараясь остановить рѣзню. Благодаря ихъ усиліямъ, возстановился наконецъ порядокъ. Они показывали сочувствіе народу, обѣщали требовать наказанія убійцамъ, говорили, что будутъ свидѣтельствовать о тишинѣ, съ какою держалъ себя народъ, о томъ, что рѣзня начата была полиціею безъ всякаго повода. Ночью произведены новые аресты. Многіе уважаемые люди получили приказаніе выѣхать изъ Рима. Говорятъ, что ранено отъ 50 до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ женщины, дѣти и нѣсколько французскихъ офицеровъ. Фамилія двухъ молодыхъ людей, арестованныхъ на Piazza Colonna—Барбери“.

„Римъ. 23 марта.

„По донесеніямъ докторовъ, представленнымъ правительству, число лицъ, раненыхъ въ рѣзнѣ 19 марта, показывалось вчера въ 128 человѣкъ; нынѣ, какъ говорятъ, насчитываютъ уже 147 человѣкъ.

„Теперь достовѣрно извѣстно, что это столкновеніе было преднамѣренно вызвано папскою полиціею и что римское правительство хладнокровно придумало безчеловѣчную хитрость, чтобы поразить ужасомъ недовольное населеніе. Жандармы и сбирры всетаки имѣютъ человѣческую душу, у нихъ есть родственники или знакомые и они поутру предупреждали ихъ о томъ, что должно произойти вечеромъ.

„На Piazza Colonna стоитъ французскій караулъ. Видя множество людей, устремившихся на эту площадь изъ переулка, ведущаго отъ Monte Citorio, капитанъ Гордъ, начальствовавшій карауломъ, велѣлъ своимъ солдатамъ очистить площадь отъ народа, двинувшись на него со штыками. Отступая передъ войсками съ площади, толпа искала спасенія въ узкой улицѣ Корсо, которая была уже переполнена людьми, лошадьми и экипажами; отъ того произошло смятеніе, имѣвшее гибельныя слѣдствія: въ эту самую минуту конные и пѣшіе папскіе жандармы ринулись на Корсо отъ Monte Citorio, гоня передъ собою толпу. Они рубили направо и налѣво съ криками: „по домамъ, канальи! по домамъ, бездѣльники!“ Бѣжавшіе съ Monte Citorio втиснулись въ ряды бѣжавшихъ съ Piazza Colonna и этотъ удвоенный потокъ испуганныхъ, безпомощныхъ людей бѣжалъ по Корсо, сбивая съ ногъ встрѣчавшихся ему ничего не знавшихъ гражданъ, прогуливавшихся по улицѣ. Множество народа искало убѣжища въ обширныхъ залахъ дворцовъ Киджи, Піомбино и Феррайоли, нѣкоторые скрывались въ кофейныхъ и табачныхъ лавочкахъ, которыя однѣ были открыты въ этотъ день (19 марта у католиковъ праздникъ св. Іосифа). На Корсо была страшная давка. Лошади бѣсились, били и топтали людей; трескъ экипажей, стукъ ломающихся колесъ смѣшивался съ визгомъ [illegible] тей, съ криками женщинъ, а жандармы скакали среди этой давки, [illegible] кого попало. Въ кофейной Giglio d'Oro было шестеро французски[illegible]

Digitized by Google

іъ ваши сабли, или защищайте насъ", сказали римляне, сидѣвшіе также въ кофей-
й. Солдаты стали передъ дверями и она осталась неприкосновенной. Когда разнесся
икъ по всей улицѣ среди людей, ничего не знавшихъ о причинѣ смятенія, молодежь
всюду кричала: „дайте намъ ружья!" Въ нѣкоторыхъ кофейныхъ двери были заго-
жены стульями и столами. Я самъ былъ на Piazza Colonna. Толпа увлекла меня я
мъ не зналъ куда. Я хотѣлъ укрыться подъ воротами палацца Феррайоли. Подлѣ меня
лъ молодой человѣкъ, толкавшій меня впередъ съ крикомъ: „идите скорѣе, чтобы
астись мнѣ". Мимо насъ проскакалъ конный жандармъ; я оглянулся: молодой чело-
къ лежалъ на землѣ съ разрубленнымъ лицомъ. Я бросился на убійцу, но этотъ не-
дяй повернулъ лошадь, а передо мной уже стояли два сбирра, переодѣтые въ стат-
ое платье, со шпагами, вынутыми изъ палокъ, въ которыхъ прячутъ они свое оружіе.
и бросились на меня, но между нами бѣшено проскакала коляска съ дамами, ли-
вшимися чувствъ. Я вскочилъ на подножку коляски, она унесла меня отъ непріяте-
й и я нашелъ убѣжище въ той кофейной, которую охраняли шестеро французскихъ
лдатъ.

„Кромѣ главной аттаки, которую сдѣлали жандармы отъ Monte Citorio на Piazza
lonna, другіе отряды жандармовъ произвели еще множество аттакъ, бросаясь со
ѣхъ сторонъ на Корсо. За жандармами бѣжали и бросались на народъ полицейскіе
кинжалами. Выбѣгая изъ своихъ засадъ съ крикомъ: „прочь, канальи! прочь, иего-
и!" они бросались между экипажами и кололи мужчинъ и женщинъ, дѣтей и стари-
въ безъ всякаго разбора. Одинъ изъ жандармовъ врывался въ кофейную Баньоли,
угой нѣсколько разъ тыкалъ своимъ палашемъ въ окно кофейной de Scacchi, третій
ывался въ табачную лавочку Пиччони. По всему Корсо носился одинъ крикъ: „по-
щите женщинъ!" Но взадъ и впередъ по улицѣ бѣгали полицейскіе чиновники и
ичали: „надо покончить съ ними: рѣжьте всѣхъ!" Смятеніе и рѣзня перешли съ Корсо
сосѣднія улицы и повсюду повторялись тѣ же кровавыя сцены.

„Очищенный палашами и кинжалами, Корсо оставался пустъ лишь нѣсколько ми-
тъ. Черезъ четверть часа онъ снова наполнился людьми, которые вооружились пал-
ми и ножами; глаза ихъ горѣли мщеніемъ. Они разспрашивали другъ у друга, что
кое случилось, и проклинали себя за то, что дались въ обманъ, не приготовившись
защитѣ.

„Между тѣмъ носили раненыхъ въ госпитали и въ аптеки. Я видѣлъ нѣсколько
ретъ, наполненныхъ ранеными женщинами. Я видѣлъ, какъ подняли у одной двери
нщину съ разрубленной лѣвой грудью; подлѣ нея лежалъ ребенокъ съ разрублен-
мъ затылкомъ; оба они были, кажется, уже мертвы. Студентъ Черапіа получилъ два
бельные удара и рану кинжаломъ въ лѣвую руку. Другой студентъ, Цаккалеони,
лъ убитъ, когда уже лежалъ на землѣ. Одинъ священникъ былъ раненъ саблей и
итъ съ ногъ ударами приклада. Американскій вице-консулъ получилъ тяжелую рану
бокъ. Кормилица съ младенцемъ, ѣхавшая въ коляскѣ, была вмѣстѣ съ ребенкомъ
ита однимъ ударомъ; дама, ѣхавшая въ другой коляскѣ, получила по ногамъ са-
льный ударъ, нанесшій тяжелыя раны обѣимъ ногамъ ея. Другую даму везли по
ицѣ въ обморокѣ, — въ этомъ состояніи, она получила въ грудь рану отъ палаша
ного жандарма. Былъ убитъ ребенокъ на рукахъ матери. Два старика сидѣли въ ко-
йной близъ церкви Іисуса и Маріи, играя въ шашки. Вдругъ ворвался жандармъ,
илъ ихъ обоихъ своимъ палашомъ, и продолжалъ рубить ихъ тѣла съ такимъ бѣ-
нствомъ, что разбилъ въ куски мраморную шашечницу, на которой они играли.

„Замѣчательно было, какъ вели себя французскія войска во время всѣхъ этихъ
асовъ. При самомъ началѣ, когда два молодые человѣка, Бербери, были схвачены
ндармами у Monte Citorio, французскій капитанъ Ренаръ бросился въ толпу, убѣ-
ая народъ быть благоразумнымъ и увѣряя его, что арестованные будутъ освобождены.
идѣвъ проходившій сильный французскій патруль, Ренаръ обратился къ солдатамъ
словами: „будьте осмотрительны, потому что папскіе жандармы хотятъ поднять воз-
ніе". Когда началось смятеніе, французскіе патрули проходившіе по Корсо или оста-
лись бездѣйственны или скрывались, не помогая и не мѣшая жандармамъ. Черезъ
сколько времени французскій отрядъ явился на Monte Citorio, прогналъ оттуда

Digitized by Google

папскихъ жандармовъ и кроткими средствами убѣдилъ разойтись народъ, явившійся отмстить жандармамъ. Нѣсколько человѣкъ прогуливавшихся французскихъ солдатъ и офицеровъ были ранены папскими жандармами. Одинъ французскій майоръ былъ раненъ въ голову сабельнымъ ударомъ; другой офицеръ, племянникъ дивизіоннаго генерала, раненъ въ лѣвую руку. Весь корпусъ французскихъ офицеровъ выказываетъ сильнѣйшее негодованіе и сильно порицаетъ Гойона, который не принялъ, по словамъ офицеровъ, нужныхъ мѣръ для предупрежденія такого беззаконнаго дѣла. Капитанъ Гордъ, обратившій французскіе штыки противъ народа при началѣ возстанія, получилъ 16 вызововъ на дуэль отъ своихъ товарищей, исключенъ изъ офицерскаго клуба и отъ общаго офицерскаго стола. Офицеры написали протестъ противъ дѣйствій дивизіоннаго генерала, всѣ подписались подъ нимъ и онъ переданъ генералу командиромъ 40-го полка. Гойонъ издалъ приказъ, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе „о происшедшихъ неистовствахъ“, но его выраженія двусмысленны и онъ въ сущности хвалитъ жандармовъ. Тотчасъ по совершеніи рѣзни, вечеромъ 19 числа, онъ ѣздилъ въ жандармскую казарму и выразилъ свое одобреніе ихъ поступку; они получили также благодарность отъ папы и по пяти скуди на человѣка въ награду за свой подвигъ“.

„Римъ. 27 марта.

„Мало здѣсь людей, которые сомнѣвались бы въ томъ, отъ какой причины произошло кровавое дѣло 19 марта. Папское правительство думаетъ, что французскія войска могутъ въ самомъ дѣлѣ быть выведены изъ Рима, и вздумало воспользоваться ихъ присутствіемъ, чтобы навести на городъ ужасъ, который помогалъ бы держать римлянъ въ страхѣ и по удаленіи французовъ. Папское правительство еще не насытилось кровью пролитою 19 марта и усиливалось устроить новую рѣзню послѣ того. Особенно старалось оно объ этомъ въ субботу 24 марта, чтобы поймать народъ въ ловушку на другой день, въ воскресенье. Въ субботу по улицамъ были прибиты печатныя афиши, говорившія: „Римляне! не берите завтра съ собою гулять женщинъ и дѣтей, потому что мы должны отмстить. Жандармы, завтра мы ждемъ васъ на Корсо“. Эти афиши спокойно висѣли на стѣнахъ, полиція не срывала ихъ; я самъ своими глазами видѣлъ ихъ еще въ воскресенье. А надобно замѣтить, что всю предыдущую ночь Корсо было все наполнено войсками. Въ пять часовъ утра, въ воскресенье, привезены были въ казармы на Piazza de Popolo двѣ пушки,—ясный признакъ намѣреній правительства. Транстеверинцы и другіе простолюдины, думая, что афиши дѣйствительно прибиты комитетомъ либеральной партіи, готовились къ мщенію. Афиши эти были разсѣяны и по окрестностямъ Рима, такъ что изъ многихъ деревень пришли въ городъ вооруженные люди. Но либеральный комитетъ, понявъ цѣль, съ которой строится это дѣло и зная кто его строитъ, поспѣшилъ напечатать и роздалъ слѣдующую прокламацію:

„Римляне! Было совершено свирѣпое и кровавое беззаконіе. Вы желаете мщенія и должны получить его. Тяжело намъ укрощать страсти народа, вызываемаго къ насилію самимъ правительствомъ; но въ общественной жизни, такъ же какъ въ частной, мы должны умѣть терпѣть и ждать, обуздывать наши чувства и предаваться имъ только тогда, когда является надежда на успѣхъ. Если бы цѣлью нашей было только показать кардиналамъ, что мы не боимся ихъ головорѣзовъ, этихъ сбирровъ, которыхъ они съ жестокостью, незнакомою даже австрійцамъ, вооружили кинжалами,—еслибъ только это было нашей цѣлью, то, вы знаете, дѣло было бы коротко и легко. Но мы хотимъ того, чтобы освободить Римъ отъ ихъ ига. Время это уже недалеко, но оно еще не пришло. Теперь движеніе было бы несвоевременно; оно могло бы даже увеличить затрудненія, съ которыми должны бороться благородные защитники національнаго дѣла, могло бы ввести насъ въ столкновеніе съ французами. Покажите же теперь свое благоразуміе. Люди, вызывающіе васъ теперь на битву, увидятъ въ свое время, есть-ли у васъ недостатокъ въ мужествѣ; эти люди, вызывающіе васъ къ мщенію, дѣйствуютъ по инструкціямъ правительства; они хотѣли бы снова пролить благородную римскую кровь, пролить ее не на благо родины, а во зло ей. Эти вызовы идутъ отъ [illegible] кальной и австрійской партіи, отъ враговъ нашего возрожденія. Остерегай[illegible]

„Эта прокламація имѣла поразительное дѣйствіе. Вечеромъ Корсо былъ почти пустъ. Такимъ образомъ замыселъ папскаго правительства разстроился“.

Совершенно такимъ же образомъ было устроено неаполитанскою полиціею дѣло, называемое сицилійскимъ возстаніемъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ извѣстій о всемъ ходѣ его и даже не знаемъ достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся инсургенты теперь,—но вотъ лучшія изъ тѣхъ извѣстій, которыя дошли до газетъ въ то время, когда мы писали эти строки. Возстаніе началось въ Палермо,—мы имѣемъ объ этой начальной части его слѣдующее письмо, напечатанное въ Indépendance Belge.

„Палермо. 21 апрѣля.

„Попытка возстанія, произведенная 4 апрѣля въ Палермо, можетъ по послѣднимъ извѣстіямъ считаться рѣшительно неудавшеюся, хотя возстаніе распространялось по окрестностямъ Палермо и по другимъ частямъ острова и хотя неаполитанское правительство было принуждено въ послѣдніе дни посылать много подкрѣпленій въ Сицилію. Въ Мессинѣ сформирована летучая колонна для преслѣдованія инсургентовъ, удалившихся за городъ и ведущихъ партизанскую войну.

„Я провелъ въ Палермо три мѣсяца и былъ зрителемъ первыхъ двухъ дней этой неудачной попытки, потому могу войти въ нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возстанію и сопровождавшихъ его. Если бы хорошее правительство помогало развитію естественныхъ богатствъ Сициліи, она снова стала бы житницею Европы, какъ была въ древности. Трудно представить себѣ, какъ роскошна и прекрасна здѣсь растительность, какъ плодородна почва, какъ богаты рудники; но человѣкъ, пріѣхавшій въ Сицилію, бываетъ пораженъ отвратительнымъ состояніемъ дорогъ, постоянными правительственными стѣсненіями, грабительствомъ чиновниковъ, притѣснительными законами, мѣшающими всякому развитію. Сициліецъ, очень умѣренный по природѣ, еще могъ бы выносить это положеніе вещей, еслибъ не подвергалась постояннымъ опасностямъ его личная свобода, если бы не преслѣдовались онъ самъ и его родные и не возмущался его патріотизмъ. Сицилійцами легко было бы управлять, потому что нравы у нихъ патріархальные, а характеръ вовсе не требователенъ. Но неаполитанское правительство умѣло стать ненавистнымъ всему народу. Оно само причиной тому; оно какъ будто бы поражено совершенною слѣпотою; оно поступаетъ съ Сициліею не какъ съ родною провинціею, а какъ съ завоеванною страною. Полиція произвольно преслѣдуетъ всякаго честнаго человѣка, арестуетъ и мучитъ людей безъ всякаго повода, не допросивъ ихъ, не только не подвергнувъ суду. Причина преслѣдованій одна: подозрѣніе въ патріотизмѣ. Гоненія особенно усилились послѣ пораженія австрійцевъ въ Ломбардіи, потому что сицилійцы радовались побѣдамъ надъ ними. Трудно сказать, сколько тысячъ людей брошено за это въ тюрьмы: въ концѣ марта въ одномъ Палермо содержалось полторы тысячи политическихъ преступниковъ. Я самъ видѣлъ, какъ арестовали самыхъ скромныхъ людей безъ всякаго суда, какъ мѣсяца по три держали человѣка въ тюрьмѣ просто за то, что его братъ успѣлъ бѣжать изъ Сициліи отъ полицейскаго преслѣдованія. Разскажу вамъ одинъ фактъ.

„Въ началѣ марта былъ арестованъ г. Мальйоко; въ тюрьму къ нему не допускали никого. Братъ его, адвокатъ, отправился къ Манискалько, директору полиціи, съ просьбою быть допущену къ брату передъ началомъ суда о немъ, чтобы онъ могъ приготовиться къ защитѣ противъ обвиненія, оставшагося неизвѣстнымъ ему. „Кто же вамъ сказалъ, что вашъ братъ будетъ судиться?“ спросилъ у него директоръ полиціи.—„Я полагалъ, что такъ слѣдуетъ по закону“.—„Полиція выше закона“, отвѣчалъ Манискалько. Этотъ человѣкъ пользовался неограниченною властью.

„Въ концѣ марта жители Палермо были встревожены многочисленными арестами, [illegible] и тѣмъ, что люди, имѣвшіе средства, уѣзжали изъ города. Вице-король си[illegible]догъ Кастельчикала, уѣхалъ въ Неаполь и городъ остался въ полной власти

Digitized by Google

Манискалько и его сбирровъ, набранныхъ изъ гнуснѣйшихъ разбойниковъ и контрабандистовъ. Отчаяніе заставило думать о шансахъ революціи, но всѣ разсудительные люди доказывали явную невозможность успѣха и потому никто не ждалъ близкаго взрыва. Но въ деревняхъ было такое же недовольство какъ въ городахъ и поселяне не хотѣли слушать совѣтовъ объ отсрочкѣ возстанія; стали говорить, что будетъ возстаніе 3 апрѣля, но всѣ въ Палермо были убѣждены, что попытка будетъ неудачна. Жители города запирались въ своихъ домахъ, впередъ закупивъ себѣ провизіи на этотъ гибельный день.

„Полиція, знавшая обо всемъ, умѣла разстроить планъ заговорщиковъ: они хотѣли начать востаніе въ деревняхъ, она произвела рѣзню въ самомъ городѣ, начавъ стрѣлять по монастырю, въ которомъ спряталось человѣкъ 60 заговорщиковъ, думавшихъ начать дѣло тогда, когда войска уйдутъ изъ города усмирять возстаніе въ деревняхъ. Послѣ ожесточеннаго боя, длившагося два съ половиною часа, монастырь этотъ (Гуанчскій монастырь) былъ взятъ и всѣ инсургенты, которые не были убиты, были захвачены въ плѣнъ и отведены въ цитадель; въ числѣ ихъ было нѣсколько монаховъ. Тотчасъ же было провозглашено въ городѣ осадное положеніе и черезъ нѣсколько времени 13 человѣкъ изъ взятыхъ въ плѣнъ инсургентовъ были разстрѣляны.

„На другой день, 4 апрѣля въ полдень, поселяне начали нападать на городской гарнизонъ. Они въ разныхъ частяхъ острова продолжаютъ до сихъ поръ бороться съ войсками, но нельзя надѣяться на ихъ успѣхъ, если не получатъ они помощи изъ Италіи; а едва ли они получатъ ее. Большая часть этихъ партизанскихъ отрядовъ держится между Палермо и Джирдженти.

„Я не буду говорить о дикихъ свирѣпостяхъ, совершавшихся солдатами. Горничная, служившая въ одномъ бельгійскомъ семействѣ, была тяжело ранена въ своей комнатѣ и на другой день умерла; другая горничная, родомъ изъ Баваріи, служившая у княгини Петрульи, была также убита въ своей комнатѣ. Солдаты постоянно стрѣляли по всѣмъ улицамъ, хотя не было на улицахъ и тѣни возстанія: они думали только о грабежѣ. Я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, которыя вамъ покажутся рѣшительно невѣроятными.

„Нынѣшнее возстаніе происходитъ не съ прежнимъ лозунгомъ „да здравствуетъ Сицилія!“ а съ лозунгомъ „да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ итальянское единство!“; знаменемъ инсургентовъ было трехцвѣтное піэмонтское знамя“.

О томъ, что происходило въ Мессинѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія,—они доставлены двумя письмами, помѣщенными въ Times'ѣ.

Мессина. 15 апрѣля.

„Спѣшу сообщить вамъ подробности о невѣроятныхъ сценахъ, происходившихъ въ послѣдніе восемь дней, и ручаюсь вамъ за достовѣрность своихъ извѣстій. Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что жители Мессины, хотя, разумѣется, и были очень встревожены извѣстіями изъ Палермо, продолжали постоянно выказывать самое миролюбивое расположеніе, видя у себя гарнизонъ, съ которымъ не могли бороться. Всякому извѣстно, что одинъ огонь орудій цитадели и двухъ фортовъ, занимающихъ высоты, могъ бы усмирить городъ, еслибъ и не было сильнаго гарнизона. Потому всѣ усилія жителей были направлены къ одной цѣли, къ сохраненію тишины, и она казалась обезпеченною, когда полиція, неслыханнымъ образомъ дѣйствій, внесла безпорядокъ и кровопролитіе въ мирный городъ.

„По данному знаку были отперты всѣ тюрьмы, и уголовные преступники, наполнявшіе ихъ, наводнили городъ. Это неслыханное дѣло не замедлило принести плоды, и вечеромъ 8 числа патрули королевскихъ войскъ были освистаны, офицеры оскорблены и, говорятъ, двое изъ солдатъ убиты разбойниками, выпущенными на нашъ несчастный городъ по распоряженію полиціи. У солдатъ не достовало терпѣнія переносить эти обиды, войска начали стрѣлять по безоружной толпѣ, не хотѣвшей принимать битвы. Правда, солдаты направляли свои выстрѣлы такъ, чтобы пули не дѣлали вреда, но полицейскіе служители поступали иначе, и отъ ихъ выстрѣловъ упало человѣкъ восемь или десять.

Digitized by Google

„Полиція одержала первый свой успѣхъ: тотчасъ же городъ былъ объявленъ находящимся на военномъ положеніи, учредились военно-судныя коммиссіи и распространили такой ужасъ, что около третьей части жителей бѣжали изъ города въ поле, рискуя умереть тамъ съ голода. Въ довершеніе бѣдствій, гражданскій губернаторъ Мессины, маркизъ Артале, человѣкъ честнаго характера, былъ неожиданно отозванъ въ Неаполь и Мессина осталась беззащитною во власти военной диктатуры, руководимой полиціею. Такое положеніе дѣлъ и поступки солдатъ увеличивали опасеніе жителей, и видъ города становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

„Такъ длилось до 10 числа. Вечеромъ въ этотъ день горожане узнали, что англійскій и французскій консулы, опасаясь за своихъ соотечественниковъ, отправились къ генералу Руссо, командующему войсками, и получили отъ него обѣщаніе, что ни цитадель, ни форты не будутъ стрѣлять по Мессинѣ и что солдаты не будутъ врываться въ дома. Такое извѣстіе совершенно успокоило жителей, занимавшихся обыкновенными своими работами и промыслами, какъ вдругъ въ девять часовъ вечера страшный ружейный огонь, сопровождаемый пушечными выстрѣлами, ужаснулъ городъ. Огонь этотъ продолжался до двухъ часовъ утра. Пули влетали во многіе дома черезъ окна; люди, лежавшіе въ постели, были убиваемы картечью; другіе были застрѣлены, когда возвращались домой.

„Такимъ образомъ цѣлую ночь подвергали всѣмъ ужасамъ битвы жителей совершенно мирнаго города. Было объявлено, что войска стрѣляютъ по инсургентамъ; но эти инсургенты существовали, кажется, только въ воображеніи полицейскаго начальства: по крайней мѣрѣ не было ни одного изъ нихъ убитаго, раненнаго или взятаго въ плѣнъ. Эта страшная битва, эти ужасные пушечные залпы, этотъ ружейный огонь,—всѣ эти ужасы, происходившіе цѣлыхъ пять часовъ въ городѣ, были просто полицейскимъ фокусомъ; дѣло невѣроятное, но оно было именно такъ. Зачѣмъ же все это дѣлалось? За тѣмъ ли только, чтобы написать торжествующее донесеніе, или для устрашенія?

„Скоро жители узнали, что утромъ 11 числа генералъ Руссо взялъ назадъ обѣщаніе, которое наканунѣ далъ французскому и англійскому консуламъ. Такое извѣстіе довершило ужасъ и всѣ спѣшили покинуть городъ; онъ почти опустѣлъ. Иностранцы пошли искать себѣ защиты на гавани подъ пушками англійскаго корвета. Всѣ консулы, находящіеся въ Мессинѣ, отправились къ генералу Руссо. Онъ возобновилъ передъ ними свои прежнія обѣщанія, но это не помѣшало въ ночь съ 11 на 12 возобновиться сценамъ предыдущей ночи. Слѣдующія ночи были спокойны: полиція рѣшилась, по видимому, оставить въ покоѣ гражданъ, не хотящихъ возмущаться.

„За городъ послано нѣсколько летучихъ колоннъ противъ мнимыхъ инсургентовъ и безпрестанно приходятъ новыя войска на подкрѣпленіе гарнизона. Полиція торжествуетъ“.

„Мессина. 16 апрѣля.

„Не знаю, какъ и когда дойдетъ къ вамъ это письмо; но если нѣтъ у васъ болѣе свѣжихъ извѣстій, вотъ вамъ подробности о Мессинскихъ происшествіяхъ. Жалѣю, что не могу также сообщить вамъ свѣдѣній о событіяхъ въ Палермо, потому что съ 5 апрѣля прерваны всякія сообщенія между нами и столицею острова. 5 числа мы знали только, что началось въ Палермо возстаніе, что королевскія войска штурмовали монастырь Гуанчу, что послѣ упорнаго боя инсургенты ушли изъ города, что въ поляхъ борьба между солдатами и инсургентами продолжается, что инсургенты одерживаютъ въ стычкахъ верхъ и взяли до 200 солдатъ въ плѣнъ.

„Вы можете понять, какое глубокое впечатлѣніе было произведено этими извѣстіями, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали новыхъ извѣстій. Думали было начать возстаніе у насъ, чтобы помочь столицѣ, но легко было предвидѣть, чѣмъ кончится наше возстаніе: у насъ не было ни оружія, ни предводителей, ни плана; за нами наблюдалъ многочисленный гарнизонъ и пушки цитадели могли не выпускать насъ на улицу изъ домовъ, могли обратить въ пепелъ весь городъ; потому надобно было ждать. Самые пламенные патріоты проповѣдывали спокойствіе и порядокъ.

„Но не того хотѣла полиція, выпустившая воровъ изъ тюрьмъ, чтобы поднять возстаніе, которое послужило бы предлогомъ для рѣзни. Когда выпустили воровъ, [illegible] неизбѣженъ: негодяи, жаждавшіе крови и грабежа, начали напа-

Digitized by Google

дать на мирныхъ гражданъ, а полиція пользовалась этимъ. Городское начальство въ сопровожденіи почетнѣйшихъ гражданъ явилось къ Руссо, коменданту крѣпости, прося арестовать разбойниковъ, которые съ ножами въ рукахъ безнаказанно нападали на людей по улицамъ и грабили ихъ. Но комендантъ сказалъ явившейся къ нему депутаціи, чтобы она обратилась къ полиціи, прибавивъ: „не воровъ надобно арестовать, а либераловъ". У коменданта, очевидно, была своя цѣль.

„А между тѣмъ еще въ страстную субботу либеральный комитетъ отправилъ изъ Мессины въ Катану нѣсколько человѣкъ волонтеровъ, имѣвшихъ оружіе. Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что никто не хотѣлъ поднимать возстаніе въ Мессинѣ.

„Въ день Пасхи пришла изъ Неаполя депеша, увѣдомлявшая полицію и военное начальство, что инсургенты въ Палермо разбиты и разсѣяны. Вечеромъ въ этотъ же день полиція и вооруженные преступники, выпущенные изъ тюрьмъ, стали по общему плану вызывать жителей на битву. Честные граждане не жалѣли денегъ, ни убѣжденій, чтобы избѣжать столкновенія. Наконецъ во время спектакля положеніе приняло грозный видъ: у театра собралась огромная толпа, хотѣвшая положить конецъ оскорбленіямъ отъ полицейскихъ и выпущенныхъ преступниковъ. Офицеръ, командовавшій сильнымъ патрулемъ на театральной площади, велѣлъ толпѣ разойтись, грозя стрѣлять по ней въ случаѣ сопротивленія. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ толпѣ вынули оружіе, послышалось нѣсколько криковъ, солдаты приложились и стали стрѣлять. Толпа обратилась въ бѣгство. Тогда сбирры и освобожденные разбойники начали рѣзать народъ.

„Городъ тотчасъ же наполнился войсками. Жители, возвращавшіеся домой, искали спасенія въ первой двери, куда можно было бѣжать. Патрули стрѣляли по улицамъ до восьми часовъ вечера, хотя никто не оказывалъ сопротивленія.

„Вотъ исторія перваго дня Пасхи; теперь вы видите, какимъ именемъ надобно назвать мнимое Мессинское возстаніе

„На другой день прокламація коменданта Руссо объявила городъ находящимся въ осадномъ положеніи Другою прокламаціею онъ приказывалъ войскамъ обезоружить жителей города и предмѣстій. Третья прокламація отъ 10 числа приглашала бѣжавшихъ жителей возвратиться въ городъ къ прежнимъ занятіямъ. Но положеніе было опасно: Мессина была пустынею, въ которой находились только солдаты и пушки. Производились обыски и аресты. Въ девять часовъ вечера возобновилась стрѣльба по улицамъ; форты также стрѣляли.

„Эта тревога продолжалась всю ночь. Солдаты говорятъ, что на нихъ нападали инсургенты; но куда же дѣлись эти инсургенты? Не нашлось ни одного раненаго изъ нихъ, ни одинъ не былъ взятъ въ плѣнъ. Впрочемъ, это не помѣшало коменданту обнародовать утромъ 11 числа новый приказъ, говорившій, что ночью королевскія войска подвергались нападенію и что при малѣйшемъ возобновленіи такого случая Мессина будетъ бомбардирована.

„При этой угрозѣ, напоминавшей страшныя событія 1848 года, ужасъ жителей достигъ крайняго предѣла. Всѣ жители эмигрировали; каждый искалъ спасенія въ полѣ или на иностранныхъ корабляхъ, бывшихъ въ гавани.

„Русскій и австрійскій консулы переѣхали изъ города на фрегаты. Другіе собрались у французскаго консула г. Булара и подписали торжественную протестацію противъ образа дѣйствій генерала Руссо и его войскъ; они возлагали на генерала отвѣтственность за безчисленные произвольные и беззаконные поступки противъ ихъ соотечественниковъ и мирныхъ горожанъ, приведенныхъ въ ужасъ и отчаяніе. Эта протестація имѣла результатомъ обнародованіе слѣдующей прокламаціи:

„Квартира военнаго коменданта крѣпости Мессины и Мессинскаго округа. Объявленіе. Мы, генералъ-маіоръ Паскуале Руссо, военный комендантъ Мессинской крѣпости и ея округа, будучи увѣрены въ благонамѣренности жителей Мессины, объявляемъ, что крайнія мѣры строгости будутъ приняты только противъ злодѣевъ, бродящихъ по окрестнымъ полямъ и дошедшихъ въ своей дерзости до нападенія на вѣрныя королевскія войска. Потому мы приглашаемъ жителей успокоиться и возвратиться къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ, потому что они не должны имѣть никакихъ опасеній. Мессина, 11 апрѣля 1860, четыре часа вечера. Генералъ-маіоръ, комендантъ Паскуале Руссо

„12 апрѣля и всѣ три слѣдующіе дня прошли удовлетворительно. Не было сдѣлано ни одного выстрѣла и жители начинають успокоиваться“.

Вотъ переводъ протеста, представленнаго мессинскому коменданту консулами:

„Мессина, 12 апрѣля 1860. Генералъ, въ нынѣшнюю ночь въ городѣ Мессинѣ повторились большія насилія въ противность надеждамъ, возбужденнымъ въ насъ вашими увѣреніями, что миръ и спокойствіе возстановляются и что могутъ воротиться въ городъ бѣжавшіе изъ него, составляющіе почти все его населеніе. Люди, державшіе себя спокойно, и въ томъ числѣ одинъ старикъ, пали жертвами нападеній, къ которымъ не подавали никакого повода. Иностранные подданные, англичане и люди другихъ націй, подвергались величайшимъ оскорбленіямъ и самая жизнь ихъ была въ опасности. Все населеніе Мессины ведетъ себя мирно и до сихъ поръ не совершило ничего похожаго на возстаніе; потому оно въ правѣ требовать, чтобы сохранилось уваженіе къ его спокойствію, къ женщинамъ, къ дѣтямъ и къ собственности. А между тѣмъ господствуетъ величайшій ужасъ и, чтобы успокоить нашихъ соотечественниковъ, мы должны точнымъ образомъ объявить, какія увѣренія были намъ даны вами. Вы обѣщали намъ вашимъ честнымъ словомъ, которому мы вѣрили и не хотимъ не вѣрить, что цитадель и форты не будутъ стрѣлять по городу, что ни въ какомъ случаѣ солдаты не будутъ врываться въ дома, что городъ не будетъ больше тревожимъ пушечными и ружейными выстрѣлами по домамъ, уже нѣсколько дней не дающими ни одной спокойной минуты жителямъ города. Вы обѣщали также, что если будутъ происходить нападенія на заставы (нападенія внутри города невозможны), то не будутъ отвѣчать на нихъ ружейными и пушечными выстрѣлами, а будутъ отражать нападающихъ другими средствами, найти которыя легко вамъ по многочисленности вашихъ войскъ. Таковы были, генералъ, обѣщанія, данныя вами намъ, и вы намъ позволите вамъ ихъ напомнить теперь, чтобы они получили характеръ достовѣрности. Они даютъ намъ возможность содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ успокоить нашихъ соотечественниковъ и все городское населеніе. Просимъ васъ увѣдомить насъ о полученіи вами этого документа“.

Послѣднія четыре недѣли вообще были богаты случаями подобнаго рода; вотъ подробнѣйшій изъ прочитанныхъ нами разсказовъ о Пештскомъ дѣлѣ 15 марта; онъ напечатанъ въ Times'ѣ.

„Пештъ. 15 марта, 10 часовъ вечера.

„Пишу среди сильнаго волненія, чтобы разсказать вамъ, что сейчасъ здѣсь случилось. Была сдѣлана демонстрація и пролилась кровь. Венгерская революція 1848 года началась 15 марта, и университетская молодежь рѣшилась воспользоваться годовщиною, чтобы сдѣлать національную демонстрацію. Они дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно по собственнымъ мыслямъ, безъ одобренія предводителей національнаго движенія и даже не посовѣтовавшись съ ними. Но они хотѣли, чтобы демонстрація имѣла совершенно мирный характеръ: они хотѣли только отслужить въ католическихъ церквахъ нѣсколько панихидъ въ память патріотовъ, казненныхъ въ Арадѣ и Пештѣ и убитыхъ на войнѣ. Полиція встревожилась, зная, что одна искра можетъ воспламенить всю страну. Потому со вчерашняго дня были сдѣланы страшныя приготовленія. Нынѣ въ восемь часовъ утра собрались группы студентовъ, состоящія не изъ однихъ мадьяровъ, но также валаховъ, нѣмцевъ и словаковъ, и пошли по разнымъ католическимъ церквамъ отслужить панихиду. Но полиція не пустила ихъ ни въ одну изъ церквей, къ которымъ они подходили Въ десять часовъ утра собралось ихъ человѣкъ до 200, они стали совѣщаться, что имъ дѣлать, и рѣшили всѣ вмѣстѣ отправиться въ сосѣднюю церковь; по дорогѣ присоединилось къ нимъ много горожанъ. Надобно прибавить, что по торжественности этого дѣла, большая часть студентовъ были въ траурѣ. У ближайшей церкви, къ которой отправились они, нашли они сильный отрядъ полиціи, встрѣтившій ихъ криками: „убирайтесь, нѣтъ вамъ здѣсь мѣста!“ Тогда одинъ изъ студентовъ, руководившихъ товарищами сказалъ: „Друзья, пойдемъ отсюда, не начиная спора съ [illegible]. Молодые люди и горожане мирно пошли въ другую церковь, но и

Digitized by Google

тамъ ихъ не пустили, потомъ еще въ двѣ церкви, куда ихъ также не пустила полиція, наконецъ въ каѳедральную церковь, но и туда не были впущены. „Друзья, сказалъ одинъ изъ предводителей, пойдемъ на кладбище: по крайней мѣрѣ хотя тамъ намъ не помѣшаютъ молиться за умершихъ". Они пошли на Францово кладбище и по дорогѣ ихъ процессія съ каждою минутою возрастала отъ присоединенія къ ней горожанъ; но вся она соблюдала совершеннѣйшій порядокъ и студенты постоянно говорили народу, чтобы онъ не прибѣгалъ къ силѣ, что бы ни случилось. Войска гарнизона были между тѣмъ выведены изъ казармъ и занимали разные посты. Дошедши до кладбища, процессія съ удивленіемъ увидѣла, что оно занято сильными отрядами полиціи и войскъ. Одинъ изъ офицеровъ закричалъ: „уходите прочь сейчасъ же, или мы станемъ стрѣлять въ васъ".—„Нѣтъ, сказалъ одинъ изъ студентовъ, вы не будете стрѣлять, потому что дурно было бы нападать на людей совершенно мирныхъ". Единственнымъ отвѣтомъ на то было арестованіе нѣсколькихъ студентовъ. Другіе студенты бросились было выручать товарищей, но арестованные кричали: „не связывайтесь съ полиціей; оставьте насъ, идите на другое кладбище". Процессія рѣшила идти на Керепашское кладбище и отправилась туда въ совершенномъ порядкѣ. Пришедши на Керепашское кладбище, студенты и горожане увидѣли передъ собою сильные отряды войскъ, которые, не говоря ни слова, бросились на массу въ штыки. Нѣсколько студентовъ было ранено и еще нѣсколько человѣкъ арестовано. Тогда раздраженные студенты бросились на одинъ изъ отрядовъ, онъ далъ по нимъ залпъ. Случайно или преднамѣренно солдаты выстрѣлили выше головъ, такъ что пули пролетѣли надъ народомъ. Но все-таки и тутъ былъ раненъ одинъ изъ бывшихъ въ толпѣ. Люди составлявшіе процессію двинулись назадъ и, какъ говорятъ, жандармы сдѣлали еще залпъ вслѣдъ имъ. Всѣ жители Пешта, услышавъ объ этомъ дѣлѣ, выразили сильное негодованіе на австрійское начальство, но къ счастію удержались отъ насильственныхъ дѣйствій. Впрочемъ, вечеромъ собралась большая толпа у національнаго театра и, когда проѣзжали мимо нея въ театръ австрійскіе чиновники съ семействами, горожане кричали: „вы думаете о забавахъ въ такой день, когда пролита кровь патріотовъ... Стыдитесь! воротитесь назадъ!" Австрійцы вернулись. Но черезъ нѣсколько времени пришли къ театру двѣ роты жандармовъ и съ большими грубостями разогнали толпу. Всѣ находятъ что австрійское начальство поступило очень дурно, велѣвъ стрѣлять по безоружнымъ людямъ и колоть ихъ штыками. Оно очевидно желало раздражить народъ, чтобы довести его до возстанія и получить предлогъ къ подавленію его военными средствами. Вѣнское правительство думаетъ, что залить кровью возстаніе въ Пештѣ значило бы задушить національное чувство по всей Венгріи".

Читатель знаетъ, что послѣ этого было введено въ Венгріи уже чисто и открыто военное управленіе вмѣсто прежняго, имѣвшаго хотя по наружности мирныя гражданскія формы. Безграничная власть надъ Венгріею поручена генералу Бенедеку.—Въ самой Вѣнѣ страшно разыгрывается дѣло о покражахъ по коммиссаріатскому и провіантскому вѣдомству въ послѣднюю войну. Мы не упоминали о самоубійствѣ Эйнаттена, потому что для насъ прискорбны подобные факты, раскрывающіе слабые стороны правительства, пользующагося глубокимъ нашимъ уваженіемъ за свою послѣдовательность, за опредѣлительность и твердость своей системы. Но мы противъ воли должны упомянуть о самоубійствѣ барона Брука, министра финансовъ, столь славившагося своею мудростью: читатель не простилъ бы намъ совершеннаго молчанія о происшествіи, надѣлавшемъ такого шума. Мы еще не находимъ въ газетахъ подробныхъ извѣстій о прискорбной кончинѣ человѣка, оказавшаго столь важныя услуги австрійской политикѣ своими талантами, — мы знаемъ только, что онъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу о коммиссаріатскихъ злоупотребленіяхъ, получилъ отставку и не перенесъ стыда. Но вотъ письмо, помѣщенное въ Times'ѣ и нѣсколько поясняющее характеръ дѣлъ, раскрытіе которыхъ было причиною столь грустнаго событія.

Digitized by Google

„Тріэстъ. 29 марта.

„Главнымъ предметомъ разговора служитъ гигантское воровство, открытое въ коммиссаріатскомъ управленіи. Оно безъ сомнѣнія сильно содѣйствовало внезапному окончанію итальянскаго похода. Теперь, не смотря на старанія чрезвычайно сильныхъ людей замять дѣло, обнаруживаются позорнѣйшіе факты, въ которыхъ замѣшано множество лицъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ занимаютъ такія высокія положенія, что опасно и упомянуть о нихъ. Австрійскія газеты очень скудны извѣстіями объ этихъ дѣлахъ и вѣроятно вовсе не заговорили бы объ нихъ, еслибъ не самоубійство генерала Эйнаттена,—происшествіе, котораго нельзя было скрыть. Недочетъ простирается до изумительной цифры 17,000,000 гульденовъ (болѣе 10 милліоновъ рублей серебромъ). Но вотъ самая поразительная и малоизвѣстная часть этой исторіи. Изъ источниковъ, заслуживающихъ полной вѣры, я слышалъ, что на знаменитомъ свиданіи двухъ воевавшихъ императоровъ,—на этомъ свиданіи, результатомъ котораго былъ Виллафранкскій миръ, императоръ Наполеонъ сказалъ Францу Іосифу: „ваше величество не ошибетесь, если выслушаете дружескіе и благонамѣренные совѣты. Вы окружены предателями. Ваше величество думаете, что у васъ въ крѣпости Мантуѣ запасено провіанта на шесть мѣсяцевъ; я скажу вамъ,—тутъ императоръ Наполеонъ выразительно поднялъ палецъ,—я скажу вамъ, что въ Мантуѣ нѣтъ провіанта и на шесть дней. Удостовѣрьтесь въ истинѣ моихъ словъ и поступите сообразно съ ними". По изслѣдованіи дѣла слова императора французовъ оказались справедливыми.

„Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о нагломъ безстыдствѣ воровства и томъ, сколько лицъ участвовали въ немъ, разскажу вамъ одинъ случай изъ множества подобныхъ. Быки, которыхъ вгоняли въ Мантую одними воротами, выходили изъ города черезъ противоположныя ворота и, сдѣлавъ полукругъ около стѣнъ, опять входили въ первыя ворота, такъ что каждый быкъ проходилъ и считался пять разъ. Но, послушайте, дальше будетъ еще лучше. Одинъ изъ Тріэстскихъ купцовъ заключилъ съ австрійскимъ правительствомъ контрактъ, по которому покупалъ шкуры быковъ, убитыхъ для продовольствія войскъ. Будучи въ живыхъ, каждый быкъ исполнялъ дѣло за пятерыхъ быковъ, но убить его можно было только одинъ разъ и больше одной шкуры содрать съ него было нельзя. Купеческая фирма, не получивъ условленнаго числа шкуръ, потребовала отъ правительства неустойки, которая контрактомъ полагалась по гульдену за каждую недоданную шкуру; неустойка была выдана и купецъ получилъ 30,000 гульденовъ за невыдачу шкуръ съ быковъ, которые не существовали на свѣтѣ. Сольферинская и Маджентская битвы могли бы кончиться не тѣмъ, если бы голодъ не ослабилъ мужество австрійскихъ солдатъ; но довольно объ этомъ.

„Очень распространенъ слухъ, которому иные вѣрятъ. Я не причислю себя къ вѣрящимъ, но разсказъ любопытенъ и быть можетъ лучше не слишкомъ точно изслѣдовать его справедливость. Говорятъ, что императоръ Францъ Іосифъ, встревоженный сномъ, который видѣлъ три ночи сряду, обратился къ совѣтамъ своей матери, эрцгерцогини Софіи; она призвала гадальщицу, таинственной способности которой сама вѣритъ. Старуха спросила, что̀ императоръ видѣлъ во снѣ. Императоръ сказалъ, что видѣлъ во снѣ трехъ мышей: одна была совершенно слѣпая, другая такая жирная и надутая, что едва могла ходить, а третья слабая, жалкая, почти умирающая съ голоду. Старуха сконфузилась и стала говорить, что не умѣетъ разгадать сонъ; но ее успокоили, увѣрили, что опасаться ей нечего, а напротивъ, она будетъ награждена, что̀ бы ни сказала; тогда, ободрившись, она дала такое истолкованіе: „слѣпая мышь—ваше величество; жирная мышь—ваши министры; а исхудавшая, умирающая, измученная мышь—вашъ народъ". Справедливъ или несправедливъ этотъ разсказъ, но онъ подходитъ къ нынѣшнему положенію Австріи; а самая дурная вещь то, что слѣпая мышь до сихъ поръ остается слѣпой. Если дѣла пойдутъ по прежнему, то не трудно будетъ исполниться предреченію эрцгерцога Фердинанда Максимиліана, который въ іюлѣ прошлаго года говорилъ Францу Іосифу: „если ваше величество будете продолжать идти этимъ путемъ, вы погубите и себя и государство".

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

МАЙ. 1860.

Сицилійскія дѣла.—Конституція, полученная Австріею.—Либерализмъ французскаго сената.—Парламентская реформа въ Англіи.

„16 мая 1860 года.

Одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка, Гоббзъ, удивлялъ людей тѣмъ, что съ пренебреженіемъ откладывалъ въ сторону книги по ихъ мнѣнію очень интересныя; наконецъ онъ удостоилъ отвѣта пріятелей, порицавшихъ его за отсутствіе любознательности, странное въ такомъ глубокомысленномъ и великомъ ученомъ: „если бы я читалъ такъ много книгъ, какъ другіе, я сталъ бы такъ же глупъ, какъ другіе". До того, до чего дошелъ онъ по принципу, безъ намѣренія доходишь просто по досадѣ: противно читать бо́льшую часть книгъ, потому что на каждой страницѣ въ нихъ встрѣчаешь неизвѣстно съ чего взятыя мнѣнія, которыми авторъ угощаетъ васъ будто аксіомами, на которыхъ основываетъ всѣ свои соображенія, прикрашиваніемъ подъ цвѣтъ которыхъ искажаетъ всѣ факты. Вотъ, напримѣръ, хотя бы мнѣніе о нынѣшнемъ итальянскомъ народѣ. Попробуйте заглянуть въ какую угодно книгу или статью объ итальянцахъ, писанную до очень недавняго времени: повсюду вы найдете одно и то же: „итальянцы, за исключеніемъ однихъ сардинцевъ, народъ отжившій или по крайней мѣрѣ надолго утратившій способность дѣйствовать энергически или настойчиво; они облѣнились, изнѣжились, испортились; какое сравненіе съ англичанами или хотя бы французами, нѣмцами. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ мужчина въ полномъ смыслѣ слова; итальянецъ—существо женоподобное, быть можетъ доступное горячимъ минутнымъ порывамъ, но лишенное всякой иниціативы, всякой способности къ настойчивому труду, всякаго довѣрія къ своимъ силамъ; онъ годенъ быть только опернымъ пѣвцомъ, кардиналомъ или лаццарони, онъ не въ силахъ быть гражданиномъ". Каждый, разсуждавшій объ итальянцахъ, толковалъ на основаніи этой мнимой аксіомы, и человѣку, требующему доказательствъ на предлагаемыя ему мысли, несносно было читать пошлыя разсужденія, основанныя на этомъ мнѣніи, которое само неизвѣстно на чемъ было основано. Теперь вѣроятно ни одинъ изъ писавшихъ или говорившихъ подобныя вещи не можетъ безъ стыда вспомнить, какую чепуху писалъ или говорилъ онъ. Итальянцы изумляютъ своею гражданскою дѣятельностью всю либеральную Европу, печалятъ всѣхъ консерваторовъ. Обстоятельства сложились такъ, что самымъ яркимъ образомъ выставилась въ итальянскомъ характерѣ именно та самая черта, которую въ немъ отрицали, вы-

Digitized by Google

казалась съ такою силою и настойчивостью, какой могли бы позавидовать и англичане, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, и выказалась именно какъ черта всего народа, цѣлой массы населенія, а не какихъ нибудь немногихъ руководителей. Нѣтъ, руководителей не было у итальянцевъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыми удивили они Европу,—напротивъ, люди поставленные такъ, чтобы служить имъ руководителями, дѣлали все для подавленія національной энергіи. Вспомнимъ центральную Италію и Кавура. Ободрялъ ли Кавуръ тосканцевъ и романьоловъ стать подъ національное трехцвѣтное знамя? Нѣтъ, онъ говорилъ имъ въ апрѣлѣ, въ маѣ, въ іюнѣ прошлаго года: „будьте смирны, не компрометируйте насъ; вы можете повредить нашему общему дѣлу своимъ возстаніемъ, которое прогнѣвитъ нашего союзника; а помощи мы вамъ дать никакой не можемъ, намъ это не позволено“. Лишенные всякой помощи, всякой надежды на помощь, тосканцы и романьолы все-таки сдѣлали то, чего хотѣли. Вотъ они могутъ располагать собой и просятъ уже не помощи, а только того, чтобы Сардинія взяла на себя распоряженіе ихъ войскомъ, ихъ деньгами, ихъ усердіемъ къ національному дѣлу. Кавуръ не согласенъ и на это; ему говорятъ; „вы не хотѣли помочь намъ, теперь мы готовы помогать вамъ“; онъ отвѣчаетъ: „мы не можемъ принять вашей помощи; она компрометируетъ насъ; она прогнѣвитъ нашего союзника. Лучше мы останемся сами по себѣ, а вы оставайтесь сами по себѣ. Прежде я не могъ помочь вамъ, но теперь дамъ вамъ полезный совѣтъ: нашъ союзникъ желалъ бы составить изъ васъ королевство для принца Наполеона; онъ посылается къ вамъ во Флоренцію, чтобы познакомились съ нимъ, полюбили его, попросили его быть вашимъ королемъ: вы такъ и сдѣлайте; иначе вы погибнете, можетъ быть погубите и насъ“. Опять-таки народъ центральной Италіи сдѣлалъ по своему: сказалъ, что хочетъ присоединиться къ Сардиніи, а другаго ничего не хочетъ. Сколько времени отталкивала отъ себя Сардинія центральную Италію, сколько разъ объявляла, что не можетъ согласиться на ея присоединеніе, — все напрасно, народъ центральной Италіи настоялъ таки на своемъ. Мы не порицаемъ Кавура: если мы указываемъ именно на него, а не на какихъ нибудь Ламармору и Дабормиду, это потому, что онъ все-таки гораздо рѣшительнѣе и тверже ихъ. И не къ тому мы припоминаемъ событія, относящіяся къ центральной Италіи, чтобы хвалить поступки ея населенія: напротивъ, мы очень хорошо знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ судить о нихъ,—мы знаемъ, что должны судить слѣдующимъ образомъ: вѣрность составляетъ первую обязанность подданнаго; тосканцы не соблюли ее; ихъ возстаніе должно считаться нами за дѣло непростительное. Нѣсколько извинительнѣе отложеніе Романьи отъ папы, потому что папское правительство уже слишкомъ дурно. Но если о романьолахъ можно судить снисходительнѣе, нежели о тосканцахъ, то все-таки оправдывать ихъ никакъ нельзя намъ: измѣна все-таки измѣна, бунтъ все-таки бунтъ, то есть великое преступленіе и тяжкій грѣхъ. Подданные папы должны были съ терпѣніемъ ждать, пока законное ихъ правительство увидитъ надобность облегчить ихъ судьбу и найдетъ способы сдѣлать это безъ нарушенія своей системы, основанной на принципахъ самыхъ благотворныхъ, хотя къ сожалѣнію имѣющихъ нѣкоторыя тяжелыя стороны, какъ, напримѣръ, враждебность къ просвѣщенію, къ правосудію и ко всякой законности. Надобно было переносить неудобства этой системы съ надеждою, что когда нибудь она смягчится волею самого папы. Мы знаемъ, что нельзя намъ сказать, будто бы поступки жителей

Digitized by Google

центральной Италіи были хороши; напротивъ, они были очень дурны,—такъ и должны сказать. Мы только хотѣли замѣтить, что народъ центральной Ита… высказалъ тутъ всѣ качества, которыя отрицались въ немъ: смѣлую и насто… вую инициативу, непреклонную энергію, гражданское мужество; пусть мы обяз… сказать, что эти качества выказались въ дурномъ направленіи: мы обраща… вниманіе не на то, въ какомъ направленіи, а только на то, въ какомъ разм… они выказались. Будучи, какъ читатель знаетъ, порицателями итальянскаго дв… женія, мы не должны однако же скрывать отъ себя практическихъ способност… въ людяхъ, поступки которыхъ порицаемъ. Точно то же самое теперь мы види… въ сицилійскомъ возстаніи. Не боясь прослыть реакціонерами, мы прямо долж… сказать, что громко порицаемъ его, и никакіе либеральные толки не даютъ на… возможности выразить иного сужденія о немъ. Будемъ прямо говорить такъ, как… принуждены, къ сожалѣнію, говорить. Толкуютъ о несносныхъ будто бы прит… сненіяхъ, которымъ подвергались сицилійцы. Какой вздоръ! Гдѣ же тутъ нес… сность, когда переносилась эта несносность въ теченіи цѣлыхъ одиннадцати лѣт… почти цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, съ лѣта 1848 года, когда была усмирена с… цилійская революція? Къ чему употреблять реторическія фразы? Того, что пер… носится, нельзя называть несноснымъ. Будемъ же говорить скромнѣе: „положе… сицилійцевъ было тяжело"; это можно сказать; это правда, потому что они п… стоянно жаловались, а если люди жалуются, значитъ они недовольны, а если н… довольны, значитъ имъ дурно. Итакъ, мы согласны, что положеніе сицилійцев… было тяжело. Но, что за эгоизмъ, что за низость чувства нарушать свои обяза… ности къ правительству изъ-за непріятности своего положенія! Развѣ того тр… буетъ правительство? Развѣ неаполитанское правительство само не знало, хорош… или дурно сицилійцамъ? Нѣтъ, оно знало, что имъ дурно. Почему же оно дѣй… ствовало такъ, что имъ было дурно? Развѣ кто нибудь дѣлаетъ безъ надобност… что бы то ни было, дурное или хорошее, все равно? Значитъ, неаполитанско… правительству была надобность дѣлать тѣ распоряженія, которыми были недовольн… сицилійцы. Теперь: не признакъ ли безразсудства порицать кого нибудь за т… что онъ поступаетъ, какъ требуетъ его надобность? Сицилійцы были очень б… разсудны, порицая неаполитанское правительство. Оно поступало, какъ ему слѣ… довало поступать. Они должны были порицать самихъ себя за то, что не пост… пали такъ, какъ имъ слѣдовало поступать. Какъ же слѣдовало поступать им… Отвѣчать на этотъ вопросъ трудно, потому что каждому извѣстна пословица: „ч… жую бѣду по пальцамъ разведу, а къ своей ума не приложу". Давать совѣты легко, но каково исполнять ихъ? Исполнять такъ трудно, что обыкновенно и сам… мудрые совѣтники не дѣлаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ. Впрочемъ т… перь уже и нѣсколько поздно давать сициліанцамъ совѣты о томъ, какъ он… должны были поступать въ 1859 году, или въ 1849, или въ 1839. Мож… только сказать одно: если бы прежде поступали они, какъ имъ слѣдуетъ, то н… находились бы онѣ въ началѣ нынѣшняго года въ такомъ положеніи, въ како… находились, не имѣли бы причинъ быть недовольными. Мы порицаемъ сицилі… цевъ за то, что они возстали весною 1860 года, потому что люди должны бы… послѣдовательны въ своихъ поступкахъ: развѣ въ мартѣ нынѣшняго года ст… имъ хуже, нежели было прежде? Нѣтъ, этого никто не говоритъ; самые горяч… партизаны сицилійскаго возстанія говорятъ, что и въ мартѣ, и въ февралѣ, и …

Digitized by Google

январѣ нынѣшняго года сицилійцамъ было вовсе не тяжелѣе, чѣмъ въ мартѣ, февралѣ, январѣ 1859, и 1858, и 1857 и т. д. Тогда они находили, что имъ можно терпѣть и мирно ждать улучшеній въ своей судьбѣ отъ своего законнаго правительства: почему же не продолжали они терпѣливо ждать ихъ и теперь? Отношенія правительства къ нимъ не перемѣнились. Ясно, что они или дурно поступали во все предшествовавшее время, или дурно поступаютъ теперь. Эту дилемму нельзя отстранить никакими софизмами. Пусть каждый рѣшаетъ ее какъ хочетъ, а мы знаемъ, что должны сказать: съ одной стороны мы видимъ матеріальныя потребности, мечты о свободѣ, о національномъ единствѣ, съ другой стороны видимъ обязанность вѣрности, обязанность уваженія къ существующимъ законамъ, обязаность хранить общественное спокойствіе; каждый можетъ дѣлать выборъ по собственному разсудку, а намъ кажется, что выборъ ясенъ. Мы не можемъ не сказать, что обязанность должна быть для хорошаго гражданина выше всего. Итакъ, мы должны сказать, что сицилійцы дурные граждане.

Очень можетъ быть, что это разсужденіе навлечетъ на насъ такія же укоризны, какъ наше разсужденіе о Поэріо. Что дѣлать, надобно имѣть нѣкоторое мужество или по крайней мѣрѣ нѣкоторое равнодушіе къ чужимъ отзывамъ о себѣ тому, кто хочетъ по мѣрѣ своего умѣнья и своей возможности говорить правду. Мы оставались равнодушны даже тогда, когда слышали укоризны себѣ отъ людей, которыхъ уважаемъ болѣе, чѣмъ кого нибудь; надѣемся остаться равнодушными къ порицаніямъ противъ насъ и впередъ, пока будемъ сами чувствовать, что хотѣли говорить правду и можетъ быть успѣли достичь того, чтобы въ нашихъ словахъ была хоть тѣнь ея, хотя какое нибудь самое неполное и слабое указаніе на нее, которое будетъ понятно хотя однимъ изъ десяти между нашими читателями, понятно хотя не въ ту минуту, когда онъ читаетъ наши попытки говорить ее, а хотя когда нибудь: этого для насъ уже довольно, чтобы чувствовать, что мы исполняемъ свой долгъ лучше, чѣмъ, напримѣръ, хотя бы сицилійцы, которыхъ почти всѣ хвалятъ, а мы порицаемъ, какъ людей, не имѣвшихъ твердости исполнять свой долгъ такъ, какъ слѣдовало. Но каковы бы ни были наши сужденія о фактахъ, мы не станемъ скрывать фактовъ, какова бы ни была ихъ наружность, обольщающая поверхностнаго наблюдателя. Впрочемъ мы не будемъ съ ложнымъ самохвальствомъ утверждать, будто бы вовсе и не хотѣли скрывать фактовъ, непріятныхъ для насъ или компрометирующихъ защищаемые нами принципы: нѣтъ, мы очень желали бы утаить ихъ, мы даже всячески утаиваемъ ихъ, пока можемъ. Но эта возможность, къ сожалѣнію, непрочна, обманчива, измѣнчива: знаніе о фактахъ распространяется противъ нашей воли и мы съ досадою видимъ себя поставленными въ необходимость упоминать о нихъ: молчаніе, столь любимое нами, уже безполезно. Читатель отдастъ намъ ту справедливость, что до прошлаго мѣсяца мы рѣшительно не хотѣли знакомить его съ положеніемъ дѣлъ въ Неаполѣ и Сициліи. Мы всегда отдѣлывались отъ этого предмета самыми неопредѣленными и краткими фразами; но теперь всѣ говорятъ о немъ и наше молчаніе не скрыло бы ничего ни отъ кого. Впрочемъ, и теперь мы постараемся не распространяться объ этой вещи, о которой говорить намъ очень тяжело. Французскія, нѣмецкія, верхне-итальянскія газеты наполнены описаніями примѣровъ дурнаго управленія, существующаго въ Неаполѣ, и обыкновенно сопровождаютъ эти разсказы, уже и сами по себѣ слишкомъ поразительные, громкими фразами, которыя скорѣе ослабляютъ,

Digitized by Google

нежели усиливаютъ впечатлѣніе, когда одни голые факты говорятъ уже довольно ясно. Но мы не читали обвиненій болѣе сильныхъ, чѣмъ какія находятся въ слѣдующихъ очень умѣренныхъ словахъ неаполитанскаго корреспондента „Times'а“.

„*Неаполь, 24 апрѣля.*

„По временамъ очень сурово говорилъ я о неаполитанцахъ, какъ о людяхъ почти недостойныхъ свободы, для полученія которой не дѣлаютъ они никакихъ усилій; но должно принять въ соображеніе и затруднительность ихъ обстоятельствъ. Безчисленное множество препятствій поставлено ихъ соединенію не только для политическихъ, но даже для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей; а при невозможности соединенія, какъ имъ составить или выполнить какое нибудь предпріятіе для освобожденія своей страны? Правительство такъ убѣждено въ выгодности этого, что вотъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ его энергія направлялась на разслабленіе и разъединеніе. Еще на моей памяти время, когда 30,000 учащихся съѣзжались въ Неаполь для своего образованія; законъ или полицейскій приказъ прогналъ ихъ назадъ въ ихъ провинцію, осудилъ ихъ на скудное ученіе, даваемое провинціальными лицеями и коллегіумами, а многіе столичные профессора были лишены должностей или посланы въ ссылку. Этимъ были достигнуты двѣ важныя цѣли: уничтоженъ центръ политическихъ преній и согласія и сдѣланъ большой шагъ къ состоянію, которое очень нравится здѣсь, къ обращенію общественнаго мнѣнія въ невѣжество. Не одни учащіеся, но и люди всѣхъ сословій поставлены въ фактическую невозможность покидать свои провинціи и посѣщать столицу: общественныя сношенія подавлены, такъ что знакомые, живущіе въ нѣсколькихъ миляхъ другъ отъ друга, раздѣлены между собою будто десятками тысячъ миль; купцы, лишенные возможности сношеній съ центрами оптовой торговли, принуждены думать только о поддержаніи своего существованія и часто разоряются. Неаполитанскіе негоціанты говорятъ мнѣ, что результатъ разъединенія провинцій одна отъ другой и отъ столицы обнаруживается упадкомъ торговли и въ столицѣ. Гдѣ запрещены всякія сношенія, тамъ разумѣется не нужно желѣзныхъ дорогъ; и дѣйствительно, постройка ихъ затрудняется всѣми способами: онѣ противны здѣшней системѣ. Разъединеніе, преднамѣренно здѣсь производимое, совершенно задерживаетъ матеріальное развитіе страны. При подавленіи всякихъ сношеній между людьми, подъ предлогомъ охраненія интересовъ порядка, установлена такая свирѣпая и зоркая полицейская система, что человѣкъ опасается вѣрить своему брату и трепещетъ собственной тѣни. Мнѣ показались интересны слѣдующія слова въ письмѣ одного изъ тѣхъ людей, которые въ началѣ марта были изгнаны во Флоренцію: „Я все еще не могу привыкнуть къ моему новому положенію, пишетъ онъ. Я все еще боязливо оглядываюсь, какъ оглядываемся мы въ Неаполѣ, лишь только услышу за собой чей нибудь голосъ“. Не называйте этихъ людей трусами: страшная вещь, когда васъ безъ всякаго повода арестуютъ въ вашемъ домѣ и на два, на три, на четыре года и больше бросаютъ въ тюрьму. Англичане храбрые люди, но я не поручусь за то, какое дѣйствіе произвела бы на нихъ долговременная система такого рода. Къ этой нравственной пыткѣ прибавьте легіоны вооруженныхъ сбирровъ, армію, имѣющую болѣе 100,000 человѣкъ, форты и стѣны, изъ которыхъ зіяютъ пушки, и вы увидите, что нельзя сурово говорить о трусости неаполитанцевъ. Да, они разъединены, но имъ нѣтъ ни нравственной, ни физической возможности соединиться; да, они испорчены, но Бурбоны испортили ихъ, и если нынѣшняя система продолжится, нація возвратится къ варварству“.

Такая вещь, какъ систематическое устраненіе всякихъ улучшеній, даже въ чисто матеріальномъ бытѣ населенія, свидѣтельствуетъ о ненормальности господствующей системы еще гораздо сильнѣе, чѣмъ всякій полицейскій произволъ, вражда къ просвѣщенію, стѣсненіе политическихъ правъ. Безъ сомнѣнія, не въ хорошемъ положеніи находятся люди, опасающіеся просвѣщенія или свободы; но когда люди находятъ, что даже постройка желѣзныхъ дорогъ, даже развитіе промышленности, даже процвѣтаніе торговли было бы вредно для нихъ, то нечего уже и разсуж-

Digitized by Google

ать. Дѣйствительно, неаполитанскія отношенія были такъ ненормальны, что даже ядя короля, графъ Сиракузскій, впрочемъ давно извѣстный за приверженца лиеральныхъ учрежденій, почелъ своею обязанностью оффиціально, публично преостеречь своего племянника. Вынужденный крайностью забыть и почтительность ъ главѣ своей фамиліи, и условія придворныхъ отношеній, и уваженіе къ пронительности правительствующаго лица, онъ 3 апрѣля послалъ ему письмо, безъ эмнѣнія извѣстное нашимъ читателямъ изъ газетъ. Мы просимъ читателя еще азъ просмотрѣть этотъ документъ, надѣлавшій такого шума, чтобы имѣть новый римѣръ того, какъ неосновательны и неумѣстны бываютъ вообще совѣты, даваеые людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи, людьми, положеніе оторыхъ хорошо.

„Государь! Моя привязанность къ вамъ, ставшему нынѣ главою нашего семейства, олгій мой опытъ въ людяхъ и людскихъ дѣлахъ, любовь къ отечеству даютъ мнѣ доаточное право въ нынѣшнія критическія минуты повергнуть къ подножію престола сторожныя мнѣнія о будущихъ судьбахъ королевства,—мнѣнія, внушаемыя мнѣ тѣмъ же увствомъ, какое связываетъ васъ, государь, съ счастіемъ вашихъ народовъ.

„Принципъ итальянской національности, въ теченіе вѣковъ остававшійся въ области цей, энергически вступилъ теперь въ область дѣйствій. Было бы безумнымъ ослѣпленіемъ намъ однимъ не признавать такого факта, когда мы видимъ, что всѣ въ Европѣ іи могущественно помогаютъ ему, или принимаютъ его, или, наконецъ, покоряются ему, акъ необоримой необходимости вѣка.

„Піэмонтъ, по своему географическому положенію и своимъ династическимъ предаямъ держащій въ своихъ рукахъ судьбу при-альпійскихъ народовъ, пользуется теперь тимъ политическимъ средствомъ, становясь защитникомъ новаго принципа, отвергнувъ старинныя муниципальныя идеи, и расширяетъ свои границы до долины По. Но этотъ національный принципъ, развиваясь, дѣйствуетъ теперь по всей Европѣ, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу того, что благопріятствуетъ ему, въ пользу того, кто принимаетъ его, и на того, кто подчиняется ему.

„Франція должна хотѣть, чтобы ея покровительственное дѣло не погибло; она будетъ отнынѣ заботиться, чтобы увеличивать свое вліяніе въ Италіи и во что бы то ни стало не потерять плодовъ пролитой крови, потраченнаго золота и важности, данной ею Піэмонту. Ницца и Савойя достаточно свидѣтельствуютъ о томъ. Англія, которая, принимая національное развитіе Италіи, должна однако же противиться французскому вліянію, также будетъ стараться дипломатическими средствами расширить свое вліяніе на полуостровъ и пробуждать усыпленныя страсти партій въ пользу своихъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ. Уже англійская трибуна и пресса говорятъ, что должно противопоставить Франціи въ Средиземномъ морѣ вліяніе гораздо болѣе важное, чѣмъ вліяніе Ниццы и Савойи у подножія Альпъ.

„Австрія, отброшенная судьбою войны въ границы Венеціанской Области, ежечасно чувствуетъ колеблющеюся свою непрочную власть и хотя, быть можетъ, понимаетъ, что только отреченіе отъ этой провинціи могло бы возвратить ей потерянную силу, но не имѣетъ мужества отказаться отъ надежды со временемъ возвратить себѣ господство въ Италіи. Напрасно было бы говорить вашему величеству объ интересѣ, нынѣ принимаемомъ сѣверными державами въ происшедшихъ на нашемъ полуостровѣ перемѣнахъ, и созданіе могущественнаго государства въ сердцѣ Европы для нихъ болѣе полезно, нежели непріятно, потому что оно будетъ имъ гарантіею противъ могущихъ образоваться западныхъ коалицій.

„Каковъ истинный интересъ вашего народа и вашей династіи, государь, при этомъ столкновеніи политическихъ вліяній?

„Франція и Англія, стараясь уравновѣсить другъ друга, кончатъ тѣмъ, что пріобрѣтутъ здѣсь вліяніе столь могущественное, что спокойствіе страны и права престола будутъ сильно потрясены ими. Австрія, не имѣющая силъ возстановить потерянный пере-

Digitized by Google

вѣсъ и желающая вовлечь ваше правительство въ солидарность съ собою, была бы намъ еще гибельнѣе, чѣмъ Англія и Франція, потому что ей пришлось бы бороться съ національнымъ отвращеніемъ, съ арміями Наполеона III и Піэмонта и съ британскимъ равнодушіемъ. Какое же средство остается намъ, чтобы спасти страну и династію, которымъ грозятъ столь великія опасности?

„Средство одно: національная политика, которая, основываясь на истинныхъ интересахъ государства, естественно влечетъ королевство Южной Италіи къ союзу съ королевствомъ Сѣверной Италіи, которому не можетъ воспротивиться Европа, потому что онъ совершился бы между двумя частями одной страны, равно свободными и независимыми другъ отъ друга. Только этимъ путемъ, ваше величество, освобождаясь отъ всякаго иностраннаго тяготѣнія, вы можете, въ политическомъ соединеніи съ Піэмонтомъ, быть благороднымъ направителемъ развитія тѣхъ гражданскихъ учрежденій, которыя давалъ намъ обновитель нашей монархіи, когда, освободивъ королевство отъ австрійскаго вассальства, основывалъ на поляхъ Веллетрійской битвы могущественнѣйшее изъ итальянскихъ государствъ.

„Неужели мы предпочтемъ роковое муниципальное разъединеніе національной политикѣ?

„Муниципальное разъединеніе не только подвергаетъ насъ иностранному тяготѣнію, но, что еще хуже, оно, предавая страну внутреннимъ раздорамъ, сдѣлаетъ ее легкою добычею партій. Тогда насиліе будетъ верховнымъ закономъ; но сердце вашего величества несомнѣнно отвергаетъ мысль сдерживать только силою оружія страсти, которыя можетъ смягчить и обратить на добро благонамѣренность молодаго короля, дѣйствуя на вражду забвеніемъ, протягивая дружескую руку королю другой части Италіи и утверждая тронъ Карла III на основаніяхъ, которыми владѣетъ или которыхъ требуетъ цивилизованная Европа.

„Да благоволитъ ваше величество принять эти искреннія слова съ такимъ же благоволеніемъ, съ какою искреннею привязанностью я снова увѣряю ваше величество, что остаюсь любящимъ васъ дядею. Леопольдъ, графъ Сиракузскій. Неаполь. 3 апрѣля 1860".

Хорошо графу Сиракузскому говорить такія вещи: онъ смотритъ на дѣло со стороны; не на его плечахъ лежитъ тяжесть управленія государствомъ, его слова не ведутъ ни къ чему и потому онъ безопасно можетъ говорить, что хочетъ. Дѣйствительно, повидимому онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, и заботится только о звучности фразъ, а не о томъ, можетъ ли король исполнить его совѣты, и что было бы, если бы король сталъ исполнять ихъ. Письмо краснорѣчиво, но съ первыхъ же строкъ видно, что совѣтникъ едва ли не хуже того, кому совѣтуетъ, понимаетъ положеніе дѣлъ. Разберемъ всѣ его мысли одну за другою. Начать съ того, что онъ воображаетъ, будто бы неаполитанское правительство не понимаетъ, что итальянцы хотятъ національнаго единства. Оно очень хорошо знаетъ это, но видитъ, что стремленіе къ единству противно его интересамъ. Графъ Сиракузскій воображаетъ, что говоритъ съ младенцами; но люди, къ которымъ онъ обращается, гораздо опытнѣе и практичнѣе его самого. Король неаполитанскій молодъ, быть можетъ неопытенъ; но онъ окруженъ очень опытными сановниками, интересы которыхъ одинаковы съ его интересами и которыхъ поэтому онъ никакъ не захочетъ удалить отъ себя. Да еслибъ и не было ихъ, то наслѣдственныя преданія, примѣръ покойнаго родителя и руководство матери, женщины очень практичной, замѣняютъ ему опытность. Вся обстановка его такова, что очень удобно ему идти по пути, проложенному отцомъ, лишь бы хотѣлъ онъ, и невозможно сойти съ этого пути, еслибъ онъ и захотѣлъ сойти, а сойти онъ не захочетъ, потому что это было бы, какъ мы увидимъ, вовсе не разсчетливо для него. Всѣ европейскія державы принимаютъ фактъ итальянскаго національнаго единства, продолжаетъ графъ Си-

Digitized by Google

ракузскій и нѣсколькими строками ниже самъ опровергаетъ себя, говоря, что Австрія вовсе не принимаетъ его, а только не имѣетъ силъ въ настоящую минуту подавить его военною силою и выжидаетъ времени, когда это можно будетъ сдѣлать. Какъ же графъ Сиракузскій не замѣчаетъ, что этимъ обстоятельствомъ отнимается всякое основаніе у его совѣтовъ? Племянникъ, если бы захотѣлъ отвѣчать ему, сказалъ бы: „Австрія выжидаетъ времени, и я выжидаю времени; теперь для Австріи тяжелая минута, но австрійскіе дипломаты очень практичны; они полагаютъ, что скоро возвратятъ себѣ перевѣсъ въ Италіи; я вѣрю имъ и не нахожу нужнымъ отступаться отъ этихъ вѣрныхъ моихъ союзниковъ, интересы которыхъ одинаковы съ моими, чтобы заискивать дружбу державы, которая никакъ не будетъ вѣрить мнѣ и выгоды которой прямо противны моимъ выгодамъ. Вы хотите, чтобы я былъ малодушенъ, чтобы измѣнилъ своимъ принципамъ при видѣ минутной опасности. Я не хочу быть такимъ трусомъ". Король былъ бы совершенно правъ, и какъ же графъ Сиракузскій не понимаетъ этого? Впрочемъ, если онъ далеко уступаетъ совѣтникамъ своего племянника практичностью и опытностью, то ни мало не уступаетъ имъ привязанностью къ династическимъ интересамъ: въ этомъ отношеніи онъ достойный братъ покойнаго короля, достойный дядя нынѣшняго. Читатель замѣтитъ, съ какой точки зрѣнія смотритъ на все графъ Сиракузскій. Онъ тревожится не какими нибудь иными мыслями и страданіями, а собственно только опасностями, угрожающими по его мнѣнію королевской власти и личному положенію его племянника. Даже эти опасности онъ понимаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ: видитъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, и едва вскользь упоминаетъ о дѣйствительныхъ опасностяхъ, да и то лишь какъ о препятствіяхъ къ отвращенію мнимыхъ, созданныхъ его наивными догадками. Первою опасностью для неаполитанскаго короля онъ воображаетъ стремленіе императора французовъ утвердить свой перевѣсъ въ Италіи, тогда какъ именно только французскій императоръ и держалъ до сихъ поръ неаполитанскаго короля на престолѣ: еслибъ не было извѣстно каждому итальянцу, что Наполеонъ III запрещаетъ думать о низверженіи неаполитанскаго короля и если бы французскій корпусъ въ Римѣ не отрѣзывалъ южную Италію отъ сѣверной, Неаполь еще лѣтомъ прошлаго года послѣдовалъ бы примѣру Тосканы. Защитника отдѣльности Неаполитанскаго королевства отъ остальной Италіи графъ Сиракузскій воображаетъ врагомъ неаполитанской отдѣльности. Столь же странна его мысль о второй опасности, угрожающей неаполитанскому королю: графъ Сиракузскій мучится увѣренностью, что англичане хотятъ завоевать Неаполь. Его больному воображенію кажется, что Англія и Франція собираются раздѣлить между собою итальянскій полуостровъ: сѣверную половину возьметъ себѣ Франція, южную Англія,—мечты необыкновенно мрачныя, но достойныя развѣ пятилѣтняго ребенка. Вотъ эти-то двѣ страшныя опасности, особенно опасность отъ англичанъ, которые уже совсѣмъ собрались назначить въ Неаполь какого нибудь лорда намѣстникомъ королевы Викторіи, вынуждаютъ графа Сиракузскаго предложить племяннику свои спасительные совѣты. Онъ, бѣдняжка, напоминаетъ собою того несчастнаго у Гоголя, который убѣждаетъ всѣхъ лѣзть вверхъ по стѣнѣ спасать луну, думая, что хочетъ упасть на землю и разбить наши носы. Но племянникъ и его совѣтники находятся, по нашему документальному выраженію, въ полномъ умѣ и здравой памяти: они видятъ, что благонамѣренный совѣтникъ трепещетъ вздора и говоритъ пустяки; они очень хорошо знаютъ,

Digitized by Google

что ни Франція, ни Англія не думаютъ отнимать власти у неаполитанскаго короля. Мы видѣли, какими тревогами страдаетъ графъ Сиракузскій; посмотримъ теперь, чѣмъ отъ нихъ можно избавиться племяннику по его мнѣнію. „Покиньте наслѣдственную политику вашей династіи, вступите въ союзъ съ Піэмонтомъ, говоритъ племяннику дядя, и вы будете занимать такое же завидное положеніе, какъ Викторъ-Эммануэль“. Тутъ, что ни слово, то несообразность. Во-первыхъ, покинуть наслѣдственную политику,—да развѣ это возможно? Никакая важная перемѣна не происходитъ въ человѣкѣ безъ причинъ. А какая же произошла въ обстоятельствахъ перемѣна, которая могла бы обратить короля неаполитанскаго къ новой политикѣ? Измѣнилось только одно: Піэмонтъ, сдѣлавшись представителемъ національнаго единства, имѣетъ намѣреніе присоединить къ себѣ всю Италію; но вѣдь эта надежда его относится имъ самимъ только къ будущему: самъ Кавуръ считаетъ безумствомъ въ нынѣшнее время думать о завладѣніи не только Неаполемъ, но даже Римомъ, даже Перуджіею, которая еще ближе Рима; колеблется даже, не оставить ли слѣды отдѣльности въ Тосканѣ, которая энергіею своихъ жителей насильно заставила піэмонтскаго короля принять ее подъ свое управленіе. До Неаполя еще далеко Кавуру, думаютъ совѣтники Франческо, раздѣляя въ этомъ случаѣ мысли всѣхъ такъ называемыхъ благоразумныхъ людей; объ иномъ думаютъ теперь лишь Мащини и Гарибальди, но Маццини—коварный безумецъ, который своими интригами только помогаетъ реакціонерамъ, а Гарибальди—отважный партизанъ, ничего не понимающій въ политикѣ и слѣпое орудіе маццинистовъ,—такъ думаютъ о Маццини и Гарибальди не одни совѣтники Гарибальди, такъ думаютъ о нихъ и Кавуръ и Journal des Débats: такое мнѣніе объ этихъ злодѣяхъ и безумцахъ, то есть, о Маццини и Гарибальди, только укрѣпляетъ короля неаполитанскаго въ его системѣ и въ надеждахъ на скорую благопріятную для него будущность. Если бы они взяли временно верхъ, думаетъ онъ, это повело бы только къ полнѣйшей реакціи: тогда не удержался бы Кавуръ и австрійцы снова были бы въ Анконѣ. А если Кавуръ останется правителемъ сѣверной Италіи, моя будущность благонадежна: Франція никакъ не позволитъ Кавуру думать о Неаполѣ, а Кавуръ не посмѣетъ думать о немъ безъ позволенія Франціи. Итакъ, неаполитанскому правительству нѣтъ основанія отступаться отъ прежней системы; да и къ чему было бы отступаться? Графъ Сиракузскій предсказываетъ отъ этого пользу для короля: какая тутъ можетъ быть польза для него, тутъ явный вредъ. Повѣрятъ ли итальянцы, чтобы политика неаполитанскихъ Бурбоновъ въ самомъ дѣлѣ измѣнилась? Нѣтъ, національная партія по прежнему стала бы недовѣрять имъ и стремиться къ ихъ изгнанію изъ Неаполя. Всею своею исторіею, всѣми своими династическими преданіями и привычками они такъ неразрывно связаны съ своею нынѣшнею системою, что искренность возможно предполагать въ нихъ только тогда, когда они держатся этой системы. Покинувъ ее, они только оттолкнули бы отъ себя своихъ друзей и не привлекли бы къ себѣ ни одного изъ нынѣшнихъ враговъ. Такое дѣло было бы очень неразсчетливо. Если національная партія непоколебима въ своей враждѣ къ неаполитанскимъ Бурбонамъ, то могутъ ли они получить хотя дружбу Піэмонта, которую рекомендуетъ графъ Сиракузскій? Неужели піэмонтское правительство будетъ такъ непроницательно, что станетъ полагаться на союзника, бывшаго врагомъ, пока могъ, и начавшаго искать дружбы только въ крайности? Неужели оно

Digitized by Google

не сообразить, что этотъ союзникъ при первомъ улучшеніи дѣлъ снова станетъ врагомъ? Неужели оно не сообразить, что надобно пользоваться временемъ, пока его обстоятельства стѣснены, чтобы уничтожить его или ослабить? Вступить въ союзъ съ Піэмонтомъ неаполитанскому королю значило бы отдаться въ руки державы, которая не можетъ желать ему ничего хорошаго. Но если бы Піэмонтъ и повѣрилъ искренности союза, чему никогда не повѣритъ, союзъ этотъ былъ бы столь же пагубенъ неаполитанскому королю: неаполитанскій король, ставшій искреннимъ приверженцемъ національныхъ интересовъ, сдѣлался бы опаснѣйшимъ соперникомъ піэмонтской династіи; онъ этою перемѣною лишалъ бы ее надежды царствовать надъ всѣмъ полуостровомъ. Дѣло ясное, что піэмонтская династія постаралась бы столкнуть этого соперника, отдавшагося ей въ руки, пока онъ еще не успѣлъ упрочить въ націи довѣрія къ себѣ. Викторъ-Эммануэль и Франческо не могутъ быть союзниками, потому что династія Виктора-Эммануэля считаетъ себя призванною царствовать надъ цѣлымъ полуостровомъ. Графъ Сиракузскій ребячествуетъ, воображая, что союзъ съ Піэмонтомъ былъ бы выгоденъ для его племянника: союзъ этотъ губилъ бы Франческо. Но все равно, наконецъ, хотя бы и возможно было доброжелательство Піэмонта къ Неаполю: допустимъ всѣ мечты графа Сиракузскаго, посмотримъ, можетъ ли Франческо желать исполненія даже мечтаній, кажущихся его дядѣ столь полезными для племянника; посмотримъ, что дядя обѣщаетъ за перемѣну системы? Онъ обѣщаетъ племяннику такое же положеніе, какое занимаетъ Викторъ-Эммануэль. Можетъ ли это положеніе быть привлекательно для Франческо? Не унизился ли бы онъ въ своемъ мнѣніи, принявъ его? Не лишился ли бы онъ благъ, кажущихся ему самыми драгоцѣнными? Франческо очень набоженъ, онъ не можетъ жить безъ благословеній папы, ему пріятно слушаться духовенства; Викторъ-Эммануэль подвергается проклятію папы, духовенство въ непримиримой враждѣ съ нимъ. Такія отношенія были бы Франческо столь же тяжелы, какъ тяжело было бы Виктору-Эммануэлю дурное состояніе піэмонтской арміи. Посмотримъ, какую власть имѣетъ Викторъ-Эммануэль. Можетъ ли онъ заключить въ тюрьму кого почтетъ нужнымъ? Можетъ ли онъ издать законъ, какой захочетъ? Нѣтъ, не только посадить въ тюрьму, даже удалить изъ палаты депутатовъ не можетъ онъ людей ему непріятныхъ. Онъ не можетъ дѣлать ничего кромѣ того, что считаютъ нужнымъ министры, которыхъ назначаетъ онъ не по своему выбору, которые даются ему волею націи. Онъ былъ во враждѣ съ Кавуромъ, Кавуръ наговорилъ ему оскорбительныхъ вещей при заключеніи Виллафранкскаго перемирія, а вотъ Кавуръ первымъ министромъ, и управляетъ королевствомъ не Викторъ-Эммануэль, а Кавуръ. Исполнять волю націи, а не свою волю, выслушивать всякія мнѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, не имѣть произвольной власти ни надъ кѣмъ, ни надъ чѣмъ въ своемъ государствѣ,—нѣтъ, такое положеніе было бы мучительно и унизительно для Фердинанда. Викторъ-Эммануэль можетъ находить это положеніе сноснымъ, даже пріятнымъ, даже гораздо почетнѣйшимъ, чѣмъ положеніе Франческо; но Викторъ-Эммануэль воспитанъ въ другихъ понятіяхъ, у него не тотъ характеръ, не тѣ мысли: его честь—безчестье для Франческо, его совѣсть—безбожіе для Франческо, его удовольствіе противно Франческо, каждый изъ нихъ гнушается тѣмъ, чѣмъ хвалится и наслаждается другой.

Но графъ Сиракузскій далекъ отъ мыслей своего племянника только потому,

Digitized by Google

что увлекается пустыми фантазіями, неосуществимость которыхъ понятна королю неаполитанскому и его совѣтникамъ; въ сущности, по основанію своихъ мыслей, только спутываемыхъ этими мечтами, графъ Сиракузскій не даромъ носитъ имя Бурбона: онъ можетъ считать себя либераломъ, но это невинная шутка, которую не слѣдуетъ ставить ему въ преступленіе, потому что въ глубинѣ души онъ остался человѣкомъ благомыслящимъ, проникнутымъ тѣми идеями, которыхъ держится неаполитанское правительство. Первая и главная мысль его объ интересахъ династіи; все остальное цѣнитъ онъ только по отношенію къ этимъ интересамъ. Если онъ рекомендуетъ союзъ съ Піэмонтомъ, онъ рекомендуетъ его только потому, что находитъ его выгоднымъ династіи; если въ концѣ письма онъ двумя-тремя очень неопредѣленными словами рекомендуетъ какія-то „гражданскія учрежденія“, намекая вѣроятно на что нибудь либеральное, но не рѣшаясь даже употребить слово „либеральный“; если онъ рекомендуетъ прекращеніе произвольныхъ преслѣдованій, онъ рекомендуетъ все это только потому, что воображаетъ нужнымъ для выгоды династіи. Онъ человѣкъ обольщенный, но въ глубинѣ души сохранившій святыню наслѣдственныхъ убѣжденій: докажите ему, что онъ ослѣпленъ, и онъ исправится; объясните ему, что его племянникъ хорошо понимаетъ и соблюдаетъ династическіе интересы, и онъ одобритъ племянника. Мы попробуемъ сдѣлать это, конечно не для образумленія графа Сиракузскаго, который едва-ли читаетъ русскіе журналы, а для оправданія короля Неаполитанскаго, совершенно напрасно порицаемаго за притѣснительность его правительства.

Короля Неаполитанскаго называютъ жестокимъ. Но все, что мы знаемъ о личныхъ свойствахъ Франческо, вовсе не ведетъ къ предположенію, чтобы онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ особенно энергическихъ натуръ, которыя любятъ излишекъ въ добрѣ или въ злѣ, смотря по тому на что направятся. Его представляютъ человѣкомъ очень обыкновеннымъ, съ очень умѣренными или, вѣрнѣе сказать, слабыми страстями; скорѣе слѣдуетъ назвать его апатичнымъ, нежели увлекающимся. Онъ флегматикъ, личный его характеръ скорѣе можно порицать за вялость, чѣмъ за наклонность къ чему нибудь сильному. Такіе люди безъ крайней необходимости не дѣлаютъ ничего особенно дурнаго и даже не любятъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ можетъ вынуждать ихъ только необходимость, тяжелая для нихъ самихъ. Если такой человѣкъ сохраняетъ стѣснительную систему, можно навѣрное предположить, что она неизбѣжна по его обстоятельствамъ. Дѣйствительно, это такъ. Извѣстно, какими мыслями издавна проникнута образованная часть подданныхъ короля Неаполитанскаго. Эта исторія начинается съ самаго 1814 г. Они не хотѣли допустить возстановленія законной своей династіи иначе, какъ съ наложеніемъ на нее конституціонныхъ оковъ, несносныхъ для государя не воспитаннаго въ нихъ. Надобно было прибѣгнуть къ извѣстнымъ мѣрамъ, для обузданія такой злонамѣренности. Съ той поры дѣло такъ и тянется до сихъ поръ: нѣсколько разъ образованныя сословія неаполитанскаго королевства возставали для стѣсненія короля конституціею, и всегда ждали только первой удобной минуты, чтобы возобновить такія попытки. Въ такомъ положеніи строгая система истребленія злоумышленниковъ составляетъ не капризъ короля, не слѣдствіе его природной суровости,— нѣтъ, она составляетъ необходимость для него, быть можетъ тяжелую, прискорбную, но неизбѣжную. Кто откажется отъ своихъ правъ, особенно, когда воспитанъ такъ, что считаетъ ихъ благотворными не для себя одного, а для всего общества?

Digitized by Google

Кто не считаетъ своею обязанностію защищать свои права? Кого можно порицать за это? Именно это дѣлаетъ, и только это дѣлаетъ Неаполитанскій король, держась своей системы. Или его права, или либералы должны погибнуть. Кто же усомнится въ благотворности его правъ для общества? Его совѣсть совершенно чиста; онъ подавляетъ идеи, которыя считаетъ гибельными. Онъ преслѣдуетъ людей, которыхъ считаетъ злодѣями, ослѣпленными или кровожадными и корыстолюбивыми, но во всякомъ случаѣ злодѣями. Ослѣпленію или заразѣ злоумышленности подвергаются въ Неаполѣ люди черезъ просвѣщеніе; натурально, просвѣщеніе должно быть удерживаемо въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Опытомъ вѣковъ дознано, что развитіе торговли, промышленности, усиленіе сношеній между людьми ведетъ къ просвѣщенію; потому прискорбная необходимость заставляетъ неаполитанскую систему принимать мѣры, препятствующія этимъ вреднымъ для нея вещамъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно предполагать, что неаполитанскимъ правителямъ весело принимать эти мѣры, что они по влеченію сердца держатся своей системы? Положимъ, просвѣщеніе можетъ еще казаться само по себѣ вещью непріятною; но кому радость преслѣдовать торговлю, промышленность, что за пріятность управлять государствомъ бѣднымъ и слабымъ? Конечно, правителямъ было бы пріятно имѣть обильныя финансовыя средства; но что же дѣлать? необходимость заставляетъ человѣка отказываться и отъ увеличенія своего богатства. Никто не можетъ сомнѣваться, что такая необходимость для всякаго тяжела и прискорбна, что бѣдности и нужды никто не любитъ; и тотъ фактъ, что неаполитанская система находитъ нужнымъ препятствовать развитію торговли и промышленности, служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что неаполитанскіе правители дѣйствуютъ по закону необходимости, неизбѣжному для нихъ. А кто можетъ охуждать человѣка, когда онъ оправдывается необходимостью?

Конечно, разъясняя необходимость возникновенія извѣстныхъ послѣдствій изъ извѣстнаго положенія, мы ни мало не думаемъ произносить свое сужденіе о томъ, хорошо или дурно это положеніе. Такой вопросъ каждымъ рѣшается по своему; можно вообще сказать только одно: если извѣстный человѣкъ старается удержаться въ извѣстномъ положеніи, если не щадитъ для того никакихъ усилій, то это значитъ, что онъ находитъ свое положеніе хорошимъ для себя; а если бы нашлись люди, которые стали бы думать иначе, это просто значитъ, что ихъ выгоды несогласны съ самымъ фактомъ положенія, изъ котораго возникаютъ невыгодныя для нихъ послѣдствія. Конечно, неаполитанскій торговый и промышленный классъ, конечно, неаполитанское образованное сословіе жалуются; но что слѣдуетъ изъ этихъ жалобъ, что ими доказывается? Ими доказывается только, что существующая въ Неаполѣ система стѣснительна для торговли, промышленности и просвѣщенія. Но вѣдь этого никто и не оспариваетъ. Само неаполитанское правительство не выдаетъ свою систему за какую нибудь республиканскую или конституціонную; оно не двоедушничаетъ, не обольщаетъ пустыми призраками; оно поступаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступать, и не думаетъ скрывать своихъ качествъ или дѣйствій: напротивъ, оно гордится ими и гордится справедливо съ своей точки зрѣнія, потому что дѣйствуетъ логически, послѣдовательно и живетъ въ совершенномъ мирѣ съ своею совѣстью. Безуміемъ было бы требовать или ожидать, чтобы люди стали дѣйствовать противъ своей выгоды и противъ совѣсти, когда ихъ выгода и совѣсть согласны между собой.

Digitized by Google

Къ чему всѣ эти разсужденія? Они были бы напрасны, если бы каждый имѣлъ привычку прямо смотрѣть на вещи. Но большинство людей любитъ прикрывать отъ себя непріятныя истины пустыми фразами, отворачиваться отъ сущности дѣла, прикрашивать ее реторикой. Мы всѣми силами только и стараемся содѣйствовать устраненію этой дурной привычки къ пустымъ реторическимъ мечтамъ. Что хорошо и что дурно, пусть судитъ самъ читатель,—мы полагаемъ, что у каждаго не меньше разсудка, чѣмъ у насъ; но не каждый имѣетъ случай заниматься собираніемъ тѣхъ извѣстій, которыя мы перечитываемъ по своей обязанности и извлеченія изъ которыхъ стараемся передавать читателю, какъ умѣемъ и какъ можемъ. Мы беремъ на себя только одно: сказать читателю, въ чемъ сущность дѣла и сообщить ему тѣ выписки изъ газетъ, въ которыхъ есть интересныя подробности; а разсуждать о томъ, чему сочувствовать и что ненавидѣть, мы предоставляемъ самому читателю.

Переходя теперь къ выпискамъ изъ газетъ о сицилійскихъ дѣлахъ, мы должны три раза повторить „къ сожалѣнію". Къ сожалѣнію, мы не можемъ уклониться отъ ознакомленія читателя съ этими дѣлами, очень непріятными для насъ. Къ сожалѣнію, представляемыя нами выписки изъ газетъ всѣ принадлежатъ направленію несогласному съ тѣмъ взглядомъ, какой мы изложили: они писаны людьми, находящими, что неаполитанское правительство поступаетъ не такъ, какъ и слѣдуетъ поступать ему. Къ сожалѣнію, наконецъ, эти извѣстія до сихъ поръ очень не полны и до сихъ поръ мы остаемся почти безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Сициліи послѣ прибытія волонтеровъ Гарибальди: разсказы газетъ, которые мы имѣемъ, когда пишемъ это, останавливаются, какъ увидитъ читатель, на той минутѣ, когда волонтеры только-что вступили въ Марсалу, оставивъ свои пустые пароходы во власть неаполитанскимъ крейсерамъ. Дѣлать нечего, удовольствуемся тѣмъ, что имѣемъ.

Начнемъ пополненіемъ извѣстій о томъ времени, котораго уже касались въ прошлый разъ. Тогда мы находили только отрывочныя извѣстія объ отдѣльныхъ чертахъ начала борьбы между инсургентами и королевскими войсками около Палермо. Теперь мы нашли въ Times'ѣ связный дневникъ о первыхъ дняхъ возстанія. Его сообщаетъ флорентійскій корреспондентъ Times'а. Читатель знаетъ, что Палермо служилъ центромъ заговора; что инсургенты съ самаго начала думали не начинать битвы въ столицѣ, гдѣ сила гарнизона и господство крѣпостныхъ баттарей надъ всѣмъ городомъ отнимали у нихъ всякую надежду на успѣхъ, а хотѣли вести партизанскую войну, для которой гористый характеръ острова представляетъ большое удобство; но что въ самомъ Палермо были у нихъ собраны нѣкоторые военные запасы въ Гуанчскомъ монастырѣ; что полиція узнала объ этомъ и внезапнымъ нападеніемъ на монастырь помѣшала заговорщикамъ вывезти въ поля хранившееся въ монастырѣ оружіе. Лишенные этимъ части своихъ оборонительныхъ средствъ, инсургенты начали однакоже войну по самому тому плану, какой имѣли до этой потери. Вотъ свѣдѣнія о первыхъ дняхъ борьбы, полученныя флорентійскимъ корреспондентомъ Times'а.

„Флоренція, 27 апрѣля.

„Нѣкоторые изъ моихъ сицилійскихъ друзей, живущихъ здѣсь, люди, въ правдивости которыхъ я безусловно увѣренъ, сообщили мнѣ нѣсколько частныхъ писемъ, содержащихъ подробный разсказъ о страшныхъ событіяхъ, совершавшихся въ послѣднее время

Digitized by Google

на ихъ несчастномъ островѣ. Рискуя дать только повтореніе свѣдѣній, уже извѣстныхъ вамъ, я все-таки считаю полезнымъ представить эти подробности англійской публикѣ, во-первыхъ потому, что сицилійское возстаніе было предметомъ безчисленнаго множества фальшивыхъ увѣреній, а во-вторыхъ потому, что Сицилія вовсе не успокоена, какъ насъ увѣряютъ, и въ ней должны еще произойти новыя катастрофы, когда прибудетъ туда Гарибальди, на дняхъ отправившійся изъ Генуи.

„По дневнику, который я буквально перевожу вамъ, возстаніе въ Палермо вспыхнуло 4 апрѣля. Оно было возвѣщено народу громкимъ ружейнымъ объявленіемъ. Полиція, зная, что собрались люди и собраны запасы оружія и боевыхъ снарядовъ въ Гуанчскомъ манастырѣ, окружила монастырь и штурмовала его. На берегу противъ монастыря были поставлены пушки для разбитія воротъ. Ворота были сбиты первымъ залпомъ и штурмовавшія войска вмѣстѣ съ полиціею бросились во дворъ монастыря; они были встрѣчены ружейными выстрѣлами, но число всѣхъ защищавшихъ монастырь было только сорокъ человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе переранены; нѣкоторымъ удалось убѣжать черезъ кровлю; другіе искали спасенія себѣ въ могильныхъ склепахъ подъ церковью. 13 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и, обремененные цѣпями, отведены въ тюрьму вмѣстѣ съ монахами, которыхъ арестовали человѣкъ 30. Въ церкви и въ кладовыхъ были найдены боевые снаряды, ружья и деревянная пушка, обитая желѣзными обручами. Овладѣвъ монастыремъ, солдаты разграбили и зажглй его. Эти усердные католики разломали въ куски серебряное распятіе, дѣля его между собою. Они взяли золотой ковчежецъ изъ дарохранительницы, стоявшей на престолѣ, и выбросили на полъ находившіеся въ немъ святые дары. Въ кварталѣ Пуррацци инсургенты сражались еще нѣсколько времени и выстрѣлы слышались по улицамъ этой части города до самыхъ воротъ св. Антонина. Черезъ нѣсколько часовъ огонь прекратился и крики „да здравствуетъ король!“ возвѣстили полную побѣду войскъ. Солдаты, прогнавъ малочисленныхъ инсургентовъ, стрѣляли потомъ безъ всякой нужды по всѣмъ домамъ улицъ этой части города, или изъ собственной трусости, или для того, чтобы навести страхъ на жителей, вовсе не нарушавшихъ спокойствія. Аббатисса женскаго монастыря Basta del Monte была схвачена и отведена въ тюрьму за то, что во время драки былъ въ ея монастырѣ обыкновенный благовѣстъ къ обѣднѣ; за то же самое схватили священника въ полномъ облаченіи и также бросили въ тюрьму.

„5 апрѣля войска снова стрѣляли по Пуррацци, гдѣ не оставалось уже ни одной живой души; также стрѣляли изъ пушекъ по вилламъ Фурно и Монтенья, предварительно ограбивъ ихъ, потомъ зажгли эти виллы и пожаръ продолжался цѣлыхъ три дня. Тутъ солдаты между прочимъ нагнали женщину, бѣжавшую отъ нихъ съ ребенкомъ: они убили и мать и младенца, бывшаго у нея на рукахъ. Кромѣ того они убили семь женщинъ въ ихъ собственныхъ домахъ, стрѣляя въ окна, хотя уже давно не было нигдѣ передъ ними противниковъ.

„6 апрѣля человѣкъ пятьдесятъ инсургентовъ подняли трехцвѣтное знамя надъ селомъ Баидою, миляхъ въ двухъ къ западу отъ Палермо, на горѣ у Ваидскаго монастыря; на нихъ пошелъ стрѣлковый батальонъ. Перестрѣлка продолжалась четыре часа, но убитыхъ не было ни съ той, ни съ другой стороны, потому что солдаты, несмотря на свою многочисленность, держались дальше ружейнаго выстрѣла отъ инсургентовъ. Наконецъ инсургенты сняли свое знамя и въ стройномъ порядкѣ отступили на вершину Monte Cuccio, очень крутую гору болѣе тысячи метровъ вышиною, стоящую надъ Монреале. Солдаты выместили свою злобу на несчастномъ Баидскомъ монастырѣ и на больницѣ, принадлежащей къ нему, говоря, что монахи дали переночевать у себя инсургентамъ и подавали имъ пить. Двое изъ монаховъ были убиты; въ госпиталѣ больные были сброшены съ кроватей и кровати были опрокинуты на нихъ. Побѣдоносное войско расположилось лагеремъ въ Bocca di Falco.

„8 апрѣля было нападеніе на Фавориту, въ друхъ миляхъ къ сѣверу отъ Палермо. Довольно много солдатъ упало отъ выстрѣловъ инсургентовъ. Войска въ безпорядкѣ побѣжали, преслѣдуемые инсургентами до Леони, гдѣ получили большое подкрѣпленіе и тогда оттѣснили инсургентовъ.

„9 числа отрядъ инсургентовъ изъ Милисмери и Багеріи (мѣста въ горахъ на югѣ

Digitized by Google

и юго-востокѣ отъ Палермо) напали на войска въ Колоннельѣ и Villa Guilia. Успѣхъ былъ на сторонѣ инсургентовъ; но паровой фрегатъ, посланный на выручку войскъ, заставилъ инсургентовъ удалиться отъ берега, начавъ стрѣлять картечью. Впрочемъ. инсургенты не потерпѣли большой потери.

„10 числа были посланы двѣ сильныя колонны въ холмы, которыми владѣли инсургенты. Одна изъ нихъ пошла сухимъ путемъ, другая послана моремъ въ Монделло (коса на сѣверномъ берегу, миляхъ въ 12 отъ города). Колонны эти не встрѣтили никакого сопротивленія, но фальшиво говоря, будто бы стрѣляли по нимъ изъ разныхъ виллъ на дорогѣ, начали свое дѣло разрушенія, грабили и жгли домы, разрушали деревни пушками. Такъ было сожжено семь деревень: Верона, Парети, Белліа, Бордонаро, и еще три, именъ которыхъ я не узналъ. Пожарный дымъ былъ виденъ изъ Палермо,—видъ былъ такой, какъ будто выжигаютъ всю окрестную страну. Санъ-Лоренцо совершенно истребленъ, не осталось въ немъ камня на камнѣ.

„11 апрѣля было вторичное нападеніе на Баиду; на горахъ надъ нею развѣвались три итальянскія трехцвѣтныя знамени. Битва продолжалась два съ половиною часа. Инсургенты, одолѣваемые многочисленностью солдатъ, отступили.

„12 числа было нападеніе на Монреале; стычка происходила близъ этого города, на мѣстности, называемой il Piorpo. Мы слышали жаркую перестрѣлку, съ пушечными залпами, и стали думать, что наконецъ пришли тѣ тысячи инсургентовъ, о которыхъ намъ такъ долго говорили. Въ Палермо господствовало сильное волненіе. Но вдругъ, въ половинѣ 5-го, огонь прекратился, а мы не видѣли бѣгущихъ солдатъ. Инсургенты были побѣждены. 25 человѣкъ изъ нихъ было взято въ плѣнъ, нѣсколько человѣкъ ранено, убитъ не былъ ни одинъ. Солдатъ было убито, говорятъ, до 30 человѣкъ. Палермцы стали думать, что возстаніе не удалось, что прійдется отказаться отъ борьбы. Полиція отвязала языки у всѣхъ колоколовъ на церквахъ, боясь набата.

„13 у горожанъ еще достало мужества, чтобы сдѣлать всеобщую мирную демонстрацію. Генералъ Сальцано, въ своемъ приказѣ этого числа, говорилъ, что жители Палермо враждебны инсургентамъ. Въ отвѣтъ на это, все мужское населеніе города въ 5 часовъ вечера вышло на улицы, а всѣ женщины стояли въ окнахъ и махали платками, и всѣ кричали: „Viva l'Italia! Viva Vittorio Emmanuele Viva la libeeta! Эта демонстрація удивила тѣхъ самыхъ, которые участвовали въ ней, потому что никто не готовилъ ее, она составилась сама собою, неизвѣстно какъ. Полицію также застала она врасплохъ: полицейскіе думали, какъ бы имъ напасть на народъ, но не знали, какъ это начать. Въ 6 часовъ все кончилось; народъ безопасно разошелся по домамъ.

„14 апрѣля. Аресты продолжаются. Солдаты и полицейскіе необузданны въ своей наглости. Они всячески стараются вовлечь народъ въ драку“.

Вотъ еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о томъ же времени и о слѣдующихъ дняхъ до прибытія волонтеровъ Гарибальди, переводимыя нами изъ неаполитанской корреспонденціи Times'a и изъ письма одного палермскаго купца, которое было помѣщено въ Indépendance Belge.

„Неаполь, 24 апрѣля.

„Вотъ уже много дней мы не имѣемъ изъ Сициліи никакихъ извѣстій кромѣ тѣхъ, какими благоволитъ жаловать насъ оффиціальная газета. Въ ней мы, разумѣется, читаемъ, что всѣ смуты кончились, что голубиный миръ царствуетъ на всемъ островѣ кажется, будто добрая бабушка говоритъ съ своими внучатками. Но отъ времени до времени эти милыя иллюзіи разлетаются, и до насъ доходятъ проблески истины“.

Корреспондентъ тутъ сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о стычкѣ 18 апрѣля близъ Карини и о свирѣпостяхъ при занятіи этого города, и возвращаясь къ тому же предмету въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 25 апрѣля, онъ, сказавъ, какъ солдаты въ Сициліи и въ самомъ Неаполѣ поощряются къ рѣзьбѣ и къ гра-

Digitized by Google

бежу пирушками, денежными наградами, виномъ и другими милостями, продолжаетъ:

„Разскажу вамъ одинъ фактъ, переданный мнѣ человѣкомъ, въ словахъ котораго я не могу сомнѣваться: вы увидите, какія услуги оказываются этими достославными героями. Каждый шагъ войскъ былъ ознаменованъ грабежемъ, — грабежемъ, который былъ имъ обѣщанъ, къ которому они поощрялись своими начальниками, въ которомъ участвовали сами начальники,—это прямо говорится въ оффиціальныхъ депешахъ. Монотонность ихъ разсказовъ разнообразится нѣкоторыми случаями, произошедшими при взятіи Карини. Солдаты тутъ перепились и вотъ одна изъ сценъ ими произведенныхъ. Армейскій докторъ увидѣлъ солдата, который заноситъ штыкъ на женщину, бывшую въ шестомъ или седьмомъ мѣсяцѣ беременности; онъ бросился остановить солдата, но солдатъ оборотился на него, ударилъ его штыкомъ въ грудь, потомъ занялся снова женщиной, убилъ ее штыкомъ и обобралъ ея тѣло. Офицеры генеральнаго штаба встрѣтили солдатъ, уносившихъ награбленныя вещи изъ одного дома; они хотѣли остановить ихъ: „это вещи не наши, сказали солдаты: онѣ взяты капитаномъ NN“. Я передаю вамъ эти факты, какъ слышалъ ихъ отъ людей достовѣрныхъ, и судя по тому, что вообще дѣлается здѣсь, я совершенно вѣрю имъ: въ нихъ нѣтъ ничего новаго, чрезвычайнаго; это случаи, безпрестанно здѣсь повторяющіеся, служащіе необходимымъ слѣдствіемъ здѣшней системы“.

Въ другомъ мѣстѣ письма, отъ 24 апрѣля, корреспондентъ „Times'а“ сообщаетъ имена 13 человѣкъ, разстрѣлянныхъ въ Палермо 14 апрѣля. Вотъ они: Себастіано Камавроне, Доменико Кушинотте, Коріо Каньяни, Николо Лоренцо, Гаэтано Галандро, Джованни Рисо, Піэтро Вассалого, Микеле Фавара, Андреа Кафераро, Джузеппе Феррери, Микеле Анджело Бріоне, Франческо Вентимилья, Витторіо Ваттоне. Въ прибавленіе къ этому приводитъ онъ отрывокъ изъ письма, говорящаго слѣдующее: „имена 13 лицъ, разстрѣлянныхъ 14 апрѣля, напечатаны въ Палермской газетѣ въ спискѣ людей, умершихъ естественною смертью.—„Газета говоритъ правду, замѣчаетъ корреспондентъ „Times'а“, смерть, которою они умерли, совершенно естественна при нынѣшней системѣ“.

„Неаполь, 28 апрѣля.

„Нѣсколько дней правительство не печатало никакихъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Сициліи и агенты его увѣряли насъ, что „островъ спокоенъ и на немъ господствуетъ совершенный порядокъ“, какъ и говорило послѣднее изъ предшествовавшихъ оффиціальныхъ извѣстій. Но всю эту недѣлю ходили въ Неаполѣ слухи противоположнаго характера и съ большою точностью сообщались имена мѣстъ, въ которыхъ происходили стычки. Говорятъ, что инсургенты раздѣлены на три отряда; одинъ изъ нихъ, подъ командою барона Сантанны, тревожитъ окрестности Палермо, другой, подъ командою Монгано, держится въ окрестностяхъ Чефалу *). Главная квартира третьяго отряда въ центрѣ острова близъ Кастроджованни **). Говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ была упорная стычка, въ которой королевскія войска были разбиты. Но все это только слухи, за достовѣрность которыхъ я не ручаюсь“.—„Видно однакоже, продолжаетъ переводимое нами письмо, что инсургенты довольно сильны, потому что безпрестанно отправляются изъ Неаполя новыя войска въ Сицилію“. Продолжая свое письмо черезъ нѣсколько часовъ, корреспондентъ Times'а говоритъ:

*) Чефалу лежитъ на сѣверномъ берегу Сициліи, въ Палермскомъ округѣ близъ границы Мессинскаго округа, верстахъ въ ста отъ Палермо и верстахъ въ двухстахъ отъ Мессины.

**) Кастроджованни находится въ самомъ центрѣ Сициліи, на половинѣ большой дороги изъ Мессины въ Палермо, которая входитъ въ глубь острова вмѣсто того, чтобы идти вдоль сѣвернаго берега.

Digitized by Google

„Вчера Elettrico привезъ письма, которыми въ значительной степени подтверждаются ходившіе въ городѣ слухи и выводимыя изъ явныхъ опасеній правительства догадки. Писемъ было привезено очень много, но только 60 изъ нихъ роздано; другія 5 взяты на разсмотрѣніе въ полицію, а остальныя сожжены. Сообщаю вамъ слѣдующія извѣстія изъ тѣхъ, которыя дошли до меня. Первое написано купцомъ, давно живущимъ въ Палермо; на немъ выставлено 23 апрѣля. Вотъ оно:

„Отсюда посланы войска на востокъ и на западъ, но больше на востокъ, потому что курьеръ, пріѣхавшій изъ Мессины по береговой дорогѣ, сказываетъ, что высадились на берегу волонтеры. N N., пріѣхавъ сюда, говорилъ, что повсюду на дорогѣ онъ видѣлъ трехцвѣтное знамя и что всѣ города и деревни возстали, хотя правительство увѣряетъ въ противномъ. Дѣйствительно, съ народомъ здѣсь издавна поступаютъ хуже, чѣмъ со скотами. Солдаты грабятъ и жгутъ повсюду, куда ни являются, истребляютъ все, что только можно истребить, и безъ всякихъ околичностей разстрѣливаютъ каждаго, кого поймаютъ, не щадя даже дѣтей и женщинъ. Въ Палермо по улицамъ безпрестанно раздаются крики „бѣги, бѣги!“ Къ берегу подошелъ фрегатъ съ итальянскимъ флагомъ“.

„24 апрѣля.

„У насъ продолжается прежнее безпокойство. Если не всякій день приходятъ къ намъ извѣстія о стычкахъ, то всякій день бываютъ демонстраціи и часто раздаются крики „бѣги, бѣги!“ Неаполитанское правительство можетъ говорить вамъ, что Сицилія спокойна, но будьте увѣрены, что дѣла здѣсь для него очень трудны, тѣмъ болѣе, что народъ повсюду пересталъ платить налоги, а изъ наличныхъ денегъ, бывшихъ въ казнѣ, много украдено начальствующими лицами. Тюрьмы такъ наполнены, что я не знаю, куда будутъ дѣвать вновь арестуемыхъ людей. Наше имущество во власти буйныхъ солдатъ. Появленіе сардинскаго флага безпокоитъ правительство“.

„25 апрѣля.

„Все продолжается по прежнему.

„Прибавляю (продолжаетъ корреспондентъ Times'а) извѣстія, сообщенныя мнѣ живущими въ Неаполѣ иностранными консулами и придаю тѣмъ болѣе важности слѣдующему письму, что человѣкъ, писавшій его, вообще старается изложить дѣло въ видѣ благопріятномъ правительству. Вотъ отрывокъ изъ его письма:

„25 апрѣля. Дѣла находятся теперь въ положеніи худшемъ прежняго. Ужасъ, господствующій здѣсь (въ Палермо), можно сравнить только съ тѣмъ, что было въ 1837 году, когда свирѣпствовала холера и умирало по тысячѣ человѣкъ въ день. Всѣ лавки въ городѣ заперты. Мы отрѣзаны войсками отъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ островомъ и не знаемъ, что тамъ дѣлается“.

„Событія идутъ такъ быстро (продолжаетъ корреспондентъ), что скоро и въ самомъ Неаполѣ силы войскъ могутъ оказаться недостаточными. „Неаполь останется спокоенъ“, говорятъ люди, для которыхъ тишина всего дороже, но я вспоминаю при этомъ, что тѣ же самые люди два мѣсяца тому назадъ говорили, что въ Сициліи не будетъ волненія. Необходимо было бы присутствіе англійскихъ и французскихъ военныхъ силъ, чтобы охранить насъ отъ тѣхъ сценъ, которымъ вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ подвергается Палермо. Что такое дѣлается въ Палермо, вы можете судить по слѣдующему факту. Секретарь французскаго посольства въ Палермо живетъ на дачѣ подлѣ самаго города. Однажды, когда онъ былъ въ городѣ, солдаты пришли обыскивать его домъ; но садовникъ сказалъ имъ, что тутъ ничего спрятаннаго нѣтъ, и не нашедши ничего они уходили со двора, какъ вдругъ изъ сосѣднихъ домовъ брошено было въ нихъ нѣсколько камней. Они воротились въ домъ секретаря, убили двухъ мужчинъ, троихъ дѣтей и одну женщину, ограбили и зажгли домъ. Другую женщину, спрятавшуюся въ постель, они сожгли. Воротившись черезъ нѣсколько времени, секретарь нашелъ обгорѣлое тѣло женщины на полусгорѣвшей кровати, а тѣла другихъ убитыхъ были зарыты солдатами въ саду. Всѣми извѣстіями. получаемыми мною, оффиціально подтверждается то, что я писалъ вамъ о звѣрскихъ убійствахъ, совершенныхъ въ Карини. Городъ былъ сожженъ

Digitized by Google

и ограбленъ; женщины и дѣти были перерѣзаны солдатами, которымъ предварительно было дано разрѣшеніе грабить и которые оффиціально поощряются ко всѣмъ звѣрствамъ. Посылаю вамъ слѣдующій оффиціальный документъ, писанный чиновникомъ неаполитанскаго правительства: выраженія этого рапорта, посылаемаго правительству, достаточно подтверждаютъ то, что разсказывается о свирѣпостяхъ произведенныхъ въ Карини. Вотъ этотъ рапортъ:

„19 апрѣля. Посылаю отчетъ о дѣйствіяхъ летучей колонны, состоящей изъ одного дивизіона 14-й баттареи, 4-хъ ротъ 4-го линейнаго полка и 2-хъ ротъ 2-го стрѣлковаго батальона. Колонна вышла изъ Куатровенти 17 апрѣля въ два часа пополудни, по горной дорогѣ, направляясь къ Карини, по полученному извѣстію, что тамъ собрались зачинщики возстанія съ обольщенными своими людьми. Ночью одинъ батальонъ 5-го линейнаго полка былъ посланъ моремъ, чтобы высадиться на берегу близъ Карини. Было также сдѣлано распоряженіе, чтобы колонна генерала Катальдо, находившаяся въ Партенико, заняла вершины сосѣднихъ горъ. Вчера рано поутру первая колонна была уже передъ Карини, а батальонъ 6-го линейнаго полка высадился на берегъ. Сдѣлавъ рекогносцировку, первая колонна одна штурмовала Карини, что было очень затруднительно по характеру мѣстности и способу постройки домовъ. Сначала была употреблена въ дѣло артиллерія; сопротивленіе очень было упорно, но пѣхота, послѣ долгой перестрѣлки, ударила въ штыки и послѣдовало чрезвычайно значительное истребленіе (eccidio considerevolissimo). Городъ Карини былъ преданъ пламени и остатки мятежниковъ бѣжали въ горы. Артиллерія хорошо исполняла свой долгъ и особенно отличился старшій сержантъ Джуліо Базиліо“.

„21, 22 и 23 апрѣля происходили стычки въ окрестностяхъ Палермо.

„Королевская армія владѣетъ городами, но какъ только выходитъ изъ своихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, имѣетъ дѣло съ сильными вооруженными отрядами партизановъ. Неаполитанская оффиціальная газета и прокламаціи палермскаго губернатора напрасно объявляли, что жители Палермо остались чужды борьбѣ. Каждый, кто имѣлъ оружіе, дѣйствовалъ имъ. Инсургенты, вытѣсненные изъ Гуанчскаго монастыря числительнымъ превосходствомъ войскъ, отступили въ стройномъ порядкѣ черезъ Терминскія ворота и ушли въ Багарію; находившіеся въ Багаріи два эскадрона заперлись отъ нихъ въ казармы и послали за помощью въ Палермо. На слѣдующій день генералъ Сурисъ съ батальономъ пѣхоты долженъ былъ штурмовать каждый домъ въ Багаріи, идя освободить запертые гарнизоны. Освободивъ ихъ, пѣхота съ сильною потерею отступила въ Палермо. 7 числа войска снова напали на эту деревню, но были отбиты инсургентами: первый выстрѣлъ по войскамъ былъ сдѣланъ женщиною, которая потомъ бросилась на непріятеля и черезъ нѣсколько минутъ была убита. Инсургенты не ослабѣваютъ мужествомъ, но не достаетъ у нихъ ружей: они имѣютъ ихъ не больше восьмисотъ; впрочемъ, за каждымъ имѣющимъ ружье стоитъ нѣсколько товарищей, готовыхъ смѣнить его, когда онъ упадетъ. 8 апрѣля нѣсколько сотъ инсургентовъ разбили у Колли (на западъ отъ Палермо) цѣлый батальонъ съ четырьмя орудіями: солдаты бѣжали и офицеры напрасно кололи ихъ шпагами, чтобы остановить. Отвага инсургентовъ такъ велика, что, напримѣръ, 5 апрѣля у Макетскихъ воротъ четыре человѣка бросились на двѣ роты и дрались, пока были изрублены въ куски. Битва въ Палермо и его окрестностяхъ кончилась 9 апрѣля тѣмъ, что инсургенты израсходовали весь свой порохъ и только поэтому отступили“.

Читатель понимаетъ, что мы не можемъ оставить эти отзывы безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Факты изложены вѣрно, добросовѣстно, но сужденія о нихъ неудовлетворительны. Корреспонденты страннымъ образомъ дивятся крутости мѣръ, принимаемыхъ военными и полицейскими начальствами противъ людей, не только сдѣлавшихся инсургентами, но только думающихъ когда нибудь перейти на сторону инсургентовъ, или даже и не думающихъ это, а только сочувствующихъ этому, или только не выражающихъ ненависти къ сочувствующимъ. Корреспонденты удивляются рѣзнѣ стариковъ, дѣтей, женщинъ, какъ будто тутъ что нибудь чрезвы-

Digitized by Google

чайное, какъ будто подобныя отношенія не всегда сопровождаются точно такими же фактами. Это явная ошибка. Ничего иного и не слѣдуетъ ожидать отъ неаполитанскихъ начальствъ, поступать иначе они не могутъ. Возьмемъ хотя мессинскія дѣла, подробности о которыхъ помѣстили въ прошедшемъ обозрѣніи. Городъ совершенно спокоенъ, жители совершенно покорны; генералу Руссо извѣстно, что самыя горячія головы изъ горожанъ не думаютъ поднимать смутъ въ Мессинѣ; а Руссо нѣсколько ночей сряду стрѣляетъ по улицамъ, пули бьютъ больныхъ женщинъ, лежащихъ въ постели, солдаты врываются въ мирные домы, грабятъ и рѣжутъ. На поверхностный взглядъ это можетъ казаться очень странно; но разберемъ хорошенько, и мы найдемъ, что все происходитъ тутъ совершенно какъ слѣдуетъ. Мессинцы спокойны, но они тайкомъ посылаютъ помощь инсургентамъ; и такъ они враги, а враговъ по правиламъ военнаго искусства слѣдуетъ истреблять, или по крайней мѣрѣ запугивать страшными примѣрами, чтобы они не смѣли шевельнуться. Руссо вѣроятно находилъ даже въ своемъ образѣ дѣйствій чрезвычайную кротость и снисходительность: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ не истребилъ всѣхъ жителей, какъ могъ истребить и какъ они того заслуживали по его мнѣнію, а только попугалъ ихъ. Быть можетъ совѣсть упрекаетъ его за то, что онъ не вполнѣ совершилъ свою обязанность уничтожать враговъ, а навѣрное онъ и его начальники будутъ жалѣть объ этомъ, если инсургенты успѣютъ овладѣть Мессиною. Но ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ мучиться совѣстью за то, что стрѣлялъ по мирнымъ домамъ. Конечно, судя по человѣчеству жаль нѣсколькихъ несчастныхъ и невинныхъ, погибшихъ тутъ. Да вѣдь и онъ самъ навѣрное жалѣетъ о ихъ судьбѣ. Но что же дѣлать? Примѣръ былъ нуженъ. Развѣ полководецъ не жалѣетъ о непріятельскихъ солдатахъ, истребляемыхъ на полѣ битвы его картечью; но что же ему дѣлать?—и онъ съ спокойной совѣстью приказываетъ усилить огонь. Правда, передъ Руссо были не воины, а безоружные мирные граждане; но вѣдь они хуже всякихъ непріятельскихъ солдатъ для него: съ непріятелемъ можно и примириться, и подружиться, а между людьми неаполитанской системы и сицилійцами невозможно примиреніе. Ихъ отношеніямъ нѣтъ другаго исхода, кромѣ истребленія той или другой стороны.

Точно то же надобно сказать и объ истребленіи деревень около Палермо, и о взятіи Корини, и о всѣхъ эпизодахъ этихъ торжествъ неаполитанской системы. Правда, въ дѣлѣ о судьбѣ города Карини оказывается даже, что городъ не былъ занятъ войсками послѣ упорной битвы, какъ объявляли неаполитанскія начальства, чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе: войска вошли въ городъ безъ сопротивленія, спокойно стали рѣзать и жечь по обдуманному холодному разсчету. Но можно понять и этотъ разсчетъ, можно понять и надобность скрыть его выдумкою небывалаго штурма: къ сожалѣнію, люди вообще слабонервны; надобно щадить ихъ неразборчивую чувствительность и ложь была тутъ филантропіею, вознаграждавшею за нѣкоторую суровость распоряженій относительно Карини. О, если бы люди не были слабонервны! Тогда, конечно, не дѣлалось бы на свѣтѣ такихъ вещей, какія видимъ теперь.

Но какъ бы то ни было, хорошо или дурно поступали неаполитанскія начальства съ сицилійцами, дѣло состоитъ въ томъ, что болѣе мѣсяца сицилійцы оставались безъ всякой помощи. Королевскія войска и въ началѣ апрѣля были уже многочисленны въ Сициліи, такъ что сицилійцамъ нужна была чрезвычайная отвага

Digitized by Google

на возстаніе. Потомъ эти войска получали ежедневныя сильныя подкрѣпленія. А у инсургентовъ не только не было артиллеріи, не только не было конницы, у нихъ было очень мало пороха и всего нѣсколько сотенъ ружей. Однако же они безъ всякой надежды на чью нибудь помощь начали свое дѣло и, что еще важнѣе,—слишкомъ мѣсяцъ держались, не ослабѣвая духомъ. Какой настойчивости, какой отваги требовала эта долгая борьба, можно понять только изъ того, какимъ отчаяннымъ подвигомъ показалась Европѣ даже экспедиція Гарибальди, которая была изобильно снабжена оружіемъ и состояла изъ отборныхъ людей, гораздо лучшихъ самаго лучшаго корпуса какой бы то ни было западно-европейской арміи. Гарибальди кажется довольно извѣстенъ за человѣка очень смѣлаго; но всѣ говорили, что самыя отважныя изъ прежнихъ его экспедицій далеко не были такъ рискованны, безнадежны, какъ эта. Если корпусъ хорошо вооруженныхъ, закаленныхъ въ бою солдатъ выказывалъ слишкомъ рѣдкую даже въ немъ храбрость, идя на эту войну, то что же надобно сказать о рѣшимости рекрутъ волонтеровъ, почти безоружныхъ, начавшихъ и цѣлый мѣсяцъ продолжавшихъ ее въ окрестностяхъ Палермо и Мессины?

Объ отправленіи экспедиціи Гарибальди изъ Генуи мы имѣемъ уже довольно удовлетворительныя свѣдѣнія. Теперь положительно извѣстно, что всѣ сборы производились не только безъ содѣйствія сардинскаго правительства, а противъ его воли, наперекоръ всевозможнымъ препятствіямъ, какія только могъ поставить этому дѣлу Кавуръ. Въ самомъ дѣлѣ, экспедиція ставила его въ самое непріятное положеніе къ французскимъ и другимъ дипломатамъ, расположеніемъ которыхъ онъ такъ дорожитъ. Она компрометировала его подозрѣніемъ въ потачкѣ революціонерамъ, съ которыми онъ не хочетъ имѣть ничего общаго. Читатель знаетъ, что Гарибальди прошлою осенью возбудилъ въ Италіи подписку для вооруженія волонтеровъ, или такъ называемую подписку на милліонъ ружей. Она доставила очень большія суммы, которыми распоряжается особый комитетъ, находящійся въ Миланѣ. Гарибальди потребовалъ, чтобы комитетъ выдалъ ему деньги для снаряженія экспедиціи. Комитетъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія правительства, и обратился съ вопросомъ къ Кавуру. Кавуръ запретилъ выдавать Гарибальди деньги, пожертвованныя итальянцами по довѣрію къ тому же самому Гарибальди для предпріятій, которыя захочетъ вести все-таки тотъ же Гарибальди. Заботливость Кавура сохранить свою чистоту передъ европейскими дипломатами была такъ велика, что онъ не поколебался нарушить,—не какіе нибудь политическіе законы, нѣтъ, гражданскіе законы объ имуществахъ: по гражданскимъ законамъ Гарибальди имѣлъ полное право считать собранныя подпискою деньги находящимися въ его безусловномъ распоряженіи. Были употреблены всѣ возможныя полицейскія мѣры, чтобы помѣшать переѣзду волонтеревъ Гарибальди съ Генуэзскаго берега на корабли, чтобы задержать эти корабли, даже силою оружія, если понадобится. Волонтеры должны были отправиться ночью, тайкомъ, чтобы укрыться отъ сардинскаго правительства, и Кавуръ не поколебался сказать: „корабли не были задержаны только потому, что волонтеры овладѣли ими тогда, когда они стояли очень далеко отъ берега, внѣ выстрѣловъ береговыхъ баттарей“. Итакъ, онъ хотѣлъ стрѣлять по Гарибальди и его волонтерамъ, но, къ сожалѣнію, ядра не долетали бы до ослушниковъ. Увидѣвъ, что корабли волонтеровъ ушли изъ-подъ ихъ пушекъ, сардинскія начальства тотчасъ же послали за ними два

Digitized by Google

военные парохода, которые впрочемъ уже не могли нагнать ихъ. Да и прежде того, генуэзскому губернатору было приказано вывести войска, чтобы арестовать по дорогамъ къ берегу людей, которые показались бы волонтерами. Но губернаторъ не былъ такъ рѣшителенъ, какъ министръ, и написалъ Кавуру, что аттака войскъ на волонтеровъ произвела бы народное возмущеніе, да и войска вѣроятно возмутились бы. Именно только это ожиданіе народнаго возстанія въ случаѣ арестованія Гарибальди и помѣшало Кавуру посадить Гарибальди въ тюрьму или съ полицейскимъ конвоемъ выслать изъ сардинскихъ владѣній. Не успѣвъ, къ великому своему прискорбію, задержать корабли, на которыхъ отправился Гарибальди съ первымъ отрядомъ, Кавуръ былъ счастливѣе въ слѣдующіе дни: онъ успѣлъ недопустить отправленіе втораго корпуса волонтеровъ, готовившихся ѣхать на подкрѣпленіе Гарибальди, и справедливо ставитъ себѣ это въ большую заслугу передъ дипломатами. Да и первый корпусъ, при которомъ находился самъ Гарибальди, успѣлъ перебраться съ берега на корабли только при соблюденіи величайшихъ осторожностей противъ сардинской полиціи. Предосторожность надобно было довести до того, что волонтеры собирались не въ Генуѣ и не всѣ вмѣстѣ, а небольшими отрядами по нѣскольку десятковъ человѣкъ въ разныхъ деревушкахъ около Генуи: они приходили къ берегу, какъ будто по непріятельской странѣ, и ночь своего отъѣзда провели въ какихъ-то избушкахъ, шалашахъ и сараяхъ, какъ будто собирались не на помощь соотечественникамъ, а на какое нибудь преступное дѣло.

Гарибальди извѣстенъ искусствомъ хранить свои планы и движенія въ непроницаемой для враговъ тайнѣ. Въ послѣднюю войну, когда онъ дѣйствовалъ въ сѣверо-западной Ломбардіи, ни австрійцы, ни французы по нѣскольку дней не знали, гдѣ онъ; такъ онъ дѣйствовалъ и теперь. До той самой минуты, когда онъ высадился въ Марселѣ, никто не зналъ, куда именно отправился онъ: въ Абруццо, Калабрію, въ Сицилію или куда нибудь въ Папскую Область. Догадки были различны, и если передъ отправленіемъ экспедиціи преобладало мнѣніе, что она пойдетъ въ Сицилію, то по ея отъѣздѣ изъ Генуи получили дня на два перевѣсъ другіе слухи: стали говорить, что Гарибальди хочетъ проникнуть въ Абруццо черезъ Папскую Область. Это возникло изъ того, что эскадра приставала къ берегу въ Таламоне, на южной части тосканскаго берега, верстахъ въ двадцати-пяти отъ границы папскихъ владѣній. Но это было сдѣлано только затѣмъ, чтобы купить на берегу съѣстныхъ припасовъ. Жители Таламоне приняли волонтеровъ съ патріотическимъ сочувствіемъ и устроили для нихъ праздникъ. Строгость Кавура въ желаніи сохранить чистоту передъ дипломатами простиралась до того, что таламонскій синдикъ долженъ былъ оправдываться передъ начальствомъ за свои дѣйствія въ этомъ случаѣ. Отправившись изъ Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая, Гарибальди 11 мая въ 2 часа дня высадился въ Марселѣ, довольно большомъ городѣ, лежащемъ на самой западной оконечности сѣвернаго берега Сициліи, верстахъ въ полутораста на западъ отъ Палермо. Объ этой высадкѣ мы имѣемъ слѣдующее письмо, присланное въ „Globe“ англійскими купцами О'Бирнами, которымъ случилось въ это самое время заходить на нѣсколько часовъ въ марсальскую гавань по своимъ торговымъ дѣламъ:

„Мы вышли на берегъ и часа въ три по полудни сидѣли въ кофейной; вдругъ вошли нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одни были въ красныхъ мундирахъ, другіе въ статскомъ платьѣ, но всѣ вооруженные ружьями со штыками. Посѣтители, бывшіе въ

Digitized by Google

кофейной, встрѣтили ихъ съ радостью. Мы спросили, что это за люди; намъ отвѣчали, что Гарибальди высадился на берегъ. Мы тотчасъ же пошли изъ кофейной въ городъ и нашли, что онъ уже въ рукахъ отряда Гарибальди. Мы хотѣли отправиться на прогулку въ поле, но командовавшій офицеръ, очень красивый мужчина, сказалъ намъ, что выйти изъ города нельзя безъ приказа Гарибальди. Потому мы воротились на пристань, чтобы ѣхать назадъ на нашъ корабль, и встрѣчали по дорогѣ много солдатъ Гарибальди. При входѣ на гавань насъ остановили и послали спросить, разрѣшитъ ли генералъ пропустить насъ; получивъ разрѣшеніе, насъ пропустили. Въ гавани мы видѣли солдатъ, продолжающихъ высаживаться на берегъ съ оружіемъ и военными запасами. Намъ говорили, что въ городъ уже отправлены 2000 человѣкъ и что прибудутъ еще новые экспедиціонные отряды. Пріѣхавшіе волонтеры желали поскорѣе встрѣтиться съ неаполитанскими войсками. Почти всѣ они имѣли атлетическую наружность. Они высаживались изъ двухъ пароходовъ въ виду двухъ неаполитанскихъ пароходовъ и одного неаполитанскаго парусного корвета, крейсировавшихъ у берега. Самый малый изъ этихъ неаполитанскихъ кораблей одинъ могъ бы легко помѣшать высадкѣ, но неаполитанцы боялись нападать на волонтеровъ. Когда волонтеры высадились на берегъ и уже были внѣ выстрѣловъ съ моря, неаполитанцы приблизились и начали стрѣлять по нѣсколькимъ волонтерамъ, оставшимся позади товарищей на пристани. Это была напрасная трата пороха, потому что рѣдкое ядро долетало до берега. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неаполитанцы могли бы захватить еще до высадки, если не оба парохода Гарибальди, то по крайней мѣрѣ одинъ, шедшій сзади; но они не осмѣлились подойти къ нимъ. Они взяли брошенные волонтерами пароходы уже въ половинѣ седьмаго, да и то послѣ долгихъ колебаній.

„Мы отправляемся въ Мальту. Одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ и парусный фрегатъ стрѣляютъ по городу, который не отвѣчаетъ. Не умѣемъ сказать, есть ли у Гарибальди пушки; мы не видѣли у нихъ пушекъ. Неаполитанскихъ войскъ въ городѣ не было. Неаполитанскія большія суда не могли подойти близко къ берегу, потому что былъ отливъ“.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ высадившагося отряда мы имѣемъ кромѣ телеграфическихъ депешъ только немногія отрывочныя извѣстія. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ; они были сообщены въ „Patrie“:

„Высадившись въ Марсалѣ, волонтеры Гарибальди разставили аванпосты на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ. Вечеромъ отрядъ отборныхъ людей сдѣлалъ сильную рекогносцировку по направленію къ Трапани и возвратился въ лагерь, узнавъ, гдѣ расположены королевскія войска.

„Мѣсто высадки было опредѣлено заранѣе, но выборъ этотъ хранился въ тайнѣ; однако же о немъ было сообщено всѣмъ предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ, и ночью они прибыли въ лагерь, чтобы условиться о планѣ дѣйствій. На другой день отряды сицилійскихъ инсургентовъ присоединились къ экспедиціонному корпусу и было рѣшено двинуться впередъ на разсвѣтѣ 13 мая. Съ той поры возстаніе начало усиливаться.

„Командиръ королевскихъ войскъ, узнавъ о происходящемъ, увидѣлъ невозможность войскамъ держаться въ Трапани и другихъ второстепенныхъ пунктахъ и сосредоточилъ всѣ свои силы въ Палермо.

„Экспедиціонный корпусъ находится уже въ Монреале, въ пяти километрахъ (верстахъ) отъ Палермо, и можно сказать, что инсургенты владѣютъ всѣмъ островомъ, кромѣ Палермо и Мессины, въ которыхъ держатся королевскія войска. Обѣ эти крѣпости очень сильны, но положеніе королевскихъ войскъ очень затруднительно, потому что Сицилія имѣетъ около 2,000,000 населенія и предводители возстанія организуютъ его очень энергически“.

Въ другомъ письмѣ (напечатанномъ также газетою Patrie) говорится:

„Извѣстія, полученныя нами изъ южной Италіи, идутъ до 15 мая.

„Въ Сициліи положеніе дѣлъ мало измѣнилось. Корпусъ волонтеровъ Гарибальди,

Digitized by Google

по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, хотѣлъ оставить Алькамо въ лѣвой рукѣ и приблизиться къ Черрарѣ, чтобы соединиться съ отрядомъ въ 1,200 человѣкъ, организованнымъ въ Мессинской провинціи *). Съ другой стороны, по словамъ капитановъ купеческихъ судовъ, пришедшихъ изъ Сициліи, крѣпость Трапани не оставлена королевскими войсками, напротивъ, ея гарнизонъ получаетъ подкрѣпленія съ моря. Этотъ фактъ важенъ, потому что волонтеры не могутъ пренебречь непріятелемъ, который, опираясь на столь сильную крѣпость, какъ Трапани, сталъ бы угрожать ихъ тылу, держась между Трапани и Калатафими **).

„Возстаніе, развившееся отъ появленія волонтеровъ Гарибальди, располагаетъ по видимому большими средствами. Жалованье и продовольствіе солдатамъ выдаются исправно. Въ послѣдніе дни стали полагать, что самъ Гарибальди не высадился на берегъ и что онъ скоро пріѣдетъ съ подкрѣпленіями. Достовѣрно то, что въ Марселѣ, гдѣ много англичанъ и иностранныхъ купцовъ, никто изъ нихъ его не видалъ и всѣ приказы отдаются начальникомъ его штаба, который подписываетъ ихъ „за генерала, по его порученію“. Какъ бы то ни было, но имя Гарибальди сильно дѣйствуетъ на островѣ“.

По телеграфическимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что 15 мая была стычка у Калатафими на половинѣ пути изъ Марсалы въ Палермо, что неаполитанцы были тутъ разбиты, хотя сначала неаполитанское правительство и объявляло о побѣдѣ. Послѣ этого волонтеты Гарибальди подошли къ самому Палермо и неаполитанскія оффиціальныя депеши опять объявляютъ, что королевскія войска разбили ихъ. На сколько справедливо это вторичное увѣреніе, читатель будетъ уже знать, когда выйдетъ книжка. Онъ знаетъ также, что король неаполитанскій предлагаетъ сицилійцамъ амнистію, отдѣльное управленіе и, что всего любопытнѣе, обѣщаетъ разрѣшать построеніе желѣзныхъ дорогъ на островѣ, какъ будто это такъ же составляетъ для него важную жертву. Это объявленіе не произвело никакого дѣйствія на инсургентовъ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ слѣдующій разъ мы вѣроятно будемъ уже имѣть положительныя извѣстія о томъ, гдѣ находится Гарибальди и какого успѣха надобно ожидать сицилійскому возстанію. Теперь мы знаемъ только, что весь островъ возсталъ противъ Франческо, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, находящихся подъ пушками крѣпостей съ сильнымъ гарнизономъ; главные изъ этихъ пунктовъ Мессина, Палермо, Трапани; инсургентамъ не легко будетъ овладѣть ими, пока неаполитанское правительство сохраняетъ господство на морѣ и можетъ присылать подкрѣпленія своимъ войскамъ, число которыхъ въ Сициліи простирается теперь, вѣроятно, до 45 или 50 тысячъ. Несмотря на невозможность возстать, жители Палермо выражаютъ свое сочувствіе инсургентамъ демонстраціями, которыхъ не можетъ остановить полиція. Особенно замѣчательна была демонстрація 9 мая, служившая отвѣтомъ на слова коменданта крѣпости генерала Сальцано, что жители Палермо не сочувствуютъ инсургентамъ. Въ тотъ день, когда явился приказъ говорившій это, все мужское населеніе Палермо было въ пять часовъ вечера на улицахъ съ криками „да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль!“ Эта манифестація произошла сама собою, безъ всякаго предварительнаго условія, такъ что сами участвовавшіе въ ней удивлялись, увидѣвъ себя не одинокими, а составляющими одну сплошную массу по всѣмъ улицамъ.

*) Алькамо лежитъ на большой дорогѣ изъ Марсалы въ Палермо въ одномъ переходѣ отъ Калатафими, гдѣ была битва, ближе къ Палермо. Слова о движеніи къ Черрарѣ на соединеніе съ мессинскимъ отрядомъ вѣроятно основаны на какой нибудь ошибкѣ, потому что это было бы слишкомъ большимъ крюкомъ.

**) Трапани лежитъ къ сѣверу отъ Марсалы, верстахъ въ двадцати пяти по прямой линіи. Въ Калатафими сходятся дороги, идущія въ Палермо изъ Марсалы и изъ Трапани.

Digitized by Google

Въ самомъ Неаполѣ происходятъ подобныя манифестаціи и ежедневно возникаютъ слухи о возстаніи въ Абруццо или въ Калабріи. Раза два случалось, что слухъ этотъ разносился по всей Европѣ, но до сихъ поръ онъ оказывался преждевременнымъ. Нечего говорить о томъ, какъ легко можетъ возникнуть новая война между сильнѣйшими европейскими державами, подобная прошлогодней войнѣ, изъ неаполитанскихъ дѣлъ. По общему мнѣнію, приготовляется столкновеніе и въ центральной Италіи: Ламорисьеръ желаетъ увѣнчать себя лаврами и стяжать благословеніе папы, а папа исполненъ надеждъ на своего рыцаря. Папскія войска, переформированныя Ламорисьеромъ, собираются на границахъ Романьи и съ каждымъ днемъ можно ожидать, что они пойдутъ возвращать заблудшихъ овецъ подъ управленіе добраго пастыря. Въ надеждѣ на успѣхъ, римское правительство возвышаетъ голосъ; мы на пробу переведемъ статейку оффиціальной римской газеты о путешествіи Виктора-Эммануэля по Романьи. Королю пришлось объѣзжать свои новыя владѣнія въ такое время года, когда въ сѣверной и центральной Италіи бываютъ проливные дожди. Тоскану онъ успѣлъ объѣхать еще до начала или при началѣ ихъ, но въ Романьи они встрѣтили его со всею своею силою и непрерывностью, такъ что пришлось ему сократить поѣздку и отложить до другаго времени посѣщеніе многихъ городовъ. Тонъ переводимой нами статейки вообще восхищаетъ насъ; жаль только, что она вдается въ нѣкоторую фантазію, называя роковымъ знаменіемъ гнѣва небеснаго на Виктора-Эммануэля эти дожди, которые бываютъ въ такое время каждый годъ съ той поры, когда еще не было на свѣтѣ ни Виктора-Эммануэля, ни Болоньи, ни самаго Рима. Напрасно также называетъ она оскверненіемъ храма св. Петронія очень благочестивое молебствіе, выслушанное въ немъ королемъ: храмъ, конечно, не оскверняется молитвами.

„Замолки крики газетъ Центральной Италіи о пріемѣ, дѣлаемомъ королю Виктору-Эммануэлю въ Романьи. Поѣздка этого монарха была явленіемъ метеора, вспыхивающаго и исчезающаго, и едва могла своею ослѣпительностью поразить взоры, отуманенные страстью или вѣролоиствомъ.

„Въ Тосканѣ король былъ долго: онъ посѣтилъ много городовъ. Романья имѣла иную судьбу. Болонья, городъ великихъ воспоминаній, едва привлекла взглядъ, измѣрявшій всю ее съ окружающихъ высотъ.

„Вступивъ въ Болонью, король не нашелъ обѣщаннаго ему пріема. Люди, имѣвшіе выгоду поднимать и поддерживать шумъ, были прогнаны яростью непогодъ, разрушившихъ декораціи, перемочившихъ знамена, изорвавшихъ драпировку, и рады были найти убѣжище въ храмѣ Св. Петронія. Тутъ многочисленная шайка эмигрантовъ, студентовъ и горсть космополитныхъ священниковъ произвела богохульственное святотатство и осквернила, огласивъ своими криками и воплями священные своды величественнаго храма.

„Но изъ всѣхъ бывшихъ тутъ духовныхъ только семь человѣкъ были болонцы. Они одни измѣнили своему долгу въ многочисленномъ духовенствѣ эпархіи, имѣющей болѣе 400,000 жителей, и города, считающаго до 80,000 жителей. Но никто не удивился тому: эти священники уже и прежде были людьми погибшими въ общественномъ мнѣніи, одни по явному своему слабоумію, другіе по дурному образу жизни. Въ теченіе двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньи, Викторъ-Эммануэль оставался углубленъ въ самого себя, занятый глубокими и почти разстроенными мыслями.

„Земля Романьи какъ будто жгла ноги этого государя на каждомъ шагу его по ней. Онъ не захотѣлъ быть въ богатой Феррарѣ и бросить взглядъ на дворецъ Эсте, на виллу, бывшую Аѳинами Италіи, сохраняющую столько славныхъ воспоминаній объ Аріосто, Гуарини, Тассо и Бембо. Воинственный король не захотѣлъ доѣхать и до Равенны, историческаго города, бывшаго резиденціею послѣднихъ западныхъ императоровъ, гдѣ онъ увидѣлъ бы гробъ Ѳеодорика, перваго задумавшаго основать Итальяно-Готское

Digitized by Google

государство, и трофеи храбрости Велизарія и Нарзеса, знаменитыхъ воителей Византійскаго законодателя, и гробницу Данте, въ сердцѣ котораго было столько любви къ Италіи. Быть можетъ, вписывая свое имя въ книгу, въ которую съ почтеніемъ вписали свои имена сотни другихъ монарховъ, онъ увидѣлъ бы, что священная и святая рука, принося дань уваженія великому поэту, написала въ этой книгѣ три года тому назадъ пророческій терцетъ:

„Шумъ свѣта—дуновеніе вѣтра, несущагося то отсюда, то оттуда, и перемѣняющаго имена по перемѣнѣ направленія“.

Этотъ азартъ слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ о намѣреніи начать войну. Сѣверно-итальянское правительство сосредоточиваетъ для своей обороны войска на южной границѣ своихъ провинцій. Этою арміею командуетъ Чальдини, который пріобрѣлъ себѣ хорошую военную извѣстность въ прошломъ году.

Австрія помогаетъ папѣ вербовать солдатъ въ нѣмецкой части имперіи и даетъ солдатъ герцогамъ Моденскому и Тосканскому, которые собираются сдѣлать вторженіе въ свои бывшія владѣнія; удастся ли имъ исполнить эту мечту, неизвѣстно; но охота у нихъ есть и австрійцы думаютъ воспользоваться этими столкновеніями, чтобы двинуться на подавленіе и обобраніе Сѣверно-итальянскаго королевства, какъ только позволитъ императоръ французовъ. Съ цѣлью привести свои внутреннія дѣла въ порядокъ, допускающій внѣшнюю войну, австрійское правительство дѣлаетъ недовольнымъ подданнымъ своимъ уступки, поражающія неслыханнымъ либерализмомъ: надобно полагать, что скоро оно по любви къ свободѣ заткнетъ за поясъ и Бельгію, и Англію, и самую Швейцарію. Мѣсяца два или три тому назадъ Европа была сконфужена изумительнымъ извѣстіемъ, что въ Австріи, вотъ на дняхъ, будетъ введена конституція. Европа не вѣрила своимъ ушамъ, а между тѣмъ обѣщаніе исполнено теперь самымъ блистательнымъ образомъ. Надобно знать то, чего никто не зналъ доселѣ, именно то, что въ Австріи существуетъ родъ пятаго колеса въ скрипучей телѣгѣ, но колеса самаго маленькаго, совершенно незамѣтнаго. Это пятое колесо называется государственнымъ совѣтомъ. Вотъ этотъ самый государственный совѣтъ и есть конституція. До сихъ поръ въ немъ было человѣкъ пятнадцать и назначались они императоромъ безъ разбора того, кто откуда родомъ; когда было такъ, то разумѣется конституціи не было. Теперь вздумали назначить еще человѣкъ сорокъ пять членовъ, принимая въ уваженіе, чтобы тутъ были знатные люди изъ всѣхъ провинцій. Дурнаго тутъ нѣтъ ничего: государственный совѣтъ собирается въ помѣстительной залѣ, почему же не сидѣть въ ней вмѣсто пятнадцати особъ шестидесяти особамъ?—а если такъ, то конечно Австрія стала конституціоннымъ государствомъ: въ ея государственномъ совѣтѣ, какъ можетъ видѣть каждый изъ списка членовъ, находятся представители всѣхъ провинцій. Въ одномъ нѣсколько ошиблись австрійскіе конституціонисты, то есть придворные іезуиты и духовные потомки Меттерниха: они не почли нужнымъ предварительно спросить у назначаемыхъ лицъ, захотятъ ли они носить даваемый имъ титулъ, захотятъ ли принадлежать къ почтенной компаніи, называемой государственнымъ совѣтомъ. Кабинетъ разсчитывалъ, что такъ какъ вводится конституція и назначаемыя лица должны совершенно замѣнить собою всякихъ депутатовъ, то не посмѣютъ не быть совершенно независимыми отъ правительства представителями своихъ областей, чтобы не попасть въ тюрьму за ослушаніе, и будутъ заниматься въ государственномъ совѣтѣ отважною оппозиціею по приказанію министерства, которому нужна и оппозиція въ числѣ другихъ принадлежностей сво-

Digitized by Google

боды. Вышло нетакъ: венгерскіе магнаты, назначенные въ государственный совѣтъ, отказались идти, хотя были выбраны изъ самыхъ благонадежныхъ людей. Ихъ примѣру послѣдовали многія значительныя лица изъ другихъ частей имперіи. Увы! безъ нихъ въ государственномъ совѣтѣ не будетъ оппозиціи, — то есть оппозиція будетъ, потому что найдутся послушные люди, чтобы спорить противъ правительства по его приказанію и указанію, но эта оппозиція, столь серьёзная и благотворная, не будетъ получать надлежащаго вліянія на общественное мнѣніе, лишившись громкихъ именъ. Впрочемъ, усердіе не нуждается ни въ какихъ именахъ: говорятъ, что новый государственный совѣтъ на дняхъ начнетъ свои засѣданія, не смущаясь тѣмъ, что члены его не пойдутъ въ эти засѣданія и уже отказались отъ званія членовъ. Можно даже видѣть въ этомъ хорошую сторону: такимъ образомъ новый государственный совѣтъ будетъ чисто идеальнымъ совѣтомъ, безъ всякихъ слѣдовъ матеріальнаго существованія, будетъ идеаломъ государственнаго совѣта, а идеалъ—это уже непремѣнно что нибудь очень хорошее. Что уже дано цѣлой имперіи въ видѣ государственнаго совѣта, то обѣщано Венгріи подъ именемъ сейма. Читатель знаетъ, что венгры проникнуты живѣйшею любовью къ императору, и въ награду за это данъ имъ правителемъ Бенедекъ, извѣстный генералъ, родомъ венгерецъ, въ родѣ того, какъ Евгеній Савойскій, такъ отлично бившій французовъ, былъ родомъ французъ. Онъ тѣмъ и началъ, какъ только пріѣхалъ въ Пештъ, что объявилъ собравшимся венгерцамъ: „я вашъ соотечественникъ и очень люблю Венгрію; но у меня люди дѣлятся на два разряда: покорные и непокорные. Итакъ я прошу васъ не быть непокорными, которымъ я спускать не люблю". Впрочемъ, онъ говорилъ это на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно изъ венгерскаго патріотизма, чтобы не осквернять благородную мадьярскую рѣчь произнесеніемъ на ней такихъ словъ. По настоящему было бы за-глаза довольно и такой милости, какъ назначеніе безграничнымъ властителемъ Венгріи столь пламеннаго мадьяра, тѣмъ болѣе, что подъ команду его прислано нѣсколько корпусовъ войска. Но кто можетъ море удержать брегами, пучинѣ положить предѣлъ? — кто можетъ положить предѣлъ расходившемуся либерализму австрійскаго правительства? Король неаполитанскій обѣщаетъ сицилійцамъ самоуправленіе, чуть не республиканскую свободу, и даже разрѣшеніе строить желѣзныя дороги: неужели австрійскій императоръ отстанетъ отъ него на пути столь искреннихъ уступокъ? Итакъ явилось императорское письмо, обѣщающее возстановить въ Венгріи комитатскіе сеймы и даже общій венгерскій сеймъ. Мадьяры пришли въ такой восторгъ, что не выразили его ни однимъ словомъ: чтожъ, слишкомъ сильное чувство, какъ извѣстно, не находитъ словъ для своего выраженія. Но редакторъ оффиціальной пештской газеты Buda-Pesthi Hirlap не понималъ этого и сталъ выпрашивать, чтобы какой нибудь мадьяръ выразилъ свое мнѣніе о данныхъ обѣщаніяхъ. Нашелся наконецъ и такой мадьяръ, человѣкъ очень преданный Габсбургскому дому, только, вѣроятно, не проникнутый такимъ энтузіазмомъ къ мадьярской народности, какъ Бенедекъ, потому что отвѣтъ его, помѣщенный въ газетѣ, не имѣетъ того букета, какъ рѣчь патріотическаго намѣстника. Вотъ что онъ пишетъ:

„Вы просите, чтобы я, какъ честный и прямодушный мадьяръ, откровенно сказалъ вамъ, какое впечатлѣніе на меня и на другихъ жителей нашей страны произведено императорскимъ письмомъ, обѣщающимъ самоуправленіе, комитатскіе сеймы и общій сеймъ королевства. Сначала я хотѣлъ отвѣчать на ваше письмо уклончиво, но, пораз-

Digitized by Google

мысливъ, скажу вамъ, каковы мои мысли, и по всей вѣроятности, мысли огромнаго большинства моихъ соотечественниковъ.

„Вы спрашиваете моего мнѣнія объ обѣщаніяхъ, данныхъ намъ 19 апрѣля. Мы согласно съ его величествомъ думаемъ, что необходимо возстановленіе политическихъ учрежденій, существовавшихъ въ Венгріи до 1848 года. Мы думаемъ, что конституціонная монархія единственное спасеніе для насъ. Мы готовы умереть за нее и радостно пожертвуемъ своею кровью и своимъ имуществомъ за короля, который будетъ сохранять и защищать конституцію. Но императорское письмо 19 апрѣля не произвело энтузіазма. Нація осталась холодна и молчалива; причиною холодности было не то, что написано въ письмѣ, а то, чего въ немъ не написано. Соловья баснями не кормятъ. Намъ нужно знать, что такое разумѣетъ письмо подъ именемъ сейма и когда будутъ возстановлены прежнія учрежденія Слово „конституція" различно истолковывается разными людьми въ разныхъ странахъ. Мы знаемъ, что Франція имѣетъ конституцію, но не имѣетъ конституціонной свободы. Мы не хотимъ одну скорлупу безъ зерна. Скорлупа намъ показана, но не сдѣлано въ ней прорѣзовъ, чтобы видно было, есть ли подъ ней зерно. Мы хотимъ знать; какъ будутъ приведены въ согласіе съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ комитатскіе сеймы; спрашиваемъ другъ у друга, какіе законы будемъ имѣть для огражденія нашего самоуправленія? Но я твердо убѣжденъ, что всѣ препятствія можно устранить, если только серьёзно захотятъ устранить ихъ. Газетамъ не дозволяютъ свободно высказывать мнѣніе объ обѣщаніяхъ, находящихся въ императорскомъ письмѣ, и мы не можемъ особенно вѣрить въ конституцію, которая не въ состояніи выдержать критики. Тотъ способъ, по какому поступаютъ съ газетами, показываетъ намъ, что дѣла останутся почти въ такомъ же, или даже совершенно въ такомъ положеніи, какъ теперь. Въ послѣднемъ вашемъ нумерѣ вы говорите „о дружественныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Венгріи". Убѣдите насъ, что правительство дѣйствительно и искренно намѣрено сдержать свои обѣщанія, и мы будемъ душею и сердцемъ принадлежать вамъ".

Мы привели это письмо вовсе не потому, чтобы соглашались съ авторомъ: онъ очевидно заблуждается. Францъ Іосифъ любитъ Венгрію, Венгрія любитъ Франца Іосифа, — что уже тутъ толковать, какое тутъ возможно недовѣріе съ той или другой стороны? Вотъ, если сицилійцы не вѣрятъ Франческо, это иное дѣло: сицилійцы мятежники; а когда не были мятежниками, и они вѣрили. Стало быть и венгерцы должны вѣрить, если не хотятъ быть мятежниками.—Все бы хорошо въ Австріи, еслибъ только не было въ ней одного: привычки воровать казенныя деньги. Газеты до сихъ поръ занимаются процессомъ о покражѣ суммъ коммиссаріатскаго вѣдомства и смертью барона Брука, бывшею однимъ изъ послѣдствій этого процесса. По поводу самоубійства барона Брука была помѣщена въ Times'ѣ не совсѣмъ дурная статья, которую мы переведемъ:

„Есть для государствъ предзнаменованія гораздо страшнѣйшія кометъ и затменій. Есть признаки слабости и приближающагося паденія еще достовѣрнѣйшіе, чѣмъ потери сраженій и отпаденіе областей. Передъ взрывомъ 1848 года во Франціи собирались тучи и какая-то особенная духота наполняла атмосферу нѣсколько мѣсяцевъ. Въ обществѣ было смутное и душное ожиданіе грозящаго бѣдствія, возбуждавшееся чувство, что правители поражены умственною слѣпотою, что высокіе сановники деморализованы и нечестны. Несчастная Австрійская имперія имѣетъ теперь предзнаменованія такого же рода. Для людей мыслящихъ открытое теперь гигантское воровство ужаснѣе потери Милана и грозящаго венгерскаго возстанія. Не въ томъ дѣло, что вѣтви государства отрываются бурею народной страсти, а въ томъ, что медленная болѣзнь сушитъ корень, и все дерево становится безжизненнымъ, гнилымъ. Извѣстіе, нынѣ печатаемое нами, омрачаетъ эту и безъ того уже мрачную исторію. Мы знаемъ теперь печальныя обстоятельства смерти барона Брука. Этотъ государственный человѣкъ, справедливо считавшійся однимъ изъ даровитѣйшихъ австрійскихъ министровъ, единственнымъ министромъ

Digitized by Google

способнымъ поправить государственные финансы, прекратилъ свою жизнь въ тоскѣ отчаянія и стыда. Читатель помнитъ, что нѣсколько дней тому назадъ было объявлено объ отставкѣ барона Брука; вслѣдъ за тѣмъ пришла вѣсть о его смерти. Таинственная связь этихъ извѣстій, возбуждавшая столько подозрѣній, теперь совершенно объяснена и уже б зполезно молчать о ней. Министръ былъ отставленъ за участіе въ системѣ покражъ, простиравшейся отъ Богеміи до Тріэста, и заплатилъ за свою вину тѣмъ, что зарѣзался, принявъ ядъ.

„Судьба этого замѣчательнаго сановника—одно изъ страшныхъ происшествій, оставляющихъ слѣдъ въ исторіи. Министръ финансовъ великаго государства, довѣренный совѣтникъ древняго престола, другъ европейскихъ государственныхъ людей, чтимый гость государей во всѣхъ столицахъ, покровитель промышленности и торговли, измѣнилъ своему долгу, обокралъ свою страну и только самоубійствомъ избѣжалъ воздаянія за преступленіе,—это такое событіе, которое не забудется. Его дипломатическая и министерская карьера была чрезвычайно успѣшна, и когда, пять лѣтъ тому назадъ, онъ оставилъ мѣсто посланника въ Константинополѣ, принявъ управленіе финансами Австрійской имперіи, онъ вошелъ на высочайшую степень почестей. Къ несчастію въ то же время началась и система воровства, нынѣ обнаружившаяся. Мы не умѣемъ сказать, насколько Брукъ участвовалъ въ немъ: былъ-ли онъ руководителемъ въ этомъ плутовствѣ, или только смотрѣлъ сквозь пальцы на беззаконныя выгоды другихъ. Но теперь не остается сомнѣнія въ томъ, что дѣло, изслѣдуемое нынѣ, длилось нѣсколько лѣтъ. Вѣнскіе и Тріэстскіе милліонеры роскошествовали на деньги, украденныя у государства, это теперь извѣстно.

„Мы читаемъ, что императоръ австрійскій ведетъ изслѣдованіе и наказаніе преступленій съ строгостью, переходящею въ жестокость. Ривольтелья, близкій другъ Брука и одинъ изъ главныхъ тріэстскихъ негоціантовъ, схваченъ, брошенъ въ тюрьму и съ нимъ обращаются какъ съ самымъ низкимъ преступникомъ. Два другіе магната коммерческаго міра, Грамбилья и Мандольеро, подверглись такой же бѣдѣ. Но не въ одномъ Тріэстѣ велось воровство. Производятся аресты въ разныхъ частяхъ имперіи и съ обвиняемыми повсюду поступаютъ столь же сурово. Въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Тріэстѣ учреждены коммиссіи для изслѣдованія этого дѣла. Можно сказать, что терроризмъ владычествуетъ въ австрійскомъ обществѣ. Человѣкъ съ чистой совѣстью можетъ не бояться за себя; но онъ не знаетъ, чистъ ли его сосѣдъ отъ заразы воровства, наказывать которую принялось правительство такъ неохотно. Подробности грабежа еще удерживаются правительствомъ въ глубокой тайнѣ; но извѣстно, что размѣръ его громаденъ, что онъ обнималъ собою почти всю имперію, что замѣшано въ немъ множество людей, что эти люди занимали высокія положенія. Мы въ Англіи имѣемъ также тяжкія преступленія, но одною вещью мы можемъ гордиться: какъ ни искусительно богатство, но высокій правительственный міръ давно уже не подвергается у насъ ни уликамъ, ни даже подозрѣнію въ грабежѣ казны. Высшіе гражданскіе и военные сановники одинаково чисты отъ этого стыда".

Читатель помнитъ, какими неистовыми похвалами превозносили несчастнаго министра годъ или два тому назадъ. Теперь по обыкновенію вдругъ нашли, что онъ былъ министръ опрометчивый, легкомысленный, чуть-чуть не бездарный: всѣ газеты наполнены такими отзывами объ немъ. Мы не дивились его мудрости, когда всѣ превозносили ее; за то не будемъ и теперь повторять пошлыя порицанія, которыми всегда награждается несчастный оборотъ въ дѣлахъ человѣка, бывшаго кумиромъ во время своего счастья. Брукъ былъ человѣкъ даровитый—это остается безспорно, хотя и каждый видитъ теперь, что онъ ни мало не поправилъ австрійскихъ финансовъ. Дѣло въ томъ, что свои таланты обратилъ онъ на служеніе врагу рода человѣческаго: человѣкъ, продавшій душу сатанѣ, не можетъ сдѣлать ничего хорошаго. При томъ порядкѣ, какой существуетъ въ Австріи, не только Брукъ, а и самъ Робертъ Пиль, самъ Сюлли не могли бы поправить финансовъ.

Digitized by Google

Правда, они бы и не взялись поправлять ихъ, потому что не могли бы принять на себя званіе министровъ такой системы. Онъ долженъ былъ давать финансовыя средства для угнетенія, для оффиціальнаго разбоя, для истребленія всего честнаго и добраго, для мотовства, ханжества, мракобѣсія. Для такой системы не достанетъ никакихъ финансовыхъ средствъ и при ней изсякаютъ всѣ источники финансовыхъ средствъ, потому что убивается энергія народа и раззоряется страна. Тутъ не поможешь ни сдѣлками съ французскимъ Crédit Mobilier, ни банкирскими оборотами, ни продажею государственныхъ имуществъ, ни возвышеніемъ налоговъ,— ни чѣмъ не поможешь. Но самъ по себѣ Брукъ былъ даже — чему теперь никто не хочетъ вѣрить—человѣкъ честный. Онъ вошелъ богатымъ купцомъ въ министерство, жилъ такъ скромно, что не имѣлъ ни собственныхъ лошадей, ни серебряныхъ сервизовъ, ни даже такого платья, какое носятъ самые небогатые свѣтскіе люди; всей серебряной посуды въ его домѣ не было и пятнадцати фунтовъ, ни одной бутылки вина не нашлось въ его погребѣ, не было у него и любовницъ. Стало быть онъ не моталъ деньги, а все его имущество оказалось непростирающимся и до 375,000 рублей: навѣрное онъ былъ богаче, когда вступалъ въ министерство. Отчего же его смерть, откуда этотъ скандалъ, эта постыдная отставка, эти приготовленія тащить его въ тюрьму, какъ вора, весь этотъ позоръ, котораго онъ не вынесъ? Все оттого, что онъ былъ, каковъ бы онъ ни былъ, гораздо лучше другихъ австрійскихъ министровъ. Онъ сколько могъ противился слишкомъ крайнимъ реакціоннымъ мѣрамъ, не любилъ іезуитовъ, не шелъ къ возстановленію средневѣковаго порядка, потому всѣ остальные министры ненавидѣли его: онъ былъ помѣхою ихъ благимъ намѣреніямъ. Да, его несчастная кончина—событіе примиряющее насъ съ нимъ: жизнь свою онъ употребилъ на служеніе злодѣямъ, но умеръ за то, что самъ не былъ злодѣемъ. А громадное систематическое воровство? Не при немъ оно началось, не ему было остановить: такъ было въ Австріи искони вѣковъ, такъ будетъ продолжаться, пока будетъ держаться нынѣшняя система. Теперь въ Австріи честнѣйшій сановникъ можетъ только не воровать самъ (Брукъ самъ и не воровалъ), но не можетъ помѣшать воровству другихъ, какое бы высокое мѣсто ни занималъ. Брука обвинили за то, что по его вѣдомству дѣлалось при немъ то, что всегда дѣлалось и дѣлается въ Австріи по всѣмъ вѣдомствамъ: подрядчики и поставщики давали взятки, чтожъ тутъ особеннаго? Каждому въ Австріи всегда было извѣстно, что безъ этого не бываетъ въ Австріи никакихъ подрядовъ и поставокъ.

Кому теперь была бы охота слушать разсказы о внутреннихъ дѣлахъ какого нибудь государства, если эти дѣла не служатъ еще слишкомъ явнымъ указаніемъ на близость потрясеній, подобныхъ итальянскимъ? Потому мы только двумя словами упомянемъ, что во Франціи все чаще и чаще повторяются факты, сами по себѣ не важные, но показывающіе, что пробужденіе національной жизни, начавшееся года три тому назадъ, продолжается, не задерживаясь даже такими крайними средствами къ развлеченію отъ внутреннихъ дѣлъ, какимъ была прошлогодняя война и какимъ вѣроятно будетъ скоро какая нибудь другая война, на Рейнѣ или въ Италіи, на востокѣ или на западныхъ моряхъ. Потребность возвратить утраченныя политическія права постоянно усиливается. Представить новое доказательство тому недавно потрудился,—кто бы вы думали?—французскій сенатъ. Читателю извѣстно, что Франція недовольна тою гласностью, которою теперь поль-

Digitized by Google

зуется, и хочетъ какого-то иного простора для совѣщаній о національныхъ дѣлахъ. Въ прошломъ году мы нѣсколько разъ приводили факты, относящіеся къ этому стремленію, и помѣстили объ одномъ изъ нихъ отдѣльную довольно большую статью. Если мы не каждый мѣсяцъ упоминаемъ о подобныхъ новыхъ фактахъ, то лишь потому, что было бы утомительно каждый разъ возвращаться къ одному предмету; а стремленіе это каждый мѣсяцъ выражается нѣсколькими признаками, постоянно усиливающимися, хотя и до сихъ поръ все еще не очень сильными. Зараза дурнаго желанія распространилась до того, что коснулась даже императорскаго сената: онъ рѣшилъ, что будетъ, когда ему покажется нужно, печатать произносимыя въ немъ рѣчи вполнѣ и въ подлинномъ видѣ, а не въ сухихъ и невѣрныхъ извлеченіяхъ, какія исключительно печатались до сихъ поръ. Отъ французскаго сената нельзя ждать рѣчей, которыя стоили бы быть напечатанными; но важность не въ томъ, что кому нибудь любопытно или полезно читать рѣчи французскихъ сенаторовъ, а въ томъ, что даже эти сенаторы обнаруживаютъ претензію вести совѣщанія способомъ достойнымъ парламента, а не тѣмъ, какимъ ведутъ ихъ теперь.

По всему видно, что пора было бы во Франціи приступить къ удовлетворенію требованій подобнаго рода. Быть можетъ, общество желаетъ вещей вредныхъ для государства, или по крайней мѣрѣ гибельныхъ для существующаго порядка; быть можетъ, для государства, или по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ находящихся въ странѣ людей, было бы гораздо полезнѣе, если бы нація довольствовалась гласностью; но что дѣлать? удовлетворить усиливающемуся требованію все-таки было бы лучше даже и для этихъ людей, считающихъ подобныя требованія неосновательными, потому что черезъ это они избавились бы отъ непріятностей, гораздо чувствительнѣйшихъ, какими обыкновенно сопровождается для упорствующаго процессъ взятія у него безъ его согласія тѣхъ вещей, которыхъ онъ не уступаетъ добровольно, когда обязанъ уступить. Объ этомъ довольно справедливо разсуждаетъ Times по поводу рѣчи, произнесенной Бульверомъ, изъ плохихъ романистовъ обратившимся въ плохаго, но очень краснорѣчиваго государственнаго человѣка. Читатель знаетъ, что военныя опасенія отвлекли вниманіе англійской націи отъ внутреннихъ дѣлъ, и что поэтому дѣло о парламентской реформѣ идетъ очень вяло: тори надѣются даже замять его, думая, что націи недосугъ будетъ спрашивать у нихъ отчета за то. Въ числѣ другихъ поднялся и Бульверъ, одинъ изъ упорныхъ тори. Вотъ что замѣчаетъ на его слова Times, который самъ тоже не желаетъ парламентской реформы, потому что пишется людьми изъ тѣхъ сословій и для людей тѣхъ сословій, которымъ хорошо при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ.

„Сэръ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ предсказываетъ, что новые избиратели будутъ злоумышлять противъ свободы Англіи, продавать свои голоса врагамъ ея, захватятъ власть, уничтожатъ налоги, обанкротятъ казну, размножатъ число должностей и унизятъ политику до ремесла самыхъ пошлыхъ людей въ обществѣ. Предсказанія страшныя; но если и совершенно принять ихъ справедливость, всетаки остается вопросъ о томъ, не представляется ли необходимость сдѣлать значительный шагъ по демократическому направленію? Развѣ парламентская реформа предметъ отвлеченныхъ соображеній? Нынѣшнее положеніе вещей, требующее реформы, составляетъ послѣдствіе реформы 1832 года. Тогдашніе противники ея говорили то же, что говорилъ вчера сэръ Эдуардъ; они предсказывали отъ нея шаткость правительства, затруднительность парламентской дѣятельности, увеличеніе избирательныхъ подкуповъ, неизбѣжность дальнѣйшихъ уступокъ и

Digitized by Google

множество подобныхъ вещей. Положимъ, что все это такъ, а все-таки безспорно, что мы должны сдѣлать парламентскую реформу. У насъ нѣтъ свободы выбора въ этомъ случаѣ.

„Да весь вопросъ между людьми имѣющими власть и людьми требующими ея приводится къ вопросу о силѣ. Католики, диссиденты, евреи получили политическія права не потому, чтобы люди, имѣвшіе тогда власть, считали ихъ требованія справедливыми, не потому, чтобы находили, что парламенту и администраціи полезно будетъ допущеніе католиковъ, диссидентовъ и евреевъ къ должностямъ, а просто потому, что нельзя было не сдѣлать этого. Опытъ послѣднихъ пяти или шести лѣтъ убѣдилъ всѣхъ разсудительныхъ людей,—не въ томъ, что выборы улучшатся отъ увеличеніи числа избирателей, не въ томъ, что улучшится отъ этой реформы составъ парламента, а въ томъ, что надобно согласиться на эту реформу, хотя бы она и не обѣщала пользы, хотя бы даже она была вредна. Теперь національныя дѣла затруднены. Теперь во власти радикаловъ поднять знамя реформы и собрать вокругъ себя столько недовольныхъ, что парламентское большинство разрушается и разстроивается парламентская дѣятельность. Нынѣшнее положеніе дѣлъ, мало того, что дурно, оно невыносимо, потому что оно не допускаетъ ничего дѣлать. Самъ сэръ Эдуардъ со всею консервативною партіею помогаетъ дѣлу парламентской реформы, — разумѣется, не по любви къ нему, а все-таки помогаетъ. Пусть мистеръ Брайтъ или какой нибудь другой реформаторъ, имѣющій въ парламентѣ значеніе только потому, что требуетъ реформы,—пусть онъ захочетъ низвергнуть министерство виговъ,—онъ всегда можетъ разсчитывать на поддержку со стороны тори, и такимъ образомъ тори постоянно придаютъ вѣсъ его требованію, чтобы дана была реформа. Да, тутъ вопросъ состоитъ только въ силѣ, и мы должны принимать ее въ разсчетъ, какъ мореходецъ принимаетъ въ разсчетъ силу вѣтра и теченій. Мы должны разсчитать, какую уступку должны мы сдѣлать, какая уступка будетъ достаточна чтобы отдѣлаться намъ отъ этого вопроса и обезоружить реформаторовъ. Сила мистера Брайта въ томъ, что онъ требуетъ реформы, въ томъ, что онъ, какъ только захочетъ, можетъ вынудить министровъ внести въ парламентъ билль о реформѣ. Сдѣлайте умѣренную реформу, и онъ потеряетъ силу въ парламентѣ.

„Все краснорѣчіе сэра Эдуарда ведетъ только къ тому, что значительное увеличеніе числа избирателей имѣетъ свою дурную сторону,—въ этомъ мы совершенно согласны съ нимъ. Онъ говоритъ, что опасность находится въ легковѣріи, невѣжествѣ и опрометчивости рабочихъ классовъ; въ томъ, что жизнь ихъ тяжела, что работа не даетъ имъ времени на умственное развитіе, на пріобрѣтеніе здравыхъ понятій; въ томъ, что они находятся въ зависимомъ положеніи, что единственный выгодный шансъ для нихъ потрясеніе общественныхъ отношеній. Правда. Мы видимъ, мы чувствуемъ теперь, что это правда: рабочіе классы остановили законодательную дѣятельную дѣятельность, поочередно низвергаютъ лорда Пальмерстона и лорда Дерби. Что же намъ дѣлать? Сэръ Эдуардъ не говоритъ намъ этого. Но качества, по мнѣнію сэра Эдуарда вредныя въ избирателяхъ, не менѣе вредны и въ людяхъ, неимѣющихъ голоса на выборахъ. Рабочіе классы хотятъ политическихъ правъ; это не доказательство ихъ достоинства пользоваться правами, но это причина тому, что мы должны дать имъ права, достойны ли они или недостойны. Если поднимать отвлеченный вопросъ о достоинствѣ, то кто изъ насъ достоинъ? Король Неаполитанскій думаетъ, что всѣ его подданные недостойны политическихъ правъ, но они, какъ видимъ, неспособны и жить безъ нихъ“.

Очень умно. Вотъ хорошо было бы, если бы всѣ такъ разсуждали. Но въ томъ и штука, что не всѣмъ возможно имѣть такой разсудительный взглядъ на вещи. Почему Times имѣетъ силу хладнокровно понимать необходимость уступки, которой самъ не желаетъ, выгоду скорѣе исполнить дѣло, которое ему непріятно, но отъ исполненія котораго не уйдешь никакими отвиливаніями, и отвиливанія отъ котораго приведутъ только къ чувствительнѣйшимъ непріятностямъ? Потому, что для самаго Times'а, для газеты и для публицистовъ, пишущихъ въ ней, прямого вреда отъ парламентской реформы не будетъ: вліяніе журналистики на общественное мнѣніе не уменьшится, число подписчиковъ не уменьшится, поло-

Digitized by Google

женіе публицистовъ не станетъ хуже. А кому дѣло приноситъ личный вредъ, тѣ никогда и никакъ не съумѣютъ во-время понять его неизбѣжность и непремѣнно затянутъ его до того, что подвергнутся изъ-за него непріятностямъ, еще гораздо худшимъ для нихъ, чѣмъ само это дѣло. Это уже такъ водится на свѣтѣ.

P. S. *19 мая.* Прочитавъ депешу, говорящую, что Гарибальди вступилъ въ Палермо, мы разумѣется совершенно измѣняемъ свое понятіе о сицилійцахъ, и отрекаемся отъ всего, что говорили о нихъ въ предъидущей статьѣ, кромѣ словъ, которыми отдавали справедливость ихъ мужеству. Мы могли порицать ихъ, пока они не достигли успѣха. Но успѣхъ дѣла измѣняетъ и названіе его. Если бы Козьма Миничъ Сухорукій не имѣлъ успѣха, мы называли бы его безпокойнымъ, безумнымъ, а теперь каждый изъ насъ знаетъ, что онъ былъ спаситель отечества. Точно также, мы теперь совершенно отрекаемся отъ столь основательно изложеннаго нами мнѣнія въ защиту неаполитанской системы. Мы теперь прозрѣли и увидѣли, что она несостоятельна.

Мы полагали, что это отреченіе прійдется намъ сдѣлать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Читатель видитъ, что развязка пришла быстрѣе, чѣмъ ожидали мы.

P. P. S. *Черезъ два часа послѣ предъидущей приписки.* Справившись духомъ отъ перваго потрясенія, произведеннаго въ насъ извѣстіемъ о взятіи Палермо, мы возвращаемся къ прежнимъ нашимъ принципамъ, отъ которыхъ легкомысленно отреклись-было на минуту. Неаполитанская система хороша. Сицилійцы—ослѣпленные безумцы. Гарибальди—разбойникъ. Беззаконіе торжествуетъ въ Сициліи, можетъ восторжествовать и въ Неаполѣ, какъ восторжествовало въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Романьѣ, можетъ восторжествовать на всемъ Западѣ. Но мы стоимъ на скалѣ, которой не коснутся волны его.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ІЮНЬ 1860.

Письма изъ Палермо въ газету „Times".

Въ Times'ѣ появились наконецъ письма корреспондента ея, отправившагося въ Сицилію. По обыкновенію, эта корреспонденція далеко превосходитъ полнотою своею всѣ тѣ свѣдѣнія, какія получала публика изъ другихъ источниковъ. Объемъ корреспонденціи довольно великъ, потому мы только въ нѣсколькихъ словахъ перескажемъ содержаніе двухъ первыхъ ея писемъ; за то будемъ вполнѣ переводить слѣдующія письма, начиная съ того, которое было писано 27 мая, подъ грохотомъ бомбардированія,—въ немъ излагаестя и ходъ предъидущихъ событій, отъ высадки Гарибальди до того дня, когда корреспондентъ проѣхалъ въ лагерь инсургентовъ, вмѣстѣ съ которыми вступилъ въ Палермо. О своемъ участіи въ дѣлѣ историкъ ничего не говоритъ; но видно, что если онъ не сражался самъ, то водилъ въ бой другихъ.

Очень живо описавъ видъ Мессины въ послѣднихъ числахъ мая и разсказавъ извѣстныя нашимъ читателямъ дѣйствія, которыми отпраздновали въ мирномъ городѣ пасху неаполитанцы (первое письмо), корреспондентъ во второмъ письмѣ разсказываетъ о своемъ пріѣздѣ изъ Мессины въ Палермо. Городъ былъ, подобно Мессинѣ, покинутъ почти половиною жителей, ждавшихъ отъ неаполитанцевъ именно того образа дѣйствій, какой они и дѣйствительно употребили. Но полицейскіе, предвидѣвшіе, что скоро власть ихъ кончится, стали уже любезными кроткими. Превосходно описываетъ корреспондентъ тревожное состояніе жителей, не имѣвшихъ средствъ удалиться за своими болѣе счастливыми согражданами. [illegible]ные огни Гарибальдіевскихъ отрядовъ по горамъ, картину сраженія, которое онъ видѣлъ еще съ корабля и къ которому возвращается въ первомъ изъ переводимыхъ нами писемъ. Не останавливаясь на всемъ этомъ, беремся прямо за переводъ письма, съ котораго начинается настоящее изложеніе хода событій.

Палермо. 27 мая.

Теперь 2 часа по полудни, и я пишу вамъ подъ бомбами, летающими надъ моею головою. Когда высадка Гарибальди произвела первый припадокъ ужаса въ Неаполѣ, юный Бурбонъ послалъ своему храброму флоту, сосредоточенному въ палермской гавани, приказаніе бомбардировать его вѣрныхъ палермцевъ и обратить городъ ихъ въ пепелъ, если они осмѣлятся возстать противъ его отеческой власти. Съ палермцами разъ уже было поступлено этимъ отеческимъ способомъ, по распоряженію достославнаго родителя нынѣшняго короля,—родитель, если вы припомните, прозывается въ исторіи Re Bomba.

Digitized by Google

„король бомба“ за то, что далъ эти сувениры своей любви каждому большому городу своего королевства. Каждый бывавшій въ бомбардируемомъ городѣ скажетъ вамъ, что это вещь очень непріятная, особенно если вы не имѣете средствъ отвѣчать на нее сообразнымъ манеромъ,—однакоже Палермо возсталъ нынѣ утромъ. Вчера оффиціальный бюллетень правительства объявлялъ палерицамъ, что разбитыя шайки Гарибальди бѣгутъ по направленію къ Корлеоне, преслѣдуемыя побѣдоносными войсками короля, что шайки, присоединившіяся къ Гарибальди, постепенно и спокойно расходятся по домамъ, и что въ скоромъ времени все это дѣло покончится. Нынѣ на разсвѣтѣ Гарибальди явился передъ восточными воротами Палермо и послѣ борьбы, не слишкомъ кровопролитной, вошелъ въ нихъ. Къ 10 часамъ утра большая часть города была въ его рукахъ. Неаполитанцы были оттѣснены въ нѣсколько крѣпкихъ пунктовъ около королевскаго дворца, на юго-западный конецъ города, и на сѣверо-западный конецъ его, къ молу на пристани; а корабли, не находя себѣ возможности сдѣлать ничего полезнаго, открыли по городу огонь—это всегдашнее послѣднее лекарство. Флоты почти всѣхъ цивилизованныхъ націй имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Въ лагерѣ Гарибальди говорили вчера вечеромъ, что Британскій адмиралъ протестовалъ противъ такого дѣйствія. Бомбы, летающія по воздуху во всѣхъ направленіяхъ, ясно доказываютъ одно изъ двухъ: или нашъ адмиралъ не протестовалъ, или неаполитанцы не послушали его протеста.

Но я долженъ спѣшить къ фактамъ, потому что разсказывать мнѣ будетъ много. Въ своемъ прежнемъ письмѣ отсюда, 25 мая, я старался дать очеркъ здѣшняго положенія, но не могъ сообщить вамъ ничего, кромѣ догадокъ о томъ, что происходило за стѣнами Палермо. Теперь могу пополнить этотъ пробѣлъ, и изъ самаго лучшаго источника сообщить вамъ обо всемъ, что случилось со времени высадки до вчерашняго дня; о событіяхъ со вчерашняго дня могу разсказать какъ очевидецъ. Они покажутъ вамъ, что звѣзда Гарибальди не меркнетъ, и что если Сицилія освободится, то освобожденіемъ будетъ обязана ему.

Ѳнъ, какъ вы припомните, отплылъ изъ окрестностей Генуи въ ночь съ 5 на 6 мая. Онъ хотѣлъ отплыть наканунѣ, но одинъ изъ пароходовъ, выбранныхъ для экспедиціи, не пришелъ въ тотъ день, потому надобно было на сутки отложить отъѣздъ. Нечего и говорить, что щекотливая часть дѣла была заранѣе улажена съ владѣльцами пароходовъ, и что Гарибальди только согласился принять на себя отвѣтственность за то, чтобы увести эти пароходы *). Капитаны, машинисты и матросы заблаговременно получили приказаніе сойти съ пароходовъ,—храбрый генералъ самъ хорошій морякъ, и у него было довольно своихъ людей для управленія пароходами. 7 числа онъ выходилъ на берегъ у Таламоне въ Тосканѣ **), а 8 въ Орбителло ***), гдѣ экспедиція провела слѣдующій день. Вечеромъ 9 мая экспедиція пошла прямо къ сицилійскому берегу. Неаполитанское правительство очень хорошо знало о ней, и флотъ его крейсиро-

*) Читатель конечно знаетъ, что дѣлу приданъ былъ такой видъ, какъ будто Гарибальди, внезапно подъѣхавъ на лодкахъ къ двумъ пароходамъ одного итальянскаго акціонернаго общества, стоявшимъ на взморьѣ около Генуи, насильно овладѣлъ ими; онъ написалъ потомъ и директорамъ этой компаніи письмо, въ которомъ извинялъ свое мнимое насиліе необходимостью.

**) Тутъ между прочимъ его помощникъ, венгерецъ полковникъ Турръ, явился, говорятъ, къ мѣстному военному начальнику, Джорджини, и потребовалъ именемъ Виктора-Эммануэля, чтобы онъ далъ ему боевыхъ снарядовъ и оружія изъ запасныхъ магазиновъ. Джорджини не рѣшился; Турръ сказалъ: „если вы не вѣрите, что такова воля короля, пойдемте со мною къ генералу“.—Гарибальди показалъ Джорджини дневникъ своей экспедиціи и сказалъ: „я посылаю этотъ журналъ похода къ королю; я сношусь не съ министерствомъ, а прямо съ нимъ; хотите вы, чтобы въ моей депешѣ было написано, что вы не исполняете приказаній, даваемыхъ вамъ именемъ короля?“ Джорджини убѣдился и далъ все, чего у него требовали. Теперь онъ арестованъ и преданъ суду за это.

***) Таламоне лежитъ верстахъ въ 20 отъ границы папскихъ владѣній, Орбителло верстахъ въ 10, такъ что цѣлыхъ двое сутокъ маленькая эскадра Гарибальди простояла почти неподвижно у южной оконечности Тосканскаго берега,—это между прочимъ развлекло мысли неаполитанскаго правительства: нѣсколько времени оно думало, какъ мы говорили въ прошлый разъ, что Гарибальди перемѣнилъ планъ дѣйствій и хочетъ уже не плыть въ Сицилію, а идти черезъ папскія земли въ Абруццо.

Digitized by Google

валъ во всѣхъ направленіяхъ, кромѣ того, по которому пошелъ Гарибальди. Маленькія эскадры изъ двухъ или больше пароходовъ были разставлены по главнымъ пристанямъ острова и старались крейсировать такъ, чтобы содержать кордонъ вокругъ острова. Особенными предметами ихъ вниманія были южный и юго-западный берега потому, что нѣкоторые неаполитанскіе пароходы доносили, что видѣли экспедицію, направляющуюся къ Тунису *). Два парохода, „Капри“ и „Стромболи“ стояли въ Марсалѣ; они всего часа за два или меньше до прибытія экспедиціи ушли на крейсировку. Мѣсто высадки не было опредѣлено заранѣе: вдохновеніе минуты внушило Гарибальди выбрать наиболѣе посѣщаемую кораблями часть острова, а звѣзда его привела его къ гавани именно въ промежутокъ между отходомъ и возвращеніемъ крейсеровъ **). Если бы не это, высадка могла бы кончиться неудачно. Одинъ изъ пароходовъ Гарибальди натолкнулся на скалу у входа въ гавань, а другой подошелъ какъ можно ближе къ берегу. По прежнимъ свѣдѣніямъ, Гарибальди зналъ, что въ Марсалѣ находится гарнизонъ изъ 600 человѣкъ; онъ уже дѣлалъ распоряженіе, чтобы высадить небольшой отрядъ, который прогналъ бы гарнизонъ, и уже тогда начать настоящую высадку,—но лодки, пришедшія отъ берега, привезли извѣстіе, что въ Марсалѣ нѣтъ ни одного солдата. Потому высадка стала дѣломъ довольно легкимъ. Къ пароходамъ были подведены баржи и перевезли все на берегъ; а когда все уже было перевезено, явились неаполитанцы и начали стрѣлять въ душевное свое наслажденіе, не сдѣлавъ никакого вреда, кромѣ того, что нанесли легкія раны двоимъ людямъ ***). Первою заботою Гарибальди было перервать телеграфическую проволоку; но она уже успѣла сообщить въ Палермо извѣстіе о высадкѣ. Послѣднія двѣ депеши, ею посланныя, были: „Показались два парохода, идущіе въ гавань. Подозрительно, потому что нѣтъ на нихъ никакого флага“. Черезъ нѣсколько времени: „Два парохода, поднявъ сардинскій флагъ, вошли въ гавань и высаживаютъ солдатъ“.

Прибытіе Гарибальди совершенно измѣнило характеръ сицилійскаго возстанія. До той поры разныя squadre dei picciotti (шайки молодежи) вели партизанскую войну, почти не имѣя связи между собою. Какой нибудь землевладѣлецъ, пользующійся вліяніемъ, или какой нибудь простолюдинъ, особенно энергическій, собиралъ всѣхъ, кто хотѣлъ при-

---

*) Кромѣ причины, указываемой корреспондентомъ Times'a, еще и по тому, что эти берега, лишенные большихъ гаваней, имѣютъ множество маленькихъ пристаней, которыя такъ уединенны, что представляютъ большія удобства для тайныхъ высадокъ (потому черезъ нихъ ведется и контрабанда); а главное, въ этихъ частяхъ острова было мало войскъ, потому и полагалось, что Гарибальди предпочтетъ какой нибудь пунктъ на нихъ, боясь скорой встрѣчи съ сильными неаполитанскими отрядами, занимавшими сѣверную часть острова и въ особенности сѣверо-западную оконечность его, гдѣ Палермо, Трапани, Марсала. Читатель знаетъ, что послѣ Палермо и Мессины, городъ Трапани, лежащій очень близко отъ Марсалы, служилъ стоянкою сильнѣйшаго неаполитанскаго отряда. Предугадавъ, что непріятель будетъ руководиться этими соображеніями о невѣроятности высадки на сѣверо-западномъ берегу, Гарибальди направился къ нему, и опаснѣйшее мѣсто оказалось безопаснѣйшимъ, потому что непріятель слишкомъ полагался на его недоступность.

**) По другимъ извѣстіямъ, предводителямъ сицилійскихъ инсургентовъ было заранѣе сообщено, гдѣ будетъ высадка,—эти разныя свѣдѣнія можно согласить такимъ образомъ: Гарибальди заранѣе опредѣлилъ сдѣлать высадку на сѣверо-западномъ концѣ острова, но не опредѣлилъ, въ какомъ именно пунктѣ берега, протягивающагося отъ Трапани до Шьякки верстъ на 150. Марсала лежитъ въ срединѣ этого берега, предоставлявшаго на выборъ ему нѣсколько пристаней.

***) Читатель конечно помнитъ, что неаполитанскіе крейсеры (два парохода и одинъ парусный фрегатъ) настигли экспедицію еще до начала высадки, но держались въ отдаленіи, пока всѣ волонтеры сошли на берегъ,—крейсеры побоялись напасть, хотя каждый изъ ихъ трехъ кораблей могъ бы легко одинъ сладить съ обоими пароходами Гарибальди. Читатель знаетъ также, что въ извиненіе, неаполитанскій командиръ написалъ, будто-бы англійскіе военные пароходы помѣшали ему стрѣлять, ставъ между нимъ и пароходами Гарибальди; что потомъ была доказана лживость этой отговорки и неаполитанское правительство принуждено было формально принести извиненіе англійскому за клевету. Но еще любопытно вотъ что: неаполитанскій флотскій командиръ, не отваживаясь самъ приблизиться на пушечный выстрѣлъ къ пароходамъ Гарибальди, не имѣвшимъ и вооруженія (это были торговые пароходы, безъ пушечныхъ люковъ), просилъ англійскаго капитана, чтобы онъ напалъ на эти пароходы; англійскій капитанъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, а пусть нападаютъ на нихъ сами неаполитанцы, если хотятъ.

Digitized by Google

стать къ нему и имѣлъ какое нибудь оружіе. Тактика ихъ была въ томъ, чтобы являться и исчезать по разнымъ мѣстамъ и тревожить, бросаясь изъ безопасныхъ убѣжищъ, королевскія войска, проходившія внутрь острова; но никто не имѣлъ ни мысли, ни мечты составить общій планъ или сразиться съ королевскими войсками въ открытомъ полѣ. Гористая мѣстность и отсутствіе большихъ дорогъ очень облегчали такой родъ войны, а отсутствіе опасности и изнурительности привлекало къ ней и тѣхъ, которыхъ не привлекла бы одна ненависть противъ неаполитанцевъ. Страна между Палермо, Трапани, Марсалою и Корлеоне *) была главнымъ мѣстомъ этихъ squadre, изъ которыхъ многія тогда находились въ цѣпи горъ, возвышающихся надъ Палермо.

Имя и авторитетъ Гарибальди и привезенное имъ подкрѣпленіе стали связью между этими разными толпами, сошедшимися подъ его начальство. Лишь только разнеслась вѣсть о его высадкѣ, толпы инсургентовъ изъ окрестностей Трапани, Корлеоне и еще двухъ-трехъ городовъ присоединились къ нему. Противъ этихъ силъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ, былъ посланъ по направленію къ Марсалѣ и Трапани бригадный генералъ Ланди. Дорога въ эти города одна и та же до Калата-Фими, лежащаго на вершинѣ высокой террасы, а далѣе она раздѣляется на двѣ вѣтви; потому корпусъ, ставшій въ этомъ узлу, отрѣзываетъ сообщеніе по всѣмъ настоящимъ путямъ изъ Палермо въ Трапани и Марсалу. Генералъ Ланди занялъ позицію на нижнихъ уступахъ этой террасы; у него было 4 баталіона, въ томъ числѣ одинъ стрѣлковый, и 4 горныя орудія. Дорога изъ Марсалы, прошедши черезъ Салеми, спускается одной изъ тѣхъ длинныхъ террасъ, которыя составляютъ характеристическую черту мѣстности въ этой части Сициліи, и, перерѣзавъ небольшую долину, поднимается на другую террасу, на которой стоитъ Калата-Фими. Такимъ образомъ это позиція, которую взять чрезвычайно трудно. Подобно всѣмъ солдатамъ подобныхъ имъ армій, неаполитанцы, имѣя превосходные штуцера, полагаются всего больше на свой огонь, особенно если перестрѣлку можно вести съ дальняго разстоянія. Потому они встрѣтили Гарибальди и его воиновъ такъ жарко, что сицилійскіе инсургенты скоро стали искать убѣжища, гдѣ только могли, оставивъ все дѣло на плечахъ однихъ тѣхъ волонтеровъ, которыхъ привезъ съ собою Гарибальди. Альпійскіе стрѣлки оправдали свою репутацію, и несмотря на знойность дня, на выгоду позиціи, на превосходство числа, штыками погнали неаполитанцевъ съ одной позиціи на другую. Одинъ студентъ изъ Павіи, юноша, имѣющій никакъ не больше 18 лѣтъ, первый ворвался въ ряды непріятеля. Меньше чѣмъ въ два часа неаполитанцы были прогнаны со всѣхъ своихъ позицій и бѣжали по пути къ Палермо. Въ деревнѣ было найдено письмо, написанное генераломъ Ланди. Онъ проситъ палермскаго коменданта прислать ему подкрѣпленіе, говоря, что не можетъ держаться противъ Гарибальди. Онъ также извиняется въ томъ, что потерялъ одно орудіе, говоря, что мулъ, на которомъ оно было навьючено, былъ убитъ, — ложь, потому что орудіе взято съ лафетомъ и двумя запряженными мулами, которые остались въ добромъ здоровьѣ.

Бригада, потерпѣвшая значительныя потери, сначала не была тревожима на своемъ отступленіи и прошла черезъ Алькамо **), не подвергаясь нападенію. Но въ Партенико ***), гдѣ неаполитанцы принялись грабить, жечь и рѣзать жителей безъ всякаго разбора, бросая женщинъ и дѣтей въ огонь, народъ возсталъ, засѣлъ въ домахъ и началъ стрѣлять изъ нихъ по солдатамъ, которые тутъ уже совершенно разстроились въ своемъ бѣгствѣ. Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы терять время. Но необходимость согласить свой планъ дѣйствій съ толпами инсургентовъ, бывшими около Палермо, не допустила его занять монреальскую позицію въ расплохъ.

Чтобы дать вамъ понять важность этой позиціи и дальнѣйшій ходъ дѣйствій, я долженъ сказать нѣсколько словъ о топографіи Палермскаго бассейна. Подъѣзжая къ

---

*) Относительное положеніе Палермо, Трапани, Марсалы извѣстно читателю. Корлеоне лежитъ въ глубинѣ острова, верстахъ въ 35 почти прямо на востокъ отъ Палермо, образуя четвертый уголъ параллелограмма, ширина котораго 30 - 35 верстъ, длина — 100 — 110 и который занимаетъ сѣверозападную часть Сициліи.

**) Верстахъ въ 10 за Калата-Фими, по дорогѣ въ Палермо.

***) Верстахъ въ 20 далѣе за Алькамо, уже на половинѣ разстоянія отъ Калата-Фими до Палермо.

Digitized by Google

Палермо съ моря, вы очень издалека уже видите крутую глинистую гору, которая стоитъ особо и нѣсколько напоминаетъ гибральтарскую скалу, только не такъ высока. Эта масса составляетъ сѣверный край Палермскаго залива и Золотой раковины (Conca d'Oro), плодоносной равнины, на которой лежитъ городъ. Равнина идетъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ томъ же направленіи тянется полукругомъ и горная цѣпь. Сколько я могу сообразить, равнина имѣетъ всей длины миль 12 (верстъ 20), а всей ширины мили 4 или миль 5 (верстъ 7 или 8). Въ промежуткѣ этой одинокой горы (Monte Pellegrino) и остальной цѣпи, равнина проходитъ къ ла-Фаворитѣ, черезъ которую идетъ дорога въ Карини *); въ противоположной **) сторонѣ равнины, вдоль по морскому берегу, идетъ шоссе въ Мессину, черезъ Бацарію, мимо развалинъ Соленто. Эти два мѣста легчайшіе выходы изъ равнины, — во всѣхъ другихъ пунктахъ непрерывная цѣпь горъ отрѣзываетъ, повидимому, всякое сообщеніе съ нею. Подлѣ самой ла-Фавориты плохая горная дорога идетъ прямою линіею черезъ Санъ-Мартино на Карини. Влѣво отъ этой дороги поднимается утесистая великолѣпная гора, похожая на погасшій кратеръ; она нѣсколько выступаетъ впередъ въ равнину и отъ нея тянется высокій отрогъ по одному направленію съ главнымъ хребтомъ. Этотъ отрогъ — Монреале; изъ Палермо виденъ знаменитый монреальскій монастырь, видна и бóльшая часть села. Черезъ эту террасу идетъ шоссе въ Трапани. Позади отрога и террасы, гдѣ стоитъ Монреале, гора образуетъ родъ амфитеатра колоссальныхъ размѣровъ; гора вспахана уступами, которые, возвышаясь одинъ надъ другимъ, содѣйствуютъ ей походить на амфитеатръ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ амфитеатръ кончается и гора начинаетъ снова выступать впередъ въ равнину, видны на спускахъ ея два бѣлыя села, Парко и Madonna delle Grazie; черезъ нихъ проселочная дорога ведетъ въ Piana dei Greci и въ Корлеоне ***), двѣ древнія албанскія колоніи, основанныя, подобно многимъ поселеніямъ въ этой части Сициліи, албанцами, эмигрировавшими послѣ смерти Скандербега. Другой отрогъ идетъ въ равнину, образуя другой амфитеатръ, еще обрывистѣе и живописнѣе монреальскаго; надъ нимъ возвышается Джебель-Россо. Тутъ по глубокому ущелью идетъ тропинка, по которой можно ѣхать только верхомъ: это Piazza della Mazzagna, Мацданскій проходъ, ведущій въ деревню Мисильмери ****), лежащую на единственномъ шоссе, ведущемъ въ глубину острова и доводящемъ до Катаніи. Джебель-Россо имѣетъ пологость къ морю и къ Цаффаранскому мысу *****), и по нижней части его спуска ведетъ шоссе изъ Палермо въ Катанію; оно идетъ почти параллельно съ приморскою ******) дорогою до Абате, а потомъ сворачиваетъ къ югу.—Изъ этого описанія вы видите, что неаполитанцы, владѣя моремъ, имѣли всѣ выгоды концентрическаго положенія, особенно важныя въ дѣлѣ съ врагомъ, слабымъ артиллеріею и страшнымъ преимущественно только въ горахъ. Мѣстность явно указывала имъ, что надобно сосредоточить всѣ ихъ силы въ равнинѣ, и кромѣ равнины занимать монреальскую террасу, которая сама по себѣ сильная позиція, господствующая на довольно далекое пространство надъ дорогами, ведущими къ Палермо изъ глубины острова. Невыгода аттакующаго значительно увеличивалась трудною гористою мѣстностью, — горы уничтожаютъ почти всякую возможность боковаго сообщенія между расходящимися отъ Палермо дорогами, такъ что всякая перемѣна пункта аттаки требуетъ длиннаго обхода. Неаполитанцы, много лѣтъ изучавшіе мѣстность, хорошо знали всѣ эти выгоды и сосредоточили всѣ свои силы въ равнинѣ, еще занявъ только монреальскую террасу.

Гарибальди не могъ соединить своихъ силъ къ такому времени, чтобы прійдти въ Монреале прежде, чѣмъ неаполитанцы заняли его большими силами, и когда онъ, че-

*) Городъ верстахъ въ 15 на западъ отъ Палермо, бывшій театромъ неаполитанскихъ неистовствъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшемъ обозрѣніи.

**) Юго-восточной.

***) Piana dei Greci лежитъ почти на половинѣ пути изъ Палермо въ Корлеоне.

****) Дорога въ Piana dei greci и въ Корлеоне идетъ изъ Палермо почти прямо на югъ, а дорога въ Мисильмери на юго-востокъ, почти въ одинакомъ разстояніи отъ корлеонской и отъ мессинской (прибрежной) дороги. Мисильмери лежитъ верстахъ въ 15 отъ Палермо.

*****) Цаффаранскій мысъ—юго-западная оконечность Палермскаго залива и равнины сѣверо-западную оконечность которыхъ образуетъ Monte Pellegrino.

******) Мессинскою.

Digitized by Google

ь четыре дня послѣ калата-фимской побѣды, подошелъ къ этой позиціи, онъ уви-
ѣ, что нельзя было бы взять Монреале безъ большихъ потерь. Потому онъ рѣшился
ѣнить свои планы. Первымъ его дѣломъ было окружить Палермо и занять всѣ вы-
ы изъ него; для этого разные отряды инсургентовъ заняли позиціи вдоль всей цѣпи
ь, опоясывающихъ заливъ. Когда ночью они разложили огни, красное зарево кото-
ъ сливалось съ блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, картина была великолѣпная. Палермцы
людали за ними съ такою внимательностью, какъ персы за своимъ священнымъ
эмъ; какъ будто единственнымъ ихъ занятіемъ въ послѣднюю недѣлю было наблю-
ь ихъ и истолковывать ихъ значеніе. Вотъ огни кажется становятся ярче на одномъ
ѣ, вотъ они растягиваются длиннымъ, какъ будто непрерывнымъ рядомъ по спуску
гой горы, и горожане, непосвященные въ тайну, жили надеждами, разгоравшимися
этихъ огней. Палермо былъ въ невыразимомъ волненіи, въ такомъ сильномъ вол-
іи, что не удерживалось оно и осаднымъ положеніемъ, объявленнымъ въ городѣ.
ный комитетъ, сохранявшійся невредимымъ, несмотря на бдительность и подозри-
ность полиціи, постоянно находилъ средства сноситься съ Гарибальди, какъ ни ста-
ось перервать ихъ военное начальство. Было извѣстно, что тайный комитетъ суще-
уетъ; почти ежедневно онъ распускалъ по городу печатныя прокламаціи; но онъ
ъ такъ организованъ, что полиція, хотя и знала о его существованіи, никакъ не
ла открыть его членовъ. Это было нѣчто въ родѣ масонской организаціи, съ раз-
и степенями посвященія. Никто изъ людей, не бывшихъ его членами, не зналъ
ьше, какъ только одного изъ его членовъ. Мѣсто засѣданій безпрестанно измѣня-
ь, переносясь изъ одного дома въ другой. Но всѣ безусловно повиновались ко-
ету.

Онъ увѣдомилъ Гарибальди, что Палермо готовъ возстать, но требовалъ того усло-
чтобы Гарибальди явился передъ воротами города. Гарибальди принялъ условіе, и
тавилъ свой планъ сообразно съ нимъ. Видя, что опоздалъ занять Монреале, онъ
авилъ часть сицилійскихъ инсургентовъ поддерживать огни и затрогивать неаполи-
цевъ, а самъ съ главными силами ушелъ, и сдѣлавъ почти неимовѣрный переходъ
горному хребту, гдѣ пушки надобно было нести людямъ на плечахъ, онъ вдругъ
мая явился въ Парко, лежащемъ по дорогѣ въ Piana dei Greci *). Какъ только
политанцы замѣтили свою ошибку, они съ торопливою горячностью послали за нимъ
свои силы, какія только могли отправить въ погоню, не подвергая опасности своихъ
одскихъ позицій. Но имъ показалось, что у нихъ все-таки силы недостаточны, и
лѣ нѣсколькихъ стычекъ, бывшихъ въ этотъ день, они опять вернулись на свои по-
іи на двухъ нижнихъ террасахъ, Piana Borazzo и Santa Teresa. На слѣдующій
ь они привели нѣсколько войскъ изъ Монреале и, усилившись ими, произвели вто-
) аттаку,—ту самую, которую видѣлъ я съ корабля. Цѣль была достигнута; они да-
ь во второй обманъ. Гарибальди ушелъ отъ нихъ, оставивъ за собою противъ нихъ
ль нѣсколько сицилійскихъ отрядовъ, которые скоро также пошли за нимъ. Regii,
ъ называютъ неаполитанскихъ солдатъ, вошли въ тотъ же вечеръ въ Madonna
le Grazie и въ Парко, разграбили и сожгли эти селенія, убили нѣсколько мир-
ъ жителей и обнародовали на другой день блестящій бюллетень, объявляя о раз-
іи шаекъ Гарибальди и о скорости возвращенія бунтовщиковъ къ покорности Неапо-
анскимъ бюллетенямъ вообще не очень вѣрили, но у многихъ палермцевъ похоло-
а кровь въ жилахъ, когда они увидѣли, что Гарибальди отступаетъ во второй разъ.
Мало знали они, мало знали и неаполитанцы человѣка, съ которымъ имѣли дѣло,
я слѣдовало бы имъ помнить Веллетри. Онъ reculait pour mieux sauter. Чтобы
ше обмануть неаполитанцевъ, онъ отступилъ до Piana dei Greci, свою артиллерію
алъ еще дальше назадъ, а самъ съ отборнымъ отрядомъ снова пошелъ по горамъ,
пока неаполитанцы шли за нимъ къ Piana, онъ вчера утромъ вышелъ на Катаній-
е шоссе въ Мисильмери, гдѣ былъ имъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ капита-
ъ (какъ они называются) инсургентовъ въ той сторонѣ горъ.

*) То есть, онъ, подступивъ къ Палермо сначала съ западной стороны, перешелъ те-
ь на южную сторону, а потомъ, какъ увидимъ, перешелъ на восточную, когда неапол-
ицы двинулись за нимъ на югъ.

Digitized by Google

Я измучился невѣрными слухами, которые одни только можно было имѣть въ городѣ и которые оставляли бы вашихъ читателей во мракѣ относительно истиннаго положенія дѣлъ. Я мало зналъ тактику храбраго генерала; кромѣ того, я чувствовалъ, что готовятся такія вещи, которыя лучше увидишь, выѣхавъ изъ города, чѣмъ оставаясь въ немъ; потому рѣшился попробовать, не удастся ли мнѣ пробраться за городъ. Нѣкоторые англійскіе и американскіе офицеры ѣздили въ этомъ направленіи и видѣли одного капитана инсургентовъ, простолюдина изъ здѣшнихъ мѣстъ, ла-Маццу. Я рѣшился попытать своего счастья. Нѣкоторые изъ городскихъ друзей показали мнѣ дорогу и я поѣхалъ въ экипажѣ одного изъ нихъ. Дорога въ Мессину, выходя съ приморья изъ Villa Giulia, идетъ по берегу до Абате, гдѣ пересѣкается шоссе, ведущимъ въ Мисильмери и Катанію. Мнѣ посовѣтовали ѣхать по этому шоссе, которое меньше тревожатъ солдаты. Отчасти отъ надежды на свой флотъ, отчасти отъ обмана, въ какой ввела ихъ стратегема Гарибальди, неаполитанцы обращали мало вниманія на эту дорогу и вообще на юго-восточную сторону. Двое часовыхъ при выѣздѣ изъ Villa Giulia, и пикетъ изъ двухъ десятковъ человѣкъ нѣсколько подальше, въ сторожевомъ домѣ городской таможни—вотъ единственные солдаты, которыхъ я встрѣтилъ въ окрестностяхъ города. Одинокіе домики тянутся, съ промежутками одинъ отъ другаго, до моста черезъ рѣчку или горный потокъ Орвето, впадающій въ море, отъ котораго дорога въ одной четверти мили (200 саженъ). По всему этому ряду домовъ была цѣпь часовыхъ, а у моста пикетъ человѣкъ изъ 80, изъ котораго и посылались эти часовые.

Я проѣхалъ мимо нихъ безъ допросовъ, и очутился на свободѣ. Неаполитанскіе пароходы ежедневно крейсировали вдоль этого берега, потому неаполитанцы и не находили надобности въ другихъ предосторожностяхъ. Пара калабрійскихъ лошадей везли меня довольно быстро; я проѣхалъ мимо нѣсколькихъ американскихъ офицеровъ, вѣроятно ѣхавшихъ въ Саленто. У самыхъ воротъ города жители присоединялись къ инсургентамъ. Между ними и королевскими войсками было что-то въ родѣ нейтральной полосы, кончавшейся въ деревнѣ за Абате, имени которой я не могу припомнить. Если были безпечны Regii, то не были инсургенты. У входа въ эту деревню одинъ изъ ихъ вооруженныхъ людей попросилъ позволенія быть моимъ проводникомъ,—въ чемъ я и нуждался. Когда мы ѣхали по деревнѣ, народъ подбѣжалъ къ намъ и ловилъ мои руки, чтобы цаловать ихъ, прося у меня оружія. Всѣ жители готовы были пристать къ инсургентамъ, но не имѣли оружія, что однако не мѣшало имъ кричать виваты Италіи, Виктору-Эммануэлю и Гарибальди. Намъ должно было пустить лошадей въ-скачь, чтобы не быть останавливаемыми на каждомъ шагу. Проскакавъ полчаса по легкому спуску въ очень красивую долину, опоясываемую великолѣпными горными видами, мы пріѣхали въ Мисильмери, маленькій и плохой городокъ безхарактерной архитектуры. На одной сторонѣ небольшой площади засѣдалъ комитетъ, образовавшій родъ временнаго правительства; на другой сторонѣ, на деревянномъ крыльцѣ, выступавшемъ на площадь, возсѣдалъ въ обстановкѣ первобытной простоты начальникъ штаба гарибальдіевской экспедиціи, полковникъ Сиртори. Онъ въ эту минуту выдавалъ двумъ молодымъ американскимъ офицерамъ съ военнаго парохода „Ирокезецъ" паспортъ, безъ котораго никого не впускаютъ въ лагерь Онъ кромѣ того далъ имъ въ проводники офицера; я присоединился къ нимъ и мы поѣхали къ высотамъ, ведущимъ на Джебель-Россо и въ Мацканскій проходъ. Скоро остались налѣво позади насъ послѣдніе домики города и феодальнаго замка, бѣлыя глиняныя стѣны котораго имѣли въ себѣ что-то напоминавшее скелетъ. Вся окрестность засажена оливковыми деревьями, виноградниками, разными хлѣбами, и все росло роскошно, несмотря на каменистую почву. Генералъ расположился лагеремъ на довольно обширной террасѣ, прямо надъ развалинами; она съ одной стороны нависла надъ равниною и холмами, гряда которыхъ кончается Цаффаранскимъ мысомъ; а съ другой стрроны, виднѣлись скалы Джебель-Россо и Мацканскій проходъ, отдѣляясь отъ лагерной террасы ложбиною, которая походила на угасшій кратеръ, и теперь отчасти была подъ водою, собравшеюся отъ сильныхъ дождей, бывшихъ въ послѣдніе дни. Панорама эта была одна изъ тѣхъ, которыя невольно внушаютъ вамъ мысль раскинуть тутъ вашу палатку, если у васъ есть палатка. Это слово вычеркнуто изъ военнаго словаря Гарибальди. Но популярный генералъ долженъ по временамъ дѣлать

Digitized by Google

уступку своимъ солдатамъ, и теперь онъ позволилъ, чтобы они воткнули для него въ землю четыре штуки изъ тѣхъ пикъ, которыми вооружены отряды, не имѣющіе ружей, и накинули на нихъ коверъ. Въ этой палаткѣ лежало въ должности подушки гуачосское сѣдло на черной овчинѣ, служившей постелью. А для другихъ людей отряда были оливковыя деревья, дающія хорошую тѣнь, были для изголовья камни, и на одного изъ десятерыхъ былъ плащъ или коверъ. Кругомъ были поставлены лошади, — почти всѣ безъ привязей, но держали онѣ себя чинно. Когда мы пріѣхали, самого генерала не было въ лагерѣ, онъ отправился въ одинъ изъ своихъ утреннихъ объѣздовъ; но передъ его палаткою были всѣ его вѣрные спутники: полковникъ Турръ, венгерецъ, еще страдающій отъ прошлогодней раны въ рукѣ, но всегда готовый явиться туда, гдѣ есть опасность; полковникъ Биксіо, другой надежный спутникъ, извѣстный офицеръ корпуса альпійскихъ стрѣлковъ; полковникъ Карини, храбрѣйшій изъ сицилійцевъ, также офицеръ этого корпуса, и много другихъ, подобныхъ ему храбростью, въ числѣ ихъ сынъ Гарибальди, юноша съ полученною при Калата-Фими раною въ рукѣ, и сынъ Даніэля Манини, съ раною въ ногѣ. Тутъ стоялъ и бывшій священникъ Гуцмароли, романьйолецъ, восторженно преданный своему герою, слѣдующій за нимъ повсюду, какъ тѣнь, заботящійся объ его удобствахъ, охраняющій его въ минуту опасности. Тутъ былъ и небольшой отрядъ колонновожатыхъ, большею частью людей изъ почетныхъ ломбардскихъ фамилій — они должны были ѣздить верхомъ, но ходили пѣшкомъ первые въ аттаку. Не менѣе другихъ тутъ замѣчательна личность сицилійскаго монаха, „брата“ Панталеоне, похожаго на тѣхъ монаховъ, которыхъ видимъ на средневѣковыхъ картинахъ. Полный пламеннаго патріотизма и никому не уступающій мужествомъ, онъ присоединился къ инсургентамъ въ Салеми *), сильно воодушевляя ихъ. Тутъ было также много вліятельныхъ людей изъ Палермо и его окрестностей, было нѣсколько священниковъ и монаховъ, принадлежащихъ къ самымъ искреннимъ и энергичнымъ сѣятелямъ возстанія. Они составляли странность въ этой не слишкомъ усердной къ католичеству арміи; но, увѣряю васъ, они держатъ себя такъ, что самые кипучіе изъ юношей-волонтеровъ чтятъ и уважаютъ ихъ и въ нихъ санъ ихъ.

Вся эта пестрая толпа, увеличившаяся теперь двумя молодыми офицерами американскаго и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ нихъ, тремя офицерами британскаго флота, собралась около центра—дымящагося котла съ лежавшею въ немъ четвертью теленка и обильною приправою лука; а подлѣ котла стояла большая корзина съ хлѣбомъ и боченокъ марсальскаго вина. Каждый угощался самымъ коммунистическимъ манеромъ, работая ножомъ и пальцами и торопливо опоражнивая единственный на всю компанію оловянный стаканъ. Только на такой иррегулярной войнѣ вы можете видѣть эти сцены въ полномъ ихъ совершенствѣ. Долгіе марши и контрмарши, дожди, битвы, ночлеги на голой землѣ сдѣлали почти каждаго достойнымъ явиться хорошею фигурою въ картинѣ Мурильйо, въ обстановкѣ, имѣющей своимъ фономъ громадныя сицилійскія горы, которыхъ не воспроизведетъ никакая кисть.

Вскорѣ по пріѣздѣ явился Гарибальди, и принялъ своихъ иноземныхъ посѣтителей съ тою очаровательною, спокойною простотою, которая характеризуетъ его; съ большою мягкостью онъ исполнялъ неизмѣнно повторяемыя каждымъ гостемъ просьбы дать автографъ и отвѣчалъ на множество вопросовъ, которыми натурально осыпали его. Только по отъѣздѣ гостей онъ снова принялся за свои занятія. Вопросъ шелъ, ни больше, ни меньше, какъ о томъ, чтобы въ ту же ночь сдѣлать попытку внезапной аттаки на Палермо. По всѣмъ полученнымъ извѣстіямъ не оставалось сомнѣнія, что неаполитанцы пошли на брошенную имъ удочку, что они приняли притворное отступленіе за пораженіе, а отправленіе пушекъ въ глубину острова за признакъ отчаянія инсургентовъ. Они по видимому не имѣли даже и предчувствія о фланговомъ движеніи къ Мисильмери: люди, приходившіе изъ Piana dei Greci, говорили, что главныя неаполитанскія силы находятся тамъ, а другой сильный отрядъ въ Парко и по дорогѣ дальше за Парко. Извѣстія говорили также, что въ Монреале находится нѣсколько тысячъ неаполитанцевъ. Дѣйствительно, подступы къ Монреале и Парко, образуемые

*) То есть предъ битвою при Калата-Фими.

Digitized by Google

деревнями Piana di Borazzo и Тереза, которыя обѣ стоятъ подлѣ королевскаго дворца, на юго-западной сторонѣ города, были пунктами сосредоточенія неаполитанцевъ, а подступы къ южной и юговосточной частямъ города остались мало защищены. Прежнія событія заставили неаполитанцевъ обратить вниманіе на топографію Палермо, чтобы оставаться владыками его, въ случаѣ народного возстанія. Это не легко въ Палермо, городѣ истинно южной постройки, составляющемъ лабиринтъ узкихъ, извилистыхъ улицъ, по которымъ идутъ дома, всѣ снабженные балконами Такая постройка очень затруднительна для войскъ въ уличной битвѣ; неаполитанцы. какъ только могли, старались уменьшить эту невыгоду. Главными путями сообщенія въ городѣ служатъ двѣ улицы, очевидно испанскаго происхожденія: первая называющаяся Толедскою, выходя съ моря у Porta Felice, проходитъ по городу прямой линіею съ сѣверовостока на югозападъ мимо собора св Розаліи и оканчивается на обширнѣйшей изъ Палермскихъ площадей, королевской площади (Piazza Reale), въ противоположномъ концѣ города, гдѣ входятъ въ него дороги изъ Монреале и Парко. Кромѣ королевскаго дворца, построеннаго, какъ говорятъ, на мѣстѣ древняго дворца сицилійскихъ эмировъ, на этой площади стоятъ еще нѣсколько большихъ общественныхъ зданій: одинъ уголъ ея образуетъ Архіепископскій дворецъ, а другой уголъ—большой монастырь Св. Елизаветы. Мѣстность слегка возвышается по направленію къ этой части города, господствующей надъ всѣми остальными. Подъ прямымъ угломъ перерѣзываетъ Толедскую улицу другая такая же прямая улица, называющаяся Макерадскою; она, выходя отъ Санъ-Антонинскихъ воротъ и прорѣзывая весь городъ, выводитъ на дорогу къ ла-Фаворитѣ и къ молу въ гавани. Двѣ эти улицы пересѣкаются въ самомъ центрѣ города на осьмиугольной площади, называющейся Болонскою (Piazza Bologni). Нижняя половина города отъ моря до этой площади была почти покинута жителями или, лучше сказать, оставлена ими нѣжному попеченію неаполитанскихъ матросовъ и цитадели, возвышающейся на прибрежномъ холму близъ сѣверовосточнаго угла города. Нѣсколько карауловъ у воротъ этой части города, — карауловъ, способныхъ почти только стеречь, а не оборонять ворота, и около роты солдатъ въ зданіи финансоваго управленія, находящемся въ этой части города,—вотъ всѣ войска, которыя были у неаполитанцевъ въ нижней части Палермо.

Для поддержанія сообщеній съ верхнею половиною города, бывшею настоящимъ центромъ обороны, и съ морскимъ берегомъ, неаполитанцы устроили за городомъ двѣ большія военныя дороги или улицы (Stradoni); обѣ онѣ выходятъ отъ королевскаго дворца; одна идетъ къ морю мимо Villa Giulia, большаго публичнаго сада, выходящаго на морской кварталъ; другая идетъ чрезъ кварталъ Quatri Venti на молъ. Эта вторая военная улица всегда считалась линіею отступленія къ кораблямъ; по ней построены большія зданія: политическая тюрьма, нѣсколько казармъ, уголовная тюрьма и наконецъ верки мола.

Соображая все это расположеніе дѣлъ, Гарибальди составилъ планъ внезапно напасть на караулы въ нижней, слабо защищенной части города, сбить ихъ, ворваться въ городъ и потомъ постепенно прокладывать себѣ путь изъ улицы въ улицу. Двѣ дороги, ведущія къ этой части города, идутъ почти параллельно и близко другъ отъ друга. Та, которая идетъ по самому морскому берегу, охранялась слабѣе другой: ее занимала всего какая нибудь одна рота, совершенно отрѣзанная отъ всякихъ сообщеній. Достичь своей цѣли по ней было бы легче: но слѣдовало опасаться, что движеніе длинной колонны будетъ замѣчено и будутъ предувѣдомлены о нападеніи главныя силы неаполитанцевъ. Потому операціонной линіей была выбрана другая дорога. Эта дорога—шоссе, идущее изъ Палермо въ глубину острова; перерѣзывая въ половинѣ мили ($^3/_4$ версты) отъ города Адмиралтейскую дорогу (Del Ammiraglio), она чрезъ широкую открытую улицу ведетъ на ту военную улицу (Stradone), которая лежитъ съ этой стороны города, а потомъ входитъ въ городъ у Терминскихъ воротъ. Подлѣ этихъ воротъ неаполитанцы сдѣлали баррикады изъ мѣшковъ, насыпанныхъ пескомъ; онѣ были заняты двумя ротами. Военная улица передъ баррикадами обстрѣливалась нѣсколькими горными орудіями, поставленными у Санъ-Антонинскихъ воротъ. Подступъ къ военной улицѣ по шоссе обстроенъ маленькими фортами, идущими вдоль дороги до самаго моста, а аванпосты стояли по другую сторону моста.

Digitized by Google

Съ тѣмъ вѣрнымъ стратегическимъ тактомъ, которымъ безспорно владѣетъ Гарибальди, онъ выбралъ этотъ пунктъ, какъ самый удобный для аттаки. За исключеніемъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, у него были только недисциплинированные, непривычные къ войнѣ партизаны; потому онъ разсчелъ, что лучшій шансъ успѣха для него— сосредоточить всѣ силы, чтобы внезапно сбить противника. Всеобщее возстаніе горожанъ должно было помогать его операціямъ.

Составивъ этотъ планъ, онъ созвалъ партизанскихъ капитановъ и объяснилъ имъ свое намѣреніе. Онъ сказалъ имъ, что не въ его обычаѣ собирать военные совѣты, но что теперь онъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ ними, потому что отъ рѣшенія, какое теперь будетъ принято, зависитъ судьба Сициліи и можетъ быть всей Италіи. Надобно теперь выбрать, сказалъ онъ, одно изъ двухъ: или попытаться овладѣть Палермо посредствомъ неожиданнаго нападенія, или отступить и начать организовать регулярное войско въ глубинѣ острова. Я съ своей стороны, сказалъ онъ, считаю лучшимъ сдѣлать внезапную аттаку, которая разомъ рѣшитъ судьбу острова. Высказавъ это, онъ просилъ ихъ быть краткими въ своихъ замѣчаніяхъ и не тянуть совѣщанія. Почти всѣ были изумлены отважностію этого плана; нѣкоторые заговорили, что ихъ отряды имѣютъ мало боевыхъ зарядовъ. Онъ сказалъ имъ въ сотый разъ, что неаполитанскихъ хорошо вооруженныхъ солдатъ нельзя побороть долгою перестрѣлкою, а надобно опрокидывать ихъ стремительною аттакою, что не надобно тратить боевыхъ зарядовъ, не дѣлать даромъ ни одного выстрѣла и что имъ раздадутъ всѣ патроны, какіе только есть въ запасѣ. Когда такимъ образомъ возраженіе было устранено, всѣ съ большею или меньшею горячностію одобрили планъ. Гарибальди отпустилъ ихъ, съ просьбой воодушевить инсургентовъ и поддерживать ихъ мужество.

Первою мыслію Гарибальди было произвести аттаку среди ночи: неаполитанцы по ночамъ не любятъ безпокоиться, и была почти полная вѣроятность, что они подвергнутся паническому страху. Но и для сицилійскихъ инсургентовъ такая аттака была бы трудна; потому Гарибальди разсудилъ распорядиться такъ, чтобы войска его подошли къ городскимъ воротамъ на разсвѣтѣ. По первоначальному и лучшему плану самого генерала и его генералъ-адъютанта, полковника Турра, полагалось двинуться по шоссе изъ Мисильмери: оно такъ широко, что можно на немъ довольно развернуть силы, и вообще представляетъ всѣ удобства. Но сицилійскіе капитаны рекомендовали идти черезъ Мацданскій проходъ, спускающійся въ палермскую равнину съ высотъ, находящихся за Джебель-Россо. По ихъ словамъ, путь этотъ гораздо короче и вовсе не труденъ. Ихъ словамъ повѣрили и всѣмъ силамъ было приказано съ наступленіемъ ночи сосредоточиться у верхняго конца прохода, гдѣ стоитъ церковь.

По первоначальной диспозиціи, въ авангардѣ слѣдовало идти волонтерамъ, пріѣхавшимъ съ Гарибальди, а сицилійскимъ инсургентамъ слѣдовать за ними. Но нѣкоторые капитаны просили, какъ милости, чтобъ ихъ отрядамъ было позволено первымъ взойти въ городъ,—требованіе такое, отказать въ которомъ было неловко. Потому планъ былъ измѣненъ. Колонновожатые и по три человѣка изъ каждой роты альпійскихъ стрѣлковъ были сведены въ маленькій авангардъ, который ввѣренъ былъ маіору Тюкëри, венгерскому офицеру, отличившемуся подъ командою генерала Кмети 29 сентября въ Карсѣ. За этимъ передовымъ отрядомъ шли сицилійцы, которыми командовалъ Ла-Мага, эмигрантъ пріѣхавшій съ Гарибальди. Во второй линіи были генуэзскіе стрѣлки, всѣ вооруженные швейцарскими штуцерами и превосходно ими владѣющіе. За ними шли два батальона альпійскихъ стрѣлковъ, а потомъ остальные сицилійцы.

По этимъ распоряженіямъ разные отряды стали одинъ за другимъ подвигаться къ верхнему концу дефиле; генеральному штабу немного нужно было времени, чтобъ собраться; онъ скоро снялся съ своего лагеря и послѣдовалъ за войсками. Меня посадили на истиннаго Росинанта, поводья котораго были просто обернуты около морды; сѣдло мое было какъ будто нарочно сдѣлано по спиннымъ позвонкамъ моего коня. Но заблаговременно нашелся коверъ и вообще я не могу жаловаться. Дорога къ верхнему концу дефиле извивается между гигантскими кактусовыми изгородями, дающими совершенно восточный характеръ мѣстности. Мы прибыли на вершину въ ту самую минуту, какъ садилось солнце; намъ былъ виденъ Палермо со своимъ заливомъ, казавшійся

Digitized by Google

скорѣе волшебною декораціею, чѣмъ дѣйствительнымъ пейзажемъ. Всѣ горы съ своими обрывистыми пиками красноватаго цвѣта тонули въ лучахъ заходящаго солнца, принимая отъ нихъ тотъ розовый оттѣнокъ, который прежде считалъ я исключительною принадлежностію Аттики. Очаровательна была сцена, простиравшаяся передъ нами; оглядываясь назадъ въ глубину горъ, мы видѣли одну изъ картиннѣйшихъ мѣстностей, какія только встрѣчались мнѣ: вся страна блистала весенними цвѣтами, благоуханіе которыхъ понеслось съ удвоенною силою, когда солнце закатилось. Этотъ горный проходъ оказался дурною дорогою для экспедиціи, но видъ его былъ очень милъ.

Для поддержанія неаполитанцевъ въ той мысли, что они совершенно безопасны съ этой стороны, были разложены по прежнему большіе костры на вершинахъ горъ; и, долго послѣ нашего отхода, огни поддерживались нарочно оставленными для того людьми. Гарибальди взъѣхалъ на самую вершину, чтобы обозрѣть позицію или, быть можетъ, чтобы предаться мечтамъ, которыя овладѣваютъ имъ въ такія торжественныя минуты и кончаются сосредоточеніемъ всѣхъ его способностей на цѣли, лежащей передъ нимъ.

Вечерняя пушка цитадели давно была повторена эхомъ горъ; мѣсяцъ ясно сталъ надъ нашими головами, придавая новую очаровательность живописной сценѣ; наконецъ мы пустились въ походъ.

Передъ началомъ похода „молодцы" (Picciotti), какъ называются инсургенты, были приведены въ нѣкоторый порядокъ; вы конечно повѣрите мнѣ, что не совсѣмъ легко было исполнить это дѣло ночью: капитанъ не узнавалъ своихъ солдатъ, солдаты не узнавали своего капитана, каждый становился на чужое мѣсто, никто не откликался на призывъ. За исключеніемъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ Гарибальди, все остальное войско казалось безпорядочною массою, которую почти невозможно устроить; но постепенно люди каждой команды собрались по своимъ мѣстамъ и въ десять часовъ вечера начался походъ. Сицилійскіе капитаны или никогда не осматривали Мацданскаго дефиле или должны имѣть странныя понятія объ удобныхъ дорогахъ. Весь этотъ проходъ—просто тропинка среди огромныхъ камней, безпрестанно переходящая черезъ русло горнаго потока, часто идущая по самому руслу, въ другихъ мѣстахъ идущая черезъ кучи мелкихъ камней и по самымъ страшнымъ ущельямъ; прибавьте къ этому, что спускъ имѣетъ крутизну 25 градусовъ и что по такому пути надобно было идти ночью. Солдаты могли проходить только поодиночкѣ; отъ этого наша колонна страшно растягивалась и безпрестанно происходили остановки. Генералъ клялся, что уже никогда не повѣритъ сицилійскимъ донесеніямъ о какой нибудь горной дорогѣ. Но какъ бы то ни было, мы достигли наконецъ равнины, вошли въ оливковыя рощи, растущія внизу. Наши лошади, кованныя на шипахъ, рѣдко падали. Мы остановились, пока кончатъ спускъ всѣ отряды, и во время этой остановки произошелъ случай, непредвѣщавшій ничего особенно хорошаго отъ нашихъ „молодцовъ". Лошади въ Сициліи ѣздятъ большею частію безъ узды; потому онѣ безпрерывно били; неудобство это было такъ чувствительно въ ночной экспедиціи, что нѣкоторыхъ самыхъ упрямыхъ нужно было отослать назадъ. Но одна изъ нихъ осталась и начала свои продѣлки; всадникъ ея потерялъ терпѣніе и она стала бить хуже прежняго. Сосѣднія лошади шарахнулись назадъ и встревожили сицилійцевъ, бывшихъ позади ихъ. Изъ этихъ „молодцовъ" многіе уже сѣли было на землю и начали дремать; въ просонкахъ они вѣроятно приняли деревья за неаполитанцевъ, звѣзды за гранаты, а мѣсяцъ за колоссальную бомбу; какъ бы то ни было, но большая часть ихъ однимъ прыжкомъ очутились въ кустарникахъ по обѣимъ сторонамъ дороги; многіе въ испугѣ начали стрѣлять изъ ружей и, еслибъ еще немного, распространился бы общій паническій страхъ. Каждый дѣлалъ все, что могъ для возстановленія порядка, но испугъ былъ произведенъ и его дѣйствіе отражалось потомъ, какъ вы увидите. Случилось и другое приключеніе, которое могло повести къ разстройству всего предпріятія. Сицилійскіе проводники, бывшіе въ передовомъ отрядѣ, сбились съ дороги и вмѣсто тропинки, выводящей на большую дорогу, на которую мы хотѣли идти, они продолжали вести насъ по проселочной дорогѣ вдоль косогора, которая привела бы насъ именно къ тому пункту, гдѣ находились главныя силы неаполитанцевъ. Ошибка была во-время замѣчена и поправлена, но не безъ большой потери времени. Наконецъ колонна вышла на большую дорогу, широкое шоссе, опоясанное

Digitized by Google

высокими заборами садовъ. Мы потеряли много времени во всѣхъ этихъ проволочкахъ, и приближалось время разсвѣта. Потому надобно было спѣшить. Но отъ усталости, или отъ вліянія прежняго испуга, наши „молодцы" никакъ не могли идти быстро. Занималась заря, когда мы миновали первые домы, выходящіе по этому направленію далеко за городъ. Инсургенты, которымъ слѣдовало бы лучше знать мѣстность, начали кричать свои evviva, какъ будто мы уже дошли до городскихъ воротъ. Еслибъ не эта ошибка, нашъ авангардъ застигъ бы въ расплохъ караулъ на Адмиралтейскомъ мосту и вѣроятно проникъ бы въ городъ, не потерявъ ни одного человѣка. Но крики нашихъ „молодцовъ" не только подняли караулъ на мосту, а даже доставили неаполитанцамъ возможность подкрѣпить отрядъ, оберегавшій терминскія ворота, и приготовиться къ оборонѣ мѣстности съ фланга.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы захватить въ расплохъ мостовой караулъ, нашъ авангардъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, не только съ фронта, но и съ фланговъ, изъ домовъ по дорогѣ. При первомъ залпѣ, почти вся „молодежь" перескочила черезъ садовыя стѣны, но не съ тѣмъ, чтобы стрѣлять изъ-за нихъ, оставивъ 30 или 40 человѣкъ, составлявшихъ авангардъ, однихъ подъ огнемъ на широкой улицѣ, ведущей къ мосту. Былъ посланъ впередъ первый батальонъ альпійскихъ стрѣлковъ; онъ не могъ въ одну минуту взять позицію; потому скоро былъ посланъ и второй батальонъ. Пока они прогоняли неаполитанцевъ, офицеры всячески старались повести впередъ „молодежь". Это было не очень легко, особенно въ началѣ, когда съ фронта послышался громъ пушекъ, хотя и не оказывалъ онъ замѣтнаго дѣйствія. Впрочемъ, „молодцы" могутъ быть ведены въ дѣло, когда пройдетъ въ нихъ первое непріятное впечатлѣніе, особенно когда они видятъ, что не каждый ружейный выстрѣлъ убиваетъ или ранитъ, что даже и не каждое пушечное ядро дѣлаетъ вредъ, хотя и страшно шумитъ. Они могли вполнѣ убѣдиться въ этомъ нынѣшнимъ утромъ, потому что никогда я не видѣлъ такой безвредности такого сильнаго огня, какъ нынѣ отъ неаполитанцевъ, хотя у нихъ превосходные штуцера. Всѣ хлопотали, чтобы вывести впередъ „молодцовъ", ободряли ихъ, вытаскивали ихъ изъ ихъ убѣжищъ всѣми хитростями и способами, часто толчками и силою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, почти всѣ они благополучно перебрались черезъ открытое мѣсто къ мосту; но общая наклонность у нихъ была проходить лучше подъ мостомъ, чѣмъ по мосту, который, подобно всѣмъ мостамъ черезъ горные потоки, поднятъ высоко, и въ это время обстрѣливался сильнымъ перекрестнымъ огнемъ съ Piana di Borazzo, гдѣ неаполитанцы пробили въ стѣнѣ амбразуры и поставили нѣсколько пушекъ, сдѣлавшихъ нѣсколько дурно-направленныхъ выстрѣловъ. Пока самъ генералъ и многіе офицеры его штаба хлопотали, чтобы вывести „молодцовъ" изъ ихъ убѣжищъ и двинуть ихъ впередъ, авангардъ прогналъ неаполитанцевъ на военную улицу (Stradone), которая идетъ къ морю передъ самыми терминскими воротами. Неаполитанскій фортъ у этихъ воротъ, значительно усиленный въ послѣдніе дни, открылъ жаркій огонь, подъ которымъ была вся длинная линія домовъ, ведущая къ мосту; а въ то же время двѣ пушки и отрядъ пѣхоты, стоявшіе у санъ-антонинскихъ воротъ, открыли по аттакующимъ перекрестный огонь. Но все это не было задержкою для храбрыхъ, бывшихъ впереди. Они не стали тратить времени на перестрѣлку, а бросились въ штыки. Командиръ авангарда, венгерецъ майоръ Тюгёри, съ троими изъ вожатыхъ, первые перебѣжали черезъ баррикаду изъ песочныхъ мѣшковъ въ городъ; но ихъ предводитель былъ раненъ пулею, раздробившею ему лѣвое колѣно. Другихъ убитыхъ или раненыхъ тутъ почти не было въ авангардѣ и у стрѣлковъ. Пока они гнали неаполитанцевъ съ позиціи на позицію, палермцы также начали подниматься, но, для соблюденія правды, надобно сказать: только въ кварталахъ, покинутыхъ войсками.

Та же самая сцена, какъ у моста, повторилась при переходѣ „молодцовъ" черезъ военную улицу: они шли впередъ неохотно. А надобно было скорѣе войти въ городъ, чтобы не подвергнуться нападенію съ фланговъ или въ тылъ; въ Piano di Borazzo стояли неаполитанцы. Чтобы предупредить эту опасность, нѣсколькимъ отрядамъ инсургентовъ было приказано зайти за садовые заборы, опоясывающіе дорогу, по которой неаполитанцы могли бы прійти въ лѣвый флангъ намъ. Эта диверсія и по всей вѣроят-

Digitized by Google

ности неохота неаполитанцевъ сражаться на открытой мѣстности, были достаточны для отвращенія опасности: почти всѣ медлившіе „молодцы“ прошли въ городъ. Тутъ же построили аттакующіе для защиты своего тыла баррикаду изъ всего, что только попадалось подъ руки. Это дѣло такъ понравилось „молодцамъ“, что они начали строить баррикаду и во фронтѣ передъ собою, — прежде, чѣмъ успѣли остановить ихъ, они завалили часть дороги, по которой надобно было идти.

Но самымъ критическимъ дѣломъ рѣшительно былъ переходъ черезъ военную улицу, которая обстрѣливалась перекрестнымъ огнемъ, и всевозможныя хитрости были употреблены, чтобы заставить „молодцовъ“ совершить этотъ подвигъ, казавшійся для нихъ смертельнымъ. Я съ однимъ изъ товарищей Гарибальди насильно вывелъ одного изъ нихъ подъ огонь, и не пускалъ назадъ, — это скоро заставило его перебѣжать черезъ улицу. Здѣсь-то особенно обнаруживалось, какъ дурно направляли свой огонь неаполитанцы. Я смотрѣлъ нѣсколько времени, и не видѣлъ ни одного человѣка раненнаго. Для ободренія „молодцовъ“, одинъ изъ генуэзскихъ стрѣлковъ взялъ нѣсколько стульевъ, поставилъ на одномъ изъ нихъ трехцвѣтное знамя, сѣлъ самъ, и просидѣлъ нѣсколько времени. Это наконецъ подѣйствовало, и „молодцы“ ободрились до того, что останавливались на переходѣ черезъ военную улицу, чтобы выстрѣлить изъ ружья.

Прямо подлѣ терминскихъ воротъ находится старый рынокъ (Vecchia Fiera), — онъ былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ Гарибальди сдѣлалъ остановку. Надобно знать сицилійцевъ, чтобы понять, какой бѣшеный крикъ, шумъ, гвалтъ они подняли: всѣ хотѣли цѣловать его руки, обнимать его колѣна. Каждая минута приводила новыя массы, поочередно входившія на площадь и нетерпѣливо ждавшія своей очереди. Когда волонтеры Гарибальди постепенно очистили нижнюю часть города, почти всѣ жители сошлись на площадь, посмотрѣть на освободителя Палермо и Сициліи, прокричать привѣтствіе ему. Онъ вошелъ въ городъ около половины 5 часа утра, а къ 12 часамъ дня болѣе половины города было очищено отъ войскъ. Но за два часа передъ тѣмъ цитатель открыла по городу огонь, сначала довольно умѣренный, но скоро очень усилившійся. Она стрѣляла 13-дюймовыми бомбами, калеными ядрами и всяческими другими снарядами, наносящими большое разрушеніе. Часовъ около 12 открыли огонь и корабли, стоявшіе въ гавани; вмѣстѣ съ цитателью они успѣли разрушить множество домовъ въ нижней части города. Множество людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ было убито и ранено. Двѣ большія бомбы быти брошены прямо на госпиталь и разорвались на одномъ изъ его дворовъ. Повсюду мы видѣли разрушеніе и пожары, убитыхъ и раненыхъ; кромѣ этихъ людей, многіе другіе, конечно, погибли подъ развалинами домовъ. Особенно пострадала часть города около Болонской площади и нѣкоторыя изъ улицъ, сосѣднихъ съ нею. Если цѣлью неаполитанцевъ было внушить ужасъ, они достигли этой цѣли. Кто только могъ, скрывался въ мѣсто, казавшееся ему безопаснѣйшимъ отъ бомбъ, а тѣ, которые не находили себѣ такого убѣжища, плакали, молились на улицахъ, ломая руки. Да, это было печальное зрѣлище, и бомбардированье больше вредило людямъ безоружнымъ, чѣмъ тѣмъ, которымъ могли бы хотѣть мстить неаполитанцы. Передъ открытіемъ огня съ флота, командиръ неаполитанской эскадры послалъ учтивое извѣщеніе всѣмъ стоявшимъ на дорогѣ иностраннымъ военнымъ кораблямъ, чтобы они посторонились, а всѣмъ судамъ, бывшимъ между моломъ и берегомъ, чтобы они вышли въ море за молъ. Они такъ и сдѣлали.

Вечеръ.

Бомбардированіе еще продолжается, съ небольшими интервалами. Особенно силенъ огонь цитатели, гдѣ царствуетъ намѣстникъ короля Бомбы II—Ланца. Нѣтъ сомнѣнія, что адмиралъ Мёнди сдѣлалъ командиру неаполитанской эскадры сильныя представленія по поводу бомбардированія; но ихъ не послушались. Нѣкоторыя части города надобно строить совершенно вновь: большія бомбы, пролетая насквозь отъ кровли до фундамента, потрясали непрочныя палермскія зданія. Нѣкоторыя церкви также пострадали. Но все это безполезное бомбардированіе не помѣшало инсургентамъ постепенно выгнать королевскія войска изъ всѣхъ ихъ позицій въ городѣ, за исключеніемъ одной той части, которая

Digitized by Google

лежитъ около королевскаго дворца, и линіи сообщенія ихъ съ моломъ. Въ нижней части города они владѣютъ только Амарскимъ фортомъ (Castello Amare) и зданіемъ финансоваго управленія, въ которомъ находится около роты солдатъ. Почти всѣ иностранные подданные переѣхали на свои военные корабли; переѣхали на нихъ и всѣ консулы, за исключеніемъ нашего, мистера Гудуина, который, какъ истинный британецъ, не покидаетъ флага, поставленнаго надъ его домомъ. По всѣмъ разсказамъ, нѣтъ и сравненія между нынѣшнимъ бомбардированіемъ и тѣмъ, какое было въ 1848 году. Тогда неаполитанцы довольствовались бросаніемъ одной или двухъ бомбъ въ полчаса, а теперь бросаютъ ихъ такъ часто, какъ только позволяетъ время, нужное мортирамъ на то, чтобы остыть.

Всѣ пришедшіе съ Гарибальди измучились до послѣдней степени: всю прошлую ночь они не спали, а весь день была имъ порядочная работа. Самъ генералъ теперь отдыхаетъ на террасѣ, которая окружаетъ большой фонтанъ на Piazza del Pretorio, гдѣ открылъ непрерывное засѣданіе комитетъ, — тотъ самый, который съ самаго начала руководилъ всѣмъ движеніемъ. Теперь онъ обратилъ себя во временное правительство подъ диктатурою Гарибальди. Комитетъ назначилъ нѣсколькихъ спеціальныхъ коммиссаровъ по разнымъ отраслямъ своихъ дѣйствій и по возможности удовлетворяетъ многочисленнымъ надобностямъ, ежеминутно представляющимся. По угнетенію, въ которомъ находился здѣсь народъ, мало было можно сдѣлать приготовленій къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, все надобно устроивать и доставать въ одну минуту, нетерпящую отсрочки; все надобно теперь: оружіе, сколько можно достать его, боевые снаряды, продовольствіе для войскъ, госпитательные припасы; все надобно устроивать. Много такта нужно для того, чтобы удовлетворить каждаго, кому нужно или кому кажется, по его мнѣнію, что нужно то или другое; чтобы выслушать каждаго, у кого есть что̀ сообщить или кому кажется, что у него есть, что сообщить. У комитета очень много доброй воли, но я долженъ сказать, что палермцы не содѣйствуютъ его усиліямъ такъ энергически, какъ слѣдовало бы ожидать отъ ихъ энтузіазма. Въ нихъ есть какое-то полу-восточное laissez aller, производящее только порывы къ дѣятельности, несовершенно удовлетворяющіе требованію обстоятельствъ.

При первомъ нашемъ вступленіи въ городъ, они очень торопливо принялись строить баррикады; но по мѣрѣ того, какъ мы овладѣваемъ новыми кварталами, нужно строить безпрестанно все новыя баррикады, и довольно трудно удерживать ихъ за неотступной работою. Они много кричатъ evviva, но бѣганье по улицамъ предпочитаютъ тяжелому труду. Даже колокольный набатъ, звукъ самый деморализующій для арміи въ многолюдномъ городѣ, производитъ въ нихъ, при всѣхъ увѣщаніяхъ, только порывы. Это южная безпечность, скоро побѣждающая всякое доброе намѣреніе.

Городъ иллюминованъ, и въ промежутки между бомбардированіемъ представляетъ оживленное зрѣлище. Но всѣ лавки еще заперты. Иллюминація стеклянными шкаликами, висящими съ балконовъ, производитъ очень живописный эффектъ, — онъ еще усиливается отъ бомбъ, летающихъ по ясному небу.

***Палермо**, 28 мая. Утро.*

Отъ усталости, я проспалъ всю ночь. Но люди неспавшіе увѣряютъ меня, что бомбардированіе и съ кораблей и съ цитадели производилось ночью еще яростнѣе, чѣмъ днемъ. Еслибъ не это, ночь могла бы пройти довольно спокойно; тишину ея мало нарушали рѣдкіе и пустые выстрѣлы на аванпостахъ. Только что проснулся я, мое вниманіе было привлечено шумомъ людей, бѣжавшихъ съ крикомъ по улицѣ. Я выглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые бѣжали по улицѣ, размахивая платками съ восклицаніями: viva la libertà! Сначала не могъ я понять ихъ запоздалаго энтузіазма; но потомъ сказали мнѣ, что они изъ числа людей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ за политическія преступленія, и только-вотъ освобожденныхъ теперь; — тутъ я понялъ неожиданный взрывъ ихъ восклицаній, разумѣется, возбуждавшій достаточное количество отголосковъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько сотъ такихъ освобожденныхъ бѣгали по улицамъ, служа громкою характеристикою бурбонскаго правительства. Войска, занимавшія

Digitized by Google

тюрьму намѣстничества (vicariato) и сосѣднія съ нею казармы, удалились, сѣли на лодки и переѣхали въ цитадель. Сообщеніе между войсками находящимися въ цитадели и занимающими Piazza Reale было такимъ образомъ прервано.

Второю новостью было то, что войска, стоявшія въ Монреале, отступили къ городу. Горожане рано поутру могли видѣть, какъ они спускаются по дорогѣ къ королевскому дворцу, увеличивая нѣсколькими тысячамъ силу расположенныхъ въ немъ войскъ. Раздробить силы королевскихъ войскъ было одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Гарибальди, когда онъ дѣлалъ свои эволюціи. Неаполитанцы, зная ненависть народа и многочисленность инсургентскихъ отрядовъ, готовыхъ вредить имъ, не отваживались никуда являться иначе, какъ большими корпусами. Желая удержать за собою монреальскую позицію, они послали туда отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. Отрядъ такой силы былъ у нихъ по дорогѣ изъ Парко въ Піану,—онъ, какъ они воображали, преслѣдовалъ Гарибальди. Въ цитадели и по дорогѣ къ молу также нуженъ былъ имъ сильный гарнизонъ, такъ что на защиту самого города оставалась у нихъ только уже не очень большая часть силъ.

Нынѣ поутру пришелъ неаполитанскій пароходъ „Капри“ еще съ другимъ пароходомъ; оба они наполнены войсками, и надобно думать, хотятъ высадить ихъ гдѣ нибудь на берегъ. Эти войска были посланы изъ Неаполя, когда тамъ еще не могло быть извѣстій о катастрофѣ. Они повидимому колеблются, что имъ дѣлать при такомъ неожиданномъ обстоятельствѣ, потому что, еслибъ они хотѣли высадиться, высадка была бы имъ легка, подъ прикрытіемъ огня изъ цитадели. Утро нынѣ идетъ довольно тихо. Съ кораблей не дѣлается ни одного выстрѣла; цитадель умѣреннѣе прежняго въ своей дѣятельности.

12 часовъ дня.

Сейчасъ я возвратился изъ главной квартиры, находящейся на Piazza del Pretorio, гдѣ тайна молчанія кораблей объяснена мнѣ. Адмиралъ Мёнди каждый день три раза посылаетъ на берегъ своего флагъ-лейтенанта, мистера Уильмота, говорить съ нашимъ консуломъ, мистеромъ Гудуиномъ, и узнавать, что происходитъ въ городѣ. Нынѣ поутру мистеръ Уильмотъ былъ отправленъ съ другимъ порученіемъ. Командиръ неаполитанской эскадры рано поутру пріѣхалъ на нашъ корабль „Ганнибалъ“ просить услугъ адмирала, чтобы черезъ него выпросить у Гарибальди перемиріе и кромѣ того позволеніе двумъ генераламъ войскъ, находящихся около королевскаго дворца, переѣхать черезъ городъ на свиданіе съ адмираломъ. Адмиралъ Мёнди отвѣчалъ, что не согласится быть посредникомъ ни въ какихъ переговорахъ, пока не прекратится огонь съ кораблей и съ цитадели: неаполитанскій командиръ обѣщалъ немедленно прекратить огонь съ кораблей, но сказалъ, что не можетъ ручаться за прекращеніе огня съ цитадели, потому что ею командуетъ генералъ, не только не подчиненный ему, а напротивъ, старшій его по чину. Онъ прибавилъ однакоже, что употребитъ всѣ усилія склонить коменданта цитадели, чтобы онъ, послѣдовавъ его примѣру, прекратилъ огонь. Тогда адмиралъ обѣщалъ передать просьбу командира генералу Гарибальди. Командиръ сдержалъ слово, и его корабли не сдѣлали послѣ того ни одного выстрѣла. Но, кажется, его убѣжденія оказались безсильны надъ комендантомъ цитадели, который продолжаетъ отъ времени до времени бросать бомбы, впрочемъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ вчера. Просьба командира эскадры, по моему, еще яснѣе, чѣмъ оставленіе войсками позиціи у мола и оставленіе госпиталя съ 700 больныхъ, показываетъ, что положеніе дѣлъ не обѣщаетъ успѣха неаполитанцамъ по ихъ собственному мнѣнію. Однакоже, генералъ Гарибальди, съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ, тотчасъ же согласился заключить перемиріе, остановиться на пути побѣды и пропустить генераловъ черезъ городъ; мало того: онъ, не дожидаясь распоряженій со стороны непріятеля, разослалъ приказанія тотчасъ же прекратить непріязненныя дѣйствія по всей линіи аттаки и черезъ адмирала увѣдомилъ объ этомъ командира неаполитанской эскадры. Это значило слишкомъ далеко заходить въ великодушіи. Но въ характерѣ Гарибальди—вѣрить въ свое дѣло и быть великодушнымъ даже къ врагамъ.

Кромѣ неаполитанскихъ командировъ, и другимъ также кажется, что побѣда на сторонѣ Гарибальди. Написавъ поутру нѣсколько строкъ, я пошелъ ходить по городу.

Digitized by Google

Первою моею цѣлью была, разумѣется, главная квартира. Самъ я живу въ гостинницѣ „Тринакрія“, прямо противъ французскаго консульства. Выходя изъ своихъ дверей, я увидѣлъ, что джентльменъ въ синемъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, украшенными французскимъ императорскимъ орломъ, разговариваетъ съ моимъ хозяиномъ, который, немедленно представивъ мнѣ джентльмена съ мѣдными пуговицами, какъ дѣлопроизводителя французскаго консульства, сказалъ, что онъ желаетъ видѣть генерала Гарибальди, и узнавъ, что я иду къ нему, попросилъ взять этого господина съ собою Я согласился, и мы отправились. Во все продолженіе дороги, дѣлопроизводитель обнаруживалъ очень пытливое расположеніе ума, спрашивалъ меня о числѣ войска у Гарибальди, о томъ, владѣетъ ли онъ городомъ, хорошо ли онъ снабженъ боевыми запасами, и предлагалъ множество подобныхъ нескромныхъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ, какъ только могъ дипломатичнѣе. Онъ увѣдомилъ меня, что имѣетъ сообщить генералу нѣчто очень важное, а я сталъ занимать его подробностями о бомбардированіи, показывая ему слѣды его. Такъ мы добрались на Piazza Pretorio и нашли генерала на террасѣ большаго фонтана. Я представилъ ему своего спутника, который отвелъ генерала въ сторону, и долго говорилъ съ нимъ, блистая великимъ краснорѣчіемъ, которое, полагаю, мало подѣйствовало на прямодушнаго солдата въ красной фланелевой рубашкѣ: онъ хоть и не дипломатъ, но очень зорко понимаетъ людей.

Взятіе Палермо рѣшительно подѣйствовало на окружающую страну. Нѣтъ конца „отрядамъ“ инсургентовъ, сходящимся со всѣхъ сторонъ и нападающимъ на неаполитанцевъ. Лишь только неаполитанцы сошли съ Монреале, сосѣдніе инсургенты заняли его и Санъ-Мартино. Они цѣлыми роями нападаютъ на неаполитанцевъ около Піаны и Корлеоне, такъ что колонна изъ 1,500—1,600 человѣкъ, посланная по этому направленію, находится въ большой опасности. Она надѣялась уничтожить Гарибальди, но судьба, которую она готовила ему, можетъ постичь ее саму.

Но если общій ходъ событій рѣшительно благопріятенъ для Гарибальди, то я долженъ сказать, что палермцы едва ли исполняютъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ. Чувства у нихъ у всѣхъ хороши, но они страшно бездѣйственны, у нихъ нѣтъ общности въ дѣйствіяхъ, которою всего больше обезпечивается успѣхъ. У нихъ нѣтъ никакой инипіативы, никакой энергіи; единственное, кажется, ихъ занятіе — выдумывать и распространять слухи. Четверти часа не пройдетъ безъ того, чтобы кто нибудь не прибѣжалъ, запыхавшись, съ извѣщеніемъ, что двинулись на городъ королевскія войска, то съ той, то съ другой стороны. Лошади и кавалерія въ особенности кажутся страшилищами палермцевъ. Единственный полкъ неаполитанской конницы видится имъ повсюду. Напрасно они тычутся носами въ баррикады, которыми кругомъ загороженъ городъ,— они видятъ вездѣ кавалерію. Но хотя и преслѣдуетъ ихъ призракъ королевскихъ войскъ, немногіе изъ нихъ думаютъ, что сами должны помогать своему охраненію, приготовляя къ оборонѣ свои домы и улицы, будучи всегда сами готовы отражать нападеніе. Имъ не приходитъ на мысль поступать, какъ поступали ломбардцы въ прошломъ году: день и ночь заботиться объ облегченіи страданій тѣхъ, которые пролили свою кровь за нихъ. Это не то, что недостатокъ добраго желанія,—нѣтъ, это непривычка дѣйствовать безъ приказанія. Безъ приказанія они умѣютъ дѣлать только одно—кричать evviva, да бродить по улицамъ, собирая новости и сплетни

Иррегулярные отряды рѣшительно улучшаются. У нихъ развивается вкусъ къ баррикадной и уличной войнѣ. Они еще тратятъ свои заряды нелѣпымъ образомъ, но начинаютъ держаться на мѣстѣ и даже двигаться. впередъ, если перекрестный огонь не слишкомъ силенъ. Вотъ наша выгода отъ уличныхъ битвъ: чѣмъ больше онѣ длятся, тѣмъ больше укрѣпляется духъ иррегулярныхъ войскъ, а дисциплина регулярныхъ войскъ падаетъ.

Каждый часъ даетъ новыя доказательства тому въ видѣ плѣнниковъ и дезертировъ изъ неаполитанскихъ силъ. Считая тутъ и взятыхъ въ госпиталяхъ, ихъ должно быть больше 1,000 человѣкъ. Есть приказаніе генерала обращаться съ ними хорошо, да и въ народѣ нѣтъ общаго ожесточенія противъ нихъ; за то тѣмъ сильнѣе ожесточеніе на сбирровъ, шпіоновъ и солдатъ d'armi compagni, городской полиціи, совершавшихъ ужаснѣйшія дѣла. Ихъ отыскиваютъ повсюду, и приводятъ человѣкъ по пяти, шести

Digitized by Google

вдругъ къ комитету, трепещущихъ за свою жизнь. Но до сихъ поръ убитъ былъ изъ нихъ только одинъ, схваченный въ ту самую минуту, какъ стрѣлялъ людей, хотѣвшихъ арестовать его.

Прекращеніе или скорѣе ослабленіе бомбардировки опять вызвало людей на улицы.

Вечеръ.

Когда пришелъ я послѣ обѣда въ главную квартиру, я нашелъ тамъ всѣхъ въ сильномъ негодованіи. Бомбардированіе съ цитадели продолжалось много времени послѣ того, какъ Гарибальди послалъ извѣстіе, что соглашается на перемиріе. Неаполитанцы даже продолжали ружейную стрѣльбу съ аванпостовъ, хотя строгія приказанія Гарибальди удерживали патріотовъ отъ отвѣта на нее. Воспользовавшись прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, неаполитанцы зажгли нѣсколько домовъ и овладѣли нѣсколькими баррикадами, бывшими во флангѣ баррикадъ, устроенныхъ ими на Piazza Reale. Нѣсколько гарибальдіевскихъ стрѣлковъ были убиты или ранены. Генералъ писалъ письмо къ адмиралу Мёнди, жалуясь ему на это вѣроломство, когда (въ 6 часовъ вечера) снова явился къ нему отъ адмирала лейтенантъ Уильмотъ, говоря, что отъ командира эскадры не получено никакого отвѣта и потому адмиралъ считаетъ генерала освобожденнымъ отъ даннаго обѣщанія. Тогда былъ данъ приказъ отбить у неаполитанцевъ потерянныя позиціи. Было брошено нѣсколько орсиніевскихъ гранатъ, — онѣ скоро прогнали роялистовъ. Черезъ полчаса лейтенантъ Уильмотъ явился снова. Командиръ эскадры прислалъ свой отвѣтъ, состоявшій въ просьбѣ о принятіи двухъ генераловъ подъ покровительство британскаго флага при ихъ проходѣ черезъ городъ. Адмиралъ категорически отказалъ, и послѣ того командиръ неаполитанской эскадры объявилъ, что всѣ переговоры кончены. Этимъ отвѣтомъ усилилось мнѣніе, что всѣ переговоры были только хитростью для выигрыша времени и для подготовленія какой нибудь аттаки. Ежеминутно приходятъ новые рапорты, что весь неаполитанскій флотъ въ движеніи, кромѣ одного фрегата Ercoli, вчера бомбардировавшаго городъ. Два парохода съ войсками, высадивъ цѣлыхъ пять шлюпокъ своего груза въ цитадель, ушли; одинъ изъ нихъ повелъ на буксирѣ канонирскую лодку, а другой два купеческія судна. Общее мнѣніе то, что они думаютъ высадить остатокъ своего груза гдѣ нибудь въ другомъ пунктѣ и произвести общую аттаку. Я долженъ сказать, что, напротивъ, все это кажется мнѣ болѣе похожимъ на приготовленія къ отъѣзду войскъ. Какъ бы то ни было, но патріоты приготовились къ встрѣчѣ ихъ, если они попытаются напасть.

Мая 29. Утро.

Ночь прошла спокойно,—по крайней мѣрѣ такъ мнѣ сказываютъ, потому что самъ я проспалъ ее мертвымъ сномъ. Весь неаполитанскій флотъ вышелъ ночью изъ гавани въ море по прямому пути къ Неаполю; но утромъ корабль командира эскадры явился къ востоку, по направленію къ Термини, гдѣ неаполитанскія войска сѣли на корабли въ 1848 году.

Бастіонъ Монтальто, стоящій подлѣ королевскаго дворца, очищенъ неаполитанцами, покинувшими въ немъ большую 32-фунтовую пушку. Отрядъ, занимавшій зданіе финансоваго управленія, прислалъ одного изъ офицеровъ своихъ парламентеромъ, съ предложеніемъ, что онъ готовъ удалиться. Гарибальди соглашался отпустить солдатъ съ тѣмъ, что они положатъ оружіе. Они отказались, и 32-фунтовою пушкою готовятъ показать имъ необходимость сдаться. Кромѣ того, фортъ ихъ отрѣзанъ отъ полученія воды и продовольствія, такъ что безъ сомнѣнія они скоро уступятъ.

Съ каждою минутою подтверждается предположеніе, что эволюціи неаполитанскаго флота имѣютъ цѣлью оградить цѣлость неаполитанскихъ войскъ, а не вредить патріотамъ. Когда я пришелъ на Piazza Pretorio, одинъ изъ инсургентскихъ капитановъ рапортовалъ, что неаполитанцы отрѣзаны отъ всѣхъ сообщеній—и съ окрестностями города, и съ моремъ. Санъ-Мартино, ла-Фаворита, Монреале, Парко и округи приморской стороны наполнены партизанами, день и ночь тревожащими неаполитанцевъ, кото-

Digitized by Google

рые стоятъ большими силами въ Борацдо и Санта-Терезѣ, и пытались вчера, потомъ опять нынѣ по утру пройти впередъ къ Оливуццо, по пути къ Санъ-Мартино и ла-Фаворитѣ. Вѣроятно, это движеніе было хитростью, а истинное намѣреніе ихъ—пробиваться въ противоположномъ направленіи, по которому они стрѣляли.

Пока я былъ съ генераломъ, пришло письмо изъ Корлеоне, увѣдомлявшее его, что полковникъ, командующій посланною туда неаполитанскою колонною, расположенъ перейти на сторону инсургентовъ, если они признаютъ его въ полковничьемъ чинѣ. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ партизанами, пути отступленія ему отрѣзаны, а передъ нимъ инсургенты находятся въ большомъ числѣ. Отвѣтомъ было, разумѣется, принятіе его предложенія, полученнаго косвеннымъ путемъ.

Это предложеніе не удивляетъ меня. Вчера нѣсколько неаполитанскихъ солдатъ пришли въ статскомъ платьѣ и передались патріотамъ. Я видѣлъ вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, человѣкъ 60 или 70 плѣнныхъ и дезертировъ, которые всѣ желали получить оружіе и стать воинами итальянской независимости.

Но при всемъ томъ надобно бы желать, чтобы палерицы, да и инсургентскіе отряды дѣлали больше, чѣмъ они дѣлаютъ. Палермцы занимаются какъ будто только своими evviva, а инсургенты только тратятъ свои заряды.

6 часовъ вечера.

Часовъ около 3 дня снова произошелъ одинъ изъ паническихъ испуговъ, повторяющихся ежеминутно, и больше всего деморализующихъ населеніе и инсургентовъ. Ушедшіе вчера пароходы вернулись и разнесся слухъ, что они высаживаютъ на берегъ войска у греческихъ воротъ (Porta dei Greci),—началась бѣготня, безпорядочная тревога. Вся эта исторія была произведена столбомъ пыли на дорогѣ, идущей къ морю. Вечеромъ было нѣсколько сильныхъ перестрѣлокъ около Piazza Reale и на лѣвой рукѣ отъ нея, гдѣ неаполитанцы занимаютъ бастіонъ, которымъ фланкируется дворецъ и который самъ защищается цитаделью. Весь вчерашній и нынѣшній день цѣлью борьбы въ этой сторонѣ города было овладѣть группою домовъ, стоящихъ около бастіона, чтобы изолировавъ его, заставить солдатъ бросить его и бастіонъ св. Агаты. Городъ такъ обширенъ, а у Гарибальди такъ мало собственныхъ своихъ солдатъ, что нельзя имъ поспѣть повсюду и надобно беречь ихъ: они такъ нужны, что употреблять ихъ въ дѣло можно только при крайней необходимости. Потому почти во всѣхъ пунктахъ главныя силы составляютъ сицилійскіе инсургенты. Пока зарядовъ достаетъ у нихъ, дѣло идетъ хорошо. Но, къ несчастію, они такъ торопливо стрѣляютъ, что и нѣсколькихъ сотъ патроновъ было бы мало каждому изъ нихъ. Всѣ патроны были уже выпущены на воздухъ инсургентами въ то время, когда королевскія войска двинулись впередъ,—отрядъ „молодцовъ" отступилъ въ сосѣднюю улицу и роялисты могли ворваться въ другую улицу, гдѣ другой отрядъ ихъ еще держался.

Гарибальди обѣдалъ, когда пришло это извѣстіе. Слуховъ о наступленіи королевскихъ войскъ разносилось въ тотъ день столь много, что первое впечатлѣніе было—почесть новое извѣстіе одною изъ этихъ пустыхъ тревогъ. Но капитанъ Нива, принесшій его, былъ изъ числа гарибальдіевскихъ волонтеровъ, и потому въ справедливости извѣстія не оставалось сомнѣнія. Одна какая нибудь улица или какой нибудь домъ—не важная вещь въ такомъ городѣ, какъ Палермо, гдѣ ихъ такое множество, что не достанетъ силъ оборонять всѣ. Но важно было нравственное впечатлѣніе, какое произведетъ потеря того, что разъ уже взято. Съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ, который начинаетъ мнѣ казаться похожимъ на вдохновеніе, Гарибальди понялъ это. Онъ вскочилъ со стула со словами: „хорошо, такъ вѣрно надобно мнѣ явиться туда самому". Онъ видѣлъ, что это одна изъ тѣхъ минутъ, когда командиръ долженъ быть впереди войскъ, чтобы ободрить ихъ. Онъ сошелъ внизъ, взялъ съ собою людей, попавшихся на дорогѣ къ мѣсту потери, и пошелъ брать отбитый пунктъ.

Его появленіе скоро остановило роялистовъ; они быстро потеряли и ту выгоду, которую только что пріобрѣли. Благодаря удивительному нравственному вліянію, какое оказываетъ онъ на всѣхъ окружающихъ его, Гарибальди скоро успѣлъ достичь того, что „молодцы" стали сражаться, и даже одушевилъ жителей, остававшихся въ домахъ.

Digitized by Google

Не слушая настоятельныхъ требованій своихъ спутниковъ, чтобы онъ не подвергалъ себя опасности, онъ оставался на улицѣ, безъ всякаго прикрытія, убѣждая и ободряя своихъ солдатъ. Видя это, непріятель бросился на него изъ домовъ и изъ-за баррикады. Одинъ изъ „молодцовъ“ получилъ рану пулею въ голову, когда стоялъ подлѣ самаго Гарибальди. Гарибальди поддержалъ его. Полковника Турра пуля рикошетомъ ударила въ ногу, когда онъ, схвативъ генерала, насильно сталъ уводить его съ открытаго мѣста. Но впечатлѣніе было произведено. Однимъ прыжкомъ „молодцы“ подбѣжали такъ близко къ непріятелю, что могли бросить орсиніевскую гранату, повалившую 7 или 8 человѣкъ; неаполитанцы побѣжали.

Два парохода, на которыхъ были войска, пристали къ берегу и начали высаживать ихъ у цитадели, подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей, стоящихъ бортомъ къ городу и готовыхъ бомбардировать его. Это показываетъ, что неаполитанцы не отказались отъ мысли о борьбѣ, а еще надѣются возвратить потерянное. Эти солдаты не неаполитанцы,— они говорятъ по-нѣмецки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это баварцы. Посмотримъ, ободрятся ли отъ ихъ присутствія неаполитанцы, упавшіе духомъ.

30 мая. Утро.

Войска, высадившіяся въ эту ночь, вышли изъ цитадели къ молу, и потомъ, сдѣлавъ обходъ, кажется, присоединились къ войскамъ на другомъ концѣ города. Это походитъ на то, какъ будто они хотятъ только держаться въ позиціяхъ въ королевскомъ дворцѣ и около него, а не нападать на городъ.

Извѣстія изъ глубины острова такъ хороши, что лучшихъ и желать нельзя. Повсюду народъ возстаетъ и войска удаляются. Вечеромъ 23-го генералъ Альфанъ де-Гейсла удалился изъ Джирдженти, оставивъ гражданское начальство на произволъ судьбы. Какъ только войска вышли, народъ поднялъ итальянскій флагъ. Составился комитетъ. образовалась національная гвардія. И тутъ, какъ повсюду, крики были: viva l'Italia! viva Vittorio Emmanuele! и viva Garibaldi! Гражданскія начальства не были оскорбляемы, и хотя были выпущены арестованные, числомъ до 200 человѣкъ, но безпорядковъ не произошло. Вся Джирджентская провинція слѣдуетъ примѣру своего главнаго города*). То же повторяется и въ другихъ провинціяхъ: народъ возстаетъ, выбираетъ комитеты, вооружается. Катанійская провинція возстала вся, кромѣ только своего главнаго города, который еще держится въ повиновеніи войсками, также какъ и Трапани. Все это произошло еще до взятія Палермо, извѣстіе о которомъ еще не имѣло времени произвести полное свое дѣйствіе. Если неаполитанцы когда нибудь снова овладѣютъ Сициліею, сицилійцы будутъ заслуживать того, чтобы вѣчно правилъ Король Bombino.

Неаполитанскій флотъ не сдѣлалъ ни одного выстрѣла со вчерашняго утра, когда адмиралъ Мѣнди высказалъ неаполитанскому командиру свое мнѣніе о бомбардированіи: такимъ образомъ, палермцы избавлены отъ половины бѣдствій, которымъ могли подвергнуться. Но цитадель неисправима. Какъ только послышитъ она шумъ или увидитъ движеніе въ какой нибудь части города, тотчасъ бросаетъ бомбу. Если бы возможно было бомбамъ этимъ не попадать ни во что, навѣрное онѣ и не попадали бы, — но въ этихъ узкихъ улицахъ нельзя имъ не попасть во что нибудь. Почти всѣ домы построены такъ плохо, что одной бомбы довольно для обращенія цѣлаго зданія въ груду развалинъ, которая хоронитъ подъ собою его жителей. Цѣлыя семейства исчезли такимъ образомъ, сотни мирныхъ людей убиты и ранены. Флотъ бросилъ въ первый день бомбъ 70 или 80. Цитадель бросила ихъ навѣрное больше 300.

Въ первый день Гарибальди послалъ командирамъ иностранныхъ военныхъ кораблей

---

*) Сицилія раздѣляется на 7 провинцій, положеніе которыхъ слѣдующее: сѣверо-восточный уголъ острова, ближайшій къ неаполитанскому материку, — Мессинская провинція, южнѣе по восточному берегу — Катанійская; юго-восточный уголъ — Сиракузская. Далѣе, по южному берегу, начиная съ востока, за Сиракузскою провинціею слѣдуетъ Кальтаниссеттская, входящая далеко въ глубину острова, потомъ Джирджентская; западная сторона занята Трапанскою провинціею (въ ней лежитъ Марсала). Средину сѣвернаго берега занимаетъ Палермская провинція.

Digitized by Google

протестъ противъ этого подлаго безчеловѣчія. Но они не могли безъ инструкцій рѣшиться на прямое вмѣшательство. Апеллировать на это надобно къ общественному мнѣнію Европы.

9 часовъ утра.

Сейчасъ прибылъ въ городъ изъ Королевскаго Дворца парламентеръ съ слѣдующимъ письмомъ къ генералу Гарибальди.

Квартира главнокомандующаго сухопутными и морскими силами за проливомъ. Палермо, 30 мая, 1860.

„Его превосходительству генералу Гарибальди

„Генералъ,

„Британскій адмиралъ извѣстилъ меня, что съ удовольствіемъ пріиметъ на своемъ кораблѣ двухъ моихъ генераловъ для начатія съ вами переговоровъ, въ которыхъ онъ будетъ посредникомъ, если вы позволите имъ проѣхать черезъ городъ. Прошу васъ извѣстить меня, согласны ли вы, и если согласны, то назначить мнѣ часъ, въ который должно начаться перемиріе. Хорошо было бы также, чтобы вы позволили этимъ двумъ генераламъ имѣть съ собою конвой отъ королевскаго дворца до карантина, гдѣ они сѣли бы въ шлюпку.

„Въ ожиданіи отвѣта, имѣю честь быть

„Ланца“.

Отвѣтъ на это письмо былъ, что генералъ Гарибальди согласенъ видѣться съ неаполитанскими генералами на адмиральскомъ кораблѣ, что онъ разошлетъ по всей линіи приказанія прекратить перестрѣлку, что перемиріе должно начаться въ 12 часовъ, и что въ часъ по полудни онъ будетъ на адмиральскомъ кораблѣ. Полковникъ Турръ, генералъ инспекторъ національныхъ силъ, послалъ письмо Ланцы на „Ганнибалъ“ черезъ г. Уильмота, британскаго флагъ-лейтенанта.

Половина перваго по полудни.

Если увидятъ, что какой нибудь человѣкъ среди суматохи надѣлъ чужой плащъ, это можетъ почесться ошибкою; но если при слѣдующемъ случаѣ тотъ же человѣкъ окажется дѣлающимъ то же, всѣ закричатъ: „держите вора!“ Когда неаполитанцы попросили перемирія и генералъ Гарибальди, уступая ихъ просьбѣ, послалъ по всей линіи приказъ остановить огонь, неаполитанцы продолжали бомбардированіе, — и попытались воспользоваться перемиріемъ, чтобы захватить выгоднѣйшія позиціи. Нынѣ они не только сдѣлали такую же попытку, но и дѣйствительно успѣли пріобрѣсти значительную выгоду отъ нея. Чтобы прекратить огонь въ 12 часовъ, Гарибальди началъ разсылать по линіи извѣстіе о перемиріи за часъ до этого. Въ это время явилась неаполитанская колонна на той самой дорогѣ, по которой вошелъ въ городъ Гарибальди. При колоннѣ находилась артиллерія. Колонна эта, стоявшая у Адмиралтейскаго моста, двинулась къ Терминскимъ воротамъ. Напрасно выставили бѣлый флагъ, означающій перемиріе,— колонна продолжала огонь и цитадель начала бросать бомбы въ томъ же направленіи. Нѣсколько офицеровъ, взошедши на баррикаду, старались объяснить неаполитанцамъ, что заключено перемиріе. Они были приняты ружейными выстрѣлами, и въ числѣ другихъ былъ раненъ полковникъ Карини. Но гарибальдіевскіе волонтеры все еще держались приказанія, не отвѣчали на огонь. Посолъ за посломъ являлся къ Гарибальди, объявляя, что войска его должны стрѣлять или оставить свою позицію. Генералъ уже готовился объявить, что перемиріе нарушено, когда явились къ нему парламентерами два неаполитанскіе офицера. Они извиняли дѣло недоразумѣніемъ, говоря, что колонна не была извѣщена о перемиріи. Они были посланы впередъ прекратить огонь и оста-

Digitized by Google

вить колонну. Довольно любопытно то, что во все это время продолжалось бомбардированіе съ цитадели,—а навѣрное нельзя было предположить, что въ цитадели не знали о перемиріи! Ровно въ 12 часовъ пришло извѣстіе, что колонна проникла въ городъ. Гарибальди, какъ наканунѣ, тотчасъ же собралъ резервы и пошелъ впередъ. Извѣстія были совершенно справедливы, и британскій лейтенантъ мистеръ Уильмотъ, пріѣхавшій на берегъ объявить о согласіи адмирала, чтобы свиданіе происходило на его кораблѣ, увидѣлъ себя на срединѣ между наступающею неаполитанскою колонною и отрядомъ Гарибальди. Бомба, брошенная изъ цитадели, разорвалась подлѣ мистера Уильмота, неаполитанцы прикладывались стрѣлять, и съ большою опасностью онъ успѣлъ наконецъ дойти до Гарибальди. Тогда было 5 минутъ 1-го. Мистеръ Уильмотъ привезъ согласіе адмирала, чтобъ переговоры были на его кораблѣ, а черезъ нѣсколько минутъ неаполитанскіе офицеры пріѣхали сказать, что все дѣло было недоразумѣніемъ, что колонна не была извѣщена.

Шлюпки адмирала были у берега въ четверть 1-го. Я долженъ сказать, что будучи на мѣстѣ Гарибальди, не сталъ бы слушать никакихъ предложеній, пока колонна не оставила бы позицію, занятую вѣроломствомъ. Но Гарибальди неисправимъ въ своемъ великодушіи. Я дожидаюсь, чтобы узнать о результатахъ свиданія,—надѣюсь, что успѣю сообщить вамъ ихъ прежде, чѣмъ кончится пріемъ корреспонденціи на англійскомъ кораблѣ Intrepid, готовящемся къ отплытію.

4 часа пополудни.

Конференція на кораблѣ еще не кончилась, и всѣ шлюпки стоятъ подлѣ „Ганнибала". Городъ въ самомъ взволнованномъ состояніи. Распространилась молва, что неаполитанцы предлагаютъ Гарибальди заключить капитуляцію, на томъ условіи, что они дозволятъ ему свободно удалиться изъ города. Въ такія-то минуты бываетъ видно, каковъ духъ народа. И безспорно оказывается, что духъ палермскаго народа не тотъ, который производитъ героевъ и мучениковъ. Вмѣсто того, чтобы броситься въ домы, ближайшіе къ позиціямъ непріятеля, жители бѣгаютъ по улицамъ, наводя уныніе другъ на друга.

Половина 6-го.

Конференція кончилась. Гарибальди вышелъ на берегъ и отправился въ свой дворецъ съ двумя неаполитанскими генералами. Отходитъ французская почта, и я долженъ отправить письмо, не имѣя времени сообщить вамъ подробности конференціи. Но разсказываютъ, что заключено перемиріе до 12 часовъ завтрашняго дня, и что неаполитанцы просили его главнымъ образомъ для того, чтобы перевезти на корабли своихъ раненыхъ, которыхъ у нихъ очень много.

Какъ бы то ни было, недолго вамъ ждать окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ: оно должно совершиться черезъ нѣсколько дней. Ни та, ни другая партія не можетъ долго выдержать своего нынѣшняго положенія. Можно было бы написать эпическую поэму о томъ, что сдѣлали 1062 человѣка итальянцевъ и 5 венгерцевъ въ эти три недѣли, какія они совершали битвы, какіе дѣлали переходы, какое переносили утомленіе. Если бы каждый сициліецъ готовъ былъ исполнить хотя тысячную долю того, что дѣлали они, теперь уже не было бы надобности ни въ какой борьбѣ. О жалованьѣ они и не думаютъ,—у нихъ нѣтъ въ мысли и слова „жалованье": почти всѣ пріѣхавшіе съ Гарибальди имѣютъ собственныя средства содержать себя, никогда не спрашиваютъ ничего, кромѣ патроновъ, продовольствуются тѣмъ, что могутъ сами купить, и кажется забыли, что такое значитъ сонъ. Плохо у нихъ лишь одно то, что ихъ высадилось на берегъ всего только 1062 человѣка, и что люди, считающіе себя великими двигателями итальянскаго дѣла, тутъ считаютъ своею обязанностью сильнѣйшимъ образомъ препятствовать прибытію всякихъ подкрѣпленій къ нимъ. Злорѣчивому человѣку показалось бы, что они почли это дѣло благопріятнымъ случаемъ сбыть съ рукъ Гарибальди; но они можетъ быть ошиблись въ разсчетѣ.

Digitized by Google

Палермо. 31 мая.

Кто ищетъ сильныхъ впечатлѣній, тому лучше всего немедленно ѣхать въ Палермо. Какимъ бы blasé онъ ни былъ, или какая бы рыбья кровь ни была въ немъ,—онъ, ручаюсь, расшевелится. Онъ будетъ увлеченъ потокомъ народнаго чувства, или стремительность и перемѣнчивость этого потока произведетъ въ немъ такую сильную реакцію, какую онъ рѣдко испытывалъ.

Народная пословица говоритъ, что день на день не походитъ. А здѣсь почти каждый часъ измѣняетъ положеніе дѣлъ, и съ положеніемъ дѣлъ чувства 200,000 человѣкъ мѣняются изъ одной крайности въ другую почти безъ малѣйшей постепенности. Вотъ всѣ торжествуютъ и полны надеждъ,—черезъ минуту всѣ въ ужасѣ и уныніи. Вотъ городъ оглашается радостными криками,—черезъ минуту тысячи повергаются передъ образами Мадонны и святыхъ, стоящими тутъ на всѣхъ перекресткахъ. Иногда между двумя пароксизмами бываетъ штиль, родъ утомленія, но за нимъ быстро слѣдуетъ другой припадокъ надежды или страха

Эта постоянная тревога—вѣрнѣйшее отраженіе народныхъ мнѣній. Вотъ баварцы (такъ называютъ здѣсь иностранныхъ наемныхъ солдатъ) перешли впередъ за свою линію и грозятъ нападеніемъ, вотъ народный страхъ видитъ, какъ въ ужасномъ снѣ, конницу, скачущую черезъ баррикады; вотъ наступаютъ войска изъ королевскаго дворца. Пока въ одной улицѣ народный голосъ разноситъ эти вѣсти, въ другой несется противоположный потокъ, громкими криками разглашающій, что цѣлые батальоны непріятельскіе передались намъ, что непріятель покинулъ свои крѣпчайшія позиціи, бѣжитъ въ разстройствѣ, куда попало. Обыкновенно и тѣ и другія новости одинаково несправедливы, порождаются только напряженнымъ состояніемъ фантазіи. Но въ нынѣшній день было достаточное основаніе перемѣнѣ чувствъ, которой подвергался городъ съ утра до ночи.

Во вчерашнемъ письмѣ я только успѣлъ кратко упомянуть о конференціи на „Ганнибалѣ" между Гарибальди и двумя неаполитанскими генералами. Первыя предложенія были сдѣланы неаполитанцами на другой же день послѣ нашего вступленія; но они не привели ни къ чему, потому что неаполитанцы не хотѣли обратиться прямо къ самому Гарибальди. Они просили конференціи съ адмираломъ Мёнди, ожидая, что онъ возмется быть посредникомъ между ними и генераломъ Гарибальди. Конечно, полномочному намѣстнику короля Бомбы II было унизительно обращаться съ просьбою къ „флибустьеру Гарибальди". Но адмиралъ Мёнди полагалъ, что если неаполитанцы попали въ бѣду, и если Гарибальди захочетъ быть великодушенъ, то и должны они воздать ему надлежащую честь. Принуждаемые вступить въ переговоры прямо съ „его превосходительствомъ генераломъ Гарибальди", они уже никакъ не могли бы и потомъ называть его флибустьеромъ, должны были признать его полководцемъ. Командиръ находящейся въ Сициліи эскадры британскаго флота не могъ вступать въ сношенія съ Гарибальди, если онъ считается флибустьеромъ, но готовъ былъ принять на себя посредничество, если онъ—главнокомандующій національныхъ сицилійскихъ силъ. Колебавшись два дня, генералъ Ланца увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить и послалъ Гарибальди письмо, просившее о свиданіи

Странное недоразумѣніе, по которому иностранные наемники вступили въ городъ въ ту самую минуту, какъ началось перемиріе, повело ко множеству извиненій съ неаполитанской стороны. Конференція была назначена въ половинѣ 1-го; противники разными дорогами пришли къ тому мѣсту, гдѣ ждали ихъ шлюпки „Ганнибала". Офицеръ, посланный отъ Гарибальди въ королевскій дворецъ, проводилъ оттуда на берегъ генерала Летицію (бывшаго либераломъ въ революцію 1820 г.); при Летиціи находились командиръ стоявшаго въ гавани неаполитанскаго флота, и нѣсколько адъютантовъ. Съ Гарибальди были полковникъ Турръ и также адъютанты. Британскій адмиралъ, съ большимъ политическимъ тактомъ, пригласилъ французскаго и американскаго командировъ эскадръ присутствовать при конференціи. Генералъ Летиція возражалъ противъ этого, говоря, что имѣетъ дѣло только съ британскимъ адмираломъ и съ Гарибальди; но Гарибальди тотчасъ же отвѣчалъ ему, что не имѣетъ никакихъ секретовъ и будетъ очень

Digitized by Google

радъ присутствію французскаго и американскаго командировъ, которые потому и остались при конференціи.

Генералъ Летиція подалъ бумагу, въ которой были письменно опредѣлены шесть основаній, на которыхъ онъ желаетъ вести переговоры. Вотъ они:

„1. Должно быть заключено перемиріе на срокъ, о какомъ согласятся договаривающіяся стороны.

„2. Во время перемирія обѣ стороны должны оставаться на своихъ позиціяхъ.

„3. Транспорты раненыхъ изъ королевскаго дворца и семейства королевскихъ чиновниковъ должны быть свободно пропускаемы черезъ городъ для переправы на королевскія суда.

„4. Королевскимъ войскамъ во дворцѣ и семействамъ, скрывшимся въ монастыряхъ, должно быть позволено снабжаться дневнымъ продовольствіемъ.

„5. Муниципальныя власти обратятся къ его величеству королю съ вѣрноподданнической просьбою, излагая передъ нимъ истинныя желанія города; эта просьба будетъ сообщена его величеству.

„6. Войскамъ (неаполитанскимъ), находящимся въ городѣ, будетъ дозволено получать продовольствіе изъ цитадели“.

Одни эти условія уже показывали, въ какомъ положеніи находятся неаполитанцы, обремененные множествомъ раненыхъ, которыхъ въ одномъ королевскомъ дворцѣ было больше 500, не имѣвшіе продовольствія, искавшіе только предлога для примиренія и уступокъ. Каждый, кромѣ Гарибальди, или отказалъ бы въ этихъ условіяхъ, или потребовалъ бы въ вознагражденіе за нихъ разныхъ выгодъ. Но Гарибальди не таковъ: онъ великодушно согласился на пять изъ шести условій. Онъ отвергъ только пятый пунктъ, говорившій о просьбѣ и составлявшій признаніе въ пораженіи, тогда какъ всѣ выгоды были на его сторонѣ. Но,—фактъ, лучше всего характеризующій его,—когда конференція кончилась, Гарибальди, говоря съ Летиціею, сказалъ ему, что если бы король неаполитанскій далъ сицилійцамъ конституцію и обѣщался слѣдовать истинно итальянской политикѣ, согласной съ политикою Виктора-Эммануэля, то онъ готовъ примириться на этомъ основаніи.

По первому пункту было рѣшено, что перемиріе заключается до 12 часовъ слѣдующаго дня. По второму пункту былъ нѣкоторый споръ, и въ немъ явилось на сцену наступленіе, сдѣланное наемными войсками; но Гарибальди принялъ извиненія, состоявшія въ томъ, будто эта колонна не успѣла передъ тѣмъ временемъ получить инструкцій.

Конференція кончилась уже въ 6-мъ часу вечера. По возвращеніи Гарибальди въ городъ, всѣ силы были обращены на приведеніе Палермо въ состояніе защищаться. Четыре коммисара, назначенные по четыремъ частямъ города, занялись усиленіемъ построенныхъ и постройкою новыхъ баррикадъ. Народъ былъ возбуждаемъ къ дѣятельности, объяснялось ему его положеніе, оставлявшее только одинъ выборъ: сражаться или погибнуть, и при такой дилеммѣ палермцы, надобно сознаться, выказали больше дѣятельности и энергіи, чѣмъ я ожидалъ. Священники, женщины, дѣти,—всѣ работали надъ баррикадами; таскали на кровли и верхніе этажи домовъ камни и другія вещи, чтобы бросать ихъ на непріятеля въ случаѣ нападенія. Гарибальдіевскіе стрѣлки и инсургентскіе отряды были собраны, размѣщены по пунктамъ, назначеннымъ для каждаго. По всѣмъ колокольнямъ были поставлены люди, съ приказаніемъ бить въ набатъ, какъ только начнется сраженіе. Ко всѣмъ инсургентскимъ отрядамъ, находящимся за городомъ, были разосланы приказанія, чтобы на слѣдующій день одни изъ нихъ вошли въ городъ, другіе напали на королевскія войска съ тылу. Комитету было сообщено, чтобы онъ собралъ какъ можно больше снарядовъ для дѣланія орсиніевскихъ гранатъ; пушки, взятыя въ городѣ, были поставлены на позицію на разныхъ баррикадахъ; войскамъ были розданы патроны и продовольствіе. Словомъ сказать, до поздней ночи дѣятельно велись распоряженія, обѣщавшія хорошій успѣхъ слѣдующему дню.

Нынѣшнее утро дѣятельность не только не ослабѣла, а напротивъ, были самымъ полезнымъ образомъ употреблены немногіе остававшіеся часы. Нынѣ годовщина битвы при Палестро, которою начался рядъ побѣдъ, создавшій нынѣшнее положеніе верхней Италіи,—это было хорошимъ предзнаменованіемъ Городъ проснулся очень рано. Первый

Digitized by Google

взглядъ на улицы былъ не ободрителенъ. Казалось, будто идетъ полная эмиграція: толпы женщинъ и дѣтей, сопровождаемыя мужчинами, несущими на себѣ разное имущество и провизію, пробирались черезъ баррикады. Приказано было пропускать только женщинъ и дѣтей, которымъ лучше быть за городомъ, когда возобновится битва и съ нею, по всей вѣроятности, бомбардированіе. Именно та часть населенія, которая оставалась въ домахъ, особенно пострадала отъ варварскаго бомбардированія, и жестокостью было бы снова подвергать ее другому, еще болѣе суровому. Но эта эмиграція была возможна только для зажиточныхъ классовъ, которые могли взять съ собою кошельки наполненные деньгами и платить за свое помѣщеніе на купеческихъ судахъ, или найдти его на военныхъ корабляхъ. Британскій адмиралъ отдалъ приказаніе принимать на корабли каждаго, кто только прійдетъ. Командиры кораблей другихъ націй послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ къ 2 часамъ корабли переполнились людьми,—къ этому времени были переправлены на нихъ почти всѣ, хотѣвшіе покинуть городъ.

Мистеръ Гудуинъ, все еще, несмотря на ежедневныя приглашенія адмирала, не хотѣвшій покинуть свой постъ, принялъ къ себѣ въ домъ всѣхъ женщинъ и дѣтей изъ небогатыхъ англійскихъ семействъ.

Вопросъ былъ только въ томъ, захотятъ ли сражаться оставшіеся въ городѣ? Священники и монахи, почти всѣ безъ исключенія явившіеся истинными патріотами, ходили по улицамъ съ крестами, ободряя народъ надѣяться на Бога и сражаться за жизнь и собственность. Отряды стали на своихъ позиціяхъ; во всѣхъ была видна такая готовность и рѣшимость, что если бы данъ былъ сигналъ, результатъ не былъ бы сомнителенъ, — я убѣженъ въ томъ. Но пока дѣлалось это въ городѣ, уже произошла перемѣна въ преторскомъ дворцѣ *). Рано утромъ Ланца прислалъ парламентера, прося конвоя для генерала Летиціи, который желаетъ въ 10 часовъ утра имѣть свиданіе съ генераломъ Гарибальди. Видно было, что онъ хочетъ просить новаго перемирія. Мнѣ случилось быть въ комнатѣ Гарибальди, когда явился Летиція. Его тонъ былъ уже совершенно не таковъ, какъ наканунѣ; не могло быть ничего любезнѣе и мягче словъ, которыми онъ высказалъ свою просьбу. Онъ объяснилъ, что до 12 часовъ невозможно перевезти всѣмъ раненыхъ, и что потому цѣль перемирія не достигнется, если не продолжить его. Онъ сначала просилъ продлить перемиріе безсрочно, выражая надежду, что, быть можетъ, не понадобится возобновлять войну. Гарибальди не согласился на безсрочное перемиріе и предложилъ одни сутки; Летиція находилъ, что этого мало, и наконецъ Гарибальди опредѣлилъ продолжить перемиріе на трое сутокъ.

Какъ только ушелъ Летиція, были посланы приказанія не начинать нападенія въ 12 часовъ. Городъ былъ такъ воодушевленъ, что общее мнѣніе осталось рѣшительно недовольно продленіемъ перемирія, въ которомъ почти всѣ видѣли выгоду только для неаполитанцевъ. Говорили, что они хотятъ освободиться отъ раненыхъ, снабдить себя провизіею и получить подкрѣпленія изъ Неаполя. Никто не хотѣлъ видѣть другой стороны вопроса, — того, что есть въ перемиріи выгоды и для національныхъ войскъ. Около того самаго времени, какъ Летиція былъ у Гарибальди, пришло изъ Кальяри письмо отъ 28 мая, говорившее, что идетъ въ Сицилію пароходъ съ 100 человѣкъ гарибальдіевскихъ волонтеровъ, отборныхъ людей, съ 2,000 ружей, съ большимъ количествомъ патроновъ и другихъ военныхъ запасовъ, и что онъ прійдетъ къ берегу утромъ 31 мая. Это было важнымъ подкрѣпленіемъ, и немедленно были сдѣланы распоряженія, чтобы начальники отрядовъ, находящихся по сосѣдству Кастелламаре, ждали этого парохода и приготовились къ выгрузкѣ снарядовъ. Къ тому же времени успѣли прибыть пушки, оставленныя въ Корлеоне. Вы помните, что отправка этихъ пушекъ съ отрядомъ человѣкъ изъ 100 заманила неаполитанцевъ къ преслѣдованію и повела къ взятію Палермо. Приказъ былъ данъ отступать до Санъ-Джуліано. По затруднительности пути, а можетъ быть и по небрежности посланныхъ въ это отступленіе, они не успѣли сдѣлать дѣла такъ быстро, какъ слѣдовало бы, и результатъ былъ тотъ, что пришлось имъ бросить назади двѣ пушки (одна изъ нихъ была та, которую взяли при Калата-Фими). Потеря эта теперь не важна, потому что въ уличной палермской битвѣ

*) Главной квартирѣ Гарибальди.

Digitized by Google

пушки не принесутъ большой пользы, а взятіе Палермо не слишкомъ дорого было бы куплено и потерею всѣхъ пушекъ.

Кромѣ подвоза остальныхъ пушекъ, трехдневное перемиріе давало время сойтись въ Палермо отрядамъ изъ глубины острова, — это будетъ подкрѣпленіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрядовъ находятся уже въ арьергардѣ колоннъ, пришедшихъ вчера къ терминскимъ воротамъ.

Но важнѣе всего то, что эта трехдневная отсрочка даетъ время распространиться деморализаціи, и между неаполитанскими, и между наемными иностранными солдатами. Три изъ числа неаполитанскихъ полковъ, — 6-й, 8-й и 10-й, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выказывали такое неудовольствіе и такую непокорность, что пришлось совершенно раскассировать и переформировать ихъ. Уличныя битвы послѣднихъ дней, когда неудача была на сторонѣ войскъ, конечно произвели не такое дѣйствіе, чтобы укрѣпить ихъ дисциплину или ободрить ихъ духъ. Притомъ же, положеніе солдатъ не таково, какъ положеніе сбирровъ полиціи, родомъ сицилійцевъ. Сбирры эти знаютъ, что не должны ожидать пощады; но противъ солдатъ нѣтъ никакого ожесточенія. Цѣлый день нынѣ они во множествѣ ходятъ по городу, и очень многіе приходятъ вовсе передаться намъ, другіе фратернизировать съ народомъ, а всѣ горятъ желаніемъ увидѣть Гарибальди, поцаловать его руки. Нѣсколько неаполитанскихъ офицеровъ, родомъ изъ Сициліи, пріѣзжали повидаться съ родными, находящимися въ городѣ. Немногіе изъ нихъ вернулись назадъ. Да и вернувшіеся будутъ въ непріятельскомъ станѣ еще полезнѣе Гарибальди, чѣмъ когда бы остались здѣсь. Я самъ видѣлъ капитана, цаловавшаго руки Гарибальди, со слезами просившаго его предотвратить кровопролитіе между собратами итальянцами и обѣщавшаго всѣми силами склонять къ тому же своихъ солдатъ.

Въ числѣ проѣзжавшихъ черезъ городъ находился майоръ Боско, сициліецъ, командующій однимъ изъ тѣхъ стрѣлковыхъ батальоновъ, которые обѣщали королю неаполитанскому принести голову Гарибальди. Онъ былъ задержанъ потому, что неаполитанскіе аванпосты не хотѣли пропустить транспорта съ мукою въ городъ. Въ концѣ своего ареста онъ сталъ какъ есть либераломъ.

Между дезертирами находился швейцарецъ, принадлежащій къ наемнымъ войскамъ. Онъ былъ сержантомъ и разжалованъ въ рядовые, по его словамъ, за мелкій проступокъ. Онъ разсказывалъ, что швейцарцевъ между наемными солдатами всего одна пятая часть, а всѣ остальные — сбродъ разной сволочи изъ Австріи, въ особенности изъ Кроаціи, самые величайшіе негодяи, какихъ только можно набрать, что у нихъ одна цѣль — грабежъ, и что ихъ командиръ, фонъ-Мехель, обѣщалъ имъ разрѣшеніе грабить.

Скоро представились доказательства словамъ швейцарца Эти наемные солдаты ворвались во всѣ домы, сосѣдніе съ ихъ позиціею, разграбили въ нихъ все, насиловали женщинъ и зажгли самые домы. Въ одномъ амбарѣ нашли они множество хлѣба и продали его по низкой цѣнѣ тѣмъ, кто былъ расположенъ воспользоваться несчастіемъ ближняго. Они устроили настоящую ярмарку. Когда были сдѣланы объ этомъ представленія командующему генералу, онъ сначала сталъ извинять грабежъ тѣмъ, будто онъ сдѣланъ вчера въ первой горячности нападенія, а другія подробности просто отрицалъ. Наконецъ, однакоже, неаполитанскіе офицеры принуждены были сами сознаться, что эти солдаты — дурной народъ. Самъ батальонный командиръ Боско называетъ ихъ такъ: „шайка разбойниковъ, которую нельзя удержать въ порядкѣ". Разумѣется, нельзя. Ихъ съ самаго начала возстанія поощряли къ грабежу, и скорѣе хвалили, чѣмъ наказывали за всѣ неистовства. Кроатовъ довольно одинъ день продержать такъ, и уже никакая сила не удержитъ ихъ въ дисциплинѣ. Они сражаются для грабежа. Очень замѣтна ненависть между неаполитанцами, и офицерами и солдатами, и между этими кондоттьери; еслибъ неаполитанцы не боялись, они первые начали бы сраженіе съ наемниками. Эти разбойники хороши съ обѣихъ сторонъ: если надежда на грабежъ можетъ заставить ихъ сражаться, то трудно будетъ удержать ихъ въ строю, когда сраженіе начнется и имъ можно будетъ грабить.

Даже изъ наемныхъ солдатъ тѣ, которые лучше своихъ товарищей, гнушаются ими; около 100 человѣкъ швейцарцевъ уже предлагали перейти къ Гарибальди, если имъ

Digitized by Google

дадутъ хорошее жалованье. Посмотримъ, приведутъ ли къ чему нибудь переговоры, начатые объ этомъ.

Вечеромъ Гарибальди обошелъ городъ, осматривая положеніе дѣлъ. Я былъ съ нимъ, и не могу дать вамъ даже слабаго понятія о томъ, какъ его встрѣчали повсюду. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тріумфовъ, которые, кажется, возносятъ человѣка выше людей. Самою удивительною изъ видѣнныхъ мною сценъ такого рода, была встрѣча Наполеона и Виктора-Эммануэля въ Миланѣ, годъ тому назадъ, и мнѣ кажется, что вчерашняя сцена была еще поразительнѣе. Въѣздъ императора и короля былъ нѣсколько формалистичнѣе, что мѣшало полному выраженію народнаго энтузіазма. Они были верхами, окружены своею гвардіею. А кумиръ народа, Гарибальди, въ своей красной фланелевой рубашкѣ, съ полуразвязавшимся носовымъ платкомъ вмѣсто галстуха, въ изношенномъ плащѣ, пѣшкомъ ходилъ между этихъ тысячъ кричащихъ, смѣющихся, съ ума сходящихъ отъ радости людей, и нѣсколько человѣкъ, сопровождавшихъ его, едва успѣвали только защищать его, чтобы народъ не схватилъ его на руки. Народъ тѣснился цѣловать его руки, или хоть коснуться полы его платья, какъ будто въ немъ исцѣленіе, награда всѣхъ прошедшихъ и быть можетъ будущихъ страданій. Матери несли къ нему дѣтей, на колѣняхъ просили его благословить ихъ, — а предметъ ихъ поклоненія все оставался такимъ же спокойнымъ, улыбающимся, какимъ бываетъ подъ смертоноснѣйшимъ огнемъ, старался утѣшить толпу, останавливался на каждомъ шагу выслушивать долгую жалобу о домахъ, сожженныхъ, объ имуществѣ, разграбленномъ отступавшими солдатами, давалъ совѣты, утѣшалъ, обѣщалъ, что всѣ убытки будутъ уплачены.

Я не имѣлъ времени обозрѣть всѣ пункты, съ которыхъ прогнаны солдаты, но только посѣтивъ ихъ всѣ, можно бы составить себѣ полное понятіе, какой уронъ они должны были потерпѣть, и на сколько превосходятъ ихъ гарибальдіевскіе волонтеры въ уличномъ бою. Эти юноши какъ будто находили себѣ наслажденіе въ томъ, чтобы выбивать солдатъ изъ ихъ позицій, занимались этимъ съ любовью, обнаруживая удивительные тактическіе таланты: ни разу не ускользнула отъ нихъ выгода обойти солдатъ съ фланга, зайти въ тылъ ихъ позиціи. Каждый большой домъ, а въ особенности монастырь, становился для нихъ цитаделью, въ которой быстро пробивались амбразуры, извергавшія убійственный огонь на головы солдатъ. Только этимъ способомъ могли они дойти до самаго королевскаго дворца, почти безъ потерь.

Когда Гарибальди возвратился домой, явился неаполитанецъ съ возраженіями противъ того, что постройка баррикадъ продолжается во время перемирія. Отвѣтъ былъ тотъ, что въ своихъ границахъ каждая сторона можетъ дѣлать что ей угодно и что если неаполитанцы могутъ перевозить своихъ раненыхъ и получать провизію, то городу не годится не строить баррикадъ.

Пока неаполитанскій офицеръ еще ждалъ отвѣта, произошло формальное нашествіе англійскихъ и американскихъ флотскихъ офицеровъ, получившихъ отпускъ на берегъ: каждый изъ нихъ разумѣется желалъ видѣть Гарибальди. Командиръ американскаго корабля пріѣхалъ вмѣстѣ съ американскимъ консуломъ; швейцарскій консулъ также пріѣхалъ. Гарибальди теперь уже не флибустьеръ, онъ главнокомандующій сицилійскихъ національныхъ силъ. Каждый, кто пріѣзжалъ, навѣрное захочетъ пріѣхать во второй разъ, потому что каждый принимается съ ласковымъ словомъ и каждому видно, что ему рады.

Мнѣ кажется, что Гарибальди скоро съ избыткомъ вознаградилъ бы свои потери, если бы ему позволили принимать желающихъ съ англійскихъ и американскихъ кораблей. Хорошо, что неаполитанскіе офицеры были тутъ, чтобы видѣть эту сцену: она покажетъ имъ, какъ думаютъ о нихъ иноземные народы.

Вскорѣ послѣ того явился парламентеръ изъ зданія финансоваго управленія, которое еще занято роялистами, предлагая сдать эту позицію съ находящимися въ зданіи суммами,—всего, говорятъ, 4,000,000 таровъ или 2,000,000 франковъ. Это большею частью частная собственность, положенная туда для безопасности. Условія были приняты.

Извѣстіе о продленіи перемирія въ мигъ измѣнило физіогномію города. Многіе изъ переѣхавшихъ на корабли возвратились, потому что отсрочка дозволяла имъ [illegible] свои дѣла въ порядокъ, чего не успѣли они сдѣлать при торопливомъ отъѣз[illegible] радочное состояніе миновалось, веселость стала господствующею чертою го[illegible]

Digitized by Google

рый былъ иллюминованъ, какъ и во всѣ дни съ нашего прибытія. До поздней ночи множество народа расхаживало по улицамъ съ пѣснями и радостными криками. Разнощики вяленой рыбы, которая здѣсь главное продовольствіе, появились на улицахъ — это я считаю признакомъ возвращенія къ болѣе нормальному состоянію. Явились похоронныя процессіи съ крестами, образами (особенно образами св. Розаліи), восковыми свѣчами. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и каждый возвращается домой не съ тѣми чувствами, съ какими всталъ нынѣ по утру.

Іюня 1.

Въ эту ночь ушелъ одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ; на немъ уѣхалъ, говорятъ, и самъ генералъ Ланца. Пароходъ пошелъ въ Неаполь, и надобно полагать, что уѣхавшій на немъ генералъ, кто бы онъ ни былъ, отправился туда изложить необходимость уступокъ. Я уже говорилъ вамъ, что Гарибальди согласенъ на миръ, если будетъ возвращена сицилійцамъ конституція, въ особенности подъ гарантіею Англіи, и король неаполитанскій обѣщается слѣдовать истинно итальянской политикѣ. Посредничество адмирала Мёнди, которое до сихъ поръ приводило къ такимъ хорошимъ результатамъ, устраняетъ всѣ затрудненія. Если неаполитанцы думаютъ, что могутъ повесть дѣло инымъ путемъ, черезъ другое посредничество или вовсе безъ посредничества, они ошибаются: Гарибальди никого не слушается и ни на кого не полагается, кромѣ адмирала Мёнди. Адмиралъ принудилъ неаполитанцевъ вести переговоры прямо съ Гарибальди и тѣмъ самымъ признать его: Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы забыть это.

Неаполитанцы очень дѣятельно перевозятъ раненыхъ на корабли, привозятъ въ королевскій дворецъ провіантъ и, вѣроятно, боевые снаряды. Дезертиры продолжаютъ приходить къ Гарибальди десятками. Кромѣ того, новостей нѣтъ.

„Меандръ“ уходитъ въ 3 часа въ Мессину и успѣетъ быть въ Марсели въ субботу, ко времени отхода англійской почты.

Съ каждымъ часомъ приходятъ новыя извѣстія о распространеніи возстанія. Вчера прибылъ изъ Трапани неаполитанскій пароходъ съ извѣстіемъ, что ежеминутно ждутъ нападенія инсургентовъ на этотъ городъ. Говорятъ, что Мессина была бомбардирована *). Пора неаполитанцамъ подумать о примиреніи.

Іюня 2.

Вчера вечеромъ зданіе финансоваго управленія, большой домъ на Толедской улицѣ, было сдано роялистами. Переговоры шли четыре дня. Первое предложеніе не было принято Гарибальди, настаивавшимъ, чтобы солдаты положили оружіе, на что они не соглашались. По заключеніи перемирія, предложеніе было возобновлено со стороны войскъ; обнаружилось обстоятельство, склонявшее принять его. Никто не предполагалъ, чтобы въ этомъ домѣ были оставлены деньги, — оказалось, что онѣ были тамъ оставлены. Неаполитанцы были такъ увѣрены въ своихъ силахъ, что не подумали принять мѣры на случай потери Палермо, и такимъ образомъ осталось въ кассѣ болѣе 5,000,000 дукатовъ, или 1,200,000 фунтовъ,—по точному счету, 5,444,444 дукатовъ (болѣе 8,000,000 р. сер.). Изъ этой суммы только 100,000 дукатовъ принадлежатъ правительству; остальное—частные вклады. Г. Криспи, государственный секретарь, отправился туда съ кассирами и контролерами финансоваго управленія; составили протоколъ; эти чиновники и капитанъ отряда, занимавшаго зданіе, подписали его. Въ отрядѣ было до 125 человѣкъ; имъ позволили удалиться съ оружіемъ и багажемъ. У нихъ былъ только одинъ раненый; это легко объясняется выгодностью ихъ позиціи и тѣмъ, что правильнаго нападенія не было. дѣлано на нихъ. Занимая свой постъ, они забавлялись тѣмъ, что стрѣляли во всѣхъ прохожихъ. Говорятъ, что даже по заключеніи перемирія ихъ выстрѣлами были убиты два человѣка у Porta Felice. По найденнымъ бумагамъ видно, что изъ правительственнаго фонда было взято 792,000 дука-

*) Читатель знаетъ, что слухъ этотъ былъ несправедливъ.

Digitized by Google

ь на военныя издержки, которыя очень значительны, потому что съ самаго начала неній солдаты получаютъ двойное жалованье.

Нынѣ утромъ получено извѣстіе, что вчера рано утромъ пароходъ Utile пришелъ Марсалу, высадилъ около 100 человѣкъ волонтеровъ и выгрузилъ 2,000 ружей съ ьшимъ количествомъ боевыхъ снарядовъ, безъ всякаго препятствія: всѣ неаполитан- суда были тогда въ Палермо, Мессинѣ, Трапани и Катаніи, — единственныхъ че- ехъ пунктахъ, гдѣ еще нѣсколько держатся королевскія войска. Волонтерами на- ьствуетъ уроженецъ Трапани, эмигрантъ Фрателли. Колонна эта должна была нынѣ омъ идти на Трапани, жители котораго каждую минуту ждутъ, что городъ ихъ бу- ъ сожженъ и разграбленъ солдатами. Но я полагаю, что она будетъ призвана сюда, тотъ случай, если завтра возобновятся военныя дѣйствія.

Ждутъ не одного этого подкрѣпленія. Есть вѣрное извѣстіе, что пароходъ „Бле- лль" 26 мая вышелъ изъ Ливорно съ 1,500 или 1,800 волонтеровъ. Одинъ изъ политанскихъ фрегатовъ, посланныхъ искать его, нынѣшнею ночью вернулся, послѣ раснаго поиска. Пришедшій вчера изъ Гибральтара купеческій пароходъ сообщаетъ, ротивъ, что у западнаго берега Сициліи видѣлъ большой винтовый пароходъ, на- ненный людьми, идущій по направленію къ Марсалѣ. Любопытно было бы, еслибъ эта высадка, подобно двумъ первымъ, произошла въ Марсалѣ.

Въ послѣднія трое сутокъ не было перестрѣлки; но перемиріе все-таки не было менемъ мира и согласія между противниками. Изъ лагеря въ лагерь почти непре- зно ходятъ одинъ за другимъ парламентеры для объясненія недоразумѣній, успокоенія сеній, провѣрки фактовъ. То роялисты останавливаютъ транспорты, то тѣ же роя- ты врываются въ домы и грабятъ, унося все, что могутъ захватить. Многія изъ та- ъ жалобъ подтвердились изслѣдованіемъ дѣла; но я думаю, что эти нарушенія пе- ирія производятся не столько вѣроломствомъ неаполитанскихъ генераловъ, сколько ершеннымъ недостаткомъ дисциплины въ ихъ войскахъ. Такъ, несмотря на нѣсколько казаній главнокомандующаго, колонна, стоящая у терминскихъ воротъ, не хотѣла пустить транспортъ съ мукою. Дѣло довольно натуральное со стороны солдатъ: они роили за городомъ родъ ярмарки, на которой торгуютъ всяческими награбленными дами, продаютъ ихъ по дешевой цѣнѣ, и не хотѣли пропустить такого хорошаго чая къ снабженію своего рынка товаромъ. Надобно было прибѣгнуть къ возмездію. инъ изъ ихъ транспортовъ также былъ задержанъ. Пока его держали, солдаты, его воировавшіе, дезертировали почти цѣлымъ своимъ отрядомъ, взявъ съ собою и пнихъ муловъ. На другомъ концѣ города солдаты усиливались ворваться въ женскій настырь; всей власти генерала Ланцы и многочисленныхъ пословъ отъ него оказа- ь едва достаточно для остановки ихъ. Въ третьемъ концѣ города они увели дѣву- къ изъ монастыря Oblati, служащаго пріютомъ для дѣвицъ сиротъ. Матери этихъ вушекъ въ слезахъ пришли жаловаться. Самаго факта неаполитанскія начальства не ицали, но объясняли, что монахини ушли съ солдатами добровольно. Не проходитъ нуты, чтобы не явился кто нибудь съ жалобою на неистовство солдатъ. Еслибъ не ивительная нравственная власть Гарибальди надъ его войскомъ и надъ всѣмъ насе- ніемъ, невозможно было бы сохранить перемиріе. Во все время, сколько мы нахо- ися, не было ни одного слѣда проступка противъ дисциплины или законнаго порядка гарибальдіевскихъ войскахъ. Несмотря на одушевленіе и волненіе, теперь въ Палермо кой порядокъ, какого не было даже во время величайшаго стѣсненія.

Только въ одномъ жители неумолимы: это—преданіе сбирровъ смерти; они гоняются ними, какъ за дикими звѣрями, и разстрѣливаютъ, какъ только найдутъ. Особенно первые дни формально производились систематическія облавы на сбирровъ, особенно вѣстныхъ народу, и многіе изъ нихъ были убиты прежде, чѣмъ офицеры успѣвали асти ихъ. Кто вспомнитъ, какимъ бѣдствіямъ подвергался отъ нихъ народъ, тотъ не ивится народной ярости противъ нихъ.

Дезертиры продолжаютъ являться; странно сказать, они большею частью унтеръ- фицеры, сержанты и капралы, а не простые рядовые *). Всѣ они просятъ служить у

*) Конечно потому, что унтеръ-офицеры развитѣе рядовыхъ.

Digitized by Google

Гарибальди; того же просятъ человѣкъ 300 или 400 изъ плѣнныхъ. Начинаютъ переходить къ инсургентамъ даже иностранные наемные солдаты,—то есть, лучшіе изъ нихъ, гнушающіеся своими товарищами и своимъ родомъ службы. Почти каждаго офицера, приходящаго отсюда парламентеромъ къ неаполатанцамъ, разспрашиваютъ о жалованьѣ у Гарибальди, и еслибъ не нашъ неумѣстный патріотизмъ, отвергшій всякую мысль о жалованьѣ, безъ сомнѣнія, баварцы приняли бы предложенія. Вѣроятно, еще и теперь было бы не поздно сдѣлать имъ предложеніе. Въ домѣ финансоваго управленія нашлось довольно денегъ на эту и на другія надобности.

Если бы Гарибальди и горожанамъ нужно было только сражаться съ войсками, дѣло было бы нетрудное. Но бомбардированіе дѣлаетъ положеніе затруднительнымъ. По образцу, какой мы имѣли въ первый день, можно видѣть, чего надѣлаетъ оно, если будетъ продолжительно. Можетъ исполниться угроза обратить городъ въ груду развалинъ и похоронить подъ ними тысячи мирныхъ гражданъ,—особенно, если солдаты по прежнему обычаю будутъ жечь каждый домъ, который разграбятъ.

Можно было бы написать цѣлые томы о вандальствахъ, уже совершенныхъ ими, потому что каждая изъ развалинъ, считаемыхъ сотнями, имѣетъ свою исторію грубаго безчеловѣчія. Если бы не было на это у меня столькихъ свидѣтелей, офицеровъ британской эскадры, ходившихъ по городу и своими глазами видѣвшихъ факты, я боялся бы сказать объ этихъ вандальствахъ,—такъ они кажутся невѣроятны. Особенно въ кварталахъ на правой и на лѣвой рукѣ отъ королевскаго дворца, населенныхъ по большей части бѣдными людьми и наполненныхъ монастырями, производились ужасы, въ которыхъ можетъ удостовѣриться каждый, кто пойдетъ туда. Слѣды ихъ увидитъ онъ своими глазами. Тамъ стоятъ черные остовы сожженныхъ домовъ. Населеніе въ нихъ очень тѣсно набито даже въ обыкновенныя времена. Страхъ бомбардированія переполнилъ ихъ людьми еще больше прежняго. Бомбы, упавшей на одинъ изъ нихъ, разтерзавшей и похоронившей его жильцовъ, бывало достаточно, чтобы жители сосѣдняго дома, бросая его, прятались въ погреба. Солдаты, отступая, зажигали домы, уцѣлѣвшіе отъ бомбъ, и такимъ образомъ множество людей было сожжено въ этихъ убѣжищахъ. По всему околодку Альберджеріи воздухъ наполненъ запахомъ труповъ, проникающимъ сквозь развалины, и жирнымъ чадомъ, происходящимъ отъ горѣнія тѣла. Если вы можете вынести этотъ запахъ, попробуйте войти въ развалины, потому что только тамъ вы увидите, что это такое за вещь. Не долго вамъ придется искать,—скоро вы споткнетесь о зажарившіеся остатки человѣческаго тѣла,—тутъ о ногу, тамъ о руку, черезъ нѣсколько шаговъ о голову. Вамъ послышится шорохъ,—вы осмотритесь: десятокъ разъѣвшихся крысъ бѣжитъ во всѣ стороны, или собака старается убѣжать черезъ развалины; тучи мухъ взлетаютъ при вашемъ приближеніи, и вы спѣшите вонъ, чтобы уйти отъ ихъ отвратительнаго и ядовитаго прикосновенія.

Я дивлюсь только тому, что видъ этихъ сценъ не обращаетъ каждаго палермца въ тигра, каждую палермитянку въ фурію. Но эти люди были такъ долго затаптываемы, деморализируемы, что ихъ натура какъ будто потеряла всю силу реакціи. А все-таки послѣдніе дни навели на нихъ убѣжденіе, что невозможно имъ было ожидать никакой пощады, что еще во сто разъ бòльшіе ужасы произошли бы, если бы неаполитанцы снова овладѣли городомъ. Эта грозящая опасность сильнѣе всего содѣйствовала тому, что народъ нѣсколько пробудился отъ своей апатіи, и надобно сказать: приготовленія къ встрѣчѣ войскъ стали теперь производиться не по прежнему. Посмотримъ, удержится ли эта бодрость, когда бомбы опять начнутъ летать по городу.

Гарибальди думаетъ представить протестъ всѣмъ командирамъ стоящихъ здѣсь военныхъ судовъ, съ просьбою, чтобы они своимъ вліяніемъ предотвратили мѣру, вредящую только беззащитной части населенія. Если всѣ консулы и командиры иностранныхъ военныхъ судовъ будутъ дѣйствовать единодушно, я думаю, неаполитанцы не осмѣлятся возобновить бомбардированія. Разсказъ, что нѣкоторые изъ консуловъ и иностранныхъ командировъ протестовали, столь часто повторявшійся и опровергавшійся, оказывается однако же справедливъ. Когда было сообщено, что въ случаѣ народнаго возстанія городъ будетъ бомбардированъ, адмиралъ Мѣнди пріѣхалъ къ Ланцѣ и спросилъ, намѣренъ ли онъ исполнить эти инструкціи. Услышавъ, что онъ исполнитъ ихъ, адмиралъ

Digitized by Google

подалъ ему письменный протестъ, который привезъ съ собою. Когда онъ уходилъ отъ Ланцы, вошелъ командиръ французской эскадры съ такимъ же протестомъ, а вскорѣ послѣ того командиръ американской. Ихъ не послушали, какъ вамъ извѣстно.

3 іюня, утро.

Вчера въ 9 часовъ вечера на неаполитанскомъ почтовомъ пароходѣ „Саэтта" пріѣхалъ изъ Неаполя генералъ Летиція. Мнѣ сообщали за достовѣрное, что онъ привезъ съ собою инструкціи: биться до послѣдняго человѣка, для этого призвать сюда гарнизонъ изъ Трапани и войска, идущія изъ Джирдженти, приготовиться какъ можно лучше, а до окончанія приготовленій занимать Гарибальди переговорами. Изъ Неаполя прислано большое количество орсиніевскихъ гранатъ и конгревовыхъ ракетъ, съ приказаніемъ не жалѣть ничего, жечь и истреблять всѣ дома. Посмотримъ, до какой степени это справедливо.

Нынѣ рано поутру генералъ Летиція пріѣхалъ къ Гарибальди съ просьбою о безсрочномъ продленіи перемирія. Они говорили между собою совершенно наединѣ, и никто не знаетъ, какія гарантіи даны неаполитанцами Гарибальди, и какими соображеніями объяснено перемиріе. Но вѣрно то, что Гарибальди удовлетворился. Пусть онъ не слишкомъ полагается на слова неаполитанскаго генерала—вотъ самое горячее желаніе каждаго приверженца защищаемаго имъ дѣла.

Между тѣмъ положительно извѣстно, что гарнизону Трапани велѣно готовиться къ отплытію, взять съ собою какъ можно больше пушекъ и истребить остальныя. Два парохода и парусный корветъ посланы перевезти эти войска,—куда, неизвѣстно. У всѣхъ здѣсь мысли разстроены всѣми этими тайнами, всѣ недоумѣваютъ, что такое значитъ это перемиріе.

При извѣстіи о продленіи перемирія стали возвращаться уѣзжавшіе изъ города, двинувшіеся было изъ него съ самаго разсвѣта въ опасеніи битвы и бомбардированія.

4 іюня.

Вчера, тотчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, неаполитанскій генералъ Летиція снова отправился въ Неаполь. Ожидаютъ, что онъ скоро вернется. Говорятъ, что онъ просилъ у Гарибальди честнаго слова никому не разсказывать объ извѣстіяхъ, привезенныхъ имъ изъ Неаполя, такъ что никто не знаетъ ничего положительнаго. Но изъ этихъ разъѣздовъ отсюда въ Неаполь надобно заключать, что неаполитанскій генералъ привозилъ сюда мирныя условія и поѣхалъ назадъ съ отвѣтомъ. Изъ Неаполя пишутъ, что король требовалъ вмѣшательства иностранныхъ державъ; потому неаполитанское правительство, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ думаетъ о переговорахъ.

Вы не удивитесь, услышавъ, что здѣсь мало вѣрятъ неаполитанцамъ, и потому господствуетъ мнѣніе, видящее во всѣхъ этихъ свиданіяхъ только попытки обмануть Гарибальди.

Вчера я писалъ вамъ, что изъ хорошаго источника слышалъ, будто генералъ Летиція привезъ изъ Неаполя инструкціи вовсе не мирнаго, а напротивъ самаго воинственнаго характера, и что переговоры начаты единственно съ цѣлью обманывать Гарибальди до той поры, когда кончатся всѣ приготовленія. Несомнѣнно одно: съ пріѣздомъ генерала Летиціи даны были новыя инструкціи неаполитанскимъ кораблямъ. До его возвращенія, они заняты были нагрузкою всѣхъ тяжелыхъ вещей изъ цитадели и изъ дворца. По пріѣздѣ Летиціи, это немедленно было прекращено; боевые снаряды стали выгружаться опять на берегъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ парусный корветъ, буксируемый двумя пароходами, пошелъ въ Трапани, перевезти войска оттуда въ Палермо. Онъ теперь возвратился и привезъ эти войска.

Перевозка раненыхъ изъ королевскаго дворца продолжается. Надобно считать, что ихъ перевезено уже больше 800 человѣкъ. Но ввозъ провіанта во дворецъ значительно уменьшился. Или войска уже достаточно снабжены, или уже не осталось лишнихъ запасовъ въ цитадели.

Digitized by Google

Поутру нынѣ люди, имѣющіе запасы вяленой рыбы въ частяхъ города, занятыхъ войсками, пришли съ жалобою, что ихъ магазины разбиты, а товаръ перевезенъ на военныхъ шлюпкахъ на корабли. Разныхъ разсказовъ такъ много, что я только повторяю факты, доказанные повѣркою, и объ этомъ упоминаю только потому, что самъ видѣлъ боченки, перевозимые на корабли изъ кварталовъ, занятыхъ наемными войсками.

Надежда на переговоры ни мало не ослабила дѣятельность приготовленій къ оборонѣ. Сначала баррикады строили повсюду, гдѣ нужно и гдѣ ненужно, не было времени позаботиться о систематическомъ планѣ этой работы. Теперь составленъ общій планъ обороны. Всѣ ненужныя баррикады срыты, другія поправлены, третьи перестроены съ-изнова. Силою усердныхъ заботъ, болѣе десяти пушекъ (почти все флотскихъ) приспособлены къ дѣлу и поставлены на лафеты. Составлена команда къ нимъ, приготовлены заряды изъ картечи и пуль. Орсиніевскія гранаты дѣлаются въ большомъ количествѣ, неусыпно готовятся пули и порохъ. Послѣдній неаполитанскій бюллетень говоритъ, что Гарибальди окруженъ въ Палермо и скоро будетъ уничтоженъ. Нынѣ утромъ колонна, стоящая у терминскихъ воротъ, прислала жалобу, что расположенные въ тылу ея отряды инсургентовъ стрѣляли по ней. Взглянувъ на цѣпь горъ, окружающихъ Палермо, вы каждую ночь увидите на нихъ повсюду огни инсургентовъ, оставшихся за городомъ. Если о комъ можно сказать „они окружены", то конечно ужъ о неаполитанцахъ.

Волонтеры и военные запасы, прибывшіе въ Марсалу, направляются сюда. Два дня тому назадъ, они были въ Партенико; разсчитываютъ, что нынѣ вечеромъ или завтра поутру они будутъ здѣсь.

Еще нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о второй, болѣе значительной экспедиціи, отплывшей изъ Ливорно 26 мая. Вѣроятно она отправилась куда нибудь дальше. Препятствій не могла она встрѣтить, потому что всѣ неаполитанскія военныя суда сосредоточены въ трехъ или четырехъ пунктахъ, отъ которыхъ не отходятъ никуда.

Извѣстіе, что Мессина была бомбардирована, несправедливо. Но теперь канонирская лодка изъ Мальты, заходившая въ Италію, извѣстила, что инсургенты нападали на войска, стоящія въ городѣ, нанесли имъ большой уронъ—до 400 или 500 человѣкъ— но не могли выбить ихъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ королевскомъ дворцѣ и каѳедральномъ соборѣ.

Слухи о войскахъ, ушедшихъ изъ Джирдженти, различны. Одни говорятъ, что они въ Трапани, другіе – что они на южномъ берегу, въ Террановѣ. Самымъ лучшимъ примѣромъ трудности устроить, чтобы комитеты разныхъ провинцій и городовъ дѣйствовали по надлежащему плану, можетъ служить то обстоятельство, что хотя вся страна въ рукахъ инсургентовъ, но нѣтъ правильнаго сообщенія между провинціями и Палермо. Народъ здѣсь не привыкъ управлять своими дѣлами, и не имѣетъ никакой инціативы. Назначены въ провинціи новые губернаторы; надобно надѣяться, что они внесутъ нѣкоторое единство въ дѣйствія всѣхъ провинцій.

У меня было такъ много другихъ извѣстій, что прежде я не имѣлъ времени сказать вамъ, какъ устраивается новая организація провинцій. Въ нынѣшнемъ, какъ и во всѣхъ прочихъ сицилійскихъ движеніяхъ, главною бѣдою былъ недостатокъ единства. Какъ только высадился Гарибальди и нѣсколько прошелъ въ глубину острова, всѣ важнѣйшіе члены аристократіи и городскихъ обществъ просили его принять диктатуру отъ имени Виктора-Эммануэля, короля итальянскаго, и главное начальство надъ всѣми національными силами.

Первою заботою было, разумѣется, организованіе военныхъ силъ. До той поры, какъ вы знаете, дѣло ограничивалось тѣмъ, что волонтеры собирались около какого нибудь человѣка, пользующагося вліяніемъ въ ихъ округѣ или городѣ; отряды эти оставались независимыми другъ отъ друга, люди оставались вмѣстѣ или расходились, какъ случится.

Декретъ 19 мая, изданный въ Салеми, учреждаетъ милицію, къ которой принадлежатъ всѣ мужчины отъ 17 до 50 лѣтъ. Люди отъ 17 до 30 лѣтъ поступаютъ въ дѣйствующее войско и должны служить въ дѣйствіяхъ по всему острову; люди отъ 30 до 40 лѣтъ служатъ въ своихъ провинціяхъ, а отъ 40 до 50 – въ своихъ общинахъ.

Digitized by Google

Офицеры дѣйствующей арміи назначаются главнокомандующимъ по предложенію батальонныхъ командировъ; офицеры второй и третьей категорій, несущихъ только мѣстную службу, выбираются самими отрядами.

Но вы поймете, что трудно приводить въ исполненіе этотъ декретъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, въ Палермо дѣло подвигается впередъ. Отряды инсургентовъ, смотря по своей численности, преобразованы въ роты и батальоны, ихъ начальникамъ даны чины, соотвѣтствующіе числу людей въ отрядѣ. Каждому назначенъ свой постъ, и постепенно они привыкаютъ къ правильнѣйшей организаціи по продовольствованію и управленію. Но ввести нѣчто подобное порядку въ этотъ хаосъ и пріучить этихъ людей не слѣдовать однѣмъ своимъ фантазіямъ,—геркулесовскій трудъ.

Теперь эти отряды инсургентовъ получаютъ правильное жалованье; я не полагаю, чтобы они долго прослужили безъ него. Они называются этнинскими стрѣлками Cacciatori dell'Etna,—имя хорошо идущее людямъ, довольно похожимъ на этотъ курящійся, но очень безвредный волканъ.

Любопытно то, что сицилійскіе патріоты берутъ жалованье, между тѣмъ какъ энтузіасты сѣверной Италіи, пришедшіе на помощь имъ, не получили ни одной копѣйки и не разсчитываютъ получить ничего.

Очень хлопочутъ о томъ, чтобы снабдить ихъ чѣмъ нибудь похожимъ на обмундировку. Сдѣлано довольно много красныхъ фланелевыхъ рубашекъ, и почти всѣ гарибальдіевскіе волонтеры имѣютъ теперь этотъ мундиръ. Туземные милиціонеры еще остаются въ своемъ платьѣ изъ темной бумажной матеріи, которое носятъ здѣсь всѣ и которое такъ однообразно, что служитъ очень хорошимъ мундиромъ до пріобрѣтенія лучшаго.

Если подумать, что не прошло еще двухъ мѣсяцевъ послѣ того времени, какъ въ послѣдній разъ было отобрано у всѣмъ сицилійцевъ оружіе, надобно дивиться, сколько ружей еще осталось въ странѣ. Это большею частью короткія ружья, болѣе похожія на одноствольные охотничьи карабины, чѣмъ на боевыя ружья. Но почти всѣ они пистонныя; старыхъ кремневыхъ мало. Судя по виду, почти всѣ они еще изъ 1820 года или раньше, и только пистонные замки придѣланы къ нимъ позже, — вѣроятно въ 1848—1849. Желаніе имѣть ружье доходитъ до страсти. Строжайшія приказанія были отданы доставлять въ главную квартиру всѣ ружья, отбиваемыя у неаполитанцевъ. Но все-таки ихъ доставляется очень мало. „Молодцы" овладѣваютъ ими, нѣсколько срѣзывая прикладъ и стволъ, чтобы трудно было узнать ихъ. Никакой бѣднякъ не можетъ жаднѣе желать денегъ, чѣмъ „молодецъ" патроновъ. Но разница та, что „молодецъ" не бережетъ ихъ такъ, какъ бѣднякъ деньги. Во время уличной войны, какъ только отряду инсургентовъ давали патроны, они тотчасъ же уходили, занимали домы на безопасной дистанціи, начинали бить по стѣнамъ и на воздухъ. Разумѣется, скоро оставались они безъ патроновъ, и возвращались съ похвальбою, какъ дрались они съ неаполитанцами. Впрочемъ, неудивительно, что эта сумасшедшая стрѣльба пугала солдатъ, а инсургенты ободрялись шумомъ, какой дѣлали. Въ первые дни, бывало, даже когда стоятъ они въ своемъ лагерѣ, трудно было удержать ихъ отъ выпусканія зарядовъ на воздухъ, черезъ минуту послѣ того, какъ они жаловались на недостатокъ патроновъ. Теперь это случается очень рѣдко. Они стали нѣсколько поумнѣе и научились цѣнить заряды.

Кромѣ военной, начала установляться также и гражданская организація. Для этого назначенъ государственный секретарь *), контрасигнирующій всѣ декреты диктатора. Въ каждую провинцію назначенъ губернаторъ, управляющій при содѣйствіи совѣта, избираемаго народомъ. Губернаторы въ сосѣднія провинціи почти всѣ уже назначены, и чѣмъ скорѣе они назначаются, тѣмъ лучше. Въ такія времена каждою областью долженъ править отвѣтственный человѣкъ, имѣющій полномочіе. Комитеты много говорятъ, но мало дѣлаютъ.

Городъ принялъ почти мирный видъ. Лавки начинаютъ отворяться, — но лишь по немногу. Я уже говорилъ вамъ, что, когда Гарибальди вступилъ въ Палермо, почти на всѣхъ лавкахъ и домахъ были надписи, объявлявшія, что они принадлежатъ иностран-

*) Криспи.

Digitized by Google

цамъ: Interessi, francesi, или inglesi, или americani — было написано почти повсюду. Это должно было служить огражденіемъ отъ солдатскаго грабежа, — не думаю, чтобы въ самомъ дѣлѣ оградило даже и противъ него (и дѣйствительно не оградило въ частяхъ занятыхъ солдатами); а противъ бомбъ и огня вовсе не помогало. Пошедши по Толедской или другой улицѣ, вы изумитесь множеству „англійскаго" и „французскаго" имущества съ громадными пробоинами отъ бомбъ. Если иностранныя державы потребують вознагражденія за всѣ эти убытки, понесенные ихъ подданными, расплачиваться будетъ тяжело; но это было бы должнымъ возмездіемъ за неуваженіе къ протесту командировъ иностранныхъ эскадръ.

У насъ здѣсь есть уже двѣ газеты: Giornale Officiale, оффиціальная газета временнаго правительства, и Unita Italiana; онѣ продаются по улицамъ вмѣстѣ съ ужасною вяленою рыбою, которая составляетъ главное продовольствіе всего населенія.

На этомъ останавливается корреспонденція въ тѣхъ нумерахъ Times'а, которые получены нами. Для ознакомленія читателей съ подробностями дальнѣйшаго хода дѣлъ, лучше будетъ подождать продолженія этого разсказа, чѣмъ передавать извѣстія газетъ, часто противорѣчащія между собою и несообразныя съ тѣмъ, что положительно извѣстно о положеніи дѣлъ въ дни, предшествовавшіе времени, къ которому они относятся. Потому, удерживаясь пока отъ подробностей, напомнимъ читателю только главныя черты, извѣстныя ему и по газетамъ.

Неаполитанскія войска всѣ вышли изъ Палермо. Гарибальди въ этотъ промежутокъ времени занимался организаціею арміи и гражданскаго управленія. У неаполитанцевъ остается теперь въ Сициліи только одинъ важный пунктъ, Мессина. Гарибальди, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ, перенесъ войну на итальянскій материкъ: отрядъ его волонтеровъ уже явился въ Калабріи.

По сравненію съ тѣми событіями, подробности которыхъ разсказалъ намъ палермскій корреспондентъ Times'а, всѣ другіе факты и слухи, относящіеся къ прошлымъ тремъ недѣлямъ, кажутся такъ мелки, рутинны, что читатель, быть можетъ, не осудитъ насъ за то, что мы не чувствуемъ охоты говорить о нихъ въ нынѣшній разъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ІЮЛЬ 1860.

Неаполитанскія и сицилійскія дѣла.—Баденское свиданіе.—Судьба билля объ отмѣнѣ пошлины съ бумаги въ Англіи.—Извлеченіе изъ палермской корреспонденціи Times'а.

Капитуляція неаполитанской арміи въ Палермо кажется дѣломъ неимовѣрнымъ для того, кто не вникнетъ въ нравственное состояніе войскъ, почувствовавшихъ себя безсильными противъ непріятеля, который имѣлъ въ три или въ четыре раза меньше солдатъ, чѣмъ они, а изъ этихъ солдатъ не болѣе тысячи человѣкъ годныхъ на серьезный бой съ неаполитанскою арміею, считавшею около 20,000 человѣкъ. Побѣда Гарибальди покажется еще страннѣе, когда мы сообразимъ, что неаполитанскія войска держались въ позиціяхъ чрезвычайно крѣпкихъ и располагали многочисленною артиллеріею: характеръ битвы былъ тотъ, что нѣсколько сотъ человѣкъ штурмовали форты, занятые непріятелемъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ, и заставили его сдаться. Это походитъ на нелѣпую сказку. Положимъ, что Гарибальди и офицеры его штаба люди очень большихъ военныхъ дарованій, а неаполитанскіе генералы въ Палермо были люди посредственныхъ или даже малыхъ способностей. Но вѣдь Наполеонъ говорилъ, что самый геніальный полководецъ всегда будетъ принужденъ отступить въ битвѣ съ арміею вдвое большаго числа, какъ бы плохи ни были полководцы этой арміи, если она сама имѣетъ хотя посредственное мужество. Положимъ, что на сторонѣ Гарибальди было все населеніе города; но мы знаемъ, что палермцы были доведены прежнимъ своимъ положеніемъ до совершенной неспособности дѣйствовать оружіемъ безъ долгаго предварительнаго обученія. Эти бѣдняки во все время борьбы только бѣгали по улицамъ и кричали, какъ маленькія дѣти: военной помощи Гарибальди получилъ отъ нихъ, несмотря на все ихъ сочувствіе къ нему, меньше, чѣмъ получилъ бы отъ сотни мужчинъ, достойныхъ называться мужчинами. Правда также, что, кромѣ 1,000 человѣкъ волонтеровъ, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Италіи, у него было въ Палермо тысячи четыре или тысячъ пять сицилійскихъ инсургентовъ. Два мѣсяца тому назадъ, еще не имѣя свѣдѣній о способѣ войны, какую вели они до прибытія Гарибальди, мы полагали, что слѣдуетъ считать этихъ инсургентовъ очень храбрыми солдатами. Но теперь, когда дѣло разъяснилось, мы видимъ, что совершенно ошибались во мнѣніи о ихъ боевой годности. Правда, каждый изъ нихъ самъ по себѣ человѣкъ смѣлый. Но не было у нихъ рѣшительно никакого подготовленія къ военному дѣлу. Положеніе сицилійцевъ было въ этомъ отношеніи безпримѣрно между европейскими народами. Вездѣ вы найдете довольно много лю-

Digitized by Google

дей, бывшихъ въ военной службѣ, имѣющихъ какое нибудь понятіе о военной дисциплинѣ, сколько нибудь знающихъ, что главное дѣло въ походѣ—сохранять присутствіе духа, а въ битвѣ—помнить, что трескъ ружейныхъ выстрѣловъ вовсе не такъ опасенъ, какъ шуменъ, что изъ сотенъ пуль попадаетъ лишь одна, что истинная опасность постигаетъ солдатъ лишь тогда, когда они смѣшаются. Эти люди больше или меньше подготовляютъ своими обыденными разсказами въ мирное время остальное населеніе понимать военныя надобности, подготовляютъ его хоть къ тому, чтобы изъ него могли выходить сносные рекруты. Они же, въ случаѣ надобности, обучаютъ другихъ, сдерживаютъ ихъ своимъ примѣромъ,—въ Сициліи ничего подобнаго не было. Давно уже неаполитанское правительство перестало брать сицилійцевъ въ солдаты. На островѣ совершенно не было людей, когда нибудь стоявшихъ подъ ружьемъ, дѣлавшихъ походы порядочнымъ образомъ. Вооруженныя толпы, составившіяся изъ сицилійцевъ, оказались такими же непригодными выдерживать схватку, какъ неспособны оказались бы умѣть держать себя во время морской бури люди, привезенные на корабль прямо изъ такихъ мѣстъ, гдѣ населеніе не видало и рѣчныхъ судовъ. Они суетились, пугались всякаго вздора, безъ толку шумѣли; безъ толку стрѣляли, когда стрѣлять было еще рано; оставались уже безъ зарядовъ, когда наступало время стрѣлять, и прятались отъ каждаго непріятельскаго выстрѣла, какъ будто одна пуля перебьетъ всѣхъ ихъ. Всѣ ихъ военныя дѣйствія ограничивались тѣмъ, что они уходили съ ружьями въ горы, стрѣляли издали по неаполитанскимъ отрядамъ и отступали дальше въ горы, когда эти отряды приближались къ нимъ на версту. Догнать ихъ было нельзя, нельзя было и побѣдить не догнавши, потому неаполитанцы не могли усмирить возстанія, какъ не можетъ охотникъ прекратить шума и бѣготни звѣрей въ лѣсу. Но что дѣлать, когда ихъ подведутъ къ непріятелю ближе версты—сицилійскіе инсургенты рѣшительно не знали; они совершенно терялись при всякомъ сколько нибудь серьезномъ столкновеніи. Повторяемъ, что нельзя сомнѣваться въ способности каждаго изъ нихъ стать хорошимъ солдатомъ. Но ему было нужно нѣсколько недѣль практики, чтобы сдѣлаться похожимъ хотя на то, каковы бываютъ въ другихъ странахъ рекруты черезъ день по принятіи на службу. А потомъ нужно было бы еще нѣсколько недѣль практики, чтобы сдѣлать этихъ рекрутъ способными дѣйствовать въ битвѣ. Времени на это обученіе не достало, когда они пришли въ Палермо. Они были хуже всякой толпы французскихъ или нѣмецкихъ рекрутъ. Они могли только мѣшать дѣйствію хорошихъ солдатъ и, точно, при вступленіи Гарибальди въ Палермо нѣсколько разъ чуть не разстроивали всего дѣла то своею безтолковою торопливостью, то своею дикою пугливостью. Собственно борьбу выдерживали только тѣ тысяча человѣкъ, которыхъ привезъ Гарибальди изъ сѣверной Италіи. Правда, эти тысяча человѣкъ—люди закаленные въ битвахъ, отборнѣйшіе солдаты, какихъ только можно найти; правда, ни одинъ изъ нихъ не отступитъ шага, ни одинъ не отдастся въ плѣнъ, каждый будетъ сражаться до послѣдняго дыханія и дорого продастъ свою жизнь. Но все-таки тысяча человѣкъ, каковы бы ни были они, не могутъ выдержать битву съ тремя или четырьмя тысячами посредственныхъ солдатъ, не говоря уже о пятнадцати или двадцати тысячахъ. Развязка палермскихъ событій противна всякому военному правдоподобію; потому неаполитанское правительство предало суду генераловъ и штабъ-офицеровъ, бывшихъ въ Палермо. Обвиненій противъ нихъ два:

Digitized by Google

они подозрѣваются въ измѣнѣ и осуждаются за чрезвычайную неспособность. Но говорить объ измѣнѣ Ланцы и его сотоварищей, значитъ говорить совершенную нелѣпость. Многіе унтеръ-офицеры дѣйствительно дезертировали; многіе офицеры младшихъ чиновъ, поручики и капитаны, быть можетъ нѣсколько батальонныхъ командировъ, вовсе не сочувствовали дѣлу, за которое сражались,—но вѣдь и они только печалились, только желали прекращенія битвы, а все-таки сражались по командѣ; что же касается до старшихъ офицеровъ и генераловъ, они всѣ были преданы правительству, которому служили, и мысль объ измѣнѣ королю была отъ нихъ такъ же далеко, какъ отъ самого Гарибальди мысль измѣнить сицилійцамъ. Они дѣйствовали очень усердно. Но умѣли-ли они дѣйствовать? Нѣтъ возможности открыть въ неаполитанскихъ генералахъ слѣды особенной даровитости, но все-таки распоряжались они вовсе не дурно. Обвинять полководца въ неуспѣхѣ его дѣйствій, вещь самая обыкновенная. Такъ, напримѣръ, Ланца, явившись въ Палермо, нашелъ распоряженія своего предшественника, Сальцано, очень неблагоразумными; теперь говорятъ то же самое о его распоряженіяхъ. Но всматриваясь въ событія похода, мы находимъ, что то и другое порицаніе одинаково несправедливы. Едва Гарибальди высадился, Сальцано тотчасъ умѣлъ сообразить, что онъ долженъ двинуться на Палермо, а не по какому нибудь другому направленію, и разсудительно выбралъ пунктъ, на которомъ надобно задержать его. Калата-Фимская позиція—самая крѣпкая на всемъ пути отъ Марсалы до Палермо; она самая важная на всемъ этомъ пространствѣ и въ стратегическомъ отношеніи, служа узломъ всѣхъ дорогъ изъ Марсалы. Если бы неаполитанцы удержались въ Калата-Фимскомъ дефиле, Гарибальди не могъ бы обойти ихъ, остался бы запертъ въ небольшомъ сѣверо-западномъ краю острова. Отрядъ, посланный Сальцано, имѣлъ численность по всѣмъ соображеніямъ достаточную: дѣйствительно, Гарибальди явился передъ Калата-Фимской позиціей съ количествомъ людей меньшимъ этого отряда. Притомъ же Сальцано, еслибъ и хотѣлъ, не могъ бы послать больше: главныя свои силы онъ справедливо разсудилъ оставить въ Палермо, потому что иначе жители столицы возстали бы. Ланца, какъ видно, напрасно осуждалъ своего предшественника. Точно такъ же теперь неаполитанское правительство напрасно винитъ Ланцу. Когда Калата-Фимская позиція была потеряна, онъ справедливо разсчиталъ, что долженъ ограничиться защитою высотъ, господствующихъ надъ Палермо, и дѣйствительно занялъ ихъ. Подступъ къ Палермо остался возможенъ для Гарибальди только съ восточной стороны, съ которой, во-первыхъ, было и неудобно защищать городъ, а во-вторыхъ, нельзя было никакому генералу предвидѣть такого быстраго нападенія. Маневры, сдѣланные Гарибальди, были безпримѣрны по смѣлости и по быстротѣ. Того, кто не могъ предупредить ихъ, нельзя еще называть человѣкомъ нераспорядительнымъ.— Но если такъ, если неаполитанскіе генералы распоряжались не дурно, если офицеры ихъ исполняли свою обязанность, если у нихъ было въ двадцать разъ больше солдатъ, чѣмъ сколько было у противника людей, годныхъ къ сраженію, то въ чемъ же причина ихъ неимовѣрнаго пораженія? Мы знаемъ теперь, что она заключалась въ характерѣ ихъ войска, превосходно обученнаго, отлично вооруженнаго, но все-таки ставшаго почти столь же неспособнымъ къ битвамъ, какъ неспособны были сицилійскіе инсургенты. Неаполитанскіе солдаты не годились ни на что, кромѣ грабежа и рѣзни безоружныхъ жите-

Digitized by Google

лей. Убивать женщинъ, стариковъ, жечь села,—этому выучились они, но это такая наука, которая отучаетъ отъ способности сражаться. Многіе винятъ неаполитанскихъ генераловъ за то, что они допустили своихъ солдатъ до пріобрѣтенія такой привычки—обвиненіе совершенно неосновательное, какъ мы доказали въ обозрѣніи, напечатанномъ два мѣсяца тому назадъ. Это былъ единственный способъ вести войну, возможный при данныхъ отношеніяхъ. Если бы поддерживать дисциплину въ неаполитанскомъ войскѣ, если бы не дозволять солдатамъ грабить и рѣзать, солдаты не стали бы служить: какое другое побужденіе удержало бы ихъ подъ знаменами? Французы, напримѣръ, сражались въ Италіи для славы своей родины, сражались по убѣжденію, что они защищаютъ хорошее дѣло. У солдатъ, которыми командовалъ Ланца, такихъ мыслей не было и не могло быть. Притомъ же цѣль всякой войны—нанесеніе вреда непріятелю. Если непріятель—армія, надобно бить эту армію. Но въ Сициліи до прибытія Гарибальди непріятельской арміи никакой на было противъ неаполитанцевъ; а война шла больше мѣсяца; непріятелемъ былъ каждый сициліецъ, потому надобно было истреблять сицилійцевъ. Военное искусство требуетъ уничтоженія непріятельскихъ военныхъ средствъ; потому надобно было жечь все, что можно, грабить все, что попадалось подъ руку. Такимъ образомъ, неаполитанцы принуждены были своимъ положеніемъ принять систему дѣйствій, которая сдѣлала ихъ войско толпою мародеровъ, а мародеры, въ какомъ бы числѣ ни были, всегда бѣгутъ отъ самаго слабаго непріятеля.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, все равно: они принуждены были заключить капитуляцію. Возвращеніе въ Неаполь 20-титысячнаго войска, пораженнаго непріятелемъ въ двадцать разъ слабѣйшимъ, должно очень вредно подѣйствовать и на всю остальную неаполитанскую армію: эти люди по необходимости вносятъ въ нее свое уныніе, свое убѣжденіе въ невозможности держаться противъ Гарибальди. Въ прошедшій разъ мы были обмануты телеграфическими депешами, говорившими, что Гарибальди уже переправилъ часть своихъ волонтеровъ въ Калабрію. Это преждевременное извѣстіе, распространившееся по Европѣ изъ Неаполя, было произведено торопливымъ отправленіемъ трехъ колоннъ въ Калабрію, гдѣ со дня на день ждали неаполитанцы появленія непріятеля. Но Гарибальди считаетъ нужнымъ привести въ порядокъ сицилійскія дѣла и организовать порядочную армію изъ сицилійцевъ, прежде чѣмъ двинется на материкъ. По всѣмъ извѣстіямъ сицилійцы, отученные долговременнымъ господствомъ прежней системы отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, еще не умѣли бы сами справиться съ ними безъ Гарибальди. Они не умѣли бы сами себѣ устроить администрацію, не умѣли бы позаботиться, какъ слѣдуетъ, о сформированіи войскъ. Во всемъ этомъ для нихъ еще нужны чужіе совѣты, чужое руководство. Дивиться тутъ нечему: безъ нѣкоторой привычки къ дѣлу никто ничего не можетъ дѣлать быстро и успѣшно. Въ приложеніи къ этому обзору читатель найдетъ извлеченіе изъ палермской корреспонденціи Times'а, служащей продолженіемъ тѣхъ писемъ, которыя перевели мы въ прошлый разъ. Въ ней сообщаются подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ Палермо до начала іюля, и намъ остается только дополнить это извлеченіе свѣдѣніями о событіяхъ, послѣ тѣхъ дней, на которыхъ оно останавливается. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ, какими отразились успѣхи Гарибальди въ самомъ Неаполѣ.

Digitized by Google

Два мѣсяца тому назадъ, мы старались изобразить личный характеръ короля неаполитанскаго и тѣхъ вліяній, которымъ онъ подчиняется. Благодаря своему воспитанію, онъ совершенно твердъ въ принципахъ, которыми руководился его родитель, и не имѣетъ нравственной свободы принять иную систему дѣйствій. Отчасти по своей неопытности, а еще больше по характеру своего воспитанія, онъ руководится совѣтами сановниковъ, управлявшихъ государствомъ при его отцѣ, и справедливо полагаетъ, что не долженъ имѣть довѣрія къ людямъ иного образа понятій. Такимъ образомъ нравстненная необходимость всегда должна удерживать его при прежней системѣ. Но, несмотря на такіе факты, какъ бомбардированіе Палермо, и другія подобныя распоряженія, разсказами о которыхъ наполнены газеты, самъ онъ, лично, долженъ имѣть характеръ мягкій. Полнымъ доказательствомъ тому могла бы служить уже одна роль, оставленная имъ его мачихѣ. Когда ждали смерти покойнаго короля, его вторая супруга употребляла всевозможныя усилія, чтобы отнять наслѣдство у нынѣшняго короля, своего пасынка, и доставить престолъ своему сыну, графу Трани. Кромѣ дѣйствій разными мирными путями, она даже устроивала заговоръ съ этой цѣлью, устроивала даже военныя возмущенія. Не говоримъ уже о томъ, что она подвергала своего больного мужа нравственной пыткѣ и не допускала къ его постели никого, кромѣ своихъ соумышленниковъ—не допускала ни своего пасынка, ни его жену. Чрезвычайно странное зрѣлище представлялось тогда борьбою двухъ полицій, общей полиціи и жандармской, изъ которыхъ одна была на сторонѣ прямаго наслѣдника престола, а другая на сторонѣ графа Трани и его матери. Полицейскіе начальники и жандармскіе начальники арестовали другъ друга, обвиняли другъ друга въ злоумышленіяхъ. Послѣ всего этого надобно было ожидать, что молодой король не будетъ довѣрять мачихѣ, отнимавшей у него престолъ, не будетъ довѣрять придворнымъ и министрамъ, дѣйствовавшимъ за одно съ нею противъ него. Но они сохранили при немъ все свое вліяніе или даже получили еще безграничнѣйшую силу, чѣмъ какую имѣли при его отцѣ,—черта, свидѣтельствующая о мягкости личнаго характера въ новомъ королѣ. Но мягкость характера, какъ онъ показывалъ въ послѣднее время, не мѣшаетъ ему очень твердо держаться принциповъ, издавна обезпечивавшихъ спокойствіе Неаполя. Печальная необходимость могла принудить его къ временнымъ уступкамъ; но все свидѣтельствуетъ, что въ душѣ онъ остался непоколебимъ.

Когда неаполитанскій дворъ убѣдился, что ему грозитъ близкая опасность, онъ началъ пріискивать разныя средства избѣжать ея. Прежде всего, какъ знаетъ читатель, онъ хотѣлъ, чтобы иноземныя державы защитили его отъ заговорщиковъ и бунтовщиковъ. Былъ отправленъ чрезвычайный посланникъ въ Парижъ и въ Лондонъ просить помощи у французскаго и англійскаго правительствъ. Но императоръ французовъ принялъ просьбу сурово: онъ долго былъ лично оскорбляемъ покойнымъ королемъ и нынѣшнимъ королемъ; они оба съ одинаковымъ упорствомъ отвергали его совѣты измѣнить систему. Читатель помнитъ, что однажды французскій и англійскій посланники, по согласію своихъ правительствъ дѣйствовавшіе въ этомъ смыслѣ, получили отъ неаполитанскаго двора такіе оскорбительные отвѣты, что дѣло было близко къ войнѣ. Это случилось при прежнемъ королѣ. Когда воцарился нынѣшній, совѣты Наполеона III возобновились и были отвергнуты такъ же высокомѣрно. Припомнивъ эти дѣла, императоръ французовъ

Digitized by Google

сказалъ теперь неаполитанскому посланнику, что удивляется, видя его въ Парижѣ, и никакихъ новыхъ совѣтовъ давать не намѣренъ. Конечно, императоръ французовъ такъ разсчетливъ, что воспоминанія о прежнихъ неудовольствіяхъ не удержали бы его отъ вооруженнаго вмѣшательства въ пользу Неаполя, если бы онъ находилъ вмѣшательство выгоднымъ; но въ томъ и дѣло, что тогда показалось и до сихъ поръ кажется ему неудобно посылать армію въ Неаполь или Палермо. Причины тому мы увидимъ ниже. На англійскій кабинетъ съ самаго начала было еще гораздо меньше надежды, и пока посланникъ ѣхалъ въ Парижъ, произошло въ парламентѣ объясненіе, прямо показавшее ему безполезность поѣздки въ Англію. На вопросъ одного изъ членовъ палаты общинъ о томъ, какой политики думаетъ держаться кабинетъ въ неаполитанскихъ дѣлахъ, лордъ Пальмерстонъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ высказалъ впечатлѣніе, произведенное на Европу бомбардированіемъ Палермо и вообще образомъ дѣйствій неаполитанскихъ войскъ въ Сициліи, и прибавилъ, что низверженіе Бурбоновъ было бы, по его мнѣнію, самою справедливою развязкою дѣла. Прочитавъ эти слова, неаполитанскій посланникъ не разсудилъ ѣхать дальше Парижа. Что жъ было дѣлать? Императоръ французовъ сказалъ, что за совѣтами и защитою ближе было бы обратиться въ Туринъ, чѣмъ въ Парижъ или Лондонъ; неаполитанскій дворъ повиновался указанію. Но сардинское правительство, не говоря уже о политическихъ причинахъ, не допускающихъ его защищать неаполитанскій дворъ, постоянно было оскорбляемо имъ. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣло о захваченномъ неаполитанцами сардинскомъ пароходѣ „Кальяри“. Сардинія получала тогда самые обидные отвѣты на свое требованіе возвратить этотъ корабль, капитанъ котораго ни мало не былъ виноватъ въ сообщничествѣ съ маццинистами, подъ предлогомъ чего конфискованъ былъ „Кальяри“. Когда неаполитанскій кабинетъ былъ наконецъ принужденъ угрозами Англіи возвратить неправильно удерживаемый корабль, онъ передалъ его англичанамъ, а не сардинцамъ, съ самыми презрительными объясненіями о томъ, почему не хочетъ отдавать его прямо сардинцамъ. Еще недавно Францискъ II спрашивалъ у папы, можетъ ли онъ имѣть какія бы то ни было сношенія съ правительствомъ Виктора-Эммануэля, отлученнаго отъ церкви. А при самомъ своемъ вступленіи на престолъ, получивъ отъ Виктора-Эммануэля письмо съ очень благонамѣренными совѣтами, онъ оставилъ это письмо безъ отвѣта. Не натурально было бы ожидать дружбы неаполитанскому королю отъ правительства, которому онъ наносилъ такія обиды. Разумѣется, обиды можно бы загладить смиреніемъ, но читатель знаетъ, что сардинское правительство разсчитываетъ соединить всю Италію подъ своею властью. Просьба была отвергнута и въ Туринѣ. Пришлось отклонять опасность собственными средствами. Начались министерскія совѣщанія въ присутствіи членовъ королевской фамиліи и нѣскольких довѣреннѣйшихъ лицъ. Молодой король, пораженный неудачами своихъ войскъ, былъ боленъ. Онъ лежалъ въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ происходилъ совѣтъ. Споры были, разумѣется, очень жаркіе. Большинство министровъ настаивало, чтобы продолжать прежнюю систему. Графъ Трани, младшій братъ короля, обѣщанный въ вице-короли сицилійцамъ, если они покоряться, также возставалъ противъ всякихъ уступокъ. Самъ Францискъ II держался также этого мнѣнія, насколько имѣетъ личное мнѣніе о дѣлахъ. Но положеніе было такъ ясно, что сторона требовавшая уступокъ одержала верхъ въ совѣтѣ. Было рѣшено, что надобно составить новое министерство.

Digitized by Google

ором доложили объ этомъ.—Хорошо, сказалъ онъ, я поручаю составленіе но-
іго министерства синьору Троѣ.—Этимъ намѣреніемъ доказывается совершен-
ія невозможность винить Франциска II въ дѣйствіяхъ его правительства. Изъ
ѣхъ прежнихъ министровъ Троя былъ самый непопулярный человѣкъ: Неаполь
читалъ его самымъ крайнимъ реакціонеромъ, приписывалъ ему самыя крутыя мѣры.
о король, какъ видно изъ его словъ, совершенно не зналъ этого. Ему казалось,
о Троя самый надежный изъ его прежнихъ министровъ, и онъ полагалъ, что
щественное мнѣніе такъ же высоко цѣнитъ качества этого правителя. Предпо-
гать какую нибудь неискренность въ столь важную минуту невозможно. Фран-
искъ II очевидно думалъ, что общественное мнѣніе будетъ очень довольно воз-
деніемъ Трои въ званіе перваго министра. Но Троя отказался: онъ понималъ, ка-
имъ человѣкомъ считаютъ его неаполитанцы. Тогда началось отыскиваніе людей,
оторые были бы либералами по мнѣнію неаполитанскаго двора: онъ увидѣлъ, что
льзя обойтись безъ либераловъ. Сначала обращались къ такимъ людямъ, кото-
ые даже сами не претендовали на имя либераловъ; они отказывались одинъ за
ругимъ, объясняя, что надобно вручить власть людямъ не столь близкимъ, какъ
и, къ прежней системѣ по образу мыслей. Наконецъ дошли до человѣка, считав-
аго себя либераломъ и поэтому думавшаго, что его имя будетъ принято публи-
ю благосклонно. Спинелли занимаетъ по своимъ идеямъ средину между абсолю-
стами и конституціонистами. Онъ сталъ пріискивать товарищей и большую часть
ъ взялъ изъ абсолютистовъ, не одобрявшихъ прежней крайности. Всѣ они, и
мъ Спинелли, не пользовались большой извѣстностью не только за предѣлами
еаполя, но и въ самомъ Неаполѣ. Когда былъ обнародованъ списокъ новаго ми-
истерства, неаполитанцы стали разспрашивать другъ у друга, не знаетъ ли кто
го о новыхъ правителяхъ. Нашлись нѣкоторые всезнающіе люди и объяснили
тальнымъ, что новые министры извѣстны имъ за людей добросовѣстныхъ. Но
кто не полагалъ, чтобы они имѣли силу устранить прежнія вліянія отъ управ-
нія дѣлами; общее мнѣніе было, что новое министерство не получитъ самостоя-
льности, послужитъ только орудіемъ, посредствомъ котораго станутъ управлять
ежніе люди. Незначительность министровъ была первою причиною такого впе-
тлѣнія; другою, еще важнѣйшею, служилъ опытъ 1848 года, когда либераль-
іе министры были только до минованія крайней нужды въ нихъ взяты для при-
ытія продолжающагося господства прежней системы. Потому прокламація о пе-
мѣнѣ правительства была встрѣчена неаполитанцами съ совершенною холодно-
ью. Напрасно на цитадели Сантъ-Эльмо прежнее знамя бурбонской династіи было
мѣнено трехцвѣтнымъ національнымъ знаменемъ. Напрасно министерство гово-
ло въ своей программѣ, что будетъ дана конституція, что Неаполь вступаетъ
союзъ съ Сардиніею и слѣдуетъ отнынѣ національной политикѣ: городъ остался
вершенно равнодушенъ, а тайный комитетъ, управляющій дѣйствіями либераль-
й партіи, издалъ прокламацію, совѣтовавшую неаполитанцамъ не вѣрить искрен-
сти и прочности уступокъ, а ждать спасенія только отъ Виктора-Эммануэля и
рибальди. Надобно было принять административныя мѣры, чтобы появились
изнаки довольства столицы уступками. На другой день стали ходить по городу
реодѣтые полицейскіе чиновники и служители съ криками: да здравствуетъ ко-
ль! да здравствуетъ конституція! Толпы лаццарони, не имѣющихъ никакого по-
тія о конституціи, также были разосланы по городу съ криками въ честь ей и

Digitized by Google

королю. Горожане стали отвѣчать имъ криками: да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль, итальянское единство, Гарибальди! Въ нѣсколькихъ мѣстахъ началась перебранка, стѣснились толпы и отъ толчковъ дѣло дошло до палочныхъ ударовъ. Въ одно изъ такихъ столпленій попался французскій посланникъ въ Неаполѣ, Бренье, и какой-то лаццарони или переодѣтый полицейскій ударилъ его по головѣ палкой,—случай очень непріятный для новаго правительства, которое думаетъ опираться на благосклонность Франціи. Драки эти, не имѣвшія въ себѣ ничего серьёзнаго, повторились на слѣдующій день (28 іюня). И тутъ онѣ не имѣли сами по себѣ никакой важности, но страннымъ образомъ кончились сожженіемъ двѣнадцати домовъ полицейскаго управленія; нѣсколько десятковъ или сотенъ людей, дравшихся съ полицейскими и съ лаццарони, не были такъ сильны, чтобы сжечь эти дома; потому дѣло стало объясняться иначе. Неаполитанцы думали, что полицейскія коммиссарства были сожжены по распоряженію самой полиціи, желавшей уничтожить свои архивы и слѣды особеннаго устройства нѣкоторыхъ комнатъ, гдѣ производились пытки. Справедлива или нѣтъ такая догадка, мы, разумѣется, не знаемъ. Драки на улицахъ производились только лаццарони, раздѣлившимися на двѣ партіи: одна за Франциска II, другая за Гарибальди, а либеральная партія ни мало не участвовала въ нихъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что тайный комитетъ сильнѣйшимъ образомъ убѣждалъ жителей столицы избѣгать всякихъ безпорядковъ, а инструкціи комитета всегда съ точностью исполнялись жителями Неаполя. Какъ бы то ни было, но уличныя драки 28 іюня, не имѣвшія никакой важности, были причиною объявленія Неаполя находящимся въ осадномъ положеніи. Въ слѣдующіе дни спокойствіе не нарушалось, и осадное положеніе скоро было снято. Эта готовность отказаться отъ мѣры, вѣроятно не бывшей нужною и съ самаго начала, убѣдила неаполитанцевъ, что новые министры хотятъ дѣйствовать добросовѣстно, и пріобрѣла имъ нѣкоторую популярность въ столицѣ. Но довѣріе относится только лично къ нимъ, къ ихъ намѣреніямъ, а не къ ихъ силамъ, не къ прочности новой системы. Всѣмъ въ Неаполѣ извѣстно, что дворъ не измѣнилъ своимъ принципамъ и терпитъ новыхъ министровъ только до первой возможности избавиться отъ нихъ. Извѣстно также, что они и теперь довольно безсильны, что изъ десяти мѣръ предлагаемыхъ ими утверждается развѣ одна, да и то послѣ очень тяжелыхъ споровъ, очень неохотно и съ разными измѣненіями, отнимающими у нея почти всю важность. Большая часть должностей остается занята людьми прежней системы, не потому чтобы министры не видѣли надобности смѣнить ихъ, а потому что дворъ не соглашается на перемѣну. Потому, считая новыхъ министровъ людьми благонамѣренными, столица сохраняетъ прежнія свои мысли о надобности присоединиться къ Піэмонту. Трудно думать, чтобы неаполитанскій дворъ сталъ искреннимъ приверженцемъ конституціонной системы. По всей вѣроятности скоро обнаружится невозможность держаться въ нынѣшнемъ шаткомъ положеніи: люди прежней системы должны будутъ или принять крайнія мѣры для подавленія либеральной партіи, или противъ собственной воли удалиться изъ Неаполя. А между тѣмъ нынѣшнее положеніе дѣлъ таково: провозглашено возстановленіе конституціи 1848 года; приказано составлять списки избирателей; 19 августа назначено произвести выборы, а 10 сентября положено собраться палатѣ представителей. Не знаемъ, съ какою дѣятельностью исполняется декретъ о составленіи списковъ избирателей; вѣроятно этому дѣлу не препят-

Digitized by Google

ствуютъ, потому что оно, само по себѣ, еще не затрудняетъ возвращенія къ прежней системѣ. Но другое постановленіе того же декрета еще не приводится въ исполненіе: вмѣстѣ съ провозглашеніемъ конституціи 1848 года было объявлено, что возстановляется свобода печатнаго слова, гарантируемая Неаполю этою конституціею; съ той поры до времени послѣднихъ извѣстій, какія мы имѣемъ, прошло уже болѣе двухъ недѣль, а неаполитанскія газеты все еще не получили возможности пользоваться правомъ, которое должны получить по этому декрету. Надобно впрочемъ сказать, что свобода печатнаго слова совершенно не сообразна съ порядкомъ дѣлъ, еще продолжающимъ существовать въ Неаполѣ, несмотря на декретъ о возстановленіи конституціи и на учрежденіе новаго министерства. Мы уже замѣчали, что дѣйствительная власть остается въ рукахъ прежнихъ людей; первымъ дѣломъ свободной журналистики было бы представленіе безчисленныхъ обвиненій противъ людей прежней системы, требованіе, чтобы эти лица были арестованы и преданы суду. Разумѣется, они не могутъ допустить того, пока будутъ сохранять силу. За то приведена въ исполненіе обѣщанная амнистія политическимъ изгнанникамъ и заключеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, неаполитанскіе агенты при иностранныхъ дворахъ объявили, что изгнанники могутъ возвращаться на родину. Въ Туринѣ и въ Лондонѣ, гдѣ особенно много этихъ изгнанниковъ, они собирались на совѣщаніе о томъ, воспользоваться ли этимъ разрѣшеніемъ. Въ обоихъ городахъ большинство собравшихся рѣшило не возвращаться, пока не будутъ даны болѣе прочныя гарантіи въ серьёзности провозглашеннаго измѣненія системы. Въ Туринѣ сильно поддерживалъ такое рѣшеніе Поэріо, человѣкъ очень умѣреннаго образа мыслей. Но довольно многіе объявили, что послѣдуютъ приглашенію новыхъ министровъ; впрочемъ, они объяснили своимъ товарищамъ по изгнанію, что ѣдутъ поддерживать общественное мнѣніе въ недовѣрчивости къ намѣреніямъ двора. Между тѣмъ люди старой системы оправляются и мечтаютъ не только объ отмѣненіи конституціи, но и объ отмщеніи Франциску II за временныя уступки, имъ сдѣланныя. Возобновились планы провозгласить вмѣсто его королемъ брата его, графа Трани, мать котораго, вдовствующая королева, мачиха Франциска II, предводительствуетъ партіею, отвергающею всякія уступки. Интриги ея въ пользу сына противъ пасынка были такъ опасны, что Францискъ II по предложенію новыхъ министровъ согласился удалить ее съ нѣкоторыми изъ ея приверженцевъ въ Гаэту. Она требуетъ, чтобы ее отпустили въ Вѣну, гдѣ она хочетъ склонять Австрію къ вооруженному вмѣшательству. Но и находясь въ Гаэтѣ, она не падаетъ духомъ. 15 іюля часть гвардіи, возбужденная приверженцами ея, пошла по улицамъ Неаполя, провозглашая королемъ графа Трани. Возстаніе было легко подавлено; но вдовствующая королева продолжаетъ склонять войска къ новымъ попыткамъ въ пользу ея сына, именемъ котораго она стала бы управлять съ безграничною властью. Между тѣмъ, идетъ въ войскѣ пропаганда и съ другой стороны: тайный комитетъ и многочисленные приверженцы Виктора-Эммануэля и Гарибальди дѣйствуютъ также неутомимо и, говорятъ, не безъ успѣха. Сами лаццарони, служившіе прежде неизмѣнною опорою Бурбоновъ, подвергаются вліянію гарибальдіевской пропаганды. Теперь они, подобно солдатамъ, раздѣлены на три партіи: одна хочетъ защищать Франциска II и низвергнуть стѣсняющую его конституцію; другая вмѣстѣ съ конституціею хочетъ низвергнуть и его, чтобы про-

Digitized by Google

возгласить королемъ графа Трани; третья, наконецъ, сочувствуетъ Гарибальди, и эта послѣдняя партія довольно быстро усиливается.

Если бы общественное мнѣніе имѣло прочную самостоятельность, разумѣется, легко было бы предсказывать развязку неаполитанскихъ дѣлъ. Затрудненіемъ служитъ то, что не только въ Неаполѣ, гдѣ оно такъ неопытно, но и въ передовыхъ странахъ западной Европы, даже въ самой Англіи, оно часто оказывается шаткимъ, увлекающимся. Теперь, пока, неаполитанцы остаются при своихъ прежнихъ мысляхъ. Но какъ ни продолжительны были факты, породившіе такое настроеніе мыслей, очень небольшаго желанія со стороны двора достаточно, чтобы очень быстро измѣнить расположеніе публики. Если бы новому министерству удалось дѣйствительно получить власть надъ дѣлами, если бы король искренно предался своимъ новымъ совѣтникамъ, совершенно отстранивъ прежнихъ, то по всей вѣроятности неаполитанцы скоро воодушевились бы горячею любовью къ нему, забыли бы о присоединеніи къ Піэмонту, пожалуй, были бы готовы ѣхать завоевывать Сицилію, какъ поѣхали въ 1848 году, Предоставляемъ каждому судить, вѣроятенъ ли такой оборотъ дѣла. Но пока положеніе остается неопредѣленнымъ, очень многое зависитъ отъ отношеній нынѣшняго неаполитанскаго правительства къ правительствамъ другихъ державъ, въ особенности къ Франціи и къ Сардиніи. Англійскій кабинетъ рѣшительно расположенъ въ пользу Гарибальди и желаетъ, чтобы Неаполь вмѣстѣ съ Римомъ соединился въ одну державу съ сѣверной Италіей. Но положительно извѣстно, что англійскіе министры не хотятъ начинать вооруженнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла, потому ихъ расположеніе или нерасположеніе не слишкомъ ободряетъ однихъ, не слишкомъ пугаетъ другихъ въ Палермо и въ Неаполѣ. Франція—иное дѣло. Всѣ полагаютъ, что Наполеонъ III не затруднится послать войска и флоты туда, куда потребуетъ его разсчетъ. Притомъ же Австрія и теперь, какъ полгода тому назадъ, ждетъ только его разрѣшенія, чтобы начать вооруженныя дѣйствія въ Италіи. Такимъ образомъ очень значительная часть надеждъ и опасеній основывается на догадкахъ о намѣреніяхъ императора французовъ. Многимъ казалось страннымъ, что онъ не послалъ войско въ Сицилію, какъ только узналъ объ экспедиціи Гарибальди, которую рѣшительно не одобрялъ. Но тогда же было видно, что препятствіемъ тутъ служилъ не недостатокъ доброй воли съ его стороны, а только нежеланіе преждевременнаго разрыва съ Англіей: по всему было видно, что шли очень горячія объясненія о сицилійскомъ вопросѣ между Парижемъ и Лондономъ. Теперь это положительно подтверждено словами лорда Росселя въ палатѣ общинъ, что англійскій кабинетъ „имѣетъ положительныя основанія къ увѣренности, что со стороны Франціи не будетъ вооруженнаго вмѣшательства въ сицилійскія и неаполитанскія дѣла“. Ясно, что Франція хотѣла вмѣшательства, Англія не хотѣла, и Франція нашла удобнѣйшимъ уступить ея желанію. Вотъ по этому-то обстоятельству Франція до сихъ поръ ограничивалась и до какихъ нибудь новыхъ перемѣнъ въ общемъ состояніи европейской политики будетъ ограничиваться однимъ дипломатическимъ вліяніемъ въ Неаполѣ и въ Туринѣ. Французское правительство само высказало свою програму по итальянскому вопросу: оно остается вѣрно той идеѣ Виллафранкскаго договора, что Италія не должна быть однимъ государствомъ, а слѣдуетъ ей сдѣлаться союзомъ нѣсколькихъ государствъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ Франціи. События конца прошлаго года и начала нынѣшняго не благопріятствовали осуще-

ствленію такой мысли, но теперь, по словамъ французскаго правительства, обстоятельства благопріятствуютъ ей: неаполитанскій король согласился на союзъ съ Піэмонтомъ; папа долженъ будетъ послѣдовать его примѣру или отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній, кромѣ города Рима, и вотъ итальянская конфедерація, провозглашенная въ Вилла-Франкѣ, уже готова. Австрія согласна на нее, остается только заставить Сардинію отказаться отъ дальнѣйшихъ честолюбивыхъ замысловъ. При первомъ удобномъ случаѣ будетъ употреблена военная сила на осуществленіе этой программы, а теперь пока, по неблагопріятности обстоятельствъ, употребляется только дипломатическое вліяніе. Французскій посланникъ въ Неаполѣ, Бренье, служитъ главною опорой новой системы, водвореніе которой необходимо, чтобы не дать Неаполю соединиться съ Піэмонтомъ. Говорятъ, что у парижскихъ дипломатовъ есть и другія мысли, кромѣ поддержки Бурбоновъ; говорятъ, что Неаполь наполненъ агентами мюратистовъ, думающихъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы возвести на неаполитанскій престолъ своего претендента. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ Римъ хотятъ предоставить принцу Наполеону, которому прежде предназначалась Тоскана; хотятъ, чтобы Италія раздѣлилась на четыре государства: Венеція, подъ властью австрійцевъ, Сардинія подъ властью національной династіи, Римъ и Неаполь подъ властью принцевъ императорской французской династіи. Въ существованіи такихъ желаній не зачѣмъ сомнѣваться; исполнятся ли они,—это зависитъ отъ общаго положенія европейскихъ дѣлъ: если не произойдетъ рѣшительной перемѣны въ отношеніяхъ Франціи съ Англіею, если не будетъ войны, то желанія останутся просто желаніями. До сихъ поръ Франція не говоритъ о Мюратѣ, а напротивъ, поддерживаетъ Франциска II. Сопротивленіе неаполитанскаго двора установленію новаго порядка дѣлаетъ эту задачу очень затруднительной; но еще тяжеле французской дипломатикѣ вести дѣло въ Туринѣ. Три мѣсяца тому назадъ, когда собирался Гарибальди въ Сицилію, его предпріятіе казалось слишкомъ отважнымъ; вѣроятность успѣха была бы придана ему только содѣйствіемъ туринскаго правительства, но графъ Кавуръ не отважился рисковать: боясь гнѣва Франціи, онъ даже всячески мѣшалъ отправленію экспедиціи, насколько дозволялось это народнымъ энтузіазмомъ въ пользу Гарибальди. Теперь дѣла не таковы. Само неаполитанское правительство уже признало Гарибальди не флибустьеромъ, а главою сицилійскаго правительства. Императоръ французовъ не рѣшается пока ничего сдѣлать противъ Гарибальди, который, напротивъ, по общему мнѣнію, скоро овладѣетъ всею южною половиною Италіи. Этотъ неожиданный поворотъ счастья ободрилъ Кавура. Онъ сталъ такъ открыто высказывать свое сочувствіе предпріятію Гарибальди, что въ Туринѣ и Генуѣ очень многіе повѣрили ему, будто бы онъ съ самаго начала помогалъ ему. Вотъ отрывокъ въ этомъ тонѣ изъ туринской корреспонденціи Times'а.

„Положеніе Сардиніи чрезвычайно затруднительно. Вашъ палермскій корреспондентъ описываетъ мнѣніе, господствующее въ столицѣ Сициліи; но, мнѣ кажется, онъ несправедливъ къ туринскому правительству, утверждая, что „Сардинія не благопріятствовала экспедиціи Гарибальди, а напротивъ всѣми силами старалась помѣшать ей“. Разумѣется, законное правительство не могло принимать открытаго участія въ экспедиціи, которую всѣ стали бы называть пиратской, еслибъ она не получила успѣха. Но въ Генуѣ и въ Туринѣ развѣ только сумасшедшій могъ сомнѣваться въ томъ, что Гарибальди не могъ бы отплыть, еслибъ сардинское правительство не смотрѣло сквозь пальцы на его предпріятіе. Очень жаль, что Гарибал[illegible] при себѣ [illegible]торый бы по-

Digitized by Google

смотрѣлъ, у каждаго ли отправляющагося съ нимъ есть ружье и запасены ли для ружей патроны. Но безспорно, было бы неблагоразуміемъ и невозможностью отправить болѣе значительный отрядъ, человѣкъ тысячъ двѣнадцать или пятнадцать, въ это предпріятіе, казавшееся безнадежнымъ и въ дипломатическомъ отношеніи бывшее беззаконнымъ. Гарибальди долженъ былъ побѣдить силою своего имени и помощью сицилійскихъ инсургентовъ, или погибнуть, потому что Сардинія не могла сдѣлать для него больше, чѣмъ сдѣлала, не вступая въ явный разрывъ съ Неаполемъ, а начать войну съ Неаполемъ не могла она, не устроивъ своихъ дѣлъ съ Австріею и Франціею. Гарибальди отплылъ, высадился, побѣдилъ; тогда энтузіазмъ всей Европы къ нему успокоилъ сардинское правительство, далъ ему увѣренность въ бездѣйствіи опасныхъ его сосѣдей. Этимъ объясняется вторая экспедиція, отплывшая подъ начальствомъ Медичи, и третья экспедиція, подъ начальствомъ Козенца. Быть можетъ, эти экспедиціи слѣдовали одна за другою не такъ быстро и имѣли не такой обширный размѣръ, какъ желали бы друзья Гарибальди; но сардинское правительство не могло въ этомъ дѣлѣ поступать свободно и было принуждено давать экспедиціямъ характеръ частнаго предпріятія. Люди, понимающіе дѣло, разсудятъ сами, можно ли было нѣсколькими стами тысячъ, медленно собиравшимися по частнымъ подпискамъ, покрыть издержки на покупку девяти или десяти пароходовъ, на снаряженіе четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ съ десятью тысячами ружей; а если это было произведено не средствами частныхъ людей, то кто же доставилъ эти суммы? Сардинское правительство дѣлало и дѣлаетъ столько, что Неаполь имѣлъ бы слишкомъ достаточныя причины къ войнѣ съ нимъ. Но неаполитанское правительство лишило себя возможности поддерживать свои права, и конечно Сардинія поступила бы въ интересѣ человѣчества, объявивъ теперь войну Франциску II. Францискъ II не въ состояніи защищаться, но можетъ и въ нѣсколько дней подвергнуть неисчислимымъ бѣдствіямъ королевство, неизбѣжно ускользающее изъ-подъ его власти. Онъ посылаетъ свои войска, столь вѣрно описываемыя вашимъ палермскимъ корреспондентомъ, усиливаетъ эти сборища, неспособныя ни на что, кромѣ грабежа и убійства, и готовитъ междоусобную войну, которая возобновитъ всѣ ужасы кровавыхъ дѣйствій кардинала Руффо. Я не раздѣляю мнѣнія торопливыхъ людей, обвиняющихъ Гарибальди за то, что онъ остается въ Палермо и по прибытіи къ нему экспедиціи Медичи; онъ долженъ организовать Сицилію, прежде чѣмъ начнетъ дальнѣйшія дѣйствія. Эта задача займетъ его на цѣлый мѣсяцъ. Сардинія можетъ и, какъ здѣсь полагаютъ, хочетъ сократить этотъ тяжелый періодъ неизвѣстности. Она хочетъ нанести послѣдній ударъ неаполитанскому правительству и не дать ему времени на безполезное опустошеніе. Она хочетъ объявить войну, быстрый успѣхъ которой не подлежитъ сомнѣнію. Таково рѣшеніе вопроса, ожидаемое здѣсь всѣми. Полагаютъ, что графъ Кавуръ получилъ полное согласіе Франціи и Англіи. Пусть двѣ піэмонтскихъ дивизіи пойдутъ изъ Римини черезъ Папскую область въ Абруццо. Пусть нѣсколько кораблей выйдутъ изъ Генуи съ другимъ отрядомъ. Сраженій не будетъ; борьба кончится въ три дня“.

Это отголосокъ патріотическихъ разсужденій публики, слишкомъ готовой вѣрить тому, что пріятно для нея. Самому Гарибальди и его главнымъ сподвижникамъ, мнѣнія которыхъ передаются палермскимъ корреспондентомъ Times'а, лучше всѣхъ извѣстно, помогало ли туринское правительство ихъ отъѣзду въ Сицилію, или хотя смотрѣло ли оно сквозь пальцы на ихъ сборы. Если дѣло было такъ, какъ увѣряетъ туринскій корреспондентъ, Гарибальди не сталъ бы говорить противное. Онъ можетъ быть молчалъ бы, если это нужно по дипламатическимъ соображеніямъ, но не сталъ бы лгать и клеветать на Кавура, виня его въ недоброжелательствѣ. Притомъ же вспомнимъ факты. Генуэзскому губернатору было приказано употребить военную силу, чтобы задержать отправленіе экспедиціи. Только убѣжденіе, что отъ этого произошло бы народное возстаніе, не допустило губернатора вывести сардинскія войска противъ волонтеровъ, собиравшихся идти изъ Генуи и сосѣднихъ деревень на пристань. Но они все-таки могли пробраться на пристань

только ночью, только небольшими группами, —иначе полиція задержала бы ихъ. Береговыя баттареи хотѣли стрѣлять по кораблямъ, на которыхъ отправлялись волонтеры, и не стрѣляли потому лишь, что корабли находились внѣ выстрѣловъ. Кавуръ запретилъ комитету національнаго вооруженія выдать на снаряженіе экспедиціи деньги, которыя принадлежали самому Гарибальди. Какое наивное предположеніе, будто бы самъ Гарибальди и его офицеры не заботились о томъ, есть ли ружья у ихъ волонтеровъ, запасены ли патроны для ружей! Вѣроятно, они заботились объ этомъ и вѣроятно не получали помощи отъ Кавура, если не имѣли даже какой нибудь тысячи ружей. Такъ же положительно извѣстно, что отплытіе второй экспедиціи было затруднено и замедлено запрещеніемъ туринскаго правительства. Было время, когда полагали даже,что она совершенно разстроилась. Наконецъ легковѣріе публики поразительнѣе всего обнаруживается ожиданіемъ, будто бы сардинское правительство хочетъ на дняхъ посылать войска черезъ Папскую область на Неаполь. Можетъ быть когда нибудь это и сдѣлается, но въ началѣ ожидать такого отважнаго рѣшенія, на дняхъ, просто было смѣшно. Всѣ нынѣшніе толки, будто бы Кавуръ до взятія Палермо не мѣшалъ всячески дѣствіямъ Гарибальди, опровергаются словами самого Гарибальди и фактами.

Но теперь дѣйствительно уже не то. Помогать побѣдителямъ—на это нужна не Богъ-знаетъ какая смѣлость. Теперь Кавуръ не мѣшаетъ отправляться новымъ волонтерамъ въ Сицилію, быть можетъ даже снабжаетъ ихъ оружіемъ и деньгами. Говорятъ, что онъ даже велѣлъ сардинскимъ военнымъ кораблямъ провожать экспедицію Козенца, пока она плыла по нейтральному морю, чтобы неаполитанцы не могли напасть на нее въ такихъ водахъ, на которыхъ не имѣютъ права задерживать суда. Поводомъ къ этому было взятіе двухъ пароходовъ, принадлежавшихъ къ экспедиціи Медичи и захваченныхъ неаполитанцами на нейтральныхъ водахъ. Палермо въ это время былъ уже взятъ, безсиліе неаполитанскаго правительства бороться съ Гарибальди уже вполнѣ обнаружилось и Кавуръ дѣйствовалъ тутъ очень грозно. Читатель знаетъ, что неаполитанцы захватили два судна: небольшой пароходъ подъ сардинскимъ флагомъ и буксируемый имъ парусный корабль подъ сѣверо-американскимъ флагомъ. Говорятъ, что неаполитанскій военный пароходъ поймалъ ихъ съ помощью обмана, поднявъ на своей мачтѣ сардинскій флагъ; говорятъ также, что хитрость не ограничилась этимъ, что неаполитанскій капитанъ подалъ фальшивые сигналы, убѣдившіе волонтеровъ свернуть съ дороги, идти къ нему на встрѣчу, наконецъ плыть за нимъ нѣкоторое время, какъ за союзникомъ. Но главная важность въ томъ, что корабли были захвачены далеко отъ неаполитанскихъ и сицилійскихъ береговъ, на открытомъ, свободномъ морѣ, гдѣ неаполитанцы, по морскому праву, не могли задерживать судовъ, и въ томъ, что захваченные корабли имѣли правильно засвидѣтельствованныя бумаги для проѣзда на Мальту, такъ что не существовало никакихъ юридическихъ доказательствъ ихъ намѣренія высадить волонтеровъ въ Сициліи. Словомъ сказать, неаполитанцы нѣсколько погорячились и сдѣлали ошибку, не давъ кораблямъ подойти къ самому сицилійскому берегу, чтобы уже тамъ, а не раньше, захватить ихъ. Все это можетъ быть и прошло бы даромъ, еслибъ они имѣли дѣло съ одной Сардиніей; но бѣда заключалась въ томъ, что буксируемое пароходомъ парусное судно имѣло сѣвероамериканскій флагъ и бумаги, въ правильномъ порядкѣ свидѣтельствовавшія, что оно принадлежитъ сѣверо-американскому гражданину. Американцы въ подобныхъ

Digitized by Google

вещахъ очень суровы. Американскій резидентъ въ Неаполѣ, Чентлеръ, призвалъ къ Неаполю американскій военный пароходъ „Ирокезецъ“, находившійся у сицилійскихъ береговъ, и объявилъ, что республика немедленно приметъ военныя мѣры для наказанія неаполитанцевъ за оскорбленіе ея флага. Имѣя такого крутаго товарища по претензіи, Кавуръ тоже осмѣлился заговорить строго. Сардинскій посланникъ въ Неаполѣ, Вилламарина, началъ дѣйствовать по согласію съ американскимъ. Вотъ изъ Times'а подробности о томъ, какъ они устроили это дѣло.

„Вилламарина имѣлъ свиданіе съ синьоромъ Карафою (неаполитанскимъ министромъ), протестовалъ противъ взятія „Utile“, сказалъ, что это можетъ произвести разрывъ мирныхъ отношеній и что онъ самъ отправится въ Гаэту для полученія свѣдѣній отъ капитана „Utile“, если этого капитана не привезутъ въ Неаполь. Встревоженный Карафа отвѣчалъ, что долженъ просить разрѣшенія у короля. Въ тотъ же день онъ сообщилъ маркизу Вилламаринѣ, что завтра капитанъ будетъ привезенъ въ Неаполь. Вмѣстѣ съ этимъ мистеръ Чентлеръ былъ увѣдомленъ, что нѣтъ ему надобности уѣзжать изъ Неаполя, потому что капитаны обоихъ взятыхъ судовъ завтра будутъ въ этомъ городѣ. Въ воскресенье утромъ, 17 іюня, мистеръ Чентлеръ видѣлся съ Карафою и сказалъ ему, что если парусное судно не американское, то ему нѣтъ никакого дѣла до этого случая; но что если взятое судно окажется американскимъ, то неаполитанское правительство подвергнется отвѣтственности. Черезъ нѣсколько часовъ были привезены капитаны. Маркизъ Вилламарина требовалъ, чтобы онъ и сѣверо-американскій консулъ были допущены говорить съ ними безъ свидѣтелей; Карафа сначала не соглашался на это, потомъ уступилъ“.

Объяснившись съ капитанами захваченныхъ кораблей, убѣдившись, что бумаги ихъ были въ надлежащемъ порядкѣ, резиденты потребовали освобожденія кораблей со всѣми людьми, бывшими на нихъ. При несчастномъ положеніи своихъ дѣлъ, неаполитанское правительство должно было уступить; корабли и волонтеры были освобождены, и волонтеры черезъ нѣсколько времени пріѣхали къ Гарибальди.

Съ того времени Кавуръ началъ говорить съ неаполитанцами .очень рѣшительно. Когда, напримѣръ, неаполитанскій посланникъ въ Туринѣ жаловался, что Сардинія перестала мѣшать отправленію волонтеровъ въ Сицилію, Кавуръ прямо отвѣчалъ ему: „Австрія не мѣшаетъ своимъ подданнымъ отправляться на сномощь вамъ. Послѣ этого я лишенъ всякой возможности удерживать итальянц въ отъ содѣйствія Гарибальди. Будьте довольны уже и тѣмъ, что я прямо не переодѣваю сардинскихъ солдатъ въ красныя куртки гарибальдіевскихъ волонтеровъ, какъ австрійское правительство переодѣваетъ своихъ солдатъ въ ваши мундиры“.

Но перемѣна расположенія въ Кавурѣ едва ли выгодна для Гарибальди и сицилійско-неаполитанскаго дѣла. Пока Кавуръ препятствовалъ отправленію волонтеровъ, Гарибальди по крайней мѣрѣ не былъ ничемъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ имѣлъ мало средствъ, за то распоряжался этими средствами, какъ хотѣлъ, и направлялъ дѣло, какъ ему самому казалось полезнѣйшимъ. Теперь не то: Кавуръ вступилъ съ сношенія съ Гарибальди и требуетъ, чтобы онъ руководился не собственными рѣшительными идеями, а дипломатическими разсчетами, слѣдовать которымъ надобно по мнѣнію Кавура.

Гарибальди считаетъ возможнымъ теперь же стремиться къ изгнанію Бурбоновъ изъ Неаполя, папы изъ Рима. Онъ думаетъ, что итальянцы должны сами устраивать свои дѣла, какъ хотятъ, что они имѣютъ довольно силы не слушать

Digitized by Google

угрозъ иностранныхъ дипломатовъ и не нуждаются ни въ чьей помощи. Кавуръ думаетъ иначе. Онъ все еще не привыкъ къ новымъ обстоятельствамъ, все еще кажется ему, будто Италія безсильна безъ помощи Франціи, будто гнѣвъ императора французовъ можетъ возстановить въ ней прежній порядокъ дѣлъ. Императоръ французовъ желаетъ, чтобы Неаполь остался отдѣльнымъ королевствомъ; Кавуръ не осмѣливается противорѣчить этому желанію. Отпаденіе Сициліи отъ Неаполя фактъ уже совершившійся; дипломаты очень легко соглашаются на признаніе совершившихся фактовъ, они противятся только тѣмъ перемѣнамъ, защитники которыхъ кажутся безсильными произвести или поддержать то, чего хотятъ. Кавуръ думаетъ, и быть можетъ имѣетъ положительныя увѣренія, что императоръ французовъ согласится на присоединеніе Сициліи къ Піэмонту. Говорятъ, будто бы это дѣло уже устроено: за дозволеніе Піэмонту пріобрѣсти Сицилію, Франція вознаграждается уступкою Генуи съ лигурійскимъ берегомъ. Правда это или нѣтъ, но Кавуръ, какъ видно, увѣренъ въ согласіи императора французовъ на присоединеніе Сициліи къ владѣніямъ Виктора-Эммануэля. Потому онъ требуетъ, чтобы Гарибальди немедленно произвелъ это присоединеніе. Большинство сицилійцевъ очень легко склонилось въ этомъ вопросѣ на убѣжденія агентовъ Кавура. Очень понятно, что народъ, такъ долго остававшійся подъ неаполитанскою системою, столько разъ видѣвшій себя возвращаемымъ подъ ея власть послѣ кратковременныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ нею, такъ отвыкшій надѣяться на свои силы, съ довѣрчивостью сталъ слушать людей, совѣтовавшихъ ему поскорѣе сдѣлать безвозвратный шагъ, которымъ уничтожилась бы всякая возможность возвратить его подъ власть Франциска II, которымъ было бы обезпечено ему покровительство Сардиніи. Но провозгласить присоединеніе къ Піэмонту, значитъ подчиниться дипломатическимъ разсчетамъ Кавура. Гарибальди изъ независимаго предводителя независимыхъ волонтеровъ сталъ бы опять генераломъ Сардинской арміи, обязаннымъ на все просить разрѣшенія у Кавура, который первой надобностью своей почелъ бы удержать его отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Нельзя предвидѣть, какія перемѣны могутъ произойти въ общихъ отношеніяхъ европейской политики; быть можетъ черезъ нѣсколько времени, быть можетъ даже очень скоро Кавуръ найдетъ удобнымъ начать войну съ папою и неаполитанскимъ дворомъ. Но теперь онъ еще боится этого и присоединить Сицилію къ королевству Виктора-Эммануэля теперь значило бы отказаться отъ перенесенія войны въ южную половину Италіи. Военныя дѣйствія замѣнились бы переговорами. Гарибальди былъ бы остановленъ на половинѣ пути, а онъ не хочетъ останавливаться, пока не пройдетъ черезъ Неаполь въ Римъ. Онъ хочетъ, чтобы сицилійцы признали власть Туринскаго правительства только уже вмѣстѣ со всею южною Италіею, чтобы Викторъ-Эммануэль былъ провозглашенъ не королемъ верхней Италіи и Сициліи, а королемъ всей Италіи, чтобы депутація отправилась извѣстить его объ этомъ не изъ Палермо, а изъ Рима; потому онъ сначала очень рѣшительно отвергъ просьбу палермцевъ и требованія Кавура провозгласить присоединеніе теперь же. Но потомъ онъ поколебался. Были уже извѣстія, что онъ издаетъ декретъ о всеобщей подачѣ голосовъ или объ избраніи представителей для рѣшенія судьбы Сициліи. Пока эти извѣстія повидимому невѣрны; но они указываютъ на то, въ какое затрудненіе былъ поставленъ Гарибальди нетерпѣніемъ сицилійцевъ и настойчивыми дѣйствіями агентовъ Кавура *).

*) Различіе соображеній, которыми руководились сицилійцы, по совѣту Кавура требовав-

Digitized by Google

Какъ, три мѣсяца тому назадъ, Кавуръ думалъ, что нужно совершенно упрочить за собою освободившіяся области, прежде чѣмъ думать объ освобожденіи новыхъ, такъ теперь онъ думаетъ, что прежде чѣмъ пытаться идти въ Неаполь и Римъ, надобно упрочить соединеніе Сициліи съ Піэмонтомъ. Гарибальди полагаетъ, что опаснѣе всего медленность, что надобно пользоваться временемъ, пока противники итальянскаго единства или еще не оправились отъ пораженій, или еще не отваживаются на разрывъ съ Англіею, которая несогласна на вооруженное вмѣшательство Франціи въ итальянскія дѣла; онъ думаетъ, что эти благопріятныя обстоятельства не будутъ продолжительны и что надобно покончить до ихъ измѣненія дѣло итальянскаго единства, чтобы Италія могла, вся соединившись, уже не бояться никакихъ враговъ.

Главнымъ агентомъ Кавура въ Сициліи былъ ла-Фарина; очень быстро онъ успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на неопытныхъ палермцевъ, и черезъ нѣсколько дней по своемъ пріѣздѣ устроилъ манифестацію, требовавшую отставки прежнихъ министровъ Гарибальди, особенно Криспи. Ла-Фарина дѣйствовалъ на палермцевъ обвиненіями Криспи и другихъ министровъ за то, что они смѣняютъ слишкомъ многихъ чиновниковъ, служившихъ неаполитанскому правительству, что они слишкомъ суровы къ этимъ почтеннымъ людямъ, имѣющимъ въ Палермо и родство и знакомство. Но истинною причиною дѣйствовать противъ Криспи было для ла-Фарины, разумѣется, не это: Криспи противился немедленному присоединенію Сициліи къ Піэмонту, цѣлью ла-Фарины было сдѣлать министрами людей, раздѣлявшихъ мнѣніе Кавура. Гарибальди послѣ нѣкотораго сопротивленія уступилъ, и начались слухи, что присоединеніе скоро будетъ провозглашено. Но ободрившись первымъ успѣхомъ, ла-Фарина зашелъ уже слишкомъ далеко въ своихъ интригахъ. Странно, до чего можетъ простираться вражда людей, имѣющихъ слишкомъ

шіе немедленнаго соединенія Сициліи съ Піэмонтомъ, и люди, желающіе отсрочить его до окончанія дѣла, очень хорошо выражается письмомъ Пизани, объясняющаго Гарибальди причину, по которой онъ отказался отъ званія министра временнаго правительства Сициліи. Вотъ что писалъ онъ къ Гарибальди:

„Генералъ! Я глубоко скорблю о томъ, что въ минуту, столь рѣшительную для Сициліи, долженъ былъ покинуть васъ, человѣка, на мужествѣ котораго каждый изъ насъ основываетъ всѣ свои надежды на спасеніе; но вашъ отвѣтъ городскому палермскому совѣту, который, думая предупредить ваши собственныя желанія, представилъ вамъ, быть можетъ несвоевременно, адресъ, отвергнутый вами, возлагаетъ на меня обязанность отказаться отъ званія, которое было притомъ и слишкомъ тяжело для моихъ силъ.

„Я имѣлъ честь изустно изложить вамъ причины, склоняющія меня къ этому отказу, и вы удостоили любезно выслушать ихъ, хотя онѣ до нѣкоторой степени противоположны вашей волѣ, выраженной вами съ военнымъ прямодушіемъ. Итакъ я не имѣю нужды повторять ихъ здѣсь.

„Я только желалъ бы сказать каждому изъ моихъ согражданъ и убѣдить каждаго изъ нихъ, что разность мнѣній не отдѣлила меня отъ васъ; что оба мы смотримъ на вещи одинаково, стремимся къ одной цѣли—къ освобожденію всей Италіи, и что мы расходимся единственно въ выборѣ дороги къ этой цѣли,—разница, которую легко можно объяснить разницею моей и вашей натуры. При высотѣ вашей души, при величіи вашего сердца, вы, презирая трудность пути, хотите прямо стремиться къ вашей возвышенной цѣли; я, въ сознаніи своей слабости, опасаясь препятствій, думаю, что надобно идти медленнымъ шагомъ, довершить то, что такъ хорошо начато, и уже потомъ переходить къ другимъ предпріятіямъ,—то есть надобно увеличивать итальянское королевство постепенно, присоединяя къ нему области успѣвшія свергнуть иго и возвратить себѣ независимость и, увеличивъ такимъ образомъ свои силы, ждать случая, чтобы оказать фактическую помощь областямъ, еще носящимъ иго суровой неволи.

„Послѣ этого объясненія мнѣ остается только горячо просить васъ позаботиться о нашей милой Сициліи, столь измученной. Заклинаю васъ, обезпечьте ея судьбу, не оставьте ее на добычу партіямъ, которыя могутъ возникнуть, тайнымъ хитростямъ или явному насилію ненавистныхъ Бурбоновъ; подумайте о томъ, что если несвоевременно перенесете вы въ неаполитанское королевство ужасъ вашего имени и вашей храброй арміи, то быть можетъ это обратится въ выгоду людямъ, неуважаемымъ вами, что они ловко воспользуются вашимъ дѣломъ, за которое, однакоже, не поблагодарятъ васъ. Пусть Сицилія будетъ вашимъ отечествомъ; полюбите, какъ вы умѣете любить, эту усыновляющую васъ мать, достойную столь славнаго сына“.

Digitized by Google

высокое мнѣніе о себѣ, къ людямъ, не раздѣляющимъ ихъ мыслей. Кавуръ уже нѣсколько разъ отнималъ у Гарибальди возможность дѣйствовать въ пользу итальянскаго дѣла въ прошломъ году: не далъ ему обѣщанныхъ пособій во время ломбардскаго похода, лишилъ его возможности организовать армію средней Италіи въ періодѣ между вилла-франкскимъ и цюрихскимъ договорами, принудилъ наконецъ вовсе отказаться отъ участія въ дѣлахъ. О препятствіяхъ, которыя ставилъ онъ отправленію Гарибальди въ Сицилію, мы уже говорили. Теперь, когда Гарибальди освободилъ Сицилію, Кавуръ сталъ показывать видъ, что сдѣлался другомъ ему, и многихъ увѣрилъ въ этомъ—а между тѣмъ, черезъ ла-Фарину, старался возстановить противъ него сицилійцевъ. Дѣло шло уже къ тому, чтобы заставить Гарибальди удалиться изъ Сициліи. Человѣкъ очень терпѣливый и мягкій въ дѣлахъ, касающихся лично до него, Гарибальди однакоже вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, потому что вопросъ касается не одной его личности, которой онъ всегда готовъ жертвовать, а итальянскаго дѣла, судьбы Неаполя, Рима и Венеціи. Ла-Фарина и Кавуръ слишкомъ уже понадѣялись на его простодушіе, которое для такихъ оборотливыхъ людей должно казаться глупостью: они воображали, что Гарибальди не понимаетъ ихъ интригъ, между тѣмъ какъ онъ только терпѣлъ ихъ; они мѣшали организованію порядочнаго управленія въ Сициліи своими происками, возстановляли сицилійцевъ другъ противъ друга,—Гарибальди увидѣлъ, что пора положить конецъ этому, или сицилійское дѣло погибнетъ. Онъ пригласилъ къ себѣ ла-Фарину, сказалъ, что вышлетъ его вонъ изъ Сициліи, и черезъ нѣсколько часовъ агентъ Кавура былъ отправленъ въ Туринъ съ двумя своими помощниками, людьми, служба которыхъ была уже совершенно неблаговидна. По пріѣздѣ въ Туринъ ла-Фарина имѣлъ совѣщаніе съ Кавуромъ, который и безъ того былъ уже чрезвычайно раздраженъ извѣстіемъ объ отсылкѣ своего агента. Въ первыя минуты, Туринскій министръ хотѣлъ принять противъ Гарибальди какія-то рѣшительныя мѣры,—въ чемъ онѣ могли бы состоять, мы не умѣемъ сообразить,—развѣ въ томъ, чтобы издать прокламацію приглашающую сицилійцевъ къ низверженію Гарибальди, послать какого нибудь сардинскаго генерала на его мѣсто, и дать этому генералу инструкцію объ арестованіи Гарибальди,—но вѣдь это было бы ужъ черезъ-чуръ,—однако мы не поручимся за то, чтобы Кавуръ не хотѣлъ поступить именно такъ. Впрочемъ, какія бы мысли ни были у него, онъ тотчасъ же принужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Волненіе въ Туринѣ и во всей сѣверной Италіи было очень сильно и вовсе не въ пользу противниковъ Гарибальди. Слухъ, что Кавуръ враждуетъ противъ Гарибальди, произвелъ такое впечатлѣніе, что министерству Кавура грозило паденіе. Туринскій министръ увидѣлъ необходимость смириться, и теперь ѣдетъ въ Палермо де-Претисъ, другъ Гарибальди, извинить передъ нимъ Кавура. Гарибальди давно просилъ де-Претиса пріѣхать въ Палермо, помогать ему по устройству гражданскаго управленія. Кавуръ не соглашался, потому что де-Претисъ всегда былъ противникомъ его политики; теперь онъ принужденъ просить того же самаго де-Претиса быть посредникомъ между нимъ и Гарибальди. Сицилійскій диктаторъ человѣкъ незлопамятный, и если Кавуръ дѣйствительно откажется отъ намѣренія стѣснять его, въ примиреніи нельзя сомнѣваться. Но посмотримъ, на долго ли удержится при нынѣшнемъ благоразумномъ рѣшеніи Кавуръ, воображающій, что онъ въ Италіи единственный человѣкъ, способный вести дѣла, и что всѣ другіе патріоты, а въ особенности Гарибальди—

Digitized by Google

фантазёры и чуть ли не идіоты, блуждающіе во мракѣ. Мы вовсе не хотимъ отрицать заслугъ, оказанныхъ Кавуромъ итальянскому развитію: въ его патріотизмѣ никто не сомнѣвается, нельзя не отдать справедливости и ловкости, съ какою онъ сдѣлалъ очень многое для своей родины. Мы только говоримъ, что чрезмѣрно высокое его мнѣніе о своихъ талантахъ слишкомъ часто бывало причиною, что онъ мѣшалъ другимъ, шедшимъ къ той же цѣли путемъ болѣе прямымъ и по всей вѣроятности болѣе вѣрнымъ,—теперь общее мнѣніе видитъ, что въ спорахъ между нимъ и Гарибальди вѣрность разсчета была не на сторонѣ Кавура. Намъ кажется. что то же должно сказать и о всей враждѣ его къ тѣмъ патріотамъ, главнымъ представителемъ которыхъ служитъ теперь Гарибальди и ораторами которыхъ въ туринскомъ парламентѣ были Валеріо и де-Претисъ.

Итакъ въ тѣ дни, когда мы пишемъ эту статью, т. е. около 14 (26) іюля. положеніе итальянскихъ дѣлъ было слѣдующее:

Гарибальди занимался въ Палермо организованіемъ сицилійской арміи, которое шло довольно успѣшно; у него было отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ итальянскихъ волонтеровъ, т. е. превосходнѣйшаго войска; оно служило кадрами для формированія арміи изъ сицилійцевъ, изъ которыхъ около 10 (22) іюля набралось уже отъ 10 до 15 тысячъ солдатъ; эти рекруты еще очень плохи; главный недостатокъ ихъ не въ томъ, что они мало обучены,—это дѣло устраивается въ нѣсколько недѣль при нынѣшнихъ упрощенныхъ требованіяхъ, — а въ томъ, что сицилійцы давно отучились отъ энергіи, отъ надежды на свои силы. Населеніе упавшее духомъ не скоро можетъ быть воодушевлено такъ, чтобы дать изъ своей среды хорошее войско: для этого нужно нѣсколько мѣсяцевъ походной жизни съ частыми стычками, въ которыхъ успѣхъ довольно часто былъ бы пріобрѣтаемъ не помощью союзниковъ или руководителей, а силами самихъ новобранцевъ. Чтобы доставить сицилійцамъ эту практику, Гарибальди послалъ ихъ къ Мессинѣ; но все-таки надежда его на успѣхъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ основывается не на сицилійскомъ войскѣ, а на итальянскихъ волонтерахъ, на деморализаціи неаполитанской арміи, и больше всего на сочувствіи неаполитанскаго населенія. Туринское правительство желаетъ ограничиться пока освобожденіемъ одной Сициліи; но Гарибальди остается при намѣреніи идти на Неаполь, гдѣ дворъ сдѣлалъ уступки. но до сихъ поръ не успѣлъ доказать своей искренности въ этомъ случаѣ. По примѣру неаполитанскаго двора, даже папа обѣщалъ нѣкоторыя реформы,—онѣ конечно должны остаться или неисполненными, или исполненными только на бумагѣ. Надёжду на свое спасеніе неаполитанскій дворъ видитъ въ милости императора французовъ, который требуетъ, чтобы Кавуръ вступилъ въ союзъ съ новымъ неаполитанскимъ правительствомъ. Были разные слухи объ условіяхъ, на которыхъ сардинскій министръ принимаетъ предлагаемый союзъ. Вообще говорится, что эти условія нарочно составлены такія, на которыя ни за что не согласится неаполитанскій дворъ; разсказываютъ, напримѣръ, будто Кавуръ требуетъ, чтобы неаполитанскій король вмѣстѣ съ Викторомъ-Эммануэлемъ предложилъ австрійцамъ денежное вознагражденіе за уступку Венеціи, а если они не согласятся, то немедленно объявилъ имъ войну. Можетъ быть Кавуръ и говорилъ что нибудь подобное полуоффиціальнымъ образомъ, но формальныхъ переговоровъ о союзѣ еще не начиналось въ тѣ дни, о которыхъ мы имѣли извѣстія, когда писали эту статью: неаполитанское правительство только еще собиралось отправить въ Туринъ чрезвычай-

Digitized by Google

наго посланника съ предложеніемъ союза, который по объявленію новаго министерства будетъ служить основаніемъ неаполитанской политики. Достовѣрно извѣстно одно: Кавуръ не хочетъ принимать союза съ Неаполемъ, потому что такая дружба убила бы всякое довѣріе къ нему въ Италіи. Онъ еще не рѣшается посылать войска противъ Неаполя, но понимаетъ, что безвозвратно компрометировалъ бы себя и самого Виктора-Эммануэля союзомъ съ Бурбонами; извиненіемъ такому союзу могла бы служить развѣ столь же грозная необходимость, какъ та, по которой была уступлена Савойя. Пока этой грозы еще нѣтъ, и союзъ съ Неаполемъ отвергается въ Туринѣ. Теперь извѣстно, каковъ будетъ формальный предлогъ для отказа: газеты, служащія органами Кавура, говорятъ, что при существованіи конституціоннаго устройства политическая система зависитъ отъ мнѣній большинства палаты представителей, которая поддерживаетъ или смѣняетъ министровъ и даетъ имъ свою программу. Пока въ Неаполѣ не собралась палата депутатовъ, не выразила согласія на союзъ съ Піэмонтомъ и не опредѣлила условій этого союза, всякіе разговоры о немъ были бы лишены основаній и совершенно напрасны. Такимъ образомъ выигрывается два мѣсяца и Кавуръ разсчитываетъ, что въ этотъ промежутокъ раскроется, завоюетъ ли Гарибальди Неаполь, или можно будетъ нынѣшнему неаполитанскому правительству удержаться помощью императора французовъ. Если станетъ брать верхъ Гарибальди, Кавуръ отвергнетъ союзъ, а если императоръ французовъ рѣшительно запретитъ Кавуру думать о пріобрѣтеніи Неаполя и выразитъ намѣреніе послать французское войско противъ Гарибальди, то Кавуръ уступитъ силѣ и приметъ союзъ съ Неаполемъ.

Между тѣмъ начались военныя дѣйствія противъ Мессины; въ письмахъ сицилійскаго корреспондента Times'а мы имѣемъ извѣстія о томъ, какъ войска, посланныя осаждать Мессину, дошли до Кальтанисетты, лежащей на половинѣ пути между Палермо и Мессиною. О началѣ осады Мессины мы знаемъ еще только по телеграфическимъ извѣстіямъ. По ихъ краткимъ указаніямъ военные сотрудники французскихъ газетъ заключаютъ, что неаполитанцы скоро должны будутъ покинуть и этотъ послѣдній пунктъ, который оставался за ними на островѣ *). Въ послѣдніе дни безпрестанно разносились слухи, что Гарибальди отправился съ нѣсколькими тысячами человѣкъ сдѣлать высадку на материкъ.

Операціоннымъ базисомъ для дѣйствій на материкѣ служитъ ему теперь Сицилія. Поэтому очень важно ему обезпечить себѣ безпрепятственныя сообщенія съ нею, когда онъ высадится въ Калабріи или около Неаполя. Пароходовъ для перевозки войскъ и военныхъ снарядовъ у него, повидимому, уже довольно, но до сихъ поръ все это были только купеческія суда, которыя не могутъ держаться противъ неаполитанскаго флота. Господство на проливѣ и на всѣхъ прибрежныхъ водахъ оставалось за неаполитанцами: экспедиціи, переправлявшіяся изъ сѣверной Италіи въ Сицилію, достигали своего назначенія только тѣмъ, что успѣвали избѣгать встрѣчи съ неаполитанскими кораблями. Этотъ шансъ успѣха слишкомъ уменьшается, когда путемъ переправы станетъ небольшое пространство между Сициліею и Неаполемъ или Калабріею: неаполитанскіе крейсеры могутъ перегородить всю эту линію. Но Гарибальди разсчитываетъ скоро имѣть и на морѣ перевѣсъ надъ неаполитанцами: онъ ожидаетъ, что неаполитанскій флотъ перейдетъ на его сто-

*) [illegible], говорящая, [illegible] цы сдали Мессину.

Digitized by Google

рону. Примѣръ тому поданъ военнымъ пароходнымъ корветомъ Veloce. Итал-скіе патріоты полагаютъ, что многіе другіе военные пароходы послѣдуютъ за ним, тѣмъ больше, что Гарибальди, самъ бывшій морякомъ, имѣетъ знаменитость между всѣми итальянскими матросами, въ томъ числѣ даже и между неаполитанскими.

Мы говорили, что неизвѣстность развязки неаполитанскихъ дѣлъ происходитъ главнымъ образомъ отъ шаткости общественнаго мнѣнія, которое всегда и повсюду очень наклонно забывать прежніе факты и стремленія, возникавшія изъ нихъ, ... только является хотя слабый поводъ вѣрить перемѣнѣ мыслей въ томъ кругу, который управляетъ дѣлами. До сихъ поръ большинство неаполитанцевъ еще желаетъ присоединенія къ Піэмонту; но уже замѣтно, что довольно многіе люди въ Неаполѣ находятъ возможность вѣрить искренности и прочности сдѣланныхъ уступокъ и готовы удовлетвориться данными обѣщаніями. Продержись нынѣшнее положеніе еще нѣсколько мѣсяцевъ, и быть можетъ большинство образованныхъ сословій проникнется преданностію къ Франциску II.

Точно такая же шаткость общественнаго мнѣнія видна въ перемѣнчивости чувствъ, съ которыми образованное общество нѣмецкихъ провинцій Австріи смотрѣло на ходъ дѣла о новомъ государственномъ совѣтѣ. Когда обнародованы были правила, по которымъ онъ составляется и будетъ вести свои совѣщанія, въ Вѣнѣ рѣшили, что не слѣдуетъ придавать этому нововведенію ровно никакой важности, что общественныя желанія не могутъ быть удовлетворены ни чѣмъ, кромѣ созванія представителей націи, избираемыхъ самимъ населеніемъ имперіи. Незначительность уступки, дѣлавшейся учрежденіемъ новаго государственнаго совѣта, возбуждала такое неудовольствіе, что черезъ нѣсколько дней почли нужнымъ сдѣлать обѣщаніе новыхъ уступокъ, объявивъ, что государственный совѣтъ имѣетъ значеніе не какого нибудь окончательнаго учрежденія, а только переходной ступени къ созванію дѣйствительныхъ представителей населенія: онъ созывается, говорилось въ оффиціальномъ объявленіи, собственно только за тѣмъ, чтобы разсмотрѣть проэкты провинціальныхъ конституцій, уже приготовленные на его обсужденіе. Несмотря на это объявленіе, государственный совѣтъ оставался такъ непопуляренъ, что всѣ назначенные въ него члены, сколько нибудь уважавшіе общественное мнѣніе, отказались отъ званія дававшагося имъ. Но вотъ государственный совѣтъ собрался. Регламентъ, составленный министерствомъ для порядка его совѣщаній, былъ написанъ въ такомъ духѣ, что обсужденіе предлагаемыхъ ему мѣръ должно было ограничиваться одною формальностью, безъ всякой свободы вникать въ нихъ. Члены государственнаго совѣта выразили неудовольствіе стѣснительнымъ регламентомъ и желаніе измѣнить его. Главная перемѣна состояла въ томъ, что они потребовали свободы выбирать спеціальные комитеты для разсмотрѣнія предлагаемыхъ проэктовъ не по такой формѣ, какая предписывалась регламентомъ, а по другой, ... скавшей въ эти комитеты членовъ съ независимыми мнѣніями. Правительство согласилось. Публика тотчасъ же начала хвалить государственный совѣтъ, находя въ немъ удовлетворительные элементы оппозиціи. Еще больше удовольствія доставилъ ей способъ печатанія протоколовъ государственнаго совѣта. Ожидали, что протоколы будутъ чрезвычайно кратки, сухи и темны. Но, снисходя къ желанію членовъ государственнаго совѣта зарекомендоваться передъ публикой, правительство допустило печатать протоколы довольно подробные. Публикой овладѣла ... шая радость. Она возложила значительныя надежды на государственный совѣтъ

отъ котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ не хотѣла ждать ничего. Она забыла на время, какъ составился государственный совѣтъ и каковъ образъ мыслей въ людяхъ, ведущихъ оппозицію. Большинство новыхъ членовъ государственнаго совѣта принадлежитъ къ феодальной партіи, то есть къ такой партіи, сравнительно съ которой нынѣшніе австрійскіе министры величайшіе либералы. Предводитель этого оппозиціоннаго большинства графъ Кламъ-Мартиницъ, человѣкъ, передъ которымъ Меттернихъ былъ бы чуть не республиканцемъ. Всѣмъ извѣстно, что цѣль дѣйствій Кламъ-Мартиница просто лишь то, чтобы сдѣлаться первымъ министромъ; всѣмъ извѣстно, что, сдѣлавшись министромъ, онъ повелъ бы дѣла къ возстановленію средневѣковыхъ учрежденій, къ возвращенію австрійской имперіи въ такой видъ, какой имѣла она до реформъ Іосифа II. Каждый знаетъ это, но огромное большинство публики не хочетъ помнить ни о чемъ и восхищается смѣлостью оппозиціи Кламъ-Мартиница. Онъ пріобрѣлъ такую опору въ общественномъ мнѣніи, что носятся слухи, будто бы дворъ ведетъ съ нимъ переговоры о составленіи министерства изъ его партіи подъ его предсѣдательствомъ. Дѣло доходитъ до того, что даже иностранцы начинаютъ писать о совѣщаніяхъ австрійскаго государственнаго совѣта серьёзнымъ тономъ, какъ будто что нибудь можетъ выйти изъ нихъ. Въ послѣднее время особеннаго шума надѣлала сцена между венгерскимъ магнатомъ Баркоци и министромъ юстиціи Надашди (по фамиліи тоже венгерцемъ) въ засѣданіи 21 іюня. Дѣло шло о веденіи кадастровыхъ книгъ; Баркоци сказалъ, что напрасно ведутся онѣ на нѣмецкомъ языкѣ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія и землевладѣльцевъ не нѣмцы, а венгры. Надашди самымъ положительнымъ тономъ увѣрялъ, будто бы кадастровые реэстры вездѣ пишутся на языкѣ большинства мѣстныхъ жителей. Баркоци доказалъ, что это неправда, и на рѣзкія слова министра отвѣчалъ столь же рѣзкими выраженіями. Онъ употреблялъ слова „ложь“, „обманъ“ и т. д. Нашлось множество людей, возликовавшихъ отъ смѣлости венгерскаго магната, начавшихъ толковать, что государственный совѣтъ побѣждаетъ министровъ, а самъ проникнутъ превосходнѣйшими намѣреніями и обладаетъ силою осуществить ихъ. Не понимаемъ, какъ можно было сдѣлать такого слона изъ самой маленькой мухи, жужжанье которой было услышано лишь благодаря владычествовавшему вокругъ нея молчанію. Но мыльные пузыри этихъ пустыхъ выводовъ были скоро разбиты статьею оффиціальной вѣнской газеты, Donau-Zeitung, 27 іюня. Приводимъ эту статью, прекрасно характеризующую дѣйствительныя отношенія государственнаго совѣта къ министерству.

„Во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, особенно въ засѣданіи 21 числа, ораторы касались предметовъ, не имѣвшихъ связи съ вопросомъ, подлежавшимъ совѣщанію. Мы вовсе не хотимъ сказать, что члены государственнаго совѣта не имѣли права дѣлать это, но не можемъ не замѣтить, что во всѣхъ странахъ, имѣющихъ конституціонную форму правленія, обращается строгое вниманіе на порядокъ въ занятіяхъ дѣлами и то, чтобы не отступать отъ совѣщаній, состоящихъ на очереди. Намъ кажется, что нѣкоторые изъ членовъ преобразованнаго государственнаго совѣта оставили безъ вниманія этотъ фактъ и въ особенности забываютъ о немъ тѣ, которые находятъ въ себѣ болѣе парламентскихъ привычекъ, чѣмъ ихъ товарищи. Мы понимаемъ, что члены государственнаго совѣта желаютъ подвергнуть разсмотрѣнію вопросы о принципахъ; мы признаемъ за ними право желать того. Вопросы о національности, о языкѣ, о будущихъ отношеніяхъ провинціальныхъ представительныхъ собраній къ государственному совѣту, о бюрократической и политической централизаціи и о степени

Digitized by Google

ея необходимости могутъ и должны быть обсуждены государственнымъ совѣтомъ. Мы не можемъ желать, чтобы столь важные предметы остались нерѣшенными или были отсрочены. Мы только хотимъ замѣтить, что государственный совѣтъ собрался 21 числа для выбора новаго члена въ кадастраціонную коммиссію, а не для совѣщанія по вопросу о выгодахъ имѣть кадастровые реэстры. Коммиссія можетъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ сколько ей угодно, и государственный совѣтъ, получивъ докладъ коммиссіи, такъ же можетъ разсуждать о немъ — Въ парламентахъ постоянно соблюдается то правило, что представители народа должны предварительно объявлять о вопросахъ, какіе они думаютъ предложить или по какимъ думаютъ потребовать объясненій у правительства. Въ засѣданіяхъ 8 и 21 чиселъ было сдѣлано много вопросовъ и предложеній, о которыхъ не было дано предварительнаго увѣдомленія правительству. Если министръ отвѣчаетъ на неожиданный вопросъ, не имѣя подъ руками документовъ, на которые долженъ ссылаться, то его поспѣшность можетъ иногда дѣлаться очень предосудительною для государственныхъ интересовъ. Мы увѣрены, что этихъ нашихъ словъ будетъ достаточно для убѣжденія членовъ государственнаго совѣта впредь удерживаться отъ разсужденія о предметахъ, о которыхъ не было сдѣлано ими должнаго предувѣдомленія".

Рѣзкость этого формальнаго выговора государственному совѣту достаточно показываетъ, что министерство смотритъ на него, какъ на учрежденіе второстепенное, зависимое, обязанное слушаться и покоряться, а не предписывать. Но гораздо занимательнѣе этой стороны дѣла разныя выраженія, которыми опредѣляется мнѣніе кабинета о характерѣ, полученномъ австрійскимъ правительствомъ черезъ учрежденіе государственнаго совѣта. Мы видимъ, что министерство формально называетъ Австрію „страною, имѣющею конституціонную форму правленія", и объявляетъ, что государственный совѣтъ долженъ дѣлать одно или не дѣлать другаго не на какомъ нибудь основаніи, а на томъ, что онъ „парламентъ": какъ дѣлается въ парламентахъ, такъ должно дѣлаться въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ австрійское правительство совершенно раздѣляетъ взглядъ на дѣло, выраженный нами два мѣсяца тому назадъ: учрежденіе государственнаго совѣта уже составляетъ введеніе конституціонной формы правленія въ Австріи; переворотъ въ этомъ отношеніи уже вполнѣ произведенъ, конституціонный принципъ получилъ полное развитіе, либераламъ не остается ничего желать, правительству не остается дѣлать никакихъ уступокъ, потому что всѣ уступки уже сдѣланы. Но австрійскія газеты не раздѣляютъ нашего мнѣнія: онѣ находятъ, что Австрія еще не получила представительной формы правленія, и довольно настойчиво говорятъ о ея надобности, или по крайней мѣрѣ говорили до недавняго времени. Въ началѣ іюля онѣ зашли такъ далеко въ этомъ неблагоразуміи, что редакторы ихъ были наконецъ приглашены къ Веберу, завѣдующему дѣлами этого рода, и онъ объявилъ имъ слѣдующія три распоряженія:

„1) Газеты отнынѣ не должны разсматривать вопроса о размѣрѣ правъ государственнаго совѣта и не должны говорить о конституціи.

„2) Говоря о правахъ провинціальныхъ представительныхъ собраній, которыя скоро будутъ учреждены, газеты никакъ не должны требовать для нихъ законодательной власти. Правительство не имѣетъ намѣренія дѣлиться законодательною властью съ провинціальными собраніями.

„3) Газеты не должны никакъ подвергать сомнѣнію необходимость безусловнаго единства имперіи, особенно говоря объ отношеніяхъ между Венгріею съ принадлежавшими прежде къ ней землями и между центральнымъ правительствомъ".

Digitized by Google

Въ то же время были повторены государственному совѣту и всей публикѣ тѣ основанія, на которыхъ учрежденъ государственный совѣтъ, совершенно соотвѣтствующій въ Австріи тому, что въ Англіи называется парламентомъ. Было снова объяснено оффиціальнымъ образомъ, что причиною учрежденія новаго государственнаго совѣта была необходимость пріискать новыя средства для покрытія дефицита, пріискать, какіе можно учредить новые налоги и какіе изъ прежнихъ налоговъ можно увеличить. Министерство говорило, что въ этомъ дѣлѣ, для котораго собственно и созванъ новый государственный совѣтъ, то есть въ пріисканіи новыхъ налоговъ и въ возвышеніи прежнихъ, правительство ни мало не будетъ мѣшать дѣятельности государственнаго совѣта, а, напротивъ, съ готовностью приметъ все, что онъ придумаетъ.

Мы остаемся при мнѣніи, что новый государственный совѣтъ служитъ очень достаточною замѣною парламента въ глазахъ вѣнскаго министерства и что въ Австріи уже введена такая конституція, лучше которой ничто не можетъ соотвѣтствовать потребностямъ австрійскаго правительства; но затруднительность положенія состоитъ въ томъ, что австрійское правительство можетъ подвергнуться опасности извнѣ или само увидѣть пользу въ наступательной войнѣ. Если итальянцы не будутъ остановлены, подъ властью Виктора-Эммануэля скоро соединится весь полуостровъ за исключеніемъ Венеціи и въ такомъ случаѣ итальянцы непремѣнно захотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Потому мы находимъ совершенно правыми тѣхъ австрійскихъ правителей, которые желаютъ, чтобы Австрія объявила войну Виктору-Эммануэлю, не дожидаясь, пока онъ будетъ располагать силами вдвое большими, чѣмъ теперь. Если австрійское правительство хочетъ сохранить власть надъ Венеціею (а кто же добровольно отказывается отъ власти?), эта политика будетъ единственною послѣдовательною. Ея держится въ Вѣнѣ такъ называемая партія военныхъ, товарищей Виндишгреца, Гайнау и Гіулая. Гражданскіе сановники, и въ томъ числѣ почти всѣ министры, находятъ, напротивъ, что при нынѣшнемъ состояніи умовъ почти во всѣхъ провинціяхъ имперіи выводить войска на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ неблагоразумно, потому что присутствіе войскъ повсюду охраняетъ порядокъ, устрашая внутреннихъ враговъ. Такъ, но что же дѣлать? Вредно не начинать войну, опасно начать ее. Враги порядка, конституціонисты, либералы и т. д., въ Австріи разсчитываютъ, что это тяжелое положеніе поведетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ и даже къ учрежденію дѣйствительно конституціоннаго правленія. Но будемъ надѣяться, что все какъ нибудь уладится. По справедливому мнѣнію австрійскихъ министровъ, главная важность въ томъ, чтобы выиграть время. Оно дѣйствительно такъ: обстоятельства, неблагопріятныя нынѣ, могутъ стать благопріятными черезъ полгода, черезъ годъ; да хотя бъ и не стали благопріятными, хотя бы въ результатѣ и кончилось дѣло тѣмъ, чего ждутъ враги нынѣшней австрійской системы, все-таки каждый выигранный день, мѣсяцъ, годъ, будетъ лишній день, мѣсяцъ, годъ. „Ничто не вѣчно подъ луною“, стало быть умные люди должны хлопотать лишь о томъ, чтобы какъ можно дольше протянуть свое существованіе и существованіе выгодной для нихъ обстановки. Такъ и дѣлаютъ австрійскіе правители; потому смѣшны люди, которые дивятся, что они не спѣшатъ дѣлать то, чего не хотятъ.

Къ сожалѣнію, есть важныя обстоятельства, независимыя отъ воли австрійскаго правительства. Если бы опасность грозила ему только отъ Сардиніи и отъ

Digitized by Google

недовольства подданныхъ, оно вѣроятно чувствовало бы себя еще довольно крѣпкимъ на ногахъ; но дѣло въ томъ, что, кромѣ внутреннихъ безпокойствъ и кромѣ внѣшней бѣды съ юга, оно должно ждать непріятностей съ запада. Дѣло это прямымъ образомъ относится не къ Австріи, а къ Германіи, но Австрія лишилась бы ранга первостепенной державы, еслибъ оно исполнилось.

Газеты уже давно говорятъ о планахъ императора французовъ доставить національному самолюбію удовлетвореніе гораздо большее того, какое было дано присоединеніемъ Савойи: уже года два постоянно носятся слухи, что онъ хочетъ расширить предѣлы Франціи до Рейна. Передъ началомъ прошлой войны это опасеніе было чрезвычайно сильно въ Германіи. Дѣйствительно, полуоффиціальная французская публицистика развиваетъ вопросъ о Рейнской границѣ совершенно по такой же системѣ, по какой подготовляла Францію къ присоединенію Савойи. Мы говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что въ пограничныхъ съ рейнскими провинціями Пруссіи департаментахъ существуютъ газеты, имѣющія своею цѣлью объяснять баварскимъ и прусскимъ подданнымъ на лѣвомъ берегу Рейна, какъ выгодно будетъ для нихъ присоединиться къ Франціи. Полуоффиціальныя парижскія газеты разсуждаютъ иногда на ту же тему, но гораздо чаще и подробнѣе излагаютъ другія стороны дѣла, болѣе важныя для французской публики и для европейскихъ дипломатовъ, чѣмъ желаніе самихъ областей, которыя должны подвергнуться предсказываемому переходу подъ власть императора французовъ. Французской публикѣ объясняется, что главная масса нѣмецкихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна отдана въ 1814 году Пруссіи собственно для отнятія у французовъ прежнихъ союзниковъ изъ самихъ нѣмецкихъ князей и для униженія Франціи; доказывается также, что французская восточная граница теперь очень слаба въ стратегическомъ отношеніи, что непріятель слишкомъ легко можетъ вторгнуться теперь въ сердце Франціи, что только эта опасность иностраннаго вторженія принуждаетъ Францію обременять себя содержаніемъ многочисленной арміи. Если же рейнская провинція Пруссіи будетъ присоединена къ Франціи вмѣстѣ съ баварскими и другими землями на лѣвомъ берегу Рейна, Франція будетъ закрыта отъ нападенія широкою рѣкою, будетъ безопасна, можетъ распустить тогда половину своей арміи и начнется въ ней царство свободы, уничтожатся обременительные налоги, правительство будетъ имѣть много денегъ на общеполезныя работы, на вспоможеніе земледѣлію и фабрикамъ: такія статьи пишутся собственно для французской публики. Главное содержаніе въ нихъ то, что Франція лишилась рейнской границы въ 1814 году, когда погибла ея слава, и возстановить славу можно не иначе, какъ возвращеніемъ прежней границы. Статьи, имѣющія въ виду не столько французскую публику, сколько иностранныхъ дипломатовъ, выставляютъ на первый планъ то, что Франція уменьшитъ свою армію и перестанетъ быть воинственной державой, какъ только получитъ рейнскую границу. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ она стала бы тогда желать войны? Она уже будетъ имѣть все, что ей нужно. Ни нація, ни правительство ея не желаютъ ничего больше, какъ только уничтожить память своихъ пораженій и обезпечить себя съ востока возстановленіемъ рейнской границы; дальше того не идутъ ихъ желанія, а безъ того Франція все будетъ оставаться и недовольна, и небезопасна. Успокоить Францію, значитъ успокоить Европу. Итакъ всѣ европейскія державы для собственной выгоды должны желать, чтобы Франція расширилась до Рейна.

Digitized by Google

Если бы такія разсужденія печатались въ независимыхъ газетахъ, они никого не занимали бы. Но сильная склонность полуоффиціальныхъ газетъ развивать эту тему принимается многими за выраженіе правительственныхъ намѣреній. Еще больше увеличивается это предположеніе появленіемъ брошюръ подобнаго содержанія, напоминающихъ и внѣшнею формою и характеромъ изложенія тѣ прежнія брошюры объ Италіи, которыя теперь уже признаны имѣвшими оффиціальное происхожденіе. Не знаемъ, ограничивались ли газетными статьями и брошюрами указанія на такой планъ, или онъ еще прямѣе обнаруживался какими нибудь разговорами французскихъ дипломатовъ съ нѣмецкими, или даже какими нибудь письменными предложеніями; но вотъ что говорилъ въ палатѣ общинъ членъ торійской партіи Кинглекъ, спеціально занимающійся вопросами иностранной политики. Предварительно замѣтимъ, что онъ имѣетъ очень обширныя дипломатическія связи, и часто сообщалъ парламенту первыя свѣдѣнія о тайныхъ переговорахъ и дипломатическихъ актахъ, существованіе которыхъ подтверждалось черезъ нѣсколько времени ходомъ событій. Такъ напримѣръ, онъ первый заговорилъ о существованіи акта, по которому Сардинія обѣщалась уступить Франціи Савойю. Теперь, въ засѣданіи 12 іюля, онъ сказалъ между прочимъ:

„Извѣстно, что съ 1857 года французское правительство предлагало прусскому взять нѣкоторыя изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и отдать Франціи Рейнскія провинціи. Я полагаю, что съ этою цѣлью императоръ французовъ ѣздилъ въ Баденъ. Принцъ прусскій не могъ согласиться на это, потому что зналъ фактъ, о которомъ я теперь скажу. Палата отдастъ мнѣ ту справедливость, что въ прежнихъ случаяхъ мои слова оказывались основательными, и потому вѣроятно будетъ расположена повѣрить факту, о которомъ я теперь скажу. Я утверждаю, что на второмъ свиданіи въ Виллафранкѣ императоръ французовъ сказалъ Францу Іосифу, что возвратитъ ему Ломбардію съ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія не мѣшала дѣйствіямъ, которыя хочетъ онъ начать на Рейнѣ. Я повторяю, что принцъ прусскій зналъ этотъ фактъ... Планъ императора французовъ былъ въ томъ, чтобы возвратить императору австрійскому Ломбардію для пріобрѣтенія его помощи въ дѣйствіяхъ противъ Германіи.... Вся Европа наполнена слухами о войнѣ. Франція не имѣетъ ни ссоръ, ни даже споровъ съ Бельгіею и Пруссіею, съ Макленбургомъ и Сардиніею; но земли каждаго изъ этихъ государствъ въ опасности, по слухамъ, господствующимъ въ Европѣ. По всей восточной границѣ Франціи дѣйствуютъ агитаторы, старающіеся возбудить неудовольствіе нынѣшними правительствами и подготовляющіе умы народа къ переходу подъ новую власть“.

Какъ бы то ни было, справедливы ли слова Кинглека, что формальныя предложенія о расширеніи границъ Франціи до Рейна были уже дѣланы до баденскаго свиданія, или до баденскаго свиданія дѣло ограничивалось газетными статьями и брошюрами, но въ Германіи господствуетъ увѣренность, что Франція хочетъ захватить всѣ нѣмецкія земли до Рейна. Регентъ прусскій въ родственной перепискѣ своей съ принцемъ Альбертомъ, дочь котораго замужемъ за его сыномъ, касался этого предмета. Содержаніе письма дошло, неизвѣстно какимъ путемъ, до свѣдѣнія французскаго правительства нынѣшнею весною. Французскій посланникъ въ Берлинѣ потребовалъ у прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ объясненій. Министръ очень основательно отвѣчалъ, что частныя письма регента къ его родственникамъ не составляютъ правительственныхъ актовъ, за содержаніе которыхъ должны отвѣтствовать министры; онъ намекнулъ даже, что онъ не шпіонъ и потому рѣшительно не можетъ знать содержанія чьей бы то ни было частной переписки. Вопросъ былъ сдѣланъ неловко, Французская дипломатика должна была отступить. Но французское правительство

Digitized by Google

имѣло свѣдѣнія, что регентъ опасается его намѣреній, и не только имѣло эти свѣдѣнія, но даже призналось, что имѣетъ ихъ. Удачно или неудачно, первый шагъ былъ уже сдѣланъ и надобно было сдѣлать второй шагъ по проложенной дорогѣ. Императоръ французовъ объявилъ, что хочетъ успокоить регента прусскаго личнымъ объясненіемъ, готовъ для этого самъ пріѣхать въ Баденъ и просилъ принца-регента согласиться на свиданіе, для котораго онъ пріѣдетъ. Публицисты различно судили о томъ, надобно ли было принцу-регенту принимать такое предложеніе. Большая часть прусскихъ газетъ находили, что опасенія должно успокоивать не словами и не объясненіями, а устраненіемъ причинъ къ нимъ и что Пруссія въ союзѣ съ остальною Германіею не такъ слаба, чтобы нуждаться въ снисходительныхъ увѣреніяхъ. У принца-регента вѣроятно были причины иначе взглянуть на предложеніе императора французовъ. Если бы онъ уклонился отъ свиданія, это было бы истолковано какъ обидное пренебреженіе и послужило бы предлогомъ для выраженія неудовольствій. Но предосторожность, принятая принцемъ-регентомъ, показываетъ, что онъ раздѣлялъ мнѣніе нѣмецкихъ публицистовъ, говорившихъ, что свиданіе устраивается не просто для личной передачи миролюбивыхъ увѣреній, что императоръ французовъ намѣренъ предложить принцу-регенту планъ территоріальныхъ перемѣнъ, которыя, по мнѣнію императора, будутъ одинаково выгодны и для Франціи и для Пруссіи. Планъ этотъ, по объясненіямъ газетъ, состоялъ въ томъ, что въ замѣнъ рейнскихъ земель, уступаемыхъ Пруссіею Франціи, Франція поможетъ Пруссіи пріобрѣсти Мекленбургъ, Ганноверъ, почти всѣ другія мелкія владѣнія средней Германіи, наконецъ даже королевство Саксонское. Говорили, что даже Баденъ и Вюртембергъ могли въ такомъ случаѣ сдѣлаться прусскими землями; другіе утверждали, напротивъ, что Баденъ и Вюртембергъ сохранили бы свою независимость отъ Пруссіи, составивъ съ Баваріею возобновленный Рейнскій Союзъ подъ покровительствомъ Франціи. Но если было разногласіе о судьбѣ, предназначаемой для трехъ южныхъ второстепенныхъ государствъ Германіи, то всѣ согласно говорили, что среднюю и сѣверную Германію Франція готова предоставить Пруссіи. Въ этомъ тонѣ говорили и французскія полуоффиціальныя газеты. Онѣ объясняли, что Франція, чрезвычайно любя и уважая нѣмецкую націю, съ грустью видитъ ея нынѣшнюю раздробленность, которая мѣшаетъ ей занять между европейскими народами въ политическомъ отношеніи такое же мѣсто, какое принадлежитъ ей въ умственномъ. Но если бы Германія стала могущественнымъ государствомъ при нынѣшнемъ очертаніи восточной французской границы, Франція подверглась бы большой опасности; только это одно и можетъ останавливать французовъ отъ содѣйствія нѣмцамъ въ дѣлѣ нѣмецкаго единства. Если же Германія обезпечитъ Францію уступкою земель до Рейна, тогда Франція дастъ полный просторъ своему сочувствію къ нѣмцамъ; а если Франція скажетъ: „я хочу, чтобы Германія получила единство", кто будетъ въ силахъ помѣшать ему? Эти разсужденія сопровождались похвалами Пруссіи, доказательствами, что Германія можетъ достигнуть единства только тѣмъ, когда вся признаетъ власть Гогенцоллерновъ.

Такіе толки должны были заставить регента прусскаго дѣйствовать со всевозможной осторожностью. Если бы нынѣшніе потомки Фридриха II хотѣли дѣйствовать революціоннымъ путемъ, они, безъ всякой чужой помощи, соединили бы всю Германію подъ свою власть еще въ 1848 и 1849 годахъ, когда франкфуртскій

Digitized by Google

парламентъ предлагалъ королю прусскому императорскую корону. Но династія Гогенцоллерновъ сама не хочетъ этого: она желаетъ поддерживать въ Германіи нынѣшній порядокъ, стремясь только къ тому, чтобы получить перевѣсъ надъ Австріею въ совѣтѣ многочисленныхъ нѣмецкихъ государей. Если бы ей удалось достичь этого, она придала бы нѣсколько побольше силы федеративнымъ связямъ, вѣроятно потребовала бы введенія бо̀льшаго единства команды въ союзной арміи. Но прусское правительство не хочетъ низвергать престоловъ другихъ нѣмецкихъ королей и герцоговъ, оно гнушается такими революціонными мыслями. Если оно хотѣло бы увеличить свое вліяніе, то не иначе, какъ по добровольному соглашенію съ другими германскими династіями.. Принцъ-регентъ прусскій хотѣлъ, чтобы другіе нѣмецкіе владѣтели не могли имѣть никакого сомнѣнія въ его чистотѣ отъ революціонныхъ замысловъ и потому пригласилъ всѣхъ важнѣйшихъ второстепенныхъ государей присутствовать при его свиданіи съ императоромъ французовъ. Они дѣйствительно пріѣхали въ Баденъ.

Ихъ присутствіе отняло всякую возможность говорить императору съ принцемъ-регентомъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ своихъ миролюбивыхъ намѣреній. Консерватизмъ принца прусскаго не допустилъ самой возможности объясненій о томъ, какимъ бы образомъ произвести территоріальныя перемѣны. Такимъ образомъ баденское свиданіе не повело не только къ рѣшенію, но даже и къ предложенію того вопроса, для котораго устраивалось французскимъ правительствомъ.

Но если оно было неудачно для Франціи съ формальной стороны, то могло послужить сильнымъ ободреніемъ для французскихъ мыслей о рейнской границѣ; оно выказало неспособность Нѣмецкаго Союза къ единодушію. Принцъ прусскій, пригласивъ въ Баденъ другихъ нѣмецкихъ владѣтелей, тѣмъ самымъ далъ имъ полнѣйшее ручательство въ своей готовности поддерживать ихъ престолы. Имъ показалось мало этого; они все-таки остались недовѣрчивыми къ Пруссіи и пріѣхали въ Баденъ не съ намѣреніемъ показать императору французовъ свою готовность помогать Пруссіи въ защитѣ національныхъ границъ, а только за тѣмъ, чтобы въ минуту опасности для Германіи потребовать у прусскаго правительства уступокъ. Они положили, прежде чѣмъ явятся присутствовать при свиданіи принца-регента съ императоромъ, изложить принцу-регенту условія, на которыхъ стали бы поддерживать его противъ Франціи, иначе сказать, условія, на которыхъ стали бы защищать отечество. Это объясненіе, происходившее наканунѣ свиданія съ императоромъ французовъ, составляетъ важнѣйшую черту Баденскаго конгресса. Мы ни разу не излагали тѣхъ многочисленныхъ споровъ, какіе ведутся на Нѣмецкомъ Сеймѣ между Пруссіею и остальными нѣмецкими государствами, опирающимися во всѣхъ этихъ случаяхъ на Австрію или поддерживающими ея политику. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы эти неважны въ общей европейской исторіи, а главное, ведутся такъ, что ровно ничего изъ нихъ не выходитъ: послѣ безконечныхъ споровъ все остается по прежнему. Но общій характеръ расногласій между Пруссіею и остальными нѣмецкими государствами теперь состоитъ въ томъ, что Пруссія желала бы поддерживать умѣренно-либеральную партію, а во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ власть принадлежитъ ультра-консервативной партіи. Второстепенные нѣмецкіе владѣтели согласились объявить принцу-регенту, что онъ, въ случаѣ надобности, можетъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе только тогда, если Пруссія откажется отъ своей нынѣшней политики и перейдетъ на сторону край-

Digitized by Google

няго консерватизма. Но принцъ-регентъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился первый высказаться на свиданьи съ ними, чтобы отстранить надобность отвѣчать отказомъ на ихъ требованіе. Дѣйствительно, онъ, не давъ имъ начать говорить, прямо изложилъ программу прусской политики, сказавъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ отступить отъ нея. Послѣ этого напрасно было второстепеннымъ владѣтелямъ высказывать свои требованія, и свиданіе ихъ съ принцемъ прусскимъ обошлось безъ формальнаго спора, который повелъ бы къ открытому разрыву. Но если предусмотрительность принца-регента отклонила явную ссору, то второстепенные владѣтели въ сущности все-таки вышли послѣ разговора съ нимъ, еще болѣе укрѣпившись въ своемъ нерасположеніи къ Пруссіи. Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ свиданія съ императоромъ французовъ, когда общая польза Германіи требовала бы полнаго единодушія. Быть можетъ, способъ дѣйствія второстепенныхъ нѣмецкихъ владѣтелей въ такую рѣшительную минуту поможетъ со временемъ Германіи достичь хорошихъ результатовъ: онъ конечно усиливаетъ между нѣмцами убѣжденіе въ необходимости національнаго единства и разъясняетъ имъ, какого содѣйствія ему должны они ожидать отъ второстепенныхъ владѣтелей; но теперь пока онъ ободряетъ французовъ, видящихъ, что даже опасность не можетъ заставить второстепенныхъ владѣтелей искренно поддерживать Пруссію.

Таковъ результатъ баденскаго свиданія съ точки зрѣнія императора французовъ, съ точки зрѣнія принца-регента прусскаго и самихъ нѣмцевъ, желающихъ національнаго единства. Наполеонъ III, принцъ-регентъ и нѣмецкіе патріоты имѣютъ желанія очень различныя, но всѣ они обращаютъ вниманіе на одну и ту же сторону этого событія. Императоръ французовъ и нѣмецкіе патріоты увидѣли, что прусское правительство даже въ рѣшительную минуту не хочетъ дѣйствовать революціоннымъ способомъ, что оно при защитѣ Германіи хочетъ опираться только на добровольное содѣйствіе второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ; вмѣстѣ съ императоромъ французовъ и нѣмецкими патріотами принцъ прусскій убѣдился, что на это содѣйствіе Пруссія не можетъ полагаться. Вотъ сторона дѣла, занимавшая ихъ. Но Австрія заинтересовалась другою стороною баденскаго свиданія. Она увидѣла, что Франція предлагаетъ Пруссіи уничтоженіе всѣхъ второстепенныхъ владѣній, съ условіемъ, чтобы ей самой получить лѣвый берегъ Рейна. Принцъ-регентъ до того не расположенъ пріобрѣтать увеличеніе своего могущества этимъ путемъ, что устранилъ самую возможность оффиціально предложить ему отдачу подъ его власть всей остальной Германіи за уступку рейнскихъ провинцій. Но вѣнскій кабинетъ все-таки сильно встревожился самымъ существованіемъ такого плана въ Парижѣ. Онъ или не довѣряетъ искренности прусскаго правительства, или думаетъ, что оно можетъ быть приведено обстоятельствами къ принятію политики, которую теперь отвергаетъ. Эта перспектива ужаснула его. Дѣйствительно, если бы исполнился планъ, для переговоровъ о которомъ устраивалось парижскими дипломатами баденское свиданіе, вѣнскій кабинетъ лишился бы тѣхъ вещей, въ которыхъ ставитъ главную свою гордость. Съ незапамятныхъ временъ онъ полагалъ своею славою то, чтобы господствовать надъ второстепенными нѣмецкими государствами, отнимать у Пруссіи вліяніе на нихъ, чтобы управлять ими посредствомъ Германскаго Сейма; удерживать Пруссію на второмъ мѣстѣ въ Германіи, а самому занимать первое, — вотъ въ чемъ находилъ онъ высшее свое удовольствіе. Что же было бы по исполненіи плана, о которомъ французскіе дипломаты хотѣли

Digitized by Google

ворить въ Баденѣ? Присоединивъ къ себѣ всю сѣверную Германію и Саксонскія
мли. Пруссія стала бы сильнѣе Австріи. Если бы уцѣлѣли Баварія, Вюртем-
ргъ и Баденъ, если бы не были они подчинены Пруссіею, они стали бы въ за-
ісимость отъ Франціи и сила вѣнскаго правительства ограничилась бы на западѣ
сѣверѣ предѣлами австрійскихъ владѣній. По мнѣнію австрійскихъ государствен-
ıхъ людей, это было бы величайшимъ несчастіемъ для Австріи. Быть принужден-
ıмъ сосредоточить свои мысли на потребностяхъ населенія самой имперіи, ли-
иться возможности пренебрегать этими потребностями для интригъ противъ Прус-
и между второстепенными нѣмецкими правительствами, — это кажется гибельно
ѣнскимъ государственнымъ людямъ. Они тотчасъ же принялись хлопотать объ
свращеніи такой бѣды. Лучшимъ средствомъ къ тому нашли они заискивать рас-
)ложеніе Пруссіи, чтобы по дружбѣ съ Австріей она отказалась отъ замысловъ,
)торыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ, но имѣетъ по предположенію подозритель-
іго вѣнскаго кабинета: начались переговоры съ Берлиномъ, начались оказываться
іу любезности, начались даже предложенія разныхъ уступокъ по вопросамъ, въ
)торыхъ Австрія до сихъ поръ противилась желанію Пруссіи. Мы не имѣемъ ни-
акой претензіи проникать въ дипломатическіе секреты и по обыкновенію нахо-
имъ, что совершенно достаточны тѣ свѣдѣнія, которыя ни для кого не составляютъ
айны. Факты, напечатанные во всѣхъ газетахъ, показываютъ, что предложеніе
ѣснѣйшаго союза съ Вѣной было принято въ Берлинѣ холодно, и что холодность
роистекала изъ соображенія очень вѣрнаго. Въ какомъ случаѣ и для чего была
ы полезна прусскому правительству дружба австрійскаго? Конечно, только въ
іучаѣ войны противъ внѣшняго врага, а внѣшній врагъ можетъ явиться только
ь запада, потому только для обороны западно-нѣмецкой границы. При нынѣш-
емъ состояніи своихъ финансовъ, при нынѣшнемъ расположеніи своихъ поддан-
ыхъ, можетъ ли австрійское правительство оказать серьезную помощь Пруссіи въ
ойнѣ на Рейнѣ? Въ Берлинѣ думали, что не можетъ. Положеніе австрійскихъ
инансовъ такъ дурно, что серьезной войны съ сильнымъ непріятелемъ Австрія не
южетъ вести, — вѣдь и въ прошломъ году она принуждена была преждевременно
бъявить и черезъ девять недѣль прекратить войну, потому что не имѣла средствъ
ольше содержать войско въ готовности къ войнѣ и дольше содержать его во время
ойны. Но даже и кратковременнаго усилія на Рейнѣ не можетъ она сдѣлать въ
начительномъ размѣрѣ, потому что большую часть своей арміи принуждена дер-
сать въ собственныхъ недовольныхъ провинціяхъ, и на Минчіо по своимъ итальян-
кимъ дѣламъ. Не только не принесла бы для Пруссіи большой выгоды дружба
ъ Австріею, въ случаѣ войны на Рейнѣ, а напротивъ — обратилась бы въ невы-
оду берлинскому правительству. Безъ расположенія со стороны западно-нѣмецкаго
іаселенія нельзя Пруссіи защитить западную свою границу. Если теперь она счи-
іаетъ себя въ силахъ оборонить ее, она основываетъ эту надежду только на томъ,
іто подданные всѣхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ сѣверной и средней
ерманіи считаютъ ее защитницею либеральныхъ учрежденій, представительницею
іаціональнаго единства. Какова бы ни была нелюбовь второстепенныхъ прави-
ельствъ въ Пруссіи, общественное мнѣніе принудитъ ихъ дѣйствовать заодно съ
Іруссіей, въ случаѣ нападенія съ запада. Но союзомъ съ Австріею, при нынѣш-
немъ ея устройствѣ, Пруссія теряла бы свои права на сочувствіе патріотической
іартіи, лишалась бы силы, которая въ минуту опасности доставитъ ей невольную

Digitized by Google

помощь второстепенныхъ правительствъ. Газеты сообщали, что берлинскій кабинетъ соглашается на союзъ съ Австріею только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія получила конституціонное правленіе. Не знаемъ, было ли сказано что нибудь подобное оффиціальнымъ образомъ, но сущность дѣла такова, что полезность австрійскаго союза для Пруссіи дѣйствительно зависитъ отъ этой реформы: только удовлетворивъ желаніямъ своихъ подданныхъ, австрійское правительство пріобрѣтетъ возможность оказывать значительную помощь своимъ союзникамъ въ войнѣ.

Теперь извѣстно, что холодность, съ какою Пруссія приняла первыя предложенія Австріи, смягчена хлопотами вѣнскихъ дипломатовъ, и принцъ-регентъ согласился имѣть въ Тёплицѣ свиданіе съ австрійскимъ императоромъ. Тутъ будутъ ему предложены со стороны Австріи разныя уступки по разнымъ второстепеннымъ вопросамъ. Не знаемъ, удовлетворится ли ими Пруссія, или повторитъ высказанное оффиціальными прусскими газетами условіе союза, — требованіе перемѣны въ австрійской правительственной системѣ. Всего вѣроятнѣе, что свиданіе не приведетъ къ результату, какого ждетъ отъ него Австрія, не склонитъ Пруссію вступить съ ней въ наступательный и оборонительный союзъ; или, еслибы и устроилось на бумагѣ что нибудь похожее на такой союзъ, все-таки онъ будетъ имѣть значеніе почти только на одной бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ: Вѣнскому кабинету было бы слишкомъ трудно искренно отказаться и отъ прежней своей политики во внутреннихъ дѣлахъ, и отъ прежнихъ своихъ притязаній на преобладаніе въ Германіи. А безъ искренней уступки со стороны Австріи по обоимъ этимъ отношеніямъ, Пруссія не будетъ находить выгоды въ союзѣ съ нею. Но мы вовсе не то и доказывали, что вѣнскій кабинетъ вступитъ въ тѣсный союзъ съ Пруссіею,—это было бы несогласно съ преданіями австрійской системы; точно также, мы вовсе не доказывали, что онъ непремѣнно сдѣлаетъ серьезныя уступки, — напротивъ, мы много разъ говорили, что онѣ несовмѣстны съ его системою, — мы хотѣли только сказать, что уступки требуются отъ него со всѣхъ сторонъ.

Тѣ же самыя газеты, которыя доказываютъ необходимость рейнской границы для Франціи, стараются подготовлять Францію къ войнѣ съ Англіей. Въ своемъ усердіи отъискивать поводы къ войнѣ онѣ доходятъ до странностей. Такъ, напримѣръ, онѣ утверждали, что Англія устроила недавній заговоръ карлистовъ въ Испаніи, чтобы овладѣть этою страною во время междоусобной войны. Мы ничего не говорили объ этомъ карлистскомъ заговорѣ, потому что онъ не стоилъ никакого вниманія. Одинъ изъ генераловъ, собравъ подчиненныя ему войска, объявилъ, что правительство приказало ему вести ихъ въ Мадритъ и они пошли, ничего не подозрѣвая. Но лишь только онъ объявилъ имъ, что хочетъ дѣйствовать въ пользу графа Монтемолина, они тотчасъ же бросили его; онъ былъ арестованъ и поплатился жизнью за измѣну. Претендентъ и его второй братъ, явившіеся въ Испанію, легко были взяты въ плѣнъ и вся исторія кончилась безъ малѣйшихъ хлопотъ для испанскаго правительства. Труднѣе бываетъ полиціи разогнать какой нибудь десятокъ пьяныхъ буяновъ, чѣмъ было для О'Доннеля и его товарищей сладить въ возставшими реакціонерами. Англія помогла утвердиться въ Испаніи нынѣшней формѣ правленія, всегда поддерживала ее и не можетъ не поддерживать. Нужно слишкомъ горячее воображеніе, чтобы придумать, будто бы она помогала теперь или когда нибудь вздумаетъ помогать карлистамъ. Но французскія полуоффиціальныя газеты говорили это и выводили изъ такого обвиненія

необходимость усмирить Англію, чтобы она не нарушала спокойствіе Европы. Точно такой же выводъ дѣлали онѣ изъ сицилійскихъ событій. Гарибальди оказывался у нихъ агентомъ Пальмерстона и пріѣхалъ въ Сицилію за тѣмъ, чтобы покорить ее для англичанъ. Изъ этого опять слѣдовало, что надобно отнять у Англіи средства поднимать смуты въ Европѣ, что пока французы не возьмутъ Лондона, до тѣхъ поръ Европа не будетъ имѣть мира. Наконецъ явилась брошюра, пустившаяся въ такія соображенія, какихъ не отваживались сдѣлать полуоффиціальныя газеты. Эта брошюра называется „Макъ-Магонъ, король Ирландскій". Она собираетъ изъ старинныхъ книгъ факты о страдальческомъ положеніи ирландцевъ, не обращая вниманія на то, что многія изъ прежнихъ бѣдствій Ирландіи теперь уже исчезли, а другія постепенно измѣняютъ свой характеръ, и что Ирландія съ каждымъ годомъ приближается къ тому положенію, въ какомъ находится сама Англія. Брошюра доказываетъ, что ирландцы лишены всѣхъ правъ (хотя они теперь пользуются совершенно такими же правами, какъ англичане), что англійскіе протестанты угнетаютъ ирландскихъ католиковъ (хотя католическое духовенство пользуется въ Ирландіи гораздо большею свободою, чѣмъ въ самой Франціи, и давно уничтожена всякая политическая разница между протестантами и католиками); изъ этого брошюра выводитъ, что ирландцамъ для достиженія религіозной свободы и политическихъ правъ необходимо возстать противъ Англіи, выбрать своего особеннаго короля, и находитъ, что лучше всего они сдѣлаютъ, если выберутъ королемъ маршала Макъ-Магона.

Разумѣется, все это не больше, какъ шалости, но онѣ показываютъ систематическое стремленіе раздражить старинную вражду французовъ къ Англіи.

Всѣ эти обстоятельства и множество другихъ фактовъ такого же рода не даютъ англичанамъ свободы думать ни о чемъ, кромѣ приготовленій къ оборонѣ своей земли. Читатель знаетъ, какъ дѣятельно ведутся эти приготовленія. Гавани и прибрежныя крѣпости вооружаются, и теперь газеты заняты разсужденіями о томъ, какъ укрѣпить Лондонъ, чтобы непріятельская армія не могла приблизиться къ нему и тогда, если прорвется черезъ цѣпь прибрежныхъ укрѣпленій и если опрокинетъ англійскія войска, которыя встрѣтитъ по дорогѣ. Сильное развитіе волонтеровъ, которыхъ считается теперь до 120,000, которые всѣ вооружены штуцерами и уже пріучились хорошо стрѣлять и очень порядочно маневрировать, много ободряетъ англичанъ. Смотръ лондонскихъ волонтеровъ, недавно происходившій въ Гайдъ-Паркѣ, показалъ, что они выучились даже маневрировать очень не дурно; а мѣткостью стрѣльбы и совершенствомъ оружія они превосходятъ линейную пѣхоту французской арміи,—это доказано происходившимъ на дняхъ состязаніемъ въ стрѣльбѣ на призы. Но все-таки высадка непріятельской арміи нанесла бы громадныя потери Англіи, хотя, безъ малѣйшаго сомнѣнія, и кончилась бы совершеннымъ истребленіемъ высадившагося непріятеля. Волнуясь этимъ опасеніемъ, англійское общество не имѣетъ досуга заняться никакими важными внутренними вопросами. Лордъ Россель принужденъ былъ взять назадъ свой билль о реформѣ, потому что публикѣ было не до парламентской реформы, а безъ большаго понужденія со стороны общественнаго мнѣнія нельзя провести черезъ парламентъ этого дѣла, нарушающаго интересы всей торійской партіи и очень многихъ депутатовъ изъ партіи виговъ. Столь же ясно свидѣтельствуетъ о невозмож-

Digitized by Google

ности заниматься внутренними вопросами другое дѣло, для объясненія котораго надобно войти въ нѣкоторыя подробности.

Одною изъ главныхъ реформъ въ системѣ налоговъ, по бюджету предложенному Глэдстономъ, было отмѣненіе налога на писчую бумагу. Онъ доставляетъ около 8,500,000 рублей серебромъ дохода, но сильно затрудняетъ распространеніе дешевыхъ изданій, то есть, разлитіе образованности въ массѣ народа, и кромѣ того стѣсняетъ очень многія отрасли промышленности, употребляющія оберточную бумагу. Люди, сочувствующіе просвѣщенію массы, давно требовали его уничтоженія. Но уничтожить его, значило бы навсегда перенести тяжесть, слагаемую такимъ образомъ съ косвенныхъ налоговъ, на прямые налоги и собственно на налогъ съ доходовъ, которымъ особенно недовольны землевладѣльцы, пользовавшіеся до его учрежденія почти совершенною свободою отъ всякихъ налоговъ. Налогъ на доходы то повышается, то понижается, смотря по государственной надобности; но уничтоженіе налога на бумагу дѣлало бы необходимостью постоянно брать съ доходовъ одною половиною процента больше, чѣмъ нужно при его сохраненіи. Само собою разумѣется, что такая реформа должна была возбуждать сильное неудовольствіе въ палатѣ лордовъ, служащей представительницею землевладѣльческихъ интересовъ. Землевладѣльческая партія располагаетъ и въ палатѣ общинъ почти цѣлою половиною голосовъ: всѣ тори — или землевладѣльцы, или представители землевладѣльцевъ. Если бы общественное мнѣніе могло сильно заниматься теперь внутренними реформами, нѣкоторые тори въ палатѣ общинъ уступили бы его вліянію и билль объ уничтоженіи налога на бумагу прошелъ бы черезъ палату общинъ съ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но теперь ни одинъ тори не видѣлъ надобности жертвовать своими разсчетами, и большинство на сторонѣ билля оказалось очень не большое. Палата лордовъ ободрилась. Кромѣ того у ней былъ очень благовидный предлогъ. При нынѣшнемъ шаткомъ положеніи дѣлъ, правительство не должно лишать себя запасныхъ средствъ на чрезвычайные расходы, говорили противники билля: на всякій случай лучше имѣть слишкомъ милліонъ фунтовъ избытка доходовъ, чѣмъ имѣть бюджетъ, въ которомъ доходы только уравновѣшивались бы съ расходами. Палата лордовъ отвергла билль.

Основателенъ ли предлогъ, подъ которымъ она отвергла его, дѣйствительно ли палата общинъ поступала неосторожно, уничтожая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ налогъ, доходъ съ котораго былъ бы запасомъ на экстренные расходы,— не въ томъ дѣло. Надобно полагать, что Глэдстонъ и манчестерская партія, требовавшіе отмѣны налога на бумагу, понимаютъ финансовыя дѣла гораздо лучше, чѣмъ лорды; составитель билля и его защитники, проницательнѣйшіе и опытнѣйшіе финансовые люди въ цѣлой Европѣ, вѣроятно понимали, что они дѣлали, вѣроятно обдумали, откуда взять денегъ на экстренные расходы, и вѣроятно въ ошибкѣ были не они, а большинство палаты лордовъ, отличающееся допотопными понятіями. Теперь это уже доказано дополнительнымъ бюджетомъ Гладстона, по которому деньги на экстренные расходы китайской войны получаются черезъ повышеніе налога на спиртные напитки. Но все равно: пусть Глэдстонъ и его защитники ошибались, пусть основательность разсчета была на сторонѣ палаты лордовъ. Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, имѣетъ ли палата лордовъ право вмѣшиваться въ финансовыя дѣла. По духу англійской конституціи, власть надъ финан-

Digitized by Google

ии принадлежитъ исключительно палатѣ общинъ. Палата лордовъ превысила ю власть, нарушила конституцію, вздумавъ отвергнуть финансовую мѣру, притую палатою общинъ. Въ иное время, когда вниманіе націи не было бы отвлеэо отъ внутреннихъ дѣлъ заботами иностранной политики, палата лордовъ не зажилась бы на такое дѣло, а если бы отважилась, то потерпѣла бы жестокое ражѳніе. Общественное мнѣніе потребовало бы, чтобы палата общинъ поддерла свои права, палата общинъ приняла бы суровыя рѣшенія противъ палаты рдовъ, и мало того, что принудила бы лордовъ уступить въ этомъ вопросѣ,— ло кончилось бы тѣмъ, что они вообще потеряли бы часть своихъ привилегій. перь не то. Націи нѣтъ времени заниматься спорами по внутреннимъ дѣламъ, прогрессивная партія въ палатѣ общинъ не можетъ сдѣлать ничего противъ тори, увствующихъ лордамъ. Комитетъ, назначенный палатою общинъ для изслѣдонія дѣла, постарался замять его и оно кончилось неопредѣленнымъ, слабымъ, чего не рѣшающимъ протестомъ.

Какъ будто мало было въ Европѣ поводовъ публицистамъ и государственнымъ дямъ разныхъ націй спорить, недовѣрять, опасаться, возникло на Востокѣ очень искорбное обстоятельство, служащее новою причиною взаимнаго недовѣрія. Мы будемъ подробно разсказывать о событіяхъ, происшедшихъ на Ливанскомъ ебтѣ, потому что они принадлежатъ къ вещамъ, очень обыкновеннымъ въ Сиріи: узы, соединившись съ мусульманами, напали на племена, исповѣдующія хриіанство, разграбили и выжгли деревни и города, которыми могли овладѣть, изсиловали женщинъ, перерѣзали всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Турецкіе солдаты могали разбойникамъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей во всей Турціи, тѣмъ лѣе въ Сиріи, гдѣ мусульмане особенно фанатичны и наглы. Безчисленные опыты казали, что турецкое правительство не хочетъ, да еслибъ и хотѣло, то не моэтъ избавить своихъ подданныхъ (не однихъ христіанъ, но даже и тѣхъ мусульнъ, которые занимаются мирными промыслами) отъ грабежей и всякихъ насилій. о европейскія державы до сихъ поръ ограничиваются полумѣрами, по взаимному перничеству. Такъ и теперь, конечно, ничего прочнаго не выйдетъ изъ вмѣшальства, на которое онѣ рѣшились. Французскіе, англійскіе и другіе корабли поаны въ Бейрутъ. Ихъ появленіе остановитъ разбойниковъ, но черезъ годъ, чеэъ два возобновится та же исторія. Газеты очень много толкуютъ теперь о сирійихъ дѣлахъ, даже разсуждаютъ о важныхъ перемѣнахъ, которыя произойдутъ ъ нихъ въ европейской политикѣ. Само собою разумѣется, что все это не больше, къ праздные толки. Тысячи людей въ Сиріи перерѣзаны, десятки тысячъ ограбны; теперь, можетъ быть, будетъ убито нѣсколько десятковъ убійцъ,—тѣмъ дѣло кончится до слѣдующаго точно такого же случая. Причины къ перемѣнамъ въ ношеніяхъ между европейскими державами даются самой Европою, а не Азіею.

Палермская корреспонденція Times'a.

(въ извлеченіи).

5 іюня, въ два часа дня, Ланца прислалъ офицера къ Гарибальди съ предоженіемъ, что неаполитанцы готовы очистить королевскій дворецъ и всѣ другія эзиціи, занимаемыя ими въ городѣ, если ему будетъ позволено удалиться въ эверо-восточную часть гавани, гдѣ находится молъ.

Digitized by Google

„Городъ образуетъ почти правильный параллелограммъ, который тянется отъ берега къ горамъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ сѣверномъ углу его, на берегу, стоитъ цитадель, занимаемая войсками. На противоположномъ углу параллелограмма стоитъ дворецъ, подлѣ него бастіонъ, образующій западный конецъ города, и рядъ большихъ зданій на площади передъ дворцомъ, — этотъ бастіонъ и зданія, вмѣстѣ съ дворцомъ, были заняты неаполитанцами. На юго западной сторонѣ, отъ морскаго берега до терминскихъ воротъ, тянется одно большое зданіе, мимо котораго идутъ два шоссе, одно въ Мессину, другое въ Катанію. Почти параллельно съ морскимъ берегомъ идетъ дорога въ Трапани; направо отъ этой дороги, въ трехъ миляхъ отъ города, находится большая открытая мѣстность, прилегающая одною стороною къ трапанской дорогѣ, а другою къ Monte Pellegrino. Мѣстность эта называется лагеремъ, потому что служила полемъ для маневровъ королевскимъ войскамъ. Вотъ на ней-то хотѣли сосредоточиться неаполитанцы, оставивъ королевскій дворецъ“.

Она представляла для нихъ то главное удобство, что находилась подлѣ гавани, и просьба перейти на нее изъ королевскаго дворца уже показывала, что Ланца оставилъ всякую мысль о продолженіи борьбы, думая только объ отъѣздѣ изъ Палермо. Но переговоры объ этомъ были прерваны возвращеніемъ генерала Летиціи изъ Неаполя. Онъ привезъ полномочіе генералу Ланца заключить капитуляцію.—Неаполитанскіе командиры совершенно упали духомъ, потому что никакъ не ожидали нападенія на Палермо, а когда началось оно, никакъ не хотѣли воображать, что перевѣсъ останется на сторонѣ Гарибальди. При самомъ началѣ сраженія они послали въ Неаполь извѣстіе, что Гарибальди окруженъ въ городѣ и къ вечеру будетъ взятъ въ плѣнъ со всѣми волонтерами и инсургентами. Эта самоувѣренность ихъ, конечно, была одною изъ причинъ долгихъ колебаній неаполитанскаго правительства, которое никакъ не могло повѣрить безнадежности положенія своихъ войскъ въ Палермо, такъ недавно еще получивъ отъ нихъ совершенно противоположныя извѣстія.

На другой день по возвращеніи Летиціи, 6 іюня, заключена была капитуляція объ отъѣздѣ неаполитанскихъ войскъ изъ Палермо; ее подписали со стороны неаполитанцевъ генералъ Колонна, а со стороны Гарибальди полковникъ Туррь. Но кромѣ этой капитуляціи, немедленно обнародованной, была заключена секретная конвенція, подписанная самимъ Гарибальди и генераломъ Летиціею. Она опредѣляла разныя подробности условій, заключавшихся въ капитуляціи, и говорила о размѣнѣ плѣнныхъ. Срока для отъѣзда неаполитанцамъ не назначалось, по невозможности опредѣлить, во сколько дней успѣютъ они кончить сборы; было только сказано, что они всячески будутъ спѣшить ими, и дѣла ихъ были такъ дурны, что они дѣйствительно очень торопились. Королевскій дворецъ съ сосѣдними зданіями былъ очищенъ 7 іюня, на другой день по заключеніи капитуляціи. Всѣ неаполитанскія войска оттуда перешли на лагерное поле у гавани.

Отправленіе неаполитанскихъ войскъ изъ Палермо началось 7 іюня. Сами неаполитанскіе офицеры признавались, что ихъ солдаты занимаются грабежемъ: но повидимому не принималось никакихъ мѣръ для возстановленія между ними дисциплины и грабежъ продолжался. Такъ, напримѣръ, они разграбили въ королевскомъ дворцѣ все серебро, весь гардеробъ, все столовое бѣлье, такъ что въ дворцѣ остались однѣ голыя стѣны. Когда королевскій дворецъ съ сосѣдними кварталами былъ сданъ Гарибальди, онъ повсюду въ этой части города разставилъ караулы изъ своихъ альпійскихъ стрѣлковъ, приказавъ имъ никого не пу-

Digitized by Google

скать туда: во-первыхъ, для того чтобы не было воровства, а во-вторыхъ, и потому, что не безопасно было входить въ эти кварталы; полуразрушенные бомбами дома безпрестанно падали, а отъ множества заваленныхъ развалинами труповъ, воздухъ былъ заразителенъ. Первою заботою Гарибальди было велѣть ломать стѣны домовъ, грозившихъ паденіемъ, собирать изъ-подъ развалинъ трупы и хоронить ихъ.

„Палермское городское начальство назначило коммиссію для осмотра этихъ кварталовъ и представленія отчета о ихъ положеніи. Палермцы надѣются, что отчетъ будетъ подписанъ всѣми генеральными консулами. Русскій генеральный консулъ можетъ тутъ говорить по опыту: въ его собственный домъ упала бомба и онъ видѣлъ въ немъ послѣдствія бомбардировки. То же можно сказать и о британскомъ консулѣ. Другимъ надобно только пройти по улицамъ, чтобы пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Окрестности города поучительны въ этомъ отношеніи не меньше самаго города. Идите по какому хотите направленію,—въ Фавориту, въ Монреале, въ Гуанданью, вездѣ вы увидите, что почти каждый домъ сожженъ или разграбленъ. Грабежъ этотъ не можетъ извиняться и боевымъ безпорядкомъ, потому что всѣ окрестности города были ограблены еще до появленія Гарибальди.

„Но неаполитанцы скоро пожали то, что посѣяли. Этотъ грабежъ, который они поощряли для воодушевленія своихъ солдатъ, былъ одною изъ главныхъ причинъ ихъ пораженія. Сами неаполитанскіе генералы начали надъ своимъ войскомъ то дѣло, которое Гарибальди только довершилъ. Вспоминая, съ какою горстью людей явился Гарибальди, нельзя было не изумляться его почти баснословному успѣху при взглядѣ на неаполитанскія войска, шедшія по городу третьяго дня. Ихъ было по крайней мѣрѣ тысячъ четырнадцать человѣкъ, здоровыхъ, высокаго роста, превосходно вооруженныхъ, снабженныхъ сильною артиллеріею. Только тогда, когда начали они отступать, мы увидѣли, какъ сильны они были. Но подъ блестящею наружностью господствовала въ нихъ совершенная испорченность, дѣлавшая ихъ неспособными къ битвѣ. Думая только о грабежѣ, солдаты вышли изъ повиновенія, и офицеры боялись ихъ больше, чѣмъ непріятеля; а изъ офицеровъ многіе имѣютъ либеральный образъ мыслей и сами неохотно сражались.

„Неаполитанское правительство хотѣло имѣть армію, на которую могло бы полагаться, которая была бы чужда новыхъ идей. Конскрипція доставила ему солдатъ, но солдаты ничего не значатъ безъ офицеровъ. Хорошихъ офицеровъ могъ бы дать образованный классъ, но именно онъ былъ противникомъ господствующей системы; мало людей изъ этого класса поступало въ армію, да и тѣ, которые поступали, казались подозрительными. Потому офицерское сословіе составлялось или изъ стариковъ, бывшихъ въ прежней арміи (до 1848 года) и остававшихся на службѣ только по неспособности прокормиться какимъ нибудь другимъ занятіемъ, или изъ аристократической молодежи. Такимъ образомъ явилось два разряда офицеровъ: одинъ блестящій, годный только для парадовъ, другой погрязшій въ рутинѣ. Ни тотъ, ни другой не могъ пробуждать хорошаго духа въ солдатахъ. Я былъ изумленъ, смотря на офицеровъ отступавшаго войска: всѣ они старики. Капитанъ безъ сѣдыхъ волосъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ.—Унтеръ-офицеры еще меньше офицеровъ соотвѣтствовали надобности правительства. Неаполитанскіе поселяне такъ невѣжественны, что дѣлать ихъ унтеръ-офицерами нельзя; въ эти чины по необходимости производились бѣдные люди средняго сословія, которое враждебно господствующей системѣ. О ихъ вліяніи на войско можно судить по тому факту, что по крайней мѣрѣ три четверти дезертировъ, перешедшихъ къ намъ,—унтеръ-офицеры. Армія имѣла блестящій видъ, но въ дѣло не годилась.

„Еще до прибытія Гарибальди, еще до начала сицилійскаго возстанія обнаружились симптомы, изъ которыхъ правительство могло видѣть ненадежность войскъ. Восьмой и десятый полки, получивъ приказаніе двинуться во внутренность Сициліи, не захотѣли идти и выказали такой духъ неповиновенія, что пришлось совершенно переформировать ихъ. Легкость, съ какою было подавлено возстаніе въ самомъ Палермо, бо-

Digitized by Google

гатая добыча, награбленная солдатами въ Ганчскомъ монастырѣ, — все это вновь возстановило самоувѣренность войска. Такія мысли были поддержаны успѣхомъ экспедицій въ Карини, Партенико и т. д. Толпы инсургентовъ, обмѣнявшись издали выстрѣлами, отступали въ горы. Солдаты, вмѣсто того чтобы преслѣдовать ихъ, бросались в города, жгли, грабили и рѣзали.

„Прибытіе Гарибальди измѣнило мысли войска. Сначала неаполитанцы надѣялись на свою многочисленность, и если бы первая встрѣча была удачна для нихъ, неаполитанская армія быть можетъ и стала бы сражаться; но при Калата-Фими 500 человѣкъ альпійскихъ стрѣлковъ погнали съ одной позиціи на другую отрядъ, имѣвшій до 4000 человѣкъ. Будучи поражены при такомъ числительномъ превосходствѣ, неаполитанскіе солдаты упали духомъ“.

Мастерскіе маневры Гарибальди подъ Палермо заставили неаполитанскихъ офицеровъ и солдатъ не вѣрить своему искусству и своимъ генераламъ. Потомъ трехдневная уличная борьба совершенно подорвала всякую дисциплину въ неаполитанцахъ, занимавшихся не столько битвами, сколько грабежемъ.—Сказавъ о прибытіи нѣсколькихъ новыхъ волонтеровъ изъ Италіи, корреспондентъ Times'а замѣчаетъ, что вся армія центральной Италіи отправилась бы въ Сицилію, еслибъ только позволили ей, и послѣ того продолжаетъ:

„Сардинское правительство винили въ томъ, будто бы оно покровительствовало экспедиціи Гарибальди, между тѣмъ какъ оно дѣлало все, что могло, чтобы помѣшать ей, и если экспедиція все-таки устроилась, то единственно благодаря средствамъ, какія имѣлъ самъ Гарибальди. Если бы сардинское правительство благопріятствовало экспедиціи, или хотя смотрѣло на нее сквозь пальцы, то неужели задержало бы оно 12 или 15 тысячъ ружей, которыя были закуплены у Гарибальди на деньги, доставлявшіяся ему изъ цѣлой Европы?“

Черезъ нѣсколько дней, сообщивъ извѣстіе о томъ, какъ идетъ отправка неаполитанскихъ войскъ, корреспондентъ замѣчаетъ:

„Между неаполитанцами есть люди, надѣющіеся вернуться сюда мѣсяца через два. Они вѣроятно надѣются на повтореніе того, что было въ 1848 году, когда сицилійцы пропустили цѣлыхъ семнадцать мѣсяцевъ безъ всякихъ заботъ организовать свою армію. Но если нѣкоторые обольщаютъ себя такою мечтою, то на большинство произвели совершенно противное впечатлѣніе нынѣшними происшествіями. Очень многіе, особенно тѣ, которые говорили съ Гарибальди, обратились въ итальянцевъ, и нѣкоторые офицеры выражали надежду, что скоро будутъ сражаться рядомъ съ нимъ за итальянское дѣло“.

Описывая систему притѣсненія, отъ которой избавились теперь сицилійцы, корреспондентъ Times'а замѣчаетъ:

„Какую же пользу принесъ этотъ терроризмъ? Онъ не успѣлъ воспрепятствовать составленію заговора. Принимались крутыя мѣры, арестовали людей цѣлыми толпами, и все-таки полиція не могла открыть истинныхъ руководителей заговора. Прокламаціи секретнаго комитета были прибиты на стѣнахъ по всѣмъ улицамъ. Какъ только Гарибальди высадился, секретный комитетъ открылъ правильныя сообщенія съ нимъ и уведомлялъ его о всѣхъ движеніяхъ войскъ; а неаполитанцы, какъ ни подкупали и какъ ни грозили имъ, не могли ничего узнавать о движеніяхъ Гарибальди, и не могли устраивать сообщеній между разными своими отрядами. Фонъ-Михель, возвращаясь изъ похода на Корлеоне и дошедши до Мисильмери, предлагалъ 500 червонцевъ тому, кто пронесетъ черезъ городъ письмо отъ него къ войскамъ, стоявшимъ въ королевскомъ дворцѣ; никто не взялся исполнить это. Каждый сицилiецъ зналъ, когда Гарибальди прійдетъ въ Мисильмери; всѣ говорили объ этомъ, а между тѣмъ неаполитанцы

Digitized by Google

знали ничего. Самъ генералъ Летиція говорилъ, что наканунѣ вступленія Гарибальди въ Палермо, уже вечеромъ, онъ прогуливался по берегу съ генераломъ Ланцею и они поздравляли другъ друга съ успѣхомъ дѣйствій противъ Гарибальди, полагая, что дѣло уже кончено. „Мы легли спать, говорилъ онъ, радуясь тому, что кончились всѣ опасности, а поутру были пробуждены извѣстіемъ, что Гарибальди стоитъ въ Палермо“.

Понемногу палерицы переставали бѣгать по улицамъ и кричать, какъ сумасшедшіе отъ восторга; но все-таки они умѣли сдерживать себя только пока не видѣли Гарибальди: при его появленіи по прежнему сбѣгались толпы и поднимался восторженный гвалтъ. Это поклоненіе такъ надоѣло скромному генералу, что онъ перестал̕ъ показываться на улицахъ днемъ, выходя обозрѣвать городъ лишь на зарѣ, пока всѣ еще спятъ. Онъ даже перенесъ главную свою квартиру на край города, чтобы избѣжать толпы, постоянно осаждавшей его. Заботы его были поровну раздѣлены между облегченіемъ участи пострадавшихъ жителей Палермо и формированіемъ войска.

„Волонтеры, пріѣхавшіе къ Гарибальди, обращены въ кадры для двухъ бригадъ; эти кадры будутъ наполняться молодыми людьми изъ палермской провинціи, отъ 20 до 30 лѣтъ. Дѣло идетъ очень успѣшно. Когда Медичи привезетъ своихъ волонтеровъ, при ихъ помощи легко будетъ составить въ одинъ мѣсяцъ армію отъ 20 до 25 тысячъ человѣкъ. Артиллерія также устроивается. Въ Палермо есть большая литейная, сдѣлавшая въ 1849 году нѣсколько очень хорошихъ пушекъ; она теперь возобновила работу; колоколовъ въ Сициліи много, потому недостатка въ металлѣ не будетъ. Если такъ будетъ продолжаться, то Гарибальди осуществитъ похвальбу Помпея: ему даже не нужно и топнуть ногой, чтобы явились легіоны. Секретъ его искусства въ томъ, чтобы отбрасывать безполезныя формальности и все упрощать. Ранцевъ у его солдатъ нѣтъ. Каждый кладетъ въ карманъ своей блузы рубашку и другія нужныя ему вещи; только благодаря этому облегченію, возможны были необычайные переходы, кончившіеся взятіемъ Палермо“.

14 іюня генералъ Летиція пріѣзжалъ увѣдомить Гарибальди о скоромъ отъѣздѣ послѣднихъ неаполитанскихъ войскъ и просить его о принятіи мѣръ, чтобы отъѣзду ихъ не было препятствій.

„Неаполитанцы постоянно мучились мыслью, что Гарибальди, при всемъ своемъ желаніи, не въ силахъ будетъ удержать горожанъ и инсургентовъ. Именно для того, чтобы нѣсколько обезпечить себя отъ ихъ нападенія, они условились по восьмой статьѣ конвенціи освободить семь человѣкъ, бывшихъ у нихъ подъ арестомъ, только тогда, когда послѣдніе солдаты сядутъ на корабли. Безпокойство ихъ усиливается тѣмъ, что они плохо полагаются на свои войска, потому на всѣхъ передовыхъ постахъ они поставили иностранные батальоны. Напрасная предосторожность: духъ непослушанія овладѣлъ и этими батальонами точно такъ же, какъ неаполитанскими войсками. Съ того времени, какъ иностранные батальоны заняли передовые посты, болѣе ста человѣкъ изъ нихъ дезертировали; изъ этихъ дезертировъ сформирована теперь особая рота. Отъ Гарибальди они получаютъ больше жалованья, чѣмъ отъ неаполитанцевъ, и имѣютъ хорошую пищу, которой не имѣли у неаполитанцевъ. Неаполитанскіе солдаты продовольствуются одними сухарями и солониной, но и солонина дается имъ рѣдко: ихъ корабли такъ спѣшатъ перевозкой войскъ, что не успѣваютъ нагружаться провизіей, отходя назадъ въ Палермо. Потому неаполитанскія войска находятся въ самомъ тяжкомъ положеніи. Сами неаполитанцы видятъ, что солдатъ надобно совершенно вновь переформировать, прежде чѣмъ снова вести въ дѣло. А неаполитанскіе офицеры не имѣютъ никакой охоты сражаться. Зараза „итальянской идеи“ охватила ихъ почти всѣхъ. Противъ сицилійцевъ у нихъ еще остается сильная нелюбовь, но когда они встрѣчаются съ Гарибальди и его итальянскими волонтерами, они смотрятъ на нихъ скорѣе какъ

Digitized by Google

насотоварищей, чѣмъ какъ на противниковъ. Такъ подѣйствовали на нихъ слова Гарибальди и образъ его дѣйствій. Онъ поступалъ съ ними не какъ съ врагами, а какъ съ заблуждающимися друзьями, дѣлалъ въ ихъ пользу все, что могъ, не пользуясь ихъ несчастнымъ положеніемъ; онъ не старался унижать ихъ, выказывать свое превосходство, напротивъ, всячески отстранялъ все, чѣмъ они могли бы оскорбляться. Смотря на его дѣйствія, они убѣждались въ неспособности своихъ генераловъ. Они видятъ также, что молодые люди быстро возвышаются въ національной арміи, если имѣютъ дарованія, и невольно сравниваютъ съ этимъ систему фаворитизма, господствующую въ ихъ войскѣ. Если бы неаполитанское правительство не приняло предосторожности, не увезло въ Неаполь семейства своихъ офицеровъ, чтобы имѣть заложниковъ въ ихъ вѣрности, многіе офицеры перешли бы къ Гарибальди“.

Гарибальди отвѣчалъ Летиціи, что отъѣздъ послѣднихъ отрядовъ будетъ безопасенъ. Когда американцы, бывшіе въ Палермо, узнали, что неаполитанцы взяли на открытомъ морѣ корабль подъ американскимъ флагомъ, они начали разсуждать въ такомъ смыслѣ, что корреспондентъ Times'а пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Если общественное мнѣніе Европы не вмѣшается въ это дѣло, на Средиземномъ морѣ явятся американскіе крейсеры, которые съ радостью станутъ овладѣвать всѣми неаполитанскими и австрійскими кораблями“.

По свѣдѣніямъ, доходившимъ до Палермо, онъ считалъ, что около 15 іюня, кромѣ войскъ отъѣзжавшихъ изъ Палермо, остается въ Сициліи не больше 4,500 человѣкъ неаполитанскихъ войскъ. Изъ нихъ около 3,000 въ Мессинѣ и около 1,500 въ Сиракузахъ. Большая часть Мессинскаго гарнизона была уже переправлена тогда въ Неаполь для борьбы съ возстаніями, которыхъ ждали въ Калабріи, въ Абруццо и въ самомъ Неаполѣ.

16 іюня явился декретъ Гарибальди, распускающій отряды инсургентовъ; корреспондентъ Times'а по этому случаю дѣлаетъ общій очеркъ роли, которую они играли въ военныхъ дѣйствіяхъ.

„Изъ моихъ разсказовъ вы видѣли, что устройство этихъ squadre было рѣшительно несовмѣстно съ правильной военной организаціей. Ихъ неспособность къ правильной войнѣ достаточно доказана событіями 1848 и 1849 годовъ. По спискамъ числилось тогда въ squadre не менѣе 60,000 человѣкъ, которые являлись въ ряды, когда неаполитанцы были далеко, и исчезали съ приближеніемъ непріятеля. Хуже всего было, что ихъ существованіе обольщало народъ надеждою, будто бы существуетъ національная армія и не нужно никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ заботы объ увеличеніи числа ихъ. Каждый становился тогда организаторомъ отрядовъ и выдумщикомъ мундировъ; самосозданные полковники и майоры возникали сотнями. Паденіе Мессины разсѣяло иллюзію. 15,000 этого войска, бывшаго въ Мессинѣ, скрылось при видѣ швейцарцевъ и неаполитанцевъ: squadri торопливо разошлись по домамъ, зарыли свое оружіе и стали мирными гражданами. На защиту Мессины осталось только четыре батальона юношей, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, которыхъ прежде презирали. Палермо ужаснулся, но было уже поздно поправлять дѣло.

„Но въ надгробной рѣчи всегда перечисляются похвальныя качества умершаго, и я скажу, что благодаря этимъ squadri поддерживалось сицилійское движеніе до прибытія Гарибальди: безъ нихъ ему не было бы случая пріѣхать въ Сицилію. Всѣ большіе прибрежные города были такъ подавлены гарнизонами, что не имѣли средствъ ничего дѣлать. Неаполитанцы каждые два или три мѣсяца дѣлали поискъ для всеобщаго обезоруженія сицилійцевъ и обыски эти производились такъ успѣшно, что оружія въ городахъ почти не оставалось. По деревнямъ не было возможности достичь этого и осталось очень много ружей, несмотря на всѣ поиски. Кромѣ того, неаполитанцы

Digitized by Google

не могли занимать военными отрядами всю внутренность острова, чтобы не допустить собираться вооруженнымъ людямъ. Попытки возстанія, начавшіяся въ городахъ, заставили ихъ еще больше прежняго сосредоточиться тамъ, оставивъ на волю судьбы внутренность острова. Напрасно посылали они летучія колонны по большимъ дорогамъ: колонны шли по острову, какъ корабли идутъ по морю, вытѣсняя на время воду, но не оставляя за собою никакихъ слѣдовъ: какъ только уходила колонна, за нею опять собирались squadri. Эта пустая игра вѣчно тянулась бы такъ, если бы Гарибальди съ своими волонтерами не явился покончить ее. Онъ сосредоточилъ и повелъ съ собою этихъ герильясовъ, оказавшихся очень полезными во время наступательныхъ дѣйствій. Правда, немногіе изъ нихъ держались на своемъ мѣстѣ. встрѣчаясь съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ; но, отступая, они опять подбѣгали къ нему съ другой сторовы и безпрестанно стрѣляли: потому неаполитанцамъ казалось, что они со всѣхъ сторонъ окружены легіонами инсургентовъ и что инсургенты не бѣгаютъ отъ нихъ, а производятъ расчитанныя стратегическія движенія. Въ ходьбѣ squadri неутомимы; они были очень пригодны для стратегіи, которой слѣдовалъ Гарибальди около Палермо, передвигаясь съ горы на гору, повсюду зажигая костры; часто спускались они съ горъ по садамъ и въ ночное время пугали непріятеля своими выстрѣлами. Самые недостатки ихъ оказывались полезными. Напримѣръ, когда они колебались, бѣгали въ разныя стороны у воротъ Палермо, число ихъ возрастало отъ того въ глазахъ непріятеля, а безпорядочная бѣготня и стрѣльба ихъ по всѣмъ извилистымъ улицамъ Палермо заставляла неаполитанцевъ думать, что аттака ведется со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, зоркость и наблюдательность удивительна у этихъ „молодцовъ“: они дикари, отъ глаза и слуха которыхъ не ускользнетъ ничто. Потому въ свое время squadri были полезны. Но теперь они были бы уже въ тягость“.

Потому Гарибальди велѣлъ имъ расходиться по домамъ. Люди, видѣвшіе безпорядочность ихъ, опасались, что они не послушаются; но нравственное вліяніе Гарибальди таково, что они разошлись смирно и теперь будутъ переформированы въ дисциплинированное войско. Squadri состояли главнымъ образомъ изъ людей отъ 30 до 40 лѣтъ,—по правиламъ военной организаціи, изданнымъ теперь, этотъ возрастъ составляетъ въ арміи второй разрядъ; отряды его предназначены только защищать каждый свою провинцію, въ случаѣ нападенія на нее. Люди отъ 17 до 30 лѣтъ, напротивъ того, должны составить первый разрядъ, или собственно дѣйствующую армію.

„Все число ихъ составитъ въ Сициліи отъ 80,000 до 90,000 человѣкъ. Надобно вспомнить, что на островѣ никогда не было конскрипціи. Идея о ней пугала многихъ; тѣмъ больше былъ страхъ при объявленіи, что не допускается ни для кого освобожденіе отъ службы и не позволяется ставить вмѣсто себя наемщиковъ. Но всѣ возраженія остались напрасны. Если аристократы не пойдутъ въ армію, не пойдутъ и поселяне. Это былъ принципъ, отъ котораго нельзя было отступить. Но не всѣ 90,000 человѣкъ понадобятся вдругъ, потому призывъ на службу можно было смягчить тѣмъ, что прежде другихъ призываются къ оружію одни желающіе. Въ нѣсколько дней явилось 300 волонтеровъ изъ первыхъ фамилій и записались въ рядовые солдаты“.

По неаполитанской системѣ сицилійцы не допускались къ военной службѣ и потому народъ совершенно не имѣлъ людей, сколько нибудь знающихъ ее.

„Но, несмотря на всѣ затрудненія, первая дивизія составлена уже почти въ полномъ комплектѣ; за быстроту, съ какой она сформировалась, надобно благодарить полковника Турра. Она вся составилась изъ волонтеровъ, которые, несмотря на свою молодость, обѣщаютъ быть отборными солдатами. Этотъ примѣръ не останется безъ вліянія на весь островъ. Каждый день приходятъ извѣстія изъ разныхъ городовъ и округовъ, что волонтеры вездѣ являются во множествѣ. Оружіе для этихъ людей

Digitized by Google

ходить труднѣе, чѣмъ находить самыхъ людей. Мы здѣсь въ столицѣ Сициліи, а вы не можете вообразить, какъ бѣдны мы оружіемъ".

17 іюня, вечеромъ, прибыла въ Палермо экспедиція Медичи. Этотъ отрядъ составитъ кадръ для сицилійской арміи, снадбитъ ее унтеръ-офицерами, и корреспондентъ Times'а говоритъ: „его прибытіе увеличиваетъ наши силы по крайней мѣрѣ въ пять разъ". 19 іюня отплыли изъ Палермо послѣднія неаполитанскія войска. Гарибальди разставилъ сильные караулы изъ итальянскихъ волонтеровъ по дорогѣ отъ цитадели къ пристани, чтобы народъ не бросился на уходящаго непріятеля. Благодаря этому, а также и тому, что горожане не ждали такъ скоро этого послѣдняго акта и не успѣли взволноваться, войска ушли на суда, не будучи тревожимы народомъ. Они были совершенно деморализованы, но къ ихъ счастію народъ ограничился однимъ свистомъ имъ. Счастьемъ для неаполитанцевъ было и то, что вниманіе горожанъ отвлекли отъ нихъ освобожденные молодые люди, которые содержались въ цитадели подъ арестомъ и были освобождены при передачѣ цитадели въ руки Гарибальди. Этихъ плѣнниковъ повезли теперь по городу съ тріумфомъ и столпленіе народа вокругъ нихъ было такъ велико, что процессія ѣхала изъ цитадели до главной квартиры Гарибальди цѣлыхъ три часа. Когда они пріѣхали въ главную квартиру, гдѣ ждали ихъ родственники и Гарибальди, начались обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ сцены, обниманія, поцѣлуи, и только уже по окончаніи всего этого главная масса горожанъ хлынула на пристань, а неаполитанцы тѣмъ временемъ уже успѣли прійти на берегъ и сѣсть въ лодки, такъ что пришедшая туда толпа могла только посылать угрозы вслѣдъ имъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

На другой день (20 іюня) первая дивизія сицилійской арміи, или какъ называется она оффиціальнымъ образомъ, первая бригада 15-й дивизіи національной итальянской арміи, будучи уже вполнѣ сформирована, выступила подъ командою Турра во внутренность острова, чтобы пріучаться къ походной жизни. Она сдѣлала въ этотъ день довольно большой переходъ, не оставивъ за собою ни одного отсталаго; корреспондентъ Times'а находитъ это обстоятельство свидѣтельствующимъ, что она окажется очень способною къ перенесенію военныхъ трудностей.

21 іюня были кончены перевозка волонтеровъ и припасовъ, прибывшихъ съ Медичи, съ кораблей на берегъ. Корреспондентъ Times'а говоритъ, что этотъ новый отрядъ составленъ изъ такихъ же отборныхъ бойцовъ, изъ какихъ состоялъ первый отрядъ, пріѣхавшій съ Гарибальди. Основаніемъ обоихъ отрядовъ служили люди, находившіеся въ числѣ альпійскихъ стрѣлковъ, съ которыми дѣйствовалъ Гарибальди въ прошлогоднюю войну. Разумѣется, прибытіе отряда Медичи возбудило сильнѣйшій восторгъ въ Палермо.

22 іюня явилась депутація городскихъ властей благодарить Гарибальди за освобожденіе острова. Палермо рѣшилъ поставить статую своему освободителю.

„Гарибальди отвѣчалъ депутатамъ (говоритъ корреспондентъ Times'а) одною изъ тѣхъ увлекающихъ рѣчей, какія умѣетъ всегда произносить. Онъ напоминалъ имъ, что не все еще сдѣлано, что надобно сосредоточить всѣ мысли на довершеніи начатаго дѣла. Сицилія можетъ стать свободною только какъ часть Италіи. Къ этому должны стремиться ихъ усилія; но время для присоединенія къ Сардиніи не пришло еще. Присоединеніе повело бы къ дипломатическому вмѣшательству, котораго надобно избѣгать".

Послѣднія изъ писемъ, прочтенныхъ нами, отправлены въ Times 29 іюня и

Digitized by Google

6 іюля, уже не изъ Палермо, а изъ Аліи, небольшаго городка, верстахъ въ 75-ти отъ Палермо, по дорогѣ въ Катанію и Мессину, и изъ Кальтанисетты, главнаго города Кальтанисеттской провинціи, лежащаго на половинѣ этой дороги. Въ Палермо нѣтъ ничего новаго, говоритъ корреспондентъ, и я разсчиталъ, что гораздо лучше будетъ мнѣ отправиться въ походъ съ бригадою Турра, чѣмъ оставаться въ Палермо: я посмотрю, что дѣлается въ глубинѣ острова и какъ сицилійскіе солдаты пріучаются къ походной жизни. Во внутренности острова онъ нашелъ гораздо больше благосостоянія, чѣмъ въ Палермо, потому что неаполитанскія притѣсненія не могли такъ успѣшно проникать во внутренность страны, какъ подавляли всякую дѣятельность въ прибрежныхъ мѣстахъ. Повсюду встрѣчалъ онъ такой же энтузіазмъ къ національному дѣлу, какъ въ Палермо; но провинціалы, менѣе забитые, показались ему, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, способнѣе палермцевъ поддерживать своихъ освободителей серьёзнымъ содѣйствіемъ, а не одними криками восторга. Сицилійскіе новобранцы, по его свидѣтельству, быстро привыкаютъ къ дисциплинѣ и становятся порядочными солдатами: онъ говоритъ, что въ Аліи, сдѣлавъ три перехода изъ Палермо, они уже стали гораздо болѣе похожи на регулярное войско, чѣмъ были въ Палермо. Дальше, по чрезвычайному зною, нѣкоторые изъ солдатъ оказались утомленными, нужно было уменьшить размѣръ переходовъ и увеличить продолжительность отдыховъ; но это вовсе не противорѣчитъ прежнему свидѣтельству спутника ихъ о томъ, что новобранцы оказываются въ походѣ недурными солдатами: изнурительность марша была такова, что въ эти дни силы измѣняли не имъ однимъ, а также и ветеранамъ-волонтерамъ. Въ перенесеніи всѣхъ этихъ трудностей сицилійскіе рекруты обнаружили очень порядочную энергію и способность сохранять дисциплину, что важнѣе всего.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

АВГУСТЪ 1860.

Сицилійскія и неаполитанскія дѣла.

Прежде всего переведемъ продолженіе сицилійской корреспонденціи Times'а, знакомой читателямъ по двумъ предъидущимъ нашимъ обозрѣніямъ. Въ прошлый разъ мы остановились на письмѣ, отправленномъ изъ Кальтанисетты, города, лежащаго на половинѣ пути между Палермо и Мессиною. Колонна Медичи, при которой находился авторъ переводимыхъ нами писемъ, спокойно и довольно быстро прошла остальную половину пути до самой Барчеллоны, лежащей на сѣверномъ берегу Сициліи близъ укрѣпленнаго города Мелаццо, который неаполитанцы рѣшились упорно защищать. Продолжаемъ теперь нашъ переводъ.

Мелаццо, 24 іюля.

„Въ лавровомъ вѣнкѣ Гарибальди прибавился еще листъ, не уступающій прежнимъ ни по важности, ни по блеску. Бой при Мелаццо — одно изъ немногихъ сраженій, соединяющихъ въ себѣ все величіе новѣйшихъ побѣдъ съ романическими чертами геройскихъ битвъ древности.

„Я уже объяснялъ вамъ положеніе дѣлъ передъ битвою при Мелаццо. Колонна Медичи, состоявшая изъ 2,500 человѣкъ, дошла по сѣверному берегу Сициліи до Барчеллоны, гдѣ губернаторъ и комитетъ Мессинской провинціи основали свою резиденцію и гдѣ организовались военныя силы провинціи. Но еще занималъ непріятель въ большихъ силахъ Мессину и крѣпость Мелаццо; эта позиція могла послужить опорою неаполитанцамъ и взять ее было не легко. Большинство людей всегда находятся больше подъ вліяніемъ близкой къ нимъ обстановки, чѣмъ отдаленныхъ отъ нихъ событій. Несмотря на успѣхи Гарибальди въ остальной части острова, сила неаполитанцевъ въ восточномъ углу составляла сильный аргументъ въ глазахъ массы, боявшейся заходить слишкомъ далеко и компрометировать себя, пока не миновалась всякая опасность. Притомъ же, множество чиновниковъ, выгнанныхъ изъ внутреннихъ частей острова, нашли себѣ убѣжище въ Мелаццо и Мессинѣ; они всячески убѣждали народъ, что очень рискованнымъ дѣломъ было бы принимать участіе въ событіяхъ, а многіе изъ ихъ товарищей, получившіе отъ диктаторскаго правительства позволеніе остаться на своихъ мѣстахъ, распространяли робость и нерѣшительность въ другихъ округахъ. Несмотря на эти обстоятельства, охлаждавшія энтузіазмъ и энергію, призывъ правительства, чтобы жители поступали въ волонтеры, не остался напрасенъ: сотни людей, преимущественно изъ образованныхъ сословій, отвѣчали на него. Изъ нихъ сформировали отрядъ, который по возможности снабдили оружіемъ и обмундировкою,—задача едва ли не болѣе трудная, чѣмъ найти волонтеровъ, потому что все надобно было перевозить по горамъ

Digitized by Google

изъ Катаніи,—море оставалось еще небезопасно. Горсть собранныхъ такимъ образомъ людей была усилена батальономъ, который сформировалъ полковникъ Фабрици на пути изъ Ното въ Катанію и изъ Катаніи въ Барчеллону. Оба эти отряда вмѣстѣ простирались до 7 или 8 сотъ человѣкъ.

„Медичи, назначенный военнымъ комендантомъ Мессинской провинціи, принялъ управленіе дѣлами тотчасъ же, какъ пришелъ въ нее (12 іюля). Онъ велъ колонну и самъ ходилъ рекогносцировать мѣстность, на которой думалъ расположиться противъ Мелаццо. Неаполитанцы, узнавшіе о его приближеніи, выслали противъ него колонну подъ командою полковника Боско на помощь гарнизону Мелаццо, состоявшему изъ 1-го линейнаго полка и роты артиллеріи. Несмотря на укрѣпленія цитадели и стѣну, окружающую Мелаццо, неаполитанцы полагали, что гарнизонъ этотъ не устоитъ противъ Медичи. Колонна Боско, вышедшая изъ Мессины 14 іюля, состояла изъ четырехъ стрѣлковыхъ батальоновъ, силою каждый болѣе 1,000 человѣкъ, эскадрона конныхъ егерей и изъ баттареи полевой артиллеріи. Дорога въ Мелаццо отъ самой Мессины поднимается въ гору до ла-Скалы, образующей высшую точку ея, а потомъ спускается внизъ къ сѣверному прибрежью. Близъ берега она обходитъ послѣдній горный отрогъ, кончающійся крутымъ спускомъ у города Джессо, который владычествуетъ надъ дорогою; потому надобно было неаполитанцамъ занять его на случай неудачи. Они оставили въ немъ 4-й стрѣлковый батальонъ, приказавъ батальонному командиру съ четырьмя ротами держаться въ городѣ, а другія четыре роты разставить по горнымъ тропинкамъ, которыми сицилійцы могли бы обойти джесскую позицію. Остальная колонна продолжала путь въ Мелаццо, и пришла туда на другой день, 15 іюля.

„Медичи еще за нѣсколько дней до выхода этой колонны узналъ о намѣреніи неаполитанцевъ послать подкрѣпленіе въ Мелаццо. Это знаніе плановъ и намѣреній непріятеля составляетъ одну изъ большихъ выгодъ національной арміи. Мы почти безъ всякихъ стараній знаемъ все то, что неаполитанцы покупаютъ за деньги, да и то не всегда могутъ купить. Усердіе жителей увѣдомлять насъ о всемъ происходящемъ въ непріятельскомъ лагерѣ такъ велико, что затрудненіе для насъ только въ одномъ: разбирать, какія извѣстія важны, какія нѣтъ. Никакіе наемные лазутчики не могли бы слѣдить за всѣми малѣйшими распоряженіями неаполитанцевъ такъ зорко, какъ стоокій Аргусъ, — народъ. Въ дѣйствіяхъ подъ Мессиною даже телеграфъ, это могущественное военное пособіе, обратился противъ неаполитанцевъ. Электрическая проволока вдоль берега была разрушена народомъ, считающимъ ее за одно изъ опаснѣйшихъ вражескихъ орудій, и неаполитанцамъ осталось давать извѣстія лишь посредствомъ воздушнаго телеграфа, движенія котораго были намъ видны и понятны.

„Узнавъ о приближеніи колонны Боско, вдвое превосходившей его числомъ людей, Медичи имѣлъ время выбрать позицію. Онъ сталъ въ Мери, миляхъ въ трехъ передъ Барчеллоною, на мессинскомъ шоссе. Горные спуски въ этой части Сециліи такъ круты, а потоки такъ быстры и полны камней, что перегораживаютъ все пространство между горными отрогами. Рѣчка Санта-Лучія служитъ самымъ лучшимъ представителемъ характера этихъ потоковъ. Она образуетъ долину въ 200 или 300 ярдовъ (80 — 120 саженъ), которая въ лѣтнее время служитъ единственнымъ путемъ къ нѣсколькимъ горнымъ проходамъ. Въ нижней части долины, близъ Мери, гдѣ холмы понижаются, обѣ стороны потока охраняются стѣнами въ нѣсколько футовъ толщины и въ 5—6 футовъ вышины, оставляющими только проходъ для шоссе, которое идетъ черезъ Мери. Ставъ тутъ, вы видете себя какъ будто среди настоящаго форта.

Медичи сталъ въ Мери, устроилъ въ домахъ, сосѣднихъ съ потокомъ, амбразуры, а промежутокъ стѣны, гдѣ идетъ шоссе, укрѣпилъ турами и песочными мѣшками. Сама стѣна также была приспособлена къ оборонѣ, и такимъ образомъ эта линія сдѣлалась крѣпкою позиціею. Первый отрогъ горы направо, крутой и густо поросшій лѣсомъ, былъ занятъ батальономъ, а далѣе находились крутые уступы Санта-Лучіи, составлявшіе оконечность праваго фланга. Съ-лѣва, стѣна, опоясывающая рѣку, идетъ на полъ-мили ($^3/_4$ версты), ограждая роскошные сады, которые тянутся за Мери къ морю. Съ того мѣста, гдѣ кончается стѣна, начинается широкій прибрежный косогоръ, имѣющій нѣсколько сотъ ярдовъ протяженія. Позиція вообще была очень хороша, и единственное неудобство

Digitized by Google

составляла длиннота ея,—она имѣла въ длину едва ли меньше 3 миль (около 5 верстъ). Этому неудобству нельзя было помочь; потому что, если бы оставить не занятою Санта-Лучію, непріятель могъ бы обойти правый флангъ. Въ долинѣ потока съ фронта былъ поставленъ батальонъ, а стѣна по другую сторону потока укрѣплена подобно той части, которая идетъ къ Мери. Перешедши потокъ, дорога тотчасъ же раздѣляется на двѣ вѣтви: лѣвая идетъ прямо въ Мелаццо, а правая, служащая продолженіемъ главнаго шоссе, черезъ Коріоли въ Арки, гдѣ пересѣкается съ другою дорогою, идущею изъ Мелаццо. Обѣ вѣтви идутъ между непрерывными рядами густыхъ оливковыхъ и смоковничныхъ садовъ и виноградниковъ, которые почти всѣ обнесены стѣнами. На обѣихъ этихъ вѣтвяхъ были поставлены аванпосты; передовые пикеты расположились въ разстояніи около мили ($1^2/_3$ версты) отъ потока, у Коріоли и Санъ-Пьетро.

„16-ое іюля прошло безъ стычекъ. Боско отступилъ къ Мелаццо, а Медичи былъ еще занятъ своими приготовленіями. Утромъ, 17-го, Медичи послалъ изъ Коріоли отрядъ для наблюденія за движеніями непріятеля. Этотъ отрядъ встрѣтился съ двумя ротами непріятельскихъ стрѣлковъ, посланными на подкрѣпленіе двухъ другихъ ротъ, конвоировавшихъ обозъ муки, шедшій изъ сосѣднихъ мельницъ. Обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, непріятельскіе стрѣлки разсудили отказаться отъ своего намѣренія и поспѣшно отступили къ Мелаццо.

„Въ 3 часа дня Медичи получилъ извѣстіе, что идетъ къ Коріоли непріятельская колонна; черезъ нѣсколько времени его авангардъ въ Коріоли дѣйствительно былъ атакованъ. Неаполитанцы старались овладѣть деревнею и успѣли пробиться до средины ея, но скоро были выбиты оттуда атакою въ штыки. Послѣ того стычка обратилась въ перестрѣлку отдѣльныхъ людей: неаполитанцы не возобновляли попытки овладѣть деревнею, а наши имѣли приказаніе ограничиваться ея обороною. Это приказаніе было дано потому, что Медичи зналъ, что нападеніе на Коріоли—фальшивая атака, а главныя силы непріятеля будутъ направлены на Санта-Лучію, чтобы овладѣвъ ею обойти насъ съ праваго фланга. Нападеніе на Санта-Лучію произвели три батальона съ полубатареею артиллеріи, подъ командою самого Боско. Колонна эта шла вверхъ по ручью Санъ-Ночито, текущему параллельно съ рѣчкою Санта-Лучіею, съ другой стороны горнаго отрога, на которомъ стоитъ деревня Санта-Лучія. Непріятель обнаруживалъ только часть тѣхъ силъ, которыя были у него, какъ зналъ Медичи; потому осторожность не дозволяла уводить своихъ силъ съ одного фланга на подкрѣпленіе другаго. Такимъ образомъ, одинъ батальонъ, имѣвшій всего 500 человѣкъ, долженъ былъ выдержать нападеніе колонны Боско; онъ отразилъ его, не требуя подкрѣпленій. И тутъ, какъ въ прежнихъ сраженіяхъ, побѣда была рѣшена штыкомъ. Надѣясь на свое численное превосходство, неаполитанцы нѣсколько разъ пытались взойти на гору, и несмотря на меткій огонь энфильдскихъ штуцеровъ, которыми вооружены батальоны Медичи, шли впередъ, пока наши снова бросались на нихъ въ штыки, — тогда они опять теряли пріобрѣтенныя выгоды. Бой длился до самаго вечера. Потеря въ людяхъ съ нашей стороны была ничтожна; вѣроятно, не многимъ значительнѣе была она и со стороны непріятеля. Но если потеря въ людяхъ у неаполитанцевъ была невелика, то много потеряли они своей самоувѣренности отъ этой неудачи. Они вышли съ мыслью раздавить колонну Медичи: Боско хвалился, что загонитъ его волонтеровъ въ море, разрушитъ Барчеллону, главную квартиру революціи въ Мессинской области, но не могъ оттѣснить и одного нашего батальона. Отношенія теперь измѣнились. Бросивъ мысль осуществить свою похвальбу, онъ сталъ думать уже только о томъ, чтобы удержаться въ своей позиціи. Телеграфъ показалъ намъ это; Медичи на слѣдующій день узналъ, что Боско посылалъ въ Мессину просить о поспѣшной помощи, говоря, что иначе его отступленіе будетъ опасно. Генералъ Клари, мессинскій комендантъ, отвѣчалъ, что не можетъ послать ему помощи, самъ находясь въ опасности отъ другой сицилійской колонны, шедшей изъ Катаніи, что онъ можетъ только послать еще одинъ стрѣлковый батальонъ въ Джессо, а первому батальону приказать идти на подкрѣпленіе Боско. Это было исполнено на другой день.

„Мы также увеличивали свои силы, не теряя времени. 18 числа прибылъ генералъ Козенцъ съ своимъ авангардомъ, состоявшимъ изъ батальона ветерановъ Верхней

Digitized by Google

лiи. Они поѣхали на двухъ небольшихъ пароходахъ, взятыхъ у неаполитанцевъ, адились на берегъ у Патти, а оттуда шли сухимъ путемъ.

„Гарибальди, узнавъ по телеграфу о положенiи дѣлъ, принялъ одно изъ тѣхъ вну-емыхъ вдохновенiемъ внезапныхъ рѣшенiй, которыя лучше всего показываютъ, что онъ восходный полководецъ. Онъ увидѣлъ, что представляется случай нанести рѣшитель-й ударъ, и нѣсколькихъ часовъ было ему довольно, чтобы составить, развить и олнить свои планы. Передавъ начальнику своего штаба, генералу Сирторн, полную сть съ титуломъ продиктатора, онъ собралъ какъ можно больше войска, посадилъ ь на нанятый имъ британскiй пароходъ City of Aberdeen, сѣлъ на него съ своимъ абомъ, и на слѣдующее утро, 19 iюля, съ подкрѣпленiемъ въ 1,200 человѣкъ былъ е въ Патти и оттуда шелъ къ Мери.

„Благодаря этому своевременному подкрѣпленiю, а въ особенности личному присут-iю Гарибальди, военныя дѣйствiя пошли гораздо быстрѣе и получили совершенно ой характеръ. Едва ли бывалъ когда генералъ, столь смѣлый въ инициативѣ, какъ рибальди; это составляетъ его главную силу и дѣлаетъ его столь страшнымъ против-комъ. Свои рѣшенiя онъ принимаетъ, можно сказать, мгновенно, а разъ принявъ рѣ-нiе, онъ сосредоточиваетъ всю свою энергiю на его осуществленiи. Смотря на него, видите, что онъ весь живетъ одною идеею. Теперь особенно казалось, будто онъ, бавившись отъ политическихъ дѣятелей Палермо, съ новымъ блескомъ обнаружилъ ой изумительный даръ. Ни минуты не было потеряно, когда онъ распоряжался, чтобы иготовить общую атаку на слѣдующiй день. Только желѣзный организмъ Гарибальди гъ выдержать дѣятельность, которая была ему нужна для этого. Онъ обходится въ кiя времена почти безъ сна, почти безъ пищи, и при своей неутомимости успѣваетъ дѣться со всѣми, выслушать каждаго, сдѣлать все, сообщить свою дѣятельность всѣмъ ружающимъ его.

„Подъѣзжая моремъ къ Мелаццо, вы еще вдалекѣ отъ берега встрѣчаете одино-ю скалу, подобную Гибральтарской. На ней стоитъ цитадель города Мелаццо, зани-ющая половину квадратной мили (нѣсколько болѣе квадратной версты); отъ стѣнъ всѣхъ сторонъ скала спускается крутизнами. У подошвы ея, со стороны противопо-жной морю, лежитъ городъ, занимающiй такое же пространство и окруженный тол-ою стѣною. Городъ и цитадель соединяются съ островомъ Сицилiею узкою косою; съ орской стороны цитадели эта низменная коса тянется еще на нѣсколько миль, спу-каясь къ своему концу, гдѣ стоитъ маякъ. Весь этотъ полуостровъ очевидно образо-анъ осадкомъ ила потоковъ Санта-Лучiя и Ночито, впадающихъ въ море одинъ съ дной, другой съ другой стороны его. Заливъ, образуемый полуостровомъ, составляетъ дну изъ лучшихъ естественныхъ гаваней Сицилiи. По этому и по военнымъ соображе-iямъ, неаполитанцы сдѣлали Мелаццо какъ будто центромъ дорогъ, ведущихъ съ запада изъ глубины острова къ Мессинѣ. Одна дорога идетъ вдоль по берегу налѣво отъ Iери; потомъ идетъ прямая дорога изъ Мери въ Мелаццо, составляющая съ первою голъ въ 25° и соединяющаяся съ нею подъ самымъ городомъ Мелаццо. Далѣе слѣ-уетъ мессинское шоссе, идущее въ Арки параллельно съ прибрежною дорогою; нако-ецъ, есть еще дорога, ведущая отъ воротъ Мелаццо на это шоссе и выходящая на его. Эти дороги составляютъ три стороны параллелограмма, а рѣчка Санта-Лучiя чет-ертую сторону его. Прямая дорога изъ Мери въ Мелаццо (идущая съ юга на сѣверъ) ересѣкаетъ этотъ параллелограммъ, длина котораго около 4, а ширина около $2^1/_2$ миль около 7 и 4 вер.). Эти главныя дороги связаны между собою нѣсколькими проселочными орогами, которыя всѣ имѣютъ общее направленiе къ Мелаццо.

„Эта мѣстность стала театромъ боя. То, что всѣ дороги сходятся въ Мелаццо, да-вало неаполитанцамъ преимущество центральной позицiи, которымъ они хорошо воспоeffectively-зовались. Это преимущество очень увеличивалось характеромъ мѣстности: она покрыта роскошнѣйшею растительностью, составляющею, можно сказать, одинъ рядъ садовъ, за-сажена оливковыми и другими фруктовыми деревьями, виноградными лозами, и въ осо-бенности тростникомъ, который служитъ здѣсь подпорками для винограда. Сады эти, особенно тѣ, въ которыхъ есть тростникъ, очень густы, такъ что почти невозможно въ нихъ ни производить связныхъ движенiй, ни видѣть движенiй непрiятеля. Подъ ихъ

Digitized by Google

густымъ прикрытіемъ, неаполитанцы заняли позицію въ разстояніи около мили от- рода Мелаццо; линія ихъ позиціи захватывала всѣ дороги, а сильнѣе всего зан- они пункты, въ которымъ мерійское шоссе пересѣкается съ мессинскимъ. Въ эт- пунктахъ они поставили пушки, сдѣлали амбразуры въ садовыхъ стѣнахъ и рас- жили своихъ стрѣлковъ въ садахъ, дававшихъ имъ превосходное прикрытіе.

„Съ нашей стороны распоряженія были таковы. На лѣвомъ флангѣ по прибреж- дорогѣ должны были идти прямо на городъ Мелаццо два батальона тосканцевъ и - батальонъ палермскихъ рекрутъ, подъ командою полковника Маланкини. Въ цен- по прямой дорогѣ изъ Мери, направленъ былъ подъ командою Медичи первый с- его отряда; полкъ этотъ, весь состоявшій изъ ветерановъ (отчасти ломбардцевъ), и- четыре батальона; одинъ батальонъ 2 го полка долженъ былъ идти по мессин- шоссе изъ Коріолы; на пути къ нему долженъ былъ присоединиться батальонъ - Санта-Лучіи. Это правое крыло должно было соедиться съ центромъ по боковой доро- самой ближайшей къ Мелаццо, и потомъ вмѣстѣ идти на городъ. Отрядъ сицилій- подъ командою полковника Фабрици, долженъ былъ стать на крайнемъ правомъ фл- у Арелеса, чтобы отражать войска, которыя могли бы пойти изъ Джессо на по- неаполитанцамъ въ Мелаццо. Войска, прибывшія съ Гарибальди, и войска, пришед- съ Козенцомъ, составляли вторую линію и резервъ.

„Колонны двинулись на разсвѣтѣ, и въ 6 часовъ утра послышались первые вы- стрѣлы на лѣвомъ флангѣ. Открытый косогоръ былъ самымъ выгоднѣйшимъ мѣст- для дѣйствія неаполитанской артиллеріи, и пока колонна лѣваго фланга, не имѣвш- артиллеріи, выдерживала эту неровную борьбу, центръ также подошелъ къ непрія- Бросивъ узкую дорогу, съ обѣихъ сторонъ опоясанную стѣнами садовъ, солдаты пе- лѣзли черезъ эти стѣны, чтобы по садамъ броситься съ обѣихъ сторонъ на непрія- теля, аванпосты котораго находились въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домахъ близъ дере- гдѣ первая боковая дорога выходитъ на мерійское шоссе. Войска второй экспеди- желавшія вознаградить себя за поздній пріѣздъ и сравняться съ товарищами, побѣдив- шими при Калата-Фими и взявшими Палермо, скоро прогнали аванпосты изъ отдѣль- ныхъ домовъ. Но были нужны большія усилія, чтобы прогнать непріятеля изъ садовъ, находившихся за этими домами. Невидимый для глазъ, онъ съ убійственною мѣткость- стрѣлялъ по нашимъ наступавшимъ войскамъ, и наносилъ имъ большой уронъ, са- оставаясь безопасенъ. Густота садовъ такова, что во многихъ мѣстахъ не былъ видѣнъ даже дымъ выстрѣловъ; сражаться противъ неуловимаго врага было чрезвычайны- подвигомъ. Невозможны были никакія общія распоряженія и движенія, потому что - только одна рота не могла видѣть другую, — солдаты одной роты не видѣли др- друга. Шоссе, которое сначала сочтено было самымъ труднымъ путемъ, оказалось - темъ болѣе легкимъ, потому что на немъ по крайней мѣрѣ было можно видѣть - пріятеля и его движенія. Единственная возможная въ такой мѣстности тактика бы- та, чтобы пробиться впередъ по дорогѣ и взять во флангъ и въ тылъ опаснѣй- пункты, прикрытые тростникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ смѣло броситься черезъ эти пр- крытыя мѣста, не смотря ни на какія потери, чтобы взять въ тылъ непріятельск- позицію на шоссе. Число резерва было очень уменьшено тяжелыми потерями, неиз- ными у наступающаго въ такой неравной борьбѣ, и необходимостью послать отряды - предотвращенія фланговыхъ атакъ, которыя легко могъ исполнить невидимый не- пріятель.

„Все это движеніе совершалось подъ прямою командою Медичи; но Гарибальди разумѣется, былъ душою сраженія, постоянно являясь на опаснѣйшихъ пунктахъ и - своему обыкновенію не щадя себя. Онъ находился въ центрѣ, медленно подвигавш- впередъ по труднымъ мѣстамъ, когда получено было извѣстіе, что лѣвое крыло - дучи не въ силахъ держаться противъ многочисленнаго непріятеля, отступаетъ, подв- гая всю линію опасности быть обойденною съ этой стороны. Взявъ послѣдній оста- шійся резервъ, батальонъ, состоявшій изъ сѣверныхъ итальянцевъ и палермцевъ - командою подполковника Дёна (англичанина) и другихъ англійскихъ офицеровъ, - двинулся на лѣвый флангъ остановить неаполитанцевъ. Его присутствіе и усилія оф- церовъ придали твердость молодымъ солдатамъ, которые отразили атаку и броси-

на непріятельскія пушки, обстрѣливавшія дорогу. Отважнымъ порывомъ они добѣжали до нихъ. Англійскій матросъ, незадолго передъ тѣмъ, въ Патти, поступившій въ волонтеры, первый перепрыгнулъ стѣну, за которою стояла одна изъ пушекъ, и черезъ нѣсколько секундъ орудіе было взято. Его повезли съ тріумфомъ къ нашимъ рядамъ. Въ ту самую минуту, когда оно скрылось за извилиною дороги, раздался крикъ: „кавалерія! кавалерія!“ Войска смутились. Напрасны были усилія Гарибальди и офицеровъ превозмочь испугъ этихъ молодыхъ солдатъ: они тѣснились къ стѣнѣ съ одной стороны дороги и прыгали черезъ ровъ съ другой стороны. Такимъ образомъ, очистилась дорога нѣсколькимъ смѣлымъ коннымъ егерямъ, которые съ своимъ ротмистромъ бросились черезъ этотъ промежутокъ на нашу линію, чтобы отнять назадъ пушку. Гарибальди едва имѣлъ время отстороniться, когда всадники пронеслись мимо него, рубя направо и налѣво. Но исторія съ ними скоро кончилась: оправившись отъ перваго испуга, пѣхота тотчасъ же перебила почти всѣхъ ихъ. Ротмистръ, сержантъ и одинъ изъ рядовыхъ пытались и успѣли бы ускакать, если бы не личная храбрость Гарибальди. Онъ вышелъ на средину дороги, выхватилъ саблю (револьверы его остались въ сѣдельныхъ карманахъ, когда онъ слѣзъ съ лошади) и остановилъ ротмистра. Подлѣ него былъ тогда только одинъ капитанъ Миссури, также сошедшій съ лошади, но имѣвшій револьверъ. Первымъ своимъ выстрѣломъ Миссури ранилъ лошадь ротмистра, она поднялась на дыбы, Гарибальди схватилъ ее за поводъ, чтобы взять въ плѣнъ ротмистра. Но на требованіе сдаться, ротмистръ отвѣчалъ ударомъ сабли по Гарибальди; Гарибальди отпарировалъ ударъ, и самъ нанесъ ударъ, которымъ разрубилъ голову ротмистра; неаполитанецъ упалъ мертвый къ его ногамъ. Пока Гарибальди выдерживалъ этотъ поединокъ, капитанъ Миссури застрѣлилъ сержанта, спѣшившаго на помощь ротмистру, и схватилъ рядоваго, лошадь котораго была убита; неаполитанецъ сталъ обороняться, и Миссури убилъ его другимъ выстрѣломъ изъ револьвера.

„Этотъ блестящій эпизодъ сильно содѣйствовалъ ободренію войскъ лѣваго фланга, и они скоро поровнялись съ линіею, по которой двигался центръ. Но труднѣйшая часть боя еще оставалась впереди. Несмотря на зной дня, несмотря на то, что ничего не ѣли съ утра, итальянскіе волонтеры шли впередъ шагъ за шагомъ, тѣсня непріятеля къ перешейку полуострова. Тутъ, на пересѣченіи двухъ дорогъ, была настоящая оборонительная позиція неаполитанцевъ. Они заранѣе приготовили мѣстность къ оборонѣ, выбрали мѣста для пушекъ, сдѣлали амбразуры въ садовыхъ стѣнахъ, построили баррикаду для защиты подступа. Этотъ пунктъ сталъ мѣстомъ упорнаго рукопашнаго боя, длившагося нѣсколько часовъ и стоившаго намъ многихъ храбрыхъ товарищей, въ числѣ которыхъ былъ убитъ майоръ Мильявакка. Генералъ Козенцъ былъ раненъ въ шею картечною пулею, а подъ Медичи была убита лошадь.

„Чтобы выбить непріятеля изъ позиціи, послали роту генуэзскихъ стрѣлковъ обойти его съ лѣваго фланга по густымъ садамъ. Тростникъ былъ такъ частъ, что съ трудомъ они могли проходить по немъ, человѣкъ за человѣкомъ, а между тѣмъ весь онъ былъ наполненъ неаполитанскими стрѣлками. Генуэзцы съ бѣшенствомъ бросались отыскивать невидимаго непріятеля, и многіе изъ этой горсти храбрецовъ падали, не нашедши противника. Поднялся общій крикъ: „пойдемъ въ атаку“; капитанъ старался остановить ихъ, напрасно. Рота стремительно прорвалась черезъ тростникъ и увидѣла себя передъ стѣною съ амбразурами, изъ которыхъ встрѣтилъ ее залпъ. Не колеблясь, генуэзцы пошли вдоль стѣны къ пролому, виднѣвшемуся въ нѣкоторомъ разстояніи: тутъ надѣялись они найти наконецъ возможность схватиться съ непріятелемъ. Но непріятель, по обыкновенію, не сталъ ждать штыковаго боя, и нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ вслѣдъ ему были для генуэзцевъ единственнымъ удовлетвореніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что они взяли позицію на перекресткѣ дорогъ. Изъ 85 человѣкъ, бывшихъ въ ротѣ, осталось 32. Кромѣ этого движенія на лѣвомъ крылѣ, побѣда была рѣшена наступленіемъ праваго крыла. Когда неаполитанцевъ сбили съ позиціи на перекресткѣ дорогъ, подвигаться нашимъ впередъ стало уже гораздо легче, хотя непріятель продолжалъ сопротивленіе. За мостомъ, ведущимъ на перешеекъ, есть открытое пространство въ нѣсколько сотъ ярдовъ, примыкающее правымъ бокомъ къ морю, а лѣвымъ къ садамъ. За этимъ пространствомъ находится рядъ домовъ, который тянется до самыхъ воротъ

Digitized by Google

города. Тутъ неаполитанцы сдѣлали послѣднее усиліе остановить нашихъ Они заняли домы, засѣли за большими лодками, лежавшими на берегу, и при помощи своей полевой артиллеріи и пушекъ цитадели нѣсколько времени задерживали насъ. Но скоро рѣшимость была отнята у нихъ наступленіемъ нашей колонны слѣва черезъ сады и прибытіемъ пароваго фрегата Tuckori (который прежде назывался Veloce). Гарибальди, увидѣвъ, что приближается Tuckori, поспѣшилъ на берегъ, сѣлъ въ лодку и пріѣхалъ на пароходъ, гдѣ его присутствіе одушевило всѣхъ. Нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ съ фрегата, первые выстрѣлы колонны, наступавшей слѣва, и атака въ штыки съ фронта,— все это сбило неаполитанцевъ съ ихъ послѣдней позиціи; они искали спасенія въ цитадели, бросивъ двѣ пушки; съ прежними тремя, это составило пять пушекъ, отбитыхъ нами.

„Неаполитанцы поспѣшно отступили къ цитадели, даже не пытаясь защищать города. Напасть на цитадель было трудно. Былъ уже вечеръ. Бой длился болѣе 14 часовъ, среди знойнаго дня. Городъ мы нашли почти пустымъ. Всѣ домы были заперты; жители ушли уже прежде, или скрылись вмѣстѣ съ войсками въ цитадель. Мелаццо менѣе всѣхъ сицилійскихъ городовъ имѣетъ національнаго духа и патріотизма: населеніе въ немъ жило исключительно на счетъ гарнизона и чиновниковъ, потому интересы горожанъ были на сторонѣ неаполитанцевъ; даже теперь, когда всякая опасность миновалась, немногіе возвратились. Всѣ лавки еще заперты, и все надобно привозить изъ Барчеллоны или другихъ сосѣднихъ мѣстъ.

„По характеру боя вы можете судить о нашихъ потеряхъ. Всѣ наши силы простирались до 5,000 человѣкъ; изъ нихъ 750 убито или ранено. Потерю неаполитанцевъ опредѣлить невозможно, но едва ли они потеряли больше, чѣмъ одну треть того числа, какого лишились мы. Число убитыхъ у насъ непропорціонально мало сравнительно съ числомъ раненыхъ; это странно, потому что калибръ неаполитанскихъ ружей очень великъ,—самый большой изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Только тѣ раненые, которыхъ нельзя было перевезти въ другія мѣста, положены въ госпиталяхъ Мелаццо. Остальные перевезены въ Барчеллону и сосѣднія деревни. Всѣ церкви обращены въ госпитали; кромѣ того, взяты подъ госпитали гостинницы и нѣкоторые частные дома. Здѣшніе медики очень усердно заботятся о раненыхъ; но остальные горожане—дурные патріоты. У меня еще живо въ памяти усердіе, выказанное жителями Брешіи въ прошломъ году, когда они послѣ сольферинской битвы наперерывъ другъ предъ другомъ брали по своимъ домамъ 18,000 раненыхъ, изъ которыхъ только для 6,000 нашлись кровати при арміи: не было дома, въ которомъ не лежали бы раненые; жители спали на голой землѣ отдавъ свои кровати и постели пострадавшимъ за нихъ. Здѣсь ничего не дѣлали жители по собственному побужденію. Никто не предлагалъ своего дома, и раненые лежатъ на соломѣ, почти не имѣя прикрытія.

„Въ тотъ же день были сдѣланы всѣ нужныя распоряженія, чтобы ускорить движеніе колоннъ къ Мессинѣ. Сицилійскіе волонтеры изъ Мессины, Катаніи и Ното, подъ командою полковниковъ Фабрици и Индерукко, получили приказаніе идти на Джессо, по горной дорогѣ, а 1 и 2-я бригады 15 дивизіи—спѣшить къ Мессинѣ по катанійской дорогѣ. Авангардъ 2-й бригады уже занималъ Таормину, считаемую термопилами Сициліи, на восточномъ берегу. 1-я бригада была на дорогѣ изъ Ното въ Катанію.

„Гарнизону, запертому въ цитадели Мелаццо, предложено было уйти, оставивъ побѣдителямъ пушки, лошадей и всѣ военные припасы. Онъ не согласился, и потому надобно было подумать о средствахъ покорить цитадель. Приказано было снимать пушки съ Tuckori и отправлено въ Палермо по телеграфу приказаніе прислать свѣжія подкрѣпленія и нѣсколько тяжелыхъ орудій изъ находящихся тамъ.

„22-го смѣло вошелъ въ гавань „Архимедъ“, подъ градомъ дурно направленныхъ противъ него выстрѣловъ, изъ которыхъ ни одинъ не попалъ въ него. Этотъ пароходъ привезъ нѣсколько сицилійскихъ батальоновъ и нѣсколько пушекъ, выгрузился и на другой день опять ушелъ.

„Между тѣмъ какъ мы готовили все нужное для нападенія на цитадель, если она не покорится, по телеграфическимъ сигналамъ, которыми она обмѣнивалась съ Мессиною, было видно, что гарнизонъ цитадели находилъ съ каждою минутою менѣе возмож-

Digitized by Google

ности сопротивляться. Изъ Мессины отвѣчали ему, что комендантъ послалъ въ Неаполь просить разрѣшенія сдать цитадель.

„Нынѣ утромъ показались четыре неаполитанскіе фрегата, и полковникъ генеральнаго штаба Анцано пріѣхалъ съ полномочіемъ заключить капитуляцію. Надѣясь на присутствіе фрегатовъ, онъ сначала заговорилъ высокимъ тономъ, думая, что ему удастся получить для гарнизона цитадели такія же выгодныя условія, какія даны были неаполитанцамъ въ Палермо; но скоро онъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Гарибальди объявилъ свои условія и сказалъ, что весь неаполитанскій флотъ не заставитъ его измѣнить ихъ. Онъ предлагалъ гарнизону то же самое, что предлагалъ до появленія фрегатовъ,—ни больше, ни меньше. Полковникъ Анцано, видя его непоколебимость, согласился на его условія“.

26 іюля.

„Вчера началось и къ вечеру было кончено очищеніе цитадели Мелаццо. Однимъ изъ первыхъ уѣхалъ полковникъ Боско, котораго проводили свистомъ,—единственною наградою за всѣ его труды. Онъ хвалился, что взялъ лошадь Медичи; за то теперь былъ принужденъ оставить намъ свою лошадь, которая гораздо лучше довольно плохой лошади Медичи. Раненые были перенесены черезъ городъ на берегъ и положены на корабли. Эта переноска дала случай дезертировать всѣмъ, кто хотѣлъ. Особенно многіе воспользовались этимъ удобствомъ изъ числа артиллеристовъ. Между прочимъ, перешелъ къ намъ цѣлый взводъ съ оружіемъ и всѣми походными принадлежностями.

„Неаполитанцы удаляясь поступили по своему обыкновенію. Они заклепали 18 пушекъ изъ числа оставляемыхъ въ цитадели и подложили электрическую проволоку, чтобы взорвать пороховой магазинъ, очень ловко прикрывъ ее сѣномъ и соломою, подъ которыми были бомбовыя трубки. Кругомъ они насыпали пороху, для облегченія взрыва. Но этотъ порохъ былъ случайно замѣченъ однимъ изъ солдатъ, и дѣло раскрылось. Неаполитанцы стали извиняться, сваливать вину на случай и на небрежность своихъ солдатъ. О заклепанныхъ пушкахъ они объясняли, что заклепали только тѣ, которыя могли бы стрѣлять по ихъ кораблямъ и потревожить ихъ отходъ. Это извиненіе было точно также лживо: восемь изъ заклепанныхъ пушекъ были обращены не къ морю, а въ противоположную сторону.

„Матеріальными трофеями побѣды при Мелаццо были 50 пушекъ, 139 лошадей и 100,000 патроновъ. Но это лишь незначительная часть результатовъ, ею доставленныхъ: она вѣроятно отопретъ намъ ворота Мессины. Она для Мессины то же, что была побѣда при Калата-Фими для Палермо. Она снова доказала превосходство итальянскихъ волонтеровъ надъ неаполитанцами, какой бы перевѣсъ ни давала непріятелю мѣстность и артиллерія. Числительная непропорціональность была не такъ велика, какъ при Калата-Фими, но выгодность позиціи и преимущество, даваемое артиллеріею, были при Мелаццо у неаполитанцевъ еще значительнѣе, чѣмъ при Калата-Фими. Они послали въ Сицилію цвѣтъ своей арміи, и при Мелаццо были у нихъ всѣ волонтеры, вызвавшіеся ѣхать въ Сицилію. Командовалъ ими человѣкъ, который, не знаю заслуженно или незаслуженно, пользуется самой высокой репутаціей изъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Всѣ эти преимущества были уничтожены однимъ днемъ. Могутъ ли они послѣ этого держаться?

„Въ самомъ дѣлѣ, еще вчера телеграфъ, идущій по Мессинскому берегу, сообщилъ о сильномъ движеніи пароходовъ между Мессиною и Реджіо и о томъ, что неаполитанцы отвозятъ на нихъ изъ Сициліи всю свою кавалерію и часть артиллеріи. Они должны спѣшить, потому что Гарибальди не станетъ терять времени. Мессинскіе форты не могутъ помѣщать болѣе пяти или шести тысячъ человѣкъ, а неаполитанцевъ въ Мессинѣ тысячъ пятнадцать или больше, не считая тѣхъ, которые выходятъ изъ Мелаццо.

„Вчера авангардъ Медичи дошелъ уже до Спадафоры; нынѣ утромъ онъ занялъ Джессо, а самъ Медичи сталъ въ Спадафорѣ. Завтра наши войска пойдутъ брать высоты, окружающія Мессину. Если неаполитанцы отступятъ и очистятъ городъ, мы займемъ

Digitized by Google

его; а если они не отступятъ добровольно, они будутъ атакованы и прогнаны [illegible] ненными усиліями колоннъ, идущихъ съ запада и приближающихся по восточному [illegible] Но въ новой битвѣ едва ли будетъ надобность".

Мессина, 29 іюля.

„Вотъ я возвратился въ городъ, изъ котораго выѣхалъ ровно два мѣсяца [illegible] задъ. Какими важными не для одной Сициліи, но и для всей Италіи событіями [illegible] наполнены эти мѣсяцы! Когда я выѣзжалъ изъ Мессины, вся Европа нетерпѣлив[illegible] дила за первыми шагами малочисленныхъ смѣльчаковъ, пріѣхавшихъ освободить [illegible] лію отъ Неаполя и отъ внутренняго разстройства, а теперь это дѣло почти [illegible] чено.

„Битва при Мелаццо отперла намъ ворота Мессины, какъ и можно было предви[illegible] Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ, что утромъ 27 числа Медичи долженъ [illegible] занять высоты, окружающія Мессину. За два дня передъ тѣмъ неаполитанцы [illegible] изъ Джессо, но еще сутки держались на пунктѣ, гдѣ дорога переходитъ черезъ [illegible] вершину горы; потому и нельзя было знать, очистятъ ли они городъ или станутъ [illegible] щищать господствующія надъ нимъ горы.

„Это было рѣшено слѣдующимъ днемъ, или, лучше сказать, слѣдующею ночью [illegible] утру авангардъ Медичи, взошедши на вершины, увидѣлъ, что не только онѣ, [illegible] самый городъ, оставлены неаполитанцами, отступившими въ порты.

„Отступленіе неаполитанцевъ и вступленіе побѣдителей произвели въ Мессинѣ [illegible] ную перемѣну. Чувства, подавлявшіяся въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, [illegible] ружились теперь съ энергіею, къ какой способны только жители юга. Въ самомъ [illegible] когда вся Сицилія уже свободно дышала, говорила, радовалась, этотъ бѣдный [illegible] все еще оставался подъ властію сильнаго гарнизона и подъ жерлами сотенъ пу[illegible] покинутый большею частью своихъ жителей; торговая и общественная жизнь за[illegible] въ немъ и онъ трепеталъ за свое существованіе.

„Въ половинѣ третьяго Гарибальди, узнавъ о вступленіи Медичи, пріѣхалъ въ [illegible] сину. Я не нахожу словъ для описанія торжества, съ какимъ онъ былъ встрѣченъ

„Въ тотъ же самый день начались переговоры объ очищеніи всѣхъ пунктовъ [illegible] исключеніемъ фортовъ, стоящихъ въ гавани; вчера эти переговоры кончились. Н[illegible] литанцы должны очистить два форта, стоящіе на высотахъ надъ городомъ, и оста[illegible] побѣдителямъ всѣ военныя принадлежности и запасы. Неаполитанскіе офицеры и [illegible] даты должны имѣть свободный входъ въ городъ и могутъ покупать въ немъ про[illegible] Цитадель не должна стрѣлять, пока не будетъ нападенія на нее.

„Когда эта конвенція была подписана Медичи и генераломъ Клари, франц[illegible] англійскіе и сардинскіе корабли возвратились въ гавань, которая была очищена [illegible] нихъ на случай бомбардированія. Жители, успокоившись за будущее, возвращают[illegible] улицы, которыя два мѣсяца тому назадъ оставилъ я мертвыми, наполняются шум[illegible] толпами.

Мессина, 30 іюля.

„Совершился второй фазисъ быстро идущей войны за итальянское единство [illegible] зависимость. Даже мнѣ, бывшему на мѣстѣ и раздѣлявшему всѣ надежды на у[illegible] національнаго дѣла и на способности Гарибальди, кажется иногда, что я вижу в[illegible] во снѣ,—такъ удивителенъ ходъ этого народнаго возрожденія. Его можно сра[illegible] только съ ростомъ алоэ, которое долгіе годы прозябаетъ, не возвышаясь надъ зе[illegible] и вдругъ изъ его разстилающихся по землѣ листьевъ поднимается высокое [illegible] дерево, въ одну ночь разцвѣтающее и далеко кругомъ наполняющее воздухъ [illegible] благоуханіемъ.

„Когда корабль за кораблемъ скрывались за цаффаранскимъ мысомъ,ув[illegible] Палермо неаполитанскихъ солдатъ и военные припасы, люди самые полные вѣры [illegible] съ боязнью о новой борьбѣ, которая ждетъ ихъ подъ Мессиною. Непріятель вс[illegible]

Digitized by Google

насъ не на крутыхъ, но открытыхъ вершинахъ Калата-Фими, не въ узкихъ улицахъ Палермо, а подъ сотнею пушекъ крѣпости, снабженной сильнымъ гарнизономъ и обильными запасами. Единственный человѣкъ, улыбавшійся надъ нашими опасеніями, былъ Гарибальди. „Пусть они идутъ куда хотятъ. Если мы снова встрѣтимъ ихъ въ Сициліи, тѣмъ лучше: намъ будетъ ближе управиться съ ними“. Этими словами онъ отвѣчалъ на весь нашъ ропотъ противъ его великодушія и сопровождалъ ихъ своею улыбкою, которая увлекаетъ даже его непріятелей. Не прошло съ той поры двухъ мѣсяцевъ, и страшная Мессинская крѣпость смотритъ на наши легіоны въ мрачномъ отчаяніи, нѣмая и мертвая; ея амбразуры опустѣли и не внушаютъ страха даже самымъ робкимъ изъ жителей, постепенно возвращающихся въ городъ. Цитадель эта кажется совершенно пустою, и можно было бы подумать, что ни одного неаполитанца не осталось въ ней, еслибъ не тѣснились обозы съ приморской стороны ея, если бы не шла въ гавани торопливая нагрузка неаполитанскихъ пароходовъ вещами и войсками. Иллюзія усиливается тѣмъ, что неаполитанцы приняли трехцвѣтный флагъ. Вы видите ихъ пароходы, знакомые вамъ по бомбардированію Палермо, но не видите на нихъ бѣлаго Бурбонскаго флага. Они дружелюбно стоятъ подлѣ „Сциллы“, „Декарта“ и „Виктора-Эммануэля“, подъ одинаковымъ съ ними флагомъ, какъ будто уже осуществилось пылкое нетерпѣливое желаніе, какъ будто южная Италія уже соединилась съ сѣверной.

„А за недѣлю, или даже меньше, положеніе вещей было совершенно иное и казалась близка не такая развязка. Не дальше какъ 23 іюля мессинскій комендантъ, генералъ Клари, посылалъ по всѣмъ консуламъ требованіе, чтобы иностранные военные и купеческіе корабли ушли изъ гавани, взявъ своихъ соотечественниковъ, потому что можетъ встрѣтиться необходимость употребить крайнія мѣры противъ города, въ случаѣ возстанія или приближенія Гарибальди. Это было въ понедѣльникъ; консулы сообщили объ этомъ приказаніи въ Неаполь представителямъ своихъ державъ. На другой день изъ Неаполя пришло формальное приказаніе отказаться отъ мысли о бомбардировкѣ, очистить городъ и, если понадобится, очистить всѣ форты. Вмѣстѣ съ приказаніемъ пришелъ строгій выговоръ генералу Клари за то, что онъ ввелъ въ непріятность неаполитанское правительство: британскій министръ въ Неаполѣ, мистеръ Элліотъ, сдѣлалъ энергическія представленія, тяжелыя для неаполитанскаго правительства. Самъ генералъ Клари разгласилъ объ этомъ, жалуясь на людей, которымъ приписывалъ полученный имъ выговоръ. Дѣйствительно, неаполитанскіе командиры находятся въ положеніи очень незавидномъ. Отъ нихъ требуютъ, чтобы они противились движенію, а между тѣмъ запрещаютъ имъ употреблять средства, которыя они привыкли считать единственными пригодными для этого дѣла. Они пріучены считать бомбардированіе единственнымъ средствомъ противъ революціи, а теперь имъ говорятъ, что неаполитанское конституціонное правительство ужасается такихъ средствъ. Чтобы одушевлять своихъ солдатъ желаніемъ сражаться, они возбуждали въ нихъ страсть къ грабежу, а теперь имъ говорятъ, что конституціонные солдаты должны охранять, а не грабить собственность. Ихъ пріучили съ ужасомъ смотрѣть на трехцвѣтное знамя, а итальянскихъ патріотовъ считать величайшими злодѣями; теперь они должны сражаться подъ этимъ знаменемъ и видятъ, что ихъ правительство ищетъ дружбы и покровительства у Виктора-Эммануэля.

„Всего этого было бы достаточно, чтобы они потеряли голову. Обстоятельство, случившееся въ ночь послѣ битвы при Мелаццо, показываетъ, что они дѣйствительно хотѣли „исполнять свою обязанность“. Съ цитадели замѣтили два корабля, приближавшіеся къ мысу. Командиръ и гарнизонъ, полагая, что они принадлежатъ Гарибальди, открыли по нимъ огонь; къ счастію, онъ былъ плохо направленъ, иначе они, думая дѣйствовать противъ „флибустьеровъ“, взорвали бы на воздухъ неаполитанскую фелуку, нагруженную порохомъ, и потопили бы неаполитанскую бригантину, наполненную военными припасами.

„Когда распространилось по городу извѣстіе, что иностранные корабли высылаются изъ гавани, а иностраннымъ подданнымъ велѣно переѣзжать на нихъ, ужасъ овладѣлъ всѣми еще остававшимися въ городѣ жителями и каждый спѣшилъ уйти на корабль или въ окрестныя села. Солдаты, видя этотъ испугъ, забавлялись, стрѣляя изъ ружей, отъ чего еще увеличивалось смятеніе. Австрійскій консулъ, удалявшійся вмѣстѣ съ дру-

Digitized by Google

гими, былъ остановленъ и арестованъ солдатами, несмотря на всѣ свои протесты и увѣренія, что онъ австрійскій консулъ. Вырвавшись, онъ побѣжалъ: въ догонку ему послали пулю, пробившую на немъ шляпу. На его жалобы отвѣчали, что солдатъ нельзя было удержать въ порядкѣ.

„Колонна, шедшая по катанійской дорогѣ, вступила вчера въ городъ. (Тутъ корреспондентъ описываетъ, съ какимъ торжествомъ встрѣтили ее въ Мессинѣ и встрѣчали по всей дорогѣ.—Въ письмѣ отъ 31 іюля онъ разсказываетъ, что Гарибальди началъ укрѣплять крайній пунктъ сѣверо-восточной оконечности Сициліи, мысъ Фаро, гдѣ находится самое узкое мѣсто пролива между Сициліей и Италіею; баттарея, построенная Гарибальди на сицилійскомъ берегу, обстрѣливаетъ всю ширину пролива. Корреспондентъ Times'а объясняетъ выгоды, доставляемыя ею Гарибальди).

„Эта баттарея перерываетъ всѣ сообщенія между Неаполемъ и мессинскою цитаделью. Чтобы оцѣнить всю важность пріобрѣтеннаго нами господства надъ проливомъ, надобно вспомнить, что Неаполь и Гаэта служатъ единственными операціонными базисами для неаполитанцевъ, что на южномъ и восточномъ берегу итальянскаго материка нѣтъ ни одной порядочной гавани, что дороги въ Калабріи и въ Аппенинскихъ горахъ еще хуже, чѣмъ въ Сициліи. Всѣ сношенія между Неаполемъ и восточными провинціями ведутся моремъ черезъ проливъ. Утвердившись на мысѣ Фаро, мы прокладываемъ себѣ мостъ черезъ проливъ на континентъ и пріобрѣтаемъ операціонный базисъ, изъ котораго можемъ направляться куда намъ угодно, на южный и восточный берегъ. Занявшись укрѣпленіемъ этой позиціи, вмѣсто того, чтобы начинать осаду мессинской цитадели, Гарибальди снова показалъ талантъ, чертами котораго такъ богатъ его сицилійскій походъ. Когда мы овладѣемъ проливомъ, неаполитанцы сами принуждены будутъ бросить мессинскіе форты.

„Прибытіе національной арміи къ проливу распространило національное движеніе и на Калабрію. Пока неаполитанцы владычествовали въ Мессинской провинціи, а мы были далеко, было много слуховъ о движеніяхъ въ Калабріи, но они оставались только слухами. Тайные комитеты, нѣсколько времени тому назадъ составившіеся въ Калабріи, какъ и повсюду въ Неаполитанскомъ королевствѣ, теперь начали выказывать большую дѣятельность. До высадки и до блестящихъ успѣховъ Гарибальди въ Сициліи, калабрійцы ждали освобожденія изъ Неаполя. У нихъ былъ планъ произвести переворотъ, но они сами не знали, что имъ дѣлать. И въ Калабріи, какъ въ Сициліи, подвиги Гарибальди и провозглашаемая имъ идея въ первый разъ представили жителямъ положительное рѣшеніе. Есть уже одиннадцать мильоновъ итальянцевъ, имѣющихъ правительство, какого хотятъ остальные. Соединиться съ ними—скоро было принято всѣми. Услышавъ о прибытіи Гарибальди, всѣ комитеты калабрійскихъ городовъ послали въ Аспромонте (близъ Реджіо) своихъ уполномоченныхъ, чтобы они условились объ общемъ планѣ дѣйствій. Уполномоченные отправили къ Гарибальди депутацію пригласить его сдѣлать для остальныхъ неаполитанскихъ земель то же, что сдѣлалъ онъ для Сициліи.

„Депутація прибыла вчера; нынѣ поутру, когда Гарибальди воротился въ Мессину изъ своей поѣздки въ Фаро, къ нему явились сорокъ человѣкъ представителей отъ всѣхъ калабрійскихъ городовъ. Какъ ни радъ онъ былъ видѣть ихъ, но онъ просилъ ихъ обождать, потому что въ эту минуту была у него другая радостная обязанность: онъ долженъ былъ повидаться съ своими старыми товарищами по первой марсальской экспедиціи, пришедшими вчера съ колонною изъ Катаніи.

„Тутъ я во второй разъ видѣлъ Гарибальди глубоко тронутымъ. Въ первый разъ онъ былъ тронутъ, когда люди, освобожденные изъ неаполитанскихъ тюремъ въ Палермо, пришли вмѣстѣ съ своими семействами благодарить его за избавленіе. Онъ потерялъ тогда свое врожденное краснорѣчіе и не могъ произнести ни слова, какъ и вчера. Но тогда онъ старался скрыть свое волненіе, какъ слабость, а теперь и не стыдился его. Долго онъ стоялъ, то поднимая глаза на хорошо знакомыя ему лица, то опуская ихъ при воспоминаніи о товарищахъ, которыхъ недоставало тутъ, которые легли на высотахъ Калата-Фими или подъ развалинами Палермо. Наконецъ онъ могъ произнести: „вѣрные мои старые товарищи, взглядъ на васъ такъ трогаетъ меня, что лишаетъ силы выразить радость, которую я чувствую". Онъ замолчалъ, потомъ повто-

Digitized by Google

лъ эти слова и сказалъ еще: „васъ было мало, и вы сдѣлали много; а теперь насъ детъ много, чтобъ докончить немногое, еще не сдѣланное“.

„Когда онъ возвратился принять калабрійскую депутацію, она формально пригла-ла его перейдти на материкъ. Онъ обѣщалъ переправиться и раньше того прислать ужіе. Депутаты единодушно спрашивали, когда же онъ переѣдетъ. Онъ улыбнулся и сазалъ: „скоро“. Депутаты откѣчали единодушнымъ крикомъ восторга.

„Вечеромъ я ходилъ на наши аванпосты передъ цитаделью. Не больше какъ въ а ярдахъ (40 саженяхъ) отъ нихъ стоятъ неаполитанскіе пикеты. По виду вы ни-къ не подумаете, что это непріятели,—такъ дружески разговариваютъ они и смѣ-тся“.

4 августа.

„Нынѣ исходилъ срокъ перемирію и генералъ Клари видѣлся съ Гарибальди, чтобы родолжить его. Разговоръ ихъ хранится въ глубочайшей тайнѣ; объявлено было только , что неаполитанцы очищаютъ Сиракузы и Агосту. Но это самое маловажное изъ ловій: знайте, что мы теперь не слишкомъ дорожимъ двумя укрѣпленными городами какими нибудь двумя стами орудій, не интерссуемся и совершеннымъ очищеніемъ ициліи. Наши мысли идутъ гораздо дальше. Но всѣ неслыханные успѣхи не ослѣ-пляютъ Гарибальди, который даже и теперь готовъ согласиться на всякій миръ, лишь ы только достигалась имъ его цѣль. Въ нынѣшнемъ свиданіи Гарибальди въ первый азъ изложилъ условія, подъ которыми согласенъ остановиться на пути своихъ побѣдъ. еремиріе продолжено на пять дней, и генералъ Клари нынѣ вечеромъ ѣдетъ въ Неа-оль, чтобы сообщить условія, предложенныя Гарибальди. Онъ долженъ возвратиться ечеромъ 5 числа.

„Сущность условій Гарибальди состоитъ въ томъ, чтобы сѣверъ и югъ Италіи огли стать въ дѣйствительности однимъ цѣлымъ. Это одна изъ восторженныхъ идей, ь которымъ способенъ только Гарибальди и которыя, какъ мнѣ кажется, неосущест-имы. Онъ хочетъ ни меньше, ни больше какъ братства между королями, уподобленія боихъ королевствъ, того, чтобы они имѣли одну политику и одну армію. При такомъ оединеніи, Викторъ-Эммануэль, ранѣе вступившій на путь итальянской независимости, онечно долженъ командовать всею арміею и управлять всею итальянскою политикою; еаполь будетъ совершенно уподобленъ сѣверному королевству и только сохранитъ ны-ѣшнюю свою династію. Первымъ шагомъ къ уподобленію долженъ быть обмѣнъ войскъ: ѣверныя войска должны быть переведены въ Неаполь, неаполитанскія на сѣверъ. лоты должны сдѣлать то же. Нынѣшняя сѣверо-итальянская конституція должна быть ринята въ Неаполѣ, а таможни между королевствами уничтожены.

„Вотъ главнѣйшія изъ условій, которыя предлагаетъ Гарибальди. Между тѣмъ при-отовленія продолжаются, какъ будто отъ переговоровъ не ждутъ никакого результата. ѣйствительно, условія такъ тяжелы, что мы должны быть готовы къ отказу“.

Вечеръ.

„Генералъ Клари уѣхалъ въ Неаполь. Онъ повезъ условія мира, и кромѣ того равительство вызываетъ его, чтобы онъ оправдался въ обвиненіяхъ, представленныхъ ротивъ него полковникомъ Боско, который называетъ его причиною своего пораженія ри Мелаццо, за то, что Клари не прислалъ ему требуемыхъ подкрѣпленій. Но по си-наламъ телеграфа мы видѣли, что самъ Клари боялся нашей колонны, приближавшейся зъ Катаніи“.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, что дальнѣйшій ходъ дѣла въ южной Италіи зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ ого, успѣетъ или не успѣетъ неаполитанскій дворъ убѣдить населеніе королевства

Digitized by Google

въ искренности и прочности сдѣланныхъ уступокъ; во-вторыхъ, отъ того, будутъ ли успѣхи Гарибальди остановлены иностраннымъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Усилія конституціоннаго неаполитанскаго правительства пріобрѣсти довѣріе націи оказались напрасны; точно также не успѣло до сихъ поръ осуществиться желаніе Франціи и Австріи поддержать Неаполь.

Прежняя система была привычна неаполитанскому правительству и соотвѣтствовала искреннимъ убѣжденіямъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ его; потому, разумѣется, не могли они подчиниться условіямъ новой системы, даже не могли отчетливо представить себѣ новыхъ условій, подчиненіе которымъ требовалось отъ нихъ; да и вообще новыя требованія были совершенно неудобоисполнимы. Можетъ ли человѣкъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ связей, знакомствъ и сношеній, отстраниться отъ всѣхъ своихъ друзей и безусловно ввѣриться совѣтамъ людей ему чуждыхъ. Натурально было, что существенное вліяніе дѣла оставалось въ Неаполѣ у прежнихъ испытанныхъ, вѣрныхъ совѣтниковъ, а новые министры пользовались только тѣнью власти. Рѣшительно ничего важнаго не въ силахъ былъ сдѣлать новый кабинетъ. Напримѣръ, столица желала, чтобы удалены были иностранныя наемныя войска. Войска эти оставались попрежнему въ сосѣдствѣ столицы. Нѣкоторые полки неаполитанской гвардіи два или три раза дѣлали попытки низвергнуть новыя учрежденія. Противники ея требовали, чтобы эти полки были распущены и главные виновники безпорядковъ преданы суду. Новые министры не могли удовлетворить и этому требованію: полки, возстававшіе противъ новыхъ учрежденій, были, напротивъ, ободрены знаками особеннаго расположенія. Было также требованіе, чтобы цитадель Сантъ-Эльмо передали національной гвардіи; но крѣпость эта, господствующая надъ городомъ, оставалась ввѣрена гарнизону и командирамъ, преданность которыхъ не поколебалась провозглашеніемъ реформы. Командирами войскъ вообще оставались люди испытанной надежности. Изъ всего этого видно было, что новое министерство не пользуется не только прочною, но и никакою властью. Оно успѣвало иногда получать согласіе лишь на такія мѣры, которыя не вредили основаніямъ обычнаго порядка; могло издавать лишь такіе законы, отмѣненіе которыхъ не представило бы затрудненій при первомъ оборотѣ обстоятельствъ, благопріятномъ возстановленію прежнихъ учрежденій. Мѣсяца полтора длилось это шаткое положеніе новаго кабинета. Событія между тѣмъ шли впередъ, и опытные довѣренные совѣтники увидѣли, что нельзя болѣе медлить принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ для своей защиты отъ распространявшагося стремленія передать Неаполь подъ власть Виктора-Эммануэля. Приближалось время выборовъ въ неаполитанскій парламентъ; избирательные комитеты защитниковъ неаполитанской отдѣльности видѣли, что ни одинъ изъ ихъ кандидатовъ не будетъ избранъ, что депутатами явятся исключительно люди, открыто объявляющіе себя на сторонѣ Гарибальди. Они уже не скрывали и плана своихъ дѣйствій. Было положено, что палата депутатовъ, какъ только соберется, провозгласитъ замѣненіе Бурбонской династіи Сардинскою династіею и пригласитъ Гарибальди принять начальство надъ неаполитанскою арміею. А Гарибальди, между тѣмъ, уже посылалъ передовые отряды въ Калабрію и конституціонное министерство, не имѣвшее ни въ чемъ и ни въ комъ опоры, не могло вести войны противъ него, сообразно потребностямъ людей, доказавшихъ свою вѣрность продолжительнымъ опытомъ. Потому они увидѣли надобность снова выступить впередъ и формально взять назадъ власть изъ

Digitized by Google

слабыхъ рукъ новаго кабинета. 14 (2) августа, когда въ Калабріи уже явились отряды Гарибальди, Неаполь былъ объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи, а выборы депутатовъ отсрочены. Въ ту минуту, когда мы пишемъ это, у насъ нѣтъ еще извѣстій о томъ, въ какомъ отношеніи держатъ себя новые министры къ довѣреннымъ совѣтникамъ, принявшимъ столь рѣшительныя мѣры: увидѣлъ-ли конституціонный кабинетъ необходимость молча покориться открытому вліянію прежнихъ людей, или, быть можетъ, самъ искренно согласился въ надобности прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, или онъ лишится и номинальной власти,— этого мы еще не знаемъ. Планъ приверженцевъ единства дѣйствовать парламентскимъ путемъ теперь разрушенъ; дѣло будетъ и по формѣ рѣшено оружіемъ, отъ котораго всегда зависѣло по своей сущности.

Въ дѣйствіяхъ противъ Гарибальди видно было безсиліе новаго кабинета. Какъ только принялъ онъ номинальное управленіе дѣлами, онъ послалъ главнокомандующему королевскими войсками въ Сициліи, мессинскому коменданту Клари, приказаніе прекратить военныя дѣйствія. Но люди болѣе основательные находили, что борьба подъ Мессиною представляетъ большую вѣроятность успѣхамъ. Читатель видѣлъ изъ приведенныхъ нами писемъ, какъ сильны были позиціи, занимаемыя неаполитанскими войсками. Въ Мессинѣ и въ ея окрестностяхъ находилась армія, превосходившая числомъ всѣ силы, которыми располагалъ Гарибальди. Опираясь на Мессину, Мелаццо и другія крѣпости сѣверо-восточнаго угла Сициліи, неаполитанскіе генералы надѣялись отбить нападеніе инсургентовъ и справедливо разсчитывали, что удача въ одномъ сраженіи возвратитъ имъ власть надъ всѣмъ островомъ и снова упрочить власть Бурбоновъ; потому объявленіе кабинета о прекращеніи военныхъ дѣйствій было оставлено безъ вниманія. Неаполитанскія войска пошли на встрѣчу инсургентамъ. Къ несчастію, успѣхъ не соотвѣтствовалъ надеждамъ, казавшимся очень основательными. Мы не будемъ собирать здѣсь всѣхъ отрывочныхъ подробностей о дѣйствіяхъ Гарибальди по занятіи Мессины: онѣ противорѣчатъ однѣ другимъ и большая часть изъ нихъ носятъ на себѣ явные признаки невѣрности. Мы лучше подождемъ до слѣдующаго мѣсяца, когда будемъ имѣть болѣе связные и болѣе достовѣрные разсказы, а теперь упомянемъ только главные факты. Очевидно, что мнѣніе, господствующее въ неаполитанскомъ населеніи, сильно распространилось и между военными силами. Всѣ газеты говорятъ о многочисленности дезертировъ, переходящихъ изъ неаполитанскихъ войскъ въ лагерь Гарибальди. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что въ самой столицѣ королевства надобно было арестовать вдругъ 300 человѣкъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, собиравшихся къ Гарибальди. Разсказываютъ, что цѣлые полки уже объявляли рѣшимость не сражаться противъ инсургентовъ. Очень вѣроятно, что разсказы эти преувеличены, но все-таки положительнымъ фактомъ надобно считать, что надежность арміи значительно ослаблена теперь присутствіемъ въ ея рядахъ многочисленныхъ партизановъ Гарибальди. Извѣстно также, что неаполитанскіе военные корабли не оказывали той дѣятельности, какая требовалась отъ нихъ. Говорятъ, что флотскіе офицеры всѣ объявили рѣшимость не сражаться противъ сицилійцевъ. Вѣроятно этотъ слухъ такъ же преувеличенъ, но все-таки видно, что флотъ очень не надеженъ. Иначе нельзя объяснить безопасности, съ какою разъѣзжали между Генуею и сицилійскими берегами купеческіе пароходы, перевозившіе волонтеровъ въ Палермо, въ Патти и наконецъ въ Мессину. Точно

Digitized by Google

такъ же, только ненадежностью неаполитанскаго флота объясняется успѣхъ переправы всѣхъ отрядовъ Гарибальди въ Калабрію. По извѣстіямъ, какія получены теперь (около 12 августа), въ разныхъ пунктахъ калабрійскаго берега высадилось уже нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ арміи Гарибальди; многочисленные отряды инсургентовъ присоединяются къ нимъ; возстаніе распространяется и по другимъ провинціямъ; всѣ увѣрены, что черезъ нѣсколько недѣль, можетъ быть черезъ немного дней, Гарибальди вступитъ въ столицу королевства. Правда, что почти всѣ шансы успѣха на его сторонѣ; но самъ Гарибальди очень хорошо понимаетъ, что дѣло еще представляетъ очень много опасностей. Онъ не можетъ перевезти на итальянскій континентъ болѣе 15,000 человѣкъ войска, едва ли можетъ въ первое время похода перевезти и это число, а неаполитанская армія еще имѣетъ послѣ всѣхъ потерь до 80,000 солдатъ. Неравенство силъ остается огромно. Правда, въ неаполитанскихъ рядахъ очень много людей, которые были бы рады сражаться подлѣ него, а не противъ него. Но до сихъ поръ, они однакоже сражались противъ него и будутъ сражаться до тѣхъ поръ, пока отважатся открыто перейти подъ его знамена. А масса войска у Гарибальди состоитъ изъ новобранцевъ, еще не привыкшихъ соблюдать хладнокровіе при неожиданностяхъ военнаго дѣла. Мы и прежде видѣли примѣры, и въ приведенномъ нами разсказѣ о битвѣ при Мелаццо видимъ еще новый примѣръ того, какъ легко переходитъ большинство его солдатъ отъ мужества къ испугу, какъ оно смѣшивается при нечаянныхъ опасностяхъ. До сихъ поръ судьба сраженій рѣшалась небольшимъ числомъ ветерановъ, составлявшихъ знаменитый отрядъ альпійскихъ стрѣлковъ въ прошломъ году. Эти двѣ или три тысячи человѣкъ—храбрѣйшій корпусъ изъ войскъ западной Европы; ни во французской, ни въ англійской арміяхъ не найдется корпуса, который могъ бы сражаться съ ними; но за то, какъ мало ихъ число! А вся остальная армія Гарибальди держится, можно сказать, только ими. Безъ нихъ, при всемъ своемъ энтузіазмѣ, она едва ли устояла бы противъ непредвидѣнныхъ атакъ, противъ внезапнаго огня скрытыхъ баттарей. Этимъ объясняется готовность Гарибальди заключить миръ, кажущаяся столь странною. Мы вовсе не хотимъ сказать, что ошибочно общее ожиданіе такого исхода войны, который соотвѣтствуетъ ея началу. Напротивъ, вѣроятнѣе всего, что Гарибальди скоро вступитъ въ Неаполь; но правдоподобность успѣха не скрываетъ отъ него самого возможности несчастій.

Главнымъ ручательствомъ за успѣхъ по прежнему остается чрезвычайное сочувствіе всего неаполитанскаго населенія, смущающее противниковъ Гарибальди, парализующее ихъ мысли и силы. Читатель знаетъ, что уже давно носятся слухи о приготовленіяхъ неаполитанскаго двора къ выходу изъ столицы. Въ послѣдніе дни стали носиться слухи, что иноземная помощь скоро будетъ подана ему; это ожиданіе вѣроятно слѣдуетъ назвать преждевременнымъ, но дѣйствительно есть уже признаки, показывающіе, что Гарибальди черезъ нѣсколько времени будетъ имѣть противниковъ болѣе сильныхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ видитъ онъ въ Неаполѣ.

Мы постоянно говорили, что французская политика не желаетъ допускать въ Италіи перемѣнъ, которыми уничтожалась бы нынѣшняя необходимость сардинскаго правительства спрашивать совѣтовъ въ Парижѣ; въ прошломъ мѣсяцѣ мы упоминали о полуоффиціальномъ объявленіи, говорившемъ, что Франція остается вѣрна системѣ, продиктовавшей Виллафранкскій миръ. Послѣ того было еще нѣсколько объявленій въ томъ же смыслѣ. Они были такъ сильны, что туринскій

Digitized by Google

кабинетъ былъ принужденъ принять мѣры противъ Гарибальди. Сардинскій министръ внутреннихъ дѣлъ Фарини долженъ былъ отправиться въ Геную, чтобы предотвратить снаряженіе новой экспедиціи, хотѣвшей идти на Неаполь черезъ Папскія владѣнія. Бертани, остававшійся уполномоченнымъ Гарибальди въ Генуѣ и завѣдывавшій снаряженіемъ экспедиціи, принужденъ былъ удалиться изъ Генуи. Прежде того Викторъ-Эммануэль былъ принужденъ послать къ Гарибальди письмо, требовавшее прекращенія военныхъ дѣйствій и обѣщанія не переѣзжать изъ Сициліи на материкъ. Когда Гарибальди отвѣчалъ, что, при всей преданности своей королю, не въ силахъ остановить начатаго дѣла, Австрія дѣятельнѣе прежняго начала готовиться къ войнѣ. Читатель знаетъ, что газеты утверждаютъ, будто бы она уже объявила, что на дняхъ пошлетъ войска въ помощь неаполитанскому королю. Не знаемъ, дѣйствительно ли было формальное сообщеніе объ этомъ, или намѣреніе, о которомъ говорятъ газеты, еще не выражено оффиціальнымъ образомъ на бумагѣ; но достовѣрно то, что между Австріею и Франціею ведутся объясненія по этому предмету. Для успокоенія Франціи дается обѣщаніе не отнимать у Сардиніи Ломбардскихъ провинцій, переданныхъ Виктору-Эммануэлю волею Наполеона III. Но Франція не давала своей гарантіи соединенію Тосканы, Модены и Романьи съ Сардиніею; напротивъ, этотъ фактъ былъ порицаемъ ею, совершился въ противность ея совѣтамъ. Потому отдѣленіе этихъ областей отъ Піэмонта и возстановленіе въ нихъ прежняго порядка не будетъ противно уваженію къ Франціи. Въ этомъ и должна состоять цѣль войны, къ которой готовится Австрія. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этихъ переговоровъ и расположеній. Очень можетъ быть, что все ограничится, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году, одними словами и сборами, и очень можетъ быть, что итальянцы между тѣмъ успѣютъ устроиться; но большинство людей, слѣдящихъ за событіями, думаютъ, что война между Австріею и итальянцами уже близка. Газеты наполнены соображеніями о томъ, въ какое отношеніе станетъ къ воюющимъ сторонамъ Франція, какой образъ дѣйствій будетъ вынужденъ у другихъ европейскихъ державъ ея вмѣшательствомъ, и т. д. Можно полагать, что нѣкоторыя изъ этихъ соображеній основаны не на однѣхъ догадкахъ публицистовъ, а имѣютъ происхожденіе болѣе оффиціальное; но все-таки эти слухи показываютъ только, какъ думали бы дѣйствовать государственные люди той или другой державы, а какъ будутъ они дѣйствовать въ самомъ дѣлѣ, если осуществятся предполагаемыя столкновенія, это не зависитъ отъ ихъ воли, а будетъ рѣшено ходомъ событій,—а какой оборотъ примутъ событія, этого не знаетъ еще никто. Вѣдь были же всѣ увѣрены при началѣ прошлой войны, что театръ дѣйствій перенесется изъ Италіи на Рейнъ, что Англія явится союзницею Германіи, которая будетъ защищать Австрію; вѣдь готовились же къ этому нѣмецкія правительства, думали объ этомъ англійскіе министры, опасался этого императоръ французовъ,—а дѣло кончилось совершенно иначе. Вѣдь была же въ концѣ прошлаго года почти совершенная несомнѣнность, что будутъ исполнены условія Виллафранкскаго мира,—а между тѣмъ мы были свидѣтелями, что событія пошли совершенно не тѣмъ путемъ.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

СЕНТЯБРЬ 1860.

Письма корреспондента Times'а, находящагося при штабѣ Гарибальди.

Продолжаемъ извлеченіе изъ писемъ того корреспондента газеты Times, который сопровождаетъ Гарибальди въ его походѣ.

Мессина, 7 августа.

„Пока мессинцы пугали другъ друга страшными мѣрами, которыя мессинскій комендантъ думаетъ принять въ случаѣ высадки на калабрійскій берегъ, Гарибальди провелъ весь день (6 августа) въ Фаро *), наблюдая за приготовленіями. По обыкновенію, онъ уѣхалъ туда рано утромъ съ генераломъ Козенцемъ, котораго зовутъ его „душою"; но назадъ въ Мессину онъ поѣхалъ не сухимъ путемъ, какъ обыкновенно, а въ лодкѣ. Гарибальди принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ натурамъ, которыя всегда найдутъ минуту для всего, что встрѣтится имъ интереснаго, прекраснаго или поучительнаго, какъ бы ни были поглощены какою нибудь мыслью, завалены работою. Все, относящееся до пролива, вдвойнѣ интересно для него: вѣдь онъ старый морякъ; ему интересно изучать теченія, ихъ перемѣны, глубину воды, якорныя стоянки, суда, лодки, — словомъ сказать, все, что касается этихъ оригинальныхъ и прекрасныхъ водъ. Онъ толкуетъ съ рыбаками, любитъ посмотрѣть, какъ ловятъ мечъ-рыбу, — быть можетъ, разскажетъ анекдотъ изъ своей южно-американской жизни, сравнитъ эти мѣста съ другими видѣнными имъ чудными берегами. Кромѣ того, тутъ прекрасныя калабрійскія горы, столь живописныя съ моря; тамъ бѣлѣется Реджо, виднѣется разбросанное Санъ-Джованни, чернѣется Шилла. Вчера земноводныя наклонности заговорили въ матросѣ-солдатѣ, и онъ возвратился на лодкѣ; его увлеченіе было такъ велико, что для нынѣшняго дня онъ также велѣлъ приготовить лодку.

„Но нынѣ лодка была приготовлена съ другою цѣлью. Я говорилъ вамъ о двухъ соленыхъ озерахъ на низменномъ песчаномъ полуостровѣ, который кончается мысомъ Фаро. Узкій, но довольно глубокій каналъ соединяетъ ихъ съ моремъ, дѣлая изъ нихъ нѣчто въ родѣ естественной гавани для довольно большихъ лодокъ. Это мѣсто какъ нарочно было создано для приготовленій. Двадцать большихъ баржъ, почти всѣ еще сохранившія на кормѣ отмѣтку „Messageries Imperiales" **), были собраны тутъ уже нѣсколько времени, и полковнику Бодрони, итальянцу родомъ, французу по воспитанію, поручено было приготовить ихъ для перевозки лошадей и артиллеріи. Опытный въ постройкѣ судовъ и энергическій Бодрони кончилъ свое дѣло въ нѣсколько дней. Онъ

*) Читатель помнитъ, что Фаро – крайній пунктъ того угла Сициліи, который обращенъ къ материку, что въ этомъ пунктѣ самое узкое мѣсто пролива и что Гарибальди немедленно по вступленіи въ Мессину сталъ укрѣплять берегъ Фаро, базисъ, отъ котораго должны были отправляться экспедиціи въ Калабрію.

**) Messageries Imperiales, несмотря на свое названіе, частное, а вовсе не правительственное общество.

Digitized by Google

покрылъ баржи крѣпкими палубами, сдѣлалъ на каждой съ трехъ сторонъ перила, а съ четвертой стороны мостъ на крюкахъ, облегчавшій выгрузку. Каждая баржа можетъ взять на короткій переѣздъ 20 лошадей и помѣстить отъ 80 до 100 человѣкъ подъ палубою. Кромѣ того, по берегу собрано до 150 большихъ береговыхъ и рыбацкихъ лодокъ, поднимающихъ отъ 10 до 20 человѣкъ. Наконецъ, есть у насъ тутъ три парохода: „City of Aberdeen", старый деревянный, колесный пароходъ, служившій для мирной перевозки товаровъ на восточномъ берегу Англіи, „Калабрія" и „Герцогъ Альба", оба взятые пароходомъ „Tücköry" (Veloce). Съ этими средствами можно менѣе чѣмъ въ полчаса перевезти на ту сторону 5,000 человѣкъ. Разстояніе между Фаро и ближайшимъ пунктомъ того берега, Torre Cavallo, 3,700 метровъ ($3^1/_2$ версты). Въ мирное время, люди, обѣдающіе въ Фаро, посылаютъ за часъ передъ обѣдомъ на ту сторону за льдомъ, или лучше сказать снѣгомъ, къ обѣду. Иногда переправа затрудняется теченіемъ, которое бываетъ 6 часовъ на югъ, другіе 6 часовъ на сѣверъ; сила его растетъ и уменьшается по луннымъ фазамъ; сильнѣе всего бываетъ оно въ полнолуніе и въ новолуніе. Нынѣшій день оно довольно тихо,—это видно по неаполитанскимъ пароходамъ, которые въ своихъ разъѣздахъ останавливаютъ паръ, давая водѣ нести себя внизъ, потомъ опять пускаютъ въ ходъ машину и поднимаются противъ воды. Когда теченіе достигаетъ полной силы, суда не могутъ стоять въ проливѣ на якорѣ, тѣмъ больше, что у самаго же берега проливъ уже очень глубокъ.

„Нынѣ весь день неаполитанскіе пароходы очень остерегались подходить на выстрѣлъ къ баттареямъ Фаро, сила которыхъ растетъ съ каждыми сутками. Половина этихъ крейсеровъ ходятъ около Punta di Pezzo *), другая половина выше Шиллы, около Баньяры и Пальми **),—оба эти мѣстечка ясно видны отсюда. Баньяра — группа домовъ на самомъ берегу, а Пальми стоитъ на вершинѣ крутыхъ скалъ, идущихъ вдоль берега за Баньярою.

„Гарибальди вернулся изъ Фаро уже вечеромъ. Какъ только онъ пріѣхалъ, командиры дивизій и бригадъ, находящихся въ Мессинѣ, собрались къ нему, ожидая услышать какія нибудь новыя распоряженія Настоящіе военные совѣты у насъ неизвѣстны, и это очень хорошо. Но каждый, имѣющій что нибудь сказать, сдѣлать какія нибудь замѣчанія, сообщить какія нибудь свѣдѣнія, выслушивается всегда, когда бы ни пришелъ. А рѣшаетъ все самъ Гарибальди, одинъ. Очень интересно наблюдать, какъ принимаетъ онъ свои рѣшенія. Первая идея принадлежитъ почти всегда ему, — онъ кажется не имѣетъ соперниковъ по богатству идей и дѣятельности мысли Онъ лучше всѣхъ понимаетъ, что въ народномъ движеніи, съ такими солдатами, какъ у него, съ волонтерами, опасно долго останавливаться и бездѣйствовать. Да и самому ему хочется поскорѣе кончить свое дѣло и возвратиться на свой пустынный островокъ Капреру. Потому, когда другіе отдыхаютъ на лаврахъ, онъ ищетъ новыхъ лавровъ. Другимъ все кажется, что приготовленія не кончены; а ему кажется, что средства достаточно подготовлены, если есть достаточная охота къ дѣлу. Когда онъ выскажетъ новый планъ, принимаются работать другія головы, и сообщаютъ ему совѣты, ведущіе къ цѣли; во время этой фазы дѣла, люди не знающіе Гарибальди едвали увидѣли бы въ немъ ту энергическую рѣшимость, которой онъ славится. Но люди знающіе его видятъ въ этой нерѣшимости энергическую работу ума, ищущаго вѣрнѣйшаго пути. Это продолжается до самой минуты дѣйствія. Какъ приходитъ она, Гарибальди будто пробуждается отъ сна. Всякое колебаніе исчезло. Точныя приказанія слѣдуютъ одно за другимъ, съ твердостью, показывающею неизмѣнность рѣшенія. Но Гарибальди хочетъ, чтобы каждый самъ развивалъ эти приказанія: они содержатъ только общую мысль; подробности предоставляются разсудку исполнителей. Въ сраженіи Гарибальди не столько главнокомандующій, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, сколько общій помощникъ во всѣхъ затрудненіяхъ, всегда являющійся на опаснѣйшемъ пунктѣ, одушевляющій и поправляющій битву. Это было бы опасно съ обыкновенными генералами, привыкшими держаться рутины; но наши почти всѣ расположены дѣйствовать самобытно, такъ что ни одинъ корпусъ не остается безъ команды".

*) На сѣверъ отъ Фаро, на калабрійскомъ берегу.
**) На югъ отъ Фаро, также на калабрійскомъ берегу.

Digitized by Google

„8 августа.

„Весь нынѣшній день былъ днемъ живой дѣятельности. Гарибальди, по обыкновенію, рано утромъ уѣхалъ въ Фаро. Главная квартира почти пуста. Генеральный штабъ укладывается въ путь. Колонновожатые, вообще пользующіеся наибольшимъ досугомъ въ цѣломъ войскѣ, нынѣ съ самаго утра весь день на ногахъ, бѣгаютъ и разъѣзжаютъ. Всѣ спрашиваютъ другъ друга: „значитъ, мы идемъ? кто же ѣдетъ? кто остается? куда мы идемъ, по берегу, или на ту сторону? когда, днемъ или вечеромъ?“ Поставщики захлопотались, и въ потѣ лица бѣгаютъ по хлѣбникамъ, ищутъ провизіи, убѣждаютъ купцовъ, торгующихъ колоніальными товарами, макаронами, рисомъ, бранятся съ виноторговцами. Горожане сходятся, толкуютъ, составляютъ догадки, приходятъ къ заключеніямъ, что готовится какое-то дѣло. Были забраны всѣ телѣги и фуры, какія только можно было отъискать. Городскія начальства совершенно растерялись отъ суеты. Слѣпые могли бы видѣть, глухіе могли бы слышать, что готовится какое-то необыкновенное дѣло; даже неаполитанскіе аванпосты замѣчали это, а изъ цитадели было видно, какъ повсюду мы ищемъ лодокъ и отправляемъ ихъ къ Фаро, нагрузивъ всевозможными запасами и припасами. Единственная вещь, занимающая всѣ мысли—высадка на калабрійскій берегъ; потому не трудно было отгадать смыслъ всѣхъ хлопотъ. Начинается экспедиція, о которой говорилось такъ давно“.

„На пароходѣ City of Aberdeen. 9 августа.

„Если Мессина была вчера театромъ необыкновеннаго шума и дѣятельности, то еще въ десять разъ больше было тревоги по дорогѣ въ Фаро, въ селѣ Нижнемъ Фаро и его окрестностяхъ. Все это пространство было муравейникомъ, исполненнымъ движенія. У такъ называемой регулярной арміи двѣ трети этого пространства были бы заняты фурами и лошадьми; въ нашемъ иррегулярномъ войскѣ не такъ: багажъ у насъ слабое преданіе, обозъ неизвѣстенъ, солдатъ несетъ съ собою все нужное, то есть очень не многое. Хорошо, если есть у него лишняя рубашка; она займетъ мало мѣста въ ранцѣ, оставитъ много мѣста сухарямъ или хлѣбу; еще лучше, если есть у солдата плащъ посверхъ его полотнянаго или бумажнаго платья; но у бòльшей части солдатъ найдется только коверъ, служащій вмѣсто плаща. Такимъ образомъ наши войска могутъ сдвигаться какъ трубки телескопа. Иначе не было бы возможности собрать у мыса Фаро столько силъ, сколько было тутъ въ прошлую ночь и нынѣ утромъ.

„Вся артиллерія, всѣ полевыя и тяжелыя орудія были уже на мысѣ вмѣстѣ съ инженерами, саперами и всѣми принадлежностями орудій. Мысъ Фаро служилъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ военныхъ снарядовъ съ той поры, какъ мы заняли Мессину. Вы поймете, что много мѣста было монополизировано этими вещами. Вчера дивизія Козенца и бригада Сакки получили приказаніе идти къ Фаро. Дивизія Козенца была расположена отрядами по всей дорогѣ отъ Мессины до самаго мыса. Всѣмъ этимъ отрядамъ было приказано двинуться съ наступленіемъ вечера и около 11 часовъ ночи быть какъ можно ближе къ мѣсту берега, гдѣ слѣдовало имъ сѣсть на суда. Бригада Сакки, расположенная въ деревнѣ Фаро и ея окрестностяхъ, должна была сойти съ высотъ послѣ дивизіи Козенца и стать въ тылу ея. Вторая бригада дивизіи Тюрра, стоявшая въ Мессинѣ, должна была двинуться ночью и къ разсвѣту быть въ Паче — деревнѣ, отстоящей отъ Фаро на одну треть пути между Мессиною и мысомъ. Всѣ силы, собранныя такимъ образомъ, простирались по крайней мѣрѣ до 10,000 человѣкъ, не считая артиллеріи.

„Зачѣмъ же собирались онѣ? Представлялось два плана для веденія наступательныхъ дѣйствій. Одинъ, болѣе блестящій и быстрый, но съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе рискованный, состоялъ въ томъ, чтобы перевезти собранныя силы въ средину континентальныхъ владѣній неаполитанскаго короля; второй планъ состоялъ въ томъ, чтобы высадиться въ Калабріи и пролагать себѣ дорогу въ Неаполь по сухому пути. Еслибы виды Гарибальди были обращены только на Неаполь, то я увѣренъ, что [illegible]

бы колебаться въ выборѣ и принялъ бы болѣе рискованный планъ, сообразнѣйшій съ его характеромъ. Но цѣль его гораздо выше: онъ хочетъ достичь единства всей Италіи при содѣйствіи всей Италіи, въ томъ числѣ и Калабріи. Пройти съ одного конца Италіи до другаго — это практическое средство вселить единство, распространить національныя идеи, укоренить ихъ, довести до зрѣлости, научить остальную Италію примѣромъ самоотверженія, который подаетъ верхняя Италія, посылая своихъ дѣтей сражаться, терпѣть лишенія и умирать за общее дѣло. Калабрія имѣетъ элементы, которые могутъ стать чрезвычайно важными для утвержденія и защиты итальянской независимости. Кромѣ того, представители всѣхъ калабрійскихъ городовъ являлись къ Гарибальди съ просьбою, чтобы онъ скорѣе прибылъ къ нимъ,—приглашеніе, въ которомъ не могъ онъ отказать имъ.

„Эти причины заставили его избрать путь болѣе долгій, но вѣрнѣе и полнѣе ведущій къ цѣли. Калабрійскіе солдаты, сражавшіеся въ 1848 году въ верхней Италіи, показали, каковы могутъ стать калабрійцы въ хорошихъ рукахъ, а Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы не вспомнить этого обстоятельства въ походѣ національной вербовки, какъ слѣдуетъ назвать нынѣшнюю кампанію. Когда было отдано предпочтеніе плану высадки на южномъ концѣ материка, то уже очень легокъ былъ выборъ удобнѣйшихъ для высадки мѣстъ. Эти мѣста находились по берегу отъ Torre di Cavallo до Punta di Pezzo, по линіи длиною около трехъ миль (5 верстъ); лодкамъ легко приставать тутъ. Сѣвернѣе берегъ скалистъ, и противъ Шиллы теченіе очень сильно; южнѣе идетъ линія сообщеній между Мессиною, Сантъ-Джованни и Реджо; мессинскія баттареи обстрѣливаютъ это пространство, а у Сантъ-Джованни и Реджо находятся стоянки неаполитанскихъ пароходовъ.

Torre di Cavallo ближайшій пунктъ континентальнаго берега—небольшая терраса, возвышающаяся футовъ на 100 надъ дорогой, которая мало возвышается надъ приморьемъ. Терраса эта имѣетъ видъ подковы, отчего вѣроятно и получила свое имя *). Съ сѣверной стороны по дорогѣ отъ Шиллы скала эта почти отвѣсна и подходитъ къ самой дорогѣ. Камень тутъ вѣроятно легко обваливается, потому что видны контрфорсы, поддерживающіе скалу, чтобы не завалила она дорогу. На сѣверномъ концѣ скалы виднѣется небольшое каменное укрѣпленіе, имѣющее, говорятъ, до 20 орудій. На южной сторонѣ террасы стоитъ другое укрѣпленіе съ такимъ же числомъ орудій; это второе укрѣпленіе, называющееся фортъ Фіумара, возвышается надъ горнымъ потокомъ или, лучше сказать, надъ его высохшимъ русломъ. Дальше на двѣ мили тянутся сады, пересѣкаемые только двумя другими руслами высохшихъ потоковъ, а за ними лежитъ разбросанная деревня Каннителло, доходящая до самой Punta di Pezzo. Обошедши Torre di Cavallo и перешедши первый потокъ, дорога теряется между садами, проходя мимо нѣсколькихъ группъ домовъ. Поэтому часть берега отъ Torre di Cavallo до Каннителло имѣетъ видъ тихаго мѣста, удобнаго для высадки. Гарнизонъ, какъ мы узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, имѣетъ не больше какъ отъ 150 до 200 человѣкъ. Съ морской стороны фортъ открытъ, потому что сторона эта неприступна по крутизнѣ и высотѣ скалы. Сильнѣйшая сторона форта — та часть его, которая обращена въ глубину материка; съ этой стороны онъ довольно крѣпокъ.

„Надобно было захватить врасплохъ на континентѣ такую позицію, господство надъ которой облегчило бы высадку главныхъ силъ. Надобно было только рѣшить, на какой же фортъ напасть, на Фіумару или на Шиллу. По свѣдѣніямъ, полученнымъ о Шиллѣ, гарнизонъ въ ней былъ чрезвычайно малъ, всего человѣкъ до 30; это обстоятельство склонило наши мысли къ ней. Майоръ Миссори, изъ корпуса колонновожатыхъ, былъ посланъ, переодѣтый, на ту сторону, чтобы точнѣе разузнать положеніе дѣлъ. Онъ успѣлъ переѣхать безъ затрудненій, пробылъ на томъ берегу два дня и вернулся. Легкость этой поѣздки была бы удивительна, если бы могло быть что нибудь удивительнаго при неаполитанскомъ порядкѣ. Люди разъѣзжаютъ съ берега на берегъ безъ всякихъ препятствій, и никто не спрашиваетъ у нихъ, откуда и куда они. Множество нашихъ

*) Torre di Cavallo значитъ — лошадиная башня.

Digitized by Google

офицеровъ, родомъ изъ Калабріи, ѣздили по нѣскольку разъ видѣться съ своими семействами, съ которыми были разлучены много лѣтъ изгнаніемъ.

„Майоръ Миссори переѣхалъ такъ, какъ переѣзжали другіе, и осмотрѣлъ Шиллу, какъ только хотѣлъ. Шилла стоитъ на одинокой скалѣ, возвышающейся со всѣхъ сторонъ почти отвѣсно; фортъ соединяется подъемнымъ мостомъ съ городомъ, лежащимъ у подножія скалы и спускающимся до самаго берега. Подлѣ форта церковь, а передъ нимъ открытое мѣсто, служащее рыночною площадью. Съ конца площади узкій переулокъ, длиною ярдовъ въ 25 (около 10 саженъ), ведетъ къ подъемному мосту. До недавняго времени у подъемнаго моста стоялъ одинъ часовой, а другой надъ воротами. Но въ послѣдніе дни неаполитанцы увеличили гарнизонъ до 120 человѣкъ и приняли предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Они поставили отрядъ передъ церковью и двухъ часовыхъ у входа въ переулокъ, ведущій къ подъемному мосту. Поэтому овладѣть фортомъ врасплохъ стало труднѣе, чѣмъ мы думали: для этого было бы нужно довольно большое число людей, и являлась опасность, что приближеніе ихъ будетъ замѣчено. Неаполитанцамъ стоило лишь поднять мостъ, и тогда невозможно было бы овладѣть фортомъ безъ правильной осады и безъ пушекъ.

„Несмотря на это неожиданное затрудненіе, майоръ Миссори, осмотрѣвъ мѣстность, составилъ планъ внезапнвй атаки. Онъ хотѣлъ, чтобы сотня отборныхъ людей, переодѣтыхъ поселянами и вооруженныхъ револьверами, перебрались черезъ проливъ, группами по 5 и 6 человѣкъ, и соединились въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы они пришли на рыночную площадь поутру, когда мостъ опущенъ, и смѣшались съ народомъ и солдатами передъ церковью. По данному сигналу они сбили бы двухъ часовыхъ, и одна половина нападающихъ стремительно бросилась бы черезъ мостъ, а другая задержала бы солдатъ, чтобы они не могли поддержать гарнизона.

„Планъ этотъ былъ хорошъ, но по многимъ причинамъ слѣдовало отдать предпочтеніе нападенію на Фіумарскій фортъ. Изъ нихъ главною была та, что на Фіумару можно было напасть ночью и тотчасъ же потомъ сдѣлать высадку въ большихъ силахъ, между тѣмъ какъ на Шиллу нельзя было напасть иначе, какъ днемъ, когда мостъ опущенъ, а днемъ неаполитанскіе пароходы были для насъ опаснѣе.

„Потому было предпочтено напасть на Фіумарскій фортъ. Майоръ Миссори былъ выбранъ для исполненія этого приготовительнаго шага къ переправѣ главныхъ силъ. Ему дали 40 колонновожатыхъ, 100 человѣкъ изъ бригады Сакки и 50 человѣкъ охотниковъ изъ разныхъ отрядовъ, подъ командою полковника де-Флотта. Имъ назначено было сѣсть на лодки въ Фаро, въ 10 часовъ ночи, и грести прямо на Фіумарскій фортъ, высадиться подъ нимъ, броситься на него и влѣзть на стѣну, для чего взяли они съ собою лѣстницы и другія нужныя вещи. Три пушечные выстрѣла должны были служить сигналомъ успѣха.

„А между тѣмъ дивизія Козенца должна была держаться въ готовности. Около 2,000 человѣкъ должны были сѣсть на три парохода, остальные на лодки, разставленныя вдоль берега. Приготовлены также были въ маленькомъ озерѣ лодки для пушекъ и лошадей; пароходы должны были взять ихъ на буксиръ, когда прійдетъ минута. Высадивъ первыя войска, пароходы должны были вернуться и везти другія войска.

„Первыя дѣйствія были довольно удачны. Солдаты, пароходы, люди, все было въ готовности, и въ назначенное время маленькій отрядъ, выбранный для начала дѣла, сѣлъ на 32 лодки. Они поплыли при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: ночь была темна, неаполитанскіе пароходы находились далеко. Черезъ нѣсколько времени отплыли еще три лодки, отставшія отъ другихъ за нагрузкою военныхъ снарядовъ. Все войско находилось полчаса въ нетерпѣливомъ ожиданіи. На томъ берегу продолжалась совершенная тишина, не слышалось никакого движенія, потому всѣ надѣялись, что дѣло идетъ удачно. Но вдругъ блеснулъ огонь и грянулъ громъ пушечнаго выстрѣла, вслѣдъ за нимъ раздались ружейные выстрѣлы; иллюзія исчезла, надежда замѣнилась страхомъ за судьбу охотниковъ. Прошло еще полчаса,—вы поймете сами, какъ тяжелы были эти минуты, — наконецъ послышался плескъ веселъ, всѣ бросились на берегъ; черезъ нѣсколько минутъ начали, одна за другой, приставать къ берегу всѣ 32 лодки; онѣ воротились съ извѣстіемъ, что высадили охотниковъ незамѣченными и готовились плыть

Digitized by Google

ядъ, когда съ форта раздался выстрѣлъ, дававшій сигналъ тревоги. Какъ могли ѣтить высадку въ фортѣ—остается загадкой, до сихъ поръ еще не совсѣмъ понят. Скоро воротились и три другія лодки, но онѣ не высадили своихъ солдатъ. Онѣ лись съ дороги или были снесены теченіемъ, и тревога началась прежде, чѣмъ успѣли сдѣлать высадку. Поэтому скорѣе всего надобно думать, что именно онѣ были заены и послужили причиною тревоги. Неаполитанскія войска всѣ приготовились къ ронѣ; въ этомъ не было сомнѣнія, потому что три послѣднія лодки нѣсколько разъ гались пристать къ тому берегу, но каждый разъ принуждены были отплывать отъ о, слыша барабанный бой.

„Еще оставалась надежда, что высадившійся отрядъ можетъ пройдти незамѣченнымъ спѣть въ своемъ дѣлѣ, потому что вниманіе неаполитанцевъ было обращено на беъ. Но часъ проходилъ за часомъ, не принося желаннаго сигнала, трехъ пушечныхъ трѣловъ. Передъ разсвѣтомъ были пущены на томъ берегу двѣ ракеты,—это былъ нственный признакъ жизни на немъ. Какъ только занялась заря, мы не спускали тельныхъ трубъ съ того берега, не увидимъ ли какого нибудь знака: не поднимется гдѣ дымъ, не замѣтимъ ли движенья войскъ. Въ десятомъ часу утра показались на огѣ подъ Фіумарскимъ портомъ рота солдатъ и взводъ уланъ съ двумя пушками; спускались внизъ и подошли почти къ самому морю. По всѣмъ признакамъ они изводили рекогносцировку и подвигались съ предосторожностями, какъ будто передъ н находится непріятель. По временамъ они ускоряли шагъ, иногда стремительно сались впередъ, потомъ останавливались, строились въ боевые ряды, словомъ скаь—какъ будто искали предполагаемаго врага.

„Утомившись ожиданіемъ и проведенной безъ сна ночью, почти всѣ бывшіе на оходахъ искали мѣста, чтобы вздремнуть минутку. Самъ генералъ удалился на нѣлько времени въ свою каюту и общій залъ нашего стараго парохода наполненъ ыхающими людьми, составляющими живописную сцену на темно-малиновомъ полиняъ бархатѣ залы. Въ одномъ углу высокая худощавая фигура Козенца, на головѣ у ораго видны слѣды раны, полученной подъ Мелаццо; подлѣ него очки, которыя онъ но таскаетъ съ собой; на немъ мундиръ бригаднаго генерала піэмонтской арміи. Въ тивоположномъ углу лежитъ генералъ Сиртори, начальникъ главнаго штаба. Въ тьемъ углу видна сѣдая голова Гузмароли, неизмѣнно сопутствующаго Гарибальди сюду, и на Капрерѣ, и въ Ломбардіи, и въ Римѣ, и въ Сициліи. Далѣе группы ѣе или менѣе незнакомыхъ лицъ, потому что много новыхъ людей явилось въ поднее время въ штабѣ: не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобъ не пріѣхалъ нибудь, уже служившій когда нибудь у Гарибальди, или рекомендованный ему, какъ овѣкъ способный ко всякимъ обязанностямъ, но особенно желающій находиться въ штабѣ. Разумѣется, никому не хотѣлось пропустить такого дѣла, какъ экспедиція Калабрію, и каждый, кто могъ, пробрался на одинъ изъ пароходовъ, прямымъ пуъ или хитростями. Вмѣстѣ съ итальянцами тутъ люди со всѣхъ концовъ Европы, и всѣхъ званій, говорящіе вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ, представляющіе любоный сборникъ всевозможныхъ костюмовъ: священники, монахи, корреспонденты гаь, артисты, даже дамы; одна изъ нихъ ученица миссъ Найтингель, сестра милосердругая въ изящномъ нарядѣ, въ какомъ была вчера въ Мессинѣ. Тутъ на палубѣ юдъ палубой стрѣлковый батальонъ, артиллеристы, саперы, матросы, машинисты, егары. Весь берегъ усѣянъ солдатами: они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, играютъ, бродятъ а и сюда, болтаютъ, шутятъ, бранятся; офицеры хлопотливо бѣгаютъ между ними, стараются пробраться черезъ толпу на своихъ упрямящихся лошадяхъ; подлѣ самой ы стоитъ рядъ пушекъ; среди всего этого стоятъ запряженныя волами фуры; солы толпятся вокругъ нихъ, ожидая раздачи порцій; вдали неаполитанскіе пароходы, любопытствомъ смотрящіе на насъ,—все это составляетъ картину, достойную велишаго живописца".

«Фаро, 10 августа.

„Вчера, около полудня, мы успокоились, получивъ извѣстіе отъ переправившихся на сторону охотниковъ. Они всѣ благополучно пробрались въ горы и къ нимъ уже

Digitized by Google

присоединилось множество калабрійскихъ инсургентовъ. Они надѣются скоро имѣть силы, чтобы начать дѣйствовать. Чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ къ морю и тѣмъ дать время для инсургентовъ усилиться, въ эту ночь мы нѣсколько разъ разводили пары и дѣлали фальшивыя попытки къ переправѣ. Хитрость эта удалась: неаполитанскіе пароходы, канонирскія лодки и гарнизоны фортовъ цѣлую ночь были въ тревогѣ. Они безпрестанно мѣнялись сигналами, передвигались, поднимали фонари, спускали ихъ, но почти не производили стрѣльбы; только когда пароходы приближались, аванпосты начинали ружейный огонь.

„Нынѣ, утромъ, войска, бывшія на пароходахъ, высадились опять на берегъ и самъ Гарибальди поселился на башнѣ маяка въ маленькой комнаткѣ сторожа. Онъ теперь живетъ одиноко, какъ любитъ жить въ минуты подобныя настоящей, а надъ его комнатой площадь маяка, съ которой онъ, какъ съ обсерваторіи, можетъ обозрѣвать всѣ окрестности. Какъ могли размѣститься въ жалкой рыбацкой деревушкѣ Нижняго Фаро толпы лицъ, принадлежащихъ къ его штабу, это уже ихъ тайна.

„Солдаты (хотя большинство ихъ и новобранцы) привыкаютъ устроиваться съ возможнымъ удобствомъ. Пока думали немедленно отправиться въ экспедицію, они стояли вдоль дороги и берега; теперь они ищутъ убѣжища отъ солнечнаго зноя подъ деревьями сосѣднихъ виноградниковъ“.

„*11 августа.*

„Нынѣшняя ночь прошла довольно тихо. Нѣсколько лодокъ было послано испытать зоркость неаполитанцевъ; онѣ подходили къ тому берегу; но ночь была свѣтла, потому ихъ скоро замѣтили и встрѣтили ружейными выстрѣлами.

„Нынѣ, на разсвѣтѣ, прибыли значительныя подкрѣпленія къ фіумарскому гарнизону. По дорогѣ видны были густыя колонны пѣхоты; теперь мы получили свѣдѣнія, что гарнизонъ усиленъ цѣлыми тремя стрѣлковыми батальонами, лучшимъ войскомъ въ неаполитанской арміи. Всѣ они не могли помѣститься въ маленькомъ фортѣ, и часть ихъ расположилась на открытой мѣстности подлѣ него“.

„*12 августа.*

„Нынѣшняя ночь не была похожа на прошлую. Все время длилось постоянное волненіе, причины котораго мы можемъ еще только угадывать. Оно началось въ 10 часовъ вечера. Нѣсколько выше Punta di Pezzo, на высокомъ берегу, стоитъ неаполитанскій фортъ, а за нимъ рядъ разбросанныхъ домовъ. Ночь была ясна и мы видѣли въ этомъ направленіи ружейный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Потомъ на нѣсколько времени все затихло. Около полуночи перестрѣлка возобновилась. Шесть канонирскихъ лодокъ, часто видѣнныхъ нами близъ Фаро, подошли къ тому берегу и открыли сильный огонь по землѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подошли три большіе неаполитанскіе парохода и также начали стрѣлять, впрочемъ изрѣдка. Судя по свисту ядеръ, казалось, какъ будто на берегу есть пушки, отвѣчающія пароходамъ. Черезъ часъ огонь прекратился, но передъ разсвѣтомъ былъ возобновленъ, потомъ опять прекратился и снова начался около семи часовъ утра. Въ это время было уже свѣтло, но солнечный блескъ не давалъ намъ различить, есть ли на берегу пушки, стрѣляющія по пароходамъ. Если онѣ есть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но нѣтъ сомнѣнія, что наши охотники или инсургенты овладѣли фортомъ“.

„*13 августа.*

„Вчера, приказомъ по арміи, было объявлено, что Гарибальди уѣхалъ и на время его отсутствія главная команда поручается начальнику штаба. Дѣйствительно, вслѣдъ за обнародованіемъ этого приказа Гарибальди съ двумя спутниками сѣлъ на „Вашингтонъ“ и отплылъ отъ Фаро назадъ. Этотъ внезапный отъѣздъ—загадка, на которую можно отвѣчать еще только предположеніями. Я только разскажу вамъ факты, оставляя

Digitized by Google

выводы на вашу волю. Вчера утромъ пришелъ въ Фаро „Вашингтонъ“, одинъ изъ нашихъ пароходовъ, на немъ прибыли майоръ Трекки и докторъ Бертани, бывшій довѣреннымъ агентомъ Гарибальди въ Генуѣ. Они пріѣхали вмѣстѣ изъ Генуи въ Палермо, гдѣ пробыли одинъ день. Майоръ Трекки, по взятіи Палермо, отвозилъ письмо отъ Гарибальди къ королю и съ той поры постоянно разъѣзжалъ изъ Палермо или Мессины въ Туринъ и назадъ. Послѣдній отъѣздъ его изъ Мессины былъ во время заключенія перемирія съ генераломъ Клари.

„Вечеромъ пришелъ „Тюкери“ (Велоче), бывшій въ починкѣ въ Палермо, взялъ два стрѣлковые батальона и ушелъ на сѣверъ.

„Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, возбудили въ арміи мнѣніе, что переговоры имѣли успѣхъ, котораго не желалъ почти никто изъ нашихъ офицеровъ. Отъѣздъ Гарибальди въ Палермо объясняли тѣмъ, что составляется тамъ конгрессъ или какое нибудь свиданіе для рѣшенія дѣла.

„Но здѣсь дѣла имѣютъ характеръ не соотвѣтствующій этимъ мирнымъ предположеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что возстаніе въ южной Калабріи распространяется съ каждымъ днемъ. Оно растетъ вокругъ нашего небольшаго отряда, перешедшаго туда, и инсургенты не только держатся, но сами нападаютъ на неаполитанцевъ. Нынѣ ночью, уже долго спустя по отъѣздѣ Гарибальди, мы были пробуждены сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ того же мѣста, гдѣ шла перестрѣлка вчера ночью, т. е. близъ форта Punta di Pezzo. Огонь продолжался минутъ десять, потомъ были сдѣланы три пушечные выстрѣла съ канонирскихъ лодокъ и два съ форта. Ружейный огонь тотчасъ же прекратился и скоро все затихло. Я не могу объяснить это иначе, какъ демонстраціею переправившагося отряда. Съ нашего берега видно, какое дѣйствіе начинаетъ производить эта система. Неаполитанскія войска безпрестанно движутся взадъ и впередъ; они изнуряютъ себя аванпостной службой.

„Говорятъ, что сила калабрійскихъ инсургентовъ простирается уже до нѣсколькихъ тысячъ“.

„14 августа

„Вчера посылалъ я вамъ таинственное объясненіе таинственнаго отъѣзда Гарибальди; теперь сообщу другое. Вчерашнее составляетъ предметъ общихъ разговоровъ, о нынѣшнемъ только перешептываются. „Вашингтонъ“ привезъ майора Трекки, адъютанта Виктора-Эммануэля, но онъ привезъ также доктора Бертани, главнаго распорядителя по отправленію экспедицій изъ Генуи. Бертани привезъ извѣстіе, что 6,000 волонтеровъ поѣхали изъ Генуи по направленію въ Кальяри. Хитрости, которыми неаполитанцы были обмануты въ Монреале и Парко, еще такъ свѣжи въ памяти, что у насъ предполагаютъ ихъ повтореніе. Сдѣлать демонстрацію на одной сторонѣ, а дѣйствительно оперировать съ другой—этимъ искусствомъ Гарибальди владѣетъ въ совершенствѣ. Въ его характерѣ было бы сдѣлать съ этими 6,000 человѣкъ демонстрацію, чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другую часть берега и черезъ это облегчить переправу здѣсь, или воспользоваться волненіемъ, произведеннымъ здѣшними нашими приготовленіями, и высадить нѣсколько тысячъ человѣкъ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ берега—таковы предположенія, дѣлаемыя у насъ. По этимъ предположеніямъ войска, отправленныя на „Тюкери“, посылаются угрожать какому нибудь третьему пункту,—вещь тѣмъ болѣе правдоподобная, что „Тюкери“ ходитъ быстрѣе всѣхъ неаполитанскихъ кораблей.

„Но есть одно обстоятельство, противорѣчащее этому объясненію. Нашъ отрядъ на томъ берегу и калабрійскіе инсургенты получили приказаніе не нападать на неаполитанцевъ до новаго распоряженія Они должны укрѣпляться и увеличивать свою численность, но не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ и это можетъ быть объяснено предположеніемъ, что Гарибальди хочетъ отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другой пунктъ.

„ А это было [illegible] необходимо, если онъ хочетъ вести дѣйствія здѣсь: весь берегъ отъ Реджо до [illegible]ется теперь съ неусыпностью, почти невѣроятною въ неа-

41*

Digitized by Google

политанцахъ. Они имѣютъ непрерывную цѣпь постовъ вдоль всего берега, отъ Torre di Cavallo до Санъ-Джованни".

„Мессина, 15 августа.

„Вчера вечеромъ было большое передвиженіе между Фаро и Мессиною. Командиры отрядовъ были приглашены къ генералу Сиртори, командующему арміею на время отлучки Гарибальди. Цѣль приглашенія была очевидна: наконецъ, должна совершиться давно ожидаемая высадка. Узнавъ объ этомъ, публика положила, что она будетъ произведена непремѣнно гдѣ нибудь въ проливѣ. Всѣ смотрѣли черезъ узкій проливъ, разсуждая о фортахъ и неаполитанскихъ пароходахъ.

„Переправа въ присутствіи сильнаго непріятеля дѣло трудное, хотя бы совершалась и черезъ небольшую, неглубокую рѣчку. Еще гораздо труднѣе переправиться черезъ проливъ съ страшными теченіями, имѣющій нѣсколько сотъ саженъ глубины и нигдѣ не имѣющій менѣе двухъ миль ширины,—переправиться въ виду 10 военныхъ пароходовъ, противъ которыхъ мы не можемъ выставить ни одного, въ виду нѣсколькихъ канонирскихъ лодокъ, четырехъ тяжелыхъ баттарей и войска, по крайней мѣрѣ равняющагося числительностью нашему. Такія обстоятельства должны заставить хорошаго генерала подумать о высадкѣ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ, избѣгая здѣшняго берега, на которомъ сосредоточено все вниманіе непріятеля, и Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы поступить иначе.

„Передъ его отъѣздомъ было рѣшено сдѣлать перемѣну фронта и, продолжая для обмана непріятеля приготовленія къ переправѣ черезъ проливъ, выбрать для высадки какой нибудь пунктъ материка на сѣверъ отъ пролива. Мѣстность благопріятствовала такому плану. Сѣверовосточный конецъ острова съуживается къ мысу Фаро: въ Мессинѣ ширина острова не больше 6 миль (10 верстъ), а за Мессиною еще меньше. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ всѣ войска было можно перевезти на другой берегъ острова, и это движеніе можно было скрыть отъ непріятеля, хотя онъ слѣдилъ за нами очень зорко. Большая горная цѣпь, пересѣкающая Сицилію, идетъ къ деревнѣ Верхнему Фаро и кончается близъ нея круглымъ холмомъ, на которомъ стоитъ земляной редутъ. Съ Мессинской стороны горы круты, съ другаго бока болѣе отлоги. Поэтому движенія войскъ скрываются за горами

Пароходы и лодки также могли перейти на сѣверную сторону острова въ Мелацкую гавань, не будучи замѣчены неаполитанскими крейсерами. Гавань эта лежитъ на обыкновенномъ пути кораблей изъ Мессины въ Палермо; идя изъ одного города въ другой, суда почти всегда заходятъ въ нее. Кромѣ того, ближайшее къ Фаро озеро имѣетъ черезъ каналы сообщеніе и съ проливомъ и съ сѣвернымъ берегомъ, такъ что собранныя въ этомъ озерѣ лодки могли быть переведены на сѣверный берегъ Разстояніе не велико, потому войскамъ было одинаково легко сѣсть на суда въ проливѣ или на сѣверномъ берегу. Мы продолжали дѣлать видъ, какъ будто готовимся сдѣлать высадку въ проливѣ. У насъ въ проливѣ стояли два или три парохода; часть войскъ оставалась расположена по берегу пролива. А между тѣмъ колонны были двинуты на сѣверный берегъ. Первая бригада Козенца перешла въ деревни: Верхнее Фаро, Санта-Лучіа, Санта Никола, Сан-Джорджо. Бригада Сакки, занимавшая Верхнее Фаро и Гаунари, перешла въ Спадафору.

„Между тѣмъ какъ часть войска угрожала сѣсть на суда въ этихъ двухъ направленіяхъ, дивизія Тюрра готовилась къ переправѣ въ другомъ пунктѣ. Первая бригада, ходившая въ Монте, Кастильйоне *) и другіе города около Этны для возстановленія порядка, получила приказаніе стать въ Таорминѣ **) или, точнѣе говоря, въ Джардини, деревнѣ лежащей подъ горою, на которой лежитъ Таормина; вторая бригада, которая шла къ Фаро, была послана соединиться съ первою.

„Такимъ образомъ, были подготовлены высадки въ двухъ направленіяхъ: одна на юговосточный, другая на западный берегъ Калабріи.

*) На юго-западъ отъ Мессины и на сѣверо-западъ отъ Катаніи.

**) На восточномъ берегу Сициліи, на половинѣ разстоянія между Мессиною и Катаніею.

Digitized by Google

„Но исполненіе этихъ высадокъ зависѣло отъ хода операцій, для веденія которыхъ отправился изъ Мессины Гарибальди, и пора коснуться этихъ операцій. Вскорѣ по вступленіи Гарибальди въ Мессину нѣкоторые предводители патріотической партіи въ папскихъ владѣніяхъ пріѣхали къ нему, чтобы условиться о планѣ нападенія на эти области. Рѣшено было, что вторженіе въ папскія владѣнія произойдетъ одновременно съ высадкою на горную часть материка, около половины нынѣшняго мѣсяца. Для вторженія въ папскія владѣнія собрано было 6,000 человѣкъ; было подготовлено возстаніе въ папскихъ провинціяхъ въ тому же времени. Корпусъ, назначенный для вторженія, рѣшено было перевезти отдѣльными отрядами на островъ Сардинію; пароходы изъ Палермо должны были пройти туда и перевезти экспедицію на материкъ.

„Высадку на континентъ изъ Сициліи надобно было произвести, когда готова будетъ экспедиція, приготовлявшаяся на островѣ Сардиніи,—мы должны ждать извѣстія о томъ. Прежде полагали, что это извѣстіе будетъ получено нами въ прошлую ночь или нынѣ утромъ; потому и начали мы вчера съ вечера готовить высадку. Но до сихъ поръ еще не пришло ожидаемое извѣстіе, и потому распоряженія теперь пріостановлены.

„Ночь прошла тихо, безъ малѣйшей тревоги.—это очень удивило всѣхъ, видѣвшихъ приготовленія. Не было ни одного выстрѣла, никакого движенія въ войскахъ.—Нынѣ пришелъ Queen of England, коммерческій пароходъ, купленный въ Англія агентами Гарибальди съ тѣмъ, чтобы обратить его въ военный корабль. На немъ привезено 16 нарѣзныхъ пушекъ и прислано торговцамъ на продажу 23,000 энфильдскихъ штуцеровъ. Queen of England построенъ крѣпко, но все-таки едва ли можетъ быть вооруженъ всѣми орудіями, которыя привезъ; впрочемъ, онъ будетъ очень полезенъ для насъ и тогда, если можно будетъ поставить на немъ хотя двѣ 68-фунтовыя пушки.

„Получены извѣстія отъ маленькаго отряда, находящагося въ Калабріи. Онъ нашелъ безопасное убѣжище въ горахъ близъ пролива, не терпитъ ни въ чемъ недостатка, толпы жителей приходятъ посмотрѣть на него и присоединяется къ нему много волонтеровъ. Онъ имѣлъ только одну небольшую стычку, въ которой раненъ былъ одинъ изъ нашихъ; другой случайно ранилъ самъ себя изъ своего ружья; кромѣ того, двое пропали: предполагаютъ, что они заблудились въ ночь высадки и вѣроятно попались въ руки неаполитанцевъ“.

„17 августа.

„Вчерашній и нынѣшній день прошли спокойно. Нынѣ получено извѣстіе, что Гарибальди возвратился въ Палермо *) и пріѣдетъ сюда нынѣ ночью или завтра утромъ. Разумѣется, всѣ операціи пріостановлены до его прибытія.

„Сардинскій пароходъ „Карлъ-Альбертъ“, постоянно ходившій между Палермо и Мессиною, возвратился послѣ недолгой отлучки. Изъ всѣхъ искушеній, представляющихся нашимъ солдатамъ, самое сильное — овладѣть этимъ прекраснымъ кораблемъ, и нѣтъ конца жалобамъ на строгое приказаніе не касаться его. Матросы и нѣкоторые изъ офицеровъ расположены помогать намъ, потому овладѣть пароходомъ было бы легко. Но это строго запрещено: мы въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Піэмонтомъ, потому „Карлъ-Альбертъ“ остается неприкосновеннымъ для насъ. Мы даже отъискиваемъ, и если найдемъ, возвращаемъ матросовъ, переходящихъ къ намъ“.

„19 августа.

„Вчера утромъ Гарибальди возвратился изъ Палермо. Съ нимъ пріѣхалъ генералъ Тюрръ, на нѣсколько недѣль уѣзжавшій въ Aix-les-Bains лечиться. Гарибальди купилъ ружья, привезенныя Queen of England и приказъ вооружать этотъ пароходъ. Менѣе чѣмъ въ часъ сдѣлавъ покупку ружей и отдавъ распоряженія, Гарибальди тотчасъ же отправился въ сопровожденіи Тюрра и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ лицъ въ Таормину, подлѣ которой, въ Джардини, стояла бригада Биксіо (первая бригада дивизіи Тюрра), готовая сѣсть на [illegible]

---

*) Съ острова Сарди[illegible] ...ертани.

„Прежде чѣмъ стану разсказывать объ этой высадкѣ, скажу нѣсколько словъ о дѣлахъ, по которымъ пріѣзжалъ Гарибальди. Я уже говорилъ вамъ, что докторъ Бертани, его генуэзскій агентъ, пріѣзжалъ къ нему съ извѣстіемъ, что 6,000 человѣкъ готовы отправиться въ экспедицію въ папскія владѣнія. Golfo d'Orangio, на восточномъ берегу острова Сардиніи, былъ выбранъ докторомъ Бертани, какъ самый удобный пунктъ для сбора войскъ; онъ переправилъ туда свою экспедицію небольшими отрядами, а самъ поѣхалъ видѣться съ Гарибальди. Были приняты всѣ предосторожности для возбужденія увѣренности, что эта экспедиція, подобно прежней, назначена въ Сицилію; но истинное ея назначеніе все-таки было узнано, и сильныя представленія были сдѣланы туринскимъ министерствомъ, чтобы не усложнять дѣла вопросомъ о папскихъ владѣніяхъ до окончанія неаполитанскаго вопроса. За день передъ отъѣздомъ Бертани изъ Генуи, самъ Фарини пріѣхалъ туда съ этимъ требованіемъ, а майоръ Трекки привезъ такія же требованія лично отъ короля. Требованія министерства, вѣроятно, остались бы безуспѣшны, но желаніе короля достигло своей цѣли. Я уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что Гарибальди имѣетъ рыцарскую привязанность къ Виктору-Эммануэлю, какъ символу итальянскаго единства. Единственнымъ возраженіемъ противъ экспедиціи было то, что Піэмонтъ станетъ въ затруднительное положеніе, если прямо изъ піэмонтскихъ владѣній будетъ произведено вторженіе въ папскую область. Потому туринское правительство совѣтовало перевезти этотъ шести-тысячный корпусъ въ Сицилію, подобно прежнимъ корпусамъ, и уже оттуда отправить его дальше. Эти требованія достигли успѣха; но по прежнему плану корпусъ былъ уже перевезенъ на островъ Сардинію и Гарибальди рѣшился самъ поѣхать туда, чтобы посмотрѣть, какъ поступать дальше.

„Выборъ мѣста на берегу острова Сардиніи былъ предоставленъ генуэзскому комитету, распоряжавшемуся и остальными подробностями. Но выборъ Golfo d'Orangio оказался неудаченъ, потому что трудно было тамъ запасаться провизіей и водой. Кромѣ того и организація перевезеннаго туда отряда была неудовлетворительна. Увидѣвъ это, Гарибальди совершенно отказался отъ мысли о немедленной высадкѣ въ папскія владѣнія, и рѣшился употребить этотъ шеститысячный отрядъ для упроченія своего успѣха на югѣ *). Тотчасъ же были сдѣланы распоряженія для перевозки этихъ волонтеровъ въ Сицилію. 1,000 человѣкъ изъ нихъ были отправлены на пароходѣ „Торино" кругомъ Сициліи въ Таормину, куда былъ отправленъ и другой пароходъ „Франклинъ". Пароходы эти должны были взять въ Таорминѣ бригаду Биксіо и перевезти ее на южный берегъ Калабріи. Это было одно изъ тѣхъ смѣлыхъ и быстрыхъ движеній, которыя любитъ Гарибальди. Вниманіе всѣхъ было обращено на проливъ и на западный берегъ материка, — этимъ открывалось удобство для высадки на южный или восточный берегъ.

„Торино" и „Франклинъ" прибыли въ Джардини въ ночь съ 17 или 18 число; къ утру была уже кончена нагрузка военныхъ принадлежностей и войска были уже на пароходахъ. Гарибальди выѣхалъ изъ Мессины вчера въ часъ по полудни, въ четыре часа вечера пріѣхалъ въ Джардини; вся сила экспедиціи простиралась до 9,000 человѣкъ. На „Торино" были посажены 2,000 человѣкъ, остальные сѣли на „Франклинъ" и на два парусныя судна, взятыя на буксиръ пароходами. Когда всѣ приготовленія были кончены, Гарибальди рѣшился самъ командовать экспедиціею, въ которой находится и старшій его сынъ. Въ семь часовъ вечера, когда смерклось, экспедиція отплыла отъ берега. Въ какомъ именно пунктѣ высадится она, это не опредѣлено впередъ и будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Но все вниманіе неаполитанцевъ сосредоточено на проливѣ, потому должно надѣяться, что войска высадятся на берегъ безъ препятствій. Корабли пошли прямо къ ближайшему пункту Калабріи, находящемуся миляхъ въ 20-ти (верстахъ въ 30-ти) отъ Таормины. Если высадка будетъ удачна, Гарибальди думаетъ въ тотъ же день напасть на Реджо.

„Теперь уже полдень, а дурныхъ извѣстій до сихъ поръ нѣтъ, потому мы надѣемся и вѣримъ въ счастье Гарибальди. Мы условились, какимъ сигналомъ будетъ намъ дано

---

*) Изъ нашего обзора, слѣдующаго за этимъ переводомъ, читатель увидитъ, что корреспондентъ Times'а не вполнѣ излагаетъ характеръ обстоятельствъ, разстроившихъ экспедицію, о которой здѣсь говорится.

Digitized by Google

знать объ успѣхѣ высадки, но сигналъ этотъ можно будетъ дать только ночью. А между тѣмъ мы разставили караульныхъ, и воздушные телеграфы внимательно наблюдаютъ, не будетъ ли чего замѣтно на томъ берегу.

„Итакъ войско опять осиротѣло, но лишь не надолго. Вторая бригада дивизіи Тюрра готова отправиться за первою въ томъ же направленіи, то есть на восточный берегъ, а другія войска одновременно съ тѣмъ двинутся на западный берегъ и черезъ проливъ“.

„Мессина, 20 августа.

„Звѣзда Гарибальди сіяетъ ярче прежняго. Вскорѣ по отсылкѣ моего вчерашняго письма, мы получили извѣстіе объ успѣхѣ высадки Гарибальди съ бригадою Биксіо. Мы узнали объ этомъ изъ письма самого Гарибальди, излагающаго дѣло съ обыкновеннымъ своимъ лаконизмомъ. На письмѣ выставлено „11 часовъ утра., Мелито“ *). Гарибальди пишетъ: „Мы высадились успѣшно. Солдаты наши отдыхаютъ; поселяне толпами собираются къ намъ. „Торино“ сѣлъ на мель; всѣ усилія снять его остались напрасны“. Почти въ то же самое время мы получили отъ нашего союзника, неаполитанскаго воздушнаго телеграфа, посылаемое имъ въ Реджо извѣстіе, что Гарибальди съ 8,000 человѣкъ высадился у мыса Спартивенто, что крейсеры ничего не могли сдѣлать. потому что у него „8 линейныхъ кораблей и 7 большихъ транспортныхъ пароходовъ“ и что нужна скорѣйшая помощь. Отвѣта не было, и теперь мы знаемъ причину тому: воздушный телеграфъ около Мелито разрушенъ. Вечеромъ возвратился „Франклинъ“, бывшій въ экспедиціи, и привезъ подробныя извѣстія о высадкѣ Передъ самымъ отплытіемъ, когда войска были уже посажены на пароходѣ, оказалась во „Франклинѣ“ течь; солдатъ надобно было снова переводить на берегъ и отыскивать, гдѣ именно находится течь. Была ночь и матросы колебались нырять для ея отыскиванія. Гарибальди, смотрѣвшій на нихъ, снялъ съ себя шпагу и сказалъ: „вижу, что мнѣ надобно самому искать гдѣ течь“. Черезъ минуту 20 матросовъ были въ водѣ; но поиски ихъ остались напрасны, потому что подводная часть парохода была покрыта морской травой и раковинами. Оставалось одно средство: дѣйствовать помпами; помпы имѣли успѣхъ, но не полный. Гарибальди не остановился передъ этою трудностью. Онъ сказалъ солдатамъ, чтобы они опять садились на пароходъ, сказалъ имъ, что по нѣскольку дней плавалъ на корабляхъ, находившихся въ гораздо худшемъ состояніи, и что переѣздъ, продолжающійся нѣсколько часовъ, пустяки.

„Пароходы поплыли на востокъ и въ два часа ночи были у калабрійскаго берега, „Торино“, тяжело нагруженный (на немъ кромѣ военныхъ снарядовъ было 2,000 человѣкъ), сѣлъ на мель. Но это не помѣшало начать высадку близъ мыса Спартивенто **) въ бухтѣ, на западъ отъ него. Не было нигдѣ видно ни неаполитанскихъ крейсеровъ, ни ихъ войскъ; дѣло шло безпрепятственно; но не исполнилась надежда, что „Торино“ снимется съ мели, облегчившись выгрузкою: онъ остался крѣпко засѣвшимъ; „Франклинъ“ шесть часовъ старался стащить его съ мели, но безуспѣшно. Видя. что ничего нельзя сдѣлать, Гарибальди велѣлъ „Франклину“ вернуться въ Мессину. Лишь только обогнулъ „Франклинъ“ мысъ dell'Armi ***), какъ встрѣтился съ двумя неаполитанскими фрегатами, спѣшившими къ Мелито. „Франклинъ“ поднялъ американскій флагъ, былъ пропущенъ неаполитанцами и пришелъ въ Мессину.

„Первымъ дѣломъ высадившагося войска было приняться за разрушеніе станцій воздушнаго телеграфа. Одну успѣли разрушить, но другую не могли скоро отыскать, и такимъ образомъ извѣстіе о высадкѣ было передано въ Реждо и дошло до насъ. Тогда же были посланы люди отъискивать отрядъ изъ 200 человѣкъ, переправившійся въ

---

*) Мелито лежитъ на самой южной оконечности Калабріи.

**) Мысъ Спартивенто составляетъ восточную оконечность южнаго берега Калабріи.

***) Западный край южнаго конца Калабріи; разстояніе между нимъ и мѣстомъ, гдѣ происходила высадка—верстъ пятнадцать.

Digitized by Google

Калабрію за 12 дней передъ тѣмъ. Онъ находился въ дикихъ горахъ Аспромонте *), въ трехъ часахъ пути отъ высадившагося войска, къ которому скоро присоединился.

„Неаполитанцы и на этотъ разъ, какъ подъ Палермо, были совершенно обмануты маневрами Гарибальди. Они сосредоточили свои войска по западному берегу Калабріи отъ Реджо до Монтелеоне, послали 1,800 человѣкъ искать первый нашъ маленькій отрядъ и совершенно забыли объ охраненіи остальнаго берега. Они очевидно и не воображали, что мы можемъ обойти кругомъ Сицилію, не проходя черезъ проливъ. Самый Реджо они считали находящимся внѣ опасности, такъ что поставили въ немъ всего только восемь ротъ,—четыре стрѣлковыя роты и четыре роты линейной пѣхоты **). Какъ только жители Реджо узнали о высадкѣ Гарибальди, они послали депутацію къ неаполитанскому командиру спросить его, думаетъ ли онъ сражаться, и потребовать, чтобы онъ вышелъ за городъ, если думаетъ сражаться, потому что они не хотятъ видѣть своихъ домовъ раззоренными; а если онъ самъ не пойдетъ изъ города, прибавляли горожане, то они возстанутъ и выгонятъ его. Неаполитанскій командиръ обѣщался выступить за городъ.

„Судя по тѣмъ неаполитанскимъ войскамъ, съ которыми мы сходились, большая часть ихъ офицеровъ, не колеблясь, пристали бы къ намъ, если бы были увѣрены, что сохранятъ свои чины; они живутъ и содержатъ свои семейства только жалованьемъ и не рѣшаются рисковать имъ, еще не видя, на чьей сторонѣ сила. Если бы мы могли давать обѣщанія именемъ короля Виктора-Эммануэля, почти всѣ они были бы нашими, но мы еще только временное правительство, не признанное европейскими державами; потому, вѣроятно, понадобится еще довольно большое сраженіе для убѣжденія ихъ, что перейдти на сторону итальянскаго дѣла будетъ не рискомъ, а выигрышемъ.

„Въ нынѣшнюю ночь ясно были видны сигнальные огни на высотахъ, подымающихся около Мелито; они возвѣщали обоимъ берегамъ пролива о высадкѣ Гарибальди. Все населеніе Мессины до глубокой ночи гуляло по иллюминованнымъ улицамъ, слушая оркестры, игравшіе до 12 часовъ. Цитадель уныло молчала. По конвенціи она должна хранить перемиріе, чтò бы мы ни дѣлали, если только не будетъ нападенія на нее. Такимъ образомъ гарнизонъ видитъ наши приготовленія и не можетъ ничему помѣшать.

„По всей вѣроятности Гарибальди нынѣ будетъ въ Реджо,—по крайней мѣрѣ онъ такъ хотѣлъ; но, разумѣется, нельзя угадать, не будетъ ли онъ принужденъ обстоятельствами измѣнить свой планъ.

„Всѣ наши войска, оставшіяся здѣсь, держатся въ готовности сѣсть на суда по первому приказанію; гдѣ и какъ они высадятся, это зависитъ отъ хода дѣлъ въ Калабріи и соображеній Гарибальди. Не зачѣмъ говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый ждетъ этихъ приказаній“.

„*21 августа.*

„Вчера мы получили извѣстія съ того берега. Гарибальди находился близъ Реджо и къ нему присоединилось нѣсколько сотъ калабрійскихъ волонтеровъ. Онъ хотѣлъ быть въ Реджо нынѣ на разсвѣтѣ; тамъ только 700 человѣкъ гарнизона, да и тотъ стоитъ не въ городѣ, а за городомъ, на дорогѣ, по которой идетъ Гарибальди. Городъ находится въ рукахъ 1,500 человѣкъ національной гвардіи, готовой присоединиться къ Гарибальди. Письмо, сообщающее эти извѣстія, приказываетъ второй бригадѣ дивизіи Тюрра сѣсть на суда нынѣ ночью въ Мессинской гавани и къ разсвѣту быть на той сторонѣ. Приказано также, чтобы, лишь только начнется нападеніе на Реджо, дивизія Козенца сдѣлала попытку отплыть изъ Фаро и произвела тѣмъ диверсію въ этомъ пунктѣ. Во вчерашнемъ письмѣ Гарибальди находилось приказаніе командиру „Карла-Альберта“ идти къ тому берегу, чтобы помочь „Торино“ сняться съ мели. Сардинскій

*) На юго-востокъ отъ Реджо. Аспромонте составляетъ южную оконечность Аппенинскаго хребта и покрыта лѣсомъ.

**) Реджо лежитъ южнѣе Мессины, на половинѣ того пространства калабрійскаго берега, которое составляетъ одинъ изъ боковъ пролива.

Digitized by Google

командиръ повиновался, и „Карлъ-Альбертъ“ отправился вчера вечеромъ къ Мелито. Неизвѣстно впрочемъ, успѣютъ ли снять „Торино“, и если успѣютъ, то годится ли онъ куда нибудь, потому что вчера утромъ фрегатъ и пароходъ, присланные неаполитанцами по первому извѣстію о высадкѣ, стрѣляли въ него.

„Тотчасъ же по полученіи письма были даны приказанія готовить вторую бригаду дивизіи Тюрра къ отплытію, и въ часъ по полудни она уже собиралась садиться на Queen of England, „Франклинъ“, и Sidney-Hall, пароходъ, пришедшій вчера вечеизъ Генуи съ нѣсколькими стами человѣкъ. Но кажется, что неаполитанцы узнали о нашемъ намѣреніи: одинъ изъ ихъ фрегатовъ сталъ передъ входомъ въ гавань, и намъ пришлось отказаться отъ мысли объ отправленіи пароходовъ.

„Нынѣ на разсвѣтѣ начался сильный ружейный огонь, сначала около Реджо, потомъ въ самомъ Реджо. Черезъ нѣсколько минутъ также начали стрѣлять два неаполитанскіе парохода и пять канонирскихъ лодокъ. Этотъ огонь продолжался нѣсколько часовъ. Начала стрѣлять и Реджогская цитадель. Въ 8 часовъ утра ружейный огонь прекратился, но корабли продолжали стрѣлять по городу. Около 9 часовъ возобновила огонь цитадель, прекращавшая его на нѣсколько времени; но корабли уже не отвѣчали ей. Мы еще не получали никакихъ извѣстій объ успѣхѣ этой битвы.

„Пока шла она, часть дивизіи Козенца сѣла на лодки въ Фаро. Экспедиція отплыла, когда было уже совершенно свѣтло. Четыре неаполитанскіе парохода стояли близъ Фаро, но лодки поплыли, не задерживаясь этимъ. Два другіе парохода, шедшіе къ Реджо, также пришли къ Фаро, увидѣвъ экспедицію. Всѣ они пошли къ Фіумарскому форту, къ которому направилась экспедиція, и начали стрѣлять; начали стрѣлять и форты Фіумарскій, Шилла и Punta di Pezzo. Сильный огонь продолжался до 9 часовъ утра. Мы еще не знаемъ, какой успѣхъ имѣла наша экспедиція“.

„Реджо, 24 августа.

„Наше положеніе въ Калабріи можно назвать упроченнымъ. Реджо въ нашихъ рукахъ, а высадка Козенца произведена почти безъ потери. Оба эти дѣла служили облегченіемъ одно другому, какъ обыкновенно бываетъ при планахъ хорошо обдуманныхъ. Рѣшившись идти на Реджо, Гарибальди приказалъ сдѣлать диверсію со стороны Фаро, чтобы отвлечь пароходы, собравшіеся при извѣстіи о его приближеніи. Онъ высадился такъ счастливо, что показалось возможнымъ заняться стаскиваніемъ „Торино“ съ мели. Пока хлопотали надъ этимъ (съ шести до 11 часовъ утра), войска, высадившіяся у высохшаго русла потока близъ Мелито, старались расположиться какъ нибудь поудобнѣе на гостепріимномъ берегу, выжженномъ солнцемъ. Составивъ ружья, солдаты сняли свои плащи и ранцы, и одни легли отдохнуть послѣ безсонной ночи, а другіе пошли искать воды, которой почти лишена эта часть Калабріи въ лѣтніе мѣсяцы. Въ это время пришли неаполитанскіе пароходы. „Франклинъ“ (экспедиція переправилась на двухъ пароходахъ, „Торино“ и „Франклинъ“), видя безуспѣшность своихъ усилій стащить „Торино“, ушелъ въ Мессину, когда неаполитанскіе пароходы еще не показывались, и прошелъ мимо нихъ при входѣ въ проливъ. Такимъ образомъ неаполитанскіе пароходы нашли только „Торино“, сидѣвшій на мели, и нашъ отрядъ, расположившійся лагеремъ на берегу. Они начали стрѣлять по пароходу и по лагерю. Солдаты, спокойно отдыхавшіе, получили приказаніе подняться вверхъ по горамъ, чтобы не подвергаться напрасной опасности. Горы тутъ подходятъ близко къ берегу и солдаты передвинулись на нихъ. Тогда неаполитанцы сосредоточили свой огонь на „Торино“ и скоро зажгли его. Ночь Гарибальди провелъ въ Мелито.

„Одинъ изъ тѣхъ благопріятныхъ случаевъ, которые на войнѣ называются „счастьемъ“ генерала, привелъ въ Мелито нѣсколькихъ людей изъ отряда, за двѣ недѣли передъ тѣмъ высадившагося въ Калабріи: они были посланы изъ Санъ-Лоренцо за хлѣбомъ и встрѣтились съ нашими. Они сообщили первыя подробныя свѣдѣнія о судьбѣ своихъ товарищей. Планъ переправы этого небольшаго отряда былъ составленъ по извѣстіямъ, которыя были сообщены калабрійцемъ барономъ ди-Муссолино. Онъ обѣщался ввести въ верхній Фіумарскій фортъ инже[illegible]ра съ тремя артиллеристами; высадку по-

Digitized by Google

ложено было сдѣлать подлѣ самаго форта. Калабрійскіе проводники должны были ждать тамъ нашихъ, чтобы провести ихъ окольною дорогою на террасу къ форту съ той стороны, гдѣ онъ имѣетъ только высокую стѣну съ амбразурами, но безъ пушекъ. Люди заранѣе введенные въ фортъ должны были отворить находящіяся съ той стороны ворота. На всякій случай солдатамъ даны были лѣстницы. Военная часть экспедиціи ввѣрена была майору Миссори, но весь планъ высадки принадлежалъ барону Муссолино; отъ этого раздѣленія команды вѣроятно и произошла неудача въ нападеніи на фортъ.

„Первое разстройство случилось оттого, что отрядъ высадился не у потока, находящагося подлѣ форта, а у другаго; въ ночной темнотѣ трудно было различить мѣстность и разсчитать силу теченія въ проливѣ; вѣроятно и сицилійскіе лодочники предпочитали править къ мѣсту менѣе опасному. Какъ бы то ни было, но отрядъ не нашелъ проводниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ высадился. Было послано по 5 человѣкъ въ обѣ стороны искать ихъ. Замѣтили ли неаполитанцы, что произведена высадка, или у нихъ и прежде стояли караулы на берегу, но дѣло въ томъ, что одна изъ партій, посланныхъ искать проводниковъ, наткнулась на неаполитанскій патруль, обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами, взяла двухъ неаполитанцевъ въ плѣнъ, и выстрѣлы подняли на ноги гарнизонъ форта. Онъ сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и началъ ружейный огонь въ темнотѣ на удачу. Майоръ Миссори хотѣлъ выжидать, что будетъ; но часть его отряда, смущенная этою тревогою, пошла въ горы, бывшія по близости. Остальной отрядъ, видя, что напрасно было бы ждать больше, также пошелъ въ горы по сухому руслу ручья и, сдѣлавъ утомительный переходъ, прибылъ на слѣдующій день въ Cascina de'Forestani, одинокую ферму въ горахъ, гдѣ понемногу собрались къ нему и солдаты, пошедшіе по другимъ дорогамъ; пропало въ темнотѣ только пять человѣкъ, которые попались въ руки неаполитанцевъ.

„Неудача и поспѣшное отступленіе конечно не могли ободрить солдатъ отряда. Всѣ тѣ, которые не были подъ прямою командою Муссолино, приписывали неуспѣхъ его плохимъ распоряженіямъ; офицеры составили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и почти всѣ хотѣли передать всю власть одному майору Миссори. Но чтобы не поселять неудовольствія въ калабрійцахъ рѣшили, наконецъ, оставить все по прежнему.

„Сообщеніе съ берегомъ было отрѣзано у нашего отряда неаполитанцами; онъ былъ запертъ въ пустынѣ: но положеніе его не было безнадежно. Всѣ сосѣднія деревни наперерывъ снабжали его всѣмъ нужнымъ. Неаполитанцы, хотя имѣли огромный перевѣсъ въ числѣ, не думали въ первые дни тревожить его; притомъ же лѣса и горы представляли довольно безопасный путь отступленія. Простоявъ нѣсколько дней въ Cascina de'Forestani, отрядъ захотѣлъ попытать счастья. Нападеніе на Фіумарскій фортъ не представляло бы никакихъ шансовъ успѣха: наши знали, что гарнизонъ его получилъ подкрѣпленіе и неаполитанцы заняли террасу, господствующую надъ фортомъ; потому отрядъ рѣшился идти на Баньяру, приморскій городокъ къ сѣверу отъ Шиллы. Занимая вершину горъ, нашъ легкій отрядъ могъ свободно идти по какому угодно направленію; онъ выступилъ вечеромъ на четвертый день и шелъ всю ночь, но проводники оказались плохи и онъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги. Къ утру наши волонтеры были, однако же, на высотахъ, поднимающихся надъ Баньярою и фортомъ, которымъ снабженъ этотъ городъ, подобно почти всѣмъ городамъ, лежащимъ по берегу. Десятка два стрѣлковъ были посланы впередъ; они поддерживали нѣсколько времени перестрѣлку, но скоро наши увидѣли, что, имѣя 200 человѣкъ, ничего не могутъ сдѣлать противъ нѣсколькихъ батальоновъ, опирающихся на фортъ, снабженный пушками; потому они отступили и, снова сдѣлавъ утомительный переходъ, вернулись на прежнее мѣсто, въ Cascina de'Forestani.

„Если неудача первой попытки овладѣть Фіумарскимъ фортомъ ослабила отвагу небольшаго отряда нашихъ волонтеровъ, то и на неаполитанцевъ произвела такое же вліяніе ихъ высадка вмѣстѣ съ приготовленіями Гарибальди. Изъ депешъ, посылавшихся по телеграфу въ Неаполь, видно, что неаполитанцамъ повсюду грезились высадки волонтеровъ: въ Каннителло, налѣво отъ Реджо, въ Біанки, въ Джераче Бовелина, на восточномъ берегу; а когда Гарибальди въ самомъ дѣлѣ явился, онъ не встрѣтилъ на берегу непріятеля.

Digitized by Google

„По отступленіи нашего отряда отъ Баньяры, неаполитанцы сформировали летучую колонну изъ 1,800 человѣкъ подъ командою Бриганти, послали ее въ погоню и успѣли дойдти до Cascina de'Forestani, не будучи замѣчены нашими. Увидѣвъ такого многочисленнаго непріятеля, наши отступили въ лѣса, покрывающіе вершину горнаго хребта, оставивъ 45 человѣкъ на своей прежней позиціи, чтобы прикрывать отступленіе. Не смотря на свою многочисленность, неаполитанцы не стали нападать и заняли наблюдательное положеніе. Давъ своей колоннѣ отступить, нашъ маленькій аріергардъ пошелъ за нею: неаполитанцы не тревожили его и на отступленіи.

„Волонтеры наши по самому хребту Аспромонте сдѣлали утомительный переходъ въ 22 часа и пришли въ Санъ-Лоренцо, на южномъ спускѣ Аспромонте, близъ Мелито. Санъ-Лоренцо построенъ на отдѣльномъ утесѣ, высоко поднимающемся надъ окрестными холмами. Въ такой позиціи легко было бы защищаться, если бы неаполитанцы дошли туда. Жители приняли въ Санъ-Лоренцо, какъ и повсюду, нашихъ волонтеровъ съ восторгомъ. Чтобы не слишкомъ обременять собою городокъ, имѣющій 2000 жителей, наши послали двѣ партіи собирать продовольствіе по другимъ мѣстамъ, и одна изъ нихъ пришла въ Мелито въ тотъ самый день, какъ высадился тамъ Гарибальди—19 числа. Тотчасъ же послали въ Санъ-Лоренцо извѣстіе остальному отряду; но какъ онъ ни спѣшилъ, онъ успѣлъ соединиться съ Гарибальди только уже подъ Реджо во время битвы.

„Увидѣвъ погибель „Тарино", Гарибальди не захотѣлъ терять времени и 20 числа вышелъ изъ Мелито по дорогѣ, идущей вдоль берега. Первыя восемь миль (16 верстъ) этого пути до мыса dell'Armi представляютъ только тропинку, по которой во многихъ мѣстахъ людямъ надобно проходить по одиночкѣ. Но еще затруднительнѣе былъ недостатокъ воды: въ это время года всѣ колодцы почти высыхаютъ, а потоки пересыхаютъ совершенно. Особенно тяжелъ былъ этотъ недостатокъ для корпуса, въ которомъ находилось много сицилійцевъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ, извѣстныхъ мнѣ, сицилійскій волонтеръ самое жадное до воды; онъ совершенно унываетъ, если чувствуетъ жажду. Но Гарибальди неумолимъ: вполнѣ владѣя собою, онъ не терпитъ слабостей и въ другихъ. Притомъ же надобно было не терять времени, чтобы дойдти до Реджо, прежде чѣмъ неаполитанцы успѣютъ прислать подкрѣпленіе гарнизону. Поэтому много солдатъ отстало; они пришли потомъ съ колонною майора Миссори, шедшею изъ Санъ-Лоренцо.

„Давъ своему войску небольшой отдыхъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Реджо, Гарибальди двинулся дальше на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Разсказъ, что жители Реджо просили командира гарнизона полковника Дюме сражаться за городомъ, оказался справедливымъ. Оставивъ нѣсколько сотъ человѣкъ въ цитадели, съ остальными Дюме занялъ позицію передъ городомъ на ручьѣ, на которомъ построенъ каменный мостъ. Каждый потокъ въ Калабріи составляетъ крѣпкую позицію не только зимою, когда многіе изъ потоковъ неприступны, но и лѣтомъ, когда они пересыхаютъ: берега потоковъ круты и непремѣнно покрыты густымъ лѣсомъ. Но неаполитанцы, повидимому, не думали крѣпко защищать свою позицію. Гарибальди раздѣлилъ войско на три колонны. Городъ Реджо, подобно всѣмъ городамъ на здѣшнемъ узкомъ прибрежьи, очень длиненъ и неширокъ, хотя часть его построена уже на холмахъ. Цѣлью Гарибальди было овладѣть этою верхнею частью города, которая господствуетъ надъ другой половиной, и главныя силы, подъ командою самого Гарибальди, двинулись по этому направленію; Биксіо велъ среднюю колонну, шедшую на мостъ, а лѣвая колонна шла по прибрежью. Не знаю, съ самаго ли начала неаполитанцы не хотѣли драться серьёзно, или упали духомъ отъ какой нибудь другой причины; но какъ бы то ни было, они скоро начали отступать въ центрѣ и на своемъ лѣвомъ флангѣ; только правое крыло ихъ оказало нѣкоторое сопротивленіе. Гарибальди съ горстью людей занялъ ферму противъ ихъ позиціи, въ ожиданіи подкрѣпленій для атаки въ штыки. При первомъ натискѣ неаполитанцы отступили, и колонна вошла въ городъ, гоня ихъ передъ собой; они поспѣшно побѣжали на противоположный конецъ города. Биксіо, между тѣмъ, также вошелъ въ городъ по главной улицѣ и, занявъ соборную площадь, отрѣзалъ отступленіе неаполитанскому отряду, съ которымъ сражался. Эта часть неаполитанцевъ повернула тогда въ верхнюю часть города и, выходя изъ переулка на верхнюю улицу, идущую параллельно съ главной,

Digitized by Google

встрѣтила колонну Гарибальди. Волонтеры хотѣли атаковать неаполитанцевъ, но Гарибальди остановилъ атаку, думая, что неаполитанцы передаются намъ. Вмѣсто того они бросились бѣжать; наши погнались за ними, захватывая въ плѣнъ десятки ихъ; остальные въ разбродъ бѣжали къ Санъ-Джованни *). Менѣе чѣмъ въ два часа послѣ перваго выстрѣла, городъ весь былъ въ нашихъ рукахъ. Неаполитанцы оставались только въ цитадели. Потери съ обѣихъ сторонъ были ничтожны. Мы понесли бы много урона и, быть можетъ, не одержали бы успѣха, если бы неаполитанскіе пароходы (ихъ было тутъ цѣлыхъ семь) поступили такъ же, какъ въ Палермо. Но очевидно, они имѣли приказаніе не стрѣлять по городу. Они только пустили нѣсколько ядеръ и картечныхъ зарядовъ на дорогу, когда колонна шла по городу; но какъ только она вошла въ городъ, огонь прекратился. Притомъ же вниманіе пароходовъ скоро было отвлечено въ другую сторону. У Козенца было все готово къ переправѣ войскъ изъ Фаро на калабрійскій берегъ, по первому сигналу о нападеніи на Реджо. Девяносто лодокъ наполненныхъ войскомъ, ждали этого сигнала на озерѣ, гдѣ не замѣчалъ ихъ единственный неаполитанскій пароходъ, оставшійся у сѣвернаго конца канала (всѣ другіе ушли къ Реджо). Какъ только послышался первый выстрѣлъ отъ Реджо, 60 лодокъ вышли изъ озера и поспѣшно поплыли на ту сторону, остальныя быстро послѣдовали за ними. Пароходъ, бывшій у Фаро, вмѣстѣ съ другимъ, шедшимъ изъ Реджо, хотѣли перерѣзать имъ дорогу, но не успѣли и могли только стрѣлять по пустымъ лодкамъ, когда солдаты, переѣхавшіе въ нихъ, уже заняли позицію на горахъ. Скоро пришлось этимъ пароходамъ позаботиться о собственномъ спасеніи, потому что баттареи, устроенныя въ Фаро, открыли огонь. Неаполитанскія ядра не сдѣлали намъ никакого вреда, вѣроятно и наши не сдѣлали почти никакого неаполитанцамъ. Разумѣется, наши артиллеристы непоколебимо утверждаютъ, что многіе изъ ихъ выстрѣловъ попали въ цѣль и что одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ окончательно испорченъ ими. Какъ вѣрный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что этого не было.

„Пока происходила эта смѣлая переправа у Фаро, Гарибальди выгнавъ неаполитанцевъ изъ Реджо, сталъ блокировать цитадель. Она, какъ и всѣ прибрежные форты, имѣетъ настоящія укрѣпленія съ морской стороны, а противоположная сторона у всѣхъ этихъ фортовъ вооружена плохо. Реджосская цитадель съ трехъ сторонъ окружена домами, построенными подлѣ самыхъ стѣнъ, а сосѣднія горы совершенно господствуютъ надъ ней. Только съ морской стороны она можетъ хорошо дѣйствовать. Горы были заняты нами, заняты и нѣкоторые дома вдоль стѣнъ, и началась перестрѣлка,—одна изъ тѣхъ перестрѣлокъ, которыя не ведутъ ни къ чему, кромѣ того, чтобъ ранить нѣсколькихъ человѣкъ въ обоихъ войскахъ. Въ числѣ людей, пострадавшихъ тутъ, былъ бригадный командиръ Биксіо, оцарапанный пулею въ лѣвую руку. До 11 часовъ утра цитадель стрѣляла картечью и ядрами; пришла колонна Миссори и заняла горы. Она состояла почти вся изъ отличныхъ стрѣлковъ, потому неаполитанцы скоро бросили свои пушки и удалились въ казармы. Самъ командиръ ихъ былъ смертельно раненъ пулею въ грудь, и черезъ нѣсколько времени бѣлый флагъ явился надъ цитаделью.

„Капитуляція была заключена на тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Мелаццо: гарнизону позволено было выйдти съ оружіемъ, но всѣ военные запасы, собранные въ цитадели, оставались намъ. Эти условія могутъ казаться слишкомъ снисходительными, но не слѣдуетъ забывать, что выигрышъ времени очень важенъ для Гарибальди и какая нибудь лишняя тысяча ружей или плѣнныхъ не идетъ въ сравненіе съ этою выгодою. Впрочемъ, мы взяли довольно добычи: восемь полевыхъ орудій съ лошадями и всѣми принадлежностями, шесть 32-фунтовыхъ пушекъ, 18 крѣпостныхъ пушекъ отъ 18 до 24-фунтоваго калибра, 2 пексановыхъ десятидюймовыхъ пушки, 500 ружей, множество каменнаго угля, аммуниціи, провіанта и довольно много лошадей и муловъ.

„Взятіе Реджо чрезвычайно важно для насъ: теперь Мессина совершенно отрѣзана отъ сообщеній, и пушки и цитадели окончательно даютъ намъ господство надъ обоими берегами пролива. Для неаполитанцевъ тяжеле всего потеря каменнаго угля, депо ко-

*) Городокъ верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ Реджо, почти прямо противъ Мессины.

Digitized by Google

тораго было у нихъ въ Реджо. Флотъ ихъ и Мессина снабжались всѣмъ изъ этой крѣпости, служившей ключемъ Сициліи.

„По всей Калабріи и особенно въ Реджо встрѣчаютъ насъ съ восторгомъ. Солдатъ нашихъ принимаютъ въ каждомъ семействѣ, какъ друзей".

„Вилла Санъ-Джованни, 25 августа.

„Событія идутъ такъ быстро, что едва можно успѣть передавать ихъ хоть только въ общихъ чертахъ. Вся калабрійская сторона пролива наша. Я уже писалъ вамъ, что вся оборонительная линія прибрежья сильнѣе съ морской стороны, чѣмъ съ земли. Отъ Шиллы до Реджо тянется рядъ маленькихъ фортовъ, имѣющихъ по 15 и 20 пушекъ; изъ нихъ только фортъ Punta di Pezzo стоитъ у самаго берега, а всѣ другіе построены на первомъ уступѣ горъ. Единственная дорога, годная для военныхъ дѣйствій, идетъ вдоль берега, по которому выстроены также почти всѣ здѣшніе города и села. Надъ этой линіей возвышаются въ нѣсколько уступовъ холмы, поднимающіеся къ Аппенинскому хребту, идущему почти параллельно съ проливомъ. Изъ этого очерка вы видите, что лишь только овладѣть однимъ пунктомъ на берегу, можно будетъ взять въ тылъ всю оборонительную линію. Со стороны, обращенной къ горамъ, форты укрѣплены плохо; а холмы, стоящіе за ними, господствуютъ надъ ними. Поэтому обороняться противъ нападающаго можно только съ горъ, идущихъ за фортами; да и тутъ надобно держаться на самыхъ вершинахъ хребта, иначе позиція будетъ обойдена. Для неаполитанцевъ такая тактика была вдвойнѣ трудна: горная мѣстность самая удобная мѣстность для насъ, и на ней не могли бы они устоять противъ насъ; кромѣ того, по моему мнѣнію, ни солдаты, ни офицеры неаполитанскихъ войскъ не хотѣли упорно сражаться. Настоящей оборонительной своей линіей они выбрали Монтелеоне и, кромѣ гарнизоновъ въ фортахъ, имѣли двѣ летучія колонны подъ командою генераловъ Мелендеса и Бриганти; колонна Мелендеса главнымъ образомъ должна была защищать линію на сѣверъ отъ Баньяры, а колонна Бриганти форты по берегу пролива. Каждая изъ нихъ имѣла отъ 1,800 до 2,000 человѣкъ. Когда мы взяли Реджо, Бриганти занялъ позицію выше форта Punta di Pezzo, на равнинѣ между дорогой и холмами. Если бы онъ нарочно хотѣлъ быть взятымъ въ плѣнъ, онъ не могъ бы выбрать лучшаго положенія: обошедши горы у Санъ-Джованни, наши стрѣлки могли перебить его отрядъ съ высотъ и отрѣзать ему отступленіе. Его позиція была тѣмъ опаснѣе, что высоты были уже заняты войсками Козенца.

„Гарибальди вышелъ изъ Реждо со всѣми своими силами, и главною колонною занялъ линію холмовъ, господствующихъ надъ Санъ-Джованни. Санъ-Джованни, Аппіарелло и Пеццо—три деревни очень длинныя; онѣ тянутся по морскому берегу, занимая и первый невысокій уступъ горъ. За ними поднимаются горы, покрытыя садами. Воспользовавшись этою выгодою, наши подошли, не будучи замѣчены непріятелемъ, вниманіе котораго было занято колонною, шедшею по берегу. Чтобы еще лучше обезпечить успѣхъ, генуэзскіе стрѣлки и двѣ роты другихъ стрѣлковъ заняли позицію, господствовавшую надъ линіею отступленія. Когда эти приготовленія были кончены, наши двинулись со всѣхъ сторонъ и, не открывая огня, стали на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля. Онъ открылъ ружейный огонь и началъ стрѣлять изъ четырехъ своихъ пушекъ. Наши не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ; Гарибальди строго приказалъ не стрѣлять: онъ хотѣлъ не разбить ихъ, онъ хотѣлъ. чтобы они сдались. Неаполитанцы не могли обольщать себя никакой надеждой. они были окружены со всѣхъ сторонъ. Сначала они, кажется, не понимали этого, потому что нашъ парламентеръ, посланный съ бѣлымъ флагомъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами и убитъ пулею въ голову. Но въ два часа дня они поняли свое положеніе; наша безотвѣтность на ихъ выстрѣлы способствовала тому. Явился парламентеръ съ требованіемъ перемирія и съ наивнымъ замѣчаніемъ. что они ожидаютъ инструкцій отъ генерала Віале. Ему отвѣчали, что напрасно они ожидаютъ отъ него инструкцій, потому что онъ отступилъ отъ Баньяры къ Монтелеоне, что они имѣли довольно времени обсудить свое положеніе и что если они не сдадутся безусловно къ половинѣ четвертаго, то будутъ атакованы и сброшены въ море. Отсрочку

Digitized by Google

эту дали имъ потому, что ожидали отряда Биксіо съ пушками. Когда парламентеръ вернулся къ нимъ, намъ было видно, что они взволновались. Офицеры и солдаты ихъ стали разсуждать съ сильными жестикуляціями. Назначенный имъ срокъ прошелъ, но Гарибальди все еще ждалъ, и около пяти часовъ вдругъ поднялся у нихъ крикъ: Viva Garibaldi! viva l'Italia! Парламентеръ явился объявить, что они сдаются. Гарибальди самъ сошелъ къ нимъ и едва не былъ задушенъ, такъ они тѣснились обнимать его: солдаты, офицеры и самъ генералъ Бриганти фратернизировали съ нашими. Радость ихъ дошла до крайняго предѣла, когда имъ сказали, что кто желаетъ, можетъ идти домой. Они побросали оружіе и стали расходиться толпами. Наши стрѣлки, занимавшіе линію отступленія, начали-было стрѣлять по первой толпѣ ихъ, не зная, чѣмъ кончилось дѣло, но были остановлены, дѣло уладилось, и къ ночи летучая колонна разсѣялась по всѣмъ направленіямъ, оставивъ намъ 2,000 ружей, 4 полевыхъ орудія и 10 тяжелыхъ орудій въ фортѣ. Но важнѣе всего этого нравственное вліяніе капитуляціи и 2,000 солдатъ, возвращающихся домой въ восторгѣ отъ Гарибальди. Кромѣ того, мы овладѣли тутъ всѣмъ берегомъ пролива: въ самомъ дѣлѣ, теперь уже получено извѣстіе, что Фіумарскій фортъ и Шилла сдались.

„Такимъ образомъ мы вѣроятно не встрѣтимъ сопротивленія до Монтелеоне, а можетъ быть и дальше. Вчерашняя капитуляція показала духъ неаполитанской арміи въ новомъ свѣтѣ. Ихъ отрядъ во всей своей массѣ покинулъ знамена.

„Вся страна за нами, ближняя Калабрія и Базиликата возстали *), провозгласили Гарибальди диктаторомъ и уже открыли сообщенія съ нашею главною квартирою".

„Баньяра, 26 августа.

„Поутру мы отдыхали съ генераломъ Гарибальди и его штабомъ на террассѣ живописнаго дома, близъ верхняго Фіумарскаго форта; нашъ завтракъ состоялъ изъ хлѣба и сыра, изъ превосходныхъ фигъ и винограда благодатной Калабріи. Вдругъ показался вдали огромный паровой фрегатъ, шедшій прямо на насъ, какъ будто бы съ дурными намѣреніями. Гарибальди тотчасъ велѣлъ зарядить пушки сосѣднихъ фортовъ Фіумарскаго и Torre Cavallo, изъ которыхъ еще не успѣли выбраться трусливые гарнизоны; онъ не спускалъ телескопа съ фрегата; но фрегатъ, пролавировавъ часа два или три между Шиллою и Фаро, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ повернулъ назадъ: командиръ его, вѣроятно, остался въ пріятномъ убѣжденіи, что исполнилъ свою обязанность. А по моему мнѣнію, сходному съ мнѣніемъ всѣхъ хорошихъ англійскихъ моряковъ, фрегатъ, подошедши на пистолетный выстрѣлъ къ этимъ фортамъ, разбилъ бы ихъ нѣсколькими залпами, потому что и сами по себѣ они не страшны, да и волонтеры наши, защищающіе теперь ихъ, не умѣютъ стрѣлять изъ пушекъ. Но дѣло въ томъ, что неаполитанскій флотъ такъ же дизорганизованъ и деморализованъ, какъ неаполитанская армія. Офицеры и солдаты враждуютъ между собою и согласны только въ томъ, чтобы не рисковать жизнью въ войнѣ, которой они не одобряютъ. Калабрійцы встрѣчаютъ Гарибальди съ неописанной радостью, готовы броситься въ огонь за него и за самаго послѣдняго изъ его спутниковъ. Они безпомощны и запуганы до непостижимости. Первобытность ихъ понятій и обычаевъ доходитъ до изумительности; но натура въ нихъ хорошая, а искренность ихъ расположенія несомнѣнна.

„Мы выѣхали изъ Баньяры въ пять часовъ утра, Гарибальди съ своимъ штабомъ поѣхалъ впередъ галопомъ, оставивъ далеко за собою авангардъ; онъ скакалъ въ мѣста еще наполненныя непріятелями, распущенными имъ по домамъ. Тутъ не было никакого риска: упавшіе духомъ неаполитанцы рады, что имъ позволили бѣжать отъ негодованія калабрійцевъ, которые соглашаются не мстить имъ за долгія притѣсненія. Благородство и великодушіе калабрійцевъ выше всякой похвалы: жители не тронули ни одного изъ бѣгущихъ солдатъ.

---

*) Калабрійскій полуостровъ раздѣляется на три провинціи: южный конецъ его называется второю дальнею Калабріею, средняя часть первою дальнею Калабріею, а сѣверная часть ближнею Калабріею, съ которою граничитъ Базиликата, лежащая въ глубинѣ Отрантскаго залива.

Digitized by Google

„Отъ Баньяры до Пальми *) три часа ѣзды. Проскакавъ часъ, мы остановились, потомъ опять остановились въ очаровательномъ лѣсу на холмѣ, возвышающемся надъ Пальми. Боже мой! что за страна эта Калабрія! Какіе очаровательные, величественные виды представляются на каждомъ шагу по этой дорогѣ, идущей съ холма на холмъ! Какъ чистъ воздухъ въ эти часы свѣжаго, но не холоднаго утра! Холмы, благословенные неистощимымъ плодородіемъ, покрыты зеленью до самыхъ вершинъ. Мы проѣхали обширные оливковые лѣса, деревья которыхъ выше, чѣмъ въ лѣсахъ Генуэзской Ривьеры, на холмахъ Фраскати и Тиволи. Природное богатство этой земли безмѣрно; но торговли и промышленности нѣтъ въ ней, такъ что она совершенно лишена денегъ".

„*Милето* **), *близъ Монтелеоне*, 27 *августа*.

„Мы ночевали въ Пальми, встали вчера съ разсвѣтомъ и въ четыре часа утра я былъ уже на сѣдлѣ. Черезъ часъ выѣхалъ Гарибальди въ коляскѣ, запряженной парою хорошихъ лошадей; всю свиту его составляли четыре всадника; двое изъ числа храбрѣйшихъ офицеровъ его штаба, Трекки и Бордоне; Кальдези, отличный фотографъ, служащій теперь майоромъ также въ его штабѣ, и вашъ корреспондентъ. Вечеромъ былъ слухъ, что въ Монтелеоне находится еще до 11,000 неаполитанскаго войска, авангардъ котораго стоитъ въ Милето. Милето лежитъ въ шести часахъ пути отъ Пальми, а Монтелеоне еще въ двухъ часахъ пути за Милето. Въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ только двое были порядочно вооружены, Гарибальди отправился на рекогносцировку въ коляскѣ, не имѣя въ запасѣ верховой лошади. Мы быстро ѣхали по пыльной дорогѣ, спускаясь изъ Пальми въ богатую равнину Джои. Черезъ три четверти часа мы встрѣтили экипажъ; сидѣвшій въ немъ человѣкъ сказалъ нѣсколько словъ Гарибальди; генералъ обернулся къ своимъ адъютантамъ и послалъ одного изъ нихъ съ приказаніемъ бригадѣ Козенца идти впередъ. Взошедши съ другимъ адъютантомъ на холмъ, съ котораго далеко видны море и равнины, Гарибальди цѣлыхъ два часа осматривалъ мѣстность въ телескопъ. Мы оставались у подошвы холма: тутъ постепенно стали подъѣзжать къ намъ по одному, по два и по три разные офицеры штаба, пріѣхали также генералы Козенцъ и Сиртори, такъ что черезъ часъ набралось насъ человѣкъ до 50. Мы составляли единственный авангардъ часа полтора, пока наконецъ бригада Козенца подошла къ намъ и двинулась дальше. Гарибальди, сошедшій съ горы, поѣхалъ передъ колонною до того мѣста, гдѣ расходятся дороги въ Милето и въ Джою. Тутъ онъ оставилъ насъ и поѣхалъ въ Джою, а мы продолжали ѣхать по дорогѣ въ Милето, скоро перегнали бригаду Козенца, уѣхали на цѣлый часъ пути впередъ ея, и опять наше небольшое общество составило собою весь авангардъ. Къ 11 часамъ мы доѣхали до деревни Розарно, простояли тутъ самую знойную часть дня, въ 5 часовъ вечера снова пустились дальше и къ закату солнца пріѣхали въ Милето. Неаполитанцы только-что за нѣсколько минутъ передъ нами вышли оттуда. Какой страхъ внушаютъ беззащитному населенію эти бандиты, можно заключить изъ того, что въ Милето, имѣющемъ до 3,000 населенія, оставалось не больше 40 человѣкъ, а всѣ остальные бѣжали отъ неаполитанцевъ. Когда мы пріѣхали, жители стали возвращаться. Дѣйствительно, они имѣли достаточную причину къ страху: ужаснѣйшая трагедія была совершена на ихъ глазахъ. 25 августа, около полудня, возмутился на главной площади Милето 15 полкъ неаполитанской линейной пѣхоты; полкъ этотъ принадлежалъ къ бригадѣ Бриганти, которая такъ низко бѣжала отъ сраженія у виллы Санъ-Джованни, 23 августа. Генералъ Бриганти, въ статскомъ платьѣ, сопровождаемый однимъ слугою, проѣзжалъ верхомъ черезъ площадь, на которой стояли войска. Солдаты, какъ надобно думать, узнали его лишь тогда, какъ онъ миновалъ ихъ. Онъ уже проѣхалъ площадь, они потеряли его изъ виду, но потомъ онъ вернулся съ дороги на площадь и поѣхалъ къ почтовой станціи. Почему онъ вернулся, это неизвѣстно; но вѣроятно онъ увидѣлъ,

*) Пальми лежитъ къ сѣверу отъ Баньяры

**) Милето, городъ, лежащій въ первой дальней Калабріи, близъ Монтелеоне, не должно смѣшивать съ Мелито, гдѣ была произведена высадка.

Digitized by Google

что лошадь его устала, и хотѣлъ взять почтовыхъ лошадей со станціи. Солдаты начали кричать, что онъ „измѣнникъ, продавшій ихъ по три карлина за человѣка“, потомъ начали кричать: „да здравствуетъ король!“ Бриганти, ничего не отвѣчая имъ, ѣхалъ своею дорогою; вдругъ два солдата выстрѣлили въ него. Обѣ пули попали въ лошадь; она прошла шатаясь нѣсколько шаговъ, потомъ упала вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Когда генералъ сталъ подниматься на ноги, въ него было сдѣлано еще выстрѣловъ 50 или больше, наконецъ солдаты бросились на него со штыками и растерзали его. Когда они утолили свою кровожадность надъ трупомъ, онъ былъ вырванъ изъ ихъ рукъ и отнесенъ въ церковь для погребенія; но проснувшаяся ярость каннибаловъ снова устремилась на жертву: солдаты рвали его волосы и бороду, выбивали пистонами его глаза, рвали своими зубами его уши. Мы не знаемъ, чему приписывать это убійство: озлобленію ли противъ человѣка, который, какъ мы теперь слышимъ, имѣлъ репутацію либерала, или просто порыву безсмысленной ярости, или надеждѣ воспользоваться для грабежа города и деревень ужасомъ, какой будетъ наведенъ на жителей свирѣпымъ дѣломъ. Говорятъ, что при въѣздѣ въ городъ генералъ былъ предувѣдомленъ однимъ изъ своихъ офицеровъ о зломъ замыслѣ солдатъ. Надобно замѣтить, что многіе изъ офицеровъ еще сохраняли въ это время команду; они молча смотрѣли на убійство или ограничивались только просьбами, которыхъ никто не слушалъ. Совершивъ убійство, солдаты удовольствовались тѣмъ, что разграбили нѣсколько табачныхъ лавокъ и винныхъ погребовъ. Потомъ они стали кричать: „по домамъ, по домамъ!“ и разсѣялись. Они жаловались, что Бриганти часто морилъ ихъ голодомъ, иногда дня по три сряду.

„Извѣстіе объ этой трагедіи пришло къ намъ на дорогѣ въ Милето, и мы слышали все новые разнорѣчивые разсказы по мѣрѣ того, какъ приближались къ городу. Но вчера вечеромъ я постарался собрать достовѣрнѣйшія свѣдѣнія отъ горожанъ, бывшихъ очевидцами кровавой сцены.

„Этотъ примѣръ свирѣпости долженъ принести дѣлу Гарибальди больше пользы, чѣмъ получило бы оно отъ большой побѣды. Вражда между солдатами и офицерами неаполитанской арміи уже и прежде отнимала у офицеровъ всякую надежду на сопротивленіе; но убійство генерала Бриганти наведетъ на нихъ ужасъ. Едва ли кто изъ нихъ захочетъ подвергаться двойной опасности — отъ непріятеля и отъ собственныхъ солдатъ. Дѣйствительно, мы уже слышимъ, что генералъ Віале, командовавшій въ Монтелеоне и думавшій защищаться, отступилъ къ Козенцѣ, гдѣ думаетъ подать въ отставку и навсегда уѣхать въ Англію. Нынѣ утромъ мы слышали, что изъ Монтелеоне прислано Гарибальди предложеніе о томъ, что неаполитанцы называютъ капитуляціей; говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Джою видѣться съ офицерами, присланными для переговоровъ. Эти такъ называемыя капитуляціи не болѣе какъ шутка, потому что неаполитанцы вѣчно кончаютъ тѣмъ, что разбѣгаются во всѣ стороны. Они такіе враги, которымъ не нужно и отрѣзывать отступленіе. Но все-таки вчерашнія дѣйствія Гарибальди имѣютъ въ себѣ что-то загадочное, — нынѣшними событіями они, быть можетъ, объяснятся. Мы прибыли въ Милето, какъ я уже говорилъ, вчера вечеромъ: прежде всѣхъ въѣхали въ городъ офицеры главнаго штаба, потомъ Медичи съ другими офицерами. Нынѣ на разсвѣтѣ пришелъ сюда и авангардъ дивизіи Козенца. И мы, а еще больше горожане, опасались за то, какъ пройдетъ ночь, потому что Монтелеоне всего лишь въ двухъ часахъ пути отъ Милето, а неаполитанцы въ числѣ 10,000 человѣкъ еще находились въ Монтелеоне, какъ мы слышали. Поэтому всѣ мы (человѣкъ 50) просидѣли ночь вмѣстѣ на главной площади, имѣя подлѣ себя свое оружіе. Мы не ожидали нападенія, но все-таки считали нужнымъ соблюсти предосторожность. Приходъ нѣсколькихъ сотъ нашихъ солдатъ на разсвѣтѣ окончательно успокоилъ городъ.

„Здѣшній народъ племя красивое, отъ природы бойкое и умное. Его восторгъ безпредѣленъ. Нѣкоторые изъ жителей берутся за оружіе съ охотою и владѣютъ имъ искусно. Священники почти всѣ на нашей сторонѣ, только Милетскій епископъ, получившій свое мѣсто дурными происками, скрылся. Милетская эпархія даетъ своему епископу 24,000 дукатовъ (25,000 руб. сер.) дохода. Представьте же себѣ, что въ однихъ континентальныхъ земляхъ неаполитанскаго королевства считается 22 архіепископа и вдвое большее количество епископовъ“.

Digitized by Google

„Монтелеоне, 12 часовъ дня.

„Гарибальди славится быстротою движеній, но даже и онъ не можетъ догнать неаполитанцевъ. Онъ прибылъ въ Милето въ шесть часовъ утра и немедленно послалъ свою конную свиту въ Монтелеоне Разстояніе тутъ всего шесть миль; но дорога идетъ въ гору и мы ѣхали два часа. Ни на дорогѣ, ни въ самомъ Монтелеоне не встрѣтили мы никакихъ другихъ слѣдовъ непріятеля, кромѣ несчастныхъ солдатъ, разбѣжавшихся изъ-подъ знаменъ и бродящихъ теперь повсюду. Они просятъ милостыню у жителей. Просили они милостыни и у насъ, — мы давали имъ, потому что они дѣйствительно жалки. Карлино (11 коп. сер.), даваемый каждому изъ нихъ на дневное содержаніе общинами, черезъ которыя они проходятъ, едва достаточенъ на покупку хлѣба. Менѣе симпатіи возбуждаютъ неаполитанскіе офицеры разбѣжавшихся войскъ, бродящіе около нашего лагеря въ своихъ мундирахъ, гордящіеся ими передъ нашими фланелевыми блузами и не видящіе ничего постыднаго въ своемъ поведеніи, въ поведеніи людей, не думавшихъ ни о присягѣ, ни о патріотизмѣ, а заботившихся только о своей личной выгодѣ. Въ восемь часовъ утра нынѣ было еще 8,000 неаполитанцевъ въ Монтелеоне. Генералъ Віале, какъ я уже говорилъ, отказался отъ команды, услышавъ объ убійствѣ Бриганти, и начальство надъ войсками принялъ генералъ Гіо. 3,000 человѣкъ изъ корпуса, бывшаго въ Монтелеоне, уже бросили свои знамена вчера вечеромъ и нынѣ ночью, но у генерала Гіо еще оставалось 8,000 человѣкъ съ четырьмя горными орудіями и баттареей полевыхъ орудій, когда онъ вышелъ въ Пиццо. Въ настоящую минуту находится онъ въ Анчитолѣ. За Анчитолой въ Филадельфіи онъ встрѣтитъ барона Стокко съ калабрійскими инсургентами, которыхъ собралось тамъ, говорятъ, до 8,000 человѣкъ изъ освободившихся округовъ Козенцскаго и Катанцарскаго. Неаполитанцы желаютъ заключить капитуляцію для того, чтобы инсургенты пропустили ихъ. Вообразите себѣ, что регулярное войско, имѣющее кавалерію и артиллерію, не можетъ пробиться сквозь толпы недисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ людей, которымъ не уступаетъ по своему числу! Горожане увѣряютъ меня, что на пути отъ Монтелеоне до Пиццо изъ дивизіи Гіо разошлась большая часть солдатъ, такъ что остались подъ знаменами только 2,000 человѣкъ. Неаполитанская армія таетъ какъ снѣгъ отъ широкко, и Гарибальди не будетъ терять времени. Изъ Монтелеоне намъ видно, что онъ собралъ въ Пиццо 12 пароходовъ. Вѣроятно они назначены везти войска въ Неаполь“.

„Козенца, 31 августа.

„Привилегированное положеніе журнальнаго корреспондента, находящагося при штабѣ Гарибальди, вовсе не такъ легко, какъ могутъ полагать люди, живущіе у себя дома. Сигнальная труба въ три часа утра поднимаетъ насъ съ постели, которою обыкновенно служитъ намъ голая земля. Мы должны выѣзжать въ четыре часа еще при звѣздахъ и мѣсяцѣ, но рѣдко успѣваемъ управиться съ отъѣздомъ раньше пяти часовъ, когда уже всходитъ солнце. Офицеры у Гарибальди сами должны быть своими грумами, потому что солдаты, назначенные къ нимъ въ ординарцы, или въ прислужники, еще не имѣютъ лошадей и не могутъ успѣвать за ними. Сами офицеры должны чистить, кормить, поить, сѣдлать и взнуздывать своихъ лошадей,—рѣшительно всѣ офицеры и генералы, кромѣ только одного Гарибальди, за лошадью котораго, по доброй волѣ, съ гордостью ухаживаютъ двое изъ любимыхъ его офицеровъ, Трекки и Паджи (вспомните, что Трекки человѣкъ богатый и знатный, бывшій адъютантомъ у короля Виктора-Эммануэля). Фуражъ надобно носить для лошадей очень изъ далека, на водопой надобно бываетъ водить ихъ иногда за цѣлую милю. Кромѣ этого надобно осматривать, не требуетъ ли починки сбруя, крѣпки ли подковы; кузнецовъ и шорниковъ надобно отыскивать Богъ-знаетъ гдѣ. Во всемъ этомъ проходитъ много времени. Наконецъ садится въ сѣдло Гарибальди, выѣзжаетъ, и тутъ бросаются всѣ приготовительныя хлопоты и каждый плетется за нимъ по мѣрѣ возможности, потому что Гарибальди никого не ждетъ. Мы ѣдемъ раннимъ утромъ часа три-четыре; часовъ въ десять или въ одиннадцать остана-

Digitized by Google

вливаемся на отдыхъ въ какой нибудь деревнѣ или въ лѣсу, гдѣ долго приходится намъ ждать нѣсколькихъ кусковъ сухаго хлѣба и засохшаго сыра, и гдѣ часто не бываетъ ничего кромѣ бурьяна для нашихъ лошадей; въ три или четыре часа вечера, мы опять двигаемся впередъ; голодные, усталые, ѣдемъ до сумерекъ, и тутъ на новомъ ночлегѣ напрягаемъ всю силу соображенія, чтобы управиться какъ нибудь съ новыми трудностями и неудобствами. Жаръ и пыль ужасны, потому что лѣто было чрезвычайно знойно, какъ рѣдко бываетъ, по словамъ жителей, даже въ этой полутропической странѣ, и въ послѣдніе три мѣсяца не выпало ни капли дождя. Но иногда, въ видѣ исключенія, мы попадаемъ на княжескіе квартиры, останавливаемся въ домѣ какого нибудь интенданта, или знатнаго господина, въ порядочномъ городѣ, и тутъ, покрытые дорожной пылью, ужинаемъ съ шампанскимъ, или имѣемъ завтракъ изъ роскошнѣйшихъ блюдъ. У каждаго изъ насъ весь багажъ въ карманахъ или за сѣдломъ. У немногихъ изъ насъ есть въ запасѣ рубашка, другимъ нѣтъ возможности перемѣнить бѣлья; а на бóльшей части нѣтъ и вовсе никакого бѣлья: красная фланелевая рубашка служитъ вмѣстѣ и бѣльемъ и верхнимъ платьемъ. Мои перчатки, единственныя перчатки въ цѣлой свитѣ Гарибальди, служатъ предметомъ безчисленныхъ сарказмовъ. Вода почти вездѣ составляетъ чрезвычайную рѣдкость. Рѣдко кому изъ насъ удается умыться; а ванна только предметъ несбыточныхъ мечтаній. Наши скудные запасы необходимѣйшихъ вещей, фляжки съ водкой, мѣшечки съ табакомъ, имѣютъ порочную наклонность теряться, а мы имѣемъ даръ обходиться безъ всего, чего нельзя достать, забывать о надобности въ вещахъ, теряемыхъ нами, и переносить все съ діогеновскимъ самоотреченіемъ, хладнокровіемъ и душевнымъ веселіемъ. Но не имѣютъ этого дара наши терпѣливыя, умѣренныя въ желаніяхъ, но неразумныя лошади, думающія, что не подъ силу имъ ѣхать по 25 или 30 миль въ день по страшному зною, удушающей пыли, при слишкомъ скудномъ фуражѣ. Онѣ бредутъ и молчатъ, но смотрятъ уныло, какъ существа погибшія, и готовы упасть на каждомъ шагу, отъ перваго своего утренняго шага до послѣдняго вечерняго. Моя бѣдная лошадь жестоко хромаетъ; для спасенія ея ногъ и своей шеи я долженъ сводить ее за поводъ по здѣшнимъ длиннѣйшимъ спускамъ. У самого Гарибальди есть два отличныхъ скакуна, но у насъ у всѣхъ только по одному несчастному коню, который служитъ для своего всадника причиной безконечныхъ хлопотъ и досадъ. Но мы переносимъ всѣ эти непріятности весело: вы не услышите ни одной жалобы, и наши бѣды составляютъ только отличнѣйшія темы для безконечныхъ шутокъ. Любопытное зрѣлище для васъ представили бы наши почернѣвшія лица и щетинистыя бороды, набитыя пылью. Но мы ѣдемъ и ѣдемъ. Мы гонимся за неаполитанцами, не давая имъ опомниться.

„Мы выѣхали изъ Рольяно нынѣ въ четыре часа вечера и пріѣхали къ Козенцу послѣ четырехъ-часовой ѣзды *). Тутъ мы нашли все взрослое населеніе ближней Калабріи, вооружившееся и сошедшееся встрѣчать насъ. Всѣ улицы города, ярко иллюминованныя, были покрыты вооруженными толпами. Гарибальди съ нами идетъ далеко впереди своего войска, и у него нѣтъ подъ рукою никакихъ силъ, кромѣ этихъ инсургентовъ: судя по виду этихъ рослыхъ, здоровыхъ горцевъ, они могутъ замѣнить всякое войско. Правда, они вооружены только охотничьими ружьями, а многіе только пиками или вилами и топорами, но огромное большинство ихъ воодушевлено, повидимому, большимъ мужествомъ. Вамъ кажется, будто бы не осталось ни одного мужчины дома въ этихъ мѣстахъ и каждый мужчина хорошій воинъ. Да, возстаетъ все калабрійское племя, это племя, которое всегда было для Бурбоновъ страшнѣе всего остальнаго населенія. И если бы вы посмотрѣли, съ какою заботливою нѣжностью, не говоря уже о дикой радости, бѣшеномъ энтузіазмѣ, встрѣчаютъ храбрые калабрійцы Гарибальди! И не къ нему только бросаются они съ восторгомъ, — они обнимаютъ и цалуютъ насъ всѣхъ, наше платье, нашихъ лошадей. Они готовы были бы сдѣлать Богъ знаетъ что, лишь бы какъ нибудь услужить намъ; они хлопочутъ о насъ страшно, но проку намъ изъ этого мало: они рѣшительно на знаютъ вещей, которыхъ мы просимъ у нихъ и не знаютъ, какъ исполнить наши желанія. Одинъ хватаетъ поводъ моей лошади, передаетъ

---

*) Козенца, имѣющая 12,000 жителей, главный городъ ближней Калабріи, Рольяно лежитъ въ 18-ти верстахъ отъ нея на югъ.

Digitized by Google

его другому, другой третьему и т. д., и наконецъ я не знаю, гдѣ мнѣ отыскать мою лошадь. Меня ведутъ въ конюшню; нѣтъ, конюшня не тутъ, она въ противоположной сторонѣ: ведутъ меня туда, потомъ опять назадъ; но понемногу дѣло устраивается. Теперь надобно помѣстить меня самого на ночь. Меня рвутъ изъ рукъ въ руки и добрякъ, отбившій меня у другихъ, ведетъ меня за полъ-мили отъ штабной квартиры и отъ конюшни, гдѣ поставлена моя лошадь. Онъ готовитъ мнѣ постель, которой я предпочитаю голый полъ; предлагаетъ мнѣ чашку вина, чтобы выпить, и тоже только одну чашку воды, чтобы умыться; затворяетъ окно, отворяемое мною, увѣряя, что я получу смертельную лихорадку отъ ночной росы; я не слушаю его предостереженія, отворяю окно; онъ ждетъ, пока я усну, и запираетъ окно,—я скоро чувствую это по страшной духотѣ его грязной комнаты. Но ужинъ у него обиленъ; утромъ даютъ мнѣ кофе; мой хозяинъ и жена его не спали всю ночь, прислушиваясь, хорошо ли мнѣ спать".

„Козенца, 1 сентября.

„Гарибальди выѣзжаетъ отсюда въ обыкновенное свое время, въ 5 часовъ, и думаетъ добраться нынѣ до Кастровилляри, въ 50-ти миляхъ отсюда. Штабъ его ожидалъ отдохнуть здѣсь по крайней мѣрѣ дня три, быть можетъ цѣлую недѣлю. Приказъ идти впередъ поразилъ всѣхъ насъ, потому что ни у одного изъ насъ лошадь не могла уже пройти мили. Взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ въ коляску, онъ уѣхалъ въ 5 часовъ утра. Мы,—майоръ Кальдези, я и адъютантъ генерала Сиртори, — бродили по городу до 10 часовъ, отыскивая какого нибудь экипажа. У адъютанта были важныя депеши, потому мы наконецъ взяли карету и лошадей архіепископа и сію минуту уѣзжаемъ.

„Тарсіа, часъ дня.

„Гарибальди остановился въ Тарсіи *). Онъ приказываетъ своему штабу, подъ начальствомъ полковника Паджи, идти легкими переходами впереди его колонны, а самъ, съ нѣсколькими своими адъютантами, хочетъ ѣхать въ Неаполь въ почтовыхъ экипажахъ. Планы его начинаютъ нѣсколько проясняться для меня. Докторъ Бертани, недавно сдѣланный генераломъ, высадился съ 4,000 человѣкъ новыхъ волонтеровъ изъ сѣверной Италіи въ Паолѣ, ближайшей къ Козенцѣ гавани. Бертани видѣлся вчера съ Гарибальди въ Козенцѣ. Гарибальди послалъ нынѣ утромъ генерала Тюрра въ Паолу принять команду надъ прибывшими туда войсками, а самого Бертани взялъ къ себѣ въ коляску. Тюрръ, посадивъ волонтеровъ Бертани опять на корабли, долженъ перевезти ихъ моремъ въ Сапри **), потому что королевскія войска, какъ мы слышимъ, сосредоточиваются около Салерно. Вѣроятно, и почти всѣ остальныя наши силы будутъ отправлены моремъ и лишь небольшая часть войска пойдетъ сухимъ путемъ".

„Кастровиллари, 11 часовъ вечера.

„Я чрезвычайно боялся, что отстану отъ Гарибальди, не найду средства ѣхать рядомъ съ нимъ, при быстротѣ его поѣздки. Но я успѣлъ даже опередить его. Въ Тарсіи онъ разстался почти со всѣми офицерами своего штаба, взявъ съ собою лишь Козенца, Сиртори, Трекки и нѣсколько другихъ. Мнѣ не нашлось мѣста въ ихъ экипажѣ, и я былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ. Къ счастію, я встрѣтился съ полковникомъ Пирдомъ, извѣстнымъ подъ именемъ гарибальдіевскаго англичанина ***). Мы

*) Деревня, верстахъ въ 30 отъ Козенцы, на сѣверъ.

**) Сапри лежитъ близъ Салерно, верстахъ въ 80 отъ Неаполя.

***) Пирдъ—фамилія того знаменитаго англичанина, который находился при отрядѣ Гарибальди въ прошлогоднюю кампанію и неотлучно слѣдуетъ за Гарибальди съ самаго начала сицилійскаго похода. Онъ не хочетъ принимать на себя никакой команды, остается простымъ волонтеромъ, несмотря на свой полковническій чинъ. Пирдъ—одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ цѣлой Англіи; и говорятъ, будто бы ни разу не дѣлалъ онъ промаха во всѣхъ стычкахъ прошлогодней и нынѣшней кампаніи.

Digitized by Google

наняли ословъ и, не останавливаясь ни на минуту, пріѣхали въ Кастровилларн даже нѣсколько раньше Гарибальди, отдыхавшаго на дорогѣ. Въ дворцѣ интенданта мы превосходно поужинали съ другими офицерами; но самъ Гарибальди, подъ предлогомъ усталости, поспѣшилъ уклониться отъ церемоній".

*„Лагонегро *), 3 сентября, часъ ночи.*

„Мы ѣдемъ съ такою поспѣшностью и такими неудобствами, что едва успѣваемъ глядѣть на великолѣпные пейзажи южной Италіи. Благодаря нашимъ друзьямъ, мы съ полковникомъ Пирдомъ ѣдемъ на одинъ или на два часа впереди Гарибальди. Отъ Кастровиллари дорога поднимается по извилистому, очень высокому дефиле, вершина котораго служитъ границею между ближнею Калабріею и Базиликатою. Это дефиле, подобно многимъ другимъ по дорогѣ проѣханной нами, почти неприступно; а единственная дорога изъ Южной Италіи къ Неаполю,—та приморская дорога, по которой ѣхали мы. Если бы хотя горсть людей стала защищать эти дефиле одно за другимъ, то на цѣлые мѣсяцы она остановила бы армію, очень сильную. Но неаполитанцы и не пытались задерживать насъ. Мы находили всѣ эти дефиле въ рукахъ вооруженнаго населенія, которое повсюду встрѣчало насъ музыкою и торжественными криками. Поселяне говорили намъ, что отъ 12 до 15 тысячъ неаполитанцевъ находятся въ Салерно, съ сильнымъ авангардомъ въ Эболи **). Но они увѣряли насъ, что въ Базиликатѣ вооружилось не менѣе 30,000 человѣкъ и что въ самой Салернской провинціи возстаніе господствуетъ до самой Салы ***), гдѣ назначены временное правительство и продиктаторъ. Замѣтьте, что Базиликатская провинція не ждала прибытія Гарибальди, чтобы возстать. Въ Кастровиллари было поднято трехцвѣтное знамя въ тотъ самый день, когда Миссори съ 250 человѣкъ высадился въ Баньярѣ, 19 августа. А наканунѣ того произошла стычка между жителями Потенцы, столицы этой провинціи, и стоявшими тамъ конными жандармами; въ стычкѣ этой съ обѣихъ сторонъ было по нѣскольку человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и кончилась она побѣдою патріотовъ, которые немедленно занялись организаціею всей провинціи. Словомъ сказать, населеніе Базиликаты рѣшилось не отстать отъ калабрійцевъ и отъ албанскихъ волонтеровъ Южной Италіи, считаемыхъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ племенъ въ цѣломъ королевствѣ и въ своемъ усердіи обѣщавшихъ Гарибальди, что „албанскій батальонъ будетъ имѣть славу первымъ вступить въ Неаполь", Жители Базиликаты хотятъ оспаривать у нихъ эту честь; а жители Салернской провинціи, ближайшіе сосѣди Неаполя, выказываютъ такое же усердіе. Вообще образъ дѣйствій неаполитанскаго народа изумляетъ насъ. Правда и то, что довольно имѣютъ они причинъ, возбуждающихъ мужество въ нихъ. Съ кѣмъ вы ни встрѣтитесь, каждый разскажетъ вамъ какое нибудь притѣсненіе, жертвою котораго былъ онъ или кто нибудь изъ его друзей. Вотъ этотъ священникъ десять лѣтъ былъ въ каторжной работѣ, а у этого молодаго человѣка отецъ былъ изгнанникомъ съ самаго 1848 года. Какая длинная Иліада преслѣдованій, изгнаній, наказаній, наглыхъ обидъ, злоупотребленія власти обнаруживается теперь!

„Отъ Реджо до Козенцы, отъ Козенцы до Лагонегро, по всей дорогѣ мы встрѣчали толпы жалкихъ королевскихъ солдатъ, расходящихся изъ-подъ своихъ знаменъ. Прискорбно и унизительно смотрѣть на нихъ. Нашъ походъ едва ли не первый случай въ исторіи, когда побѣдители шли рядомъ съ побѣжденными, безъ всякаго враждебнаго чувства, безъ всякаго желанія вредить и безъ всякой возможности помочь побѣжденнымъ. Страшно смотрѣть на то, какимъ лишеніямъ подвергаются разсѣявшіеся неаполитанскіе солдаты; съ каждымъ шагомъ растетъ ихъ число и растетъ нужда, тяготѣющая надъ ними. Мы на своемъ пути перегнали не менѣе 25,000 этихъ бѣглецовъ. Бросивъ ружья, они идутъ босые, почти нагіе,—обувь и одежду они продали, чтобы купить себѣ хлѣба; изнеможенные, голодные, тащатся они подъ знойнымъ солнцемъ.

*) Въ Базиликатѣ, на границѣ Ближняго Принчипато или Салернской провинціи.
**) Верстахъ въ 30 на югъ отъ Салерно.
***) Верстахъ въ 60 на югъ отъ Эболи.

Digitized by Google

падаютъ отъ усталости отдохнуть гдѣ попало, не разбирая мѣста, лежатъ въ болотахъ, съ которыхъ не встанутъ они уже безъ лихорадки. Когда проѣзжаешь мимо ихъ, они просятъ милостыни рыданіями или нѣмымъ жестомъ, которымъ показываютъ лаццарони свой голодъ—они подносятъ пальцы ко рту. Они обращаются съ просьбами къ синдикамъ и другимъ городскимъ и сельскимъ начальствамъ по дорогѣ; но отъ одного города или села до другаго здѣсь часто бываетъ цѣлыхъ десять или пятнадцать миль, да и средства, изъ которыхъ сначала давалась имъ помощь селами и городами, теперь истощены, и поневолѣ должны начальства отказывать этимъ несчастнымъ. Гарибальди долженъ продовольствовать свое войск[illegible]да и невозможно было бы ему ничего сдѣлать для этихъ жалкихъ людей, пот[illegible] что они разбрелись по дорогѣ на огромное пространство. Секретарь его даетъ піастръ каждому изъ нихъ, который подходитъ къ его коляскѣ. Но эта помощь—капля воды, брасаемая въ огромный пожаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что множество изъ этихъ людей погибнутъ. Но кротость южно-итальянскаго характера видна въ ихъ судьбѣ. Стали ли бы такъ терпѣливо ждать голодной смерти дезертеры какой-нибудь другой арміи, наприм. хоть англійской?—они стали бы грабить; а я до сихъ поръ не слышалъ ни объ одномъ насиліи, совершенномъ этими несчастными людьми, не слышалъ также, чтобъ и жители встрѣтили сурово хотя одного изъ нихъ. Имъ помогаютъ, сколько могутъ, но не въ силахъ помочь, и они должны погибать. Въ Кастельнуччіо мы вдругъ увидѣли себя среди множества вооруженныхъ королевскихъ солдатъ; всѣ узкія улицы городка были загромождены ихъ лошадями и пушками. Это была бригада генерала Кальдарелли, сдавшаяся въ Козенцѣ возставшимъ жителямъ и получившая отъ нихъ дозволеніе отступать къ Салерно со всѣми военными почестями. По условіямъ капитуляціи былъ опредѣленъ ихъ маршрутъ, назначено, когда они должны прійдти въ какой городъ. Но еслибъ они соблюдали назначенные сроки марша, они были бы уже въ Салерно. Здѣсь ихъ осталось подъ знаменами только полторы тысячи человѣкъ. Кастельнуччіо, небольшой городокъ, едва ли имѣющій 300 человѣкъ національной гвардіи: она, конечно, не могла бы бороться съ этимъ хорошо вооруженнымъ отрядомъ. Насъ испугала мысль, что черезъ часъ станетъ проѣзжать черезъ этотъ городъ Гарибальди, имѣя при себѣ всего только восемь человѣкъ спутниковъ, что ему надобно будетъ перемѣнять здѣсь лошадей, что онъ будетъ во власти людей, которые нѣсколько дней тому назадъ еще хотѣли сражаться съ нимъ. Наши опасенія увеличились, когда неаполитанскіе офицеры стали подходить къ намъ и отъ своего имени и отъ имени своего генерала стали спрашивать, когда пріѣдетъ сюда Гарибальди. Нѣкоторые изъ горожанъ увѣряли насъ, что Кальдарелли ужаснѣйшій реакціонеръ, и что двое изъ его офицеровъ потихоньку заряжаютъ пистолеты. Убійство Гарибальди измѣнило бы теперь всю судьбу Италіи, а убійца получилъ бы щедрыя награды. Въ безпокойствѣ, мы послали, одного за другимъ, двухъ конныхъ людей увѣдомить генерала Козенца о положеніи дѣлъ въ Кастельнуччіо и о нашихъ опасеніяхъ. Мы шептали національнымъ гвардейцамъ, чтобы они были какъ можно внимательнѣе и отважнѣе, выѣхали изъ города и, пріѣхавъ въ Лаврію, послали въ Кастельнуччіо 300 человѣкъ вооруженныхъ жителей на подкрѣпленіе національной гвардіи. До десяти часовъ вечера мы ждали въ Лавріи извѣстій и съ радостью услышали, что Гарибальди остановился въ Ротондѣ, не доѣзжая до Кастельнуччіо. Изъ Ротонды онъ послалъ Трекки и другаго офицера къ Кальдарелли спросить, по какимъ причинамъ нарушилъ онъ капитуляцію и отсталъ отъ своего маршрута цѣлыми тремя днями. Онъ приказывалъ Кальдарелли немедленно идти въ Лаврію и Лагонегро. Кальдарелли оправдывалъ свое промедленіе недостаткомъ провизіи и усталостью своихъ солдатъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ желаніе передать на службу Гарибальди свою бригаду, которую описывалъ какъ войско еще сохранившее организацію; онъ увѣрялъ, что самъ онъ и его офицеры патріоты въ душѣ и желаютъ сражаться за національное дѣло. Отвѣтъ свой онъ заключалъ тѣмъ, что тотчасъ же исполнитъ приказъ Гарибальди о немедленномъ выступленіи и подписался такъ: „вѣрный подданный Виктора-Эммануэля и Гарибаль[illegible]вѣстіями и прибытіемъ колонны Кальдарелли въ Лаврію, [illegible] Лагонегро“.

„Лагонегро, 5 сентября, 9 часовъ утра

„Трекки съ своими товарищами прибылъ сюда. Гарибальди выѣхалъ изъ … и ѣдетъ сюда по горнымъ дорогамъ, чтобы миновать встрѣчи съ бригадою Кальда… которая стоитъ здѣсь. Генералъ Тюрръ, высадившійся вчера въ Сапри съ 2… ловѣкъ, будетъ здѣсь черезъ нѣсколько часовъ. Гарибальди, кажется, не совѣ… ритъ Кальдарелли и его войскамъ, но хочетъ, чтобы они шли въ авангардѣ, … видѣть, какъ они будутъ себя держать передъ непріятелемъ".

*„Аулетта *), 4 сентября.*

„Мы пріѣхали сюда вчера изъ Лагонегро на почтовыхъ. Насъ очень за… какъ принимаютъ за Гарибальди полковника Пирда по его длинной бородѣ и … брійской шляпѣ. Напрасно старается онъ устранить восторженныя встрѣчи, об… кто онъ. Народъ говоритъ, что Гарибальди ѣдетъ инкогнито, но что они узнают… по портретамъ. Полковникъ долженъ покоряться и принимать почести. Но извѣ… дѣйствительномъ прибытіи Гарибальди на аванпосты, конечно, еще болѣе усилит… зіазмъ народа, отовсюду сходящагося сюда съ оружіемъ, и смятеніе въ королевск… войскахъ. Они уже отступили изъ Эболи и толпятся вокругъ Салерно; они унали … и дисциплина между ними исчезаетъ. Говорятъ, что ими командуютъ Боско и Піа…

„Неаполь, 7 сентября.

„Высадившись близъ Реджо, Гарибальди тогда же объявилъ, что онъ будет… сутствовать въ Неаполѣ на праздникѣ Piè di Grotta, 8 сентября. Слыша это, … люди пожимали плечами; одно уже разстояніе между Реджо и Неаполемъ доказы… пустоту такого хвастовства. А между тѣмъ вотъ мы, офицеры свиты Гарибальди … щіе впереди его, уже пріѣхали въ Неаполь наканунѣ 8 сентября и самъ Гари… по всей вѣроятности будетъ здѣсь нынѣ же, а завтра дѣйствительно займетъ м… полурелигіозной, полувоенной церемоніи праздника.

„Мы съ полковникомъ Пирдомъ, какъ предшественники Гарибальди, заня… лерно вчера въ четыре часа утра. Въ Салерно, какъ и прежде въ Эболи, мы … въ свою власть телеграфъ и ускорили неизбѣжную катастрофу—сообщеніемъ неа… танскому двору извѣстій о приближеніи Гарибальди, сообщеніемъ Гарибальди и… о положеніи непріятеля.

„Услышавъ, что 12-тысячный корпусъ королевскихъ войскъ стоитъ въ Ноче… 8 миляхъ къ сѣверу отъ Салерно, мы поѣхали въ Ла-Каву, находящуюся межд… лерно и Ночерою; два батальона, составлявшіе неаполитанскій авангардъ, толь… вышли изъ Ла-Кавы. Мы пріѣхали туда въ коляскѣ маркиза Атенольфи, пат… одного изъ здѣшнихъ вельможъ. Появленіе полковника Пирда произвело свой … венный эффектъ. Напрасно мы убѣждали народъ, что полковникъ Пирдъ не Гари… народъ не хотѣлъ ничего слушать, говорилъ, что понимаетъ причины, по кот… онъ хочетъ сохранять инкогнито, обѣщалъ „хранить тайну“ и предавался во… Если судить о чувствахъ его по крику, то Гарибальди избавляетъ страну, дост… избавленія. Радость, выказываемую массами въ Ла-Кавѣ, какъ и въ Салерно, … во всѣхъ городахъ и селахъ между Реджо и Неаполемъ, нельзя назвать иначе, … восторгомъ, доходящимъ до помѣшательства.

„Остановившись въ Ла-Кавѣ, мы узнали, что 12-тысячный корпусъ, стоявш… Ночерѣ, готовится отступать снова, что иностранныя войска отказываются сра… что въ столицѣ все такъ же распалось, какъ и въ провинціяхъ. Съ этими извѣ… мы поѣхали назадъ въ Салерно и въ шестомъ часу вечера присоединились къ ш… ряду экипажей, двигавшихся на встрѣчу Гарибальди. Онъ выѣхалъ изъ Аулетт…

---

*) Аулетта лежитъ верстахъ въ 80-ти на югъ отъ Салерно.

Digitized by Google

утромъ, остановился въ Эболи и, узнавъ тамъ о положеніи дѣлъ изъ телеграммъ, присланныхъ нами и генераломъ Траполли, прибывшимъ въ Салерно черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ, отправился въ Салерно. Вмѣстѣ съ нимъ мы пріѣхали въ Салерно среди тучи пыли, какая можетъ подниматься только въ южной Италіи послѣ четырехмѣсячной засухи, и кое-какъ пробрались въ интендантскій дворецъ черезъ восторженную толпу, которой не могла удержать національная гвардія. Посмотрѣвъ на эту бурную сцену, мы опять выѣхали изъ Салерно въ Ла-Каву, думая доѣхать до Неаполя въ тотъ же вечеръ. Но потомъ мы разсудили отдохнуть нѣсколько часовъ и пріѣхали въ столицу нынѣ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги *). Ходъ дѣлъ ускорялся съ прогрессивной быстротой: въ первые дни неаполитанской кампаніи Гарибальди и его офицеры шли пѣшкомъ; потомъ ѣхали верхомъ, когда добыли себѣ верховыхъ лошадей; измучивъ ихъ, поѣхали въ частныхъ экипажахъ, потомъ поѣхали еще скорѣе на почтовыхъ лошадяхъ, а конецъ пути проѣхали въ вагонахъ.

„На каждой изъ многочисленныхъ станцій желѣзной дороги мы находили толпы убитыхъ духомъ дезертеровъ. Мы видѣли ихъ, сотнями и тысячами покидающихъ громадныя казармы и форты, которые непрерывною линіею тянутся по благодатной долинѣ Кампаніи. Король уѣхалъ изъ столицы въ четыре часа вечера на испанскомъ фрегатѣ въ Гаэту, приказавъ арміи идти туда. Солдаты идутъ по мѣрѣ силъ и желаній; но они совершенно разстроены и едва ли дойдутъ они до Гаэты хотя въ такомъ числѣ и въ такомъ духѣ, чтобы могли защищаться даже за стѣнами этой крѣпости. А между тѣмъ всѣ посты въ столицѣ еще заняты по прежнему солдатами. Но національная гвардія господствуетъ въ городѣ и приняла на себя охраненіе порядка. Столица начинаетъ оживать и дѣйствовать. Экипажи, наполненные молодыми людьми, держащими трехцвѣтныя итальянскія знамена съ савойскимъ крестомъ, скачутъ по Толедской улицѣ среди оглушительныхъ криковъ „viva Garibaldi!“ Комитетъ „Порядка“, состоящій изъ умѣренныхъ патріотовъ высшихъ сословій, послалъ депутацію изъ 80 почетныхъ лицъ въ Салерно съ приглашеніемъ Гарибальди вступить въ столицу, а Комитетъ „Дѣйствія и Единства“, состоящій изъ революціонеровъ, давно уже старается склонить диктатора на свою сторону. И здѣсь, какъ въ Сициліи, населеніе раздѣлено на двѣ враждебныя партіи: одну составляютъ приверженцы немедленнаго присоединенія, люди склонные къ уступкамъ; другую приверженцы полнаго единства, пренебрегающіе всѣми дипломатическими соображеніями, стремящіеся соединить всю Италію исключительно силою народнаго движенія, не останавливающіеся тѣмъ, что планъ ихъ можетъ довести до войны съ французами въ Римѣ и съ австрійцами въ Венеціи. Представителемъ первой партіи въ Сициліи былъ Ла-Фарина, глава ея Кавуръ, а въ Неаполѣ предводителями ея служатъ неаполитанскіе изгнанники, проникнутые такъ называемыми піэмонтскими идеями и пріѣхавшіе сюда изъ Турина и Флоренціи: д'Айола, Пизанелли, Беллетти, Белла, Спавента, Леопарди и другіе. Вторая партія называетъ своимъ главою доктора Бертани, снаряжавшаго экспедиціи, а предводители ея въ Неаполѣ—Риччарди, Агрести, Либертини и другія менѣе извѣстныя лица демократическаго, если не республиканскаго направленія; теперь они отказываются отъ товарищества съ Маццини, но прежде принадлежали къ его обществу, да и нынѣ въ значительной степени раздѣляютъ его идеи.

„Обѣ эти партіи говорятъ, что имѣютъ одну цѣль—соединеніе или единство Италіи подъ властью Виктора-Эммануэля Савойскаго. Но умѣренные хотятъ идти къ этой цѣли постепенно, тѣми способами, какіе кажутся возможными для нихъ. Какъ они по вступленіи Гарибальди въ Палермо совѣтовали немедленно присоединить Сицилію къ Сѣверно-итальянскому королевству, такъ теперь, по освобожденіи Неаполя, они думаютъ, что надобно немедленно присоединить весь югъ къ Сѣверному королевству. Революціонеры, напротивъ того, хотя и дѣйствуютъ именемъ Виктора-Эммануэля и хотятъ короновать его государемъ всего полуострова, но считаютъ нужнымъ удержать завоеванныя ими провинціи подъ управленіемъ избранныхъ ими диктаторовъ или продиктаторовъ до той поры, когда вся итальянская территорія станетъ совершенно свободна, и представители

*) Желѣзная дорога идетъ отъ Неаполя до Віэтри, небольшаго города, лежащаго подлѣ Салерно.

Digitized by Google

всей націи, собравшись въ естественной, вѣчной столицѣ Италіи, Римѣ, приступятъ къ коронаціи государя, выбраннаго всеобщимъ согласіемъ.

„Теоретическія воззрѣнія, въ которыхъ расходятся эти партіи, въ сущности подчинены особымъ понятіямъ каждой изъ нихъ о томъ, что̀ возможно и осуществимо; но къ различію понятій примѣшиваются страсти и предразсудки, личные интересы и честолюбіе, такъ что онѣ взводятъ одна на другую горькія обвиненія. Бертани и его друзья революціонеры, ободренные удивительнымъ успѣхомъ Гарибальди, упрекаютъ Кавура и его кабинетъ въ недовѣріи къ счастію и къ талантамъ этого полководца; винятъ министерство Кавура въ томъ, что оно помѣшало задуманному Гарибальди нападенію на Мархіи и Умбрію въ прошедшую осень,—помѣшало этому вторженію, которое освободило бы южную Италію еще въ прошломъ году; они винятъ Кавура за то, что онъ не помогалъ Гарибальди при высадкѣ въ Сицилію, не помогалъ и во все время его похода, столь счастливо кончившагося теперь; они увѣрены, что успѣхъ, сопровождавшій Гарибальди до сихъ поръ, такъ же неизмѣнно будетъ сопровождать его въ борьбѣ съ Ламорисьеромъ и даже съ Австріею или Франціею, хотя бы Австрія и Франція соединили свои силы. Они утверждаютъ, что итальянская нація можетъ достичь своей цѣли—освободить Римъ и Венецію, несмотря на сопротивленіе всѣхъ европейскихъ державъ, думая, что сопротивленіе всѣхъ державъ будетъ слабо, потому что симпатія Европы на сторонѣ итальянцевъ, благодаря справедливости итальянскаго дѣла и генію Гарибальди. Бертани и его друзья владѣютъ сердцемъ Гарибальди,—это фактъ, который напрасно было бы отрицать. Они почти исключительно окружаютъ Гарибальди, поддерживаютъ въ немъ чувство неудовольствія на Кавура, напоминаютъ ему о томъ, какъ бездушно пожертвовалъ сардинскій министръ родиною Гарибальди, Ниццею, съ какою неумѣстной рѣзкостью онъ оскорбилъ Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ; они говорятъ объ ошибкахъ піэмонтскаго правительства, которое могло бы сдѣлать такъ много и сдѣлало такъ мало для сицилійской экспедиціи, и говорятъ, что они преданы исключительно одному только королю и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ его нынѣшними совѣтниками.

„Разумѣется само собою, въ чемъ состоятъ возраженія умѣренной партіи. Она говоритъ, что, уступая Ниццу, Кавуръ дѣйствовалъ по требованію необходимости, которому уступали всѣ разсудительные патріоты; что онъ тайно помогалъ сицилійской и калабрійской экспедиціямъ всѣми средствами, какія дозволялись ему международнымъ правомъ; что помощи болѣе сильной онъ не могъ оказывать, не подвергаясь войнѣ съ Австріею, а быть можетъ и съ Франціею,—войнѣ, къ которой Италія не была готова; что присоединеніе Неаполя къ сѣверной Италіи, если только можетъ оно совершиться съ согласія Европы, болѣе или менѣе неблагопріятной ему, должно въ настоящую минуту удовлетворить патріотовъ, потому что оно дастъ странѣ время организоваться, откроетъ ей возможность впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, объявить свои права на Римъ и на Венецію.

„Долгое и тѣсное знакомство мое почти со всѣми офицерами Гарибальди убѣждаетъ меня, что всѣ они раздѣляютъ понятія крайней партіи, недопускающей уступокъ; я не имѣю сомнѣнія и въ томъ, что ихъ принципы въ сущности приняты самимъ Гарибальди. Вчера были посланы на встрѣчу ему два депутата отъ Комитета „Порядка“; эти депутаты, докторъ Томмази и профессоръ Пивіа, личные друзья Гарибальди, встрѣтили его въ Аулеттѣ и провожали его въ Эболи и Салерно. Имъ было поручено умолять диктатора именемъ умѣренной партіи, чтобы онъ немедленно присоединилъ Неаполь и Сицилію къ Сѣверно-итальянскому королевству. Гарибальди принялъ депутатовъ съ обыкновенною своею деликатностью и привѣтливостью, но изложилъ имъ намѣренія, нимало не согласныя съ мыслями ихъ партіи. Онъ выразилъ полную увѣренность въ совершенномъ успѣхѣ всего своего плана; онъ сказалъ, что самъ Наполеонъ не въ силахъ бороться съ Италіею и съ непопулярностью, которую подняло противъ него во Франціи сопротивленіе итальянскому дѣлу; онъ говорилъ о графѣ Кавурѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, такъ что видно было, какъ проникся онъ понятіями доктора (нынѣ генерала) Бертани. Томмази и Пивіа возвратились очень унылые.

„Не одними отвлеченными принципами возбуждаются громкія жалобы умѣренной

Digitized by Google

партіи. Въ континентальныхъ провинціяхъ, какъ и въ Сициліи, продиктаторами и другими правителями назначены и назначаются люди, о которыхъ умѣренная партія говоритъ очень дурно. По ея словамъ, Гарибальди, не зная людей, выбираетъ все только креатуръ Бертани, и страна попадаетъ во власть лицъ, не имѣющихъ ни способностей, ни хорошей репутаціи. Умѣренная партія жалуется, что въ этой революціи „всплываетъ на верхъ дурная пѣна“ (какъ будто революція можетъ обойтись безъ того), и предсказываетъ, что временное правительство не облегчитъ, а лишь увеличитъ анархію, которая составляла самую дурную черту павшаго правительства.

Я только излагаю вамъ положеніе и мысли партій, рѣшительно не принимая на себя смѣлости судить о томъ, которая изъ нихъ ошибается. Я полагаю, что ихъ несогласія окажутся гораздо менѣе важными, нежели какъ представляется той и другой изъ нихъ, и что ни та, ни другая не можетъ такъ повредить дѣлу, какъ говорятъ ея противники. Довѣріе всей націи къ Виктору-Эммануэлю и къ Гарибальди не колеблется и не поколеблется; и если бы Виктора-Эммануэля убѣдили немедленно пріѣхать въ Неаполь, безъ графа Кавура, или взять въ свои совѣтники по неаполитанскимъ дѣламъ Ратацци и другихъ людей оппозиціонной партіи, вражда которыхъ съ Кавуромъ началась недавно и, быть можетъ, не непримирима, то я увѣренъ, что событія могли бы идти, не производя безвозвратной ссоры между честными патріотами разныхъ партій“.

„Часъ дня.

„Гарибальди пріѣхалъ изъ Салерно по желѣзной дорогѣ. Городъ кипитъ бѣшенымъ восторгомъ.

„8 сентября, утро.

„Городъ отдыхаетъ послѣ ночи, проведенной въ политическомъ карнавалѣ *).

„Королевскія войска въ сущности еще владѣютъ городомъ. Четыре баталіона стрѣлковъ еще стоятъ въ своихъ казармахъ; форты Санъ-Эльмо, Нуово, дель-Кармине и делль-Уово еще заняты гарнизонами, поставленными въ нихъ королемъ. Гарибальди правитъ только силою своего имени, имѣя защитниками лишь нѣсколько человѣкъ своихъ штабныхъ офицеровъ и національную гвардію. Но вчера вечеромъ совершилось великое торжество. Весь неаполитанскій флотъ (кромѣ одного фрегата „Партенопа“) стоитъ въ гавани; онъ поднялъ итальянскій флагъ и отдался подъ команду адмирала Персано, уже нѣсколько дней находящагося въ неаполитанской гавани съ тремя сардинскими фрегатами. Не сомнѣваются, что скоро послѣдуетъ этому примѣру и „Партенопа“, которая ушла отсюда чинить свою машину. Говорятъ, что моряки проникнуты превосходнымъ духомъ. Такимъ образомъ, всѣ успокоились за судьбу флота, который король хотѣлъ послать въ Тріэстъ, чтобы отдать его австрійцамъ“.

„12 часовъ дня.

„Гарибальди успѣлъ назначить правительство для неаполитанскаго королевства. Комитеты „Порядка“ и „Дѣйствія“ или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены ихъ съ одобренія диктатора назначили общую временную коммиссію для охраненія общественнаго спокойствія. Она состояла изъ семи членовъ; трое (Риччарди, Либертини и Агрести) принадлежали къ крайней партіи; трое (Колонна, Караччоли и Пицинелли) къ умѣренной; седьмой членъ, Конфорти, считается человѣкомъ нейтральнымъ. Эти семь человѣкъ, видѣвшись съ Гарибальди, приняли на себя имя и власть временнаго правительства и издали декретъ, назначавшій Гарибальди диктаторомъ неаполитанскаго королевства. Раздраженный этою нелѣпою претензіею, Гарибальди велѣлъ арестовать ихъ, но скоро потомъ освободилъ, какъ людей, не вѣдавшихъ, что̀ творятъ, и поручилъ генералу Козенцу составить министерство“.

---

*) Мы пропускаемъ описаніе народнаго торжества.

Digitized by Google

Въ дополненіе къ этому разсказу, приведемъ теперь изъ писемъ другаго корреспондента Times'а очеркъ положенія дѣлъ въ столицѣ въ послѣдніе дни передъ прибытіемъ туда Гарибальди.

„Неаполь, 3 сентября.

„Приближается послѣдняя сцена послѣдняго акта. Скипетръ видимо выпадаетъ изъ рукъ Франциска II и черезъ нѣсколько дней, быть можетъ черезъ нѣсколько часовъ, онъ перестанетъ царствовать. Положеніе дѣлъ таково, что при Францискѣ невозможно стало никакое управленіе. Выгода отъ сохраненія нынѣшняго министерства та, что переходъ будетъ спокоенъ. Генералъ Бутрофіано прислалъ министрамъ свою отставку, выражая надежду, что теперь они возьмутъ свою отставку. Національная гвардія прислала къ нимъ новую депутацію съ объясненіемъ, что если они не останутся въ своихъ должностяхъ, то въ Неаполѣ произойдетъ возстаніе. Но министры нашли, что сохранять власть было бы несовмѣстно съ ихъ репутаціею, и снова просили письменнымъ образомъ объ отставкѣ. „Насъ называютъ измѣнниками, говорили они: мы имѣемъ противъ себя войско и не пользуемся довѣріемъ государя. Правда, что насъ поддерживаетъ національная гвардія и народъ, что мы скорѣе министры ихъ, нежели короля; но это не согласно съ принципами конституціи, и потому мы настоятельно просимъ ваше величество избрать переходное министерство. Притомъ же мы не хотимъ вести войну противъ Гарибальди и его приверженцевъ, потому что она была бы совершенно безполезна". Такимъ образомъ Франциску II остается только или уѣхать, или видѣть возстаніе. Въ воскресенье поутру (2 сентября) министры собрались въ залѣ совѣта и ждали какого нибудь рѣшенія отъ короля, но ничего не дождались. Черезъ нѣсколько часовъ король пригласилъ къ себѣ де-Мартино и просилъ его составить новое министерство. Но де-Мартино отказался и король съ огорченіемъ вскричалъ: „Итакъ всѣ меня покидаютъ!" Въ такомъ положеніи оставались дѣла 2 числа вечеромъ. Ясно, что министры, сохраняя власть, не надѣются и не думаютъ дѣлать ничего, кромѣ того какъ поддерживать порядокъ до прибытія Гарибальди. Для нихъ, какъ и для всѣхъ въ Неаполѣ, очевидно, что дѣло кончено; что единственная услуга, какую могутъ оказать они теперь отечеству, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности облегчить переходъ. Городъ полагаетъ, что министерскій кризисъ прекратился; поэтому въ субботу и въ воскресенье улицы были иллюминованы и стѣны покрыты афишами, оканчивающимися восклицаніемъ: „да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Романо!" Невозможно безъ жалости смотрѣть на положеніе Франциска II. Родственники и придворные, погубившіе его своими совѣтами, измѣнили ему, и онъ теперь сидитъ во дворцѣ одинъ. А подъ окнами дворца толпы съ радостью читаютъ депеши изъ лагеря его непріятеля, быстро приближающагося; а близъ дворца стоитъ домъ посланника короля, который, называя его „любезнымъ братомъ", дѣлалъ все, что могъ, чтобы лишить его престола".

„4 сентября.

„Всю ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (со 2 на 3 сентября) шлюбки перевозили на испанскіе корабли королевское имущество; но король все еще держится мысли стать во главѣ арміи, хотя оборона—вещь уже невозможная. Войска сосредоточиваются въ столицѣ; стѣны Castello del Carmine укрѣпляются мѣшками съ пескомъ. Графы Трани и Трапани, братья короля, и князь Искителла, командиръ національной гвардіи, подали въ отставку, но король не принялъ ихъ просьбъ. Онъ вчера хотѣлъ призвать въ столицу изъ провинцій не только войска, но и жандармскіе отряды; министры отказались контрасигнировать эти распоряженія. Неаполитанскій флотъ объявилъ, что не пойдетъ изъ здѣшней гавани. Эта рѣшимость была вынуждена у моряковъ намѣреніемъ короля отдать свой флотъ Австріи".

„Неаполь, 5 сентября.

„Семимильные сапоги вѣроятно опять вошли въ моду, и у Гарибальди должна быть пара такихъ сапогъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Фаро, а по послѣд-

Digitized by Google

нимъ извѣстіямъ находится уже близъ Салерно. Его походъ былъ непрерывною тріумфальною процессіею. Война не представляла ему на неаполитанскомъ континентѣ суровыхъ своихъ сторонъ; его повсюду встрѣчали съ цвѣтами и со слезами радости. Самый непоколебимый реакціонеръ, кажется, броситъ свою шпагу при видѣ его. Постоянно приходятъ все новыя войска въ столицу, и народъ боится, что они станутъ сражаться или грабить, или вмѣстѣ сражаться и грабить. Дѣйствительно, сраженіе послужило бы для нихъ только предлогомъ къ грабежу, а къ серьёзной битвѣ они не способны. Вчера утромъ какой-то генералъ, кажется Піанелли, былъ у короля и объяснилъ ему, что онъ не можетъ разсчитывать на свои войска. Если это Піанелли, то надобно сказать, что онъ цѣлый годъ говорилъ королю о ненадежномъ состояніи войскъ. Національная гвардія обращалась къ его величеству съ просьбою, чтобы онъ принесъ послѣднюю жертву—уѣхалъ изъ столицы. Третьяго дня вечеромъ король рѣшился уѣхать немедленно, но въ полночь отложилъ свою поѣздку.

„Бригады Боско и фонъ-Михеля получили приказаніе отступить изъ Салерно, который теперь открытъ для непріятеля. Теперь обороняться можно было бы только въ самой столицѣ; но я не ожидаю битвы. Напротивъ, я жду, что вступленіе Гарибальди будетъ праздникомъ“.

„Неаполь, 6 сентября.

„Король, о которомъ уже нѣсколько дней говорятъ ежеминутно, что онъ уѣзжаетъ, все еще не уѣхалъ. Ему тяжело разстаться съ дворцомъ своихъ предковъ. Предлогомъ для отсрочки служитъ теперь нездоровье королевы; но отъѣздъ его неизбѣженъ, и когда я буду отправлять къ вамъ это письмо, Франциска уже не будетъ въ столицѣ. Его генералы имѣли у него аудіенцію вчера утромъ и прямо сказали ему то же, что наканунѣ говорили адмиралы и флотскіе офицеры; они сказали ему, что его величество не можетъ уже разсчитывать на свои войска. Услышавъ это, король послалъ за командирами національной гвардіи и говорилъ съ ними въ такихъ выраженіяхъ, что нѣкоторые изъ нихъ были тронуты до слезъ. Но я долженъ напомнить вамъ, что неаполитанцу не трудно быть растроганнымъ до слезъ. Король благодарилъ національную гвардію за ея образъ дѣйствій, сказалъ, что онъ велѣлъ войскамъ не наносить вреда столицѣ, сказалъ: „вашъ и нашъ донъ Пеппино уже у воротъ Неаполя“, и объяснилъ, что удаляется по условію, заключенному съ дипломатами. Еслибъ онъ удержался отъ своей шутки о донѣ Пеппино, его рѣчь произвела бы больше впечатлѣнія. Министры предлагали учредить регентство, но король не согласился; онъ оставляетъ верховную власть въ рукахъ государственнаго совѣта и приказываетъ министрамъ не уѣзжать изъ Неаполя. Король черезъ посредство министровъ потребовалъ, чтобы государственное казначейство передало въ Гаэтскую военную кассу 220,000 дукатовъ и въ Капуанскую военную кассу 40,000 дукатовъ на содержаніе войскъ. Едва ли онъ получитъ эти деньги; едва ли останется у него и войско, на содержаніе котораго онъ требуетъ ихъ.

„Вчера уѣхалъ изъ Неаполя генералъ Піанелли, обвиняемый королемъ въ предательствѣ, но оставившій по себѣ въ общемъ мнѣніи безупречную репутацію вѣрности королю, конституціи и народу. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ честно говорилъ королю о дурномъ состояніи войска, о деморализующемъ вліяніи системы, столь долго господствовавшей въ Неаполѣ; и если войско не защищаетъ короля въ минуту опасности, винить въ томъ надобно не измѣну Піанелли, а дурные совѣты Нунціанте и другихъ, которыхъ слушался король. Піанелли принялъ званіе военнаго министра съ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣть полную власть надъ войскомъ, но не дальше какъ черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ, что дворъ распоряжается войскомъ мимо его, что родственники короля посылаютъ солдатъ по улицамъ Неаполя для возбужденія реакціи. Дѣло короля было погублено самимъ королемъ и его друзьями.

„Съ самаго утра всѣ ждали отъѣзда короля. Толпы стояли вокругъ дворца и около арсенала, смотря на приготовленія къ отъѣзду. Вдругъ я услышалъ женскіе крики и мольбы. Я бросился къ окну своей комнаты и увидѣлъ толпу простолюдинокъ, тѣснившихся въ сосѣднюю церковь. — Что это такое? „Мадонна, спаси короля!“ повторяли

Digitized by Google

онѣ съ рыданіями. „Мадонна Санта-Лучіанская плачетъ; крупныя капли слезъ катятся по ея лицу, — Мадонна, спаси короля!“ Вся площать волновалась, и разсказъ о плачущей Мадоннѣ могъ бы произвести мятежъ; но войска и національная гвардія скоро пришли на площадь и возстановили порядокъ, отчасти силой, отчасти убѣжденіями. Разсказъ о чудномъ плачѣ былъ придуманъ моимъ сосѣдомъ, главнымъ священникомъ Санта-Лучіанской церкви. Увидѣвъ, что его хитрость открыта, онъ сѣлъ въ карету и хотѣлъ уѣхать, но былъ арестованъ. Въ полдень городъ узналъ, что король положительно уѣзжаетъ нынѣ вечеромъ. Министры явились проститься съ его величествомъ: испанскій пароходъ давно уже развелъ пары, и передъ наступленіемъ ночи послѣдній изъ Бурбоновъ простился съ своею столицею“.

(Тутъ корреспондентъ Times'а сообщаетъ прокламацію и протестъ, обнародованные Францискомъ II при его отъѣздѣ. Документы эти были переведены въ нашихъ газетахъ. Въ то же время префектъ полиціи издалъ прокламацію, въ которой совѣтовалъ народу сохранить тишину до прибытія Гарибальди. Но, замѣчаетъ корреспондентъ, увѣщанія эти были излишни).

„Народъ держитъ себя такъ, что, кажется, не нужно было бы никакихъ предосторожностей. Городъ совершенно спокоенъ, и единственный шумъ, какой слышу я—пѣсни рыбаковъ изъ предмѣстья Санта-Лучіи, проходящихъ мимо моего окна. Я рѣшительно не знаю, чему надобно больше удивляться: быстрому ли торжеству Гарибальди, или совершенному спокойствію и тишинѣ народа. Король выѣхалъ нынѣ изъ столицы, а въ городѣ не замѣтно ничего особеннаго: театры открыты, у дворцовыхъ воротъ стоятъ часовые и каждый занимается своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Я былъ нынѣ вечеромъ на Толедской улицѣ и смотрѣлъ, какъ идутъ изъ города войска. Народъ стоялъ по обѣ стороны улицы, но не было произнесено ни одного оскорбительнаго слова, не было сдѣлано никѣмъ движенія, отъ котораго могъ бы нарушиться порядокъ. Чѣмъ объясняется такое чудо?

„Слава Гарибальди, бывшая великою и во отдаленіи, принимаетъ гигантскіе размѣры по мѣрѣ его приближенія къ Неаполю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Фаро, вечеромъ 5 числа прибылъ въ Эрколе; нынѣ утромъ, 6-сентября, онъ прибылъ въ Салерно почти только съ однимъ адъютантомъ, въѣхалъ въ домъ интенданта и вышелъ на балконъ съ Піэмонтскимъ флагомъ въ рукѣ къ народу, восторженно встрѣтившему его. Онъ обѣдалъ въ Ла-Кавѣ, и я оставлю его тамъ до слѣдующаго утра. Замѣчу вамъ только одно объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, умѣющемъ одушевлять всѣхъ своихъ спутниковъ энергіею, которою проникнутъ самъ: три дня сряду проходилъ онъ по 40 миль (65 верстъ) въ день съ войсками, которыя получали только хлѣбъ съ небольшимъ количествомъ вина. Несмотря на это, армія его находится въ хорошемъ состояніи, по словамъ англійскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ нея. Салерно, разумѣется, очищенъ королевскими войсками, отступившими въ Ночеру. Иностранныя войска дерутся между собою. Дано приказаніе сосредоточить всѣ ихъ въ Капуѣ и Гаэтѣ. Но я полагаю, что и они скоро объявятъ, что переходятъ къ Виктору-Эммануэлю“.

„7 сентября.

„Гарибальди у насъ въ Неаполѣ,—гораздо раньше, чѣмъ мы ждали. Онъ шелъ нѣсколько дней сряду по 45 миль въ день, какъ сказалъ мнѣ нынѣ одинъ изъ его спутниковъ. Вчера онъ прибылъ въ Салерно и, разумѣется, былъ встрѣченъ блистательнѣйшимъ образомъ. „Быть можетъ онъ придетъ сюда къ празднику Pie di Grotta (8 сентября)“, говорили нѣкоторые; но я былъ удивленъ, когда одинъ изъ моихъ друзей поутру сказалъ мнѣ, что онъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Нечего было терять времени, и мы поѣхали на желѣзную дорогу. Народу на улицахъ было мало, на станціи не было никакихъ приготовленій къ встрѣчѣ; я думалъ, что мы ошиблись, но вовсе нѣтъ. Національная гвардія становилась у всѣхъ дверей на станціи, быстро являлись

Digitized by Google

флаги. Комнаты были наполнены важнѣйшими людьми либеральной партіи Неаполя. Тутъ были всѣ члены комитета, столько мѣсяцевъ издававшаго свои таинственныя приказанія; новый командиръ національной гвардіи Айала, историкъ Леопарди. Множество англичанъ, въ томъ числѣ лордъ Льяноверъ, и нѣсколько дамъ,—дамъ было мало, потому что все еще ожидали какихъ нибудь безпорядковъ на улицахъ. Я стоялъ подлѣ священника, бывшаго президентомъ временнаго правительства въ Лечче и разсказывавшаго множество анекдотовъ о Гарибальди, котораго онъ хорошо зналъ въ Римѣ. Но что же замедлилъ диктаторъ? Уже половина одиннадцатаго, а его все еще нѣтъ. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, приближается поѣздъ, поднимается оглушительный крикъ „viva", — но нѣтъ, это не герой: поѣздъ привезъ Баварскихъ солдатъ, перешедшихъ на сторону побѣдителя. Наконецъ бьетъ 12 часовъ, опять звонитъ колокольчикъ и издалека подается сигналъ, что ѣдетъ Гарибальди. „Viva Garibaldi!" кричатъ тысячи голосовъ и поѣздъ останавливается. Выходятъ нѣсколько человѣкъ въ красныхъ блузахъ, ихъ схватываютъ, обнимаютъ, цалуютъ съ безпощадностью, которой отличается итальянская горячность. Былъ тутъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, котораго по бородѣ приняли за Гарибальди и обнимали такъ, что не знаю, остался ли онъ въ живыхъ. Но самъ Гарибальди обошелъ кругомъ, черезъ другую дверь, и когда замѣтили это, бросились ловить его. Мы объѣхали кругомъ по переулкамъ къ церкви Santa-Maria del Carmine и, благодаря этой ловкой мысли, выѣхали на встрѣчу диктатору. Я узналъ его съ перваго взгляда, по величію и прямодушію, выражающемуся на его лицѣ, и былъ пораженъ его спокойнымъ самообладаніемъ и чрезвычайною мягкостью его улыбки. Онъ ѣхалъ въ наемномъ экипажѣ. Окруженный тысячами народа, оглушаемый его криками, онъ проѣхалъ мимо королевскаго дворца, лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ покинутаго Франциском, и остановился во дворцѣ, назначенномъ для пріема иностранныхъ государей. Толпа взволновалась и требовала, чтобы Гарибальди вышелъ къ ней. На балконѣ явилась одна красная блуза, потомъ другая, наконецъ Гарибальди. Какой крикъ поднялся тутъ! Говорить было невозможно. Гарибальди облокотился на рѣшетку и внимательно смотрѣлъ на толпу, наконецъ сталъ дѣлать рукою знаки, что хочетъ говорить. Долго народъ не могъ удержаться отъ криковъ, но черезъ нѣсколько времени водворилось совершенное молчаніе. „Неаполитанцы!" сказалъ онъ звучнымъ и твердымъ голосомъ: „нынѣ торжественный, святой, вѣчно памятный день. Нынѣ вы сдѣлались свободнымъ народомъ. Благодарю васъ отъ имени всей Италіи. Вы совершили великое дѣло не для одной Италіи, но для всего человѣчества. Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Италія!"

„Восклицаніе было повторено безчисленными голосами; много любопытнаго представляла собравшаяся толпа: въ ней былъ легіонъ амазонокъ, числомъ до 200, одѣтыхъ въ гарибальдіевскій мундиръ: эти женщины поклялись стать въ первомъ ряду національной гвардіи, если войска нападутъ на городъ; тутъ были священники съ трехцвѣтными перевязями и съ трехцвѣтными знаменами, были монахи съ ружьями на плечахъ, были сотни лаццарони съ пиками, которыми запаслись они для защиты баррикадъ, въ случаѣ нападенія войскъ. Я замѣтилъ, что Гарибальди не упомянулъ ни однимъ словомъ объ Викторѣ-Эммануэлѣ, замѣтилъ также, что и на улицахъ рѣдко кричали что нибудь, кромѣ „да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Италія!" Вошедши во дворецъ и въ залу, гдѣ принималъ Гарибальди, я увидѣлъ, что онъ даетъ аудіенцію венеціанскимъ депутатамъ. „У насъ все готово и организовано, генералъ, и мы нетерпѣливо ждетъ минуты, когда начать".—„У васъ не можемъ быть больше нетерпѣнія, чѣмъ у меня", отвѣчалъ онъ имъ".

Общій очеркъ хода событій въ южной и средней Италіи.

Несмотря на сказочные успѣхи Гарибальди въ Сициліи, намѣреніе его перенести войну на континентъ представлялось планомъ чрезвычайно рискованнымъ. Послѣ всѣхъ потерь, понесенныхъ королевскими войсками въ Палермо и при

Digitized by Google

Мелаццо, у Франциска II оставалось еще отъ 80 до 100 тысячъ войска. Прежніе неаполитанскіе генералы были люди неспособные, но уже выдвигались на первый планъ другіе командиры, считавшіеся хорошими генералами, напримѣръ Боско и фонъ-Михель. Какова бы ни была боевая годность собственно неаполитанскихъ солдатъ, въ ихъ арміи находилось нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ наемниковъ, буйныхъ, но очень храбрыхъ. Одинъ этотъ иностранный корпусъ имѣлъ силу, повидимому слишкомъ достаточную для отраженія волонтеровъ Гарибальди. Да и между самими неаполитанскими солдатами находилось нѣсколько полковъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ неохотѣ сражаться. Таковы были, между прочимъ, гвардейскіе полки. Такимъ образомъ, если и не считать ни за что бо̀льшую половину неаполитанской арміи, все-таки оставалось въ ней отъ 20 до 30 тысячъ войска, казавшагося очень надежнымъ. У Гарибальди всѣ силы едва-ли простирались до такой цифры. Значительную часть ихъ онъ долженъ былъ оставить для охраненія Сициліи и никакъ не могъ переправить на материкъ больше 15,000. Изъ этихъ 15, 000 двѣ трети составляли новобранцы, слишкомъ мало пригодные къ серьёзнымъ битвамъ: 4 или 5 тысячъ человѣкъ, никакъ не больше, должны были бы выносить на себѣ всю тяжесть сраженій. Слишкомъ сомнительно было. чтобы такая горсть людей, какою бы храбростью она ни отличалась, могла устоять противъ надежныхъ неаполитанскихъ войскъ, въ пять или въ шесть разъ многочисленнѣйшихъ и имѣющихъ за собою еще десятки тысячъ солдатъ, которые при первомъ успѣхѣ своихъ товарищей такъ же укрѣпились бы духомъ, бросились бы задавить ничтожнаго непріятеля. Поэтому до самаго послѣдняго акта борьбы такіе люди, какъ Уллоа и Боско, находили, что лишь бы только представилась имъ возможность сразиться, Гарибальди былъ бы подавленъ. Нѣтъ нужды, что онъ уже прошелъ бо̀льшую часть королевства,—въ нѣсколько дней могли быть возвращены подъ власть Франциска II не только континентальныя провинціи, но и самая Сицилія. Такъ думали неаполитанскіе генералы, когда онъ приближался уже къ Салерно. Дѣйствительно, онъ не былъ пораженъ только потому, что не успѣвали они удержать войскъ на мѣстѣ до встрѣчи съ нимъ. У неаполитанскихъ солдатъ не поднимались на него руки; они поспѣшно двигались назадъ, лишь только слышали, что онъ подходитъ, и на отступленіи разбѣгались толпами. Войны не было, былъ только рядъ капитуляцій. Тутъ повторилось, только въ противоположномъ смыслѣ, то самое, что было въ 1821 и 1823 годахъ въ Испаніи при движеніи французовъ на помощь Фердинанду VII и въ Неаполѣ при движеніи австрійцевъ на помощь Фердинанду I. Весь успѣхъ Гарибальди произошелъ лишь отъ того, что онъ умѣлъ предвидѣть это.

Мы представили подробные разсказы корреспондентовъ Times'а о важнѣйшихъ сторонахъ неаполитанской катастрофы, о дѣйствіяхъ Гарибальди и о событіяхъ, происходившихъ въ столицѣ королевства въ послѣдніе дни передъ его прибытіемъ. Намъ остается только дать краткій общій очеркъ, съ которымъ читатель могъ бы связать эти подробности.

Весь южный конецъ западнаго берега Калабріи покрытъ множествомъ маленькихъ фортовъ, находящихся въ связи между собою. Неаполитанское правительство всегда считало эту границу своихъ континентальныхъ владѣній самою слабою частью своихъ границъ и давно укрѣпило ее. Кромѣ фортовъ, континентальный берегъ пролива былъ защищаемъ флотомъ, бороться съ которымъ Гарибальди не

Digitized by Google

имѣлъ никакихъ средствъ. Поэтому, рѣшившись сдѣлать высадку, онъ имѣлъ только тотъ шансъ успѣха, что какой-нибудь хитростью обманетъ непріятеля. Хитрость удалась ему и здѣсь, точно такъ же, какъ подъ Палермо. Онъ дѣлалъ серьёзнѣйшія приготовленія на сѣверо-восточномъ углу Сициліи, на мысѣ Фаро, показывая видъ, что, несмотря на форты и на флотъ, хочетъ переправиться въ проливѣ и собственно въ самомъ узкомъ мѣстѣ, у сѣверо-западнаго конца пролива, съ мыса Фаро прямо къ фортамъ Шиллѣ или Фіумарскому. Истинный планъ свой онъ умѣлъ сохранить въ такой глубокой тайнѣ, что даже его штабъ вѣрилъ серьёзности приготовлений, дѣлавшихся на мысѣ Фаро. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было не вѣрить?—Всѣ его перевозочныя средства состояли, повидимому, только въ рыбацкихъ лодкахъ, на которыхъ нельзя пускаться въ открытое море. Ясно было, что онъ можетъ думать о переправѣ лишь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ одного берега виденъ другой. Все вниманіе неаполитанцевъ, какъ и вниманіе собственныхъ его офицеровъ, было сосредоточено на проливѣ. Но что же дѣлалъ онъ между тѣмъ? Въ сраженіи при Милаццо участвовала лишь одна изъ его дивизій, бывшая въ авангардѣ; другія дивизіи, далеко отставшія отъ нея, шли къ Мессинѣ за тѣмъ, чтобы сосредоточиться, какъ всѣ думали, на мысѣ Фаро. Но августъ въ Сициліи чрезвычайно зноенъ; нельзя же было слишкомъ изнурять войска форсированными переходами, должны же были они послѣ нѣсколькихъ маршей останавливаться гдѣ нибудь для отдыха. Всѣ эти отдыхи и марши казались имѣющими значеніе лишь для разсчета времени, къ какому вся армія сосредоточится подъ Мессиною. Вотъ одной изъ дивизій, приближавшихся къ Мессинѣ, пришлось имѣть стоянку для отдыха въ Таорминѣ, на восточномъ берегу Сициліи, еще очень далеко и отъ Мессины и отъ пролива. Никто не думалъ ни объ этой дивизіи, ни о Таорминѣ. Да и какъ было думать? На восточномъ берегу Сициліи Гарибальди не имѣлъ никакихъ перевозочныхъ средствъ, Всѣ они собраны были на сѣверномъ берегу, въ Палермо и въ Фаро. Путь изъ Палермо въ Фаро на восточный берегъ острова идетъ черезъ проливъ, а проливъ былъ занятъ неаполитанскимъ флотомъ. Итакъ, дивизія, отдыхавшая въ Таорминѣ, могла найти для себя суда или лодки только тогда, когда пройдетъ на сѣверный берегъ. Но вотъ, въ противность всякому правдоподобію, она явилась на континентѣ. Какъ могло это случиться? Для переправы черезъ открытое море, для переѣзда въ нѣсколько десятковъ верстъ не годились рыбацкія лодки; онѣ спокойно оставались у мыса Фаро, служа для неаполитанцевъ предметомъ внимательнаго наблюденія. Но пароходы Гарибальди безпрестанно разъѣзжали изъ Фаро въ Палермо, изъ Палермо въ Фаро; эти поѣздки нужны были для отправленія къ Мессинѣ новыхъ волонтеровъ, пріѣзжавшихъ въ Палермо. Однажды волонтеровъ было довольно много, оттого понадобилось для нихъ два парохода; итакъ выѣхали изъ Палермо два парохода. Ничего чрезвычайнаго тутъ не было; это бывало и прежде. Куда они поѣхали? Разумѣется, на западъ вдоль сѣвернаго берега къ Мессинѣ, какъ ѣздили уже много разъ. Но когда всѣ думали, что они отправились изъ Палермо, по обыкновенію, на западъ, они поплыли на востокъ, потомъ на югъ, объѣхали кругомъ всю Сицилію, явились у Таормины; въ нѣсколько часовъ посадилъ на нихъ Гарибальди стоявшую въ Таорминѣ дивизію и еще черезъ нѣсколько часовъ спокойно высаживался на такомъ пунктѣ Калабрійскаго берега, куда, по всѣмъ разсчетамъ, никакъ не могли переправиться его войска. Если бы хотя кому-нибудь въ неаполитанскомъ флотѣ взду-

Digitized by Google

малось ожидать такого маневра, все дѣло разстроилось бы: одного изъ многихъ военныхъ пароходовъ неаполитанскаго флота было достаточно, чтобы задержать всю экспедицію Гарибальди. Точно такъ же нѣсколькихъ пушекъ на берегу было бы довольно, чтобы заставить экспедицію вернуться назадъ. Но Гарибальди выбралъ такой пунктъ Калабрійскаго берега, на которомъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Всѣ неаполитанскія войска, находившіяся въ южной части Калабріи, были расположены по западному берегу, которому одному угрожала опасность, по мнѣнію ихъ генераловъ. Главныя силы были расположены въ той части западнаго берега, которая находится противъ пролива. Южнѣе того и на западномъ берегу было мало войскъ; а Гарибальди высадился на южномъ берегу, довольно далеко отъ западнаго. Эти мѣста казались находящимися внѣ всякой опасности, и войскъ по сосѣдству вовсе не было. Корпусъ Гарибальди, спокойно высадившись и нѣсколько отдохнувъ, двинулся на Реджо, служившій центральною позиціею королевскихъ войскъ въ южной Калабріи. Въ этомъ городѣ, имѣющемъ 15,000 жителей, находилось менѣе тысячи королевскихъ солдатъ. Сопротивленіе было такъ безнадежно, что неаполитанскій командиръ не считалъ себя довольно сильнымъ для борьбы не только съ Гарибальди, но и съ горожанами: они своими угрозами заставили его выйти за городъ. Нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы прогнать неаполитанцевъ въ цитадель, которая также сдалась черезъ нѣсколько часовъ. Эта первая стычка была единственною попыткою сопротивленія неаполитанскихъ войскъ до самаго вступленія Гарибальди въ Неаполь. Да и она была такъ ничтожна, что едва ли стоила волонтерамъ десятка убитыхъ; а далѣе Гарибальди уже не встрѣчалъ сопротивленія. Говорятъ, что до самаго занятія столицы онъ потерялъ только восемь человѣкъ убитыми и только 15 изъ его волонтеровъ были ранены. Почти всѣ они пострадали въ стычкѣ подъ Реджо. Въ числѣ убитыхъ тутъ находился французъ де-Флоттъ, потеря котораго опечалила всю армію волонтеровъ. Де-Флоттъ въ 1848 году былъ осужденъ на вѣчную ссылку за участіе въ іюньскомъ возстаніи. Ссылка была потомъ замѣнена изгнаніемъ, но онъ успѣлъ тайно пробраться во Францію и долго занималъ тамъ подъ фальшивымъ именемъ довольно важное мѣсто по управленію одною изъ желѣзныхъ дорогъ. Открывъ черезъ нѣсколько лѣтъ настоящее его имя, французская полиція не стала тревожить его. Услышавъ о приготовленіяхъ итальянцевъ къ сицилійской экспедиціи, онъ бросилъ свое обезпеченное положеніе и скоро пріобрѣлъ любовь Гарибальди замѣчательною храбростью и благородствомъ характера. Признательные итальянцы открыли теперь подписку на памятникъ ему.

Въ то самое время, какъ шла перестрѣлка подъ Реджо, переѣхали черезъ проливъ на Калабрійскій берегъ нѣсколько тысячъ волонтеровъ, стоявшихъ у Фаро. Неаполитанскіе пароходы ушли отъ Фаро на югъ помогать оборонѣ Реджо, и лодки, собранныя въ Фаро, воспользовались ихъ отсутствіемъ. Скоро этотъ корпусъ соединился съ тѣмъ, который сражался у Реджо. Линія фортовъ южнаго конца Калабріи не могла бы противиться волонтерамъ; одинъ за другимъ форты сдались безъ сопротивленія, и Гарибальди быстро двинулся на сѣверъ. Летучія колонны, составлявшія авангардъ неаполитанскихъ силъ, были обойдены имъ; солдаты ихъ сдались на капитуляцію или разбѣжались безъ всякихъ капитуляцій.

Всѣ королевскія войска расположены были по единственной дорогѣ, которая

Digitized by Google

соединяетъ Неаполь съ южными провинціями. Дорога эта идетъ по западному прибрежью. Въ восточныхъ провинціяхъ находились лишь очень немногіе и очень слабые отряды, состоявшіе почти исключительно изъ конныхъ жандармовъ. Они не могли удерживать въ повиновеніи жителей, готовившихся поддержать Гарибальди, лишь только онъ высадится. Возстаніе началось въ восточной полосѣ королевства одновременно съ тѣмъ, какъ переправился въ Калабрію, недѣли за двѣ передъ высадкою самаго Гарибальди, небольшой отрядъ волонтеровъ, скрывшійся во внутренность полуострова, въ ожиданіи главныхъ силъ. По взятіи Реджо, возстаніе охватило всю юговосточную часть королевства и тысячи инсургентовъ пошли на западъ, чтобы овладѣть пребрежною дорогою. Они захватывали безчисленныя дефиле этой единственной дороги; сообщенія между разными корпусами королевскихъ войскъ были прерваны, и тѣ отряды, которые не были принуждены положить оружіе, поспѣшно отступали, съ каждымъ днемъ уменьшаясь въ числѣ: солдаты разбѣгались изъ-подъ знаменъ, или вовсе не встрѣчая непріятеля, или встрѣчая его лишь затѣмъ, чтобы принять капитуляцію. Гарибальди велъ на сѣверъ свое войско, простиравшееся до 10 или 12 тысячъ человѣкъ. Скоро увидѣлъ онъ, что неаполитанскія войска исчезаютъ съ его пути гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ идти его солдаты; онъ съ одними офицерами своего штаба поѣхалъ впереди своихъ колоннъ занимать ожидавшія его провинціи. Развѣ первую четверть пути до Неаполя онъ совершилъ съ войскомъ, остальныя три четверти совершилъ въ сопровожденіи только офицерской свиты своей, и въ самый Неаполь пріѣхалъ только съ 18 или 19 офицерами. На этомъ мы остановимся въ разсказѣ о его дѣйствіяхъ, и посмотримъ, что дѣлалось въ столицѣ королевства въ тѣ дни, когда онъ готовилъ высадку, и потомъ ѣхалъ, какъ будто мирный правитель, на почтовыхъ лошадяхъ и наконецъ въ вагонѣ.

Около двухъ мѣсяцевъ, съ послѣднихъ чиселъ іюня до половины августа, существовала въ Неаполѣ странная смѣсь конституціоннаго и придворнаго, либеральнаго и реакціоннаго правительствъ. Изъ того, что дѣлалось въ Неаполѣ, половина дѣлалась властью конституціоннаго министерства въ одномъ смыслѣ, другая половина въ совершенно противоположномъ смыслѣ дѣлалась силою прежнихъ людей, удержавшихся во многихъ важныхъ должностяхъ, особенно по военной части, и сохранявшихъ вліяніе на короля. Когда видно стало, что на дняхъ произойдетъ высадка Гарибальди и обнаружились признаки скораго возстанія въ восточныхъ провинціяхъ, реакціонная партія объявила королевство находящимся въ осадномъ положеніи (14 августа). Но всѣ предчувствовали, что скоро Гарибальди будетъ въ столицѣ; а когда онъ высадился, стали считать этотъ срокъ не недѣлями, а днями; потому осадное положеніе оставалось существующимъ лишь на бумагѣ. У реакціонеровъ не было ни солдатъ, ни даже офицеровъ. Они должны были бездѣйствовать, не находя исполнителей для распоряженій, которыя желали бы принять. Партія сопротивленія съ каждымъ днемъ ослабѣвала, хотя ея приверженцы оставались на мѣстахъ, повидимому дававшихъ имъ полную власть: общественное мнѣніе съ такою увѣренностью твердило имъ: „вы ничего не можете сдѣлать“, что у нихъ опускались руки. Они сами довели себя до такого положенія своею прежнею безразсудностью. Они видѣли себя не приготовленными къ борьбѣ, потому что слишкомъ привыкли къ безотвѣтности населенія.

Они такъ привыкли къ ней, что даже и теперь слишкомъ многіе изъ нихъ не

Digitized by Google

понимали всей безнадежности своего положенія. Трудно повѣрить, что, въ виду приближающагося непріятеля, покидаемые всѣми, они не перестали заниматься интригами другъ противъ друга, какъ будто бы продолжается положеніе дѣлъ, существовавшее годъ тому назадъ. Мы говорили нѣсколько разъ о планахъ, составлявшихся мачихою нынѣшняго короля во время болѣзни его отца для измѣненія порядка престолонаслѣдія, а по восшествіи Франциска II на престолъ, для низверженія пасынка и провозглашенія королемъ графа Трани. Мы говорили, что было нѣсколько такихъ попытокъ даже въ послѣдніе мѣсяцы, когда Гарибальди уже овладѣвалъ Сициліею. Принужденная удалиться изъ Неаполя, вдовствующая королева продолжала заниматься прежними интригами; а въ послѣдніе дни своего царствованія Францискъ II нашелъ еще новаго соперника въ кругу своего семейства.

Дядя короля, графъ Аквильскій, постоянно одобрялъ систему, господствовавшую въ Неаполѣ; но когда послѣ высадки Гарибальди въ Сицилію заговорили въ Неаполѣ о конституціи, онъ вдругъ началъ горячо поддерживать это требованіе. Его сильнымъ настояніямъ въ послѣднемъ засѣданіи прежняго министерства болѣе всего обязаны были своею побѣдою люди, думавшіе лишить Гарибальди приверженцевъ въ Неаполѣ провозглашеніемъ конституціи: онъ убѣдилъ короля дать отставку прежнимъ министрамъ и составить конституціонный кабинетъ. Онъ же рекомендовалъ королю Либоріо Романо, либеральнѣйшаго изъ новыхъ правителей. Странна была такая перемѣна въ графѣ Аквильскомъ, но причины ея скоро прояснились. Дядя короля искалъ популярности, чтобы, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ своего племянника, стать на его мѣсто. Когда графу Аквильскому показалось, что онъ пріобрѣлъ расположеніе неаполитанцевъ своимъ конституціонизмомъ, онъ началъ приготовлять дворцовую революцію. Онъ составилъ себѣ толпу кондотьеровъ, которымъ давалъ по піастру въ день жалованья, которыхъ снабдилъ кинжалами, револьверами и ружьями. Для нихъ сшиты были мундиры національныхъ гвардейцевъ, чтобы, вмѣшавшись въ ряды національной гвардіи, они тѣмъ легче могли увлечь ее за собою. Заготовлялись прокламаціи, провозглашавшія отстраненіе Франциска II отъ управленія дѣлами и регентство графа Аквильскаго. По данному сигналу вооруженные наемники графа должны были броситься ко дворцу и произвести переворотъ. Министерство узнало объ этомъ планѣ, и графъ Аквильскій самъ ускорилъ несчастную для него развязку, не умѣвъ до конца выдержать роли горячаго конституціониста. Однажды въ совѣтѣ министровъ онъ заговорилъ новымъ тономъ, требуя реакціонныхъ мѣръ и обвиняя конституціонныхъ министровъ въ измѣнѣ. Для собственной защиты они принуждены были высказать, что знаютъ его замыселъ, что измѣна задумана не ими, а имъ; немедленно отправились къ королю и, раскрывъ ему дѣло, получили разрѣшеніе удалить заговорщика за предѣлы королевства. Напрасно графъ Аквильскій требовалъ свиданія съ своимъ племянникомъ: министры убѣдили короля отказать ему въ личныхъ объясненіяхъ и, черезъ нѣсколько часовъ, онъ принужденъ былъ отправиться во Францію. Необходимостью принять предосторожности противъ его замысла многіе объясняютъ провозглашеніе осаднаго положенія, приписывая самимъ министрамъ эту мѣру, которую мы называли слѣдствіемъ внушеній реакціонной партіи. Такъ или иначе происходило дѣло, по своему собственному соображенію министры провозгласили осадное положеніе или подчинились въ этомъ случаѣ требованію Франциска II, конечно трудно сказать. Достовѣрно только то, что при

Digitized by Google

тогдашнемъ расположенiи столицы реакцiонная партiя не могла воспользоваться этою мѣрою, которая обыкновенно бываетъ залогомъ ея торжества, и что сама эта партiя раздѣлялась на враждебныя котерiи, строившiя заговоры противъ короля то въ пользу его брата, то въ пользу одного изъ его дядей.

Впрочемъ и другой дядя короля, графъ Сиракузскiй, думалъ, подобно вдовствующей королевѣ и графу Аквильскому, воспользоваться обстоятельствами для присвоенiя власти. Онъ велъ свой замыселъ гораздо искуснѣе. Четыре мѣсяца тому назадъ, мы говорили о его знаменитомъ письмѣ къ королю. Выставляя себя либераломъ, онъ уже давно заискивалъ популярности; теперь, разсчитавъ, что ни отъ имени Франциска II, ни отъ собственнаго имени не можетъ онъ долго управлять Неаполемъ, потому что Неаполь скоро провозгласитъ королемъ Виктора-Эммануэля, онъ вступилъ въ сношенiя съ туринскимъ министерствомъ. Интересы его сходились тутъ съ интересами графа Кавура: чтобы разъяснить это, мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношенiяхъ Кавура къ Гарибальди. Общiй очеркъ мы сдѣлаемъ ниже, а теперь упомянемъ о томъ, что нужно для объясненiя хода дѣлъ въ столицѣ неаполитанскаго королевства.

При враждѣ своей къ Гарибальди, графъ Кавуръ всячески старался, чтобы дѣло кончилось до появленiя его въ Неаполѣ. Къ этому представлялись два пути: убѣдить Франциска II уѣхать изъ Неаполя, когда Гарибальди былъ еще далеко, или произвести въ Неаполѣ возстанiе. Въ томъ и другомъ случаѣ была надежда, что приверженцы немедленнаго присоединенiя одержатъ верхъ надъ партiею Гарибальди и передадутъ столицу подъ власть сардинскаго министерства прежде, чѣмъ успѣетъ явиться туда диктаторъ. Самымъ простымъ средствомъ казалось произвести возстанiе. На этотъ случай были присланы въ неаполитанскую гавань три сардинскiе фрегата съ двумя батальонами сардинскихъ стрѣлковъ. При первомъ народномъ движенiи они должны были выйдти на берегъ и стать опорою нацiональной гвардiи въ битвѣ съ неаполитанскими войсками. Натуральнымъ образомъ власть надъ городомъ оказалась бы въ рукахъ сардинскаго отряда, которому приписали бы всю честь побѣды и сами горожане, очень мало надѣявшiеся на собственную силу. Агенты Кавура образовали бы временное правительство, которое тотчасъ же отдалось бы въ распоряженiе туринскаго кабинета. Этотъ планъ возбудилъ тайную, но чрезвычайно сильную борьбу между предводителями двухъ партiй, на которыя дѣлились и въ Неаполѣ, какъ повсюду, итальянскiе патрiоты. Пiэмонтская, или такъ называемая умѣренная, партiя, въ противность своему названiю, возбуждала столицу къ постройкѣ баррикадъ. Крайняя партiя, которую называютъ ея противники республиканской или мацциниевской, всѣми силами старалась удержать городъ отъ возстанiя и поддержать спокойствiе. Успѣхъ былъ постоянно на ея сторонѣ, отчасти потому, что горожане очень боялись бомбардированiя, казавшагося имъ неизбѣжною принадлежностью баррикадъ, отчасти, конечно, и потому, что она, дѣйствуя въ пользу Гарибальди, имѣла болѣе симпатiи въ массѣ. Борьба продолжалась до самаго прiѣзда Гарибальди въ Салерно; агенты Кавура отказались отъ надежды только тогда, когда узнали, что диктаторъ черезъ нѣсколько часовъ явится въ столицѣ. Но давно уже было видно, что усилiя ихъ увлечь жителей столицы къ возстанiю будутъ напрасны. Потому Кавуръ склонился на предложенiя графа Сиракузскаго, видя въ его планѣ новый способъ не допустить Гарибальди до Неаполя. Графъ Сиракузскiй надѣялся (и, говорятъ,

Digitized by Google

получилъ обѣщаніе изъ Турина), что, въ благодарность за такую услугу, онъ будетъ назначенъ вице-королемъ южной Италіи. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы заставить Франциска немедленно уѣхать изъ Неаполя. Для этого онъ (около 22 августа) обнародовалъ письмо къ своему племяннику; въ самыхъ благозвучныхъ фразахъ онъ доказывалъ королю надобность какъ можно поскорѣе покинуть столицу; въ переводѣ эти фразы значили просто: „поскорѣе очищайте мнѣ мѣсто, любезнѣйшій родственникъ". Но письмо произвело на короля не то впечатлѣніе, какого ждалъ авторъ: король заговорилъ, что надобно наказать графа Сиракузскаго. Министры не согласились,—да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было думать о наказаніи человѣка, говорившаго почтительнымъ тономъ то самое, что рѣзко говорилось всѣми на всѣхъ улицахъ. На массу письмо не произвело вовсе никакого впечатлѣнія. Графъ Сиракузскій уцѣлѣлъ и остался въ милости у сардинскаго кабинета,— больше онъ ничего не выигралъ, и сошелъ со сцены.

Покинутый своими родственниками, старавшимися вырвать у него власть, уже столь близкую къ совершенной погибели, Францискъ II все еще думалъ защищаться въ Неаполѣ. Съ этою цѣлью онъ назначилъ военнымъ комендантомъ столицы генерала Котруфіано, а командиромъ національной гвардіи князя Искителлу. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ при вступленіи Гарибальди бомбардировать городъ, другой помѣшать національной гвардіи защищать народъ, на который нападутъ войска. Министры потребовали отставки обоихъ генераловъ. Король не согласился. Тогда министры подали въ отставку. Король не могъ принять ея, потому что она повела бы къ возстанію. Котруфіано былъ отставленъ, Искителла самъ подалъ въ отставку. На ихъ мѣста были назначены де-Соже и Вилья, которые ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы раззорять городъ или поднимать въ немъ рѣзню. Столица успокоилась, и странны были послѣдніе дни царствованія Франциска II: онъ былъ какъ будто чужой человѣкъ въ Неаполѣ, готовившемся встрѣчать Гарибальди. Мы представили извлеченіе изъ неаполитанской корреспонденціи Times'а за эти дни; очерки, ею представляемые, не требуютъ никакихъ поясненій.

Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю итальянскій вопросъ рѣшительно принялъ ту новую форму, которую раньше или позже долженъ былъ принять. Успѣхи волонтеровъ принудили Кавура выйдти изъ бездѣйствія. Сардинскія войска двинулись противъ папской арміи, и всѣ газеты предсказываютъ теперь близость войны между итальянцами и австрійскимъ правительствомъ. Чтобы понять рѣшимость Кавура на такой опасный вызовъ, мы должны припомнить отношенія туринскаго кабинета къ итальянскому движенію съ самаго начала гарибальдіевской экспедиціи. Читателю извѣстно, что графъ Кавуръ всячески противился отплытію Гарибальди изъ Генуи. Препятствія, которыя онъ ставилъ экспедиціи, замедлили ее на нѣсколько дней и отняли у Гарибальди возможность взять съ собою болѣе 1,000 человѣкъ волонтеровъ, между тѣмъ какъ было готово ихъ къ отъѣзду тысячъ пять. Судя по выраженіямъ газетныхъ органовъ Кавура, надобно думать, что туринскій министръ надѣялся на неудачу Гарибальди и считалъ его разбитіе неаполитанцами за единственное спасеніе для Италіи отъ новаго подавленія австрійцами. Конечно, онъ полагалъ, что дѣйствуетъ какъ благоразумный патріотъ, когда и по отъѣздѣ Гарибальди мѣшалъ отправленію новыхъ экспедицій въ Сицилію. Но побѣда волонтеровъ при Калата-Фими усилила энтузіазмъ сѣверной Италіи до того, что Кавуръ принужденъ былъ уступить: мѣшать отправленію экспедицій изъ

Digitized by Google

Генуи, значило бы возбуждать возстаніе въ Ломбардіи и Генуѣ. Онѣ отправлялись, но туринское правительство все-таки дѣлало множество мелкихъ затрудненій доктору Бертани, оставшемуся въ Генуѣ агентомъ Гарибальди по снаряженію экспедицій. По взятіи Палермо, оно стало дѣйствовать на Гарибальди, чтобы убѣдить его остановиться на этомъ первомъ успѣхѣ и не переносить войны на континентъ. Читатель помнитъ, съ какимъ крайнимъ усердіемъ хлопоталъ объ этомъ повѣренный Кавура въ Палермо, Ла-Фарини. Увидѣвъ непреклонность Гарибальди, Ла-Фарини не усомнился поднимать противъ него жителей Палермо; Гарибальди говоритъ, что Ла-Фарини уже устроилъ противъ него заговоръ, хотѣлъ арестовать его, если онъ не сложитъ съ себя власти добровольно. Правдивость Гарибальди извѣстна и трудно сомнѣваться въ томъ, что Ла-Фарини дѣйствительно собирался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ него. Заговорщикъ былъ предупрежденъ и высланъ назадъ въ Туринъ. Кавуръ выказалъ чрезвычайное раздраженіе, но, увидѣвъ, что все населеніе сѣверной Италіи приняло сторону Гарибальди въ этой ссорѣ, долженъ былъ перенести обиду. Дѣло было улажено разрѣшеніемъ отправиться въ Палермо, для управленія дѣлами въ отсутствіе Гарибальди, Депретису — и Кавуръ возобновилъ свои настоянія, чтобы Гарибальди оставилъ въ покоѣ Неаполитанскія владѣнія на континентѣ. Какъ сильны были эти настоянія, видимъ изъ словъ самого Гарибальди: „я пойду въ Неаполь, хотя бы пришлось для этого сражаться съ сардинскимъ войскомъ". Разумѣется, и тутъ, какъ прежде, Кавуръ не могъ употребить военной силы,—сардинскіе губернаторы доносили, что народъ бросится на войска, если они будутъ двинуты противъ волонтеровъ; а командиры сардинскихъ войскъ доносили, что ни офицеры, ни солдаты не пойдутъ противъ волонтеровъ. Отправленіе экспедицій изъ Генуи въ Сицилію продолжалось по этой невозможности употребить противъ нихъ военную силу; но были придуманы средства сначала уменьшить приливъ волонтеровъ къ Гарибальди, а напослѣдокъ и остановить ихъ военной силой. Было объявлено въ сардинскихъ владѣніяхъ, что молодые люди, желающіе служить національному дѣлу, должны составлять волонтерскіе отряды въ своихъ собственныхъ округахъ, что эти отряды, которые останутся дома, принесутъ отечеству въ минуту опасности гораздо больше пользы, чѣмъ люди, отправляющіеся въ Сицилію, гдѣ энтузіазмъ ихъ только навлечетъ на Италію новыя бѣдствія. Средство это было придумано очень ловко, но все-таки не удалось. Отряды волонтеровъ для домашней службы не формировались, и молодежь по прежнему шла къ Гарибальди. Гораздо дѣйствительнѣе оказалось другое средство: всѣ органы Кавура говорили, что Гарибальди служитъ орудіемъ маццинистовъ, а Маццини хочетъ не освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, не ея соединенія,—нѣтъ, хочетъ только провозглашенія республики и въ Сициліи, и въ Неаполѣ, и въ самомъ Туринѣ. Такимъ образомъ Гарибальди былъ выставляемъ за человѣка, посредствомъ котораго Маццини хочетъ низвергнуть Виктора-Эммануэля. Когда эти слухи о вліяніи Маццини на Гарибальди и о намѣреніи Маццини низвергнуть Виктора-Эммануэля были достаточно распространены, Кавуръ отважился поступить рѣшительнѣе прежняго: въ Генуѣ снаряжалась большая экспедиція для вторженія въ Папскую область одновременно съ тѣмъ, какъ Гарибальди высадится въ Калабріи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фарина, котораго Кавуръ часто заставлялъ въ послѣднее время дѣйствовать вмѣсто себя, потому что Фарина сохранилъ больше популярности, не-

Digitized by Google

жели онъ, пріѣхалъ въ Геную (въ началѣ августа) и объявилъ Бертани, что арестуетъ его и употребитъ военную силу противъ волонтеровъ, если они не откажутся отъ своего намѣренія. Бертани принужденъ былъ уступить; но оставить въ Генуѣ многочисленныхъ волонтеровъ, раздраженныхъ враждебными дѣйствіями противъ нихъ, показалось слишкомъ опасно, и чтобы сбыть ихъ съ рукъ, отправили ихъ на островъ Сардинію, заставивъ и Бертани удалиться вмѣстѣ съ ними. Планъ дѣйствій, составленный Гарибальди, былъ на половину разрушенъ этимъ, и высадка его на континентъ замедлена. Читатель видѣлъ въ переведенныхъ нами письмахъ, что Бертани явился прямо къ Гарибальди, что экспедиція въ папскія владѣнія составлялась по плану Гарибальди, что Бертани и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, былъ только агентомъ и повѣреннымъ Гарибальди. Но сардинскія газеты министерской партіи съ невѣроятною смѣлостью разглашали совершенно противное: онѣ говорили, что Бертани измѣнилъ Гарибальди, началъ дѣйствовать противъ него, что экспедиція, снаряжаемая Бертани противъ папскихъ войскъ, собственно потому и была устранена сардинскимъ министерствомъ, что должна была послужить для Маццини средствомъ вырвать власть надъ итальянскимъ движеніемъ изъ рукъ Гарибальди. Органы Кавура доходили до того, что утверждали, будто бы Бертани, этотъ врагъ Гарибальди, вовсе не имѣлъ участія въ снаряженіи прежнихъ экспедицій, отправлявшихся въ Сицилію: Бертани только интриговалъ по внушеніямъ Маццини, и волонтеры, отправлявшіеся въ Сицилію, не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла: ихъ набиралъ, вооружалъ и отправлялъ адвокатъ Крессини, о которомъ никто до тѣхъ поръ и не слышалъ. Этотъ открытый графомъ Кавуромъ великій двигатель экспедицій былъ въ дѣйствительности однимъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ агентовъ, находившихся въ распоряженіи Бертани.

Таковы были отношенія графа Кавура къ итальянскому движенію передъ высадкою Гарибальди на континентъ: онъ, сколько могъ, мѣшалъ движенію и находился во враждѣ съ Гарибальди. Вражда не прекратилась и до послѣдняго времени; но неожиданные успѣхи національнаго движенія заставили Кавура измѣнить образъ дѣйствій. Когда обнаружилось, что Францискъ II скоро долженъ будетъ выѣхать изъ Неаполя, Кавуръ, какъ мы уже разсказывали, хотѣлъ занять эту столицу раньше Гарибальди и не допустить его туда. Мы говорили объ отправленіи сардинскихъ войскъ въ неаполитанскую гавань и о замыслѣ графа Сиракузскаго. Кромѣ этихъ способовъ не допустить Гарибальди до Неаполя, былъ употребленъ Кавуромъ въ дѣло еще третій способъ, котораго нельзя назвать благоразумнымъ съ его стороны. Изъ приближенныхъ падавшаго короля первые покинули Франциска тѣ люди, которые прежде утверждали его въ образѣ дѣйствій, бывшихъ причиною его паденія. Большая часть изъ нихъ удовлетворилась, впрочемъ, тѣмъ, что бѣжали заграницу, покидая короля на произволъ судьбы. Но нашлись предатели еще менѣе совѣстливые. Изъ нихъ особенно отличился генералъ Нунціанте, бывшій прежде самымъ усерднымъ служителемъ реакціонныхъ мѣръ. Увидѣвъ, что счастіе на сторонѣ Гарибальди, онъ поспѣшилъ въ Туринъ къ графу Кавуру, условился съ нимъ и, возвратившись въ Неаполитанскія владѣнія, издалъ прокламацію къ неаполитанской арміи, приглашая своихъ старыхъ товарищей по оружію собираться вокругъ него, генерала Нунціанте, ставшаго непримиримымъ противникомъ Франциска II и вѣрнымъ слугою Виктора-Эммануэля. Удивительно.

Digitized by Google

до какой степени ослѣпленъ былъ графъ Кавуръ желаніемъ не допустить Гарибальди до Неаполя: какъ могъ онъ забыть, что предатели, подобные Нунціанте, бываютъ слишкомъ опасными сообщниками? Если бы Нунціанте удалось, при помощи Кавура, захватить власть въ Неаполѣ, онъ, конечно, первою своею заботою поставилъ бы погубить графа Кавура со всѣми, безъ различія, патріотами и кавуровской и маццініевской партій. Но и это дѣло не удалось. Для тѣхъ изъ неаполитанскихъ солдатъ, которые хотѣли перейти на сторону патріотовъ, выборъ между Нунціанте и Гарибальди не могъ быть сомнителенъ. Какъ могъ не предвидѣть Кавуръ и этого, какъ не предугадалъ онъ, что сношеніями съ Нунціанте онъ навлекаетъ на себя порицаніе, безъ всякой возможности выигрыша?

Но должно отдать Кавуру ту справедливость, что онъ выказалъ наконецъ себя человѣкомъ разсчетливымъ, когда увидѣлъ неудачу всѣхъ своихъ попытокъ дѣйствовать мелкими интригами. Онъ понялъ наконецъ, что единственное средство бороться съ Гарибальди и радикалами, представителемъ которыхъ служитъ Гарибальди, состоитъ въ томъ, чтобы самому приняться за дѣло, дающее имъ власть надъ націею. Народное движеніе оказалось неудержимымъ, въ противность прежнимъ усиліямъ Кавура удержать его. Еще нѣсколько недѣль, и общественное мнѣніе передало бы управленіе дѣлами въ сѣверной Италіи предводителю волонтеровъ и людямъ, мнѣніе которыхъ онъ раздѣляетъ. Чтобы удержать власть, Кавуру надобно было самому стать во главѣ движенія, и онъ сдѣлалъ это.

По обыкновенію, мы не беремъ на себя труда разбирать, на чьей сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, кто правъ, Францискъ II, Пій IX, Викторъ-Эммануэль, императоръ Наполеонъ или императоръ Францъ Іосифъ,—Рехбергъ, Антонелли, Кавуръ, или Маццини и Гарибальди, — мы предоставляемъ самому читателю разсуждать, чьи принципы полезнѣе. Если иногда мы и дѣлаемъ какія нибудь сужденія о дѣйствіяхъ той или другой партіи, того или другаго политическаго лица, то единственно лишь съ точки зрѣнія разсчетливости этихъ дѣйствій, пригодности ихъ для той цѣли, какую имѣютъ въ виду люди ихъ совершающіе, а вовсе не съ той точки зрѣнія, хороша или дурна сама эта цѣль. Такъ и теперь мы вовсе не хотимъ судить о томъ, хорошо или дурно само по себѣ дѣло, однимъ изъ представителей котораго служитъ Кавуръ,—дѣло низверженія прежняго порядка въ Италіи для доставленія политическаго единства итальянской націи; мы говоримъ только, что онъ понялъ наконецъ, какимъ единственнымъ способомъ можетъ онъ вырвать веденіе этого дѣла изъ рукъ Гарибальди; а когда понялъ потребности своего положенія, то сталъ дѣйствовать очень быстро и разсчетливо. Фарини былъ посланъ къ императору французовъ, путешествовавшему по новопріобрѣтеннымъ отъ Сардиніи областямъ, объяснить причины, заставляющія туринское правительство послать войска на поддержку національнаго движенія. Гарибальди—предводитель революціонныхъ силъ; если оставить національное движеніе безъ другихъ руководителей, оно, овладѣвъ Неаполемъ, устремится на Римъ, и французы должны будутъ отправиться оттуда на родину или сражаться противъ итальянцевъ. То и другое несообразно съ намѣреніями императора французовъ; итакъ, онъ долженъ разрѣшить Кавуру стать во главѣ движенія, чтобы связать руки Гарибальди. Въ этомъ состояла сущность соображеній, такъ или иначе изложенныхъ Фарини императору французовъ. Мы не знаемъ, въ какихъ именно словахъ отвѣчалъ Наполеонъ III; но сущность отвѣта обнаруживается ходомъ дѣлъ.

Digitized by Google

Разрѣшеніе вѣроятно было дано, съ условіемъ, чтобы остались неприкосновенны Римъ и его окрестности.

Тотчасъ же по возвращеніи Фарини въ Туринъ были приняты мѣры, чтобы сардинскія войска могли по первому знаку вступить въ папскія владѣнія. Читатель знаетъ общій ходъ слѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю начались возстанія въ тѣхъ городахъ папскихъ владѣній, гдѣ не было войскъ Ламорисьера. Инсургенты послали просить покровительства у Виктора-Эммануэля; онъ принялъ ихъ подъ свою защиту, и два корпуса сардинскихъ войскъ быстро двинулись на Ламорисьера, — одинъ, подъ командою Чальдини, по восточному берегу на Анкону; другой по долинѣ Тибра, подъ командою Фанти. Они втрое превосходили числомъ тѣ силы, которыми располагалъ Ламорисьеръ, и борьба не могла быть продолжительна, особенно если принять въ соображеніе, что Ламорисьеръ не могъ истребить ни воровства подрядчиковъ, поставщиковъ и самихъ командировъ, ни буйства солдатъ, набранныхъ большею частью изъ самыхъ дурныхъ людей цѣлой Европы; онъ не могъ быть побѣдителемъ, но все таки могъ нѣсколько замедлить развязку. Онъ распорядился такъ дурно, что потерялъ всю свою военную репутацію. Нѣсколько отрядовъ его были захвачены врасплохъ, самъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Анконы, которая должна была служить ему операціоннымъ базисомъ, и когда бросился пробиваться къ ней, былъ разбитъ на голову, опрометчиво атаковавъ непріятеля, стоявшаго въ слишкомъ крѣпкой позиціи. Черезъ пять или шесть дней по открытіи военныхъ дѣйствій, папскія войска остались только уже за стѣнами Анконы, которая не можетъ долго держаться, будучи окружена съ суши и съ моря. Все это извѣстно читателю; а связныхъ и подробныхъ извѣстій мы еще не имѣемъ въ ту минуту, когда пишемъ это. Точно также не можемъ еще мы представить связнаго разсказа о распоряженіяхъ Гарибальди въ Неаполѣ, о битвѣ, которую имѣлъ онъ у Капуи съ неаполитанскими войсками, и о томъ, въ какое отношеніе сталъ онъ къ туринскому правительству по занятіи Неаполя и по открытіи войны между Сардиніею и папою. Отлагая разсказъ объ этихъ дѣлахъ до слѣдующаго мѣсяца, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о различныхъ шансахъ развязки, къ которой быстро идетъ итальянскій вопросъ.

Если Кавуръ долго мѣшалъ національному движенію, онъ поступалъ такъ, разумѣется, не по недостатку патріотизма,—нѣтъ; при всемъ нашемъ нерасположеніи превозносить его до облаковъ, мы не можемъ отказать ему въ этомъ чувствѣ. Онъ просто боялся, что движеніе, до сихъ поръ увѣнчававшееся такимъ успѣхомъ, приведетъ Италію къ потерѣ всего, пріобрѣтеннаго ею. Онъ со всею умѣренною партіею боялся, что императоръ французовъ дозволитъ австрійцамъ воспользоваться экспедиціею Гарибальди для объявленія войны Виктору-Эммануэлю, и находилъ, что Италія не можетъ выдержать одна борьбу съ ними и будетъ подавлена. Дѣйствительно, при томъ способѣ войны, котораго должна держаться умѣренная партія, побѣда австрійцевъ едва ли подлежала бы сомнѣнію.

Если Гарибальди не боится австрійцевъ, то лишь потому, что онъ разсчитываетъ вести войну иначе, имѣетъ союзниковъ, съ которыми не можетъ сойтись Кавуръ, отъ помощи которыхъ отказался бы Кавуръ, еслибъ они и захотѣли имѣть съ нимъ дѣло. Гарибальди думаетъ не отбивать Венецію у австрійской державы, неприкосновенно остающейся во владѣніи другими своими областями,—нѣтъ, онъ разсчитываетъ на возстаніе Венгріи, которое послужитъ сигналомъ другихъ пере-

Digitized by Google

ютовъ, такъ что не останется австрійскихъ войскъ противъ него въ Венеціи. іно также онъ думаетъ, что и Римомъ овладѣетъ не посредствомъ битвы съ анцузами, —нѣтъ, онъ полагаетъ, что французы уйдутъ изъ Рима, если потреъ того вся Италія; онъ полагаетъ, что общественное мнѣніе самой Франціи олнитъ эту часть дѣла.

Кавуръ не хочетъ революціи ни въ Венгріи, ни гдѣ бы то ни было, и не поаетъ, чтобы Франція не допустила своихъ солдатъ до битвъ съ итальянцами.

Много оскорбленій наносилъ Кавуръ Гарибальди до взятія Палермо; но насно было бы приписывать нынѣшнюю вражду между ними личнымъ непріятноиъ,—это вражда двухъ партій, изъ которыхъ одна полагаетъ, что для создаитальянскаго единства и величія надобно дѣйствовать революціоннымъ путемъ, гая надѣется держаться только съ разрѣшенія императора французовъ, только предѣлахъ, допускаемыхъ имъ. Которая изъ нихъ одержитъ верхъ въ Италіи, увидимъ очень скоро — 2 октября (20 сентября) соберется парламентъ королства сѣверной Италіи, и его преніями разъяснится дѣло.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ОКТЯБРЬ 1860.

Итальянскія дѣла.—Борьба на Вольтурно.—Уничтоженіе папской арміи.—Борьба между Кавуромъ и Гарибальди.—Австрійская конституція.

Мы переводили вполнѣ или въ очень подробномъ извлеченіи корреспонденцію Times'а о дѣйствіяхъ Гарибальди въ Сициліи и на континентѣ Италіи до занятія Неаполя; но было бы излишнимъ дѣломъ представлять такое же подробное изложеніе дальнѣйшихъ военныхъ событій около Капуи и подъ Анконою. Сраженіе при Кастельфидардо и взятіе Анконы могутъ быть интересны въ стратегическомъ отношеніи; битвы гарибальдіевскихъ волонтеровъ съ неаполитанскими близъ Капуи могутъ считаться важными для рѣшенія общаго вопроса о боевой годности милицій противъ регулярныхъ войскъ и для рѣшенія другого, частнаго вопроса: дѣйствительно ли Гарибальди способенъ вести только партизанскую войну, или онъ имѣетъ таланты, нужные для командованія въ большой войнѣ, въ правильныхъ битвахъ между многочисленными арміями. Безъ всякаго сомнѣнія, эти вопросы очень любопытны; но они имѣютъ только отвлеченный интересъ, а развязка нынѣшнихъ итальянскихъ дѣлъ не зависитъ ни отъ того или другого рѣшенія этихъ вопросовъ, ни отъ военныхъ дѣйствій, на основаніи которыхъ могутъ быть такъ или иначе рѣшаемы эти вопросы. Сардинскіе генералы дѣйствовали искусно, а Ламорисьеръ сдѣлалъ много грубыхъ ошибокъ въ недолгій походъ, кончившійся взятіемъ Анконы,—но это все равно: хотя бы Ламорисьеръ дѣйствовалъ тутъ превосходно, а сардинскіе генералы очень плохо, исходъ борьбы былъ бы таковъ же, какъ теперь. Онъ былъ неотвратимо опредѣленъ уже самою рѣшимостью туринскаго правительства послать войска противъ Ламорисьера. Точно тоже надобно сказать о борьбѣ между генералами Франциска II и Гарибальди. Въ битвахъ на Вольтурно обнаружилось, что волонтеры могутъ выигрывать правильныя сраженія противъ регулярныхъ войскъ, а Гарибальди показалъ себя полководцемъ, умѣющимъ командовать въ большихъ правильныхъ сраженіяхъ; но опять-таки это все равно: хотя бы волонтеры и не могли устоять противъ регулярныхъ войскъ, хотя бы Гарибальди, будучи хорошимъ партизаномъ, оказался плохимъ главнокомандующимъ, хотя бы армія Франциска II и прогнала его далеко за Неаполь, развязка неаполитанскихъ дѣлъ осталась бы та же: она уже была рѣшена тѣмъ, что Францискъ II однажды принужденъ былъ удалиться изъ Неаполя; возвращеніе въ столицу не помогло бы ему; королевство, однажды признавшее власть Гарибальди и Виктора-Эммануэля, не могло возвратиться подъ власть Франциска II, пока онъ

Digitized by Google

не получить иностранной помощи: никакіе успѣхи собственныхъ его войскъ не могли остановить соединенія южной Италіи съ сѣверною. Находя, что судьба неаполитанскаго королевства и папскихъ областей была опредѣлена самымъ вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь и рѣшеніемъ Кавура двинуть войска противъ Ламорисьера, находя, что слѣдовавшія затѣмъ военныя дѣйствія имѣли уже только второстепенное значеніе въ ходѣ итальянскаго вопроса, мы считаемъ излишнимъ излагать ихъ съ такою подробностью, какъ дѣйствія Гарибальди до вступленія въ Неаполь, и полагаемъ достаточнымъ изложить ихъ лишь въ общихъ чертахъ.

Нѣсколько разъ мы уже говорили, что прежніе успѣхи Гарибальди были основаны не на собственной его силѣ, а только на невозможности противника выставить для удержанія его тѣ силы, которыми повидимому располагалъ Францискъ II. Пока Францискъ II оставался владѣтелемъ своего королевства, онъ не могъ бороться съ Гарибальди, потому что все королевство было за Гарибальди. Неблагопріятность обстановки, въ которой находились силы Франциска II, отнимала у нихъ возможность дѣйствовать. Изъ 100 тысячъ солдатъ, находившихся подъ его знаменами, половина думали только о томъ, чтобы убѣжать изъ-подъ знаменъ. Правда, за исключеніемъ этихъ ненадежныхъ войскъ, оставалось нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, не думавшихъ измѣнять королю, и этихъ десятковъ тысячъ было бы повидимому слишкомъ довольно, чтобы задавить Гарибальди,— но дѣло въ томъ, что нельзя было послать ихъ противъ него. Они были нужны для удержанія самаго Неаполя отъ возстанія. Отправить эти вѣрныя части войска въ Калабрію—значило бы оставить столицу и сосѣднія съ нею провинціи подъ охраненіемъ ненадежныхъ войскъ, которыя не помѣшали бы возстанію. Тогда только, когда стало уже нечего охранять, надежныя войска Франциска II могли быть обращены на собственно-военныя дѣйствія: этимъ объясняется, почему Гарибальди дошелъ до Неаполя безъ битвъ. Когда онъ приблизился къ Неаполю, Францискъ II долженъ былъ покинуть столицу по стратегическимъ соображеніямъ. Англичане требовали, чтобы онъ не бомбардировалъ Неаполя, не защищался въ улицахъ и въ цитаделяхъ этого города, магазины котораго заключаютъ много англійскихъ товаровъ. Въ Средиземномъ морѣ всегда находится у англичанъ флотъ, который можетъ поддержать ихъ требованія. Этого мало: Францискъ II до сихъ поръ надѣется снова царствовать надъ Неаполемъ, а эта надежда разрушилась бы, если бы онъ раздражилъ жителей своей огромной столицы, подвергнувъ ее разоренію. Такія соображенія отнимали всякую мысль выдерживать осаду въ неаполитанскихъ цитаделяхъ. А если нельзя было защищаться въ самой столицѣ, то военный разсчетъ не дозволялъ давать битву передъ нею. Оставшаяся безъ войска столица возстала бы, и путь отступленія былъ бы отрѣзанъ для арміи Франциска II. Оставить въ Неаполѣ гарнизонъ, достаточный для удержанія жителей, значило бы слишкомъ ослабить дѣйствующую армію, подвергать себя вѣрному пораженію. А въ случаѣ пораженія регулярное войско совершенно разстроивается, когда имѣетъ въ тылу у себя большой городъ, по улицамъ котораго будетъ тѣснить его побѣдитель. Вотъ причины, по которымъ Францискъ II долженъ былъ отдать столицу безъ боя, когда Гарибальди приблизился къ ней. Возможность сражаться открылась для него только тогда, когда почти все уже королевство вмѣстѣ съ самимъ Неаполемъ перешло во власть Гарибальди. Но тогда уже никакими военными успѣхами нельзя было поправить дѣло. Отступивъ изъ Неаполя, Францискъ II потерялъ все, кромѣ

Digitized by Google

вѣрной половины своего войска. Всѣ государственныя средства перешли въ руки его противника. Его положеніе можно сравнить только съ положеніемъ полководца, совершенно отрѣзаннаго отъ страны, которая должна была бы служить ему опорою. Никакіе военные успѣхи не спасутъ отъ погибели армію, увидѣвшую себя въ такомъ положеніи.

Исходъ борьбы былъ безнадеженъ; но можно было бы продлить ее, если бы генералы Франциска II умѣли воспользоваться обстоятельствами, если бы они знали положеніе своего противника и не теряли времени. Они могли бы одержать нѣсколько побѣдъ, могли бы пройти съ торжествомъ по нѣсколькимъ изъ потерянныхъ провинцій, могли бы наказать ихъ жителей за возстаніе прежде, чѣмъ принуждены будутъ искать убѣжища въ чужихъ земляхъ.

По отступленіи изъ Неаполя они имѣли отъ 35 до 45 тысячъ войска. Верстахъ въ 40 на сѣверъ отъ Неаполя они имѣли очень сильный операціонный базисъ, отъ котораго легко могли бы доходить до Неаполя и даже дальше. Этимъ базисомъ служила для нихъ рѣка Вольтурно съ крѣпостью Капуею. Владѣя линіею рѣки, они не боялись быть отрѣзаны отъ главной своей опоры, отъ крѣпости Гаэты. У Гарибальди долго не было никакихъ средствъ препятствовать имъ, если бы они, опершись на Капую, вздумали двинуться въ Неаполь. Читатель помнитъ, что Гарибальди пріѣхалъ 8 сентября въ Неаполь лишь съ нѣсколькими офицерами, оставивъ далеко за собою свои войска. Авангарды его колоннъ спѣшили за нимъ въ почтовыхъ и всякихъ другихъ экипажахъ, какіе только можно было собрать по дорогѣ. Но эти авангарды, прибывшіе въ Неаполь дня черезъ два послѣ его, составляли лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Скоро прибыла въ Неаполь моремъ одна изъ колоннъ, сѣвшая на пароходы въ Калабріи; но и съ нею Гарибальди имѣлъ всего какихъ нибудь три или четыре тысячи человѣкъ. Вся задача состояла для него въ томъ, чтобы удержать многочисленнаго непріятеля въ бездѣйствіи, пока непріятель можетъ задавить его. Надобно было сдѣлать, чтобы королевскіе генералы воображали, будто онъ сильнѣе ихъ, пока у него нѣтъ никакихъ силъ для сопротивленія. 9 сентября у него было лишь нѣсколько человѣкъ волонтеровъ въ Неаполѣ, но онъ все-таки послалъ ихъ какъ будто въ погоню за непріятелемъ, будто бъ имѣлъ силу его преслѣдовать. Этотъ слабый авангардъ расположился въ Казертѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Капуи, служившей главною квартирою королевскихъ войскъ. Нападать на нихъ онъ, разумѣется, не могъ.

Видя, что непріятель не тѣснитъ ихъ, королевскія войска двинулись нѣсколько впередъ и стали угрожать городу Санта-Маріи, лежащему между Капуею и Казертою. У Гарибальди едва нашлось подъ рукою нѣсколько сотъ человѣкъ; они были поспѣшно посланы изъ Неаполя въ Санта-Марію (13 сентября). Увидѣвъ ихъ, королевскія передовыя колонны снова отступили подъ прикрытіе капуанскихъ пушекъ. Въ слѣдующіе дни Гарибальди успѣлъ прислать въ Казерту еще тысячъ 5 или 6 человѣкъ, и чтобы не дать королевскимъ войскамъ преждевременно замѣтить, что у него еще очень мало силъ, онъ почелъ нужнымъ нѣсколько потревожить непріятеля, какъ будто имѣетъ средства для наступательныхъ дѣйствій, которыхъ въ сущности еще не могъ начать сколько нибудь серьёзнымъ образомъ.

Крайній лѣвый флангъ королевскихъ войскъ находился въ Каяццо, городѣ, лежащемъ на границѣ западной ровной полосы съ центральною гористою частью того края Италіи. Выше Каяццо, Вольтурно еще не широкъ и не глубокъ, такъ

Digitized by Google

что можно переходить его въ бродъ. Къ востоку отъ Каяццо въ нѣсколькихъ верстахъ идутъ горы, по которымъ могли довольно безопасно отступить волонтеры, когда опрокинется на нихъ непріятель въ большихъ силахъ. Эти соображенія заставили Гарибальди выбрать Каяццо цѣлью нападенія. У него не было ни понтоновъ, никакихъ другихъ средствъ перебраться чрезъ Вольтурно въ средней или нижней части его теченія, стало быть онъ могъ дѣйствовать только въ верхней части рѣки. Силъ у него было еще такъ мало, что онъ не могъ удержаться въ отбитой позиціи, потому надобно было выбирать для нападенія позицію, съ которой представлялся бы удобный путь отступленія. Дѣло шло еще вовсе не о томъ, чтобы подвигаться впередъ, а лишь о томъ, чтобы занять на нѣсколько дней королевскія войска, удержать ихъ отважнымъ нападеніемъ отъ мысли, что они сами могутъ напасть на позицію Гарибальди съ вѣрнымъ успѣхомъ и принудить къ отступленію малочисленнаго противника. Цѣль эта была вполнѣ достигнута нападеніемъ на Каяццо.

17 сентября Гарибальди послалъ отрядъ въ 300 человѣкъ на верховья Вольтурно, чтобы перейти рѣку и броситься на Каяццо. Приблизившись къ этой позиціи, волонтеры увидѣли, что она занята слишкомъ двумя тысячами королевскихъ войскъ, и послали въ главную квартиру за подкрѣпленіемъ. Гарибальди могъ отправить на усиленіе этого перваго отряда всего лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, — такъ мало еще было у него войска въ Казертѣ. Вмѣстѣ съ этими подкрѣпленіями весь отрядъ, назначенный для атаки на Каяццо, простирался лишь до 950 человѣкъ.

Чтобы развлечь вниманіе королевскихъ войскъ и не оставить имъ возможности послать въ Каяццо подкрѣпленіе лѣвому флангу, и безъ того слишкомъ вдвое превосходившему числомъ волонтеровъ, Гарибальди нашелъ необходимымъ сдѣлать демонстрацію противъ главныхъ силъ королевской арміи, около Капуи и ниже по рѣкѣ. Изъ Казерты и Санта-Маріи ведутъ къ рѣкѣ Вольтурно нѣсколько дорогъ; три изъ нихъ представляли нѣкоторое удобство для прохода войскъ, и такимъ образомъ Гарибальди 18 сентября, когда отдѣльный отрядъ его долженъ былъ напасть на Каяццо, двинулъ остальныя свои силы тремя колоннами изъ Казерты прямо на среднюю часть Вольтурно. Увидѣвъ приближеніе волонтеровъ, королевскія войска расположились большими отрядами по южному берегу рѣки, но главныя силы ихъ оставались позади Капуи на сѣверномъ берегу и въ самой Капуѣ. Стремительнымъ натискомъ волонтеры смяли непріятеля, котораго встрѣтили на доступномъ для нихъ южномъ берегу, прогнали въ Капую, и, увлекшись горячностью преслѣдованія, одна изъ колоннъ волонтеровъ зашла подъ пушки самой крѣпости; городъ былъ занятъ нѣсколькими тысячами королевскихъ солдатъ, а число волонтеровъ, готовившихся ворваться въ городъ, простиралось всего до 6 или 7 сотъ человѣкъ. Колонною этою командовалъ нѣмецъ Рюстовъ. (Въ арміи Гарибальди есть нѣсколько нѣмецкихъ волонтеровъ; изъ нихъ, кромѣ Рюстова, значительную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ играетъ Мильвицъ). Онъ видѣлъ, что не удержать слишкомъ рвавшихся впередъ волонтеровъ значило бы отдать ихъ всѣхъ на истребленіе многочисленному непріятелю, и повелъ свою колонну назадъ. На отступленіи довольно много людей у него было перебито ядрами крѣпостныхъ орудій. Точно также и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ волонтеры слишкомъ далеко завлеклись впередъ, гонясь за непріятелемъ. Одинъ изъ отрядовъ Гарибальди

Digitized by Google

даже перебрался через Вольтурно въ бродъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ высота воды никакъ не позволила бы перейти рѣку людямъ, менѣе восторженнымъ. Волонтеры схватились за руки, растянулись цѣпью поперегъ рѣки, и такимъ образомъ вышли на другой берегъ, держась другъ за друга. Нѣсколько времени они простояли на сѣверной сторонѣ; но неаполитанскіе резервы приближались, и горсть волонтеровъ переправилась назадъ.

Такимъ образомъ энтузіазмъ волонтеровъ, назначенныхъ для демонстраціи. сдѣлалъ даже больше, чѣмъ хотѣлъ Гарибальди. Его малочисленныя колонны не только сбили непріятеля съ позицій, взятіемъ которыхъ думалъ ограничиться онъ, но и врывались въ Капую, перебирались на другой берегъ рѣки, что не входило въ планъ Гарибальди. Эта горячность подвергла ихъ напраснымъ потерямъ: они лишились до 150 или до 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Такова была стычка, которая по первымъ преувеличеннымъ извѣстіямъ выставлялась неудачею Гарибальди. На самомъ дѣлѣ онъ достигъ всего, чего хотѣлъ достичь этою демонстраціею, и отвелъ свои войска въ прежнюю позицію только тогда, когда получилъ извѣстіе, что уже занялъ Каяццо отдѣльный его отрядъ, задачу котораго онъ хотѣлъ облегчить фальшивымъ наступленіемъ на Капую.

Отдѣльный отрядъ волонтеровъ двинулся на Каяццо въ то самое время, когда Гарибальди производилъ свою демонстрацію. Королевскія войска, занимавшія Каяццо, видѣли наканунѣ волонтеровъ, производившихъ рекогносцировку, и думая, что теперь они воротились въ очень большихъ силахъ, отступили, не пытаясь сопротивляться. Волонтеры заняли Каяццо безъ боя.

На другой день королевскія войска, видя, что Гарибальди спокойно стоитъ въ Казертѣ и не нападаетъ на Капую, обратили свое вниманіе на Каяццо. Они направили туда главныя свои силы и отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ двинулись брать эту позицію, защищаемую отрядомъ, не имѣвшимъ и 1,000 человѣкъ. Атакующіе шли тремя колоннами, изъ которыхъ въ одной передовой было до 5 тысячъ человѣкъ съ нѣсколькими орудіями. У волонтеровъ не было ни одной пушки, но они не хотѣли отступить безъ боя. Два раза королевскія войска входили въ городъ и два раза были выбиваемы изъ него волонтерами въ рукопашномъ бою. Они двинулись на приступъ въ третій разъ. Волонтеры почти уже не имѣли патроновъ, но опять бросились въ штыки и прогнали непріятеля. Битва продолжалась уже цѣлые 5 часовъ. Обѣ резервныя колонны подошли на подкрѣпленіе передовой, три раза отбитой волонтерами. Тогда волонтеры, не имѣвшіе ни одного заряда, отступили въ горы стройными рядами и возвратились въ Казерту.

Въ этомъ состояли военныя дѣйствія подъ Капуею и въ Каяццо 18—21 сентября. Результатомъ ихъ было, что обѣ арміи остались на прежнихъ позиціяхъ. Въ Гаэтѣ торжествовали такой исходъ дѣла какъ побѣду; точно также нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ неаполитанскіе генералы принимали за побѣду двойное отступленіе Гарибальди изъ-подъ Палермо, имѣвшее цѣлью только обмануть ихъ. Совершенно таковъ же былъ и нынѣшній маневръ Гарибальди. Онъ совершенно обманулъ неаполитанцевъ. Еслибъ они знали, какъ мало было войскъ у Гарибальди около Казерты и въ самомъ Неаполѣ до послѣднихъ числъ сентября, они двинулись бы впередъ, задавили бы своимъ превосходнымъ числомъ его ничтожные отряды и могли бы съ торжествомъ возвратиться въ столицу. Онъ скрылъ отъ нихъ свою чрезвычайную слабость фальшивымъ нападеніемъ на средней части

Digitized by Google

Вольтурно и занятіемъ Каяццо въ верхней части рѣки. Противники подумали, что у него довольно силъ для защиты позицій, если онъ дѣлаетъ попытки наступательныхъ движеній, и потеряли въ бездѣйствіи тѣ двѣ недѣли, въ которыя могли бы уничтожить его. Читая теперь подробные разсказы о положеніи дѣлъ Гарибальди до начала октября, мы видимъ, что дѣйствія, казавшіяся по телеграфическимъ депешамъ неудачами для него, были въ сущности побѣдами его искусства и приготовили погибель противной арміи, которой стоило тогда лишь напасть на него, чтобъ побѣдить.

Такъ шли дни за днями, и королевскія войска, обманутыя относительно силъ противника, не предпринимали ничего рѣшительнаго. Они поняли ошибку лишь тогда, какъ уже поздно было поправлять ее. Сардинскія войска, взявъ Анкону, двинулись къ неаполитанской границѣ. Генералы Франциска II ожидали, что черезъ нѣсколько дней будутъ имѣть противъ себя не одних волонтеровъ, но и регулярную армію. Тогда они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку прежде, чѣмъ сардинцы соединятся съ Гарибальди. Они бросились всѣми своими силами на позиціи Гарибальди 1 октября. Еслибъ они сдѣлали это дней 10 или хотя дней 5 тому назадъ, побѣда ихъ была бы вѣрна. Но къ Гарибальди каждый день приходили новые отряды, и 1 октября онъ уже могъ выдержать атаку. Всѣ волонтеры, съ которыми проходилъ онъ Калабрію, прибыли теперь въ Казерту; число ихъ простиралось тысячъ до 10 или 12. Къ нимъ прибавилось нѣсколько вновь сформировавшихся отрядовъ изъ калабрійцевъ и жителей столицы. Всего у Гарибальди находилось къ 1 окт. около 15 тысячъ войска. За недѣлю передъ тѣмъ едва ли была у него и половина этого числа.

Но въ пользу королевскихъ войскъ все-таки были значительные шансы. Главнымъ изъ нихъ былъ громадный перевѣсъ въ числительности солдатъ. Королевская армія имѣла еще до 40 тысячъ человѣкъ. Оставивъ гарнизонъ въ Гаэтѣ и нѣсколько отрядовъ по дорогѣ изъ Гаэты въ Капую, генералы Франциска II могли двинуть въ битву до 30 тысячъ человѣкъ. Этимъ превосходствомъ въ числѣ не ограничивалось ихъ преимущество. Они имѣли конницу, которой вовсе не было у Гарибальди, имѣли сильную артиллерію, между тѣмъ какъ у Гарибальди находилось всего лишь нѣсколько пушекъ.

Чтобы яснѣе былъ ходъ битвы, надобно нѣсколько познакомиться съ мѣстностью, на которой она происходила. Капуя и Казерта лежатъ въ обширной равнинѣ, но отъ Казерты къ рѣкѣ Вольтурно идетъ одинокій хребетъ Санъ-Анджело; онъ тянется въ направленіи на сѣверо-востокъ и подходитъ къ рѣкѣ въ двухъ миляхъ ($3^1/_2$ версты) на востокъ отъ Капуи. Оба спуска хребта утесисты и на берегу рѣки онъ кончается также утесомъ. Возвышаясь надъ всею окружающею равниною, онъ служилъ для Гарибальди обсерваторіею, съ которой были видны всѣ движенія непріятеля. На немъ стояли бригада Спангаро, бригада Дённа и еще нѣсколько отрядовъ. Читатель не долженъ обольщаться именемъ бригадъ,— бригады Гарибальди по своей численности не многимъ больше батальоновъ регулярнаго войска. Всего на этой горной позиціи стояло три или четыре тысячи человѣкъ. Сама по себѣ она была очень выгодна, но путь сообщеній между высотами Санъ-Анджело и Санта-Маріею, гдѣ находились аванпосты лѣваго крыла Гарибальди, могъ быть [illegible] изъ Капуи, лежащей на срединѣ между этими двумя пунктами. К[illegible]анъ-Анджело образуютъ почти равносторонній

Digitized by Google

треугольникъ, боками котораго служатъ три дороги между этими тремя пунктами. Этотъ треугольникъ, юго-восточная сторона котораго была занята лѣвымъ крыломъ Гарибальди, неаполитанцы избрали мѣстомъ атаки своихъ главныхъ силъ. Далѣе къ востоку на нѣсколько верстъ были растянуты по равнинѣ отряды, составлявшіе центръ и правое крыло Гарибальди. Собравшись ночью съ 30 сентября на 1 октября въ Капуѣ, королевскія войска съ разсвѣтомъ двинулись двумя колоннами на Санъ-Анджело и на Санта-Марію. На пути изъ Капуи къ Санъ-Анджело Гарибальди устроилъ баррикаду. Утро было очень туманно и неаполитанцы, незамѣтные въ туманѣ, подошли къ баррикадѣ внезапно, взяли ее съ перваго приступа, прогнали малочисленные аванпосты волонтеровъ и почти безпрепятственно взошли на вершину хребта, такъ что грозили отрѣзать лѣвое крыло Гарибальди, стоявшее въ Казертѣ и Санта-Маріи, отъ Санъ-Анджело и другихъ войскъ. Гарибальди увидѣлъ, что отъ исхода дѣлъ на этомъ пунктѣ зависитъ судьба битвы, бросился въ Санъ-Анджело съ своимъ штабомъ и самъ водилъ въ атаку находившихся тутъ волонтеровъ. Часа три или четыре продолжался упорный бой и наконецъ къ 9 часамъ утра неаполитанцы были оттѣснены отъ Санъ-Анджело къ Капуѣ.

Столь же силенъ былъ натискъ другой королевской колонны, пошедшей на Санта-Марію. Мильвицъ, командовавшій тутъ волонтерами, долго находился въ критическомъ положеніи по малочисленности своихъ войскъ. Напрасно посылалъ онъ за подкрѣпленіями въ Казерту: неаполитанцы въ большихъ силахъ атаковали также правое крыло Гарибальди, гдѣ командовалъ Биксіо, и пока Биксіо, имѣвшій вдвое меньше войска, не отбилъ ихъ, нельзя было посылать резервовъ на лѣвое крыло, потому что они могли понадобиться на правомъ.

Отбитые отъ Санъ-Анджело, неаполитанцы призвали изъ Капуи сильныя подкрѣпленія и опять двинулись къ горѣ, служившей ключемъ всего поля битвы. Гарибальди призвалъ туда послѣдніе свои резервы; но непріятель былъ гораздо многочисленнѣе, и второй бой у Санъ-Анджело въ теченіе нѣсколькихъ часовъ имѣлъ характеръ очень опасный для итальянскаго дѣла. Нѣсколько разъ неаполитанцы были близки къ полному успѣху, но Гарибальди каждый разъ ободрялъ свои войска, поражаемыя многочисленною артиллеріею непріятелей. Около полудня многимъ изъ волонтеровъ казалось, что битва потеряна; но Гарибальди въ это время уже видѣлъ, что собьетъ противниковъ. Дѣйствительно, при всей своей многочисленности, неаполитанцы подвигались впередъ медленно, встрѣчая отчаянную оборону, и Гарибальди имѣлъ время послать отборныхъ стрѣлковъ въ оба фланга неаполитанской колонны. Когда стрѣлки напали на нихъ справа и слѣва, Гарибальди сдѣлалъ съ фронта отчаянную атаку съ сотнею храбрѣйшихъ волонтеровъ, сбилъ неаполитанцевъ и, освободивши Санъ-Анджело отъ опасности, поспѣшилъ въ Санта-Марію. Вторая и послѣдняя атака на Санъ-Анджело была отбита въ 2 часа по полудни. Черезъ часъ Гарибальди отбилъ ихъ отъ Санта-Маріи, а въ 4 часа неаполитанцы бѣжали по всей линіи, преслѣдуемые волонтерами. Непріятель былъ совершенно разбитъ, и нѣсколько сотъ королевскихъ солдатъ попались въ плѣнъ.

На другой день волонтеры взяли въ плѣнъ цѣлый отрядъ неаполитанцевъ, имѣвшій около 2 тысячъ человѣкъ. Это была одна изъ колоннъ, наканунѣ производившихъ атаку противъ праваго крыла Гарибальди. Войска, ходившія на Санъ-

Digitized by Google

Анджело и на Санта-Марію, успѣли бѣжать въ Капую по прямымъ дорогамъ, а эта колонна, дѣлавшая далекій обходъ для нападенія на Биксіо, увидѣла себя отрѣзанною, когда волонтеры, отбивъ нападеніе на Санъ-Анджело, подвинулись почти къ самой Капуѣ.

Съ той поры до послѣднихъ чиселъ, о которыхъ имѣемъ мы извѣстіе, когда пишемъ эту статью, большихъ сраженій не было, а происходили только аванпостныя стычки, мало измѣнявшія расположеніе обѣихъ армій. Генералы Франциска II, кажется, убѣдились, что не могутъ сбить съ позицій противника, пропустивъ недѣли, когда онъ былъ слишкомъ слабъ. Гарибальди все еще не имѣетъ достаточныхъ силъ, чтобы штурмовать сильныя позиціи, занятыя королевскими войсками, до сихъ поръ далеко превосходящими его численностію. Такъ идетъ время, пока соберутся къ нему подкрѣпленія, которыхъ уже недолго ждать ему: сардинскіе корпуса, дѣйствовавшіе противъ Ламорисьера, уже перешли неаполитанскую границу и чрезъ нѣсколько дней подойдутъ къ новому театру войны. Уже до ихъ прибытія пришло къ Гарибальди нѣсколько тысячъ человѣкъ сардинцевъ изъ Неаполя, куда пріѣхали они моремъ.

О дѣйствіяхъ сардинскихъ войскъ противъ Ламорисьера мы можемъ сказать еще гораздо короче, чѣмъ о дѣйствіяхъ Гарибальди подъ Капуею. Тутъ уже нѣтъ рѣшительно ничего особеннаго, кромѣ развѣ быстроты и рѣшительности движеній. Подъ командою Чальдини и Фанти вошло въ папскую область до 60 тысячъ человѣкъ хорошаго войска. У Ламорисьера было всего тысячъ 30 человѣкъ, изъ которыхъ одна половина (почти всѣ итальянскіе солдаты) не хотѣли сражаться, а другая половина (иностранцы) состояла изъ грабителей и головорѣзовъ, между которыми никакими казнями не успѣлъ Ламорисьеръ водворить порядочную дисциплину. Вѣроятно, у него было настолько разсудительности и военной опытности, что онъ никогда и не разсчитывалъ съ такою арміею одерживать побѣды надъ сардинскимъ войскомъ. Но онъ обольщалъ себя двумя ошибочными мыслями. Онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ III не разрѣшитъ Кавуру идти въ области, остававшіяся подъ папскимъ господствомъ. Клерикальная партія утверждаетъ даже, будто бы французскій посланникъ въ Римѣ, Граммонъ, положительно объявлялъ Ламорисьеру, что сардинцы никогда не пойдутъ противъ него, а если пойдутъ, то французы будутъ помогать ему противъ нихъ. Когда сардинцы прислали сказать ему, что идутъ на него, онъ обманулся другою надеждою. Онъ воображалъ, что австрійцы объявятъ войну туринскому правительству тотчасъ же, какъ оно двинетъ свои войска на папскую армію. Обольщаясь этою мыслью, онъ съ презрительнымъ высокомѣріемъ принялъ сардинскаго офицера, присланнаго къ нему съ объявленіемъ войны, и сказалъ: „такъ вы объявляете войну? будто, въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь вы должны же знать, что Анкона продержится хотя двѣ недѣли; а въ двѣ недѣли придутъ подъ команду ко мнѣ 50 тысячъ союзниковъ". Трудно понять такое легковѣріе въ человѣкѣ, который нѣкогда самъ былъ министромъ и посланникомъ: какъ могъ онъ забыть, что отъ угрозъ и обѣщаній далеко до исполненія? Сообразно съ высокомѣрнымъ легковѣріемъ Ламорисьера, расположеніе войскъ его и планъ похода оказались рѣшительно плохи. Сардинцы нашли отряды папской арміи разбросанными, и почти безъ сопротивленія забрали въ плѣнъ или разогнали около половины солдатъ, носившихъ папскій мундиръ. Когда Ламорисьеръ успѣлъ собрать тысячъ до 10 войска, сардинцы уже перерѣзали дорогу ему въ

Digitized by Google

Анкону, подъ пушками которой хотѣлъ онъ дать битву. Наткнувшись при Кастельфидардо на корпусъ Чальдини, имѣвшій до 20 тысячъ и занимавшій очень крѣпкую позицію, Ламорисьеръ съ прежнимъ высокомѣріемъ вообразилъ, что разобьетъ сардинцевъ, когда единственнымъ ему спасеніемъ было поспѣшно поворотить на юго-западъ, чтобъ, соединившись съ арміею короля неаполитанскаго, оттѣснить Гарибальди далеко на югъ, — возвращеніе короля неаполитанскаго въ столицу, быть можетъ, ободрило бы австрійцевъ. Вмѣсто того, Ламорисьеръ безразсудно аттаковалъ слишкомъ сильнаго непріятеля съ своими плохими войсками. Черезъ три часа его армія была совершенно уничтожена: половина ея попалась въ плѣнъ, другая разбѣжалась, и самъ онъ лишь съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ пробраться въ Анкону. Чальдини тотчасъ же осадилъ крѣпость, которая ни въ какомъ случаѣ не могла бы держаться дольше трехъ-четырехъ недѣль; но и этотъ недолгій срокъ былъ сокращенъ до нѣсколькихъ дней смѣлыми дѣйствіями сардинскаго флота, пришедшаго къ Анконѣ помогать осадѣ. Съ морской стороны укрѣпленіями Анконы были двѣ баттареи и возвышавшійся надъ ними редутъ. Сардинскіе военные пароходы очень смѣло подошли, на пистолетный выстрѣлъ, къ баттареямъ, нѣсколькими залпами сбили ихъ, потомъ обратили свои выстрѣлы противъ редута. Скоро удалось имъ взорвать пороховой магазинъ, находившійся въ редутѣ; отъ этого произошло страшное разрушеніе: нетолько развалился весь редутъ, но отвалилась и часть скалы, на которой стоялъ онъ. Гавань осталась тогда беззащитна, и адмиралъ Персано, командовавшій флотомъ, готовился высадить на берегъ сильный отрядъ, находившійся на его корабляхъ. Увидѣвъ приготовленія къ высадкѣ, Ламорисьеръ послалъ просить у Персано перемирія; сардинскій адмиралъ не согласился, и крѣпость тотчасъ же сдалась. Жители Анконы, всегда отличавшіеся національнымъ чувствомъ, во время осады назначили 60,000 франковъ въ награду тому изъ сардинскихъ полковъ, который первый ворвется въ крѣпость при штурмѣ. Но дѣло обошлось безъ штурма, и деньги эти были обращены отчасти на снабженіе раненыхъ во время войны сардинскихъ солдатъ всѣми удобствами леченія, отчасти на угощеніе здоровыхъ сардинскихъ солдатъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. По взятіи Анконы, сардинцы двинулись на соединеніе съ Гарибальди. Надобно полагать, что, когда они подойдутъ къ Капуѣ, борьба кончится въ нѣсколько дней, и Гаэта не въ силахъ будетъ выдержать осаду болѣе продолжительную, чѣмъ Анкона.

Гораздо болѣе, чѣмъ отъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ по занятіи Неаполя, ходъ внутреннихъ итальянскихъ дѣлъ зависѣлъ въ теченіе послѣднихъ недѣль отъ взаимныхъ отношеній между партіями, на которыя дѣлятся итальянскіе патріоты. Эти отношенія такъ же или уже близки къ развязкѣ, или получили ее. Для объясненія дѣлъ, читатели позволятъ намъ вернуться къ временамъ давноминувшимъ, въ которыхъ скрывается источникъ раздора между такъ называемыми конституціонистами и такъ называемыми республиканцами Италіи. Конституціонисты говорятъ, что должны подавлять своихъ противниковъ для сохраненія власти Виктора-Эммануэля. Но мы уже имѣли случай замѣчать, что сами предводители такъ называемой республиканской партіи въ Италіи вовсе не дорожатъ республиканскою формою правленія до такой степени, чтобы считать за нужное хлопотать о ея введеніи въ нынѣшнее время. Въ теоріи они дѣйствительно республиканцы, но въ практикѣ всегда были готовы всѣми силами поддерживать государей, про-

Digitized by Google

никнутыхъ національнымъ чувствомъ. Имъ кажется, что вопросъ о формѣ правленія въ Италіи далеко не имѣетъ того значенія, какъ вопросъ о національномъ единствѣ. Не только теперь имъ кажется это, но и всегда они такъ думали, всегда они готовы были быть ревностнѣйшими приверженцами монархическаго правительства, посредствомъ котораго могла бы получить государственное единство Италія. Такъ дѣйствовалъ и самъ Маццини, глава такъ называемыхъ итальянскихъ республиканцевъ. Въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности, въ 1831 году, онъ обращался къ сардинскому королю Карлу-Альберту (отцу нынѣшняго короля) съ убѣжденіемъ отбросить австрійскую систему, которой слѣдовало тогда сардинское правительство, сдѣлаться главою патріотической партіи, подготовлять соединеніе всего полуострова въ одно государство, стремиться стать королемъ всей Италіи. „Примите національную политику, государь,—писалъ къ нему Маццини,—и вся наша партія готова сражаться до послѣдней капли крови за васъ". Но сардинское правительство находилось тогда въ рукахъ клерикальной партіи, той самой, противъ которой сражалось при Кастельфидардо. Самъ Карлъ-Альбертъ совершенно подчинялся тогда образу мыслей этой партіи, опиравшейся на австрійскую помощь и безусловно повиновавшейся инструкціямъ, какія присылались ей изъ Вѣны. Сардинское правительство считало злѣйшими врагами своими всѣхъ, кто хотѣлъ дѣйствовать противъ австрійцевъ. Только по невозможности отклонитъ Карла-Альберта отъ союза съ Австріею или, точнѣе говоря, отъ подданническихъ отношеній къ Австріи, Маццини сталъ дѣйствовать противъ Карла-Альберта: онъ возставалъ противъ него не какъ противъ короля, а только какъ противъ вассала Австріи.— Національное чувство понемногу развивалось между итальянцами, и папа Пій IX въ началѣ своего правленія нашелъ полезнымъ объявить себя его приверженцемъ. Пока можно было думать, что Пій IX рѣшится выйдти изъ-подъ австрійской зависимости, Маццини дѣйствовалъ въ его пользу. Когда вспыхнула февральская революція, Маццини пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы видѣться съ собравшимися тамъ представителями итальянской конституціонной партіи, съ людьми, ученикомъ которыхъ былъ Кавуръ. Въ переговорахъ съ ними онъ требовалъ только одного, чтобы они повели войну противъ Австріи рѣшительнымъ образомъ, и вполнѣ готовъ былъ поддерживать конституціонную монархію, когда она будетъ серьёзно стремиться къ итальянскому единству. Это парижское совѣщаніе кончилось заключеніемъ союза между Маццини и конституціонистами. Но Карлъ-Альбертъ привыкъ считать приверженцевъ итальянскаго единства своими врагами и не вѣрилъ теперь, что они становятся самыми жаркими его помощниками; вся неудача его двухъ походовъ противъ Радецкаго произошла оттого, что онъ помѣшалъ ломбардскимъ и венеціанскимъ патріотамъ сформировать армію для содѣйствія сардинскимъ войскамъ. Маццини разошелся съ конституціонистами въ это время по вопросу о такомъ способѣ дѣствій: онъ говорилъ о необходимости спѣшить формированіемъ войска; они вмѣстѣ съ Карломъ-Альбертомъ полагали, что одна прежняя сардинская армія въ состояніи будетъ изгнать австрійцевъ изъ Италіи. Истиннымъ источникомъ разрыва было не несогласіе о формѣ правительства, а несогласіе въ понятіяхъ о томъ, какими силами и средствами слѣдуетъ вести войну противъ австрійцевъ. Война была поведена способомъ, гибельность котораго предсказывалъ Маццини. Миланъ и Венеція снова были покорены австрійцами. Изъ дѣйствій Маццини въ слѣдующіе годы, нѣкоторыя, самыя повидимому странныя, были слѣдствіемъ пере-

Digitized by Google

говоровъ съ конституціонною партіею. Мы укажемъ только одинъ примѣръ,— Генуэзское возстаніе 1857 года: всѣ дивились тогда безразсудству этой попытки, подавленной туринскимъ правительствомъ и направленной, повидимому, противъ него. Но выведенный изъ терпѣнія своими обвинителями, Маццини высказалъ, что рѣшился на возстаніе по условію, заключенному съ ними,—съ людьми конституціонной партіи. Ему было сказано: мы хотѣли бы изгнать австрійцевъ изъ Италіи, но не можемъ объявить войну имъ безъ нарушенія международнаго права; дѣло другое, если бы мы принуждены были къ этому народнымъ возстаніемъ: тогда мы имѣли бы передъ Европою то оправданіе, что мы принуждены. Онъ сдѣлалъ попытку возстанія въ Генуѣ, чтобы доставить конституціонистамъ предлогъ, котораго, по ихъ словамъ, они только и ждали для движенія противъ Австріи. Попытка не удалась, потому что конституціонисты въ рѣшительную минуту или поддались чувству недовѣрчивости къ Маццини, или просто оробѣли, или, быть можетъ, просто передумали, разсудили, что подавить инсургентовъ легче, чѣмъ побѣдить австрійцевъ. Зимою съ 1858 на 1859 годъ партія Маццини предлагала Кавуру, что она начнетъ возстаніе въ Миланѣ и провозгласитъ власть Виктора-Эммануэля надъ Ломбардіею, если сардинская армія будетъ готова идти въ Ломбардію. Кавуръ отвергнулъ это предложеніе, потому что у него было уже заключено условіе съ императоромъ французовъ вести дѣло другимъ путемъ. Въ прошлогоднюю войну Маццини постоянно превозносилъ Виктора-Эммануэля, а по заключеніи мира императоромъ французовъ, умолялъ короля сардинскаго дѣйствовать рѣшительнѣе.

Кажется, эти факты достаточно показываютъ, что Маццини хотѣлъ провозглашенія республики только въ тѣ періоды, когда не видѣлъ возможности для итальянской націи достичь единства съ монархическою формою правительства; а когда являлась эта надежда, онъ бросалъ мысль о республикѣ и готовъ былъ дѣлаться самымъ горячимъ партизаномъ государя, который далъ бы итальянцамъ національное единство подъ своею властью. Читатель видитъ, къ чему мы дѣлаемъ всѣ эти объясненія. Мы далеки отъ мысли извинять Маццини, какъ вовсе не думаемъ защищать и Кавура. Читатель точно такъ же, какъ и мы, знаетъ, что цѣль, къ которой стремились обѣ партіи, имѣвшія своими представителями Кавура и Маццини, была противна международному праву, признаваемому всѣми европейскими державами. Мы вовсе не думаемъ, чтобы человѣкъ, уважающій трактаты 1815 года, въ которыхъ Россія принимала столь славное участіе, могъ извинить людей, стремившихся разрушить порядокъ дѣлъ, установленный въ Италіи этими трактатами. Мы только хотѣли показать, что источникомъ несогласій между такъ называемыми конституціонистами и такъ называемыми республиканцами Италіи вовсе не было пристрастіе такъ называемыхъ республиканцевъ къ республиканской формѣ, несогласіе ихъ на конституціонную форму. Напротивъ, эти такъ называемые итальянскіе республиканцы въ сущности и не могутъ называться республиканцами: они просто приверженцы итальянскаго единства, совершенно согласные на монархическую форму его.

Но конституціонисты также приверженцы итальянскаго единства; отчего же происходило, что двѣ партіи, стремившіяся къ одной цѣли, никакъ не могли сойтись до сихъ поръ? Мы видѣли, что со стороны такъ называемыхъ республиканцевъ, – или, теперь уже мы должны не называть ихъ этимъ именемъ, плохо выражающимъ сущность ихъ образа мыслей, а просто называть ихъ радикалами,—мы

Digitized by Google

видимъ, что со стороны итальянскихъ радикаловъ не было недостатка въ усиліяхъ примириться съ конституціонистами (которыхъ теперь мы также станемъ называть уже болѣе вѣрнымъ именемъ—умѣренныхъ, потому что и радикалы въ Италіи готовы были всегда стать и часто становились конституціонистами). Почему же умѣренные постоянно или отвергали радикаловъ, или не выдерживали условій, заключенныхъ съ ними? Это вопросъ—уже чисто историческій, ни мало не относящійся къ формамъ правленія, потому мы можемъ высказать свое сужденіе объ ошибкахъ той или другой партіи. Если мы будемъ говорить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ факты были яснѣе понимаемы одною изъ этихъ партій, чѣмъ другою, это вовсе не будетъ значить, что мы одобряемъ партію, которая кажется намъ понимавшею положеніе дѣлъ; очень можетъ быть, что самое положеніе дѣлъ было дурно. Такъ, напримѣръ, мы скажемъ, что умѣренные ошибались, считая нынѣшнее поколѣніе итальянцевъ неспособнымъ соединиться въ одно государство; это вовсе не будетъ значить, будто бы мы одобряемъ радикаловъ, считавшихъ нынѣшнее поколѣніе способнымъ къ тому; нѣтъ, мы только скажемъ этимъ, что факты показали сообразность убѣжденій радикаловъ съ нынѣшними стремленіями итальянской націи. Но достойно ли сочувствія или, по крайней мѣрѣ, заслуживаетъ ли извиненія это нынѣшнее стремленіе итальянской націи,—объ этомъ каждый можетъ судить, какъ ему угодно; мы не беремъ на себя рѣшеніе,—не потому, впрочемъ, чтобы рѣшеніе было трудно, а только потому, что мы поставили себѣ неизмѣннымъ правиломъ не дѣлать никакихъ политическихъ сужденій; а само по себѣ рѣшеніе вопроса было бы не трудно, какъ мы замѣтили. Въ самомъ дѣлѣ, надобно только вспомнить, что порядокъ въ Европѣ водворенъ трактатами и что стремленіе итальянцевъ къ образованію одного государства было стремленіемъ къ нарушенію трактатовъ. Выводъ ясенъ. Но, быть можетъ, найдутся люди, не понимающіе важныхъ цѣлей, которыя требуютъ безусловнаго уваженія къ трактатамъ. Не трудно было бы доказать и передъ такими людьми гибельность нынѣшняго итальянскаго стремленія. Къ чему привело оно и по необходимости должно было привести? Къ насильственному перевороту внутреннихъ учрежденій, то есть къ революціи. Софисты могутъ маскировать факты, но въ настоящемъ случаѣ факты такъ рѣзки, что нельзя замаскировать ихъ. Въ Сициліи, въ Неаполѣ, въ большей части папскихъ областей произошла перемѣна коренныхъ учрежденій. Какъ произошла она?—Насильственнымъ образомъ,—вторженіемъ вооруженныхъ людей, возстаніемъ. Какъ называется перемѣна коренныхъ учрежденій, производимая путемъ насилія? Она называется революціею. Какъ называются люди, идущіе къ цѣлямъ, требующимъ революціи для своего достиженія? Они называются революціонерами. Теперь справимся не только у консерваторовъ, но и у либераловъ, какъ надобно думать о революціи и революціонерахъ? Абсолютисты, конституціонисты, даже почти всѣ республиканцы единодушно говорятъ, что революція есть величайшее бѣдствіе, какому только можетъ подвергнуться нація, что революціонеры злѣйшіе враги своей родины. Кажется теперь ясно, какъ надобно думать о стремленіи итальянцевъ къ государственному единству.

Умѣренные и радикалы въ Италіи одинаково были революціонеры, — теперь это доказано фактами; факты показали, что итальянское единство учреждается революціоннымъ путемъ, что желать его—значило желать революціи. Но разница между радикалами и умѣренными была и остается та, что радикалы понимали

Digitized by Google

качества и условія предмета, котораго хотятъ, сознавали, что они стремятся къ революціи, а умѣренные не сознавали этого. Они воображали, что предметъ ихъ желаній, политическое единство Италіи—вещь совершенно невинная предъ существовавшимъ устройствомъ Италіи, что оно можетъ установиться мирнымъ путемъ, съ согласія существовавшихъ въ Италіи правительствъ, кромѣ только одного австрійскаго. Но австрійцы—иноземцы, завоеватели; изгнаніе иноземныхъ завоевателей не клеймится ужаснымъ именемъ революціи. Потому умѣренные, въ своемъ заблужденіи, считали себя друзьями законнаго порядка, простыми приверженцами реформъ, людьми, заслуживающими всеобщаго уваженія, въ особенности уваженія отъ защитниковъ порядка, отъ враговъ революціи. Факты показали, что это было самообольщеніе. Ходъ дѣла заставилъ умѣренныхъ дѣлать то, что дѣлаютъ только явные революціонеры: они отняли власть у законныхъ правителей, у герцога пармскаго, герцога моденскаго, великаго герцога тосканскаго, у папы, у короля неаполитанскаго; они низвергли законныхъ правителей силою оружія и провозгласили на ихъ мѣсто другаго правителя, не по праву наслѣдства, а по собственному выбору. Хотѣли ли они въ 1859 году того, что произошло въ нынѣшнемъ? Нѣтъ, они надѣялись, что король неаполитанскій вступитъ въ союзъ съ Піемонтомъ, добровольно приметъ его политику, добровольно введетъ у себя піемонтскія учрежденія. Точно такъ постоянно не хотѣли они за годъ или за два ничего изъ того, что дѣлали черезъ годъ или черезъ два. Ходъ вещей принуждалъ ихъ принимать черту за чертою програму радикаловъ. Но сама по себѣ програма радикаловъ была отвратительна для умѣренныхъ, какъ програма революціонная.

Итакъ первымъ источникомъ несогласій между радиками и умѣренными было то, что умѣренные, ошибочно воображая себя не-революціонерами, ужасались радикаловъ какъ революціонеровъ. Но не одно различіе понятій о средствахъ, нужныхъ для достиженія цѣли, раздѣляло эти двѣ партіи: онѣ также разнились между собою и взглядомъ на размѣръ, въ которомъ можетъ быть достигнута цѣль нынѣшнимъ поколѣніемъ итальянцевъ. Въ глубинѣ души умѣренные такъ же желали государственнаго единства всей Италіи, какъ и радикалы, но не думали, чтобы можно было достичь его въ близкіе годы. Они видѣли, что Италія съ самаго паденія Римской Имперіи была раздѣлена на множество государствъ; они находили въ массѣ вѣковую привычку къ такому раздробленію и не полагали, что идея національнаго единства теперь или въ скоромъ времени будетъ въ состояніи перевѣсить эту привычку. Они думали, что масса способна пойти за патріотами только на освобожденіе родины отъ австрійцевъ, но не способна отказаться отъ партикуляризма или, по итальянскому выраженію, отъ муниципальныхъ идей, для основанія одной державы. По мнѣнію умѣренныхъ, сицилійцы, неаполитанцы, римляне, тосканцы могли стать только союзниками между собою на время войны съ австрійцами, но ни одна изъ этихъ частей Италіи не была еще достаточно приготовлена патріотическимъ чувствомъ, чтобы отступиться отъ претензіи имѣть свое отдѣльное правительство. Потому умѣренные не отваживались стремиться въ своихъ желаніяхъ дальше, какъ только къ тому, чтобы Италія сдѣлалась союзомъ независимыхъ государствъ, освободившихся отъ подчиненія иностранцамъ. Факты показали, что умѣренные ошибались и въ этомъ случаѣ: всѣ итальянскія области выразили стремленіе соединиться подъ одно правительство.

Мы говорили до сихъ поръ объ ошибкахъ умѣренной партіи. Но факты по-

Digitized by Google

слѣдняго времени показали, что и у радикаловъ была очень важная ошибка. Стремленіе къ національному единству развилось у итальянцевъ до гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ предполагали умѣренные. Въ этомъ отношеніи итальянскій народъ поступилъ сообразно понятіямъ радикаловъ. Но отъ готовности стемиться къ какой нибудь цѣли еще очень далеко до твердаго убѣжденія въ достаточности собственныхъ силъ къ обезпеченію себѣ желаемаго положенія. Радикалы разсуждали такимъ образомъ: итальянцы составляютъ 25 милліоновъ человѣкъ; нація, столь многочисленная, имѣетъ достаточно силъ устроить свои дѣла и защищать себя отъ всякаго непріятеля. Австрія можетъ послать противъ Италіи 300 тысячъ войска; итальянцы, соединившись въ одно государство, могутъ выставить на оборону своей земли 500 тысячъ войска или больше. Если они будутъ увѣрены въ своихъ силахъ, они найдутъ въ себѣ слишкомъ достаточное количество силъ для того, чтобы упрочить свою независимость, чтобы отнять у австрійцевъ мысль о возможности вновь покорить Италію. Такой выводъ былъ бы вѣренъ, если бы дѣйствительно существовало основаніе, на которомъ онъ строился. Итальянцевъ 25 милліоновъ; это такъ. При нынѣшнемъ положеніи Европы нѣтъ такого государства, которое было бы въ силахъ покорить другую европейскую націю, имѣющую 25 милліоновъ человѣкъ, — это опять такъ: вѣдь конечно никто и не подумаетъ, что какая бы то ни была держава или даже коалиція нѣсколькихъ державъ можетъ покорить англичанъ, число которыхъ не простирается и до 25 милліоновъ *). Но въ чемъ заключается причина того, что англичане, подобно французамъ, не могутъ быть покорены иностранцами, не могутъ опасаться за свою независимость? Собственно въ томъ, что они увѣрены въ своихъ силахъ, увѣрены въ возможности легко отразить всякое нашествіе. Только эта увѣренность даетъ имъ мужество, избавляющее ихъ отъ опасности. Факты показали, что радикалы ошибались, предполагая, будто бы нынѣшнее поколѣніе итальянцевъ уже имѣло это гордое чувство увѣренности въ собственныхъ силахъ. „Австрійцы гораздо сильнѣе насъ", — такъ привыкли думать итальянцы, и отъ этого они въ самомъ дѣлѣ слабы. Человѣческая натура расположена къ высокому мнѣнію о себѣ, каждое національное чувство легко переходитъ въ самоувѣренность, и конечно итальянцы, достигнувъ государственнаго единства, скоро пріобрѣтутъ увѣренность въ своихъ національныхъ силахъ, какъ имѣютъ ее всѣ европейскія націи, достигнувшія государственнаго единства, — имѣютъ испанцы, французы, англичане и русскіе. А имѣя такую увѣренность, они дѣйствительно будутъ сильны, потому что отъ природы они—народъ храбрый, какъ и всѣ европейскіе народы. Но теперь они еще не имѣютъ самоувѣренности, безъ которой нѣтъ и національной силы. На все нужна нѣкоторая практика, всему психологическому должны быть фактическія основанія. Радикалы думали, что самое сочувствіе къ національному единству послужитъ достаточнымъ основаніемъ къ психологической перемѣнѣ въ итальянцахъ, — факты показали, что этого было еще недостаточно. Въ этомъ находится объясненіе нынѣшней развязки отношеній между радикалами и умѣренными или, употребляя для обозначенія партій имена ихъ представителей, объясненіе развязки борьбы между Гарибальди и Кавуромъ.

Годъ тому назадъ умѣренные не отваживались и мечтать о соединеніи южной

*) То есть не считая ирландцевъ, которые служатъ не увеличеніемъ силы, а напротивъ затрудненіемъ, ослабленіемъ для англичанъ.

Digitized by Google

Италіи съ сѣверною въ одно государство; они считали возможнымъ развѣ только обращеніе южнаго правительства къ національному чувству, не полагая, чтобы населеніе южной Италіи готово было отказаться отъ своей государственной отдѣльности. Радикалы думали иначе, сдѣлали опытъ, и опытъ соотвѣтствовалъ ихъ ожиданію. Южная Италія провозгласила власть Виктора-Эммануэля. Гарибальди почти безъ сопротивленія вступилъ въ Неаполь. Но онъ со своею радикальною партіею горько ошибся въ мысли найдти или возбудить между неаполитанцами сознаніе ихъ силъ. Первый актъ этой исторіи мы уже открывали читателю, когда говорили о малочисленности волонтеровъ, данныхъ Гарибальди Сициліею, и о томъ, какъ пугливы были даже эти малочисленные волонтеры, составлявшіе самую рѣшительную часть сицилійскаго населенія. Три или четыре тысячи человѣкъ — вотъ всѣ силы, выставленныя Сициліею для продолженія борьбы за Сицилію. Точно въ такомъ же родѣ продолжалось дѣло на неаполитанскомъ материкѣ: населеніе встрѣчало Гарибальди съ радостію, цѣловало его ноги, цѣловало руки его спутниковъ, плакало и кричало. Но не бралось за оружіе или только играло оружіемъ. На игру оружіемъ находились десятки тысячъ людей, играли и расходились по домамъ, а сражаться вмѣстѣ съ Гарибальди шли только сотни. Читатель помнитъ переведенные нами разсказы о тысячахъ инсургентовъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагу корреспонденту Times'а въ Калабріи, о 30 тысячахъ людей, вооружавшихся въ одной Базиликатской провинціи; разсказы не были обманомъ: авторъ ихъ дѣйствительно видѣлъ самъ своими глазами эти безчисленныя тысячи вооруженныхъ людей; но великъ ли оказался осадокъ дѣйствительной военной силы изъ этого безмѣрнаго броженія? У Гарибальди подъ Капуею было отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ волонтеровъ; изъ нихъ отъ 8 до 10 тысячъ были волонтеры сѣверной Италіи; 7 или 8 тысячъ человѣкъ — вотъ всѣ силы, выставленныя въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всею южною Италіею на поддержку ея собственнаго дѣла. Остальные десятки тысячъ вернулись домой, когда явилась надобность серьёзно сражаться. Это — фактъ, способный охолодить самыя горячія головы. 7 или 8 тысячъ воиновъ изъ населенія въ 10 милліоновъ! Объясняйте, какъ хотите; никакими объясненіями не сгладите этого факта.

Что же однако означаетъ онъ? Развѣ южные итальянцы слабо желаютъ присоединенія къ сѣверному королевству? — Нѣтъ, они не знаютъ никакой мѣры въ нынѣшней горячности этого стремленія. Или они—народъ трусливый? Опять-таки нѣтъ; напротивъ, въ большей части неаполитанскихъ провинцій каждый человѣкъ, взятый отдѣльно отъ другихъ, очень храбръ, гораздо храбрѣе француза или нѣмца. Калабрія, Апулія, Базиликата, Капитаната, Абруццо славятся въ цѣлой Европѣ бѣшеной храбростью своихъ жителей. Никто не увѣритъ насъ, что сами сицилійцы, особенно отличившіеся безпримѣрною вялостію въ дѣлѣ собственной обороны, не имѣютъ отъ природы очень отважнаго характера: вѣдь въ ихъ жилахъ много арабской крови, вѣдь каждый изъ нихъ готовъ рѣзаться на ножахъ при ничтожнѣйшей ссорѣ. Говорятъ, что неаполитанское войско было самое плохое въ цѣлой Европѣ; это такъ: оно было плохимъ теперь, но въ арміи Наполеона I неаполитанскіе полки не уступали никакимъ другимъ храбростію. Теперь они дрались дурно только потому, что армія была организована слишкомъ дурно и слишкомъ деморализована; но во время первой Имперіи неапол[illegible]
что могутъ быть хорошими солдатами. Какимъ же образомъ [illegible]

Digitized by Google

отъ природы очень горячимъ характеромъ, состоящія изъ людей, между которыми каждый въ отдѣльности очень храбръ, такъ мало сдѣлали для осуществленія горячаго своего желанія? Отвѣтъ въ томъ, что говорили мы выше: неаполитанцы привыкли считать себя слабыми, привыкли воображать, будто они не имѣютъ средствъ дѣйствовать самобытно. „Если Гарибальди сильнѣе войскъ Франциска II, онъ кончитъ съ ними и безъ насъ; а если они сильнѣе, то что мы значимъ? Мы слабы и ничтожны“.

Результатомъ этого чувства было не одно то, что Гарибальди остался при силахъ, несравненно меньшихъ, чѣмъ на какія разсчитывалъ, не одно только продленіе борьбы съ королевскими войсками, которая кончилась бы гораздо быстрѣе, еслибъ южная Италія не покинула Гарибальди безъ помощи,—результатомъ было также паденіе дальнѣйшихъ плановъ радикальной партіи.

Показавъ, что даже Маццини, выставляемый упорнымъ республиканцемъ, вовсе не желаетъ дѣйствовать противъ Виктора-Эммануэля, мы уже не имѣемъ нужды подробно разъяснять, что другіе члены радикальной партіи, считающіе Маццини человѣкомъ слишкомъ крайнихъ убѣжденій, ни мало не враждуютъ противъ короля. Читатель знаетъ, что вовсе не намѣреніе провозгласить въ южной Италіи республику, а совершенно другое обстоятельство побуждало радикаловъ отлагать присоединеніе южной Италіи къ сѣверному королевству. Они хотѣли воспользоваться ея средствами для изгнанія австрійцевъ изъ Венеціи. Но неувѣренность южныхъ итальянцевъ въ собственныхъ силахъ не дала исполниться этому плану.

Читатель знаетъ безпрестанныя колебанія, которымъ подвергались правительственныя дѣла въ Сициліи и въ Неаполѣ. Мы не станемъ перечислять всѣхъ перемѣнъ,—онѣ слишкомъ многочисленны; упомянемъ только общій характеръ ихъ. По занятіи Палермо Гарибальди передалъ управленіе дѣлами острова людямъ радикальной партіи, изъ которыхъ главнымъ былъ Криспи. Умѣренные тотчасъ же подняли жителей Палермо, чтобы они требовали немедленной передачи управленія въ руки туринскаго министерства и коммиссара, котораго пришлетъ оно въ Палермо. Криспи, противившійся этому требованію, сталъ такъ непопуляренъ, что Гарибальди, при всемъ своемъ довѣріи къ нему, увидѣлъ себя принужденнымъ отдать первое мѣсто въ сицилійскомъ правительствѣ другому радикалу Депретису, который имѣлъ надъ Криспи то преимущество въ глазахъ умѣренной партіи, что былъ членомъ сардинской палаты депутатовъ. Но и Депретисъ удержался недолго. Требованія умѣренной партіи возрасли до такой настойчивости, что Депретисъ нашелъ свое положеніе невыносимымъ. Тогда Гарибальди назначилъ сицилійскимъ продиктаторомъ радикала Мордини, которому также было очень трудно держаться. Сицилійцы съ такимъ жаромъ требовали немедленнаго присоединенія къ Піэмонту, что Гарибальди нѣсколько разъ долженъ былъ пріѣзжать въ Палермо изъ-подъ Мессины и съ неаполитанскаго континента для удержанія Палермо отъ немедленнаго присоединенія: только его личное вліяніе останавливало нетерпѣливыхъ сицилійцевъ. Точно такую же борьбу пришлось ему выдерживать и въ Неаполѣ: радикальное министерство, сначала имъ назначенное, пало по своей непопулярности; по назначеніи умѣреннаго министерства, представителемъ радикальной партіи въ управленіи остался Бертани, занимавшій должность генералъ-секретаря при диктаторѣ. Несмотря на всю свою дружбу съ Бертани, Гарибальди былъ принужденъ удалить его; но, желая выдерживать прежнюю систему, онъ сдѣлалъ

Digitized by Google

тогда своимъ генералъ-секретаремъ Криспи; Криспи палъ въ Неаполѣ еще скорѣе, чѣмъ въ Палермо; Гарибальди былъ принужденъ уничтожить самое званіе генералъ-секретаря и вполнѣ предоставить управленіе дѣлами умѣренной партіи. Раздраженіе противъ радикаловъ въ значительной части неаполитанскаго населенія дошло наконецъ до того, что толпы народа собирались на улицахъ съ криками: „смерть Риччарди!“—извѣстнѣйшему изъ представителей радикальной партіи, живущихъ въ столицѣ. Точно также толпы кричали: „смерть Маццини!“ Надобно ли полагать, что люди съ такимъ ожесточеніемъ возстававшіе на партію, которая отсрочивала присоединеніе, одушевлялись собственно избыткомъ преданности Виктору-Эммануэлю? Вовсе нѣтъ: не пройдетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ мы увидимъ, что недовольство присоединеніемъ проявится сильнѣе всего между тѣми самыми людьми, которые теперь съ наибольшимъ жаромъ требуютъ его, а защитниками государственнаго единства Италіи останутся именно тѣ люди, которые подвергались теперь общей ненависти за желаніе отсрочить присоединеніе. Все дѣло происходило только изъ недовѣрія южныхъ итальянцевъ къ своимъ силамъ: они чувствовали себя безпомощными и желали какъ можно скорѣе найдти опору въ сардинскихъ войскахъ. Каждый день до прибытія Виктора-Эммануэля въ Неаполь они трепетали, что можетъ возвратиться Францискъ II, или французы распорядятся ими какъ нибудь иначе. Крикъ ихъ къ Виктору-Эммануэлю и Кавуру—„скорѣе, скорѣе принимайте насъ подъ свою власть“—былъ просто крикомъ разслабленнаго, зовущаго, чтобы скорѣе схватилъ его подъ руку кто нибудь болѣе твердый на ногахъ, потому что самъ онъ безъ чужой опоры не въ силахъ держаться на ногахъ. Что могли дѣлать радикалы и Гарибальди при всеобщемъ расположеніи неаполитанцевъ считать себя такими разслабленными? Мало того, что Сицилія и Неаполь не выставляли имъ волонтеровъ, нужныхъ для борьбы за Венецію,—Сицилія и Неаполь не соглашались даже дать имъ и времени приняться за это дѣло, хотя съ тѣми средствами, какія давала сѣверная Италія. Страхъ за свою судьбу до того ослѣплялъ неаполитанцевъ и сицилійцевъ, что они не соображали ни своего числа, ни слабости враговъ, которыхъ трепетали, ни отношеній французскаго императора къ желанію австрійцевъ возстановить прежній порядокъ въ Италіи: отуманенные умы ихъ не могли сообразить даже того, что, каковы бы ни были собственные планы императора французовъ относительно Италіи, онъ никакъ не допуститъ возстановленія австрійскаго перевѣса въ ней. „Упрочьте наше положеніе, потому что сами мы не въ состояніи ничего сдѣлать для своей обороны“, твердила южная Италія туринскому министерству. Она думала тутъ не о какихъ нибудь политическихъ принципахъ, она думала только о сардинской арміи. Будь министромъ въ Туринѣ Маццини или Бертани, Ратацци или Кавуръ,—ей было бы все равно, лишь бы успокоили ее покровительствомъ сѣверно-итальянской арміи. Еслибъ министромъ въ Туринѣ былъ Бертани, она проклинала бы умѣренныхъ; но министромъ въ Туринѣ былъ Кавуръ, и она проклинала радикаловъ.

Не было возможности ничего сдѣлать при такомъ безпокойствѣ безсилія, и Гарибальди увидѣлъ себя принужденнымъ уступить. Изложивъ причины той развязки, какую получила борьба между радикалами и умѣренными, мы скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ ходѣ этой борьбы.

Восторгъ, съ которымъ принимала Гарибальди южная Италія, закрывалъ

Digitized by Google

сначала чувство безсилія, проникавшее восторженныхъ ея жителей. Радикаламъ показалось, будто неаполитанцы готовы на мужественную борьбу. Слѣдствіемъ этого самообольщенія было знаменитое письмо Гарибальди къ Виктору-Эммануэлю, въ которомъ диктаторъ требовалъ отставки Кавура. Не одинъ Гарибальди, самъ Кавуръ былъ обманутъ блескомъ неаполитанскихъ манифестацій. Нѣсколько времени ему казалось, что онъ принужденъ будетъ уступить, что сила въ самомъ дѣлѣ на сторонѣ его противниковъ; но очарованіе быстро разсѣялось. Шумныя манифестаціи не рождали солдатъ, и неаполитанцы послѣ трехъ-четырехъ дней восторга уже обнаружили опасеніе за будущность, уже начали требовать немедленнаго присоединенія къ Піэмонту, т. е. скорѣйшей присылки регулярныхъ войскъ для своего огражденія отъ Франциска II и отъ австрійцевъ. Это показало всѣмъ, что сила на сторонѣ Кавура. Онъ увидѣлъ, что не имѣетъ нужды повиноваться требованію человѣка, отъ котораго сама освобожденная имъ страна требуетъ, чтобы онъ скорѣе передалъ власть надъ нею Кавуру. Тутъ же кстати произошла нерѣшительная битва на Вольтурно, 18 сентября, принятая въ первое время неаполитанцами за неудачу Гарибальди. Если уже и прежде южная Италія тяготилась переходнымъ состояніемъ, желая поскорѣе обезпечить себя покровительствомъ сардинской арміи, то теперь совершенно овладѣлъ ею паническій страхъ. Она робѣла даже въ то время, когда считала Гарибальди непобѣдимымъ, когда воображала, что борьба съ Францискомъ II уже кончена; теперь она впала въ мучительную тоску, увидѣвъ, что армія Франциска II еще сильна, что Гарибальди не можетъ уничтожить ее своимъ появленіемъ на аванпостахъ; поколебалась между южными итальянцами даже увѣренность въ военныхъ талантахъ Гарибальди, въ то самое время, когда онъ доказывалъ ихъ поразительнѣе, чѣмъ когда нибудь. Нѣсколько разъ долженъ былъ въ концѣ сентября Гарибальди возвращаться въ Неаполь, потому что только личное присутствіе его могло нѣсколько задерживать нетерпѣливость столицы, потерявшей всякую мѣру въ своемъ желаніи стать поскорѣе подъ защиту сардинскихъ войскъ.

Надобно отдать Кавуру ту справедливость, что онъ очень быстро понялъ истинное положеніе дѣлъ, замѣтилъ безсиліе Гарибальди среди видимаго его могущества, понялъ прочность собственнаго положенія. Если и была у него мысль повиноваться грозному письму диктатора, то была развѣ на одну минуту. Сомнительнѣе было его положеніе недѣли за двѣ передъ тѣмъ, еще до вступленія Гарибальди въ Неаполь, когда еще не такъ замѣтно было безсиліе неаполитанцевъ: въ тѣ трудные дни онъ, быть можетъ, колебался; но когда Гарибальди прислалъ свое письмо, характеръ южныхъ итальянцевъ уже обозначился, и письмо диктатора могло произвести въ Кавурѣ развѣ мимолетное смущеніе, а не серьёзное сомнѣніе въ собственной силѣ. Немедленно былъ данъ на письмо отвѣтъ холодный и твердый. Министерство Кавура пользовалось одобреніемъ парламента сѣверной Италіи, разошедшагося всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ; въ теченіе этихъ немногихъ мѣсяцевъ дѣйствительно произошли очень важныя событія, отъ которыхъ могли измѣниться мысли представителей націи; но измѣнились ли онѣ, это еще неизвѣстно; напротивъ, министерство полагаетъ, что по прежнему пользуется довѣріемъ парламента; Гарибальди думаетъ иначе. Надобно узнать, чье мнѣніе вѣрнѣе; для [illegible] парламентъ и предложить ему вопросъ, возбужденный [illegible] парламентъ, подобно Гарибальди,

Digitized by Google

выразитъ недовольство Кавуромъ, Кавуръ выйдетъ въ отставку сообразно в... законныхъ представителей націи; но если они захотятъ, чтобъ онъ оставался м... нистромъ, онъ долженъ будетъ остаться,—того требуетъ самый духъ конститу... наго правительства. Парламентъ созывается ко 2 октября, и до той поры Кав... не имѣетъ ни основанія, ни даже права выходить въ отставку.

Въ томъ, что огромное большинство туринскаго парламента поддержитъ е... Кавуръ зналъ напередъ, какъ могъ знать и каждый. По крайней мѣрѣ три че... верти депутатовъ были люди убѣжденій одинаковыхъ съ Кавуромъ. Но ... парламентское большинство еще недостаточно для твердаго управленія госуда... ствомъ въ критическія времена: надобно также, чтобъ общественное мнѣніе бы... согласно съ большинствомъ депутатовъ. Государственный умъ Кавура виденъ ... томъ, что онъ умѣлъ понять важность этого второго условія, нашелъ вѣрный сп... собъ удовлетворить ему, и твердо исполнилъ дѣло, которое нашелъ нужным... Общественное мнѣніе сѣверной Италіи въ теченіе лѣта колебалось. Масса обра... ваннаго общества издавна привыкла считать Кавура великимъ, почти незамѣни... мымъ государственнымъ правителемъ, а Гарибальди, при всемъ уваженіи къ ... подвигамъ, только отважнымъ и безкорыстнымъ патріотомъ. Эта масса образова... ныхъ сословій и теперь почитала сохраненіе власти Кавуромъ за лучшую гаран... ловкаго веденія національныхъ дѣлъ; но она была не совсѣмъ довольна тѣмъ, ч... Кавуръ до сихъ поръ не рѣшался прямо содѣйствовать соединенію южной Ита... съ сѣверною; многіе даже находили это чрезмѣрною робостію или почти предат... ствомъ. Недовѣряя Гарибальди, общественное мнѣніе сѣверной Италіи превоз... сило его патріотизмъ, окружало его ореоломъ славы. Кавуру надобно было об... такимъ же ореоломъ себя и сардинскую армію, выказать себя такимъ же отважны... патріотомъ,—политическій талантъ сардинскаго министра обнаружился тѣмъ, ч... эта надобность была понята и своевременно удовлетворена имъ. Когда Гарибал... вступилъ въ Неаполь, сардинскія войска уже переходили границу папскихъ в... дѣній. Кавуръ очень разсчетливо и искусно устроилъ этотъ походъ; войска ... нулись съ поразительною быстротою; число посланныхъ войскъ было таково, ч... обезпечивало немедленный блистательный успѣхъ. Сравнивая уничтоженіе ... папской арміи въ нѣсколько дней съ безсиліемъ Гарибальди противъ войскъ Фр... циска II, общественное мнѣніе было ослѣплено превосходствомъ силъ Кавура. ... тово было приписывать сардинскимъ генераламъ превосходство надъ Гарибал... даже въ военныхъ талантахъ, а Кавуру превосходство надъ нимъ даже въ ... важности. Эффектъ былъ подготовленъ великолѣпно, и когда собрались депута... вся Италія торжествовала взятіе Анконы. Депутаты встали съ своихъ мѣстъ, к... вошелъ въ залу адмиралъ Персано, явившійся туда прямо изъ-подъ Анконы. пр... вѣтствовали его восторженными криками, и вся слава сардинскихъ генераловъ п... реходила на Кавура, виновника побѣдъ,—а что такое былъ въ это время Га... бальди, что дѣлалъ онъ? Онъ стоялъ передъ линіею Вольтурно, не имѣя си... выбить неаполитанскихъ генераловъ изъ Капуи.

Нельзя не отдать полной справедливости искуснымъ маневрамъ Кавура. ... одержалъ полную побѣду надъ своимъ противникомъ въ общественномъ мнѣ... Гарибальди былъ теперь ничтоженъ предъ нимъ. Напрасно усиливался онъ ... жаться еще нѣсколько дней—отсрочивать присоединеніе, предлагаемое Кавур... было уже невозможно; и 7 октября явился декретъ, назначавшій 21-е окт...

Digitized by Google

днемъ подачи голосовъ населеніемъ Неаполя и Сициліи по вопросу о присоединеніи къ сѣверно-итальянскому государству. Въ ту минуту, когда мы пишемъ это, еще неизвѣстенъ результатъ вотированья, но онъ не подлежитъ сомнѣнію. Были и послѣ 7 октября нѣкоторыя попытки со стороны Гарибальди отложить еще на нѣсколько времени срокъ присоединенія, но онѣ остались напрасны: неаполитанцы нашли въ самой робости своей силу выступить очень рѣшительно противъ своего диктатора: они твердо объявили ему, что не хотятъ отсрочки. Что жъ оставалось дѣлать радикаламъ? Развѣ прибѣгнуть къ терроризму? Но это было бы противно ихъ собственнымъ правиламъ, да и не повело бы ни къ чему, кромѣ вреда для Италіи и, больше всего, для нихъ самихъ.

Мы такъ много говоримъ о непреоборимомъ расположеніи умовъ южно-итальянскаго населенія потому, что только имъ объясняется развязка дѣла, которая иначе казалась бы слѣдствіемъ излишней уступчивости Гарибальди: нѣтъ, онъ боролся до послѣдней минуты, но у него не было силъ, онъ былъ побѣжденъ.

За то побѣдители его и радикаловъ, умѣренные, принуждены были принять программу побѣжденныхъ. Мы приведемъ свидѣтельство журнала, которому нельзя не вѣрить въ этомъ случаѣ, потому что онъ держится партіи Кавура. Вотъ отрывокъ изъ Débats о результатѣ преній въ туринскомъ парламентѣ.

„Считаю не безполезнымъ сообщить вамъ впечатлѣнія, произведенныя рѣшеніемъ палаты. Министерство и его друзья считаютъ свою побѣду полной и повидимому они правы. Извѣстія изъ Неаполя служатъ отголоскомъ происходящаго въ Туринѣ. Отняты полномочія у правителей неаполитанскихъ провинцій, у этихъ людей передовой партіи, а 21 октября назначена подача голосовъ, по которой королевство Обѣихъ Сицилій перейдетъ къ Виктору-Эммануэлю. Въ вопросѣ, по которому будутъ подаваться голоса, вставлены слова „единая и нераздѣльная" Италія. Это—предосторожность Гарибальди противъ уступокъ областей Франціи. Послѣ уступки Ниццы, диктаторъ боится за Лигурію, за островъ Сардинію, за Римъ.

„Оппозиціонная партія утѣшается, говоря, что въ сущности правительство принуждено было принять программу Гарибальди. Сказавъ, что Римъ идеалъ, полярная звѣзда Италіи, Кавуръ только придалъ другой оборотъ знаменитой фразѣ Гарибальди. Теперь извѣстно, что никто не хочетъ пробиваться въ Римъ черезъ французскій корпусъ, но всѣ хотятъ идти туда, когда французы удалятся, и всѣ надѣются, что они удалятся, потому не о чемъ спорить. Притомъ же слава Гарибальди возвысилась преніями парламента. Его превозносили, при его имени раздавались апплодисменты. Такимъ образомъ министерство восторжествовало только тѣмъ, что доставило съ собой торжество представителю оппозиціи и ея идеямъ.

„Такъ разсуждаютъ противники правительства; но тѣмъ не менѣе Бертани, Криспи, Мордини и ихъ друзья будутъ удалены съ занимаемыхъ мѣстъ и замѣщены друзьями Кавура. Это—прозаическая сторона вопроса, сторона положительная и для многихъ самая интересная".

Дѣйствительно, успѣхи Гарибальди заставили умѣренныхъ рѣшиться на то, что провозглашали они невозможнымъ не дальше, какъ полгода тому назадъ,— рѣшиться на отважное соединеніе южной Италіи съ сѣверною, на провозглашеніе намѣренія имѣть Римъ столицею итальянскаго королевства. Положимъ, что Гарибальди безумецъ, Бертани злоумышленникъ, Маццини злодѣй; но итальянцы, предпочитающіе этимъ людямъ ловкаго Кавура, дошли, сами не замѣчая того, до принятія програмы, провозглашавшейся этими людьми.

Мечтать о Римѣ!—возможное ли это дѣло? Такъ, не дальше какъ въ августѣ и сен[illegible]авнымъ обвиненіемъ Гарибальди въ безразсудствѣ ставилъ

Digitized by Google

то, что Гарибальди хочетъ сдѣлать Римъ столицею итальянскаго государства,— это значило вынуждать французовъ къ борьбѣ противъ итальянскаго единства. значило накликать погибель на Италію. А теперь, что самъ Кавуръ сказалъ въ рѣчи, которой заключились пренія по вопросу о присоединеніи?—Онъ признался, что итальянское единство необходимо нуждается въ Римѣ, что другой столицы оно не можетъ имѣть. Но это же самое твердилъ Гарибальди, а прежде Гарибальди, съ очень давняго времени доказывалъ это Мацціни.—„Такъ, но не такъ; именно тутъ и видна разница между разсудительнымъ правителемъ и безразсудными мечтателями, которыхъ наконецъ удалось побѣдить ему: Гарибальди хотѣлъ отнимать Римъ у французовъ силою оружія, что было бы явною нелѣпостью и гибелью итальянскому дѣлу; Кавуръ провозглашаетъ принципъ и ожидаетъ, что сила общественнаго мнѣнія склонитъ французовъ добровольно уйти изъ него, отдать ему свободу, отнятую ими у него въ 1849 году, отдать Италіи итальянскую столицу". Просимъ замѣтить читателя, что это не наши слова, а слова итальянскихъ патріотовъ умѣренной партіи, слова приверженцевъ Кавура — мы никогда не употребляемъ такихъ словъ, какъ свобода. Но это мы замѣчаемъ лишь мимоходомъ; вопросъ въ томъ, какая разница между мыслями Кавура и Гарибальди о средствахъ удалить французовъ изъ Рима. До послѣднихъ совѣщаній туринскаго парламента хорошо было умѣреннымъ выставлять Гарибальди за безумца, думающаго идти изъ Неаполя на Римъ сражаться съ французами; теперь разъяснилось, онъ думалъ дѣйствовать вовсе не такъ безразсудно. Бертани, какъ его повѣренный, явился въ туринскій парламентъ изложить дѣло въ настоящемъ видѣ, и сказалъ, что ни онъ, Бертани, ни Гарибальди вовсе не думали выбивать теперь французовъ изъ Рима силою оружія. Но можетъ быть слова Бертани подозрительны? — Если такъ, почему же никто изъ кавуристовъ не опровергъ ихъ, не повторилъ обвиненія передъ лицомъ оправдывающагося? Если этого соображенія еще недостаточно, есть другое доказательство, достовѣрность котораго уже не подлежитъ сомнѣнію. Дѣятельнѣйшимъ агентомъ Кавура въ Неаполѣ былъ Спавента; Гарибальди вскорѣ по вступленіи своемъ въ Неаполь выслалъ его изъ этого города. Спавента кромѣ политической борьбы имѣлъ теперь и личную причину не щадить Гарибальди. Однако же, высланный въ Геную, онъ говорилъ, что Гарибальди напрасно приписываютъ намѣреніе идти на французовъ, что онъ рѣшительно не имѣетъ такой мысли. Кажется, послѣ этого трудно не повѣрить, что умѣренные совершенно напрасно говорили, будто бы отнять у Гарибальди управленіе дѣлами южной Италіи необходимо для предотвращенія гибельнаго нападеніи на французовъ въ Римѣ. Дѣйствительно, Гарибальди точно такъ же какъ и Кавуръ хотѣлъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ не вооруженною силою, а нравственнымъ вліяніемъ, хотѣлъ довести французовъ до того, чтобы они добровольно удалились изъ Рима.

Итакъ, нѣтъ разницы между намѣреніями Кавура и Гарибальди по отношенію къ Риму? Между намѣреніями точно не стало разницы съ той поры, какъ рѣшился Кавуръ высказать то, о чемъ не смѣлъ и думать три мѣсяца тому назадъ. Но есть разница въ томъ, съ какою энергіею пользуются однимъ и тѣмъ же средствомъ для одной и той же цѣли человѣкъ, издавна проникнувшійся извѣстною мыслью, и человѣкъ, принимающій ее только потому, что всѣ приняли ее. Мы еще посмотримъ, какія усилія сдѣлаетъ Кавуръ для убѣжденія Франціи вывести войска изъ Рима и какой успѣхъ будутъ имѣть его дипломатическія убѣжденія. Но

Digitized by Google

извѣстно, какія средства употребилъ бы Гарибальди, и читатель едва ли усомнится въ томъ, что они скоро покончили бы вопросъ. Онъ держалъ бы Францію въ постоянномъ ожиданіи, что не нынѣ, завтра французскіе солдаты будутъ принуждены сражаться за папу противъ итальянскихъ патріотовъ, а Франція вовсе не была бы довольна такою перспективою; онъ посылалъ бы требованія, чтобы гарнизонъ удалился изъ Рима, и эти воззванія распространялъ бы по Франціи; а что важнѣе всего, населеніе Рима и другихъ городовъ, занятыхъ французами, было бы возбуждаемо дѣлать манифестаціи, и Франція не могла бы долго выносить зрѣлища, что ея солдаты ходятъ изъ города въ городъ возстановлять клерикальное управленіе, ежедневно низвергаемое во всѣхъ городахъ, изъ которыхъ они выступаютъ, чтобы идти возстановлять папскихъ администраторовъ въ другихъ городахъ. Когда волонтеры стояли бы на границахъ, безпрестанно происходили бы точно такія же исторіи, какая произошла въ Витербо при занятіи французскимъ войскомъ этого города, успѣвшаго провозгласить своимъ королемъ Виктора-Эммануэля. Жители Витербо полагали, что не входятъ въ число тѣхъ подданныхъ, которыхъ французы берегутъ для папы. Когда они узнали, что ошиблись, городское начальство отвѣчало слѣдующею протестаціею на извѣщеніе генерала Гойона о томъ, чтобы оно приготовило квартиры для французской колонны, идущей занять Витербо:

„Его превосходительству, генералу графу де-Гойону.

„Генералъ! муниципальная коммиссія города Витербо, президентомъ которой я имѣю честь быть, была непріятно изумлена даннымъ ей отъ васъ извѣщеніемъ, что колонна французскихъ войскъ идетъ въ нашъ городъ.

„По увѣренію вашего императора, что не должно быть никакого вмѣшательства въ Италіи, мы провозгласили власть короля Виктора-Эммануэля II, находящагося въ дружбѣ и союзѣ съ Франціею Его величество прислалъ для управленія нами коммиссара, и мы сохранили совершеннѣйшій порядокъ, при единодушіи всѣхъ гражданъ.

„Личность и собственность никогда не пользовались у насъ такою безопасностію, какъ по провозглашеніи власти короля. Мы имѣемъ сознаніе, что не подали никакой причины никому нарушать наше спокойствіе.

„Впрочемъ, генералъ, если полученныя вами приказанія таковы, что никакъ не могутъ быть измѣнены, вы не найдете у насъ ни малѣйшаго сопротивленія; но вы найдете городъ пустымъ, если не дадите намъ увѣренности, что съ вашими войсками не придетъ реакція. Я первый и вся муниципальная коммиссія удалимся въ безопасныя мѣста, удалятся и другіе граждане, потому что почти каждый изъ нашихъ гражданъ долженъ бояться преслѣдованій клерикальнаго правительства. Потому мы просимъ у васъ объясненій, если вы хотите, чтобы мы занялись дѣлами, о которыхъ вы пишете намъ. Витербо. 8 октября 1860 года. Президентъ муниципальной коммиссіи Алессандро де-Агостино Полидори.

„Г-нъ Полидори, вице-президентъ временной муниципальной коммиссіи города Витербо, входя въ сношеніе съ генераломъ де-Гойономъ и давая настоящій отвѣтъ на его сообщеніе, поступилъ по согласію со мною, и мы вмѣстѣ приняли мѣры, какія въ критическихъ обстоятельствахъ внушались благоразуміемъ и желаніемъ сохранить порядокъ, не тревожа общественнаго мнѣнія преждевременнымъ страхомъ.

„Это объявленіе дѣлаю я затѣмъ, чтобы никто не могъ назвать произвольнымъ рѣшеніе, принятое по полному согласію съ правительственною властію. Королевскій коммиссаръ герцогъ Сфорца".

Французской колоннѣ должны были предшествовать папскіе карабинеры (жандармы). Жители Витербо рѣшили отразить ихъ оружіемъ; узнавъ объ этомъ, французы распорядились, чтобы карабинеры вступили въ городъ уже послѣ француз-

Digitized by Google

ской колонны. Когда вошла она въ городъ, муниципальная коммиссія передала французскому командиру новый протестъ, который мы также переводимъ.

„Г-нъ комендантъ! Видя, что вы пришли къ намъ возстановить клерикальное правленіе, все населеніе Витербо глубоко огорчено. Изъ нашихъ братьевъ итальянцевъ одни уже воспользовались правомъ—свободно располагать своею судьбою; другіе готовятся воспользоваться имъ, и жители Витербо не могли предположить, что имъ будетъ запрещено выразить свободною подачею голосовъ силу ихъ желанія составить часть свободной итальянской семьи.

„Никто въ свѣтѣ не можетъ предполагать, что жители Витербо по собственному согласію принимаютъ возстановленіе клерикальнаго владычества, и менѣе всего можетъ предполагать это Франція, благородная нація, идущая во главѣ всѣхъ либеральныхъ и высокихъ дѣлъ. Только насиліе заставляетъ насъ подчиняться этому владычеству.

„Муниципальная коммиссія города Витербо, какъ представительница общества, удостоившаго ее своимъ довѣріемъ, удаляясь, должна протестовать и теперь громко протестуетъ: городъ Витербо покоренъ силою клерикальному правительству, а не согласился на его возстановленіе, и коммиссія формально объявляетъ, что Витербская область имѣетъ право распологать своею судьбою по своему выбору; и если въ нынѣшній разъ добровольный выборъ ея остался безуспѣшенъ, она чрезъ это не теряетъ права, которое формально оставляетъ за собою, провозглашая, что населеніе Витербской провинціи имѣетъ желаніе и рѣшимость принадлежать къ конституціонному королевству Виктора-Эммануэля II. Витербо. 14 октября 1860 г. Муниципальная коммиссія“.

Говорятъ, что при вступленіи французовъ въ Витербо удалилось до 2,000 жителей изъ этого города, имѣющаго не болѣе 14,000 человѣкъ населенія. Если бы Гарибальди сохранилъ управленіе Неаполемъ, онъ сталъ бы возбуждать подобные протесты во всѣхъ римскихъ городахъ, занятыхъ французами, сталъ бы обращаться прямо къ французской націи съ вопросомъ, пріятно ли ей, что ея солдаты играютъ такую тяжелую роль, и общественное мнѣніе самой Франціи не замедлило бы возвратить французскій гарнизонъ изъ Рима на родину. Посмотримъ, скоро ли достигнетъ такого успѣха Кавуръ переговорами съ французскимъ правительствомъ. Программа Гарибальди по римскому вопросу принята Кавуромъ, Но Гарибальди, при своей независимости отъ дипломатическихъ условій, имѣлъ средства дѣйствія, которыя недоступны туринскому министерству.

Еще рѣшительнѣе, чѣмъ по римскому вопросу, высказалъ Кавуръ свое согласіе съ программою Гарибальди по венеціанскому вопросу. Онъ прямо объявилъ, что будетъ добиваться освобожденія Венеціи вооруженною рукою, если Австрія не откажется отъ нея добровольно; а каждому извѣстно, что добровольной уступки отъ вѣнскаго правительства нельзя ждать въ этомъ случаѣ, потому слова Кавура совершенно равнозначительны выраженію рѣшимости воевать съ Австріею. Онъ прибавилъ только, что для начатія войны нужно приготовиться къ ней, — это само собою разумѣется, вѣдь и Гарибальди хотѣлъ начать войну съ Австріею только по приготовленіи средствъ къ тому. Въ этомъ отношеніи разницы опять нѣтъ. Но есть разница въ способахъ, какими располагалъ бы Гарибальди и какими можетъ располагать Кавуръ. Теперь извѣстно, что главною цѣлью для Гарибальди была Венгрія. Какимъ путемъ хотѣлъ онъ проникнуть въ нее, этого, разумѣется, онъ не могъ объявлять во всеуслышаніе австрійцамъ, — черезъ Тріэстъ, или черезъ Фіуме, или черезъ какую нибудь другую гавань, лежащую еще южнѣе Фіуме, этого нельзя знать: не будучи связанъ ничѣмъ, онъ пошелъ бы тамъ, гдѣ ему показалось бы удобнѣе идти, пожалуй даже перешелъ бы изъ Иллиріи въ центръ чисто-

Digitized by Google

венгерскихъ земель черезъ турецкія земли: сохраняя свою независимость, онъ никого, кромѣ себя, не компрометировалъ бы нарушеніемъ правилъ неприкосновенности нейтральныхъ земель. У Кавура выборъ путей къ нападенію гораздо болѣе стѣсненъ. Онъ не можетъ касаться ни Тріэста, ни турецкихъ границъ; потому очень вѣроятно, что ему нужно будетъ для приготовленій больше времени, чѣмъ понадобилось бы Гарибальди. Очень вѣроятно, что онъ почтетъ выгоднѣйшимъ просто выводить изъ терпѣнія австрійское правительство, чтобы оно само вторглось въ Ломбардію и Романью и навлекло на себя неудовольствіе Европы за нарушеніе мира, какъ было въ прошломъ году. Но это все предположенія; какое изъ нихъ осуществится, зависитъ не отъ Кавура и не отъ Австріи, а отъ общаго хода европейскихъ отношеній.

Читателю извѣстно, что съ обѣихъ сторонъ уже давно начались самыя дѣятельныя приготовленія къ войнѣ. Сардинія произвела усиленный наборъ, придвинула нѣсколько корпусовъ къ австрійской границѣ по Минчіо, приняла такое положеніе, какъ будто съ каждымъ днемъ ждетъ нападенія. Австрія давно уже сосредоточиваетъ свои войска на По и Минчіо. Въ послѣднее время сильный отрядъ ихъ переведенъ черезъ По въ небольшой округъ, оставшійся въ австрійской власти на южномъ берегу рѣки. Давно уже призваны подъ знамена солдаты, бывшіе въ отпуску; послѣ того издано было распоряженіе переписать всѣхъ венгерскихъ волонтеровъ (гонведовъ), сражавшихся въ 1848—1849 годахъ противъ Австріи,—очевидно, существуетъ мысль взять всѣхъ ихъ или часть ихъ въ солдаты; наконецъ, предписано произвести наборъ въ 85,000 человѣкъ.

Но для начатія войны надобно было пріобрѣсти австрійскому правительству болѣе прочное положеніе относительно другихъ державъ и относительно собственныхъ подданныхъ. Въ свое время, около эпохи Виллафранкскаго мира, мы приводили факты, показывавшіе существованіе недовольства во всѣхъ областяхъ Австріи, не исключая самаго Тироля, отличавшагося до послѣднихъ лѣтъ непоколебимою преданностью. Но австрійское правительство справедливо находитъ, что безъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій для него не страшно недовольство всѣхъ другихъ провинцій, кромѣ одной Венгріи: славяне и нѣмцы могутъ роптать, но сами неспособны начать ничего, безъ внѣшняго толчка. Иниціатива эта внутри самой имперіи можетъ возникнуть только изъ Венгріи.

Въ концѣ прошлаго года мы доказывали, что тогдашнее венгерское волненіе, отъ котораго ждали немедленной вспышки, служило только отголоскомъ итальянскихъ событій и должно было ослабѣвать по прекращеніи ломбардской войны. Оно такъ и было. Въ началѣ нынѣшней весны, оно не представляло уже никакой опасности; газеты вовсе почти перестали упоминать о Венгріи. Но когда опять разъигралось итальянское дѣло, отголоски его опять усилили волненіе между венграми. Въ послѣднія недѣли явились симптомы броженія, очень непріятные. Мы приведемъ очеркъ ихъ изъ газеты чрезвычайно умѣренной, изъ Indépendance Belge. Вотъ что писали ей изъ Вѣны въ началѣ сентября.

„Пештъ, 2 октября.

„Положеніе дѣлъ становится опасно. Венгры уже не ограничиваются манифестаціями противъ австрійцевъ, — они начинаютъ вооружаться. Въ послѣднее время въ цѣлой Венгріи только и слуховъ, что о партизанскихъ отрядахъ, составляющихся въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ неизмѣримомъ Баконскомъ лѣсу, покрывающемъ столь огромныя

Digitized by Google

пространства въ комитетахъ Веспремскомъ, Эденбургскомъ и Визельбургскомъ и въ обширныхъ пустахъ (степяхъ) Нижней Венгріи.

„Двѣ недѣли тому назадъ начали разсказывать, сначала подъ секретомъ, что нѣкоторые венгерскіе солдаты, находящіеся во временномъ отпускѣ, не хотятъ возвращаться въ свои полки: они услышали, что правительство хочетъ удалить всѣхъ венгерскихъ солдатъ изъ Венгріи въ крѣпости своихъ нѣмецкихъ владѣній, опасаясь событій, которыя предвидитъ; эти непокорные солдаты бѣжали въ лѣса и степи. Но число ихъ было незначительно. Вдругъ распространилось извѣстіе, что приказано произвести перепись всѣхъ бывшихъ гонведовъ (милиціонеровъ) 1848 года, сражавшихся за отечество. Испуганные этою мѣрою, бывшіе гонведы, сотнями, а по словамъ другихъ—тысячами, стали бѣжать къ непокорнымъ солдатамъ. Въ то самое время, какъ началось это бѣгство цѣлыхъ массъ людей въ лѣса и степи, былъ объявленъ новый наборъ 85 тысячъ человѣкъ, который долженъ производиться съ величайшею поспѣшностію и быть конченъ къ 1 декабря. Молодые люди, которые по своимъ лѣтамъ могли подвергнуться этому набору, начинаютъ скрываться; все большее и большее число ихъ присоединяются къ партизанамъ, составившимся изъ бѣжавшихъ солдатъ и гонведовъ.

„Впрочемъ, не принимайте слишкомъ серьёзно слова „партизаны“, употребляемаго мною. У этихъ молодыхъ людей пока только та мысль, чтобы избѣжать набора; они еще не думаютъ нападать на австрійцевъ; но должно сказать, что они составляютъ зародышъ, изъ котораго готово будетъ произойти возстаніе, если будетъ поданъ сигналъ открытой борьбы. Въ неприступныхъ лѣсахъ и горахъ, пути по которымъ извѣстны только мѣстнымъ жителямъ, австрійскому правительству будетъ очень трудно сладить силою съ этими молодыми людьми, рѣшившимися уйти изъ подъ его власти и ежедневно увеличивающимися въ своемъ числѣ.

„Говорятъ, что, при подавленіи венгерскаго возстанія въ 1849 году, много оружія было спрятано въ этихъ мѣстахъ, по природѣ почти недоступныхъ, и что мѣста эти найдены „случайнымъ образомъ“ новыми жителями Баконскаго лѣса и степей. Не ручаюсь вамъ за достовѣрность этого; но всѣ увѣряютъ, что у партизановъ много оружія“.

Начинать войну, имѣя зародышъ возстанія въ центрѣ государства—дѣло неудобное, потому оказалась надобность примирить венгровъ. Оказалась и другая причина надобности въ провозглашеніи реформъ,—эта другая причина была результатомъ совѣщаній преобразованнаго или „усиленнаго“ государственнаго совѣта.

Мы обращали очень мало вниманія на консультаціи почетныхъ и знатныхъ особъ, собранныхъ въ Вѣнѣ нынѣшнею весною подъ именемъ усиленнаго государственнаго совѣта. Ни по намѣренію правительства, ни по отношенію членовъ новаго государственнаго совѣта къ общественному мнѣнію, ихъ совѣщанія не должны были имѣть особенной силы. Выбранные по рекомендаціи областныхъ правителей, новые члены государственнаго совѣта были всѣ люди такихъ убѣжденій, которыя не вполнѣ совмѣстны съ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Исключеніемъ служилъ изъ всѣхъ нихъ одинъ только докторъ Маагеръ, трансильванскій нѣмецъ. Онъ одинъ отважился произнесть въ государственномъ совѣтѣ слово „конституція“; изъ остальныхъ членовъ набиралось, быть можетъ, человѣкъ пять-шесть съ очень смутными либеральными тенденціями, да и тѣ не формулировали своихъ желаній. За то очень рѣшительно выступало съ своими требованіями огромное большинство, составленное изъ реакціонеровъ аристократической партіи; эти вельможи, имѣвшіе своимъ предводителемъ чешскаго графа (но вовсе не чеха, а истаго нѣмца) Кламъ-Мартиница, желали ни больше, ни меньше, какъ уничтоженія всѣхъ ограниченій, которымъ со временъ Іосифа II подвергались привилегіи аристократовъ. Но только венгерскіе магнаты, да самъ графъ Кламъ-Мартиницъ между этими вельможами

Digitized by Google

умѣли говорить и писать. Потому въ засѣданіяхъ безусловно владычествовали венгры съ своимъ союзникомъ Кламъ-Мартиницемъ; остальные члены большинства шли за ними по довѣрію. Такимъ образомъ, совѣщанія государственнаго совѣта были совѣщаніями венгерскихъ магнатовъ, рѣшенія его большинства—рѣшеніями венгерскихъ магнатовъ. Венгерская нація не имѣетъ недостатка въ національной гордости, не имѣетъ и вражды къ своей аристократіи, напротивъ, привыкла очень уважать ее. Стало быть, если бы находилось въ государственномъ совѣтѣ что нибудь удовлетворительное, Венгрія сочувствовала бы ему. Но она такъ холодно смотрѣла на государственный совѣтъ, что даже вовсе и не любопытствовала узнавать о его совѣщаніяхъ,—мы приводили тому доказательства, какъ припомнятъ читатели.

Точно также мало опоры имѣлъ онъ и въ намѣреніяхъ, съ которыми созвало его правительство. Мы излагали эту сторону дѣла. Нужны были новые налоги для покрытія страшныхъ ежегодныхъ дефицитовъ. Государственный совѣтъ назначался для помощи министрамъ въ изобрѣтеніи новыхъ налоговъ. О государственныхъ дѣлахъ ему не предназначалось разсуждать: онъ просто долженъ былъ засвидѣтельствовать, что существующіе налоги недостаточны и что новые налоги, какіе будутъ изобрѣтены, необходимы.

Однако же,—такова бываетъ сила самаго положенія вещей, — государственный совѣтъ, лишенный всякихъ опоръ и въ правительствѣ и въ общественномъ мнѣніи,—принялся разсуждать о государственныхъ дѣлахъ, какъ будто учрежденіе независимое, составившееся не по назначенію министровъ, не по рекомендаціи областныхъ начальниковъ, заговорилъ о безпорядкахъ, о разстроенномъ положеніи всего государственнаго организма и составилъ проэкты преобразованія всей государственной машины, о чемъ его никто не просилъ, въ чемъ и о чемъ ни правительство, ни общественное мнѣніе нимало не хотѣли слушать его. Государственное разстройство онъ изображалъ очень мрачными красками и возбуждалъ этимъ сильный гнѣвъ противъ себя въ министрахъ; для доказательства, довольно будетъ привести слѣдующій отрывокъ изъ статьи Times'а по поводу засѣданія, въ которомъ былъ прочитанъ государственному совѣту докладъ о финансовомъ положеніи государства, составленный Кламъ-Мартиницемъ отъ имени комитета, занимавшагося изслѣдованіемъ дѣла.

„Давно было извѣстно, что Австрія находится въ одномъ изъ финансовыхъ кризисовъ, составляющихъ почти хроническое явленіе въ ея исторіи; но едва ли даже враги ея были готовы прочесть такой докладъ, какой представленъ графомъ Кламомъ государственному совѣту 21 сентября. Начавъ свои изслѣдованія съ реакціи, послѣдовавшей за революціею 1848 г., комитетъ находитъ, что „въ послѣднія десять лѣтъ нація заплатила налоговъ на 800 милліоновъ флориновъ больше, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе“. Несмотря на то, „національный долгъ сталъ на 1,300 милліоновъ флориновъ больше, чѣмъ былъ за 10 лѣтъ назадъ“ и государственныхъ имуществъ продано „болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ флориновъ“. Таковъ урокъ, извлекаемый изъ прошедшаго „неумолимою логикою фактовъ“. О дефицитѣ настоящаго года, комитетъ хранитъ осторожное молчаніе, но говоритъ, что при сохраненіи мира (сохраненіе котораго невѣроятно) „дефицитъ въ 1861 году будетъ 39 милліоновъ флориновъ, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году 25 милліоновъ“. Какъ будто все это еще не довольно поразительно, комитетъ объясняетъ, что „чрезвычайный военный налогъ, простирающійся до 32 милліоновъ флориновъ, выставленъ въ числѣ доходовъ по бюджету на 1861 годъ, но налогъ этотъ до такой чрезмѣрности обременителенъ, что не можетъ быть взимаемъ долгое время“. При

Digitized by Google

такомъ положеніи удивительно не то, что Австрія начинаетъ „задерживать платежи", но то, что она еще не вовсе прекратила платежи; удивительны не поступки ея съ подданными, удивительно то, что находитъ она еще хоть какой нибудь кредитъ у своихъ подданныхъ или за границею.

„Если самъ г. Фонъ-Пленеръ, управляющій австрійскими финансами, нашелся сказать противъ доклада только то, что „онъ преувеличенъ", то мы должны видѣть, что онъ въ сущности справедливъ. Вспомнивъ, что члены государственнаго совѣта, выслушавшіе докладъ съ глубочайшимъ вниманіемъ и апплодировавшіе смѣлымъ словамъ графа Сечена, назначены самимъ императоромъ, мы можемъ питать надежду, что выводы доклада будутъ приняты къ соображенію нынѣшнимъ представителемъ габсбурскаго дома. Эти выводы—такія вещи, которыя давно уже стали безспорными истинами въ другихъ государствахъ. Бюрократическое сцѣпленіе разнородныхъ областей не есть еще единство; „административное опыты" и финансовые обманы убыточны; упадокъ бумажныхъ денегъ и постоянное колебаніе курса вредятъ торговымъ дѣламъ; „удовлетворительное устройство внутреннихъ дѣлъ" и „долженствующее послѣдовать за нимъ возстановленіе довѣрія" будутъ „содѣйствовать возстановленію упавшаго кредита" націи—эти вещи кажутся для насъ (англичанъ) аксіомами. Но каждое государство должно покупать знаніе собственнымъ опытомъ, и Австрія еще не знала до сихъ поръ старой истины, что не годится срубать дерево изъ желанія снять съ него плоды. Это выводы, повидимому, не слишкомъ революціонные, но они возбудили въ графѣ Рехбергѣ такое неудовольствіе, что, говорятъ, будто бы въ тотъ вечеръ „не смѣлъ подойти къ нему никто изъ его домашнихъ", а слово „конституція", упомянутое Магеромъ, вызвало у министра признаніе, что онъ „не въ состояніи понять, какая можетъ быть связь между конституціею и курсомъ бумажныхъ денегъ".

Да не одинъ этотъ вечеръ, а довольно таки много вечеровъ было истрачено у министровъ государственнымъ совѣтомъ. Но какъ же поправить дѣло? Государственный совѣтъ составилъ объ этомъ два проэкта. Проэктъ большинства требовалъ для Венгріи полнаго возстановленія прежней конституціи со всѣми прежними правами, а въ другихъ частяхъ имперіи хотѣлъ устроить сеймы на феодальныхъ основаніяхъ. Все въ этомъ проэктѣ было проникнуто духомъ среднихъ вѣковъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что имперія дѣлилась на части, и въ каждой части господство передавалось въ руки туземной аристократіи. Что говорилось въ проэктѣ меньшинства, трудно понять, — такъ все въ немъ было туманно; члены меньшинства оказались такъ смирны, что не сдѣлали даже и отдаленнаго намека на конституцію, около которой вертѣлись ихъ мысли.

По сочиненіи этихъ проэктовъ, государственный совѣтъ былъ распущенъ, и черезъ нѣсколько времени объявлены правительствомъ слѣдующія основанія для предполагаемыхъ реформъ.

Нынѣшній „усиленный" государственный совѣтъ еще „усиливается" отъ нынѣшняго числа 70 членовъ до 100. Члены эти будутъ выбираться провинціальными сеймами.

Каковъ будетъ составъ венгерскаго сейма, это опредѣлитъ министерство по совѣщанію съ венгерскими магнатами, стало быть, нечего пока и разсуждать объ этомъ.

Сеймы остальныхъ провинцій будутъ имѣть феодальное устройство.

Такимъ образомъ, государственный совѣтъ составляютъ депутаты феодальныхъ сеймовъ, то есть феодалы.

Съ этимъ государственнымъ совѣтомъ министерство обязано совѣщаться о финансовыхъ мѣрахъ, то есть, онъ пользуется правами, которыми пользуется нынѣ въ Римѣ „финансовая консульта".

Digitized by Google

По другимъ предметамъ законодательства правительство совѣщается съ провинціальными сеймами. Но если найдетъ удобнѣйшимъ, можетъ не обращаться къ нимъ, а совѣщаться прямо съ государственнымъ совѣтомъ. Исключеніе составляютъ законодательныя мѣры, относящіяся къ Венгріи, — о нихъ надобно всегда совѣщаться съ венгерскимъ сеймомъ.

Министерства юстиціи, вѣроисповѣданій и внутреннихъ дѣлъ соединяются въ одно министерство, но само это министерство раздѣляется между двумя лицами: по всѣмъ частямъ имперіи, кромѣ Венгріи, этими дѣлами будетъ управлять „государственный министръ“, а управлять тѣми же дѣлами по Венгріи будетъ другой министръ, называемый „придворнымъ венгерскимъ канцлеромъ“.

Изъ этого видно, что всѣ части имперіи, за исключеніемъ одной Венгріи, остаются при нынѣшнихъ своихъ правахъ, и министры сохраняютъ нынѣшнее свое положеніе относительно всѣхъ провинцій. Одной только Венгріи дѣлается дѣйствительная уступка возстановленіемъ сейма съ прежними правами и возстановленіемъ венгерскаго языка въ правительственномъ значеніи.

Для другихъ областей перемѣна состоитъ въ томъ, что къ бюрократическимъ учрежденіямъ присоединяются феодальныя.

Таковы основанія будущей австрійской конституціи, обнародованныя 21 октября нынѣшняго года, передъ самымъ отъѣздомъ императора Франца Іосифа въ Варшаву.

Но нынѣ для Австріи такое время, что нынѣшнее положеніе вещей едва ли продолжится долго: новыя учрежденія или разовьются, или будутъ устранены правительствомъ. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ хода дѣлъ въ Италіи, во-вторыхъ, отъ хода дѣлъ въ Венгріи, въ-третьихъ, отъ общаго хода европейскихъ отношеній. Потому мы не станемъ подробно разсматривать, какое вліяніе на внутреннюю жизнь имперіи имѣли бы обѣщанныя нынѣ учрежденія, если бы осуществились въ предположенномъ видѣ теперь: въ немъ они едва ли осуществятся: пока будутъ приготовляться къ ихъ осуществленію, окажется или надобность измѣнить ихъ въ болѣе либеральномъ духѣ, или возможность приблизить ихъ къ устройству дѣлъ, существовавшему до сихъ поръ.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

НОЯБРЬ 1860.

Реформы въ Австріи.—Реформы во Франціи.—Итальянскія дѣла.—6 ноября 1860 въ Соединенныхъ Штатахъ.

Когда обнаружилось, что прежнее неаполитанское правительство не удержится противъ Гарибальди, а еще больше, когда обнаружилось, что Викторъ-Эммануэль не побоится принять подъ свою власть южную Италію, и хочетъ низвергнуть свѣтскую власть папы, Австрія увидѣла надобность остановить дѣло вооруженною силою, и воинственность вѣнскаго правительства дошла до такого жара, что съ каждымъ днемъ надобно было ожидать вторженія австрійскихъ войскъ въ Ломбардію, въ отнятыя у папы провинціи, и въ случаѣ успѣха, въ бывшее Неаполитанское королевство. Но наученное прошлогоднимъ опытомъ, австрійское правительство хотѣло пріобрѣсти силъ больше прежняго, чтобы вновь не испытать неудачи въ задуманной войнѣ. Чьи дѣла пойдутъ расклеиваться, тому все обращается во вредъ: захочетъ онъ быть отважнымъ, окажется опрометчивымъ; захочетъ быть осмотрительнымъ, окажется пропускающимъ удобное время. Такъ и австрійцы: въ прошломъ году они проиграли дѣло оттого, что погорячились; теперь проигрываютъ его оттого, что вздумали поступать осторожно. Читатель могъ прежде не раздѣлять нашихъ чувствъ, когда мы хвалили австрійцевъ, потому что тогда мы руководились своимъ образомъ мнѣній, а въ образѣ мнѣній люди могутъ расходиться; теперь не то: какого бы образа мыслей кто ни держался, всякій долженъ сострадать вмѣстѣ съ нами. Въ прошедшемъ году они подвергались несчастіямъ на поляхъ битвъ, они лишились богатѣйшей провинціи; но эти прискорбія вознаграждались отрадными фактами другаго рода. Если война отняла у нихъ Ломбардію, то Виллафранкскій миръ подарилъ имъ Венецію,—подарилъ, говоримъ мы потому, что никто изъ друзей Австріи, дней всего за 10 передъ Виллафранкскимъ миромъ, не могъ ожидать, что она останется въ ихъ рукахъ, и мы сами уже отказывались отъ этого упованія, котораго такъ долго и такъ крѣпко держались. Но маловѣріе, вторгавшееся въ наше сердце, пристыжено было великодушіемъ императора французовъ. Возрастающая благосклонность побѣдителя открывала потомъ Австріи перспективу, еще болѣе отрадную: Цюрихскій миръ утѣшалъ насъ обѣщаніемъ возстановить двухъ герцоговъ и одного великаго герцога, успокоивалъ насъ составленіемъ конфедераціи, въ которой всѣ голоса были бы противъ Піэмонта, которая подъ предсѣдательствомъ папы, подъ эгидою Франціи, возвратила бы прежнюю тишину несчастнымъ итальянцамъ, возстановила бы въ ней прежнее ува-

Digitized by Google

женіе къ совѣтамъ Австріи, на одномъ лишь томъ условіи, чтобы Австрія сама не выходила изъ-подъ вліянія могущественнаго и благороднаго новаго своего союзника; но это условіе было такъ разумно, исполнять его было такъ легко для Австріи при полномъ согласіи ея принциповъ съ принципами великодушнаго побѣдителя и покровителя. Не дурно стали устроиваться и внутреннія дѣла Австріи, начинавшія-было расшатываться отъ войны. Неудовольствіе, овладѣвавшее всѣми провинціями, начинавшее принимать опасный характеръ передъ Виллафранкскимъ миромъ, стало послѣ него безсильнымъ пустословіемъ, вызывавшимъ только презрительную улыбку на лицахъ друзей Австріи: съ возвращеніемъ войскъ, правда, побѣжденныхъ непріятельскими арміями, но достаточно мужественныхъ для разсѣянія мятежниковъ, благодаря искусству вѣрныхъ командировъ въ усмиреніи внутренняго врага, — съ возвращеніемъ этихъ войскъ въ Вѣну, въ Пештъ, Дебречинъ, Львовъ, Прагу и т. д., злоумышленники лишились возможности осуществить свои преступные замыслы; они отступились отъ намѣренія дѣйствовать, и лишь неосновательные люди продолжали еще роптать, не понимая, что прошло время, когда ропотъ былъ не лишенъ смысла; скоро и они стали замолкать,—видъ Бенедека, окруженнаго 60-тысячнымъ войскомъ въ Пештѣ, видъ сподвижниковъ Бенедека, окруженныхъ достаточнымъ для другихъ провинцій числомъ войска въ другихъ городахъ, охлаждалъ запоздалую горячку, и все возвращалось къ спокойствію. Да, существовали тогда и отрадныя явленія; теперь не то. Теперь весь горизонтъ австрійскихъ правителей покрытъ тучами, сквозь которыя не падаетъ ни одного свѣтлаго луча. А отъ чего произошла вся бѣда ихъ? Оттого, что запуганные прошлогодними слѣдствіями своей опрометчивости, они вздумали осторожно и осмотрительно обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ. Они пропустили этимъ удобное время,—а удобное время было для нихъ.

Мѣсяца три тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ августа, было уже видно, что Францискъ II будетъ низвергнутъ, что неаполитанцы собираются провозгласить власть Виктора-Эммануэля, что онъ приметъ власть надъ ними и соединитъ Италію въ одно государство. Вотъ этихъ немногихъ дней, прошедшихъ между первыми успѣхами Гарибальди въ Калабріи и выступленіемъ сардинскихъ войскъ на подавленіе Ламорисьера, не слѣдовало бы терять австрійцамъ. Не слѣдовало имъ довольствоваться посылкою по нѣскольку человѣкъ на подкрѣпленіе Ламорисьера, а прямо, открыто двинуть тысячъ 50 или 80 австрійскаго войска на изгнаніе Гарибальди изъ неаполитанскихъ предѣловъ. Это можно было сдѣлать, не касаясь земель, находившихся тогда подъ властью Виктора-Эммануэля: можно было переправить армію моремъ изъ Тріеста или Венеціи въ Абруццы или другую неаполитанскую область. У Австріи нѣтъ военнаго флота, но купеческихъ пароходовъ и транспортныхъ судовъ нашлось бы довольно: стѣсняться формами при такой безотлагательной надобности не стали бы австрійскіе правители: можно было безъ околичностей забрать подъ перевозку войскъ всѣ купеческія суда въ Тріестѣ и другихъ австрійскихъ портовыхъ городахъ. Дѣло съ Гарибальди было бы покончено въ нѣсколько дней, много въ двѣ недѣли, и Кавуръ не посмѣлъ бы шевельнуть пальцемъ, имѣя противъ себя на сѣверо-востокѣ Верону и Мантую, а на югѣ 80 тысячъ австрійцевъ съ 50-тысячною арміею Франциска II и 30-тысячною арміею Ламорисьера. Онъ протестовалъ бы, да тѣмъ и кончилъ бы. Но Франція? Вѣдь Франція провозглашала, что не потерпитъ вмѣшательства въ итальянскія

Digitized by Google

дѣла? Кто знакомъ съ человѣческими дѣлами, знаетъ, какъ легко было бы устранить это возраженіе. Австрійцы торжественно объявили бы и конфиденціально увѣрили бы, что они нимало не хотятъ касаться ни Піэмонта, ни Ломбардіи, гарантированной ему Франціею; ни даже Тосканы. герцогствъ и Романьи, присоединеніе которыхъ къ Піэмонту не гарантировано и не одобрено Франціею; что они хотятъ только прогнать флибустьера изъ владѣній своего союзника и родственника короля неаполитанскаго, и немедленно возвратятся назадъ въ свои границы, какъ только возстановятъ его власть. Только то и было бы нужно. Чего хочетъ Франція? Только того, чтобы австрійцы не возстановляли своего перевѣса въ Италіи во вредъ французскому вліянію, и успокоить Францію въ этомъ отношеніи было бы легко австрійцамъ: стоило бы объявить имъ, что они съ радостію увидятъ, если французы будутъ помогать имъ въ изгнаніи Гарибальди, Франція прислала бы еще нѣсколько дивизій въ Римъ, заняла бы, можетъ быть, Неаполь или другіе пункты, увидѣла бы, что австрійцы не опасаются ея войскъ, смотрятъ на нихъ какъ на союзниковъ—и дѣлокончилось бы возстановленіемъ Франциска II, и австрійцы, вѣрные своему слову, возвратились бы домой, т. е. въ Венецію, и южная половина полуострова была бы возвращена ихъ союзнику и родственнику, а папа сохранилъ бы Умбрію и маркграфства. Еслибы только увѣрить Францію, что цѣль австрійскаго движенія состоитъ лишь въ этомъ, Франція осталась бы очень довольна, потому что расширеніе власти Виктора-Эммануэля противно интересамъ императора французовъ, какъ извѣстно всѣмъ. Другія великія державы одобрили бы такую помощь: одна Англія протествовала бы, — но опять извѣстно, что войны за Италію не начала бы она ни въ какомъ случаѣ; а неудовольствіе, ограничивающееся депешами и протестами, не слишкомъ важная вещь. Смѣлостью и быстротою Австрія могла бы удержать въ концѣ августа Италію отъ соединенія въ одно государство. А теперь уже поздно, соединеніе произошло; изъ 80 тысячъ союзниковъ, которыхъ имѣла тогда Австрія въ арміяхъ Франциска II и Ламорисьера, осталось лишь нѣсколько безсильныхъ батальоновъ въ Гаэтѣ и въ Римѣ, а армія Виктора-Эммануэля уже увеличилась нѣсколькими десятками тысячъ съ той поры, увеличится еще сотнею тысячъ или больше къ веснѣ. Потеряно австрійцами время; потеряли они его въ напрасныхъ стараніяхъ обезпечить неудобоисполнимыми средствами успѣхъ, зависѣвшій отъ рѣшительности и прямоты.

Въ прошедшій разъ мы говорили, какими способами думала Австрія упрочить успѣхъ себѣ въ итальянской войнѣ; теперь посмотримъ, къ чему привели ее эти способы.

Ей хотѣлось удержать Францію отъ сопротивленія австрійскому вмѣшательству въ итальянскія дѣла. Можно было бы прямо согласиться съ императоромъ французовъ, если бы войти въ его виды. Мысль о возвращеніи Ломбардіи и о возстановленіи надлежащаго порядка въ сѣверной Италіи слѣдовало оставить до обстоятельствъ, болѣе благопріятныхъ. Вмѣсто этого, Австрія вздумала составить коалицію восточной Европы, чтобы грозить вторженіемъ черезъ Рейнъ, если французы не дадутъ ей власти распоряжаться въ Италіи, какъ она хочетъ. Это значило требовать отъ императора французовъ невозможныхъ вещей и прибѣгать къ фантастическимъ средствамъ для вынужденія у него согласія. Наполеонъ III конечно желаетъ добра австрійцамъ, но благородное сочувствіе къ нимъ не дохо-

Digitized by Google

дить у него, какъ у человѣка разсчетливаго, до забвенія о самомъ себѣ, до подрыванія собственной власти изъ любви къ австрійцамъ. Что сказала бы французская публика, еслибъ онъ уступилъ австрійцамъ политическое первенство на западѣ европейскаго континента,—а предоставить австрійцамъ произволъ распоряжаться въ Италіи, какъ они хотятъ, значило бы ни больше, ни меньше, какъ предоставить имъ первенство, свести Францію на второе мѣсто между западными континентальными державами. „Это униженіе для насъ", сказала бы французская публика, и власть Наполеона III поколебалась бы. А еще больше, если бы такая уступка была вынуждена у него угрозами, какъ думала сдѣлать Австрія, — что сказала бы тогда французская публика? Она не стала бы и говорить ничего, потому что стала бы думать уже не о разговорахъ; потому-то Наполеонъ III, когда Австрія начала громко говорить о готовящейся коалиціи, нашелся вынужденнымъ произнесть очень простыя слова: „я не вѣрю, будто бы составляется коалиція; но если она составляется, я не боюсь ея". Слова эти хороши тѣмъ, что справедливы. Наполеонъ III находится въ такомъ положеніи, что коалиція не страшна ему; напротивъ, она была бы выгодна для него: коалиція противъ Франціи довела бы національное чувство французовъ до экстаза, который сдѣлался бы самою прочною опорою престола Наполеона III. Справедливы оказались его слова и въ томъ отношеніи, что обнаружилась невозможность составить коалицію, о которой хлопотала Австрія. Въ самомъ дѣлѣ, какая изъ континентальныхъ державъ считаетъ возможнымъ дѣломъ вторженіе во Францію? Между тѣмъ императоръ французовъ пока еще вовсе не готовится переходить за Рейнъ,—дѣло идетъ вовсе не о томъ; опасность войны находится въ Италіи. Какою же опасностью угрожаетъ, напримѣръ, Пруссіи война въ Италіи, и достанетъ ли у Пруссіи средствъ посылать войска въ Италію? Конечно, отправлять армію такъ далеко, значило бы посылать ее на погибель. Непостижимо, какъ австрійскіе правители считали дѣломъ возможнымъ устроить коалицію, пока Франція не обнаруживаетъ намѣренія вторгнуться въ Германію.

Такою же непрактичностью отличались австрійскіе правители въ исполненіи другаго своего способа обезпечить себѣ успѣхъ въ задуманной войнѣ съ Италіею. Мы уже говорили въ прошлый разъ, какими соображеніями и обстоятельствами была произведена австрійская попытка, называвшаяся въ офиціальныхъ австрійскихъ газетахъ введеніемъ конституціоннаго устройства. Чтобы начать войну, было надобно успокоить внутреннія провинціи государства, ропотъ которыхъ достигалъ силы, показавшейся австрійскимъ министрамъ серьезною. Чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ искусство, надобно прибавить, что возбудили этотъ шумъ они же сами. Мы говоримъ не о томъ, что они держались системы, не согласной съ желаніями публики, — за это порицать ихъ не слѣдуетъ, иной системы не могли они держаться по своему положенію. Вспомнимъ, какъ нынѣшняя Австрійская имперія возникла, всего лишь 15 лѣтъ тому назадъ. Прежняя Австрія погибла для австрійцевъ въ 1848 году: возмутились противъ австрійцевъ ломбардо-венеціанцы, потомъ чехи, потомъ венгры, наконецъ и нѣмцы. Мы нѣсколько разъ объясняли, что нѣмцы, населяющіе Тироль, эрцгерцогство Австрію, и другія нѣмецкія области Австрійской имперіи—вовсе не австрійцы, точно такъ, какъ народъ, населяющій Греческое королевство и Іоническіе острова — вовсе не фанаріоты, а просто греки. Австрійцы были изгнаны отовсюду, — не только изъ Милана, Ве-

Digitized by Google

неціи и Пешта, но даже изъ Вѣны, даже изъ Инспрука. По выраженію Радецкаго, Австрія тогда сохранилась только въ лагеряхъ тѣхъ войскъ, которыми командовали австрійцы, каковы напримѣръ Радецкій и Виндишъ Грецъ, несмотря на свои славянскія фамиліи, Гіулай и Бенедекъ, несмотря на свои венгерскія фамиліи. Австрія, существующая нынѣ, основалась въ 1848 и 1849 гг. подвигами Радецкаго, Шлика, Гайнау. На какихъ основаніяхъ существовала прежняя Австрія, намъ нѣтъ нужды разбирать здѣсь; довольно указать извѣстный каждому фактъ, что земли, ее составлявшія, или вовсе никогда не были завоеваны, а добровольно признали надъ собою власть австрійской династіи, или завоеваны были такъ давно, что утратили сознаніе о томъ. Эта прежняя Австрія погибла въ 1849 году и замѣнилась новымъ государствомъ, происхожденіе котораго мы объяснили.

Отношенія между австрійцами и населеніемъ Австрійской имперіи были созданы вооруженною силой, и для упроченія этого порядка дѣлъ австрійцы были принуждены оставаться на военномъ положеніи среди своихъ подданныхъ нѣмцевъ, славянъ и венгровъ. 10 лѣтъ они оставались вѣрны этой неизбѣжной для нихъ политикѣ и все въ Австрійской имперіи шло прекрасно, какъ мы доказывали съ годъ тому назадъ выписками изъ очень основательной книги знаменитаго австрійскаго ученаго Чернига. Прошлогодняя война повредила дѣлу. Пораженные страшными ударами, австрійскіе правители испугались поднявшагося ропота.

Австрійцамъ показалось, что ропотъ возбужденъ нѣкоторыми недостатками прежней системы. Такое мнѣніе, конечно, должно было произвести результаты, противные благонамѣреннымъ ожиданіямъ австрійскихъ правителей для успокоенія ропота. При заключеніи Виллафранкскаго мира даны были обѣщанія внутреннихъ улучшеній. Каждый долженъ былъ понимать, что улучшенія эти могутъ состоять лишь въ усовершенствованіи существовавшей системы. Но подданные Австріи перетолковали данныя обѣщанія превратнымъ образомъ: они стали разумѣть подъ улучшеніями внутренняго порядка введеніе равенства вѣроисповѣданій, улучшеніе конкордата, ставившаго школы въ зависимость отъ іезуитовъ и другихъ ультрамонтанцевъ, признаніе національностей, предоставленіе каждой національности независимаго управленія всѣми ея дѣлами. Несогласимость понятій не замедлила обнаружиться, лишь только австрійскіе правители стали исполнять свои обѣщанія. Первое обѣщаніе, подвергнувшееся процессу исполненія, было предоставленіе льготъ венгерскимъ протестантамъ, находившимся подъ управленіемъ іезуитовъ. Протестанты объявили, что не принимаютъ второстепенныхъ уступокъ и хотятъ, чтобы ихъ церквамъ была дана такая же независимость, какою пользуется католическая церковь. Читатель понимаетъ, что такой взглядъ, такія желанія никакъ не могутъ быть соглашены съ австрійскою системою. Вмѣсто примиренія, результатомъ улучшенія вышло тутъ лишь то, что протестанты громко стали говорить о правахъ, которыхъ никакъ не могутъ предоставить имъ австрійскіе правители. Точно таковъ же былъ результатъ всѣхъ другихъ мѣръ, принятыхъ австрійцами для осуществленія обѣщанія: ропотъ не успокоился, а только усилился. Мы не будемъ перечислять всѣхъ подробностей этого постепеннаго разочарованія обѣихъ сторонъ, —довольно будетъ заняться намъ послѣднимъ, самымъ громкимъ послѣдствіемъ ошибочнаго взгляда австрійцевъ. Мы говоримъ о такъ называемомъ введеніи представительнаго правленія въ земляхъ Австрійской имперіи.

Когда мы писали политическое обозрѣніе для прошлой книжки „Современника“

Digitized by Google

мы имѣли еще только телеграфическія извѣстія о преобразованіи, вводимомъ въ Австріи дипломомъ 20 октября и проистекающими изъ него статутами. Только въ послѣднія минуты, когда уже оканчивалось печатаніе нашей статьи, были получены нумера газетъ, заключавшіе въ себѣ текстъ диплома и сопровождавшихъ его рескриптовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ получены были телеграфическія депеши, утверждавшія, что во всѣхъ частяхъ имперіи реформа показалась очень удовлетворительною и была встрѣчена съ большою радостію и признательностію. Противъ этихъ данныхъ, казавшихся столь положительными, мы могли говорить тогда, основываясь лишь на собственномъ впечатлѣніи; оно состояло въ томъ, что уступки, сдѣланныя австрійскими правителями, не соотвѣтствуютъ расположенію умовъ въ завоеванныхъ областяхъ и не могутъ поправить прежнихъ отношеній. Скоро оказалось, что дѣйствительно такъ. Теперь всѣ австрійскія газеты наполнены фактами, показывающими, что уступки были напрасны.

Самое происхожденіе документовъ, возвѣщавшихъ уступки, подверждаетъ ту простую истину, что австрійскіе правители увлеклись на путь, чуждый для нихъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы указывали способъ составленія документовъ 20 октября, основываясь лишь на самомъ характерѣ этихъ документовъ; теперь напечатаны положительныя извѣстія, показывающія, что дѣло происходило именно такъ, какъ мы тогда предполагали.

Когда былъ распущенъ новый государственный совѣтъ, австрійскіе министры думали сначала, что можно обойтись безъ преобразованій. Читатель помнитъ, что государственный совѣтъ составилъ два проэкта преобразованій. Огромное большинство государственныхъ совѣтниковъ подписало проэктъ, сочиненный графомъ Кламомъ Мартиницемъ по согласію съ венгерскими магнатами. Сущность проэкта состояла въ томъ, чтобы возстановить порядокъ дѣлъ, существовавшій въ XVII столѣтіи. Этотъ порядокъ отличался отъ нынѣшняго двумя главными чертами. Во-первыхъ, каждая область имѣла свое отдѣльное управленіе, и связью между областями служила только личная воля государя. Во-вторыхъ, каждая область находилась подъ управленіемъ мѣстной аристократіи. Эта вторая черта отличія прежнихъ порядковъ отъ нынѣшнихъ не была противна системѣ австрійскихъ правителей, но было невозможно имъ согласиться на ослабленіе своей власти, требовавшееся для осуществленія первой черты перемѣнъ, предлагаемыхъ проэктомъ этой партіи. Они готовы были бы передать областныя дѣла во власть мѣстной аристократіи лишь на томъ условіи, чтобы эти мѣстныя правительства были подчинены центральному правительству, сохраняющему нынѣшнія бюрократическія формы. Партія Кламъ-Мартиница хотѣла господствовать надъ бюрократіей; австрійскіе правители могли сдѣлать ее своею союзницею лишь съ тѣмъ, чтобы она была исполнительницею распоряженій центральной бюрократіи. Такое коренное разнорѣчіе желаній было причиною, что австрійскіе правители рѣшились оставить безъ вниманія проэктъ большинства государственнаго совѣта. Проэктъ меньшинства не годился для нихъ потому, что носилъ нѣкоторый отпечатокъ конституціонныхъ идей. Мы вовсе не то хотимъ сказать, что онъ предлагалъ ввести конституціонное правленіе: меньшинство государственнаго совѣта состояло изъ людей, чуждыхъ такой мысли; но они желали нѣкоторыхъ нововведеній, ограничивавшихъ самостоятельность распоряженій министерства. Австрійскіе правители нашли, что ограниченія власти ихъ — дѣло вредное для всего австрійскаго порядка. Словомъ сказать, проэктъ мень-

Digitized by Google

шинства и проэктъ большинства—оба казались неудобоисполнимыми для австрійскихъ правителей, и оба были отложены въ сторону.

На этомъ и хотѣли остановиться. Но публика толковала о возможности преобразованій, будто бы обѣщанныхъ послѣ Виллафранкскаго мира. Австрійскіе правители поколебались въ своей прежней рѣшимости; они поддались вліянію общественнаго мнѣнія и стали думать, что надобно сдѣлать какія нибудь преобразованія. Совѣтъ министровъ началъ совѣщаться объ этомъ. Когда пошла рѣчь о томъ, какими усовершенствованіями полезно было бы улучшить прежнюю систему, они не могли ни въ чемъ согласиться между собою. Время шло въ безплодныхъ спорахъ; едва тотъ или другой министръ предлагалъ ту или другую мысль, всѣ остальные находили ее или вредною, или непрактичной. А между тѣмъ толки въ публикѣ становились все громче, да и дѣла въ Италіи требовали, по мнѣнію австрійскихъ министровъ, скорѣйшаго успокоенія внутреннихъ провинцій. Тогда австрійскіе министры обратились къ проэкту большинства государственнаго совѣта, чтобы передѣлать его. Но все-таки не могли они придти ни къ какому результату. Оказалась нужна посторонняя помощь. Въ составленіи проэкта большинства главное участіе принималъ графъ Кламъ-Мартиницъ. Чтобы передѣлать этотъ проэктъ сообразно положенію австрійскихъ правителей, ближе всего было бы пригласить графа. Но, при всей своей благонамѣренности, Кламъ-Мартиницъ обнаружилъ въ себѣ свойство, неудобное для австрійскихъ министровъ: онъ хотѣлъ быть главою новаго кабинета, хотѣлъ устранить всѣхъ прежнихъ министровъ отъ должностей, замѣстивъ ихъ людьми по своему выбору. Пришлось искать другаго совѣтника. Помощниками Кламъ-Мартиница въ государственномъ совѣтѣ были венгерскіе магнаты; между ними первую роль игралъ графъ Сеченъ. Министры обратились къ нему; онъ обнаружилъ сговорчивость: удовлетворился званіемъ министра безъ портфеля, т. е. члена совѣта министровъ, не имѣющаго никакой особенной части управленія въ своемъ завѣдываніи, и въ замѣнъ за то взялся передѣлать проэктъ большинства государственнаго совѣта сообразно съ намѣреніями министровъ.

Содержаніе диплома объясняется его происхожденіемъ. Проэктъ большинства государственнаго совѣта, поступившій въ руки Сечена, имѣлъ, какъ мы замѣчали, двѣ главныя черты: во-первыхъ, онъ устроивалъ областное управленіе такъ, чтобы вся власть принадлежала феодальнымъ сословіямъ; во-вторыхъ, онъ ограничивалъ власть центральнаго управленія, давая областнымъ правительствамъ независимость отъ центральнаго почти во всей администраціи. Графъ Сеченъ исправилъ проэктъ такъ, что центральная бюрократія сохраняетъ всю свою нынѣшнюю власть; областныя правительства дѣйствуютъ исключительно по ея распоряженіямъ. Но эта дѣятельность, состоящая въ исполненіи воли центральнаго правительства, передается въ каждой области лицамъ, которыхъ почтутъ достойными своими представителями мѣстныя феодальныя сословія. Такое преобразованіе почтено было министрами и графомъ Сеченомъ за реформу, удовлетворительную для всѣхъ областей Австрійской имперіи, кромѣ одной Венгріи. Будучи самъ венгерецъ, графъ Сеченъ разсудилъ, что Венгрія не удовлетворилась бы этою сущностію дѣла, если бы сущность дѣла не была облечена въ формы, пріятныя національному чувству венгерцевъ. Венгерцамъ нравилось, что главный правитель королевства назывался у нихъ встарину особеннымъ именемъ палатина, а не просто намѣстникомъ или генералъ-губернаторомъ, какъ въ другихъ австрійскихъ земляхъ; имъ льстило, что австрійскій им-

Digitized by Google

ператоръ имѣетъ особенную коронацію, какъ король венгерскій; наконецъ они жаловались, что нѣмецкому языку дано въ ихъ землѣ первенство надъ венгерскимъ. Графъ Сеченъ объяснилъ остальнымъ министрамъ, что надобно уступить Венгріи въ этихъ случаяхъ. Такимъ образомъ въ дипломѣ была отдѣлена Венгрія отъ остальныхъ земель, и назначены ей особыя преимущества. Венгерскій языкъ былъ признанъ офиціальнымъ для дѣлъ внутренней венгерской администраціи; обѣщано было, что императоръ австрійскій будетъ имѣть особенную коронацію, какъ король венгерскій; генералъ-губернаторувенгерскому присвоенъ былъ прежній титулъ палатина. Словомъ сказать, корпораціи и сановники, установлявшіеся вслѣдствіе диплома, получили имена, заимствованныя изъ прежняго венгерскаго устройства. Отъ этого наружность дѣла имѣла для Венгріи другой оттѣнокъ, чѣмъ для остальныхъ провинцій, и въ соблюденіе такого различія дипломъ говорилъ о Венгріи отдѣльно отъ остальной массы австрійскихъ областей. Графъ Сеченъ, жертвуя отдѣльною областью благу австрійскаго правительства, не требовалъ для своей родины уступокъ, не согласныхъ съ духомъ реформъ, дававшихся другимъ областямъ, а остальные министры согласились съ нимъ, что имена сановниковъ и учрежденій въ Венгріи должны быть болѣе блестящими, чѣмъ въ другихъ областяхъ, при существенной одинаковости устройства Венгріи и остальныхъ провинцій.

Еще болѣе замѣчательна осмотрительность графа Сечена при назначеніи министра, который управлялъ бы Венгріею. Мелочныя хлопоты, поглощавшія прежде значительную часть времени у министровъ вѣроисповѣданій, полиціи и внутреннихъ дѣлъ, слагались теперь съ чиновниковъ центральныхъ вѣнскихъ департаментовъ на областныя управленія. Прежде министры дѣлали распоряженія и сами хлопотали о подробностяхъ исполненія даже маловажныхъ распоряженій; теперь было рѣшено, что по маловажнымъ дѣламъ они только будутъ отдавать приказанія и имѣть надзоръ за ихъ исполненіемъ, а самое исполненіе маловажныхъ распоряженій возлагается на обязанность областныхъ управленій. Черезъ это должность министра значительно облегчалась, и найдена была возможность соединить въ рукахъ одного министра три отрасли управленія, которыя прежде были раздѣлены между тремя министрами. Это соединеніе трехъ министерствъ въ одно было облегчено тѣмъ, что графъ Надашди, министръ внутреннихъ дѣлъ, и графъ Тунъ, министръ исповѣданій, навлекли на себя неудовольствіе перваго министра, графа Рехберга, и принуждены были подать въ отставку. Остальные министры рѣшились не замѣщать этихъ должностей, сдѣлавшихся вакантными, и такимъ образомъ прежній министръ полиціи, графъ Голуховскій, принялъ подъ свое управленіе министерства вѣроисповѣданій и внутреннихъ дѣлъ съ титуломъ государственнаго министра. Но Венгріи давалось положеніе отдѣльное отъ остальныхъ провинцій, потому надобно было назначить отдѣльнаго сановника для завѣдыванія по венгерской провинціи тѣми отраслями дѣлъ, которыми сталъ завѣдывать по другимъ провинціямъ графъ Голуховскій. Этому министру венгерскихъ дѣлъ дано было старинное имя венгерскаго придворнаго канцлера. Графъ Рехбергъ предложилъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера графу Сечену, какъ венгерцу. Но графъ Рехбергъ не зналъ, до какой степени не любятъ венгерцы графа Сечена, который до 1848 г. былъ приверженцемъ Меттерниха и горячо боролся противъ національной партіи, а въ 1848 г. держалъ сторону австрійскаго правительства въ войнѣ противъ мятежныхъ своихъ соотечественниковъ. Теперь онъ могъ бы воспол-

Digitized by Google

зоваться предположеніемъ австрійскихъ министровъ, что его имя произведетъ хорошее впечатлѣніе въ Венгріи; но онъ не захотѣлъ извлекать выгоды для себя изъ ихъ ошибки и отказался отъ званія венгерскаго придворнаго канцлера; на это мѣсто рекомендовалъ онъ человѣка, вполнѣ раздѣляющаго теперь его убѣжденія, барона Вая.

Но несмотря на высокое благородство графа Сечена, составлявшаго дипломъ 20 октября, несмотри на то, что дипломъ этотъ содержалъ въ себѣ крайнія уступки, какія только можетъ сдѣлать австрійское правительство, опытъ новаго законодательства былъ холодно встрѣченъ народами. Такого результата слѣдовало ожидать по изложеннымъ нами отношеніямъ австрійцевъ къ населяющимъ Австрійскую имперію нѣмцамъ, славянамъ, венграмъ и итальянцамъ. Мы еще яснѣе убѣдимся въ его неизбѣжности, если ближе познакомимся съ характеромъ преобразованій, провозглашенныхъ дипломомъ 20 октября.

Въ то время, какъ мы пишемъ эту статью, постепенно обнародованы уставы для сеймовъ четырехъ провинцій: Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля. Уставъ для Штиріи явился первымъ, потому имѣлъ особенную важность въ ходѣ окончательнаго установленія мнѣній о новомъ устройствѣ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его съ нѣкоторою подробностію.

По второй статьѣ статута, „ландтагъ состоитъ изъ представителей духовенства, дворянъ и большихъ землевладѣльцевъ, городовъ, торговыхъ и промышленныхъ палатъ и прочихъ общинъ“. По четвертой статьѣ, президентъ ландтага назначается императоромъ, а не выборомъ самихъ членовъ ландтага. По статьямъ 9, 10, 11 и 12, духовенство посылаетъ на ландтагъ 8 депутатовъ, дворянство 12, города 10 депутатовъ, торговая и промышленная палаты 2 депутатовъ, остальныя герцогства Штиріи 12 депутатовъ. Такимъ образомъ изъ 42 членовъ ландтага, двумъ первымъ сословіямъ принадлежитъ 18. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ всѣ эти 18 членовъ стали бы подавать голосъ какъ одинъ человѣкъ; чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, имъ нужно было бы привлечь на свою сторону изъ остальныхъ членовъ ландтага только 4 или даже только 3 человѣкъ, потому что президентомъ конечно всегда будетъ епископъ или аристократъ, такъ что при равномъ раздѣленіи голосовъ его голосъ всегда далъ бы перевѣсъ ихъ партіи. По 24 статьѣ, права ландтага состоятъ въ томъ, что онъ „по предметамъ, касающимся благосостоянія и нуждъ Штиріи, можетъ выражать желанія или жалобы страны и представлять предложенія и просьбы или непосредственно императору, или чрезъ намѣстника“. Такимъ образомъ онъ имѣетъ совѣщательный голосъ или, точнѣе говоря, право представлять свое мнѣніе на благоусмотрѣніе центральнаго правительства, а рѣшенія правительства принимаются совершенно независимо отъ ландтага. По 27 статьѣ, это отношеніе установляется еще опредѣлительнѣе: „ландтагъ выражаетъ мнѣнія по всѣмъ предметамъ, въ которыхъ правительство обратится къ нему за совѣтомъ“,—такимъ образомъ кругъ его дѣятельности или, точнѣе говоря, кругъ дѣлъ, о которыхъ онъ можетъ представлять просьбы императору, опредѣляется тѣмъ, о какихъ дѣлахъ найдетъ нужнымъ министерство совѣтоваться съ нимъ. Кромѣ этихъ дѣлъ, которыя каждый разъ указываются ландтагу волею министерства, онъ занимается совѣщаніями о постройкѣ дорогъ и кадастровыми дѣлами. Наконецъ, онъ завѣдуетъ раскладкою податей и повинностей по разнымъ округамъ и общинамъ.

Digitized by Google

Прибавимъ, что депутаты отъ городовъ избираются не прямо самими горожанами, а городскими начальствами; депутаты другихъ общинъ, то есть сельскихъ общинъ, такъ же не поселянами, а начальствами общинъ.

Слѣдовавшіе за этимъ уставомъ статуты Каринтіи, Зальцбурга и Тироля были совершенно таковы же. Разница была только въ числѣ членовъ сейма, соотвѣтственно разницѣ въ величинѣ и населеніи провинцій. Но пропорція между представителями феодальныхъ сословій и другими депутатами постоянно была такова же, какъ и въ штирійскомъ сеймѣ: большинство было всегда обезпечено феодальнымъ сословіямъ; такъ, напримѣръ, тирольскому сейму положено было имѣть всего 56 членовъ, по 14 отъ каждаго изъ 4 сословій: духовенства, дворянства (котораго почти нѣтъ въ Тиролѣ), горожанъ и поселянъ. При такомъ распредѣленіи представителей, два феодальныя сословія должны имѣть большинство, хотя бы ни одинъ изъ представителей горожанъ и поселянъ не присоединился къ нимъ, потому что на ихъ сторонѣ былъ бы президентъ, голосъ котораго рѣшаетъ при равномъ раздѣленіи голосовъ.

Но областные сеймы занимаются только дѣлами отдѣльныхъ областей; по дѣламъ всего государства данъ былъ имъ при центральномъ правительствѣ особенный общій органъ, подъ названіемъ государственнаго совѣта. Читатель помнитъ изъ прежняго нашего обозрѣнія, что члены государственнаго совѣта назначаются по выбору областныхъ сеймовъ; каждый провинціальный сеймъ посылаетъ въ государственный совѣтъ соразмѣрное важности своей провинціи число такихъ повѣренныхъ. Областной сеймъ долженъ былъ выбирать не прямо самыхъ членовъ государственнаго совѣта, а кандидатовъ на это званіе, въ тройномъ числѣ противъ количества членовъ, какое опредѣлено было брать въ государственный совѣтъ отъ провинціи. Напримѣръ, если бы въ государственный совѣтъ назначено было взять пять человѣкъ членовъ изъ Тироля, то тирольскій сеймъ долженъ выбирать 15 человѣкъ, кажущихся ему достойными такого назначенія. Австрійское министерство удержало за собою право окончательнаго выбора пятерыхъ членовъ государственнаго совѣта изъ этого представляемаго ему списка 15 кандидатовъ.

Такая мѣра соотвѣтствовала назначенію государственнаго совѣта; въ самомъ дѣлѣ, ему предоставлено было право „содѣйствія“ (Mitwirkung) по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, превышавшимъ кругъ участія областныхъ сеймовъ: черезъ совѣщанія государственнаго совѣта должны были проходить всѣ вопросы о новыхъ налогахъ, займахъ и законодательныхъ мѣрахъ. Оффиціальными разъясненіями было указано, что степень вліянія государственнаго совѣта на всѣ эти дѣла въ точности опредѣляется терминомъ „содѣйствія“, которымъ обозначалъ дипломъ участіе этого учрежденія въ государственномъ управленіи. Разъяснено было, что „содѣйствіе“ указываетъ на всегдашнюю готовность министровъ принимать къ свѣдѣнію мнѣніе государственнаго совѣта. Но тутъ же было прибавлено, что „содѣйствіе“ вовсе не означаетъ „утвержденія“ или „согласія“. Министерство оставляло за собою право поступать во всякомъ дѣлѣ сообразно своему усмотрѣнію, не стѣсняясь мнѣніемъ государственнаго совѣта, если это мнѣніе окажется не соотвѣтствующимъ правительственной надобности. Оно дѣлало государственный совѣтъ дѣйствительно собраніемъ своихъ совѣтниковъ, мнѣніе которыхъ уважается, когда бываетъ хорошо, но не мѣшаетъ надлежащему ходу дѣла, когда бываетъ неудо-

Digitized by Google

влетворительно. При такомъ условіи государственный совѣтъ, получая возможность быть полезнымъ для министерства, не могъ служить препятствіемъ къ надлежащему порядку управленія Австрійскою имперіею. Впрочемъ на его совѣщаніе должны были предлагаться необходимыя для государства мѣры только въ обыкновенныхъ случаяхъ; а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда дѣло не терпѣло бы отлагательства, или когда, по своему характеру или по своему отношенію къ публикѣ, оно было бы не удобно для совѣщаній въ многочисленномъ собраніи, министерство оставляло за собою право дѣлать всѣ нужныя распоряженія помимо совѣщаній съ государственнымъ совѣтомъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что австрійское правительство не отступало отъ основаній прежней системы, оставляло за собою всю прежнюю власть. Двѣ важнѣйшія отрасли государственныхъ дѣлъ, — иностранная политика и военная часть,—были оставлены на прежнихъ основаніяхъ. Новыми формами облекался ходъ дѣлъ только по внутреннему гражданскому управленію, да и тутъ новыя формы оставались безъ всякой силы вредить продолженію администраціи на прежнихъ основаніяхъ. Мы говорили выше, что дипломъ 20 октября былъ ошибкою со стороны австрійскаго правительства; но ошибку надобно видѣть не въ характерѣ установленій, вводимыхъ этимъ дипломомъ, — нѣтъ, ошибка заключалась лишь въ томъ, что австрійское правительство ожидало за него признательности отъ побѣжденныхъ народовъ, думало, что дѣлаетъ имъ уступку. Въ этомъ своемъ предположеніи оно ошиблось.

Дипломъ 20 октября былъ истолкованъ, какъ признаніе австрійцевъ въ невозможности продолжать систему, по которой управлялась Австрійская имперія. Въ самой Вѣнѣ формально провозглашалось это. Всѣ вѣнскія газеты каждый день твердятъ теперь, что австрійскіе правители объявили дипломомъ 20 октября несостоятельность прежней системы. Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ вѣнской газеты Die Presse,—онѣ взяты нами изъ нумера, вышедшаго 31 октября, черезъ полторы недѣли послѣ диплома:

„Благодаря могущественному вліянію государственнаго человѣка, владычествовавшаго надъ Германіею съ 1815 года до весны 1848, союзный сеймъ забывалъ свою обязанность позаботиться о томъ, чтобы Австрія получила конституцію, и политическая жизнь Австріи замерла подъ ледяною рукою Меттерниха. Буря, пронесшаяся назадъ тому 12 лѣтъ по всей имперіи, пробудила и народы Австріи; но наставшая потомъ реакція уничтожила все, пріобрѣтенное ими. и Австрія сдѣлалась политическою степью, на которой не могъ явиться ни одинъ зеленый колосъ какого нибудь конституціоннаго учрежденія. Надъ этою политикою произнесенъ приговоръ нынѣ, произнесенъ тѣми самыми людьми, которые въ теченіе цѣлаго поколѣнія были ея ревностнѣйшими защитниками, и теперь наконецъ, какъ видно изъ циркуляра Рехберга, императорское правительство начинаетъ признавать за населеніемъ конституціонныя права“.

Съ того времени, вѣнскія газеты каждый день выражаютъ эту мысль все рѣзче и рѣзче. Конечно онѣ ошибаются, утверждая, будто бы графъ Рехбергъ и его товарищи имѣли въ виду осужденіе прежней системы, когда составляли и объявляли дипломъ 20 октября. Но вотъ именно то и слѣдуетъ назвать большою ошибкою, что они возбудили подобные толки документомъ, по своей сущности безвреднымъ. Они слишкомъ надѣялись встрѣтить въ подданныхъ тотъ же взглядъ, какимъ про-

Digitized by Google

никнуты были сами. Къ сожалѣнію, эта надежда на публику оказалась не соотвѣтствующею дѣйствительному характеру публики. Перспектива австрійскаго будущаго омрачена и уже произошло много прискорбныхъ явленій.

Эти явленія начали возникать съ самаго того дня, какъ появился дипломъ. Для примѣра приведемъ факты, которыми обнаружила холодность своихъ чувствъ самая столица Австрійской имперіи. Министерство ожидало, что Вѣна обнаружитъ признательность, и сообщило городскому начальству, чтобы оно облегчило своими распоряженіями вступленіе жителей Вѣны на прямѣйшій путь къ выраженію ожидаемаго чувства. Городское начальство объявило жителямъ, что вечеромъ 21 октября назначено быть городу иллюминованнымъ, по случаю обнародованія въ утреннихъ газетахъ того числа диплома съ сопровождающими документами. Жители не послѣдовали распоряженію городскаго начальства. Иллюминованы были только общественныя зданія и жилища офиціальныхъ лицъ, а частные домы оставались не освѣщены. Телеграфическія депеши говорили, что вечеромъ 21 октября обнародованіе диплома было отпраздновано иллюминаціями въ Прагѣ, Линцѣ, Градѣ, Тріестѣ и т. д. Но повсюду иллюминація ограничивалась тѣми же зданіями, какъ въ Вѣнѣ; ни одинъ городъ не имѣлъ надлежащей иллюминаціи. Несмотря на слухи, что повсюду дипломъ возбуждаетъ неблагопріятные отзывы, министры продолжали начатое преобразованіе и чрезъ нѣсколько дней послѣ диплома явился уставъ для сейма герцогства Штиріи, а за нимъ, какъ мы говорили, стали поочередно являться подобные же уставы для Каринтіи, Зальцбурга и Тироля. Чтеніе этихъ документовъ усилило неблагопріятное впечатлѣніе и даже представило юридическіе предлоги для формальнаго заявленія недовольства.

Читатель помнитъ, что представители отъ городовъ выбираются въ областные сеймы не горожанами, а городскими начальствами. Надобно знать, что когда реакція еще должна была нѣсколько стѣсняться броженіемъ умовъ, она издала довольно много законовъ, въ которыхъ были либеральныя подробности: эти законы были отмѣнены или оставлены безъ дѣйствія, когда новый порядокъ дѣлъ упрочился и всякая опасность безпорядковъ показалась устраненною. Къ числу законовъ 1849 года, не отмѣненныхъ, но потерявшихъ дѣйствительную силу, принадлежалъ уставъ городскаго управленія. Въ немногихъ городахъ начальства успѣли быть выбраны прежде чѣмъ законъ этотъ потерялъ силу. Да и въ этихъ городахъ составъ городскаго управленія былъ впослѣдствіи преобразованъ назначеніемъ другихъ людей или оставленіемъ выбранныхъ въ 1849 г. начальниковъ на должностяхъ по истеченіи срока, когда надобно было бы по бездѣйствующему закону произвести новые выборы. Въ другихъ городахъ законъ этотъ и съ самаго начала не былъ примѣненъ къ дѣлу, и управленіе еще въ 1849 г. поручено лицамъ по назначенію министровъ. Когда уставы для областныхъ сеймовъ нѣкоторыхъ провинцій были обнародованы, городскія начальства этихъ провинцій заявили начальству, что не могутъ выбирать депутатовъ на сеймы потому, что сами не имѣютъ законнаго существованія, занимая свои должности въ противность закону 1849 года. Изъ другихъ провинцій стали приходить въ Вѣну отъ городскихъ начальствъ такія же заявленія, что если по уставамъ сеймовъ этихъ провинцій будетъ возложена на городскія начальства обязанность выбирать депутатовъ, то они, нынѣшнія городскія начальства, не могутъ признать за собою права заняться этими выборами. Сдѣлавъ одинъ шагъ по несвойственному пути, мини-

Digitized by Google

стерство нашлось теперь вынужденнымъ сдѣлать второй шагъ: протесты городскихъ начальствъ стали такъ многочисленны, что оно уступило, и теперь объявлено, что возобновляется дѣйствіе закона 1849 г. о городскомъ управленіи и будутъ произведены на его основаніи выборы новыхъ городскихъ начальствъ.

Обнаруживается фактъ, прискорбнѣйшій всѣхъ прежнихъ: нѣкоторыя изъ провинцій, еще не получившихъ новаго устройства, присылаютъ въ Вѣну увѣренія, что не могутъ принять уставовъ, подобныхъ обнародованнымъ для Штиріи. Каринтіи и т. д. Такіе протесты присланы, между прочимъ, изъ Праги и другихъ чешскихъ и моравскихъ городовъ; то же самое объявили города верхняго и нижняго эрцгерцогствъ австрійскихъ, въ томъ числѣ Вѣна. Надобно надѣяться, что австрійскіе правители не уступятъ такимъ требованіямъ и обнародуютъ для остальныхъ провинцій уставы, подобные уже обнародованнымъ. Но если бы министерство и уступило, то уступки конечно не будутъ касаться существенныхъ основаній, а измѣнятъ лишь нѣкоторыя подробности, могущія быть прилаженными такъ или иначе къ основнымъ принципамъ нынѣшней системы.

Самая непріятная часть Австрійской имперіи—Венгрія; она кажется намъ не только хуже Вѣны или Праги, а даже Венеціи. Еслибъ Венгрія стала держать себя иначе, миновалось бы тяжелое положеніе дѣлъ и въ Венеціи. По упорству Венгріи, найдено было нужнымъ дать ей, какъ мы говорили, исключительное положеніе. Не то. чтобы принципы новаго устройства, обѣщаннаго венграмъ, существенно отличались отъ реформъ, которыми предоставляются перечисленныя нами права другимъ областямъ,—нѣтъ, но нашли нужнымъ польстить самолюбію венгровъ уступками, которыя считали совершенно достаточными для венгровъ. Мы уже говорили, что венгерскій намѣстникъ будетъ называться стариннымъ именемъ палатина, что сановникъ, управляющій въ Вѣнѣ венгерскими дѣлами, будетъ называться стариннымъ именемъ венгерскаго придворнаго канцлера, и т. д.; кромѣ того, венгерскому областному сейму предоставленъ кругъ занятій, болѣе обширный, чѣмъ другимъ областнымъ сеймамъ. Мы знаемъ, что всѣ важныя дѣла должны рѣшаться въ Вѣнѣ, какъ было до сихъ поръ, съ прибавленіемъ формальности сужденія о нихъ въ государственномъ совѣтѣ, если министры найдутъ удобнымъ, или и безъ этой формальности, если министрамъ покажется она неудобной. Венгрія не должна служить исключеніемъ изъ такого правила: и по ея внутреннему управленію всѣ важныя дѣла рѣшаются въ Вѣнѣ. Но изъ маловажныхъ дѣлъ предоставляется венгерскому провинціальному сейму разсмотрѣніе многихъ такихъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію другихъ областныхъ сеймовъ; второстепенные законы для Венгріи будутъ обсуживаться венгерскимъ сеймомъ, мнѣніе котораго не обязательно для вѣнскаго министерства.

Венгры раздѣляются на три или, собственно говоря, на двѣ партіи. Половина населенія держится партіи Кошута; другая половина націи, такъ называемая умѣренная партія, попрежнему хочетъ, чтобы Венгрія составляла государство, совершенно отдѣльное отъ Австрійской имперіи, съ которой была бы соединена только одинаковостію династіи, какъ Норвегія соединена со Швеціей. Это требованіе называется „требованіемъ возстановленія старинной конституціи съ измѣненіями, сдѣланными въ ней въ 1848 г.“ Измѣненія, сдѣланныя въ 1848 г. состояли въ томъ, что отстранена была всякая возможность вмѣшательства вѣнскаго правительства въ венгерскія дѣла: въ столицѣ Венгріи, Пештѣ, было учреждено отдѣль-

Digitized by Google

ное министерство, находившееся къ вѣнскому лишь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся два правительства совершенно различныхъ государствъ,—напримѣръ, англійское къ французскому, или испанское къ португальскому. Къ этой умѣренной партіи и къ радикальной или кошутовской партіи принадлежатъ венгры, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ третью партію. Эти немногіе люди—люди, бывшіе приверженцами Меттерниха и остававшіеся вѣрными Австріи въ эпоху возстанія. Они магнаты, но и между магнатами составляютъ лишь незначительную пропорцію. Эта такъ называемая старая консервативная или австрійская партія надѣялась склонить умѣренную партію къ принятію диплома 20 октября. Къ несчастію для Австрійской имперіи, она ошиблась въ благонамѣренномъ разсчетѣ. Въ Венгріи дипломъ былъ принятъ холоднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ другихъ большихъ городахъ недовольство въ первые дни по его обнародованіи выразилось лишь отказомъ отъ приглашенія къ иллюминованію домовъ; въ Пештѣ оно дошло до столкновенія толпы съ австрійскими войсками. Вотъ отрывокъ изъ корреспонденціи Times'а объ этой сценѣ (беремъ разсказъ Times'а собственно потому, что онъ умѣреннѣе разсказовъ, сообщенныхъ нѣмецкими газетами, которыя самымъ непатріотическимъ образомъ выражали свое сочувствіе къ венграмъ непріятными словами объ австрійцахъ; должно сказать, что это относится и къ газетамъ, издающимся въ самой Вѣнѣ).

„Вотъ подробности о безпорядкахъ, произошедшихъ въ Пештѣ, вечеромъ 23 октября. Въ понедѣльникъ, 22 октября, городской совѣтъ пригласилъ жителей венгерской столицы иллюминовать дома въ выраженіе благодарности императору за возстановленіе конституціи. Во вторникъ, утромъ (23 октября) до генерала Бенедека дошло, что въ случаѣ устройства иллюминаціи—произойдутъ безпорядки; потому онъ приказалъ городскому начальству объявить домохозяевамъ, чтобы они не освѣщали домовъ. Вечеромъ погода была чрезвычайно хороша и улицы были полны народа; но не было никакихъ признаковъ намѣренія произвести безпорядокъ въ городѣ до 8 часовъ вечера; въ это время толпа молодежи пошла по Вайценской улицѣ (главной улицѣ Пешта) съ свистомъ и крикомъ. Въ первомъ этажѣ дома, занимаемаго гостинницею „Венгерскаго короля", была выставка стереоскопныхъ картинъ и за транспарантомъ въ одномъ изъ оконъ былъ яркій свѣтъ. Увидѣвъ это, молодежь начала кричать больше прежняго и бросать въ окно мелкими мѣдными деньгами. Явились сильные патрули и прямо бросились на толпу. Въ то же время было другое столкновеніе между войсками и народомъ на площади новаго рынка. Отряды пѣхоты и конницы бросились на него. Между прочимъ, солдаты входили въ кофейную Зрини и выгнали оттуда посѣтителей. Нѣсколько человѣкъ было арестовано".

Бенедекъ, венгръ по происхожденію, выказалъ тутъ мужественную откровенность намѣреній и чувствъ. Вмѣстѣ съ дипломомъ 20 октября былъ обнародованъ рескриптъ, которымъ Бенедекъ изъ должности венгерскаго генералъ-губернатора перемѣщался на должность главнокомандующаго австрійскими войсками въ Венеціанской области. Готовясь проститься съ правителемъ-соотечественникомъ, городское начальство Пешта явилось къ нему съ поднесеніемъ граматы на званіе пештскаго гражданина, какъ нѣкогда лондонская сити подносила Веллингтону титулъ лондонскаго гражданина. Это было послѣ сцены 23 октября. „Погодите подносить титулъ вашего согражданина до той поры, когда не будетъ безчестно называться пештскимъ гражданиномъ", сказалъ Бенедекъ явившейся къ нему депутаціи. „Вы знаете Бенедика только на половину" продолжалъ онъ: „въ слѣдующій разъ я не посмотрю на то, сколько васъ надобно будетъ перебить". Давая обѣщаніе охранять порядокъ съ непоколебимою твердостью, Бенедекъ разумѣлъ

Digitized by Google

или то, что еще остается въ Пештѣ на нѣсколько времени (онъ уѣхалъ въ Венецію лишь въ половинѣ ноября), или то, что въ случаѣ надобности возвратится въ Венгрію изъ Венеціи. Но несмотря на такую сильную поддержку, дѣло объ осуществленіи диплома 20 октября встрѣчаетъ затрудненія.

Мы видѣли, что для другихъ провинцій составъ областныхъ сеймовъ и способъ избранія депутатовъ опредѣлялся прямо рѣшеніемъ министерства. Сеченъ и его товарищи полагали, что подобное распоряженіе относительно венгерскаго сейма произведетъ слишкомъ дурное впечатлѣніе въ Венгріи. Министры объявили, что должна собраться изъ венгерскихъ магнатовъ предварительная конференція для составленія проэкта избирательнаго закона. Результаты такой уступки не замедлили обнаружиться. Первоначально Сеченъ и Вай хотѣли созвать на конференцію исключительно своихъ политическихъ друзей. Но тотчасъ же обнаружилось, что такая конференція не имѣла бы нравственной силы надъ мнѣніемъ страны, которая отвергла бы ея постановленія. Оказалась необходимость пригласить на конференцію нѣсколькихъ людей національной партіи. Но умѣренные люди національной партіи рѣшились явиться на конференцію лишь за тѣмъ, чтобы объявить незаконность конференціи, выразить мнѣніе, что всякія совѣщанія о составѣ сейма и способѣ выборовъ незаконны, что выборы должны происходить по избирательному закону 1848 года. Такая неожиданность принудила министровъ отлагать конференцію съ одного срока на другой, наконецъ отложить ее безсрочно. Какъ распутается это затрудненіе, неизвѣстно.

Точно такое же неудобство встрѣтилось въ преобразованіи венгерской администраціи. По прежнему порядку, Венгрія дѣлилась на комитаты, имѣвшіе самоуправленіе по своимъ дѣламъ. Эта комитатская администрація была отмѣнена, и страна, населенная собственно венгерскимъ племенемъ, раздѣлена на 5 большихъ округовъ, управлявшихся австрійскими начальниками. Теперь вздумали возвратиться въ нѣкоторой степени къ формамъ прежняго національнаго управленія и явился списокъ венгерцевъ, назначенныхъ начальниками или „жупанами“ (Obergespan) возстановляемыхъ комитатовъ. По обычаю, этихъ лицъ не было предварительно спрошено, согласны ли они принять даваемое имъ назначеніе. Въ списокъ жупановъ попало человѣкъ 12 или 15 умѣренной національной партіи. Что же вышло? Всѣ они отказались отъ должностей.

Будемъ надѣяться, что искусство австрійскихъ правителей найдетъ средства къ устраненію всѣхъ непріятныхъ послѣдствій диплома 20 октября. Но до сихъ поръ онъ произвелъ для нихъ одни только непріятныя слѣдствія.

Во всякомъ случаѣ, если бы ошибка и была еще исправима, очень дурно то, что потеряно благопріятное время къ усмиренію внутреннихъ враговъ, получающихъ силу отъ успѣховъ внѣшняго врага—итальянскаго единства. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ мы говорили, легко было бы рѣшительными и быстрыми дѣйствіями возстановить власть Франциска II, удержать власть папы въ областяхъ, остававшихся у него къ веснѣ нынѣшняго года. Время это потеряно въ безплодныхъ попыткахъ пріобрѣсти внѣшнихъ союзниковъ и успокоить внутреннее недовольство, а теперь справиться съ Италіею уже не такъ легко.

Когда мы писали обозрѣніе въ прошломъ мѣсяцѣ, Сицилія, Неаполь, занятыя піэмонтцами папскія области собирались вотировать свое присоединеніе къ королевству Виктора-Эммануэля, радикалы были побѣждены умѣренными, Гарибальди

Digitized by Google

готовился сдать сардинскимъ генераламъ продолженіе войны съ Францискомъ II и министерству Кавура управленіе южною Италіею. Положеніе дѣлъ было уже такъ опредѣлительно, что можно было впередъ знать событія, которыя произошли съ тѣхъ поръ.

Сардинскія войска приближались съ сѣверо-запада, изъ бывшихъ папскихъ владѣній, черезъ Абруццы, къ театру войны. Гарибальди ожидалъ ихъ въ бездѣйствіи, чтобы передать имъ свои позиціи. Приблизился король. Гарибальди поѣхалъ на встрѣчу ему, обнялся съ Чальдини, находившимся въ авангардѣ королевской арміи, но король при встрѣчѣ только подалъ ему руку, не слѣзая съ лошади. Уже и прежде Гарибальди испыталъ много естественныхъ непріятныхъ для себя и для своихъ волонтеровъ послѣдствій своего дѣла. Теперь онъ и волонтеры подверглись оскорбленіямъ, которыхъ были достойны. Конечно, они передавали Виктору-Эммануэлю и Кавуру области, равнявшіяся своимъ населеніемъ всему прежнему королевству сѣверной Италіи; конечно, они дѣлали Виктора-Эммануэля изъ слабаго, зависимаго отъ покровительства сосѣдей государя,—государемъ могущественнымъ. Но всетаки они представляли собою революціонный элементъ, котораго не могло терпѣть благоустроенное правительство; самыя претензіи ихъ на имя освободителей южной Италіи, на имя основателей итальянскаго единства были несносны, а предпріимчивость ихъ, до сихъ поръ бывшая столь полезною для Виктора-Эммануэля и Кавура, казалась опасною для будущаго; пока оставались волонтеры и Гарибальди, умѣренная партія не могла ручаться, что они не увлекутъ Италію въ столкновенія съ Франціею и Австріею, съ которыми не слѣдуетъ теперь ссориться, по мнѣнію умѣренной партіи. При такихъ отношеніяхъ и разсчетахъ, необходимо было принудить Гарибальди удалиться и уничтожить опасную силу волонтеровъ. Надобно сказать, что Кавуръ и его товарищи приняли всѣ мѣры, нужныя для достиженія такой цѣли. Начать съ того, что еще задолго до вступленія Виктора-Эммануэля въ Неаполь выборъ лицъ, назначенныхъ управлять Неаполемъ и Сициліею, сдѣланъ былъ такой, чтобы Гарибальди и волонтеры ясно видѣли, что стали ненужны и неумѣстны при учрежденіи правильнаго управленія. Этой цѣли соотвѣтствовалъ и выборъ генераловъ, сопровождавшихъ Виктора-Эммануэля въ Неаполь. Вотъ небольшой отрывокъ изъ неаполитанской корреспонденціи Tames'а, относящійся къ тому времени, когда Викторъ-Эммануэль направлялся къ Неаполю:

„Вѣроятно, графъ Кавуръ и его товарищи были далеки отъ намѣренія оскорблять диктатора безъ всякой надобности; но я не могу равнодушно читать статью Diritto, въ которой перечисляются, одинъ за другимъ, новые чрезвычайные коммиссары и ихъ секретари и оказываются людьми по разнымъ причинамъ самыми враждебными Гарибальди. Король въѣзжаетъ въ Казерту, имѣя подлѣ себя Фарини, какъ совѣтника по гражданскимъ дѣламъ, и Фанти, какъ начальника своего штаба. А эти люди, Фарини и Фанти, тѣ самые люди, которые остановили въ началѣ нынѣшняго года задуманный Гарибальди походъ въ папскую область и Неаполь изъ Романьи. Вальфре, ѣдущій также съ королемъ, чтобы принять начальство надъ артиллеріею, былъ первымъ секретаремъ при Ла-Мармор҃ѣ и раздѣлялъ, даже утрировалъ, презрѣніе и антипатію Ла-Мармора къ волонтерамъ; справедливо или несправедливо—Вальфре считаютъ причиною всѣхъ непріятностей, которымъ подвергались волонтеры Гарибальди въ ломбардскомъ походѣ. Какъ ни велико самоотверженіе Гарибальди, но каково будетъ для него, ради короля, подать руку этимъ сановникамъ короля. Чувство прискорбія и униженія, которое пробудится немъ видомъ этихъ людей, не будетъ смягчено извѣстіями, которыя привезетъ

Digitized by Google

ему король,—извѣстіями, что Фарини назначенъ королевскимъ генеральнымъ коммиссаромъ въ Неаполѣ, а Монтецемоло—королевскимъ генеральнымъ коммиссаромъ въ Палермо,— Монтецемоло, который былъ къ несчастію губернаторомъ Ниццы въ то время, когда готовилась уступка Ниццы, который былъ исполнителемъ всѣхъ уловокъ, всѣхъ дѣйствій, какія принуждено было дѣлать правительство графа Кавура, жертвовавшее требованію Франціи не только двумя областями королевства, жертвовавшее также правительственной честью, правами парламента и народа. Не успокоитъ Гарибальди и то, что генералъ-секретаремъ сицилійскаго правительства, помощникомъ Монтецемоло, назначенъ Кордова,—Кордова, котораго диктаторъ почелъ нужнымъ всего двѣ недѣли тому назадъ изгнать изъ Неаполя и Сициліи. Еще хуже того, если справедливъ слухъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Сициліи назначается Ла-Фарина,—Ла-Фарина, который первый раздражилъ Гарибальди въ Сициліи,—Ла-Фарина, котораго диктаторъ всегда считалъ злѣйшимъ изъ своихъ личныхъ враговъ".

Мы обращаемъ вниманіе не на то, что партія, доставившая Виктору-Эммануэлю власть надъ южною Италіею, совершенно устранялась отъ управленія дѣлами въ южной Италіи,—положимъ, что Кавуръ естественно долженъ былъ назначить правителями людей своей партіи,—нѣтъ, мы говоримъ совершенно о другомъ обстоятельствѣ. Въ числѣ вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ Кавуръ могъ найти множество лицъ, не имѣвшихъ личныхъ столкновеній съ Гарибальди; почему же выбраны были именно тѣ немногіе, назначеніе которыхъ было личною обидою для него по прежнимъ личнымъ непріятностямъ его съ ними? Развѣ, напримѣръ, нѣтъ въ сардинской арміи генераловъ, кромѣ Фанти? Зачѣмъ же именно Фанти, а не другой какой-нибудь генералъ былъ посланъ сопровождать Виктора-Эммануэля? Выборъ произведенъ былъ съ явнымъ разсчетомъ оскорбить Гарибальди. Или некого было послать въ Неаполь, кромѣ Фарини, некого послать въ Палермо, кромѣ Ла-Фарины?

Мы говорили, что когда піэмонтскія войска двинулись на войну съ Францискомъ II, Гарибальди прекратилъ всякія наступательныя дѣйствія, съ патріотическимъ разсчетомъ рѣшившись оставить честь побѣды тѣмъ людямъ, хотя и своимъ противникамъ, которые будутъ управлять Неаполемъ, чтобы славою сардинской арміи упрочилась власть Виктора-Эммануэля. Но когда піэмонтская армія пришла подъ Капую, Гарибальди конечно долженъ былъ сказать, что его волонтеры не отказываются помогать піэмонтскимъ, хотятъ сражаться рядомъ съ ними. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ на это, что если Гарибальди хочетъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то пусть обратится за инструкціями къ делла-Роккѣ, командующему піэмонтскимъ корпусомъ, дѣйствующимъ противъ Капуи. Это значило, что Гарибальди отдается подъ команду одного изъ второстепенныхъ піэмонтскихъ генераловъ.

Подъ команду къ нему Гарибальди не поступилъ, но въ случаѣ нужды волонтеры помогали сардинцамъ. Наконецъ, капуанскій гарнизонъ предложилъ сдаться. Гарибальди, всегда дававшій неаполитанцамъ самыя почетныя, по военнымъ правиламъ, условія капитуляціи, чтобы не унижать и не раздражать солдатъ, пригодныхъ впослѣдствіи служить итальянскому дѣлу, соглашался на условія, предложенныя гарнизономъ Капуи. Но делла-Рокка не согласился, требуя условій менѣе почетныхъ для гарнизона, и возобновилъ бомбардировку крѣпости. Гарибальди былъ внѣ себя отъ негодованія, увидѣвъ это безполезное продолженіе побоища.

Digitized by Google

Какъ поступали Кавуръ и піэмонскіе генералы съ Гарибальди, точно такъ же поступали піэмонтскіе офицеры и солдаты съ волонтерами; слѣдуя примѣру начальниковъ, они третировали волонтеровъ съ пренебреженіемъ, какъ людей плохо знающихъ формальную сторону службы. Читатель знаетъ, что лишь въ послѣднее время началъ проникать въ піэмонтскую армію боевой духъ, ставящій способность храбро сражаться выше плацъ-парадной выправки; еще недавно господствовали въ ней педанты, вліяніе которыхъ на умы офицеровъ остается до сихъ поръ сильно. Въ прошедшемъ году, до присоединенія Тосканы, герцогствъ и Романьи къ Піэмонту, командуя арміею центральной Италіи, Фанти отказывалъ въ принятіи людямъ, добровольно пришедшимъ за сотни верстъ поступить въ солдаты, когда эти люди были на четверть дюйма ниже мѣрки или были однимъ мѣсяцемъ моложе опредѣленнаго возраста. Люди этой категоріи еще многочисленны между сардинскими командирами и офицерами. Можно вообразить себѣ, какъ смотрѣли они на волонтеровъ, умѣвшихъ только сражаться.

Среди ряда непріятностей, Гарибальди и волонтеры имѣли одинъ торжественный день,—день раздачи медалей тѣмъ храбрымъ, которые уцѣлѣли изъ 1062 человѣкъ, высадившихся съ Гарибальди въ Марсалѣ, и взяли Палермо, принудивъ сдаться на капитуляцію двадцатитысячную армію. Медаль была выбита въ честь ихъ городскимъ правительствомъ Палермо. Герцогиня Вердура съ депутаціею отъ города Палермо привезла ее въ Неаполь и сама навѣшивала на грудь каждому. По списку вызывали одного за другимъ,—но лишь на меньшую половину вызововъ являлись вызываемые, а чаще вслѣдъ за именемъ вызываемаго слышался отвѣтъ товарищей: „убитъ". Изъ 1062 человѣкъ уцѣлѣло только 457. Медали убитыхъ были отданы ихъ семействамъ, въ воспоминаніе о признательности сицилійцевъ. Въ числѣ получившихъ медаль находилась одна дама,—г-жа Криспи, супруга того Криспи, который былъ душою сицилійской радикальной партіи. „Она достойна медали не меньше, чѣмъ кто нибудь изъ насъ, сказалъ Гарибальди: она была единственная женщина, сопровождавшая насъ въ марсальской экспедиціи".

Торжество волонтеровъ марсальской экспедиціи было послѣднею свѣтлою сценою жизни Гарибальди и волонтеровъ въ послѣднія недѣли. Скоро пришла минута уничтоженія арміи и удаленія ея предводителя.

7 ноября Викторъ-Эммануэль пріѣхалъ въ Неаполь; Гарибальди съ своими продиктаторами,—неаполитанскимъ Паллавичино и сицилійскимъ Мордини,— явился на другой день передать ему власть, и король назначилъ своихъ намѣстниковъ въ Неаполь и Палермо. Мы не будемъ повторять здѣсь всѣхъ разнорѣчащихъ слуховъ объ обидахъ, которымъ подвергся Гарибальди въ эти дни. Довольно будетъ упомянуть о фактахъ, достовѣрность которыхъ уже разъяснена полемикой.

Гарибальди съ Паллавичино и Мордини явился встрѣтить короля на станціи желѣзной дороги. Король пригласилъ въ свой экипажъ Гарибальди и Паллавичино, но не почелъ достойнымъ этой чести Мордини, котораго давно уже выставили злодѣемъ за то, что онъ не вошелъ въ сношенія съ Кавуромъ противъ Гарибальди, какъ вошелъ Паллавичино; протомъ же Паллавичино—маркизъ, а Мордини—что-то въ родѣ адвоката или медика, или чего-то подобнаго, не больше. Несмотря на званіе продиктатора, Мордини не имѣлъ денегъ, чтобы обзавестись экипажемъ. Во время пріѣзда короля шелъ проливной дождь, а король прибылъ въ Неаполь съ экстреннымъ поѣздомъ гораздо прежде, чѣмъ его ждали, потому

Digitized by Google

около станціи не было народа, не было и ни одного извощика. Мордини отправился домой пѣшкомъ по грязи, подъ дождемъ. Когда Гарибальди сѣлъ въ экипажъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ и увидѣлъ, что Мордини тутъ нѣтъ, а садится въ экипажъ только Паллавичино, онъ вспыхнулъ: въ самомъ дѣлѣ, пренебреженіе къ Мордини было пренебреженіемъ къ нему самому, при извѣстной дружбѣ его съ сицилійскимъ продиктаторомъ. Нечего было дѣлать; догнали Мордини, воротили, посадили въ экипажъ рядомъ съ Паллавичино.

Викторъ-Эммануэль предложилъ Гарибальди орденъ Аннунсіады; Гарибальди сказалъ, что онъ носить орденъ не можетъ, но просилъ короля дать эту награду обоимъ продиктаторамъ. На другое утро, когда продиктаторы и министры собрались въ комнату Гарибальди, чтобы отправиться къ Виктору-Эммануэлю и передать ему власть, Паллавичино былъ украшенъ орденомъ Аннунсіады, а Мордини нѣтъ. Гарибальди опять не выдержалъ, разсердился, сталъ упрекать Паллавичино, зачѣмъ онъ принялъ орденъ, который не данъ его товарищу, такому же продиктатору, какъ онъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ дѣло разъяснилось: Паллавичино сообщилъ Гарибальди, что Мордини самъ прислалъ къ королю письмо, въ которомъ отказывался отъ ордена. Гарибальди успокоился. Но черезъ нѣсколько часовъ узналъ, что прежнее разъясненіе было не совсѣмъ полно. Мордини было сообщено, что король не хотѣлъ бы давать ему ордена, но затрудняется, какъ отказать ему, когда этого требовалъ Гарибальди. Услышавъ это, Мордини написалъ письмо, которое вывело Виктора-Эммануэля изъ затрудненія.

Все это мелочи, но они достаточно показываютъ, что Гарибальди и его помощники унижены отъ тѣхъ самыхъ людей, въ пользу которыхъ работали. Если такое пренебреженіе высказывали къ диктатору южной Италіи даже въ вещахъ не важныхъ, то можно сообразить, какой отвѣтъ слышалъ онъ на свои требованія въ важныхъ дѣлахъ. Давно уже онъ видѣлъ, что чѣмъ скорѣе ему убраться на Капреру, тѣмъ лучше. Онъ даже не хотѣлъ дожидаться пріѣзда Виктора-Эммануэля въ Неаполь, но его убѣдили не обнаруживать разрыва съ такою рѣзкостью. Потомъ онъ хотѣлъ уѣхать тотчасъ же послѣ аудіенціи 8 числа, въ которой передалъ власть Виктору-Эммануэлю; его опять успѣли удержать до слѣдующаго утра, чтобы смягчить впечатлѣніе, какое долженъ былъ произвести его отъѣздъ. Ему выражали готовность согласиться на всѣ его требованія, какія только могутъ быть исполнены, но оказалось, что не могутъ согласиться ни на одно изъ нихъ. Конечно, не весь ходъ этихъ переговоровъ извѣстенъ теперь съ точностью. Раза два или три Гарибальди говорилъ съ Викторомъ-Эммануэлемъ наединѣ и не разсказывалъ потому никому, кромѣ своихъ ближайшихъ друзей, о чемъ шла рѣчь. Извѣстно только въ общихъ чертахъ, что Гарибальди соглашался остаться, если дозволятъ ему занимать положеніе, не зависимое отъ туринскаго министерства, враждебнаго ему. На это не согласились. Тогда онъ просилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы сохранена была отдѣльная организація арміи волонтеровъ,—не согласились и на это. Наконецъ онъ просилъ хотя того, чтобы признаны были офицерскіе чины за людьми, произведенными имъ въ его арміи,—не согласились и на это. Онъ уѣхалъ 9 сентября на разсвѣтѣ, когда городъ еще спалъ, чтобы не возбуждать своимъ отъѣздомъ демонстрацію. Съ нимъ отправилось на Капреру человѣкъ семь тѣхъ ближайшихъ его друзей, которые не были удержаны своими обязанностями при агоніи, прекращавшей существованіе арміи волонтеровъ. Тюрръ, Козенцъ, Сирторій да

Digitized by Google

могли уѣхать изъ Неаполя: они остались, чтобы защищать по возможности своихъ товарищей. Учреждена коммиссія для пересмотра офицерскихъ списковъ арміи Гарибальди, чтобы уволить отъ службы „опасныхъ“ или „недостойныхъ“ людей, которые успѣли войти въ ряды волонтеровъ, но не должны безславить собою корпусъ офицеровъ регулярной итальянской арміи. Оставлены будутъ чины лишь тѣмъ изъ нихъ, которыхъ піэмонтскіе генералы признаютъ заслуживающими снисхожденіе. Гарибальди успѣлъ добиться лишь того, что Сирторій, Козенцъ и Тюрръ допущены въ піэмонскую коммиссію, которая будетъ судить офицеровъ бывшей арміи Гарибальди. А между тѣмъ армія эта быстро исчезаетъ: съ каждымъ днемъ расходятся изъ рядовъ ея сотни патріотовъ. Желаніе Фанти въ томъ именно и состоитъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ этого безпорядочнаго собранія людей. Уже два раза удавалось піэмонтскимъ генераламъ уничтожать войска волонтеровъ, собиравшихся около Гарибальди: по заключеніи Виллафранкскаго мира, они успѣли уничтожить корпусъ альпійскихъ стрѣлковъ, съ которымъ дѣйствовалъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи. Черезъ полгода они, и главнымъ образомъ именно Фанти, успѣли уничтожить второе такое войско, собранное Гарибальди въ центральной Италіи; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ нынѣшній разъ ихъ усилія увѣнчаются успѣхомъ; вѣрнѣе сказать, они уже увѣнчались почти полнымъ успѣхомъ; черезъ полторы недѣли по отъѣздѣ Гарибальди не осталось въ рядахъ арміи волонтеровъ и третьей части людей, составлявшихъ ее; не замедлитъ разойтись и эта послѣдняя треть. Мы хвалимъ ревность, съ какою спѣшилъ Кавуръ наказать Гарибальди и его товарищей за революціонный духъ, двинувшій ихъ противъ короля неаполитанскаго. Кавуру нельзя было не воспользоваться плодами дѣла, совершеннаго Гарибальди, но онъ не могъ, чтобы не наказать его всевозможными униженіями. Это хорошо; но Кавуръ увлекся избыткомъ усердія. Онъ держится своею дипломатическою репутаціею такъ твердо, что не боится ни Гарибальди, ни его друзей. Но, если безвредно остается для самого Кавура впечатлѣніе, произведенное на итальянскую публику удаленіемъ Гарибальди, то вредно оно для итальянскаго дѣла. Кавуръ во многихъ поколебалъ этими оскорбленіями преданность къ Виктору-Эммануэлю, внесъ сильнѣйшую причину раздора въ умы итальянскихъ патріотовъ.

Но между тѣмъ единство Италіи устраивается и упрочивается. Черезъ годъ или черезъ два можетъ быть уже не будетъ возможности раздробить государства, собравшіяся теперь подъ власть Виктора-Эммануэля. Будемъ ждать, какъ переживетъ оно опасности, которыми окружено его возникновеніе. Австрійцы потеряли время для начатія войны и теперь, повидимому, не думаютъ начинать ее раньше слѣдующей весны. Посмотримъ, успѣютъ ли итальянцы приготовиться къ войнѣ до весны; но если не успѣютъ, то виноваты будутъ уже сами. У нихъ есть время до той поры сформировать такую армію, противъ которой австрійцы не могли бы вести наступательной войны.

Положеніе дѣлъ сомнительно не въ одной Австріи. Нѣсколько разъ мы упоминали о разныхъ признакахъ умственнаго безпокойства во Франціи. Симптомы эти мелки, потому что крупныхъ не можетъ быть въ нынѣшней Франціи: она вся какъ будто отлита изъ чугуна, который сохраняетъ всю наружную крѣпость до той минуты, когда вдругъ распадается. Но само французское правительство озабочивается признаками движенія, предсказывающими непріятности. Постоянно но-

Digitized by Google

сятся слухи, что оно думаетъ преобразовать конституцію въ либеральномъ смыслѣ. Эти слухи повторяются иногда съ опроверженіями, иногда съ подтвержденіями въ полуофиціальныхъ французскихъ газетахъ. Было бы неосновательно ожидать ихъ осуществленія въ значительномъ размѣрѣ, но въ незначительной степени они оправдываются извѣстіями, что дается нѣкоторый просторъ преніямъ законодательнаго корпуса. Будемъ надѣяться, что уступка окажется не портящею нынѣшняго порядка, но все-таки она свидѣтельствуетъ о какомъ-то внутреннемъ колебаніи.

Точно такое же стѣсненіе прежнихъ твердыхъ началъ неблагопріятнымъ расположеніемъ умовъ обнаруживается и во французской политикѣ относительно Италіи. Во всемъ видно желаніе поддержать Франциска II, но никакихъ рѣшительныхъ мѣръ не принимается противъ основывающагося итальянскаго государства. Все ограничивается пока только тѣмъ, что сардинскому флоту не дозволено было участвовать въ осадѣ Гаэты; но это лишь оттягиваетъ нѣсколькими недѣлями развязку, нисколько не увеличивая шансовъ Франциска II. Война идетъ къ своему концу по программѣ, развитіе которой можно было предвидѣть заранѣе. Сардинцы разрѣзали войска Франциска II на три части, — разорвавъ сообщенія дѣйствующей арміи съ гарнизонами Гаэты и Капуи. Капуя сдалась; черезъ нѣсколько дней дѣйствующая армія оттѣснена была въ папскія владѣнія и тамъ положила оружіе; остается только Гаэта, осада которой не представляетъ ничего сомнительнаго въ своемъ ходѣ. Франція не дѣлала до сихъ поръ ничего такого, что могло предотвратить исходъ дѣла, всѣми давно предусматриваемый. Со стороны Франціи тутъ недостатокъ не въ доброй волѣ, а лишь въ возможности дѣйствовать безъ риска для внутренняго существующаго порядка.

Соображая все, приходишь къ одному заключенію: трудно надѣяться на такое счастье, чтобы слѣдующая весна не принесла съ собою западной Европѣ сотрясеній. Изъ вѣроятныхъ для западной Европы шансовъ наименѣе невыгодный для существующаго порядка былъ бы тотъ, когда бы столкновенія ограничились какою нибудь войною между тѣми или другими державами, безъ внутреннихъ смутъ; но этого шанса нельзя назвать вѣроятнѣйшимъ. Итальянскія событія уже оказываютъ заразительную свою силу въ Австріи и въ расположеніи умовъ французовъ.

Къ числу важнѣйшихъ событій слѣдуетъ отнести пораженіе такъ называемой демократической и торжество такъ называемой республиканской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ, при выборѣ президента. Это фактъ, едва ли уступающій своею значительностью итальянскимъ событіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Не то, чтобы отъ выбора Линкольна надобно было ожидать немедленныхъ переворотовъ, — теперь всѣ видятъ, что восторжествовавшіе противники невольничества еще не въ силахъ принять мѣръ къ освобожденію негровъ въ южныхъ штатахъ, а побѣжденные рабовладѣльцы не въ силахъ поднять южные штаты къ отторженію отъ союза. Но 6 ноября 1860 г., день, когда побѣда осталась на сторонѣ партіи, имѣвшей своимъ кандидатомъ Линкольна, этотъ великій день—начало новой эпохи въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, день, съ котораго начался поворотъ въ политическомъ развитіи великаго сѣверо-американскаго народа. До сихъ поръ, надъ его политикою господствовали южные плантаторы, люди знатные и гордые своею знатностью. Ихъ партія называется теперь демократическою, но въ сущности она была олигархическою. Теперь землепашцы сѣвера и запада, — землепашцы въ буквальномъ

Digitized by Google

смыслѣ слова, люди, воздѣлывающіе землю своими руками, — первые сознали въ себѣ силу обойтись безъ опеки южныхъ олигарховъ и управлять союзомъ. 6 ноября 1860 года они свергнули иго, лежавшее на нихъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, и какимъ бы колебаніямъ ни было подвержено въ будущемъ продолженіе борьбы, они пойдутъ и пойдутъ къ своей цѣли, къ возстановленію политики Соединенныхъ Штатовъ на высоту, которой не имѣла она со временъ Джефферсона; начнетъ воскресать бѣлое населеніе юга, не имѣющее невольниковъ, и черезъ нѣсколько времени оно соединится съ сѣверными штатами для уничтоженія невольничества, черныхъ,—невольничества, которое лежало гнетомъ на всей жизни всего сѣвероамериканскаго народа, пятномъ на доброй славѣ его. А добрая слава сѣверо-американскаго народа важна для всѣхъ націй при быстро возрастающемъ значеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ жизни цѣлаго человѣчества. Теперь довольно будетъ этой общей характеристики событія, которое извѣстно намъ лишь по отрывочнымъ и краткимъ замѣткамъ европейскихъ газетъ; разсказъ о немъ отложимъ до слѣдующаго мѣсяца, когда получимъ сѣверо-американскія газеты, описывающія ходъ дѣла 6 ноября.

Digitized by Google

ПОЛИТИКА.

ДЕКАБРЬ 1860.

Австрійскія дѣла.—Программа Шмерлинга.—Развитіе венгерскихъ отношеній.—Вопросъ о народностяхъ въ Венгріи. — Италія.—Декретъ 24 ноября во Франціи —Вопросъ о сохраненіи или расторженіи союза въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Итальянскія дѣла рѣшительно отстранены на второй планъ событіями, происходящими или готовящимися въ Австріи. Обстоятельства австрійцевъ становятся дѣйствительно серьёзны. Будемъ надѣяться по прежнему, что австрійцы съумѣютъ избавиться отъ затрудненій, произведенныхъ либеральными ихъ попытками. Но именно для того, чтобы можно было намъ вполнѣ оцѣнить всю ловкость, какую несомнѣнно обнаружатъ австрійцы въ отстраненіи затрудненій, намъ надобно выставить теперь всю опасность ихъ обстоятельствъ.

Статуты, изданные для четырехъ нѣмецкихъ провинцій, были встрѣчены, какъ мы уже говорили, самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Чтобы понять всю распространенность неудовольствія, довольно будетъ привести одно свидѣтельство. Читателю извѣстно, что „Аугсбургская Газета“ служитъ полуофиціальнымъ органомъ австрійскаго правительства. Кромѣ корреспондентовъ, пишущихъ по офиціальному указанію, она имѣетъ въ Австріи и другихъ корреспондентовъ, которые, не занимая офиціальнаго положенія, заслуживаютъ чести сотрудничества въ „Аугсбургской Газетѣ“ пылкимъ спокойствіемъ своего австрійскаго патріотизма. Эти скромные патріоты до сихъ поръ доказывали въ „Аугсбургской Газетѣ“, что дѣла идутъ хорошо: но теперь они увидѣли необходимость предостерегать австрійскихъ министровъ. Мы сами не слѣдимъ за развитіемъ либерализма въ заграничномъ органѣ австрійскаго правительства, но вотъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'а отрывокъ, показывающій, до какой печальной необходимости предостерегать своихъ покровителей доведена „Аугсбургская Газета“.

„Вѣна, 26 ноября.

„Нѣкоторые изъ вашихъ читателей могутъ думать, что я слишкомъ мрачно смотрю на положеніе дѣлъ въ Австріи; потому приведу здѣсь мнѣнія другихъ публицистовъ. „Аугсбургская Газета“, находящаяся, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ австрійскому правительству, напечатала письма изъ Тироля отъ 17 и 18 ноября, и вотъ каково содержаніе этихъ писемъ:

„Трудно выразить все наше недовольство. Малы были наши ожиданія, но дано намъ „гораздо меньше, чѣмъ ждали мы. Тироль—страна всегда бывшая вѣрною династіи— „получилъ въ награду за свою вѣрность и самоотверженіе статутъ, который не лучше статута 1816 года. Мы рѣшительно не въ состояніи понять, какъ могъ кабинетъ

Digitized by Google

„издать такой законъ въ минуту, когда собирается столько тучъ надъ головою Австріи. „Тирольскіе поселяне и горожане,—одни поселяне и горожане,—много вѣковъ придаютъ „всю особенность тирольской исторіи; кто вздумалъ бы отрицать это, доказалъ бы лишь „собственное незнаніе. А новый статутъ ставитъ малозначительную (bedeutungslos) „аристократію и духовенство на одну доску съ третьимъ и четвертымъ сословіями. Каж„дое сословіе имѣетъ одинаковое число представителей, и чтобы Европа могла соста„вить себѣ вѣрное понятіе о важности тирольскихъ дворянъ, правительство опредѣлило, „что право быть избираемыми принадлежитъ дворянамъ, платящимъ 25 флориновъ по„земельнаго налога. Въ Штиріи, напротивъ, изъ поселянъ могутъ быть избираемы только „платящіе не меньше 30 флориновъ поземельнаго налога. Впечатлѣніе, произведенное „статутомъ, слѣдуетъ назвать не просто неблагопріятнымъ, а даже тяжелымъ".

„Еще до обнародованія статутовъ Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля я говорилъ вамъ, что жители германскихъ провинцій будутъ сильно протестовать противъ возстановленія сословныхъ сеймовъ, составляющихъ политическій анахронизмъ. Такъ думаетъ и говоритъ Ost-Deutshe Post; вотъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ ней 25 ноября.

„Правительство такъ мало сдѣлало для богатыхъ и вліятельныхъ дворянъ Тироля и „Штиріи *), что аристократія другихъ провинцій начинаетъ тревожиться. Большинство „государственнаго совѣта увѣдомляло націю, что когда аристократія будетъ управлять „дѣлами провинцій и округовъ, ея желанія будутъ исполнены; теперь оказывается, что „большинство государственнаго совѣта было слишкомъ скромно, потому что для ари„стократіи сдѣлано больше, чѣмъ она просила. Австрійское дворянство хочетъ быть „всемогущимъ въ государствѣ. Если оно достигнетъ своей цѣли, что изъ того выйдетъ? „Враждебное чувство возникнетъ между сословіями. Нація хочетъ имѣть серьёзныхъ, не„поддѣльныхъ представителей".

„Въ прибавленіе къ этому я замѣчу, что ультра-реакціонная партія вполнѣ господствуетъ, такъ что считаетъ слишкомъ либеральными даже графа Рехберга и графа Сечена. Предводители этой партіи—австрійско-нѣмецкіе прелаты, духовники нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ и нѣсколько старыхъ господъ и госпожъ. Взгляды людей, управляющихъ дѣлами, такъ узки, что они не видятъ опасности своего положенія, которая очевидна для всѣхъ неоффиціональныхъ зрителей".

Читатель знаетъ, что Тироль всегда былъ провинціею самою спокойною и самою вѣрною изъ всѣхъ австрійскихъ областей. Можно предположить, какъ не понравилось другимъ провинціямъ устройство, дававшееся имъ отъ графа Рехберга, когда „Аугсбургская Газета" увидѣла надобность изображать ему въ такихъ краскахъ впечатлѣніе, произведенное его реформами на Тироль.

Дѣйствительно, никто теперь не хвалитъ систему, которою думалъ ограничить реформы графъ Рехбергъ, и всѣ порицаютъ его. Но безпристрастный читатель не станетъ думать, будто бы Рехберга винятъ за все справедливо. Мы въ прошлый разъ старались доказать, что австрійскіе министры дѣлали все возможное для нихъ, и если не дѣлали до сихъ поръ уступокъ, болѣе значительныхъ, то лишь по невозможности. Притомъ же, если графъ Рехбергъ—дурной министръ, то почему не замѣнили до сихъ поръ его другимъ министромъ? Тутъ представляются лишь два отвѣта: или вовсе нѣтъ людей, которые стали бы на его мѣстѣ дѣйствовать иначе, или никто изъ такихъ людей не могъ занять его мѣсто. Въ томъ и въ другомъ случаѣ очевидно, что графъ Рехбергъ былъ до сихъ поръ наилучшимъ возможнымъ министромъ. Спрашиваемъ теперь, можно ли порицать того, который наилучшимъ образомъ исполняетъ свое назначеніе? Надобно замѣтить еще одно

*) Читатель знаетъ, что въ Тиролѣ вовсе нѣтъ дворянства; въ Штиріи его также очень мало.

Digitized by Google

обстоятельство, самымъ поразительнымъ образомъ доказывающее всю пустоту порицателей. Читатель помнитъ, какъ Европа хвалила намѣренія и принципы Гюбнера, назначеннаго министромъ по заключеніи Виллафранкскаго мира, какъ печалилась объ отставкѣ, скоро данной ему. Теперь носились слухи, что по неудовлетворительности нынѣшнихъ министровъ будетъ снова призванъ въ кабинетъ Гюбнеръ, который поведетъ дѣла либеральнымъ способомъ. Изъ сотни людей, порицающихъ графа Рехберга, 99 были бы въ восторгѣ отъ назначенія министромъ барона Гюбнера. Но вотъ небольшой отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'а.

„*Вѣна, 3 декабря.*

„Нынѣ я имѣлъ случай говорить съ человѣкомъ, которому должны быть хорошо извѣстны мнѣнія и намѣренія графа Рехберга; онъ прямо сказалъ мнѣ, что пока Рехбергъ останется во главѣ правительства, не будетъ сдѣлано никакихъ дѣйствительныхъ уступокъ австрійско-нѣмецкимъ провинціямъ. — Министръ-президентъ (сказалъ онъ мнѣ) человѣкъ съ очень узкимъ взглядомъ, и если дѣла пойдутъ, какъ шли до сихъ поръ, то скоро ему будетъ невозможно остаться министромъ. — Баронъ Гюбнеръ, имѣвшій въ эти дни раза два аудіенцію у императора, человѣкъ способный; но онъ непопуляренъ въ австрійской публикѣ, потому что принадлежитъ къ партіи заключившей конкордатъ“.

Просимъ читателя не обращать никакого вниманія на первыя строки этого отрывка, содержащія явную клевету на графа Рехберга: дипломъ 20 октября и слѣдовавшіе за нимъ акты слишкомъ ясно показываютъ неосновательность отзыва, сдѣланнаго корреспондентомъ Times'а. Уступки уже были сдѣланы, и мы дивимся легкомыслію, говорящему послѣ того, что графъ Рехбергъ не расположенъ къ уступкамъ. Но мы привели письмо изъ Times'а не для первой, а только для второй половины его, для ознакомленія читателя съ убѣжденіями барона Гюбнера. Положимъ, что Гюбнеръ не популяренъ теперь,—это еще ничего не доказываетъ: годъ тому назадъ, когда онъ получилъ отставку, онъ былъ популяренъ. Скажите же, какого уваженія заслуживаетъ австрійская публика, столь быстро мѣняющая свой взглядъ на одного и того же человѣка? Мы полагаемъ, что мнѣніе такой публики не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; мы заключаемъ изъ этого, что если теперь и графъ Рехбергъ и баронъ Гюбнеръ не популярны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, будто бы Рехбергъ дурно управляетъ дѣлами и Гюбнеръ сталъ бы дурно управлять ими. Но если непопулярность министра въ австрійской публикѣ не служитъ для насъ доказательствомъ его дурнаго управленія, то и популярность другаго человѣка, назначаемаго австрійскимъ министромъ, не должна для насъ служить доказательствомъ, что онъ будетъ управлять дѣлами хуже министра, несправедливо не пользующагося столь же выгодною репутаціею въ публикѣ. Мы это говоримъ, въ видѣ предисловія, къ тому, что назначенъ теперь министромъ Шмерлингъ, о которомъ до его назначенія отзывались съ большою похвалою. Надобно разсказать, какъ произошло это назначеніе

Графъ Рехбергъ, министръ-президентъ, конечно имѣетъ въ кабинетѣ господствующій голосъ. Но, вполнѣ заслуживая такой власти своими талантами и убѣжденіями, онъ не имѣетъ спеціальныхъ свѣдѣній по государственному управленію и собственно только показываетъ своимъ сотоварищамъ путь, по которому они должны идти, а управленіемъ завѣдываютъ уже они, сообразно его общимъ указаніямъ. Читатель знаетъ, что по диплому 20 октября всѣ дѣла внутренняго управленія, раздѣлявшіяся прежде на нѣсколько министерствъ, соединены въ одно министерство,

Digitized by Google

глава котораго называется государственнымъ министромъ. Это важнѣйшее мѣсто было предоставлено графу Голуховскому, который прежде былъ непопуляренъ и сдѣлался еще непопулярнѣе по обнародованіи четырехъ провинціальныхъ статутовъ, напрасно ставившихся публикою въ личное порицаніе ему. Какъ бы то ни было, но обнаружилась надобность подкрѣпить кабинетъ болѣе популярнымъ именемъ; стали носиться слухи, что графъ Рехбергъ приглашаетъ въ министерство Шмерлинга. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской газеты Die Presse покажетъ читателю, какъ легкомысленно компрометировала Шмерлинга австрійская публика своими пустыми толками.

„Опять носится слухъ, что г. фонъ-Шмерлингъ будетъ членомъ кабинета. Подобный слухъ разносился много разъ въ послѣдніе мѣсяцы; но теперь мы имѣемъ положительное извѣстіе, что министръ-президентъ дѣйствительно вступилъ въ переговоры съ г. Шмерлингомъ. Имя Шмерлинга популярно въ умѣренно-либеральной нѣмецкой партіи, но его не любятъ ультра-консерваторы. Политическіе принципы назначаемаго министра мало извѣстны намъ, потому что онъ только разъ говорилъ публично въ послѣднія восемь лѣтъ. Лѣтомъ 1849 года, Шмерлингъ, бывшій прежде однимъ изъ министровъ Германской франкфуртской имперіи, сдѣлался членомъ конституціоннаго (австрійскаго) министерства, главою котораго былъ князь Шварценбергъ, а черезъ два года онъ вышелъ изъ кабинета. Уже одно имя Шмерлинга составляетъ программу, но программу несовмѣстную съ системою графа Рехберга. При нынѣшнемъ положеніи венгерскихъ дѣлъ очевидно, что надобно или прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, или признать избирательный законъ 1848 года. Венгерскій сеймъ можетъ имѣть довѣріе къ министерству, не предрасположенному въ пользу феодальной партіи, можетъ дойти до соглашенія съ такимъ министерствомъ. Все это должно быть хорошо извѣстно г. фонъ-Шмерлингу; потому онъ едва ли согласится вступить въ кабинетъ графа Рехберга иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы графъ Рехбергъ совершенно измѣнилъ систему и усилилъ нѣмецкій элементъ въ кабинетѣ. Если г. фонъ-Шмерлингъ войдетъ въ министерство безъ этихъ условій, онъ скоро испытаетъ судьбу своихъ предшественниковъ“.

Мы покажемъ, что Шмерлингъ не измѣнитъ долгу, лежащему на австрійскомъ правителѣ, и не явится тѣмъ легкомысленнымъ либераломъ, какого ожидали увидѣть въ немъ люди, не понимающіе потребностей положенія, къ которому призванъ онъ. Впрочемъ уже самое его назначеніе служитъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что намѣренія новаго министра согласны съ австрійскимъ благомъ. Мы не должны колебаться въ этой увѣренности даже и разсказами о подробностяхъ, въ которыхъ произошло его назначеніе. Дѣло происходило, по словамъ корреспондента Times'а, слѣдующимъ образомъ.

„Фонъ-Шмерлингъ назначенъ государственнымъ министромъ, и достовѣрно, что его программа принята императоромъ. При разговорѣ съ его величествомъ въ четвергъ (6 декабря) онъ выразилъ свои мнѣнія съ большою прямотою, и они были выслушаны терпѣливо и внимательно, хотя нѣкоторыя изъ нихъ едва ли могли быть пріятны государю. Францъ-Іосифъ рѣдко имѣлъ случай узнать въ истинномъ видѣ общественное мнѣніе. Ожидаютъ, что Шмерлингъ обнародуетъ свою политическую програму тотчас же по принятіи дѣлъ своего министерства, и друзья его говорятъ мнѣ, что программа эта—либеральная. Лицо, хорошо знакомое съ происходящимъ въ офиціальныхъ кругахъ, сообщаетъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о нынѣшнемъ министерскомъ кризисѣ. Дней десять тому назадъ происходило засѣданіе кабинета, при которомъ присутствовалъ императоръ. Графъ Голуховскій говорилъ о необходимости немедленно обнародовать статуты для всѣхъ нѣмецкихъ провинцій. Фонъ-Лассеръ, одинъ изъ новыхъ министровъ безъ портфёля, замѣтилъ, что четыре обнародованные статута произвели дурное впечатлѣніе на публику. Начался споръ; графъ Голуховскій разгорячился и наконецъ

Digitized by Google

вскричалъ: „Если вы хотите конституціи, то почему не скажете этого прямо?“ Къ великому удивленію графа Рехберга и нѣкоторыхъ его товарищей, фонъ-Лассеръ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, надобно дать какую нибудь конституцію славянско-нѣмецкимъ провинціямъ. Пока шелъ споръ, императоръ не говорилъ ни слова, но по окончаніи спора онъ приказалъ графу Рехбергу немедленно послать за Шмерлингомъ“.

Конечно, Шмерлингу приноситъ большую честь прямота, съ которою онъ выразилъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ. Но исходъ дѣла удостовѣряетъ насъ, что въ его правдивой рѣчи не заключалось никакихъ неудобоисполнимыхъ проэктовъ. Мы не имѣемъ надобности отвергать извѣстіе, что въ засѣданіи, ходомъ котораго утвердился императоръ австрійскій въ намѣреніи замѣнить Голуховскаго Шмерлингомъ, Лассеръ говорилъ о конституціи; но должно думать, что Лассеръ самъ не придаетъ этому слову несовмѣстнаго съ нынѣшнимъ порядкомъ значенія, если вступилъ въ министерство графа Рехберга, который, какъ мы знаемъ, не сдѣлаетъ въ управленіи перемѣнъ, вредныхъ для нынѣшней системы. Конечно, какъ человѣкъ благоразумный, не мечтающій о вещахъ, не согласныхъ со всею обстановкою положенія, Лассеръ удовлетворится формальными измѣненіями, не нарушающими существеннаго характера учрежденій, вводимыхъ по диплому 20 октября. Если дѣйствительно откроется надобность въ дальнѣйшихъ уступкахъ, о которыхъ говорилъ Лассеръ, называвшій совокупность ихъ конституціею, то эти уступки могутъ состоять въ замѣненіи имени государственнаго совѣта именемъ законодательнаго корпуса или австрійскаго имперскаго сейма, въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ способа назначенія членовъ этого собранія,—напримѣръ, областнымъ сеймамъ можетъ быть предоставлено право прямо выбирать членовъ этого общаго собранія, вмѣсто того, что теперь областные сеймы выбираютъ только кандидатовъ, изъ которыхъ выбираетъ дѣйствительныхъ членовъ уже министерство. Такихъ исправленій въ дипломѣ 20 октября графъ Рехбергъ можетъ сдѣлать много, не портя основнаго характера нынѣшней системы. Но мы напрасно говоримъ такъ длинно о мысляхъ Лассера и о средствахъ исполнить ихъ безъ вреда для австрійцевъ. Лассеръ не занимаетъ важнаго мѣста въ кабинетѣ, и если надобно ждать перемѣнъ, то не отъ его вліянія, а развѣ отъ вліянія Шмерлинга. Посмотримъ же, должна ли нынѣшняя Австрія опасаться новаго министра. Однажды онъ уже былъ министромъ и держалъ себя тогда способомъ, успокоивающимъ насъ за его нынѣшнія намѣренія.

Шмерлингъ вышелъ изъ министерства въ началѣ 1851 года, когда убѣдился, что рѣшено отмѣнить судъ присяжныхъ, введенный въ 1848 году. Это обстоятельство можетъ быть перетолковываемо во вредъ ему, и дѣйствительно въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ австрійскихъ газетъ читатель замѣчалъ, что на немъ основано мнѣніе о либерализмѣ новаго министра. Но тутъ существуютъ два смягчающія обстоятельства. Во-первыхъ, Шмерлингъ, будучи министромъ юстиціи, составилъ много узаконеній о судоустройствѣ и судопроизводствѣ сообразно существовавшему тогда суду присяжныхъ. Натурально, ему непріятно было думать, что, при уничтоженіи суда присяжныхъ, ему же самому придется отмѣнять составленные имъ законы. Притомъ, австрійскіе судьи и адвокаты были сильно расположены въ пользу суда присяжныхъ; смущаться неудовольствіемъ толпы — дѣло непохвальное въ австрійскомъ министрѣ; но нѣтъ ничего особенно предосудительнаго, съ австрійской точки зрѣнія, уважать мнѣніе подвѣдомственныхъ сановниковъ: Шмерлингъ вышелъ къ отставку, чтобы заслужить похвалу отъ тогдашняго

Digitized by Google

судебнаго сословія. Если разсуждать безъ всякой снисходительности, конечно слѣдуетъ назвать это слабостью, но читатель согласится, что такая слабость еще не даетъ права считать Шмерлинга за человѣка вреднаго для австрійской системы. Весь образъ его дѣйствій, пока онъ оставался министромъ, показываетъ, что онъ умѣлъ понимать надобности своего положенія. Онъ вступилъ въ должность въ половинѣ 1849 года, передъ окончаніемъ венгерскаго мятежа. Во время его управленія министерствомъ юстиціи, Гайнау произвелъ тѣ наказанія, которыя даже и мы, при всемъ пониманіи тогдашней нужды въ примѣрной строгости, должны назвать чрезмѣрно строгими: при министерствѣ Шмерлинга были наказаны смертью генералы, сдавшіеся вмѣстѣ съ Гёргеемъ, былъ казненъ Людвигъ Батіани. Конечно, казни эти производились не собственно Шмерлингомъ, а командирами австрійской арміи; конечно, производились онѣ не судилищами, зависѣвшими отъ Шмерлинга, а военными судами. Но еслибы Шмерлингъ не считалъ эти мѣры, при всей ихъ суровости, неизбѣжными, то не остался бы министромъ осенью и зимою 1849 г., когда совершались эти наказанія. Можно еще было бы сомнѣваться въ чувствахъ, съ которыми смотрѣли на нихъ другіе его товарищи, напримѣръ Шварценберъ или Бахъ,—они были не министрами юстиціи, не до нихъ прямѣйшимъ образомъ относились эти дѣла; если они оставались на своихъ мѣстахъ, это еще не значило, что они прямо одобряютъ Гайнау; но Шмерлингъ былъ министромъ юстиціи; его спеціальнымъ, его личнымъ дѣломъ — было наблюденіе за способомъ и мѣрою наказанія мятежниковъ; если онъ не выходилъ въ отставку, то о немъ уже нельзя сомнѣваться, думалъ ли онъ, что Гайнау поступаетъ вообще хорошо. Имѣя въ политической біографіи Шмерлинга такой эпизодъ, какъ отправленіе должности министра юстиціи съ осени 1849 до начала 1851 года, мы должны заключить, что у него всегда достанетъ характера для проведенія мѣръ, требуемыхъ надобностью сохранить въ государствѣ порядокъ и поддержать ту систему, въ установленіи которой онъ участвовалъ: читатель знаетъ, что коренныя черты устройства, которымъ пользовалась донынѣ Австрійская имперія, были выработаны именно въ тѣ годы, когда Шмерлингъ находился министромъ.

Правда, въ слѣдующіе годы, когда онъ уже не состоялъ министромъ, система, введенная при немъ, развилась полнѣе и нѣкоторыхъ подробностей ея дальнѣйшаго развитія онъ не одобрялъ. Но, кромѣ вопроса о судѣ присяжныхъ, его разногласіе съ его преемниками и бывшими товарищами относилось только къ чертамъ второстепеннымъ, а не къ самому духу законодательства и управленія. Примѣромъ тому пусть послужитъ вопросъ о провинціальныхъ сеймахъ, который и былъ прямою причиною возвращенія Шмерлинга въ кабинетъ. Статуты областныхъ сеймовъ, написанные Голуховскимъ, должны быть исправлены теперь Шмерлингомъ. Но десять лѣтъ тому назадъ, когда Шмерлингъ былъ министромъ, также были обнародованы статуты для областныхъ сеймовъ. Посмотримъ же, чѣмъ отличались отъ статутовъ Голуховскаго эти уставы, въ составленіи которыхъ участвовалъ Шмерлингъ.

По статутамъ, изданнымъ въ послѣдніе мѣсяцы для Штиріи, Каринтіи, Зальцбурга и Тироля, составъ сейма устроенъ такъ, что жители провинціи дѣлятся на четыре сословія, изъ которыхъ каждое посылаетъ на сеймъ своихъ особенныхъ представителей. По статутамъ, изданнымъ въ 1850 г., при участіи Шмерлинга, для нижняго и верхняго эрцъ-герцогствъ австрійскихъ, для Зальцбурга, Моравіи, австрійской Силезіи, Тироля, Богеміи и Галиціи, депутаты посылались отъ трехъ

Digitized by Google

сословій, а не отъ четырехъ, какъ теперь. Дворянство и духовенство были соединены тогда въ одинъ классъ, подъ именемъ „лицъ, имѣющихъ большія имущества“; сословію горожанъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ „классъ людей средняго состоянія“, а сельскимъ общинамъ нынѣшнихъ статутовъ соотвѣтствовалъ разрядъ „людей, владѣющихъ малыми имуществами“. Но при этой разницѣ трехчленнаго и четырехчленнаго дѣленія основной характеръ состава тѣхъ и другихъ сеймовъ одинаковъ: сеймы эти — сословные сеймы. По статутамъ Голуховскаго, число депутатовъ, посылаемыхъ разными сословіями, опредѣлено такъ, что два высшія сословія должны имѣть въ сеймѣ большинство. Та же самая цѣль достигалась въ статутахъ 1850 года разсчетливымъ распредѣленіемъ числа депутатовъ между разрядами и округами, одушевленными сочувствіемъ къ министерству или недовольными его системою. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи чехи требуютъ реформъ, а нѣмецкое населеніе, враждующее къ нимъ, было въ 1850 году на сторонѣ министерства; потому изъ 220 членовъ богемскаго сейма лишь немногіе должны были избираться отъ чешскихъ округовъ и корпорацій, и огромное большинство избиралось тѣми коллегіями перваго и втораго разряда, которыя составлены были изъ нѣмцевъ, хотя чехи составляютъ двѣ трети всего населенія Богеміи.

Мы видимъ, что составъ провинціальныхъ сеймовъ былъ по статутамъ 1850 года существенно одинаковъ съ составомъ, опредѣленнымъ нынѣшними статутами. Точно то же слѣдуетъ сказать и о кругѣ дѣйствій, предоставленномъ сеймамъ. Статуты 1850 года опредѣляли, что главнѣйшими занятіями сеймовъ будетъ служить надзоръ за исправленіемъ дорогъ и завѣдываніе богоугодными заведеніями, а также кадастровою частью. Тѣ же самые предметы предоставлены областнымъ сеймамъ и нынѣшними статутами. И по тѣмъ и по другимъ статутамъ сеймы были собственно совѣтами, назначенными въ помощь губернаторамъ или намѣстникамъ провинцій по исполненію распоряженій центральнаго правительства, относящихся ко взиманію податей, къ путямъ сообщенія и къ больницамъ.

Замѣтная разница только одна. По статутамъ 1850 года представители всѣхъ трехъ разрядовъ или сословій избирались прямо голосами самихъ избирателей, а по статутамъ Голуховскаго—представители горожанъ и поселянъ должны назначаться по выбору не самихъ жителей, а городскихъ или сельскихъ начальствъ. Надобно ожидать, что это правило будетъ измѣнено Шмерлингомъ сообразно порядку, установлявшемуся статутами 1850 года. Но такая перемѣна, была ли бы она хороша или дурна сама по себѣ, не будетъ имѣть важнаго значенія при извѣстномъ читателю составѣ сеймовъ и кругѣ ихъ дѣятельности.

Пока писалась эта статья, получена телеграфическая депеша, сообщающая содержаніе программы, обнародованной Шмерлингомъ по вступленіи въ министерство. Изложенныя нами ожиданія совершенно подтверждаются обѣщаніями Шмерлинга. Программа его такова, что, безъ сомнѣнія, онъ не найдетъ ни въ своихъ товарищахъ, ни въ лицахъ, указывающихъ путь ему и товарищамъ, никакого препятствія исполненію своихъ намѣреній. Онъ начинаетъ объявленіемъ, что всѣ реформы будутъ въ точности соотвѣтствовать принципамъ диплома 20 декабря. О провинціальныхъ сеймахъ Шмерлингъ выражается словами, изъ которыхъ надобно заключить, что городскимъ и сельскимъ общинамъ будетъ предоставленъ прямой выборъ депутатовъ и что сословное устройство сеймовъ будетъ сохранено. Государственный совѣтъ будетъ, сообразно предначертанію диплома 20 декабря, со-

Digitized by Google

стоять изъ депутатовъ, выбираемыхъ провинціальными сеймами; но противъ прежнихъ предначертаній разница будетъ та, что сеймы эти будутъ прямо выбирать депутатовъ въ государственный совѣтъ, а не кандидатовъ на это званіе, какъ говорилось въ законахъ, составленныхъ графомъ Голуховскимъ. Это измѣненіе конечно будетъ лестно для провинціальныхъ сеймовъ, но составъ ихъ служитъ обезпеченіемъ, что они не злоупотребятъ своею обязанностію. Точно также очень лестна будетъ для нихъ и для государственнаго совѣта другая перемѣна, сдѣланная Шмерлингомъ въ предначертаніяхъ Голуховскаго: Шмерлингъ говоритъ, что провинціальнымъ сеймамъ и государственному совѣту дано будетъ право инищіативы. Надобно полагать, что депеша, которой мы слѣдуемъ, не совершенно точно передала въ своемъ сокращеніи мысль Шмерлинга. Члены провинціальныхъ сеймовъ и государственнаго совѣта могли дѣлать предложенія уже и по статутамъ Голуховскаго; вѣроятно Шмерлингъ говоритъ, что будутъ упрощены формы, которыя должно пройти предложеніе, чтобъ достичь до обсужденія въ общемъ собраніи сейма или совѣта.

Читатель видитъ, что Шмерлингъ обѣщаетъ исправить нѣкоторыя подробности предначертаній Голуховскаго, находя, что самые принципы предначертаній должны быть сохранены.

Должно упомянуть еще о двухъ чертахъ програмы Шмерлинга, сообщаемыхъ тою же депешею. Новый министръ говоритъ, что по отношенію журналистики „всякое предварительное вмѣшательство“ будетъ прекращено. Депеша опять передаетъ мысль програмы, вѣроятно, не съ полною точностію. Предварительнаго вмѣшательства въ печатаніе газетныхъ статей уже не было въ Австріи и до вступленія Шмерлинга въ министерство. Вѣроятно, Шмерлингъ хочетъ сказать, что система предостереженій и выговоровъ, даваемыхъ газетамъ, будетъ нѣсколько ослаблена. Но она не будетъ отмѣнена; если бы Шмерлингъ говорилъ объ этомъ, то депеша не могла бы передать его словъ въ такомъ видѣ, какъ передаетъ. Кромѣ того Шмерлингъ обѣщаетъ возстановить судъ присяжныхъ, чего и слѣдовало ожидать, зная причину, по которой вышелъ онъ въ отставку въ началѣ 1851 года. Но депеша не говоритъ, чтобы намѣрены были примѣнить судъ присяжныхъ къ дѣламъ газетъ; это было бы и не совмѣстно съ характеромъ всей програмы Шмерлинга; а при устраненіи газетныхъ дѣлъ отъ суда присяжныхъ, его существованіе или несуществованіе относится уже къ техническимъ интересамъ юстиціи, а не къ политической жизни.

Изъ всего этого надобно заключить, что назначеніе Шмерлинга не производитъ большой перемѣны въ существовавшихъ отношеніяхъ, и что кабинетъ Рехберга со Шмерлингомъ остается на томъ же пути, на какомъ былъ съ Голуховскимъ. Теперь носятся слухи, что графъ Рехбергъ подаетъ въ отставку; это также не прозведетъ большой перемѣны.

Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ Австріи со времени нашего прошлаго обозрѣнія не измѣнило своего характера, а только продолжало развиваться по прежнимъ расходящимся направленіямъ. Чувства жителей нѣмецкихъ провинцій, Богеміи и Моравіи, выражаются съ большею опредѣлительностію, и въ началѣ декабря пражскіе чехи, по случаю пріѣзда новаго правителя въ Прагу, произвели демонстрацію, показавшую, что они желали бы имѣть правителемъ Богеміи чистаго чеха, который раздѣлялъ [illegible] стремленія.

Digitized by Google

Но по прежнему ходъ внутреннихъ австрійскихъ дѣлъ зависитъ отъ венгерскихъ обстоятельствъ. Въ прошедшемъ обозрѣніи остановились мы на томъ, что была на неопредѣленное время отсрочена гранская конференція, которую поручено было созвать кардиналу примасу Венгріи для постановленія правилъ объ устройствѣ будущаго венгерскаго сейма и избирательномъ законѣ; что многіе изъ лицъ, назначенныхъ занимать возстановленныя должности жупановъ или комитатскихъ президентовъ, отказывались отъ этого назначенія, и въ разныхъ венгерскихъ городахъ и селахъ происходили демонстраціи, оканчивавшіяся иногда вмѣшательствомъ австрійскихъ войскъ. Такое положеніе дѣлъ возбуждало въ вѣнскомъ правительствѣ мысль, не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Вотъ изъ парижской корреспонденціи Times'а отрывокъ, говорящій объ этомъ вопросѣ и о средствѣ, къ которому прибѣгло министерство, чтобы отложить его на нѣкоторое время.

„Парижъ, 7 декабря.

„Литографированная корреспонденція говоритъ, что въ министерскомъ совѣтѣ, бывшемъ въ Вѣнѣ 29 ноября, была рѣчь о томъ, чтобы объявить всю Венгрію находящеюся въ осадномъ положеніи; но одинъ изъ министровъ, венгерецъ, настоялъ, чтобы до принятія такой крайней мѣры испытать, не принесетъ ли пользы поѣздка барона Вая въ Венгрію. Баронъ прибылъ въ Пештъ 30 ноября съ инструкціями организаціи комитатовъ. Впечатлѣніе, произведенное въ Венгріи этими инструкціями, не соотвѣтствовало надеждамъ, и если слухи справедливы, то инструкціи содѣйствовали увеличенію волненія, которое, какъ видно, усиливается. Это неудивительно. Организація комитатовъ была основаніемъ самоуправленія, существовавшаго много вѣковъ въ Венгріи, а самоуправленіе, предлагаемое барономъ Ваемъ, венгерцы объявляютъ австрійскимъ бюрократизмомъ. Баронъ Вай не признаетъ закона, изданнаго объ этой организаціи въ 1848 г. Образцомъ онъ беретъ организацію нѣмецкихъ провинцій, а не самоуправленіе старинной Венгріи. Законъ 1848 г. замѣнилъ выборными коммиссіями общія собранія, которыя составлялись по комитатамъ до 1848 г. для выбора начальниковъ и рѣшенія текущихъ дѣлъ. Въ 1848 г. были распространены на всѣхъ гражданъ политическія права, которыми прежде пользовались одни только дворяне, и общія собранія всѣхъ членовъ комитата сдѣлались тогда физическою невозможностью. Потому они были замѣнены коммиссіями. По закону 1848 г., эти коммиссіи составлялись изъ депутатовъ, свободно избираемыхъ округами; но по инструкціямъ барона Вая члены комитатскихъ коммиссій будутъ назначаться правителями комитатовъ, которые сами прямо назначаются правительствомъ. Легко понять, что такая организація не нравится венграмъ. Этого мало: по инструкціямъ барона Вая присяга дается императору австрійскому, а не королю венгерскому, а по венгерской конституціи существуетъ только титулъ короля венгерскаго, и дипломъ 20 октября говорилъ, что возстановляется венгерская конституція. По инструкціямъ барона Вая, начальники, избираемые комитатскими коммиссіями, должны быть утверждаемы центральнымъ правительствомъ, которое, принявъ ихъ присягу, опредѣляетъ и жалованье имъ. Ничего подобнаго не существовало въ Венгріи при старинной конституціи. Прибавлю, что по этимъ инструкціямъ должно быть сохранено судоустройство, введенное Бахомъ и Шварценбергомъ, должна быть сохранена и финансовая система, введенная ими. Изъ этого вы поймете, почему инструкціи барона Вая возбудили общее порицаніе въ Пештѣ и по всей Венгріи. Спрашиваешь себя, чѣмъ все это кончится? Вѣроятно провозглашеніемъ всей Венгріи находящеюся въ осадномъ положеніи“.

Носились слухи, что министры венгерскихъ дѣлъ въ вѣнскомъ кабинетѣ, графъ Сеченъ и баронъ Вай, выходятъ или увольняются въ отставку и мѣста ихъ будутъ заняты предводителями умѣренной венгерской партіи, Деакомъ и Этве-

Digitized by Google

шомъ. Дѣйствительно Этвешу и Деаку были дѣлаемы предложіеня вступить въ кабинетъ, или по крайней мѣрѣ было спрашиваемо у нихъ, какова была бы ихъ программа, если бы начались съ ними переговоры о вступленіи въ министерство. Но если очень трудно было графу Рехбергу и другимъ вліятельнѣйшимъ лицамъ согласиться на программу Шмерлинга, столь близкую къ прежней программѣ кабинета (переговоры съ Шмерлингомъ длились недѣли три, если не больше), то соглашеніе ихъ съ Деакомъ и Этвешомъ представляется уже полною невозможностію. Читатель помнитъ, что̀ говорили мы въ прошлый разъ о венгерскихъ партіяхъ: умѣренная венгерская партія состоитъ изъ людей, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Кошутомъ до той самой поры, когда въ Венгріи провозглашена была республика, — только этого шага не захотѣли они сдѣлать, а въ составленіи всѣхъ законовъ 1848 года помогали они Кошуту. Мы говорили прошлый разъ, что законами 1848 года Венгрія была обращена въ государство, совершенно отдѣльное отъ остальной Австріи, такъ что вѣнское правительство должно было находиться къ венгерскому правительству въ отношеніяхъ, какія имѣетъ французское правительство къ англійскому или датское къ шведскому. Шмерлингъ былъ членомъ министерства, которое вело съ венграми войну для отмѣненія этихъ законовъ, а партія Деака и Этвеша составляла половину венгерскихъ армій, сражавшихся тогда противъ австрійцевъ. Не только графу Рехбергу, который, какъ мы читали, кажется слишкомъ либеральнымъ для лицъ, опредѣляющихъ путь вѣнскаго министерства, но и Шмерлингу, который едва могъ по своему либерализму сойтись съ Рехбергомъ, невозможно засѣдать за однимъ столомъ съ Этвешомъ и Деакомъ. Потому Сеченъ и Вай остались на своихъ мѣстахъ и посольство Вая въ Венгрію имѣло успѣхъ: ему удалось убѣдить,—не венгровъ, а графа Рехберга, что надобно поступать осторожнѣе, чѣмъ хотѣли люди, думавшіе возобновить осадное положеніе въ Венгріи. Своихъ соотечественниковъ баронъ Вай не могъ склонить къ уступчивости,—но вѣнское министерство изъ его отчета о состояніи умовъ на его родинѣ увидѣло надобность дать венграмъ возможность устроить администрацію комитатовъ и явиться на гранскую конференцію.

Сначала скажемъ о гранской конференціи. Читатель помнитъ, что по диплому 20 декабря предполагалось, чтобы избирательный законъ для будущаго венгерскаго сейма былъ составленъ не вѣнскимъ министерствомъ, а собраніемъ тѣхъ венгерскихъ магнатовъ, которые сочувствуютъ графу Сечену и графу Рехбергу. Но эти магнаты, или такъ называемая старая консервативная партія, обманулись въ своемъ понятіи о своихъ отношеніяхъ къ чувствамъ венгровъ. Графъ Сеченъ и баронъ Вай увидѣли, что собраніе, составленное изъ членовъ одной ихъ партіи, было бы очень непопулярно, и его рѣшенія были бы не приняты венграми. Предполагалось опредѣлить на гранской конференціи такія правила для выборовъ, чтобы на будущемъ сеймѣ большинство принадлежало старой консервативной партіи, какъ статутами сеймовъ по другимъ провинціямъ оно предоставлялось дворянству и духовенству. Оказалось, что напрасно и созывать конференцію изъ однихъ лицъ, содѣйствіе которыхъ было обезпечено. Умѣренная національная партія говорила, что явится на конференцію ни за чѣмъ инымъ, какъ только за провозглашеніемъ ненадобности и невозможности составлять новый избирательный законъ, потому что законъ 1848 года сохраняетъ полную силу. Баронъ Вай, посѣтивъ родину, убѣдилъ своихъ товарищей по кабинету, что хотя умѣренная националь-

Digitized by Google

ная партія не отступитъ отъ этого принципа, но безъ ея участія нельзя составить конференціи, а отлагать конференцію, значитъ поступать неблагоразумно. Вѣнскій кабинетъ уступилъ необходимости. Слѣдующій отрывокъ изъ вѣнской корреспонденціи „Times'а“, показывающій результаты поѣздки барона Вая, съ тѣмъ вмѣстѣ объяснитъ читателю причины, по которымъ была сдѣлана уступка.

„2 декабря кардиналъ-примасъ Венгріи разослалъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ (числомъ до 100 человѣкъ) приглашенія собраться въ Гранѣ 17 декабря. „Цѣлью собранія (говоритъ примасъ) будетъ рѣшеніе вопроса объ избирательномъ законѣ, по которому долженъ сформироваться сеймъ“. Достопочтенный прелатъ пишетъ унылымъ тономъ,—оно такъ и должно быть, потому что три четверти его соотечественниковъ отказываютъ въ повиновеніи правительству. Положеніе дѣлъ въ Венгріи— чисто революціонное“.

Мы не будемъ приводить всѣхъ извѣстій о многочисленныхъ демонстраціяхъ, происходившихъ по всей Венгріи. Довольно будетъ сказать, что во многихъ мѣстахъ сняты были австрійскіе гербы и замѣнены венгерскими; разумѣется, не обходилось при этомъ безъ нанесенія оскорбленій снимаемымъ гербамъ, и австрійскія начальства бездѣйственно смотрѣли на все это, потому что рѣшительныя мѣры повели бы къ открытому возстанію. 17 декабря собралась въ Гранѣ конференція, созванная примасомъ; большинство лицъ, приглашенныхъ имъ, были люди старой консервативной партіи и лишь меньшинство принадлежало къ умѣренной національной партіи; но общественное мнѣніе такъ тяготѣло надъ собраніемъ, что большинство молчало и молча принимало предложенія меньшинства, ораторы котораго прямо тѣмъ и начали, что избирательный законъ 1848 г. сохраняетъ свою силу, и оставался до сихъ поръ бездѣйственнымъ лишь вслѣдствіе того, что законный порядокъ былъ отстраняемъ разными обстоятельствами и отношеніями. Возраженій противъ этого не было никакихъ, и потому конференція кончила всѣ свои занятія въ одно утреннее засѣданіе, продолжавшееся не болѣе трехъ съ половиною часовъ. Она единогласно рѣшила представить вѣнскому правительству, что выборы на сеймъ должны быть произведены по закону 1848 года.

Нѣсколькими днями раньше гранской конференціи происходила такъ называемая „организація“ пештскаго комитата. Читатель знаетъ, что вслѣдствіе побѣды надъ венграми въ 1849 году былъ отмѣненъ венгерскій порядокъ администраціи, главную черту котораго составляло раздѣленіе страны на комитаты, самостоятельно управлявшіе своими внутренними дѣлами. Всѣ лица, пользовавшіяся политическими правами, составляли такъ называемую конгрегацію или комитатское собраніе, которое опредѣляло бюджетъ комитата, выбирало всѣхъ комитатскихъ чиновниковъ и судей. Только въ одну должность назначало центральное правительство или, по тогдашнему выраженію, назначалъ король. Эта должность была званіе верховнаго комитатскаго графа или жупана (Obergespan), бывшаго президентомъ общихъ комитатскихъ собраній и, кромѣ этой почетной обязанности, не имѣвшаго почти никакой власти. Жупанъ созывалъ комитатскія собранія въ опредѣленные сроки или по желанію жителей комитата. Въ промежуткахъ отъ одного собранія до другаго, дѣлами комитата управляла комитатская коммиссія, избираемая конгрегаціею. До 1848 года политическія права въ Венгріи имѣли не всѣ жители, а только дворяне, лица, пользовавшіяся дворянскими правами по своей профессіи (учители, медики и другіе люди, занимавшіеся трудами, требую-

Digitized by Google

щими образованности) и граждане независимыхъ городовъ. Въ 1848 г. всѣ политическія права были даны всему населенію Венгріи, безъ различія сословій. По завоеваніи Венгріи были уничтожены и комитатскія коммиссіи, и комитатскія конгрегаціи, и званіе жупановъ, и самое раздѣленіе Венгріи на комитаты. Страна была раздѣлена на 5 округовъ, управлявшихся военнымъ порядкомъ и имѣвшихъ главными своими начальниками генераловъ, командовавшихъ войсками въ округахъ. По диплому 20 октября надобно было приступить къ возстановленію комитатскаго управленія. Мы видѣли инструкціи, по которымъ предполагалось устроить это дѣло. Если бы инструкціи были исполнены, то организація комитатовъ получила бы характеръ, несогласный съ устройствомъ, существовавшимъ до ихъ уничтоженія, и администрація велась бы бюрократическимъ способомъ, какъ ведется въ другихъ провинціяхъ Австрійской имперіи. Разница отъ управленія, отмѣнявшагося дипломомъ 20 октября, заключалась бы главнымъ образомъ въ томъ, что на мѣсто 5 большихъ округовъ учредилось бы, подъ названіемъ комитатовъ, 39 не столь большихъ округовъ, совпадающихъ своими границами съ границами прежнихъ комитатовъ. Но для соблюденія сходства надобно было дать начальникамъ комитатовъ прежнее имя жупановъ. Это имя необходимо заставляло назначить начальниками комитатовъ людей, пользующихся почетомъ въ своихъ комитатахъ, потому что съ названіемъ жупана соединялось понятіе сана, очень высокаго. При извѣстномъ намъ настроеніи умовъ, такое обстоятельство произвело результатъ, разстроившій всѣ предначертанія графа Сечена и барона Вая. Мы увидимъ ходъ дѣлъ по всей Венгріи изъ одного примѣра,—изъ примѣра пештскаго комитата.

Пештскій комитатъ—самый значительный въ Венгріи по числу населенія; еще болѣе важности пріобрѣтаетъ онъ оттого, что въ немъ лежитъ національная столица, которая притомъ далеко превосходитъ всѣ остальные венгерскіе города своею обширностію. Что рѣшено въ Пештѣ, обыкновенно бываетъ рѣшено всею Венгріею. Президентомъ пештскаго комитата назначенъ былъ прежній жупанъ графъ Каролый съ титуломъ не жупана, а только администратора. Надобно объяснить смыслъ этой разницы. При Меттернихѣ, когда происходили несогласія между вѣнскимъ правительствомъ и венгерскимъ сеймомъ, комитатскія коммиссіи отказывались исполнять распоряженія вѣнскаго министерства, данныя въ противность сейму. Тогда вѣнское министерство распускало непокорную комитатскую конгрегацію, отрѣшало непокорную комитатскую коммиссію и отстраняло отъ должности непокорнаго жупана. Управленіе комитатомъ передавалось чиновнику австрійскаго правительства, называвшемуся администраторомъ. По венгерскимъ законамъ такая должность не существовала. Потому и титулъ администратора, данный теперь президенту пештской комитатской конгрегаціи, служилъ указаніемъ, что надобности вѣнскаго министерства продолжаютъ стоять выше венгерскихъ законовъ. Каролый не хотѣлъ принимать президентства въ пештскомъ комитатѣ, когда узналъ, что министры думаютъ назвать его не жупаномъ, а администраторомъ. Но черезъ нѣсколько дней согласился принять должность, увидѣвъ, что можетъ самъ измѣнить характеръ дѣла. Какъ смотрѣлъ онъ на положеніе Венгріи, обнаружилось уже самыми словами приглашенія, которымъ онъ созывалъ комитатскую конгрегацію: онъ говорилъ, что изъ комитатскаго сейма, назначеннаго въ 1848 г., многіе члены убиты или умерли, потому, гово[illegible]ская конгрегація сзывается для

избранія новыхъ лицъ на вакантныя мѣста, оказывающіяся теперь въ составѣ комитатскаго сейма 1848 года. Ясно было, что Каролый предполагаетъ комитатскій сеймъ 1848 года сохранившимъ законное существованіе, только на время устраненнымъ отъ исполненія своихъ обязанностей разными отношеніями, а теперь снова вступающимъ въ свои права. 10 декабря собралась въ Пештѣ комитатская конгрегація; о ея дѣйствіяхъ мы не будемъ разсказывать сами, а только приведемъ отрывокъ изъ пештской корреспонденціи Indépendance Belge.

„*Пештъ*, *11 декабря*.

„Административная и политическая реорганизація пештскаго комитата совершилась вчера съ большою торжественностію. Весь городъ былъ въ этотъ день украшенъ національными знаменами, а вечеромъ безъ всякаго предварительнаго соглашенія иллюминованъ; весь онъ принималъ участіе въ этомъ важномъ актѣ, которымъ первый комитатъ Венгріи снова вступилъ такъ-сказать во владѣніе своими правами. Дѣствительно таковъ и былъ характеръ вчерашняго собранія. Прямо, не колеблясь, возвратились къ законамъ 1848 года.

„При самомъ началѣ засѣданія графъ Каролый, назначенный администраторомъ комитата, объявилъ, что снова вступаетъ въ ту самую должность, какую занималъ въ 1848 г., и отъ исполненія которой въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ былъ устраненъ. Все собраніе восторженно апплодировало этимъ словамъ, и послѣ того уже нечего было говорить объ инструкціяхъ барона Вая. Самъ собою разрѣшился и вопросъ, о которомъ столь жарко спорили двѣ недѣли тому назадъ: принимать ли графу Каролыю даваемый ему титулъ администратора или требовать, чтобы ему дали титулъ жупана: графъ Каролый не получаетъ теперь никакого титула, онъ просто возстановляетъ за собою титулъ и обязанности, принадлежавшія ему въ 1848 г., а законъ 1848 г. не знаетъ объ администраторахъ, онъ знаетъ только о жупанахъ.

„Такимъ образомъ, пока оффиціальныя газеты разсуждаютъ, можно ли, и въ какой степени можно возстановить законы 1848 г., венгерскіе государственные люди возстановляютъ законы 1848 года. Теперь баронъ Вай развѣ только открытымъ военнымъ дѣйствіемъ могъ бы воспрепятствовать этому возстановленію: венгры молча отстраняютъ инструкціи и распоряженія, противныя желанію націи.

„Въ заключеніе замѣчу одинъ фактъ, не лишенный значенія. Въ число членовъ новой коммиссіи пештскаго комитата выбранъ графъ Владиславъ Телеки, бывшій венгерскимъ посланникомъ во время диктатуры Кошута“.

Кромѣ выборовъ, конгрегація пештскаго комитата занялась также совѣщаніями о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и приняла три рѣшенія. Во-первыхъ, она опредѣлила, что баронъ Вай незаконно принялъ званіе венгерскаго придворнаго канцлера; во-вторыхъ, конгрегація рѣшила, что налоги, установленные и собираемые безъ согласія сейма, собираются неправильно; въ-третьихъ, она объявила, что надобно какъ можно скорѣе собраться сейму, на основаніи законовъ 1848 г., и что всѣ эти законы должно признавать сохранившими свою силу.

Почти всѣ другіе комитаты уже послѣдовали или рѣшились слѣдовать примѣру пештскаго комитата. Вотъ изъ вѣнской корреспонденціи National-Zeitung отрывокъ, объясняющій положеніе, въ которое поставлены дѣла рѣшеніями комитатскихъ конгрегацій и гранской конференціи.

„*Вѣна*, *20 декабря*.

„Послѣ гранской конференціи увеличилась дѣятельность венгерской придворной канцеляріи: старая консервативная партія надѣется укрѣпиться такъ, чтобъ не выпустить власть изъ своихъ рукъ; но, не рискуя ошибиться, можно сказать, что на предстоящемъ сеймѣ будутъ господствовать приверженцы законовъ 1848 г., и что сеймъ этотъ разв[illegible]

Digitized by Google

по необходимости уступить центральному правительству какія нибудь изъ правъ, пріобрѣтенныхъ тогда. Надобно думать, что тутъ все зависитъ отъ внѣшнихъ отношеній Австріи; если сохранится миръ, то венгры могутъ согласиться на условія, довольно выгодныя для Австріи; если же будетъ война, то венгры постараются пріобрѣсти себѣ самостоятельность.—Теперь взиманіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ въ Венгріи стало дѣломъ сомнительнымъ, а слѣдующей весною венгры быть можетъ не станутъ платить и налога съ земель, которыя засѣваются табакомъ. Что станетъ дѣлать съ этимъ обезсиленное министерство финансовъ?“

Будущій ходъ дѣлъ въ Венгріи,—не въ одной Венгріи, а въ цѣлой Австрійской имперіи,—зависитъ еще больше, чѣмъ отъ вопроса о войнѣ или мирѣ съ Италіею, отъ другаго отношенія, судить о которомъ чрезвычайно трудно, — отъ примиренія или отъ возникновенія прежней борьбы между венграми и не венгерскимъ населеніемъ прежняго Венгерскаго королевства. Читателю извѣстно, что вражда этихъ невенгерскихъ національностей, въ особенности сербовъ и кроатовъ, съ венграми была коренною причиною торжества Австрійской имперіи въ 1849 году. Въ статьѣ, которую найдетъ читатель въ нынѣшней книжкѣ „Современника“, г. Костомаровъ говоритъ, что исторія не знаетъ безусловно правыхъ и безусловно виновныхъ, что каждая нація, каждое сословіе, каждая партія бываютъ правы съ своей точки зрѣнія. Очень можетъ быть; но за то исторія знаетъ различіе между дѣйствіями, ведущими къ предположенной цѣли или отнимающими возможность достичь ея. Результатъ показалъ, что венгры и южные славяне поступали въ 1848 г. въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу очень безразсудно, — такъ безразсудно, что едва ли можно рѣшить, которая сторона была безразсуднѣе. Мы перечитывали теперь два лучшія сочиненія о причинахъ этой борьбы,—одно писанное венгерцемъ въ защиту венгровъ, другое писанное сербомъ въ защиту южновенгерскихъ славянъ. Die serbische Bewegung in Südungarn, изданное безъ имени автора, и Histoire politique de la révolution de Hongrie par Daniel Iranyi. Странное, неправдоподобное впечатлѣніе произвели на насъ эти апологіи, обѣ написанныя людьми очень умными, отлично знакомыми съ дѣломъ. Когда мы читали книгу венгерца, доказывающаго, что справедливость была на сторонѣ венгровъ, что сербы и кроаты или вовсе не имѣли причинъ къ недовольству, или получили полную возможность примириться съ венграми передъ началомъ войны,—намъ казалось, что справедливость вся на сторонѣ сербовъ и кроатовъ, что венгры, притѣснявшіе ихъ прежде, не хотѣли весною 1848 года удовлетворить ихъ основательнымъ требованіямъ, поставили ихъ въ необходимость начать войну и поддерживать противниковъ венгерской независимости. Когда мы читали книгу серба, доказывающаго тѣ самыя мысли, къ которымъ привела было насъ книга венгерца, написанная противъ этихъ мыслей, — когда мы читали апологію сербовъ и кроатовъ, намъ стало казаться напротивъ, что венгры предоставляли славянамъ все, чего хотѣли славяне, что у сербовъ и кроатовъ не оставалось никакихъ серьезныхъ причинъ враждовать противъ венгровъ, когда они начали войну съ венграми. Такая странная противоположность впечатлѣнія, производимаго книгою, съ впечатлѣніемъ, какое имѣлъ въ виду авторъ, служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ безразсудства тогдашнихъ претензій націи, которую онъ защищаетъ.

У насъ, по нашей славянской крови, господствуетъ между людьми, мало знакомыми съ подроб[illegible]огдашнихъ событій, расположеніе винить исключительно венгровъ, [illegible]имъ же читателя прочесть хотя слѣдующіе

Digitized by Google

отрывки изъ книги серба,— мы переводимъ страницы, излагающія важнѣйшій моментъ дѣла,—моментъ, которымъ, по справедливому замѣчанію самого автора, рѣшена была въ умѣ сербовъ необходимость воевать противъ венгровъ.

Предварительно надобно замѣтить, что только съ половины марта 1848 года національная мадьярская партія увидѣла въ своихъ рукахъ власть надъ судьбою Венгерскаго королевства и могла приняться за коренныя реформы. Все въ Венгріи измѣнялось этою національною партіею. Она уничтожала крѣпостное право почти безъ выкупа. Масса славянскаго населенія въ Венгріи состояла тогда изъ крѣпостныхъ крестьянъ; если какая изъ націй Венгерскаго королевства получала наибольшую выгоду отъ этой реформы, то конечно славянская нація; если приносились тутъ въ жертву интересы помѣщиковъ, то наибольшую часть этой жертвы должны были нести люди мадьярской націи, потому что въ сословіи помѣщиковъ было несравненно больше мадьяръ, чѣмъ славянъ. Точно таковы же были всѣ другія реформы, которыя началъ производить весною 1848 г. венгерскій сеймъ, состоявшій почти исключительно изъ мадьяръ; если какая нація наиболѣе выигрывала отъ каждой изъ этихъ реформъ, то безъ всякаго сомнѣнія славянская. Откуда мы выводимъ такія заключенія? Изъ книги, написанной сербомъ, изъ фактовъ, имъ перечисляемыхъ. Если вы хотите убѣдиться, что дѣйствительно такіе выводы слѣдуютъ изъ его разсказа, прочтите слѣдующій очеркъ впечатлѣнія, произведеннаго на его соплеменниковъ, венгерскихъ сербовъ, реформами, начатыми мадьярскою національною партіею:

„Неудовольствіе противъ вѣнской системы такъ глубоко коренилось во всѣхъ слояхъ (сербскаго) общества, было такъ одинаково во всѣхъ (сербскихъ) партіяхъ, что и здѣсь (въ краю Венгріи, населенномъ сербами) точно такъ же, какъ въ Пресбургѣ (то есть, въ тогдашней столицѣ мадьярства), оборотъ политическихъ дѣлъ превозмогъ на минуту національныя антипатіи и желанія. И въ городахъ, и въ селахъ (сербскихъ) стремились воспользоваться пріобрѣтенными правами, и сербъ становился въ ряды (національной гвардіи) подлѣ мадьярскаго поселенца. Все неудовольствіе казалось исчезнувшимъ. Въ Нейзацѣ и Темешварѣ (двухъ главнѣйшихъ городахъ сербскаго края) были съ восторженными криками приняты 12 статей пештской просьбы 16 марта (просьбы, составленной мадьярами и излагавшей программу крайней мадьярской партіи, той самой, которая имѣла своимъ предводителемъ Кошута); въ Нейзацѣ реформы (сдѣланныя мадьярскимъ сеймомъ) были привѣтствованы 101 пушечнымъ выстрѣломъ и духовенство четырехъ исповѣданій (католическаго, православнаго, протестантскаго и еврейскаго) отправило благодарственную службу за совершившіяся событія, о которыхъ каждый твердо думалъ, что они прекратятъ борьбу національностей. Если нѣкоторые города (сербскіе) въ своихъ благодарственныхъ адресахъ (мадьярскому сейму) прибавляли желаніе, чтобы сербскій языкъ, сербская вѣра оставались неприкосновенны, то они прибавляли это въ несомнѣнной увѣренности, что новое (мадьярское) министерство не можетъ и не будетъ поступать иначе, какъ по этому принципу“. (Die serbische Bewegung, стр. 49—51).

Читая эти страницы сербской апологіи, вы никакъ не можете ожидать, что черезъ пять страницъ, въ которыхъ нѣтъ ровно ни одного факта, сколько нибудь относящагося къ мадьярскому дѣлу, авторъ скажетъ: „[illegible]
Чѣмъ же рѣшена была она? По его собственному из[illegible]
доточіемъ общественной жизни у венгерскихъ сербовъ [illegible]
уже читали, что, подобно другимъ сербскимъ городам[illegible]
дьярскимъ сеймомъ реформы съ востор[illegible]
ніемъ сочувствія и признательности н[illegible]
желаній; была выбрана депутація для [illegible]

Digitized by Google

она явилась въ залу мадьярскаго сейма, была встрѣчена при входѣ, была сопровождаема при выходѣ изъ залы единодушными криками восторга и сочувствія всего мадьярскаго сейма, получила увѣренія, что будутъ исполнены всѣ желанія сербскаго народа,—и вотъ этимъ-то пріемомъ сербской депутаціи обнаружилась для этой депутаціи и для всѣхъ венгерскихъ сербовъ необходимость воевать съ мадьярами. Вы не вѣрите? вы думаете, что наши слова—насмѣшка надъ здравымъ смысломъ? Извольте же читать слѣдующій буквальный переводъ изъ книги серба, которою мы руководимся.

„Въ Нейзацѣ изложили желанія сербской націи въ 17 пунктахъ и рѣшили предложить ихъ къ принятію пресбургскому сейму черезъ депутацію. Умѣренность этихъ желаній по вопросу о языкѣ и расположенность къ примиренію выражается въ слѣдующемъ требованіи, которое было поставлено первымъ.

„Какъ признаютъ сербы дипломатическое значеніе мадьярской народности, точно такъ ожидаютъ они и признанія и уваженія своей народности въ отношеніи къ ихъ внутреннимъ дѣламъ.

„Вопросъ о желаніи или нежеланіи принадлежать къ Венгерскому королевству не былъ и возбуждаемъ. Никому не приходило въ голову думать объ отдѣленіи отъ Венгріи.

„8 апрѣля явилась эта депутація въ засѣданіе сейма, была представлена ему Людвигомъ Кошутомъ и встрѣчена единогласными привѣтствіями всѣхъ членовъ сейма.

„Александръ Костичъ, ораторъ депутаціи, выразилъ отъ имени 12 тысячъ нейзацкихъ сербовъ ожиданіе, что сеймъ одобритъ представленную просьбу, и объявилъ, что сербская нація готова жертвовать имуществомъ и жизнью за Венгерское королевство.

„Кошутъ отвѣчалъ съ министерской скамьи, что народности будутъ уважаемы, но что каждому понятно, что мадьярскій языкъ долженъ быть одною изъ связей, соединяющихъ всѣ части Венгріи; что мадьяръ охотно предоставляетъ сербамъ участіе въ свободѣ, которую пріобрѣлъ, но за то справедливо надѣется, что его языкъ—связь, соединяющая съ нимъ націи, съ которыми онъ дѣлится свободой".

Палата проводила криками eljen! удаляющуюся депутацію. Но министромъ были сказаны слова, не располагавшія сербовъ думать, что либеральное министерство хочетъ прекратить угнетеніе сербскаго языка. Горечь этой мысли усиливалась оскорбительностью фразы, которая породила впослѣдствіи столько непримиримой ненависти и отняла столько симпатій у произносившихъ ее,—фразы, исполненной несправедливаго самохвальства. Мадьяръ говорилъ, что охотно даетъ сербамъ „участіе" въ свободѣ, которую пріобрѣлъ „онъ". Извѣстно было, что переворотъ въ ходѣ дѣлъ для всей Австріи рѣшенъ былъ вѣнскими событіями, и что побѣда либеральной партіи венгерскаго сейма была только слѣдствіемъ вѣнской побѣды. Но независимо отъ надменнаго самохвальства, оскорбительность этой, повторявшейся потомъ въ безчисленныхъ рѣчахъ, фразы придавалась тѣмъ, что она косвенно говорила о супрематствѣ мадьярскаго племени. Поэтому депутація покинула залу съ непріятной увѣренностью, что правительство считаетъ мадярскую націю выше сербской и что съ мадьярской точки зрѣнія считается добровольною милостью согласіе мадьяръ не исключать сербовъ отъ пользованія новыми правами. Депутація рѣшила отправиться въ квартиры министровъ, чтобы получить болѣе точныя об[illegible]

[illegible] [иде]нтъ принялъ ихъ какъ депутатовъ вѣрнаго „венгерскаго" города [illegible] [б]удутъ уважены всѣ ихъ желанія, какія только согласны [illegible] [...]ства.

[illegible] требуете уравненія съ благородною мадьярскою на-

Digitized by Google

ціею. Это справедливо, и мадьярская нація охотно согласится, чтобы вы раздѣляли съ нею всѣ политическія права“.

„Мы считаемъ нужнымъ, г. министръ, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, обратить ваше вниманіе на то, что живущіе въ Венгріи сербы ожидаютъ также признанія священнѣйшаго изъ своихъ обычаевъ—своего языка. Сербская нація совершенно различна отъ мадьярской, и не желаетъ несправедливаго, когда хочетъ быть признана за отдѣльную націю, какъ сама признаетъ мадьярскую, съ которою готова оставаться въ одномъ государствѣ, подъ однимъ закономъ.

„— Что разумѣете вы подъ словомъ нація? спросилъ министръ.

„— Племя, имѣющее свой особый языкъ, свои нравы, обычаи, свое развитіе и столько сознанія, чтобы хранить ихъ, отвѣчалъ депутатъ.

„— Мы не желаемъ имѣть особаго правительства, сказалъ другой депутатъ.—Одна нація можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими правительствами, и нѣсколько націй могутъ быть соединены подъ однимъ правительствомъ. Примѣръ перваго—нѣмцы, доказательствомъ втораго служитъ Трансильванія, не говоря о всей Австріи.

„Министръ, легко раздражавшійся всякимъ возраженіемъ, казался нерасположенъ продолжать это преніе, и коротко сказалъ, что интересъ мадьярской націи требуетъ, чтобы, кромѣ нея, не считалось другой націи въ государствѣ.

„Третій депутатъ обратилъ вниманіе министра на броженіе между южными славянами, усиливающееся уже нѣсколько лѣтъ. „Я боюсь что оно приведетъ къ явному разрыву, продолжалъ онъ, если южные славяне увидятъ себя обманувшимися въ ожиданіи, что новое положеніе дѣлъ прекратитъ стѣсненіе ихъ языка; они станутъ искать въ другомъ мѣстѣ признанія правъ, если откажетъ имъ Пресбургъ“.

„ — Въ такомъ случаѣ рѣшитъ мечъ, отвѣчалъ Кошутъ и удалился въ свой кабинетъ.

„Эта минута породила сербскую войну со всѣми ея ужасами и опустошеніями“.

Этотъ разсказъ будетъ вполнѣ оцѣненъ читателемъ, когда мы разъяснимъ спеціальный смыслъ слова „нація“ въ тогдашней политической терминологіи Венгерскаго королевства. Читатель видитъ, что сами сербы совершенно соглашались, чтобы въ совѣщаніяхъ сейма и въ государственныхъ дѣлахъ мадьярскій языкъ оставался оффиціальнымъ: они желали только того, чтобы ихъ самихъ не стѣсняли въ употребленіи сербскаго языка, и читатель видѣлъ, что мадьярскій сеймъ совершенно согласенъ былъ съ этимъ требованіемъ. Съ этого и начался разговоръ между сербскою депутаціею и Кошутомъ на квартирѣ Кошута. Странно послѣ этого дальнѣйшее преніе о словѣ „нація“. Что тутъ толковать, нація или не нація сербы, когда мадьяры съ перваго же слова говорятъ, что сербская національность будетъ для нихъ священна? Но вы видите, что Кошутъ совершенно растерялся и заговорилъ совсѣмъ инымъ тономъ, когда сербскіе депутаты сказали, что сербы хотятъ составлять „націю“. Дѣло въ томъ, что по оффиціальной терминологіи Венгерскаго королевства слово „нація“ обозначало не народность, а государство, относилось не къ языку, а къ независимому правительству. По этой терминологіи Баварія, Вюртембергъ и Баденъ составляютъ три націи, а французы, итальянцы и нѣмцы, населяющіе Швейцарію, составляютъ одну націю, именно швейцарскую націю, то есть, по нашему способу выраженія, Швейцарское государство. Когда сербы заговорили мадьярамъ: „мы хотимъ составлять націю“, мадьяры поняли подъ этимъ словомъ желаніе сербовъ составить отдѣльное королевство, оторваться отъ Венгріи, чего сербы вовсе не хотѣли. Развѣ не знала сербская депутація, что своимъ образомъ выраженія она возбудитъ въ мадьярахъ совершенно не то понятіе о своихъ чувствахъ, какое хочетъ возбудить? А еслибъ она и не знала этого (чего нельзя предположить), то вѣдь Кошутъ прямо указалъ на это. По[illegible]

Digitized by Google

сербскіе депутаты продолжали употреблять слово, не соотвѣтствовавщее надобностямъ ихъ дѣла? Сербская депутація какъ будто нарочно подъискивала предлогъ для ссоры, какъ будто нарочно затѣяла ненужный споръ, чтобы договориться до надобности начинать войну. Если можно что нибудь сравнить, по удивительной нелѣпости, съ этимъ совершенно дикимъ упрямствомъ въ употребленіи ошибочнаго термина, то развѣ только удивительную наивность, съ которою сербскій историкъ выставляетъ смертельнѣйшею обидою для сербовъ, со стороны мадьяръ, употребленное мадьярами выраженіе, что мадьяры съ радостію даютъ сербамъ участіе въ пріобрѣтенныхъ правахъ. Казалось бы, что тутъ обиднаго? „Нѣтъ, говоритъ сербскій историкъ, какъ смѣли сказать мадьяры, что даютъ намъ участіе въ своихъ правахъ?“ Да какъ же иначе было выразиться мадьярамъ?

Таковы оказываются причины, возбудившія сербовъ къ войнѣ съ мадьярами весною 1848 г. Нельзя найти ничего белѣе неосновательнаго, болѣе напраснаго. Новыми реформами отстранялась всякая надобность вражды; но сербы начали войну и, восторжествовавъ надъ мадьярами, увидѣли себя въ положеніи, худшемъ того предшествовавшаго реформамъ положенія, за которое стали воевать съ мадьярами, когда оно прекращалось реформами, предпринятыми мадьярскимъ сеймомъ безъ всякаго принужденія отъ сербовъ.

Но мы уже говорили, что въ такомъ безразсудномъ свѣтѣ представляется образъ дѣйствій южныхъ венгерскихъ славянъ въ 1848 году лишь по изложенію дѣлъ самими этими славянами, пишущими въ свое оправданіе. Если же мы станемъ читать книги объ этомъ предметѣ, написанныя мадьярами въ защиту мадьярской стороны, то мы увидимъ, что и мадьяры были не менѣе безразсудны: въ мадьярскихъ книгахъ прискорбное впечатлѣніе производитъ тщеславіе, съ которымъ мадьяры хвалятся, что историческая справедливость и юридическіе документы были на ихъ сторонѣ, когда при всемъ томъ и самимъ мадьярамъ, и славянамъ до реформъ 1848 г. было тяжело.

Съ той поры многое измѣнилось, какъ увѣряли насъ въ послѣднее время и мадьяры, и южно-венгерскіе славяне. Газеты уже нѣсколько лѣтъ наполнялись описаніями демонстрацій, выражавшихъ примиреніе кроато-сербской національности съ мадьярскою. Мадьяры основывали на свой счетъ славянскія училища, библіотеки, музеумы для славянъ; устроивали славянскіе спектакли и являлись на нихъ, чтобы апплодировать славянскимъ звукамъ; устроивали процессіи, въ которыхъ славянскія знамена развѣвались вмѣстѣ съ мадьярскими; то же дѣлали и славяне въ честь мадьяръ. Много было торжествъ, на которыхъ славянское населеніе фратернизировало съ мадьярскимъ. Всему этому соотвѣтствовали и программы о устройствѣ Венгерскаго королевства, составлявшіяся предводителями мадьярской національной партіи.

Сущность мадьярскихъ предложеній такова: каждый сельскій округъ и каждый городъ управляютъ своими дѣлами совершенно самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и сами рѣшаютъ, на какомъ языкѣ должно быть ведено преподаваніе въ школахъ, содержимыхъ на общественный счетъ, на какомъ языкѣ должны быть производимы административныя и судебныя дѣла; иначе сказать, въ сербскихъ селахъ и городахъ долженъ господствовать сербскій языкъ, въ словацкихъ—словацкій, въ румынскихъ—румынскій, въ мадьярскихъ—мадьярскій; [illegible] частному человѣку предоставляется основывать школы съ своимъ на-

Digitized by Google

ціональнымъ преподаваніемъ, объясняться въ судѣ и съ должностными лицами на своемъ родномъ языкѣ. Точно то же опредѣляется и для каждаго комитата: официальный языкъ комитата—языкъ большинства его жителей, а люди другихъ національностей ведутъ дѣла въ комитатскихъ судахъ и съ комитатскими правительственными мѣстами каждый на своемъ языкѣ. Каждый сельскій округъ или городъ сносится съ комитатомъ на такомъ языкѣ, на какомъ хочетъ самъ, и каждый комитатъ сносится съ центральнымъ правительствомъ также на какомъ хочетъ языкѣ. Наконецъ и въ совѣщаніяхъ центральнаго правительства каждый изъ членовъ этого правительства говоритъ на такомъ языкѣ, на какомъ ему самому пріятнѣе. Если всего этого еще мало для огражденія національности, то люди каждой національности могутъ составлять союзъ для огражденія своей національности отъ всякихъ притѣсненій, для содѣйствія ея развитію или для доставленія ей всего желаемаго вліянія на ходъ государственнаго законодательства и управленія. При этомъ надобно замѣтить, что государственный сеймъ, управляющій дѣлами, составляется изъ депутатовъ, выбираемыхъ разными краями государства пропорціонально населенію, такъ что число представителей каждой національности будетъ составлять въ сеймѣ приблизительно такую же пропорцію, какая принадлежитъ людямъ этой національности въ общемъ населеніи Венгріи. Если славянъ въ Венгріи больше, чѣмъ мадьяръ, то и на венгерскомъ сеймѣ славянскихъ депутатовъ будетъ больше, чѣмъ мадьярскихъ, а все законодательство и управленіе государственное зависитъ отъ большинства депутатовъ.

Что же теперь будетъ? что возьметъ верхъ въ отношеніяхъ между мадьярами и венгерскими славянами? прежнія ли преданія объ угнетеніи славянской народности мадьярами будутъ руководить дѣйствіями венгерскихъ кроатовъ и сербовъ, или пойдутъ славяне по недавнему пути примиренія? Быть-можетъ опытъ послѣднихъ 12 лѣтъ не пропадетъ даромъ; но есть признаки, заставляющіе предполагать, что вѣнское министерство успѣетъ склонить южныхъ славянъ къ борьбѣ съ венграми, какъ склонило ихъ весною 1848 г.

Надобно сказать, что сами венгры обнаружили наклонность повторить прежнюю свою ошибку. Одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ не могутъ они принять устройства, предначертаннаго дипломомъ 20 октября, они выставили то, что Венгерское королевство не возстановлено въ границахъ 1848 г., не присоединена къ нему Сербская Воеводина, отдѣленная отъ него послѣ побѣды австрійцевъ, и не возстановлено соединеніе Трансильваніи съ Венгерскимъ королевствомъ, совершенное въ 1848 г. Слѣдуетъ объяснить національное положеніе въ этихъ двухъ областяхъ.

Южный край прежняго Венгерскаго королевства распадается на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои очень значительныя особенности по отношенію къ вопросу о національностяхъ.

Въ западной половинѣ, въ такъ называемыхъ королевствахъ Кроатскомъ и Славонскомъ, все населеніе—славяне, не перемѣшанные ни съ какимъ другимъ племенемъ. Мадьяры признаютъ за этою землею право составлять отдѣльное цѣлое, соединенное съ Венгерскимъ королевствомъ только федераціею. Если бы дѣло шло лишь объ этомъ, мадьяры и кроаты легко согласились бы въ своихъ желаніяхъ. Но на югъ отъ Кроаціи и Славоніи лежитъ еще австрійская провинція, населенная тѣмъ же племенемъ,—Далмація, давно отдѣленная австрійцами отъ Кроаціи

Digitized by Google

съ Славоніею и отъ Венгерскаго королевства. Она желаетъ соединиться съ Кроаціею и Славоніею, которыя также желаютъ, чтобы она была возвращена къ нимъ. Посмотрите же, какъ запутывается дѣло этимъ обстоятельствомъ. Жителямъ Кроаціи и Славоніи кажется, что самый вѣрный способъ исполнить общее желаніе ихъ и Далмаціи будетъ—выпросить согласіе вѣнскаго министерства на это соединеніе. Они уже отправили въ Вѣну депутацію съ просьбою о томъ, и газеты говорятъ, что вѣнское министерство приняло депутацію благосклонно. Если оно исполнитъ просьбу, оно вѣроятно привлечетъ славянъ Кроаціи и Славоніи на свою сторону и пріобрѣтетъ возможность обратить ихъ противъ мадьяровъ, какъ обратило въ 1848 году.

Другой шансъ къ тому же самому представляется отношеніями восточной половины южнаго края Венгріи, ил итакъ называемой Сербской Воеводины. Эта провинція, составлявшая прежде нѣсколько комитатовъ Венгерскаго королевства, населена не одними славянами, какъ Славонія и Кроація: славяне, которые многочисленнѣе каждаго изъ другихъ племенъ этого края, населяютъ однакоже только западную часть его, да и то не всю,—узкая полоса по сѣверному краю Сербской Воеводины населена венграми; восточная часть Сербской Воеводины населена румынами; кромѣ того, и въ румынской, и въ сербской половинахъ Сербской Воеводины находится много городовъ, главное населеніе которыхъ составляютъ мадьяры. Но изъ этихъ трехъ племенъ славяне, будучи самымъ многочисленнымъ, имѣютъ стремленіе господствовать во всей области, какъ мадьяры имѣли до 1848 г. стремленіе господствовать во всей Венгріи. Славяне Сербской Воеводины—сербы,—по своему языку составляютъ одно племя съ славянами Кроаціи и Славоніи; но эти славяне, вообще называемые кроатами—католики, а сербы въ Воеводинѣ—православные. Мадьяры увѣряютъ, что различіе исповѣданій помѣшало бы кроатамъ и сербамъ составить одно цѣлое; по всей вѣроятности это правда, по крайней мѣрѣ относительно нынѣшняго поколѣнія. Но будучи раздѣлены, кроаты и сербы не имѣютъ случая почувствовать, что не могли бы совершенно сойтись между собою, пока не перевоспитаются; они только еще сочувствуютъ другъ другу, не встрѣчая поводовъ къ раздору. Если сербы Сербской Воеводины вздумаютъ бороться съ мадьярами, кроаты непремѣнно захотятъ помогать имъ.

Возможность борьбы кроатовъ въ мадьярами лежитъ въ отношеніяхъ не самихъ кроатовъ къ мадьярамъ, а въ отношеніяхъ Далмаціи къ австрійскому правительству и въ дѣлахъ Сербской Воеводины. Но сербы Сербской Воеводины могутъ быть вызваны на борьбу неосторожностью мадьяръ по отношенію къ нимъ самимъ. Мы говорили, что Кроація и Славонія до 1848 г. не входили въ составъ собственно Венгерскаго королевства, а были особеннымъ краемъ, соединеннымъ съ этимъ королевствомъ, что мадьяры и теперь не имѣютъ претензіи вводить этотъ край въ составъ Венгерскаго королевства иначе, какъ по формальному договору съ кроатами. Не такъ думаютъ они о Сербской Воеводинѣ, которая входила прежде прямымъ образомъ въ составъ собственно Венгерскаго королевства. Они прямо говорятъ, что Сербская Воеводина должна быть возвращена къ нему, безъ всякихъ переговоровъ съ нею; они полагаютъ, что большинство жителей Сербской Воеводины горячо раздѣляютъ такое желаніе. Въ этомъ они ошибаются. Очень можетъ быть, что, если спросить теперь самихъ сербовъ и румыновъ Сербской Воеводины, захотятъ ли они возвратиться въ составъ Венгерскаго королевства, они

Digitized by Google

скажутъ, что согласны на это. Но говорить объ этомъ, не спросивъ ихъ, какъ дѣлаютъ мадьяры, значитъ оскорблять ихъ самолюбіе, раздражать ихъ. Сколько бываетъ такихъ случаевъ, что люди неспрошенные начинаютъ говорить „нѣтъ" только потому, что не были спрошены заблаговременно. Нельзя не опасаться за развитіе отношеній мадьяръ къ Сербской Воеводинѣ: ихъ опрометчивыми словами о ея присоединеніи вѣроятно уже значительно испорчено дѣло, которое могло бы устроиться очень согласно при большей осмотрительности.

Но и при всевозможной осмотрительности мадьяръ въ отношеніи къ сербамъ Воеводины представляется сильное сомнѣніе въ томъ, показалось ли бы для венгерскихъ сербовъ пріятно присоединеніе къ Венгріи. Эти сербы составляютъ небольшую часть великаго сербскаго племени, главная масса котораго живетъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Давно уже думаетъ оно о соединеніи въ одно государство, зерномъ которому послужитъ нынѣшнее Сербское княжество. Сербы княжества въ 1848 г. помогали венгерскимъ сербамъ. Мадьяры не могутъ достичь осуществленія своихъ желаній безъ побѣды надъ австрійскими войсками. Борьба мадьяръ съ австрійскими войсками повела бы сербовъ Турецкой имперіи къ мысли о соединеніи, и венгерскіе сербы почувствовали бы влеченіе соединиться съ своими турецкими единоплеменниками.

Если труднымъ представляется дѣло Сербской Воеводины, то и трансильванскія отношенія оказываются подобны сербскимъ. Мадьярское племя населяетъ двѣ мѣстности, разрѣзанныя одна отъ другой инымъ племенемъ. Главная масса мадьяръ занимаетъ центральную часть собственно Венгерскаго королевства. Другая, несравненно меньшая масса мадьяръ занимаетъ восточную часть Трансильваніи. Связанныя между собою горячимъ національнымъ чувствомъ, эти двѣ группы мадьярскаго племени не могутъ вынести мысли, чтобы не составлять имъ обѣимъ одного цѣлаго. Но какъ югозападная граница собственно Венгерскаго королевства занята славянскимъ племенемъ, такъ восточная и юговосточная часть его занята румынскимъ племенемъ; оно же занимаетъ все пространство Трансильваніи на западъ отъ мадьярскаго края Трансильваніи и составляетъ огромное большинство ея населенія. Присоединить Трансильванію къ Венгріи, значитъ положить новое препятствіе соединенію цѣлой трети румынскаго племени съ двумя другими третями его, уже соединившимися въ одно государство. Какъ венгерскіе сербы могутъ соглашаться на свое присоединеніе къ Венгерскому королевству только пока не имѣютъ близкой надежды на соединеніе свое съ турецкими сербами въ одно государство, такъ трансильванскіе румыны могутъ соглашаться на присоединеніе Трансильваніи къ Венгріи лишь пока не имѣютъ близкой надежды соединиться съ Валахо-Молдавскимъ государствомъ.

Читатель видитъ, какъ трудно ожидать, чтобы мадьяры не встрѣтили въ южныхъ славянахъ и румынахъ сопротивленія своимъ желаніямъ, если останутся при мысли возстановить Венгерское королевство въ прежнихъ границахъ и присоединить къ нему Трансильванію. Единственнымъ выходомъ изъ всѣхъ затрудненій было бы, если бы они рѣшительно приняли идею федеративнаго устройства земель, лежащихъ по Дунаю отъ Пресбурга до Чернаго моря. Тогда они нашли бы сочувствіе и въ кроатахъ, и въ сербахъ, и въ румынахъ и въ чешско-словацкомъ племени, населяющемъ сѣверный край Венгерскаго королевства. Кто принимаетъ федеративную мысль, находитъ разрѣшеніе всѣхъ запутанностей. Сѣверо-западный

Digitized by Google

край союза составляетъ земля чешско-словацкаго племени; къ юго-востоку отъ него лежитъ земля мадьярскаго племени, два куска которой легко могутъ быть соединены узкою полосою мадьярскихъ поселеній, почти непрерывно идущихъ отъ западной массы мадьярской земли къ восточной трансильванской массѣ ея; на югъ отъ мадьярской земли лежитъ сербская, къ востоку отъ сербской болгарская; къ сѣверу отъ болгарской и къ востоку отъ мадьярской—румынская. Всѣ эти земли почти равны между собою по населенію, простирающемуся у каждаго племени отъ 5 до 7 милліоновъ, немногимъ больше, или немногимъ меньше. Но трудно сказать, скоро ли увидятъ надобность принять такое воззрѣніе мадьяры, мечтающіе о прежнихъ границахъ Венгерскаго королевства, соединеннаго съ Трансильваніею, мечтающіе о государствѣ, которое было бы соединено съ частями словацкой, сербской и румынской земель. На близость мадьяръ къ принятію федеративной идеи указываютъ всеобщіе газетные слухи о сношеніяхъ мадьяръ съ турецкими сербами и съ правительствомъ Валахо-Молдавскаго государства; но противъ этого говорятъ претензіи мадьяръ возстановить свое королевство въ прежнемъ объемѣ. Можно полагать, что сами мадьяры расходятся между собою во мнѣніяхъ и надеждахъ по этимъ вопросамъ. Мы не хотимъ предугадывать, какое мнѣніе одержитъ верхъ между ними; а интересно было бы предугадать, потому что при одномъ рѣшеніи дѣло пойдетъ совершенно иначе, чѣмъ при другомъ.

Объ Италіи, какъ и въ прошломъ обозрѣніи, мы не имѣемъ сказать почти ничего новаго. Гаэта все еще держалась, по послѣднимъ извѣстіямъ, какія были во время составленія этого обзора. Съ ея паденіемъ прекратятся и внутренніе безпорядки, производимые надеждою приверженцевъ прежняго правительства на возможность возстановить его слѣдующею весною при помощи Австріи. Французская эскадра все еще продолжала запрещать итальянскому флоту начать осаду крѣпости съ моря, и газеты теряются въ догадкахъ о томъ, какія побужденія имѣетъ императоръ французовъ, дѣйствуя такимъ образомъ. Намъ кажется, что гадать тутъ не о чемъ: онъ продолжаетъ слѣдовать политикѣ, которой неуклонно держался съ самаго Вилафранкскаго мира.

Въ самой Франціи успѣлъ уже сильно охладѣть интересъ, возбужденный декретомъ 24 ноября, говорившимъ о расширеніи правъ свободнаго пренія въ законодательномъ корпусѣ по политическимъ вопросамъ. Оказалось, что основателенъ былъ взглядъ полуофиціальныхъ газетъ, объяснявшихъ, что ошибаются партіи, придающія этому декрету слишкомъ большое значеніе. Когда всѣ убѣдились, что онъ дѣйствительно не предназначенъ къ произведенію значительныхъ перемѣнъ въ существующемъ устройствѣ, то, естественно, перестали много заниматься имъ. Слѣдующій отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'а сообщаетъ подтверждаемыя другими газетами извѣстія о способѣ, какимъ произошелъ декретъ.

„Парижъ, 4 декабря.

„Какова бы ни была истинная причина императорскаго декрета 24 ноября, какова бы ни была цѣнность данныхъ въ немъ уступокъ и каковъ бы ни былъ духъ, въ которомъ будутъ исполняться эти уступки, но достовѣрно то, что происхожденіе декрета надобно приписывать исключительно и единственно самому императору Наполеону. Онъ задумалъ и выработалъ свои планы въ молчаніи и уединеніи; за [illegible]ніемъ одного человѣка, никто не зналъ о его намѣреніи, пока онъ [illegible] министрамъ 23 ноября.

Digitized by Google

„Всѣмъ извѣстно, что у императора есть своя особенная, очень оригинальная манера дѣйствовать. По привычкѣ, пріобрѣтенной въ молодости, или по натурѣ, онъ всегда любитъ дѣлать сюрпризы. Освобожденіе Абдъ-эль-Кадера, переворотъ 2 декабря, война съ Австріею, присвоеніе Савойи и Ниццы и декретъ 24 ноября—все это было сдѣлано одинаковымъ способомъ. Я сказалъ, что одинъ человѣкъ былъ отчасти посвященъ въ тайну, незадолго передъ тѣмъ, какъ она должна была обнародоваться, когда проэктъ былъ уже обдуманъ и готовъ къ изложенію на бумагѣ. Этотъ человѣкъ былъ Валевскій, тотъ самый, который, къ своему величайшему удовольствію, сидитъ теперь на креслѣ, покинутомъ г. Фульдомъ, однимъ изъ его милѣйшихъ друзей,— г. Валевскій занялъ его мѣсто во имя своей долгой и искренней дружбы. Г. Валевскій былъ порядочно удивленъ, когда императоръ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ и хочетъ сдѣлать. Но г. Валевскій видѣлъ въ своей карьерѣ столько удивительнаго, что его удивленіе чему бы то ни было не бываетъ продолжительно, а скромность, которою обладаетъ онъ въ высокой степени, внушила ему—выслушать и согласиться.

„Когда министры собрались 23 ноября подъ предсѣдательствомъ императора, ничто въ лицѣ и въ осанкѣ императора не обнаруживало его намѣреній. Но онъ не замедлилъ изложить свой проэктъ. Онъ сообщилъ министрамъ, что пришелъ къ убѣжденію, состоящему въ томъ, что правительство, своевременно не дѣлающее благоразумныхъ уступокъ и желаемыхъ страною реформъ, ослабляетъ себя. Онъ сказалъ, что не желаетъ доводить сопротивленія реформамъ до крайности. Онъ сказалъ, что такіе люди, какъ напримѣръ Беррье, могли быть членами палаты депутатовъ при орлеанской монархіи, а легитимисты и орлеанисты могли засѣдать въ республиканскихъ собраніяхъ 1848—1851 гг., и что онъ не видитъ причины, почему люди, приносящіе Франціи честь своими дарованіями и честностью, не могли бы выступить и принять участіе въ дѣлахъ націи. Онъ объявилъ, что ему надоѣла „палата въ Жюбиналевскомъ родѣ“ (Chambre Jubinal—таково буквальное его выраженіе, какъ меня увѣряютъ), и что ему нужна палата другаго рода. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, императоръ прочиталъ свой декретъ. Если бы среди комнаты, въ которой засѣдали министры, упала бомба, они не изумились бы и не испугались бы такъ. Но сомнѣніе было невозможно: императоръ положительно объявилъ, что законодательному корпусу должно быть дано право свободно обсуждать адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь и произносить свое мнѣніе о внутренней и внѣшней политикѣ правительства. Министрамъ нечего было дѣлать, они должны были покориться и покорились.

„Г. Морни заговорилъ, обращаясь къ императору. Онъ усердно совѣтовалъ его величеству подумать и не пускаться въ уступки, слишкомъ поспѣшныя или большія, и т. д. Морни предлагалъ свою мысль о томъ, въ чемъ могутъ состоять уступки. Она состояла въ томъ, чтобы „Монитеру“ разрѣшено было печатать вполнѣ пренія законодательнаго корпуса; но идти дальше онъ не былъ расположенъ. Г. Барошъ поблѣднѣлъ, услышавъ декретъ; а г. Бильйо, бывшій либералъ, бывшій республиканецъ, бывшій защитникъ свободы преній и свободы печатнаго слова, не могъ, какъ разсказываютъ, произнести почти ни одного слова отъ изумленія. Г. Руэ, министръ общественныхъ работъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто бы горько слушать ему такія рѣчи. Г. Морни нова выступилъ на защиту товарищей. Онъ спросилъ императора: что онъ думаетъ сдѣлать, если нынѣшняя палата въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь выразила бы неодобреніе политики его величества? Императоръ сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ распустилъ бы палату и аппелировалъ бы къ націи.—„Но что сдѣлаете вы, государь, продолжалъ Морни, если новая палата также не одобритъ политику вашего величества?“—„Въ такомъ случаѣ я уступилъ бы, и принялъ бы политику, предлагаемую представителями націи“, не колеблясь сказалъ императоръ. Я полагаю, что этотъ разсказъ буквально точенъ. Г. Жюбиналь—депутатъ, необыкновенно усердный въ приверженности къ правительству. Онъ не считается великимъ ораторомъ, или великимъ государственнымъ человѣкомъ, или великимъ мудрецомъ, и упоминаніе о немъ довольно позабавило публику. Министры не согласны между собою и не довольны. Они видятъ впереди что-то мрачное, и бодрость ихъ упадаетъ. Неудивительно это. Вообразите себѣ Бароша, Бильйо, Морни, и т. д. передъ лицомъ Беррье, Монталамбера или Тьера при свободѣ преній!

Digitized by Google

„Представляется вопросъ, будутъ ли немедленно назначены выборы для составленія новой палаты. Спрашивать мнѣнія у нынѣшней палаты, значило бы спрашивать мнѣнія не страны, а нѣсколькихъ офиціальныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ находятся остальные члены.

„Если императоръ дѣйствительно желаетъ спросить мнѣніе страны, то надобно распустить нынѣшнюю палату, запретить префектамъ излишнее вмѣшательство въ выборы и созвать палату, избранную свободно.

„Вамъ, вѣроятно, любопытно будетъ узнать, какъ эти реформы приняты конституціонною партіею, то есть легитимистами и орлеанистами. Чистые легитимисты возмущаются мыслью, что кто нибудь, кромѣ ихъ претендента, дѣлаетъ уступки націи. Они не довольны не самимъ декретомъ, а тѣмъ, что на немъ выставлено другое имя Изъ орлеанистовъ нѣкоторые не довѣряютъ ничему, происходящему отъ нынѣшняго правительства. Другіе соглашаются принять декретъ, какъ первый шагъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ. Эту первую уступку не считаютъ они значительной, но думаютъ, что не надо безусловно отвергать ее".

Читатель знаетъ содержаніе декрета: имъ давалось законодательному корпусу право выражать мнѣніе о политикѣ правительства и опредѣлялось, что пренія, происходящія въ законодательномъ корпусѣ, должны печататься въ „Монитёрѣ" вполнѣ и могутъ быть также вполнѣ перепечатываемы изъ него всѣми газетами, между тѣмъ какъ прежде печатались только краткіе протоколы засѣданій. Сама по себѣ, эта перемѣна не возбудила бы особеннаго интереса, но причина, изъ которой возникла она,—сознаніе императора французовъ, что при нынѣшнемъ состояніи умовъ во Франціи нужны конституціонныя реформы,—этотъ фактъ возбуждалъ предположеніе, что декретъ 24 ноября служитъ только предисловіемъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ общественному мнѣнію. Такое мнѣніе подкрѣплялось назначеніемъ Персиньи, либеральнѣйшаго изъ людей, близкихъ къ императору, на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Ждали преимущественно двухъ распоряженій отъ вліянія Персиньи: возвращенія свободы преній газетамъ, и распущенія прежняго законодательнаго корпуса для того, чтобы могла образоваться палата изъ лицъ, болѣе самостоятельныхъ. По слухамъ, самъ Персиньи считалъ новые выборы въ законодательный корпусъ дѣломъ надобнымъ. Какъ бы то ни было, но правда осталась на сторонѣ полуофиціальныхъ газетъ, съ самого начала объяснявшихъ, что ошибочны предположенія публики объ отмѣненіи закона, подчиняющаго газеты административному вмѣшательству, и о произведеніи новыхъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ могъ только обѣщать, что будетъ поступать съ газетами снисходительнѣе своего предшественника. Мы не представляемъ соображеній, которыя сами собою являются уму каждаго, тѣмъ болѣе, что много разъ дѣлали краткія указанія на событія, приближающіяся во Франціи.

Мы не будемъ разсказывать и о войнѣ, которую вели, а теперь уже кончили, Франція и Англія съ Китаемъ. Вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ она не имѣла; а на сколько интересна она сама по себѣ, мы разскажемъ ее въ отдѣльной статьѣ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Современника". Здѣсь мы думали представить подробный разсказъ о переворотѣ, гораздо важнѣйшемъ,—о выборѣ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Линкольна, служащаго представителемъ партіи, стремящейся къ уничтоженію невольничества. Но, противъ нашего ожиданія, результаты этого выбора еще не успѣли опредѣлиться съ достовѣрностью: рѣшатся ли нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ сдѣлать попытку для составленія отдѣльнаго

Digitized by Google

союза, или ограничатся пустыми угрозами, и даже не сдѣлаютъ попытки отторженія, которая во всякомъ случаѣ оказалась бы вредна лишь для самихъ плантаторовъ,—это еще не ясно. Потому удовольствуемся пока нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Партія, стремящаяся къ уничтоженію невольничества, возникла очень недавно въ Соединенныхъ Штатахъ,—самая пропаганда, изъ которой она возникла, началась всего лишь лѣтъ 30 тому назадъ. На политическую арену самостоятельнымъ образомъ явилась эта партія всего лишь лѣтъ 10 или 15 тому назадъ. Она еще только формируется и растетъ, но растетъ очень быстро. Вотъ именно эта перспектива скоро увидѣть, что она черезъ нѣсколько лѣтъ станетъ господствовать въ сѣверо-американскомъ союзѣ, и пугаетъ плантаторовъ, раздраженіе которыхъ было бы непонятно, если бы мы обращали вниманіе только на нынѣшнюю програму противной невольничеству (республиканской) партіи. Теперь республиканская партія требуетъ еще очень немногаго—только того, чтобы невольничество не было распространяемо въ новыхъ поселеніяхъ, въ областяхъ, едва начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся штатами (самостоятельными государствами), называемыхъ территоріями и находящихся подъ управленіемъ федеральнаго правительства. Республиканская партія еще не предъявляетъ требованія объ уничтоженіи невольничества въ штатахъ, въ которыхъ оно существуетъ: но плантаторы справедливо говорятъ, что она имѣетъ эту мысль и скоро займется ея исполненіемъ. Потому они хотятъ или запугать другіе штаты угрозою отдѣлиться отъ союза, или, если не удастся имъ запугать свободные штаты, не удастся отвлечь ихъ отъ республиканской партіи, то выйти изъ союза поскорѣе, пока республиканская партія еще не усилилась на столько, чтобы помѣшать отторженію.

Читатель знаетъ, что свободные (сѣверные) штаты имѣютъ двѣ трети всего бѣлаго населенія Союза. Штаты, сохраняющіе невольничество, едва имѣютъ одну треть его, и сами опять распадаются на двѣ половины: штаты, занимающіе сѣверную часть южной половины союза, граничащіе съ свободными штатами, Виргинія, Делаваръ, Мериландъ, Кентукки и Миссури, не воздѣлывая хлопчатой бумаги, не имѣютъ большой надобности заботиться о сохраненіи невольничества. Остаются 10 штатовъ, воздѣлывающихъ хлопчатую бумагу невольническимъ трудомъ; ихъ бѣлое населеніе составляетъ одну шестую или одну седьмую часть всего бѣлаго населенія Союза. Всѣ вмѣстѣ, они были бы слишкомъ еще слабы, чтобы имѣть отдѣльное отъ остального союза существованіе. Но и въ этихъ десяти штатахъ (Алабама, Георгія, Южная Каролина, Миссиссипи, Луизіана, Флорида, Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Техасъ, Теннесси) пристрастіе къ сохраненію невольничества не въ одинаковой степени господствуетъ надъ чувствомъ національнаго единства. Судя по послѣднимъ выборамъ президента, во всѣхъ этихъ штатахъ, кромѣ Южной Каролины, противники отторженія составляютъ большинство, которое только терроризируется плантаторами, только по принужденію можетъ уступить ихъ требованію отторгнуться отъ союза. Лишь въ одномъ штатѣ, Южной Каролинѣ, приверженцы отторженія дѣйствительно имѣютъ на своей сторонѣ большинство бѣлаго населенія,—это потому, что Южная Каролина надѣется, въ случаѣ отторженія, стать торговымъ центромъ всѣхъ плантаторскихъ штатовъ, и главный портовый городъ ея, Чарльстонъ, думаетъ занять въ южномъ союзѣ мѣсто, которое теперь принадлежитъ во всемъ союзѣ Нью-Йорку. Тактика плантаторовъ состоитъ теперь въ

Digitized by Google

томъ, чтобы дѣйствовать какъ можно быстрѣе, чтобы увлечь другіе плантаторскіе штаты примѣромъ Южной Каролины, пока противники отторженія въ нихъ еще не организовались. Южная Каролина уже объявила, что отторгается отъ Союза. Надобно теперь подождать извѣстій, успѣютъ ли плантаторы увлечь вслѣдъ за нею Георгію, Алабаму и Миссиссипи, въ которыхъ они сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ хлопчато-бумажныхъ штатахъ. Это скоро обнаружится.

Но во всякомъ случаѣ, союзъ южныхъ штатовъ не обладалъ бы никакой жизненностью, и угроза отторженія имѣетъ не столько тотъ смыслъ, что плантаторы надѣются на существованіе своего отдѣльнаго союза, о которомъ такъ горячо разсуждаютъ, сколько ту цѣль, чтобы склонить населеніе сѣверныхъ штатовъ къ уступкамъ для примиренія. Такъ и совѣтуетъ сдѣлать сѣвернымъ штатамъ нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Бухананъ, представитель крайней плантаторской партіи. Срокъ власти Буханана кончается 4 марта слѣдующаго года,— въ этотъ день вступитъ въ должность новый президентъ, при которомъ федеральная власть будетъ враждебна плантаторамъ, между тѣмъ какъ теперь она благопріятствуетъ имъ. Потому плантаторы стараются поскорѣе, при Бухананѣ, кончить дѣло тѣмъ или другимъ способомъ—отторженіемъ отъ союза для вынужденія у сѣверныхъ штатовъ уступокъ при будущихъ переговорахъ о своемъ возвращеніи въ союзъ, или немедленнымъ полученіемъ уступокъ: при Линкольнѣ имъ будетъ не такъ удобно исполнять манёвръ отторженія, служащій для нихъ средствомъ къ вынужденію уступокъ. Послѣднія извѣстія, какія мы имѣли, когда писали эту статью, говорятъ только о первыхъ двухъ засѣданіяхъ конгресса, въ которыхъ только еще начались пренія о совѣтѣ Буханана,—черезъ недѣлю или черезъ двѣ читатель будетъ знать, какое положеніе принялъ конгрессъ въ этомъ дѣлѣ: согласится ли республиканская партія палаты представителей сѣверо-американскаго союза на уступку плантаторамъ, или депутаты плантаторскихъ штатовъ удалятся изъ конгресса по несогласію большинства палаты представителей на ихъ требованія, выраженныя Бухананомъ.

JUN 1 2 1918

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большаго формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Содержаніе: т. I.—Критика и библіографія. (Отеч. Зап. 1853—1858; Атеней 1858; Соврем. 1853—1855).—Портретъ автора 1853 г.

„ II.—Критика и библіографія.—Очерки Гоголевскаго періода русск. литературы. — Замѣтки о журналахъ 1856 г. (Соврем. 1856).

„ III.—Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ (Соврем. 1857 г.).

„ IV.—Статьи по крестьянскому вопросу. — Статьи экономическія (Соврем. 1858—1859).

„ V.—Отдѣлъ „Политика" изъ Современника 1859 г.

„ VI.—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1860).

„ VII.—Милль, политическая экономія, переводъ и примѣчанія (Соврем. 1860—1861).—Портретъ 1859 г.

„ VIII—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1861).

„ IX.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика". — Романъ „Что дѣлать?" (Соврем. 1862—1863). Портретъ 1864 г.

„ X.—Отдѣльныя статьи.—Статьи послѣдняго времени.—(Эстет. отношенія искусства къ дѣйствительности. — Прологъ пролога.— Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Повѣсть „Вечера у княгини Старобѣльской".—Замѣтки о Некрасовѣ и др.).—Портретъ 1888 г.

ПОДПИСКА — принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (**СПБ.**— Литейный пр., 46; **Москва** — Моховая ул., д. Баженова; **Варшава** — Новый Свѣтъ, 69; **Вильна** — Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА — по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги: 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА — подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) для городскихъ подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ— по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются безплатно.

2) для иногороднихъ: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую — 1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается безплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Первую книжку (т. VII, Милль) предполагается выпустить 1 ноября 1905 г. и затѣмъ каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

BOUND
OCT 24 1923
UNIV. OF MICH.
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02753 7383

Digitized by Google